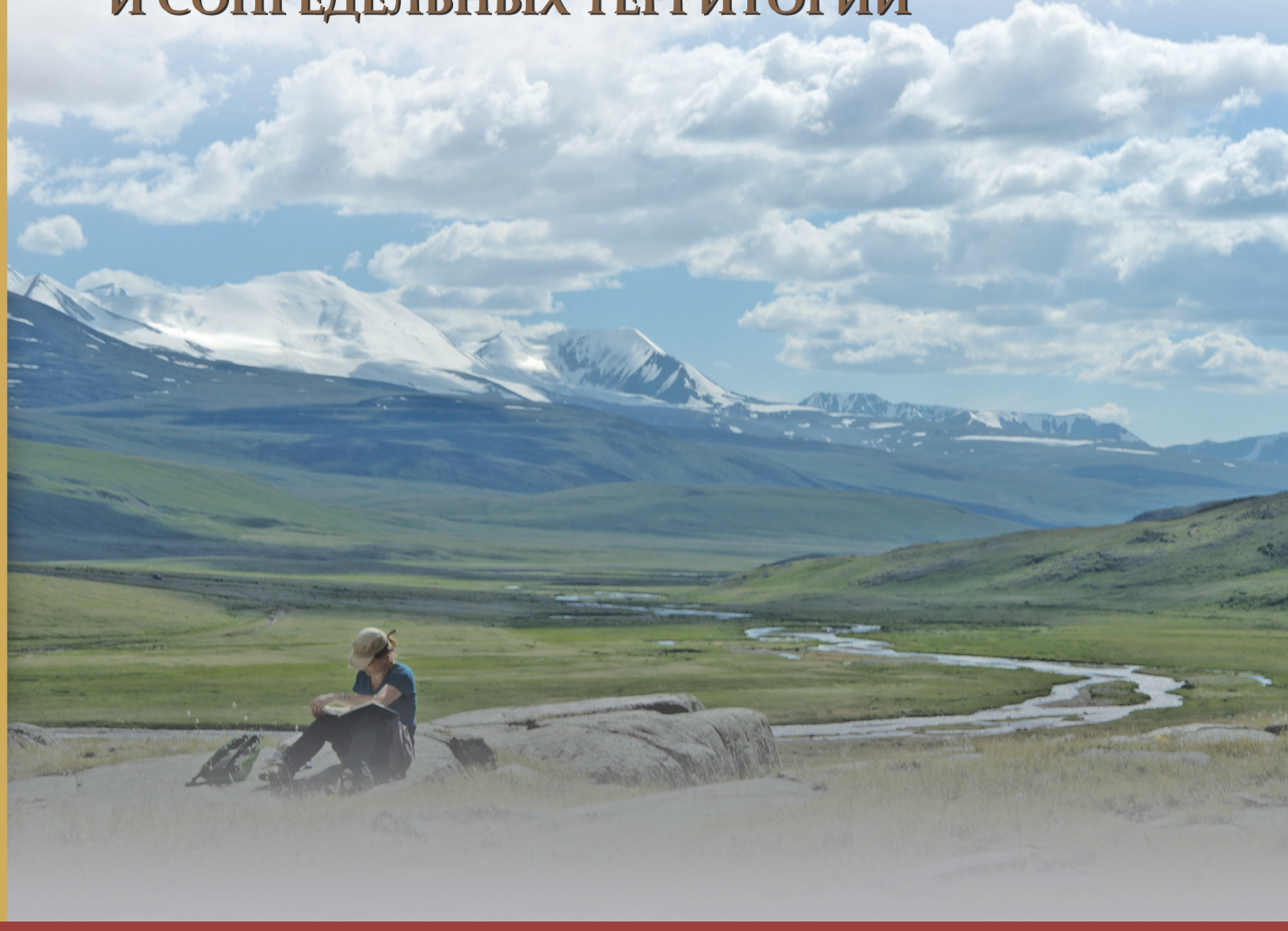
ISSN 2227-6548 (Print)
ISSN 2658-6193 (Online)

Том XXX
2024

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СО РАН

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories

Volume XXX
2024

NOVOSIBIRSK
IAET SB RAS Publishing
2024

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий

Том XXX
2024

НОВОСИБИРСК
Издательство ИАЭТ СО РАН
2024

ББК 63.4+63.5
П781

Издание основано в 1995 году
Выходит один раз в год

Утверждено к печати
Ученым советом ИАЭТ СО РАН

Редакционная коллегия

академик РАН *А.П. Деревянко* (главный редактор),
академик РАН *В.И. Молодин* (зам. главного редактора),
чл.-кор. РАН *М.В. Шуньков* (зам. главного редактора),
канд. ист. наук *М.С. Нестерова* (ответственный секретарь),
д-р ист. наук *А.В. Бауло*, канд. ист. наук *А.Е. Гришин*,
д-р ист. наук *С.П. Нестеров*

Рецензенты

д-р ист. наук *Н.А. Берсенева*, д-р ист. наук *С.А. Васильев*, канд. ист. наук *А.Г. Марочкин*,
д-р ист. наук *П.Ю. Павлов*, канд. ист. наук *В.И. Ташак*, канд. ист. наук *С.Г. Скобелев*,
д-р ист. наук *Н.М. Чаиркина*, д-р ист. наук *М.П. Черная*

П781 **Проблемы** археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Ин-т археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. – Т. XXX. – 1051 с.

Очередной том ежегодника «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий» содержит статьи, в которых представлены результаты новейших исследований по основным направлениям деятельности Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Среди авторов – известные и молодые ученые из российских и зарубежных академических и университетских научных центров.

Издание рассчитано на специалистов в области археологии, этнографии, антропологии.

ББК 63.4+63.5

Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories / Min. of Science and Higher Education of the Russ. Federation, Inst. of Archaeology and Ethnography, Siber. Branch, Russ. Acad. of Sciences. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2024. – Vol. XXX. – 1051 p.

The current volume of the annals *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories* contains articles presenting the results of the most recent research in the main areas of work of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Among the authors are both well-known and young scientists from Russian and foreign academic and university scientific centers.

The issue is intended for specialists in archaeology, ethnology, and anthropology.

© ИАЭТ СО РАН, 2024
© Авторы статей, 2024

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0007-0014
УДК 902.01

А.А. Анойкин[1]✉, А.А. Зейналов[2, 3], И.А. Идрисов[1, 4], Я.Д. Иванов[1, 5], Б.И. Ибрагимли[2], В.Б. Бахшалиев[6], А.Н. Васильева[1, 7], Р.Н. Курбанов[1, 7, 8]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии и антропологии НАНА
Баку, Азербайджан
[3]Музей естественной истории НАНА
Баку, Азербайджан
[4]Институт геологии ДНЦ РАН
Махачкала, Россия
[5]Институт истории материальной культуры РАН
Санкт-Петербург, Россия
[6]Институт истории, этнографии и археологии НО НАНА
Нахичевань, Азербайджан
[7]Институт географии РАН
Москва, Россия
[8]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Геоархеологические работы на территории Нахчыванской Автономной Республики (Азербайджан) в 2024 году

В 2024 г. совместной Российско-Азербайджанской геоархеологической экспедицией проводились работы на территории Нахчыванской Автономной Республики (Азербайджан). Разведки велись в пределах Шахбузского, Бабекского, Джульфинского и Ордубадского районов, где было осмотрено более десяти навесов и пещер и выявлено несколько археологических объектов с материалами разных этапов каменного века. На местонахождении Дары-Даг в районе ущелья Пир был обнаружен пункт локализации археологического материала неолитического времени в поверхностном залегании. Там же, выше по ущелью, была обследована система из нескольких навесов и небольших гротов, археологические материалы из которых позволяют предполагать, что в Средние века они использовались населением ближайшей долины в качестве временного убежища во время вооруженных конфликтов. Мониторинг скальных убежищ Даш-Гала и Делик-Агыл не показал наличия в них материалов каменного века, а новое обследование стоянки Осман-Тепе подтвердило атрибуцию основного комплекса ее материалов неолитическим временем. Основным результатом работ 2024 г. на территории НАР стало обнаружение первого для данного района местонахождения открытого типа с материалами среднего палеолита в нижнем течении р. Алинджачай. Здесь было зафиксировано три пункта концентрации археологического материала, на которых присутствуют два разновозрастных комплекса артефактов. Первый, более древний, содержит материалы среднего палеолита, с характерным леваллуазским компонентом, второй – индустрию поздних этапов каменного века. До этого года единственным палеолитическим объектом, известным в Нахчыване, была пещера Газма. Сравнение материалов этих памятников показывает значительную степень различия в облике индустрий, что может быть связано как с разными типами хозяйственной деятельности, осуществляемой на них (мастерская, вблизи выходов сырья и базовая охотничья стоянка в условиях дефицита качественного каменного материала), так и с возможным значительным хронологическим разрывом между этими технокомплексами.

Ключевые слова: *Кавказ, Нахычеван, пещеры, подъемные комплексы, средний палеолит, неолит.*

A.A. Anoikin[1]✉, A.A. Zeynalov[2, 3], I.A. Idrisov[1, 4], I.D. Ivanov[1, 5], B.I. Ibragimli[2], V.B. Bakhshaliyev[6], A.N. Vasilieva[1, 7], R.N. Kurbanov[1, 7, 8]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Anthropology ANAS

Baku, Azerbaijan
[3]Museum of Natural History ANAS
Baku, Azerbaijan
[4]Institute of Geology DSC RAS
Makhachkala, Russia
[5]Institute for the History of Material Culture RAS
Sankt-Petersburg, Russia
[6]Institute of History, Ethnography and Archaeology of NB ANAS
Nakhchivan, Azerbaijan
[7]Institute of Geography RAS
Moscow, Russia
[8]Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

Geoarchaeological Survey in Nakhchivan Autonomous Republic (Azerbaijan) in 2024

In 2024 a joint Russian-Azerbaijani geoarchaeological expedition surveyed Shahbuz, Babek, Julfa, and Ordubad Districts in the Nakhchivan Autonomous Republic (Azerbaijan) and examined over ten grottoes and caves. Some archaeological sites with evidence of different periods of the Stone Age were identified, and locations of surface archaeological finds of the Neolithic were discovered at Dary-Dag site in the Pir gorge area. Several small grottoes were examined higher up the gorge. Archaeological evidence from the grottoes indicated that these places were used by the local population as a temporary shelter during war conflicts in the Middle Ages. Survey of the Dash-Gala and Delik-Agyl rock shelters did not reveal Stone Age evidence. Study of the Osman-Tepe site confirmed the attribution of its main complex to the Neolithic. The main result of the expedition in 2024 was discovery of the first open-air site for this region with the Middle Paleolithic evidence in the lower reaches of the Alinjachay River, where three locations with archaeological finds contained two assemblages of artifacts of different periods. The Middle Paleolithic finds of the earlier assemblage revealed distinctive Levallois component. The second assemblage belonged to late stages of the Stone Age. Until this year, the only Paleolithic site known in Nakhchivan region was the Gazma cave. Comparison of the evidence from these sites has revealed significant differences in the appearance of lithic industries.

Keywords: *Caucasus, Nakhchivan, caves, surfaces assemblages, Middle Paleolithic, Neolithic.*

В октябре 2024 г. участники совместной Российско-Азербайджанской геоархеологической экспедиции проводили исследовательские работы на территории Азербайджанской Республики – в Нахчыванской Автономной Республике (НАР), а также в среднем течении р. Куры (городской округ Мингячевир, Агстафинский и Газахский р-ны). В задачи экспедиции входили мониторинг состояния уже известных и поиск новых памятников палеолита, геолого-геоморфологическая характеристика обследуемых участков, а также отбор образцов для оптико-люминесцентного датирования.

На территории НАР разведки велись в пределах Шахбузского, Бабекского, Джульфинского и Ордубадского р-нов, где одной из основных задач являлся мониторинг карстовых полостей с целью определения их перспективности как мест локализации стоянок древнего человека, а также поиск палеолитических местонахождений открытого типа на речных террасах левобережья среднего течения р. Аракс (рис. 1). В ходе работы экспедиции было осмотрено более десяти навесов и пещер и выявлено несколько археологических объектов с материалами разных этапов каменного века.

Местонахождение Дары-Даг

Памятник расположен в устьевой части ущелья Пир, в урочище Гаппы-Габогы, на северо-восточном склоне хребта Пилалар (Джульфинский р-н НАР). Координаты 39,0407° с.ш., 45,6806° в.д., высота 1 265 м над ур. м. На высоком (до 15 м) левом борту сая, на участке его выхода из ущелья, был обнаружен пункт локализации археологического материала в поверхностном залегании. Место концентрации, общей площадью ок. 500 м^2, приурочено к участку верхней части полого спускающейся в долину террасовидной поверхности конуса выноса (угол 10–15°). Артефакты залегали рассеяно, не образуя каких-либо скоплений, тяготея к зоне тылового шва, где фиксировалась их основная концентрация, резко снижающаяся вниз по склону. Все артефакты находились в поверхностном залегании, на обрывистом склоне сая их не зафиксировано, что позволяет считать, что археологический материал, вероятнее всего, связан с поверхностью террасоуступа. Все предметы изготовлены из кремня светло-серого, серого и серо-коричневого цвета. Их поверхность не изменена или изменена в очень слабой степени.

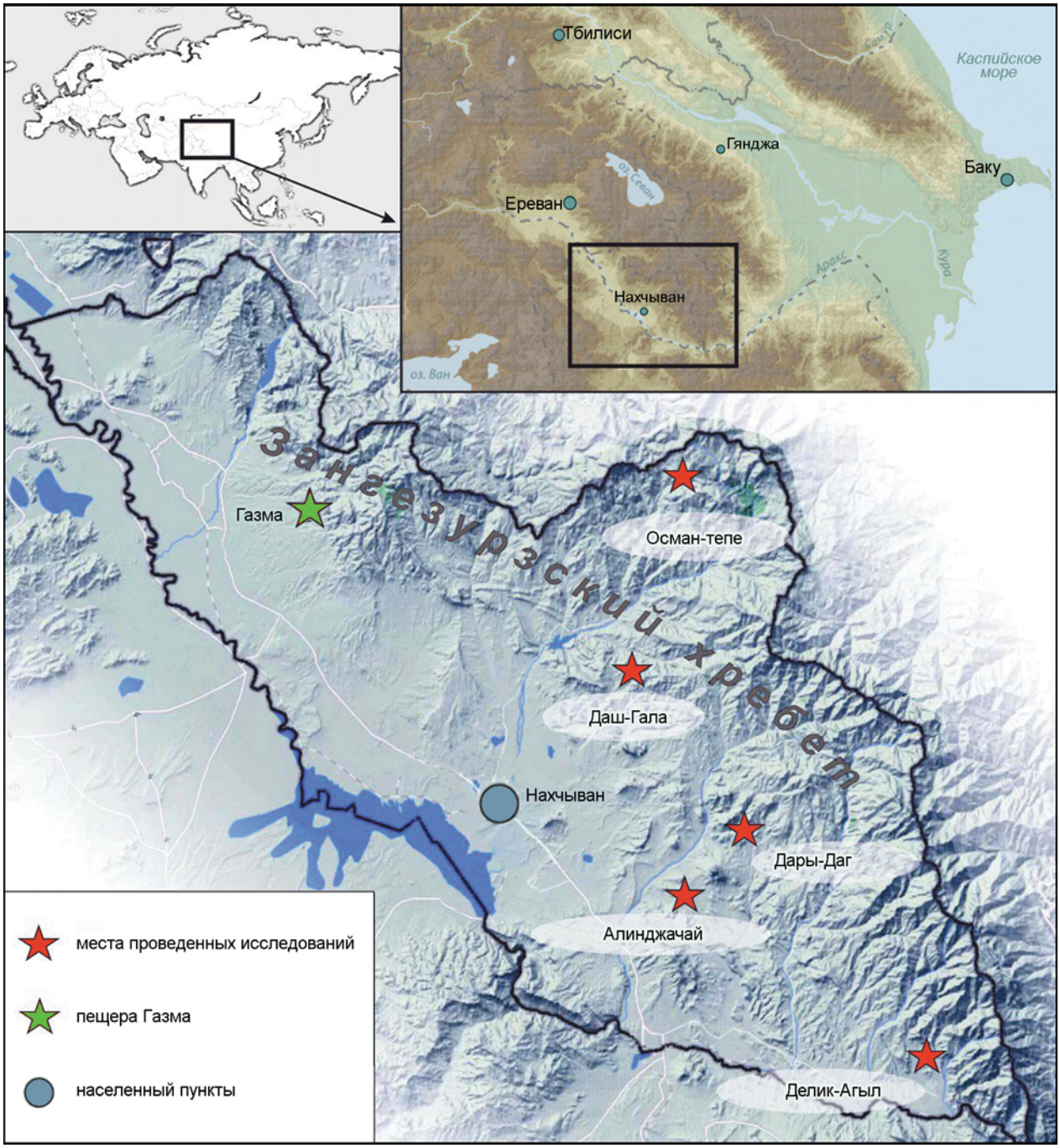

Рис. 1. Месторасположение района работ.

В коллекции (84 экз.): нуклевидные формы – 5; пластины и пластинки – 7; отщепы – 60 (крупные – 14, средние – 19, мелкие – 27), обломки и осколки – 12.

Среди нуклевидных форм присутствуют крупные двуплощадочные одно- и двуфронтальные ядрища встречного и ортогонального направлений снятий для удлиненных сколов, а также небольшой фрагмент подпризматического нуклеуса для мелких пластин. На одном из крупных ядрищ оформлено скребло.

У сколов гранка дорсалов, как правило, субпараллельная, реже – продольно-поперечная. Сколы разжелвачивания составляют ок. 5 %. Ударные площадки преимущественно гладкие, незначительная часть – двухгранные и многогранные. Прием подправки карниза фиксируется на незначительной части предметов (прямая и обратная редукция).

Орудийный набор (6 экз.) включает однолезвийное скребло на нуклеусе, поперечное скребло на крупном сколе, концевой скребок на отщепе, два отщепа с вентральной ретушью и обломок с ретушью.

Исходя из технико-типологической характеристики археологического материала, степени сохранности

его поверхности и условий залегания, наиболее обоснованным видится отнесение его к поздним этапам каменного века (неолит).

Примерно в 600 м выше по ущелью Пир, прорезанному в толще переслаивающихся туфов и туфобрекчий, на его левом борту, находится система из нескольких навесов и небольших гротов. Первая полость (1 425 м над ур. м.) представляет собой систему из двух неглубоких сопряженных чашеобразных гротов с высоким входом, ориентированным на юго-запад. Полости образовались при разрушении мощного пласта туфобрекчии, их размеры ~14 × 16 и 12 × 12 м, высота по капельной линии – до 4 м. В обоих гротах присутствуют рыхлые отложения (супеси и легкие суглинки) голоценового возраста, мощность которых, за счет падения скального ложа, возрастает к входовой части, где достигает ~1,0–1,2 м. В одном из гротов есть действующий источник капельного типа, рядом с которым обнаружено два фрагмента неорнаментированной средневековой керамики. Над гротами, в 20 м выше, скала образует широкий уступ, часть которого представляет собой большой неглубокий навес сложной конфигурации, протяженностью до 50 м (высота по капельной линии – до 12 м), со значительной по площади предвходовой зоной. С навеса открывается хороший обзор на урочище и окрестные горы (видимость до 20 км). В полости есть рыхлые отложения (супесь) голоценового возраста, мощностью до 0,5 м, включающие большое количество обломочного материала. Здесь обнаружено четыре фрагмента неорнаментированной средневековой керамики, в том числе часть дна сосуда, а также упавший и частично засыпанный могильный камень, вероятно этого же возраста. Можно предполагать, что данная система скальных навесов и гротов в Средние века использовалась населением долины в качестве временного убежища, во время вооруженных набегов или войн.

Пещера Даш-Гала

Карстовая полость находится в урочище Даш-Гала, на южном склоне горы Сарыдаг (Шахбузский р-н НАР). Координаты 39,3331° с.ш., 45,5397° в.д., высота 1 525 м над ур. м.). Она локализована в привершинной части скального гребня, в истоке небольшого безымянного сая и возвышается над его дном примерно на 50 м. Предвходовая зона представляет собой Г-образный навес (20 × 15 м, при высоте по капельной линии до 15 м), короткая часть которого имеет куполообразную форму и южную экспозицию, в ней находится вход в пещеру. Максимальная протяженность навеса по юго-восточной стенке достигает 20 м. Здесь есть несколько обширных ниш, площадью до 10 м^2, частично заполненных рыхлыми отложениями голоценового возраста (супесь с большим количеством обломочного материала), мощностью до 1,5 м. В одной из ниш сохранились следы раскопок, в виде шурфа 2 × 2 м, частично пройденного до скального основания. На прилегающем к нему участке обнаружено три фрагмента неорнаментированной средневековой керамики. Сама пещера представляет собой анфиладу из нескольких больших (до 50 м^2) залов, с ответвлениями одной или двух галерей. Полость заполнена рыхлыми отложениями, затрудняющими передвижение. Вглубь пройдено до 100 м. Шурфовка внутренних залов не проводилась в силу временных факторов и большого объема требуемых предварительных работ из-за малой высоты потолка в камерах (до 1 м). Какой-либо археологический материал во внутренних залах пещеры не обнаружен. Объект можно рассматривать как перспективный для дальнейших исследований, но требующий значительных затрат из-за транспортной труднодоступности и отсутствия источников воды.

Навес Делик-Агыл

Скальное убежище находится в средней части небольшого безымянного ущелья по южному склону г. Оглангез (Ордубадский р-н НАР). Координаты 38,9655° с.ш., 45,7911° в.д., высота 880 м над ур. м. Навес расположен на левом отвесном борту временного водотока. Скальные выходы на этом участке представляют собой переслаивающуюся толщу песчаников и конгломератов. Большой навес (40 × 20 м, при высоте по капельной линии до 15 м) выработан в субгоризонтальных слоях трещиноватого песчаника, на высоте ~20 м над дном сая, имеет сегментовидную в плане форму и удобный подход. В нем есть рыхлые отложения, однако из-за интенсивного и продолжительного использования его в зимнее время в качестве кошары и связанных с этим систематических чисток пола от продуктов жизнедеятельности скота, практически весь грунт смещен за капельную линию, образуя вдоль нее мощную многометровую насыпь. При осмотре насыпи было обнаружено несколько фрагментов поливной керамики XI–XII вв.

Стоянка Осман-тепе

Памятник находится на южном берегу искусственного (XIX в.) озера Гандыгель, на юго-западном склоне г. Кечалдаг (Шахбузский р-н НАР). Координаты 39,5649° с.ш., 45,6517° в.д., высота 2 430 м над ур. м. Как археологический объект он был открыт в 2019 г. и исследовался в течение трех лет [Бахшалиев**,** 2023]. Памятник является стоянкой эпохи неолита, артефакты на которой были зафиксированы как в стратифицированном залегании, так и на участках размыва берега водами озера, уровень которого претерпевает значительные сезонные колебания (до 6 м). Постоянный поверхностный сток из водоема отсутствует.

Раскоп, заложенный исследователями на невысокой террасе в юго-западной оконечности озера, показал наличие на памятнике двух уровней залегания

археологических материалов, относящихся к одному культурно-хронологическому периоду. Все каменные артефакты изготовлены из обсидиана, ближайшие источники которого находятся в 30 км восточнее памятника, на склонах Зангезурского хребта. В коллекции подъемного материала, собранного при работах 2019–2021 гг., среди прочих артефактов присутствовало несколько предметов (нуклеус, сколы) с сильно измененной поверхностью, технико-типологические характеристики которых позволяли предполагать их возможную среднепалеолитическую атрибуцию.

В текущем году на месте памятника был проведен мониторинг его состояния, который показал сильную водную абразию озерной террасы в районе стоянки, а также были выполнены сборы археологического материала на участках размыва. Основная концентрация артефактов выявлена на юго-западном участке берега, в зоне стока в долину р. Кюкючай.

Общее количество находок – 184, в т.ч. 180 каменных артефактов, выполненных из обсидиана и, значительно реже, кремня, а также 4 фрагмента неорнаментированной керамики, по составу «теста» и характеру обжига отнесенных к энеолиту (3 фр.) и раннему бронзовому веку (1 фр.).

В коллекции каменных изделий представлены: нуклевидные формы – 4; пластины и пластинки – 28; отщепы – 72 (крупные – 12, средние – 38, мелкие – 22); технические сколы – 6; обломки и осколки – 70.

Среди нуклевидных форм присутствуют нуклевидный обломок и три мелких, сильно истощенных ядрища для пластинок и микропластин, сохранивших непротяженные участки фронта и часть прямых ударных площадок. На одном из нуклеусов оформлено долотовидное орудие. Все нуклевидные формы выполнены на обсидиане.

В группе технических сколов присутствуют сколы подправки ударной площадки, видимо сбитые в начальные этапы регулярного расщепления (крупные полу«таблетки»), скол подправки дуги скалывания, полу«реберчатая» пластина и «заныривающий» скол с небольшого ядрища для пластинок.

У сколов гранка дорсалов, как правило, субпараллельная, также встречается продольно-поперечная и радиальная. Сколы разжелвачивания не зафиксированы. Ударные площадки гладкие, незначительная часть – линейные. Прием подправки карниза фиксируется на незначительной части предметов (прямая редукция).

Орудийный набор (11 экз.) включает трапециевидные геометрические микролиты (2), долотовидные орудия (4), концевой скребок на пластинке, крупный наконечник на остроконечной пластине, орудие с бифасиальной обработкой, возможно являющееся заготовкой стрелы, отщеп с ретушью и мелкий фрагмент интенсивно ретушированного изделия.

Исходя из технико-типологической характеристики археологического материала и особенностей изученных ранее стратифицированных комплексов, полученную в 2024 г. коллекцию следует относить к неолиту. Также нужно отметить, что незначительная часть этих материалов имеет измененную поверхность, в том числе в сильной степени, однако все предметы по своим характеристикам полностью соответствуют остальной индустрии. Таким образом, плохая сохранность поверхности части подъемных материалов Осман-тепе не является основанием предполагать их более древний возраст, и можно заключить, что материалы этапов каменного века, более древних, чем неолит, здесь пока не фиксируются.

Местонахождение Алинджачай

Памятник локализован в нижнем течении р. Алинджачай, в 1,5 км к востоку от ее русла, в долине, пересекающей западные отроги хребта Дагустю. Координаты 39,0308° с.ш., 45,6112° в.д., высота 885–915 м над ур. м.

Местность, где находится объект, представляет собой долину крупного временного водотока с одним правым притоком и имеет ширину до 800, а глубину до 100 м. Нижняя часть долины оконтурена сильно расчлененными отрогами хребта, высотой до 1 000 м. Борта долины отличаются сильным эрозионным расчленением, глубиной в первые десятки метров. В долине предварительно выделено три плейстоценовых террасовых уровня. Первый и второй сближены и имеют высоту 10–15 м, третий четко обособляется и представлен рядом останцов, высотой ок. 40 м. Все террасы цокольные и иногда переходят в ступени коренных пород (туфы и песчаники). Коренные породы на террасоуровнях перекрывают отложения аллювиально-пролювиального генезиса, мощность до 3 м. Аллювий представлен средне и слабо окатанными обломками горных пород (туф, песчаники, кремень, кварцит и др.), а доля мелкозема в нем составляет до 60 %. К юго-востоку от исследуемого участка рельеф переходит в обширную (до 1,5 км шириной) наклонную пролювиальную равнину. Следует отметить, что малые долины в регионе имеют сложный характер формирования, связанный с его тектонической дифференциацией [Антонов, 1971; Ширинов, 1973], климатическими колебаниями, а также с крайне медленным темпом эрозии и аккумуляции, характерным для аридных регионов [Саадян, 2015]. Соответственно для малых водотоков, слабо связанных с магистральными долинами, возможно развитие собственной системы речных террас, что усложняет проведение прямой корреляции выделяемых на исследуемом участке террасоуровней с хорошо изученными террасами р. Аракс.

В ходе обследования долины было зафиксировано три пункта концентрации археологического материала (рис. 2, *А*).

Пункт 1. Локализован на эродированной мысовой части 10-метрового террасоуступа на правом берегу

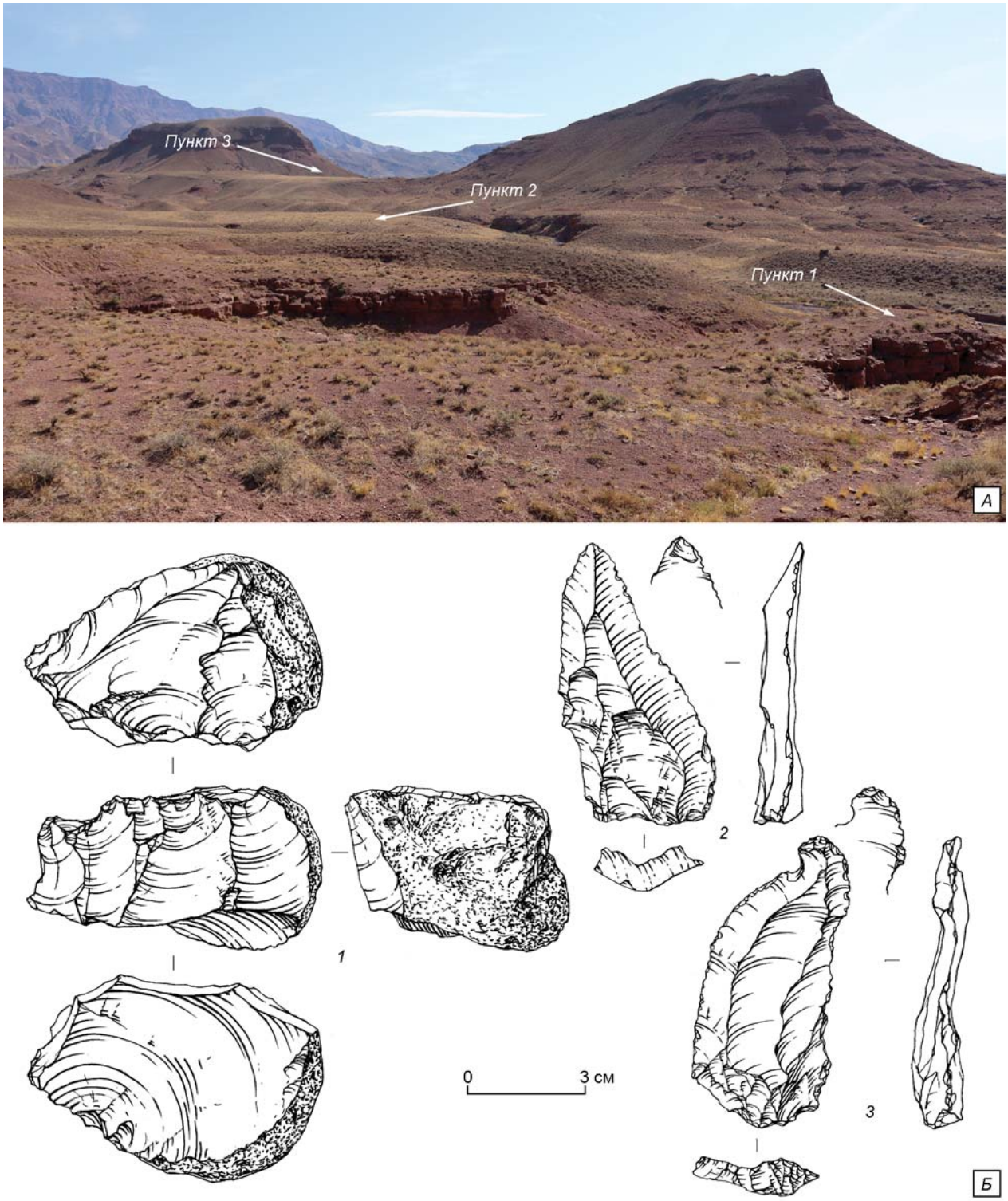

Рис. 2. Вид на местонахождение Алинджачай с запада (*А)* и археологический материал с пунктов 2 и 3 (*Б*).
Рисунки А.В. Абдульмановой.

1 – нуклеус, пункт 3; *2*, *3* – острия леваллуа, пункт 2.

притока основного сая (высота 885 м над ур. м.). Археологический материал представлен рассеянными по площадке каменными артефактами, выполненными из светло-серого и серого кремня. Поверхность предметов практически не изменена.

В коллекции представлено 25 каменных артефактов: нуклевидные обломки – 2; отщепы – 23 (крупные – 2, средние – 6, мелкие – 15).

У сколов гранка дорсалов субпараллельная, есть три с естественной. Ударные площадки гладкие,

незначительная часть – двугранные. Прием подправки карниза фиксируется на незначительной части предметов (обратная редукция). Орудий нет.

Пункт 2. Расположен на 400 м северо-восточнее пункта 1, в средней части 15-метрового террасоуступа, имеющего вид мыса, ограниченного двумя сходящимися саями (высота 895 м над ур. м.). Археологический материал образует одно большое скопление, площадью ок. 300 м^2, за пределами которого найдены единичные предметы. Все артефакты выполнены из светло-серого и серого кремня. Поверхность предметов не изменена или изменена в незначительной степени, но многие изделия имеют пустынный загар разной степени интенсивности.

В коллекции представлено 40 каменных артефактов: нуклевидные обломки – 2; сколы леваллуа – 2 (рис. 2, *Б*, *2*, *3*); отщепы – 31 (крупные – 14, средние – 17), технические сколы – 5.

В группе технических сколов присутствуют скол подправки ударной площадки, видимо сбитый в начальные этапы регулярного расщепления (крупная полу«таблетка»), удлиненный полу«реберчатый» скол и три краевых снятия, включая одну пластину.

У сколов гранка дорсалов в основном субпараллельная, также есть радиальная, продольно-поперечная и конвергентная. Восемь отщепов относятся к сколам разжелвачивания. Ударные площадки, как правило, гладкие, незначительная часть (7) – двугранные и фасетированные. Прием подправки карниза не фиксируется. Сколы леваллуа представлены удлиненными конвергентными формами, других орудий нет.

Пункт 3. Расположен на 250 м восточнее пункта 2, на левом борту основного водотока долины, в средней части 40-метрового протяженного террасоуступа (высота 915 м над ур. м.). Археологический материал малочислен и рассеян, но на участке его локализации, а также в нескольких точках на незначительном удалении, зафиксировано несколько крупных отдельностей кремня в сопровождении большого числа «термических» отщепов естественного происхождения. Возможно, подобные отдельности, оказавшиеся на поверхности вследствие деградации склонов более высоких террасоуровней, являлись одним из основных источников сырья для древних обитателей памятника.

Все артефакты выполнены из светло-серого и серого кремня. Поверхность предметов изменена в незначительной степени, все изделия с пустынным загаром разной степени интенсивности.

В коллекции представлено 6 каменных артефактов: нуклеус и 5 отщепов (крупных – 3, средних – 2).

Нуклеус леваллуазский, для удлиненных сколов, площадка с выделенными точками удара оформлена несколькими продольными снятиями (рис. 2, *Б*, *1*). Изделие поперечно фрагментировано. У сколов гранка дорсалов субпараллельная, два отщепа относятся к сколам разжелвачивания. Ударные площадки гладкие. Прием подправки карниза не фиксируется. Орудий нет.

Анализ полученных археологических материалов в сочетании с их геоморфологическим контекстом позволяет констатировать, что на местонахождении вероятнее всего присутствуют два разновозрастных комплекса артефактов. Первый, более древний, связан с пунктами 2 и 3 и содержит материалы среднего палеолита, с характерным леваллуазским компонентом. Слабая выразительность индустрии, в плане орудийного набора и ярких форм первичного расщепления, определяется, видимо, типом памятника, безусловно относящегося к кратковременным стоянкам-мастерским, расположенным рядом с выходами сырья. Находящийся гипсометрически ниже пункт 1 может иметь иную культурную атрибуцию, т.к., судя по локализации, имеет более молодой возраст, что косвенно подтверждает минимальная степень изменения поверхности и некоторые специфические приемы расщепления, не фиксирующиеся в материалах пунктов 2 и 3. Крайняя малочисленность коллекции и ее невыразительность не позволяют делать каких-либо более конкретных выводов кроме того, что это материалы поздних этапов каменного века.

Таким образом, в 2024 г. основными результатами совместной Российско-Азербайджанской геоархеологической экспедиции на территории НАР стало обнаружение первого для данного района местонахождения открытого типа с материалами среднего палеолита. До этого единственным палеолитическим объектом, известным в Нахчыване, была пещера Газма [Зейналов и др., 2023]. Сравнение материалов этих памятников показывает значительную степень различия в облике индустрий, что может быть связано как с разными типами хозяйственной деятельности, осуществляемой на них (мастерская, вблизи выходов сырья и базовая охотничья стоянка в условиях дефицита качественного каменного материала), так и с возможным значительным хронологическим разрывом между этими технокомплексами. Также было определено, что регион обладает значительным потенциалом в плане разведок пещерных стоянок, показывая одну из самых высоких концентраций скальных убежищ на территории Азербайджана. Дальнейшие работы по поиску и изучению палеолитических памятников Нахычевана позволят существенно расширить наши представления о ранних этапах истории Кавказа и скорректировать общую культурно-хронологическую схему изменений палеолитических индустрий в его юго-восточной части.

Благодарности

Исследования велись в рамках программы НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды».

Список литературы

Антонов Б.А. Геоморфология и вопросы новейшей тектоники юго-восточной части Малого Кавказа. – Баку: Элм, 1971. – 164 с.

Бахшалиев В.Б. Поселение Осман-Тепе – памятник эпохи каменного века // Доклады Национальной академии наук Азербайджана. Общественные науки. – 2023. – № 2. – С. 154–168.

Зейналов А.А., Анойкин А.А., Кулаков С.А., Очередной А.К., Курбанов Р.Н. Пещера Газма – стоянка финального среднего палеолита в Азербайджане: палеогеография, хронология, археология // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2023. – № 3. – С. 40–49.

Саадян Ю.В. Строение речных террас Малого Кавказа // Геоморфология. – 2015. – № 3. – С.102–108.

Ширинов Н.Ш. Геоморфологическое строение Куро-Араксинской низменности – Баку: Наука, 1973. – 216 с.

References

Antonov B.A. Geomorfologiia i voprosy noveishei tektoniki iugo-vostochnoi chasti Malogo Kavkaza. Baku: Elm, 1971. 164 p. (In Russ.).

Bakhshaliyev V.B. Osman-Tepe – settlement of Stone Age. *Reports of the National Academy of Sciences of Azerbaijan,* 2023. No. 2. P. 154–168. (In Russ.).

Saadian I.V. Stroenie rechnykh terras Malogo Kavkaza. *Geomorphology,* 2015. No. 3. P. 102–108. (In Russ.).

Shirinov N.S. Geomorfologicheskoe stroenie Kuro-Araksinskoi nizmennosti. Baku: Nauka, 1973. 216 p. (In Russ.).

Zeynalov A.A., Anoikin A.A., Kulakov S.A., Otcherednoy A.K., Kurbanov R.N. Gazma Cave – a site of the Final Middle Paleolithic in Azerbaijan: paleogeography, chronology, archaeology. *Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia,* 2023. No. 3. P. 40–49.

Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Зейналов А.А. https://orcid.org/0000-0002-2944-7127
Идрисов И.А. https://orcid.org/0000-0002-7880-9016
Иванов Я.Д. https://orcid.org/0000-0002-5582-693X
Ибрагимли Б.И. https://orcid.org/0000-0001-8585-0917
Бахшалиев В.Б. https://orcid.org/0000-0002-4914-3106
Васильева А.Н. https://orcid.org/0000-0001-5183-5882
Курбанов Р.Н. https://orcid.org/0000-0001-6727-6202

Дата сдачи рукописи: 24.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0015-0023
УДК 902.01

А.А. Анойкин[1]✉, П.М. Сосин[2], И.А. Идрисов[1, 3], А.А. Зейналов[4, 5], Р.Н. Курбанов[1, 6, 7]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт водных проблем, гидроэнергетики и экологии НАНТ
Душанбе, Таджикистан
[3]Институт геологии ДФИЦ РАН
Махачкала, Россия
[4]Институт археологии и антропологии НАНА
Баку, Азербайджан
[5]Музей естественной истории НАНА
Баку, Азербайджан
[6]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
[7]Институт географии РАН
Москва, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Новые данные о хроностратиграфии стоянки Тинит-1 в контексте проблемы «лессового палеолита» Кавказа

Стоянка Тинит-1 находится на юге Дагестана, в нижнем течении р. Рубас. Каменные индустрии, зафиксированные здесь в слоях 2–8 на 11 археологических уровнях, образуют две культурно-хронологические группы. Новые работы, осуществленные на стоянке в 2023–2024 гг. позволяют считать, что в ее разрезе представлено несколько последовательно залегающих лессово-почвенных серий (ЛПС). Выделено несколько хорошо читающихся палеопочв (слои 2, 4, 6–8). Существует несколько вариантов интерпретации последовательности этих ЛПС. Первая соотносит слои 2 и 4 со сдвоенной почвой брянского интерстадиала (МИС 3), а залегающие ниже палеопочвы (сл. 6–8) относит к мезинскому времени (МИС 5а, с, е). Этой интерпретации не противоречит и калиброванная УМС-дата по углю из сл. 2 (43 159 ± 954 л.н). Другой вариант датировок позволяет относить сл. 2 и 4 к разным стадиям МИС 5, а залегающие ниже отложения слоев 6–8 к МИС 7. Такой интерпретации соответствуют предварительные результаты ОСЛ-датирования (раскоп 2, работы 2023 г.), которые определяют, что время формирования слоев 2–4 находится в интервале 90–130 тыс. л.н., а единственный образец из слоя 5 показывает возраст ~200 тыс. лет. В случае, если новые возрастные определения подтвердят эту интерпретацию, культурная атрибуция стоянки потребует кардинального пересмотра. Результаты новых исследований на стоянке Тинит-1 позволяют предварительно предполагать очень раннее появление пластинчатых индустрий на Кавказе (200–180 тыс. л.н.) и их возможную преемственность технокомплексам раннего левантийского мустье типа Табун D.

Ключевые слова: *Дагестан, средний палеолит, стратиграфия, палеопочвы, каменная индустрия, леваллуа, пластинчатая индустрия, ОСЛ-датирование.*

A.A. Anoikin[1]✉, P.M. Sosin[2], I.A. Idrisov[1, 3], A.A. Zeynalov[4, 5], R.N. Kurbanov[1, 6, 7]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Water Problems, Hydropower and Ecology NAST
Dushanbe, Tajikistan
[3]Institute of Geology DSC RAS
Makhachkala, Russia
[4]Institute of Archaeology and Anthropology ANAS
Baku, Azerbaijan
[5]Museum of Natural History ANAS
Baku, Azerbaijan
[6]Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia
[7]Institute of Geography RAS
Moscow, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

New Data on Chronostratigraphy of the Tinit-1 Site in the Context of the "Loess Paleolithic" Problem in the Caucasus

The Tinit-1 site is located in the lower reaches of the Rubas River in Southern Dagestan. Stone industries were discovered in layers 2–8 at 11 archaeological levels; they formed two cultural and chronological groups. New works, which were done at the site in 2023–2024, indicate that its section contained several loess-paleosol complexes. Several distinctive paleosols were identified (layers 2, 4, 6–8). These complexes can be interpreted in several ways. First interpretation correlates layers 2 and 4 with the Bryansk interstadial (MIS 3) which had two paleosols, while the underlying paleosols (layers 6-8) can be attributed to the Mezinsky interglacial (MIS 5a, MIS 5c, and MIS 5e). This interpretation is supported by the calibrated AMS age from charcoal in layer 2 (43,159 ± 954 BP). Another possible correlation indicates that layers 2 and 4 can be attributed to different stages of MIS5, while the underlying deposits of layers 6-8 – to MIS7. This is consistent with the preliminary results of OSL dating (excavation 2, work of 2023) which has shown that layers 2-4 emerged 90–130 ka BP, and the only sample from layer 5 had the age of ~200 ka BP. If new age determinations confirm this interpretation, cultural attribution of the site will require a radical revision. New studies at the Tinit-1 site tentatively indicate an early emergence of blade industries in the Caucasus (200–180 ka BP) and their possible connection with technocomplexes of the Early Levantine Mousterian (type Tabun D).

Keywords: *Dagestan, Middle Paleolithic, stratigraphy, paleosols, lithic industry, Levallois, blade industry, OSL-dating.*

Термин «лессовый палеолит» был введен в научный оборот выдающимся исследователем каменного века Центральной Азии В.А. Рановым на основе обобщения результатов изучения палеолитических стоянок Таджикистана, проводившегося им во второй половине XX в. Под этим названием В.А. Ранов предлагал объединить каменные индустрии раннего и среднего палеолита, залегающие в водораздельных лессах и в погребенных в них почвах. Подобные комплексы фиксируются в различных регионах Евразии (Средняя Азия, Китай, Восточная Европа и др.) и, по его мнению, имеют ряд общих черт: преимущественная связь археологических материалов с плейстоценовыми палеопочвами; рассеянность находок, обычно не образующих выраженных археологических горизонтов; доминирование среди артефактов продуктов первичного расщепления; редкость орудий; практически полное отсутствие фаунистических остатков. Типичные индустрии «лессового палеолита» представлены на ряде памятников Таджикистана, в первую очередь в долине р. Оби-Мазар (Оби-Мазар IV, Лахути I, Хонако III и др.) [Ранов, Шефер, 2000; Ранов, Каримова, 2005].

Следует отметить, что на этих стоянках практически весь археологический материал залегал в почвенных горизонтах, которые объединяются в педокомплексы (ПК) и отделены друг от друга пачками лессов, практически «немых» в археологическом плане. Считается, что формирование серий полигенетичных палеопочв происходило во время теплых и влажных периодов, тогда как лессы формировались в сухих и холодных условиях. Предположительная продолжительность одного лессово-почвенного цикла составляла в плейстоцене ~100 тыс. лет [Додонов, 2002]. Наиболее полные лессово-почвенные разрезы, мощностью до 200 м, известны сейчас в Таджикистане и содержат до 40 ПК, являясь основой для разработки детальной стратиграфической схемы плейстоцена всего региона [Там же]. При этом наиболее молодой ПК 1 соответствует МИС 5, т.е. имеет возраст в пределах 130–70 тыс. лет, но, как правило, соотносится с медиальной частью этого интервала (~110–90 тыс. л.н.).

С учетом того, что в Таджикистане все известные стоянки палеолитического времени, не связанные с лессово-почвенными сериями (Огзи-Кичик, Худжи и др.), имеют возраст в пределах МИС 3–2 и относятся к финальным стадиям среднего, либо к верхнему палеолиту [Ранов, Каримова, 2005], термин «лессовый палеолит», применительно к данной территории, имеет четкое культурное и хронологическое наполнение, определяя технико-типологический облик всех каменных индустрий региона в конкретный период каменного века, а также четкие временные рамки их бытования.

При распространении данного термина на соседние территории, в первую очередь на европейскую часть материка, само понятие «лессовый палеолит» сильно размывается в силу объективных причин (большое разнообразие палеолитических памятников как в индустриальном плане, так и по геологическому контексту), теряя четкое культурно-хронологическое определение. В итоге оно сводится только к уточнению, что данные конкретные ассамбляжи залегают именно в лессово-почвенных отложениях, и мало отличается от таких определений как «пещерные стоянки» или «стоянки на речных террасах». Это во многом определило ситуацию, когда термин «лессовый палеолит» практически не употребляется применительно к стоянкам Европы.

При этом в настоящее время европейские лессы являются одними из наиболее изученных в мире (рис. 1). Они простираются от северо-запада Франции и юга Англии, через Центральную Европу к Черному морю и Русской равнине [Haase et al., 2007]. В европейской части материка лессы распространены на высотах до 600 м над ур. м., и, как правило, увеличивают свои мощности вблизи бассейнов крупных рек (Рейн, Дунай), а также в направлении с запада на восток, что обусловлено увеличением аридности [Lehmkuhl et al., 2021]. На территории России выделяется несколько основных ареалов распространения лессовых пород, крупнейший из которых − внеледниковая зона Русской равнины, где они достигают наибольшей мощности на побережьях Азовского, Черного и Каспийского морей, предгорья и невысокие хребты Кавказа на высотах до 1 500 м над ур. м. При этом мощность лессовых толщ достигает 30 м в Приазовье и 140 м в Терско-Кумской низменности [Сергеев, Комиссарова, 1986; Сычев и др., 2022].

Считается, что лессо-почвенные серии (ЛПС) Северного Кавказа имеют четко выраженное циклическое строение, обусловленное чередованием лессовых горизонтов и ископаемых почв. Лессовые горизонты здесь, так же как и в Центральной Азии, отражают холодные и сухие ледниковые периоды плейстоцена, а ископаемые почвы – теплые и влажные межледниковья, к которым относится и современный голоцен.

В центральной части кавказского региона наиболее хорошо изучены ЛПС на Ставропольской возвышенности [Опорные инженерно-геологические разрезы, 2008; Сычев и др., 2022]. Хотя разрезы с представительными последовательностями ЛПС известны и в Дагестане, например в районе городов Хасавюрт и Дербент, в междуречье Самура и Гюльгерычая и др. [Идрисов, 2011], информация о них пока полноценно не введена в научный оборот. Отсутствие актуальных данных о распространении ЛПС на территории Дагестана во многом определило ситуацию, когда археологические материалы палеолитического времени, полученные на стоянках открытого типа в предгорных районах республики, рассматривались вне лессово-почвенного контекста.

В 2007 г. в среднем течении р. Рубас, между селами Тинит и Фиртиль (Табасаранский р-н Республики Дагестан) была обнаружена стоянка открытого типа Тинит-1 с материалами среднего – рубежа верхнего палеолита [Анойкин и др., 2013] (рис. 2; 3, *А*). Участок местности, где расположен памятник, занимает вершинную часть отрога, заложенного между долинами, стекающими с хребта на восток. Абсолютная высота памятника ~700 м. Основание отрога сложено прибрежно-морскими отложениями акчагыльского возраста, представленными преимущественно песчаниками. Морские осадки перекрыты мощным (до 30 м) чехлом склоновых отложений, представленных слабоокатанными обломками известняков с расположенного в 1 км

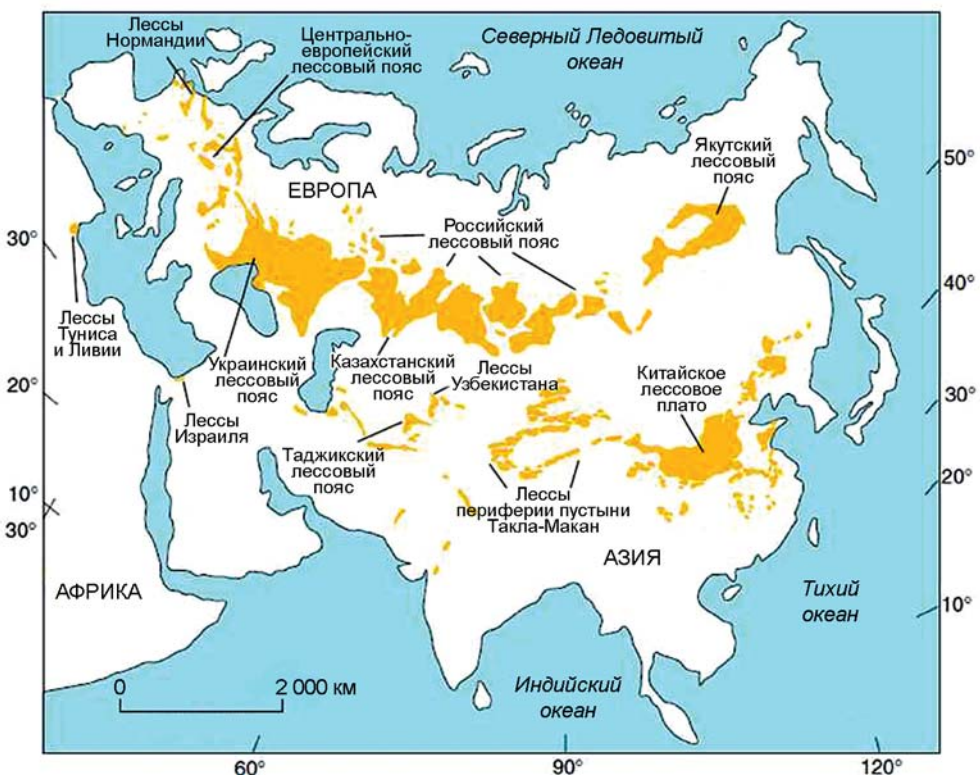

Рис. 1. Карта распространения лессов в Евразии (по: [Haase et al., 2007], с изменениями).

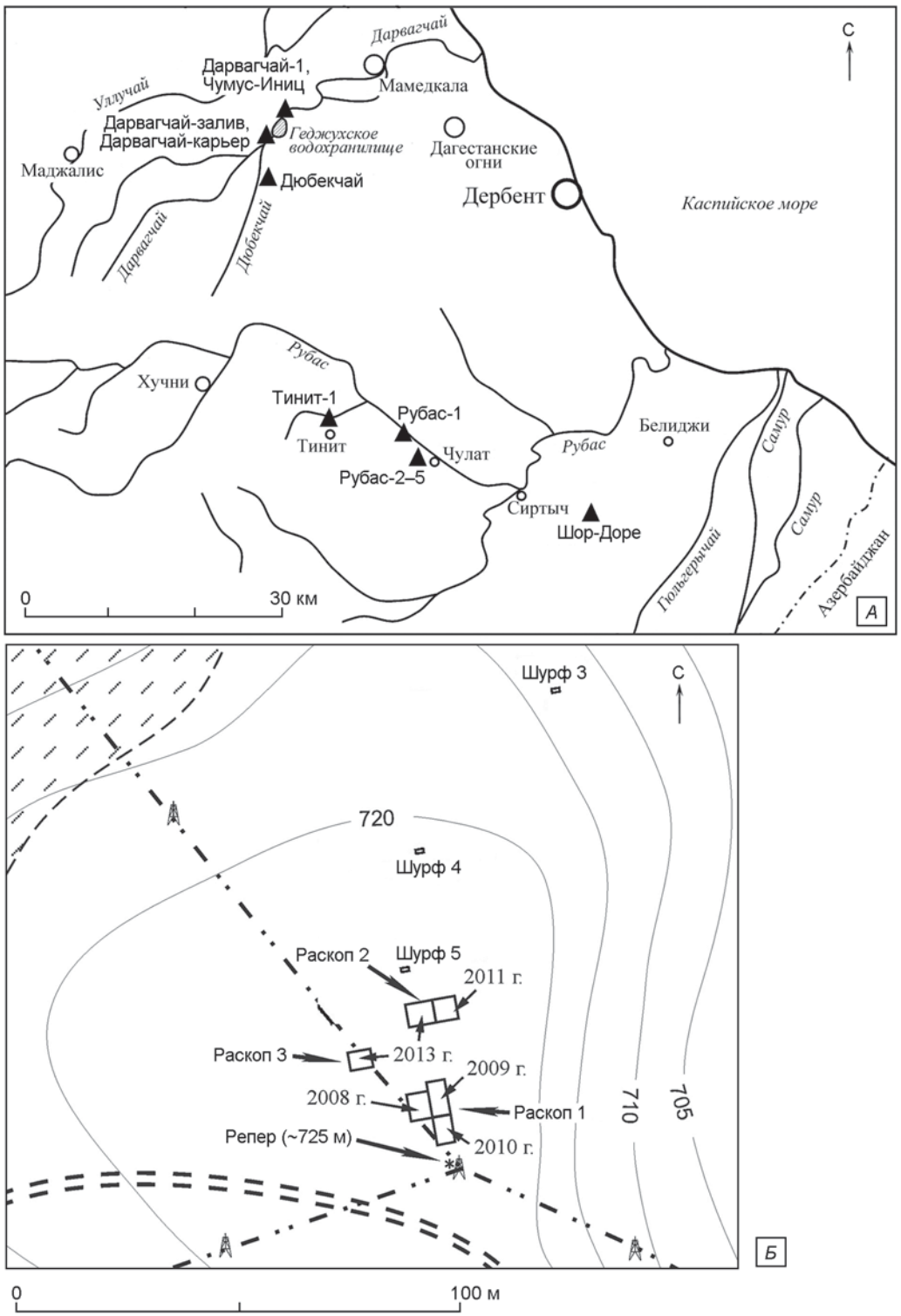

Рис. 2. Тинит-1. Карта-схема района работ (*А*) и план расположения раскопа и шурфов (*Б*).

к западу хребта Карасырт, которые по простиранию на юг переходят в кусарскую свиту верхнего апшерона. Толща обломочных отложений перекрывается пачкой лессовидных пород (до 10 м) с единичным щебнем, содержащих археологический материал. В ходе работ лессовые отложения на памятнике были вскрыты на глубину до 5,5 м, в них выделено 9 основных литологических слоев и установлено, что толща сложена субгоризонтально залегающими, переслаивающимися монотонными темно-коричневыми и серо-коричневыми суглинками. Генезис отложений был определен как эолово-делювиальный [Там же].

Артефакты на Тините-1 залегают в слоях 2–8 на одиннадцати археологических уровнях (а. ур.)

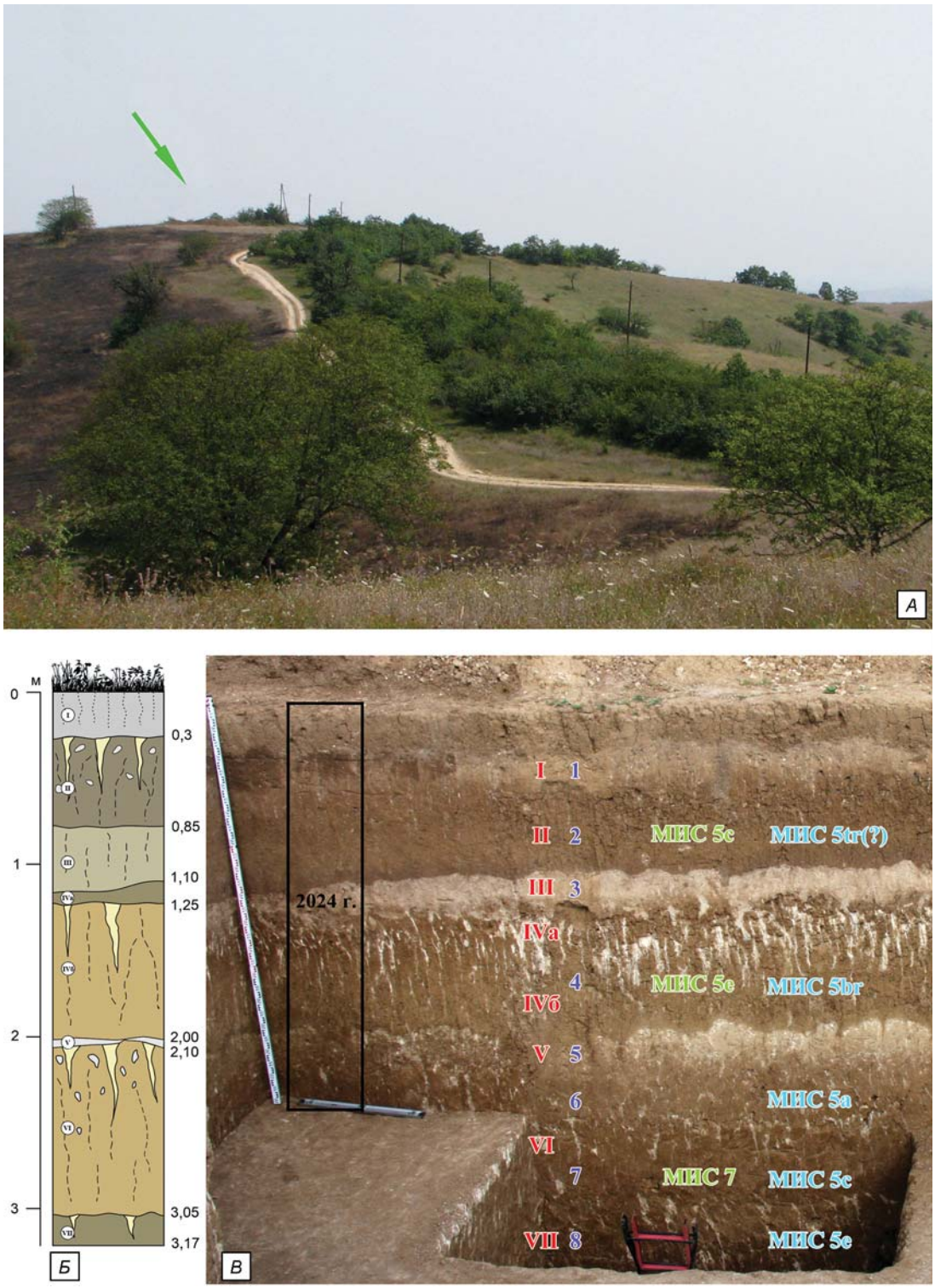

Рис. 3. Тинит-1. Вид на памятник с юго-востока (*А*), стратиграфическая колонка раскопа 1 (2024 г.) (*Б*) и фрагмент западной стенки раскопа 1 (2009 г.) с указанием слоев (красным цветом – слои по описанию стратиграфии 2023–2024 гг., синим – 2007–2017 гг.), места зачистки 2024 г. и вариантов возможной хронологии ЛПС (зеленым и голубым цветом) (*В*).

и по своим технико-типологическим характеристикам образуют две группы. В а. ур. 1–4 в первичном расщеплении отсутствуют признаки использования леваллуазской техники, хорошо представленной в нижних уровнях; доминирует полуобъемное пластинчатое расщепление, как правило однонаправленное. В орудийных наборах верхних а. ур. нет среднепалеолитических острийных форм, упрощается обработка скребел, увеличивается количество и разнообразие верхнепалеолитических типов, среди которых появляются скребки с плечиками и высокой формой, а также многогранные резцы [Деревянко и др., 2012]. Хронологические рамки этих ассамбляжей, до последнего времени, определялись серией радиоуглеродных УМС-дат, полученных по углю из слоев 2–8 (а. ур. 2–10). Согласно этим данным, верхний комплекс материалов Тинита-1 (а. ур. 1–4) имеет календарный возраст в интервале 50–40 тыс. лет. Для нижней части отложений есть несколько открытых дат >43 тыс. л.н. и одна, находящаяся на пределе метода – 47,8 ± 1,5 тыс. л.н. [Анойкин и др., 2013], что позволяет констатировать только, что, вероятнее всего, возраст этих отложений древнее 50 тыс. лет.

Работы на памятнике, остановленные в 2013 г., были продолжены в 2023 г., когда из раскопа 2 была отобрана небольшая серия образцов на ОСЛ-датирование [Анойкин и др., 2023]. В 2024 г. исследования на стоянке были продолжены: на всю глубину были зачищены участки восточной стенки в раскопе 1 (рис. 3, *В*) и северной стенки в раскопе 2; выполнено их новое полное стратиграфическое описание и отобрано, в общей сложности, 32 образца на ОСЛ-датирование из слоев 1–6.

Согласно выполненному описанию в стратиграфическом разрезе раскопа 1 присутствуют следующие литологические тела (сверху вниз) (рис. 3, *Б*, *В*):

Слой I. 0–29 см. Суглинок средний, коричневый, глыбисто-комковатый, слабопористый, точки $CaCO_3$, плотный. Гор. В. Переход ясный по цвету и структуре. Эродированная голоценовая почва.

Слой II. 29–85 см. Суглинок тяжелый, темно-коричневый, столбчато-ореховато-комковатый и глыбисто-комковатый, плотный, Fe-Mn пленки, $CaCO_3$ по трещинам. Верхняя часть (29–63 см) – гор. Btz; нижняя (63–85 см) – Bm. Переход резкий. Палеопочва 1.

Слой III. 85–110 см. Суглинок средний, коричневато-белесый, комковато-глыбистый, сухой, обилие $CaCO_3$ в пропитке. Гор. Bca. Переход резкий. Лесс, пропитанный карбонатами из вышележащей палеопочвы.

Слой IVa. 110–125 см. Суглинок средний, коричневый, глыбисто-комковатый, насыщен $CaCO_3$. Переход ясный по цвету и структуре. Палеопочва 2а.

Слой IVб. 125–200 см. Глина и суглинок тяжелый, бурые, глыбисто-комковатые, плотные, вязкие, верхняя половина разбита серией трещин усыхания толщиной 1–2 см, заполненных $CaCO_3$, точки Fe-Mn. Переход постепенный. Палеопочва 2б.

Слой V. 200–205 см. Суглинок и супесь, белесые, несцементированные, бесструктурные. Мощность слоя невыдержанная, распадается на линзы. Лесс, пропитанный карбонатами из вышележащей палеопочвы.

Слой VI. 205–305 см. Глина и суглинок тяжелый, коричневые, глыбисто-комковатые, плотные, конкреции $CaCO_3$ до 3 см, верхняя половина разбита серией тонких трещин усыхания, заполненных $CaCO_3$. Гор. Bmn (205–216 см), Bcan (216–305). Переход ясный. Палеопочва 3.

Слой VII. 305–317 см (вид.). Глина и суглинок тяжелый, темно-коричневые, глыбисто-комковатые, плотные, слабопористые, точки Fe-Mn, разбита серией трещин до 3 см в раструбе с $CaCO_3$, профиль продолжается ниже. Палеопочва 4.

Выполненные исследования позволяют считать изученные отложения типичными лессово-почвенными сериями, формировавшимися за несколько климатических циклов. В общей сложности на вскрытом участке выделено несколько хорошо читающихся палеопочв (слои 2 (II); 4 (IV); 6, 7 и 8 (VI, VII)). Также следует добавить, что в раскопе 2 слой 2 имеет существенно большую мощность и сложное строение, включая четыре прослоя, где слою 2 раскопа 1 соответствует прослой 2.4, а залегающий выше него прослой 2.2, видимо, представляет собой еще одну палеопочву, эфемерную и слабо читающуюся в разрезе [Деревянко и др., 2012].

Похожее строение отложений, с чередованием нескольких ЛПС, было выявлено также в разрезе придорожного карьера в 0,5 км к северо-западу от стоянки.

Новые данные, полученные на стоянке Тинит-1 ставят сразу несколько вопросов, имеющих большое значение для палеолитоведения и палеогеографии Кавказа. Первый – насколько меняется культурно-хронологическая атрибуция памятника в связи с выделенной здесь длительной последовательностью из нескольких педокомплексов? Второй – можно ли на основании четкой привязки археологических материалов к отложениям ЛПС утверждать, что памятники «лессового палеолита» есть и на Кавказе?

Существует несколько вариантов интерпретации последовательности ЛПС, выделенных на Тините (рис. 3, *В*). Если напрямую переносить последовательность педокомплексов, установленную для юга Средней Азии [Додонов, 2002], на Восточный Кавказ, то можно считать, что эфемерная почва, зафиксированная в разрезе раскопа 2 (сл. 2.2), относится к МИС 3, т.е. к той эпохе, которая не представлена самостоятельной палеопочвой в разрезах Таджикистана. Соответственно сл. 2/2.4 (II) соотносятся с МИС 5, сл. 4 (IV) – с МИС 7, сл. 6–8 (VI–VII) – с МИС 9. Однако такой интерпретации противоречат археологические материалы, т.к. комплекс находок из нижних

а. ур. по своим технико-типологическим характеристикам не может иметь возраст 340–300 тыс. лет. В это время на территории Дагестана существовали индустрии финального раннего палеолита с крупными бифасиальными орудиями, хорошо изученные и продатированные на памятнике Дарвагчай-залив-4 [Курбанов, Рыбалко, Янина, 2021], а самые ранние проявления леваллуазской техники на Кавказе фиксируются не ранее МИС 7 [Adler et al., 2014].

Наиболее консервативный вариант корреляции выявленных палеопочв с МИС, с учетом данных о ЛПС юга Русской равнины [Величко и др., 2017], предполагает, что слои 2 (II) и 4 (IV) в раскопе 1 Тинита-1 являются сдвоенной почвой брянского интерстадиала (МИС 3), а залегающие ниже палеопочвы (сл. 6–8 (VI–VII)) относятся к мезинскому времени, соответствуя МИС 5a–c, e. Подтверждением такой интерпретации может служить то, что тройственная структура является типичной для плакорных ЛПС Предкавказья этого времени и обнаруживается в опорных разрезах, для которых в последние годы получены надежные серии ОСЛ-дат [Сычев и др., 2022]. Также на юге Русской равнины известны разрезы, где брянский педокомплекс залегает на двух уровнях, например, Александровский карьер (Курская обл.) [Sycheva, Khokhlova, Pushkina, 2021]. С учетом имеющейся калиброванной ^{14}C УМС-даты из сл. 2 – 43 159 ± 954 л.н. (AA93693), а также высокой степени вероятности продолжения ЛПС вниз по разрезу и залегания в них археологических материалов близкой ассамбляжам нижних слоев культурной атрибуции, что косвенно подтверждается материалами шурфовки территории памятника [Деревянко и др., 2012], данная хронология ЛПС представляется наиболее вероятной.

Еще один вариант хронологической корреляции позволяет относить сл. 2 (II) и 4 (IV) к разным стадиям МИС 5, а залегающие ниже отложения слоев 6–8 (VI–VII) к МИС 7, т.к. в разрезе раскопа 1 палеопочвы четко формируют два педокомплекса, разделенных слоем карбонатных лессов. Корреляция этих педокомплексов, первый из которых имеет три палеопочвы, а второй – две мощные красноцветные почвы, с двумя выраженными межледниковьями МИС 5 (три пика потепления) и МИС 7 (два пика) также имеет серьезные основания. В подтверждение данной интерпретации могут свидетельствовать предварительные результаты люминесцентного датирования образцов из раскопа 2 (работы 2023 г.), которые определяют, что время формирования слоев 2–4 находится в интервале 90–130 тыс. л.н., а единственный образец из слоя 5 показывает возраст ~200 тыс. лет.

В случае, если возрастные определения покажут, что археологический материал на Тините-1 залегает в палеопочвах МИС 5 и 7, культурная атрибуция стоянки потребует кардинального пересмотра. В каменных индустриях а. ур. 5–11 Тинита-1 преобладают разные варианты ядрищ параллельного способа скалывания. Также активно использовалась леваллуазская техника, направленная, в первую очередь, на производство удлиненных заготовок, включая остроконечники. Иногда применялось торцовое скалывание. Основу орудийного набора составляют скребла, в основном однолезвийные, и ножи. На нескольких изделиях фиксируется прием вентрального утончения заготовки. Леваллуазские и мустьерские остроконечники, как правило, удлиненные. Есть транкированно-фасетированные изделия и изделия верхнепалеолитической группы (скребки, единичные резцы и проколки). Бифасы отсутствуют. Исходя из предполагаемой древней хронологии нижних слоев и технико-типологического облика присутствующей в них индустрии, можно предполагать, что на памятнике фиксируются ассамбляжи, близкие по облику и времени бытования к комплексам раннего левантийского мустье, типа Табун D (Hayonim F, Misliya Cave (Upper Terrace) и др.), датирующихся интервалом 220–180 тыс. л.н. [Bar-Yosef, Meignen, 2001; Zaidner, Weinstein-Evron, 2020]. С учетом того, что близкие левантийским пластинчатым комплексам материалы были зафиксированы в ПК 2 (МИС 7) на территории Таджикистана (Хонако III) [Ранов, Шефер, 2000], наличие сходных индустрий на Восточном Кавказе, гораздо ближе расположенном к Леванту, не представляется чем-то невероятным.

Обнаружение на юге Дагестана нескольких последовательно залегающих ПК, включающих археологические материалы и, возможно, синхронных педокомплексам 1 и 2 на территории Таджикистана с их индустриями среднего палеолита, позволяет ставить вопрос о правомерности распространения термина «лессовый палеолит» и на территорию Восточного Кавказа. Формально стоянка Тинит-1 может быть отнесена к комплексам этой общности, т.к. на ней выполняется главная детерминирующая составляющая данного термина – связь археологических материалов с плейстоценовой палеопочвой, образующей с перекрывающими лессовыми отложениями единые ЛПС. К тому же здесь, в пределах одного объекта, фиксируются сразу несколько культуросодержащих ПК, составляющих общую циклическую стратиграфическую последовательность. Кроме того, в коллекциях всех а. ур. стоянки доминируют именно продукты первичного расщепления, процент типологически выраженных орудий в коллекции незначителен (~3 %), а фаунистические остатки отсутствуют. Вместе с тем некоторые значимые пункты, включенные в определение этого явления, здесь не соблюдены. В разделяющих палеопочвы лессах также фиксируется массовый археологический материал, не отличающийся от такового в ПК. Артефакты залегают не хаотически, а образуют четкие и хорошо читаемые а. ур., возможно являющиеся свидетельствами многократного, но кратковременного посещения памятника. На некоторых а. ур. продукты первичного расщепления составляют многоэлементные склейки (до 44 элемен-

тов), образуя хорошо очерченные планиграфические структуры. Также следует учитывать, что стоянка Тинит-1, несмотря на значительное количество известных на Восточном Кавказе памятников раннего и среднего палеолита, пока является единственным археологическим объектом, чей материал связан с ЛПС. Остальные памятники или относятся к карстовым убежищам, или материалы в них залегают в отложениях, имеющих аллювиальный или делювиальный генезис, с минимальным участием эолового компонента. Даже на стоянке Рубас-1 (верхний комплекс), расположенной всего в 14 км и имеющей близкие по характеру и, возможно, возрасту ассамбляжи, в лессовидных отложениях не зафиксированы следы почвообразования. Таким образом, как и в Восточной Европе, применительно к Кавказу использование термина не будет иметь такого четкого культурно-хронологического наполнения, как для территории Таджикистана, и пока может являться скорее понятием, определяющим специфику геоморфологической, стратиграфической и археологической ситуаций на конкретных стоянках. Дальнейшие работы в зоне распространения лессов на юге Русской равнины, в Предкавказье и на западном побережье Каспия, возможно, позволят расширить список палеолитических объектов, связанных с ЛПС (например, Сухая Мечетка в Волгоградской области или Николаево-Отрадное в Приазовье), но пока можно лишь констатировать, что в регионе появился новый тип археологических объектов, усложняющих и так непростую мозаику палеолита Кавказа и позволяющий вводить новые критерии как для успешного поиска новых объектов древнекаменного века, так и для установления их хронологии.

Благодарности

Исследования выполнены за счет гранта РНФ № 24-18-00941, https://rscf.ru/project/24-18-00941/.

Список литературы

Анойкин А.А., Зейналов А.А., Кулаков С.А., Очередной А.К., Идрисов И.А., Курбанов Р.Н., Эйбатов Т.М., Бабаи П.Г. Геоархеологические работы на территории Северного Кавказа и Азербайджанской Республики в 2023 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 12–19.

Анойкин А.А., Славинский В.С., Рудая Н.А., Рыбалко А.Г. Новые данные об индустриях рубежа среднего-верхнего палеолита на территории Дагестана // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2. – С. 26–39.

Величко А.А., Борисова О.К., Захаров А.Л., Кононов Ю.М., Константинов Е.А., Курбанов Р.Н., Морозова Т.Д., Панин П.Г., Тимирева С.Н. Смена ландшафтных обстановок на юге Русской равнины в позднем плейстоцене по результатам исследования лессово-почвенной серии Приазовья // Изв. Российской академии наук. Сер. географическая. – 2017. – № 1. – С. 74–83.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Додонов А.Е. Четвертичный период Средней Азии: Стратиграфия, корреляция, палеогеография. – М.: ГЕОС, 2002. – 250 с.

Идрисов И.А. Лессовидные породы Дагестана // Тр. Института геологии Дагестанского научного центра РАН. – 2011. – № 57. – С. 20–23.

Курбанов Р.Н., Рыбалко А.Г., Янина Т.А. Хронология и периодизация палеолитических комплексов Северо-Восточного Кавказа (по материалам стоянки Дарвагчай-Залив-4) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. − Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 161–166.

Опорные инженерно-геологические разрезы лессовых пород Северной Евразии / под ред. В.Т. Трофимова. – М.: КДУ, 2008. – 608 с.

Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 248 с.

Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 20–32.

Сергеев Е.М., Комиссарова Н.Н. Генезис и постгенетические изменения лессовых пород // Лессовые породы СССР. – М.: Недра, 1986. – Т. 1. – С. 4–27.

Сычев Н.В., Константинов Е.А., Захаров А.Л., Frechen M., Tsukamoto S. Новые данные по геохронологии верхнечетвертичных лессово-почвенных серий Терско-Кумской низменности // Литология и полезные ископаемые. – 2022. – № 4. – С. 386–398.

Adler D.S., Wilkinson K.N., Blockey S., Mark D.F., Pinhasi R., Schmidt-Magee B.A., Nahapetyan S., Mallol C., Berna F., Glauberman P.J., Raczynski-Henk Y., Wales N., Frahm E., Jöris O., MacLeod A., Smith V.C., Cullen V.L., Gasparyan B. Early Levallois technology and the Lower to Middle Palaeolithic transition in the Southern Caucasus // Science. – 2014. – Vol. 345. − P. 1609–1613.

Bar-Yosef O., Meignen L. The chronology of the Levantine Middle Palaeolithic in retrospect // Bulletin et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris, 2001. – Vol. 13, N 3–4. – P. 269–289.

Haase D., Fink J., Haase G., Ruske R., Pécsi M., Richter H., Altermann M., Jäger K.D. Loess in Europe − its spatial distribution based on a European Loess Map, scale 1: 2,500,000 // Quatern. Sci. Reviews. – 2007. – Vol. 26, N 9–10. – P. 1301−1312.

Lehmkuhl F., Nett J.J., Pötter S., Schulte P., Sprafke T., Jary Z., Hambach U. Loess landscapes of Europe–Mapping, geomorphology, and zonal differentiation // Earth-Science Reviews. – 2021. – Vol. 215. – P. 103−146.

Sycheva S.A., Khokhlova O.S., Pushkina P.R. Structure of the Late Pleistocene Climate Rhythm Inferred from the Detailed Soil-Sedimentation Archive of the Extraglacial Region of the

East European Plain (Aleksandrov Quarry) // Stratigraphy and Geological Correlation. – 2021. – Vol. 29, N 3. – P. 368−387.

Zaidner Y., Weinstein-Evron M. The emergence of the Levallois technology in the Levant: A view from the Early Middle Paleolithic site of Misliya Cave, Israel // J. of Human Evolution. – 2020. – Vol. 144. – P. 102785. – doi:10.1016/j.jhevol.2020.102785.

References

Adler D.S., Wilkinson K.N., Blockey S., Mark D.F., Pinhasi R., Schmidt-Magee B.A., Nahapetyan S., Mallol C., Berna F., Glauberman P.J., Raczynski-Henk Y., Wales N., Frahm E., Jöris O., MacLeod A., Smith V.C., Cullen V.L., Gasparyan B. Early Levallois technology and the Lower to Middle Palaeolithic transition in the Southern Caucasus. *Science*, 2014. Vol. 345. P. 1609–1613.

Anoykin A.A., Slavinski V.S., Rudaya N.A., Rybalko A.G. New Findings on Lithic Industries of The Middle to Upper Paleolithic Boundary in Dagestan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013. No. 2. P. 26−39. (In Russ.).

Anoikin A.A., Zeynalov A.A., Kulakov S.A., Otcherednoy A.K., Idrisov I.A., Kurbanov R.N., Eybatov T.M., Babai P.G. Geoarchaeological Investigation in Azerbaijan and the North Caucasus in 2023. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 12–19. (In Russ.).

Bar-Yosef O., Meignen L. The chronology of the Levantine Middle Palaeolithic in retrospect. In *Bulletin et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris,* 2001. Vol. 13. No. 3–4. P. 269–289.

Derevianko A.P., Amirkhanov K.A., Zenin V.N., Anoikin A.A., Rybalko A.G. Problemy paleolita Dagestana. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 292 p. (In Russ.).

Dodonov A.E. Quaternary period of Central Asia: Stratigraphy, correlation, paleogeography. Moscow: GEOS, 2002. 250 p. (In Russ.).

Haase D., Fink J., Haase G., Ruske R., Pécsi M., Richter H., Altermann M., Jäger K.D. Loess in Europe − its spatial distribution based on a European Loess Map, scale 1: 2,500,000. *Quaternary Science Reviews*, 2007. Vol. 26. No. 9−10. P. 1301−1312.

Idrisov I.A. Lyossovidnye porody Dagestana. *Studies of the Institute of Geology of the Dagestan Scientific Center of the RAS,* 2011. No. 57. P. 20−23. (In Russ.)

Kurbanov R.N., Rybalko A.G., Yanina T.A. Chronology and Periodization of Paleolithic Complexes of South-Eastern Dagestan (Based on the Evidence from the Darvagchai-Zaliv-4 Site). In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 161–166. (In Russ.)

Lehmkuhl F., Nett J.J., Pötter S., Schulte P., Sprafke T., Jary Z., Hambach U. Loess landscapes of Europe–Mapping, geomorphology, and zonal differentiation. *Earth-Science Reviews,* 2021. Vol. 215. P. 103−146.

Opornye inzhenerno-geologicheskie razrezy lessovykh porod Severnoi Evrazii. Moscow: Moscow State University Publ., 2008. 608 p. (In Russ.).

Ranov V.A., Karimova G.R. Stone Age of Afghan-Tajik Depression. Dushanbe: Devashtich, 2005. 248 p. (In Russ.).

Ranov V.A., Shefer I. Loess Paleolithic. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000. No. 2. P. 20–32.

Sergeev E.M., Komissarova N.N. Genezis i postgeneticheskie izmeneniia lyossovykh porod. In *Lyossovye Porody SSSR*. Vol. 1. Moscow: Nedra, 1986. P. 4−27. (In Russ.).

Sychev N.V., Konstantinov E.A., Zaharov A.L., Frechen M., Tsukamoto S. New Data on the Geochronology of the Upper Quaternary Loess-soil Sequence of the Terek-Kuma Lowland. *Litologia i poleznye iskopaemye*, 2022. No. 4. P. 386−398. (In Russ.).

Sycheva S.A., Khokhlova O.S., Pushkina P.R. Structure of the Late Pleistocene Climate Rhythm Inferred from the Detailed Soil-Sedimentation Archive of the Extraglacial Region of the East European Plain (Aleksandrov Quarry). *Stratigraphy and Geological Correlation,* 2021. Vol. 29. No. 3. P. 368−387.

Velichko A.A., Borisova O.K., Zaharov A.L., Kononov Y.M., Konstantinov E.A., Kurbanov R.N., Morozova T.D., Panin P.G., Timireva S.N. Landscape Changes in the Southern Russian Plain in the Late Pleistocene: a Case Study of the Loess-Soil Sequence in the Azov Sea Region. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2017. No. 1. P. 74–83. (In Russ.).

Zaidner Y., Weinstein-Evron M. The emergence of the Levallois technology in the Levant: A view from the Early Middle Paleolithic site of Misliya Cave, Israel. *Journal of Human Evolution*, 2020. Vol. 144. P. 102785. doi: 10.1016/j.jhevol.2020.102785.

Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Идрисов И.А. https://orcid.org/0000-0002-7880-9016
Зейналов А.А. https://orcid.org/0000-0002-2944-7127
Курбанов Р.Н. https://orcid.org/0000-0001-6727-6202

Дата сдачи рукописи: 30.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0024-0031
УДК 902.01

А.А. Анойкин[1]✉, Ж.К. Таймагамбетов[2], А.А. Зейналов[3, 4], И.А. Идрисов[1, 5], П.В. Чистяков[1], А.Н. Васильева[1, 6], М.В. Капитанова[1], А.А. Лукашов[7], Р.Н. Курбанов[1, 6, 7]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан
[3]Институт археологии и антропологии НАНА
Баку, Азербайджан
[4]Музей естественной истории НАНА
Баку, Азербайджан
[5]Институт геологии ДНЦ РАН
Махачкала, Россия
[6]Институт географии РАН
Москва, Россия
[7]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Работы по изучению объектов каменного века на побережье залива Сарыташ (полуостров Мангышлак, Западный Казахстан) в 2024 году

Весной 2024 г. Российско-Казахстанско-Азербайджанской геоархеологической экспедицией проводились работы на п-ове Мангышлак. Одним из основных участков исследований являлось побережье залива Сарыташ в районе сая Шакпаката, где в 1960-х гг. отрядом под руководством А.Г. Медоева были собраны представительные коллекции каменных артефактов, позднее отнесенные им к разным этапам каменного века (ранний палеолит – эпипалеолит). В 2024 г. на этом участке побережья было зафиксировано пять основных пунктов концентрации артефактов, в целом соответствующих точкам сбора А.Г. Медоева. Установлено, что в районе Шакпакаты археологический материал залегает на трех основных гипсометрических уровнях, соответствующих северному коренному склону плато Мангышлак, а также высоким и низким раннехвалынским каспийским террасам. Технико-типологический состав изделий со всех участков сборов имеет схожие параметры и соответствует мастерским на выходах сырья. Также артефакты на всех пунктах сборов имеют сходную степень изменения поверхности, которая не подтверждает их длительное нахождение в открытом залегании: слабая степень дефляции и «загара» или их отсутствие. Параметры первичного расщепления (типы нуклеусов, характеристики сколов, специфические заготовки сырья) в большей степени соответствуют индустриям финала палеолитического времени или раннеголоценовым комплексам. Палеогеографический контекст указывает на то, что основные археологические материалы сосредоточены на поверхностях, образованных после регрессии раннехвалынского бассейна, т.е. в финале позднего плейстоцена (не древнее 18–15 тыс. л.н.), и соответствуют позднейшей стадии верхнего палеолита. Таким образом, анализ всего комплекса полученных данных позволяет утверждать, что материалы Шакпакаты, видимо, не могут иметь возраст древнее 15 тыс. лет и, вероятнее всего, относятся к неолитическому времени.

Ключевые слова: *Мангышлак, Каспийское море, палеолит, неолит, подъемные комплексы, каменная индустрия, морские террасы.*

A.A. Anoikin[1]✉, Z.K. Taimagambetov[2], A.A. Zeynalov[3, 4], I.A. Idrisov[1, 5], P.V. Chistiakov[1], A.N. Vasilieva[1, 6], M.V. Kapitanova[1], A.A. Lukashov[7], R.N. Kurbanov[1, 6, 7]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]National Museum of the Republic of Kazakhstan

Astana, Kazakhstan
[3]Institute of Archaeology and Anthropology ANAS
Baku, Azerbaijan
[4]Museum of Natural History ANAS
Baku, Azerbaijan
[5]Institute of Geology DSC RAS
Makhachkala, Russia
[6]Institute of Geography RAS
Moscow, Russia
[7]Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

Study of the Stone Age Sites on the Coast of Sarytash Bay (Mangyshlak Peninsula, Western Kazakhstan) in 2024

In 2024, the Russian-Kazakh-Azerbaijani geoarchaeological expedition carried out survey on the Mangyshlak Peninsula. One of the main areas of research was the coast of Sarytash Bay in the area of the Shakpakata Valley, where in the 1960s an expedition led by A.G. Medoev collected representative collections of stone artifacts, which he later attributed to different stages of the Stone Age (Early Paleolithic – Chalcolithic). In 2024, five main locations with accumulations of artifacts were discovered on the coast of the bay, generally corresponding to the sites reported by A.G. Medoev. The survey has established that in the Shakpakata area, archaeological evidence occurred at three main hypsometric levels: the northern slope of the Mangyshlak plateau, Early Khvalynian terrace, and Late Khvalynian terrace. Technical and typological composition of artifacts from all sites has manifested similar parameters and makes it possible to view the sites as workshops at the outcrops of raw materials. Artifacts from all locations had a similar degree of surface change – weak deflation and desert varnish, or their absence – which does not confirm their long-term presence in the open. Parameters of primary reduction were more consistent with industries of the Final Paleolithic or Early Holocene complexes. The paleogeographical context indicates that the main archaeological assemblages were concentrated on the surfaces formed after regression of the Early Khvalynian sea. Thus, an analysis of the entire data obtained during the survey indicates that the evidence from Shakpakata is most likely no earlier than 15 ka and, apparently, can be associated with the Neolithic.

Keywords: *Mangyshlak, Caspian Sea, Paleolithic, Neolithic, surface assemblages, lithic industry, marine terraces.*

Территория Казахстана в плане палеолитоведения изучена очень слабо и неравномерно. Некоторое исключение составляют предгорья на юге и востоке страны, тогда как в Центральном и Западном Казахстане практически все известные памятники палеолита являются местонахождениями с поверхностным залеганием артефактов. При общей слабой изученности этих обширных территорий п-ов Мангышлак на западной периферии страны представляет собой фактическую *terra incognita*.

Целенаправленный поиск и изучение палеолитических памятников в регионе начались в 1960-х гг. и связаны в первую очередь с исследованиями А.Г. Медоева, много лет работавшего на полуострове, а в 1966–1969 гг. возглавлявшего Палеолитический отряд в составе Мангышлакской комплексной экспедиции ИГН им. К.И. Сатпаева АН КазССР. Многотысячные коллекции подъемного археологического материала, собранные сотрудниками отряда на побережье залива Сарыташ (долины Шакпаката (Шахбагата) и Кумакапе), позволили А.Г. Медоеву впервые составить культурно-хронологическую схему палеолита Западного Казахстана [Медоев, 1982].

В 1985 г. на побережье залива Сарыташ Ж.К. Таймагамбетовым был выделен комплекс местонахождений Онежек I–VII, материалы которых, близкие по облику шакпакатинской коллекции А.Г. Медоева, были отнесены им к среднему – верхнему палеолиту [Таймагамбетов, 1993].

В 1998–1999 гг. в центральной части полуострова проводит исследования совместная Российско-Казахстанская археологическая экспедиция, в результате которых по краю плато Устюрт было выявлено более 20 местонахождений с поверхностным залеганием культурно и хронологически неоднородного (ранний – верхний палеолит) археологического материала [Деревянко и др., 1999].

В 2018–2022 гг. в районе залива Сарыташ работали сотрудники Мангыстауского палеолитического отряда ИА им. А.Х. Маргулана МОН РК, под руководством О.А. Артюховой и Т.Б. Мамирова. Основной задачей исследований стало определение участков, изученных А.Г. Медоевым в долине Шакпаката, и верификация полученных им результатов [Артюхова и др., 2020].

В апреле 2024 г. на п-ове Мангышлак проводила работы комплексная международная геоархеологи-

ческая экспедиция, включающая ученых из России, Казахстана и Азербайджана.

Одним из основных участков исследований являлось побережье залива Сарыташ в районе сая Шакпаката, где расположен одноименный культовый комплекс, включающий подземную мечеть X–XII вв. и прилегающий к ней некрополь (рис. 1, *1*; 2, *1*). Целями исследований являлось обнаружение руководящих типов каменных артефактов, позволяющих осуществить аргументированную культурно-хронологическую атрибуцию локализованных здесь археологических материалов; выполнение точной привязки к терасовым уровням основных зон скопления находок и верификация культурно-хронологической схемы, предложенной А.Г. Медоевым для этого комплекса местонахождений.

В ходе работ на этом участке побережья было зафиксировано пять пунктов концентрации артефактов (см. рис. 1).

Пункт 1 (44,429° с.ш., 51,139° в.д., абс. высота 50 м).

Участок сборов расположен к востоку от сая Шакпаката, на северном склоне возвышенности Кауше, представленном серией абразионных поверхностей, сложенных коренными известняками с включениями прослоев конкреций кремня (рис. 2, *1*). Широкая, полого опускающаяся к морю и относительно ровная поверхность, местами изрезанная узкими глубокими оврагами, практически лишена мелкозема, здесь повсеместно встречаются отдельные обломки желвачного кремня различного размера. Археологический материал зафиксирован на площади 300 × × 600 м, выше и восточнее павильона выхода из мечети (см. рис. 1). Артефакты залегают рассеянно, но выделяется несколько зон, площадью 50–100 м^2, с незначительной концентрацией – 10–20 предметов. 99 % изделий – сколы разных размеров, из которых сколы разжелвачивания составляют ~5–7 %. Сырье – светло- и темно-серый желвачный кремень, на нескольких предметах есть остатки галечной корки. Почти все предметы имеют «загар» – побеление поверхности в результате солярного воздействия. Загар неравномерный, неполный: слабый и средний, есть изделия без загара. Часто загаром затронута только одна плоскость, иногда обе, при этом одна – более интенсивно, часто пятнами. Дефляция поверхности отсутствует или слабая. Один отщеп имеет интенсивный желто-коричневый загар, степень дефляции средняя.

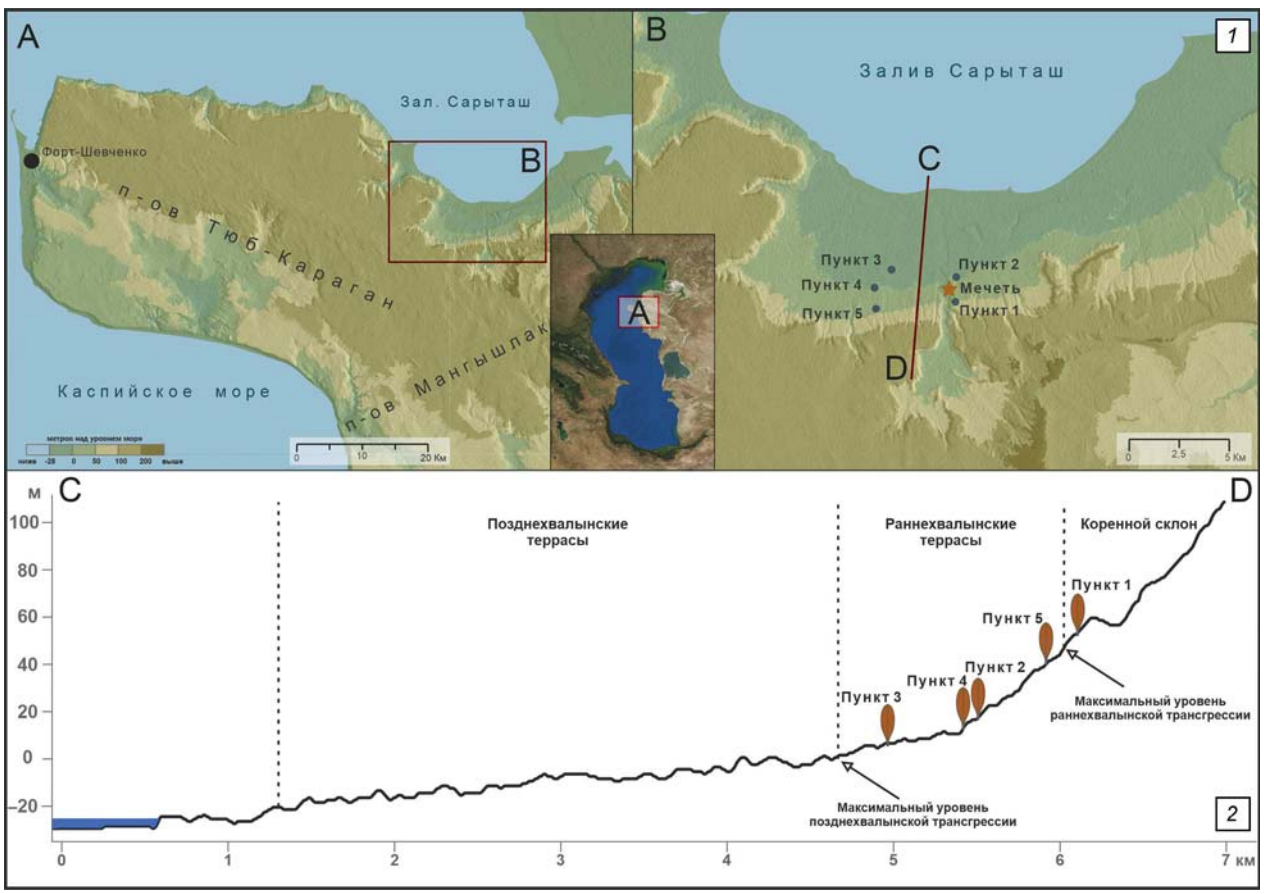

Рис. 1. Геоархеологические работы на комплексе местонахождений Шакпаката (2024 г.).

1 – район работ; *2* – профиль береговой зоны залива Сарыташ около комплекса Шакпаката (линия C–D) с указанием гипсометрических уровней основных пунктов сбора археологического материала в 2024 г.

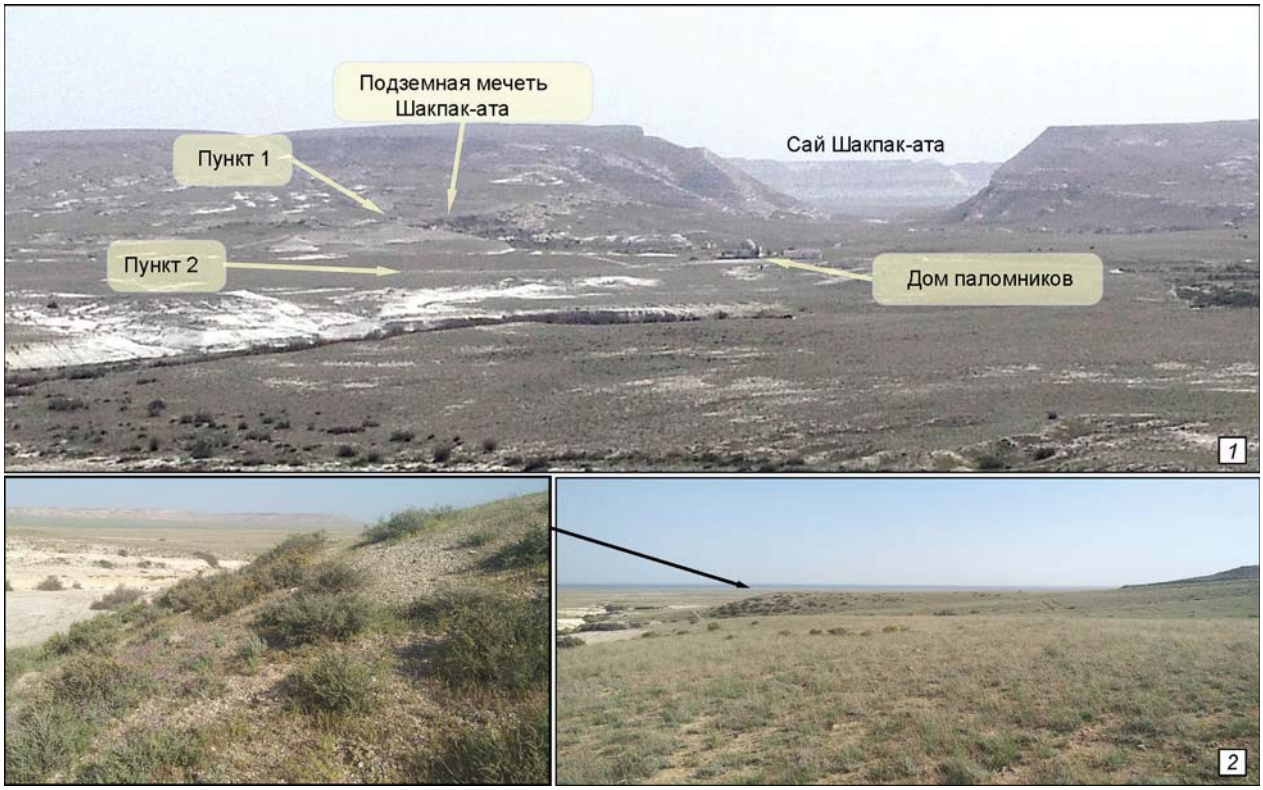

Рис. 2. Комплекс местонахождений Шакпаката.

1 – вид на культовый комплекс Шакпаката и пункты 1 и 2 с севера; *2* – остатки берегового вал раннехвалынского времени около пункта 5.

Выборка по всей площади – 36 каменных артефактов (нуклевидные формы, крупные и/или специфические сколы, орудия) и один неорнаментированный фрагмент средневековой керамики (определение А.Е. Астафьева).

Нуклевидные формы – 9 экз., в т.ч.: нуклевидные обломки – 2; нуклеус на крупном сколе для отщепов (несколько снятий по вентралу с прямого дистала); призматические для пластин – 2; клиновидный для микропластин (рис. 3, *2*); фрагмент ядрища для пластин (участок площадки и фронта); заготовки для ядрищ с оформленными боковыми ребрами и площадками – 2.

Сколы – 24 экз., в т.ч.: пластины (мелкие) – 2; пластинчатые отщепы – 8; отщепы – 8; техсколы – 6. Техсколы включают крупную полуреберчатую пластину, 3 скола с фронта скалывания (ядрища для мелких правильных пластин и пластинок); 2 крупные краевые пластины и скол обработки бифаса. Два пластинчатых отщепа удлиненные, подтреугольной формы, с конвергентной огранкой дорсала; по морфологии близки остриям леваллуа.

Неопределимые – 3 экз.

Орудия – 9 экз., в т.ч.: нож и продольное скребло на пластинах; поперечное скребло и концевой скребок на отщепах и 5 бифасов.

Бифасы представлены фрагментами двух небольших, линзовидных в сечении, полностью оформленных стелящейся ретушью изделий (рис. 3, *3*) и концевой частью небольшого плоско-выпуклого бифаса, оформленного мелкими сколами (рис. 3, *1*), и двумя заготовками. Одна из них представляет собой очень крупный (18,5 см) удлиненный овальный скол, обработанный по протяженным краям альтернативными широкими уплощающими короткими снятиями. Без учета степени изменения поверхности и сопутствующего археологического материала изделие могло бы быть отнесено к раннему палеолиту.

Пункт 2 (44,435° с.ш., 51,141° в.д., абс. высота 18 м).

Участок сборов расположен к востоку от сая Шакпаката, ниже абразионной поверхности коренного склона, на удалении 100–150 м от нее (см. рис. 2, *1*). Представляет собой полого опускающуюся к морю, выровненную поверхность, местами изрезанную мелкими, неглубокими водотоками. Общий характер рельефа позволяет отнести поверхность к одной из раннехвалынских террас. Археологический материал зафиксирован на площади 500 × 200 м, восточнее входа в мечеть. Артефакты залегают рассеянно, но выделяется несколько зон площадью 50–100 м^2 с незначительной концентрацией – 10–20 предметов. 99 % изделий – это сколы разных размеров, из которых сколы разжелвачивания составляют ~5–7 %. Сырье – светло- и темно-серый желвачный кремень. Характер и степень изменения поверхности артефактов полностью соответствуют зафиксированным на предметах из пункта 1.

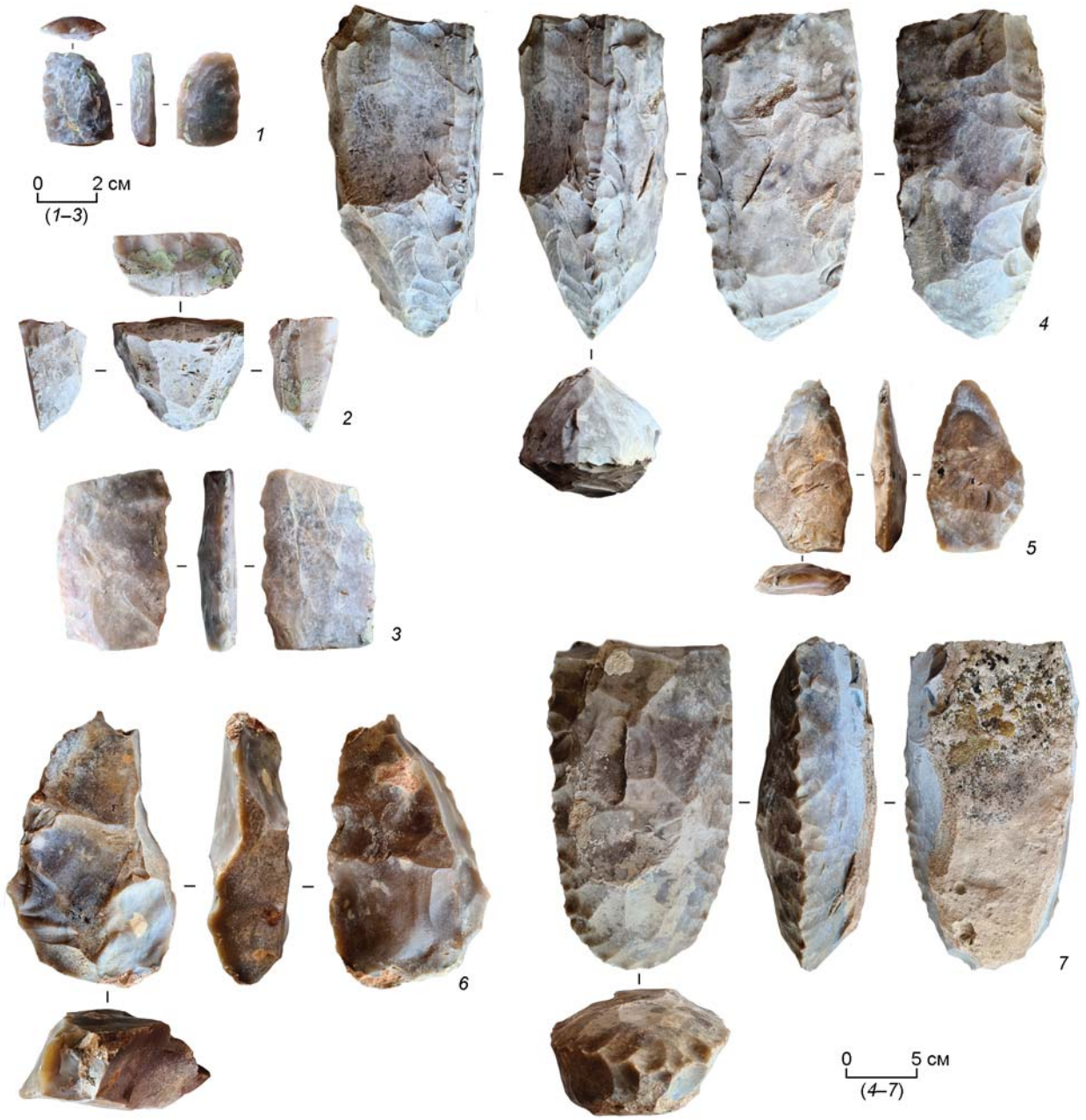

Рис. 3. Каменные артефакты с комплекса местонахождений Шакпаката (2024 г.).
1–3 – пункт 1; *4, 7* – пункт 2; *5, 6* – пункт 5.
1, *3*, *5*, *6* – бифасы; *2* –нуклеус; *4*, *7* – заготовки.

Выборка по всей площади – 15 каменных артефактов (нуклевидные формы, крупные и/или специфические сколы, орудия) и 2 неорнаментированных фрагмента средневековой керамики (определение А.Е. Астафьева).

Нуклевидные формы – 9 экз., в т.ч.: нуклевидный обломок; заготовки ядрищ – 6; торцовый одноплощадочный для пластин; торцовый двуплощадочный, встречного скалывания, для пластин. Наиболее яркими изделиями являются заготовки, показывающие высокую стандартизацию формы и приемов оформления и, скорее всего, предназначенные для дальней транспортировки. Это массивные, подпрямоугольные, удлиненные, линзовидно-овальные или прямоугольные в поперечном сечении, сужающиеся к основанию изделия, с плоской площадкой; ребра тщательно оформлены мелкими сколами в бифасиальной технике, остальная поверхность выровнена разноразмерными плоскими снятиями (рис. 3, *4*, *7*). Размеры от 11,8 × 8,4 × 4,9 см до 22,2 × 10,6 × 5,5 см. Все предметы имеют законченный вид и локализованы в пределах участка 10 × 10 м (клад?).

Сколы – 6 экз., в т.ч.: пластины – 4, пластинчатые отщепы – 2. Один пластинчатый отщеп удлиненный, подтреугольной формы, с конвергентной огранкой дорсала; по морфологии близок остриям левалуа.

Орудия – 2 экз., в т.ч.: пластина с ретушью и двойное продольное скребло на пластинчатом отщепе.

Пункт 3 (44,435° с.ш., 51,103° в.д., абс. высота 5 м) и **пункт 4** (44,431° с.ш., 51,092° в.д., абс. высота 15 м).

Две небольшие площадки сборов 300 × 100 м, вдоль дороги в нескольких километрах к западу от комплекса Шакпаката. Местность представляет собой пологую, постепенно опускающуюся к морю, выровненную поверхность – раннехвалынскую террасу. Артефакты залегают рассеянно, небольшими пятнами площадью 5–10 м^2 с незначительной концентрацией – 5–10 предметов. 99 % изделий – это сколы разных размеров, среди которых сколы разжелвачивания составляют ~5–7 %. Сырье – темно-серый желвачный кремень. Характер и степень изменения поверхности артефактов полностью соответствуют зафиксированным на предметах из пунктов 1 и 2. Выборка по всей площади – 9 каменных артефактов (нуклевидные формы, крупные и/или специфические сколы, орудия).

Нуклевидные формы – 9 экз., в т.ч.: широкофронтальный одноплощадочный для пластин; подпризматический для мелких пластин и пластинок; торцовый одноплощадочный для пластин; торцовый двуплощадочный встречный для пластин; комбинированный (широкофронтальный + торцовый) одноплощадочный для пластин.

Сколы – 4 экз., в т.ч.: пластины – 2, отщепы – 2. Одна пластина остроконечная, с конвергентно-естественной огранкой дорсала; по морфологии близка остриям леваллуа.

Орудия – 2 экз., в т.ч.: скребло продольное и макроскребок, который может быть интерпретирован как изделие «рабо».

Пункт 5 (44,424° с.ш., 51,093° в.д., абс. высота 42 м).

Участок сборов расположен в 4 км к западу от комплекса Шакпаката, под высоким абразионным терасоуступом. Местность представляет собой раннехвалынскую террасу – полого опускающуюся к морю выровненную поверхность, местами изрезанную мелкими, неглубокими водотоками. Рядом с участком сборов зафиксированы остатки берегового вала (см. рис. 2, *2*). Артефакты залегают рассеянно, но в западной части участка, непосредственно под уступом коренного склона, зафиксировано пятно находок площадью 50 м^2 с очень высокой концентрацией археологического материала (визуально более 100 предметов), представленного сколами и единичными нуклевидными формами. 99 % изделий составляют сколы разных размеров, среди которых сколы разжелвачивания – ~5–7 %. Сырье – светло- и темно-серый желвачный кремень, встречаются сколы с остатками галечной корки и целые гальки кремня. Характер и степень изменения поверхности артефактов полностью соответствуют зафиксированным на предметах из пунктов 1–4.

Выборка по всей площади – 11 каменных артефактов (нуклевидные формы, крупные и/или специфические сколы, орудия).

Нуклевидные формы – 2 экз., все – заготовки сырья. По форме и характеру обработки аналогичны предметам, найденным на пункте 2. Размеры 14,4 × × 7,3 × 5,6 см, 14,2 × 8,6 × 5,1 см.

Отщепы – 6 экз. Три скола с радиальной огранкой и фасетированными площадками близки целевым отщепам леваллуа.

Неопределимые – 1 экз.

Орудия – 3 экз., в т.ч.: 2 бифаса и тесло, на рассеченной гальке, с оформленным сколами и ступенчатой ретушью V-образным лезвием. Один из бифасов является средних размеров, удлиненным, треугольным, линзовидным в поперечном сечении наконечником, тщательно обработанным плоскими сколами и бифасиальной ретушью (рис. 3, *5*). Второй – заготовка бифаса или отдельность сырья на стадии оформления, очень крупная (18 см), овальная (рис. 3, *6*). По обеим плоскостям с продольных краев сняты несколько широких уплощающих крупных и средних сколов. Сохраняется участок желвачной корки. Без учета степени изменения поверхности и сопутствующего археологического материала изделие могло бы быть отнесено к раннему палеолиту.

Результаты проведенных в 2024 г. исследований и имеющиеся данные о материалах, полученных предшественниками, позволяют выделить в районе Шакпакаты три основных гипсометрических уровня залегания археологического материала: 1) 50 м абс. и выше; 2) 40–15 м абс.; 3) 5 м абс. и ниже (см. рис. 1, *2*). В геоморфологическом плане это: 1) северный коренной склон плато Мангышлак, затронутый абразионной деятельностью; 2) высокие и 3) низкие раннехвалынские террасы. В настоящее время считается, что максимум наиболее масштабной в позднем плейстоцене раннехвалынской трансгрессии Каспийского моря, достигавший 50 м абс., приходится на 17–15 тыс. л.н. [Курбанов и др., 2023], а ее завершающая стадия (ниже 0 м) – на 13–12 тыс. л.н. [Свиточ, 2014]. Следовательно, артефакты нижнего уровня залегают на поверхностях, сформировавшихся на рубеже плейстоцена и голоцена, среднего уровня – на поверхностях финальноплейстоценового возраста, а верхний уровень может иметь широкую хронологию, вплоть до раннего плейстоцена (акчагыл/апшерон) [Там же].

Технико-типологический состав изделий со всех участков сборов имеет схожие параметры. Все зафиксированные комплексы являются мастерскими на выходах сырья, о чем свидетельствует очень большой процент сколов и отходов производства, незначительное количество орудий, относительно высокий процент сколов декортикации, значительное количество ядрищ на разных стадиях утилизации, а также массовое присутствие таких специфических изделий,

как тщательно оформленные заготовки транспортируемого сырья.

Первичное расщепление представлено разными типами нуклеусов параллельного типа, предназначенных для получения пластинчатых заготовок различного размера, как правило, в однонаправленной технике. При этом большая часть заготовок имеет небольшие размеры от мелких пластин до микропластин. Значительная часть ядрищ относится к призматическим и подпризматическим, есть клиновидные. Информация о наличии в коллекции Шакпакаты ядрищ леваллуа, о чем сообщается в публикациях [Медоев, 1972; Артюхова, Мамиров, Осипова, 2020], является дискуссионной и связана с проблемой интерпретации материала. Так, предмет на рисунке 58, видимо, является заготовкой бифасиального орудия, а не «нуклеусом леваллуа двусторонним двуплощадочным» [Артюхова, Мамиров, Осипова, 2020, с. 191], а изделие на рисунке 82, *1*, судя по характеру и интенсивности оформления, скорее всего, заготовка для транспортировки сырья, а не «нуклеус леваллуа треугольный» [Там же, с. 206]. При этом часть ядрищ может иметь ряд признаков, позволяющих интерпретировать их как имеющих отношение к леваллуазской технике, такие предметы встречаются среди сколов.

Следует отметить, что на всех пунктах сборов артефакты имеют сходную степень изменения поверхности, которая не подтверждает их долгое нахождение в открытом залегании: слабая степень дефляции и «загара» или их отсутствие. Если ориентироваться на принятые в научной практике критерии степеней дефляции [Деревянко, Зенин, Олсен, 2002], то практически все артефакты из коллекции Медоева [Артюхова, Мамиров, Осипова, 2020] также слабодефлированы, даже определенные ранее как имеющие сильные изменения [Там же, рис. 54, 55].

Таким образом, комплекс Шакпаката представляет собой ряд производственных площадок, материал которых имеет близкие технико-типологические параметры и степень сохранности. Параметры первичного расщепления (типы нуклеусов, характеристики сколов, специфические заготовки сырья) в большей степени соответствуют индустриям финала палеолитического времени или более поздним, раннеголоценовым, комплексам. При этом следует учитывать, что в условиях обилия сырья часто создается ситуация, когда в первичном расщеплении используются наиболее простые техники, особенно на начальных этапах оформления ядрищ, что ведет к некоторой «примитивизации» массового производства и значительному количеству брака, предметы из которого имеют грубую отделку и «архаичный» облик. Схожая ситуация прослеживается и в производстве бифасов, когда отбракованная на начальном этапе крупная заготовка создает впечатление законченного изделия раннепалеолитического облика.

Палеогеографический контекст указывает на то, что основные материалы сосредоточены на поверхностях, образованных после регрессии хвалынского бассейна, т.е. в финале позднего плейстоцена (не древнее 15–18 тыс. л.н.), и соответствуют позднейшей стадии верхнего палеолита (см. рис. 1, *2*). Соответственно, более ранние материалы могли попасть на эти участки либо с более высоких гипсометрических уровней, либо при размыве включающих их отложений водами раннехвалынского моря. В первом случае древние артефакты должны сохраниться в достаточно большом количестве на участках коренного берега и, с учетом практически полного отсутствия здесь рыхлых отложений и длительного времени экспонирования, иметь очень высокую степень изменения поверхности. Вместе с тем на этом уровне лежат материалы, по своим параметрам ничем не отличающиеся от других ассамбляжей, а предметы с сильноизмененной поверхностью единичны и слабо выразительны, что не позволяет уверенно относить их к более ранним этапам палеолита. При размыве древних отложений в результате волноприбойной деятельности моря все предметы должны иметь явные следы абразивного воздействия водно-песчаной взвеси и не могут образовывать явные производственные площадки (пункт 5) или зоны концентрации однотипного материала (пункт 2). Кроме того, археологический материал должен был бы быть включен в отложения, образующие береговые валы на этом участке побережья, однако, по имеющимся данным, в районе памятника все артефакты имеют только поверхностное залегание.

Таким образом, анализ всего комплекса полученных данных позволяет утверждать, что материалы Шакпакаты, видимо, не могут иметь возраст древнее 15 тыс. лет и, вероятнее всего, относятся к неолитическому времени, о чем свидетельствуют, например, специфически подготовленные отдельности сырья. Выделяемые в ассамбляжах «архаичные» элементы (признаки техники леваллуа, бифасы «ашельского облика», скребки «рабо» и т.д.) имеют случайный характер, связаны с большим количеством брака и примитивизацией приемов обработки в условия доступного и качественного сырья. При этом нельзя исключать присутствия в коллекциях единичных предметов более древнего возраста, являющихся признаками заселения данной территории на других этапах палеолитического времени и попавших на эти поверхности площадок на коренных берегах при их возможном переносе при плоскостном смыве.

Благодарности

Археологические исследования выполнены за счет гранта РНФ № 22-18-00649, https://rscf.ru/project/22-18-00649/. Оценка геоморфологической ситуации в районе работ выполнена в рамках программы НИР географического факультета МГУ (121051100135-0).

Список литературы

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б., Осипова Е.А. Палеолит Мангыстау по материалам А.Г. Медоева. – Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. – 240 с.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Олсен Д. Палеолитические комплексы Кремневой Долины (Гобийский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 286 с.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Искаков Г.Т. Исследования памятников эпохи палеолита на плато Мангышлак в 1999 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 42–45.

Курбанов Р.Н., Беляев В.Р., Свистунов М.И., Бутузова Е.А., Солодовников Д.А., Таратунина Н.А., Янина Т.А. Новые данные о возрасте раннехвалынской трансгрессии Каспийского моря // Изв. РАН. Сер. географическая. – 2023. – Т. 87, № 3. – С. 403–419.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1982. – 64 с.

Свиточ А.А. Большой Каспий: строение и история развития. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. – 272 с.

Таймагамбетов Ж.К. Палеолит Казахстана (основные проблемы): автореф. дис. ... док. ист. наук. – Новосибирск, 1993. – 53 с.

References

Artukhova O.A., Mamirov T.B., Osipova E.A. Paleolithic of Mangystau on the materials of A.G. Medoev. Almaty: Institute of Archaeology A.H. Margulana Publ., 2020. 240 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Zenin A.N., Olsen D., Petrin V.T., Tsevendorj D. Paleolithic assemblages from Flint Valley (Gobi Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002. 286 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Taimagambetov Zh.K., Petrin V.T., Gladyshev S.A., Zenin A.N., Zenin V.N., Iskakov G.T. Issledovaniia pamiatneykov epohi paleolita na plato Mangyshlak v 1999 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999. Vol. 5. P. 42–45. (In Russ.).

Kurbanov R.N., Belyaev V.R., Svistunov M.I., Butuzova E.A., Solodovnikov D.A., Taratunina N.A., Yanina T.A. New Data on the Age of the Early Khvalynian Transgression of the Caspian Sea. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2023. Vol. 87, No. 3. P. 403–419. (In Russ.).

Medoev A.G. Geohronologija paleolita Kazahstana (k XI kongressu INKVA). – Alma-Ata: Nauka, 1982. 64 p. (In Russ.).

Svitoch A.A. Great Caspian sea: structure and history. Moscow: Moscow State Univ. Press, 2014. 272 p. (In Russ.).

Taimagambetov Zh.K. Paleolit Kazahstana (osnovnye problemy): d. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1993. 53 p. (In Russ.).

Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Таймагамбетов Ж.К. https://orcid.org/0000-0003-3541-0600
Зейналов А.А. https://orcid.org/0000-0002-2944-7127
Идрисов И.А. https://orcid.org/0000-0002-7880-9016
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092
Васильева А.Н. https://orcid.org/0000-0001-5183-5882
Капитанова М.В. https://orcid.org/0009-0002-1850-4285
Курбанов Р.Н. https://orcid.org/0000-0001-6727-6202

Дата сдачи рукописи:23.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0032-0039
УДК 902.01

А.А. Анойкин[1]✉, Ж.К. Таймагамбетов[2], А.А. Зейналов[3, 4], И.А. Идрисов[1, 5], П.В. Чистяков[1], А.Н. Васильева[1, 6], М.В. Капитанова[1, 6], А.А. Лукашов[7], Р.Н. Курбанов[1, 6, 7]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан
[3]Институт археологии и антропологии НАНА
Баку, Азербайджан
[4]Музей естественной истории НАНА
Баку, Азербайджан
[5]Институт геологии ДНЦ РАН
Махачкала, Россия
[6]Институт географии РАН
Москва, Россия
[7]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Разведочные работы на севере и западе полуострова Мангышлак (Западный Казахстан) в 2024 году

В 2024 г. Российско-Казахстанско-Азербайджанской геоархеологической экспедицией на севере п-ова Мангышлак было обнаружено два новых местонахождения с поверхностным залеганием артефактов – Костам и Акмая (северный фас хребта Акмая). При обследовании участка западного побережья полуострова между городами Актау и Форт-Шевченко единичные кремневые артефакты фиксируются на поверхностях террас раннехвалынского и раннеголоценового возраста. Здесь единственным пунктом, где был собран массовый материал, является местонахождение Кызыл-Озень. Технико-типологический состав изделий со всех пунктов сборов показывает схожие параметры, а единичные яркие типы изделий (заготовки сырья, нуклеусы специфических типов, геометрический микролит) позволяют относить эти материалы к неолиту. Этим определениям не противоречит палеогеографический контекст. Другими участками исследований являлись впадина Карагие, к юго-западу от г. Актау, и местность к северо-западу от г. Жанаозен, включая урочища Куркызыл-сай, Кишибулак и Улькенбулак. Разведочные маршруты показали малую перспективность этих территорий для поиска объектов палеолитического времени, в первую очередь из-за отсутствия выходов кремниевого сырья. Таким образом, возможность обнаружения палеолитических объектов на побережье Мангышлака можно оценивать как достаточно низкую, с учетом палеогеографических данных об истории Каспийского моря, в первую очередь современной оценки уровня и возраста раннехвалынской трансгрессии. Наиболее перспективным видится поиск новых памятников древнекаменного века во внутренней части полуострова, особенно в районе плато Устюрт. Здесь на многих участках в обрывах береговых уступов прослеживаются субгоризонтальные пласты кремневых пород, а сами обнажения, как и примыкающие к ним выровненные поверхности, имеют древний возраст.

Ключевые слова: *Мангышлак, Каспийское море, палеолит, неолит, подъемные комплексы, каменная индустрия, кремень.*

A.A. Anoikin[1]✉, Z.K. Taimagambetov[2], A.A. Zeynalov[3, 4], I.A. Idrisov[1, 5], P.V. Chistiakov[1], A.N. Vasilieva[1, 6], M.V. Kapitanova[1, 6], A.A. Lukashov[7], R.N. Kurbanov[1, 6, 7]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]National Museum of the Republic of Kazakhstan

Astana, Kazakhstan
[3]Institute of Archaeology and Anthropology ANAS
Baku, Azerbaijan
[4]Museum of Natural History ANAS
Baku, Azerbaijan
[5]Institute of Geology DSC RAS
Makhachkala, Russia
[6]Institute of Geography RAS
Moscow, Russia
[7]Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

Results of Archaeological Survey in the North and West of the Mangyshlak Peninsula (Western Kazakhstan) in 2024

In 2024, the Russian-Kazakh-Azerbaijani geoarchaeological expedition discovered two new sites with surface occurrence of artifacts in the north of the Mangyshlak Peninsula – Kostam and Akmaya (northern slopes of the Akmaya Ridge). Examination of the western coast of the peninsula between the cities of Aktau and Fort Shevchenko revealed individual flint artefacts on the surfaces of the Khvalynian and Early Holocene terraces. The only place where considerable amount of material evidence was collected was the Kyzyl-Ozen site. Technical and typological composition of artifacts collected from all sites has manifested similar parameters. Individual distinctive types of artifacts (blanks, cores of specific types, geometric microlith) make it possible to attribute this evidence to the Neolithic. This definition is not contradicted by the paleogeographical context. Other studied areas were the Karagie Depression, southwest of Aktau, and area northwest of Zhanaozen city, including Kurkyzylsai, Kishibulak, and Ulkenbulak localities. The survey has shown meagre chances of finding Paleolithic objects in this territory, primarily due to the lack of available raw materials (flint). Thus, the possibility of detecting Paleolithic sites in Mangyshlak can be assessed as quite low, taking into account paleogeographic data and current understanding of the level and age of the Early Khvalynian transgression. The survey of the Stone Age sites seems most promising in the inner part of the peninsula, primarily in the area of the Ustyurt Plateau where subhorizontal layers of sedimentary rocks with flint can be seen in cliffs and outcrops in several areas which, similarly to the adjacent surfaces, are ancient in age.

Keywords: *Mangyshlak, Caspian Sea, Paleolithic, Neolithic, surface assemblages, lithic industry, flint.*

В настоящее время на п-ове Мангышлак, расположенном на западной границе Казахстана, известно незначительное, в сравнении с другими районами страны, количество пунктов локализации палеолитических материалов, и все они относятся к местонахождениям с поверхностным залеганием артефактов. Вместе с тем эта территория находится на стыке нескольких крупных историко-культурных областей: Средней Азии на юге, обширных равнин Центрального Казахстана на востоке, Прикаспийской низменности на севере и Кавказа на западе, а изучение ранних этапов ее истории дает возможность приступить к решению комплекса проблем, связанных с расселением древних популяций в пределах аридной зоны Центральной Азии.

Первые сведения об единичных находках артефактов каменного века на п-ове Мангышлак относятся ко второй половине XIX в., когда на территории форта Александровского (ныне г. Форт-Шевченко) А. Гебелем были найдены ножевидные пластины из кремня [Алпысбаев, 1970]. Однако целенаправленный поиск и изучение палеолитических памятников в регионе начались только в 1960-х гг., когда Палеолитическим отрядом экспедиции ИГН им. К.И. Сатпаева АН КазССР, под руководством А.Г. Медоева, на побережье п-ова Тюб-Караган было выявлено несколько местонахождений с материалами палеолитического облика. На основе этих коллекций А.Г. Медоевым была создана первая культурно-хронологическая схема палеолита Западного Казахстана [Медоев, 1982].

Эпизодические работы, связанные с поиском объектов палеолитического времени, проводились на полуострове в 1980-х и в конце 1990-х гг. под руководством Ж.К. Таймагамбетова и А.П. Деревянко. В результате этих работ в районе залива Сарыташ и у подножия плато Устюрт было открыто ок. 30 новых пунктов локализации подъемного материала с поверхностным залеганием артефактов, расположенных у выходов кремнистых пород и включающих археологический материал широкого культурно-хронологического интервала, от ашеля до финала верхнего палеолита [Таймагамбетов, 1993; Деревянко и др., 1999].

Начиная с конца 1980-х гг. по настоящее время исследованием каменного века на территории полуострова занимается А.Е. Астафьев. Им открыто

большое количество новых объектов, в т.ч. стратифицированных (Кызылсу-1, Сенек-10, Уштаган-1 и др.), и получены материалы, характеризующие раннеголоценовые (мезолит – энеолит) археологические комплексы Мангышлака (Кызылсу-1, Сенек-10, Уштаган-1 и др.) [Астафьев, 2014].

Несмотря на относительно большое количество исследований и публикаций по каменному веку полуострова, палеолит региона остается недостаточно изученным и представлен исключительно комплексами с поверхностным залеганием археологического материала, не имеющими четкой культурно-хронологической привязки.

Весной 2024 г. комплексная международная Российско-Казахстанско-Азербайджанская геоархеологическая экспедиция проводила исследовательские работы на п-ове Мангышлак. В число ее основных задач входили: определение наиболее перспективных районов для поиска новых объектов каменного века и выявление последних; локализация участков выхода кремневого сырья; геологическое и геоморфологическое обследование побережья полуострова к северу от г. Актау; уточнение строения и хронологии лестницы морских террас Каспийского моря в этом районе.

Полуостров Мангышлак (Мангыстау) выдается в Каспийское море между заливами Кара-Богаз-Гол (на юге) и Мангышлакским (на севере). Наиболее выступающая в море часть Мангышлака – п-ов Тюб-Караган – находится на его северо-западе и ограничивается с востока небольшими заливами Сарыташ и Кочак, являющимися частями Мангышлакского залива. Полуостров представляет собой каменистое денудационное плато, с высотными отметками до 200 м, сложенное осадочными неогеновыми породами.

Высокие и обрывистые берега полуострова подвержены морской абразии, к районам наиболее активного проявления которой приурочены крупные береговые оползни и обвалы. При этом сами морские отложения развиты узкой полосой вдоль побережья Каспийского моря и ингрессивно заходят в устья долин.

Вся территория Мангышлака относится к провинции туранских и прикаспийских пустынь, а аридность условий проявляется во всех компонентах природы полуострова [Артюхова, Мамиров, Осипова, 2020].

Геологическая история этой территории обусловила присутствие на отдельных участках, в стратиграфической последовательности слагающих ее коренные отложения, прослоев, насыщенных желваками кремнистых пород или, реже, кремнистых прослоев, с субгоризонтальным характером залегания, связанных с верхнемеловыми отложениями датского яруса [Медоев, 1982].

Выходы кремня, как правило, находятся на абсолютных отметках в пределах 40–100 м и четко фиксируются в береговых обрывах и бортах долин в виде горизонтов кремневых конкреций, а также в виде россыпей желваков и их обломков, локализованных на относительно ровных террасовидных уступах и имеющих протяженность до нескольких километров. При этом кремнистые породы в поверхностном залегании подвергаются интенсивному температурному растрескиванию и характеризуются повышенной трещиноватостью.

Разведочные работы экспедиции охватывали западное и северо-восточное побережье п-ова Тюб-Караган, где была обследована серия каньонов, и побережье залива Сары-Таш, северный и южный склоны гор Северный Актау (хребет Акмая) и Каратау, северный борт впадины Карагие, серию бессточных впадин в районе г. Жанаозен и западный борт впадины Каунды (рис. 1).

Работы в северной части п-ова Мангышлак показали, что выходы кремниевого сырья локализуются на двух основных участках – в районе залива Сарыташ и на северном фасе хребта Акмая. Максимальная концентрация кремня на побережье залива Сарыташ фиксируется в местности Шакпаката, где западная граница его распространения проходит по безымянному саю, находящемуся в 1 км к западу от оврага Капатам, а восточная – по обрывам у горы Унгаза. При этом в западном направлении, далее названной границы, выходы сырья обнаружены не были, но единичные артефакты фиксировались в поверхностном залегании на высоких бортах некоторых саев, например в сае Султантепе (44,475° с.ш., 51,041° в.д., абс. высота 20 м; две мелкие правильные пластинки). Восточнее Шакпакаты несколько уровней желвачного кремня хорошо видны в береговых обнажениях, на протяжении нескольких километров на отрезке побережья от сая Кумакара до урочища Карасай (рис. 2, *3*). В районе хребта Акмая большое количество отдельностей кремневого сырья фиксируются в саях по северному фасу, где кремень в основном находится в аллювиальных и пролювиальных отложениях в виде отдельных желваков, их фрагментов или слабоокатанных обломков. При этом кремниевые желваки в коренном залегании прослеживаются в обнажениях меловых пород по бортам в верхнем течении саев, ближе к водоразделу. На южном фасе хребта Акмая и восточнее его, в остальной части Северного Актау, источники массового кремневого материала не зафиксированы. Проведенные маршруты также показали отсутствие кремня и в районе хребтов Западный и Восточный Каратау, расположенных южнее.

В ходе разведочных работ 2024 г. в этом районе было обнаружено несколько новых пунктов с поверхностным залеганием археологического материала на побережье залива Сарыташ (см. статью Анойкин и др. «Работы по изучению объектов каменного века в заливе Сарыташ на п-ове Мангышлак (Западный Казахстан) в 2024 году» в этом сборнике), а также в районе хребта Акмая.

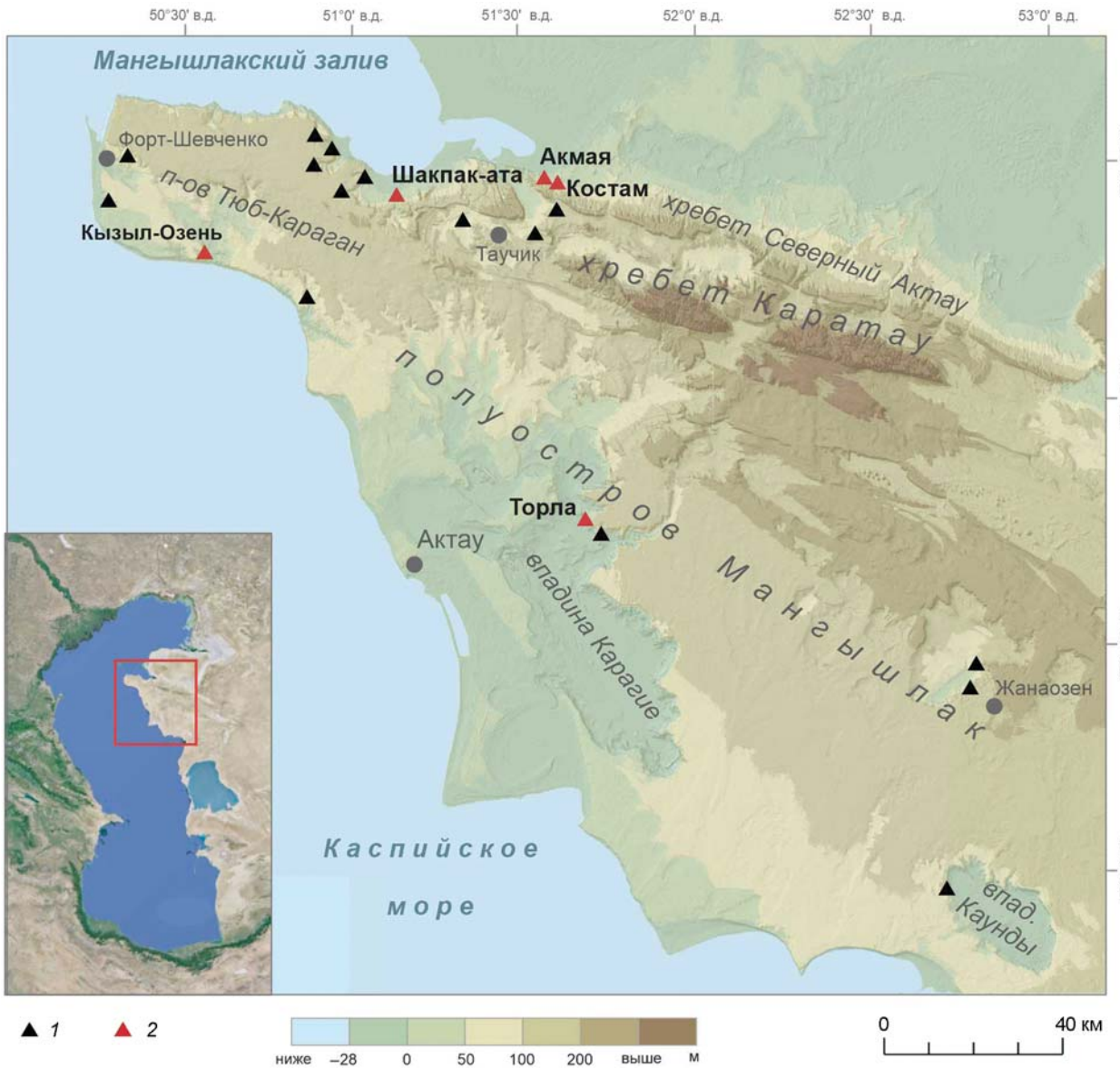

Рис. 1. Район проведения разведочных работ на п-ове Мангышлак (2024 г.).
1 – участки проведения геолого-географических исследований; *2* – участки сбора массового археологического материала.

Местонахождение Костам (44,437° с.ш., 51,651° в.д., абс. высота 90 м). Памятник связан с безымянным саем, в 2 км к северу от кладбища Костам, на северном фасе хребта Акмая (составная часть хребта Северный Актау) (рис. 2, *1*). Участок местности имеет вид широкого мыса, разделяющего две сухие узкие долины субмеридионального простирания. Восточный сай, более широкий и глубокий, на исследуемом участке имеет высоту бортов до 40 м. На дне прослеживаются остатки трех террасовидных уровней (голоцен – поздний плейстоцен), сложенных аллювиальным материалом, с включением большого числа отдельностей кремня. Артефакты выявлены как на площадке левого борта сая, на удалении ~100 м от мыса, так и на его дне. В районе концентрации находок на борту сая есть относительно пологий спуск вниз, за счет нескольких последовательно ступенчато оползневых структур. На дне, в точке спуска, находится небольшой действующий родник. Подъемный материал на верхней площадке залегал вдоль левого борта, полосой протяженностью до 100 и шириной до 30 м. Внизу артефакты фиксировались на всей площади от точки спуска и вверх по саю, на протяжении как минимум 300 м (рис. 2, *2*). Находки залегают рассеянно, часто составляя небольшие участки концентрации из 5–10 предметов. На нижней площадке 99 % изделий – это сколы разных размеров, среди которых много крупных; на верхней кроме сколов много принесенных обломков и отдельностей сырья. Сколы разжелвачивания составляют ок. 5 % визуально наблюдаемых предметов. Сырье – желвачный кремень, светло- и темно-серый. Большая часть предметов

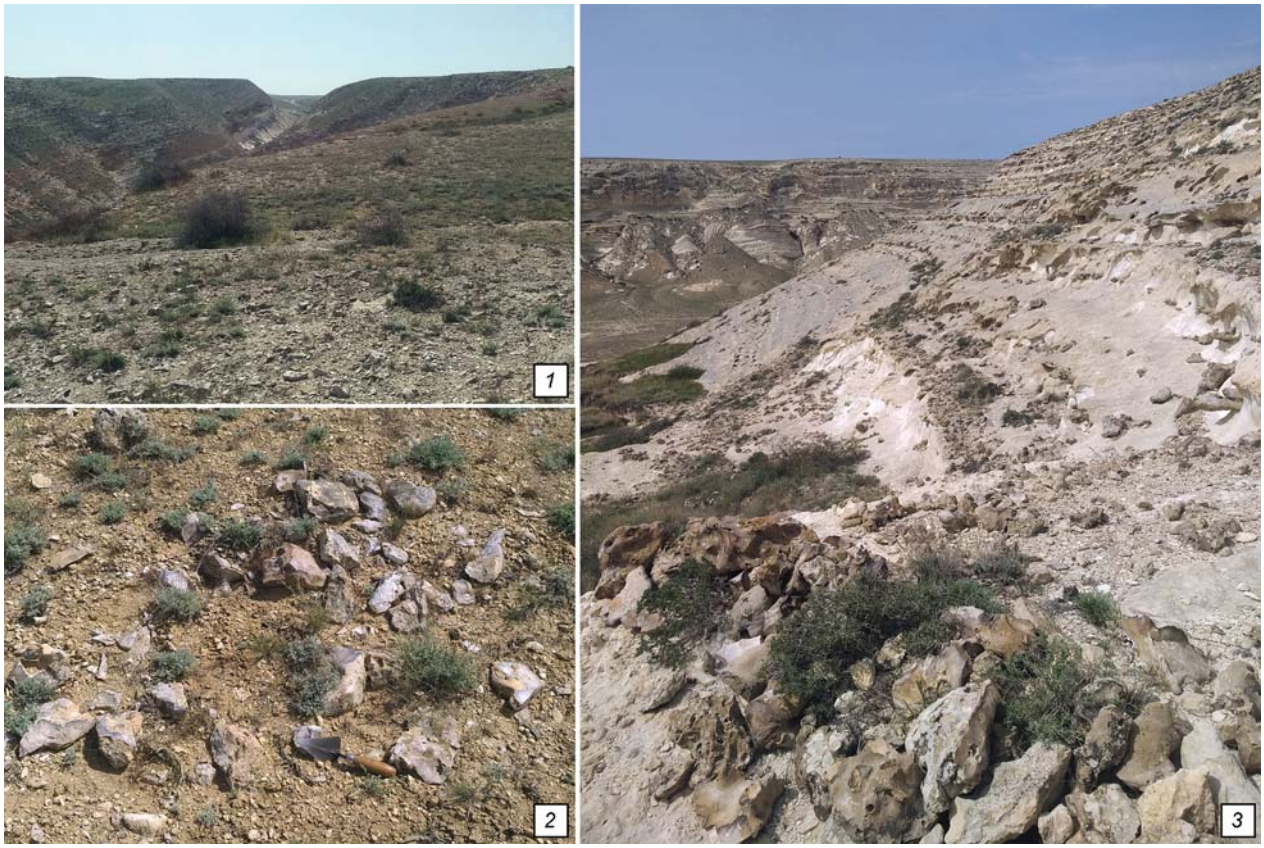

Рис. 2. Разведочные работы на п-ове Мангышлак (2024 г.).

1 – вид на сай с юга, с верхней площадки местонахождения Костам, на участке спуска; *2* – скопление отдельностей кремня и артефактов на дне сая (местонахождение Костам); *3* – скопления желваков кремня на зоне разрушения древних береговых обрывов в устьевой части сая Каракабак (залив Сарыташ).

имеет загар – побеление поверхности в результате солярного воздействия. Загар неравномерный, неполный, как правило, слабый. Часто загар только на одной плоскости или на одной из них более интенсивен, может располагаться пятнами, на одной из сторон. Дефляция поверхности отсутствует или слабая.

Общая выборка с обеих площадок – 32 каменных артефакта (нуклевидные формы, крупные и/или специфические сколы, орудия) и один неорнаментированный фрагмент средневековой керамики (определение А.Е. Астафьева).

Нуклевидные формы – 16 экз., в т.ч.: заготовки – 4; широкофронтальный одноплощадочный для пластин; комбинированные (широкофронтальный + торцовый) двуплощадочные для пластин – 2 (рис. 3, *3*); подпризматические для пластин – 8 (рис. 3, *1*). Наиболее яркими изделиями являются заготовки, показывающие высокую стандартизацию формы и приемов оформления и, скорее всего, предназначенные для дальней транспортировки (рис. 3, *2, 4, 5*). Это массивные, подпрямоугольные, удлиненные, линзовидно-овальные или сегментовидные в поперечном сечении изделия, с плоской площадкой; ребра тщательно оформлены мелкими сколами в бифасиальной технике, остальная поверхность частично выровнена разноразмерными плоскими снятиями, но в основном сохраняет желвачную корку (брак?). Размеры от 15,2 × 9,1 × 4,5 см до 11,7 × 6,8 × 5,3 см.

Сколы – 18 экз., в т.ч.: пластины – 8; отщепы – 8.

Пластины средние и мелкие, правильные, ударные площадки точечные и гладкие, на трех фиксируется подправка карниза.

Отщепы крупные и средние, имеют гладкие ударные площадки; огранка дорсалов – субпараллельная.

Орудия – 4 экз., в т.ч. 3 концевых скребка на отщепах и мелкая пластина с ретушью по обоим краям.

По характеру материала местонахождение относится к мастерским на выходах сырья.

Местонахождение Акмая (44,427° с.ш., 51,664° в.д., абс. высота 120 м). Памятник локализован на террасовидной поверхности по левому борту безымянного сая, на северном фасе хребта Акмая, в 1,5 км к западу от сая Асказахсай. Массовый археологический материал зафиксирован на площадке 100 × 30 м, вытянутой вдоль края берегового обрыва. Около 90 % предметов составляют отщепы, мелкие и средние, сколы с желвачной коркой единичны. Сырье – желвачный кремень, светло- и темно-серый. Незначительный и частичный загар имеет менее половины артефактов. Дефляция поверхности отсутствует.

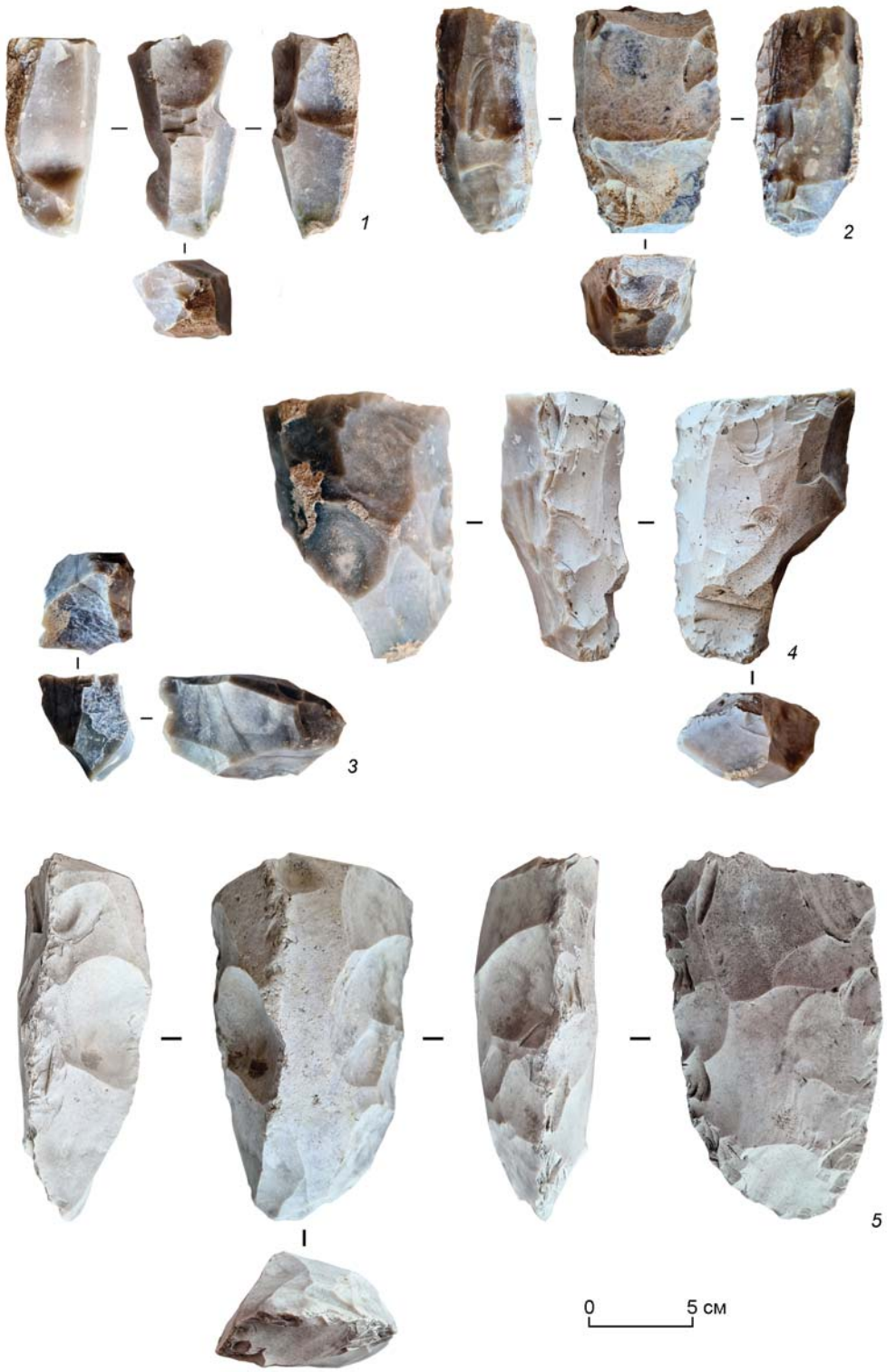

Рис. 3. Каменные артефакты с местонахождения Костам (2024 г.).
1, *3* – нуклеусы; *2*, *4*, *5* – заготовки.

Выборка по всей площади – 55 каменных артефактов (пластины, техсколы, орудия).

Нуклевидных форм не зафиксировано, сколы – 55 экз. – представлены пластинами (51) и техсколами (4).

Все пластины правильные, по размерности: средние – 5, мелкие – 16, пластинки – 25, микропластинки – 4. Дорсалы параллельные, преимущественно двух- и трехгранные. Ударные площадки точечные и линейные. Почти у всех есть подработка карниза.

Среди техсколов представлены полуреберчатая пластинка и три крупные «полутаблетки» с нуклеусов для пластин.

Орудие – 1 экз., концевой скребок на пластинке.

По характеру материала местонахождение относится к кратковременным стоянкам.

При обследовании участка западного побережья п-ова Мангышлак между городами Актау и Форт-Шевченко каких-либо пунктов концентрации археологического материала палеолитического облика, как и участков с выходами кремниевого сырья, зафиксировано не было. Единичные каменные артефакты (отщепы и пластины), выполненные из кремня, фиксируются на различных участках побережья на поверхностях террас раннехвалынского и раннеголоценового возраста и представляют собой случайные находки.

Единственным пунктом, где был собран более массовый материал, является м**естонахождение Кызыл-Озень** (44,298° с.ш., 51,524° в.д., абс. высота 20 м).

Археологический материал зафиксирован на площадке 30 × 30 м, локализованной на поверхности раннехвалынской террасы, недалеко от ее бровки. Сырье – темно-серый кремень. Два предмета имеют частичный загар, четыре – его среднюю степень и почти равномерно белые. Дефляция поверхности отсутствует.

Всего – 7 экз.

Нуклеус на сколе – 1 экз., крупный пластинчатый скол, в проксимальной части с вентрала сбито несколько мелких поперечных отщепов.

Сколы – 6 экз., в т.ч.: микропластинка, пластинчатый отщеп, отщепы (крупный и средние) – 3, техскол (первичный).

Ударные площадки точечные и гладкие, огранка дорсала – параллельная и бессистемная, у техскола – естественная.

Орудие – 1 экз., геометрический микролит, выполненный на микропластинке, сегментовидный, выпуклый край сформирован многорядной модифицирующей мелкой отвесной дорсальной ретушью.

По характеру материала местонахождение относится к кратковременным стоянкам.

Другими участками исследований являлись впадина Карагие, к юго-западу от г. Актау, и местность к северо-западу от г. Жанаозен (Новый Узень), включая урочища Куркызылсай, Кишибулак и Улькенбулак. Разведочные маршруты показали малую перспективность этих территорий в плане поиска объектов палеолитического времени, в первую очередь из-за отсутствия выходов кремниевого сырья.

Единственна точка, где был зафиксирован археологический материал – м**естонахождение Торла** (44,567° с.ш., 51,818° в.д., абс. высота 10 м), на северном борту впадины Карагие. Выровненная площадка (400 × 300 м), с фрагментами неорнаментированной керамики и обломками кремня, локализована на незначительном удалении от основания северного чинка впадины, по левому борту безымянного сая, рядом с его началом, в нескольких сотнях метров от ручья Торла. На ее периферии находятся несколько разрушенных каменных выкладок (остатки могильных сооружений?). Возможно, на площадке находилось небольшое временное поселение (?). Керамика относится к эпохе Средневековья (определение А.Е. Астафьева). Помимо большого количества обломков и осколков кремня был найден концевой скребок на пластинке. Кремень темно-серый, загар слабый.

У всех полученных в ходе разведочных работ археологических материалов степень дефляции поверхности либо очень слабая, либо отсутствует вовсе. Эта же закономерность касается загара. Таким образом, состояние артефактов не дает оснований предполагать их длительного нахождения в открытом залегании.

Технико-типологический состав изделий со всех пунктов сборов также показывает схожие параметры, как в характере первичного расщепления, так и в орудийных наборах. При этом он не позволяет делать однозначные заключения о культурно-хронологической позиции этих комплексов. Вместе с тем на некоторых участках присутствуют единичные яркие типы изделий – оформленные заготовки сырья, нуклеусы специфических типов, геометрический микролит, – позволяющие диагностировать их вероятную культурную атрибуцию и предполагать, что эти материалы, скорее всего, относятся к периоду неолита [Астафьев, 2014].

Этим определениям не противоречит палеогеографический контекст, т.к. в береговой зоне весь немногочисленный археологический материал залегает на террасовых уровнях финальноплейстоценового и раннеголоценового возраста. На этих же уровнях локализованы и находки во впадине Карагие, в период крупных трансгрессий являвшейся заливом хвалынского моря. Комплексы, зафиксированные на удалении от побережья, в районе хребта Акмая, связаны в основном с кремневым сырьем из аллювиальных шлейфов, заполняющих дно саев и, судя по сохранившимся здесь остаткам террасовых уровней, также имеющих относительно молодой возраст (не древнее раннехвалынского времени).

Таким образом, возможность обнаружения палеолитических объектов на побережье Мангышлака можно оценивать как достаточно низкую, с учетом палеогеографических данных об истории Каспийского моря, в первую очередь современной оценки уровня и возраста раннехвалынской трансгрессии [Курбанов и др., 2023]. Наиболее перспективным видится поиск новых памятников древнекаменного века во внутренней части полуострова, в первую очередь в районе плато Устюрт. Здесь на многих участках в обрывах береговых уступов прослеживаются субго-

ризонтальные пласты кремневых пород, пригодных для регулярного расщепления, а сами обнажения, как и примыкающие к ним выровненные поверхности, имеют древний возраст. В этой части Мангышлака уже известны находки артефактов ранне- и среднепалеолитического облика, как правило, имеющие сильную степень изменения поверхности, что косвенно подтверждает их древнюю хронологию [Деревянко и др., 1999]. В свете этих данных можно предполагать, что поиск новых памятников вдоль западной границы плато Устюрт имеет высокие шансы на успех, тем более, что в отдельные этапы плейстоценового времени эта, экстремально аридная в настоящее время, часть полуострова была довольно хорошо обводнена, о чем свидетельствуют остатки палеоозер и многочисленные замкнутые котловины, которые в периоды значительных трансгрессий Каспийского моря могли быть источниками пресной воды за счет значительного поднятия уровня грунтовых вод.

Благодарности

Полевые исследования выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды»; анализ археологических и геологических источников и обработка материалов каменных индустрий выполнены за счет гранта РНФ № 24-18-00941, https://rscf.ru/project/24-18-00941/.

Список литературы

Алпысбаев Х.А. Некоторые вопросы изучения памятников каменного века в Казахстане // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 227–240.

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б., Осипова Е.А. Палеолит Мангыстау по материалам А.Г. Медоева. – Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. – 240 с.

Астафьев А.Е. Неолит и энеолит полуострова Мангышлак // Материалы и исследования по археологии Казахстана. – Т. VI. – Астана: Изд. группа филиала Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. – 360 с.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Искаков Г.Т. Исследования памятников эпохи палеолита на плато Мангышлак в 1999 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 42–45.

Курбанов Р.Н., Беляев В.Р., Свистунов М.И., Бутузова Е.А., Солодовников Д.А., Таратунина Н.А., Янина Т.А. Новые данные о возрасте раннехвалынской трансгрессии Каспийского моря // Изв. РАН. Сер. географическая. – 2023. – Т. 87, № 3. – С. 403–419.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана (к XI конгрессу ИНКВА). – Алма-Ата: Наука, 1982. – 64 с.

Таймагамбетов Ж.К. Палеолит Казахстана (основные проблемы): автореф. дис. ... док. ист. наук. – Новосибирск, 1993. – 53 с.

References

Alpysbaev Kh.A. Nekotorye voprosy izucheniya pamyatnikov kamennogo veka v Kazakhstane. In *Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana.* Alma-Ata: Nauka, 1970. P. 227–240. (In Russ.).

Artukhova O.A., Mamirov T.B., Osipova E.A. Paleolithic of Mangystau on the materials of A.G. Medoev. Almaty: Institute of Archaeology A.H. Margulana Publ., 2020. 240 p. (In Russ.).

Astafiev A.E. Neolithic and Chalcolithic of Mangyshlak Peninsula. In *Materials and researches on archeology of Kazakhstan.* Vol. 6. Astana: Izdatel'skaja gruppa filiala Instituta arheologii imeni A.H. Margulana v g. Astana, 2014. 360 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Taimagambetov Zh.K., Petrin V.T., Gladyshev S.A., Zenin A.N., Zenin V.N., Iskakov G.T. Issledovaniia pamiatneykov epohi paleolita na plato Mangyshlak v 1999 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999. Vol. 5. P. 42–45. (In Russ.).

Kurbanov R.N., Belyaev V.R., Svistunov M.I., Butuzova E.A., Solodovnikov D.A., Taratunina N.A., Yanina T.A. New Data on the Age of the Early Khvalynian Transgression of the Caspian Sea. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2023. Vol. 87, No. 3. P. 403–419. (In Russ.).

Medoev A.G. Geohronologija paleolita Kazahstana (k XI kongressu INKVA). – Alma-Ata: Nauka, 1982. 64 p. (In Russ.).

Taimagambetov Zh.K. Paleolit Kazahstana (osnovnye problemy): d. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1993. 53 p. (In Russ.).

Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Таймагамбетов Ж.К. https://orcid.org/0000-0003-3541-0600
Зейналов А.А. https://orcid.org/0000-0002-2944-7127
Идрисов И.А. https://orcid.org/0000-0002-7880-9016
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092
Васильева А.Н. https://orcid.org/0000-0001-5183-5882
Капитанова М.В. https://orcid.org/0009-0002-1850-4285
Курбанов Р.Н. https://orcid.org/0000-0001-6727-6202

Дата сдачи рукописи: 23.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0040-0047
УДК 902.01

А.А. Анойкин[1]✉, Т.У. Худжагелдиев[2], А.Ф. Шарипов[2], А.Г. Рыбалко[1], П.В. Чистяков[1], П.М. Сосин[3], Р.Н. Курбанов[1, 4, 5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ
Душанбе, Таджикистан
[3]Институт водных проблем, гидроэнергетики и экологии НАНТ
Душанбе, Таджикистан
[4]Институт географии РАН
Москва, Россия
[5]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Исследования среднепалеолитического комплекса стоянки Хонако III (Южный Таджикистан) в 2024 году

В статье приводятся результаты новых исследований памятника Хонако III в долине р. Оби-Мазар (Южный Таджикистан) в 2024 г. Работы велись на отложениях педокомплекса 2 (ПК 2), где было заложено два раскопа-врезки. Максимальная ширина раскопа 1 составила 7 м, при общей глубине вскрытия 11 м. При этом отложения самого ПК 2, включающего три палеопочвы (ПК 2А, ПК 2В и ПК 2С), имеют мощность 7 м. Во вскрытых отложениях было обнаружено 55 каменных артефактов и 5 остатков фауны. Максимальная ширина раскопа 2 составила 4 м, при общей глубине вскрытия 8,5 м. На вскрытом участке отложения ПК 2, также включающего три палеопочвы, имеют мощность 6 м. Во вскрытых отложениях было обнаружено 27 каменных артефактов. Залегание всего каменного инвентаря в пределах одного педокомплекса и его технико-типологическая характеристика позволяют рассматривать полученные материалы в рамках единой индустрии. Среди артефактов присутствуют гальки, пластины, отщепы и отходы производства. Есть несколько сколов леваллуа и формальных орудий: скребла, резец, выемчатое и шиповидное изделия, а также отбойник. Возраст этого технокомплекса, по совокупности данных естественно-научных методов, определяется интервалом 240–190 тыс. л.н. (МИС 7). Работы 2024 г. на Хонако III позволили установить, что археологический материал, связанный с ПК 2, залегает здесь как в отложениях палеопочв, так и в разделяющих их лессах, пусть и в меньшей концентрации; артефакты образуют несколько уровней присутствия, которые свидетельствуют, что памятник являлся местом кратковременного, но периодически повторяющегося заселения, вероятно связанного с охотничьей деятельностью; все материалы в этих отложениях относятся к индустрии одного типа и соответствуют пластинчатым комплексам среднего палеолита.

Ключевые слова: *Таджикистан, средний палеолит, лессы, палеопочвы, каменная индустрия, леваллуа, пластинчатая индустрия.*

A.A. Anoikin[1]✉, T.U. Khudjageldiev[2], A.F. Sharipov[2], A.G. Rybalko[1], P.V. Chistiakov[1], P.M. Sosin[3], R.N. Kurbanov[1, 4, 5]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of History, Archaeology and Ethnography NAST
Dushanbe, Tajikistan
[3]Institute of Water Problems, Hydropower and Ecology NAST
Dushanbe, Tajikistan
[4]Institute of Geography RAS
Moscow, Russia
[5]Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

Study of the Middle Paleolithic Complex at the Khonako III Site in Southern Tajikistan in 2024

Research at the Khonako III site in the Obi-Mazar River valley (Southern Tajikistan) in 2024 was done on pedocomplex 2, where two pits were excavated. The maximum width of excavation 1 was 7 m reaching 11 m in depth. Fifty five stone artifacts and five faunal remains were found. Deposits of PC2 which included three paleosols (PC2A, PC2B, and PC2C) were 7 m thick. The maximum width of excavation 2 reached 4 m and depth of 8.5 m. In the excavated area, PC2 deposits included three paleosols 6 m thick. Twenty seven stone artifacts were discovered in pit 2. The occurrence of all stone tools within the same pedocomplex as well as their technical and typological features indicated a single industry. The artifacts included pebbles, blades, flakes, and debitage. Several Levallois flakes and formal tools, such as side-scrapers, burin, notched tool, spurred tool, and hammer-stone, were discovered. According to current chronostratigraphy, the age of this technocomplex was in the range of 240–190 ka BP (MIS7). Works of 2024 at Khonako III have revealed that archaeological evidence associated with PC2 occurred there both in paleosol deposits and in loess which separated them. The artifacts were found in several levels, which indicate that the site was a place of short-term but periodically recurring occupation probably associated with hunting. All materials in these deposits belonged to a single industry and corresponded to the blade complexes of the Middle Paleolithic.

Keywords: *Tajikistan, Middle Paleolithic, loess, paleosols, lithic assemblages, Levallois, blade industry.*

В 2024 г. участниками совместной Российско-Таджикской геоархеологической экспедиции были продолжены исследовательские работы на памятнике Хонако III (рис. 1, *1*). Сай Хонако (Ховалингский р-н Республики Таджикистан) находится на левом берегу р. Оби-Мазар, имеет субширотное простирание, циркообразный профиль и глубину до 180 м, вскрывая строение отложений водораздельных лессово-почвенных серий. Сай образован слиянием серии оползневых цирков, в его средней части, в нескольких километрах от русла Оби-Мазара, подковообразное обнажение достигает высоты более 150 м и имеет протяженность несколько километров. По краям обрыва локализованы геологические разрезы Хонако I и II, на которых не был выявлен археологический материал [Додонов, 2002]. Памятник Хонако III расположен в средней, наиболее врезанной в склон, части обнажения, при этом нижняя часть обрыва скрыта обвально-оползневыми отложениями и в разрезе хорошо прослеживаются только верхние четыре педокомплекса (ПК). Полученная за предыдущие годы археологическая коллекция из ПК 1 и ПК 2 позволяет считать стоянку Хонако III одним из наиболее значимых памятников для понимания формирования и развития среднего палеолита в юго-восточной части Центральной Азии. Основными целями работ, проведенных на объекте в 2024 г., являлись увеличение коллекции каменных артефактов из ПК 2, выявление археологических материалов в нижней части обнажения (ПК 4–6), уточнение схемы строения отложений, а также оценка перспективности данного обнажения для дальнейших раскопочных работ.

В 2024 г. в центральной части разреза Хонако III на участке с крутым склоном и естественным обнажением ПК 2 было заложено два раскопа-врезки (рис. 1, *2*). Выбор мест закладки раскопов определялся локализацией сохранившихся *in situ* участков педокомплекса, не затронутых раскопками предыдущих лет и оползневыми процессами. Раскоп-врезка 1 разбит под раскопом 1 2023 г., поставленным на ПК 1 [Худжагелдиев и др., 2023]. С востока участок работ ограничивался раскопом 1990-х гг. [Ранов и др., 2003], с запада – крупным оползнем, сместившим значительную часть верхних отложений на уровне ПК 1 и ПК 2 вниз по склону. Расстояние от уровня начала вскрышных работ до верхней бровки обнажения составляет ок. 30 м.

Раскопочные работы на раскопе 1 велись ступенями, размеры которых определялись глубиной и площадью вскрываемых участков склона, от подошвы лессовых отложений Л2, перекрывающих ПК 2, до кровли карбонатизированных суглинков, венчающих пачку лессов Л3 и подстилающих педокомплекс (рис. 2, *2*). Максимальная ширина раскопа 1 составила 7 м, при общей глубине вскрытия 11 м. При этом отложения самого ПК 2, включающего три палеопочвы (ПК 2A, ПК 2B и ПК 2C), имеют мощность 7 м. Максимальная площадь раскопа, составлявшая на уровне ПК 2A 20 м^2, последовательно сокращалась вниз по разрезу: 6 м^2 на уровне ПК 2B и 3 м^2 на уровне ПК 2C, что было связано с временными и погодными факторами, проблемой устойчивости стенок, а также большим объемом сопутствующих земляных работ (перемещение отвала).

На исследованном участке в стенке раскопа вскрыто строение лессово-почвенной толщи от низов пачки Л2 до подошвы пачки ПК 2 (рис. 2, *1*). Строение педокомплекса не отличается от описанного на соседнем раскопе в 2023 г. [Худжагелдиев и др., 2023], включает три палеопочвы, нижняя (ПК 2C) наиболее развитая, имеет мощность ~2,6 м и коричневый цвет. Средняя коричнево-желтая палеопочва (ПК 2B) достигает мощности ~2,3 м, отделена от нижележащей маломощным слоем оливково-желтого лесса. Верхняя наименее развитая светло-коричневая палеопочва имеет мощность 1,2 м и перекрывает среднюю без видимого интервала лесса, что характерно для ПК 2.

При работах на раскопе 1 во вскрытых отложениях было обнаружено 60 находок, в т.ч.: 55 каменных артефактов, зуб травоядного животного средней раз-

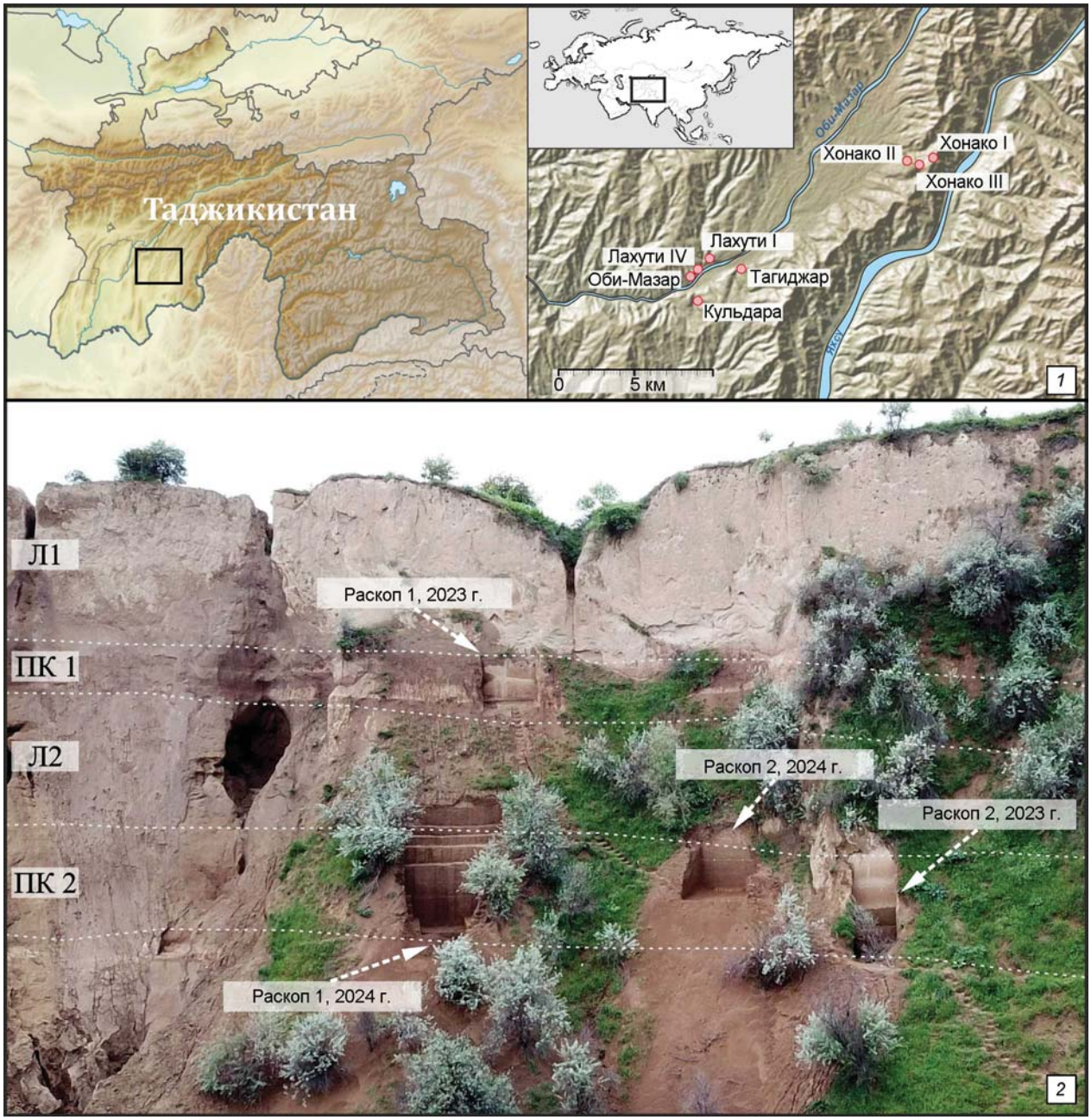

Рис. 1. Геоархеологические работы в сае Хонако.

1 – район работ; *2* – основные участки работ на ПК 1 и ПК 2 в 2023–2024 гг. на стоянке Хонако III (вид с северо-запада).

мерности и 4 небольших неопределимых фрагмента трубчатых костей. По основным литологическим пачкам найденные предметы распределялись следующим образом: Л2 – 2 каменных артефакта; ПК 2А – 43 каменных артефакта, зуб и фрагмент трубчатой кости; ПК 2С – 10 каменных артефактов и 3 фрагмента трубчатых костей.

Практически весь археологический материал был зафиксирован на нескольких уровнях в ПК 2А и ПК 2С. В отличие от раскопа 2023 г., на данном участке наблюдается довольно большая, для комплексов «лессового палеолита», плотность находок (~2 артефакта на м^2) и прослеживается разделение их по горизонтам залегания. В ПК 2С четко выражены три субгоризонтальные зоны концентрации артефактов с разбросом находок в пределах 5–10 см, что позволяет считать их уровнями присутствия. В ПК 2А подобные уровни не выражены и археологический материал рассеян по всей толще, при этом 2/3 артефактов залегает в средней части ПК 2А, создавая более плотное «облако» мощностью ок. 1 м. В кровле и подошве палеопочвы 2А можно условно выделить несколько уровней присутствия, однако, поскольку их составляет очень незначительное количество находок, подобные определения имеют предварительный характер.

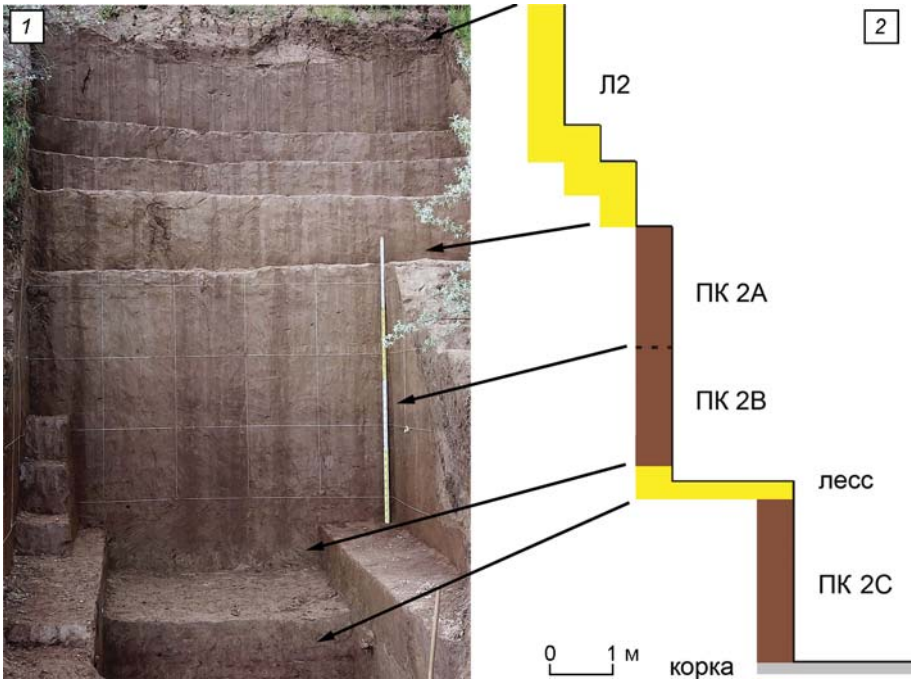

Рис. 2. Геоархеологические работы на раскопе 1 (2024 г.) стоянки Хонако III.
1 – юго-восточная стенка раскопа 1 (вид с северо-запада); *2* – схема раскопа 1 в поперечной проекции.

Залегание каменного инвентаря в пределах одного педокомплекса и его технико-типологическая характеристика позволяют рассматривать полученные материалы в рамках единой индустрии, а относительно небольшое количество артефактов предполагает более рациональным анализировать их в совокупности.

В сводной коллекции находок из раскопа 1 наличествуют следующие типы изделий: галька – 1 экз., нуклевидные формы – 1 экз., технические сколы – 8 экз., пластины – 9 экз., пластинчатые отщепы – 5 экз., отщепы – 18 экз., скол леваллуа – 1 экз.; обломки и осколки – 11 экз., чешуйка – 1 экз.

Нуклевидные формы представлены небольшим фрагментом одноплощадочного однофронтального ядрища для удлиненных сколов (рис. 3, *6*). Предмет подтреугольный, плоский, с частью фронта скалывания и прямой площадки. По одному из торцов обломка есть два негатива удлиненных снятий (попытка переоформления?).

Технические сколы практически все отражают начальную стадию оформления ядрищ и относятся к сколам разжелвачивания, при этом половина из них – вторичные пластины средней размерности, снятые с угла ядрища (рис. 3, *4*). Есть один крупный краевой пластинчатый скол (рис. 3, *14*).

Пластины и пластинчатые отщепы близки по морфологии и имеют в основном крупные или средние размеры (рис. 3, *1–3*, *13*). Ударные площадки гладкие, огранка дорсала субпараллельная. У четырех предметов фиксируется подправка карниза.

Отщепы имеют разную размерность, как правило, мелкие и средние, крупных – два. Ударные площадки практически у всех гладкие, только у двух предметов естественные. Огранка дорсала преимущественно субпараллельная, реже гладкая, у двух предметов продольно-поперечная. У четырех предметов фиксируется подправка карниза.

Скол леваллуа крупный, имеет пропорции, близкие к пластинчатым, субпараллельную огранку дорсала и выпуклую фасетированную ударную площадку (рис. 3, *7*).

Орудий набор (6 экз.) включает два продольных однолезвийных скребла, на отщепе (рис. 3, *5*) и пластинчатом сколе (рис. 3, *8*), угловой резец на пластинчатом сколе (рис. 3, *12*), две пластины с ретушью по одному или обоим продольным краям и отбойник из некрупной удлиненной гальки.

Раскоп-врезка 2 был заложен в 15 м к востоку от раскопа 1. С востока участок работ ограничивался раскопом 2 2023 г., с запада – площадью, вскрытой при работах 1990-х гг. [Ранов и др., 2003; Худжагелдиев и др., 2023]. Расстояние от уровня начала вскрышных работ до верхней бровки обнажения составляет ок. 35 м.

Раскопочные работы на раскопе 2 также велись несколькими ступенями, размеры которых определялись глубиной и площадью вскрываемых участков склона от подошвы лессовых отложений Л2, перекрывающих ПК 2, до кровли карбонатизированных суглинков, венчающих пачку лессов Л3 и подстилающих педокомплекс. Максимальная ширина раскопа 2 составила 4 м, при общей глубине вскрытия 8,5 м. На вскрытом участке отложения ПК 2, включающие три палеопочвы (ПК 2А, ПК 2В и ПК 2С), имеют

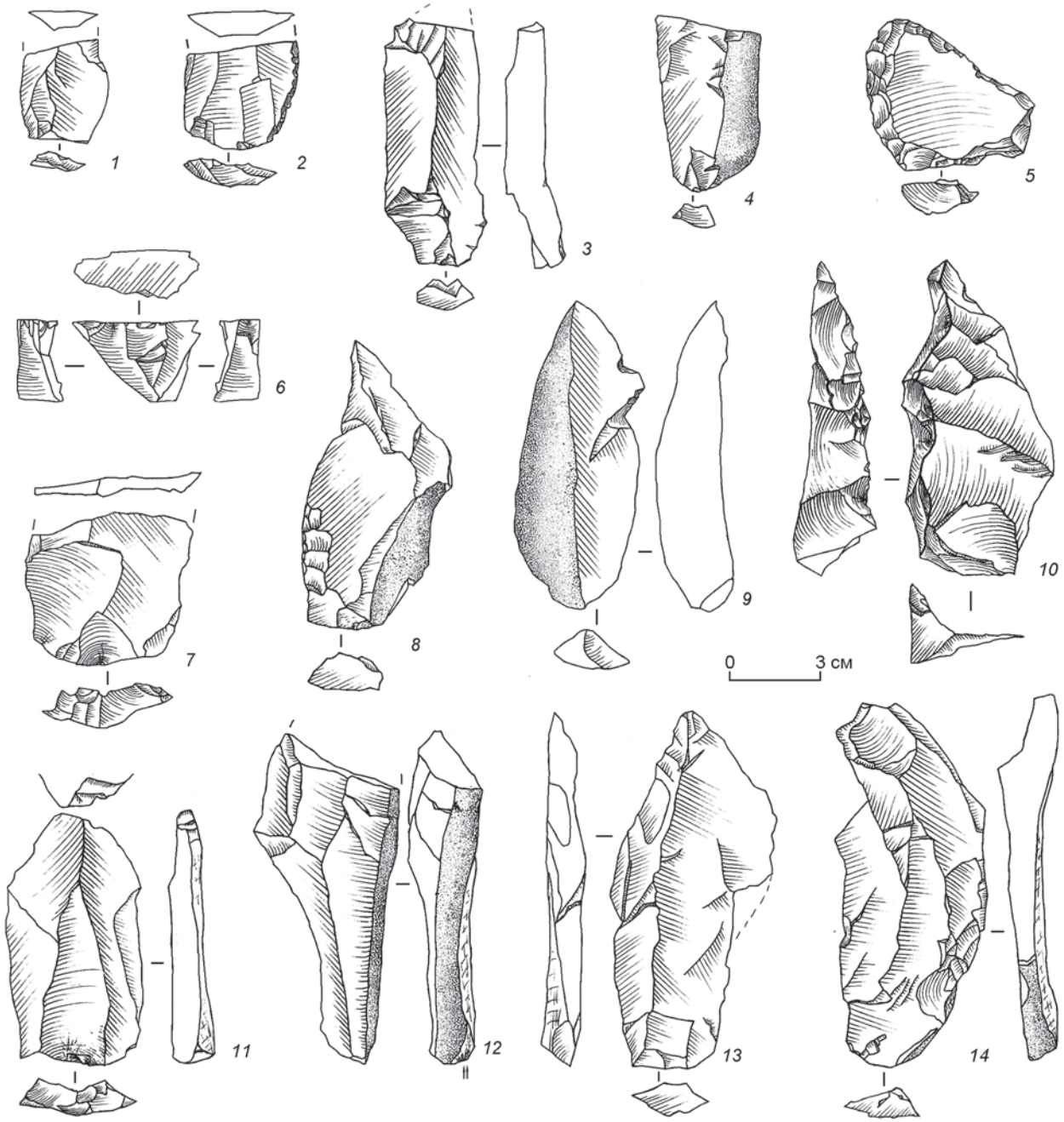

Рис. 3. Каменные артефакты с раскопов 1 и 2 (2024 г.) стоянки Хонако III (*рисунки Т.У. Худжагелдиева*).
1–4, *6–8*, *12*, *14* – раскоп 1 (ПК 2А); *5*, *13* – раскоп 1 (ПК 2С); *9–11* – раскоп 2 (ПК 2С).
1–3, *13* – пластины; *4*, *9*, *10*, *14* – технический скол; *5*, *8* – скребла; *6* – обломок нуклеуса; *7*, *11* – сколы леваллуа; *12* – резец.

мощность 6 м. Максимальная площадь раскопа, составлявшая на уровне подошвы ПК 2А 30 м^2, последовательно сокращалась вниз по разрезу: 20 м^2 на уровне ПК 2В и 1 м^2 на уровне ПК 2С, что было связано с временными и погодными факторами, проблемой устойчивости стенок, а также большим объемом сопутствующих земляных работ (перемещение отвала).

На исследованном участке строение ПК 2 не отличается от описанного ранее в соседнем раскопе 2023 г. [Худжагелдиев и др., 2023]. Нижняя палеопочва отделена от двух верхних характерным слоем лессовидных суглинков, затронутых почвообразованием, и имеет максимальную мощность.

При работах на раскопе 2 во вскрытых отложениях было обнаружено 27 каменных артефактов, распределенных по основным литологическим пачкам следующим образом: Л2 – 2 предмета; ПК 2А – 18 предметов; ПК 2С – 7 предметов.

Практически весь археологический материал был зафиксирован на нескольких уровнях в ПК 2А и ПК 2С. При этом плотность находок на уровне ПК 2А здесь меньше, чем в раскопе 1 (~0,5 артефакта на м^2),

а в ПК 2С существенно больше – ~5 артефактов на м^2. Кроме того, в раскопе 2, несмотря на общее меньшее количество находок, более четко прослеживается их разделение по изолированным горизонтам. В ПК 2С также, как и в этих отложениях на раскопе 1, четко выражены три субгоризонтальные зоны концентрации археологического материала с разбросом находок в пределах 5–10 см по вертикали, разделенные стерильными отложениями мощностью 25–30 см, что позволяет считать их отдельными уровнями присутствия. В ПК 2А три уровня находок фиксируются в средней части толщи, на высотах, соответствующих основной концентрации материала в ПК 2А на раскопе 1, выше и ниже них залегают единичные артефакты. В Л2 артефакты находились на одном уровне.

Специфической находкой являются несколько линз потемнения мощностью 7–9 см и протяженностью 35–40 см, обнаруженных в палеопочве 2С. Структура и форма данных тел позволяют рассматривать их как остатки кратковременных кострищ, однако каких-либо зольных остатков и угольков в них обнаружено не было. Вместе с тем то, что они локализованы на одних уровнях с каменными артефактами, а также наличие остатков кострищ в палеопочве 2А, зафиксированных ранее при раскопках 1997 г. [Ранов и др., 2003], может служить дополнительным аргументом связи происхождения этих линз с деятельностью человека.

Каменный инвентарь и условия его залегания почти полностью соответствуют тем, что были зафиксированы на раскопе 1. Соответственно, как и предыдущая коллекция, весь материал из раскопа 2 рассматривается в совокупности.

В сводной коллекции каменного инвентаря из раскопа 2 представлены следующие типы изделий: мелкая галька – 1 экз., технические сколы – 8 экз., пластины – 4 экз., отщепы – 8 экз., скол леваллуа – 1 экз.; обломки и осколки – 4 экз.

Технические сколы практически все отражают начальную стадию оформления ядрищ и относятся к сколам разжелвачивания (5 экз.), при этом два из них – крупная и средняя вторичные пластины, снятые с угла заготовки (рис. 3, *9*). Остальные предметы относятся к сколам подправки зоны скалывания, включая одну полу«таблетку» с четко читаемыми двугранными ударными площадками (рис. 3, *10*).

Пластины имеют крупные или средние размеры, одна – остроконечная. Ударные площадки гладкие и двугранные, огранка дорсала субпараллельная. У двух предметов фиксируется подправка карниза.

Отщепы имеют разную размерность, как правило, мелкие и средние, крупных – два. Ударные площадки практически у большинства гладкие и двугранные, только у одного предмета естественная. Огранка дорсала преимущественно субпараллельная, у двух предметов продольно-поперечная. У двух предметов фиксируется подправка карниза.

Скол леваллуа – крупная широкая пластина, с конвергентной огранкой дорсала и выпуклой двугранной ударной площадкой (рис. 3, *11*).

Орудий набор (2 экз.) включает шиповидное и выемчатое орудия.

Таким образом, работы 2024 г. позволили установить, что археологический материал, связанный с ПК 2, залегает как в отложениях палеопочв, так и в разделяющих их лессах, пусть и в меньшей концентрации; артефакты образуют несколько уровней присутствия, которые свидетельствуют, что памятник являлся местом кратковременного, но периодически повторяющегося заселения, вероятно связанного с охотничьей деятельностью; все материалы в этих отложениях относятся к индустрии одного типа и соответствуют пластинчатым комплексам среднего палеолита.

Основной этап изучения ПК 2 связан с работами 1995–2000 гг. под руководством В.А. Ранова и Й. Шефера, когда на памятнике Хонако III на разных уровнях (ПК 1, ПК 2, ПК 4) было заложено шесть раскопов суммарной площадью более 100 м^2, при этом из ПК 2 получена наиболее представительная коллекция из 530 каменных артефактов [Ранов, Шефер, 2000]. Технокомплекс ПК 2 явно отличался от залегающих в более древних ПК 4–6 ассамбляжей каратауской раннепалеолитической культуры и по технико-типологическим характеристикам был отнесен к среднему палеолиту. В целом индустрия ПК 2 атрибутировалась ее первыми исследователями как пластинчатая, с присутствием леваллуа, доминированием в орудийных наборах простых продольных скребел и ножей на пластинах, незначительным присутствием остроконечников и отсутствием интенсивно ретушированных изделий, характерных для мустьерских ассамбляжей [Ранов, Шефер, 2000]. Исходя из имеющихся естественно-научных данных, ее возраст определялся МИС 7 (243–191 тыс. л.н.) [Там же; Buylaert et al., 2024].

Работы, проведенные на памятнике Хонако III на втором этапе его исследования в 2022–2024 гг., позволили расширить имеющуюся коллекцию артефактов из ПК 2 более чем на 100 экз., подтвердить ее ранее предложенную хронологию и атрибуцию, а также расширить перечень типов, входящих в состав орудийного набора, в первую очередь за счет верхнепалеолитической группы изделий (резцы, долотовидное) [Курбанов и др., 2022; Худжагелдиев и др., 2023], а также нуклевидных форм и технических сколов, подтверждающих применение здесь пластинчатых техник скалывания, включая леваллуазскую.

Таким образом, высказанное первыми исследователями стоянки предположение о принадлежности этих материалов к ранним среднепалеолитическим пластинчатым индустриям, близким синхронным ассамбляжам Передней Азии [Ранов, Шефер, 2000], находит дополнительное подтверждение.

Индустрия ПК 2 Хонако III, с явной направленностью на предпочтительное применение пластинчатых техник раскалывания, широким использованием пластин для вторичной обработки и присутствием ярких верхнепалеолитических типов орудий, имеет возраст в пределах МИС 7, что позволяет напрямую соотносить ее с технологически близкими технокомплексами Ближнего Востока, а именно, ранним левантийским мустье типа Табун Д – Hayonim F, Hummal layer 6,7, Misliya Cave (Upper Terrace), Abou Sif B and C и др., датированными в интервале 220–180 тыс. л.н. [Bar-Yosef, Meignen, 2001; Meignen, 2011; Wojtczak, Le Tensorer, Demidenko, 2014; Zaidner, Weinstein-Evron, 2020]. С учетом открытия на стоянке Мислия в слоях с пластинчатым вариантом левантийского мустье останков человека современного антропологического типа возрастом ок. 180 тыс. лет [Hershkovitz et al., 2018], которое поставило вопрос о значительно более раннем, чем представлялось, времени первого проникновения ранних *Homo sapiens* в Евразию, новые материалы технологически близкой и синхронной индустрии в Таджикистане позволяют существенно расширить и уточнить наши представления о начальном заселении Центральной Азии архаичными сапиенсами и взаимодействии на этой территории представителей разных ветвей человеческой эволюции.

Благодарности

Археологические исследования выполнены за счет гранта РНФ № 22-18-00649, https://rscf.ru/project/22-18-00649/. Оценка геоморфологической ситуации в районе работ и стратиграфические описания отложений выполнены в рамках программы НИР географического факультета МГУ (121051100135-0).

Список литературы

Додонов А.Е. Четвертичный период Средней Азии: Стратиграфия, корреляция, палеогеография. – М.: ГЕОС, 2002. – 250 с.

Курбанов Р.Н., Анойкин А.А., Филимонова Т.Г., Караев А.Ч., Мещерякова О.А., Кулакова Е.П., Филатов Е.А., Чистяков П.В., Шарипов А.Ф. Геоархеологические исследования на памятнике Хонако III в Южном Таджикистане в 2022 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 157–163.

Ранов В.А., Лаухин С.А., Худжагелдиев Т.У., Шефер Й. Раскопки второй палеопочвы стоянки Хонако III в 1997 году // Археологические работы в Таджикистане. – 2003. – Вып. XXVIII. – С. 18–63.

Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 20–32.

Худжагелдиев Т.У., Анойкин А.А., Сосин П.М., Караев А.Ч., Мещерякова О.А., Курбанов Р.Н. Исследования среднепалеолитического комплекса стоянки Хонако III (Южный Таджикистан) в 2023 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 424–430.

Bar-Yosef O., Meignen L. The chronology of the Levantine Middle Palaeolithic in retrospect // Bulletin et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris, 2001. – Vol. 13, N 3–4. – P. 269–289.

Buylaert J.P., Challier A., Kulakova E.P., Taratunina N.A., Thomsen K.J., Utkina A.O., Sosin P.M., Tokareva O.A., Anoikin A.A., Khujageldiev T.U., Karayev A.C., Ubaydulloev N.K., Murray A.S., Kurbanov R.N. A luminescence dating study of the upper part of the loess-palaeosol sequence at Kuldara, Khovaling loess plateau, Tajikistan // Quaternary Geochronology. – 2024. – Vol. 82. – P. 101545.

Hershkovitz I., Weber G.W., Quam R., Duval M., Grün R., Kinsley L., Ayalon A., Bar-Matthews M., Valladas H., Mercier N., Arsuaga J.L., Martinón-Torres M., Bermúdez de Castro J.M., Fornai C., Martín-Francés L., Sarig R., May H., Krenn V.A., Slon V., Rodríguez L., García R., Lorenzo C., Carretero J.M., Frumkin A., Shahack-Gross R., Bar-Yosef Mayer D.E., Cui Y., Wu X., Peled N., Groman-Yaroslavski I., Weissbrod L., Yeshurun R., Tsatskin A., Zaidner Y., Weinstein-Evron M. The earliest modern humans outside Africa // Science. – 2018. – Vol. 359. – P. 456–459. – doi:10.1126/science.aap8369

Meignen L. The contribution of Hayonim cave assemblages to the understanding of the so-called Early Levantine Mousterian // The Lower and Middle Palaeolitihic in the Middle East and Neighbouring Regions. – Liège: ERAUL, 2011. – Vol. 126. – P. 85–100.

Wojtczak D., Le Tensorer J.-M., Demidenko Y.E. Hummalian industry (El Kowm, Central Syria): Core reduction variability in the Levantine Early Middle Palaeolithic // Quartär. – 2014. – Vol. 61. – P. 23–48. – doi:10.7485/QU61_02

Zaidner Y., Weinstein-Evron M. The emergence of the Levallois technology in the Levant: A view from the Early Middle Paleolithic site of Misliya Cave, Israel // J. of Human Evolution. – 2020. – Vol. 144. – P. 102785. – doi:10.1016/j.jhevol.2020.102785

References

Bar-Yosef O., Meignen, L. The chronology of the Levantine Middle Palaeolithic in retrospect. *Bulletin et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris*, 2001. Vol. 13, No. 3–4. P. 269–289.

Buylaert J.P., Challier A., Kulakova E.P., Taratunina N.A., Thomsen K.J., Utkina A.O., Sosin P.M., Tokareva O.A., Anoikin A.A., Khujageldiev T.U., Karayev A.C., Ubaydulloev N.K., Murray A.S., Kurbanov R.N. A luminescence dating study of the upper part of the loess-palaeosol sequence at Kuldara, Khovaling loess

plateau, Tajikistan. *Quaternary Geochronology,* 2024. Vol. 82. P. 101545.

Dodonov A.E. Quaternary period of Central Asia: Stratigraphy, correlation, paleogeography. Moscow: GEOS Publ., 2002. 250 p. (In Russ.).

Hershkovitz I., Weber G.W., Quam R., Duval M., Grün R., Kinsley L., Ayalon A., Bar-Matthews M., Valladas H., Mercier N., Arsuaga J.L., Martinón-Torres M., Bermúdez de Castro J.M., Fornai C., Martín-Francés L., Sarig R., May H., Krenn V.A., Slon V., Rodríguez L., García R., Lorenzo C., Carretero J.M., Frumkin A., Shahack-Gross R., Bar-Yosef Mayer D.E., Cui Y., Wu X., Peled N., Groman-Yaroslavski I., Weissbrod L., Yeshurun R., Tsatskin A., Zaidner Y., Weinstein-Evron M. The earliest modern humans outside Africa. *Science*, 2018. Vol. 359. P. 456–459. doi: 10.1126/science.aap8369

Hudzhageldiev T.U., Anoikin A.A., Sosin P.M., Karayev A.C., Meshcheryakova O.A., Kurbanov R.N. Study of the Middle Paleolithic Complex of the Khonako III Site (Southern Tajikistan) in 2023. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 19. P. 424–430. (In Russ.).

Kurbanov R.N., Anoikin A.A., Filimonova T.G., Karaev A.C., Meshcheryakova O.A., Kulakova E.P., Filatov E.A., Chistyakov P.V., Sharipov A.F. 2022 Geoarchaeological Study at Khonako III Site in Southern Tajikistan. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 28. P. 157–163. (In Russ.).

Meignen L. The contribution of Hayonim cave assemblages to the understanding of the so-called Early Levantine Mousterian. In *The Lower and Middle Palaeolitihic in the Middle East and Neighbouring Regions*. Liège: ERAUL, 2011. Vol. 126. P. C. 85–100.

Ranov V.A., Laukhin S.A., Hudzhageldiev T.U., Shefer I. Raskopki vtoroi paleopochvy stoyanki Khonako III v 1997 godu. In *Archaeological research in Tajikistan,* 2003. Vol. 37. P. 18–63. (In Russ.).

Ranov V.A., Shefer I. Loess Paleolithic. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000. No. 2. P. 20–32.

Wojtczak D., Le Tensorer J.-M., Demidenko Y.E. Hummalian industry (El Kowm, Central Syria): Core reduction variability in the Levantine Early Middle Palaeolithic. *Quartär*, 2014. Vol. 61. P. 23–48. doi:10.7485/QU61_02

Zaidner Y., Weinstein-Evron M. The emergence of the Levallois technology in the Levant: A view from the Early Middle Paleolithic site of Misliya Cave, Israel. *Journal of Human Evolution*, 2020. Vol. 144. P. 102785. doi: 10.1016/j.jhevol.2020.102785

Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Худжагелдиев Т.У. https://orcid.org/0000-0002-1819-3715
Шарипов А.Ф. https://orcid.org/0009-0001-3043-207X
Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092
Курбанов Р.Н. https://orcid.org/0000-0001-6727-6202

Дата сдачи рукописи: 25.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0048-0056
УДК 902.01

Е.Н. Бочарова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: bocharova.e@gmail.com

Составные пазовые орудия голоценовых комплексов стоянки Казачка (Восточная Сибирь)

Составные пазовые орудия, изготовленные из кости и рога, являются распространенным элементом материальной культуры раннеголоценовых сообществ Евразии, включая Восточную Сибирь. Они использовались как для охотничьих, так и для бытовых целей. В статье вводятся в научный оборот 16 пазовых орудий из горизонтов 19, 14–11 стоянки Казачка-1 (10,8–8,3 тыс. л.н.). Материалы были получены в результате раскопок в 1970–1980-е гг., но, к сожалению, опубликованы не в полном объеме. Большинство пазовых изделий (10 экз.), среди которых доминируют однопазовые, обнаружено в горизонте 12. Артефакты имеют разные размеры и формы, от крупных широких обойм (представлены обломками, ширина изделий 10–13 мм) до узких и длинных (длина 120–140 мм при ширине 6–8 мм). Разнообразие форм, скорее всего, можно объяснить функциональностью используемых орудий (удлиненные узкие обоймы с заостренным окончанием – наконечники; широкие плоские орудия – ножи или кинжалы). Обойма из горизонта 11 значительно меньше изделий из нижележащих горизонтов (29 × 11 × 5 мм). Все пазовые основы выполнены из кости, что, скорее всего, обусловлено характером хозяйственной деятельности на стоянке. Артефакты несут на поверхностях следы изготовления: шлифовку и линейные следы. У пяти орудий зафиксированы насечки и геометрический орнамент. Удлиненные вкладышевые орудия или игловидные метательные острия находят аналогии с материалами мезолитических горизонтов из пещеры Еленева, Жоховской стоянки (Восточная Сибирь), а также с материалами пещеры Трейл Крик на Аляске. Будущие исследования позволят детализировать функциональные и технологические аспекты использования пазовых орудий.

Ключевые слова: *составные пазовые орудия, Казачка, ранний голоцен, вкладыши.*

E.N. Bocharova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: bocharova.e@gmail.com

Composite Slotted Tools from the Kazachka Site (Eastern Siberia)

Composite slotted tools made of bone and antler are a common element in the material culture of the Early Holocene communities across Eurasia, including Eastern Siberia. These tools were used for various purposes in hunting and everyday life. This article presents 16 slotted tools from layers 19 and 14–11 of the Kazachka site (10,800–8300 BP), discovered in the excavations in 1970s–80s, which have not yet been fully published. The majority of the slotted tools (10 items) were found in the layer 12, and most of them were single-slotted. The artifacts vary in size and shape, ranging from large, wide slots (fragments 10–13 mm wide) to narrow and long slots (120–140 mm long and 6–8 mm wide). The variety of forms could be explained by functionality of the tools (elongated narrow slots with pointed ends as projectile points; wide, flat tools as knives or daggers). The slotted tool from layer 11 was significantly smaller (29 × 11 × 5 mm) than those from the lower layers. All slotted bases were made of bone, which was likely associated with specific aspects of the life support system at the site. The artifacts show traces of the manufacturing process, such as grinding and linear marks. Some notches and geometric ornamentation were found on five tools. Elongated slotted tools or needle-like projectile points manifest some similarities with the Mesolithic assemblages from Eleneva cave, the Zhokhovksaya site (Eastern Siberia), as well as evidence from Trail Creek cave in Alaska. Further research may reveal the functional and technological aspects of the use of slotted tools.

Keywords: *slotted tools, Kazachka-1, Early Holocene, inserts.*

Орудия с прорезанными пазами, получившие широкое распространение в конце палеолита, географически распространены практически по всей территории Евразии (см., напр.: [Мочанов, 1977; Питулько, 1998, Лозовская, 2001; Жилин, 2019; Bjørnevad et al., 2019; Мезолитические памятники..., 2020; Osipowicz et al., 2020]). Хронологически они массово используются вплоть до бронзового века [История..., 2022]. На территории Сибири самые ранние пазовые орудия были обнаружены в комплексах афонтовской

и кокеревской культур (Таштык II, Кококрево I, II, Афонтова гора I–III, Лиственка). На территории Восточной Сибири и Забайкалья они найдены в более поздних индустриях: стоянки Курла, Кантегир, Майнинская, Бирюса, Большой Якорь, Стрижовая гора, пещеры Хайыргас на средней Лене, Березовый ручей и др. [Хлобыстин, 1972; Шмыгун, Филиппов, 1982; Вишняцкий, 1987; Генералов, 2001; Инешин, Тетенькин, 2010; История..., 2022]. В комплексах раннего голоцена они известны на стоянках: Верхноленская гора, Усть-Белая, Итырхей, Саган-Нугэ, Горелый Лес, Белькачи I, пещера Еленева, Жоховская стоянка, погребальный комплекс в Хиньской пади, могильник Нижняя Джилинда, Саган-Заба и мн. др. [Медведев, 1966; Савельев, Горюнова, Генералов, 1974; Горюнова, 1987; Мочанов, 1977; Питулько, 1998; Макаров, Мартынович, Оводов, 2009; Базалийский, 2012; Новиков, Горюнова, Вебер, 2014].

Однако не все материалы до сих пор опубликованы. Например, коллекция пазовых орудий из местонахождения Казачка (или Казачка-1) опубликована частично [Савельев, Генералов, Абдулов, 1984; Бочарова, Чистяков, Жданов, 2021], несмотря на то, что по количеству пазовых орудий не многим уступает широко известным коллекциям Жоховской стоянки [Гиря, Питулько, 1995] и пещеры Еленева [Акимова, Вдовин, Макаров, 1996]. В статье вводится в научный оборот комплекс из 16 пазовых орудий, найденных при раскопках стоянки Казачка (Канско-Рыбинская котловина) в 1970–1980-е гг. и определяется его позиция в контексте синхронных индустрий Восточной Сибири и соседних территорий.

Стоянка Казачка располагается в нижнем течении правого притока Енисея – р. Кан, в устьевом участке его правого притока – р. Казачки (см. *рисунок*). За годы стационарных раскопок (1973–1975, 1977, 1983 и 1985) вскрыта толща отложений, где в четких стратиграфических условиях выявлено 20 культуросодержащих горизонтов, датированных в хронологическом диапазоне от 11,5 до 1,5 тыс. л.н.

Костяная индустрия раннеголоценовых горизонтов стоянки Казачка представляет собой предста-

Составные костяные орудия с пазами стоянки Казачка.

1 – орудие с горизонта 11; *2–11* – орудия с горизонта 12; *12–14* – орудия с горизонта 13; *15* – орудие с горизонта 14; *16* – орудие с горизонта 19.

вительные серии орудий из кости: гарпуны, острия, составные пазовые орудия, иглы, в единичных экземплярах представлены шилья, стерженьки, наконечник, изделия неопределенной формы (табл. 1). Наиболее многочисленной категорией являются составные пазовые орудия – 16 шт., которые найдены в 19, 14–11 к.г.

Двухпазовая обойма из 11 горизонта представляет собой миниатюрное изделие сложной формы (29 × 11 × × 5 мм) (см. *рисунок*, *1*). На обоих краях круговыми насечками оформлены выступы («шишечки»), которые, возможно, использовались для крепления. На одной из сторон фиксируется углубление по всей длине орудия. Пазы широкие, пропилены по всей длине, кроме выступов. Один паз имеет «ступеньку» и в профиле скорее W-образный (глубина паза 1,3 мм, ширина у кромки бортов 1,7 мм), второй паз имеет U-образную форму (глубина паза 1,3 мм, ширина у кромки бортов 1,3 мм). Края пазов несут следы деформации.

Небольшой фрагмент острия пазового орудия из горизонта 12 (17 × 7 × 4 мм) овальный в сечении (см. *рисунок*, *2*). Паз прорезан в 5 мм от кончика острия, в поперечном сечении имеет W-форму, то есть дно паза образуют две параллельные борозды. Глубина паза 1,6 мм, ширина у кромки бортов 1,5 мм.

Фрагмент однопазовой обоймы из 12 к.г. (24 × 14 × × 4 мм) несет на обеих сторонах сложный геометрический орнамент (см. *рисунок*, *3*). На одной латерали в нижней трети орнамент в виде серии насечек, нанесенных под углом (диагонально), выше идут 5 параллельных линий. На другой стороне в нижней части также диагонально нанесено 8 насечек и выше 7 линий, расположенных параллельно друг другу. Паз прямой, судя по изменяющейся толщине паза, фрагмент являлся окончанием целого предмета (от 1,4 до 0,9 мм). Борта паза частично разрушены. Паз имеет V-образное поперечное сечение.

Небольшой фрагмент пазового орудия на трубчатой кости из 12 к.г. с естественным углублением по одной из латералей (33 × 10 × 4 мм) (см. *рисунок*, *4*). С одной из сторон борт сохранился полностью, с противоположной стороны частично (чуть меньше половины длины). На бортах паза U-образной формы в поперечном сечении видны борозды, возможно оставленные резцом. Глубина паза 1,2 мм, ширина у кромки бортов 1,6 мм.

Фрагмент пазового орудия выполнен на осколке трубчатой кости из 12 к.г. (55 × 13 × 4 мм) (см. *рисунок*, *5*). Сохранившееся окончание срезано и уплощено с кортикальной поверхности кости. В 4 мм от уплощенного края по левому ребру прорезан паз. Борта паза частично разрушены. По сохранившейся части борта фиксируются уплощение и линейные неглубокие следы, возможно, от шлифовки.

Фрагмент костяного острия из 12 к.г. имеет естественный изгиб заготовки (59 × 5 × 4 мм) (см. *рисунок*, *6*). Острие орудия заточено, от самого края пропилено два неглубоких широких паза (ширина паза у кромки бортов 1,4 мм). С одной из сторон паз сохранился полностью и занимает примерно 3/4 длины, доходит до места изгиба (длина паза 41 мм). В поперечном сечении паз имеет П-образную форму. С другой стороны изделие было уплощено – от окончания острия была срезана часть латерали, и тем самым изделие приобрело подквадратное сечение. У острия сохранился небольшой фрагмент паза (длина 15 мм, ширина 1,1 мм). Возможно, паз был длиннее и симметричен сохранившемуся пазу на противоположной стороне, но был срезан при уплощении. Поверхность изделия несет следы обработки, на изгибе фиксируется серия параллельных насечек.

Обломок костяного острия с одним пазом из 12 к.г. (см. *рисунок*, *7*). Предмет склеен из двух фрагментов: острия и медиальной части (72 × 10 × 3 мм). У медиаль-

Таблица 1. **Костяная индустрия раннеголоценовых слоев местонахождения Казачка**

Категория инвентаря	19 к.г.	14 к.г.	13 к.г.	12 к.г.	11 к.г.	10 к.г.	9 к.г.	8 к.г.	Итого
Кости со следами обработки	14	–	17	38	–	2	1	–	72
Обоймы вкладышевых орудий 1-пазовые	–	–	2	7	–	–	–	–	9
Обоймы вкладышевых орудий 2-пазовые	1	1	1	3	1	–	–	–	7
Гарпуны односторонние	–	–	–	5	2	–	–	–	7
Гарпуны двусторонние	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Острия	2	1	3	8	1	–	–	–	15
Иглы	3	–	1	2	–	–	–	–	6
Шилья	–	–	–	3	–	–	–	–	3
«Лопаточка»	–	–	–	2	1	–	–	–	3
Изделие неопределенной формы	–	–	1	1	–	–	–	1	3
Стерженьки	–	–	–	2	–	–	–	–	2
Подвеска	–	–	–	1	–	–	–	–	1
Наконечник	–	–	–	1	–	–	–	–	1
Всего	20	2	26	73	5	2	1	1	130

ного фрагмента борт паза с одной стороны обломан. Сохранившийся борт паза имеет прямую стенку, можно предположить, что поперечное сечение паза имело U- или П-образную форму. У острия сохранились оба борта, острие прорезано от самого кончика (включая кончик). Дно паза прямое, стенки расположены немного под углом, паз имеет П-образное поперечное сечение. Ширина паза 1,6 мм. Острие слегка обломано, фиксируется несколько насечек в зоне острия.

Однопазовое острие из 12 к.г. (87 × 10 × 7 мм) (см. *рисунок*, *8*). На острие фиксируется небольшой слом, базальная часть не сохранилось. Паз пропилен от острия до зоны слома. Орудие имеет трещину по всей длине, вероятно возникшую в древности. Трещина пошла по одному из бортов паза с его внутренней стороны, от обломанного конца практически до самого острия. Паз ровный, глубокий (4 мм) и широкий (2,3 мм), V-образный в поперечном сечении. Фиксируется небольшое искривление зоны острия, возможно вызванное постдепозиционными процессами. Изделие было хорошо зашлифовано, следы шлифовки видны по латерали без трещины.

Два неаппликирующихся фрагмента однопазовой обоймы из 12 к.г. (16 × 8 × 1,9 и 77 × 10 × 2 мм) (см. *рисунок*, *9*). Борта паза обломаны на обоих фрагментах, фиксируется лишь дно паза (ширина 0,5 мм). Противоположный от паза край закруглен и уплощен, на обеих сторонах хорошо видны линейные следы.

Фрагмент однопазовой обоймы из 12 к.г. (149 × 11 × 7 мм), паз длинный, пропилен от самого острия (см. *рисунок*, *10*). Паз широкий (1,7 мм) и глубокий (4,7 мм), с одной стороны борт сохранился полностью, с другой стороны отсутствует часть борта: примерно на 1/4 части длины паза борта разрушены. В 1–2 мм от сохранившегося края острия фиксируется бороздка, опоясывающая острие и образующая практически незаметный выступ, похожий на выступы у обоймы из горизонта 11.

Двухпазовая обойма с четырьмя, сохранившимися в пазах, вкладышами из 12 к.г. (см. *рисунок*, *11*). Предмет удлиненной, узкой и уплощенной формы, овальный в поперечном сечении (152 × 9,5 × 6 мм). Острие не сохранилось. Оба паза глубокие (~5–6 мм), имеют одинаковую длину (87 мм), занимают примерно 2/3 части длины изделия. Окончание базальной части сохранилось не полностью. Насад длинный и узкий, вероятно крепился к древку (привязывался?). В правом пазу сохранились четыре каменных вкладыша, на двух из которых имеются следы использования в виде заполировки, а также выщерблены и ретушь утилизации. Вкладыши вставлены в паз неравномерно, не образуя ровную линию. Ширина вкладышей визуально меньше ширины пазов, что указывает на возможность крепления их каким-то веществом.

Три неаппликируемых фрагмента пазового орудия – фрагмент острия (11 × 4 × 2,5 мм) и два фрагмента медиальной части из 13 к.г. (см. *рисунок*, *12*). Все фрагменты обожжены. У обломка части острия кончик обломан. Паз прорезан по всей длине фрагмента, имеет U-образное поперечное сечение (глубина паза 1,2 мм, ширина у кромки бортов 1 мм). Поверхность сильно залощена. Первый медиальный фрагмент (11 × 4 × 3 мм) с орнаментом: на одной из латералей в верхней и нижней трети фиксируются две параллельные линии. По поверхности ребра, противолежащего края от паза, также зафиксированы несколько прочерченных линий. Паз прорезан по всей длине фрагмента, П-образной формы в поперечном сечении. Третий фрагмент сломан продольно (возможно, по пазу, длина фрагмента 6мм, ширина 4 мм): половина целого фрагмента, расщепленного по длинной оси, на внутренней стороне видны следы прорезанного паза (возможно, имело поперечное сечение П-образной формы).

Обойма из 13 к.г. состоит из шести обожженых фрагментов (см. *рисунок*, *13*). Все фрагменты продольно расщеплены. По краям прорезаны два противолежащих паза, однако реконструировать форму паза не представляется возможным. Фрагменты обнаружены скоплением, но аппликируемых фрагментов всего 4.

Фрагмент заготовки пазового орудия из 13 к.г. (42 × 10 × 4 мм) (см. *рисунок*, *14*). По одному из ребер намечен паз в виде линии с выраженным бортом с одной стороны. На противоположной стороне от паза зафиксированы серии параллельно расположенных узких однонаправленных линий. Объект мог быть сломан по пазам, так как с одной стороны наблюдаются две глубокие насечки, а с другой – подготовленная «ступенька», возможно, стенка паза. В 2 мм от «ступеньки» зафиксированы три насечки: одна нечеткая, возможно только намеченная, и две глубокие, расположенные параллельно друг другу. Противоположный от слома конец с противолежащей от паза стороны уплощен и срезан под углом к ребру.

Фрагмент двухпазовой обоймы симметричной подтреугольной формы из 14 к.г. (см. *рисунок*, *15*), базальная часть с одной стороны обломана (101 × 11 × × 5 мм). Возможно, основание наконечника имело двухлопастную форму с креплением к древку по центру. В пазах сохранились три вкладыша. Вкладыши представлены медиальными фрагментами небольшого размера, рабочая кромка выщерблена. Пазы пропилены по всей длине наконечника. Глубина пазов 2 и 2,1 мм, ширина у кромки бортов у обоих пазов 1,2 мм. Поверхность гладкая, зашлифована. Пазы в сечении имеют V-образную форму.

Двухпазовое вкладышевое орудие из 19 к.г. иволистной формы состоит из двух аппликирующихся фрагментов (80,5 × 12 × 8 мм) (см. *рисунок*, *16*). С обоих концов современные повреждения, в т.ч. по бортам паза. Присутствует также более древнее повреждение на одной из сторон: практически правильной овальной формы, с очень ровными сглаженными краями. Пазы

пропилены по всей длине орудия. Ширина у кромки бортов 1,1 и 1,2 мм. Заостренные края обломаны. Один профиль паза U-образный практически по всей длине изделия, второй имеет V-образную форму.

Все исследуемые артефакты изготовлены из кости. Это может быть обусловлено характером хозяйственной деятельности на стоянке [Хамзина, 1979]. Основой системы жизнеобеспечения обитателей стоянки Казачка была охота на косулю (92,1 % от общего числа определимых костей для раннеголоценовых горизонтов 20–8) (табл. 2). Для горизонтов, где были обнаружены пазовые орудия, на останки косули приходится 97,1 % определимых фрагментов костей в 11 горизонте, 95,6 % в 12, 94,2 % в 13, 100 % в 14, 77,2 % в 19. Рога косули не подходят для изготовления орудий из-за их меньших размеров и хрупкости по сравнению с рогами других животных, таких как олень или лось. Поверхность рога косули сильно бороздчатая, у оленя рога гладкие, без борозд и бугорков, что делает их более пригодными для обработки и изготовления орудий. Определимых костей оленей и лосей в указанных горизонтах мало (0,3–1,4 %), кроме горизонта 19, где определимые кости лося составляют 18,2 %. Низкий процент остатков оленей и лосей указывает на их меньшую значимость в хозяйственной деятельности древних обителей стоянки (или на отсутствие больших стад для охоты, что ограничивало в таком ресурсе, как рога). Необходимо отметить, что среди определимых фрагментов костей в горизонтах 10–9 отмечается значительное увеличение костей оленя (38, 2 и 28,9 % определимых фрагментов костей соответственно) и снижение количества костей косули (56,4 и 51,1 % соответственно), а в составе орудийного набора появляются каменные наконечники стрел, и не найдено составных пазовых орудий. Подобные изменения, возможно, взаимосвязаны и могут косвенно указывать на изменение адаптационной стратегии древнего населения стоянки, что требует дополнительного исследования.

Большинство пазовых изделий (10 экз.), среди которых доминируют однопазовые, обнаружено в горизонте 12. Размеры и формы артефактов значительно варьируются: от крупных и массивных обойм, ширина которых достигает 10–13 мм (представлены фрагментами), до узких и удлиненных экземпляров, длина которых составляет 120–140 мм при ширине всего 6–8 мм. Обойма из горизонта 11 значительно меньше изделий из нижележащих горизонтов (29 × 11 × 5 мм). В горизонтах 12 и 14 были обнаружены два орудия с сохранившимися каменными вкладышами, вставленными в пазы. Поверхности артефактов сохраняют следы изготовления, такие как шлифовка и линейные следы. Кроме того, на пяти из найденных орудий зафиксированы насечки и орнаментальные элементы.

При первичном визуальном осмотре не обнаружено остатков или свидетельств крепления каким-либо веществом, однако это не обязательно указывает на отсутствие адгезивных материалов для закрепления вкладышей. Дальнейшее изучение обойм методом рамановской спектрометрии позволит получить об этом больше информации.

Результаты радиоуглеродного датирования ограничили хронологические рамки использования пазовых орудий древними обитателями берегов р. Казачки: 19 к.г. датируется 10 800 ± 520 л.н. (ЛЕ- кость без номера), 11 к.г. 8 300 ± 110 (СО АН 4657), 8 300 ± ± 250 л.н. (ЛЕ-1232) [Бочарова, Тимощенко, Савельев, 2014; Генералов, 2001]. Разнообразие форм, скорее всего, связано с функциональностью используемых орудий. Предварительно можно выделить несколько типов орудий. Удлиненные узкие обоймы с заостренным окончанием, предположительно являются наконечниками (см. *рисунок*, *2*, *6–8*, *10–12*, *15–16*). Широкие плоские орудия могут быть ножами или кинжалами (см. *рисунок*, *3–5*, *9*). Миниатюрное изделие из 11 горизонта сложно идентифицировать из-за отсутствия прямых аналогий в археологических комплекса позднего палеолита – неолита Сибири.

Наиболее близкие технологические и типолого-морфологические аналогии рассматриваемых комплексов Казачки представлены в индустрии памятника пещера Еленева, расположенного на р. Енисей, недалеко от Красноярска. В пещере Еленева, в горизонтах, которые авторы интерпретируют как мезолитические, найдено более 50 фрагментов не менее чем от 25 составных пазовых орудий [Акимова, Вдовин, Макаров, 1996; Макаров, Мартынович, Оводов, 2009]. Зафиксированы как однопазовые, так и двухпазовые орудия, среди которых преобладают изделия игловидной формы, овальные в поперечном сечении. Чаще всего пазы прорезывались близко к острию [Акимова, Вдовин, Макаров, 1996]. Подобные по форме пазовые орудия найдены в горизонте 12 стоянки Казачка.

На Жоховской стоянке, расположенной в высокоширотной Арктике, зафиксировано 25 одно- и двухпазовых орудий и заготовок. Исследователи выделяют как метальный, так и колющий тип орудий. Пазы глубокие и узкие, глубиной 3–4 мм. Технологический анализ показал, что индустрия Жоховской стоянки была направлена почти исключительно на производство пластинок для вкладышей [Питулько, 1998]. В коллекции есть игловидные вкладышевые наконечники [Гиря, Питулько, 1995; Питулько, 1998]. Изготавливались они в основном из рога оленя и кости, единичными представлены пазовые обоймы из бивня мамонта и клыка моржа [Питулько, 1998]. Удлиненные однопазовые орудия – игловидные метательные острия по определению авторов раскопок [Там же], у которых от 2/3 до 3/4 части длины орудия занимает паз, – также находят аналогии с материалами Казачки-1. Аналогичные формы игловидных острий находятся в раннеголоценовом комплексе пещеры Трейл Крик на Аляске [Lee, Goebel, 2016]. Игловидные метательные острия также встречаются

Таблица 2. **Видовой и количественный состав фауны раннеголоценовых горизонтов местонахождения Казачка-1 (определение А.А. Хамзиной)**

Горизонты	Всего определимых костей	Вид											
		косуля	олень	лось	кабарга	медведь	лисица	хищник	заяц	бобр	суслик	птица	рыба
VIII	953	921 (30)* 96,7	26 (1) 2,7	–	–	1 (1) 0,1	–	–	1 (1) 0,1	–	–	4 (1) 0,4	–
IX	90	46 (3) 51,1	26 (3) 28,9	13 (1) 14,4	–	5 (1) 5,6	–	–	–	–	–	–	–
X	55	31 (2) 56,4	21 (2) 38,2	2 (1) 3,6	–	–	–	1 (1) 1,8	–	–	–	–	–
XI	310	301 (6) 97,1	4 (1) 1,4	2 (1) 0,6	2 (1) 0,6	–	–	–	–	–	–	–	1 (1) 0,3
XII	2060	1971 (47) 95,6	26 (1) 1,3	13 (1) 0,6	–	–	3 (1) 0,15	2 0,1	–		1 (1) 0,05	39 2,0	5 (1) 0,2
XIII	723	681 (10) 94,2	2 (1) 0,3	2 (1) 0,3	12 (1) 1,6	2 (1) 0,3	–	–	–	1 (1) 0,1	–	23 3,2	–
XIV	15	15 (1) 100	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
XV	21	21 (2) 100	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
XVI	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
XVII	12	5 (1) 41,7	–	7 (1) 58,3	–	–	–	–	–	–	–	–	–
XVIII	4	4 (1) 100	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
XIX	44	34 (2) 77,2	1 (1) 2,3	8 (2) 18,2	–	1 (1) 2,3	–	–	–	–	–	–	–
XX	6	–	6 (1) 100	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего горизонтам	4 788	4 409 (130) 92,1	208 (17) 4,3	59 (12) 1,2	14 (2) 0,3	13 (6) 0,3	4 (2) 0,1	3 0,08	1 (1) 0,02	1 (1) 0,02	1 (1) 0,02	68 1,4	6 (2) 0,14

* Числитель – количество определимых костей (число особей); знаменатель – % от общего числа определимых костей.

в неолитических комплексах Якутии (могильник Туой-Хая [Федосеева, 1968]) и Забайкалья (Шилкинская пещера [Окладников, 1960]).

Введенные в научный оборот артефакты показывают разнообразие форм и размеров, что, вероятно, связано с различными функциями орудий. Будущие исследования коллекции позволят детализировать функциональные и технологические аспекты использования пазовых орудий. Удлиненные вкладышевые орудия или игловидные метательные острия раннеголоценового комплекса стоянки Казачка находят аналогии с мезолитическими и неолитическими комплексами Восточной Сибири, что может свидетельствовать о возможных культурных связях в регионе в древности. Поиск новых аналогий и технико-типологический анализ каменной индустрии, комплекса междисциплинарных исследований предоставят новые данные о системах адаптации и мобильности древних популяций Восточной Сибири в раннем голоцене.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 24-28-01157 «Вкладышевые технологии Восточной Сибири конца плейстоцена – начала голоцена». Автор выражает благодарность канд. ист. наук, доценту кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ Н.А. Савельеву за предоставленную возможность работы с археологическим материалом стоянки Казачка, а также д-ру ист. наук, профессору РАН К.А. Колобовой за плодотворные дискуссии.

Список литературы

Акимова Е.В., Вдовин А.С., Макаров Н.П. Пазовые орудия Красноярского археологического района // Древности Приенисейской Сибири. – 1996. – Вып. 1. – С. 62–82.

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Изв. лаборатории древних технологий. – 2012. – Вып. 9. – С. 43–101.

Бочарова Е.Н., Тимощенко А.А., Савельев Н.А. Переход от мезолита к неолиту: хронологические границы и степень культурной преемственности (по материалам многослойного местонахождения Казачка I) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. – С. 125–134.

Бочарова Е.Н., Чистяков П.В., Жданов Р.К. Использование 3D-моделирования для реконструкции артефактов с зеркальной симметрией // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 57–65. doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0057-0065

Вишняцкий Л.Б. Костяные изделия с пазами из позднепалеолитической стоянки Березов ручей // Советская археология. – 1987. – № 3. – С. 202–203.

Генералов А.Г. Поздний палеолит – ранний мезолит Канско-Енисейского региона: дис. ... д-ра ист. наук. – Иркутск, 2001. – 418 с.

Гиря Е.Ю., Питулько В.В. Вкладышевые орудия и индустрия обработки камня мезолитической стоянки на острове Жохова // Российская археология. – 1995. – № 1. – С. 91–109.

Горюнова О.И. Работы Маломорского отряда на Байкале // Исследование памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 133–140.

Жилин М.Г. Вкладышевые кинжалы и охотничьи ножи в мезолите Восточной Европы // КСИА. – 2019. – № 255. – С. 50–70. – doi:10.25681/IARAS.0130-2620.255.50-70

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. – Новосибирск: Наука, 2010. – 270 с.

История Сибири: в 4 т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. 1: Каменный и бронзовый век. – 660 с.

Лозовская О.В. Вкладышевые орудия стоянки Замостье 2 // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. – Сергиев Посад: Изд. дом «Подкова». – 2001. – С. 273–291.

Макаров Н.П., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д. Пещера Еленева – многослойный пещерный памятник на среднем Енисее. Краткие итоги изучения // Пещеры: охрана, история исследований, культура, туризм, современное состояние и перспективы научных исследований в пещерах на территориях бывшего СССР. – Красноярск: [б. и.], 2009. – С. 81–103.

Медведев Г.И. Новые данные о нижних слоях Усть-Белой // Древняя Сибирь. – Новосибирск: Наука, 1966. – Вып. 2. – С. 38–51.

Мезолитические памятники Горбуновского торфяника / М.Г. Жилин, С.Н. Савченко, Л.Л. Косинская, Ю.Б. Сериков, А.Л. Александровский, Е.Г. Лаптева, О.М. Корона, П.А. Косинцев. – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – 368 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.

Новиков А.Г., Горюнова О.И., Вебер А.В. Мезолитический комплекс геоархеологического объекта Саган-Заба II (озеро Байкал) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. – С. 117–124.

Окладников А.П. Шилкинская пещера – памятник древней истории верховьев Амура // Тр. Дальневосточной археологической экспедиции. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 1. Древние культуры Дальнего Востока. – С. 9–71. – (МИА; № 86).

Питулько В.В. Жоховская стоянка. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 189 с.

Савельев Н.А., Генералов А.Г., Абдулов Т.А. Многослойное археологическое местонахождение Казачка как

основа для периодизации Канско-Рыбинской котловины // Проблема исследования каменного века Евразии. – Красноярск: Изд-во Краснояр. пед. ун-та, 1984. – С. 136–142.

Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес // Древняя история народов Юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. – Вып. 4. – С. 160–175.

Федосеева С.А. Древние культуры Верхнего Вилюя. – М.: Наука, 1968. – 170 с.

Хамзина А.А. Результаты анализа остеологической коллекции многослойной стоянки Казачка (Красноярский край) // Тезисы доклада отчетной научно-теоретической конференции – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-т, 1979. – С. 48–49.

Хлобыстин Л.П. Изделия из кости и рога палеолитических слоев Бирюсинского поселения // Палеолит и неолит СССР. – Л.: Наука, 1972. – Т. 7. – С. 150–156. – (МИА; № 185).

Шмыгун П.Е., Филиппов А.К. Нижний комплекс стоянки Курла // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. – С. 15–24.

Bjørnevad M., Jonuks T., Bye-Jensen P., Manninen M.A., Oras E., Vahur S., Riede F. The life and times of an Estonian Mesolithic slotted bone ‘dagger’. Extended object biographies for legacy objects // Estonian J. of Archaeology. – 2019. – Vol. 23, iss. 2. – P. 103–125. – doi:10.3176/arch.2019.2.02

Lee C., Goebel T. The Slotted Antler Points from Trail Creek Caves, Alaska: New Information on Their Age and Technology // PaleoAmerica. – 2016. – Vol. 2, iss. 1. – P. 40-47. doi: 10.1080/20555563.2015.1136727

Osipowicz G., Orłowska J., Bosiak M., Manninen M.A., Targowski P., Sobieraj J. Slotted bone point from Tłokowo – rewritten story of a unique artefact from Mesolithic Poland // Praehistorische Zeitschrift. – 2020. – Vol. 95, N 2. – P. 334–349. – doi: 10.1515/pz-2020-0023

References

Akimova E.V., Vdovin A.S., Makarov N.P. Pazovye orudiya Krasnoyarskogo arkheologicheskogo raiona. In Drevnosti Priyeniseyskoy Sibiri, 1996. Iss. 1. P. 62–82. (In Russ.).

Bazaliyskiy V.I. Burial complexes of late mesolithic – neolithic of Baikalian Siberia: burial traditions, absolute age. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*, 2012. Iss. 9. P. 43–101. (In Russ.).

Bjørnevad M., Jonuks T., Bye-Jensen P., Manninen M.A., Oras E., Vahur S., Riede F. The life and times of an Estonian Mesolithic slotted bone ‘dagger’. Estonian Journal of Archaeology, 2019. Vol. 23, iss. 2. P. 103–125. doi:10.3176/arch.2019.2.02

Bocharova E.N., Chistyakov P.V., Zhdanov R.K. Use of 3D modeling for reconstructing the artifacts with mirror symmetry. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 57–65. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0057-0065

Bocharova E.N., Timoshchenko A.A., Savelev N.A. The mesolithic-neolithic transition: chronological boundaries and degree of continuity (based on multilayer location Kazachka I site). *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2014. Vol. 13, iss. 5. P. 125–134. (In Russ.).

Fedoseyeva S.A. Drevniye kul’tury Verkhnego Vilyuya. Moscow: Nauka, 1968. 170 p. (In Russ.).

Generalov A.G. Pozdnii paleolit – rannii mezolit Kansko-Eniseiskogo regiona: d. sc. (history) dissertation. Irkutsk, 2001. 418 p. (In Russ.).

Girya E.Y., Pitulko V.V. Tools and the Stone Industry from the Mesolithic Site on Zhokhova Island. *Rossiyskaya arheologiya,* 1995. No. 1. P. 91–109. (In Russ.).

Goryunova O.I. Raboty Malomorskogo otryada na Baikale. In *Issledovanie pamyatnkov drevnikh kul’tur Sibiri i Dal’nego Vostoka.* Novosibirsk: Nauka, 1987. P. 133–140. (In Russ.).

History of Siberia: in 4 volumes. Vol. 1: Stone and Bronze Age. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. 660 p. (In Russ.).

Ineshin E.M., Tetenkin A.V. Chelovek i prirodnaya sreda severa Baikalskoi Sibiri v pozdnem pleistotsene. Mestonakhozhdenie Bolshoi Yakor’ I. Novosibirsk: Nauka, 2010. 270 p. (In Russ.).

Khamzina A.A. Rezul’taty analiza osteologicheskoi kollektsii mnogosloinoi stoyanki Kazachka (Krasnoyarskii krai). In Tezisy dokladov otchetnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Irkutsk: IGU Publ., 1979. P. 48–49. (In Russ.).

Khlobystin L.P. Izdeliya iz kosti i roga paleoliticheskikh sloev Biryusinskogo poseleniya. In Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1972. No. 185. P. 150–156. (In Russ.).

Lee C., Goebel T. The Slotted Antler Points from Trail Creek Caves, Alaska: New Information on Their Age and Technology. PaleoAmerica, 2016. Vol. 2, iss. 1. P. 40–47. doi:10.1080/20555563.2015.1136727

Lozovskaya O.V. Vkladyshevye orudiya stoyanki Zamost’e 2. In *Kamennyi vek evropeiskikh ravnin: ob”ekty iz organicheskikh materialov i struktura poselenii kak otrazhenie chelovecheskoi kul’tury.* Sergiev Posad: Podkova, 2001. P. 273–291. (In Russ.).

Makarov N.P., Martynovich N.V., Ovodov N.D. Peshchera Eleneva – mnogosloynyy peshchernyy pamyatnik na srednem Yenisei. Kratkiye itogi izucheniya. In *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Peshchery: okhrana, istoriya issledovaniy, kul’tura, turizm, sovremennoe sostoyanie i perspektivy nauchnykh issledovaniy v peshcherakh na territoriyakh byvshego SSSR.* Krasnoyarsk: s. n., 2009. P. 81–103. (In Russ.).

Medvedev G.I. Novye dannye o nizhnikh sloyakh Ust’-Beloi. In *Drevnyaya Sibir’*, 1966. Vol. 2. P. 38–51. (In Russ.).

Mochanov Y.A. The earliest stages of Settlement by People of settlement in Northeast Asia. Novosibirsk: Nauka, 1977. 264 p. (In Russ.).

Novikov A.G., Goryunova O.I., Weber A.V. The mesolithic complex of the Sagan-Zaba II geoarchaeological complex (Baikal lake). *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2014. Vol. 13, iss. 5. P. 117–124. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Shilkinskaya peshchera – pamyatnik drevnei kul'tury verkhov'ev Amura. In *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR.* Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1960. No. 86. P. 9–71. (In Russ.).

Osipowicz G., Orłowska J., Bosiak M., Manninen M.A., Targowski P., Sobieraj J. Slotted bone point from Tłokowo – rewritten story of a unique artefact from Mesolithic Poland. Praehistorische Zeitschrift, 2020. Vol. 95, No. 2. P. 334–349. doi:10.1515/pz-2020-0023

Pitulko V.V. Zhokhovskaya stoyanka. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998. 189 p. (In Russ.).

Savelev N.A., Generalov A.G., Abdulov T.A. Mnogosloinoe arkheologicheskoe mestonakhozhdenie Kazachka kak osnova dlya periodizatsii Kansko-Rybinskoi kotloviny. In *Problema issledovaniya kamennogo veka Evrazii*, Krasnoyrsk: KGPU Publ., 1984. P. 136–142. (In Russ.).

Savelev N.A., Goryunova O.I., Generalov A.G. Raskopki mnogosloinoi stoyanki Gorelyi Les. In *Drevnyaya istoriya narodov Yuga Vostochnoi Sibiri.* 1974. Iss. 4. P. 160–175. (In Russ.).

Shmygun P.E., Filippov A.K. Nizhnii kompleks stoyanki Kurla. In Materialnaya kul'tura drevnego naseleniya Vostochnoi Sibiri. Irkutsk: IGU Publ., 1982. P. 15–24. (In Russ.).

Vishnyatskiy L.B. Bone Grooved Artifacts from the Late Paleolithic site of Berezovy Ruchey I. *Sovetskaya arheologiya*, 1987. No. 3. P. 202–203. (In Russ.).

Zhilin M.G. Daggers-Inserts and Hunting Knives in the Mesolithic of Eastern Europe. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 2019. No. 255. P. 50–70. (In Russ.). doi:10.25681/IARAS.0130-2620.255.50-70

Zhilin M.G., Savchenko S.N., Kosinskaya L.L., Serikov Y.B., Alexandrovsky A.L., Lapteva E.G., Korona O.M., Kosintsev P.A. Mezoliticheskie pamyatniki Gorbunovskogo torfyanika. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. 368 p. (In Russ.).

Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818

Дата сдачи рукописи: 31.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0057-0063
УДК 902.01

Е.Н. Бочарова[1], А.В. Харевич[1]✉, Д.Г. Маликов[2]
И.А. Орешников[3], А.И. Шульга[4], А.А. Анойкин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
Новосибирск, Россия
[3]ФГП ВО ЖДТ России на Красноярской железной дороге
Красноярск, Россия
[4]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Верхнепалеолитическая стоянка Сидориха на Среднем Енисее: результаты работ 2024 года

В статье представлены результаты археологических исследований стоянки Сидориха (Республика Хакасия), проведенных в 2024 г. Объект, расположенный на высокой террасе Енисея, на левобережье Красноярского водохранилища, представляет собой однослойный стратифицированный археологический комплекс, относящийся к финальному палеолиту. Основной задачей исследований 2024 г. было продолжение изучения прикостровой зоны памятника, начатого в 2023 г., поиск новых участков стратифицированного залегания артефактов в границах объекта и сбор подъемного материала на береговой отмели в устьевой части лога, где локализована стоянка. В ходе работ 2024 г. подъемный материал обнаружен только на левом борту лога, где впоследствии был заложен разведочный шурф в целях уточнения границ памятника, не показавший наличия здесь культурного слоя. Основной участок работ связан с шурфом 2023 г., к юго-западной стенке которого, согласно основному направлению распространения концентрации археологического материала, был прирезан раскоп площадью 6,5 м^2. В результате раскопок с данного участка был получен археологический материал в количестве 133 экз., залегающий на одном уровне и представленный в основном мелкими сколами и чешуйками. Наиболее интересными находками являются серия долотовидных орудий и утилизационные сколы, образовавшиеся в процессе их использования. Немногочисленные фаунистические находки представлены костями зайца, сурка и суслика. Исследования 2024 г. дополнили и подтвердили уже имеющиеся данные о характере заселения и типе стоянки Сидориха. На основе имеющегося ассамбляжа и характера сопровождающего его остеологического материала можно заключить, что исследованный в 2023–2024 гг. участок стоянки является местом разового и кратковременного эпизода заселения, во время которого осуществлялась охотничья деятельность, сопровождавшаяся активным использованием и подживлением/переоформлением принесенных с собой орудий определенных типов.

Ключевые слова: *Енисей, Красноярское водохранилище, стоянка, финальный верхний палеолит, планиграфия.*

E.N. Bocharova[1], A.V. Kharevich[1]✉, D.G. Malikov[2],
I.A. Oreshnikov[3], A.I. Shulga[4], A.A. Anoykin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
Novosibirsk, Russia
[3]FGP VO ZhDT of Russia on Krasnoyarsk railroad,
Krasnoyarsk, Russia
[4]Novosibirsk State University
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Upper Paleolithic Sidorikha Site on the Middle Yenisei: Results of Research in 2024

This article presents the results of archaeological research at the Sidorikha site (Republic of Khakassia), which was done in 2024. The site is located on a high terrace of the Yenisei River on the left bank of the Krasnoyarsk Reservoir. It is a single-layer stratified archaeological complex dating to the Final Paleolithic. The main objectives of this year's research were to continue studying

the area around the hearth, which started in 2023, search for new areas with stratified artifact deposits within the site's boundaries, and to collect surface material evidence. During the fieldwork, surface materials were found only on the opposite, left side of the gully where a test pit was made for clarifying the boundaries of the site. No cultural layer was discovered there. The primary area of works focused on the test pit of 2023, where an additional 6.5-square-meter excavation was added to the southwestern wall, following the main direction of artifact concentration. As a result, 133 artifacts, primarily small spalls and flakes, were recovered from this area. All artifacts occurred at the same level. The most notable finds were a series of chisel-like tools and utilization flakes from their use. Faunal remains were sparse and included bones of hare, marmot, and gopher. New research supplemented and confirmed previous data about the habitation and type of the Sidorikha site. The assemblage and accompanying osteological evidence indicated that the area excavated in 2023–2024 resulted from a single short-term habitation event revealing hunting activities as well as active use and repair of specific types of tools brought to the site.

Keywords: *Yenisei, Krasnoyarsk Reservoir, site, Final Upper Paleolithic, planigraphy.*

Введение

Стоянка Сидориха расположена на левом берегу Красноярского водохранилища, в 14 км к востоку от с. Первомайского (Боградский р-н, Республика Хакасия) (рис. 1, *1*). В ходе полевых исследований, проведенных в 2020 и 2022–2023 гг. было установлено, что стоянка Сидориха – это стратифицированный археологический объект, включающий один культурный горизонт, относящийся к финальному палеолиту. Данную атрибуцию подтверждает как характер каменного инвентаря, так и абсолютная датировка, полученная по сопровождающим археологические материалы фаунистическим остаткам 14 624–14 222 кал. л.н. [Харевич и др., 2023]. В 2024 г. исследования стоянки были продолжены отрядом ИАЭТ СО РАН. В задачи экспедиции входило изучение прикостровой зоны памятника, начатое в 2023 г., поиск новых участков стратифицированного залегания артефактов в границах объекта и сбор подъемного материала на участках размыва берега в устьевой части лога, где локализована стоянка.

Исследование стоянки Сидориха в 2024 году

Памятник локализован на правом борту долины р. Сидорихи, на берегу небольшого залива с сезонным заполнением водой, переходящего в овраг. От устья р. Сидорихи он находится южнее на 0,8 км (рис. 1, *2*). До затопления эта территория представляла собой участок высокого берега р. Енисей с превышением над руслом до 50 м.

В ходе раскопок 1989–1991 гг. стоянки Сабаниха, расположенной в 1 км к югу, Н.Ф. Лисицын эпизодически проводил сборы подъемного материала вдоль береговой линии водохранилища, в т.ч. и на приустьевых участках и в устье р. Сидорихи. Однако собранная на этом участке коллекция подъемного материала была малочисленной и невыразительной, поэтому как самостоятельный археологический объект местонахождение Сидориха выделено не было. В 2020 г. В.М. Харевичем здесь были осуществлены новые сборы подъемного материала, а также проведена шурфовка береговых обнажений. В результате этих работ была получена представительная коллекция подъемного материала, а также зафиксированы артефакты, залегающие *in situ*. Это позволило выделить Сидориху как отдельный стратифицированный археологический объект.

В 2022 г. в предполагаемых границах стоянки снова проводились сборы подъемного материала, который включал нуклеусы для пластин и пластинок, клиновидные нуклеусы, скребки и скребла на отщепах и пластинах и др. [Харевич и др., 2022]. В 2023–2024 гг. исследования были направлены на получение новых данных о стратиграфии стоянки и изучение культуросодержащих отложений на ней. В 2023 г. здесь был заложен шурф, вскрывший непотревоженный участок культурного слоя. Основная масса артефактов, в пределах этого горизонты, концентрировалась вокруг маломощного кострища, являющегося свидетельством разового и кратковременного заселения данного участка. В найденной индустрии, помимо продуктов первичного расщепления, присутствовали микроскребки, скребок, долотовидные орудия и фрагмент базальной части рогового орудия. Немногочисленный фаунистический материал не отличался видовым разнообразием и включал остатки северного оленя и некрупных птиц. [Харевич и др., 2023].

Первый этап работ 2024 г. на объекте, включающий визуальный осмотр территории, показал, что сохранность стоянки в целом удовлетворительная, хотя часть берега, с которой связана стоянка, в некоторых местах частично разрушена, т.к. здесь находится спуск находящихся на сезонных пастбищах лошадей к водопою. Осмотр береговой зоны залива не выявил новых скоплений экспонированных артефактов, что, скорее всего, объясняется низким уровнем воды Красноярского водохранилища в 2022–2023 гг., т.к. прилегающая к стоянке береговая зона затапливается только при отметках зеркала воды, близких максимальным [Уровни...]. Единственной находкой является клиновидный одноплощадочный однофронтальный микронуклеус (рис. 1, *3*), обнаруженный на противоположном от стоянки левом борту залива, где в предыдущие годы в небольших осыпях также производились сборы подъемного материала. В целях уточнения границ распространения культуросодержащих слоев здесь были проведены рекогносцировочные

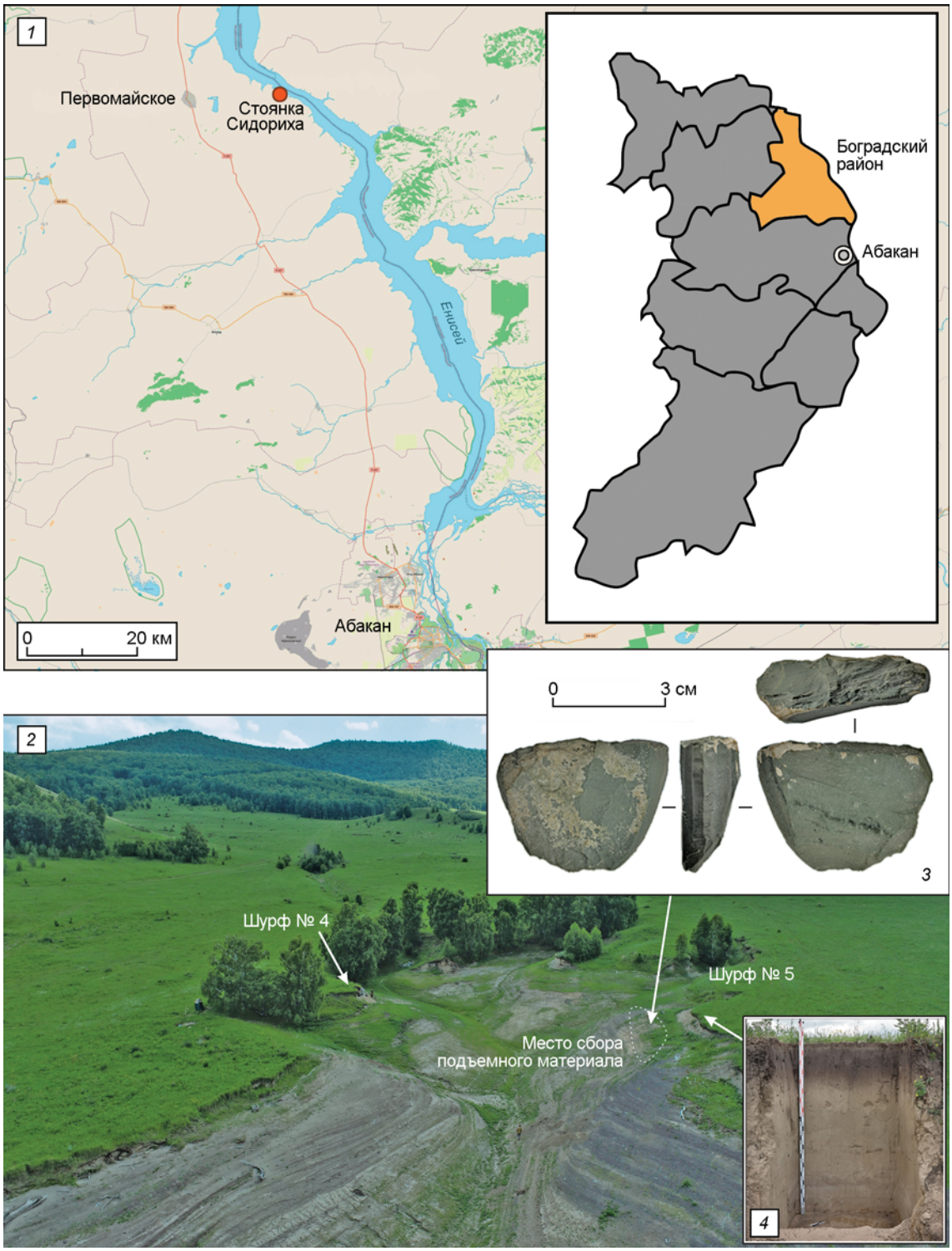

Рис. 1. Стоянка Сидориха.

1 – расположение стоянки Сидориха; *2* – общий вид на стоянку Сидориха; *3* – клиновидный нуклеус, подъемный материал; *4* – шурф 2024 г., стратиграфический профиль.

раскопочные работы. На бровке левого борта залива был заложен шурф-врезка размером 1 × 1 м (шурф № 5) (рис. 1, *4*). Его сводный разрез включает следующие литологические подразделения (сверху вниз).

Слой 1. Современная почва. Темно-серый гумусированный алевропесок. Подошва неровная. Мощность 0,4 м (0,0–0,4 м).

Слой 2. Светло-палевый с буроватым оттенком неслоистый алевропесок. Мощность 0,3 м (0,4–0,7 м).

Слой 3. Светло-серый не слоистый алевропесок. Мощность 0,75 м (0,7–1,45 м).

Слой 4. Серый алевропесок с белесым налетом, с включением дресвы, карбонизированный. Подошва неровная. Мощность 0,1 м (1,45–1,55 м).

Слой 5. Светло-палевый с белесым оттенком неслоистый алевропесок. Мощность видимая 0,3 м (1,55–1,9 м).

В шурфе не было зафиксировано какого-либо фаунистического и/или археологического материала. Это, с учетом периодического обнаружения экспонированных артефактов на данном участке, ставит вопрос о необходимости проведения более масштабных рекогносцировочных работ на левом борту залива. Возможно, здесь также локализованы одна/несколько кратковременных стоянок с минимальным инвентарем, что, с одной стороны, сильно осложняет их поиск, но с другой, в случае их обнаружения, позволит существенно расширить наши представления о характере освоения древним человеком этой территории в поздние этапы палеолита, а также дать дополнительные данные о палеогеографии региона в финале позднего плейстоцена.

Основной целью работ 2024 г. было логическое завершение этапа раскопочных работ предыдущего года, в связи с чем к юго-восточной стенке шурфа 2023 г. был прирезан раскопочный участок площадью 6,5 м^2 (шурф № 4) (рис. 2). При проведении работ в 2023 г. здесь было обнаружено скопление культурных остатков *in situ*, включающее, помимо каменных артефактов и остатков фауны, небольшое кострище. При работах прошлого года само кострище было вскрыто полностью, однако характер залегания археологического материала указывал на его возможное распространение в восточном направлении (к руслу Енисея).

В ходе работ рыхлые отложения были вскрыты на глубину до 1,8 м. Полученный стратиграфический профиль хорошо согласуется с разрезом юго-восточной стенки раскопа 2023 г. (сводное описание, сверху вниз) (рис. 2, *2*).

Слой 1. Современная почва (горизонт «А»), представленная темно-серым гумусированным алевропеском с неровной подошвой. Мощность слоя составляет 0,7 м (0,0–0,70 м).

Слой 2. Современная почва (горизонт «В»), карбонизированный серый алевропесок с белесыми разводами. Подошва также неровная, мощность 0,25 м (0,70–0,95 м).

Слой 3. Светло-палевый алевропесок с буроватым оттенком, неслоистый, представляющий собой лессовидный опесчаненный субаэральный покров. Мощность слоя 0,4 м (0,95–1,35 м).

Слой 4. 1,35–1,45 м. Культурный горизонт в более темном алевропеске по сравнению с подстилающими и перекрывающими слоями 3 и 5. Толщина горизонта варьируется от 5 до 10 см, мощность 0,1 м (1,35–1,45 м).

Слой 5. 1,45–1,75 м. Светло-палевый алевропесок с буроватым оттенком, неслоистый, с ровной подошвой. Лессовидный опесчаненный субаэральный покров. Видимая мощность 0,3 м (1,45–1,75 м).

Коллекция археологического материала не многочисленна, плотность находок в слое невысокая, в основном сосредоточены у кострища и обрамляют его с восточной стороны (рис. 3, *1*). Коллекция каменного инвентаря из культурного слоя насчитывает 133 экз.

Анализ сырьевой базы каменной индустрии стоянки показал, что в ней представлено пять основных видов пород, при этом не все они являются характерными для галечника Енисея.

В коллекции представлены:

– кварц, черные жильные примеси указывают на то, что это может быть горный хрусталь, редко встречается карбонатный налет;

– аргиллит с включениями мелкозернистого кварца, цвет от коричневого до черного;

– кремнистая зелено-сероватая полосчатая порода, скрытозернистая, окатанная;

– серо-зеленый алевролит, в карбонатном налете;

– яшмоид, пятнистый (от рыже-коричневого до бледно зелено-черного), скрытозернистая структура, непрозрачный.

Артефакты из яшмоидов и кварца (горный хрусталь) в материалах позднепалеолитических комплексов Среднего Енисея встречаются редко [Палеолит Енисея, 1991; Лисицын, 2000; Палеолит Енисея..., 2005; Палеолит Дербинского залива, 2018].

Как и в коллекции прошлого года, основную часть находок составляют мелкие отщепы (до 3 см) (41 экз.) и чешуйки (84 экз.). К категории отходов производства относится также обломок (1 экз.). Индустрию сколов иллюстрируют микропластины (5 экз.) и пластинчатый скол (1 экз.).

Орудийный набор представлен одним долотовидным орудием. Это небольшое по размеру изделие (95 × 194 мм) с двумя противолежащими рабочими краями практически полностью сработано (рис. 3, *2*). Важно отметить, что два отщепа, из обнаруженных на этом участке при работах 2023 г., являются сколами, полученными в процессе эксплуатации данного орудия, при его продольной фрагментации [Харевич и др., 2021]. Оба фрагмента апплицируются между собой и с орудием (рис. 3, *2*). Также при работах 2024 г. был найден отщеп с частично сохранившимся рабочим лезвием, апплицирующийся с долотовид-

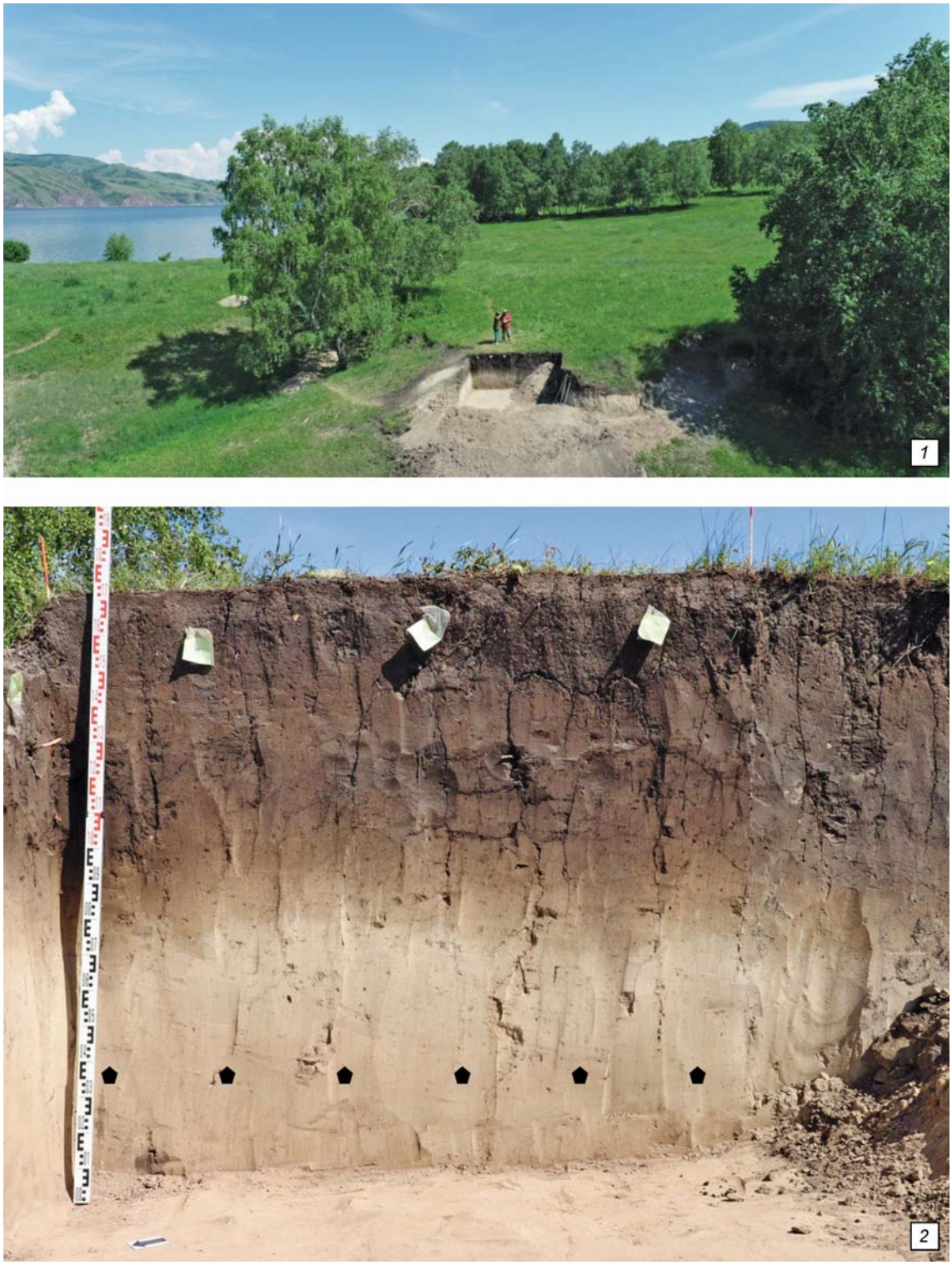

Рис. 2. Стоянка Сидориха, раскоп 2024 г.
1 – раскоп 2024 г., вид сверху; *2* – стратиграфический профиль, юго-восточная стенка.

ным орудием из шурфа 2023 г. [Харевич и др., 2023] (рис. 3, *3*).

Кроме археологического материала при раскопках 2024 г. была получена значительная коллекция остеологического материал, в т.ч. определимого. Хотя основную часть фаунистических находок составляли мелкие фрагменты сильно раздробленных костей, в полученной коллекции удалось установить присутствие следующих групп животных: *Lepus* ex gr. *tanaiticus-timidus* (заяц-беляк), *Marmota* sp. (сурок), *Urocitellus* sp. (суслик). В остальных случаях видовые определения были невозможны, но часть остатков

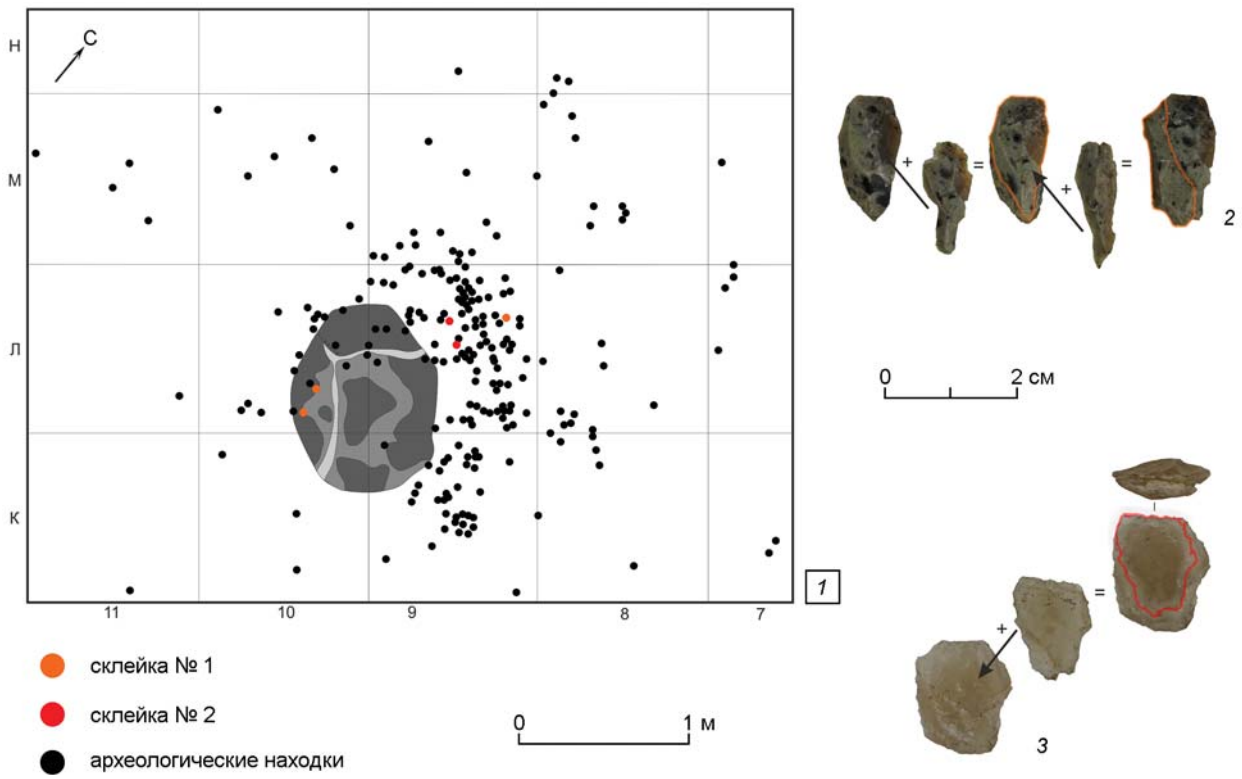

Рис. 3. Стоянка Сидориха, планиграфия и археологические находки.
1 – план распределения находок, раскопки 2020, 2023–2024 гг.; *2*, *3* – долотовидные орудия и аппликируемые сколы к ним.

можно отнести к млекопитающим мелкого (сурок/заяц) и среднего (горный баран / северный олень) размеров. Среди определимого материала наиболее представительными являются остатки двух особей зайца, представленные как фрагментами головы, так и конечностей. Ранее [Там же] в местонахождении были определены остатки северного оленя, к которым, возможно, относятся вновь полученные фрагменты млекопитающих среднего размера.

Заключение

Анализируя весь комплекс находок, полученный на стоянке Сидориха за несколько лет исследования, можно предполагать, что здесь представлено несколько техкомплексов финального палеолита, в первую очередь, с учетом экспонированных материалов. При этом отнесение всех стратифицированных артефактов к единой культурной традиции и, возможно, к одному эпизоду заселения, представляется очевидным. Археологические находки *in situ* не имеют ярких культурных маркеров, но, учитывая присутствие в подъемном комплексе ряда специфических типов предметов (нуклеусы для пластин и крупных пластин, определенные типы резцов и костяных наконечников), позволяют отнести эти материалы к кокоревской культурной традиции финального палеолита Енисея. При этом следует отметить, что каменные артефакты, найденные в стратифицированных условиях, не имеют однозначной культурной интерпретации и встречаются как в афонтовской, так и в кокоревской индустриях [Абрамова, 1979а, б]. При этом отсутствие в комплексе всех находок каких-либо специфических афонтовских черт, в противоположность кокоревским, предполагает большую вероятность последней культурной атрибуции. Невысокая плотность артефактов и их приуроченность к кострищу, с которым они составляют единый комплекс, позволяет интерпретировать памятник как кратковременную одномоментную стоянку. При этом большой процент чешуек в коллекции указывает на тип деятельности, в первую очередь связанный с производством или подправкой каменных орудий, что подтверждается наличием аппликируемых сколов и орудий [Харевич и др., 2023]. Большинство таких изделий представлены долотовидными орудиями, что, наряду с наличием среди находок фрагмента наконечника из рога, указывает на возможное производство или ремонт костяных или роговых орудий.

Стоянка Сидориха выделяется среди других памятников кокоревской культуры своим расположением на высокой террасе р. Енисей, в то время как основные стоянки этой индустриальной общности (Новоселово VI, VII, Кокорево I и др.) находятся на более низких уровнях [Абрамова, 1979б]. Это нехарактерное расположение, вероятно, связано с особенностями долины Енисея на данном участке, где она на много километров представляет узкий каньон с высокими и крутыми берегами, где удобные для обитания припой-

менные участки отсутствуют. Однако финальнопалеолитические стоянки, обнаруженные и раскопанные на Красноярском водохранилище в последнее время, также расположены на высоких гипсометрических уровнях [Палеолит Дербинского залива, 2018]. Вместе с тем от других известных стоянок кокоревской культуры Сидориху отличает относительная малочисленность артефактов, редкость в коллекции крупных сколов и очень большой процент мелких отщепов/чешуек, что может быть вызвано труднодоступностью источников сырья (енисейский галечник), например в зимний сезон, и кратковременностью заселения стоянки.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979а. – 160 с.

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979б. – 200 с.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 230 с. – (Труды ИИМК РАН; т. II).

Палеолит Дербинского залива / Е.В. Акимова, И.В. Стасюк, В.М. Харевич, С.А. Лаухин, А.Н. Мотузко, А.Ф. Санько. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 180 с.

Палеолит Енисея / З.А. Абрамова, С.Н. Астахов, С.А. Васильев, Н.М. Ермолова, Н.Ф. Лисицын. – Л.: Наука, 1991. – 158 с.

Палеолит Енисея. Лиственка / Е.В. Акимова, Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, С.А. Лаухин, Л.А. Орлова, А.Ф. Санько, Е.А. Шпакова. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2005. – 180 с.

Уровни водохранилищ ГЭС // Сайт РусГидро. – URL: https://rushydro.ru/informer/ (дата обращения: 01.10.2024).

Харевич А.В., Харевич В.М., Федорченко А.Ю., Колобова К.А. Экспериментальный анализ долотовидных изделий из верхнепалеолитических комплексов Центральной Азии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2021. – Т. 20, вып. 5: Археология и этнография. – С. 55–68. – doi:10.25205/1818-7919-2021-20-5-55-68

Харевич В.М., Бочарова Е.Н., Харевич А.В., Павленок Г.Д., Анойкин А.А. Новый памятник финального верхнего палеолита на побережье Красноярского водохранилища: стоянка Сидориха // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. 28 – С. 359–364.

Харевич В.М., Бочарова Е.Н., Харевич А.В., Павленок Г.Д., Чистяков П.В., Гришин А.А., Орешников И.А., Анойкин А.А. Археологические работы на верхнепалеолитической стоянке Сидориха (Средний Енисей) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX – С. 382–386.

References

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Afontovskaya kultura. Novosibirsk: Nauka, 1979a. 160 p. (In Russ.).

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Kokorevskaya kultura. Novosibirsk: Nauka, 1979b. 200 p. (In Russ.).

Abramova Z.A., Astakhov S.N., Vasilev S.A., Ermolova N.M., Lisitsyn N.F. Paleolit Eniseya. Leningrad: Nauka, 1991. 158 p. (In Russ.).

Akimova E.V., Drozdov N.I., Chekha V.P., Laukhin S.A., Orlova L.A., Sanko A.F., Shpakova E.A. Paleolit Eniseya. Listvenka. Krasnoyarsk: KGPU Publ., 2005. 180 p.

Akimova E.V., Stasyuk I.V., Kharevich V.M., Laukhin S.A., Motuzko A.N., Sanko A.F. Paleolith of Derbyna Bay. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. 180 p. (In Russ.).

Kharevich A.V., Kharevich V.M., Fedorchenko A.Y., Kolobova K.A. Experimental Analysis of Splintered Pieces from Upper Paleolithic Assemblages of Central Asia. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2021. Vol. 20, iss. 5. P. 55–68. (In Russ.). doi:10.25205/1818-7919-2021-20-5-55-68

Kharevich V.M., Bocharova E.N., Kharevich A.V., Pavlenok G.D., Anoikin A.A. New Final Upper Paleolithic Site on the Krasnoyarsk Reservoir: Sidorikha Site. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 28. P. 359–364. (In Russ.).

Kharevich V.M., Bocharova E.N., Kharevich A.V., Pavlenk G.D., Chistyakov P.V., Grishin A.A., Oreshnikov I.A., Anoikin A.A. Archaeological Research at the Upper Paleolithic Site Sidorikha (Middle Yenisei). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 382–386. (In Russ.).

Lisitsyn N.F. Pozdnii paleolit Chulymo-Eniseiskogo mezhdurechya. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000. 230 p. (In Russ.).

Urovni vodokhranilishch GES. In *RusHydro website*. URL: https://rushydro.ru/informer/ (Accessed: 01.10.2024). (In Russ.).

Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818
Харевич А.В. https://orcid.org/0000-0002-2267-2452
Маликов Д.Г. https://orcid.org/ 0000-0002-1288-4937
Шульга А.И. https://orcid.org/ 0009-0003-2652-788X
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259

Дата сдачи рукописи: 23.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0064-0069
УДК 902.01

Е.Н. Бочарова, П.В. Чистяков✉, В.М. Харевич

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: pavelchist@gmail.com

Технологические аспекты изготовления композитных пазовых орудий: экспериментальное моделирование и анализ формы пазов

В статье рассматривается один из основных технологических этапов изготовления композитных пазовых орудий, а именно изготовление паза. Исследование направлено на выявление факторов, влияющих на зависимость формы паза от типа орудия и направления движения. Ранее малые размеры пазов и невозможность получения их поперечных сечений у целых орудий осложняли изучение их формы, однако внедрение 3D-сканирования позволяет получать сечения и анализировать морфологию пазов без разрушения артефактов. Исследование включало два этапа: экспериментальное моделирование и анализ формы пазов с использованием 3D-технологий. Эксперименты выполнялись на роговых заготовках с использованием изготовленных из темноцветных силицитов микропластин, микрорезца и проколки и предусматривали прорезание пазов одно- и бинаправленными движениями. Для анализа полученных пазов использовались 3D-сканирование и моделирование, позволившие создать серии поперечных сечений и провести метрические измерения. Анализ формы паза показал, что однонаправленные движения микропластинами и микрорезцом формируют V-образные профили пазов, тогда как бинаправленные движения приводят к изменению формы от W-образной к U-образной. Поломка инструментов приводила к увеличению ширины дна паза (U-образная форма сечения) и могла нарушить симметрию его бортов. При изготовлении паза форма его поперечного сечения может изменяться по его длине в зависимости от типа орудия и состояния рабочей кромки. В ходе проведения экспериментов также было обнаружено влияние положения инструмента в пазе на симметрию/асимметрию поперечного профиля и ширину паза. Отмечено, что борт, к которому прилегает вентральная поверхность инструмента, остается более ровным и прямым по сравнению с противоположным бортом. Это и другие наблюдения требуют дальнейшей экспериментальной проверки на большей серии экспериментов.

Ключевые слова: *эксперимент, композитные пазовые орудия, паз, 3D-моделирование.*

E.N. Bocharova, P.V. Chistyakov✉, V.M. Kharevich

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: pavelchist@gmail.com

Technological Aspects of Manufacturing Composite Slotted Tools: Experimental Modeling and Slot Shape Analysis

This article discusses the technology of manufacturing composite slotted tools, specifically focusing on slot production. The research was aimed at identifying the factors which influenced the dependence between slot shape, tool type, and movement direction. Previously, small size of slots and inability to obtain cross-sections of intact tools complicated slot shape studies. Implementation of 3D scanning has made it possible to produce cross-sections and analyze the morphology without damaging the artifacts. The research involved two stages: experimental modeling and slot shape analysis using 3D technologies. Experiments were conducted on horn blanks with microblades, microburin, and micro-perforator made of dark-colored silicites, involving both unidirectional and bidirectional slot incisions. 3D scanning and modeling were employed for slot analysis, making it possible to create cross-sectional series and take metric measurements. The analysis revealed that unidirectional movements with microblades and microburin produced V-shaped slot profiles, whereas bidirectional movements led to shape changes from W-shaped to U-shaped. Tool breakage also affected slot profiles, increasing the width of slot bottom (U-shaped cross-section) and breaking wall symmetry. Slot shape was found to vary along its length depending on tool type and condition of the working edge. Experiments also revealed the influence of tool position in the slot on cross-sectional symmetry/asymmetry and slot width. The wall which was in contact with the ventral side of the tool was straighter and smoother than the opposite wall. These and other observations require further experimental verification and a larger series of experiments.

Keywords: *experiment, composite slotted tools, slot, 3D modeling.*

Начиная с 16–15 тыс. л.н. композитные костяные и роговые орудия широко распространяются на территории Восточной Сибири [Абрамова, 1979а, б; Акимова, Вдовин, Макаров, 1996; Инешин, Тетенькин, 2010; История..., 2022; Павленок, 2014; Питулько, 1998; и др.]. Их распространение связано с активным развитием различных вариантов микропластинчатых технологий, направленных на получение микропластинок с прямым профилем, которые и использовались в качестве взаимозаменяемых частей пазовых орудий. Однако в настоящий момент в археологических исследованиях наблюдается дисбаланс – каменные вкладыши изучаются в контексте работ по исследованию технологии расщепления и обработки камня (напр.: [Инешин, Тетенькин, 2010; Питулько, 2014]), морфология роговых и пазовых основ также освещена в археологической литературе (напр.: [Акимова, Вдовин, Макаров, 1996; Павленок, 2014; Жилин, 2019]), в то время как технологии изготовления пазов и их формы практически не исследованы либо упоминаются в контексте описания всей основы. Однако форма пазов составных орудий имеет важное значение для реконструкции технологических приемов обработки кости и рога, использовавшихся в древности. Ранее проведенные исследования на основе экспериментального моделирования позволили выделить несколько основных типов поперечных профилей пазов: V-, U-, W-образные и трапециевидные. Установлена зависимость формы паза от типа орудия и движения [Чаиркин, Жилин, 2005; Савченко, 2014; Savchenko, 2010]. По данным исследователей, V-образный паз формировался при движении резчиком (обломок пластины без вторичной обработки) в одном направлении при условии, что лезвие не выкрашивалось/затуплялось; в противном случае паз принимал U-образный профиль [Савченко, 2014]. W-образная форма возникала при изменении направления движения инструмента, а трапециевидное сечение наблюдалось при оформлении рабочей кромки резцовым сколом [Чаиркин, Жилин, 2005]. Однако изучение формы пазов было затруднено из-за их небольших размеров и невозможности получить поперченное сечение пазов у целых орудий. С внедрением в практику археологических исследований 3D-сканирования и 3D-моделирования это ограничение может быть преодолено. Использование 3D-моделирования позволяет проводить анализ морфологии пазов без их разрушения и дает возможность получения наборов поперечных сечений для метрических измерений. Целью данного исследования является изучение процессов изготовления пазов на роговых заготовках и выявление закономерностей изменения формы пазов (их поперечных сечений) в зависимости от применяемых орудий и трудовых операций. В качестве основы используются серии поперечных сечений экспериментальных пазов.

При проведении эксперимента мы исходили из предположения, что морфология паза определяется двумя основными факторами – формой/размерами используемого инструмента и способом выполнения паза. Для проверки данного предположения была предпринята серия из четырех экспериментов (рис. 1).

В качестве обрабатываемого материала использовались дистальные части отростков рогов лося и марала. Поверхность рогов смачивалась водой и предварительно зачищалась отщепом. На каждом отростке было прорезано по два паза вдоль его длины.

Прорезание пазов осуществлялось микропластинами без ретуши (рис. 2, *а*, *б*), микорезцом (рис. 3, *а*), проколкой (рис. 3, *б*). Заготовками для орудий служили микропластины из темноцветных силицитов.

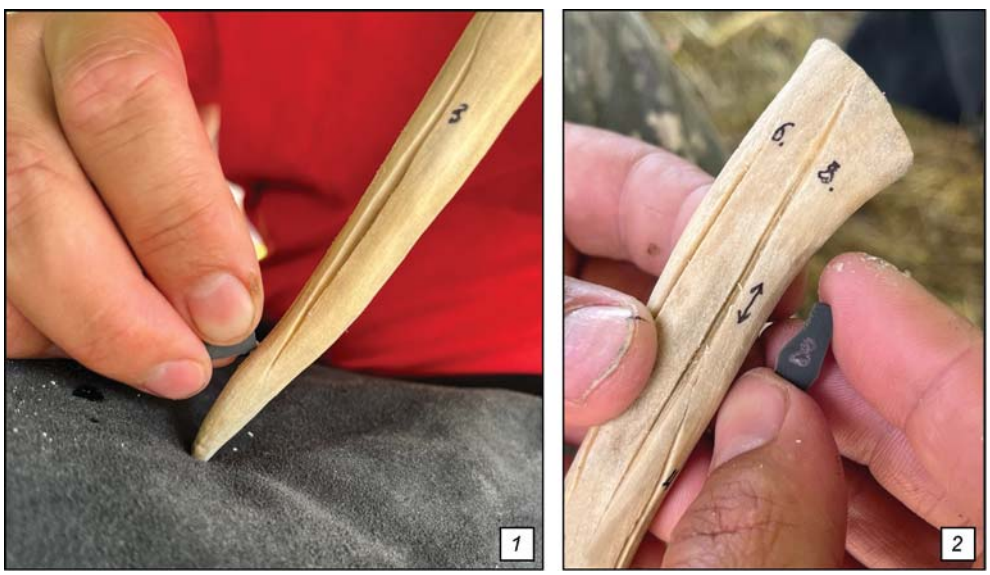

Рис. 1. Экспериментальное моделирование.
1 – прорезывание паза микропластиной; *2* – прорезывание паза микорезцом.

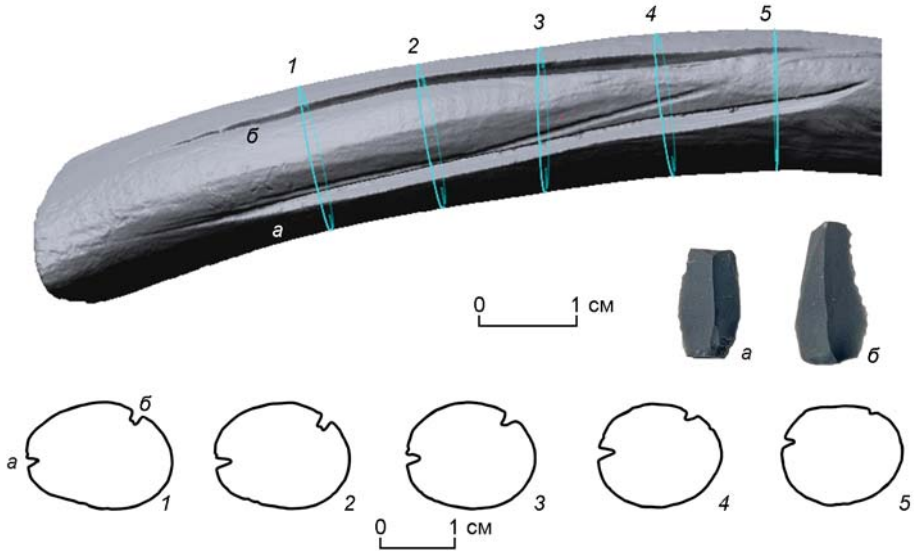

Рис. 2. Анализ формы сечений пазов, сделанных микропластинами.
а – фрагмент микропластины, однонаправленные движения; *б* – микропластина, бинаправленные движения.
1–5 – поперечные сечения.

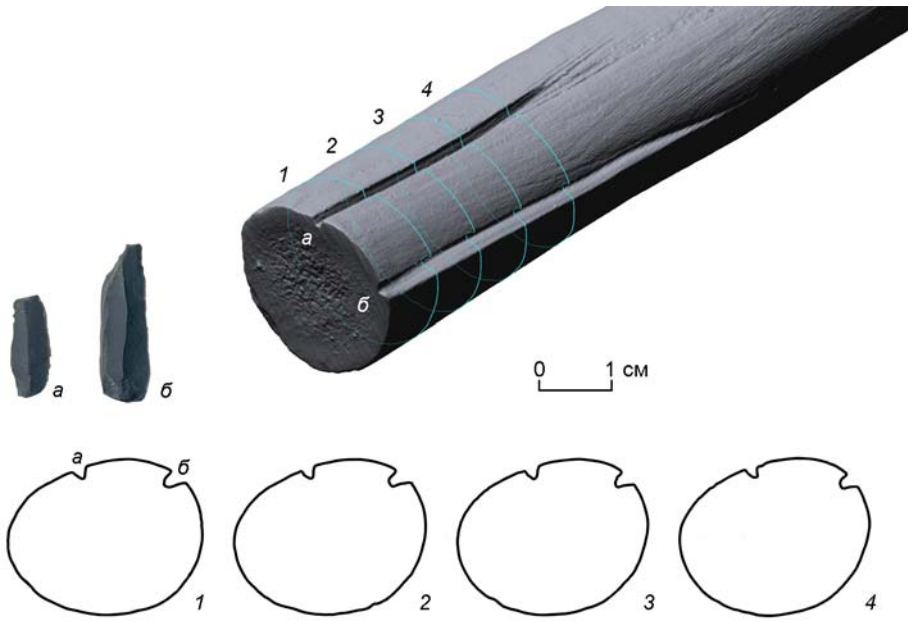

Рис. 3. Анализ формы сечений пазов, сделанных микрорезцом и проколкой.
а – микрорезец; *б* – проколка.
1–4 – поперечные сечения.

Выполнение экспериментального паза включало два этапа. На первом этапе на отщепе с тонким краем в месте будущего паза короткими возвратно-поступательными движениями прорезалась тонкая бороздка. Данный этап необходим для того, чтобы паз имел форму прямой линии. Прорезание паза по неподготовленной поверхности приводило к тому, что он приобретал вид волнистой линии. Второй этап – прорезание паза, осуществляемое одно- или бинаправленными движениями.

После изготовления пазов была проведена их детальная цифровая документация. Трехмерное сканирование осуществлялось с помощью сканера структурированного подсвета Range Vision Spectrum 3.1, с использованием поворотного стола без маркеров. Сканирование и дальнейшая обработка проводились при использовании стандартного протокола для сканирования артефактов сканерами структурированного подсвета [Чистяков и др., 2019; Колобова и др., 2020; Чистяков, Бочарова, Колобова, 2021]. Измерения, построение профилей, создание сечений (встроенной функцией Измерение Сечений) осуществлялось в программе Geomagic Design X (см. *таблицу*).

Необходимо отметить, что под симметричным пазом подразумевается симметричный поперечный профиль паза – углубление, выполненное в роговой

Метрические измерения экспериментальных пазов

Измеряемые параметры, мм	Паз			
	выполненный микропластиной →	выполненный микропластиной ←→	выполненный микрорезцом →	выполненный проколкой →
Длина паза	64,56	73,97	44,72	63,78
Глубина паза				
сечение 1	1,62	1,83	1,34	2,75
сечение 2	2,19	1,83	1,32	2,65
сечение 3	1,90	1,88	1,27	2,32
сечение 4	2,49	1,82	1,14	2,05
сечение 5	2,04	1,04	–	–
Расстояние между бортами				
сечение 1	1,28	1,90	2,26	2,85
сечение 2	1,60	1,93	2,09	2,72
сечение 3	1,60	2,01	2,19	2,69
сечение 4	1,81	1,91	1,88	2,59
сечение 5	1,45	1,27	–	–

заготовке, форма и размеры которого одинаковы с обеих сторон центральной оси дна паза.

В результате проведенного эксперимента были проанализированы серии поперечных сечений пазов, выполненных разными типами орудий и при разных направлениях движения:

– паз, прорезанный фрагментом микропластины, выполнявшей однонаправленные движения. В процессе работы рабочий край сломался, после чего была обновлена рабочая кромка, и продолжен эксперимент. Для анализа формы пазов орудия было сделано 5 поперечных сечений на равном расстоянии друг от друга (слева направо от 1 до 5) (см. рис. 2, *а*). Было определено, что паз имеет V-образную форму по всей длине (64,56 мм). В середине и в одном из концов роговой заготовки (сечение 3, 5) дно паза приобретает чуть более скругленную форму. Расстояние между бортами паза варьируется от 1,28 (сечение 1) до 1,81 мм (сечение 4). Стенки паза ровные, имеют одинаковую высоту в сечениях 1–2 (1,7 и 2 мм), в сечениях 3–5 высота левого паза незначительно больше правого: максимальная разница высот фиксируется в зоне сечения 4: 2 мм левый, 2,4 мм – правый борта;

– паз, прорезанный микропластиной выполнявшей бинаправленные движения (см. рис. 2, *б*). Длина паза 73,97 мм. Форма паза изменяется от W-образной (сечения 1–2) до U-образного (сечения 3–5). Расстояние между бортами паза варьируется от 1,27 мм (сечение 5) до 2,1 мм (сечение 3), глубина паза 1,83 мм остается стабильной практически по всей длине. Стенки паза ровные. На участке, где паз имеет W-образную форму, стенки паза прямые (параллельны друг другу), когда паз приобретает U-образную форму, борта паза начинают сходиться в одну точку;

– паз, прорезанный микрорезцом, выполнявшим однонаправленные движения, рабочая кромка выкрашивалась в процессе работы. Для анализа формы пазов орудия было сделано 4 сечения на равном расстоянии друг от друга (слева направо от 1 до 4) (рис. 3, *а*). Длина паза 44,72 мм, глубина от 1,14 (сечение 4) до 1,34 мм (сечение 1). Паз имеет V-образное сечение по всей длине. Расстояние между бортами паза варьируется от 1,88 (сечение 4) до 2,26 мм (сечение 1). Стенки паза ровные. В месте сечения 4 высота борта правого паза (1,2 мм) меньше левого (1,7 мм), что объясняется глубокой бороздой, которая образовалась при разметке паза;

– паз, выполненный проколкой, выполнявшей движение в одном направлении. Проколка сломалась в процессе утилизации: в самом начале работы выкрошился кончик, затем при формировании паза сломалось острие (рис. 3, *б*). Длина паза 63,78 мм, глубина варьирует от 2,05 до 2,75 мм. Форма паза U-образная, расстояние между бортами паза от 2,59 (сечение 4) до 2,85 мм (сечение 1). Стенки бортов паза ровные, кроме сечения 3 – левый борт имеет «ступеньку», что может быть связано со выкрашиванием кромки в начале работы. Борта не симметричны: высота правого борта больше (1,4–1,7 мм – высота левого борта, 1,8–2,3 мм – высота правого борта).

Использование орудий с разными формами лезвий приводит к образованию пазов различной формы, например, тонкая в поперечном сечении микропластина и микрорезец формируют V-образные пазы при движении в одном направлении. Изменение направления движения оказывает значительное влияние на форму паза. В случае, где инструмент (микропластина) двигался возвратно-поступательно, наблюдается трансформация формы сечения паза от U-образной к W-образной. В противоположность этому пазы, выполненные при движении инструмента в одном направлении, демонстрируют лишь незначительные изменения формы по длине. Поломка инструментов также оказала влияние на форму пазов. После поломки микропластины наблюдается расширение дна паза

и увеличение асимметрии бортов, особенно в средней части. Аналогичная ситуация фиксируется для паза, где выкрашивание кончика проколки могло повлиять на появление ступенчатой деформации левого борта паза и формирование U-образной формы паза.

Сравнение результатов с ранее опубликованными экспериментальными данными показывает, что различные типы орудий формируют характерные по форме в поперечном сечении профили пазов. В ходе нашего эксперимента также были зафиксированы V-, U- и W-образные профили, которые были описаны ранее [Чаиркин, Жилин, 2005; Савченко, 2014]. Например, использование микропластины и микрорезца при движении в одном направлении привело к формированию V-образных пазов, что совпадает с данными С.Н. Савченко [2014]. При этом поломка инструментов, наблюдавшаяся в нашем эксперименте, скорее всего, вызвала изменение формы профиля с V- на U-образный, что ранее также было отмечено С.Н. Савченко [Там же].

По мнению исследователей, при использовании пластинки с асимметричным сечением поперечное сечение паза тоже получалось асимметричным [Там же]. По нашему мнению, асимметрию бортов паза можно также объяснить и тем, какой поверхностью расположено орудие относительно стенок паза. Чаще всего один борт паза остается более ровным и прямым по сравнению со вторым, что может быть связано с тем, что к этому борту орудие располагалось вентральной поверхностью, однако для подтверждения этого требуется большая серия экспериментов.

Результаты нашего исследования позволяют сравнить полученные данные с результатами томографического исследования составного двухпазового орудия со стоянки Тлоково (Польша) [Osipowicz et al., 2020]. Анализ формы пазов показал, что в начале они имеют асимметричное V-образное сечение, что может свидетельствовать об использовании неретушированного орудия, которое не меняло своего положения. То есть прямой борт паза получился в результате контакта с плоской вентральной поверхностью скола-орудия, а борт, расположенный под углом, – с дорсальной. В центральной части пазов наблюдается симметричный профиль, указывающий на изменяющееся положение инструмента [Idid.]. К сожалению, эти выводы не подтверждены экспериментально. В нашем исследовании асимметрия поперечного профиля фиксируется у паза с U-образной формой сечения, а V-образная форма имеет симметричный поперечный профиль. Выводы об использовании неретушированного орудия для получения V-образного профиля согласуются с нашими наблюдениями.

Полученные данные уже можно предварительно сопоставить с археологическими составными пазовыми орудиями. В частности, работы, выполненные на основе сканирования артефактов с местонахождения Казачка-1 (Красноярский край), позволили создать масштабируемые модели в высоком разрешении, на основе которых было проведено сравнение формы поперечных сечений на разных участках пазов [Бочарова, Чистяков, Жданов, 2021]. Были выделены такие же основные формы пазов: V-, U- и W-образные, что совпадает с результатами, описанными выше. В частности, U-образные пазы были связаны с износом инструментов, а W-образные – с изменением направления движения орудия, что также подтверждается нашими наблюдениями.

Анализ поперечных сечений показал, что формы пазов зависят от типа используемого орудия, направления движения и степени сработанности инструмента. Необходимо заметить, что форма паза не постоянна по всей его длине и может изменяться в зависимости от типа орудия, формы и сработанности рабочей кромки, прилагаемой силы, увлажненности рога и т.д. Форма паза не изменяется при использовании орудий, выполнявших однонаправленные движения, в то время как при бинаправленном движении наблюдается переход от W-образной к U-образной форме. Кроме того, одним из результатов настоящего исследования стало изучение влияния поломки инструментов на изменение формы пазов. Поломки микропластины и проколки привели к изменениям в форме пазов: ширина дна паза увеличивалась, а симметрия бортов нарушалась.

Эти данные предоставляют дополнительные возможности для интерпретации технологических процессов изготовления композитных орудий, но требуют проведения дополнительной серии экспериментов.

Благодарности

Авторы выражают благодарность д-ру ист. наук, профессору РАН К.А. Колобовой за плодотворные дискуссии. Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0009 «Цифровизация процессов изучения древнейшей и древней истории Евразии».

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979а. – 160 с.

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979б. – 200 с.

Акимова Е.В., Вдовин А.С., Макаров Н.П. Пазовые орудия Красноярского археологического района // Древности Приенисейской Сибири. – 1996. – Вып. 1. – С. 62–82.

Бочарова Е.Н., Чистяков П.В., Жданов Р.К. Применение трехмерного сканирования для исследования составных пазовых орудий раннего голоцена Восточной Сибири (на примере орудий из комплексов стоянки Казачка 1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 57–65. – doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0057-0065

Жилин М.Г. Вкладышевые кинжалы и охотничьи ножи в мезолите Восточной Европы // КСИА. – 2019. – № 255. – С. 50–70. – doi:10.25681/IARAS.0130-2620.255.50-70

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. – Новосибирск: Наука, 2010. – 270 с.

История Сибири: в 4 т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. 1: Каменный и бронзовый век. – 660 с.

Колобова К.А., Шалагина А.В., Чистяков П.В., Бочарова Е.Н., Кривошапкин А.И. Возможности применения трехмерного моделирования для исследований комплексов каменного века // Сибирские исторические исследования. – 2020. – № 4. – С. 240–260. – doi:10.17223/2312461X/30/12

Павленок Г.Д. Костяная индустрия стоянки Усть-Кяхта-3 (Западное Забайкалье) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 2. – С. 14–18.

Питулько В.В. Жоховская стоянка. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 189 с.

Савченко С.Н. Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья // Stratum plus. – 2014. – № 1. – С. 181–208.

Чаиркин С.Е., Жилин М.Г. Мезолитические материалы из пещерных памятников лесного Зауралья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. – Москва: Academia, 2005. – С. 252–273.

Чистяков П.В., Бочарова Е.Н., Колобова К.А. Обработка трехмерных моделей археологических артефактов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 7. – С. 48–61.

Чистяков П.В., Ковалев В.С., Колобова К.А., Шалагина А.В., Кривошапкин А.И. 3D моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 3 (27). – С. 102–112. – doi:10.14258/tpai(2019)3(27).-07

Osipowicz G., Orłowska J., Bosiak M., Manninen M.A., Targowski P., Sobieraj J. Slotted bone point from Tłokowo – rewritten story of a unique artefact from Mesolithic Poland // Praehistorische Zeitschrift. – 2020. – Vol. 95, N 2. – P. 334–349. – doi:10.1515/pz-2020-0023

Savchenko S. Experiments on Manufacturing Techniques of Mesolithic and Early Neolithic Slotted Bone Projectile Points from Eastern Urals // Ancient and Modern Bone Artefacts from America to Russia: cultural, technological and functional signature. – Oxford: Archaeopress, 2010. – P. 141–147.

References

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Afontovskaya kultura. Novosibirsk: Nauka, 1979a. 160 p. (In Russ.).

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Kokorevskaya kultura. Novosibirsk: Nauka, 1979b. 200 p. (In Russ.).

Akimova E.V., Vdovin A.S., Makarov N.P. Pazovye orudiya Krasnoyarskogo arkheologicheskogo raiona. In *Drevnosti Priyeniseyskoy Sibiri*, 1996. Iss. 1. P. 62–82. (In Russ.).

Bocharova E.N., Chistyakov P.V., Zhdanov R.K. Use of 3D modeling for reconstructing the artifacts with mirror symmetry. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 57–65. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0057-0065

Chairkin S.E., Zhilin M.G. Mezoliticheskie materialy iz peshchernykh pamyatnikov lesnogo Zaural'ya. In *Kamennyi vek lesnoi zony Vostochnoi Evropy i Zaural'ya*. Moscow: Academia, 2005. P. 252–273. (In Russ.).

Chistyakov P., Bocharova E.N., Kolobova K. Processing Three-Dimensional Models of Archaeological Artifacts. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: History and Philology*, 2021. Vol. 20, iss. 7. P. 48–61. (In Russ.). doi:10.25205/1818-7919-2021-20-7-48-61

Chistyakov P., Kovalev V., Kolobova K., Shalagina A., Krivoshapkin A. 3D modeling of archaeological artifacts by structured light scanner. *Theory and practice of archaeological research*, 2019. Vol. 27, No. 3. P. 102–112. (In Russ.). doi:10.14258/tpai(2019)3(27).-07

History of Siberia: in 4 volumes. Vol. 1: Stone and Bronze Age. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. 660 p. (In Russ.).

Ineshin E.M., Tetenkin A.V. Chelovek i prirodnaya sreda severa Baikal'skoi Sibiri v pozdnem pleistotsene. Mestonakhozhdenie Bol'shoi Yakor' I. Novosibirsk: Nauka, 2010. 270 p. (In Russ.).

Kolobova K.A., Shalagina A.V., Chistyakov P.V., Bocharova E.N., Krivoshapkin A.I. Three-dimensional modelling application for studying Stone Age assemblages. *Siberian Historical Research*, 2020. Vol. 4. P. 240–260. (In Russ.). doi:10.17223/2312461X/30/12

Osipowicz G., Orłowska J., Bosiak M., Manninen M.A., Targowski P., Sobieraj J. Slotted bone point from Tłokowo – rewritten story of a unique artefact from Mesolithic Poland. *Praehistorische Zeitschrift*, 2020. Vol. 95, iss. 2. P. 334–349. doi:10.1515/pz-2020-0023

Pavlenok G.D. Bone industry of Ust-Kyakhta-3 site (Westnern Transbaikal). *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2014. Vol. 2. P. 14–18. (In Russ.).

Pitulko V.V. Zhokhovskaya stoyanka. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998. 189 p. (In Russ.).

Savchenko S. Experiments on Manufacturing Techniques of Mesolithic and Early Neolithic Slotted Bone Projectile Points from Eastern Urals. In *Ancient and Modern Bone Artefacts from America to Russia: cultural, technological and functional signature*. Oxford: Archaeopress, 2010. P. 141–147.

Savchenko S.N. Continuity and Innovations in the Development of the Mesolithic Bone Industry in the Forest Zone of Eastern Urals. *Stratum plus,* 2014. Vol. 1. P. 181–208. (In Russ.).

Zhilin M.G. Daggers-Inserts and Hunting Knives in the Mesolithic of Eastern Europe. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 2019. No. 255. P. 50–70. (In Russ.). doi:10.25681/IARAS.0130-2620.255.50-70

Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092
Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0070-0078
УДК 569+903.32

С.К. Васильев✉, М.В. Шуньков, М.Б. Козликин✉

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru; kmb777@yandex.ru

Остатки териофауны из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры (коллекция 2022–2024 годов)

Приводятся результаты анализа новой палеонтологической коллекции из южной галереи Денисовой пещеры, включающей более 40 тыс. экз. из слоев 19–11. Определимые костные остатки, доля которых в среднем по разрезу составляет 7,5 %, принадлежат как минимум 37 видам млекопитающих. Сильно раздробленный костный материал аккумулировался в пещере преимущественно в результате пищевой активности крупных хищников, в первую очередь пещерных гиен. Кланы гиен использовали пещеру в качестве убежища и логова для выведения потомства. Значительная часть костей, зубов и их фрагментов имеет следы кислотной коррозии. В коллекциях из нижней части разреза, прежде всего слоев 18 и 17, большинство костных остатков несет следы деятельности человека – раскалывание, порезы и обжиг. Анализ расширенной коллекции остатков крупных млекопитающих из южной галереи, включающей материалы 2017–2024 гг., показал, что во второй половине среднего и в верхнем плейстоцене в окрестностях Денисовой пещеры преобладали степные и лесостепные ландшафты. В периоды межледниковий и оледенений они занимали от половины до большей части территории, при этом площадь лесов, вероятнее всего, никогда не превышала ее трети. В коллекции 2022–2024 гг. детально описаны остатки бобра, среди хищников – бурого медведя, пещерной гиены, пещерного льва, снежного барса, рыси. Среди крупных травоядных – мамонта, двух видов лошадей – Equus ferus и E. ovodovi, шерстистого носорога, гигантского оленя, северного оленя, байкальского яка, бизона, дзерена, сайгака, сибирского горного козла и архара. Впервые в Денисовой пещере и на юге Западной Сибири найдены плейстоценовые остатки тура.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, крупные млекопитающие, костные остатки, биотопические группы.*

S.K. Vasiliev✉, M.V. Shunkov, M.B. Kozlikin✉

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru; kmb777@yandex.ru

Theriofaunal Remains from Pleistocene Deposits in the South Chamber of Denisova Cave (2022–2024 Collection)

Results of the analysis of a new paleontological collection from the South Chamber of Denisova Cave are provided herein. The collection includes more than 40,000 specimens from layers 19–11. Identifiable bone remains, with their share of 7.5 % on average in the section, belong to at least 37 mammal species. Heavily crushed bone material accumulated in the cave mainly because of the feeding activity of large predators, primarily cave hyenas. Hyena clans used the cave as a shelter and a den for breeding offspring. A significant portion of bones, teeth, and its fragments has traces of digestion. In collections from the lower part of the section, primarily layers 18 and 17, most bone remains have traces of human activity, such as splitting, cuts, and burning. An analysis of the expanded collection of large mammal remains from the South Chamber, including materials from 2017–2024, showed that steppe and forest-steppe landscapes prevailed near Denisova Cave in the second half of the Middle Pleistocene and in the Upper Pleistocene. During interglacial and glacial periods, they occupied half to most of the territory, while the forest area most likely never exceeded its third. The 2022–2024 collection contains detailed descriptions of beaver remains, and predators: brown bear, cave hyena, cave lion, snow leopard, and lynx. Of large herbivores – mammoth, two species of horses – Equus ferus and E. ovodovi, woolly rhinoceros, giant deer, reindeer, Baikal yak, bison, Mongolian gazelle, saiga antelope, Siberian ibex, and argali. For the first time, Pleistocene remains of aurochs have been found in Denisova Cave and in the south of Western Siberia.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, Pleistocene, large mammals, bone remains, biotopic groups.*

В результате раскопок толщи плейстоценовых слоев 11–19 в южной галерее Денисовой пещеры в 2022–2024 гг. была получена представительная палеозоологическая коллекция – 41 688 костных остатков. Доля определимых образцов варьирует от 4,2 % в слое 17 до 12,3 % в слое 14, составляя в среднем по разрезу 7,5 %. Они принадлежат как минимум 37 видам крупных и мелких млекопитающих, а также включают кости рыб, амфибий и птиц (табл. 1). Костный материал сильно фрагментирован. От копытных и крупных хищников в редких случаях полностью сохранились мелкие кости дистальных отделов конечностей. Зубы в основном также раздроблены. Фрагменты костей длиной более 10 см составляют доли процента. Преобладают обломки размерного класса 1–2 и 2–5 см. Степень фрагментации материала нарастает вниз по разрезу (табл. 2). Особенно сильно фрагментированы костные остатки из слоев 18 и 17, тафоценоз которых формировался преимущественно за счет деятельности человека. В целом по слоям значительная часть костей и зубов несет следы кислотной коррозии [Fernández-Jalvo, Andrews, 2017] в результате их прохождения через пищеварительный тракт крупных хищников, в первую очередь пещерных гиен.

В коллекции ископаемой фауны 2022–2024 гг. среди остатков крупных млекопитающих наиболее примечательны следующие виды.

Бобр *Castor fiber*. Представлен дистальным отделом лопатки из слоя 13, изолированным зубом из слоя 16 и астрагалом крупной особи из нерасчлененных отложений (рис. 1, *6*). Ширина астрагала в проекции на сагиттальную ось 25 мм, ширина суставного блока 19,8 мм, высота кости 26,4 мм. Аналогичные промеры у позднеголоценовых бобров (n = 8) с территории Новосибирской обл. составляют 22,5–23,70–24,5; 17,2–19,06–20,1 и 22,0–24,1–25,0 мм. Ширина дистального конца лопатки 23,2 мм, поперечник суставной поверхности 13 мм. У голоценовых бобров – 19,0–20,2–21,2 мм, n = 5, и 11,9–12,4–13,0 мм, n = 11 соответственно. Единичные находки костей *Castor fiber* указывают на крупные размеры тела бобров конца среднего – начала верхнего плейстоцена на территории Алтая.

Бурый медведь *Ursus arctos*. Его остатки в относительно большом количестве представлены во всех слоях. Наиболее многочисленны кости запястья, заплюсны, фаланги, обломки метаподий – 52,1 %, изолированные зубы и их фрагменты – 41,7 %. Обломки крупных трубчатых костей единичны. В слое 11 найден baculum с отгрызенным дистальным концом, а в материалах из нерасчлененной толщи – сильно погрызенная дорсальная часть стенки диафиза плечевой кости длиной 192 мм. Находки остатков бурого медведя связаны, скорее всего, с использованием этими животными дальних частей пещеры для зимней спячки, о чем свидетельствуют также единичные молочные зубы медвежат. Не все медведи, вероятно, благополучно переживали зимнее время, часть из них погибала по разным причинам, а их останки растаскивались и утилизировались пещерными гиенами и другими хищниками.

Пещерная гиена *Crocuta spelaea*. Ее кости преобладают среди хищников и составляют 12,2 % от числа остатков мегафауны. Большинство из них представлено раздробленными фрагментами. Полностью сохранились только несколько первых и вторых фаланг. Подавляющая часть зубов, за исключением резцов, также представлена обломками. Их доля от общего количества остатков гиен достигает 77,3 %. Мелкие кости дистальных отделов конечностей и их фрагменты составляют 14,1 %. На долю небольших обломков верхних и нижних челюстей, а также фрагментов крупных трубчатых костей приходится по 4,3 %. Такая сохранность материала связана с каннибализмом, повсеместно распространенным в популяциях пещерных гиен Алтая. Из 197 зубов и их обломков 26 экз. составляют клыки и зубы молочной генерации, что указывает на использование пещеры кланами гиен в качестве логова для выведения потомства. Погрызенный дистальный конец плечевой кости имеет наибольшую ширину 61,5 мм, суставного блока – 51 мм. Аналогичные промеры у пещерных гиен юга Западной Сибири составляют 55,0–59,4–63,0 (n = 15) и 46,0–47,9–50,3 (n = 14) мм.

Пещерный лев *Panthera spelaea*. Представлен диафизом второй фаланги со следами кислотной коррозии из слоя 11, неполным клыком верхней челюсти с разрушенной коронкой зуба из слоя 13, второй фалангой из слоя 18 (рис. 1, *5*) и левой os tarsale III из слоя 19 (рис. 1, *1*). Последняя принадлежала очень крупной особи: длина кости – 50 мм, ширина – 29,3 мм, высота в средней части – 22,9 мм. Те же промеры у огромного позднеплейстоценового *Panthera atrox* из Ранчо Лабреа в Калифорнии составляют 43,8–49,70–55,2; 25,0–29,8–33,8 и 23,0–25,2–28,2 мм, n = 4 [Merriam, Stock, 1932]. По размерам третьей кости заплюсны среднеплейстоценовый лев из Денисовой пещеры близок к средним значениям промеров американского льва. Остатки пещерного льва крайне редко встречаются в пещерах Южной Сибири. Эти хищники, скорее всего, использовали карстовые полости в качестве убежища или логова для выведения потомства в исключительных случаях. Их остатки попадали в пещеры в основном благодаря пищевой активности гиен. Вместе с тем в аллювиальных отложениях Предалтайской равнины пещерный лев по числу остатков в среднем в 7–8 раз превосходит пещерную гиену. Такое же соотношение между этими видами высших хищников, видимо, было и в плейстоценовых биоценозах Горного Алтая.

Снежный барс *Uncia uncia*. В слое 16 найдены две целые правые метаподии, принадлежащие, скорее всего, относительно некрупной взрослой самке

Таблица 1. **Видовой состав и количество костных остатков из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры, коллекция 2022–2024 гг.**

Таксоны	Слои										
	11	12	13	14	15	16	17	18	19	б/с*	Итого
Asioscalops altaica	1	11	4	6	–	4	8	–	–	10	44
Chiropthera gen. indet.	–	–	–	–	–	3	–	–	2	–	5
Lepus tanaiticus	–	4	4	5	2	4	1	–	–	10	30
Lepus tolai	1	12	–	–	–	2	–	1	–	–	16
Ochotona sp.	–	2	4	4	2	4	2	–	–	–	18
Spermophilus sp.	1	29	12	13	2	9	5	3	–	24	98
Marmota baibacina	2	13	1	1	–	7	11	4	–	13	52
Castor fiber	–	–	1	–	–	1	–	–	–	1	3
M. myospalax	13	54	60	70	3	25	24	4	–	69	322
Rodentia gen. indet.	6	30	44	40	4	24	24	2	3	43	220
Canis lupus	5	22	12	15	–	21	10	7	1	23	116
Vulpes vulpes	2	17	13	8	2	9	15	4	–	14	84
Vulpes corsak	–	1	1	–	1	3	–	–	–	3	9
Cuon alpinus	–	6	10	–	1	9	10	–	4	20	60
Ursus arctos	2	8	1	2	–	17	3	2	4	13	52
Martes zibellina	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1
Mustela erminea	–	–	–	1	–	6	–	–	–	1	8
Mustela altaica	–	–	–	1	–	1	1	–	–	–	3
Mustela eversmanni	1	3	1	–	–	1	–	–	–	–	6
Crocuta spelaea	8	53	41	20	14	42	4	–	–	75	257
Panthera spelaea	1	–	1	–	–	–	–	1	1	–	4
U. uncia	–	–	–	–	–	2	–	–	–	1	3
L. lynx	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1
Mammuthus primigenius	–	10	8	4	–	10	3	1	–	5	41
Equus (E.) ferus	–	1	3	–	–	7	2	–	–	10	23
Equus ovodovi	4	12	11	4	7	6	–	–	–	24	68
E. ovodovi / ferus	5	27	31	17	5	54	13	1	–	50	203
Coelodonta antiquitatis	2	14	18	6	7	32	4	3	–	29	115
Cervus elaphus sibiricus	–	6	–	6	3	4	6	–	1	17	43
Megaloceros giganteus	–	2	–	–	–	1	–	–	–	7	10
Capreolus pygargus	–	12	10	8	8	20	14	6	–	28	106
Rangifer tarandus	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4	4
Bos primigenius	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Poëphagus mutus baicalensis	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1
Bison priscus	6	51	34	12	8	41	2	–	–	75	229
Procapra gutturosa	4	–	–	5	4	15	9	–	–	7	44
Saiga borealis	–	–	–	–	–	2	–	–	–	1	3
Procapra / Saiga	–	11	3	–	–	6	–	–	–	8	28
Capra sibirica	23	85	54	25	5	31	7	4	1	65	300
Ovis ammon	4	17	22	9	–	3	1	2	–	29	87
Capra / Ovis	5	29	30	11	–	19	12	2	–	37	145
Pisces	–	1	–	–	–	3	5	–	–	2	11
Amphibia	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	3
Aves	3	45	38	42	5	32	16	4	4	59	248
Неопределимые фрагменты	871	5 719	4 818	2 380	1 426	8 122	4 891	1 143	81	9 112	38 563
Всего костных остатков	970	6 308	5 290	2 715	1 509	8 603	5 106	1 194	102	9 892	41 688

* Без слоя, материал из нерасчлененных отложений.

Таблица 2. **Распределение по размеру фрагментов костей крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры, коллекция 2022–2024 гг.**

Слои	Размерный класс								Итого
	1–2 см		2–5 см		5–10 см		>10 см		
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
11	391	41,42	520	55,08	32	3,39	1	0,11	944
12	2927	48,23	2895	47,70	228	3,76	19	0,31	6 069
13	2046	40,01	2839	55,51	206	4,03	23	0,45	5 114
14	1056	41,66	1360	53,65	100	3,95	19	0,75	2 535
15	813	54,49	623	41,76	47	3,15	9	0,60	1 492
16	5246	62,04	3049	36,06	141	1,67	20	0,24	8 456
17	3689	73,72	1279	25,56	34	0,68	2	0,04	5 004
18	869	73,89	294	25,00	13	1,11	–	–	1 176
19	43	46,74	46	50,00	3	3,26	–	–	92
Без слоя*	4 083	42,29	5 001	51,80	522	5,41	48	0,50	9 654
Всего	21 163	52,21	17 906	44,17	1 326	3,27	141	0,35	40 536

* Материал из нерасчлененных отложений.

(рис. 1, *2*, *3*). Длина второй пястной и второй плюсневой костей составляет 57,4 и 75,7 мм соответственно, ширина/поперечник проксимального конца – 12,5/16,1 и 12,5/18,6 мм, ширина/поперечник диафиза посередине – 8,3/8,3 и 8,5/8,2 мм, ширина дистального конца в надсуставных буграх / в суставе – 13,5/12,1 и 13,7/12,5 мм, поперечник дистального конца – 12,7 и са11,0 мм. Фрагмент тазовой кости (рис. 1, *7*) обнаружен в нерасчлененной части разреза. Длина/ширина его суставной впадины – 28,5/29,0 мм, наименьшая ширина подвздошной кости – 27 мм, наименьшая высота в середине суставной впадины – 18,8 мм. Отдельные кости снежного барса встречаются по всей толще плейстоценовых отложений южной галереи. Численность этого зверя в горах Алтая в плейстоцене была тесно связана с количеством его основной добычи – сибирского горного козла, которое, в свою очередь, зависело от изменений природно-климатических условий в эпохи потеплений и похолоданий.

Рысь *Lynx lynx*. Ее остатки представлены дистальным концом большеберцовой кости из нерасчлененных осадков. Его длина составляет 33,5 мм, ширина – 19 мм. Рысь тесно связана с лесными биотопами и ее единичные находки отражают преобладание в окрестностях пещеры открытых степных пространств.

Мамонт *Mammuthus primigenius*. Его немногочисленные остатки отмечены в литологических слоях 12–14 и 16–18. В основном они представлены мелкими обломками пластин зубов третьей и четвертой смены. В слое 12 и в нерасчлененной толще найдено по одному зубу второй смены, более полный из них, размером 13,5 × 12,5 мм, имеет следы кислотной коррозии. В слое 13 обнаружено два небольших (179 × 40 и 93 × 48 мм) обломка стенок трубчатых костей взрослых особей. В слое 14 – погрызенный фрагмент нижнего суставного мыщелка бедренной кости, а в слое 16 – мелкие обломки бивня.

Лошади *Equus ferus* и *E. ovodovi*. Остатки лошадей состоят в основном (95,8 %) из отдельных зубов или их обломков, треть из которых несет следы кислотной коррозии. Фрагменты крупных трубчатых костей и костей дистальных отделов конечностей единичны. По числу остатков лошадь Оводова в среднем почти в три раза превосходит крупную форму кабаллоидной лошади. Преобладание костей *Equus ferus* над *E. ovodovi* или их примерно равное соотношение характерно для слоев 16 и 17, формирование которых проходило на фоне расширения лесных и лесостепных ассоциаций.

Шерстистый носорог *Coelodonta antiquitatis*. Представлен главным образом (88 %) мелкими фрагментами зубов, целые или почти целые зубы единичны. Кости дистальных отделов конечностей и обломки крупных трубчатых костей встречаются гораздо реже – 7,6 и 4,2 % соответственно. Наиболее крупные образцы включают вторую пястную кость из слоя 15, астрагал из слоя 16, диафиз большеберцовой кости и части диафиза бедренной кости из слоя 12. Все кости несут следы погрызов, а наиболее мелкие из них – вторые фаланги центрального и боковых пальцев – наполовину растворены желудочным соком.

Гигантский олень *Megaloceros giganteus*. Изолированный зуб P^2 и фрагмент зуба нижней челюсти обнаружены в слое 12, фрагмент диафиза плюсневой кости – в слое 16. Из нерасчлененных осадков происходят проксимальный конец лучевой кости (рис. 1, *9*), еще один фрагмент диафиза плюсневой кости, обломок нижней челюсти с зубом P_4, два изолированных зуба нижней челюсти (M_1 и M_3) и три фрагмента

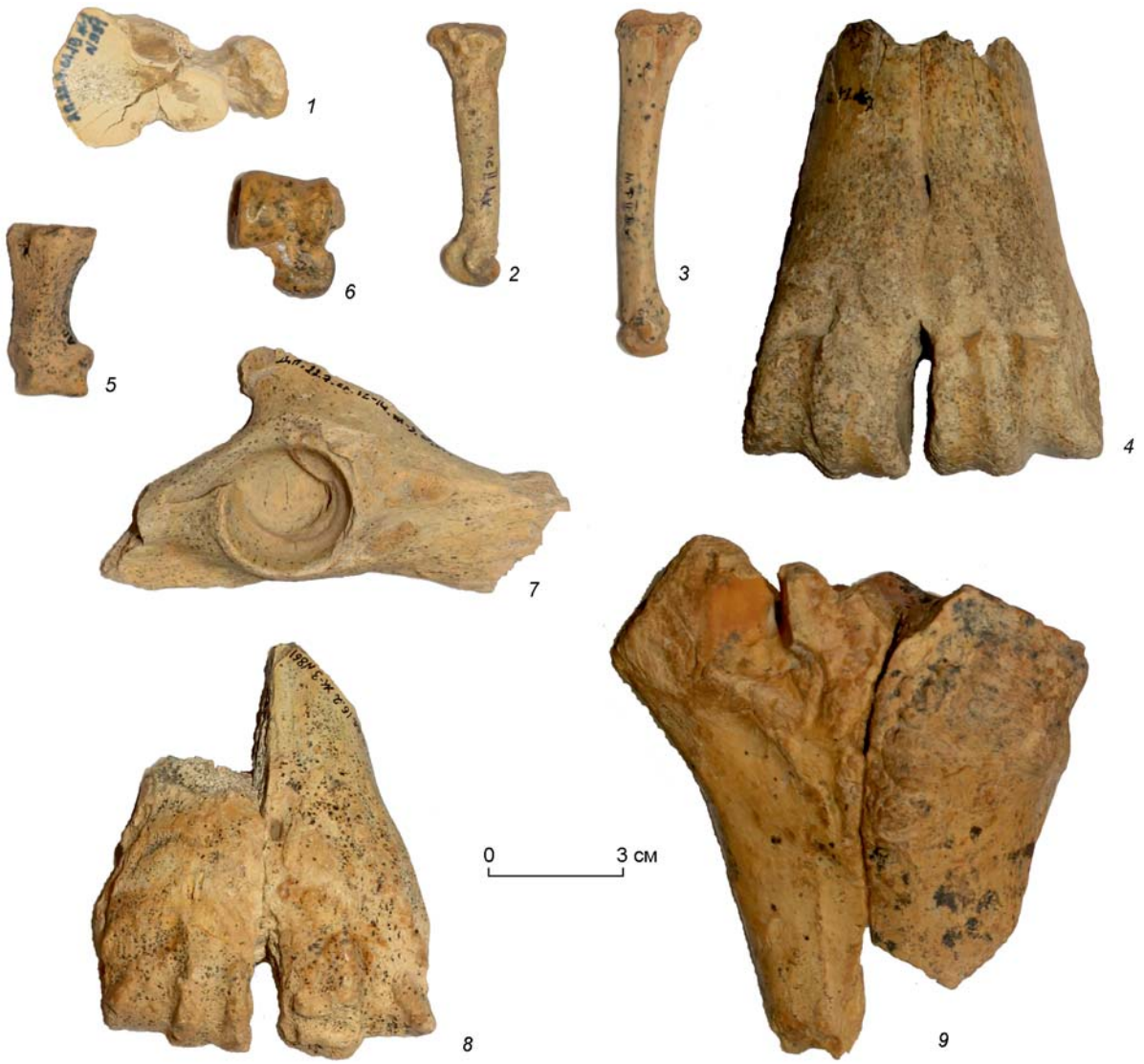

Рис. 1. Костные остатки из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры.

1 – третья тарзальная кость пещерного льва *Panthera spelaea*, вид со стороны дистальной суставной поверхности; *2* – вторая пястная кость снежного барса *Uncia uncia*; *3* – вторая плюсневая кость снежного барса *Uncia uncia*; *4* – дистальный конец пястной кости тура *Bos primigenius*; *5* – вторая фаланга пещерного льва *Panthera spelaea*; *6* – астрагал бобра *Castor fiber*; *7* – фрагмент тазовой кости снежного барса *Uncia uncia*; *8* – дистальный конец пястной кости байкальского яка *Poëphagus mutus baicalensis*; *9* – проксимальный конец лучевой кости гигантского оленя *Megaloceros giganteus*.

зубов. Пригодные для промеров зубы принадлежали относительно некрупным особям. Их показатели меньше средних значений промеров зубов *Megaloceros giganteus* из долины р. Чумыш (в скобках): длина/ширина P_2 – 22,5/14,3 мм (22,0–23,9–26,6 мм, n = 11) / 16,6–41,0–18,3 мм, n = 9); длина/ширина M_3 – 40,2/21,2 мм (39,5–42,4–46,0 мм, n = 17 / 20,0–22,4–23,8 мм, n = 15). Верхний конец лучевой кости (ширина/поперечник – 97,5/52,5 мм) также меньше средних значений соответствующих промеров выборки из долины Чумыша (90,3–99,8–110,5 мм, n = 13 / 48,5–54,2–61,0 мм, n = 18). На территории Горного Алтая гигантский олень находил благоприятные условия для обитания в пойменных лугах по долинам рек. В пещере Логово Гиены в отложениях МИС 3 обнаружены небольшие серии (n = 5) астрагалов и центральнокубовидных костей этого оленя. Их промеры в средних и максимальных значениях заметно превосходят выборки одноименных костей *Megaloceros giganteus* с Предалтайской равнины.

Северный олень *Rangifer tarandus*. Три неполных зуба и третья фаланга бокового пальца обнаружены в нерасчлененных осадках. Единичные остатки этого вида были найдены ранее в слоях 11, 12 и 16 (табл. 3).

Тур *Bos primigenius*. Его остатки впервые обнаружены в плейстоценовых отложениях Денисовой пещеры. Дистальный конец пястной кости из слоя 12 принадлежит крупному представителю подтрибы Bovina (рис. 1, *4*). По набору основных морфологических признаков – плавному, без выраженных над-

Таблица 3. **Видовой состав и количество костных остатков из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры, коллекция 2017–2024 гг.**

Таксоны	Слои										Всего
	11	11/12*	12	13	14	15	16	17	18	19	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Asioscalops altaica	57	23	82	18	24	8	12	35	3	5	267
Chiropthera gen. indet.	67	12	2	1	–	–	3	1	–	2	88
Lepus tanaiticus	68	16	38	20	15	5	7	22	–	3	194
Lepus tolai	98	52	107	8	–	–	3	1	1	3	273
Ochotona sp.	25	18	29	13	10	2	6	9	2	17	131
Spermophilus sp.	87	115	276	53	29	3	12	41	7	9	632
Marmota baibacina	95	21	87	4	7	2	14	75	12	35	352
Castor fiber	–	1	5	2	–	–	1	1	–	–	10
M. myospalax	180	230	482	155	215	18	54	164	16	32	1 546
Arvicola terrestris	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	2
Rodentia gen. indet.	291	179	457	122	144	23	52	117	13	22	1 420
Canis lupus	131	55	123	36	29	7	54	91	14	9	549
Vulpes vulpes	133	43	104	47	18	8	24	62	6	14	459
Vulpes corsak	8	9	16	2	2	1	5	8	1	6	58
Cuon alpinus	22	23	28	16	5	4	19	90	4	19	230
Ursus arctos	106	23	52	8	9	3	31	32	9	37	310
Ursus rossicus	–	–	–	1	–	–	–	4	1	13	19
Martes zibellina	1	2	3	–	1	–	–	–	–	–	7
G. gulo	1	2	–	1	–	–	–	–	–	–	4
Mustela erminea	4	–	3	–	3	1	6	1	–	–	18
Mustela nivalis	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1	2
Mustela sibirica	3	–	4	–	–	–	–	–	1	1	9
Mustela altaica	1	2	5	–	1	–	1	4	–	–	14
Mustela eversmanni	4	2	8	2	2	–	1	6	–	1	26
Crocuta spelaea	177	146	328	89	54	37	129	71	4	–	1 035
Panthera spelaea	7	2	3	1	1	–	1	–	1	4	20
U. uncia	3	–	2	–	–	–	2	–	–	1	8
L. lynx	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	2
Felis manul	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Mammuthus primigenius	2	5	28	20	5	–	15	14	2	1	92
Equus (E.) ferus	18	17	39	6	3	2	15	11	1	2	114
Equus ovodovi	50	35	112	26	16	12	20	7	–	–	278
E. ovodovi / ferus	73	65	215	74	20	24	139	52	17	2	681
Coelodonta antiquitatis	72	37	97	59	16	11	79	45	11	1	428
Stephanorhinus kirchbergensis	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1
Cervus elaphus sibiricus	4	8	29	11	18	8	22	24	9	3	136
Megaloceros giganteus	1	–	9	3	–	–	7	3	–	–	23
Alces alces	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1
Capreolus pygargus	11	11	29	18	20	18	47	51	26	3	234
Rangifer tarandus	4	4	8	–	–	–	1	–	–	–	17
Bos primigenius	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Poëphagus mutus baicalensis	–	3	6	–	–	–	1	–	–	–	10
Bison priscus	95	109	273	101	33	31	83	52	3	3	783
Spirocerus kiakhtensis	3	–	–	–	–	–	–	–	1	1	5
Procapra gutturosa	15	4	26	11	9	6	38	62	–	7	178
Saiga borealis	1	1	11	3	–	–	2	3	2	–	23
Procapra / Saiga	15	18	35	12	7	3	9	3	4	–	106

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Capra sibirica	332	171	596	148	93	15	77	92	13	17	1 554
Ovis ammon	92	62	138	43	10	1	9	17	4	1	377
Capra / Ovis	142	104	227	71	34	7	67	53	10	–	715
Pisces	–	–	4	–	–	–	6	12	–	–	22
Amphibia	–	1	1	2	2	–	2	6	–	–	14
Aves	181	131	261	102	121	21	72	83	12	20	1 004
Неопределимые фрагменты	29 069	15 206	43 196	19 391	10 196	6 146	19 442	38 286	4 837	2 201	187 970
Всего костных остатков	31 751	16 969	47 587	20 701	11 172	6 427	20 591	39 712	5 047	2 496	202 453

* Нерасчлененные отложения на уровне слоев 11 и 12

суставных бугров (как у бизона или яка) перетеканию нижнего эпифиза в диафиз, характерному строению суставных валиков и др. [Бурчак-Абрамович, Векуа, 1980], эта кость принадлежит, скорее всего, туру. Такое определение подтверждается прямым сравнением этого образца с тремя пястными костями тура из местонахождений на реках Чумыш и Чик, а также из пещеры Фанатиков в Хакасии. Пясть принадлежала относительно некрупной особи, вероятно, самке. Ширина/поперечник дистального конца составляют 77/са41 мм. Для сравнения, ширина дистального конца у раннеголоценового тура с Варфоломеевской стоянки в степном Приволжье составляет 64,6–73,2–88,6 мм, n = 11 [Гасилин, Косинцев, Саблин, 2008]. В средне-верхнеплейстоценовых отложениях равнинной части юга Западной Сибири остатков тура пока не обнаружено. На этой территории он появляется только в раннем голоцене, вместе с исчезновением бизона [Пластеева и др., 2020].

Байкальский як *Poëphagus mutus baicalensis*. Единичная находка – погрызенный дистальный конец пястной кости (рис. 1, *8*) обнаружен в слое 16. Пясть принадлежала крупной самке, по ширине дистального конца (71,5 мм) несколько превосходящей данные выборки самок байкальского яка из горных районов Южной Сибири и Монголии (63,5–67,35–69,7 мм, n = 12) [Васильев, 2021]. Остатки яка в южной галерее пещеры ранее были отмечены в слоях 11 и 12 (табл. 3). Основные местообитания байкальского яка находились на абсолютной высоте от 1 до 2 тыс. м. Крайняя малочисленность его остатков в отложениях Денисовой пещеры связана, скорее всего, с сезонными миграциями или с переходами с одного горного хребта на другой.

Бизон *Bison priscus*. Его остатки отмечены во всех стратиграфических подразделениях разреза, за исключением небольших по объему коллекций из слоев 18 и 19. Среди них преобладают (63 %) изолированные зубы и их обломки, в том числе со следами кислотной коррозии, а также мелкие кости дистальных отделов конечностей (28,6 %). На долю фрагментов крупных трубчатых костей приходится 4 %. Наиболее крупный образец – обломок диафиза бедренной кости длиной 188 мм – найден в слое 14, а целая centrotarsale – в слое 16. Два дистальных конца берцовой кости и еще одна центральнокубовидная кость обнаружены в нерасчлененных отложениях. Для позднеплейстоценовых бизонов Алтая характерны крупные размеры тела, не уступающие бизонам с территории Верхнего Приобья. По средним значениям промеров отдельных элементов скелета они практически идентичны, вместе с тем по ряду максимальных значений бизоны Алтая превосходят *Bison priscus* из равнинных популяций [Там же].

Дзерен *Procapra gutturosa* и сайгак *Saiga tatarica borealis*. Фрагментарные остатки этих двух видов антилоп найдены во всех слоях разреза (см. табл. 1, 3). Большинство костей дистальных отделов конечностей и изолированных зубов сильно повреждено кислотной коррозией, из-за чего около трети костных остатков антилоп не удалось определить до вида. Остатки дзерена представлены в отложениях намного чаще, чем сайгака. Количество костных остатков из слоя 11 дзерена превосходит сайгака в 15 раз, из слоев 12 и 13 – в 2,4 и 3,6 раза, а из слоев 16 и 17 – в 19–20 раз (табл. 3). В позднем плейстоцене на Алтае и в Забайкалье обитала особая форма дзерена, отличающаяся от современного *Procapra gutturosa* более мелкими размерами тела и укороченными костями дистальных отделов конечностей. При этом алтайские позднеплейстоценовые дзерены были немного крупнее забайкальских [Васильев, Клементьев, Кирилюк, 2023].

Сибирский горный козел *Capra sibirica* и архар *Ovis ammon*. Их остатки наиболее многочисленны среди всех видов копытных и составляют 25,3 % от числа определимых костей крупных млекопитающих. Количество костей сибирского козерога в среднем почти в 3,5 раза больше, чем архара. В целом среди них преобладают изолированные зубы и их обломки (58,5 %), мелкие кости дистальных отделов конечностей (36,7 %), менее представительны фрагменты крупных трубчатых костей (5 %). Большинство зубов (68 %) разъедено кислотной коррозией.

Анализ расширенной коллекции остатков крупных млекопитающих из южной галереи, включающей

помимо новых материалов находки 2017–2021 гг. (табл. 3), позволил проследить динамику изменений природной среды в окрестностях Денисовой пещеры во второй половине среднего и в верхнем плейстоцене. Виды млекопитающих были разделены на четыре биотопические группы: степные, лесостепные, лесные и скальные (рис. 2). Интразональные виды (лисица, серый волк, росомаха, пещерный лев, мамонт) при подсчетах не использовались.

Доля видов степных биотопов в период формирования слоев 11–13, 15 и 16 составляет 56,2–65,4 %. В слое 14 она сокращается до 48,6 %, в слое 17 – до 52,4%, а в слоях 18 и 19 – до 41,5 и 45,5 % соответственно. В то же время на долю обитателей лесных массивов (бобр, соболь, бурый медведь, рысь, косуля, лось, носорог Мерка) приходится в слое 15 – 13,2 %, в слое 17 – 12,5 %, а в слоях 18 и 19 она существенно возрастает до 33 и 25,6 % соответственно. Доля лесостепной компоненты (донской заяц, красный волк, кабаллоидная лошадь, марал) колеблется в слоях 11–15 и 18 от 6,5 до 13,2 %, а в слоях 16, 17 и 19 возрастает до 17,3–21,6 %. Доля представителей скальных биотопов (сибирский козерог, снежный барс, солонгой) в слоях 11–14 составляет 25–29 %, а в слоях 15–19 – снижается до 9,4–13,5 %.

Судя по составу мегафауны, наиболее холодные и аридные степные ландшафты получили распространение в период формирования слоя 12 в ермаковское время (МИС 4). В эту эпоху наблюдается максимальное увеличение степной и скальной биотопических групп при минимальном участии лесной и лесостепной компоненты. Примечательно, что в это время максимального значения достигает также численность сайгака – обитателя аридных степных ландшафтов (табл. 3). Менее выраженное похолодание и остепнение территории отражает состав тафоценоза из слоя 16, формирование которого соответствует тазовской эпохе МИС 6. В казанцевское время МИС 5, когда накапливались слои 15–13, соотношение биотопических групп в целом мало отличается от состава фауны из слоя 11, формировавшегося в каргинскую эпоху МИС 3. Богатая и разнообразная териофауна из слоев 18 и 17 с относительным обилием остатков красного волка, крупной кабаллоидной лошади, косули, гигантского оленя, дзерена, присутствием носорога Мерка при заметном сокращении численности остатков пещерной гиены отмечена для ширтинского межледниковья МИС 7. Сходные условия характерны для эпохи накопления слоя 19 на рубеже тобольского и самаровского времени МИС 9–8.

Таким образом, анализ остатков крупных млекопитающих позволяет предположить, что во второй половине среднего и в верхнем плейстоцене в окрестностях Денисовой пещеры сохранялась характерная для горной страны мозаичность ландшафтов. Степные и лесостепные ландшафты, поддерживаемые в т.ч. интенсивным выпасом крупных стадных копытных, занимали более половины территории в периоды как климатических оптимумов, так и похолоданий. В то же время участки лесной растительности, даже в периоды их наибольшего распространения, занимали, видимо, менее трети окрестных ландшафтов.

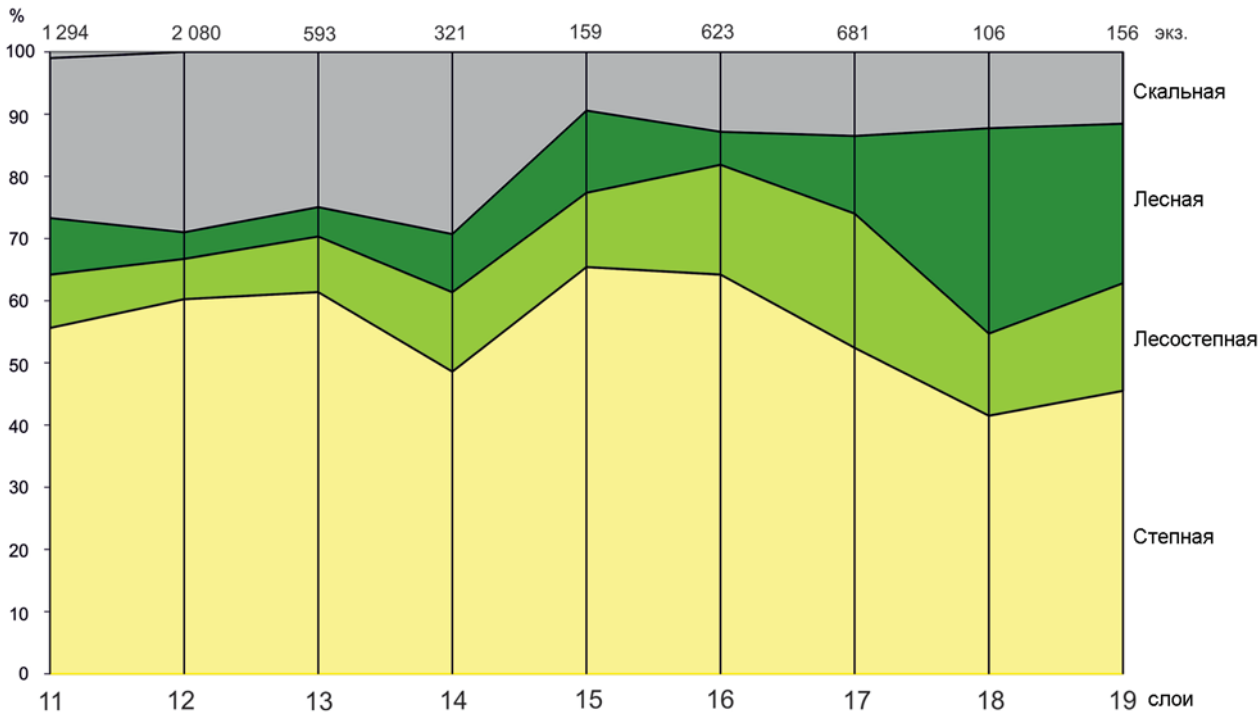

Рис. 2. Распределение костных остатков крупных млекопитающих разных биотопических групп по слоям плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры, коллекция 2017–2024 гг.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 24-18-00069, https://rscf.ru/project/24-18-00069/.

Список литературы

Бурчак-Абрамович Н.И., Векуа А.К. Палеобиологическая история позднекайнозойских быков Кавказа. – Тбилиси: Мецниереба. – 1980. – 91 с.

Васильев С.К. Остатки байкальского яка (*Poehpagus mutus baikalensis* N. Verestchagin, 1954) из позднеплейстоценовых местонахождений Южной Сибири // Труды Зоологического института РАН. – 2021. – Т. 325, № 4. – С. 384–408. – doi:10.31610/trudyzin/2021.325.4.384

Васильев С.К., Клементьев А.М., Кирилюк В.Е. Дзерен (*Procapra* cf. *gutturosa* Pallas, 1777) в плейстоцене Забайкалья и Алтая // Труды Зоологического института РАН. – 2023. – Т. 327, № 2. – С. 202–225. – doi:10.31610/trudyzin/2023.327.2.202

Гасилин В.В., Косинцев П.А., Саблин М.В. Фауна неолитической стоянки Варфоломеевская в степном Поволжье // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. – Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. – С. 25–100.

Пластеева Н.А., Гасилин В.В., Девяшин М.М., Косинцев П.А. Голоценовое распространение и вымирание копытных в Северной Евразии // Зоологический журнал. – 2020. – Т. 99, № 5. – С. 554–568. – doi:10.31857/S0044513420050104

Fernández-Jalvo Y., Andrews P. Atlas of Taphonomic Identification. Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology Series. – N. Y.; L.: Springer, 2017. – 359 p.

Merriam J.C., Stock G. The Felidae of Rancho La Brea. – Washington: Carnegie Inst., 1932. – 232 p.

References

Burchak-Abramovich N.I., Vekua A.K. Paleobiologicheskaya istoriya pozdnekainozoiskikh bykov Kavkaza. Tbilisi: Metsniereba, 1980. 91 p. (In Russ.).

Fernández-Jalvo Y., Andrews P. Atlas of Taphonomic Identification. Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology Series. N. Y.; L.: Springer, 2017. 359 p.

Gasilin V.V., Kosintsev P.A., Sablin M.V. Fauna neoliticheskoi stoyanki Varfolomeevskaya v stepnom Povolzh'e. In *Fauna i flora Severnoi Evrazii v pozdnem Kainozoe*. Ekaterinburg; Chelyabinsk: Rifei, 2008. P. 25–100. (In Russ.).

Merriam J.C., Stock G. The Felidae of Rancho La Brea. Washington: Carnegie Inst., 1932. 232 p.

Plasteeva N.A., Gasilin V.V., Devyashin M.M., Kosintsev P.A. Holocene distribution and extinction of ungulates in Northern Eurasia. *Zoologicheskii Zhurnal,* 2020. Vol. 99, No. 5. P. 554–568. (In Russ.). doi:10.31857/S0044513420050104

Vasiliev S.K. Remains of the Baikal yak (*Poehpagus mutus baikalensis* N. Verestchagin, 1954) from Late Pleistocene localities of Southern Siberia. *Trudy Zoologicheskogo instituta*, 2021. Vol. 325, No. 4. P. 384–408. (In Russ.). doi:10.31610/trudyzin/2021.325.4.384

Vasiliev S.K., A.M. Klementiev A.M., Kirilyuk V.E. Mongolian gazelle (*Procapra* cf. *gutturosa* Pallas, 1777) in the Pleistocene of Transbaikalia and Altai. *Trudy Zoologicheskogo instituta*, 2023. Vol. 327, No. 2. P. 202–225. (In Russ.). doi:10.31610/trudyzin/2023.327.2.202

Васильев С.К. https://orcid.org/0000-0002-6883-7900
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345

Дата сдачи рукописи: 24.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0079-0085
УДК 626.871

Е.А. Гирченко[1, 2]✉, О.В. Кардаш[1, 2]

[1]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.ru

Памятники каюковской культуры в контексте изучения археологических объектов в торфяных отложениях ХМАО–Югры

Памятники каюковской культуры расположены в центральной части Демьяно-Васюганской болотной системы, на водоразделе рек Большой Салым и Большой Юган, вблизи оз. Большое Каюково. Заболачивание данной территории началось в раннем голоцене (ок. 11,7 тыс. л.н.) и к настоящему времени существенно изменило ландшафт. За это время болотная экосистема скрыла изначальный исторический рельеф, что исключило возможность исследователям изучать и полноценно исследовать начальный период расселения и адаптации человека на территории Югры, а также динамику этих процессов в контексте изменяющихся природных условий. Поселения каюковской культуры появились около 8 тыс. л.н., до того, как данная территория была значительно заболочена, и были приурочены к древним водоемам. Раскопки на памятниках Каюково-1 и -2, а также первоначальные исследования двух новых объектов – Каюково-3 и -4 показали, что они частично уходят под толщу болот. Новый проект совместной работы археологов, палеоклиматологов и палеогеографов имеет своей целью выявление объектов археологического наследия, которые сейчас скрыты под торфяными отложениями Демьяно-Васюганской болотной системы. Новая информация об историческом ландшафте и хозяйственной деятельности населения позволит реконструировать особенности расселения, адаптации и развития архаических обществ на территории севера Западной Сибири и Евразии в целом. Кроме того, археологические исследования, проведенные в рамках данного проекта, позволят выработать методику поиска и проведения археологических раскопок на заболоченных территориях Югры.

Ключевые слова: *север Западной Сибири, оз. Большое Каюково, неолит, археологическая разведка, подболотные объекты, торфяные отложения, палеоклимат.*

E.A. Girchenko[1, 2]✉, O.V. Kardash[1, 2]

[1]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.ru

Kayukovo Culture Sites during Investigations of Archaeological Objects Located in Peat Deposits of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra

The Kayukovo culture sites are located in the central part of the Demyan-Vasyugan swamp system, on the watershed of the Bolshoy Salym and Bolshoy Yugan rivers, near the Bolshoye Kayukovo Lake. Swamping of this territory began in the early Holocene (about 11.7 thousand years ago) and has significantly changed the landscape of the area by now. During this time, the swamp ecosystem has hidden the original historical relief, which prevented the study and complete investigation by researchers of the initial period of human resettlement and adaptation in Yugra, as well as the dynamics of these processes in the context of changing landscape conditions. The Kayukovo culture settlements appeared there about 8 thousand years ago, before the territory was swamped, and they were confined to ancient reservoirs that later became part of the swamps. Excavations at the Kayukovo 1 and Kayukovo 2 sites, as well as initial studies of two new sites, Kayukovo 3 and Kayukovo 4, have shown that they are partially covered with a swamp layer. The new joint project of archaeologists, paleoclimatologists, and paleogeographers aims to identify

the archaeological heritage sites that are currently hidden under the peat deposits of the Demyan-Vasyugan swamp system. New information about the historical landscape and economic activities of the population will allow us to reconstruct the specific features of the ancient economy, adaptation, and development of archaic societies in the north of Western Siberia and Eurasia in general. In addition, archaeological research conducted under this project will allow us to develop a methodology to search for and conduct the archaeological excavations in the swampy areas of Yugra.

Keywords: *north of Western Siberia, Bolshoye Kayukovo Lake, Neolithic, archaeological survey, sub-bog objects, peat deposits, paleoclimate.*

Массовое расселение человека по территории севера Западной Сибири и его адаптация к ландшафтно-климатическим условиям начинается с раннего и среднего голоцена. В атлантический период голоцена на этапе термического максимума на север Западно-Сибирской равнины устремляются коллективы древних людей, которые основывают первые долговременные поселения. С этого времени начинается отсчет непрерывного проживания и освоения человеком севера Западной Сибири. К данному периоду (ранний неолит) относятся такие археологические памятники, как поселения Каюково-1 и -2, датируемые рубежом VII–VI тыс. до н.э. Это самые древние укрепленные поселения с регулярной планировочной структурой, расположенные на территории ХМАО–Югры. Сложная архитектура, нехарактерная для простых обществ охотников-собирателей неолита, является особенностью каюковской культуры.

Оба памятника расположены в центральной части Демьяно-Васюганской болотной системы, на водоразделе рек Большой Салым и Большой Юган, вблизи оз. Большое Каюково. Водно-болотные системы составляют около 70 % всей территории региона, около 50 % занимают непосредственно болотные массивы. Вместе с тем это и наименее изученные территории: здесь еще никогда не проводились систематические археологические и комплексные междисциплинарные исследования. Заболачивание территорий изменило рельеф, количество ресурсов (поглощая лесные ресурсы и увеличивая торфяные) и, соответственно, хозяйственную деятельность проживающих здесь людей. В отличие от уральских болот, которые заполнили акватории озер и перестали расти, болотные системы Югры продолжают развиваться. Заболачивание данной территории началось в раннем голоцене (ок. 11,7 тыс. л.н.) и к настоящему времени существенно изменило ландшафт. За это время болотная экосистема скрыла изначальный исторический рельеф, что исключает возможность исследователям свободно и полноценно изучать начальный период расселения и адаптации человека на территории Югры, а также динамику этих процессов в контексте изменяющихся ландшафтных условий. Поселения Каюково-1 и -2 появились ок. 8 тыс. л.н., до того, как данная территория была заболочена, и поэтому сложно сказать, к какому типу водоема они были приурочены в период своего функционирования, на каком расстоянии от него находились. Кроме того, несмотря на проведение комплексных раскопок памятников, установление основного типа хозяйствования его жителей не представляется возможным, так как среди вещевого комплекса не было найдено ни одного предмета, связанного с промыслово-хозяйственной деятельностью. Вероятно, она велась за пределами поселений, но эти места в настоящий момент скрыты под толщей болот.

Новый грант Российского научного фонда, к реализации которого исследовательская команда приступила летом – осенью 2024 г., предполагает определение границ береговой линии древнего оз. Большое Каюково с целью выявления объектов археологического наследия на его древнем побережье, которое сейчас скрыто под торфяными отложениями. На данный момент проведено первичное обследование территории близ озера с целью выявления археологических объектов, созданных в период заселения этой территории людьми и частично скрытых на данный момент под болотными отложениями. Территория исследований в этом году затрагивала район примерно в 300–500 м от стойбища А. Каюкова и, соответственно, примерно на 2 км ближе к оз. Большое Каюково, чем уже известные поселения Каюково-1 и -2. Новые археологические объекты получили названия Каюково-3 и Каюково-4 (рис. 1). После определения древней береговой линии оз. Большое Каюково планируется геосканирование болот и шурфовка в местах предполагаемого нахождения археологических памятников в торфяной толще и под ней, поэтому еще одной важной задачей проекта станет создание и отработка методики исследования археологических объектов, расположенных под болотами в природно-климатических условиях Демьяно-Васюганской болотной системы. Кроме того, на основе полученных материалов планируются исследования, направленные на определение и реконструкцию этапов заболачивания данной территории в течение голоцена на основе радиоуглеродного датирования серии образцов отложений пограничных горизонтов, включая подстилающие торф отложения и нижний торфяной слой, а также палеоэкологические изыскания, направленные на реконструкцию динамики изменения природных ландшафтов голоцена в условиях меняющегося климата. Новая информации об историческом ландшафте и хозяйственной деятельности населения позволит реконструировать особенности расселения, адаптации и развития архаических обществ на территории севера Западной Сибири и Евразии в целом.

Естественно-научные методы при исследовании болот широко применяются археологами, изучаю-

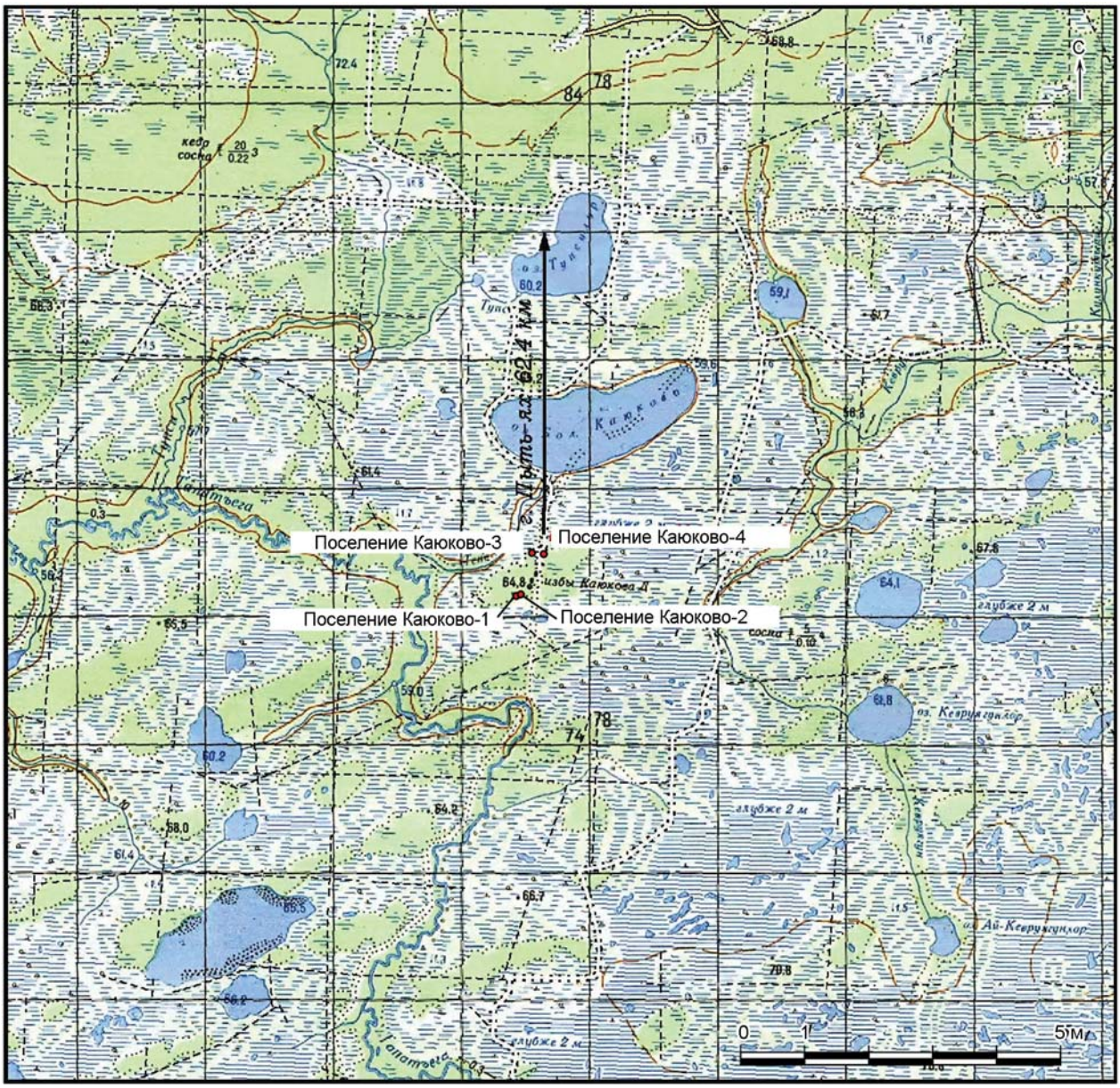

Рис. 1. Памятники каюковской культуры в окрестностях оз. Большое Каюково.

щими торфяниковые памятники Среднего Урала, в частности, Свердловской области. Так, например, шигирские археологические памятники стали первыми торфяниковыми стоянками, открытыми в России. Впоследствии археологические поселения были обнаружены на Горбуновском торфянике во время торфоразработок, тогда были найдены древние артефакты и остатки сооружений. В 1908 г. М.О. Клер установил порядок залегания находок в торфе и сделал опись обнаруженного сооружения. В 1920–1940-х гг. археологические исследования Горбуновского торфяника проводили Государственный исторический музей и Нижнетагильский краеведческий музей [Рыжкова, Черненко, 2012, с. 160]. В 1942–1943 гг. обследование торфяника провели Уральское государственное геологическое управление и сапропелевая группа Уральской экспедиции АН СССР [Сукачев, Поплавская, 1946]. В целом на Горбуновском торфянике выявлено 38 археологических памятников. Первые памятники Кокшаровского торфяника были открыты в 1980 г. и исследованы Ю.Б. Сериковым [1992]. В 1998–2000 гг. Н.М. Чаиркина исследовала заторфированную часть Шигирского поселения [Чаиркина и др., 2001]. В Зауралье сейчас известно более 60 торфяниковых памятников эпохи мезолита – раннего железного века. Несмотря на довольно обширную источниковедческую базу, информационный и научный потенциал торфяниковых памятников Зауралья неодинаковы. Некоторые объекты исследований XIX – середины XX вв. изучены в традициях описательного подхода и неполной фиксации. На многих памятниках в 1970–1990-е гг. проведены только разведочные работы.

Новое поселение Каюково-3, изученное в 2024 г., расположено в левобережье р. Тепел, вытекающей из оз. Большое Каюково и впадающей с левого берега в р. Тапатьега – правый приток р. Большой Салым, впадающей в свою очередь в левый рукав р. Оби – протоку Большую Юганскую с левого берега. В административном отношении это Нефтеюганский р-н ХМАО–Югры, в 62,4 км к югу от г. Пыть-Ях, в 0,35 км к северо-северо-востоку от стойбища А. Каюкова.

Район работ располагается в западной части Западно-Сибирской равнины в подзоне средней тайги. Согласно физико-географическому районированию, он находится в Вандрасско-Юганской ландшафтной провинции Юганско-Иртышской ландшафтной области. С точки зрения геоморфологии территория объекта археологического наследия занимает участок аккумулятивных озерно-аллювиальных низких равнин и террас и относится к относительно дренированным плосковолнистым, местами заозеренным равнинам.

Суходольная грива, расположенная в 1 км к югу от оз. Большое Каюково, протяженностью 2 км, шириной до 0,5 км, вытянута в направлении юго-запад – северо-восток и ограничена озерно-заболоченными равнинами. Северная бровка гривы приподнята над уровнем заболоченной поймы на высоту до 1,5 м. Поверхность террасы покрыта хвойным лесом: ярус 1 (древостой) представлен хвойными деревьями (сосна); ярус 2 (подлесок) представлен молодой порослью березы и сосны; ярус 3 (травянистые растения) представлен кустарничками (брусника, черника, голубика), ярус 4 – ягель. Почвы подзолистые, сложены преимущественно супесью, песком.

Объект археологического наследия расположен на северном краю центральной части гривы. Площадь территории объекта культурного наследия составляет 2 803 м^2. На поверхности фиксируются пять археологизированных сооружений (впадин).

Впадина № 1, прямоугольная, ориентация по сторонам света СЗ–ЮВ, размеры 6,4 × 5,1 м, обваловка шириной 1,3 м и высотой 0,2 м.

Впадина № 2, прямоугольная, ориентация по сторонам света СВ–ЮЗ, размеры 5,9 × 4,3 м.

Впадина № 3, квадратная, ориентация по сторонам света С–Ю, размеры 4,6 × 4,7 м.

Впадина № 4, квадратная, ориентация по сторонам света СВ–ЮЗ, размеры 2,9 × 3,3 м.

Впадина № 5, квадратная, ориентация по сторонам света СЗ–ЮВ, размеры 6,5 × 6,2 м, обваловка шириной 1,2–2,5 м и высотой 0,2 м (рис. 2, *1*).

Мощность культурного слоя не установлена. Наибольшую концентрацию археологического материала, а также наибольшую мощность культурного слоя можно ожидать во впадинах археологизированных сооружений, однако близость к озеру и окружающие болота, судя по заложенным шурфам, вызывают высокий уровень грунтовых вод уже на уровне 0,5 м.

На поверхности зафиксированы антропогенные разрушения: в центральной и восточной частях территории объекта расположены слопцы (ловушка давящего типа) и сопровождающие их слопцовые ямы, которые используются местными жителями для подсыпки площадки этих ловушек.

Итак, на территории памятника в 2024 г. были заложены две траншеи размерами 1 × 3 м, одна из траншей оказалась пустой, в другой были обнаружены 16 фрагментов керамики с различной орнаментацией (рис. 3).

Анализ артефактов показал типологическую близость вещевому комплексу, обнаруженному на соседних поселениях Каюково-1 и -2. Доминируют сфероконические сосуды с широкой горловиной и прямым венчиком. Стенки толстые, характеризуются преимущественно рыхлой структурой и разной цветностью. Стенки сосудов хорошо заглажены с внутренней стороны, присутствуют следы нагара. Неорнаментированных фрагментов не найдено, убористые узоры покрывают всю внешнюю поверхность сосуда.

Самый большой фрагмент в длину составляет около 15 см, восстановленный диаметр венчика равен 22 см (рис. 3, *1*). Венчик ровный, кромка оформлена наклонными насечками. Область под венчиком обрамлена верхним поясом вдавлений, выполненных в технике «отступающей палочки», вдавлений орнаментира (стека) с отступанием, а также нижним поясом крупных жемчужных вдавлений орнаментиром большего размера. Ниже убористый орнамент горизонтальными линиями в технике «отступающей палочки» покрывает всю сохранившуюся поверхность сосуда. Таким же узором покрыты меньшие по размеру фрагменты, орнамент «отступающей палочкой» все так же расположен горизонтальными рядами, иногда расстояние между поясками шире, внутреннее пространство орнаментом не заполнялось. Фрагменты 9–12 (рис. 3, *9–12*) орнаментированы рядами диагональных прочесов тонким острым предметом, несколько таких рядов в совокупности образуют зигзагообразный рисунок. Данный тип орнамента никогда ранее не встречался в материалах каюковской культуры. Третий тип рисунка представляет собой узоры плоской отступающей палочкой подквадратной формы, где один край вдавления имеет четкие границы, т.к. нажим на него был сильнее, противоположный край вдавлен не так глубоко, часто смазан (рис. 3, *12–16*). Данный тип орнамента также отсутствует в каюковской культуре.

По характеру наземных сооружений объект может датироваться V–II тыс. до н.э. (неолит – бронзовый век). Керамический материал, судя по качеству черепка и разнообразию орнаментов, указывает на неолитическое время, но, вероятно, более позднее, чем Каюково-1 и -2.

Поселение Каюково-4 расположено в Нефтеюганском р-не ХМАО–Югры, в 62,2 км к югу от г. Пыть-

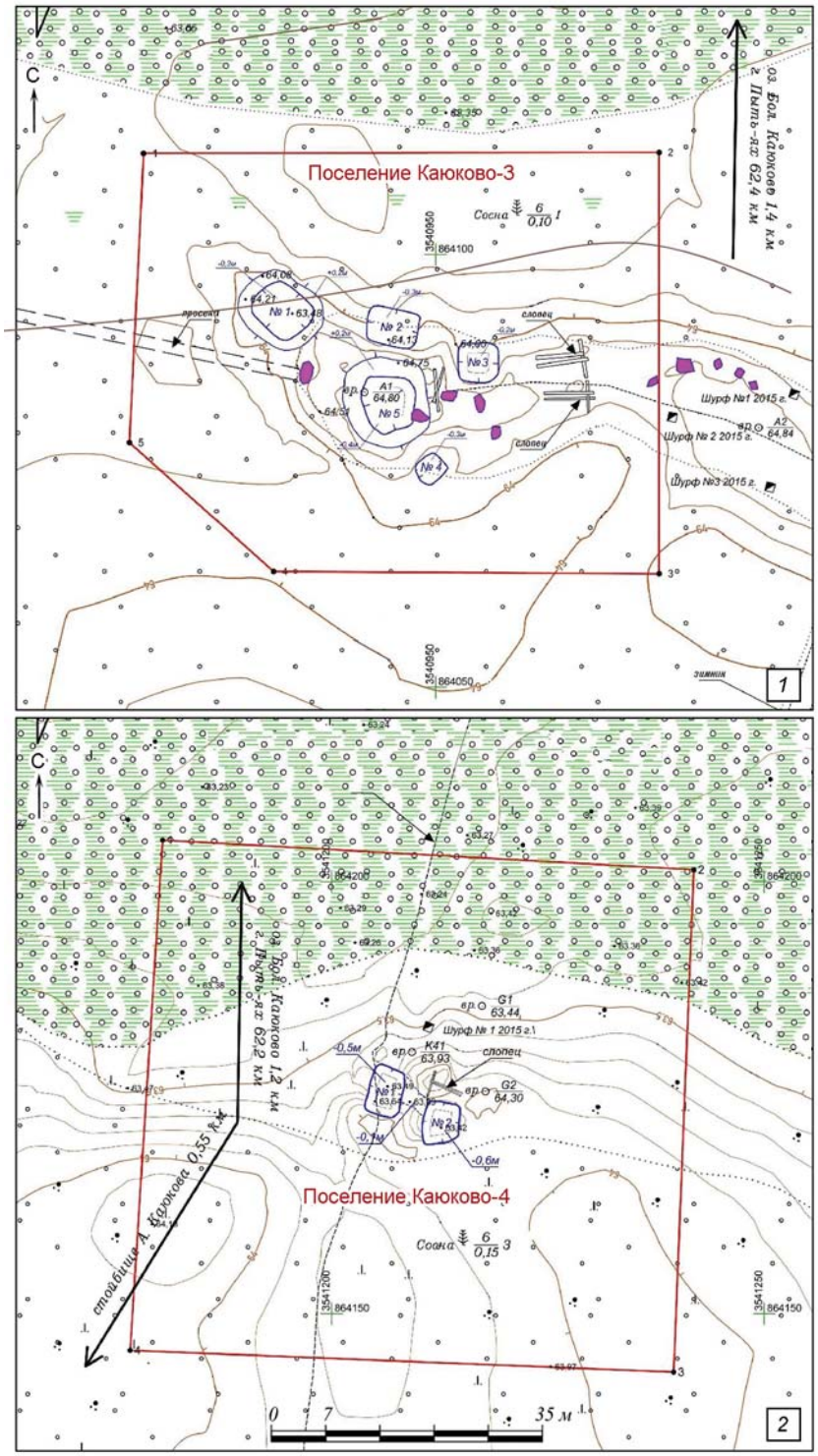

Рис. 2. Топографические планы объектов археологического наследия, поселений Каюково-3 (*1*) и Каюково-4 (*2*).

Ях, в 0,55 км к северо-северо-востоку от стойбища А. Каюкова. Поселение также расположено в левобережье р. Тепел, вытекающей из оз. Большое Каюково и впадающей с левого берега в р. Тапатьега – правый приток р. Большой Салым.

Объект археологического наследия Каюково-4 расположен на северном краю северо-восточной части гривы. Площадь территории объекта культурного наследия составляет 3 647 м^2. На поверхности фиксируются 2 археологизированных сооружения (впадины), ориентированные по оси С–Ю, прямоугольной формы, размерами 5,7 × 3,7 и 4,7 × 4,2 м соответственно. У первой впадины зафиксирована обваловка шириной 1,3 м и высотой 0,2 м (см. рис. 2, *2*). Мощность культурного слоя не менее 0,35 м. Наибольшую концентрацию археологического материала, а также

Рис. 3. Керамический материал шурфа № 1 памятника Каюково-3.

наибольшую мощность культурного слоя можно ожидать во впадинах археологизированных сооружений.

На поверхности зафиксированы антропогенные разрушения: в центральной части территории объекта расположен слопец (ловушка давящего типа), поверхность вокруг него разрушена для привлечения боровой дичи.

По характеру наземных сооружений и единственному археологическому предмету, полученному из шурфа № 1, поселение может датироваться эпохой бронзового века (II тыс. до н.э.).

Таким образом, работая на четырех объектах разного времени – Каюково-2, Каюково-1 (ранний неолит), Каюково-3 (средний – поздний неолит), Каюково-4 (поздний неолит – начало бронзового века), мы сможем построить цельную картину постепенной адаптации человека к меняющимся природным условиям на достаточно большом хронологическом отрезке.

Для исследования стратиграфической структуры торфяной залежи и этапов заболачивания мест вокруг памятников были выбраны наиболее харак-

терные участки болотного массива и отобраны торфяные колонки. В торфяных отложениях были взяты керны с глубины 2–3 м. Торфяные керны, взятые непрерывной колонкой от поверхности болота до подстилающих минеральных отложений, важны для реконструкции растительного покрова и климата и будут исследоваться при использовании метода спорово-пыльцевого анализа. Образцы на спорово-пыльцевой анализ отобраны сплошной колонкой и в самом археологическом раскопе от поверхности субстрата до глубины на 30 см ниже культурного слоя памятника (малый керн). Отбор двух спорово-пыльцевых разрезов (большого керна на полную глубину торфяника из близлежащего болота и малого керна из археологического раскопа) необходим для более точной пространственно-временной привязки каюковской культуры к событиям естественной динамики растительного покрова и климата в исследуемом районе. Получение нескольких радиоуглеродных датировок планируется для каждого спорово-пыльцевого разреза, что повысит точность временной привязки памятников.

Торфяниковые объекты являются одним из уникальных типов археологических памятников, предоставляющих исследователям материалы, которые не могут сохраниться в иных условиях. Без изучения археологических памятников, расположенных в болотных массивах и под ними, мы имеем крайне ограниченные источники информации о расселении древних людей по территории севера Западной Сибири, их адаптации к природно-климатическим условиям и изначальных условиях развития хозяйства. При этом процесс хозяйственного использования территории и адаптация людей в древности были тесно связаны с изменением природных условий. Археологические исследования, проведенные в рамках проекта, позволят выработать методику поиска и проведения археологических раскопок на заболоченных территориях Югры. Установление временных рамок начала процесса болотообразования и особенностей формирования разнообразия типов торфов под действием глобальных, региональных или локальных факторов на модельной территории в т.ч. является важным в контексте понимания функционирования древних и современных экосистем Западной Сибири.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации проекта РНФ № 24-28-01449 «Проблема изучения археологических объектов в торфяных отложениях озера Большое Каюково (ХМАО–Югра) первой половины голоцена».

Список литературы

Рыжкова О.В., Черненко Е.А. Древности Горбуновского торфяника: история открытия и сохранения // Российская археология. – 2012. – № 1. – С. 160–165.

Сериков Ю.Б. Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // Российская археология. – 1992. – № 4. – С. 131–147.

Сукачев В.Н., Поплавская Г.И. Очерк истории озер и растительности Среднего Урала в течение голоцена по данным изучения сапропелевых отложений // Бюл. Комис. по изуч. четвертич. периода. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – № 8. – С. 5–37.

Чаиркина Н.М., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Литвяк А.С. Археологические памятники Шигирского торфяника. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 196 с.

References

Chairkina N.M., Savchenko S.N., Serikov Y.B., Litvyak A.S. Arkheologicheskie pamyatniki Shigirskogo torfyanika. Ekaterinburg: Bank kulturnoi informatsii Publ., 2001. 196 p. (In Russ.).

Ryzhkova O.V., Chernenko E.A. Drevnosti Gorbunovskogo torfyanika: istoriya otkrytiya i sohraneniya. *Rossiyskaya Arkheologiya,* 2012. No. 4. P. 160–165. (In Russ.).

Serikov Y.B. Koksharovsko-Yurinskaya peat camp in the middle Trans-Urals. *Rossiyskaya Arkheologiya,* 1992. No. 4. P. 131–147. (In Russ.).

Sukachev V.N., Poplavskaya G.I. Ocherk istorii ozer i rastitel'nosti Srednego Urala v techenie golocena po dannym izucheniya sapropelevyh otlozhenij. In *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda.* Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1946. Iss. 8. P. 5–37. (In Russ.).

Гирченко Е.А. https://orcid.org/0000-0001-5304-2595
Кардаш О.В. https://orcid.org/0000-0002-4087-0364

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0086-0091
УДК 902.01

С.А. Гладышев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Корреляция позднего палеолита Приморья с синхронными комплексами Китая и Южной Кореи

Вопрос о происхождении палеолита в Приморье до сих пор остается не решенным. Гипотеза о заселении Приморья с северо-запада через Амурский регион не подтверждается фактами. Ближайшие памятники позднего палеолита с надежной стратиграфией и ^{14}C-датами расположены на р. Селемдже (Усть-Ульма и др.) и на юге Сахалина (Огоньки-5). Но между ними и устиновско-суворовской группой стоянок в Южном Приморье документированных палеолитических объектов нет. Археологические материалы памятников позднего палеолита Восточной Азии свидетельствуют об очень раннем времени формирования индустрий с отжимным микрорасщеплением. В последние десятилетия получен большой объем фактического материала в виде археологических коллекций из стратифицированных памятников в сопровождении большого количества ^{14}C- и OSL-дат. На территории Кореи наиболее древними стоянками с микролитическим комплексом являются Jangheung-ri и Sinbuk, возраст которых ок. 29 тыс. кал. л.н. В период от 29 до 20 тыс. кал. л.н. микролитические комплексы распространяются по всей территории Корейского полуострова. В Северном Китае надежно датированные и не вызывающие сомнений памятники с микролитическим компонентом появляются не позднее 22 тыс. кал. л.н. (Shizitan, Longwangchan). В Северо-Восточном Китае, практически на границе с российским Приморьем, находится стоянка Datong возрастом 20–16 тыс. кал. л.н., чьи материалы имеют несомненное сходство с микролитическими комплексами стоянок устиновско-суворовской группы в Приморье. Наиболее ранние приморские стоянки (Суворово IV, Устиновка-5, -7) имеют возраст 19,5–18,5 тыс. кал. л.н. На основании этих данных предлагается сценарий корреляции Приморья с соседними территориями – Китаем и Кореей.

Ключевые слова: *поздний палеолит, отжимное расщепление, клиновидные микронуклеусы, остроконечники с насадом, Корея, Китай, российское Приморье.*

S.A. Gladyshev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Correlation of the Late Paleolithic in Primorie with the Contemporary Complexes in China and South Korea

The origins of the Paleolithic in Primorie are still under discussion. The current hypothesis of peopling from the northwest via the Amur region has not been supported by facts. The nearest Late Paleolithic complexes with clear stratigraphy and ^{14}C dates are located on the Selemzha River (Ust'-Ulma sites) and in Southern Sakhalin (Ogon'ki 5 site). There are no dated Paleolithic sites between these sites and the Ustinovka-Suvorovo group in Southern Promorie. Archaeological evidence of the Late Paleolithic in East Asia demonstrates very early emergence of industries with pressure technique of micro-reduction. In the last decades, large amount of data has been obtained from archaeological collections at stratified sites, accompanied with equally large number of ^{14}C and OSL dates. The earliest microlithic complexes in the Korean Peninsula are known from the Jangheung-ri and Sinbuk sites dated to ca. 29,000 cal BP. In 29,000–20,000 cal BP, microlithic complexes spread over the entire Korean Peninsula. In Northern China, sites with microlithic component and reliable dates appeared not later than 22,000 cal BP (Shizitan, Longwangchan). The Datong site in Northeastern China is located in a vicinity of the Russian Primorie. This site, dated to 20,000–16,000 cal BP, shows clear similarity with microlithic complexes of the Ustinovka-Suvorovo group of sites. The earliest sites in Primorie (Suvorovo 4, Ustinovka 5 and 7) have similar age of 19,500–18,500 cal BP. This data indicates that the most likely scenario for peopling of the region was associated with the south – China and Korean Peninsula.

Keywords: *Late Paleolithic, pressure reduction, wedge-shaped microcores, tanged points, Korean Peninsula, China, Russian Primorie.*

Введение

Проблема происхождения палеолита в российском Приморье весьма далека от своего разрешения. Такие вопросы, как время формирования палеолитических индустрий этого региона, место их появления и возможные пути проникновения в Приморье, до сих пор остаются открытыми. Гипотеза о заселении Приморья с северо-запада через Амурский регион не подтверждается фактами. Ближайшие памятники позднего палеолита с надежной стратиграфией и ^{14}C-датами расположены на р. Селемдже (Усть-Ульма и др.) и на юге Сахалина (Огоньки-5). Но между ними и устиновско-суворовской группой стоянок в Южном Приморье документированных палеолитических объектов нет [Гладышев, 2019]. На наш взгляд, для решения этих проблем необходимо внимательно проанализировать комплексы позднего палеолита на соседних территориях.

Настоящая публикация посвящена проблематике происхождения позднего палеолита в Приморье. В ней анализируются комплексы позднего палеолита на территории Китая и на Корейском п-ове. Основное внимание уделяется археологическим ансамблям с отжимным микрорасщеплением и сопутствующим ему набором орудий, как близким по времени, так и более древним, чем палеолитические памятники Приморья. В последние десятилетия опубликован большой массив работ, посвященных проблематике возникновения позднего палеолита в Восточной Азии [Bae Kidong, 2010; Bae, 2017; Feng, 2020; Lee, 2012; Seong, 2008, 2011, 2015; Kuzmin, 2007 и др.]. Особенно хорошо в литературе представлен анализ археологических комплексов позднего палеолита Кореи, проведен тщательный анализ большого массива ^{14}C- и OSL-дат.

Археологические комплексы с микропластинчатым расщеплением в Корее

Характерной чертой позднего палеолита Корейского п-ова является очень раннее появление и быстрое распространение микропластинчатой отжимной технологии. Первые ее проявления связаны с материалами стоянок Синбук (Sinbuk) и Янгхунгри (Jangheung-ri) [Lee, 2012; Kuzmin, 2007; Keats, Postnov, Kuzmin, 2019; Seong, 2008, 2015; Кузьмин]. Возраст раннего комплекса с клиновидными микронуклеусами и микропластинами из нижних слоев стоянки Синбук определяется достоверной ^{14}C AMS-датой 29 350–28 400 кал. л.н. [Keats, Postnov, Kuzmin, 2019, p. 400–402; Seong, 2011, p. 104; Кузьмин]. На стоянке Синбук, расположенной практически на южной оконечности Корейского п-ова, выделяется два кластера ^{14}C-дат: первый, наиболее древний, соответствует датам 29 600–28 400 кал. л.н. [Кузьмин; Keats, Postnov, Kuzmin, 2019, p. 400; Seong, 2011, p. 107]. Второй кластер дат укладывается в интервал 26 600–25 000 кал. л.н. По мнению Сеонга [Seong, 2011] и Китс с соавторами [Keats, Postnov, Kuzmin, 2019] эти даты вполне достоверны. Во-первых, они сделаны по углю, взятому из очагов, во-вторых, этот возраст нисколько не противоречит облику археологической индустрии, определяемой этими датами. Феномен существования широкого диапазона радиоуглеродных дат на палеолитических памятниках северо-восточной Азии хорошо известен и объясняется несколькими эпизодами заселения памятников [Ibid., p. 402]. В нижних, самых древних слоях стоянки Синбук обнаружено ок. 160 микронуклеусов и примерно 300 микропластин без вторичной обработки. В качестве сырья использовался риолит, кварциты, жильный кварц хорошего качества, халцедон, обсидиан и туфы. В культурном слое обнаружено 7 сложных очагов, обложенных обломками туфа и жильного кварца диаметром от 40 до 55 см. Помимо остроконечников с насадом, основную массу орудий составляли резцы, концевые скребки, листовидные бифасы, проколки-шилья [Lee, 2012, p. 15]. Кроме того, найдены топоры с частичной подшлифовкой лезвия и плитки со следами шлифовки. Чопперовидные орудия, ручные рубила и кливеры фиксируются буквально в единичных экземплярах [Ibid., p. 16]. Анализ обсидиановых изделий со стоянки Синбук позволил установить, что это сырье доставлялось на стоянку из двух источников, а именно – с горы Баекду (Baekdu), расположенной в Северной Корее, и из Кошидаке (Koshidake) с о-ва Кюсю (Япония) [Ibid., p. 20]. А это говорит о транспортировке сырья не только в рамках Корейского п-ова, но и через Корейский пролив с о-ва Кюсю, что, в свою очередь, подтверждает тезис о высокой мобильности древних человеческих популяций в период начала последнего оледенения и в его максимум.

Стоянка Янгхунгри (Jangheung-ri) находится в центральной части Корейского п-ова в долине р. Хантан (Hantan). Образцы для датирования в виде отдельных угольков были взяты непосредственно из культурного слоя и хорошо согласуются с археологическим материалом. Несмотря на то, что древесный уголь взят не из очагов, большинство специалистов по датированию и археологов признают даты со стоянки Янгхунгри вполне достоверными [Keats, Postnov, Kuzmin, 2019; Seong, 2011]. Важность этого памятника заключается в том, что он иллюстрирует непродолжительный, очень компактный эпизод раннего проявления микролитической технологии на этой территории. Возраст ее определяется двумя достоверными, очень близкими по значению датами – 29 650–28 350 кал. л.н. [Seong, 2011, p. 100, tab. 1]. Археологический материал этой стоянки демонстрирует удивительное сходство с комплексом находок памятника Синбук. Коллекция небольшая, в ней присутствуют 5 отжимных микронуклеусов и

30 микропластин, из них 6 предметов ретушированы [Keats, Postnov, Kuzmin, 2019, p. 401]. В орудийном комплексе выделяются остроконечники с насадом, резцы, концевые скребки, проколки.

Дальнейшее развитие микротехники происходит в период от 26 до 20 тыс. кал. л.н. Наиболее полно изменения, происходящие в это время в каменной технологии, отражены в материалах стоянки Суянге (Suyanggae). Этот памятник открытого типа, расположенный в 100 км к юго-востоку от Сеула, раскапывался с 1983 по 1985 г. В разрезе выделено 5 археологических слоев. Самым богатым оказался слой 4, из которого получены 2 даты: 22 621–22 392 и 21 250–18 480 кал. л.н. [Seong, 2011, p. 101, tab. 1]. В комплексе слоя 4 выделяются 195 клиновидных микронуклеусов, сделанных из бифасов, причем несколько микронуклеусов удалось восстановить до первоначальной заготовки методом ремонтажа [Norton et al., 2007, p. 97]. Среди орудий преобладают остроконечники с насадом, концевые скребки, резцы. Кроме того, в слое 4 выделены каменные наковальни.

После 20 тыс. кал. л.н. в микролитических комплексах Кореи исчезают остроконечники с насадом. Как отмечает ряд исследователей [Seong, 2008, 2011; и др.], количество стоянок на территории полуострова в интервале от 20 до 15 тыс. кал. л.н. резко сокращается. Наибольшее количество датированных стоянок приходится на начало последнего оледенения, на период 24–20 тыс. кал. л.н. В связи с этим Сеонг [Seong, 2008, 2011] предполагает, что после 20 и до 15 тыс. кал. л.н., в силу изменения природных условий, происходит отток населения с Корейского п-ова. В целом поздний палеолит Корейского п-ова может быть разделен на 3 периода.

1. 35–30 тыс. кал. л.н. Иллюстрируется комплексами стоянок Хвадаери и Хопейонгдонг (нижний горизонт). Каменная индустрия характеризуется сочетанием остроконечников с насадом и подпризматическим плоскостным пластинчатым расщеплением.

2. 29–20 тыс. кал. л.н. Представлен материалами стоянок Янгхунгри, Синбук (начало периода) и Суянге (конец периода). В каменной индустрии использование клиновидных микронуклеусов сосуществует с эксплуатацией пластинчатых подпризматических ядрищ. В орудийном наборе сохраняются остроконечники с насадом. Увеличивается доля импортного сырья: обсидиана, яшм, халцедона. На стоянках центральной части полуострова (Янгхунгри, Суянге) отмечен обсидиан, доставленный из Северной Кореи, на юге (Синбук) – как из Северной Кореи, так и из Японии (о-в Кюсю).

3. 20–15 тыс. кал. л.н. Отмечается резкое сокращение количества датированных памятников. Полное господство отжимного расщепления клиновидных нуклеусов. Наиболее яркие представители – комплексы стоянок Хопейонгдонг (сектор С) и Хавагайри (Hahwagye-ri) (верхний горизонт).

4. 15–10 тыс. кал. л.н. Также отмечается полное господство отжимного расщепления клиновидных нуклеусов и изготовление орудий из микропластин и пластинок. Кроме того, фиксируется значительная доля мелких орудий, изготовленных из жильного кварца.

Археологические комплексы с микрорасщеплением в Китае

Несмотря на большой объем научной литературы, посвященной такому актуальному вопросу, как заселение человеком современного типа Северной и Восточной Азии, конкретных работ, характеризующих индустриальные комплексы конкретных памятников позднего палеолита на территории Китая, оказалось на удивление мало. Большинство работ рассматривают теоретические и методологические вопросы археологии рубежа среднего/позднего палеолита. Существенно меньше, чем в соседней Корее, оказалось датированных памятников, на чьи материалы можно было бы опереться, разбираясь с периодизацией позднего палеолита Китая. Рассматривая проблематику позднего палеолита Восточной Азии в целом, профессор Гавайского университета (Гонолулу) Кристофер Бае считает, что после 40 тыс. кал. л.н. комплексы с пластинчатыми технологиями появляются в Восточной Азии, открывая тем самым эпоху верхнего палеолита в этом регионе. Около 30 тыс. л.н. фиксируются первые проявления отжимной микропластинчатой техники на стоянках позднего палеолита Китая и Кореи. В комплекте с пластинами микрорасщепление становится ведущей технологией на протяжении всего позднего палеолита [Bae, 2017, p. 517].

Ряд китайских археологов считает, что отжимное расщепление на территории Китая появилось самостоятельно достаточно рано на основе местных отщеповых мелкоразмерных индустрий [Feng, 2020; Yi et al., 2016]. Однако тщательный технологический анализ реальных отжимных клиновидных микронуклеусов и микропластин и мелких нуклеусов и пластинчатых отщепов мелкоразмерных индустрий доказывает, что между ними нет ничего общего [Yi et al., 2016, p. 135]. Другая группа исследователей видит основу для формирования микропластинчатого расщепления в пластинчатых комплексах раннего верхнего палеолита Китая. Однако продолжающаяся до сих пор дискуссия вокруг возраста пластинчатых комплексов раннего верхнего палеолита стоянок Шуйдунгоу-1 и -2 (Shuidonggou) делает и эту гипотезу маловероятной [Keats, Kuzmin, 2015]. К тому же среди научного сообщества нет и единого мнения по вопросу о времени происхождения технологии микрорасщепления в Китае. Ряд исследователей отстаивает гипотезу об очень раннем возрасте начала формирования отжимного микрорасщепления в Китае. Они опи-

раются на материалы стоянки Сизитан-29 (Shizitan), провинция Шаньси. Наиболее раннее проявление микротехники в коллекции стоянки Сизитан-29 обнаружено в слое 7, но не сопровождается радиоуглеродными датами. Материалы вышележащего слоя 6 датируются временем 26 тыс. кал. л.н. [Feng, 2020, p. 3] и относятся (вместе с комплексом слоя 7), по мнению Ю Фенг [Feng, 2020], к первому этапу формирования отжимных микроиндустрий в Центральном Китае. В коллекции из слоя 7 обнаружено 23 микронуклеуса и ок. 2 500 микропластин. Подобный комплекс обнаружен и на стоянке Лонгвангчан (Longwangchan), правда, без абсолютных датировок. На следующем этапе, определяемом рамками 24–17 тыс. кал. л.н., памятники с микроиндустриальными комплексами получают широкое распространение в провинции Шаньси. Это стоянки группы Сизитан: пункты 5, 12, 14 и 29 слои 2–6. Микронуклеусы сопровождаются концевыми скребками, резцами, ретушированными остриями и проколками. В этот же период появляются и небольшие листовидные бифасы [Feng, 2020, p. 5]. Но далеко не все археологи и специалисты по радиоуглеродному датированию согласны со столь ранним временем появления микротехники на стоянке Сизитан-29 (слой 7). Например, Я.В. Кузьмин указывает на то, что для этого памятника отмечен ряд инверсий ^{14}C-дат – когда вышележащий слой имеет даты, более древние, чем некоторые значения ^{14}C-возраста из нижележащего слоя. Он считает, что хронология стоянки Сизитан-29 пока надежно не установлена [Кузьмин]. К этому мнению присоединяется Йи с соавторами [Yi et al., 2016, p. 135], которые отмечают, что ранние даты в 29–26 тыс. кал. л.н. недостаточно обоснованы и сомнительны. Тем не менее они считают, микрорасщепление в Северном Китае появилось до начала максимума последнего оледенения, где-то на рубеже 22 тыс. кал. л.н. Очень важно, что в Северо-Восточном Китае, практически на границе с российским Приморьем, находится стратифицированная стоянка Датонг (Datong), материалы которой демонстрируют индустрию, основанную на расщеплении клиновидных нуклеусов и большой набор орудий из микропластин и пластинок [Kato, 2014, p. 107]. По мнению Като, материалы стоянки Датонг очень близки коллекции памятника Юафанг (Youfang), расположенного в Северном Китае [Ibid., p. 107]. Индустриальный комплекс стоянки Юафанг датируется OSL-методом в очень широком диапазоне, причем даты группируются в два кластера. Первый (древний кластер) имеет диапазон от 29 до 25 тыс. кал. л.н. Второй кластер объединяет даты от 16,5 до 14, 5 тыс. кал. л.н. [Yi et al., 2016, p. 135]. Отбросив самые древние даты, можно констатировать, что начиная от 25 тыс. кал. л.н. на северо-востоке Китая существовали микроиндустрии, которые могли напрямую мигрировать в соседнее Приморье.

Заключение

В рамках целей и задач данной статьи важно, что еще до начала пика последнего оледенения на территории Корейского п-ова и в Центральном и Северном Китае существовали комплексы с отжимным микрорасщеплением. Наиболее ранними памятниками в Приморье, в материалах которых зафиксированы микронуклеусы и микропластины, являются стоянки Суворово IV, Устиновка-5 и -7. Возраст памятников Устиновка-5 и Суворово IV характеризуется ^{14}C AMS-датами, а стоянки Устиновка-7 одной OSL-датой – 18 600 кал. л.н. [Kononenko, 2001, p. 43]. В отложениях стоянки Суворово IV получено 4 даты в диапазоне от 19 500 до 18 500 кал. л.н. [Кузьмин, 2005, с. 65; Крупянко, Табарев, 2015, с. 102–103]. Время существования микроиндустриального комплекса стоянки Устиновка-5 определяется временем 18 891–18 268 кал. л.н. [Крупянко, Табарев, 2015, с. 102–103]. Следовательно, проникновение носителей микроиндустрий в Приморье происходит на рубеже 20–19 тыс. кал. л.н. Поздний палеолит Приморья характеризуется сочетанием развитой пластинчатой (расщепление подпризматических ядрищ) и миропластинчатой (микроклиновидные нуклеусы) технологий и разнообразным орудийным набором, в котором представлены инструменты для обработки всех видов продуктов охотничье-собирательской деятельности: скребки, ножи, резцы, проколки, тесла, топоры, остроконечники (как с насадом, так и без него), ретушированные пластины и микропластины. Аналогичный материал демонстрируют памятники Китая и Корейского п-ова возрастом 22–16 тыс. кал. л.н. На основании вышесказанного можно предположить, что человек позднего палеолита проник в Приморье с юга, с территории Северо-Восточного Китая и Корейского п-ова.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0004 «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии».

Список литературы

Гладышев С.А. Поздний палеолит Приморья (к вопросу о происхождении) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 80–85. – doi:10.17746/2658-6193.2019.25.080-085

Крупянко А.А., Табарев А.В. Палеолит Приморья // Ученые записки Сахалинского государственного университета. – Южно-Сахалинск: Сахалин. гос. ун-т, 2015. – С. 96–108.

Кузьмин Я.В. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. – Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2005. – 282 с.

Кузьмин Я.В. Происхождение микропластинчатой техники в палеолите Северной и Восточной Азии: один центр или несколько? – URL: https://antropogenez.ru/article/1103/ (дата обращения: 01.09.2020).

Bae Ch.J. Late Pleistocene Human Evolution in Eastern Asia: Behavioral Perspectives // Current Anthropology. – 2017. – Vol. 58, suppl. 17. – P. 514–524. – doi:10.1086/694078

Bae Kidong. Origin and Patterns of the Upper Paleolithic Industries in the Korean Peninsula and Movement of Modern Humans in East Asia // Quaternary International. – 2010. – N 211. – P. 103–112. – doi:10.1016/j.quaint.2009.06.011

Feng Yue. Microblades in MIS 2 Central China: Cultural Change and Adaptive Strategies // PaleoAmerica. – 2020. – P. 2–19. – doi:10.1080/20555563.2020.1728872

Kato S. Human Dispersal and Interaction During the Spread of Microblade Industries in East Asia // Quaternary International. – 2014. – N 347. – P. 105–112. – doi:10.1016/j.quaint.2014.07.013

Keates S.G., Kuzmin Y.V. Shuidonggou Localities 1 and 2 in Northern China: Archaeology and Chronology of the Initial Upper Palaeolithic in North-East Asia // Antiquity. – 2015. – N 89 (345). – P. 714–720. – doi:0.15184/aqy.2015.22

Keates S.G., Postnov A.V., Kuzmin Y.V. Towards the Origin of Microblade Technology in Northeastern Asia // Вестн. СПбГУ. История. – 2019. – Т. 64, вып. 2. – С. 390–414. – doi:10.21638/11701/spbu02.2019.203

Kononenko N.A. Ecology and cultural dynamics of archaeological sites in the Zerkalnaya River Valley during the terminal Pleistocene – Early Holocene // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2001. – N 5. – P. 40–59.

Kuzmin Y.V. Geoarchaeological Aspects of the Origin and Spread of Microblade Technology in Northern and Central Asia // Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North America. – Burnaby B.C.: Archaeology Press, Simon Fraser University, 2007. – Ch. 8. – P. 115–124.

Lee G. Characteristics of Paleolithic Industries in Southwestern Korea during MIS 3 and MIS 2 // Quaternary International. – 2012. – N 248. – P. 12–21. doi:10.1016/j.quaint.2011.02.025

Norton Ch., Bae K., Lee H., Harris J.W.K. A Review of Korean Microlithic Industries // Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North America. – Burnaby B.C.: Archaeology Press, Simon Fraser University, 2007. – Ch. 6. – P. 91–102.

Seong C. Tanged Points, Microblades and Late Palaeolithic Hunting in Korea // Antiquity. – 2008. – N 82. – P. 871–883.

Seong C. Evaluation Radiocarbon Dates and Late Paleolithic Chronology in Korea // Arctic Anthropology. – 2011. – Vol. 48, N 1. – P. 93–112.

Seong C. Diversity of Lithic Assemblages and Evolution of Late Palaeolithic Culture in Korea // Asian Perspectives. – 2015. – Vol. 54, N 1. – P. 91–112. doi:10.1353/asi.2015.0004

Yi Mingjie, Gao Xing, Li Feng, Chen Fuyou. Rethinking the Origin of Microblade Technology: A Chronological and Ecological Perspective // Quaternary International. – 2016. – N 400. – P. 130–139. – doi:10.1016/j.quaint.2015.07.009

References

Bae Ch.J. Late Pleistocene Human Evolution in Eastern Asia: Behavioral Perspectives. *Current Anthropology*, 2017. Vol. 58, Supplement 17. P. 514–524. doi:10.1086/694078

Bae Kidong. Origin and Patterns of the Upper Paleolithic Industries in the Korean Peninsula and Movement of Modern Humans in East Asia. *Quaternary International,* 2010. Vol. 211. P. 103–112. doi:10.1016/j.quaint.2009.06.011

Feng Yue. Microblades in MIS 2 Central China: Cultural Change and Adaptive Strategies. In *PaleoAmerica*, 2020. P. 2–19. doi:10.1080/20555563.2020.1728872

Gladyshev S.A. Late Paleolithic of the Maritime Region (towards the question of origin). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 80–85. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.080-085

Kato S. Human Dispersal and Interaction During the Spread of Microblade Industries in East Asia. *Quaternary International*, 2014. Vol. 347. P. 105–112. doi:10.1016/j.quaint.2014.07.013

Keates S.G., Kuzmin Y.V. Shuidonggou Localities 1 and 2 in Northern China: Archaeology and Chronology of the Initial Upper Palaeolithic in North-East Asia. *Antiquity*, 2015. Vol. 89 (345). P. 714–720. doi:0.15184/aqy.2015.22

Keates S.G., Postnov A.V., Kuzmin Y.V. Towards the Origin of Microblade Technology in Northeastern Asia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019. Vol. 64, iss. 2. P. 390–414. doi:10.21638/11701/spbu02.2019.203

Kononenko N.A. Ecology and cultural dynamics of archaeological sites in the Zerkalnaya River Valley during the terminal Pleistocene – Early Holocene. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2001. Vol. 5. P. 40–59.

Krupianko A.A., Tabarev A.V. Paleolit Primor'ya. *Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta.* Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Univ. Press, 2015. No. 11/12. P. 96–108. (In Russ.).

Kuzmin Y.V. Geochronology and paleoenvironment in the Late Paleolithic and Neolithic of Temperate East Asia. Vladivostok: Pacific Institute of Geography FEB RAS Publ., 2005. 282 p. (In Russ.).

Kuzmin Y.V. Origin of the Microlithic Technic in the Paleolithic of Northern and Eastern Asia: Single or Multicenters? URL: https://antropogenez.ru/article/1103/ (Accessed: 01.09.2020). (In Russ.).

Kuzmin Y.V. Geoarchaeological Aspects of the Origin and Spread of Microblade Technology in Northern and Central Asia. In *Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North America*. Burnaby B.C.: Archaeology Press, Simon Fraser University, 2007. Ch. 8. P. 115–124.

Lee G. Characteristics of Paleolithic Industries in Southwestern Korea during MIS 3 and MIS 2. *Quaternary*

International, 2012. Vol. 248. P. 12–21. doi:10.1016/j.quaint.2011.02.025

Norton C., Bae K., Lee H., Harris J.W.K. A Review of Korean Microlithic Industries. In *Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North America*. Burnaby B.C.: Archaeology Press, Simon Fraser University, 2007. Ch. 6. P. 91–102.

Seong C. Tanged Points, Microblades and Late Palaeolithic Hunting in Korea. *Antiquity*, 2008. No. 82. P. 871–883.

Seong C. Evaluation Radiocarbon Dates and Late Paleolithic Chronology in Korea. *Arctic Anthropology*, 2011. Vol. 48, No. 1. P. 93–112.

Seong C. Diversity of Lithic Assemblages and Evolution of Late Palaeolithic Culture in Korea. *Asian Perspectives*, 2015. Vol. 54, No. 1. P. 91–112. doi:10.1353/asi.2015.0004

Yi Mingjie, Gao Xing, Li Feng, Chen Fuyou. Rethinking the Origin of Microblade Technology: A Chronological and Ecological Perspective. *Quaternary International*, 2016. Vol. 400. P. 130–139. doi:10.1016/j.quaint.2015.07.009

Гладышев С.А. https://orcid.org/0000-0002-7443-654X

Дата сдачи рукописи: 01.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0092-0100
УДК 572

А.В. Зубова✉, В.Г. Моисеев

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: zubova_al@mail.ru

Дифференцирующие возможности «маркеров архаики» на постоянных верхних вторых молярах: от *Homo erectus* к *Homo altaiensis*

В рамках изучения проблемы влияния архаичных интрогрессий на морфологию зубной системы человека современного вида рассмотрено распределение девяти одонтоскопических признаков на постоянных верхних вторых молярах досапиентного населения Евразии. Пять из них (эпикриста, задняя ямка, непрерывный косой гребень, трапециевидная форма коронки, дополнительные одонтоглифические элементы) относятся к т.н. «маркерам архаики», для которых предполагается повышенная встречаемость у древних представителей рода Homo и пониженная – у современных H. sapiens. Также анализировалось распределение частоты редукции гипоконуса и трех дополнительных бугорков – парастиля, бугорка Карабелли и дополнительного дистального бугорка (C5). Сравнивались частоты данных фенов у H. erectus, H.ergaster/erectus/georgicus, H.antecessor, европейских среднеплейстоценовых Homo, китайских гоминин периода среднего и позднего плейстоцена, неандертальцев и денисовцев. Результаты анализа показали, что частоты изученных признаков в пределах рода Homo распределяются по-разному. Во всех группах без исключения встречается только непрерывный косой гребень. Большинство других признаков распространяется дискретно, в зависимости от таксономического статуса популяций. Показано, что в раннем и среднем плейстоцене гребень эпикриста локализован на территории Кавказа и Пиренейского полуострова. Парастиль встречен только на денисовских образцах. Среднеплейстоценовое население Европы характеризуется пониженными частотами архаичных признаков, упрощенным одонтоглифическим узором и повышенной частотой редукции гипоконуса. По результатам анализа главных компонент распределение большинства анализируемых одонтологических признаков статистически согласуется с таксономической дифференциацией сравниваемых групп и их хронологическим положением.

Ключевые слова: *плейстоцен, одонтоскопия, маркеры архаики, эпикриста, редукция гипоконуса, H. erectus, неандертальцы, денисовцы, Дманиси, Атапуэрка.*

A.V. Zubova✉, V.G. Moiseyev

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (The Kunstkamera) RAS
St. Petersburg, Russia
E-mail: zubova_al@mail.ru

Differentiating Potential of "Archaic Traits" on Permanent Upper Second Molars: from *Homo Erectus* to *Homo Altaiensis*

To reveal the extent of introgression of archaic features into the modern human's dentition, we analyzed the distribution of nine dental non-metric features on permanent upper second molars of the pre-sapient population of Eurasia. Previously, it was argued that five of these traits, which are usually attributed to the so-called "archaic markers" (epicrista, posterior fovea, crista obliqua, trapezoid crown shape, additional odontoglyphic elements) are more characteristic to the ancient representatives of the genus Homo than to modern H. sapiens. We also analyzed the distribution of the frequency of hypocone reduction and three additional tubercles – parastyle, Carabelli trait and additional distal cusp (C5). The data on samples of H. erectus, H. ergaster/erectus/georgicus, H. antecessor, European Middle Pleistocene Homo, Chinese hominins of the Middle and Late Pleistocene, Neanderthals, and Denisovans were analyzed by the PCA method using taxonomic status of samples as the grouping variable. The results of the analysis reveal that the frequencies of the studied traits are unevenly distributed within the genus Homo. While one trait, namely a crista obliqua is present with high frequency in all groups, the other characteristics reveal different distribution patterns. It is shown that in the Early and Middle Pleistocene, the epicrista (transverse crest) is localized in the Caucasus and the Iberian Peninsula

only. The parastyle is found only in Denisovan specimens. The Middle Pleistocene population of Europe is characterized by reduced frequencies of archaic traits, a simplified odontoglyphic pattern, and an increased frequency of hypocone reduction. According to the results of the principal component analysis, the distribution of most of the analyzed dental characteristics is statistically consistent with the taxonomic differentiation of the compared groups and their chronological position.

Keywords: *Pleistocene, dental non-metric traits, archaic features, transverse crest, hypocone reduction, H. erectus, Neandertals, Denisovans, Dmanisi, Atapuerca.*

Введение

Согласно современным данным, в составе генома современного вида *Homo sapiens* присутствует значительный процент генов, унаследованных им от неандертальцев, денисовцев и других, более древних, видов в пределах рода *Homo*. Часть этих генов представляет собой общие для разных таксонов комплексы, последовательно передающиеся от общих предков. Другая часть появилась в результате горизонтальных биологических контактов первых популяций современного человека с их предшественниками на территории Евразии – неандертальцами и денисовцами [Schaefer, Shapiro, Green, 2021].

Вопрос о влиянии архаичных интрогрессий на одонтологию *Homo sapiens* крайне мало изучен. Для его рассмотрения необходимо определить, какие признаки являлись маркирующими для каждой таксономической группы или палеодема древних *Homo*. На данный момент достаточно четко очерчена только морфологическая специфика неандертальского комплекса [Bailey, 2002], но даже здесь ведутся активные дискуссии о том, является ли он специфически неандертальской апоморфией либо унаследован от более ранних среднеплейстоценовых *Homo* [Martinón-Torres et al., 2012]. Для других таксонов в пределах рода *Homo* распределение маркирующих признаков нуждается в изучении.

В отечественной одонтологии была выделена особая категория «архаичных» признаков, иногда обозначаемая как «маркеры генерализованной архаики». К ней были отнесены признаки, с повышенными частотами отмечаемые у представителей древних видов в пределах рода *Homo* и относительно редко встречающиеся в современных популяциях [Халдеева, Харламова, Зубов, 2010, с. 61]. Довольно долго они рассматривались только для констатации «архаичности» или «прогрессивности» изучаемого населения в соответствии с концепцией линейности эволюционных изменений от *H. erectus* к *H. sapiens*, но потом исследовательский фокус перешел на анализ их возможностей для дифференциации протоморфных форм, сохранивших предполагаемую морфологическую архаичность палеолитических людей современного вида [Зубова, 2013]. Предварительные результаты анализа их распределения показали в целом пониженную встречаемость «маркеров архаики» у неолитического населения Европы и повышенную – у верхнепалеолитического и неолитического населения Западной Сибири [Там же; Зубова, Чикишева, 2015]. В последующие эпохи это обусловило неравномерную динамику распределения их в западносибирских группах эпохи поздней бронзы и раннего железного века, являющихся потомками как автохтонного населения, так и мигрантов с запада (см., напр.: [Зубова, Кишкурно, Поздняков, 2017; Кишкурно, 2018, 2021]).

Можно было предполагать, что «маркеры архаики» имеют хороший потенциал дифференцирующих возможностей и при сравнении досапиентных популяций, однако обобщающие исследования по этому поводу до сих пор отсутствуют. В данной статье мы представляем предварительные результаты анализа их распределения на верхних вторых молярах у плейстоценового населения Евразии до появления на исторической арене *H. sapiens*. Работа посвящена морфологии верхних вторых моляров, поскольку данные зубы имеют критически важное значение для понимания динамики процесса морфологической редукции, наблюдаемой в пределах рода *Homo*.

Объектом исследования являются девять признаков, регистрируемых на верхних молярах: трапециевидная форма коронки (базовая относительно треугольных, ромбовидных и округлых вариантов), редукция гипоконуса (баллы 3, 3+ суммарно), бугорок Карабелли (баллы 2–5 суммарно), дополнительный дистальный бугорок, парастиль, передний трансверсальный гребень (эпикриста), косой гребень (плагиокриста), задняя ямка и дополнительные одонтоглифические элементы (трирадиусы бугорковых борозд, борозды третьего порядка).

Главная задача работы состояла в анализе географической и хронологической вариабельности распределения этих фенов и степени ее соответствия таксономической дифференциации досапиентного населения Евразии. Он выполнялся на основании индивидуальных характеристик представителей *H. erectus* (Сангиран, Чжоукоудянь) [Indriati, Antón, 2008; Weidenreich, 1937], *H. ergaster/erectus/georgicus* (Дманиси) [Martinón-Torres et al., 2008], *Homo antecessor* (Атапуэрка Гран Долина (TD)) [Bermúdez de Castro, Rosas, Nicolás, 1999], среднеплейстоценовых европейских *Homo* (Атапуэрка Сима де лос Уэсос (SH), Визольяно, Биаш-сент-Баа) [Martinón-Torres et al., 2012; Zanolli et al., 2018; Martín-Francés et al., 2022], *H. neanderthalensis* (Ле Мустье, Леука, Крапина, Мула Герси, Рожок 1, Станья, Шанидар, пещера Чагырская)

[Hlusko et al., 2013; Picin et al., 2020; Zubova et al., 2022; неопубликованные данные автора], денисовцев (пещера Денисова, Харбин) [Зубова, Чикишева, Шуньков, 2017; Ni et al., 2021] и гоминин с неоднозначным таксономическим статусом, заселявших территорию Китая в среднем и позднем плейстоцене (Июань, Хесянь, Чаосянь, Хуалундун, Сюйцзяо, Дюшань, [Bailey, Liu, 2010; Liao et al., 2019; Wu et al., 2019; Xing et al., 2014, 2015, 2016]. Общее число использованных образцов составляет 47 единиц. Межгрупповое сопоставление выполнялось при помощи многомерной статистики, методом главных компонент с группирующей переменной. Расчеты выполнялись в программе Statistica for Windows 8.0, наличие или отсутствие признака регистрировалось в бинарной форме как 1 или 0.

Результаты и обсуждение

Ниже (табл. 1) представлено распределение частот анализируемых признаков в различных группах *Homo*. Уже при визуальном их анализе можно сделать некоторые выводы. Прежде всего, можно отметить минимальную диагностическую ценность косого гребня, который встречается во всех группах. Вариабельность его частот невысока и обусловлена в основном численностью серий. Напротив, очень узко локализован парастиль, который на верхних вторых молярах встречается пока только у представителей денисовской линии (Денисова 8, Харбин).

Интерес вызывает распределение гребня эпикристы. Он отмечен на всех верхних вторых молярах в Дманиси и у *H. antecessor,* а также у четырех среднеплейстоценовых индивидов из Сима де Лос Уэсос и отсутствует в других группах. Это дает возможность с некоторой долей осторожности предполагать наличие биологической связи между древнейшими популяциями запада Евразии.

Еще один интересный момент связан с редукцией гипоконуса. Формально этот признак относится к категории «прогрессивных» и его повышенная частота свойственна, в первую очередь, *Homo sapiens*. Однако он часто встречается в Атапуэрке SH, а кроме нее отмечен на одном из двух верхних моляров у индивида Хуалундун 6 с территории Китая [Wu et al., 2019, fig. 4]. Это дает некоторые основания предполагать, что на территории Евразии редукция гипоконуса фиксируется уже в среднем плейстоцене, и, соответственно, можно говорить о том, что одонтологическая специфика сапиентной эволюционной линии, проявляющаяся в заметной редукции дистальных зубов, проявилась задолго до окончательного формирования вида *H. sapiens*.

Таблица 1. **Распределение анализируемых признаков в сравниваемых группах**

Группа		Трапециевидная форма коронки	Редукция гипоконуса	Бугорок Карабелли	C5	Парастиль	Эпикриста	Задняя ямка	Косой гребень	Дополнительные одонтоглифические элементы
EMPH*	n(N)	16(16)	7(16)	4(16)	10(16)	0(16)	4(16)	6(16)	10(16)	2(16)
	%	**100,00**	**43,75**	**25,00**	**62,50**	0,00	25,00	37,50	62,50	12,50
HE/E	n(N)	2(2)	0(2)	1(2)	1(2)	0(2)	2(2)	2(2)	0(2)	1(2)
	%	**100,00**	**0,00**	50,00	50,00	0,00	100,00	100,00	0,00	50,00
HA	n(N)	1(1)	0(1)	0(1)	1(1)	0(1)	1(1)	1(1)	0(1)	1(1)
	%	–	–	–	–	–	–	–	–	–
HE	n(N)	2(5)	0(5)	1(5)	1(5)	0(5)	0(5)	5(5)	3(5)	5(5)
	%	40,00	0,00	20,00	20,00	0,00	0,00	100,00	60,00	100,00
NEA	n(N)	6(12)	0(12)	0(12)	5(12)	0(12)	0(12)	6(12)	8(12)	12(12)
	%	**50,00**	**0,00**	**0,00**	**41,67**	**0,00**	**0,00**	**50,00**	**66,70**	**100,00**
AMLPH	n(N)	5(7)	1(8)	6(7)	5(7)	0(7)	0(7)	5(7)	5(7)	5(7)
	%	**71,43**	**12,5**	**85,71**	**71,43**	**0,00**	**0,00**	**71,43**	**71,43**	**71,43**
DEN	n(N)	1(3)	0(3)	1(3)	3(3)	2(3)	0(2)	2(2)	2(2)	2(2)
	%	**33,30**	**0,00**	**33,30**	**100,00**	**66,70**	**0,00**	**100,00**	**100,00**	**100,00**

Примечание. DEN – денисовцы, AMLPH – средне- и позднеплейстоценовые *Homo* Китая, NEA – неандертальцы, HE – *H. erectus*, HA – *H. antecessor*, HE/E – *H. ergaster/erectus/georgicus*, EMPH – среднеплейстоценовые *Homo* Европы.

* Представленные частоты могут отличаться в меньшую сторону от представленных в работе [Martinón-Torres et al., 2012, tabl. 13], поскольку использовались только образцы, на которых можно было зафиксировать полный набор признаков.

Авторы публикации данных из Атапуэрки предполагают, что редукция здесь представляет собой гомопластическое явление, не указывающее на ее возможное родство с непосредственными предками *H. sapiens* [Arsuaga et al., 2014]. Однако отсутствие подобной гомоплазии в большинстве других групп, привлеченных для анализа, и практически полное исчезновение ее в досапиентных позднеплейстоценовых популяциях заставляет задуматься об альтернативных точках зрения. Отметим, что редукция гипоконуса в Сима де лос Уэсос сопровождается резким упрощением одонтоглифического узора, что также свойственно человеку современного вида.

По результатам анализа главных компонент, первая главная компонента (ГК 1) дифференцирует европейских среднеплейстоценовых *Homo*, которые располагаются на ее положительном полюсе (рис. 1). Они характеризуются повышенной, по меркам среднего плейстоцена, частотой редуцированных форм гипоконуса и эпикристы, сниженной частотой или отсутствием ромбовидных или округлых верхних вторых моляров (табл. 2). Вместе с этой серией в положительное поле графика попадают находки из Дманиси и *H. antecessor*, где отсутствует редукция гипоконуса, но, как уже было сказано выше, есть эпикриста (рис. 1). Это статистически подтверждает предположение о том, что последний признак может быть маркером наличия непрерывной популяционной преемственности на территории Европы в раннем и среднем плейстоцене.

У неандертальцев оба этих признака отсутствуют, соответственно, данная группа попадает в отрицательное поле ГК 1 вместе с азиатскими образцами (рис. 1). Ключевое значение для дифференциации в данном случае имеет частота дополнительных одонтоглифических элементов, которая резко снижена в Атапуэрке, но повышена у неандертальцев.

Вторая главная компонента (ГК 2) в области положительных координат по ГК 1 отделяет Дманиси и *H. antecessor* от EMPH, за счет различий в частоте редукции гипоконуса. В отрицательном поле ГК 1 она дифференцирует неандертальцев от AMLPH и денисовцев. Две последние группы характеризуются более высокой частотой бугорка Карабелли, задней ямки и, в случае денисовцев, парастиля (рис. 1). *H. erectus* по данной компоненте занимают нейтральное положение вблизи области нулевых значений ГК 2.

В целом результаты анализа главных компонент показали, что на верхних вторых молярах распределение большинства одонтологических признаков согласуется с таксономической дифференциацией сравниваемых групп и их хронологическим положением, подтверждая предварительные наблюдения, исходящие из рассмотрения табличных частот (табл. 2, рис. 1).

Географическая динамика распределения обсуждаемых признаков внутри таксонов или палеодемов

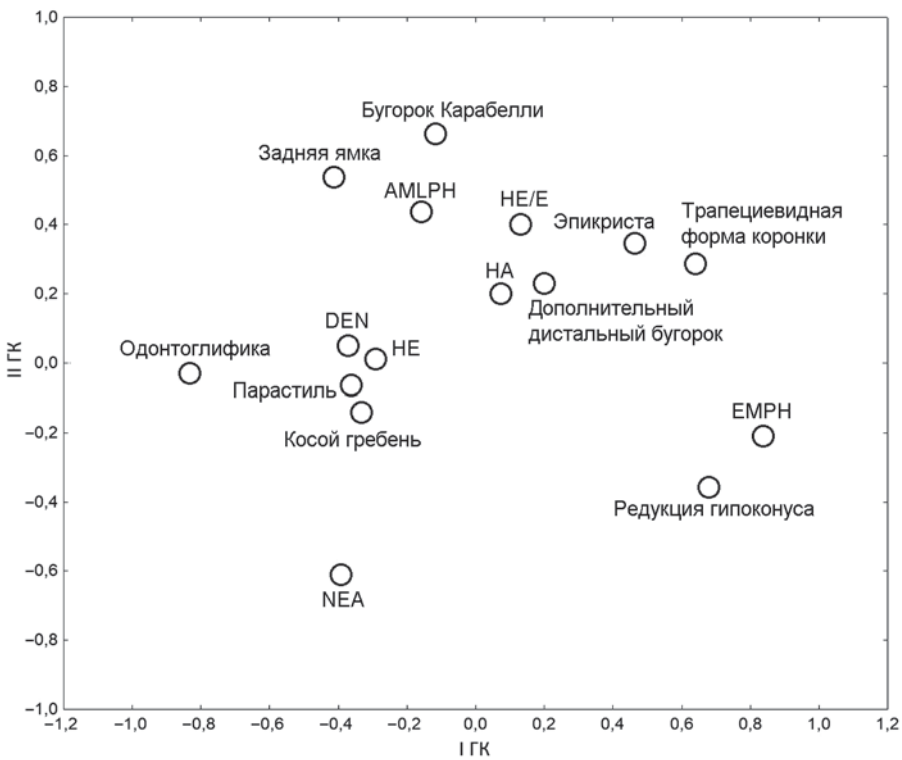

Рис. 1. Распределение сравниваемых серий в пространстве первых двух главных компонент.
DEN – денисовцы; AMLPH – средне- и позднеплейстоценовые *Homo* Китая; NEA – неандертальцы; HE – *H. erectus*; HA – *H. antecessor*; HE/E – *H. ergaster/erectus/georgicus*; EMPH – среднеплейстоценовые *Homo* Европы.

Таблица 2. **Статистические нагрузки на одонтологические признаки и категориальную переменную**

Название признака	ГК 1	ГК 2
Трапециевидная форма коронки	0,65	0,26
Редукция гипоконуса	0,69	–0,32
Бугорок Карабелли	–0,09	0,62
Дополнительный дистальный бугорок	0,23	0,19
Парастиль	–0,35	–0,02
Эпикриста	0,44	0,48
Задняя ямка	–0,42	0,61
Косой гребень	–0,35	–0,16
Дополнительные одонтоглифические элементы	–0,85	0,03
NEA	–0,43	–0,55
AMLPH	–0,10	0,41
HE	–0,33	0,06
DEN	–0,37	0,07
EMPH	0,81	–0,20
HA	0,05	0,29
HE/E	0,13	0,52

Примечание. Обозначения групп см. подпись к табл. 1.

на данный момент вряд ли может обсуждаться в деталях. Во-первых, часть групп представлена единичными находками. Во-вторых, бóльшая часть обсуждаемых таксонов имела весьма ограниченные ареалы, распространяясь либо только в западной части Евразии, либо только в восточной. Соответственно, географическая изоляция между отдельными популяциями внутри них могла быть относительно незначительна и не оказывать заметное влияние на морфологию верхних вторых моляров.

Возможно, что исключение из этой ситуации представляют среднеплейстоценовые палеодемы, которые ранее рассматривались как представители вида *H. heidelbergensis*, с весьма широким ареалом обитания, от Европы до Китая. Однако для обсуждения этого вопроса пока не хватает данных. Можно только отметить, что по результатам нашего анализа на графике индивидуального распределения находок (рис. 2) китайские образцы Чаосянь и Хуалундун 6 попадают в пределы вариабельности EMPH, соответственно, даже если все эти находки относятся к одному таксону, их географическое положение не повлияло на индивидуальные морфологические характеристики.

В позднем плейстоцене на территории Европы относительно значительным количеством находок с широким географическим размахом от Западной Европы до Алтая представлены неандертальцы. Однако на графике (рис. 2) они формируют очень компакт-

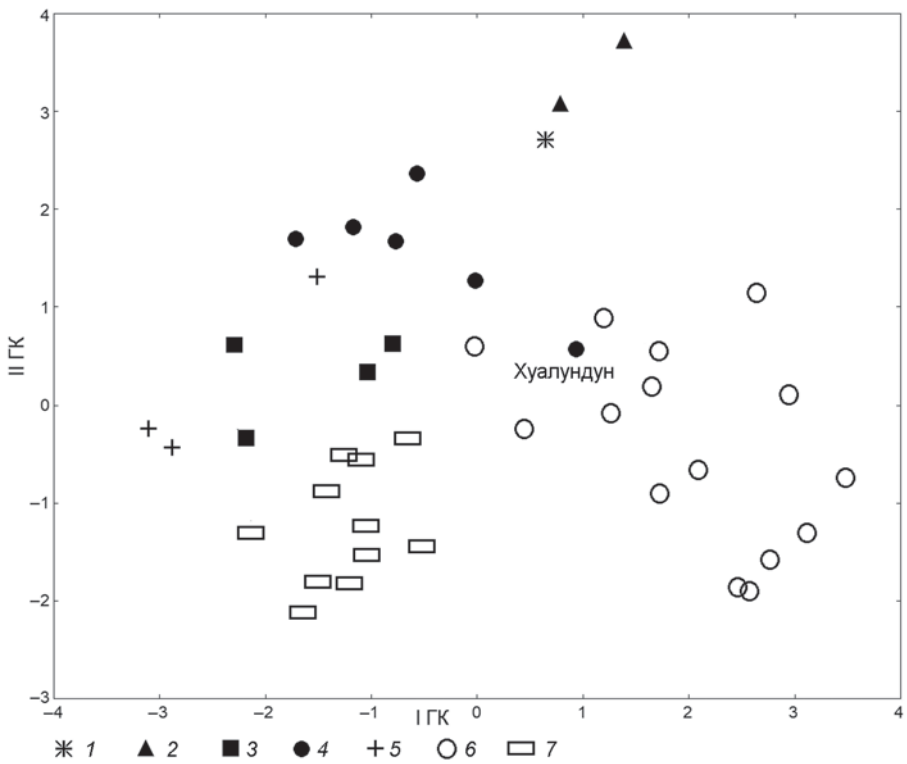

Рис. 2. Распределение индивидуальных находок в пространстве первых двух главных компонент.
1 – H. antecessor; *2 – H. ergaster/erectus/georgicus*; *3 – H. Erectus*; *4* – средне- и позднеплейстоценовые *Homo* Китая; *5* – денисовцы; *6* – среднеплейстоценовые *Homo* Европы; *7* – неандертальцы.

ную группу, разнообразие внутри которой значительно ниже, чем внутри предшествующих ей EMPH. У них отсутствует четыре признака из девяти, в частности, эпикриста и редукция гипоконуса. Это может свидетельствовать о демографическом кризисе на территории Европы в конце среднего плейстоцена, в результате которого здесь могли исчезнуть или резко сократить свое присутствие представители эволюционных линий, маркируемых последними двумя признаками.

Обусловить предполагаемый кризис могли климатические изменения, связь которых с периодическими вымираниями европейских плейстоценовых популяций и влияние на формирование неандертальцев уже обсуждалась [Dennell, Martinón-Torres, Bermúdez de Castro, 2011]. Оставшееся население могло пройти через резкое сокращение численности, обусловившее низкий уровень внутривидового разнообразия и повышение частот специализированных одонтологических признаков, сформировавших т.н. «неандертальский» комплекс, на верхних вторых молярах проявляющийся в повышенном количестве ромбовидной формы коронки и отсутствии редукции [Bailey, 2002]. По результатам нашего анализа признаком такой специализации может являться изолированное от других средне- и позднеплейстоценовых находок положение неандертальских образцов на графике (см. рис. 1, 2). Географическая дифференциация индивидуальных популяций на морфологию верхних вторых моляров влияния не оказала.

На территории Азии в позднем плейстоцене наблюдается несколько иная ситуация. Здесь не наблюдается выраженной дифференциации по частотам отдельных признаков или их комбинаций между представителями различных таксономических групп или палеодемов, что свидетельствует о большей, чем в Европе, степени популяционной преемственности между древнейшим и позднеплейстоценовым населением. К позднему плейстоцену относятся образцы денисовской линии – Денисова 4, Денисова 8 и Харбин, и находки периода финального плейстоцена – Сюцзяйяо и Дюшань. Как видно (рис. 2), они не формируют общей совокупности, распадаясь на два блока. Денисова 8 и Харбин близки к эректусам Сангирана, тогда как Денисова 4, Сюйцзяяо и Дюшань близки к находкам Июянь и Хесянь. Географических градиентов в распределении признаков не прослеживается, но нужно отметить, что в среднем AMLPH ближе к европейским и кавказским группам, чем денисовцы и *H. erectus* (см. рис. 1).

Заключение

Проведенный анализ дифференцирующих возможностей «маркеров архаики» на верхних вторых молярах плейстоценового населения Евразии показал, что дифференцирующая сила каждого из них различна, но в комплексе они надежно дифференцируют древние группы друг от друга. При этом частоты рассмотренных признаков имеют различные модели распределения. Наиболее широко распространен непрерывный косой гребень, повышенная частота которого не имеет дифференцирующей ценности и встречена во всех изученных сериях. Возможно, аналогичной модели подчиняется распределение бугорка Карабелли. Единственное отличие в данном случае заключается в повышении его частоты у AMLPH.

Распределение задней ямки меняется с течением времени: у *H. erectus* и в Дманиси она встречена с максимальными частотами, затем в Азии ее частота остается стабильно высокой, тогда как в Европе заметно понижается в среднем плейстоцене, и в дальнейшем это сохраняется у неандертальцев.

Гребень эпикриста имеет строгую географическую локализацию на территории Кавказа и Пиренейского полуострова, маркируя возможную связь между древнейшими пластами населения юга Европы. Парастиль, как уже было сказано, имеет еще более узкую локализацию, встречаясь только у денисовцев.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках плановой темы НИР МАЭ РАН «Центры этно- и культурогенеза и контактные зоны в Евразии и Америке в конце плейстоцена и голоцене (по данным физической антропологии, археологии и этнологии)».

Список литературы

Зубова А.В. Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии // Вестн. антропологии. – 2013. – № 4. – С. 107–127.

Зубова А.В., Кишкурно М.С., Поздняков Д.В. Одонтологическая характеристика андроновского населения Степного Алтая по материалам могильника Рублево VIII // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 326–330.

Зубова А.В., Чикишева Т.А. Морфологический комплекс зубов человека со стоянки Афонтова Гора II и его положение в системе одонтологической дифференциации верхнепалеолитического населения Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 4. – С. 135–143.

Зубова А.В., Чикишева Т.А., Шуньков М.В. Морфологическая характеристика постоянных моляров из палеолитических слоев Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 3. – С. 121–134.

Кишкурно М.С. Происхождение носителей каменской культуры Новосибирского Приобья по одонтологическим данным из могильника Быстровка-3 (III–I вв. до н.э.) // Camera Praehistorica. – 2018. – № 1. – С. 134–147.

Кишкурно М.С. Одонтоскопическая характеристика серии тагарской культуры из курганного могильника Станция Казановская-1 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 459–467.

Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Зубов А.А. Сравнительное одонтологическое исследование «классических» западноевропейских неандертальцев // Вестн. антропологии. – 2010. – Вып. 18. – С. 60–87.

Arsuaga J.L., Martínez I., Arnold L.J., Aranburu A., Gracia-Téllez A., Sharp W.D., Quam R.M., Falguères C., Pantoja-Pérez A., Bischoff J., Poza-Rey E., Parés J.M., Carretero J.M., Demuro M., Lorenzo C., Sala N., Martinón-Torres M., García N., Alcázar de Velasco A., Cuenca-Bescós G., Gómez-Olivencia A., Moreno D., Pablos A., Shen C.-C., Rodríguez L., Ortega A.I. García R., Bonmatí A., Bermúdez de Castro J.M., Carbonell E. Neandertal roots: Cranial and chronological evidence from Sima de los Huesos // Science. – 2014. – Vol. 344 (6190). – P. 1358–1363.

Bailey S.E. Neandertal Dental Morphology: Implications for Modern Human Origins. PhD. Dissertation. – Arizona State Univ., Tempe. – 2002.

Bailey S.E., Liu W. A comparative dental metrical and morphological analysis of a Middle Pleistocene hominin maxilla from Chaoxian (Chaohu), China // Quatern. Intern. – 2010. – Vol. 211 (1-2). – P. 14–23.

Bermúdez de Castro J.M., Rosas A., Nicolás M.E. Dental remains from Atapuerca-TD6 (Gran Dolina site, Burgos, Spain) // J. of Hum. Evol. – 1999. – Vol. 37 (3–4). – P. 523–566.

Dennell R.W., Martinón-Torres M., Bermúdez de Castro J.M. Hominin variability, climatic instability and population demography in Middle Pleistocene Europe // Quatern. Sci. Reviews. – 2011. – Vol. 30. – P. 1511–1524.

Hlusko L.J., Carlson J.P., Guatelli-Steinberg D., Krueger K.L., Mersey B., Ungar P.S., Defleur A. Neanderthal teeth from Moula-Guercy, Ardèche, France // Am. J. of Phys. Anthropol. – 2013. – Vol. 151 (3). – P. 477–491.

Indriati E., Antón S. Earliest Indonesian facial and dental remains from Sangiran, Java: a description of Sangiran 27 // Anthropol. Sci. – 2008. – Vol. 116 (3). – P. 219–229.

Liao W., Xing S., Li D., Martinón-Torres M., Wu X., Soligo C., Bermúdez de Castro J.M., Wang W., Liu W. Mosaic dental morphology in a terminal Pleistocene hominin from Dushan Cave in southern China // Scientific Reports. – 2019. – N 9. – P. 1–14.

Martín-Francés L., Bermúdez de Castro J.M., Martínez de Pinillos M., Martinón–Torres M., Arsuaga J.L. Bertrand B., Vialet A. Middle Pleistocene hominin teeth from Biache-Saint-Vaast, France // Archaeological and Anthropological Sciences. – 2022. – Vol. 14. – P. 215.

Martinón-Torres M., Bermúdez de Castro J.M., Gómez-Robles A., Margvelashvili A., Prado L., Lordkipanidze D., Vekua A. Dental remains from Dmanisi (Republic of Georgia): morphological analysis and comparative study // J. of Hum. Evol. – 2008. – Vol. 55 (2). – P. 249–273.

Martinón-Torres M., Bermúdez de Castro J.M., Gómez-Robles A., Prado-Simón L., Arsuaga J.L. Morphological description and comparison of the dental remains from Atapuerca-Sima de los Huesos site (Spain) // J. of Hum. Evol. – 2012. – Vol. 62, N 1. – P. 7–58.

Ni X., Ji Q., Wu W., Shao Q., Ji Y., Zhang C., Liang L., Ge J., Guo Z., Li J., Li Q., Grun R., Stringer C. Massive cranium from Harbin in northeastern China establishes a new Middle Pleistocene human lineage // The Innovation. – 2021. – Vol. 2 (3). – P. 100130.

Picin A., Hajdinjak M., Nowaczewska W., Benazzi S., Urbanowski M., Marciszak A., Fewlass H., Socha P., Stefaniak K., Żarski M., Wiśniewski A., Hublin J.-J., Nadachowski A., Talamo S. New perspectives on Neanderthal dispersal and turnover from Stajnia Cave (Poland) // Scientific Reports. – 2020. – Vol. 10. – 14778.

Schaefer N.K., Shapiro B., Green R.E. An ancestral recombination graph of human, Neanderthal, and Denisovan genomes // Sci. Adv. – 2021. – Vol. 7. – eabc0776.

Weidenreich F. The Dentition of Sinanthropus Pekinensis: A Comparative Odontography of the Hominids. Palaeontologia Sinica (China. Geological Survey): New Series No. 1. – Peking, 1937. – 121 p.

Wu X.-J., Pei S.-W., Cai Y.-J., Tong H.-W., Li Q., Dong Z., Sheng J.-C., Jin Z.-T., Ma D.D., Xing S., Li X.-L., Cheng X., Cheng H., de la Torre I., Edwards R.L., Gong X.-C., An Z.-S., Trinkaus E. Archaic human remains from Hualongdong, China, and Middle Pleistocene human continuity and variation // PNAS. – 2019. – Vol. 116 (20). – P. 9820–9824.

Xing S., Martinón-Torres M., Bermúdez de Castro J.-M., Wu X., Liu W. Hominin teeth from the early Late Pleistocene site of Xujiayao, Northern China // American Journal of Physical anthropology. – 2015. – Vol. 156 (2). – P. 224–240.

Xing S., Sun C., Martinón-Torres M., Bermúdez de Castro J.M., Han F., Zhang Y., Liu W. Hominin teeth from the Middle Pleistocene site of Yiyuan, Eastern China // J. of Hum. Evol. – 2016. – Vol. 95. – P. 33–54.

Xing S., Martinón-Torres M., Bermúdez de Castro J.M., Zhang Y., Fan X., Zheng L., Huang W., Liu W. Middle Pleistocene Hominin Teeth from Longtan Cave, Hexian, China // PLoS ONE. – 2014. – Vol. 9 (12). – e114265.

Zanolli C., Martinón-Torres M., Bernardini F., Boschian G., Coppa A., Dreossi D., Mancini L., Martínez de Pinillos M., Martín-Francès L., Bermúdez de Castro J.M., Tozzi C., Tuniz C., Macchiarelli R. The Middle Pleistocene (MIS 12) human dental remains from Fontana Ranuccio (Latium) and Visogliano (Friuli-Venezia Giulia), Italy. A comparative high-resolution endostructural assessment // PLoS ONE. – 2018. – Vol. 13 (10). – e0189773.

Zubova A.V., Moiseyev V.G., Kulkov A.M., Otcherednoy A.K., Markin S.V., Kolobova K.A. Maxillary second molar from the Rozhok I Micoquian site (Azov Sea region): Another link between Eastern Europe and Siberia // J. of Hum. Evol. – 2022. – Vol. 168. – 103209.

References

Arsuaga J.L., Martínez I., Arnold L.J., Aranburu A., Gracia-Téllez A., Sharp W.D., Quam R.M., Falguères C., Pantoja-Pérez A., Bischoff J., Poza-Rey E., Parés J.M., Carretero J.M., Demuro M., Lorenzo C., Sala N., Martinón-Torres M., García N., Alcázar de Velasco A., Cuenca-Bescós G., Gómez-Olivencia A., Moreno D., Pablos A., Shen C.-C., Rodríguez L., Ortega A.I. García R., Bonmatí A., Bermúdez de Castro J.M., Carbonell E. Neandertal roots: Cranial and chronological evidence from Sima de los Huesos. *Science*, 2014. Vol. 344 (6190). P. 1358–1363. doi:10.1126/science.1253958

Bailey S.E. Neandertal Dental Morphology: Implications for Modern Human Origins: PhD. Dissertation. Arizona State University, Tempe, 2002.

Bailey S.E., Liu W. A comparative dental metrical and morphological analysis of a Middle Pleistocene hominin maxilla from Chaoxian (Chaohu), China. *Quaternary International,* 2010. Vol. 211 (1–2). P. 14–23. doi:10.1016/j.quaint.2009.01.008

Bermúdez de Castro J. M., Rosas A., Nicolás M.E. Dental remains from Atapuerca-TD6 (Gran Dolina site, Burgos, Spain). *Journal of Human Evolution*, 1999. Vol. 37 (3–4). P. 523–566. doi:10.1006/jhev.1999.0323

Dennell R.W., Martinón-Torres M., Bermúdez de Castro J.M. Hominin variability, climatic instability and population demography in Middle Pleistocene Europe. *Quaternary Science Reviews*, 2011. Vol. 30. P. 1511–1524. doi:10.1016/j.quascirev.2009.11.027

Hlusko L.J., Carlson J.P., Guatelli-Steinberg D., Krueger K.L., Mersey B., Ungar P.S., Defleur A. Neanderthal teeth from Moula-Guercy, Ardèche, France. *American Journal of Physical Anthropology*, 2013. Vol. 151 (3). P. 477–491. doi:10.1002/ajpa.22291

Indriati E., Antón S. Earliest Indonesian facial and dental remains from Sangiran, Java: a description of Sangiran 27. *Anthropological Science*, 2008. Vol. 116 (3). P. 219–229. doi:10.1537/ase.070814

Khaldeeva N.I., Kharlamova N.V., Zubov A.A. Sravnitel'noe odontologicheskoe issledovanie «klassicheskikh» zapadnoevropeiskikh neandertal'tsev. *Vestnik Antropologii*, 2010. No. 18. P. 60–87. (In Russ.).

Kishkurno M.S. The origin of Kamenskaya culture population from the Novosibirsk Ob region according to dental data from the burial-ground Bystrovka-3 (III–I centuries BC). *Camera Praehistorica*, 2018. No. 1. P. 134–147. (In Russ.). doi:10.33291/26583828.2018-(1)-9

Kishkurno M.S. Odontoscopy of the tagar population series based on materials from Stantsiya Kazanovskaya-1 burial mound. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 2021. Vol. 27. P. 459–467. (In Russ.) doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0459-0467

Liao W., Xing S., Li D., Martinón-Torres M., Wu X., Soligo C., Bermúdez de Castro J.M., Wang W., Liu W. Mosaic dental morphology in a terminal Pleistocene hominin from Dushan Cave in southern China. *Scientific Reports*, 2019. No. 9. P. 1–14. doi:10.1038/s41598-019-38818-x

Martín-Francés L., Bermúdez de Castro J.M., Martínez de Pinillos M., Martinón-Torres M., Arsuaga J.L. Bertrand B., Vialet A. Middle Pleistocene hominin teeth from Biache-Saint-Vaast, France. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2022. Vol. 14. P. 215. doi:10.1007/s12520-022-01680-6

Martinón-Torres M., Bermúdez de Castro J.M., Gómez-Robles A., Margvelashvili A., Prado L., Lordkipanidze D., Vekua A. Dental remains from Dmanisi (Republic of Georgia): morphological analysis and comparative study. *Journal of Human Evolution*, 2008. Vol. 55 (2). P. 249–273. doi:10.1016/j.jhevol.2007.12.008

Martinón-Torres M, Bermúdez de Castro J.M., Gómez-Robles A., Prado-Simón L., Arsuaga J.L. Morphological description and comparison of the dental remains from Atapuerca-Sima de los Huesos site (Spain). *Journal of Human Evolution,* 2012. Vol. 62, No. 1. P. 7–58. doi:10.1016/j.jhevol.2011.08.007

Ni X., Ji Q., Wu W., Shao Q., Ji Y., Zhang C., Liang L., Ge J., Guo Z., Li J., Li Q., Grun R., Stringer C. Massive cranium from Harbin in northeastern China establishes a new Middle Pleistocene human lineage. *The Innovation,* 2021. Vol. 2 (3). P. 100–130. doi:10.1016/j.xinn.2021.100130

Picin A., Hajdinjak M., Nowaczewska W., Benazzi S., Urbanowski M., Marciszak A., Fewlass H., Socha P., Stefaniak K., Żarski M., Wiśniewski A., Hublin J.-J., Nadachowski A., Talamo S. New perspectives on Neanderthal dispersal and turnover from Stajnia Cave (Poland). *Scientific Reports*, 2020. Vol. 10. P. 14778. doi:10.1038/s41598-020-71504-x

Schaefer N.K., Shapiro B., Green R.E. An ancestral recombination graph of human, Neanderthal, and Denisovan genomes. *Science Advance*, 2021. Vol. 7. eabc0776. doi:10.1126/sciadv.abc0776

Weidenreich F. The Dentition of Sinanthropus Pekinensis: A Comparative Odontography of the Hominids. In *Palaeontologia Sinica (China. Geological Survey): New Series No. 1.* Peking, 1937. 121 p.

Wu X.-J., Pei S.-W., Cai Y.-J., Tong H.-W., Li Q., Dong Z., Sheng J.-C., , Jin Z.-T., Ma D.D., Xing S., Li X.-L., Cheng X., Cheng H., de la Torre I., Edwards R.L., Gong X.-C., An Z.-S., Trinkaus E. Archaic human remains from Hualongdong, China, and Middle Pleistocene human continuity and variation. *PNAS,* 2019. Vol. 116 (20). P. 9820–9824. doi:10.1073/pnas.1902396116

Xing S., Martinón-Torres M., Bermúdez de Castro J.-M., Wu X., Liu W. Hominin teeth from the early Late Pleistocene site of Xujiayao, Northern China. *American Journal of Physical anthropology*, 2015. Vol. 156 (2). P. 224–240. doi:10.1002/ajpa.22641

Xing S., Sun C., Martinón-Torres M., Bermúdez de Castro J.M., Han F., Zhang Y., Liu W. Hominin teeth from the Middle Pleistocene site of Yiyuan, Eastern China. *Journal of Human Evolution*. 2016. Vol. 95. P. 33–54.

Xing S., Martinón-Torres M., Bermúdez de Castro J.M., Zhang Y., Fan X., Zheng L., Huang W., Liu W. Middle

Pleistocene Hominin Teeth from Longtan Cave, Hexian, China. *PLoS ONE*, 2014. Vol. 9 (12). e114265. doi:10.1016/j.jhevol.2016.03.004

Zanolli C., Martinón-Torres M., Bernardini F., Boschian G., Coppa A., Dreossi D., Mancini L., Martínez de Pinillos M., Martín-Francès L., Bermúdez de Castro J.M., Tozzi C., Tuniz C., Macchiarelli R. The Middle Pleistocene (MIS 12) human dental remains from Fontana Ranuccio (Latium) and Visogliano (Friuli-Venezia Giulia), Italy. A comparative high resolution endostructural assessment. *PLoS ONE*, 2018. Vol. 13 (10). e0189773. doi:10.1371/journal.pone.0189773

Zubova A.V. Predvaritel'nye rezul'taty izucheniya arkhaichnoi sostavlyayushchei odontologicheskikh kompleksov naseleniya Evrazii. *Vestnik Antropologii*, 2013. No. 4. P. 107–127. (In Russ.).

Zubova A.V., Chikisheva T.A. Human teeth from the Upper Paleolithic site of Afontova gora II, Southern Siberia: morphology and affinities. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015. Vol. 43, No. 4. P. 135–143. doi:10.17746/1563-0102.2015.43.4.135-143

Zubova A.V., Chikisheva T.A., Shunkov M.V. The morphology of permanent molars from the Paleolithic layers of Denisova cave. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2017. Vol. 45, No. 1. P. 121–134. doi:10.17746/1563-0110.2017.45.1.121-134

Zubova A.V., Kishkurno M.S., Pozdnyakov D.V. Odontological Characteristics of the Forest-Steppe Altai Andronovo Population based on the Materials from the Rublyovo VIII Burial Ground. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 2017. Vol. 23. P. 326–330. (In Russ.).

Zubova A.V., Moiseyev V.G., Kulkov A.M., Otcherednoy A.K., Markin S.V., Kolobova K.A. Maxillary second molar from the Rozhok I Micoquian site (Azov Sea region): Another link between Eastern Europe and Siberia. *Journal of Human Evolution,* 2022. Vol. 168. P. 103209. doi:10.1016/j.jhevol.2022.103209

Зубова А.В. https://orcid.org/0000-0002-7981-161X
Моисеев В.Г. https://orcid.org/0000-0003-1748-2686

Дата сдачи рукописи: 29.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0101-0106
УДК 902/904

А.В. Кандыба[1]✉, И.С. Павлов[2], А.В. Лавров[3], С.А. Егорова[4], А.Н. Скрябин[5], А.В. Протопопов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Отдел изучения мамонтовой фауны АН РС (Я)
Якутск, Россия
[3]Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
Москва, Россия
[4]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[5]Независимый исследователь
Чурапча, Россия
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Полевые исследования на территории Чурапчинского района (Республика Саха (Якутия)) в 2024 году

В статье рассматриваются результаты археологических исследований в среднем течении р. Хонду в Центральной Якутии в 2024 г. Данные работы являются логическим продолжением археологической разведки 2023 г. в Чурапчинском р-не Республики Саха (Якутия), результатом которой стало обнаружение местонахождения, получившего название Хонду. Тогда был обнаружен плейстоценовый мамонтовый комплекс и подъемный разновременной археологический материал. В текущем году в ходе разведки на памятнике было заложено два разведочных шурфа. В первом из них были обнаружены деревянные колья с оформленными рубящими ударами остриями. Показано, что отложения, содержащие данные деревянные изделия, были сформированы путем аккумуляции речных наносов. Во втором шурфе был обнаружен поселенческий горизонт обитания с остатками деревянных конструкций, в т.ч. деревянный кол, пятен прокала, следов органического материала. В обоих шурфах раскопочные работы были прекращены на уровне оттайки многолетней мерзлоты. Полученный подъемный материал позволяет на данном этапе говорить о наличии керамики ымыяхтахской культуры. Дано описание каменного инвентаря, пока позволяющее говорить о его принадлежности к широкому диапазону неолитического времени. Полученные абсолютные датировки археологических, остеологических и литологических материалов 2023 г. имеют радиоуглеродный возраст от 1,5 до 50 тыс. л.н. Выявленное местонахождение Хонду имеет широкий культурно-хронологический диапазон от верхнего палеолита до позднего неолита. Таким образом, зафиксирован новый палеонтологический и археологический памятник на территории Чурапчинского р-на, что говорит о несомненной перспективности данного региона для обнаружения новых свидетельств присутствия человека в период плейстоцена и раннего голоцена.

Ключевые слова: *Центральная Якутия, Чурапчинский район, плейстоцен, местонахождение Хонду, каменная индустрия.*

A.V. Kandyba[1]✉, I.S. Pavlov[2], A.V. Lavrov[3], S.A. Egorova[4], A.N. Skrybin[5], A.V. Protopopov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Department for the Study of Mammoth Fauna
Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)
Yakutsk, Russia
[3]A.A. Borisyak Paleontological Institute RAS
Moscow, Russia
[4]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[5]Independent researcher
Churapcha, Russia
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Field Research in Churapcha District (Republic of Sakha (Yakutia)) in 2024

This article discusses archaeological research in the middle reaches of the Khondu River in Central Yakutia in 2024. Excavations of 2024 followed archaeological survey of 2023 in Churapcha District of the Republic of Sakha (Yakutia), which resulted in discovery of the Khondu site with Pleistocene mammoth complex and surface finds of different periods. In 2024, two test pits were made at the site. Pointed wooden stakes made by chopping strikes were discovered in the first pit. The deposits containing these stakes resulted from accumulation of river sediments. The second test pit revealed a habitation layer with remains of wooden structures, including a wooden stake, calcined spots, and traces of organic material. In both pits excavation works were stopped at the level of permafrost thaw. Surface finds indicated the presence of pottery of the Ymyyakhtakh culture, and stone artifacts had Neolithic appearance. The absolute dating of archaeological, osteological, and lithological evidence discovered in 2023 gave a number of radiocarbon dates from 1500 to 50,000 BP. The Khondu site appears to have existed in a wide cultural and chronological period from the Upper Paleolithic to the Late Neolithic. This new paleontological and archaeological site in Churapcha District shows good prospects of this region in terms of discovering new evidence of human presence in the Pleistocene and Early Holocene.

Keywords: *Central Yakutia, Churapcha District, Pleistocene, Khondu site, stone industry.*

В 2024 г. на территории Чурапчинского р-на Республики Саха (Якутия) были проведены археологические исследования, которые являются продолжением полевых разведок 2023 г.

Впервые сведения о следах палеолитической эпохи в Центральной Якутии даны в работах А.П. Окладникова, который открыл ряд памятников на средней Лене, на территории Ленского и Олёкминского р-нов ЯАССР в 40-х гг. XX в. [1946]. Позже, в 1960-е гг., Приленской археологической экспедицией под руководством Ю.А. Мочанова на р. Алдан в результате широкомасштабных комплексных исследований на территории Алданского, Усть-Майского, Томпонского, Таттинского и Усть-Алданского р-нов была выделена дюктайская верхнепалеолитическая культура. Наиболее ранние памятники (стоянки Эжанцы, Ихине I, II, Усть-Миль на р. Алдан) были определены возрастом 30–35 тыс. л.н., а основная масса объектов этой культуры имела возраст 25–10,5 тыс. л.н. [Мочанов, 1977]. Хотя существует точка зрения, что возраст дюктайской культуры не выходит за рамки сартанского стадиала [Питулько, Павлова, 2010].

На фоне изученных окружающих районов Центральной Якутии Чурапчинский р-н детальному изучению на предмет обнаружения палеолитических памятников не подвергался, несмотря на находки плейстоценовой фауны, как, например, обнаружение в 1972 г. почти полного скелета шерстистого носорога, получившего название чурапчинского [Лазарев, Тирская, 1975].

В 2023 г. районом комплексных полевых исследований стал бассейн среднего течения р. Хонду недалеко от районного центра Чурапча. Местность характеризуется типичным для Лено-Амгинского междуречья аласным рельефом и замедленными термокарстовыми процессами. Участок представляет собой высокую пойму меандрирующего русла, со склонами, круто спускающимися к руслу реки. Высокая терраса расположена на высоте 3,5 м над урезом воды в реке в летнюю межень (к августу русло реки распалось на отдельные бочаги – «крики»). В 2023 г. в месте обнаружения подъемного археологического материала (каменные и костяные орудия) [Кандыба и др., 2023] была заложена зачистка в среднем течении р. Хонду. В результате были обнаружены литологические слои, содержащие мамонтовую фауну (*Mammuthus primigenius* (Blumenbach, 1799), *Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach, 1799), *Bison priscus* (Bojanus, 1827) и др.), но без археологического материала.

В 2024 г. были заложены 2 шурфа (рис. 1) общей площадью 12 м^2 (каждый 6 м^2). Шурф № 1 был заложен на левом берегу р. Хонду напротив зачистки 2023 г. Были вскрыты 2 литологических подразделения на глубину 1,6 м до уровня многолетней мерзлоты.

Слой 1. Современный пойменный аллювий. Толща переслаивающих светло-серых супесей с четкой гумусацией на границах прослоек. Активно развита современная корневая система по всей толще. Мощность 0,8–0,9 см.

Слой 2. Многослойная толща серо-белых песков с эпизодическими серыми алевритовыми прослойками. Угол наклона слоев составляет 45°. Видимая мощность 0,7–0,8 см.

На глубине 1,7 м на контакте с многолетней мерзлотой были обнаружены два деревянных кола и один фрагмент дерева со следами рубящих ударов. Первый деревянный кол цилиндрической формы, полностью отсутствует древесная кора и частично луб (рис. 2, *1*). Размеры: 305 мм по длине, толщина в сечении (край 45 мм, середина 52 мм, край начала заостренного конца 49 мм). Край основания сохраняет поверхность неравномерного слома. Противоположный край приострен серией идущих по кругу рубящих ударов, кончик имеет четырехгранную форму в сечении. Общая длина начала обработки острия составляет 160 мм, однако с одной стороны часть дерева разрушена, поэтому длина острия 126 мм. Четвертая сторона кола менее всего обработана, со-

Рис. 1. Местонахождение Хонду. Фотоплан с расположением шурфов 2024 г. и зачистки 2023 г.

держит поверхность приострения, длиной 52 мм. В середине острый край кола достигает 33 мм в сечении, а на сохранившемся кончике 18 мм. Поверхность кола в очень плохой сохранности, присутствуют следы расслоения по годичным кольцам, глубокие трещины (ок. 3–5 мм) вдоль всего изделия, а также поперечные следы, вероятно являющиеся негативами рубящего воздействия.

Следующий деревянный кол также цилиндрической формы, на нем полностью отсутствует древесная кора и луб. Размеры: 750 мм по длине, толщина в сечении: край 45 мм, середина 45 мм, край у заостренного конца 47 мм. Один из краев сохраняет поверхность, по всей видимости, слома, поверхность по сечению довольно плоская. Противоположный край приострен серией идущих по кругу в основании острия рубящих ударов, переходящих в четырехгранный кончик, три грани обработаны. Общая длина начала обработки острия 116 мм. В середине острый край острия достигает 26 мм в сечении, а на сохранившемся кончике 13 мм. Плоскости граней острия сохраняют следы рубящего лезвия (зарубки). По всей поверхности кола видны трещины (рассыхание), а также поперечные следы, по всей видимости, рубящего воздействия.

Фрагмент дерева представляет собой сегмент внешних колец древесины с серией рубящих ударов, субпоперечных, образованных, скорее всего, при снятии древесной коры (ошкуривание). Длина 279 мм, ширина в максимальной части 42 мм, края 34 и 38 мм, толщина 21 мм.

Расположение обнаруженных деревянных изделий в шурфе № 1, при наличии в слое сопутствующих многочисленных мелких веток, листвы и прочего органического мусора, позволяет сделать предположение об аккумулятивной форме образования данного скопления, возникшего благодаря набрасыванию наносов прибойным потоком у береговой черты р. Хонду.

Шурф № 2 был заложен в 180 м на юго-запад от шурфа № 1 выше по течению на правом берегу р. Хонду. Разрез был вскрыт на глубину до 1,3 м и представлен следующей стратиграфией.

Слой 1. Современный горизонт серой лесной почвы с прослоями песка. Представляет собой серую супесь с корнями деревьев. Мощность 0,2–0,5 м.

Слой 2. Серовато-бурый легкий суглинок с бурыми пятнами окисного железа (иллювиальный горизонт). Представляет собой переработанный пойменный аллювий. Нижняя граница прерывистая, деформирована криотурбациями. Мощность 0,15–0,4 м.

Слой 3. Слоистая толща серых глин и желто-серых плохо сортированных среднезернистых песков. Прослой песков будинирован склоновыми и морозобой-

Рис. 2. Артефакты местонахождения Хонду.
1 – деревянный кол из шурфа № 1; *2* – деревянный кол из шурфа № 2.

ными процессами. На границах песчаных линз и глин прослойки рыжих окислов железа, подобные формируются в условиях чередования руслового аллювия и пойменных озер. Мощность 0,25–0,5 см.

Слой 4. Переслаивающаяся толща серых легких суглинков и грубозернистых несортированных песков прослойками мощностью 2–6 см. Суглинки с пятнами окислов железа, песочные прослои с рыжими прослойками окислов железа (начальная стадия формирования ортзандов). Мощность 0,1–0,25 см.

Слой 5. Толща темно-серых оглееных сизых суглинков с пятнами окисного железа с редкими прослоями грубозернистого плохо сортированного песка без прокраса по границам. Видимая мощность до 0,4 см.

На глубине 1,1–1,2 см, на границе сезонной оттайки, в слое 5 был обнаружен поселенческий горизонт, состоящий из пятен прокала, углистых включений, горизонтов натопта и пятен уплотненного органического мусора. Встречаются крупные до 10 см в диаметре стволы и ветки деревьев, расположенные перпендикулярно к руслу реки. Большая часть деревянных находок в отличной сохранности, но часть крупных прямоугольных деревянных форм сильно разрушена до распада на древесные волокна.

Наиболее интересен обнаруженный деревянный кол цилиндрической формы с частично сохранившейся древесной корой у основания на одной из сторон (рис. 2, *2*). Размеры: 375 мм по длине, толщина в сечении: край 28 мм, середина 30 мм, край у заостренного конца 28 мм. Край основания в сечении круглый, изломленный. Противоположный край обработан и приострен с трех сторон, кончик четырехгранной формы в сечении. Грани острия сохраняют зарубки. Общая длина начала обработки острия составляет 220 мм с одной стороны, с двух других – 130 мм. Основание кола содержит следы рубящих ударов, образованных, скорее всего, при удалении сучков ствола дерева. Четвертая грань кола не обработана, однако содержит серию поверхностных продольных царапин.

Часть обнаруженной древесины, возможно, является элементами жилища (жерди). Типичным для древесных находок является один из фрагментов дли-

ной 510 мм и шириной 83 мм, самая толстая часть 59 мм (толщина). Фрагмент отделен от стенки, остальная часть дерева уходит в грунт восточной стенки, как и большинство обнаруженной древесины. Поселенческий горизонт был разобран на глубину до 0,2 м до уровня многолетней мерзлоты.

В ходе исследований в районе шурфов был также собран подъемный материал в количестве 28 артефактов. Были обнаружены два фрагмента керамики (32 × 21 × 5 мм, 27 × 34 × 6 мм), орнаментированные разнонаправленными расчесами грубым инструментом (ымыяхтахская культура) (рис. 3, *1*, *2*).

Каменная индустрия представлена следующими находками. Первый микронуклеус (26 × 11 × 12 мм) имеет плоскую ударную площадку, сформированную несколькими мелкими снятиями (рис. 3, *4*). Фронт

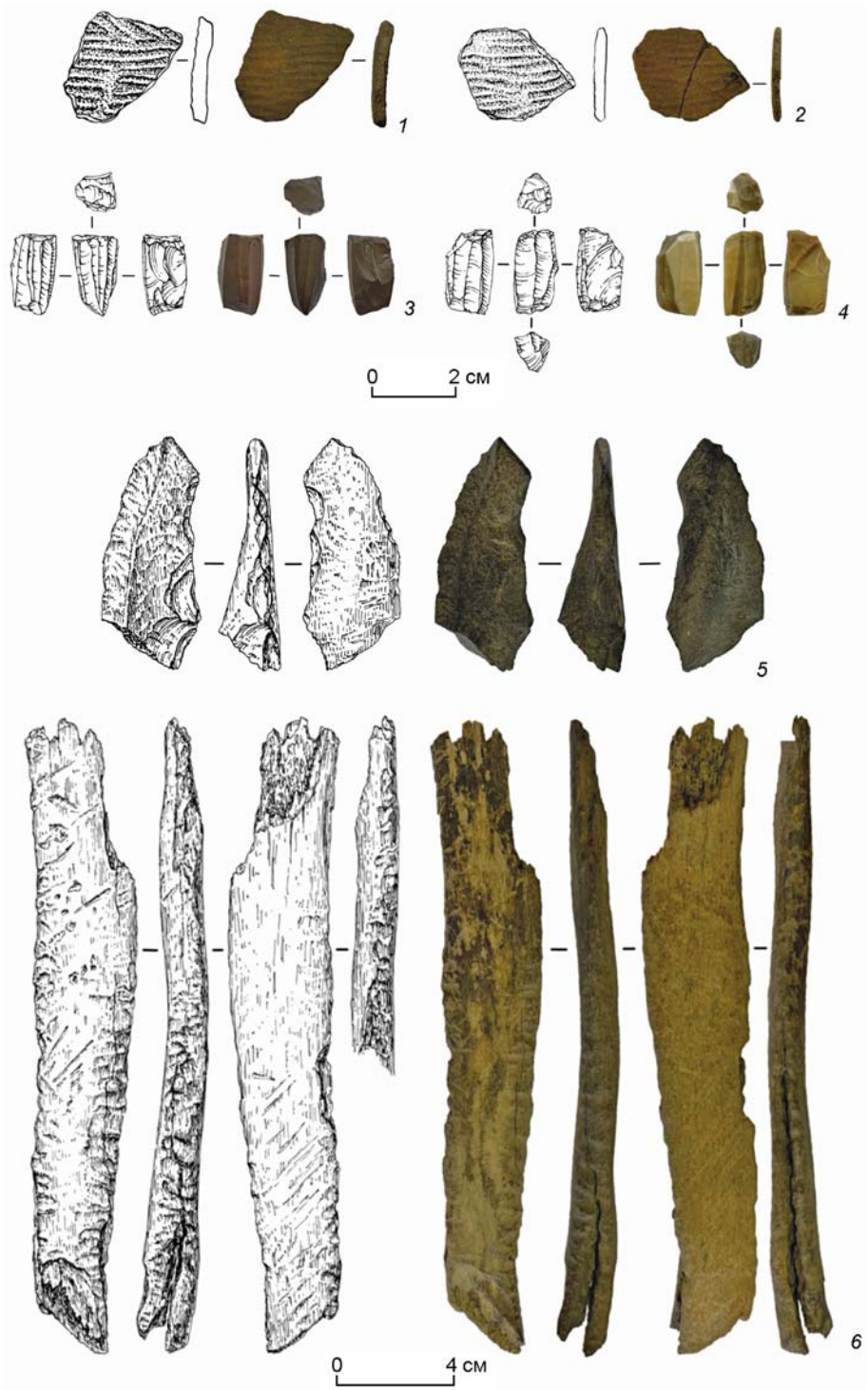

Рис. 3. Артефакты местонахождения Хонду.

1, *2* – фрагменты керамики ымыяхтахской культуры; *3*, *4* – микронуклеусы; *5* – продольное скребло на кости; *6* – ребро мамонта с орнаментом.

скалывания содержит негативы микропластинчатых снятий. Плоские контрфронт и основание частично фрагментированы.

Клиновидный микронуклеус (26 × 12 × 12 мм) сохраняет плоскую ударную площадку, подготовленную серией мелких снятий (рис. 3, *3*). Выпуклый фронт скалывания сохраняет негативы микропластинчатых снятий. Контрфронт и основание острые за счет снятия дополнительных сколов. В коллекции присутствует фрагмент нуклеуса, образованный в результате термического воздействия (28 × 17 × 12 мм). Было также обнаружено 3 мелких отщепа, 12 мелких обломков, 4 чешуйки и один мелкий технический скол (удаленная дуга скалывания). Часть предметов дебитажа обожжена.

Костяная индустрия представлена двумя предметами. Первый – скребло одинарное прямое продольное (82 × 36 × 11 мм) (рис. 3, *5*). В качестве заготовки использовался фрагмент трубчатой кости. Ретушь постоянная чешуйчатая полукрутая с мелкими следами, возможно, утилизационного использования. Другим предметом является фрагмент кости мамонта с орнаментом (255 × 40 × 16 мм) (рис. 3, *6*). Он представляет собой дистальную часть ребра с начальной продольной фрагментацией в результате рассыхания. Окончания заготовки также фрагментированы в силу фоссилизации. По обеим сторонам фиксируются косые неглубокие следы порезов, а по краям глубокие и широкие следы от режущего инструмента.

На данном этапе изучения местонахождение Хонду можно характеризовать как разновременной объект, включающий в себя плейстоценовый мамонтовый комплекс, а в археологическом плане находки представлены палеолитическими, мезолитическими и неолитическими элементами. На данном этапе говорить о конкретном хронологическом возрасте объектов, обнаруженных в 2024 г., пока рано. Но полученные радиоуглеродные датировки (от 1,5 до 50 тыс. л.н.) из образцов зачистки и подъемного материала 2023 г., а также свидетельства поселенческой активности и артефакты, обнаруженные в текущем году, позволяют говорить о широком и активном освоении долины р. Хонду в разные периоды плейстоцена и голоцена. Характер первоначального расселения и последовательность развития человеческих палеопопуляций в условиях меняющихся экстремальных палеоэкологических условий Восточной Сибири в позднем плейстоцене и голоцене во многом делает феномен освоения данного региона первым почти глобальным примером адаптации человека к экстремальным условиям на территории Азии. Популяции, осваивавшие территории Якутии в условиях неоднократного изменения климата позднего плейстоцена и раннего голоцена сохраняли стабильную и единообразную технологию утилизации камня и кости, схожую в своих проявлениях.

Благодарности

Авторы выражают благодарность за помощь Фонду Первого Президента Республики Саха (Якутия), а также администрации Чурапчинского района Республики Саха (Якутия) и лично главе администрации Саргыдаеву Степану Анатольевичу за неоценимое содействие в организации полевых исследований. Работа проведена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2024-0001 «Каменный век Азии: общие тенденции и региональная специфика».

Список литературы

Кандыба А.В., Павлов И.С., Лавров А.В., Павлова Н.И., Скрябин А.Н., Протопопов А.В. Полевые исследования на территории Чурапчинского района Республики Саха (Якутия) в 2023 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 124–127.

Лазарев П.А. Тирская Н.Ф. Об остатках шерстистого носорога в селе Чурапча (Центральная Якутия) и о спорово-пыльцевых спектрах вмещающих их отложений // Палинологические материалы к стратиграфии осадочных отложений Якутии. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1975. – С. 60–65.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, Сибирское отд-е, 1977. – 262 с.

Окладников А.П. Ленские древности. – Якутск: Якут. гос. тип., 1946. – Вып. 2. – 186 с.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. – СПб: Наука, 2010. – 264 с.

References

Kandyba A.V., Pavlov I.S., Lavrov A.V., Pavlova N.I., Skryabin A.N., Protopopov A.V. Field Research in the Churapchinsky District (Republic of Sakha (Yakutia)) in 2023. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2023. Vol. 29. P. 124–127. (In Russ.). doi:10.J 7746/2658-6193.2023.29.0124-0127

Lazarev P.A., Tirskay N.F. Ob ostatkakh sherstistogo nosoroga v sele Churapcha (Tsentral'naya Yakutiya) i o sporovo-pyl'tsevykh spektrakh vmeshchayushchikh ikh otlozhenii. In *Palinologicheskie materialy k stratigrafii osadochnykh otlozhenii Yakutii*. Yakutsk: Yakutskii filial SO AN SSSR, 1975. P. 60–65. (In Russ.).

Mochanov Y.A. Drevneishie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoi Azii. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1977. 262 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Lenskie drevnosti. Yakutsk: Yakutskaya gosudarstvennaya tipografiya, 1946. Iss. 2. 186 p. (In Russ.).

Pitulko V.V., Pavlova E.Y. Geoarkheologiya i radiouglerodnaya khronologiya kamennogo veka Severo-Vostochnoi Azii. Sankt-Peterburg: Nauka, 2010. 264 p. (In Russ.).

Кандыба А.В. https://orcid.org/0000-0003-0985-9121
Павлов И.С. https://orcid.org/0000-0002-4417-1800
Егорова С.А. https://orcid.org/0009-0002-5731-6527
Протопопов А.В. https://orcid.org/0000-0001-6543-4596

Дата сдачи рукописи: 18.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0107-0113
УДК 903.32+903.01

М.Б. Козликин[1]✉, А.К. Агаджанян[2], Д.Р. Плотников[1], А.С. Деревнина[1, 3], Е.В. Сыромятникова[2], В.А. Михиенко[1], Т.Г. Беликова[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
Москва, Россия
[3]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[4]Солонешенский районный краеведческий музей
Солонешное, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru

Пещера Березовка – новый многослойный археологический объект на северо-западе Алтая

Приводятся первые результаты исследования пещеры Березовка около одноименного населенного пункта в Солонешенском р-не Алтайского края. Карстовая полость выработана в борту глубокого лога, прорезающего коренные породы правого склона долины и выходящего устьем к р. Ануй в 1,5 км от пещеры. В разрезе пещерных отложений мощностью более 3 м выделено пять литологических слоев. Судя по литолого-стратиграфическим характеристикам, сохранности и таксономическому составу костных остатков, облику археологического материала, слои 1 и 2 формировались в эпоху голоцена. Плейстоценовая часть разреза представлена слоями 3–5. Наиболее активно карстовая полость использовалась человеком в качестве временного убежища во время накопления слоя 2, в котором кости животных разбиты, несут следы порезов и обжига. Фрагменты сосудов из этого слоя относятся, скорее всего, к афанасьевской культуре раннего бронзового века. Во время накопления плейстоценовой толщи в пещере основным коллектором костных остатков мегафауны были хищные животные, на что указывает большое количество образцов со следами погрызов и переваривания. Антропогенный вклад в формирование тафоценоза невелик, однако отчетливо выражен в виде расколотых и порезанных костей, костяных отщепов и сколов бивня. Эти находки наряду с малочисленными каменными артефактами свидетельствуют о кратковременном пребывании палеолитического человека в этой карстовой полости. Изделия из камня, представленные короткими и укороченными отщепами с ортогональной и радиальной огранкой, а также краевыми сколами с радиальных нуклеусов, характерны для индустрий сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая.

Ключевые слова: *Пещера Березовка, скальное убежище, археологическая разведка, голоцен, плейстоцен, палеолит, тафоценоз.*

M.B. Kozlikin[1]✉, A.K. Agadzhanian[2], D.R. Plotnikov[1], A.S. Derevnina[1, 3], E.V. Syromyatnikova[2], V.A. Mikhienko[1], T.G. Belikova[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]A.A. Borisiak Paleontological Institute RAS
Moscow, Russia
[3]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[4]Soloneshnoe District Museum of Local History
Soloneshnoe, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru

Beryozovka Cave: New Multilayered Archaeological Site in the Northwest of the Altai Mountains

This article presents first results of research in Beryozovka cave near the village of Beryozovka in Soloneshenoe District of Altai Krai. The karst cavity was located in the wall of a deep ravine which cut through the bedrock of the right slope of the valley and extended with its mouth to the Anui River 1.5 km from the cave. Five lithological layers were identified in the section of soft cave deposits over 3 m thick. Judging by lithological and stratigraphic features, preservation and taxonomic composition of bone remains, and appearance of archaeological evidence, layers 1 and 2 emerged in the Holocene; the Pleistocene part of the section in the cave was represented by layers 3–5. The karst cavity was most actively used by humans as a temporary shelter during accumulation of layer 2 where broken animal bones with traces of cuts and burns were discovered. Pottery fragments from this layer most likely belonged to the Afanasievo culture of the Early Bronze Age. During accumulation of the Pleistocene layer in the cave, the main collectors of bone remains of megafauna were predatory animals as indicated by a large number of samples with traces of gnawing and digestion. The anthropogenic contribution to formation of taphocenosis was not great, but was clearly manifested by split and cut bones as well as bone and ivory flakes. These finds, along with scarce lithic artifacts, indicate that the karst cavity was used by the Paleolithic humans for short-term stays. Lithic objects, which included short and shortened flakes with orthogonal and radial dorsal scar patterns as well as flakes from radial cores, are typical of the industries of the Sibiryachikha variant of the Middle Paleolithic in the Altai.

Keywords: *Beryozovka cave, rock shelter, archaeological survey, Holocene, Pleistocene, Paleolithic, taphocenosis.*

Ануйским отрядом ИАЭТ СО РАН в 2024 г. были проведены разведочные работы на территории Солонешенского р-на Алтайского края. Маршрут разведки проходил по долине р. Ануй, борта которой на протяженных участках сложены силурийскими мраморизованными известняками. Развитие карста в известняковых массивах способствовало формированию многочисленных пещер, гротов и навесов. Рекогносцировочные исследования были направлены главным образом на поиск палеолитических стоянок, приуроченных к скальным убежищам разных типов. Наиболее перспективной из выявленных объектов оказалась пещера Березовка, расположенная в 1 км к северу от одноименного населенного пункта.

Карстовая полость выработана в правом борту глубокого лога, прорезающего коренные породы правого склона долины в меридианном направлении и выходящего устьем к Аную в 1,5 км от пещеры. Выровненные поверхности и склоны увалов, окружающих лог, покрыты густой травянистой растительностью лугового типа, в составе которой ковыли, тысячелистники, василек фригийский, душица, чабрец, кустики скабиозы, полыни, мелкие зонтичные, дикая клубника, донник, колокольчики, низкорослые кустарнички спиреи. На вершинах увалов, где обнажены скальные поверхности, травостой значительно разрежен. Узкое днище лога, заросшее кустарником и небольшими деревьями, несет следы временного водотока.

Пещера находится на отметке 367 м над ур. м. Превышение относительно днища лога составляет 20 м. Полость выработана по субгоризонтальным трещинам, разбивающим отвесную стену на выходе коренных известняков (рис. 1). Вход в пещеру подтреугольной формы, максимальной высотой 1,3 м и шириной 6 м, ориентирован на юго-восток. Свод постепенно опускается до уровня пола на расстоянии 3,8 м от капельной линии. Максимальная ширина полости составляет 8,4 м, площадь – около 24 м^2 (рис. 2). Пол пещеры сложен сухим пылеватым темно-серым гумусированным суглинком, на котором экспонирован обломочный известняковый материал, современные кости птиц и мелких млекопитающих. Вдоль скальных стен отмечены многочисленные норы, вероятно вырытые сурками или лисицами. Некоторые из нор уходят далеко под скальный свод, что свидетельствует о значительном расширении полости по мере углубления. Площадка перед входом в пещеру длиной до 4 м и шириной до 2,5 м, относительно выровненная, с небольшим наклоном в долину, затем резко переходящая в крутой склон.

У капельной линии в пещере был заложен шурф 1,5 × 1,0 м (рис. 2), который пройден до скального основания на максимальную глубину 3,1 м. В разрезе рыхлых отложений выделено пять литологических слоев, описание которых приводится по северной стенке.

Слой 1. Суглинок серовато-коричневый, интенсивно гумусированный, обогащенный разноразмерным обломочным материалом известняка и костями мелких позвоночных. Насыщен строительным мусором и другими следами деятельности современного человека. Мощность 0,2 м.

Слой 2. Суглинок светло-коричневый, в верхней части (первые 0,2 м) гумусированный, с серым оттенком. В средней и нижней части – опесчаненный и одресвяненный, нарушен ходами землероев. Во включениях – мелкий и средний известняковый обломочный материал, многочисленные костные остатки. Общая мощность слоя до 0,8 м.

Слой 3. Суглинок светло-коричневый, интенсивно опесчаненный, одресвяненный, с отдельными крупными обломками известняка. В отличие от материалов из вышележащей толщи, фаунистические остатки здесь минерализованные, с дендритами или сплошными пленками железомарганцевых оксигидроксидов.

Рис. 1. Общий вид на пещеру Березовка. Вход отмечен стрелкой.

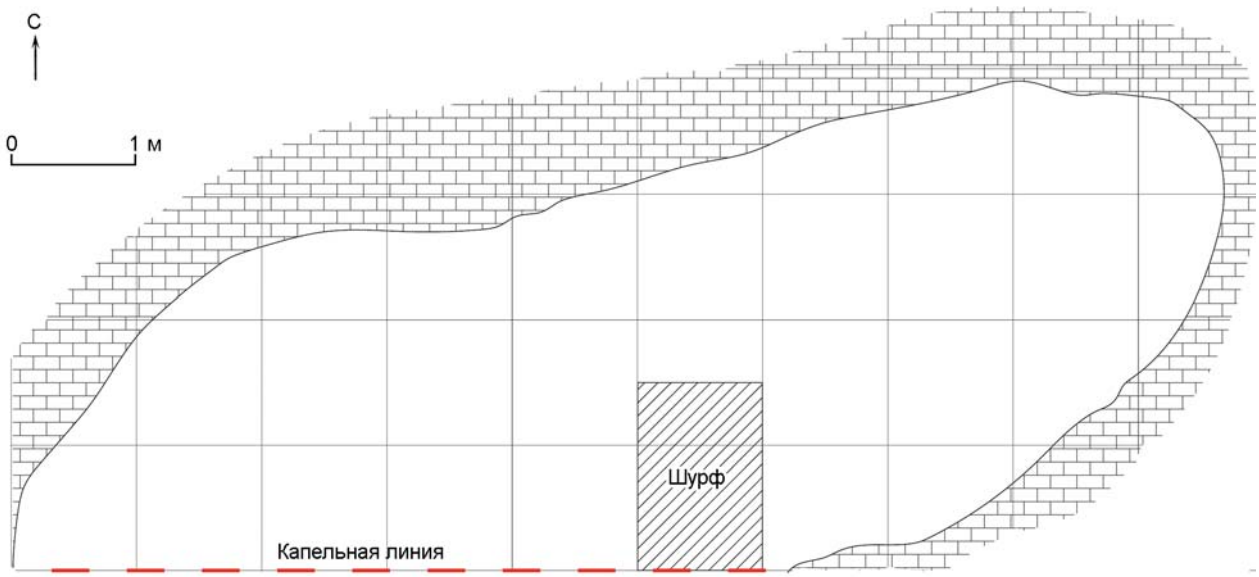

Рис. 2. План пещеры Березовка.

Содержит кости плейстоценовых животных. Мощность 0,45 м.

Слой 4. Суглинок светло-коричневый, с красноватым оттенком, опесчаненный, одресвяненный, более пластичный по сравнению с вышележащими осадками. Известняковый обломочный материал в виде отдельных, преимущественно мелких и средних, фрагментов слабо оглаженный, с тонкой белесой реакционной каймой. Во включениях отмечены красно-охристые копролиты, рыхлые, держащие форму на срезе, а также костные остатки. Мощность 0,75 м.

Слой 5. Суглинок красновато-коричневый, опесчаненный и одресвяненный, в нижней части заполняет пространство между выступами коренного известняка. Включает крупные обломки с мощной рыхлой реакционной каймой и железомарганцевыми новообразованиями. Последние в виде примазок отмечены также в рыхлом осадке и частично покрывают фрагменты костей. Мощность 0,7–0,9 м.

В слоях 3–5 среди прочих включений распространены мелкие плиточки сланцев, реже – крупные (до 15–20 см) обломки со следами раскалывания.

Палеонтологическая коллекция включает костные остатки птиц, мелких и крупных млекопитающих. Птицы представлены сильно фрагментированными костями, мелкие млекопитающие – фрагментами черепов и костями посткраниального скелета хорошей сохранности, крупные млекопитающие – в основном обломками диафизов трубчатых костей.

В составе фауны мелких позвоночных установлено 16 таксонов (табл. 1). Среди определенных до вида большую часть составляют остатки алтайского цокора *Myospalax myospalax* – 54,2 %, представленные фрагментами черепов, отдельными зубами и костями конечностей. Значительная их часть принадлежит взрослым особям. Далее по количеству следуют фрагменты черепов и нижних челюстей хомяка обыкновенного *Cricetus cricetus* – 9,5 %. Они также принадлежат взрослым или старым особям. На долю определимых костей водяной крысы *Arvicola terrestris* и сурка *Marmota baibacina* приходится 8,1 и 4,4 % соответственно. Костные остатки *A. terrestris* относятся к взрослым зверькам. Нижние челюсти сурка принадлежат в основном молодым особям, сеголеткам.

Костей других видов грызунов значительно меньше. Несколькими образцами представлен краснощекий суслик *Spermophilus* (*Colobotis*) *erythrogenis* и восточная слепушонка *Ellobius tancrei*. Если находка краснощекого суслика обычна для Северо-Западного Алтая, то остатки слепушонки для слоя 2, накапливавшегося в эпоху голоцена, не характерны, т.к. в современной фауне региона этот вид отсутствует. Фрагмент челюсти этого зверька указывает на относительно недавнее исчезновение грызуна из фауны Алтая. В числе других редких компонентов тафоценоза – остатки крота и зайца. Отмечены мелкие хищники семейства куньих: горностай *Mustela erminea* и колонок *Mustela* (*Kolonocus*) *sibirica*. На долю костей птиц приходится 11,6 %.

Судя по сохранности материала, основным коллектором костей мелких позвоночных под сводом пещеры были крупные пернатые хищники-мышеяды, скорее всего сова неясыть и филин. Вместе с тем наличие остатков сурка и зайца предполагает участие в формировании танатоценоза орла беркута, обычного в этом регионе.

Дополнительный материал для оценки состава сообщества мелких млекопитающих (табл. 2) был получен в результате промывки проб отложений слоя 3 на сите с ячеей 1 × 1 мм. Среди определенных до рода или вида преобладают остатки цокора *Myospalax myospalax* – 11,9 %, затем следуют кости слепушонки *Ellobius* sp. – 7,3 %, полевок скальной *Alticola strelzowi* – 6,4 % и узкочерепной *Stenocranius gregalis* – 6,4 %. Немного меньше в составе тафоценоза остатков водяной крысы *Arvicola terrestris* – 5,5 %. Еще ниже численность суслика *Spermophilus* sp. и хомяка обыкновенного *Cricetus cricetus* – по 3,7 %. Относительно высокой оказалась численность костей мышовки *Sicista* sp. и полевой мыши *Apodemus* cf. *agrarius* – по 2,8 %. Материал по *A.* cf. *agrarius*,

Таблица 1. **Таксономический состав и количество костных остатков мелких позвоночных из пещеры Березовка**

Таксоны	Слои						Всего	
	0*	1	2	3	4	5	экз.	%
Asioscalops altaica	–	5	4	3	–	–	12	2,3
Mustela nivalis	–	–	–	1	–	–	1	0,2
Mustela erminea	–	–	2	–	–	–	2	0,4
Mustela (*Kolonocus*) *sibirica*	–	1	5	–	–	–	6	1,2
Marmota baibacina	2	2	18	–	1	–	23	4,4
Spermophilus sp.	–	5	9	4	1	–	19	3,7
Cricetus cricetus	2	13	32	1	1	–	49	9,5
Ellobius tancrei	–	–	2	–	–	–	2	0,4
Alticola strelzowi	–	–	–	–	1	–	1	0,2
Arvicola terrestris	–	13	29	–	–	–	42	8,1
Microtus sp.	–	7	–	–	–	–	7	1,4
Microtus oeconomus	–	–	–	1	–	–	1	0,2
Myospalax myospalax	16	68	177	6	7	6	280	54,2
Ochotona sp.	–	1	2	–	–	–	3	0,6
Lepus sp.	1	–	1	4	3	–	9	1,7
Aves	5	8	41	2	4	–	60	11,6
Всего	26	123	322	22	18	6	517	100

* Сборы с дневной поверхности.

к сожалению, плохой сохранности и сделанное определение нужно считать предварительным. На других палеолитических объектах Северо-Западного Алтая численность этих двух видов бугорчатозубых грызунов значительно ниже. В меньшем количестве обнаружены барабинский хомячок *Cricetulus barabensis*, степная пеструшка *Lagurus* sp., полевка-экономка *Microtus oeconomus* и пашенная полевка *M. agrestis*. Единичными образцами представлены землеройка *Sorex* sp., ласка *Mustela nivalis* и пищуха *Ochotona* sp.

Высокая численность цокора и слепушонки, присутствие суслика, хомяка обыкновенного, узкочерепной полевки, а также полевой мыши и мышовки указывают на широкое распространение в эпоху накопления слоя 3 луговых биотопов в условиях относительно благоприятной климатической обстановки. Примечательно малое количество лесной полевки *Clethrionomys* и степной пеструшки. Эти данные предполагают незначительное развитие лесных массивов и участков сухих степей. Вместе с тем довольно большое количество водяной крысы и присутствие полевки-экономки указывает на распространение увлажненных местообитаний с участием осок в травостое.

Помимо остатков млекопитающих в слое 3 были обнаружены кости рептилий, принадлежащие прыткой ящерице *Lacerta* cf. *Agilis* – 97 экз., узорчатому полозу *Elaphe dione* – 10 экз. и одному из видов гадюк Viperidae indet. – 1 экз. Современный ареал прыткой ящерицы охватывает обширные области Северной Евразии от западной Франции и севера Балканского п-ова до Восточной Сибири, северо-западной Монголии и западного Китая. Узорчатый полоз обитает в самых разных условиях нескольких природных зон: от степей и пустынь до хвойных и смешанных лесов. Он встречается в поймах и долинах рек, тугаях и тростниках, на альпийских лугах и окраинах болот, солончаках, барханах, в садах и виноградниках, в арчевниках и по каменистым склонам гор. Хорошо ползает и быстро передвигается как по ветвям деревьев, так и по земле.

В целом состав мелких позвоночных из пещеры Березовка существенно отличается от тафоценозов пещер Денисова и Каминная, а также других палеолитических объектов на северо-западе Алтая. Возможно, это объясняется тем, что Березовка расположена на более низкой абсолютной отметке, где благоприятнее природно-климатическая обстановка.

Костные остатки крупных млекопитающих представлены в основном неопределимыми обломками. Идентифицированные образцы принадлежат 10 таксонам (определение канд. биол. наук С.К. Васильева, табл. 3). В коллекции из слоя 2 наиболее многочисленны кости косули, единично представлены марал и сибирский горный козел. Бурому медведю принадлежит целая большеберцовая кость. В слое 3 найдены зуб M^3 лошади Оводова, три изолированных зуба бурого медведя и фрагменты черепа медвежонка.

Таблица 2. **Видовой состав костных остатков мелких млекопитающих из слоя 3 в пещере Березовка**

Таксоны	Экз.	%
Sorex sp.	1	0,9
Asioscalops altaica	2	1,8
Mustela nivalis	1	0,9
Ochotona sp.	1	0,9
Spermophilus sp.	4	3,7
Sicista sp.	3	2,8
Apodemus cf. *agrarius*	3	2,8
Cricetus cricetus	4	3,7
Cricetulus barabensis	2	1,8
Ellobius sp.	8	7,3
Clethrionomys sp.	2	1,8
Alticola strelzowi	7	6,4
Lagurus sp.	2	1,8
Arvicola terrestris	6	5,5
Microtus sp.	1	0,9
Microtus oeconomus	2	1,8
Microtus agrestis	2	1,8
Stenocranius gregalis	7	6,4
Microtini	38	34,9
Myospalax myospalax	13	11,9
Всего	109	100

В слое 4 – погрызенная проксимальная половина лучевой кости шерстистого носорога, корродированный зуб M_3 сибирского козерога, неполный зуб P^4 и обломок корня зуба пещерной гиены, вторая фаланга и резец марала. В слое 5 – два неполных зуба нижней челюсти и резец бизона, а также изолированный зуб M^3 архара со следами кислотной коррозии. Пещерная гиена представлена целым изолированным моляром M_1, мамонт – небольшим фрагментом бивня.

Тафоценоз из слоя 1 связан, скорее всего, с деятельностью хищных животных. Более чем на половине костей из слоя 2 зафиксированы следы антропогенного воздействия – намеренного раскалывания, порезов и обжига. На одном из фрагментов прорезан паз с V-образным профилем, подготовленный, возможно, для разделения кости на заготовки мелких изделий. В коллекции из слоя 3 кости преимущественно со следами переваривания и погрызами. Имеются также расколотые диафизы, фрагмент с порезами и костяные отщепы, в т.ч. скол с бивня мамонта. Более 90 % костей из слоя 4 со следами кислотной коррозии. Отмечен резец копытного, на боковой стороне корня которого зафиксированы борозды от скобления. Большинство костных остатков из слоя 5 также с признаками переваривания или с погрызами. Свидетельством антропогенного вклада в тафоценоз этого слоя является крупный удлиненный фрагмент диафиза трубчатой кости со следами раскалывания и серией порезов на внешней стороне компактного вещества.

Таблица 3. **Видовой состав и количество костных остатков крупных млекопитающих из пещеры Березовка**

Таксоны	Слои			
	2	3	4	5
Ursus arctos	–	5	–	–
C. crocuta spelaea	–	–	2	1
Mammuthus primigenius	–	–	–	1
Equus ovodovi	–	1	–	–
Coelodonta antiquitatis	–	–	1	–
Cervus elaphus	2	–	2	–
Capreolus pygargus	46	–	–	–
Bison priscus	–	–	–	4
Capra sibirica	2	–	1	–
Ovis ammon	–	–	–	1
Неопределимые фрагменты	218	45	164	116
Всего	268	51	170	123

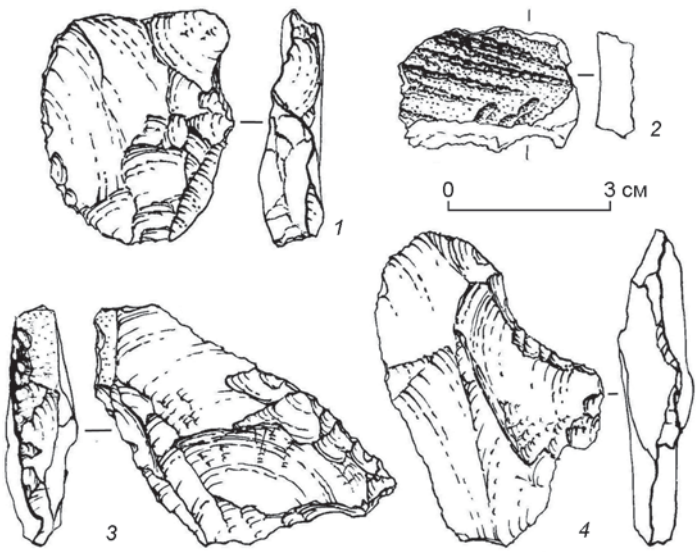

Рис. 3. Находки из слоев 2 (*2*), 4 (*4*) и 5 (*1*, *3*) в пещере Березовка. *Рисунки Н.В. Вавилиной.*

1, *4* – отщепы; *2* – фрагмент керамического сосуда; *3* – скол с ретушью.

В пределах слоев 1 и 3 археологический материал не обнаружен. Коллекция из слоя 2 включает три фрагмента тулова от двух сосудов, один из которых был орнаментирован наклонными оттисками гребенчатого штампа (рис. 3, *2*). Поверхности другого несут следы грубой обработки в виде горизонтальных и наклонных борозд, оставленных, предположительно, щепой. Керамическое тесто плотное, однородное, с примесью песка и мелкой дресвы. Цвет черепков на изломе от красно-коричневого до черного. Каменный инвентарь представлен отбойником – крупной (132 × 83 × 29 мм) уплощенной галькой песчаника со следами забитости на торцах и боковом ребре.

В слое 4 найдены краевой скол с гладкой остаточной ударной площадкой и радиальной огранкой дорсала (рис. 3, *4*), отщеп жильного кварца с точечной площадкой и ортогональной огранкой, а также манупорт в виде плитки сланца размером 82 × 81 × 18 мм.

Каменная индустрия из слоя 5 включает отбойник, колотую гальку, четыре обломка, пять отщепов и скол с ретушью. Отщепы мелкого и среднего размера, для них характерны гладкая остаточная ударная площадка, продольная однонаправленная или ортогональная огранка. Один скол является бивентральным, другой – краевым снятием с радиального нуклеуса (рис. 3, *1*). Единственное изделие со вторичной обработкой – укороченный отщеп с участком дорсальной краевой пологой субпараллельной слабомодифицирующей ретуши (рис. 3, *3*). В качестве отбойника использовалась небольшая галька песчаника подтреугольной формы.

Таким образом, судя по литолого-стратиграфическим характеристикам, сохранности и таксономическому составу костных остатков и облику археологического материала, слои 1 и 2 формировались в эпоху голоцена. Плейстоценовая часть разреза в пещере представлена слоями 3–5. Наиболее активно карстовая полость использовалась человеком в качестве временного убежища во время накопления слоя 2, в котором кости животных разбиты, несут следы порезов и обжига. Фрагменты сосудов из этого слоя относятся, скорее всего, к афанасьевской культуре раннего бронзового века. Аналогичная керамика обнаружена в Денисовой пещере, в 65 км выше по течению Ануя [Деревянко, Молодин, 1994].

Во время накопления плейстоценовой толщи в пещере основным коллектором костных остатков мегафауны были хищные животные, что подтверждается преобладанием в остеологической коллекции образцов со следами погрызов и переваривания. Антропогенный вклад в формирование тафоценоза невелик, однако отчетливо выражен в виде костей со следами раскалывания и порезами, костяных отщепов и сколов бивня. Эти находки наряду с немногочисленными каменными артефактами свидетельствуют об использовании карстовой полости палеолитическим человеком в качестве места кратковременного пребывания. Отсутствие в археологической коллекции выразительных форм изделий не позволяет сделать надежную культурно-хронологическую оценку комплексов. В окрестностях Березовки известно местонахождение подъемного материала на выровненной площадке с отметкой 40 м над урезом Ануя в 1,5 км юго-восточнее пещеры. Обнаруженные там каменные артефакты на основе их пластинчатого облика предварительно были отнесены к ранним этапам верхнего палеолита [Харевич и др., 2020]. Находки из пещеры Березовка,

представленные короткими и укороченными отщепами с ортогональной и радиальной огранкой, а также краевыми сколами с радиальных нуклеусов, в большей степени характерны для индустрий сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая [Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013; Kolobova et al., 2020]. Ближайшие стоянки с этими индустриями – пещеры Окладникова и Верхняя Сибирячиха – находятся в 12 км южнее Березовки.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 89–103.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – 262 с.

Харевич А.В., Харевич В.М., Колясникова А.С., Бочарова Е.Н., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Новые археологические памятники на северо-западе Алтая (Краснощековский и Солонешенский районы Алтайского края) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 263–270. – doi:10.17746/2658-6193.2020.26.263-270

Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.W., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2020. – Vol. 117. – P. 2879–2885. – doi:10.1073/pnas.1918047117

References

Derevianko A.P., Markin S.V. Shunkov M.V. The Sibiryachikha Facies of the Middle Paleolithic of the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013. No. 1. P. 89–103.

Derevianko A.P., Molodin V.I. Denisova peshhera. Novosibirsk: Nauka Publ., 1994, Ch. 1. 262 p. (In Russ.).

Kharevich A.V., Kharevich V.M., Kolyasnikova A.S., Bocharova E.N., Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I. New Archaeological Sites in the Northwestern Altai (Krasnoschekovsky and Soloneshensky Districts of Altai Krai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 263–270. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2020.26.263-270

Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.W., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America,* 2020, No. 117. P. 2879–2885. doi:10.1073/pnas.1918047117

Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345
Агаджанян А.К. https://orcid.org/0000-0003-4652-7580
Плотников Д.Р. https://orcid.org/0000-0002-6855-7011
Деревнина А.С. https://orcid.org/0000-0003-1434-3875
Сыромятникова Е.В. https://orcid.org/0000-0001-7303-5296
Михиенко В.А. https://orcid.org/0000-0002-7861-5983

Дата сдачи рукописи: 04.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0114-0119
УДК 903.01

М.Б. Козликин✉, М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru

Новые данные о каменных индустриях среднего палеолита с предвходовой площадки Денисовой пещеры

В научный оборот вводится археологическая коллекция из слоев 10–8 на предвходовой площадке Денисовой пещеры, полученная в ходе раскопок в 1991 и 1996 гг. Всего рассматривается более 2 тыс. каменных артефактов. Согласно палеогеографическим данным, слой 10 накапливался в благоприятных климатических условиях, соответствующих подстадии МИС 5e, которые согласуются с установленным для этой части разреза палеомагнитным эпизодом Блейк 104–120 тыс. лет. Слой 9 формировался после перерыва в осадконакоплении в природной обстановке, характерной, предположительно, для времени МИС 5b–a. Палеогеографические показатели для слоя 8 соотносятся с заключительным этапом МИС 4. Среднепалеолитический комплекс из слоев 10–8 в целом характеризуется использованием плоскостной параллельной техники расщепления. В коллекции из слоя 10 имеются образцы ядрищ центростремительного раскалывания. О развитой леваллуазской технологии в индустриях свидетельствуют серии отщепов, пластин и треугольных снятий с классической морфологией изделий леваллуа. Заготовками для орудий служили в основном крупные короткие или укороченные сколы. Среднепалеолитический компонент в орудийных наборах составляют разнообразные скребла и мустьерские остроконечники. Значительной является доля зубчатых и выемчатых изделий. Серийно представлены вентрально-утонченные и базально-тронкированные сколы. В каждом из слоев имеются выразительные формы тронкированно-фасетированных изделий. Отчетливо прослеживается тенденция роста доли пластин среди сколов от слоя 10 к слою 8, как и удлиненных заготовок в целом, что отражает развитие пластинчатой технологии на заключительной стадии среднего палеолита.

Ключевые слова: *Денисова пещера, средний палеолит, каменная индустрия, первичное расщепление, орудийный набор.*

M.B. Kozlikin✉, M.V. Shunkov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru

New Data on the Middle Paleolithic Lithic Industries from the Entryway Zone of Denisova Cave

This article presents the archaeological collection from layers 10–8 in the entryway area of Denisova cave, obtained during the excavations in 1991 and 1996. In total, over 2000 lithic artifacts have been analyzed. According to paleogeographic data, layer 10 emerged under favorable climatic conditions corresponding to substage MIS 5e, which were consistent with the Blake paleomagnetic event of 104,000–120,000 established for this part of the cross-section. Layer 9 was formed after a break in sedimentation in natural environment presumably typical of MIS 5b–a. Palaeogeographic indicators for layer 8 correlate with the final stage of MIS 4. The Middle Paleolithic complex of layers 10–8 is generally distinguished by the laminar parallel technique of primary reduction. The collection from layer 10 contains samples of radial cores. The developed Levallois technique in the industries is evidenced by a series of flakes, blades, and points with the classical morphology of Levallois artifacts. Blanks for the tools were predominantly large short or shortened flakes. The Middle Paleolithic component in the toolkits consists of various side-scrapers and Mousterian points. The share of denticulate and notched items is significant. Ventrally thinned and basally truncated flakes are present in the series. Each of the layers contained expressive forms of truncated and faceted items. There is a clear trend towards increased share of blades among the blanks from layer 10 to layer 8 and general trend of elongated blanks, which reflects the development of blade technology in the Final Middle Paleolithic.

Keywords: *Denisova cave, Middle Paleolithic, lithic industry, primary reduction, toolkit.*

Исследование плейстоценовых отложений на предвходовой площадке Денисовой пещеры начато в 1989 г., когда был заложен раскоп общей площадью 8 м^2 [Природная среда..., 2003]. Нумерация выделенных в процессе работ 15 литологических подразделений (слои 1–15) производилась независимо от системы, принятой для плейстоценовых осадков центрального зала пещеры. Максимальная мощность вскрытой толщи составила 8,5 м. В 1991 г. в северо-восточном направлении от этого раскопа сделана прирезка площадью 8 м^2. Работы проходили в соответствии с выработанной ранее для предвходовой площадки стратиграфической схемой. В 1996 г. в северо-восточном направлении от раскопов 1989 и 1991 гг. было изучено еще 3 м^2.

В научный оборот в полном объеме введены археологические материалы только из раскопа 1989 г. [Там же]. В слоях 15–11 археологический материал не обнаружен. Находки из слоев 10 и 9, насчитывающие 569 и 833 каменных артефактов соответственно, относятся к среднему палеолиту. Коллекция из слоя 8, датированная финалом среднего палеолита – начальным этапом перехода к верхнему палеолиту, включает 1 310 экз. В слоях 7–5 обнаружены верхнепалеолитические материалы – 1 607 экз. В данной статье представлены материалы из слоев 10–8 раскопов 1991 и 1996 гг. общей численностью 2 368 экз., которые существенно дополняют среднепалеолитический комплекс с предвходовой площадки Денисовой пещеры.

Коллекция из слоя 10 включает 353 каменных артефакта.

Инструментарий представлен фрагментом (78 × × 49 × 35 мм) отбойника из гальки крупнозернистого песчаника с участками интенсивной забитости.

Нуклеусы – 3 экз. Ортогональное подпрямоугольное ядрище (106 × 97 × 42 мм) выполнено на крупном массивном первичном отщепе, проксимальный и продольный края которого оббиты крупными короткими сколами, удалившими объем вентральной стороны заготовки. Основами радиальных бифронтальных нуклеусов (112 × 90 × 52 и 112 × 73 × 65 мм) округлой (рис. 1, *4*) и подпрямоугольной формы служили крупные гальки. Расщепление этих ядрищ осуществлялось по периметру от неподготовленного ребра.

Нуклевидные обломки – 4 экз.: угловатые отдельности каменного сырья размером от 59 × 48 × 29 до 80 × 69 × 44 мм с негативами бессистемных снятий.

Сколы представлены главным образом отщепами – 164 экз., большинство из которых мелкого размера. К заготовкам крупнее 3 см относятся 62 экз. Для них характерны укороченные или короткие пропорции, гладкая или естественная остаточная ударная

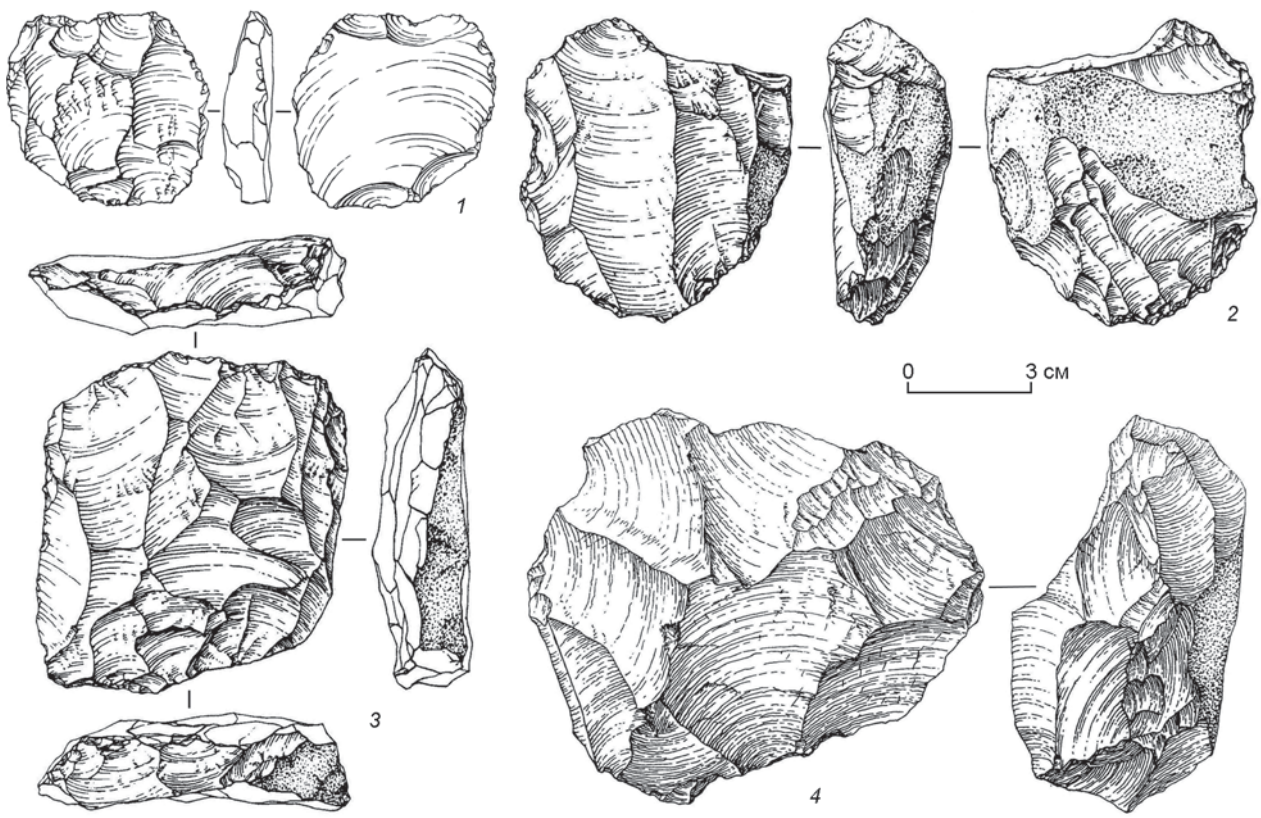

Рис. 1. Каменный инвентарь из слоев 10 (*1*, *4*), 9 (*3*) и 8 (*2*) на предвходовой площадке Денисовой пещеры.
Рисунки А.В. Абдульмановой, Н.В. Вавилиной.
1 – тронкированно-фасетированный скол; *2–4* – нуклеусы.

площадка, как правило, без подправки карниза, продольная однонаправленная или ортогональная огранка дорсала. До 40 % сколов сохраняют участки галечной поверхности. Несколько пластин (3 экз.) имеют гладкую или фасетированную остаточную ударную площадку и продольную однонаправленную огранку дорсала.

В числе отходов производства – две колотые гальки, 145 обломков и осколков, 17 чешуек.

Орудийный набор включает 14 изделий.

Леваллуазское острие представлено проксимальным фрагментом с тщательно фасетированной срединновыпуклой остаточной ударной площадкой (рис. 2, *2*).

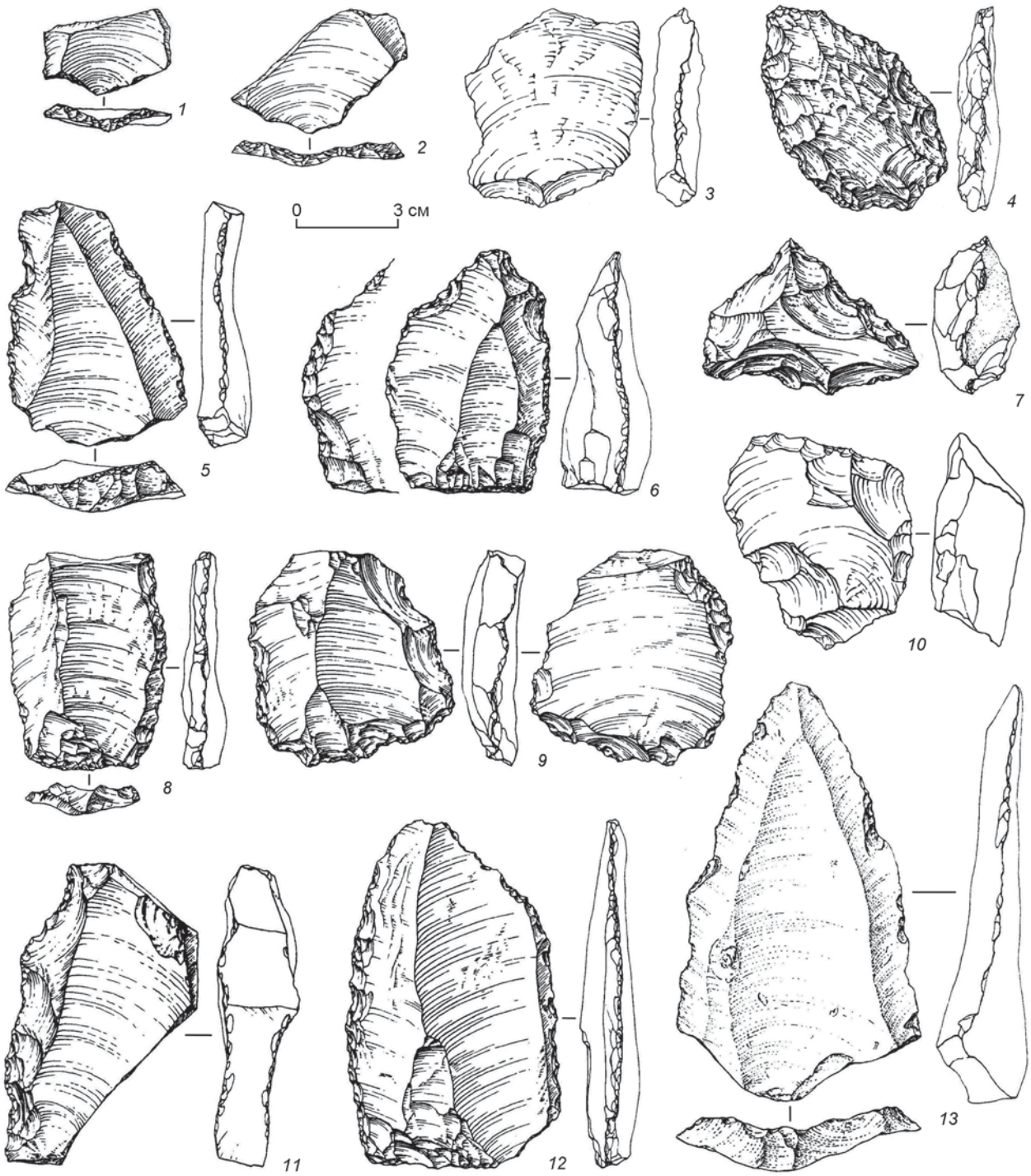

Рис. 2. Каменный инвентарь из слоев 10 (*2*, *4*, *10*), 9 (*1*, *3*, *7–9*, *12*) и 8 (*5*, *6*, *11*, *13*) на предвходовой площадке Денисовой пещеры. *Рисунки А.В. Абдульмановой, Н.В. Вавилиной*.

1, *2*, *5*, *13* – леваллуазские острия; *3* – базально-тронкированный скол; *4*, *6*, *12* – скребла; *7*, *10* – вентрально-утонченные сколы; *8* – пластина с ретушью; *9* – тронкированно-фасетированный скол; *11* – зубчатое орудие.

Среди скребел продольное прямое с естественным обушком, диагональное выпуклое (рис. 2, *4*) и поперечное прямое. Заготовками скребел служили крупные короткие и укороченный отщепы. Для подготовки рабочего края использовалась дорсальная захватывающая крутая субпараллельная средне- или сильномодифицирующая ретушь.

Два выемчатых орудия – продольное и поперечное, оформлены на крупных отщепах – удлиненном и укороченном, с помощью дорсальной краевой отвесной разнофасеточной сильномодифицирующей ретуши.

Вентрально-утонченные сколы – двойной продольный (рис. 2, *10*) и продольно-поперечный – крупные, массивные. Базально-тронкированные сколы (3 экз.) – крупные укороченные и короткий отщепы с удаленной остаточной ударной площадкой серией вентральных снятий.

Тронкированно-фасетированное изделие представляет собой крупный отщеп, у которого проксимальный и дистальный края усечены вентральной ретушью. С подготовленных таким образом площадок на дорсальную сторону заготовки проведена серия мелких удлиненных снятий (см. рис. 1, *1*).

Дополняют коллекцию два крупных укороченных отщепа с локальной ретушью.

Каменные артефакты из литологического слоя 9 – 1 348 экз.

В качестве отбойника в индустрии использовалась крупная удлиненная гранитная галька с участками интенсивной забитости на торцах.

Типологически определимые нуклеусы представлены двумя двуплощадочными монофронтальными параллельными подпрямоугольными ядрищами со встречным скалыванием (см. рис. 1, *3*). Заготовками для них (81 × 74 × 22 и 60 × 61 × 23 мм) служили массивные отщепы, на поперечных краях которых крупными сколами подготовлены ударные площадки. Фронт несет негативы удлиненных снятий. Контрфронт гладкий, является вентральной поверхностью основы. В числе нуклевидных форм выделено также четыре обломка размером от 54 × 43 × 23 до 93 × 66 × × 41 мм с бессистемными снятиями.

Индустрия сколов состоит в основном из отщепов – 632 экз. В их числе небольшими сериями представлены леваллуазские (2 экз.), бивентральные (7 экз.), полуреберчатые (6 экз.) и краевые с радиальных нуклеусов (13 экз.) снятия. Средние и крупные сколы (232 экз.) преимущественно укороченные (49 %) или короткие, доля удлиненных изделий составляет 10 %. В целом для заготовок характерна гладкая (66 %) или естественная (19 %), в меньшем количестве – двугранная или фасетированная остаточная ударная площадка, в ряде случаев с подправкой карниза (10 %), в основном с помощью обратной редукции. Огранка отщепов чаще всего продольная однонаправленная (57 %), распространены сколы с ортогональной (15 %) или бинаправленной (10 %) огранкой и с гладкой (14 %) дорсальной стороной. Доля первичных отщепов составляет 10 %, частично покрытых галечной поверхностью – 27 %.

Среди 20 пластин отмечено одно леваллуазское снятие. Основная часть изделий среднего размера – шириной от 20 до 40 мм. В целом для пластин характерна гладкая или фасетированная остаточная ударная площадка, в т.ч. с обратной редукцией карниза, и продольная одно- или бинаправленная огранка дорсала.

Отходы производства – 10 колотых галек, 615 обломков и осколков, 36 чешуек.

В орудийном наборе 28 изделий.

Леваллуазское острие представлено проксимальным фрагментом с фасетированной срединновыпуклой площадкой (рис. 2, *1*).

Скребла включают продольное прямое на проксимально-медиальном фрагменте крупного скола, продольное одинарное (рис. 2, *12*) и двойное с выпуклыми лезвиями, оформленные на крупных удлиненных отщепах. Для подготовки орудий использовалась дорсальная краевая крутая или полукрутая чешуйчатая или субпараллельная средне- или сильномодифицирующая ретушь.

Зубчатое орудие с поперечным выпуклым лезвием. Подготовлено на крупном укороченном отщепе с помощью вентральной краевой крутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретуши.

В числе вентрально-утонченных сколов продольные – одинарный и двойной, поперечный двойной (рис. 2, *7*), продольно-поперечный и с обработкой на 3/4 периметра. Основами для них служили крупные короткие массивные отщепы. Ширина негативов от снятий утончения составляет 15–55 мм.

Базально-тронкированные сколы насчитывают 4 экз. и представляют собой крупные короткие отщепы с удаленной остаточной ударной площадкой серией вентральных снятий (рис. 2, *3*).

Тронкированно-фасетированный скол – крупный короткий отщеп с усеченным вентральной ретушью проксимальным краем. С подготовленной таким образом ударной площадки на дорсальную сторону заготовки снята серия мелких сколов. Продольные края изделия обработаны чередующейся ретушью (рис. 2, *9*).

Сколы с ретушью включают фрагмент пластины (рис. 2, *8*) и восемь крупных отщепов, из которых – один удлиненный, пять укороченных и два фрагментированных. Неопределимые фрагменты орудий – 4 экз.

Каменная индустрия из слоя 8 насчитывает 668 изделий.

Нуклеусы представлены двумя двуплощадочными монофронтальными параллельными ядрищами со встречным скалыванием. Первое выполнено из крупной гальки, подпрямоугольной формы (77 × 69 ×

× 32 мм). Одна из его ударных площадок прямая, гладкая, другая сильно скошена, оформлена крупными пластинчатыми сколами. Фронт несет негативы встречных удлиненных снятий (см. рис. 1, *2*). Заготовкой для второго нуклеуса служил крупный массивный подтреугольный отщеп (64 × 54 × 23 мм). Скошенные ударные площадки подготовлены на поперечных краях скола-основы крутой крупнофасеточной ретушью. Фронт расположен на вентральной стороне заготовки.

К нуклевидным формам относятся также четыре обломка размером 60 × 58 × 32 – 79 × 52 × 34 мм с бессистемными снятиями или с единичными сколами апробации.

В индустрии сколов преобладают отщепы – 304 экз. Технологически диагностируемые снятия включают продукты леваллуазского расщепления (5 экз.) и краевые сколы с радиальных нуклеусов (4 экз.). Для сколов крупнее 3 см (93 экз.) характерны преимущественно короткие (42 %) или укороченные (40 %) пропорции; гладкая (58 %), естественная (17 %) или двугранная (11 %) остаточная ударная площадка, в т.ч. с подправкой карниза – 19 %, в основном с помощью прямой редукции. Огранка дорсала отщепов в большинстве случаев продольная одно- (66 %) или бинаправленная (10 %), ортогональная (7 %). Распространены сколы с гладкой дорсальной стороной – 6 %. Доля первичных отщепов составляет 4 %, частично покрытых галечной коркой – 30 %.

В числе 14 пластин имеются леваллуазское и полуреберчатое снятия. Большая часть изделий среднего размера. Остаточная ударная площадка пластин преимущественно гладкая. Единичные сколы с фасетированной или двугранной площадкой имеют признаки обратной редукции карниза. Огранка дорсала – продольная одно- или бинаправленная, реже – ортогональная. Остатки галечной поверхности сохранились на четырех пластинах.

Отходы производства представлены колотыми гальками – 5 экз., обломками и осколками – 306 экз.

Орудийный набор включает 33 изделия.

Удлиненные леваллуазские острия (4 экз.) имеют классическую однонаправленную, в одном случае – бинаправленную Y-образную огранку дорсала и срединновыпуклую тщательно фасетированную остаточную ударную площадку (рис. 2, *5, 13*).

Мустьерский остроконечник представлен дистальным фрагментом, оформленным, скорее всего, на леваллуазском треугольном сколе, с помощью дорсальной краевой крутой субпараллельной среднемодифицирующей ретуши.

Скребла – 3 экз. Два из них – продольное выпуклое (рис. 2, *6*) и конвергентное – оформлены на крупных коротких отщепах вентральной краевой параллельной и дорсальной захватывающей ступенчатой ретушью, в обоих случаях – крутой, сильномодифицирующей. Третье скребло – типа кина с поперечным выпуклым лезвием, интенсивно обработанным дорсальной распространенной крутой многорядной ретушью, и базальным утончением скола-заготовки, которым служил крупный укороченный отщеп.

Зубчатые орудия включают три продольных и диагональное изделия. Заготовками для них служили крупные короткие и укороченный отщепы. Одно орудие имеет обушок-грань (рис. 2, *11*). Для оформления лезвия использовалась как дорсальная, так и вентральная краевая или захватывающая крутая разнофасеточная средне- или сильномодифицирующая ретушь.

Выемчатое орудие выполнено на крупном удлиненном отщепе. Два глубоких анкоша оформлены на продольном крае заготовки дорсальной краевой крутой чешуйчатой сильномодифицирующей ретушью. Проксимальный край утончен серией вентральных снятий.

Базально-тронкированные сколы – короткий и укороченный отщепы крупного размера с удаленной остаточной ударной площадкой несколькими вентральными снятиями.

Тронкированно-фасетированные изделия – три крупных коротких отщепа, на двух из них вентральной ретушью усечен дистальный край, на одном – дистальный и проксимальный края. С подготовленных таким образом ударных площадок на дорсальную сторону заготовок снято несколько мелких удлиненных сколов.

Отщепы с ретушью – 10 экз. Среди целых сколов крупного размера – по два коротких, укороченных и удлиненных снятия. Остальные орудия представлены фрагментами крупных сколов. Пластины с ретушью включают целое и фрагментированное изделия.

Неопределимые фрагменты орудий (3 экз.) представлены осколками с участками сильно- или среднемодифицирующей ретуши.

Таким образом, среднепалеолитический комплекс из слоев 10–8 предвходовой площадки в целом характеризуется использованием параллельной технологии расщепления. В коллекции из слоя 10 имеются образцы ядрищ центростремительного скалывания. О развитой леваллуазской технике в индустриях свидетельствуют серии отщепов, пластин и треугольных снятий с классической морфологией леваллуа. Среднепалеолитический компонент в орудийных наборах составляют скребла и мустьерские остроконечники. Высока доля зубчато-выемчатых изделий. Серийно представлены вентрально-утонченные и базально-тронкированные сколы. В каждом из слоев имеются тронкированно-фасетированные изделия. Хотя ряд выразительных верхнепалеолитических форм, выделенных в коллекции 1989 г., в этих индустриях отсутствует, отчетливо наблюдается увеличение от слоя 10 к слою 8 доли пластин среди сколов – с 1,7 до 4,4 %. Отмечен также рост числа удлиненных заготовок в целом, отражающий неуклонное раз-

витие пластинчатой технологии в конце среднего палеолита.

Археологическая летопись нижних культуросодержащих слоев на предвходовой площадке согласуется с относительной геохронологией этой части разреза. Согласно палеогеографическим данным, слой 10 накапливался в благоприятных климатических условиях, соответствующих подстадии МИС 5e, что подтверждается установленным для него палеомагнитным эпизодом Блейк – 104–120 тыс. лет [Там же]. Слой 9 формировался после перерыва в осадконакоплении в природной обстановке, характерной, предположительно, для времени МИС 5b–a. Палеогеографические показатели для слоя 8 соотносятся с заключительным этапом МИС 4.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

References

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Agadganyan A.K., Baryshnikov G.F., Malaeva V.M., Ulianov V.A., Kulik N.A., Postnov A.V., Anoikin A.A. Paleoenvironment and Palaeolithic human occupation of Gorny Altai. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. 448 p. (In Russ.).

Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308

Дата сдачи рукописи: 01.07.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0120-0124
УДК 902/904

К.А. Колобова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kolobovak@yandex.ru

Метод сериации для анализа данных из палеолитических комплексов

Статья ставит целью ознакомить с методом сериации русскоязычных исследователей. Сериация – метод анализа данных, позволяющий упорядочивать объекты (археологические слои, памятники, артефакты) в последовательность вдоль одномерного континуума так, чтобы наилучшим образом выявить регулярность и закономерность среди всей серии этих объектов. Этот метод изначально был создан для относительной хронологии археологических комплексов, когда методы абсолютного датирования еще не были доступны для археологов. Доказав свою эффективность в качестве инструмента для относительной хронологии, метод сериации в настоящее время используется в различных областях науки: биологии, статистике, картографии, социологии, палеоэкологии, на производстве. В археологических исследованиях он до сих пор актуален для классификации, атрибуции и визуализации археологических данных. Подсчет процентов категорий артефактов и присвоение рангов археологическим признакам в ассамбляжах являются менее удобными и информативными методами. Несомненными достоинствами этого метода являются: возможность его использования без предварительного обучения методам математической статистики; возможность использования различных данных, прежде всего номинативных, наиболее распространенных в археологических исследованиях; возможность использования бесплатных компьютерных программ с целью его применения. Метод наиболее полезен для поиска структуры в археологических данных, содержащих большое количество информации по каменным индустриям (типологические и технологические наборы нуклеусов, орудий и технических сколов) или для классификации данных атрибутивного подхода в рамках технико-типологического анализа, когда описание каждого артефакта содержит информацию по 30–50 технологически значимым признакам.

Ключевые слова: *археология, математическая статистика, классификация, визуализация, сравнение индустрий и артефактов.*

K.A. Kolobova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: kolobovak@yandex.ru

Seriation Method for Analyzing Data from Paleolithic Complexes

This article aims at familiarizing Russian scholars with the seriation method – analysis of data which organizes objects (archaeological layers, sites, monuments, or artifacts) into a sequence along a one-dimensional continuum for revealing the regularity and patterns among the entire series of these objects in the most sufficient way. This method was originally established for creating a relative chronology when absolute dating methods were not yet available to archaeologists. After proving its usefulness as a chronological tool, the method of seriation has been used in various fields of science, such as biology, statistics, cartography, and sociology, and in industrial production. In archaeological research it is very convenient for classification, attribution, and visualization of archaeological data. Counting percentages of different categories of artifacts in assemblages and assigning ranks to archaeological attributes are less efficient and informative methods. The undoubted advantages of this method include an opportunity of using it without prior training in mathematical statistics as well as using a variety of data, primarily nominative – the most common type in archaeological research, and free software for its application. The method is very helpful for structure search in archaeological data containing a large amount of information on stone industries (typological and technological sets of cores, tools, and technical spalls) or for classification of attributive data, when the description of each artifact contains information on 30–50 technologically significant attributes.

Keywords: *archaeology, mathematical statistics, classification, visualization, comparison of industries and artifacts.*

В археологических и особенно в палеолитических исследованиях достаточно остро стоит вопрос о классификации и интерпретации полученных в результате исследований данных. Этому способствует широкое внедрение в практику исследований атрибутивного подхода в рамках технико-типологического метода. При использовании этого подхода на каждом артефакте фиксируются многочисленные морфологические, метрические и технологически значимые признаки (до 30–50 признаков) [Bar-Yosef, Van Peer, 2009; Tostevin, 2003]. В результате в распоряжении у исследователей появляются большие таблицы с

атрибутивными признаками, часть данных из которых включается в сводные таблицы и публикуется. При этом значительный массив информации остается так и не востребованным. С другой стороны, в настоящее время накопился значительный объем информации по многочисленным стоянкам каменного века, исследовавшимся в XX–XXI вв., каждая из которых характеризуется определенным набором нуклеусов и орудий, которые необходимо систематизировать для составления культурно-хронологических схем определенных территорий и этапов каменного века. Сложность обеих вышеописанных ситуаций состоит в больших наборах разнообразных данных, структурировать которые бывает крайне сложно для исследователя, даже путем подсчета процентов и визуализации данных в виде многочисленных и не связанных друг с другом графиков [Рыбин, Колобова, 2004, 2009; Деревянко и др., 2017; Shunkov, Kozlikin, Derevianko, 2020]. В результате могут образоваться ошибочные или не полные классификации [Тюгашев, 2023].

Существует несколько подходов для классификации большого объема археологических данных. Первый способ связан с присвоением рангов для определенного набора атрибутов, разработан Г. Тостевином [Tostevin, 2003]. При сравнении каменных индустрий ранги вычитались друг из друга, и в итоге получался индекс различия между ними. Похожий подход без атрибутивного анализа, но с присвоением рангов для оценки палеолитических комплексов был разработан Л.Е. Вишняцким [2000].

Второй подход реализован Е.П. Рыбиным с соавторами, когда фиксируется только наличие или отсутствие какого-либо признака при анализе многочисленных каменных индустрий с целью их классификации и атрибуции [Рыбин и др., 2022; Рыбин, Хаценович, 2023]. Фиксация наличия или отсутствия комплекса признаков с дальнейшей статистической обработкой также использовалась при изучении технологии петроглифов [Zotkina et al., 2023].

При этом уже продолжительное время существует статистический метод классификации и дальнейшей визуализации археологических комплексов, не требующий от исследователей практически никаких специальных знаний и реализованный в бесплатном программном обеспечении. Речь идет о многомерной сериации, которая очень редко применяется в трудах русскоязычных исследователей.

Сериация – это метод анализа данных, позволяющий упорядочивать объекты (археологические слои, памятники, артефакты) в последовательность вдоль одномерного континуума так, чтобы наилучшим образом выявить регулярность и закономерность среди всей серии объектов [Liiv, 2010]. То есть это метод манипулирования данными путем создания одномерной последовательности с помощью перемещения выборок (слои, памятники) и переменных, в результате чего положительные значения анализируемых переменных фиксируются вдоль диагонали матрицы [Brower, Kile, 1988].

Метод сериации был разработан английским египтологом У.М. Флиндерс Петри (M. Flinders Petrie) в 1899 г. для относительного датирования археологических комплексов, он назвал его «датирование последовательностей». Его подход заключался в упорядочивании объектов на основе частоты встречаемости и количества. В соответствии с подходом, сформулированная гипотеза предполагала, что стили (в данном случае керамики) сменяются эволюционно, следовательно, путем их количественного и качественного анализа можно определить их взаимную хронологическую последовательность [Liiv, 2010].

Изначально разработанная как метод относительной хронологии в условиях отсутствия методов абсолютного датирования, сериация доказала свою полезность для построения культурно-хронологических последовательностей. Однако в настоящее время остается много способов для ее использования – прежде всего для классификации, атрибуции и визуализации археологических данных.

Требования к данным, их количеству и структуре для сериации практически отсутствуют – они могут быть номинативными, порядковыми или интервальными.

Здесь предлагается обзор метода сериации, представленного в программе PAST-4 свободного доступа по алгоритму Дж. Бровера и К. Кили [Brower, Kile, 1988], разработанного для палеоэкологических данных. Воспользоваться этим методом может любой археолог без предварительного изучения методов математической статистики. Путь выбора метода в программе: во вкладке «Мультивариантные методы» главного меню раздел «Методы ординации» и подраздел «Сериация». Исходная таблица данных в PAST заполняется самостоятельно или загружается из Excel. Здесь обсуждается пример матрицы или таблицы, в которой фиксируется наличие или отсутствие признака, что является условием используемого алгоритма.

В качестве примера для демонстрации метода были использованы данные по среднепалеолитическим комплексам Денисовой пещеры, опубликованные в работе, касающейся миграции поздних неандертальцев на территорию Алтая. Исходные данные опубликованы в статье, описывающей динамику развития комплексов памятника [Shunkov, Kozlikin, Derevianko, 2020]. Данные в таблице представлены в формате наличия (1) или отсутствия (0) некоторых типов нуклеусов и орудий (см. *таблицу*). Выбранные переменные не являются хронологическими маркерами и были выбраны только для демонстрации метода. Эта таблица была скопирована в PAST и выделена.

В качестве первого этапа мы провели ограниченную сериацию, доступную в программе, при которой происходит перемещение выборок (слоев памятника), но не происходит перемещения переменных (категорий артефактов) (рис. 1). Мы видим, что комплексы

Данные из среднепалеолитических комплексов Денисовой пещеры в формате наличия/отсутствия признаков

Раскоп, слой	Категории артефактов										
	Радиальные нуклеусы	Ортогональные нуклеусы	Параллельные нуклеусы	Левалуазские нуклеусы	Призматические нуклеусы	Комбева сколы и нуклеусы	Простые скребла	Конвергентные скребла	Ретушированные остроконечники	Орудия на левалуазских сколах	Двояковыпуклые бифасы
Восточная галерея, сл. 11.2	1	0	1	1	1	0	1	1	1	1	0
Центральный зал, сл. 11	1	0	1	0	0	0	1	1	1	1	1
Предвходовая площадка, сл. 10	1	0	1	1	0	0	1	1	0	1	1
Предвходовая площадка, сл. 9	1	0	1	0	0	0	1	1	0	1	1
Предвходовая площадка, сл. 8	1	0	1	1	0	0	1	1	1	1	1
Центральный зал, сл. 22	0	0	1	1	0	0	1	1	0	1	0
Центральный зал, сл. 21	1	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0
Центральный зал, сл. 19	1	1	1	1	0	0	1	1	1	1	1
Центральный зал, сл. 14	1	1	1	1	0	0	1	1	1	1	0
Центральный зал, сл. 12	1	0	1	1	0	0	1	1	1	1	0
Восточная галерея, сл. 15	1	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0
Восточная галерея, сл. 14	1	0	0	1	0	1	1	1	0	0	0
Восточная галерея, сл. 12	1	0	1	1	1	1	1	1	0	1	0
Восточная галерея, сл. 11.4	1	0	1	1	0	1	1	1	1	1	0
Восточная галерея, сл. 11.3	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	0

Рис. 1. Результат ограниченной сериации выборок среднепалеолитических комплексов Денисовой пещеры.

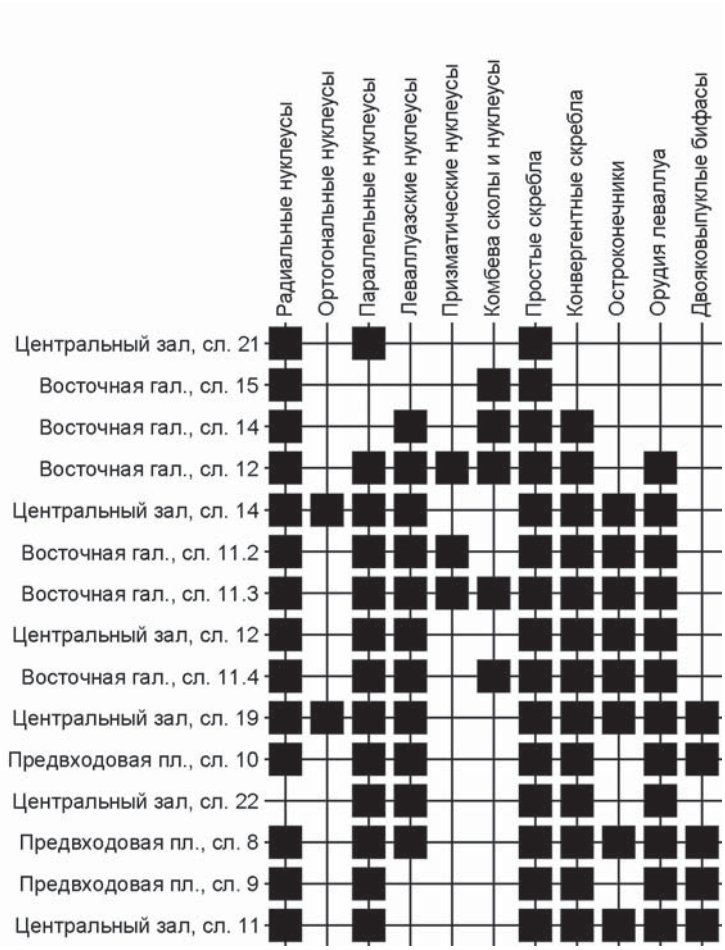

Рис. 2. Результат неограниченной сериации выборок среднепалеолитических комплексов Денисовой пещеры.

сгруппировались по предложенным переменным: можно оценить, какие переменные встречаются в комплексах чаще всего, а какие реже всего, и какие комплексы подобны в наибольшей степени.

С целью демонстрации этой функции мы провели неограниченную сериацию, которая манипулирует и переменными, и выборками (и строками, и столбцами матрицы, выстраивая структуру вдоль диагонали) (рис. 2). Сериация реорганизует матрицу таким образом, чтобы наблюдения с наличием переменных были сконцентрированы вдоль диагонали. Как мы видим, неограниченная сериация является прекрасным инструментом для сравнения каменных индустрий по множеству признаков, с одной стороны, и для выявления нетипичных индустрий в анализе, с другой стороны. Так, даже на этом наборе данных можно сделать вывод, что наибольшую степень сходства проявляют комплексы нижних слоев Восточной галереи, в то время как комплексы Центрального зала и предвходовой площадки проявляют заметное сходство между собой.

Метод сериации является простым в использовании и очень удобным инструментом для классификации археологических комплексов, а также их дальнейшей атрибуции и визуализации. Метод заслуживает того, чтобы его широко использовали археологи.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0009 «Цифровизация процессов изучения древнейшей и древней истории Евразии».

Список литературы

Вишняцкий Л.Б. Верхнепалеолитическая революция: география, хронология, причины // Stratum Plus. – 2000. – № 1. – С. 245–271.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Шалагина А.В. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса в южной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 103–107.

Рыбин Е.П., Антонова Ю.Е., Ташак В.И., Кобылкин Д.В., Хаценович А.М., Гунчинсурен Б. Ранние стадии верхнего палеолита бассейна Селенги: вариабельность каменной технологии, жизнеобеспечение и поселенческие системы // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2022. – Т. 1. – С. 285–328. – doi:10.55086/sp221285328

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4 (20). – С. 20–34.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Средний палеолит Алтая: вариабельность и эволюция // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2009. – № 1. – С. 33–78.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М. Начальный верхний палеолит Южной Сибири и Центральной Азии: концепции, хронология и пути распространения // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. История. – 2023. – Т. 68, вып. 4. – С. 1039–1071.

Тюгашев И.Е. Использование метода многомерного шкалирования для выделения групп памятников майкопской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 929–936.

Bar-Yosef O., Van Peer P. The Chaine Operatoire Approach in Middle Paleolithic Archaeology // Current Anthropology. – 2009. – Vol. 50, N 1. – P. 103–131.

Brower J.C., Kile K.M. Seriation of an original data matrix as applied to palaeoecology // Lethaia. – 1988. – Vol. 21. – P. 79–93.

Liiv I. Seriation and matrix reordering methods: An historical overview // Statistical Analysis and Data Mining: The ASA Data Science Journal. – 2010. – Vol. 3 (2). – P. 70–91.

Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Dynamics of the Altai Paleolithic industries in the archaeological record of Denisova cave // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 559. – P. 34–46.

Tostevin G.B. A quest for antecedents: A comparison of the Terminal Middle Palaeolithic and Early Upper Palaeolithic of the Levant // More than meets the eye: Studies on Upper Palaeolithic diversity in the Near East. – Oxford: Oxbow Books. – 2003. – P. 54–67.

Zotkina L.V., Kolobova K., Sutugin S.V., Olsen J.W. What defines the "Minusinsk Style" in the earliest rock art of the Minusinsk Basin, southern Siberia? // J. of Archaeol. Sci.: Reports. – 2023. – Vol. 49. – 104009.

References

Bar-Yosef O., Van Peer P. The Chaine Operatoire Approach in Middle Paleolithic Archaeology. *Current Anthropology,* 2009. Vol. 50 (1). P. 103–131.

Brower J.C., Kile K.M. Seriation of an original data matrix as applied to palaeoecology. *Lethaia,* 1988. Vol. 21. P. 79–93.

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Y., Chekha A.M., Shalagina A.V. New Research Findings of the Upper Paleolithic Assemblage from the South Chamber of Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 23. P. 103–107. (In Russ.).

Liiv I. Seriation and matrix reordering methods: An historical overview. *Statistical Analysis and Data Mining: The ASA Data Science Journal*, 2010. Vol. 3 (2). P. 70–91.

Rybin E.P., Antonova Y.E., Tashak V.I., Kobylkin D.V., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B. Early Stages of the Upper Paleolithic in the Selenga River Basin: Technological Variability, Subsistence, Settlement Systems. *Stratum Plus. Cultural archaeology and anthropology*, 2022. No. 1. P. 285–328. (In Russ.).

Rybin E.P., Khatsenovich A.M. The Concepts, Chronology and Dispersal Routes of the Initial Upper Paleolithic of South Siberia and Central Asia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History,* 2023. Vol. 68, No. 4. P. 1039–1071.

Rybin E.P., Kolobova K.A. The Structure of the Lithic industries and the Functions of Paleolithic Sites in the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2004. No. 4 (20). P. 20–34.

Rybin E.P., Kolobova K.A. The Middle Paleolithic of Altai: variability and evolution. *Stratum plus. Cultural archaeology and anthropology*, 2009. No. 1. P. 33–78. (In Russ.).

Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Dynamics of the Altai Paleolithic industries in the archaeological record of Denisova cave. *Quaternary International,* 2020. Vol. 559. P. 34–46.

Tostevin G.B. A quest for antecedents: A comparison of the Terminal Middle Palaeolithic and Early Upper Palaeolithic of the Levant. In *More than meets the eye: Studies on Upper Paleolithic diversity in the Near East*. Oxford: Oxbow Books, 2003. P. 54–67.

Tyugashev I.E. Use of Multidimensional Scaling Method for Identifying Groupsof Sites of the Maykop Culture. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 929–936. (In Russ.).

Vishnyatsky L.B. The Upper Paleolithic Revolution: its Geography, Chronology, and Causes. *Stratum plus*, 2000. Vol. 1. P. 245–271. (In Russ.).

Zotkina L.V., Kolobova K., Sutugin S.V., Olsen J.W. What defines the "Minusinsk Style" in the earliest rock art of the Minusinsk Basin, southern Siberia? *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2023. Vol. 49. 104009.

Колобова К.А. https://orcid.org/0000-0002-5757-3251

Дата сдачи рукописи: 03.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0125-0130
УДК 902.22

К.А. Колобова[1]✉, Н.Я. Березина[2], А.В. Зубова[3], И.Е. Тюгашев[1], Е.Н. Бочарова[1], А.С. Колясникова[1], М.В. Селецкий[1], П.В. Чистяков[1], Д.В. Кожевникова[1], А.С. Колясникова[2], А.Д. Папин[1], В.М. Харевич[1], А.В. Харевич[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
[3]Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: kolobovak@yandex.ru

Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в полевом сезоне 2024 года

В статье представлены результаты полевых исследований Чагырской пещеры, ключевого памятника сибирячихинской фации среднего палеолита Алтая, в 2024 г. В последнем раскопочном периоде основными направлениями работ были исследование стратиграфии стоянки, поиск антропологических останков и получение коллекции каменных артефактов с целью дальнейшего технико-типологического анализа. В процессе раскопок было зафиксировано два культуросодержащих слоя – 6а и 6в/1 – в которых были обнаружены многочисленные каменные коллекции и антропологические останки. Предварительная характеристика каменных комплексов свидетельствует об их некотором отличии от типичных для Чагырской пещеры коллекций. Так, в новых коллекциях значительна доля кортикальных сколов, на сколах больше естественных ударных площадок, в орудийном наборе больше бифасиальных орудий. Зафиксированные отличия не являются культурными, хронологическими или стадиальными, а скорее могут отражать разницу в сезонности обитания в пещере поздних европейских неандертальцев или различия в функциональной принадлежности раскопанных объектов. Типичные для Чагырской пещеры комплексы слоя 6в/2 являются остатками базового лагеря неандертальцев по потреблению охотничьей добычи, преимущественно бизонов. Слой 6а формировался в пещере как результат коллювиальных процессов и функционально определяется как логово гиены с остатками материальной культуры неандертальцев из слоя 6в/2. Среди антропологических останков определены проксимальный фрагмент правой плечевой кости взрослого индивида, левый верхний резец и нижний правый премоляр. Очередное обнаружение антропологических останков свидетельствует о перспективности продолжения экспедиционных работ на памятнике.

Ключевые слова: *Северо-Западный Алтай, средний палеолит, сибирячихинский вариант, Чагырская пещера, сезонность, функциональность стоянок, каменная индустрия.*

K.A. Kolobova[1]✉, N.Y. Berezina[2], A.V. Zubova[3], I.E. Tyugashev[1], E.N. Bocharova[1], A.S. Kolyasnikova[1], M.V. Seletsky[1], P.V. Chistyakov[1], D.V. Kozhevnikova[1], A.S. Kolyasnikova[2], A.D. Papin[1], V.M. Kharevich[1], A.V. Kharevich[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
[3]Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
St. Petersburg, Russia
E-mail: kolobovak@yandex.ru

Research of the Middle Paleolithic Complexes in the Chagyrskaya Cave in the Field Season of 2024

This article presents the results of field studies in the Chagyrskaya cave – a key site of the Sibiryachikha phase of the Middle Paleolithic in the Altai – which were done in 2024. In that excavation season, the main focus of excavation works was on

studying stratigraphy of the site, searching for anthropological remains, and obtaining a collection of lithic artifacts for technical and typological analysis. Two culture-bearing layers, 6a and 6c/1, with numerous lithic artifacts and anthropological remains were identified during the excavation. Preliminary analysis of the lithic complexes has revealed some differences from the typical collections of the Chagyrskaya cave. Thus, new collections contained a significant share of cortical flakes, more cortical striking platforms on flakes, and more bifacial tools in the toolkit. These differences are not cultural, chronological, or stadial, but rather reflect variation in seasonal habitation of the cave by the Late European Neanderthals or differences in the functioning of the excavated areas. The complexes of layer 6c/2, which were typical for the Chagyrskaya cave, represented the remains of Neanderthal base camp for consuming hunting prey, mainly bison. Layer 6a in the cave resulted from colluvial processes and can be functionally defined as a hyena den with remains of Neanderthal material culture from layer 6c/2. Anthropological remains included a proximal fragment of the right humerus of an adult, left upper incisor, and lower right premolar. This discovery of anthropological remains indicates good prospects for continuing field works at the site.

Keywords: *Northwestern Altai, Middle Paleolithic, Sibiryachikha variant, Chagyrskaya cave, seasonality, site functionality, lithic assemblage.*

В палеолитических исследованиях вопросы культурной и функциональной составляющей каменных индустрий являются наиболее актуальными. Так, о разных этапах расщепления на стоянках свидетельствуют кортикальные отщепы и структура технических сколов. Культурную принадлежность определяют на основе состава типичных нуклеусов и орудий [Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013; Деревянко, 2024] (см. статью Маркина С.В. «Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая: дискуссии и перспективы исследований» в этом сборнике). Однако до сих пор не ясно, каким образом эти составляющие дополняют друг друга. В результате исследователи каждый раз изучают комплексы как уникальные в своем роде объекты. В настоящее время проведены только предварительные исследования по определению функционального профиля известных комплексов среднего палеолита Алтая [Рыбин, Колобова, 2004]. В результате раскопок полевого сезона 2024 г. нами были обнаружены новые каменные комплексы, которые заставляют вновь вернуться к данной тематике.

Целью предлагаемой статьи является описание результатов полевых исследований в 2024 г. Чагырской пещеры, расположенной в среднегорном районе Северо-Западного Алтая. Пещера имеет северную экспозицию и располагается на высоте 19 м над уровнем р. Чарыш.

В течение полевого сезона 2024 г. было продолжено исследование рыхлых отложений на площади 2 м^2. В результате работ было выполнено два стратиграфических профиля, содержащих отложения голоценового и плейстоценового возраста (рис. 1). Полученные стратиграфические профили в раскопе 2024 г. подобны профилям, описанным в полевых сезонах 2019–2021 гг.

Слой 2. Разноцветная, преимущественно коричневатая супесь с многочисленными окатанными гальками известняка и экзотических пород. В слое наблюдаются многочисленные тонкие прослои золы, древесного угля и обожженных суглинков черного, красного, желтого и белого цветов.

Слой 3. Суглинок легкий опесчаненный, серого и темно-серого цвета, рыхлый, карбонатный. Слой содержит многочисленные гальки известняка и экзотических пород.

Слой 5. Желтовато-коричневый алеврит с грубыми обломками известняка и многочисленными окатанными гальками известняка и других пород.

Слой 6а. Светло-коричневый алеврит с многочисленными копролитами и фрагментами костей. Содержит угловатые обломки известняка, множество окатанных галек известняка и других пород. По сравнению со слоем 5 характеризуется большей глинистой составляющей.

Слой 6в/1. Сероватый алевритовый суглинок с мелкими окатанными гальками, с множеством фрагментов костей, артефактами и редкими обломками известняка. В слое встречаются свидетельства постдипозиционных нарушений водными агентами.

Археологический материал был обнаружен только в плейстоценовых (слои 6а и 6в/1) отложениях пещеры. Общая коллекция каменных артефактов из 6а и 6в/1 составляет 7 338 экз. (табл. 1). Коллекция каменных артефактов исследовалась в рамках технико-типологического метода с применением атрибутивного подхода. В комплексе всех слоев доминируют отходы производства, составляющие в слое 6а – 91,62 %, в слое 6в/1 – 93,14%. Нуклевидные изделия представлены 5 экз.: пренуклеус, 2 экз. нуклевидных обломков и 2 экз. радиальных нуклеусов. Одно из самых больших ядрищ во всех комплексах Чагырской пещеры было обнаружено в слое 6а (рис. 2, *4*). Получение отщепов велось как с подготовленной ударной площадки, так и с кортикальной поверхности. В том же слое было найдено радиальное ядрище обычного для индустрии размера (рис. 2, *2*).

Первичное расщепление было направлено на получение отщепов (в слое 6а – 94,96 %, в слое 6в/1 – 93,57 %, без учета отходов производства), все пластины являются случайными/ситуационными продуктами расщепления. Типология технических сколов (в слое 6а – 29,56 %, в слое 6в/1 – 33,78 %) соответствует типологическому составу нуклеусов и включает краевые сколы с радиальных нуклеусов (рис. 2, *5*), латерально-крутые сколы (рис. 2, *3*), реберчатые и полуреберчатые сколы (рис. 2, *1*). Отщепы обладают

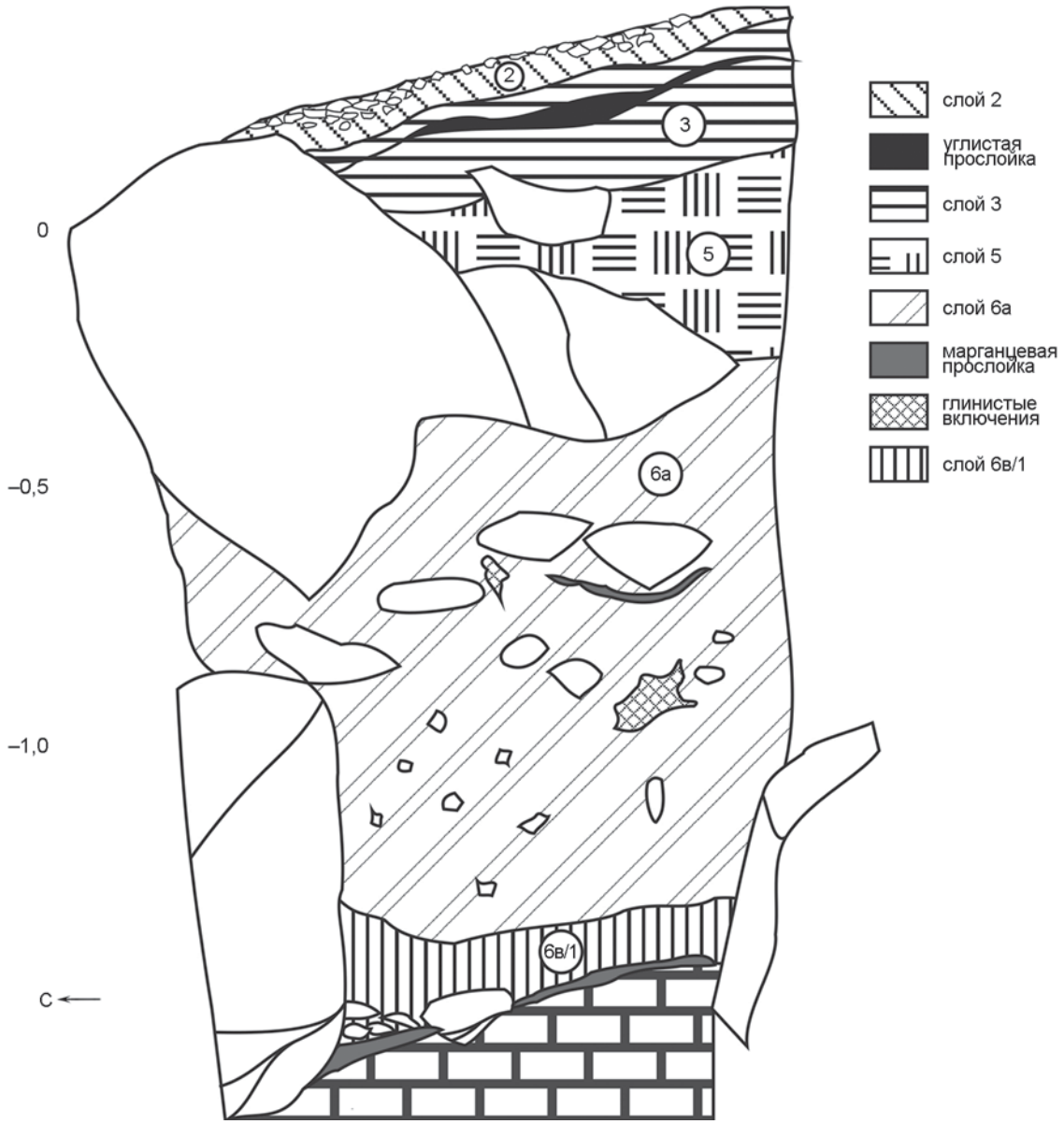

Рис. 1. Стратиграфический разрез западной стенки раскопа 2024 г.

крупными, гладкими и кортикальными ударными площадками, среди огранок дорсальной поверхности доминируют параллельные однонаправленные, радиальные и ортогональные.

Бифасиальное производство в комплексах представлено 16 орудиями, бифасиальными техническими сколами и чешуйками. Доля бифасиальных орудий составляет в слое 6а 12,5 %, в слое 6в/1 15,6 % от количества всех орудий (табл. 2), что является самым высоким показателем среди всех исследованных комплексов Чагырской пещеры. Среди законченных орудий присутствуют бокштайн- и кляузяйнишемессеры (рис. 3, *2, 3, 5, 6*). Орудийный набор индустрии составляет 22,64 % в слое 6а и 33,52 % в слое 6в/1 коллекций без учета отходов производства, что в целом типично для комплексов пещеры. В нем широко представлены конвергентные скребла и конвергентные ретушированные остроконечники (см. рис. 2, *1, 4*), тронкированно-фасетированные изделия, простые скребла.

По результатам экспериментально-трасологического анализа каменных ударно-абразивных орудий Чагырской пещеры (раскоп 2024 г.) выявлены отбойник (1 экз.; слой 6а), ретушер (1 экз.; слой 6в/1), абразив (1 экз.; слой 6в/1) и наковальня для расщепления камня (1 экз.; слой 6в/1).

Среди антропологических останков был обнаружен проксимальный фрагмент правой плечевой кости взрослого индивида *Homo* sp. Костный отломок состоит из головки, анатомической шейки, большого и малого бугорков. Фрагмент обломан в древности, примерно на уровне хирургической шейки с латераль-

Таблица 1. **Состав коллекции каменных артефактов Чагырской пещеры, раскопки 2024 года**

Категории	Слой 6а			Слой 6в/1		
	Кол-во	Доля от общего числа, %		Кол-во	Доля от общего числа, %	
		Всего	Без отходов производства		Всего	Без отходов производства
Пренуклеусы	–	–	–	1	0,02	0,27
Преформы	–	–	–	2	0,04	0,54
Нуклеусы	2	0,11	1,26	–	–	–
Двусторонние орудия	3	0,16	1,89	13	0,24	3,49
Сколы:	153	8,07	96,23	354	6,51	94,91
пластины	2	0,11	1,26	5	0,09	1,34
отщепы	71	3,74	44,65	111	2,04	29,76
технические сколы	47	2,48	29,56	126	2,32	33,78
орудия на сколах	33	1,74	20,75	112	2,06	30,03
Ударно-абразивные орудия	1	0,05	0,63	3	0,06	0,80
Обломки	24	1,27	–	49	0,90	–
Чешуйки	1 714	90,35	–	5 019	92,24	–
Всего	1 897	100	100	5 441	100	100

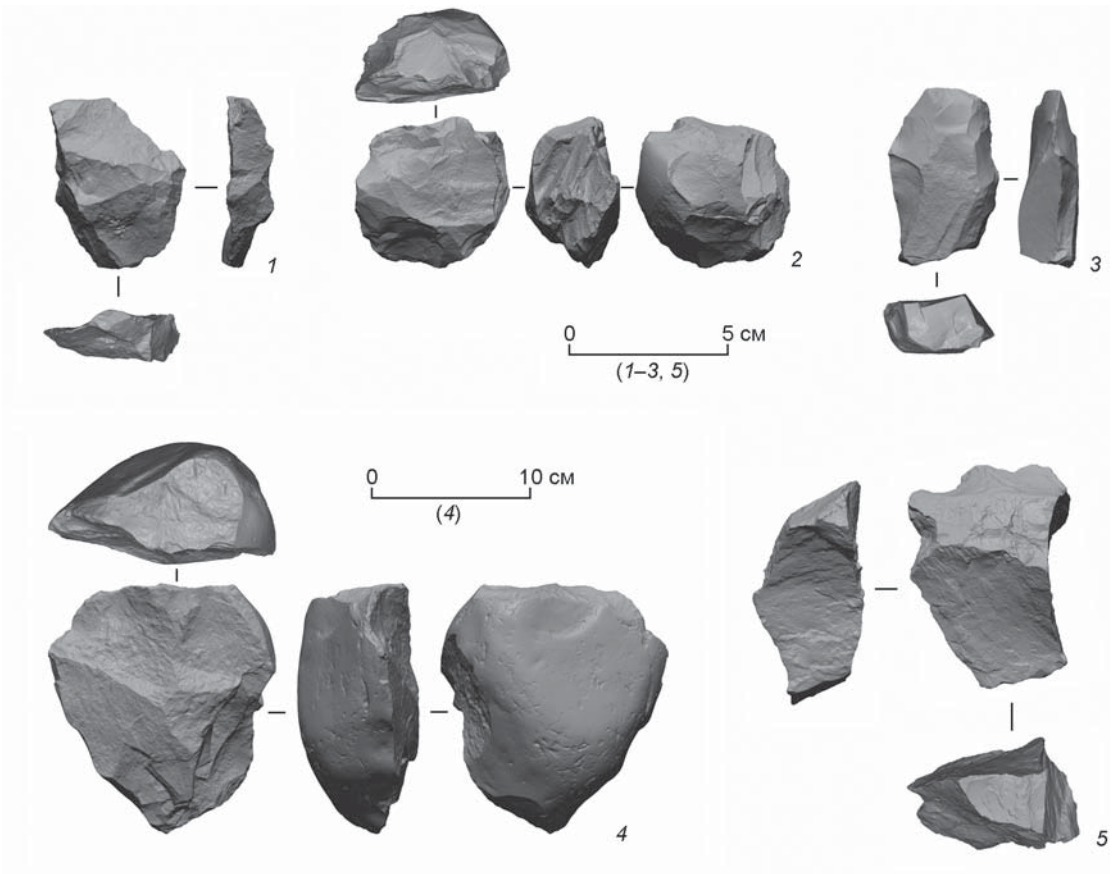

Рис. 2. Технические сколы и нуклеусы из слоя 6а.

Таблица 2. **Типологический состав орудий коллекции Чагырской пещеры, раскопки 2024 года**

Тип орудия	Слой 6а			Слой 6в/1		
	Кол-во	%	% без учета неопределимых орудий	Кол-во	%	% без учета неопределимых орудий
Остроконечники ретушированные	3	8,33	12,50	3	2,40	3,61
Скребла:	16	44,44	66,67	60	48,00	72,29
простые	3	8,33	4,17	14	11,20	16,87
конвергентные	12	33,33	50,00	31	24,80	37,35
неопределимые	1	2,78	4,17	15	12,00	18,07
Бифасиальные орудия	3	8,33	12,50	13	10,40	15,66
Выемчатые орудия	–	–	–	1	0,80	1,20
Зубчатые орудия	–	–	–	1	0,80	1,20
Перфораторы	2	5,56	8,33	–	–	–
Тронкированно-фасетированные	–	–	–	5	4,00	6,02
Отщепы с ретушью	9	25,00	–	37	29,60	–
Пластины с ретушью	1	2,78	–	1	0,80	–
Неопределимые части орудий	2	5,56	–	4	3,20	–
Всего	100	100	100	125	100	100

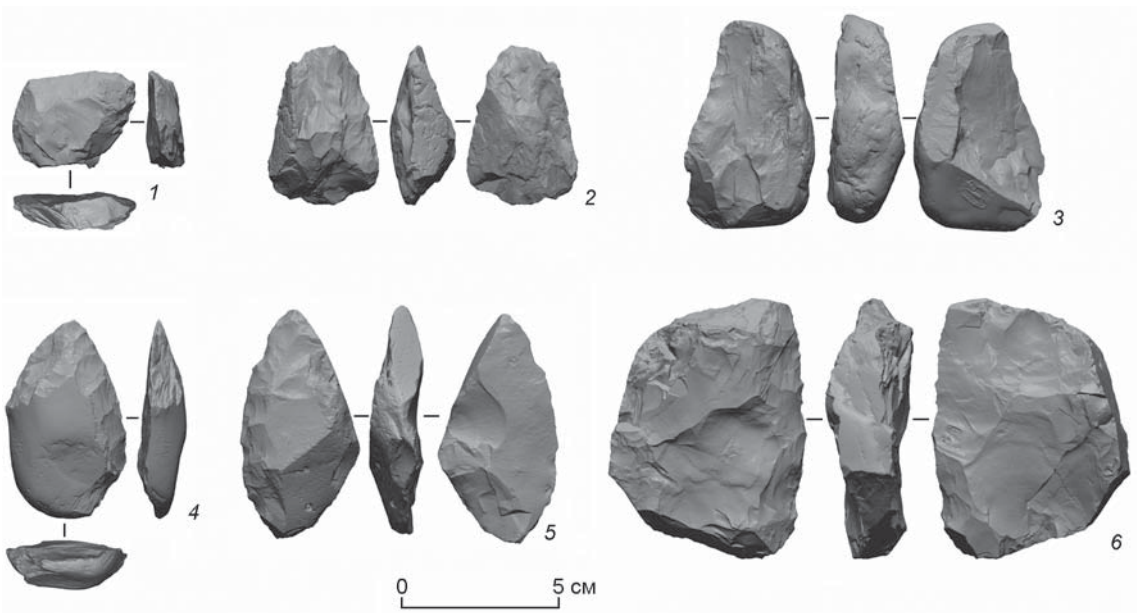

Рис. 3. Орудия из комплексов слоев 6в/1 и 6а раскопок 2024 г.

ной поверхности и на уровне анатомической шейки с медиальной поверхности. Сохранность костной ткани хорошая. Форма головки овальная, горизонтальный диаметр больше вертикального.

Первый обнаруженный зуб представляет собой левый верхний резец со стертой на 3/4 коронкой. Он имеет один корень, овальный в сечении, с очень легкой уплощенностью дистальной стороны. Коронка в сечении подпрямоугольная, с выпуклой вестибулярной стенкой и более уплощенной лингвальной. В мезиальном отделе лингвальной стороны сохранился фрагмент бороздки, дифференцирующей лингвальный бугорок, другие морфологические особенности описать невозможно из-за стертости. Патологических изменений не зафиксировано.

Определить, центральный это резец или латеральный, затруднительно, поскольку коронка стерта практически до основания, но очертания сечения

коронки ближе к латеральному зубу (I^2). Определить его положение по мезио-дистальному и вестибулолингвальному диаметру шейки, которые доступны для измерения, невозможно, т.к. латеральные резцы до настоящего момента в коллекции отсутствовали. Сравнение с центральным верхним резцом Чагырская 13 не дало однозначного результата, т.к. различия по размерам диаметров разнонаправленны.

Второй обнаруженный зуб – нижний правый премоляр, вероятнее всего P_3. Коронка имеет характерную для неандертальцев асимметричную форму, с расширением в дистальном отделе и наличием дистостилида. Бугорки жевательной поверхности стерты, но определяется наличие непрерывного трансверсального гребня, соединяющего лингвальный и вестибулярный бугорок. Другие морфологические признаки описать невозможно из-за стертости. Корень один, уплощенный, с отклонением верхушки корня вправо. Патологических изменений не зафиксировано. По морфологии и размерам данный зуб близок премоляру Чагырская 41.

В целом можно заключить, что каменные комплексы слоев 6а и 6в/1 сходны между собой по структуре и составу, однако значительно отличаются от уже известных коллекций Чагырской пещеры. Так, в коллекциях 2024 г. гораздо больше кортикальных сколов, в т.ч. тех, на которых оформлены орудия, больше доля кортикальных ударных площадок, больше доля бифасиальных орудий, которые часто определяются как кайльмессеры. В качестве возможных объяснений можно выдвинуть две гипотезы. Первая – об альтернативном сезоне обитания неандертальцев на Чагырской пещере, на которой предварительно фиксировалось обитание в конце теплого и начале холодного сезона. Вторая – о возможном катастрофическом процессе на реке Чарыш, который существенно изменил состав и размер гальки на ближайших к пещере пляжах. В любом случае, полевой сезон 2024 г. предоставил не только уникальные антропологические материалы, но и новые данные о жизнеобеспечивающих стратегиях поздних европейских неандертальцев на новых для них территориях.

Благодарности

Исследования выполнены в рамках проекта РНФ № 24-67-00033 «Европейские неандертальцы на Алтае: миграции, культурная и физическая адаптация».

Список литературы

Деревянко А.П. Кто такие чагырские неандертальцы? Возможность их расселения в Центральной Азии и Южной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2024. – Т. 52 (2). – С. 3–19.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 89–103.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4 (20). – С. 20–34.

References

Derevianko A.P. Who Were the Chagyrskaya Neanderthals? The Possibility of Their Dispersal Across Central Asia and Southern Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2024. Vol. 52. P. 3–19.

Derevianko A.P., Markin S.V., Shunkov M.V. The Sibiryachikha facies of the Middle Paleolithic of the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2013. No. 1. P. 89–103. (In Russ.).

Rybin E.P., Kolobova K.A. The Structure of the Lithic industries and the Functions of Paleolithic Sites in the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia,* 2004. Vol. 4 (20). P. 20–34. (In Russ.).

Колобова К.А. https://orcid.org/0000-0002-5757-3251
Березина Н.Я. https://orcid.org/0000-0001-5704-9153
Зубова А.В. https://orcid.org/0000-0002-7981-161X
Тюгашев И.Е. https://orcid.org/0000-0001-5885-1535
Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818
Колясникова А.С. https://orcid.org/0000-0002-6356-3738
Селецкий М.В. https://orcid.org/0000-0003-2581-8792
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092
Кожевникова Д.В. https://orcid.org/0000-0002-4655-7977
Колясникова А.С. https://orcid.org/0000-0003-2278-5948
Папин А.Д. https://orcid.org/0000-0002-7287-5928
Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Харевич А.В. https://orcid.org/0000-0002-2267-2452

Дата сдачи рукописи: 28.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0131-0137
УДК 902/904

А.С. Колясникова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kns0471@gmail.com

Методы исследования следов разделки на палеофаунистических остатках

Одними из самых распространенных и надежных свидетельств потребления животной пищи древними людьми являются антропогенные модификации на костях. Среди них наиболее распространенная и поддающаяся систематическому анализу категория следов – порезы. Их наличие на костях позволяет достоверно определить промысловые виды, добывавшиеся древними охотниками. Помимо определения объектов охоты, детальное изучение операций по забою и связанных с ними следов дает возможность изучить особенности эксплуатации животных ресурсов определенными популяциями. В отечественной научной литературе зооархеологические исследования становятся все более распространенными, однако в них подробно не рассматриваются следы разделки на костях, несмотря на их высокую информативность, часто упоминается лишь наличие следов без детального анализа. В настоящей работе рассмотрены и проанализированы наиболее важные тенденции и достижения в исследовательской литературе, касающиеся порезов на костях из археологических комплексов, с целью обозначить возможности разработанных на сегодняшний день методов, а также привлечь внимание отечественных исследователей к этой категории следов при работе с палеофаунистическим материалом. Среди многочисленных подходов в изучении порезов можно выделить два независимых друг от друга направления. В первом из них основное внимание уделяется функциональности порезов согласно их расположению на костях и наклону. Этот подход дает возможность определить основные закономерности пищевой и хозяйственной активности отдельных охотничьих сообществ, включая способ приготовления мяса, получение шкуры, сухожилий. Второе направление основано на изучении морфометрических признаков порезов. Появление новых технологий исследований сегодня дает возможность получать высококачественные изображения и трехмерные модели следов разделки в высоком разрешении, что позволяет достоверно определить происхождение пореза и дифференцировать его от следов вытаптывания, а также определить сырье, тип и наклон орудия, используемого при разделке.

Ключевые слова: *зооархеология, порезы на костях, следы разделки, трехмерное моделирование.*

A.S. Koliasnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: kns0471@gmail.com

Methods of Studying Cut Marks on Paleofaunistic Remains

The most common and reliable evidence of animal consumption by the ancient humans are anthropogenic modifications on bones. Cut marks are the most suitable category for systematic analysis. Their presence on bones makes it possible to reliably establish the species hunted by the ancient hunters. In addition to determining the objects of hunting, a detailed study of modifications on bones resulting from butchery indicates specific features of using the prey by ancient populations. Although zooarchaeological studies have become increasingly common in Russian scholarly literature, they usually do not provide a detailed analysis of cut marks, but only the fact of their presence. This article overviews and analyses the most important trends and achievements in the literature concerning cut marks from archaeological sites, intending to assess the capacities of methods developed to date. Two independent approaches can be distinguished in research of cuts. First approach focuses on functionality of cut marks according to their location on bones and their inclination, and makes it possible to identify energy use and economic activities of the ancient hunting communities, including the methods for treating meat, skins, and tendons. Second approach focuses on studying the morphometric features of those modifications. The emergence of new technologies enables today's scholars to obtain high-quality images and high-resolution 3D models, allowing them to reliably determine the structure of the cut, differentiate it from the trace of trampling, and identify the sources, type, and inclination of the tool used in butchering.

Keywords: *zooarchaeology, cut marks, butchery traces, 3D modeling.*

Введение

Зооархеологические исследования играют важную роль в реконструкции моделей взаимодействия между древними охотниками-собирателями и животными и охватывают все этапы, начиная с охоты и разделки добычи, заканчивая использованием животных материалов для изготовления орудий. Одними из самых надежных свидетельств потребления животной пищи древними людьми являются антропогенные следы на костях животных, остающиеся в результате прямого контакта орудия и кости, – порезы. Это длинные тонкие следы, зачастую расположенные небольшими группами на разных участках поверхности кости и имеющие V-образную форму в профиль. Они являются результатом движения заостренной кромки орудия из твердого материала по кости в процессе обработки туши животного. Наличие порезов на костях позволяет достоверно определить промысловые виды животных.

Уже в XIX в. некоторые авторы при изучении палеофаунистических коллекций начали уделять внимание повреждениям на ископаемых костях [Tournal, 1833; Lartet, 1860]. Методология исследования модификаций на костях начала активно разрабатываться с середины XX в. с появлением тафономии как новой научной дисциплины, которая активно интегрировалась в археологические исследования, сосредоточив внимание специалистов на вопросе о происхождении основных типов повреждений на поверхности кости [Ефремов, 1940]. Исследования порезов на костях вышли на качественно новый уровень после публикации зооархеологических работ Л.Р. Бинфорда [Binford, 1981] и П. Шипман [Shipman, 1981] и после развивались в разных направлениях. Методы работы с порезами разрабатывались и широко применялись исследователями за рубежом [Binford, 1981; Willis, Boehm, 2014; Soulier, Costamagno, 2017; Soulier, 2021]. В отечественной научной литературе зооархеологические исследования становятся более распространенными [Барышников, 2022], однако в них редко рассматриваются основные характеристики следов разделки на костях. Несмотря на высокую информативность этих характеристик, часто упоминается лишь наличие следов без детального анализа. В настоящей работе рассмотрены и проанализированы основные исследовательские подходы при изучении порезов на костях с целью привлечения внимания отечественных исследователей к этой категории следов при работе с палеофаунистическим материалом.

Анализ распределения и наклона порезов

Среди многочисленных исследований порезов можно выделить два независимых друг от друга направления. В первом из них основное внимание уделяется функциональности порезов по их расположению. Л.Р. Бинфорд установил четкую причинно-следственную связь между расположением и ориентацией порезов и конкретными этапами разделки (снятие шкуры, срезание мяса, сухожилий и отделение суставов) [Binford, 1981]. Изучив способы разделки животных у нунамиутов, Л.Р. Бинфорд [Ibid.] создал схемы анатомического распределения порезов для разных типов трудовых операций, впоследствии эти схемы были дополнены и скорректированы другими авторами [Nilssen, 2000; Soulier, Costamagno, 2017]. Определение этапов разделки с помощью таких схем возможно при условии, что кость или фрагмент кости с порезами анатомически определены и точно позиционированы на скелете животного. В большинстве случаев разделка туши следует универсальной модели, согласно которой сначала осуществляется снятие шкуры и потрошение, после чего происходит деление скелета на части и срезание мяса. У разных сообществ охотников-собирателей эта модель может различаться в зависимости от их потребностей, условий охоты, навыков. На способы разделки может оказывать влияние поиск определенных питательных/технических элементов, разный тип потребления (потребление свежего мяса или его подготовка к хранению). Например, в Южной Африке бушмены могут не разъединять кости добычи, так как отбирают наиболее длинные куски мяса для приготовления билтонга (сушеное мясо) [Nilssen, 2000]. В зависимости от того, планировалось ли использование шкуры или нет, первые надрезы могут иметь разную локализацию на туше. Нунамиуты делали круговой разрез в области предплечья и голени добычи, когда шкура не нужна, а при необходимости сохранения большей части туши разрез производят в области плюсневой и пястной костей с целью сохранения целостности наибольшего участка шкуры [Binford, 1981].

С помощью анализа распределения и наклона порезов от снятия мяса, расположенных преимущественно на длинных трубчатых костях, возможно определение некоторых аспектов пищевой активности отдельных охотничьих сообществ. Исследователи, основываясь на этнографических данных, выяснили, что по расположению и частоте порезов на костях животных можно определить способы приготовления мяса [Soulier, Morin, 2016; Abe, 2005]. Например, при снятии легко отделяемого вареного мяса на костях остается меньше порезов, чем при снятии сырого мяса [Abe, 2005]. Однако даже при наличии такой закономерности из-за сильной фрагментации костей, характерной для коллекций археологических памятников палеолита, сложно оценить частоту распределения порезов, многие из которых присутствуют на неопределимых фрагментах. М.С. Сулье проанализировала порезы с костей, собранных Льюисом Бинфордом на восьми стоянках нунамиутов на Аляске, и пришла к выводу, что опыт и навыки мясника не влияют на количество следов, но выявила связь между накло-

ном порезов и методом приготовления мяса [Soulier, 2021]. Способ приготовления мяса северного оленя менялся на стоянках в зависимости от сезона и места – мясо или сразу употреблялось в пищу в теплое время, или высушивалось/замораживалось для хранения перед холодным сезоном. При разделке туши оленя с последующей сушкой мяса на осенних стоянках, на костях оставалось большое количество продольных надрезов, что автор связала со стремлением к получению более длинных кусков мяса. Значительно меньше продольных и больше наклонных или поперечных следов оставалось при разделке животного с целью немедленного употребления мяса в пищу на летних стоянках. Эти результаты имеют большой потенциал для археологических интерпретаций при изучении процессов обработки мяса древним человеком. В качестве эффективного и простого способа сравнения наклона порезов в разных коллекциях М.С. Сулье предложила индекс %cutL – доля костей, на которых присутствует хотя бы один продольный порез, из всех обломков длинных трубчатых костей с порезами. В результате анализа порезов на костях копытных из 27 комплексов среднего и верхнего палеолита на юго-западе Франции удалось определить, что в верхнем палеолите происходили изменения наклона и распределения порезов, однако причины этого факта еще достоверно не установлены [Soulier, Morin, 2016]. Изучение способов приготовления и консервации мяса в палеолите может дать новые данные о когнитивной эволюции древних гоминин, определив их способность к логистической организации и планированию трудовой деятельности.

Анализ морфометрических характеристик порезов

Второе направление исследований порезов основано на идентификации и характеристике их морфометрических признаков. Оно получило развитие с начала XXI в. с появлением новых технических устройств, позволяющих получать высококачественные макроизображения. В ширину и глубину порезы редко превышают 1,5 мм, поэтому их метрические или морфологические характеристики недоступны невооруженному глазу.

Важным аспектом исследования порезов является их достоверное определение и дифференциация от других, внешне схожих, повреждений, например, следов вытаптывания, которые появляются в результате трения кости об острые края камней на поверхности земли или уже после попадания в археологический слой. Согласно результатам экспериментальных исследований, следы вытаптывания менее глубокие, имеют более широкое дно и четкую границу между ним и стенками, чем порезы [Domínguez-Rodrigo et al., 2009].

Множество исследований было сосредоточено на определении типов инструментов или сырья, используемых при разделке. Они показали, что довольно легко отличить следы, оставленные металлическим лезвием, от тех, что получились от каменных орудий, это обусловлено очевидными различиями в форме режущего края [Greenfield, 1999; Maté-González et al., 2018]. Порезы от инструментов из разного каменного сырья сложнее отличить друг от друга. Тип каменного сырья и размер орудия влияют на размер следов, что было установлено на примере пропилов на зубе сурка [Колобова и др., 2021]. Морфология порезов обусловлена остротой режущего края, и следы могут менять форму по мере износа каменного орудия в процессе использования, становясь более широкими, если орудие долго не подновлялось [Braun, Pante, Archer, 2016]. Ключевой характеристикой каменного сырья, влияющей на форму и размер пореза, является степень зернистости [Greenfield, 1999; Maté-González et al., 2018]. Из крупнозернистого сырья получаются более грубые и широкие инструменты, чем из мелкозернистых пород, соответственно, следы от таких орудий будут шире, глубже и более неровными, чем, например, от орудий из обсидиана или кремня [Walker, Long, 1977; Greenfield, 1999]. Эксперименты показали, что отличить порезы орудиями из разного каменного сырья возможно при условии, что орудия одинакового размера [Greenfield, 1999], что делает определение сырья для большинства археологических образцов каменного века практически невозможным. На форму пореза также оказывает влияние тип каменного инструмента: немодифицированные лезвия оставляют более глубокие V-образные следы с ровными краями, в то время как порезы от орудий с ретушью имеют смещенный центр и неровные края с микроцарапинами вдоль стенок следа [Ibid.]. При разделке орудие может удерживаться мастером в руке под разным углом в зависимости от производимой операции, что тоже влияет на форму порезов. Согласно экспериментальным данным, порезы, нанесенные под прямым углом, более глубокие и имеют более острый угол раскрытия, чем нанесенные под острым углом [Courtney et al., 2018; Колясникова и др., 2023].

Применение цифровых методов исследования

Для морфологического анализа порезов долгое время использовалась оптическая микроскопия, но появление новых технологических возможностей подняло исследования порезов на качественно новый уровень. В последние десятилетия для изучения порезов был успешно применен метод геометрической морфометрии, модели для которого можно получить с помощью микрофотограмметрии [Maté-González et al., 2018], сканера структурированного света [Courtenay et al., 2018] или промышленного профилометра [Pante et al., 2017; Колясникова и др.,

2023]. Разнообразие геометрико-морфометрических подходов, применяемых к изучению следов порезов, привело к сосуществованию и конкуренции 2D- и 3D-методов [Courtenay et al., 2018; Шалагина и др., 2020], однако сопоставление их результатов на одной экспериментальной выборке порезов показало, что оба подхода одинаково эффективны и использование сложных 3D-методов не способствует повышению точности [Courtenay et al., 2018]. Для 2D геометрико-морфометрического анализа порезов необходимы изображения профиля следа, которые могут быть получены с помощью профилометра, 3D-микроскопа или 3D-сканера. Двухмерные изображения профилей на разных участках следа позволяют собрать нужную для метрического (рис. 1) и геометрико-морфометрического анализа информацию (рис. 2).

Геометрико-морфометрический анализ в большинстве исследований проводился для экспериментальных порезов с определением отдельных факторов формирования следов, например сырья, формы лезвия, наклона орудия [Courtenay et al., 2018; Колясникова и др., 2023]. Однако применение полученных результатов к археологическим данным проблематично, т.к. в культурном слое кости подвергаются различным тафономическим изменениям, влияющим на сохранность поверхности костей, соответственно, и следов на ней. А. Пинеда и соавторы в результате эксперимента, в котором свежие кости с порезами подвергались абразивному воздействию смеси воды, песка и гравия в течение четырех часов, и применения геометрико-морфометрического анализа для сравнения формы полученных порезов доказали, что следы значительно меняют форму после такой модификации [Pineda et al., 2023]. Этот результат указывает на ограниченность идентификации и морфометрического анализа порезов в археологических контекстах, где поверхность костей подвергалась значительному воздействию тафономических факторов, что может привести исследователя к ложным выводам. Морфометрический анализ археологических порезов, следовательно, будет наиболее достоверным, если работать с выборкой костей с минимальными тафономическими повреждениями поверхности.

Выводы

На ранних этапах исследования порезов внимание специалистов было сосредоточено на соотнесении следов с определенной операцией и создании схем-определителей порезов по их расположению и наклону [Binford, 1981; Nilssen, 2000]. Это позволило не только определить разные этапы разделки, но и в дальнейшем выйти на более высокий уровень научной интерпретации, установив связь между наклоном порезов и способом заготовки мяса [Soulier, 2021]. Такой подход дал возможность определить основные закономерности пищевой и хозяйственной активности отдельных охотничьих сообществ, включая способ приготовления мяса, получение шкуры, сухожилий. Второй подход, в котором внимание уделяется преимущественно форме и размеру следов, имеет высокий потенциал в реконструкции процесса разделки добычи древних гоминин. В первую очередь благодаря многочисленным экспериментальным работам стало возможным отличить порезы от следов вытаптывания, что позволяет повысить точность определения этих следов и снизить риск неверных выводов. Экспериментально установленное влияние на порез таких

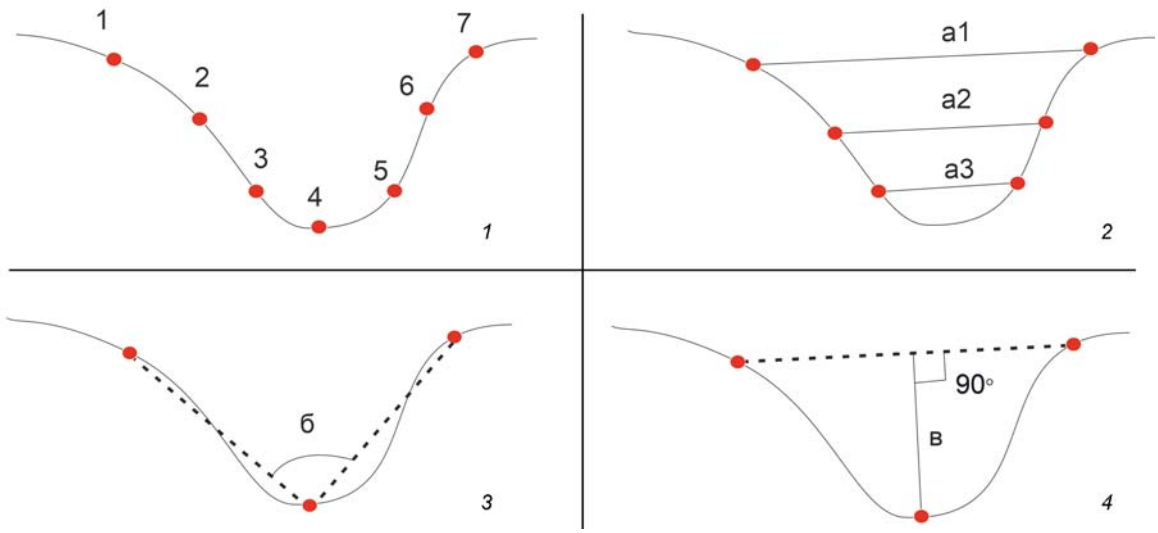

Рис. 1. Примеры расстановки меток для 2D геометрико-морфометрического (*1*) (по: [Courtenay et al., 2018]) и морфометрического анализа (*2–4*) (по: [Bello, Soligo, 2008]).

1 – расстановка меток на порезе для геометрико-морфологического анализа; *2* – измерение ширины пореза; *3* – измерение угла раскрытия; *4* – измерение глубины пореза.

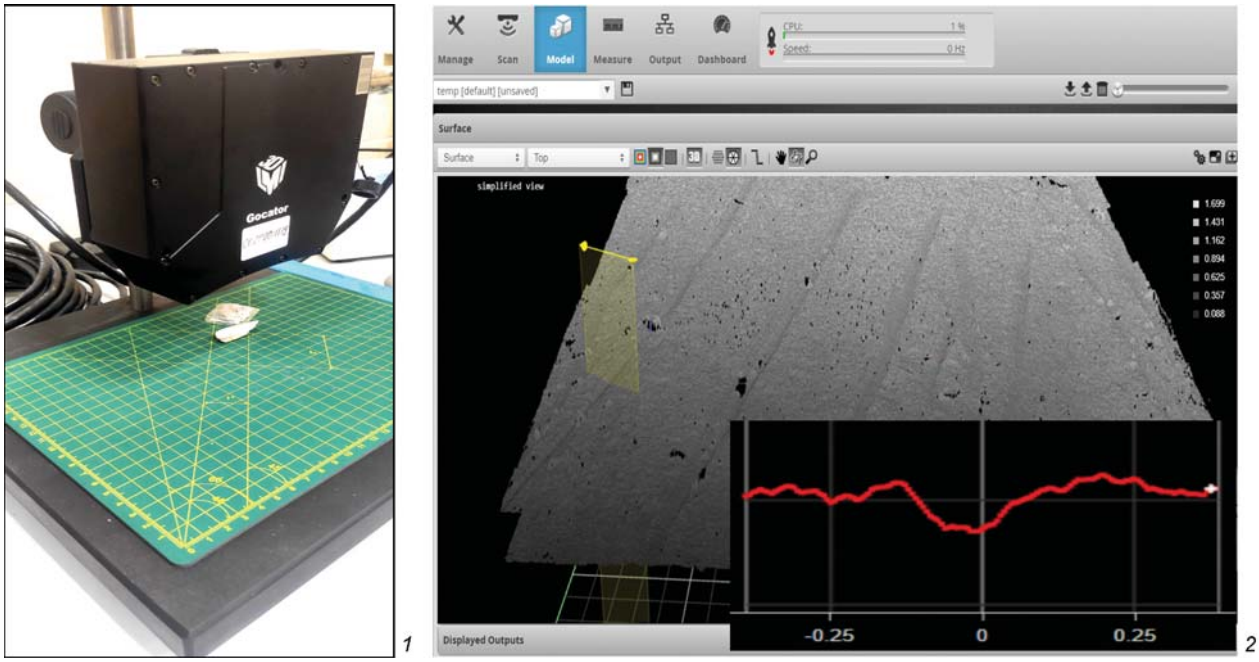

Рис. 2. Получение изображения профиля пореза на кости с помощью промышленного профилометра Gocator 3504.
1 – сканирование поверхности кости; *2* – определение сечения пореза на 3D-модели и создание его двухмерного изображения.

факторов, как сырье, форма и наклон орудия является важнейшим шагом на пути к определению закономерностей формирования таких следов. Несмотря на разнообразие методов изучения порезов с применением современных технологий, за редкими исключениями [Bello, De Groote, Delbarre, 2013] полученные данные не часто применяются к археологическим материалам и в основном работы посвящены анализу экспериментальных образцов. Таким образом, в настоящий момент в зооархеологических исследованиях остаются вопросы о воспроизводимости результатов других исследователей в силу наличия разного каменного сырья и различных видов животных, а также о применении экспериментальных результатов к археологическим данным. Еще одной проблемой, с которой сталкивается специалист при изучении порезов, становится отсутствие единой общепринятой методики, при этом несомненным плюсом является разнообразие методов и возможность их выбора в соответствии с поставленной целью исследования. На сегодняшний день в условиях активного развития цифровых технологий по-прежнему ведется поиск наиболее подходящего оборудования для работы со следами разделки и методов их цифровизации.

Благодарности

Автор выражает благодарность д-ру ист. наук, профессору РАН К.А. Колобовой за помощь при подготовке текста статьи. Исследование подготовлено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0009 «Цифровизация процессов изучения древнейшей и древней истории Евразии».

Список литературы

Барышников Г.Ф. Фауна палеолитической стоянки Ильская на Северном Кавказе, Россия // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. – 2022. – № 2. – С. 5–52.

Ефремов И.А. Тафономия – новая отрасль палеонтологии // Изв. АН СССР. Сер. биологическая. – 1940. – № 3. – С. 405–413.

Колобова К.А., Зоткина Л.В., Маркин С.В., Васильев С.К., Чистяков П.В., Бочарова Е.Н., Харевич А.В. Комплексное изучение персонального украшения из резца сурка в раннеголоценовом комплексе пещеры Каминная (Российский Алтай) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2021. – № 1. – С. 319–335.

Колясникова А.С., Колобова К.А., Чистяков П.В., Жико А. Порезы на костях: влияние наклона и типа каменного орудия на морфометрические характеристики // Camera praehistorica. – 2023. – № 2 (11). – С. 40–55.

Шалагина А.В., Колобова К.А., Чистяков П.В., Кривошапкин А.И. Применение трехмерного геометрико-морфометрического анализа для изучения артефактов каменного века // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2020. – № 1. – С. 343–358.

Abe Y. Hunting and butchering patterns of the evenki in the Northern Transbaikalia Russia: PhD thesis. – Stony Brook University, 2005. – 555 p.

Bello S.M., De Groote I., Delbarre G. Application of 3-dimensional microscopy and micro-CT scanning to the analysis of Magdalenian portable art on bone and antler // J. of Archaeol. Sci. – 2013. – Vol. 40, N 5. – P. 2464–2476.

Bello S.M., Soligo C. A new method for the quantitative analysis of cutmark micromorphology // J. of Archaeol. Sci. – 2008. – Vol. 35, N 6. – P. 1542–1552.

Binford L.R. Bones: ancient men, modern myths. – N. Y.: Academic press, 1981. – 322 p.

Braun D.R., Pante M., Archer W. Cut marks on bone surfaces: influences on variation in the form of traces of ancient behavior // Interface focus. – 2016. – Vol. 6, N 3. – P. 1–6.

Courtenay l.A., Maté-González M.Á., Aramendi J., Yravedra J., González-Aguilera D., Domínguez-Rodrigo M. Testing accuracy in 2D and 3D geometric morpho-metric methods for cut mark identification and classification // PeerJ. – 2018. – Vol. 6. – e5133.

Domínguez-Rodrigo M., de Juana S., Galan A.B., Rodriguez M. A new protocol to differentiate trampling marks from butchery cut marks // J. Archaeol. Sci. – 2009. – Vol. 36. – P. 2643–2654.

Greenfield H.J. The origins of metallurgy: distinguishing stone from metal cut-marks on bones from archaeological sites // J. Archaeol. Sci. – 1999. – Vol. 26, N 7. – P. 797–808.

Lartet M.E. On the coexistence of man with certain extinct quadrupeds, proved by fossil bones, from various Pleistocene deposits, bearing incisions made by sharp instruments // Quarterly J. of the Geological Society. – 1860. – Vol. 16, N 1–2. – P. 471–479.

Maté-González M.Á., Palomeque-González J.F., Yravedra J., González-Aguilera D., Domínguez-Rodrigo M. Micro-photogrammetric and morphometric differentiation of cut marks on bones using metal knives, quartzite, and flint flakes // Archaeol. and Anthropol. Sci. – 2018. – Vol. 10, N 4. – P. 805–816.

Nilssen P.J. An Actualistic Butchery Study in South Africa and its Implications for Reconstructing Hominid Strategies of Carcass Acquisition and Butchery in the Upper Pleistocene and Plio-pleistocene: PhD dissertation. – University of Cape Town, 2000. – 685 p.

Pante M.C., Muttart M.V., Keevil T.L., Blumenschine R.J., Njau J.K., Merritt S.R. A new high-resolution 3-D quantitative method for identifying bone surface modifications with implications for the Early Stone Age archaeological record // J. of Hum. Evol. – 2017. – Vol. 102. – P. 1–11.

Pineda A., Courtenay L.A., Téllez E., Yravedra J. An experimental approach to the analysis of altered cut marks in archaeological contexts from Geometrics Morphometrics // J. of Archaeol. Sci.: Reports. – 2023. – Vol. 48. – 103850.

Shipman P. Applications of scanning electron microscopy to taphonomic problems // Annals of the New York Academy of Sciences. – 1981. – Vol. 376, N 1. – P. 357–385.

Soulier M.C. Exploring meat processing in the past: Insights from the Nunamiut people // PLoS ONE. – 2021. – Vol. 16, N 1. – e0245213.

Soulier M.C., Costamagno S. Let the cutmarks speak! Experimental butchery to reconstruct carcass processing // J. of Archaeol. Sci.: Reports. – 2017. – Vol. 11. – P. 782–802.

Soulier M.C., Morin E. Cutmark data and their implications for the planning depth of Late Pleistocene societies // J. of Hum. Evol. – 2016. – Vol. 97. – P. 37–57.

Tournal M. General considerations on the phenomenon of bone averns // Ann. Himie Phys. – 1833. – Vol. 25. – P. 161–171.

Walker P.L., Long J.C. An experimental study of the morphological characteristics of tool marks // American Antiquity. – 1977. – Vol. 42, N 4. – P. 605–616.

Willis L.M., Boehm A.R. Fish bones, cut marks, and burial: implications for taphonomy and faunal analysis // J. of Archaeol. Sci. – 2014. – Vol. 45. – P. 20–25.

References

Abe Y. Hunting and butchering patterns of the evenki in the Northern Transbaikalia Russia: PhD thesis. Stony Brook University, 2005. 555 p.

Baryshnikov G.F. Fauna of the Paleolithic site of Ilskaya in the Northern Caucasus, Russia. *Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies*, 2022. No. 2. P. 5–52. (In Russ.).

Bello S.M., De Groote I., Delbarre G. Application of 3-dimensional microscopy and micro-CT scanning to the analysis of Magdalenian portable art on bone and antler. *Journal of Archaeological Science*, 2013. Vol. 40, No. 5. P. 2464–2476.

Bello S.M., Soligo C. A new method for the quantitative analysis of cutmark micromorphology. *Journal of Archaeological Science*, 2008. Vol. 35, No. 6. P. 1542–1552.

Binford L.R. Bones: ancient men, modern myths. N. Y.: Academic press, 1981. 322 p.

Braun D.R., Pante M., Archer W. Cut marks on bone surfaces: influences on variation in the form of traces of ancient behaviour. *Interface focus*, 2016. Vol. 6, No. 3. P. 1–6.

Courtenay l.A., Maté-González M.Á., Aramendi J., Yravedra J., González-Aguilera D., Domínguez-Rodrigo M. Testing accuracy in 2D and 3D geometric morpho-metric methods for cut mark identification and classification. *PeerJ*, 2018. Vol. 6. e5133.

Domínguez-Rodrigo M., de Juana S., Galan A.B., Rodriguez M. A new protocol to differentiate trampling marks from butchery cut marks. *Journal of Archaeological Science*, 2009. Vol. 36. P. 2643–2654.

Efremov I.A. Tafonomiya – novaya otrasl' paleontologii. *Izvestiya AN SSSR. Seriya biologicheskaya*, 1940. No. 3. P. 405–413. (In Russ.).

Greenfield H.J. The origins of metallurgy: distinguishing stone from metal cut-marks on bones from archaeological sites. *Journal of Archaeological Science*, 1999. Vol. 26, No. 7. P. 797–808.

Koliasnikova A.S., Kolobova K.A., Chistiakov P.V., Gicqueau A. Bone cuts-marks: the effect of inclination and lithic tool type on morphometric characteristics. Camera praehistorica, 2023. No. 2 (11). P. 40–55. (In Russ.).

Kolobova K.A., Zotkina L.V., Markin S.V., Vasiliev S.K., Chistyakov P.V., Bocharova E.N., Kharevich A.V. Complex Study of a Personal Ornament Made on a Marmot Incisor from the Early Holocene Complex of Kaminnaya Cave (Russian Altai). *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*, 2021. No. 1. P. 319–335. (In Russ.).

Lartet M.E. On the coexistence of man with certain extinct quadrupeds, proved by fossil bones, from various Pleistocene deposits, bearing incisions made by sharp instruments. *Quarterly Journal of the Geological Society*, 1860. Iss. 16, No. 1–2. – P. 471–479.

Maté-González M.Á., Palomeque-González J.F., Yravedra J., González-Aguilera D., Domínguez-Rodrigo M. Micro-photogrammetric and morphometric differentiation of cut marks on bones using metal knives, quartzite, and flint flakes. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2018. Vol. 10, No 4. P. 805–816.

Nilssen P.J. An Actualistic Butchery Study in South Africa and its Implications for Reconstructing Hominid Strategies of Carcass Acquisition and Butchery in the Upper Pleistocene and Plio-pleistocene: PhD dissertation. University of Cape Town, 2000. 685 p.

Pante M.C., Muttart M.V., Keevil T.L., Blumenschine R.J., Njau J.K., Merritt S.R. A new high-resolution 3-D quantitative method for identifying bone surface modifications with implications for the Early Stone Age archaeological record. *Journal of Human Evolution*, 2017. Vol. 102. P. 1–11.

Pineda A., Courtenay L.A., Téllez E., Yravedra J. An experimental approach to the analysis of altered cut marks in archaeological contexts from Geometrics Morphometrics. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2023. Vol. 48. 103850.

Shalagina A.V., Kolobova K.A., Chistyakov P.V., Krivoshapkin A.I. Application of 3D Geometric Morphometric Analysis to the Study of Stone Age Lithic Artifacts. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*, 2020. No. 1. P. 343–358. (In Russ.).

Shipman P. Applications of scanning electron microscopy to taphonomic problems. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1981. Vol. 376, No. 1. P. 357–385.

Soulier M.C. Exploring meat processing in the past: Insights from the Nunamiut people. *PloS ONE*, 2021. Vol. 16, No. 1. e0245213.

Soulier M.C., Costamagno S. Let the cutmarks seak! Experimental butchery to reconstruct carcass processing. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2017. Vol. 11. P. 782–802.

Soulier M.C., Morin E. Cutmark data and their implications for the planning depth of Late Pleistocene societies. *Journal of Human Evolution*, 2016. Vol. 97. P. 37–57.

Tournal M. General considerations on the phenomenon of bone averns. *Ann. Himie Phys*., 1833. Iss. 25. P. 161–171.

Walker P.L., Long J.C. An experimental study of the morphological characteristics of tool marks. *American Antiquity*, 1977. Vol. 42, No. 4. P. 605–616.

Willis L.M., Boehm A.R. Fish bones, cut marks, and burial: implications for taphonomy and faunal analysis. *Journal of Archaeological Science*, 2014. Vol. 45. P. 20–25.

Колясникова А.С. https://orcid.org/0000-0002-6356-3738

Дата сдачи рукописи: 01.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0138-0142
УДК 569

А.С. Колясникова [1]✉, С.К. Васильев[1], А.В. Кочнев[2], А.В. Харевич[1], К.А. Колобова[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
E-mail: kns0471@gmail.com

Фаунистические остатки из плейстоценовых отложений Чагырской пещеры (материалы 2024 года)

Чагырская пещера находится в Северо-Западном Алтае на р. Чарыш и является ключевым памятником сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая. В статье приводятся результаты исследования новых фаунистических материалов из Чагырской пещеры. В полевом сезоне 2024 г. было добыто более 13,7 тыс. костных остатков из плейстоценовых слоев 6а и 6в/1. Доля костных остатков с антропогенными следами, преимущественно на костях бизона, в слое 6в/1 гораздо выше, чем в слое 6а. В период аккумуляции слоя 6в/1 в пещере селились группы неандертальцев, специализировавшихся на охоте на мигрирующие по долине Чарыша стада бизонов. Несмотря на их охотничью специализацию, неандертальцы Чагырской пещеры охотились также и на других представителей мегафауны, например лошадь, горного козла и архара, о чем свидетельствует наличие следов разделки на их костях. Также впервые для данной стоянки обнаружены следы порезов на кости птицы, ставшей добычей неандертальцев. В слое 6а отмечены большая активность хищников и меньше следов человека, чем в слое 6в/1. Основываясь на количественном распределении остатков фоновых видов мегафауны по слоям и тафономическим особенностям костных остатков, мы делаем вывод, что нижняя часть слоя 6а была частично перемешана с отложениями кровли слоя 6в/1. Об этом свидетельствуют, в частности, наличие костей со следами пищевой и орудийной активности неандертальцев в слое 6а и высокая доля костей бизона без следов пищевой активности хищников. Количество остатков хищников в слоях 6а и 6в/1 примерно одинаково (18,8 и 21,5 %). На протяжении большей части времени формирования тафоценоза Чагырской пещеры в ней периодически обитали такие хищники, как лисицы, серые и красные волки, а также кланы пещерных гиен.

Ключевые слова: *Чагырская пещера, плейстоцен, мегафауна, костные остатки, средний палеолит.*

A.S. Kolyasnikova [1]✉, S.K. Vasiliev[1], A.V. Kochnev[2], A.V. Kharevich[1], K.A. Kolobova[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]B.N. Yeltsin Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia
E-mail: kns0471@gmail.com

Faunal Remains from the Pleistocene Deposits in the Chagyrskaya Cave (Evidence of 2024)

The Chagyrskaya cave is located in the Northwestern Altai on the Charysh River. It is a key site of the Sibiryachikha phase of the Middle Paleolithic in the Altai. This article presents new faunal evidence from the site. In the field season of 2024, over 13,700 animal remains were extracted from Pleistocene layers 6a and 6c/1. Compared to layer 6a, layer 6c/1 contained a higher share of bone remains with anthropogenic modifications, mostly observed on bison remains. During accumulation of layer 6c/1, the cave was inhabited by the groups of Neanderthals specialized in hunting bison herds which migrated along the Charysh River valley. Despite this hunting specialization, the Neanderthals of the Chagyrskaya cave also hunted other mammals, such as horses, mountain goats, and argali, as evidenced by butchering traces on the bones. For the first time at this site, cuts were found on a bird bone. Layer 6a revealed greater predator activity and fewer human traces than layer 6c/1. It may be concluded from the distribution of the main taxa in accordance with layers and their state of preservation that the lower part of layer 6a was partially mixed with deposits

of layer 6c/1. This is confirmed by presence of bones with traces of consumption by the Neanderthals and tool marks in layer 6a as well as high share of bison bones without traces of predator activities in layer 6a. The amount of carnivore remains in layers 6a and 6c/1 was approximately the same (18.8 and 21.5%). Most of the time the Chagyrskaya cave was inhabited by foxes, gray and red wolves, and clans of cave hyenas.

Keywords: *Chagyrskaya cave, Pleistocene, megafauna, bone remains, Middle Paleolithic.*

Чагырская пещера расположена в Северо-Западном Алтае на р. Чарыш и является ключевым памятником сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая. Раскопки Чагырской пещеры в 2007–2015 гг. дали 206,5 тыс. костных остатков, из числа которых почти 6,5 тыс. оказались определимыми [Междисциплинарные исследования..., 2018]. Небольшие по объему раскопки 2024 г. принесли менее представительный материал, насчитывающий более 13,7 тыс. костных остатков, из которых 419 удалось определить до вида или же класса (см. *таблицу*). Доля определимых костных остатков в слоях 6а и 6в/1 примерно одинакова (3,0 и 2,6 %). В слоях 6а и 6в/1 фрагменты костей размерного класса 1–2 см составляют 4 и 10 %, 2–5 см – 88,8 и 69,4 %, 5–10 см – 6,9 и 20,3 % и фрагменты крупнее 10 см – 0,25 и 0,34 % соответственно. Степень раздробленности костных остатков в слое 6в/1 заметно меньше, особенно для категории крупноразмерных фрагментов (5–10 см), удельный вес которых здесь почти в 3 раза больше, чем в слое 6а.

Тафономический анализ был проведен для костей, относящихся к именным находкам (всего 780 экз., из них 253 экз. из слоя 6а и 527 экз. из слоя 6в/1). Кости, прошедшие через промывку рыхлых отложений, не учитывались, т.к. высока вероятность повреждений их поверхности в процессе промывки. Большинство костных остатков (более 50 %) из обоих слоев имеют слабую и умеренную степени выветривания, соответствующие стадиям 1 и 2 по шкале Беренсмейер [Behrensmeyer, 1978], что указывает на их относительно быстрое захоронение в слое. Из следов хищников на костях зафиксированы погрызы в виде округлых лунок и борозд, а также следы кислотной коррозии, характерной для костей, подвергшихся воздействию желудочного сока (рис. 1). В слое 6а 51 %, а в слое 6в/1 44 % костей и зубов имеют следы пищевой активности хищников. Доля костей со следами коррозии выше в слое 6а, чем в 6в/1, следы погрызов встречаются в равных долях в обоих слоях. В слое 6а 14 %, а в 6в/1 35 % костей имеют антропогенные следы, большая доля которых относится к следам разделки, в их числе следы рубки, расщепления кости отбойником и порезы. Также в коллекции обнаружены костяные ретушеры, используемые для ретуширования и подновления каменных орудий (рис. 2, *1*, *2*). Следы разделки присутствуют преимущественно на костях бизона, в меньшей степени лошади, сибирского горного козла; четыре пореза обнаружены на тибиотарзусе птицы (рис. 2, *4*). Результат анализа антропогенных следов подтверждает ранее сделанный вывод о том, что неандертальцы Чагырской пещеры охотились преимущественно на бизона и реже на других млекопитающих

Видовой состав и количество костных остатков в отложениях пещеры Чагырская (раскопки 2024 года)

Таксоны	Слои		
	6а	6 в/1	Итого
Asioscalops altaica	1	2	3
Lepus tanaiticus	19	2	21
Lepus tolai	3	1	4
Spermophilus sp.	–	3	3
Marmota baibacina	–	2	2
M. myospalax	9	14	23
Canis lupus	5	16	21
Vulpes vulpes	9	22	31
Vulpes corsak	5	2	7
Ursus arctos	2	–	2
Martes zibellina	1	–	1
C. crocuta spelaea	13	7	20
Mammuthus primigenius	2	7	9
Equus ovodovi	11	14	25
E. ovodovi / ferus	2	8	10
Coelodonta antiquitatis	1	2	3
Cervus elaphus	–	2	2
Rangifer tarandus	3	6	9
Bison priscus	27	42	69
Saiga tatarica borealis	–	1	1
Saiga/Procapra	7	–	7
Capra sibirica	25	27	52
Ovis ammon	6	7	13
Capra/Ovis	6	28	34
Pisces	1	–	1
Aves	2	4	6
Неопределимые обломки	5 186	8 152	13 338
Всего костных остатков	5 346	8 371	13 717

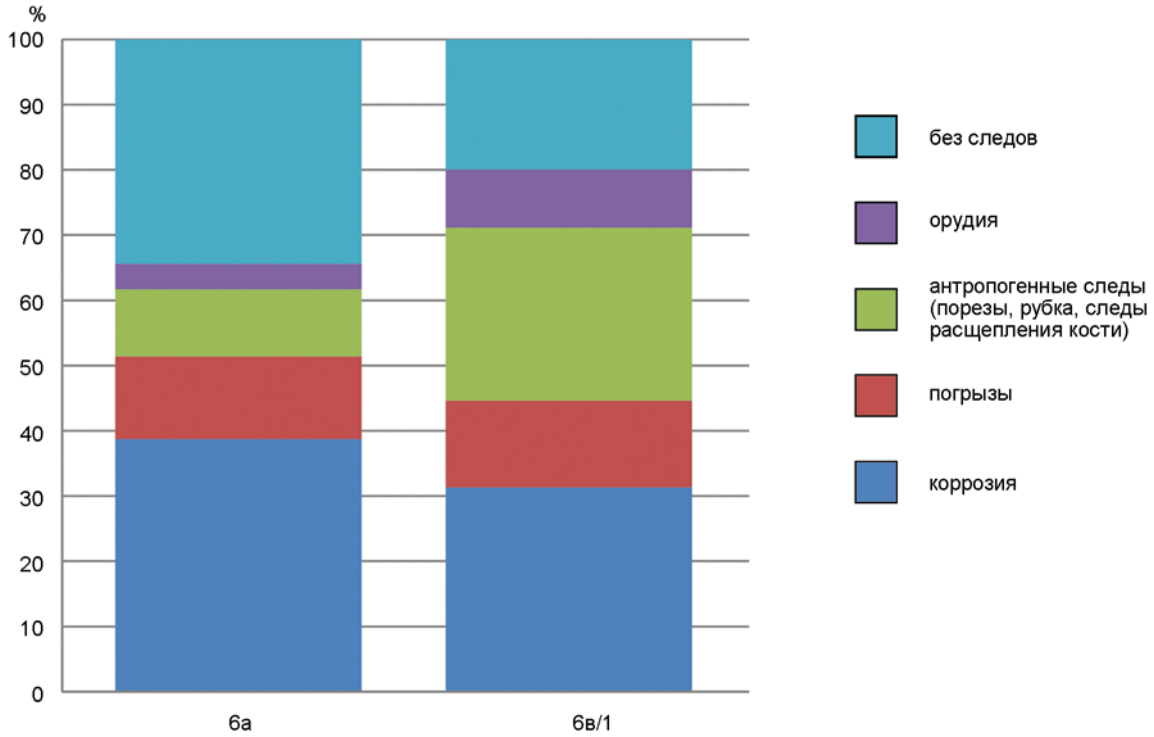

Рис. 1. Распределение следов активности человека и хищников на костях из Чагырской пещеры (раскопки 2024 г.).

Рис. 2. Следы активности человека и хищников на костях из Чагырской пещеры (раскопки 2024 г.).

1, *2* – костяные ретушеры; *3*, *4* – большеберцовая кость бизона и тибиотарзус птицы со следами порезов; *5* – нижний эпифиз метаподии *Capra/Ovis* со следами кислотной коррозии; *6* – фрагмент лопатки млекопитающего со следами погрызов хищников.

меньшего размерного класса [Междисциплинарные исследования..., 2018]. Также впервые на стоянке были обнаружены следы употребления в пищу неандертальцами птицы.

Насколько можно судить по представленности в коллекции 2024 г. остатков фоновых видов мегафауны и особенностям их сохранности, нижняя часть слоя 6а частично перемешана с отложениями кровли слоя 6в/1. Об этом свидетельствует, в частности, значительная доля костей бизона (16,9 % в слое 6а против 31,5 % в слое 6в/1), не отмеченных следами повреждений от погрызов или кислотной коррозии в желудках хищников и связанных, по всем признакам, с охотничьей деятельностью неандертальцев. Количество остатков хищников в слоях 6а и 6в/1 примерно одинаково (18,8 и 21,5 %).

На протяжении большей части времени формирования тафоценоза Чагырской пещеры здесь, сменяя друг друга, периодически обитали такие хищники, как лисицы, серые и красные волки, а также кланы пещерных гиен. Они использовали удобную карстовую полость в качестве убежища или логова для выведения потомства, приносили в пещеру и догрызали остатки своей добычи либо падали, собранной в ближайших окрестностях пещеры. В периоды аккумуляции слоев 6б, 6в в пещеру на относительно непродолжительное время заселялись группы неандертальцев, специализировавшихся в охоте на мигрирующие по долине Чарыша стада бизонов. Однако даже такие сезонные, кратковременные визиты, повторявшиеся, по-видимому, далеко не каждый год подряд, оставили в пещерных слоях огромное количество разбитых костей и изолированных зубов крупных млекопитающих, прежде всего остатков бизонов. Полностью утилизировать отходы жизнедеятельности неандертальцев не были в состоянии даже пещерные гиены, заселявшиеся в пещеру после ухода человека.

Из остеологических материалов 2024 г. заслуживают внимания остатки следующих представителей мегафауны.

Костные остатки серого волка, лисицы и корсака представлены в слое 6в/1 в большем количестве, чем в слое 6а (20,9 и 15,2 % соответственно). В основном они состоят из изолированных зубов (64,2 %) и костей дистальных отделов конечностей (18,9 %). Из слоя 6а происходит целая плечевая кость корсака.

От бурого медведя в слое 6а найдена идеальной сохранности целая 4-я плюсневая кость. Учитывая очень крупные размеры тела плейстоценовых *Ursus arctos* юга Западной Сибири, она принадлежала, скорее всего, самке. Длина кости 102,2 мм, ширина диафиза – 16,5 мм, ширина нижнего конца в надсуставных буграх – 21 мм. Для сравнения, у крупного позднеголоценового бурого медведя из пещеры Памятная в Хакасии аналогичные промеры составляют 86,1–97,39–107,8 мм; 11,9–14,57–16,2 мм и 15,1–19,13–21,3 мм (n = 23) [Васильев, Гребнев, 2009].

Соболь представлен единственным клыком нижней челюсти из слоя 6а.

Остатки пещерной гиены наиболее многочисленны в слое 6а, где они включают обломок верхней челюсти детеныша с 2 молочными зубами, 8 изолированных зубов (1 клык взрослой особи, 3 непрорезавшихся постоянных зуба и 4 молочных), 3 первые фаланги, одна из которых неполная, с погрызами, и целую третью фалангу. В слое 6в/1 найден также клык и резец взрослой особи, 3 самостоятельно выпавших молочных клыка, молочный зуб и дистальная часть третьей фаланги взрослой гиены. Совершенно очевидно, что Чагырская пещера эпизодически использовалась кланами пещерных гиен в качестве логова для выведения потомства.

Мамонт в слое 6а представлен 2 обломками зуба второй смены (pd 3), один из которых со следами кислотной коррозии. В слое 6в/1 также найдено 5 обломков пластинок зубов этой же смены (2 из них – с коррозией), а также тонкий осколок пластины бивня размером 29 × 17 мм. Из этого же слоя происходит полурассыпавшийся фрагмент одного из средних ребер от крупной особи мамонта длиной 560 мм, наибольшей шириной 53 мм и поперечником посередине 25 мм. Следов погрызов или порезов на нем обнаружить не удалось. Остатки зубов первых смен юных мамонтов (pd 2, 3 и 4) попадали в отложения благодаря пищевой активности пещерных гиен, затаскивавших под пещерные своды и практически без остатка утилизировавших головы мамонтят. Трупы животных могли поедаться гиенами также и далеко за пределами пещеры. В этом случае непереваренные остатки пищи в виде плотного комка из шерсти, нашпигованного полурастворенными осколками костей и зубов, регулярно отрыгивались гиенами уже на отдыхе в своем логове.

Остатки лошади Оводова на 80 % состоят из изолированных зубов (включающих 14 резцов) и их обломков. В обоих слоях до 70 % зубов отмечены следами кислотной коррозии. В слое 6а найдена неполная вторая фаланга, наполовину растворенная желудочным соком. В слое 6в/1 – одна кость запястья и две кости заплюсны, а также дистальный конец лучевой кости. Его ширина – 72,6 мм, то же нижней суставной поверхности – 63,5 мм, поперечник – 41,5 мм. Аналогичные промеры *Equus ovodovi* из пещеры Логово Гиены на Алтае составляют соответственно 67,7–70,54–73,6 мм (n = 9); 55,8–58,22–62 мм (n = 10) и 38,5–42,13–45 мм (n = 7). В Чагырской пещере, как и большинстве других пещерных местонахождений Алтая, лошадь Оводова по числу остатков многократно (почти в 7 раз) превосходила крупную кабаллоидную лошадь *Equus ferus* [Междисциплинарные исследования..., 2018].

От шерстистого носорога в слое 6а найден неполный, распавшийся на фрагменты медиальный отдел проксимального конца лучевой кости с частью диафиза, в слое 6в/1 – два небольших обломка зуба.

В материалах раскопок предыдущих лет все остатки *Coelodonta antiquitatis* были представлены мелкими фрагментами зубов, на 80 % принадлежащих юным особям, в большинстве случаев со следами кислотной коррозии. Присутствие остатков носорога связано, судя по всему, с пищевой активностью пещерных гиен и не имеет никакого отношения к охотничьей деятельности неандертальцев [Там же].

Благородный олень представлен двумя находками в слое 6в/1: это запястная лучевая кость, сильно поврежденная кислотной коррозией, и небольшой фрагмент стенки рога.

Единичные остатки северного оленя отмечены в обоих слоях. В слое 6а это две целые фаланги (первая и третья) и корродированный обломок зуба верхней челюсти. В слое 6в/1 также найдена целая неповрежденная первая фаланга, два изолированных зуба (M_3 и P^3). Три фрагмента – дистальный конец пястной кости, обломок астрагала и дистальный конец второй фаланги – сильно разъедены кислотной коррозией. Можно предположить, что целые фаланги *Rangifer tarandus* являются остатками охот неандертальцев, а корродированные кости появились в результате пищевой активности пещерных гиен.

Количественно остатки бизона в 1,4 раза уступают остаткам горного козла и архара. От числа остатков крупных млекопитающих удельный вес зубов и костей бизона в слоях 6а и 6в/1 одинаков (21,6 и 22% соответственно). По материалам предыдущих лет остатки бизона в слоях 5, 6а и 6б–в соответственно составляют 5,5, 21,3 и 47,2 % [Там же]. В материалах 2024 г. они на 67,7 % состоят из изолированных зубов и их фрагментов, на 16,9 % – из костей дистальных отделов конечностей. Зубы и большинство костей посткраниального скелета не несут следов кислотной коррозии. Лишь 5 костей бизона – обломок коленной чашки, маллеолярная и сесамовидная кости, тарзальная 2+3 и обломок нижнего конца второй фаланги – имеют повреждения такого рода. Целиком сохранились первая и вторая фаланги, 5 проксимальных отделов ребер. Очевидно, что большинство остатков бизона (особенно в слоях 6б и 6в) оказалось в пещерных отложениях в результате охотничьей деятельности палеолитического человека.

Единственная находка остатков сайгака – это разъеденная коррозией запястная 2+3 кость в слое 6в/1.

Остатки сибирского горного козла и архара в обоих слоях на 63,6 % состоят из изолированных зубов и их обломков (65 % из них – со следами кислотной коррозии) и на 35,4 % из костей дистальных отделов конечностей (фаланги, запястные, сесамовидные), подавляющая часть из которых также корродирована. Нет сомнения, что большая часть остатков *Capra sibirica* и *Ovis ammon* попадала в пещерные слои благодаря жизнедеятельности пещерных гиен. Скорее всего, гиены вряд ли могли самостоятельно добывать этих быстрых и ловких скалолазов. Им приходилось довольствоваться трупами павших от тех или иных причин животных, либо остатками добычи волков и снежных барсов.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке проекта РНФ № 246700033 «Европейские неандертальцы на Алтае: миграции, культурная и физическая адаптация».

Список литературы

Васильев С.К., Гребнев И.Е. Морфология костей скелета голоценового бурого медведя (*Ursus arctos* L., 1758) Кузнецкого Алатау // Енисейская провинция. Альманах. – Красноярск: Краснояр. краевой краевед. музей, 2009. – Вып. 4. – С. 68–76.

Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Маркин, К.А. Колобова, В.П. Чабай, Н.А. Рудая, Б. Виола, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, С.К. Васильев, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, В.С. Зажигин, А.О. Вольвах, Р.Г. Робертс, З. Якобс, Б. Ли. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 468 с.

Behrensmeyer A. Taphonomic and ecologic information from bone weathering // Paleobiology – 1978. – Vol. 4, No. 2. – P. 150–162.

References

Behrensmeyer A. Taphonomic and ecologic information from bone weathering. *Paleobiology*, 1978. Vol. 4, No. 2. P. 150–162.

Derevianko A.P., Markin S.V., Kolobova K.A., Chabai V.P., Rudaja N.A., Viola B., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Vasiliev S.K., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Volvakh A.O., Roberts R.G., Jakobs Z., Li B. Mezhdisciplinarnye issledovanija Chagyrskoj peshhery – stojanki srednego paleolita Altaja. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. (In Russ.).

Vasiliev S.K., Grebnev I.E. Morfologiya kostei skeleta golotsenovogo burogo medvedya (Ursus arctos L., 1758) Kuznetskogo Alatau. Eniseiskaya provintsiya. Al'manakh. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, 2009. Iss. 4. P. 68–76. (In Russ.).

Колясникова А.С. https://orcid.org/0000-0002-6356-373
Васильев С.К. https://orcid.org/0000-0002-6863-7900
Кочнев А.В. https://orcid.org/0000-0002-6831-6947
Харевич А.В. https://orcid.org/0000-0002-2267-2452
Колобова К.А. https://orcid.org/0000-0002-5757-3251

Дата сдачи рукописи: 27.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0143-0151
УДК 903.2

Р.Н. Курбанов[1, 2, 3], А.А. Анойкин[1], Т.Т. Чаргынов[4], А.М. Хаценович[1]✉, Е.П. Рыбин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
[3]Институт географии РАН
Москва, Россия
[4]Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына
Бишкек, Кыргызстан
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Геоархеологические работы на палеолитических памятниках Северного Тянь-Шаня, Кыргызстан, в 2024 году

В 1990-х гг. Российско-Кыргызской археологической экспедицией были открыты и изучены стоянки открытого типа: Тосор на южном побережье оз. Иссык-куль и Юташ-сай в отрогах Алайского хребта. Предварительно индустрии этих памятников были отнесены к среднему и верхнему палеолиту, однако отсутствие в слоях органических материалов не позволило получить для них абсолютные хронологические определения. Несколько иная ситуация сложилась с памятником Курама, открытым Т.Т. Чаргыновым в отрогах Кураминского хребта в 2011 г., однако наиболее древние технокомплексы этого памятника также не имеют точных временных границ. Определение возраста этих объектов, являющихся ключевыми памятниками палеолита Кыргызстана, необходимо для понимания культурных и миграционных процессов, происходивших в верхнем плейстоцене на территории Тянь-Шаня и Центральной Азии в целом. В 2024 г. нами были проведены работы по изучению геоморфологического положения и стратиграфии этих стоянок, а также отбору образцов для датирования методом оптически стимулируемой люминесценции. Отложения всех исследованных памятников, представленные лессовидными суглинками, потенциально подходят для ОСЛ-датирования. На каждом разрезе были отобраны представительные серии (до 12) образцов. На стоянке Тосор выявлены пепловые линзы, из которых отобраны образцы угля для радиоуглеродного датирования (УМС). Индустрии памятников обнаруживают сходство с другими комплексами Центральной Азии: Юташ-сай – с пещерой Сельунгур в Ферганской долине Кыргызстана, Тосор – со стоянкой Худжи в Таджикистане, Курама – со стоянкой Рахат в Казахстане. Получение комплекса данных по хронологии ключевых стоянок открытого типа, расположенных на территории Кыргызстана, позволит определить культурную динамику и установить характер и интенсивность связей с соседними регионами в среднем и верхнем палеолите, закрыв огромную лакуну между индустриями начального среднего палеолита из пещеры Сельунгур и финально-плейстоценовыми – раннеголоценовыми комплексами Ферганской и Алайской долин.

Ключевые слова: *Центральная Азия, средний палеолит, верхний палеолит, геоморфология, стратиграфия, ОСЛ-датирование, хронология.*

R.N. Kurbanov[1, 2, 3], A.A. Anoikin[1], T.T. Chargynov[4], A.M. Khatsenovich[1]✉, E.P. Rybin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
[3]Institute of Geography RAS
Moscow, Russia
[4]Zh. Balasagyn Kyrgyz National University
Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Geoarchaeological Research at the Paleolithic Sites of Northern Tien Shan in Kyrgyzstan in 2024

In the 1990s, the Russian-Kyrgyz archaeological expedition discovered and studied the open-air sites of Tosor on the southern shore of Lake Issyk-Kul and Yutash-sai in the Alai Range. The industries of these sites were tentatively attributed to the Middle and Upper Paleolithic. However, the absence of organic materials in the layers did not make it possible to obtain absolute chronological definitions for these complexes. Although the situation was somewhat different at the Kurama site, discovered by T.T. Chargynov in the Kurama Range in 2011, the earliest technocomplexes of that site also do not have precise chronology. Determining the age of these key Paleolithic sites in Kyrgyzstan is necessary for understanding cultural and migration processes in the Upper Pleistocene in the Tien Shan and the entire Central Asia. In 2024, geomorphological position and stratigraphy of these sites were studied and samples for OSL dating were taken. The deposits of all sites under study, represented by loess-like loams, were potentially suitable for this method. Representative series (up to 12) of samples were selected from each cross-section. Ash lenses were found at the Tosor site, and charcoal samples were taken for radiocarbon dating (AMS). The industries of the sites show similarities with other complexes of Central Asia: Yutash-say – with the Selungur cave in the Fergana Valley of Kyrgyzstan, Tosor – with the Khudzhi site in Tajikistan, and Kurama - with the Rakhat site in Kazakhstan. Obtaining a set of data on the chronology of key open-air sites in Kyrgyzstan will make it possible to establish cultural dynamics, nature and intensity of connections with neighboring regions in the Middle and Upper Paleolithic, and close a huge gap between the industries of the Initial Middle Paleolithic from the Selungur cave and Final Pleistocene – Early Holocene complexes of the Fergana and Alai valleys.

Keywords: *Central Asia, Middle Paleolithic, Upper Paleolithic, geomorphology, stratigraphy, OSL-dating, chronology.*

Введение

Понимание процессов заселения территории Кыргызстана человеком в плейстоцене связано с несколькими исследовательскими проблемами. Основная часть этого региона находится на больших гипсометрических отметках, однако антропогенное присутствие в наиболее высокогорных районах, например Алайской долине, фиксируется здесь только на рубеже плейстоцена и голоцена [Шнайдер и др., 2017]. Абсолютные высоты палеолитических памятников в Кыргызстане, известных за пределами Алайской долины, не превышают 2 000 м, и, соответственно, они не относятся к высокогорным: Тосор – 1 600 м над ур. м., Сельунгур – 1 900 м над ур. м., Курама – 1 100 м над ур. м., Юташ-Сай – 1 400 м над ур. м. (рис. 1). Учитывая рельеф Кыргызстана, где межгорные долины обрамлены горными хребтами со снежными вершинами, на данной территории могла существовать субширотная сеть путей, по которым расселялся древний человек. Подобным миграционным маршрутом для севера Тянь-Шаня считается долина р. Или, протекающей по территории Китая и Казахстана и находящейся на расстоянии ок. 200 км к югу от упоминавшейся выше стоянки Тосор [Fitzsimmons et al., 2017; Li et al., 2019]. В силу своего географического положения территория Кыргызстана напрямую связана как с субширотным расселением палеопопуляций в западном (Узбекистан) и восточном (Синьцзян в Китае, Гобийский Алтай в Монголии) направлениях, так и субмеридиональным их передвижением из/в Горный Алтай, Казахстан, Таджикистан и Пакистан, начиная с самых ранних этапов освоения людьми пространств Центральной Азии. Тем не менее количество известных здесь стратифицированных памятников палеолитического времени крайне незначительно, что существенно увеличивает значимость каждого такого объекта для понимания культурных процессов, проходивших в регионе в плейстоцене. Ситуация дополнительно осложнялась тем, что на всех основных стоянках открытого типа, известных в Кыргызстане (Тосор, Курама, Юташ-сай), не был зафиксирован остеологический материал, а древесный уголь в культуросодержащих отложениях присутствовал в минимальном количестве, что существенно затрудняло какие-либо точные хронологические определения для этих технокомплексов. Три ^{14}C-даты было получено только для стоянки Курама [Chargynov, Ohnuma, 2015]. Вместе с тем именно точные возрастные определения для палеолитических индустрий Кыргызстана позволят более уверенно установить взаимосвязь развивающихся здесь индустриальных традиций с аналогичными и близкими по времени процессами на соседних территориях (южный Казахстан, северо-западный Китай, Узбекистан и др.) [Деревянко, 2017], для ряда памятников которых уже получены большие серии абсолютных дат (Майбулак, Рахат, Тунтяньдун, Оби-Рахмат и др.).

В 2024 г. в ходе полевых исследований участниками авторского коллектива были проведены работы на ряде палеолитических памятников Кыргызстана, в ходе которых заново изучены и описаны стратиграфические разрезы стоянок, а также отобраны большие серии образцов на датирование методом оптически стимулируемой люминесценции (ОСЛ) и ^{14}C УМС. Предварительным результатам проведенных работ и посвящена данная статья.

Материалы

Стоянка Тосор. Памятник расположен на правом берегу р. Тосор, в 4 км от южного побережья оз. Иссык-Куль (Республика Кыргызстан). Он был

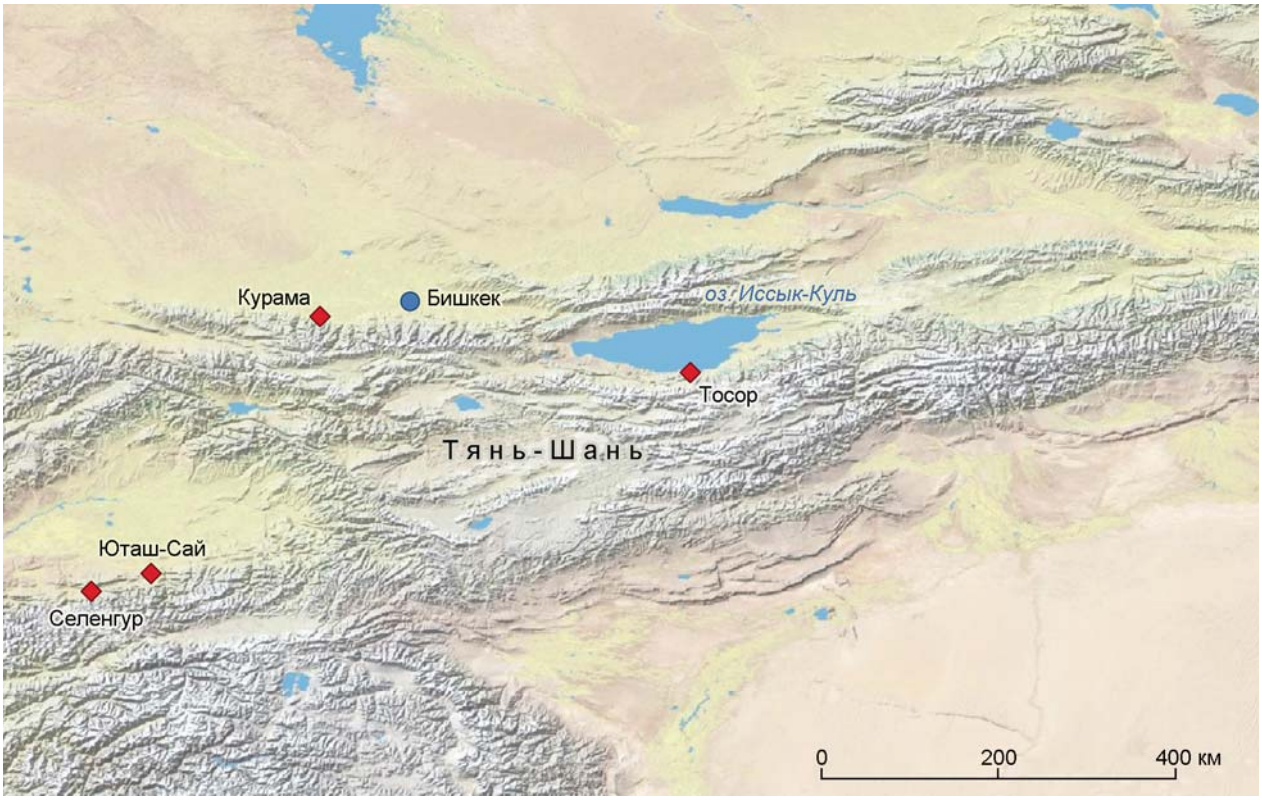

Рис. 1. Карта региона с указанием расположения основных палеолитических стоянок на территории Кыргызстана.

открыт в 1965 г. В.А. Рановым и М.Б. Юнусалиевым, а в 1971–1972 гг. ими же здесь производились археологические раскопки. По характеру каменной индустрии Тосор отнесен В.А. Рановым к группе леваллуа-мустьерских памятников Средней Азии [Ранов, Юнусалиев, 1975]. В 2001 г. стоянка исследовалась российско-кыргызской археологической экспедицией [Деревянко и др., 2001]. Был заложен раскоп площадью 74 м^2, вскрывший рыхлые отложения на глубину до 3,5 м. На памятнике выделено шесть культуросодержащих горизонтов, мощностью до 10 см и разделенных стерильными прослойками. Стратиграфия отложений, выявленные скопления материала и произведенные ремонтажи позволили исследователям предположить, что все артефакты залегали в относительно непотревоженном состоянии. Общее количество каменного инвентаря составило ок. 2,5 тыс. экз.; основная часть находок была приурочена к двум верхним горизонтам, где зафиксировано несколько крупных скоплений.

Курама. Многослойная стоянка была обнаружена в 2011 г. и исследовалась сотрудниками Кыргызского национального университета под руководством Т.Т. Чаргынова в 2013–2017 гг. Памятник расположен в ущелье Жарды-Кайын Панфиловского р-на Чуйской обл. на западе Кыргызстана, в контактной зоне Кураминского хребта, отделяющего Кыргызстан от территории Казахстана и Чуйской долины. Общая площадь раскопа составила 20 м^2. Максимальная мощность вскрытых отложений достигала 10 м. Всего было выявлено 11 литологических слоев, включающих 6 горизонтов залегания археологического материала. Для трех верхних археологических горизонтов были получены некалиброванные УМС-даты в пределах 23–30 тыс. л.н. [Chargynov, Ohnuma, 2015]. Нижние культурные горизонты стоянки не имеют точных хронологических определений. Общее количество каменных артефактов в коллекции памятника составляет 3 150 экз.

Юташ-Сай. Стоянка находится в Кадамжайском р-не Баткенской обл. в южном Кыргызстане, в 14 км к югу от с. Марказ. Географически этот район относится к отрогам Алайского хребта, южному горному обрамлению Ферганской долины, примерно в 15 км от границы которой он и находится. Стоянка исследовалась в 2002–2004 гг. российско-кыргызской археологической экспедицией. На площади 50 м^2 была вскрыта толща рыхлых отложений, на максимальную глубину до 5,3 м. В ней выделено 24 основных литологических подразделения, во всех был зафиксирован археологический материал, в разной степени концентрации [Деревянко и др., 2003]. Уровни залегания артефактов четко фиксируются, разделены стерильными прослойками и относятся к разным эпизодам посещения в очень широком культурно-хронологическом диапазоне в рамках среднего палеолита (возможно, и финала раннего палеолита). Материалы большинства горизонтов находятся в

непотревоженном состоянии, что подтверждается планиграфическими наблюдениями. Исключение составляют артефакты из нескольких глыбово-щебнистых слоев, имеющие различную степень дефляции поверхности и явно горизонтально перемещавшиеся, до окончательного перекрытия седиментами. Общее количество каменного инвентаря в коллекции – ок. 15 тыс. экз.

Результаты

Стоянка Тосор. Памятник расположен на мысообразной террасовидной поверхности, в пределах одноименного сая. Толща лессовидного суглинка, слагающего верхнюю часть террасоуступа, прислонена к коренному склону южного борта Иссык-Кульской депрессии (рис. 2). Рыхлые отложения мощно-

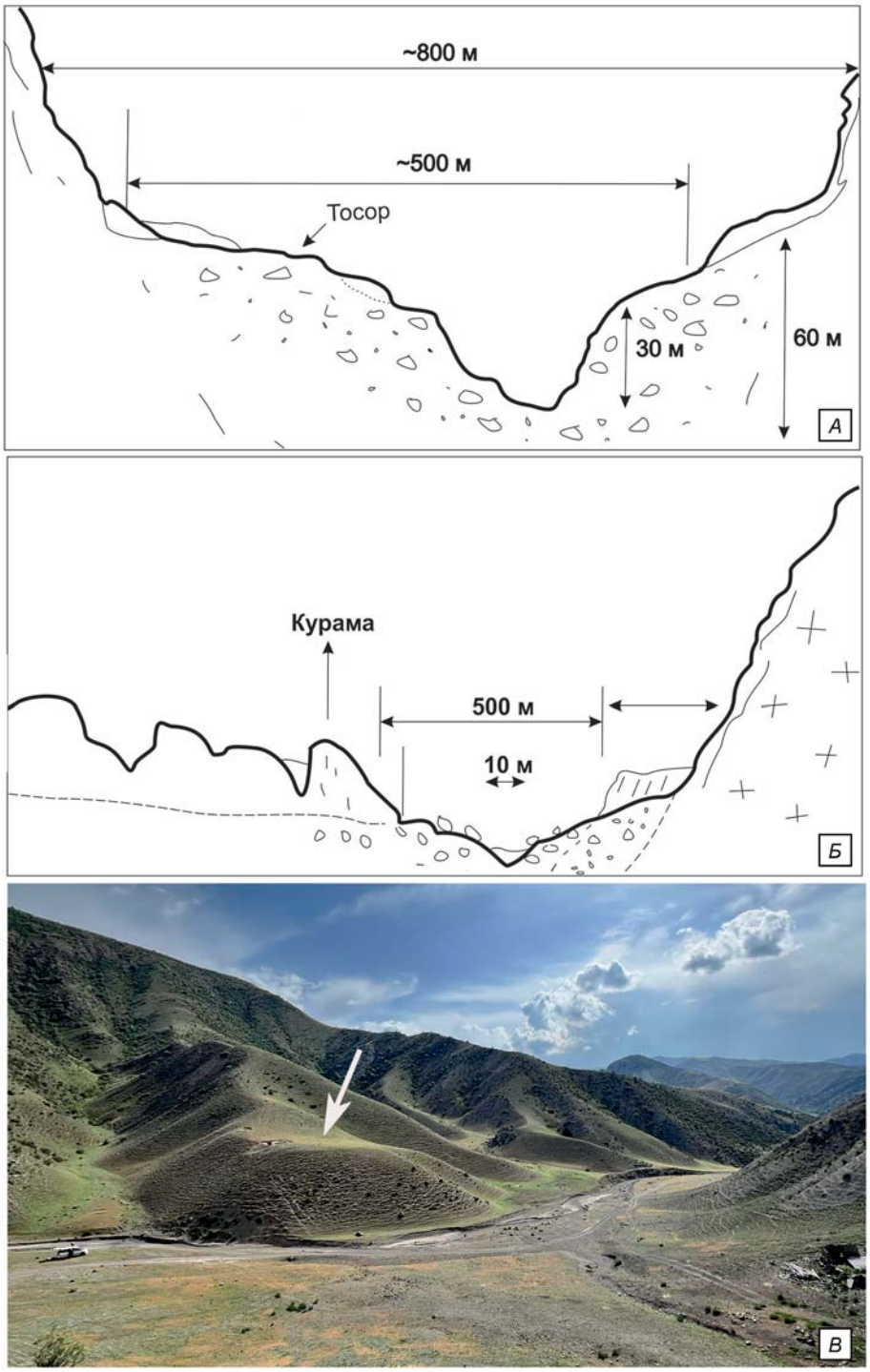

Рис. 2. Геоморфологическое положение изучаемых памятников.
А – Тосор; *Б* – Курама; *В* – Юташ-сай.

стью до 4 м лежат практически на коренном цоколе, подстилаемые незначительной по мощности в районе памятника толщей аллювия. В целом аллювиальные и озерные отложения заполняют южный борт впадины, достигая на отдельных участках мощности 70–100 м. Галечник р. Тосор представлен хорошо окатанными обломками, многочисленны валуны, заполнителем является крупнозернистый песчаник. Петрографический состав галечника включает в себя граниты, метаморфические (от сланцев до гнейсов) породы. В галечники врезана долина реки с одной выраженной террасой, возвышающейся над руслом реки на ~30 м.

Строение разреза Тосор, сверху вниз (рис. 3).

Слой 1. 0–25 см. Суглинок лессовидный (алеврит), пылеватый, комковатый, светло-коричневый, мелко- и крупнопористый по корнеходам, мелкие кристаллы соли, выпоты соли и карбонатов, единичные крупные угольки древесины. Нижняя граница нечеткая, переход постепенный по цвету и структуре. Отобран образец TOS-1 (ОСЛ).

Слой 2. 25–70 см. Суглинок лессовидный (алеврит), пылеватый, комковатый, светло-коричневый, мелко- и крупнопористый по корнеходам, пятна гумусирования, крупные угольки древесины. Нижняя граница нечеткая, переход постепенный по цвету и структуре. Отобраны образцы TOS-2 и -3 (ОСЛ) и TOS-13 и -14 (^{14}C).

Слой 3. 70–100 см. Суглинок лессовидный (алеврит), пылеватый, бесструктурный, светло-бежевый, пористый, в верхних 5 см выпоты и мелкие конкреции $CaCO_3$. На правой стороне зачистки на глубине 90–97 см – крупная линза пепла (зольник), выше линзы – красно-коричневый нагар от прокала. Нижняя граница нечеткая, переход постепенный. Отобраны образцы TOS-4 и -5 (ОСЛ) и TOS-15 (^{14}C).

Слой 4. 100–280 см. Суглинок лессовидный (алеврит), пылеватый, бесструктурный, светло-бежевый, однородный, единичные мелкие кристаллы галита. На правой стороне зачистки на глубине 90–97 см – крупная линза пепла (зольник), выше линзы – красно-коричневый нагар от прокала. Нижняя граница четкая, переход резкий. Отобраны образцы TOS-6–11 (ОСЛ).

Слой 5. 280–300 см. Лессовидный суглинок бесструктурный, рыжевато-серый, с щебнем и галькой. Отобран образец TOS-12 (ОСЛ).

Слой 6. 300–320 см (вид.). Галечник.

В разрезе отобрано 12 образцов на ОСЛ-датирование и три образца угля из обнаруженных линз пепла на УМС-датирование.

Стоянка Курама. Памятник находится на лессовом останце на правом борту долины р. Кайынгды (левый приток р. Курагаты, бассейн р. Чу), в 3 км к западу от с. Кум-Арык. В верховьях реки – современный ледник с формирующейся голоценовой мореной. В долине

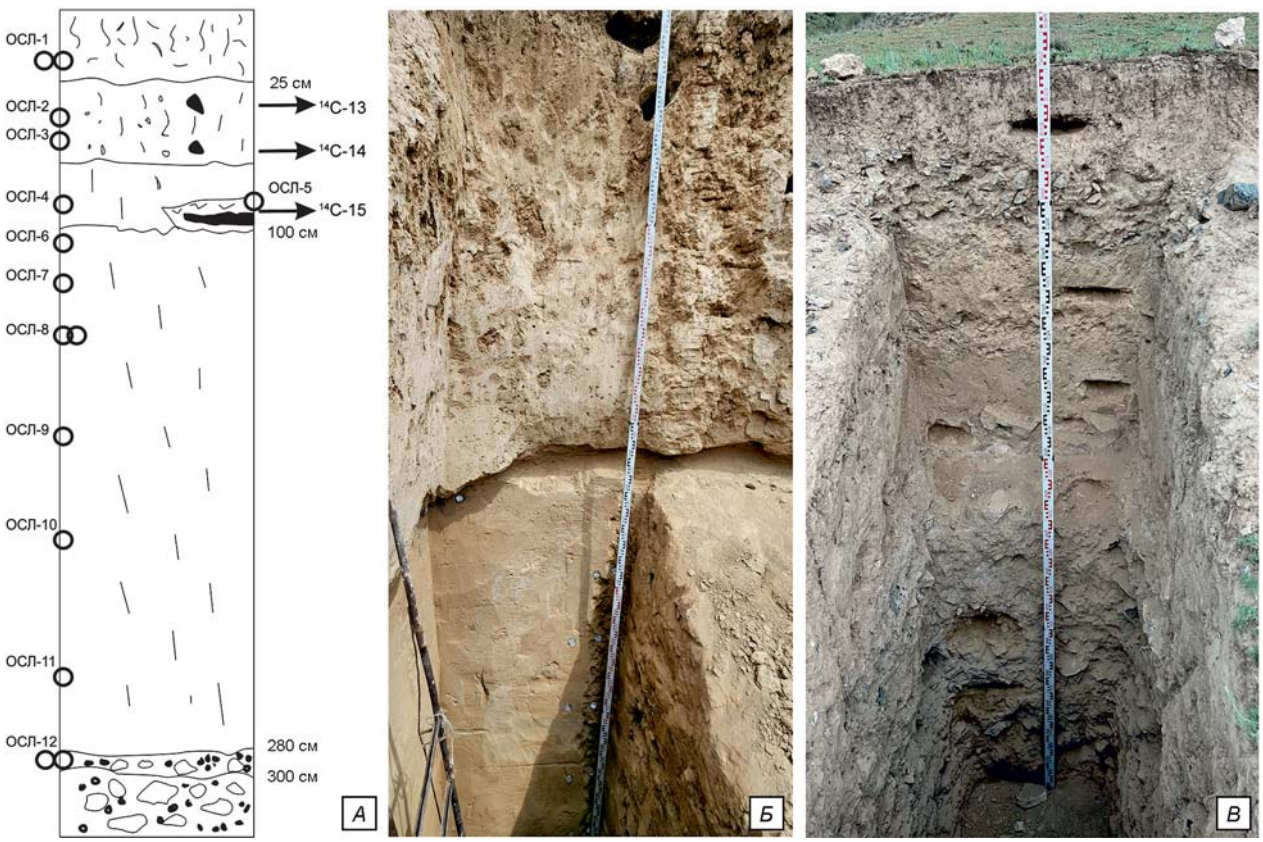

Рис. 3. Стратиграфические разрезы палеолитических памятников с указанием мест отбора образцов.
А – Тосор; *Б* – Курама; *В* – Юташ-сай.

выражена современная пойма шириной 5–10 м и несколько уровней надпойменных террас, среди которых один прослеживается повсеместно и имеет четкую бровку, тыловой шов и ширину 400–500 м. Пойма и терраса покрыты галечником, многочисленными валунами и глыбами интрузивных и метаморфических пород (граниты, гранитогнейсы, гнейсы, яшмоиды). Выше тылового шва надпойменной террасы плащом залегают лессовые породы, мощностью 7–10 м. Лессы прорезаны многочисленными оврагами и балками, формируют волнисто-увалистый рельеф. На отдельных увалах встречаются курганы. На левом борту реки ширина лессовых увалов достигает 50–200 м, на правом более 500–800 м, где серией оврагов лессы прорезаются до уровня подстилающего аллювия. Судя по строению долины, наличию значительного количества окатанных крупных валунов, характеру распределения материала, подстилающая лесс толща является перемытой ледниковой мореной, которая образовалась в результате выдвижения ледника вниз по долине и его таяния на участке выхода из хребта. Отложения имеют характерный профиль: поверхность галечника резко падает в сторону Чуйской долины на выходе из долины притока. В отложения морены в верхней части, переработанной флювиогляциальными и флювиальными процессами, врезана современная долина реки, а развитые здесь селевые процессы, по-видимому, не могли переносить такие крупные обломки (до 3 м в диаметре) на широком участке долины.

Строение разреза стоянки Курама, сверху вниз.

Слой 1. 0–70 см. Суглинок лессовидный (алеврит), серо-коричневый, комковатый, пористый, крупные поры по корнеходам, рыхлый, верхний 5 см – дернина, в нижних 10–25 см – выпоты карбонатов и единичные мелкие конкреции $CaCO_3$. Современная почва. Нижняя граница волнистая, нечеткая, переход постепенный.

Слой 2. 70–130 см. Суглинок лессовидный (алеврит), светло-коричневый, бесструктурный, со слабовыраженной столбчатой отдельностью, пористый. Средние и крупные поры по корнеходам, многочисленные средние и крупные кротовины с заполнителем из вышележащего слоя. Нижняя граница нечеткая, переход постепенный по цвету.

Слой 3. 130–240 см. Суглинок лессовидный (алеврит), светло-бежевый, бесструктурный, однородный, пористый, слабосцементированный, в верхнем метре многочисленные кротовины, с заполнителем из вышележащих слоев. Нижняя граница нечеткая, переход постепенный по цвету и плотности.

Слой 4. 240–300 см. Суглинок лессовидный (алеврит), светло-бежевый, бесструктурный, плотный, пористый, единичные точки и пятна органики, выпоты солей и карбонатов по корнеходам. В верхней части слоя – зольник с крупными углями древесины и рыжевато-коричневым прокалом. Нижняя граница нечеткая, переход постепенный по пористости и плотности.

Слой 5. 300–440 см. Суглинок лессовидный (алеврит), светло-бежевый, бесструктурный, рыхлый, пористый, многочисленные мелкие точки карбонатов и единичные мелкие конкреции $CaCO_3$, выпоты солей. Нижняя граница нечеткая, переход постепенный по карбонатам.

Слой 6. 440–520 см (вид.). Суглинок лессовидный (алеврит), светло-бежевый, бесструктурный, рыхлый, пористый.

В разрезе отобрано 12 образцов на ОСЛ-датирование.

Стоянка Юташ-сай. Памятник расположен на слабонаклонной террасообразной поверхности, возвышающейся над левым бортом безымянного сая (правый приток р. Ходжагаир) на высоте 25–30 м над современным руслом. Сай имеет ящикообразный профиль, ширина долины в основании 50–75 м, по бровкам 150–300 м, на дне в чехол пролювия врезано неглубокое русло сезонного водотока. Коренные борта сая сложены метаморфическими породами (кристаллические сланцы и аргиллиты). В дне выделяется терраса на высоте 0,5–1,0 м над уровнем русла. По бортам сая на уровне 20–25 м прослеживается субгоризонтальная поверхность, частично сохранившаяся в виде отдельных мысов и наклонных линий вдоль склона. Все участки поверхности сложены рыхлым материалом – чередованием лессовидного суглинка и коллювия. На одной из таких сохранившихся частей расположена стоянка Юташ-сай.

Строение разреза стоянки Юташ-сай, сверху вниз.

Слой 1. 0–30 см. Суглинок лессовидный (алеврит), светло-коричневый, рыхлый, пористый. Нижняя граница волнистая, переход постепенный.

Слой 2. 30–45 см. Дресва и щебень с алевритово-глинистым заполнителем, светло-коричневая, остроугранные обломки метаморфических пород. Нижняя граница четкая, переход по структуре.

Слой 3. 45–80 см. Суглинок лессовидный (алеврит), светло-коричневый, слабосцементированный, пористый, включения мелкого щебня, единичные пятна $CaCO_3$. Нижняя граница нечеткая, переход постепенный.

Слой 4. 80–90 см. Дресва и щебень с алевритово-глинистым заполнителем, светло-коричневая. Нижняя граница постепенная, переход по структуре.

Слой 5. 90–120 см. Суглинок лессовидный (алеврит), светло-коричневый, бесструктурный, слабосцементированный, пористый, включения мелкого щебня, единичные пятна $CaCO_3$. Нижняя граница нечеткая, переход постепенный.

Слой 6. 120–140 см. Дресва и щебень с алевритово-глинистым заполнителем, светло-коричневая. Нижняя граница постепенная, переход по структуре.

Слой 7. 140–160 см. Маломощный лессовидный суглинок (алеврит), светло-коричневый, бесструктурный, слабосцементированный, включения щебня. Нижняя граница нечеткая, переход постепенный.

Слой 8. 160–210 см. Дресва и щебень с алевритово-глинистым заполнителем, светло-коричневая, с единичными глыбами. Нижняя граница постепенная, переход по структуре.

Слой 9. 210–240 см. Суглинок лессовидный (аллеврит), светло-коричневый, бесструктурный, слабосцементированный, включения щебня и единичной дресвы. Нижняя граница нечеткая, переход постепенный.

Слой 10. 240–270 см. Дресва и щебень с алевритово-глинистым заполнителем, светло-коричневая. Нижняя граница постепенная, переход по структуре.

Слой 11. 270–310 см. Суглинок лессовидный (аллеврит), светло-коричневый, бесструктурный, слабосцементированный, включения щебня. Нижняя граница нечеткая, переход постепенный.

Слой 12. 310–340 см. Дресва и щебень с алевритово-глинистым заполнителем, светло-коричневая. Нижняя граница постепенная, переход по структуре.

В разрезе отобрано 8 образцов на ОСЛ-датирование.

Обсуждение

Стоянка Тосор находится в регионе, через систему перевалов напрямую связанном с системой котловин, окруженных Тянь-Шанем и Кунь-Лунем и расположенных на территории Узбекистана и современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Анализ технологии расщепления камня индустрии Тосора, выполненный на основе метода ремонтажа, показал, что ведущим методом редукции нуклеусов в ней было нелевеллуазское однонаправленное параллельное конвергентное расщепление, преимущественно плоскостных нуклеусов, направленное на производство пластин и подтреугольных сколов. Для этой индустрии очерчивается круг аналогий в среднепалеолитических комплексах Кыргызстана (Ак-Олон и Юташ-Сай), а также в ассамбляжах оби-рахматского варианта среднего палеолита и переходных комплексов от среднего к верхнему палеолиту. Наиболее близкие аналогии прослеживаются в комплексах стоянки Худжи в Таджикистане, датируемых 42–37 тыс. л.н. Таким образом, территория Северного Тянь-Шаня может быть отнесена к области распространения оби-рахматского технокомплекса, вероятно, на поздних этапах его развития [Кривошапкин, 2012; Павленок, Кривошапкин, Шалагина, 2016]. Для установления четких территориальных границ и времени бытования этого индустриального варианта требуются точные определения хронологической позиции археологических материалов стоянки Тосор, возможно маркирующей его северный предел.

На *стоянке Курама* технология расщепления ориентирована на производство отщепов и пластин, снимавшихся в субпараллельной системе. Основным видом пластинчатых сколов являются средние пластины и пластинки. В орудийном наборе доминируют скребки, сколы с ретушью (в т.ч. ретушированные микропластины), а также зубчато-выемчатые орудия. В целом индустрия обнаруживает заметные сходства с комплексами раннего и развитого верхнего палеолита северного Притяньшанья (стоянка Рахат в Казахстане), что позволяет предполагать возможность распространения этого культурного явления в южные районы Тянь-Шаня [Ожерельев, Мамиров, 2023; Ожерельев и др., 2024]. Вместе с тем отсутствие полных данных о хронологической позиции всех ассамбляжей Курамы не позволяет в полной мере оценить временную и территориальную динамику «Тянь-Шанского ориньяка», явления, после последних открытий на юго-западе Казахстана, претендующего на основной культурный тренд в регионе в финале МИС 3 – начале МИС 2.

На *стоянке Юташ-сай* технология расщепления характеризуется сочетанием множества монофронтальных нуклеусов, находящихся в начальной стадии расщепления с грубопризматическими ядрищами, немногочисленными леваллуазскими формами и нуклеусами для снятия микропластин. Орудийный набор состоит из скребел на сколах и обломках, шиповидных и клювовидных орудий, рубящих орудий, представительной зубчато-выемчатой серии, а также многочисленных сколов с ретушью и скребков. Данное сочетание признаков позволяет отнести индустрии Юташ-сая к среднему палеолиту, однако некоторые элементы ассамбляжей нижних литологических слоев позволяют допускать и более древнюю их хронологию.

Регион, где находится Юташ-сай, – Ферганская долина – относится к макрорегиону Тяньшанско-Памирского горного узла, где сосредоточены все «классические» среднеазиатские памятники. При этом в изучаемом районе до последнего времени не было известно стратифицированных объектов среднего палеолита. Ближайшие аналогии материалам стоянки представлены в комплексах пещеры Сельунгур [Krivoshapkin et al., 2020], но их прямое соотнесение затруднено по причине отсутствия для отложений Юташ-сая данных абсолютного датирования.

Получение комплекса данных по точной хронологии ключевых стоянок открытого типа, расположенных на территории Кыргызстана, позволит определить культурную динамику и установить характер и интенсивность связей с соседними регионами в среднем и верхнем палеолите, закрыв огромную лакуну между индустриями начального среднего палеолита из пещеры Сельунгур и финально-плейстоценовыми – раннеголоценовыми комплексами Ферганской и Алайской долин.

Благодарности

Исследования проводились при поддержке проекта РНФ № 22-18-00649 «Заселение западной части Центральной Азии человеком современного анатомического облика в период среднего-верхнего палеолита: хронология миграционных процессов».

Список литературы

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. II. Первоначальное заселение человеком Северной, Центральной и Средней Азии. – 884 с.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Табалдиев К.Ш., Рыбин Е.П., Славинский В.С., Цыбанков А.А. Новые результаты исследования палеолитического местонахождения Тосор (Кыргызстан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 76–78.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Табалдиев К.Ш., Рыбин Е.П., Чаргынов Т.Т., Цыбанков А.А. Результаты исследований местонахождения Юташ-Сай в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 87–91.

Кривошапкин А.И. Обирахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – Новосибирск, 2012. – 38 с.

Ожерельев Д.В., Мамиров Т.Б. Комплекс многослойных стоянок верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня: общие данные и перспективы исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2023. – Т. 51. – № 3. – С. 67–74.

Ожерельев Д.В., Мамиров Т.Б., Кургаева А.И., Седов С.Н., Столпникова Е.М. Хронология и культурная атрибуция верхнего палеолита Северного Тянь-Шаня: предварительные данные по результатам раскопок 2018–2024 гг. // Материалы международной научно-практической конференции «Археология и палеогеография Центральной Азии. Памяти выдающегося археолога В.А. Ранова». – Душанбе: Ватан, 2024. – С. 119–121.

Павленок К.К., Кривошапкин А.И., Шалагина А.В. Технологическая вариабельность Оби-Рахматиана: худжийская индустрия Западного Памиро-Тянь-Шаня // *Stratum Plus*. – 2016. – N 1. – P. 85–101.

Ранов В.А., Юнусалиев М.Б. Предварительные результаты изучения мустьерской стоянки Тосор // Археологические памятники Прииссыккулья. – Фрунзе: Илим, 1975. – С. 42–51.

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Тэйлор В., Кривошапкин А.И. Результаты археологической разведки в Алайской долине (Кыргызстан) в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. 23. – С. 250–254.

Chargynov T., Ohnuma K. Formation of Nomadic Societies in Ancient Eurasia: Excavations at Kurama, Kyrgyzstan, 2014 // Ancient Orient Revealed through Excavations in 2014. Proceedings of the 22nd Annual Meeting of Excavations in West Asia. – Tokyo, 2015. – P. 66–71.

Fitzsimmons K.E., Iovita R., Sprafke T., Glantz M., Talamo S., Horton K., Beeton T., Alipova S., Bekseitov G., Ospanov Y., Deom J.-M., Sala R., Taimagambetov Zh. A chronological framework connecting the early Upper Palaeolithic across the Central Asian piedmont // J. of Hum. Evol. – 2017. – Vol. 113. – P. 107–126.

Krivoshapkin A.I., Shnaider S.V., Kolobova K.A., Viola B., Chargynov T.T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowitz S. Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 535. – P. 88–103.

Li F., Vanwezer N., Boivin N., Gao X., Ott F., Petraglia M., Roberts P. Heading north: Late Pleistocene environments and human dispersals in central and eastern Asia // PLoS ONE. – 2019. – Vol. 14 (5). – e0216433.

References

Chargynov T., Ohnuma K. Formation of Nomadic Societies in Ancient Eurasia: Excavations at Kurama, Kyrgyzstan, 2014. In *Ancient Orient Revealed through Excavations in 2014. Proceedings of the 22nd Annual Meeting of Excavations in West Asia*. Tokyo, 2015. P. 66–71.

Derevianko A.P. Three global human migrations in Eurasia. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. II: The original peopling of Northern, Central and Western Central Asia. 884 p.

Derevianko A.P., Zenin A.N., Tabaldiev K.Sh., Rybin E.P., Chargynov T.T., Tsybankov A.A. Rezultaty issledovanii mestonakhozhdeniya Yutash-Sai v 2003 g. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. Vol. 9, ch. I. P. 87–91. (In Russ.).

Derevianko A.P., Zenin A.N., Tabaldiev K.Sh., Rybin E.P., Slavinsky V.S., Tsybankov A.A. Novye rezul'taty issledovaniya paleoliticheskogo mestonakhozhdeniya Tosor (Kyrgyzstan). In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001. Vol. 7. P. 76–78. (In Russ.).

Fitzsimmons K.E., Iovita R., Sprafke T., Glantz M., Talamo S., Horton K., Beeton T., Alipova S., Bekseitov G., Ospanov Y., Deom J.-M., Sala R., Taimagambetov Zh. A chronological framework connecting the early Upper Palaeolithic across the Central Asian piedmont. *Journal of Human Evolution*, 2017. Vol. 113. P. 107–126.

Krivoshapkin A.I. Obirakhmatskii variant perehoda ot srednego k verkhnemu paleolitu: doct. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2012. 38 p. (In Russ.).

Krivoshapkin A.I., Shnaider S.V., Kolobova K.A., Viola B., Chargynov T.T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowitz S. Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel-Ungur cave. *Quaternary International*, 2020. Vol. 535. P. 88–103.

Li F., Vanwezer N., Boivin N., Gao X., Ott F., Petraglia M., Roberts P. Heading north: Late Pleistocene environments and human dispersals in central and eastern Asia. *PLoS ONE*, 2019. Vol. 14 (5). e0216433.

Ozherelyev D.V., Mamirov T.B. A complex of stratified Upper Paleolithic sites in the foothills of the Northern Tien Shan: general data and research perspectives. *Archaeology,*

Ethnology and Anthropology of Eurasia, 2023. Vol. 51, No. 3. P. 67–74.

Ozherelyev D.V., Mamirov T.B., Kurgaeva A.I., Sedov S.N., Stolpnikova E.M. Khronologiia i kulturnaia atributciia verkhnego paleolita Severnogo Tian-Shania: predvaritelnye dannye po rezultatam raskopok 2018–2024 gg. In *Proceedings of the International Conference "Archaeology and Paleogeography of Central Asia. In honour of archaeologist V.A. Ranov"*. Dushanbe: Watan, 2024. P. 119–121. (In Russ.).

Pavlenok K.K., Krivoshapkin A.I., Shalagina A.V. Technological variability of the Obirakhmatian: the industry of Khudji site, Western Pamir – Tien-Shan. *Stratum Plus*, 2016. No. 1. P. 85–101. (In Russ.).

Ranov V.A., Yunusaliev M.B. Predvaritel'nye rezultaty izucheniya must'erskoi stoyanki Tosor. *Arkheologicheskie pamyatniki Priissykkul'ya*. Frunze: Ilim, 1975. P. 42–51. (In Russ.).

Shnaider S.V., Abdykanova A., Taylor W.T., Krivoshapkin A.I. Results of archaeological survey in the Alay valley (Kyrgyzstan). In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 23. P. 250–254. (In Russ.).

Курбанов Р.Н. https://orcid.org/0000-0001-6727-6202
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Чаргынов Т.Т. https://orcid.org/0000-0002-6210-9250
Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757

Дата сдачи рукописи: 26.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0152-0158
УДК 902

С.В. Маркин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: markin@archaeology.nsc.ru

Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая: дискуссии и перспективы исследований

В статье обсуждаются основные результаты, дискуссионные вопросы и перспективы исследований комплексов поздних европейских или чагырских неандертальцев на Алтае и других территориях Северной и Центральной Азии. Приводится история исследования сибирячихинских комплексов, где аргументируется поиск культурных и технологических аналогий для стоянок в пещере Окладникова среди известных микокских ансамблей уже в конце XX в. Устанавливаются причины различной атрибуции сибирячихинских комплексов до открытия второго ключевого памятника этого варианта, Чагырской пещеры. Доказательство на основе комплекса археологических, хронологических и палеогенетических данных миграции поздних европейских неандертальцев с микокской традицией камнеобработки на территорию Алтая поставило перед исследователями целый ряд новых исследовательских вопросов и задач. Так, для исследуемой территории Алтая дискуссионными являются вопросы хронологии сибирячихинских комплексов, когда оптико-стимулированные определения не являются синхронными датам, полученным методом молекулярных часов; вопросы вариабельности сибирячихинских комплексов; способы адаптации пришлого населения к новым экологическим условиям или сохранение существующих традиций. Для территорий вне Алтая самой важной проблемой является реконструкция путей распространения популяций неандертальцев. В настоящий момент предложен путь, проходящий рядом с северным побережьем Каспийского моря, которому способствовали палеоэкологические условия МИС 4. Альтернативной точкой зрения является определение нескольких пунктов подъемных сборов в качестве микокских, находящихся южнее, от Красноводского п-ова, через северное побережье оз. Балхаш, до территории современной Тувы. Предлагаются возможные пути решения дискуссионных вопросов и дальнейшие направления исследований.

Ключевые слова: *европейские неандертальцы, пути миграции, ательская регрессия, вариабельность комплексов, модели адаптации.*

S.V. Markin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: markin@archaeology.nsc.ru

Sibiryachikha Variant of the Altai Middle Paleolithic: Discussions and Research Perspectives

The article discusses the general results, debatable issues and prospects of research on the complexes of Late European or Chagyrskaya Neanderthals in the Altai and other territories of North and Central Asia. The history of the study of the Sibiryachikha complexes is given, where the search for cultural and technological analogues of the sites in the Okladnikov cave among the known Micoquian assemblages at the end of the 20th century is argued. The reasons for the different attributions of the Sibiryachikha complexes before the discovery of the second key site of this variant, the Chagyrskaya cave, are established. Archaeological, chronological and palaeogenetic data proved the migration of late European Neanderthals with the Micoquian tradition of lithic processing to the Altai region, which posed a number of new research questions and tasks for researchers. Thus, for the Altai area under study, the following questions are debatable: the chronology of the Sibiryachikha complexes, if the optically stimulated ages do not coincide with the dates obtained by the molecular clock method; questions of the variability on the Sibiryachikha complexes; ways of adaptation of the newcomer population to new ecological conditions or preservation of the existing traditions. For territories outside the Altai, the most important problem is to reconstruct the distribution routes of Neanderthal populations. At present, a pathway near the northern coast of the Caspian Sea, favoured by the palaeoecological conditions of MIS 4, has been proposed. An alternative point of view is to identify several sites as Mycoccian, located to the south, from the Krasnovodsk peninsula, through the northern coast of Lake Balkhash, to the territory of modern Tuva. Possible solutions to the problems discussed and directions for further research are suggested.

Keywords: *European Neanderthals, migration routes, Atel regression, variability of assemblages, adaptation models.*

Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая начал исследоваться задолго до своего научного определения в качестве технологического и культурного подразделения, отличного от остальных комплексов среднего палеолита региона. Так, первый памятник этого варианта, пещера Окладникова, был открыт А.П. Деревянко и В.И. Молодиным в 1984 г. Среди выделенных девяти литологических слоев пять были определены как содержащие однородные остатки материальной культуры среднего палеолита. Первоначально стоянки в пещере были функционально и культурно определены как длительные мустьерские охотничьи, соответствующие «европейскому облику» [Деревянко, Маркин, 1992, с. 206, 218]. Уже тогда в качестве аналогов указывались материалы памятника Ябруд I, а также микокские памятники в Баракаевской пещере, Заскальной VI, Проломе [Там же, с. 213–218].

В ходе дальнейших исследований среднего палеолита Алтая было выделено два индустриальных варианта: денисовский и кара-бомовский, где пещера Окладникова была включена в комплексы первого. Этот вариант характеризуется радиальным и параллельным приемами расщепления с орудиями на средних и укороченных сколах. Основные типы орудий – скребла, включая диагональные, угловатые и «шарантские». Леваллуазская техника определялась как не играющая значительной роли. Кара-бомовский вариант, напротив, характеризуется леваллуазским расщеплением и развитым пластинчатым расщеплением с орудиями на пластинчатых сколах и сколах леваллуа. Согласно альтернативной точке зрения, все памятники среднего палеолита региона демонстрируют близкие технико-типологические характеристики и зафиксированная вариабельность зависела от функциональных, сырьевых факторов и хронологической позиции комплексов [Рыбин, Колобова, 2004, 2009].

Разная атрибуция комплексов пещеры Окладникова была связана с их типологической уникальностью в регионе. Позиция этих ансамблей в контексте среднего палеолита стала окончательно ясна с открытием Чагырской пещеры в 2007 г., после чего был определен отдельный сибирячихинский вариант среднего палеолита региона, значительно отличающийся от локальных денисовского и кара-бомовского [Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013]. С применением первых палеогенетических данных, полученных в 2007 г. [Krause et al., 2007], авторами были сформулированы три тезиса о неандертальском населении на Алтае: предполагалось, что они пришли из Центральной Азии; на характер индустрии ключевых памятников оказали влияние другие варианты среднего палеолита региона; эта популяция неандертальцев была ассимилирована или уничтожена локальным населением [Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013, с. 102].

В 2020 г. опубликовано два исследования, археологическое и палеогенетическое, с одним результатом: носители сибирячихинского варианта (поздние европейские неандертальцы), мигрировали с территории Центральной и Восточной Европы и принесли с собой микокскую индустрию практически в неизменном виде [Kolobova et al., 2020b; Mafessoni et al., 2020]. Новые результаты стимулировали не только новые исследования в области археологии и естественно-научных дисциплин, но и поиск новых объектов этого варианта на исследуемой территории [Kolobova et al., 2023a].

В результате определения источника происхождения каменных индустрий стало возможным не только изучение бифасиальных орудий в контексте центрально- и восточноевропейских микокских комплексов, но и включение сибирячихинских комплексов в общий евразийский контекст индустрий среднего палеолита [Шалагина и др., 2020; Харевич, 2022; Харевич и др., 2022; Колобова и др., 2023; Kolobova et al., 2023b]. Активно исследуется костяная индустрия сибирячихинских неандертальцев, оказавшаяся одной из самых многочисленных для территории Европы и Азии [Baumann et al., 2020; Kolobova et al., 2020a; Kolobova et al., 2022]. Проводятся естественно-научные исследования, касающиеся палеоэкологических обстановок, диеты неандертальцев, использования ими каменного сырья и животных ресурсов [Kolobova et al., 2019; Salazar-García et al., 2021; Berezina et al., 2024]. Открыто несколько новых стоянок сибирячихинского варианта, что позволило реконструировать их поведенческие особенности в географически небольших ареалах [Харевич, 2022; Kolobova et al., 2023a]. Этот краткий обзор намеренно не касается палеоантропологических и палеогенетических исследований, поскольку их количество неоправданно увеличит объем работы.

Несмотря на, казалось бы, активные исследования, все еще остается несколько дискуссионных проблем, которые требуют своего решения. Так, не ясна позиция технологии леваллуа в сибирячихинских комплексах: в индустриях Чагырской пещеры она фактически отсутствует, в то время как в пещере Окладникова фиксируется [Деревянко, Маркин, 1992; Kolobova et al., 2019]. Этот вопрос осложняется значительной долей леваллуазского расщепления в некоторых микокских комплексах Европы [Jöris et al., 2022]. Кроме того, не ясно, воспринимали ли чагырские неандертальцы идеи или технологии из синхронных комплексов Горного Алтая. В микокских комплексах Европы никогда не отмечалось изменение неандертальских индустрий в результате технологического обмена или ассимиляции. Зафиксированная вариабельность сибирячихинских комплексов включает только базовые стоянки (стоянки по потреблению добычи в пещерах Чагырской и Окладникова), а также кратковременные или эфемерные стоянки в пещерах Страшная и Верхняя Сибирячиха [Харевич, 2022; Kolobova et al., 2023a]. Не найдено охотничьих стоянок и стоянок-мастерских, которые, несомненно, существовали,

что достаточно сильно ограничивает спектр исследований, особенно по сравнению с европейскими реконструированными моделями.

Наиболее остро стоит вопрос о времени появления и путях миграции поздних неандертальцев. Определение точного времени появления европейских неандертальцев на Алтае является сложным вопросом на стыке палеогенетики и оптической люминесценции. Так, по молекулярным часам возраст образца Чагырская 8 был определен от 120 до 80 тыс. л.н., а время появления первого потомка чагырских неандертальцев и денисовцев (образец Денисова 11) определяется в промежутках 115 700–140 900 лет или 79 300–118 100 лет [Mafessoni et al., 2020]. Оптический возраст самых древних отложений сибирячихинских комплексов в Чагырской пещере не превышает 60 тыс. л.н, что предполагает либо удревнение абсолютного возраста методом молекулярных часов, либо существование более древних памятников, чем известны в настоящее время [Kolobova et al., 2020b].

Проблема путей распространения неандертальцев была озвучена Л.Б. Вишняцким и А.К. Очередным в 2020 г., которые констатировали отсутствие микокских памятников на всем пространстве от Волги до Алтая [2020]. Для решения этого вопроса авторами был предложен пересмотр экспонированных комплексов Центральной Азии от Красноводского плато до северного Прибалхашья с опубликованными бифасиальными орудиями [Там же, с. 47–48]. В следующих работах были предложены несколько комплексов артефактов численностью, в большинстве случаев, 2 экз., которые определяются как микокские на основе типологии орудий, некоторых технологических наблюдений и фотографий. Первый комплекс – Шакпаката, пункт сбора «1в» на п-ове Мангыстау, где только несколько бифасов из среднедефлированного комплекса сравниваются с бифасиальными орудиями Сухой Мечетки [Артюхова, Мамиров, 2020]. Второй комплекс – Семизбугу, где из подъемных материалов выделено два обушковых бифаса, фотографии которых не дают возможности оценить технологию их изготовления и сравнить патину [Очередной и др., 2023]. И третий комплекс – местонахождение Торгалык в Туве, где также описываются два бифасиальных изделия, не производящих впечатления законченных изделий [Васильев, Вишняцкий, Очередной, 2022]. Приводятся также ссылки на иллюстрации двусторонних изделий с этого же местонахождения, рассматриваемые авторами как потенциальные микокские изделия. Однако эти же бифасы другими исследователями рассматриваются только в контексте нижнего палеолита [Деревянко, 2008].

Этими новыми работами фактически был предложен «южный путь» распространения европейских неандертальцев через территорию современного Казахстана – от Красноводского плато к северному Прибалхашью до Алтая и Тувы. Основными проблемами аргументации этого пути является недостаток хронологических данных, о чем авторы прямо пишут [Очередной и др., 2023; Васильев, Вишняцкий, Очередной, 2022], и недостаточность технологических и морфологических данных. Результаты технологического анализа бифасиальных орудий представляются с помощью общепринятого анализа последовательности сколов (scar pattern analysis), морфологического анализа – с помощью двух- или трехмерного геометрико-морфометрического анализа [Очередной и др., 2024]. С моей точки зрения, при аргументации микокской принадлежности бифасов необходимо не только демонстрировать изделия с предполагаемых комплексов, но и сравнивать технологические схемы с известных и общепризнанных памятников. Кроме того, вызывает некоторое недоумение, почему в многочисленных подъемных комплексах в качестве микокских определяются только по нескольку бифасов, в то время как типичными для микока, на примере географически ближайших комплексов Сухой Мечетки, пещер Чагырской и Окладникова являются конвергентные скребла различных форм, интенсивно ретушированные остроконечники, тронкированно-фасетированные орудия. Среди сколов должны быть многочисленны отщепы со смещенной осью скалывания относительно оси длины. Среди технических сколов и сколов-заготовок для орудий в подъемных сборах должны быть обнаружены сколы утончения бифасов, являющихся неотъемлемой частью бифасиальной цепочки расщепления [Колесник и др., 2020; Праслов, Кузнецова, 2020; Колобова и др., 2023]. Комплексный анализ подъемного материала был проведен только для среднедефлированных артефактов Шакпаката, пункт сбора «1в» на п-ове Мангыстау, однако там не было выделено других элементов микокского технокомплекса [Артюхова, Мамиров, 2020].

В контексте среднего палеолита Средней Азии также остается неясным, почему анализируемые бифасиальные изделия интерпретируются только как микокские, и при этом не рассматриваются другие варианты генезиса или аналогий с известным культурно-хронологическим контекстом. Так, плоско-выпуклые бифасы характерны для среднего палеолита пещеры Сельунгур в Кыргызстане в четком стратиграфическом контексте и с абсолютной датировкой, позиция в первом педокомплексе бифасиальных изделий стоянки Голифобад-1 также предполагает их достаточно точный возраст [Худжагелдиев и др., 2019; Krivoshapkin et al., 2020; Харевич, 2022]. Похожие бифасиальные изделия также характерны для комплексов бронзового века региона [Kot et al., 2015].

С моей точки зрения, культурная атрибуция экспонированных местонахождений, когда по умолчанию не известна хронология, когда рядом нет известных микокских комплексов и только на основе единичных бифасиальных артефактов, является неверифицируемым подходом. Нам уже известны случаи ошибочно-

го определения кейльмессеров в верхнепалеолитическом контексте [Zwyns et al., 2012]. Также известны неудачные бифасиальные ножи, напоминающие микокские, в контексте верхнепалеолитической листовидной бифасиальной технологии [Neruda, Nerudova, 2019]. Очень часто экспонированные комплексы интерпретируются по-разному несколькими исследователями [Деревянко, 2008; Kot et al., 2015; Васильев, Вишняцкий, Очередной, 2022]. Поэтому необходимы дальнейшие серьезные исследования и доказательная аргументация.

Второй, «северный путь» впервые был предложен при обосновании миграции европейских неандертальцев на восток, когда было высказано предположение, что ательская регрессия способствовала передвижению неандертальцев с севера от Каспийского моря [Kolobova et al., 2020b]. Компьютерное моделирование географических путей распространения неандертальцев из Мезмайской пещеры на Кавказе на Алтай подтверждает возможность существования и относительное удобство этого пути в период МИС 4 [Ghasidian et al., 2023]. А.П. Деревянко предполагает путь через северо-восточную часть Русской равнины и северные предгорья Урала [Деревянко, 2024]. Для дальнейшего обоснования северного пути необходима работа с перспективными материалами пещеры Иманай, уже определенными авторами раскопок как микокские [Котов, Румянцев, Гимранов, 2020].

С моей точки зрения, исследования комплексов поздних европейских неандертальцев в Северной, а возможно, и Центральной Азии находятся в самом начале, несмотря на длительную историю изучения и достаточно большой массив уже полученных научных данных.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. К вопросу о палеолите Мангыстау (леваллуа-ашель или микок?) // Самарский научный вестник. – 2020. – № 9 (3). – С. 180–188.

Васильев С.А., Вишняцкий Л.Б., Очередной А.К. Местонахождение Торгалык в Туве и вопрос о распространении микока на восток // Stratum plus. – 2022. – № 1. – С. 275-284.

Вишняцкий Л.Б., Очередной А.К. Возможная роль равнин Севера Центральной Азии в распространении микока // Геология палеолита Северной Азии: к столетию со дня рождения С.М. Цейтлина. – Красноярск: Ситалл. – 2020. – С. 46–49.

Деревянко А.П. Кто такие чагырские неандертальцы? Возможность их расселения в Центральной Азии и Южной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2024. – Т. 52, № 2. – С. 3–19.

Деревянко А.П. Проблема бифасиальной техники в Китае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 1. – С. 2–32.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1992. – 225 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 89–103.

Колесник А.В., Очередной А.К., Степанова К.Н., Данильченко А.В. Технология первичного расщепления камня на стоянке Сухая Мечетка // Camera Praehistorica. – 2020. – № 2 (5). – С. 67–99.

Колобова К.А., Харевич А.В., Чистяков П.В., Бочарова Е.Н., Тюгашев И.Е., Маркин С.В., Олсен Д. На востоке неандертальской ойкумены: сравнительное исследование Сухой Мечетки и микокских комплексов Алтая // Camera Praehistorica. – 2023. – № 2 (11). – С. 20–39.

Котов В.Г., Румянцев М.М., Гимранов Д.О. Стоянка среднего палеолита в пещере Иманай-1 на Южном Урале: предварительные итоги археологических исследований // Oriental Studies. – 2020. – Т. 13, № 5. – С. 1271–1291.

Очередной А.К., Артюхова О.А., Мамиров Т.Б., Осипова Е.А., Ожерельев Д.В., Вишняцкий Л.Б. О возможных следах распространения микока в Центральной Евразии: асимметричные бифасы с обушком из Семизбугу // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. – 2023. – № 1. – С. 25–31.

Очередной А.К., Пугачева Е.В., Тараканов А.С., Лада А.Р. Верификация структурных особенностей изделий среднего палеолита на примере кайльмессеров Сухой Мечётки // Stratum plus. – 2024. – № 1. – С. 91–131.

Праслов Н.Д., Кузнецова Л.В. Палеолитическое поселение Сухая Мечетка (по материалам раскопок С.Н. Замятнина). – СПб.: Невская типография, 2020. – 144 с.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 20–34.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Средний палеолит Алтая: вариабельность и эволюция // Stratum plus. – 2009. – № 1. – С. 33–78.

Харевич А.В. Бифасиальная технология в сибирячихинском варианте среднего палеолита Горного Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2022. – 26 с.

Харевич В.М., Зоткина Л.В., Харевич А.В., Колобова К.А. Предварительные результаты экспериментальных исследований охотничьего вооружения неандертальцев из Чагырской пещеры // Сибирские исторические исследования. – 2022. – № 1. – С. 156–169.

Худжагелдиев Т.У., Колобова К.А., Шнайдер С.В., Кривошапкин А.И. Первое свидетельство бифасиальной технологии в среднем палеолите Таджикистана // Stratum Plus. – 2019. – № 1. – С. 265–277.

Шалагина А.В., Харевич В.М., Мори С., Боманн М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Реконструкция технологических цепочек производства бифасиальных орудий в индустрии Чагырской пещеры // Сибирские исторические исследования. – 2020. – № 3. – С. 130–151.

Baumann M., Plisson H., Rendu W., Maury S., Kolobova K., Krivoshapkin A. The Neandertal Bone Industry at Chagyrskaya Cave, Altai Region, Russia // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 559. – P. 68–88.

Berezina N., Ziganshin R., Kolobova K., Koliasnikova A., Medvedev S., Rendu W., Buzhilova A. Bison sex matters: the potential of proteomic tooth enamel analysis for determination of ancient human subsistence strategies // Archaeol. and Anthropol. Sciences. – 2024. – Vol. 16 (142). – doi:10.1007/s12520-024-02053-x

Ghasidian E., Kafash A., Kehl M., Yousefi M., Heydari-Guran S. Modelling Neanderthals' dispersal routes from Caucasus towards east // PLoS ONE. – 2023. – 18 (2). – e0281978.

Jöris O., Neruda P., Wiśniewski A., Weiss M. The Late and Final Middle Palaeolithic of Central Europe and Its Contributions to the Formation of the Regional Upper Palaeolithic: a Review and a Synthesis // J. of Paleolithic Archaeol. – 2022. – Vol. 5 (17). – doi:10.1007/s41982-022-00126-8

Kolobova K., Kharevich V., Chistyakov P., Kolyasnikova A., Kharevich A., Markin S., Krivoshapkin A., Baumann M., Olsen J.W. How Neanderthals Gripped Retouchers: Experimental Reconstruction of the Manipulation of Bone Retouchers by Neanderthal Stone Knappers // Archaeological and Anthropological Sciences. – 2022. – Vol. 14 (1). – doi:10.1007/s12520-021-01495-x

Kolobova K., Shalagina A., Chistyakov P., Kovalev V., Koliasnikova A., Krivoshapkin A., Rendu W., Baumann M. The Application of Geometric-Morphometric Shape Analysis to Middle Paleolithic Bone Retouchers from the Altai Mountains, Russia // Quatern. Intern. – 2020a. – Vol. 559. – P. 89–96.

Kolobova K.A., Chabai V.P., Shalagina A.V., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Rendu W., Vasiliev S.V., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Exploitation of the natural environment by Neanderthals from Chagyrskaya Cave (Altai) // Quartar. – 2019. – Vol. 66. – P. 7–31.

Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.W., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // PNAS. – 2020b. – Vol. 117 (6). – P. 2879–2885.

Kolobova K.A., Kharevich A.V., Vasilyev S.K., Kharevich V.M., Bocharova E.N., Chistyakov P.V., Olsen J.W., Krivoshapkin A.I. New Data on Neanderthal Behavior in the Altai Region, Russia // Archaeological Research in Asia. – 2023a. – Vol. 36. – 100489.

Kolobova K.A., Tyugashev I.E., Kharevich A.V., Seletsky M.V., Chistyakov P.V., Markin S.V., Derevianko A.P. Variability in the Sibiryachikha Assemblages of the Altai Mountains (Based on Materials from Okladnikov Cave Layer 2) // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2023b. – Vol. 51. – P. 50–58.

Kot M., Szymczak K., Khudzhanazarov M., Sayfullaev B., Hushvakov N., Ergashev O. Kukayaz sites revisited. The problem with dating the bifacial technology in Central Asia // Возвращение к истокам. Сборник памяти выдающегося археолога Вадима Александровича Ранова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – С. 215–226.

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.-J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo S. Neanderthals in central Asia and Siberia // Nature. – 2007. – Vol. 449, N 7164. – P. 902–904.

Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S.V., Kolobova K. Middle Paleolithic variability in Central Asia: lithic assemblage of Sel'Ungur cave // Quatern. Intern. – 2020. – N 535. – P. 88–103. – doi:10.1016/j.quaint.2018.09.051

Mafessoni F., Grote S., de Filippo C., Slon V., Kolobova K.A., Viola B., Markin S.V., Chintalapati M., Peyrégne S., Skov L., Skoglund P., Krivoshapkin A.I., Derevianko A.P., Meyer M., Peter B., Prüfer K., Pääbo S. A high-coverage Neandertal genome from Chagyrskaya Cave // PNAS. – 2020. – Vol. 117 (26). – P. 15132–15136. – doi:10.1073/pnas.2004944117.

Neruda P., Nerudová Z. Technology of Early Szeletian leaf point shaping: a refitting approach // Archaeol. and Anthropol. Sci. – 2019. – Vol. 11. – P. 4515–4538. – doi:10.1007/s12520-019-00818-3

Salazar-García D.C., Power R.C., Rudaya N., Kolobova K., Markin S., Krivoshapkin A., Henry A.G., Richards M.P., Viola B. Dietary Evidence from Central Asian Neanderthals: a Combined Isotope and Plant Microremains Approach at Chagyrskaya Cave (Altai, Russia) // J. of Hum. Evol. – 2021. – Vol. 156. – P. 102985.

Zwyns N., Roebroeks W., McPherron S.P., Jagich A., Hublin J-J. Comment on "Late Mousterian Persistence near the Arctic Circle" // *Science.* – 2012. – Vol. 335. – P. 167–167. – doi:10.1126/science.1209908

References

Artyukhova O.A., Mamirov T.B. To the question about the Paleolithic of Mangystau (levallua-ashel or mycock)? *Samara Scientific Bulletin,* 2020. Vol. 9 (3). P. 180–188. (In Russ.).

Baumann M., Plisson H., Rendu W., Maury S., Kolobova K., Krivoshapkin A. The Neandertal Bone Industry at Chagyrskaya Cave, Altai Region, Russia. *Quaternary International,* 2020. Vol. 559. P. 68–88.

Berezina N., Ziganshin R., Kolobova K., Koliasnikova A., Medvedev S., Rendu W., Buzhilova A. Bison sex matters: the potential of proteomic tooth enamel analysis for determination of ancient human subsistence strategies. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2024. Vol. 16 (142). doi:10.1007/s12520-024-02053-x

Derevianko A.P. The Bifacial Technique in China. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2008. No. 1. P. 2–32.

Derevianko A.P. Who Were the Chagyrskaya Neanderthals? The Possibility of Their Dispersal Across Central Asia and Southern Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2024. Vol. 52. P. 3–19.

Derevianko A.P., Markin S.V. Must'e Gornogo Altaya (po materialam peshchery im. Okladnikova). Novosibirsk: Nauka, 1992. 224 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V., Shunkov M.V. The Sibiryachikha facies of the Middle Paleolithic of the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013. No. 1. P. 89–103.

Ghasidian E., Kafash A., Kehl M., Yousefi M., Heydari-Guran S. Modelling Neanderthals' dispersal routes from Caucasus towards east. *PLoS ONE,* 2023. Vol. 18 (2). e0281978.

Jöris O., Neruda P., Wiśniewski A., Weiss M. The Late and Final Middle Palaeolithic of Central Europe and Its Contributions to the Formation of the Regional Upper Palaeolithic: a Review and a Synthesis. *Journal of Paleolithic Archaeology,* 2022. Vol. 5 (17). doi:10.1007/s41982-022-00126-8

Kharevich A.V. Bifasial'naya tekhnologiya v sibiryachikhinskom variante srednego paleolita Gornogo Altaya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2022. 26 p. (In Russ.).

Kharevich V.M., Zotkina L.V., Kharevich A.V., Kolobova K.A. Preliminary Results of Experimental Study of Neanderthal's Hunting Weapons from Chagyrskaya Cave. *Siberian Historical Studies*, 2022. No. 1. P. 156–169. (In Russ.).

Khujageldiev T., Kolobova K., Shnaider S., Krivoshapkin A. The First Evidence of Bifacial Technology in the Middle Palaeolithic of Tajikistan. *Stratum Plus*, 2019. Vol. 1. P. 265–277. (In Russ.).

Kolesnik A.V., Ocherednoi A.K., Stepanova K.N., Danilchenko A.V. Tekhnologiia pervichnogo rasshchepleniia kamnia na stoianke Sukhaia Mechetka. *Camera Praehistorica*, 2020. Vol. 2 (5). P. 67–99. (In Russ.).

Kolobova K., Kharevich V., Chistyakov P., Kolyasnikova A., Kharevich A., Markin S., Krivoshapkin A., Baumann M., Olsen J.W. How Neanderthals Gripped Retouchers: Experimental Reconstruction of the Manipulation of Bone Retouchers by Neanderthal Stone Knappers. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2022. Vol. 14(1). doi:10.1007/s12520-021-01495-x

Kolobova K., Shalagina A., Chistyakov P., Kovalev V., Koliasnikova A., Krivoshapkin A., Rendu W., Baumann M. The Application of Geometric-Morphometric Shape Analysis to Middle Paleolithic Bone Retouchers from the Altai Mountains, Russia. *Quaternary International*, 2020a. Vol. 559. P. 89–96.

Kolobova K.A., Chabai V.P., Shalagina A.V., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Rendu W., Vasiliev S.V., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Exploitation of the natural environment by Neanderthals from Chagyrskaya Cave (Altai). *Quartar*, 2019. Vol. 66. P. 7–31. doi:10.7485/QU66_1

Kolobova K.A., Kharevich A.V., Chistyakov P.V., Bocharova E.N., Tyugashev I.E., Markin S.V., Olsen D. The East of The Neanderthal Universe: A Comparative Analysis of Sukhaya Mechetka ond Altai Micoquian Complexes. *Camera Praehistorica*, 2023a. No. 2 (11). P. 20–39. (In Russ.).

Kolobova K.A., Kharevich A.V., Vasilyev S.K., Kharevich V.M., Bocharova E.N., Chistyakov P.V., Olsen J.W., Krivoshapkin A.I. New Data on Neanderthal Behavior in the Altai Region, Russia. *Archaeological Research in Asia*, 2023a. Vol. 36. 100489.

Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.W., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America,* 2020b. Vol. 117 (6). P. 2879–2885.

Kolobova K.A., Tyugashev I.E., Kharevich A.V., Seletsky M.V., Chistyakov P.V., Markin S.V., Derevianko A.P. Variability in the Sibiryachikha Assemblages of the Altai Mountains (Based on Materials from Okladnikov Cave Layer 2). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2023b. Vol. 51. P. 50–58.

Kot M., Szymczak K., Khudzhanazarov M., Sayfullaev B., Hushvakov N., Ergashev O. Kukayaz sites revisited. The problem with dating the bifacial technology in Central Asia. In *Coming back to beginnings. In memory of an outstanding archaeologist Vadim Ranov*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. P. 215–226.

Kotov V.G., Rumyantsev M.M., Gimranov D.O. Middle Paleolithic Site of Imanai-1 Cave in the Southern Urals: Preliminary Results of Archaeological Investigations. *Oriental Studies,* 2020. Vol. 13. P. 1271–1291.

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.-J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo S. Neanderthals in central Asia and Siberia. *Nature*, 2007. Vol. 449. No. 7164. P. 902–904.

Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M. T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S.V., Kolobova K. Middle Paleolithic variability in Central Asia: lithic assemblage of Sel'Ungur cave. *Quaternery Internnational*, 2020. Vol. 535. P. 88–103. doi:10.1016/j.quaint.2018.09.051

Mafessoni F., Grote S., de Filippo C., Slon V., Kolobova K.A., Viola B., Markin S.V., Chintalapati M., Peyrégne S., Skov L., Skoglund P., Krivoshapkin A.I., Derevianko A.P., Meyer M., Peter B., Prüfer K., Pääbo S. A high-coverage Neandertal genome from Chagyrskaya Cave. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2020. Vol. 117. No. 26. P. 15132–15136. doi:10.1073/pnas.2004944117

Neruda P., Nerudová Z. Technology of Early Szeletian leaf point shaping: a refitting approach. *Archaeological and Anthropological Science.* 2019. Vol. 11. P. 4515–4538. doi:10.1007/s12520-019-00818-3

Otcherednoy A.K., Artyukhova O.A., Mamirov T.B., Osipova E.A., Ozhereliev D.V., Vishnyatsky L.B. Possible traces of the eastward spread of the Micoquian in Central Eurasia: asymmetrical backed bifaces from Semizbugu. *Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies,* 2023. Vol. 1. P. 25–31. (In Russ.). doi:10.31600/2658-3925-2023-1-25-31

Otcherednoy A.K., Pugacheva E.V., Tarakanov A.S., Lada A.R. Towards Verification of the Structural Characteristics

of Middle Palaeolithic Keilmessers from Sukhaya Mechetka. *Stratum plus*, 2024. Vol. 1. P. 91–131.

Praslov N.D., Kuznetsova L.V. Paleoliticheskoe poselenie Sukhaia Mechetka (po materialam raskopok S.N. Zamiatnina). St. Petersburg: Nevskaia tipografiia Publ., 2020. 144 p. (In Russ.).

Rybin E.P., Kolobova K.A. The Middle Paleolithic of Altai: variability and evolution. *Stratum plus,* 2009. Vol. 1. P. 33–78. (In Russ.).

Rybin E.P., Kolobova K.A. The Structure of the Lithic industries and the Functions of Paleolithic Sites in the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia,* 2004. Vol. 4 (20). P. 20–34. (In Russ.).

Shalagina A.V., Kharevich V.M., Mori S., Bomann M., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A. Reconstruction of the Bifacial Technological Sequence in Chagyrskaya Cave Assemblage. *Siberian Historical Studies*, 2020. No. 3. P. 130–151.

Vasiliev S.A., Vishnyatsky L.B., Otcherednoy A.K. The Torgalyk Locality in Tuva and the Question of the Eastern Reaches of the Micoquian. *Stratum plus*, 2022. Vol. 1. P. 275–284. (In Russ.).

Vishnyatsky L.B., Otcherednoy A.K. Vozmozhnaja rol' ravnin Severa Central'noj Azii v rasprostranenii mikoka. In: Geologija paleolita Severnoj Azii: k stoletiju so dnja rozhdenija S.M. Cejtlina. Krasnojarsk: Sitall, 2020. P. 46–49.

Zwyns N., Roebroeks W., McPherron S.P., Jagich A., Hublin J.-J. Comment on "Late Mousterian Persistence near the Arctic Circle". *Science.* 2012. Vol. 335. P. 167–167. doi:10.1126/science.1209908

Маркин С.В. https://orcid.org/0000-0002-4528-8613

Дата сдачи рукописи: 24.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0159-0164
УДК 902.01

Г.И. Марковский[1]✉, С. Алишер кызы[2], Н.В. Глушко[3], А. Абдыканова[4], С.В. Шнайдер[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Ошский государственный университет
Ош, Кыргызстан
[3]Независимый исследователь
Новосибирск, Россия
[4]Американский университет Центральной Азии
Бишкек, Кыргызстан
E-mail: markovskyyy@gmail.com

Изучение техник скола с применением методов трехмерного моделирования (по материалам стоянки Обишир-5, Кыргызстан)

В статье представлены результаты изучения коллекции нуклеусов со стоянки Обишир-5 (Ферганская долина, Юго-Западный Кыргызстан) при помощи методов 3D-моделирования. На основе изучения ряда публикаций и различных археологических материалов был выработан список критериев для определения отжимной и ударной техник скола в контексте каменных индустрий памятника. В результате большей части нуклевидных изделий (63 экз.) из коллекции стоянки Обишир-5 дана атрибуция в рамках одной из двух обозначенных техник, артефакты разделены на две группы соответственно. Один из основных критериев – среднее значение угла между ударной площадкой и фронтом скалывания – удалось вычислить исключительно при помощи использования методов трехмерного моделирования. В продолжение работы было выяснено, какие еще морфометрические характеристики могут помочь в анализе и идентификации различных техник скола. С использованием масштабируемых высокоточных 3D-моделей нуклеусов (41 экз.) вычислены следующие параметры: длина, ширина, высота ядрища; высота и ширина фронта скалывания; степень выпуклости профиля фронта скалывания; степень выпуклости дуги скалывания. В результате показатели отношения длины к ширине и высоты фронта к его ширине оказались схожи у ядрищ обеих групп. Различия проявились в показателях выпуклости профиля фронта и особенно в значениях выпуклости дуги скалывания. Выявленные сходства в пропорциях объясняются тем, что в обеих группах распространены призматические и подпризматические нуклеусы слегка удлиненных пропорций с широким и невысоким фронтом скалывания. Однако размеры типологически близких «отжимных» и «ударных» ядрищ различаются, на что указывает значительная разница в объеме. Выпуклость фронта скалывания в плане и профиле оказалась признаком именно отжимного расщепления в индустриях стоянки.

Ключевые слова: *Центральная Азия, Обишир-5, техника скола, техника отжим, ударная техника, трехмерная модель, 3D.*

G.I. Markovskiy[1]✉, S. Alisher kyzy[2], N.V. Glushko[3], A. Abdykanova[4], S.V. Shnaider[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Osh State University
Osh, Kyrgyzstan
[3]Independent researcher
Novosibirsk, Russia
[4]American University in Central Asia
Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: markovskyyy@gmail.com

Research of Knapping Techniques by Three-Dimensional Modeling Methods (Evidence from the Obishir-5 Site, Kyrgyzstan)

This article discusses the application of 3D modeling methods for analyzing the collection of cores from the Obishir-5 site (Fergana Valley, Southwestern Kyrgyzstan). Using literature and archaeological evidence, the team of authors has developed a list of criteria for determining the pressure and percussion knapping techniques thus making it possible to attribute most of the cores (63 pcs.) from the collection of the Obishir-5 site to one of the two techniques and to divide the artifacts into two respective groups. One of the main criteria – average value of the angle between the striking platform and flaking surface – was calculated exclusively by using the three-dimensional modeling methods. The study also intended to establish which other morphometric characteristics would be helpful for analyzing and identifying various knapping techniques. The following parameters were calculated using the scaled high-precision 3D models of cores (41 pcs.): length, width, and height of the core; height and width of the splitting surface; degree of convexity on the profile of the splitting surface, and degree of convexity of the platform edge. While the values of length-to-width ratio and front height-to-width ratio were similar in the cores of both groups, differences have been discovered in the indices of convexity of the front profile and especially in the values of convexity of the platform edge. The similarities in proportions can be explained by common prismatic and subprismatic cores of slightly elongated proportions with wide and low flaking surface in both groups. However, the sizes of the typologically similar "pressure" and "percussion" cores were different, as indicated by significant difference in volume. The convexity of the working surface in plan and profile turned out to be the sign of pressure techniques in the lithic industries from the site.

Keywords: *Central Asia, Obishir-5, knapping techniques, pressure technique, percussion technique, three-dimensional model, 3D.*

Введение

Памятник Обишир-5 был открыт Ферганским палеолитическим отрядом Института Археологии АН УзбССР под руководством У.И. Исламова в 1965 г. [Исламов, 1980] в южной части Ферганской долины у подножия южного склона хребта Катрантау. Входит в состав небольшой группы стоянок Обишир, расположенной в 4 км к западу от г. Айдаркен (Юго-Западный Кыргызстан, Баткенская обл.). В 2015 г. изучение археологических объектов вблизи Айдаркена было возобновлено благодаря совместной работе российских и кыргызских специалистов. За 9 лет комплексных исследований на стоянке Обишир-5 получен большой объем новых данных, внесены дополнения в стратиграфическую картину отложений и культурно-хронологическую интерпретацию материалов [Шнайдер и др., 2016, 2019].

На памятнике выявлены 3 культурных горизонта в 5 литологических подразделениях. Первый горизонт соответствует слою 1 (светло-серые, серо-коричневые суглинки) и отнесен к периоду бронзового века – Средневековья. Второй культурный горизонт, наиболее насыщенный археологическим материалом, зафиксирован в коричневатых суглинках коллювиального генезиса литологических подразделений 2 и 3. На основе AMS-датирования получена серия дат в промежутке 9–6,5 тыс. л.н., что согласуется со среднеголоценовым временем. Третий горизонт выявлен в слоях 4 и 5 (плотные светлые суглинки) и согласно результатам термолюминесцентного и радиоуглеродного методов имеет возраст 14–9,8 тыс. л.н. [Taylor et al., 2021]. Каменная индустрия культурного горизонта 2 направлена на получение пластинок и микропластин с призматических и торцовых нуклеусов и в технико-технологическом плане выглядит однородной. Среди орудий присутствуют микропластины с вентральной ретушью, проколки, выемчатые орудия на пластинках, скребки концевые, мелкие долотовидные орудия, а также единичные пластинки с притупленным краем и трапеции [Шнайдер и др., 2016, 2019]. Для индустрии горизонта 3 характерна бóльшая доля отщепов в категории сколов при сохранении общей мелкопластинчатой направленности. Пластинчатые снятия получали с подпризматических и торцовых нуклеусов, а сколы отщеповых пропорций – с плоских ядрищ путем продольного, бипродольного и радиального расщепления. Орудийный набор менее разнообразен: концевые скребки на отщепах и пластинах, пластинки с ретушью притупления, долотовидные изделия, острия на пластинах, оформленные ретушью притупления [Там же].

Материалы и методы

Показательные для каменной индустрии категории находок получили подробное технико-типологическое описание в рамках атрибутивного подхода [Павленок К.К., Белоусова, Рыбин, 2011]. Для всех нуклевидных форм, орудий и репрезентативных сколов были созданы оцифрованные копии высокого разрешения при помощи 3D-сканера Range Vision Spectrum, поскольку методы трехмерного моделирования дают возможность качественно и быстро документировать облик артефактов, заменяя либо дополняя графический рисунок и фотографию. Также трехмерные масштабируемые модели позволяют проводить морфометрический анализ каменных изделий, а широкий спектр измерений закладывает основу для формирования компаративной статистической базы, обладающей высокой верифицируемостью [Колобова и др., 2020].

Ранее были сделаны предположения о присутствии двух техник скола на стоянке Обишир-5, использовавшихся при утилизации нуклеусов для мелких пластинчатых заготовок – техники ручного отжима и ударной [Шнайдер и др., 2016]. На эту мысль наталкивала морфология некоторых репрезентативных ядрищ, с высокой долей вероятности оформившихся посредством ударной техники или, наоборот, отжимной. Форма и размерность пластинчатых снятий как бы подтверждали тезис, что ручной отжим не позволял получать пластины шириной более 12–15 см из плотных изотропных пород типа кремня [Гиря, Нехорошев, 1993]. В результате на основе опыта предшественников были определены критерии, подходящие для разделения «отжимных» и «ударных» нуклеусов из коллекции стоянки Обишир-5 [Гиря, 1997; Гиря, Нехорошев, 1993; Павленок Г.Д., Павленок К.К., 2013, 2014; Уиттакер, Алаев, Алаева, 2004]. Благодаря использованию методов 3D-моделирования удалось вычислить среднее значение угла между ударной площадкой и плоскостью скалывания для отдельных ядрищ (всего 63 экз.) и для двух условных групп соответственно [Марковский и др., 2022]. Наряду с морфологическими разграничениями появился точный числовой показатель. Таким образом, группа нуклеусов, сработанных посредством отжимной техники скола, сформирована по следующим критериям: угол скалывания близок к 90° (среднее значение 87,7°), присутствуют следы абразивной подработки на дуге скалывания или тонкой подправки мелкими сколами (до 2 мм), негативы на фронте расщепления имеют прямые параллельные края, высокую регулярность, параллельную ориентацию [Гиря, 1997; Павленок Г.Д., Павленок К.К., 2014]. Для группы с применением ударной техники характерны: угол скалывания острее 80° (среднее значение 78,3°), подработка дуги скалывания мелкими сколами (2–4 мм), негативы на фронте расщепления имеют волнистые края, четко прослеживается не больше 3–4 снятий, субпараллельная и конвергентная ориентация негативов на поверхности скалывания [Гиря, 1997; Павленок Г.Д., Павленок К.К., 2014].

На основании, на наш взгляд, вполне обоснованной атрибуции ядрищ в настоящем сообщении предпринята попытка выяснить на материалах стоянки Обишир-5, какие еще морфометрические характеристики могут помочь в анализе, идентификации и понимании связей элементов первичного расщепления. Используя масштабируемые высокоточные трехмерные модели нуклеусов, удалось оперативно получить следующие параметры: 1) длина, ширина, высота ядрища; 2) высота и ширина фронта скалывания; 3) степень выпуклости профиля фронта скалывания; 4) степень выпуклости дуги скалывания. Для исследования были отобраны целые нуклеусы для пластин, как отжимные, так и ударные. Все экземпляры (41 экз.) были четко морфологически идентифицируемые, а имеющиеся изъяны не воспрепятствовали определению любого из перечисленных параметров.

Для нуклеусов, полученных в ходе раскопок в 2023 г., были посчитаны средние значения угла между ударной площадкой и фронтом по ранее описанной методике: на 3D-модели ядрища строилось необходимое количество секущих плоскостей перпендикулярно дуге скалывания, затем на каждой из плоскостей отдельно прорисовывались линии соответствия ударной площадке и фронту, согласно полученному контуру; при прорисовке линии соответствия фронту за основу брался медиальный участок профиля скола – самый стабильный и прямой, измерялся угол между линиями (рис. 1, *1*) [Марковский и др., 2022]. Для определения линейных параметров (длина, ширина, высота) никаких методических новшеств не потребовалось. Степень выпуклости профиля фронта скалывания оценивалась на основе уже проведенных сечений для подсчета углов: на полученном профиле проводился прямой отрезок от начала до конца фронта скалывания, к нему строился перпендикуляр

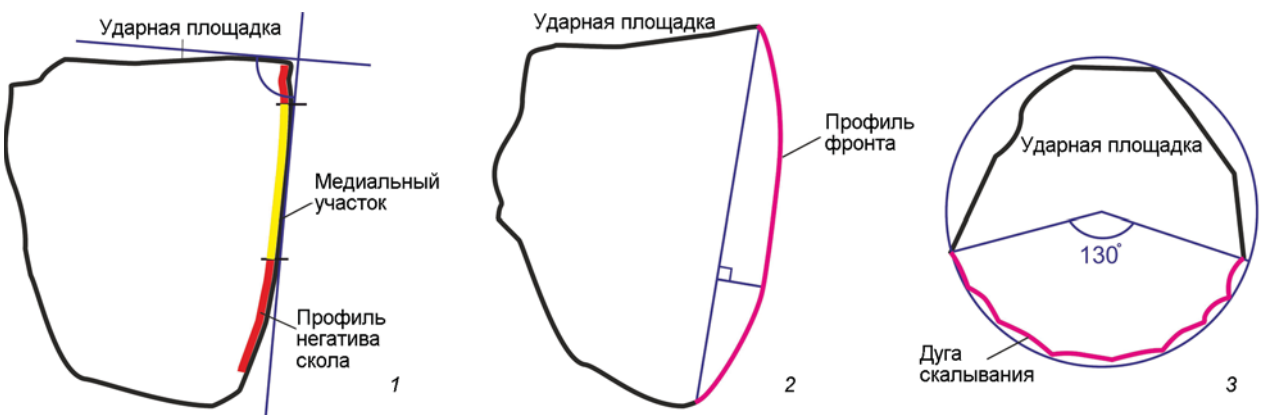

Рис. 1. Графические иллюстрации измерений на плоскости.

1 – измерение угла между ударной площадкой и фронтом скалывания; *2* – вычисление степени выпуклости профиля фронта скалывания; *3* – вычисление степени выпуклости дуги скалывания.

из максимально удаленной точки на дуге, высчитывалось процентное отношение отрезка к перпендикуляру (рис. 1, *2*). Для определения степени выпуклости дуги скалывания выбран периодически использующийся в археологии метод: дуга скалывания ассоциировалась с частью окружности, затем окружность дорисовывалась до целой; центральный угол сектора, ограниченного радиусами из концов дуги скалывания, становился искомым отражением выпуклости дуги (рис. 1, *3*). Возможно, способы подсчета двух последних параметров выглядят упрощенно, однако на данном этапе исследования наша задача определить, стоит ли включать в протокол анализа элементов первичного расщепления эти характеристики, или они окажутся непоказательными и только добавят лишний объем базы данных. В случае доказательства их полезности можно обратиться к наиболее подходящим математическим понятиям (например, кривизна), которые создадут стабильную основу для статистических сопоставлений и уже используются некоторыми исследователями [Valletta, Dag, Grosman, 2021].

Результаты

В результате морфологического анализа и произведенных измерений выборка из 41 нуклеуса была разделена на две группы: 26 экз. – ядрища с признаками утилизации при помощи отжима (вероятно, ручного); 15 экз. – имеют все признаки сработанности посредством ударной техники. Метрические показатели отношения длины к ширине оказались близки (рис. 2, *1*), как и показатели отношения вы-

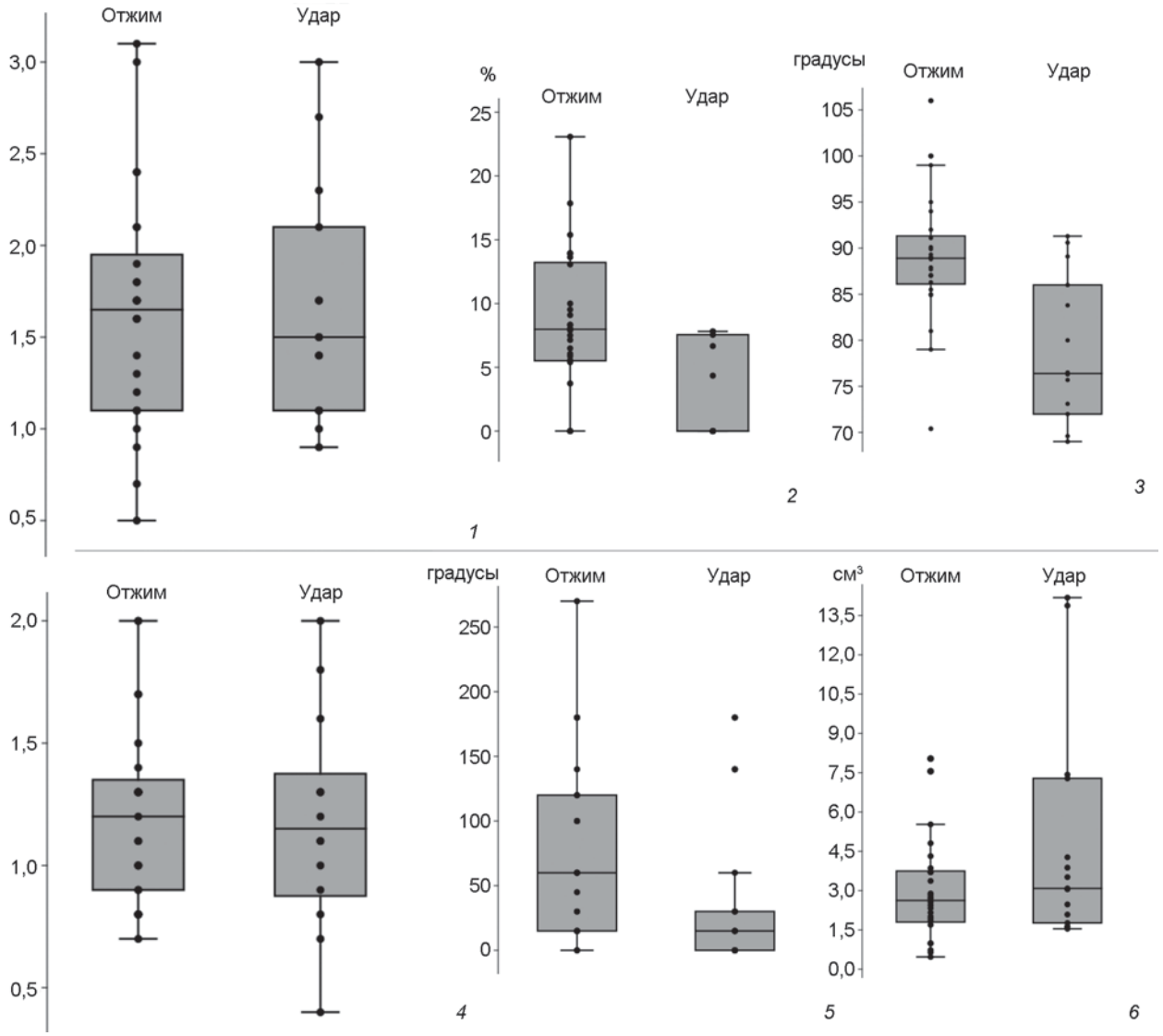

Рис. 2. Блочные диаграммы (box and jitter), иллюстрирующие различия параметров ядрищ из групп 1 и 2.

1 – отношение длины нуклеуса к его ширине; *2* – выпуклость профиля фронта скалывания; *3* – среднее значение угла между ударной площадкой и фронтом скалывания; *4* – отношение высоты фронта скалывания к его ширине; *5* – выпуклость дуги скалывания; *6* – среднее значение объема нуклеусов.

соты фронта к его ширине (рис. 2, *4*). Скорее всего, такая близость обусловлена морфологическим и типологическим сходством ядрищ обеих групп, т.к. при некоторой степени вариабельности самыми распространенными на стоянке Обишир-5 являются призматические и подпризматические нуклеусы слегка удлиненных пропорций с широким и невысоким фронтом скалывания. А вот размеры типологически близких «отжимных» и «ударных» ядрищ оказались различными, что показывает нам разница в объеме между экземплярами двух групп (рис. 2, *6*). Также различия прослеживаются в показателях выпуклости профиля, которые значительно выше у нуклеусов с признаками отжимного расщепления (рис. 2, *2*), а разница в значениях выпуклости дуги скалывания является самым большим показателем среди представленных пунктов сравнения (рис. 2, *5*), что делает его одним из приоритетных для группы 1.

Если сходство в пропорциях ядрищ, их форме и типологии говорит нам о неком общем каноне в первичном расщеплении, существовавшем на стоянке Обишир-5 в течение долгого времени, то различия в показателях средних значений угла скалывания (рис. 2, *3*) и объема (рис. 2, *6*) ярко иллюстрируют наличие стандартизации в каменном производстве «отжимной» группы, которая почти не прослеживается в другой группе. Больший объем и скачки в средних значениях говорят о сложности контроля процесса расщепления при получении целевых пластинчатых заготовок ударной техникой, а также о ее меньшей эффективности в плане рационального расходования сырья. Выпуклость фронта скалывания в плане и профиле выступает неотъемлемым признаком именно отжимного расщепления в индустриях стоянки. В дальнейшей работе планируется оптимизировать и унифицировать получение данных, связанных с выпуклыми или вогнутыми участками поверхности ядрищ и сколов с использованием значительных возможностей 3D-моделирования. Расширение статистической базы исследования за счет результатов экспериментов по реконструкции техник расщепления, новых находок со стоянок Ферганской долины, а также предметов из музейных коллекций позволит перейти от конкретных, на вид не особо значимых значений, на уровень реконструкции аспектов жизни древнего населения Центральной Азии.

Благодарности

Сканирование артефактов, создание и обработка 3D-моделей выполнены при поддержке госзадания № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды». Измерения, статистическая обработка и интерпретация данных проведены в рамках проекта РНФ № 24-78-10127 «Неолитизация в горной части Центральной Азии (от Копетдага до высокогорий Памира)».

Список литературы

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. – СПб.: [б. и.], 1997. – Ч. 2. – 198 с. – (Археологические изыскания; вып. 44).

Гиря Е.Ю., Нехорошев П.Е. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // Российская археология. – 1993. – № 4. – С. 5–24.

Исламов У.И. Обиширская культура. – Ташкент: Фан, 1980. – 147 с.

Колобова К.А., Шалагина А.В., Чистяков П.В., Бочарова Е.Н., Кривошапкин А.И. Возможности применения трехмерного моделирования для исследований комплексов каменного века // Сибирские исторические исследования. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2020. – № 4. – С. 240–260. – doi:10.17223/2312461X/30/12

Марковский Г.И., Алишер кызы С., Абдыканова А., Шнайдер С.В. Использование трехмерных моделей в ходе морфометрического анализа нуклеусов стоянки Обишир-5 (Ферганская долина, Кыргызстан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 169–174. – doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0169-0174

Павленок Г.Д., Павленок К.К. Ударные техники скола в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: история, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 28–37.

Павленок Г.Д., Павленок К.К. Техника отжима в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: история, филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 26–36.

Павленок К.К., Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П. Атрибутивный подход к реконструкции «операционных цепочек» расщепления камня // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: история, филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 35–46.

Уиттакер Дж.Ч., Алаев С.Н., Алаева Т.В. Расщепление камня: технология, функция, эксперимент. – Иркутск: Оттиск, 2004. – 312 с.

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Крайцарж М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Романенко М.Е. Алишер кызы С. Результаты археологических раскопок памятника Обишир-5 в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 194–198.

Шнайдер С.В., Алишер кызы С., Селин Д.В., Рендю В., Абдыканова А., Бранкалеоне Г., Крайцарж М., Кривошапкин А.И. Результаты экспедиционных исследований памятника Обишир-5 в 2018–2019 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ

СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 286–292. – doi:10.17746/2658-6193.2019.25.286-292

Taylor W.T.T., Pruvost M., Posth C., Rendu W., Krajcarz M.T., Abdykanova A., Brancaleoni G., Spengler R., Hermes T., Schiavinato S., Hodgins G., Stahl R., Min J., Alisher kyzy S., Fedorowicz S., Orlando L., Douka K., Krivoshapkin A., Jeong C., Warinner C., Shnaider S. Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia // Nature Human Behaviour. – 2021. – Vol. 5. – P. 1169–1179. – doi:10.1038/s41562-021-01083-y

Valletta F., Dag I., Grosman L. Identifying Local Learning Communities During the Terminal Palaeolithic in the Southern Levant: Multi-scale 3-D Analysis of Flint Cores // J. of Computer Applications in Archaeology. – 2021. – Vol. 4 (1). – P. 145–168. – doi:10.5334/jcaa.74

References

Girya E.Y. Tekhnologicheskii analiz kamennykh industrii. Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudii truda. St. Petersburg, 1997. Pt. 2. 198 p. (In Russ.).

Girya E.Y., Nekhoroshev P.E. Some technological criteria of the Stone Age periodisation. *Rossiiskaya arkheologiya*, 1993. No. 4. P. 5–24. (In Russ.).

Islamov U.I. Obishirskaya kul'tura. Tashkent: Fan, 1980. 147 p. (In Russ.).

Kolobova K.A., Shalagina A.V., Chistyakov P.V., Bocharova E.N., Krivoshapkin A.I. Three-dimensional modelling application for studying stone age assemblages. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2020. No. 4. P. 240–260. (In Russ.). doi:10.17223/2312461X/30/12

Markovsky G.I., Alisher kyzy S., Abdykanova A., Shnaider S.V. Three-dimensional models in morphometric analysis of cores from the Obishir-5 site (Fergana valley, Kyrgyzstan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 28. P. 169–174. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0169-0174

Pavlenok G.D., Pavlenok K.K. Percussion flaking in the stone age: review of English and Russian published sources. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Philology*, 2013. Vol. 12, No. 7. P. 28–37. (In Russ.).

Pavlenok G.D., Pavlenok K.K. Pressure technique in the stone age: review of English and Russian published sources. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Philology*, 2014. Vol. 13, No. 5. P. 26–36. (In Russ.).

Pavlenok K.K., Belousova N.E., Rybin E.P. Attributive approach to reconstruction of "Chaine operatoire" of knapped technology. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Philology*, 2011. Vol. 10, No. 3. P. 35–46. (In Russ.).

Shnaider S.V., Abdykanova A., Kraitsarzh M., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Romanenko M.E., Alisher kyzy S. The results of archaeological excavations at the Obishir-5 site in 2016. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 194–198. (In Russ.).

Shnaider S.V., Alisher kyzy S., Selin D.V., Rendu W., Abdykanova A., Brancaleoni G., Krajcarz M., Krivoshapkin A.I. Results of field studies at the Obishir-5 site in 2018–2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 286–292. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.286-292

Taylor W.T.T., Pruvost M., Posth C., Rendu W., Krajcarz M.T., Abdykanova A., Brancaleoni G., Spengler R., Hermes T., Schiavinato S., Hodgins G., Stahl R., Min J., Alisher kyzy S., Fedorowicz S., Orlando L., Douka K., Krivoshapkin A., Jeong C., Warinner C., Shnaider S. Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia. *Nature Human Behaviour*, 2021. Vol. 5. P. 1169–1179. doi:10.1038/s41562-021-01083-y

Valletta F., Dag I., Grosman L. Identifying Local Learning Communities During the Terminal Palaeolithic in the Southern Levant: Multi-scale 3-D Analysis of Flint Cores. *Journal of Computer Applications in Archaeology*, 2021. Vol. 4 (1). P. 145–168. doi:10.5334/jcaa.74

Whittaker J.Ch., Alaev S.N., Alaeva T.V. Flintknapping: making and understanding stone tools. Irkutsk: Ottisk, 2004. 312 p. (In Russ.).

Марковский Г.И. https://orcid.org/0000-0003-2698-707X
Алишер кызы С. https://orcid.org/0000-0003-3138-0942
Глушко Н.В. https://orcid.org/0009-0008-7665-5261
Абдыканова А. https://orcid.org/0000-0002-7238-9065
Шнайдер С.В. https://orcid.org/0000-0003-2230-4286

Дата сдачи рукописи: 03.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0165-0171
УДК 902.01

Г.И. Марковский[1]✉, Н.В. Глушко[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Независимый исследователь
Новосибирск, Россия
E-mail: markovskyyy@gmail.com

Использование трехмерного моделирования для реконструкции каменного шлифованного орудия

Методы трехмерного моделирования с каждым годом получают все большее применение в археологии. Их использование позволяет на новом уровне всесторонне анализировать отдельные артефакты, а также создавать основу для статистического сопоставления больших групп предметов. В статье описывается опыт применения методов работы с 3D-моделями для реконструкции каменного шлифованного орудия. В процессе обработки неолитических материалов стоянки Ручей Смолокурный (Северное Приангарье) замечено, что шлифованные орудия (тесла, топоры, песты) после поломки всегда переоформлялись в другие изделия: скребки, струги, долотовидные орудия, бифасы и нуклеусы. На одном из крупных долотовидных орудий после переоформления сохранились многочисленные участки шлифованной поверхности. В процессе работы с высокоточной 3D-копией каменного артефакта было построено необходимое количество поперечных сечений, пересекавших остатки шлифованной поверхности. Поскольку все известные крупные изделия со шлифовкой в материалах стоянки продольно симметричны, был применен метод зеркальной симметрии, фактически увеличивший площадь шлифованной поверхности на предмете. Были проанализированы оригинальные и зеркально отраженные сечения, и определены основные черты первоначального изделия: асимметрия в профиле относительно продольной оси; одна сторона предмета была более выпуклой со слабовыраженным продольным ребром по центру; другая сторона более ровная, менее выпуклая, с более интенсивной шлифовкой, распространявшейся на продольные края. В результате анализа полученных изображений и сопоставления с сериями сечений схожих морфологически целых изделий первоначальное шлифованное орудие было идентифицировано как тесло. В итоге благодаря методам трехмерного моделирования удалось реконструировать тип и предположительный облик переоформленного шлифованного орудия.

Ключевые слова: *трехмерное моделирование, симметрия, неолит, Северное Приангарье, переоформление, шлифованные орудия.*

G.I. Markovskiy[1]✉, N.V. Glushko[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Independent researcher
Novosibirsk, Russia
E-mail: markovskyyy@gmail.com

Using Three-Dimensional Modeling for Reconstructing a Polished Stone Tool

The methods of 3D modeling have been increasingly used in archaeology, making it possible to comprehensively analyze individual artifacts at a new level of accuracy and create a basis for statistical comparison between large groups of objects. This article describes application of 3D modeling methods to reconstructing a polished stone tool. During processing of the Neolithic evidence from the Ruchei Smolokurnyi site (Northern Angara Region), it was noticed that after breakage, polished tools (adzes, axes, or pestles) were always remodeled into other items, such as scrapers, planers, chisel-like tools, bifaces, and even cores. One of large chisel-like tools has preserved numerous spots of polished surface after remodeling. In the process of working with a high-precision 3D copy of this stone artifact, a number of cross-sections intersecting the remains of the polished surface were made. All known large polished items from that site were longitudinally symmetrical. The method of

mirror symmetry was applied, which increased the area of the polished surface on the reconstructed object. By analyzing the original and mirrored sections, it was possible to determine the main features of the original tool. It had asymmetry in profile relative to the longitudinal axis. One side was more convex with a weakly distinguished longitudinal rib in the center. The other side was flatter, less convex, with more thorough polishing extending to the longitudinal edges. After analyzing the images and comparing them with a series of cross-sections of morphologically similar intact items, the original polished tool was identified as adze. Thus, the methods of 3D modeling have made it possible to reconstruct the type and supposed appearance of the original polished tool.

Keywords: *three-dimensional modeling, symmetry, Neolithic, Northern Angara Region, remodeling, polished tools.*

Введение

В ходе проведения многолетних широкомасштабных раскопок в зоне затопления Богучанской ГЭС получен огромный объем разновременных археологических материалов. Обработка многотысячных коллекций и подготовка качественных публикаций в промежутках между длительными полевыми сезонами оказались делом непростым, поэтому подробные и обобщающие результаты исследований начали включаться в научный оборот значительно позже окончательного завершения спасательных работ [Леонтьев, Герман, 2019; Стоянка Пашина..., 2016].

Материалы многослойной стоянки Ручей Смолокурный не стали исключением и сразу после завершения работ были удостоены лишь кратких сообщений, дающих общее представление о проведенных исследованиях и обнаруженных находках [Марковский, 2010; Марковский, Дудко, 2011; Богучанская археологическая экспедиция, 2015]. Археологический памятник располагался на правом берегу р. Ангары в 10 км к западу от с. Паново, в 2 км к востоку от утеса Толстый Мыс и сейчас полностью затоплен водами Богучанского водохранилища. Объект выявлен в 2006 г. отрядом Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, спасательные археологические работы на его территории производились в 2010–2011 гг. под руководством Г.И. Марковского, в 2012 г. под руководством Е.П. Рыбина [Богучанская археологическая экспедиция, 2015]. В 2023 г. подробная работа с коллекциями возобновилась (раскопки Г.И. Марковского), с применением актуальных научных методов. За полевые сезоны 2010–2011 гг. на стоянке в границах двух раскопов (общей площадью 1 270 м^2) изучены три литологических подразделения, вмещавших культурные остатки палеолита, неолита, бронзового века и Средневековья. Всего обнаружено более 25 тыс. находок из разных культурных горизонтов, 4/5 от общего числа которых составили находки периода неолита [Марковский, 2010; Марковский, Дудко, 2011].

Археологические материалы

При изучении каменной индустрии неолитического горизонта были подробно рассмотрены шлифованные изделия: целые орудия, их крупные фрагменты, мелкие обломки и сколы с остаточными шлифованными поверхностями, а также переоформленные изделия на базе шлифованных. Морфологически выраженные шлифованные орудия представлены теслами, топорами и пестами (терочниками). Тесла имеют трапециевидную форму, двустороннюю отделку и скошенный в профиле рабочий край [Васильев и др., 2007] (целые – 3 экз., размером до 7,5 см по длинной оси). Встречаются фрагменты дистальных частей тесел, которые показывают, что на стоянке также использовались орудия большего размера. Целых топоров не обнаружено, судя по сохранившимся фрагментам (дистальные части орудий – 3 экз.), они имели форму, близкую к трапециевидной, широкое лезвие с тщательной двусторонней обработкой и симметричный профиль [Там же]. Песты (терочники) (всего 5 экз.) варьировались по размерам, но были близки по морфологии – имели форму удлиненного конуса с массивным расширением в рабочей зоне, поперечное сечение в любой части предметов максимально приближено к окружности.

В процессе анализа коллекции замечено, что шлифованные орудия после поломки всегда переоформлялись в разнообразные изделия, зачастую отличные по назначению от первоначальных: скребки, струги, долотовидные орудия, бифасиальные ножи, а также нуклеусы [Марковский, Глушко, Дудко, 2023]. Один артефакт с остатками шлифованных поверхностей, морфологически идентифицированный как долотовидное орудие, привлек внимание размером и массивностью (рис. 1, *1*). Изготовлено изделие из мелкозернистого плотного светло-серого песчаника. Судя по сильно модифицированным дистальному и проксимальному элементам, в нашем распоряжении оказалась лишь медиальная часть, на которой остатки первоначальной поверхности распределены неравномерно. Поскольку все крупные шлифованные изделия из коллекции симметричны в плане относительно продольной оси, была предпринята попытка реконструкции утраченной поверхности с помощью метода зеркальной симметрии.

Методы исследования

Представляемая работа базируется на методах трехмерного моделирования: создание высокоточных оцифрованных копий предметов при помощи

3D-сканера Range Vision Spectrum [Чистяков и др., 2019], построение необходимого количества сечений каменного артефакта в программе Geomagic Design X, дальнейшая реконструкция с применением метода зеркальной симметрии и обработка результатов в графическом редакторе [Чистяков, Бочарова, Колобова, 2021; Колобова и др., 2020]. Использование высокоточных трехмерных моделей предоставляет возможность восстановления фрагментов или частей артефактов. Отправной точкой для реконструкции является выявление оси или плоскости симметрии, относительно которой можно зеркально отображать предметы и воссоздавать утраченные элементы. Метод реконструкции, основанный на использовании оси симметрии, активно применялся в работе с керамическими изделиями [Stamatopoulos, Anagnostopoulos, 2016], а также с предметами искусства [Kolobova et al., 2019] и костяными орудиями [Бочарова, Чистяков, Жданов, 2021; Бочарова и др., 2023]. Широко использующийся в современной науке метод аналогий позволяет выявлять в коллекциях хронологически близких стоянок предметы, имеющие схожие морфологические характеристики и метрические параметры.

Анализ и интерпретация

На созданной трехмерной модели были сделаны 9 поперечных сечений, которые проведены так, чтобы затронуть максимальное количество остатков шлифованной поверхности. Все пересеченные участки отмечены оранжевым цветом на контурах сечений (рис. 1, *2*). Затем произведено симметричное отображение каждого контура вместе с сохранившимися участками. В завершении обработки контур переоформленного предмета удалялся, оставлены только участки пересечения шлифованной поверхности, образующие частичный контур первоначального изделия (рис. 1, *2*). Следует отметить, что сечения целых экземпляров шлифованных орудий не являются полностью симметричными слева направо относительно продольной оси (рис. 2, *1–5*). Вероятно, поперечные профили реконструируемого предмета также не были идеально ровными, однако на получившейся иллюстрации можно проследить основные черты первоначального изделия (см. рис. 1, *2*): 1) асимметрия относительно горизонтальной центральной секущей плоскости (асимметрия верхней и нижней частей профиля); 2) сторона предмета, соответствующая верхней

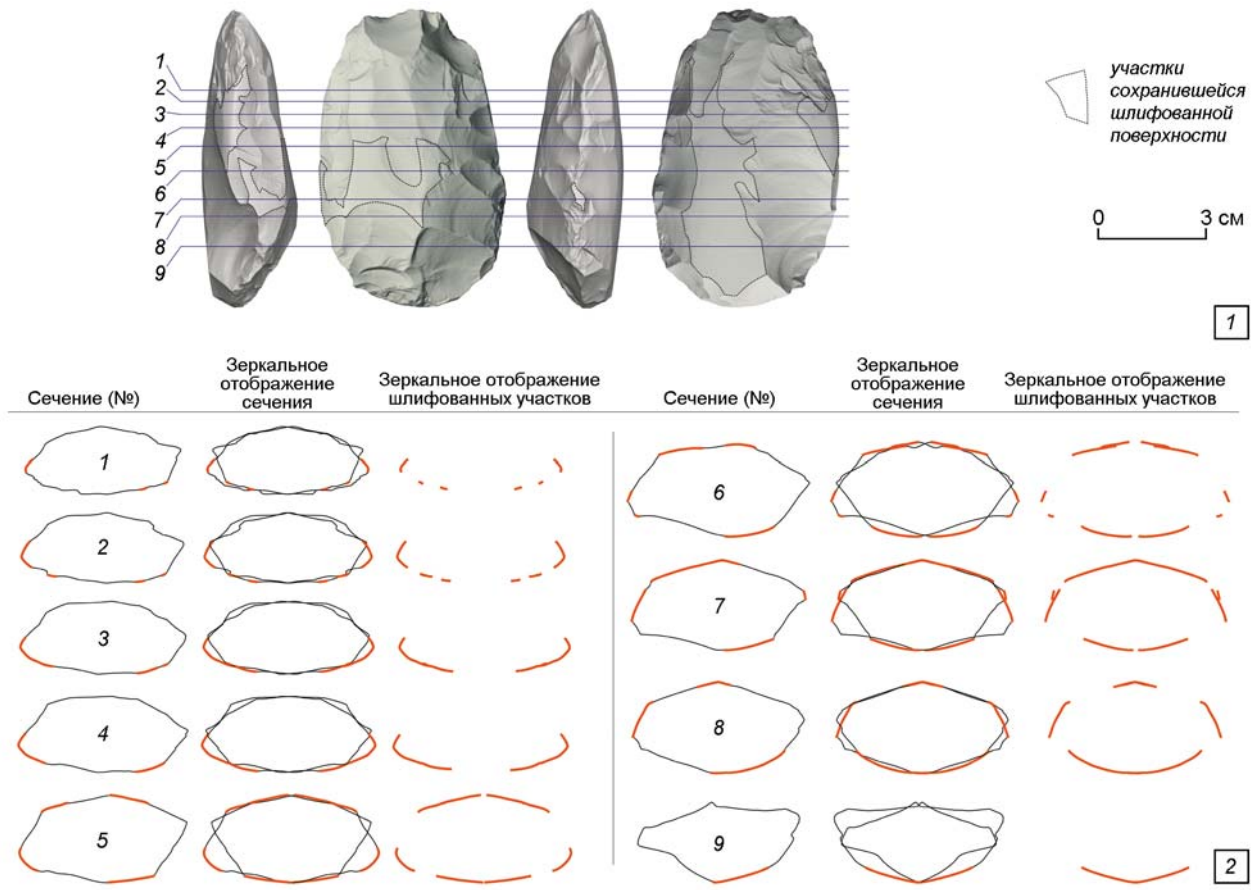

Рис. 1. Долотовидное орудие из неолитического горизонта стоянки Ручей Смолокурный.

1 – изображение на основе 3D-модели артефакта с указанием поперечных сечений; *2* – поперечные сечения и зеркальные отображения (оранжевым цветом отмечены участки сохранившейся шлифованной поверхности).

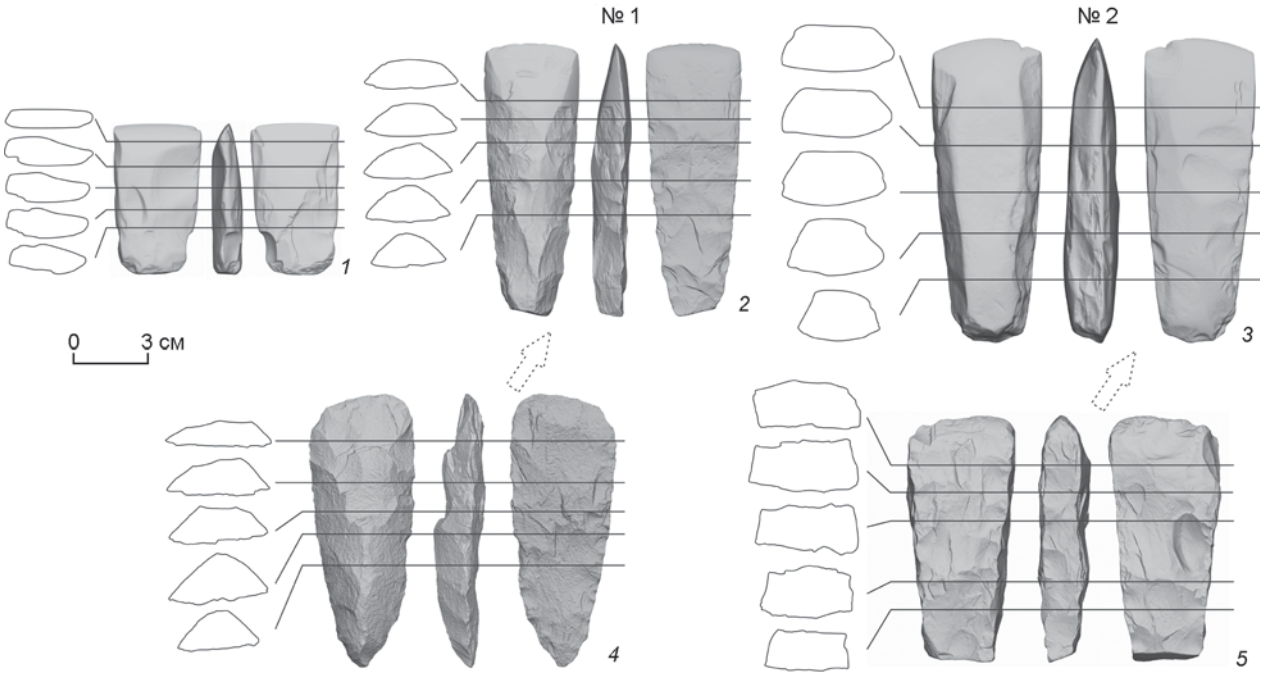

Рис. 2. Целые тесла и заготовки тесел.

1 – малое плоское тесло (стоянка Ручей Смолокурный); *2*, *3* – целые тесла различных форм (стоянка Кода-2); *4* – заготовка, схожая с основой тесла № 1 (стоянка Ручей Смолокурный); *5* – заготовка, схожая с основой тесла № 2 (стоянка Мыс Столбы).

части сечений, более выпуклая и имеет слабовыраженное ребро по центру; 3) другая сторона (нижняя часть сечений) более ровная, менее выпуклая, поверхность сильнее заглажена, обработка здесь более интенсивная; 4) тщательная шлифовка с нижней части распространяется на продольные края, образуя ребро-границу между фасами изделия. Таким образом, если искать аналогии среди шлифованных орудий из материалов стоянки, то однозначно отпадает вариант песта (терочника), т.к. все изделия из этой категории обладают симметричным круглым поперечным сечением. Также сырье изделия свидетельствует не в пользу такой атрибуции, поскольку все обнаруженные песты были изготовлены из темной, более твердой неоднородной породы. Имеющиеся фрагменты топоров говорят о том, что эти орудия имели продольную симметрию и симметричный профиль, который как раз не наблюдается в случае реконструируемого изделия. Остается единственный вариант для идентификации, подходящий по всем параметрам, – тесло.

Среди целых тесел неолитического горизонта стоянки Ручей Смолокурный нет схожих реконструируемым, присутствуют лишь экземпляры небольших размеров (рис. 2, *1*) с уплощенными сторонами. Подобные орудия широко распространены в Приангарье и Прибайкалье, их традиционно называют «плоскими малыми теслами». Чаще всего это небольшие плоские изделия иногда с еле заметным желобком у лезвия, в поперечном сечении они часто имеют вид трапеции [Неолит..., 1996]. Однако аналогии среди морфологически близких орудий могут обнаружиться в коллекциях других синхронных памятников Северного Приангарья, т.к. разнообразные тесла довольно широко представлены в неолитических индустриях региона. В качестве примера для сравнения выбраны целые тесла со стоянки Кода-2 (рис. 2, *2*, *3*) [Марковский, 2010], отражающие две наиболее распространенные формы этих орудий в регионе. Предметы имеют некоторые различия в морфологии первоначальной заготовки. Сравнивая поперечные профили реконструируемого тесла с сечениями целых экземпляров, можно сделать предположение, к какому из них наш предмет наиболее близок. Тесло № 1 (рис. 2, *2*) схоже с реконструируемым предметом наличием центрального ребра на одной из сторон, при этом другая сторона слишком плоская, также шлифовка почти не распространяется дальше дистальной части. Тесло № 2 (рис. 2, *3*) не имеет центрального ребра, однако поперечные профили близки к реконструируемому, особенно схожа форма второй стороны (нижняя часть сечений), где профиль тоже ровный, стабильный, ближе к дистальной части становится менее выпуклым и немного расширяется. Шлифовка тесла № 2 распространяется почти по всей менее выпуклой стороне, она также более интенсивна, чем на спинке, обработка затрагивает продольные края, иногда образуя четкое ребро между сторонами. Таким образом, реконструируемый нами предмет очень схож с теслом № 2, за исключением отсутствия центрального ребра на спинке последнего.

В нашем распоряжении также имеются заготовки тесел (рис. 2, *4*, *5*), которые, с небольшими до-

пусками, могли бы стать заготовками тесел № 1 и № 2 соответственно [Там же]. Уже на финальной стадии оббивки заготовок формируется поперечный профиль будущих орудий. Последний этап – шлифование – завершает формирование рабочей дистальной части и выравнивает остальные поверхности изделия. Заглаживание орудия идет до тех пор, пока неровности поверхности не перестанут влиять на использование орудия по назначению. Поэтому шлифованная поверхность иногда не покрывает значительную часть изделия, как в случае с теслом № 1. Тщательная и точная оббивка также может создать максимально подходящую форму орудия, что в свою очередь уменьшит площадь необходимой шлифовки. Вероятно, центральное ребро на реконструируемом тесле – наследие формы заготовки, что делает ее схожей с заготовкой тесла № 1. Поскольку имеющееся долотовидное орудие шире и толще любого из двух тесел, то изначальный предмет был тем более значительно крупнее. По нашему предположению, заготовка реконструируемого тесла не являлась плоской, а была близка к заготовке тесла № 1 с треугольным сечением. При оформлении такого крупного изделия была произведена тщательная оббивка еще до стадии шлифования, а снятия с продольных краев в сторону спинки производились не в один ряд, как на заготовке (рис. 2, *4*), и не в один-два ряда, как на тесле № 1 (рис. 2, *3*), а многократно в несколько рядов с разной размерностью сколов. В результате спинка приобрела более сглаженный профиль и не ярко выраженное ребро. На наш взгляд, реконструируемое изделие схоже с орудиями, названными А.П. Окладниковым «желобчатыми теслами с острой спиной» – крупные (до 20 см в длину) трапециевидные или треугольные тесла, асимметричные в поперечном сечении, их передняя сторона более плоская и у лезвия слегка вогнутая, а спинка выпуклая, в средней части орудия приостренная [Неолит..., 1996].

В итоге, благодаря методам трехмерного моделирования, удалось реконструировать тип переоформленного шлифованного орудия. Работа с высокоточной 3D-моделью каменного артефакта, построение необходимого количества сечений, применение метода зеркальной симметрии позволили распознать в массивном долотовидном орудии с сохранившимися участками шлифованной поверхности первоначальный предмет – тесло. После определения морфологических характеристик обеих сторон артефакта была предпринята попытка поиска схожего экземпляра в археологических коллекциях. Тесла в неолите Северного Приангарья обладают широкой вариабельностью форм, поэтому встретить абсолютно идентичные предметы маловероятно. Реконструируемое нами тесло наиболее близко по итоговому облику к экземпляру со стоянки Кода-2 (рис. 2, *3*), однако основой для него могла послужить треугольная в сечении заготовка, от которой частично сохранилось центральное ребро на одной из сторон.

Благодарности

Исследование проведено при поддержке госзадания № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А. Присекайло, Г.И. Марковский, А.А. Дудко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 564 с. – (Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 1).

Бочарова Е.Н., Чистяков П.В., Жданов Р.К. Применение трехмерного сканирования для исследования составных пазовых орудий раннего голоцена Восточной Сибири (на примере орудий из комплексов стоянки Казачка-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 57–65. – doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0057-0065

Бочарова Е.Н., Чистяков П.В., Зоткина Л.В., Лохов Д.Н. Использование 3D-моделирования для реконструкции артефактов с зеркальной симметрией // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 75–80. – doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0075-0080

Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А., Вишняцкий Л.Б., Гиря Е.Ю., Грибченко Ю.Н., Желтова М.Н., Тихонов А.Н. Четырехъязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. – 264 с.

Колобова К.А., Шалагина А.В., Чистяков П.В., Бочарова Е.Н., Кривошапкин А.И. Возможности применения трехмерного моделирования для исследований комплексов каменного века // Сибирские исторические исследования. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2020. – № 4. – С. 240–260. – doi:10.17223/2312461X/30/12

Леонтьев С.Н., Герман П.В. Керамика эпохи бронзы памятников острова Сергушкин (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2019. – Вып. 10. – С. 108–122.

Марковский Г.И. Результаты полевых исследований стоянок Кода-2, Ручей Смолокурный, Мыс Столбы в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 555–558.

Марковский Г.И., Глушко Н.В., Дудко А.А. О повторном использовании сломанных орудий в неолите Северного Приангарья по материалам стоянки Ручей Смолокурный (работы 2010–2011 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 189–195. – doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0189-0195

Марковский Г.И., Дудко А.А. Результаты полевых исследований стоянок Ручей Смолокурный и Мыс Столбы в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 437–442.

Неолит Северной Евразии / Т.Д. Белановская, В.В. Бжания, Н.Н. Гурина, Г.И. Зайцева, М.П. Зимина, М.В. Константинов, М.Ф. Косарев, Д.А. Крайнов, Л.Я. Крижевская, С.В. Ошибкина, М.Ф. Потушняк, А.С. Смирнов, Д.Я. Телегин, В.И. Тимофеев, Л.П. Хлобыстин, Н.А. Хотинский, Е.К. Черныш. – М.: Наука, 1996. – 394 с.

Стоянка Пашина в Северном Приангарье (исследования 2008–2009 годов) / А.Е. Гришин, Ж.В. Марченко, Ю.Н. Гаркуша, Д.А. Гурулев, С.В. Шнайдер, Н.А. Кулик, С.К. Васильев, Е.А. Кербс. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – 168 с. – (Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 2).

Чистяков П.В., Бочарова Е.Н., Колобова К.А. Обработка трехмерных моделей археологических артефактов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 7. – С. 48–61. – doi:10.25205/1818-7919-2021-20-7-48-61

Чистяков П.В., Ковалев В.С., Колобова К.А., Шалагина А.В., Кривошапкин А.И. 3D моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2019. – Т. 27, № 3. – С. 102–112. – doi:10.14258/tpai(2019)3(27).-07

Kolobova K.A., Fedorchenko A.Y., Basova N.V., Postnov A.V., Kovalev V.S., Chistyakov P.V., Molodin V.I. The Use of 3D-Modeling for Reconstructing the Appearance and Function of Non-Utilitarian Items (the Case of Anthropomorphic Figurines from Tourist-2) // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2019. – Vol. 4 (47). – P. 66–76. – doi:10.17746/1563-0110.2019.47.4.066-076

Stamatopoulos M.I., Anagnostopoulos C. 3D digital reassembling of archaeological ceramic pottery fragments based on their thickness profile. // CoRRabs/1601.05824. – 2016. – URL: https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1601/1601.05824.pdf (дата обращения: 03.08.2024).

References

Belanovskaya T.D., Bzhaniya V.V., Gurina N.N., Zaitseva G.I., Zimina M.P., Konstantinov M.V., Kosarev M.F., Krainov D.A., Krizhevskaya L.Y., Oshibkina S.V., Potushnyak M.F., Smirnov A.S., Telegin D.Y., Timofeev V.I., Khlobystin L.P., Khotinskii N.A., Chernysh E.K. Neolit Severnoi Evrazii. Moscow: Nauka, 1996. 394 p. (In Russ.).

Bocharova E.N., Chistyakov P.V., Zhdanov R.K. Using 3D scanning to study composite slotted tools from the early holocene of Eastern Siberia (the Case of Kazachka-1 Site). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 57–65. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0057-0065

Bocharova E.N., Chistyakov P.V., Zotkina L.V., Lokhov D.N. Use of 3D Modeling for Reconstructing the Artifacts with Mirror Symmetry. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 75–80. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0075-0080

Chistyakov P.V., Bocharova E.N., Kolobova K.A. Processing three-dimensional models of archaeological artifacts. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Series: History and Philology*, 2021. Vol. 20, No. 7. P. 48–61. (In Russ.). doi:10.25205/1818-7919-2021-20-7-48-61

Chistyakov P.V., Kovalev V.S., Kolobova K.A., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I. 3D modeling of archaeological artifacts by structured light scanner. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii*. Barnaul, 2019. Vol. 27, No. 3. P. 102–112. (In Russ.). doi:10.14258/tpai(2019)3(27).-07

Derevianko A.P., Tsybankov A.A., Postnov A.V., Slavinskii V.S., Vybornov A.V., Zolnikov I.D., Deev E.V., Prisekailo A.A., Markovskii G.I., Dudko A.A. Boguchanskaya arkheologicheskaya ekspeditisiya: ocherk polevykh issledovanii (2007–2012 gody). In *Trudy Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. 1. 564 p. (In Russ.).

Grishin A.E., Marchenko Z.V., Garkusha Y.N., Gurulev D.A., Shnaider S.V., Kulik N.A., Vasilev S.K., Kerbs E.A. Stoyanka Pashina v Severnom Priangar'e (issledovaniya 2008–2009 godov). In *Trudy Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 2. 168 p. (In Russ.).

Kolobova K.A., Fedorchenko A.Y., Basova N.V., Postnov A.V., Kovalev V.S., Chistyakov P.V., Molodin V.I. The Use of 3D-Modeling for Reconstructing the Appearance and Function of Non-Utilitarian Items (the Case of Anthropomorphic Figurines from Tourist-2). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019. Vol. 4 (47). P. 66–76. doi:10.17746/1563-0110.2019.47.4.066-076

Kolobova K.A., Shalagina AV., Chistyakov P.V., Bocharova E.N., Krivoshapkin A.I. Three-dimensional modelling application for studying Stone Age assemblages. *Siberian Historical Research*, 2020. No. 4. P. 240–260. (In Russ.). doi:10.17223/2312461X/30/12

Leontiev S.N., German P.V. Broze age pottery from Sergushkin Island sites (Northern Angara region). In *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri*. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, 2019. Iss. 10. P. 108–122. (In Russ.).

Markovskii G.I. Rezul'taty polevykh issledovanii stoyanok Koda-2, Ruchei Smolokurnyi, Mys Stolby v Severnom Priangar'e. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010. Vol. 16. P. 555–558. (In Russ.).

Markovskii G.I., Dudko A.A. Rezul'taty polevykh issledovanii stoyanok Ruchei Smolokurnyi i Mys Stolby v 2011 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011. Vol. 17. P. 437–442. (In Russ.).

Markovskii G.I., Glushko N.V., Dudko A.A. Reuse of Broken Tools in the Neolithic of the Northern Angara Region, Based on the Materials of the Ruchey Smolokurny Site (works of 2010–2011). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 189–195. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0189-0195

Stamatopoulos M.I., Anagnostopoulos C. 3D digital reassembling of archaeological ceramic pottery fragments based on their thickness profile. CoRRabs/1601.05824. 2016. URL: https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1601/1601.05824.pdf (Accessed: 03.08.2024).

Vasilev S.A., Bosinski G., Bradley B.A., Vishnyatsky L.B., Girya E.Y., Gribchenko Y.N., Zheltova M.N., Tikhonov A.N. Glossary of the Paleolithic Archaeology. Russian/English/French/German. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2007. 264 p. (In Russ.).

Марковский Г.И. https://orcid.org/0000-0003-2698-707X
Глушко Н.В. https://orcid.org/0009-0008-7665-5261

Дата сдачи рукописи: 31.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0172-0177
УДК 902.21

Г.И. Марковский[1]✉, Н.В. Глушко[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Независимый исследователь
Новосибирск, Россия
E-mail: markovskyyy@gmail.com

Подъемные сборы в окрестностях села Бобково Алтайского края в ходе разведки в 2024 году

В полевой сезон 2024 г. в окрестностях с. Бобково (Рубцовский р-н Алтайского края) проведена разведка, в ходе которой на данной территории были обнаружены признаки присутствия человека в неолитическое время. Участок долины р. Алей был выбран для изучения, поскольку имеет сходство с расположением стоянки Рубцовское. Согласно планиграфическому и геоморфологическому контекстам обнаружения артефактов на поселении, люди в неолите предпочитали селиться в непосредственной близости от р. Алей, его проток и небольших озер. Судя по находкам со стоянки Рубцовское, основным их занятием была рыбная ловля. В данный момент этот памятник расположен на берегу старичного озера, непереработанного р. Алей в ходе многократного изменения русла в ложе долины. Село Бобково расположено на берегу схожей старицы по правому борту долины р. Алей, участок террасы здесь имеет ровный рельеф и удобную южную экспозицию. В ходе осмотра большого количества различных обнажений вдоль водоема и на площадке террасы был обнаружен немногочисленный археологический материал: нуклевидный обломок, сколы без вторичной обработки (пластины – 7 экз., отщепы – 5 экз.) и неорнаментированный фрагмент керамического сосуда. Пластинчатые сколы по морфологии и сырьевому составу сопоставимы с неолитическими материалами региона. Найденный в обрыве берега отщеп имеет небольшую заглаженность граней и вполне может быть близок материалам, обнаруженным к западу от с. Бобково в 1964 г., предварительно датированным палеолитическим временем. По результатам разведки зафиксированы следы человеческой деятельности, однако малочисленность собранных артефактов и отсутствие четкого археологического контекста не позволяют определить тот или иной участок террасы как стоянку или поселение. Вероятно, осмотренные площадки расположены слишком высоко и далеко от воды и были недостаточно удобны для длительного обитания социальных групп в финале каменного века.

Ключевые слова: *археологическая разведка, неолит, каменные артефакты, Алтайский край, Рубцовское, Бобково.*

G.I. Markovskii[1]✉, N.V. Glushko[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Independent researcher
Novosibirsk, Russia
E-mail: markovskyyy@gmail.com

Surface Collection near the Bobkovo Village of the Altai Kray during the 2024 Survey

In the 2024 field season near the Bobkovo village (Rubtsovsky District, Altai Kray), an archaeology survey was conducted. During the survey, signs of human presence in the area during the Neolithic were found. This part of the valley of the Aley River was chosen for the study because of its similarity to the location of the Rubtsovskoye site. According to the planographic and geomorphological contexts of artifacts found at the site, people in the Neolithic preferred to settle in the immediate vicinity of the Aley River, its channels and small lakes. Based by the finds from the Rubtsovskoye site, their main occupation was fishing. The site is presently located on the shore of an old lake, which was not destroyed by the Aley River during its multiple changes. The Bobkovo village is located on the bank of a similar old lake on the right side of the Aley River valley; the terrace section here has a flat relief and a convenient southern exposure. During the inspection of a many different exposures along the lake and on the terrace site, a small amount of archaeological material was found: a core-like fragment, debitage without retouche (blades – 7 specimens,

flakes – 5 specimens), and an undecorated ceramic vessel fragment. Laminar flakes are comparable to the Neolithic materials from the region in terms of morphology and raw material composition. A flake found in the bank cliff has slightly smoothed edges and may be close to the materials discovered west of the Bobkovo village in 1964, preliminarily dated to the Paleolithic. Signs of human activity were recorded during the survey, although the small number of the collected artifacts and the lack of a clear archaeological context make it impossible to identify a part of the terrace as a site or settlement. The surveyed areas are likely to be located too high and too far from the water, and they were not comfortable enough for the long-term habitation of social groups in the Final Stone Age.

Keywords: *archaeological survey, Neolithic, stone artifacts, Altai Kray, Rubtsovskoye, Bobkovo.*

Введение

В сентябре 2024 г. сотрудниками ИАЭТ СО РАН была проведена разведка в окрестностях с. Бобково (Рубцовский р-н Алтайского края) (рис. 1). Целью исследования было обнаружение стратифицированных археологических объектов, относящихся к завершающим этапам каменного века. Разведка проходила вдоль старичного водоема по правому борту долины р. Алей пешим маршрутом общей протяженностью 5 км. Были осмотрены многочисленные береговые обнажения, свободные от растительности площадки террасы, а также пойменные участки в непосредственной близости от воды (рис. 2). В результате был обнаружен экспонированный археологический материал, большая часть которого сопоставима с неолитическими материалами региона.

Особенности и проблемы изучения неолитических объектов региона неоднократно отмечались исследователями при построении первых схем периодизации [Комарова, 1956] и дальнейших попытках переосмысления накопленного материала [Шмидт, 2005]. На территории Приобского плато и конкретно Рубцовского р-на зафиксировано много местонахождений с поверхностным залеганием археологического материала и стоянок с неясным хроностратиграфическим контекстом при небольшом количестве закрытых комплексов и четких многослойных объектов [Памятники..., 1996; Краеведческие записки, 2002]. Чрезвычайно интересным в перечне памятников является поселение Рубцовское, открытое в 1991 г. известным краеведом Анатолием Викторовичем Онниковым. Самая насыщенная находками часть памятника уничтожена при обваловке водопровода и шламопровода. В последующие годы на объекте производили раскопки А.А. Тишкин [1995] и А.В. Шмидт [2005]. А.В. Онников проводил и по сей день проводит сбор экспонированных артефактов из разрушенного куль-

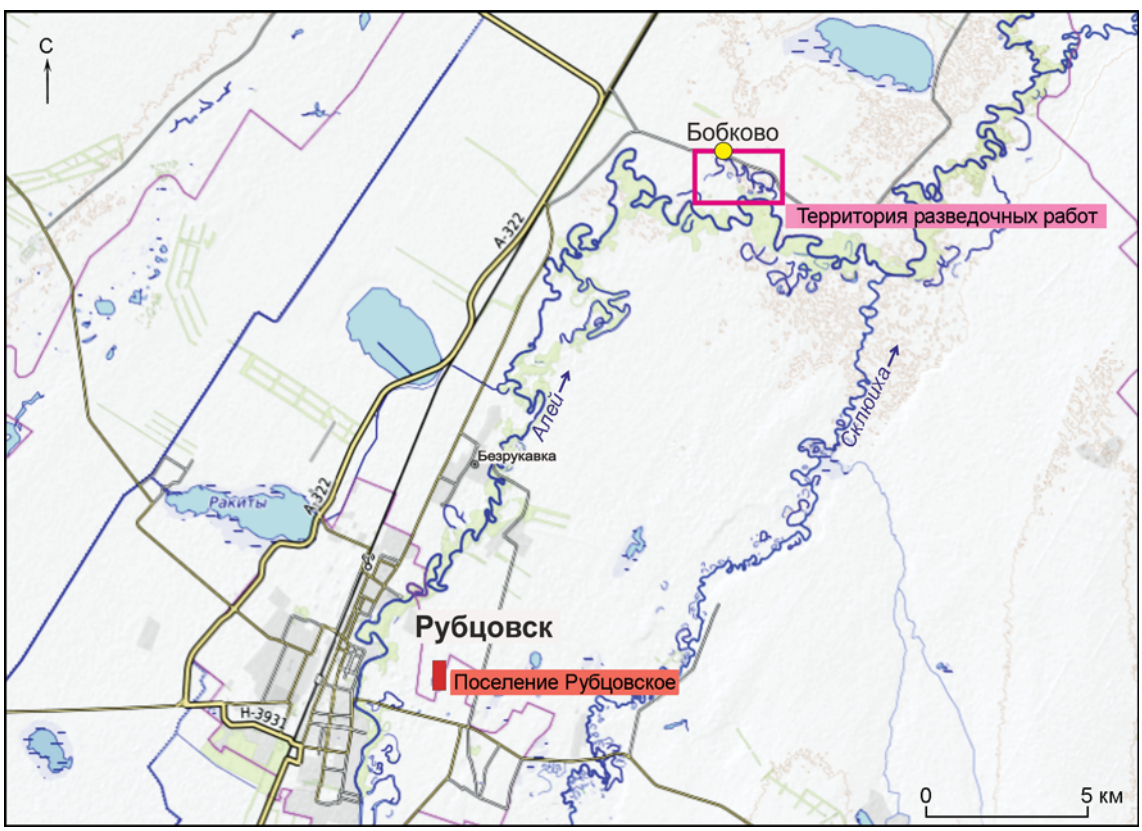

Рис. 1. Карта-схема расположения участка археологической разведки.

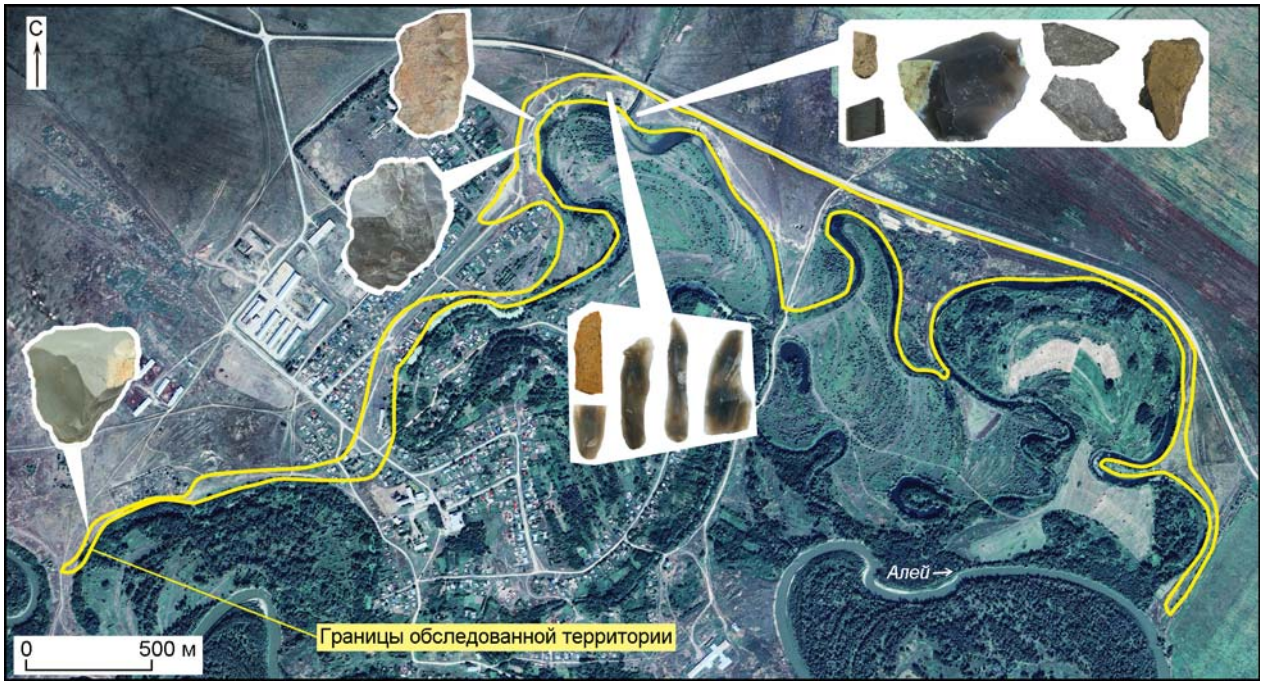

Рис. 2. Спутниковый снимок территории археологической разведки, на котором указаны места сбора подъемного материала с фотографиями обнаруженных находок.

турного слоя [Кирюшин К.Ю., Онников, Тишкин, 2019]. На данный момент общая коллекция каменных артефактов, фрагментов керамики и костных останков приблизилась к 4 000 экз. [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Тишкин, 2020]. Такой крупный археологический объект, насыщенный ярким репрезентативным материалом, имеет весьма тривиальный контекст залегания. Участок с высокой концентрацией находок расположен вдоль старичного озера р. Алей, его примерная протяженность ок. 1 км. Превышение сохранившегося культурного слоя относительно современного уровня воды в старице составляет 1–2 м, при этом в плане участок имеет ширину ок. 8–12 м и примыкает почти вплотную к современной береговой линии. Судя по археологическому материалу и планиграфии памятника, неолитические обитатели долины р. Алей активно занимались рыбной ловлей и предпочитали жить максимально близко к воде [Тишкин, Кирюшин К.Ю., Шмидт, 2018]. Уникальным в этой ситуации является то, что за несколько тысяч лет старица не была переработана постоянно меандрирующим руслом реки, и до наших дней сохранился уникальный геоморфологический контекст поселения. По аналогии с расположением поселения Рубцовское была выбрана территория вокруг с. Бобково на берегу схожей старицы по правому борту долины р. Алей, участок террасы здесь имеет ровный рельеф, удобную южную экспозицию, а спутниковый снимок показал наличие большого количества береговых обнажений и незадернованных поверхностей на террасе в 100–150 м от берега (рис. 2). Также было известно, что в 1964 г. в 1 км к западу от с. Бобково был обнаружен артефакт палеолитического облика и костные останки плейстоценовой фауны, которые С.М. Цейтлин датировал началом сартанского ледниковья [Краеведческие записки, 2002]. Таким образом, по совокупности признаков выбранная территория являлась перспективной для обнаружения объектов археологии.

Материалы разведки

Разведка была начата примерно в 1 км к западу от современной границы с. Бобково и в 300 м к юго-западу от сельского кладбища (западный край заболоченной старицы). Здесь в обнажениях средней части берегового склона на высоте 4–5 м от его основания был обнаружен отщеп из зеленоватого непрозрачного кремня (рис. 2; 3, *1*), представляющий собой краевой технический скол без вторичной обработки, с прямой ударной площадкой и конвергентной огранкой дорсала. Вся поверхность и грани артефакта немного заглажены, присутствует краевая, прерывистая, разнофасеточная ретушь, вероятнее всего, постседиментационного генезиса. По облику предмет может быть соотнесен с материалами сборов 1964 г. Далее на отрезке маршрута от кладбища до восточной оконечности деревни археологические предметы не были обнаружены. За восточной границей села, в 60 м к востоку от линии электропередач в основании склона берега был обнаружен нуклевидный обломок (возможно, фрагмент фронта нуклеуса) из темного коричневатого кремнистого сырья (см. рис. 2; 3, *2*). На одной из сторон присутствуют субпараллельные

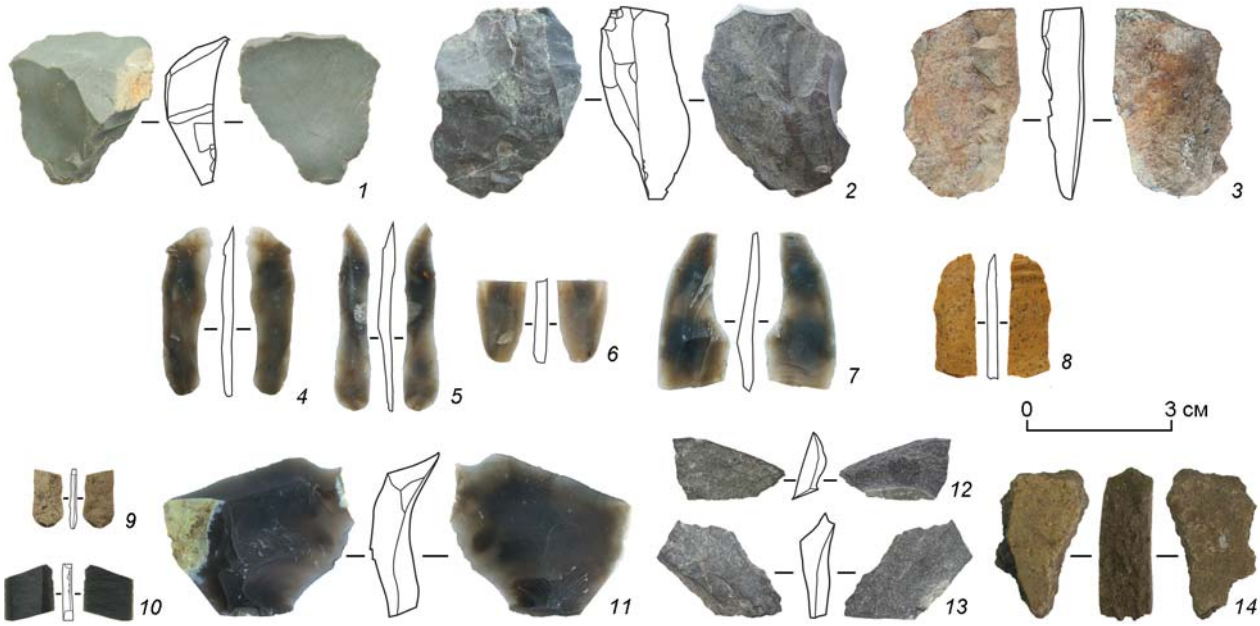

Рис. 3. Экспонированный археологический материал, обнаруженный в ходе разведки.
1, *3*, *11–13* – отщепы без вторичной обработки; *2* – нуклевидный обломок; *4–10* пластины без вторичной обработки; *14* – фрагмент керамического сосуда без орнамента.

негативы двух однонаправленных пластинчатых снятий с прямой ударной площадки. В 50 м к северу от обломка был найден пластинчатый отщеп из светло-серой, коричневатой осадочной породы, около 80 % дорсала занимает желвачная поверхность, вторичная обработка отсутствует (см. рис. 2; 3, *3*). Пластинчатый скол обнаружен на пойменном участке в 2 м от нижней границы обрыва берега.

В самой северной точке обследованной старицы, в 200 м к востоку от современного края села обнаружена небольшая концентрация пластин (см. рис. 2; 3, *4–8*). Находки располагались вблизи основания обрыва берега в 1,5–2,5 м друг от друга. Всего обнаружено 5 пластинчатых снятий: 4 экз. из матового полупрозрачного серого кремня с расплывчатыми более темными пятнами (целые – 2 экз. (рис. 3, *4–5*), проксимальный фрагмент – 1 экз. (рис. 3, *6*), дистально-медиальный фрагмент – 1 экз. (рис. 3, *7*)), на сохранившихся ударных площадках фиксируется мелкая выкрошенность от пришлифовки; 1 экз. – дистальный фрагмент из светло-желтого кремня с мелкими светло-серыми пятнышками (рис. 3, *8*).

На расстоянии 90–100 м к востоку от группы пластин собраны разрозненные артефакты, зафиксированные в нижней части обрыва берега, у его основания, и на пойменном участке ближе к воде (см. рис. 2; 3, *9–14*). Всего обнаружено 6 предметов: проксимальный фрагмент мелкой пластины из кварцитовидного сливного песчаника (рис. 3, *9*); медиальный фрагмент из однородного черного кремня (рис. 3, *10*); отщеп из матового полупрозрачного серого кремня с расплывчатыми темными пятнами с небольшими участками белой желвачной поверхности в левой и правой частях дорсала (рис. 3, *11*); 2 экз. – отщепы из темно-серой осадочной породы с кварцевыми вкраплениями (рис. 3, *12–13*); фрагмент стенки керамического сосуда без орнамента, нагар отсутствует, толщина стенки 9–10 мм, в тесте прослеживаются мелкодисперсные включения (рис. 3, *14*).

В ходе обследования оставшейся территории далее к востоку археологический материал обнаружен не был. Не оправдали надежд ни большие по площади участки террасы без травяного и кустарникового покрытия (выдувы), ни крупные техногенные срезы – никаких признаков археологических объектов ни одной из эпох зафиксировать не удалось. Перешеек между меандрами старицы, напоминавший в плане ситуацию обнаружения памятника в пойме озера Горькое-Перешеечное [Онников, 2006], оказался высоко над уровнем воды, подъемный материал и признаки археологической стоянки отсутствовали.

Результаты работ

Собранный материал не представляет собой цельный археологический комплекс, не характеризует какой-то конкретный хронологический отрезок и не иллюстрирует способы ведения хозяйства древним населением рассматриваемого региона. Однако он дает представление о том, что в целом критерии для поиска археологических объектов подобраны верно. Неолитические объекты фиксируются на берегах стариц, курей или палеоозер также и на южных территориях Новосибирской обл., граничащих с Алтайским краем

[Археологические памятники..., 2002; Марченко, Гришин, 2020]. В целом каменные артефакты, собранные к востоку от с. Бобково, по морфологическим характеристикам и сырьевому разнообразию совпадают с находками с поселения Рубцовское [Кунгуров, Онников, Тишкин, 1999; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Тишкин, 2020]. Единственный фрагмент керамического сосуда имеет маленькие размеры и не имеет орнамента, однако по составу формовочной массы может быть отнесен к 1-ой керамической группе с той же Рубцовской стоянки [Тишкин, Кирюшин К.Ю., Шмидт, 2016]. Бесспорно, нами зафиксированы следы присутствия людей из неолитической эпохи на обследованной территории, но в ходе разведки не удалось выявить признаков стоянки или поселения. Не обнаружены следы культурного слоя, и ни один из участков не был признан перспективным для дальнейшего исследования методом шурфовки. Вероятно, это связано с высотой площадок и террас вблизи старицы, выбранной для обследования. В окрестностях с. Бобково высота таких участков составляет 4–6 м над уровнем современного уровня воды в старице. Таким образом, пригодные для длительного поселения участки оказались на 3–4 м выше, чем на поселении Рубцовском или объекте в пойме озера Горькое-Перешеечное. Насыщенные артефактами культурные отложения сейчас могут располагаться очень близко к воде, на подтопляемых или даже заболоченных территориях, что создает трудности при визуальном осмотре и при ведении раскопок, однако может принести неожиданные результаты в контексте сохранности некоторых групп артефактов или других культурных остатков.

Благодарности

Исследование проведено при поддержке госзадания № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст». Особая благодарность известному краеведу Анатолию Викторовичу Онникову, чья преданность археологии и любовь к родному краю заслуживают отдельного биографического исследования.

Список литературы

Археологические памятники Карасукского района Новосибирской области / О.В. Софейков, С.В. Колонцов, А.П. Бородовский, Д.Е. Ануфирев, Ю.В. Кравцов. – Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению культурного наследия, 2002. – 176 с.

Кирюшин К.Ю., Онников А.В., Тишкин А.А. Новые разрушения на поселении Рубцовское: необходимость сборов подъемного материала и аварийных исследований // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2019. – Вып. XXV. – С. 87–93.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Тишкин А.А. Продукты первичного расщепления и орудия на пластинах с поселения Рубцовское (из новых поступлений в МБУК «Краеведческий музей» г. Рубцовска) // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КРИПКиПРО, 2020. – Вып. 28. – С. 83–95.

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 93–103.

Краеведческие записки / отв. ред. Н.Т. Мохова. – Рубцовск, 2002. – Вып. 3. – 164 с.

Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А. Каменная индустрия эпохи неолита с поселения Рубцовское // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 58–63.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Ранненеолитическая стоянка Новая Курья-2 в Северной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 163–171.

Онников А.В. Археологический памятник в пойме озера Горькое-Перешеечное // Русская культура: история и современность: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. 18–19 мая 2006 г. – Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2006. – Ч. 1. – 310 с.

Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1996. – 256 с.

Тишкин А.А. Поселение Рубцовское в пойме р. Алей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: [б.и.], 1995. – Вып. V, ч. 2. – С. 30–35.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Керамика поселения Рубцовское I (долина Алея, юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 60–73.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Техника первичного расщепления камня на поселении Рубцовское (юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. – 2018. – Т. 21, № 1. – С. 68–88.

Шмидт А.В. Неолит Приобского плато: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2005. – 24 с.

References

Kiryushin K.Y., Onnikov A.V., Tishkin A.A. New destructions at the Rubtsovsky settlement: the need for the collection of lifting material and emergency research. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2019. Iss. 25. P. 87–93. (In Russ.).

Kiryushin Y.F., Kiryushin K.Y., Tishkin A.A. The primary cleveage products and weapins on the plates from the Rubtsovskoye settlement (from new arrivals in "Museum of Local Lore" Rubtsovsk). *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri.* Kemerovo: KRIPKiPRO, 2020. Iss. 28. P. 83–95. (In Russ.).

Komarova M.N. Neolit Verkhnego Priob'ya. *KSIIMK*, 1956. Iss. 64. P. 93–103. (In Russ.).

Kungurov A.L., Onnikov A.V., Tishkin A.A. Kamennaya industriya epokhi neolita s poseleniya Rubtsovskoe. In *Problemy neolita-eneolita yuga Zapadnoi Sibiri*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999. P. 58–63. (In Russ.).

Marchenko Zh.V., Grishin A.E. Early neolithic site of Novaya Kurya-2 in the Northern Kulunda Steppe. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 163–171. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2020.26.163-171

Mokhova N.T. (ed.). Kraevedcheskie zapiski. Rubtsovsk, 2002. Iss. 3. 164 p. (In Russ.).

Onnikov A.V. Arkheologicheskii pamyatnik v poime ozera Gor'koe-Peresheechnoe. *Russkaya kul'tura: istoriya i sovremennost': Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 18–19 maya 2006 g. Chast' 1*. Rubtsovsk: Rubtsovskii industrial'nyi institut, 2006. 310 p. (In Russ.).

Pamyatniki istorii i kul'tury yugo-zapadnykh raionov Altaiskogo kraya. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1996. 256 p. (In Russ.).

Shmidt A.V. Neolit Priobskogo plato: cand. sc. (history) dissertation abstract. Barnaul, 2005. 24 p. (In Russ.).

Sofeikov O.V., Kolontsov S.V., Borodovskii A.P., Anufirev D.E., Kravtsov Y.V. Arkheologicheskie pamyatniki Karasukskogo raiona Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvennyi tsentr po sokhraneniyu kul'turnogo naslediya, 2002. 176 p. (In Russ.).

Tishkin A.A. Poselenie Rubtsovskoe v poime r. Alei. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya*. Barnaul: [s.n.], 1995. Iss. V, pt. 2. P. 30–35. (In Russ.).

Tishkin A.A., Kiryushin K.Y., Shmidt A.V. Pottery from the Rubtsovsk settlement. *Theory and Practice of Archaeological Research*, 2016. Vol. 16, No. 4. P. 60–73. (In Russ.). doi:10.14258/tpai(2016)4(16).-06

Tishkin A.A., Kiryushin K.Y., Shmidt A.V. Technology of primary splitting of the stone in the Rubtsovskoe settlement (the Alley valley, south of Western Siberia). *Theory and Practice of Archaeological Research.* 2018. Vol. 21, No. 1. P. 68–88. (In Russ.). doi:10.14258/tpai(2018)1(21).-06

Марковский Г.И. https://orcid.org/0000-0003-2698-707X
Глушко Н.В. https://orcid.org/0009-0008-7665-5261

Дата сдачи рукописи: 26.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0178-0184
УДК 903.2

Д.В. Марченко✉, А.М. Хаценович, Е.П. Рыбин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: dasha-smychagina@yandex.ru

Специфика тафономизации камня и кости: анализ направлений для идентификации природных процессов в формировании археологического горизонта

Анализ направлений (англ. "fabric analysis") – метод определения роли естественных процессов в образовании археологического горизонта по ориентациям и углам наклона находок. Взаимное расположение длинных осей предметов характеризуется системой индексов (индексы изотропии и вытянутости) и визуализируется с помощью тернарного графика. Каждая область графика соответствует определенному положению длинных осей находок, отвечающему природным процессам, повлиявшим на археологический горизонт. Однако вопрос об универсальности индексов для находок из разного материала остается не разработанным. В статье делается попытка выявить специфику механизмов тафономизации каменных и фаунистических находок на основе опубликованных данных. Анализ направлений для находок из кости и камня по отдельности проводится на материалах археологического горизонта 4 начального верхнего палеолита стоянки Толбор-21; его результаты сопоставляются на тернарном графике с опубликованными данными по другим палеолитическим памятникам. Выявлено, что на стоянках открытого типа кости могут давать показатели, отличные от каменных артефактов из того же слоя. Общей для имеющихся примеров является тенденция повышенной изотропии (взвешенности) каменных артефактов по сравнению с фаунистическими находками. Обзор литературы показал, что помимо растаскивания животными и выветривания специфика погребения кости определяется воздействием воды и вытаптыванием животными или человеком. Объекты из камня в условиях промерзающего грунта подвержены эффекту выталкивания из-за разницы в теплопроводности со вмещающими отложениями; эффект усиливается при нахождении в положении, близком к вертикальному. Данные факторы могут приводить к тому, что в результате одних и тех же природных процессов объекты из камня и кости по-разному распределяются в отложениях. Отдельный анализ направлений по каменным и фаунистическим находкам в комплексе с данными других источников (геология, стратиграфия и др.) может дать больше информации о формировании археологического горизонта.

Ключевые слова: *анализ направлений, тафономизация, каменные артефакты, фаунистические остатки, Северная Монголия, верхний палеолит.*

D.V. Marchenko✉, A.M. Khatsenovich, E.P. Rybin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: dasha-smychagina@yandex.ru

Taphonomic Features of Lithic and Bone Finds: Use of Fabric Analysis for Identifying the Impact of Natural Processes on the Formation of Archaeological Horizons

Fabric analysis is a method of determining the role of natural processes in the formation of archaeological horizon based on orientations and inclination angles of finds. A system of indices (isotropy and elongation indices) characterizes mutual location of long axes of objects. Plotted on ternary diagram, the indices show what kind of natural processes affected the archaeological horizon, since each area of the diagram corresponds to a certain position of the long axes, diagnostic for a specific distortion of sediments. However, the question of universality of indices for the finds from different materials has remained open. This article attempts to identify specific features of taphonomic mechanisms for lithic artifacts and bones based on the published data. Fabric analysis for bone and lithic finds was done separately using the evidence from archaeological horizon 4 at the Tolbor-21 site (Mongolia), corresponding to the Initial Upper Paleolithic. The results were compared on the ternary diagram with the published

data on other Paleolithic sites. It was found that bone indices may differ from indices of lithic artifacts discovered in the same layer at open-air sites. Increased isotropy indices of lithic finds compared to faunal finds was common to the available examples. Literature shows that specific aspects of bone burials, in addition to scattering by animals and weathering, depend on water impact and trampling by animals or humans. In frozen ground, lithic objects undergo the impact of frost heave due to differences in thermal conductivity with the surrounding sediments, as well as their nearly vertical position. These factors may result in different distribution of lithic and bone objects in the sediments from the same natural processes. Separate analysis of lithic and faunal finds, combined with data from other sources (geology, stratigraphy, etc.), can provide more information on the formation of archaeological horizons.

Keywords: *Fabric analysis, taphonomy, lithic artifacts, faunal remains, Northern Mongolia, Upper Paleolithic.*

Введение

Анализ направлений уже более 30 лет входит в арсенал методов оценки сохранности археологических горизонтов эпохи палеолита [Деревянко и др., 1986; Bertran, Texier, 1995]. Метод изучает ориентации и углы наклона удлиненных находок (УН) в отложениях. С помощью системы индексов, характеризующих взаимное положение длинных осей в пространстве, определяется роль естественных процессов в образовании археологического горизонта [Lenoble, Bertran, 2004].

Применяясь ко все большему спектру материалов, метод ставит новые исследовательские вопросы. Насколько универсальны показатели индексов? Одинаковы ли они в непотревоженных комплексах при различном рельефе и консистенции грунта, на который выпадали культурные остатки? Могут ли предметы из различных материалов в одинаковых условиях давать одинаковые индексы? Эти аспекты до сих пор требуют разработки. Несмотря на то, что в большинстве работ все удлиненные находки рассматриваются без разделения по материалу, недавние исследования показали, что результаты анализа направлений только по фаунистическим остаткам могут отличаться от результатов по каменным артефактам из того же горизонта [Li et al., 2021; Sanchez-Romero et al., 2023], что заставляет поставить вопрос о различиях в закономерностях их тафономизации.

В данной статье делается попытка обобщить опубликованные данные по тафономизации объектов из кости и камня и выделить различия в механизмах их погребения в отложения и транспортировки природными процессами. Материалы археологического горизонта начального верхнего палеолита стоянки Толбор-21 (Северная Монголия) анализируются и привлекаются для сопоставления с опубликованными данными.

Методы и материалы

Расположение осей – отрезков между двумя крайними точками удлиненных находок – в трехмерном пространстве определяется двумя углами: ориентацией, например, относительно географического севера, и углом наклона относительно горизонтальной плоскости. По совокупности таких измерений в отдельном комплексе или литологическом слое вычисляются индексы, показывающие, какие процессы происходили во время и после накопления отложений [Bertran, Texier, 1995; McPherron, 2018]. Индекс вытянутости характеризует, насколько длинные оси находок параллельны друг другу. Индекс изотропии показывает, насколько случайно распределены направления осей УН (т.е. насколько взвешенное положение имеют находки в отложениях). С помощью наблюдений в погребенных отложениях с известным генезисом или в активных средах [Texier et al., 1998; Lenoble, Bertran, Lacrampe, 2008; и др.] были определены сочетания индексов, характерные для различных деформаций отложений. При нанесении на тернарный график (рис. 1) значения индексов образуют области (зоны), соответствующие результатам различных природных процессов (солифлюкция, сток на склонах различной крутизны, осыпь и др.). Каждый из трех углов графика соответствует определенному положению УН в отложениях: изотропному, плоскостному (лежат на одной плоскости со случайной ориентацией) и линейному (ориентированы параллельно друг другу).

Анализируемые в работе материалы стоянки Толбор-21 получены в ходе раскопок 2016–2017 и 2021 гг., раскоп 2. Памятник расположен на р. Их-Тулбурийнгол (правый приток р. Селенги) на пологом склоне, ограниченном с запада и востока эрозионными врезами. Фаунистические остатки на стоянке немногочисленны, большинство их связано с археологическим горизонтом 4 (АГ 4), каменная индустрия которого относится к начальному верхнему палеолиту. АГ 4 залегает в склоновых ламинарных лессовидных отложениях, сформированных прослойками алевритов, суглинков и песков. Материалы раскопа 2 избраны как наиболее репрезентативные, с наибольшим количеством фаунистических остатков. Для анализа использованы только удлиненные находки с координатами, снятыми по двум точкам [McPherron, 2018], вычисления произведены для костей и каменных артефактов отдельно.

Результаты

По результатам анализа направлений (см. *таблицу*) на распределение находок в АГ 4 стоянки Толбор-21 повлияла солифлюкция: большинство УН имеют близкие ориентации и углы наклона, соответствующие склону. Несмотря на небольшую выборку удлиненных фаунистических находок, четко прослеживается уменьшение их изотропии по сравнению с каменными артефактами (рис. 2, *1*, *2*): разброс углов наклона последних гораздо шире, некоторые стоят вертикально.

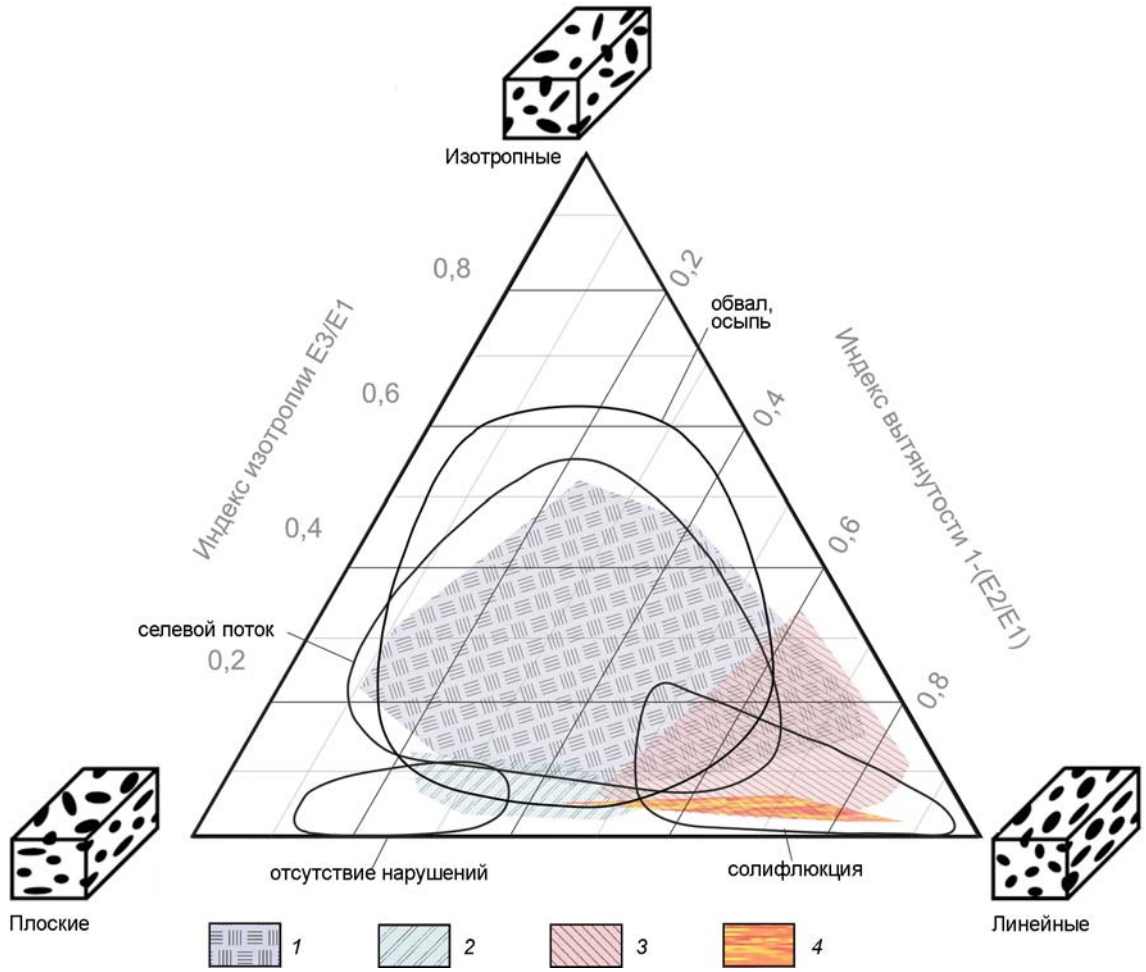

Рис. 1. Тернарный график для отображения результатов анализа направлений. Зоны расположения индексов: заштрихованная – по: [McPherron, 2018]; обведенная линией – по: [Lenoble, Bertran, 2004].

1 – селевой поток; *2* – мелкий сток; *3* – солифлюкция; *4* – крутой сток.

Результаты анализа направлений удлиненных находок в археологическом горизонте 4 стоянки Толбор-21 (раскоп 2)

Находки	Кол-во	Ориентация						Угол наклона				Индекс вытянутости	Индекс изотропии
		Тест Рэлея	p	Критерий Кёйпера	p	Тест фон Мизеяса	p	Медианное значение	Стандартное отклонение	Критерий Колмогорова – Смирнова	p		
Каменные артефакты	205	**0,21***	**0,00**	**3,67**	**<0,01**	**0,49**	**<0,01**	6,03	14,99	0,65	0,00	0,60	0,10
Кости	25	**0,40**	**0,02**	**2,50**	**<0,01**	0,07	0,05 < p < 0,1	6,72	5,57	0,72	0,00	0,57	0,03

* Жирным шрифтом выделены значения, свидетельствующие об отклонении гипотезы нормального распределения и наличии доминирующей ориентации удлиненных находок.

К настоящему моменту опубликовано несколько работ, где анализ направлений выполнен отдельно для костей и каменных артефактов. Исследование ориентаций находок из илистых отложений верхней пачки на памятнике Шуйдунгоу-2 (Северный Китай) показало, что культурные горизонты сформированы в низкоэнергетической водной среде [Li et al., 2021]. С помощью компьютерного моделирования авторы показали, что иррегулярный рельеф поверхности, на которую выпадают артефакты, при анализе направ-

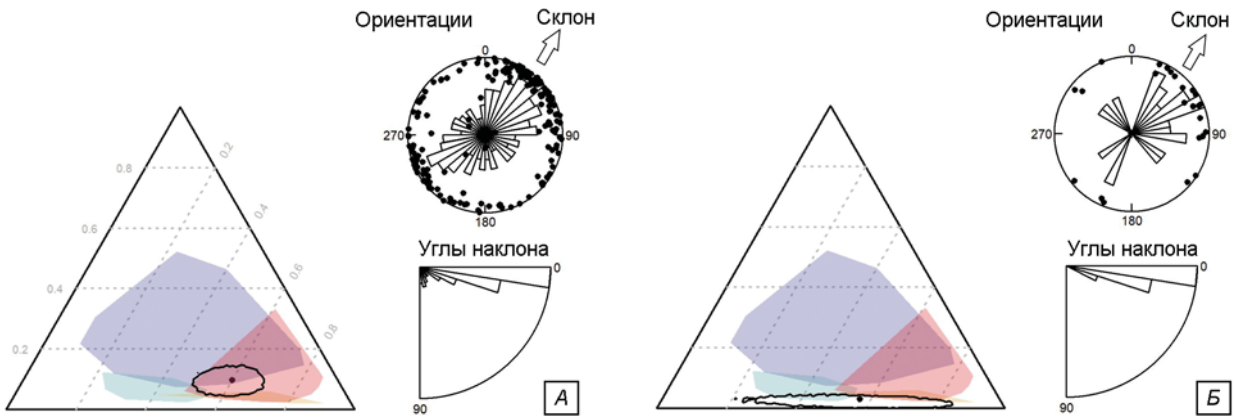

Рис. 2. Результаты анализа направлений археологического горизонта 4 стоянки Толбор-21 (раскоп 2).
А – каменные артефакты; *Б* – кости. См. условные обозначения к рис. 1.

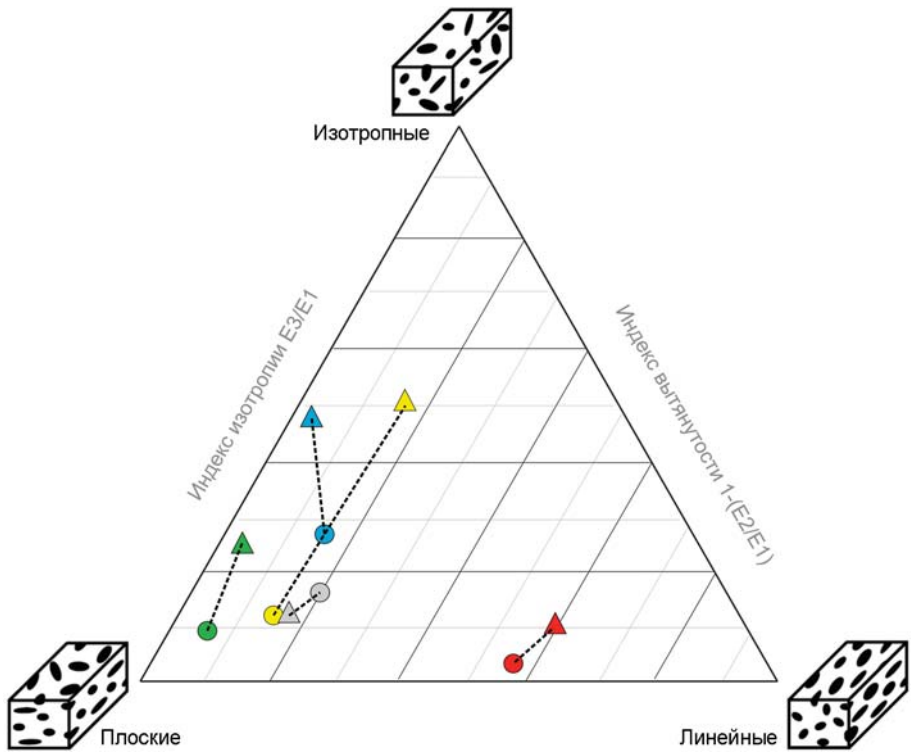

Рис. 3. Сопоставление результатов анализа направлений по каменным артефактам (треугольники) и по фаунистическим остаткам (круги) на нескольких памятниках: Шуйдунгоу-2 (культурный горизонт CL 2 – желтый, культурный горизонт CL 3 – зеленый) [Li et al., 2021, fig. 10], Боксгроув Q1/B (голубой) [Sanchez-Romero et al., 2023, fig. 8], Кассенад (серый) [Discamps et al., 2019, fig. 12c], Толбор-21 (красный).

лений может давать повышенные значения изотропии и приводить к ложной интерпретации показателей как результата массового движения седиментов (селевой поток). Мультимодальное распределение ориентаций и высокую изотропию находок [Ibid., fig. 10, 11, tabl. 5] авторы связывают с исходным рельефом берега озера, подвергавшегося периодическим подтоплениям и отступлениям воды с формированием неглубоких каналов. Сопоставимые результаты, объясняемые палеорельефом и колебаниями уровня воды, получены на памятнике Боксгроув, участок Q1/B (Западный Суссекс, Великобритания) при анализе стратиграфической единицы 4u, образованной тонкозернистым илом [Sanchez-Romero et al., 2023]. Значительные различия между результатами по каменным артефактам и костям из одного слоя (рис. 3) авторы связывают с транспортировкой костей водой либо с различиями в самих замерах, связанных с формой фаунистических остатков [Li et al., 2021]. На памятнике Кассенад (Дордонь, Франция) в склоновых отложениях, заполняющих ныне открытый карстовый коридор, исследован плейстоценовый фаунистических

комплекс, где присутствовали и каменные артефакты [Discamps et al., 2019]. Анализ направлений показал близкие результаты для кости и камня, попадающие в диапазон значений поверхностного стока (рис. 3), таким образом, в данном случае существенной разницы между тафономизацией костных и каменных находок не обнаружено.

Обсуждение

Несмотря на то, что при анализе направлений фаунистические находки сравнительно редко рассматриваются отдельно от каменных, сопоставление опубликованных данных показывает, что на памятниках открытого типа кости могут давать показатели, отличные от каменных артефактов. При этом индексы вытянутости оказываются близки, а уровень изотропии каменных артефактов – выше, чем у кости (рис. 3). Результаты по АГ 4 Толбора-21, несмотря на следы солифлюкционного движения, отсутствующие на других примерах, демонстрируют ту же тенденцию. Какие факторы могут быть ответственны за эти различия?

Обобщая опубликованные наблюдения, можно выделить следующие основные закономерности тафономизации кости:

– растаскивание животными приводит к потере большой доли остатков (потеря всех крупных и до 60 % мелких [Isaac, 1967], от 1/3 до 2/3 [Bertran et al., 2015]);

– значительное выветривание поверхности кости, если она не была очень быстро захоронена под новыми напластованиями [Isaac, 1967; Behrensmeyer, 1978];

– вытаптывание животными или человеком может приводить как к горизонтальному, так и к вертикальному перемещению объектов [Olsen, Shipman, 1988], в зависимости от плотности субстрата. Вытаптывание на плотном глинисто-песчаном субстрате вызвало снижение изотропии и упорядочивание ориентаций и наклонов костей и каменных артефактов [Benito-Calvo et al., 2011]. При экспериментах на более рыхлом грунте [Villa, Courtin, 1983; Olsen, Shipman, 1988] объекты сравнительно быстро погружались в субстрат, что уменьшало возможность горизонтального перемещения. Эксперименты в альпийских и перигляциальных средах Перинеев показали углубление костей и артефактов в увлажненный грунт, однако большинство костей осталось на исходном уровне, в то время как каменные артефакты сместились на 1–2 см вниз [Bertran et al., 2015, fig. 28]. В очень рыхлых седиментах, таких как песок, при вытаптывании возможно и перемещение объектов вверх, сопровождающееся значительными изменениями в углах наклона [Olsen, Shipman, 1988; Marwick et al., 2017];

– влияние водных потоков на распределение фаунистических остатков изучено сравнительно хорошо. Согласно экспериментам и наблюдениям в естественной среде [Isaac, 1967; Schick, 1986; Domínguez-Rodrigo et al., 2018], кости очень быстро приобретают доминирующую ориентацию, даже под действием низкоэнергетических потоков. Исследования ориентаций костей и каменных артефактов из археологических горизонтов, сформированных во флювиальных обстановках, показали, что большинство удлиненных объектов приобретает ориентацию, параллельную и перпендикулярную направлению потока [Schick, 1986; Kaufulu, 1987].

В Северной Азии, где большинство археологических памятников открытого типа расположено на склонах в условиях сильных годовых колебаний температур, смещение артефактов в основном связано с криогенными деформациями и солифлюкцией. Анализ направлений в отложениях, претерпевших такие изменения, базировался на каменных объектах, будь то естественные отдельности породы [Nelson, 1985] или артефакты [Lenoble, Bertran, 2004]. На ориентацию и распределение таких находок в замерзающем грунте значительно влияет морозное выталкивание, во многом связанное с различной теплопроводностью камня и вмещающего грунта, в результате чего под артефактами и естественными блоками породы скапливается влага, которая, расширяясь при следующем промерзании, выталкивает камень на более высокий уровень [Wood, Johnson, 1978; Mackay, 1984]. Степень влияния этого процесса определяется еще одним фактором – эффективной высотой объекта, т.е. расстоянием от нижней точки артефакта до верхней. Наибольшей эффективной высотой обладают вертикально стоящие объекты, а также объекты большой длины, находящиеся под наклоном. В ходе лабораторных экспериментов после нескольких циклов промерзания-протаивания наблюдалось выталкивание удлиненных предметов из различных материалов [Wood, Johnson, 1978, fig. 9.12]. Важным условием для запуска этого процесса является также увлажненность грунта и достаточная пористость для движения капиллярной влаги.

Таким образом, можно ожидать, что кости, оставаясь непогребенными в течение от нескольких месяцев до первых лет, в значительной степени растаскиваются животными и подвергаются выветриванию поверхности, что существенно сокращает их исходное количество. При погребении важную роль играет плотность субстрата, наличие воды и воздействие внешних агентов (вытаптывание животными или человеком, растительность). Вытаптывание может привести к вертикальному перемещению костей только в рыхлом субстрате, в остальных случаях кость остается на исходном уровне. Взаимодействуя с водой, кости быстро приобретают доминирующую ориентацию. Каменные же артефакты менее подвержены перераспределению водой, но сильнее поддаются морозному выталкиванию, что может приводить к их вертикальному перемещению и взвешенному положению в слое.

Выводы

Приведенный обзор показывает, что результаты анализа направлений могут разниться в зависимости от материала находки. Очевидно, что необходимо больше сопоставлений индексов фаунистических и каменных находок в различных отложениях. На данном этапе можно сделать следующие предварительные выводы. Благодаря своим физическим свойствам кость сравнительно легко поворачивается и перемещается по поверхности под действием текущей воды, что делает ориентацию костных остатков чутким показателем наличия водного потока. Вместе с тем факторов, приводящих к перемещению костей вверх или вниз внутри слоя сравнительно немного (вытаптывание в рыхлом грунте, деятельность роющих животных и корней растений). Поэтому в промерзающих отложениях большой мощности, таких как археологические горизонты на открытых стоянках в Северной Монголии, мы предполагаем, что именно горизонт концентрации костных остатков фиксирует первоначальную поверхность обитания.

Различия в показателях каменных и фаунистических находок заставляют с большей осторожностью подходить к интерпретации результатов анализа направлений, проведенного на находках из различных материалов. В то же время анализ показателей разных материалов по отдельности дает больше информации об условиях тафономизации археологических находок.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0009 «Цифровизация процессов изучения древнейшей и древней истории Евразии».

Список литературы

Деревянко А.П., Дорж Д., Алексеев В.П., Васильевский Р.С., Ларичев В.Е., Петрин В.Т., Цэвэндорж Д. Археологические исследования в Монголии в 1985 году // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. – 1986. – № 14, вып. 3. – С. 54–62.

Behrensmeyer A.K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering // Paleobiology. – 1978. – Vol. 4, N 2. – P. 150–162.

Benito-Calvo A., Martínez-Moreno J., Mora R., Roy M., Roda X. Trampling experiments at Cova Gran de Santa Linya, Pre-Pyrenees, Spain: Their relevance for archaeological fabrics of the Upper-Middle Paleolithic assemblages // J. Archaeol. Sci. – 2011. – Vol. 38, No. 12. – P. 3652–3661.

Bertran P., Beauval C., Boulogne S., Brenet M., Costamagno S., Feuillet T., Laroulandie V., Lenoble A., Malaurent P., Mallye J.-B. Experimental archaeology in a mid-latitude periglacial context: Insight into site formation and taphonomic processes // J. Archaeol. Sci. – 2015. – Vol. 57. – P. 283–301.

Bertran P., Texier J.-P. Fabric Analysis: Application to Paleolithic Sites // J. Archaeol. Sci. – 1995. – Vol. 22. – P. 521–535.

Discamps E., Bachellerie F., Baillet M., Sitzia L. The Use of Spatial Taphonomy for Interpreting Pleistocene Palimpsests: An Interdisciplinary Approach to the Châtelperronian and Carnivore Occupations at Cassenade (Dordogne, France) // PaleoAnthropology. – 2019. – P. 362–388.

Domínguez-Rodrigo M., Cobo-Sánchez L., Yravedra J., Uribelarrea D., Arriaza C., Organista E., Baquedano E. Fluvial spatial taphonomy: a new method for the study of post-depositional processes // Archaeol. Anthropol. Sci. – 2018. – Vol. 10 (7). – P. 1769–1789.

Isaac G.L. Towards the interpretation of occupation debris: some experiments and observations // Kroeber Anthropological Society Papers. – 1967. – Vol. 37. – P. 31–57.

Kaufulu Z.M. Formation and Preservation of Some Earlier Stone Age Sites at Koobi Fora, Northern Kenya // The South African Archaeological Bulletin. – 1987. – Vol. 42, N 145. – P. 23–33.

Lenoble A., Bertran P. Fabric of Palaeolithic levels: Methods and implications for site formation processes // J. Archaeol. Sci. – 2004. – Vol. 31. – P. 457–469.

Lenoble A., Bertran P., Lacrampe F. Solifluction-induced modifications of archaeological levels: simulation based on experimental data from a modern periglacial slope and application to French Palaeolithic sites // J. Archaeol. Sci. – 2008. – Vol. 35, N 1. – P. 99–110.

Li L., Lin S.C., Peng F., Patania I., Guo J., Wang H., Gao X. Simulating the impact of ground surface morphology on archaeological orientation patterning // J. Archaeol. Sci. – 2021. – Vol. 126. – P. 105310.

Mackay J.R. The frost heave of stones in the active layer above permafrost with downward and upward freezing // Arctic and Alpine Research. – 1984. – Vol. 16, N 4. – P. 439–446.

Marwick B., Hayes E., Clarkson C., Fullagar R. Movement of lithics by trampling: An experiment in the Madjedbebe sediments, northern Australia // J. Archaeol. Sci. – 2017. – Vol. 79. – P. 73–85.

McPherron S.J.P. Additional statistical and graphical methods for analyzing site formation processes using artifact orientations // PLoS ONE. – 2018. – Vol. 13 (1). – P. e0190195.

Nelson F.E. A preliminary investigation of solifluction macrofabrics // Catena. – 1985. – Vol. 12. – P. 23–33.

Olsen S.L., Shipman P. Surface modification on bone: Trampling versus butchery // J. Archaeol. Sci. – 1988. – Vol. 15. – P. 535–553.

Sanchez-Romero L., Benito-Calvo A., De Loecker D., Pope M. Spatial analysis and site formation processes associated with the Middle Pleistocene hominid teeth from Q1/B waterhole, Boxgrove (West Sussex, UK) // Archaeol. Anthropol. Sci. – 2023. – Vol. 15, N 7. – Article number 98.

Schick K.D. Stone Age Sites in the Making: Experiments in the Formation and Transformation of Archaeological Occurrences. – Oxford: B.A.R., 1986. – 313 p.

Texier J.P., Bertran P., Coutard J.P., Francou B., Gabert P., Guadelli J.L., Ozouf J.C., Plisson H., Raynal J.P.,

Vivent D. TRANSIT, An experimental archaeological program in periglacial environment: Problem, methodology, first results // Geoarchaeology. – 1998. – Vol. 13, N 5. – P. 433–473.

Villa P., Courtin J. The interpretation of stratified sites: A view from underground // J. Archaeol. Sci. – 1983. – Vol. 10, N 3. – P. 267–281.

Wood W.R., Johnson D.L. A Survey of Disturbance Processes in Archaeological Site Formation // Advances in Archaeological Method and Theory. Vol. 1. – N. Y.: Academic Press, 1978. – Chap. 9. – P. 315–381.

References

Behrensmeyer A.K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering. *Paleobiology*, 1978. Vol. 4, No. 2. P. 150–162. doi:10.1017/S0094837300005820

Benito-Calvo A., Martínez-Moreno J., Mora R., Roy M., Roda X. Trampling experiments at Cova Gran de Santa Linya, Pre-Pyrenees, Spain: Their relevance for archaeological fabrics of the Upper-Middle Paleolithic assemblages. *Journal of Archaeological Science,* 2011. Vol. 38, No. 12. P. 3652–3661. doi:10.1016/j.jas.2011.08.036

Bertran P., Beauval C., Boulogne S., Brenet M., Costamagno S., Feuillet T., Laroulandie V., Lenoble A., Malaurent P., Mallye J.-B. Experimental archaeology in a mid-latitude periglacial context: Insight into site formation and taphonomic processes. *Journal of Archaeological Science,* 2015. Vol. 57. P. 283–301. doi:10.1016/j.jas.2015.02.039

Bertran P., Texier J.-P. Fabric Analysis: Application to Paleolithic Sites. *Journal of Archaeological Science,* 1995. Vol. 22. P. 521–535. doi:10.1006/jasc.1995.0050

Derevianko A.P., Dorzh D., Alekseev V.P., Vasilevskii R.S., Larichev V.E., Petrin V.T., Tseveendorj D. Arkheologicheskie issledovaniya v Mongolii v 1985 godu. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya istorii, filologii i filosofii*, 1986. No. 14, iss. 3. P. 54–62. (In Russ.).

Discamps E., Bachellerie F., Baillet M., Sitzia L. The Use of Spatial Taphonomy for Interpreting Pleistocene Palimpsests: An Interdisciplinary Approach to the Châtelperronian and Carnivore Occupations at Cassenade (Dordogne, France). *PaleoAnthropology*, 2019. P. 362–388. doi:10.4207/PA.2019.ART136

Domínguez-Rodrigo M., Cobo-Sánchez L., Yravedra J., Uribelarrea D., Arriaza C., Organista E., Baquedano E. Fluvial spatial taphonomy: a new method for the study of post-depositional processes. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2018. Vol. 10 (7). P. 1769–1789. doi:10.1007/s12520-017-0497-2

Isaac G.L. Towards the interpretation of occupation debris: some experiments and observations. *Kroeber Anthropological Society Papers*, 1967. Vol. 37. P. 31–57.

Kaufulu Z. M. Formation and Preservation of Some Earlier Stone Age Sites at Koobi Fora, Northern Kenya. *The South African Archaeological Bulletin*, 1987. Vol. 42, No. 145. P. 23–33. doi:10.2307/3887770

Lenoble A., Bertran P. Fabric of Palaeolithic levels: Methods and implications for site formation processes. *Journal of Archaeological Science,* 2004. Vol. 31. P. 457–469. doi:10.1016/j.jas.2003.09.013

Lenoble A., Bertran P., Lacrampe F. Solifluction-induced modifications of archaeological levels: simulation based on experimental data from a modern periglacial slope and application to French Palaeolithic sites. *Journal of Archaeological Science*, 2008. Vol. 35, No. 1. P. 99–110. doi:10.1016/j.jas.2007.02.011

Li L., Lin S.C., Peng F., Patania I., Guo J., Wang H., Gao X. Simulating the impact of ground surface morphology on archaeological orientation patterning. *Journal of Archaeological Science*, 2021. Vol. 126. P. 105310. doi:10.1016/j.jas.2020.105310

Mackay J.R. The frost heave of stones in the active layer above permafrost with downward and upward freezing. *Arctic and Alpine Research*, 1984. Vol. 16, No. 4. P. 439–446. doi:10.2307/1550906

Marwick B., Hayes E., Clarkson C., Fullagar R. Movement of lithics by trampling: An experiment in the Madjedbebe sediments, northern Australia. *Journal of Archaeological Science*, 2017. Vol. 79. P. 73–85. doi:10.1016/j.jas.2017.01.008

McPherron S.J.P. Additional statistical and graphical methods for analyzing site formation processes using artifact orientations. *PLoS ONE*, 2018. Vol. 13 (1). P. e0190195. doi:10.1371/journal.pone.0190195

Nelson F.E. A preliminary investigation of solifluction macrofabrics. *Catena*, 1985. Vol. 12. P. 23–33. doi:10.1016/S0341-8162(85)80002-3

Olsen S.L., Shipman P. Surface modification on bone: Trampling versus butchery. *Journal of Archaeological Science,* 1988. Vol. 15. P. 535–553. doi:10.1016/0305-4403(88)90081-7

Sanchez-Romero L., Benito-Calvo A., De Loecker D., Pope M. Spatial analysis and site formation processes associated with the Middle Pleistocene hominid teeth from Q1/B waterhole, Boxgrove (West Sussex, UK). *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2023. Vol. 15, No. 7. Article number 98. doi:10.1007/s12520-023-01790-9

Schick K.D. Stone Age Sites in the Making: Experiments in the Formation and Transformation of Archaeological Occurrences. Oxford: B.A.R., 1986. 313 p. doi:10.30861/9780860544074

Texier J.P., Bertran P., Coutard J.P., Francou B., Gabert P., Guadelli J.L., Ozouf J.C., Plisson H., Raynal J.P., Vivent D. TRANSIT, An experimental archaeological program in periglacial environment: Problem, methodology, first results. *Geoarchaeology,* 1998. Vol. 13, No. 5. P. 433–473. doi:10.1002/(SICI)1520-6548(199806)13:5<433::AID-GEA1>3.0.CO;2-1

Villa P., Courtin J. The interpretation of stratified sites: A view from underground. *Journal of Archaeological Science,* 1983. Vol. 10, No. 3. P. 267–281. doi:10.1016/0305-4403(83)90011-0

Wood W.R., Johnson D.L. A Survey of Disturbance Processes in Archaeological Site Formation. In *Advances in Archaeological Method and Theory*. Vol. 1. New York: Academic Press, 1978. Chap. 9. P. 315–381.

Марченко Д.В. https://orcid.org/0000-0003-3021-0749
Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757

Дата сдачи рукописи: 01.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0185-0192
УДК 903.1

В.А. Михиенко[1], П.Ю. Плотникова[2], Е.В. Левина[2], А.Ю. Федорченко[1]✉, Н.Е. Белоусова[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Верхнепалеолитические скребки из Денисовой пещеры: результаты типологического и экспериментально-трасологического исследования

В статье представлены результаты комплексного (типологического и экспериментально-трасологического) анализа верхнепалеолитических скребков Денисовой пещеры. Источниковую базу исследования составили материалы из слоев 9 и 11 центрального зала и 11 южной галереи (n = 15). В результате было установлено, что в составе изученных комплексов скребковые формы не образуют типологически однородных серий изделий. Для коллекции слоя 9 центрального зала характерны скошенные формы и единичные экземпляры концевых скребков с боковой выемкой и изделий высокой формы. В слое 11 обнаружены угловой скребок с носиком и концевой скребок с боковой выемкой. Коллекция скребков из слоя 11 южной галереи отличается большим разнообразием и включает концевые, боковые и скошенные формы, а также скребки высокой формы. В настоящее время разнообразие типологического состава скребков из Денисовой пещеры и их широкий хронологический контекст не позволяют сделать выводы о культурной специфичности представленных форм. Проведенный трасологический анализ позволил атрибутировать функциональное назначение почти половины скребков в качестве орудий для обработки шкур животных. Изучение одного углового скребка с носиком выявило признаки его использования в качестве проколки. На основании морфологических особенностей и отсутствия следов износа три артефакта из слоя 9 центрального зала и слоя 11 южной галереи были атрибутированы в качестве нуклеусов для получения мелких пластинчатых заготовок. Дальнейшие исследования микро- и макропризнаков износа и обработки на каменных орудиях из Денисовой пещеры позволят приблизиться к более полной реконструкции производственно-хозяйственной деятельности на памятнике.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, верхний палеолит, орудия, скребки, типологический анализ, экспериментально-трасологический анализ.*

V.A. Mikhienko[1], P.Y. Plotnikova[2], E.V. Levina[2], A.Y. Fedorchenko[1]✉, N.E. Belousova[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Upper Paleolithic End Scrapers from Denisova Cave: Typological and Experimental Traceological Study

The article provides the results of a comprehensive (typological and experimental traceological) analysis of the Upper Paleolithic end scrapers from Denisova Cave. The study was based on the material produced from layers 9 and 11 of the central chamber and layer 11 of the south chamber (n = 15). The study has shown that, in the assemblages under study, end-scraper forms do not constitute typologically homogeneous product series. The collection from layer 9 of the central chamber is characterized by beveled scrapers and single specimens with lateral recesses, and high items. An angle scraper with a tip and an end scraper with a lateral notch were found in layer 11. The collection from layer 11 of the south chamber is characterized by great diversity, including end,

lateral, and beveled forms, as well as high scrapers. At present, the variety of typological composition and broad chronological context of end scrapers from Denisova Cave do not indicate the cultural specificity of these forms. The conducted traceological analysis attributed the functional purpose of almost half of end scrapers to tools used for processing animal skin. Study of one angle scraper with a tip revealed signs of its use as a piercing tool. Based on morphological features and the absence of use-wear traces, three artifacts from layer 9 of the central chamber and layer 11 of the south chamber were attributed to the core for producing bladelets. Further studies of micro- and macro-use/wear and processing traces on lithic tools from Denisova Cave will provide a more complete reconstruction of production and economic activities at the site.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, Upper Paleolithic, tools, scrapers, typological analysis, experimental traceological analysis.*

Введение

Скребки представляют собой тип каменных орудий, широко распространенный на стоянках верхнего палеолита. Изделия со скребковой морфологией традиционно ассоциируются с работой по шкурам; при этом результаты экспериментально-трасологических изысканий показывают, что они могли применяться также для обработки рога/кости или дерева [Семёнов, 1957; Федорченко, 2016]. В современном палеолитоведении Алтая научные работы, направленные на изучение функций орудий или типолого-функциональные корреляции, достаточно редки, что является отражением общей недостаточной интеграции экспериментально-трасологического метода в исследования каменных индустрий [Волков и др., 2018]. Расширение применения метода экспериментального моделирования при изучении алтайских палеолитических комплексов в последние годы сделало возможными подготовку трасологических эталонов с использованием местных пород каменного сырья, их сопоставление с формальными типами археологических артефактов и, как следствие, реконструкцию хозяйственной специфики верхнепалеолитических стоянок. Благодаря постепенному расширению источниковой базы по формальным орудиям становится возможным проведение специализированных исследований, посвященных отдельным типам изделий, например, таким массовым, как скребки.

В данном исследовании впервые была поставлена задача охарактеризовать типологическое разнообразие скребков из верхнепалеолитических отложений центрального зала и южной галереи Денисовой пещеры и сопоставить полученные данные с результатами их экспериментально-трасологического анализа. Источниковую базу исследования составили археологические материалы из слоев 9 и 11 центрального зала и слоя 11 южной галереи. Ранее коллекции каменных артефактов центрального зала уже выступали в качестве предмета предварительного трасологического изучения: в результате анализа были выявлены исключительно подготовленные, но не использованные орудия [Волков, 1998]. По мнению автора работы, данное обстоятельство могло быть связано с реализацией производственных операций вне пещеры. Однако отсутствие следов износа, с нашей точки зрения, также может объясняться включением в выборку изделий высокой формы раннего верхнего палеолита, большинство из которых является нуклеусами для пластинок и микропластин [Природная среда..., 2003; Белоусова и др., 2024].

Материалы и методы

Предметом исследования выступили изделия со скребковой морфологией (n = 15), выявленные в результате ревизии верхнепалеолитических коллекций Денисовой пещеры (от ~50 до 20 тыс. л.н.) и анализа опубликованных данных: материалы слоев 11 и 9 центрального зала (раскопки 1984, 1992, 1995 и 1997 гг.) и слоя 11 южной галереи (2017–2019, 2021 гг.). [Природная среда..., 2003; Деревянко, Шуньков, Козликин, 2020; Деревянко и др., 2021; Деревянко, 2022, с. 156–159].

Типологическое описание скребков осуществлялось на основании подходов, принятых в российском палеолитоведении [Васильев, 1986; Деревянко, Маркин, Васильев, 1994; Колобова, 2006; Четырехъязычный словарь..., 2007]. В качестве скребков рассматривались орудия с обработанным ретушью коротким выпуклым, реже прямым, рабочим краем. Индивидуальное атрибутивное описание артефактов основывалось на учете следующих параметров: тип заготовки и ее пропорции, метрические характеристики орудия, расположение лезвия и его форма, наличие и характер дополнительных морфологических деталей. При описании ретуши учитывались следующие признаки: расположение на заготовке, плоскости, организация, степень покрытия поверхности, угол наклона, форма, размер фасеток и степень модификации.

Определение функционального назначения выявленных скребковых форм базировалось на данных экспериментально-трасологического анализа [Семенов, 1957; Keeley, 1980]. Перед началом исследования все артефакты проходили обработку в ультразвуковой ванне. Описание и анализ артефактов на макроуровне осуществлялся посредством стереомикроскопа Альтами CM0745–T с увеличением от ×7 до ×45. Более детальное изучение следов износа выполнено с использованием металлографического микроскопа AJX-MPSBD при увеличении ×50–500. Для создания фотографий скребков использовалась фотокамера Canon EOS 5D mark IV с объективом Canon EF 100mm f/2.8L Macro IS USM и штативом. Фотофиксация

следов произведена посредством специализированной фотокамеры для микроскопии PC3-HW20MP и программы Image View. Трасологические данные сопоставлялись с коллекцией экспериментальных скребков, применявшихся для обработки шкур и изготовленных из донецкого и оскольского мелового кремня (n = 5), а также разнообразного минерального сырья, доступного верхнепалеолитическим обитателям долин р. Урсул и ее притоков, р. Ануй и Каракол (n = 16) [Левина, Федорченко, 2023].

Результаты исследования

В результате анализа археологической коллекции из центрального зала Денисовой пещеры было выявлено шесть скребков. Два изделия происходят из слоя 11 (рис. 1, *5*): угловой скребок с носиком и концевой с боковой выемкой. Еще четыре изделия были получены из слоя 9 (рис. 1, *8*): скошенные (n = 2) и концевые с боковой выемкой (n = 1), скребки высокой формы (n = 1). Артефакты достигают 29,5–69,0 мм в длину, 25,7–51,0 мм в ширину и 8,2–22,9 мм – в толщину. Для изготовления скошенных и концевых скребков применялось вулканогенное сырье, единичные формы орудий выполнены на высококремнистом и осадочном сырье.

Скошенные изделия выполнены на коротких отщепах средней и крупной размерности. Округлое лезвие оформлено на дистальной части заготовок дорсальной или вентральной многорядной захватывающей или распространенной крутой чешуйчатой или субпараллельной разнофасеточной слабо- или среднемодифицирующей ретушью. На грани между вентральной стороной и ретушированной плоскостью лезвия первого изделия (рис. 2, *1*) фиксируются (×200) негативы микровыкрошенности, на втором скребке отмечена скругленность рабочей кромки (×15), сопровождающаяся при увеличении ×60–100 сильной закруглен-

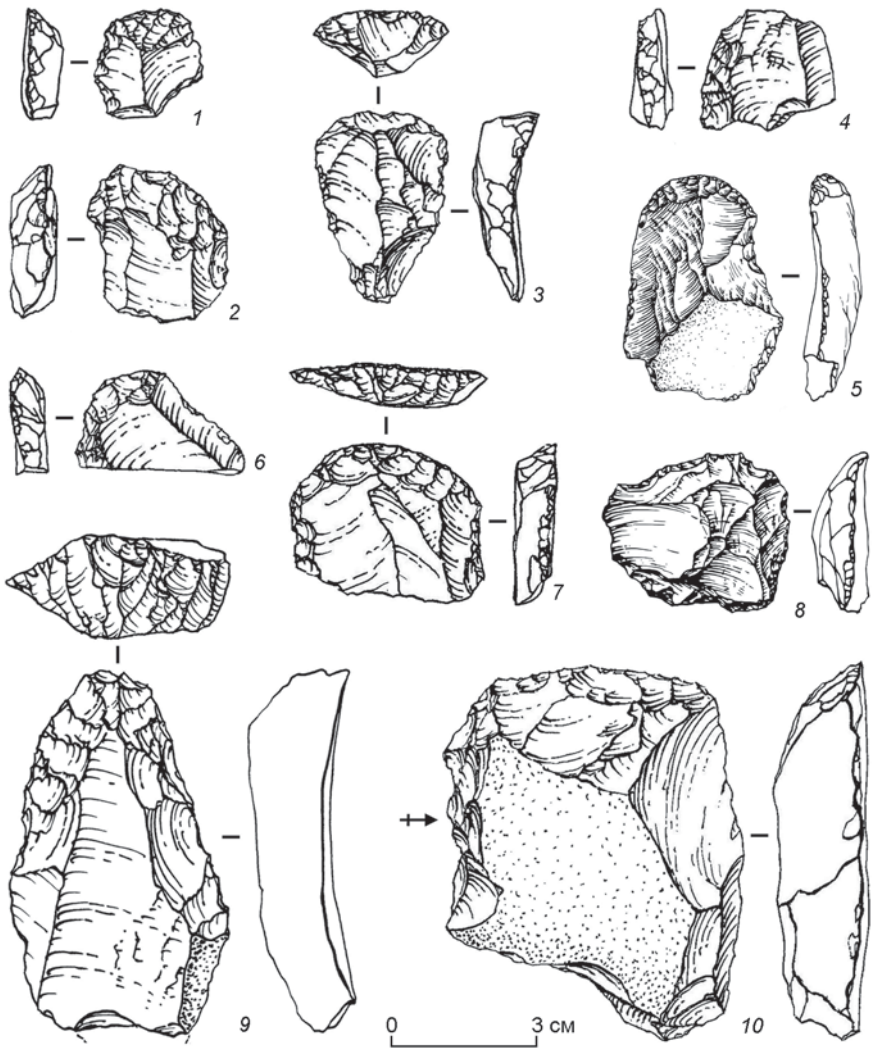

Рис. 1. Верхнепалеолитические скребки из материалов слоев 9 (*8*) и 11 (*5*) центрального зала, слоя 11 (*1–4*, *6*, *7*, *9*, *10*) южной галереи Денисовой пещеры.

1, *3*, *5*, *7* – концевые; *2*, *6*, *8* – скошенные; *4*, *10* – боковые; *9* – высокой формы.

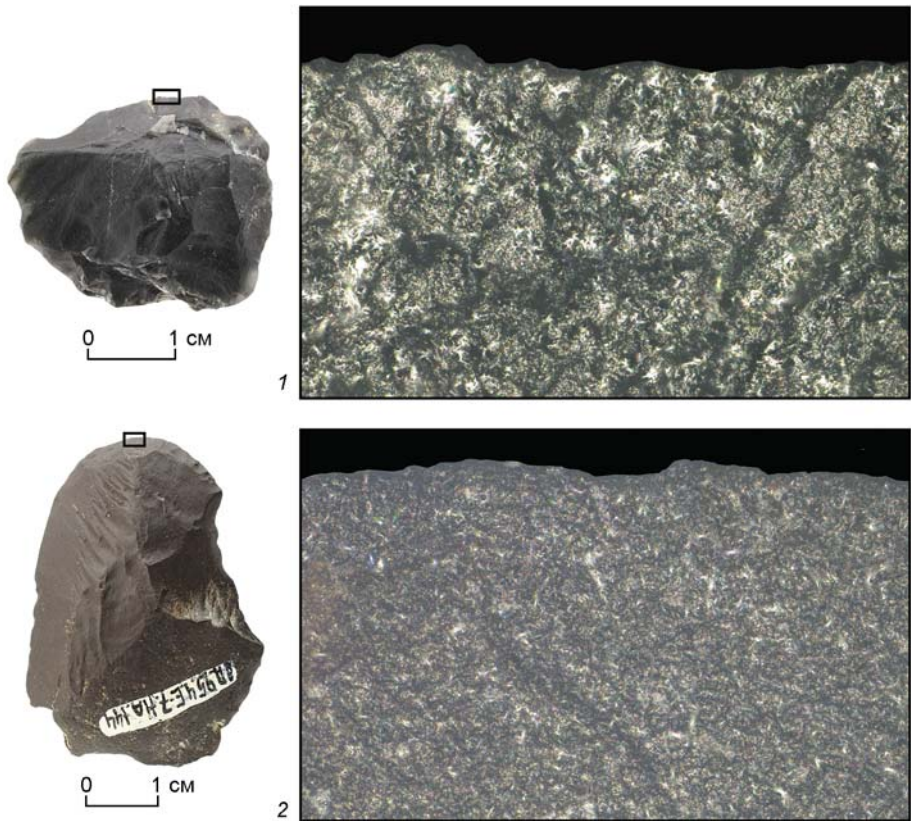

Рис. 2. Следы износа на верхнепалеолитических скребках из центрального зала Денисовой пещеры.
1 – скошенный скребок, слой 9, увеличение ×100; *2* – концевой скребок с боковой выемкой, слой 11, увеличение ×100.

ностью и плавной равномерной стертостью кромки на дорсальной части (2 мм от края), что указывает на работу с достаточно твердым материалом (сухая шкура) и особенности формообразования данного типа породы, а именно относительную хрупкость материала.

В коллекцию изделий из слоев 9 и 11 центрального зала, типологически определенных как *концевые скребки*, входят два орудия с боковой выемкой и лезвием на дорсальной поверхности, оформленным захватывающей отвесной или крутой субпараллельной разноразмерной среднемодифицирующей ретушью. Изделие из слоя 9, выполненное на коротком сколе, выделяется на общем фоне, поскольку помимо слабовыпуклого скребкового лезвия, оформленного на дистальной части заготовки, также несет следы бифасиальной обработки и противолежащий негатив торцового снятия. Результаты трасологического анализа не подтверждают использование орудия в качестве скребка. Предположительно, характер оформления сближает эту форму с клиновидными нуклеусами для микропластин с бифасиально подготовленной основой. Ретушь по ребру, идентифицированная как оформление рабочей кромки скребка, может рассматриваться как один из приемов подготовки основы нуклеуса.

Второй концевой скребок с боковой выемкой из слоя 11 (см. рис. 1, *5*) выполнен на проксимально-медиальном фрагменте первичного отщепа. Округлое лезвие изделия оформлено на проксимальном конце. Выемка сформирована на дорсале крупными сколами, подправлена краевой чешуйчатой мелкой отделкой. На орудии (рис. 2, *2*) фиксируется скругление рабочего края (×15) и слабо различимая «жирная» заполировка (×200), незначительно заходящая на дорсальную и вентральную плоскости в области рабочей зоны, образуя полосу глубиной до 2 мм, и проникающая вглубь неровностей микрорельефа и негативов ретуши. В области выемки следов не обнаружено.

Скребок высокой формы изготовлен на галечной отдельности измененного осадочного сырья ламеллярной распространенной отвесной крупнофасеточной сильномодифицирующей ретушью. На сопряженном участке перпендикулярно со стороны лезвия снят скол с микропластинчатой морфологией. В результате трасологического анализа следов износа на изделии зафиксировано не было, вероятно, один из факторов – измененная поверхность скребка, к тому же морфология предмета указывает на возможность его использования в качестве микронуклеуса.

Угловой скребок с носиком выполнен на коротком массивном отщепе средней размерности из высококремнистого сырья, характеризуется наличием округлого лезвия, которое локализовано на продольном крае заготовки и подготовлено на дорсальной поверх-

ности заготовки многорядной краевой крутой субпараллельной разноразмерной среднемодифицирующей ретушью. При предварительном трасологическом анализе данный артефакт был определен как проколка по шкуре по характерному набору следов: двусторонняя жирная заполировка граней в локализации 5 мм от острия. В дальнейшем эти данные будут уточнены серией экспериментов.

Коллекция скребков из слоя 11 южной галереи Денисовой пещеры (см. рис. 1, *2–4*, *6*, *7*, *9*, *10*) представлена девятью орудиями и включает концевые (n = 3), боковые (n = 2), скошенные (n = 2) варианты, а также изделия высокой формы (n = 2). Длина артефактов варьирует от 17,8 до 57,0 мм, ширина – 16–47 мм, толщина – 5,0–18,7 мм. Представленные в изучаемой коллекции южной галереи скошенный и боковой скребки и одно изделие высокой формы изготовлены из качественных высококремнистых пород, остальные орудия – из вулканогенных.

Концевые скребки выполнены на дистальных окончаниях сколов, слабовыпуклое или округлые лезвия подготовлены дорсальной, преимущественно многорядной захватывающей или распространенной крутой субпараллельной разноразмерной среднемодифицирующей ретушью. Заготовкой одного из орудий (см. рис. 1, *3*) является средний короткий отщеп с ныряющим окончанием, захватывающим край нуклеуса, и негативами мелкопластинчатых веерообразных снятий на дорсальной поверхности. Остаточная ударная площадка скола является бывшей площадкой нуклеуса. Заготовка, вероятно, является техническим сколом с кареноидного мелкопластинчатого нуклеуса, переоформленным под скребок. На изделии при трасологическом анализе диагностических следов использования выявлено не было; отмечены хаотичные фасетки выкрошенности, полученные, предположительно, в результате хранения или залегания в слое. Два других скребка, выполненные на сколах, фрагментированы (см. рис. 1, *1*, *7*). На продольных краях одной из заготовок отмечаются следы краевой ретуши. На ней же наблюдается пришлифовка рабочей зоны (×200) и незначительная заполировка линии вдоль рабочего края (до 2 мм). Крупные фасетки выкрошенности отсутствуют, что может свидетельствовать о мягкости обрабатываемого материала (свежая шкура). На мелком фрагменте орудия следы износа не зафиксированы.

Боковые скребки (см. рис. 1, *4*, *10*) выполнены на медиально-дистальной части мелкого скола и на крупном коротком первичном отщепе. Слабовыпуклые лезвия оформлены на продольном крае заготовок дорсальной многорядной захватывающей крутой субпараллельной разнофасеточной среднемодифицирующей ретушью. На первом изделии (см. рис. 1, *4*) продольная часть заготовки усечена двумя снятиями. Использование бинокулярного микроскопа позволило зафиксировать на примыкающих к лезвию участках дорсала и вентрала следы заглаженности, залощенности и тусклого, жирного блеска (×200); незначительная пришлифовка на лезвии с минимальным переходом на дорсальную или вентральную плоскость прослеживается при сильном оптическом увеличении (×200). На другом изделии (см. рис. 1, *10*) проксимальная часть заготовки усечена отвесной ретушью. Диагностичных следов утилизации на этапе трасологического анализа выявлено не было. При увеличении ×15–40 на каждом орудии были зафиксированы фасетки выкрошенности неутилитарного происхождения. Фасетки располагаются на поверхности артефактов хаотично, имеют четко очерченные границы и не сопровождаются заполировкой. Линейные следы на орудиях не фиксируются вследствие крупнозернистости минерального сырья.

Скошенные скребки (см. рис. 1, *2*, *6*) выполнены на медиально-дистальном и дистальном фрагментах сколов дорсальной многорядной, в одном случае захватывающей, крутой субпараллельной или чешуйчатой разнофасеточной сильно- и среднемодифицирующей ретушью. Угловатое лезвие одного изделия (см. рис. 1, *2*) подготовлено на проксимальной части заготовки, на вентральной поверхности присутствуют плоские негативы утончающих снятий. На орудии даже невооруженным глазом отчетливо фиксируется скругление рабочего края. При увеличении ×200 превосходно различима жирная заполировка, проникающая в микрорельеф поверхности артефакта. Заполировка незначительно заходит на дорсальную и вентральную плоскости, образуя полосу глубиной до 2 мм, покрывает поверхность фасеток выкрошенности. Ее интенсивность постепенно ослабевает по направлению от кромки орудия. Округлый рабочий элемент второго скребка (см. рис. 1, *6*) оформлен на дистальной части. Следов использования зафиксировано не было, вероятно, изделие является фрагментом другого орудия.

Скребки высокой формы (см. рис. 1, *9*) представлены изделиями на медиально-дистальных фрагментах крупных сколов. Обработаны дорсальной ламеллярной, единично многорядной, конвергентной либо полуконвергентной захватывающей или распространенной отвесной субпараллельной крупнофасеточной среднемодифицирующей ретушью; сформированы выпуклые лезвия. На вентральной поверхности одного из изделий из микрокварцита присутствуют негативы уплощающих округлых и ламеллярных снятий. Морфология изделия указывает на его принадлежность к микронуклеусам. Трасологический анализ выявил свежие следы, которые могли появиться из-за фрагментации нуклеуса в насыщенном щебнем слое. Следов утилитарного износа зафиксировано не было. На втором изделии (рис. 3, *2*), выполненном на вулканогенном сырье, отмечено видоизменение рабочей кромки в виде заглаживающей заполировки, покрывающей фасетки выкрошенности. Опираясь на

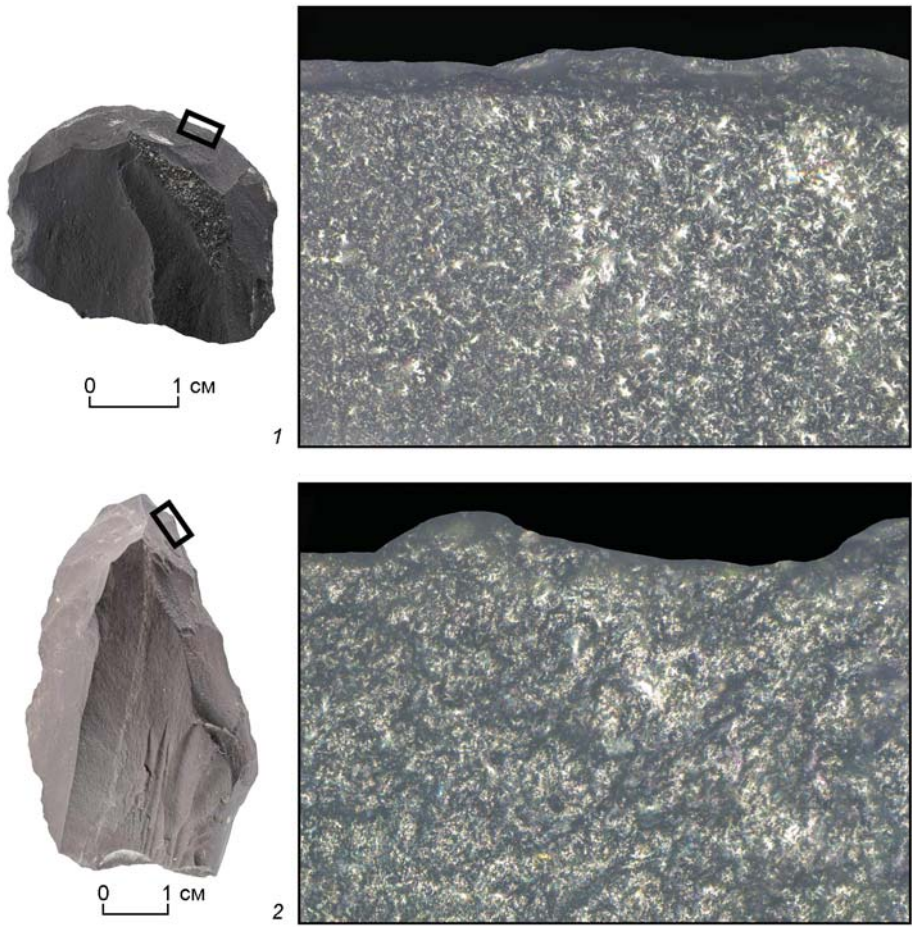

Рис. 3. Следы износа на верхнепалеолитических скребках слоя 11 южной галереи Денисовой пещеры.
1 – концевой скребок на фрагменте ретушированного скола, увеличение ×100; *2* – скребок высокой формы, увеличение ×100.

экспериментальные данные, можно утверждать, что орудием производилась работа по шкуре значительное время – свыше одного часа.

Обсуждение и выводы

В результате проведенного исследования был уточнен типологический состав коллекций верхнепалеолитических скребков, полученных в разные годы в процессе исследования двух участков Денисовой пещеры – центрального зала и южной галереи. Было установлено, что в составе изученных комплексов верхнего палеолита скребковые формы не образуют типологически выдержанных групп изделий. Для индустрии слоя 9 центрального зала характерны скошенные формы, единичные экземпляры концевых скребков с боковой выемкой и изделий высокой формы. В слое 11 отмечены угловой скребок с носиком и концевой с боковой выемкой. Коллекция скребков из слоя 11 южной галереи отличается большей вариабельностью и включает концевые, боковые и скошенные формы, а также скребки высокой формы. В настоящий момент отмечаемое разнообразие типологического состава орудий и их широкий хроностратиграфический контекст не позволяют делать выводы относительно культурной/индустриальной специфичности представленных форм. Различные типы верхнепалеолитических скребков с близкой морфологией отмечены среди материалов многослойных памятников Ануйской долины: Усть-Каракол-1 (сл. 8–11), Ануй-2 (гор. 7, 9–12) и -3 (сл. 11–12) [Природная среда..., 2003]. В индустриях отмеченных комплексов также представлен мелкопластинчатый компонент, в который входят нуклеусы, близкие по морфологии к скребкам высокой формы [Белоусова и др., 2024]. Расширение источниковой базы исследования, привлечение материалов с других верхнепалеолитических объектов с более узкой установленной хронологией позволит соотнести скребковые формы с определенными культурно-хронологическими этапами и приблизиться к реконструкции производственно-хозяйственной деятельности на памятниках.

Проведенный трасологический анализ показал, что почти половина изученных скребков использовалась в качестве инструментов для обработки шкур: изделия со скошенным лезвием из слоя 9 (n = 2), концевой с боковой выемкой из слоя 11 центрального зала (n = 1), боковые скребки (n = 2), изделие высо-

кой формы, концевой скребок на ретушированном сколе (n = 1) и скошенный скребок (n = 1) из слоя 11 южной галереи. На данной выборке орудий распространение следов износа связано исключительно с ретушированными краями заготовок, а именно – зоной оформленного скребкового лезвия. Исследование изделия с выделенным ретушью рабочим элементом – углового скребка с носиком, позволило выявить набор следов, характерных для перфорации шкуры. Три артефакта, два из которых происходят из слоя 9 центрального зала и один – из слоя 11 южной галереи, были атрибутированы в качестве нуклеусов для получения мелких пластинчатых заготовок. В процессе проведенного трасологического исследования на каждом орудии эпизодически фиксировались фасетки выкрошенности, не связанные с утилитарной деятельностью. Предположительно, они возникли в процессе залегания в слое, насыщенном глыбово-щебнистым материалом, или в результате особенностей хранения артефактов. Фасетки располагаются на поверхности артефактов хаотично, имеют четко очерченные границы и не сопровождаются заполировкой. Дальнейшие экспериментальные наблюдения и сравнительный анализ микро- и макропризнаков износа и обработки на эталонах и древних артефактах позволят определить способ изготовления, назначение и варианты использования каменных орудий из археологических коллекций памятников верхнего палеолита Алтая.

Благодарности

Экспериментально-трасологические исследования выполнены в рамках проекта РНФ № 20-78-10125-П «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность» (исполнители – А.Ю. Федорченко, Е.В. Левина). Технико-типологический анализ реализован в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст» (исполнители – Н.Е. Белоусова, В.А. Михиенко).

Список литературы

Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю., Михиенко В.А., Гурулев Д.А. Феномен мелкопластинчатых индустрий раннего верхнего палеолита Горного Алтая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2024. – Т. 23, № 5: Археология и этнография. – С. 72–94.

Васильев С.А. К методике изучения элементов вторичной обработки каменных орудий // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1986. – С. 147–161.

Волков П.В. Предварительные результаты функционального анализа материалов памятника Денисова пещера // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 59–77.

Волков П.В., Шалагина А.В., Колобова К.А., Маркин С.В. Предварительные результаты трасологического анализа конвергентных скребел и ретушированных остроконечников из Чагырской пещеры // Изв. Иркут. гос. ун-та. – 2018. – Т. 24. – С. 23–38.

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. VI, ч. 1: Денисовский человек: происхождение, материальная и духовная культура. – 900 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 288 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – Т. 48, № 3. – С. 3–32.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Михиенко В.А., Федорченко А.Ю., Чеха А.М. Исследование комплексов среднего и верхнего палеолита Денисовой пещеры в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 105–113.

Колобова К.А. Приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 135 с.

Левина Е.В., Федорченко А.Ю. Сравнение особенностей формообразования макро- и микроследов на поверхности орудий из разного минерального сырья // Новые материалы и методы археологического исследования: история VS источниковедение: мат-лы VII конф. молодых ученых. – М.: Изд-во ИА РАН, 2023. – С. 26–28.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Семёнов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с.

Федорченко А.Ю. Экспериментально-трасологическое исследование скребков поздней ушковской культуры (Центральная Камчатка) // КСИА. – 2016. – Вып. 243. – С. 16–32.

Четырехъязычный (русско-англо-франко-немецкий) **словарь**-справочник по археологии палеолита / С.А. Васильев, Г. Бозински, Б.А. Бредли, Л.Б. Вишняцкий, Е.Ю. Гиря, Ю.Н. Грибченко, М.Н. Желтова, А.Н. Тихонов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. – 264 с.

Keeley L.H. Experimental determination of stone tool uses. – L.; Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980. – 212 p.

References

Belousova N.E., Fedorchenko A.Y., Mikhienko V.A., Gurulev D.A. Phenomenon of Early Upper Palaeolithic Bladelet Assemblages in the Altai Mountains. *Vestnik Novosibirskogo*

gosudarstvennogo universiteta, 2024. Vol. 23, No. 5: Archaeology and Ethnography. P. 72–94. (In Russ.).

Derevianko A.P. Three Global Human Migrations in Eurasia. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. VI, pt. 1: Denisovan human: origins, material and spiritual culture. 900 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V., Vasiliev S.A. Paleolitovedenie: Vvedenie i osnovy. Novosibirsk: Nauka, 1994. 288 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Agadganyan A.K., Baryshnikov G.F., Malaeva V.M., Ulianov V.A., Kulik N.A., Postnov A.V., Anoikin A.A. Paleoenvironment and Palaeolithic human occupation of Gorny Altai. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. 448 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Who Where the Denisovans? *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2020. Vol. 48, No. 3. P. 3–32.

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Mikhienko V.A., Fedorchenko A.Y., Chekha A.M. Studies of the Middle and Upper Paleolithic Technocomplexes of Denisova Cave in 2021. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 105–113. (In Russ.).

Fedorchenko A.Y. Experimental use-wear analysis of end-scrapers from Late Ushki culture (Central Kamchatka). *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii.* 2016. Vol. 243. P. 16–32. (In Russ.).

Keeley L.H. Experimental determination of stone tool uses. London; Chicago: University of Chicago Press, 1980. 212 p.

Kolobova K.A. Priemy oformleniya kamennykh orudii v paleoliticheskikh industriyakh Gornogo Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006. 135 p. (In Russ.).

Levina E.V., Fedorchenko A.Y. Sravneniye osobennostey formoobrazovaniya makro- i mikrosledov na poverkhnosti orudiy iz raznogo mineral'nogo syr'ya. In *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: istoriya VS istochnikovedenie. Materialy VII konferentsii molodykh uchenykh*. Moscow: IA RAS Publ., 2023. P. 26–28. (In Russ.).

Semenov S.A. Pervobytnaya tekhnika (opyt izucheniya drevneishikh orudii i izdelii po sledam raboty). Moscow: AS USSR Publ., 1957. 240 p. (In Russ.).

Vasiliev S.A. K metodike izucheniya elementov vtorichnoi obrabotki kamennykh orudii. In *Problemy arkheologii Severnoi i Vostochnoi Azii.* Novosibirsk: SB AS USSR Publ., 1986. P. 147–161. (In Russ.).

Vasiliev S.A., Bozinsky G., Bradley B.A., Vishnyatsky L.B., Girya E.Y., Gribchenko Y.N., Zheltova M.N., Tikhonov A.N. Glossary of the Paleolithic Archaeology. Russian/English/French/German. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2007. 264 p. (In Russ.).

Volkov P.V. Predvaritel'nye rezul'taty funktsional'nogo analiza materialov pamyatnika Denisova peshchera. In *Paleoekologiya pleistotsena i kul'tury kamennogo veka Severnoi Azii i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk: SB RAS Publ., 1998. Vol. 1. P. 59–77. (In Russ.).

Volkov P.V., Shalagina A.V., Kolobova K.A., Markin S.V. Preliminary Results of the Use-wear Analysis of Convergent Scrapers and Retouched Points from Chagyrskaya Cave Assemblages. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2018. Vol. 24. P. 23–38. (In Russ.).

Михиенко В.А. https://orcid.org/0000-0002-7861-5983
Плотникова П.Ю. https://orcid.org/0009-0004-9954-811X
Левина Е.В. https://orcid.org/0000-0001-6616-5754
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7054-3738
Белоусова Н.Е. https://orcid.org/0000-0001-7054-3738

Дата сдачи рукописи: 28.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0193-0199
УДК 902/904

В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Персонажи «калгутинского» стиля

Изучение петроглифов Горного Алтая (как российской, так и монгольской его части) имеет свою историю. Несомненно, особое место в ней занимают события, связанные с изучением наиболее древнего пласта наскальных изображений. С открытием в конце 1990-х гг. на плато Укок российской части Горного Алтая древнейшего пласта наскальных изображений число таких памятников постоянно увеличивается в примыкающей с юга монгольской части Алтая. Это связано с масштабными исследованиями петроглифов, предпринятыми сначала российско-монгольско-американской, а затем российско-монгольско-французской экспедициями, а также монгольскими коллегами. На сегодняшний день значительная часть таких изображений оказалась введенной в научной оборот. При этом имеют место замечательные комплексы, нуждающиеся в монографической публикации. В настоящее время можно говорить об особой зоне распространения древнейших петроглифов, сосредоточенной на северном и южном склонах Сайлюгемского хребта. В результате их целенаправленного изучения выявлен «калгутинский» стиль изображений, относимый к концу плейстоцена. Изображения, выполненные в этом стиле, отличаются значительными размерами, несомненной спецификой передачи образа. Не раз выявлено их перекрытие более поздними петроглифами, относящимися к эпохе бронзы и другим историческим периодам. Их отличают и наличие отдельных изображений, характерных исключительно для плейстоцена. Со временем увеличивается не только количество «калгутинских» памятников, но и растет число персонажей, его представляющих, причем как фигуративных, так и нефигуративных. В статье предлагается суммарная оценка выявленных персонажей, относящихся к «калгутинскому» стилю.

Ключевые слова: *«калгутинский» стиль, петроглифы, персонажи.*

V.I. Molodin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Characters of “Kalgutinsky” Style

The study of petroglyphs in the Altai Mountains, both in the Russian and Mongolian parts, has a rich history. Evidently, events related to the discovery of the most ancient rock art sites in the region take a special place in this history. In the late 1990s, researchers found some of the oldest rock art images on the Ukok Plateau in the Russian Altai. Since then, the increasing number of similar sites has been reported from the neighboring Mongolian Altai. This is due to a large-scale research carried out by various international teams, including the Joint Russian-Mongolian, Russian-Mongolian-American and Russian-Mongolian-French teams, as well as due to the efforts of Mongolian scholars. To date, many of these images have been introduced into scientific circulation, although there are still many significant complexities that require further study and monographic publication. Currently, the northern and southern slopes of the Sailugem Mountain range can be regarded as a special area of distribution of prehistoric petroglyphs. The “Kalgutinsky” style of imagery dating back to the late Pleistocene has been identified in the course of systematic rock art studies. The Kalgutinsky images are characterized by the large size and distinct style. The Kalgutinsky rock images are often found in the palimpsest overlapped by younger petroglyphs of the Bronze Age and other historical periods. The isolated Kalgutinsky rock images showing unique Pleistocene characteristics have been also found. Over time, both the number of “Kalgutinsky” sites and the number of individual images, both figurative and abstract, have increased. This article provides a summary of the identified characters of the “Kalgutinsky” style.

Keywords: *“Kalgutinsky” style, petroglyphs, characters.*

В конце прошлого века на плато Укок, расположенном в юго-восточной части Горного Алтая (Россия), был открыт замечательный памятник первобытного искусства, получивший наименование Калгутинский рудник (см.: [Молодин, Черемисин, 1995, 1999]). Памятник, по мнению авторов, был отнесен к концу плейстоцена – началу голоцена. Появление материалов в научной печати, особенно после выхода специ-

альной монографии, вызвало моментальную реакцию научной общественности, найдя как противников, так и сторонников данной гипотезы (см., напр.: [Кубарев, 1997; Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г., 2001]).

После означенного события, уже в начале нового века на территории соседней Монголии силами российско-монгольско-американской экспедиции, работавшей несколько лет под руководством д-ра ист. наук В.Д. Кубарева, академика Д. Цэвээндоржа и проф. Э. Якобсон, был выявлен огромный пласт разновременных петроглифов, позднее опубликованных в серии статей и монографий (см. основные работы: [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005; Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, 2006]). Среди гигантского многообразия наскальных изображений выявлена серия рисунков, которая по своим стилистическим признакам сопоставима с изображениями, выполненными в «калгутинском» стиле. Кроме того, был открыт ряд персонажей, принадлежащих однозначно к плейстоценовой фауне* (см., напр.: [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 1998]).

Проведенные впоследствии в этом районе целенаправленные поиски и копирование изображений раннего хронологического пласта позволили поставить вопрос о выделении изображений, выполненных в особом «калгутинском» стиле [Молодин и др., 2019]. Концепция была подтверждена серией палимпсестов, где ранний («калгутинский») пласт наскальных изображений был неоднократно перекрыт более поздними рисунками эпохи бронзы со своими стилистическими и иконографическими особенностями, существенно отличающимися от изображений, выполненных в «калгутинском» стиле [Молодин и др., 2020, 2024].

Таким образом, в настоящее время можно говорить о массиве наскальных изображений, локализованных в приграничном районе Алтайских гор на территории России и Монголии. Картографирование памятников, объединенных спецификой стилистики данных изображений, позволяет уже сегодня говорить об особой территории их концентрации в масштабах огромного количества наскальных изображений, сосредоточенных в разных зонах Алтайских гор, выявленных и в значительной степени документированных, прежде всего, на территории Монголии (см., напр.: [Кубарев, 2009; Батболд, 2018; Молодин и др., 2023; Өмирбек, 2019; Өмирбек, Батболд, Цэрээндагва, 2021; Батболд и др., 2023; Төрбат, Батболд, Өмирбек, 2023]).

Изучение наскальных изображений на различных территориях распространения в разные хронологические периоды всегда выявляет кроме стилистических и технологических особенностей их нанесения еще и набор главных персонажей, которые были характерны для того или иного хронологического периода. Именно рассмотрение данных персонажей в совокупности со стилистическими особенностями их изображения позволяет более доказательно говорить о выделении культурно-хронологического пласта художественного творчества человека. Понятно, что предпочтения в выборке персонажей были обусловлены, прежде всего, палеоклиматическим и географическим фоном той эпохи, в которую происходили определенные историко-культурные события. Разительное отличие природной обстановки периодов плейстоцена и голоцена обуславливало специфику животного и растительного мира практически любой территории, в т.ч. и Южной Сибири, о которой идет речь в настоящей работе.

Отличительной чертой наскальных изображений палеолитической эпохи Евразии является отсутствие в качестве главных персонажей антропоморфных изображений. В редких случаях антропоморфы имеют место, однако эти изображения, в отличие от реалистично выполненных разнообразных животных, нередко в динамике, поданы предельно стилизованными, как, например, в пещере Ляско [Ajoulat, 2004, p. 161] (Франко-кантабрийский регион) или в Игнатьевской пещере [Петрин, 1992] на Южном Урале. Очевидно, что данные изображения следует воспринимать скорее как исключения, чем правило. К тому же их семантика связана с передачей не столько образа человека, а скорее некой его духовной ипостаси. Объекты, связанные с изображениями, выполненными в «калгутинском» стиле, полностью лишены антропоморфов. Отсутствуют изображения человека и в пещере Хойт-Цэнкер Агуй на юге Монголии, справедливо отнесенной академиком А.П. Окладниковым к верхнепалеолитической эпохе [1972].

К периоду верхнего палеолита могут относиться недавно открытые монгольскими коллегами в Гобийском Алтае изображения отпечатков человеческих ладоней, выполненных на открытой плоскости. Памятник получил название Тонкхил и датирован первооткрывателями периодом плейстоцена [Хаданд..., 2023, х. 55; Батболд и др., 2023]. Данная датировка выглядит вполне резонно, поскольку изображение отпечатков рук человека имеет место на палеолитических росписях франко-кантабрийского региона и встречается на всем протяжении палеолитической эпохи [Clottes, 2010]. Правда, следует иметь в виду, что подобные сюжеты имеют место и на голоценовых памятниках (см., напр.: [Carden, Miotti, 2020]).

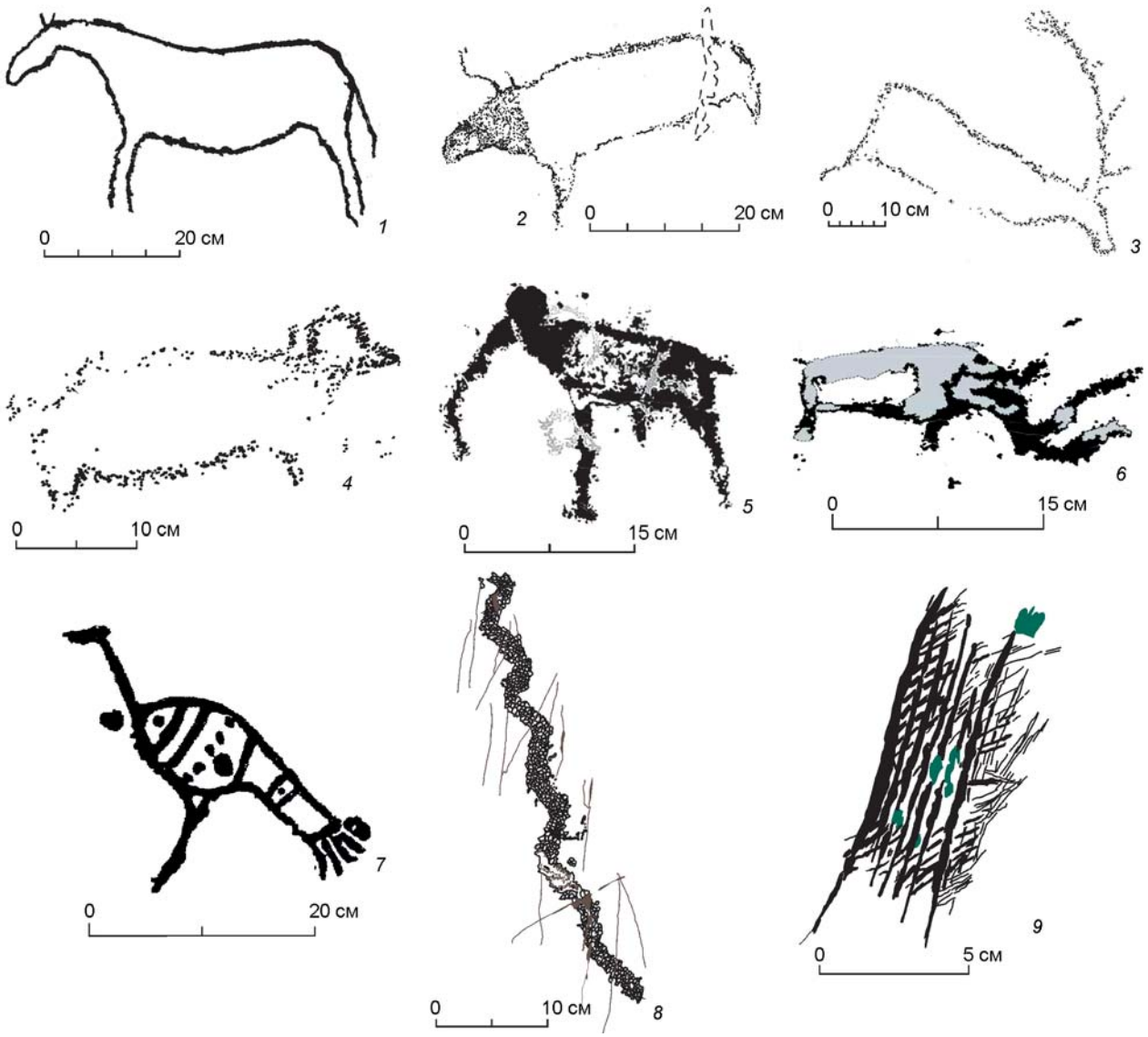
Учитывая тот факт, что в искусстве Сибири имеется антропоморфная пластика, сопоставимая по иконографии с западноевропейской (см.: [Лбова, Молодин, Шуньков, 2022]), отсутствие при этом антропо-

* Следует иметь в виду, что мнение о датировке и идентификации данных персонажей у авторов открытия разделились: академик Д. Цэвээндорж относил их к эпохе палеолита, проф. Э. Якобсон – к мезолитической эпохе, д-р ист. наук В.Д. Кубарев полагал, что для столь ранних дат нет оснований [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 1998; Кубарев, 2001]. С последней точкой зрения согласиться невозможно, поскольку В.Д. Кубарев предлагал видеть в изображениях мамонтов или слонов «оленя или козла с повернутой назад головой», что не выдерживает критики.

морфных изображений на скалах может говорить об известных параллелях мировосприятия населения Евразии в позднем плейстоцене.

Главным персонажем носителей «калгутинского» стиля, несомненно, является лошадь (см. *рисунок*, *1*). Образ этого животного, переданный в характерной манере, присутствует на большинстве выявленных памятниках Горного Алтая. Этому, безусловно, способствовала физико-географическая обстановка в регионе, которая и в настоящее время благоприятна для обитания этого животного. Лошадь, в рассматриваемый период, несомненно, являвшуюся объектом промысловой охоты, впоследствии удалось доместицировать. Обитая в диком состоянии табунами от пяти до двадцати особей, лошадь была прекрасным объектом для охоты. Не случайно это животное является одним из главных персонажей наскальной живописи плейстоценовых пещер от момента появления этого вида художественного творчества [Clottes, 2010] вплоть до конца плейстоцена и, разумеется, голоцена. То же самое, в принципе, можно сказать и о территории Монгольского Алтая (см., напр.: [Өмирбек, 2019]).

Вторым персонажем, характерным для «калгутинского» пласта изображений, является бык. Образ этого животного, выполненный по типичным для данного стиля канонам (включая и парциальные его изображения), присутствует на большинстве памятников, связанных с творчеством данного пласта (см., напр.:

Основные персонажи «калгутинского» стиля.

1 – пункт Калгутинский Рудник, участок I, изображение 9, Российский Алтай (по: [Молодин, Черемисин, 1999, с. 48, рис. 26]); *2* – пункт Калгутинский Рудник, участок I, изображение 3, Российский Алтай (по: [Молодин, Черемисин, 1999, с. 37, рис. 17]); *3* – пункт Калгутинский Рудник, участок I, изображение 2, Российский Алтай (по: [Молодин, Черемисин, 1999, с. 34, рис. 15]); *4* – пункт Бага-Ойгур-5 (правый берег), Монгольский Алтай (прорисовка автора); *5* – пункт Бага-Ойгур III, Монгольский Алтай (по: [Черемисин и др., 2018, с. 67, рис. 15]); *6* – пункт Бага-Ойгур II, Монгольский Алтай (по: [Черемисин и др., 2018, с. 66, рис. 14]); *7* – пункт Арал-Толгой, Алтай (по: [Цэвээндорж, Кубарев, Якобсон, 2005, с. 201, табл. 14, 5]); *8*, *9* – пункт Бага-Ойгур-5 (правый берег), Монголия (работы автора, 2023).

[Молодин и др., 2021, рис. 4, *6*]). Быки, также как и лошади, не были доместицированы человеком и являлись одним из основных промысловых животных. После доместикации в голоцене иконография этого образа постоянно видоизменялась. В аспекте данной работы важно подчеркнуть, что и в классическом искусстве палеолита Европы образ быка проходит через всю эпоху (см.: [Clottes, 2010]).

Еще одним ярким персонажем изображений «калгутинского» пласта является олень (см. *рисунок*, *3*). Как правило, изображались самцы с огромными ветвистыми рогами. Стилистическая манера подачи образа характерна для «калгутинского» стиля, что разительно отличает маралов периода плейстоцена от более поздних персонажей, подача которых видоизменяется на протяжении всего голоцена.

Значительно реже в «калгутинских» комплексах встречаются изображения горных баранов с характерным для этого персонажа реалистически переданным корпусом и загнутым полукольцом рогом (см. *рисунок*, *4*). Особенно многообразен этот персонаж оказался на памятниках Бага-Ойгур-5 и -6 (правый берег) [Молодин и др., 2023, 2024].

Особое место среди персонажей «калгутинских» изображений занимает фауна, характерная для периода плейстоцена. Речь идет о нескольких фигурах мамонтов, сосредоточенных на местонахождении левого берега реки Бага-Ойгур и Цагаан-Салаа [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2006; Молодин и др., 2019, с. 22, 23] (см. *рисунок*, *5*). Целенаправленные исследования фигур мамонтов, открытых исследованиями российско-монгольско-американской экспедиции, не только убедили нас в данной персонификации изображений, но и позволили выявить еще одну фигуру мамонта и, возможно, носорога [Молодин и др., 2021, с. 204, рис. 2]. Изображение носорога, обнаруженное на местонахождении Бага-Ойгур-2, отличается типичным для этого животного мощным приземистым корпусом и могучими рогами, венчающими голову животного (см. *рисунок*, *6*). Изображение носорога имеет место и на памятнике Арал-Толгой [Цэвээндорж, Кубарев, Якобсон, 2005, с. 183, рис. 144].

Таким образом, отмеченный пласт плейстоценовой фауны особенно важен с точки зрения относительной хронологии рассматриваемых памятников, относящихся к определенному (позднеплейстоценовому) хронологическому пласту.

С большой долей вероятности к рассматриваемой эпохе могут быть отнесены изображения птиц, весьма напоминающих страусов, обнаруженные на территории Монгольского Алтая, на горной гряде Арал Толгой (к юго-юго-востоку от пересечения границ России, Монголии и Китая) [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 1998]. Данные изображения были опубликованы в монографии Д. Цэвээндоржа, В.Д. Кубарева и Э. Якобсон [2005] (см. *рисунок*, *7*). В пользу их древности говорит, во-первых, то обстоятельство, что в одном случае изображение птицы (страуса?) перекрыто изображением лошади, иконография которой более всего напоминает чемурчекский стиль эпохи бронзы.

Во-вторых, изображение птицы абсолютно аналогично рисунку страуса из пещеры Хайт-Цэнкер Агуй, однозначно относимого А.П. Окладниковым к периоду плейстоцена [1972]. Важность открытия данных изображений заключается еще в том, что, по сути, маркирует на сегодняшний день южную границу вероятного распространения петроглифов «калгутинского» хронологического пласта.

Благодаря исследованиям памятника Бага-Ойгур-5 (правый берег) были выявлены изображения рептилий (см. *рисунок*, *8*), которые по архаичной технике исполнения также относятся к «калгутинскому» пласту изображений [Молодин и др., 2024, с. 66]. Кроме того, как отмечал академик А.П. Окладников в монографии, посвященной петроглифам Центральной Азии, именно изображения змей «составляют наиболее древний фонд наскальных изображений Гоби, вероятно каменного века» [Окладников, 1980, с. 5].

Специфический мотив, относящийся к нефигуративным знакам, обнаружен на святилище Бага-Ойгур-5 (правый берег) [Молодин и др., 2024, рис. 9, *2*, *3*]. Знак представляет собой геометрический мотив в виде решетки (см. *рисунок*, *9*), семантически связанный с изображением лошади, выполненным в «калгутинском» стиле. Согласно классификации знаков и символов в мифологии и искусстве, данное изображение можно интерпретировать как сеть – символ ловли и сбора [О′Коннел, Эйри, 2009, с. 236]. Важно подчеркнуть, что нефигуративные знаки в сочетании с изображениями животных характерны для классического палеолитического искусства Западной Европы (см., напр.: [Ajoubat, 2004, fig. 68, 70; Sauvet et al., 2018]), а также Евразии [Житенев, 2017, рис. 270–276; Котов, 2023, рис. 3, *2*; и др.].

Таким образом, открытие нефигуративного знака в ряду персонажей «калгутинского» стиля усиливает нашу аргументацию в пользу их палеолитического возраста.

В заключение напрашивается еще один важный вывод. С момента открытия древнейшего пласта наскальных изображений местонахождения Калгутинский рудник [Молодин, Черемисин, 1995, 1999] прошло без малого четверть века. С тех пор постоянно увеличивается поток информации, касающейся данного замечательного феномена. Это и открытие новых памятников, и выявление «калгутинских» персонажей на уже известных объектах, это и важнейшие стратиграфические наблюдения, наконец, это все новые образы, как фигуративные, так и нефигуративные, позволяющие реконструировать феномен «калгутинского» стиля во все большей полноте и многообразии.

Уверен, что целенаправленный поиск даст новые результаты в плане изучения древнейшего пласта наскальных изображений в этом районе Азии.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту РНФ № 23-18-00424 «Мультидисциплинарные исследования духовной культуры и первобытного искусства населения Западной Сибири и Центральной Азии в древности».

Список литературы

Батболд Н. Хронология петроглифов Монгольского Алтая // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2018. – № 1. – С. 6–13.

Батболд Н., Цэвээндорж Д., Базаргур Д., Амгалантөгс Ц., Баттулга Ц., Эрдэнэболд Л., Содномжамц Д., Буян-Орших Б. Говь-Алтай аймгийн туух, соёлын дурсгал. – Улаанбаатар, 2023. – 448 х.

Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г. [Рецензия] // РА. – 2001. – № 1. – С. 128–132. – рец. на кн.: Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск, 1999. – 160 с.

Житенёв В.С. Капова пещера – верхнепалеолитическое святилище с настенными изображениями: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2017. – 795 с.

Котов В.Г. Гравированные изображения пещеры Шульган-таш (Каповой), Башкортастан, Южный Урал // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2023. – № 2 (61). – С. 5–15.

Кубарев В.Д. О петроглифах Калгуты // Наскальное искусство Азии. – Кемерово, 1997. – Вып. 2. – С. 88–97.

Кубарев В.Д. Мамонты из Бага-Ойгура (к вопросу о хронологии древнейших рисунков Монгольского Алтая) // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 435–440.

Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 420 с.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Предварительные результаты полевых работ в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 258–265.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск; Улан-Батор: ИАЭТ СО РАН; Юджин, 2005. – 640 с.

Лбова Л.В., Молодин В.И., Шуньков М.В. Палеолитическое искусство Сибири // История Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН 2022. – Т. 1: Каменный и бронзовый век. – С. 170–185.

Молодин В.И., Батболд Н., Зоткина Л.В., Черемисин Д.В., Ненахова Ю.Н. Святилище с «калгутинскими» изображениями на северо-западе Монголии (предварительные данные) // Археология, этнография и антропология Евразии. –2024. – Т. 52, № 1. – С. 58–69.

Молодин В.И., Женест Ж.-М., Зоткина Л.В., Черемисин Д.В., Кретэн К. «Калгутинский» стиль в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47, № 3. – С. 12–26.

Молодин В.И., Зоткина Л.В., Кретэн К., Плиссон Х., Женест Ж.-М., Черемисин Д.В. «Калгутинский» стиль в наскальном искусстве и его своеобразие // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. – Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2021. – С. 201–206.

Молодин В.И., Зоткина Л.В., Кретэн К., Черемисин Д.В., Батболд Н., Цэвээндорж Д. Палимпсест с местонахождения Цагаан-Салаа IV (Монгольский Алтай): относительная хронология изображений // КСИА. – 2020. – Вып. 260. – С. 134–150.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие петроглифы Горного Алтая // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск, 1995. – С. 89–91.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 160 с.

Молодин В.И., Черемисин Д.В., Батболд Н., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А. Новые петроглифы Монгольского Алтая: долина реки Хара-Джамат Гол // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. – Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2021. – С. 207–213.

Молодин В.И., Черемисин Д.В., Ненахова Ю.Н., Батболд Н. Хронология наскальных изображений в российско-монгольской части Алтая (от палеолита до позднего Средневековья) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2023. – Т. 51, № 4. – С. 65–77.

Молодин В.И., Черемисин Д.В., Ненахова Ю.Н., Батболд Н., Зоткина Л.В. Оригинальный комплекс петроглифов эпохи бронзы на правом берегу р. Бага-Ойгур в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 721–728.

О'Коннелл М., Эйри Р. Знаки и символы: Иллюстрированная энциклопедия. – М.: Эксмо, 2009. – 256 с.

Окладников А.П. Центральноазиатский очаг первобытного искусства: Пещерные росписи Хойт-Цэнкер Агуй (Сэнгри-агуй), Западная Монголия. – Новосибирск: Наука, 1972. – 76 с.

Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии. Хобд-Соман (гора Тэбш). – Л.: Наука, 1980. – 271 с.

Өмирбек Б. Баян-Элгий Аймгийн Археологийн дурсгалууд (цуврал зурачт цамог). – Улаанбаатар, 2019. – 262 х.

Өмирбек Б., Батболд Н., Цэрээндагва Я. Дэлхийн эв – Монгол Алтайн хадны зураг. – Улаанбаатар, 2021. – 136 с.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. – Новосибирск: Наука, 1992. – 158 с.

Төрбат Ц., Батболд Н., Өмирбек Б. Монгол Алтайд илэрсэн палеолитэн үеийн хадны зургийн шинэ дурсгал: Бага Ойгор-VI // Mongolian J. of Authropol., Archaeol. and Ethno. – 2023. – Vol. 12, iss. 1 (590). – P. 27–35.

Хаданд сийлсэн эртний урлаг. Хадны хураг – дэлхийн эв. – Улаанбаатар, 2023. – 63 с.

Цэвээндорж Д., Кубарев В.Д., Якобсон Э. Арал толгойн хадны зураг. – Уланбаатар, 2005. – 204 с.

Черемисин Д.В., Молодин В.И., Зоткина Л.В., Цэвээндорж Д., Кретэн К. Новые исследования раннего пласта наскального искусства Монгольского Алтая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2018. – Т. 17, вып. 3: Археология и этнография. – С. 57–77.

Ajoulat N. Lascaux. Le geste, l′espace et le temps. – Paris: Ed. Du Seuil, 2004. – 247 p.

Carden N., Miotti L. Unraveling rock art palimpsests through superimpositions: The definition of painting episodes in Los Toldos (southern Patagonia) as a baseline for chronology // J. of Archaeol. Sci. Reports. – 2020. – Vol. 30 (102265). – P. 1–16.

Clottes J. L′Art des Cavernes Préhistoriques. – Paris: Phaidon Press, 2010. – 334 p.

Jacobson E., Kubarev V.D., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagan-Salaa / Baga-Oigor: Texte et figures. Répertoire des petroglyphs d'Asie Centrale. – Paris: De Boccard, 2001. – 481 p. – (Memoires de la Mission Archeologique Française en Asie Central; t. V, fasc. 6).

Jacobson E., Kubarev V.D., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Haut Tsagan Gol. Répertoire des petroglyphs d'Asie Centrale. – Paris: De Boccard, 2006. – 444 p. – (Memoires de la Mission Archeologique Française en Asie Central; T. V, Fasc. 7).

Sauvet G., Bourrillon R., Garate D., Petrognani S., Rivero O., Robert E., Tosello G. The Function of Graphic Signs in Prehistoric Societies: The Case of Cantabrian Quadrilateral Signs// Quatern. Intern. – 2018. – Vol. 491. – P. 99–109.

References

Ajoulat N. Lascaux. Le geste, l′espace et le temps. Paris: Ed. Du Seuil, 2004. 247 p. (In French).

Batbold N. Chronology of petroglyphs of the Mongolian Altai. *Sayan-Altai Scientific Review*, 2018. No. 1. P. 6–13. (In Russ.).

Batbold N., Tseveendorj D., Bazargur D., Amgalantөgs Ts., Battulga Ts., Erdenebold L., Sodnomzhamts D., Buyan-Orshikh B. Gov'-Altai aimgiin tuukh, soelyn dursgal. Ulaanbaatar, 2023. 448 s. (In Mong.).

Carden N., Miotti L. Unraveling rock art palimpsests through superimpositions: The definition of painting episodes in Los Toldos (southern Patagonia) as a baseline for chronology. *Journal of Archaeological Science Reports*, 2020. Vol. 30 (102265). P. 1–16. doi:10.1016/j.jasrep.2020.102265

Cheremisin D.V., Molodin V.I., Zotkina L.V., Tseveendorj D., Cretin C. New research of earliest rock art in Mongolian Altai. *Vestnik Novosibirsk State University Series: History and Philology*, 2018. Vol. 17, No. 3: Archaeology and Ethnology. P. 57–77. (In Russ.). doi:10.25205/1818-7919-2018-17-3-57-77

Clottes J. L′Art des Cavernes Préhistoriques. Paris: Phaidon Press, 2010. 334 p. (In French).

Devlet M.A., Devlet E.G. [Review] Rossiyskaya arkheologiya. 2001. No. 1. P. 128–132. Book review: Molodin V.I., Cheremisin D.V. Drevneishie naskal'nye izobrazheniya ploskogor'ya Ukok. Novosibirsk, 1999. 160 p. (In Russ.).

Jacobson E., Kubarev V.D., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagan-Salaa / Baga-Oigor: Texte et figures. Répertoire des petroglyphs d'Asie Centrale. Paris: De Boccard, 2001. 481 p. (Memoires de la Mission Archeologique Française en Asie Central; t. V, fasc. 6). (In French).

Jacobson E., Kubarev V.D., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Haut Tsagan Gol. Répertoire des petroglyphs d'Asie Centrale. Paris: De Boccard, 2006. 444 p. (Memoires de la Mission Archeologique Française en Asie Central; t. V, fasc. 7). (In French).

Khadand siilsen ertnii urlag. Khadny khurag – delkhiin ev. Ulaanbaatar, 2023. 63 p. (In Mong.).

Kotov V.G. Engraved images of the Shulgan-Tash (Kapova) cave, Bashkortostan, South Ural. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 2023. No. 2 (61). P. 5–15. (In Russ.). doi:10.20874/2071-0437-2023-61-2-1

Kubarev V.D. O petroglifakh Kalguty. In *Naskal'noe iskusstvo Azii*. Kemerovo, 1997. Vol. 2. P. 88–97. (In Russ.).

Kubarev V.D. Mamonty iz Baga-Oigura (k voprosu o khronologii drevneishikh risunkov Mongol'skogo Altaya). In *Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoi Azii: itogi i perspektivy izucheniya na rubezhe tysyacheletii*. Barnaul: Altai State University Press, 2001. P. 435–440. (In Russ.).

Kubarev V.D. Petroglify Shiveet-Khairkhana (Mongol'skii Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009. 420 p. (In Russ.).

Kubarev V.D., Tseveendorj D., Jacobson E. Predvaritel'nye rezul'taty polevykh rabot v Mongolii. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998. Vol. 4. P. 258–265. (In Russ.).

Kubarev V.D., Tseveendorj D., Jacobson E. Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oigura (Mongol'skii Altai). Novosibirsk; Ulaanbaatar: IAET SB RAS Publ.; Yudzhin, 2005. 640 p. (In Russ.).

Lbova L.V., Molodin V.I., Shunkov M.V. Paleoliticheskoe iskusstvo Sibiri. In *History of Siberia*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 1: Stone and Bronze Age. P. 170–185. (In Russ.).

Molodin V.I., Batbold N., Zotkina L.V., Cheremisin D.V., Nenakhova Y.N. Sanctuary with "Kalguty" Style Images in Northwestern Mongolia (Preliminary Data). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2024. Vol. 52, No. 1. P. 58–69. doi:10.17746/1563-0110.2024.52.1.058-069

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Drevneishie petroglify Gornogo Altaya. In *Obozrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovanii arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 godu*. Novosibirsk, 1995. P. 89–91. (In Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Drevneishie naskal'nye izobrazheniya ploskogor'ya Ukok. Novosibirsk: Nauka, 1999. 160 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V., Batbold N., Nenakhova Y.N., Nenakhov D.A. Novye petroglify Mongol'skogo

Altaya: dolina reki Khara-Dzhamat Gol. In *Drevnee iskusstvo v kontekste kul'turno-istoricheskikh protsessov Evrazii: k 300-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoi pisanitsy*. Kemerovo: KRIPKiPRO Publ., 2021. P. 207–213. (In Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V., Nenakhova Y.N., Batbold N. Chronology of Rock Art of the Russian and Mongolian Altai: From the Paleolithic to the Late Middle Ages. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2023. Vol. 51, No. 4. P. 65–77. doi:10.17746/1563-0110.2023.51.4.065-077

Molodin V.I., Cheremisin D.V., Nenakhova Y.N., Batbold N., Zotkina L.V. Original Complex of Bronze Age Petroglyphs on the Right Bank of the Baga-Oygur River in the Mongolian Altai. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 721–728. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0721-0728

Molodin V.I., Geneste J.-M., Zotkina L.V., Cheremisin D.V., Cretin C. The "Kalgutinsky" Style in the Rock Art of Central Asia. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2019. Vol. 47, No. 3. P. 12–26. doi:10.17746/1563-0110.2019.47.3.012-026

Molodin V.I., Zotkina L.V., Cretin C., Cheremisin D.V., Batbold N., Tseveendorj D. The Palimpsest from Tsagaan Salaa Sector IV (Mongolian Altai): Relative Chronology of Images. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*, 2020. Vol. 260. P. 134–150. (In Russ.). doi:10.25681/IARAS.0130-2620.260.134-150

Molodin V.I., Zotkina L.V., Cretin C., Plisson H., Geneste J.-M., Cheremisin D.V. "Kalgutinskii" stil' v naskal'nom iskusstve i ego svoeobrazie. In *Drevnee iskusstvo v kontekste kul'turno-istoricheskikh protsessov Evrazii: K 300-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoi pisanitsy*. Kemerovo: KRIPKiPRO Publ., 2021. P. 201–206. (In Russ.).

O'Connell M., Eiri R. Znaki i simvoly: Illyustrirovannaya entsiklopediya. Moscow: Eksmo, 2009. 256 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Tsentral'noaziatskii ochag pervobytnogo iskusstva: Peshchernye rospisi Khoit-Tsenker Agui (Sengri-agui), Zapadnaya Mongoliya. Novosibirsk: Nauka, 1972. 76 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Petroglify Tsentral'noi Azii. Khobd-Soman (gora Tebsh). Leningrad: Nauka, 1980. 271 p. (In Russ.).

Petrin V.T. Paleoliticheskoe svyatilishche v Ignat'evskoi peshchere na Yuzhnom Urale. Novosibirsk: Nauka, 1992. 158 p. (In Russ.).

Sauvet G., Bourrillon R., Garate D., Petrognani S., Rivero O., Robert E., Tosello G. The Function of Graphic Signs in Prehistoric Societies: The Case of Cantabrian Quadrilateral Signs. *Quatern. Intern.*, 2018. Vol. 491. P. 99–109. doi:10.1016/j.quaint.2017.01.039

Tseveendorj D., Kubarev V.D., Jacobson E. Aral tolgoin khadny zurag. Ulanbaatar, 2005. 204 p.

Tərbat T., Batbold N., Өmirbek B. Mongol Altaid ilersen paleoliten yeuin khadny zurgiin shine dursgal: Baga Oigor-VI. *Mongolian J. of Authropology, Archaeology And Ethnology*, 2023. Vol. 12, iss. 1 (590). P. 27–35.

Өmirbek B. Bayan-Elgii Aimgiin Arkheologiin dursgaluud (tsuvral zuracht tsamog). Ulaanbaatar, 2019. 262 p.

Өmirbek B., Batbold N., Tsereendagva Y. Delkhiin ev – Mongol Altain khadny zurag. Ulaanbaatar, 2021. 136 p.

Zhitenev V.S. Kapova peshchera – verkhnepaleoliticheskoe svyatilishche s nastennymi izobrazheniyami: cand. sc. (history) dissertation. Moscow, 2017. 795 p. (In Russ.).

Молодин В.И. http://orcid.org/0000-0002-3151-8457

Дата сдачи рукописи: 22.05.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0200-0205
УДК 550.4+903.32

А.В. Некипелова[1, 2], Э.В. Сокол[1], М.Б. Козликин[2]✉, М.В. Шуньков[2]

[1]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru

Вещественный состав плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры: первые результаты сравнительного анализа

Определены геохимические и минералогические «метки» геогенных, биогенных и антропогенных материалов в отложениях слоев 18 и 13 на разных участках южной галереи Денисовой пещеры. Обоснована корректность их использования для сопоставления и корреляции слоев, в т.ч. в нарушенном залегании. Во время формирования этих слоев, в эпоху МИС 7 и в конце МИС 5 соответственно, пещера регулярно использовалась человеком, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки. Особенности вещественного состава слоев 18 и 13 рассмотрены в сравнении с характеристиками слоев 19.2 и 19.1, которые формировались на рубеже МИС 9–8 и аккумулируют геогенный материал. Впервые реконструирован вклад материала геогенной, биогенной и антропогенной природы в итоговый фазовый и химический состав отложений слоев 19.2, 19.1, 18 и 13. Обосновано использование фазовых (минеральных) и макрокомпонентных характеристик валовых проб осадков и отдельных их составляющих как индикаторов каждого из этих вкладов. Установлено, что в основании разреза осадки полностью (слой 19.2) или преимущественно (слой 19.1) состоят из остаточного алюмосиликатного материала – пещерной terra rosa. В слое 18 исходный внутрипещерный материал и материал, поступавший извне, как алюмосиликатный – породный, так и фосфатный, главным образом костный, присутствуют в сопоставимых количествах. Биогенная компонента осадка в этом слое связана преимущественно с костными остатками и копролитами животных. В этом же слое впервые обнаружен зольный кальцит, присутствие которого указывает на использование человеком огня внутри пещеры. Минералого-геохимические особенности вещества слоя 13 свидетельствуют, что вклад биогенного материала в его состав превышал вклад природной минеральной компоненты. Интенсивный антропогенный вклад в состав этих осадков помимо каменных артефактов и расколотых костей подтверждается также многочисленными микрофрагментами древесного угля и зольного кальцита.

Ключевые слова: *Денисова пещера, плейстоцен, геохимические и минералогические маркеры, источники вещества.*

A.V. Nekipelova[1, 2], E.V. Sokol[1], M.B. Kozlikin[2]✉, M.V. Shunkov[2]

[1]Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru

Material Composition of Pleistocene Deposits in the South Chamber of Denisova Cave: First Results of Comparative Analysis

Geochemical and mineralogical markers of the materials from geogenic, biogenic, and anthropogenic sources were identified in layers 18 and 13 sampled at various locations in the southern chamber of Denisova Cave. The validity of these markers for comparison and correlation of the layers from different parts of sedimentary sequences, including those from disturbed areas, was established. Archaeological artefacts indicate that during the formation of these layers, in MIS 7 and at the end of MIS 5, respectively, the cave was regularly used by humans. The composition of layers 18 and 13 is examined and compared with that of layers 19.2 and 19.1, which formed at the boundary of MIS 9–8 and are composed entirely or predominantly of geogenic material.

For the first time, contributions of geogenic, biogenic, and anthropogenic materials to the bulk phase and the chemical composition of layers 19.2, 19.1, 18, and 13 were assessed. The applicability of phase (mineral) and macro-component characteristics of bulk sediments, as well as their individual components as markers for each source of material was proved. It was found that, at the base of the section, sediments consist entirely (layer 19.2) or predominantly (layer 19.1) of the residual aluminosilicate material, commonly referred to as the cave terra rosa. In layer 18, the amounts of the aluminosilicate rock material (both intra-cave and external) and the phosphate material (primarily bone) are comparable. The biogenic component in this layer is mainly associated with animal bones and coprolites. Ash calcite was discovered in this layer for the first time, suggesting fire human activity inside the cave. Mineralogical and geochemical characteristics of layer 13 indicate that the contribution of the biogenic material to its bulk composition exceeds that of the geogenic sources. Along with stone artifacts and broken bones, numerous fragments of microcharcoal and ash calcite reveal remarkable anthropogenic contribution to these sediments.

Keywords: *Denisova Cave, Pleistocene, geochemical and mineralogical markers, matter sources.*

В результате многолетних раскопочных работ в центральной части южной галереи Денисовой пещеры вскрыта плейстоценовая толща мощностью более 4 м. Изучены особенности строения разреза и седиментогенеза отложений, наиболее полная последовательность которых представлена на юго-восточной стенке раскопа в кв. Ж/2–3 (рис. 1) [Ульянов, Шуньков, Козликин, 2022]. В пределах кв. Ж/6–7 зафиксированы значительные перерывы в осадочной летописи, субвертикальное залегание и разрывы слоев в зоне контакта осадков с коренной стеной, вызванные, вероятнее всего, постседиментационными деформациями и просадками вещества в межглыбовые промежутки и расщелины днища галереи. В результате этих процессов слои 18 и 13, сходные по облику со стратотипическими осадками в кв. Ж/2–3, в пристенной зоне оказались совмещенными. Во время формирования этих слоев, в эпоху МИС 7 и в конце МИС 5 соответственно, пространство южной галереи регулярно использовалось человеком, о чем свидетельствуют многочисленные находки каменных артефактов. Однако вклад антропогенной и биогенной компоненты в состав этих осадков до сих пор не оценивался. Цель данного исследования – идентификация геохимических и минералогических «меток» геогенных, биогенных и антропогенных материалов в отложения слоев 18 и 13 на разных участках южной галереи и обоснование корректности их использования для сопоставления и корреляции слоев, в т.ч. в нарушенном залегании.

Особенности состава вещества слоев 18 и 13 рассмотрены в сравнении с характеристиками слоев 19.2

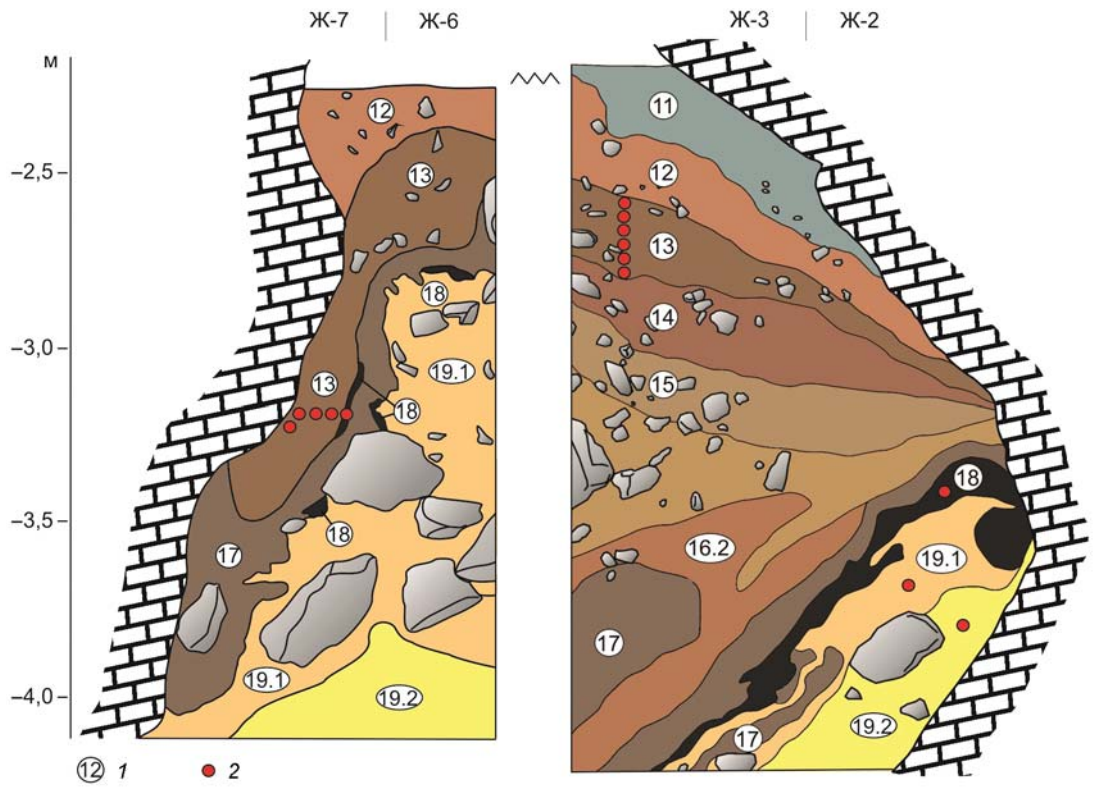

Рис. 1. Разрез плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры в пределах кв. Ж/2–3 и Ж/6–7.

1 – номера литологических слоев; *2* – места отбора образцов осадка.

и 19.1, которые формировались на рубеже МИС 9–8 и являются геогенными. Пробы осадков были отобраны из разреза 2022 г. Из слоев 19.1, 19.2 и 18 в ненарушенном залегании в пределах кв. Ж/2–3 (рис. 1) было взято по одному представительному образцу. Из стратотипического слоя 13, мощностью до 0,4 м, лишенного видимых литологических различий, было взято шесть образцов с шагом 5–8 см. Из деформированных осадков возле скальной стены, визуально соответствующих стратотипическим слоям 18 и 13, в кв. Ж-7 отобраны образцы, получившие маркировку 18? (один образец) и 13? (четыре образца) (см. *таблицу*).

Основной объем аналитических работ выполнен в ЦКП Многоэлементных и изотопных исследований СО РАН. Идентификация и анализ минеральных фаз были осуществлены с использованием метода сканирующей электронной микроскопии (СЭМ) на сканирующем электронном микроскопе MIRA3-LMU (TESCAN ORSAY Holding) с системой микроанализа AZtec Energy Xmax-50+. Содержание петрогенных элементов определено рентгенофлуоресцентным методом с использованием спектрометра ARL-9900-XP. Количественный рентгенофазовый анализ осадков выполнен в Южно-Уральском Федеральном научном центре минералогии и геоэкологии УрО РАН на дифрактометре SHIMADZU XRD-6000 с использованием Cu анода и графитового монохроматора. Расчет количества кристаллических фаз проведен методом Ритвельда в программном пакете SIROQUANT V4. Микроэлементный состав осадков определен методом масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой (ИСП-МС) на спектрометре Agilent 7700x в ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН, а также в ЦКП Геоаналитик Института геологии и геохимии УрО РАН на квадрупольном масс-спектрометре с индуктивно связанной плазмой NexION 300S (Perkin Elmer).

Слой 19.2. В его отложениях сосредоточен преимущественно кварцево-алюмосиликатный материал (в мас. %): SiO_2 – 65,73; Al_2O_3 – 15,09; K_2O – 2,65 с минимальными количествами CaO (0,98 мас. %) и следовыми P_2O_5 (0,14 мас. %) и Na_2O (0,07 мас. %). Этот осадок состоит из кварца (62 %, здесь и далее – от общего количества кристаллических фаз) и мусковита (до 27 %), содержит ок. 4 % калиевого полевого шпата и ок. 1 % плагиоклаза; доля рентгенаморфной компоненты, вероятнее всего, плохо окристаллизованных слоистых силикатов, достигает 27 %. Содержание кальцита и апатита в валовых пробах <1 мас. %.

Слой 19.1. Здесь также преобладают кварц и мусковит (44 и 24 %, соответственно). На рентгенаморфную компоненту приходится 29 % массы вещества этого слоя. Количество калиевого полевого шпата и плагиоклаза – 6 и 4 % соответственно. Начиная с этого стратиграфического уровня в отложениях южной галереи появляются фрагменты известняка. В результате количество CaO, в сравнении с нижележащими осадками, возрастает на порядок (8,4 мас. %), что соответствует содержанию кальцита в валовых пробах ок. 19 %. Также на порядок увеличивается содержание фосфора (P_2O_5 – 1,40 мас. %) и в 4 раза натрия (0,28 мас. % Na_2O). Как следствие, количество SiO_2 снижается до 52,00 мас. %, тогда как содержания прочих петрогенных компонентов (MgO, FeO, K_2O) изменяются незначительно.

Геохимические характеристики вещества слоев из основания разреза, такие как минимальные количества Sr и максимальные Li, Rb, Ti, V, Y, Zr и As, контролирует в основном их преобладающая алюмосиликатная компонента [Скляров и др., 2001]. В данном случае это нерастворимый минеральный материал карстующихся известняков, известный в пещерной седиментологии как terra rosa [White, 2007].

Слой 18. Минеральный состав этого осадка принципиальным образом меняется по сравнению с исходными внутрипещерными отложениями слоя 19.2: доля кальцита возрастает до 22 %; количества кварца

Фазовый и химический состав представительных проб осадков из южной галереи Денисовой пещеры

Слой/ образец	Место отбора	Минеральные фазы, мас. %						Основные петрогенные компоненты, мас. %					
		Qz	KFsp	Mica	Pl	Cal	Ap	SiO_2	Al_2O_3	K_2O	Na_2O	CaO	P_2O_5
13	Кровля (среднее, n = 2)	19	4	11	12	9	42	30,37	7,57	1,42	1,08	25,46	12,10
	Середина (среднее, n = 3)	21	3	11	11	5	44	29,60	7,31	1,39	1,07	26,26	12,58
	Подошва	21	<1	12	11	6	46	26,27	6,67	1,28	0,97	28,35	13,30
13?	Кровля (среднее, n=2)	19	4	10	11	13	40	27,02	6,86	1,26	1,00	29,46	12,17
	Середина	21	4	9	10	9	43	29,14	7,39	1,38	1,02	27,61	10,92
	Подошва	20	3	10	9	16	39	29,94	7,59	1,41	0,98	26,75	10,12
18	Средняя часть	19	4	14	10	22	25	33,89	9,21	1,69	0,76	24,27	7,79
18?	То же	23	4	12	10	25	22	37,59	9,80	1,81	0,94	21,07	6,71
19.1	»	44	6	24	4	19	<1	52,00	15,19	2,30	0,28	8,40	1,40
19.2	»	62	4	27	1	<1	<1	65,73	15,09	2,65	0,07	0,98	0,14

Ap – апатит, Cal – кальцит, KFsp – калиевый полевой шпат, Mica – слюды (мусковит ± биотит), Pl – плагиоклаз, Qz – кварц.

и слюды снижаются до 19 % и 14 % соответственно; содержание плагиоклаза (преимущественно альбита $Na[AlSi_3O_8]$) достигает 10 %. Главным компонентом в материале слоя 18 наряду с SiO_2 (33,89 мас. %) становится CaO (24,27 мас. %). Содержание Al_2O_3 (9,21 мас. %) и K_2O (1,69 мас. %) существенно снижается, а Na_2O возрастает до 0,76 мас. %. Начиная с уровня слоя 18, в осадках резко растет содержание P_2O_5 (7,79 мас. %) и его главного концентратора – апатита (до 25 % в валовых пробах).

Крупно- и среднезернистые фракции (>0,25 мм) осадка слоя 18 содержат 30 % кварца, 11 % плагиоклаза, 6 % слюды, 18 % кальцита и 30 % апатита. В более тонких фракциях содержание кварца, плагиоклаза и слюды увеличивается примерно на треть (до 36, 15 и 8 % соответственно), а количество апатита пропорционально снижается. Уровни аккумуляции кальцита в размерных фракциях изменяются незначительно (рис. 2).

СЭМ-анализ вещества слоя 18 выявил присутствие в нем костного детрита, состоящего преимущественно из карбонатсодержащего гидроксилапатита ($Ca_5(PO_4,CO_3)_3(OH)$), а также галек сланцев, содержащих кислый плагиоклаз (альбит) и эпидот ($Ca_2(Fe,Al)Al_2[SiO_4][Si_2O_7]O(OH)$) (рис. 3). Геохимический профиль этих осадков является промежуточным между характеристиками слоев 19.2–19.1 и 13. Они сохраняют обогащение элементами, связанными с алюмосиликатной компонентой осадков (Li, Rb, Ti, V, Y, Zr), однако их абсолютная концентрация в 1,5–2 раза ниже, чем в terra rosa слоев 19.1 и 19.2. Содержание Sr, напротив, возрастает вдвое, оставаясь тем не менее достаточно низким ввиду невысокого, по сравнению с осадками слоя 13, содержаниями известняка и костного детрита. На этом стратиграфическом уровне отчетливо проявляется обогащение осадков такими биофильными элементами, как Zn и Cu [Скляров и др., 2001], – трехкратное относительно слоя 19.1. Таким образом, в осадках слоя 18 исходный внутрипещерный материал terra rosa и материал, поступавший в пещеру извне, в частности почвенный, эоловый и породный (алюмосиликатный), а также костный (P, Sr, Cu, Zn), оказались совмещены в сопоставимых количествах. Основной вклад в биогенную компоненту осадка был связан с костными остатками и копролитами животных.

Слой 13 в кв. Ж/2–3 литологически и химически достаточно однороден. Концентрации петрогенных компонентов в шести валовых пробах укладываются в узкие интервалы (в мас. %): SiO_2 – 26,00–30,61; CaO – 25,12–28,49; P_2O_5 – 11,64–13,74; Al_2O_3 – 6,61–7,66; K_2O – 1,27–1,42; Na_2O – 0,97–1,10. Для вещества слоя 13 характерно низкое содержание кварца (18–22 %), слюды (10–12 %), кальцита (5–11 %) и калиевого полевого шпата (3–4 %) в сочетании с высокой долей плагиоклаза (10–13 %) и аномально высоким содержанием биогенного карбонат-гидроксилапатита (38–47 %).

Анализ размерных фракций шести проб осадка из слоя 13 выявил однотипное распределение в них фосфатного и алюмосиликатного материала. Крупно- и среднезернистые фракции (>0,25 мм) состоят из апатита на 58–64 % и содержат всего 9–13 % кварца, 7–8 % плагиоклаза и ≤7 % слюды. В более мелких фракциях (0,1–0,25 мм) количество апатита снижается до 35–42 %, а содержания кварца, плагиоклаза и слюды пропорционально растут до 20–24, 11–16 и 7–9 % соответственно. В самых тонких (<0,1 мм) фракциях количества костного/фосфатного детрита (27–30 % апатита) и кварца (27–32 %) сопоставимы (см. рис. 2). Таким образом, в слое 13 одним из двух главных компонентов осадка является фосфатный материал, представляющий собой тонко измельченные кости и копролиты.

СЭМ-анализ фракционных проб из слоя 13 независимо подтвердил обилие в них фосфатного материала, в т.ч. костей со следами травления желудочным соком, а также галек сланцев, принесенных в пещеру из прибрежной полосы р. Ануй. Наряду с этими материалами в отложениях слоя 13 обнаружена серия иных уникальных маркеров биогенного вклада, отсутствующих в слоях 19.1 и 18. К их числу относятся раковины моллюсков со следами травления, пластины фосфатизированного азотсодержащего органического

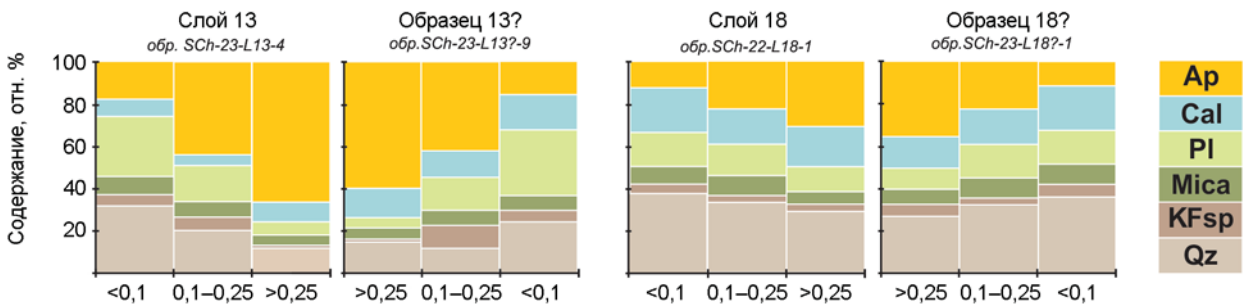

Рис. 2. Содержания главных минеральных фаз в представительных пробах осадков, характеризующих среднюю часть стратотипических слоев 13 и 18 в южной галерее Денисовой пещеры. Данные количественного рентгенофазового анализа размерных фракций.

Ap – апатит (биоапатит); Cal – кальцит; KFsp – калиевый полевой шпат; Mica – слюда (мусковит ± биотит); Pl – плагиоклаз; Qz – кварц.

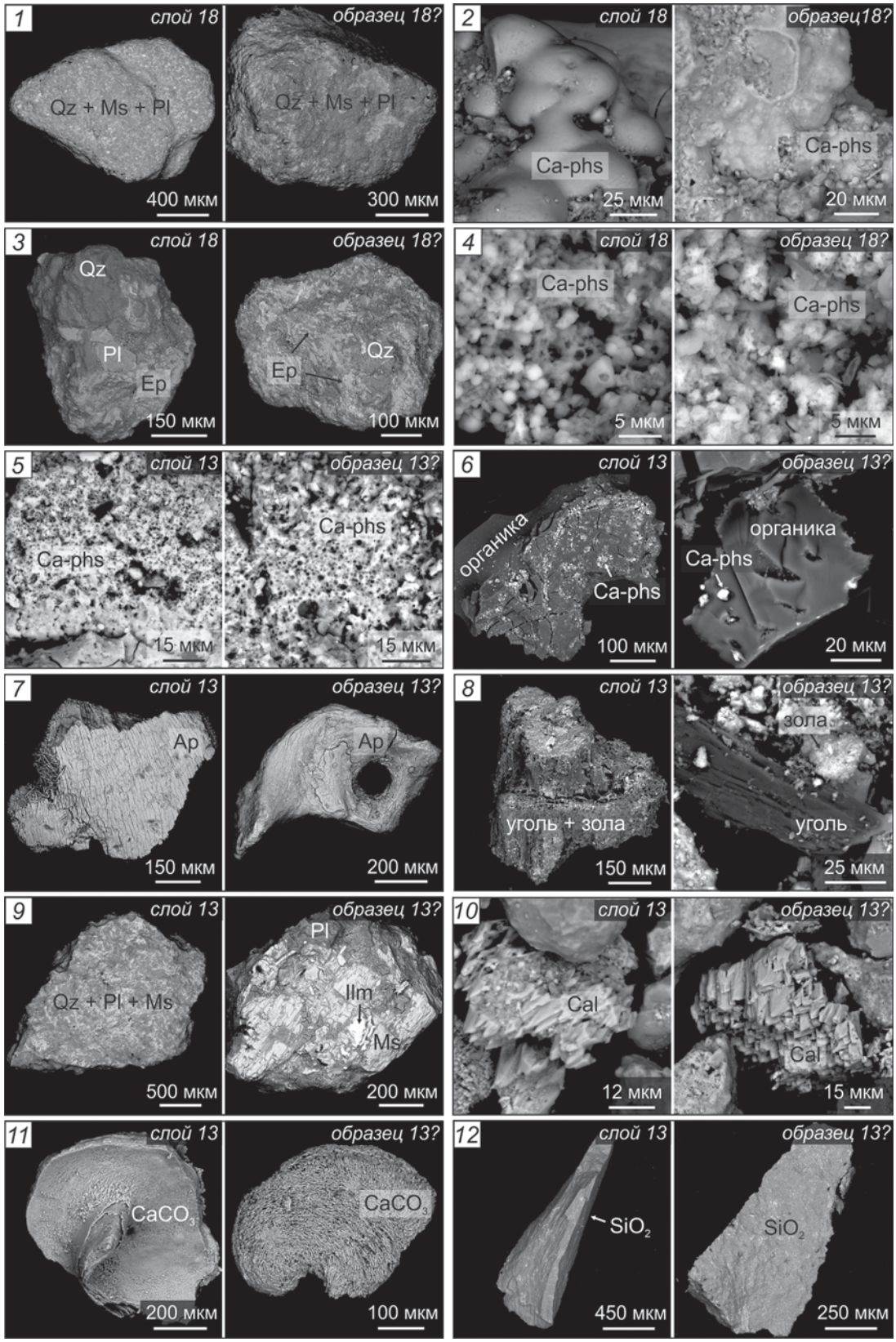

Рис. 3. Минеральные маркеры биогенного и антропогенного вклада в состав осадков стратотипических слоев 18 и 13. Данные сканирующей электронной микроскопии; изображения в обратно рассеянных электронах.

1, *3*, *9* – микрогальки сланцев; *2*, *4*, *5* – фрагменты копролитов, сложенные новообразованными фосфатами Ca; *6* – пластины органического вещества, частично замещенные фосфатами Ca; *7* – микрофрагменты костей со следами кислотного травления (переваривания); *8* – микрофрагменты древесного угля; *10* – зольный кальцит; *11* – корродированные раковины моллюсков; *12* – отщепы силицитов.
Ap – апатит (биоапатит); Cal – кальцит; Ca-phs – фосфаты Ca; Ilm – ильменит; Ms – мусковит; Pl – плагиоклаз; Qz – кварц.

вещества, а также микроотщепы кремнистых пород – силицитов, тонкодисперсный древесный уголь и зольный кальцит, обладающий специфической морфологией (рис. 3) [Shahack-Gross, Ayalon, 2013]. Три последние категории объектов попали в осадок в результате деятельности человека – производства каменных орудий и поддержания огня.

Образцы 18? и 13?. Образец 18? по макрокомпонентному и фазовому составу очень близок и осадку из стратотипического слоя 18 (см. *таблицу*). Вещество, слагающее образцы 13?, достаточно однородное и демонстрирует сходство фазового, макро- и микроэлементного составов с осадками из средней части стратотипического слоя 13. Важно подчеркнуть, что осадки слоя 18 и образец 18?, а также слоя 13 и образцов 13? не только близки по составу, но и обладают однотипным распределением минералов по размерным фракциям (см. рис. 2). Они характеризуются также наличием единого комплекса минеральных и биоминеральных маркеров (рис. 3). Для двух серий образцов из слоя 13 и 13? диапазоны концентраций микроэлементов (V, Cr, Co, Ni, Cu, Zn, Cd, Pb, Sr, As, Rb, Li, Sb, Th, REE), связанных с различными источниками вещества, совпадают, что указывает на близкое сходство опробованных интервалов осадков.

Проведенный анализ свидетельствует, что образцы 18? и 13? из кв. Ж-7 по своим вещественным характеристикам соответствуют стратотипическим отложениям слоев 18 и 13 в их ненарушенном залегании в кв. Ж/2–3. Минералогический и макрокомпонентый анализы не выявили достоверных признаков смешения вещества слоев 18 и 13 в процессе их деформации.

Таким образом, определен и сопоставлен фазовый (минеральный) и химический состав стратотипических осадков слоев 18 и 13 в южной галерее и их аналогов из зоны деформации. Установлены соотношения костного (фосфатного), остаточного (terra rosa) и привнесенного в пещеру извне породного (алюмосиликатного) материалов.

Осадки в основании разреза южной галереи полностью (слой 19.2) или преимущественно (слой 19.1) состоят из остаточного алюмосиликатного материала – пещерной terra rosa. В осадках слоя 18 исходный внутрипещерный материал и материал, поступавший в пещеру извне, как алюмосиликатный – породный, так и фосфатный, главным образом костный, присутствуют в сопоставимых количествах. Биогенная компонента осадка связана преимущественно с костными остатками и копролитами животных. Впервые обнаружен зольный кальцит, присутствие которого указывает на использование человеком огня внутри пещерного пространства.

Минералого-геохимические особенности вещества слоя 13 позволяют сделать вывод, что во всем интервале его формирования вклад биогенного материала превышал вклад природной минеральной компоненты, поступавшей в пещерные осадки из геогенных источников. Наряду с многочисленными каменными артефактами и расколотыми костями, рассеянные в этом слое микрофрагменты древесного угля и зольный кальцит являются свидетельством интенсивного антропогенного вклада в состав осадков.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 24-78-10006, https://rscf.ru/project/24-78-10006/.

Список литературы

Скляров Е.В., Гладкочуб Д.П., Донская Т.В., Иванов А.В., Летникова Е.Ф., Миронов А.Г., Бараш И.Г., Буланов В.А., Сизых А.И. Интерпретация геохимических данных. – М.: Интермет Инжиниринг, 2001. – 228 с.

Ульянов В.А., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Исследование плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры в 2022 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 317–321. – doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0317-0321

Shahack-Gross R., Ayalon A. Stable carbon and oxygen isotopic compositions of wood ash: an experimental study with archaeological implications // J. of Archaeol. Sci. – 2013. – Vol. 40. – P. 570–578. – doi:10.1016/j.jas.2012.06.036

White W.B. Cave sediments and paleoclimate // Journal of Cave and Karst Studies. – 2007. – Vol. 69. – P. 76–93.

References

Shahack-Gross R., Ayalon A. Stable carbon and oxygen isotopic compositions of wood ash: an experimental study with archaeological implications. *Journal of Archaeological Science*, 2013, Vol. 40, P. 570–578. doi:10.1016/j.jas.2012.06.036

Sklyarov E.V., Gladkochub D.P., Donskaya T.V., Ivanov A.V., Letnikova E.F., Mironov A.G., Barash I.G., Bulanov V.A., Sizykh A.I. Interpretatsiya geokhimicheskikh dannykh. Moscow: Intermet Inzhiniring, 2001. 228 p. (In Russ.).

Ulyanov V.A., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. 2022 Study of Pleistocene Deposits in the South Chamber of the Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022, Vol. 28, P. 317–321. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0317-0321

White W.B. Cave sediments and paleoclimate. *Journal of Cave and Karst Studies*, 2007. Vol. 69. P. 76–93.

Некипелова А.В. https://orcid.org/0009-0001-2869-9381
Сокол Э.В. https://orcid.org/0000-0002-1130-6609
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308

Дата сдачи рукописи: 24.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0206-0210
УДК 903.5(571.53)”6347”

А.Г. Новиков[1]✉, М.С. Кишкурно[2], О.И. Горюнова[1], А.В. Вебер[1, 3]

[1]Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[3]Университет Альберта
Эдмонтон, Канада
E-mail: as122@yandex.ru

Погребения позднего неолита могильника Туаханэ IX (озеро Байкал)

Статья посвящена материалам погребений позднего неолита из могильника Туаханэ IX, исследованного Российско-Канадской экспедицией Иркутского государственного университета в 2019–2020 гг. Могильник расположен на одноименном мысе северо-западного побережья Малого моря оз. Байкал. В научный оборот введены результаты комплексных исследований 7 погребений. Выявлены характерные черты погребальной практики: наличие надмогильных и внутримогильных сооружений из камней, помещение покойных – вытянутое на спине, головой на северо-запад, покрытие погребенных берестой и использование огня, разводимого непосредственно в могильной яме. Преобладали индивидуальные погребения, в одном случае (погр. 21) обнаружено двойное (мужчины зрелого возраста). Во всех погребениях зафиксирован сопроводительный инвентарь. Захоронения мужчин содержали более богатый по количеству и номенклатуре состав изделий. В их числе: наконечники стрел, роговые накладки на составные луки, листовидные ножи-бифасы, тесла и орудия рыболовства (гарпун, рыбки-приманки). В женском погр. 6 – изделия бытового назначения. Во всех могилах обнаружены фрагменты от круглодонных сосудов, украшенных пунктирным орнаментом. Плохая сохранность и фрагментарность скелетов затруднили точность антропологических определений; пол и возраст получен для шести погребенных. При изучении состояния здоровья населения, оставившего могильник Туаханэ IX, у женщины из погр. 6 обнаружено патологическое изменение костных структур на верхнечелюстной кости. Анализ погребальной практики и типологии сопроводительного инвентаря показал идентичность этих погребений с ранее исследованными комплексами маломорской группы серовских погребений позднего неолита Приольхонья. Корректированные на пресноводный резервуарный эффект AMS-даты (n = X), полученные по образцам человеческих костяков, находятся в пределах 5 991–4 870 кал. л.н.

Ключевые слова: *Приольхонье, озеро Байкал, могильник, погребальная практика, поздний неолит, антропологические данные, радиоуглеродное датирование.*

A.G. Novikov[1]✉, M.S. Kishkurno[2], O.I. Goryunova[1], A.V. Weber[1, 3]

[1]Irkutsk State University
Irkutsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[3]University of Alberta
Edmonton, Canada
E-mail: as122@yandex.ru

Late Neolithic Burials at the Tuakhane IX Cemetery (Lake Baikal)

The paper is dedicated to the materials from the Late Neolithic graves excavated at the Tuahane IX cemetery in 2019 and 2020 by the Russian-Canadian expedition from the Irkutsk State University. The cemetery is located on the cape of the same name on the northwestern coast of the Little Sea part of Lake Baikal. The paper presents results of comprehensive examination of seven graves. The typical characteristics of the burial practice include: surface and intra-grave structures made of stones, the extended supine position of the deceased with the head pointing northwest, the use of sheets of birch bark to cover the body, and the use of fire inside burial pits. Single interments are dominant but in one case (Grave 21) two burials of mature men were recorded. All burials were accompanied by

at least some grave goods. The burials of males associated with richer assemblages both in terms of quantity and morphological variation. Male assemblages included lithic arrowheads, leaf-shaped biface knives, and adzes as well as fishing tools (harpoon, lithic fish lure) and antler bow stiffeners. Grave 6 with female burial contained household items. All graves contained fragments of round-bottomed clay vessels decorated with dotted ornament. Poor preservation and fragmentation of human skeletons made it difficult to determine the sex and age of the six burials accurately. The female burial in Grave 6 displayed a pathological alteration of the bone structures of the maxillary sinus. Analysis of burial practices and typology of accompanying grave goods demonstrated that both present parallels to the previously examined mortuary assemblages of the Late Neolithic Serovo mortuary tradition in the Olkhon micro-region. Corrected for the freshwater reservoir effect AMS dates (n = X) generated of bone samples from these skeletons range from 5991 to 4870 cal. BP.

Keywords: *Olkhon micro-region, Lake Baikal, cemeteries, mortuary practices, Late Neolithic, anthropological materials, radiocarbon dating.*

В настоящее время на территории Приольхонья (западное побережье Байкала от мыса Елохин на севере до р. Большая Бугульдейка на юге, включая о. Ольхон) исследовано 9 могильников и одиночных захоронений (включающих 37 могил), сопоставимых с поздним неолитом [Новиков, Горюнова, 2020]. Выявленные особенности погребальной практики (использование при захоронении огня, разводимого непосредственно в могильной яме) и нарушение многих могил в древности (с целью ограбления или осквернения) способствовали плохой сохранности и фрагментарности археологических и антропологических материалов. В связи с этим раскопки и комплексное исследование новых информативных могильников представляет большой научный интерес. Цель предлагаемой статьи – ввести в научный оборот материалы погребений позднего неолита из могильника Туаханэ IX.

Древний некрополь находился в 180 км к СВ от г. Иркутска и в 5,2 км к СВ от с. Шара-Тогот (старое название – Черноруд), на юго-восточном склоне (Ольхонский р-н Иркутской обл.). Могильник обнаружен отрядом археологической экспедиции Иркутского государственного университета (О.И. Горюнова) в 1984 г. Раскопки проведены Российско-Канадской экспедицией ИГУ в 2019–2022 гг. (А.Г. Новиков, О.И. Горюнова). Финансирование работ – за счет Канадской стороны (грант А.В. Вебера).

Могильник хронологически разновременный. Всего вскрыто 31 погребение. Из них большая часть датируется ранним бронзовым веком (24 погребения); к неолиту относится 7 захоронений (погр. 6, 21, 22, 24А, 24В, 25, 28).

Неолитические погребения выделяются на могильном поле топографически и планиграфически. Они располагались достаточно компактной группой из 6 погребений в западном конце средней части могильного поля. Погребения находились на высоте от 10 до 17 м над современным уровнем Байкала (выше по склону от захоронений бронзового века). Одна могила (мог. 28 – ребенок до 1 года) обнаружена в юго-западном конце некрополя, на расстоянии 42 м от неолитических погребений, на высоте 19 м над уровнем Байкала.

Все вскрытые погребения находились под надмогильными сооружениями, выложенными из камней в несколько слоев. В четырех случаях кладки сплошные, овальной формы (погр. 6, 22, 24А, 25), в трех – кольцевые (погр. 21, 24В, 28). В последнем случае все они были нарушены в древности в момент ограбления (или осквернения) могил, и, возможно, их первоначальная конструкция также была сплошной. Размеры сооружений преимущественно в пределах 3,3–4,5 × × 2,8–4,3 м; в одном случае (погр. 25) – 1,6 × 1,3 м, а диаметр кольцевой кладки погр. 28 – 5 м. Ориентация надмогильных сооружений большей стороной по линии СЗ–ЮВ. Могильные ямы заполнены каменными перекрытиями. Глубина могил в основном 0,42–0,56 м; в двух случаях (погр. 6 и 21) – 0,68–0,70 м.

Практически все погребения в той или иной степени были нарушены человеком в древности. Об этом свидетельствуют нарушения целостности костяков и находки обломков человеческих костей и сопроводительного инвентаря, зафиксированных среди камней на разных уровнях внутримогильных перекрытий. Три могилы (24В, 25 и 28) разрушены полностью. Зафиксированы только небольшие фрагменты костей погребенных и единичные изделия из камня. Погребения 21, 22 и 24А потревожены частично. По отдельным костям, сохраняющим первоначальное положение и анатомический порядок, определено трупоположение покойных и их ориентация головой по частям света. Целое, не потревоженное погребение отмечено только в одном случае (погр. 6).

Практически все захоронения индивидуальные; одно погребение (21) – двойное, одноплоскостное. Судить о помещении покойных в могиле возможно в 5 случаях (погр. 6, 21, 22 и 24А). Все они располагались на спине, в вытянутом положении, головой на СЗ с небольшими отклонениями.

Для погребальной практики характерно покрытие покойных берестой и использование огня, разводимого непосредственно в могильной яме. От мощности костра зависела степень обугливания костей (полное или частичное). В исследованных погребениях обугливанию были подвержены скелеты полностью; многие кости сгорели, вся почва – золистая. В погр. 21 дно могилы покрыто пластами обугленной бересты. В двух разрушенных могилах (мог. 24В и 25) на ряде костей отмечены следы жжения, однако кострищ в могилах не зафиксировано.

Плохая сохранность и фрагментарность скелетов затруднили определение пола и возраста погребенных. Половая принадлежность определялась (где это было возможно) по морфологии черепа и тазовых костей [Алексеев, 1966]. При определении пола взрослых

использованы категории: мужчина, возможно мужчина, возможно женщина и пол не определен. Определение пола детей по скелетным останкам практически невозможно, т.к. вторичные половые признаки развиваются только по достижении периода зрелости.

Возрастные определения погребенных основывались на оценке состояния швов эндо- и экзокрана, а также в некоторых случаях по уровню изношенности зубных коронок [Meindl, Lovejoy, 1985; Scott, 1979]. Использованы возрастные категории, представленные в рубрикациях В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [1964, с. 39].

Небольшое количество исследуемого материала и плохая его сохранность не позволяют сделать какие-либо достоверные демографические выводы (см. *таблицу*). Однако даже ограниченная информация несет важные сведения относительно жизни населения позднего неолита Приольхонья.

Половозрастные определения было возможно выполнить только приблизительно для 6 индивидуумов. Из них 5 отнесены к категории «взрослые», а пол определен только в 3 случаях, причем в двух – «возможно». Для трех погребенных возраст определен как 20+.

На могильнике зафиксировано одно детское погребение (28), возраст которого до года. Вероятно, к детским захоронениям, судя по размерам могильных ям (1,1–1,0 × 0,8–0,75 м), следует отнести 2 погребения – 24В и 25. В этих могилах обнаружены мелкие неопределимые фрагменты костей человека. Возможно, они относятся к детским скелетам младшего возраста, кости которых более подвержены процессам тафономической деградации ввиду малой плотности костной ткани и небольшого размера.

В связи с фрагментарностью антропологического материала судить о состоянии здоровья погребенных затруднительно. Наиболее яркий случай наличия патологического изменения костных структур отмечен на верхнечелюстной кости индивида из погр. 6. В его правой верхнечелюстной пазухе зафиксировано хаотичное разрастание костной ткани, заполнившее всю полость синуса. Для выяснения этиологии наблюдаемого патологического состояния необходимо проведение отдельного исследования с привлечением методов рентгенографии и компьютерной томографии.

Во всех погребениях зафиксирован сопроводительный материал, который располагался в области пояса, головы, рук и в ногах покойного. В его составе: изделия из камня и кости, керамические сосуды и фаунистические остатки. Среди каменных орудий большую группу составляют наконечники стрел (с вогнутой и прямой базой, черешковые), которые размещались компактными скоплениями, вероятно находясь в колчанах (в погр. 21 – 51 наконечник, 22 – 24 экз., 24А – 13 экз.). В этих погребениях найдены роговые накладки на лук. В мог. 21 (двойная) обнаружены остатки от 2 луков, расположенных вдоль каждого погребенного. По левую руку от одного из них зафиксированы роговые накладки, повторяющие первоначальную (изогнутую) форму лука (рис. 1). Сохранившаяся длина изделия – 1,40 м.

В числе сопроводительного инвентаря: шлифованные тесла, долота и пластинчатые ножи из кремнистого

Половозрастной состав погребенных позднего неолита могильника Туаханэ IX

№ погр.	Пол	Возраст	Комплектность	Примечания
6	Ж?	20+	Череп: фрагменты лобной, верхнечелюстной (правой), теменных, затылочной костей, обломками нижней челюсти. Посткраниальный скелет: фрагменты диафизов плечевых костей, левого предплечья и правой локтевой, кости правой кисти, второго шейного позвонка, фрагменты диафизов костей ног, пяточных и таранных костей, плюсневых костей и фаланг стоп	В правом верхнечелюстном синусе обнаружены признаки протекавшего патологического процесса
21, ск. 1	М?	25–35	Череп: фрагменты лобной, височной правой, теменных костей, верхней и нижней челюсти. Посткраниальный скелет: фрагменты правой ключицы, лопаток, диафиза правой плечевой, костей предплечья, голени, левой плечевой и коленных чашечек	На одном из грудных позвонков (принадлежность индивиду 1 или 2 не удалось определить) прижизненное разрушение верхнего правого суставного отростка
21, ск. 2	М	30–40	Череп: фрагменты лобной, затылочной, теменной, височной, нижней челюсти. Посткраниальный скелет: фрагменты правой лопатки, ребер, диафиза плечевой, эпифизов левой локтевой и правой лучевой, грудных позвонков (Т3 и Т4 ?)	
22	–	20+	Череп: фрагменты лобной, затылочной и нижней челюсти. Посткраниальный скелет: фрагменты плечевых, больших и малых берцовых и диафизов бедренных костей	–
24А	–	20+	Череп: фрагменты теменных и левой височной. Посткраниальный скелет: фрагменты второго шейного позвонка, ребер, костей предплечья, кистей и диафизов ног и фаланг стоп	–
24В	–	–	Мелкие неопределимые фрагменты костей	–
25	–	–	Мелкие неопределимые фрагменты костей	–
28	–	До года	Череп: фрагменты лобной, височной, нижней челюсти, верхние молочные резцы. Посткраниальный скелет: фрагменты первого шейного позвонка и трубчатых костей	Найден фрагмент височной кости (каменистая часть), возможно, от другого индивида

сланца, тесла из нефрита, крупные листовидные ножи-бифасы, вкладыши-бифасы, абразивы из песчаника, наконечники гарпунов, отжимники, стерженьки рыболовных крючков, острия, обоймы составных вкладышевых орудий, игольники и иглы. Практически во всех погребениях обнаружены фрагменты от круглодонных сосудов с гладкой поверхностью, украшенных построениями из пунктирных линий (рис. 2). Они отмечены во всех взрослых (как женских, так и мужских) и детских захоронениях.

Среди исследованных могил выделяется количеством и номенклатурным составом изделий (266 экз.) двойное погр. 21 (вероятно, оба – мужчины зрелого возраста). В нем представлен полный набор выявленных на могильнике орудий, среди которых выделяются 2 рыбки-приманки из мрамора, обнаруженные в берестяных чехлах (рис. 3). Изображения реалистические, передающие облик сигообразных рыб. На одной из них резными линиями показана чешуя (рис. 3, *1*).

Захоронения 22 и 24А (по антропологическим определениям – взрослые, 20+) по составу сопроводительного инвентаря (наконечники стрел, роговые накладки на лук, тесла, ножи-бифасы, роговые отжимники и т.д.), на наш взгляд, можно отнести к захоронениям мужчин.

Женское погр. 6 отличается по набору сопроводительного инвентаря. В его составе изделия бытового назначения: сосуд, скребки, ножи с краевой обработкой лезвия, вкладыши-бифасы и обойма

Рис. 1. Фрагмент погр. 21 (снято с ЮВ).

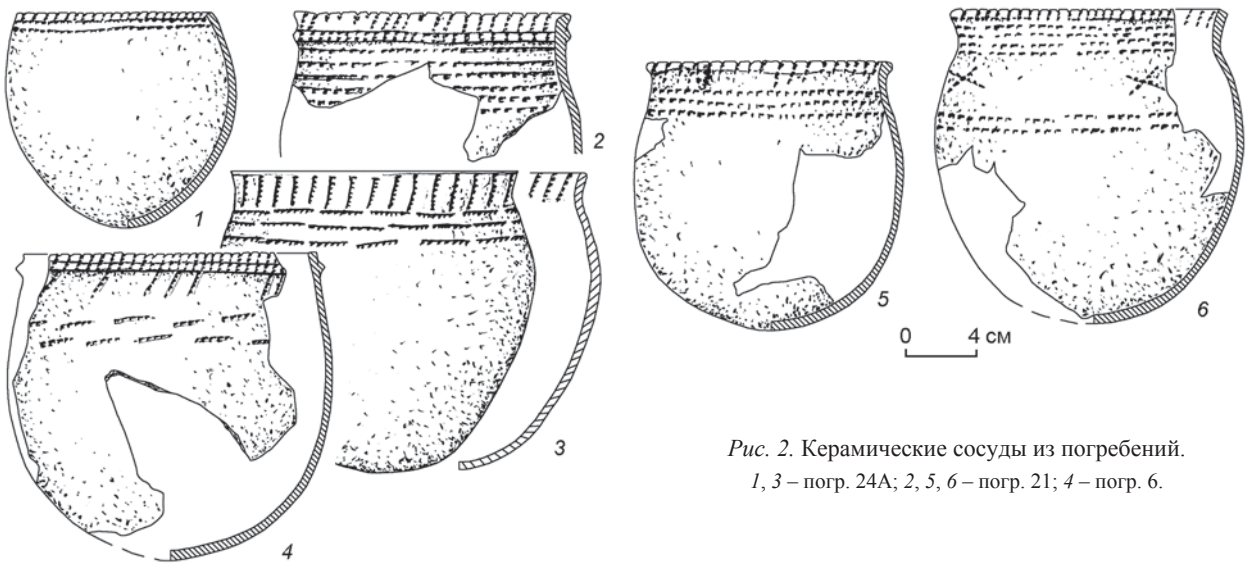

Рис. 2. Керамические сосуды из погребений.
1, *3* – погр. 24А; *2*, *5*, *6* – погр. 21; *4* – погр. 6.

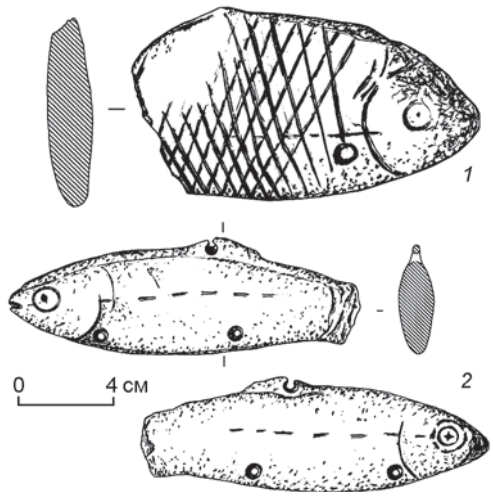

Рис. 3. Каменные рыбки из погр. 21.

составного орудия из рога. В детских погребениях изделия единичны.

Анализ погребальной практики и типологии сопроводительного инвентаря неолитических захоронений могильника Туаханэ IX показал их идентичность с ранее исследованными комплексами маломорской группы серовских погребений позднего неолита Приольхонья [Горюнова, 1997]. Близкие аналогии в инвентаре отмечены в материалах позднего неолита Верхоленского могильника и в серовских комплексах Верхнего Приангарья [Окладников, 1950]. Полученные AMS-даты по исследованным погребениям могильника Туаханэ IX (в пределах 5 991–4 870 кал. л.н.) соответствуют серии дат по комплексам погребений (5 800–4 523 кал. л.н.) и поселений позднего неолита Приольхонья и в целом Прибайкалья [Weber et al., 2016].

Благодарности

Исследования выполнены при финансовой поддержке гранта № 895-2018-1004 от Совета по Общественным наукам и гуманитарным исследованиям (Канада). Публикация подготовлена при поддержке государственного задания Минобрнауки России в рамках проекта № FZZE-2023-0007 «Динамика и вариабельность палеотехнологий в каменном веке Байкальской Сибири в контексте культурных традиций и адаптационных стратегий».

Список литературы

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 253 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 112 с.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Проблемы культурно-хронологической периодизации неолитических погребений Приольхонья (озеро Байкал) // Тр. VI (XXII) Всерос. археолог. съезда в Самаре. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2020. – Т. I. – С. 200–201.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1–2. – 412 с. – (МИА; № 18).

Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectocranial suture closure: A revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures // Amer. J. of Physical Anthropol. – 1985. – Vol. 68. – N 1. – P. 57–66.

Scott E.C. Dental wear scoring technique // Amer. J. of Physical Anthropol. – 1979. – Vol. 51, N 2. – P. 214–217.

Weber A., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of Middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // Quatern. Intern. – 2016. – V. 419. – P. 74–98.

References

Alekseev V.P. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanii. Moscow: Nauka, 1966. 253 p. (In Russ.).

Alekseev V.P., Debets G.F. Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovanii. Moscow: Nauka, 1964. 128 p. (In Russ.).

Goriunova O.I. Serovskie pogrebeniya Priol'khon'ya (oz. Baikal). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997. 112 p. (In Russ.).

Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectocranial suture closure: A revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures. *Amer. J. of Physical Anthropol.*, 1985. Vol. 68, No. 1. P. 57–66.

Novikov A.G., Goriunova O.I. Problemy kul'turno-khronologicheskoi periodizatsii neoliticheskikh pogrebenii Priol'khon'ya (ozero Baikal). In *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare*. Samara: Samara State Pedagog. Univ. Press, 2020. Vol. I. P. 200–201. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ya. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1950. Pt. 1–2. 412 p. (MIA; No. 18). (In Russ.).

Scott E.C. Dental wear scoring technique. *Amer. J. of Physical Anthropol.*, 1979. Vol. 51, No. 2. P. 214–217.

Weber A., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of Middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect. *Quatern. Intern.,* 2016. Vol. 419. P. 74–98.

Новиков А.Г. https://orcid.org/0000-0001-8965-8957
Кишкурно М.С. https://orcid.org/0000-0002-0309-7413
Горюнова О.И. https://orcid.org/0000-0002-5159-0894
Вебер А.В. https://orcid.org/0000-0003-3992-2160

Дата сдачи рукописи: 30.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0211-0216
УДК 902.21

П.С. Осипова[1, 2] ✉, А.Ю. Федорченко[1] ✉, М.И. Фокин[2], Д.А. Гурулёв[3], М.В. Селецкий[1], Д.А. Тоцкий[4], Н.Е. Белоусова[1], П.С. Гребенюк[5], А.И. Лебединцев[5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
Новосибирск, Россия
[3]АНО «Археологическое исследование Сибири»
Красноярск, Россия
[4]ООО НПО ЦИИС
Новосибирск, Россия
[5]Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН
Магадан, Россия
E-mail: osipovaps@ipgg.sbras.ru; winteralex2008@gmail.com

Исследование объектов культурного слоя палеолитической стоянки Ушки I методом электротомографии

В статье представлены результаты геофизических исследований методом электротомографии, проведенных в полевом сезоне 2024 г. на многослойной палеолитической стоянке Ушки I в Центральной Камчатке. Данный метод, основанный на измерении удельного электрического сопротивления (УЭС), применен на памятнике для определения мощности рыхлых отложений, выявления антропогенных аномалий и оценки перспективных участков для будущих раскопок. В предыдущие годы исследований на памятнике было выявлено два разновременных верхнепалеолитических поселения, принадлежащих двум различным культурам. В 2024 г. работы проводились на двух участках площадью 142,5 и 129 м^2 в границах раскопов 1984 и 1986 гг., в пределах которых ранее была удалена верхняя пачка голоценовых отложений и детально изучен культурный слой VI с остатками жилищных конструкций и погребения, но не затронут нижележащий слой VII. Полученные геофизические профили пересекали границы ранее исследованных здесь объектов. По результатам зондирований установлена мощность рыхлых отложений, составляющая 2–2,5 м. В верхней части геоэлектрического разреза выявлены линзы низкого (40–80 Ом·м) УЭС, соответствующие слоям суглинков. На глубине 0,4 м обнаружена изометричная аномалия размером 1,0 × 0,7 × 0,1 м с УЭС 30–50 Ом·м, интерпретированная как прослой углистости, вероятно связанный с кострищем культурного слоя VII. Полученные результаты демонстрируют эффективность применения неинвазивных геофизических методов для выявления новых объектов антропогенного происхождения на памятнике Ушки I и подтверждают перспективность его дальнейшего археологического изучения.

Ключевые слова: *Камчатка, Ушковские стоянки, электротомография, удельное электрическое сопротивление, верхний палеолит, кострища.*

P.S. Osipova[1, 2] ✉, A.Y. Fedorchenko[1] ✉, M.I. Fokin[2], D.A. Gurulev[3], M.V. Seletskiy[1], D.A. Totskiy[4], N.E. Belousova[1], P.S. Grebenyuk[5], A.I. Lebedintsev[5]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS
Novosibirsk, Russia
[3]Autonomous non-commercial organization «Siberian Archaeological Studies»
Krasnoyarsk, Russia
[4]LLC SPA CHCR
Novosibirsk, Russia
[5]North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute FEB RAS
Magadan, Russia
E-mail: osipovaps@ipgg.sbras.ru; winteralex2008@gmail.com

Investigation of the Cultural Layer from the Ushki I Paleolithic Site Using Electrical Resistivity Tomography

The article provides geophysical studies using the electrical resistivity tomography method conducted during the 2024 field season at the stratified Paleolithic site Ushki I in Central Kamchatka. This method is based on measuring the electrical resistivity. It was applied at the site to determine the thickness of loose deposits, identify anthropogenic anomalies, and assess promising areas for future excavations. In previous years, during the research at the site, two different Upper Paleolithic settlements belonging to two different cultures were identified. In 2024, two areas, 142.5 and 129 sq. m, were investigated within the boundaries of the 1984 and 1986 excavations, where the Holocene deposits had been removed earlier, and cultural layer VI containing the remains of dwellings and burials was examined in detail; however, underlying layer VII was left unexcavated. The obtained geophysical profiles crossed the boundaries of these previously investigated sites. The survey results established the thickness of loose deposits of 2–2.5 m. In the upper part of the geoelectric section, low resistivity lenses (40–80 Ohm·m) were identified, corresponding to loam layers. At a depth of 0.4 m, an isometric anomaly measuring 1 × 0.7 × 0.1 m with the resistivity of 30–50 Ohm·m was discovered, which was interpreted as a carbonaceous interlayer likely associated with a hearth from cultural layer VII. The results demonstrate the effectiveness of non-invasive geophysical methods for identifying new anthropogenic features at the Ushki I site and confirm its prospects for further archaeological investigation.

Keywords: *Kamchatka, Ushki sites, electrical resistivity tomography, electrical resistivity, Upper Paleolithic, hearths.*

Введение

Многослойный памятник Ушки I расположен в Усть-Камчатском р-не Камчатского края в 15 км от пос. Козыревск, на Каменном мысе южного берега оз. Бол. Ушковское. Ушки I – первый из открытых и наиболее информативный стратифицированный объект верхнего палеолита Камчатки. В 1961–1991 гг. полномасштабные исследования на памятнике проводила экспедиция СВКНИИ ДВО РАН под руководством Н.Н. Дикова [Диков, 1977, 1979, 1993]. В результате были выявлены два разновременных поселения с остатками погребений, множеством наземных и углубленных жилищ, кострищ и производственных площадок, которые принадлежали оригинальным верхнепалеолитическим культурам: ранней (культурный слой (далее – к.с.) VII) и поздней ушковской (к.с. VI). В конце 1991 г. по завершении полевых работ на стоянке Ушки I общая площадь исследованного участка к.с. VI превысила 5 200 м^2, было обнаружено 40 жилищных конструкций. На участке около 2 800 м^2 был исследован слой VII, выявлены остатки 12 построек [Диков, 1993, с. 21–32]. В результате проведенных работ была описана культура древнейших обитателей полуострова и заложена основа для периодизации палеолита крайнего Северо-Востока Азии [Федорченко, Белоусова, 2020].

В 1990–2010-е гг. систематические работы на памятнике Ушки I не проводились; исключение составили ограниченные по своему объему шурфовочные работы и зачистки, реализованные в 2000 и 2007 гг. для уточнения стратиграфии и возраста верхнепалеолитических комплексов стоянки [Goebel, Waters, Dikova, 2003; Кренке и др., 2011]. В 2019 г. в рамках изысканий Камчатского отряда ИА РАН были проведены картирование и топосъемка Ушковских стоянок, позволившие оценить современное состояние памятника и уточнить локализацию раскопа 1961–1991 гг. В результате выполненных зачисток были получены новые данные о стратиграфии и возрасте выявленных здесь культурных слоев верхнего палеолита [Кренке и др., 2021].

В 2022–2024 гг. полевые работы на стоянке Ушки I были продолжены силами Камчатского верхнепалеолитического отряда ИАЭТ СО РАН. С целью определения мощности рыхлых отложений и поиска перспективных участков для будущих раскопок были проведены исследования неинвазивным методом электротомографии (ЭТ) [Осипова, Федорченко, Пташинский, 2024]. Выбранный метод широко используется в археогеофизических исследованиях [Модин, 2010; Deiana, Leucci, Martorana, 2018], в т.ч. для обнаружения кострищ [Ermolaev, Olenchenko, 2024]. Геофизические изыскания в виде магнитометрической разведки применялись на памятнике Ушки I в начале 1980-х гг. [Диков, Алексеев, Малеванный, 1985]. В результате по аномалиям максимального возмущения магнитного поля (области, в которых на единицу площади приходится максимальное число изолиний) были предварительно локализованы объекты, интерпретированные как очаги, очажные камни и слои прокаленной глины на участках жилищных конструкций к.с. VI и VII. В отличие от магниторазведки, метод электротомографии основан на различии горных пород по удельному электрическому сопротивлению (УЭС) и применялся на новом этапе изучения памятника впервые.

Объект и методика исследований

В 2024 г. объектом геофизического мониторинга выступили участки палеолитического слоя в границах раскопов 1984 и 1986 гг. Анализ полевой документации и архивных материалов показал, что на данной площади в результате работ предшествующих лет была удалена верхняя пачка голоценовых отложений, впоследствии был детально изучен нижележащий финально-палеолитический к.с. VI с остатками нескольких жилищных конструкций и одного погребения. Нижележащий к.с. VII, надежно консервируемый перекрывающими его стерильными прослоями серой супеси и желтого суглинка, остался совершенно не затронутым раскопками на обширной территории

[Диков, 1985, 1987]. Предполагалось дальнейшее изучение этого участка в рамках нового цикла экспедиционных работ, однако эти планы не были реализованы.

Зондирование проводилось на двух участках площадью 142,5 и 129 м^2. Полученные профили № 1–7 пересекали границы исследованных в к.с. VI наземных жилищ № X и XI. Профили № 10–14 проходили через известные границы полуземлянки № 10, в контурах которой были зафиксированы остатки каменной обкладки очага, погребальная яма, заполненная на момент измерений водой, и грунтовая насыпь, образованная выбросами из нее [Диков, 1993]. Линии профилей располагались на расстоянии 1 м друг от друга, шаг вдоль профиля составил 0,25 м. Электротомография выполнялась многоэлектродной аппаратурой «Скала-64к15» с использованием дипольной установки [Бобачев и др., 2013, с. 27–29]. Глубинность исследований не превышала 5 м. Длина профилей на площадке № 1 составляла 23,75 м, на площадке № 2 – 32,25 м. Первичная обработка данных ЭТ проведена в программе Xeris, обратная задача (инверсия) решена посредством программ Res2DInv и Res3DInv.

В задачи геофизического исследования входило определение глубины залегания кровли коренных отложений, выявление возможных углублений в их верхней части, поиск локальных объектов типа кострищ, хозяйственных или погребальных ям. Коренное основание, представленное конгломератом из обломков лав [Кренке и др., 2011], имеет повышенное удельное электрическое сопротивление (УЭС) относительно супесчано-суглинистых отложений. Известно [Ermolaev, Olenchenko, 2024], что отложения кострищ отличаются низким удельным электрическим сопротивлением и создают интенсивную аномалию нормированной заряжаемости (m_n).

Результаты исследования

По результатам 3D-инверсии данных на площадке № 1 получена объемная модель распределения УЭС (рис. 1). В приповерхностной части разреза до глубины 0,5–0,6 м выделяются проводящие отложения с УЭС 40–80 Ом·м. Вероятно, они представлены влажными супесями и суглинками, что коррелирует с данными по стратиграфии стоянки. Ниже расположен слой с УЭС 90–150 Ом·м мощностью 1,9–2,1 м. Коренное основание выделяется относительно высоким УЭС 200–600 Ом·м. Интерес представляет локальная изометричная аномалия № 1 низкого УЭС 25–40 Ом·м, выделенная на объемной модели изоповерхностью. Для определения ее размеров в плане сделан горизонтальный срез УЭС по глубине 0,4 м (рис. 2, *А*), где аномалия наиболее интенсивна. Определено, что аномалия № 1 расположена на стыке квадратов ч-15, ч-16, ш-15, ш-16. Длинная ось аномалии равна 1 м, короткая – 0,7 м. Вблизи выделяются еще две проводящие изометричные аномалии меньшего диаметра (0,5–0,6 м). Кроме того, на северном краю карты, между квадратами ф-15 и ф-16, присутствует аномалия № 2 низкого УЭС (35–40 Ом·м).

Помимо карты УЭС построена карта нормированной заряжаемости (рис. 2, *Б*). Интенсивные значения (более 200 мВ/В) достигаются на северном краю карты, где выделена проводящая аномалия № 2, и в контуре выделенной аномалии № 1 в квадратах ч-15, ч-16, ш-15, ш-16. На плане стоянки в квадрате у-16 обнаружен очаг с углистостью. Мы полагаем, что северная проводящая аномалия № 2, сопровождающаяся высокими значениями m_n, вызвана боковым влиянием оставшихся после вскрытия углистых, а также прокаленных отложений, составлявших заполнения жилища № X слоя VI.

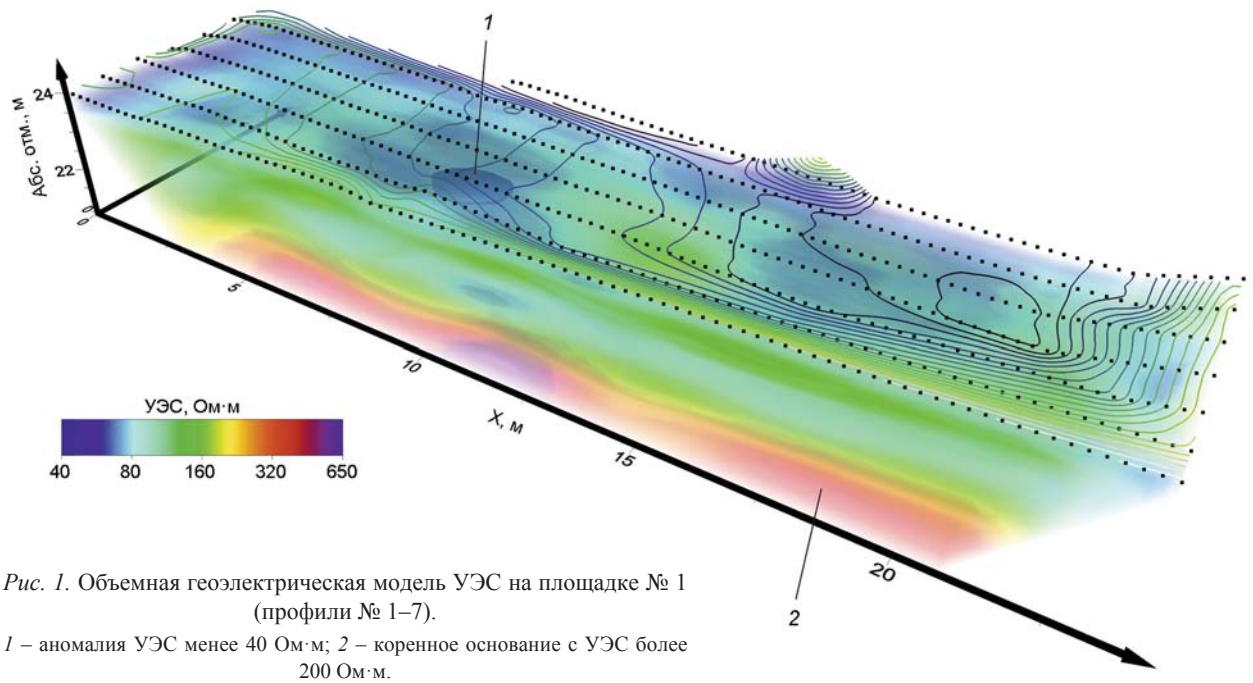

Рис. 1. Объемная геоэлектрическая модель УЭС на площадке № 1 (профили № 1–7).

1 – аномалия УЭС менее 40 Ом·м; *2* – коренное основание с УЭС более 200 Ом·м.

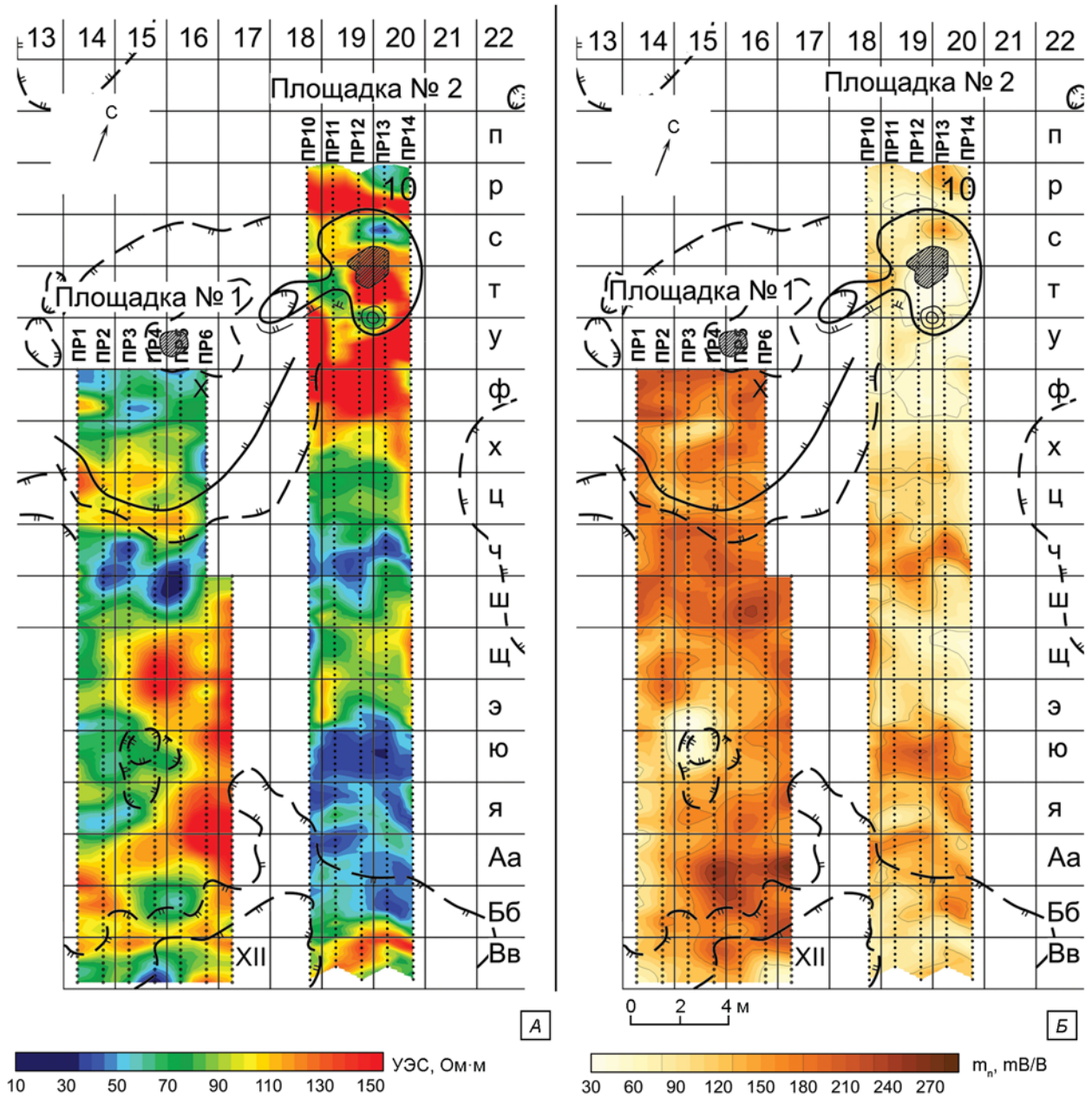

Рис. 2. План раскопа, схема расположения профилей и карты распределения УЭС (*А*) и нормированной заряжаемости (*Б*) на глубине 0,4 м для профилей № 1–7 и по абсолютным отметкам 23,5 м для профилей № 10–14.

В связи с этим предполагается наличие углистости и в контуре выделенной центральной аномалии № 1. По геоэлектрическому разрезу (рис. 3), проходящему через центр выделенной аномалии № 1, определено, что она залегает на глубине 0,4 м и имеет вертикальную мощность 0,1–0,2 м, что полностью соответствует глубине предполагаемого расположения к.с. VII и типичной мощности очажных пятен этого слоя.

На площадке № 2 перепады альтитуд в окрестностях выкопанной полуземлянки № 10 сопоставимы с шагом между электродами, поэтому карта распределения УЭС (рис. 2, *А*) построена не по глубине, а по абсолютной отметке 23,5 м, что на относительно ровных участках соответствует глубине 0,4 м. В известных пределах жилища № 10 к.с. VI выделяются аномалии относительно высокого (170–220 Ом·м) и низкого (40–70 Ом·м) УЭС. Поскольку жилище, очаг и могила в его контуре были выкопаны, а затем раскоп был законсервирован, истинное залегание отложений объекта нарушено и говорить достоверно об их исходном геоэлектрическом строении невозможно. Однако исходя из того, что кострища определяются по низкому УЭС и повышенной $m_п$, можно предположить, что низкоомная изометричная аномалия в квадрате с-20, которой соответствует аномалия повышенной заряжаемости, связана с остатками углистых отложений очага. Кроме того, пониженным УЭС определяется область, оставшаяся от выкопанной

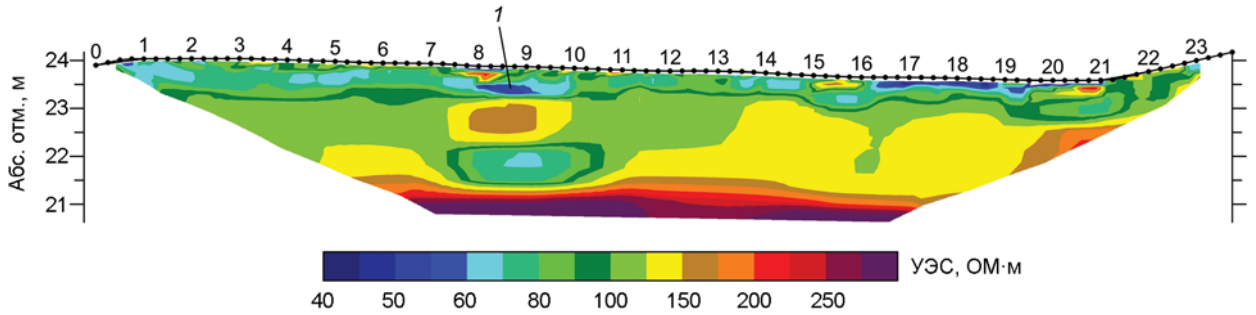

Рис. 3. Геоэлектрический разрез по профилю № 4 с аномалией УЭС 40 Ом·м (*1*), интерпретируемой как углистые отложения.

могилы, но на глубину она не прослеживается. Аномалии низкого УЭС в центральной и южной частях площадки № 2 не связаны с археологическими объектами. Из-за понижения рельефа аномалии пониженного УЭС от слоя суглинков залегают здесь глубже.

В результате проведенных геофизических исследований методом электротомографии на памятнике Ушки I было установлено, что мощность супесчано-суглинистых отложений в пределах охваченных исследованиями раскопок 1984 и 1986 гг. составляет 2,0–2,5 м. Слой суглинков в верхней части разреза определяется по УЭС 40–80 Ом·м. В его пределах на глубине 0,4 м выделены изометричные аномалии с УЭС 30–50 Ом·м. Наиболее интенсивная аномалия, расположенная на стыке квадратов ч-15, ч-16, ш-15, ш-16 размером 1,0 × 0,7 × 0,1 м, интерпретирована как прослой углистости, вероятно связанный с кострищем к.с. VII. Установить строение отложений в границах жилища № 10 не удалось, однако в его пределах, вблизи известного очага к.с. VI, выделена аномалия низкого УЭС, которая также может быть связана с остатками нижележащей интенсивной углистости. Таким образом, использование неинвазивных геофизических методов в контексте полевых исследований памятника Ушки I позволило идентифицировать новые объекты антропогенного происхождения, связанные с поселенческой активностью его древнейших обитателей.

Заключение

Анализ результатов геофизического мониторинга, материалов полевой документации, архивных и опубликованных источников позволяет сделать вывод о значительном потенциале памятника Ушки I для проведения дальнейших полевых археологических исследований. В настоящее время общая площадь стоянки, на которой не затронутым раскопками остается к.с. VII, составляет свыше 2 000 м^2. В ходе электротомографических исследований 2024 г. на двух участках раскопов 1984 и 1986 гг. выявлены контрастные аномалии, интерпретируемые как следы древних кострищ, что указывает на высокую вероятность обнаружения здесь новых жилищных комплексов. Эти данные хорошо согласуются с прогнозами Н.Н. Дикова, который по итогам последнего полномасштабного полевого сезона в 1991 г., основываясь на 30-летнем опыте работ на Ушковских стоянках и результатах магниторазведки, предполагал наиболее перспективным продолжение работ в западном направлении от раскопа 1961–1991 гг. [Диков, Кирьяк, 1991]. В этой части памятника им прогнозировалось обнаружение еще как минимум одного углубленного жилища в к.с. VI и следов наземных конструкций в слое VII. Исследователем также не исключалось распространение жилищ древнейшего культурного слоя и в южном направлении [Там же, с. 13]. Результаты новых геофизических изысканий не только подтверждают справедливость предположений первооткрывателя стоянки Ушки I, но и позволяют локализовать наиболее перспективные участки для дальнейших археологических исследований древнейшего верхнепалеолитического слоя.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 24-28-01294 «Погребальные практики и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Северо-Восточной Азии», https://rscf.ru/project/24-28-01294/.

Список литературы

Бобачев А.А., Большаков Д.К., Модин И.Н., Шевнин В.А. Электроразведка: пособие по электроразведочной практике для студентов геофизических специальностей. – М.: Моск. гос. ун-т, 2013. – Т. II. Малоглубинная электроразведка. – 123 с.

Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы. – М.: Наука, 1977. – 319 с.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Диков Н.Н. Отчет о полевых исследованиях на Чукотском полуострове и на стоянке Ушки I на Камчатке в 1984 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 10288. – Магадан, 1985. – 100 с.

Диков Н.Н. Отчет о полевых исследованиях на Чукотке и Камчатке в 1986 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 11389. – Магадан, 1987. – 86 с.

Диков Н.Н. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. – Магадан: СВКНИИ, 1993. – 68 с.

Диков Н.Н., Алексеев В.И., Малеванный Ю.В. Предварительные итоги магниторазведки на многослойной стоянке Ушки I // Новое в археологии Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1985. – С. 35–39.

Диков Н.Н., Кирьяк Р.А. Отчет о полевых исследованиях на Камчатке в 1990 году (раскопки палеолитической стоянки Ушки I) // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 14942. – Магадан, 1991. – 48 с.

Кренке Н.А., Ганичев К.А., Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н., Певзнер М.М., Пташинский А.В., Чаукин С.Н., Чаукина В.А. Работы Камчатского отряда ИА РАН // Археологические открытия 2019 года. – М.: ИА РАН, 2021. – С. 462–466.

Кренке Н.А., Леонова Е.В., Мелекесцев И.В., Певзнер М.М. Новые данные по стратиграфии Ушковских стоянок в долине р. Камчатка // РА. – 2011. – № 3. – С. 14–24.

Модин И.Н. Электроразведка в технической и археологической геофизике: автореф. ... д-ра техн. наук. – М., 2010. – 49 с.

Осипова П.С., Федорченко А.Ю., Пташинский А.В. Предварительные результаты электротомографии на археологических стоянках Центральной Камчатки // Инженерная и рудная геофизика – 2024: мат-лы конф. (Казань, 13–16 мая 2024 г.). – Казань: Казан. фед. ун-т, 2024. – С. 21–25.

Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е. Верхний палеолит Камчатки: основные результаты исследований 1980-х – начала 1990-х годов и актуальные проблемы на современном этапе // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2020. – № 1. – С. 305–339.

Deiana R., Leucci G., Martorana R. New Perspectives on Geophysics for Archaeology: A Special Issue // Surveys in Geophysics. – 2018. – Vol. 39. – P. 1035–1038.

Ermolaev K.A., Olenchenko V.V. Geoelectrical Anomalies from Hearths and Their Origin // Izvestiya, Physics of the Solid Earth. – 2024. – Vol. 60, N 4. – P. 742–749.

Goebel T., Waters M.R., Dikova M. The archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and Pleistocene Peopling of the Americas // Science. – 2003. – Vol. 301. – P. 501–506.

References

Bobachev A.A., Bolshakov D.K., Modin I.N., Shevnin V.A. Elektrorazvedka: posobiye po elektrorazvedochnoy praktike dlya studentov geofizicheskikh spetsial'nostey. Vol. II. Maloglubinnaya elektrorazvedka. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 2013. 123 p. (In Russ.).

Deiana R., Leucci G., Martorana R. New Perspectives on Geophysics for Archaeology: A Special Issue. *Surveys in Geophysics*. 2018, Vol. 39. P. 1035–1038.

Dikov N.N. Archaeological sites of Kamchatka, Chukotka, Upper Kolyma. Moscow: Nauka, 1977. 319 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Ancient cultures of Northeast Asia. Moscow: Nauka, 1979. 352 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Otchet o polevykh issledovaniyakh na Chukotskom poluostrove i na stoyanke Ushki I na Kamchatke v 1984 godu. *Archive of the Institute of archaeology (Moscow)*. F. 1. R. 1, No. 10288. Magadan, 1985. 100 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Otchet o polevykh issledovaniyakh na Chukotke i Kamchatke v 1986 godu. *Archive of the Institute of archaeology (Moscow)*. F. 1. R. 1, No. 11389. Magadan, 1987. 86 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Paleolit Kamchatki i Chukotki v svyazi s problemoy pervonachal'nogo zaseleniya Ameriki. Magadan: NEISR FEB RAS Publ., 1993. 68 p. (In Russ.).

Dikov N.N., Alekseyev V.I., Malevannyy Y.V. Predvaritel'nyye itogi magnitorazvedki na mnogosloynoy stoyanke Ushki I. *Novoye v arkheologii Severa Dal'nego Vostoka*. Magadan: NEISR FEB RAS Publ., 1985. P. 35–39. (In Russ.).

Dikov N.N., Kiryak R.A. Otchet o polevykh issledovaniyakh na Kamchatke v 1990 godu (raskopki paleoliticheskoy stoyanki Ushki I). *Archive of the Institute of archaeology (Moscow)*. F. 1. R. 1. No. 14942. Magadan, 1991. 48 p. (In Russ.).

Ermolaev K.A., Olenchenko V.V. Geoelectrical Anomalies from Hearths and Their Origin. *Izvestiya, Physics of the Solid Earth*. 2024. Vol. 60, No. 4. P. 742–749.

Fedorchenko A.Y., Belousova N.E. Upper Palaeolithic of Kamchatka: the main research results of the 1980s – early 1990s and current problems at the present stage. *Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2020. No. 1. P. 305–339. (In Russ.).

Goebel T., Waters M.R., Dikova M. The archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and Pleistocene Peopling of the Americas. *Science*. 2003. Vol. 301. P. 501–506.

Krenke N.A., Ganichev K.A., Dolbunova E.V., Mazurkevich A.N., Pevzner M.M., Ptashinsky A.V., Chaukin S.N., Chaukina V.A. Raboty Kamchatskogo otryada IA RAN. *Arkheologicheskiye otkrytiya 2019 goda*. Moscow: IA RAN, 2021. P. 462–466. (In Russ.).

Krenke N.A., Leonova E.V., Melekestsev I.V., Pevzner M.M. New data on the stratigraphy from Ushki sites in the valley of Kamchatka River. *Rossiiskaya arkheologiya*. 2011. No. 3. P. 14–24. (In Russ.).

Modin I.N. Electric prospecting in archeological and technical geophysics: dr. tech. sc. dissertation abstract. Moscow, 2010. 49 p. (In Russ.).

Osipova P.S., Fedorchenko A.Y., Ptashinskiy A.V. Predvaritel'nyye rezul'taty elektrotomografii na arkheologicheskikh stoyankakh Tsentral'noy Kamchatki. *Materialy konferentsii "Inzhenernaya i rudnaya geofizika 2024" (Kazan', 13–16 maya 2024 g.).* Kazan': Kazan federal university, 2024. P. 21–25. (In Russ.).

Осипова П.С. https://orcid.org/0000-0003-0510-6333
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Фокин М.И. https://orcid.org/0000-0003-2090-7155
Гурулёв Д.А. https://orcid.org/0000-0002-6992-3183
Селецкий М.В. https://orcid.org/0000-0003-2581-8792
Тоцкий Д.А. https://orcid.org/0009-0009-9461-5471
Белоусова Н.Е. https://orcid.org/0000-0001-7054-3738
Гребенюк П.С. https://orcid.org/0000-0001-9940-9962
Лебединцев А.И. https://orcid.org/0000-0003-2714-2116

Дата сдачи рукописи: 24.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0217-0222
УДК 903.01

Г.Д. Павленок✉, А.А. Анойкин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

Планиграфический анализ материалов слоя 5 стоянки Ушбулак (Восточный Казахстан)

В статье представлены результаты исследования материалов слоя 5 многослойной стоянки Ушбулак (Восточный Казахстан). Литологический слой 5 с вмещающими культурными остатками изучался в 2018, 2019 и 2023 гг. на площади 16 м². Проведенный ранее анализ малочисленного комплекса культурного горизонта (к.г.) 5.2, содержащего асимметричный нуклеус для пластин и ретушированные пластины, позволяет говорить о его сходстве в большей степени с материалами начального верхнего палеолита (слои 6–7), нежели с комплексами развитого верхнего палеолита (слои 4–5.1). Обнаружение дополнительного участка каменной конструкции, первоначально выявленного в 2018 г. и расположенного под находками горизонта 5.2 (2023 г.), позволило разделить все ранее полученные коллекции слоя 5 на два обособленных культурных горизонта – 5.1 и 5.2, а также пересмотреть хронологическую атрибуцию конструкции. Наличие каменной конструкции как маркера глубин залегания артефактов верхнего (5.1) или нижнего (5.2) к.г. дало возможность построить несколько проекций координат артефактов. Применение пространственного анализа позволяет утверждать, что большинство артефактов, относящихся к слою 5, связано с горизонтом 5.1. Этот вывод подтверждается наличием ремонтажей. Утверждается, что незначительное количество артефактов на уровне каменной конструкции или под ней относится к горизонту 5.2. На основании морфологии каменных артефактов, их стратиграфического положения и наличия каменной конструкции можно предположить, что материалы из горизонта 5.2 следует интерпретировать как относящиеся к раннему верхнему палеолиту. Кроме того, аналогичные примеры планиграфических структур встречаются в раннем верхнем палеолите на сопредельных территориях, что является дополнительным подтверждением данной интерпретации.

Ключевые слова: *Восточный Казахстан, стоянка Ушбулак, развитый верхний палеолит, ранний верхний палеолит, начальный верхний палеолит, каменная индустрия, искусственная конструкция.*

G.D. Pavlenok✉, A.A. Anoikin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

Spatial Analysis of Evidence from Layer 5 at the Ushbulak Site (East Kazakhstan)

This article discusses assemblage from layer 5 at the Ushbulak multilayered site in East Kazakhstan. Lithological layer 5 containing cultural remains was studied in 2018, 2019, and 2023 over the area of 16 sq. m. Preliminary examination of a scarce complex from cultural horizon 5.2 with asymmetrical core and retouched blades has revealed its greater resemblance to the evidence of the Initial Upper Paleolithic from layers 6–7 compared to the Upper Paleolithic complexes from layers 4–5.1. The discovery of additional section of a stone structure which was found in 2018, underneath the evidence of horizon 5.2 (excavations of 2023) has made it possible to re-examine all previously obtained collections from layer 5, divide it into two individual cultural horizons 5.1 and 5.2, and re-evaluate its chronological attribution. The stone structure which marks the occurrence of artifacts in the upper (5.1) or lower (5.2) horizons was instrumental in constructing several projections of artifact coordinates. Spatial analysis has indicated that the majority of the artifacts from layer 5 were associated with horizon 5.1. This conclusion is supported by refitting. A few artifacts at the level of the stone structure or underneath it can be attributed to horizon 5.2. The evidence from horizon 5.2 should be interpreted as belonging to the Early Upper Paleolithic based on the morphology of lithic artifacts, their stratigraphic position, and presence of the stone structure. Similar examples of stone structures can be found in the Early Upper Paleolithic in the adjacent areas thus providing further support to this interpretation.

Keywords: *East Kazakhstan, Ushbulak site, Upper Paleolithic, Early Upper Paleolithic, Initial Upper Paleolithic, lithic industry, stone structure.*

Исследование стоянки Ушбулак (Восточный Казахстан) было начато в 2016 г., и на настоящий момент накоплен большой объем информации о расположении культурных отложений, морфологии и технологических особенностях получения каменных артефактов разных культурно-хронологических этапов каменного века по материалам памятника.

Настоящая работа посвящена планиграфическому анализу материалов слоя 5 Ушбулака, которые были получены в результате полевых изысканий 2018, 2019 и 2023 гг. на площади 16 м^2 (раскоп 1). В данной статье не учитываются материалы траншеи, связывающей верхний (1) и нижний (2) раскопы. Анализ материалов раскопок 2018 и 2019 гг. позволил выделить уникальный по своей сохранности комплекс слоя 5.1, отражающий один эпизод посещения стоянки, связанный с кратковременной охотничьей деятельностью и расщеплением нескольких блоков сырья в рамках текущих хозяйственных нужд. Такой вывод был получен исходя из анализа коллекции артефактов, для которой методом ремонтажа удалось восстановить 15 склеек, объединяющих 48 отдельных артефактов [Павленок и др., 2023б]. Проведенная комплексная работа по культурно-хронологической атрибуции этого комплекса позволила отнести его к периоду, предшествующему пику LGM (~25–23 тыс. л.н.) [Ульянов и др., 2024].

Исследования 2023 г. позволили зафиксировать продолжение искусственной конструкции в слое 5, а также установить, что он содержит два культурных горизонта – 5.1 и 5.2, сильно отличающихся друг от друга по морфологии и технологии получения каменных артефактов. Материалы к.г. 5.2 немногочисленны (10 предметов), но морфологически выдержаны в едином технологическом ключе. Коллекция представлена одним нуклеусом для пластин (рис. 1, *3*), тремя орудиями на пластинах с одним (рис. 1, *2*) или двумя (рис. 1, *1*) ретушированными продольными краями, двумя отщепами, одной пластиной, двумя техническими сколами удлиненных пропорций и одним обломком [Павленок и др., 2023а]. Фронт нуклеуса располагается одновременно на двух смежных плоскостях – торцовой и широкой, его можно отнести к асимметричным изделиям (*asymmetrical core*) [Zwyns, 2021]. Такие изделия в большей степени характерны для ранних этапов верхнего палеолита Южной Сибири, Центральной и Восточной Азии [Рыбин, 2020; Rybin, 2014; Rybin, Khatsenovich, 2020; Zwyns, 2021]. Особенности залегания артефактов к.г. 5.2 – непосредственно над камнями выкладки, либо в грунте, заполняющем пространство между ними (рис. 2, *A*), – позволили связать искусственную конструкцию именно с материалами к.г. 5.2 и поставить вопрос о пересмотре ее культурно-хронологической атрибуции [Павленок и др., 2023а]. В связи с наличием четкого ориентира (искусственная конструкция) для разделения материалов слоя 5 раскопок 2023 г. были сформулированы следующие задачи: пересмотр коллекций 2018 и 2019 гг. для понимания, есть ли вероятность механического объединения в рамках слоя 5 к.г. 5.1 и 5.2; при наличии такой вероятности – разделение к.г. 5.1 и 5.2 на основе пространственного анализа артефактов и элементов искусственной конструкции.

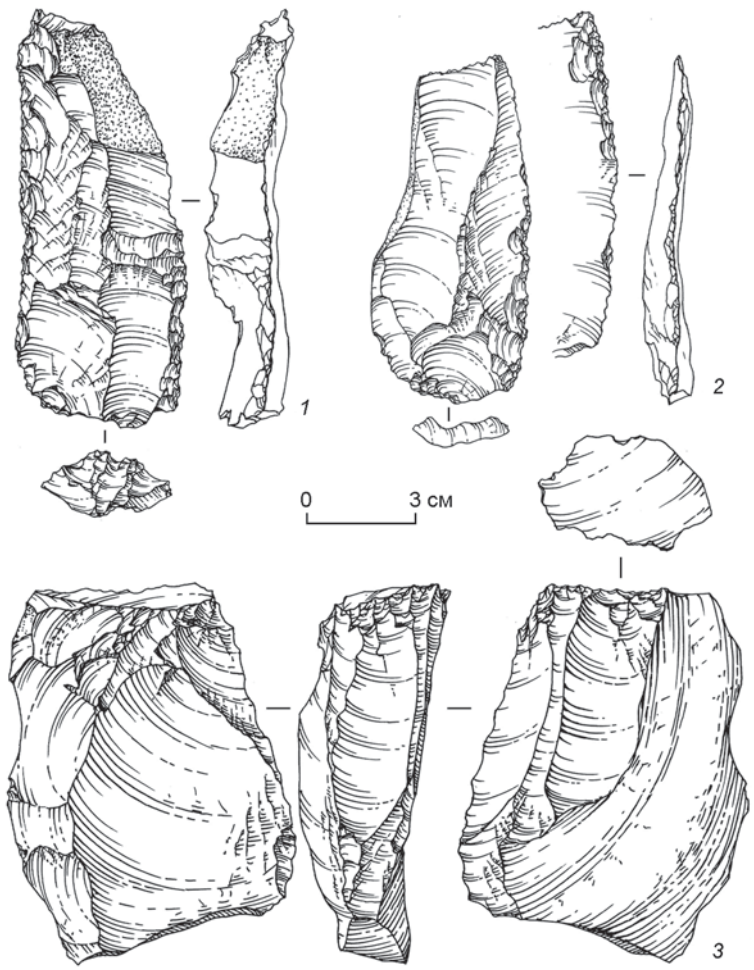

Рис. 1. Артефакты культурного горизонта 5.2 стоянки Ушбулак.
1 – асимметричный нуклеус; *2*, *3* – пластины с ретушью.

В первую очередь был проанализирован весь массив данных по координатам артефактов и иных элементов слоя 5 за все годы – 2018, 2019 и 2023. Наличие постоянной тахеометрической съемки на протяжении всего времени раскопок Ушбулака позволило сформировать обширную базу данных координат как собственно артефактов, так и иных элементов культурного слоя – костей, зубов,

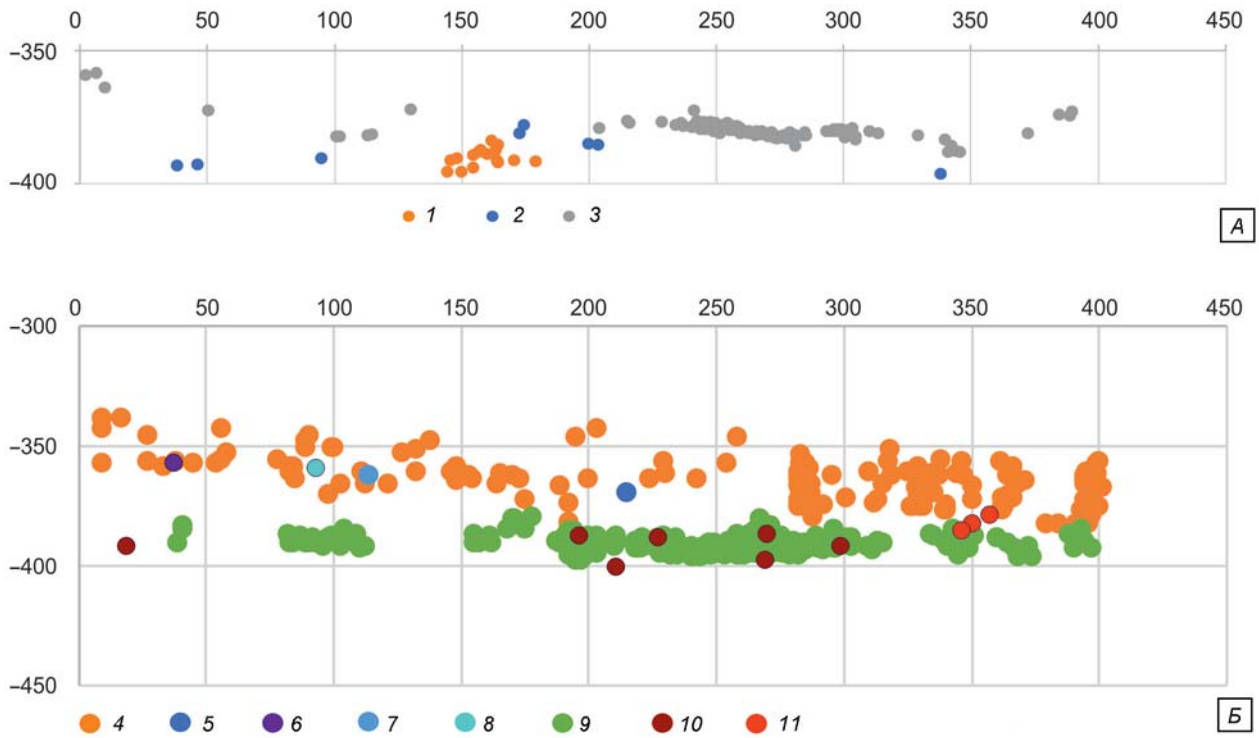

Рис. 2. Проекции координат артефактов культурных горизонтов 5.1, 5.2 и камней искусственной конструкции.
А – 0 < X ≤ 400; 350 < Y ≤ 400: *1* – конструкция, *2* – к.г. 5.2, *3* – к.г. 5.1; *Б* – 100 < X ≤ 200; 0 < Y ≤ 400: *4* – к.г. 5.1, *5* – ремонтаж 2, *6* – ремонтаж 4, *7* – ремонтаж 6, *8* – ремонтаж 7, *9* – конструкция, *10* – к.г. 5.2 (2018–2019 гг.), *11* – к.г. 5.2 (2023 г.).

раковин, а также камней искусственной конструкции. Всего в анализе участвовало более 1 358 точек с тремя координатами, из них 250 – камни конструкции, 22 – к.г. 5.2, 1 086 – к.г. 5.1.

Особенности залегания камней искусственной конструкции на вскрытой раскопками площади определили параметры формирования выбора объектов культурного слоя для анализа. Так, большая часть камней искусственной конструкции (более 95 %) залегает на участке с координатами 100 < X ≤ 200 (рис. 3, *А*). Соответственно были выбраны все объекты культурного слоя 5 с координатой 100 < X ≤ 200 и координатой 0 < Y ≤ 400 (418 точек) (см. рис. 2, *Б*).

Пространственный анализ позволяет сделать несколько заключений. Угол падения к.г. 5.1 соответствует общему углу наклона слоя 5, а также современной земной поверхности [Ульянов и др., 2024], в то время как материалы искусственной выкладки залегают субгоризонтально. На квадратах с координатами Y от 100 до 300 прослеживается значительный перерыв между артефактами к.г. 5.1 и материалами выкладки, на квадрате с координатами Y от 300 до 400 этот перерыв не фиксируется. В рассматриваемой группе данных (X от 100 до 200) присутствуют артефакты из ремонтажей. Все они залегают в нижней части толщи к.г. 5.1 и, по-видимому, маркируют древнюю поверхность, на которой залегали артефакты горизонта 5.1. Именно это позволило определить условный нижний уровень его залегания на всей площади раскопа.

Были проанализированы минимальные глубины залегания артефактов горизонта 5.1 из ремонтажей. Выявлено, что с изменением значений координаты X их глубины практически не меняются и составляют –384 для 0 < X ≤ 100, –382 для 100 < X ≤ 200 и –385 для 200 < X ≤ 300. В то же время при изменении значений координаты Y минимальная глубина залегания артефактов из ремонтажей сокращается на 12 мм, и составляет –373 для 0 < Y ≤ 100, –384 для 100 < Y ≤ 200 и –385 для 200 < Y ≤ 300, т.е. на большей части раскопа минимальные глубины артефактов из ремонтажей залегают субгоризонтально, за исключением линии с координатами 0 < Y ≤ 100.

Поиск объектов культурного слоя, соответствующих всем выявленным условиям (X < 300, Y < 300 и Z < 385), позволил выделить всего семь предметов: четыре отщепа, один обломок предположительно кремневой породы и два фрагмента костей. Все они приурочены к каменной выкладке и залегают в грунте между ее камней или ниже ее уровня (см. рис. 2, *Б*). Культуромаркирующих предметов среди них нет. Возможно, в будущем удастся получить УМС-даты по отмеченным костям и продолжить работу по хронологии комплекса 5.2.

С целью верификации полученных выводов была построена диаграмма размаха по параметру «глубина» для трех исходных групп находок: камней конструкции (материалы 2018 и 2023 гг.), артефактов слоя 5.1 (материалы 2018, 2019 и 2023 гг.) и 5.2 (материалы

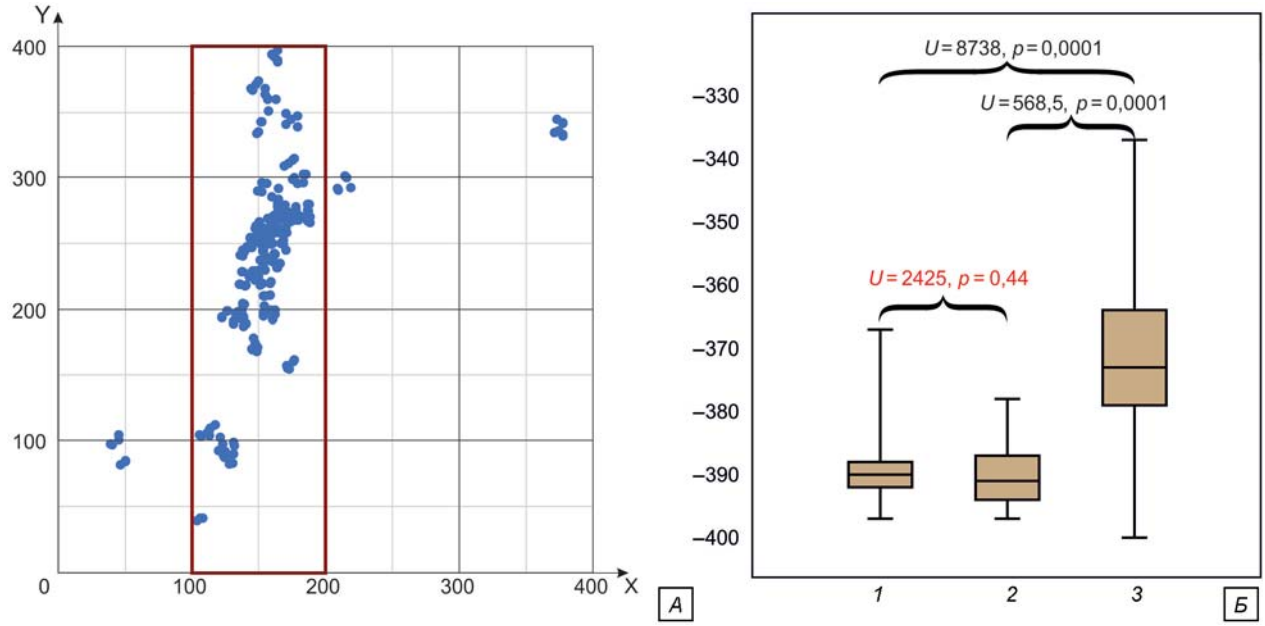

Рис. 3. Графики расположения культурных объектов слоя 5.

А – план расположения координат камней искусственной конструкции; *Б* – распределение глубин залегания объектов слоя 5: камней искусственной конструкции (*1*), к.г. 5.1 (*3*) и к.г. 5.2 (*2*) и значения результатов теста Манна – Уитни с указанием *p*-уровня значимости попарно.

2023 г.). Разница между группой 5.1 и любой другой (5.2 или камни конструкции) видна невооруженным глазом, а также подтверждается тестом Манна – Уитни, проведенным попарно (рис. 3, *Б*). Аналогичное сравнение глубин залегания камней выкладки с глубинами залегания артефактов слоя 5.2 показало отсутствие статистически значимой разницы (U-критерий Манна – Уитни 2425, $p = 0{,}44$), что является аргументом в пользу того, что эти две группы принадлежат к одной выборке и к одному горизонту, отличному от к.г. 5.1.

Увеличение коллекции горизонта 5.2 до 15 экз., к сожалению, не позволило расширить список культурозначимых артефактов. Соответственно, в определении культурно-хронологической позиции комплекса можно опираться на следующие характеристики. Наличие в каменной индустрии специфического асимметричного нуклеуса для пластин, в большей степени характерного для комплексов ранних этапов верхнего палеолита. Наличие вторичной обработки только на пластинах. На основании морфологии каменных артефактов, их стратиграфического положения (между горизонтами начального верхнего палеолита (6.2) и развитого верхнего палеолита (5.1)) и наличия каменной конструкции можно предположить, что материалы горизонта 5.2 можно интерпретировать как относящиеся к раннему верхнему палеолиту. Дополнительным подтверждением данной интерпретации выступают примеры планиграфических структур, характерных именно для раннего верхнего палеолита на сопредельных территориях [Васильев, Рыбин, 2009; Когай, 2018; Ожерельев, Джасыбаев, Мамиров, 2019; Ожерельев, Успенская, Таймагамбетов, 2023; Рыбин, 2020; Ташак, 2014].

Проведенный планиграфический анализ позволил зафиксировать целостность разных участков каменной конструкции в слое 5. Расположение нового участка каменной конструкции (2023 г.), первоначально выявленного в 2018 г., под находками горизонта 5.2 позволило пересмотреть ранее полученные коллекции слоя 5 и разделить их на два обособленных культурных горизонта – 5.1 и 5.2, а также пересмотреть хронологическую атрибуцию конструкции. На основании морфологии каменных артефактов, их стратиграфического положения и наличия каменной конструкции можно предположить, что материалы из горизонта 5.2 следует интерпретировать как относящиеся к раннему верхнему палеолиту. Таким образом, стратиграфическая последовательность культурных напластований стоянки Ушбулак отражает не только различные культурно-хронологические этапы верхнего палеолита – начальный, ранний и развитый, но и отражает различную функциональную направленность изученных участков [Рыбин, Колобова, 2004]. Дальнейшие работы на памятнике, возможно, позволят прояснить эти вопросы.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках программы НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды». Авторы выражают признательность А.В. Абдульмановой за подготовку графических иллюстраций артефактов, а также коллегам К.А. Колобовой, Е.Н. Бочаровой, В.М. Харевичу за консультации.

Список литературы

Васильев С.Г., Рыбин Е.П. Стоянка Толбага: поселенческая деятельность человека на ранней стадии верхнего палеолита Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 4. – С. 13–34.

Когай С.А. Ранний верхний палеолит Иркутского геоархеологического района (вторая половина каргинского интерстадиала – начало сартанского стадиала): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2018. – 30 с.

Ожерельев Д.В., Джасыбаев Е.А., Мамиров Т.Б. Первые данные о стратиграфии и культурной атрибуции многослойной стоянки верхнего палеолита Рахат (Юго-Восточный Казахстан) // КСИА. – 2019. – Вып. 254. – С. 57–70. – doi:10.25681/IARAS.0130-2620.254.57-70

Ожерельев Д.В., Успенская О.И., Таймагамбетов Ж.К. Начальные этапы раннего верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня, Казахстан (по материалам многослойной стоянки Майбулак) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2023. – № 1. – С. 129–152. – doi:10.55086/sp23112952

Павленок Г.Д., Бочарова Е.Н., Зольников И.Д., Харевич В.М., Макаров С.С., Гришин А.А., Папин А.Д., Дуванбеков Р.С., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А. Изучение материалов развитого и финального верхнего палеолита на стоянке Ушбулак в 2023 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023а. – Т. XXIX. – С. 259–265. – doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0259-0265

Павленок Г.Д., Бочарова Е.Н., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А. Особенности первичного расщепления в индустриях развитого верхнего палеолита стоянки Ушбулак по данным ремонтажа (на материалах слоя 5.1) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История. Филология. – 2023б. – Т. 22, № 5. – С. 20–34. – doi:10.25205/1818-7919-2023-22-5-20-34

Рыбин Е.П. Региональная вариабельность каменных индустрий начала верхнего палеолита в Южной Сибири и восточной части Центральной Азии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2020. – 31 с.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 20–34.

Ташак В.И. Становление раннего верхнего палеолита Западного Забайкалья (по материалам нижнего комплекса стоянки Подзвонкая) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2014. – № 1. – С. 149–164. – doi:10.55086/sp23112952

Ульянов В.А., Курбанов Р.Н., Семиколенных Д.В., Павленок Г.Д., Харевич В.М., Анойкин А.А. Этапы развития рельефа в районе палеолитической стоянки Ушбулак (Восточный Казахстан) // Геоморфология и палеогеография. – 2024. – № 1. – С. 128–144. – doi:10.31857/S2949178924010082

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // Quatern. Intern. – 2014. – Vol. 347. – P. 39–52. – doi:10.1016/j.quaint.2014.04.031

Rybin E.P., Khatsenovich A.M. Middle and Upper Paleolithic Levallois technology in eastern Central Asia // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 535. – P. 117–138. – doi:10.1016/j.quaint.2018.10.042

Zwyns N. The Initial Upper Paleolithic in Central and East Asia: Blade Technology, Cultural Transmission, and Implications for Human Dispersals // J. of Paleolithic Archaeol. – 2021. – Vol 19, N 4. – P. 1–39. – doi:10.1007/s41982-021-00085-6

References

Kogai S.A. Rannii verkhnii paleolit Irkutskogo geoarkheologicheskogo raiona (vtoraya polovina karginskogo interstadiala – nachalo sartanskogo stadiala): doc. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2018. 30 p. (In Russ.).

Ozherelyev D.V., Dzhasybaev E.A., Mamirov T.B. First data on stratigraphy and cultural attribution of Rakhat, a multilayer upper paleolithic site in Southeastern Kazakhstan. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*, 2019. Iss. 254. P. 57–70. (In Russ.). doi:10.25681/IARAS.0130-2620.254.57-70

Ozherelyev D.V., Uspenskaya O.I., Taimagambetov Zh.K. The Initial Stages of the Early Upper Palaeolithic in the Foothills of the Northern Tien Shan, Kazakhstan (Based on the Materials from the Multilayered Maibulak Site). *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*, 2023. No. 1. P. 129–152. (In Russ.). doi:10.55086/sp23112952

Pavlenok G.D., Bocharova E.N., Taimagambetov Zh.K., Anoikin A.A. Primary Knapping Methods in Upper Paleolithic Industries at the Ushbulak Site Based on the Results of Refitting (Layer 5.1). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023. Vol. 22, No. 5. P. 20–34. (In Russ.). doi:10.25205/1818-7919-2023-22-5-20-34

Pavlenok G.D., Bocharova E.N., Zolnikov I.D., Kharevich V.M., Makarov S.S., Grishin A.A., Papin A.D., Duvanbekov R.S., Taimagambetov Z.K., Anoikin A.A. Research of Advanced Upper Paleolithic and Final Upper Paleolithic Evidence at the Ushbulak Site in 2023. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2023. Vol. 29. P. 259–265. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0259-0265

Rybin E.P. Regional'naya variabel'nost' kamennykh industrii nachala verkhnego paleolita v Yuzhnoi Sibiri i vostochnoi chasti Tsentral'noi Azii: doc. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2020. 31 p. (In Russ.).

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia. *Quaternary International*, 2014. Vol. 347. P. 39–52.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M. Middle and Upper Paleolithic Levallois technology in eastern Central Asia. *Quaternary International*, 2020. Vol. 535. P. 117–138. doi:10.1016/j.quaint.2018.10.042

Rybin E.P. Kolobova K.A. Structure of stone industries and functional features of paleolithic sites in the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004. No. 4. P. 20–34. (In Russ.).

Tashak V.I. Formation of the Early Upper Palaeolithic in Western Transbaikal (with particular reference to the Lower Complex of the Podzvonkaya site). *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*, 2014. No. 1. P. 149–164. (In Russ.).

Ulyanov V.A., Kurbanov R.N., Semikolennyh D.V. Pavlenok G.D., Kharevich V.M., Anoikin A.A. Stages of development of the relief in the area of the paleolithic site of Ushbulak (East Kazakhstan). *Geomorfologiya i Paleogeografiya*, 2024. Vol. 55, No. 1. P. 128–144. (In Russ.). doi:10.31857/S2949178924010082

Vasiliev S.G., Rybin E.P. Tolbaga: Upper Paleolithic Settlement Patterns in the Trans-Baikal Region. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2009. No. 4. P. 13–34. (In Russ.).

Zwyns N. The Initial Upper Paleolithic in Central and East Asia: Blade Technology, Cultural Transmission, and Implications for Human Dispersals. *Journal of Paleolithic Archaeology*, 2021. Vol. 19, No. 4. P. 1–39. doi:10.1007/s41982-021-00085-6

Павленок Г.Д. https://orcid.org/0000-0003-3727-776X
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259

Дата сдачи рукописи: 01.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0223-0228
УДК 902(575.1)″6323″

К.К. Павленок[1] ✉, С.А. Когай[1], П.М. Сосин[2], Р.Н. Курбанов[1, 3], А.С. Деревнина[1, 4], О.Т. Эргашев[5], Г.А. Мухтаров[5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт водных проблем, гидроэнергетики и экологии НАН РТ
Душанбе, Таджикистан
[3]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
[4]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[5]Национальный центр археологии Академии наук Республики Узбекистан
Ташкент, Узбекистан
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

Каменная индустрия стоянки Куксарай-2 (Восточный Узбекистан): от плоскости к объему

В 2024 г. были продолжены исследования участка стоянки Куксарай-2 с минимально потревоженной культурно-стратиграфической последовательностью. Согласно палеогеографической реконструкции, слой 0 представляет собой отложения, сформированные в эпоху МИС 3, в дальнейшем переработанные почвенными процессами в эпоху голоцена. Слой 1 также был сформирован во время потепления МИС 3, но в меньшей степени затронут поздними процессами почвообразования. Слой 2 сформировался во время похолодания МИС 4. Отложения слоев 3 и 4 были сформированы в эпоху потепления МИС 5. Коллекция слоев 0, 1 и 2 характеризуется симбиотическим характером каменной индустрии. Коллекция слоя 3 более гомогенна в технологическом отношении. Среди нуклеусов и технических сколов представлены изделия, которые соотносятся исключительно с плоскостными стратегиями расщепления. С ними близко сопоставляются орудия индустрии. В категориях нуклеусов и технических сколов слоя 4 преобладают изделия, связанные со стратегиями производства отщепов. В индустрии также присутствует пластинчатый компонент, но при этом отсутствуют признаки использования объемного расщепления при изготовлении пластин. Только в материалах слоя 4 зафиксированы формы, соотносимые с острийной леваллуазской технологией и практикой изготовления орудий непосредственно на отдельностях породы. Выявленная динамика каменной индустрии при переходе от МИС 5 к МИС 4 полностью соответствует картине, выявленной ранее при изучении опорной для региона стоянки Кульбулак (слои 12.1–12.3). Многообразие подходов к утилизации каменного сырья в слое 4 допускает возможность того, что стоянка могла посещаться группами древнего населения с разным технологическим репертуаром и набором адаптационных стратегий.

Ключевые слова: *средний палеолит, Западный Тянь-Шань, стратиграфия, каменная индустрия, технология обработки камня.*

K.K. Pavlenok[1]✉, S.A. Kogai[1], P.M. Sosin[2], R.N. Kurbanov[3], A.S. Derevnina[1, 4], O.T. Ergashev[5], G. Mukhtarov[5]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Water Problems, Hydropower and Ecology NAS RT
Dushanbe, Tajikistan
[3]Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
[4]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[5]National Center of Archaeology Academy of Sciences Republic of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

The Lithic Industry of the Kuksaray-2 Site (Eastern Uzbekistan): Flat to Volumetric Transition

The research of the Kuksaray-2 site with a minimally disturbed cultural-stratigraphic sequence was continued in 2024. According to the paleogeographic reconstruction, layer 0 represents deposits formed during MIS 3, subsequently reworked by soil formation processes in the Holocene. Layer 1 was also formed during MIS 3, but less affected by subsequent soil formation processes. Layer 2 was formed during MIS 4. The deposits of layers 3 and 4 were formed during MIS 5. The collection of layers 0, 1, and 2 is characterized by a symbiotic nature of the lithic industry. The collection of layer 3 is more homogeneous in terms of technology. Among cores and technical spalls, the products that exclusively relate to non-volumetric knapped stone strategies were found. The tools represented in the industry well correlate with them. In the categories of cores and technical spalls of layer 4, products related to the flake production strategies predominate. In addition, the industry has a blade component, although there are no signs of using volumetric knapped stone strategies. Only the materials of layer 4 include artifacts that correspond to the Levallois point technology and the practice of producing tools directly on rock fragments. The dynamics of the lithic industry revealed in the transition from MIS 4 to MIS 5 fully matches the pattern previously identified during the study of the Kulbulak site (layers 12.1–12.3). The diversity of approaches to using raw materials in layer 4 suggests the possibility that the site could have been visited by ancient groups having different processing repertoires and sets of adaptation strategies.

Keywords: *Middle Paleolithic, Western Tien Shan, stratigraphy, lithic industry, stone processing technology.*

Введение

Работы 2023 г. на стоянке Куксарай-2 (Восточный Узбекистан) позволили зафиксировать участок с минимально потревоженной стратиграфической последовательностью культурных напластований. Раскопами и связывающей их траншеей был локализован массив неогеновых отложений, препятствующий развитию склоновой эрозии на приближенном к водоразделу участке стоянки. В 2024 г. этот участок был дополнительно изучен раскопом 3 на площади 18 м^2.

Раскоп 3. Стратиграфическая ситуация и археологический материал

Стратиграфическое описание раскопа 3 приводится по западной стенке (рис. 1). Символы генетических горизонтов почв даны по: [Розанов, 1983].

Слой 0, 210–135 см. Голоценовая почва. Сильносмытая. Темно-серый, средний суглинок, сухой, уплотненный, среднепористый, зернисто-комковатый. Переход к нижележащему слою постепенный.

Слой 1, 135–110 см (Bn). Светло-серый с желтым оттенком средний суглинок, сухой, более плотный, чем вышележащий. Переход к нижележащему слою прослеживается ясно по появлению карбонатов кальция.

Слой 2, 110–67 см (BCazn). Желтый со слабокоричневым оттенком средний суглинок, плотный, слабопористый, комковато-глыбистый. Переход к нижележащему слою постепенный.

Слой 3, 67–47 см (BmCazn). Светло-коричневый с желтым оттенком сухой средний суглинок, плотный, слабопористый, ореховато-зернисто-комковатый. Переход к нижележащему слою заметный по цвету.

Слой 4, 47 ... –16 см (Btn). Темно-коричневый сухой тяжелый суглинок, слабопористый, плотный, зернисто-ореховатый. Переход к нижележащему слою резкий.

Слой 5, –16 ... –46 см (LCan). Конкреционный белесый горизонт. Состоит из обилия конкреций от 3 мм до 2 см и редких обломков известняка до 5 см. Переход ясный.

Слой 6, –46 ... –76 см (LCa). Желто-белесый, очень плотный, сухой, средний, бесструктурный суглинок; много карбонатов кальция в пропитке.

Археологический материал зафиксирован в пяти литостратиграфических позициях.

Слой 0 содержит 52 каменных изделия. Большую часть составляют артефакты из кремня – 33 экз. В коллекции два ядрища: мелкий (36 мм, здесь и далее – в максимальном измерении) поперечный нуклеус на желваке кремня (рис. 2, *1*) и аналогичный по размерам радиальный нуклеус (рис. 2, *2*). В категории технических сколов помимо первичных и вторичных (3 экз.) представлены три краевых скола с пропорциями пластин; краевой скол с пропорциями отщепа (*debordant lateral flake* по: [Krivoshapkin et al., 2020]), скол с полуповоротного двуплощадочного нуклеуса (*semi-tournant*). Среди сколов серией представлены пластины (4 экз.), отщепы (6 экз.) и пластинка. Большая часть изделий (31 экз.) принадлежит отходам производства.

Коллекция *слоя 1* насчитывает 38 каменных артефактов, в основном представлены экземпляры из кремня (34 экз.). В категории нуклевидных изделий выделяется один некрупный (55 мм) пренуклеус с попытками инициации расщепления. Набор технических сколов (7 экз.) включает два реберчатых с пропорциями отщепов (*crested flake*), два краевых с радиальных нуклеусов (*debordant radial flake*) и краевой с пропорциями отщепа (*debordant lateral flake*). Один краевой скол имеет пропорции пластины (рис. 2, *3*). Среди пяти сколов представлены исключительно отщепы с продольной и радиальной огранкой. Отходы производства в коллекции количественно преобладают (21 экз.).

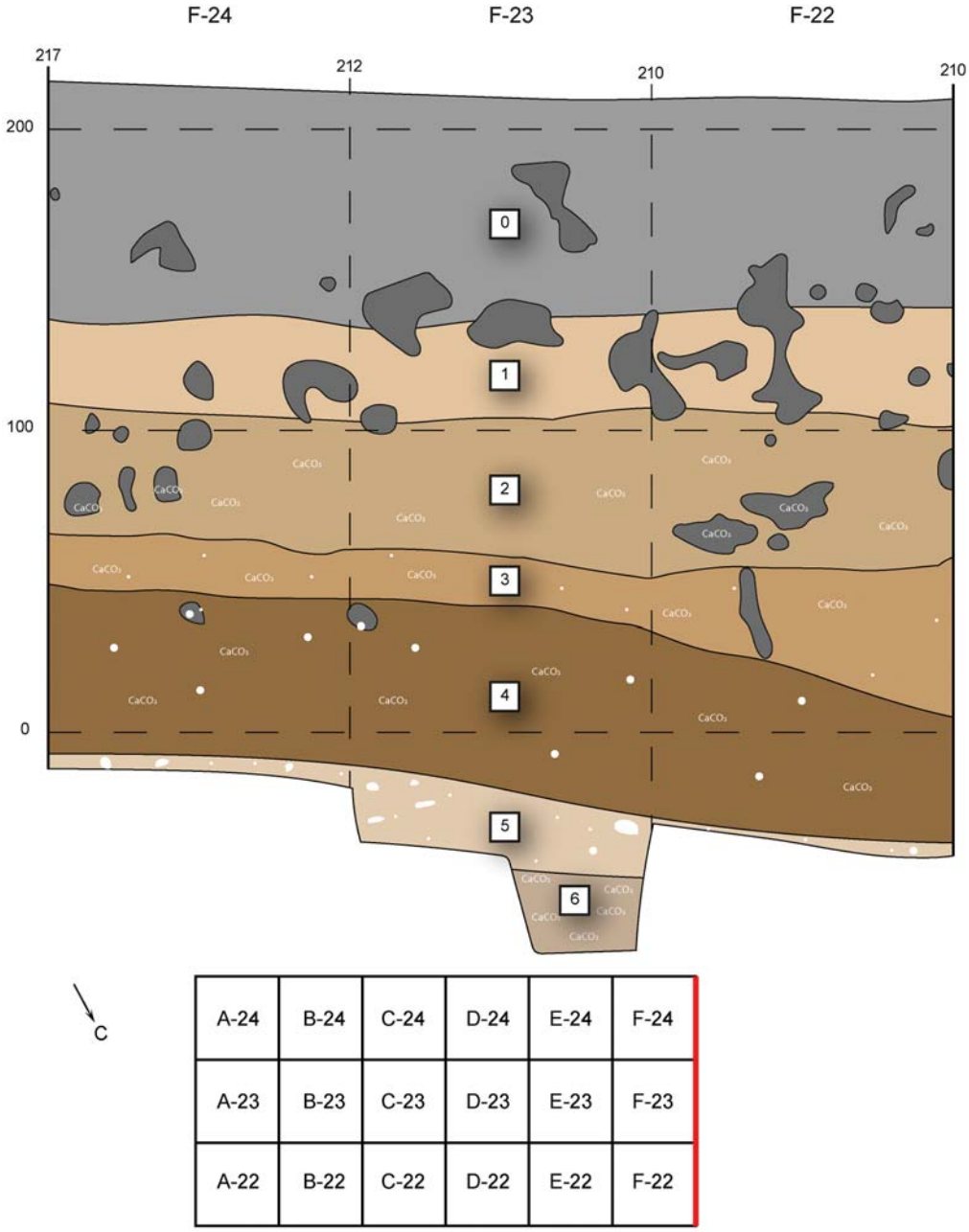

Рис. 1. Стратиграфический разрез раскопа 3 стоянки Куксарай-2.

В *слое 2* обнаружено 30 изделий, 24 из которых – кремневые. Из этого сырья изготовлены все нуклевидные формы (5 экз.): крупный (63 мм) нуклеус-резец, заготовкой которого выступил массивный скол (рис. 2, *4*); крупный (80 мм) продольный нуклеус для пластин в ранней стадии утилизации; сработанный (37 мм) подпирамидальный нуклеус, вероятно ранее использовавшийся для изготовления пластин (рис. 2, *5*); ортогональный нуклеус средних размеров (45 мм); галька средних размеров (50 мм) с единичными пробными снятиями. Набор технических сколов (8 экз.) исключительно разнообразен в типологическом отношении. С объемной пластинчатой технологией соотносятся краевая и полуреберчатая пластины, скол-«таблетка», с плоскостной отщеповой технологией – краевой скол с радиального нуклеуса (*debordant radial flake*), краевой скол с пропорциями отщепа (*debordant lateral flake*) и скол оформления ударной площадки по периметру нуклеуса (*technical flake*). Дополняют коллекцию первичный и вторичный сколы декортикации. В категории сколов два отщепа, один из которых частично фрагментирован и преобразован в продольное скребло с обушком-обломом. К отходам производства отнесены 14 артефактов, на одном из осколков сохранились негативы редких уплощающих сколов. Также на этом уровне в одном из поноров был обнаружен небольшой фрагмент керамики, не связанный с культурно-хронологическим контекстом каменной индустрии.

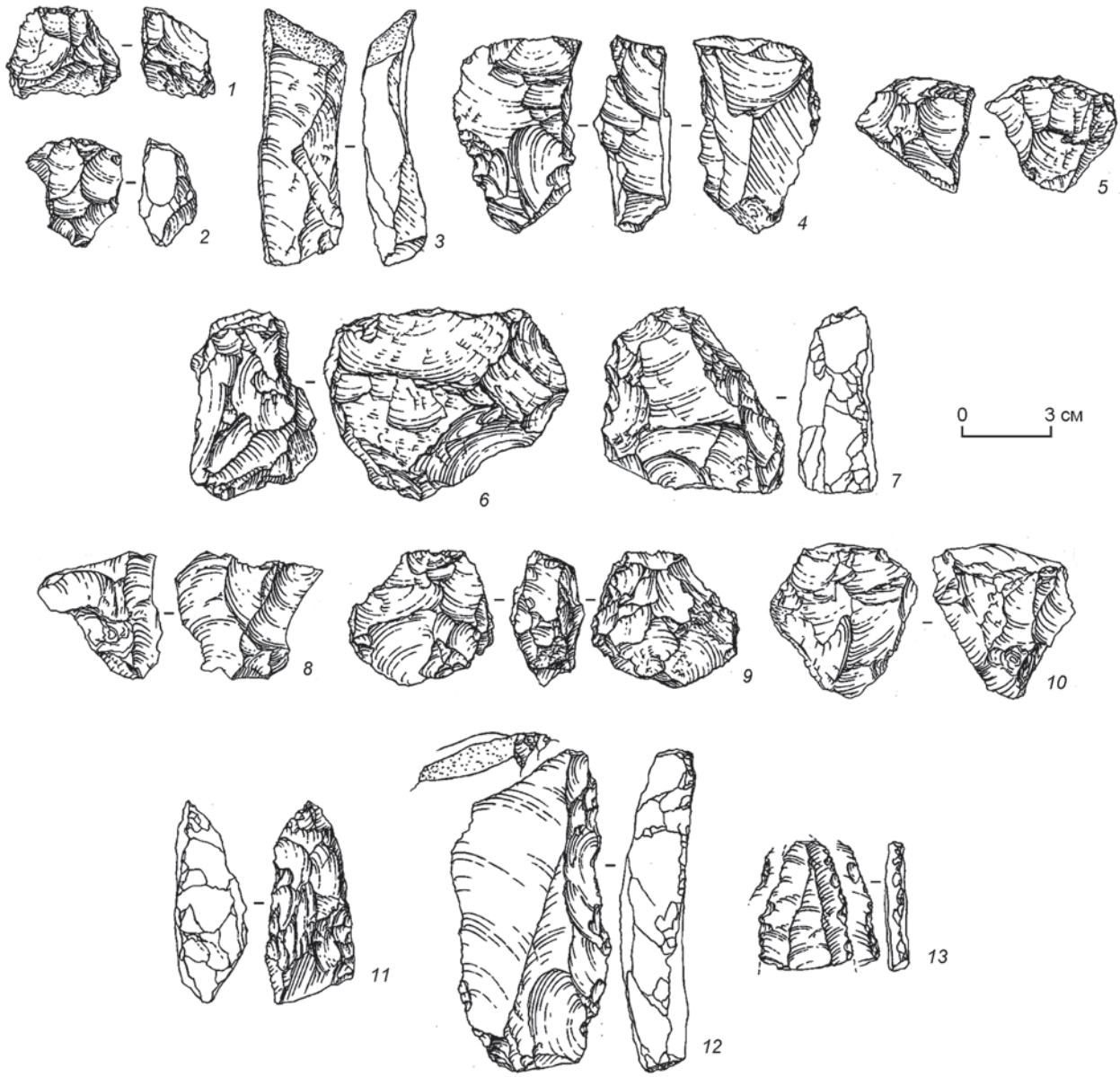

Рис. 2. Археологический материал.

1 – поперечный нуклеус; *2* – радиальный нуклеус; *3* – краевой скол; *4* – нуклеус-резец; *5* – подпирамидальный нуклеус; *6* – радиальный нуклеус; *7* – двойное выпуклое скребло; *8* – продольный нуклеус; *9* – радиальный нуклеус; *10* – ортогональный нуклеус; *11* – продольное выпуклое скребло; *12* – продольное прямое скребло; *13* – фрагмент острия.

Коллекция *слоя 3* включает 34 каменных изделия. Не кремневое сырье использовалось только в четырех случаях. Нуклевидные формы (5 экз.) включают: два крупных (75 и 81 мм) пренуклеуса с пробными отщеповыми снятиями; радиальный нуклеус (57 мм) (рис. 2, *6*); истощенный (27 мм) бессистемный нуклеус; небольшой (38 мм) нуклевидный обломок. Изделие на гальке средних размеров (59 мм) по технике исполнения напоминает чоппинг: с узкой стороны заготовки снято два скола на широкую поверхность, и затем с этой подготовленной площадки проведен один скол на тыльную сторону. Технические сколы представлены первичным и двумя вторичными сколами с пропорциями отщепов, массивным снятием удаления каверны с фронта (*working surface rejuvenation flake*), а также сколами, которые соотносятся исключительно с плоскостными стратегиями расщепления: краевыми сколами с пропорциями отщепов (*debordant lateral flake*) и сколом оформления ударной площадки по периметру нуклеуса (*technical flake*). Один из краевых сколов преобразован в продольное выпуклое скребло. Набор сколов включает только два фрагмента отщепов и пластину. Один из отщепов оформлен в двойное выпуклое скребло (рис. 2, *7*). В категории отходов производства 18 изделий.

Слой 4 наиболее многочисленный, включает 177 экз. каменных артефактов, 40 из них – не кремневого сырья. В категории нуклевидных наибольший

интерес представляет компактно располагавшаяся в слое группа из семи предметов, судя по текстуре горной породы, изготовленных из одного крупного блока эффузивного сырья: крупный (92 мм) радиальный нуклеус, три крупные (76–74 мм) отдельности с единичными пробными сколами, три нуклевидных обломка крупных и средних размеров (80–62 мм). Группу изделий из некремневого сырья дополняет крупная (68 мм) угловатая отдельность гранитоидной породы со следами пробных снятий. Среди нуклеусов из кремня выделяются несколько основных типов: четыре продольных нуклеуса крупных и средних размеров (81–51 мм) (в одном случае – для пластин) (рис. 2, *8*); три близких по размерам (52–48 мм) радиальных ядрища (рис. 2, *9*); мелкий и средний (48 и 30 мм) ортогональные нуклеусы (рис. 2, *10*). Следующая группа нуклеусов относится к категории ситуационных: ортогональный смежный нуклеус в крайней стадии истощения (30 мм); торцовый нуклеус на крупном (68 мм) диагонально фрагментированном сколе. Этой группе близки желвак кремня (49 мм) с негативами пробных отщеповых снятий; две расколотые гальки (61 и 46 мм) и мелкая (31 мм) галька без следов воздействия. Коллекцию дополняют четыре нуклевидных обломка.

Набор технических сколов в основном включает соотносимые с плоскостной стратегией расщепления. Краевые сколы с пропорциями отщепов (*debordant lateral flake*) – 6 экз., один преобразован в двойное выпуклое скребло. Краевые сколы с пропорциями пластин – 4 экз., одно из изделий преобразовано в продольное выпуклое скребло с обушком-гранью (рис. 2, *11*). Также зафиксировано три краевых скола с радиального нуклеуса (*debordant radial flake*), краевые сколы с радиального нуклеуса с естественным обушком (*debordant radial cortical flake*), сколы оформления ударной площадки по периметру нуклеуса (*technical flake*), сколы удаления дефектов рабочей поверхности (*working surface rejuvenation flake*) – все по 2 экз.; восемь первичных и вторичных сколов.

В категории сколов представлены отщепы (15 экз.), три пластины, острие и единственная пластинка, которая может расцениваться как побочный продукт расщепления. Редкие в индустрии пластины в двух случаях преобразованы в орудия: продольное прямое скребло (рис. 2, *12*), второе орудие представлено фрагментом. Дистальный фрагмент острия леваллуазской морфологии также отретуширован по двум краям (рис. 2, *13*).

Наиболее многочисленной категорией являются отходы производства – 103 экз. В двух случаях обломки были использованы для изготовления орудий. Отдельности кремня с помощью односторонней оббивки как от краев к центру, так и с центрального выпуклого ребра к краю была придана грубая листовидная форма. Второй обломок выступил заготовкой шиповидного орудия. Массивный вытянутый фрагмент скола также послужил преформой орудия, его дистальный кончик усечен сколами с вентральной поверхности, где фиксируются фасетки сколов утончения, проведенных с боковых сторон предмета. Коллекцию дополняют два фрагмента орудий: кончик конвергентного скребла и осколок с участком ретуши.

Обсуждение результатов

Согласно палеогеографической реконструкции, предложенной П.М. Сосиным, которая соотносится с полученными ранее результатами абсолютного датирования [Pavlenok et al., 2022], слой 0 представляет собой отложения, сформированные в эпоху МИС 3, в дальнейшем переработанные почвенными процессами в период голоцена. Слой 1 также был сформирован во время потепления МИС 3, но в меньшей степени затронут поздними процессами почвообразования. Слой 2, судя по цвету и структуре отложений, сформировался во время похолодания МИС 4. Отложения слоев 3 и 4 были сформированы в эпоху потепления МИС 5. Различия в цвете и структуре отложений позволяют допустить интерпретацию, согласно которой эти слои могут принадлежать разным пикам потепления МИС 5. Получение результатов ОСЛ-датирования позволит полностью прояснить этот вопрос.

Важным результатом исследований 2023 г. стало обоснование (преимущественно по материалам раскопа 2) двух технико-типологических компонентов индустрии стоянки Куксарай-2. Если в индустриях слоев 0–2, сформированных во время МИС 3 и 4, было зафиксировано сочетание плоскостной отщеповой и объемной стратегий расщепления камня, то материальные комплексы слоя 3 и, в большей степени, слоя 4, соответствующие МИС 5, имели в своей основе плоскостную среднепалеолитическую технологию.

Основные тенденции, зафиксированные нами ранее при изучении материалов раскопа 2 (2023 г.), нашли свое подтверждение. Коллекция слоев 0 и 1 (в сумме 90 экз. каменных изделий) характеризуется симбиотическим характером каменной индустрии, где краевые сколы с пропорциями пластин, скол с полуповоротного двуплощадочного нуклеуса для пластин (*semi-tournant*) и продольно ограненные пластины соседствуют с радиальным и поперечным нуклеусами в сопровождении реберчатых сколов с пропорциями отщепов и краевыми сколами с радиальных нуклеусов. Археологические материалы слоя 2 указывают на схожую направленность каменной индустрии. Коллекция слоя 3 более гомогенна в технологическом отношении. Среди нуклеусов и технических сколов представлены изделия, которые соотносятся исключительно с плоскостными стратегиями расщепления. С ними близко сопоставляются орудия индустрии. Единственная пластина не выпадает из общего технологического контекста индустрии. Материалы слоя 4 свидетельствуют о богатом технологическом репертуаре обитателей

региона в эпоху МИС 5. В категориях нуклеусов и технических сколов преобладают изделия, соотносимые со стратегиями расщепления, направленными на производство отщепов. В индустрии также присутствует пластинчатый компонент, но, в отличие от материалов слоев 0–2, отсутствуют признаки использования объемного расщепления при изготовлении удлиненных заготовок. Три из семи пластинчатых форм были преобразованы в орудия. Только в материалах слоя 4 присутствуют формы, соотносимые с острийной леваллуазской технологией и практикой изготовления орудий непосредственно на отдельностях породы путем унифасиальной обработки.

Заключение

Многослойная палеолитическая стоянка Куксарай-2 является очень важным объектом для понимания эволюций производственных практик в бассейне р. Ахангаран в верхнем плейстоцене. Выявленная по материалам раскопок 2021–2024 гг. динамика каменной индустрии, а именно отсутствие объемных разновидностей нуклеусов либо сопутствующих им технических сколов в материальных ансамблях, относящихся к эпохе МИС 5, и появление их во время МИС 4, полностью соответствует картине, выявленной ранее при изучении опорной для региона стоянки Кульбулак (слои 12.1–12.3). Многообразие подходов к утилизации каменного сырья в наиболее древнем слое стоянки (изготовление пластин и отщепов с продольных форм нуклеусов, центростремительное и острийное леваллуазское раскалывание, оформление крупных орудий на отдельностях породы) может быть интерпретировано с нескольких исследовательских позиций. Одна из них допускает возможность того, что стоянки-мастерские, приуроченные к выходам пригодного для расщепления сырья, могли посещаться группами древнего населения, изначально обладавшего разным технологическим репертуаром и набором адаптационных стратегий (о концепции фронтира см., напр.: [Zilhão, 2021]). Дальнейшее исследование объекта позволит в полной мере изучить этот важный аспект древнейшего прошлого региона.

Благодарности

Раскопочные работы и стратиграфическое описание разрезов выполнены при поддержке гранта РНФ № 22-18-00568 «Первоначальное заселение человеком Средней Азии: археология, хронология, палеогеография лессового палеолита»; технико-типологическое описание археологического материала выполнено при поддержке проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды». Авторы выражают признательность Н.В. Вавилиной за подготовку рисунков археологического материала.

Список литературы

Розанов Б.Г. Морфология почв. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1983. – 320 с.

Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S., Kolobova K. Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 535. – P. 88–103. – doi:10.1016/j.quaint.2018.09.051

Pavlenok K., Kot M., Moska P., Leloch M., Muhtarov G., Kogai S., Khudjanazarov M., Holmatov A., Szymczak K. New evidence for mountain Palaeolithic human occupation in the western Tian Shan piedmonts, eastern Uzbekistan // Antiquity Project Gallery. – 2022. – Vol. 96 (389). – P. 1292–1300. – doi:10.15184/aqy.2022.99

Zilhão J. The late persistence of the Middle Palaeolithic and Neandertals in Iberia: A review of the evidence for and against the "Ebro Frontier" model // Quatern. Sci. Reviews. – 2021. – Vol. 270. – doi:10.1016/j.quascirev.2021.107098

References

Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S., Kolobova K. Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave. *Quaternary International,* 2020. Vol. 535. P. 88–103. doi:10.1016/j.quaint.2018.09.051

Pavlenok K., Kot M., Moska P., Leloch M., Muhtarov G., Kogai S., Khudjanazarov M., Holmatov A., Szymczak K. New evidence for mountain Palaeolithic human occupation in the western Tian Shan piedmonts, eastern Uzbekistan. *Antiquity Project Gallery,* 2022. Vol. 96 (389). P. 1292–1300. doi:10.15184/aqy.2022.99

Rozanov B.G. Morphology of soils. Moscow: Moscow State University Publ., 1983. 320 p.

Zilhão J. The late persistence of the Middle Palaeolithic and Neandertals in Iberia: A review of the evidence for and against the "Ebro Frontier" model. *Quaternary Science Reviews*. 2021. Vol. 270. doi:10.1016/j.quascirev.2021.107098

Павленок К.К. https://orcid.org/0000-0003-0205-2077
Когай С.А. https://orcid.org/0000-0003-4232-9587
Курбанов Р.Н. https://orcid.org/0000-0001-6727-6202
Деревнина А.С. https://orcid.org/0000-0003-1434-3875
Мухтаров Г.А. https://orcid.org/0000-0002-5405-0041

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0229-0235
УДК 902(575.1)″6323″

К.К. Павленок[1]✉, А.Г. Мухаммадиев[2], Ф.Ш. Шамукарамова[3], П.М. Сосин[4], Р.Н. Курбанов[1, 5], Х.Г. Ойназаров[2], О.Т. Эргашев[2], О.О. Элмуратов[3], А.А. Абдуганиев[3], С.А. Когай[1], А.С. Деревнина[6]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Национальный центр археологии Академии наук Республики Узбекистан
Ташкент, Узбекистан
[3]Институт истории Академии наук Республики Узбекистан
Ташкент, Узбекистан
[4]Институт водных проблем, гидроэнергетики и экологии НАН РТ
Душанбе, Таджикистан
[5]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
[6]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

Возобновление археологических исследований разреза Оркутсай (Восточный Узбекистан)

Бассейн р. Чирчик, правого притока Сырдарьи, является одним из ключевых регионов для исследования лессово-почвенной формации в Центральной Азии. Один из наиболее полных лессовых разрезов в этой местности расположен в сае Оркутсай на правом берегу одноименного ручья (Бостанлыкский р-н Ташкентской обл. Республики Узбекистан). Он приурочен к узкому водоразделу между долинами Чирчика и его последнего крупного притока – р. Угам. В 1980-е гг. здесь А.Е. Додоновым было выявлено 16 ископаемых палеопочв, чередующихся с лессовыми и окарбоначенными отложениями. В те же годы Н.Г. Мавляновым в отложениях ПК 1 и ПК 6 был зафиксирован единичный археологический материал. С целью получения четко стратифицированных археологических коллекций, разработки детальной стратиграфической схемы разреза и получения надежных результатов абсолютного датирования современными методами (ОСЛ, космогенное датирование) исследование разреза Оркутсай было возобновлено силами российско-узбекистанской комплексной экспедиции. В результате работ 2024 г. была вскрыта последовательность из 38 литологических подразделений от голоцена до среднего плейстоцена. Немногочисленный археологический материал был зафиксирован в отложениях ПК 1 и пачке лессовых отложений над ПК 2. Увеличение численности коллекции даст возможность провести надежные сопоставления с синхронными комплексами региона (первая половина МИС 5 и древнее), которые представлены в последовательностях стоянок Кульбулак и Куксарай-2. Можно заключить, что обоснование позиции Оркутсая в качестве археологического объекта и возобновление его комплексных исследований дает важный толчок в развитии проблематики лессового палеолита запада Центральной Азии, а также в области геохронологии и корреляции лессовой формации в регионе.

Ключевые слова: *средний палеолит, лессово-почвенный разрез, Западный Тянь-Шань, стратиграфия, каменная индустрия.*

K.K. Pavlenok[1]✉, A.G. Mukhammadiev[2], F.Sh. Shamukaramova[3], P.M. Sosin[4], R.N. Kurbanov[1, 5], Kh.G. Oinazarov[2], O.T. Ergashev[2], O.O. Elmuratov[3], A.A. Abduganiev[3], S.A. Kogai[1], A.S. Derevnina[6]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]National Center of Archaeology Academy of Sciences Republic of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan
[3]Institute of History Academy of Sciences Republic of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan
[4]Institute of Water Problems, Hydropower and Ecology NAS RT

Dushanbe, Tajikistan
[5]Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
[6]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

Resuming Archaeological Research at the Orkutsay Section (Eastern Uzbekistan)

The Chirchik River basin is one of key regions for studying loess-soil formations in Central Asia. One of the most complete loess sections in this area is located in the Orkutsay sai on the right bank of the stream having the same name (Bostanlyk District, Tashkent Region, the Republic of Uzbekistan). It is confined to a narrow watershed between the valleys of the Chirchik River and its last major tributary, the Ugam River. In the 1980s, A.E. Dodonov discovered in this area 16 fossil paleosols alternating with loess and carbonated deposits. In the same years, N.G. Mavlyanov recorded single archaeological material in the deposits of PC 1 and PC 6. The study of the Orkutsay section was resumed by a Russian-Uzbek joint expedition to obtain clearly stratified archaeological collections, develop a detailed stratigraphic scheme of the section, and obtain valid absolute dating using advanced methods (OSL, cosmogenic dating). The work performed in 2024 involved the discovery of a sequence of 38 lithological units from the Holocene to the Middle Pleistocene. Scarce archaeological material was recorded in the deposits of PC 1 and the loess deposits unit above PC 2. Collection broadening will make it possible to conduct reliable comparisons with the synchronous complexes of the region (the first half of MIS 5 and older), which are represented in the sequences of the Kulbulak and Kuksaray 2 sites. A conclusion can be made that the substantiation of the Orkutsay position as an archaeological site and resumed comprehensive studies give an important impetus to the development of the issue of the loess Paleolithic in the western part of Central Asia, as well as of geochronology and correlation of the loess formation in the region.

Keywords: *Middle Paleolithic, loess-soil formations, western Tien Shan, stratigraphy, lithic industry.*

Введение

На территории Узбекистана выделяются несколько крупных районов, где сосредоточены основные среднепалеолитические местонахождения. В последнее время наиболее активные мультидисциплинарные исследования проводятся на территории Приташкентского района (Восточный Узбекистан), который расположен в правобережной части бассейна Сырдарьи и ограничен на северо-востоке мощной горной системой Тянь-Шаня [Скворцов, 1949; Кривошапкин и др., 2003]. Археологические материалы, отнесенные исследователями к различным этапам среднего палеолита, были обнаружены на всей территории района, но при этом выделяются зоны особой концентрации местонахождений. Речь идет о долинах крупных притоков Сырдарьи – реках Ахангаран и Чирчик, с Чаткальским хребтом в качестве водораздела [Павленок и др., 2022].

Бассейн Чирчика также является одним из ключевых регионов для исследования лессово-почвенной формации в Центральной Азии [Song et al., 2021]. Один из наиболее полных лессовых разрезов в этой местности расположен в сае Оркутсай на правом берегу одноименного ручья. Он приурочен к узкому водоразделу между долинами Чирчика и его последнего крупного притока – р. Угам. Серии оползней на правом борту Оркутсая вскрывают строение лессово-почвенных серий крупного увала. В среднем из трех крупных оползневых цирков, обнаживших наиболее мощную толщу четвертичных отложений (высота разреза превышает 150 м), А.Е. Додоновым было выявлено 16 ископаемых палеопочв, чередующихся с лессовыми и окарбоначенными отложениями. По его заключению, Оркутсайский разрез по строению и стратиграфии идентичен таким разрезам Южного Таджикистана, как Кайрубак, Хонако, Чашманигар [Додонов, 1986].

В разрезе Оркутсай на глубине 21 м во втором педокомплексе (ПК) Н.Г. Мавляновым был обнаружен обломок пластины кремнистой породы, который был отнесен к культуре развитого мустье. Вторая находка – нуклевидный обломок на эффузивной породе типа андезита – была сделана на глубине 41 м в отложениях ПК 6 [Мавлянов, Касымов, 1984]. Авторы, давшие геологическую привязку и археологическое описание этой палеолитической находки, задавались вопросом о возрастном несоответствии мустьерского изделия его положению в отложениях ташкентского комплекса (средний плейстоцен), к которому ими была отнесена вся толща отложений Оркутсайского разреза. Согласно современной хронологии лессово-почвенной шкалы, разработанной для Южного Таджикистана, возраст обломка пластины из ПК 2 относится к интервалу 191–243 тыс. лет (МИС 7) [Додонов, 2002].

Имеющиеся результаты абсолютного датирования не вносят ясности в вопрос о возрасте скудных археологических материалов. Во второй половине XX в. разрез тестировался несколькими термолюминесцентными лабораториями разных организаций (Институт геологии АН Эстонии, Таллин; Институт геологических наук АН Украины, Киев; ТЛ лаборатория – хи-

мический и географический факультеты МГУ, Москва; Лаборатория новейших отложений географического факультета МГУ, Москва; РИСО – Дания; Хельсинский университет, Хельсинки; Кембриджский университет, Великобритания). Однако ТЛ-даты для отложений ниже ПК 1 оказались сильно омоложенными. Например, контрольное ТЛ-датирование, проведенное на уровне инверсии Матуяма – Брюнес (установлена в горизонте лессов между X и IX педокомплексами) дало ТЛ-возраст 134,7 ± 9,8, 105 ± 16 и 177 ± 40 тыс. л.н. [Пуннинг и др., 1992], а в последнем исследовании – 108,7 ± 13,6 тыс. л.н. [Zhou, Dodonov, Shackleton, 1995]. Авторы последней работы пришли к неутешительному выводу, что результаты ТЛ- датирования разреза Оркутсай, проведенные в XX в., не могут быть использованы для создания надежной хронологии.

С целью получения четко стратифицированных археологических коллекций, разработки детальной стратиграфической схемы разреза и получения надежных результатов абсолютного датирования современными методами (ОСЛ, космогенное датирование) исследование разреза Оркутсай было возобновлено силами российско-узбекистанской комплексной экспедиции.

Стратиграфическая ситуация и археологический материал

Нами были произведены раскопки верхней пачки отложений среднего из трех оползневых цирков Оркусая. Стратиграфическое описание раскопа приводится по западной стенке (рис. 1). Символы генетических горизонтов почв даны по: [Розанов, 1983].

Слой 1. Глубина от современной дневной поверхности (СДП) 0–11 см (A). Темно-серый, сухой, средний, рыхлый, сильно пористый, комковато-глыбистый суглинок. Фиксируются пустые ходы педофауны до 5 мм в диаметре, корни деревьев и травянистой растительности. Переход к нижележащему слою (далее – переход) постепенный.

Слой 2. Глубина от СДП 11–30 см (AB). Темно-серый, сухой, средний, рыхлый, сильно пористый, зернисто-комковатый суглинок. Фиксируются пустые ходы педофауны до 5 мм, редкие кротовины с окарбоначенным материалом из подстилающих горизонтов с высоким содержанием $CaCO_3$, копролиты дождевых червей. Переход постепенный.

Слой 3. Глубина от СДП 30–59 см (B). Темно-серый с коричневым оттенком, средний, сухой, зернисто-комковатый, несколько более плотный, чем вышележащий, среднепористый суглинок. Встречаются пустые ходы педофауны до 5 мм в диаметре, корни деревьев и травы. Переход постепенный.

Слой 4. Глубина от СДП 59–83 см (B2). Серо-коричневый, сухой, более плотный, чем вышележащий, зернисто-комковатый, среднепористый суглинок. Фиксируются ходы педофауны до 5 мм, корни деревьев и травянистой растительности. Переход постепенный.

Слой 5. Глубина от СДП 83–103 см (Bm). Коричневый, сухой, среднепористый, уплотненный, глыбисто-зернисто-комковатый средний суглинок. Встречаются пустые ходы педофауны до 5 мм в диаметре, корни деревьев и редкие корни травянистой растительности, кротовины с окарбоначенным материалом, копролиты. Переход постепенный.

Слой 6. Глубина от СДП 103–126 см (Bmt). Коричневый, сухой, тяжело-средний, плотный, слабопористый, зернисто-комковатый суглинок. В разрезе меньше ходов педофауны, чем в слое 5. Наличествуют корни деревьев, кротовины с соединениями $CaCO_3$ из нижнего горизонта. Переход резкий.

Слой 7. Глубина от СДП 126–131 см (L). Серый, сухой, средний, бесструктурный, зернисто-комковатый, рыхлый суглинок. Горизонт представлен горизонтальной кротовиной с включением соединений $CaCO_3$ до 3 мм. Переход резкий.

Слой 8. Глубина от СДП 131–350 см (LCan). Желто-белесый, сухой, плотный, средний, слабопористый, бесструктурный суглинок. Соединения $CaCO_3$ по порам, редкие конкреции карбоната кальция до 1 см в диаметре. Встречаются единичные биолиты, кротовины с заполнителем серого цвета, поступившим из вышележащих слоев. Переход постепенный.

Слой 9. Глубина от СДП 350–500 см (L). Желто-палевый лесс. Сухой, средний, бесструктурный, плотный суглинок. Фиксируются единичные конкреции $CaCO_3$ до 1 см в диаметре, кротовины. Переход постепенный.

Слой 10. Глубина от СДП 500–577 см (L). Желто-палевый, свежий, средний, среднепористый, бесструктурный, плотный суглинок. Наличествуют редкие кротовины, точки карбоната кальция ($CaCO_3$) по порам. Переход заметный.

Слой 11. Глубина от СДП 577–627 см (LBz). Желтый со слабым коричневым оттенком, свежий, средний, тонко-среднепористый, комковато-глыбистый, плотный суглинок. Встречаются соединения $CaCO_3$ по порам, биолиты. Переход постепенный.

Слой 12. Глубина от СДП 627–715 см (Bz). Коричневый с желтым оттенком, свежий, средний, глыбисто-комковатый, слабопористый суглинок. Присутствуют биолиты без признаков соединений $CaCO_3$ внутри. Карбонат кальция по порам. Переход заметный.

Слой 13. Глубина от СДП 715–755 см (BzCa). Коричневый с желтым оттенком, свежий, средний, плотный, слабопористый, комковато-ореховатый суглинок. В разрезе много соединений $CaCO_3$ по порам и горизонтальным слоям до 2–5 мм толщиной. По сравнению со слоем 12 возрастает количество биолитов. Переход заметный.

Слой 14. Глубина от СДП 755–805 см (LBCaz). Желто-белесый со слабым коричневым оттенком, средний, свежий, глыбисто-ореховатый, плотный, слабопористый суглинок. Кротовины менее окарбоначены, чем в слое 13. Присутствует много био-

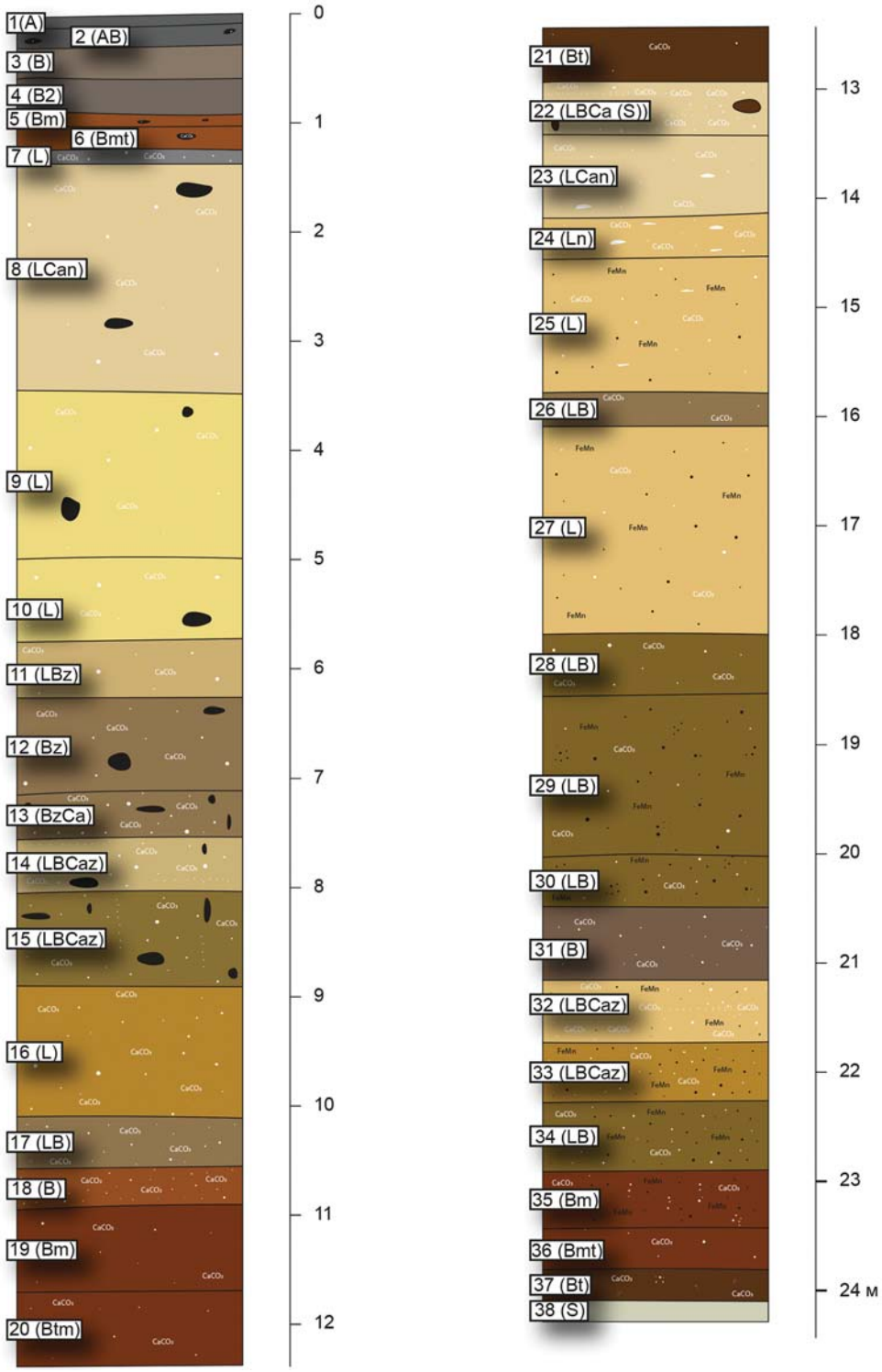

Рис. 1. Стратиграфический разрез Оркутсай.

литов с ореолами карбоната кальция ($CaCO_3$), реже без подобных ореолов. Много горизонтальных слоев с соединениями $CaCO_3$ мощностью 2–10 мм, которые часто соединяются с вертикальными трещинками с аналогичным заполнением. Переход заметный.

Слой 15. Глубина от СДП 805–890 см (LBCaz). Темно-желтый со слабым коричневым оттенком, средний, свежий, глыбистый (с редкими проявлениями ореховатой структуры) суглинок. Обилие биолитов с ореолами $CaCO_3$. Карбонат кальция также встречается по редким вертикальным трещинкам до 4 мм в толщину и 150 мм в длину. В разрезе много кротовин. Переход заметный.

Слой 16. Глубина от СДП 890–1010 см (L). Темно-желтый, свежий, средний, слабопористый, более плотный, чем слой 15, бесструктурный суглинок.

Обилие точек карбоната кальция по многочисленным мелким порам. Фиксируется много фитопор (1–3 мм) с черными стенками. Биолитов и кротовин не выявлено. Переход постепенный.

Слой 17. Глубина от СДП 1 010–1 052 см (LB). Коричневый с желтым оттенком, свежий, средний, уплотненный, комковато-глыбистый, слабопористый суглинок. Встречаются редкие фитопоры с черными стенками. Соединений $CaCO_3$ чуть больше, фиксируются по мелким порам. Переход заметный.

Слой 18. Глубина от СДП 1 052–1 090 (B). Коричневый, свежий, средний, слабопористый, глыбисто-комковатый суглинок. Фиксируются единичные фитопоры с черными стенками. Соединений $CaCO_3$ больше фитопор, приурочены к порам. Переход постепенный.

Слой 19. Глубина от СДП 1 090–1 172 см (Bm). Коричневый более яркий, свежий, средний, глыбисто-комковатый, плотный слабопористый суглинок. Относительно много фитопор с черными стенками, редкие точки соединений $CaCO_3$. Переход постепенный.

Слой 20. Глубина от СДП 1 172–1 232 см (Btm). Коричневый яркий, свежий, тяжелый-средний, плотный, зернисто-комковатый суглинок. Фиксируется много фитопор до 2 мм толщиной, с черными стенками. В разрезе встречаются редкие точки соединений $CaCO_3$. Переход постепенный.

Слой 21. Глубина от СДП 1 232–1 286 см (Bt). Темно-коричневый, свежий, тяжелый плотный слабопористый глыбисто-комковатый суглинок. Наличествует много фитопор с черными стенками. Фиксируются единичные точки соединений $CaCO_3$. Переход резкий.

Слой 22. Глубина от СДП 1 286–1 336 см (LBCa (S)). Желто-белесый очень плотный горизонт. Состоит из горизонтальных слоев карбоната кальция ($CaCO_3$) толщиной 10–30 мм, между ними материал с соединениями $CaCO_3$ в пропитке. Есть редкие кротовины с заполнением из вышележащих отложений коричневого цвета. Биолитов нет. Переход заметный.

Слой 23. Глубина от СДП 1 336–1 409 см (LCan). Желтый с белесоватостью, сухой, средний, бесструктурный, слабопористый, плотный суглинок. Соединения $CaCO_3$ представлены в пропитке и по порам, в виде единичных мелких конкреций. Переход заметный.

Слой 24. Глубина от СДП 1 409–1 450 см (Ln). Желтый, сухой, средний, очень плотный, бесструктурный, слабопористый суглинок. Много конкреций $CaCO_3$ длиной до 40 мм. Переход заметный.

Слой 25. Глубина от СДП 1 450–1 575 см (L). Желтый, сухой, средний, бесструктурный, плотный, слабопористый суглинок. Встречаются точки соединений FeMg до 1-2 мм в диаметре, а также редкие, мелкие до 1,0-1,5 см конкреции $CaCO_3$ по мелким порам. Переход заметный.

Слой 26. Глубина от СДП 1 575–1 605 см (LB). Коричневый с желтым оттенком, свежий, средний, слабопористый, комковато-глыбистый суглинок. Соединений $CaCO_3$ мало, приурочены к порам. Переход заметный.

Слой 27. Глубина от СДП 1 605–1 795 см (L). Желтый, сухой, средний, слабопористый, бесструктурный, плотный суглинок. Встречаются единичные кротовины. Фиксируются точки соединений FeMg до 1 мм и редкие точки соединений $CaCO_3$. Переход постепенный.

Слой 28. Глубина от СДП 1 795–1 850 см (LB). Темно-желтый с коричневым оттенком, свежий, средний, слабопористый, комковато-глыбистый, менее плотный суглинок. Встречаются точки соединений $CaCO_3$. Переход постепенный.

Слой 29. Глубина от СДП 1 850–1 995 см (LB). Темно-желтый с коричневым оттенком, сухой, средний, бесструктурный, плотный суглинок. Точки карбоната кальция фиксируются по мелким порам. Соединения FeMg встречаются в виде точек и скоплений 1-3 мм в диаметре. Присутствуют радиолиты до 30 мм в диаметре. Переход постепенный.

Слой 30. Глубина от СДП 1 995–2 045 см (LB). Темно-желтый с коричневым оттенком, свежий, средний, слабопористый, плотный, глыбисто-комковатый суглинок. Относительно много соединений FeMg в виде точек и стяжений до 3 мм в диаметре. Встечаются радиолиты до 3 см. Точки $CaCO_3$. Переход заметный.

Слой 31. Глубина от СДП 2 045–2 115 см (B). Коричневый тусклый, свежий, тяжелый-средний, слабопористый, плотный, глыбисто-комковатый суглинок. Наличествует «карбонатный песок» из соединений $CaCO_3$ по мелким порам. В нижней части горизонта редкие биолиты с ореолами карбоната кальция. Переход заметный.

Слой 32. Глубина от СДП 2 115–2 170 см (LBCaz). Карбонатный горизонт, желтый, сухой, очень плотный, бесструктурный. Состоит из большого количества горизонтальных прослоев карбоната кальция 1–10 мм толщиной, между которыми фиксируется много биолитов без соединений $CaCO_3$ внутри. Слои карбоната кальция падают к тыловой части раскопа под углом порядка 25°. В слое встречаются точки FeMg и конкреции до 1–2 мм в диаметре. Переход резкий.

Слой 33. Глубина от СДП 2 170–2 223 см (LBCaz). Темно-желтый, свежий, средний, слабопористый, плотный, бесструктурный суглинок. Характеризуется обилием биолитов с ореолами $CaCO_3$. Внутри самих биолитов соединения отсутствуют, но присутствуют по мелким порам. Много мягких конкреций FeMg до 5–6 мм в диаметре. Переход заметный.

Слой 34. Глубина от СДП 2 223–2 285 см (LB). Темно-желтый с коричневым оттенком, свежий, средний, менее плотный, чем слой 33, слабопористый, бесструктурный или глыбистый суглинок. Соединения $CaCO_3$ по мелким порам. Соединений FeMg в виде конкреций до 2 мм. Переход заметный.

Слой 35. Глубина от СДП 2 285–2 341 см (Bm). Коричневый яркий, свежий, тяжелый, плотный, сла-

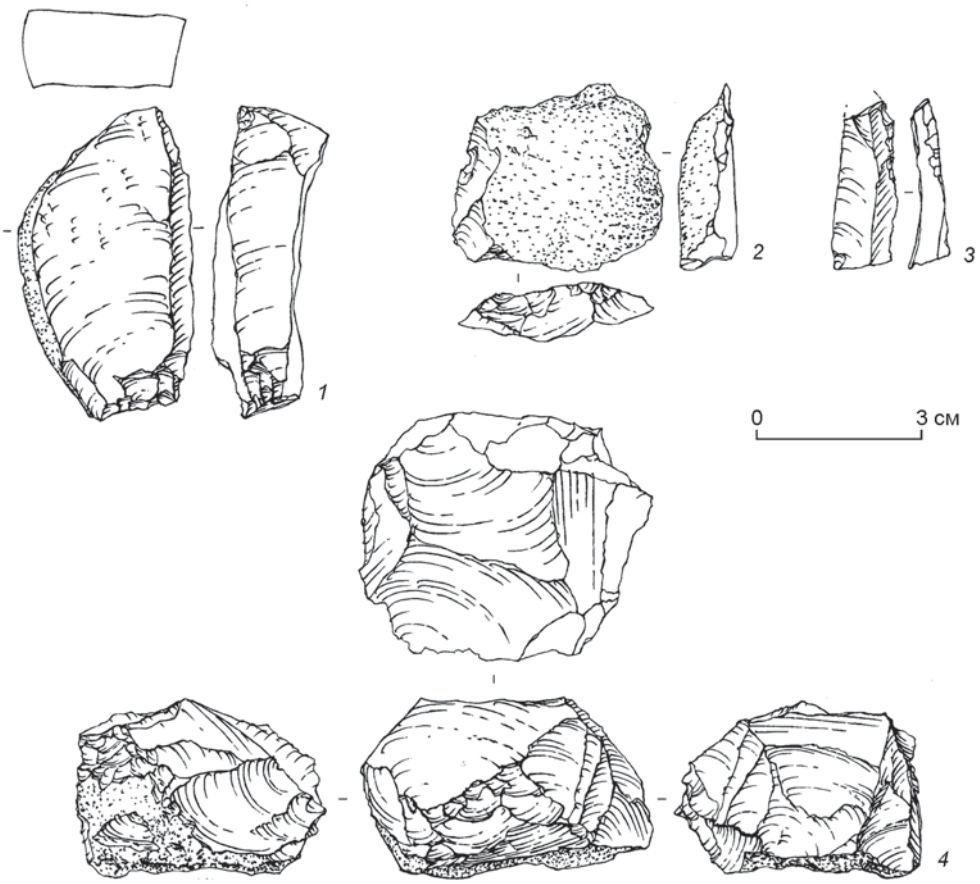

Рис. 2. Археологический материал.
1 – краевой скол; *2* – первичный скол; *3* – мелкая пластина; *4* – радиальный нуклеус.

бопористый, глыбисто-комковатый суглинок. Фиксируется малое количество соединений $CaCO_3$ по вертикальным порам и в скоплениях до 10–60 мм. Также встречаются FeMg конкреции до 2 мм в диаметре и редкие радиолиты. Переход заметный.

Слой 36. Глубина от СДП 2 341–2 376 см (Bmt). Коричневый, яркий, свежий, тяжелый, плотный, слабопористый, глыбисто-комковатый суглинок. Соединений $CaCO_3$ почти нет, очень редко встречаются единичные конкреции до 9 мм в диаметре. Переход заметный.

Слой 37. Глубина от СДП 2 376–2 413 см (Bt). Темно-коричневый, свежий, тяжелый, слабопористый, очень плотный, глыбистый суглинок. Карбонат кальция в скоплениях до 5 мм в диаметре. Переход резкий.

Слой 38. Глубина от СДП 2 413–2 425 см (S). Плотная слабопористая кора. Падает на юг.

Немногочисленный археологический материал был зафиксован в слое 20 (краевой (рис. 2, *1*) и первичный (рис. 2, *2*) сколы, два осколка), кровле слоя 21 (мелкая пластина с нерегулярной мелкой чашуйчатой дорсальной ретушью в дистальной зоне одного из краев (рис. 2, *3*)) и в слое 27 (радиальный нуклеус: отщепы снимались с ударной площадки, занимающей 3/4 периметра изделия и подготовленной мелкими поперечными сколами (рис. 2, *4*)).

Заключение

Выявленная стратиграфия верхней части разреза Оркутсай свидетельствует о сложном строении лессово-почвенной водораздельной толщи, в которой вскрываются разновозрастные горизонты ископаемых почв, формирующих педокомплексы, и лессов до голоцена включительно. Зафиксированное строение разреза принципиально соответствует и вместе с тем существенно дополняет укрупненное описание, составленное ранее А.Е. Додоновым [1986]. Получение результатов ОСЛ-датирования позволит обеспечить надежную хронологическую привязку стратиграфических слоев и включенных в них артефактов.

Полученный археологический материал пока немногочисленный, однако он обнаружен в стратиграфических позициях, не известных ранее: в отложениях ПК 1 и пачке лессовых отложений над ПК 2. Важным является факт обнаружения артефактов в процессе археологических исследований, тогда как ранее два артефакта были получены из геологической траншеи и не имеют надежной пространственной привязки. Увеличение численности коллекции даст возможность провести надежные сопоставления с синхронными комплексами региона

(первая половина МИС 5 и древнее), которые представлены в последовательностях стоянок Кульбулак и Куксарай-2. Можно заключить, что обоснование позиции Оркутсая в качестве археологического объекта и возобновление его комплексных исследований дает важный толчок в развитии проблематики лессового палеолита запада Центральной Азии, а также в области геохронологии и корреляции лессовой формации в регионе.

Благодарности

Раскопочные работы и стратиграфическое описание разрезов выполнены при поддержке гранта РНФ № 22-18-00568 «Первоначальное заселение человеком Средней Азии: археология, хронология, палеогеография лессового палеолита»; технико-типологическое описание археологического материала выполнено при поддержке проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды». Авторы выражают признательность Н.В. Вавилиной за подготовку рисунков археологического материала.

Список литературы

Додонов А.Е. Антропоген Южного Таджикистана. – М.: Наука, 1986. – 168 с.

Додонов А.Е. Четвертичный период Средней Азии: Стратиграфия, корреляция, палеогеография. – М.: ГЕОС, 2002. – 250 с.

Кривошапкин А.И., Новиков И.С., Анойкин А.А., Кулик Н.А. Геоморфология и археологические памятники долины реки Пальтау (Западный Тянь-Шань) // Геоморфология. – 2003. – № 4. – С. 63–72.

Мавлянов Н.Г., Касымов М.Р. Находка палеолитического орудия в разрезе Аркутсай предгорной части Каржантауского хребта // Узбекский геологический журнал. – 1984. – № 3. – С. 66–67.

Павленок Г.Д., Когай С.А., Хужаназаров М., Мухтаров Г., Павленок К.К. Между Оби-Рахматом и Кульбулаком: перспективы изучения среднего палеолита Чирчик-Ахангаранского оазиса // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2022. – № 484. – С. 107–114. – doi:10.17223/15617793/484/12

Пуннинг Я.-М., Власов В.К., Куликов О.А., Минервин А.В., Мавлянов Н.Г. Первый опыт и результаты межлабораторного контроля термолюминесцентного датирования лессовых пород (на примере опорного разреза Чарвак) // Геохронология четвертичного периода. – М.: Наука, 1992. – С. 5–10.

Розанов Б.Г. Морфология почв. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1983. – 320 с.

Скворцов Ю.А. Элементы новейших тектонических движений Узбекистана (геоморфологическое строение и кайнозойские отложения горной и предгорной части). – Ташкент: УзФАН, 1949. – 38 с. – (Тр. Среднеазиат. гос. ун-та. Нов. сер.; вып. 12. Геол.-геогр. науки. Кн. 1).

Song Y., Li Y., Cheng L., Zong X., Kang S., Ghafarpour A., Li X., Sun H., Fu X., Dong J., Yunus M., Orozbaev R., Shukurov N., Gholami H., Shukurov S., Xie M. Spatio-temporal distribution of Quaternary loess across Central Asia // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2021. – Vol. 567. – P. 110279. – doi:10.1016/j.palaeo.2021.110279

Zhou L.P., Dodonov A.E., Shackleton N.J. Thermoluminescence dating of the Orkutsay loess section in Tashkent Region, Uzbekistan, Central Asia // Quatern. Sci. Rev. – 1995. – Vol. 14. – P. 721–730.

References

Dodonov A.E. Antropogen Yuzhnogo Tadzhikistana. Moscow: Nauka Publ. 1986. 168 p. (In Russ.).

Dodonov A.E. Chetvertichnyi period Srednei Azii: Stratigrafiya, korrelyatsiya, paleogeografiya. Moscow: GEOS Publ., 2002. 250 p. (In Russ.).

Krivoshapkin A.I., Novikov I.S., Anoikin A.A., Kulik N.A. Geomorfologiya i arkheologicheskie pamyatniki doliny reki Pal'tau (Zapadnyi Tyan'-Shan'). *Geomorfologiya*, 2003. No. 4. P. 63–72. (In Russ.).

Mavlyanov N.G., Kasymov M.R. Nakhodka paleoliticheskogo orudiya v razreze Arkutsai predgornoi chasti Karzhantauskogo khrebta. *Uzbekskii geologicheskii zhurnal*, 1984. No. 3. P. 66–67. (In Russ.).

Pavlenok G.D., Kogai S.A., Khuzhanazarov M., Mukhtarov G., Pavlenok K.K. Between Obi-Rakhmat and Kulbulak: Prospects of researching the Middle Paleolithic in the Chirchik-Akhangaran oasis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022. No. 484. P. 107–114. (In Russ.). doi:10.17223/15617793/484/12

Punning Y.-M., Vlasov V.K., Kulikov O.A., Minervin A.V., Mavlyanov N.G. Pervyi opyt i rezul'taty mezhlaboratornogo kontrolya termolyuminestsentnogo datirovaniya lessovykh porod (na primere opornogo razreza Charvak). In *Geokhronologiya chetvertichnogo perioda*. Moscow: Nauka, 1992. P. 5–10. (In Russ.).

Rozanov B.G. Morphology of soils. Moscow: Moscow State University Publ., 1983. 320 p. (In Russ.).

Song Y., Li Y., Cheng L., Zong X., Kang S., Ghafarpour A., Li X., Sun H., Fu X., Dong J., Yunus M., Orozbaev R., Shukurov N., Gholami H., Shukurov S., Xie M. Spatio-temporal distribution of Quaternary loess across Central Asia. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 2021. Vol. 567. P. 110279. doi:10.1016/j.palaeo.2021.110279

Zhou L.P., Dodonov A.E., Shackleton N.J. Thermoluminescence dating of the Orkutsay Ioess section in Tashkent Region, Uzbekistan, Central Asia. *Quatern. Sci. Rev*. 1995. Vol. 14. P. 721–730.

Павленок К.К. https://orcid.org/0000-0003-0205-2077
Курбанов Р.Н. https://orcid.org/0000-0001-6727-6202
Когай С.А. https://orcid.org/0000-0003-4232-9587
Деревнина А.С. https://orcid.org/0000-0003-1434-3875

Дата сдачи рукописи: 28.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0236-0242
УДК 903.01+903.32

Д.Р. Плотников[1], А.С. Деревнина[1, 2], М.Б. Козликин[1]✉, М.В. Шуньков[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru

Зооархеологические свидетельства эксплуатации животных ресурсов палеолитическими обитателями Денисовой пещеры

В научный оборот вводится коллекция костных остатков со следами антропогенного воздействия из палеолитических слоев Денисовой пещеры широкого хронологического охвата второй половины среднего и верхнего плейстоцена. Рассматривается более 1 тыс. фрагментов костей с выраженными следами модификации человеком, которые представлены главным образом следами резания, скобления, раскалывания и рубки. Наиболее распространенными и вариативными являются порезы, появление которых связано с перерезанием или срезанием с костей мягких тканей. Иногда в числе сопутствующих следов на костном материале с признаками антропогенного воздействия имеются перекрывающие их погрызы животных. Установлены особенности стратегий обитателей пещеры в эксплуатации животных на начальной стадии среднего палеолита (МИС 9–7). Преобладающими операциями в эту эпоху являлись удаление мяса и расщепление кости для получения костного мозга. Удаление мяса производилось преимущественно с медиальных участков диафизов трубчатых костей и ребер крупных млекопитающих с помощью режущего инструмента. В раннюю, среднюю и позднюю стадии среднего палеолита (МИС 6–4) по-прежнему преобладают следы от срезания мяса и расщепления кости. Однако возрастает роль более специализированных операций, таких как скобление и продольное резание. С началом верхнего палеолита (МИС 3) доминирующими типами отметин на костях остаются следы срезания мяса. Вместе с тем увеличивается доля следов расчленения, что указывает на повышение активности первичной разделки туш. Анатомически следы утилизации локализованы преимущественно на длинных трубчатых костях и ребрах, а также на кистях и стопах. На средней стадии верхнего палеолита (МИС 2) общие стратегии утилизации кости принципиально не изменились.

Ключевые слова: *Денисова пещера, палеолит, плейстоцен, костные остатки, зооархеология, антропогенные следы на костях животных.*

D.R. Plotnikov[1], A.S. Derevnina[1, 2], M.B. Kozlikin[1]✉, M.V. Shunkov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru

Zooarchaeological Evidence for the Use of Animal Resources by the Paleolithic Inhabitants of Denisova Cave

This article discusses a collection of bone remains with traces of anthropogenic impact from the Paleolithic layers of Denisova cave, which covers a wide chronological range of the second half of the Middle and Upper Pleistocene. Over a thousand bone fragments with distinctive traces of human modification by cutting, scraping, splitting, and chopping, have been examined. Incisions associated with cutting soft tissues off bones were the most common and variable marks. Animal bites sometimes overlapped the traces of anthropogenic impact on the bones. Strategies of using animals among the inhabitants of the cave in the Initial Middle Paleolithic (MIS 9–7) have been established. The predominant operations in this period were removing meat and splitting the bones to extract bone marrow. Meat was mostly removed from the medial sections of diaphyses of tubular bones and ribs of large mammals using cutting tools. Traces of meat cutting and bone splitting continued to predominate in the Early, Middle, and Late

Middle Paleolithic (MIS 6–4), although the role of more specialized operations, such as scraping and longitudinal cutting, increased. With the beginning of the Upper Paleolithic (MIS 3), traces of meat cutting remained the dominant types of traces on bones, while the share of dismembering traces increased, indicating increased activities of primary butchering of carcasses. Anatomically, traces of utilization are located mainly on long tubular bones, ribs, and lower parts of limbs. In the Middle Upper Paleolithic (MIS 2), general strategies of bone utilization did not change fundamentally.

Keywords: *Denisova cave, Paleolithic, Pleistocene, bone remains, zooarchaeology, anthropogenic traces on animal bones.*

В исследованиях фаунистических комплексов палеолитических памятников Алтая традиционно приводятся данные по их таксономическому составу и основанные на них результаты реконструкций природной среды. В меньшей степени внимание уделяется тафономии и, редко, антропогенным следам на костях. Исключение составляют идентификация и детальный анализ костяных орудий (см., напр.: [Козликин и др., 2020; Baumann et al., 2020; Kolobova et al., 2022]). Тем не менее зооархеологических данных для палеолита Алтая в настоящее время явно недостаточно, хотя работы в этом направлении ведутся [Колясникова, 2021, 2023]. В этой связи особый интерес вызывает ревизия фаунистических коллекций опорного палеолитического объекта региона – Денисовой пещеры – и проведение анализа антропогенных модификаций на костях, свидетельствующих о разделке добычи. Для этого был проведен целенаправленный анализ палеонтологических коллекций, полученных в 1990–2024 гг. на разных участках пещеры – на предвходовой площадке, в центральном зале, восточной и южной галереях.

В результате выявлено 1 166 фрагментов костей с выраженными следами антропогенного воздействия, которые были разделены на четыре основные группы: следы раскалывания, рубки, скобления и резания, подразделяющиеся, в свою очередь, по ориентации относительно длинной оси кости на продольные, перечные и диагональные. Во всех случаях следы находятся на внешней стороне кортикального слоя.

Порезы являются наиболее распространенными и вариативными. Их появление связано с работой орудием с выраженным лезвием по перерезанию (в процессе разделки туш) (рис. 1, *1*, *2*; 2, *1*, *5*, *19*) или срезанию с костей (см. рис. 1, *3–5*, *8*; 2, *2–4*, *6–15*, *17*, *21–22*) мягких тканей.

Следы скобления представляют собой ориентированные продольно или субпродольно параллельные или субпараллельные протяженные линии, слабо погруженные в компактное вещество (см. рис. 1, *6*; 2, *20*). В отличие от следов продольного резания, границы линий скобления нечеткие, а сами линии могут многократно накладываться друг на друга.

Следы раскалывания имеют вид углублений в компактном веществе кости, с четкими краями и разной конфигурацией. Их возникновение связано, вероятнее всего, с расщеплением кости прямым или опосредованным ударом массивным инструментом без оформленного лезвия.

Следы рубки схожи со следами раскалывания по своей кинематике – ударами напрямую или с посредником, однако принципиально отличаются наличием у инструмента лезвия. Порубы имеют вид глубоких насечек с V-образным профилем и четкими краями (рис. 2, *13*, *16*, *18*), могут сопровождаться сопряженными с ними фасетками, образовавшимися при отделении внешних слоев компактного вещества при сильном ударе.

К числу сопутствующих следов на костном материале с признаками антропогенного воздействия относятся погрызы и обжиг (рис. 2, *3*, *15*, *20*). Доля погрызенных костей составляет 1,7 % (n = 20) всей коллекции. Во всех случаях они имеют вид локальных участков понижений рельефа компактного вещества с нечеткими краями, локализующихся отдельно от зон нанесения следов антропогенного воздействия. Их возникновение связано, вероятно, с деятельностью хищников, утилизирующих кухонные остатки человека.

Следы высокотемпературной обработки несут 2,1 % (n = 25) костей. Они проявляются в виде локального или сплошного потемнения компактного и губчатого вещества, проникающего внутрь слоев костной ткани, в отличие от поверхностных железомарганцевых пленок. Цвет обожженной кости варьирует от светло- и темно-коричневого до интенсивно черного. Такие образцы представлены преимущественно мелкими (до 5 см) фрагментами стенок диафизов трубчатых костей, в одном случае – позвонка.

Следует отметить, что разные следы человеческой активности и сопутствующие повреждения могут находиться в комбинации или сопряжении друг с другом даже в пределах ограниченного участка поверхности одной кости. Следы могут также перекрывать друг друга, что позволяет реконструировать процесс нанесения повреждений и очередность операций. Частным случаем локализации повреждений является костяной отщеп (рис. 2, *4*), снятый с порезанной кости.

Древнейшие костные остатки со следами человеческого воздействия в Денисовой пещере обнаружены в верхней части слоя 22 центрального зала и связаны с начальной стадией среднего палеолита. Всего найдено шесть образцов. Пять из них – части стенок диафизов трубчатых костей, фрагментированные в продольно-поперечном направлении. На двух отмечены поперечные, на одном – диагональные порезы. Еще один фрагмент представляет

Рис. 1. Кости со следами антропогенного воздействия из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры. Предвходовая площадка, слои 8 (*4*), 7 (*1*, *7*), 6 (*8*) и 5 (*2*). Центральный зал, слои 19 (*3*, *5*) и 17 (*6*).

собой комбинированный тип – имеет поперечные и диагональные непересекающиеся порезы. На одном образце зафиксированы порубы. Последний предмет – медиальный фрагмент ребра крупного млекопитающего с короткими поперечными порезами на внешней стороне.

В фаунистической коллекции из отложений с находками более поздних этапов начального среднего палеолита (слои 21 и 20 в центральном зале, 15 и 14 в восточной и 18 и 17 в южной галереях) выявлено 235 костей со следами, оставленными человеком. Большинство следов (88,5 %) локализуется на внешней стороне трубчатых костей: 98 % в медиальной зоне диафизов, 1,5 % – на диафизе близ эпифиза, 0,5 % – на эпифизе. Доля утилизированных ребер составляет 10,3 %, фрагменты черепных коробок и фаланг (рис. 2, *5*) единичны. Материал сильно фрагментирован: 96,8 % – продольно-поперечные осколки, 2,2 % – продольные, 1,0 % – поперечные.

Основными типами воздействия человека являются диагональные (48,1 %) (рис. 2, *3*, *5–7*, *9*, *10*, *22*) и поперечные (31,5 %) (рис. 2, *21*) следы срезания мягких тканей. Продольные порезы (рис. 2, *14*), скобление, порубы (рис. 2, *13*) и следы раскалывания составляют 4,2 %, 2,1 % и по 1,7 % соответственно. Среди комбинированных следов наиболее часто встречаются сочетания поперечных и диагональных порезов (4,7 %), продольных и диагональных порезов (1,7 %), диагональных порезов и порубов и поперечных порезов и порубов (по 1,3 %). Сочетания продольных и диагональных порезов и диагональных порезов и скобления единичны.

Кроме того, отмечены отщепы, снятые с компактного вещества кости после ее утилизации. Они составляют 5,5 % ($n = 13$) от общего числа остеологиче-

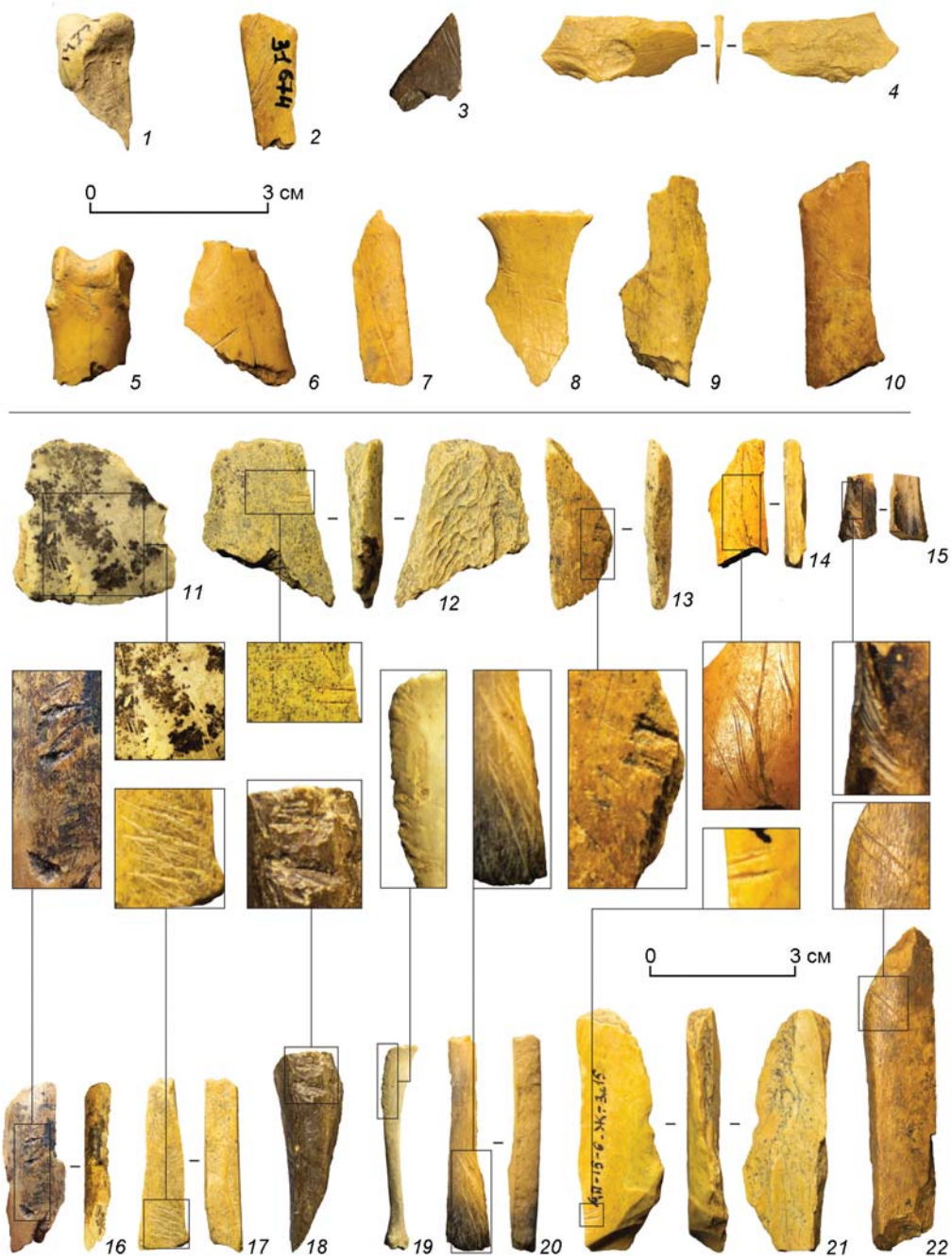

Рис. 2. Кости со следами антропогенного воздействия из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры. Предвходовая площадка, слои 10 (*17*), 9 (*2*), 7 (*18*) и 6 (*1*, *11*, *19*, *20*). Центральный зал, слои 21 (*3*, *6*, *9*, *22*), 20 (*5*, *7*, *10*), 19 (*4*, *8*) и 11 (*15*, *16*). Восточная галерея, слои 15 (*13*, *21*), 14 (*14*) и 11.2 (*12*).

ских находок со следами человеческого воздействия. На восьми образцах зафиксированы диагональные порезы, на трех – поперечные. Единично фиксируются продольный порез и комбинация поруба и диагональных порезов.

Коллекция костей со следами утилизации из слоев с индустрией раннего среднего палеолита (слой 19 в центральном зале, слой 13 в восточной и слой 16 в южной галерее), насчитывает 78 экз. В большинстве случаев (96,1 %) следы локализуются в медиальной части диафизов трубчатых костей или на диафизах близ эпифизов (3,8 %). Единичный порез зафиксирован на арке позвонка. Среди частей скелета преобладают трубчатые кости конечностей (84,6 %) и ребра (12,8 %). Имеются кость пясти и позвонок. Целые кости отсутствуют. На продольно-поперечные фрагменты приходится 93,6 % коллекции, поперечные – 3,8 %. Два фрагмента продольные.

Основными свидетельствами антропогенного воздействия являются диагональные (37,2 %) (см. рис. 1, *3*) и поперечные (33,3 %) (см. рис. 1, *5*; 2, *8*) порезы. Порубы, продольные порезы и следы

скобления составляют 3,8 %, 2,6 % и 1,3 % соответственно. Среди комбинированных повреждений большинство относится к сочетанию поперечных и диагональных порезов (14,1 %), поперечных порезов и следов раскалывания кости (2,6 %). Единично зафиксированы комбинации продольных и поперечных порезов, поперечных порезов с порубами или скоблением.

Имеются также три костяных отщепа – два продольных и один поперечный. На двух из них присутствуют комбинации из поперечных и диагональных порезов (рис. 2, *4*), а на одном – диагональный пореz.

Самая представительная выборка костей со следами антропогенного воздействия, насчитывающая 349 экз., происходит из отложений с комплексами средней стадии среднего палеолита (слои 17 и 14 центрального зала, слои 12.3–11.4 восточной и слои 15–13 южной галереи, слои 10 и 9 на предвходовой площадке).

Большинство (87,4 %) следов локализуется на трубчатых костях: в медиальной зоне (96,9 %), близ эпифизов (2,5 %) и на эпифизах (0,6 %). На ребрах – 10,6 %. Представлены также три кости пояса конечностей, два позвонка, мозговая коробка и фаланга. Фрагментация костей преимущественно продольно-поперечная – 94 %, продольная и поперечная – 4 и 2 % соответственно.

Диагональные (40,7 %) (рис. 2, *2*), поперечные (39,8 %) (рис. 2, *17*) и продольные (3,7 %) порезы составляют основу следов. Реже встречаются скобление (5,2 %) (см. рис. 1, *6*) и порубы (1,2 %). Среди комбинированных следов частым является сочетание поперечных и диагональных порезов (5,4 %). В равном количестве отмечены сочетания поперечных или диагональных порезов со следами раскалывания, диагональных порезов и порубов – по 1,2 %. По два образца имеют комбинации продольных и поперечных, продольных и диагональных порезов, поперечных порезов и скобления. Единично зафиксированы поперечные порезы и порубы, порубы со следами расщепления или скобления, скобление со следами расщепления или диагональных порезов.

В коллекции присутствуют также продольные сколы с диафизов трубчатых костей, среди них – на двух отмечены поперечные порезы, на одном – диагональный пореz и на последнем комбинация поперечного и диагонального порезов.

Материалы, относящиеся к заключительной стадии среднего палеолита (слой 12 в центральном зале и в южной галерее, слой 11.3 в восточной галерее, слой 8 на предвходовой площадке), представлены 273 находками.

Следы локализуются в основном на трубчатых костях (85 %) – на медиальных частях диафизов – 96,4 %, в зоне перехода диафиза в эпифиз – 2,8 %, на эпифизах – 0,8 %; ребрах – 12,4 % и костях черепа – 1,6 %. Отмечена обработка пястной кости и лопатки. Весь материал фрагментирован: 93,8 % костей – в продольно-поперечном направлении, 3,3 % – в поперечном и 2,9 % – в продольном.

На фрагментах зафиксированы диагональные (38,6 %), поперечные (37,7 %) (см. рис. 1, *4*; 2, *12*) и продольные (4 %) порезы, следы скобления (4,8 %) и порубы (3,3 %). Среди комбинированных следов наиболее частыми являются сочетания поперечных и диагональных порезов (3,7 %), диагональных порезов и порубов (1,8 %), поперечных порезов и следов дробления (1,8 %), продольных и поперечных порезов (1,2 %), а также диагональных порезов со следами скобления (1,2 %) и раскалывания (0,8 %). Единично отмечены комбинации продольных и диагональных порезов, продольных порезов и следов раскалывания, поперечных порезов со скоблением и порубов со следами раскалывания.

Выявлено также пять продольных и два поперечных костяных отщепа со следами антропогенного воздействия. На дорсальной стороне двух из них имеются диагональные порезы. Остальные следы включают поперечные и продольные порезы, а также комбинации поперечных и диагональных порезов и следов дробления с поперечными или диагональными порезами.

Материалы, относящиеся к начальной (слой 11.2 в восточной галерее) и ранней (слой 11 в центральном зале и южной галерее, слой 11.1 в восточной галерее, слой 7 на предвходовой площадке) стадиям верхнего палеолита насчитывают 152 экз.

Основная часть образцов (74,3 %) относится к трубчатым костям, на которых 88,5 % следов зафиксировано в медиальной части диафизов, 2,6 % – в зоне перехода диафиза в эпифиз, 5,9 % – на эпифизах. Имеются также смешанные локализации – две на диафизе и эпифизе, по одному образцу – на диафизе или эпифизе и в зоне перехода. Значительна доля ребер – 18,4 % и костей пясти – 3,9 %. По два экземпляра костей черепа и верхнего пояса конечностей, один позвонок. Степень раздробленности материала в этих слоях меньше, чем в коллекциях из нижележащих отложений: продольно-поперечных фрагментов 71,9 %, поперечных – 11,8 %, продольных – 10,7 %. Доля целых костей составляет 5,6 %.

В группе антропогенных следов преобладают поперечные (42,8 %) (см. рис. 1, *7*), диагональные (32,9 %) (см. рис. 1, *1*; 2, *15*) порезы и следы скобления (4,6 %); на долю продольных порезов, порубов (рис. 2, *16*, *18*) и следов расщепления приходится 2,0 и по 0,7 % соответственно. Среди комбинированных следов распространены сочетания диагональных и поперечных порезов (8,0 %), поперечных порезов со следами раскалывания (2,6 %) и продольных и диагональных порезов (2 %). Единично отмечены сочетания продольных, поперечных или диагональных порезов и порубов, а также диагональных порезов и следов раскалывания.

Имеются костяные отщепы – пять продольных и поперечный. Среди следов половина относится к поперечным порезам; единично зафиксированы диагональные порезы, следы скобления и комбинация поперечных порезов со следами расщепления.

Коллекция костей со следами антропогенного воздействия из отложений с находками средней стадии верхнего палеолита (слой 9 центрального зала, слои 6–2 на предвходовой площадке) включает 76 предметов.

Доля трубчатых костей составляет 81,6 %, среди которых 90 % следов локализуется на диафизах, 7,1 % – в зоне перехода диафиза в эпифиз, по 1,4 % – на диафизе и эпифизе или в зоне перехода. Остальная часть коллекции включает ребра – 10,6 %, кости черепа – 3,9 %, пясти – 2,6 % и верхнего пояса конечностей – 1,3 %. Большая часть костей представлена фрагментами – продольно-поперечными (77,6 %), продольными (17,1 %), поперечными (3,9 %). Целые кости составляют 1,3 % от коллекции.

Основные типы следов – поперечные (48,1 %) (см. рис. 1, *2*), диагональные (16,3 %) (см. рис. 1, *8*; 2, *1*, *11*, *19*) и продольные (7,9 %) порезы. По одному образцу с порубом и скоблением (рис. 2, *20*). Среди комбинированных следов велика доля сочетаний поперечных порезов со следами раскалывания (8,0 %), диагональными (8,0 %) или продольными (3,9 %) порезами. Имеются сочетания диагональных (2,6 %) или продольных порезов со следами расщепления (1,3 %) и поперечных порезов с порубами (1,3 %).

Рассматривая фаунистические коллекции в целом, можно сделать ряд выводов. В первую очередь необходимо отметить особенности стратегий обитателей пещеры в эксплуатации животных на начальной стадии среднего палеолита (МИС 9–7). Преобладающими операциями в эту эпоху являлись удаление мяса и расщепление кости для получения костного мозга, на что указывает полная фрагментация остеологического материала. Удаление мяса производилось преимущественно с медиальных участков диафизов трубчатых костей и ребер крупных млекопитающих при помощи режущего инструмента, ориентированного поперек или под небольшим углом относительно длинной оси кости. Доля следов расчленения, сосредоточенных близ эпифизов или мыщелков, незначительна. Среди прочих следов отмечены также порубы и скобление.

В эпохи раннего, развитого и позднего среднего палеолита (МИС 6–4) тенденция в преобладании следов от срезания мяса и расщепления кости сохраняется, возрастает роль более специализированных операций, таких как скобление и продольное резание. Доля следов расчленения туш невелика. Кроме того, на данный временной интервал приходится снижение количества порубов и рост числа комбинированных следов, что указывает на переход к многоэтапной утилизации животных пищевых ресурсов. Возрастает также анатомическое разнообразие локализации следов – помимо преобладания трубчатых костей и ребер в выборке присутствуют, хотя и в малом количестве, кости черепа, пясти и позвонки.

С началом верхнего палеолита (МИС 3) доминирующими типами отметин на костях остаются следы срезания мяса, в то время как число порубов и следов раскалывания снижается. Доля следов, оставленных в результате скобления, остается на уровне среднего палеолита. Вместе с тем возрастает интенсивность нанесения следов расчленения, что указывает на повышение активности первичной разделки туш. Анатомически следы утилизации локализуются преимущественно на длинных трубчатых костях и ребрах, а также на кистях и стопах. В период средней стадии верхнего палеолита (МИС 2) общие стратегии утилизации кости принципиально не меняются.

Важно также отметить отличие степени фрагментации остеологического материала на разных культурно-хронологических этапах. В комплексах среднего палеолита целые кости отсутствуют, в то время как в коллекциях верхнего палеолита их доля составляет 5,3 и 1,3 % соответственно. Такая динамика может косвенно указывать на относительное снижение роли добычи костного мозга в эпоху верхнего палеолита.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 24-78-10006, https://rscf.ru/project/24-78-10006/.

Список литературы

Козликин М.Б., Рандю У., Плиссон Х., Боманн М., Шуньков М.В. Слабомодифицированные костяные орудия из Денисовой пещеры на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – Т. 48, № 1. – С. 16–28.

Колясникова А.С. Распределение следов разделки на костях животных из Чагырской пещеры // Материалы 59-й Междунар. науч. студ. конф. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2021. – С. 19–20.

Колясникова А.С. Зооархеологический анализ костей крупных млекопитающих плейстоценовой сохранности из пещеры Обзорная (Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 156–162.

Baumann M., Plisson H., Rendu W., Maury S., Kolobova K., Krivoshapkin A. The Neanderthal bone industry at Chagyrskaya cave, Altai Region, Russia // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 559. – P. 68–88.

Kolobova K., Kharevich V., Chistyakov P., Kolyasnikova A., Kharevich A., Markin S., Krivoshapkin A., Baumann M., Olsen J.W. How Neanderthals gripped retouchers: experimental reconstruction of the manipulation of bone retouchers by Neanderthal stone knappers // Archaeol. and Anthropol. Sciences. – 2022. – Vol. 14. – P. 1–10.

References

Baumann M., Plisson H., Rendu W., Maury S., Kolobova K., Krivoshapkin A. The Neanderthal bone industry at Chagyrskaya cave, Altai Region, Russia. *Quaternary International*, 2020. Vol. 559. P. 68–88. doi:10.1016/j.quaint.2020.06.019

Koliasnikova A.S. Raspredelenie sledov razdelki na kostyakh zhivotnykh iz Chagyrskoi peshchery. In *Materialy 59-i Mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press., 2021. P. 19–20. (In Russ.).

Koliasnikova A.S. Zooarchaeological Analysis of Pleistocene Bones of Large Mammals from Obzornaya Cave in the Altai. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. XXIX. P. 156–162. (In Russ.).

Kolobova K., Kharevich V., Chistyakov P., Kolyasnikova A., Kharevich A., Markin S., Krivoshapkin A., Baumann M., Olsen J.W. How Neanderthals gripped retouchers: experimental reconstruction of the manipulation of bone retouchers by Neanderthal stone knappers. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2022. Vol. 14. P. 1–10. doi:10.1007/s12520-021-01495-x

Kozlikin M.B., Rendu U., Plisson H., Baumann M., Shunkov M.V. Unshaped Bone Tools from Denisova Cave, Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2020. Vol. 48, No. 1. P. 16–28. doi:10.17746/1563-0110.2020.48.1.016-028

Плотников Д.Р. https://orcid.org/0000-0002-6855-7011
Деревнина А.С. https://orcid.org/0000-0003-1434-3875
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308

Дата сдачи рукописи: 01.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0243-0248
УДК 902/904

А.Г. Рыбалко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Развитие форм ручных рубил в позднем ашеле на территории Юго-Восточного Дагестана

В статье рассматривается развитие основных типов макроорудий в позднеашельских индустриях Дарвагчайского геоархеологического района. Сводная коллекция каменных артефактов включает изделия, полученные в результате раскопок последних лет. Группа памятников, из которых происходит рассматриваемый материал, компактно расположена на границе равнины и предгорий в среднем течении р. Дарвагчай. Наиболее яркой чертой изучаемых комплексов, относящихся к финалу раннего палеолита, является присутствие крупных бифасиально обработанных орудий (рубил). Дана подробная морфологическая характеристика и описание данных изделий, а также проведен первичный анализ. На основании технико-типологических показателей орудий, абсолютной и относительной хронологии выделены два культурно-хронологических комплекса, которые соответствуют определенным подразделениям местной стратиграфической схемы плейстоцена. Проведенный анализ ручных рубил из двух позднеашельских комплексов Дарвагчайского района позволил зафиксировать преемственность в технологии их изготовления. Представленные индустрии имеют ряд общих черт. Прежде всего, это незначительное количество ручных рубил, а также обилие и разнообразие орудийных форм на отщепах. Состав каменного инвентаря стоянок отражал особенности хозяйственной деятельности, которая была обусловлена географическим положением и характером природных ресурсов данной территории. Помимо этого, они сходны по подавляющему количественному превосходству неклассических форм бифасов с частичной двусторонней обработкой. Все морфологические и технологические тенденции, которые проявляются в позднем комплексе, берут свое начало в комплексе II. Ручные рубила из позднеашельских индустрий Дарвагчайского района демонстрируют высокий уровень морфологической однородности. При этом орудия комплекса I демонстрируют более унифицированную форму, вместе с этим они подвергались более интенсивной и тщательной обработке по сравнению с орудиями из раннего комплекса.

Ключевые слова*: Дагестан, ашель, каменные изделия, ручные рубила, сколы, ретушь, двухсторонняя обработка.*

A.G. Rybalko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Development of Hand Axe Forms in the Late Acheulean in Southeastern Dagestan

This article discusses development of main types of macro-artifacts in the Late Acheulean industries of the Darvaghchai geoarchaeological area. The assemblage of lithic artifacts included the finds of recent excavations. The group of sites discussed in this article is compactly located on the boundary of the plain and foothills in the middle reaches of the Darvagchai River. The most striking feature of the assemblages belonging to the Final Early Paleolithic was presence of large bifacial tools (hand axes). The article provides a detailed morphological description of these implements and their primary analysis. Two cultural and chronological complexes, which correspond to specific subdivisions of the local Pleistocene stratigraphic model, were identified using the technical and typological indicators of the implements as well as absolute and relative chronology. Comparative analysis of hand axes from two Late Acheulean complexes of the Darvagchai area has revealed an undoubted continuity in their manufacturing technique. The assemblages had a number of common features, including a small number of hand axes and abundance and variety of tool forms on flakes. The composition of the lithic assemblage from the sites reflected specific aspects of economic activities, resulting from the geographical location and natural resources of the area. The lithic artifacts were also similar in quantitative superiority of non-classical forms of bifaces with partial bilateral processing. All morphological and technological trends which appeared in the late complex originated in Complex II. Hand axes from the Late Acheulean assemblages of the Darvaghchai area manifested a high level of morphological homogeneity. The tools from Complex I had a more unified appearance. They were subjected to more intensive and careful processing compared to the tools from the early complex.

Keywords*: Dagestan, Acheulean, lithic artifacts, hand axes, flakes, retouch, bifaces.*

Около 1,7 млн л.н. в Африке появились каменные индустрии, в которых произошли значительные изменения в технологии обработки камня и формах орудий. Принципиальным их отличием от более древних олдованских индустрий является массовое появление группы специализированных макроорудий – ручных рубил, кливеров, пиков и др., а также более разнообразного набора мелких орудий (скребла, скребки, острия и т.п.). Данные индустрии по месту их первого обнаружения в Сент-Ашеле (предместье города Амьена во Франции) были названных ашельскими.

Главным индикатором этих индустрий на протяжении всего существования являлись ручные рубила или бифасы. Это крупные удлиненные орудия, изготовленные из отдельностей породы или сколов-заготовок путем полной или частичной двусторонней оббивки заготовки таким образом, что ее края на большей части периметра превращаются в лезвия, а дистальный конец заостряется. Общая форма рубил в плане варьирует от овальной до подтреугольной, а поперечное сечение является, как правило, линзовидным. Термины «ручное рубило» (handaxe) или «бифас» (biface) часто рассматриваются как синонимы, в то же время очевидно, что каждый из них несет разную смысловую нагрузку, направленную либо на функциональное предназначение, либо на технические признаки, связанные с характером обработки. Тем не менее и тот и другой широко используются в археологической литературе. Термин «бифас» получил большое распространение благодаря широко известной методике классификации этих изделий одного из авторитетных представителей французской палеолитической школы Ф. Борда [Bordes, 1961]. Хотя этот термин, несомненно, охватывает намного более широкий круг изделий и помимо рубил включает большое количество разнообразных двусторонне обработанных орудий. С другой стороны, крупные орудия с конвергентными рабочими краями и заостренным концом иногда производились с минимальной и даже не всегда двусторонней обработкой (многообразные частичные рубила, унифасы). Именно такие изделия преобладают в ашельских индустриях Кавказа [Любин, Беляева, 2004] и в исследуемых комплексах Дагестана, в частности.

В данной работе рассматривается развитие форм ручных рубил в позднеашельских индустриях, обнаруженных на территории Дарвагчайского геоархеологического района, который расположен в среднем течении р. Дарвагчай (Юго-Восточный Дагестан). На берегах Геджухского водохранилища к настоящему времени обнаружена целая серия местонахождений с раннепалеолитическими артефактами. Все они связаны с крутыми береговыми склонами и обнажениями, в которых снизу вверх прослеживаются прибрежно-морские и континентальные осадки. Здесь компактно расположены пять памятников, коллекции которых включают ручные рубила: Дарвагчай-1, Дарвагчай-Залив-1, -2, -4 и Дарвагчай-Карьер. Все названные пункты имеют в той или иной степени схожий геохронологический контекст. Хронологические рамки культуросодержащих слоев памятников установлены на основании палеонтологических данных (анализ малакофауны), палеомагнитных исследований и серии датировок, полученных методом OSL. На основании технико-типологических характеристик археологических коллекций, абсолютной и относительной хронологии выделены два культурно-хронологических комплекса [Курбанов, Рыбалко, Янина, 2021].

Наиболее ранние свидетельства появления бифасов (рубил) на рассматриваемой территории (комплекс II 400–350 тыс. л.н. (МИС 11–10)) отмечены в слое 8 стоянки Дарвагчай-1 (прибрежно-морские отложения), в аналогичных отложениях местонахождений Дарвагчай-Залив-1 (слой 3), -2 и -4 (слой 5). В этом комплексе четко выделяются три небольшие группы и несколько единичных изделий.

Частичные рубила подтреугольной формы (4 экз.). Одно изделие миндалевидной формы выполнено на плоской гальке из песчаника (10,7 × 6,5 × × 2,7 см). Орудие средне окатанное, основание сохраняет галечную корку, дистальная часть тщательно оформлена с двух сторон плоскими сколами и краевой ретушью. Лезвия слабоизвилистые, острие тонкое четко выраженное. Второе изготовлено на плоской гальке из серо-коричневого окремненного известняка (11,6 × 8,0 × 2,9 см). Изделие сильно окатанное, треугольной формы, максимальная толщина и ширина приходятся на необработанное основание, слабовыпуклые лезвия и острый дистальный край оформлены разноразмерными широкими сколами (рис. 1, *3*). Другое рубило крупных размеров (18,0 × 8,8 × 3,0 см) выполнено на плоской удлиненной гальке из серо-коричневого окремненного известняка. Орудие средне окатанное, подтреугольной формы, половина изделия оформлена сколами, хорошо выраженное острие дополнительно подправлено ретушью, другая половина покрыта галечной коркой (рис. 2, *2*). Последнее рубило изготовлено на небольшой гальке из желтовато-серого кремня (7,5 × 5,4 × 3,4 см). Орудие подтреугольной формы, плоско-выпуклое, широкие плоскости обработаны сколами, одна боковая грань и острие дополнительно оформлены средней ретушью, массивная пятка галечная (см. рис. 1, *2*).

Частично оформленные минирубила (рубильца) (4 экз.). Рубильце (5,2 × 3,1 × 1,9 см), средне окатанное, асимметрично-подтреугольной формы, максимальная ширина и толщина приходятся на его основание, в качестве заготовки использовался кремневый желвак желто-коричневого цвета. Обе стороны изделия оббиты двусторонними сколами, один продольный край и острие имеют дополнительную подправку ретушью. Следующее орудие, выполненное на продолговатой

кремневой гальке серовато-розового цвета (7,0 × 4,3 × 2,7 см), не окатанное, имеет овальную форму и двояковыпуклое поперечное сечение. Максимальная толщина и ширина приходятся на необработанное основание. Лезвия разных очертаний сходятся к хорошо выраженному, тонкому острию (рис. 3, *2*). К этой категории отнесены еще два бифасиально обработанных орудия, представляющих собой небольшие кремневые гальки, частично оформленные с двух сторон сколами и с естественными основаниями. В обоих случаях дистальный край приострен. Типологически данные изделия можно отнести к проторубилам.

Рубила односторонние (унифасы) (2 экз.). Очень выразительно изделие (12,5 × 9,5 × 2,8 см), выполненное на плоской гальке из песчаника, орудие миндалевидной формы, одна плоскость оформлена крупными и средними сколами, острие четко выражено (см. рис. 1, *4*). Другой унифас изготовлен на кремневой гальке (9,3 × 5,5 × 2,8 см), орудие плосковыпуклое, продольные края частично оформлены сколами, на острие и рабочих краях присутствует ретушь утилизации, основание и противолежащая сторона галечные (см. рис. 1, *3*).

Пиковидное рубило изготовлено на крупной массивной гальке из серовато-желтого песчаника (18,6 × 9,9 × 6,8 см). Изделие грубо оформлено крупными и средними сколами. Основным рабочим элементом является хорошо выделенное острие, имеющее треугольное поперечное сечение; продольные края прямые,

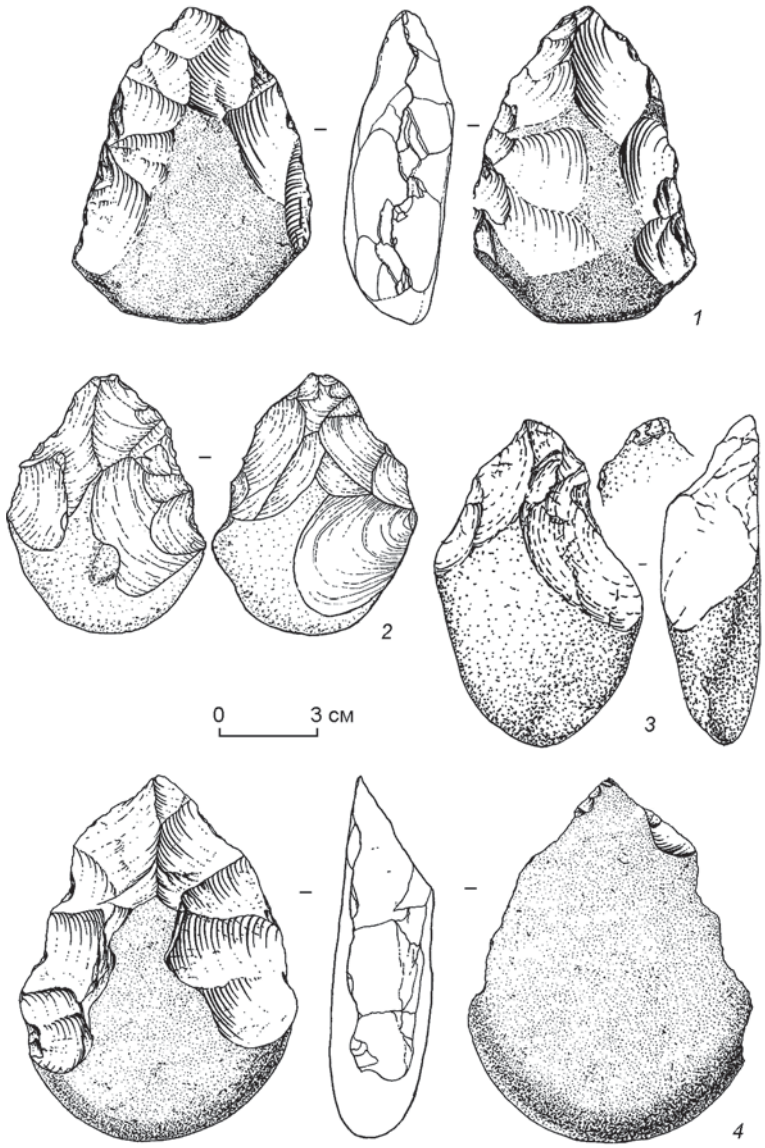

Рис. 1. Ручные рубила с памятника Дарвагчай-Залив-4.
1 – комплекс I; *2–4* – комплекс II.

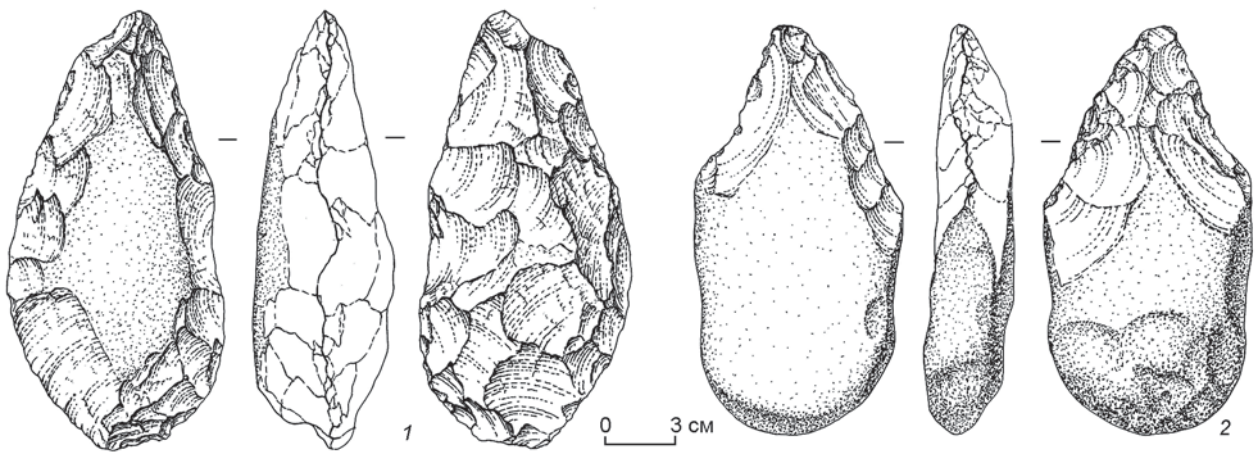

Рис. 2. Ручные рубила с памятника Дарвагчай-Залив-1.
1 – комплекс I; *2* – комплекс II.

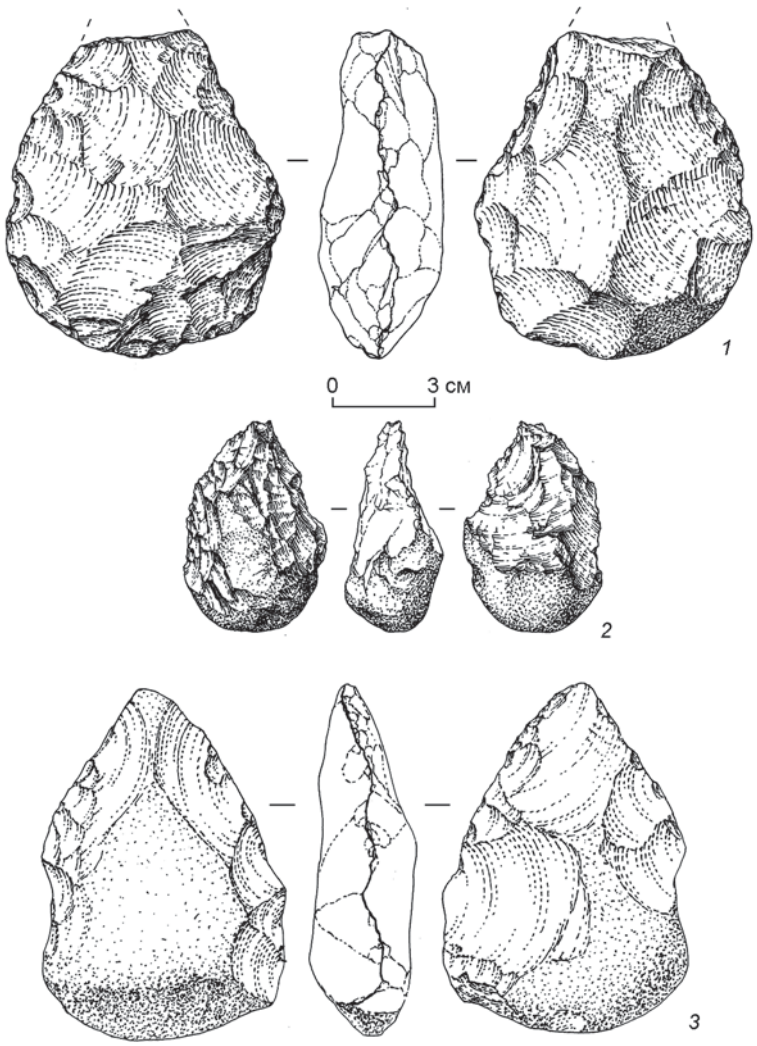

Рис. 3. Ручные рубила.
1 – Дарвагчай-Карьер; *2* – Дарвагчай-Залив-2; *3* – Дарвагчай-Залив-1.

широкое массивное основание представляет собой необработанный край гальки.

Рубило с поперечным лезвием выполнено на окремненной гальке коричневого цвета (9,5 × 7,3 × 4,5 см). Изделие подпрямоугольной формы, плоско-выпуклое в сечении, продольные края грубо оббиты крупными сколами, дистальная часть представлена в виде широкого поперечного лезвия. Более половины орудия, включая массивное основание, не обработано.

В целом комплекс II выглядит довольно архаично, здесь полностью отсутствуют классические ашельские бифасы. Морфологические черты рассматриваемых рубил позволяют разделить их на несколько групп: рубила с хорошо выраженным конвергентным схождением лезвий в дистальной части (наиболее многочисленные) и рубила подпрямоугольных очертаний с прямым поперечным лезвием (очень редкие). Рубила функционально дополняются унифасами, для оформления которых использовались более уплощенные гальки. Наиболее выразительны в этом комплексе частичные бифасы. Некоторые общие черты этой небольшой серии обусловлены, по всей видимости, особенностями местного сырья. Оно представлено в основном разноразмерными, преимущественно плоскими гальками подходящих очертаний, которые подвергались частичной бифасиальной оббивке средними и мелкими сколами, продольные лезвия и острия в некоторых случаях дополнительно оформлены ретушью, в основном краевой или слабо распространенной чешуйчатой полукрутой или крутой. Фрагменты галечной корки при этом сохранялись на пятках и частично широких плоскостях орудий.

Культурно-хронологический комплекс I включает ручные рубила, обнаруженные в нескольких пунктах в схожих стратиграфических условиях (галечно-гравийные отложения). На территории Дарвагчайского района эти напластования мощностью от 1,5 до 8,0 м встречаются повсеместно. Ведущую роль в осадконакоплении играли элювиально-делювиальные и пролювиальные процессы. Данные отложения, состоящие из разнообразных сырьевых групп (кремень, известняк, песчаник, окремненные породы), являются основным источником каменного сырья, именно данное обстоятельство на протяжении длительного периода привлекало сюда первобытных людей. Хронологические рамки комплекса I, включающего памятники Дарвагчай-Залив-1 (раскоп 4, слой 2), -4 (слой 3) и местонахождение Дарвагчай-Карьер, определены OSL-датированием (250–220 тыс. л.н. (МИС 7)).

В этом комплексе четко выделяются три группы.

Классические рубила (4 экз.). Первое орудие, выполненное на гальке из серо-зеленого песчаника (18,5 × 9,0 × 5,4 см), средне окатанное, имеет симметричную, удлиненную, двояковыпуклую, миндалевидную форму и линзовидное сечение, оформлено по всему периметру двусторонними сколами, продольные края выпуклые, извилистые, острие четко выражено. Наиболее тщательно обработано основание уплощающими сколами и выравнивающей ретушью (см. рис. 2, *1*). Другое рубило крупных размеров (17,5 × 8,2 × 4 см), выполненное из песчаника темно-серого цвета, сильно окатанное, имеет симметричную, копьевидную форму и двояковыпуклое сечение, обработано по всему периметру плоскими сколами. Дистальный конец является наиболее плоской частью изделия и напоминает дистальные окончания ланцетовидных рубил. Следующее рубило наиболее тщательно оформлено, это также самое крупное и

массивное изделие в коллекции, выполнено на гальке из серо-коричневого окремненного известняка (20,5 × × 10,0 × 5,4 см). Орудие средне окатанное, имеет симметричную двояковыпуклую миндалевидную форму и линзовидное сечение, обработано по всему периметру сколами и крупной ретушью. Максимальная ширина и толщина приходятся на середину орудия. Лезвия выпуклые с извилистой кромкой, дистальный конец заужен боковыми сколами с двух сторон и не образует четко выраженного острия, основание тщательно оформлено, в плане имеет форму правильной дуги. Последнее орудие изготовлено из тонкозернистого серо-черного песчаника (11,1 × 8,7 × 3,5 см), сильно окатанное, миндалевидной формы с широким закругленным основанием и узким дистальным краем, который был обломан в древности. В сечениях изделие линзовидное, двояковыпуклое, тщательно оформленное по всему периметру плоскими сколами и эпизодической ретушью. Лезвия и основание слабоизвилистые, в проксимальной части сохранен небольшой участок галечной корки (рис. 3, *1*).

Частичные рубила (3 экз.). Первое изделие подготовлено на удлиненной плоской гальке из песчаника (13,6 × 8,3 × 3,2 см). Орудие сильно окатанное, имеет частичную отделку, по морфологии его можно отнести к миндалевидным формам, поперечное сечение плоско-выпуклое. Нижняя сторона плоская, что в большей степени обусловлено уплощающей оббивкой, верхняя сторона угловато-выпуклая, на большей части ее сохранена галечная корка. Тщательнее всего оформлена дистальная часть, основание не обработано. Следующее рубило изготовлено на обломке гальки из серо-зеленого песчаника (9,7 × 6,8 × 3,7 см). Орудие подтреугольной формы имеет частичную отделку и выглядит незаконченным. Продольное сечение двояковыпуклое, обе стороны грубо оформлены крупными и средними сколами, дополнительная подправка ретушью отсутствует. Еще одно орудие (11 × 7,5 × 3 см) выполнено на гальке из известняка, миндалевидной формы, двояковыпуклое, сколами оформлено две трети заготовки, лезвия слабоизвилистые, пятка галечная, на острие видны более свежие сколы (см. рис. 1, *1*).

Частично оформленные минирубила (рубильца) (6 экз.). Для одного изделия миниатюрных размеров (4,4 × 3,0 × 1,9 см) в качестве заготовки использовалась галька из коричневато-серого кремня. Орудие слабо окатанное, подтреугольной формы, максимальная ширина и толщина приходятся на его основание. Обе стороны оббиты двусторонними сколами, один продольный край и острие имеют дополнительную подправку ретушью. Основание массивное, выпуклое, представлено необработанным краем гальки. Рубильце (5 × 4 × 3 см) изготовлено из кремня, плосковыпуклое, основание галечное, острие округлое, видны следы забитостей. Следующее изделие, представленное в виде заготовки бифаса (6,0 × 4,0 × 2,6 см), выполнено на обломке кремня пирамидальной формы, острие четко выражено, одна сторона оформлена двусторонними сколами. Другое орудие выполнено на кремневой гальке (7,0 × 4,8 × 3,6 см), изделие подпрямоугольной формы, двояковыпуклое, одна сторона оформлена сколами, вторая большей частью галечная, основание массивное, острие притупленное. Небольшое рубильце изготовлено из кремня (5,9 × × 5,0 × 2,7 см), овальной формы, плоско-выпуклое, основание и часть одной стороны галечные, острие хорошо выраженно дополнительно оформлено ретушью. Последнее изделие является заготовкой бифаса, выполнено из кремня (7,0 × 4,5 × 3,4 см), предмет частично оформлен двусторонними сколами.

Культурно-хронологический комплекс I выглядит намного более развитым как по технике оформления, так и типологии. Процесс совершенствования главных ашельских форм (ручных рубил) проявился здесь с появлением «классических» ашельских бифасов. Немногочисленная, но выразительная группа состоит из миндалевидных, сердцевидных и удлиненно-копьевидных форм, представляющих собой предельно выразительные морфологические образцы. Бифасы этой группы являются массивными, сплошь обработанными и двояковыпуклыми, базальные части имеют толстые закругленные пятки. Поверхности рубил обработаны большим количеством крупных и средних снятий, дополнительная подправка ретушью лезвий незначительна. В то же время основное количество изделий данной категории макроорудий, как и в комплексе II, по-прежнему представлено частичными бифасами и невыразительными мелкими рубильцами. В целом комплекс выглядит как позднеашельский.

Чтобы судить о степени сходства или различия каменных индустрий, следует выявлять специфические для них типы орудий, морфологические и технологические особенности. Технология производства макроорудий (ручных рубил), являющихся главным маркером ашельских индустрий, была основана здесь на обработке подходящих по размеру и форме галек таких пород, как песчаник, кремень и известняк. Все эти материалы являются непосредственной составляющей культуросодержащих горизонтов и хорошо представлены в многочисленных обнажениях вблизи стоянок.

Данные комплексы, несомненно, имеют ряд общих черт. Во-первых, в обоих этих вариантах позднеашельских индустрий рубила немногочисленны. Во-вторых, рассматриваемые варианты сходны по подавляющему количественному превосходству неклассических форм бифасов с частичной двусторонней обработкой. Принципиальное значение для сравнения этих индустрий имеет тот факт, что они принадлежат к одной технологической традиции. Заготовками для рубил были исключительно гальки разных размеров, в обоих комплексах полностью отсутствуют рубила в качестве заготовок, для которых использовались крупные отщепы. В то же время стоит отметить, что

в представленных комплексах присутствуют очень крупные сколы, которые не использовались как основа для рубил, а применялись в виде готовых орудий с минимальной подработкой или без таковой, т.е. являлись специфическими отдельными типами макроорудий на отщепах.

Таким образом, несмотря на значительный хронологический разрыв, данные комплексы имеют больше сходства между собой, чем с какими-либо материалами других стоянок кавказского региона. Ашельские индустрии Дарвагчайского района имеют ряд морфологических и типологических особенностей, для них характерна, прежде всего, немногочисленность и малая вариабельность бифасиальных форм. Представленные археологические материалы демонстрируют постепенный переход от позднеашельской индустрии исключительно с частичными рубилами и унифасами к финальноашельской, где появляются немногочисленные классические бифасы. На данных памятниках наглядно представлены разные хронологические этапы развития одной традиции каменного производства. Для ашельских комплексов Дарвагчайского района характерно преобладание частичных рубил, «классические» рубила появляются здесь довольно поздно (МИС 7), но и в данных комплексах хорошо оформленных бифасов мало, преобладают т.н. частичные.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды».

Список литературы

Курбанов Р.Н., Рыбалко А.Г., Янина Т.А. Хронология и периодизация палеолитических комплексов Северо-Восточного Кавказа (по материалам стоянки Дарвагчай-Залив-4) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 161–166.

Любин В.П., Беляева Е.В. Стоянка Homo erectus в пещере Кударо I. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 272 с.

Bordes F. Typologie du Paleolithique ancient et moyen. – Bordeaux: Imprimeries Delmas, 1961. – 103 p.

References

Bordes F. Typologie du Paleolithique ancient et moyen. Bordeaux: Imprimeries Delmas, 1961. 103 p.

Kurbanov R.N., Rybalko A.G., Yanina T.A. Chronology and Periodization of Paleolithic Complexes of South-Eastern Dagestan (Based on the Materials of the Darvagchai-Bay-4 Site). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. XXVII. P. 161–166. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0161-0166

Lyubin. V.P., Belyaeva E.V. Stoyanka Homo Erectus v peshehere Kudaro I. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2004. 272 p. (In Russ.).

Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465

Дата сдачи рукописи: 30.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0249-0256
УДК 902.01

А.Г. Рыбалко[1], А.А. Анойкин[1]✉, П.В. Чистяков[1], Т.У. Худжагелдиев[2], А.Ф. Шарипов[2], П.М. Сосин[3], Р.Н. Курбанов[1, 4, 5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ
Душанбе, Таджикистан
[3]Институт водных проблем, гидроэнергетики и экологии НАНТ
Душанбе, Таджикистан
[4]Институт географии РАН
Москва, Россия
[5]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Исследование комплексов раннего палеолита на стоянке Хонако III (Ховалингский район, Республика Таджикистан) в 2024 году

В статье приводятся результаты новых исследований раннепалеолитических индустрий в погребенных почвах лессово-почвенного разреза Хонако III (Южный Таджикистан) в 2024 г. Работы велись на отложениях педокомплексов (ПК) 4 и 6. На ПК 4 был заложен раскоп 3 площадью 9 м^2, вскрывший разрез мощностью 2,3 м в нижней части педокомплекса. Немногочисленные находки (4 экз., гальки и отщепы) залегали на двух гипсометрических уровнях, связанных с кровлей и подошвой палеопочвы ПК 4В, которые разделяет археологически немая толща, мощностью 0,8 м. Раскоп 4 локализован на участке с небольшим естественным обнажением, вскрывающим отложения ПК 6. Его максимальная площадь на уровне подошвы ПК 6 составила 4,5 м^2, при общей глубине вскрытия 3,5 м. Наблюдается определенная концентрация артефактов на двух основных уровнях – в кровле и в подошве палеопочвы ПК 6В. Между этими уровнями залегает археологически немая толща, мощность более 1 м. В коллекции (9 экз.) присутствуют гальки, сколы, обломки и два орудия – струг и скребло. В результате работ 2024 г. на Хонако III впервые были зафиксированы поуровневое залегание артефактов в ПК 4, до этого наблюдавшееся только на памятнике Лахути IV, а также зафиксирован массовый археологический материал на уровнях древнее МИС 11 – в ПК 6, который, по современным представлениям, соотносится с МИС 15 (621–563 тыс. л.н.). Характер полученной из раскопа 4 коллекции соответствует основным параметрам технокомплексов каратауской культуры, залегавших в ПК 6 на других объектах лессового палеолита Таджикистана. Учитывая состав коллекций и условия их залегания, можно считать, что Хонако III являлось кратковременной охотничьей стоянкой, локализованной в удалении от источников сырья, но неоднократно и относительно регулярно посещаемой в течение времени формирования одного ПК.

Ключевые слова: *Таджикистан, ранний палеолит, стратиграфия, палеопочвы, каменная индустрия, каменный материал, стоянка.*

A.G. Rybalko[1], A.A. Anoikin[1]✉, P.V. Chistiakov[1], T.U. Khudjageldiev[2], A.F. Sharipov[2], P.M. Sosin[3], R.N. Kurbanov[1, 4, 5]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of History, Archaeology and Ethnography NAST
Dushanbe, Tajikistan
[3]Institute of Water Problems, Hydropower and Ecology NAST
Dushanbe, Tajikistan
[4]Institute of Geography RAS
Moscow, Russia
[5]Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

Study of the Early Paleolithic Complexes at the Khonako III Site (Khovaling District, Tajikistan) in 2024

This article discusses new research of the Early Paleolithic industries at the Khonako III site in 2024. The deposits of pedocomplexes (PC) 4 and 6 were excavated. Pit 3 over the area of 9 sq. m exposed a section 2.3 m thick in the lower part of PC 4. Several finds (4 specimens, pebbles and flakes) were located at two hypsometric levels associated with the top and base of the PC 4B paleosol, separated by 0.8 m of sterile sediments. Pit 4 was made in the place with small natural outcrop showing the deposits of PC 6. Its greatest area at the level of the base of PS 6 reached 4.5 sq. m; its depth was 3.5 m. Artifacts were discovered at two main levels – top and base of the PC 6B paleosol, separated by 1 m of archaeologically sterile sediments. The collection (9 specimens) contained pebbles, spalls, fragments, and two tools: adze and side-scraper. Excavations at Khonako III in 2024 revealed level-by-level occurrence of artifacts in PC 4, which had been previously observed only at the Lakhuti IV site. Rich archaeological evidence was obtained from PC 6 which, according to modern chronostratigraphy, correlates with MIS 15 (621–563 ka BP). The collection from pit 4 corresponds to the main parameters of the Karatau culture obtained from PC 6 at other loess Paleolithic sites of Tajikistan. Considering the composition of the collection and location of finds, Khonako III must have been a short-term hunting camp remote from the sources of raw materials, which was repeatedly and relatively regularly visited during the formation of the same PC.

Keywords: *Tajikistan, Early Paleolithic, stratigraphy, paleosols, lithic industry, raw material, site.*

В 2024 г. участники совместной Российско-Таджикской геоархеологической экспедиции продолжили исследовательские работы в долине р. Оби-Мазар, в сае Хонако (Ховалингский р-н Республики Таджикистан) (рис. 1). Памятник изучался в два этапа, первый из которых приходится на период 1995–2001 гг., когда здесь работала Таджикско-Германская экспедиция под руководством В.А. Ранова и Й. Шефера [Ранов, Шефер, 2000; Schäfer, Ranov, Sosin, 1998]. Второй, связанный с исследованиями комплексной международной геоархеологической экспедиции, работающей в рамках реализации нескольких проектов РНФ (Россия) и THOCA (Дания), начался в 2019 г. и продолжается по настоящее время [Курбанов и др., 2022; Худжагелдиев и др., 2023б]. В основном археологические работы на объекте велись на педокомплексах (ПК) 1 и 2, имеющих возраст в пределах 240–70 тыс. лет. (МИС 7 – МИС 5), а ассамбляжи, выявленные в них, соответствуют нескольким индустриально различающимся технокомплексам среднепалеолитического времени [Ранов, Шефер, 2000; Ранов и др., 2003]. Особое внимание было уделено верхним педокомплексам ввиду уникальности этих материалов для лессового палеолита в целом, т.к. массовый археологический материал в ПК 1 и ПК 2 на территории Таджикистана был зафиксирован только здесь и на стоянке Дусти (ПК 1) [Ранов, Каримова, 2005]. Кроме того, строение разреза Хонако III, несмотря на наличие более 10 педокомплексов, предопределило относительно легкую доступность в плане раскопочных работ только для верхних ПК 1–3 и на отдельных участках ПК 4, т.к. нижняя часть склона в зоне памятника перекрыта мощной толщей обвально-оползневых отложений [Додонов, 2002], продолжающих активно накапливаться и в настоящее время за счет активного размыва верхней части обнажения дождевыми водами, стекающими с полотна проходящей по верху разреза автомобильной дороги.

Тем не менее раскопки, проводившиеся на Хонако III на первом этапе исследования, показали, что кроме ПК 1 и ПК 2 массовый археологический материал присутствует здесь и в ПК 4 [Ранов, Худжагелдиев, Шефер, 2004]. ПК 3 является археологически немым на всех памятниках лессового палеолита Таджикистана, хотя единичные артефакты в ПК 3 фиксировались на разрезах Хонако II и Оби-Мазар [Ранов, Шефер, 2000; Худжагелдиев и др., 2023а]. Согласно принятой сейчас большинством исследователей схеме сопоставления ПК лессово-почвенной формации Южного Таджикистана и изотопно-кислородной шкалы, ПК 4 имеет возраст ~424–374 тыс. лет и соответствует МИС 11 [Додонов, 2002]. В ходе трех лет раскопок ПК 4 (1995, 1999 и 2000 гг.) на этом уровне было заложено три раскопа, общей площадью около 53 м^2, и получена коллекция из 179 каменных артефактов и 4 мелких фрагментов трубчатых костей животных [Ранов, Худжагелдиев, Шефер, 2004]. Данная индустрия рассматривалась ее исследователями в рамках раннего палеолита и относилась, наряду с другими комплексами близкого возраста (Оби-Мазар IV, Каратау, Лахути I и др.), к каратауской культуре, существовавшей на этой территории 600–400 тыс. л.н. [Ранов, Шефер, 2000; Ранов, Худжагелдиев, Шефер, 2004].

В 2024 г., помимо масштабных раскопок на ПК 2, где были заложены два раскопа (раскоп 1 и 2) (см. статью Анойкин и др. «Исследования среднепалеолитического комплекса стоянки Хонако III (Южный Таджикистан) в 2024 году» в данном сборнике), на памятнике осуществлялись работы, связанные с поиском перспективных для изучения раннего палеолита участков на уровне нижележащих педокомплексов, а также проводилась оценка перспективности данного обнажения для дальнейших исследований.

Выбор мест для закладки раскопов определялся геоморфологической ситуацией на памятнике, где

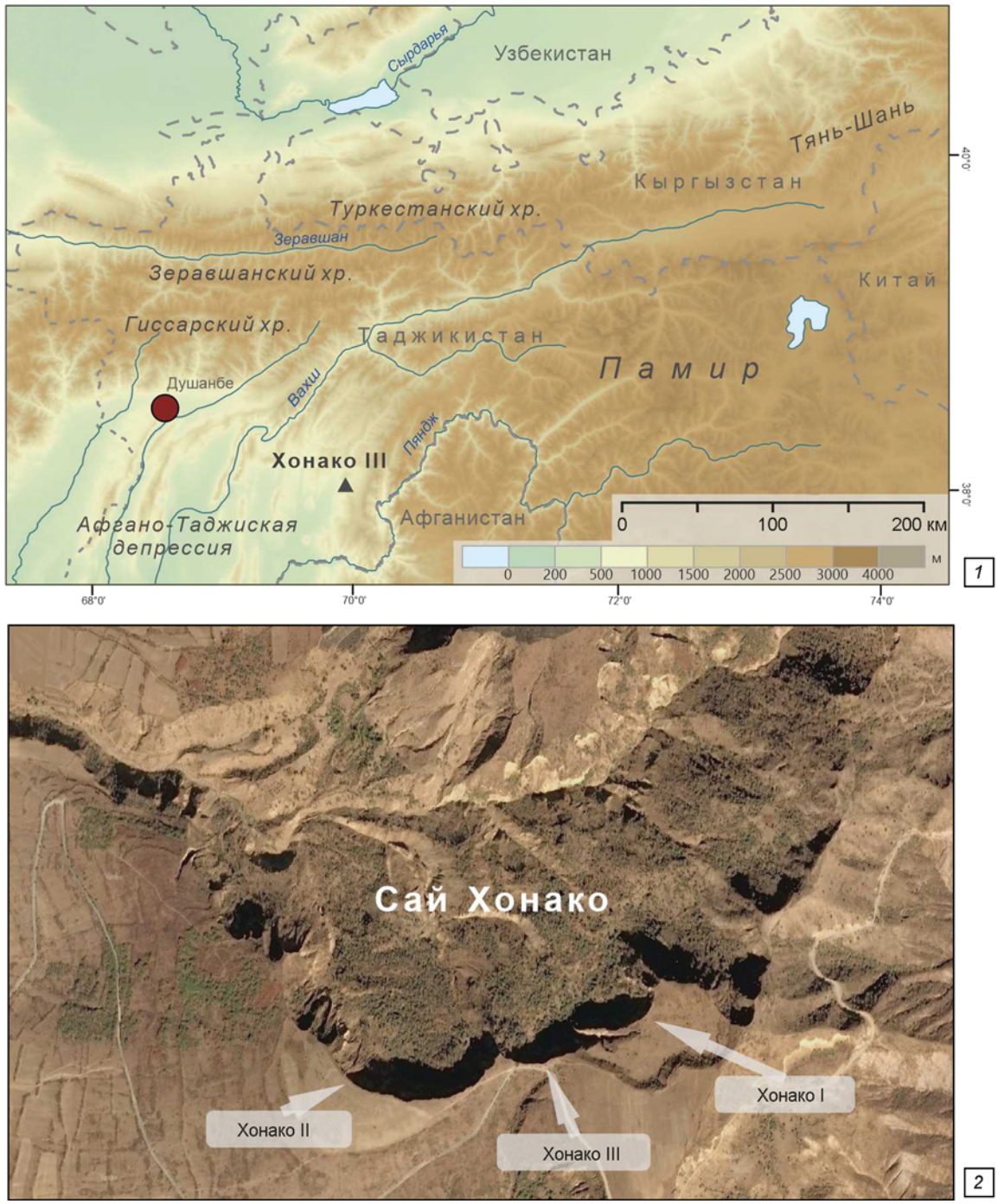

Рис. 1. Геоархеологические работы на стоянке Хонако III.

1 – расположение памятника; *2* – сай Хонако с указанием основных участков геоархеологических исследований (вид с юго-востока).

многочисленные оползни перекрывают участки с открытым залеганием ПК нижнего яруса. Кроме того, дополнительные сложности для проведения раскопок создавали погодные условия (затяжные дожди), провоцировавшие свежие осыпи и размыв отложений в зоне работ.

Раскоп-врезка 3 был заложен в 100 м к северо-востоку от раскопа 1 в средней части склона, на участке с небольшим естественным обнажением, вскрывающим отложения ПК 4. Расстояние от уровня начала вскрышных работ до верхней бровки вертикального борта сая Хонако составляет около 55 м.

Раскоп 3 заложен в нижней части педокомплекса, определение его положения в разрезе затруднено оползневыми процессами и растительностью. П.М. Сосиным высказано предположение о корреляции исследованной палеопочвы с ПК 5, однако изучение снимков с квадрокоптера, выполненные геодезические измерения и корреляция с изученной частью разреза в западной части сая Хонако III

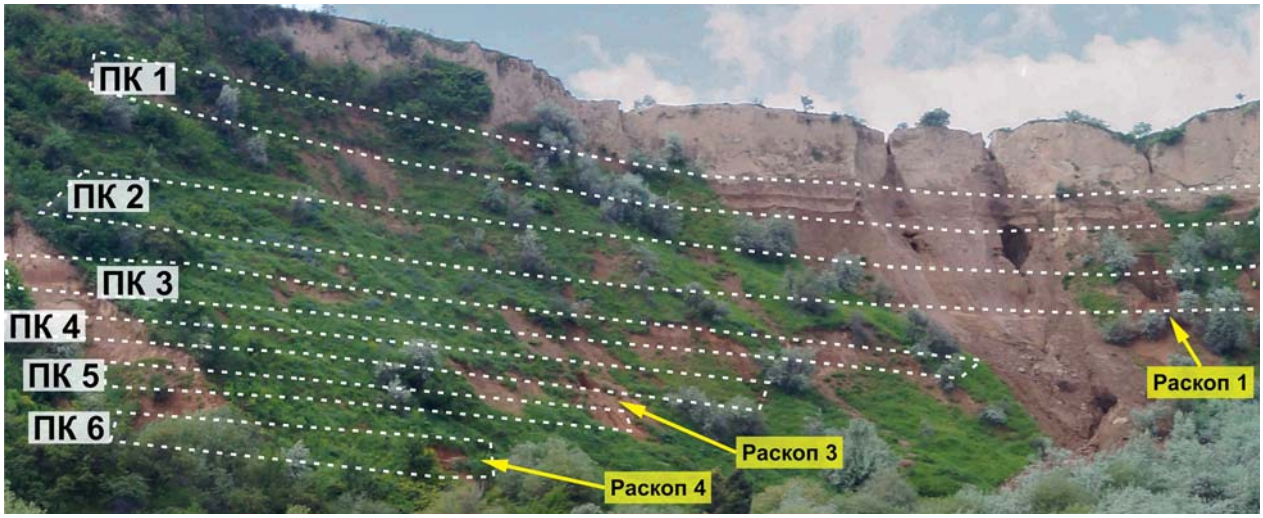

Рис. 2. Схема расположения педокомплексов 1–6 (ПК 1–6) на обнажении Хонако III.

(рис. 2) позволяют соотнести педокомплекс с ПК 4 региональной схемы, скорее всего, с палеопочвой 4В, в которой, согласно данным, полученным при работах 1990-х гг., была зафиксирована основная концентрация археологических материалов (отложения климатического оптимума) [Ранов, Худжагелдиев, Шефер, 2004]. Раскопочные работы велись до кровли карбонатизированных суглинков, венчающих пачку лессов Л5 и подстилающих педокомплекс 4. Ввиду сложной геоморфологической обстановки на данном участке склона сая, раскопом вскрыта только нижняя часть ПК 4, общая мощность изученной толщи отложений составила 2,3 м, а максимальная площадь раскопа на уровне подошвы педокомплекса – 9 м^2 (3 × 3 м).

На исследованном участке было выявлено следующее строение вскрытой толщи отложений (сверху вниз, сокращенное описание):

Слой 1. 0–0,55 м. Суглинок средний, коричневый, рыхлый, гороховато-комковатый. Современная почва. Переход резкий.

Слой 2. 0,55–1,0 м. Средний суглинок, коричневый, глинистый, комковато-глыбистый, пористый, много $CaCO_3$ по мелким и крупным порам. Гор. Bcaz палеопочвы 4В. Переход заметный по количеству кротовин.

Слой 3. 1,0–1,42 м. Средний суглинок, коричневый, глыбисто-комковатый, пористый, $CaCO_3$ по мелким и крупным порам. Гор. Bcaz палеопочвы 4В. Переход постепенный.

Слой 4. 1,42–1,92 м. Суглинок средний, коричневый, комковато-глыбистый, плотный, преимущественно крупнопористый (до 4 мм). Гор. Bca палеопочвы 4В. Переход постепенный.

Слой 5. 1,92–2,3 м. Суглинок средний, светло-коричневый, плотный, комковато-глыбистый, слабопористый (крупные поры), кротовины отсутствуют. Кровля лесса Л5.

В коллекции находок из раскопа 3 (4 экз.) присутствуют следующие типы изделий: отщепы – 2 экз., обломки и осколки – 2 экз.

Отщепы по размерности – средние; определимые ударные площадки – естественная и гладкая; огранка дорсалов – гладкая и субпараллельная (рис. 3, *1*). Орудий нет.

Кроме того, средних размеров технический скол разжелвачивания (первичный) был зафиксирован *in situ* в отложениях ПК 4 в стенке естественного обнажения в 250 м к востоку от раскопа 3.

Несмотря на очень незначительное количество археологического материала, можно констатировать, что он залегает на двух гипсометрических уровнях, связанных с кровлей и подошвой ПК 4В, которые разделяет археологически немая толща мощностью ~0,7–0,8 м.

Раскоп-врезка 4 был заложен в 150 м к северо-востоку от раскопа 1 и примерно в 20 м ниже его по склону. Расстояние до раскопа 3 составляет 50 м на юго-запад.

Раскоп 4 локализован в средней части обрывистого южного борта сая, на участке с небольшим естественным обнажением, вскрывающим отложения ПК 6. Ниже места работ на склоне залегает мощная толща обвально-оползневых отложений, резко изменяющая угол наклона стенок и скрывающая инситные пачки более древних лессово-почвенных последовательностей. Расстояние от уровня начала вскрышных работ до верхней бровки обнажения составляет около 70 м.

Работы на раскопе 4 велись двумя ступенями, размеры которых определялись глубиной и площадью вскрываемых участков склона, от кровли ПК 6 до кровли карбонатизированных суглинков, венчающих пачку лессов Л7 и подстилающих педокомплекс. П.М. Сосиным высказано мнение о корреляции изученного педокомплекса с ПК 7 разреза Хонако I,

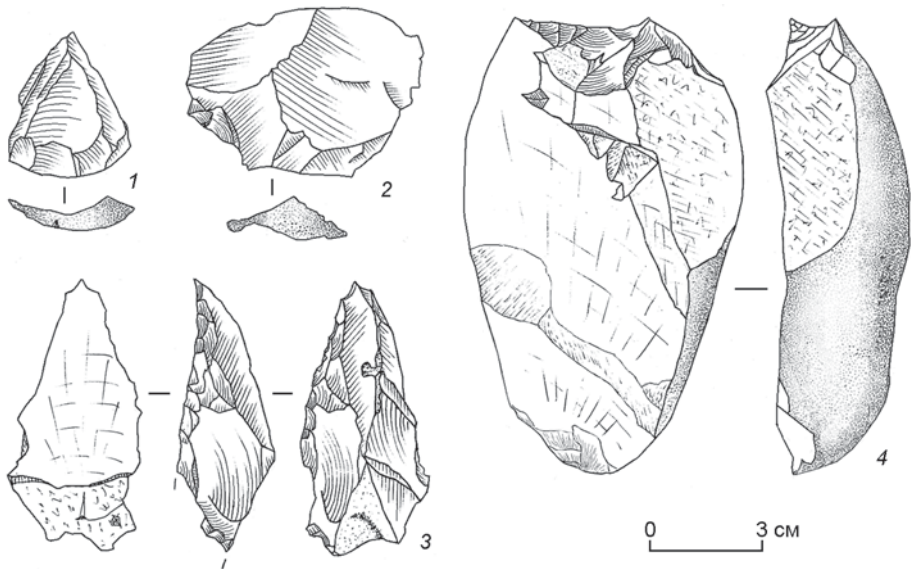

Рис. 3. Каменные артефакты с раскопов 3 и 4 (2024 г.) стоянки Хонако III (*рисунки Т.У. Худжагелдиева*).
1 – раскоп 3 (ПК 4); *2–4* – раскоп 4 (ПК 5).
1, 2 – отщепы; *3* – скребло; *4* – скребловидное/струг.

однако детальное изучение положения палеопочв в сае Хонако III показало более надежную привязку раскопанного уровня с ПК 6. Максимальная ширина раскопа 4 составила 3 м при общей глубине вскрытия 3,5 м, а максимальная площадь на уровне подошвы ПК 6 – 4,5 м^2 (3,0 × 1,5 м).

На исследованном участке было выявлено следующее строение вскрытой толщи отложений (сверху вниз, сокращенное описание):

Слой 1. 0–0,5 м. Суглинок средний, желтовато-коричневый, глыбисто-комковатый, рыхлый, со следами оползневых процессов, обилие корней. Современная почва. Переход резкий.

Слой 2. 0,5–1,2 м. Суглинок средний, желто-коричневатый, комковатый, обогащен $CaCO_3$ по порам. Горизонт LB палеопочвы 6А, верх которой срезан оползневыми процессами.

Слой 3. 1,2–1,6 м. Суглинок средний, коричневатый, глыбисто-комковатый, плотный, слабопористый. Горизонт B палеопочвы 6В. Переход явный.

Слой 4. 1,6–2,0 м. Суглинок средний, коричневый, глыбисто-комковатый, слабопористый, много $CaCO_3$ по мелким порам. Горизонт Bca палеопочвы 6В. Переход заметный.

Слой 5. 2,0–2,2 м. Суглинок средний, желтовато-коричневый, глыбисто-комковатый, слабопористый, насыщен $CaCO_3$. Горизонт Bca2 палеопочвы 6В. Переход заметный.

Слой 6. 2,2–2,4 м. Суглинок средний, коричневато-желтый, глыбистый, плотный, в пропитке много $CaCO_3$. Горизонт Bca палеопочвы 6В. Переход заметный.

Слой 7. 2,4–2,7 м. Суглинок средний, комковато-глыбистый, менее плотный, $CaCO_3$ по трещинам до 3 мм и редким порам. Переход заметный.

Слой 8. 2,7–3,1 м. Суглинок средний, коричневый, глыбисто-комковатый, редкие конкреции $CaCO_3$. Горизонт Bmca палеопочвы 6В. Переход постепенный.

Слой 9. 3,1–3,7 м. Суглинок средний, коричневый, глыбисто-комковатый, плотный, $CaCO_3$ по порам и трещинами, ходы педофауны до 10 мм, единичные конкреции $CaCO_3$. Горизонт Bnz палеопочвы 6В. Почва продолжается ниже уровня раскопа.

Весь археологический материал залегал на разных уровнях, не образуя четко видимых горизонтов и скоплений. Тем не менее наблюдается определенная концентрация артефактов в верхней части раскопа, в кровле и в нижней части палеопочвы 6В. Между этими уровнями залегает археологически немая толща мощностью более 1 м.

В сводной коллекции находок из раскопа 4 (9 экз.) присутствуют следующие типы изделий: мелкие гальки – 4 экз., колотая галька – 1 экз., отщепы – 2 экз., обломки и осколки – 2 экз.

Отщепы крупные, один фрагментирован. Определимая ударная площадка – естественная; огранка дорсалов – продольно-поперечная (рис. 3, *2*).

Орудий набор (2 экз.) включает продольное однолезвийное скребло с массивным естественным обушком, изготовленное на отщепе (рис. 3, *3*), и скребловидное изделие, близкое по оформлению к стругам, выполненное на крупной продольно рассеченной гальке (рис. 3, *4*).

Кроме того, крупный фрагмент скола с субпараллельной огранкой дорсала был зафиксирован *in situ* в отложениях ПК 5 на естественном обнажении в 200 м к северо-востоку от раскопа 3 (тот же участок, где был обнаружен скол в ПК 4).

Анализируя полученные в 2024 г. на этом участке памятника результаты, можно заключить следующее.

Археологический материал в ПК 4 прослеживается на северо-восток от основного участка работ 1990-х гг. на несколько сот метров, однако его концентрация здесь существенно меньше. Кроме того, увеличение мощности склоновых отложений в этом направлении позволяет вести раскопки на уровнях ниже ПК 2 только после проведения масштабных вскрышных работ. Коллекция, полученная из ПК 4 в текущем году, очень малочисленна и непредставительна. Вместе с тем она не содержит никаких предметов, которые бы выбивались из общего индустриального облика ассамбляжей, происходящих из этих отложений, установленного по результатам работ предыдущих лет. Их характеризует значительный процент манупортов (мелкие и средние гальки), практически полное отсутствие нуклевидных форм; большой процент сколов разжелвачивания (~25 %); преимущественно мелкая и средняя размерность отщепов; естественные или гладкие ударные площадки сколов; большой процент орудийных форм (33 % коллекции, без учета манупортов и отходов производства), включающих в основном скребла, атипичные скребки, чопперы, выемчатые изделия, а также немногочисленные резцы/резчики, зубчатые изделия, ножи и острия [Ранов, Худжагелдиев, Шефер, 2004]. Материалы нового комплекса находок из ПК 4, как и основная коллекция, полученная из этих отложений ранее, в целом вписываются в общий контекст раннепалеолитических индустрий каратауской культуры, хотя и имеют ряд особенностей, отличающих ее от основных комплексов МИС 11, зафиксированных на стоянках Оби-Мазар IV и Лахути IV (раскоп 4) [Ранов, 2005; Анойкин и др., 2023]. В первую очередь, это очень небольшой процент нуклевидных форм, явное преобладание мелких сколов и значительная доля орудий. Скорее всего, данные различия объясняются разницей в типах памятников, т.к. если Оби-Мазар IV и Лахути IV являются стоянками-мастерскими, расположенными на берегу крупной реки, то Хонако III относится к кратковременным охотничьим стоянкам, локализованным в 3 км от русла Оби-Мазара, являющегося основным источником каменного сырья. Расположение в крупном боковом сае, на его высоком борту, позволяло контролировать значительную часть долины, до сих пор являющуюся местом сезонной охоты (кабан, медведь, олень), но удаленность от сырьевых источников определяла, что каменное производство на месте стоянки было в основном связано с изготовлением орудий, их подживлением и переоформлением. С учетом наличия в орудийном наборе крупных галечных форм (чопперы) можно считать, что часть сколов разжелвачивания была получена в результате оформления их рабочих лезвий, а не как продукт нуклеусного расщепления. Интересным фактом является то, что практически все найденные гальки имеют небольшие размеры и явно непригодны для регулярного раскалывания. В.А. Ранов предполагал их использование в качестве метательных снарядов при охоте на пернатую дичь [Ранов, Худжагелдиев, Шефер, 2004, с. 88]. Удаленность от источника сырья и специализированная охотничья деятельность, определяющая также и кратковременность посещения, не могли не сказаться на количестве археологического материала на стоянке, где концентрация каменных артефактов в несколько раз меньше, чем на стоянках-мастерских в районе кишлака Лахути [Ранов, Шефер, 2000; Anoikin et al., 2023]. Кроме того, следует отметить, что в результате работ 2024 г. впервые на памятнике было зафиксировано поуровневое залегание артефактов в ПК 4, до этого наблюдавшееся только на памятнике Лахути IV и считавшееся не характерным для стоянок лессового палеолита региона [Ранов, Шефер, 2000].

Также в результате работ 2024 г. на Хонако III впервые был зафиксирован массовый археологический материал на уровнях древнее МИС 11 – в ПК 6, который, по современным представлениям, соотносится с МИС 15 (621–563 тыс. л.н.) [Додонов, 2002], что позволило значительно удревнить хронологию памятника. Характер полученной из раскопа 4 коллекции соответствует основным параметрам технокомплексов каратауской культуры, залегавших в ПК 6 на других объектах лессового палеолита (Каратау I, Оби-Мазар VI) [Ранов, Шефер, 2000; Ранов, Каримова, 2005]. При этом артефакты из ПК 6 по своим технико-типологическим характеристикам и особенностям залегания (локализация находок по уровням, большое количество мелких галек, отсутствие нуклевидных форм, присутствие крупных галечных орудий) близки таковым выявленных ранее ассамбляжей ПК 4 и в целом для всего комплекса находок с Хонако III. Это может свидетельствовать о том, что характер хозяйственной деятельности древних обитателей на территории памятника мало изменялся за все время его функционирования и соответствовал типу кратковременных охотничьих стоянок, локализованных в удалении от источников сырья, но неоднократно и относительно регулярно посещавшихся в течение времени формирования одного ПК.

Проведенные работы также показали, что, несмотря на доказанное присутствие археологического материала на участках ПК 4 и ниже, незатронутых раскопками 1990-х гг., перспектива исследования памятника Хонако III в рамках изучения раннепалеолитических комплексов представляется незначительной. Это определяется двумя обстоятельствами: 1) низкой концентрацией археологического материала, связанной как с хозяйственным типом памятника, так и с общей спецификой стоянок лессового палеолита региона; 2) геоморфологической ситуацией, вследствие которой раскопки на этих уровнях обнажения предполагают очень большие объемы вскрышных работ, несоизмеримые с ожидаемым результатом.

Благодарности

Полевые исследования выполнены при финансовой поддержке РНФ – грант № 22-18-00568, https://rscf.ru/project/22-18-00568/. Анализ имеющихся археологических и геологических источников выполнен в рамках исследований по программе НИР № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды».

Список литературы

Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., Худжагелдиев Т.У., Сосин П.М., Шарипов А.Ф., Курбанов Р.Н. Лахути IV – новая стоянка лессового палеолита в Таджикистане // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2023. – Т. 51, № 2. – С. 3–13. – doi:10.17746/1563-0110.2023.51.2.003-013

Додонов А.Е. Четвертичный период Средней Азии: Стратиграфия, корреляция, палеогеография. – М.: ГЕОС, 2002. – 250 с.

Курбанов Р.Н., Анойкин А.А., Филимонова Т.Г., Караев А.Ч., Мещерякова О.А., Кулакова Е.П., Филатов Е.А., Чистяков П.В., Шарипов А.Ф. Геоархеологические исследования на памятнике Хонако III в Южном Таджикистане в 2022 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 157–163.

Ранов В.А. Раскопки в 4–6 палеопочвах лессово-почвенного разреза Оби-Мазар в 1995 и 1997 годах // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2005. – Вып. XXX. – С. 14–32.

Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 248 с.

Ранов В.А., Лаухин С.А., Худжагелдиев Т.У., Шефер Й. Раскопки второй палеопочвы стоянки Хонако III в 1997 году // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2003. – Вып. XXVIII. – С. 18–63.

Ранов В.А., Худжагелдиев Т.У., Шефер Й. Раскопки 4-й палеопочвы разреза Хонако III (Южный Таджикистан) в 2000 г. // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2004. – Вып. XXIX. – С. 71–120.

Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 20–32.

Худжагелдиев Т.У., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., Курбанов Р.Н. Геоархеологические исследования памятников «лёссового палеолита» в долине р. Оби-Мазар весной 2021 г. // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе: Шохин-С, 2023а. – Вып. XLIV. – С. 93–110.

Худжагелдиев Т.У., Анойкин А.А., Сосин П.М., Караев А.Ч., Мещерякова О.А., Курбанов Р.Н. Исследования среднепалеолитического комплекса стоянки Хонако III (Южный Таджикистан) в 2023 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023б. – Т. XXIX. – С. 424–430.

Anoikin A., Sosin P., Rybalko A., Khudjageldiev T., Sharipov A., Karayev A., Kulakova E., Meshcheryakova O., Tokareva O., Kurbanov R. Lakhuti IV – A new site of the early Palaeolithic in Central Asia (Tajikistan) // Archaeological Research in Asia. – 2023. – Vol. 35. – P. 100466. – doi:10.1016/j.ara.2023.100466

Schäfer J.M., Ranov V.A., Sosin P.M. The "Cultural Evolution" of Man and the Chronostratigraphical Background of Changing Environments in the Loess Palaeosoil Sequences of Obi-Mazar and Khonako (Tadjikistan) // Anthropologie. – 1998. – Vol. XXXVI, N 1–2. – P. 121–135.

References

Anoikin A.A., Rybalko A.G., Khudjageldiev T.U., Sosin P.M., Sharipov A.F., Kurbanov R.N. Lakhuti IV: A New Site of the Loessic Paleolithic in Tajikistan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2023. Vol. 51, No. 2. P. 3–13. doi:10.17746/1563-0110.2023.51.2.003-013

Anoikin A., Sosin P., Rybalko A., Khudjageldiev T., Sharipov A., Karayev A., Kulakova E., Meshcheryakova O., Tokareva O., Kurbanov R. Lakhuti IV – A new site of the early Palaeolithic in Central Asia (Tajikistan). *Archaeological Research in Asia*, 2023b. Vol. 35. P. 100466. doi:10.1016/j.ara.2023.100466

Dodonov A.E. Quaternary period of Central Asia: Stratigraphy, correlation, paleogeography. Moscow: GEOS Publ., 2002. 250 p. (In Russ.).

Khudjageldiev T.U., Anoikin A.A., Rybalko A.G., Kurbanov R.N. Geoarcheological research of the "Loess Paleolithic" sites in the valley of the Obi-Mazar River in spring 2021. In *Archaeological research in Tajikistan*, Dushanbe: Shohin-S, 2023. Vol. 44. P. 71–120. (In Russ.).

Khudjageldiev T.U., Anoikin A.A., Sosin P.M., Karayev A.C., Meshcheryakova O.A., Kurbanov R.N. Study of the Middle Paleolithic Complex of the Khonako III Site (Southern Tajikistan) in 2023. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 19. P. 424–430. (In Russ.).

Kurbanov R.N., Anoikin A.A., Filimonova T.G., Karaev A.C., Meshcheryakova O.A., Kulakova E.P., Filatov E.A., Chistyakov P.V., Sharipov A.F. 2022 Geoarchaeological Study at Khonako III Site in Southern Tajikistan. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 28. P. 157–163. (In Russ.).

Ranov V.A. Raskopki v 4–6 paleopochvakh lyossovo-pochvennogo razreza Obi-Mazar v 1995 i 1997 godakh In *Archaeological research in Tajikistan.* Dushanbe, 2005. Vol. 30. P. 14–32. (In Russ.).

Ranov V.A., Khudjageldiev T.U., Shefer I. Raskopki 4-i paleopochvy razreza Khonako III (Yuzhnyi Tadzhikistan) v 2003 g. In *Archaeological research in Tajikistan.* Dushanbe, 2004. Vol. 39. P. 71–120. (In Russ.).

Ranov V.A., Karimova G.R. Stone Age of Afghan-Tajik Depression. Dushanbe: Devashtich, 2005. 248 p. (In Russ.).

Ranov V.A., Laukhin S.A., Khudjageldiev T.U., Shefer I. Raskopki vtoroi paleopochvy stoyanki Khonako III v 1997 godu. In *Archaeological research in Tajikistan,* Dushanbe, 2003. Vol. 37. P. 18–63. (In Russ.).

Ranov V.A., Shefer I. Loess Paleolithic. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000. No. 2. P. 20–32.

Schäfer J.M., Ranov V.A., Sosin P.M. The "Cultural Evolution" of Man and the Chronostratigraphical Background of Changing Environments in the Loess Palaeosoil Sequences of Obi-Mazar and Khonako (Tadjikistan). *Anthropologie*, 1998. Vol. 36. No. 1–2. P. 121–135.

Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092
Худжагелдиев Т.У. https://orcid.org/0000-0002-1819-3715
Шарипов А.Ф. https://orcid.org/0009-0001-3043-207X
Курбанов Р.Н. htts://orcid.org/0000-0001-6727-6202

Дата сдачи рукописи: 25.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0257-0263
УДК 902.01

А.Г. Рыбалко[1]✉, Р.Н.Курбанов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Каменная индустрия раннего этапа среднего палеолита стоянки Дарвагчай-Залив-1 (Юго-Восточный Дагестан)

Статья посвящена результатам исследований среднепалеолитического комплекса памятника Дарвагчай-Залив-1. Основное внимание отведено анализу коллекции каменных артефактов и определению точных хронологических позиций исследуемой индустрии. Обнаруженные археологические материалы залегали в слое палеопочвы. Анализ планиграфии и стратиграфии показывает, что артефакты претерпели минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. Каменный инвентарь характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором. Наличие кострищ без следов конструкций в совокупности с рассеянностью археологического материала на широкой площади свидетельствуют о многократном кратковременном посещении древним человеком территории стоянки. Хронологически время его существования на данной территории определено на основе естественно-научных данных и абсолютного датирования периодом рисс-вюрмского (эемского, микулинского) межледниковья, в интервале 125–110 тыс. лет (МИС 5е). По всем основным параметрам данный комплекс демонстрирует определенную культурно-хронологическую близость с каменными индустриями пещерных комплексов южной части Центрального Кавказа. В то же время существенные отличия технико-типологического облика каменной индустрии с ярко выраженными леваллуазскими чертами позволяют говорить о специфическом облике среднего палеолита Юго-Восточного Дагестана. Анализ всех имеющихся данных позволяет заключить, что, несмотря на значительное количество известных среднепалеолитических памятников на Кавказе, прямых аналогий с археологическими материалами исследуемой стоянки в настоящее время проследить не представляется возможным. Это может быть связано как с немногочисленностью материалов представленной индустрии, так и с имевшимся в то время культурным разнообразием, не исключающим возможность существования на данной территории оригинальной среднепалеолитической культуры.

Ключевые слова: *Кавказ, Дагестан, средний палеолит, рисс-вюрм, первичное расщепление, орудийный набор, леваллуа.*

A.G. Rybalko[1]✉, R.N. Kurbanov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Stone Industry of the Early Middle Paleolithic at the Darvagchai-Zaliv-1 Site (Southeastern Dagestan)

This article discusses the Middle Paleolithic complex of the Darvagchai-Zaliv-1 site, focusing on the collection of stone artifacts and chronological positions of the industry. Archaeological artifacts were deposited in a layer of paleosol. The stone inventory was distinguished by the Levallois splitting technique and Middle Paleolithic toolkit. The presence of fire pits without traces of structures, together with scattering of archaeological evidence over a wide area, indicate multiple short-term visits to the site by ancient humans, which chronologically corresponds to the Riss-Wurm (Eem, Mikulin) interglacial in 125–110 ka BP (MIS 5e) according to the data of natural sciences and absolute dating. According to all main parameters, this complex demonstrates some cultural and chronological similarities to stone industries of cave complexes in the southern part of the Central Caucasus. However, significant differences in technical and typological appearance of the stone industry with the pronounced Levallois features make it possible to speak about specific outlook of the Middle Paleolithic of Southeastern Dagestan. An analysis of all available data indicates

that despite the significant number of the known Middle Paleolithic sites in the Caucasus, it is currently not possible to find direct parallels to the archaeological evidence from Darvagchai-Zaliv-1. This may be caused both by scarcity of evidence from the industries and cultural diversity at that time which did not exclude an original Middle Paleolithic culture in this territory.

Keywords: *Caucasus, Dagestan, Middle Paleolithic, Riess-Wurm, primary cleavage, toolkit, Levallois technique.*

Введение

Территория Дагестана оставалась до недавнего времени одной из наименее изученных в археологическом плане областей Кавказа. У большинства открытых здесь палеолитических местонахождений культурные горизонты были частично или полностью разрушены [Любин, 1977]. Чтобы выявить технико-типологические особенности памятников, определить их культурно-хозяйственный тип, хронологию и палеоклиматические условия существования, провести сравнительный анализ индустрий, необходимо опираться в первую очередь на стоянки, где сохранились культуросодержащие отложения.

В последнее десятилетие заметно активизировались работы в области изучения палеолита Дагестана. В результате проведенных здесь комплексных исследований изучено около двадцати разновременных палеолитических объектов [Проблемы..., 2012, с. 68–246]. Одной из наиболее информативных из них являются многослойная стоянка Дарвагчай-Залив-1, расположенная на территории Дарвагчайского геоархеологического района [Рыбалко, Кандыба, 2019]. Основной целью данной работы является обобщение и анализ всех накопленных в ходе многолетних исследований материалов (археологических и естественно-научных) о раннем этапе среднего палеолита Юго-Восточного Дагестана.

Археологические комплексы Юго-Восточного Дагестана

Местонахождение Дарвагчай-Залив-1, обнаруженное в 2007 г., локализовано на крутом юго-западном склоне древнекаспийской террасы. Раскопки на памятнике проводились с 2010 по 2019 г. Всего было открыто и изучено четыре культурно-хронологических комплекса, материалы которых охватывают период от позднего этапа раннего до финала среднего палеолита. Один из них (комплекс 2), расположенный в верхней части склона террасы, представленный каменными изделиями раннего этапа среднего палеолита, изучался в 2012–2014 и 2019 гг. [Рыбалко, 2021]. В процессе исследований на площади 87 м^2 были вскрыты отложения до 3,6 м от дневной поверхности. Описание разреза (сверху вниз) (рис. 1):

Слой 1а. Серо-коричневый суглинок. Техногенная толща – 0,35–0,45 м.

Слой 1б. Светло-коричневый суглинок. Частично нарушен в процессе сельскохозяйственной деятельности – 0,35–0,45 м.

Слой 2. Лессовидный светло-коричневый суглинок. Генезис эолово-делювиальный – 0,6–0,85 м.

Слой 3. Буро-коричневый тяжелый суглинок – 0,65–1,2 м.

Слой 4. Плотный желтовато-коричневый тяжелый суглинок. Генезис делювиально-эоловый – 0,45–0,6 м.

Нижележащие слои прослежены в шурфе до 8,5 м от дневной поверхности в процессе отбора образцов для палеомагнитных исследований.

Представленный разрез (исключая верхнюю техногенную часть) является опорным для среднего палеолита Дарвагчайского геоархеологического района. Это объясняется как полнотой и мощностью вскрытых лессо-почвенных осадков, так и высокой степенью изученности, что дает возможность проводить сравнительный анализ с основными среднепалеолитическими памятниками Дагестана и Кавказа на более обоснованном и информативном уровне.

Археологические материалы залегали в слое 3. Текстура горизонта пятнистая из-за многочисленных кротовин и карбонатных стяжений. В нижней трети слоя отмечены небольшие скопления, а также многочисленные разрозненные угольки. К основанию слоя приурочено и большинство каменных изделий. Здесь же зафиксировано несколько скоплений артефактов с небольшим вертикальным разбросом (до 10 см), среди которых встречаются аппликирующиеся между собой фрагменты сколов. Судя по четкому планиграфическому контексту, эти участки не подверглись существенной деформации. Помимо этого, в нижней трети палеопочвы обнаружено два кострища, которые представлены в виде пятен прокала диаметром 40–45 см и мощностью 2–3 см, без следов какого-либо оформления. В обоих кострищах обнаружены сильно обожженные каменные артефакты, что позволяет утверждать их антропогенное происхождение. Остатки млекопитающих полностью отсутствуют, что объясняется химическим составом отложений, в результате чего происходило быстрое разрушение органических материалов.

Археологическая коллекция, включающая 443 артефакта, состоит из: нуклевидных форм (39), пластин и пластинчатых отщепов (15), отщепов (288, из них 6 обожжены), технических сколов (8), обломков и осколков (74, из них 2 обожжены), чешуек (14), галек (5). Процентное соотношение основных типов изделий: нуклевидные – 9 %; пластины и пластинчатые отщепы – 4 %; отщепы – 65 %; технические сколы – 1,8 %.

Нуклевидные изделия представлены типологически выраженными ядрищами (25), их обломками (7) и фрагментами (7). Большая часть нуклеусов (20) пред-

ставляет леваллуазскую систему расщепления (рис. 2, *7*, *8*; 3, *1–4*). Основные различия этой группы определяются размерами и степенью утилизации. Изделия имеют округлые или подпрямоугольные очертания, оформленные центростремительными сколами рабочие плоскости и слабовыпуклые площадки. Нуклеусы параллельного принципа расщепления представлены одноплощадочными (3) и двухплощадочными (2) монофронтальными разновидностями. Определимые, остаточные ударные площадки на сколах в основном гладкие (62 %) или сохраняют естественную поверхность (16 %); двухгранные (6 %), фасетированные (12 %) и точечные (4 %) встречаются намного реже. Среди огранок дорсалов доминируют субпараллельные однонаправленные (46 %), бинаправленные (10 %) и продольно-поперечные (15 %), остальные представлены естественными (12 %), радиальными (8 %) и бессистемными (9 %) разновидностями.

Орудийный набор (30 экз., 7 %) состоит из 23 изделий со следами вторичной обработки, кроме этого, сюда включены два леваллуазских отщепа, четыре отбойника (см. рис. 2, *4*) и ретушер. Наиболее выразительная группа объединяет леваллуазские сколы с ретушью (2) (см. рис. 2, *1*), скребла (4) (см. рис. 2, *2*, *5*, *6*), нож и атипичное острие (рис. 3, *6*). Наиболее многочисленными изделиями являются выемчатые формы (5) (рис. 3, *5*), сколы и обломки с ретушью (10) (см. рис. 2, *3*; 3, *7*).

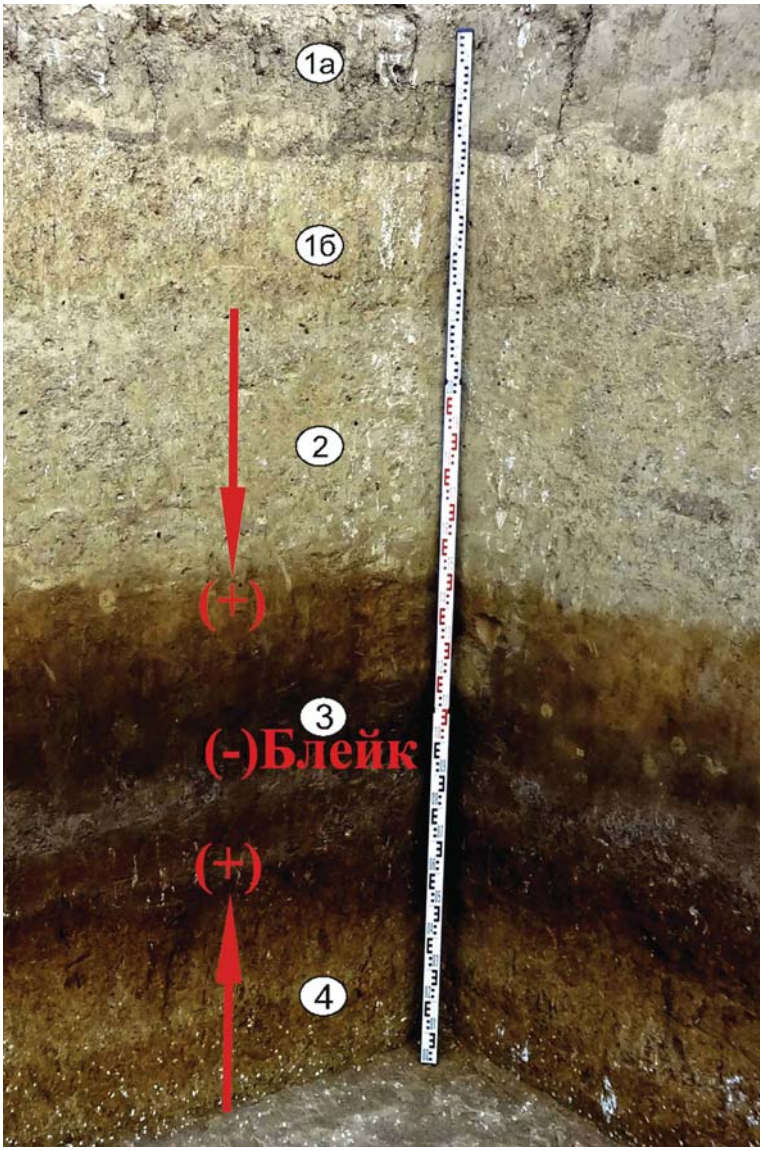

Рис. 1. Северо-западная и юго-западная стенки раскопа стоянки Дарвагчай-Залив-1. Расположение зон остаточной намагниченности.

Этапы заселения и освоения человеком территории Юго-Восточного Дагестана должны рассматриваться с учетом изменения природных условий. В данный период на прикаспийской части Дагестана аридный засушливый климат, здесь мало рек и других источников пресной воды, испаряемость значительно превышает атмосферные осадки. В этих засушливых районах, занятых степями и полупустынями, население испытывает крайний недостаток пресной воды.

Для выяснения палеоклиматической обстановки в период накопления вскрытых отложений на палинологический анализ были взяты пробы из разреза памятника Дарвагчай-Залив-1, исключая техногенный слой 1, всего 15 образцов. Проведенный анализ (автор работ Е.М. Бурканова, Томский государственный университет) показал крайне низкое содержание органического вещества, что, вероятно, объясняется постседиментационными условиями и воздействием агрессивной химической среды вмещающих отложений. Отмеченные в препаратах миоспоры в основном имеют плохую сохранность, что не позволило провести более точное их определение. Больше всего растительных остатков содержит слой 3 (палеопочва). Определимые миоспоры относятся к следующим таксонам: *Pinaceae*, *Tsuga* sp., *Yuglans* sp., *Betulacea/Myrica* sp., *Poacea*, *Asteraceae*, *Sphagnum* sp. Часть миоспор определена на основе искусственной систематики: *Tricolpollenites* sp., *Triletes* sp. В ходе исследований в образцах из слоя 3 отмечены в большом количестве частицы угля, а также фрагменты обугленных растительных тканей и фитолиты, принадлежащие древесным и луговым растениям. Ряд других косвенных признаков (большое количество кротовин, угольков и примазок древесного угля) позволяют утверждать, что эта территория не была засушливой, а скорее всего, относилась к лесостепи, найденные фитолиты и миоспоры позволяют предположить

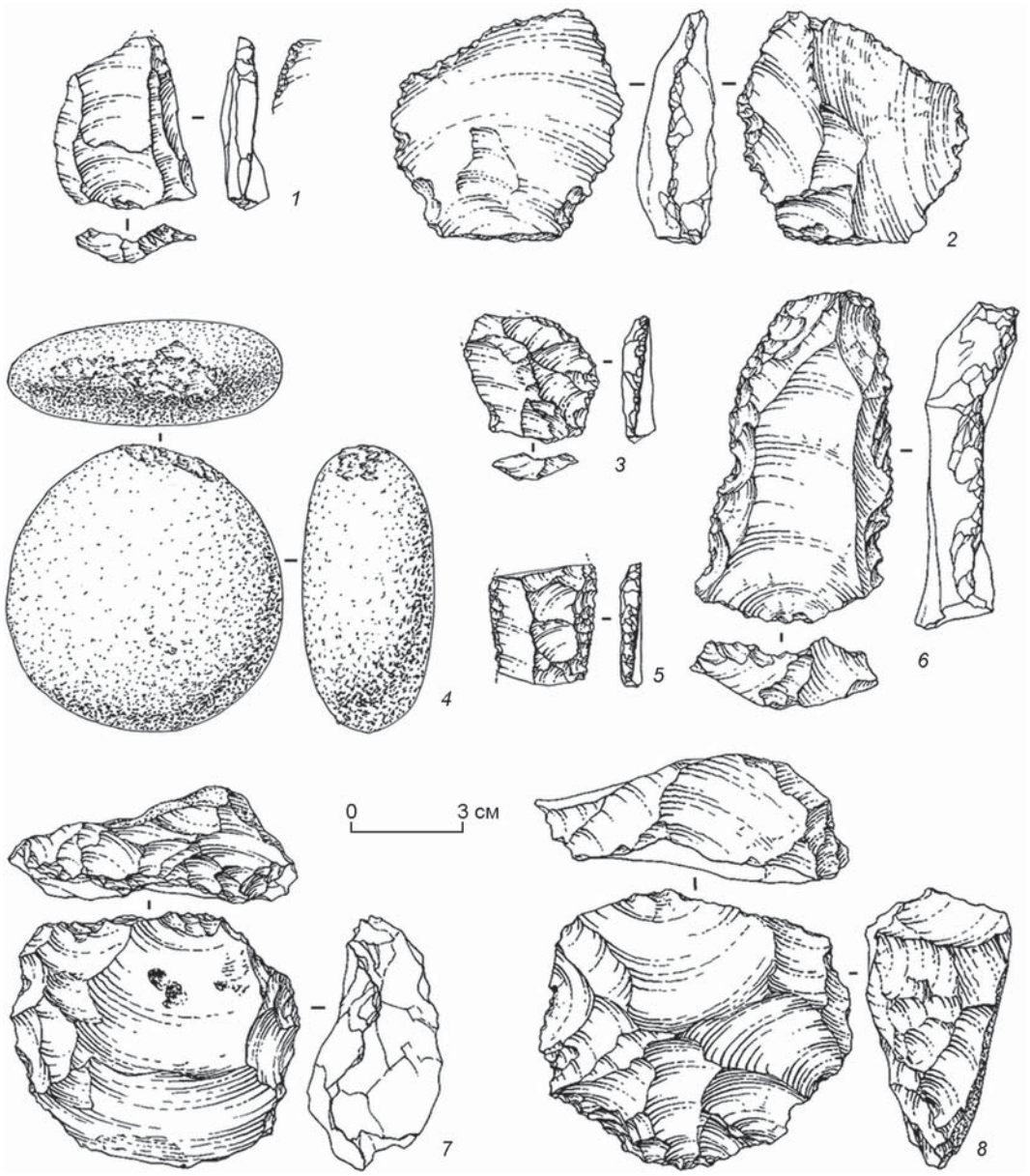

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Дарвагчай-Залив-1 (комплекс 2).
1 – леваллуазский отщеп; *2*, *5*, *6* – скребла; *3* – отщеп с ретушью; *4* – отбойник; *7*, *8* – нуклеусы.

произрастание деревьев и луговых трав в период накопления слоя палеопочвы.

В 2014–2015 гг. для образцов (76 шт.) с местонахождения Дарвагчай-Залив-1 (комплекс 2) в Палеомагнитном центре ИНГГ СО РАН были выполнены петромагнитные и палеомагнитные исследования. В результате проведенных работ в слое палеопочвы была установлена отрицательная остаточная намагниченность (эпизод Блейк 120–100 тыс. л.н.).

Вопросы хронологии, связанные с установлением возраста археологических памятников, являются одними из самых сложных. Для определения точных хронологических рамок необходимо было провести абсолютное датирование культуросодержащих горизонтов стоянки. Традиционным и наиболее часто используемым методом датирования является радиоуглеродный. Однако возможности его применения ограничены малым хронологическим интервалом и высокими требованиями к сохранности и качеству органического материала. В нашей ситуации, в условиях полного отсутствия фаунистического материала, единственной альтернативой являлся метод OSL – оптически стимулируемое люминесцентное датирование. Одним из главных его достоинств является широкое распространение пригодного для датирования материала. Им являются зерна кварца и полевых шпатов. Датирование по кварцу ограничено периодом до 100–150 тыс. лет, по полевым шпатам – до 400–500 тыс. лет. Метод основан на оценке поглощенной дозы радиации за период захоронения осадка.

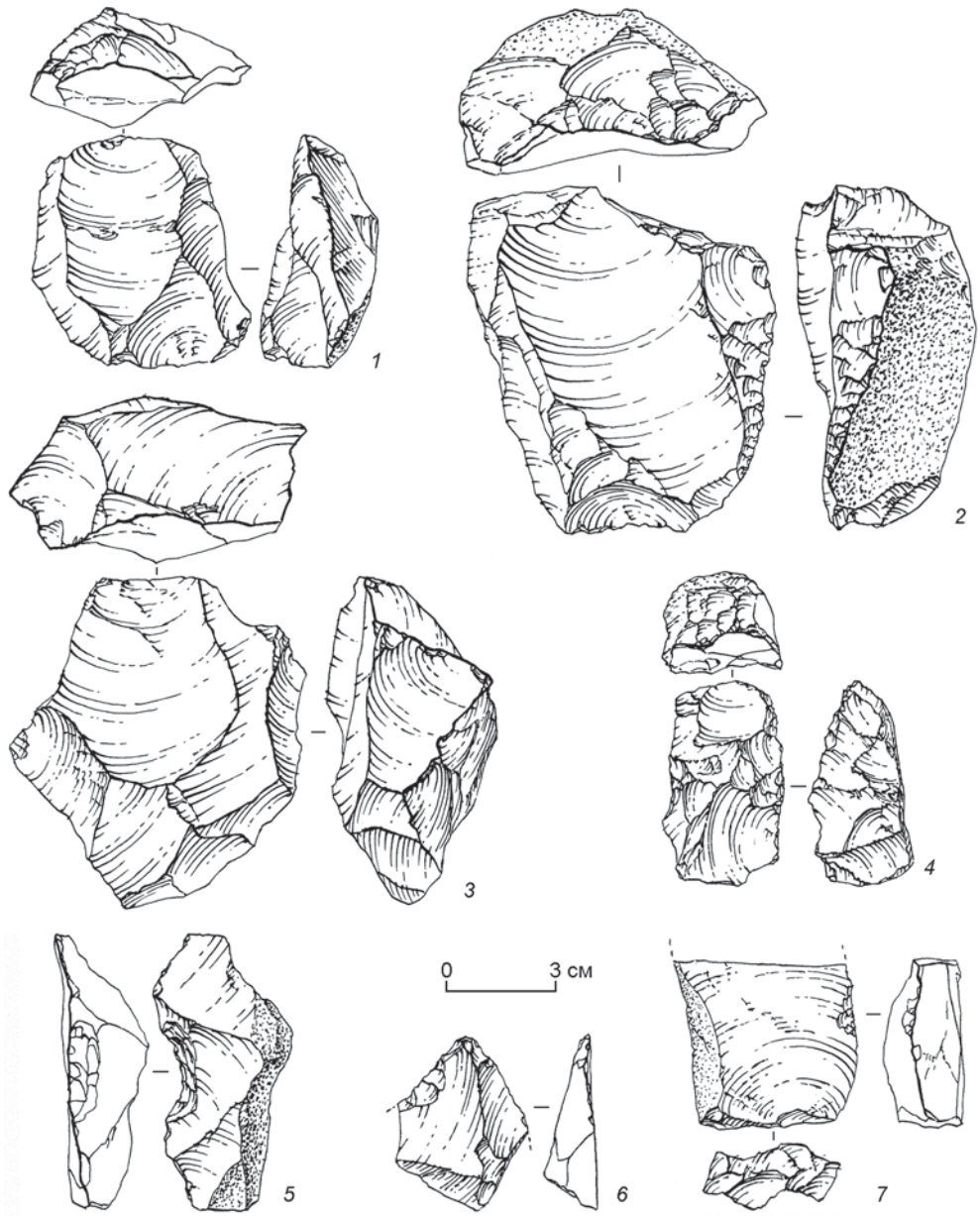

Рис. 3. Каменные артефакты стоянки Дарвагчай-Залив-1 (комплекс 2).
1–4 – нуклеусы; *5* – выемчатое орудие; *6* – острие; *7* – отщеп с ретушью.

Время захоронения и определяется OSL-возрастом, он применим для субаэральных (лессо-почвенных), русловых, пойменных и других отложений.

В 2022 г. с разреза стоянки Дарвагчай-Залив-1 была отобрана серия образцов. Пробоподготовка для OSL-датирования выполнена в лаборатории МГУ, а сам анализ – в г. Орхус (Дания). Полученная в 2023 г. хронология по 6 образцам позволила впервые определить возраст всех основных стратиграфических подразделений разреза. Из лессовидного суглинка (слой 2) получены две даты: 65,9 ± 4,2 и 97,0 ± 7,3 тыс. л.н. Погребенная почва (культуросодержащий горизонт) охарактеризована датировками в 110,9 ± 8,3 и 121,9 ± 11,7 тыс. л.н. Образцы из нижележащего слоя 4 дали возраст 200,1 и 197,4 тыс. л.н.

Для более полного понимания палеоклиматической обстановки на исследуемой территории было необходимо сопоставить установленный хронологический период с фазами активности Каспийского моря. По мнению Т.А. Абрамовой, анализ палеоботанических данных показывает прямую взаимосвязь между изменениями климата, сменой растительного покрова и колебаниями уровня Каспийского моря. При сопоставлении палинологических данных отмечается четкая закономерность: максимальный уровень моря в ту или иную трансгрессию характеризуется наиболее «лесистыми» типами спектров. Изучаемый интервал (МИС 5) относится к заключительной стадии хазарского цикла (позднехазарской трансгрессии). На территории Западного Прикаспия

в это время отмечается распространение древесной растительности, представленной участками смешанных и широколиственных лесов. Фиксируется присутствие пыльцы сосны, березы, орешника и ольхи. На прибрежной равнине и в предгорьях была значительно развита луговая травянистая растительность. С развитием и формированием флоры неразрывно связаны изменения в фаунистических сообществах. Анализ состава крупных млекопитающих свидетельствует об увеличении фаунистических сообществ, приспособленных к обитанию на пространствах лесостепного типа [Абрамова, 1982].

Результаты исследований

Артефакты данного комплекса памятника Дарвагчай-Залив-1 связаны исключительно со слоем палеопочвы. Перекрывающие и подстилающие геологические горизонты стерильны в археологическом плане, что полностью исключает возможность попадания в коллекцию артефактов из других культурно-хронологических групп. Анализ планиграфии и микростратиграфии показывает, что большая часть каменных изделий залегают *in situ*. Об этом свидетельствуют горизонтальная ориентация практически всех находок, образующих небольшие изолированные скопления, в пределах которых встречаются аппликирующиеся предметы. В то же время отмечается, что незначительная часть находок рассеяна по всей мощности культуросодержащих горизонтов, что, видимо, связано с деятельностью землеройных животных и делювиальными процессами. Все каменные изделия, независимо от сырья, имеют одинаковую (очень хорошую) степень сохранности поверхности. В представленной коллекции отражены все значимые категории каменных изделий, характерные для среднепалеолитических комплексов.

Индустрия относится к типу моносырьевых. Основное количество каменных артефактов изготовлено из окремненного известняка (88 %), реже использовался кремень (10 %) и известняк (2 %). Окремненный известняк, встречающийся в большом количестве в виде галек крупных и средних размеров, представляет собой пластичную и твердую породу (5–6 по шкале Мооса), хорошо поддающуюся расщеплению. Кремень – сырье в основном мелкоразмерное с большим количеством внутренних дефектов (определение канд. геол.-мин. наук Н.А. Кулик). Эти и другие породы в виде галек и обломков хорошо представлены в естественных обнажениях в центральной части склона и у основания террасы.

Первичное расщепление данной индустрии основано на леваллуазской технологии, которая представлена преимущественно в ее классическом виде (черепаховидными нуклеусами для отщепов). Для большинства ядрищ характерна высокая степень утилизации, а целевыми заготовками были отщепы крупных и средних размеров. Пластины представлены единичными экземплярами. Не ретушированные леваллуазские острия первого и второго снятия отсутствуют полностью. Среди определимых ударных площадок преобладают гладкие и естественные, фасетированных и особенно двугранных намного меньше. Большинство сколов не имеет на дорсалах желвачной корки, что, по всей видимости, свидетельствует о предварительной апробации исходного сырья и оформлении пренуклеусов за пределами территорий стоянок. Вероятно, эти операции изначально производились в местах скопления сырья. Орудийный набор немногочисленный, однако в нем представлены единичные хорошо оформленные изделия, такие как леваллуазские сколы, скребла, ножи. Скребла демонстрируют как простые одинарные, так и двойные продольные и конвергентные типы, ножи с естественными и на грани скола разновидностями обушков. Однако главными категориями изделий являются невыразительные выемчатые формы и отщепы с эпизодической ретушью.

Все вышеперечисленные факты позволяют отнести памятники к типу кратковременных стоянок-мастерских. Здесь производилось скалывание серий заготовок для последующего изготовления орудийных форм. При этом большая часть этих заготовок, а также все тщательно оформленные целые изделия со стоянок уносились. Этим, прежде всего, объясняется наличие большого количества сильно сработанных нуклеусов, отбойников и ретушеров, малочисленность и типологическое однообразие орудийного набора. Не противоречат этим выводам и данные планиграфии: небольшое количество каменных изделий в пятнах концентрации находок и наличие кострищ без следов каких-либо конструкций. Тем не менее, несмотря на эти ограничения, связанные с узконаправленной спецификой памятника, рассматриваемая коллекция позволяет установить общие технико-типологические характеристики представленной индустрий. Подробный анализ полученных археологических материалов и возраст вмещающих отложений позволяют утверждать, что они соответствуют раннему этапу среднего палеолита.

Результаты междисциплинарных исследований, проведенных на изучаемом памятнике, позволяют с большой долей вероятности установить палеоклиматические условия и возрастные рамки обитания древнего человека в данном регионе. Общая информация, полученная методами естественных наук и OSL-датированием, позволяет сделать заключение, что культуросодержащий горизонт и обнаруженные в нем археологические материалы накапливались в условиях теплого и влажного климата. Данные условия были характерны для последнего рисс-вюрмского (эемского или микулинского для Восточно-Европейской равнины) потепления в хронологическом интервале 125–110 тыс. л.н. (МИС 5е). Палеоклиматические условия Западного Прикаспия в изучаемый период были благоприятными для растительного и животного мира, а также для расселения здесь человеческих палеопопуляций.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 24-18-00941 «Палеолит Понто-Каспия: изменения материальной культуры и природной среды в плейстоцене (археология, хронология, палеогеография)».

Список литературы

Абрамова Т.А. Ритмика спорово-пыльцевых спектров четвертичных отложений западного побережья Каспийского моря // Вопросы географии. Морские берега. – М.: Мысль, 1982. – Сб. 119. – С. 32–39.

Любин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. – Л.: Наука, 1977. – 223 с.

Проблемы палеолита Дагестана / А.П. Деревянко, Х.А. Амирханов, В.Н. Зенин, А.А. Анойкин, А.Г. Рыбалко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Рыбалко А.Г. Ранний этап среднего палеолита Северо-Восточного Кавказа (по материалам стоянки Дарвагчай-Залив-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 225–230.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования среднего палеолита Западного Прикаспия (по материалам памятника Дарвагчай-Залив-1) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – Т. 26, № 2. – С. 5–10.

References

Abramova T.A. Ritmika sporovo pyltsevykh spektrov chetvertichnykh otlozhenii zapadnogo poberezhya Kaspiiskogo morya. In *Voprosy geografii. Morskie berega*. Moscow: Mysl, 1982. Iss. 119. P. 32–39. (In Russ.).

Derevianko A.P., Amirkhanov Kh.A., Zenin V.N., Anoikin A.A., Rybalko A.G. Problemy paleolita Dagestana. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. 292 p. (In Russ.).

Lyubin V.P. Musterskie kultury Kavkaza. Leningrad: Nauka, 1977, 223 p. (In Russ.).

Rybalko A.G. Early Stage of the Middle Paleolithic of the North-Eastern Caucasus (Materials of the Darvagchay-Zaliv-1 site). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 222–227. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0222-0227

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Middle Palaeolithic Investigations in the Western Precaspian Region (on Materials of Darvagchai-Zaliv-1 Site). *Gumanitarnye nauki v Sibiri.,* 2019. Vol. 26, No. 2. P. 5–10. (In Russ.). doi:10.15372/HSS20190201.

Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465
Курбанов Р.Н. https://orcid.org/0000-0001-6727-6202

Дата сдачи рукописи: 20.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0264-0269
УДК 903.2

Е.П. Рыбин✉, А.М. Хаценович

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybep@yandex.ru

Хронология и модели распространения индустрий начальных стадий верхнего палеолита западной Евразии: взгляд с востока

В статье производится обзор хронологии, культурных особенностей и межрегиональных аналогий западного региона распространения технокомплекса начального верхнего палеолита (НВП) в сопоставлении с комплексами начального верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии. Анализируется характер распространения этого технологического и типологического набора, возможные сходства и различия в моделях культурной/популяционной диффузии технокомплекса начального верхнего палеолита Евразии. В основе сопоставления лежат индустрии начального этапа верхнего палеолита Леванта, Балкан и Центральной Европы. Было установлено, что распределение имеющихся абсолютных датировок по основным регионам распространения НВП Евразии показывает синхронность появления НВП-индустрий в Леванте и на Алтае (датировки для сл. 1 Бокер-Тахтит перекрываются ^{14}С-датировками слоя ВП2 Кара-Бома, не говоря уже о куда более ранних, если исходить из люминесцентной хронологии, датах для верхнепалеолитических горизонтов Восточной галереи Денисовой пещеры). Таким образом, любая возможность прямой направленной миграции с территории Леванта в этом хронологическом интервале должна быть исключена. Во-вторых, прослеживается явное типологическое сходство в моделях распространения начального верхнего палеолита из предполагаемого предкового региона как в Южной Сибири и восточной части Центральной Азии, так и в западной Евразии. В обоих регионах отмечается быстрое формирование традиции начального верхнего палеолита в едином центре, после которого происходит столь же быстрая диффузия идей или популяций в близлежащие регионы с последующей их трансформацией в индустрии позднего начального верхнего палеолита.

Ключевые слова: *начальный верхний палеолит, Ближний Восток, Центральная Европа, Центральная Азия, хронология, технология, миграции.*

E.P. Rybin✉, A.M. Khatsenovich

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybep@yandex.ru

Chronology and Models for Industry Expansion in the Initial Upper Paleolithic of Western Eurasia: View from the East

This article overviews the chronology, cultural characteristics, and interregional parallels of the western region of the Initial Upper Paleolithic technocomplex in comparison with the Initial Upper Paleolithic complexes of Southern Siberia and Central Asia. The distribution of this technological and typological set, possible similarities and differences in the diffusion patterns of the Initial Upper Paleolithic technocomplex of Eurasia in terms of cultures and populations are analyzed. The comparison is based on the Initial Upper Paleolithic industries of the Levant, the Balkans, and Central Europe. It was found that distribution of absolute dates for the main regions of the Initial Upper Paleolithic in Eurasia indicates synchronous appearance of the Initial Upper Paleolithic industries in the Levant and Altai, based on the dates for layer 1 at Boker-Tachtit. It overlaps with ^{14}C dates of the UP layer 2 at Kara-Bom, not to mention much earlier dates of the luminescent chronology for the Upper Paleolithic horizons in the Eastern Gallery of Denisova cave. Therefore, any possibility of direct migration from the Levant during this chronological interval must be dismissed. The distribution models of the Initial Upper Paleolithic from the presumed ancestral region not only in Southern Siberia and Eastern Central Asia, but also in Western Eurasia show clear typological similarities. In all these regions, the tradition of the Initial Upper Paleolithic rapidly emerged in a single centre, followed by equally rapid proliferation of ideas or populations into the nearby regions where they subsequently underwent a transformation into Late Initial Upper Paleolithic industries.

Keywords: *Initial Upper Paleolithic, Near East, Central Europe, chronology, technology, migrations.*

Введение

Генезис индустрий начального этапа верхнего палеолита и характер их распространения в Евразии, несмотря на существенный прогресс в результате исследований последнего десятилетия, остаются проблемой, далекой от своего решения. Около 50 тыс.л.н. в каменном производстве появляются характерные технологии начального верхнего палеолита (НВП), начинают широко использоваться органические материалы, отмечаются массовые свидетельства символической деятельности. В настоящее время остаются дискуссионными как причины, вызвавшие эти изменения, так и сам сценарий распространения этих культурных инноваций по территории Старого Света: было ли это диффузией палеопопуляций/технологий из единой «предковой» области или проявлением синхронных локальных адаптаций в различных регионах.

Впервые индустрии НВП были идентифицированы на территории Леванта [Marks, Ferring, 1988; Kuhn, 2003]. Позднее было определено, что очень схожие верхнепалеолитические индустрии появляются и в Центральной Европе, где они получили региональное обозначение богунисьен [Svoboda, Škrdla, 1995]. Другим очагом распространения наиболее ранних индустрий верхнего палеолита был признан Горный Алтай [Деревянко, 2001]. Удаленные на тысячи километров друг от друга, но обладающие рядом как технологических, так и типологических параллелей, эти центры, где фиксируется наиболее раннее появление НВП, одновременно могли и играть роль предковых регионов для распространения культурного импульса начального верхнего палеолита. Как происходило это распространение; есть ли сходство в моделях культурной/популяционной диффузии, если она действительно происходила? В нашей статье мы делаем краткий обзор хронологии, культурных особенностей и межрегиональных аналогий этих очагов технокомплекса НВП.

Хронология и распространение древнейших верхнепалеолитических индустрий Леванта, Балкан и Центральной Европы

Оценивая хронологическую позицию левантийских комплексов НВП, следует отметить, что древнейшие радиоуглеродные определения (все даты калиброванные) относятся к слою 1 Бокер Тахтита (ок. 49 000–50 000 л.н.) [Boaretto et al., 2021]. НВП грота Уччазлы (слои G–I) находится в пределах 45 900–37 800 л.н. [Kuhn, 2003] Наиболее древний НВП в слоях Кебары, попадающий в стратиграфический хиатус, датируется на основании вышележащего слоя позднелевантийского мустье (пачки слоев XII–V) и нижележащего ахмарийского слоя возрастом между 49 000 и 46 000 л.н (пачки IV–III) [Rebollo et al., 2011]. Видимо, этим возрастом и определяется смена среднего палеолита начальным верхним палеолитом в Леванте.

На основании сопоставления типологических наборов орудий и выделения ведущих маркеров, а также соотношения ряда технологических показателей предпринимаются попытки выделить различные варианты ближневосточного НВП [Leder, 2018; Kadowaki et al., 2019; Goring-Morris, Belfer-Cohen, 2020]. С начальным верхним палеолитом Леванта ассоциируются два специфических типа орудия. К первому относятся эмирейские острия (леваллуазские удлиненные острия и остроконечные пластины с двусторонней или вентральной подтеской основания), встречающиеся и в средиземноморской, и в аридных зонах, ко второму – орудия типа шанфрейн (концевые скребки с поперечной фаской, снимающей ретушированный край скребка), в основном известные по материалам из пещер северного Леванта. Распределение этих типов среди памятников неравномерно, на основании этого, а также особенностей первичного расщепления выделяется несколько групп/индустриальных вариантов НВП.

Стоянка Бокер-Тахтит является эталонным ближневосточным памятником эмирана – левантийского НВП. Именно для этой группы характерно использование эмирейских острий. Памятники расположены как в Ливане, так и в пустыне Негев на юге Израиля – стоянка Бокер-Тахтит. В целом, для этой группы характерно наибольшее значение бипродольного расщепления – от 50 до 52 % сколов имеют бипродольную огранку, и для эмирана характерно наибольшее количество типологических и технологических соответствий с южносибирским – центральноазиатским НВП.

Памятник содержит четыре культурных слоя, залегающих в хорошей стратиграфической сохранности. Начало качественных изменений, которые находят выражение в технологии расщепления, отмечается в нижнем слое 1. Менее выражены типологические изменения, выражающиеся прежде всего в увеличении доли концевых скребков. В слое 1 (нижнем) их 9,8 %, наибольший удельный вес в 4-м культурном слое – 26,2 % [Marks, Kaufman, 1983]. Здесь, в результате ремонтажа была реконструирована большая серия ядрищ, что позволило определить редукционные стратегии и их варианты для каждого культурного комплекса. Орудийный набор претерпел очень небольшие типологические изменения. Методы редукции нуклеусов представляют собой пример направленного во времени изменения, которое фиксируется в переходе от снятия леваллуазских острий с нуклеуса с противолежащими ударными площадками к одноплощадочной пластинчатой стратегии утилизации нуклеуса (в самом верхнем ассамбляже). В слое 1 при расщеплении двуплощадочных

леваллуазских нуклеусов производилось одно или более снятие удлиненных острий с каждого нуклеуса, после чего расщепление нуклеуса останавливалось [Volkman, 1983].

На аридном юге Леванта, в Иордании, расположена еще одна группа НВП-памятников, в целом близкая по своей технологии и типологическому составу эмирану – Тор-Фаваз A и B, Вади Агар, слои C-D1 которого датируются возрастом 40 000–45 000 л.н.; слой B – возрастом 39 000–36 000 л.н. Последний памятник представляет пример наиболее позднего существования традиции НВП в Леванте, сопоставимый с поздним НВП Центральной Азии [Kadowaki et al., 2019]. Начиная, по меньшей мере, с 43 000 л.н. на большей части территории Леванта НВП сменяется ахмарианом, характеризующимся сформировавшимся верхнепалеолитическим однонаправленным пластинчатым расщеплением призматических нуклеусов со значительной долей пластинок в составе ассамбляжей [Ibid.].

В целом направление развития технологии и орудийного набора НВП Леванта характеризуется несколькими трендами [Goring-Morris, Belfer-Cohen, 2020]: 1) индексы фасетирования площадок снижаются, уменьшается доля леваллуазских заготовок и возрастает доля пластин и пластинок; 2) исчезают леваллуазские и леваллуоидные удлиненные конвергентные сколы, замещающиеся однонаправленными остроконечными пластинами и пластинками; 3) уменьшается доля скребел, увеличивается доля концевых скребков и резцов. Следует отметить, что для всех памятников НВП Леванта характерна высокая доля остроконечных пластин – от 23 до 55 % пластинчатых сколов являются остроконечными; эта доля снижается в более поздних ассамбляжах.

Судя по наличию прямых аналогий на Балканах и в Центральной Европе, НВП Леванта не оставался замкнутой в узких территориальных рамках культурной общностью. Его носители смогли проявить достаточную адаптационную и популяционную гибкость для освоения довольно сильно отличающихся от Ближнего Востока экологических и ландшафтных условий Европы. Ассамбляжи слоя 11 пещеры Бачо Киро, а также сл. VI пещеры Темната в центральной и северной частях Болгарии были отнесены к типичному НВП, обнаруживающему значительное сходство с левантийскими ассамбляжами эмирана [Tsanova, Bordes, 2003]. В середине 2010-х гг. начался новый этап исследований Бачо-Киро, приведший к уточнению характера залегания ассамбляжей, получению обширной серии радиоуглеродных датировок, в т.ч. на основе прямого датирования впервые выявленных здесь остатков *Homo sapiens*. На основании байесовского анализа серии дат из НВП-слоев I, N1-J и N1-I формирование ассамбляжа этого уровня относилось к периоду 45 820–43 650 кал. л.н. Начало аккумуляции НВП-отложений в Бачо-Киро совпадает со слоем N1-J, датируемым 46 940 кал. л.н. Прямое радиоуглеродное датирование четырех фрагментов костей человека, определенных с помощью метода ZooMS, отнесло их к периоду от 46 790 до 42 810 л.н. [Hublin et al., 2020].

С этим же периодом связано появление НВП и в Центральной Европе. Самым удаленным на запад регионом распространения характерных индустрий НВП является довольно четко географически очерчиваемая территория Моравии – юг современной Республики Чехия. Здесь в районе города Брно на площади около 100 км^2 была выявлена наибольшая концентрация стратифицированных памятников богунисьена – Странска Скала III и др., в т.ч. эпонимный объект Богунице. Основываясь на близких аналогиях, было предположено, что богунисьен является частью трансконтинентального технокомплекса, иногда называемого эмиран-богунице [Svoboda, Škrdla, 1995]. Внезапное появление богунисьена на территории Центральной Европы, которому предшествовали не имевшие с ним ничего общего комплексы центральноевропейского микока, объяснялось прямым переносом этой культурной традиции с территории Леванта [Tostevin, 2012]. Радиоуглеродные даты для различных объектов из Странска Скала III находятся в пределах 37 000–40 000 некал. л.н., основная концентрация калиброванных дат из Богунице находится между 40 000 и 45 000 л.н. [Richter et al., 2009]. К позднему этапу НВП, имеющему свои корни в богунисьене, недавно был отнесен технокомплекс Линкомбиан-Ранисиан-Ежмановициан (LRJ) [Demidenko, Skrdla, 2023]. Появление этой индустрии в Моравии относится к хронологическому промежутку от 42 000 до 40 000 л.н., и ее наиболее яркий тип – специфические острия на пластинах, – вероятно, являются производными от леваллуазских острий богунисьена. Эта индустрия получает чрезвычайно широкий территориальный диапазон, распространяясь по северным широтам Центральной и Западной Европы вплоть до Британских островов.

Технологический набор богуниц характеризовался присутствием в одном ассамбляже леваллуазской острийной и верхнепалеолитической пластинчатой «призматической» технологии. При этом предполагалось, что леваллуазская составляющая богуницкой технологии находится ближе к верхнепалеолитическим редукционным методам и нацелена на серийное производство удлиненных леваллуазских острий. Также использовались имеющие более верхнепалеолитический характер подпризматический однонаправленный и бипродольный методы. Инициализация и поддержание продольной выпуклости в рамках этих методов было сопряжено со снятиями первичных и вторичных реберчатых пластин; на выбор способа расщепления сильно влияла морфология исходной заготовки. Технологический набор богуниц отличался и территориальной вариабельностью. На стоянке Оржехов IV, датирующейся по ^{14}C в пре-

делах 35 000–42 000 кал. л.н., помимо обычного для богуниц леваллуазского компонента, отраженного в присутствии удлиненных подтреугольных сколов с фасетированными ударными площадками, прослеживается существенная доля мелкопластинчатого компонента, составляющего 71,6 % ассамбляжа пластин [Škrdla, 2003; Demidenko, Škrdla, Rychtaříková, 2020].

Обсуждение

На территории Ближнего Востока и Балканах традиция НВП пресекается ок. 42 000 л.н., в Центральной Европе возможно пролонгирование ее существования до 37 000 л.н., при этом основной массив датировок не древнее 40 000 л.н. В Южной Сибири и Центральной Азии культурный импульс НВП длится куда дольше, чем в остальной Евразии – его средняя/основная фаза продолжается до 40 000 л.н., и в некоторых регионах его существование отмечается вплоть до 30 000–33 000 л.н. При этом в Монголии НВП сменяется близко связанным с ним северомонгольским вариантом РВП, что позволяет предположить эволюционную последовательность смены этих индустрий.

При описании технологии западноевразийского НВП/эмирана всегда на первый план обычно выдвигались технологии, связанные с реминисценциями леваллуа в его острийном варианте. Действительно, на ранних этапах как эмирана, так и богунисьена важную роль в последовательности расщепления играло бипродольное производство серийных леваллуазских удлиненных острий, получавшихся при верхнепалеолитической системе поддержания выпуклости фронта. Данная система известна и во всех комплексах самой ранней фазы НВП Южной Сибири и Центральной Азии, когда с помощью, по существу, того же самого метода производились остроконечные сколы. В восточном ареале НВП они определяются как остроконечные пластины, и роль их, а также укороченных сколов, более точно соответствующих морфологии леваллуазских острий, существенно ниже.

Роли подпризматического расщепления в НВП западной Евразии обычно уделяется меньше внимания, тем не менее оно составляет одну из самых распространенных систем редукции в этом технокомплексе; оно осуществлялось в рамках циклического метода расщепления, зачастую сочетаясь в пределах одного редукционного цикла с производством подтреугольных пластин/острий. Вместе с тем асимметричная подтреугольная объемная концепция, специфическая для Южной Сибири и Центральной Азии, хотя и известная, в эмиране и богуницах применялась существенно реже и могла быть связана с индивидуальными особенностями отдельности исходного сырья. Как становится все более очевидным, неотъемлемой частью НВП западной Евразии является мелкопластинчатое производство, роль которого в отдельных индустриях нисколько не уступала таковой в НВП Южной Сибири и Центральной Азии. В обоих технокомплексах существовали одни и те же формы специализированных нуклеусов для производства мелких пластин – подпризматических, плоских – и нуклеусов-резцов. В орудийном наборе между западным и восточным технокомплексами НВП также существуют несомненные параллели, как на стадиальном уровне – важная роль верхнепалеолитических типов орудий, в первую очередь, концевых скребков, так и специфических типов орудий – различные острия и орудия с аккомодационными элементами, предназначенные для насаживания, и бифасиальные орудия в отдельных комплексах.

Заключение

Распределение имеющихся абсолютных датировок по основным регионам распространения НВП Евразии позволяет отметить два главных момента: во-первых, появление НВП-индустрий в Леванте и на Алтае является синхронным. Датировки для сл. 1 Бокер-Тахтит перекрываются ^{14}C-датировками слоя ВП2 Кара-Бома, не говоря уже о куда более ранних, если исходить из люминесцентной хронологии, датах для верхнепалеолитических горизонтов Восточной галереи Денисовой пещеры. Таким образом, любая возможность прямой направленной миграции с территории Леванта в этом хронологическом интервале должна быть исключена. Во-вторых, прослеживается явное типологическое сходство в моделях распространения НВП из предполагаемого предкового региона как в Южную Сибирь и Центральную Азию, так и в западную часть Евразии. На Балканах уже ок. 48 000 л.н. фиксируется первое свидетельство появление технологии НВП, очень близкие даты имеются и для памятников богунисьена в Моравии. Показательным является отсутствие вероятных предшественников НВП в Европе – здесь можно наблюдать пример быстрого перемещения традиций НВП, очевидно связанного с очень скоротечной миграцией популяций на расстояние ок. 1 500 км от Леванта до Балкан и несколько более 2 000 км до Моравии, преодоленное за 1 000–2 000 лет. После освоения на одном этапе миграционного маршрута – на Балканах – происходит дисперсия в Моравию, ставшую еще одним ядром НВП. Популяции носителей НВП, прибывшие в Моравию, сменяют здесь микокский средний палеолит и, очевидно, сосуществуют с ранневерхнепалеолитическим селетом, не исключая при этом стимулирующее влияние богунисьена на микок, давшее возможность внутренней эволюции неандертальцев, носителей культуры местного среднего палеолита [Nigst, 2014]. Далее может быть прослежено распространение НВП-индустрий в Силезию и Закарпатье и на позднем этапе в Западную Европу. Финалом развития НВП Центральной Европы, Балкан и Леванта становится полная смена

их культурных традиций ориньякским технокомплексом. Таким образом, здесь происходит тот же сценарий, который может быть показан для Южной Сибири и Центральной Азии, где можно предположить вероятность не менее быстрой миграции из предкового региона на сопоставимое расстояние. Если исходить из предположения, что типичный пластинчатый НВП на Алтае формируется в хронологическом промежутке от 50 000 до 45 000 л.н., а первые достоверные свидетельства появления пластинчатого НВП фиксируются в Монголии и Юго-Западном Забайкалье, удаленных от Горного Алтая на расстояние 2 000–2 800 км, то следует ожидать, что это расстояние также могло быть преодолено за 1 000–1 500 лет. Как и в Центральной Европе, мигрирующие популяции могли встречаться в Монголии и Забайкалье с местными популяциями леваллуа-пластинчатого среднего палеолита.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды».

Список литературы

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70–103.

Boaretto E., Hernandez M., Goder-Goldberger M., Aldeias V., Regev L., Caracuta V., McPherron S.P., Hublin J.J., Weiner S., Barzilai O. The absolute chronology of Boker Tachtit (Israel) and implications for the Middle to Upper Paleolithic transition in the Levant // PNAS. – 2021. – Vol. 118. – P. e2014657118.

Demidenko Y.E., Škrdla P. Lincombian-Ranisian-Jerzmanowician Industry and South Moravian Sites: a Homo sapiens Late Initial Upper Paleolithic with Bohunician Industrial Generic Roots in Europe // J. of Paleolithic Archaeol. – 2023. – Vol. 6. – P. 17.

Demidenko Y.E., Škrdla P., Rychtaříková T. Initial Upper Paleolithic bladelet production: Bladelets in Moravian Bohunician // Přehled výzkumů. – 2020. – Vol. 61/1. – P. 21–29.

Goring-Morris N., Belfer-Cohen A. Noisy beginnings: The Initial Upper Palaeolithic in Southwest Asia // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 551. – P. 540–546.

Hublin J.-J., Sirakov N., Aldeias V., Bailey S., Bard E., Delvigne V., Endarova E., Fagault Y., Fewlass H., Hajdinjak M., Kromer B., Krumov I., Marreiros J., Martisius N.L., Paskulin L., Sinet-Mathiot V., Meyer M., Pääbo S., Popov V., Rezek Z., Sirakova S., Skinner M.M., Smith G.M., Spasov R., Talamo S., Tuna T., Wacker L., Welker F., Wilcke A., Zahariev N., McPherron S.P., Tsanova T. Initial Upper Palaeolithic Homo sapiens from Bacho Kiro Cave, Bulgaria // Nature. – 2020. – Vol. 581. – P. 299–302.

Kadowaki S., Tamura T., Sano K., Kurozumi T., Maher L.A., Wakano J.Y., Omori T., Kida R., Hirose M., Massadeh S., Henry D.O. Lithic technology, chronology, and marine shells from Wadi Aghar, southern Jordan, and Initial Upper Paleolithic behaviors in the southern inland Levant // J. of Hum. Evol. – 2019. – Vol. 135. – P. 102–646.

Kuhn S.L. In what sense is the Levantine Initial Upper Paleolithic a “transitional” industry? // The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes: Dating, Stratigraphies, Cultural Implications. – Lisbon: Instituto Portugues de Arqueologia, 2003. – P. 61–70.

Leder D. Lithic Variability and Techno-Economy of the Initial Upper Palaeolithic in the Levant // Inter. J. of Archaeol. – 2018. – Vol. 6, iss. 1. – P. 23–36.

Marks A.E., Ferring C.R. The Early Upper Palaeolithic of the Levant // The Early Upper Palaeolithic: Evidence from Europe and the Near East. – Oxford: British Archaeological Reports International Series, 1988. – Vol. 437. – P. 43–72.

Marks A., Kaufman D. Boker Tachtit: the Artifacts // Prehistory and Palaeoenvironments in the Central Negev, Israel. – Dallas: SMU Press, 1983. – Vol. III. – P. 69–126.

Nigst P.R. First modern human occupation of Europe: The Middle Danube region as a case study // Living in the Landscape: Essays in Honour of Graeme Barker. – Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, Univ. of Cambridge, 2014. – P. 35–47.

Rebollo N.R., Weiner S., Brock F., Meignen L., Goldberg P., Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O., Boaretto E. New radiocarbon dating of the transition from the Middle to the Upper Paleolithic in Kebara Cave, Israel // J. of Archaeol. Sci. – 2011. – Vol. 38. – P. 2424–2433.

Richter D., Tostevin G., Škrdla P., Davies W. New Radiometric Ages for the Early Upper Palaeolithic Type Locality of Brno-Bohunice (Czech Republic): Comparison of TL, OSL, IRSL and ^{14}C Dating Results // J. of Archaeol. Sci. – 2009. – Vol. 36. – P. 708–720.

Škrdla P. Bohunician Technology: The Refitting Approach Stránská skála // Origins of the Upper Paleolithic in the Brno Basin, Moravia, Czech Republic. – Harvard: Harvard Univ., 2003. – P. 119–151.

Svoboda J., Škrdla P. The Bohunician technology // The definition and interpretation of Levallois technology. – Madison: Prehistory Press, 1995. – P. 429–438.

Tostevin G. Seeing Lithics: A Middle-Range Theory for Testing for Cultural Transmission in the Pleistocene. – Oxford; Oakville: Oxbow books, 2012. – 572 p.

Tsanova T., Bordes J.G. Contribution au débat sur l’origine de l’Aurignacien: Principaux résultats d’une étude technologique de l’industrie lithique de la couche 11 de Bacho Kiro // The Humanized Mineral World: Towards Social and Symbolic Evaluation of Prehistoric Technologies in South Eastern Europe (Proceedings of the ESF Workshop). – Liege: ERAUL, 2003. – P. 41–50.

Volkman P. Boker Tachtit: core reconstructions // Prehistory and Palaeoenvironments in the Central Negev, Israel. – Dallas: SMU Press, 1983. – Vol. III. – P. 127–191.

References

Boaretto E., Hernandez M., Goder-Goldberger M., Aldeias V., Regev L., Caracuta V., McPherron S.P., Hublin J.J., Weiner S., Barzilai O. The absolute chronology of Boker Tachtit (Israel) and implications for the Middle to Upper Paleolithic transition in the Levant. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2021. Vol. 118. P. e2014657118.

Demidenko, Y.E., Škrdla, P. Lincombian-Ranisian-Jerzmanowician Industry and South Moravian Sites: a Homo sapiens Late Initial Upper Paleolithic with Bohunician Industrial Generic Roots in Europe. *Journal of Paleolithic Archaeology*, 2023. Vol. 6. P. 17.

Demidenko Y.E., Škrdla P., Rychtaříková T. Initial Upper Paleolithic bladelet production: Bladelets in Moravian Bohunician. *Přehled výzkumů*, 2020. Vol. 61/1. P. 21–29.

Derevianko A.P. The Middle to Upper Paleolithic transition in the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2001. No. 3. P. 70–103.

Goring-Morris N., Belfer-Cohen A. Noisy beginnings: The Initial Upper Palaeolithic in Southwest Asia. *Quaternary International*, 2020. Vol. 551. P. 540–546.

Hublin J.-J., Sirakov N., Aldeias V., Bailey S., Bard E., Delvigne V., Endarova E., Fagault Y., Fewlass H., Hajdinjak M., Kromer B., Krumov I., Marreiros J., Martisius N.L., Paskulin L., Sinet-Mathiot V., Meyer M., Pääbo S., Popov V., Rezek Z., Sirakova S., Skinner M.M., Smith G.M., Spasov R., Talamo S., Tuna T., Wacker L., Welker F., Wilcke A., Zahariev N., McPherron S.P., Tsanova T. Initial Upper Palaeolithic Homo sapiens from Bacho Kiro Cave, Bulgaria. *Nature*, 2020. Vol. 581. P. 299–302.

Kadowaki S., Tamura T., Sano K., Kurozumi T., Maher L.A., Wakano J.Y., Omori T., Kida R., Hirose M., Massadeh S., Henry D.O. Lithic technology, chronology, and marine shells from Wadi Aghar, southern Jordan, and Initial Upper Paleolithic behaviors in the southern inland Levant. *Journal of Human Evolution*, 2019. Vol. 135. P. 102–646.

Kuhn S.L. In what sense is the Levantine Initial Upper Paleolithic a "transitional" industry? In *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes: Dating, Stratigraphies, Cultural Implications*. Lisbon: Instituto Portugues de Arqueologia, 2003. P. 61–70.

Leder D. Lithic Variability and Techno-Economy of the Initial Upper Palaeolithic in the Levant. *International Journal of Archaeology*, 2018. Vol. 6, iss. 1. P. 23–36.

Marks A.E., Ferring C.R. The Early Upper Palaeolithic of the Levant. In *The Early Upper Palaeolithic: Evidence from Europe and the Near East*. Oxford: British Archaeological Reports International Series, 1988. Vol. 437. P. 43–72.

Marks A., Kaufman D. Boker Tachtit: the Artifacts. In *Prehistory and Palaeoenvironments in the Central Negev, Israel*. Dallas: SMU Press, 1983. Vol. 3. P. 69–126.

Nigst P.R. First modern human occupation of Europe: The Middle Danube region as a case study. In *Living in the Landscape: Essays in Honour of Graeme Barker*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, University of Cambridge, 2014. P. 35–47.

Rebollo N.R., Weiner S., Brock F., Meignen L., Goldberg P., Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O., Boaretto E. New radiocarbon dating of the transition from the Middle to the Upper Paleolithic in Kebara Cave, Israel. *Journal of Archaeological Science*, 2011. Vol. 38. P. 2424–2433.

Richter D., Tostevin G., Škrdla P., Davies W. New Radiometric Ages for the Early Upper Palaeolithic Type Locality of Brno-Bohunice (Czech Republic): Comparison of TL, OSL, IRSL and ^{14}C Dating Results. *Journal of Archaeological Science*, 2009. Vol. 36. P. 708–720.

Škrdla P. Bohunician Technology: The Refitting Approach Stránská skála. In *Origins of the Upper Paleolithic in the Brno Basin, Moravia, Czech Republic*. Harvard: Harvard University, 2003. P. 119–151.

Svoboda J., Škrdla P. The Bohunician technology. *The definition and interpretation of Levallois technology*. Madison: Prehistory Press, 1995. P. 429–438.

Tostevin G. Seeing Lithics: A Middle-Range Theory for Testing for Cultural Transmission in the Pleistocene. Oxford; Oakville: Oxbow books, 2012. 572 p.

Tsanova T., Bordes J.G. Contribution au débat sur l'origine de l'Aurignacien: Principaux résultats d'une étude technologique de l'industrie lithique de la couche 11 de Bacho Kiro. In *The Humanized Mineral World: Towards Social and Symbolic Evaluation of Prehistoric Technologies in South Eastern Europe (Proceedings of the ESF Workshop)*. Liege: ERAUL, 2003. P. 41–50.

Volkman P. Boker Tachtit: core reconstructions. In *Prehistory and Palaeoenvironments in the Central Negev, Israel*. Dallas: SMU Press, 1983. Vol. 3. P. 127–191.

Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716

Дата сдачи рукописи: 01.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0270-0276
УДК 903.2

Е.П. Рыбин[1]✉, А.М. Хаценович[1], Ц. Болорбат[2], Д.В. Марченко[1], Б. Гунчинсурэн[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
E-mail: rybep@yandex.ru

Начальный этап раннего верхнего палеолита Северной Монголии: археологический горизонт 3 (раскоп 2) стоянки Толбор-21 (по материалам раскопок 2016–2017 годов)

В данной статье мы рассматриваем базовые характеристики технологии расщепления и типологического состава орудийного набора начальной стадии раннего верхнего палеолита на примере ассамбляжа археологического горизонта 3 (раскоп 2) стоянки Толбор-21, полученного в ходе раскопок 2016–2017 гг. Для определения характера процессов, происходивших на рубеже эпох, будет произведено сопоставление с ассамбляжем археологического горизонта 4 финального начального верхнего палеолита. Основные культурные подразделения ранних стадий верхнего палеолита находятся в пределах одного литологического слоя 3. Археологический горизонт 4 датируется в пределах 41–42 тыс. кал. л.н. Хронометрические показатели для гор. 3 (39–40 тыс. кал. л.н.) демонстрируют, что хронологический разрыв с вышележащим горизонтом был незначительным. Между этими комплексами прослеживается определенная преемственность, выражающаяся в общих принципах отбора сырья, ориентации на пластинчатое производство, идентичной технике скола и общих характеристиках орудийного набора. Основные различия связаны с технологиями редукции нуклеусов и морфологией конечных продуктов. Основную тенденцию изменений в комплексах литологического слоя 3 можно сформулировать следующим образом – происходит переход к другой технологии производства пластин при сохранении культурной специфики, отражающейся в сохранении как структуры орудийного набора, так и общих специфических типов. Данный вариант культурных изменений, отмечаемый и на других памятниках Толборского палеолитического района, соответствует модели постепенной трансформации традиции начального верхнего палеолита на протяжении 39–35 тыс. л.н.

Ключевые слова: *начальный верхний палеолит, ранний верхний палеолит, Северная Монголия, технология, типология.*

E.P. Rybin[1], A.M. Khatsenovich[1], Ts. Bolorbat[2], D.V. Marchenko[1], B. Gunchinsuren[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology MAS
Ulaanbaatar, Mongolia
E-mail: rybep@yandex.ru

Initial Stage of the Early Upper Paleolithic of Northern Mongolia: Archaeological Horizon 3 (Excavation Pit 2) of the Tolbor-21 Site (Evidence of Excavations in 2016–2017)

This article discusses the basic features of reduction technology and typological composition of the toolkit at the initial stages of the Early Upper Paleolithic using the assemblage from archaeological horizon 3 (excavation pit 2) at the Tolbor-21 site in Northern Mongolia, excavated in 2016 and 2017. For establishing the processes at the boundary of IUP and EUP, this assemblage was compared with assemblage from archaeological horizon 4 at the same site, which belonged to the final stage of the Initial Upper Paleolithic (41,000–42,000 calBP). The main cultural units of the initial stages of the Upper Paleolithic were located within lithological layer 3. Radiocarbon dates for horizon 3 (39,000–40,000 calBP) indicate that the chronological distance from the overlying horizon was insignificant. There is a notable continuity between these complexes, manifested in general principles of selecting raw materials, focus

on blade production, identical flaking technique, and common features of the toolkit. The main differences can be attributed to the techniques of core reduction and morphology of the resulting products. The principal trend of changes in the complexes of lithologic layer 3 can be formulated as a transition to different technique of blade production while preserving specific aspects of culture, as evidenced by maintaining both the structure of the toolkit and presence of common distinctive types of tools. This variant of cultural changes, observed at other sites in the Tolbor Paleolithic area, corresponds to the model of gradual transformation of the Initial Upper Paleolithic tradition.

Keywords: *Initial Upper Paleolithic, Early Upper Paleolithic, Northern Mongolia, technology, typology.*

Введение

Начиная, по меньшей мере, с 43 тыс. л.н. на пространстве от Западной Европы до Северного Китая происходит массовое появление верхнепалеолитических индустрий, сформированных в технологическом и типологическом отношении. Они сменяют либо среднепалеолитические индустриальные комплексы в западной части Евразии, либо core-and-flake ассамбляжи в Китае. Эти индустрии не представляют единый технокомплекс и в отличие от индустрий начального верхнего палеолита (НВП) довольно вариабельны. В восточной части Центральной Азии они могут быть продолжением традиций НВП; в Забайкалье НВП сменяет локальный отщеповый верхний палеолит, не обнаруживающий отчетливых связей с местным НВП. На большей части территории своего распространения они обладают рядом общих черт – ориентация на производство средних и мелких пластин, получаемых в рамках однаправленного расщепления; присутствие и важная роль специализированных – кареноидных, торцовых, подпризматических нуклеусов служивших для производства пластинок и изготовлении орудий на их основе. В различных регионах эти индустрии имеют свои локальные обозначения – в Европе это ориньяк и селет, в Леванте – ахмариан и левантийский ориньяк, в Загросе – барадост, в западной части Центральной Азии – кульбулакиан, на Алтае – усть-каракольская линия развития, но в целом они могут быть объединены в рамках явления раннего верхнего палеолита (РВП). В ряде регионов НВП и РВП имеют частично совпадающие хронологические периоды существования, например в Центральной Европе и, вероятно, в Леванте и на Алтае [Nigst, 2014; Barzilai, Hershkovitz, Marder, 2016; Шидранг и др., 2016; Колобова и др., 2013; Деревянко, 2001]. Для каждого региона, где фиксируется появление индустрий РВП, может быть предложен свой характер смены предшествующих культурных традиций новым технокомплексом: полное замещение, сосуществование, гибридизация или последовательная трансформация одной культурной традиции в другую. Территория Северной Монголии, где в долинах притоков среднего течения Селенги известны многослойные палеолитические стоянки долин Толбора и Харганын Гола, расположенные в зоне одного из важнейших миграционных путей верхнего палеолита Центральной Азии – Селенгинского коридора, имеют большое значение для реконструкции моделей формирование верхнего палеолита на основе последовательных циклов заселения этого региона на протяжении 20 тыс. лет [Gladyshev et al., 2012]. Финальный этап НВП – формирование РВП – наиболее ярко представлен и надежно датирован на материалах стоянки Толбор-21. В данной работе мы рассматриваем базовые характеристики технологии расщепления и типологического состава орудийного набора начальной стадии РВП на примере ассамбляжа археологического горизонта 3 стоянки Толбор-21, полученного в ходе раскопок 2016–2017 гг. Для определения характера процессов, происходивших на рубеже эпох, будет произведено краткое сопоставление с ассамбляжем подстилающего археологического горизонта 4 финального НВП, представленного также материалами раскопок 2016–2017 гг.

Технико-типологические характеристики комплекса каменной индустрии археологического горизонта 3 стоянки Толбор-21

В отложениях памятника известны три археологических горизонта, представляющих основные этапы развития верхнего палеолита Монголии в его начальных фазах (гор. 5 – ранняя стадия НВП, гор. 4 – развитый НВП, гор. 3 – РВП). Все они представлены в археологической последовательности раскопа 2, который стал объектом нашего рассмотрения.

Общий состав коллекции археологического горизонта 3, включая отходы производства, составляет 2 129 каменных артефактов. Количество учитываемого при атрибутивном анализе каменного инвентаря археологического горизонта 3 (за исключением отходов каменного производства) составляет 945 экз. Источником сырья для изготовления подавляющего количества артефактов служили, как и для всех комплексов долины Толбора, различные типы силицитов – осадочных окремненных пород. Соотношение типов сырья пластинчатых сколов в основном соответствует всему массиву артефактов, что говорит о том, что для изготовления пластин не использовалось предпочтительное, более высококачественное сырье.

Нуклеусы – 5 экз. В коллекции имеется 1 экз. *преформы*, находящейся на стадии декортикации с помощью центростремительных снятий. К начальной стадии расщепления относится нуклеус *однонаправленный двуплощадочный монофронтальный для снятия пластин и ощепов* – 1 экз. (рис. 1, *24*),

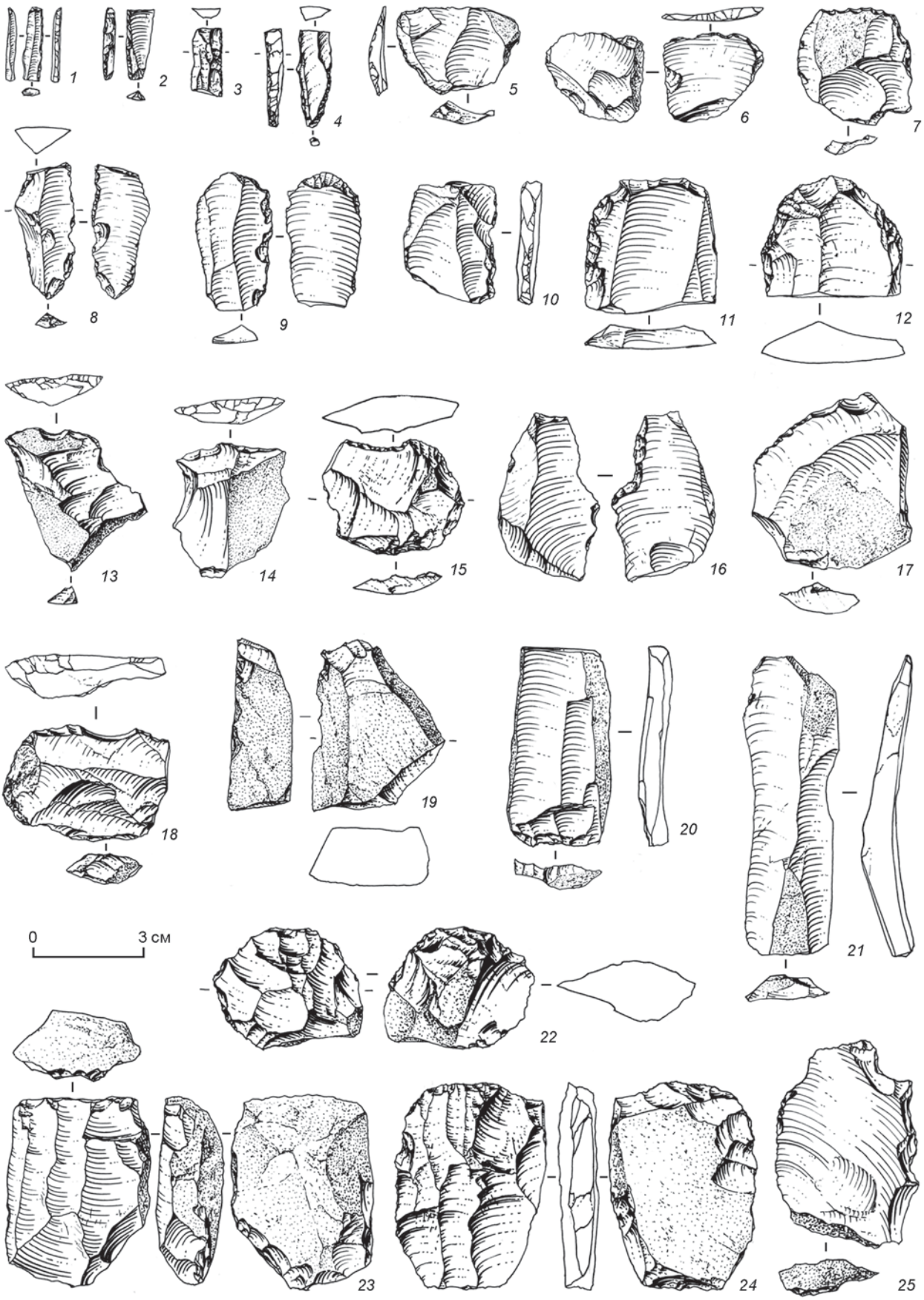

Рис. 1. Каменные артефакты. Стоянка Толбор-21. Раскоп 2, археологический горизонт 3 (раскопки 2016–2017 гг.).

на котором прослеживается попытка организации фронта расщепления по слегка подправленным естественным ребрам; нуклеус *плоскостной однонаправленный одноплощадочный монофронтальный для снятия пластин и подпрямоугольных отщепов* (1 экз.), редуцировавшийся в рамках простого однонаправленного расщепления по неподготовленной поверхности (рис. 1, *23*). Заключительную стадию расщепления представляют нуклеусы *плоскостные монофронтальные для производства пластинок и мелких пластин* – 2 экз. Включают в себя как одноплощадочный, так и двуплощадочный вариант. Завершает типологический список *нуклеус центростремительного принципа снятия монофронтальный для отщепов* – 1 экз. На латерали этого маленького истощенного ядрища прослеживается подправка ретушью, возможно его переоформление в скребок высокой формы (рис. 1, *22*). Большинство нуклеусов имеют небольшие размеры и находятся в пределах 50–60 мм по длине, 40–50 мм по ширине и меньше 20 мм по толщине.

Индустрия сколов представлена 939 экз. учитываемых артефактов, включая заготовки орудий. Распределение сколов по основным категориям показывает весьма высокий удельный вес пластин – 49,4 % от всех сколов, включая пластины, пластинки, микропластины и технические пластины (рис. 1, *20*, *21*). Представителен мелкопластинчатый компонент – пластинки и микропластинки составляют 16,9 %. Остроконечные пластины с бипродольной огранкой отсутствуют. Доля отщепов составляет 41 %; среди технических сколов заметны обушковые сколы (5,1 %), что показывает предпочтительные способы поддержания продольной выпуклости ядрищ. Также представлены «таблетки» и сколы снятия фронта торцового нуклеуса.

Показатели различных типов огранки дорсальных поверхностей пластинчатых сколов демонстрируют уверенное преобладание параллельной однонаправленной и параллельной однонаправленной естественной огранок дорсалов – 84,8 %. Удельный вес бипродольной огранки не превышает 9,7 %. Пластинки расщеплялись почти исключительно в однонаправленной системе – 95,5 %.

Общая картина организации фронтов расщепления целых нуклеусов, пластин и отщепов хорошо прослеживается на основе анализа количества и направления сколов. В верхней половине нуклеусов обнаруживаются негативы сколов практически исключительно с верхней ударной площадки. В нижней половине ядрищ протяженные сколы с основной площадки составляют от 35 до 70 %, встречные сколы с нижней площадки, если и производились, то исключительно с целью поддержания дистальной выпуклости. Та же самая ситуация может быть показана и на примере пластин, где в дистальной половине лишь около четверти сколов снимались с

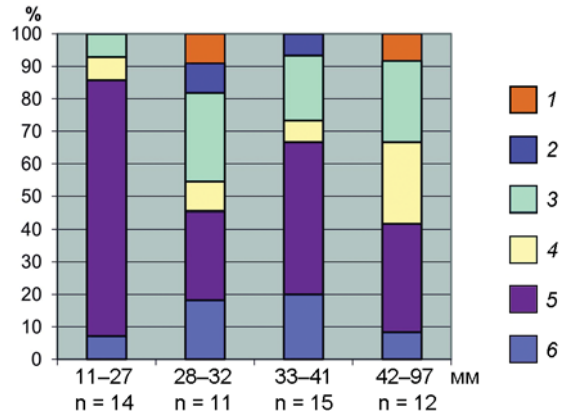

Рис. 2. Распределение огранки целых пластин гор. 3 (раскоп 2) стоянки Толбор-21 в зависимости от их длины (распределение по квартилям).

1 – бипродольно-естественный; *2* – естественный; *3* – реберчатый/полуреберчатый; *4* – параллельный бипродольный; *5* – параллельный однонаправленный; *6* – однонаправленный естественный.

дистала, и 1–2 негатива сколов достигали проксимальной части пластин. Показательные данные могут быть получены при анализе распределения огранки целых пластин согласно длине по размерным квартилям (рис. 2). В первой квартили, объединяющей группу пластин с наименьшей длиной, отмечается одновременно и наибольшее участие сколов с однонаправленной огранкой. Наиболее разнообразны по характеру огранки дорсала размерные группы от 28 до 32 мм и от 33 до 41 мм длины; вероятно, со стадией редукции, ассоциированной с этими размерами, были связаны переоформления ядрищ и попытки реорганизовать выпуклость фронта. Наибольшая доля пластин с бипродольной огранкой (25 %) отмечается в 4-й, наибольшей квартили (42–97 мм). При анализе распределения пластин по ширине видно, что среди всех пластин весьма высока доля мелкопластинчатой группы, ширина сколов в которой меньше или равна 15 мм (54 %). Средние пластины (от 20–40 мм) уступают по своему удельному весу мелким пластинам и составляют ок. 24 % всех пластин. Доля крупных пластин с шириной более 40 мм ничтожна и составляет менее 1 %. Суммарные средние метрические показатели всех пластин демонстрируют, что основу данного ассамбляжа составляют небольшие по длине (41 мм) и ширине (19 мм) пластины. Показатели удлиненности – отношения длины целой пластины к ширине – составляют 2,5, показатель высоты сечения (ширина/толщина) составляет 3,2, что характерно для относительно уплощенных фронтов. Большинство целых пластин имеет прямой и слабоизогнутый профили (ок. 73 %), при этом велик удельный вес сильноизогнутых и закрученных пластин (26,9 %). Это позволяет предположить, что кареноидные и прочие специализированные мелкопластинчатые технологии начинают играть здесь заметную роль. Среди остаточных ударных площадок 15,8 % составляют подправ-

ленные ударные площадки, в основном двугранные. Линейные и точечные площадки насчитывают 19 %, что близко доле пластинок в индустрии.

Набор орудий комплекса составляет 69 экз. Серийно-оформленные и тщательно подготовленные орудия относительно редки. Среди *специализированных орудий* были выделены: *скребки* – 9 экз. (см. рис. 1, *11*, *12*, *19*). К ним относятся концевые скребки – 5 экз., в т.ч. имеется один скребок высокой формы. Также довольно распространены угловые скребки – 4 экз. (см. рис. 1, *13*, *18*). В коллекции имеется одно одинарное продольное *скребло* (см. рис. 1, *17*). Одним из наиболее многочисленных типов являются *шиповидные орудия* – 21 экз. (см. рис. 1, *8*, *14*, *25*). Шип оформлялся на дистальном окончании или продольном крае, или на углу их пересечения с помощью ретуши, преднамеренной фрагментации и/или анкошей. *Ножи* – 3 экз. *Угловой резец* – 1 экз. Имеется одно *симметричное острие* на дистальном фрагменте пластины. Обращает на себя внимание *оригинальное орудие – трапеция*, выполненное на медиале мелкой преднамеренно фрагментированной с двух экстремальных сторон пластины (длина – 30 мм, ширина – 12 мм, толщина – 4 мм). *Тронкированные изделия* – 5 экз. Три предмета выполнены на пластинках и мелких пластинах, один или два конца которых усечены и обработаны мелкой отвесной ретушью. Скорее всего, они предназначались для закрепления в каком-либо составном орудии. Присутствует большая серия *пластинок с притупленным краем* – 6 экз. (см. рис. 1, *1*, *2*, *4*). К *неспециализированным орудиям* отнесены *отщепы с ретушью* – 8 экз.; *пластины с ретушью* – 10 экз., один экземпляр *пластинки с ретушью* (см. рис. 1, *3*), изделия *зубчато-выемчатой группы* – 5 экз. (см. рис. 1, *15*, *16*), а также *фрагментированные орудия* – 3 экз. К *специфическим* для НВП формам орудий отнесено *симметричное острие с вентральной подтеской ударного бугорка* – 1 экз. (см. рис. 1, *9*). Также к этой категории относятся *острия с притупленным краем* – 2 экз. Кроме того имеется остроконечная *пластина с черешком*. Завершает список изделий *орудие с вентральной подтеской дистального окончания*, изготовленное на пластине – 1 экз.

Обсуждение

Основные культурные подразделения ранних стадий верхнего палеолита находятся в пределах одного литологического слоя 3. Археологический горизонт 4 датируется в пределах 41–42 тыс. кал. л.н. Хронометрические показатели для гор. 3 (39–40 тыс. кал. л.н.) демонстрируют, что хронологический разрыв с вышележащим горизонтом был незначительным. Между этими комплексами прослеживается определенная преемственность, выражающаяся в ряде показателей.

1. Принципы отбора сырья – прослеживается использование одинаковых типов сырья в тех же самых пропорциях. Доля основного типа сырья № 1 показывает одинаковое соотношение, как в гор. 3, так и в гор. 4. Первичная подготовка выбранных блоков сырья осуществлялась за пределами исследованной площадки, о чем говорит малое количество сколов с естественной коркой.

2. Ориентация на пластинчатое производство: 47,6 % сколов в гор. 4 являются пластинчатыми формами, в гор. 3 это соотношение аналогично – 49,4 % сколов являются пластинами, в обоих комплексах устойчивой категорией сколов являются мелкие пластины и пластинки. Здесь превалирует треугольное сечение пластин, что характерно для сколов, оформлявшихся на латеральных частях нуклеусов.

3. Техника скола – как морфологические показатели подправки площадок, так и степень выпуклости бугорка и наличие или отсутствие выявленной точки удара вентральной приплощадочной части, метрические характеристики площадок показывают наличие одних и тех же методов подготовки точки удара и используемого индентора. Если для жесткого отбойника характерны широкие ударные площадки, выраженный ударный бугорок, отсутствие вентрального карниза, то для техники прямого удара мягким отбойником присущи относительно узкие ударные площадки (меньше 4 мм), наличие вентрального карниза, расплывчатый или отсутствующий ударный бугорок, присутствие ресничек, обязательное использование приема редукции ударной площадки. Проведенные эксперименты и теоретические ожидания для характерного набора признаков показывают, что в данных индустриях для крупных и средних пластин использовались отбойники переходного типа между жестким и мягким отбойниками [Харевич и др., 2017], в то время как морфологические признаки пластинок показывают, скорее, использование мягкого минерального отбойника. При этом следует отметить, что использование подправленных площадок несколько больше в гор. 4, где их доля достигает достаточно высоких 24 %.

4. Структура орудийного набора комплексов в гор. 4 и 3 идентична, специализированные орудия представлены одинаковыми категориями изделий, в обоих комплексах присутствуют орудия-маркеры начального верхнего палеолита.

Вместе с тем отмечаются и существенные различия, связанные в основном с технологиями редукции нуклеусов и морфологией конечных продуктов. Детальной реконструкции характера расщепления в ассамбляже горизонта 3 препятствует малое количество нуклевидных форм. В то же время следует отметить сильную истощенность большинства нуклеусов и доминирование однонаправленной системы расщепления, что, вероятно, взаимосвязано, т.к. однонаправленная редукция осуществлялась чаще всего на заключительных этапах расщепления нуклеусов. Как показывает анализ рабочих поверхностей сколов и

нуклеусов, вторая площадка, если она оформлялась, имела только вспомогательный характер, и сколы редко занимали более одной трети протяженности фронта нуклеуса. В отличие от гор. 4, в верхнем гор. 3 присутствуют специализированные нуклеусы для пластинок, которые были оставлены на стадии плоскостного расщепления. Морфология сколов является одним из самых заметных различий, фиксируемых в ассамбляжах горизонтов 3 и 4. Прежде всего, резко уменьшается длина сколов – за исключением одного предмета, все целые пластины гор. 3 имеют длину меньше 70 мм, в то время как в гор. 4 доля таких предметов достигает 33 %. То же самое характерно и для всех метрических показателей – длина, ширина, толщина пластин, размеры площадок в комплексе гор. 3 меньше, чем в гор. 4. Доля мелкопластинчатого компонента в индустрии 4 в два раза меньше, чем в горизонте 3, что в сочетании с наличием специализированных нуклеусов для пластинок может свидетельствовать о расширении значения и стандартизации приемов мелкопластинчатого производства. При этом в гор. 3 имеется серия пластинок регулярной формы, которые редки в гор. 4. В гор. 3 из пластинок изготовлялись орудия (ретушированные пластинки, пластинки с притупленным краем, острия с притупленным краем), практически отсутствующие в гор. 4. Наличие серии пластинок с притупленным краем, а также ретушированных пластинок в гор. 3 говорит о том, что эта заготовка становится целевым продуктом расщепления.

Заключение

Основную тенденцию изменений в комплексах литологического слоя 3 можно сформулировать следующим образом – происходит переход к другой технологии производства пластин при сохранении культурной специфики, отражающейся в сохранении как структуры орудийного набора, так и наличия общих специфических типов. Данный вариант культурных изменений, отмечаемый и на других памятниках Толборского палеолитического района, соответствует модели постепенной трансформации традиции НВП, соответствующей сохранению этих популяций на протяжении 39–35 тыс. л.н. При этом происходит дальнейшая утрата специфических форм орудий, представленных в наиболее поздних комплексах пластинчатого РВП единичными типами. Около 35 тыс. л.н. в Северной Монголии, а также в Забайкалье и Прибайкалье появляются индустрии отщепового РВП, характеризующиеся ориентацией на производство непластинчатых заготовок при сохранении важной роли мелкопластинчатого компонента каменного производства; специфические типы НВП в этих ассамбляжах неизвестны. Скорее всего, это заметное изменение может быть связано с появлением новых групп населения.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды».

Список литературы

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70–103.

Колобова К.А., Флас Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2. – С. 2–26.

Харевич В.М., Хаценович А.М., Павленок Г.Д., Рыбин Е.П. Признаки использования различных типов мягких отбойников (по материалам археологической и экспериментальной коллекций из долины реки Их-Тулбэрийн-Гол, Северная Монголия) // Древний человек и камень: технология, форма, функция. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. – С. 101–109.

Шидранг С., Биглари Ф., Борд Ж.-Г., Жобер Ж. Позднеплейстоценовые каменные индустрии Центрального Загроса: технико-типологический анализ каменных комплексов пещеры Гхар-е-Кхар, Бисотун, Иран //Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 1. – С. 27–38.

Barzilai O., Hershkovitz I., Marder O. The Early Upper Paleolithic Period at Manot Cave, Western Galilee, Israel // J. of Hum. Evol. – 2016. – Vol. 31, iss. 1–2. – P. 85–100.

Gladyshev S.A., Olsen J.W., Tabarev A.V., Jull A.J. The Upper Paleolithic of Mongolia: Recent finds and new perspectives // Quatern. Intern. – 2012. – Vol. 281. – P. 36–46.

Nigst P.R. First modern human occupation of Europe: The Middle Danube region as a case study // Living in the Landscape: Essays in Honour of Graeme Barker. – Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, Univ. of Cambridge, 2014. – P. 35–47.

References

Barzilai O., Hershkovitz I., Marder O. The Early Upper Paleolithic Period at Manot Cave, Western Galilee, Israel. *Journal of Human Evolution*, 2016. Vol. 31, iss. 1–2. P. 85–100.

Derevianko A.P. The Middle to Upper Paleolithic transition in the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2001. No. 3. P. 70–103.

Gladyshev S.A., Olsen J.W., Tabarev A.V., Jull A.J. The Upper Paleolithic of Mongolia: Recent finds and new perspectives. *Quaternary International*, 2012. Vol. 281. P. 36–46.

Kharevich V.M., Khatsenovich A.M., Pavlenok G.D., Rybin E.P. Priznaki ispol'zovaniya razlichnykh tipov myagkikh otboinikov (po materialam arkheologicheskoi i eksperimental'noi kollektsii iz doliny reki Ikh-Tulberiin-Gol, Severnaya Mongoliya. *Drevnii chelovek i kamen': tekhnologiya,*

forma, funktsiya. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2017. P. 101–109. (In Russ.).

Kolobova K.A., Flas D., Derevianko A.P., Pavlenok K.K., Islamov U.I., Krivoshapkin A.I. The Kulbulak Bladelet Tradition in the Upper Paleolithic of Central Asia. *Archaeology, Ethnology, Anthropology of Eurasia*, 2013. No. 2. P. 2–25.

Nigst P.R. First modern human occupation of Europe: The Middle Danube region as a case study. In *Living in the Landscape: Essays in Honour of Graeme Barker*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, University of Cambridge, 2014. P. 35–47.

Shidrang S., Biglari F., Bordes J.G., Jaubert J. Continuity and change in the late Pleistocene lithic industries of the Central Zagros: a typo-technological analysis of lithic assemblages from Ghar-e Khar Cave, Bisotun, Iran. *Archaeology, Ethnology, Anthropology of Eurasia*, 2016. Vol. 44, No. 1. P. 27–38.

Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Болорбат Ц. https://orcid.org/0000-0003-0176-7644
Марченко Д.В. https://orcid.org/0000-0003-3021-0749
Гунчинсурэн Б. https://orcid.org/0000-0001-5052-5081

Дата сдачи рукописи: *01.09.2024 г.*

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0277-0283
УДК 903.2

Е.П. Рыбин[1]✉, А.М. Хаценович[1], Ц. Болорбат[2], Д.В. Марченко[1], Г. Маргад-Эрдэнэ[2], Б. Гунчинсурэн[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
E-mail: rybep@yandex.ru

Комплексы позднего палеолита стоянки Толбор-4 (Северная Монголия): археологические горизонты 3–1 (раскопки 2017 года)

Представительная хроностратиграфическая летопись последовательности смены культур верхнего палеолита Монголии была изучена на основе отложений стоянки Толбор-4, расположенной в долине притока Селенги – реки Их-Тулбурийн-гол (Толбор). Представленные здесь ассамбляжи дают возможность оценивать эту стоянку как опорную для понимания процессов становления верхнего палеолита в северной части Центральной Азии. Новые результаты радиоуглеродного датирования, а также атрибутивный анализ всей последовательности комплексов каменной индустрии позволяет пересмотреть установившиеся взгляды на последовательность развития и культурно-хронологическую схему индустрий Северной Монголии на рубеже МИС 3 и МИС 2. Данная статья посвящена определению культурных особенностей индустрий поздней стадии верхнего палеолита из археологических горизонтов 3–1 раскопок 2017 г. стоянки Толбор-4. Для горизонта 3 была получена радиоуглеродная дата 14 547 ± 73 л.н. (AA-93139), калиброванные значения: 16 110–15 481 л.н. Индустрия горизонтов 3–1 характеризуется явной ориентацией на параллельное расщепление, а также на ситуационное расщепление. Вместе с тем доля пластин заметна, и очень высок мелкопластинчатый компонент индустрий. В отличие от ассамбляжей начального и раннего верхнего палеолита, обсуждаемые индустрии характеризуются доминирующим однонаправленным расщеплением. В орудийном наборе преобладают тщательно обработанные скребла, разнообразные скребки, менее представлены проколки (в двойной вариации), резцы, острия, пластинки с притупленным краем, зубчато-выемчатые орудия, а также сегментовидный микролит, вероятно являвшийся элементом вкладышевого орудия. Индустрии горизонтов 3–1 Толбора-4 находятся в пределах вариабельности позднего палеолита южной Сибири и восточной части Центральной Азии. Вместе с тем они обладают рядом особенностей: высоким значением редукции плоскостных нуклеусов для отщепов и малым участием клиновидных нуклеусов, что позволяет предположить существование регионального варианта позднепалеолитических технологических адаптаций.

Ключевые слова: *поздний палеолит, Центральная Азия, стратиграфия, технология, типология.*

E.P. Rybin[1]✉, A.M. Khatsenovich[1], Ts. Bolorbat[2], D.V. Marchenko[1], G. Margad-Erdene[2], B. Gunchinsuren[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology MAS
Ulaanbaatar, Mongolia
E-mail: rybep@yandex.ru

Late Paleolithic Assemblages of the Tobor-4 Site (Northern Mongolia): Archaeological Horizons 3–1 (Excavations of 2017)

A representative chronostratigraphic record of the Upper Paleolithic sequence in Mongolia was studied using the sediments from the Tolbor-4 site located in the valley of the Ikh-Tulburiin-gol (the Tolbor Valley) – the tributary of the Selenga River. This article discusses the cultural features of the Late Upper Paleolithic industries from archaeological horizons 3–1, excavated at the Tolbor-4 site in 2017. A radiocarbon date of 14,547 ± 73 (AA-93139) was obtained for horizon 3; the calibrated values were 16,110–15,481 BP. The industry of horizons 3–1 was distinguished by a clear trend towards parallel reduction as well as situational reduction. The share of blades was

noticeable and small-blade component of the industries was very high. As opposed to the Initial Upper Paleolithic and Early Upper Paleolithic assemblages, the industries discussed in this article were distinguished by predominantly unidirectional knapping. The toolkit was dominated by carefully processed side-scrapers, variety of end-scrapers, and less numerous borers, burins, points, backed bladelets, and notched-denticulate tools. The industries of horizons 3–1 at the Tolbor-4 site show the range of variability of the Late Paleolithic of Southern Siberia and Eastern Central Asia, while having a number of specific features, such as active reduction of flat-faced cores for producing flakes and low use of wedge-shaped cores, which suggests a regional variant of the Late Paleolithic technological adaptations.

Keywords: *Late Paleolithic, Central Asia, stratigraphy, technology, typology.*

Введение

Представительная хроностратиграфическая летопись последовательности смены культур верхнего палеолита Монголии была изучена на основе отложений стоянки Толбор-4, расположенной в долине притока Селенги – реки Их-Тулбурийн-гол (Толбор). Представленные здесь ассамбляжи дают возможность оценивать эту стоянку как опорную для понимания процессов становления верхнего палеолита в северной части Центральной Азии [Gladyshev et al., 2012].

Начальные раскопки памятника производились отрядами Российско-Монгольско-Американской совместной археологической экспедиции в 2004–2006 гг. [Гладышев и др., 2010]. Раскопки 2004–2005 гг. были сосредоточены на краю западной части склона, где располагалась стоянка, в 2006 г. раскоп был расширен на восток и находился ближе к центральной части склона. В последующие годы работы были направлены на исследования определенных аспектов истории формирования седиментов. В 2017 г. были произведены раскопки стоянки на площади 4 м^2, примыкающей к раскопу 2006 г., с целью уточнения стратиграфии и последовательности культурных отложений, а также отбора образцов на радиоуглеродный анализ.

Раскопки 2017 г. осуществлялись с использованием современных методов разборки отложений и фиксации положения находок, а также с применением более надежного стратиграфического контроля, чему способствовала небольшая площадь раскопа. Новые результаты радиоуглеродного датирования и атрибутивный анализ всей последовательности комплексов каменной индустрии позволяют пересмотреть установившиеся взгляды на последовательность развития и культурно-хронологическую схему индустрий Северной Монголии на рубеже МИС 3 и МИС 2. Данная работа посвящена определению культурных особенностей индустрий поздней стадии верхнего палеолита из археологических горизонтов 3–1 раскопок 2017 г. стоянки Толбор-4.

Каменная индустрия археологических горизонтов 3–1 (раскопки 2017 года)

Разрезом раскопа 2017 г. стоянки Толбор-4 в глубину было вскрыто 150 см отложений [Рыбин и др., 2022]. Седименты, содержащие археологические горизонты 3–1, характеризуются следующим образом (западная стенка).

Слой 1. Комплекс голоценовых почв. Выделяется четыре литологических горизонта 1a–1d. Включает в себя артефакты археологического горизонта 1.

Слой 2. Лессы с включением гравия (<5 %), доля которого возрастает вниз по слою (10–20 см). Включает артефакты археологического горизонта 2.

Слой 3. Рыхлые коричневатые иловатые супеси, возможно переработанные, с легкой степенью гумусации (5–20 см). Включает артефакты археологического горизонта 3.

Для горизонта 3 была получена радиоуглеродная дата 14 547 ± 73 л.н. (AA-93139), календарные значения: 16 110–15 481 л.н. [Gladyshev et al., 2012].

Наиболее представительным в количественном отношении ассамбляжем является комплекс гор. 3, в общий состав коллекции которого входит 434 экз. артефактов (табл. 1), при этом количество учитываемого при атрибутивном анализе каменного инвентаря составляет 206 изделий из камня, исключая отщепы, имеющие по одному из измерений меньше 20 мм, а также чешуйки, осколки и обломки. В остальных комплексах количество артефактов последовательно уменьшается, от 198 предметов в гор. 2 до 104 изделий в гор. 1. Использовавшееся сырье является однородным и представлено местными силицитами и туфами.

Нуклеусы и преформы. При раскопках горизонта 3 было обнаружено 8 экз. нуклевидных форм. Среди них: *преформы* – 3 экз. Изготовлены на подпрямоугольных блоках, на которых прослеживаются попытки организации скалывания вдоль естественных граней заготовки. *Нуклеусы* – 5 экз. Включают: *плоскостные однонаправленные одноплощадочные монофронтальные для отщепов* – 3 экз. На фронтах расщепления нуклеусов негативы однонаправленных снятий разноразмерных отщепов, латерали либо не обработаны, либо несут следы поперечных приостряющих снятий. Контрфронты уплощены поперечными снятиями. Уплощенность этих нуклеусов задавалась не специализированной подготовкой, а исходной формой заготовки. Инициализация фронта расщепления происходила с помощью скалывания по естественным ребрам блоков сырья (см. *рисунок*, *4*). *Подпризматический плоскостной однонаправленный одноплощадочный монофронтальный для отщепов* – 1 экз. Изготовлен на плитке. Снятия подпрямоугольных отщепов в поперечном длинной оси направлении формируют слегка

Таблица 1. **Типологическое распределение каменных артефактов комплексов горизонтов 3–1 стоянки Толбор-4**

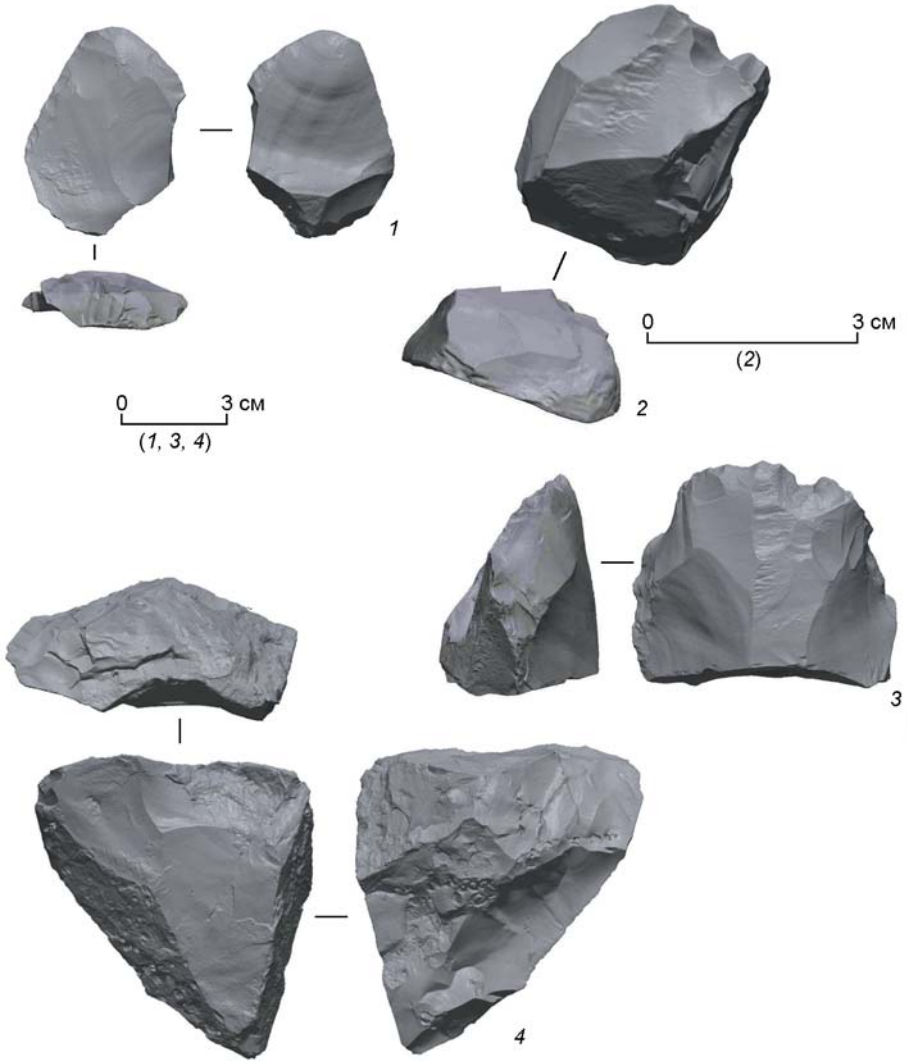
Типы артефактов	Горизонт 3				Горизонт 2				Горизонт 1			
	Нерет.	Орудия	Всего	%	Нерет.	Орудия	Всего	%	Нерет.	Орудия	Всего	%
Преформы и блоки сырья со сколами	3	–	3	1,5	–	–	–	–	–	–	–	–
Нуклеусы	5	–	5	2,4	–	–	–	–	1	–	1	2,6
Отщепы	85	17	102	49,5	54	11	65	62,5	9	4	13	34,2
Пластины	24	3	27	13,1	12	2	14	13,5	4	2	6	15,8
Пластинки	30	3	33	16,0	11	1	12	11,5	13	1	14	36,8
Первичные и полупервичные пластины	7	1	8	3,9	1	–	1	1,0	–	–	–	–
Реберчатые и полуреберчатые пластины	2	1	3	1,5	1	–	1	1,0	–	–	–	–
Краевые пластины	1	–	1	0,5	1	–	1	1,0	1	–	1	2,6
Леваллуазское острие	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Леваллуазский отщеп	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Краевые сколы	5	–	5	2,4	2	1	3	2,9	–	–	–	–
Пластинчатые отщепы	7	–	7	3,4	3	–	3	2,9	3	–	3	7,9
Технические сколы:	11	1	12	5,8	4	–	4	3,8	–	–	–	–
снятие фронта	7	–	7	–	1	–	1	–	–	–	–	–
подправка площадки	4	1	5	–	3	–	3	–	–	–	–	–
Количество учитываемых артефактов	180	26	206	100,0	89	15	104	100,0	31	7	38	100,0
Отщепы <2 см	107	–	107	–	58	–	58	–	39	–	39	–
Чешуйки	71	–	71	–	5	–	5	–	6	–	6	–
Осколки и обломки	50	–	50	–	31	–	31	–	21	–	21	–
Итого, вместе с отходами	408	26	434	–	183	15	198	–	97	7	104	–

выпуклый фронт. *Ортогональный трехплощадочный монофронтальный для снятия отщепов* – 1 экз. Изготовлен на куске породы плохого качества. Скалывания производились с необработанных латералей в подперекрестном направлении.

Длина нуклеусов и преформ находится в пределах от 30 до 110 мм, ширина – от 20 до 100 мм, толщина – от 20 до 60 мм. Нуклеусы имеют укороченные пропорции, отношение длины к ширине ни у одного из них не превышает 2.

В коллекции горизонта 1 представлен один торцовый одноплощадочный нуклеус, изготовленный на импортном сырье. Он имеет малые размеры (длина – 24 мм, ширина – 31 мм, толщина – 14 мм). На торцовом фронте негативы снятия пластинок, снятых с удлиненной ударной площадки. Возможно, этот предмет является сильно истощенным клиновидным нуклеусом. Роль ранних стадий отделки нуклеусов показывает относительно высокая доля сколов, дорсальная поверхность которых на 40 % и более была покрыта естественной коркой. Таких артефактов в гор. 3 насчитывается 16 %; в вышележащих горизонтах доля таких артефактов хотя и достаточно велика, но не больше 9 %.

Индустрия сколов (включая заготовки орудий). Доля пластинчатых продуктов относительно всего состава коллекции (включая пластины, технические пластины и пластинки; в это число входят все фрагменты пластин и заготовки орудий) весьма велика и достигает 35 % в гор. 3, 27,9 % в гор. 2 и 55,3 % в гор. 1. При этом доля пластинок (сколов шириной ≤12 мм) достигает соответственно 16 %, 11,5 % и 36,8 % в гор. 1 (максимальное значение для культурной последовательности Толбора-4) (табл. 1). Среди технических сколов отмечается присутствие типичных «таблеток» – сколов подправки ударной площадки. Огранка дорсальных поверхностей пластинчатых сколов представлена во всех комплексах преимущественно параллельной однонаправленной и параллельной однонаправленной естественной дорсальными поверхностями (гор. 3 – 76,9 %; гор. 2 – 76,5 %; гор. 1 – 84,7 %). Доля бипродольной огранки дорсальных поверхностей пластин крайне низка, с максимумом в гор. 2, где она достигает 17 %, в гор. 3 таких сколов лишь 5,1 %. Пластинки во всех ассамбляжах производились исключительно в однонаправленной системе. Среди отщепов гор. 3 помимо однонаправленной огранки (44,5 %) очень

3D-модели каменных изделий из горизонта 3 стоянки Толбор-4.
1 – комбинированное орудие; *2* – скребок; *3* – скребло; *4* – нуклеус.

Таблица 2. **Ширина пластинчатых сколов комплексов горизонтов 3–1 стоянки Толбор-4**

Ширина, мм	Горизонт 3		Горизонт 2		Горизонт 1	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
≤5	2	2,8	2	7,1	3	14,3
>5–10	25	35,2	7	25,0	11	52,4
>10–15	15	21,1	7	25,0	2	9,5
>15–20	11	15,5	4	14,3	4	19,0
>20–25	8	11,3	7	25,0	1	4,8
>25–30	4	5,6	1	3,6	–	–
>30–35	–	–	–	–	–	–
>35–40	2	2,8	–	–	–	–
>40–45	3	4,2	–	–	–	–
>45–50	–	–	–	–	–	–
>50–55	–	–	–	–	–	–
>55–60	–	–	–	–	–	–
>60	1	1,4	–	–	–	–
Всего	71	100,0	28	100,0	21	100,0

велика доля ортогональной и поперечной системы снятий на дорсалах, в сумме достигающая 34,3 %. Для остальных горизонтов огранка отщепов демонстрирует возрастание роли однонаправленной огранки: гор. 2 (51,1 %; 21,3 %), гор. 1 (66,6 %; 13 %).

Распределение пластин по ширине (табл. 2) показывает, что среди всех удлиненных сколов, включая фрагментированные, 59,1 % изделий в гор. 3 относятся к мелкопластинчатой группе и имеют ширину 15 мм и менее; в гор. 2 этот показатель составляет 57,1% и достигает своего максимума в гор. 1 – 76,2 %. При этом микропластины с шириной 5 мм и менее единичны. Средние пластины (от 15 до 40 мм) составляют остальную популяцию пластин за исключением гор. 3, где 5,6 % предметов имеют большую ширину. В гор. 3 42,1 % целых пластин имеют длину ≤50 мм, остальные пластины превышают эти размеры, в т.ч. одна реберчатая пластина имеет длину 172 мм, однако, судя по сильной патине, она находилась во вторичном залегании. В вышележащих горизонтах длина пластин

Таблица 3. **Типологическое распределение орудий из комплексов горизонтов 3–1 стоянки Толбор-4**

Типы орудий	Горизонт 3, экз.	Горизонт 2, экз.	Горизонт 1, экз.
Скребла	1	2	–
одинарные продольные выпуклые	–	2	–
одинарные поперечные высокой формы (рабо)	1	–	–
Скребки	6	–	1
одинарные концевые	3	–	1
угловые	2	–	–
концевые с «носиком»	1	–	–
Шиповидные	1	4	1
Проколки	–	1	1
Резцы угловые	–	2	–
Острие диагонально-тронкированное	1	–	1
Комбинированные	1	–	–
Оригинальные (микросегмент)	1	–	–
Пластинки с притупленным краем	1	1	–
Зубчато-выемчатые	2	–	–
Выемчатые	2	–	–
Пластины с ретушью	2	–	1
Отщепы с ретушью	10	3	2
Фрагментированные орудия	–	2	–
Всего	26	15	7

не превышает 70 мм. Средние показатели удлиненности (отношение длины целой пластины к ширине) в гор. 3 составляют 2,4, средняя высота сечения пластин – отношение ширины к толщине – имеет значение 3,7; в вышележащих горизонтах показатели аналогичны, что демонстрирует получение пластин с неудлиненных нуклеусов с относительно выпуклым фронтом. Большая часть целых пластинчатых сколов в гор. 3 имеет прямой и изогнутый профиль (73,2 %), с подпризматическим мелкопластинчатым расщеплением связаны пластинки с закрученным (15,8 %) и дистально-изогнутым (10,5 %) профилями. В остальных горизонтах количество целых пластинчатых сколов недостаточно велико для уверенного определения этих показателей.

Среди остаточных ударных площадок всех сколов гор. 3 преобладают гладкие, которые вместе с естественными площадками составляют 84,1 %; в гор. 2 и 1 этот показатель составляет 80,3 % и 80 %. Линейные и точечные (12,9 %; 16,7 % и 20 %) составляют следующую основную категорию площадок. Наиболее распространенным приемом подготовки края ударной площадки сколов в гор. 3–1 было снятие карнизов площадок (18,2 %; 22,2 %; 4,8 %), редуцированных площадок, типичных для позднепалеолитической техники скола всего 5,5 % (гор. 3), 4,8 % (гор. 2) и 9,5 % (гор. 1), и очень велика доля площадок с неподправленным краем (66–73 %).

Орудийный набор. Общее количество орудий в гор. 3 составляет 26 экз. (табл. 3). На пластинчатых сколах выполнено 8 изделий, что составляет 30,7 % всех орудий, в т.ч. 3 орудия на пластинках (см. табл. 1). К неспециализированным орудиям отнесены *отщепы с ретушью* – 10 экз., *пластины с ретушью* – 2 экз., и *зубчато-выемчатая группа* – 4 экз. Среди формальных орудий представлено *скребло поперечное высокой формы* типа рабо, изготовленное на фрагментированном нуклеусе – 1 экз. (см. *рисунок*, *3*); *скребков* насчитывается 6 экз., в т.ч. два предмета представлено угловыми формами, три изделия являются типичными концевыми скребками на отщепах (см. *рисунок*, *2*) и один относится к концевым скребкам с «носиком». Один предмет отнесен к *шиповидным*. *Комбинированное орудие* (1 экз.), изготовленное на отщепе с заныривающим окончанием, представляет собой сочетание продольного скребла, ножа и концевого скребка (см. *рисунок*, *1*). В индустрии отмечается наличие небольшой серии орудий на пластинках. Здесь присутствует *диагонально-тронкированное острие*, усеченное поперечной ретушью, и представлено острие на пластинке с притупленным краем. Яркую формумаркер финала раннего верхнего палеолита – среднего верхнего палеолита представляет собой *оригинальное орудие (микросегмент)* – 1 экз. Заготовкой этого орудия (длина – 8 мм, ширина – 7 мм, толщина – 2 мм) послужила пластинка, с трех сторон обработанная отвесной ретушью, придающей предмету трапециевидную форму.

Общее количество орудий гор. 2 составляет 15 предметов, 20 % из которых изготовлены на пла-

стинчатых сколах (табл. 3). Обращает на себя внимание присутствие двух тщательно обработанных *продольных выпуклых скребел*, отмечается появление двух *угловых резцов*, *двойной проколки* и *пластинки с притупленным краем*.

В гор. 1 было обнаружено 7 экз. орудий (табл. 3). Набор орудий близок к тому, который был показан для гор. 3. Среди них выделяются *диагонально-тронкированное острие* на пластинке, *двойная проколка* и *концевой скребок*.

Обсуждение

Индустрия горизонтов 3–1 характеризуется явной ориентацией на параллельное расщепление, а также ситуационное расщепление, выраженное в производстве подпрямоугольных отщепов с ортогональной огранкой, а также однонаправленной огранкой. Вместе с тем заметна доля пластин, как и мелкопластинчатого компонента индустрий. Комплексы характеризуются участием плоскостных и ортогональных нуклеусов для снятия отщепов и присутствием однонаправленного торцового ядрища для снятия пластинок и микропластинок. В отличие от ассамбляжей начального верхнего палеолита, а также раннего верхнего палеолита, обсуждаемые индустрии характеризуются доминирующим однонаправленным расщеплением. В орудийном наборе преобладают тщательно обработанные скребла, разнообразные скребки, менее представлены проколки (в двойной вариации), резцы, острия, пластинки с притупленным краем, зубчато-выемчатые орудия, а также сегментовидный микролит, вероятно являвшийся элементом вкладышевого орудия. Важной частью комплексов выступают предметы неутилитарной деятельности, в частности бусина из скорлупы *Struthio asiaticus*, которая была обнаружена в археологическом горизонте 3.

Исходя из ограниченного набора коллекции, представляется возможным охарактеризовать ее более полным образом с привлечением данных из раскопок 2006 г., к раскопу которого непосредственно примыкает изученная площадь. Хотя коллекция нуклеусов из комплексов горизонтов 2–1 невелика по количеству, показательным следует признать появление в ней настоящих клиновидных ядрищ «высоких» пропорций, также здесь представлены мелкие подпризматические нуклеусы для производства пластинок и микропластин. Основными типами скребков гор. 3 (раскопки 2006 г.) являются угловые (в т.ч. двойные), концевые, с «носиком», скребки высокой формы, рабочий край которых образован наложением микропластинчатых снятий. В комплексе гор. 3 была представлена серия концевых скребков на отщепах, имевших подтреугольную форму, заданную нанесением интенсивной модифицирующей ретуши либо на один, либо на оба продольных края орудия. Высока доля «галечных» орудий. В индустрии гор. 1 имелся овальный бифас.

Заключение

Полученные данные свидетельствуют о формировании развитой позднепалеолитической индустрии, находящейся в хронологических рамках МИС 2. Возобновление заселения долины Толбора происходит после перерыва, связанного с последним ледниковым максимумом. Комплексы горизонтов 4a–4b Толбора-4 были отнесены ранее к отщеповому варианту финального раннего верхнего палеолита [Рыбин и др., 2022]. Они хартактеризуются преимущественно «отщеповой» ориентацией в производстве сколов и началом развитого мелкопластинчатого производства. Появляющиеся в начале МИС 2 комплексы горизонтов 3–1 позднего палеолита Толбора-4, несмотря на длительный перерыв в заселении, демонстрируют в основном те же тенденции, что впервые были представлены в индустриях раннего верхнего палеолита этого же памятника. Наряду с ситуационной редукцией здесь представлены нуклеусы для производства пластинок и микропластин, при этом клиновидные нуклеусы крайне редки. В ассамбляжах верхних горизонтов Толбора-4 мелкопластинчатый компонент продолжает играть важную и все возрастающую роль, достигая своего максимума в комплексе гор. 1, относящегося к рубежу плейстоцена и голоцена. Несмотря на явную миниатюризацию инвентаря, производство средних и даже крупных пластин продолжает оставаться важным компонентом технологической традиции, последние свидетельства чего были выявлены в комплексе гор. 3. Скорее всего, на облик индустрий накладывали свой отпечаток особенности сырьевого субстрата, состоящие в утилизации расположенных рядом со стоянкой выходов силицитов, отдельности которых имели подпрямоугольную форму и определяли основные способы поддержания выпуклости фронтов нуклеусов. В целом, хотя индустрии гор. 3–1 Толбора-4 и находятся в пределах вариабельности позднего палеолита южной Сибири и восточной части Центральной Азии, они обладают рядом особенностей – высоким значением редукции плоскостных нуклеусов для отщепов и малым участием клиновидных нуклеусов, что позволяет предположить существование регионального варианта позднепалеолитических технологических адаптаций.

Благодарности

Исследования проводились при поддержке проекта РНФ № 24-18-01099 «Критические трансформации в развитии культуры верхнего палеолита на территории Северной и Центральной Азии».

Список литературы

Гладышев С.А., Олсен Дж., Табарев А.В., Кузьмин Я.В. Хронология и периодизация верхнепалеолити-

ческих памятников Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3. – С. 33–40.

Рыбин Е.П., Гунчинсурэн Б., Хаценович А.М., Марченко Д.В., Болорбат Ц. Финальная стадия раннего верхнего палеолита Северной Монголии: каменная технология и региональные аналогии: Толбор-4, слои 4a и 4b // Теория и практика археологических исследований. – 2022. – Т. 34, № 2. – С. 186–206.

Gladyshev S.A., Olsen J.W., Tabarev A.V., Jull A.J. The Upper Paleolithic of Mongolia: Recent finds and new perspectives // Quatern. Intern. – 2012. – Vol. 281. – P. 36–46.

References

Gladyshev S.A., Olsen J.W., Tabarev A.V., Jull A.J. The Upper Paleolithic of Mongolia: Recent finds and new perspectives. *Quaternary International*, 2012. Vol. 281. P. 36–46.

Gladyshev S.A., Olsen J., Tabarev A.V., Kuzmin Y.V. Chronology and periodization of Upper Paleolithic sites in Mongolia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2010. No. 3. P. 33–40.

Rybin E.P., Gunchinsuren B., Khatsenovich A.M., Marchenko D.V., Bolorbat Ts. Final phase of Early Upper Paleolithic of Northern Mongolia: lithic technology and regional analogies. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii*, 2022. Vol. 34, No. 2. P. 186–206. (In Russ.).

Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Болорбат Ц. https://orcid.org/0000-0003-0176-7644
Марченко Д.В. https://orcid.org/0000-0003-3021-0749
Маргад-Эрдэнэ Г. https://orcid.org/0000-0002-9416-7922
Гунчинсурэн Б. https://orcid.org/0000-0001-5052-5081

Дата сдачи рукописи: *02.09.2024 г.*

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0284-0288
УДК 903.01, 902/904

М.В. Селецкий[1]✉, Е.В. Левина[2], А.Ю. Федорченко[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: archmax95@gmail.com

Экспериментальное моделирование перетирания зерна каменными ударно-абразивными орудиями

Настоящее исследование было направлено на экспериментальную реконструкцию хозяйственно-бытовой деятельности средне- и верхнепалеолитического населения Горного Алтая. В настоящий момент палеолитические инструменты, предназначенные для растирания растительных веществ, недостаточно изучены на памятниках этого региона. Анализ подобных категорий артефактов либо является предварительным, либо не имеет фундаментальной доказательной базы в виде высококачественных фотографий с увеличением от ×75 и выше. В рамках проведенных экспериментальных исследований поиск сырья для инструментов проводился в долине р. Чарыш, в непосредственной близости от Чагырской пещеры. Для измельчения зерна были отобраны гальки крупнозернистых песчаников и эффузивов, поскольку инструменты из такого сырья чаще всего присутствуют на палеолитических памятниках Алтая. Обработка происходила круговыми движениями терочника о плиту в течение 0,5–2 часов. После проведения экспериментов полученные эталоны были подвергнуты функциональному анализу на предмет поиска и фиксации следов утилизации рабочих зон эталонов. Наблюдение следов происходило под увеличением ×5–200. Было установлено, что для терочников по мере утилизации характерно выравнивание, выкрашивание и сглаживание поверхности на гранях, наличие крупных или мелких субпараллельных следов. На рабочих зонах плит для растирания фиксировались признаки сглаживания и выкрошенности на гранях с наличием субпараллельных мелких линейных следов; изменение общего рельефа поверхности прослеживается только на микроуровне в виде углубления. Полученные результаты открывают перспективы для подробного исследования археологических артефактов схожего типа, обнаруженных на территории Горного Алтая.

Ключевые слова: *Горный Алтай, экспериментальное моделирование, трасологический анализ, палеолит.*

M.V. Seletsky[1]✉, E.V. Levina[2], A.Y. Fedorchenko[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: archmax95@gmail.com

Experimental Modelling of Grain Grinding Using Stone Percussion-Abrasive Tools

This study is aimed at experimental reconstruction of economic and domestic activities of the Middle and Upper Paleolithic population who lived in the Altai Mountains. At present, the Paleolithic tools designed for grinding plant materials are insufficiently studied at the sites in this region. Analyses of such artefact categories are either preliminary or lack a fundamental evidence base in the form of high-quality photographs with a magnification of ×75 and higher. As part of the experimental study, raw material for tools was sought in the valley of the Charysh River, in the immediate vicinity of Chagyrskaya Cave. Pebbles from coarse-grained sandstones and effusives were selected for grinding because tools made of such raw materials are most often found at the Paleolithic sites located in the Altai. They were processed using circular movements of the grater against the slab for 0.5 to 2 hours. After the experiments, the produced reference samples were subjected to functional analysis to look for and record use traces in the working areas of the references. The traces were observed using a magnification of ×5 to×200. It was found that used tools could be characterized by levelling, pitting, and smoothing of the surface on the faces, and the presence of large or small sub-parallel marks. The working areas of the grinding slab had traces of smoothing and gouging on their faces with the presence of sub-parallel small linear traces; the change in the general relief of the surface is traceable only at the micro-level as a depression. The results offer the challenge for a detailed study of archaeological artefacts of a similar type found in the Altai Mountains.

Keywords*: Altai Mountains, experimental modelling, traceological analysis, Paleolithic.*

Введение

Исследование каменных ударно-абразивных орудий связано с применением трасологического метода, который базируется на анализе макро- и микроследов на поверхности археологических артефактов. Однако изучение рабочих зон каждой категории инструментов требует своего подхода: от способа визуализации определяющих параметров орудий до выбора инструментария [Гричан, 2006; Кучугура, 2003; Степанова, 2015; Beaune, 1989, 1993; Plisson, 2015; Stepanova, 2020].

Так, для выявления отбойников, ретушеров и прочих инструментов, которые подверглись активному и пассивному износу вследствие нанесения прямого удара, достаточно исследования следов утилизации на макроуровне, зачастую без использования микроскопа [Белоусова, Селецкий, Федорченко, 2023; Селецкий, Федорченко, Белоусова, 2020; Селецкий и др., 2021; Семенов, 1953].

Терочники, плиты для растирания и абразивы же необходимо исследовать под увеличением от ×75 и более. Методы трехмерного моделирования могут лишь послужить для визуализации морфометрических свойств заготовок этой категории артефактов [Селецкий, 2022].

Палеолитические инструменты для растирания растительных веществ слабо изучены на памятниках Горного Алтая [Археология..., 1990; Деревянко, Зенин, 1990; Деревянко, 2022]. Исследования подобных категорий артефактов либо являются предварительными, либо не содержат фундаментальную доказательную базу в виде высококачественных фотографий под увеличением от ×75 и выше [Селецкий, Федорченко, Белоусова, 2020].

Целью настоящего исследования является реконструкция хозяйственно-бытовых процессов, осуществлявшихся древними обитателями Северной Азии, а именно средне- и верхнепалеолитическими обитателями Горного Алтая.

Материалы и методы

Для реализации поставленной цели было проведено экспериментальное моделирование процессов растирания зерна посредством терочников (n = 5) и плит для растирания (n = 5).

Отбор заготовок будущих эталонов этих каменных ударно-абразивных орудий происходил в долине р. Чарыш, около археологического памятника Чагырская пещера. Для реализации перетирания зерна отобраны гальки крупнозернистых песчаников и эффузивов, поскольку инструменты из такого типа сырья присутствуют преимущественно на палеолитических памятниках Горного Алтая [Белоусова, Селецкий, Федорченко, 2023; Селецкий, Федорченко, Белоусова, 2020; Селецкий и др., 2021].

Трасологический анализ проведен с помощью стереомикроскопа Альтами СМ0745–Т с увеличением от ×7 до ×45 и прямого металлографического микроскопа с выносным штативом AJX-MPSBD – от ×50 до ×500.

Фотофиксация следов утилизации произведена посредством фотокамеры Canon EOS 5D Mark IV с макрообъективом Canon EF 100mm f/2.8L Macro IS USM и специализированной фотокамеры для микроскопии PC3-HW20MP.

Все эталоны были промыты в ультразвуковой ванне перед подробным изучением на микроуровне.

Результаты исследования

В результате экспериментального моделирования получены 10 эталонов каменных ударно-абразивных орудий (терочники – 5 экз., плиты для растирания – 5 экз.; рис. 1).

Заготовками *терочников* послужили овальные мощные гальки крупнозернистого песчаника. Рабочими зонами выступили выпуклые части центров фасов инструментов. В ходе работы терочник касался плиты и производилось круговое движение с усилием по часовой стрелке (рис. 2, *а*).

На макроуровне при утилизации инструмента в течение 30 минут видны следы слабого сглаживания

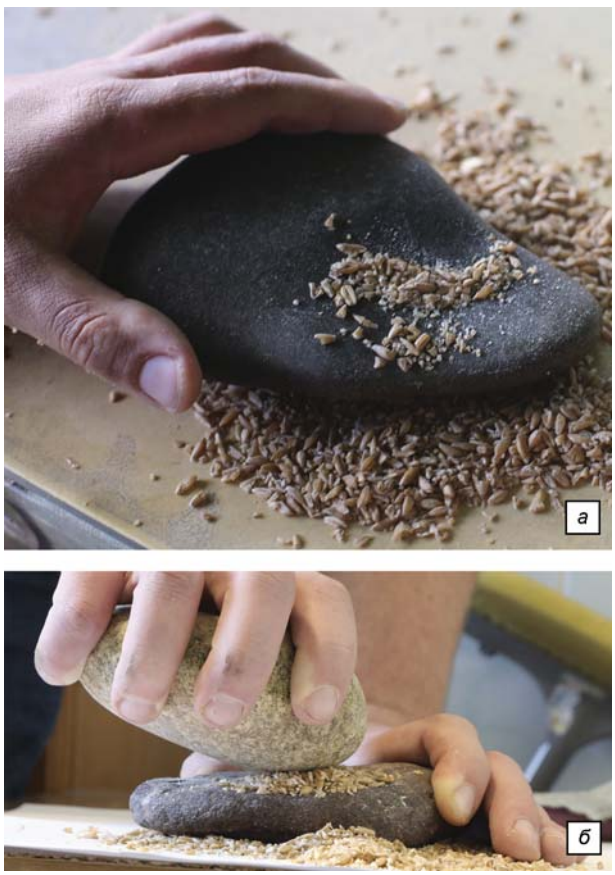

Рис. 1. Экспериментальное моделирование процессов растирания зерна.
а – полба (*фото Д.Д. Гаркуши*); *б* – просо.

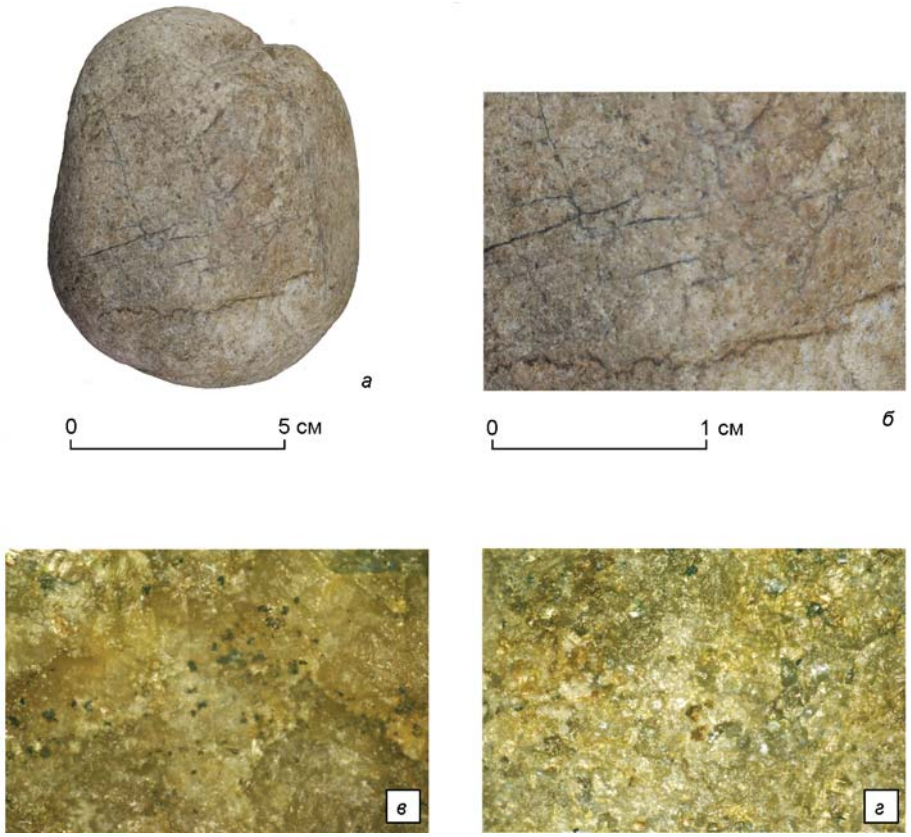

Рис. 2. Экспериментальный терочник.
а – общий вид; *б* – макроуровень; *в* – рабочая зона под увеличением ×200; *г* – естественная поверхность без следов утилизации под увеличением ×200.

ребер рабочей поверхности, от высоких точек рельефа в сторону плоских заметны крупные линейные следы (n = 4), равнонаправленные кинематике движения терочника. Рабочая зона орудия сильно видоизменилась после его использования в течение двух часов: сглаживание стало более выявленным, крупные линейные следы не единичны, видны уже при увеличении от ×50 (рис. 2, *б*).

На микроуровне видно похожее изменение интенсивности следов утилизации в зависимости от продолжительности использования орудия, однако при увеличении ×200 становятся более явными изменения рельефа орудия в виде сглаженности, частично даже выкрошенности (на выпуклых частях рабочей зоны). Видны мелкие субпараллельные линейные следы на сглаженных участках (рис. 2, *в*, *г*).

В качестве *плит для растирания* использованы овальные вытянутые в плане плоские гальки крупнозернистого песчаника и эффузива. Для утилизации были выбраны плоские центральные части фасов (рис. 3, *а*).

При увеличении от ×5 до ×75 в ходе работы в течение получаса на рабочих зонах этих эталонов наблюдается слабая сглаженность и крупные линейные следы (n = 2–3). Рельеф поверхности не изменился. После двух часов использования грани рабочих зон слегка выровнялись, увеличилось количество крупных линейных субпараллельных следов (n = 5–7; рис. 3, *б*).

На микроуровне (от ×75 до ×200) отмечены сильное изменение (углубление) рельефа поверхности рабочих зон, сглаженность и мелкие, штриховые короткие линейные следы. Чем интенсивнее и продолжительнее использовались орудия, тем этот блок следов становился более выраженным. После использования инструментов в течение двух часов, на месте скопления линейных следов образовалась мелкая выкрошенность, заметная только при увеличении в ×200 (рис. 3, *в*, *г*).

Обсуждение и заключение

Орудия, которыми, возможно, проводилось растирание зерна, являются малоизученными в Алтайском регионе. Исследователи не выделяли такую категорию инструментов и/или не приводили достаточной фундаментальной доказательной базы, например в виде высококачественных иллюстраций макро- и микроследов на поверхности артефактов (напр.: [Селецкий, Федорченко, Белоусова, 2020]).

По предварительным данным, терочники, песты и пестотерочники присутствуют в верхнепалеолити-

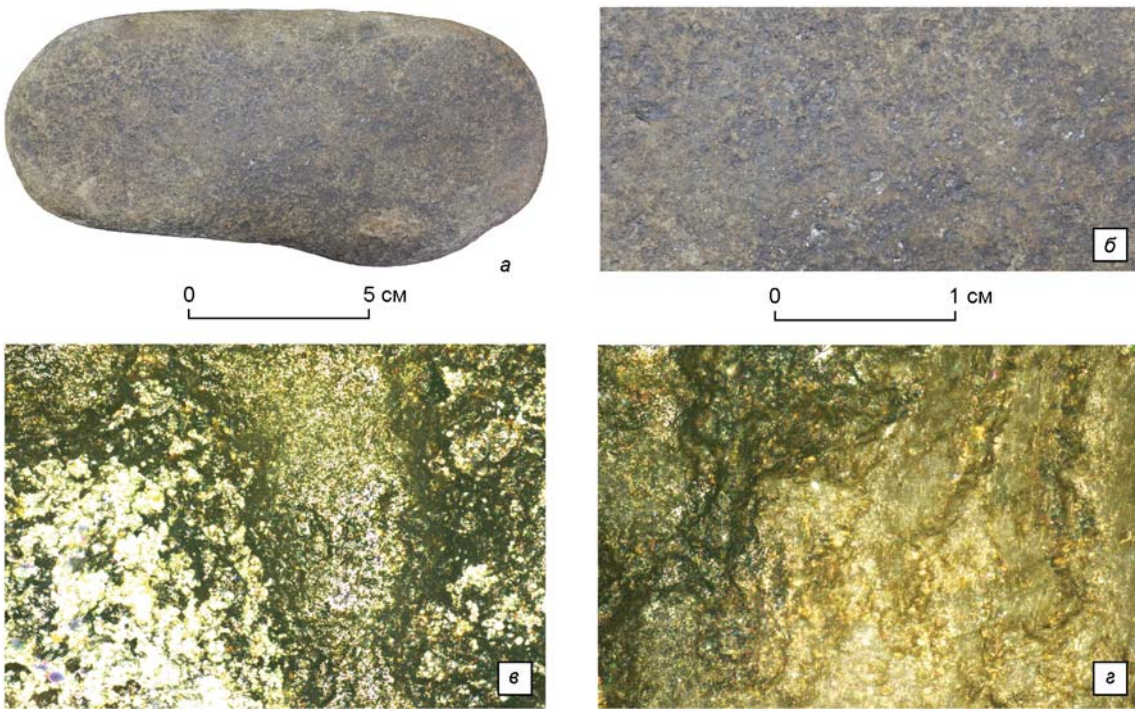

Рис. 3. Экспериментальная плита для растирания.
а – общий вид; *б* – макроуровень; *в* – рабочая зона под увеличением ×200; *г* – естественная поверхность без следов утилизации под увеличением ×200.

ческих комплексах стоянки Кара-Бом и Денисовой пещеры [Там же]. Однако, в связи с результатами, полученными в настоящем исследовании, эти данные требуют уточнения и переосмысления.

По результатам исследования получены десять эталонов инструментов для растирания зерна, выявлены и описаны их рабочие поверхности. Они обладают характерными блоками следов, характеризующими их функцию.

Для терочников характерно выравнивание, выкрашивание и сглаживание поверхности на гранях, появление крупных и мелких субпараллельных следов по мере утилизации орудий.

На рабочих зонах плит для растирания наблюдаются: сглаживание и выкрошенность на гранях с наличием субпараллельных мелких линейных следов; изменение общего рельефа поверхности прослеживается только на микроуровне в виде углубления.

Результаты настоящей работы являются перспективными для дальнейших фундаментальных исследований, направленных на поиск и изучение каменных ударно-абразивных орудий палеолита Горного Алтая.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР лаборатории «ЦифрА» ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0009 «Цифровизация процессов изучения древнейшей и древней истории Евразии».

Список литературы

Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая / А.П. Деревянко, Ю.В. Гричан, М.И. Дергачев, А.Н. Зенин, С.А. Лаухин, Г.М. Левковская, А.М. Малолетко, С.В. Маркин, В.И. Молодин, Н.Д. Оводов, В.Т. Петрин, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1990. – 158 с.

Белоусова Н.Е., Селецкий М.В., Федорченко А.Ю. Инструменты для обработки каменного сырья в индустриях начального и раннего верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол-1 (раскоп 1986 г.) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 36–48.

Гричан Ю.В. Новые аспекты палеоэкономики в позднепалеолитических памятниках Забайкалья (по материалам поселения Варварина Гора) // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии / отв. ред. А.П. Деревянко, Т.И. Нохрина. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 9–16.

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. VI, ч. 1: Денисовский человек: происхождение, материальная и духовная культура. – 900 с.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Палеолитическое местонахождение Ануй-1 // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. – Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – С. 31–42.

Кучугура Л.И. К вопросу о типологии изделий из неизоморфных пород в верхнем палеолите // Археологический альманах. – 2003. – № 13. – С. 308–314.

Селецкий М.В. Трехмерное моделирование как инструмент исследования каменных ударно-абразивных орудий эпохи палеолита // Актуальная археология 6: мат-лы междунар. науч. конф. молодых ученых. – СПб.: Невская Типография, 2022. – С. 69–72.

Селецкий М.В., Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е. Опыт функционального исследования ударно-абразивных орудий палеолитических комплексов Горного Алтая // Актуальная археология 5: мат-лы междунар. науч. конф. молодых ученых. – СПб.: Невская Типография, 2020. – С. 161–164.

Селецкий М.В., Федорченко А.Ю., Чистяков П.В., Маркин С.В., Колобова К.А. Ударно-абразивные каменные орудия из Чагырской пещеры: результаты функционального анализа // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – Т. 49, № 2. – С. 23–31.

Семенов С.А. Каменные ретушеры позднего палеолита // Палеолит и неолит СССР / под ред. А.П. Окладникова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 446–454.

Степанова К.Н. Классификации ударно-абразивных орудий верхнего палеолита // Зап. ИИМК. – 2015. – № 11. – С. 7–21.

Beaune S.A., de. Essai d'une classification typologique des galets et plaquettes utilisés au Paléolithique // Gallia Préhistoire. – 1989. – Vol. 31. – P. 27–64.

Beaune S.A., de. Nonflint Stone Tools of the Early Upper Paleolithic // Before Lascaux: The complex record of the Early Upper Paleolithic / eds. H. Knecht, A. Pike-Tay, R. White. – Boca Raton: CRC Press, 1993. – P. 163–191.

Plisson H. Digital Photography and Traceology: From 2D to 3D // Следы в археологии: к 75-летию В.Е. Щелинского. – СПб.: ИИМК РАН, 2015. – С. 218–233.

Stepanova K. Upper Palaeolithic grinding stones from Eastern European sites: An overview // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 541. – P. 162–181.

References

Beaune S.A., de. Essai d'une classification typologique des galets et plaquettes utilisés au Paléolithique. *Gallia Préhistoire*. 1989. Vol. 31. P. 27–64.

Beaune S.A., de. Nonflint Stone Tools of the Early Upper Paleolithic. *Before Lascaux: The complex record of the Early Upper Paleolithic*. White. Boca Raton: CRC Press, 1993. P. 163–191.

Belousova N.E., Seletsky M.V., Fedorchenko A.Y. Tools of Stone Raw Material Treatment in the Initial and Early Upper Palaeolithic Industries of the Ust-Karakol-1 Site (Excavation Area, 1986). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023. Vol. 23. No. 3: Archaeology and Ethnography. P. 36–48. (In Russ.).

Derevianko A.P. Three Global Human Migrations in Eurasia. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. VI, pt. 1: Denisovan human: origins, material and spiritual culture. 900 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Grichan Y.V., Dergachev M.I., Zenin A.N., Laukhin S.A., Levkovskaya G.M., Maloletko A.M., Markin S.V., Molodin V.I., Ovodov N.D., Petrin V.T., Shunkov M.V. Arkheologiya i paleoekologiya paleolita Gornogo Altaya. Novosibirsk: IHFF SB AS USSR Publ., 1990. 158 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Zenin A.N. Paleoliticheskoe mestonakhozhdenie Anuy-1. In *Kompleksnye issledovaniya paleoliticheskikh ob'ektov basseyna r. Anuy*. Novosibirsk: IHFF SB AS USSR Publ., 1990. P. 31–42. (In Russ.).

Grichan Y.V. Novyye aspekty paleoekonomiki v pozdnepaleoliticheskikh pamyatnikakh Zabaykal'ya (po materialam poseleniya Varvarina Gora). In Derevianko A.P., Nokhrina T.I. (eds.). *Chelovek i prostranstvo v kul'turakh kamennogo veka Evrazii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006. P. 9–16. (In Russ.).

Kuchugura L.I. K voprosu o tipologii izdeliy iz neizomorfnykh porod v verkhnem paleolite. *Archaeological Almanac*, 2003. No. 13. P. 308–314. (In Russ.).

Plisson H. Digital Photography and Traceology: From 2D to 3D. In *Traces in history. To the 75th anniversary of V.E. Shchelinsky*. Saint Petersburg: IHMC RAS, 2015. P. 218–233.

Seletsky M.V. Trekhmernoye modelirovaniye kak instrument issledovaniya kamennykh udarno-abrazivnykh orudiy epokhi Paleolita. In *Aktual'naya arkheologiya 6. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh*. Saint Petersburg: Nevskaya Tipografiya Publ., 2022. P. 69–72. (In Russ.).

Seletsky M.V., Fedorchenko A.Y., Chistyakov P.V., Markin S.V., Kolobova K.A. Percussive-abrasive stone tools from Chagyrskaya cave: results of functional analysis. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2021. Vol. 49. No. 2. P. 23–31. (In Russ.).

Seletsky M.V., Fedorchenko A.Y., Belousova N.E. Opyt funktsional'nogo issledovaniya udarno-abrazivnykh orudiy paleoliticheskikh kompleksov Gornogo Altaya. In *Aktual'naya arkheologiya 5. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh*. Saint Petersburg: Nevskaya Tipografiya Publ., 2020. P. 161–164. (In Russ.).

Semyonov S.A. Kamennye retushery pozdnego paleolita. In *Paleolit i neolit SSSR*. Moscow: AS USSR Publ., 1953. P. 446–454. (In Russ.).

Stepanova K. Upper Palaeolithic grinding stones from Eastern European sites: An overview. *Quaternary International*, 2020. Vol. 541. P. 162–181.

Stepanova K.N. Classification of the percussive-abrasive tools from the Upper Palaeolithic sites of the Russian Plain. *Transactions of IHMC*, 2015. No. 11. P. 7–21. (In Russ.).

Селецкий М.В. https://orcid.org/0000-0003-2581-8792
Левина Е.В. https://orcid.org/0000-0001-6616-5754
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037

Дата сдачи рукописи: 26.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0289-0296
УДК 902/904

И.Е. Тюгашев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: tgshgr@yandex.ru

Сравнение каменных комплексов слоев 1–3 пещеры Окладникова

В статье рассматриваются актуализированные данные о коллекции каменных артефактов слоев 1–3 пещеры Окладникова. В связи с расширением источниковой базы проводится проверка ранее сформулированного вывода об однородности каменной индустрии слоев 1–3. В результате проделанной работы были выявлены некоторые технологические отличия. В слое 1 среди технических сколов преобладают краевые отщепы с радиальных нуклеусов, в то время как в слоях 2 и 3 краевые латеральные. В слоях 1 и 2 у большинства сколов ось скалывания совпадает с осью длины скола, в то время как в слое 3 у большинства сколов они не совпадают. В слое 3 зафиксировано больше орудий, переиспользованных после слома, чем в вышележащих. Технологические отличия не позволяют говорить о системных изменениях в каменной индустрии, чтобы поставить вопрос о ее развитии. Технология производства каменных артефактов в слоях 1–3 принципиально не меняется. Первичное расщепление было направлено на получение трапециевидных отщепов с радиальных, ортогональных и плоскостных параллельных нуклеусов. В каждом слое фиксируется высокая доля орудий относительно всей коллекции (до 30 % без учета отходов производства). Основу орудийного набора в каждом слое составляют конвергентные и простые скребла, ретушированные остроконечники. Они могли быть в дальнейшем переиспользованы после слома. Также встречаются плоско-выпуклые бифасиальные орудия. Проверка статистическим тестом Краскела – Уоллиса не позволила выявить значимых различий в метрических показателях между орудиями слоев 1–3 пещеры Окладникова. Это свидетельствует об их принадлежности к индустриальному варианту, комплексы которого производились одной популяцией неандертальцев, эксплуатировавшей одну сырьевую базу во время заселения памятника.

Ключевые слова: *неандертальцы, средний палеолит, сибирячихинский индустриальный вариант, Алтай, каменная индустрия.*

I.E. Tyugashev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: tgshgr@yandex.ru

Comparing Lithic Assemblages from Layers 1–3 in Okladnikov Cave

The article reviews the updated data on the lithic collection from layers 1–3 of Okladnikov Cave. Due to the source base expansion, the previously formulated conclusion about the lithic industry homogeneity of layers 1–3 is verified. As a result, some technological differences were revealed. The radial core debordant flakes are dominant among all technical debitage in layer 1, while the lateral debordant flakes are predominant in layers 2 and 3. The flaking axis coincides with the blank length axis in layers 1 and 2, while the flaking axis does not coincide with the blank length axis in layer 3. Most of the tools reused after breaking were recorded in layer 3. The technological differences do not allow to speculate about system changes in the lithic industry to raise the question about its development. The lithic technology in layers 1–3 does not change fundamentally. The primary knapping was aimed to obtain trapezoidal blanks from radial, orthogonal, and parallel cores. Each layer has a high proportion of tools among all lithic collection (up to 30 % omitting waste products). In each layer, convergent and simple scrapers as well as retouched points form the basis for the toolkit. Plano-convex bifacial tools are also recorded. The Kruskal – Wallis statistical test does not reveal any significant differences in metric parameters between tools from layers 1–3 of Okladnikov Cave. This indicates that they belong to one industrial variant. Its complexes were produced by the same Neanderthal population, which enjoyed one raw material base at the time of the site occupation.

Keywords: *Neanderthals, Middle Paleolithic, Sibiryachikha industrial variant, Altai, lithic industry.*

Введение

Пещера Окладникова, открытая в 1984 г., является одним из опорных памятников в изучении среднего палеолита Алтая. Это один из первых полностью исследованных памятников, где впервые обнаружены остатки неандертальского человека в Сибири. К археологическим и антропологическим данным с этого памятника исследователи обращаются до сих пор [Skov et al., 2022].

В пещере Окладникова выделено 9 литологических подразделений, из которых 5 (слои 1–3, 6 и 7) – культуросодержащие. Подавляющее большинство артефактов (86 %) обнаружено в слоях 1–3. Основная часть находок слоев 1 и 3 и все находки слоя 2 зафиксированы на площади навеса (76 %) [Деревянко, Маркин, 1992, с. 208–209]. Здесь отмечены частичное разрушение и перенос отложений, так что в верхнем горизонте у основания склона исследователями фиксировались находки, принадлежащие к эпохам от палеолита до Средневековья.

Первый слой зафиксирован на всех участках памятника. Он представлен гумусированным темно-серым суглинком с мелкой угловатой щебенкой и средними обломками. Второй слой обнаружен лишь под навесом и на небольшом участке галереи 2. Он представлен светлым суглинком с включением щебенки и обломков известняка. Третий слой зафиксирован во всех частях пещеры. Слой характеризуется буровато-серым суглинком с единичными включениями обломков известняка [Археология и палеоэкология..., 1990, с. 107; Деревянко, Маркин, 1992, с. 34–36].

Каменная индустрия пещеры Окладникова была первоначально интерпретирована как типичное мустье с преобладанием радиального принципа расщепления, при котором ось скалывания не совпадает с осью длины скола. Как правило, изготавливались простые скребла, орудия типа déjeté и мустьерские остроконечники. Бифасиальные орудия представлялись малохарактерными для данного памятника [Деревянко, Маркин, 1992, с. 212–216].

Полученные радиоуглеродные и урановые даты пещеры Окладникова были сопоставлены с данными о ее палеоэкологии. Слои 2–7 отнесены [Там же, с. 90] к каргинскому циклу осадконакопления (50–24 тыс. л.н.) [Леви, Задонина, 2012]. А.П. Деревянко и С.В. Маркин установили для слоя 1 некоторое несогласие данных палеоэкологии и радиоуглеродного датирования. Они обратили внимание на то, что слой 1 в отличие от остальных формировался при более холодном и влажном климате, чем современный. В то же время радиоуглеродная дата для слоя 1 (33 300 ± ± 520 л.н.) относится ко времени каргинского межледниковья. Поэтому исследователи предложили два объяснения отмеченного расхождения.

1. Слой 1 формировался в условиях сартанского оледенения.

2. Слой 1 относится к коношельскому похолоданию (33–30 тыс. л.н.) внутри каргинского межледниковья.

Второй вариант А.П. Деревянко и С.В. Маркин выбрали в качестве более предпочтительного. По их данным, археологические материалы слоя 1 мало чем отличаются от материалов остальных слоев, и пещера в целом «несмотря на хронологическую разницу, характеризуется однородным... характером мустьерских индустрий» [Деревянко, Маркин, 1992, с. 90, 216].

В дальнейшем первоначальные датировки были подвергнуты пересмотру ввиду большого разброса дат и их слишком «молодых» значений. Новые радиоуглеродные даты для слоев 2 и 3 показали запредельные значения (>44 тыс. л.н.). Установленные популяционные связи между неандертальцами пещер Окладникова и Чагырской позволили предположить, что слои 2–7 формировались в период, близкий ко времени обитания Чагырской пещеры (59–51 тыс. л.н.). Слой 1 же из-за смешанного контекста с находками из более поздних эпох был предварительно отнесен к голоцену [Skov et al., 2022]. Однако последний анализ каменной индустрии слоя 1 показал ее принадлежность к сибирячихинскому варианту среднего палеолита Алтая [Колобова и др., 2022].

Выводы об однородности каменной индустрии слоев 1–7 А.П. Деревянко и С.В. Маркин сформулировали на основе анализа 3 911 артефактов (3 364 из них обнаружены в слоях 1–3) [Деревянко, Маркин, 1992, с. 209]. При актуализации данных по коллекции, проведенной в 2022–2024 гг., количество каменных артефактов в слоях 1–3 увеличилось до 3 989 экз.

Целью данной работы является систематическая проверка гипотезы однородности каменной индустрии слоев 1–3 пещеры Окладникова с использованием актуализированных данных о коллекциях каменных артефактов слоев 1–3.

Материалы и методы

Материалом настоящей работы послужили результаты исследования коллекции каменных артефактов слоев 1–3. Они были получены на основе применения атрибутивного подхода в рамках технико-типологического анализа [Колобова и др., 2022, 2023, 2024]. Для 2 экз. бифасиальных орудий из слоя 2 и 1 экз. из слоя 3 удалось определить основные характеристики сколов-заготовок. Выполнение статистического теста Краскела – Уоллиса (поскольку данные распределены ненормально) проводилось в программе PAST v. 4.0. [Hammer, Harper, Ryan, 2001].

Результаты

На настоящий момент выявленное количество артефактов в слоях 1–3 3 989 экз. (табл. 1). Основу коллекции каждого из трех слоев составляют ско-

Таблица 1. **Состав каменной индустрии слоев 1–3 пещеры Окладникова**

Тип артефакта	Слой 1			Слой 2			Слой 3		
	Кол-во, ед.	Доля от общего числа, %		Кол-во, ед.	Доля от общего числа, %		Кол-во, ед.	Доля от общего числа, %	
		Всего	Без неопределимых		Всего	Без неопределимых		Всего	Без неопределимых
Пренуклеусы	–	–	–	–	–	–	1	0,05	0,11
Нуклеусы	3	0,43	1,02	4	0,31	0,66	10	0,49	1,13
Двусторонние орудия	5	0,72	1,70	8	0,63	1,32	9	0,44	1,02
Сколы:	282	40,87	95,92	592	46,54	97,53	864	42,62	97,63
пластины	7	1,01	2,38	8	0,63	1,32	9	0,43	1,02
отщепы	106	15,36	36,05	254	19,97	41,85	326	16,08	36,84
технические сколы	80	11,59	27,21	154	12,11	25,37	262	12,93	29,60
неопределимые сколы	–	–	–	1	0,08	0,16	–	–	–
орудия на сколах	89	12,90	30,27	175	13,76	28,83	267	13,17	30,17
Ударно-абразивные орудия	6	0,87	2,04	3	0,24	0,49	1	0,05	0,11
Обломки	58	8,41	–	163	12,81	–	221	10,9	–
Чешуйки	336	48,70	–	502	39,47	–	921	45,44	–
Всего	690	100,00	–	1 272	100,00	–	2 027	100,00	–

лы (96–98 % без отходов производства). Орудия на сколах составляют чуть меньше трети комплекса каменных артефактов каждого слоя (29–30 % без учета отходов, табл. 1).

Большинство сколов (включая орудия) представлено отщепами (55–63 %, табл. 2) и техническими сколами (34–42 %, табл. 2). Доля пластин в каждой коллекции сколов незначительна – около 2–3 % (табл. 2).

Доля нуклеусов в общем составе индустрии каждого слоя невелика и едва превышает 1 % (см. табл. 1). В слое 1 обнаружены 2 экз. радиальных нуклеусов и 1 плоскостный параллельный. В слое 2 – 2 экз. радиальных (1 экз. Levallois Centripetal), 1 экз. – ортогональный, 1 экз. – фрагмент плоскостного параллельного. В слое 3 – 3 экз. радиальных нуклеусов (1 экз. Levallois Centripetal), 3 экз. – ортогональные, 2 экз. – бипродольные, 2 экз. – плоскостные параллельные и 1 экз. – пренуклеус, переоформленный в скребло.

В распределении типов технических сколов между слоем 1 и слоями 2–3 существует небольшое различие: в слое 1 чаще всего встречаются краевые отщепы с радиальных нуклеусов (12 % от всех сколов, включая орудия), в то время как в слоях 2 и 3 наиболее распространенный тип – это краевые латеральные отщепы (10 % и 13 % соответственно). В остальном состав технических сколов каждого слоя схож с остальными. Во всех слоях выделяется категория технических сколов обработки двусторонних орудий (5–6 %), небольшое количество реберчатых (0,5–1,0 %) и долечных (0,1–0,4 %) сколов. В слоях 2 и 3 также зафиксированы полудолечные, полуреберчатые сколы и сколы, захватившие противоположный край нуклеуса (overpassed) (табл. 2).

Во всех трех слоях фиксируется низкая доля первичных сколов (в слое 1 – 9 %, в слое 2 – 6 %, в слое 3 – 9 %) и сколов с кортикальной поверхностью в целом (в слое 1 – 32 %, в слое 2 – 22 %, в слое 3 – 30 %). Такие низкие значения свидетельствуют о том, что начальные стадии производились вне территории памятника [Харевич и др., 2024].

В слоях 1 и 2 более чем у половины сколов (59 % и 65 % соответственно, без учета неопределимых) ось скалывания совпадает с осью длины. В слое 3 наблюдается обратная ситуация: у 62 % ось скалывания не совпадает с осью длины.

В основном сколы в слоях 1–3 имеют трапециевидную/прямоугольную форму (40 %, 49 %, 50 % соответственно, без учета неопределимых). Слой 1 несколько выделяется на фоне остальных слоев тем, что примерно у пятой части сколов (21 %) форма нерегулярная, в то время как в слоях 2 и 3 форма нерегулярная только у десятой части (10 %, 13 %).

Чаще всего в слоях 1–3 встречаются сколы с продольной огранкой дорсальной поверхности (32 %, 38 %, 30 % соответственно, без учета неопределимых). Также распространены сколы с радиальной/подперекрестной (15 %, 15 %, 21 %) и ортогональной (22 %, 10 %, 18 %) огранками.

Прямой тип дистального профиля – наиболее распространенный в слоях 1, 2 и 3 (44 %, 43 % и 37 % соответственно, без учета неопределимых). Около

Таблица 2. Типологический набор сколов слоев 1–3 пещеры Окладникова, включая орудия на сколах

Типы	Слой 1		Слой 2		Слой 3	
	Кол-во, ед.	%	Кол-во, ед.	%	Кол-во, ед.	%
Пластины	9	3,19	13	2,19	20	2,31
Отщепы	158	56,03	374	62,96	476	55,03
Сколы леваллуа	1	0,35	–	–	1	0,12
Естественные сколы	–	–	2	0,34	–	–
Технические сколы:	106	37,59	203	34,18	362	41,85
обработки двусторонних орудий	15	5,32	36	6,06	42	4,86
отщепы краевые латеральные	22	7,80	62	10,44	115	13,29
отщепы краевые с радиальных нуклеусов	35	12,41	47	7,91	106	12,25
первичные отщепы	22	7,80	36	6,06	73	8,44
первичные пластины	2	0,71	–	–	1	0,12
пластины краевые латеральные	3	1,06	4	0,67	7	0,81
пластины краевые с радиальных нуклеусов	–	–	–	–	1	0,12
полудолечные	–	–	1	0,17	1	0,12
реберчатые	4	1,42	6	1,01	4	0,46
краевые реберчатые	–	–	6	1,01	8	0,92
долечные	1	0,35	1	0,17	1	0,12
технические отщепы	2	0,71	2	0,34	–	–
overpassed	–	–	2	0,34	3	0,35
Неопределимые сколы	8	2,84	3	0,51	6	0,69
Всего	282	100,00	594	100,00	865	100,00

четверти сколов в слоях 1 (27 %) и 2 (25 %) имеют изогнутый продольный профиль. В слое 3 в отличие от слоев 1–2 закрученный профиль (25,5 %) встречается немного чаще, чем изогнутый (25 %). Выпуклый профиль имеет примерно шестая часть сколов в слоях 1 и 2 (16 %, 16 % соответственно) и восьмая в слое 3 (12 %).

Во всех трех слоях преобладает перьевидное дистальное окончание у сколов (55 %, 58 %, 53 % соответственно, без учета неопределимых). Примерно шестую часть в каждом слое составляют сколы с петлевидным окончанием (15 %, 17 %, 18 % соответственно).

Наиболее распространенное поперечное сечение – треугольное (42 %, 42 %, 33 % соответственно, без учета неопределимых). Трапециевидное сечение встречается у пятой-шестой части сколов (16 %, 16 %, 21 %). Около четверти в слоях 1–2 имеют латерально-крутое сечение (23 %, 26 % соответственно). В слое 3 сколов с латерально-крутым сечением чуть меньше трети (30 %). Подавляющее число таких сколов в каждом слое относится к краевым техническим.

Ударная площадка у большинства сколов в слоях 1–3 гладкая (66 %, 65 %, 68 % соответственно, без учета неопределимых), в меньшей степени представлены сколы с фасетированной (17 %, 20 %, 17 % соответственно) и двугранной площадками (13 %, 11 %, 11 % соответственно). Ударный бугорок сколов в слоях 1–3, как правило, расплывчатый или вовсе отсутствует (68 %, 70 %, 60 % соответственно). Во всех трех слоях зафиксированы сколы с вентральным карнизом и расплывчатым ударным бугорком, что может говорить о применении мягкого отбойника.

Типологическая структура орудийного набора всех трех слоев идентична. В ее основе лежат скребла (75–83 %) и остроконечники (10–11 %) различных форм (табл. 3). Конвергентные скребла в орудийном комплексе каждого слоя преобладают над простыми (в слое 1 – 60 %, в слое 2 – 60 %, в слое 3 – 52 % всех скребел). В каждом слое зафиксированы случаи переоформления орудий после слома, в слое 3 доля таких орудий наибольшая: 4 % в слое 1, 3 % в слое 2, 8 % в слое 3; изготовления орудий на сколах двусторонних орудий по 3 % в каждом слое. Бифасиальные орудия составляют 4–6 % орудийной коллекции, все они были изготовлены в рамках длинной и короткой цепочек плоско-выпуклого метода [Харевич, 2022, с. 133].

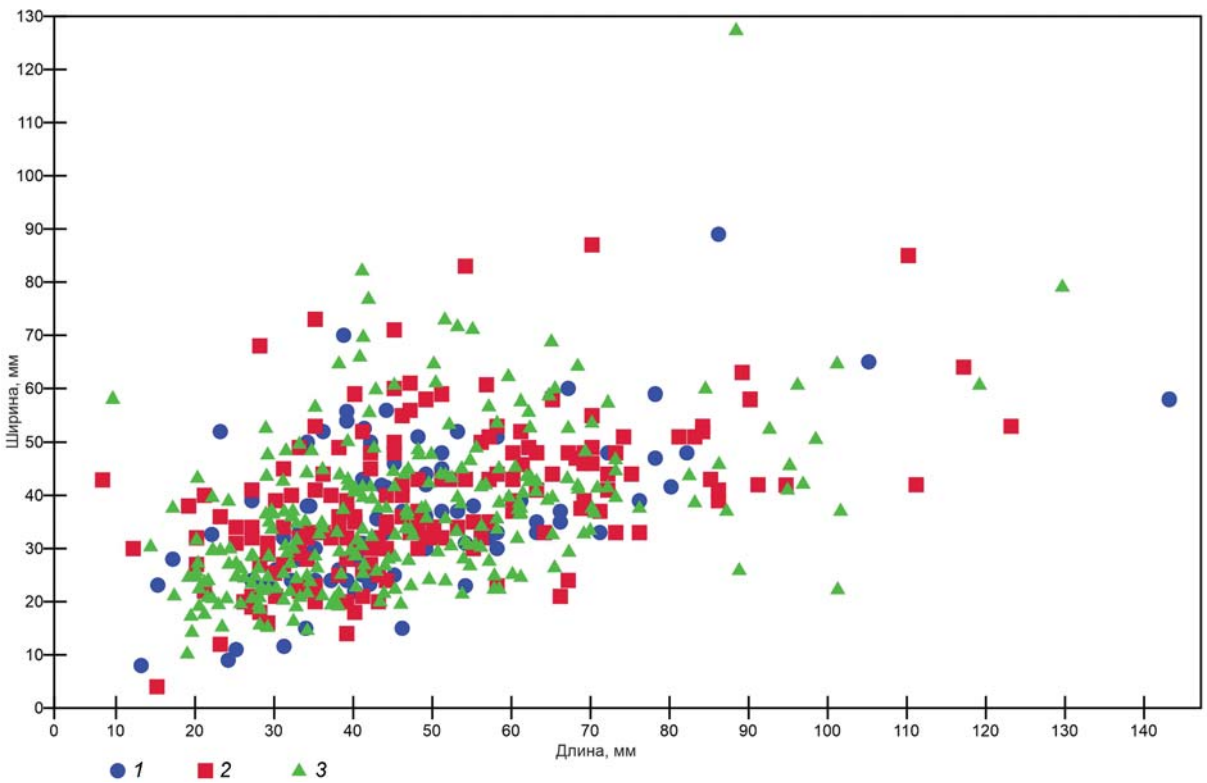
Сопоставление метрических показателей орудий на сколах по критерию Краскела – Уоллиса (т.к. данные распределены ненормально) также не выявило статистически значимых отличий между

Таблица 3. **Типологический набор орудий слоев 1–3 пещеры Окладникова**

Типы	Слой 1			Слой 2			Слой 3		
	Кол-во, ед.	Доля от общего числа, %		Кол-во, ед.	Доля от общего числа, %		Кол-во, ед.	Доля от общего числа, %	
		Всего	Без неопределимых		Всего	Без неопределимых		Всего	Без неопределимых
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Остроконечники леваллуазские	1	1,06	1,30	–	–	–	–	–	–
Остроконечники ретушированные	8	8,51	10,39	16	8,74	9,70	24	8,70	10,71
треугольный	–	–	–	1	0,55	0,61	–	–	–
подлистовидный	1	1,06	1,30	2	1,09	1,21	1	0,36	0,45
подсегментовидный	–	–	–	2	1,09	1,21	–	–	–
подтрапециевидный	–	–	–	1	0,55	0,61	1	0,36	0,45
подтреугольный	–	–	–	2	1,09	1,21	–	–	–
полулистовидный	2	2,13	2,60	1	0,55	0,61	8	2,90	3,57
полусегментовидный	–	0,00	0,00	–	–	–	3	1,09	1,34
полутреугольный	5	5,32	6,49	7	3,83	4,24	11	3,99	4,91
Скребла	58	61,70	75,32	133	72,68	80,61	185	67,03	82,59
простые	11	11,70	14,29	36	19,67	21,82	49	17,75	21,88
двойное поперечное выпуклое	–	–	–	1	0,55	0,61	–	–	–
двойное продольное прямо-выпуклое	–	–	–	1	0,55	0,61	1	0,36	0,45
поперечное прямое	1	1,06	1,30	4	2,19	2,42	5	1,81	2,23
поперечное выпуклое	–	–	–	1	0,55	0,61	3	1,09	1,34
продольное прямое	4	4,26	5,19	14	7,65	8,48	16	5,80	7,14
продольное выпуклое	4	4,26	5,19	6	3,28	3,64	8	2,90	3,57
диагональное прямое	2	2,13	2,60	7	3,83	4,24	9	3,26	4,02
диагональное выпуклое	–	–	–	2	1,09	1,21	7	2,54	3,13
конвергентные	35	37,23	45,45	80	43,72	48,48	96	34,78	42,86
листовидное	1	1,06	1,30	3	1,64	1,82	1	0,36	0,45
сегментовидное	1	1,06	1,30	1	0,55	0,61	–	–	–
трапециевидное	1	1,06	1,30	2	1,09	1,21	–	–	–
треугольное	1	1,06	1,30	2	1,09	1,21	2	0,72	0,89
подлистовидное	–	–	–	8	4,37	4,85	2	0,72	0,89
подовальное	–	–	–	5	2,73	3,03	–	–	–
подпрямоугольное	1	1,06	1,30	5	2,73	3,03	5	1,81	2,23
подсегментовидное	1	1,06	1,30	7	3,83	4,24	3	1,09	1,34
подтрапециевидное	5	5,32	6,49	8	4,37	4,85	27	9,78	12,05
подтреугольное	1	1,06	1,30	3	1,64	1,82	1	0,36	0,45
полулистовидное	5	5,32	6,49	3	1,64	1,82	6	2,17	2,68
полуовальное	2	2,13	2,60	1	0,55	0,61	2	0,72	0,89
полупрямоугольное	1	1,06	1,30	3	1,64	1,82	1	0,36	0,45
полусегментовидное	3	3,19	3,90	9	4,92	5,45	11	3,99	4,91
полутрапециевидное	11	11,70	14,29	8	4,37	4,85	26	9,42	11,61
полутреугольное	1	1,06	1,30	12	6,56	7,27	9	3,26	4,02
неопределимые	12	12,77	15,58	17	9,29	10,30	40	14,49	17,86

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Бифасиальные орудия	5	5,32	6,49	8	4,35	4,85	9	3,26	4,02
Выемчатое орудие	–	–	–	1	0,55	0,61	–	–	–
Долотовидное орудие	1	1,06	1,30	–	–	–	–	–	–
Зубчатое орудие	1	1,06	1,30	–	–	–	–	–	–
Тронкированно-фасетированное орудие	2	2,13	2,60	2	1,09	1,21	3	1,09	1,34
Перфоратор	1	1,06	1,30	5	2,73	3,03	3	1,09	1,34
Отщеп с ретушью	10	10,64	–	14	7,65	–	45	16,30	–
Пластина с ретушью	–	–	–	2	1,09	–	2	0,72	–
Неопределимая часть орудия	7	7,45	–	2	1,09	–	5	1,81	–
Всего	94	100,00	100,00	183	100,00	100,00	276	100,00	100,00

Размеры орудий на сколах слоев 1–3 пещеры Окладникова.

1 – слой 1; *2* – слой 2; *3* – слой 3.

длиной (H = 1,587, p = 0,4521), шириной (H = 3,522, p = 0,1718) и толщиной (H = 4,469, p = 0,1067) орудий в слоях 1–3 (см. *рисунок*).

Дискуссия и выводы

Как видно из приведенного выше сопоставления, каменная индустрия в слоях 1, 2, 3 сохраняет однородность и принципиально не меняется. Замеченные отличия, например преобладание смещения оси снятия от оси длины в слое 3 и совпадение оси снятия с осью длины сколов, превалирование технических сколов с радиальных нуклеусов в слое 1 или разница в распределениях типов определенного признака (формы сколов, огранки дорсальной поверхности, дистальные профили), или процентного соотношения орудий, спорадичны и не позволяют выявить системное отличие какого-либо слоя от остальных.

В индустриях всех трех слоев первичное расщепление было направлено, как правило, на получение с радиальных, плоскостных и ортогональных нуклеусов отщепов трапециевидной, прямоугольной или

треугольной форм с прямым латеральным профилем, перьевидным окончанием и треугольным или трапециевидным поперечным сечением.

Во всех слоях орудия составляют почти треть коллекции сколов (29–30 %). На сколах чаще всего изготавливались скребла (в особенности конвергентные: 43–48 % всех орудий) и ретушированные остроконечники (10–11 %). Орудия переиспользовались после слома (3–8 %), оформлялись на сколах обработки двусторонних орудий (около 3 % в каждом слое). Такие признаки свидетельствуют об экономном подходе к использованию сырья в слоях 1–3. Бифасиальные орудия изготавливались плоско-выпуклым методом в рамках длинной и короткой цепочек оформления [Харевич, 2022]. Сравнение метрических показателей сколов также не выявило статистически значимых отличий.

Таким образом, обновленные данные подтверждают ранее сформулированный вывод А.П. Деревянко и С.В. Маркина об однородности каменной индустрии пещеры Окладникова в части слоев 1–3 [Деревянко, Маркин, 1992] не только в контексте технологии расщепления, но и в метрических параметрах орудий.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0009 «Цифровизация процессов изучения древнейшей и древней истории Евразии».

Список литературы

Археология и палеоэкология палеолита горного Алтая / А.П. Деревянко, Ю.В. Гричан, М.И. Дергачева, А.Н. Зенин, С.А. Лаухин, Г.М. Левковская, А.М. Малолетко, С.В. Маркин, В.И. Молодин, Н.Д. Оводов, В.Т. Петрин, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1990. – 158 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1992. – 225 с.

Колобова К.А., Тюгашев И.Е., Харевич А.В., Селецкий М.В., Чистяков П.В., Маркин С.В., Деревянко А.П. Индустрия слоя 1 пещеры Окладникова в свете новых данных // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 127–135.

Колобова К.А., Тюгашев И.Е., Харевич А.В., Селецкий М.В., Чистяков П.В., Маркин С.В., Деревянко А.П. Вариабельность комплексов сибирячихинского варианта среднего палеолита Горного Алтая (по материалам из слоя 2 пещеры Окладникова) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2023. – Т. 51, № 3. – С. 51–58.

Колобова К.А., Тюгашев И.Е., Харевич А.В., Харевич В.М., Колясникова А.С., Селецкий М.В., Чистяков П.В., Маркин С.В., Деревянко А.П. Индустрия слоя 3 пещеры Окладникова в контексте сибирячихинских комплексов Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2024. – Т. 52, № 4 (в печати).

Леви К.Г., Задонина Н.В. Позднеплейстоцен-голоценовое вымирание. Причины и следствия // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2012. – № 1. – С. 68–90.

Харевич А.В. Бифасиальная технология в сибирячихинском варианте среднего палеолита Горного Алтая: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2022. – 307 с.

Харевич В.М., Харевич А.В., Маркин С.В., Колобова К.А. Новый методический подход к изучению целостности цикла расщепления на примере материалов Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2024. – Т. 52, № 4 (в печати).

Hammer Ø., Harper D.A.T., Ryan P.D. PAST: Paleontological Statistics Software Package for Education and Data Analysis // Palaeontologia Electronica. – 2001. – Vol. 4, N 1. – URL: https://palaeo-electronica.org/2001_1/past/past.pdf (дата обращения: 25.09.2023).

Skov L., Peyrégne S., Popli D., Lasi L.M.N., Devièse T., Slon V., Zavala E.I., Hajdinjak M., Sümer A.P., Grote S., Bossom A.M., López D.H., Nickel B., Nagel S., Richter J., Essel E., Gansauge M., Schmidt A., Korlevic P., Comeskey D., Derevianko A.P., Kharevich A., Markin S.V., Talamo S., Douka K., Krajcarz M.T., Roberts R.G., Higham T., Viola B., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Kelso J., Meyer M., Pääbo S., Peter B.M. Genetic insights into the social organization of Neanderthals // Nature. – 2022. – Vol. 610. – P. 519–526.

References

Derevianko A.P., Grichan Y.V., Dergacheva M.I., Zenin A.N, Laukhin S.A., Levkovskaya G.M., Maloletko A.M., Markin S.V., Molodin V.I., Ovodov N.D., Petrin V.T., Shunkov M.V. Arkheologiya i paleoekologiya paleolita gornogo Altaya. Novosibirsk: IHPP SB AS USSR Publ., 1990, 158 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V. Must'e Gornogo Altaja. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1992. 225 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V., Shunkov M.V. The Sibiryachikha facies of the Middle Paleolithic of the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013. No. 1. P. 89–103. (In Russ.).

Hammer Ø., Harper D.A.T., Ryan P.D. PAST: Paleontological Statistics Software Package for Education and Data Analysis. *Palaeontologia Electronica,* 2001. Vol. 4, No. 1. URL: https://palaeo-electronica.org/2001_1/past/past.pdf (Accessed: 25.08.2024).

Kharevich A.V. Bifasial'naya tekhnologiya v sibiryachikhinskom variante srednego paleolita Gornogo Altaya: cand. sc. (history) dissertation. Novosibirsk, 2022. 307 p. (In Russ.).

Kharevich V.M., Kharevich A.V., Markin S.V., Kolobova K.A. A new approach to the study of the flaking sequence integrity based on the Chagyrskaya Cave assemblage, Northwestern Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2024. Vol. 52, No. 4. (In press).

Kolobova K.A., Tyugashev I.E., Kharevich A.V., Seletskii M.V., Chistyakov P.V., Markin S.V., Derevianko A.P.

Industry of Okladnikov Cave Layer 1 in the Context of New Findings. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 28. P. 127–135. (In Russ.).

Kolobova K.A., Tyugashev I.E., Kharevich A.V., Seletskii M.V., Chistyakov P.V., Markin S.V., Derevianko A.P. Variability in the Sibiryachikha Assemblages of the Altai Mountains (Based on Materials from Okladnikov Cave Layer 2). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2023. Vol. 51, No. 3. P. 51–58. (In Russ.).

Kolobova K.A., Tyugashev I.E., Kharevich A.V., Kharevich V.M., Kolyasnikova A.S., Seletskii M.V., Chistyakov P.V., Markin S.V., Derevianko A.P. Industry from layer 3 of Okladnikov Cave in the context of Sibiryachikha complexes of the Altai Mountains**.** *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2024. Vol. 52 (4). (In press).

Levi K.G., Zadonina N.V. Late Pleistocene-holocene Extinction. Causes and Consequences. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, 2012. No. 1. P. 68–90. (In Russ.).

Skov L., Peyrégne S., Popli D., Lasi L.M.N., Devièse T., Slon V., Zavala E.I., Hajdinjak M., Sümer A.P., Grote S., Bossom A.M., López D.H., Nickel B., Nagel S., Richter J., Essel E., Gansauge M., Schmidt A., Korlevic P., Comeskey D., Derevianko A.P., Kharevich A., Markin S.V., Talamo S., Douka K., Krajcarz M.T., Roberts R.G., Higham T., Viola B., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Kelso J., Meyer M., Pääbo S., Peter B.M. Genetic insights into the social organization of Neanderthals. *Nature*, 2022. Vol. 610. P. 519–526.

Тюгашев И.Е. https://orcid.org/0000-0001-5885-1535

Дата сдачи рукописи: 02.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0297-0304
УДК 903.01, 902/904

А.Ю. Федорченко[1], Н.Е. Белоусова[1]✉, М.В. Селецкий[1], П.С. Гребенюк[2], А.И. Лебединцев[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН
Магадан, Россия
E-mail: consacrer@yandex.ru

Пластинчатый компонент в археологической коллекции стоянки Домашнее озеро (Центральная Камчатка)

В статье представлены результаты комплексного анализа материалов стоянки Домашнее озеро – одного из ключевых памятников тарьинской культуры позднего неолита Камчатки. Новейшие полевые исследования выявили стратиграфически более ранний мезолитический комплекс с характерной пластинчатой технологией, залегающий ниже горизонта с тарьинскими артефактами. На основе этих данных, а также анализа опубликованных и архивных источников, сформулирована гипотеза о вероятном смешении тарьинских и мезолитических материалов в пределах углубленных жилищ, исследованных Н.Н. Диковым в 1960-х гг. Верификация этой гипотезы осуществлялась посредством детального технико-типологического анализа пластинчатого компонента из ранних раскопок. В результате исследования было выявлено 65 артефактов, достоверно соотносимых с производством пластин и пластинчатых сколов с призматических и подпризматических нуклеусов. Было установлено, что доля пластинчатого компонента в археологических коллекциях жилищ и подъемных сборов варьирует от 2,0 до 23,44 %. Выявленные пластинчатые заготовки использовались для изготовления черешковых наконечников, резцов и вкладышевых изделий, вероятно служивших для оснащения пазовых орудий. Пластинчатый комплекс Домашнего озера демонстрирует полные аналогии с мезолитическими индустриями Ушковских стоянок и памятников в долине р. Анавгай и Раздельный, а также более северных памятников Камчатки. Полученные результаты позволяют предположить, что подобное смешение разновременных материалов в результате строительства землянок может быть характерно и для других археологических памятников тарьинской и древнеительменской культур Камчатки, что существенно корректирует сложившиеся представления о культурно-хронологической атрибуции этих комплексов.

Ключевые слова: *Камчатка, Домашнее озеро, каменная индустрия, пластинчатый компонент, техника отжима, мезолит, тарьинская культура, поздний неолит.*

A.Y. Fedorchenko[1], N.E. Belousova[1]✉, M.V. Seletsky[1], P.S. Grebenyuk[2], A.I. Lebedintsev[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute FEB RAS
Magadan, Russia
E-mail: consacrer@yandex.ru

Blade Component in the Archaeological Collection of the Domashneye Ozero Site (Central Kamchatka)

The article provides a comprehensive analysis of materials from the Domashneye Ozero site, which is a key site of the Late Neolithic Tarya culture in Kamchatka. Recent fieldwork has revealed a stratigraphically earlier Mesolithic complex with the characteristic blade technology, lying below the horizon of Tarya artefacts. Based on these data as well as the analysis

of published and archival sources, a hypothesis was formulated about probable mixing of Tarya and Mesolithic materials within the sunken dwellings investigated by N.N. Dikov in the 1960s. This hypothesis was verified by a detailed technical and typological analysis of the blade component from early excavations. The study identified 65 artefacts that were reliably correlated with the production of blades and bladelets from prismatic and subprismatic cores. It was found that the proportion of the blade component in archaeological collections of dwellings and surface finds varied from 2.0 to 23.44 %. The identified blade blanks were used to make tanged points, burins, and insets probably used to equip slotted tools. The Domashneye Ozero blade complex shows complete parallels with the Mesolithic assemblages of the Ushki sites and the sites in the valleys of the Anavgai and Razdelniy Rivers as well as more northern sites of Kamchatka. The results suggest that similar mixing of materials from different periods associated with the construction of pit houses may be characteristic of other sites of the Tarya and Old Itelmen cultures of Kamchatka, which significantly corrects the established ideas of the cultural and chronological attribution of these complexes.

Keywords*: Kamchatka, Domashneye Ozero, stone industry, blade component, pressure technique, Mesolithic.*

Введение

Разработка актуальной хроностратиграфической и культурной модели освоения Северо-Восточной Азии в раннем голоцене представляет собой одну из важнейших задач в изучении каменного века этой обширной территории. Согласно сложившимся научным представлениям, после окончания эпохи плейстоцена динамика культурного развития в регионе определялась распространением традиций эпипалеолита / «реликтового» палеолита и мезолита [Диков, 1979; Питулько, 2003; Пономаренко, 2012; Слободин, Зеленская, 2023]. Первые демонстрируют взаимосвязь с местными верхнепалеолитическими культурами, где ярко представлены микропластинчатое торцово-клиновидное расщепление и бифасиальное производство. Мезолитические индустрии региона, напротив, отличаются значительным разнообразием и представлены различными вариантами, или фациями (сумнагинской, уолбинской, арктической), в основе которых лежит крупно- и мелкопластинчатое расщепление. Однако детальная картина культурной вариабельности раннего голоцена Камчатки остается недостаточно четкой и содержит множество пробелов, что обусловлено ограниченным количеством стратифицированных памятников этого периода и недостаточной степенью их изученности.

Многослойное поселение Домашнее озеро в Центральной Камчатке представляет собой один из ключевых археологических объектов, содержащих комплекс раннеголоценового возраста. Первоначально данный объект рассматривался как однослойный и принадлежащий тарьинской культуре позднего неолита. Отмечалось, что в основе индустрии стоянки лежало бифасиальное и отщеповое расщепление, при наличии немногочисленного, но выразительного пластинчатого компонента [Диков, 1977; Лебединцев, 2023]. На новом этапе полевых изысканий данные о хронологии и динамике заселения памятника Домашнее озеро подверглись пересмотру в сторону удревнения [Федорченко и др., 2023]. В ходе работ стратиграфически ниже культурного горизонта с находками тарьинского времени был обнаружен более древний комплекс раннего голоцена, содержащий выразительные свидетельства мезолитической пластинчатой технологии. Комплексный анализ стратиграфических и геохронологических данных, а также литературных и архивных источников позволил выдвинуть гипотезу о вероятном смешении тарьинского и мезолитического материала на площади исследованных углубленных жилищ памятника. Настоящее исследование направлено на верификацию наличия мезолитического пластинчатого компонента в материалах из раскопок Н.Н. Дикова, определение его технико-типологического облика и культурной принадлежности.

Материалы и методы

Предметом исследования послужила коллекция стоянки Домашнее озеро, в настоящее время хранящаяся в фондах СВКНИИ ДВО РАН. Согласно проведенным подсчетам, коллекция включает 1 535 каменных артефактов, полученных в 1961–1962 гг. в результате раскопок трех землянок (№ 1 – n = 34; № 2 – n = 1 005; № 3 – n = 368), а также подъемных сборов (n = 128). Анализ археологических материалов и идентификация продуктов пластинчатого расщепления осуществлялись с использованием технологического и сравнительно-типологического методов. В рамках коллекции к широкому контексту производства пластинчатых заготовок были отнесены нуклеусы, технические сколы оформления и поддержания выпуклости фронта, целевые сколы с морфологией и пропорциями пластин, а также орудийные формы, выполненные на пластинчатых заготовках. Атрибуция отщепов, осколков или обломков в рамках данного исследования оказалась невозможной из-за отсутствия сырьевой и технико-типологической специфики; не исключается принадлежность этих форм к другим технологическим контекстам – к изготовлению бифасиальных наконечников и ножей, скребков, проколок и иных типов орудий. Изучение остаточных площадок сколов, признаков вторичной обработки и макроизноса артефактов осуществлялось на основе экспериментально-трасологического метода посредством стереомикроскопа Альтами СМ0745-Т. Для наиболее выразительных и технологически значимых групп артефактов было проведено 3D-моделирование с использовани-

ем сканеров RangeVision Spectrum и Solutionix D700. На этапе постобработки моделей применялись программы RangeVision ScanCentre, Geomagic Wrap, Keyshot 10 и ezScan 2017 (все – trial version).

Результаты исследования

Проведенный анализ показал присутствие продуктов пластинчатого расщепления в коллекции подъемного археологического материала и материалах всех трех углубленных жилищ стоянки. В результате исследования было зафиксировано 65 артефактов, достоверно соотносимых с технологическим контекстом производства пластинчатых сколов и их преобразования в орудийные формы; это соответствует 4,23 % от общего числа находок на памятнике. Изделия выполнены из черного, голубовато-серого и полупрозрачного дымчатого обсидиана (n = 44; 67,69 %), кремня желтовато-, светло- или темно-коричневого, бежевого, темно-зеленого, светло- и темно-серого цветов (n = 17; 26,15 %), вулканогенной породы темно- и светло-серого цвета (n = 3; 4,62 %) и молочно-белого халцедона (n = 1; 1,54 %).

Наиболее массово пластинчатый компонент представлен в коллекции подъемного материала – 30 предметов (см. *таблицу*), что составляет 23,44 % от общего количества артефактов из сборов. Три нуклеуса характеризуют этап первичного расщепления. Нуклеус подпризматический продольный (36,5 × 14,4 × × 10,1 мм) подтреугольной в плане формы характеризуется незамкнутым фронтом с дугой скалывания ~180° и негативами многочисленных однонаправленных микропластинчатых снятий с прямым профилем и шириной 3,7–5,7 мм (рис. 1, *11*). Контрфронт артефакта уплощен поперечными снятиями со стороны фронта, одна латераль несет следы двусторонней реберчатой обработки. Площадка трапециевидной в плане формы слабо скошена; следы ее оформления мелкими сколами со стороны фронта, контрфронта и латералей говорят о смещении зоны расщепления в процессе утилизации, угол скалывания – 80°. Второй подпризматический нуклеус (26,2 × 10,7 × 11,3 мм) подпрямоугольной формы несет следы реализации бипродольных пластинчатых снятий (рис. 1, *4*). Изделие отличает незамкнутый фронт с негативами пластинок и микропластин шириной 3,2–8,5 мм и дугой скалывания более 180°. Рабочей поверхности ядрища противопоставлено ребро контрфронта, оформленное двусторонними поперечными снятиями. Основная площадка нуклеуса подромбовидной в плане формы слабо скошена, оформлена мелкими сколами от фронта, угол скалывания – 80–90°; дополнительная площадка оформлена несколькими снятиями со стороны контрфронта, угол скалывания – 90–100°. Нуклеус призматический бипродольный (37,9 × 11,2 × 9,7 мм) имеет замкнутый фронт с негативами микропластинчатых снятий шириной 2,8–6,3 мм, слабо скошенные многогранные площадки, оформленные мелкими сколами от дуги скалывания (рис. 1, *7*). Ядрища коллекции находятся на финальной стадии сработанности.

В группе сколов (n = 23) из подъемных сборов представлены разнообразные типы, характеризующие производство пластинчатых заготовок в рамках призматической концепции. Среди технических сколов выделены краевые снятия со следами поперечной подправки (n = 2) (рис. 1, *9*, *12*) и сколы переоформления фронта (n = 1). Пластины представлены в виде фрагментов, достигающих 12,2–16,5 мм в ширину: проксимальных (n = 1), проксимально-медиальных (n = 2), медиальных (n = 4) и медиально-дистальных (n = 2) (рис. 1, *8*). Пластинки зафиксированы в виде целых экземпляров (n = 2) (рис. 1, *5*), а также проксимально-медиальных (n = 4), медиальных (n = 3), медиально-дистальных (n = 1) (рис. 1, *6*) и дистальных (n = 1) фрагментов. Целые пластинки достигают 24,4–33,3 мм в длину, 7,2–8,8 мм в ширину и 2,1–2,6 мм – в толщину; ширина фрагментов составляет 6,2–10,4 мм. Для целевых пластинчатых сколов коллекции характеры трапециевидное сечение, продольная огранка дорсальной поверхности, прямой или изогнутый в дистальной части профиль, гладкие овальные или линейные площадки. Большинство сколов демонстрируют признаки мельчайшей краевой ретуши, происхождение которой, по всей видимости, связано с постдепозиционными процессами.

В коллекции подъемного материала выявлено четыре орудия на пластинчатых заготовках. Черешковый наконечник, восстановленный из двух фрагментов (37,4 × 11,2 × 3,9 мм), выполнен на удлиненном пластинчатом сколе с параллельной продольной огранкой, конвергентными краями, трапециевидным сечением и прямым профилем (рис. 1, *1*). В основании скола сильномодифицирующей дорсальной и вентральной ретушью сформирован короткий черешок с четко выделенными скошенными плечиками, переходящими в перо удлиненной треугольной формы. Перо наконечника обработано регулярной краевой дорсальной ретушью, кончик дополнительно оформлен уплощающей вентральной ретушью. Также зафиксировано три фрагмента пластинчатых сколов со следами обработки двух продольных краев: медиальный фрагмент пластины с регулярной плоской краевой альтернативной ретушью, проксимально-медиальный фрагмент пластины с эпизодической захватывающей вентральной ретушью (рис. 1, *2*), медиальный фрагмент пластинки с регулярной мелкой краевой дорсальной ретушью (рис. 1, *10*). Длина изделий варьирует от 22,9 до 34,9 мм, ширина – 11,2–13,3 мм, толщина – 2,8–4,4 мм.

В результате анализа материалов землянки № 1 было идентифицировано два артефакта, относящихся к технологическому контексту производства крупных пластинчатых сколов (5,9 %) (см. *таблицу*). Выявлены фрагменты пластин с продольной огранкой, трапециевидным сечением и прямым профилем –

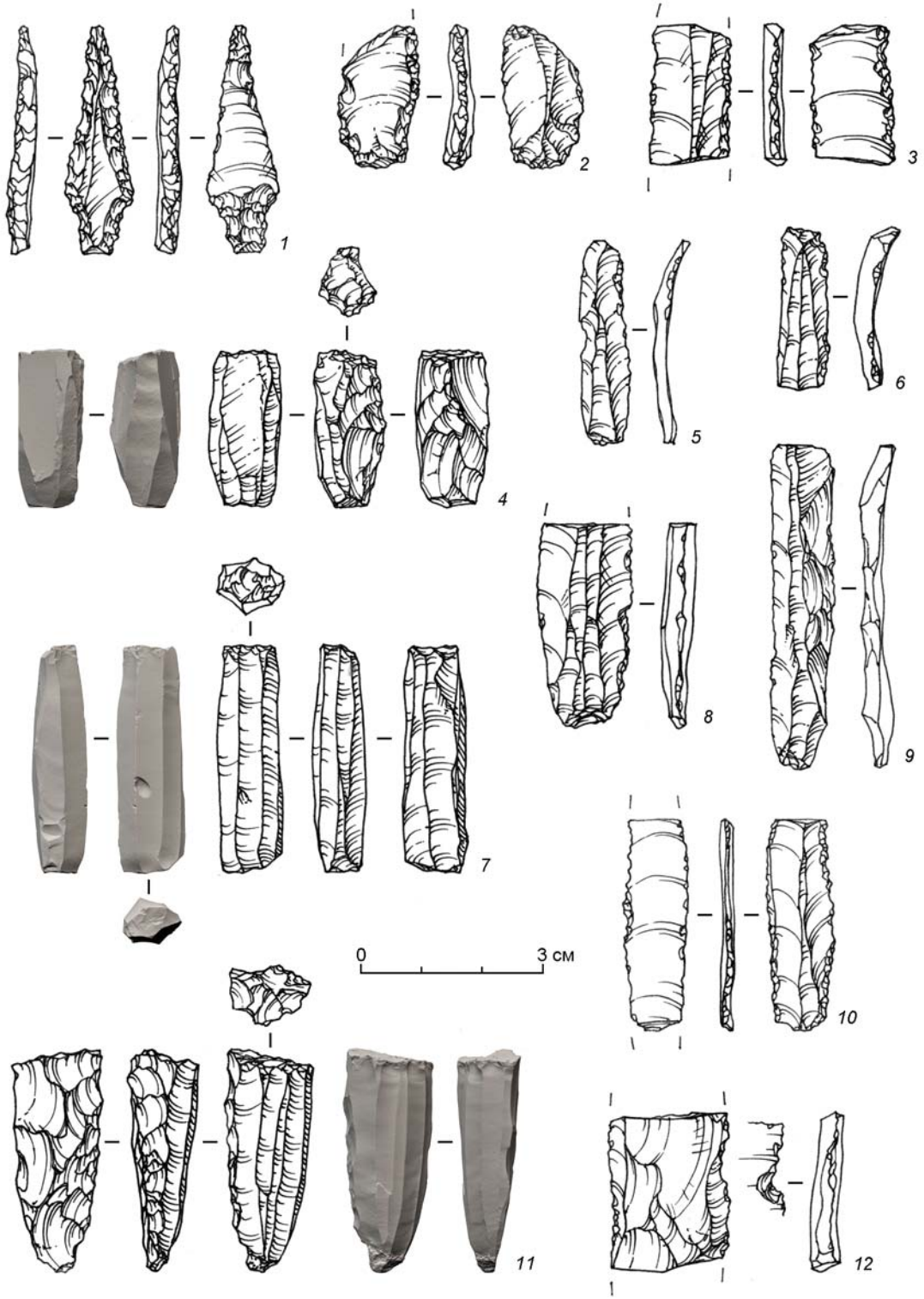

Рис. 1. Пластинчатый компонент в материалах из подъемных сборов на стоянке Домашнее озеро.

1 – наконечник черешковый на пластине; *2* – пластина с вентральной ретушью; *3* – пластина с дорсальной ретушью; *4*, *7*, *11* – нуклеусы; *5*, *6* – пластинки; *8* – пластина; *9*, *12* – краевые сколы; *10* – пластинка с дорсальной ретушью.

Состав пластинчатой индустрии археологической коллекции стоянки Домашнее озеро

Категории / группы	Жилище № 1	Жилище № 2	Жилище № 3	П/М	Итого
Нуклевидные формы	–	–	–	3	3
нуклеусы подпризматические	–	–	–	2	2
нуклеусы призматические	–	–	–	1	1
Технические сколы	–	4	1	3	8
краевые	–	2	–	2	4
реберчатые	–	1	1	–	2
полуреберчатые	–	1	–	–	1
подправки фронта нуклеусов	–	–	–	1	1
Пластины	2	5	2	9	18
целые	–	–	1	–	1
проксимальные фрагменты	–	–	–	1	1
проксимально-медиальные фрагменты	1	3	1	2	7
медиальные фрагменты	1	2	–	4	7
медиально-дистальные фрагменты	–	–	–	2	2
Пластинки	–	4	6	11	21
целые	–	1	–	2	3
проксимально-медиальные фрагменты	–	1	1	4	6
медиальные фрагменты	–	–	3	3	6
медиально-дистальные фрагменты	–	–	–	1	1
дистальные	–	2	2	1	5
Орудийные формы	–	7	4	4	15
пластины с ретушью	–	3	2	1	6
ретушированные пластины	–	–	1	1	2
пластинки с ретушью	–	3	1	2	6
наконечники черешковые на пластинах	–	–	–	1	1
резцы угловые двугранные на пластинах	–	1	–	–	1
Всего	2	20	13	30	65

проксимально-медиальный (ширина – 26,6 мм) и медиальный (ширина – 14 мм) (рис. 2, *3*).

Изучение коллекции жилища № 2 позволило выявить 20 артефактов (2 %), связанных с технологией производства пластин и пластинок (см. *таблицу*). Нуклеарные формы отсутствуют. Зафиксированы сколы оформления и поддержания выпуклости фронта нуклеусов (n = 4): целое краевое снятие, соответствующее по размерам пластинкам, и медиально-дистальный фрагмент более крупного краевого снятия (рис. 3, *3*), реберчатый и полуреберчатый сколы. Преобладают пластины (n = 5) шириной от 12,9 до 17,6 мм; они представлены в виде проксимально-медиальных (n = 3) и медиальных (n = 2) фрагментов. Небольшой группой представлены целые пластинки (n = 1), а также их проксимально-медиальные (n = 1) (рис. 3, *4*) и дистальные (n = 2) фрагменты; ширина сколов – от 8,2 до 11,6 мм. Для пластин и пластинок характерны трапециевидное сечение, продольная огранка и прямой профиль, гладкие овальные, линейные или точечные площадки, признаки подработки зоны расщепления редуцированием и пришлифовкой.

В орудийном наборе землянки № 2 семь артефактов. Наиболее выразителен двугранный угловой резец, выполненный на медиальном фрагменте пластины (32,1 × 16,1 × 3 мм) (рис. 3, *1*). Изделие отличает присутствие двух смежных резцовых плоскостей с негативами однонаправленных снятий, расположенных диагонально и параллельно длинной оси орудия. Резец несет признаки вентрального утончения корпуса посредством плоской параллельной распространенной ретуши, основание артефакта усечено вентральной крутой краевой ретушью. В трех экземплярах представлены медиальные фрагменты пластин с модификацией одного или двух продольных краев мелкой краевой плоской и полукрутой параллельной дорсальной или двусторонней ретушью (рис. 3, *2*, *4*). Эти изделия варьируют от 11,7 до 42,0 мм в длину, 16,9–23,8 мм в ширину и 4,5–5,7 мм – в толщину. Орудийный набор дополняют целая пластинка и два медиальных фрагмента пластинок, обработанные по одному краю мелкой плоской параллельной дорсальной или альтернативной ретушью; размеры целого изделия – 38,6 × 9,8 × 3,4 мм, фрагментов – 24,6 × 9 ×1,5 мм и 11,7 × 6,5 ×1,4 мм.

Исследование материала жилища № 3 позволило выявить 13 сколов и орудий (3,5 %), связанных с пластинчатым производством (см. *таблицу*). Группа сколов (n = 9) включает медиальный фрагмент крупного реберчатого снятия (см. рис. 2, *6*), целую пластину

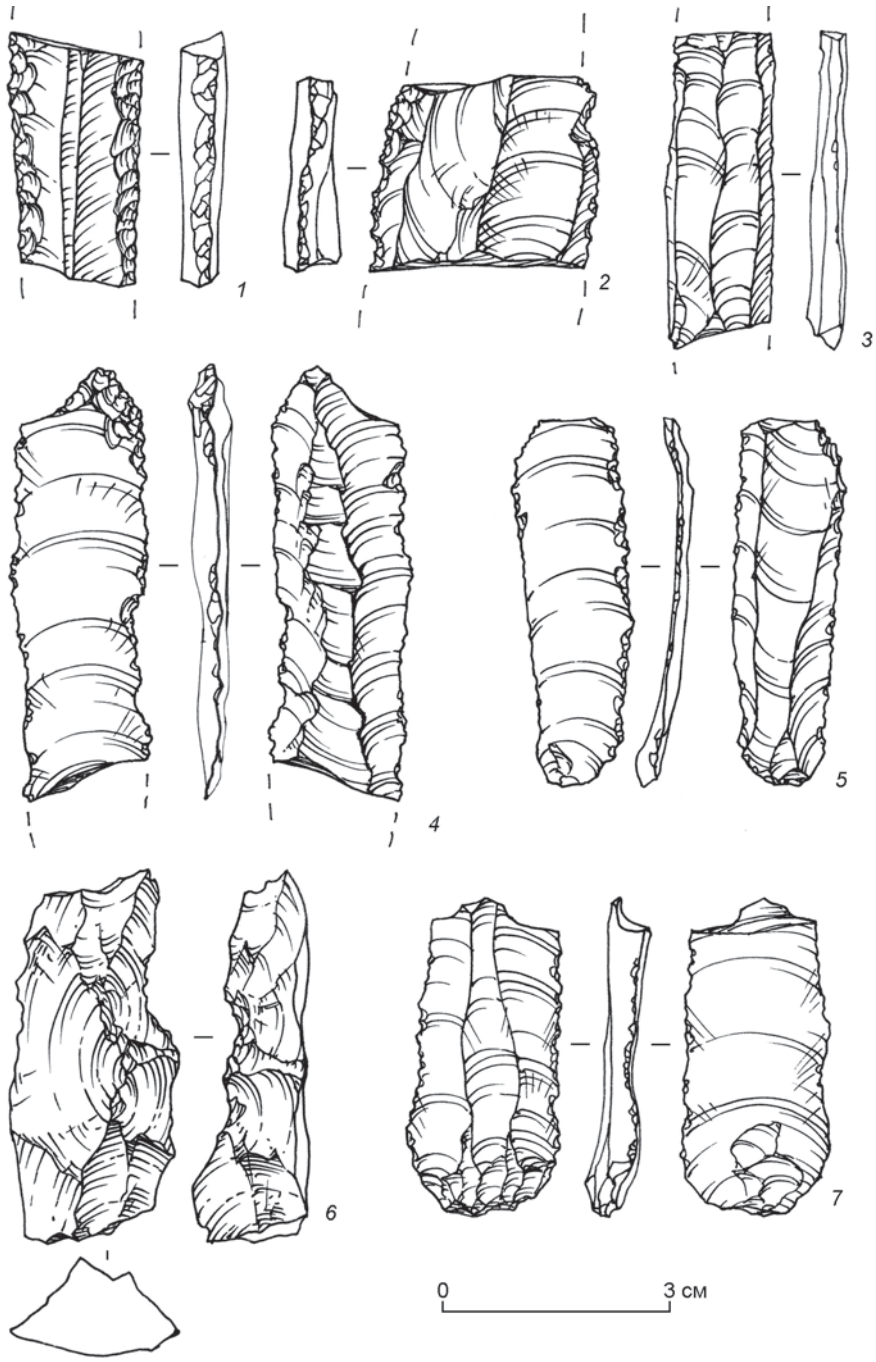

Рис. 2. Пластинчатый компонент в материалах из землянок № 1 (*3*) и № 3 (*1*, *2*, *4–7*) стоянки Домашнее озеро.
1 – ретушированная пластина, *2* – пластина с дорсальной ретушью; *3*, *5*, *7* – пластины; *4* – пластина с вентральной ретушью; *6* – реберчатый скол.

(ширина 14,9 мм) (см. рис. 2, *5*) и проксимально-медиальный фрагмент пластины (ширина 20,2 мм) (см. рис. 2, *7*). Наиболее представительна группа пластинок шириной от 7,7 до 11,7 мм: проксимально-медиальные (n = 1), медиальные (n = 3) и дистальные (n = 2) фрагменты. Все пластинчатые сколы отличает трапециевидное сечение, продольная огранка, прямой или слабо изогнутый в дистальной части профиль, гладкие овальные и точечные площадки, признаки абразивной подработки зоны расщепления. Орудийный набор представлен четырьмя изделиями. Два медиальных фрагмента пластин (см. рис. 2, *1*, *2*) несут следы обработки по одному или двум продольным краям в виде регулярной дорсальной параллельной полукрутой и плоской захватывающей или краевой ретуши; размеры артефактов – 25,5 × 29,7 × 7,4 мм и 32,7 × 17,7 × 6,1 мм. Коллекцию дополняют медиальный фрагмент пластины с обработкой поперечного края краевой полукрутой вентральной ретушью (см. рис. 2, *4*) (56,5 × 18,5 × × 5,4 мм) и медиальный фрагмент пластинки с мелкой параллельной краевой дорсальной ретушью по одному продольному краю (27 × 10,8 × 3,2 мм).

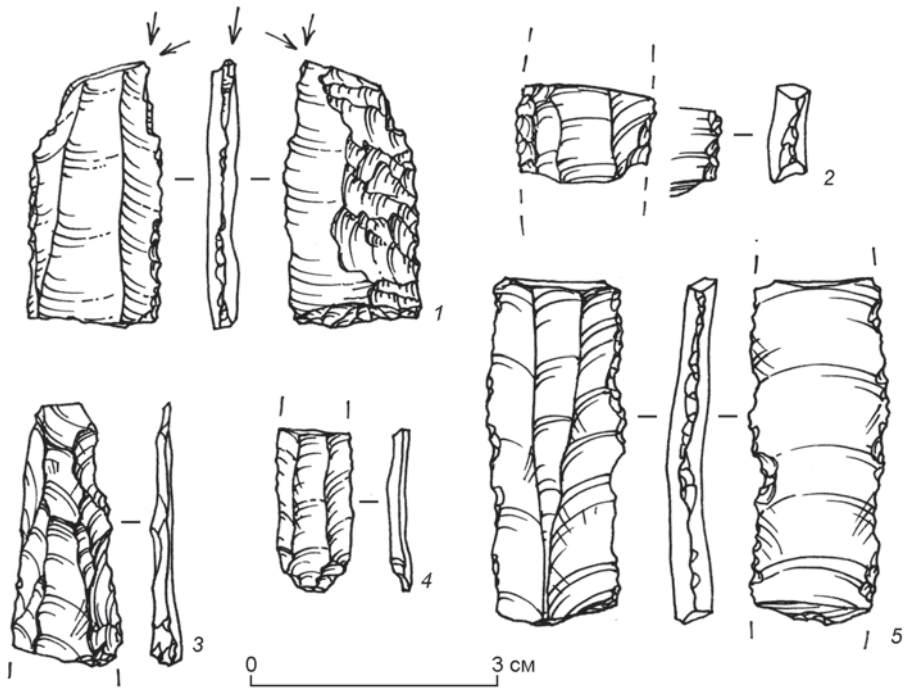

Рис. 3. Пластинчатый компонент в материалах из землянки № 2 стоянки Домашнее озеро.
1 – резец; *2*, *5* – пластины с ретушью; *3* – краевой скол; *4* – пластинка.

Обсуждение и заключение

Результаты исследования существенно уточнили и расширили имеющиеся представления о качественном и количественном составе мелко- и крупнопластинчатого компонента в археологической коллекции стоянки Домашнее озеро. Изученная индустрия характеризуется строгой направленностью на получение крупных пластин, пластинок и микропластин с подпризматических и призматических нуклеусов, в т.ч. посредством отжимной техники. Целевые пластинчатые сколы отличает преимущественно продольная, реже бипродольная огранка, высокий индекс удлиненности, а также признаки использования редуцирования и абразивной обработки для подготовки зоны расщепления; использование последнего приема ранее отмечалось для пластинчатого комплекса Авачинской стоянки [Федорченко и др., 2020]. Вторичная обработка заготовок осуществлялась посредством, преимущественно, слабомодифицирующей краевой дорсальной или вентральной ретуши, реже применялись приемы тронкирования и вентрального утончения. В коллекции представлены готовые орудийные формы в виде единичных черешковых наконечников и угловых резцов, а также многочисленные пластины и пластинки с ретушью, которые могли служить для оснащения пазовых орудий.

С момента обнаружения и первой публикации присутствие в материалах стоянки Домашнее озеро пластинчатого компонента рассматривалось как органична часть тарьинского комплекса [Диков, 1979]. Аналогичная особенность каменной индустрии отмечалась для иных памятников тарьинской культуры как в долине р. Камчатки (Ушки III, Доярки), так и далеко за ее пределами (Кирпичная, Елизово). Наличие в материалах этих стоянок пластин и орудий из пластинчатых заготовок – черешковых наконечников, боковых и угловых резцов, концевых скребков, рассматривалось как результат наследования более ранним неолитическим культурам и общего «сохранения прогрессивных технических традиций» [Там же, с. 120]. В 1990–2000-х гг. по мере обнаружения и исследования новых стратифицированных комплексов в долинах р. Авачи, Анавгай и Раздельный, а также проведения нового цикла раскопок на Ушковских стоянках и уточнения их хронологии, облик мезолитической культуры Камчатки стал более ясным и отчетливым. Наиболее полно материалы этой культурной традиции возрастом 7 500–7 800 некал. л.н. представлены на памятниках Ушки I, II и V, Раздельный I и II, Анавгай II, Эссо-Мегафон, а также в недатированных комплексах более северных местонахождений Кульки-6, р. Левая Озерная и Большая [Диков, 1977; Пономаренко, 2012; Федорченко и др., 2023].

Выявленный пластинчатый компонент стоянки Домашнее озеро демонстрирует полное сходство с материалами вышеупомянутых стоянок по характеру первичного расщепления, технике получения целевых заготовок и составу орудийного набора. Это наблюдение подкрепляет гипотезу о смешении неко-

торых тарьинских и более поздних древнеительменских комплексов Камчатки с материалами раннего голоцена в результате строительства углубленных жилищных конструкций [Федорченко и др., 2023]. Дополнительное подтверждение этой гипотезы предоставляют результаты предварительного анализа коллекций стоянок Авача, Кирпичная, Елизово, Доярки и Николка. Как и в случае с поселением Домашнее озеро, материалы этих памятников содержат свидетельства присутствия небольших серий или единичных переотложенных артефактов, демонстрирующих пластинчатое производство. Таким образом, настоящее исследование не только уточняет представления о технологических особенностях индустрии стоянки Домашнее озеро, но и вносит существенный вклад в понимание культурно-хронологических процессов, происходивших на территории Камчатки в эпоху мезолита и неолита. Полученные результаты подчеркивают необходимость дальнейшего тщательного изучения стратиграфии археологических памятников региона для корректной интерпретации культурной принадлежности и хронологии комплексов.

Благодарности

Анализ археологических коллекций выполнен при поддержке гранта РНФ № 22-18-00319 «Генезис древних культур крайнего Северо-Востока Азии», https://rscf.ru/project/22-18-00319/ (руководитель – А.И. Лебединцев, исполнитель – П.С. Гребенюк), изучение археологического контекста, региональные и межрегиональные корреляции – в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст» (исполнители – А.Ю. Федорченко и Н.Е. Белоусова).

Список литературы

Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы. – М.: Наука, 1977. – 319 с.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Лебединцев А.И. Проблема происхождения, локализация и хронология тарьинской поздненеолитической культуры Камчатки // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 52–63.

Питулько В.В. Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история российской восточной Азии в плейстоцене и голоцене. – М.: ГЕОС, 2003. – С. 99–151.

Пономаренко А.К. Раннеголоценовые культуры Камчатки // Тихоокеанская археология. – 2012. – Вып. 23. – С. 9–77.

Слободин С.Б., Зеленская А.Ю. Эпоха мезолита в бассейне реки Колыма // Вестн. Санкт-Петербург. гос. ун-та. История. – 2023. – Т. 68, вып. 4. – С. 1072–1103.

Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е., Гребенюк П.С., Лебединцев А.И. Новый археологический комплекс раннего неолита на юге Камчатки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 250–257.

Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е., Осипова П.С., Лебединцев А.И., Селецкий М.В., Тоцкий Д.А., Воробей И.Е., Фокин М.И., Гребенюк П.С., Пташинский А.В. Новые данные о культурно-хронологической последовательности памятника Домашнее озеро в Центральной Камчатке // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 345–352.

References

Dikov N.N. Archaeological sites of Kamchatka, Chukotka, Upper Kolyma. Moscow: Nauka, 1977. 319 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Ancient cultures of Northeast Asia. Moscow: Nauka, 1979. 352 p. (In Russ.).

Fedorchenko A.Y., Belousova N.E., Grebenyuk P.S., Lebedintsev A.I. The New Archaeological Complex of the Early Neolithic in South Kamchatka. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 250–257. (In Russ.).

Fedorchenko A.Y., Belousova N.E., Osipova P.S., Lebedintsev A.I., Seletsky M.V., Totsky D.A., Vorobey I.E., Fokin M.I., Grebenyuk P.S., Ptashinsky A.V. New Data on the Cultural and Chronological Sequence of the Domashnee Ozero Site in Central Kamchatka. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 345–352. (In Russ.).

Lebedintsev A.I. The Problem of the Origin, Localization and Chronology of the Tarya Late Neolithic Culture of Kamchatka. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2023. Vol. 22, No. 5. P. 52–63. (In Russ.).

Pitulko V.V. Golotsenoviy kamenniy vek Severo-Vostochnoy Azii. In *Estestvennaya istoriya rossiyskoy vostochnoy Azii v pleystotsene i golotsene*. Moscow: GEOS Publ., 2003. P. 99–151. (In Russ.).

Ponomarenko A.K. Rannegolotsenovyye kul'tury Kamchatki. In *Tikhookeanskaya arkheologiya*, Vol. 23. Vladivostok: DVFU Publ., 2012. P. 9–77. (In Russ.).

Slobodin S.B., Zelenskaya A.Y. The Mesolithic Epoch at the Kolyma River Basin. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023. Vol. 68, iss. 4. P. 1072–1103. (In Russ.).

Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Белоусова Н.Е. https://orcid.org/0000-0001-7054-3738
Селецкий М.В. https://orcid.org/0000-0003-2581-8792
Гребенюк П.С. https://orcid.org/0000-0001-9940-9962
Лебединцев А.И. https://orcid.org/0000-0003-2714-2116

Дата сдачи рукописи: 23.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0305-0312
УДК 902/904

А.Ю. Федорченко[1], Д.А. Гурулёв[2], П.С. Осипова[1, 3]✉, Д.А. Тоцкий[4], М.И. Фокин[3], М.В. Селецкий[1], Н.Е. Белоусова[1]✉, П.С. Гребенюк[5], А.И. Лебединцев[5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]АНО «Археологическое исследование Сибири»
Красноярск, Россия
[3]Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
Новосибирск, Россия
[4]ООО НПО ЦИИС
Новосибирск, Россия
[5]Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН
Магадан, Россия
E-mail: osipovaps@ipgg.sbras.ru; consacrer@yandex.ru

Результаты археологического и геофизического мониторинга поселения Домашнее озеро (Центральная Камчатка) в 2024 году

В статье представлены результаты комплексных археологических и геофизических исследований 2024 г. поселения Домашнее озеро – одного из опорных памятников тарьинской культуры в долине р. Камчатки. На основе данных аэрофотосъемки, тахеометрической съемки и визуального обследования впервые создан детальный топографический план памятника площадью свыше 32 300 м^2, включающий 11 жилищных западин и 26 ям. Геофизические исследования методом электротомографии, направленные на изучение структуры культурного слоя, позволили установить мощность рыхлых отложений (0,4–3,6 м) и выявить аномалии, связанные с антропогенной деятельностью. Проведена типология жилищных западин по морфометрическим параметрам, выделено три группы объектов, различающихся размерами (от 3,0 × 3,0 м до 7,5 × 7,5 м), глубиной (от 0,35 м до 2,5 м) и конструктивными особенностями. Анализ пространственного распределения выявил линейную структуру поселения, состоящую из двух параллельных рядов построек, расположенных на расстоянии до 15 м и 35–60 м от береговой линии соответственно. На основе стратиграфических данных и результатов предшествующих исследований высказано предположение о разновременном характере поселенческих объектов, относящихся к периодам позднего неолита – палеометалла. Форма и размеры выявленных жилищ в целом соответствуют остаткам построек с поселений, принадлежащих тарьинской и древнеительменской культурам Камчатки. В результате исследования памятника Домашнее озеро была документально подтверждена планировочная структура крупного разновременного поселения. Это открытие значительно расширяет наше понимание принципов пространственной организации поселенческих комплексов поздненеолитического периода в данном регионе.

Ключевые слова: *Камчатка, Домашнее озеро, жилища, электротомография, удельное электрическое сопротивление, поздний неолит, тарьинская культура.*

A.Y. Fedorchenko[1], D.A. Gurulev[2], P.S. Osipova[1, 3]✉, D.A. Totskiy[4], M.I. Fokin[3], M.V. Seletskiy[1], N.E. Belousova[1]✉, P.S. Grebenyuk[5], A.I. Lebedintsev[5]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Autonomous non-commercial organization "Siberian Archaeological Studies"
Krasnoyarsk, Russia
[3]Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS
Novosibirsk, Russia
[4]LLC SPA CHCR
Novosibirsk, Russia
[5]North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute FEB RAS
Magadan, Russia
E-mail: osipovaps@ipgg.sbras.ru; consacrer@yandex.ru

Results of Archaeological and Geophysical Monitoring of the Domashneye Ozero Site (Central Kamchatka) in 2024

The article provides results of the comprehensive archaeological and geophysical studies conducted in 2024 at the Domashneye Ozero site, a key site of the Tarya culture in the Kamchatka River valley. Based on aerial photography, tacheometric survey, and visual inspection data, a detailed topographic plan of the site covering an area of over 32,300 sq. m was created for the first time, revealing 11 dwelling depressions and 26 pits. Geophysical studies using the electrical resistivity tomography aimed at examining the structure of cultural deposits, determined the thickness of loose sediments (0.4–3.6 m) and identified anomalies associated with the anthropogenic activity. A typological analysis of dwelling depressions based on morphometric parameters identified three groups of features differing in size (3.0 × 3.0 m to 7.5 × 7.5 m), depth (0.35 m to 2.5 m), and structural characteristics. Spatial distribution analysis revealed a linear settlement structure consisting of two parallel rows of structures located at distances of up to 15 m and 35–60 m from the shoreline, respectively. Based on stratigraphic data and previous research, it is suggested that the settlement features are of different chronological periods, dating from the Late Neolithic to the Paleometal period. The shape and dimensions of the identified dwellings generally correspond to the remains of structures from settlements belonging to the Tarya and Old Itelmen cultures of Kamchatka. The study of the Domashneye Ozero site documents the planning structure of a large long-term settlement. This discovery significantly extends our understanding of the principles of spatial organization of Late Neolithic settlement complexes in this region.

Keywords: *Kamchatka, Domashneye Ozero*, *dwellings, electrotomography, specific electrical resistivity, Late Neolithic, Tarya culture.*

Введение

Многослойный памятник Домашнее озеро является одним из наиболее информативных археологических объектов долины р. Камчатки, содержащих выразительные комплексы различных этапов каменного века [Федорченко и др., 2023]. Стоянка расположена на юго-восточном высоком берегу оз. Домашнее, на северо-восточной окраине пос. Козыревск Усть-Камчатского р-на Камчатского края. Памятник был открыт Н.Н. Диковым в 1961 г. и изучался им на протяжении 1961–1962 гг., в процессе работ здесь были выявлены остатки поселения тарьинской культуры [Диков, 1977]. Раскопки трех углубленных построек в юго-западной части поселения позволили получить представительную коллекцию каменных артефактов. Однако результаты недавних исследований существенно изменили представления о характере памятника. В 2022–2023 гг. Камчатским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены комплексные работы, включавшие стратиграфические исследования и опытные геофизические изыскания [Осипова и др., 2023]. Полученные данные позволили выявить более сложную культурно-хронологическую последовательность заселения памятника, включающую как минимум два периода обитания – в мезолите и позднем неолите [Федорченко и др., 2023]. Анализ пластинчатого компонента в археологической коллекции памятника подтвердил гипотезу о смешанном характере материалов из заполнения жилищных котлованов и позволил выделить серию артефактов, связанных с мезолитической традицией объемного пластинчатого расщепления (см. статью Федорченко А.Ю. и др. «Пластинчатый компонент в археологической коллекции стоянки Домашнее озеро (Центральная Камчатка)» в данном сборнике).

В полевом сезоне 2024 г. комплексные исследования поселения Домашнее озеро были направлены на идентификацию и топографическую привязку объектов антропогенного происхождения, определение мощности рыхлых отложений и выявление геофизических аномалий, связанных с деятельностью человека, реконструкцию структуры поселения и его культурно-хронологической принадлежности.

Материалы и методы исследования

В 2024 г. было проведено обследование участка юго-восточного берега оз. Домашнее, представляющего собой террасу с относительной высотой 3–6 м. В юго-западной и центральной частях ее рельеф поднимается в виде нечетко выраженных гряд высотой 1–2 м, северо-западной и северной ориентации соответственно; в северо-восточной части площадка достаточно ровная. Вглубь от берега терраса переходит в покатый склон уступа следующей террасовой площадки. Ширина террасы составляет около 20–60 м. В ходе предыдущих изысканий при визуальном обследовании этой территории было выявлено не менее 50 жилищных западин диаметром 3,0–4,5 м и глубиной до 0,35 м [Диков, 1977]. В то же время, на опубликованном глазомерном плане стоянки и плане раскопок представлены сведения только по 15 жилищам [Там же, рис. 39, 40]. Наличие таких расхождений позволяет предполагать, что первооткрывателем памятника проводилось только ограниченное обследование, без детальной фиксации и описания.

Полевые работы 2024 г. проводились в рамках реализации программы комплексных исследований. На первом этапе во время пеших маршрутов осуществлялся визуальный осмотр юго-восточного берега озера и прилегающей территории с целью оценки состояния памятника, установления характера его разрушения

и поиска видимых на дневной поверхности антропогенных углублений. Общая площадь мониторинга составила не менее 50 000 м^2. В процессе проведения разведывательных изысканий происходила фото- и описательная фиксация, топографическая привязка фиксируемых археологических объектов. Аэрофотосъемка территории объекта осуществлялась посредством беспилотного летательного аппарата DJI Mavic 2 Pro, оснащенного камерой Hasselblad L1D-20C. Были выполнены три облета на высоте 80, 100 и 125 м от уровня дневной поверхности. Далее на базе полученных снимков посредством программного обеспечения Agisoft Metashape Professional были построены трехмерная фотограмметрическая модель и ортофотоплан местности. На основе данных модели и тахеометрической съемки в программе AutoCAD был подготовлен детальный топографический план поселения (рис. 1).

Геофизический мониторинг был направлен на решение двух ключевых задач: оценки мощности рыхлых отложений и глубины залегания кровли коренных пород, а также определения строения толщи осадков и возможностей метода электротомографии (ЭТ) в рамках идентификации углистых прослоев на участке одной из выявленных жилищных западин. Для решения первой задачи на памятнике Домашнее озеро были проведены зондирования методом электротомографии (ЭТ) по профилям, параллельным береговой линии озера (рис. 2). Зондирования выполнены посредством многоэлектродной аппаратуры «Скала-64к15» с использованием установок дипольной и Шлюмберже [Бобачев и др., 2013, с. 27–29]. Линии профилей располагались на минимальном разрешенном расстоянии (не менее максимального AB/2, равного 7,25 м) от берегового уступа, чтобы исключить влияние воздушного пространства и воды. Вследствие этого линия состояла из нескольких профилей, сдвинутых относительно друг друга. Длины профилей изменялись от 31,5 м до 111,5 м. Общая длина линии

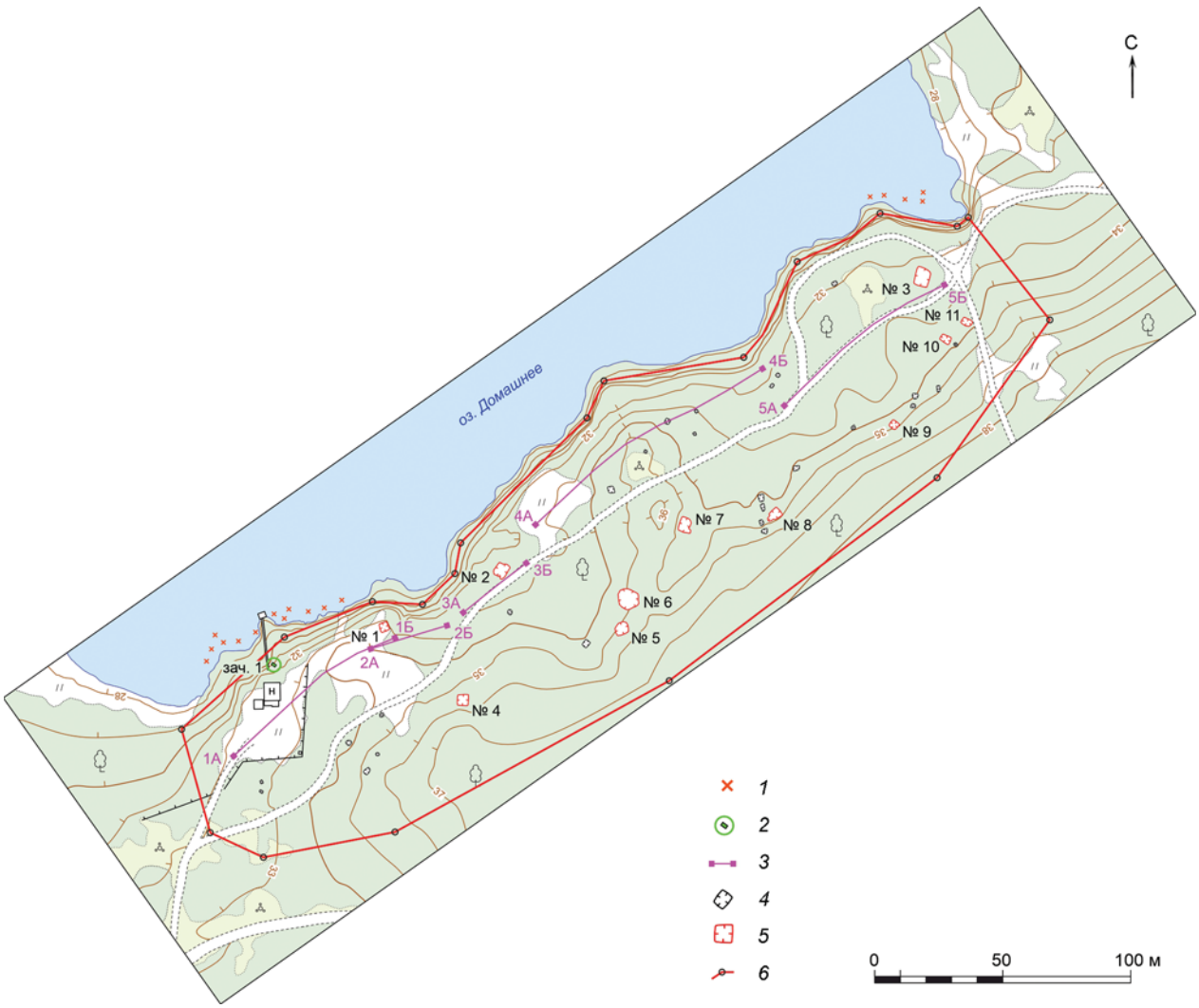

Рис. 1. Топографический план памятника Домашнее озеро.

1 – места сбора подъемного материала (2022 г.); *2* – зачистка с археологическим материалом (2022 г.); *3* – геофизические профили (2024 г.); *4* – ямы; *5* – западины, *6* – границы памятника.

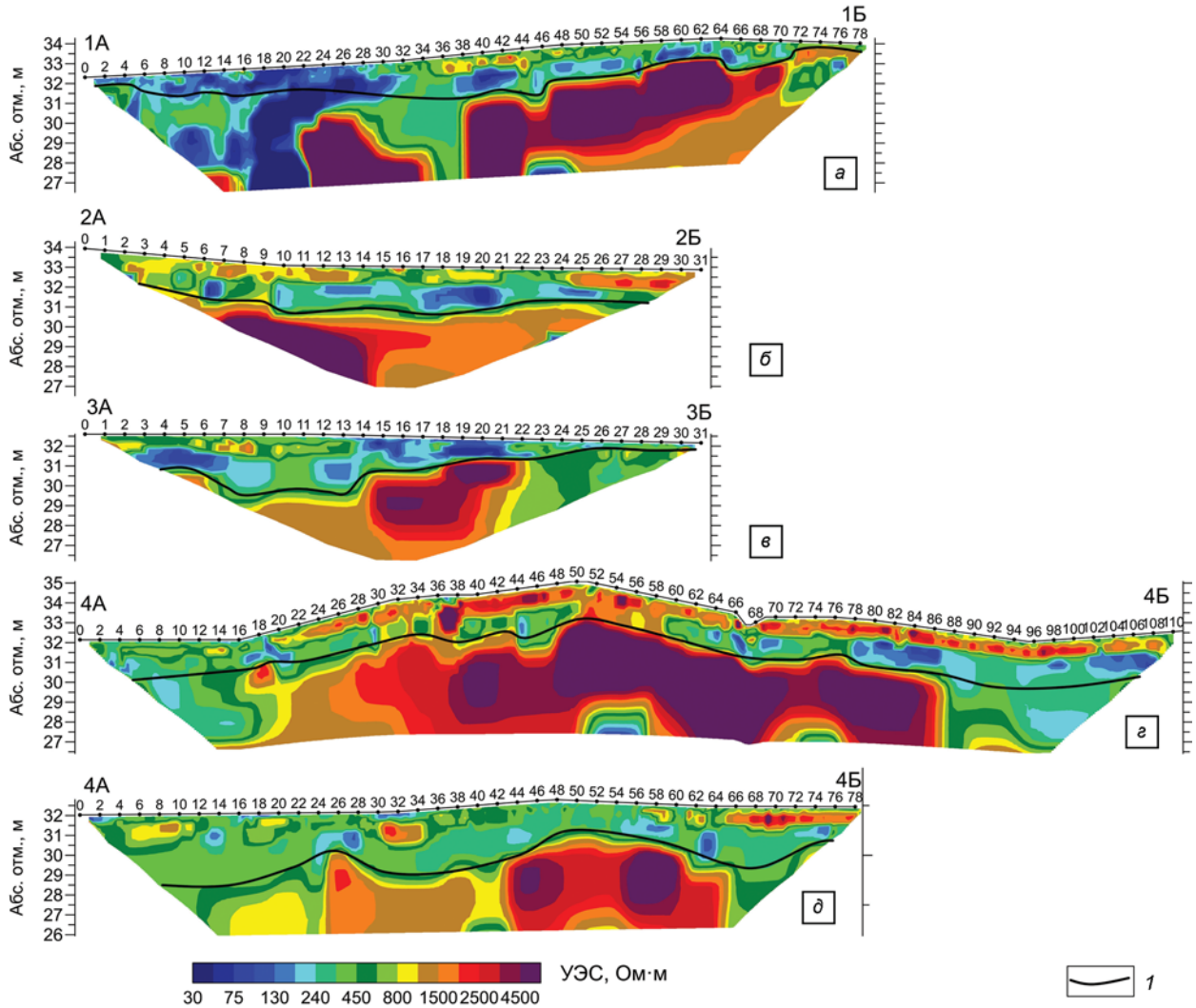

Рис. 2. Геоэлектрические разрезы УЭС по линиям профилей вдоль береговой линии.
1 – граница между рыхлыми и коренными отложениями.

составила 333,5 м, расстояние между электродами – 0,5 м, глубинность исследований не превышала 5 м (рис. 2). Для определения строения отложений в пределах выявленной западины № 2, которая может являться местом расположения землянки, проводилась площадная съемка ЭТ. Зондирования выполнены на восьми параллельных профилях по сети 0,5 × 1,0 м. Длина профилей составила 15,5 м. Первичная обработка данных ЭТ проведена в программе Xeris, обратная задача (инверсия) решена с помощью программ Res2DInv и Res3DInv.

Результаты исследования

В результате визуального обследования территории поселения были выявлены потенциальные археологические объекты в виде ям (n = 26) и западин (n = 11) (см. рис. 1). Под ямами подразумеваются углубления округлой, подквадратной или подпрямоугольной формы размерами от 1,0 × 1,0 м до 2,5 × × 2,0 м и глубиной около 0,25–0,75 м. К западинам отнесены более крупные локальные понижения, которые, предположительно, являются остатками древних углубленных жилищ. По размерам и глубине выделяются три группы подобных котлованов. Первая включает самые маленькие из них (№ 1, 9–11) подквадратной и подпрямоугольной формы, размерами от 3,0 × 3,0 м до 4,0 × 3,0 м, глубиной около 0,35–0,50 м. Вторая группа включает западины (№ 2, 3, 5–7) более разнообразных форм (округлая, подквадратная и подпрямоугольная), размерами от 5,0 × 5,0 м до 7,5 × × 7,5 м, глубиной около 0,7–1,0 м. Одно из углублений группы (№ 7) имеет угловое ответвление-понижение глубиной 0,55 м. В третью группу вошли западины (№ 4, 8) подквадратной формы (4,0 × 4,0 м), выделяющиеся на общем фоне значительной глубиной – 1,85 и 2,5 м – и крутизной стенок. Западина № 8 при этом имеет коридорообразное ответвление глубиной 0,6 м, приуроченное к центральной части одной из стенок.

Анализ пространственного распределения объектов позволил установить, что как ямы, так и западины располагаются двумя линиями, протяженностью около 250 м каждая, ориентированными вдоль линии берега. Первая проходит по прибровочной части террасы, на расстоянии до 15 м от ее кромки, и включает десять ям и три западины. Вторая проходит по ее притыловой части и нижней части уступа второй террасы, на удалении около 35–60 м, включает 16 ям и восемь западин. Объекты расположены одиночно или небольшими группами от двух до пяти штук. Какие-либо паттерны взаимного расположения объектов и их кластеризации по размерам и форме не отмечаются. Можно выделить только группу из четырех линейно выстроенных ям в непосредственной близости от западины № 8. Результаты картирования углубленных объектов позволяют оценивать площадь поселения Домашнее озеро в 32 334 м^2.

По результатам ЭТ на профилях вдоль береговой линии юго-западного берега Домашнего озера, получена серия геоэлектрических разрезов (рис. 2). Удельное электрическое сопротивление (УЭС) на этих разрезах варьирует в широком диапазоне от 30 до 5 000 Ом·м, их структура характеризуется следующим образом. В верхней части разрезов, на глубинах от 1,0 до 3,5 м УЭС пород изменяется от 30 до 2 500 Ом·м. Отложения с сопротивлением 30–1 000 Ом·м представляют собой суглинки и супеси, вероятно различной степени влажности, соотношения песка и глин и содержания пепловых отложений различного состава. На участках профилей, пересекающих залесенные участки, например, на отрезках 7–21 м и 24–31 м профиле № 3 и на отрезках 19–111 м профиля № 6, до глубины 0,5–1 м отмечен слой с сопротивлением 1 000–2 500 Ом·м. Предполагается, что рост корневых систем деревьев разрыхляет отложения, что приводит к увеличению их УЭС. На профилях, проходящих по обочине накатанной дороги или по полянам, такой слой отсутствует. Понижение УЭС до значений 30–100 Ом·м может быть связано с присутствием углистых отложений. Однако на пикетах 8–30 профиля № 1 низкое сопротивление (40–150 Ом·м) в верхней части разреза и на глубине (пикеты 8–22) вызвано техногенными объектами. На глубине от 0,5 до 3,5 м УЭС отложений варьирует от 300 до 5 000 Ом·м. Значения уровня сопротивления выше 1 000 Ом·м определяет коренные породы, представленные на памятнике конгломератом из обломков лав. Снижение их УЭС до 300–1 000 Ом·м, предположительно, обусловлено трещиноватостью вблизи кровли.

Таким образом, проведенный анализ геоэлектрических разрезов, выполненных вдоль береговой линии, показывает, что глубина кровли коренных пород составляет 0,4–3,6 м. Важно отметить, что в юго-западной части пройденных линий мощность рыхлых отложений варьирует от 0,4 до 3 м, в то время как в северо-восточной части она составляет 1,5–3,6 м.

По данным площадной геофизической съемки на участке западины № 2 была выполнена 3D-инверсия и получена объемная геоэлектрическая модель УЭС (рис. 3, *а*), а также ее горизонтальный срез по абсолютной отметке 30,25 м (рис. 3, *б*) и вертикальный срез по профилю № 3 (рис. 3, *в*). В приповерхностном слое модели до глубины 0,8 м наблюдаются высокие значения УЭС в диапазоне 400–1600 Ом·м. Это объясняется ростом корневых систем и разрыхлением грунта. По контуру западины с северо-западной, северной и восточной сторон выделяется проводящая аномалия (№ 1) с УЭС 60–200 Ом·м. Литологически это могут быть суглинки, представляющие собой смешанное заполнение котлована жилища. Наиболее ярко конфигурацию аномалии видно на горизонтальном срезе модели по абсолютной отметке 30,25 м (рис. 3, *б*). Вертикальная мощность проводящей аномалии составляет 1,2 м (рис. 3, *в*), что, согласно принципу эквивалентности инверсии [Бобачев и др., 2013], является завышенным показателем. Как правило, мощность завышается на 30–40%, поэтому в данном случае она не превышает 0,8 м. Проводящая аномалия (№ 2) в юго-западном углу модели выделяется в пределах дороги, где высокоомный слой приповерхностных отложений отсутствует. В нижней части объемной модели (аномалия № 3) повышенными значениями УЭС определяются коренные породы.

Обсуждение и заключение

В результате проведенной работы было подтверждено существование на юго-восточном берегу оз. Домашнее крупного поселения площадью свыше 32 300 м^2, насчитывавшего в древности не менее 11 предполагаемых углубленных древних жилищ. Проведенный анализ позволил выделить несколько групп западин, различающихся по своим размерным характеристикам (от 3,0 × 3,0 м до 7,5 × 7,5 м), глубине (от 0,35 м до 2,5 м), форме (подквадратные, подпрямоугольные, округлые) и наличию визуально определимых дополнительных конструктивных элементов (например, коридорообразных ответвлений). В рамках выполненных работ были задокументированы наиболее выраженные в современном рельефе объекты, однако при проведении более детальной топографической съемки возможно выявление новых остатков жилищ. Кроме того, остается открытым вопрос интерпретации многочисленных небольших ям, часть из которых может быть не связана с археологическими объектами, а представлять собой следы современной хозяйственной деятельности.

В процессе геофизических изысканий методом ЭТ в пределах западины № 2 была выявлена аномалия низкого УЭС. Вероятно, аномалия № 1 может быть связана с залеганием здесь грунта с измененными электропроводящими свойствами по периферии котлована углубленного жилища, сформировавшегося при его археологизации – обрушении кровли, пере-

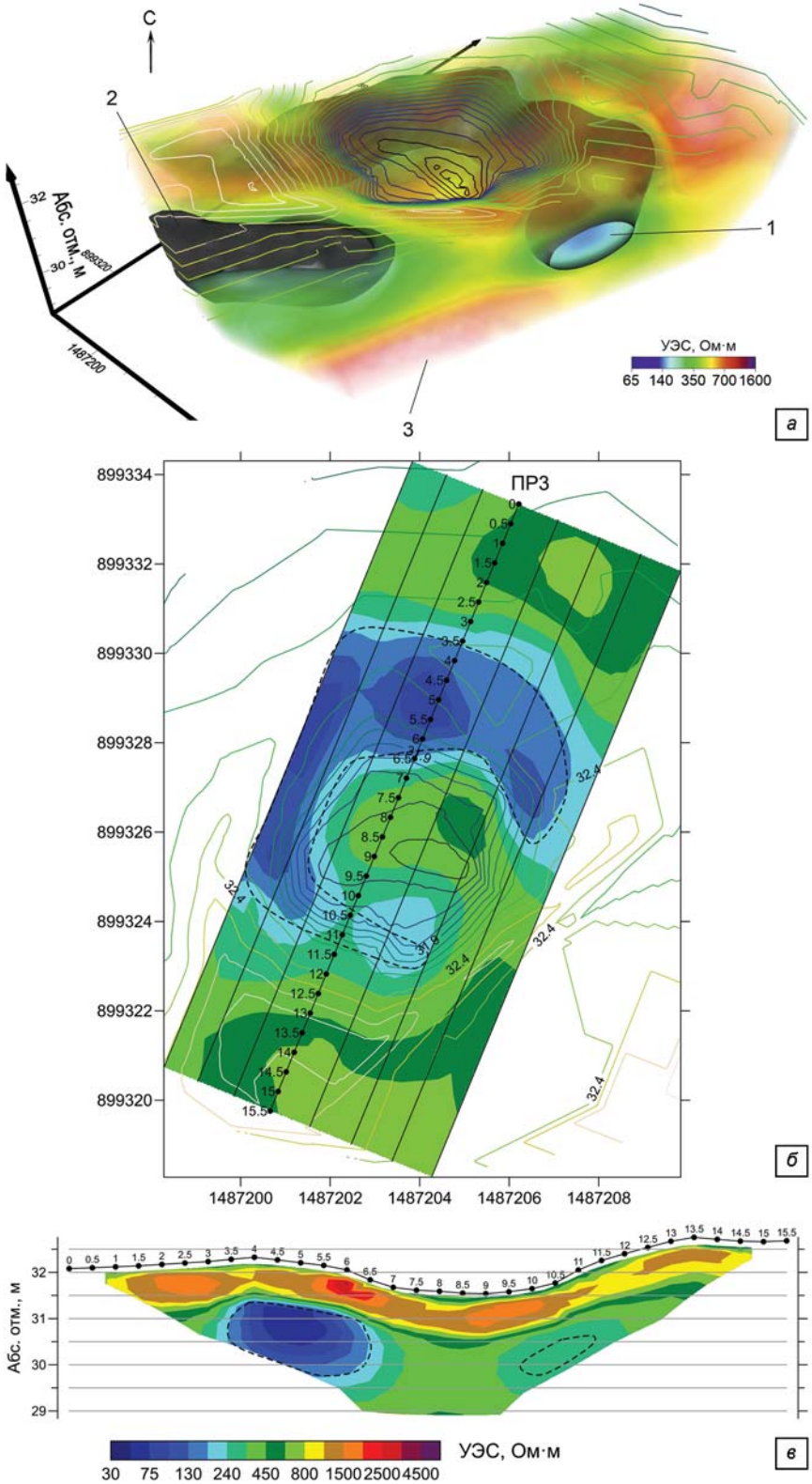

Рис. 3. Результаты геофизического исследования методом электротомографии западины № 2.

а – объемная геоэлектрическая модель УЭС жилищной западины, цифры на рисунке соответствуют номерам аномалий; *б* – горизонтальный срез объемной модели УЭС по абсолютной отметке 30,25 м; *в* – вертикальный срез по профилю № 3. Пунктирной линией обозначен контур проводящей аномалии.

крытой земляной отсыпкой. В этом случае отложения должны представлять собой смешанный из осадков верхней части толщи террасы грунт, полученный при рытье котлована. В пользу данной гипотезы свидетельствует полукольцевая форма аномалии, ее глубина и размеры, которые сопоставимы, в частности, с крупным тарьинским жилищем круглой формы, исследованным на стоянке Култук (Ушки III) [Диков, 1977, с. 82–84]. Поскольку наблюдаемые значения УЭС могут быть обусловлены различными факторами, а не только литологией, представленная интерпретация носит гипотетический характер и требует фактического подтверждения в процессе дальнейших раскопок. Проведенное зондирование позволило установить, что мощность рыхлых отложений на памятнике Домашнее озеро вблизи береговой линии варьирует от 0,4 до 3,6 м.

В настоящий момент актуальной проблемой остается определение возраста представленных здесь культурных слоев и поселенческих объектов. Установленные в результате исследования морфологические и метрические характеристики жилищных западин находят соответствие в широком контексте памятников эпохи позднего неолита – палеометалла Центральной и Южной Камчатки – поселениях тарьинской и древнеительменской культур [Диков, 1977; Дикова, 1983; Пономаренко, 1993]. Жилищные постройки этого времени обычно представляли собой полуземлянки с коридорообразным входом и деревянными перекрытиями, покрытыми грунтом и дерном [Пономаренко, 2014; Takase, 2018]. Результаты полевых исследований 2023 г. позволили установить, что археологический материал тарьинского времени залегает на стоянке на глубине около 0,6 м, стратиграфически ниже тефры вулкана Шивелуч, возраст которого составляет 2 550 некал. л.н. [Федорченко и др., 2023]. Единственная радиоуглеродная дата – 790 ± 90 (МАГ-227), полученная по обгоревшей бересте из материалов старых раскопок, указывает на более поздний эпизод активности, вероятно связанной с носителями древнеительменской культуры. Выявленные аналогии и разнообразие обнаруженных западин, учитывая отсутствие широкой серии радиоуглеродных определений, позволяют высказать гипотезу о разновременном характере поселенческих объектов памятника Домашнее озеро. Дальнейшие археологические исследования объекта помогут создать комплексное понимание культурных процессов, сопровождавших освоение Центральной Камчатки на протяжении различных этапов эпохи голоцена.

Благодарности

Полевые археологические и геофизические исследования выполнены при поддержке гранта РНФ № 22-18-00319 «Генезис древних культур крайнего Северо-Востока Азии», https://rscf.ru/project/22-18-00319/ (руководитель – А.И. Лебединцев, исполнители – П.С. Гребенюк, А.В. Пташинский), пространственный анализ – в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст» (исполнители – А.Ю. Федорченко и Н.Е. Белоусова).

Список литературы

Бобачев А.А., Большаков Д.К., Модин И.Н., Шевнин В.А. Электроразведка: пособие по электроразведочной практике для студентов геофизических специальностей. – М.: Моск. гос. ун-т, 2013. – Т. II. Малоглубинная электроразведка. – 123 с.

Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы. – М.: Наука, 1977. – 319 с.

Дикова Т.М. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. – М.: Наука, 1983. – 232 с.

Осипова П.С., Федорченко А.Ю., Фокин М.И., Селецкий М.В., Тоцкий Д.А., Белоусова Н.Е., Лебединцев А.И., Гребенюк П.С., Пташинский А.В. Первые результаты электротомографии археологического памятника Домашнее озеро в Центральной Камчатке // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 253–258.

Пономаренко А.К. Новые археологические памятники Южной Камчатки и полуострова Лопатка (к вопросу об обитании айнов на Южной Камчатке) // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. – 1993. – Вып. 8. – С. 3–136.

Пономаренко А.К. Тарьинская культура неолита Камчатки. – Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2014. – 254 с.

Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е., Осипова П.С., Лебединцев А.И., Селецкий М.В., Тоцкий Д.А., Воробей И.Е., Фокин М.И., Гребенюк П.С., Пташинский А.В. Новые данные о культурно-хронологической последовательности памятника Домашнее озеро в Центральной Камчатке // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 345–352.

Takase K. Pit dwellings of the Nalychevo Culture in Southern Kamchatka and the Northern Kuril Islands // Journal of the Graduate School of Letters. – 2018. – Vol. 13. – P. 11–33.

References

Bobachev A.A., Bolshakov D.K., Modin I.N., Shevnin V.A. Elektrorazvedka: posobiye po elektrorazvedochnoy praktike dlya studentov geofizicheskikh spetsial’nostey. Maloglubinnaya elektrorazvedka. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 2013. Vol. II. 123 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Archaeological sites of Kamchatka, Chukotka, Upper Kolyma. Moscow: Nauka, 1977. 319 p. (In Russ.).

Dikova T.M. South Kamchatka Archaeology in Connection with the Ainu Occupation Problem. Moscow: Nauka, 1983. 232 p. (In Russ.).

Fedorchenko A.Y., Belousova N.E., Osipova P.S., Lebedintsev A.I., Seletsky M.V., Totsky D.A., Vorobey I.E., Fokin M.I., Grebenyuk P.S., Ptashinsky A.V. New Data on the Cultural and Chronological Sequence of the Domashnee Ozero Site in Central Kamchatka. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 345–352. (In Russ.).

Osipova P.S., Fedorchenko A.Y., Fokin M.I., Seletskiy M.V., Totskiy D.A., Belousova N.E., Lebedintsev A.I., Grebenyuk P.S., Ptashinskiy A.V. First Results of Electrotomography at Domashnee Ozero Site, Central Kamchatka. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 253–258. (In Russ.).

Ponomarenko A.K. Novyye arkheologicheskiye pamyatniki Yuzhnoy Kamchatki i poluostrova Lopatka (k voprosu ob obitanii aynov na Yuzhnoy Kamchatke). *Krayevedcheskiye zapiski Kamchatskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya*, 1993. Vol. 8. P. 3–136. (In Russ.).

Ponomarenko A.K. Tar'inskaya kul'tura neolita Kamchatki. Vladivostok: Far East Fed. Univ. Publ., 2014. 254 p. (In Russ.).

Takase K. Pit dwellings of the Nalychevo Culture in Southern Kamchatka and the Northern Kuril Islands. *Journal of the Graduate School of Letters*. 2018. Vol. 13. P. 11–33.

Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Гурулёв Д.А. https://orcid.org/0000–0002–6992–3183
Осипова П.С. https://orcid.org/0000-0003-0510-6333
Тоцкий Д.А. https://orcid.org/0009-0009-9461-5471
Фокин М.И. https://orcid.org/0000-0003-2090-7155
Селецкий М.В. https://orcid.org/0000-0003-2581-8792
Белоусова Н.Е. https://orcid.org/0000-0001-7054-3738
Гребенюк П.С. https://orcid.org/0000-0001-9940-9962
Лебединцев А.И. https://orcid.org/0000-0003-2714-2116

Дата сдачи рукописи: 28.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0313-0319
УДК 903.01, 902/904

А.Ю. Федорченко[1], Е.В. Левина[2], Р.М. Харитонов[1]✉, Д.А. Тоцкий[3], А.И. Селютина[4], Н.Е. Белоусова[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[3]ООО НПО ЦИИС
Новосибирск, Россия
[4]Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
Алматы, Казахстан
E-mail: tengeri_ashina@list.ru

Результаты экспериментального моделирования верхнепалеолитических технологий изготовления подвесок из поделочного камня

В работе рассмотрены основные результаты экспериментального моделирования технологий обработки поделочных пород камня, широко распространенных в верхнем палеолите Горного Алтая. Реконструируемая в рамках экспериментов операционная последовательность изготовления каменных подвесок включала несколько этапов: расщепление или расслоение отдельностей серпентина, талька, талькохлорита, кальцита и селенита для производства исходных заготовок, получение преформ посредством абразивной обработки и пиления, сверление, формирование контура шлифовкой. При работе с абразивом выполнялись возвратно-поступательные движения с удержанием заготовки в руке; по мере сглаживания поверхности инструмент переворачивался, и работа продолжалась на новой стороне, сохраняющей высокие абразивные свойства. Перфорация изделий осуществлялась посредством ручного биконического сверления немодифицированными сколами или ретушированными микроостриями из мелких пластинчатых сколов. Проведенные эксперименты позволили охарактеризовать основные особенности процесса ручного сверления заготовок из различных пород поделочного камня. Было получено девять изделий с диагностичным набором следов обработки и формой, аналогичной артефактам из верхнепалеолитических комплексов Горного Алтая. Результаты проведенных работ позволили выявить основные технические решения, применявшиеся при обработке разнообразных пород поделочного камня в начале верхнего палеолита региона. Было установлено, что конечное формообразование и морфометрические параметры экспериментальных подвесок в значительной степени зависели от выбора основ изделий и интенсивности использования абразивной обработки. На дальнейшем этапе экспериментальных работ изготовленные подвески будут применяться для моделирования основных сценариев использования в качестве личных украшений, элементов декора одежды и различных предметов повседневного обихода.

Ключевые слова: *Горный Алтая, каменные подвески, экспериментальное моделирование, верхний палеолит.*

A.Y. Fedorchenko[1], E.V. Levina[2], R.M. Kharitonov[1]✉, D.A. Totskiy[3], A.I. Selyutina[4], N.E. Belousova[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[3]LLC SPA CHCR
Novosibirsk, Russia
[4]al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Republic of Kazakhstan
E-mail: tengeri_ashina@list.ru

Results of Experimental Modelling of Upper Palaeolithic Technologies for the Production of Stone Ornaments

The article provides main results of the experimental modelling of the technologies for processing ornamental stones, which were widely used in the Upper Palaeolithic of the Altai Mountains. The operational sequence of stone pendants production reconstructed in experiments included several stages: knapping or cleaving of serpentine, talc, talcochlorite, calcite and selenite for the manufacture of initial blanks, obtaining preforms by abrasive processing and sawing, drilling, shaping by grinding. When handling the abrasives, reciprocating movements were performed while holding the workpiece in the hand; as the surface of the tool was smoothed, it was turned over and work was continued on the new side, which retained its high abrasive properties. The products were perforated by manual biconical drilling with unmodified flakes or with retouched points made from bladelets. The experiments characterized the manual drilling of blanks in different types of ornamental stone. Nine items with a diagnostic set of processing traces and shape similar to artefacts from Upper Palaeolithic complexes of the Altai Mountains were obtained. The results of this work allowed the identification of the main technical solutions for the processing of different types of stone at the onset of the Upper Palaeolithic in the region. The results show that the final shape and morphometric parameters of the experimental pendants are highly dependent on the choice of bases and the intensity of abrasive processing. The pendants produced will be used to simulate the main scenarios of their use as personal adornments, elements of clothing decoration, and various everyday objects in the next stage of the experimental work.

Keywords: *Altai Mountains, stone pendants, experimental modelling, Upper Palaeolithic.*

Введение

Украшения из разнообразных типов органического и минерального сырья представляют собой одну из важнейших культурных и технологических инноваций начала верхнего палеолита. Древнейшие находки подобного рода были получены в результате исследований многослойных памятников Горного Алтая, таких как Денисова пещера, Ануй-2, Усть-Каракол-1, Кара-Бом и др. [Деревянко, Рыбин, 2003; Природная среда..., 2003; Деревянко, Шуньков, 2004]. Значимую часть этих коллекций составляют предметы, выполненные из поделочных пород камня: подвески из серпентина, агальматолита и талькита, бусины из мрамора и пирофиллита, браслеты из хлоритолита и мрамора [Федорченко и др., 2020; Шуньков и др., 2023]. Типологическая, технологическая и сырьевая вариабельность украшений, реконструируемая для алтайских стоянок, отражает высокий уровень развития внутригруппового и межгруппового взаимодействия их обитателей. Предполагается, что расширение разнообразия приемов личной орнаментации происходило параллельно с интенсификацией культурного и генетического обмена человеческих сообществ в процессе заселения Евразии в начале верхнего палеолита [Shunkov et al., 2020]. Так, различные типы изделий, используемые в определенных комбинациях в качестве элементов декора одежды или носимых украшений, могли служить средством самоидентификации, выступать маркерами племенной принадлежности, социального статуса, пола, возраста или семейного положения.

Комплексные исследования древнейших украшений, как правило, ставят своей целью реконструкцию способов производства и непосредственного использования, эстетических предпочтений, стилистических или знаковых норм, определяющих облик изделий и их место в жизни палеолитических сообществ. В контексте верификации результатов таких изысканий важную роль играет экспериментальное моделирование [Gurova, Bonsall, 2017; Vassanelli et al., 2023]; в основе метода лежит воспроизведение операционных последовательностей изготовления украшений, а также повторение процесса их ношения при разном креплении [Osipowicz et al., 2020]. В настоящее время одной из ключевых задач экспериментально-трасологических исследований палеолитических украшений Горного Алтая является формирование коллекции сравнительных эталонов, учитывающей все разнообразие применявшихся материалов. Цель настоящей работы заключалась в определении особенностей обработки поделочных пород минерального сырья в рамках изготовления подвесок – наиболее массовой верхнепалеолитической категории украшений на основе экспериментального моделирования.

Материалы и методы исследования

В рамках исследования проводилась обработка нескольких поделочных пород камня – серпентина, талька, талькохлорита, кальцита и селенита, широко распространенных в палеолите Северной Азии. Для указанных материалов характерны плотное скрытокристаллическое или слоистое сложение, выразительный цвет, возможность получения в процессе обработки гладкой и блестящей поверхности, низкая твердость – от 1 до 3,5 по шкале Мооса. Экспериментальная программа исследования включала работы по моделированию технологий первичной обработки исходных отдельностей для создания заготовок, шлифовки и перфорации (рис. 1, *1–3*). Проведение опытных работ сопровождалось составлением протокола экспериментов, куда вносилась информация о целях операции, типе материала, характеристике применяемых инструментов, их кинематике и положении относительно предмета обработки, количестве движений и времени, затраченном на проведение

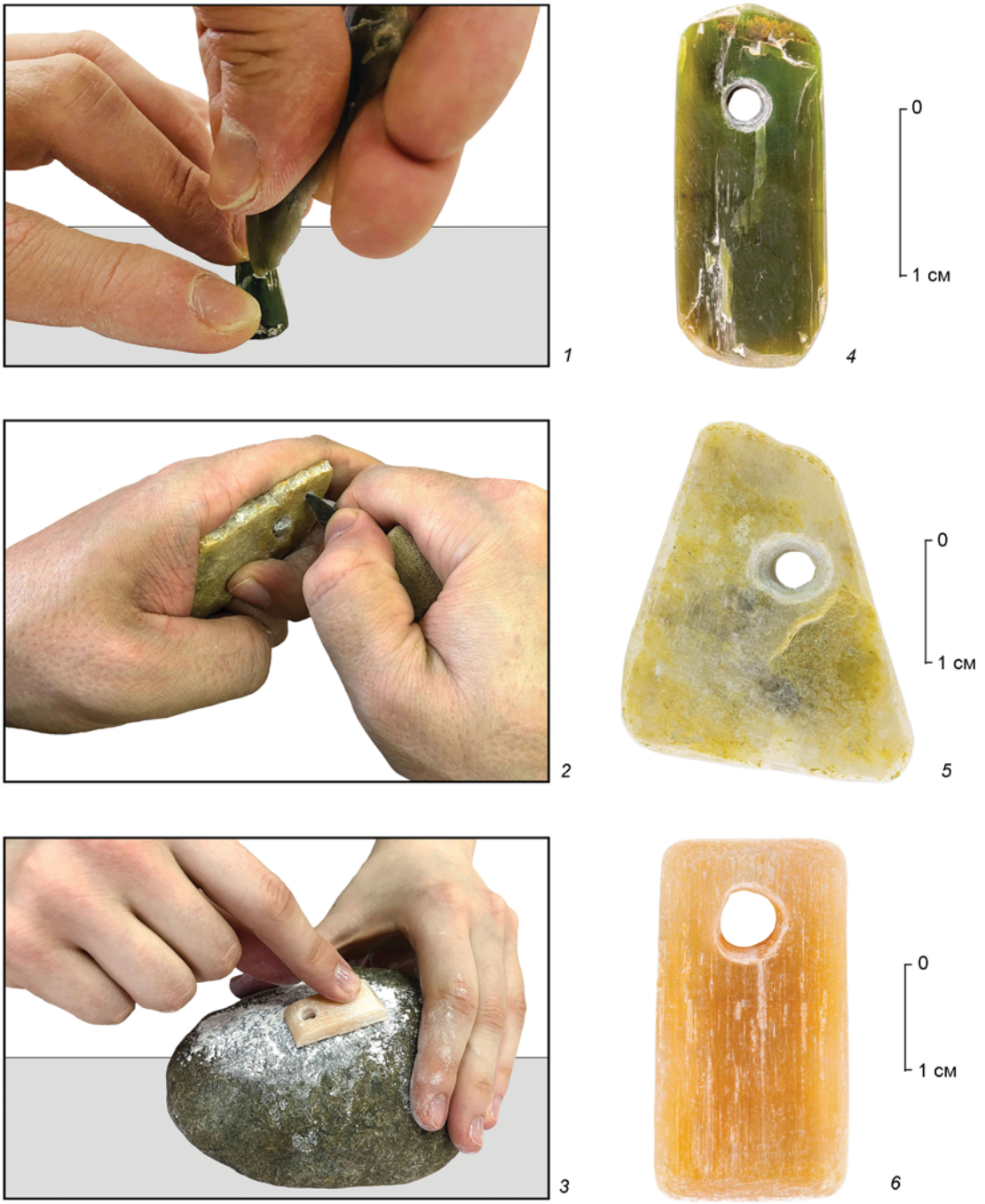

Рис. 1. Экспериментальное моделирование технологий производства подвесок из поделочных пород камня.

1 – ручное сверление с удержанием заготовки на плоскости; *2* – ручное сверление на весу; *3* – абразивная обработка заготовки на мелкозернистом абразиве; *4* – подвеска из серпентина; *5* – подвеска из кальцита; *6* – подвеска из селенита.

операции; эксперименты сопровождались фото- и видео- фиксацией. В результате было получено девять изделий, формы которых находят соответствие в верхнепалеолитических материалах Алтайских памятников (рис. 1, *4*, *5*; рис. 2).

При анализе производственных процессов, связанных с обработкой различных поделочных материалов, и описании конечных продуктов экспериментов использовалась специальная терминология, разработанная в отечественном палеолитоведении [Семенов, 1953, 1957, 1968; Филиппов, 1983; Хлопачев, Гиря, 2010]. Полученные в результате экспериментов украшения были подвергнуты трасологическому анализу. Исследование следов обработки и износа проводилось с использованием стереомикроскопа Альтами СМ0745-Т и металлографического микроскопа Olympus BHM. Макросъемка осуществлялась посредством цифровой фотокамеры Canon EOS 5D Mark IV, объектива EF 100mm f/2.8 Macro USM, штатива и светотрона «Люмен 3».

Рис. 2. Экспериментальные подвески (*1–3*) и заготовка (*4*) из поделочных пород каменного сырья.
1 – серпентин; *2* – тальк; *3* – селенит; *4* – кальцит.

Результаты исследования

Реконструируемая в рамках экспериментов операционная последовательность изготовления каменных украшений включала несколько этапов: расщепление или расслоение отдельностей сырья для получения исходных основ, производство заготовок и преформ посредством абразивной обработки и пиления, сверление, окончательное формирование контура шлифовкой [Шуньков, Федорченко, Козликин, 2021].

Начальный этап производства подвесок предполагал подбор заготовок. Для получения основ осуществлялось расщепление крупных фрагментов породы прямым ударом каменного отбойника. Вследствие зернистости части используемого материала и наличия включений, получаемые продукты расщепления часто имели морфологию обломков или укороченных отщепов с плоско-выпуклым поперечным сечением, без ярко выраженных ударных бугорков и радиальных трещин, при сохранении занозистого излома. В рамках экспериментов приоритет отдавался сколам с относительно прямым продольным профилем и тонким поперечным сечением. Для фрагментации крупных заготовок в отдельных случаях использовалось пиление посредством пластин с протяженным краем, обработанным ретушью. Дальнейшая последовательность обработки поделочного материала определялась в процессе экспериментов, исходя из особенностей сырья. Для известных верхнепалеолитических украшений Алтая, выполненных из относительно хрупких поделочных материалов, таких как серпентин или скорлупа яиц страуса, этап перфорации изделий обычно предшествовал абразивной обработке [Федорченко и др., 2020].

В рамках экспериментов абразивная обработка широких сторон и граней заготовок осуществлялась посредством уплощенных галек и плиток крупно- и мелкозернистого песчаника, собранных в аллювии р. Ануй. В процессе обработки на абразиве выполнялись возвратно-поступательные движения с удержанием заготовки в руке (см. рис. 1, *3*); по мере сглаживания поверхности инструмент переворачивался, и работа продолжалась на новой стороне, сохраняющей высокие абразивные свойства. В ходе экспериментов время, затраченное на абразивную обработку, составляло от 44 до 120 мин. (медианное значение – 50 мин.), количество движений варьировало от 2 579 до 11 015 (медианное значение – 4 750). Абразивная обработка позволяла равномерно удалять материал заготовки малыми частицами одновременно на значительной площади, сглаживать микрорельеф поверхностей, выравнивать края и в конечном итоге придавать изделиям необходимый контур. Шлифовка значительно улучшала контроль над формообразованием изделий, позволяя стандартизировать процесс получения заготовок и уменьшить количество производственных ошибок. При увеличении ×40–100 признаки абразивной обработки на эталонах выглядят как тонкие удлиненные линейные следы-риски, образующие ряды, преимущественно параллельные или диагональные длинной оси предметов (рис. 3, *3*, *4*). Фиксируемая ориентация следов отражает возвратно-поступательное движение заготовки в процессе работы.

Проведенные эксперименты позволили охарактеризовать основные особенности процесса ручного сверления заготовок из различных пород поделочного камня (см. рис. 1, *1*, *2*). Перфорация изделий осуществлялась в технике ручного биконического сверления посредством немодифицированных сколов или микроострий с подготовленным ретушью кончиком, выполненных из пластинчатых сколов из кремня, туфа или яшмоидов. На начальном этапе сверления указанные инструменты использовались для формирования на одной из широких сторон заготовки сквозного отверстия в виде усеченного конуса. Далее с целью придания каналу правильной цилиндрической формы, полученные отверстия рассверливались и выравнивались с противоположной стороны. На получение одного отверстия уходило от 3,5 до 18 мин. (медианное значение – 13 мин.), при этом количество совершаемых оборотов сверла вокруг своей оси варьировало от 316 до 1 781 (медианное значение – 765). Скорость создания биконических отверстий напрямую зависела от твердости обрабатываемого материала.

Законченные отверстия на экспериментальных подвесках отличал биконический профиль, непра-

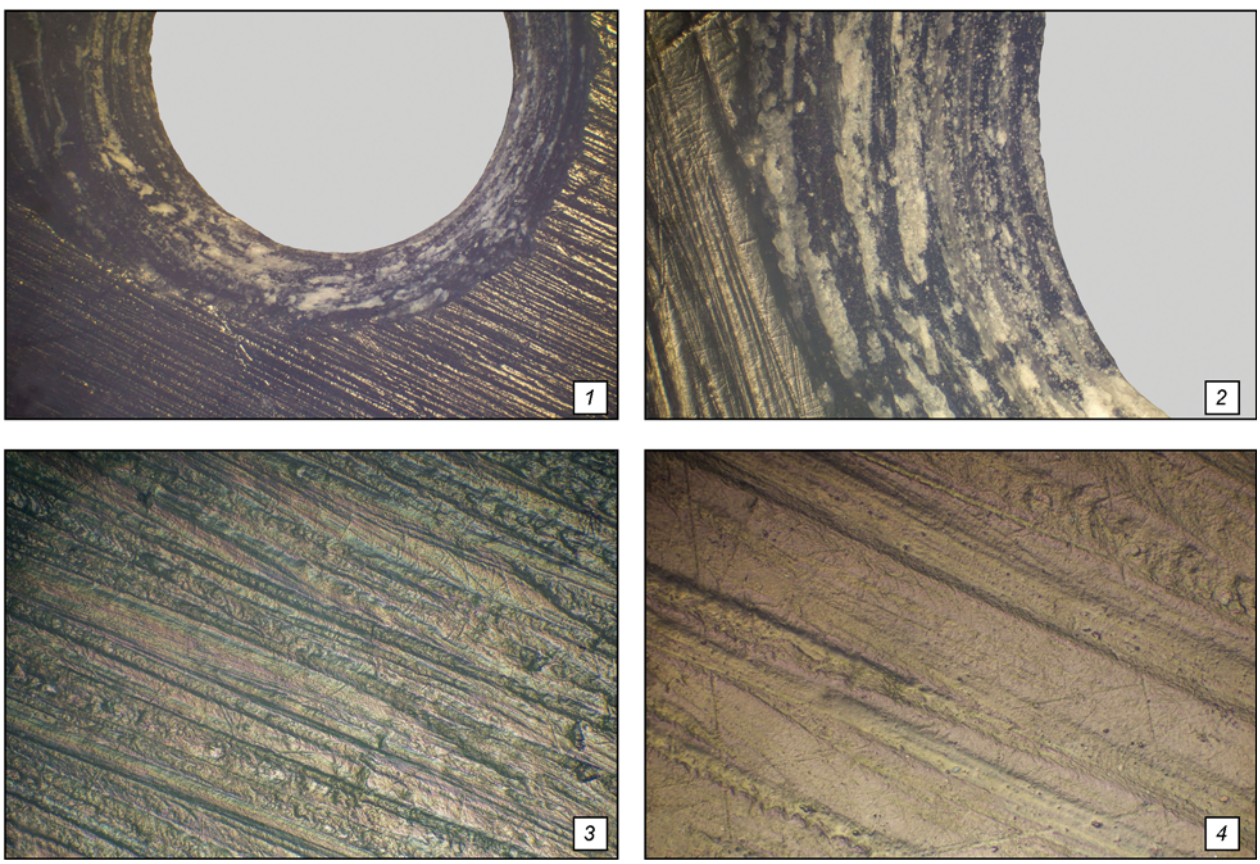

Рис. 3. Следы обработки на поверхности экспериментальной подвески из серпентина.

1 – биконическое отверстие, созданное ручным сверлением, ×40; *2* – биконическое отверстие, созданное ручным сверлением, ×100; *3* – следы шлифовки, ×200; *4* – следы шлифовки, ×500.

вильная округлая или овальная форма, присутствие концентрических бороздок с прорывами в одной или нескольких областях, указывающее на неполное вращение сверла вокруг своей оси (рис. 3, *3*, *4*). Внутренний диаметр отверстий на изделиях варьировал от 2 до 6 мм, внешний находится в диапазоне от 3,0 до 7,6 мм. Вследствие слоистого сложения серпентина и селенита сверление двух образцов привело к частичному расслаиванию обрабатываемого материала. Подобная специфика сырья детерминировала целесообразность использования приема перфорации до отделочной шлифовки.

Обсуждение и заключение

Полученные экспериментальные данные актуализируют необходимость проведения дальнейших технологических и трасологических исследований каменных украшений верхнепалеолитических комплексов Алтая. Результаты проведенных работ позволили выявить основные технические решения, применявшиеся при обработке разнообразных пород поделочного камня в начале верхнего палеолита региона. Было установлено, что конечное формообразование и морфометрические параметры экспериментальных подвесок в значительной степени зависели от твердости и особенностей сложения сырья, выбора основ изделий и интенсивности использования абразивной обработки. В ходе экспериментов были определены основные параметры отверстий, полученных в результате ручного сверления, а также изучено влияние типа сырья и направления движения инструмента на качество обработки. Накопленные экспериментальные наблюдения и сравнительный анализ следов обработки на эталонах и артефактах из археологических коллекций позволят детализировать и верифицировать операционные последовательности производства древнейших украшений Алтайского региона, выполненных из разнообразных поделочных материалов. В дальнейшем по мере продолжения экспериментальных работ планируется использование изготавливаемых подвесок в различных сценариях – в качестве личных нательных украшений, используемых одиночно или в виде композиций, для декора одежды и различных предметов повседневного обихода.

Благодарности

Экспериментальные исследования выполнены в рамках проекта РНФ № 20-78-10125-П «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность» (исполнители – А.Ю. Федорченко, Е.В. Левина). Анализ археологического контекста и корреляции реализованы в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст» (исполнитель – Н.Е. Белоусова).

Список литературы

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности древнего человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 27–50.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 12–40.

Семенов С.А. О каменных сверлах // Палеолит и неолит СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 2. – С. 455–462. – (МИА; № 39).

Семенов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с.

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. – Л.: Наука, 1968. – 362 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е., Кулик Н.А., Шуньков М.В. Украшения из серпентина ранней стадии верхнего палеолита со стоянки Усть-Каракол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – Т. 48, № 1. – С. 3–15.

Филиппов А.К. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производств в эпоху палеолита. – Л.: Наука, 1983. – С. 9–71.

Хлопачев Г.А., Гиря Е.Ю. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке. – СПб.: Наука, 2010. – 143 с.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Верхнепалеолитические украшения из южной галереи Денисовой пещеры: коллекция 2021 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 362–368.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Плотников Д.Р. Украшения ранней стадии верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры: новые материалы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 469–474.

Gurova M., Bonsall C. Experimental Replication of Stone, Bone and Shell Beads from Early Neolithic Sites in Southeast Europe // Not just for show: The Archaeology of Beads, Beadwork, & Personal Ornaments / eds. D. Bar-Yosef Mayer, C. Bonsal, A.M. Choyke. – Oxford: Oxbow Books, 2017. – P. 159–167.

Osipowicz G., Piličiauskienė G., Orłowska J., Piličiauskas G. An occasional ornament, part of clothes or just a gift for ancestors? The results of traceological studies of teeth pendants from the Subneolithic sites in Šventoji, Lithuania //

J. of Archaeol. Sci.: Reports. – 2020. – Vol. 29 (102130). – P. 1–14.

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Y., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 559. – P. 47–67.

Vassanelli A., Petrinelli Pannocchia C., Starnini E. The Chaîne Opératoire Approach for Interpreting Personal Ornament Production: Marble Beads in Copper Age Tuscany (Italy) // Open Archaeology. – 2023. – N 1. – doi:10.1515/opar-2022-0334

References

Derevianko A.P., Rybin E.P. The earliest representations of symbolic behavior by Paleolithic humans in the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia,* 2003. Vol. 15, No. 3. P. 27–50. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V. Stanovlenie verhnepaleoliticheskih traditsij na Altae. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2004. Vol. 19, No. 3. P. 12–40. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Agadganyan A.K., Baryshnikov G.F., Malaeva V.M., Ulianov V.A., Kulik N.A., Postnov A.V., Anoikin A.A. Paleoenvironment and Palaeolithic human occupation of Gorny Altai. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. 448 p. (In Russ.).

Fedorchenko A.Y., Belousova N.E., Kulik N.A., Shunkov M.V. Early Upper Paleolithic Serpentine Ornaments from Ust-Karakol, Northwestern Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2020. Vol. 48, No. 1. P. 3–15. (In Russ.).

Filippov A.K. Problemy tekhnicheskogo formoobrazovaniya orudii truda v paleolite. In *Tekhnologiya proizvodstv v epokhu paleolita*. Leningrad: Nauka, 1983. 9–71 p. (In Russ.).

Gurova M., Bonsall C. Experimental Replication of Stone, Bone and Shell Beads from Early Neolithic Sites in Southeast Europe. In *Not just for show: The Archaeology of Beads, Beadwork, & Personal Ornaments*. Oxford: Oxbow Books, 2017. P. 159–167.

Khlopachev G.A., Girya E.Y. Sekrety drevnikh kostorezov Vostochnoi Evropy i Sibiri: priemy obrabotki bivnya mamonta i roga severnogo olenya v kamennom veke. St. Petersburg: Nauka, 2010. 143 p. (In Russ.).

Osipowicz G., Piličiauskienė G., Orłowska J., Piličiauskas G. An occasional ornament, part of clothes or just a gift for ancestors? The results of traceological studies of teeth pendants from the Subneolithic sites in Šventoji, Lithuania. *Journal of Archaeological Science: Reports,* 2020. Vol. 29 (102130). P. 1–14.

Semenov S.A. O kamennykh sverlakh. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR,* 1953. No. 39. P. 455–462. (In Russ.).

Semenov S.A. Pervobytnaya tekhnika (opyt izucheniya drevneishikh orudii i izdelii po sledam raboty). Moscow: AS USSR Publ., 1957. 240 p. (In Russ.).

Semenov S.A. Razvitie tekhniki v kamennom veke. Leningrad: Nauka, 1968. 362 p. (In Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Y., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai. *Quaternary International,* 2020. Vol. 559. P. 47–67.

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Y., Kozlikin M.B. New data on the Early Upper Palaeolithic Personal Ornaments from the Southern Chamber of Denisova Cave (collection of 2021). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 362–368. (In Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Y., Kozlikin M.B., Plotnikov D.R. Early Upper Paleolithic Ornaments from the South Chamber of Denisova Cave: New Evidence. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 469–474. (In Russ.).

Vassanelli A., Petrinelli Pannocchia C., Starnini E. The Chaîne Opératoire Approach for Interpreting Personal Ornament Production: Marble Beads in Copper Age Tuscany (Italy). *Open Archaeology,* 2023. No. 1. doi:10.1515/opar-2022-0334

Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Левина Е.В. https://orcid.org/0000-0001-6616-5754
Харитонов Р.М. https://orcid.org/0000-0003-1699-046X
Тоцкий Д.А. https://orcid.org/0009-0009-9461-5471
Белоусова Н.Е. https://orcid.org/0000-0001-7054-3738

Дата сдачи рукописи: 28.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0320-0326
УДК 902/904

В.М. Харевич, А.В. Харевич✉, Е.Н. Бочарова, А.А. Анойкин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Планиграфический анализ культурного слоя стоянки раннего верхнего палеолита Сабаниха-3 (предварительные данные)

В статье представлены предварительные результаты планиграфического анализа ранневерхнепалеолитической (РВП) стоянки Сабаниха-3. На данный момент Сабаниха-3 является одним из немногих памятников РВП бассейна р. Енисей с непотревоженным культурным слоем. Стоянка расположена на высоком берегу р. Енисей (сейчас Красноярское водохранилище) и приурочена к вершине лога, служившего удобным спуском к воде и источникам сырья – галечным отмелям. Анализ распространения находок, полученных в ходе трех лет изучения стоянки, позволил выявить четыре функциональных участка (эпизода обитания?). Первый участок расположен в северо-западной части вскрытой площади. Здесь происходило расщепление нуклеусов, потребление лошадей и горных козлов, изготовление украшений из камня. Второй участок располагается в восточной и юго-восточной частях раскопа. Состав каменного и костяного инвентаря (наличие скребков, долотовидных орудий, проколок и костяных игл) позволяет предполагать, что здесь происходила обработка шкур. Фаунистический комплекс второго участка характеризуется остатками нескольких особей горного козла или северного оленя. Третий участок выявлен в центральной части раскопа. С ним ассоциируется большая часть нуклеусов, инструментов расщепления (отбойников и орудий для пикетажа), галечные орудия, блоки диабаза и большинство фрагментов колотого рога. Четвертый участок связан с кострищем, вскрытым в раскопе 1. Соотношение высотных отметок поверхности кострища и зафиксированных рядом артефактов указывает на то, что большая часть из них не связана с кострищем, маркирующим наиболее ранний эпизод посещения раскопанного участка. Планиграфический анализ показывает, что культурный слой стоянки представляет собой палимпсест нескольких эпизодов обитания носителями одной культурной традиции на протяжении относительного короткого (1–2 тыс. лет) периода.

Ключевые слова: *ранний верхний палеолит, палеолит Евразии, р. Енисей, стоянка, планиграфический анализ.*

V.M. Kharevich, A.V. Kharevich✉, E.N. Bocharova, A.A. Anoykin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Spatial Analysis of the Early Upper Paleolithic Site Sabanikha-3 (Preliminary Results)

The article provides preliminary results of the spatial analysis of materials from the Early Upper Paleolithic site of Sabanikha-3. Currently, Sabanikha-3 is one of the few EUP sites in the Yenisei River basin with an undisturbed cultural layer. The site is located on the high bank of the Yenisei River (now the Krasnoyarsk Reservoir) and is associated with the top of a ravine that provided a convenient descent to the water and sources of raw materials, specifically pebble bars. The spatial distribution of artifacts has revealed four functional areas (occupation episodes). The first area involved the core reduction, consumption of horses and Siberian ibex, and the production of personal ornaments. The second area was located in the eastern and southeastern parts of the pit. Based on the assemblage of lithic and bone tools (including end scrapers, splinted pieces, borers, and bone needles), it is assumed that hide processing took place here. The faunal assemblage in this area includes remains of several Capra Sibirica or Ragnifer Tarandus individuals. The third area contains the majority of cores, knapping tools, pebble tools, blocks of diabase, pebble tools, diabase blocks, and most fragments of split antlers. The fourth area is associated with a fireplace found in pit 1. The elevation of the fireplace relative to the artifacts suggests that most of the artifacts are not related to the fireplace, which marks the earliest occupation episode of the excavated area. The spatial analysis indicates that the cultural layer of the site represents a palimpsest of short-term occupations by bearers of the same cultural tradition over a relatively short period.

Keywords: *Early Upper Paleolithic, Paleolithic of Eurasia, Yenisei River, site, spatial analysis.*

Введение

Изучение раннего верхнего палеолита (РВП) бассейна р. Енисей ведется на протяжении нескольких десятилетий [Хроностратиграфия..., 1990; Палеолит..., 2018]. Внимание исследователей было сконцентрировано в первую очередь на широком круге проблем хронологии, периодизации и культурных особенностях РВП региона [Палеолит..., 2018; Лисицын, 2000; Холюшкин, 2009]. Специализированное исследование более «узких» вопросов, как правило, было связано с наиболее яркими элементами РВП комплексов, например, с изучением персональных украшений [Лбова и др., 2018]. При этом проблемы организации и освоения жилого пространства стоянок исследованы фрагментарно [Палеолит..., 2018; Лбова и др., 2018], в основном освещаются вопросы расположения памятников относительно элементов рельефа [Палеолит..., 2018]. Основной причиной, по которой исследования планиграфии комплексов РВП Енисея имеют ограниченный характер, является тафономия культуросодержащих отложений, а именно их приуроченность к переотложенным палеопочвам финала МИС 3 (каргинский педоседимент, согласно региональной хроностратиграфической шкале).

На данный момент единственными стоянками, обладающими непотревоженным культурным слоем, являются Сабаниха и Сабаниха-3, расположенные на левом берегу р. Енисей (сейчас Красноярское водохранилище) в Республике Хакасия. В рамках данной работы будут представлены предварительные результаты планиграфического анализа материалов стоянки Сабаниха-3, полученных в ходе работ 2022–2024 гг. (подробнее о работах 2024 г. см. в статье В.М. Харевич и др. «Исследование верхнепалеолитической стоянки Сабаниха-3 в 2024 году» в данном выпуске).

Материалы и методы

Стоянка Сабаниха-3 расположена на высоком берегу р. Енисей. По всей видимости, именно расположение на высоких гипсометрических отметках (244 м по МБС) позволило памятнику избежать полного разрушения вследствие абразии берегов Красноярского водохранилища. Енисей здесь образует узкую долину с высокими, но, в отличие от участков, расположенных выше и ниже по течению, не обрывистыми берегами. Н.Ф. Лисицыным, изучавшим данный участок реки сразу после затопления, была зафиксирована система логов [1992], наследующих древним логам. К вершине одного из них приурочена стоянка Сабаниха-3 [Kharevich et al., 2024]. Гипсометрический уровень стоянки превышает уровень р. Енисей (до затопления) на 40–45 м. Иными словами, стоянка расположена не столько на берегу р. Енисей, сколько вдоль борта лога, служившего удобным спуском к воде и источникам сырья – галечным отмелям. Видимо, эта же система логов использовалась для подхода к воде животными (лошади, горные козлы, северные и благородные олени), что увеличивало притягательность места для древнего человека.

Для изучения пространственного распределения находок нами были проанализированы двухмерные и трехмерные графики, составленные на основе координат артефактов. Также было оценено распределение находок в соответствии с основными типологическими категориями: нуклеусы, инструменты расщепления, основные типы каменных орудий, костяные орудия и украшения. Для определения значимых отличий в распределении типологических категорий между участками раскопа были использованы статистические тесты. Для наблюдения за условиями залегания археологического слоя также были использованы трехмерные модели слоя, созданные посредством фотограмметрии (рис. 1, *1*).

Результаты планиграфического анализа

В ходе полевых исследований стоянки в 2022–2024 гг. было заложено 3 раскопа общей площадью около 40 м^2 (рис. 1, *2*). Протяженность вскрытого участка вдоль берегового обнажения (СЗ–ЮВ) составляет 9 м, вглубь (СВ–ЮЗ) от 3 до 6 м. С северо-запада раскоп ограничен вершиной лога, с юго-востока современной промоиной, уничтожившей часть культуросодержащих отложений. Культурный слой мощностью 25–30 см залегает на глубине 5,5 м от дневной поверхности в слое светло-серого алевропеска (литологический слой 11). В слое фиксируется высокая концентрация археологического материала (рис. 1, *3*). Общее количество артефактов, обнаруженных в ходе трех лет раскопок, составило около 14 тыс., большая часть которых представлена отходами производства: чешуйками, мелкими отщепами, обломками. Характер залегания артефактов и наличие кострища указывают на то, что находки не подверглись значительному перемещению и залегают в непотревоженном состоянии [Харевич и др., 2022].

Посредством изучения двухмерных и трехмерных планов распределения каменных и костяных артефактов были выделены две зоны концентрации находок (рис. 1, *2*). Зона 1 расположена в северо-западной части раскопа (кв. Л/Н 23–25). Плотность археологического материала здесь относительно небольшая. Зона 2 располагается в южной и юго-восточной частях вскрытой площади (кв. М/Р 18–22). Плотность находок здесь наиболее интенсивная, особенно в кв. П/Р 21. Между этими зонами фиксируется наименьшая концентрация находок.

Выделение данных зон концентрации археологического материала также прослеживается и в соответствии с залеганием формальных типов орудий (скребки, проколки, долотовидные орудия, острия и

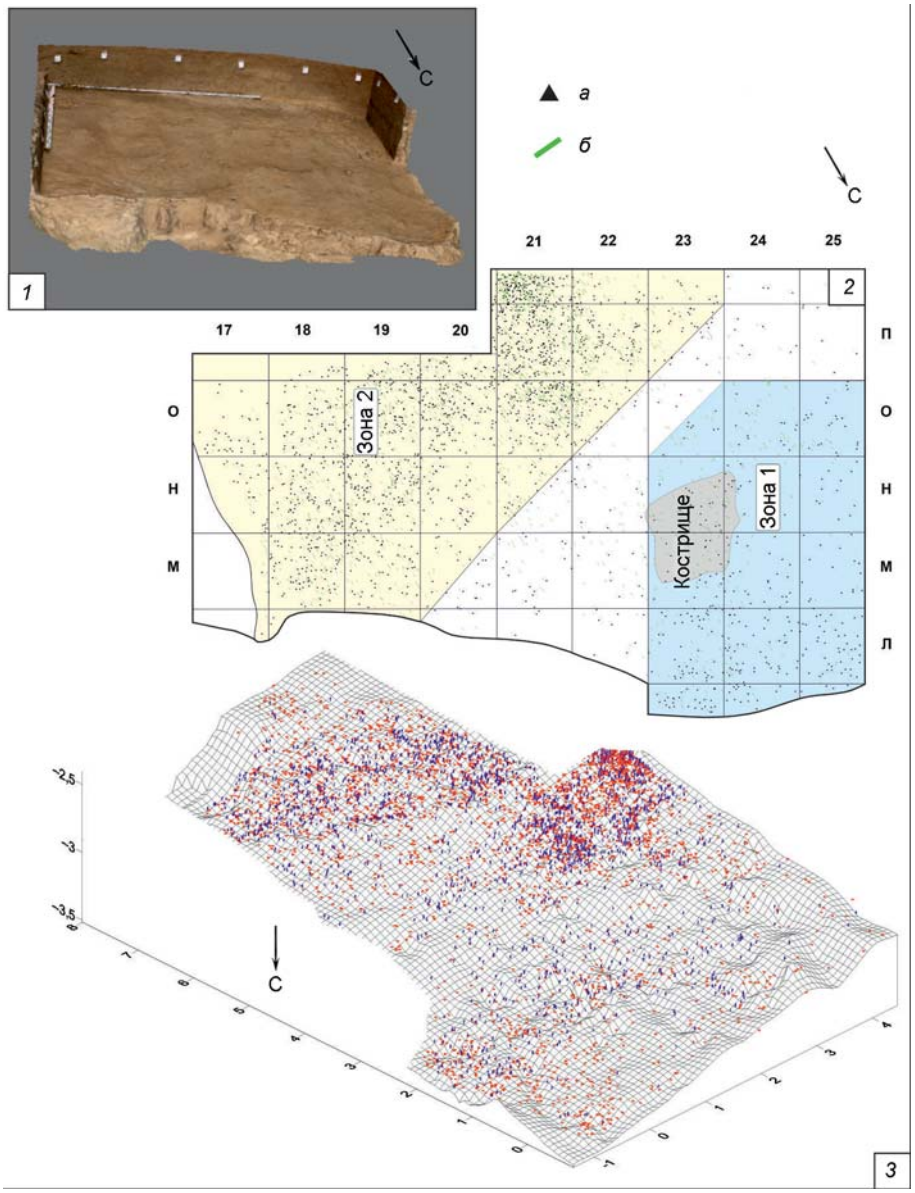

Рис. 1. Стоянка Сабаниха-3, раскопанный участок 2022–2024 гг.

1 – трехмерная модель раскопа 2023 г., созданная посредством фотограмметрии; *2* – план раскопанного участка с указанием каменных артефактов и фаунистических остатков; *3* – трехмерная модель поверхности раскопанного участка с указанием находок. *а* – каменные артефакты; *б* – фаунистические остатки.

остроконечники) (рис. 2). В том числе наблюдается определенная разница в их распределении. Скребки и острия являются наиболее многочисленными и фоновыми типами орудий для обоих зон. Различные варианты долотовидных орудий встречаются только в зоне 2. Там же сосредоточено большинство проколок – двойных угловых и двойных альтернативных. В зоне 1 найдено только одно такое орудие – срединная проколка на отщепе. Все найденные на стоянке украшения из камня [Харевич и др., 2022] (см. также В.М. Харевич и др. «Исследование верхнепалеолитической стоянки Сабаниха-3 в 2024 году» в данном сборнике) приурочены к зоне 1 (рис. 3). При этом найденные на стоянке костяные иглы с ушком приурочены к зоне 2. Также к зоне 2 тяготеет большинство найденных на стоянке фрагментов колотого рога.

Определенные различия отмечаются в составе фаунистического комплекса. Для зоны 1 преобладающим видом является лошадь, в то время как в зоне 2 большинство костей принадлежит нескольким особям горного козла или северного оленя.

Посредством изучения типологического состава на различных участках вскрытой площади была выделена зона 3, аккумулирующая наибольшее количество нуклеусов и галечных орудий (рис. 3). В целом, предметы первичного расщепления, в первую очередь нуклеусы, распределены на вскрытой площади очень неравномерно. Несколько ядрищ расположены в юго-восточной части раскопа (кв. МП 18–19)

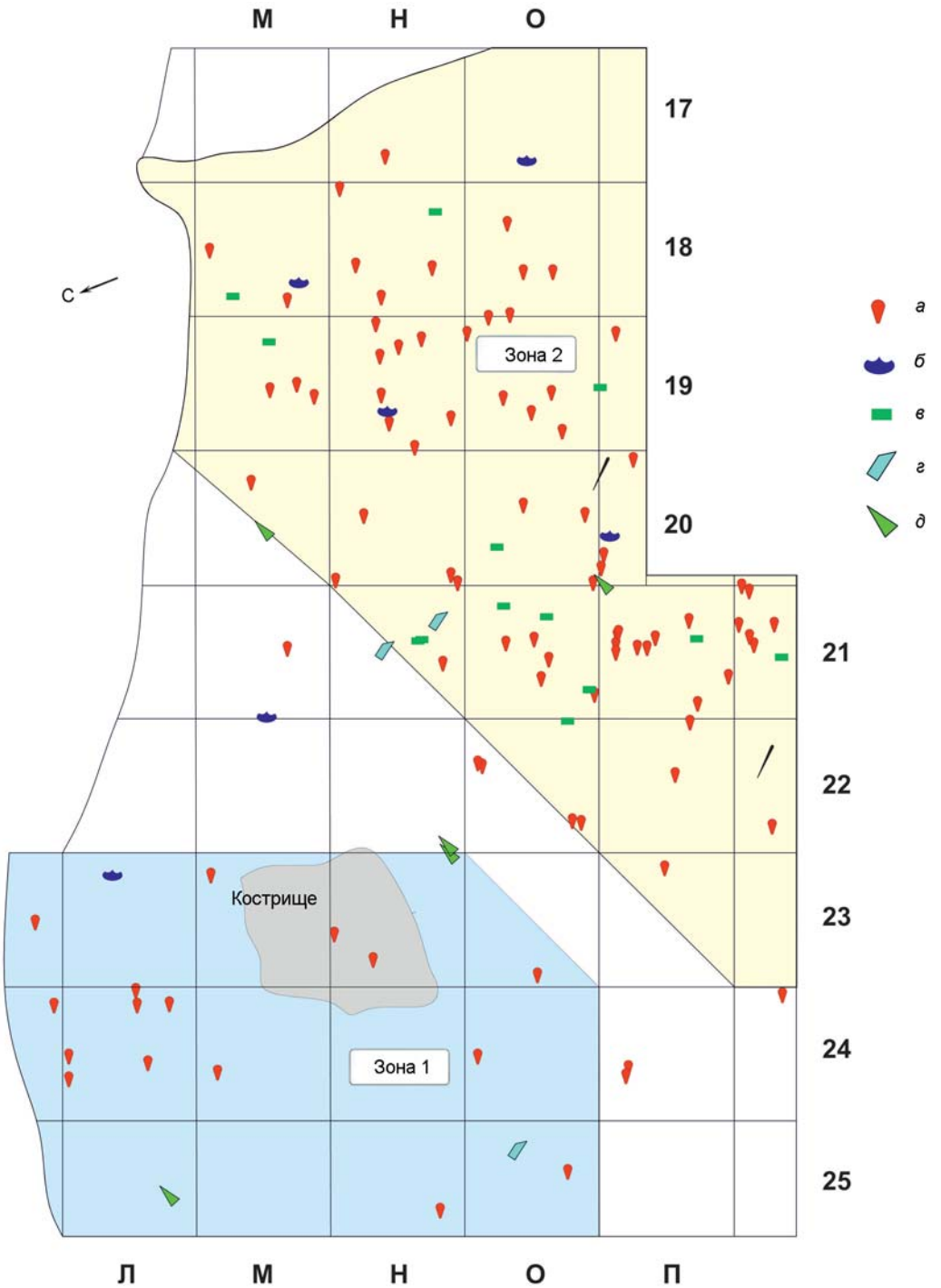

Рис. 2. Стоянка Сабаниха-3, раскопанный участок 2022–2024 гг.: план распределения основных типов орудий.
а – скребки; *б* – проколки; *в* – долотовидные орудия; *г* – резцы; *д* – остроконечники.

и приурочены к зоне 2. В основном это истощенные формы, видимо, оставленные на месте расщепления. Два нуклеуса были найдены в северо-западной части раскопа (кв. ЛМ 25). При этом основная концентрация нуклеусов, ок. 20 предметов, была найдена в центральной части раскопа (кв. ЛР 21–23). Это скопление нуклеусов частично накладывается на выделенные зоны 1 и 2, но основная его часть приходится на участок между главными зонами концентрации сколов, орудий и фаунистических остатков (рис. 3).

Вместе с нуклеусами на данном участке были обнаружены орудия расщепления – отбойники на гальках и орудия для пикетажа зоны расщепления. Среди нуклеусов, найденных в кв. ЛР 21–23 присутствуют как сработанные формы, так и ядрища, выбракованные на начальных и средних стадиях редукции. Так в кв. П 22–23 зафиксировано небольшое скопле-

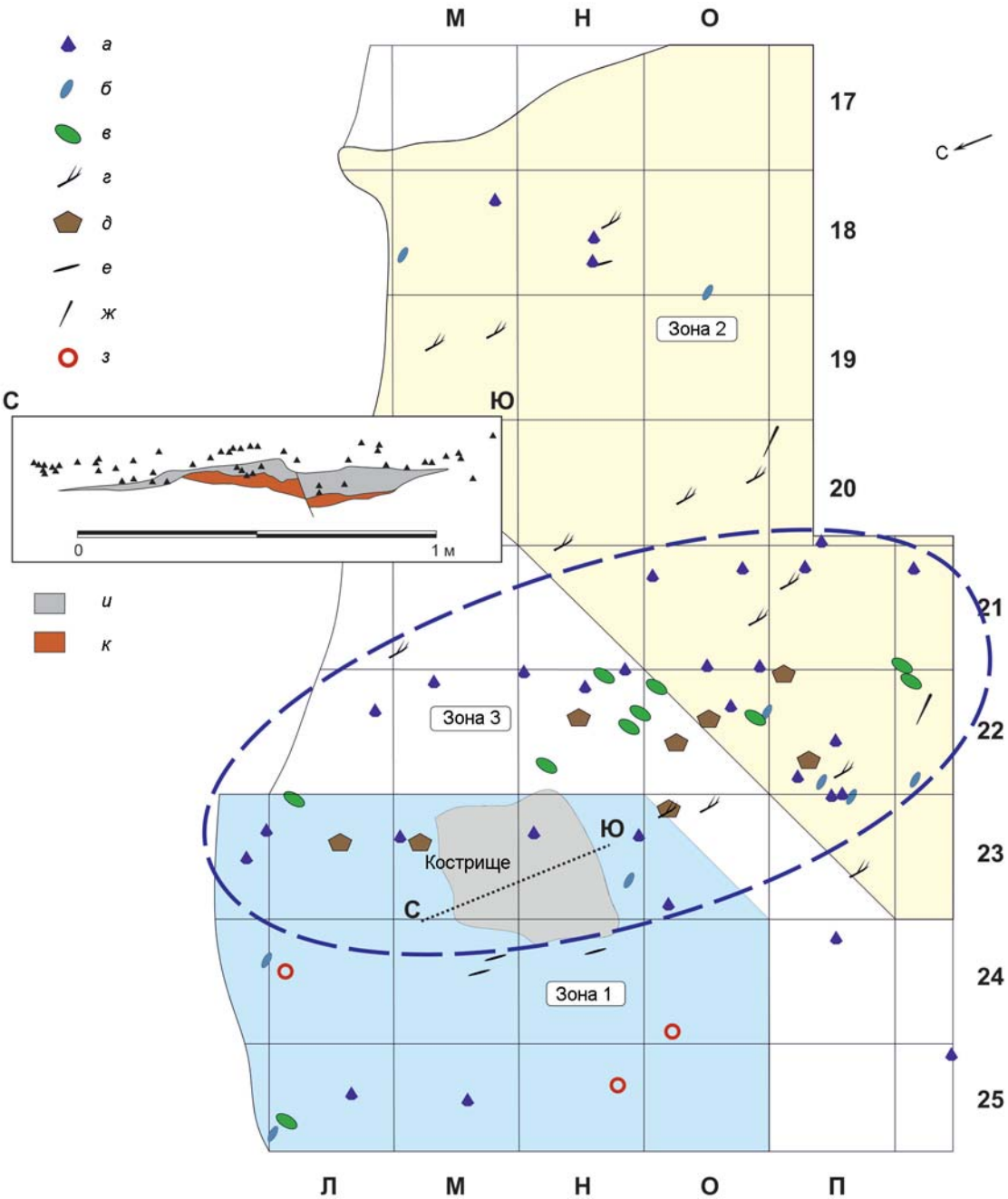

Рис. 3. Стоянка Сабаниха-3, раскопанный участок 2022–2024 гг.: план распределения продуктов первичного расщепления, галечных орудий, костяных орудий и украшений из камня.

а – нуклеусы; *б* – отбойники, орудия для пикетажа; *в* – галечные орудия; *г* – фрагменты рога; *д* – блоки диабаза; *е* – орудия из кости и рога; *ж* – иглы; *з* – украшения; *и* – угли, зола; *к* – прокал.

ние, состоящее из четырех нуклеусов, два из которых (для отщепов и для пластин) выбракованы на средней стадии редукции; двух отбойников; орудий для пикетажа зоны расщепления. Галечные орудия, представленные в основном стругами, преимущественно залегают в кв. Н–О 22–23 совместно с нуклеусами (рис. 3).

Помимо нуклеусов и галечных орудий в зоне 3 было зафиксировано скопление из семи крупных (до 20 × 9 × 8 см) блоков диабаза (рис. 3), выходы которого расположены в непосредственной близости от стоянки. Взаимное расположение блоков не позволяет рассматривать их как остатки конструкции. Часть их них имеет следы искусственной обработки – негативы крупных сколов. Рядом с блоками диабаза найдены фрагменты колотых рогов оленей – видимо, эти блоки могли использоваться в качестве наковален.

В связи с небольшим падением слоя в северо-западном направлении и большой концентрацией находок на стоянке, изучение высотных отметок нуклеусов и галечных орудий не позволило выделить

данный участок в отдельный уровень. Тем не менее по количеству нуклеусов и типологическому составу находок зона 3 в центральной части вскрытой площади значительно отличается от других участков.

Еще одним важным элементом, обуславливающим планиграфическую структуру стоянки, является кострище, обнаруженное в кв. МН 23–24 (рис. 3). Верхняя часть кострища представляет собой пятно крупных углей и золы подпрямоугольной формы размерами по линии С–Ю – 1,2 м, З–В – 1,15 м. Мощность слоя углей и золы варьирует от 2 до 8 см. Под ним залегает пятно прокала округлой формы диаметром 0,8 м, мощностью от 1 до 8 см. Кострище нарушено трещиной (микросбросом), прошедшей по направлению З–В и сместившей блоки в вертикальной проекции.

На первый взгляд, расположение кострища на плане соответствует зоне 1 концентрации находок. Однако проекция археологических находок на профили разрезов кострища однозначно показывает, что большая часть предметов расположена выше него (рис. 3). Непосредственно с ним ассоциированы несколько орудий (в т.ч. концевой скребок на пластине), найденные в толще углей и золы, два фрагмента стерженьков (наконечников) из рога, фрагментированный нуклеус для пластин и кости конечностей лошади. Все это позволяет рассматривать кострище как самостоятельный объект, не связанный с первой зоной концентрации находок.

Обсуждение и выводы

Проанализировав двухмерные и трехмерные модели распространения различных категорий каменных артефактов, костяных орудий и фаунистических остатков из раскопов 2022–2024 гг. стоянки Сабаниха-3, можно сделать следующие выводы.

На вскрытой площади выделяются несколько участков концентрации археологического материала, соответствующих площадкам с различным функциональным назначением (эпизодам обитания). Первый эпизод соотносится с концентрацией археологического материала в зоне 1 (северо-западная часть вскрытой площади). Здесь происходило незначительное расщепление нуклеусов, потребление охотничьей добычи (лошадей и горных козлов), орудийная деятельность, связанная с утилизацией скребков и остроконечников, и, возможно, изготовление украшений из камня.

Второй эпизод (зона 2) расположен в южной и юго-восточной частях вскрытой площади. Здесь присутствует разнообразный каменный и костяной инвентарь, состав которого (скребки, проколки, костяные иглы), позволяет предполагать, что здесь происходила интенсивная обработка шкур и, возможно, пошив одежды. Обилие колотой кости свидетельствует о потреблении в пищу нескольких особей оленей или горных козлов. Процессы, связанные с первичным расщеплением, здесь имели ограниченный характер.

Третий эпизод (зона 3) зафиксирован в центральной части вскрытой площади. Здесь происходило изготовление и, возможно, утилизация галечных орудий, раскалывание рога и использование блоков диабаза. С этим же эпизодом ассоциируется большинство нуклеусов, найденных на стоянке. На данный момент не ясно, происходило ли здесь расщепление данных нуклеусов. Относительно небольшое количество продуктов расщепления скорее говорит о том, что нуклеусы по большей части раскалывались вне этого участка.

Четвертый эпизод связан с кострищем. Видимо, этот эпизод посещения был краткосрочным, с ним ассоциируется относительно небольшое число находок, наиболее яркие из которых – фрагменты роговых стерженьков (наконечников). Судя по уровню залегания, кострище маркирует наиболее ранний эпизод посещения стоянки. Вопрос о том, как хронологически между собой соотносятся первый, второй и третий эпизоды, остается открытым.

Планиграфический анализ материалов Сабанихи-3 позволяет предполагать, что культурный слой представляет собой палимпсест многократных кратковременных эпизодов посещения стоянки носителями одной культурной традиции, имевших место на протяжении относительно короткого хронологического промежутка.

Благодарности

Работы выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0009 «Цифровизация процессов изучения древнейшей и древней истории Евразии».

Список литературы

Лбова Л.В., Кулик Н.А., Волков П.В., Барков А.В., Ванхарен М., Марченко Д.В., Ковалев В.С. Технология обработки «экзотических» минеральных ресурсов в позднем палеолите Южной Сибири (по материалам местонахождения Малая Сыя) // Stratum Plus. – 2018. – № 1. – С. 199–211.

Лисицын Н.Ф. Отчет по исследованию палеолитических стоянок в Новоселовском районе красноярского края и Боградском районе Хакасской АО в 1991 г. – СПб., 1992. – 56 с.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 230 с. – (Тр. ИИМК РАН; т. II).

Палеолит Дербинского залива / Е.В. Акимова, И.В. Стасюк, В.М. Харевич, С.А. Лаухин, А.Н. Мотузко, А.Ф. Санько. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 180 с

Харевич В.М., Бочарова Е.Н., Зольников И.Д., Харевич А.В., Левицкая П.С., Гришин А.А., Анойкин А.А. Археологические работы на стоянке раннего верхнего палеолита Сабаниха-3 (Средний Енисей) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 365–372.

Холюшкин Ю.П. Поселение Малая Сыя – ранний этап верхнего палеолита Сибири (к проблеме начала становления культур Homo sapiens в Северной Азии) // История и культура Востока Азии. – Красноярск: Город, 2009. – С. 137–145.

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея) (экскурсия № 2): путеводитель к XIII Конгрессу ИНКВА (КНР,1991) / Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, С.А. Лаухин, В.Г. Кольцова, Е.В. Акимова, А.В. Ермолаев, В.П. Леонтьев, С.А. Васильев, А.Ф. Ямских, Г.А. Демиденко, Е.В. Артемьев, А.А. Викулов, А.А. Бокарев, И.В. Форонова, С.Д. Сидорас. – Новосибирск, 1990. – 185 с.

Kharevich V., Kharevich A., Bocharova E., Klementiev A., Zolnikov I., Anoikin A. New data on the early upper Paleolithic of Central Siberia from the Sabanikha-3 site // Archaeological Research in Asia. – 2024. – Vol. 38. – P. 100516. – doi:10.1016/j.ara.2024.100516

References

Akimova E.V., Stasyuk I.V., Kharevich V.M., Laukhin S.A., Motuzko A.N., Sanko A.F. Paleolith of Derbyna Bay. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. 180 p. (In Russ.).

Drozdov N.I., Chekha V.P., Laukhin S.A., Koltsova V.G., Akimova E.V., Ermolaev A.V., Leontiev V.P., Vasiliev S.A., Yamskikh A.F., Demidenko G.A., Artem'ev E.V., Vikulov A.A., Bokarev A.A., Foronova I.V., Sidoras S.D. Khronostratigrafiya paleoliticheskikh pamyatnikov Srednei Sibiri (bassein Eniseya) (ekskursiya № 2): putevoditel' Mezhdunarodnogo simpoziuma "Khronostratigrafiya paleolita Sev., Tsentr., Vost. Azii i Ameriki (paleoekol. aspekt)": k KhIII Kongresu INKVA (KNR,1991). Novosibirsk, 1990. 185 p. (In Russ.).

Kharevich V.M., Bocharova E.N., Zolnikov I.D., Kharevich A.V., Levitskaya P.S., Grishin A.A., Anoikin A.A. Archaeological Work at the Early Upper Paleolithic Site of Sabanikha-3 (Middle Yenisei). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022, Vol. 28. P. 365–372. (In Russ.).

Kharevich V., Kharevich A., Bocharova E., Klementiev A., Zolnikov I., Anoikin A. New data on the early upper Paleolithic of Central Siberia from the Sabanikha-3 site. *Archaeological Research in Asia*, 2024. Vol. 38. P. 100516. doi:10.1016/j.ara.2024.100516

Kholyushkin Y.P. Poselenie Malaya Syya – rannii etap verkhnego paleolita Sibiri (k probleme nachala stanovleniya kul'tur Homo sapiens v Severnoi Azii). In *Istoriya i kultura Vostoka Azii*. Krasnoyarsk: Gorod, 2009. P. 137–145. (In Russ.).

Lbova L.V., Kulik N.A., Volkov P.V., Barkov A.V., Vankharen M., Marchenko D.V., Kovalev V.S. Technology of working with "exotic" mineral resources in the Upper Paleolithic of South Siberia (based on the materials of Malaya Syia). *Stratum Plus,* 2018. No. 1. P. 199–211. (In Russ.).

Lisitsyn N.F. Pozdnii paleolit Chulymo-Eniseiskogo mezhdurechya. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000. 230 p. (In Russ.).

Lisitsyn N.F. Otchet po issledovaniyu paleoliticheskikh stoyanok v Novoselovskom raione krasnoyarskogo kraya i Bogradskom raione Khakasskoi AO v 1991 g. St. Petersburg, 1992. 56 p. (In Russ.).

Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Харевич А.В. https://orcid.org/0000-0002-2267-2452
Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0327-0332
УДК 902/904

В.М. Харевич[1], А.В. Харевич[1]✉, Е.Н. Бочарова[1], И.Е. Тюгашев[1], Г.Д. Павленок[1], А.А. Гришин[2], И.А. Орешников[3], А.А. Анойкин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2] КГБУ Музей геологии Центральной Сибири
Красноярск, Россия
[3]ФГП ВО ЖДТ России на Красноярской железной дороге
Красноярск, Россия
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Исследование верхнепалеолитической стоянки Сабаниха-3 в 2024 году

В статье представлены новые материалы со стоянки раннего верхнего палеолита Сабаниха-3 (Средний Енисей), полученные в ходе полевых работ 2024 г. Раскопки 2024 г. продолжают исследования памятника, проводившиеся в 2020, 2022–2023 гг. Основной целью работ было расширение источниковой базы по раннему верхнему палеолиту региона. Раскоп 3 (2024 г.) площадью 9,5 м^2 был прирезан к юго-западным стенкам раскопов 1 и 2, в глубину берегового обнажения. Основная концентрация археологического материала отмечена в юго-восточной части раскопа, где найдена большая часть орудий и зафиксировано скопление нуклеусов и инструментов расщепления (отбойников и орудий для пикетажа зоны расщепления). Распределение находок позволяет предполагать, что раскопом 3 вскрыта западная периферия стоянки. В коллекции первичного расщепления преобладают пластинчатые формы – одноплощадочные монофронтальные нуклеусы и двухплощадочные одно- и бифронтальные ядрища. Также найдены нуклеусы для отщепов и мелких пластин. Широко представлены инструменты расщепления – отбойники и орудия для пикетажа на фрагменте нуклеуса и первичном отщепе, аналогичные орудиям, характерным для начального верхнего палеолита Южной Сибири. В орудийном наборе преобладают скребки на отщепах и пластинах, присутствуют долотовидные и галечные орудия, резец на ретушированной пластине. Костяная индустрия, помимо неформальных орудий, включает фрагмент костяной иглы и отжимника из рога. Наиболее примечательна находка украшения в виде асимметричного сегмента диска из мягкого камня. По облику каменного и костяного инвентаря и традиции изготовления украшений из камня ближайшим аналогом Сабанихи-3 выступает комплекс стоянки Малая Сыя. Значительное сходство отмечается с материалами стоянки Дербина IV (стратифицированный комплекс) и местонахождением Покровка II. По всей видимости, данные индустрии образуют одну культурную традицию, существовавшую в раннем верхнем палеолите Енисея.

Ключевые слова: *Средняя Сибирь, Красноярское водохранилище, ранний верхний палеолит, каменная индустрия.*

V.M. Kharevich[1], A.V. Kharevich[1]✉, E.N. Bocharova[1], I.E. Tyugashev[1], G.D. Pavlenok[1], A.A. Grishin[2], I.A. Oreshnikov[3], A.A. Anoykin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Museum of Geology of Central Siberia
Krasnoyarsk, Russia
[3]FGP VO ZhDT of Russia on Krasnoyarsk railroad
Krasnoyarsk, Russia
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

2024 Study of the Upper Paleolithic Site Sabanikha-3

The article provides new materials from the Early Upper Paleolithic site Sabanikha-3 (Middle Yenisei), obtained during the 2024 fieldwork, which is intended to continue the site research begun in 2020, 2023–2023. The research is aimed to expand the evidence base for the Early Upper Paleolithic of the region. Main pit 3 (2024), covering an area of 9.5 sq. m, was connected to the southwestern walls of main pits 1 and 2. The main concentration of archaeological material was recorded in the southeastern part of the pit. The distribution of artifacts suggests that main pit 3 uncovered the western periphery of the site. In the collection of primary knapping, blade cores, mainly unidirectional and bidirectional cores, dominate. Cores for flakes and small blades

were also found. Knapping tools are widely represented, including hammers and pecking tools. The toolkit is dominated by end scrapers on flakes and blades, with the presence of splintered pieces and pebble tools, as well as a burin on a retouched blade. The bone industry includes a fragment of a bone needle and an antler punch. The most notable find is a personal ornament in the form of an asymmetric segment of a disk made from soft stone. Based on the appearance of the lithic assemblage and bone tools, as well as the tradition of making ornaments from stone, the closest analogy to Sabanikha-3 is the complex from the Malaya Syya site. Significant similarities are observed with the materials from the Derbina IV site (stratified complex) and the Pokrovka II location. These assemblages appear to represent a single cultural tradition that existed during the EUP of the Yenisei.

Keywords: *Middle Siberia, Krasnoyarsk Reservoir, Early Upper Paleolithic, lithic assemblage.*

Введение

Ранний этап верхнего палеолита (РВП) долины р. Енисей представлен достаточно большим числом стоянок и местонахождений, которые компактно расположены в центральной части Красноярского водохранилища. К ним относится ранняя группа индустрий дербинского залива [Палеолит..., 2018], стоянки Сабаниха [Лисицын, 2000] и Сабаниха-3 [Kharevich et al., 2024]. В последние годы были обнаружены два объекта, расположенных в г. Красноярске – местонахождение Ясное-1 [Филатов и др., 2020] и Афонтова Гора V (КС3) [Мещерин, Барков, 2023]. Вне основной водной артерии региона (р. Енисей) известен только один объект – стоянка Малая Сыя, расположенная на р. Белый Июс в восточных отрогах Кузнецкого Алатау [Холюшкин, 2009]. Исследовательский потенциал большинства РВП комплексов региона зачастую ограничен тафономией культуросодержащих отложений. Значительная часть материалов ранней группы памятников дербинского залива представлена экспонированными артефактами [Палеолит..., 2018], характер и целостность культурного слоя стоянки Малая Сыя также вызывают вопросы [Лбова и др., 2015], культуросодержащие отложения местонахождения Ясное-1 и стоянки Афонтова Гора подверглись криогенным и солифлюкционным деформациям [Филатов и др., 2020; Мещерин, Барков, 2023]. На настоящий момент единственными объектами, культурный слой которых можно рассматривать как непотревоженный являются стоянки Сабаниха и Сабаниха-3.

Стоянка Сабаниха расположена на левом берегу р. Енисей (ныне Красноярское водохранилище) (рис. 1, *1*). Памятник был открыт Н.Ф. Лисицыным в 1986 г. и исследовался в 1989–1990 гг. Типологический облик каменных артефактов и серия радиоуглеродных дат позволила Н.Ф. Лисицыну отнести материалы стоянки Сабаниха к ранним этапам верхнего палеолита. Работы в районе расположения памятника были возобновлены в 2020 г. Отрядом ИАЭТ СО РАН был собран подъемный материал и заложен шурф, зафиксировавший артефакты в позиции *in situ* в береговом обнажении. Типологический облик и стратиграфическая позиция артефактов в целом соответствовали материалам стоянки Сабаниха, полученным Н.Ф. Лисицыным. Однако анализ полевых отчетов 1989–1990 гг. показал, что место работ 2020 г. удалено от раскопа Н.Ф. Лисицына на расстояние порядка 200 м и отделено от него логом, что позволяет рассматривать данный участок как отдельную стоянку – Сабаниха-3 [Kharevich et al., 2024]. Стационарные раскопки на стоянке велись в 2022 и 2023 гг. В ходе работ был вскрыт участок общей площадью 29,5 м^2, включающий несколько эпизодов обитания [Харевич и др., 2023]. Состав каменного инвентаря и возраст культурного слоя, определенный по AMS в пределах 30–31 тыс. кал. л.н., подтвердил принадлежность стоянки Сабаниха-3 к РВП [Kharevich at al., 2024].

Результаты полевых исследований

Работы 2024 г. продолжают исследования стоянки, проводившиеся в 2022–2023 гг. Основными целями работ были расширение источниковой базы для планиграфического анализа культурного слоя и коллекции каменных и костяных артефактов; определение дальнейших перспектив исследования стоянки.

В ходе полевых работ в глубину берегового обнажения к юго-западным стенкам раскопа 1 (2022 г.) и раскопа 2 (2023 г.) был прирезан раскоп 3, общей площадью 9,5 м^2 (рис. 1, *2*). Строение стратиграфического разреза, вскрытого в раскопе 3, не имеет значимых различий от разрезов 2022–2023 гг. Верхняя часть стратиграфического профиля (слои 2–10), залегающая над культурным слоем, сложена алевропесками. Согласно определению д-ра геол.-мин. наук И.Д. Зольникова, граница МИС 2 / МИС 3 соответствует уровню слоев 6–7. Культурный слой залегает в геологическом слое 11, сложенном светло-серыми алевропесками на глубине 5,5 м от дневной поверхности (рис. 1, *3*). Ниже культурного слоя залегает неслоистый светло-серый алевропесок (солифлюксий) – слой 12, а под ним переслаивание серого мелкозернистого алевритового песка и коричневого алевропеска – слой 13 [Зольников и др., 2022].

Мощность культурного слоя составляет ок. 25–30 см. Отмечается заметное падение слоя в северном и северо-западном направлениях, аналогично падению, зафиксированному в раскопе 2022 г. Находки сосредоточены преимущественно в кровле и средней части культурного слоя. В подошве слоя залегают в основном разрозненные фаунистические остатки. По всей поверхности культурного слоя встречаются пятна ожелезнения и отдельные угли. Каменные артефакты и культурные остатки распределены по вскрытой площади неравномерно. Наибольшая концентрация находок отмечается в юго-восточной части раскопа

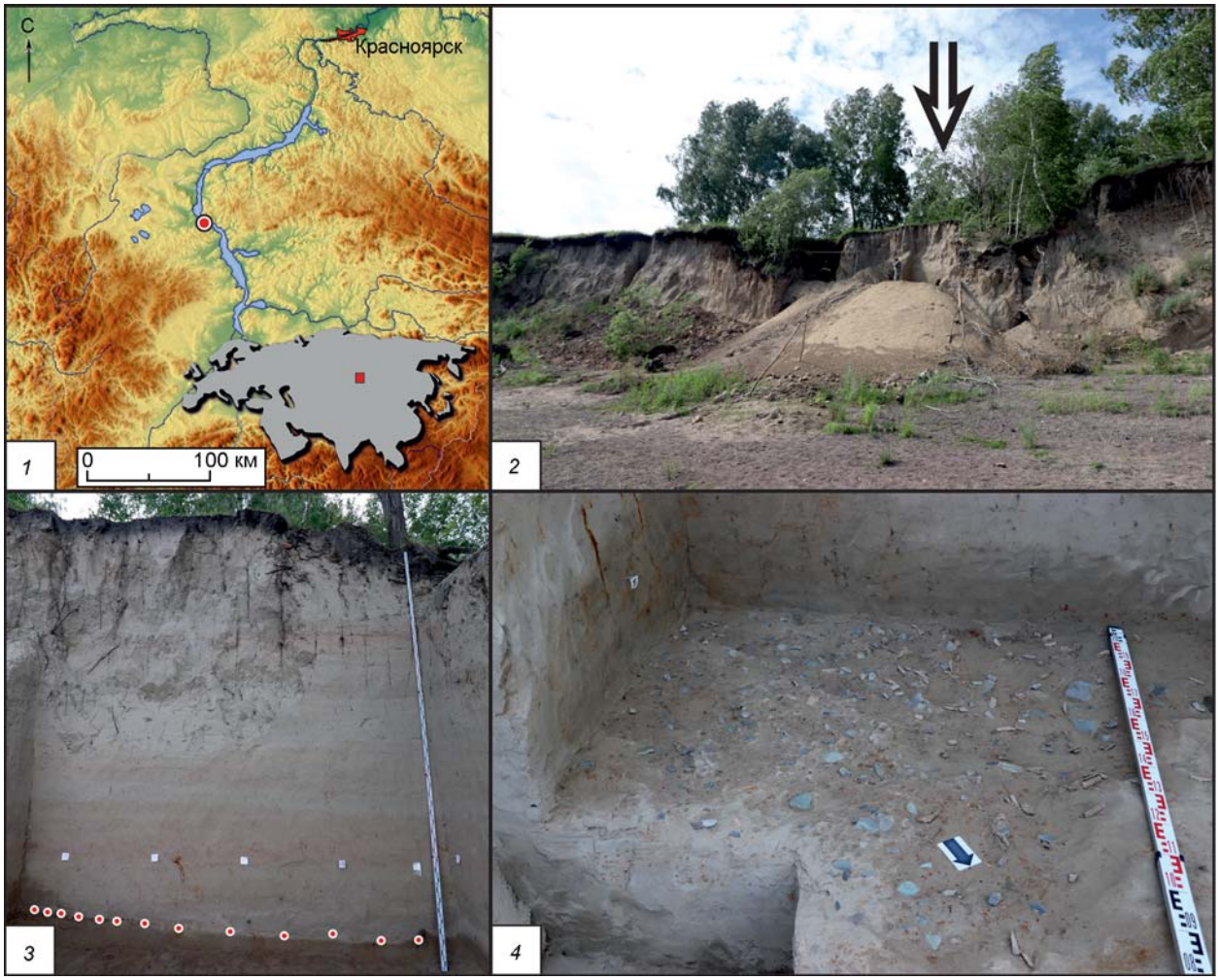

Рис. 1. Стоянка Сабаниха-3, работы 2024 г.

1 – расположение стоянки Сабаниха-3; *2* – раскоп 3, вид с севера; *3* – раскоп 3, стратиграфический профиль северо-западной стенки; *4* – фрагмент культурного слоя.

(кв. 21–22/О–Р) (рис. 1, *4*). Артефакты и фрагменты костей залегают здесь плотной массой, включающей многочисленные отщепы, технические сколы и пластины. К данному участку концентрации находок приурочена большая часть костяных и каменных орудий, преимущественно скребков.

Большинство нуклеусов найдены за пределами этого скопления. Ядрища локализованы двумя относительно компактными группами в кв. 21–22/О–П, там же найдены отбойники на гальках и орудия для пикетажа. В западной части раскопа концентрация археологического материала заметно падает, это позволяет предполагать, что здесь мы наблюдаем периферию стоянки.

В северо-восточной части раскопа найдено нескольких крупных обломков диабаза, залегающих в верхней части культурного слоя.

Каменная индустрия

Из раскопа 3 получена представительная коллекция каменных артефактов. Общее количество типологически определимых предметов составляет 760 экз., отходы производства (чешуйки, осколки и отщепы менее 2 см) – ок. 3 500 экз.

К нуклеусам отнесено 12 предметов. Все ядрища выполнены на гальках (рис. 2, *10*, *12*, *13*). Преобладают формы, ориентированные на получение пластин. В основном это одноплощадочные монофронтальные нуклеусы (5 экз.). Наиболее примечательна находка ядрища с частично удаленным латеральным ребром (рис. 2, *12*). Характер оформления указывает на то, что ребро было создано после начала серийного получения сколов-заготовок. У одного нуклеуса на основании оформлена ударная площадка, с которой не были реализованы снятия по фронту. Также на получение пластин ориентированы двухплощадочный монофронтальный нуклеус встречного скалывания и двухплощадочные бифронтальные ядрища встречного и продольно-поперечного раскалывания (рис. 2, *12*, *13*).

На производство отщепов ориентированы: радиальный нуклеус и одноплощадочные монофронтальные ядрища (2 экз.).

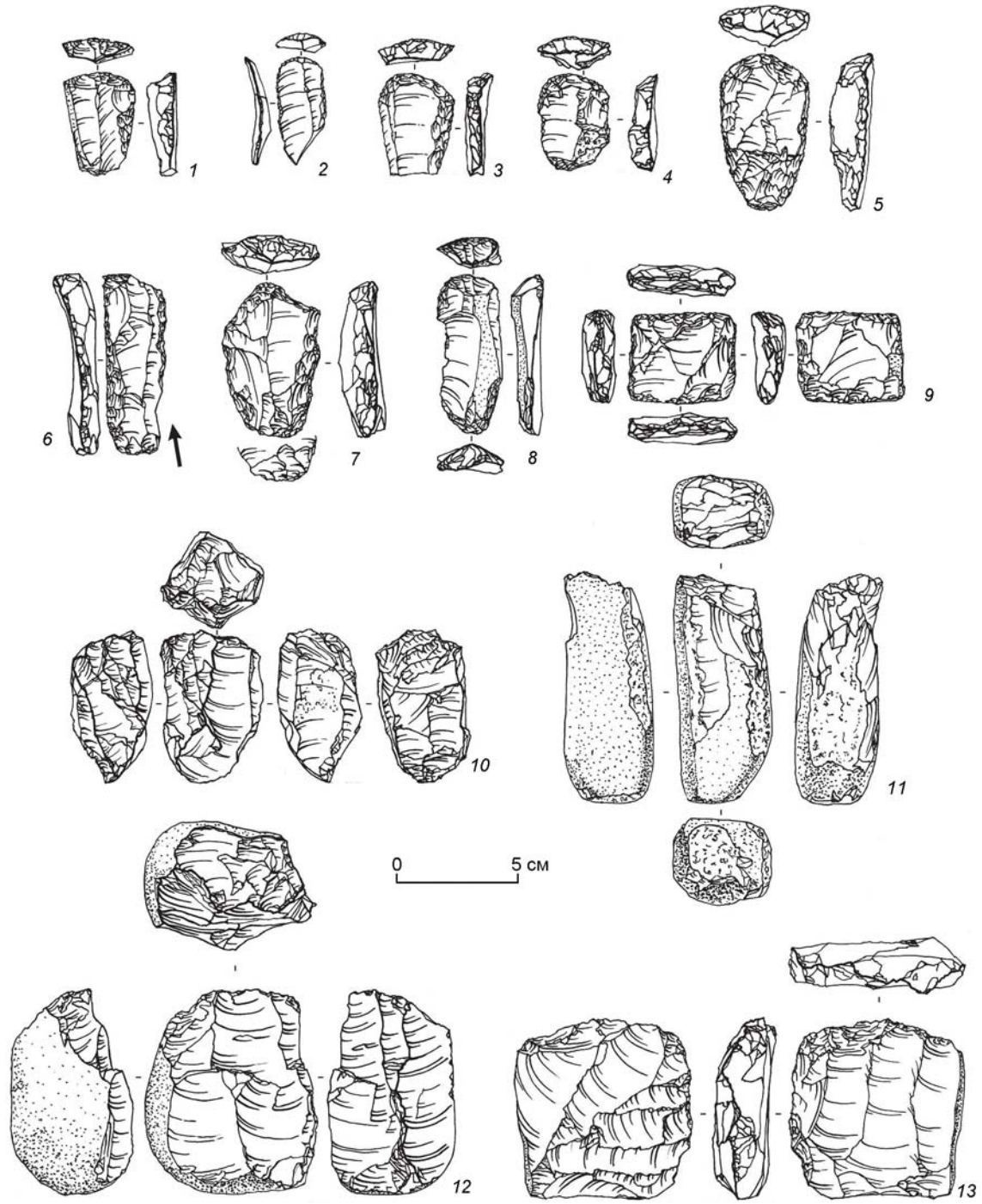

Рис. 2. Стоянка Сабаниха-3. Каменный инвентарь.

1–5, *7*, *8* – скребки; *6* – резец; *9* – долотовидное орудие; *10*, *12*, *13* – нуклеусы; *11* – отбойник.

Мелкие формы ядрищ представлены двумя предметами. Первый – одноплощадочный монофронтальный нуклеус для пластинок и мелких пластин, выбракованный в начальной стадии редукции. Второй – бифронтальный сильно сработанный нуклеус из экзотического сырья – желтого кремня. Видимо, ядрище представляет собой истощенный нуклеус для пластин – в коллекции присутствует несколько пластин и орудий на пластинах, выполненных из данного сырья. На финальной стадии нуклеус переоформлен в скребок.

Коллекцию продуктов первичного расщепления дополняют нуклевидные обломки (2 экз.), фрагмент нуклеуса и инструменты расщепления: отбойники на гальках (4 экз.) (рис. 2, *11*) и орудия для пикетажа зоны расщепления на первичном сколе и фрагменте нуклеуса.

Индустрия сколов включает пластины (194 экз.), отщепы (337 экз.) и технические сколы (98 экз.), большая часть которых представляет собой первичные снятия и краевые сколы с естественным обушком.

К техническим снятиям также относятся найденные в нескольких экземплярах полуреберчатые пластины и сколы подправки ударных площадок нуклеусов.

Наиболее представительная категория орудийного набора – скребки (24 экз.) (рис. 2, *1–5*, *7*, *8*). Преимущественно это концевые скребки, выполненные на пластинах без дополнительной обработки краев (3 экз.) (рис. 2, *2*) либо пластинах, ретушированных по одному (2 экз.) (рис. 2, *3*) или двум (4 экз.) продольным краям. Серия концевых скребков изготовлена на отщепах, среди которых орудия на необработанных заготовках (3 экз.) (рис. 2, *4*) и на заготовках, ретушированных по обоим (2 экз.) (рис. 2, *5*) или одному (2 экз.) (рис. 2, *1*) продольным краям. Коллекцию скребков дополняют угловые скребки на отщепах (3 экз.), концевой скребок высокой формы на ретушированной пластине, двойной концевой скребок на пластине (рис. 2, *8*), скребок с носиком на тронкированной заготовке из кремня (рис. 2, *7*) и фрагменты скребков (3 экз.).

Небольшими сериями представлены долотовидные орудия (4 экз.) (рис. 2, *9*), присутствующие в четырех-, двух- и однолезвийном вариантах, и галечные орудия (2 экз.) – однолезвийные струги на гальках. Орудийный набор дополняют угловой резец на ретушированной пластине (рис. 2, *6*), тронкированные пластины (2 экз.), пластины (38 экз.) и отщепы (6 экз.) с ретушью.

Помимо каменных орудий широко представлены изделия из кости и рога. В основном это неформальные орудия на фрагментах трубчатых костей и фрагменты расколотого рога. Также найдены фрагмент костяной иглы и отжимника (?) из рога.

Наиболее примечательна находка украшения из мягкого камня (агальматолита?) в форме слегка асимметричного сегмента диска (41 × 17 × 4 мм). Изделие было переоформлено. Видимо, изначально предмет имел форму диска, заполированного с двух сторон. После чего был сломан по хорде. На сломе фиксируются следы скобления (?). На обоих фасах предмета намечены отверстия, по три с каждой стороны, при этом четыре из них расположены попарно, друг напротив друга. Один фас несет многочисленные разнонаправленные мелкие бороздки, выполненные поверх полировки. В центральной части второго фаса фиксируются многочисленные субпаралельные линии. По краям фаса также прочерчено несколько глубоких линий, перпендикулярных бороздкам, расположенным в центральной части. Также в центральной части комбинация прочерченных линий образует фигуру, по форме близкую к вытянутому шестиугольнику. На данный момент затруднительно определить, выполнена данная фигура преднамеренно или представляет собой случайную комбинацию линий.

Фаунистические остатки многочисленны и в основном представлены фрагментированными костями конечностей крупных копытных.

Обсуждение и выводы

Вскрытый участок памятника, по всей видимости, представляет собой западную периферию стоянки, о чем свидетельствует резкое падение плотности находок в западном углу раскопа. Наиболее интересный элемент структуры культурного слоя – скопление нуклеусов и орудий расщепления (отбойника и орудия для пикетажа). В этом скоплении нет большого количества мелких отщепов и чешуек, характерных для производственных площадок, это позволяет предполагать, что нуклеусы были оставлены здесь преднамеренно, а не выброшены непосредственно на месте их расщепления.

Типологический состав каменного инвентаря в целом аналогичен материалам 2022–2023 гг. Отличие прослеживаются в большем числе нуклеусов, среди которых есть изделия, оставленные на ранних стадиях редукции. Примечательно наличие ядрища для мелких пластин и пластинок, выбракованного в начальной стадии расщепления, что указывает на наличие отдельной стратегии производства мелких заготовок, которая раньше не фиксировалась. Впервые найдено специализированное орудие для пикетажа зоны расщепления на первичном отщепе, аналогичное орудиям, известным в НВП сибирско-монгольского типа, например, на стоянке Ушбулак [Харевич и др., 2020]. Орудийный набор аналогичен полученному при предыдущих работах и характеризуется преобладанием скребков.

Материалы Сабанихи-3 находят близкие аналогии в других комплексах Енисея, относимых к РВП. По облику каменного и костяного инвентаря и традиции изготовления украшений из камня наибольшее сходство отмечается между комплексами Сабанихи-3 и Малой Сыи, хотя индустрия Сабанихи-3 несколько моложе. Ее возраст составляет 30–31 тыс. кал. л.н., Малой Сыи – 33–35 тыс. кал. л.н. [Лбова и др., 2015]. Из индустрий РВП Дербинского залива Красноярского водохранилища ближе всего комплексу Сабанихи-3 материалы стоянки Дербина IV (стратифицированный комплекс) и местонахождения Покровка II. По всей видимости, данные каменные индустрии относятся к одной культурной традиции раннего верхнего палеолита, существовавшей в бассейне р. Енисей в финале МИС 3.

Благодарности

Работы выполнены в рамках проекта РНФ № 24-28-00216 «Древнее население Среднего Енисея в период раннего верхнего палеолита: палеотехнологии и особенности организации жилого пространства»

Список литературы

Зольников И.Д., Харевич В.М., Левицкая П.С., Анойкин А.А. Особенности геолого-геоморфологического строения четвертичных отложений в береговых обрывах

левобережья Красноярского водохранилища в окрестностях стоянок Сабаниха-3 и Сидориха // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 110–115.

Лбова Л.В., Панов В.С., Зенин В.Н., Барков А.В. Новые данные о радиоуглеродном возрасте местонахождения Малая Сыя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 103–106.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2000. – 230 с. – (Тр. ИИМК РАН; т. II).

Мещерин М.Н., Барков А.В. Вопросы геохронологии и периодизации наиболее ранних объектов палеолита Афонтовой Горы // Ранний верхний палеолит Европы и сопредельных территорий: взгляд из Сунгиря: тез. докл. Всерос. науч. конф. с международным участием к 120-летию со дня рождения Отто Николаевича Бадера. – Владимир, 2023. – С. 68–70.

Палеолит Дербинского залива / Е.В. Акимова, И.В. Стасюк, В.М. Харевич, С.А. Лаухин, А.Н. Мотузко, А.Ф. Санько. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 180 с.

Филатов Е.А., Лысенко Д.Н., Клементьев А.М., Степанов Н.С. Предварительные результаты археологических исследований на палеолитическом объекте Ясное-1 в Красноярске (Средняя Сибирь) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. – Самара: Самар. гос. соц.-пед. ун-т, 2020. – Т. 1. – С. 95–96.

Харевич В.М., Зоткина Л.В., Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К. Вспомогательные инструменты расщепления в каменных индустриях начальной поры верхнего палеолита (по материалам стоянки Ушбулак) // Stratum plus. – 2020. – № 1. – С. 239–256.

Харевич В.М., Харевич А.В., Бочарова Е.Н., Чистяков П.В., Орешников И.А., Гришин А.А., Зольников И.Д., Анойкин А.А. Археологические работы на стоянке раннего верхнего палеолита Сабаниха-3 (Средний Енисей) в 2023 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 393–399.

Холюшкин Ю.П. Поселение Малая Сыя – ранний этап верхнего палеолита Сибири (к проблеме начала становления культур Homo sapiens в Северной Азии) // История и культура Востока Азии. – Красноярск: Город, 2009. – С. 137–145.

Kharevich V., Kharevich A., Bocharova E., Klementiev A., Zolnikov I., Anoikin A. New data on the early upper Paleolithic of Central Siberia from the Sabanikha-3 site // Archaeological Research in Asia. – 2024. – Vol. 38 – P. 100516. – doi:10.1016/j.ara.2024.100516

References

Akimova E.V., Stasyuk I.V., Kharevich V.M., Laukhin S.A., Motuzko A.N., Sanko A.F. Paleolith of Derbyna Bay. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. 180 p. (In Russ.).

Filatov E.A., Lysenko D.N., Klementev A.M., Stepanov N.S. Predvaritel'nye rezultaty arkheologicheskikh issledovanii na paleoliticheskom obekte Yasnoe-1 v Krasnoyarske (Srednyaya Sibir). In *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo sezda v Samare*. Samara: Samara State Social and Pedagogical Univ. Publ., 2020. Vol. 1. P. 95–96. (In Russ.).

Kharevich V.M., Kharevich A.V., Bocharova E.N., Chistyakov P.V., Oreshnikov I.A., Grishin A.A., Zolnikov I.D., Anoikin A.A. Archaeological Works at the Early Upper Paleolithic Site of Sabanikha-3 in the Middle Yenisei Region in 2023. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 393–399. (In Russ.).

Kharevich V.M., Zotkina L.V., Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K. Auxiliary knapping tools in the initial Upper Paleolithic stone assemblages (with particular reference to the materials of the Ushbulak site). *Stratum plus,* 2020. No. 1. P. 239–256. (In Russ.).

Kharevich V., Kharevich A., Bocharova E., Klementiev A., Zolnikov I., Anoikin A. New data on the early upper Paleolithic of Central Siberia from the Sabanikha-3 site. *Archaeological Research in Asia*, 2024. Vol. 38. P. 100516. doi:10.1016/j.ara.2024.100516

Kholyushkin Y.P. Poselenie Malaya Syya – rannii etap verkhnego paleolita Sibiri (k probleme nachala stanovleniya kul'tur Homo sapiens v Severnoi Azii). In *Istoriya i kultura Vostoka Azii*. Krasnoyarsk: Gorod, 2009. P. 137–145. (In Russ.).

Lbova L.V., Panov V.S., Zenin V.N., Barkov A.V. The new data for the radiocarbon age of the Malaya Syya site. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. 21. P. 103–106. (In Russ.).

Lisitsyn N.F. Pozdnii paleolit Chulymo-Eniseiskogo mezhdurechya. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000. 230 p. (In Russ.).

Meshcherin M.N., Barkov A.V. Voprosy geokhronologii i periodizatsii naibolee rannikh obektov paleolita Afontovoi Gory. In *Rannii verkhnii paleolit Evropy i sopredel'nykh territorii: vzglyad iz Sungirya. Tezisy dokladov. Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem, k 120-letiyu so dnya rozhdeniya Otto Nikolaevicha Badera.* Vladimir, 2023. P. 68–70. (In Russ.).

Zolnikov I.D., Kharevich V.M., Levitskaya P.S., Anoikin A.A. Specific features of geological and geomorphological structure of quaternary deposits in the coastal bluffs of the left bank of the Krasnoyarsk reservoir near the Sabanikha-3 and Sidorikha sites. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 28. P. 110–115. (In Russ.).

Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Харевич А.В. https://orcid.org/0000-0002-2267-2452
Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818
Тюгашев И.Е. https://orcid.org/0000-0001-5885-1535
Павленок Г.Д. https://orcid.org/0000-0003-3727-776X
Гришин А.А. https://orcid.org/0000-0002-6031-9289
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259

Дата сдачи рукописи: 10.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0333-0338
УДК 903.2

А.М. Хаценович[1], Ц. Болорбат[2], А.М. Клементьев[1], И.Д. Долгушин[1], Г. Маргад-Эрдэнэ[2], Б. Гунчинсурэн[2], Е.П. Рыбин[1]✉

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Каменная индустрия пещеры Хайрхан, Монголия

Пещера Хайрхан, обнаруженная в 2022 г. на юго-западе Хангайских гор и расположенная в отдельно стоящем известняковом массиве, является единственным памятником в этой области и первым пещерным объектом в этой горной стране в целом. Менее чем в 200 км от нее находится пещера Хойд-Цэнхэрийн-Агуй, известная палеолитическими рисунками. Отложения пещеры Хайрхан были изучены в 2022 г., в результате чего выявлена стратиграфическая последовательность из четырех слоев, первые три из которых включали культурные и фаунистические остатки. Наиболее многочисленный археологический комплекс происходит из слоя 3. Здесь представлена преимущественно отщеповая индустрия с небольшим присутствием пластинчатого компонента. Индустрия основана на приносном каменном сырье, однако присутствует ассамбляж, выполненный на местном кварце. Расщепление представлено однонаправленной, в т.ч. параллельной, ортогональной и центростремительной системами. Отмечается незначительная доля бипродольного раскалывания, а также возможное расщепление на наковальне. В орудийном наборе преобладают неформальные типы, присутствуют острия, концевой скребок, угловое скребло, орудия с черешком. Фаунистический комплекс представлен различными копытными, медведем и шерстистым носорогом. Исходя из характеристики каменной технологии, техники скола, типологии орудий и присутствия остатков носорога, индустрия отнесена ко времени конца раннего – среднего этапов верхнего палеолита. С наибольшей вероятностью индустрия слоя 3 может быть предварительно помещена между 20 и 30 тыс. л.н. Комплексы этого времени редки в палеолите Монголии, их круг ограничивается комплексами в долинах Толбора и Орхона и пещерными памятниками Цагаан-Агуй и Хутул-Усны.

Ключевые слова: *Монголия, палеолит, пещерный памятник, кварц, технология, техника скола.*

A.M. Khatsenovich[1], Ts. Bolorbat[2], A.M. Klementiev[1], I.D. Dolgushin[1], G. Margad-Erdene[2], B. Gunchinsuren[2], E.P. Rybin[1]✉

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology MAS
Ulaanbaatar, Mongolia
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Lithic Industry in Khairkhan Cave, Mongolia

Discovered in 2022 in the southwest of the Khangai Mountains and located in a separate limestone massif, Khairkhan Cave is the only Paleolithic site in the area and the first cave site in the mountainous country in general. Less than 200 km away there is the Khoid-Tsenkheriyn-Agui Cave, known for its Paleolithic paintings. The Khairkhan Cave deposits were studied in 2022, revealing a stratigraphic sequence of four layers, the first three of which included cultural and faunal remains. The most numerous archaeological assemblage comes from layer 3. It is represented mainly by a flake industry with a small presence of a laminar component. The industry is based on imported stone raw materials, but there is an assemblage made on local quartz. The knapping is represented by unidirectional, including parallel, orthogonal and centripetal systems. A minor proportion of bidirectional knapping is noted, as well as possible knapping on an anvil. Informal types predominate in the tool kit, there are points, end scrapers, scrapers, and stemmed tools. The faunal complex is represented by various ungulates, a bear, and a woolly rhinoceros. Based on the characteristics of the stone technology, knapping technique, tool typology, and the presence of rhinoceros remains, the industry

is attributed to the end of the early – middle stages of the Upper Paleolithic. Most likely, the industry of layer 3 can be tentatively placed between 20 and 30 ka BP. Complexes of this time are rare in the Mongolian Paleolithic, their range is limited to complexes in the Tolbor and Orkhon valleys, and the cave sites of Tsagaan-Agui and Khutul-Usny.

Keywords*: Mongolia, Paleolithic, cave site, quartz, technology, knapping technique.*

Введение

Пещера Хайрхан-1 расположена на западной оконечности Южно-Хангайского плоскогорья в Монголии, в своеобразном коридоре между Хангаем и Монгольским Алтаем, который находится под влиянием специфических природных условий. Это регион с реликтовыми дюнами и засушливым климатом на высоте 1 700–1 800 м над ур. м., характер растительности – литофильные степи – полупустыни, что делает его схожим с Гобийским Алтаем. Хайрхан, где расположена пещера, – один из многих в этой местности отдельно возвышающихся карстовых массивов, являющихся домом для горных козлов. Вероятно, именно присутствие этих животных привлекало древнего человека. В плейстоцене здесь существовали, как минимум, временные водотоки, следы их функционирования окружают массив, часть из них наполняется водой и сейчас. В дождливые сезоны воронки и каверны массива заполняются водой, являясь своеобразным резервуаром для ее хранения. Здесь отсутствует каменное сырье, пригодное для расщепления, как в виде первичных выходов сырья, так и в аллювии, за исключением кварца, что нашло свое отражение в характере индустрии, сочетающей раскалывание местной породы и принесенных изделий из осадочных, включая высококачественные кремнистые, и вулканических пород.

Пещера Хайрхан-1 имеет юго-восточную экспозицию, расположена на высоте 1 870 м над ур. м. В ходе полевого сезона 2023 г. были изучены отложения пещеры мощностью 2 м и общей площадью 2 м^2. Стратиграфия раскопа включает 7 слоев и прослоев. В нижележащем слое 4 были обнаружены только редкие фаунистические остатки. Одной из ярких черт этого археологического объекта является обнаружение большого числа фрагментов скорлупы страуса *Struthio anderssoni* – типичного обитателя Монголии, Байкальского региона и Китая в позднем плейстоцене – раннем голоцене. Его скорлупа использовалась в качестве материала для изготовления бусин и подвесок в начальном верхнем палеолите и вплоть до неолита. Здесь найдено значительно число расколотых костей млекопитающих, в т.ч. нуклеусы для производства отщепов и удлиненных сколов, а также неформальные орудия. Многие кости несут регулярные следы нарезок на кортикальных поверхностях.

В рамках данной статьи мы рассматриваем каменные индустрии слоев 1, 2 и 2.1, 3 и 3.1. Всего было найдено 810 каменных изделия, однако большую их часть составляют обломки, осколки, чешуйки и мелкие сколы. Технико-типологический анализ с применением атрибутивного подхода был проведен для 220 типологически определимых артефактов. Нуклеусы, орудия и технологически значимые продукты расщепления были отсканированы на 3D-сканере структурированного подсвета Range Vision Spectrum 3.1 по методике, отработанной в лаборатории «ЦифрА» ИАЭТ СО РАН [Чистяков и др., 2019]. Артефакты снимались в двух или трех проекциях на поворотном столе, моделирование производилось в программе ScanCenter RV.

Технико-типологический анализ коллекции

На каменных изделиях, найденных в отложениях пещеры Хайрхан, отсутствует карбонатная корка, возникающая при контакте с водой и почвой, когда артефакт лежит на поверхности, и характерная для памятников открытого типа Толборской группы. Тем не менее, поверхность изделий из средне- крупнозернистого каменного сырья несет следы изменений, близких по характеру к эррадированной поверхности.

Археологический комплекс слоя 1 включает смешанный разновременной материал, который насчитывает 18 каменных артефактов, представленных преимущественно отщепами, а также двумя пластинами и тремя поперечно-краевыми техническими сколами (табл. 1).

Ассамбляж слоя 2 малочисленный, включает 27 каменных изделий: отщепы, четыре пластины, в т.ч. реберчатая и полуреберчатая.

Индустрия слоя 3 наиболее многочисленная, здесь найдено 169 типологически определимых артефактов, представленных всеми основными формами сколов-заготовок – отщепами, пластинами и пластинками, продольно- и поперечно-краевыми техническими сколами и нуклеусами. Нуклеусы изготовлены из местного белого кварца (4 экз.) и принесенного кремнистого сырья (2 экз.). Все они, за исключением одного, оставлены на стадии регулярного расщепления из-за ошибок скалывания. Кварцевые нуклеусы отличаются тщательной обработкой, негативы сколов легко читаются на фронтах скалывания.

Нуклеус плоскостной одноплощадочный монофронтальный для производства отщепов в однонаправленной конвергентной системе изготовлен на отдельности кварца. В основании ретушью оформлен своеобразный киль, ребра тщательно подготовлены поперечными сколами по направлению к фронту. Ударная площадка нуклеуса сильно скошена к уплощенному контрфронту. Следы корки отсутству-

Таблица 1. **Категории каменных изделий археологического комплекса пещеры Хайрхан**

Категории изделий	Слой 1	Слой 2	Слой 2.1	Слой 3	Слой 3.1	Слой 3.2	Слой 4
Отщеп	13	21	2	134	3	3	0
Пластина	2	4	0	12	0	0	0
Технический скол	3	2	0	17	1	0	0
Нуклеус	0	0	0	6	0	0	0
Обломки, осколки	6	63	18	464	27	9	1
Всего	24	88	20	633	31	12	1
Из них орудий	3	4	0	20	0	0	0

ют. На стадии оставления нуклеуса с него снимались мелкие отщепы менее 3 см.

Нуклеус плоскостной двуплощадочный монофронтальный для производства пластинчатых сколов в параллельной бипродольной системе изготовлен на отдельности кварца. Левая латераль нуклеуса не обработана, на правой поперечными сколами оформлено ребро. На основной ударной площадке идентифицируется подправка снятием карниза.

Нуклеус плоскостной центростремительный для производства отщепов – 3 экз. Один из них, выполненный на кварце, имеет круглую форму, правая латераль сильно забита, возможно, изделие использовалось как отбойник; нуклеус оставлен в результате невозможности удалить выпуклость в центре фронта. Второй оформлен на отщепе из кремнистого сырья. В качестве основной ударной площадки использовалась остаточная платформа отщепа-заготовки, она имеет многогранный тип. Вентрал отщепа выполнял роль контрфронта, он подработан сколами на дистале для организации дополнительной нижней площадки. Третий нуклеус, также из кварца, характеризуется контрфронтом, приподнятым к центру, как у левалуазских нуклеусов, и многогранной основной площадкой. Последние два снятия с основной площадки закончились заломами.

Нуклеус плоскостной, двуплощадочный двуфронтальный для снятия отщепов в однонаправленной параллельной системе из кремнистой породы. Широкая левая латераль оставлена необработанной, на правой оформлено ребро поперечными сколами. При подготовке зоны скалывания использовался прием снятия карниза. Все последние снятия завершились петлевидными окончаниями из-за нехватки объема нуклеуса.

Кварцевые нуклеусы не были производительными, в среднем их фронты скалывания демонстрируют 3–5 негативов снятий на стадии регулярного расщепления, тогда как два ядрища из кремнистого сырья – от 9 до 12 негативов сколов. При этом 26,5 % всех сколов-заготовок в слое 3 выполнены из кварца. И хотя в среднем ни по одному из измерений они не превышают 3 см, максимальная длина нескольких сколов составляет ок. 5 см. В целом значительное количество кварцевых отщепов указывает на интенсивную реализацию нуклеусов из этого сырья, тогда как их обнаружено всего 4. Отсутствие нуклеусов из другого сырья объясняется его отсутствием вблизи пещеры, т.е. человек мог транспортировать уже готовые сколы. Первичные сколы декортикации полностью отсутствуют в пещере (за исключением отщепа и продольно-краевого скола из кремнистой породы). В то же время основную долю коллекции составляют обломки и осколки, косвенно указывающие на процесс литического производства внутри пещеры.

Подправка дуги скалывания характерна лишь для трети сколов слоя 3, при этом наиболее часто применялось снятие карниза. Только в отдельных случаях отмечены обратное редуцирование и подработка абразивом. Последний технический прием мало известен в палеолите Монголии, он возникает здесь уже на поздних этапах верхнего палеолита. Еще один прием, характерный для подготовки места нанесения удара, – это организация сильно скошенной площадки, при этом дуга скалывания, посредством снятия карниза непосредственно в месте предполагаемого удара, сильно углублялась, и остаточная площадка результирующего скола сильно «заваливалась» к вентралу. Подобный прием встречается в памятниках Толборской группы, но особенно он характерен для памятника Харганын-Гол-5, при этом возникает он еще на стадии раннего верхнего палеолита и применяется вплоть до 20 тыс. кал. л.н.

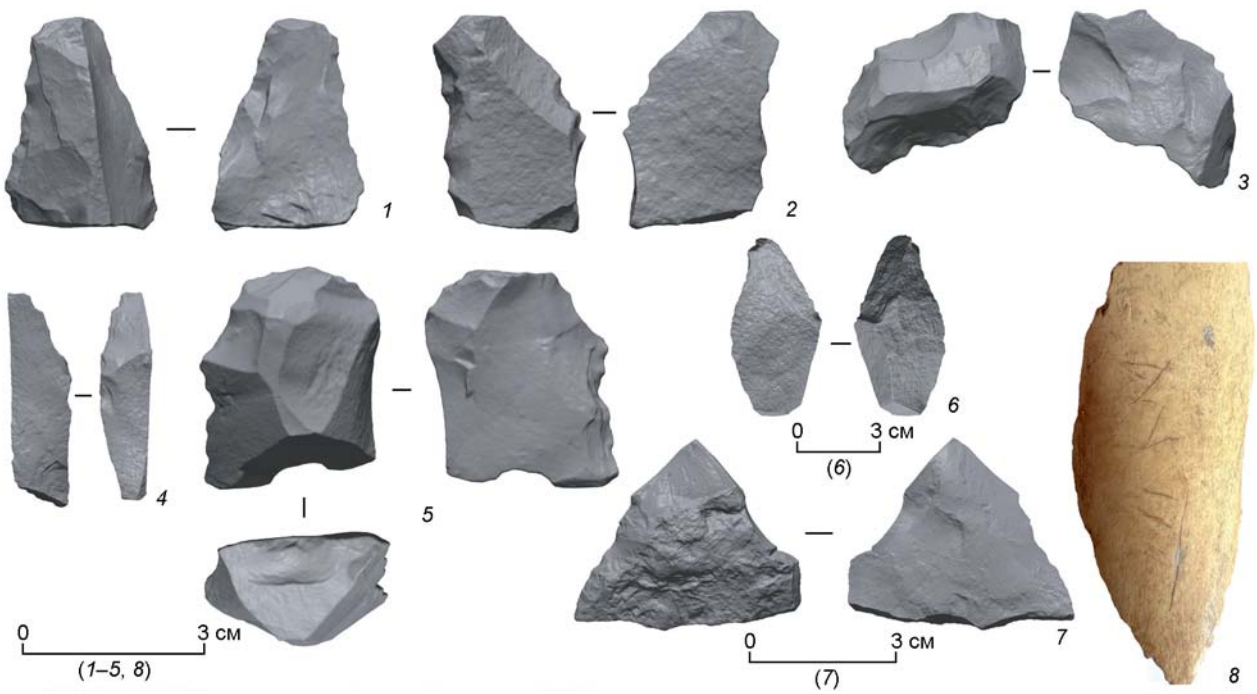
У основной массы сколов слоя 3 пещеры Хайрхан ударные бугорки расплывчатые, на трети площадок прослеживаются следы точки удара, также для трети сколов характерно наличие вентральной губы.

Системы расщепления, реконструируемые на основе дорсальных поверхностей сколов, полностью соответствуют типам найденных нуклеусов: преобладают однонаправленная, центростремительная и ортогональная (табл. 2). Несмотря на очевидную декортикацию нуклеусов вне пещеры, дальнейшая их реализация могла происходить и в ее пространстве, о чем свидетельствует наличие технических сколов – продольно- и поперечно-краевых, подправки дуги скалывания, снятия всего фронта скалывания, а также полуреберчатых и реберчатых сколов.

Исходя из морфологии дистальных окончаний, ошибки скалывания носили незначительный харак-

Таблица 2. **Тип огранки дорсальной поверхности сколов индустрии пещеры Хайрхан**

Тип огранки	Слой 1, экз.	Слой 2, экз.	Слой 3, экз.	Слой 3, %
Естественная	1	1	2	1,43
Однонаправленная	6	9	52	37,14
Однонаправленная параллельная	1	1	8	5,71
Однонаправленная естественная	0	1	3	2,14
Бипродольная	2	2	10	7,14
Бипродольная конвергентная	0	0	1	0,71
Бипродольная 1/3	0	0	2	1,43
Ортогональная	3	3	34	24,29
Полуреберчатая однонаправленная	1	1	1	0,71
Реберчатая	0	1	0	0,00
Поперечная	0	1	6	4,29
Центростремительная	0	2	5	3,57
Неопределимая	1	0	16	11,43
Всего	15	22	140	100

3D-модели каменных изделий из слоя 3 пещеры Хайрхан.

1, *3*, *5* – выемчатое орудие; *2* – орудие с черешком; *4* – ретушированная пластина; *6* – резец; *7* – скол, полученный на наковальне; *8* – модифицированная кость (фото).

тер. Присутствуют дистальные «осевые» окончания. Часть из них, как и некоторые перьевидные, имеют сколы на вентрале, что может характеризовать расщепление на наковальне (см. *рисунок*, *7*). Все предметы, возможно, относящиеся к биполярной технике расщепления, изготовлены из кварца.

Орудийный набор пещеры Хайрхан

В слое 1 орудия обнаружены не были, однако три изделия залегали на границе со слоем 2: асимметричное острие, оформленное на дистальном окончании целого отщепа из туфа, острие с вентральной подтеской дистального окончания из кремнистого сырья и резец на пластине с ретушированными продольными краями из эффузива.

В слое 2 найдено четыре орудия, все они относятся к неформальным: ретушированные отщепы и пластина и шиповидное орудие, демонстрирующие преимущественно вентральную вторичную обработку.

В слое 3 обнаружено 32 изделия с вторичной обработкой:

Скребок концевой высокой формы – 1 экз. Оформлен на дистальном окончании кварцевого отщепа дор-

сальной субпараллельной сильно модифицирующей ретушью.

Пластина с черешком – 1 экз. Орудие изготовлено из приносного кремня высокого качества.

Орудие с черешком – 1 экз. Оформлен на проксимальном фрагменте пластины постоянной дорсальной чешуйчатой ступенчатой ретушью (см. *рисунок*, *2*).

Скребло угловое – 1 экз. Выполнено на отщепе из кремнистой породы. Рабочий край оформлен постоянной чешуйчатой дорсальной ретушью.

Резец – 1 экз. Выполнен на пластинчатом отщепе, резцовые сколы сняты с вентральной и дорсальной поверхностей в дистальной части скола-заготовки (см. *рисунок*, *6*).

Выемчатые орудия – 7 экз. на отщепах и технических сколах, выемки оформлены дорсальными сколами или чешуйчатой ретушью, часть из них имеет ретушь по продольным краям заготовок (см. *рисунок*, *1*, *3*, *5*).

Шиповидные орудия – 6 экз. на отщепах и техническом сколе-таблетке. Выступающие рабочие края перфораторов формировались выемками или чешуйчатой ретушью.

Оригинальное орудия – 1 экз. Представляет собой кварцевый отщеп с уплощающими сколами на вентральной поверхности.

Отщепы ретушированные – 7 экз. Выполнены из различных пород – кварца, кремнистого сырья, эффузивов. Вторичной обработке подвергались продольные края как вентральной, так и дорсальной поверхности, у одного из орудий ретушь покрывает дорсальную поверхность. Применялась постоянная чешуйчатая ретушь различных степеней модификации.

Пластины ретушированные – 3 экз. Среднего размера пластины с треугольным сечением длиной от 4 до 6 см обработаны постоянной чешуйчатой или субпараллельной ретушью по продольным краям на дорсальной или вентральной поверхности (см. *рисунок*, *4*).

Фаунистические остатки

Поскольку абсолютные датировки для этого памятника пока отсутствуют, а индустрия невелика и не содержит явных культурно-хронологических маркеров, некоторые данные о хронологии могут быть получены по результатам палеонтологического анализа. Во-первых, нами был проведен рентгенофлуоресцентный анализ с помощью портативного анализатора Olympus Vanta M для нескольких экземпляров костей из пещеры Хайрхан. Он показал, что в костях происходил процесс минерализации, а значит они вряд ли относятся ко времени голоцена. Состав фауны, в целом, мог соответствовать и голоцену: здесь представлены виды, обитающие в Монголии сейчас. Медведь, чьи остатки обычно не встречаются в палеолитических памятниках, в коллекции Хайрхана представлен. Однако на данный момент он не обитает в этой местности. Скорлупа страуса *Struthio anderssoni* в изобилии представлена во всех слоях памятника, однако, учитывая, что эта птица вымерла в раннем голоцене на территории Монголии, ее присутствие не может прямо указывать на палеолитический возраст материалов. В верхней части слоя 3 были найдены фрагменты эмали зуба носорога, который начал исчезать в Монголии после 30 тыс. л.н. Значительная часть костей несет на себе следы раскалывания и различных модификаций (см. *рисунок*, *8*).

Заключение

Технология каменного производства и типология орудийного набора могут относиться к любому этапу раннего и среднего верхнего палеолита. Техника скола указывает на принадлежность индустрии слоя 3 скорее к концу раннего верхнего палеолита – среднему этапу верхнего этапа, приходящемуся на время последнего максимума оледенения. Наиболее близкие аналогии эта индустрия находит на памятнике Орхон-1, гор. 2 слоя 4 раскопа 1–2, датирующегося между 23–27 тыс. л.н., слоем 3 памятника Мойлтын ам с датами 30–32 тыс. л.н. и, возможно, гор. 2 памятника Толбор-21, который не имеет датировок на данный момент [Хаценович и др., 2021]. Техника скола имеет схожие черты со слоем 4 памятника Харганын-Гол-5, однако общая направленность индустрии этого слоя на производство пластинок пока не позволяет проводить аналогии. Для упомянутых комплексов Орхон-1 и Мойлтын ам характерно отщеповое производство с преобладанием неформальных орудий в инвентаре. В то же время все упомянутые памятники расположены возле источников сырья хорошего качества, и ни на одном из них нет кварцевого компонента. Последний не выглядит архаично в контексте комплекса Хайрхан и указывает на высокие способности к расщеплению твердых пород плохого качества. Наиболее вероятно, индустрия слоя 3 может быть предварительно помещена между 20 и 30 тыс. л.н. Комплексы этого времени также известны в пещерах Цагаан-Агуй и Хутул-Усны в Гобийском Алтае [Khatsenovich et al., 2022; Masojc et al., 2024]. Найденный в слое 2 раскопа 2 пещеры Цагаан-Агуй малочисленный ассамбляж представлен отщепами, пластинками и тронкированно-фасетированным орудием из приносного сырья. Комплекс из Хутул-Усны пока не опубликован. Таким образом, впервые на территории Западной Монголии был обнаружен палеолитический ассамбляж, залегающий в стратифицированном состоянии. Особенную важность этому объекту придает тот факт, что он был выявлен в пределах естественного коридора между Хангаем и Монгольским Алтаем, который потенциально мог служить миграционным путем для палеолитических популяций [Деревянко и др., 1990, 2000].

Благодарности

Исследования проводились при поддержке проекта РНФ № 24-18-01099 «Критические трансформации в развитии культуры верхнего палеолита на территории Северной и Центральной Азии».

Список литературы

Деревянко А.П., Дорж Д., Васильевский Р.С., Ларичев В.Е., Петрин В.Т., ЛевДевяткин Е.В., Малаева Е.М. Каменный век Монголии: палеолит и неолит Монгольского Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 647 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвэндорж Д., ЛевДевяткин Е.В., Ларичев В.Е., Васильевский Р.С., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Каменный век Монголии: палеолит и неолит северного побережья Долины Озер. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 440 с.

Хаценович А.М., Вишневская И.А., Базаргур Д., Вольвах А.О., Клементьев А.М., Ге Дж., Жилич С.В., Марченко Д.В., Окунева Т.Г., Когай С.А., Гунчинсурэн Б., Рыбин Е.П., Олсен Дж.У., Деревянко А.П. Природная среда и эпизоды заселения Центральной Монголии в позднем плейстоцене: по материалам памятников в долине реки Орхон // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – Т. 49, № 2. – С. 3–22.

Чистяков П.В., Ковалев В.С., Колобова К.А., Шалагина А.В., Кривошапкин А.И. 3D моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 102–112.

Khatsenovich A.M., Tserendagva Ya., Bazargur D., Marchenko D.V., Rybin E.P., Klementiev A.M., Shelepaev R.A., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Derevianko A.P. Shelter in an extreme environment: the Pleistocene occupation of Tsagaan Agui cave in the Gobi Desert // Antiquity. – 2022. – Vol. 96 (388). – P. 989–997.

Masojć M., Gunchinsuren B., Szykulski J., Michalec G., Bazargur D., Sikora R., Odsuren D., Bobrowski P., Jórdeczka M., Wójcik A., Gałas A., Szmit M., Gankhuyag O., Osypińska M., Namjilmaa E., David É. Palaeolakes, caves and settlement during the Pleistocene and Holocene around Tsakhiurtyn Hundi, Mongolia // Antiquity. – 2024. – Vol. 98 (399). – e15.

References

Derevianko A.P., Dorzh D., Vasil'evskii R.S., Larichev V.E., Petrin V.T., Devyatkin E.V., Malaeva E.M. Kamennyi vek Mongolii: Paleolit i neolit Mongol'skogo Altaya. Novosibirsk: Nauka, 1990, 647 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T., Tsevendorzh D., Devyatkin E.V., Larichev V.E., Vasil'evskii R.S., Zenin A.N., Gladyshev S.A. Kamennyi vek Mongolii: paleolit i neolit severnogo poberezh'ya Doliny Ozer. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2000. 440 p. (in Russ.).

Chistyakov P.V., Kovalev V.S., Kolobova K.A., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I. 3D modelling of archaeological artifactsby structured light scanner. *Theory and practice in archaeological research*. 2019. Vol. 27, No. 3. P. 102–112.

Khatsenovich A.M., Tserendagva Ya., Bazargur D., Marchenko D.V., Rybin E.P., Klementiev A.M., Shelepaev R.A., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Derevianko A.P. Shelter in an extreme environment: the Pleistocene occupation of Tsagaan Agui cave in the Gobi Desert. *Antiquity*. 2022. Vol. 96 (388). P. 989–997.

Khatsenovich A.M., Vishnevskaya I.A., Bazargur D., Volvakh A.O., Klementiev A.M., Ge J., Zhilich S.V., Marchenko D.V., Okuneva T.G., Kogai S.A., Gunchinsuren B., Rybin E.P., Olsen J.W., Derevianko A.P. Late Pleistocene paleoenvironments and episodic human occupation in the Orkhon valley of central Mongolia. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2021. Vol. 49, No. 2. P. 3–22.

Masojć M., Gunchinsuren B., Szykulski J., Michalec G., Bazargur D., Sikora R., Odsuren D., Bobrowski P., Jórdeczka M., Wójcik A., Gałas A., Szmit M., Gankhuyag O., Osypińska M., Namjilmaa E., David É. Palaeolakes, caves and settlement during the Pleistocene and Holocene around Tsakhiurtyn Hundi, Mongolia. *Antiquity*. 2024. Vol. 98 (399). e15.

Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Болорбат Ц. https://orcid.org/0000-0003-0176-7644
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072
Долгушин И.Д. https://orcid.org/0000-0003-4402-1914
Маргад-Эрдэнэ Г. https://orcid.org/0000-0002-9416-7922
Гунчинсурэн Б. https://orcid.org/0000-0001-5052-5081
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757

Дата сдачи рукописи: 02.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0339-0345
УДК 903.01

А.М. Хаценович[1], А.М. Клементьев[1, 2], Д.В. Корост[3], Н.В. Степанов[4], Е.П. Рыбин[1], П.В. Чистяков[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт земной коры СО РАН
Иркутск, Россия
[3]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
[4]ООО «Деко-Сервис»
Москва, Россия
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Использование виртуального эндокаста для измерения объема головного мозга орхонской ископаемой гиены

На протяжении 2021–2024 гг. Российско-Монгольско-Американской экспедицией проводится изучение плейстоценовых фаунистических комплексов гор Хангая и Гобийского Алтая и Монголии в целом. Видовой состав этих комплексов оставался малоизученным ввиду разрозненности и небольшого числа костных остатков животных. Новые находки позволяют существенно расширить список плейстоценовых видов млекопитающих, обитавших на этой территории, а также по-новому интерпретировать образцы из старых коллекций. Поскольку кости ископаемых млекопитающих имеют, как правило, плохую сохранность, несут следы разрушений естественного и антропогенного характера, погрызы животных, для них является целесообразным применять различные цифровые методы. Для изучения образца черепной коробки ископаемой гиены из пади Баг-Нарийн-ам в долине р. Орхон в Центральной Монголии нами была использована компьютерная томография. Это недеструктивный метод, который позволил реконструировать виртуальный эндокаст головного мозга вместе с фронтальными синусами, измерить его объем. Полученный объем мы сравнили с опубликованными значениями для объемов головного мозга вымерших и ныне живущих гиенид. В статье рассматривается история расселения двух видов пещерных гиен – Crocuta spelaea и Crocuta ultima – в Азии и роль территории современной Монголии как пограничной между ареалами этих двух видов в верхнем плейстоцене. Кроме того, Монголия могла являться одним из последних мест обитания пещерных гиен: результаты раскопок пещеры Цагаан-Агуй в 2021–2024 гг. указывают на присутствие гиен в нижней части слоя 2.1, датирующейся серединой последнего максимума оледенения – временем, к которому C. crocuta уже исчезла в Сибири, а находки C. ultima в Юго-Восточной и Восточной Азии стали крайне редки.

Ключевые слова: *Монголия, плейстоцен, вымирание, компьютерная томография, ископаемая гиена, череп.*

A.M. Khatsenovich[1]✉, A.M. Klementiev[1, 2], D.V. Korost[3], N.V. Stepanov[4], E.P. Rybin[1], P.V. Chistyakov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of the Earth's Crust SB RAS
Irkutsk, Russia
[3]Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
[4]OOO Deco Service
Moscow, Russia
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Using Virtual Endocast to Measure Total Endocranial Volume of Orkhon Hyena Fossils

During 2021–2024, the Russian-Mongolian-American expedition studied the Pleistocene faunal complexes of the Khangai and Gobi Altai Mountains and Mongolia in general. The species composition of these complexes remained poorly studied due to their fragmentation and small number of animal bone remains. New finds make it possible to significantly expand the list of Pleistocene mammal species that inhabited this territory, as well as to reinterpret samples from the old collections. Since the bones of fossil mammals are usually poorly preserved, bear traces of natural and anthropogenic destruction, and animal gnawings, various digital methods can be used. To study a sample of the skull of a fossil hyena from the Bag-Nariin-am hollow in the Orkhon River valley in Central Mongolia, we used computer tomography. This is a non-destructive method that allowed us to reconstruct a virtual endocast of the brain together with the frontal sinuses, and measure its total volume. We compared the obtained volume with published values for the brain volumes of extinct and extant hyaenids. The article discusses the history of the dispersal of two species of cave hyenas–Crocuta spelaea and Crocuta ultima–in Asia, and the role of the territory of modern Mongolia as a border between the ranges of these two species in the Upper Pleistocene. In addition, Mongolia could be one of the last habitats of cave hyenas: the results of excavations in Tsagaan-Agui Cave in 2021–2024 indicate the presence of hyenas in the lower part of layer 2.1, dating back to the middle of the Last Glacial Maximum–the time, by which Crocuta crocuta had already disappeared from Siberia, and finds of C. ultima in Southeast and East Asia became extremely rare.

Keywords: *Mongolia, Pleistocene, extinction, computer tomography, fossil hyena, skull.*

Введение

Монголия, расположенная между Сибирью и Китаем, двумя совершенно разными в природно-климатическом отношении регионами, по-прежнему остается во многом малоизученной с точки зрения реконструкции плейстоценовых фаунистических комплексов. Находки позднеплейстоценовых гиен на территории Монголии чрезвычайно редки, особенно по сравнению с российским Алтаем [Оводов, 2001]. Гиены второй половины плейстоцена были известны лишь по единичным находкам, не имеющим описания по сей день. В зоогеографическом аспекте эволюции гиен Монголия является «белым пятном», это территория, где проходит незримая граница между *C. ultima* и *C. spelaea*. В то же время вторая половина плейстоцена является временем существования на территории Монголии архаичных *Homo* (Салхит) и появления на этой территории человека современного физического облика около 45 тыс. л.н. Взаимодействие двух видов гиперхищников – гиены и человека – может являться одним из ключевых моментов в понимании факторов, приведших одного из них к вымиранию. Это возможно проследить лишь при условии их совместного нахождения в тафоценозах, каковыми являются стратифицированные археологические комплексы [Stiner, 2004; Turner, Ovodov, Pavlova, 2013]. Наиболее важным тафоценозом в Монголии является Цагаан-Агуй, так как здесь наблюдается длительное сосуществование гиен и человека [Khatsenovich et al., 2022]. Палеонтологические местонахождения – Баг-Нарийн-ам в долине Орхона и р. Чусутийн-Гол в Убсу-Нурской котловине – представлены единичными находками [Окладников, Троицкий, 1967; Grunert, Lehmkuhl, Walther, 2000], еще две находки связаны с палеолитическими объектами – Рашаан-Хад в горном массиве Хэнтий и Отсон Цохио в Восточной Гоби [Окладников, Васильевский, 1982; Odsuren et al., 2023]. Остатки гиен известны из формации Оши на юго-западе Монголии [Беляева, 1937].

Находки плейстоценовой фауны из Монголии не только малочисленны, несмотря на увеличение их количества в 2021–2024 гг. благодаря работам Российско-Монгольско-Американской экспедиции, они еще и имеют, как правило, плохую сохранность, несут следы разрушений естественного, антропогенного характера, погрызы животных. Для таких образцов нами применяются цифровые методы.

Компьютерная томография давно зарекомендовала себя в качестве недеструктивного метода для изучения палеонтологических образцов. Если 3D-сканирование в большей степени используется для создания моделей редких образцов, то компьютерная томография с технологией коррекции рассеянного рентгеновского излучения, а также используемая с недавнего времени двухэнергетическая (ДЭКТ), является действенным инструментом для анализа образцов и их цифровой реконструкции [Hamm et al., 2022; DeVries et al., 2022].

Компьютерная томография применяется для изучения ископаемых гиенид на протяжении уже двух десятилетий – для определения межвидовой вариабельности, полового диморфизма, объемов мозга и особенностей социального поведения [Dockner, 2006; Arsznov et al., 2010; Vinuesa et al., 2016]. Одной из первых работ стала докторская диссертация, посвященная сравнению назальных и фронтальных синусов гиен *C. crocuta spelaea* и *C. crocuta crocuta* по 22 образцам [Dockner, 2006]. Были разработаны методики измерения виртуальных эндокастов. Современные программы позволяют также измерить объем мозга при наличии его 3D-реконструкции.

В рамках данной статьи мы приводим реконструкцию мозга гиены *Crocuta* sp. на основе черепа из пади

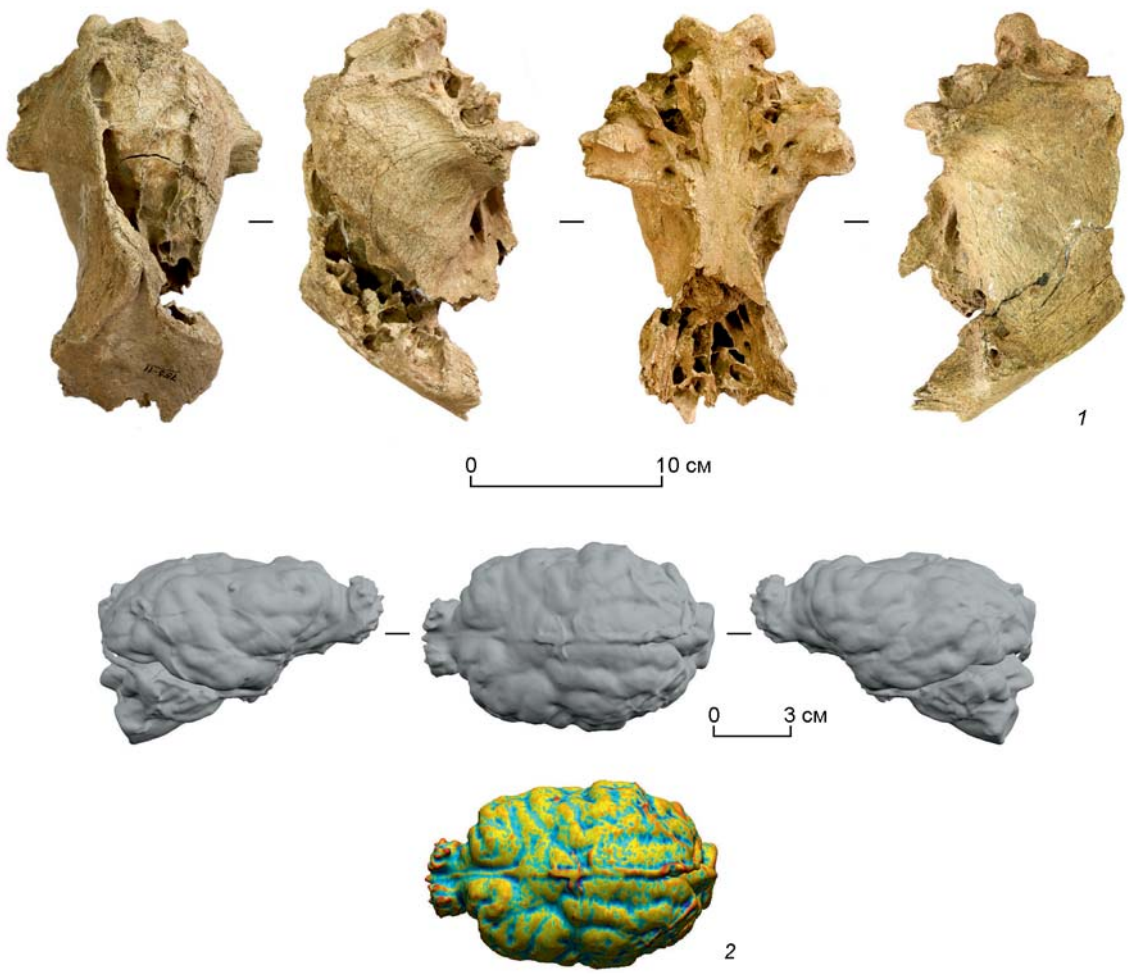

Рис. 1. Орхонская ископаемая гиена из пади Баг-Нарийн-ам, Монголия.
1 – череп гиены (фото С.А. Когай); *2* – виртуальный эндокаст головного мозга гиены.

Баг-Нарийн-ам в долине р. Орхон, Монголия (рис. 1). Это единственная находка эндокрания в регионе. Череп имеет значительные повреждения, отсутствуют части, измерения которых принципиальны для таксономического определения. Для идентификации видовой принадлежности мы задействовали методы цифровых технологий. На основе черепной коробки орхонской гиены нами был измерен объем мозга и проведены корреляции с аналогичными опубликованными данными по гиенам из других регионов.

Методы

Съемка черепа гиены проводилась на промышленном рентгеновском компьютерном томографе Phoenix V|tome|x M, оснащенном технологией коррекции рассеянного рентгеновского излучения, на базе ООО «Деко-Сервис» в научном парке Московского государственного университета. Реконструкция данных проводилась в ПО VolumeGraphics. Технические характеристики томографа при проведении съемки: разрешение – 34 мкм; напряжение – 200 кВ; сила тока – 170 мкА; шаг вращения – 0,15°; выдержка в точке 333 мс. Визуализация отдельных рентгеноплотностных срезов выполнялась в ПО DataViewer (Bruker). Обработка данных, построение стереологических моделей рентгеноконтрастных компонентов и их визуализация выполнялись в ПО Avizo (Thermo Scientific).

Для дальнейшей обработки компьютерной томографии в программе Avizo П.В. Чистяковым была создана трехмерная модель в формате stl и выгружена в программу Geomagic Wrap. Измерения объема мозга гиены выполнялись в Design X.

До появления цифровых методов объемы мозга ископаемых животных измерялись с помощью сыпучих материалов, которыми заполнялась черепная коробка образца. В качестве эксперимента мы использовали и этот метод, чтобы выявить погрешность.

Результаты

Морфологическое изучение и метрические показатели достоверно свидетельствуют о принадлежности этого черепа крокуте (см.: [Werdelin, Solounias,

1991]). Измерения объема мозга методом компьютерной томографии и 3D-визуализации дали показатель 236,560 см^3. Для сравнения, использование устаревшего метода с использованием сыпучего вещества дало погрешность в более чем 10 см^3. При этом такой метод не позволяет проанализировать назальные и фронтальные синусы [Dockner, 2006]. Объем мозга в 236,560 см^3 – это существенно больше, чем средние значения для *C. crocuta* (160 см^3) и несколько меньше, чем известные измерения объема мозга *C. ultima* из пещеры Линсяньдун (Циньхуандао, провинция Хэбэй, Китай) – 278 см^3. Проведенный статистический анализ показал, что значения для орхонской гиены располагаются между *C. ultima* из Линсяньдун, Китай, и *C. spelaea* из Мельпиньяно, Италия (рис. 2; см. *таблицу*), однако последний образец является скорее атипично большим для этого вида.

Было проведено сравнение дорсальной и латеральной проекции 3D-модели реконструированного мозга с опубликованными виртуальными эндокастами различных видов гиенид [Vinuesa et al., 2016]. Тепловая карта дорсальной проекции виртуального эндокаста позволяет заключить, что модель фронтальных синусов головного мозга ископаемой орхонской гиены имеет большее сходство с *C. ultima*, чем с *C. spelaea*, *C. crocuta*, *Hyaena hyaena*, *Parahyaena brunnea*. Предварительно, только на основе данных, полученных по 3D-реконструкции головного мозга, мы можем заключить, что орхонская гиена стоит ближе к *C. ultima*.

Обсуждение

Для *C. ultima* и *C. crocuta* в целом отмечается меньший объем переднего мозга [Vinuesa et al., 2016]. Изучение поведенческих моделей на основе эволюции головного мозга гиенид показывает, что эта особенность могла существенным образом повлиять на адаптацию этих двух видов гиен. Предполагается, что их социальные способности были

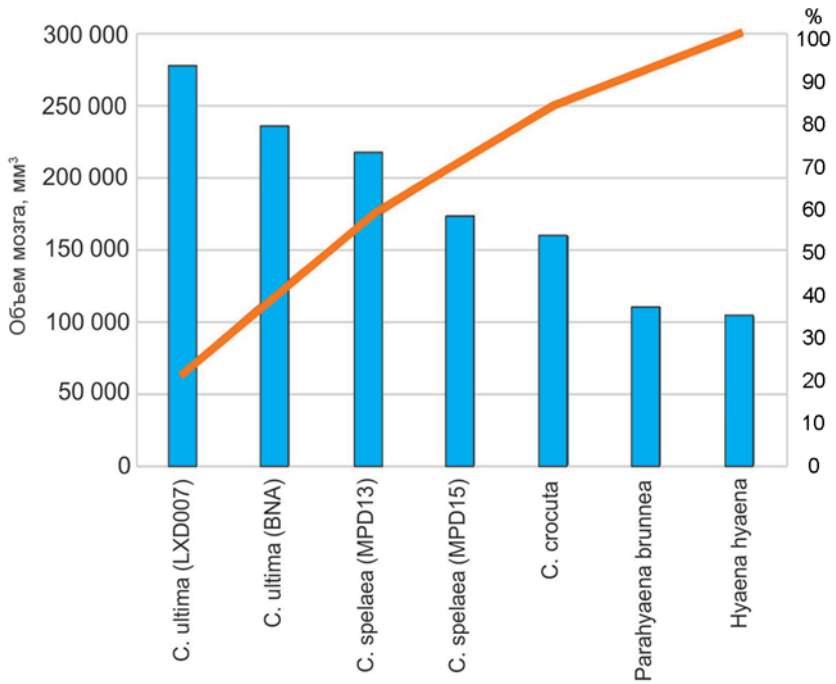

Рис. 2. Диаграмма значений объемов головного мозга гиенид (по данным из таблицы).

Эндокраниальный объем ископаемых гиен

Вид	Объем, мм^3	Источник
Crocuta crocuta	160 058,94	Vinuesa et al., 2016
Parahyaena brunnea	111 010,33	Vinuesa et al., 2016
Hyaena hyaena	104 114,17	Vinuesa et al., 2016
Crocuta spelaea (MPD13)	218 383,27	Vinuesa et al., 2016
Crocuta spealaea (MPD 15)	174 205,31	Vinuesa et al., 2016
Crocuta ultima (LXD007)	278 160,87	Vinuesa et al., 2016
Crocuta ultima (BNA)	236 560,89	Данная статья

менее развиты, как и поведенческая гибкость в отношении резких изменений окружающей среды. Эти два вида были широко представлены на территории Евразии в верхнем плейстоцене, однако история появления *C. ultima*, ее географический ареал, хронология вымирания, диета, поведенческие способности остаются малоизученными. Пещерные гиены рассматривались как самостоятельные от африканских пятнистых гиен виды – *C. ultima* и *C. spelaea*, так и в качестве подвидов – *C. crocuta spelaea*, *C. crocuta ultima* [Werdelin, Solounias, 1991]. Сейчас принято считать, что они относятся не только к разным видам [Lewis, Werdelin, 2022], но и гаплогруппам мтДНК – A и D [Westbury et al., 2020; Zavala et al., 2021]. По результатам изучения остатков гиены из пещеры Географического общества в Приморском крае Г.Ф. Барышниковым предложено выделение двух подвидов *C. ultima* – *C. ultima ultima* и *C. ultima ussurica*, первая из которых обитала в среднем плейстоцене в центральном Китае, а вторая – в позднем плейстоцене в Приморском крае [Baryshnikov, 2014]. Секвенирование ДНК остатков гиен подтверждает разделение гиен на две группы, причем, согласно данным из пещер Линсянь и Шаньянчжай, провинция Хэбэй в Китае, это разделение не имеет под собой географических и хронологических оснований – они существовали в одно время, на одной и той же территории [Rao et al., 2020], однако выделение подвидов еще требует подтверждения. До недавнего времени все гиены плейстоцена Сибири вплоть до Дальнего Востока априори рассматривались как относящиеся к виду *C. spelaea* или *C. crocuta spelaea* на основе палеонтологического анализа. Однако секвенирование ДНК из седиментов показало присутствие гаплогруппы D (*C. ultima*) в Денисовой пещере 200 – 120–80 тыс. л.н. вместе с гаплогруппой A (европейская *C. spelaea*) и, в меньшей степени, с гаплогруппой B [Zavala et al., 2021]. Это значит, что ареал ультимы распространялся значительно дальше на северо-запад, чем границы современного Китая, а хронология распространения и вымирания пещерных гиен в Азии пока не ясна. Известно, что порядка 400 тыс. л.н. *Crocuta ultima* замещает *Pachycrocuta brevirostris* в Северном Китае, не позднее 240 тыс. л.н. она распространяется в Южном Китае, а около 200 тыс. л.н. проникает в Юго-Восточную Азию [Bacon et al., 2017].

Это позволяет предположить, что потенциально Монголия могла являться регионом обитания *C. ultima*. На данный момент известно, что на пространствах Северной, Центральной и Юго-Восточной Азии *C. ultima* пережила *C. crocuta*. Последние вымирают на территории Сибири до наступления последнего максимума оледенения 26 тыс. кал. л.н. Результаты раскопок пещеры Цагаан-Агуй в 2021–2024 гг. указывают на присутствие гиен в нижней части слоя 2.1, датирующейся серединой последнего максимума оледенения, т.е. после исчезновения *C. crocuta*. Комплекс анализов для ископаемых остатков орхонской гиены позволит определить место Монголии в расселении древних гиенид в Азии.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта № FWZG-2022-0009 «Цифровизация процессов изучения древнейшей и древней истории Евразии».

Список литературы

Беляева Е.И. Материалы к характеристике верхнетретичной фауны млекопитающих северо-западной Монголии // Труды Монгольской комиссии. – 1937. – № 33. – С. 5–52.

Оводов Н.Д. Плейстоценовая фауна пещеры Цаган-Агуй (МНР) // Природные условия, история, культура Западной Монголии и сопредельных регионов: тез. 5-й междунар. конф., г. Ховд, Монголия. – Томск, 2001. – С. 146–147.

Окладников А.П., Васильевский Р.С. Новые исследования на Аршан-Хаде в Монголии // Изв. СО АН СССР. – 1982. – № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2. – С. 106–110.

Окладников А.П., Троицкий С.Л. К изучению четвертичных отложений и палеолита Монголии // Бюл. Ком. по изуч. четвертич. периода. – 1967. – № 33. – С. 3–30.

Arsznov B.M., Lundrigan B.L., Holekamp K.E., Sakai S.T. Sex and the Frontal Cortex: A Developmental CT Study in the Spotted Hyena // Brain, Behavior and Evolution. – 2010. – Vol. 76. – P. 1–13.

Bacon A.-M., Duringer Ph., Westway K., Joannes-Boyau R., Zhao J., Bourgon N., Dufour E., Pheng S., Tep S., Ponche J.-L., Barnes L., Blin A., Patole-Edoumba E., Demeter F. Testing the savannah corridor hypothesis during MIS2: The Boh Dambang hyena site in southern Cambodia // Quatern. Intern. – 2017. – Vol. 464. – P. 417–439.

Baryshnikov G. Late Pleistocene hyena *Crocuta ultima ussurica* (Mammalia, Carnivora, Hyaenidae) from the Paleolithic site in Geographical Society Cave in the Russian Far East // Proceedings of Zoological Institute RAS. – 2014. – Vol. 318. – P. 197–225.

DeVries R.P., Sereno P.C., Vidal D., Baumgart S.L. Reproducible Digital Restoration of Fossils Using Blender // Frontiers in Earth Science. – 2022. – Vol. 10. – 833379.

Dockner M. Comparison of *Crocuta crocuta crocuta* and *Crocuta crocuta spelaea* through computer tomography. – Master Thesis, University of Vienna, Vienna, 2006. – 68 p.

Hamm C.A., Hampe O., Mews J., Gunter Ch., Milke R., Witzmann F., Savic L.J., Hecht L., Meister S., Hamm B., Asbach P., Diekhoff T. Quantitative dual-energy CT as a nondestructive tool to identify indicators for fossilized bone in vertebrate paleontology // Scientific Reports. – 2022. – Vol. 12. – 16407.

Khatsenovich A.M., Tserendagva Ya., Bazargur D., Marchenko D.V., Rybin E.P., Klementiev A.M., Shelepaev R.A., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Derevianko A.P. Shelter in an extreme environment: the

Pleistocene occupation of Tsagan Agui Cave in the Gobi Desert // Antiquity. – 2022. – Vol. 96 (388). – P. 989–997.

Lewis M.E., Werdelin L. A revision of the genus *Crocuta* (Mammalia, Hyaenidae) // Palaeontographica, Abteilung A: Palaozoology – Stratigraphy. – 2022. – Vol. 322 (1–4). – P. 1–115.

Odsuren D., Janz L., Fox W., Bukhchuluun D. Otson Tsokhio and Zuun Shovkh: the Initial Upper Paleolithic in Eastern Mongolia // J. of Paleolithic Archaeol. – 2023. – Vol. 6. – e10.

Stiner M.C. Comparative ecology and taphonomy of spotted hyenas, humans, and wolves in Pleistocene Italy // Revue de Paléobiologie, Genève. – 2004. – Vol. 23 (2). – P. 771–785.

Rao H., Yang Y., Liu J., Westbury M.V., Zhang C., Shao Q. Palaeoproteomic analysis of Pleistocene cave hyenas from east Asia // Scientific Reports. – 2020. – Vol. 10 (1). – e16674.

Turner Ch.G., Ovodov N.D., Pavlova O.V. Animal teeth and human tools. – Cambridge Univ. Press, 2013. – 490 p.

Vinuesa V., Iurino D.A., Madurell-Malapeira J., Liu J., Fortuny J., Sardella R., Alba D.M. Inferences of social behaviour in bone-cracking hyaenids (Carnivora, Hyaenidae) based on digital paleoneurological techniques: Implications for human – carnovoran interactions in the Pleistocene // Quatern. Intern. – 2016. – Vol. 413. – P. 7–14.

Werdelin L., Solounias N. The Hyaenidae: Taxonomy, systematics and evolution // Fossils and Strata. – 1991. – Vol. 30. – P. 1–104.

Westbury M.V., Hartmann S., Barlow A., Preick M., Ridus B., Nagel D., Rathgeber T., Ziegler R., Baryshnikov G., Sheng G., Ludwig A., Wiesel I., Dalen L., Bibi F., Werdelin L., Heller R., Hofreiter M. Hyena paleogenomes reveal a complex evolutionary history of cross-continental gene flow between spotted and cave hyena // Science Advances. – 2020. – Vol. 6. – eaay0456.

Zavala E.I., Jacobs Z., Vernot B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Derevianko A.P., Essel E., De Fillipo C., Nagel S., Richter J., Romagné F., Schmidt A., Li B., O'Gorman K., Slon V., Kelso J., Pääbo S., Roberts R.G., Meyer M. Pleistocene sediment DNA reveals hominin and faunal turnovers at Denisova Cave // Nature. – 2021. – Vol. 595. – P. 399–403.

Grunert J., Lehmkuhl F., Walther M. Paleoclimatic evolution of the Uvs Nuur basin and adjacent areas (western Mongolia) // Quaternary International. – 2000. – № 65–66. – P. 171–192.

References

Belyaeva E.I. Materials on Characteristic of Late Tertiary north-western Mongolia. *Proceedings of Mongolian Communications*, 1937. Vol. 33. P. 5–52. (In Russ.).

Ovodov N.D. Pleistotsenovaya fauna peshchery Tsagan-Agui (MNR). In *Prirodnye usloviya, istoriya, kul'tura Zapadnoi Mongolii i sopredel'nykh regionov. Tezisy pyatoi mezhdunarodnoi konferentsii*, g. Khovd, Mongolia. Tomsk, 2001. P. 146–147. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Troitskiy S.L. K izucheniyu chetvertichnykh otlozheniy i paleolita Mongolii. *Bulletin of the Committee of Quaternary study*, 1967. No. 1. P. 3–30. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Vasilievskiy R.S. Novye arkheologicheskie issledovaniya na Arshan Khade v Mongolii. *Izvestiya SB AS USSR, Series of Social Sciences*, 1982. Vol. 2 (6). P. 105–110. (In Russ.).

Arsznov B.M., Lundrigan B.L., Holekamp K.E., Sakai S.T. Sex and the Frontal Cortex: A Developmental CT Study in the Spotted Hyena. *Brain, Behavior and Evolution*, 2010. Vol. 76. P. 1–13.

Bacon A.-M., Duringer Ph., Westway K., Joannes-Boyau R., Zhao J., Bourgon N., Dufour E., Pheng S., Tep S., Ponche J.-L., Barnes L., Blin A., Patole-Edoumba E., Demeter F. Testing the savannah corridor hypothesis during MIS2: The Boh Dambang hyena site in southern Cambodia. *Quaternary International*, 2018. Vol. 464. P. 417–439.

Baryshnikov G. Late Pleistocene hyena *Crocuta ultima ussurica* (Mammalia, Carnivora, Hyaenidae) from the Paleolithic site in Geographical Society Cave in the Russian Far East. *Proceedings of Zoological Institute RAS*, 2014. Vol. 318. P. 197–225.

DeVries R.P., Sereno P.C., Vidal D., Baumgart S.L. Reproducible Digital Restoration of Fossils Using Blender. *Frontiers in Earth Science*, 2022. Vol. 10. 833379.

Dockner M. Comparison of *Crocuta crocuta crocuta* and *Crocuta crocuta spelaea* through computer tomography. Master Thesis, University of Vienna, Vienna, 2006. 68 p.

Hamm C.A., Hampe O., Mews J., Gunter Ch., Milke R., Witzmann F., Savic L.J., Hecht L., Meister S., Hamm B., Asbach P., Diekhoff T. Quantitative dual-energy CT as a nondestructive tool to identify indicators for fossilized bone in vertebrate paleontology. *Scientific Reports*, 2022. Vol. 12. 16407.

Khatsenovich A.M., Tserendagva Ya., Bazargur D., Marchenko D.V., Rybin E.P., Klementiev A.M., Shelepaev R.A., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Derevianko A.P. Shelter in an extreme environment: the Pleistocene occupation of Tsagan Agui Cave in the Gobi Desert. *Antiquity*, 2022. Vol. 96 (388). P. 989–997.

Lewis M.E., Werdelin L. A revision of the genus *Crocuta* (Mammalia, Hyaenidae). *Palaeontographica, Abteilung A: Palaozoology – Stratigraphy*, 2022. Vol. 322 (1–4). P. 1–115.

Odsuren D., Janz L., Fox W., Bukhchuluun D. Otson Tsokhio and Zuun Shovkh: the Initial Upper Paleolithic in Eastern Mongolia. *Journal of Paleolithic Archaeology*, 2023. Vol. 6. e10.

Stiner M.C. Comparative ecology and taphonomy of spotted hyenas, humans, and wolves in Pleistocene Italy. *Revue de Paléobiologie, Genève*, 2004. Vol. 23 (2). P. 771–785.

Rao H., Yang Y., Liu J., Westbury M.V., Zhang C., Shao Q. Palaeoproteomic analysis of Pleistocene cave hyenas from east Asia. *Scientific Reports*, 2020. Vol. 10 (1). e16674.

Turner Ch.G., Ovodov N.D., Pavlova O.V. Animal teeth and human tools. Cambridge Univ. Press, 2013. 490 p.

Vinuesa V., Iurino D.A., Madurell-Malapeira J., Liu J., Fortuny J., Sardella R., Alba D.M. Inferences of social behaviour in bone-cracking hyaenids (Carnivora, Hyaenidae) based on digital paleoneurological techniques: Implications for human – carnovoran interactions in the Pleistocene. *Quaternary International*, 2016. Vol. 413. P. 7–14.

Werdelin L., Solounias N. The Hyaenidae: Taxonomy, systematics and evolution. *Fossils and Strata,* 1991. Vol. 30. P. 1–104.

Westbury M.V., Hartmann S., Barlow A., Preick M., Ridus B., Nagel D., Rathgeber T., Ziegler R., Baryshnikov G., Sheng G., Ludwig A., Wiesel I., Dalen L., Bibi F., Werdelin L., Heller R., Hofreiter M. Hyena paleogenomes reveal a complex evolutionary history of cross-continental gene flow between spotted and cave hyena. *Science Advances*, 2020. Vol. 6. eaay0456.

Zavala E.I., Jacobs Z., Vernot B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Derevianko A.P., Essel E., De Fillipo C., Nagel S., Richter J., Romagné F., Schmidt A., Li B., O'Gorman K., Slon V., Kelso J., Pääbo S., Roberts R.G., Meyer M. Pleistocene sediment DNA reveals hominin and faunal turnovers at Denisova Cave. *Nature,* 2021. Vol. 595. P. 399–403.

Grunert J., Lehmkuhl F., Walther M. Paleoclimatic evolution of the Uvs Nuur basin and adjacent areas (western Mongolia). *Quaternary International*, 2000. No. 65–66. P. 171–192.

Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092

Дата сдачи рукописи: 27.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0346-0353
УДК 903.2

**А.М. Хаценович[1]✉, Я. Цэрэндагва[2], А.А. Анойкин[1]✉,
А.М. Клементьев[1, 3], С. Далантай[2], Е.П. Рыбин[1]**

*[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
[3]Институт земной коры СО РАН
Иркутск, Россия
E-mail: archeomongolia@gmail.com*

Разведочные работы на палеолитических местонахождениях Монгольского Алтая и хребта Жаргалант

В 2024 г. Российско-Монгольской экспедицией проводились разведки в Монгольском и Гобийском Алтае. Целью работ был поиск новых палеолитических памятников: экспонированных на поверхности и стратифицированных, открытого и пещерного типа. В данной статье мы приводим результаты работ на территории Монгольского Алтая и хребта Жаргалант в Западной Монголии. В Баян-Улгийском аймаке нами обследовались надпойменные террасы в районе сомона Цэнгэл. Ранее здесь были собраны коллекции палеолитических изделий. Проведенные работы показали, что долина р. Ховд в этом месте неоднократно посещалась древним человеком в среднем и верхнем палеолите. На памятниках Цагаан-Дэнж (10 местонахождений) и Хух-Толгой собраны изделия палеолитического облика, изготовленные из галек осадочных пород, хорошо представленных в местном аллювии. На хребте Жаргалант был обследован памятник Манхан-4, открытый А.П. Окладниковым. Здесь были обнаружены предметы, позволяющие заключить о достаточно раннем возрасте комплекса. Другой целью полевых работ был сбор костных остатков рецентной фауны. Современные млекопитающие Монголии до сих пор изучены недостаточно полно, их ареалы известны, но их границы размыты. В связи с этим нами проводилась фиксация встречаемости костных остатков и живых особей. Сбор скелетных остатков необходим для формирования сопоставительной коллекции, используемой для палеонтологического анализа. В 2024 г. коллекция была пополнена частями скелетов горного козла, зайца-толая, корсака, мелкой антилопы, барсука, отдельными видами одомашненных животных. Был собран органический материал для проведения экспериментов по степени сохранности органики в плейстоценовых образцах.

Ключевые слова: *Монгольский Алтай, палеолит, экспонированные памятники, рецентная фауна, каменные изделия.*

**A.M. Khatsenovich[1]✉, Y. Tserendagva[2], A.A. Anoikin[1]✉,
A.M. Klementiev[1, 3], S. Dalantai[2], E.P. Rybin[1]**

*[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology MAS
Ulaanbaatar, Mongolia
[3]Institute of the Earth's Crust SB RAS
Irkutsk, Russia
E-mail: archeomongolia@gmail.com*

Survey Operations at Paleolithic Locations in the Mongolian Altai and Jargalant Ridge

The Russian-Mongolian expedition conducted the survey in the Mongolian and Gobi Altai in 2024. This research was aimed to search for the new Paleolithic sites: exposed on the surface and stratified, of open and cave types. Herein, we provide the results of the work in the Mongolian Altai and the Jargalant ridge in the Western Mongolia. In the Bayan-Ölgii aimag, we surveyed the floodplain terraces in the Tsengel somon area. Previously, assemblages of the Paleolithic artifacts were collected here. Results indicate that the Khovd River valley was occasionally visited by prehistoric people in the Middle and Upper Paleolithic. The Tsagaan Denj (10 locations) and Khukh-Tolgoi sites represent the industries made of sedimentary pebbles from local alluvium. The Mankhan-4

site discovered by A.P. Okladnikov was examined in the Jargalant ridge. Artifacts found there may point at relatively early age of the Mankhan complex. Another aim of the fieldwork was to collect bone remains of the recent fauna. Modern mammals of Mongolia have not yet been studied fully enough: their habitats are known, but their boundaries are blurred. In this regard, we recorded the locations of both bone remains and living animals. The collection of skeletal remains is necessary to form a comparative collection used for paleontological analysis. In 2024, the collection was replenished with parts of the skeletons of a Siberian ibex, tolai hare, corsac fox, small antelope, badger, and some domesticated animal species. Organic material was collected for the experiments on the degree of preservation of organic remains in the Pleistocene samples.

Keywords: *Mongolian Altai, Paleolithic, surface sites, recent fauna, lithic artifacts.*

Введение

На территории современной Монголии наибольшее число палеолитических памятников, как стратифицированных, так и экспонированных, было обнаружено в бассейне р. Селенги, а также в Гобийском Алтае и Гоби. Монгольский Алтай, западные отроги Хангая и отдельно отстоящий хребет Жаргалант, в свою очередь, являются перспективными районами для исследований, поскольку могли служить в качестве коридора для расселения древнего человека в направлении Алтайских гор на территории России. На границе Монголии и России Алтайские горы имеют значительные высоты с холодным климатом, их вершины покрыты нетающими снегами. Это негативно влияло на численность палеолитических популяций, расселяющихся через данный район, учитывая то, что рядом расположен более удобный и климатически благоприятный коридор – через восточный Казахстан и Джунгарские ворота на территории Китая [Деревянко и др., 2012]. Тем не менее, на протяжении 1960-х и 1980–1990-х гг. в горах Монгольского Алтая проводились советско-монгольские археологические разведки, в результате которых были открыты многочисленные экспонированные памятники раннего – верхнего палеолита в долинах рек Сагсай-Гол, Барлагин-Гол, Уенч и Ховд (Кобдо), в окрестностях озер Хар нуур, Шар нуур, Толбо нуур, на отрогах хребта Жаргалант [Деревянко и др., 1990]. В последующие годы изыскательные работы здесь проводились Институтом археологии МАН в аймаке Баян-Улгий [Tserendagva, 2021].

В 2013 г. на ручье Баруун-салаа, впадающем в р. Ховд, было обнаружено несколько местонахождений с экспонированными материалами каменного века [Семибратов, Тишкин, 2016]. В 2015 г. участники совместной монгольско-американской экспедиции обнаружили новый памятник палеолита в устье р. Урт Хуйтэн гол [Цэрэндагва, Кортум, Жаргалсайхан, 2016, х. 18–22]. В том же году совместная монгольско-французская экспедиция под руководством П.Х. Жискара и Ц. Турбата обнаружила более 20 каменных изделий в местности Годон гол в Сагсай сомоне Баян-Улгийского аймака [Tserendagva, 2021]. Дальнейшие разведки выявили несколько памятников в окрестностях сомона Цэнгэл. В 2016 г. были обнаружены два местонахождения с большим количеством артефактов (209 и 303 экз.) в местности Хонгио гол и Хавцал гол, возле Эрдэнбурэн сомона Ховдского аймака [Цэрэндагва, Далантай, Олзбаяр, 2016], а в 2023 г. – памятник Их Уушиг-4, каменные изделия которого могут относиться к технокомплексу пластинчатого начального верхнего палеолита [Харинский и др., 2023]. Значительное число экспонированных местонахождений, найденных в Монгольском Алтае и западных отрогах Хангая, указывают на периодическую заселенность этого региона в плейстоцене и, как следствие, перспективность его изучения в плане палеолитоведения.

В 2024 г. совместной Монголо-Российской экспедицией были предприняты разведки в Монгольском и Гобийском Алтае и в районе хребта Жаргалант (рис. 1). Работы велись по нескольким направлениям. Одной из задач был осмотр и выявление границ распространения каменных артефактов на нескольких участках в районе сомона Цэнгэл, обнаруженных ранее монгольскими коллегами. Другая задача подразумевала оценку состояния уже известных экспонированных памятников и выявление новых, прежде всего, стратифицированых пещерных. Помимо этого, проводился сбор рецентной фауны на территории Монгольского и Гобийского Алтая для пополнения компаративной коллекции костей млекопитающих, а также определения ареалов распространения и особенностей жизнедеятельности отдельных видов.

Палеолитические местонахождения Цагаан-Дэнж в долине р. Ховд Монгольского Алтая

Обследование местности в районе сомона Цэнгэл показало, что участки распространения артефактов приурочены к трем субгоризонтальным уровням поверхностей в береговой зоне р. Ховд, высотно соответствующим двум надпойменным и пойменной террасам. Формирование надпойменных уровней, в первую очередь, наиболее высокого, вероятнее всего, было связано с быстрыми и одномоментными событиями (прорывы подпрудных озер ?). Исходя из данных, имеющихся по катафлювилам на Российском Алтае, в частности, по долине р. Катунь, и учитывая гипсометрическое положение третьего террасоуровня на исследуемом участке (15–20 м над современным

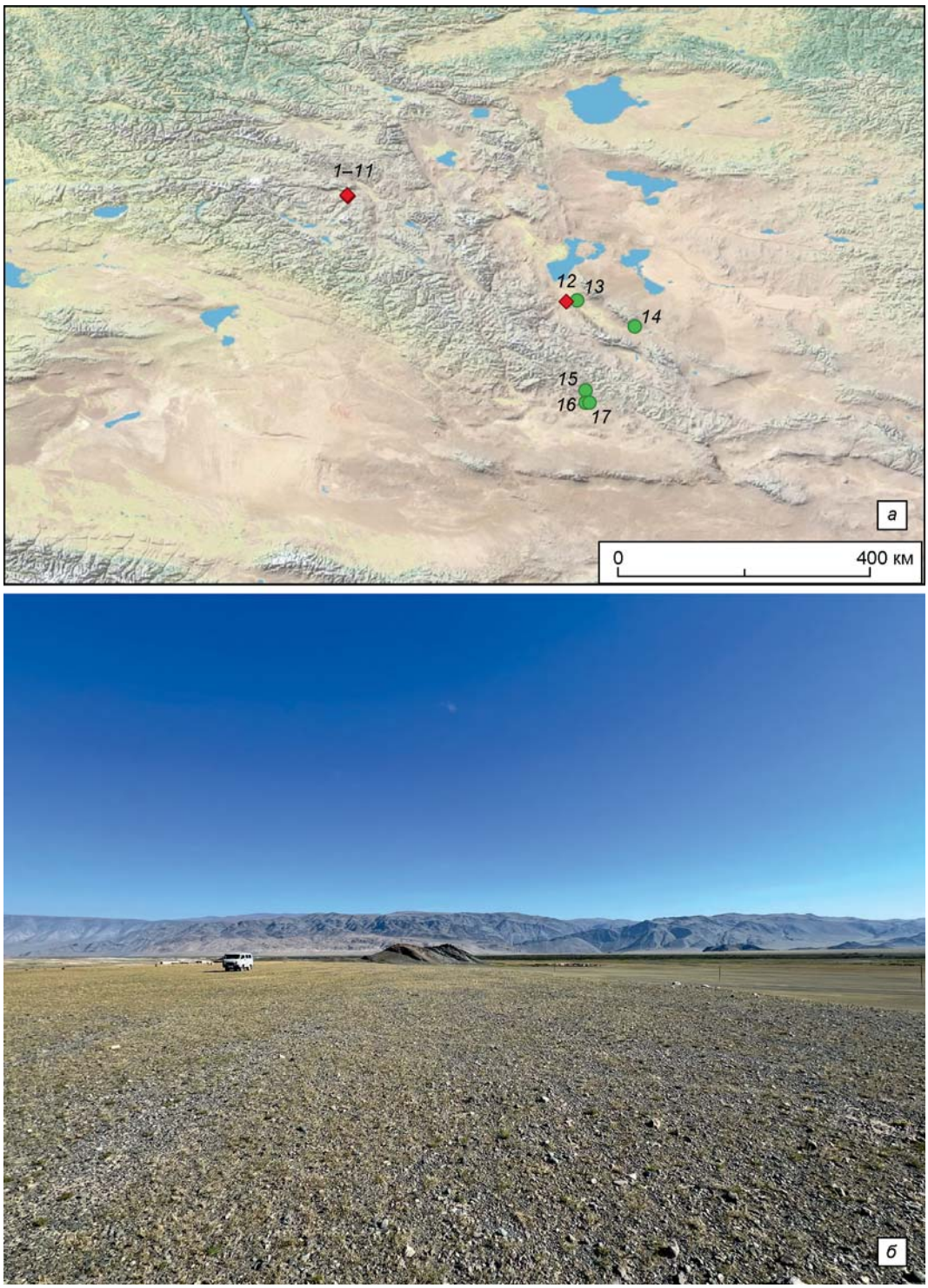

Рис. 1. Географическое и геоморфологическое положение изученных объектов.

а – карта палеолитических местонахождений и мест сбора фаунистических остатков Монгольского Алтая и хребта Жаргалант: *1–11* – местонахождения Цагаан-Дэнж-1-10 и Хух-Толгой, *12* – Манхан-4, *13* – формация Оши, *14* – Алтан-Телее, *15* – Бодонч, *16* – Алтай сомон, точки сбора 3–4, *17* – Алтай сомон, точка сбора 5; *б* – вид на третью надпойменную террасу р. Ховд и памятники Цагаан-Дэнж-9, -10.

урезом воды), можно предполагать, что время его формирования соответствует финалу МИС 5. Таким образом, археологический материал, залегающий на этой поверхности, может соответствовать второй половине среднего палеолита или быть моложе этого периода. Памятники с экспонированным археологическим материалом Хух-Толгой и Цагаан-Дэнж-1–10 локализуются на отрезке левого берега протяженностью около 2,5 км. Рыхлые отложения на верхних террасоуровнях практически отсутствуют, т.е. местность является бесперспективной для проведения раскопок. Тем не менее, произведенные здесь сборы

археологического материала позволили установить, что долина р. Ховд посещалась древним человеком на протяжении среднего и верхнего палеолита. Каменные изделия изготавливались на гальках из местного аллювия. Для технико-типологического и дальнейшего петрографического анализа нами отбирались только типологически выраженные артефакты, большинство из которых представлены массивными сколами, превышающими 50 мм по одному из измерений. Большинство сколов имеют естественные, гладкие или двугранные ударные площадки, что соответствует характеру первичного расщепления галечного сырья. В скобках приводится общее число артефактов, собранных за все время изучения местонахождений (2024 г. и ранее).

Пункт Цагаан-Дэнж-1 – 2 экз. (всего 5 экз.): первичный технический скол (рис. 2, *1*) и нуклеус (рис. 2, *2*). Предметы средне- и сильнодефлированные. Ядрище небольшое, прямоугольной удлиненной формы, уплощенное; ударные площадки оформлены на коротких торцах несколькими мелкими и средними поперечными сколами (прямая, слабовыпуклая) или одним крупным широким (скошена к контрфронту, прямая). Вторая площадка – последняя, с нее сбивались небольшие удлиненные параллельные сколы, с другой – широкой слабовыпуклой площадки – было произведено, как минимум, одно крупное снятие. Контрфронт нуклеуса галечный.

Цагаан-Дэнж-3 – 4 экз. (всего 10 экз.), представленные первичными сколами, отщепом с однонаправленной параллельной огранкой дорсала и нуклевидным изделием – обколотой галькой. Все предметы слабо- и среднедефлированные.

Цагаан-Дэнж-4 – 7 экз. (всего 16 экз.), среди которых отщепы, пластинчатые отщепы и технические сколы, а также обколотая галька. Все артефакты средне- и сильнодефлированные. Большинство сколов имеют поперечную и продольно-поперечную огранку дорсальной поверхности (рис. 2, *3*). В коллекции присутствует чоппер – крупная овальная плоская галь-

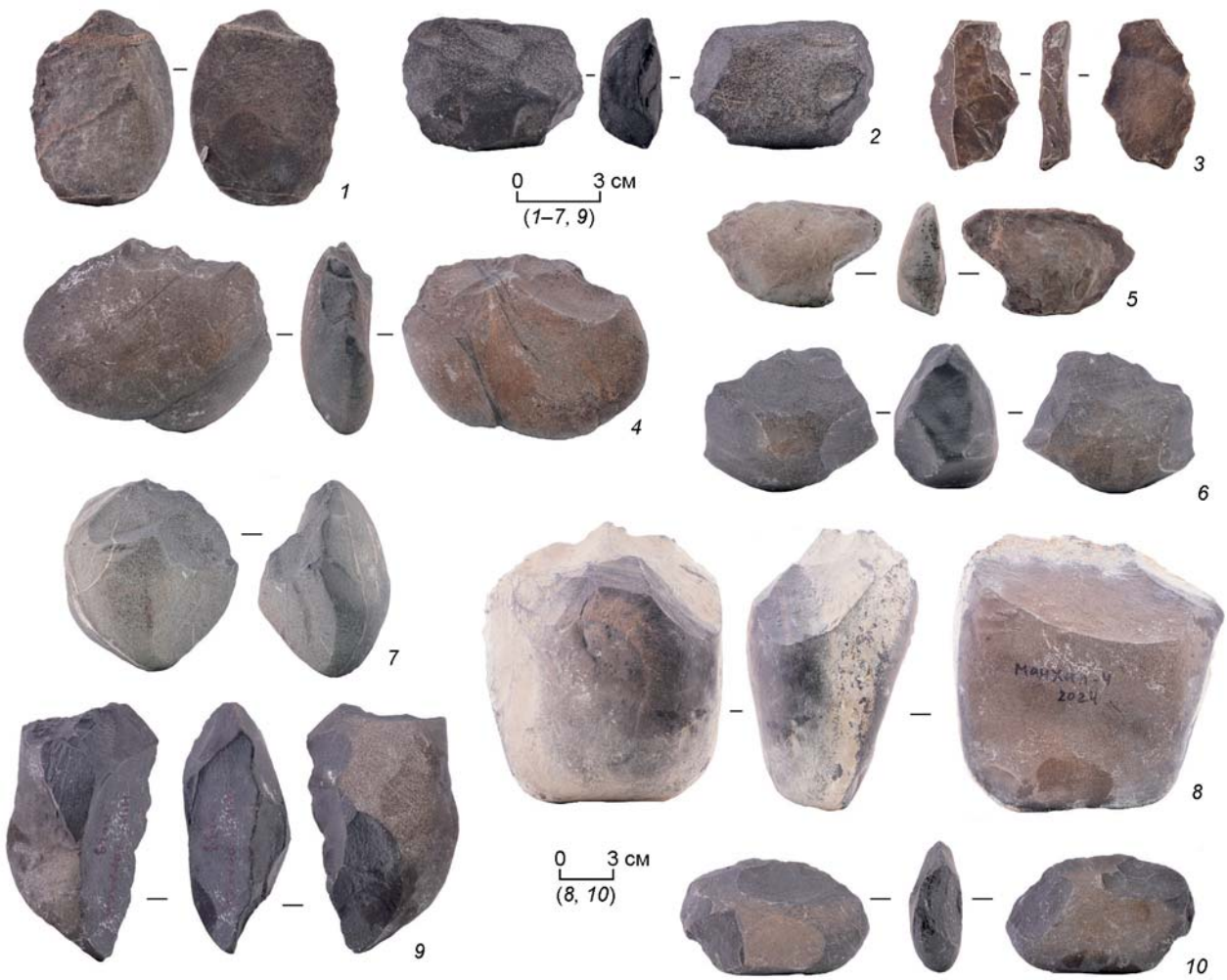

Рис. 2. Каменные изделия с экспонированных местонахождений Монгольского Алтая и хребта Жаргалант Цагаан-Дэнж-1 (*1*, *2*), Цагаан-Дэнж-4 (*3*, *5*), Цагаан-Дэнж-9 (*4*), Цагаан-Дэнж-10 (*6*), Хух-Толгой (*7*), Манхан-4 (*8–10*).
1 – первичный скол; *2*, *6–8* – нуклеусы; *3* – отщеп; *4* – скребло поперечное; *5* – чоппер; *9*, *10* – орудие с бифасиальной обработкой.

ка, на одном из протяженных слабовыпуклых краев которой двусторонними средними короткими сколами выполнено прямое лезвие с зубчатым контуром (рис. 2, *5*).

Цагаан-Дэнж-8 – 2 экз. (всего 6 экз.), представленных отщепом с параллельной однонаправленной огранкой дорсальной поверхности и первичным сколом.

Цагаан-Дэнж-9 – 14 экз. (всего 24 экз.). Это наиболее представительный экспонированный ассамбляж, вероятнее всего разновременной, т.к. степень дефляции изделий варьирует от сильной до слабой. Он представлен крупными сколами 50–90 мм по одному из измерений и состоит из отщепов с параллельной однонаправленной, поперечной или продольно-поперечной огранками дорсальных поверхностей и первичных сколов. На одном из последних оформлено поперечное одинарное скребло. Это широкий крупный трапециевидный скол, чей протяженный слабовыпуклый дистал на всем протяжении обработан средней и крупной дорсальной однорядной чешуйчатой полукрутой ретушью, плохо читающейся из-за изменения поверхности (рис. 2, *4*). Кроме того, здесь присутствует нуклевидно обколотая галька.

Цагаан-Дэнж-10 – 13 экз. (всего 50 экз.), второе по представительности местонахождение. Здесь преобладают артефакты со слабой степенью дефляции, редко – со средней. В коллекции присутствуют крупные отщепы, в т.ч. пластинчатые; пластина, технические сколы, два нуклеуса и орудие на гальке. Один из нуклеусов представляет собой небольшую массивную овальную гальку, по одному из протяженных краев которой несколькими мелкими короткими сколами оформлена прямая неровная, слабо скошенная к контрфронту площадка, с которой по широкой плоскости производились параллельные снятия мелких и средних подпрямоугольных слабоудлиненных сколов (рис. 2, *6*). Второй нуклеус также выполнен на небольшой массивной подтреугольной гальке, по одному из краев которой крупным сколом оформлена прямая скошенная к контрфронту площадка. С нее по широкой плоскости ядрища производились снятия слабоудлиненных разноразмерных сколов. Единственное орудие – поперечное одинарное скребло. Это крупная плоская подквадратная галька, один из краев мелкими широкими крутыми сколами преобразован в слабовыпуклое лезвие. Иинтенсивность обработки и размерность сколов оформления увеличивается к правому краю рабочего участка.

Хух-Толгой – 6 экз. (всего 26 экз.), среди которых отщепы с параллельной однонаправленной огранкой дорсалов, пластина, технический скол, нуклеус и одно орудие. Нуклеус представляет собой среднюю массивную кубовидную гальку, с одной из граней которой, без предварительной подготовки, производились снятия нескольких слабоудлиненных среднеразмерных сколов (рис. 2, *7*). Присутствует скребло продольное одинарное – прямоугольная продольно рассеченная галька, один протяженный край, слабовыпуклый, обработан на всем протяжении мелкими вертикальными и крутыми сколами, формирующими протяженное скребущее лезвие.

Комплекс изделий местонахождения Манхан-4

Местонахождения Манхан-1–14 были обнаружены академиком А.П. Окладниковым в 1966 и 1979 гг.; в 1983–1984 гг. число памятников, известных в этом районе, увеличилось до 30 [Деревянко и др., 1990, с. 315]. Изначально коллекция Манхан-4 состояла из 27 изделий, а местонахождение интерпретировалось как мастерская.

В 2024 г. нами производилась оценка состояния памятника, при осмотре которого обнаружено 16 экз. каменных артефактов: пять нуклеусов, четыре нуклевидных изделия, два орудия и пять сколов. Отщепы имеют естественную или гладкую площадки; огранки дорсальных поверхностей – продольно-поперечные, параллельные однонаправленные и естественные. Один из нуклеусов оформлен на небольшой массивной удлиненной подпрямоугольной гальке, по длинному краю которой крупным сколом оформлена прямая и скошенная к контрфронту площадка. С нее по широкой плоскости ядрища производились снятия разноразмерных коротких сколов. Присутствует клиновидный нуклеус на начальной стадии утилизации. Он сегментовидной формы, киль по одной из латералей оформлен плоскими пластинчатыми и перпендикулярно им расположенными короткими широкими снятиями, занимающими всю плоскость, по второй латерали – короткими плоскими снятиями по периметру килевой части; ударная площадка прямая, оформлена серией поперечных узких сколов; фронт слабовыпуклый, скошенный к одной из латералей, несет негативы удлиненного прямоугольного снятия, упирающегося в залом в медиальной части ядрища. Следующий нуклеус – средняя массивная подпрямоугольная галька, с одной из граней без предварительной подготовки производились снятия слабоудлиненных среднеразмерных сколов. Другой нуклеус на крупной массивной подпрямоугольной гальке: по одному из коротких краев двумя крупными сколами оформлена прямая скошенная к контрфронту площадка, с которой по широкой плоскости производились снятия слабоудлиненных разноразмерных сколов, частично упирающихся в заломы в верхней трети фронта (рис. 2, *8*). Данное изделие может относиться к ранним этапам палеолита. Также был найден радиальный нуклеус – крупное овальное плоское ядрище с галечным слабовыпуклым контрфронтом; фронт покрыт негативами крупных и средних центростремительных снятий, сбитых по периметру из-

делия, без какой-либо предварительной подготовки площадок; последний снятый скол оставил глубокий залом в центральной части нуклеуса. Также были найдены расколотые гальки и обломки с бессистемными снятиями. Орудийные формы представлены изделиями с элементами бифасиальной обработки. Первое – это заготовка бифаса (?) на начальной стадии оформления, с V-образным рабочим краем, по торцу идет более интенсивная обработка мелкими сколами, накладывающимися друг на друга и образующими неглубокие заломы (рис. 2, *9*). Второе изделие представляет собой крупный овальный вторичный скол с негативами коротких радиальных снятий по дорсалу. С вентральной плоскости по периметру читаются негативы двух крупных и двух мелких коротких широких плоских снятий, возможно являющихся элементами начального оформления бифасиального орудия (рис. 2, *10*).

Сборы рецентной фауны

В ходе полевых сборов остатков современной фауны в Западной Монголии зафиксировано несколько точек с находками дикой и домашней фауны. Возле сомона Цэнгэл были собраны разрозненные остатки домашнего верблюда, крупного рогатого скота (КРС) и домашнего барана. Поскольку кости КРС собирались на пойменной террасе р. Ховд, они полностью очищены от связок, вследствие присутствия в луговой растительности благоприятных условий для развития личинок различных трупоедов.

Наиболее продуктивной оказалась точка в формации Оши – местонахождении гиппарионовой фауны, открытом геологом Н.А. Куликом в 1926 г. [Беляева, 1937]. Здесь нами найдены остатки трех современных диких видов – зайца-толая, корсака, мелкой антилопы, а также остатки домашней лошади. Находки костей толая приурочены к небольшому каньону и, вероятно, связаны с хищнической деятельностью пернатых и наземных хищников. Кости чистые, сухие, хорошей сохранности. Остатки корсака были приурочены к нишам выветривания на обрыве глинистых пород (рис. 3, *3*, *4*) и ко дну каньона (рис. 3, *1*). Вероятно, они являются посмертными остатками павшей естественной смертью особи, поскольку ее зубы были сильно изношены при жизни. Отдельные элементы туши этой лисицы (в нише) сохранили мумифицированные ткани и анатомический порядок. В устье этого же каньона были найдены кости голеностопного сустава молодой особи газели или сайги – фрагменты плюсневой, центральная, большая и малая заплюсневые кости в анатомическом порядке, скрепленные связками. Сохранение связок и мумификация трупов в нишах обеспечивается очень сухими условиями на данном участке, независимо от времени года. Когда такие останки попадают на дно каньона, они очищаются за счет дождевого стока временных водотоков. Среди погадочного материала отмечены кости мелких млекопитающих.

В каньоне р. Бодонч, в устье ее притока Хундийн-Гол, собраны остатки домашних яков, в основном метаподиальные кости, а также бедренная и неполная большая берцовая кости барсука в анатомическом порядке со связками. Выше по течению этого же притока, в ущелье, найдены фрагменты роговых чехлов и черепная коробка сибирского горного козла, а в наносах сайра отдельные кости домашней лошади. Неполный скелет молодого горного козла, в т.ч. конечности с мягкими тканями (рис. 3, *2*), собран в местности Шатайн-Хутэл.

По р. Улиастайн-Гол с очень мощными галечными валами, вынесенными из ущелья, был найден небольшой фрагмент рогового чехла сибирского горного козла.

Из диких крупных млекопитающих удалось наблюдать джейранов – одна встреча на южном фасе Монгольского Алтая и три – в Шаргын-Гоби, а также сайгаков – в котловине Шаргын-Гоби. Одну особь корсака наблюдали в отрогах Бумбатын-нуруу.

Помимо этого, отдельные кости домашних животных, имеющие хорошую сохранность, фиксировались на всем протяжении маршрута. Черепа и нижние челюсти домашних лошадей монгольской породы с мягкими тканями технически взять не удалось. Они фотографировались с разных ракурсов, а жевательная поверхность зубных рядов фиксировалась крупным планом для дальнейшего сравнения с ископаемыми образцами.

Заключение

В ходе разведки 2024 г. было установлено, что Монгольский Алтай мог заселяться древним человеком, как минимум, начиная со среднего палеолита, а возможно, и в более древнее время. Это было известно и ранее, однако кластер местонахождений Цагаан-Дэнж и Хух-Толгой возле сомона Цэнгэл является наиболее северным на западе Монголии и наиболее близким к Алтаю на территории России. Местонахождения расположены на высоте ок. 1 850 м на трех террасах р. Ховд и фиксируют разновременные посещения этой долины палеолитическим населением. Для производства орудий им использовались силициты, песчаники, реже – эффузивы низкого качества из местного аллювия, в одном случае – гранит. Поверхность большинства изделий дефлированная, степень дефляции связана с расположением местонахождений относительно уровня реки. Вместе с тем, встречены слабо- или недефлированные артефакты, изготовленные из высококачественных кремнистых пород, очевидно перенесенные на значительное расстояние. Если не рассматривать степень дефляции в качестве датирующего признака, обнаруженные здесь артефакты попадают в круг галечных индустрий с их продольно-поперечным или орто-

Рис. 3. Сборы рецентной фауны в Западной Монголии.

1 – череп корсака; *2* – кости горного козла в сочленении; *3* – ниша с погадками хищных птиц; *4* – ниша с погадками хищных птиц и следами жизнедеятельности корсака.

гональным и однонаправленным параллельным расщеплением, как в среднепалеолитических горизонтах памятника Орхон-7 [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010]. При этом в кластере Цагаан-Дэнж пока отсутствует леваллуазский компонент. Найденные здесь орудия – чоппер и одинарные скребла – не являются четкими маркирующими культурно-хронологическими типами, поскольку они характерны для галечных индустрий среднего палеолита в целом.

Фиксация мест обитания современных диких млекопитающих ведется нами для определения ареалов обитания видов, которые были обнаружены в плейстоценовых отложениях пещеры Цагаан-Агуй, чтобы установить привычные для них ландшафты и природно-климатические зоны. К сожалению, подобная информация для территории Монголии представлена не полно. Сборы рецентной фауны и изучение погадочного материала в скальных нишах и норах позволяет составить сопоставительную коллекцию для таксономической идентификации палеонтологического материала и определения агентов пещерного тафоценоза.

Благодарности

Исследования проводились при поддержке проекта РНФ № 24-48-03020 «Расселение видов человека и животных вдоль цепи Алтайских гор в плейстоцене».

Список литературы

Беляева Е.И. Материалы к характеристике верхнетретичной фауны млекопитающих северо-западной Монголии // Труды Монгольской комиссии. – 1937. – № 33. – С. 5–52.

Деревянко А.П., Гао Син, Олсен Д., Рыбин Е.П. Палеолит Джунгарии (Северо-Западный Китай): по материалам местонахождения Лотоши // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4. – С. 2–18.

Деревянко А.П., Дорж Д., Васильевский Р.С., Ларичев В.Е., Петрин В.Т., ЛевДевяткин Е.В., Малаева Е.М. Каменный век Монголии: Палеолит и неолит Монгольского Алтая. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1990. – 646 с.

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т. Палеолит Орхона. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 384 с.

Семибратов В.П., Тишкин А.А. Новые объекты каменного века на территории Монгольского Алтая // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 2 (14). – С. 94–108.

Харинский А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., Тетенькин А.В., Крадин Н.Н., Оргилбаяр С. Археологические исследования 2023 года в юго-восточной части Монгольского Алтая: по маршруту экспедиции П.К. Козлова 1898 г. // Известия лаборатории древних технологий. – 2023. – Т. 19 (4). – С. 23–51.

Цэрэндагва Я., Далантай С., Олзбаяр Г. Ховд аймгийн Эрдэнэбүрэн сумын нутаг Хонгио гол, Хавцалын чулуун зэвсгийн дурсгалт газарт хийсэн судалгааны ажлын тайлан. – Улан-Батор, 2016. – 32 х.

Цэрэндагва Я., Кортум Р., Жаргалсайхан Б. «Хотон нуурын хөндий дэх хадны зургийн судалгаа» экспедицийн 2015 оны хээрийн шинжилгээний ажлын тайлан. – Улан-Батор: ШУА-ийн Археологийн хүрээлэнгийн гар бичмэлийн сан, 2016. – 61 х.

Tserendagva Ya. Newly discovered Paleolithic site at Godon Gol of Mongolian Altay: stone tool assemblages, correlation, and chronology // Altaistics, turcology, mongolistics. – 2021. – Vol. 1. – P. 7–22.

References

Belyaeva E.I. Materials on Characteristic of Late Tertiary north-western Mongolia. *Proceedings of Mongolian Communications*, 1937. Vol. 33. P. 5–52. (In Russ.).

Derevianko A.P., Dorj D., Vasil'evskii R.S., Larichev V.E., Petrin V.T., Devyatkin E.V., Malaeva E.M. Kamennyi vek Mongolii: Paleolit i neolit Mongol'skogo Altaya. Novosibirsk: Nauka Siberian Branch Publ., 1990. 646 p. (In Russ.)

Derevianko A.P., Kandyba A.V., Petrin V.T. Paleolithic of Orkhon. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2010. 384 p.

Derevianko A.P., Rybin E.P., Xing G., Olsen J.W. The Paleolithic of Dzungaria (Xinjiang, Northwest China) based on materials from the Luotoshi site. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2012. No. 4. P. 2–18.

Kharinskii A.V., Kichigin D.E., Korostelev A.M., Tetenkin A.V., Kradin N.N., Orgilbayar S. Archaeological research in 2023 in the south-eastern part of Mongolian Altai: along the expedition route of P.K. Kozlov 1899. *Reports of Laboratory of Ancient Technologies*, 2023. Vol. 19. No. 4. P. 23–51. (In Russ.).

Semibratov V.P., Tishkin A.A. New objects of the Stone Age in the territory of Mongolian Altai. *Theory and practice of archaeological research*, 2016. Vol. 14. No. 2. P. 94–108. (In Russ.).

Tserendagva Ya. Newly discovered Paleolithic site at Godon Gol of Mongolian Altay: stone tool assemblages, correlation, and chronology. *Altaistics, turcology, mongolistics*, 2021. Vol. 1. P. 7–22. (In Mong.).

Tserendagva Ya., Dalantai S., Olzbayar G. Khovd aimgiin Erdenebүren sumyn nutag Khongio gol, Khavtsalyn chuluun zevsgiin dursgalt gazart khiisen sudalgaany azhlyn tailan. Ulan-Bator, 2016. 32 p. (In Mong.).

Tserendagva Ya., Kortum R., Zhargalsaikhan B. «Khoton nuuryn khөndii dekh khadny zurgiin sudalgaa» ekspeditsiin 2015 ony kheeriin shinzhilgeenii azhlyn tailan. Ulan-Bator: ShUA-iin Arkheologiin khүreelengiin gar bichmeliin san, 2016. 61 p. (In Mong.).

Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Цэрэндагва Я. https://orcid.org/0000-0002-8937-6447
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072
Далантай С. https://orcid.org/0000-0001-5647-5871
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0354-0360
УДК 903.01

А.М. Хаценович[1]✉, Я. Цэрэндагва[2], Е.П. Рыбин[1], А.М. Клементьев[1, 3], С. Далантай[2], Г. Маргад-Эрдэнэ[2], А.Р. Демкина[1], Б. Гунчинсурэн[2], Д.У. Олсен[1, 4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
[3]Институт земной коры СО РАН
Иркутск, Россия
[4]Школа антропологии Университета Аризоны
Тусон, США
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Раскопки Большого грота пещеры Цагаан-Агуй в 2024 году

Пещерный памятник Цагаан-Агуй является уникальным объектом для территории Северной и Центральной Азии, поскольку вмещает отложения верхнего и среднего плейстоцена с хорошей сохранностью палеонтологического материала и культурными остатками вплоть до древнейших слоев. С 2021 г. на памятнике возобновлены работы в северной части Большого грота. Раскоп 2 расположен под отверстием в потолке пещеры, что позволяет проследить границу между относительно непотревоженными слоями и отложениями, подверженными влиянию поступающих из отверстия воды и седиментов с поверхности. За 2021–2023 гг. здесь были выявлены виды животных, ранее неизвестных в плейстоцене региона, а также индустрии комплексов слоев 5.2, 5.3 и 7, связанные с биполярной техникой расщепления. В 2024 г. работы в Раскопе 2 были продолжены и в основном состояли из разбора глыб известняка на уровне нижней части слоя 7. Глубина раскопа оказалась значительно больше, чем фиксируемая в продольном профиле по линии А на этом участке. Предполагается падение пола пещеры в направлении северной стены. В изученных отложениях было обнаружено 33 каменных артефакта, приуроченных к песчаным линзам. Они представляют собой продукты биполярного расщепления и продольно-поперечного и ортогонального раскалывания. Орудийный набор представлен единственным шиповидным изделием. Фаунистические остатки на той глубине практически не сохранились. Были найдены предполагаемые остатки гигантской лягушки. Изучение современных природно-климатических условий позволило зафиксировать смыв слоя 1 в результате поступления воды из отверстия пещеры в северной части.

Ключевые слова: *средний плейстоцен, пещера, Монголия, Гоби, фауна, палеолит, биполярное расщепление.*

A.M. Khatsenovich[1]✉, Y. Tserendagva[2], E.P. Rybin[1], A.M. Klementiev[1, 3], S. Dalantai[2], G. Margad-Erdene[2], A.R. Demkina[1], B. Gunchinsuren[2], J.W. Olsen[1, 4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology MAS
Ulaanbaatar, Mongolia
[3]Institute of the Earth's Crust SB RAS
Irkutsk, Russia
[4]School of Anthropology, University of Arizona
Tucson, USA
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Excavations in the Main Chamber of Tsagaan Agui Cave in 2024

Tsagaan Agui Cave is a unique archaeological site in North and Central Asia, since it contains Upper and Middle Pleistocene deposits with well-preserved paleontological material and cultural remains down to its oldest layers. Since 2021, we have studied

the northern part of the main chamber of Tsagaan Agui. Excavation pit 2 is located under an opening in the cave ceiling, open to the sky, which makes it possible to trace the boundary between relatively undisturbed layers and deposits affected by water and surface sediments flowing in through the opening. In 2021–2023, Pleistocene vertebrate species previously unknown in the region were discovered there, as well as lithic industries in layers 5.2, 5.3, and 7 associated with the bipolar knapping technique. In 2024, our work in excavation pit 2 focused on reducing and removing limestone blocks in the lower part of layer 7. The excavation depth was significantly greater than that recorded in the longitudinal profile along line A in this unit, thus we assume that the cave floor dips toward the cave's northern wall. Thirty-three lithic artifacts were found in the deposits studied in 2024, all derived from sand lenses. They are the products of bipolar and simple unidirectional-transverse and orthogonal knapping. The 2024 toolkit is represented by a single perforator. Faunal remains were almost absent at the depths excavated. The presumed remains of a giant frog were found. The study of modern natural and climatic conditions prevailing in the Tsagaan Agui region makes it possible to interpret the erosion of layer 1 as the result of water entering from the opening in the northern part of the main chamber of the cave.

Keywords: *Middle Pleistocene, cave, Mongolia, Gobi Desert, fauna, Paleolithic, bipolar technique.*

Введение

На протяжении 2021–2023 гг. в пещере Цагаан-Агуй, расположенной в известняковом массиве Цагаан-Цахир Баянхонгорского аймака, Монголия, проводились работы, направленные на изучение полостей пещеры и археологического материала в ее окрестностях. За это время были полностью выбраны два раскопа – Раскоп 1 в галерее Большого грота и Раскоп Е на Предвходовой площадке. Также начаты раскопки траншеи, приуроченной к руслу временного водотока в каньоне, в 30 м к западу от входа пещеры. Были поочередно вскрыты все профили раскопов 1980–1990-х гг. с целью отбора образцов. Основным объектом изучения с 2021 г. является разбор Раскопа 2 в северной части Большого грота пещеры. Он расположен почти непосредственно под отверстием в потолке пещеры, и его отложения отражают снос слоев пещеры водными потоками, поступающими с потолка, а также изменения размеров отверстия, образовавшегося, по предварительному заключению, на этапе верхнего плейстоцена. За 3 года нового цикла работ отложения Раскопа 2 были разобраны до слоя 7 включительно. Раскопки показали, что наиболее массовый материал относится к среднему плейстоцену и аккумулируется в слоях 5.1–5.3 и 7. В слоях 5.2–7 впервые обнаружены свидетельства применения биполярной техники расщепления – редукции горизонтальных и вертикальных поворотных нуклеусов, помещаемых на наковальню. Они прямоугольные или пирамидальные в плане и прямоугольные в сечении. Кубовидные изделия маленького размера, ранее интерпретировавшиеся как обломки, представляют собой остаточные истощенные биполярные нуклеусы. При этом орудийный набор в этих слоях типологически разнообразен, и помимо неформальных орудий присутствуют типологически выраженные изделия – острия, скребла, скребки. В 2023 г. работы в Раскопе 2 Большого грота пещеры Цагаан-Агуй были завершены на этапе появления больших глыб известняка в слое 7, перекрывающих весь раскоп. Основной задачей на 2024 г. стал разбор этих глыб. Поскольку верхняя пачка отложений Раскопа 2 связана с эоловым генезисом,и стенки нестабильны и постоянно осыпаются, глыбы рассверливались и вынимались из раскопа небольшими частями, а седименты между ними, содержащие артефакты, разбирались и просеивались. Всего было два горизонта глыб и друз кальцита, разбор которых занял весь короткий полевой сезон 2024 г. Отложения падают под углом к северной стене пещеры, и мощность седиментов, оставшихся до скального основания в Раскопе 2, остается неясной.

Стратиграфия Раскопа 2 Большого грота

В 2023 г. раскопки завершились на уровне границы слоя 7 и 8. Дальнейший разбор слоев в 2024 г. показал, что нижележащий слой не соответствует ни одному стратиграфическому разделу в продольном профиле Большого и Входного грота, а его границу со слоем 7 выявить четко не удалось. Пока этот слой условно обозначен как нижняя глинистая часть слоя 7. Она связана с обводненными обстановками в пещере в среднем плейстоцене. Слой мощный, на восточной стенке он имеет форму клина из-за глыб известняка (рис. 1, *1*). Он представляет собой переслаивание голубых суглинков и желтоватых железистых отложений (рис. 1, *2*). В нем встречаются песчаные линзы, насыщенные мелкими галечками. К этим линзам приурочены артефакты. Под этим стратиграфическим разделом залегает слой, который коррелирует со слоем 10 из Раскопа 1996 г., вскрытого в 2023 г. для отбора образцов. Представляет собой отложения голубых суглинков с желтыми примазками; он более плотный и однородный, пористый. Он залегает на дне раскопа между глыбами, его нижняя граница неизвестна. Артефакты в нем пока не обнаружены. При раскопках в восточной стенке раскопа за глыбами известняка появилась полость – эти пустоты могут быть связаны с отсутствием заполнения между глыбами в нераскопанной части пещеры на уровне слоя 7. Поскольку все глыбы на этапе окончания раскопок уходят в стенку, было принято решение в следующем году расширить раскоп вплоть до северной стены пещеры и в восточном направлении, соединив Раскоп 2 с шурфом 2000 г.

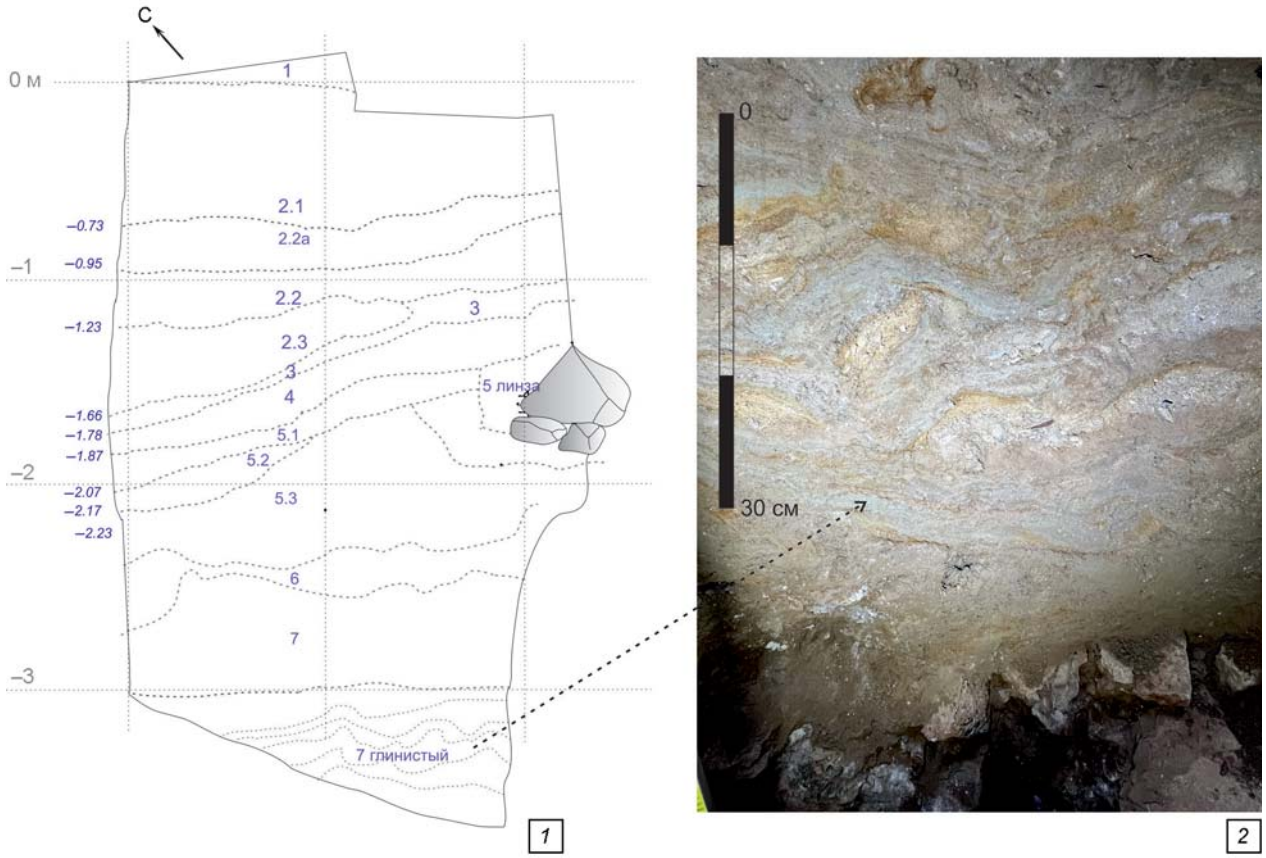

Рис. 1. Разрез восточной стенки Раскопа 2 Большого грота пещеры Цагаан-Агуй.

1 – профиль поперечного разреза восточной стенки Раскопа 2 в 2024 г.; *2* – переслаивание голубых суглинков в нижней части слоя 7.

Каменная индустрия нижней части слоя 7

Поверхность всех артефактов несет следы химической корразии, которая уничтожила включения в кремне и вместе с ними негативы сколов. Продукты расщепления выглядят как раскалываемые бессистемно, однако на ряде сколов есть возможность проследить систему расщепления. Пострадали преимущественно дорсальные и вентральные поверхности, при этом площадки и латерали имеют лучшую сохранность. Это связано с существовавшим отбором сырья. В средней и нижней пачках слоев Раскопа 2 Большого грота человек отбирал полупрозрачный кремень серого, серо-коричневого и красного цвета, он более окремненный и пригодный для раскалывания. Очевидно, что в позднем плейстоцене человек отдавал предпочтение коричневому и желтому непрозрачному кремню из той же жилы, который также имеет множественные внутренние трещины и включения, но на мастерской представлен более крупными блоками. Единично этот кремень встречается и в нижних слоях.

Всего в нижней части слоя 7, на границе со слоем 10, найдено 33 каменных изделия. Они группируются по следующим категориям: нуклеусы, гальки со сколами, отщепы, обломки.

Было найдено 6 нуклеусов, почти все они небольшого размера и связаны с расщеплением на наковальне. Нуклеусы прямоугольные в плане и сечении, поворотные, для расщепления в биполярной технике – 3 экз. На одном из них негативы сколов занимают всю площадь на каждой поверхности. Негатив предшествующего снятия служил ударной площадкой для скалывания следующего (рис. 2, *1*). Другой нуклеус расщеплялся и горизонтально, и вертикально, размещаясь на наковальне. Плоскостной двунаправленный двуплощадочный нуклеус на трапециевидном сколе: правая латераль оформлена широким продольным сколом с площадки; основная ударная площадка оформлена поперечными сколами и сильно скошена к контрфронту. Расщепление велось на наковальне – терминал нуклеуса несет следы контрудара (рис. 2, *2*). Пирамидальные нуклеусы для расщепления на наковальне – 2 экз. На одном из них читаются два негатива снятий, занимающих целиком две смежные плоскости. На другом снятия также велись с одной площадки; читается 5 негативов сколов, большинство из которых завершились заломами. На наковальню помещался широкий плоский терминал нуклеуса. Изготовлен из сырья, не типичного для индустрии пещеры, но плохого качества. Пирамидальная форма нуклеусов связана с отделением побочных продуктов

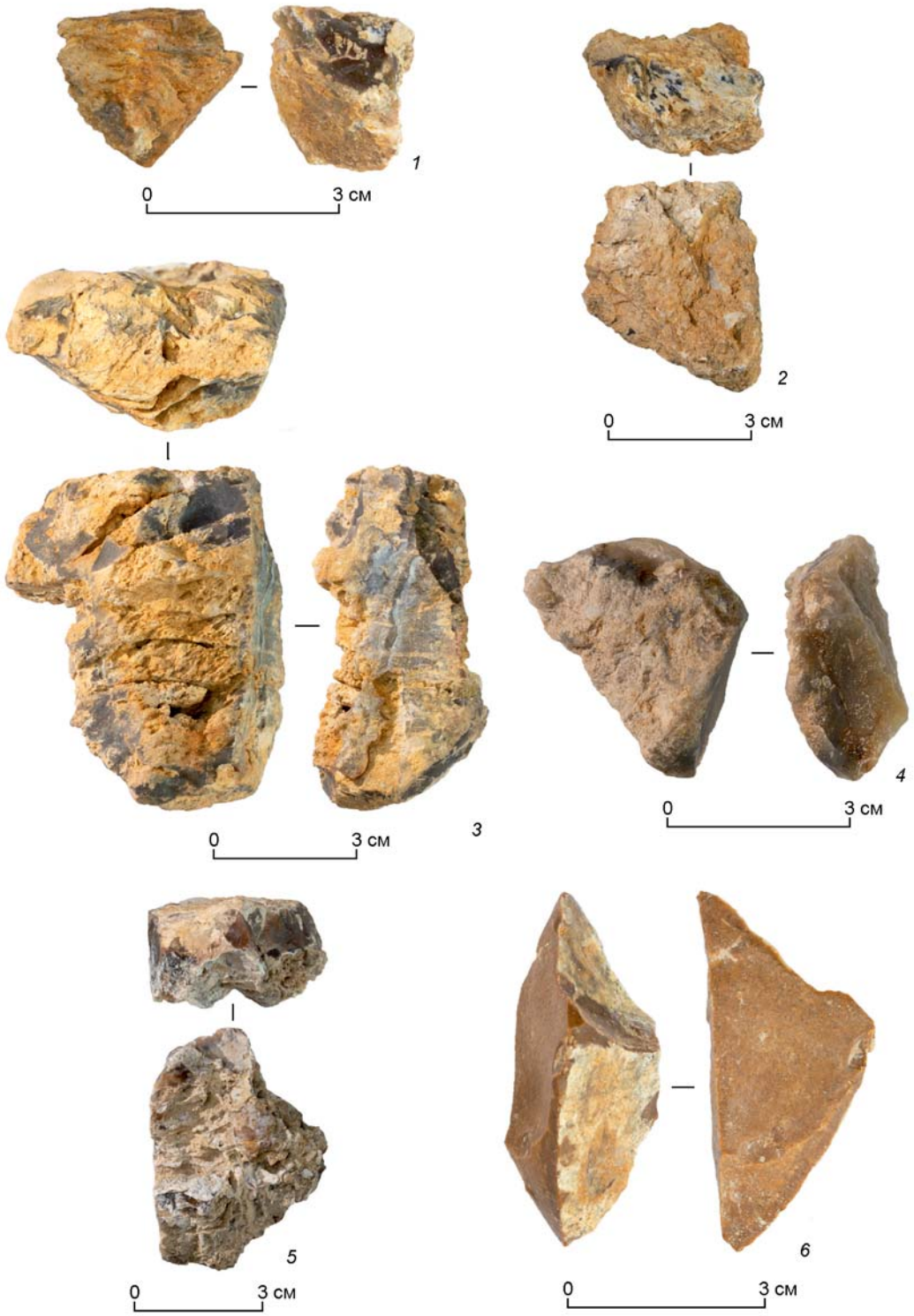

Рис. 2. Каменные артефакты из нижней части слоя 7 Раскопа 2 Большого грота пещеры Цагаан-Агуй.
Фотографии С.А. Когая.

1, *2* – остаточные нуклеусы для биполярного раскалывания; *3* – нуклеус; *4–6* – отщепы.

расщепления (sirets) в приплощадочной зоне при нанесении удара. Единственный нуклеус, не связанный с биполярной техникой расщепления, – плоскостной одноплощадочный нуклеус с конвергентной однонаправленной системой расщепления. С контрфронта снят массивный скол, который мог быть случайным или попыткой организовать второй фронт, завершившейся заломом (рис. 2, *3*).

Гальки расколотые – 4 экз. Все небольшого размера, с бессистемным раскалыванием.

Отщепы – 10 экз. По крайне мере пять из них связаны с биполярной техникой расщепления. Один из них – поперечный, с двугранной площадкой. Другой предмет с гладкой площадкой сильно замыт, он снял верхнюю часть нуклеуса вместе с площадкой. На углу дистального окончания предпринята попытка оформить скребковый высокий рабочий край, сняты две удлиненные фасетки (рис. 2, *4*). На двух отщепах, снятых с биполярных нуклеусов, на вентральной поверхности читаются ударные бугорки у противолежащих площадок. У одного из них дорсальная и вентральная поверхности сильно изъедены химической реакцией, но гладкие площадки сохранились (рис. 2, *5*). Еще один отщеп снят с горизонтального биполярного поворотного нуклеуса, он обладает гладкой площадкой и ортогональной огранкой дорсала. Остальные отщепы, не связанные с биполярной техникой, имеют продольно-поперечную, поперечную и ортогональную огранки и гладкие ударные площадки. Присутствует отщеп, фрагментирующий более массивный скол в его дистальной части, где есть следы реализации расщепления на вентрале. Дорсальная поверхность отщепа представляет собой естественный дорсал изначальной заготовки и вентральную поверхность со следами скалывания (рис. 2, *6*). В коллекции присутствует единственное орудие – шиповидное на мелком отщепе с бессистемной огранкой дорсала. Шип оформлен на правом продольном крае на углу дистала нанесением вентральной выемки – уплощенного неретушированного анкоша.

Фаунистическая коллекция Раскопа 2

В полевом сезоне 2024 г. в раскопе 21/2 в основании толщи отложений уровня 7 были обнаружены очень скудные остатки позвоночных. Они представлены фрагментами костей голени очень крупной лягушки, диафизарным фрагментом большой берцовой кости толая, неполной плечевой костью пищухи и фрагмент челюсти бугорчатозубого грызуна. Все они довольно сильно фоссилизованы, имеют плотную ткань, темно-серо-черного цвета.

В Большом гроте в силу интенсивной антропогенной нагрузки (рекреационная и строительная деятельность) отложения подвергаются вытаптыванию и технотурбациям, в силу чего ископаемые и голоценовые материалы оказываются на поверхности ежегодно. В 2024 г. с пола этого грота были собраны кости голоценовых газелей (лопаточные) и птицы. Из плейстоценовых остатков хорошей сохранностью обладают первая фаланга кулана, добавочная кость запястья Caprinae gen., диафизарный фрагмент большой берцовой кости толая. Значительно хуже сохранились фрагменты черепной коробки и фрагмент диафиза плюсневой кости горного барана.

Изучение современной природно-климатической обстановки в массиве Цагаан-Цахир

В 2024 г. также были продолжены сборы рецентного остеологического материала в окрестностях массива Цагаан-Цахир. В каньоне с пещерой, под старым гнездом крупной хищной птицы, благодаря интенсивным летним ливневым дождям были размыты щебнистые отложения. На поверхности обнажились кости, являющиеся пищевыми сборами стервятников и хищников. Из крупных костей присутствуют роговой стержень с чехлом джейрана, астрагал очень молодого верблюжонка с отслоениями надкостницы, продольная половина первой фаланги лошади, фрагменты ребер средних копытных, фрагмент второй фаланги газели, зубные обмылки и роговые колпачки фаланг Caprinae gen. со следами кислотной коррозии. Среди погадочного материала очень много костной трухи, определимых костей толая и мелких млекопитающих немного. Также в этом сезоне удалось обнаружить у восточной оконечности горной гряды мумифицированную заднюю ногу дзерена, представленную голеностопным суставом, плюсневой костью и первыми фалангами (дистальные фаланги отгрызены, вторые также повреждены). Это доказывает симпатрию дзерена и джейрана на данной территории, что затрудняет идентификацию ископаемых фрагментарных остатков газелей в пещерных отложениях Цагаан-Агуя. Для коллекции также были собраны в основном краниологические материалы по домашним верблюдам, лошадям и коровам.

В пещере на протяжении двух лет устанавливаются фотоловушка и регистраторы температуры и влажности. В 2024 г. удалось зафиксировать смыв слоя 1.1 в северной части пещеры в три этапа в июне – августе благодаря полученным снимкам. Слой был вымыт из пещеры водой, поступающей из отверстия в потолке пещеры и в результате обнажившей отложения слоя 2.1 (рис. 3, *1*). Очевидно, подобные процессы происходили периодически, вынося археологические материалы вместе с отложениями из Большого и Входного гротов на Предвходовую площадку и в ложе каньона. Обитатели пещеры, зафиксированные камерой, в целом соответствуют снятым в 2022–2023 гг.: хомяк, пищуха, заяц-толай, лисица, саджа. Лисица, обитавшая ранее в пещере в зимнее время на постоянной основе, в этом году отметилась редкими визитами (рис. 3, *2*), зато хомяк проживал круглогодично. Помимо уже известных животных, было зафиксировано появление охотящегося филина (рис. 3, *4*). Наиболее значительным стало выявление обитания летучих мышей-ушанов *Plecotus austriacus* (Fischer, 1829), занесенных в красную книгу (рис. 3, *3*). Они обитали в пещере в конце мая – июне. Как показывает наблюдение, современные пищухи и толаи посещают пещеру и используют как укрытие, их экскременты

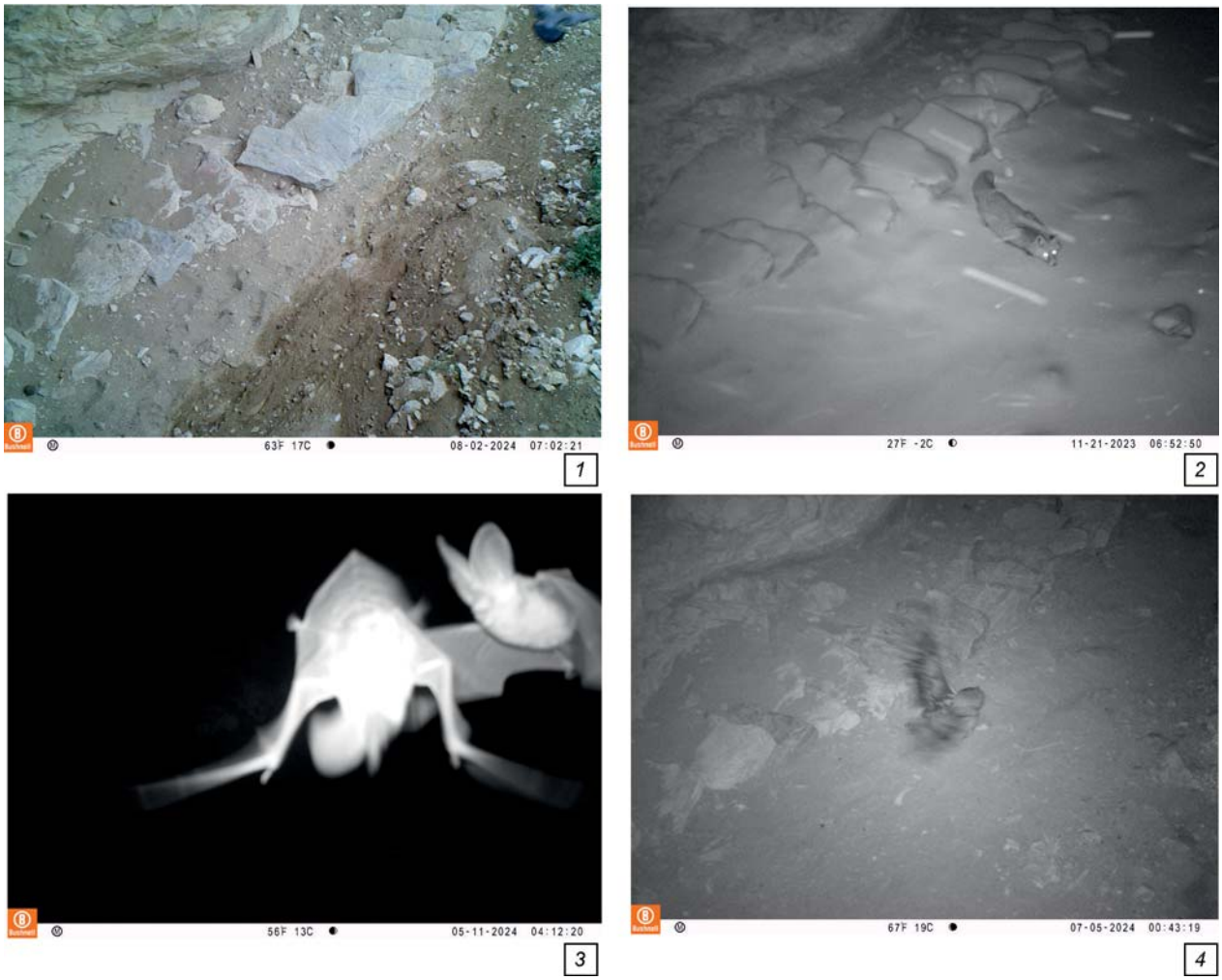

Рис. 3. Снимки, сделанные в 2023–2024 гг. фотоловушкой Bushnell Trophy Cam HD Agressor Low-Glow 16MP.
1 – размыв слоя 1 в северной части пещеры водой, поступающей из отверстия в потолке пещеры; *2–4* – представители фауны, обитающие в пещере Цагаан-Агуй и ее окрестностях (лисица, летучая мышь – ушан, филин).

были найдены даже в Малом гроте. Хомяки и мыши обитают в пещере и привлекают хищников. За два года нами не были зафиксированы факты приноса лисой добычи в пещеру, однако остатки толаев и мышей могли накапливаться при участии хищников, о чем свидетельствуют погрызы на заячьих костях и эрозия их поверхностей в погадочном материале. В целом отмечается значительное снижение посещений пещеры животными, что связано с большим туристическим потоком, не прекращающимся в зимнее время.

В Большом и Малом гротах пещеры Цагаан-Агуй были установлены регистраторы влажности и температуры. Ожидаемо, в Малом гроте температуры оказались наиболее стабильными и теплыми, среднегодовая – +7,6 °С, наиболее низкая – +4,9 °С, наиболее высокая – +21,6 °С. Малый грот, помимо его небольшой площади и отсутствия дневного света, малопригоден для обитания ввиду высокой круглогодичной влажности: среднегодовой показатель достигает 83,4 %, наиболее низкий – 15,2 %, наиболее высокий – 100 %. При этом 100 % влажность устанавливается в зимние месяцы и держится до конца марта практически без колебаний. Большой грот, напротив, подвержен значительным колебаниям температуры и влажности как суточным, так и сезонным. Регистратор был установлен в глубине грота, в его задней стенке; температурные показатели, снятые на Предвходовой площадке фотоловушкой, отличаются от внутренней полости пещеры. Среднегодовая температура внутри Большого грота составляет +4,8 °С, наиболее низкая – –9 °С, наиболее высокая – +21,2 °С. Среднегодовой показатель влажности достигает 46,1 %, наиболее низкий – 15,7 %, наиболее высокий – 86,9 %. Снежный покров в массиве Цагаан-Цахир не устанавливался, снег выпадал несколько раз в ноябре, декабре и апреле, впервые – 10 ноября. Исходя из предварительных данных по палеоклиматическим условиям в окрестностях пещеры, в верхнем плейстоцене климат был теплее и влажнее; можно предположить, что пещера могла быть пригодной и для обитания в ней в зимнее время, однако нельзя исключать, что в это время мог устанавливаться кратковременный снежный покров.

Заключение

Стратиграфия Раскопа 2 в Большом гроте значительно отличается от профилей 1990-х гг. Начиная со слоя 5, здесь формировались отложения, отличные от тех, которые были выявлены в южной части пещеры. Средняя пачка слоев в Раскопе 2, наиболее вероятно, полностью относится к среднему плейстоцену. Характер отложений слоя 5 указывает на обводненность в окрестностях массива Цагаан-Цахир. Это косвенно подтверждается наличием остатков гигантской лягушки в нижней части слоя 7, хотя она могла быть привнесена вместе с продуктами жизнедеятельности других животных. Находка этой лягушки потенциально является первой для гигантских лягушек среднего плейстоцена Северной и Центральной Азии.

Каменная индустрия нижней части слоя 7 содержит свидетельства применения биполярной техники расщепления, хотя в вышележащем слое 6 они отсутствовали. Наибольшее сходство эта индустрия обнаруживает с памятниками раннего и среднего палеолита на территории Китая. Связано это, прежде всего, с использованием наковален для расщепления сырья плохого качества. Орудия практически отсутствуют в ассамбляже, за исключением небольшого шиповидного изделия. Не исключено также присутствие в этом комплексе нуклеусов на сколах, но, ввиду плохой сохранности поверхностей артефактов, необходимо использование дополнительных аналитических методов.

Изучение современных природно-климатических условий позволяет с большей достоверностью реконструировать накопление фаунистических остатков в отложениях пещеры, в т.ч. костей и погадок птиц, костей грызунов и зайцеобразных.

Благодарности

Исследования проводились при поддержке проекта РНФ № 24-48-03020 «Расселение видов человека и животных вдоль цепи Алтайских гор в плейстоцене». Мы благодарим канд. ист. наук С.А. Когая за предоставленные фотографии, канд. ист. наук Д. Базаргура за консультации и Н. Тувшинцэнгэла за помощь в полевых работах.

Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Цэрэндагва Я. https://orcid.org/0000-0002-8937-6447
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072
Далантай С. https://orcid.org/0000-0001-5647-5871
Маргад-Эрдэнэ Г. https://orcid.org/0000-0002-9416-7922
Гунчинсурэн Б. https://orcid.org/0000-0001-5052-5081
Олсен Дж.У. https://orcid.org/0000-0001-5295-7451

Дата сдачи рукописи: 26.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0361-0365
УДК 902.21

А.М. Чеха[1], Д.Р. Плотников[1], А.С. Деревнина[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: Chekhandrej@yandex.ru

Результаты археологической разведки в Усть-Канском районе Республики Алтай в 2024 году

В статье рассматриваются результаты полевых археологических разведочных работ, проведенных с целью выявления новых археологических объектов на территории Усть-Канского р-на Республики Алтай. Маршрут разведки производился по долинам рек Ануй, Чарыш, Кырлык, Кан. Одной из основных целей разведочных работ являлось выявление палеолитических местонахождений, приуроченных к скальным массивам. В связи с этим особое внимание уделялось таким объектам, как пещеры, навесы и гроты. Также, в рамках изысканий обследовались все археологические объекты, расположенные на территории исследуемого района. Так как разведка предполагала проведение археологического мониторинга без осуществления земляных работ, обнаруженные объекты визуально оценивались на наличие подъемного материала. Так, было продолжено исследование окрестностей с. Яконур. Здесь в дополнение к прошлым исследованным объектам были описаны пещера, грот и три скальных навеса. Некоторые из выявленных структур не имели рыхлых отложений, в других мощность грунта не достигала 15–30 см. В 1 км южнее Денисовой пещеры частично обследована долина р. Чинолык, где выявлено несколько скальных навесов. В долине р. Кырлык, недалеко от одноименной деревни, обнаружено несколько каменных оградок. Севернее с. Черный Ануй на поверхности второй надпойменной террасы обнаружен единичный подъемный материал, состоящий из фрагмента керамики и двух железных предметов: тесла и наконечника пояса. Разведочные работы, продолженные в Усть-Канском р-не, показали дальнейшую перспективность открытия на этой территории новых археологических объектов широкого хронологического диапазона.

Ключевые слова: *Республика Алтай, Усть-Канский район, разведка, пещера, грот, навес, каменная ограда.*

A.M. Chekha[1], D.R. Plotnikov[1], A.S. Derevnina[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: chekhandrej@yandex.ru

Results of Archaeological Survey in the Ust-Kan District of the Altai Republic in 2024

The article reviews the results of the field archaeological survey carried out to identify new archaeological sites in the Ust-Kan district of the Altai Republic. The survey route was located along the valley sides of the rivers of Anui, Charysh, Kyrlyk, and Kan. A main purpose of the survey work was to identify the Paleolithic sites associated with rock massifs. Therefore, special emphasis was placed on locations such as caves, shelters, and grottoes. The survey also included the research of all archaeological sites located throughout the area under investigation. As the survey implied archaeological observation without excavation, the identified sites inspected visually, for the presence of artifacts. For example, the research extended to the area around the village of Yakonur. In addition to previously researched objects, a cave, a grotto, and three rock shelters were characterized in this area. Several of these identified sites had no loose deposits, while in others, the soil thickness was less than 15–30 cm. One kilometer south of Denisova Cave, the valley of the Chinolyk stream was partially investigated, where a few rock shelters were identified. Near the Kyrlyk village, several stone hedges were found in the valley of the Kyrlyk River. The artifact collection including a fragment of pottery and two iron objects (a cleaver and a belt end) represented a single find on the upper second terrace to the north of the village of Cherny Anui. The survey continued in the Ust-Kan district has demonstrated further potential for discovering new archaeological sites of a vast chronological range there.

Keywords: *Altai Republic, Ust-Kan district, archaeological survey, cave, grotto, canopy, stone hedge.*

В 2024 г. в рамках полевых экспедиционных исследований Алтайского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН продолжились разведочные работы в Усть-Канском р-не Республики Алтай. В этом районе сконцентрированы памятники всех основных археологических эпох – от каменного века до Средневековья. Целью разведочных работ было выявление объектов археологического наследия без осуществления земляных работ. Особое внимание уделялось скальным объектам – пещерам, навесам, гротам. Разведочный маршрут осуществлялся по бортам и в долинах рек Ануй, Чарыш, Кырлык, Кан [Чеха, 2022].

Характерным элементом морфоструктуры Центрального Алтая являются внутригорные тектонические впадины-котловины. Самой большой межгорной котловиной является Чуйская впадина. Остальные котловины среднегорной зоны, куда входит Канская, имеют гораздо меньшие размеры. Они состоят, как правило, из нескольких крупных долин, разделенных низкими горными грядами. Равнинный рельеф котловин образован преимущественно аккумулятивными формами различного генезиса, которые осложнены эрозионной деятельностью рек, а по окраинам – мощными пролювиальными выбросами с гор [Шуньков, 1990].

Усть-Канский р-н находится в бассейне верхнего течения р. Чарыш, в западной части Ануйско-Чуйского синклинория. Абсолютные высоты колеблются от 600 м в Канской степи, до 1 000–1 500 м в окружающих ее массивах.

Район характеризуется засушливым континентальным климатом. Здесь карстуются силурийские известняки, выступающие в виде отдельных массивов по окраинам Канской котловины и в долинах Каерлыка и Ябогана [Цыкин, Цыкина, Черняева, 1979].

Наиболее известным археологическим памятником здесь является Усть-Канская пещера в Канской котловине, находящейся между макросклонами Терехтинского и отрогами Коргонского хребта. Рельеф этой территории среднегорный, резко расчлененный, с абсолютными отметками 1 100–2 100 м при относительном превышении от 200 до 1 000 м. Южные склоны гор крутые и преимущественно безлесные, северные – более пологие, задернованы и покрыты лесом. Главная водная артерия р. Чарыш берет свое начало с отрогов Коргонского хребта и имеет множество притоков. Чарыш и его притоки Кырлык, Ябоган, Кан имеют широкие безлесные, местами заболоченные долины [Деревянко, Постнов, Чевалков, 2001].

Навес Чинолык-1. Высота над урезом воды в р. Чиналык – 15 м. Навес расположен на правом берегу ручья в 1,5 км от устья, ориентирован на восток, образовался в ходе отделения блоков известняка по субгоризонтальным трещинам.

Высота навеса – 1,95 м, ширина – 1,8 м, глубина – 1 м. В северном углу потолка свода находится щелевидный вход в субвертикальный коридор, уходящий на север-северо-запад под углом ок. 70°. На высоте 0,6 м от устья коридор расширяется, образуя камеру глубиной 3,3 м, шириной 2,5 м и высотой 1,4 м с субгоризонтальным дном, наклоненным в восточном направлении под углом ок. 30°. Камера лишена сплошной пачки рыхлых отложений, пол представляет скальное основание с локальными участками концентрации легкого пылеватого бурого суглинка в понижениях; максимальная мощность осадка (пылеватый пересушенный суглинок бурого цвета) не превышает 5 см.

Перед навесом находится задернованная предвходовая площадка шириной до 2 м и длиной до 0,5 м, поросшая травянистой растительностью. Мощность отложений под навесом и на предвходовой площадке не превышает 0,3 м. Подъемный археологический материал зафиксирован не был, раскопок не проводилось.

Навес Чинолык-2. Высота над урезом воды в р. Чиналык – 25 м. Навес расположен на правом берегу ручья в 2 км от устья, ориентирован на северо-запад, образовался в ходе отделения блоков известняка по субгоризонтальным трещинам.

Высота навеса – 6 м, глубина – до 2 м, ширина – 15 м. Дно наклонено в сторону русла ручья (северо-восточное направление) под углом ок. 10°, усыпано разноразмерным известняковым щебнем, одиночными глыбами (до 70 см в поперечнике), листовым опадом, углями и пометом животных. Заполнитель – увлажненный гумусированный суглинок темно-бурого цвета, местами сухой и пылеватый. На поверхности свода навеса фиксируются отдельные участки копоти (на высоте от 2 до 2,5 м от дна). На отдельных участках дна обнаружены экспонированные на дневную поверхность единичные кости животных голоценовой сохранности. Подъемный археологический материал зафиксирован не был, раскопок не проводилось.

Грот Усть-Канский расположен на высоте 31 м (абс. 1 064 м) над урезом р. Чарыш. Грот расположен на восточном склоне известнякового останца, в котором находится Усть-Канская пещера (наблюдается с проходящей у подножия скалы дороги). Устье грота ориентировано на северо-восток. Полость проработана по схождению субвертикальной и субгоризонтальной трещин.

Внутри грота выделяется два яруса. Пол верхнего яруса лишен рыхлых отложений, на горизонтальной скальной поверхности фиксируются отдельные погадки хищных птиц и кости мелких млекопитающих. Подъемный археологический материал зафиксирован не был, раскопок не проводилось.

Высота устья нижнего яруса – 2 м, ширина 2 м. По мере углубления внутрь грота свод и стены полости сужаются, смыкаясь с полом на глубине ок. 3 м. Дно усыпано большим количеством разноразмерного известнякового щебня, пометом животных, растительным детритом; заполнитель – легкий пылеватый

суглинок бурого цвета. Присутствует предвходовая площадка шириной 2,7 м и длиной до 1 м. Мощность рыхлых отложений не превышает 0,3 м. Подъемный археологический материал зафиксирован не был, раскопок не проводилось.

Навес Усть-Канский расположен на высоте 33 м (абс. 1 064 м) над урезом р. Чарыш. Расположен в 20 м южнее грота. Образован в ходе отделения блоков известняка по субвертикальным трещинам. Высота – 1,5 м, ширина – 1,5 м, глубина – до 0,4 м. Профиль навеса подтреугольный, ориентация северо-восточная.

Пол усыпан мелким известняковым щебнем, пометом. Заполнитель – легкий сухой гумусированный суглинок бурого цвета. Мощность отложений не превышает 15 см. Подъемный археологический материал зафиксирован не был, раскопок не проводилось.

Оградка Кырлык-1 расположена на высоте 30 м (абс. 1 130 м) над урезом р. Кырлык. Оградка подпрямоугольной формы (2,0 × 1,5 м), сложена из разновеликих (от 0,4 до 0,8 см) сланцевых плит, глыб песчаника и жильного кварца. В северо-восточном углу установлена крупная сланцевая глыба кубической формы. Западная стенка оградки, сложенная из плит сланца, ввалилась внутрь.

Подъемный археологический материал или изображения на камнях обнаружены не были, раскопок не проводилось.

Оградка Кырлык-2 расположена на высоте 20 м (абс. 1 120 м) над урезом реки Кырлык, в 1 км вверх по дороге от Оградки-1. Оградка округлой формы (D = 2 м), сложена из сходных по размеру (0,8 м) глыб сланца. Глыбы не сомкнуты между собой, пространство между ними не заполнено. Подъемный археологический материал или изображения на камнях обнаружены не были, раскопок не проводилось.

Курган Кырлык-1 расположен на высоте 30 м (абс. 1 130 м) над урезом р. Кырлык. Одиночный курган. Диаметр насыпи – 7 м, высота – 0,8 м. Насыпь сложена крупными обломками местных пород (сланцы, жильный кварц). В центральной части насыпи фиксируется западина грабительского хода глубиной около 0,3 м и диаметром до 1 м. Подъемный археологический материал зафиксирован не был, раскопок не проводилось.

Навес Яконурский-1 расположен на высоте 60 м (абс. 1 060 м) над урезом р. Кан. Высота 2,1 м, глубина 2,2 м, ширина 3,4 м. Экспозиция юго-восточная, пол падает в юго-западном направлении под углом ок. 20°. Дно усеяно разновеликим обломочным материалом, отделившимся от свода, пометом животных; присутствуют небольшие участки обнаженного скального основания. Рыхлые отложения представляют собой легкий пылеватый пересушенный суглинок бурого цвета с примесями органического детрита. Толщина отложений не превышает 5 см. Подъемный археологический материал не зафиксирован, раскопок не проводилось.

Навес Яконурский-2 имеет высоту 57 м (абс. 1 060 м) над урезом р. Кан. Экспозиция юго-восточная, высота 1,7 м, ширина 2 м, глубина 1,3 м. Пол скальный, усеян щебнем и пометом животных. Рыхлые отложения отсутствуют, подъемный материал обнаружен не был.

Навес Яконурский-3 расположен на высоте 70 м (абс. 1 060 м) над урезом р. Кан. Экспозиция восточная, высота свода – 2 м, глубина – 1,5 м, ширина – 5 м. Навес образовался в ходе отделения блоков известняка по горизонтальной трещине. Предвходовая площадка не выражена, навес открывается на задернованный склон долины. Пол ровный, покрыт мелким щебнем и дресвой известняка. Заполнитель – легкий гумусированный суглинок мощностью не более 0,1 м. Подъемный археологический материал обнаружен не был, раскопок не проводилось.

Пещера Яконурская-6 имеет высоту 59 м (абс. 1 060 м) над урезом р. Кан. Сквозная пещера, выработанная по субгоризонтальной трещине в известняке. Экспозиция главного устья юго-восточная, предвходовая площадка имеет ширину ок. 5 м и протяженность не более 1 м. Высота в устьевой части – 2,1 м, ширина – 4 м, протяженность – 6 м, по мере продвижения вглубь свод и пол постепенно сходятся, открываясь вторым устьем размерами 1,5 в высоту и 2 м в ширину (предвходовая площадка отсутствует, выход оканчивается отвесным скальным обрывом). Пол усеян пометом мелкого рогатого скота, листьями, щебнем известняка размером до 30 см. Заполнитель – легкий темно-коричневый гумусированный суглинок мощностью до 0,3 м. Подъемный археологический материал зафиксирован не был, раскопок не проводилось.

Грот Яконурский-7 находится на высоте 97 м (абс. 1 060 м) над урезом р. Кан. Экспозиция южная, высота – 1,8 м, ширина – 1 м, глубина – 1,6 м. Предвходовая площадка отсутствует, устье открывается на крутой склон долины. Пол покрыт известняковым щебнем, заполнителем является легкий бурый суглинок. В северной части свод и пол сходятся, образуя стенку с расположенным в нижней трети отверстием миндалевидной формы (20 × 40 см), являющимся устьем карстовой воронки, которая уходит в скальник на глубину более 1 м. Подъемный археологический материал обнаружен не был, раскопок не проводилось.

Единичный подъемный материал обнаружен на поверхности второй надпойменной террасы правого берега р. Ануй, в 1 км к юго-востоку от слияния с р. Каракол. Терраса имеет высоту 7 м над урезом воды, верхняя часть задернована. В ходе осмотра поверхности было зафиксировано множество (более 50) крупных (до 30 см высотой и до 30–40 см в диаметре) земляных насыпей, возникших в ходе деятельности роющих млекопитающих. При обследовании состава выбросов было установлено, что основная масса извлеченного грунта относится к верхним гумусирован-

Единичный подъемный материал, собранный у с. Черный Ануй.
1 – тесло; *2* – наконечник пояса; *3* – фрагмент сосуда.

ным горизонтам с примесью подстилающих суглинков; кроме того, было зафиксировано присутствие разнообразных включений, перемещенных вместе с почвой. В большинстве случаев включениями являлись обломки известняка и мелкие гальки, однако в ряде выбросов были обнаружены осколки стекол, фрагменты керамики, костей животных и металлические изделия. Большинство обнаруженных предметов являются современным антропогенным мусором или остатками бытовых предметов XX в., относящихся к жизни населения расположенного близ террасы с. Черный Ануй. К археологическим находкам относятся 3 предмета – фрагмент керамики и два железных изделия, относящиеся к булан-кобинской культуре (определения д-ра ист. наук В.В. Горбунова).

Единственным керамическим изделием является фрагмент тулова сосуда без орнамента (67 × 57 × × 7 мм). Внешняя и внутренняя стороны тщательно заглажены щепой; в тесте присутствуют включения слабоокатанного песка (размер зерна – до 2 мм) с незначительной примесью слюды (см. *рисунок*, *3*).

Железные предметы, обнаруженные в ходе разведки, включают тесло и наконечник пояса.

Тесло (101 × 40 × 21 мм, вес 133,4 г) втульчатое, втулка несомкнутая, расстояние между краями втулки 19 мм, глубина втулки – 45 мм, длина рабочей части – 54 мм. Рабочая часть тесла направлена вниз, при этом лезвие, напротив, отогнуто вверх. Кромка лезвия прямая, в профиль слабовогнутая, с направленными вниз краями. На внутренней стороне изделия близ границы втулки и рабочей части присутствуют две субгоризонтальные насечки длиной 16 мм (следы кузнечного инструмента) (см. *рисунок*, *1*).

Наконечник пояса целый, сложный, в раскрытом положении достигает размеров 122 × 36 × 14 мм, вес – 75,3 г. Конструкционно он состоит из основания и двух подвижных элементов – пряжки и язычка. Основание имеет вид пластины толщиной 4 мм и длиной 89 мм, сужающейся в сторону пряжки и скрепленной с ней посредством поперечного изгиба. Задний конец основания фигурный, имеет форму пары округлых выступов, в центре каждого из которых пробито округлое отверстие диаметром 3 мм; на внутренней стороне находится короткий (11 мм) крюк, направленный назад. Пара отверстий (D = 4 мм) расположены близ пряжки на внешней стороне основания и на внутреннем (загнутом) конце пластины. Пряжка имеет форму трапеции с четырехгранным сечением контура, вставленной широкой стороной в изгиб основания. Язычок (47 × 8 × 5 мм) прикреплен к короткой поперечной стороне пряжки задним петлеобразным концом; противоположный конец острый, изогнут в профиль в месте контакта с пряжкой. Для свободного движения язычка в основании наконечника в области сгиба проделано продольное отверстие прямоугольных очертаний (32 × 8 мм) (см. *рисунок*, *2*).

Таким образом, продолжающиеся разведочные работы в Усть-Канском р-не Республики Алтай выявили новые археологические объекты и подтвердили дальнейшую перспективность открытия на этой территории новых археологических местонахождений широкого археологического диапазона.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Деревянко А.П., Постнов А.В., Чевалков Л.М. История геологического изучения и проблема возраста четвертичных отложений Усть-Канской пещеры // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 29–38.

Цыкин Р.А., Цыкина Ж.Л., Черняева К.П. Пещеры Алтае-Саянской горной области. – Красноярск: ВИНИТИ, 1979. – 163 с.

Чеха А.М. Археологическая разведка в Усть-Канском районе Республики Алтай в 2022 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 389–393. – doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0389-0393

Шуньков М.В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 159 с.

References

Chekha A.M. 2022 Archaeological Survey in the Ust-Kan District of the Republic of Altai. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022, Vol. 28. P. 389–393. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0389-0393

Cykin R.A., Cykina Zh.L., Chernyaeva K.P. Peshchery Altae-Sayanskoj gornoj oblasti. Krasnoyarsk: VINITI, 1979. 163 p. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Postnov A.V., Chevalkov L.M. Istoriya geologicheskogo izucheniya i problema vozrasta chetvertichnykh otlozhenii Ust'-Kanskoi peshchery. *Drevnosti Altaya*. Gorno-Altajsk: GAGU Publ., 2001. P. 29–38. (In Russ.).

Shun'kov M.V. Must'erskie pamyatniki mezhgornyh kotlovin Central'nogo Altaya. Novosibirsk: Nauka, 1990. 159 p. (In Russ.).

Чеха А.М. http://orcid.org/0000-0002-2427-7480
Плотников Д.Р. http://orcid.org/0000-0002-6855-7011
Деревнина А.С. http://orcid.org/0000-0003-1434-3875

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0366-0372
УДК 902.01

А.Н. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

Пластинчатые наконечники со стоянки Устье Реки Кутарей (Северное Приангарье)

На современном этапе исследований ведется активный анализ археологического материала, полученного в ходе спасательных работ в зоне строительства Богучанской ГЭС и его ввод в научный оборот. В результате проведенных исследований представительные коллекции археологического материала были получены в т.ч. на памятниках в устье реки Кутарей (Устье Реки Кутарей, Сенькин Камень, Гора Кутарей, Ручей Поварный). В силу особенностей формирования отложений и проблематики изучения региона, особенно важны детальное изучение археологического материала, планиграфический контекст, сравнительный анализ с одновременными памятниками Приангарья. В результате исследования археологических материалов памятника Устье Реки Кутарей удалось выявить условно «чистые» неолитические комплексы и смешанные (с примесью керамики эпохи бронзы – Средневековья). Для более четкого понимания ситуации по Усть-Кутарейскому участку в целом была произведена выборка и выполнен сравнительный анализ материалов с соседних памятников (Гора Кутарей и Сенькин (Синий) камень). Проведенные исследования позволили выявить на памятнике Устье Реки Кутарей концентрацию производства мелких пластинчатых сколов, а на памятнике Гора Кутарей производства тесел, топоров и веерных скребков, выполнен анализ целевых пластинчатых сколов, бифасиальных изделий. В результате удалось, хоть и с долей условности, выделить более ранний (средний) этап неолита (гор. 2 сл. 3 памятника Устье Реки Кутарей) и более поздний (сл. 3. гор. 1, сл. 2 стоянки Устье Реки Кутарей, Гора Кутарей). В данной работе представлены результаты изучения наконечников стрел (в т.ч. трехгранных и пластинчатых) со стоянки Устье Реки Кутарей как, вероятно, более раннего компонента слоя 2 стоянки. Эти данные внесут существенный вклад в разработку вопроса о критериях неолитических индустрий региона, их вариабельности.

Ключевые слова: *Северное Приангарье, неолит, палеометалл, каменная индустрия, компрессионный характер отложений, пластинчатые наконечники, спасательные археологические работы.*

A.N. Chekha

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

Blade Points from the Ust-Kutarey Site in the North Angara Region

Rescue archaeological excavations performed in the North Angara region (2008–2011) have provided many archaeological sites, including Ust-Kutarey, Senkin Kamen, Gora Kutarey, and Ruchey Povarny. Currently, the obtained evidence is being actively analyzed and introduced to the scientific use. Specifics of formation of cultural sediments and problems associated with the study of materials from the region especially require detailed research, spatial analysis, and comparison with adjacent and synchronous sites in the Angara Region. A detailed study of the evidence from the Ust-Kutarey site determined conventionally "pure" Neolithic and mixed (with an admixture of Bronze to Medieval age ceramics) complexes. To provide a better understanding of the situation in the Ust-Kutarey region as a whole, the collection of samples (blades, cores, stone tools) was selected for the comparative analysis of the evidence from the adjacent locations (Gora Kutarey and Senkin (Siniy) Kamen). The study established that the Ustye Reki Kutarey site was engaged in the production of small blade flakes, while the Gora Kutarey site produced adzes, axes, and radial scrapers. Moreover, the analysis of the target blade flakes and bifacial products was performed. As a result, it was possible, although with a degree of conditionality, to distinguish the earlier (middle) stage of the Neolithic (Ust-Kutarey site, horizon 2, layer 3) and the later stage (horizon 1, layer 3, layer 2 of the Ust-Kutarey site, Gora Kutarey site).

This article provides the results of the study of stemmed points (including triangular and blade points) from the Ustye Reki Kutarey site as, probably, the earliest component of layer 2 of the site. These data will significantly contribute to the development of the issue of determining criteria of the Neolithic industries in the region, and their variability.

Keywords: *North Angara region, Neolithic, Metal Age, stone industry, blade points, compression-type deposits, rescue archaeological excavations.*

Памятники в устье реки Кутарей относятся к Северному Приангарью. Стоянка Устье Реки Кутарей располагается на левом берегу Ангары в 15 км ниже по течению от бывшего с. Кежма, на правом берегу в устье р. Кутарей. Археологический памятник Гора Кутарей расположен в Кежемском р-не Красноярского края, на левом берегу Ангары, в 617 км от ее устья, у подножия горы Кутарей, в 1,2 км ниже устья р. Кутарей, в 15 км ниже по течению от бывшего с. Кежма. Археологический памятник Сенькин (Синий) Камень расположен в Кежемском р-не Красноярского края, на левом берегу Ангары, в 621 км от ее устья, в 1,9 км выше устья р. Кутарей, в 12 км ниже по течению от села Кежма.

Исследователями отмечается географическая, климатическая и орографическая обособленность региона, что создавало благоприятные условия для формирования и развития на юге Средней Сибири в раннем неолите самобытных культурных общностей без значительного влияния извне.

Однако изучение археологических памятников региона сопряжено с другими, не столь благоприятными факторами: как правило, памятники Северного Приангарья носят преимущественно стояночный характер с отсутствием закрытых комплексов; отложения на краю прибрежных террас, где располагается большинство местонахождений, слабо стратифицированы (компрессионный характер отложений – макрослоистость) [Гришин, Гаркуша, Марченко, 2011; Богучанская археологическая экспедиция..., 2015].

Макрослоистость формируется в профиле полноразвитой современной почвы. В данном случае разновременные археологические материалы смешаны и находятся в «компрессионном» состоянии, а неолитические материалы приурочены преимущественно к почвенному горизонту красновато-коричневого или бурого цвета, датировка которого приблизительно соответствует атлантическому периоду голоцена 8,0–4,6 тыс. лет. Используя методы сравнительного анализа на основе аналогий и археологической типологии, а также прямое радиоуглеродное датирование керамических сосудов, появилась возможность дать определенную культурно-хронологическую интерпретацию археологических материалов, связанных с данной геоморфологической ситуацией. На некоторых макрослоистых местонахождениях при определенных условиях – в частности, при проведении раскопок на больших площадях в сочетании с локальной концентрацией находок в отложениях – возможно выделение отдельных хронологических групп археологического материала другими способами. Такая ситуация позволяет в полной мере использовать потенциал планиграфического анализа, благодаря которому выявляются отдельные скопления находок, что в свою очередь предоставляет возможность их корректного датирования, в т.ч. с использованием радиоуглеродного анализа.

Проведен детальный технико-типологический анализ каменных индустрий и декоративно-морфологический анализ керамического материала сл. 2 и 3 стоянки Устье Реки Кутарей. Было выявлено, что в слое 3 на уровне обоих горизонтов преобладает керамика, относящаяся к неолиту (усть-бельская, сетчатая, посольского типа). В результате планиграфического сопоставления выявленных культурно-хронологических групп керамики и каменных индустрий на памятнике удалось выявить условно «чистые» неолитические комплексы и «смешанный» комплекс (с примесью более поздней керамики) [Чеха, 2022].

Важную для хронологического определения материалов стоянки Устье Реки Кутарей информацию дало датирование погребения (хотя и безынвентарного), обнаруженного под слоем 3. Получена радиоуглеродная дата 6 619 ± 87 л.н. (NSKA-1863). Наиболее близкие аналогии прослеживаются с погребением 12 могильника Усть-Зелинда-2. Отличается также отсутствием надмогильного сооружения, предметов сопроводительного инвентаря. Дата совпадает с периодом формирования ближайшего ранненеолитического некрополя по Сосновому Мысу (7 560–7 200 л.н.), Усть-Зелинда-1 (погр. 1–3), -2 (погр. 5–7) (7 157–6 555 л.н.) [Марченко и др., 2022], а также хорошо согласуется с датами комплексов с усть-бельской и посольской керамикой.

Наиболее надежные AMS-даты по 7 образцам зубов и костей оленей для комплексов с этой керамикой, полученные в результате раскопок поймы на местонахождении Усть-Белая в Южном Приангарье, демонстрируют ее возраст в интервале – 6 700–6 300 кал. л.н. Для посольской керамики на данный момент достаточно надежные AMS-даты со значениями в диапазоне 6 750–6 310 кал. л.н. получены для местонахождений байкальского побережья [Горюнова, Новиков, 2018]. Близкий возраст (6 539–6 353 кал. л.н.) имеют комплексы с сосудами данного типа и в Южном Приангарье [Савельев, Уланов, 2018]. Наиболее древние проявления посольской керамики отмечены в Канско-Енисейском регионе (Казачка-1, Пещера Еленева).

На памятнике Устье Реки Кутарей выявлена концентрация микропластинчатого производства.

Среди орудий, соотносящихся с неолитическим комплексом 1, многофасеточный резец-дриль. Как правило, в ситуации преобладания микропластинчатой технологии, орудия такого типа связывают с мезолитической традицией. Серия типологически близких орудий представлена в материалах культурного горизонта 2 многослойной стоянки Усть-Кова I [Томилова и др., 2014, с. 82, 96]. Также, подобные изделия известны на памятниках Якутии, континентального Приохотья (стоянки Хуреджа IV–VII, Нил-Устье) [Слободин, 2001, с. 35, 56]. Индустрию комплекса также отличает и наличие листовидных/овальных бифасов, в большинстве своем представленных заготовками и фрагментами (4 целых экз. (один

длиной 10 см), 15 фрагментов, 6 заготовок), а также шлифованных форм (12 тесел, переоформлены и/или оббиты по одному из продольных краев, изготовлены из туфоалевролитов).

Среди орудий, соотносящихся со смешанным керамическим комплексом, следует отметить остроконечник с вентральной ретушью, бифасиально обработанную проколку на пластинке, 3 экз. овальных с прямым насадом наконечников, микроскребок на отщепе размером 16,3 мм, оформленный крутой чешуйчатой ретушью, цапфенный топор из плитки сланцевой породы, выполненный в технике фасонажа по всему периметру отдельности с выделением цапф с пришлифовкой лезвия. Морфологически наиболее близкие изделия (для обоих топоров) найдены на местонахождении Усть-Едарма II (в материалах III и IV уровней) [Липнина, Лохов, Медведев, 2013, с. 88, 94]. В целом комплекс отличается отсутствием орудий на пластинах, тесел, ретушированных отщепов, отсутствием двойных концевых скребков (представлены лишь 4 экз. концевых скребков: 3 – на отщепах, 1 – на пластине).

В слое 2 стоянки Устье Реки Кутарей преобладает керамика, относящаяся к раннему железному веку и Средневековью (тонкожгутиковая посуда шилкинского типа 2 400–2 100 л.н.), керамика цэпаньской культуры (2 800–2 200 л.н.). Неолитический компонент присутствует в небольшом количестве, что можно связать с техногенными нарушениями, особенностями формирования культурного слоя и перепадом высот.

Орудийный набор составляет 175 экз. (3,9 %)*. Значительная его часть представлена ретушированными микропластинами (6 экз.), пластинками (4 экз.) и пластинами (4 экз.) (рис. 1).

Среди орудий значительную серию составляют наконечники стрел (3 целых экз., 18 фрагментов, 13 заготовок). Два целых представляют собой листовидные наконечники с прямым насадом, один длиной 31,5 мм и 10,8 мм шириной, в наибольшем расширении пера оформлен бифасиальной отжимной диагональной крутой ретушью. Другой 56 мм в длину и 17,7 мм в ширину, в наибольшем расширении пера окаймлен бифасиальной разнофасеточной крутой чешуйчатой ретушью (как мелкими, так и средними фасетками). Еще один экземпляр треугольный формы с прямым насадом оформлен плоской параллельной бифасиальной ретушью. Жальце было фрагментировано и затем переработано мелкой чешуйчатой ретушью в проколку. Следует отметить фрагмент трехгранного пластинчатого наконечника, оформленного диагональной отжимной ретушью (грани – крутой, спинка – плоской) и заготовку четырехгранного пластинчатого наконечника, оформленную альтернативной диагональной крутой ретушью (рис. 1, *7*). Технология изготовления подобных изделий подробно описана в работе Е.Ю. Гири и В.М. Лозовского [2014, с. 71–72]. Фрагменты представлены перьями (8 экз.), насадами (вогнутые – 2 экз., прямые – 6 экз.). Обращают на себя внимание два фрагмента «тела» пластинчатых наконечников 15,6 и 13,6 мм в ширину, оформленные плоской диагональной отжимной ретушью, изготовленные из кремня (рис. 2).

Наиболее интересные аналогии прослеживаются с выделенным на Верхней Колыме раннеголоценовым комплексом с черешковыми пластинчатыми наконечниками, широко распространенными на Северо-Востоке Азии. Подобные изделия присутствуют прямо или косвенно в материалах Чукотки (стоянки Верхнетытыльская IV и Нижнетытыльская IV; Тытыль, п. 2), Якутии (Уолбинский могильник, Юбилейный), Камчатки (Ушки I, II (III–IV слой); Авача-1, -9) и рассматриваются исследователями в качестве специфической уолбинской традиции пластинчатых наконечников, сформировавшейся в первой половине голоцена, примерно 8 800–6 000 л.н. Уолбинская традиция характеризуется помимо пластинчатых черешковых и коническими нуклеусами, частично шлифованными двусторонне оббитыми топорами с перехватом, двусторонне обработанными наконечниками треугольной формы, концевыми скребками, ретушированными микропластинками [Слободин, 2018]. На памятниках Верхней Колымы (Уи; Агробаза II), Якутии (Уолба), Приохотья (Кухтуй II), Камчатки (Авача I) также отмечаются трех- и четырехгранные наконечники. Подробно хронология и распространение пластинчатых, в т.ч. черешковых, наконечников рассматривается в статье С.Б. Слободина [Там же]. Хотя пластинчатые наконечники стрел, обнаруженные на р. Лене, Индигирке, Колыме, Чукотке, Кухтуе, как правило, относят к раннему голоцену [Слободин, 2014, с. 111; Мочанов, 1977], подобные традиции могут быть свидетельством древних связей, существовавших между населением Северо-Восточной Европы и Сибири в более раннее время, и продолжать свое существование позднее. Проблемы генезиса и распространения культур с пластинчатыми наконечниками рассматриваются в ряде работ [Диков, 1979; Мочанов, 1977; Воробей, 1996; Питулько, 2003; Кирьяк, 2005; Пташинский, 2006; Кашин, 2013; Слободин, 2018], но эти вопросы для территории Северо-Восточной Азии в целом и Северного Приангарья в частности пока остаются открытыми. А.П. Окладников осторожно предполагал наличие связи пластинчатых наконечников Якутии, Прибайкалья, Амура и Забайкалья с мезолитическими культурами Восточной Европы. Характеризуя «пластинчатые острия» Шилкинской пещеры верховий р. Амур, «изготовленные из ножевидных пластин и обработанные ретушью только частично вдоль краев и / или на кончике», А.П. Окладников [1960, с. 64–65] отмечает, что их форма и характер обработки «указывает на определенную связь с древней мезо-

* Процентное соотношение приведено относительно общего количества каменных артефактов коллекции.

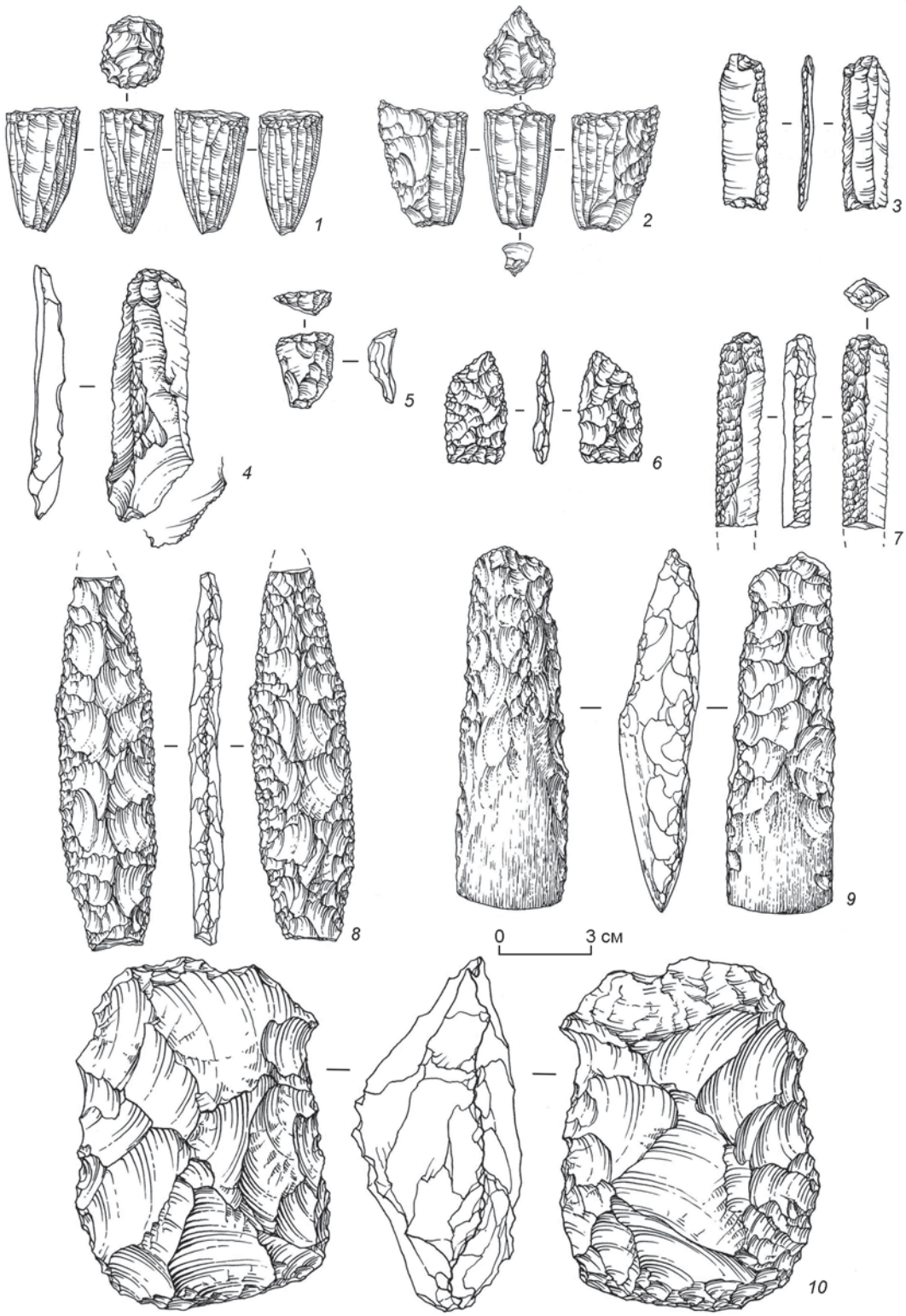

Рис. 1. Каменный инвентарь слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей.

1, *2* – нуклеусы; *3* – пластинка с ретушью; *4* – орудие на пластине; *5* – микроскребок; *6* – фрагмент наконечника стрелы; *7* – заготовка четырехгранного пластинчатого наконечника; *8* – листовидный бифас (наконечник копья); *9* – тесло; *10* – заготовка топора с ушками.

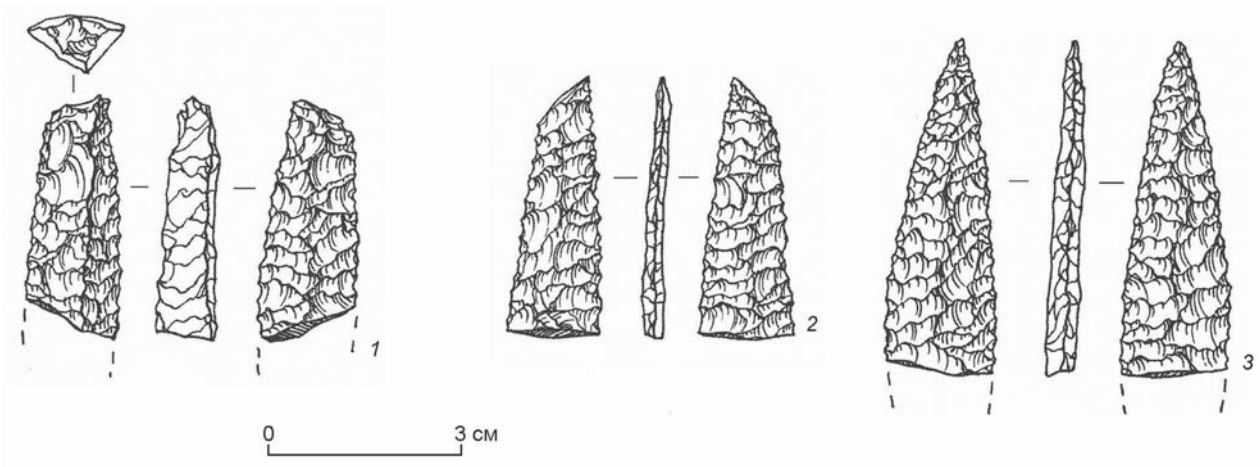

Рис. 2. Пластинчатые наконечники из слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей.

литической техникой обработки кремня и с типами острий, характерными для мезолита», что позволяет сопоставить их «с мезолитическими наконечниками Запада и с хиньскими наконечниками» Прибайкалья. Также вполне допустимо и их конвергентное развитие на основе более широкой евразийской раннеголоценовой традиции. Возможно, что определенную роль в их распространении сыграла среднеамурская раннеголоценовая новопетровская пластинчатая культура [Слободин, 2014]. Для Камчатки Н.Н. Диков предполагал взаимодействие местных позднепалеолитических элементов и новых культурных импульсов, возникших «в результате дивергенции более широкой “мезолитической” культурной общности Северо-Востока Азии» [Диков, 1979, с. 111].

Наряду с наконечниками, в коллекции представлены листовидные бифасы (2 целых, 18 фрагментов, 5 заготовок). Для большинства орудий этой категории характерно оформление ретушью уплощения (фасонаж), плоскими, полукрутыми, реже крутыми разнофасеточными, чаще среднего размера снятиями, а по краям мелкими фасетками, листовидной или овальной формы и прямым насадом. Только на двух фрагментах отмечается параллельная полукрутая бифасиальная ретушь. Целые орудия (2 экз.) составляют 121 мм (см. рис. 1, *8*) и 88,6 мм в длину, в наибольшем расширении пера – 24–35 мм. Следует отметить, что орудия данного типа изготавливались как на пластинах, так и на отщепах.

Немногочисленны тесла (1 целый экз., 1 фрагмент, 1 заготовка) (см. рис. 1, *9*) и топоры (2 заготовки) (см. рис. 1, *10*). Для первой категории характерна шлифовка, оформление мелкими сколами (фасонаж), прямоугольное или односторонневыпуклое сечение. Заготовки топоров выполнены на плитке и отщепе. Для данной категории характерен фасонаж и массивность, у одной заготовки оформлены ушки.

Единичными экземплярами представлены трехгранный фрагмент орудия (часть многофасеточного трансверсального резца-дриля ?), проколка (оформленная бифасиальной плоской ретушью), колотая галька и орудие на техническом полуреберчатом сколе, в проксимальной части оформленное плоской параллельной ретушью.

Отдельно следует отметить три терочника (куранта) с наковальней, изготовленные из среднезернистого песчаника. У двух терочников фиксируются следы забитости (долбления), еще на одном экземпляре выявлены следы стертости (растирание) и, возможно, красящего вещества. На наковальне также отмечен участок со следами краски.

Остальную часть орудийного набора составляют заготовки бифасиальных орудий (10 экз.), отщепы с ретушью (18 экз., из них 1 пластинчатый отщеп), неопределимые фрагменты орудий (17 экз.). На двух отщепах отмечена ретушь утилизации.

Таким образом, материалы слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей можно отнести к более позднему периоду эпохи бронзы – Средневековья (наличие в слое керамики шилкинского, цэпаньского типа). Однако, нельзя исключить более ранний компонент (пластинчатые наконечники, близкие уолбинской культурной традиции).

В целом памятники Кутарейского участка демонстрируют продолжение мезолитических традиций Усть-Ковы I [Томилова и др., 2014]. Ближайшие аналогии каменные индустрии находят в материалах Като-Ёдарминского расширения (наконечники), Кежемского района (Усть-Кова I, Утес Медвежий, Толокнянка-2) [Богучанская археологическая экспедиция..., 2015], а также Якутии и Континентального Приохотья.

Благодарности

Работа выполнена по государственному заданию № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 гг.) / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А. Присекайло, Г.И. Марковский, А.А. Дудко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 564 с. – (Труды Богучанской археологической экспедиции; т. 1).

Воробей И.Е. Раннеголоценовые индустрии Крайнего Северо-Востока Азии // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1996. – С. 56–58.

Гиря Е.Ю., Лозовский В.М. Сравнительный морфологический анализ полноты технологических контекстов каменных индустрий // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. – СПб.: МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014. – С. 52–84.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Радиоуглеродное датирование керамических комплексов с поселений эпохи неолита побережья Байкала // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2018. – № 51. – С. 98–107.

Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В. К проблеме выделения культур в Северном Приангарье // Труды Всероссийского археологического съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 127–129.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Кашин В.А. Неолит Средней Колымы: сб. тр. – Новосибирск: Наука, 2013. – 224 с.

Кирьяк (Дикова) М.А. Каменный век Чукотки. – Магадан: Кордис, 2005. – 254 с.

Липнина Е.А., Лохов Д.А., Медведев Г.И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 71–101.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Кребс Е.А. Неолитические захоронения в устье реки Зелинда (Северное Приангарье): погребальная практика и радиоуглеродная хронология // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2022. – Т. 50, № 3. – С. 16–28.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.

Окладников А.П. Шилкинская пещера – памятник древней культуры верховьев Амура // Труды Дальневосточной археологической экспедиции. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 9–71. – (МИА; № 86).

Питулько В.В. Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. – М.: Геос, 2003. – С. 99–145.

Пташинский А.В. К вопросу о неолите Камчатки // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВ КНИИ ДВО РАН, 2006. С. 78–86.

Савельев Н.А., Уланов И.В. Керамика эпохи неолита мультислойчатого местонахождения Горелый Лес (Южное Приангарье) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2018. – Т. 26. – С. 46–85. – doi:10.26516/2227-2380.2018.26.46

Слободин С.Б. Верхняя Колыма и Континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – 202 с.

Слободин С.Б. Уолбинская традиция пластинчатых наконечников (Северо-Восток России) // Изв. СВНЦ ДВО РАН, 2014. – № 2. – С. 110–119.

Слободин С.Б. Мезолитическая традиция черешковых пластинчатых наконечников Северо-Востока Азии // Российская археология. – 2018. – № 3. – С. 58–74. – doi:10.31857/S086960630001641-4

Томилова Е.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Михлаева Ю.М., Горельченкова О.А., Харевич В.М., Орешников И.А. Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследования 2008–2011 гг. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 8. – С. 82–99.

Чеха А.Н. Неолитические комплексы Усть-Кутарейского участка в Северном Приангарье (проблемы, особенности, аналогии) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 394–399.

References

Chekha A.N. To the Question about Criteria of Neolithic Industries on the Ust'-Kutarey Microregon Sites in North Angara Region. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. XXVIII. P. 394–399. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0394-0399

Goryunova O.I., Novikov A.G. Radiocarbon dating of pottery complexes from Neolithic settlements on the Baikal coast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2018. No. 51. P. 98–107. (In Russ.).

Grishin A.E., Garkusha Y.N., Marchenko J.V. K probleme vydeleniya kultur v Severnom Priangar'ye. In *Trudy vserossijskogo arkheologicheskogo s'ezda.* Sankt-Peterburg, Moskow, Velikij Novgorod, 2011. Vol. 1. P. 127–129. (In Russ.).

Girya E.Y., Lozovsky V.M. Comparative morphological analysys of the stone industries technological context entirety. In *Kamennyj vek ot Atlantiki do Patcifiki. Zamyatninskyj sbornik.* St. Petersburg, 2014. Vol. 3. P. 52–84. (In Russ.).

Derevianko A.P., Tsybankov A.A., Postnov A.V., Slavinskii V.S., Vybornov A.V., Zolnikov I.D., Deev E.V. Prisekailo A.A., Markovskii G.I., Dudko A.A. Boguchan archaeological expedition: an essay field – based research (2007–2012). In *Trudy Boguchanskoj arkheologicheskoj ekspeditsii.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. 1. 564 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii. Moscow: Nauka, 1979. 352 p. (In Russ.).

Kashin V.A. Neolit Srednej Kolymy. Sbornik trudov. Novosibirsk: Nauka, 2013. 224 p. (In Russ.).

Kir'yak (Dikova) M. A. Kamennyj vek Chukotki. Magadan: Kordis Publ., 2005. 254 p. (In Russ.).

Lipnina E.A., Lohov D.A., Medvedev G.I. O kamennyh toporah s ushkami – camennyh toporah Severnoj Azii. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya*, 2013. No. 1 (2). P. 71–101. (In Russ.).

Marchenko J.V., Grishin A.E., Garkusha J.N., Krebs E.A. Neolithic Burials in the Zelinda River Mouth, Northern Angara: Burial Practices and Radiocarbon Chronology. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2022. Vol. 50. No. 3. P. 16–28. (In Russ.).

Mochanov V.A. Drevneishie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoj Azii. Novosibirsk: Nauka Publ., 1977. 264 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Shilkinskaja peshhera – pamjatnik drevnej kul'tury verhov'ev Amura. In *Trudy Dal'nevostochnoy arkheologicheskoy ekspeditsii.* Moscow; Leningrad: AN SSSR Press, 1960. Vol. 86. P. 9–71. (In Russ.).

Pitul'ko V.V. Golocene stone age of North-East Asia. In *Estesvennaya istoriya Rossiiskoi Vostochnoi Arktiki v pleistotcene i golotcene*. Moscow: Geos, 2003. P. 99–145. (In Russ.).

Ptashinskij A.V. K voprosu o neolite Kamchatki. In *Neolit i paleometall Severa Dal'nego Vostoka*. Magadan: SV KNII DVO RAN Publ., 2006. P. 78–86. (In Russ.).

Tomilova E.A., Stasyuk I.V., Akimova E.V., Kuksa E.I., Mahlaeva Y.M., Gorel'chenkova O.A., Harevich V.M., Oreshnikov I.A. Ust'-Kova multilayer site: the results of researching in 2008-2011. In *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya"*, 2014. Vol. 8. P. 82–99. (In Russ.).

Savel'yev N.A., Ulanov I.V. Neolithic Pottery of the Multilayered Site Gorelyi Les (South Angara Region). In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya",* 2018. Vol. 26. P. 46–85. (In Russ.) doi:10.26516/2227-2380.2018.26.46

Slobodin S.B. Verkhnaya Kolyma i Kontinental'noye Priokhot'ye v epokhu neolita i rannego metalla. Magadan: SV KNII DVO RAN Publ., 2001. 202 p. (In Russ.).

Slobodin S.B. Uolbinskaya traditsiya plastinchatykh nakonechnikov (Severo-Vostok Rossii). In *Izvestiya Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoj Akademii nauk*, 2014. No. 2. P. 110–119. (In Russ.).

Slobodin S.B. Mezolithic bade stemmed point tradition of Northeast Asia. *Rossijskaja arheologija*, 2018. No. 3. P. 58–74. (In Russ.) doi:10.31857/S086960630001641-4

Vorobei I.E. Rannegolotsenovye industrii Krajnego Severo-Vostoka Azii. In *Arkheologiya, paleoekologiya i etnologiya Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Publ., 1996. P. 56–58. (In Russ.).

Чеха А.Н. https://orcid.org/0000-0002-6872-9493

Дата сдачи рукописи: 29.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0373-0379
УДК 902.01

С.В. Шнайдер[1]✉, Б. Бобомуллоев[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ
Душанбе, Таджикистан
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Машале III – новый археологический памятник на Восточном Памире

Одной из задач российско-таджикской экспедиции в 2024 г. являлось обнаружение новых археологических памятников в течении р. Машале (Восточный Памир). В 1970-х гг. в ходе работ в этой долине В.А. Жуковым было зафиксировано три памятника каменного века – Машале I, Машале II и Джарты Гумбез. В ходе разведок были обнаружены две новые пещеры – Машале III и Машале IV. Данная статья посвящена первичным результатам археологического исследования пещеры Машале III. В пещере был заложен шурф, в котором выделен один слой, содержащий разнообразные находки: кости и зубы ovicaprine, в том числе и кости со следами антропологического воздействия, единичные экземпляры каменных артефактов и пронизки из костей. На стенах пещеры были обнаружено 15 охристых пятен, часть из них определяется только при обработке через программу DStretch. Поскольку изображения нефигуративные, часть пятен может иметь натуральный характер, не вызывает сомнений искусственное происхождение одного изображения в виде стрелки или человечка, трех – в виде линий и одного в виде точки. Аналоги изображения были зафиксированы в гротах Санги-Кашида, Дарваз-Таш-1, -2, и Найзаташ-2, которые располагаются в соседних долинах. Обнаруженные материалы позволяют провести предварительную хронологическую и культурную корреляцию пещеры Машале III, предположительно относящую памятник к периоду неолита–энеолита. С учетом ограниченного числа находок и расположения памятника (высоко над уровнем реки в узкой части долины), можно предположить, что пещера использовалась как временная охотничья стоянка. Одновременно с этим обитатели пещеры наносили на ее стены изображения красной охрой, которые, вероятно, имели сакральное значение.

Ключевые слова: *Восточный Памир, голоцен, каменный век, археологическая разведка, наскальное искусство, пронизка.*

S.V. Shnaider[1]✉, B. Bobomulloev[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography NAST
Dushanbe, Tajikistan
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Mashale III: A New Archaeological Site in the Eastern Pamir

An objective of the Russian-Tajik expedition in 2024 included the discovery of new archaeological sites along the Mashale River (Eastern Pamir). Previously, during work conducted in the 1970s, V.A. Zhukov identified four Stone Age sites in this valley: Mashale I, rock shelter Mashale, Mashale II, and Jarty Gumbez. During recent surveys, two new caves, Mashale III and Mashale IV, were discovered. This reviews the preliminary results of the archaeological study of the Mashale III cave. A test pit was placed within the cave, revealing a single layer containing diverse finds: bones and teeth of ovicaprids, including bones showing anthropogenic marks, isolated stone artifacts, and elongated bone beads. Fifteen ochre spots were identified on the cave walls, some of which are only visible via DStretch image processing. Since images are non-figurative, some spots may have a natural origin; however, the artificial origin of one arrow or human image, three linear and ochre dot marks are indisputable. Similar motifs have been recorded in the Sangi-Kashida, Darvaz-Tash-1, -2, and Naizatash-2 sites located in neighboring valleys. The discovered evidence allows for a preliminary chronological and cultural correlation of the Mashale III cave, tentatively associating the site with the Neolithic–Chalcolithic period. Given the limited number of artifacts and the site location (high above the river in a narrow section of the valley), it can be suggested that the cave was used as a temporary hunting shelter. Concurrently, the cave inhabitants likely created red ochre images on the walls, which may have had sacred meaning.

Keywords: *Eastern Pamir, Holocene, Stone Age, archaeological survey, rock art, elongated bead.*

Введение

Одной из наиболее экстремальных географических зон является территория высокогорий Восточного Памира, активное археологическое исследование которой проводилось в 1960–1980-х гг. XX в. В этот период были выявлены основные археологические памятники, а также сформированы концепции заселения памирского нагорья [Ранов, 1975; Жуков, 1986]. Так, возможно наиболее ранние свидетельства присутствия человека представлены в подъемных комплексах на террасах пос. Чош-Тепе [Ранов, Худжагелдиев, 2005; Шнайдер и др., 2023]. Далее присутствие человека фиксируется на таких стратифицированных памятниках, как Истыкская пещера (долина р. Истык), Куртеке, Шахты (долина Куртеке сая), Ошхона (долина р. Маркансу) [Жуков, 1982, 1986, 1987; Ранов, 1962, 2016; Шнайдер и др., 2021; Fedorchenko et al., 2020; Shnaider et al., 2023]. Также несколько объектов были обнаружены В.А. Жуковым в долине р. Машале, включая пещеру Машале I, навес Машале, Машале II и пещеру Джанги Даван. Каменные артефакты, относящиеся к каменному веку, были найдены в нижнем слое Машале II и в отложениях пещеры Джанги Даван [Жуков, 1987; Бубнова, 2015, с. 77].

Исследования в полевом сезоне 2024 года

В ходе полевого сезона 2024 г. в долине реки Машале проводились археологические разведки с целью поиска памятников, открытых В.А. Жуковым. К сожалению, данные объекты не удалось идентифицировать, однако были обнаружены две новые пещеры – Машале III и Машале IV. Настоящая статья посвящена первичной публикации материалов по пещере Машале III. Маршрут разведки пролегал от Джарты-Гумбез до истока р. Машале, с последующим движением к ее устью (впадение в р. Истык). В 850 м от поворота р. Машале на восток, на правом берегу, на высоте 4 300 м над ур. м. была обнаружена пещера (рис. 1, *1*, *2*). Первичная проверка объекта была проведена Бахтияром Кадармышевым, который указал на возмож-

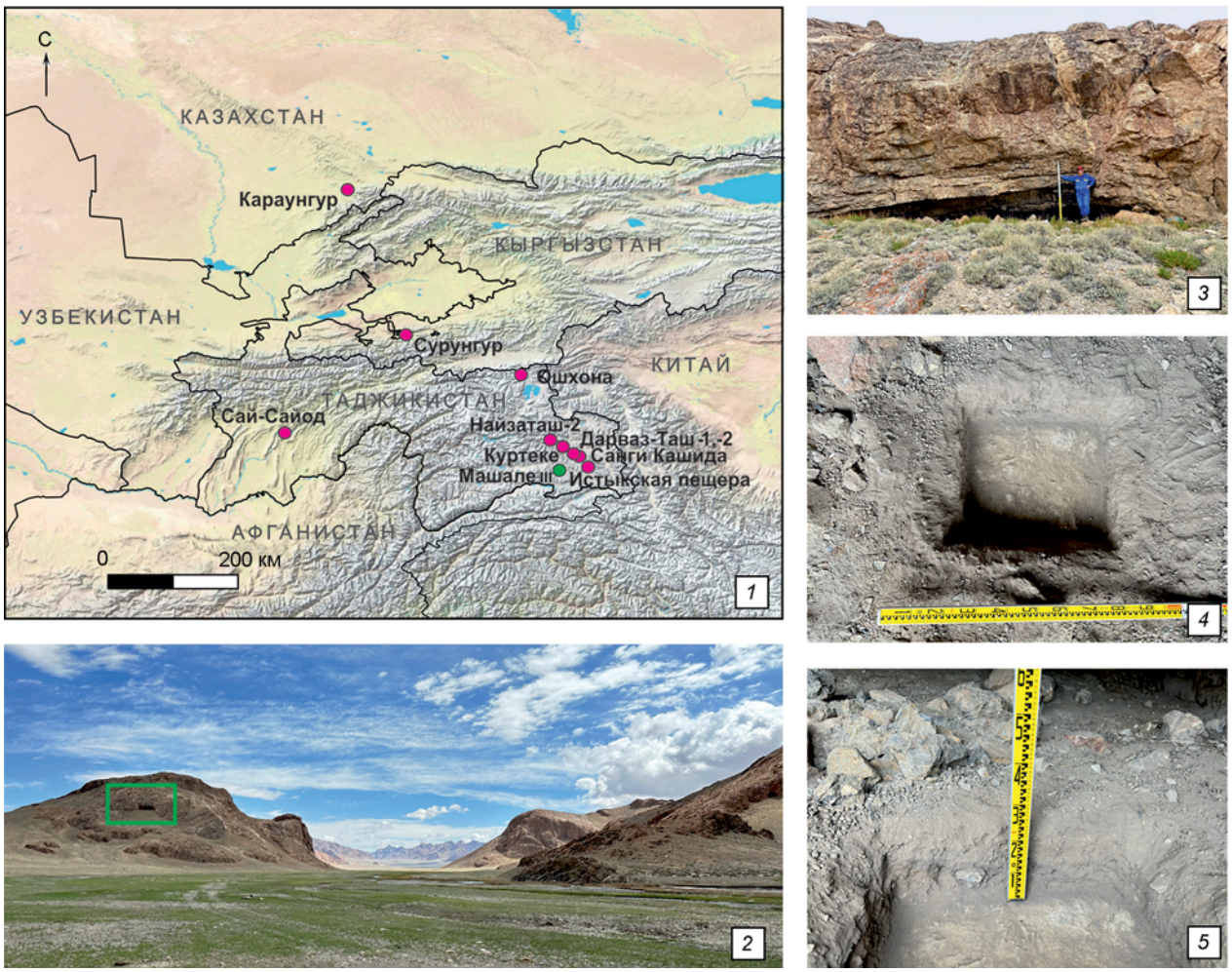

Рис. 1. Расположение стоянки Машале III.

1 – расположение стоянки Машале III и других памятников, упомянутых в статье; *2* – вид на стоянку Машале III с востока (памятник обозначен зеленым квадратом); *3* – вход в пещеру Машале III; *4* – профиль шурфа; *5* – вид на шурф сверху.

ное наличие наскальных рисунков на стенах пещеры. Пещера расположена высоко над урезом реки (около 80 м), подъем к ней достаточно крутой. Вход в пещеру широкий и низкий: ширина составляет 9,5 м, высота – 1,5 м, глубина – 4 м. Вход ориентирован на юго-запад (210°) (рис. 1, *3*). Справа от входа расположены крупные камни, установленные в виде стены, за которой найдены свежие обломки костей ovicaprine, рога козерога и архара. Вероятнее всего, пещера используется местным населением как временная охотничья стоянка. Пещера имеет прямоугольную форму, а на глубине около 2 м от входа выходит скальник, образующий плоскую нишу в задней части. На стенах пещеры обнаружены рисунки, выполненные красной охрой.

Методика исследования

Фотофиксация изображений, выполненных минеральным красителем, проводилась при помощи камеры Canon D600. Фотофиксация осуществлялась в разных масштабах (общий вид, макродетали) и с различным освещением (естественный дневной свет, вспышка). Для увеличения контраста и уточнения контуров некоторых изображений полученные фотографии обрабатывались с использованием программы DStrech.

Во время работ также был заложен шурф в пещере, его раскопки проводились условными уровнями по 5 см, весь грунт просеивался на сите 1 мм, все находки собирались в индивидуальные упаковки.

Результаты исследования

Описание наскальных росписей

Всего в пещере было зафиксировано 15 изображений.

Изображение 1 находится в центральной части козырька пещеры и представляет собой охристое пятно (рис. 2, *1*).

Изображение 2 расположено на правой стороне пещеры, вблизи входа, и воспринимается лишь с помощью программного обеспечения DStretch как охристое пятно.

Изображения 3–8 располагаются на фронтальной стенке входа. Местами сохранились следы краски, среди которых рисунок 5 (рис. 2, *2*), вероятно, изображает остатки стрелки или фигуры человечка, он частично утрачен из-за отщепления скалы под воздействием морозов. Рисунок 6 представляет собой вертикальную линию, а рисунок 8 – частично сохранившееся объемное изображение.

Изображения 9–14 находятся на правой стене пещеры, на относительно ровных поверхностях. Большинство из них сохранилось частично, и только изображение 9 представляет собой отчетливо видимую небольшую точку (рис. 2, *3*).

Изображение 15 расположено на задней стене пещеры и также представляет собой охристое пятно.

Плохая сохранность заставляет усомниться в антропогенном происхождении изображений, зафиксированных под номерами 1–4, 10–15. Изображение 5, вероятнее всего, представляет собой стрелку или схематическое изображение человека, 6–8 – линии и 9 – точку, искусственный характер этих изображений не вызывает сомнений, поскольку их края имеют четкие границы, не размыты. В ходе работ были отобраны образцы красок для проведения химических анализов.

Археологические находки

В правой части пещеры, вблизи входа, был заложен шурф размером 70 × 70 см (см. рис. 1, *4*, *5*). Его глубина составила 27 см, при этом выделяется один слой, сложенный серой супесью, насыщенной мелким обломочным материалом и следами кострищ (угли, зола). В процессе раскопок было отобрано два образца для палинологического анализа (из верхней и нижней части слоя). На глубине 0–5 см от дневной поверхности было найдено 9 костей копытных среднего размера и фрагмент одного зуба ovicaprine. Среди определимых костей выделяется одна фаланга ovicaprine, на которой имеются неглубокие следы порезов, а также один фрагмент длинной кости со следами расщепления.

На глубине 5–10 см обнаружено три каменных артефакта: два маленьких отщепа из халцедонитового кремня и отщеп из горного хрусталя (рис. 3, *4–6*). На этом же уровне найден фрагмент дерева и 25 костей, среди которых выделены фрагмент нижней челюсти, фрагмент фаланги и фрагмент лучевой кости ovicaprine, а также два зуба – D_4 ovicaprine и резец сурка.

На глубине 10 см найдены три пронизки (рис. 3, *1–3*): две целые и один продольный фрагмент. Также на уровне 10–20 см обнаружены фрагмент дерева и 23 кости, среди которых две обожженные. Большинство из них – фрагменты костей копытных среднего и мелкого размера, из которых определены одно ребро мелкого копытного и фрагмент фаланги ovicaprine. Также были найдены два зуба – M_2 ovicaprine и фрагмент челюсти лошади (Equidae) с прорезающимся резцом.

На глубине 10–15 см обнаружен отщеп из черного песчаника (рис. 3, *7*) и фрагмент кости. На глубине 20–30 см найдены 6 фрагментов длинных костей копытных среднего размера (одна из них обожжена) и фрагмент нижней челюсти ovicaprine с сохранившимся зубом M_2.

Дискуссия и заключение

Большая часть зафиксированных изображений на стенах пещеры Машале III представлена охристыми пятнами. Изображения в виде стрелки или человека, линий, точки и находят аналогии в гротах Санги-Кашида и Дарваз-Таш-1, -2, Найзаташ-2. На данный момент продолжается работа по датированию этих изображений и выдвигаются предположения, что

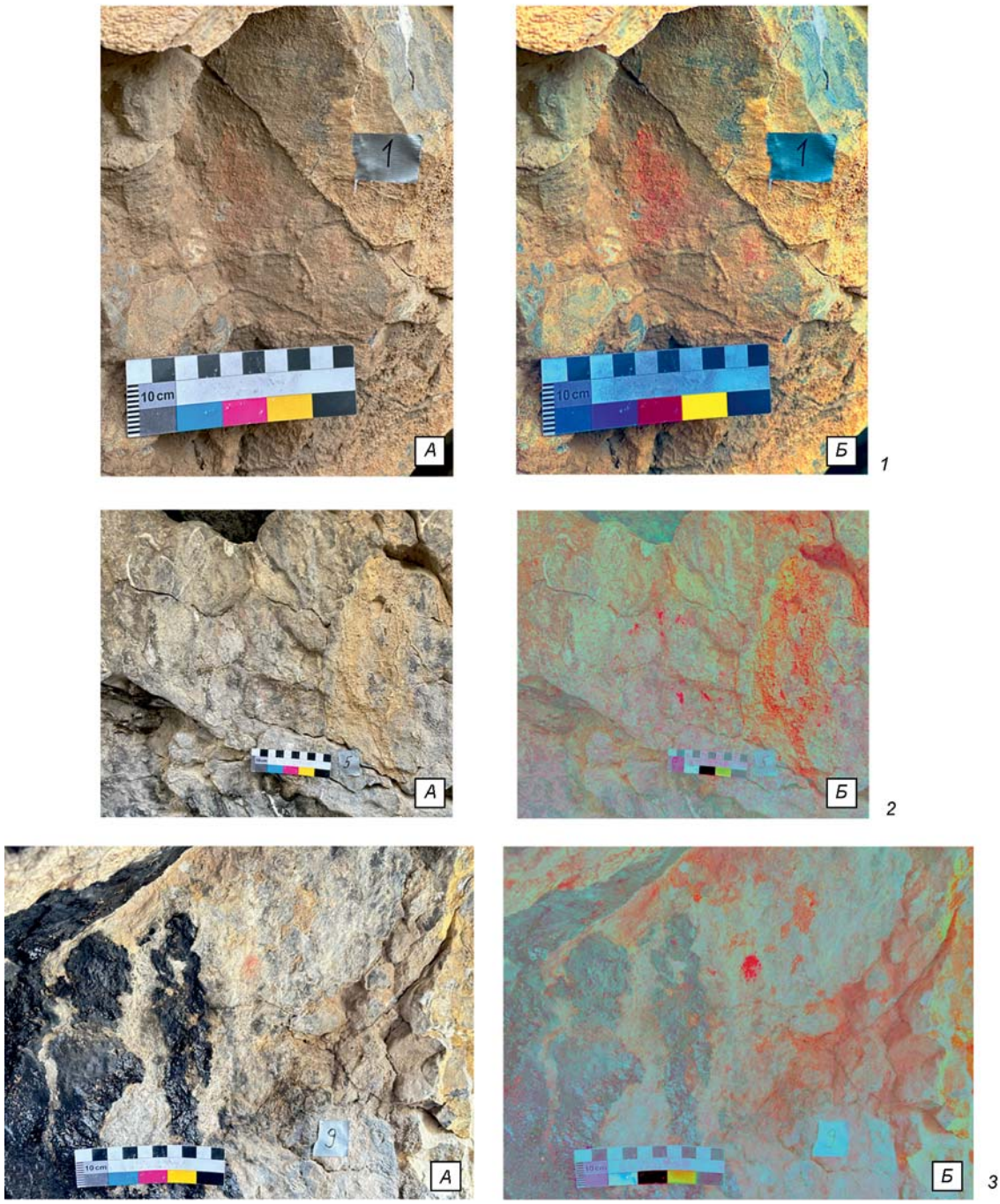

Рис. 2. Наскальные росписи в пещере Машале III.

1 – охристое пятно (№ 1), общий вид (*А*), обработанный при помощи DStretch (*Б*); *2* – изображение № 5 – стрелка или схематическое изображение человека (?), общий вид (*А*), обработанный при помощи DStretch (*Б*); *3* – изображение № 9 – точка, общий вид (*А*), обработанный при помощи DStretch (*Б*).

они могут относиться к периоду неолита–энеолита [Шнайдер и др., 2023].

Хотя количество находок в пещере Машале III невелико, они позволяют провести предварительную корреляцию и установить хронологические рамки памятника. Одними из самых ярких находок являются костяные пронизки. Эти изделия имеют аналогии с пронизками, обнаруженными на стоянке Ошхона. По результатам анализа ZooMS, они были изготовлены из костей кролика/зайца (Leporidae), кошачьих (Felidae) и мышиных (Muridae). Процесс их изготовления включал удаление эпифиза трубчатой кости посредством глубокого кругового резания или пиления, фрагментацию кости путем сгибания и последующую обработку поверхности мелкозернистыми абразивами. Следы износа указывают на то, что костяные изделия использовались как элементы ожерелий или нашивались на одежду [Fedorchenko et al., 2020].

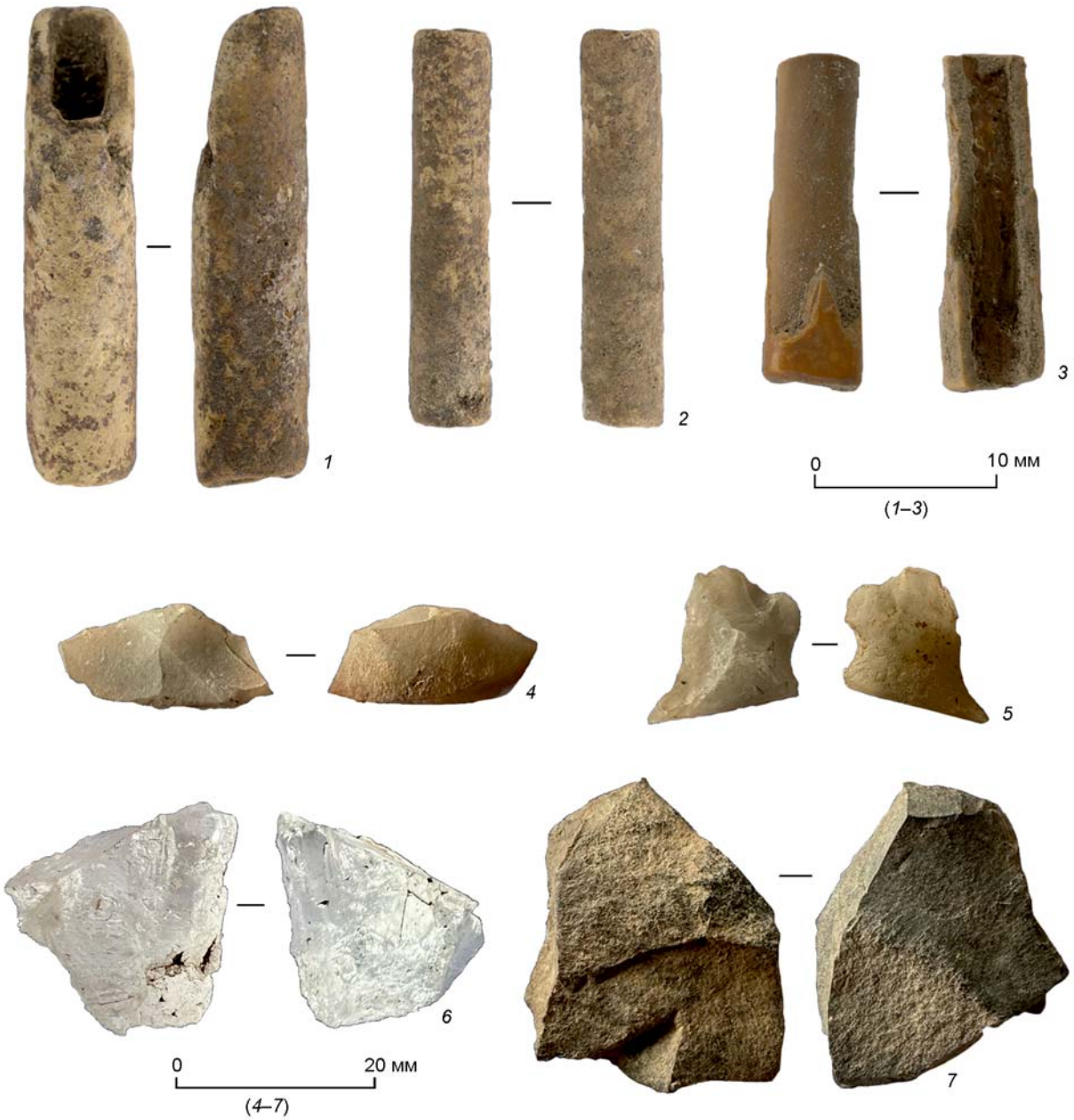

Рис. 3. Артефакты, найденные в Машале III.
1–3 костяные пронизки; *4–7* каменные артефакты.

Пронизка, изготовленная из трубчатой кости крупной птицы, была также найдена на стоянке Сурунгур (северо-западная часть Памиро-Алая), где видны следы нашивания изделия на одежду или его ношения в качестве элемента украшения [Федорченко и др., 2022]. Аналогичные костяные пронизки найдены в раннеголоценовом комплексе пещеры Караунгур на южных склонах Каратау [Таймагамбетов, Нохрина, 1998], а также в неолитических слоях Сай-Сайёда [Скакун и др., 2014].

Что касается каменных артефактов, в пещере Машале III обнаружено всего четыре отщепа, тем не менее привлекает внимание разнообразие используемого сырья – халцедонит, горный хрусталь и песчаник, что свидетельствует о том, что на памятнике не велось расщепления. Представленные аналогии и состав находок позволяют предположить, что пещера Машале III использовалась в период неолита–энеолита. Учитывая небольшое количество находок, расположение памятника (высоко над урезом реки в узкой части долины), можно предположить, что памятник использовался как охотничья стоянка. При этом обитатели пещеры также наносили на стены красной охрой изображения, которые имели сакральное значение. Дальнейшие исследования памятника в комплексе с другими древними стоянками каменного века позволят реконструировать систему освоения высокогорного ландшафта ранними обитателями Восточного Памира.

Благодарности

Исследование проведено при поддержке госзадания № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды». Авторы выражают искренние слова благодарности Н.К. Убайдулло, Н.Н. Сайфуллоеву, М. Наврузбекову за помощь в организации экспедиции. Также мы признательны Тамашаеву Тургунбеку и членам его семьи – Кыдырмышеву Бахтияру, Сатыбалдиевой Айнуре и Ирайимкулову Канату за помощь во время работы экспедиции. Отдельные слова благодарности мы хотели бы выразить Агенству Ага Хана по Хабитат в Таджикистане за предоставление транспорта нашей экспедиции.

Список литературы

Бубнова М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Восточный Памир (памятники каменного века – XX в.). – Душанбе, 2015. – 280 с.

Жуков В.А. Работы Маркансуйского археологического отряда в 1976 г. // Археологические работы в Таджикистане. – 1982. – Вып. 16. – С. 31–40.

Жуков В.А. Раскопки Пещеры «Истыкская» (1978–1979 гг.) // Археологические работы в Таджикистане. – 1986. – Вып. 19. – С. 51–56.

Жуков В.А. Работы Маркансуйского археологического отряда в 1980 г. // Археологические работы в Таджикистане. – 1987. – Вып. 20. – С. 105–116.

Ранов В.А. Раскопки памятников первобытнообщинного строя на Восточном Памире в 1960 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1960 г. – 1962. – № 8. – С. 6–25.

Ранов В.А. Памир и проблема заселения высокогорной Азии человеком каменного века // Страны и народы Востока. – 1975. – № 16. – С. 136–157.

Ранов В.А. Бегущие по скалам: наскальные рисунки Памира. – Душанбе: Дониш, 2016. – 412 с.

Ранов В.А., Худжагелдиев Т.У. Каменный век // История Горно-Бадахшанской автономной области / М.А. Бубнова. – Душанбе: Пайванд, 2005. – Т. 1. С древнейших времен до новейшего периода. – С. 51–107.

Скакун Н.Н., Филимонова Т.Г., Юсупов А.Х., Кутимов Ю.Г. Костяные орудия и украшения неолитического поселения Сай-Сайёд (Таджикистан) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения: памяти В.А. Массона / отв. ред. В.А. Алёкшин. – СПб.: Арт-Экспресс, 2014. – Т. XLII. – С. 53–61.

Таймагамбетов Ж.К., Нохрина Т.И. Археологические комплексы пещеры Караунгур (Южный Казахстан). – Туркестан: Мирас, 1998. – 186 с.

Федорченко А.Ю., Шнайдер С.В., Баранова С.В., Черноносов А.А., Чаргынов Т., Рендю У., Марковский Г.И. Костяная индустрия стоянки Сурунгур (Ферганская долина, Кыргызстан): материалы 2019 года // Археология Казахстана. – 2022. – № 4. – С. 86–104.

Шнайдер С.В., Зеленков Н.В., Федорченко А.Ю., Курбанов Р.Н., Алексейцева В.В., Алишер кызы С., Сердюк Н.В., Рудая Н.А., Рендю У., Абдыканова А., Сайфулоев Н.Н. Человек на «Крыше мира»: результаты изучения памятников каменного века Восточного Памира и Алайской долины в 2017–2021 годах. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – 92 с.

Шнайдер С.В., Бобомуллоев Б., Наврузбеков М., Сайфулоев Н.Н., Алексейцева В.В., Лещинский С.В., Бурканова Е.М., Шашков М.В. Результаты археологических разведок на территории Восточного Памира в 2023 г. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 452–457. – doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0452-0457

Fedorchenko A.Y., Taylor W.T., Sayfulloev N., Brown S., Rendu W., Krivoshapkin A., Douka K., Shnaider S. Early occupation of High Asia: New insights from the ornaments of the Oshhona site in the Pamir mountains // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 559. – P. 174–187.

Shnaider S.V., Zhilich S.V., Zotkina L.V., Boxleitner K.A., Taylor W.T.T., Sayfullaev N., Koval V.V., Baranova S.V., Chernonosov A.A., Kutnyakova L.A., Tonasso-Calvière L., Orlando L., Spengler R. Occupation of highland Central Asia: New evidence from Kurteke rockshelter, Eastern Pamir // Archaeological Research in Asia. – 2023. – Vol. 34. – 100443. – doi:10.1016/j.ara.2023.100443

References

Bubnova M.A. Arkheologicheskaya karta Gorno-Badakhshanskoy avtonomnoy oblasti. Vostochnyj Pamir (pamyatniki kamennogo veka – XX v.). Dushanbe, 2015. 280 p. (In Russ.).

Fedorchenko A.Y., Shnaider S.V., Baranova S.V., Chernonosov A.A., Chargynov T., Rendyu U., Markovskij G.I. Kostyanaya industriya stoyanki Surungur (Ferganskaya dolina, Kyrgyzstan): materialy 2019 goda. *Arkheologiya Kazakhstana*, 2022. No. 4. P. 86–104. (In Russ.).

Fedorchenko A.Y., Taylor W.T., Saifulloev N., Brown S., Rendu W., Krivoshapkin A., Douka K., Shnaider S. Early occupation of High Asia: New insights from the ornaments of the Oshhona site in the Pamir mountains. *Quaternary International,* 2020. Vol. 559. P. 174–187.

Ranov V.A. Begushchie po skalam: naskal'nye risunki Pamira. Dushanbe, 2016. 412 p. (In Russ.).

Ranov V.A. Pamir i problema zaseleniya vysokogornoj Azii chelovekom kamennogo veka. *Strany i narody Vostoka*, 1975. No. 16. P. 136–157. (In Russ.).

Ranov V.A. Raskopki pamyatnikov pervobytno-obshchinnogo stroya na Vostochnom Pamire v 1960 g. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane v 1960 g.*, 1962. No. 8. P. 6–25. (In Russ.).

Ranov V.A., Khudzhageldiev T.U. Kamennyi vek (Stone age). In *Istoriya Gorno-Badakhshanskoi avtonomnoi oblasti (History of Gorno-Badakhshan region),* 2005. Vol. 1. P. 51–107. (In Russ.).

Shnaider S.V., Bobomulloev B., Navruzbekov M., Saifulloev N.N., Aleksejtseva V.V., Leshchinskij S.V., Burkanova E.M., Shashkov M.V. Results of Archaeological

Survey in the Eastern Pamirs in 2023. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 452–457. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0452-0457

Shnaider S.V., Zelenkov N.V., Fedorchenko A.Yu., Kurbanov R.N., Aleksejtseva V.V., Alisher kyzy S., Serdyuk N.V., Rudaya N.A., Rendyu U., Abdykanova A., Saifulloev N.N. Chelovek na "Kryshe mira": rezul'taty izucheniya pamyatnikov kamennogo veka Vostochnogo Pamira i Alajskoj doliny v 2017–2021 godakh. Novosibirsk, 2021. 92 p. (In Russ.).

Shnaider S.V., Zhilich S.V., Zotkina L.V., Boxleitner K.A., Taylor W.T.T., Saifulloev N., Koval V.V., Baranova S.V., Chernonosov A.A., Kutnyakova L.A., Tonasso-Calvière L., Orlando L., Spengler R. Occupation of highland Central Asia: New evidence from Kurteke rockshelter, Eastern Pamir. *Archaeological Research in Asia*, 2023. Vol. 34. 100443. doi:10.1016/j.ara.2023.100443

Skakun N.N., Filimonova T.G., Yusupov A.Kh., Kutimov Yu.G. Kostyanye orudiya i ukrasheniya neoliticheskogo poseleniya Saj-Sajyod (Tadzhikistan). *Arkheologiya drevnikh obshchestv Evrazii: khronologiya, kulturogenez, religioznye vozzreniya. Pamyati V.A. Massona*. St. Petersburg: Art-Ekspress, 2014. Vol. XLII. P. 53–61. (In Russ.).

Tajmagambetov Zh.K., Nokhrina T.I. Arkheologicheskie kompleksy peshchery Karaungur (Yuzhnyj Kazakhstan). Turkestan: Miras, 1998. 186 p. (In Russ.).

Zhukov V.A. Raboty Markansujskogo arkheologicheskogo otriada v 1976 g. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane,* 1982. No. 16. P. 31–40. (In Russ.).

Zhukov V.A. Raboty Markansujskogo arkheologicheskogo otriada v 1980 g. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane*, 1987. No. 20. P. 105–116. (In Russ.).

Zhukov V.A. Raskopki Peshchery "Istyksskaya" (1978–1979 gg.). *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane*, 1986. No. 19. P. 51–56. (In Russ.).

Шнайдер С.В. https://orcid.org/0000-0003-2230-4286
Бобомуллоев Б. https://orcid.org/0000-0002-6242-2087

Дата сдачи рукописи: 26.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0380-0385
УДК 903.01

М.В. Шуньков[1], М.Б. Козликин[1]✉, Д.Р. Плотников[1], А.С. Деревнина[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru

Новые результаты исследования комплексов среднего палеолита в южной галерее Денисовой пещеры

Представлены коллекции каменных артефактов из среднеплейстоценовой толщи в центральной части южной галереи Денисовой пещеры. В 2024 г. были изучены осадки литологических слоев 19.2–16.1. В слоях 19.2 и 19.1, которые, по предварительным данным, накапливались на рубеже МИС 9 и 8, археологический материал не зафиксирован. В слоях 18 и 17, формировавшихся в эпоху МИС 7, обнаружена каменная индустрия начальной стадии среднего палеолита из более 1 300 предметов. Первичное расщепление в этой индустрии основано преимущественно на радиальном раскалывании, направленном на получение коротких и укороченных, часто массивных заготовок. Для орудийного набора характерны разнообразные скребла, в т.ч. изделия типа кина, вентрально-утонченные и базально-тронкированные сколы, зубчатые и выемчатые орудия, сколы с нерегулярной ретушью. Из слоев 16.2 и 16.1, время накопления которых соответствует эпохе МИС 6, получено более 900 каменных изделий ранней стадии среднего палеолита. Основные технико-типологические показатели этой индустрии во многом схожи с комплексом из нижележащих слоев. Вместе с тем они отличаются более развитой технологией параллельного раскалывания и леваллуазским производством, направленным на получение отщепов, пластин и остроконечников. В коллекции из слоев 18 и 17 пластины и удлиненные отщепы единичны, а в материалах из слоев 16.2 и 16.1 доля пластин среди сколов составляет до 10 %. В орудийном наборе из этих слоев отмечены тронкированно-фасетированные изделия, которые не характерны для индустрий начального среднего палеолита.

Ключевые слова: *Денисова пещера, средний плейстоцен, средний палеолит, каменная индустрия, первичное расщепление, орудийный набор.*

M.V. Shunkov[1], M.B. Kozlikin[1]✉, D.R. Plotnikov[2], A.S. Derevnina[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru

New Results of Studying the Middle Paleolithic Complexes in the South Chamber of Denisova Cave

This article discusses collections of lithic artifacts from the Middle Pleistocene strata in the central part of the South Chamber in Denisova cave. In 2024, sediments of lithological layers 19.2–16.1 were excavated. No archaeological evidence was found in layers 19.2 and 19.1 which, according to preliminary data, were accumulated at the turn of MIS 9 and 8. Industry of the Initial Middle Paleolithic, consisting of over 1300 objects, was discovered in layers 18 and 17 formed during MIS 7. The primary technology in this industry was mainly based on radial reduction system aimed at obtaining short and shortened, often massive, blanks. Various side-scrapers, including items of the Quina type, ventrally thinned and basally truncated flakes, denticulate and notched tools, and flakes with irregular retouching distinguish the toolkit. Over 900 artifacts of the Early Middle Paleolithic were obtained from layers 16.2 and 16.1 which accumulated in MIS 6. The main technical and typological indicators of this industry were in many ways similar to the complex from the underlying layers with the exception of more developed parallel technology and Levallois production aimed at obtaining flakes, blades, and points. Blades and elongated flakes were sporadic in the collection from layers 18 and 17 while the share of blades among the blanks reached 10% in the evidence from layers 16.2 and 16.1. The toolkit from these layers contained truncated-faceted items which were not typical for the industries of the Initial Middle Paleolithic.

Keywords: *Denisova cave, Middle Pleistocene, Middle Paleolithic, lithic industry, primary technology, toolkit.*

В полевом сезоне 2024 г. раскопки в Денисовой пещере были продолжены в средней части южной галереи (сектор VII), где на площади кв. Ж–З/2–4 изучена среднеплейстоценовая часть разреза, подразделенная на литологические слои 19.2–16.1. По предварительной оценке, основанной на данных биостратиграфии, археологии и первичных результатах абсолютного датирования, слои 19.2 и 19.1 формировались на рубеже МИС 9 и 8, слои 18 и 17 – в эпоху МИС 7, слои 16.2 и 16.1 – МИС 6.

Слои 19.2 и 19.1 не содержали археологического материала.

Древнейший палеолитический комплекс связан с отложениями слоя 18, в пределах которого обнаружено 492 каменных артефакта. Инструментарий представлен ретушером – фрагментом удлиненной цилиндрической гальки размером 71 × 22 × 22 мм с заостренным окончанием и следами легкой забитости. В числе нуклевидных форм два крупных (60 × 51 × 35 и 67 × 56 × 35 мм) обломка с негативами бессистемных снятий.

Коллекция сколов включает 180 отщепов и краевую пластину. Отщепов крупнее 30 мм в максимальном измерении – 100 экз. Для них характерны короткие или укороченные пропорции, гладкая или естественная остаточная ударная площадка без подправки карниза, продольная однонаправленная (27 %) или ортогональная (15 %) огранка дорсала. Распространены сколы с естественной (21 %) или с гладкой (14 %) дорсальной поверхностью, а также с неопределимым типом огранки. Заготовок с частичным покрытием галечной поверхностью – 37 %. Среди технологически диагностируемых сколов отмечены четыре краевых отщепа с радиальных нуклеусов.

К отходам производства относятся три колотые гальки, 286 обломков и осколков, шесть чешуек.

Орудийный набор включает 13 изделий.

Скребла – 4 экз. Продольное прямое дорсальное на крупном коротком отщепе, оформленное краевой крутой субпараллельной среднемодифицирующей ретушью. Продольное прямое вентральное (рис. 1, *1*) на медиальном фрагменте крупного первичного скола. Ретушь захватывающая, полукрутая, чешуйчатая, среднемодифицирующая. Скребла кина – продольно-поперечное вентральное (рис. 1, *4*) и с дорсальной обработкой на 3/4 периметра (рис. 1, *5*), с естественным обушком. Заготовками для орудий служили крупные массивные сколы. Оба изделия переоформлены крупными снятиями.

Вентрально-утонченные изделия – двойное продольное на отщепе средних размеров и поперечное на крупном продольно-фрагментированном массивном сколе.

Базально-тронкированное изделие – проксимально-медиальный фрагмент крупного отщепа, у которого серией вентральных снятий была удалена остаточная ударная площадка (рис. 1, *6*).

В числе других изделий с вторичной обработкой два отщепа с участками слабомодифицирующей ретуши и четыре неопределимых фрагмента орудий.

Каменная индустрия из слоя 17 включает 844 экз.

Инструменты для расщепления камня представлены отбойником – валуном (109 × 90 × 78 мм) крупнозернистого песчаника подпризматической формы с участками интенсивной забитости и ретушером – крупным (81 × 54 × 35 мм) массивным краевым сколом, одно из ребер которого несет следы легкой забитости. Единственная нуклевидная форма представляет собой радиальное бифронтальное округлое (60 × 50 × 40 мм) ядрище на массивном сколе с оббивкой на 3/4 периметра (рис. 1, *2*).

Отщепы – 261 экз. Среди них большинство имеют мелкие размеры. Средние и крупные заготовки (112 экз.), как правило, коротких и укороченных пропорций с гладкой (67 %) или естественной (24 %) остаточной ударной площадкой без подправки карниза. Огранка дорсала преимущественно продольная однонаправленная – 30 % или ортогональная – 18 %. Доля первичных снятий и сколов с гладкой дорсальной стороной составляет 22 и 16 % соответственно. Всего заготовок с участками галечной поверхности – 28 %. Пять отщепов относятся к бивентральным.

Отходы производства включают шесть колотых галек, 547 обломков и осколков, а также 17 чешуек.

В коллекции 10 изделий с вторичной обработкой.

Скребла – 3 экз. Продольное выпуклое дорсальное сохранилось в виде медиально-дистального фрагмента (рис. 1, *3*) с краевой полукрутой субпараллельной слабомодифицирующей ретушью. Скребло кина на крупном массивном укороченном отщепе имеет продольное прямое лезвие, интенсивно обработанное крупными дорсальными снятиями и более мелкой ретушью по краю (рис. 1, *8*). Заготовкой для продольно-поперечного скребла (рис. 1, *9*) служил крупный короткий первичный отщеп. Ретушь вентральная, захватывающая, полукрутая, субпараллельная, среднемодифицирующая.

Выемчатое орудие – продольное, дорсальное, на фрагменте крупного массивного скола (рис. 2, *3*). Рабочий элемент подготовлен серией глубоких снятий с более мелкой обработкой по краю.

Вентрально-утонченные сколы (3 экз.) – продольный и два продольно-поперечных (см. рис. 1, *7*). Изделия представляют собой крупные короткие массивные отщепы с негативами снятий утончения шириной от 15 до 35 мм.

Дополняют орудийный набор отщеп с нерегулярной ретушью и два фрагмента изделий с интенсивно обработанным лезвием.

В пределах слоя 16.2 обнаружено 449 каменных артефактов.

Типологически выраженные ядрища – 2 экз. Одноплощадочный монофронтальный параллельный плоскостной нуклеус подпрямоугольной формы

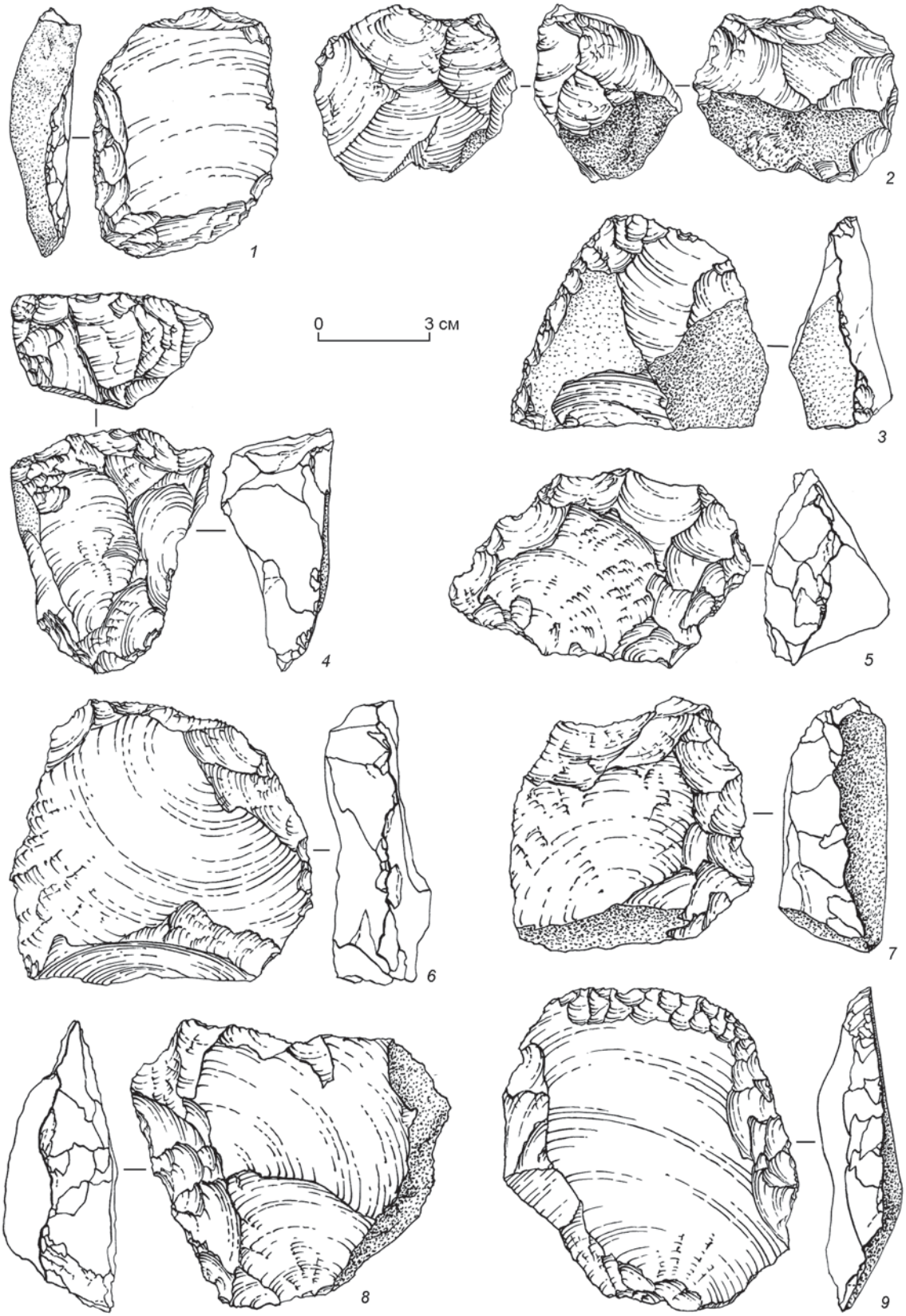

Рис. 1. Каменный инвентарь из слоев 18 (*1*, *4–6*) и 17 (*2*, *3*, *7–9*) в южной галерее Денисовой пещеры.
Рисунки Н.В. Вавилиной.

1, *3–5*, *8*, *9* – скребла; *2* – нуклеус; *6* – базально-тронкированный скол; *7* – вентрально-утонченный скол.

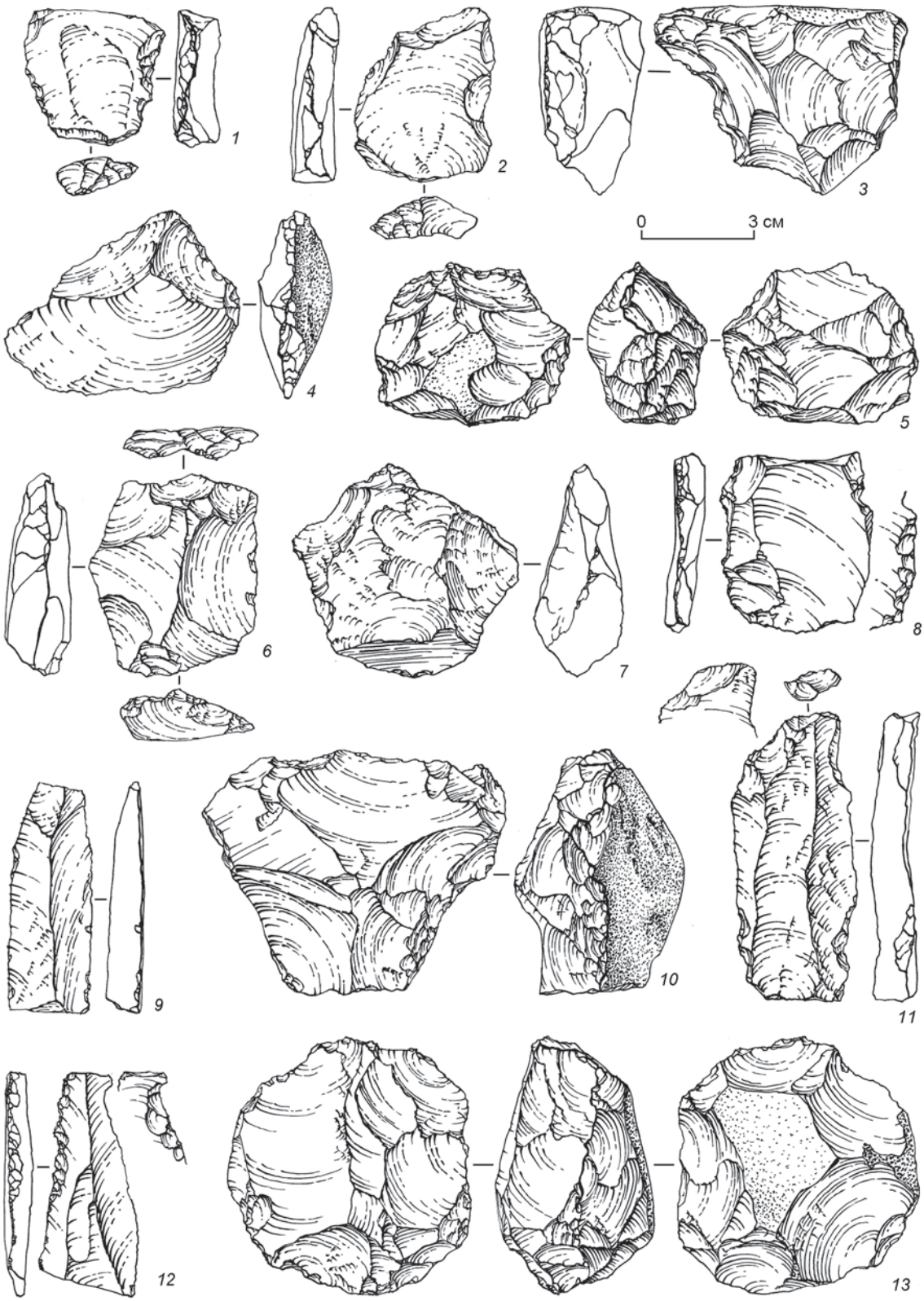

Рис. 2. Каменный инвентарь из слоев 17 (*3*), 16.2 (*6*, *10*, *12*) и 16.1 (*1*, *2*, *4*, *5*, *7–9*, *11*, *13*) в южной галерее Денисовой пещеры. *Рисунки Н.В. Вавилиной.*

1, *2*, *8*, *12* – пластины с ретушью; *3* – выемчатое орудие; *4* – базально-тронкированный скол; *5*, *10*, *13* – нуклеусы; *6*, *11* – тронкировано-фасетированные изделия; *7* – вентрально-утонченный скол; *9* – пластина.

(141 × 92 × 45 мм) выполнен из массивной отдельности валуна. Скошенная ударная площадка подготовлена несколькими крупными сколами, фронт несет серию негативов от коротких снятий, контрфронт, латерали и основание не обработаны. Второе ядрище – радиальное монофронтальное (см. рис. 2, *10*), подтреугольной формы, размером 87 × 68 × 50 мм. Его расщепление осуществлялось по периметру, от неподготовленного ребра. Среди других нуклевидных форм – крупный (63 × 50 × 47 мм) обломок с негативами бессистемных снятий.

Индустрия сколов включает 134 отщепа и восемь пластин. Отщепы крупнее 30 мм (70 экз.) имеют укороченные или короткие пропорции – по 45 %. Остаточная ударная площадка в большинстве случаев гладкая – 65 %, реже естественная – 22 % или двугранная – 8 %. На трех изделиях зафиксирована прямая редукция карниза площадки. Огранка дорсала отщепов главным образом ортогональная (26 %) или продольная однонаправленная (24 %). Доля сколов с бинаправленной огранкой составляет 7 %, с неопределимой – 10 %; с естественной дорсальной поверхностью – 16 %, с гладкой – 17 %; а с остатками галечной поверхности – 18 %. В числе технологически диагностируемых сколов отмечены три бивентральных и семь краевых снятий с радиальных нуклеусов.

Для пластин характерна гладкая остаточная ударная площадка – в одном случае с обратной редукцией карниза, и продольная одно- или бинаправленная огранка дорсала.

Отходы производства представлены колотыми гальками – 10 экз., обломками и осколками – 275 экз. и чешуйками – 11 экз.

В орудийном наборе восемь изделий, в т.ч. скребло типа кина – продольное, выпуклое дорсальное, оформленное на массивном сколе крупными снятиями и более мелкой обработкой по краю; тронкированно-фасетированное изделие (см. рис. 2, *6*) – крупный отщеп с усеченными вентральной ретушью поперечными краями и мелкими дорсальными снятиями; выемчатое продольное дорсальное орудие с ретушированным анкошем на крупном удлиненном отщепе; два отщепа и пластина (см. рис. 2, *12*) с ретушью, а также два неопределимых фрагмента орудий.

Археологическая коллекция из слоя 16.1 включает 490 экз.

Инструментарий представлен двумя фрагментами (73 × 66 × 34 и 92 × 54 × 41 мм) сильно сработанных отбойников из галек гранита и крупнозернистого песчаника.

Нуклеусы – 2 экз. Леваллуазское ядрище (см. рис. 2, *13*) для отщепов оформлено на крупной (72 × 66 × 45 мм) гальке. По периметру контрфронта подготовлена ударная площадка для сколов поднятия фронта, у которого объем был частично удален крупным удлиненным снятием. Второй нуклеус – радиальный бифронтальный, округлой формы (50 × 42 × 27 мм), с раскалыванием от неподготовленного ребра (см. рис. 2, *5*).

Два нуклевидных обломка представляют собой крупные (72 × 66 × 45 и 50 × 42 × 27 мм) отдельности галечного сырья с бессистемным расщеплением.

Коллекция сколов представлена в основном отщепами – 147 экз. Заготовки среднего и крупного размера – 78 экз. Для них характерны укороченные (57 %) и короткие (34 %) пропорции, гладкая (73 %) или естественная (13 %), реже – двугранная или фасетированная остаточная ударная площадка, как правило, без подправки карниза. Огранка дорсала преимущественно продольная однонаправленная (33 %) или ортогональная (23 %). Отщепов с гладким дорсалом – 21 %, с естественным – 13 %, с остатками галечной поверхности – 28 %. Бивентральные и краевые сколы с радиальных нуклеусов – по 4 экз. Среди сколов представлен также леваллуазский отщеп.

Для пластин (16 экз.) характерны гладкая или фасетированная площадка, в т.ч. с обратной редукцией карниза; продольная одно- или бинаправленная (см. рис. 2, *9*), реже – ортогональная огранка дорсала. Четыре скола относятся, скорее всего, к леваллуазским формам (см. рис. 2, *1*).

Среди отходов производства пять колотых галек, 278 обломков и осколков, 12 чешуек.

Орудийный набор включает 26 изделий.

Скребла – 3 экз. Одно изделие продольное, прямое, дорсальное, на крупном коротком отщепе; ретушь захватывающая, крутая, чешуйчатая с заломами, среднемодифицирующая. Второе скребло – типа кина, продольное, выпуклое, дорсальное; обработанное оббивкой и более мелкой ретушью по краю; оформлено на крупном укороченном сколе с обушком-гранью. Третье – скребло кина, конвергентное, скошенное; изготовлено на крупном укороченном массивном отщепе с широкой остаточной ударной площадкой, служившей обушком. Это изделие переоформлено крупными сколами.

Зубчатые орудия – одно продольное, выпуклое, на крупном удлиненном краевом первичном отщепе со стесанной ударной площадкой; другое – диагональное, выпуклое, дорсальное, на крупном коротком сколе с обушком-гранью. Изделия обработаны соответственно чередующейся и дорсальной ретушью, в обоих случаях – среднемодифицирующей.

Тронкированно-фасетированное изделие представляет собой крупную пластину с усеченным вентральной ретушью дистальным окончанием. С подготовленной таким образом площадки сделано несколько мелких дорсальных снятий (см. рис. 2, *11*).

Вентрально-утонченные сколы (6 экз.) – два продольных, двойной продольный (см. рис. 2, *7*), два поперечных и двойной поперечный. Заготовками для них служили крупные короткие или укороченные массивные отщепы. Ширина негативов снятий утончения составляет 15–50 мм.

Базально-тронкированные изделия (3 экз.) – крупные укороченные отщепы (см. рис. 2, *4*), у которых остаточная ударная площадка удалена серией вентральных снятий шириной от 10 до 25 мм.

Среди других изделий с вторичной обработкой – три крупных отщепа и три пластины с ретушированными участками (см. рис. 2, *1, 2*, *8*), а также пять неопределимых фрагментов орудий.

Коллекция каменных изделий 2024 г. из среднеплейстоценовых отложений южной галереи соответствует двум культурно-хронологическим этапам. Находки из литологических слоев 18 и 17 относятся к начальной стадии среднего палеолита. Эта индустрия основана преимущественно на радиальном расколывании, направленном на получение коротких и укороченных, часто массивных заготовок. Для орудийного набора характерны разнообразные скребла, в т.ч. изделия типа кина, вентрально-утонченные и базально-тронкированные сколы, зубчатые и выемчатые изделия. Раннюю стадию среднего палеолита представляют каменные артефакты из слоев 16.2 и 16.1. Основные технико-типологические показатели этой индустрии во многом схожи с комплексом из нижележащих слоев. Вместе с тем они отличаются более развитой технологией параллельного расколывания и леваллуазским острийно-пластинчатым производством. В коллекции из слоев 18 и 17 пластины и удлиненные отщепы единичны, а в материалах из слоев 16.2 и 16.1 доля пластин среди сколов составляет 7 и 10 % соответственно. В орудийном наборе из этих слоев отмечены тронкированно-фасетированные изделия, которые не характерны для индустрий начального среднего палеолита.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 24-18-00069, https://rscf.ru/project/24-18-00069/.

Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345
Плотников Д.Р. https://orcid.org/0000-0002-6855-7011
Деревнина А.С. https://orcid.org/0000-0003-1434-3875

Дата сдачи рукописи: 14.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0386-0390
УДК 551.891+903.2

М.В. Шуньков[1]✉, В.А. Ульянов[2], А.М. Чеха[1], А.С. Деревнина[1, 3], Д.Р. Плотников[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
[3]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: shunkov77@gmail.com

Новые данные о строении плейстоценовых отложений раннепалеолитической стоянки Карама

В статье представлены новые материалы исследований раннепалеолитической стоянки Карама в долине р. Ануй на северо-западе Алтая. Для уточнения сведений об истории развития долины на этапах, непосредственно предшествующих формированию отложений раскопа 1, в прибровочной части уступа террасоувальной поверхности, на которой находится раскоп 2, вниз по склону по направлению к раскопу 1 в зоне перехода от пологого участка поверхности к эрозионно-денудационному склону был заложен рекогносцировочный раскоп 7. В раскопе под пачкой лессовидных суглинков коричнево-палевого цвета мощностью около 2 м на глубину до 1,2 м вскрыта толща грубообломочных отложений с красноцветным заполнителем, аналогичная слою 7 в раскопе 2. Впервые в слое 7 Карамы отмечено присутствие известняковых валунов с оглаженными ребрами и гранями, а также массовые включения известнякового щебня в перекрывающих этот слой отложениях. Судя по гипсометрическому положению раскопа 7 и литолого-стратиграфическим данным, формирование этих отложений связано, скорее всего, с отдельным самостоятельным этапом развития долины Ануя, приуроченным к геохрону между временем формирования осадков раскопа 1 и раскопа 2. Кроме того в красноцветных валунно-глыбовых отложениях обнаружены галечные изделия раннепалеолитического облика – скребло с прямым продольным лезвием и естественным обушком, орудие с шиповидным выступом и чоппер с прямым контуром лезвия. Эти архаичные галечные орудия по своим морфологическим признакам и петрографическому составу (сферолитовые эффузивы) идентичны раннепалеолитическим находкам из раскопа 2 Карамы и были, скорее всего, переотложены вниз по склону вместе с глыбово-щебнистым материалом слоя 7.

Ключевые слова: *Карама, средний плейстоцен, геоморфология, литостратиграфия, ранний палеолит, галечная индустрия.*

M.V. Shunkov[1]✉, V.A. Uliyanov[2], A.M. Chekha[1], A.S. Derevnina[1, 3], D.R. Plotnikov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]M.V. Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
[3]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: shunkov77@gmail.com

New Data on the Structure of Pleistocene Deposits of the Early Paleolithic Karama Site

The article provides new research materials on the Early Paleolithic Karama site in the Anui River valley in the northwest Altai. To clarify information about the history of the valley development at the stages immediately preceding the formation of deposits of excavation 1, reconnaissance excavation 7 was laid in the instrumental part of the ledge of the terraced surface whereon excavation 2 is located, downhill towards excavation 1, in the transition zone from a flat surface area to an erosion-denudation slope. In the excavation, under a pack of loess-like loam of brown-fawn color with a thickness of about 2 m to a depth of 1.2 m, a thickness of coarse-grained sediments with a red-colored filler was uncovered, similar to layer 7 in excavation 2. For the first time, the presence of limestone boulders with smoothed edges and faces, as well as massive inclusions of limestone rubble in the sediments overlying this layer, was noted in layer 7 of Karama. Based on the hypsometric position of excavation 7 and lithological and stratigraphic data, the formation of these deposits is most likely associated with a separate independent stage in the development of the Anui valley,

timed to the geochron between the time of precipitation formation of excavation 1 and excavation 2. Moreover, pebble products of early Paleolithic appearance were found in red-colored boulder–block deposits–a scraper with a straight longitudinal blade and a natural rim, a tool with a spike-shaped protrusion, and a chopper with a straight blade contour. These archaic pebble tools are identical in their morphological features and petrographic composition (spherulite effusions) to the Early Paleolithic finds from the Karama excavation 2 and were most likely re-deposited downhill along with the blocky-gravelly material of layer 7.

Keywords: *Karama, Middle Pleistocene, geomorphology, lithostratigraphy, Early Paleolithic, pebble industry.*

Древнейшая палеолитическая стоянка Северной Азии Карама находится на северо-западе Алтая, в долине верхнего течения р. Ануй, в 3 км выше устья р. Карама. Стоянка расположена в нижней части пологого (10–20°) террасоувального склона левого борта долины Ануя на относительных отметках 50–60 м над современным урезом реки. Отложения стоянки были вскрыты и детально изучены в линии стационарных раскопов 1, 2 и 3, заложенных последовательно вверх по склону, на выположенных участках от средины террасоувала до его тылового шва [Стоянка..., 2005]. В тоже время оставался неисследованным участок террасоувала, расположенный между раскопами 1 и 2, который, судя по своему положению в рельефе, связан, скорее всего, с более молодой стадией развития долины Ануя. Для понимания характера сопряжения эрозионных уровней раскопов 1 и 2 необходимо определить геоморфологическое положение переходного участка с последующей его привязкой к соответствующим этапам формирования долины Ануя.

Полученные в последнее время результаты [Шуньков и др., 2023] в целом подтвердили справедливость предложенной ранее модели строения надпойменно-террасовых комплексов и уровней придолинных поверхностей выравнивания в долине Ануя [Деревянко, Ульянов, Шуньков, 2002]. Для уточнения сведений об истории развития долины на этапах, непосредственно предшествующих формированию отложений раскопа 1, в прибровочной части уступа террасоувальной поверхности, на которой находится раскоп 2, вниз по склону по направлению к раскопу 1 в зоне перехода от пологого (10–12°) участка поверхности к подрезанному дорожной выемкой эрозионно-денудационному склону крутизной около 20° был заложен рекогносцировочный раскоп 7.

Раскоп 7, размером 3 × 2 м, находится на расстоянии 24 м вниз по склону на северо-запад от раскопа 6. Максимальная глубина вскрытых осадков составляет 3,5 м. В раскопе под пачкой лессовидных суглинков палевого и коричнево-палевого цвета мощностью около 2 м на глубину до 1,2 м вскрыта толща грубообломочных отложений с красноцветным (сургучным) заполнителем (рис. 1). Строение разреза в целом соответствует стратиграфическим подразделениям 2–7 верхней части раскопа 2 Карамы с некоторыми особенностями.

В основании разреза залегают валунно-глыбовые отложения слоя 7.2 с суглинистым сильно одресвяненным заполнителем порового типа, насыщенным разноразмерным щебнем и мелкой галькой с признаками сильного химического выветривания. Валуны разноразмерные, преимущественно от 0,2 до 0,4 м в поперечнике, ориентированы хаотически. Они представлены в основном гранитами до 3 класса окатанности в слабой степени сапролитизации, эффузивами 1 и 2 классов окатанности и впервые обнаруженными в осадках слоя 7 Карамы мраморизованными известняками. Отмечается массовое присутствие хорошо оглаженных известняковых валунов. Известняк прочный, покрыт белесой реактивной каймой мощностью 1–2 мм, часто удлиненной или сильно уплощенной формы. Встречаются уплощенные известняковые глыбы размером более 0,5 м в поперечнике с оглаженными ребрами и хорошо заглаженными верхними гранями, напоминающими по облику поверхность, обработанную водным потоком, или внутреннюю поверхность закрытых карстовых полостей. Глыбы имеют скрытые трещины разной ориентировки, некоторые из них в слабой степени разработаны поверхностным растворением до появления коррозионных желобков шириной до 10 мм. Уплощенные глыбы лежат на грунтовой подушке заполнителя и представляют собой известняковые отторженцы, попавшие в слой при его аккумуляции или притащенные склоновым смещением из близкого источника вместе с материалом слоя 7. Крупные размеры известняковых глыб не предполагают их перемещение водным потоком.

В верхней половине слоя 7.2 доля галечно-гравийного материала сильно снижается. Галька преимущественно колотая, что указывает на условия интенсивного морозного выветривания. Начиная с глубины около 0,6 м от кровли слоя, заполнитель начинает реагировать с HCl. На глубине до 0,5 м от кровли слоя на поверхности всех отдельностей валунно-щебнистого материала, включая сапролитизированные гранитоиды, отмечается непрочная белесая корка кальцитовых новообразований мощностью до 2 мм. Верхняя граница этого слоя четкая, резкая по цвету заполнителя, что свидетельствует о перерыве в осадконакоплении после его формирования.

Хотя в раскопе 7 не вскрыт эрозионный цоколь, массовое присутствие в заполнителе слоя 7.2 известняковых валунов и глыб с хорошо оглаженной поверхностью свидетельствует о близком расположении выше по склону выходов коренных известняков.

Слой 7.2 перекрыт хорошо выдержанным по простиранию слоем 6, представленным легкими суглинками насыщенного коричневато-шоколадного цвета с красноватым оттенком, сильно опесчаненными и одресвяненными, местами до состояния сильно огли-

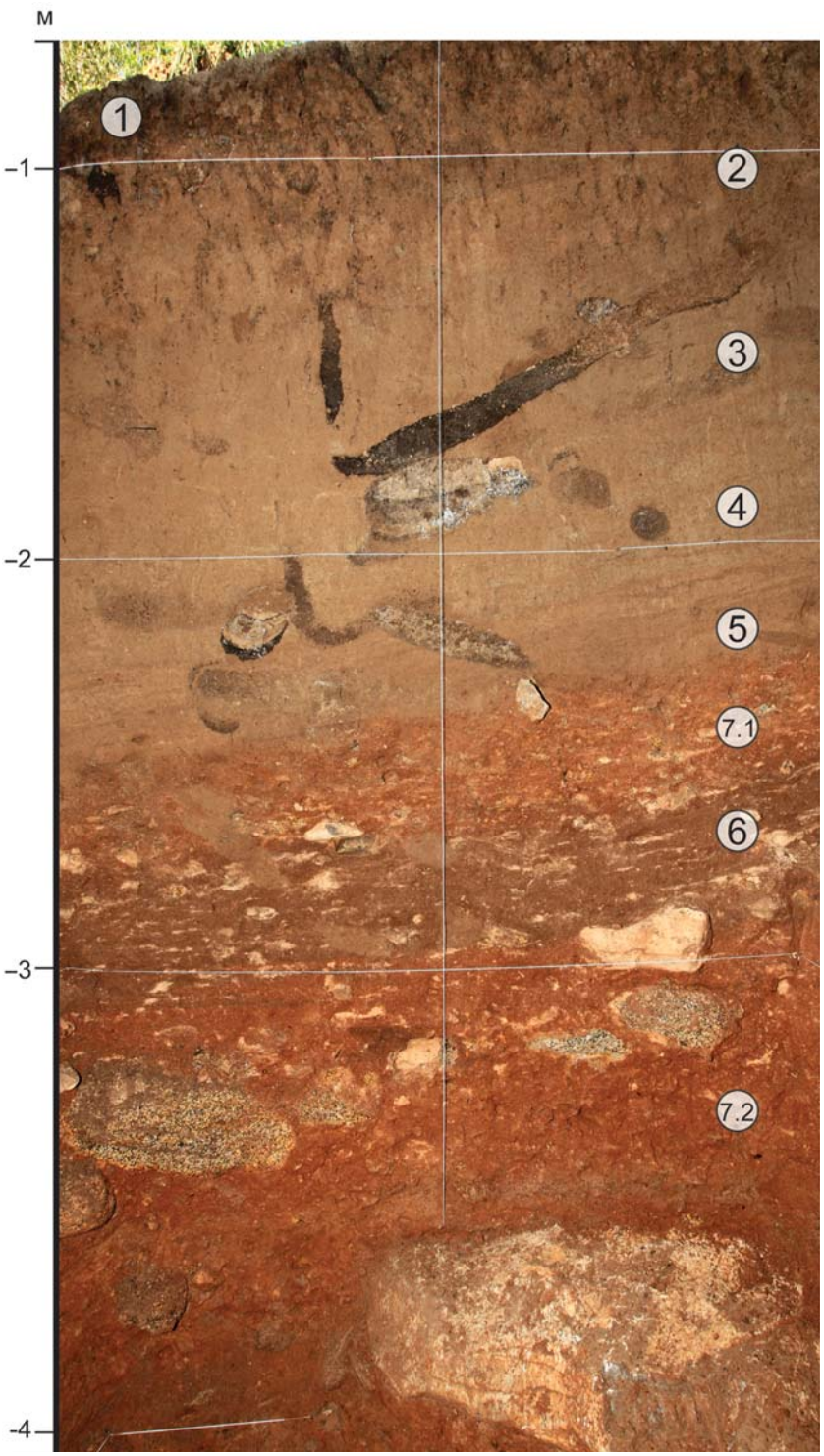

Рис. 1. Плейстоценовые отложения в раскопе 7 стоянки Карама.

ненной супеси. Суглинки обильно, но неравномерно, от 20 до 50 % проективной площади, насыщены обломками сильновыветрелого разноразмерного щебня с включением единичных мелких глыб. Обломочный материал несет следы физического выветривания, включая эффузивы, покрытые ярко-охристой коркой выветривания разной мощности. В крупнощебнистой фракции преобладают эффузивы (ок. 70 %) в разной степени фрактолитизации, предельно сапролитизированные граниты (ок. 10 %) и известняк преимущественно фракции мелкого щебня, выветрелый до состояния детрита и мучнистых белесых примазков линзовидной формы. Обломочный материал не сортирован по размеру, вместе с тем уплощенные обломки залегают согласно простиранию слоя. Толща слоя умеренно, от 10 до 20 % проективной площади, нарушена кротовинами древних генераций с заполнителем из легких суглинков серых и коричневых тонов. Кротовины, заполненные современной черноземной почвой, в этом слое не обнаружены. Верхняя граница слоя 6 с перекрывающими его красноцветными валунно-щебнистыми суглинками четкая, не резкая в виде зоны постепенного цветового перехода заполнителя, свидетельствующего о непрерывной аккумуляции вещества, приносимого склоновыми процессами. На участие в составе слоя 6 красноцветных суглинков указывает также красноватый оттенок его заполнителя. Мощность слоя 6 варьирует от 0,2 до 0,4 м.

Слой 6 перекрыт щебнистым слоем 7.1 с включением редких мелких валунов и глыб, с осветленным красноцветным сильно одресвяненным суглинистым заполнителем базального типа, активно реагирующим с HCl. По составу включений этот слой практически идентичен верхней части стратотипа отложений слоя 7 в раскопе 2, но отличается обильным включением мелкого и среднего щебня известняка, часто сильно выветрелого до состояния белесого детрита. Почти весь обломочный материал подвергался интенсивному физическому выветриванию – граниты полностью сапролитизированы, эффузивы в разной степени фрактолитизированы, с хорошо развитым омарганцеванием по внутренним трещинам. Редко встречается аллювиальный материал экзотического петрографического состава, представленный единичной мелкой, менее 2 см в поперечнике, галькой полностью химически измененных мелкозернистых песчаников и алевролито-песчаников до 3 и 4 класса окатанности.

В заполнителе прослоя отмечаются признаки активной дефлюкционно-солифлюкционной деятельности в виде направленных вниз по склону тонких (около 1 см) и коротких (5–20 см) сильно деформированных линзовидных включений белесого цвета, сформированных мелким щебнем, выветрелым до состояния минерального детрита. Мощность прослоя ок. 0,2 м при общей тенденции выклинивания вниз по склону до 0,1–0,15 м.

Генетически глыбово-щебнистый слой 7.1 представляет собой результат склоновой аккумуляции вещества слоя 7, снесенного с более высоких гипсометрических уровней, т.е. как геологическое тело этот прослой был сформирован, главным образом, переотложенным материалом слоя 7, залегающим выше по склону.

В красноцветном щебнистом слое 7.1 обнаружено три каменных изделия раннепалеолитического облика – скребло с прямым продольным лезвием и естественным обушком (рис. 2, *3*), орудие с шиповидным выступом (рис. 2, *1*) и чоппер с прямым контуром лезвия и слегка выпуклым подтесанным основанием (рис. 2, *2*). Эти архаичные галечные изделия по своим морфологическим признакам и петрографическому составу (сферолитовые эффузивы) идентичны раннепалеолитическим находкам из раскопа 2 и были, скорее всего, переотложены вниз по склону вместе с глыбово-щебнистым материалом слоя 7.

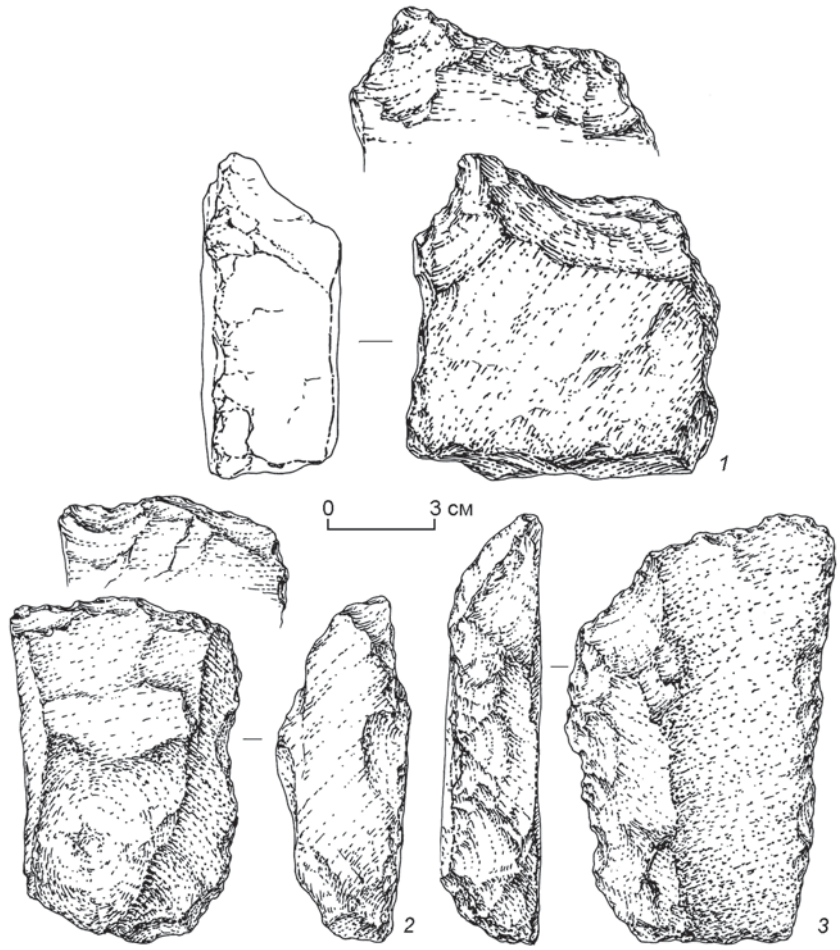

Рис. 2. Галечные орудия из слоя 7.1 в раскопе 7 Карамы. *Рисунки А.В. Абдульмановой.*

1 – орудие с шиповидным выступом в виде носика; *2* – чоппер; *3* – скребло.

Верхняя часть разреза сформирована легкими лессовидными суглинками, типичными для позднеплейстоценового чехла рыхлых отложений долины Ануя.

Вскрытые в основании раскопа 7 отложения в силу своей полихронности и полигенетичности имеют ряд уникальных особенностей. В составе плейстоценовых отложений Карамы ранее не отмечалось массового присутствия известнякового щебня. Наличие в слоях 6, 7.1 и 7.2 раскопа 7 известнякового материала свидетельствует о близком расположении выше по склону выходов коренного цоколя, оказавшихся в зоне склонового смещения. Степень сохранности известнякового щебня предполагает склоновый транзит на расстояние ок. 10–15 м и позволяет говорить о принципиально более молодом возрасте формирования содержащих известняковый материал осадков по сравнению с отложениями, вскрытыми в раскопах 2 и 3 Карамы. Судя по гипсометрическому положению раскопа 7 и литолого-стратиграфическим данным, формирование этих отложений связано, скорее всего, с отдельным самостоятельным этапом развития долины Ануя, приуроченным к геохрону между временем формирования осадков раскопа 2 и раскопа 1 Карамы.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Деревянко А.П., Ульянов В.А., Шуньков М.В. Значение геоморфологических данных для реконструкций ландшафта и климата Северо-Западного Алтая в плейстоцене // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Вып. 1. – С. 140–149.

Стоянка раннего палеолита Карама на Алтае / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, Н.С. Болиховская, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, Н.А. Кулик, В.А. Ульянов, К.А. Чиркин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 88 с.

Шуньков М.В., Ульянов В.А., Чеха А.М., Деревнина А.С. Результаты рекогносцировочных работ на раннепалеолитической стоянке Карама // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 464–468. – doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0464-0468

References

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Bolikhovskaya N.S., Zykin V.S. Zykina V.S., Kulik N.A., Ulianov V.A., Chirkin K.A. Stoyanka rannego paleolita Karama na Altae. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005. 88 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Ulianov V.A., Shunkov M.V. Znachenie geomorfologicheskikh dannykh dlia rekonstruktsii landshafta i klimata Severo-Zapadnogo Altaya v Pleistotsene. In *Osnovnye zakonomernosti globalnykh i regionalnykh izmenenii klimata i prirodnoi sredy v pozdnem kainozoe Sibiri*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002. Iss. 1. P. 140–149. (In Russ.).

Shunkov M.V., Ulianov V.A., Chekha A.M., Derevnina A.S. Results of Archaeological Survey at the Karama Early Paleolithic Site. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. XXIX. P. 464–468. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0464-0468

Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Ульянов В.А. https://orcid.org/0000-0002-7798-0399
Чеха А.М. https://orcid.org/0000-0002-2427-7480
Деревнина А.С. https://orcid.org/0000-0003-1434-3875
Плотников Д.Р. https://orcid.org/0000-0002-6855-7011

Дата сдачи рукописи: 20.09.2024 г.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА, СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0393-0397
УДК 902:908

С.В. Алкин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: alkin-s@yandex.ru

Археологические исследования на реке Шилка в Забайкалье: 1954–2024 года

К 70-летию начала работ Дальневосточной археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова

В 2024 г. были продолжены полевые исследования по изучению динамики этнокультурного развития в бассейне р. Шилка в древности и Средневековье. В статье рассмотрены результаты полевого сезона, посвященного 70-летней годовщине археологической разведки А.П. Окладникова 1954 г. в бассейне р. Шилка. Показано, что те работы положили начало эпохе Дальневосточной археологической экспедиции в археологическом изучении Восточного Забайкалья и Приамурья. Впервые было проведено комплексное археологическое обследование бассейна этой реки, который был «белым пятном» на археологической карте Сибири и Дальнего Востока. Широкие разведывательные исследования, проведенные в ходе экспедиции 1954 г. в среднем и нижнем течении р. Шилка, позволили впервые получить обширные данные для изучения этногенетической истории населения региона. Участниками экспедиции были обнаружены археологические памятники различных типов и хронологических эпох. Впервые для этого региона Забайкалья была сформирована источниковая база для изучения древней и средневековой эпох. Затем длительное время археологи лишь эпизодически посещали этот район. Публикация отчета экспедиции 1954 г. стимулировала начало нового этапа в изучении археологии этого района Восточного Забайкалья. Шилкинский отряд ИАЭТ СО РАН с 2007 г. ведет планомерные исследования в этом регионе. Наши исследования позволили получить новые данные для изучения процесса культурной адаптации групп мохэ – переселенцев из Среднего Приамурья на новой территории. В ходе речных сплавов по Шилке, повторяющих маршрут Амурского отряда Дальневосточной археологической экспедиции (2014, 2015, 2024 гг.), проводится археологический мониторинг обнаруженных в 1954 г. памятников, открыты новые объекты каменного века и эпохи Средневековья. В 2024 г. был пройден 200-километровый маршрут по Шилке от с. Горбица до слияния Шилки и Аргуни, которые дают начало Амуру.

Ключевые слова: *Забайкалье, р. Шилка, Дальневосточная археологическая экспедиция, укрепленные поселения, петроглифы (писаницы), палеолит, неолит, раннее Средневековье, мохэ, миграция.*

S.V. Alkin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: alkin-s@yandex.ru

Archaeological research on the Shilka River in Transbaikal Region: 1954–2024

This year, field studies of the dynamics of ethnic-cultural development in the Shilka Basin in ancient times and the early medieval period have been continued. The field season was dedicated to the 70th anniversary of archaeological exploration on the Shilka River by A.P. Okladnikov in 1954. The studies marked the start of the era of the Far Eastern Archaeological Expedition in the archaeological study of Eastern Transbaikal and the Amur Region. It was the first comprehensive archaeological survey of the Shilka basin, which was a "blank spot" on the archaeological map of Siberia and the Far East. In 1954, extensive reconnaissance research and excavations in the middle and lower Shilka basin resulted in deriving the first extensive data on the ethnogenetic history of the region population. New archaeological sites of various types and chronological periods were discovered by the expedition team. For the first time, a source base for studying the ancient and medieval era was compiled for this region. Then, there was long gap in the archaeological studies in this area. The publication of the 1954 expedition report stimulated the start of a new stage in the study of the archaeology of the middle and lower reaches of the Shilka River. The Shilka Detachment of the IAET SB RAS

has been conducting systematic research in this Transbaikal region since 2007. The conducted research has provided new data for studying the process of cultural adaptation of Mohe groups – migrants from the Middle Amur region to a new territory. In addition, archaeological monitoring of the sites discovered in 1954 is constantly being carried out, new Stone Age and medieval sites have been discovered. During river rafting on the Shilka we followed the route of the Amur Detachment of the Far Eastern Archaeological Expedition (2014, 2015, and 2024). In 2024, we covered a 200 km route along the Shilka from the Gorbitsa to the border of the Amur Region.

Keywords: *Transbaikal region, Shilka River, Far Eastern Archaeological Expedition (FEAE), fortified settlements, petroglyphs, Paleolithic, Neolithic, Middle Ages, Mohe culture, migration.*

В нынешнем году по программе НИР ИАЭТ СО РАН было продолжено изучение динамики этнокультурного развития в бассейне р. Шилка в древности и раннем Средневековье. При этом работы прошедшего полевого сезона были посвящены 70-летней годовщине археологической разведки А.П. Окладникова. Исследования Амурского отряда Дальневосточной археологической экспедиции летом 1954 г. на р. Шилка в ее среднем и нижнем течении стали первым этапом исследований того полевого сезона, продолжившегося на территории Амурской обл., и началом современного этапа изучении археологии Забайкалья и Приамурья.

До начала 1950-х гг. бассейн р. Шилка, являющийся западной частью Верхнего Приамурья – территории, которая демонстрирует весьма представительное по своему разнообразию сочетание природных сообществ и, как следствие, вмещает в себя огромное число археологических памятников разных эпох, практически не был известен в археологическом плане. Отметим лишь два факта из предшествующего этапа формирования источниковой базы по археологии бассейна Шилки, которые нашли отражение в историографии.

Наиболее ранние сведения об археологических комплексах эпохи Средневековья были опубликованы в 1915 г. Был представлен краткий, но емкий обзор работ забайкальских краеведов полковника Н.Н. Орлова и горного инженера А.Н. Баньщикова на участке среднего течения р. Шилка. По информации, полученной от местного населения, они смогли посетить и обследовать древние укрепленные поселения («городки»), описать особенности их расположения на небольших площадках на вершинах гор, дать описание фортификационных сооружений в виде рвов и валов, а в отдельных случаях заложить шурфы и траншеи. В результате ими были вскрыты остатки деревянных конструкций в западинах, оставшихся от полуземлянок, собраны костные остатки, фрагменты керамики, изделия из железа и пр. Необходимо отметить, что в дневниках экспедиции А.П. Окладникова и подготовительных к ней материалах нет сведений о знакомстве исследователя с этой публикацией [З.Н., 1915], но большинство из известных краеведам начала XX в. городищ было вторично обследовано летом 1954 г.

Первая профессиональная публикация по археологии региона была связана с именем уральского археолога В.Я. Толмачева [1929]. Во время своего полуторагодичного пребывания в Чите по пути в эмиграцию он принимал участие в деятельности краевого музея, где, в частности, ознакомился с коллекциями из двух погребений эпохи раннего металла, случайно обнаруженных в районе г. Сретенска. Затем, уже находясь в Китае, исследователь смог передать в Россию для публикации результаты своего исследования.

В следующие 40 лет никаких археологических исследований в этих районах не производилось. Бассейн Шилки продолжал оставаться «белым пятном» на археологической карте Забайкалья и Дальнего Востока. Ситуация изменилась к середине столетия, когда археологический поиск в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке получил мощный толчок в связи с планами строительства крупных гидроэлектростанций.

В конце 1940-х гг. А.П. Окладников последовательно продвигает в жизнь идею об организации академической археологической экспедиции для изучения районов Восточной Сибири (в границах Читинской обл., т.е. Верхнего Приамурья), Среднего и Нижнего Приамурья. В результате этой работы 18 июня 1953 г. распоряжением № 85 ИИМК АН СССР была организована Дальневосточная археологическая экспедиция. Сроки, район исследований и состав экспедиции утверждены приказом № 79 от 26 июня 1953 г. по Ленинградскому отделению ИИМК АН СССР. Возглавил экспедицию А.П. Окладников, на тот момент занимавший должность заведующего сектором палеолита ЛО ИИМК АН СССР [Болдырева, 2010, с. 40].

Перед Дальневосточной археологической экспедицией (далее – ДВАЭ) встала амбициозная задача формирования полного представления о прошлом народов Дальнего Востока, определения истоков их культуры, выявления взаимосвязи археологических культур. В связи с этим было решено проводить работы одновременно в нескольких районах огромного региона. В составе экспедиции было образовано несколько отрядов: работы первого были начаты уже в 1953 г. в Приморском крае, второй должен был проводить археологический поиск в бассейне Амура; третий – на юге Сахалина.

В июле 1954 г. после раскопок на Титовской сопке в окрестностях г. Чита А.П. Окладников и его сотрудники переместились в г. Сретенск, откуда на моторной лодке начали свой разведывательный сплав. Его целью был поиск и определение культурно-хронологической характеристики археологических памятников в западной части Амурского бассейна в пределах Читинской и Амурской областей.

Известен состав участников: заместитель начальника отряда Н.Н. Забелина, лаборанты Э.В. Шавкунов, В.Е. Ларичев, Ю.И. Завитухин, Н.Л. Тимофеев, М.И. Рижский и Ю.В. Сазонов.

Первая остановка была в с. Шилкинский Завод. 21 июля там обследовано городище, расположенное напротив села у р. Тапоха. Исходя из собранного материала, памятник был датирован ранним железным веком. Наиболее известным в науке из посещенных там археологических объектов является памятник Шилкинская пещера (неолит, ранняя бронза и ранний железный век), открытый местным жителем топографом И.П. Шабалиным, где в 1952 г. А.П. Окладников провел комплексные исследования [Окладников, 1960].

Следующие остановки делались в окрестностях населенных пунктов вниз по течению Шилки. Отдельными маршрутами, в основном для проверки сведений от местных жителей, обследовались левобережные притоки реки.

Так в районе с. Усть-Карск были обнаружены поселенческие и погребальные комплексы, датированные А.П. Окладниковым временем от неолита до эпохи Средневековья, а также обследованы два петроглифических комплекса – писаницы на реках Кара и Джалинда. При этом информация о них была получена от местного населения, тогда как, напр., Джалиндинская писаница была известна краеведам уже в конце XIX в. [Черкасов, 2009, с. 421–422].

При обследовании правого берега Шилки напротив дер. Лужанки было обнаружено поселение, где проведены первые работы по раскопкам западин средневековых жилищ типа полуземлянки. Такой тип археологических объектов ранее на территории Забайкалья не изучался.

На правом берегу Шилки напротив с. Верхние Куларки, где на горе Витчиха расположено крупное укрепленное поселение, фактически началось изучение Шилкинской системы средневековых городищ [Алкин, 2011]. Затем разведывательные шурфы, а также раскопы над западинами отдельных жилищ были заложены на крупных горных городищах у с. Усть-Черная и на Чудейском утесе в 7 км выше устья р. Черная. Исследователи описали систему фортификационных сооружений на этих памятниках, которые были построены с учетом особенностей рельефа в месте их расположения.

Иной тип укрепленного поселения, приуроченного к невысокой речной террасе, был открыт на правом берегу Шилки в пади Кантога (Проезжая). Кроме укрепленных городищ, экспедицией на всем протяжении маршрута были выявлены поселения с малым числом полуземлянок без явных следов защитных сооружений.

Среди обнаруженных археологических памятников других эпох наиболее примечательными являются пункт сбора Кудикан с архаичным подъемным материалом палеолитического облика, многослойный (неолит – эпоха бронзы) памятник Тонтока, писаница в устье р. Средне-Шайкино, разновременные стоянки в устьях небольших левобережных притоков Шилки (р. Мошегда, Часовая, Аникино, Гришкино, Амазар и др.). Пределы Читинской обл. отряд покинул 8 августа. Закончен маршрут был в г. Благовещенске на р. Амур.

Источниковой базой для изучения результатов экспедиции 1954 г. сегодня являются: археологическая коллекция (она хранится в фондах ИАЭТ СО РАН и насчитывает 186 фрагментов керамики, 495 каменных артефактов, 136 экз. костных останков), фотокопии рукописных полевых дневников, которые велись А.П. Окладниковым и В.Е. Ларичевым. Полевой отчет, который по существу представляет собой отредактированные полевые записи, хранится сегодня в архиве ИА РАН (Ф. 1. Р. 1. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1029). Постепенно эти материалы вводятся в научный оборот [Вальченко, 2019, 2020].

Из-за ухудшения отношений Советского Союза с Китаем проекты по строительству гидроэлектростанций на пограничных реках были остановлены. Отряды ДВАЭ решали исследовательские задачи на Амуре и в Приморье. А в районе на стыке Забайкалья, Приамурья и Китая археологические работы носили эпизодический характер. А.И. Мазин в начале 1980-х гг. проводил исследования на писаницах Кара, Джалинда и Средне-Шайкино [1986]. В середине 1980-х гг. В.К. Колосовым проводились исследования на участке среднего течения Шилки, в т.ч. открыты новые памятники [1986]. С середины 1970-х гг. начинаются работы на Шилке (в основном в западной части ее бассейна) Верхнеамурской археологической экспедиции Читинского государственного педагогического института под руководством И.И. Кириллова [Константинов, 2011]. В 1992 г. этой экспедицией проведена паспортизация археологических объектов на р. Шилка, включая участок маршрута ДВАЭ 1954 г., где были также обнаружены несколько новых памятников (см.: [Черенщиков, 2013]).

В.Е. Ларичев подготовил к публикации одну из копий машинописного отчета 1954 г., которая хранилась в его архиве [Окладников, Ларичев, 1999]. Введение в научный оборот этого документа стало стимулом для начала нового этапа в изучении археологии среднего и нижнего течения р. Шилка. Были осуществлены рекогносцировочные маршруты отряда Читинского областного краеведческого музея по р. Шилка и Черная (2004, 2006 гг.) [Колосов и др., 2008]. Затем начиная с 2007 г. в течение шести полевых сезонов проводились стационарные раскопки Усть-Чернинского городища (ИАЭТ СО РАН и Читинский областной краеведческий музей – Забайкальский краевой краеведческий музей) [Алкин, 2019]. В 2007–2008 гг. археологический отряд Забайкальского краевого краеведческого музея под руководством Е.В. Ковычева работал на городище в пади Проезжая [Ковычев, Харинский, Крадин, 2018].

Помимо стационарных исследований, Шилкинский отряд ИАЭТ СО РАН в предшествующие годы проводил мониторинг состояния известных и поиск новых археологических объектов, в т.ч. это делалось в ходе сплавов, повторявших маршрут Амурского отряда ДВАЭ лета 1954 г. (2014, 2015). В июле 2024 г. состоялся очередной такой сплав от с. Горбица, в котором приняли участие члены краеведческо-туристического клуба Читинского техникума железнодорожного транспорта Забайкальского института железнодорожного транспорта под руководством Р.В. Смолякова (при поддержке Администрации Забайкальского края). Общая протяженность маршрута составила ок. 200 км. Впервые включен участок от р. Часовинка до р. Халаджикан в 30 км до начала р. Амур. Таким образом, теперь практически вся часть шилкинского маршрута экспедиции А.П. Окладникова 1954 г. пройдена.

Из наиболее существенных результатов необходимо отметить следующее.

Осуществлен осмотр бичевника в местности Кудикан, где, как и ранее вслед за находками А.П. Окладникова [Окладников, Ларичев, 1999, с. 14], была собрана небольшая коллекция архаичных каменных артефактов, которые предварительно могут быть отнесены к эпохе среднего палеолита.

Впервые удалось идентифицировать места расположения местонахождений эпохи неолита и раннего Средневековья в окрестностях бывшей дер. Мошегда [Там же, с. 14–15]. Отмечен подмыв во время паводков береговой линии, что ведет к разрушению культурного слоя памятников.

Зафиксирована опасность антропогенного разрушения из-за деятельности золотодобытчиков комплекса памятников в устье р. Желтуга, где в 1992 г. И.И. Кириллов открыл небольшое средневековое поселение, а во время одной из разведок Шилкинским отрядом был обнаружен крупный поселенческий памятник эпохи неолита [Ахметов, Алкин, 2017].

Были обследованы с проведением видеофиксации петроглифические комплексы в Средне-Шайкино, обнаруженные в 1954 г. и затем изучавшиеся А.И. Мазиным и неоднократно Шилкинским отрядом в сотрудничестве с А.С. Пахуновым [Пахунов, Алкин, 2020].

В конце маршрута было идентифицировано место работ ДВАЭ на мысу террасы в месте впадения в Шилку р. Гришкина. Однако необходимо проведение дополнительных исследований по выявлению нескольких памятников, обнаруженных ранее на террасах в районе бывшей дер. Аникино [Окладников, Ларичев, 1999, с. 24–25].

Дальневосточная археологическая экспедиция и ее первый полевой сезон сыграли определяющую роль в изучении древней и средневековой истории Забайкалья и Дальнего Востока. Работы А.П. Окладникова и его сотрудников в июле – августе 1954 г. отличались широким масштабом как в географическом, так и в хронологическом отношении. Поражает объем сделанного за короткий период прохождения маршрута по Шилке. Работа, проведенная тогда, способствовала открытию новых археологических памятников в практически неразведанном на тот момент регионе западной части бассейна р. Амур. В 1954 г. по существу начался отсчет истории современного археологического изучения Восточного Забайкалья и Приамурья, которое получило новое развитие в начале XXI в.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0004 «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии».

Список литературы

Алкин С.В. Шилкинская система городищ // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 349–351.

Алкин С.В. Средневековая археология Восточного Забайкалья (Верхнее Приамурье) – западное направление распространения культуры ранних тунгусо-маньчжур (мохэ): результаты десяти лет изучения // II International Academic Conference on Balhae's network: The eastern and western networks of Balhae and middle age archaeology of Amur river basin. – Buyeo: Institute of Northern Region Cultural Heritage NUCH, 2019. – P. 111–129.

Ахметов В.В., Алкин С.В. Археологическая разведка в Сретенском районе Забайкальского края в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 26–29.

Болдырева Н.Л. Организация исследований по истории, археологии и этнографии на Дальнем Востоке России в 1950–1970-е годы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2010. – Т. 9, № 5. – С. 41–45.

Вальченко В.Е. Шилкинская керамическая коллекция Дальневосточной археологической экспедиции 1954 г.: анализ и интерпретация // Мат-лы LIX Рос. археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2019. – С. 162–163.

Вальченко В.Е. Зооархеологическая коллекция Дальневосточной археологической экспедиции 1954 г. с реки Шилка // Мат-лы LX Рос. археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых с международным участием. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2020. – С. 198–199.

З.Н. Древние «городки» // Вестн. Азии. – Харбин, 1915. – № 35–36. – С. 89–91.

Ковычев Е.В., Харинский А.В., Крадин Н.Н. Шивэйское городище Проезжая 1 на реке Шилке // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14, № 1. – С. 78–102.

Колосов В.К. Богачинская пещера – новый памятник ранней бронзы // Четвертичная геология и первобытная археол. Юж. Сиб. / Тез. докл. Всесоюз. конф. – Улан-Удэ, 1986. – Ч. 2. – С. 53–55.

Колосов В.К., Нестеренко В.В., Алкин С.В., Васильев С.Г. Новые данные по археологии Сретенского района // Сретенский район: история и современность. – Чита: Экспресс-изд-во, 2008. – С. 53–56.

Константинов М.В. Кириллов Игорь Иванович // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 163–164.

Мазин А.И. Таежные писаницы Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1986. – 260 с.

Окладников А.П. Шилкинская пещера – памятник древней культуры верховьев Амура // Тр. Дальневост. археол. экспедиции. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – 1960. – Т. 1: Древние культуры Дальнего Востока. – С. 5–71.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 г. // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 1999. – Вып. 2. – С. 4–29.

Пахунов А.С., Алкин С.В. Результаты изучения пигментов писаниц среднего и нижнего течения реки Шилка в Забайкальском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 565–570.

Толмачев В.Я. Предметы «костяного века» из Восточной Сибири // Сообщ. ГАИМК. – Л., 1929. – Т. II. – С. 334–338.

Черенщиков О.Ю. Камень на ладони. – Чита: Экспресс-изд-во, 2013. – 236 с.

Черкасов А.А. Записки сибирского охотника. – Чита: Экспресс-изд-во, 2009. – 484 с.

References

Alkin S.V. Shilkinskaya sistema gorodishch. In *Malaya entsiklopediya Zabaikal'ya: Arkheologiya.* Novosibirsk: Nauka, 2011. P. 349–351. (In Russ.).

Alkin S.V. Srednevekovaya arkheologiya Vostochnogo Zabaikal'ya (Verkhnee Priamur'e) – zapadnoe napravlenie rasprostraneniya kul'tury rannikh tunguso-man'chzhur (mokhe): rezul'taty desyati let izucheniya. In *II International Academic Conference on Balhae's network: The eastern and western networks of Balhae and middle age archaeology of Amur river basin.* Buyeo: Institute of Northern Region Cultural Heritage NUCH, 2019. P. 111–129. (In Russ.).

Akhmetov V.V., Alkin S.V. Archaeological exploration in the Sretensky district of the Transbaikal region in 2014. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 23. P. 26–29. (In Russ.).

Boldyreva N.L. Organizatsiya issledovanii po istorii, arkheologii i etnografii na Dal'nem Vostoke Rossii v 1950–1970-e gody. *Vestnik Novodibirskogo universineta. Istoriya, filologiya*. 2010. Vol. 9. No. 5. P. 41–45. (In Russ.).

Cherenshchikov O.Y. Kamen' na ladoni. Chita: Ekspress Publ., 2013. 236 p. (In Russ.).

Cherkasov A.A. Zapiski sibirskogo okhotnika. Chita: Ekspress Publ., 2009. 484 p. (In Russ.).

Kolosov V.K. Bogachinskaya peshchera – novyi pamyatnik rannei bronzy. In *Chetvertichnaya geologiya i pervobytnaya arkheoogia. Yuzhnoi Sibiri*. Ulan-Ude, 1986. Pt. 2. P. 53–55. (In Russ.).

Kolosov V.K., Nesterenko V.V., Alkin S.V., Vasilev S.G. Novye dannye po arkheologii Sretenskogo raiona. In *Sretenskii raion: istoriya i sovremennost'*. Chita: Ekspress Publ., 2008. P. 53–56. (In Russ.).

Konstantinov M.V. Kirillov Igor' Ivanovich. In *Malaya entsiklopediya Zabaikal'ya: Arkheologiya*. Novosibirsk: Nauka, 2011. P. 163–164. (In Russ.).

Kovychev E.V., Kharinskii A.V., Kradin N.N. Shiwei's fortress Proezhaya 1 on the Shilka river. *J. of ancient technology laboratory.* 2018. Vol. 14. No. 1. P. 78–102. (In Russ.).

Mazin A.I. Taezhnye pisanitsy Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, 1986. 260 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Shilkinskaya peshchera – pamyatnik drevnei kul'tury verkhov'ev Amura. In *Trudy Dal'nevostochnoi arkheologicheskoi ekspeditsii*. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1960. Vol. 1: Drevnie kul'tury Dal'nego Vostoka. P. 5–71. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Larichev V.E. Arkheologicheskie issledovaniya v basseine Amura v 1954 g. In *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk: Amur State Univ. Press, 1999. Iss. 2. P. 4–29. (In Russ.).

Pakhunov A.C., Alkin S.V. Preliminary results of a study of pigments from the rock art sites of middle andlLower stream of the Shilka river in the Trans-Baikal region. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 565–570. (In Russ.).

Tolmachev V.Y. Predmety "kostyanogo veka" iz Vostochnoi Sibiri. In *Soobshcheniya GAIMK*. Leningrad, 1929. Vol. II. P. 334–338. (In Russ.).

Valchenko V.E. Shilkinskaya keramicheskaya kollektsiya Dal'nevostochnoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1954 g.: analiz i interpretatsiya. In *Materialy LIX Rossiiskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagog Univ. Press, 2019. P. 162–163. (In Russ.).

Valchenko V.E. Zooarkheologicheskaya kollektsiya Dal'nevostochnoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1954 g. s reki Shilka. In *Materialy LKh Rossiiskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem*. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 2020. P. 198–199. (In Russ.).

Z.N. Drevnie «gorodki». In *Vestnik Azii*. Harbin, 1915. No. 35–36. P. 89–91. (In Russ.).

Алкин С.В. https//orcid.org/0000-0002-6319-6448

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0398-0402
УДК 902

В.В. Бобров

Институт экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН
Кемерово, Россия
Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия
E-mail: bobrov4545@mail.ru

К проблеме изучения интрамуральных погребений на древних поселениях Западной Сибири

В статье решается задача о времени возникновения и длительности существования традиции обряда погребения в жилищах на территории Западной Сибири. Предварительно сделаны выводы о результатах исследований по этой проблеме, за исключением семантики обряда, за последние четверть века. Один из выводов в работах многих специалистов заключался в том, что обряд погребения в жилищах, преимущественно детей, на территории Западной Сибири возник в культурах, существовавших в последние столетия III – начале II тыс. до н.э. Его происхождение связывают с активным воздействием или даже миграцией групп населения из раннеземледельческих регионов Ближнего Востока и Средней Азии. Неолитические поселения среднего Прииртышья и нижнего Приишимья, содержавшие погребения как детей, так и взрослых людей в жилищах, позволили отнести возникновение обряда интрамуральных погребений в западносибирском регионе к V – началу IV тыс. до н.э. Приведены свидетельства захоронения детей в жилищах эпохи палеолита на территории Байкальской Сибири и Камчатки как возможность универсальности этого обряда. Выявленные отличия обряда погребений в неолитических жилищах от погребений в жилищах эпохи бронзы актуализируют проблему внешних причин, вызвавших изменения и связанных с раннеземледельческими обществами, что не противоречит идее возможной универсальной природы явления. Единичные погребения в жилищах раннего и позднего Средневековья предположительно свидетельствуют о длительности существования традиции. В статье поставлена проблема исследования следов интрамурального обряда в традиционных обществах народов Западной Сибири и в целом Северной Азии.

Ключевые слова: *интрамуральное погребение, жилище, палеолит, неолит, эпоха бронзы, Западная Сибирь.*

V.V. Bobrov

Institute of Human Ecology Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS
Kemerovo, Russia
Kemerovo State University
Kemerovo, Russia
E-mail: bobrov4545@mail.ru

On the Study of Intramural Burials in Ancient Settlements in West Siberia

The article addressed the issues of the time of appearance and duration of the tradition of burials in dwellings in West Siberia. Preliminary conclusions have been made concerning the studies of this issue for the latest twenty-five years except the rite semantics. Many specialists believe that the rite of interment inside dwellings mainly of children appeared in West Siberia in cultures of the latest century of the 3rd–2nd millennia BC. Its origins are linked with the active influence or even migration of population groups from early agricultural regions of the Middle East and Central Asia. Neolithic settlements in the Middle Irtysh region and the Low Ishim region with burials of children and adults inside dwellings provided the reliable grounds for attribution of the origin of intramural burial rite in West Siberia to the 5th – early 4th millennia BC. The paper presents the evidence of Paleolithic burials of children in dwellings in Baikal Region and Kamchatka as a possible universality of this rite. Certain differences in the burial rites in Neolithic dwellings from the burials in dwellings in the Bronze Age actualize the problem of external causes of changes linked with the early agricultural societies; it does not contradict the idea of possible universal nature of this phenomenon. Single burials in dwellings of the Early and Late Middle Ages probably testify to the duration of this tradition. The article focuses on the necessity of the study of intramural rite signs in traditional societies of the populations of West Siberia and North Asia in general.

Keywords: *intramural burial, dwelling, Paleolithic, Neolithic, Bronze Ages, West Siberia.*

На территории Восточной Европы и Северной Азии в процессе полевых исследований разного типа поселений, причем различных хронологических периодов, специалисты нечасто, но фиксировали нахождение единичных или незначительного количества захоронений. Информация о них становилась достоянием научной общественности по работам публицистического характера. Только четверть века назад погребения на поселениях стали предметом самостоятельного исследования. История становления и изучения этого феномена представлена в статье Н.А. Берсеневой, Э. Кайзер и Л.Н. Мыльниковой, которая по сути являет собой обзор результатов работы Международной конференции, посвященной данному археологическому явлению (8–10 апреля 2019 г., Берлин, Германия) [2019].

На территории азиатской части России нахождения погребений на поселениях преимущественно связаны с древностями Западной Сибири, а хронологически с эпохой бронзы. Это вполне закономерно как в историческом аспекте, так и географическом расположении региона, особенно его лесостепной ландшафтной зоны. Исследования т.н. интрамуральных погребений были стимулированы материалами синташтинской или синташтинско-петровской культуры, которая, на мой взгляд, не вписывается в «генетический» ряд культур эпохи бронзы урало-казахстанских степей [Берсенева, 2021], а также материалами неординарного грандиозного городища Чича-1 на юге Барабинской лесостепи [Молодин и др., 2003; Молодин, 2006; Новикова, Шнеевайсс, 2002].

Проведенные исследования позволили предложить (отчасти предположить) ряд заключений. Во-первых, обряд погребения на площади поселения и в жилищах был распространен от Южного Урала до верхнего Приобья (северные районы Алтая) у населения, обитавшего в лесостепи и степи. Во-вторых, время существования данного обряда в обозначенном географическом пространстве – эпоха бронзы. Если конкретизировать хронологические рамки, то наиболее ранние свидетельства его существования зафиксированы на поселенческих комплексах синташтинской, кротовской и елунинской культур; поздние археологические свидетельства относятся к переходному времени от эпохи бронзы к раннему железному веку [Молодин, 2006; Мыльникова, 2021]. В-третьих, обычай захоронения на жилом пространстве нетипичен для древнего населения Западной Сибири, его исходная среда восходит к иррациональным канонам духовной культуры древнейших земледельческих и земледельческо-скотоводческих обществ Передней [Мерперт, Мунчаев, 1982, с. 28; Массон, 1989, с. 80] и Средней Азии, а также обитателей европейского побережья Средиземноморья. Соответственно следовал вывод о появлении обряда погребения на поселениях в результате активного влияния или проникновения в западносибирскую лесостепную среду населения из ближневосточного и среднеазиатского регионов. В исследованиях специалистов были предложены реконструкции семантического содержания этого своеобразного обряда погребения, но они остаются за пределами задачи данной статьи.

В связи с рассматриваемой проблемой небезынтересно время появления специальных мест захоронения. В.М. Массон, говоря о кладбищах как особой территории, предназначавшейся для захоронения усопших, приводит статистику Л. Бинфорда, согласно которой для мустье 39 погребений были обнаружены в местах обитания людей и 37 – в т.н. местах захоронения, расположенных недалеко от самой стоянки [Массон, 1976, с. 153–154]. Тенденция к выделению особого сакрализованного пространства для захоронения завершилась в мезолитическое время. На этом фоне материалы интрамуральных погребений на поселениях более поздних историко-хронологических периодов приобретают особое научное значение и необходимость исследования.

Отсчет времени появления этого обряда погребения на территории Западной Сибири принято вести с существования культур т.н. самусьско-сейминского периода. Новые и отчасти предшествующие археологические источники эпохи неолита практически из той же ландшафтной зоны региона позволяют обратиться к обсуждению хронологии возникновения интрамуральной погребальной традиции.

Первые захоронения в жилищах были выявлены А.И. Петровым в 1980 г. на поселении Ямсыса XII. На площади внутри каждого из трех жилых сооружений находились могилы глубиной до или более 1 м, содержавшие кальцинированные кости. Исключение составляла могила жилища 3 [Петров, 2014, с. 99–101, 180]. К сожалению, информация об этих погребениях очень скудная. А.И. Петров упоминает еще один памятник с захоронением, вероятно, эпохи неолита – ранней бронзы – поселение Красная Горка I [Там же, с. 195]. Через 30 лет после этих исследований последовало открытие захоронений на поселениях и в жилищах эпохи неолита в нижнем Приишимье. Так, на памятнике Мергень-6 в жилом сооружении поселения 21 находились погребения младенца до 1 года (у стены) и взрослого человека 35–45 лет (в центре). Время существования поселения по абсолютным датам – начало V тыс. до н.э. На поселении Мергень-7 в углу раскопанного жилища была расположена могила, в которой, судя по останкам скелетов, были погребены 2 женщины (30–40 лет и 17–21 год). По ^{14}C время существования жилища – начало IV тыс. до н.э. [Еньшин, Скочина, Зах, 2012, с. 47–48; Еньшин, Скочина, Слепченко, 2015]. Несмотря на малочисленность известных погребений, в неолитических жилищах явно выражено разнообразие практики захоронения, прежде всего, по обряду (кремация и ингумация). Определить закономерность обряда по полу и возрасту затруднительно. Можно только констати-

ровать, что представленный неолитический комплекс интрамуральных погребений отличается от комплекса аналогичных погребений эпохи бронзы на территории Западной Сибири.

В связи с рассматриваемой проблемой и западносибирскими материалами эпохи неолита небезынтересен сравнительно недавно выявленный археологический факт. В результате исследования поздненеолитических погребений Венгерово-2А, обнаруженных на поселении кротовской культуры в Венгеровском р-не (северо-запад Барабинской лесостепи), В.И. Молодин установил, что они совершены в предварительно сделанном круглом чашевидном углублении, обрамленном несомкнутыми рвами, и провел параллель его формы с типом неолитических жилищ, в частности, быстринской культуры [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2016]. Этот вывод был подтвержден в процессе раскопок неолитических погребений на памятниках Автодром-1 и Усть-Тартас-2 [Бобров, Марочкин, 2023, с. 57, 61; Молодин и др., 2020].

На мой взгляд, какая-то мировоззренческая идея связывает интрамуральные погребения в жилищах на территории поселения с «сооружением» жилища для погребения на специальных местах для захоронения усопших в период позднего неолита на территории Западной Сибири. Возможно, она имела местные истоки или была транслирована на автохтонную среду охотников, рыболовов и собирателей на этапе т.н. неолитизации западносибирского региона. На универсальность обряда погребения в пределах жилищного пространства указывает не только обширная география его распространения от Средиземноморья до Дальнего Востока (север Китая), но и древность, уводящая в эпоху палеолита. Достаточно вспомнить о захоронении младенца в жилище стоянки Мальта, ставшем хрестоматийным в отечественной археологии. Настраивает на универсальность интрамурального обряда погребения и находка в могиле, засыпанной охрой, в жилище стоянки Ушки-1 поздней ушковской верхнепалеолитической культуры Камчатки [Диков, 1979, с. 55]. Приведенная версия не исключает идею о ближневосточном воздействии в разных его проявлениях на общества с производящим хозяйством, существовавшие на просторах западносибирской лесостепи во второй половине III – начале II тыс. до н.э. Изменения в общественной системе в процессе поступательного ее развития касаются и духовной сферы, в частности, ее иррациональной составляющей. Археологически достаточно четко выражено, что кардинальные изменения произошли с возникновением производящих форм хозяйства. Религиозные представления не могли не пополниться новым содержанием, вероятно, первоначально были «подправлены» обрядовые действия. Полагаю, что отмеченное мной отличие интрамуральных погребений неолита от аналогичных погребений в жилищах эпохи бронзы не случайность, а отражение произошедших изменений.

Переходным временем от эпохи бронзы к раннему железному веку традиция интрамуральных погребений на поселениях не прекращает существования. Выборочные материалы эпохи раннего железа и Средневековья позволяют полагать, что этот обряд сохранялся до Нового времени. Если Л.А. Чиндина только отмечает факт захоронения в жилищах кулайской культуры, то Ю.П. Чемякин приводит данные по белоярской и кулайской культурам, но считает, что погребения совершены после функционирования сооружений как жилищ [Чемякин, 2008, с. 69, 83]. В период Средневековья погребение взрослых людей зафиксировано в жилище городища Долговское-1 на правом берегу р. Иртыш в Тюменской обл., раскопанного А.А. Адамовым [2003]. Если погребение ребенка в могиле на земляных нарах вдоль стенки жилища вписывается в рассматриваемую традицию, то погребение пяти человек на нарах в углу помещения для нее необычные. Жилище датируется временем существования потчевашской культуры. Не менее интересно погребение в центре жилища 11 на месте очага городища Войкарское, которое содержало останки мужчин в возрасте 35–40 и 40–45 лет. По мнению исследователей, жилая постройка датируется первой третью – серединой XVII в. [Новиков и др., 2016]. Несомненно, следы интрамуральной обрядовой традиции сохраняются в мировоззрении и практике ритуальных действий народов Западной Сибири.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания, проект № АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Список литературы

Адамов А.А. Погребение потчевашской культуры с городища Долговское-1 // Источники по истории Западной Сибири. – Сургут, 2003. – С. 88–93.

Берсенева Н.А. Погребения на поселениях эпохи бронзы Южного Урала: альтернативные, нормативные или девиантные? // Уфимский археолог. вестн. – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 206–214.

Берсенева Н.А., Кайзер Э., Мыльникова Л.Н. Пространство не только для живых: человеческие останки на поселениях бронзового века в Евразии // Урал. ист. вестн. – 2019. – № 4 (65). – С. 133–138.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Погребальное сооружение поздненеолитического могильника Автодром-1 в северо-западной Барабе: археологическая специфика и проблема интерпретации // Урал. ист. вестн. – 2023. – № 1 (78). – С. 55–64.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Еньшин Д.Н., Скочина С.Н., Зах В.А. К вопросу о поселенческой обрядности в неолите Нижнего Прииишимья (по материалам поселения Мергень-6) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 4 (19). – С. 43–52.

Еньшин Д.Н., Скочина С.Н., Слепченко С.М. Неолитические погребения в поселенческих комплексах на оз. Мергень // IV Северный археологический конгресс. – Екатеринбург: Альфа-Принт, 2015. – С. 72–74.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.: Наука, 1976. – 192 с.

Массон В.М. Первые цивилизации. – Л.: Наука, 1989. – 275 с.

Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М. Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового Света. – М.: Наука, 1982. – С. 28–49.

Молодин В.И. Некрополь городища Чича-1 и проблема погребальной практики носителей культуры переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2006. – № 4 (28). – С. 115–121.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Хансен С., Селин Д.В., Нестерова М.С., Кудинова М.А., Райнхольд С., Швецова Е.С., Бобин Д.Н. Поздненеолитический погребальный комплекс на памятнике Усть-Тартас-2 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 172–180.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерово-2А (юг Западно-Сибирской равнины) // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2016. – № 2 (44). – С. 30–46.

Молодин В.И., Новикова О.И., Парцингер Г., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Ефремова Н.С., Чемякина М.А. Погребения людей на жилом пространстве городища Чича // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 312–316.

Мыльникова Л.Н. Погребения и антропологический материал на поселениях переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному векуЛинево-1 (Западная Сибирь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 7. – С. 73–85.

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Зубова А.В., Поздняков Д.В. Парное погребение в очаге жилой постройки (городище Усть-Войкарское) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 389–392.

Новикова О.И., Шнеевайсс Й. К проблеме типологии и интерпретации жертвенных комплексов в поселенческом контексте (по материалам памятников бронзового и раннего железного века Западной Сибири) // Северный археологический конгресс. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. – С. 198–200.

Петров А.И. Эпохи позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. – 348 с.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. – 224 с.

References

Adamov A.A. Pogrebenie potchevashskoi kul'tury s gorodishcha Dolgovskoe-1. Istochniki po istorii Zapadnoi Sibiri. Surgut, 2003. P. 88–93. (In Russ.).

Berseneva N.A. Human burials at the Bronze Age settlements in the Southern Urals: alternative, normative or deviant? *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, 2021. Vol. 21. No. 2. P. 206–214. (In Russ.). doi:10.31833/uav/2021.21.2.002

Berseneva N.A., Kaiser E., Mylnikova L.N. Prostranstvo ne tolko dlya zhivykh: chelovecheskie ostanki na poseleniyakh bronzovogo veka v Evrazii. *Ural Historical J.*, 2019. No. 4 (65). P. 133–138. (In Russ.). doi:10.30759/1728-9718-2019-4(65)-133-138

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Burial Construction of the Late Neolithic Cemetery Avtodrom-1 in North-Western Baraba: Archaeological Specifics and Issues of Interpretation. *Ural Historical J.*, 2023. No. 1 (78). P. 55−64. (In Russ.). doi:10.30759/1728-9718-2023-1(78)-55-64

Chemyakin Y.P. Barsova Gora. Ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost. Surgut; Omsk, 2008. 224 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii. Aziya na styke s Amerikoi v drevnosti. Moscow: Nauka, 1979. 352 p. (In Russ.).

Enshin D.N., Skochina S.N., Slepchenko S.M. Neolithic Burials Settlement Complexes of Lake Mergen. In *IV Severnyy arkheologicheskiy kongress: materialy*. Yekaterinburg: [s.n.], 2015. P. 72–74. (In Russ.).

Enshin D.N., Skochina S.N., Zakh V.A. On settling rites in the Neolithic of the Low Ishim basin (based on materials of Mergen-6 settlement. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*, 2012. No. 4 (19). P. 43–52. (In Russ.).

Masson V.M. Ekonomika i sotsial'nyi stroi drevnikh obshchestv: (V svete dannykh arkheologii). Leningrad: Nauka, 1976. 192 p. (In Russ.).

Masson V.M. Pervye tsivilizatsii. Leningrad: Nauka, 1989. 275 p. (In Russ.).

Merpert N.Y., Munchaev R.M. Pogrebal'nyi obryad plemen khalafskoi kul'tury (Mesopotamiya). In *Arkheologiya Starogo i Novogo Sveta*. Moscow: Nauka, 1982. P. 28–49. (In Russ.).

Molodin V.I., Novikova O.I., Parzinger G., Shneeveiß J., Grishin A.E., Efremova N.S., Čemjakina M.A. Pogrebeniya lyudej na zhilom prostranstve gorodishha Chicha-1. In *Istoricheskij opyt khozyajstvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoj Sibiri*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2003. Vol. 1. P. 312–316. (In Russ.).

Molodin V.I. The necropolis of the ancient settlement of Chicha-1 and the problem of the burial practice of the carriers of the culture of the transition from Bronze to iron time in

the Barabinsk forest-steppe. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2006. No. 4 (28). P. 115–121.

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Hansen S., Selin D.V., Nesterova M.S., Kudinova M.A., Reinhold S., Shvetsova E.S., Bobin D.N. Late Neolithic Burial Complex at the Ust-Tartas-2 Site (Vengerovsky District, Novosibirsk Region). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 172–180. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2020.26.172-180

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. The Vengerovo-2A Neolithic Cemetery, Southwestern Siberia: Results of a Multidisciplinary Study. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2016. Vol. 44. No. 2. P. 30–46. (In Russ.). doi:10.17746/1563-0102.2016.44.2.030-046

Mylnikova L.N. Burials and Anthropology of the Linevo-1 Settlement, Bronze – Early Iron Age Transitional Period (Western Siberia). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021. Vol. 20, No. 7: Archaeology and Ethnography. P. 73–85. (In Russ.). doi:10.25205/1818-7919-2021-20-7-73-85

Novikov A.V., Garkusha Y.N., Zubova A.V., Pozdnyakov D.V. Double Burial in the Hearth of a Dwelling (The Ust-Voykar Fortifi ed Settlement). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 389–392. (In Russ.).

Novikova O.I., Schneeweiβ J. K probleme tipologii i interpretatsii zhertvennykh kompleksov v poselencheskom kontekste (po materialam pamyatnikov bronzovogo i rannego zheleznogo veka Zapadnoi Sibiri). In *IV Severnyy arkheologicheskiy kongress: materialy.* Yekaterinburg: [s.n.], 2002. P. 198–200. (In Russ.).

Petrov A.I. Epokhi pozdnego neolita i rannei bronzy v Srednem Prirtysh'e. Omsk: Omsk State Univ. Press., 2014. 348 p. (In Russ.).

Бобров В.В. https://orcid.org/0000-0002-9195-7275

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0403-0409
УДК 902.2, 902.6

Е.С. Богданов[1]✉, О.И. Новикова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Сопроводительный инвентарь как маркер половозрастной и социальной стратификации населения Курайской котловины (по материалам раскопок могильника Курайка, Горный Алтай)

В полевом сезоне 2024 г. завершены археологические раскопки на могильнике булан-кобинской культуры Курайка III–V вв. н.э. (Горный Алтай, Кош-Агачский р-н), ведущиеся с перерывами с 1994 г. Были исследованы 12 объектов в разных планиграфических группах, содержащие 10 погребений. Получены новые оригинальные данные по погребальной обрядности и материальной культуре кочевников Курайской котловины. Найдены накладки сложносоставного лука, орнаментированная костяная рукоять плети, остатки детской одежды. К настоящему времени на могильнике исследовано 66 погребений (21 мужское, 16 женских, остальные детские, включая младенцев до года). Встречаются различные типы надмогильных (каменные наброски, ярусные крепиды подпрямоугольной формы) и внутримогильных (колоды, срубы; деревянные рамы, каменные ящики, лиственничные доски) конструкций. Выявлено, что тип внутримогильной конструкции не зависит напрямую от пола и возраста погребенного. Так, в колодах хоронили и мужчин, и женщин, и детей. В целом детские погребальные конструкции имитируют взрослые. Положение всех погребенных вытянуто на спине, с северной (СЗ/З/СВ) ориентацией головой на восход и заход солнца, что косвенно указывает на время совершения похорон в период конец осени – начало зимы и начало весны. Удалось зафиксировать существенный временной перерыв между окончанием похорон и заключительным этапом возведения наземной конструкции. Был проведен анализ взаимовстречаемости различных внутримогильных конструкций, следов ритуальных и других действий и категорий сопроводительного инвентаря. Установлено, что основные категории сопроводительного инвентаря стандартны для всех типов погребальных сооружений и имеют преимущественно гендерную специфику. Выдвинута гипотеза о том, что на данном некрополе сопроводительный инвентарь не является показателем социальной, возрастной и профессиональной дифференциации общества.

Ключевые слова: *Курайка, булан-кобинская культура, погребальный обряд, половозрастная и социальная стратификации, сопроводительный инвентарь.*

E.S. Bogdanov[1]✉, O.I. Novikova[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Burial inventory as Marker of Gender-Age and Social Stratification in Population of the Kurai Basin (Based on Excavations at the Kuraika Cemetery, Altai Mountains)

Archaeological excavations at the Kuraika burial ground of the Bulan-Kobin culture, III–V centuries A.D. (Altai Mountains, Kosh-Agach District), which had been conducted intermittently since 1994, were completed in 2024. Excavations were carried out at twelve objects including ten tombs in different spatial groups. New original data on the burial rites and material culture of the Kurai Basin nomads were collected. The uncovered artifacts include the overlays of a compound bow, a whip ornamented bone

handle, and remains of children's clothing. To date, 66 burials (21 male, 16 female, the rest are burials of children including infants under one year old) have been excavated at the cemetery. Various types of surface constructions (stone- earthen and stone mounds, tiered subrectangular crepidas) and intra-burial structures (coffins, log cabins; wooden frames, stone boxes, larch boards) were found. It has been revealed that the type of intraburial construction depends neither on the sex, or age of the buried person. Thus, men, women and children were buried in coffins. In general, children funerary structures imitate adult ones. The dead were placed in tombs in the supine, stretched position, with the north (NW/W/NE) orientation of the head towards sunrise and sunset, which indirectly indicated the time of the funeral either in the late autumn- early winter, or early spring. A significant time break between the end of the funeral and the final stage of the construction of the ground structure was recognized. The mutual occurrence of various intra-burial constructions, traces of ritual and other actions, and categories of grave goods was analyzed. It was found that the main categories of grave inventory were standard for all types of funerary structures and showed predominantly gender specificity. It was hypothesized that on this necropolis the burial inventory did not indicate either social, age or professional differentiation of society.

Keywords: *Kuraika, Bulan-Koba culture, burial rite, gender-age and social stratification, burial inventory.*

Введение

По подсчетам Н.Н. Серегина и С.С. Матренина, на 2016 г. было исследовано 735 захоронений «хуннуско-сяньбийско-жужанского времени» на 46 могильниках на территории Горного Алтая [Серегин, Матренин, 2016, с. 10]. И это количество постоянно увеличивается. Несмотря на различную степень исследованности комплексов, масштабов и качества их публикации, особенностей методики раскопок, громадный объем данных позволяет исследователям выявлять общее и особенное в контексте интерпретации и построения неких обобщенных моделей этнокультурного и социального развития населения рассматриваемой территории в позднеантичное и раннесредневековое время. Причем главным маркером «половозрастной, социально-имущественной и профессиональной стратификации населения Алтая», по мнению некоторых исследователей, выступает именно сопроводительный инвентарь [Матренин, Тишкин, 2005, с. 161–177; Серегин, Матренин, 2016, с. 21; Серегин и др., 2022, с. 135]. В данном случае речь идет о памятниках булан-кобинской культурной общности, среди которых немаловажное место занимает могильник Курайка в Кош-Агачском р-не Республики Алтай. Количество разнообразных исследованных объектов на памятнике на сегодняшний день позволяет довольно корректно интерпретировать полученные материалы. В настоящей статье мы попытаемся разобраться, действительно ли сопроводительный инвентарь в конкретном погребальном комплексе является показателем социальной, половозрастной и профессиональной дифференциации в одном из кочевых сообществ Курайской степи.

Особенности погребального обряда и предметные комплексы из захоронений Курайки

Нам уже приходилось писать об особенностях могильника Курайка в контексте отличий от других булан-кобинских памятников. Сформулируем еще раз основные положения.

1. В двух группах могильника Курайка мы фиксируем сочетание различных «планиграфических моделей» (цепочками вдоль долины и русла реки, по линии СВ–ЮЗ и цепочками перпендикулярно руслу реки, по линии З–В) [Богданов, Новикова, 2018, рис. 1, 2].

2. На основании исследованных на Курайке могил (52 в группе А и 14 в группе Б), мы получаем следующую картину (см. *таблицу*). Одна каменно-земляная насыпь (два погребения), одна каменная насыпь (три погребения). Остальные объекты представлены одиночной ярусной крепидой подпрямоугольной формы и одной могилой внутри нее. 29 погребений совершены в колоде (из них 9 детских); 4 – в срубе; 15 – в деревянной раме (из них 3 детских); 5 – в каменных ящиках (3 детских и 1 кенотаф); 4 детских погребения на лиственничных досках; 3 – младенцы без деревянных или каменных конструкций внутри отдельной могильной ямы; 3 – младенец и взрослый человек; 2 – два ребенка в одной могильной яме. Планиграфически погребения с разными над- и внутримогильными сооружениями на памятнике не выделяются.

3. Положение всех погребенных вытянуто на спине, с северной (СЗ/З/СВ) ориентацией головой на восход и заход солнца свидетельствует о мировоззренческих представлениях данной группы населения о загробной жизни. Кроме того, данный факт косвенно указывает на время совершения похорон в период конец осени – начало зимы и начало весны.

4. Фиксируются различные виды обрядовых действий при захоронении умерших. В 90 % случаев это обкладка внутримогильных конструкций в ямах валунами по периметру; в 70 % – наличие в головах деревянного блюдца с хвостовыми позвонками барана (керамический сосуд с позвонками зафиксирован всего в трех погребениях). В четырех погребениях присутствуют угли в засыпке. Этот факт может быть интерпретирован по-разному: как следы ритуальных действий или использование костра для отогревания почвы при копке могилы. У четырех умерших зафиксирован обряд закрывания лица шелковым покрывалом*; у 12 – остатки раскраски

* Тут нужно иметь в виду, что степень сохранности органики в погребениях была очень разная и зависела от состава грунтов. Поэтому возможно данный ритуал проводился во всех случаях при захоронении.

Могильник Курайка. Взаимовстречаемость различных внутримогильных конструкций, следов ритуальных действий и категорий сопроводительного инвентаря

№ объекта	Внутримогильная конструкция	Инвентарь	Угли, следы огня в ритуале	Кости животных	Раскраска на черепе	Погребенные индивиды
1	2	3	4	5	6	7
	колода колода с перекрытием рама сруб каменный ящик имитация деревянной конструкции Н не определимо х отсутствие	В вооружение У бусы (бусины, подвески) Б имитация гривны (бусина) УГ украшения головного убора П детали пояса пос деревянная посуда К керамическая посуда быт предметы быта и культа х отсутствие	в насыпи в могиле х отсутствие	в насыпи в могиле х отсутствие	О наличие х отсутствие	мужчина женщина ребенок, подросток ребенок до года Н не определимо х отсутствие
Погребение в группе А						
1		пос	х		х	
1А		Б пос	х		х	
3		х	х	х	х	
3А		Б	х		О	
3Б		х	х	х	х	
4		х	х	х	х	
5		х	х	х	х	
6		Б У	х	х	х	
7		х	х	х	х	
8		Б У УГ	х	х	О	
9		х	х	х	х	
10		х	х	х	О	
11		х	х		х	
17		У	х	х	х	
17А		х	х	х	х	
21		Б	х		х	
22	х	х	х	х	х	
23		У пос быт	х		О	
23А		х	х	х	х	
24		У УГ быт	х	х	О	
25		Б	х	х	О	
26		х		х	х	
28		х	х	х	х	
29	Н	х	х	х	х	
31		х	х		х	
34		х	х	х	х	Н

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7
39		У	Х	Х	О	
40		Х	Х	Х	О	
40А		Х	Х	Х	Х	
41		пос	Х		Х	
41А		Х	Х	Х	Х	
44		У П	Х	Х	Х	Н
48		П Б пос К быт	Х		Х	
49		У пос	Х		Х	Н
55		П	Х	Х	Х	
63А		П	Х	Х	Х	Х
66		Б	Х	Х	Х	
66А		Х	Х	Х	Х	
67		Б	Х	Х	Х	
67А	Х	Х	Х	Х	Х	
70		У	Х	Х	Х	
74		Б пос	Х		Х	
81А		П пос	Х		Х	
81Б		У пос УГ	Х		Х	
87		П пос	Х		Х	
87А		Х	Х	Х	Х	
98		Х	Х	Х	Х	
99		В	Х	Х	Х	
100		Б П пос	Х		Х	
101		Х	Х	Х	Х	
102	Н	Х	Х	Х	Х	
103		УГ	Х	Х	Х	Н
			Погребения в группе Б			
2А		В	Х		Х	
2Б		В Б П пос			О	
2В		У	Х	Х	Х	
3		Х	Х	Х	Х	Х
4		УГ У	Х		О	
4А		У П	Х		О	
5		Б	Х		О	
6		пос	Х	Х	Х	
7		Х	Х	Х	Х	
8		Б	Х	Х	Х	
8А		Б К	Х	Х	Х	
9	Х	У	Х	Х	Х	
18А		Б К быт			Х	
19		П В пос быт			Х	

лобной и носовой части головы охрой (фиксируется и у мужчин, и у женщин, и у детей) [Богданов, 2018]. В 40 % случаев нам удалось зафиксировать существенный временной перерыв между окончанием похорон и заключительным этапом возведения наземной конструкции.

Таким образом, из всего вышеперечисленного ясно, что ни размеры, ни устройство над- и внутримогильных конструкций, ни специфические обрядовые действия не указывают на наличие в данном обществе имущественной, «профессиональной», или половозрастной дифференциацией. Например, в колодах хоронили и мужчин, и женщин, и детей (в т.ч. младенцев).

Теперь рассмотрим предметные комплексы из курайских захоронений. Погребальный инвентарь достаточно стандартен для всех типов сооружений и имеет только гендерную специфику (см. *таблицу*).

Захоронения детей до 10 лет. В 70 % случаев умершего ребенка укладывали без какого-либо инвентаря, но в отдельной могиле. Даже для детей до года делали отдельное погребальное сооружение, хоть и без инвентаря. Только у одного младенца были найдены остатки мешочка с кусочком пирита на груди. У 4 детей из 17 присутствовала лишь крупная бусина из раковины моллюска, которая была частью и имитацией гривны на шее [Соёнов, Эбель, 1994, рис. 10, *3*]. Данная обрядовая вещь была характерна и для большинства взрослых. Всего в 4 детских могилах установлено (сохранилось) примитивное деревянное овальной формы блюдце с курдюком барашка (в одном захоронении сохранилась деревянная имитация ножа на блюде). У трех детей найдены украшения на шее в виде двух-трех сердоликовых/пастовых бусин, у одного – в виде двух клыков животного. Только у одного мальчика (9 лет) был найден железный кинжал, при полном отсутствии другого инвентаря. В единственном и самом «богатом» детском захоронении вместе с девочкой 7 лет ± 2 года, одетой в шелковую одежду, в колоде были обнаружены: лепной горшок, деревянное блюдце-столик из лиственницы на 4 ножках, бронзовая серьга, имитация гривны (прутик с нанизанной крупной бусиной из моллюска), остатки кожаного пояса со скифоидной бронзовой пряжкой, каменный брусок для растирания охры с остатками шелкового чехла [Соёнов, Эбель, 1998, рис. 9, 10]. Причем шелк был орнаментированный, скорее всего, китайского производства. Забегая вперед, необходимо отметить, что эти найденные предметы, за исключением бусины, были единственными в своем роде и не имели аналогий в других погребениях Курайки.

Захоронения подростков 10–18 лет. Обнаружено всего четыре. Ситуация с инвентарем аналогичная, как и с детьми до года. Присутствует имитация гривны в виде крупной бусины. У одной девочки на шее найдены две сердоликовые бусины, но при этом могила – простая яма без внутримогильной конструкции. В одном случае кроме имитации гривны с бусиной был найден еще керамический горшок.

Мужские захоронения. Всего исследовано 21 погребение, 9 из них – без инвентаря. Внешние параметры и формы над- и внутримогильных конструкций для этих погребенных сопоставимы с остальными на памятнике. У 5 мужчин на шее была имитация гривны с крупной бусиной из раковины моллюска, у 8 сохранились овальные деревянные блюдца для заупокойной пищи (в одном случае дополнительно была помещена деревянная кружка с ручкой). Всего в трех погребениях найдены остатки (костяные накладки) сложносоставного лука гуннского типа [Там же, рис. 15]. В двух случаях лук сопровождали три железных трехлопастных наконечника стрелы. У трех мужчин были наборные пояса, а у трех только железные пряжки. Самое «богатое» по инвентарю мужское захоронение содержало сложносоставной лук со стрелами, роговые орнаментированные детали плети, наборный (железные пряжка, кольца, пластины) пояс с кинжалом и сердоликовую бусину на шее. Стоит повториться, что данное захоронение по конструктивным элементам и похоронному обряду ничем не выделялось среди прочих. Оно также не имело внешних отличий, и это единственное в своем роде погребение мужчины с миниатюрным керамическим горшочком, шлифованным оселком, железным ножом и с костяным наконечником со сработанным острием.

Женские захоронения. Исследовано 16 погребений, из них всего два безынвентарных. Украшения являлись почти обязательными и самыми распространенными находками: от одной единственной бусины на шее (в 6 случаях) до нескольких (костяных и сердоликовых/пастовых). Единичны подвески из клыков и египетского фаянса. Самые разнообразные украшения были у женщин 20–25 лет. У пяти девушек были снятые и уложенные рядом пояски с нашитыми мелкими шайбовидной и цилиндрической формы бусинами из птичьих костей, с раковинами каури. Скопления подобных украшений в 3 случаях зафиксированы под черепом [Там же, рис. 3, *2*, *3*], что дает возможность предположить их связь с головным убором. Хотя с таким же успехом могли под голову положить и сумочку или тот же поясок. Особые профессиональные занятия у молодых девушек можно предположить только в двух случаях: когда найден порфиритовый миниатюрный столик для растирания охры [Богданов, 2018, рис. 3, *6*] и двухсоставной роговой заступ-пешня [Слюсаренко, Богданов, Соёнов, 2008, рис. 14, *1*]. Предметный комплекс в обоих случаях был дополнен разнообразными украшениями, в т.ч. раковинами каури. Из «странностей» можно отметить только отсутствие деревянной крышки и перекрытия у колоды и очень большую ее длину у девушки со столиком. В самом «богатом» по инвентарю захоронении

женщины старше 50 лет обнаружены позолоченные бляшки, украшавшие головной убор, и ожерелье из пастовых бусин, в т.ч. средиземноморского происхождения.

Заключение

На основе наших исследований можно подвести некоторые итоги. В первую очередь стоит отметить особое отношение курайской общины к умершим детям. Даже для младенцев тщательно устраивались отдельные погребальные сооружения, имитирующие конструкции для умерших взрослых. Предметный инвентарь по составу не выделяется из общей массы. Единственное «насыщенное» предметами захоронение девочки, возможно, связано с другим регионом Алтая, откуда она могла попасть в курайскую степь. Каким-либо образом выявить по инвентарю и погребальным сооружениям четкую социальную иерархию в курайском сообществе древних кочевников затруднительно. Самый большой объект в группе А на могильнике, где под одной насыпью были сооружены две большие крепиды, содержал довольно стандартные внутримогильные конструкции (колоды с перекрытиями). И если предметный комплекс у женщины отличался наличием импортных бусин и позолоченных бляшек на головном уборе, то в основном захоронении мужчины 45–50 лет вообще не было находок: ни предметов вооружения, ни украшений*. В самом необычном и единственном в своем роде объекте в группе Б, у которого под одной насыпью было три пристроенные друг к другу крепиды, зафиксировано и погребение в каменном ящике (женщина), и погребения в деревянных рамах (мужчина и подросток). Инвентарь во всех трех случаях не отличался богатством и разнообразием. Подвески из египетского фаянса (апотропеи) имели следы очень длительного ношения и тоже не позволяют считать захоронение из группы А, в котором они были найдены, особо значимым для членов кочевого сообщества.

Очень интересным представляется факт мирного существования населения, оставившего могильник Курайка. Исходя из данных дендрохронологии и радиоуглеродного анализа [Panyushkina et al., 2007] памятник функционировал не менее 300 лет, т.е. несколько поколений. При этом ни в группе А, ни в группе Б не обнаружены прецеденты посмертного травматизма от боевых столкновений. Малый процент помещения предметов вооружения с захороненными мужчинами отражает низкий уровень милитаризации кочевников курайской котловины. И это на фоне зафиксированных по данным антропологии высоких показателей межгрупповых воинских конфликтов у булан-кобинцев Центрального и Северного Алтая [Тур, Матренин, Соёнов, 2018]. Однако данные с могильника Курайка не позволяют согласиться с выводами современных исследователей о том, что все «носители булан-кобинской культуры были вовлечены в конфликты с пришлым культурно/этнически чужеродным населением», вследствие «включения территорий в состав владений центрально-азиатских империй сяньби и жужаней» [Там же, с. 138; Серегин и др., 2022, с. 133]. В курайской котловине мы не фиксируем никакого усиления военной активности в III–V вв.

Анализ статистических данных по мужским и женским захоронениям в могильнике Курайка не позволяет однозначно считать погребальный инвентарь маркером социально-имущественной дифференциации. Состав населения, проживающего на данной территории, по-видимому, был неоднородным. Это были и потомки населения скифского времени, оставшиеся в Горном Алтае после уничтожения или ухода пазырыкского этноса-элиты, и пришлые группы/индивиды. Четко идентифицировать этнический состав курайского социума можно только после специализированных антропологических и генетических исследований. Большая вариабельность погребального обряда на могильнике Курайка позволяет составить представление о своеобразном хозяйственно-культурном укладе кочевников III–V вв., не имеющем четко выраженной профессиональной стратификации.

Благодарности

Полевые исследования в 2024 г. проводились при поддержке Фонда «История Отечества» (Договор № 70-2024-000700 от 28.05.2024 г.) в рамках проекта «Молодежная полевая школа “Археологическое наследие Алтая-2024”. Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Богданов Е.С. Архаические черты и инновации в культуре кочевников Горного Алтая в гунно-сарматское время (по материалам исследования могильника Курайка) // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории. К 70-летию академика В.И. Молодина. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – С. 222–229.

Богданов Е.С., Новикова О.И. К вопросу о культурной принадлежности могильника Курайка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 229–233.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. – Иркутск: Изд-во Ирк. гос. тех. ун-та, 2005. – С. 152–182.

* Сохранность органики в могиле была очень хорошая.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан I). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2022. – 276 с. – (Археологические памятники Алтая; вып. 5).

Серегин Н.Н., **Матренин С.С.** Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. – 272 с.

Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соёнов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – Вып. 7. – С. 42–57.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 1994. – № 3. – С. 113–135.

Тур С.С., Матренин С.С., Соёнов В.И. Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 4. – С. 132–139.

Panyushkina I., Sljusarenko I., Bikov N., Bogdanov E. Floating larch tree-ring chronologies from archaeological timbers in the Russian Altai between about 800 BC and AD 800 // Radiocarbon. – 2007. – Vol. 49, N 2. – P. 693–702.

References

Bogdanov E.S. Archaic features and innovations in the culture of the nomads of the Altai Mountains in the Hunno-Sarmatian epoch (based on the materials of the Kurayka burial ground In *Multidisciplinary Aspects of the Study of Ancient and Medieval History: A collection of papers published in honor of Academician V.I. Molodin*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. P. 222–229. (In Russ.).

Bogdanov E.S., Novikova O.I. To the Cultural Attribution of the Kuraika Burial Ground. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. 24. P. 229–233. (In Russ.).

Matrenin S.S., Tishkin A.A. Bulan-kobinskaya kul'tura Gornogo Altaya. In *Sotsial'naya struktura rannikh kochevnikov Evrazii.* Irkutsk: Irkutsk State Technical Univ. Press, 2005. P. 152–182. (In Russ.).

Panyushkina I., Sljusarenko I., Bikov N., Bogdanov E. Floating larch tree-ring chronologies from archaeological timbers in the Russian Altai between about 800 BC and AD 800. *Radiocarbon,* 2007. Vol. 49. No. 2. P. 693–702.

Seregin N.N., Demin M.A., Matrenin S.S., Umanskiy A.P. Severnyi Altai v epokhu velikogo pereseleniya narodov (po materialam arkheologicheskogo kompleksa Karban I). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2022. 276 p. (Arkheologicheskie pamyatniki Altaya. Iss. 5). (In Russ.).

Seregin N.N., Matrenin S.S. Pogrebal'nyi obryad kochevnikov Altaya vo II v. BC. – XI v. AC. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2016. 272 p. (In Russ.).

Slyusarenko I.Y., Bogdanov E.S., Soyonov V.I. Novye materialy gunno-sarmatskoi epokhi iz Gornogo Altaya (mogil'nik Kurayka). In *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoi Sibiri.* Gorno-Altaisk: AKIN, 2008. Vol. 7. P. 42–57. (In Russ.).

Soyonov V.I., Ebel A.V. Issledovaniya na mogil'nike Kurayka. In *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii.* Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Univ. Press, 1994. No. 3. P. 113–135. (In Russ.).

Tur S.S., Matrenin S.S., Soyonov V.I. Armed Violence Among the Altai Mountains Pastoralists of the Xiongnu-Sarmatian Age. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2018. Vol. 46. No. 4. P. 132–139.

Богданов Е.С. https://orcid.org/0000-0001-7073-8914
Новикова О.И. https://orcid.org/0000-0002-8779-2084

Дата сдачи рукописи: 10.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0410-0417
УДК 902.2+902.6

Е.С. Богданов✉, А.А. Пайзерова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Одежда кочевников Курайской степи в III–V веках (по материалам раскопок могильника Курайка, Горный Алтай)

В статье сделана первая попытка в общих чертах обрисовать костюм этнической группы, проживавшей в Курайской котловине в эпоху переселения народов. Основой для исследования выступили фрагменты одежды и обуви, обнаруженные в ходе раскопок на могильнике Курайка в Кош-Агачском р-не Республики Алтай. Речь идет об остатках изделий из шерсти, войлока, кожи и шелка в различных сочетаниях. Наиболее крупные и пригодные для анализа фрагменты зафиксированы в 14 захоронениях. Необходимо отметить полное отсутствие остатков меха. Могильник является уникальным для булан-кобинских памятников вследствие своей гомогенности, отсутствия грабительских проникновений и хорошей сохранности органики. Полученные данные позволяют предполагать использование курайским населением сферической шапочки-«шлема» с полями, закрывающими уши. Установлены особенности кроя двубортного кафтана с кожаной оторочкой. На основе сохранившихся фрагментов одежды и пазырыкских/тюркских аналогов сделано предположение о формах шерстяных/кожаных штанов, шелковых халатов, войлочной/кожаной обуви у погребенных в курайском некрополе. Установлено, что важной деталью мужского костюма был шерстяной или кожаный пояс. По всей видимости, первый просто завязывался узлом, а второй затягивался с помощью пряжки. В случае с находками крупных железных пряжек мы можем говорить о начале формирования в курайской среде наборных поясов с прямоугольными пластинами, подвесными кольцами и/или обоймами. Частая встречаемость в захоронениях могильника Курайка остатков шелка объясняется прохождением одного из ответвлений Великого Шелкового пути через территорию Горного Алтая в III–V вв.

Ключевые слова: *Курайка, булан-кобинская культура, погребальный обряд, одежда, текстиль, шерсть, шелк, кожа, наборный пояс.*

E.S. Bogdanov✉, A.A. Paizerova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Clothing of the Nomads of the Kuray Steppe in the 3rd–5th Centuries AD (Based on Archaeological Materials from the Kurayka Burial Ground, Altai Mountains)

The authors propose a preliminary reconstruction of the traditional clothing of the ethnic group inhabiting the Kuray Region during the Great Migration Period. The study is based on fragments of clothing and footwear uncovered during excavations at the Kurayka burial ground in the Kosh-Agach District of the Altai Republic. The remains of items made of wool, felt, leather and silk in various combinations are discussed. The largest fragments suitable for analysis were found in 14 tombs. It is worth noting the absence of fur remains. The burial ground is unique among Bulan-Koba sites due to its homogeneity, the absence of looting signs and the good state of preservation of organic matters. The observations suggest that the Kuray population used a spherical cap-"helmet" with brims covering the ears. The features of the cut of a double-breasted caftan with leather trim are established. Based on the surviving fragments of clothing and Pazyryk/Turkic parallels, the possible shapes of woolen/leather trousers, silk robes, and felt/leather shoes of the persons buried in the Kurayka necropolis were proposed. A woolen or leather belt was recognized as an important detail of the male costume. Apparently, the woolen belt was simply tied in a knot, and the leather belt was tightened through a buckle. Occurrences of large iron buckles suggest the early stage of the tradition to produce composite belts with rectangular plates, hanging rings and/or clamps among the Kurai people. The frequent occurrence of remains of the silk textile in the Kurayka burials is explained by the passage of one of the branches of the Great Silk Road through the Altai Mountains in the 3rd–5th AD.

Keywords: *Kurayka, Bulan-Koba culture, burial rite, clothing, textiles, silk, wool, leather, belt.*

Введение

В 2024 г. при поддержке Фонда «История Отечества» отрядом ИАЭТ СО РАН были завершены многолетние полевые исследования на могильнике Курайка, располагающегося на узкой, постепенно обрушающейся террасе, в 1,5 км от с. Курай Кош-Агачского р-на Республики Алтай. Памятник был оставлен носителями булан-кобинской культурной общности (III–V вв.). В настоящий момент из 126 зафиксированных объектов исследовано 77, что позволило в ходе планомерных раскопок выявить все особенности погребального обряда и сопроводительного инвентаря [Соёнов, Эбель, 1998; Слюсаренко, Богданов, Соёнов, 2008; Богданов, 2018, 2022; Богданов, Новикова, 2018]. Могильник является уникальным для региона вследствие своей гомогенности и отсутствия грабительских проникновений в захоронения. Особенно важным является фактор природных условий, при которых сохранились не только внутримогильные деревянные конструкции, но и предметы из органических материалов. Настоящая статья посвящена находкам фрагментов одежды и обуви при раскопках объектов на памятнике Курайка.

Описание находок

Наиболее крупные и пригодные для анализа фрагменты одежды и обуви обнаружены в 14 захоронениях. Стоит сразу подчеркнуть полное отсутствие остатков меха.

Изделия из шерсти. На костях детского скелета (остатки покрывала?) (объект 41А), под детским черепом остатки головного убора и воротника (?) (объект 48), под головой и на ребрах, костях таза мужчин (объекты 81А, 100).

Изделия из кожи (замши). Остатки детского кафтана с кожаной оторочкой (объект 1А), остатки штанов со швами (объекты 10, 87), на костях ног остатки юбки (?) изначально желтого цвета (объект 74), на ступнях остатки полусапожек (чулков) (объект 74), остатки войлочной обуви с кожаной окантовкой и подошвой (объект 81А), остатки войлочного головного убора с кожаной окантовкой (объект 81Б), остатки кожаного пояса (объекты 48, 87).

Изделия из шелка. Неорнаментированные однотонные фрагменты рубахи в районе грудины и таза мужчины (объект 7), полоски ткани на лице женщины (объекты 8, 48, 74); на лице ребенка (объект 48), мужчины (объект 81А). Орнаментированные фрагменты китайского шелка: на ребрах и костях таза детского скелета (объект 48).

Необходимо сразу отметить, что полного специализированного анализа ткани и кожи из курайских захоронений не проводилось. Это дело будущих исследований. Н.И. Глебовой [Соёнов, Глебова, 2003] были проанализированы только «14 определенных фрагментов шелковых тканей репсового, атласного мелко- и крупно-узорчатого переплетения, из которых три имели пологую S-крутку нитей основы и только один – элементы узора краской по готовой ткани». Довольно небольшая выборка и фрагментарность анализируемых образцов* (рис. 1) не позволила исследователю сделать выводы по видам и покрою одежды, но она заметила, что у некоторых курайских тканей прослеживается «западная традиция изготовления узора при помощи утка, а не древнекитайская при помощи основы» [Там же, с. 89]. Данные выводы представляются предварительными, поскольку только после исследования технологии производства всей коллекции, в т.ч. состава красителей, способов нанесения узоров и т.п., возможно определение культурных и хронологических аспектов. В рамках данной статьи для нас первостепенное значение имеет определение вариантов костюма курайцев в сравнении с материалами более раннего (скифского) и более позднего (тюркского) времени. В полной мере мы можем судить только по трем наиболее сохранившимся деталям костюма. Это войлочные чулки с кожаной отделкой из объекта 81А, кожаные (замшевые) полусапожки из объекта 74 и кожаная оторочка детского кафтана из объекта 1А. В последнем случае, благодаря взятию монолитом вместе с днищем колоды и антропологическим материалом (от ключиц до коленных чашечек), в лаборатории ИАЭТ СО РАН удалось определить не только размерность изделия, но и его вид.

Изначально в нашем распоряжении оказались лишь части текстильного изделия (рис. 2, *1*): правый и левый манжеты, оторочки передних полочек (правая находилась под левой на запах), оторочка нижнего края изделия, подшитая к полочкам (край оторочки дублирован вторым слоем на 8 см от места прикрепления). В ходе консервации кожи и устранения деформаций удалось установить реальные размеры деталей оторочки и составить выкройку предполагаемого изделия – кафтана (рис. 2, *2*). Естественно, что его размерность может иметь погрешность в связи со способностью кожи усыхать.

Кафтан двубортный на запах. Вырез горловины, полочки, подол и манжеты оторочены полосой тонко выделанной кожи шириной 1, 5, 4,5, 4 и 8 см соответственно. Сохранилась лишь мерея, мездровый слой полностью утрачен. Крой кафтана расширяется от места крепления кожаных оторочек полочек (15 см от плеча), их длина – 30 см. Длина изделия по спинке составляет 48,5 см, длина рукава – 32 см, окружность манжета – 16 см, окружность по груди равна 48 см, окружность подола – 70 см (+5–10 см с учетом утрат). Пропорции соответствуют возрасту двухгодовалого ребенка.

---

* К сожалению, работа проводилась на неотреставрированных фрагментах изделий. В настоящий момент количественные и качественные показатели существенно изменились после работы реставраторов ИАЭТ СО РАН.

Рис. 1. Могильник Курайка. Фрагменты деталей одежды.

1, 5, 6 – ткани сложного переплетения с орнаментом; *2, 3* – ткани простого переплетения; *4* – остатки тонкого кожаного шнура.

Следов от пуговиц и иных способов фиксации запáха на кафтане не сохранилось. По периметру кожаных оторочек сохранились отверстия от шва, нити отсутствуют. Шаг шва по узкому краю полочек и по периметру дублировочных фрагментов кожи (размер 4,5 × 8 см) составляет 2 мм. По длинным краям полочек и всему периметру оторочки подола и манжет шаг шва составляет 3 мм. Величина шага шва и диаметр отверстий иглы соответствует пришиванию тонкой, мягкой или «рыхлой» ткани. Аккуратность выполнения шва наталкивает на мысль о шелке, однако утилитарность такого изделия ставится под сомнение. Шелковые ткани прочны, но кожаная оторочка способна их деформировать и провоцировать разрывы. Для шерстяной ткани шаг шва слишком мал, даже с учетом усадки кожи. Изделия из меха не встречались ранее в курайских погребениях. К тому же природные условия вполне были способны сохранить мех. Поиск аналогий среди

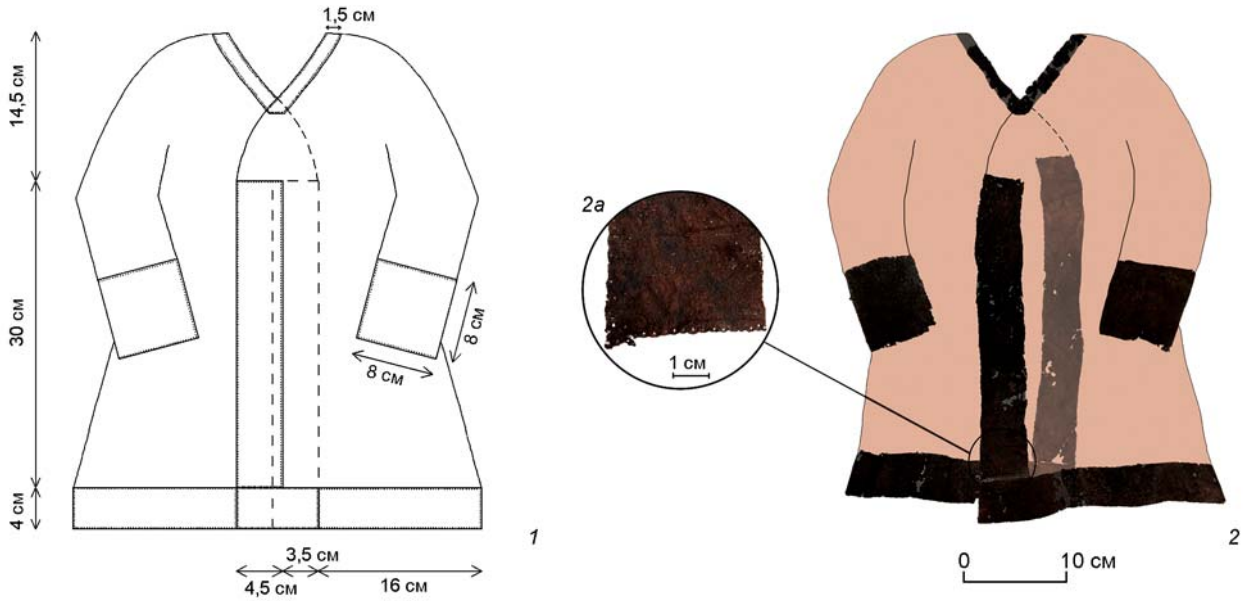

Рис. 2. Могильник Курайка. Кафтан из детского захоронения (объект 1А).
1 – крой изделия; *2* – реконструкция А.А. Пайзеровой; *2а* – фрагмент оторочки (увеличено).

опубликованных материалов по тюркам натолкнул на мысль об использовании шелка в паре с утеплителем [Кубарев, 2005, с. 32–40]. Если это было так, то тяжесть кожаных оторочек равномерно распределялась бы на двойной плотный слой основного полотна изделия.

Исходя из пропорций погребенного и местонахождения на костяке деталей кожаной оторочки, А.А. Пайзеровой сделана попытка реконструкции детского кафтана (рис. 2, *3*).

Интерпретация материала и постановка проблем

Если говорить о территории Горного Алтая, то наиболее полно изучены технологически текстильные (шерсть, шелк) материалы пазырыкской культуры [Руденко, 1953, с. 241–249, рис. 19, 20; Глушкова, 1994, 2000; Полосьмак, 1999; Полосьмак, Баркова, 2005], что обусловлено сохранностью образцов одежды в условиях мерзлоты. Технологические аспекты кожевенного производства и особенности использования кожи в одежде (окантовка, аппликации) попадали в рассмотрение специалистов в меньшей степени [Руденко, 1953, с. 242–243; Полосьмак, Баркова, 2005, с. 45–50], что определялось плохой сохранностью этого материала в захоронениях и сложностью ее изучения. Изделия «гунно-сарматского времени» изучены еще меньше [Соёнов, Глебова, 2003; Константинова (Штанакова), Суразаков, 2013; Тишкин, Орфинская, 2023]. Данный аспект усложняет задачу проведения каких-либо сравнительных исследований по костюму при отсутствии специализированного исследования курайских тканей и кожи. Поэтому на данном этапе мы можем только в общих чертах обрисовать костюм этнической группы, проживавшей в Курайской котловине в эпоху переселения народов.

Головной убор. Лишь в трех захоронениях зафиксированы остатки однотонных шерстяных предметов, не дающих полного представления об их форме. Обнаружение в женском погребении (объект 81Б) фрагментов головного убора из войлока с полоской кожи с нашитыми на ней пятью медными бляшками с позолотой позволяют предполагать использование курайским населением сферической шапочки с полями, закрывающими уши («шлема»). Самые ближайшие параллели – это булан-кобинские и пазырыкские аналоги [Тишкин, 2019, рис. 1, *8*; Борисенко, Худяков, 2004, рис. 8, *2*; Полосьмак, 2001, с. 183; Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 2.59]. Вероятно, существовали сезонные вариации с применением разной толщины войлока, и художественные – с применением кожи для окантовки или аппликаций (нашивок в виде бляшек). Наличие полоски шелковой ткани на лицах погребенных мы больше связываем с особенностями проведения погребального ритуала (подробнее см.: [Богданов, 2022]). Хотя Ю.С. Худяков предполагал, что это накидки, при жизни закрывавшие затылочную часть головного убора усть-эдиганских женщин [Худяков, 2003, с. 80, рис. 3]. В любом случае, при изучении скифских (пазырыкских/сакских) материалов мы фиксируем различные формы и стилевое воплощение (см., напр.: [Полосьмак, 2001, с. 180–183, 185, рис. 102, 105, 106, 115, 116; Яценко, 2006, с. 89–94]). Причем традиция ношения конусных и колпакообразных шапок с полями, прикрывающими уши, сохраняется и в последующее время в традиционной культуре хунну (Ноин-Ула) [Руденко, 1962, таб. XVI, *5*]. Что касается «упрощенных» курай-

ских головных уборов, они, по всей видимости, были типичны для большей части евразийских номадов, сохранившись и до наших дней. Некий «западный» импульс мы фиксируем в размещении на головных уборах нашивных круглых бляшек полосой по окантовке. Хотя есть и определенные параллели с традиционным тагарским головным убором, украшенным полусферическими бляшками.

Верхняя одежда. Судя по сохранившимся деталям, мы можем говорить о наличие двубортных кафтанов (шерсть или шелк? + кожа), халатов (шелк), штанов (шерсть, кожа) и, возможно, юбок. Почти полное представление есть только об одном экземпляре детского костюма, о котором мы писали выше. Схема кроя и отделки сходна с шелковыми кафтанами тюркского времени [Кубарев, 2005, с. 38–40]. В отношении других деталей костюма мы можем лишь строить предположения об их внешнем виде, опять же опираясь на известные образцы из пазырыкских и ноин-улинских захоронений [Садако Като, 1994; Полосьмак, 2001, рис. 85, 87–89; Руденко, 1962, таб. X, XI, XIV, XV]. Судя по всему, курайские мужчины носили длинные штаны из шерсти и/или кожи (рис. 3, *1*). Стоит отметить отсутствие на женской и

Рис. 3. Могильник Курайка. Находки.

1 – фрагмент кожаных штанов с деталями наборного пояса (*А* – железная пластина; *Б* – железная пряжка); *2–6* – детали поясов.

мужской одежде каких-либо художественных аппликаций из кожи.

Важной деталью мужского костюма был шерстяной или кожаный пояс. По всей видимости, первый просто завязывался узлом, а второй затягивался с помощью пряжки. В случае с находками крупных железных пряжек мы можем говорить о начале формирования в курайской среде наборных поясов с прямоугольными пластинами, подвесными кольцами и обоймами (рис. 3) (подробнее см.: [Богданов, 2022, с. 441–442, рис. 3]). В целом эта тенденция характерна для всех поздних булан-кобинских памятников. Хотя только в семи объектах на Курайке найдены детали новой формы поясов. В трех случаях – это только крупные поясные пряжки, в четырех – кроме пряжек есть еще железные детали: накладные пластины и/или кольца. Учитывая почти полное отсутствие оружия в мужских захоронениях (наличие лука всего в трех случаях, кинжала – в двух), мы не можем связывать появление наборных поясов у населения, оставившего могильник Курайка, с какой-либо военизацией общества и появлением отдельной касты мужчин-воинов (см. статью Богданова Е.С., Новиковой О.И. «Сопроводительный инвентарь как маркер половозрастной и социальной стратификации населения Курайской котловины (по материалам раскопок могильника Курайка, Горный Алтай)» в этом сборнике).

Обувь. Судя по имеющимся находкам, мы можем говорить о ношении курайцами войлочных чулок-сапог с кожаной отделкой в мужском варианте, и кожаных (замшевых) полусапожек – в женском. Аналоги в более художественном исполнении мы видим в пазырыкских/укокских материалах [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 92–97]. В случае с курайскими изделиями стоит отметить очень качественную отделку кожи. С.И. Руденко отмечал, что у пазырыкцев «выделка осуществлялась при помощи кислого молока и творога, после чего мялась руками» [Руденко, 1953, с. 242]. По всей видимости, все технологии были достаточно консервативны и традиции обработки передавались из поколения в поколение, что и фиксируется в булан-кобинских материалах уже последующей эпохи. В целом это соотносится с известными письменными китайскими источниками, где упоминается, что «начиная от владетелей»... все (хунну) «одеваются кожами домашнего скота, прикрываются шерстяным и меховым одеялом» [Руденко, 1962, с. 38].

Заключение

Таким образом, на первом этапе работы с остатками текстильных, войлочных, кожаных изделий из погребений могильника Курайка удалось определить основные детали костюма, а в некоторых случаях установить форму и особенности кроя. Весь материал довольно однороден по своим характеристикам и представляет собой продукцию местных мастеров без особых художественных изысков. В этом смысле стоит особо отметить, что текстильные материалы из курайских захоронений не отражают особенности четкой социальной дифференциации в данном кочевом сообществе.

На сегодняшний момент ясно, что для рядового скифского населения Горного Алтая более характерна была простая шерстяная одежда, войлочные, шерстяные головные уборы и обувь с отделкой из кожи. Шелк обнаружен был только в погребениях пазырыкской знати, что, по-видимому, обусловлено его высокой ценностью (редкостью) для этих территорий. Начиная с рубежа эр ситуация начинает меняться, и шелковые ткани китайского (а позже согдийского) производства становятся доступны разным слоям населения для пошива одежды. Фиксируем мы эти моменты и в материалах булан-кобинской культурной общности, и в частности, в курайской степи. Скорее всего, правы те исследователи, что объясняют данные факты прохождением одного из ответвлений Великого Шелкового пути через территорию Горного Алтая [Соёнов, Глебова, 2003, с. 89]. Это предположение косвенно подтверждается находками: подвесками из египетского фаянса (подробнее см.: [Богданов, Слюсаренко, 2007]), украшениями из раковин моллюсков, пастовыми причерноморскими бусинами и каури.

Благодарности

Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Богданов Е.С. Архаические черты и инновации в культуре кочевников Горного Алтая в гунно-сарматское время (по материалам исследования могильника Курайка) // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории. К 70-летию академика В.И. Молодина. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – С. 222–229.

Богданов Е.С. Ритуальные сооружения могильника Курайка (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 437–442.

Богданов Е.С., Новикова О.И. К вопросу о культурной принадлежности могильника Курайка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 229–233.

Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю. Амулеты из египетского фаянса с территории Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4. – С. 77–80.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 65–72.

Глушкова Т.Н. Плетение и ткачество в раннем железном веке (по материалам могильника Ак-Алаха I) // Стерегущие золото грифы. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 114–121.

Глушкова Т.Н. Традиции изготовления пазырыкских тканей // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск, 2000.– С. 158–161.

Константинова (Штанакова) Е.А., Суразаков А.С. Производство текстильной продукции на Алтае в гунно-сарматское время (по материалам могильника Айрыдаш I) // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2013. – № 5 (17). – С. 103–110.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.

Полосьмак Н.В. К вопросу о шерстяных тканях из пазырыкских курганов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 491–496.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. – 336 с.: ил.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). – Новосибирск: Инфолио-пресс, 2005. – 232 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л: Изд-во АН СССР, 1953. – 404 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.

Садако Като. Штаны из погребения в кургане 1 могильника Ак-Алаха I // Стерегущие золото грифы. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 111–114.

Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соёнов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – Вып. 7. – С. 42–57.

Соёнов В.И., Глебова Н.И. Фрагменты шелковых тканей из могильника Курайка // Археология и этнография Алтая. – Вып. 1. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2003. – С. 88–90.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 1998. – № 3. – С. 113–135.

Тишкин А.А. Шелковый головной убор хуннуского времени из кургана № 51 памятника Яломан II (Центральный Алтай) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2019. – Т. I. – С. 272–275.

Тишкин А.А., Орфинская О.В. Исследование шелковой ткани от нижнего головного убора сюннуского времени (по материалам кургана 51 могильника Яломан II в Центральном Алтае) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2023. – Т. 51, № 1. – С. 119–126.

Худяков Ю.С. Реконструкция женского костюма кочевников хуннского времени Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Ин-та алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. – Вып. 1. – С. 78–88.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. – М.: Вост. лит., 2006. – 664 с.

Referents

Bogdanov E.S. Arkhaicheskiye cherty i innovatsii v kul'ture kochevnikov Gornogo Altaya v gunno-sarmatskoye vremya (po materialam issledovaniya mogil'nika Kurayka). In *Mul'tidistsiplinarnyye aspekty izucheniya drevney i srednevekovoy istorii. K 70-letiyu akademika V.I. Molodina*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. P. 222–229. (In Russ.).

Bogdanov E.S. Ritual structures of the burial ground of Kurayka (Mountain Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 28. P. 229–233. (In Russ.).

Bogdanov E.S. Novikova O.I. To the Cultural Attribution of the Kurayka Burial Ground. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. 24. P. 229–233. (In Russ.).

Bogdanov E.S., Slyusarenko I.Y. Egyptian faience amulets from the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2007. No. 4. P. 77–80.

Borisenko A.Y., Khudyakov Y.S. Reconstruction of women's headdresses from the Ust-Edigan burial ground in the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2004. No. 1. P. 65–72.

Glushkova T.N. Pleteniye i tkachestvo v rannem zheleznom veke (po materialam mogil;nika Ak-Alakha I) In *Steregushchiye zoloto grify*. Novosibirsk: Nauka, 1994. P. 114–121. (In Russ.).

Glushkova T.N. Traditsii izgotovleniya pazyrykskikh tkaney In *Fenomen altayskikh mumiy*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000. P. 158–161. (In Russ.).

Khudyakov Y.S. Rekonstruktsiya zhenskogo kostyuma kochevnikov khunnskogo vremeni Gornogo Altaya. *Arkheologiya i etnografiya Altaya*. Gorno-Altaysk: In-t altaistiki im. S.S. Surazakova Publ., 2003. Iss. 1. P. 78–88. (In Russ.).

Konstantinova (Shtanakova) E.A., Surazakov A.S. Proizvodstvo tekstil'noy produktsii na Altaye v gunno-sarmatskoye vremya (po materialam mogil'nika Ayrydash I). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Univ. Press, 2013. No. 5 (17). P. 103–110. (In Russ.).

Kubarev G.V. The culture of the ancient Turks of the Altai (on the basis of burials). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005. 400 p. (In Russ.).

Polosmak N.V. K voprosu o sherstyanykh tkanyakh iz pazyrykskikh kurganov In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999. Vol 5. P. 491–496. (In Russ.).

Polosmak N.V. Vsadniki Ukoka. Novosibirsk: Infolio-press, 2001. 336 p. (In Russ.).

Polosmak N.V., Barkova L.L. Kostyum i tekstil′ pazyrykcev Altaya (IV–III vv. do n.e.). Novosibirsk: Infolio-press, 2005. 232 p. (In Russ.).

Rudenko S.I. Kul′tura hunnov i noinulinskie kurgany. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1962. 203 p. (In Russ.).

Rudenko S.I. Kul′tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1953. 404 p. (In Russ.).

Sadako Kato. Shtany iz pogrebeniya v kurgane 1 mogil′nika Ak-Alaha I. In *Steregushchie zoloto grify*. Novosibirsk: Nauka, 1994. P. 111–114. (In Russ.).

Slyusarenko I.Y., Bogdanov E.S., Soyonov V.I. Novye materialy gunno-sarmatskoy epokhi iz Gornogo Altaya (mogil'nik Kurayka). *Izucheniye istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri*. Gorno-Altaysk: AKIN, 2008. Iss. 7. P. 42–57. (In Russ.).

Soyonov V.I., Ebel A.V. Issledovaniya na mogil'nike Kurayka. In *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaisk State Univ. Press, 1998. No. 3. P. 113–135. (In Russ.).

Soyonov V.I., Glebova N.I. Fragmenty sholkovykh tkaney iz mogil'nika Kurayka. *Arkheologiya i etnografiya Altaya*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaisk State Univ. Press, 2003. Iss. 1. P. 88–90. (In Russ.).

Tishkin A.A. Shelkovyy golovnoy ubor khunnuskogo vremeni iz kurgana № 51 pamyatnika Yaloman II (Tsentral'nyy Altay). In *Drevnosti Vostochnoy Yevropy, Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v yevraziyskom kul'turnom prostranstve (novyye dannyye i kontseptsii)*. St. Petersburg: IHMC RAS Publ., 2019. Vol. I. P. 272–275. (In Russ.).

Tishkin A.A., Orfinskaya O.V. A Study of silk fabric from the Xiongnu age under-headdress discovered at Yaloman II mound 51 in the Central Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2023. Vol. 51. No. 1. P. 119–126.

Yatsenko S.A. Kostyum drevney Yevrazii: iranoyazychnyye narody. Moscow: Vost. lit. Publ., 2006. 664 p. (In Russ.).

Богданов Е.С. https://orcid.org/0000-0001-7073-8914

Дата сдачи рукописи: 30.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0418-0423
УДК 903

А.П. Бородовский✉, Р.В. Давыдов, П.В. Волков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Сравнение материала каменных топоров с «ушками» с Салаира и Байкала

Представлены результаты исследования каменного сырья двух топоров с «ушками», найденных на территориях, расположенных на значительном расстоянии друг от друга. Первый предмет найден в долине р. Суенга в Салаирских горах, второй – в Прибайкалье. Каменные топоры с «ушками» имеют широкое территориальное распространение от Прибайкалья до Западной Сибири. Минералогический анализ материалов, из которых изготовлены наиболее удаленные образцы таких изделий, никогда не проводился. Вышеуказанные исследования показали, что топоры с «ушками» из Салаира и Прибайкалья, несмотря на морфологическое и типологическое сходство, существенно различаются по составу сырья. Анализ камней, из которых изготовлены топоры с «ушками», проводился с помощью рамановской спектроскопии. В результате исследований установлено, что орудие, происходящее из долины р. Суенга, изготовлено из однородного темноокрашенного камня, состоящего почти целиком из однородного кварца с редкими включениями полевых шпатов. Найденный близ оз. Байкал топор с «ушками» изготовлен из более неоднородного по составу и структуре материала. Камень пестрый, включает светло-желтые, светло-серые и редкие черные включения. Содержит включения различных минералов, среди которых преобладают полевые шпаты (альбит, анортит). В целом материаловедческий анализ объектов из центра их распространения (Байкал) и периферии (Салаир) важен для установления в дальнейшем источников происхождения сырья и логистики его перемещения.

Ключевые слова: *топоры с «ушками», Байкал, Салаир, логистика доставки каменного сырья, культурные связи.*

A.P. Borodovskiy✉, R.V. Davydov, P.V. Volkov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Comparison of Material of Stone Axes with “Ears” from Salair and Baikal

The article presents the results of the comparative analysis of stone raw materials of two axes with “ears” that were found in the areas located at a considerable distance from each other. The one of the axes was found in the Suenga River valley inn Salair Mountains, another is from the Baikal region. The distribution area of the stone axes with “ears” stretches from the Baikal region to Western Siberia. Mineralogical analysis of the rocks from which the most remote samples of such items were made has never been carried out. The above studies have shown that the axes with “ears” from Salair and Baikal, despite their morphological and typological similarity, differ significantly in the composition of the raw material. The rocks from which the axes with “ears” were made were analyzed through the Raman spectroscopy. The tool from the Suenga River valley is made of a uniform dark-colored stone consisting almost entirely of homogeneous quartz with rare inclusions of feldspars. The axe with “ears” found near Lake Baikal is made of a material more heterogeneous in composition and structure. The stone is variegated, with light yellow, light gray and rare black inclusions. It contains inclusions of various minerals, among which feldspars (albite, anortite) dominate. In general, analyses of the materials of artifacts from the center of their distribution (Baikal) and the periphery (Salair) is important for establishing the sources of raw materials and the logistics of their transportation.

Keywords: *axes with “ears”, Baikal Region, Salair Mountains, logistics of stone raw material transportation, cultural links.*

Введение

В начале 1970-х гг. участником Салаирской партии Новосибирской геолого-поисковой экспедиции Валерием Петровичем Куковским у с. Егорьевское Маслянинского р-на Новосибирской обл. (НСО) на р. Суенга был обнаружен каменный топор с «ушками» (рис. 1, *1*; 2, *1*). В середине 1990-х гг. это изделие было передано для археологических исследований одному из авторов настоящей публикации (А.П. Бородовскому).

Рис. 1. Расположение находок топоров с «ушками».
1 – Салаир; *2* – Байкал; *3* – Обь-Енисейский канал; *4* – Средняя Конда.

Размеры предмета составляют 24,5 × 8,5 × × 5,5 см, вес 2 кг. Размеры объемных выступающих ушек составляют 1,5 × 1,0 см. Форма ушек коническая. Одно из них обломано у основания. Материал изделия – черный (асфальтового цвета) плотный камень. Поверхность орудия обработана в технике пикетажа с подшлифовкой. В верхней «обушковой» части изделия над выступающими боковыми «ушками» расположено зигзагообразное углубление. Оно находится с одной из сторон инструмента у обломанного бокового ушка. Еще два коротких прямых нареза находятся на окончании «пятки» предмета. Лезвие инструмента хорошо зашлифовано с двух сторон. Его лицевая сторона является выгнутой, а оборотный край слегка вогнутый внутрь.

Аналогичные салаирской находке изделия на основе морфологических признаков получили в археологической литературе различное наименование: «поперечное тесло» и «топор с выступами» [Чернецов, 1953, с. 10–11], «мотыга с цапфами» [Фосс, 1952, с. 197], «массивное тесло» [Гришин, 1980, с. 264–265], «топоры с ушками у обушка» [Мочанов, 1977, с. 211, 245], «топор с ушками» [Конопацкий, 1982, с. 29], «цапфенные топоры» [Липнина, Лохов, Медведев, 2013, с. 71]. Различие в наименованиях артефактов объясняется тем, что их анализ и классификация проводились на основе только

Рис. 2. Каменные топоры с «ушками» с Салаира и Байкала.
1 – орудие с Салаира; *2* – орудие с Байкала.

данных морфологии, без учета трасологической информации об их использовании. Первый экспериментально-трасологический анализ серии образцов изделий данного типа был произведен в начале 1980-х гг. [Волков, 1986]. Функциональное назначение изученного набора орудий было определено как инструментарий для прорубания и формирования прорубей при зимней рыбалке. Попытка преодолеть разнобой морфологической типологизации находок, которой пользовались археологи в XX в., была предпринята сотрудниками Иркутского государственного университета и Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН [Липнина, Лохов, Медведев, 2013]. Предложенная ими схема типологии предполагает достаточно сложную многоуровневую классификацию изучаемых артефактов, подчеркивается «многоаспектная сложность проблемы», предвидят исследователи и «неизбежную предстоящую активацию ее разработки. Практически все основные регламентные позиции геоархеологического исследования можно считать означенными, но оставшимися открытыми: 1) география топоров с "ушками" пока выглядит интересным палеотехнотопографическим наброском; 2) вопросы геостратиграфии "корневого" начала развития стратегии цапфенных топоров, максимума их развития, финала цапфенных технологий или неких модификаций даже не выведены к возможным решениям; 3) проблемы эпицентра рождения и реализации техноморфологической идеи ("палеокультурный импульс") топоров с "ушками" на широтных пространствах в несколько тысяч верст протяженности, возможных влияний и палеокультурных заимствований могут сегодня быть лишь вольно предположены» [Там же, с. 95].

Материалы и методы

Учитывая все эти регламентные позиции по топорам с «ушками» авторами было принято решение провести сравнение каменного материала предмета из Салаира (рис. 2, *1*) с аналогичным по морфологии изделием с Байкала (образец предоставлен П.В. Волковым) (рис. 2, *2*). Следует подчеркнуть, что трасологическое исследование этих предметов также выявило их функциональную идентичность.

Материал орудий проанализирован Р.В. Давыдовым методом рамановской спектроскопии на микроскопе M532/785 («Спектр-М») лаборатории «ЦифрА» ИАЭТ СО РАН. Спектральный диапазон прибора – 100–4000 $см^{-1}$, входная щель 20 мкм. Использован лазер с длиной волны 532 нм (мощность 50 мВт). Время набора спектра 62–124 сек., в зависимости от типа анализируемого вещества.

В результате изучения поверхности орудия с Салаира (образец 1; проанализировано 6 точек) установлено, что материал, использованный для его изготов-

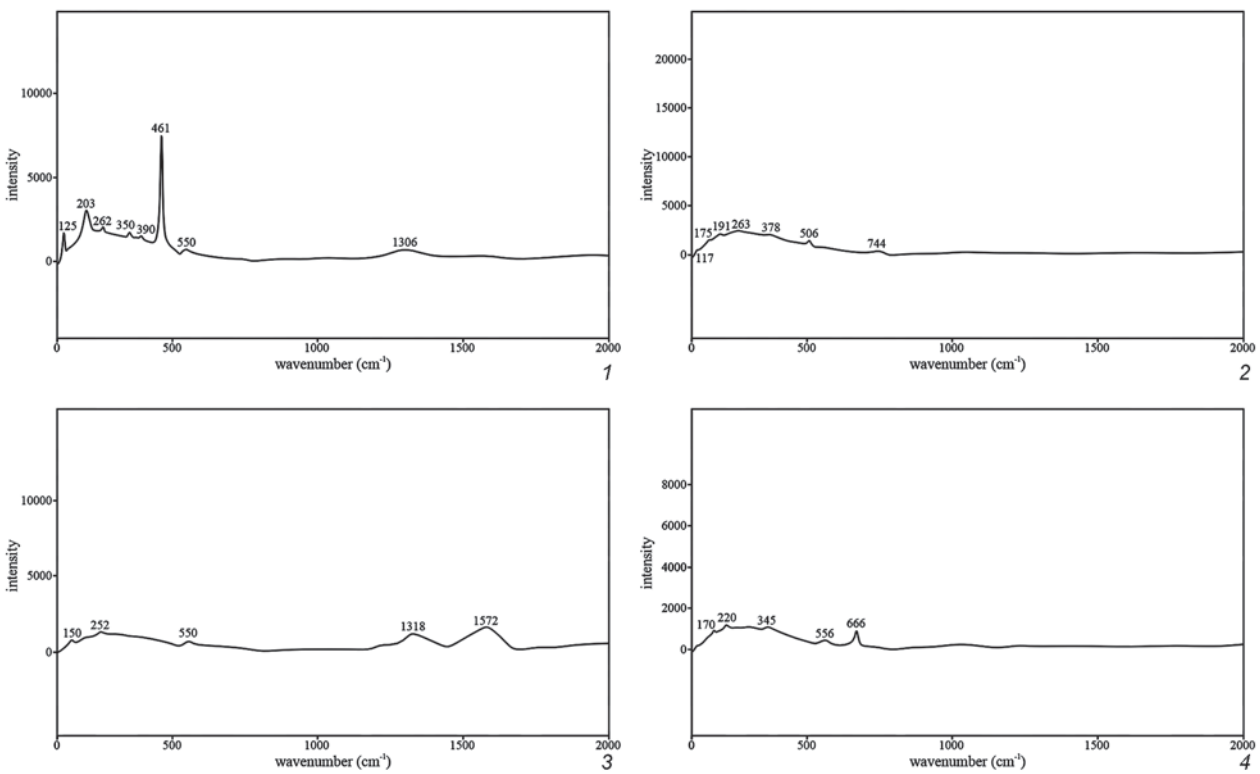

Рис. 3. Результаты анализа материала орудий методом рамановской спектроскопии.

1 – кварц со включениями полевых шпатов и кристаллизованного углерода; *2* – полевые шпаты; *3* – материал с кристаллизованным углеродом; *4* – материал с оксидом железа. *1* – орудие 1; *2–4* – орудие 2.

ления, гомогенен по своей структуре и состоит преимущественно из кварца темного цвета. Полученные спектры, отражающие состав камня, во всех случаях демонстрируют наличие пиков 125, 203, 262, 350, 390, 461 $см^{-1}$, которые указывают на присутствие кварца [Wojcieszak, Wadley, 2019, fig. 2]. Также выявлены небольшие включения полевых шпатов (пик 550 $см^{-1}$) и следы наличия кристаллизованного углерода, который формируется при минерализации камня (пик 1 306 $см^{-1}$; рис. 3, *1*) [Martínez-Arkarazo et al., 2007, p. 353; Freeman et al., 2008, fig. 7].

В результате изучения поверхности орудия с Байкала (образец 24, проанализировано 11 точек) определено, что его материал существенно отличается от предыдущего. Его структура неоднородна, встречаются включения различных минералов. В составе породы светло-желтого и серого цвета доминируют полевые шпаты (альбит, анортит), на присутствие которых указывают характерные спектры с яркими пиками 506 $см^{-1}$ (рис. 3, *2*) [Freeman et al., 2008, tabl. 4, fig. 7]. Также встречаются зерна кварца, которые идентифицируются на спектрах по ярким пикам 461 $см^{-1}$ [Wojcieszak, Wadley, 2019, fig. 2]. Кроме того, в черных включениях зафиксированы крупные включения кристаллизованного углерода. На спектрах они имеют яркие пики 1 318 и 1 572 $см^{-1}$ (рис. 3, *3*) [Martínez-Arkarazo et al., 2007, p. 353; Maslova et al., 2012]. В одном случае обнаружено присутствие оксидов железа (магнетита или маггемита). Факт их наличия установлен по пикам 345, 556 и 666 $см^{-1}$ на спектре (рис. 3, *4*) [Hanesch, 2009].

Обсуждение материалов

Проведенный анализ сырья каменных топоров с «ушками» с Салаира и Байкала (рис. 3) показал существенные отличия материалов, использованных для изготовления морфологически и функционально близких предметов. Интерпретировать такой результат можно как отражение значительных расстояний между отобранными образцами изделий. Для территории Западной Сибири находки каменных топоров с «ушками» локализованы пока слишком незначительно и неравномерно. Более или менее компактно они выявлены в районе Средней Конды (см. рис. 1, *4*) [Беспрозванный, 1997; Липнина, Лохов, Медведев, 2013, с. 77, рис. 1], тогда как для Обь-Енисейского междуречья известна только одна случайная находка (см. рис. 1, *3*) такого изделия [Чернецов, 1953, с. 9; Липнина, Лохов, Медведев, 2013, с. 77, рис. 1]. Таким образом, выявление каменного топора с «ушками» на р. Суенге (Маслянинский р-н НСО) в предгорьях Салаира является одним из первых случаев присутствия этих артефактов на юге Западной Сибири (см. рис. 1, *1*).

В свою очередь, указанный пространственный контекст такой находки не только существенно расширяет юго-западную географию распространения каменных топоров с «ушками», но и позволяет искать ответы на целый ряд важных вопросов. Во-первых, поиски сведений об отдельных находках топоров с «ушками» в настоящее время становятся реальностью, в отличие от недавнего прошлого, когда это было лишь «достоверными слухами» [Липнина, Лохов, Медведев, 2013, с. 75]. Во-вторых, наличие данных о топографии и геоморфологических признаках рельефа, где обнаружены такие находки, требуют выяснения причин и мотивации появления топоров с «ушками» на достаточно удаленных территориях от мест их основной концентрации. В-третьих, анализ состава сырья каменных топоров с «ушками», происходящих из удаленных друг от друга локаций, позволяет выяснить вопросы сходства и различия материалов, использованных для их изготовления. В связи с материаловедческими характеристиками таких орудий соотнесение их с местными или значительно удаленными источниками сырья явно уже вписываются в культурно-логистический контекст. Например, для Забайкалья протяженность маршрутов доставки сырья для изготовления каменных орудий, могла составлять более 1 000 км [Demonterova et al., 2024]. Такая логистика существовала на протяжении длительных периодов.

В этом пространственно-временном формате находка топора с «ушками» на Салаире (р. Суенга) вполне сопоставима с расстояниями, на которые транспортировалось каменное сырье в Восточной Сибири. Такие артефакты в целом можно рассматривать как косвенные признаки наличия эпизодических культурных связей территории юга Западной Сибири с регионами близкими к Байкалу на протяжении ряда периодов.

Заключение

Рассматривая находку каменного топора с «ушками» на р. Суенга (Маслянинский р-н НСО) на Салаире в контексте пространственного распространения таких изделий, следует признать, что этот артефакт на настоящий момент маркирует юго-западную периферию встречаемости данных орудий за Уралом. Появление каменного топора с ушками на западном Салаире можно связывать как с севером Западной Сибири (среднее течение р. Конды), так и с Восточной Сибирью (Прибайкалье) (см. рис. 1). В первом случае проникновение этого артефакта может быть связано как с транзитом таких предметов из Восточной Сибири на север Западной Сибири, так и в обратном направлении (с севера на юг Западной Сибири). Во втором случае не исключен вариант поэтапного поступления изделия непосредственно из Восточной Сибири. Однако в обоих случаях ранее известная находка каменного топора с «ушками» при строительстве Обь-Енисейского канала, вероятно, будет

тем пунктом, который маркирует логистику распространения этих изделий с востока Сибири на ее более западные и северные территории. Демонстрация различия качества исходного сырья, использованного для изготовления каменных топоров с «ушками» с Салаира и Байкала, в свою очередь, обозначает проблему создания базы данных материала этих орудий. Поскольку именно такие данные позволят рассматривать вопросы местного или импортного происхождения этих изделий, а также определения расположения источников сырья и масштабов логистики распространения этих предметов.

Благодарности

Трасологические исследования выполнены в рамках Госзадания НИР ИАЭТ СО РАН, проект № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи». Исследования методом рамановской спектроскопии выполнены в рамках научной деятельности лаборатории «ЦифрА» ИАЭТ СО РАН, проект № FWZG-2022-0009 «Цифровизация процессов изучения древнейшей и древней истории Евразии».

Список литературы

Беспрозванный Е.М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири: (Предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – 1997. – Вып. 1. – С. 26–38.

Волков П.В. Экспериментально-трасологическое исследование «топоров с ушками» // Изв. СО АН СССР. Сер.: История, филология и философия. – 1986. – Вып. 1. – С. 45–49.

Гришин Ю.С. Некоторые случайные находки из Забайкалья // СА. – 1980. – № 1. – С. 264– 266.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука, 1982. – 176 с.

Липнина А.Е., Лохов Д.Н., Медведев Г.И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 71–101.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера европейской части СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 280 с. – (МИА; № 29).

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 7–71. – (МИА; № 35).

Demonterova E.I., Tetenkin A.V., Ivanov A.V., Lebedev V.A., Shergin D.L., Pashkova G.V. Provenance of the pumice manuports from archaeological sites at the Vitim River, East Siberia, Russia // Archaeological Research in Asia – 2024. – Vol. 38:100513. – P. 1–10. – doi:10.1016/j.ara.2024.100513

Freeman J.J., Wang A., Kuebler K.E., Jolliff B.L., Haskin L.A. Characterization of natural feldspars by Raman spectroscopy for future planetary exploration // The Canadian Mineralogist. – 2008. – N 46 (6). – P. 1477–1500.

Hanesch M. Raman spectroscopy of iron oxides and (oxy) hydroxides at low laser power and possible applications in environmental magnetic studies // Geophysical J. Intern. – 2009. – N 177 (3). – P. 941–948.

Martínez-Arkarazo I., Angulo M., Bartolome L., Etxebarria N., Olazabal M.A., Madariaga J.M. An integrated analytical approach to diagnose the conservation state of building materials of a palace house in the metropolitan Bilbao (Basque Country, North of Spain) // Analytica Chimica Acta. – 2007. – N 584. – P. 350–359.

Maslova O.A., Ammar M.R., Guimbretiere G., Rouzaud J.-N., Simon P. Determination of crystallite size in polished graphitized carbon by Raman spectroscopy // Physical Review B. – 2012. – N 86 (13): 134205. – P. 1–5.

Wojcieszak M., Wadley L.A. Raman micro-spectroscopy study of 77,000 to 71,000-year-old ochre processing tools from Sibudu, KwaZulu-Natal, South Africa // Heritage Science. – 2019. – N 7 (1): 24. – P. 1–14.

References

Besprozvannyi E.M. Mezolit taezhnoi zony Zapadnoi Sibiri: (Predvaritel'nye itogi izucheniya). *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale*, 1997. No. 1. P. 26–38. (In Russ.).

Chernetsov V.N. Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya. MIA, No. 35, Moscow: AS USSR, 1953. P. 7–71. (In Russ.).

Demonterova E.I., Tetenkin A.V., Ivanov A.V., Lebedev V.A., Shergin D.L., Pashkova G.V. Provenance of the pumice manuports from archaeological sites at the Vitim River, East Siberia, Russia. *Archaeological Research in Asia,* 2024. Vol. 38: 100513. P. 1–10. doi:10.1016/j.ara.2024.100513

Foss M.E. Drevneishaya istoriya severa evropeiskoi chasti USSR. MIA, No. 29. Moscow: AS USSR, 1952. 280 p. (In Russ.).

Freeman J.J., Wang A., Kuebler K.E., Jolliff B.L., Haskin L.A. Characterization of natural feldspars by Raman spectroscopy for future planetary exploration. *The Canadian Mineralogist*, 2008. No. 46 (6). P. 1477–1500.

Grishin Y.S. Nekotorye sluchainye nakhodki iz Zabaikal'ya. *Sovetstkaya arkheologiya,* 1980. No. 1. P. 264–266. (In Russ.).

Hanesch M. Raman spectroscopy of iron oxides and (oxy) hydroxides at low laser power and possible applications in environmental magnetic studies. *Geophysical J. Intern.*, 2009. No. 177 (3). P. 941–948.

Konopatskii A.K. Drevnie kul'tury Baikala. Novosibirsk: Nauka, 1982. 176 p. (In Russ.).

Lipnina A.E., Lokhov D.N., Medvedev G.I. O kamennykh toporakh «s ushkami» – tsapfennykh toporakh Severnoi Azii. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya,* 2013. No. 1 (2). P. 71–101. (In Russ.).

Martínez-Arkarazo I., Angulo M., Bartolome L., Etxebarria N., Olazabal M.A., Madariaga J.M. An integrated analytical approach to diagnose the conservation state of building materials of a palace house in the metropolitan Bilbao (Basque Country, North of Spain). *Analytica Chimica Acta*, 2007. No. 584. P. 350–359.

Maslova O.A., Ammar M.R., Guimbretiere G., Rouzaud J.-N., Simon P. Determination of crystallite size in polished graphitized carbon by Raman spectroscopy. *Physical Review B*, 2012. No. 86 (13):134205. P. 1–5.

Mochanov Y.A. Drevneishie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoi Azii. Novosibirsk: Nauka, 1977. 264 p. (In Russ.).

Volkov P.V. Eksperimental'no-trasologicheskoe issledovanie «toporov s ushkami». *Izvestiya SB AS USSR. Ser.: Istorii, filologii i filosofii*, 1986. No. 1. P. 45–49. (In Russ.).

Wojcieszak M., Wadley L.A. Raman micro-spectroscopy study of 77,000 to 71,000-year-old ochre processing tools from Sibudu, KwaZulu-Natal, South Africa. *Heritage Science*, 2019. No. 7 (1):24. P. 1–14.

Бородовский А.П. https://orcid.org/0000-0002-6312-1024
Давыдов Р.В. https://orcid.org/0000-0001-6580-2811
Волков П.В. https://orcid.org/0009-0007-8511-9623

Дата сдачи рукописи: 16.06.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0424-0430
УДК 903.26+233-265.33

А.В. Варенов[1]✉, А.Л. Нестеркина[2]

[1]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: avvarenov@mail.ru

Бронзовая статуя «Гаруды» из Саньсиндуя: старые находки и новые открытия

На памятнике Саньсиндуй в 1986 г. в жертвенной яме JK2 открыта одетая в юбку бронзовая фигура человека с птичьими когтями вместо ступней и с зажатыми в них двумя змеевидными созданиями. Она относится к культуре бронзового века, распространенной в пров. Сычуань КНР. Конструктивные особенности бронзовой антропоморфной статуи позволяют синхронизировать время ее создания с бытованием в Саньсиндуе бронзовых масок типов A и C, а также бронзовых «деревьев духов» 2 и 1. Рассматриваемую статую можно интерпретировать при помощи древнеиндийских мифов о Гаруде. В пользу подобной интерпретации свидетельствует находка в Саньсиндуе больших бронзовых колес с пятью спицами каждое. Эти колеса сопоставимы по абсолютным размерам со статуей с птичьими когтями на ногах. Статуя может спокойно, с запасом пройти в промежуток между спицами любого из колес, что соответствует мифологемам о Гаруде, изложенным в «Махабхарате». Кратко описаны результаты новых раскопок в Саньсиндуе в 2020–2022 гг. Рассмотрены план и относительная хронология шести вновь открытых жертвенных ям. Прослежена дискуссия китайских исследователей об их природе. Детально исследована стратиграфия новой жертвенной ямы JK8. Считается, что в ней найдена обломанная верхняя часть статуи с птичьими когтями на ногах. Проанализированы аргументы за и против объединения фрагментов статуй, найденных в 1986 и 2022 гг. в жертвенных ямах JK2 и JK8, и последствия, вытекающие из этой операции.

Ключевые *слова: Китай, бронзовый век, Саньсиндуй, антропоморфные статуи, бронзолитейное искусство, мифология, Гаруда.*

A.V. Varenov[1]✉, A.L. Nesterkina[2]

[1]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: avvarenov@mail.ru

Bronze Statue of “Garuda” from Sanxingdui: Old Finds and New Discoveries

Bronze skirt-wearing human figure with bird claws instead of feet, holding two snake-like creatures, was discovered in 1986 in sacrificial pit JK2 at the Sanxingdui site. The statue belongs to the Bronze Age culture which was spread in Sichuan Province of the PRC. Structural features of this statue indicate that it was made in the same period as bronze masks of A and C types, and “spirit trees” No. 2 and 1. The statue may be interpreted with ancient Indian myths about Garuda, which is also supported by the discovery of big bronze wheels with five spokes each in Sanxingdui. These wheels are comparable in size to the statue with bird claws. The statue can easily, with some room, pass through the gap between the spokes of any of the wheels, which corresponds to mythologemes about Garuda from the Mahabharata. The results of new excavations at Sanxingdui in 2020–2022 are briefly mentioned. Ground plans and relative chronology of six newly discovered sacrificial pits are discussed along with opinions of Chinese scholars about them. The stratigraphy of new sacrificial pit JK8 which probably contained the broken upper part of the statue with bird claws, is analyzed in detail as well as arguments about joining the fragments of statues found in 1986 and 2022 in sacrificial pits JK2 and JK8, and consequences of this procedure.

Keywords: *China, Bronze Age, Sanxingdui, anthropomorphic statues, bronze casting, mythology, Garuda.*

Старые находки из Саньсиндуя

Саньсиндуй – культура эпохи бронзы, распространенная на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань в КНР. Практически все бронзовые изделия Саньсиндуя, известные до 2020 г., происходили из двух жертвенных ям JK1 и JK2, обнаруженных на территории эпонимного городища в 1986 г. Из числа находок в жертвенных ямах наибольшее внимание всегда привлекали бронзовые антропоморфные скульптуры. Например, в 1986 г. в жертвенной яме JK2 открыта одетая в юбку бронзовая фигура человека с птичьими когтями вместо ступней и с зажатыми в них двумя змеевидными созданиями [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 169]. Ранее мы продемонстрировали, что конструктивные особенности этой статуи позволяют синхронизировать время ее создания с бытованием в Саньсиндуе бронзовых масок типов A и C, а также бронзовых «деревьев духов» 2 и 1 и тогда же предложили интерпретировать рассматриваемую статую при помощи древнеиндийских мифов о Гаруде [Варенов, Гирченко, 2017, с. 17–21]. В пользу подобной интерпретации свидетельствует находка в Саньсиндуе больших бронзовых колес с пятью спицами каждое. Эти колеса сопоставимы по абсолютным размерам со статуей с птичьими когтями на ногах [Варенов, 2019, с. 78]. Статуя может спокойно, с запасом пройти в промежуток между спицами любого из колес, что соответствует мифологемам о Гаруде, изложенным в «Махабхарате» [Темкин, Эрман, 1982, с. 66–70, 250].

Возобновление раскопок в Саньсиндуе

Осенью 2020 г. раскопки в Саньсиндуе были возобновлены после тридцатичетырехлетнего перерыва. 9 октября 2020 г. объединенные силы археологов из 39 научных учреждений, включая такие крупные, как Институт археологии АОН Китая, факультеты археологии и музееведения Пекинского и Сычуаньского университетов, Лаборатория Шанхайского университета по изучению памятников культуры и письменности, Чэндуская академия археологии и материальной культуры, приступили к изучению и раскопкам т.н. района жертвоприношений, суммарно обследовав площадь ок. 13 тыс. м^2.

В результате, в дополнение к двум ранее известным, было выявлено шесть новых «жертвенных ям», расположенных неподалеку от двух первых. Китайские археологи начали их неторопливую расчистку, даже возведя для этого над новыми ямами специальные закрытые павильоны, подведенные под общую крышу. Предварительные результаты этих исследований публиковались в СМИ, в основном электронных. Соответственно, зарубежным специалистам были доступны лишь отрывочные, неполные данные.

В центральной китайской археологической научной периодике увидела свет лишь одна статья, посвященная возобновившимся исследованиями Саньсиндуя. В ней приводятся предварительные результаты начала расчистки новых жертвенных ям JK3–JK8 и публикуются отдельные небольшие, но яркие находки из их верхних слоев [Жань Хунлинь и др., 2022, с. 16–30]. Обобщая результаты своих исследований, китайские археологи пришли к выводу, что, исходя из планиграфии, т.е. взаимного расположения, размеров, ориентации по странам света и других особенностей, все восемь жертвенных ям можно объединить в четыре группы: 1) JK1, JK4; 2) JK2, JK3; 3) JK5, JK6 и 4) JK7, JK8.

Наблюдения над особенностями фрагментов керамики, найденных в заполнении ям, привели китайских специалистов к выводу о синхронности JK3 и JK4, а значит, и всех объектов от JK1 до JK4 включительно, соответствующих по времени четвертому периоду существования Иньского городища в Аньяне, примерно 3 000–3 200 л.н. Ямы JK5 и JK6 представлялись им чуть более поздними, соответствующими по времени концу эпохи Шан – началу Западного Чжоу. Поскольку жертвенная яма JK6 частично разрушила яму JK7, то, исходя из этого стратиграфического факта, JK7 и JK8 должны быть более ранними, не позже начала Западного Чжоу в качестве *terminus ante quem*, и также соответствовать по времени четвертому периоду существования Иньского городища в Аньяне [Там же, с. 31].

Еще с момента открытия двух первых жертвенных ям в 1986 г. среди китайских ученых шла острая дискуссия об их характере: это ямы с остатками жертвоприношений или ямы, в которых зарыта испорченная ритуальная утварь? В ходе раскопок в яме JK8 были встречены куски обожженной докрасна земли, являвшиеся остатками стен каких-то строений. В ямах JK1, JK3, JK4 и JK8 попадалась еще и зола от бамбука, широко использовавшегося в строительных конструкциях на территории равнины Чэнду в I тыс. до н.э. Очевидно, что все эти строительные остатки не создавались специально для захоронения в жертвенных ямах. В свете вышеизложенного становится ясно, что в ямах JK3, JK4, JK7, JK8 и в раскопанных в 1986 г. JK1 и JK2 зарыта ритуальная утварь, но это не ямы со следами жертвоприношения. Настоящие жертвенные ямы со следами сожжения на месте – это ямы JK5 и JK6, отличающиеся от остальных шести по размерам, глубине и другим чертам. К тому же они более поздние, о чем свидетельствует и стратиграфия [Там же, с. 31–32].

О жертвенной яме JK8

Наиболее интересные для данного исследования результаты принесла жертвенная яма JK8. Она перекрыта третьим слоем стратиграфической колонки

района раскопок и впущена из четвертого слоя в ее пятый слой, с ориентацией на ВЮВ, по азимуту 117°. Устье ямы в плане трапециевидное, его западная сторона чуть шире восточной, находится на глубине 35–40 см от поверхности земли. Устье ямы длиной 5,01 м, шириной 3,31–4,03 м и площадью ок. 20 м^2. Стенки ямы вертикальные, с легким наклоном, глубина доходит до 2 м, но дно еще не расчищено. Заполнение ямы состоит из четырех слоев: слой земляной засыпки, слой золы, промежуточный слой и слой захороненных вещей [Там же, с. 28–29].

Земляная засыпка толщиной 0,5–0,7 м с преобладанием супеси желто-бурого и серо-бурого цветов лежит ровно. Находок в ней немного, в основном разрозненные обломки бронзовых изделий. Слой золы заполняет всю площадь ямы, с наклоном от ЮВ к СЗ. Находок в нем довольно много, с преобладанием мелких бронзовых изделий, золота (в виде фольги), каменных и нефритовых вещиц и обломков крупных бронз. Промежуточный слой состоит из супеси желто-бурого цвета с включением кусков обожженной земли и небольшого количества золы, что похоже на пятый слой стратиграфической колонки района раскопок, в который и впущена яма JK8. С северной и южной ее сторон этот слой толстый, а в центре тонкий. Находок встречено мало, в основном это небольшие бронзовые, золотые и нефритовые изделия и их обломки [Там же, с. 29].

К моменту публикации статьи 2022 г. в жертвенной яме JK8 было расчищено 5 210 находок. В засыпке их обнаружено 458, в слое золы – 4 160, в промежуточном слое – 290 и в слое захороненных вещей – 302. Преобладают бронзовые изделия, их 3 822 экземпляра. Далее идут золото – 368 экз., нефрит – 324 экз., камень – 261 экз. и керамика – 20 экз. Встречены 312 слоновьих бивней, бирюза, морские раковины, изделия из кости и рога – всего 103 экз. Четвертый слой захороненных вещей распространен равномерно по всей площади ямы. Выше всего в нем ровной прослойкой толщиной в 30 см лежат слоновьи бивни, расположенные без особой системы. Ближе к четырем стенкам ямы и в ее центре из-под бивней видны крупные бронзовые изделия, в основном поврежденные. Из поддающихся опознанию изделий в северном углу ямы JK8 замечено «стоящее на сосуде *цзунь* изображение человека со змеиным телом и винным кубком *гу* на макушке» (рис. 1, *1*). Встречены и известные по находкам 1986 г. бронзовые головы, маски, изображения солнца (т.е. колес), драконов и глаз, бронзовые чарки *цзунь* и вазы *лэй* [Там же, с. 29–30].

Новые надежды и неизбежные сомнения

В ходе дальнейшей расчистки «изображения человека со змеиным телом» как *in situ*, так и в лабораторных условиях, стало понятно, что это сложная отливка. Она включала невысокое четырехугольное основание, видимо, изначально предназначенное для вкапывания в землю с целью придания устойчивости всей конструкции. К основанию крепилась (похоже, что была прилита) чарка *цзунь*, закрытая выпуклой крышкой. На этой крышке стояло на руках изваяние человека. Руки антропоморфной фигуры обломились еще в древности, на крышке остались лишь их кисти, а тело фигуры, по-змеиному неестественно изогнутое вверх ниже плечевого пояса, лежало рядом, но отдельно (рис. 1, *1*). Ее голова была увенчана сосудом, похожим на винный кубок *гу*, видимо, тоже прилитым (рис. 1, *2*).

17 июня 2022 г. онлайн версия китайской правительственной газеты «Жэньминь жибао» сообщила о расчистке в жертвенной яме JK8 бронзовой фигуры, стыкующейся с обломком статуи «Гаруды», найденной в яме JK2 в 1986 г. В заметке ее назвали «статуя изогнутого тела с птичьими лапками и сосудом на голове» [Статуя Саньсиндуй]. Тело скульптуры, одетое в подпоясанный кушаком распашной халат с длинными рукавами, от района плеч резко задрано вверх и в области пояса стыкуется с находкой 1986 г. (рис. 2, *1*, *2*). Нетрудно заметить, что новая саньсиндуйская статуя не вписывается в привычную иконографию Гаруды. На опубликованных фотографиях можно увидеть стоящую на руках фигуру с зачесанными назад волосами, круглыми выпученными глазами, выступающими изо рта клыками и снабженную водруженным на голову винным кубком *гу* (рис. 3, *1*).

Талия старой находки 1986 г. смыкается с поясом новой не очень четко, в районе стыка остаются заметные невооруженным глазом зазоры. Орнамент (ромбические меандры) на юбке старой находки отличается от узоров на халате новой (рис. 3, *2*). С другой стороны, до этого не встречавшийся в Саньсиндуе винный кубок *гу*, водруженный на голову монстра, как раз и мог содержать похищенный им напиток бессмертия – *амриту*. Да и «змеевидность» новой статуи можно объяснить близким родством Гаруды и *нагов*. Просто «птичьи» и «змеиные» черты в саньсиндуйской иконографии распределились между ними поровну: головы с клювами достались «нагам», лапы с когтями – «Гаруде», а крылья – никому.

Заключение

В ходе новых исследований Саньсиндуя китайские археологи стали склоняться к идее, что большинство вскрытых ими ритуальных комплексов (жертвенных ям) представляет собой намеренное сокрытие ритуальных изделий, а не принесение их в жертву путем сожжения. Отметим, что мы и ранее считали т.н. жертвенные ямы Саньсиндуя не просто захоронением остатков интерьера древних храмов, совершенным после их сожжения на стороне, но намеренным транс-

Рис. 1. Расчистка статуи «Гаруды» (по: [Статуя Саньсиндуй]).
1 – статуя «Гаруды» в яме JK8 в процессе расчистки; *2* – расчистка статуи «Гаруды» в лаборатории.

Рис. 2. Общий вид статуи «Гаруды» с совмещением всех обломков.
1 – по: [Лу Хайцзы]; *2* – по: [Чжао Дяньцзэн, 2022, с. 83, рис. 3].

формированием древних храмов для их последующего перемещения в потусторонний (подземный?) мир [Варенов, Гирченко, 2017, с. 18]. Стратиграфия заполнения жертвенной ямы JK8 полностью подтверждает эту гипотезу.

После сожжения древнего храма на стороне в специально выкопанную яму, возможно, повторявшую своим контуром план храма в уменьшенном виде, помещали его остатки. В первую очередь, расставляли собранные на кострище, а скорее, заранее демонтированные и вынесенные из храма до его сожжения крупные бронзовые изделия, такие как бронзовые маски, головы и сосуды, являвшиеся частью его интерьера, а именно, крупные деревянные скульптуры с накладными металлическими деталями. Часть этих деталей могла быть в ходе демонтажа повреждена. Потом бронзовые изделия перекрывали сверху слоновьими бивнями и засыпали как землей из выкида (промежуточный слой, идентичный по составу тому, в который впущена яма), так и остатками сгоревшего храма (слой золы и обожженных комков земли). Поверх золы опять шла земляная засыпка.

Поскольку слой золы с остатками храма заполняет жертвенную яму с наклоном от ЮВ к СЗ, то место расположения сожженного храма следует в дальнейшем искать к юго-востоку от ямы JK8. Если реконструкция китайских археологов, предполагающая стыковку фрагментов двух статуй, найденных в жертвенных ямах JK2 и JK8, действительно надежно обоснована, это означает частичную или полную синхронизацию момента создания (захоронения) двух упомянутых закрытых комплексов Саньсиндуя. Такая синхронизация даст возможность применить разработанную нами ранее на материалах жертвен-

Рис. 3. Крупные планы статуи «Гаруды» (по: [Статуя Саньсиндуй]).
1 – вид анфас, *2* – вид в профиль.

ных ям JK1 и JK2 схему технологической эволюции бронзолитейного искусства Саньсиндуя к новым находкам как минимум из ямы JK8, а возможно, и ко всем остальным.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 24-28-01554. https://rscf.ru/project/24-28-01554.

Список литературы

Варенов А.В. Бронзовые антропоморфные статуи Саньсиндуя и ритуальные одеяния древнего царства Шу // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 1. – С. 69–85.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые антропоморфные статуи из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2017. – Т. 16. – № 4: Востоковедение. – С. 16–23.

Жань Хунлинь, Лэй Юй, Чжао У, Се Чжэньу, Ли Хайчао, Ван Чун, Сюй Фэйхун, Сюй Даньян. Сычуань Гуанханьши Саньсиндуй ичжи цзисыцюй [Район жертвоприношений на памятнике Саньсиндуй, близ г. Гуанхань, пров. Сычуань] // Каогу. – 2022. – № 7. – С. 15–33 (на кит. яз.).

Лу Хайцзы. Сычуань шэн вэньу каогу яньцзююань вэньбао чжунсин [Центр охраны памятников Академии археологии и материальной культуры пров. Сычуань]. https://news.cctv.com/2022/07/10/ARTIt0zx4DBvZ5v4ewWaDbER220710.shtml (дата обращения: 2.04.2024). (на кит. яз.).

Саньсиндуй цзисыкэн [Жертвенные ямы Саньсиндуя]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. – 628 с. (на кит. яз.).

Статуя Саньсиндуй была собрана воедино после 3 000 лет // «Жэньминь жибао» он-лайн. 17/06/2022. – URL: http://russian.people.com.cn/n3/2022/0617/c31516-10111242-4.html (дата обращения: 02.04.2024).

Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы древней Индии. – М.: Вост. лит., 1982. – 272 с.

Чжао Дяньцзэн. Саньсиндуй цзисы ходун дэ цзибэнь цзягоу: шэнь тань, шэнь мяо, цзисыкэн [Основные опоры ритуальной жизни Саньсиндуя: священные алтари, храм духов, жертвенные ямы] // Сычуань вэньу. – 2022. – № 5. – С. 80–94 (на кит. яз.).

References

Lu Haizi. Sichuan sheng wenwu kaogu yanjuyuan wenbao zhongxing. [Center of Protection of Monuments of the Academy of Archaeology and Material Culture of Sichuan Province. https://news.cctv.com/2022/07/10/ARTIt0zx4DBvZ5v4ewWaDbER220710.shtml (Accessed: 2.04.2024). (In Chin.).

Ran Honglin, Lei Yu, Zhao Wu, Xie Zhenwu, Li Haichao, Wang Chong, Xu Feihong, Xu Danyang. Sichuan Guanghan shi Sanxingdui yizhi jisiqui. [Sacrificial Region at Sanxingdui Site in Guanghan City of Sichuan]. *Kaogu [Archaeology]*. 2022. No. 7. P. 15–33. (In Chin.).

Sanxingdui jisikeng [Sacrificial Pits of Sanxingdui]. Beijing: Wenwu Publ., 1999. 628 p. (In Chin.).

Sanxingdui Statue was assembled after 3000 years. In: *"Renmin ribao" on-line. 17/06/2022*. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2022/0617/c31516-10111242-4.html (Accessed: 02.04.2024). (In Russ.).

Temkin E.N., Erman V.G. Mify drevnei Indii. Moscow: East Literature Publ., 1982. 272 p. (In Russ.).

Varenov A.V. Bronze Anthropomorphic Statues of the Sanxingdui and Ritual Garments of the Ancient Shu Kingdom. In *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2019. No. 1. P. 69–85. (In Russ.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Bronze Statues from the Sacrificial Pit of Sanxingdui. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Univ. Series: History, Philology*, 2017. Vol. 16. No. 4: Oriental Studies, P. 16−23. (In Russ.).

Zhao Dianzeng. Sanxingdui jisi huodong de jiben jiagou: shen tan, shen miao, jisikeng [Main Bearings of Sanxingdui Ritual Life: Sacred Altars, Spirits' Temple, Sacrificial Pits]. *Sichuan wenwu* [*Sichuan Relics*]. 2022. No. 5. P. 80–94. (In Chin.).

Варенов А.В. https://orcid.org/0000-0003-2145-8611
Нестеркина А.Л. https://orcid.org/0000-0002-3703-1527

Дата сдачи рукописи: 25.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0431-0442
УДК 569+902.2

С.К. Васильев[1]✉, А.Е. Астафьев[2], Е.С. Богданов[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Актау, Казахстан
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Фаунистические остатки с поселения Каракабак I–VI вв. н.э. (п-ов Мангышлак, Республика Казахстан)

Статья посвящена первым итогам изучения остеологической коллекции, полученной при раскопках городского поселения Каракабак на п-ове Мангышлак, Республика Казахстан. Этот крупный портовый, торгово-ремесленный центр функционировал на каспий-понтийском отрезке Великого Шелкового пути в I–VI вв. В настоящий момент изучено более 16,2 тыс. определимых костных остатков. Они относятся к 6 видам домашних и 12 видам диких млекопитающих, а также включают кости человека, рыб, птиц и среднеазиатской черепахи. Большая часть остеологического материала достаточно сильно фрагментирована и представляет собой кухонные отбросы. Лишь ок. 31 % костных остатков удалось определить до вида или же класса (рыбы, птицы). Преобладают кости домашних животных, составляющие 88,5 % по числу остатков и 70,9 % по минимальному числу особей. Среди них до 80 % составляют кости овец и коз, по 9 % остатков принадлежит лошадям и коровам, и менее 1 % – верблюду. Среди охотничье-промысловых видов более 2/3 фрагментов костей принадлежит каспийской нерпе, в гораздо меньшем количестве добывались кулан, сайгак, джейран и горный баран. Ради получения меха велась также охота на лисицу, корсака и волка. Обнаружены единичные кости тигра, кабана, бухарского оленя и барханного кота. Присутствие костей тигра, кабана и благородного оленя связано, несомненно, с существованием в относительной доступности от поселения обширных пойменных зарослей (тугаи) по берегам рек и озер. В статье впервые вводятся в научный оборот промеры больших серий костей каспийской нерпы, а также морфометрические данные по костям скелета джейрана и сайгака. Итоги первых исследований фаунистических остатков позволили не только определить основы жизнеобеспечения городского поселения Каракабак и палеодиеты, но и представить картину климатических, природных условий (ландшафт, характер растительности) в I–VI вв., коренным образом отличающуюся от современного состояния северо-восточного побережья Каспийского моря.

Ключевые слова: *северо-восточное побережье Каспийского моря, Каракабак, костные остатки, домашние и дикие животные, палеодиета*.

S.K. Vasiliev[1]✉, A.E. Astafiev[2], E.S. Bogdanov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Margulan Institute of Archaeology
Aktau, Kazakhstan
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Faunal Remains from the Karakabak Settlement Site of the 1st–6th AD (Mangyshlak Peninsula, Republic of Kazakhstan)

The article describes to the first results of the study of faunal remains recovered from the urban settlement of Karakabak on the Mangyshlak Peninsula. This large port and trade and craft center existed on the Caspian-Pontic section of the Great Silk Road in the 1st–6th centuries AD. At present, more than 16.2 thousand identifiable bone remains have been analyzed. They belong to 6 species of domestic and 12 species of wild mammals, and also include bone remains of humans, fish, birds, and the Central Asian turtle. The osteological material is quite fragmented and represents kitchen waste. Only about 31 % of the bone remains could be identified to a species or class (fish, birds). The remains of domestic animals predominate, accounting for 88.5 % of the total number of bone remains and 70.9 % of the minimum number of individuals. Among them, up to 80 % are sheep and goat bones, 9 % of the remains belong to horses and cows, and less than 1 % belong to a camel. Among the hunting and commercial species, more than 2/3 of the bone remains belong to the Caspian seal; kulan, saiga, gazelle and mountain sheep were hunted in much smaller quantities. Fox, corsak, and wolf were also hunted for fur. Single bones of a tiger, a wild boar, a Bukhara deer and a dune cat were

found. Occurrences of tiger, wild boar, and red deer bones are undoubtedly due to the existence of extensive floodplain thickets (tugai) along the banks of rivers and lakes in relative accessibility from the settlement. For the first time, the article introduces into scientific circulation metric data on a large sample of bones of the Caspian seal, as well as morphometric data on the bones of the skeleton of the gazelle and saiga. The results of the first studies of faunal remains make it possible to determine the basics of life support of the urban settlement of Karakabak and the basics of the paleodiet, and to present a picture of the climatic and environmental conditions (landscape, types of vegetation) in the 1st–6th centuries, radically different from the modern state of the north-eastern coast of the Caspian Sea.

Keywords: *northeastern coast of the Caspian Sea, Karakabak, bone remains, domestic and wild animals, paleodiet.*

Введение

Данная публикация является первым итогом изучения фаунистических остатков, полученных в 2017–2023 гг. при раскопках городища Каракабак на северо-восточном берегу Каспийского моря. Это единственный на сегодняшний момент известный крупный торгово-ремесленный центр между Римом (Византией) и Средней Азией, Китаем, Индией, существовавший на восточно-каспийском отрезке Шелкового пути в I–VI вв. [Астафьев, Богданов, 2019, 2020, 2023а, с. 211–218]. Выявление адаптивных особенностей каракабакцев к постоянно меняющимся условиям жизни (колебания уровня Каспийского моря, изменения климата, землетрясения, военные столкновения и т.д.) при организации крупного портового поселения на Шелковом пути представляют собой целый комплекс весьма актуальных проблем. Одними из важных аспектов наших исследований является поиск ответов на вопросы с водоснабжением (на личные и производственные нужды) и получения необходимых ресурсов для питания большого числа людей.

Поселение Каракабак располагалось на высоком останце, практически на берегу Каспийского моря (рис. 1). Его высота относительно окружающего рельефа составляет 100–110 м. Топографически продуманное устройство долговременного поселения на неприступной природной цитадели было, по всей видимости, обусловлено постоянной угрозой контакта с кочевниками. Система безопасности была основана на отвесных неприступных обрывах с трех сторон останца. Основной обустроенный подъем на Каракабак располагался на участке обрывистого склона, что предусматривало полный контроль защитных гарнизонов поселения и исключало одновременный проход большой массы людей наверх. К юго-западу от городища соседствующие каньоны Каракабак и Шульдор смыкаются бортами до узкого перешейка и образуют достаточно обширный замкнутый участок плато Емды площадью 15 км^2. Более 60 % этой территории является относительно равнинной и сохранило многочисленные следы современного травокоса, хорошо заметные на космоснимках, что предполагает более благоприятный почвенный фон в условиях полупустынного ландшафта. Проведенные на трех

Рис. 1. Карта месторасположения и внешний вид останца, на котором располагалось поселение Каракабак.
1 – раскоп 1; *2* – раскоп 2.

участках плато сравнительно-геоботанические исследования выявили отсутствие каких-либо растительных индикаторов, характерных для старозалежных земель, являющихся свидетельствами древней земледельческой активности. По мнению д-ра биол. наук Н.Н. Лащинского, эта территория использовалась с древности только в качестве пастбищных угодий для отгонного скотоводства [Лащинский, Астафьев, Богданов, 2021, с. 390]. Безопасность этой пищевой базы обеспечивало построенное внушительное защитное сооружение (каменная стена, ров, вал) отмеченное на картах как «Вал Байлама», которое располагалось в 5,5 км (по прямой) от поселения Каракабак (подробнее см.: [Астафьев, Богданов, 2023б]).

Составленный в ходе археологических исследований детальный топографический план останца и схема распределения подъемного материала позволили определить точные границы древнего поселения и некоторые особенности его планировки. Площадь жилой квартальной застройки составляет более 4 га и ограничена с севера, северо-запада и северо-востока нерегулярными широкими грунтовыми возвышениями, образованными, как показали последующие исследования, объемными отвалами хозяйственно-бытового и строительного мусора. На одном из таких валов был заложен раскоп 1. Полученные на нем материалы отразили весь спектр результатов жизнедеятельности каракабакцев, начиная с ранних этапов обживания этой территории. Наличие очень объемного массива мусора (высота до 1 м при условном диаметре более 40 м) свидетельствует о высокой интенсивности хозяйственно-бытовых процессов, в т.ч. очистке комнат и «улиц». В ходе работ на краю поселения (раскоп 2) удалось изучить остатки пяти жилых комплексов строений и более 1 тыс. м^2 придомовой территории и уличного пространства. Все многокомнатные постройки (остатки в виде фундаментов высотой от 10 до 130 см) перекрыты чехлом рыхлого лесса золистой окраски, развалами камня и рассыпавшихся сырцовых блоков. Имеются множественные следы последовательного расширения и перепланировки жилого пространства, факты разрушения отдельных участков стен помещений с последующей разборкой на камень элементов стеновых кладок и комнатного благоустройства, а также окончательного нивелирования остатков сооружений под воздействием естественных факторов. В процессе существования городского поселения те или иные остатки домов и уличное пространство «укатывалось» мусорными отложениями и выравнивалось. Эти факты, вкупе с природным фактором (постоянные сильные ветра, перегоняющие легкий лесс, и активная деятельность грызунов) обусловили отсутствие вертикальной стратиграфии культурных отложений на памятнике. По этой причине за основу истории формирования комплекса положена целая серия наблюдений за сменой планиграфии построек, принципов их возведения и последовательная событийность их разрушения. Все выявленные строительные периоды охватывают, по всей видимости, ок. 500 лет, о чем свидетельствуют обширные датирующие материалы (монеты, фибулы, ременная гарнитура, украшения), полученные при раскопках. На характер занятий обитавшего на Каракабаке населения указывают остатки производственной, бытовой и промысловой деятельности. Учитывая объемы квартальной застройки, население в разные периоды одномоментно составляло не менее 1 500 человек. Огромное количество различных обнаруженных в раскопе 1 и 2 фаунистических остатков позволило установить особенности пищевого рациона каракабакцев, чему и посвящена данная статья.

Результаты исследования фаунистических остатков

За время раскопок поселения Каракабак было получено более 16,2 тыс. определимых остатков (раскоп 1 – 11 000, раскоп 2 – 5 200), что составляет ок. 31 % от количества всех костных остатков. Они принадлежат к 6 видам домашних, 12 видам диких млекопитающих, а также включают кости человека, рыб, птиц и черепахи (табл. 1). Подавляющая часть материала представляет собой кухонные отбросы, из-за чего почти все трубчатые и плоские кости сильно фрагментированы. Шанс «захорониться» и/или «втоптаться» в поселенческие напластования имели лишь небольшие или уплощенные кости, а также их фрагменты. Очевидно, что почти все более крупные и габаритные обломки костей, так или иначе, «выпадали» из изначального контекста: растаскивались собаками, удалялись с проходных мест самим человеком, либо разрушались под воздействием атмосферных агентов. От крупных трубчатых костей копытных зверей сохранялись наиболее прочные дистальные отделы плечевых, большеберцовых костей, от лучевых костей – проксимальные концы, от лопаток – дистальные отделы. Среди остатков сайгака, джейрана, овец и коз особенно массово представлены астрагалы. Какая-то часть их, несомненно, отбиралась намеренно, на что указывают следы искусственной подработки на некоторых их них. Примечательно, что сочленяющиеся с астрагалом центральнокубовидные кости встречаются на порядок реже. Очевидно, это связано с особенностями разделки туш мелких копытных, когда дистальные отделы задних конечностей расчленялись на уровне суставной поверхности между астрагалом и центральнокубовидной костями. Отсеченные таким образом дистальные отделы ног растаскивались и уничтожались собаками, благодаря чему их фрагменты крайне слабо представлены в слоях поселения, даже в мусорном отвале раскопа 1. То же самое относится и к дистальным отделам передних конечностей, отчленявшихся на уровне проксимального ряда запястных костей и лучевой кости.

Таблица 1. **Видовой состав и количество костных остатков с поселения Каракабак**

Таксоны	Число костей	Число костей, %	Мин. число особей	Мин. число особей, %
Человек (*Homo sapiens*)	45	–	3	–
Собака (*Canis familiaris*)	105	0,74	5	0,68
Верблюд (*Camelus bactrianus*)	104	0,73	4	0,55
Лошадь (*Equus caballus*)	1 156	8,15	29	3,97
Корова (*Bos taurus*)	1 225	8,64	19	2,60
Овцы–козы (*Ovis–Capra*)	9 962	70,27	461	63,06
Лисица (*V. vulpes*)	90	0,64	11	1,51
Корсак (*Vulpes corsak*)	43	0,30	4	0,55
Волк (*Canis lupus*)	22	0,16	4	0,55
Тигр (*Panthera t. tigris*)	6	0,04	2	0,27
Барханный кот (*Felis margarita*)	1	0,007	1	0,14
Тюлень (*Phoca caspica*)	1 029	7,26	112	15,32
Кабан (*Sus scrofa ferus*)	6	0,04	2	0,27
Кулан (*Equus hemionus*)	158	1,11	19	2,60
Благородный олень (*Cervus elaphus*)	2	0,01	2	0,27
Джейран (*Gazella subgutturosa*)	108	0,76	14	1,91
Сайгак (*Saiga tatarica*)	115	0,81	35	4,79
Уриал (*Ovis vignei*)	44	0,31	5	0,68
Рыбы (*Pisces*)	1 727	–	–	–
Среднеазиатская черепаха (*Testudo horsfieldii*)	43	–	–	–
Птицы (*Aves*)	243	–	–	–
Костных остатков без учета костей человека, рыб, черепах и птиц	14 177	–	–	–
Всего костных остатков / особей	16 232	100,0	731	100,0

По аналогии с костями задних конечностей, пястные, запястные кости и фаланги передних ног овец, коз, сайгаков и джейранов представлены лишь единичными находками. Часть астрагалов, фаланг указанных видов несут следы растворения их желудочным соком при прохождении через пищеварительный тракт собак. Единичные обломки костей из собачьих отрыжек имеют характерную отполированную ажурную поверхность со сквозными отверстиями. Находки целых костей или черепов животных связаны в основном с преднамеренным «складированием» частей туш. Так, в заполнении ямы в углу одной из комнат под завалами стен целиком сохранились части скелетов от 5 взрослых и полувзрослых особей овец.

Наибольший интерес представляют остатки следующих видов домашних и диких животных.

Лошадь (*Equus caballus*). По количеству костных остатков немного уступает корове, а по минимальному числу особей более чем в 1,5 раза превосходит ее (табл. 1). Целиком сохранились 3 пястные и 2 плюсневые кости, что позволяет вычислить рост в холке для данных особей. Он изменяется от 140 до 155 см, или 144 см в среднем. Таким образом, по классификации В.О. Витта [1952] четыре лошади относятся к группе средних по росту (136–144 см), и одна к группе высокорослых лошадей (выше 152 см).

Верблюд (*Camelus bactrianus*). Число его остатков среди домашних животных невелико, и по количеству оно сопоставимо с остатками собаки. Отмечены все элементы скелета, среди них наиболее многочисленны первые и вторые фаланги (табл. 2). В небольшой серии астрагалов (n = 5) латеральная длина составляет 77,8–80,53–82,8 мм, сагиттальная длина (далее – са) – 60,1–62,68–65,2 мм, медиальная длина – 69,2–73,46–76,2 мм, ширина дистального конца – 53–54,16–57,5 мм.

Лисица (*V. vulpes*), корсак (*Vulpes corsak*) и волк (*Canis lupus*). Эти три вида пушных зверей представлены черепами, нижними челюстями и их фрагментами, обломками костей посткраниального скелета. В одной из жилых комнат сохранился полный череп с обеими ветвями нижней челюсти некрупного взрослого волка. Общая длина черепа составляет 207 мм, кондилобазальная – 196 мм, основная – 185 мм, скуловая ширина – 114,3 мм, ширина в надглазничных отростках – 50,6 мм, в заглазничном сужении – 34,7 мм, ширина мозговой коробки – 62,5 мм, ширина затылочных мыщелков – 41 мм, длина/ширина P^4 – 24,5/13 мм.

Тигр (*Panthera t. tigris*). Определено 6 костных остатков (рис. 2). Мастоидная ширина фрагмента основания черепа – 116,3 мм, ширина в затылочных мыщелках – 52,5 мм. Частично разрушенный дисталь-

Таблица 2. **Соотношение элементов скелета основных видов домашних и диких животных на поселении Каракабак**

Элементы скелета	Овцы–козы		Корова		Лошадь		Верблюд		Джейран		Сайгак		Кулан		Уриал		Нерпа	
	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%
Обломки рогов	62	0,62	4	0,33	–	–	2	1,87	5	4,35	–	–	–	–	–	–	–	–
Обломки черепа	78	0,78	11	0,90	10	0,87	1	0,99	1	0,94	–	–	–	–	10	22,72	1	0,10
Верхняя челюсть	572	5,72	25	2,05	8	0,70	7	6,93	1	0,94	–	–	–	–	1	2,27	2	0,20
Нижняя челюсть	1 601	16,02	63	5,16	15	1,30	6	5,94	–	–	–	–	1	0,66	1	2,27	37	3,69
Изолированные зубы	1 832	18,33	362	29,65	252	21,91	2	1,98	2	1,87	–	–	4	2,63	1	2,27	1	0,10
Позвонки	534	5,34	34	2,78	65	5,65	13	12,87	3	2,80	–	–	–	–	10	22,72	3	0,30
Обломки лопатки	825	8,25	13	1,06	58	5,04	5	4,95	5	4,67	3	2,61	–	–	3	6,82	64	6,38
Обломки таза	937	9,37	15	1,23	15	1,30	7	6,93	–	–	–	–	–	–	–	–	10	1,00
Крупные трубчатые	1 667	16,68	122	9,99	248	21,56	11	10,89	60	56,07	30	26,09	1	0,66	3	6,82	719	71,68
Метаподии	664	6,64	172	14,09	91	7,91	17	16,83	3	2,80	6	5,22	19	12,50	1	2,27	66	6,58
Кости запястья, заплюсны	143	1,43	85	6,96	127	11,04	4	3,96	3	2,80	–	–	5	3,29	–	–	29	2,89
Пяточные кости	213	2,13	31	2,54	28	2,43	1	0,99	6	5,61	–	–	3	1,97	8	18,18	3	0,30
Астрагалы	496	4,96	39	3,19	42	3,65	5	4,95	20	18,69	64	55,65	2	1,32	2	4,55	15	1,50
Фаланги	371	3,71	245	20,07	191	16,61	22	21,78	1	0,94	7	6,09	117	76,97	4	9,09	53	5,28
Всего элементов скелета	9 995	100	1 221	100	1 150	100	101	100	107	100	115	100	152	100	44	100	1 003	100

ный отдел лопатки имеет ширину са 57 мм, поперечник суставной поверхности – са 37,5 мм. Лучевая кость полувзрослой особи с отпавшим нижним эпифизом отмечена следами погрызов верхнего и нижнего концов. Для сравнения в скобках приведены промеры лучевой кости полувзрослой самки амурского тигра (*P. tigris altaica*) из коллекции ИАЭТ СО РАН (Новосибирск), также с отпавшим нижним эпифизом. Длина кости до края эпифизарного шва – 233 мм (241 мм), восстановленная длина – ок. 255 мм. Ширина проксимального конца лучевой – 35,5 мм (38,5 мм), ширина/поперечник посередине диафиза – 25/17,2 мм (24/18,5 мм), ширина на уровне края эпифизарного шва – са 36 мм (46,5 мм). От 3-й плюсневой кости сохранился проксимальный отдел, у 4-й плюсневой обломан дистальный конец. Несмотря на то, что обе плюсневые кости левые, они заметно отличаются в размерном классе, т.е. в коллекции присутствуют остатки как минимум от 2 особей. Найдена также целая когтевая фаланга тигра. Кости принадлежат относительно некрупным животным, возможно тигрицам. Насколько известно из публикаций [Громова, 1940; Цалкин, 1966; Ермолова, 1970], остатки тигра обнаружены в поселенческих слоях арало-каспийских и среднеазиатских памятников впервые. М.Е. Массон [1963] на основе летописных источников, скульптурных и графических изображений тигров приводит большой объем данных об обитании этих хищников на территории Средней Азии в античное время и Средневековье. На территории современного Казахстана численность тигров в тугаях по берегам рек и озер оставалась высокой вплоть до второй половины XIX в. Отмечены отдельные заходы зверей на Мангышлак в течение XVIII–XIX вв. [Гептнер, Слудский, 1972]. Присутствие костей тигров в материалах с каракабакского поселения связано, скорее всего, не с их эпизодическими появлениями, а с постоянным обитанием в зарослях пойменных лесов (тугаи) где-то в относительной близости от поселения.

Кулан (*Equus hemionus*). Его остатки подавляющим образом состоят из фаланг и дистальных отделов метаподий, фрагменты трубчатых костей единичны (табл. 2). В позднем голоцене п-ов Мангышлак населяла достаточно крупная форма кулана. По размерам и пропорциям дистальных концов пястных и плюсневых костей, отображенных на графиках, кулан из Каракабака скорее соответствует подвиду *E.h. hemionus*, обитающему на территории Монголии, чем географически более близкому иранскому подвиду *E.h. onager* [Eisenmann, Beckouche, 1986]. Не исключено также, что некоторые из числа

Рис. 2. Костные остатки тигра (*Panthera t. tigris*) (*1–6*) и барханного кота (*Felis margarita*) (*7*) с поселения Каракабак.
1 – лучевая кость; *2* – основание черепа; *3* – дистальный отдел лопатки; *4* – проксимальные 2/3 4-й плюсневой кости; *5* – проксимальный конец 3-й плюсневой кости; *6* – когтевая фаланга; *7* – неполная ветвь нижней челюсти.

наиболее мелких костей, условно отнесенных к кулану, на самом деле могут принадлежать домашнему ослу.

Кабан (*Sus scrofa ferus*). Представлен 6 экз.: двумя небольшими обломками нижней челюсти, фрагментом верхней челюсти молодой особи, неполным очень крупным клыком, обломком пяточной кости поросенка и целой 3-й пястной костью. Судя по размерам, все кости взрослых особей принадлежат к дикой породе свиньи. Единичные остатки кабана, также как тигра и благородного оленя связаны с зарослями тугаев по берегам водоемов.

Бухарский олень (*Cervus elaphus bactrianus*). Найдено основание сброшенного рога и небольшой фрагмент (93/64 мм) стенки рога. Диаметры венчика рога – 68,5/54,7 мм, розетки – 56/47 мм, обхват рога по венчику – 193 мм. Тот же промер, по данным В.И. Цалкина, составляет 190 и 195 мм; размерами тела позднеголоценовый бухарский олень не уступал восточноевропейскому подвиду [Цалкин, 1966].

Сайгак (*Saiga tatarica*). Среди остатков сайгака преобладают астрагалы и фрагменты крупных трубчатых костей (табл. 2). По размерам костей сайгак из Каракабака в среднем превосходил современных

Таблица 3. **Промеры костей конечностей джейрана (*Gazella subgutturosa*) и сайгака (*Saiga tatarica*) с поселения Каракабак**

Промеры, мм	*Gazella subgutturosa*				*Saiga tatarica*					
	Каракабак, поздний голоцен				Каракабак, поздний голоцен				Современность по: [Барышников и др., 1990]	
	n	lim	M	s	n	lim	M	s	lim	M
Scapula										
Ширина шейки	5	15,5–18,2	16,56	1,06	3	19,5–21,7	20,27	1,24		
Ширина через лопаточный бугор	5	28,0–31,8	30,48	1,47	3	32,5–41,5	36,17	4,73	32,9–39,3	36,5
Ширина суставной поверхности	5	22,7–25,5	24,26	1,20	3	25,3–33,5	28,77	4,24		
Поперечник суставной поверхности	5	19,2–23,1	21,68	1,81	3	21,5–27,6	24,03	3,18	21,7–28,2	25,0
Humerus										
Ширина диафиза, *min*	3	11,9–13,0	12,57	0,59	–	–	–	–	–	–
Поперечник диафиза, там же	3	13,7–16,2	14,97	1,25	–	–	–	–	–	–
Ширина дистального конца	16	24,8–28,3	26,99	1,02	6	31,2–35,0	33,08	1,35	22,5–34,6	30,2
Ширина суставного блока	16	23,3–27,8	24,84	1,12	6	28,6–30,7	29,55	0,81	–	–
Медиальный поперечник дистального конца	11	22,6–25,8	24,28	1,04	5	26,7–29,4	27,84	1,22	25,3–29,2	27,3
Латеральный поперечник дистального конца	14	18,3–21,6	19,75	0,93	6	22,8–25,0	23,60	0,80	–	–
Поперечник в желобе, *min*	16	13,5–15,0	14,41	0,45	6	15,4–16,2	15,83	0,29	–	–
Высота медиального мыщелка	16	17,1–19,3	18,30	0,63	6	19,4–21,6	20,50	0,76	–	–
Высота на гребне	15	15,6–17,3	16,46	0,55	6	17,7–18,7	18,30	0,40	–	–
Radius										
Ширина проксимального конца	8	27,0–29,0	27,88	0,59	6	31,8–35,2	33,33	1,42	29,4–33,6	31,6
Ширина проксимальной суставной поверхности	8	24,7–27,0	25,38	0,82	6	28,5–32,8	30,10	1,66	–	–
Поперечник проксимального конца	9	14,6–16,0	15,39	0,53	6	17,0–18,6	17,47	0,63	15,4–18,0	16,6
Ширина диафиза	2	15,5–17,3	16,40	1,27	1	–	17,80		–	–
Ширина дистального конца	6	22,0–24,5	23,28	1,04	2	27,7–27,8	27,75	0,07	26,6–30,7	29,4
Поперечник дистального конца	5	17,0–18,0	17,30	0,45	2	19,3–20,3	19,80	0,71	17,8–22,2	20,1
Metacarpale										
Ширина дистального конца	1		21,20		4	23,7–24,6	24,28	0,39	20,6–27,0	23,9
Поперечник дистального конца	1		16,50		4	16,3–17,6	17,00	0,54	14,4–17,9	16,6
Tibia										
Ширина дистального конца	20	21,3–25,3	23,52	1,17	9	25,0–28,8	26,63	1,15	–	–
Ширина астрагальной фасетки	21	15,8–18,2	17,06	0,58	9	17,5–20,5	18,81	0,94	–	–
Поперечник дистального конца	20	18,6–21,2	19,74	0,74	9	20,7–23,1	21,92	0,75	–	–
Astragalus										
Латеральная длина	18	26,0–29,4	27,71	0,95	59	27,7–33,6	30,54	1,46	26,7–31,1	29,0
Сагиттальная длина	18	20,6–22,9	21,92	0,66	62	22,2–27,0	24,03	1,12	–	–
Медиальная длина	19	24,5–26,9	25,92	0,65	61	26,5–32,0	28,61	1,37	23,2–29,3	26,9
Ширина дистального конца	18	15,2–17,7	16,56	0,62	61	15,8–19,7	17,80	0,99	15,5–19,5	17,3
Медиальный поперечник	18	14,5–17,2	15,62	0,66	56	15,3–19,3	17,44	0,95	–	–
Латеральный поперечник	18	14,3–16,6	15,51	0,62	61	14,8–18,2	16,78	0,83	15,0–18,7	16,4
Calcaneus										
Длина кости	6	56,3–58,3	57,42	0,92	8	57,8–65,4	61,76	2,43	52,3–67,3	60,7
Ширина дистального конца	5	17,8–20,0	19,02	0,79	6	19,0–24,5	21,20	1,82	17–21,5	19,4
Поперечник дистального конца	5	21,9–23,5	22,90	0,62	9	23,0–26,0	24,30	1,06	–	–
Ширина тела кости, *min*	6	7,4–8,8	8,00	0,51	9	7,2–9,7	8,60	0,75	7,0–9,5	8,2
Поперечник тела кости в середине	4	15,5–16,5	16,15	0,44	8	16,6–18,2	17,55	0,52	–	–
Поперечник тела кости, *min*	4	13,7–14,4	14,05	0,29	8	14,5–16,6	15,43	0,66	–	–
Ширина *tuber calcanei*	6	13,0–13,3	13,10	0,13	6	13,9–15,6	14,50	0,78	12,2–15,3	14,0
Поперечник *tuber calcanei*	4	15,4–16,5	15,95	0,49	8	15,7–18,6	17,06	1,07	13,7–18,3	16,5

представителей вида из Калмыкии и Казахстана [Барышников, Каспаров, Тихонов, 1990] (табл. 3). Из 5 роговых стержней ни один не сохранился целиком. Длина наименее поврежденного рога по большой кривизне и по прямой составляет са 166 и 151 мм, передне-задний диаметр основания стержня – 34,5–37,1–38 мм (n = 5). Дважды прошедший через катастрофическое снижение численности (т.н. бутылочное горлышко) в начале и в конце XX в., сайгак благодаря строгой охране вновь возродился на территории Казахстана, в 2024 г. достигнув численности более 2,5 млн особей.

Джейран (*Gazella subgutturosa*). По числу остатков почти не уступает сайгаку. Наиболее многочисленны фрагменты крупных трубчатых костей (особенно дистальные концы плечевых и большеберцовых костей) и астрагалы (см. табл. 2). Часть астрагалов разъедена кислотной коррозией. Единично представлены фрагменты метаподий и фаланги. По размерам костей (см. табл. 3) позднеголоценовый джейран Мангышлака примерно соответствовал современному джейрану, промеры небольшой серии костей которого (от 5 особей) приведены в работе Е.Л. Короткевич [1976]. Морфологически кости посткраниального скелета джейрана сравнительно мало отличаются от костей дзерена. По размерам же они заметно меньше (на 10,4–16 % по разным элементам скелета, 12,3 % в среднем), чем у дзерена [Васильев, Клементьев, Кирилюк, 2023]. Джейран, еще недавно широко распространенный и многочисленный по всей Средней Азии, ныне почти повсеместно истреблен, сохранившись лишь на охраняемых территориях [Гептнер, Насимович, Банников, 1961].

Уриал (*Ovis vignei*). Из остатков горного барана наиболее многочисленны роговые стержни с прилегающими участками лобных костей, позвонки и пяточные кости. У всех роговых стержней частично разрушены дистальные концы. Длина стержней по большой кривизне составляет са 215–230–260 мм, то же по прямой – са 180–200–225 мм (n = 6), передне-задний диаметр основания стержня – 69–78,56–85 мм, боковой диаметр там же – 54–58,38–64 мм (n = 8). Длина пяточных костей (n = 5–8) составляет 74–78,7–81,6 мм, ширина дистального конца – 26,3–27,24–28,7 мм, его поперечник – 28,3–29,9–33 мм, ширина тела кости минимальная – 9,6–10,75–11,7 мм, ширина пяточного бугра – 17,1–17,58–18,1 мм. Найдено 2 астрагала – целый и латеральная половина. Латеральная длина астрагалов – 34,4 и 39 мм, сагиттальная длина – 27,6 и 31,4 мм, ширина дистального конца менее крупной кости – 25,4 мм. Согласно местным информаторам, уриал в небольшом количестве обитает в окрестностях памятника в настоящее время.

Барханный кот (*Felis margarita*). Сохранилась правая ветвь нижней челюсти с обломанной восходящей ветвью (рис. 2). По размерам и морфологии она может быть отнесена к наиболее мелкому виду дикой кошки – барханному коту. Альвеолярная длина ряда $P_3 – M_1$ составляет 20,2 мм, длина/ширина M_1 – 8,2/3,5 мм. Длина диастемы – 7,4 мм, высота перед P_3 – 9 мм, высота за M_1 – са 10,5 мм, толщина под M_1 – 4,8 мм. Барханный кот в своем обитании тесно связан с песчаными пустынями. В пустынях с плотными грунтами он населяет только изолированные песчаные массивы, и поэтому на большей части ареала распространен спорадически [Гептнер, Слудский, 1972].

Каспийская нерпа (*Phoca caspica*). По количеству остатков самый многочисленный вид среди всех охотничье-промысловых видов. Преобладают крупные трубчатые кости, особенно наиболее прочные плечевые и бедренные, часть из которых сохранилась целиком (рис. 3). Примечательно полное отсутствие ребер и позвонков, за исключением 3 экз. первого и второго шейных. Кости черепа также немногочисленны (см. табл. 2). Очевидно, на поселение доставлялись только наиболее ценные части туш нерп. Насколько нам известно, размеры элементов скелета каспийской нерпы еще никогда не были опубликованы. Раскопки в Каракабаке впервые позволили получить массовый серийный материал по этому виду (табл. 4).

Черепаха (*Testudo horsfieldii*). Почти все остатки среднеазиатской черепахи состоят из изолированных костных пластин карапакса и пластрона. От посткраниального скелета обнаружено всего 2 плечевые кости.

Кости птиц и рыб пока подробно еще не изучены соответствующими специалистами. Стоит лишь отметить, что почти все птицы относятся к видам крупного размерного класса, таким как лебедь или фламинго. Остатки рыб состоят в основном из ребер, позвонков и жаберных дуг от достаточно крупных особей (очевидно, осетровых пород, сазана и судака).

Заключение

Таким образом, основой хозяйства обитателей поселения Каракабак было разведение мелкого рогатого скота, по числу костных остатков составлявших до 88 % от всего поголовья домашних животных. От общего количества определимого материала кости овец и коз (представленные примерно в равной пропорции) составляют 70,3 % по числу костных остатков и 63,1 % по минимальному числу особей. Достаточно многочисленны также остатки костей коровы (8,6 и 2,6 % соответственно) и лошади (8,2 и 4,0 %). Менее одного процента составляют остатки верблюда (0,7 и 0,6 %) и собаки (0,7 и 0,7 %). Без учета остатков рыб, птиц и черепах, кости охотничье-промысловых видов составляют 11,5 %. По минимальному же числу особей доля диких животных оказывается в 1,8 раза выше (70,9 % у домашних и 20,2 % у диких). Из зверей, добывавшихся ради мяса (жира) важное значение имела каспийская нерпа, в меньшей степени – кулан, сайгак, джейран и горный баран. Пушные звери представлены немногочисленными остатками лисицы, корсака

Рис. 3. Костные остатки каспийской нерпы (*Phoca caspica*) с поселения Каракабак.

1 – тазовая кость; *2* – большеберцовая кость; *3* – бедренная кость; *4* – лопатка; *5* – плечевая кость; *6* – локтевая кость; *7* – астрагал; *8* – пяточная кость; *9* – лучевая кость; *10* – нижняя челюсть.

Таблица 4. **Промеры костей конечностей каспийской нерпы (*Phoca caspica*) с поселения Каракабак**

Промеры, мм	n	lim	M	s
1	2	3	4	5
Scapula				
Ширина шейки	24	18,0–22,4	20,22	1,12
Ширина через лопаточный бугор	26	23,5–27,0	25,10	0,93
Поперечник суставной поверхности	27	14,5–18,3	16,53	0,79
Humerus				
1. Длина от *caput humeri* до края медиального мыщелка дистального конца	73	74,2–96,6	82,01	3,99
2. Ширина проксимального конца	65	26,3–34,0	29,47	1,36
3. Ширина *caput humeri*	93	18,7–23,4	20,55	1,00
4. Ширина диафиза, *min*	178	11,0–16,1	13,21	0,91
5. Поперечник диафиза, *max*	126	21,0–32,3	26,34	1,82
6. Ширина дистального конца	146	27,9–38,0	31,96	1,95
7. Ширина суставного блока	157	19,2–24,0	21,15	0,98
8. Медиальный поперечник дистального конца	154	12,8–17,4	14,38	0,72
9. Поперечник в желобе, *min*	164	8,0–11,0	9,46	0,56
2 : 1	49	31,2–39,4	36,05	–

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5
4 : 1	72	14,1–18,5	16,12	–
6 : 1	68	35,3–48,4	39,24	–
Radius				
Длина кости	3	86,5–90,0	88,33	1,76
Ширина проксимального конца	102	15,0–19,6	17,33	0,82
Поперечник проксимального конца	103	12,0–15,5	13,62	0,69
Ширина дистального конца	2	35,0–39,5	37,25	3,18
Ulna				
Длина кости	9	103,9–112,0	107,60	3,10
Поперечник локтевого бугра	24	31,0–39,1	33,59	1,99
Поперечник в крючковидном отростке	25	23,1–30,0	25,86	1,44
Поперечник в вырезке	30	16,0–20,3	18,25	1,18
Поперечник тела, *min*	77	8,9–12,7	10,56	0,80
Ширина суставной поверхности	70	10,9–15,5	12,64	1,01
Ширина дистального конца	12	7,5–9,0	8,18	0,50
Поперечник дистального конца	12	12,3–14,0	13,11	0,54
Pelvis				
Длина суставной впадины	23	16,6–20,2	18,18	0,79
Ширина суставной впадины	23	16,2–19,8	17,91	0,88
Ширина тела в районе суставной впадины	23	22,0–27,5	24,94	1,52
Высота в ямке с медиальной стороны, *min*	22	10,2–15,0	13,20	1,23
Femur				
1. Длина от *caput femoris* до края медиального мыщелка дистального конца	36	64,0–79,6	69,43	3,36
2. Длина от большого вертела до края латерального мыщелка дистального конца	32	63,5–79,6	70,79	3,86
3. Ширина проксимального конца	64	32,9–42,0	36,54	2,03
4. Ширина *caput femoris*	90	12,3–15,0	13,57	0,59
5. Ширина выступа большого вертела	45	20,0–25,2	23,20	1,28
6. Ширина диафиза, *min*	95	15,2–20,5	17,89	1,11
7. Поперечник диафиза, там же	95	8,0–11,5	10,01	0,68
8. Ширина дистального конца	49	33,3–43,0	37,19	1,96
9. Ширина суставного блока	57	29,5–36,0	32,45	1,24
10. Латеральный поперечник дистального конца	102	11,2–14,9	13,04	0,77
11. Поперечник в желобе, *min*	91	18,0–23,3	20,65	1,01
3 : 1	32	47,9–57,8	52,65	–
6 : 1	36	21,8–28,9	25,53	–
8 : 1	29	47,7–57,8	52,39	–
Tibia				
Длина кости	2	180,4–183,5	181,95	2,19
Ширина проксимального конца	32	33,0–37,0	34,64	1,11
Ширина диафиза, *min*	100	11,3–16,2	13,73	0,90
Ширина дистального конца	5	18,7–21,6	20,06	1,22
Поперечник дистального конца	5	19,5–22,0	20,38	1,00

и волка. Эти животные совокупно составляют 1,1 % по числу костей и 2,6 % по минимальному числу особей. Кости тигра, барханного кота, кабана и бухарского оленя отмечены на поселении единично. Рога оленя, возможно, собирались в качестве поделочного материала.

Береговой характер поселения обуславливал тесную связь местного населения с морем. Известно, что лов нерпы, например, в начале XIX в. осуществлялся двумя способами: заведением с лодок сетей-аханов и забоем при помощи дубинок на островах или надводных мелях в осенне-весеннее время [Карелин, 1833, с. 6–10]. Считается, что этот вид животных забивали исключительно из-за жира (топливо) и шкур. Однако найденный на Каракабаке состав костей, с большой

долей вероятности указывает и на употребление мяса нерп в виде пищи, по всей видимости, в осенне-зимний период.

Важным наблюдением в отношении пищевого рациона каракабакцев является довольно большое количество найденных при раскопках щитков рыб осетровых пород, костей сазана. Рыбу осетровых пород в северо-восточной части Каспия туркмены в начале XX в. ловили двумя способами: «при помощи самоловной снасти с костяными крючками и сандовью – острогой» [Ливкин, 1902, с. 77–78]. Таким образом, можно предположить, что каракабакцам в обоих случаях требовались рыболовные суда и знание сезонности хода рыбы. Вероятно, ставные сети требовались и для лова сазана и судака. Следовательно, в древности население Каракабака было знакомо не только с особенностями рыбного и тюленьего промысла, но обладало по крайней мере лодками для морского хода и владело навыками морской навигации.

Учитывая удаленное расположение друг от друга раскопов 1 и 2 на поселении (см. рис. 1), мы ожидали получить несколько отличающиеся картины особенностей палеодиеты. Это важная тема, поскольку анализ строительных особенностей и коллекции артефактов позволил датировать исследованную часть застройки (раскоп 2) в пределах последней четверти IV – середины VI в., т.е. заключительным этапом существования торгово-ремесленного центра. В итоге выяснилось, что набор животных в пищевом рационе каракабакцев на последнем этапе жизни на останце, по сравнению с палеозоологическими материалами с раскопа 1, мало чем отличается. Немного падает процент употребления мяса лошади при соответствующем увеличении говядины. Несколько возрастает доля охоты на диких животных. Чаще встречаются кости верблюда (до 2 %). Более чем в десять раз падает добыча рыбы при сохранении аналогичной значимости тюленьего мяса и жира.

Таким образом, итоги первого анализа фаунистических остатков позволили не только определить основы жизнеобеспечения городского поселения Каракабак и особенности палеодиеты, но и представить картину климатических, природных условий (ландшафт, характер растительности) в I – VI вв., коренным образом отличающуюся от современного состояния. По всей видимости, это был период трансгрессии Каспия при обилии пресных источников воды. Важность проведенного нами исследования сложно переоценить, поскольку до настоящего времени никаких подобных работ в восточно-каспийском регионе не проводилось.

Дальнейшие исследования в совокупности позволят впервые в археологической науке объективно представить картину адаптации разноэтничного населения при организации крупного поселения на северо-восточном берегу Каспийского моря в эпоху становления Великого Шелкового пути.

Благодарности

Интерпретация материалов археологических полевых работ и подготовка статьи выполнены по проектам НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене и голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов» и № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Древний город на восточном берегу Каспийского моря // Stratum plus. – 2019. – № 4. – С. 17–38.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. К вопросу о существовании восточно-каспийского ответвления Великого шелкового пути // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур: мат-лы VIII междунар. конф. – Челябинск, 2020. – С. 126–131.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Погребально-поминальный комплекс Алтынказган (III – первая половина VI в.). – Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2023а. – 384 с. – (Мат-лы и исслед. по археологии Казахстана; т. XVIII).

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Вал Байлама // Археология Казахстана. – 2023б. – № 2 (20). – С. 117–130.

Барышников Г.Ф., Каспаров А.К., Тихонов А.Н. Сайга палеолита Крыма // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. – 1990. – Т. 212. – С. 3–48.

Васильев С.К., Клементьев А.М., Кирилюк В.Е. Дзерен (*Procapra* cf. *gutturosa* Pallas, 1777) в плейстоцене Забайкалья и Алтая // Тр. Зоол. ин-та РАН. – 2023. – Т. 327, № 2. – С. 202–225.

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. – 1952. – Т. XVI. – С. 163–205.

Гептнер В.Г., Насимович А.А., Банников А.Г. Млекопитающие Советского Союза. – М.: Высшая школа, 1961. – Т. 1: Парнокопытные и непарнокопытные. – 776 с.

Гептнер В.Г., Слудский А.А. Млекопитающие Советского Союза. – М.: Высшая школа, 1972. – Т. 2, ч. 2: Хищные (гиены и кошки). – 552 с.

Громова В.И. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии (по раскопкам Каунчи-Тепе в 1935 г.) // Г.В. Григорьев. Каунчи-Тепе. – Ташкент: Фан, 1940. – С. 41–62.

Ермолова Н.М. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении // Каракумские древности. – Ашхабад: Ылым, 1970. – С. 205–232.

Карелин Г.С. О тюленьем промысле в Северовосточной части Каспийского моря. – СПб: Тип. Мед. деп. мин-ва вн. дел, 1833. – 20 с.

Короткевич Е.Л. Поздненеогеновые газели Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1976. – 252 с.

Лащинский Н.Н., Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Эфемерная синузия пустынь как индикатор обнаружения археологических объектов // Сибирский экологический журн. – 2021. – Т. 28, № 3. – С. 383–392.

Ливкин Д. Рыболовство и тюлений промысел на восточном побережье Каспийского моря. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1902. – 293 с.

Массон М.Е. Из прошлого тигров в Средней Азии (историческая справка) // Археология Средней Азии. – Ташкент, 1963. – Вып. 200. – С. 151–160.

Цалкин В.И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. – М.: Наука, 1966. – 160 с.

Eisenmann V., Beckouche S. Identification and discrimination of metapodials from Pleistocene and modern Equus, wild and domestic // Meadow H.P. Uerpmann, Equids in the Ancient World, Beihefte zum Tubinger Atlas des Vorderen Orients. – Reihe: A. Wiesbaden, 1986. – P. 116–163.

References

Astafiev A.E., Bogdanov E.S. Drevnii gorod na vostochnom beregu Kaspiisogo morya . *Stratum plus*, 2019. No. 4. P. 17–38. (In Russ.).

Astafiev A.E., Bogdanov E.S. K voprosu o sushchestvovanii vostochno-kaspiiskogo otvetvleniya Velikogo shelkovogo puti. In *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale. Velikoe pereselenie narodov: dialog kul'tur. Materialy VIII mezhdunarodnoi konferentsii.* Chelyabinsk, 2020. P. 126–131. (In Russ.).

Astafiev A.E., Bogdanov E.S. Pogrebal'no-pominal'nyi kompleks Altynkazgan (III – pervaya polovina VI v.). Almaty: In-t arkheologii im. A.Kh. Margulana, 2023a. – 384 p. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana*. Vol. XVIII.). (In Russ.).

Astafiev A.E., Bogdanov E.S. Val Bailama. *Arkheologiya Kazakhstana,* 2023b. No. 2 (20). P. 117–130. (In Russ.).

Baryshnikov G.F., Kasparov A.K., Tikhonov A.N. Saiga paleolita Kryma. *Trudy Zoologicheskogo instituta AS USSR,* 1990. Vol. 212. P. 3–48. (In Russ.).

Eisenmann V., Beckouche S. Identification and discrimination of metapodials from Pleistocene and modern Equus, wild and domestic. *Meadow H.P. Uerpmann, Equids in the Ancient World, Beihefte zum Tubinger Atlas des Vorderen Orients.* Reihe: A. Wiesbaden, 1986. P. 116–163.

Ermolova N.M. Novye materialy po izucheniyu ostatkov mlekopitayushchikh iz drevnikh poselenii Turkmenii. In *Karakumskie drevnosti.* Ashkhabad: Ylym, 1970. P. 205–232. (In Russ.).

Geptner V.G., Nasimovich A.A., Bannikov A.G. Mlekopitayushchie Sovetskogo Soyuza. Moscow: Vysshaya shkola, 1961. Vol. 1: Parnokopytnye i neparnokopytnye. 776 p. (In Russ.).

Geptner V.G., Sludskii A.A. Mlekopitayushchie Sovetskogo Soyuza. Moscow: Vysshaya shkola, 1972. Vol. 2, pt. 2: Khishchnye (gieny i koshki). 552 p. (In Russ.).

Gromova V.I. Materialy k izucheniyu drevneishikh domashnikh zhivotnykh Srednei Azii (po raskopkam Kaunchi-Tepe v 1935 g.). In *Grigor'ev G.V. Kaunchi-Tepe.* Tashkent: Fan, 1940. P. 41–62. (In Russ.).

Karelin G.S. O tyulen'em promysle v Severovostochnoi chasti Kaspiiskogo morya. St. Petersburg: Printing office of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs, 1833. 20 p. (In Russ.).

Korotkevich E.L. Pozdneneogenovye gazeli Severnogo Prichernomor'ya. Kiev: Naukova dumka, 1976. 252 p.

Lashchinskii N.N., Astafiev A.E., Bogdanov E.S. Efemernaya sinuziya pustyn' kak indikator obnaruzheniya arkheologicheskikh ob"ektov. *Sibirskii ekologicheskii zhurnal,* 2021. Vol. 28. No. 3. P. 383–392. (In Russ.).

Livkin D. Rybolovstvo i tyulenii promysel na vostochnom poberezh'e Kaspiiskogo morya. St. Petersburg: Printing office of V.F. Kirshbaum, 1902. 293 p. (In Russ.).

Masson M.E. Iz proshlogo tigrov v Srednei Azii (istoricheskaya spravka). *Arkheologiya Srednei Azii.* Tashkent, 1963. Iss. 200. P. 151–160. (In Russ.).

Tsalkin V.I. Drevnee zhivotnovodstvo plemen Vostochnoi Evropy i Srednei Azii. Moscow: Nauka, 1966. 160 p. (In Russ.).

Vasiliev S.K., Klementiev A.M., Kirilyuk V.E. Dzeren (*Procapra* cf. *gutturosa* Pallas, 1777) v pleistotsene Zabaikal'ya i Altaya. *Trudy Zoologicheskogo instituta RAN*, 2023. Vol. 327, No. 2. P. 202–225. (In Russ.).

Vitt V.O. Loshadi Pazyrykskikh kurganov. *Sovetskaya arkheologiya*, 1952. Vol. XVI. P. 163–205. (In Russ.).

Васильев С.К. https://orcid.org/0000-0002-6863-7900
Астафьев А.Е. https://orcid.org/0009-0001-7632-5819
Богданов Е.С. https://orcid.org/0000-0001-7073-8914

Дата сдачи рукописи: 16.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0443-0447
УДК 904

Д.П. Волков[1]✉, Е.И. Крючко[2], В.А. Мохарь[2], В.Е. Вальченко[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области
Благовещенск, Россия
E-mail: volk-d@yandex.ru

Новые результаты раскопок «городища даурского типа» в Западном Приамурье

В статье рассматриваются результаты исследованного в 2024 г. памятника «Гащенка, городище-1» в Свободненском р-не Амурской обл. Памятник относится к типу объектов, определяемых как «городище даурского типа», известных лишь в пределах Западного Приамурья. Вопрос интерпретации данного типа археологических объектов остается неясным, что и обусловило проведение археологических раскопок. Стационарные исследования подобных объектов производились эпизодически в виде разведывательной траншеи на Прядчинском городище (раскопки Д.П. Болотина, Н.Н. Зайцева, Б.С. Сапунова) и небольшого раскопа на городище Дубовая Релка (раскопки А.Л. Шумковой, С.А. Сакмарова), не нашедшего отражения в научных публикациях и отчетах. Исследования 2024 г. являются продолжением исследований «городищ даурского типа», начатых коллективом авторов в 2021 г. Исследования 2024 г. внутренней части городища выявили наличие рядов ям хозяйственного назначения и наземного жилища с П-образным трехканальным каном, двумя отдельными печами и одной дымоходной трубой внутри постройки. Перекрытие кана отсутствовало, в то же время расположенные за пределами жилища ямы, заполненные обожженными и закопченными камнями, позволяют предположить, что перекрытия кана из камня было снято и вынесено из жилища его обитателями. Хозяйственные ямы имели заполнение как в виде пепла, сажи, многочисленных мелких жженых костей, так и в виде отдельного скопления костей животных и рыб. Некоторые ямы использовались неоднократно после длительного простоя. Археологический материал представлен серией каменных грузил на уплощенных гальках, керамическим пряслицем и остатками костей животных. Немногочисленная археологическая коллекция не позволяет провести аналогии с другими археологическими материалами, однозначно определить его этнокультурную принадлежность и дату постройки.

Ключевые слова: *Амурская обл., городище даурского типа, наземное жилище, кан, каменное грузило.*

D.P. Volkov[1]✉, E.I. Kryuchko[2], V.A. Mohar[2], V.E. Valchenko[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Center for the Preserving the Amur Region Historical and Cultural Heritage
Blagoveshchensk, Russia
E-mail: volk-d@yandex.ru

New Results of Excavations of the «Dauria Type Fortification» in the Western Amur

The authors describe the results of the excavations at the site "Gashchenka, fortification site-1" conducted in the Svobodnoe District of the Amur Region in 2024. The site has been defined as a "Daurian-type fortification settlement" found only in the western part of the Amur Region. This type of archeological objects still lacks proper interpretation, which provoked the archaeological excavations. Stationary studies of such objects were carried out sporadically in the form of a test trench at the Pryadchinsky settlement (excavations by D.P. Bolotin, N.N. Zaitsev, B.S. Sapunov) and a small-scale excavation site at the Dubovaya Relka fortified settlement (excavations by A.L. Shumkova, S.A. Sakmarov), which data were not published. The 2024 research is a continuation of the research of the "Daurian-type settlements" project started by the team of authors in 2021. Excavations of 2024 of the interior part of the settlement revealed the presence of rows of pits for household purposes and an above-ground dwelling with a U-shaped three-channel kang, two separate furnaces and one chimney inside the building. The kang ditch had no covering, while the pits located outside the dwelling were filled with burnt and sooty stones. This suggests that the covering of the ditch made of stones was removed and taken out of the dwelling by the inhabitants of the house. The household pits were filled with ash, soot, numerous small burnt bones, and a separate accumulation of animal and fish bones. Some pits were used repeatedly after a long period of inactivity.

The archaeological material includes a series of stone sinkers on flattened pebbles, a ceramic whorl, and remains of animal bones. This small archaeological collection does not provide any grounds for establishing parallels with other archaeological materials or unambiguously determine its ethnocultural affiliation and the date of its construction.

Keywords: *Amur region, Daurian-type fortification site, above-ground dwelling, kang ditch, stone sinker.*

Введение

Городища даурского типа – один из самых слабоизученных видов археологических памятников Западного Приамурья, известный только в пределах современной Амурской обл. Эти объекты представляют собой небольшие площадки почти правильной прямоугольной формы с длиной стороны от 20 до 60 м, защищенные двумя-четырьмя валами и имеющие сообщения для перехода с вала на вал. Памятники имеют хорошо выраженные к внешней стороне угловые выступы, вершины которых возвышаются над гребнями земляных валов. Валы и рвы плавно и равномерно обтекают внутреннюю часть площадки с выступами по контуру, несколько изгибаясь в середине. В отдельных случаях на внутренней поверхности площадки и в угловых выступах фиксируются небольшие углубления – западины [Новиков-Даурский, 1953, 1955, 1961а, б]. Однозначная интерпретация данных памятников археологии отсутствует. На сегодняшний день на территории Западного Приамурья насчитывается 42 подобных объекта.

Возросший интерес к этим памятника продиктовал необходимость проведения стационарных исследований. Начатые в 2021–2022 гг. исследования «городища даурского типа» в Благовещенском р-не Амурской обл. – «Сергеевка, городище-4» позволили установить способ постройки таких городищ и зафиксировать в центральной части погребение, в деревянном гробу в грунтовой яме [Волков и др., 2022].

С целью изучения подобных объектов в их северном ареале на территории Западного Приамурья в полевом сезоне 2024 г. произведены раскопки в центральной части памятника «Гащенка, городище-1». Данное «городище даурского типа» расположено в долине среднего течения р. Зеи, на высокой пойме правого берега р. Гащенка, впадающей в зейскую протоку Старица Петля, в 80 м от ее устья.

«Городище» выражено на поверхности в виде подквадратной площадки, ориентированной угловыми выступами по оси С–Ю и возвышающейся на высоту до 1 м. По внешней стороне площадка оконтурена чередующимися рвами и валами. Северо-западная и юго-западная части памятника оконтурены двумя рвами и одним валом, обрывающимися в северо-восточной и восточной частях памятника в естественной складке местности. Городище имеет три условных входа, оформленных в виде пересыпки рвов. Северо-западный вал имеет расширение, на поверхности которого расположены две овальные грунтовые западины (рис. 1).

Рис. 1. Гащенка, городище-1. Общий вид с северо-востока.

Материалы исследования центральной части памятника

Раскоп площадью 334 м^2 был заложен на внутренней поверхности «городища» и охватил всю его центральную внутреннюю часть без учета угловых выступов.

На уровне третьего (верхнего от современной поверхности) строительного горизонта было выявлено 8 пятен ям, различных по форме и размеру (от округлых диаметром от 20 см до овальных и подпрямоугольных размером 2 × 1 м). В северо-восточной части зафиксировано наземное жилище с кановой отопительной системой (рис. 1, 2).

Последующее исследование памятника на втором (среднем) и первом (нижнем) уровнях строительных горизонтов показало наличие дополнительных ям хозяйственного назначения, относящихся к более раннему периоду использования данной территории.

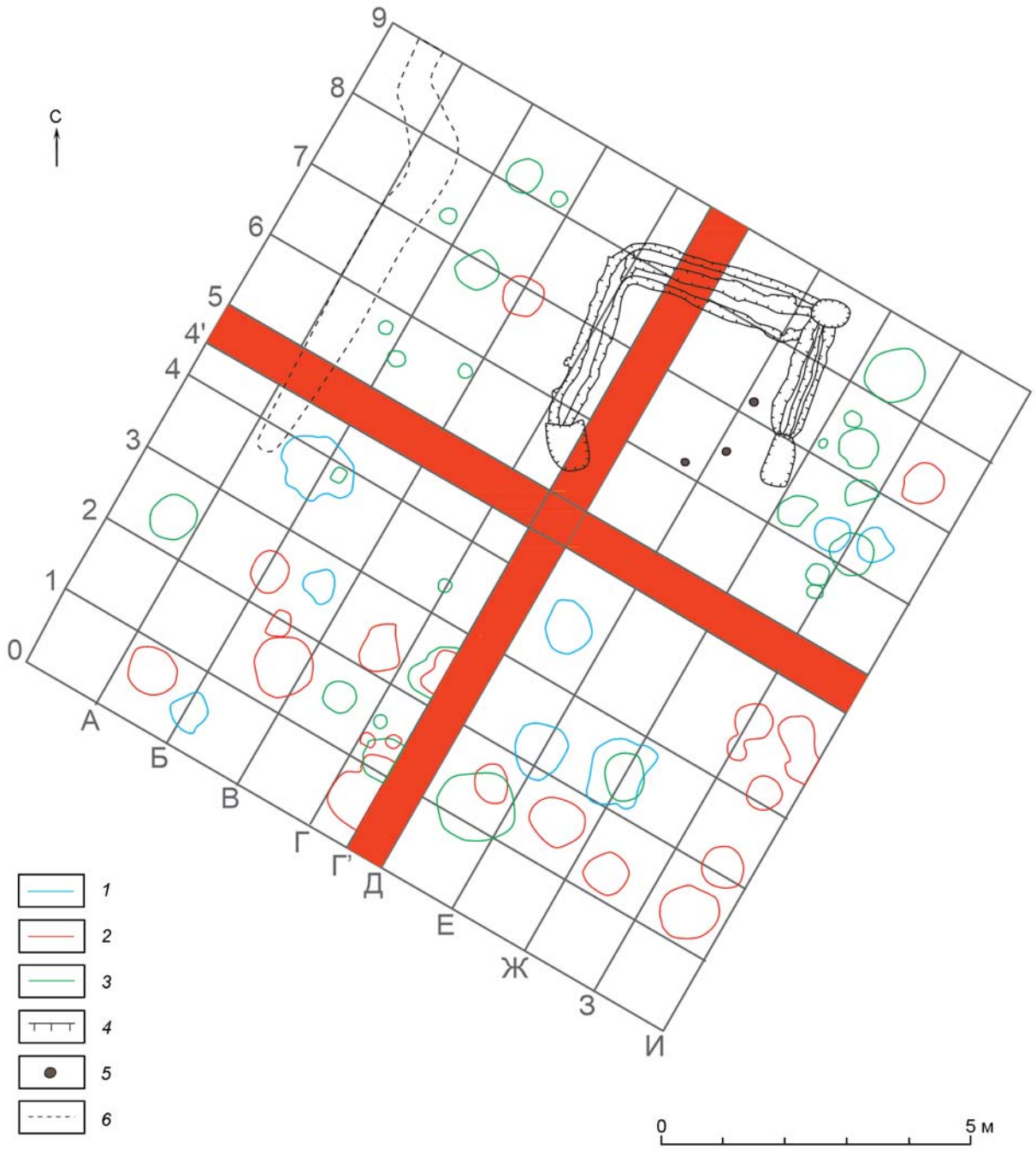

Рис. 2. Гащенка, городище-1. План раскопа 2024 г.

1 – ямы третьего строительного горизонта; *2* – ямы второго строительного горизонта; *3* – ямы первого строительного горизонта; *4* – контуры кана; *5* – деревянные столбики; *6* – промоина.

Рис. 3. Гащенка, городище-1. Артефакты из жилища.
1 – пряслице; *2–5* – грузила.

Жилище с каном, расположенное у северо-восточного края внутренней площади «городища», представляет собой квадратную постройку размерами 6,0 × 5,9 м, оборудованную двумя очагами, подушкой трехканального П-образного кана и вытяжной трубой. Контуры жилища слабо фиксируются на поверхности раскопа и определяются границами кана, как правило, проходящего у стен, и плотностью грунта за их пределами.

Один очаг открытого типа расположен у начала левой секции кана. Он представляет собой чашеобразное углубление размером 1,3 × 1,3 м в поперечнике, глубиной до 0,46 м с предочажной ямой, отделенной каменной выкладкой с перепадом высоты. Левая секция кана имеет два параллельных, слегка изогнутых на повороте канала, выкопанных в грунте, шириной от 0,19 до 0,28 м, глубиной от 0,22 до 0,29 м с незначительными перепадами, образующими коленца дымохода, усиленные каменными перегородками. Задняя секция кана представлена тремя параллельными каналами и имеет соединение с левой секцией и выход в трубу жилища.

Правая секция кана начинается от небольшого очага подпрямоугольной формы размером 0,9 × 0,9 м, глубиной 0,34 м, также оборудованного предочажной ямой, отгороженной от очага каменной перегородкой с перепадом высоты. Оба очага (левый и правый) имеют прокаленные стенки, свидетельствующие об их интенсивном использовании. Каналы правой секции представлены тремя параллельными углублениями в подушке кана на глубину от 0,1 до 0,3 м при ширине от 0,16 до 0,29 м. Подушка кана сформирована за счет углубления пола внутри жилища на глубину до 0,2 м, за исключением участков под самим каном. Труба кана расположена в восточном углу жилища, немного выступая за контуры постройки в виде округлого разноуровневого углубления с каменными перемычками.

Перекрытия кана в раскопанном жилище не зафиксировано, но в то же время за пределами постройки к юго-востоку от него обнаружены две ямы, заполненные крупными уплощенными и окатанными камнями со следами копоти и нагрева, что позволяет предположить, что обитатели жилища внутри «городища даурского типа» по какой-то причине сняли все перекрытие каналов и вынесли его за пределы постройки, складировав в отдельные углубления.

Артефакты, встреченные в жилище, представлены плоскими каменными грузилами (20 ед.), выполненными путем отбивки противолежащих углублений на плоских гранях каменной гальки (рис. 3). Помимо грузил, встречены керамическое пряслице и кости животных.

Хозяйственные ямы на раскопанном участке расположены к югу и юго-западу от входа в жилище. Стратиграфические профили исследованных ям, стенок раскопа, появление контуров ям на разных условных горизонтах, позволяет сделать вывод об интенсивном использовании исследуемой площадки еще до появления жилой постройки. Часть ям, отнесенных к раннему этапу освоения исследуемой местности, представляют собой округлые углубления с прямым, реже чашеобразным дном, заполненные мешаным грунтом, с оплывшими стенками. В таких ямах, как правило, артефакты не обнаружены или являются единичными, что позволяет провести аналогии с ямами на

другом, практически полностью раскопанном «городище даурского типа» у с. Сергеевка [Там же]. Другая часть ям более позднего периода залегает на одном уровне с обнаруженным жилищем, имеет овальные очертания, чашеобразное слоистое заполнение в виде углей, прокаленного грунта, сажи и пепла с включением мелких жженых костей. Некоторые ямы использовались вторично после некоторого простоя, во время которого происходило частичное обрушение их стен и легкое задерновка. Артефакты, обнаруженные в ямах и между ними, представлены каменными грузилами, отдельными костями животных и рыб.

Заключение

Таким образом, проведенные в 2024 г. исследования позволили зафиксировать внутри «городища даурского типа» жилой зоны в виде жилища и хозяйственных ям у него. Ограниченные сроки экспедиции не позволили установить полную стратиграфию памятника и прийти к однозначному выводу в какой последовательности происходило освоение участка, что требует продолжения исследований памятника «Гащенка, городище-1».

В то же время зафиксированные ранее на подобных памятниках ямы-углубления без каких-либо артефактов или при их минимальном количестве, расположенные внутри ограниченного валами и рвами пространства, позволяют выявить определенную особенность данных объектов, относимых по форме к «городищам даурского типа». Обнаружение в одном случае внутри «городища» захоронения (Сергеевка, городище-4), а в другом жилой зоны в виде постройки с каном и хозяйственных ям (Гащенка, городище-1), позволяет предположить о вторичном использовании подобных объектов как сооружений, четко выраженных в рельефе.

Таким образом, проведенные исследования пока не позволяют сделать однозначные выводы ни о времени сооружения раскопанных памятников, ни об их назначении.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0004 «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии».

Список литературы

Волков Д.П., Крючко Е.И., Мохарь В.А., Вальченко В.Е., Нестеров С.П., Шеломихин О.А., Шиповалов А.М., Шульмин Р.А. Результаты раскопок городища даурского типа в Западном Приамурье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 451–458.

Новиков-Даурский Г.С. Приамурье в древности // Зап. Амур. обл. музея краеведения и общества краеведения. – Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1953. – Т. 2. – С. 3–25.

Новиков-Даурский Г.С. Материалы к археологической карте Амурской области // Зап. Амур. обл. музея краеведения и общества краеведения. – Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1955. – Т. 3. – С. 10–45.

Новиков-Даурский Г.С. Новое о городищах «Даурского типа» // Зап. Амур. обл. музея краеведения и общества краеведения. – Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1961а. – Т. 5. – С. 102–107.

Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки, статьи, воспоминания. – Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1961б. – 190 с.

References

Novikov-Daurskii G.S. Priamur'e v drevnosti. *Zapiski Amurskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya i obshchestva kraevedeniya.* Blagoveshchensk: Amurskoe kn. Publ., 1953. Vol. 2. P. 3–25. (In Russ.).

Novikov-Daurskii G.S. Materialy k arkheologicheskoi karte Amurskoi oblasti. *Zapiski Amurskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya i obshchestva kraevedeniya*. Blagoveshchensk: Amurskoe kn. Publ., 1955. Vol. 3. P. 10–45. (In Russ.).

Novikov-Daurskii G.S. Novoe o gorodishchakh «Daurskogo tipa». *Zapiski Amurskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya i obshchestva kraevedeniya.* Blagoveshchensk: Amurskoe kn. Publ., 1961a. Vol. 5. P. 102–107. (In Russ.).

Novikov-Daurskii G.S. Istoriko-arkheologicheskie ocherki, stat'i, vospominaniya. Blagoveshchensk: Amurskoe kn. Publ., 1961b. 190 p. (In Russ.).

Volkov D.P., Kryuchko E.I., Mohar V.A., Valchenko V.E., Nesterov S.P., Shelomikhin O.A., Shipovalov A.M., Shulmin R.A. Results of Excavations at the Fortress of the Daurian Type in Western Amur Region. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 27. P. 451–458. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0451-0458

Волков Д.П. https://orcid.org/0000-0001-6064-4981
Вальченко В.Е. https://orcid.org/0000-0003-2258-2980
Крючко Е.И. https://orcid.org/0000-0001-8385-2724
Мохарь В.А. https://orcid.org/0000-0002-3964-1310

Дата сдачи рукописи: 24.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0448-0455
УДК 902/904

Ю.Н. Гаркуша[1], О.А. Митько[2], И.Ю. Слюсаренко[1]✉

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: slig1963@yandex.ru

Дендрохронологический анализ древесины из могил 2 и 9 таштыкского грунтового могильника Тесинский Залив-3 в Боградском районе Республики Хакасия

В статье представлены результаты дендрохронологического анализа древесины из могил 2 и 9 памятника таштыкской культуры Тесинский Залив-3. Базой для исследования послужила выборка из 22 образцов древесины, которые происходят из различных конструктивных элементов погребальных срубов. Древесина представлена хвойными породами двух видов: лиственница сибирская (Larix sibirica Ledeb.) и сосна обыкновенная (Pinus sylvestris L.). Значительные трудности при исследовании вызвало плохое состояние древесины: поверхностная и глубинная деградация, многочисленные трещины, сжатие слоев прироста, и пр. Все это осложняло процесс измерения ширины колец и перекрестного датирования древесно-кольцевых рядов. Задача исследования – построение обобщенной древесно-кольцевой хронологии (ДКХ) для памятника и выявление связи могил Тесинского Залива-3 с погребениями Оглахтинского могильника с целью разработки дендрошкалы для таштыкской культуры в целом. Получены новые относительные древесно-кольцевые хронологии для памятника Тесинский Залив-3: мог. 2 – ДКХ по лиственнице, протяженностью 87 лет; мог. 9 – ДКХ по сосне, 148 лет. Сравнение новых ДКХ с полученной ранее ДКХ по лиственнице для мог. 1 показало хорошую связь между мог. 1 и 2. Сосновая ДКХ для мог. 9 с высокими значениями статистических показателей перекрестно датировалась с сосновой ДКХ Оглахтинского могильника. Полученные относительные хронологические интервалы для ДКХ трех могил Тесинского Залива-3, согласованные с оглахтинской дендрошкалой, выглядят следующим образом (начало и конец древесно-кольцевого ряда): мог. 1 – 84–178 гг., мог. 2 – 89–176 гг., мог. 9 – 22–169 гг. Результаты исследования показывают, что погребения Тесинского Залива-3 сооружались примерно в тот же период, насчитывающий до нескольких десятилетий, что и исследованные оглахтинские могилы. Опыт работы с древесиной подобной сохранности показывает несомненные перспективы, учитывая ее ценность как источника разнообразной информации об объекте.

Ключевые слова: *Хакасско-Минусинская котловина, таштыкская культура, хронология, дендрохронология, грунтовая могила, деревянный сруб.*

Y.N. Garkusha[1], O.A. Mitko[2], I.Y. Slyusarenko[1]✉

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: slig1963@yandex.ru

Dendrochronological Analysis of Wood from Graves 2 and 9 of the Tashtyk Burial Ground Tesinskiy Zaliv-3 in the Bogradsky District of the Khakassia Republic

The article presents the data of dendrochronological analysis of archaeological wood from Tesinsky Zaliv-3 graves 2 and 9 of the Tashtyk culture. The study is based on the collection of 22 wood samples from various structural elements of burial log cabins. Two species of coniferous trees: Siberian larch (Larix sibirica Ledeb.) and Scots pine (Pinus sylvestris L.) have been identified. The poor state of preservation of the wood caused significant difficulties: degradation of the surface and medial layers, numerous cracks, compression of tree-rings, and others. These features complicated the process of measuring the width

of the rings and cross-dating the tree-ring series. The objective of the study: to construct a generalized tree-ring chronology (TRC) for the site and to identify the connection between the graves of Tesinsky Zaliv-3 and the burials of the Oglakhty burial ground in order to create a general dendroscale for the Tashtyk culture. New relative tree-ring chronologies have been created for the Tesinsky Zaliv-3: grave 2 – larch TRC, 87 years long; grave 9 – pine TRC, 148 years. Comparison of the new TRCs with the previous larch TRC generated for grave 1 showed a good correlation between graves 1 and 2. The pine TRC for grave 9 is cross-dated with the pine TRC of the Oglakhty burial ground and showed a high degree of statistical significance. The derived relative chronological scales of the tree-ring series of three Tesinsky Zaliv-3 graves well-correlated with the Oglakhty dendroscale represent the following ranges (beginning and end of the tree-ring series): grave 1 – 84–178 years, grave 2 – 89–176, grave 9 – 22–169. The results of the study show that the burials of Tesinsky Zaliv-3 were constructed approximately during the period of several decades contemporary with the studied graves of Oglakhty site. The experience of work with the wood in such a poor state of preservation shows undoubted prospects given the high value of archaeological wood as a source of information about the site.

Keywords: *Khakass-Minusinsk Depression, Tashtyk culture, chronology, dendrochronology, earthen grave, wooden frame.*

Введение

Английским археологам У. Брею и Д. Трампу принадлежит лапидарное, но предельно точно отражающее проблематику научного исследования, высказывание: «Основной источник противоречий в археологии – хронология» [Брей, Трамп, 1990, с. 6]. Оно было сформулировано более пятидесяти лет назад и за это время не потеряло и вряд ли потеряет свою актуальность в будущем. Для таштыкской культуры начиная с открытия в начале XX в. А.В. Адриановым грунтового могильника Оглахты и до настоящего времени проблема датировок и периодизации имеет особое значение. Сегодня акцент сделан на системном использовании естественно-научных методов датирования. Подготовлена наиболее полная на данный момент сводка из 109 радиоуглеродных дат, позволивших отметить продолжительный период синхронного существования таштыкских и тесинских могильников [Водясов, Зайцева, 2023]. Ведется работа по построению относительных («плавающих») хронологий по древесине из отдельных памятников и сравнению разных могильников между собой. В частности, сформированы обобщенные древесно-кольцевые хронологии (далее – ДКХ) для двух грунтовых могильников в Боградском р-не Республики Хакасия: Оглахты – по лиственнице OgL протяженностью 228 лет, по сосне OgP протяженностью 178 лет; Тесинский Залив-3, мог. 1 – ДКХ по лиственнице TZL протяженностью 95 лет, которая была успешно перекрестно датирована с оглахтинской хронологией OgL [Слюсаренко, Гаркуша, 2023а, б].

В данной публикации представлены новые результаты анализа древесины из мог. 2 и 9 могильника Тесинский Залив-3 и рассмотрены перспективы построения обобщенной дендрошкалы в пределах погребального комплекса.

Материалы и методы

Общая характеристика могильника, на котором раскапывались только могилы, находящиеся на границе разрушающейся береговой террасы, была представлена в отдельных публикациях [Митько и др., 2017, 2018].

Могила 2. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, глубиной 1,6 м, была ориентирована длинной стороной по линии ЮЗ–СВ. По всей площади могильной ямы встречались мелкие фрагменты бересты, крупные куски толстой бересты зафиксированы *in situ* на бревнах сруба, частично за его стенками и в углах.

Погребальная конструкция представляла собой деревянный сруб прямоугольной формы размером 1,8 × 1,3 м, углами ориентированный по сторонам света, рубленный «в лапу» из полубревен в один венец. Древесина была в плохом состоянии, центральная часть стенок сруба просела под тяжестью земляного заполнения; лучше сохранились углы. Высота стенок в средней части 0,3–0,45 м, высота углов до 0,5 м. В центральной части СЗ стенки частично уцелели плахи перекрытия, уложенные поперек. Дно сруба изготовлено из четырех плотно подогнанных плах шириной до 0,3 м, толщиной 3–4 см, плохой сохранности (рис. 1).

Могила 9 располагалась на краю обрыва, и верхняя часть СВ стенки могильной ямы частично обрушилась. Яма прямоугольной формы с закругленными углами глубиной ок. 2 м ориентирована длинной стороной по линии ЮЗ–СВ. Деревянный прямоугольный сруб размером 2,65 × 1,75 м, углами ориентирован по сторонам света, сложен из полубревен, при этом сохранность древесины не позволяет уверенно судить, в один или два венца. Как и в случае со срубом в мог. 2, гораздо лучше сохранились углы, рубленные в «лапу». Высота стенок в средней части 0,2 м, высота углов – 0,3–0,5 м. Сруб перекрыт уложенными в поперечном направлении плахами, сохранившимися лишь на углах. Берестяное покрытие превышало границы сруба примерно на 0,4–0,5 м и его края перекрывали стенки сруба снаружи. Однако было ли это сплошное (сшитое) берестяное полотно или отдельные крупные куски бересты, установить не удалось. Древесина в плохом состоянии, под воздействием земляного заполнения стенки сруба деформировались (практически сплющились). Дно покрыто слоем бересты,

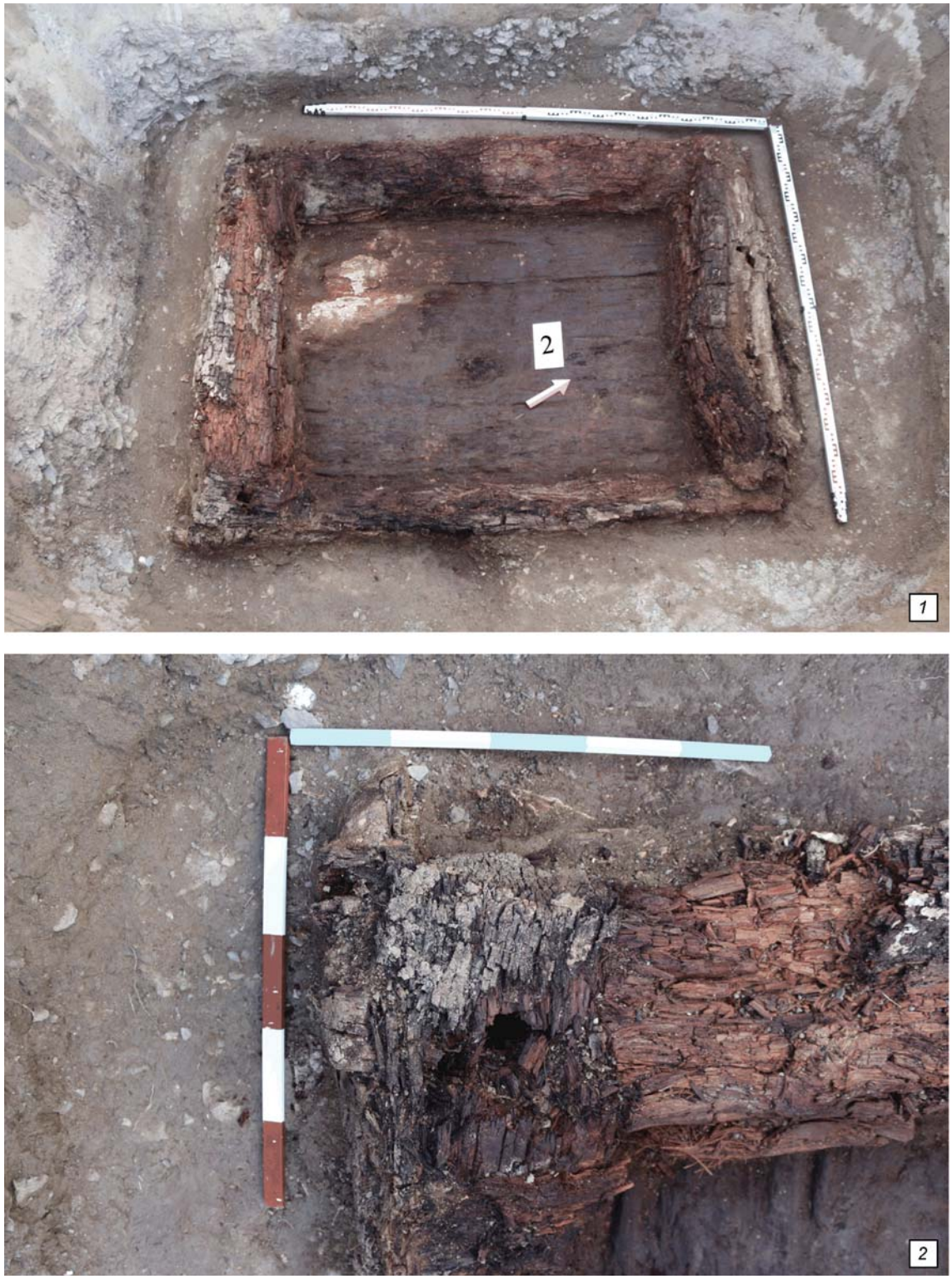

Рис. 1. Могильник Тесинский Залив-3, мог. 2. *Фото О.А. Митько*.
1 – общий вид погребального сруба; *2* – южный угол сруба.

которая хорошо сохранилась и лишь в отдельных местах оказалась поврежденной (рис. 2).

Опыт исследования археологических памятников Хакасско-Минусинской котловины показывает, что сохранность органики, в т.ч. древесных остатков, определяется совокупностью специфических локальных условий. По этой причине состояние археологической древесины из состава погребальных сооружений может разительно отличаться даже в пределах одного памятника.

Из трех изученных объектов могильника Тесинский Залив-3, в которых сохранились деревянные

Рис. 2. Могильник Тесинский Залив-3, мог. 9. *Фото О.А. Митько*.
1 – общий вид погребального сруба; *2* – северный угол сруба.

конструкции (мог. 1, 2, 9), лучшее состояние демонстрирует материал из мог. 1, на основе которого для данной могилы построена относительная древесно-кольцевая хронология по лиственнице TZL протяженностью 95 лет [Слюсаренко, Гаркуша, 2023б]. В настоящей работе акцент исследования сделан на древесине из мог. 2 и 9.

От погребальных конструкций были отобраны 10 образцов древесины из мог. 2 и 12 – из мог. 9. По принадлежности древесины к конкретным конструктивным элементам для мог. 2 определены четыре образца (стены сруба), принадлежность шести других точно не атрибутирована. Для мог. 9 пять образцов отнесены к деталям перекрытия, остальные получены с разных участков стен сруба.

Вся древесина характеризуется значительной поверхностной и глубинной деградацией. Элементы погребальных конструкций, от которых в процессе раскопок отбирались образцы, трактовались как остатки определенной части сооружения – стенка сруба, перекрытие и пр. Полученный от такого «элемента» поперечный спил для дендроанализа, первоначально воспринимался как цельный. Однако при подготовке образцов к измерениям было установлено, что спилы сегментированы на несколько разделенных трещинами участков с разной степенью деформации колец. В свою очередь, смежные участки нередко имели различную радиальную ориентацию, что затрудняло в процессе измерений получение непрерывного ряда колец. В некоторых случаях для измерения оказывались пригодны лишь отдельные участки. Кроме того, только в процессе пробоподготовки было установлено, что один спил мог объединять остатки двух, а то и трех отдельных конструктивных элементов. Тем самым возникли сложности с точной атрибуцией детали и ее местоположения в структуре объекта, напр., принадлежало ли данное бревно к верхнему или нижнему венцу сруба.

Еще одним пороком из приобретенных древесиной из могильника в процессе археологизации является деформация годичных колец, выраженная в наблюдаемом на поперечном спиле сжатии слоев прироста. В большей степени этому явлению подвержена ранняя древесина колец. В подобной ситуации для более корректной фиксации ширины колец применялся способ, когда траектория измерений имеет вид извилистой кривой, обходящей по возможности участки с искаженным приростом.

Другим общим свойством анализируемой древесины является разрушение внешних слоев, приводящее к потере не только подкорового кольца, но и до нескольких десятков периферийных, что не позволяет с желаемой точностью реконструировать год валки дерева, т.е. момент, после которого оно было использовано в конструкции.

В процессе раскопок предусмотрительно были отобраны относительно габаритные фрагменты, от которых в лабораторных условиях удалось получить несколько дублирующих поперечных спилов, соответствующих одному образцу. Таким образом, имелась возможность выбора по физическому состоянию спилов, наиболее подходящих для проведения измерений. Это позволило в результате сопоставления измерений с разных спилов верифицировать поврежденные участки и получить максимально возможную в таких условиях длину ряда, характеризующего прирост конкретного дерева.

Наличие на отдельных спилах разнородных участков с неясным происхождением привело в ряде случаев к необходимости построения нескольких индивидуальных древесно-кольцевых рядов (2–4), соотносимых с конкретным образцом, которые потенциально могли принадлежать различным деталям.

Длина индивидуальных ДКХ, которые удалось получить по участкам с наименьшей деформацией, составила: для мог. 2 – от 31 до 101 года, для мог. 9 – от 25 до 101 года. Большая часть рядов включала и периферийные участки. С учетом неизмеренных из-за повреждений начальных и периферийных колец предложена примерная оценка возрастного распределения образцов. По биологическому возрасту деревьев принято выделять 6 возрастных групп: I) до 50 лет; II) 51–100 лет; III) 101–150; IV) 151–200; V) 201–250; VI) свыше 250 лет [Черных, 1996, с. 36–37]. С учетом неизмеренных и несохранившихся колец деревья, от которых происходят образцы, в основном соответствуют возрастной группе II – нижней границе группы III, т.е. возраст большинства использованных в строительстве деревьев колебался около 100 лет.

С учетом всех перечисленных проблем в сложившейся ситуации речь не идет об установлении точной относительной хронологии погребальных конструкций. Приемлемыми хронологическими результатами в данном случае можно считать: 1) понимание, что анализируемая древесина произрастала и была заготовлена в близкое время; 2) построение обобщенной ДКХ для объекта с характеристиками, приемлемыми для перекрестного датирования с другими древесно-кольцевыми хронологиями для памятников таштыкской культуры.

Как правило, при сооружении таштыкских погребальных конструкций могла использоваться хвойная древесина двух видов: лиственница сибирская (*Larix sibirica* Ledeb.) и сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris* L.). При этом соотношение между породами варьирует в разных объектах [Слюсаренко, Гаркуша, 2023а, с. 212, 225, 227; Амзараков, Ковалева, 2016, с. 52, 59]. Видовой состав древесины определен на основе анатомических признаков, применяемых для ее идентификации [Бенькова, Швайнгрубер, 2004]. Древесина из Тесинского Залива-3 отвечает данным наблюдениям. Если имеющиеся образцы для мог. 1 представлены лишь лиственницей, мог. 2 характеризуется доминированием лиственницы, то образцы из мог. 9 представлены преимущественно сосной.

Измерение ширины годичных колец было выполнено на полуавтоматической установке «LINTAB–6» (с точностью 1/100 мм), подключенной к компьютеру со специализированной программой TSAP-Win [Rinn, 2013]. Измеренные индивидуальные серии рядов погодичного прироста перекрестно датировались в данной программе, позволяющей осуществлять визуальный контроль сопоставления графиков прироста и рассчитывать серию статистических параметров для каждого варианта их совмещения.

Качество перекрестного датирования древесно-кольцевых рядов оценивалось на основе стандартных статистических показателей, применяемых в программе TSAP: Glk (коэффициент сходства-изменчивости), TBP (коэффицент Бейли – Пильчера), CDI (индекс перекрестного датирования). Для дополнительного контроля качества датирования использовалась программа COFECHA [Grissino-Mayer, 2001], в которой сходство ДКХ оценивалось посредством межсериального (R) и парного (r) коэффициентов корреляции. Из индивидуальных древесно-кольцевых рядов, показавших максимальное сходство между собой, создавались обобщенные ДКХ для отдельных могил и для памятника в целом.

Результаты и обсуждение

Полученные древесно-кольцевые ряды характеризуются неоднородными по качеству статистическими показателями перекрестного датирования. Несмотря на приобретенные деформации образцов древесины, в результате перекрестного датирования рядов прироста в целом получены приемлемые результаты. Основная часть индивидуальных ДКХ при сопоставлении между собой характеризовалась значениями CDI в диапазоне 34–71 для мог. 2, и в пределах 30–61 для мог. 9, что указывает на хорошее качество результатов перекрестного датирования. Несколько пар рядов по образцам из мог. 9 имели и более высокие значения CDI – от 80 до 106 (область перекрытия рядов – от 60 лет), которым соответствовал высокий порядок других статистических показателей (Glk – 72–86 %; TBP – 11,7–14,8) и высокое визуальное сходство графиков прироста (рис. 3). При таких значениях допустимо предполагать, что разные изделия могли быть изготовлены из одного древесного ствола. Согласно современным данным, такое предположение заслуживает внимания уже при значениях показателей: Glk > 80 %; TBP ≥ 9; CDI ≥ 90 [Domínguez-Delmás et al., 2013, p. 122, 127; Visser, 2015, p. 246]. Подобные показатели отличают результаты сопоставления деталей перекрытий из мог. 9, обозначенных как «плаха 1» и «плаха 6» (Glk – 82 %; TBP – 14,8; CDI – 106), и деталей, входящих в состав ЮВ и ЮЗ стен (Glk – 80 %; TBP – 12,6; CDI – 101).

Наблюдаемая временная разница между последними измеренными кольцами в индивидуальных хронологиях (для мог. 2 – 26 лет, для мог. 9 – более 80 лет) продиктована в первую очередь деградацией наружных слоев древесины и при наличии подкоровых колец на образцах, безусловно, была бы значительно сокращена. Тем не менее, разница в датах валки деревьев могла иметь место и сама по себе, т.к. для строительства погребальных сооружений часто

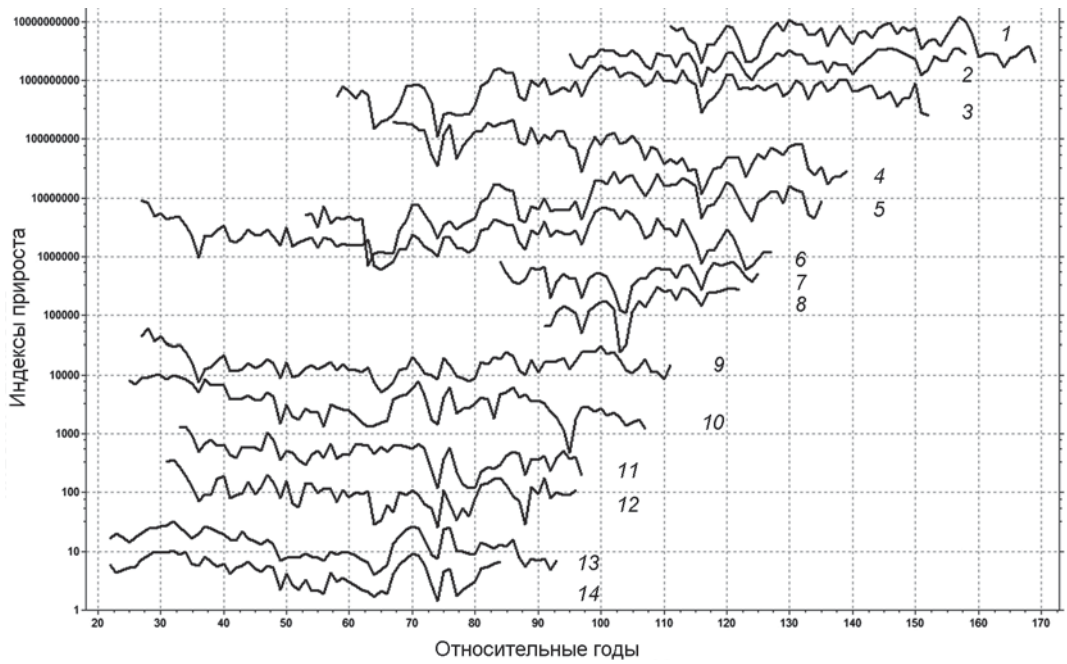

Рис. 3. Перекрестное датирование индивидуальных древесно-кольцевых хронологий по образцам из мог. 9 могильника Тесинский Залив-3.

1–14 – индивидуальные древесно-кольцевые хронологии.

использовался не свежесрубленный лес, а вторичная древесина [Слюсаренко, Гаркуша, 2023а].

Для мог. 2 на основе восьми древесно-кольцевых рядов (коэффициент межсерийной корреляции R – 0,38–0,83) была сформирована обобщенная ДКХ по лиственнице протяженностью 87 лет, которая характеризуется высоким средним значением R – 0,67. Сопоставление полученной древесно-кольцевой хронологии для мог. 2 с лиственничной ДКХ по мог. 1 показало приемлемые результаты перекрестного датирования: Glk – 67 %; TBP – 4,7; CDI – 34. Парный коэффициент корреляции для двух обобщенных хронологий составил 0,47. Последнее кольцо ДКХ мог. 2 приходится на 2 года ранее, чем последнее кольцо ДКХ мог. 1.

Для мог. 9 на основе 10 индивидуальных рядов (коэффициент межсерийной корреляции R – 0,61–0,77) была сформирована обобщенная сосновая ДКХ TZ3-P протяженностью 148 лет, которая характеризуется высоким средним значением R – 0,69. Сопоставление ДКХ для мог. 9 с хронологиями по образцам из мог. 1 и 2 дало результаты, сопровождаемые пониженными значениями статистических показателей. Основную причину этого, помимо деформации древесины, осложняющей сравнение, мы видим в том, что ДКХ из мог. 1 и 2 построены по лиственничным образцам, в отличие от сосновой хронологии мог. 9. В свою очередь единственный сосновый образец из мог. 2 показал достоверную связь с мог. 9 (Glk – 66 %; TBP – 5,7; CDI – 30), но лишь с одним из индивидуальных рядов.

Ранее нами был получен положительный опыт сопоставления лиственничной хронологии TZL для мог. 1 памятника Тесинский Залив-3 с ДКХ по лиственнице OgL для Оглахтинского могильника [Слюсаренко, Гаркуша, 2023б], которая в свою очередь показала убедительную согласованность в изменениях радиального прироста с сосновой ДКХ OgP для того же Оглахтинского могильника, что позволяет рассматривать две оглахтинские ДКХ в единой системе [Слюсаренко, Гаркуша, 2023а].

Перекрестное датирование лиственничной ДКХ мог. 2 с Оглахтинской шкалой OgL показало более низкие значения синхронизации (CDI – 23), но при этом хронологическая позиция мог. 2 на Оглахтинской шкале соответствует той же позиции, которая была получена при сравнении между собой ДКХ мог. 1 и 2. При сопоставлении сосновой ДКХ по мог. 9 TZ3-P с оглахтинской ДКХ по сосне OgP получена достоверная синхронизация, характеризуемая следующими значениями: Glk – 70 %; TBP – 5,1; CDI – 40. Парный коэффициент корреляции для этих двух обобщенных хронологий составил 0,43. С учетом результатов дендрохронологического датирования могил Тесинского Залива-3 между собой и с оглахтинскими шкалами, ДКХ мог. 1, 2 и 9 занимают следующее положение по *относительной* оглахтинской дендрошкале: мог. 1 – 84–178 гг., мог. 2 – 89–176 гг., мог. 9 – 22–169 гг. (начальный и конечный годы ДКХ). Сосновый образец из мог. 2, который показал достоверную связь с одним из индивидуальных рядов мог. 9, дал относительную дату – 146 г.

Таким образом, исходя из состояния образцов, не позволяющего предложить относительную хронологию погребальных сооружений могильника Тесинский Залив-3 с точностью до года, тем не менее мы можем утверждать, что деревья, использованные для строительства срубов некрополя, были заготовлены в относительно узкий временной промежуток, до нескольких десятков лет.

Заключение

Опираясь на изложенные результаты, можно утверждать, что опыт работы с древесиной подобной сохранности, при всех неизбежных упомянутых проблемах, показывает несомненные перспективы. Следует считать удачей уже сам факт того, что в руки исследователя попадает археологическая древесина этого времени из Хакасии, для изучения которой возможно привлечь (даже с определенными ограничениями) методы дендрохронологии. Как правило, на основе визуальной оценки в полевых условиях, такая древесина выглядит малопригодной для дендрохронологических исследований. Часто такие опасения только усиливаются уже на этапе подготовки образцов к измерениям. Сам процесс измерений становится более трудоемким, требующим учитывать фактор физического состояния древесины. Тем не менее оценка возможности использовать конкретные образцы для такого рода исследований, проведенная в лабораторных условиях, нередко обнадеживает, а итогом работы, в т.ч. представленной в настоящей публикации, являются вполне приемлемые результаты. Такой подход мы считаем правомерным, учитывая ценность археологической древесины как источника разнообразной информации об объекте.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0010 «Палеоэкология человека и реконструкция природных условий Евразии в четвертичном периоде» (Ю.Н. Гаркуша, И.Ю. Слюсаренко) и госзадания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности, проект № FSUS-2020-0021 (О.А. Митько).

Список литературы

Амзараков П.Б., Ковалева О.В. Памятники таштыкской культуры могильника Абакан-8 // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2016. – № 1 (13). – С. 48–63.

Бенькова В.Е., Швейнгрубер В.Х. Анатомия древесины растений России. – Берн: Хаупт, 2004. – 456 с.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

Водясов Е.В., Зайцева О.В. Тесинские и таштыкские погребальные комплексы: хронологические парадоксы // Сибирские исторические исследования. – 2023. – № 3. – С. 296–315. – doi:10.17223/2312461X/41/15

Митько О.А., Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Поселянин А.И., Половников И.С. Начало изучения таштыкского грунтового могильника Тесинский Залив-3 (Боградский район, Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 354–357.

Митько О.А., Скобелев С.Г., Ширин Ю.В., Зубков В.С., Поселянин А.И., Давыдов Р.В., Журавлева Е.А., Половников И.С., Собинов Р.Л. Грунтовый могильник таштыкской культуры Тесинский Залив-3: итоги полевого сезона 2018 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 385–389.

Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н. Дендрохронологическое исследование древесины из Оглахтинского могильника: первые результаты // Сибирские исторические исследования. – 2023а. – № 3. – С. 204–235. – doi:10.17223/2312461X/41/12

Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н. Дендрохронология могильников таштыкской культуры Хакасско-Минусинской котловины: к постановке проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023б. – Т. XXIX. – С. 864–870. – doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0864-0870

Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. – М.: Nox, 1996. – 216 с.

Domínguez-Delmás M., Nayling N., Wazny T., Loureiro V., Lavier C. Dendrochronological Dating and Provenancing of Timbers from the Arade 1 Shipwreck, Portugal // The Intern. J. of Nautical Archaeology. – 2013. – Vol. 42, iss. 1. – P. 118–136.

Grissino-Mayer H.D. Evaluating Crossdating Accuracy: A Manual and Tutorial for the Computer Program Cofecha // Tree-Ring Research. – 2001. – Vol. 57, iss. 2. – P. 205−211.

Rinn F. TSAP-Win: time series analysis and presentation for dendrochronology and related applications. Version 4.64. User reference. – Heidelberg, Germany: Frank Rinn Distribution, 2013. – 100 p.

Visser R.M. Imperial timber? Dendrochronological evidence for large-scale road building along the Roman limes in the Netherlands // J. of Archaeol. Sci. – 2015. – Vol. 53. – P. 243–254.

References

Amzarakov P.B., Kovaleva O.V. Pamyatniki tashtykskoi kul'tury mogil'nika Abakan-8. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*, 2016. No. 1. P. 48–63. (In Russ.).

Benkova V.E., Schweingruber F.H. Anatomy of Russian Woods. Bern: Haupt, 2004. 456 p. (In Russ.).

Brey U., Tramp D. Arkheologicheskiy slovar. Moscow: Progress, 1990. 368 p. (In Russ.).

Chernykh N.B. Dendrohronologiya i arheologiya. Moscow: Nox, 1996. 216 p. (In Russ.).

Domínguez-Delmás M., Nayling N., Wazny T., Loureiro V., Lavier C. Dendrochronological Dating and Provenancing of Timbers from the Arade 1 Shipwreck, Portugal. *The Intern. J. of Nautical Archaeology*, 2013. Vol. 42, iss. 1. P. 118–136.

Grissino-Mayer H.D. Evaluating Crossdating Accuracy: A Manual and Tutorial for the Computer Program Cofecha. *Tree-Ring Research*, 2001. Vol. 57, iss. 2. P. 205−211.

Mitko O.A., Khudyakov Y.S., Skobelev S.G., Poselyanin A.I., Polovnikov I.S. Beginning of Research at the Tashtyk Earthen Burial Ground of Tesinsky Zaliv-3 (Bogradsky District, Republic of Khakassia). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 23. P. 354–357. (In Russ.).

Mitko O.A., Skobelev S.G., Shirin Y.V., Zubkov V.S., Poselyanin A.I., Davydov R.V., Zhuravleva E.A., Polovnikov I.S., Sobinov R.L. Tesinsky Zaliv-3 Earthen Burial Ground of the Tashtyk Culture: Results of the Field Season 2018. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. 24. P. 285–289. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2018.24.285-289

Rinn F. TSAP-Win: time series analysis and presentation for dendrochronology and related applications. Version 4.64. User reference. Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 2013. 100 p.

Slyusarenko I.Y., Garkusha Y.N. Dendrochronological Study of Wood from the Oglakhty Burial Ground of the Tashtyk Culture (Republic of Khakassia): First Results. *Siberian Historical Research*, 2023a. No. 3. P. 204–235. (In Russ.). doi:10.17223/2312461X/41/12

Slyusarenko I.Y., Garkusha Y.N. Dendrochronology of Burial Grounds of the Tashtyk Culture in the Khakass-Minusinsk Depression: Towards Formulation of the Problem. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023б. Vol. 29. P. 864–870. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0864-0870

Visser R.M. Imperial timber? Dendrochronological evidence for large-scale road building along the Roman limes in the Netherlands. *J. of Archaeol. Sci.*, 2015. Vol. 53. P. 243–254.

Vodiasov E.V., Zaitseva O.V. Tes' and Tashtyk Burial Grounds: Chronological Paradoxes. *Siberian Historical Research*, 2023. No. 3. P. 296–315. (In Russ.). doi:10.17223/2312461X/41/15

Гаркуша Ю.Н. https://orcid.org/0000-0002-0935-0213
Митько О.А. https://orcid.org/0000-0002-7741-3167
Слюсаренко И.Ю. https://orcid.org/0000-0002-1243-0900

Дата сдачи рукописи: 02.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0456-0462
УДК 904.5

Ю.В. Герасимов✉, М.А. Корусенко

Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Институт археологии и этнографии СО РАН
Омск, Россия
E-mail: ngajapti@yandex.ru

Грунтовый могильник «Омск. Театральный сквер-2»: археологические исследования и атрибуция

В статье представлены предварительные результаты изучения кладбища, расположенного в центре г. Омска, в современных границах Театрального сквера. Наличие памятника предполагалось краеведами с конца 1940-х гг. по находкам остатков погребений в дощатых гробах при строительстве Летнего театра. Атрибуцию находок осложняло отсутствие исторических сведений о бытовании когда-либо на этом месте некрополя. Целенаправленное изучение памятника археологическими раскопками не выполнялось. Новые свидетельства о наличии погребений в описываемом месте были получены авторами статьи в 2017 г. при выполнении археологического наблюдения за работами по благоустройству ул. Ленина. В 2024 г. авторами статьи производилось археологическое наблюдение за работами по благоустройству Театрального сквера, в ходе которого были исследованы 6 погребений. В статье приводится описание исследованных комплексов и собранной коллекции, на основании которой определена датировка и культурная принадлежность некрополя. Планиграфия исследованных захоронений и стратиграфические разрезы в границах сетки строительных раскрытий позволяют установить границы могильника. Кладбище было расположено на краю высокой коренной террасы правого берега р. Иртыш, в северо-западной части современного Театрального сквера. Прослеженные особенности погребального обряда (ориентация умерших, наличие остатков гробов, нательные крестики) позволяют связывать памятник с русским населением региона. Исторических сведений о существовании на этом месте какого-либо кладбища обнаружить до настоящего времени не удалось. На планах Омской крепости до середины XVIII в. здесь показана эспланада, позже, после ее переноса на правый берег р. Оми, пустырь, а со второго десятилетия XIX в. – площадь Казачьего форштадта. В 1833 г. здесь начинается строительство Никольского казачьего собора. Авторы предполагают, что изученный комплекс погребений оставлен отрядом основателя первой Омской крепости И.Д. Бухгольца и, таким образом, является первым кладбищем г. Омска.

Ключевые слова: *археологические памятники, некрополи, установление границ, культурно-хронологическая атрибуция, Омская крепость.*

Y.V. Gerasimov✉, M.A. Korusenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Omsk laboratory of archaeology, ethnography and museology
Omsk, Russia
E-mail: ngajapti@yandex.ru

The burial ground «Omsk. Theater Square 2»: Archaeological Research and Attribution

The article presents the preliminary results of the study of the cemetery located within the modern boundaries of the Theater Square in the center of Omsk. Local historians assumed that there should be the site of ancient cemetery since the late 1940s based on finding remains of burials in wooden coffins during the construction of the Summer Theater. The attribution of the finds was complicated by the lack of historical information about the existence of a necropolis at this place. A purposeful study of the site through archaeological excavations was not carried out. The authors got new evidence of the existing burials in 2017 during archaeological supervision of the reconstruction of Lenin Street. In 2024, the authors carried out rescue archaeological studies under the project of reconstruction of the Theater Square, during which 6 burials were excavated. The article describes the uncovered complexes and collected artifacts, on the basis of which age estimations and cultural affiliation of the necropolis have been made. The spatial distribution of the studied burials and stratigraphic sections within the boundaries of the construction grid system make it possible to establish the boundaries of the burial ground. The cemetery was located in the north-western

part of the modern Theater Square on the edge of the high basal terrace of the right bank of the Irtysh River. The noted features of the funeral rite (orientation of the dead, coffin remains, crosses worn on the neck) make it possible to associate the site with the Russian population of the region. Historical information about the existence of any cemetery at this place has not yet been found. The maps of the Omsk Fortress showed an esplanade at this place until the mid-18th century; later, the esplanade was transferred to the right bank of the Om and the map showed a wasteland, and the square of the Cossack suburb from the second decade of the 19th century. In 1833, the construction of the St. Nicholas Cossack Cathedral began. The authors hypothesize that the studied complex of burials was established by the detachment of I.D. Buchholz, the founder of the first Omsk fortress; hence, it might be the first cemetery of the city of Omsk.

Keywords: *Archaeological sites, necropolises, establishment of boundaries, cultural and chronological attribution, Omsk Fortress.*

История городских кладбищ Омска изучена достаточно полно, начиная с наиболее ранних, относящихся еще к периоду первой Омской крепости. Большая заслуга в этом принадлежит директору Омского областного музея, известному краеведу А.Ф. Палашенкову, который на основе архивных материалов и данных исторических карт локализовал погребальные комплексы на современной карте города. В его известной публикации этому типу памятников посвящен специальный раздел, где учтены не только исторически известные кладбища, но и отдельные находки погребений, которые не удалось интерпретировать как принадлежащие какому-либо комплексу [Палашенков, 1960, с. 19–22]. История возникновения, развития и исчезновения омских кладбищ подробно изложена в монографии «Омский некрополь». Омские краеведы И.Е. Бродский и Л.И. Огородникова на основе архивных материалов восстановили очередность появления наиболее ранних могильников, в настоящее время полностью утраченных [Омский некрополь, 2005].

Наиболее ранними кладбищами, согласно опубликованным нашими предшественниками данным, стали Ильинское, где погребались солдаты и офицеры гарнизона Омской крепости, Слободское, предназначенное для погребения гражданских лиц, и Иноверческое, где хоронили лютеран. История указанных некрополей, возникших во второй четверти XVIII в. на левом берегу Оми, связана с первой Омской крепостью. После переноса крепости на высокий правый берег реки хоронить на указанных кладбищах стали меньше, к рубежу XVIII–XIX вв. они были закрыты, а с середины столетия началась их застройка. Новые кладбища сложились уже на правобережье Оми, на левом берегу осталось лишь Казачье, возникшее в конце XVIII в. при одноименной слободе и просуществовавшее до середины XX в. Все указанные некрополи стараниями архивистов и краеведов удалось довольно точно локализовать на современной карте города, а находки остатков погребений в разные годы подтвердили их местоположения.

Кроме того, А.Ф. Палашенков отмечает две интересные находки: «В 40-х годах (XX в. – *Авт.*) при рытье канавы под фундамент трансформаторной будки, против фасада театра музыкальной комедии, ...обнаружены следы кладбища» [Палашенков, 1960, с. 20]. «Летом 1948 г. на глубине 1,5 м обнаружены человеческие кости и сгнившие части гроба возле восточной каменной стены летнего театра (бывш. костел). Ни на одном из известных планов Омска на этих местах кладбища не значится» [Там же, с. 21]. На современной карте г. Омска указанные местонахождения локализуются в створе ул. Чкалова и на северо-западной окраине Театрального сквера.

В 2017 г. при выполнении археологического наблюдения за ходом строительных работ по реконструкции ул. Ленина в одной из строительных траншей близ ограды Театрального сквера авторами статьи были зафиксированы остатки захоронения, разрушенного при предыдущих реконструкциях этой улицы. От погребения сохранились часть могильной ямы, полуистлевшие доски гроба и фрагмент костяка – тазовые и левая бедренная кости. Остальная часть погребения была уничтожена траншеями для прокладки коммуникаций (ливневая канализация и электрокабели освещения), поэтому размеры и форму могильной ямы установить не удалось. Следы еще нескольких погребений прослежены в стенке траншеи, прилегающей к Театральному скверу. Установить глубину захоронений невозможно из-за того, что при строительстве ул. Ленина верхние горизонты почвы были сняты в XX в. для выравнивания профиля склона террасы. Остатки сгнившего дощатого гроба позволяют связывать захоронение с христианской обрядностью, а ориентация головой на запад – отнести его к православной традиции. Указанные находки коррелируют с упомянутыми выше данными А.Ф. Палашенкова об обнаружении строителями погребений неизвестного кладбища. Стратиграфические разрезы на протяжении ул. Ленина позволили с достаточной точностью предположить западную, северную и южную границы комплекса. На основании собранных сведений авторами уже высказывалась гипотеза о том, что указанные погребения не являются случайными, а маркируют неизвестное до настоящего времени кладбище, которое по каким-то причинам не вошло в официальную летопись города [Герасимов и др., 2019].

В 2023 г. в ходе работ по реконструкции Омского ТЮЗа при прокладке траншеи для укладки кабеля освещения по четной стороне ул. Чкалова строителями были обнаружены три погребения. К сожалению, указанные работы выполнялись без археологического сопровождения, костяки были переданы в След-

ственный комитет, и только после этого попали к специалистам. Полевая информация была безнадежно утеряна, но нам удалось поговорить с рабочими, обнаружившими находки, которые указали место залегания и описали некоторые детали. По их словам, захоронений было два, в одном из которых содержался один костяк, а в другом – два, но уложенных в один гроб. В первом случае гроб строители не отметили, а второй описали как раму. Глубина залегания погребений от современной дневной поверхности не превышала 0,3 м, других захоронений на всем протяжении траншеи от пр. Карла Маркса до ул. Ленина не обнаружено.

Разумеется, выполнить комплекс археологических работ, необходимый для установления границ памятника и уточнения его характеристик, возможности не представлялось, но в 2024 г. началось благоустройство Театрального сквера. В ходе археологического наблюдения за работами были обнаружены остатки еще шести могил. Проведенные исследования позволили не только обследовать новые погребения, но и уточнить предполагаемые границы памятника, а также получить интересную информацию об особенностях некоторых захоронений.

План работ включал обустройство сети водопровода для системы автоматического полива, что предполагало вскрытие сети траншей по всей площади Театрального сквера. Режим археологического наблюдения исключал возможность проведения раскопок широкими площадями, поэтому обследование участка проводилось вертикальными и горизонтальными зачистками строительных раскрытий и шурфовками в створе траншей. В процессе выполнения полевых работ заложено 8 стратиграфических шурфов и 96 зачисток. В случае обнаружения признаков погребений закладывался раскоп для полного исследования объекта. Приведем описание исследованных комплексов.

Могила 1 расположена в северной части Театрального сквера, в 30 м к ЗЮЗ от места обнаружения могил строителями в 2023 г. Погребение частично разрушено позднейшей техногенной траншеей, в которой зафиксирован переотложенный череп взрослого. Могила обнаружена по подпрямоугольному пятну размером 1,08 × 0,60 м, заполненному желто-черным перемесом. Захоронение совершено в яме прямоугольной формы, размером 1,16 × 0,65 м, глубиной до 95 см от уровня современной поверхности, ориентированной по направлению ССЗ–ЮЮВ, с отвесными стенками и ровным дном. Захоронение, вероятно, детское, от костяка *in situ* сохранились фрагменты черепа и берцовой кости. При расчистке перемеса в верхней части могильного пятна обнаружен сломанный медный нательный крестик, остатков гроба не зафиксировано.

Могила 2 зафиксирована в 40 м южнее вышеописанной, в створе траншеи под водопровод, по подпрямоугольному пятну размером 2,05 × 0,40 м, заполненному черно-желтым перемесом. Погребение совершено в яме прямоугольной формы, размером 2,0 × 0,75 м, глубиной до 1,0 м от уровня современной поверхности, ориентированной ЗЮЗ–ВСВ. Стенки ямы отвесны, дно ровное. Умерший помещен в дощатый гроб, головой обращен на ЗЮЗ, череп повернут к правому плечу, руки согнуты в локтях и скрещены на груди, ноги прямые. Между ребер обнаружен медный нательный крест плохой сохранности. У черепа зафиксирована прядь волос, возможно, фрагмент косы (?).

Могила 3 лежит между погр. 1 и 2, выявлена по подпрямоугольному пятну желто-черного перемеса размером 1,40 × 0,80 м, ориентированному СВВ–ЮЗЗ. В ЮЮЗ части пятно перекрыто следом современной траншеи.

Погребение совершено в яме прямоугольной формы, размером 2,00 × 0,75 м, глубиной 1,10 м от современной поверхности, с отвесными стенками и ровным дном. Костяк головой обращен на ЗЮЗ, череп повернут к левому плечу, руки согнуты в локтях и сложены на животе, ноги выпрямлены. На позвоночном столбе в районе груди обнаружен сломанный медный нательный крест. Других находок, равно как и следов гроба, не обнаружено.

Могила 4 найдена в 110 м западнее захоронения 1, близ СЗ угла Театрального сквера, в 25 м восточнее места находки остатков погребения в 2017 г. Могила маркирована подпрямоугольным пятном желто-черного перемеса размером 1,9 × 0,8 м, ориентированном ССЗ–ЮЮВ; восточной частью пятно уходит под пешеходную дорожку.

Погребение разрушено какими-то прошлыми строительными работами, прослеженное пятно имеет техногенный характер. При выборке заполнения выше уровня погребения обнаружены переотложенные фрагменты костяка. От погребения *in situ* сохранились таз и поясничный отдел позвоночника, судя по положению которых, можно утверждать, что изначально погребенный был уложен в могилу головой на ЗСЗ. От гроба зафиксированы только боковые стенки.

Могила 5 зафиксирована в 10 м южнее предыдущей, по подпрямоугольному пятну желто-черной мешанины размером 1,9 × 0,6 м, ориентированному З–В. Западная часть пятна разрушена более поздней техногенной траншеей.

Погребение совершено в прямоугольной яме с отвесными стенками и ровным дном, размером 2,0 × × 0,5 м и глубиной 0,7 м от современной поверхности. Умерший был помещен в могилу головой к западу, но череп не обнаружен, от него сохранился лишь фрагмент нижней челюсти, смещенной к правому плечу. Руки покойного согнуты в локтях и сложены на груди, ноги выпрямлены. Находок нет, следов гроба не обнаружено.

Могила 6 выявлена по подпрямоугольному пятну желто-черного перемеса размером 1,9 × 0,8 м,

ориентированному по линии З–В, лежащему южнее вышеописанного.

Захоронение совершено в яме прямоугольной формы с отвесными стенками и ровным дном, размером 2,1 × 0,7 м и глубиной 110 м от современной поверхности. Умерший был уложен в могилу головой на СЗ, череп повернут к правому плечу, руки согнуты в локтях и сложены на груди, ноги выпрямлены. Находок или следов гроба не зафиксировано.

Еще в одном шурфе были зафиксированы остатки захоронения, полностью разрушенного при строительных работах в XX в.: обломки костей и фрагменты гнилого дерева. Остальные шурфы и разрезы не показали наличия погребений, хотя сетка заложения была достаточной плотной: траншеи прокладывались параллельно с шагом 10 м, зачистки в них закладывались через каждые 5–20 м (рис. 1). Такая частота позволяет достаточно уверенно предполагать площадь, занятую погребениями, а также планиграфию и структуру могильника. Могилы располагались в пятне размером ~80 × 210 м, которое локализуется на северной окраине Театрального сквера, протянувшись вдоль современной ул. Чкалова, по ее четной стороне. Погребения располагались довольно разреженно, расстояние между соседними могилами могло достигать метра, рядных структур они не образовывали, скорее формировали небольшие группы. Топографически кладбище приурочено к бровке третьей надпойменной террасы. Таким образом, материалы наших наблюдений и архивные данные позволяют утверждать, что погребения, обнаруженные на данном участке, относятся к могильнику, который развивался перпендикулярно террасе. Заслуживает внимания и такая особенность захоронений, как либо полное отсутствие гробов в некоторых могилах, либо использование деревянных рам-обкладок, т.е. имитации гробов.

В трех захоронениях обнаружены медные нательные крестики. Все изделия плохой сохранности, часть фрагментирована, что осложняет их детальную классификацию, поэтому приведем предварительную атрибуцию. При характеристике предметов мы используем типологическую схему, предложенную В.И. Молодиным [2007]. Крест, обнаруженный в мог. 1, относится к типу 1, подтипу 2, варианту 4, подварианту 2 [Там же, рис. 44], его размеры составляют 4,5 × 2,8 × 0,2 см. Форма креста простая, углы средокрестия и концы прямые, изображение не читаемо из-за коррозии. Обстоятельства обнаружения креста не позволяют однозначно утверждать его принадлежность к детскому захоронению. Крест в погр. 2 обнаружен *in situ*, по морфологическим признакам может быть отнесен к типу 6, подтипу 4, варианту 1, подварианту 1 [Там же, рис. 103]. Размеры изделия составляют 3,9 × 2,7 × 0,2 см, на лицевой стороне, невзирая на коррозию, читается рельефный крест на Голгофе. Крест, обнаруженный в мог. 3, можно отнести к типу 2, подтипу 3, варианту 1 [Там же, рис. 53]. Углы средокрестия прямые, оконечности оформлены в виде подокруглых розеток, на лицевой стороне читается изображение шестиконечного креста с цатой. Все обнаруженные экземпляры имеют аналоги в исследованных могильниках русского населения Сибири XVII–XVIII вв., что соответствует предполагаемым

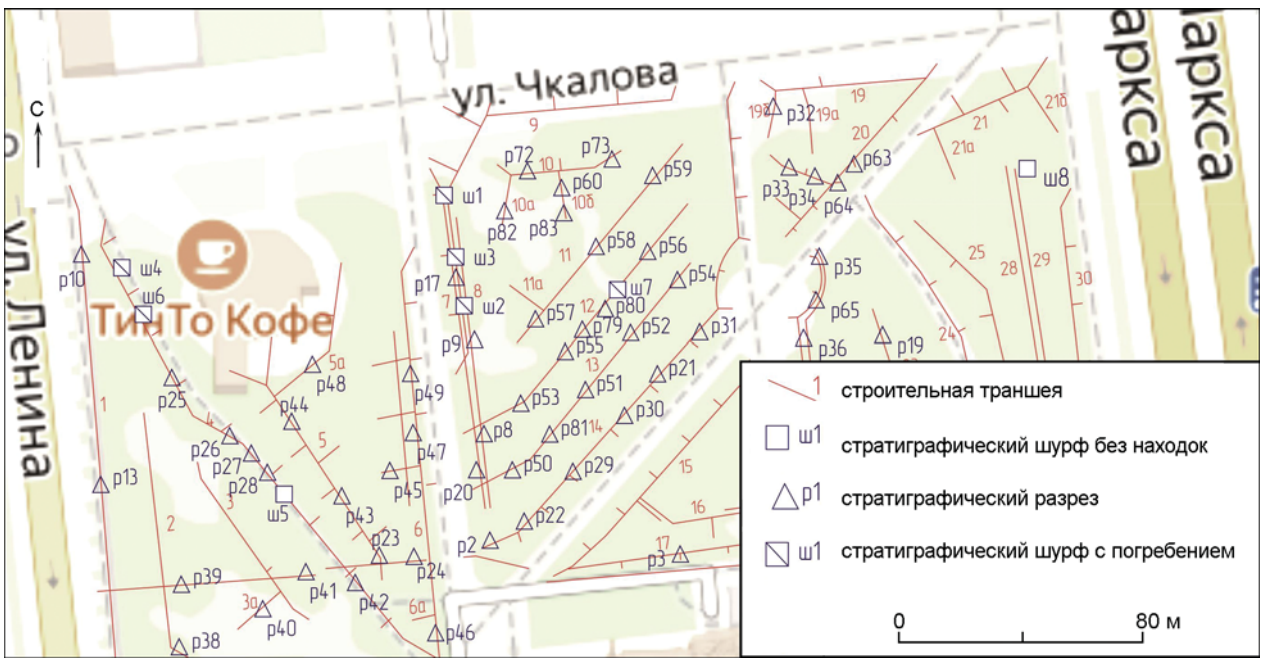

Рис. 1. План-схема расположения археологических шурфов и зачисток, заложенных в ходе археологического наблюдения на грунтовом могильнике Театральный сквер-2 в 2024 г. с указанием мест расположения погребений.

хронологическим рамкам бытования комплекса в Театральном сквере.

Датировка обнаруженного могильника может предполагаться только на основе косвенных признаков. Размеры и ориентация погребений, а также такие элементы погребальной обрядности, как остатки дощатых гробов и медных нательных крестиков, позволяют связывать обнаруженные захоронения с погребальными традициями русского населения. Площадь, занятая захоронениями, позволяет предполагать наличие нескольких сотен могил, что указывает на их связь с постоянным поселением, которое появилось в устье р. Оми только в 1716 г. после строительства первой Омской крепости. Все могилы расположены на одном уровне, плотность невысокая, что свидетельствует об использовании кладбища в течение относительно непродолжительного времени. Ни на одной карте крепости и города начиная с 1722 г. на этом месте кладбище не отмечено. Карта Омской крепости 1803 г. на месте некрополя, обследованного в 2024 г., показывает строения Ильинского и Казачьего форштадтов.

Почему не сохранилось сведений о существовании захоронений у южной окраины крепости? Ведь информация о старом кладбище первой Омской крепости, располагавшемся на Ильинской горке, закрытом уже в середине XVIII в., сохранялась еще во второй половине XIX в. Ответ, на наш взгляд, связан с тем, что руководство и гарнизон крепости, равно как и жители слобод, уже в конце (а скорее всего, уже в середине) XVIII в. забыли о кладбище на террасе реки. Таким образом, время функционирования обнаруженного некрополя может быть предположено в очень узких пределах 1716–1720-х гг. Исходя из вышеизложенного, авторы полагают, что описываемое кладбище оставлено участниками экспедиции И.Д. Бухгольца. Прямых доказательств этой гипотезе в исторических источниках нет, поэтому рассмотрим косвенные обоснования.

Напомним, что закладка Омской крепости стала своеобразным побочным результатом неудачной экспедиции И.Д. Бухгольца за «Яркендским золотом» [Евсеев]. Отряд был вынужден эвакуироваться из Ямышевской крепости после тяжелой зимней осады, осложненной голодом и эпидемией, в результате которых погибло значительное число участников. Неудивительно, что среди высадившихся в устье р. Оми участников неудавшейся экспедиции было множество больных и раненых, истощенных тяжелым походом. В официальном донесении И.Д. Бухгольца указано, что с ним вышли из крепости «тысеча шестьсот человек, в том числе больные и раненые» [Омское Прииртышье..., 2015, с. 115], но Г.Ф. Миллер сообщает о том, что из Ямышева эвакуировалось всего 700 человек [Миллер, с. 488]. Это противоречие может быть объяснено тем, что Миллер получил сведения о потерях от Бухгольца при личном разговоре, который состоялся спустя почти два десятилетия после событий, в 1734 г., а опубликованы они были еще позже. Вполне возможно, что в записках Миллера отложилась численность отряда, который остался у Бухгольца в Омске, выжившего после завершения похода. Действительно, следует полагать, что как в пути от Ямышева к р. Оми, так и во время пребывания здесь раненые и больные продолжали умирать, тем более что в месте остановки отряда не было ни припасов, ни медикаментов. Высадившись в устье р. Оми и приняв решение строить здесь крепость, даже в качестве опорного пункта, Бухгольц должен был решить вопрос с захоронением умерших. Для этого было выбрано место на высокой коренной террасе р. Иртыш, южнее и выше места планируемого размещения крепости. Первые захоронения, которые совершались в экстремальных условиях, были, вероятно, проведены с некоторыми нарушениями обрядности. Так, в условиях дефицита дерева, умершие помещались в ямы без гробов, либо в имитацию гроба; выбор варианта, возможно, определялся статусом погребенного. Уже в 1717 г. начинается строительство новой, большой крепости на коренной террасе Иртыша, и первое кладбище оказывается на ее эспланаде (рис. 2). Скорее всего, это стало одной из причин его закрытия и организации в дальнейшем нового регулярного погоста. Возможно, что в течение нескольких лет здесь еще погребались работники строительства и члены их семей, на что указывает обнаружение детского и женского (?) захоронений.

Первоначальный офицерский состав продержался в новой крепости недолго: уже зимой 1716 г. И.Д. Бухгольц покидает ее навсегда, в следующем году Иван Каландер уезжает на строительство крепостей в верховьях Иртыша, а в 1718 г. погибает [Кочедамов, 1960, с. 4]. В следующем году Омск покидает майор И.Г. Аксаков, приведший на помощь Бухгольцу «слоботских драгун», а принявший командование над гарнизоном майор Вельяминов-Зернов оставался в этой должности лишь до 1724 г. Сколько человек осталось из нижних чинов неизвестно, но численность солдат гарнизона в 1734 г., согласно Г.Ф. Миллеру, не превышала 150 человек [Миллер, с. 490]. Очевидно, что уже в первые годы существования Омской крепости количество тех, кто высаживался на пустой берег в мае 1716 г. и помнил первые захоронения, резко сократилось. Старое кладбище, лишенное всякого ухода и неиспользуемое, постепенно пришло в запустение, потом и вовсе исчезло, и само место его расположения стерлось из памяти солдат и слобожан. Лишь случайные находки строителей в середине XX в. вновь напомнили об этой трагической странице в истории города.

Приведенная реконструкция, конечно, гипотетична, но она позволяет объяснить все наблюдаемые факты и снять отмеченные в историографии противоречия.

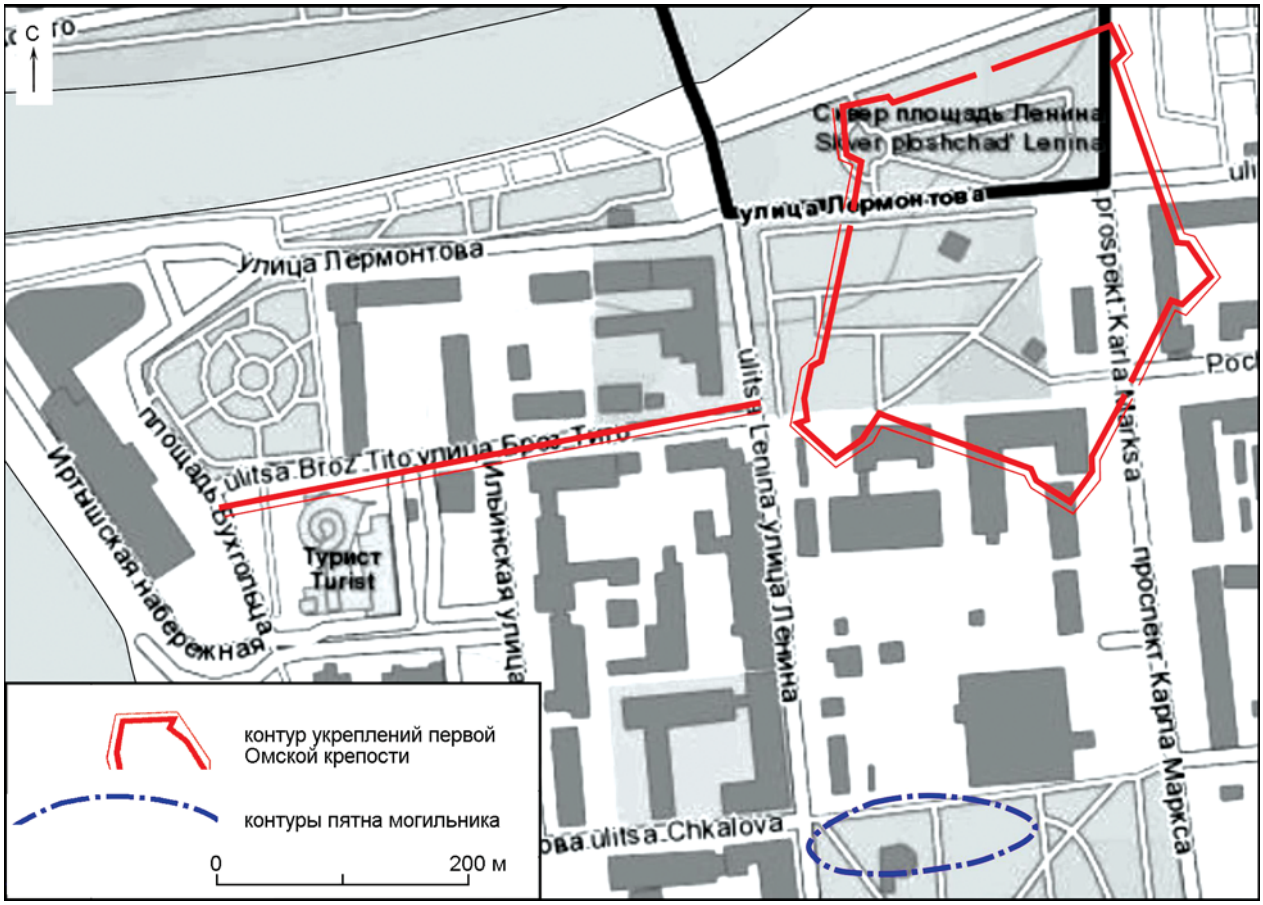

Рис. 2. План-схема наложения контуров первой Омской крепости и могильника Театральный сквер-2 на современную карту г. Омска.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания, проект № FWZG-2022-0002 «Население Сибири и Северного Казахстана: социокультурные процессы и трансляция культурного наследия».

Список литературы

Евсеев Е.Н. Экспедиция И.Д. Бухолца и основание Омской крепости // Мосты жизни нашей / Евгений Евсеев: исследования, публикации: [Электронный ресурс]. – URL: http://lib.omsk.ru/ip/evseev/node/175 (дата обращения: 10.10.2024).

Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Корусенко М.А., Павлов Д.Н. Некрополь первых строителей Омской крепости: археологическая гипотеза // Пятые Ядринцевские чтения: мат-лы V Всерос. науч.-практ. конф. «Краеведение как фактор социокультурной жизни общества: история и современность» (30–31 октября 2019 г., Омск). – Омск: ОГИК музей, 2019. – С. 338–343.

Кочедамов В.И. Омск: как рос и строился город. – Омск: Ом. кн. изд-во, 1960. – 112 с.

Миллер Г.Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Восточная литература: [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_7/frameizm.htm (дата обращения: 10.10.2024).

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: Инфолио, 2007. – 248 с.: ил.

Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища. – Омск: Омский дом печати, 2005. – 232 с.

Омское Прииртышье и город Омск на картах, планах и чертежах XVII – начала XIX века. – Тобольск: [б.и.], 2015. – 384 с.

Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омска // Изв. Ом. отд. Географ. об-ва СССР. – 1960. – Вып. 3 (10). – С. 3–23.

References

Evseev E.N. Ekspeditsiya I.D. Bukholtsa i osnovanie Omskoi kreposti. Mosty zhizni nashei. In *Evgenii Evseev: issledovaniya, publikatsii.* URL: http://lib.omsk.ru/ip/evseev/node/175 (Accessed: 10.10.2024). (In Russ.).

Gerasimov Y.V., Zdor M.Y., Korusenko M.A., Pavlov D.N. Nekropol' pervykh stroitelei Omskoi kreposti: arkheologicheskaya gipoteza. In: *Pyatye Yadrintsevskie*

chteniya: *materialy V Vseros. nauchno-prakt. konf. «Kraevedenie kak faktor sotsiokul'turnoi zhizni obshchestva: istoriya i sovremennost'»*. Omsk, 30–31 oktyabrya 2019 g. Omsk: OGIK muzei, 2019. P. 338–343. (In Russ.).

Kochedamov V.I. Omsk: kak ros i stroilsya gorod. Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 112 p. (In Russ.).

Miller G.F. Izvestie o pesoshnom zolote v Bukharii, o chinennykh dlya onogo otpravleniyakh i o stroenii krepostei pri reke Irtyshe, kotorym imena: Omskaya, Zhelezenskaya, Yamyshevskaya, Semipalatnaya i Ust'-Kamenogorskaya. In *Vostochnaya literatura.* URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_7/frameizm.htm (Accessed: 10.10.2024). (In Russ.).

Molodin V.I. Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga. Novosibirsk: Infolio, 2007. 248 p.: il. (In Russ.).

Omskii nekropol'. Ischeznuvshie kladbishcha. Omsk: Omskii dom pechati, 2005. 232 p. (In Russ.).

Omskoe Priirtysh'e i gorod Omsk na kartakh, planakh i chertezhakh XVII – nachala XIX veka. Tobol'sk: [s.n.], 2015. 384 p. (In Russ.).

Palashenkov A.F. Materialy k arkheologicheskoi karte Omska. In: *Izv. Om. otd. Geograf. ob-va USSR*, 1960. Iss. 3 (10). P. 3–23. (In Russ.).

Герасимов Ю.В. https://orcid.org/0009-0008-7779-5848
Корусенко М.А. https://orcid.org/0000-0001-7004-1287

Дата сдачи рукописи: 23.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0463-0470
УДК 902 / 904

П.В. Герман[1]✉, С.Н. Леонтьев[1], А.В. Калинская[1], П.В. Ковзунова[1], Ю.В. Ширин[1], Д.Р. Голованов[2], С.А. Васютин[3], А.Р. Лесникова[3], А.А. Зимин[4]

[1]Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН
Кемерово, Россия
[2]Кузбасский техникум архитектуры, геодезии и строительства
Кемерово, Россия
[3]Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия
[4]Ваганов ская средняя общеобразовательная школа
с. Ваганово, Кемеровская обл., Россия
E-mail: lithos@mail.ru

Исследования позднетагарского кургана в Мариинской лесостепи

Летом 2024 г. проводились раскопки объекта позднего этапа тагарской культуры «Одиночный курган Алчедат III» (Чебулинский муниципальный округ, Кузбасс). К моменту раскопок курган находился в аварийном состоянии. В результате деятельности норных животных на поверхность насыпи был вынесен погребальный инвентарь и кости человека. По последним находкам была получена радиоуглеродная дата с калиброванным диапазоном II в. до н.э. – I в. н.э. Задачей раскопок являлось получение новых данных о позднетагарских комплексах Мариинской лесостепи. Курган имел размеры 30 × 29 м, высота насыпи от уровня современного горизонта составляла 1,3 м. Склеп представлял собой квадратную яму размером 5,27 × 5,65 м, глубиной до 1,3 м от уровня древней дневной поверхности. Могила была перекрыта накатом из бревен, покрытых берестяным полотном, стенки укреплены срубом, с юго-западной стороны склепа находился вход-лаз. Склеп ограблен и сожжен в древности, большая часть останков захоронений и инвентаря зафиксированы в заполнении могилы. На дне в состоянии in situ зафиксировано несколько керамических сосудов и отдельных предметов, среди которых фрагменты мешочка-несессера, включавшего набор из ножа, шила и зеркала. Здесь же обнаружены зерна Cannabis sativa L. По совокупности обнаруженного инвентаря основной объект кургана относится к лепешкинской группе памятников позднетагарского времени и датируется в диапазоне II–I вв. до н.э. При разборе насыпи зафиксирована конструкция из камней в виде круга диаметром 15 м. В насыпи обнаружены одиночные и парные, преимущественно безынвентарные, захоронения детей и взрослых, относящиеся к тесинской группе позднетагарского населения. Еще три погребения, устроенные с уровня древнего горизонта, следует отнести к каменской культуре.

Ключевые слова: *Кузбасс, Мариинская лесостепь, курган, склеп, впускные погребения, ранний железный век, тагарская культура, каменская культура.*

P.V. German[1]✉, S.N. Leont'ev[1], A.V. Kalinskaya[1], P.V. Kovzunova[1], Y.V. Shirin[1], D.R. Golovanov[2], S.A. Vasyutin[3], A.R. Lesnikova[3], A.A. Zimin[4]

[1]Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS
Kemerovo, Russia
[2]Kuzbass Technical School of Architecture, Geodesy and Construction
Kemerovo, Russia
[3]Kemerovo State University
Kemerovo, Russia
[4]Vaganovo secondary comprehensive school
p. Vaganovo, Russia
E-mail: lithos@mail.ru

Studies of a Late Tagar Kurgan in Mariinsk Forest-Steppe

In summer of 2024, "Solitary kurgan Alchedat III", a site of the Late Tagar Culture (Chebula municipal county, Kuzbass) was excavated. By the time of the excavations, the kurgan was destroyed considerably. Due to the burrowing animal activity, the grave goods and human bones were exposed. Radio-carbon analysis of the latest finds produced calibrated dates in the range of the 2nd century BC to 1st century AD. The excavations aimed at gaining new data about Late Tagar assemblages in the Mariinsk Forest-Steppe. The kurgan dimensions were 30 × 29 m; the height of the mound from the level of the topsoil was 1.3 m. The square burial vault was 5.27 × 5.65 m, up to 1.3 m deep from the level of the ancient surface. The tomb was bridged over with a layer of logs covered with a birch-bark sheet; the walls were framed with log construction, and an entrance-manhole was established in the southwestern wall. The burial vault was looted and burnt in ancient time, most of burial remains and tools were found in the tomb filling. Several ceramic vessels and separate objects were found on the bottom in situ. Among them there were fragments of a tool bag with a knife, an awl and a mirror. Seeds of Cannabis sativa L were found on the floor. The main burial of the kurgan has been attributed to the Lepyoshkino group of the Late Tagar sites and dated to the 2nd–1st centuries BC on the base of the tool assemblage. A circular stone construction with the diameter of 15 m was uncovered in the mound. The mound contained single and paired burials of children and adults mainly without grave goods; these interments were attributed to the Tes group of the Late Tagar population. Three more burials were located at the level of the ancient topsoil and attributed to the Kamen Culture.

Keywords: *Kuzbass, Mariinsk forest-steppe, kurgan, burial vault, inlet burials, Early Iron Age, Tagar culture, Kamen culture.*

Введение

В июне – августе 2024 г. Мариинским отрядом Кузбасской археологической экспедиции ФИЦ УУХ СО РАН проводились раскопки объекта культурного наследия (ОКН) «Одиночный курган Алчедат III» (Чебулинский муниципальный округ, Кузбасс)*. Курган располагался на правом берегу р. Кии, в урочище Грабки, в 2,4 км к юго-востоку от с. Алчедат. В 220 м к северо-востоку от дороги находится протока (старица) р. Кии. В 91 м к югу от кургана находится крупный березовый колок, частично заболоченный, получивший по своей форме местный топоним – «копытце». Объект под названием «Алчедатский курган» впервые зафиксирован в 1958 г. В.Н. Алексеевым [Плац, 2021, с. 231], в своде археологических памятников Кемеровской обл. обозначен как «Алчедат III» [Кулемзин, Бородкин, 1989, с. 113]. В 2018 г. курган был осмотрен сотрудниками лаборатории археологии ФИЦ УУХ СО РАН в ходе проведения археологической разведки.

Размеры кургана 30 (СЗ–ЮВ) × 29 (СВ–ЮЗ) м, максимальная высота 1,3 м от уровня современного дневного горизонта. Земляная насыпь нарушена норами и охотничьими подкопами, на поверхности почвенных выкидов которых обнаружены куски жженого дерева, обломки костей человека, керамический сосуд с ручками-рожками, фрагменты других сосудов и бронзовые предметы. Среди последних присутствуют вотивные чеканы и кинжал, зеркала, ножи, бляшка в виде фигурки кулана (?). По обнаруженным в выносе из норы костям человека в ЦКП «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН получена AMS-дата с калиброванным интервалом 2σ II в. до н.э. – I в. н.э., что соответствует времени бытования позднетагарских комплексов в районе исследования. В июне 2023 г. сотрудниками ФИЦ УУХ СО РАН, ИАЭТ СО РАН и ИНГГ СО РАН путем магнитометрических исследований установлены локализация и параметры основного объекта кургана – склепа, а также выявлен ряд других аномалий, предположительно имеющих археологическое значение.

Задачами раскопок 2024 г. являлись получение новых данных о позднетагарских комплексах на крайних участках северо-западной периферии тагарской культуры Мариинской лесостепи, а также сохранение археологического объекта.

Описание материалов

Вся насыпь кургана была включена в раскоп размером 30 × 30 м, ориентированный углами по сторонам света. Стратиграфия памятника фиксировалась по профилям стенок и трех контрольных бровок. Выборка почвы велась до кровли «материкового» горизонта.

Курган представлял собой округлую в плане насыпь из гумусированной почвы, возведенную поверх выкида материкового суглинка, извлеченного при рытье котлована склепа (мог. 1). Выкид в плане имел вид несомкнутого кольца с внешними размерами 18,4 × 15,3 м, ориентированного по линии СЗ–ЮВ (рис. 1, *1*). Его высота над уровнем древней погребенной поверхности достигала 0,8 м. Разрыв кольца выкида с юго-западной стороны объясняется необходимостью сохранения доступа – «входа» в склеп. Следов каменной или деревянной ограды на уровне древней дневной поверхности выявлено не было. Над выкидом в уже сформированную насыпь установлено 10 небольших (в среднем – 0,7 × 0,35 м, высотой до 0,4 м) отдельностей выветрелого железистого кварцита. Еще два камня, состоявшие из небольших обломков располагались напротив входа в склеп и также были установлены в насыпь кургана (рис. 1).

* Исследования проводились в рамках реализации поддержанного ВОО РГО грантового проекта «Экспедиция "Тайны кургана Алчедат"». В раскопках приняли участие более 100 человек – отряды детско-юношеской организации РПЦ «Братство православных следопытов», школьники из г. Кемерово, Новокузнецк, Осинники, Мариинск и с. Алчедат, студенты-практиканты КГПИ КемГУ, студенты ИИиМО КемГУ, волонтеры.

Основной объект кургана – склеп (мог. 1) сооружен в прямоугольной яме размерами 5,27 (СВ–ЮЗ) × 5,65 (СЗ–ЮВ) м, глубиной до 1,3 м от уровня древнего горизонта. Котлован склепа занимал все внутреннее пространство вала материкового выкида (рис. 1). Ближе к западному углу в склеп вел наклонный вход-дромос размерами 2,04 × 1,2 м, в плане имевший вид удлиненного полуовала, ориентированного по линии С–Ю.

Могила полностью разрушена в древности. От деревянной конструкции сохранились лишь остатки двух бревен перекрытия с фрагментами берестяного полотна. Почвенное заполнение, густо пронизанное множественными норами, имело выраженные следы интенсивного термического воздействия (линзы прокала, обломки жженого дерева и мелких угольков). Преимущественно восточная часть могилы насыщена разрозненным переотложенным археологическим материалом: обломками костей людей и животных, фрагментами керамических сосудов, единичными изделиями из кости, стекла, камня и бронзы (рис. 2).

Судя по незначительному древесному тлену, стенки могилы были укреплены срубом. На дне могилы свое первоначальное положение сохранили лишь остатки шести керамических сосудов и раздавленный череп у северо-восточной стенки. Судя по последней находке, один из нижних рядов погребенных был ориентирован головой в северо-восточном направлении. Недалеко от керамических сосудов, сохранившихся *in situ* вдоль юго-западной стенки, зафиксирован небольшой участок (0,3 × 0,6 м) оставшихся на дне костей человека и нескольких предметов из бронзы, железа и стекла, перемешанных с необожженными кусками деревянного пола и перекрытия. Здесь обнаружен комплект из сложенных вместе бронзовых ножа, шила и зеркала с фрагментами ткани (рис. 3, *1*). Между предметами зафиксированы обожженные зерна *Cannabis sativa L.* (конопля посевная)*.

Характер ограбления могилы выглядит беспрецедентно. Судя по тому, что в заполнении склепа нет ни одной целой

Рис. 1. Одиночный курган Алчедат III.

1 – общий вид раскопа с выкидом (голубыми точками обозначены камни); *2* – конструкция из камня и пятна могил 1–4 на уровне «материка».

* Определение произведено в гербарии Кузбасского ботанического сада ФИЦ УУХ СО РАН д-ром биол. наук А.Н. Куприяновым и канд. биол. наук И.А. Хрусталевой.

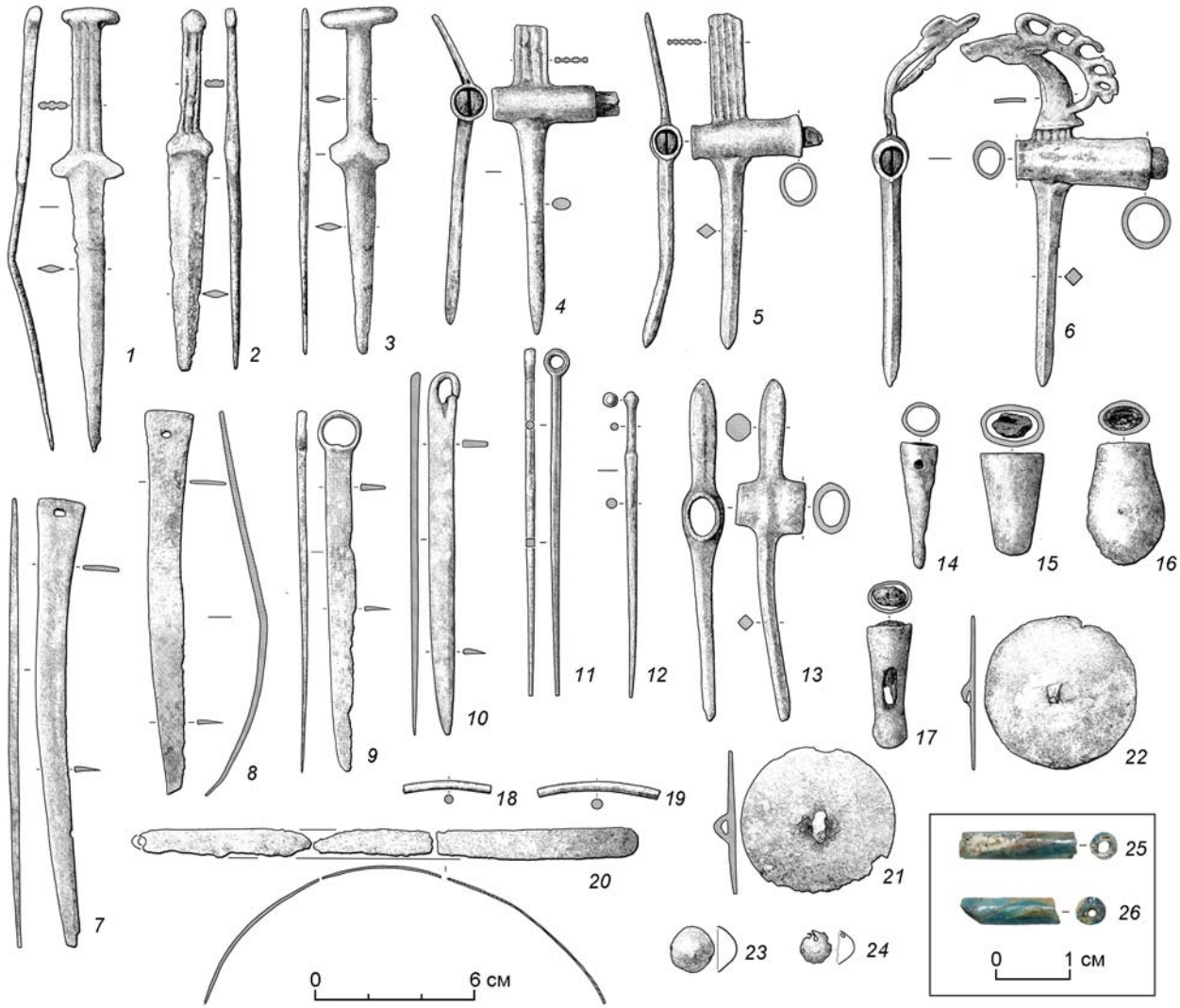

Рис. 2. Одиночный курган Алчедат III. Мог. 1 (склеп). Погребальный инвентарь.
1–3 – кинжалы; *4–6*, *13* – чеканы; *7–10* – ножи; *11*, *12* – шилья; *14–17* – втоки; *18*, *19* – гривны; *20* – браслет; *21*, *22* – зеркала; *23*, *24* – бляшки; *25*, *26* – пронизки. *1–24* – бронза; *25*, *26* – стекло.

длинной кости и черепа, захороненные останки были преднамеренно переломаны и частично выброшены из могилы, большая часть инвентаря изъята. Только после этого могила была подожжена.

К комплексу мог. 1 также, с большой долей вероятности, относится ряд объектов и отдельных предметов, зафиксированных в насыпи и связанных преимущественно с деятельностью норных животных. В совокупности с этими находками, по предварительным подсчетам, в склепе захоронено ок. 30 человек, присутствуют останки взрослых и детей*. Погребальный инвентарь мог. 1 включает в себя: представительный набор керамических емкостей, среди которых сосуды со сливом, на поддоне, с горизонтальными ручками-рожками; бронзовые чеканы (см. рис. 2, *4–6*, *13*), втоки (см. рис. 2, *14–17*), зеркала с петелькой (см. рис. 2, *21*, *22*), ножи (см. рис. 2, *7–10*), шилья (см. рис. 2, *11*, *12*), иглы, обломки пластинчатых браслетов (см. рис. 2, *20*) и гривен (см. рис. 2, *18*, *19*), полусферические бляшки (см. рис. 2, *23*, *24*), обломки других изделий; фрагмент железного предмета; один костяной наконечник стрелы; подвеску из зуба животного; стеклянные пронизки (см. рис. 2, *25*, *26*) и бисер; каменную бусину.

В насыпи, в кровле выкида из мог. 1, в теле самого выкида, а также на материковой поверхности выявлен ряд других объектов, не связанных напрямую с комплексом склепа.

Первая группа объектов, зафиксированная в процессе зачистки кровли «материка», включает три захоронения (мог. 2–4; см. рис. 1, *2*), расположенные к северу и к югу от склепа. Все они полностью (мог. 3 и 4) или частично (мог. 2) перекрыты выкидом. Объекты представляли собой пятна подпрямоугольной формы (мог. 2 – 2,46 × 0,72 м; мог. 3 – 2,46 ×

* Здесь и далее половозрастные определение антрополога П.В. Ковзуновой.

Рис. 3. Одиночный курган Алчедат III.

1 – мог. 1, комплект: нож, шило, зеркало; *2* – мог. 2, общий вид сверху; *3* – мог. 2, керамический сосуд.

× 0,75 м; мог. 4 – 1,92 × 65 м) с мешаным заполнением. Глубина могил варьируется от 0,17 до 1 м от уровня кровли «материка». В мог. 2 совершено парциальное захоронение двух детей (1–3 и 4–7 лет; рис. 3, *2*). В заполнении обнаружен фрагмент железного предмета (нож ?), слева в ногах керамический сосуд (рис. 3, *3*). В мог. 3 захоронена женщина ок. 45 лет вытянуто на спине, головой на З. У правой руки плошка из разбитого керамического сосуда. В мог. 4 скелет женщины старше 55 лет уложен вытянуто на спине головой на ЮЗ. Среди костей обнаружен кусок бересты.

Вторую группу объектов составляют безынвентарные захоронения детей 0–6 лет в насыпи (мог. 5–9). В одном случае (мог. 5) зафиксированы остатки деревянного перекрытия.

Третью группу объектов составляют преимущественно захоронения взрослых, впущенные в насыпь (мог. 10–15). Погребения разнотипны: на спине с подогнутыми ногами (мог. 12), на животе с перекрещенными ногами (мог. 11), на животе с подогнутыми ногами (мог. 10), вытянуто на спине (мог. 13–15). Один из объектов представляет собой нарушенное более поздней впускной могилой парное захоронение на выкиде (мог. 14). Рядом с ним ярусное впускное захоронение – нижний скелет вытянуто на спине (мог. 13), а верхние – парциальные захоронения на выкиде (мог. 15). Только в двух могилах были найдены предметы – костяной наконечник стрелы с расщепленным черешком (мог. 10) и изделие из отростка рога косули (мог. 14).

Четвертую группу объектов составляют отдельные кости и зубы животных, череп лошади и скелет собаки, локализованные в насыпи, на уровнях древнего горизонта и кровли выкида из склепа.

Пятую группу представляет один объект (мог. 16) – яма размером 0,25 (ЮЗ–СВ) × 0,2 (СЗ–ЮВ) м, глубиной до 0,05 м, расположенная на расстоянии 9,8 м к западу от западного угла склепа, с захоронением мелких жженых костей.

Обсуждение

По всем компонентам погребального комплекса склеп одиночного кургана Алчедат III имеет многочисленные аналогии в памятниках позднего этапа тагарской культуры. К квалифицирующим характеристикам этого периода относятся наличие обширной погребальной камеры, сложная конструкция перекрытия с использованием бересты, десятки погребенных, сожжение склепа. К позднетагарскому времени относится большинство склепов с выявленными лазами и дромосами.

Несмотря на серьезную ограбленность, полученный предметный комплекс дает ясное представление о месте склепа в типологии позднетагарских памятников лесостепного района. Серия чеканов с рубчатым обухом (см. рис. 2, *4–6*), чеканы с симметричной укороченной втулкой (см. рис. 2, *13*), кинжалы с рубчатой рукоятью (см. рис. 2, *1*, *2*), ножи с трапециевидной рукоятью (см. рис. 2, *7*, *8*), прямообушковые ножи (см. рис. 2, *9*, *10*), шило с кольчатым навершием

(см. рис. 2, *11*), гривны (см. рис. 2, *18*, *19*), сосуды со сливом – весь данный комплекс характерен для лепешкинской группы погребений позднего этапа тагарской культуры [Герман, Субботин, Боброва, 2023, с. 141–144].

Уникальна находка чекана с обухом в виде головы оленя (см. рис. 2, *6*). В отличие от других чеканов с фигурками оленей и козлов на обухе, также характерных именно для лепешкинских памятников, олень на алчедатском чекане полностью копирует часть оленной бляхи и сопоставим с ней по габаритам. Данный образ соотносится с некоторыми экземплярами блях типа II-Г [Мартынов, 1979, табл. 40, *13*, *16*, *17*], характерными для памятников лепешкинской группы.

На полу склепа были обнаружены две цилиндрические бусины из синего стекла (см. рис. 2, *25*, *26*), аналогии которым известны в позднетагарских склепах курганных могильников Утинка, Тисульский (Кондрашка) и Шестаково I в Мариинской лесостепи. Стекло натриевое*, класс соответствует формуле Na_2O-CaO-SiO_2, тип – $Na_2OK_2OCaOMgOSiO_2Al_2O_3$ [Щапова, 1989, с. 99, 106].

Также с позднетагарскими (лепешкинскими) комплексами связаны единичные случаи находок обожженных зерен растений. Зерна ячменя и проса были обнаружены под бронзовыми зеркалами в склепах кург. 2 и 12 могильника Серебряково I [Мартынов, 1979, с. 100]**. Находка в алчедатском кургане, зафиксированная в аналогичном контексте, – первый случай обнаружения *Cannabis sativa L.* в тагарском комплексе.

Лепешкинская группа памятников датируется в пределах III–I вв. до н.э. [Кузьмин, 2011, с. 219]. Алчедатский склеп, судя по одиночному расположению кургана, принадлежит к группе позднейших лепешкинских и может быть отнесен к II–I вв. до н.э., что подтверждается полученной ранее радиоуглеродной датой.

Особенностью исследованного кургана является конструкция из камней и наличие разнотипных захоронений, впущенных в насыпь, и в материковых ямах. Система камней алчедатского кургана (см. рис. 1) позволяет объяснить случаи, зафиксированные ранее фрагментарно. В опубликованных материалах раскопок 1950–1970-х гг. присутствуют единичные упоминания о наличии отдельных камней на поверхности или в теле насыпи курганов могильника Серебряково I [Мартынов, Бобров, 1971, с. 8] и одиночного кургана Большой Берчикуль [Бобров, 1980, с. 89]. В последнем случае также встречены различные объекты в насыпи. Сам курган по наличию сосудов со сливом, чеканов с рубчатым обухом, прямообушковых ножей и кольчатого шила также следует отнести к лепешкинской группе позднетагарских памятников. Судя по чертежу, сохранившиеся камни планиграфически образуют квадрат со сторонами примерно 10 × 10 м. Расстояние между камнями от 1,5 до 3,0 м, так же как в алчедатском кургане. Однако на Алчедат III фиксируется совершенно иная форма конструкции из камней. Установленные камни образовывали несомкнутый круг диаметром 15 м, в центре которого находилась мог. 1. Таким образом, отмечаемое ранее для ряда позднетагарских комплексов Мариинской лесостепи присутствие камней в насыпи, связано с объектами, сооруженными не на уровне древнего горизонта, а непосредственно в насыпи. Конструкция в форме круга, совершенно несвойственная для тагарской погребальной архитектуры, зафиксирована впервые.

Несмотря на указанное различие в конструкции из камня, курган на оз. Большой Берчикуль является типологически наиболее близким алчедатскому. Здесь также на уровне выкида к СЗ и ЮВ от склепа обнаружены человеческие останки [Там же, с. 87, 88]. Это один из немногих примеров фиксации в насыпи отдельных захоронений или объектов, связанных с выносом из склепа в лесостепных тагарских памятниках.

В насыпи алчедатского кургана присутствует несколько групп захоронений. За исключением могилы по обряду кремации на стороне, все эти объекты связаны с локализацией выкида. Детские захоронения устроены в кровле выкида или у его основания. Для взрослых добавляется вариант захоронения в теле выкида. Некоторые захоронения совершены в несколько ярусов, при этом в одном случае новое впускное погребение нарушило парное захоронение взрослого и ребенка. Трупоположения взрослых совершены в различных позах, присутствуют парциальные захоронения. Учитывая более поздний характер впускных захоронений в насыпи, а также фиксируемое разнообразие специфичной погребальной практики, данные объекты следует предварительно соотнести с тесинской группой населения позднетагарского времени [Кузьмин, 2011, с. 113–144, 287].

Из общего контекста захоронений выделяются три могилы, углубленные в материковый суглинок (мог. 2–4). Учитывая их планиграфическую и стратиграфическую локализацию, представляется наиболее вероятным, что данные объекты появились до формирования насыпи кургана, т.е. хронологически связаны с периодом функционирования склепа. Особый интерес представляет мог. 2 (рис. 3, *2*). Здесь на дне могилы обнаружен небольшой керамический плоскодонный сосуд «кувшиновидной» формы с парой сквозных от-

---

* Данные полуколичественного анализа были получены в ЦКП ФИЦ УУХ СО РАН с помощью сканирующего электронного микроскопа JEOL JSM-6390 LA с рентгеновским энергодисперсионным анализатором JED 2300. Аналитик канд. хим. наук С.А. Созинов.

** Автор определения в работе не указан.

верстий в верхней части шейки (рис. 3, *3*). В области шейки и плечика он орнаментирован частыми ногтевидными вдавлениями, сгруппированными в два ряда, сверху и снизу обрамляющими грубо выполненную насечками горизонтальную «елочку». Обряд и сопутствующий инвентарь погребения находит наибольшие соответствия в памятниках каменской культуры Верхнего Приобья. Форма и орнамент сосуда близки, в частности, находкам из Новотроицкого некрополя, для которого не исключается связь с тагарской культурой [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 181, рис. 9, *11*; 70, *4*]. К этому следует добавить, что расположение мог. 2–4 относительно склепа схоже с круговой планировкой могил в каменских курганах. Ранее уже отмечались ряд большереченских (каменских) параллелей, характерных для лепешкинских комплексов тагарской культуры – сосуды со сливом, орнаментированные зеркала, ряд предметов и образов в мелкой пластике [Герман, Субботин, Боброва, 2023, с. 143, 144]. Исследованные в кургане Алчедат III мог. 2–4, сопутствующие основному тагарскому объекту – склепу, подтверждают значимую роль каменского населения в формировании лепешкинского материального комплекса позднего этапа тагарской культуры.

Заключение

Правобережье р. Кии относится к крайней западной территории распространения тагарских курганов, одним из которых являлся исследованный в 2024 г. одиночный курган Алчедат III. Основной объект кургана относится к лепешкинской группе погребальных комплексов позднетагарского времени и датируется в пределах II–I вв. до н.э.

Несмотря на полное разграбление склепа, курган Алчедат III сохранил в себе ряд других уникальных компонентов погребальной практики населения раннего железного века Мариинской лесостепи. Во-первых, обнаруженный комплекс захоронений впервые наглядно демонстрирует наличие практики впускных могил в позднетагарских курганах лесостепного района. Во-вторых, находка конструкции в виде круга из камней, в совокупности с ранее известными данными, позволяет предполагать, что камни, известные на позднетагарских курганах по материалам раскопок и разведок, являются остатками сооружений, установленных в уже сформированную насыпь. В-третьих, выявлен ряд инокультурных могил, размещенных вокруг основного объекта кургана. Данные захоронения, наиболее вероятно, связаны с населением каменской культуры.

Новые уникальные данные позднетагарского некрополя Алчедат III актуализируют дальнейшие полевые исследования курганных могильников северо-западной периферии ареала тагарской культуры.

Благодарности

Полевые работы на ОКН «Одиночный курган Алчедат III» проведены в рамках реализации проекта «Экспедиция “Тайны кургана Алчедат”» по договору № 08/2024-Р от 10.06.2024 г. между ВОО РГО и ФИЦ УУХ СО РАН. Аналитическая обработка материала выполнена в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № АААА-А21-121012090006-0, проект «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Список литературы

Бобров В.В. Курган на озере Большой Берчикуль // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1980. – С. 86–94.

Герман П.В., Субботин А.В., Боброва Л.Ю. Курган 29 Березовского могильника (раскопки М.Н. Пшеницыной 1981 года): к атрибуции позднетагарских погребальных комплексов в лесостепном районе // Зап. ИИМК. – 2023. – № 29. – С. 132–146. – doi:10.31600/2310-6557-2023-29-132-146

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. – СПб.: Айсинг. 2011. – 456 с.

Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области: мат-лы к Своду памятников истории и культуры СССР. – Кемерово: Кн. изд-во, 1989. – Вып. 1. – 158 с.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 208 с.

Мартынов А.И., Бобров В.В. Серебряковский могильник // Изв. Лаборатории археолог. исслед. – Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 1971. – Вып. 3. – 132 с.

Плац И.А. Картографирование археологических памятников на севере Кузбасса в 1958–1959 гг. // Сб. мат-лов конф. Развитие-2021. – Кемерово: ФИЦ УУХ СО РАН, 2021. – С. 228–247.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – 329 с.

Щапова Ю.Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав: уч. пос. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1989. – 120 с.

References

Bobrov V.V. Kurgan na ozere Bol’shoi Berchikul’. In *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri*. Kemerovo: Kemerovo State Univ. Press, 1980. P. 86–94. (In Russ.).

German P.V., Subbotin A.V., Bobrova L.Y. Barrow 29 of the Berezovsky cemetery (M.N. Pshenitsyna’s excavations of 1981): attributions of the late tagar burial complexes in a forest-steppe area. In *Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*.

St. Petersburg: IHMC RAS Publ., 2023. No. 29. P. 132–146. (In Russ.). doi:10.31600/2310-6557-2023-29-132-146

Kulemzin A.M., Borodkin Y.M. Arkheologicheskie pamyatniki Kemerovskoi oblasti: Materialy k Svodu pamyatnikov istorii i kul'tury USSR. Kemerovo: Kemerovo Publ, 1989. Iss. 1. 158 p. (In Russ.).

Kuzmin N.Y. Pogrebal'nye pamyatniki khunno-syan'biiskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya: Tesinskaya kul'tura. St. Petersburg: Aising, 2011. 456 p. (In Russ.).

Martynov A.I. Lesostepnaya tagarskaya kul'tura. Novosibirsk: Nauka, 1979. 208 p. (In Russ.).

Martynov A.I., Bobrov V.V. Serebryakovskii mogil'nik. In *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovanii*. Kemerovo: Kemerovo State Univ. Press, 1971. Iss. 3. 132 p. (In Russ.).

Plats I.A. Mapping of archaeological sites in the north of Kuzbass in 1958–1959. In *Sbornik materialov Konferentsii "Razvitie-2021"*. Kemerovo: FRC CCC SB RAS, 2021. P. 228–247. (In Russ.).

Shchapova Y.L. Drevnee steklo. Morfologiya, tekhnologiya, khimicheskii sostav. Uchebnoe posobie. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1989. 120 p. (In Russ.).

Shulga P.I., Umanskii A.P., Mogil'nikov V.A. Novotroitskii nekropol'. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2009. 329 p. (In Russ.).

Герман П.В. https://orcid.org/0000-0002-8123-6992
Леонтьев С.Н. https://orcid.org/0000-0002-6231-4043
Калинская А.В. https://orcid.org/0000-0002-3644-5111
Ковзунова П.В. https://orcid.org/0000-0002-7312-7817
Ширин Ю.В. https://orcid.org/0000-0002-2116-1677
Голованов Д.Р. https://orcid.org/0009-0003-1474-4414
Васютин С.А. https://orcid.org/0000-0001-8707-0586
Лесникова А.Р. https://orcid.org/0009-0006-8855-2812
Зимин А.А. https://orcid.org/0009-0005-5527-2104

Дата сдачи рукописи: 28.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0471-0476
УДК 903.5

И.С. Гнездилова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: gnezdilova06@mail.ru

Бронзовые короны в погребениях периода кофун. Обзор памятников

В статье представлен обзор погребений периода кофун (III–VII вв. н.э.), в которых найдены бронзовые короны. Период кофун характеризовался отсутствием сильного единого центра власти, однако племенные объединения, расселявшиеся в центральной части равнины Нара, стремились объединить под своей властью всю территорию архипелага. В удаленных от Нара районах сохранялись региональные лидеры, что нашло отражение в захоронениях статусных персон. Важными внешними признаками принадлежности кургана к погребениям высокого статуса были размеры и форма кургана, наличие дополнительных пристроек, цилиндрических и скульптурных ханива. Курганы, расположенные на территории удаленных провинций, при достаточно «скромных» размерах содержат разнообразный и представительный погребальный инвентарь: бронзовые короны, серьги, украшения, элементы одежды и обуви. В данной работе проанализированы находки из памятников, расположенных в разных регионах архипелага, где были найдены бронзовые короны. Памятники с коронами встречаются на трех островах архипелага (о-ва Хонсю, Сикоку, Кюсю). Географическое расположение памятников показывает, что, с одной стороны, местные власти были включены в применение общих для того времени погребальных традиций, с другой, сохраняли локальные особенности погребальной культуры. Внутренняя структура курганов характеризуется наличием горизонтальных каменных камер. Особенности архитектуры курганов и статусного погребального инвентаря свидетельствуют о стремлении местных властей продемонстрировать свою легитимность. Существенным фактором наличия статусных предметов являлись тесные культурные связи с материком, особенно с Корейским п-овом. Погребальный инвентарь курганов элиты также мог дополняться предметами вооружения, доспехами, деталями конского снаряжения, керамикой.

Ключевые слова: *период кофун, погребения, бронзовые короны*.

I.S. Gnezdilova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: gnezdilova06@mail.ru

Bronze Crowns in Burials of the Kofun Period. Review of Burial Mounds

This article provides an overview of Kofun period (3rd–7th centuries AD) burial mounds where bronze crowns were found. During the Kofun period, there was no single center of power in the archipelago, but the chiefdoms of the central part of the Nara Plain sought to unite the entire territory of the archipelago under their rule. Leaders of the areas distant from Nara retained their power. This was reflected in the arrangement of burial mounds of high-status persons. Important external symbols of the fact that a person of high status was buried in a mound were the size and shape of the mound, additional extensions, cylindrical and sculptural haniwa. The burial mounds located in remote provinces are not very large in size, but they contain diverse and representative funerary equipment: bronze crowns, earrings, jewelry, details of clothing, and footwear items. This paper analyzes the finds and structure of burial mounds in which bronze crowns were found from various regions of the Japanese archipelago. Burial mounds with crowns are located on three islands of the archipelago (the islands of Honshu, Shikoku, Kyushu). The geographical location of the monuments shows that, on the one hand, the local authorities followed the funerary traditions common for that period; on the other hand, they retained local peculiarities of funerary culture. The internal structure of the mounds consists of horizontal stone chambers. The construction of the burial mounds and the status burial inventory show that local authorities sought to demonstrate the legitimacy of power. An important factor in the presence of status objects in the funerary inventory is the existence of cultural ties with the states of the Korean peninsula. The burial inventory of elite burial mounds could also be supplemented with weapons, armor, horse equipment, and ceramics.

Keywords: *Kofun period, burial mound, bronze crowns.*

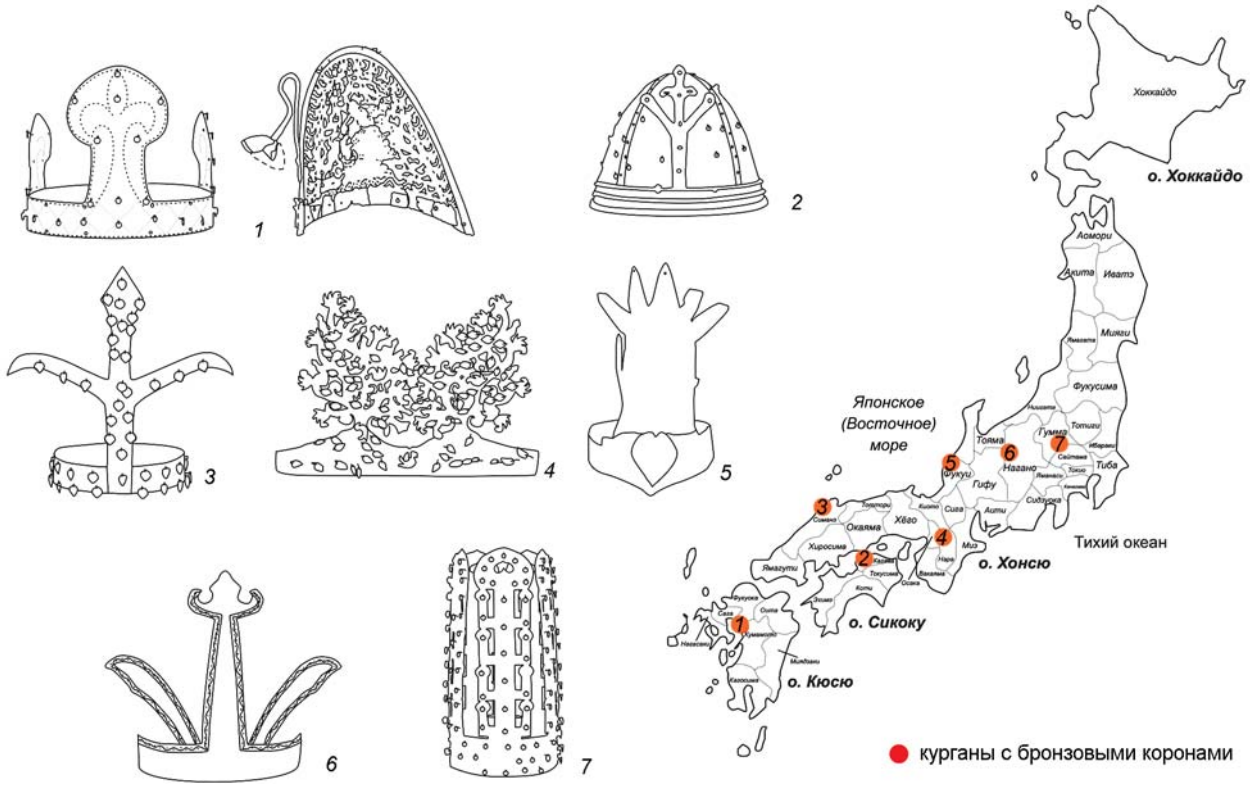
Период кофун (III–VII вв. н.э.) на территории Японского архипелага – время, когда сильного единого центра власти еще не существовало. Племенное объединение на равнине Нара во главе с вождями пыталось объединить под своей властью все регионы архипелага. Однако вожди, стоявшие во главе племенных объединений других регионов, особенно удаленных от центра, сохраняли основные властные функции на своих территориях. Тем не менее с конца III в. практически по всему архипелагу распространилась традиция погребения в курганах. При некоторых территориальных различиях эта практика отличалась единообразием, включая строительство курганов квадратно-круглой формы для захоронения людей высокого статуса. Внешними признаками, сообщавшими проходившему путнику, что в кургане погребен «важный» человек, являлись следующие элементы: размеры и форма кургана, наличие рва и пристроек, наличие цилиндрических ханива, формировавших сакральное пространство погребения, и скульптурных ханива, создававших акценты на отдельных областях жизни вождя. Не всегда, однако, только по внешним признакам кургана можно определить его как погребение человека высокого статуса. Удаленные от центральных районов о. Хонсю курганы вождей при внешне небольших размерах иногда удивляют интересными находками, обнаруживаемыми внутри погребения, включая предметы – символы самого высокого статуса. К таким статусным предметам в составе погребального инвентаря можно отнести особого типа украшения – короны и пластины-накладки на головные уборы, выполненные из бронзы и покрытые золотой фольгой, серьги и ожерелья, кольца и браслеты, бусины разных типов, нашиваемые на одежду и головные уборы, поясные накладки, а также особый тип обуви, выполненный из позолоченной бронзы с подвесками. Находки подобных предметов не столь многочисленны. В рамках данной работы остановимся на характеристике памятников, где были обнаружены бронзовые короны. На сегодняшний день известно о нескольких таких памятниках.

Исследуя кофуны с коронами с юга на север архипелага, следует начать с кургана, расположенного на побережье моря Ариакэ (полузакрытый залив японского побережья Восточно-Китайского моря). Здесь находится курган Этафунаяма (г. Нагоми, преф. Кумамото, о. Кюсю) (см. *рисунок*, *1*). В группе курганов Сэйбару он является самым древним и самым большим. По форме это квадратно-круглый курган с общей длиной насыпи 62 м, высотой насыпи ок. 10 м. Древние мастера построили курган на выровненной площадке тремя ступенями, в месте соединения насыпей оборудовали пристройки, а по всему периметру сделан ров.

В 1863 г. были проведены первые и самые масштабные раскопки. На уровне древней поверхности насыпи исследователи обнаружили ханива цилиндрические, с раструбом, в форме дома и в форме лошади. На пристройках, в месте соединения двух насыпей, – 14 керамических сосудов. По технике изготовления и материалу сосуды относятся к типу керамики суэ, которая производилась на производственных площадках Суэмура (находились в районе современного г. Сакаи, преф. Осака, центральная часть о. Хонсю). Погребальная камера горизонтального типа расположена в центре круглой насыпи. В камере был обнаружен каменный саркофаг, оформленный в виде дома с входом, вырубленным в одной из коротких сторон. Вход закрывался плитой. Изготовлен саркофаг из вулканического туфа, доставляемого с вулкана Асо (расположен в центральной части о. Кюсю). Погребальный инвентарь включал пять китайских бронзовых зеркал (включая зеркало с изображением божеств и колесницы), а также зеркало местного производства, бусы, оружие, доспехи, снаряжение лошади, керамику суэки, бронзовую накладку квадратной формы с подвесками размерами ок. 7–10 см, которая нашивалась на головной убор, бронзовые туфли, поясные пряжки. Есть аксессуары с яркими корейскими элементами, напр., серьги с золотой подвеской. Также был найден длинный меч, содержащий надпись из 75 знаков, инкрустированных серебром. Кроме этого, в саркофаге были обнаружены три предмета, которые можно отнести к головным уборам представителей элиты, покрытым золотой фольгой [Цуцуми, 2010, с. 35]. Из трех головных уборов только один можно отнести к «классическому» типу корон. Второй головной убор является скорее шлемом военачальника, аналоги которых встречаются в корейских памятниках. По форме он ближе к высокой пилотке, к задней части которой крепится на фигурной пластине небольшой колокольчик (см. *рисунок*, *1*). Состав погребального инвентаря свидетельствует о том, что в данном кургане захоронения производились неоднократно. Вероятно, данный курган служил местом упокоения нескольких поколений вождей.

Продвигаясь далее на северо-восток архипелага, следует отметить единственный из известных на сегодняшний день памятников с короной, расположенный на территории о. Сикоку. Примерно в 6 км от побережья Внутреннего Японского моря в предгорьях горы Оса, в г. Дзэнцу:дзи преф. Кагава расположен курган О:хакаяма (см. *рисунок*, *2*). Курган имеет квадратно-круглую форму, общая длина – 46 м, высота круглой насыпи – 6 м. Датируется кофун началом VI в.

В 1982 г. были проведены исследования основной части, где располагалась горизонтальная погребальная камера со входом. Она оказалась не разграблена, и весь инвентарь сохранился. Вход в камеру закрыт большой прямоугольной плитой, внутри камеры такими же плитами с небольшим подъемом от уровня пола отделено пространство для погребальной ком-

Короны и местонахождение кофунов с бронзовыми коронами.

1 – курган Этафунаяма (г. Нагоми, преф. Кумамото, о. Кюсю); *2* – курган О:хакаяма (г. Дзэнцу:дзи, преф. Кагава, о. Сикоку); *3* – курган Камиэнъяцукияма (г. Идзумо, преф. Симанэ, о. Хонсю); *4* – курган Фудзиноки (пос. Икаруга, преф. Нара, о. Хонсю); *5* – курган Нихонмацуяма (пос. Эйхэйдзи, преф. Фукуи, о. Хонсю); *6* – курган Сакурагаока (г. Мацумото, преф. Нагано, о. Хонсю); *7* – курган Кинкандзука (г. Маэбаси, преф. Гумма, о. Хонсю).

наты. Инвентарь находился как внутри комнаты, так и рядом в пространстве камеры и составлял сосуды типа *суэки, хадзики*, детали конской упряжи, оружие, включая меч с гардой из бронзы, покрытой золотой фольгой, доспехи, бронзовую корону (см. *рисунок*, *2*), серьги, в большом количестве различного типа бусины, а также диски из талька с отверстиями в центре и точильный камень [О:хакаяма, 1983, с. 20]. Этот район находится на транспортном пути, проходящем по Внутреннему Японскому морю.

На территории о. Хонсю в разных регионах расположено несколько курганов с коронами. В г. Идзумо преф. Симанэ примерно в 8 км от побережья Японского моря находится кофун Камиэнъяцукияма (см. *рисунок*, *3*), который датируется концом VI в. Погребальная камера кургана была открыта в 1887 г. В горизонтальной камере, длина которой составляет 14,6 м, первые исследователи обнаружили два каменных саркофага в форме дома и многочисленный погребальный инвентарь.

Это курган с круглой формой насыпи, диаметром примерно 46 м. Погребальный инвентарь включал бронзовую корону (см. *рисунок*, *3*), покрытую золотой фольгой, серебряные сережки, длинные мечи с рукоятями, покрытыми золотой фольгой [Камиэнъяцукияма..., 2004, с. 72].

На территории равнины Нара также был обнаружен памятник с бронзовой короной. Курган Фудзиноки (см. *рисунок*, *4*) является небольшим круглым курганом с насыпью диаметром 48 м. Датируется второй половиной V в. Курган не имеет каменной кладки и рва. Под насыпью находилась погребальная камера с каменным саркофагом, где были погребены двое взрослых. По традиционной версии, это принцы Якабэ-но мико и Анахабэ-но мико. Курган не был потревожен. Погребальный инвентарь включал керамику, мечи, украшения, зеркала, бронзовую корону (см. *рисунок*, *4*), а также головной убор с нашитыми на него круглыми бусинами. Также в саркофаге обнаружен браслет для ног, бронзовая с подвесками обувь и цилиндрический предмет с подвесками в виде лепестков, такими же, как на короне [Фудзиноки, 1991, с. 13].

На западном побережье архипелага, выходящем к Японскому морю, помимо кургана Камиэнъяцукияма, расположен еще один памятник с короной. Кофун Нихонмацуяма (см. *рисунок*, *5*) находится на вершине горы Нихонмацу с видом на р. Кудзурю в пос. Эйхэйдзи. Сохранились исторические записи о том, что в 1716 г. здесь проводились раскопки, в результате которых из каменного саркофага был извлечен погребальный инвентарь. Однако сохранилась только

схема этого саркофага (саркофаг 1), сделанная после вторых раскопок, предпринятых в 1880 г. Известно, что это был саркофаг в форме лодки и имел выступы для крепления веревки, длина (без учета выступов) 287,7 см, ширина – 115,5 см. От погребального инвентаря сохранилась только одна магатама. В 1906 г. во время установки на вершине кургана геодезического пункта был обнаружен второй саркофаг (2). Тогда исследования провел Такахаси Кэндзи, в то время являвшийся главой исторического отдела Министерства императорского двора. В ходе раскопок был обнаружен саркофаг (2) в форме лодки длиной 192,4 см и шириной 76,4 см. Погребальный инвентарь составлял бронзовое зеркало, позолоченную бронзовую корону (см. *рисунок*, *5*), посеребренную бронзовую корону похожей формы, четыре бусины кудатама, мечи разных типов, 13 единиц рукоятей меча, сделанных из рога оленя, и металлические детали крепления ножен. В 2002–2003 гг. были проведены топографические замеры и частичные раскопки кургана комитетом образования г. Мацуока. По результатам исследования было установлено, что курган имеет квадратно-круглую форму, общая длина – 89 м, курган построен двумя ступенями. У основания кургана обнаружены две цилиндрические ханива и одна с раструбом. С восточной стороны от прямоугольной насыпи находится, как предполагается, сопровождающий курган и пристройка. Устройство кургана, форма саркофагов и инвентарь позволяют датировать его концом V в. [Мацуи, 2005, с. 123].

Обзор внешней конструкции памятников указывает на внешнее единообразие в традиции – это «стандартные» курганы квадратно-круглой или круглой формы, достаточно большие для местных погребений, но средние для погребений равнины Нара. На памятниках устанавливалось небольшое число ханива, не всегда сооружались ров и пристройки.

На северо-востоке о. Хонсю находится также несколько кофунов с коронами. В г. Мацумото преф. Нагано расположен курган Сакурагаока (см. *рисунок*, *6*). Он был случайно обнаружен школьниками в 1954 г., и в следующем году проведены раскопки под руководством Иваи О:ба.

Курган имеет круглую форму насыпи диаметром 30 м, высотой 5 м. Датируется второй половиной V в. В кургане была сооружена вертикальная погребальная камера длиной 2,5 м и шириной ок. 1,2 м с выложенным камнями саркофагом размерами 1,8 × 0,6 м. Курган оказался непотревоженным, в силу этого сохранился весь погребальный инвентарь, который включал бронзовую корону (см. *рисунок*, *6*), покрытую позолотой, комплект защитного вооружения – шлем, доспехи; предметы вооружения – мечи, наконечник копья и наконечники стрел; украшения – покрытый черным лаком бамбуковый гребень, бусины из стекла, туфа различных форм [Нагано-кэн, 2003, с. 33].

Самым северным из известных на сегодняшний день памятников с коронами является кофун Кинкандзука. Он получил свое название по находке, обнаруженной в нем: *кинкан* (золотая корона), *дзука* (насыпь, курган, холм). Курган входит в группу Хиросэ (Асакура-Хиросэ). Группа расположена вытянутой линией вдоль побережья р. Хиросэ и включает 154 погребения, которые сооружались здесь с IV по VII в. н.э. Курган Кинкандзука имеет квадратно-круглую форму насыпи, общая длина комплекса – 53 м, выстроен двумя ступенями. Во время первых исследований, в 1912 г. помимо короны (см. *рисунок*, *7*) в погребении были обнаружены фрагмент пояса с бронзовыми накладками, покрытыми золотой фольгой, фрагменты доспехов, оружия и конского снаряжения [Кинкандзука..., 1982, с. 9]. Следующие раскопки, состоявшиеся в 1981 г., были направлены на выяснение внешней конструкции кургана и строения погребальной камеры. На ступенях насыпи сохранились фрагменты ханива различных типов – цилиндрические, антропоморфные, в форме дома, колчана, меча, щита и лошади. Исследования погребальной камеры показали, что в качестве материала использовался камень, добытый на горе Харуна, расположенной примерно в 20 км на северо-запад от памятника. При этом блоки для камеры имеют квадратную форму [Там же, с. 20]. Корона из Кинкандзука имеет аналогии с находками корон из гробниц королей Силла периода Троецарствия Корейского полуострова.

В той же группе Хиросэ (Асакура-Хиросэ) находится кофун Фудзияма, который расположен примерно в 3 км от кургана Кинкандзука, на противоположном конце курганной группы. Форма кургана – квадратно-круглая, общая длина – 54,5 м. Погребальный инвентарь включал фрагмент бронзовой короны, меч, наконечник копья, серьги, керамику суэки. Погребальная камера не сохранилась, но известно, что она была горизонтального типа и изготовлена из квадратных блоков из материала, доставляемого с горы Харуна [Маэба-си, 1999, с. 35].

Анализ курганов периода кофун, с одной стороны, демонстрирует разнообразие культурных традиций, бытовавших на Японском архипелаге в III–VII вв. н.э. С другой, несмотря на нестабильность власти Ямато в этот период, вождям центральной части Японии удалось распространить влияние на соседние племенные союзы, о чем свидетельствует единство погребальных практик, получивших отражение во внешней форме курганов, особенно квадратно-круглой, что стало символом статусных захоронений, объединяющим регионы, несмотря на местные различия.

Находки в погребениях знаков высокого социального статуса не ограничиваются только бронзовыми коронами. К таким символам власти стоит также

относить и бронзовые, покрытые золотой фольгой, накладки квадратной формы, которые, вероятно, нашивались на головной убор, и сужающиеся кверху «шлемы» с колокольчиками, как найденный в кургане Этафунаяма (см. *рисунок*, *1*). Таким образом, выделяются три типа головных украшений, которые служили символами статуса. Вероятно, отличие в форме головного убора указывало на отдельные властные функции персоны.

Бронзовые короны, зачастую покрытые золотой фольгой и украшенные подвесками, несли символическое значение и подчеркивали элитное положение погребенного. Находки корон, наряду с другими предметами, такими как доспехи, серьги, оружие и конское снаряжение, подтверждают высокую степень социальной стратификации. Тесные связи с материковыми культурами, особенно с государством Силла, прослеживаются через аналогии в форме и декоре корон, а также через некоторые элементы погребального инвентаря, такие как серьги и мечи.

Каждый из рассмотренных в статье курганов, от Этафунаяма на юге Кюсю до Фудзияма в префектуре Гумма, вносят вклад в понимание политических и культурных процессов того времени. Курганы, расположенные в удаленных от центра регионах, таких как острова Кюсю, Сикоку, а также на территории западных областей о. Хонсю, демонстрируют локальные особенности погребальной культуры. Но в то же время свидетельствуют об интеграции регионов в более широкие погребальные традиции. Стоит отметить, что некоторые курганы имеют весьма небольшие внешние размеры, но при этом содержат чрезвычайно ценные предметы. Расположение курганов с бронзовыми коронами на архипелаге достаточно четко коррелирует с ключевыми точками транспортных путей периода кофун.

Распространение практики захоронения со статусными предметами относится ко второй половине V в. н.э. Короны, как и другие символы статуса, вероятно, приобретают к этому времени важное значение в политической легитимизации власти местных вождей и знати.

В заключение стоит отметить важность изучения и привлечения данных археологических материалов, полученных в ходе раскопок курганов периода кофун, как ключевых источников для изучения социальной иерархии, культурных связей и политической ситуации в структуре общества данного периода. Находки статусных предметов показывают региональные особенности, а также взаимоотношения Японского архипелага с соседними государствами Восточной Азии. Полученные данные демонстрируют динамику взаимоотношений между центральными и периферийными регионами, роль символики в политических процессах и значимость культурных обменов в развитии японской цивилизации.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта № FWZG-2022-0004 «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии».

Список литературы

Камиэнъяцукияма кофун [Курган Камиэнъяцукияма] / Тоёхару Сакамото, Томоми Тамура, Хироси Ханатани и др. – Идзумо-си: Идзумо-си: кё:икуиинкай, 2004. – 98 с. (на яп. яз.).

Кинкандзука кофун (Санно:футагояма) тё:са гайхо: [Отчет об исследовании кургана Кинкандзука (Санно: футагояма)] / Коити Мацумото, Мицухиро Накадзава, Цуяко Сугиура, Акико Накацука и др. – Маэба-си: Маэба-си кё:икуиинкай, 1982. – 40 с. (на яп. яз.).

Мацуи Масанобу. Исифунэяма кофун, Торигоэяма кофун, Нихонмацуяма кофун. Хэйсэй 13-нэн – Хэйсэй 15-нэндо тё:най исэки ханъи какунин тё:сахо:кокусё [Курган Исифунэяма, курган Торигоэяма, курган Нихомацуяма. Отчет об исследовании археологических объектов города в 2001–2003 гг.]. – Мацуокатё: Эйхэйдзитё: кё:икуиинкай, 2005. – 210 с. (на яп. яз.).

Маэба-си но бункадзай [Культурное наследие города Маэба] / Со:дзи Акуцу, Сигэяки Умэдзава, Ёсио Кондо, Эйдзи Мацусима и др. – Маэба-си: Маэба-си кё:икуиинкай, 1999. – 205 с. (на яп. яз.).

Нагано-кэн, Мацумото-си, Сакурагаока кофун. Сайсэйри хо:кокусё: [Префектура Нагано, город Мацумото, курган Сакурагаока. Отчет о реорганизации] / Утибори Дан, Хиросэ Фумиэ, Юсукэ Катаяма, Хироюки Акаханэ и др. – Мацумото-си: Мацумото-си кё:икуиинкай, 2003. – 75 с. (на яп. яз.).

О:хакаяма кофун тё:са гайхо: [Отчет об исследовании кургана О:хакаяма] / Тоёцугу Мацумото, Ёсиоми Моримото, Тэруаки Хигасихара и др. – Дзэцудзи: Дзэнцудзи си кё:икуиинкай, 1983. – 30 с. (на яп. яз.).

Фудзиноки кофун то кодай Кавати [Курган Фудзиноки и древняя провинция Кавати] / сост., предисл. Ко: Идзумори – Яо: Яо-си бункадзай тё:са кэнкю:кай, 1991. – 65 с. (на яп. яз.).

Цуцуми Кацухико. Этафунаяма кофун-но хисо:ся то Кикутидзё: тикудзё:-но хайкэй о сагуру. [Захоронения кургана Этафунэяма и предпосылки строительства замка Кикути]. – 2010. – Эл. ресурс. – URL: http://hdl.handle.net/2298/15155 (дата обращения: 27.06.2024). (на яп. яз.).

References

Ko: Izumori (ed.) Fudzinoki kofun to kodai Kavachi [Fujinoki Mound and Ancient Kawachi Province]. Yao: Yao-si bunkadzai chyosa kenkyukai, 1991. 65 p. (In Jap.).

Koiti Matsumoto, Mitsuhiro Nakazava, Tsuyako Sugiura, Akiko Nakatsuka. Kinkanzuka kofun (Sannofutagoyama) te:sa gaikho: [The report of archaeological excavation of

Kinkandzuka (Sanno:futagoyama) Tumulus]. Maeba: Maeba-si kyuoikuiinkai, 1982. 40 p. (In Jap.).

Matsui Masanobu. Isifuneyama kofun, Torigoeyama kofun, Nikhonmatsuyama kofun. Heisei 13-nen – Heisei 15-nendo chyonai iseki han"i kakunin chyosahokokusei. [Isifuneyama Tumulus, Torigoeyama Tumulus, Nikhomatsuyama Tumulus. Report on the study of archaeological sites of the city in 2001–2003]. Matsuokachyo: Eikheidzichyo kyoikuiinkai, 2005. 210 p. (In Jap.).

Sozi Akutsu, Sigeyaki Umezava, Esio Kondo, Eizi Matsusima. Maeba-si no bunkazai [Cultural Heritage of Maeba City]. Maeba: Maeba-si kyuoikuiinkai, 1999. 205 p. (In Jap.).

Toyoharu Sakamoto, Tomomi Tamura, Hirosi Hanatani Kamienyatsukiyama kofun [Kamienyatsukiyama Tumulus]. Idzumo: Idzumo-si: ke:ikuiinka, 2004. 98 p. (In Jap.).

Toyotsugu Matsumoto, Esiomi Morimoto, Teruaki Higasihara. Ohakayama kofun chyosa gaeho: [Ohakayama Mound Survey Report]. Dzetsuzy: Dzentsuzy-si kyouikuiinkai, 1983. 30 p. (In Jap.).

Tsutsumy Katsuhiko. Etafunayama kofun-no khiso:sya to Kikutidze: tikudze:-no khaikei o saguru [Etafuneyama Burial Mound and the Background to the Construction of Kikuchi Castle]. 2010. URL: http://hdl.handle.net/2298/15155 (Accessed: 28.06.2024). (In Jap.).

Uchibori Dan, Hirose Fumie, Yusuke Katayama, Hiroyuki Akahane. Nagano-ken, Matsumoto-si, Sakuragaoka kofun. Saiseiri kho:kokuse: [Sakuragaoka Tomb, Matsumoto City, Nagano Prefecture, Reorganization Report]. Matsumoto: Matsumoto-si kyuoikuiinkai, 2003. 75 p. (In Jap.).

Гнездилова И.С. https://orcid.org/0000-0003-3318-0848

Дата сдачи рукописи: 01.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0477-0483
УДК 903.05; 903.21

И.А. Дураков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: idurakov@yandex.ru

Следы металлообрабатывающего производства на городище Завялово-5

Статья посвящена анализу следов металлообрабатывающего производства на городище Завялово-5. Городище датируется в пределах VIII–VII вв. до н.э. Памятник отражает значительные миграционные подвижки населения этого периода. Смешанный характер выявленного здесь комплекса привел к определенным разночтениям в его интерпретации. Прослеженная на основе анализа керамического комплекса ситуация демонстрирует наложение на позднеирменскую основу пришлого компонента, многовекторность культурных связей, а также своеобразную структуру социальных отношений. Целью исследования было проследить, как эти процессы повлияли на такую важную отрасль экономики, как металлообрабатывающее производство. Всего на памятнике полностью или частично исследовано 11 жилищ и 3 хозяйственных строения. Обнаружено 6 бронзолитейных участков. Следы литейной деятельности зафиксированы в четырех жилищах и двух хозяйственных сооружениях. На присутствие бронзолитейного производства на памятнике указывает и найденная в слое вне комплексов серия бронзовых предметов, включающая наконечники стрел, двусоставную бляшку, шило и обломок ножа. Во рву городища, вне какого-либо литейного участка, была найдена льячка в виде небольшой круглодонной чашечки с боковой ручкой. Появление в металлообработке разливных ложек с ручкой-выступом, видимо, связано с изобретением пружинных щипцов зажимного типа. Производственные площадки включали плавильные очаги и хозяйственные ямы. Вокруг них обнаружен литейный инвентарь и отходы бронзолитейной деятельности. Обращает на себя внимание небольшое количество специализированного инвентаря. В качестве плавильных емкостей широко использовались крупные обломки бытовой керамики. Кроме этого, несмотря на значительное инокультурное влияние, отмеченное в керамическом комплексе поселения, бронзолитейное производство во многом сохраняет местные традиции, сложившиеся в ирменской и андроновской культурах. Это выражается в характере организации производственных участков, в использовании заглубленных очагов с глиняным сводом, в применении в качестве тиглей бытовой керамики.

Ключевые слова: *Приобье, переходный период от бронзового века к железному, позднеирменская культура, городище, бронзолитейное производство.*

I.A. Durakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: idurakov@yandex.ru

Traces of Metalworking Production at Zavyalovo-5

The author discusses the traces of metalworking production noted at the site of Zavyalovo-5 that dates back to the 8th–7th centuries BC. This site reveals signs of significant population migrations in that period. Due to the mixed nature of the recovered artifact complex, there are some conflicted viewpoints on its interpretation. The analysis of the ceramic complex has shown traces of the imported elements introduced into the Late Irmen Culture, as well as the multidirectional nature of cultural connections and the specific structure of social relations. The study addressed the influences of these processes on such an important aspect of the economy as metalworking craft. In total, eleven dwellings and three household outbuildings were fully or partially excavated at the site. Six bronze-casting zones were discovered. Traces of foundry activity were found in four dwellings and two outbuildings. The bronze foundry activities at the site are also indicated by the occurrence of several bronze objects including arrowheads, a two-part plaque, an awl, and a knife fragment, which were found in the cultural layers beyond the artifact concentrations. In addition, a small, round-bottomed casting ladle with a side handle was found in the ditch outside any foundry area. The appearance of casting ladles with protruding handles in metalworking is possibly connected with the invention of spring-type clamping forceps. The production sites included melting and utility pits. Around these, foundry equipment and bronze casting waste were found. A small number of specialized equipment pieces is noteworthy. Large pottery fragments were widely used as melting vessels. In addition, despite the significant foreign cultural influence noted in the ceramic products at the site, the bronze foundry craft largely retains the local traditions of the Irmen and Andronovo cultures – this is reflected in the organization of production zones, the use of buried hearths with a clay roof, and the use of pottery as crucibles.

Keywords: *Ob region, the Bronze to Iron Age Transition, Late Irmen culture, settlement, bronze foundry.*

Введение

Городище Завялово-5 расположено на узком и высоком мысу правого берега Обского водохранилища, в месте впадения в него р. Каракан. Памятник открыт в 1968 г. Т.Н. Троицкой. В дальнейшем ею же неоднократно раскапывался: в 1969, 1983–1984 и 1991 гг. [Троицкая, Мжельская, Борзых, 2014, с. 5–6]. В 1997 г. А.П. Бородовским на территории городища был заложен шурф площадью 6 м^2 [Бородовский, 2003, с. 264–269]. В 2006 г. небольшим раскопом в 67 м^2 оборонительную систему городища изучала Т.В. Мжельская [Мжельская, Понедельченко, 2010, с. 5–6].

Большинством исследователей городище датируется в пределах VIII–VII вв. до н.э. [Троицкая, 1985, с. 58; Троицкая, Зах, Сидоров, 1989, с. 104]. Памятник отражает значительные миграционные подвижки населения этого периода. Смешанный характер выявленного здесь комплекса привел к определенным разночтениям в его интерпретации.

Т.Н. Троицкая на основе материалов городища выделила завьяловскую культуру [Троицкая, 1981, с. 9–13], однако в дальнейшем отказалась от этого положения, предложив понятие «завьяловский тип керамики» [Троицкая, Мжельская, 2008]. В результате часть исследователей настаивают на правомерности выделения завьяловской культуры [Зах, 2010, с. 79–80], часть считает, что к сложившейся на памятнике ситуации не применима дефиниция «археологическая культура» [Бобров, 1995, с. 25–26]. Прослеженная на основе анализа керамического комплекса ситуация демонстрирует наложение на позднеирменскую основу пришлого компонента, многовекторность культурных связей, а также своеобразную структуру социальных отношений [Молодин и др., 2012, с. 56–57]. В данной работе мы попытались проследить, как эти процессы повлияли на такую важную отрасль экономики как металлообрабатывающее производство.

Материалы и интерпретация

Всего на памятнике вскрыто 1 537 м^2, полностью или частично исследовано 11 жилищ и 3 хозяйственных строения. Раскопана большая часть жилой площадки городища, хуже исследована оборонительная система. Несмотря на значительную площадь вскрытия на памятнике обнаружено всего 6 бронзолитейных участков. Следы литейной деятельности зафиксированы в четырех жилищах (2, 3, 7 и 8) и двух хозяйственных сооружениях (1 и 2).

Жилище 2 представляет собой двухкамерную полуземлянку [Троицкая, Мжельская, Борзых, 2014, с. 7]. Первая камера разрушена водами Обского водохранилища, сохранилась только часть северной стенки и короткий переход. Вторая сохранилась полностью. Она имела подквадратную форму и размер 9 × 8 м. Стенки прямые, дно слегка понижалось к центру котлована, глубина от уровня материка 0,4 м. Производственная площадка располагалась в центральной части котлована жилища и включала плавильный очаг и хозяйственную яму. Очаг представлял собой круглое углубление диаметром 0,6 м и глубиной 0,1 м от уровня пола. Стенки ямы прокалены. Заполнение состояло из сажи и обожженных камней. Появление таких очагов в Обь-Иртышской лесостепи связано с андроновской (федоровской) миграцией. Наиболее ранние образцы найдены в андроновском слое поселения Куделька-1 [Дураков, Кобелева, 2022, с. 497–499, рис. 2, *1*, *2*]. Вокруг очага найдены ошлакованные фрагменты керамики от нескольких сосудов (рис. 1, *1*, *3*).

Хозяйственная яма расположена в 0,7 м к юго-западу от горна. Она овальной формы, ее размеры 0,8 × 0,92 м и глубина от уровня пола 0,12 м. Заполнение – темная супесь с вкраплениями угля и сажи.

Второй производственный участок расположен в жилище 3. Его котлован имеет форму вытянутого прямоугольника, ориентированного по линии ЮЗ–СВ. Его размеры 9,4 × 7 м, глубина – 0,3–0,4 м. Стенки отвесные, пол неровный. Северо-восточная часть котлована примыкает к жилищу 5 и, возможно, составляет с ним единое двухкамерное строение. Следы бронзолитейного производства прослеживаются в центре жилищной камеры вокруг очага и в расположенном рядом понижении пола. Очаг представлял собой округлую яму, перекрытую сводом из прокаленной до белого цвета глины с примесью дробленых костей. Размер очажной ямы 0,8 × 0,9 м, глубина – 0,6 м. Толщина свода достигала 0,1–0,13 м. Заполнение состоит из темной сажистой почвы, с фрагментами обмазки. Здесь же найден обломок ошлакованной керамики с потеками бронзы (рис. 1, *8*). Ближайшими аналогиями данному теплотехническому сооружению являются очаги ирменской культуры [Нестерова, 2019, с. 169]. Использование таких очагов в Обь-Иртышской лесостепи имеет давние традиции. Наиболее ранний его образец найден на поселении кротовской культуры Преображенка-3 [Дураков, Мыльникова, 2021, с. 98, рис. 84].

На площадке вокруг очага найдены фрагменты использованной в металлопроизводстве столовой керамики и бронзовый нож (рис. 1, *10*). К северо-западу от очага прослеживается значительное понижение пола жилищной камеры на глубину 0,19–0,25 м, внутри которого находились хозяйственные ямы и скопление сажи, образовавшееся, видимо, при чистке очага.

Жилище 7 представляло собой двухкамерное строение, состоящее из короткого предвходового тамбура и основной камеры в виде прямоугольного котлована размером 10 × 12 м. Пол ровный, слегка понижается к центру. Производственный участок прослежен в северо-западном углу жилища. Он состоял из очага и нескольких куч золы. Очаг представлял собой яму

Рис. 1. Техническая керамика и бронзовые изделия из жилищ 2 и 3 городища Завялово-5.
1–8 – ошлакованные фрагменты керамики; *9–10* – бронзовые ножи.

грушевидной формы. На ее краю лежал мощный слой чистой глины, частично перекрывающей более узкую юго-западную часть очажной ямы. Вторая ее половина заполнена сажистой супесью и золой, а на дне прослежен слой прокаленной почвы мощностью до 0,3 м. Размеры описанного теплотехнического сооружения 1,6 × 1,68 м, глубина от уровня пола жилища – 0,35 м. В 0,2 м к югу от очага находилась образовавшаяся при его чистке куча золы мощностью до 0,2–0,23 м. Зола прослежена и на перемычке между камерами жилища. Возле очага найден фрагмент ошлакованной керамики и фрагмент литейного стержня для отливки небольшого втульчатого орудия (рис. 2, *2*). У восточной стенки жилища обнаружен молот из серого гранита. С литейным производством, видимо, связан и второй очаг этого комплекса, расположенный в межжилищном пространстве у северной стенки жилища. Он представлял собой восьмеркообразную яму, одна половина которой перекрыта слоем глины, во второй прослежен прокал. Его размеры 3,0 × 1,75 м, глубина – 0,45 м. Рядом с очагом найдена ритуальная яма. Ее размеры 1,45 × 1,2 м, глубина 0,18–0,2 м. В заполнении на уровне дна лежали два черепа домашних собак.

Жилище 8 представляло собой большое двухкамерное сооружение. Основная наиболее крупная камера имеет размер 11,2 × 7,2 м, меньшая, играющая роль предвходового тамбура, – 6 × 4,8 м. Глубина котлованов обеих камер колеблется в пределах 0,1–0,5 м. Судя по концентрации производственных отходов, бронзолитейный участок располагался во второй, меньшей камере. Его центром был очаг открытого типа, зафиксированный в виде линзы почвы, прокаленной до краснокирпичного цвета. Прокал имел форму слегка вытянутого овала. Его размеры – 0,7 × 0,55 м, мощность – 0,1 м. Рядом с очагом найден обломок тигля и фрагмент ошлакованной бытовой керамики (рис. 2, *5*). Здесь же, в 0,85 м к северо-западу, расположена хозяйственная яма. Ее размеры 2,0 × 1,6 м, глубина 0,1 м. В заполнении найдены обломки двух сосудов и фрагмент керамической литейной формы. Еще один производственный участок фиксируется в хозяйственном сооружении 2. Оно представляло собой легкую каркасную конструкцию. В раскопе фиксировалось в виде котлована трапециевидной формы. Его размеры 3,0 × 2,8 м, максимальная глубина – 0,8 м. Стенки отвесные, дно ровное. Сохранились остатки сгоревшего перекрытия и ямы с основаниями обугливших столбов. Практически в центре строения зафиксированы остатки очага в виде круглой линзы прокаленной почвы. Ее диаметр 0,4 м, мощность – 0,1 м. В пространстве между очагом и западной стенкой строения найдена капля пролитой бронзы, галька-ударник, оселок и обломок керамической литейной формы. За пределами котлована у той же западной стенки, найден фрагмент формы и обломок тигля с застывшими на нем потеками металла (рис. 2, *6*). Следует отметить, что бронзолитейная деятельность в хозяйственном сооружении 2 проводилась только на начальном этапе его эксплуатации. В дальнейшем плавильный горн был заброшен и перерезан двумя столбовыми ямами, появившимися, видимо, при ремонте кровли помещения. Производственная площадка на территории хозяйственного сооружения 1 расположена в пространстве между жилищами 8 и 9. Эта конструкция представляла собой прямоугольную яму размером 3,58 × 2,76 м. Ее глубина от уровня материка – 1,4 м. Стенки почти отвесные, на северной оформлено три ступеньки. Котлован заполнен чередующимися слоями сажи, материкового суглинка и светлого песка, серой супеси и ярко-красной прокаленной почвы. В верхней части заполнения прослежены остатки обугленных жердей перекрытия. Сооружение интерпретируется как погреб, перекрытый деревом и присыпанный материковым песком [Троицкая, Мжельская, Борзых, 2014, с. 10]. Судя по стратиграфии объекта, бронзолитейная производственная деятельность на этом месте велась уже после обрушения свода погреба, в образовавшемся при этом углублении. В результате в верхнем слое заполнения, выше жердей перекрытия, образовался прокал, видимо, от очага открытого типа. Вокруг него найдены фрагменты ошлакованной керамики, галька-ударник и обломки двух тиглей с застывшими потеками бронзы. Данный участок, видимо, функционировал недолго и был быстро заброшен, на это указывает незначительное количество производственных отходов.

На присутствие бронзолитейного производства на памятнике указывает и найденная в слое, вне комплексов, серия бронзовых предметов включающая наконечники стрел, двусоставную бляшку (рис. 2, *8–10*), шило и обломок ножа (см. рис. 1, *9*). Во рву городища, вне какого-либо литейного участка, была найдена льячка в виде небольшой круглодонной чашечки с боковой ручкой (см. рис. 2, *1*). Льячки такого типа в Западной Сибири встречаются с периода ранней бронзы в материалах кротовской культуры [Молодин, Гришин, 2016, с. 247, рис. 393]. Судя по серии фрагментов ручек с поселения Самусь IV, похожие льячки использовались носителями самусьской культуры [Матющенко, 1973, рис. 13, *4*, *10*, *15*].

В эпоху поздней бронзы подобное оборудование известно в бархатовских материалах Зауралья [Матвеев, Аношко, 2009, рис. 9, *2*] и ирменской культуры в Верхнем Приобье [Зах, 1997, рис. 26, *29*]. Появление в металлообработке разливных ложек с ручкой-выступом, видимо, связано с изобретением пружинных щипцов зажимного типа.

Заключение

Таким образом, на поселении Завялово-5 бронзолитейная деятельность носила весьма ограниченный характер. Обращает на себя внимание небольшое

Рис. 2. Техническая керамика и бронзовые изделия городища Завялово-5.

1 – керамическая льячка; *2* – фрагмент литейного стержня из жилища 7 (кв. Р/79); *3–7* – ошлакованные фрагменты керамики; *8* – бронзовая бляшка; *9–10* – наконечники стрел.

количество специализированного инвентаря. В качестве плавильных емкостей широко использовались крупные обломки бытовой керамики. Кроме этого, несмотря на значительное инокультурное влияние, отмеченное в керамическом комплексе поселения, бронзолитейное производство во многом сохраняет местные традиции, сложившиеся в ирменской и андроновской культуре. Это выражается в характере организации производственных участков, в использовании заглубленных очагов с глиняным сводом, в применении в качестве тиглей бытовой керамики.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках программы НИР ИАЭТ СО РАН, проект № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Бобров В.В. Переходное время от бронзы к железу в лесостепном Приобье // III Годовая итоговая сессия ИАЭТ СО РАН, ноябрь 1995. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 24–26.

Бородовский А.П. К вопросу о городищах переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 3. – С. 264–269.

Дураков И.А., Кобелева Л.С. Бронзолитейное производство андроновской (федоровской) культуры на территории Обь-Иртышской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVI. – С. 496–502.

Дураков И.А., Мыльникова Л.Н. На заре металлургии: Бронзолитейное производство населения Обь-Иртышской лесостепи в эпоху ранней бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – 203 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического материала). – Новосибирск: Наука, 1997. – 132 с.

Зах В.А. К вопросу о завьяловской культуре // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 77–81.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев. – Тюмень: Тюмен. дом печати, 2009. – 416 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – Т. 10, ч. 2. – 208 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Статистико-планиграфическое исследование керамических комплексов базовых памятников переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (Юго-восточная зона лесостепной части Западной Сибири) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 3. – С. 38–58.

Мжельская Т.В., Понедельченко Л.О. Новые материалы с городища Завялово-5: по результатам раскопок 2006 года // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 99–108.

Нестерова М.С. Очажные устройства в эпоху палеометалла (Западная Сибирь). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – 271 с.

Троицкая Т.Н. Лесостепное Приобье в раннем железном веке: дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1981. – 342 с.

Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и Средневековье. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1985. – С. 54–68.

Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А. Новое о завьяловской культуре // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1989. – С. 103–116.

Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В. Керамика завьяловского типа в Новосибирском Приобье // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – С. 115–121.

Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В., Борзых К.А. Завялово-5 – городище переходного времени от бронзового к железному веку. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2014. – 59 с.

References

Bobrov V.V. Perekhodnoe vremya ot bronzy k zhelezu v lesostepnom Priob'e. In *III Godovaya itogovaya sessiya IAET SO RAN, noyabr' 1995*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1995. P. 24–26. (In Russ.).

Borodovskii A.P. K voprosu o gorodishchakh perekhodnogo vremeni ot epokhi pozdnei bronzy k rannemu zheleznomu veku. In *Istoricheskii opyt khozyaistvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoi Sibiri.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2003. Vol. 3. P. 264–269. (In Russ.).

Durakov I.A., Kobeleva L.S. Bronze Casting of the Andronovo (Fedorovo) Culture in the Ob-Irtysh Forest-Steppe. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 24. P. 496–502. (In Russ.).

Durakov I.A., Mylnikova L.N. At the Dawn of Metallurgy: Bronze Casting Production of the Ob-Irtysh Forest-Steppe Population in the Early Bronze Age. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. 203 p. (In Russ.).

Matveev A.V., Anoshko O.M. Zaural'e posle andronovtsev. Tyumen': Tyumenskii dom pechati, 2009. 416 p. (In Russ.).

Matyushchenko V.I. Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya (neolit i bronzovyi vek). Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1973. Vol. 10. Pt. 2. 208 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 4. 452 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Durakov I.A., Kobeleva L.S. Statistical Analysis of Spatial Distribution of Ceramics from Late Bronze Age/Early Iron Age Sites in Southwestern Siberia. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia,* 2012. No. 3 (40). P. 38–58.

Mzhelskaya T.V., Ponedelchenko L.O. Novye materialy s gorodishcha Zavyalovo-5: po rezul'tatam raskopok 2006 goda. In *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoi Sibiri: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagog Univ. Press, 2010. P. 99–108. (In Russ.).

Nesterova M.S. Ochazhnye ustroistva v epokhu paleometalla (Zapadnaya Sibir'). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. 271 p. (In Russ.).

Troitskaya T.N. Lesostepnoe Priob'e v rannem zheleznom veke: doc. sc. (history) dissertation. Novosibirsk, 1981. 342 p. (In Russ.).

Troitskaya T.N. Zav'yalovskaya kul'tura i ee mesto sredi lesostepnykh kul'tur Zapadnoi Sibiri. In *Zapadnaya Sibir' v drevnosti i srednevekov'e*. Tyumen': Tyumen' State Univ. Press, 1985. P. 54–68. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Mzhelskaya T.V. Keramika zav'yalovskogo tipa v Novosibirskom Priob'e. In *Etnokul'turnye protsessy v Verkhnem Priob'e i sopredel'nykh regionakh v kontse epokhi bronzy*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2008. P. 115–121. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Mzhelskaya T.V., Borzykh K.A. Zavyalovo-5 – gorodishche perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagog Univ. Press, 2014. 59 p. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Zakh V.A., Sidorov E.A. Novoe o zav'yalovskoi kul'ture. In *Zapadnosibirskaya lesostep' na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov*. Tyumen': Tyumen' State Univ. Press, 1989. P. 103–116. (In Russ.).

Zakh V.A. Epokha bronzy Prisalair'ya (po materialam Izylinskogo arkheologicheskogo materiala). Novosibirsk: Nauka, 1997. 132 p. (In Russ.).

Zakh V.A. K voprosu o zav'yalovskoi kul'ture. In *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoi Sibiri: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagog Univ. Press, 2010. P. 77–81. (In Russ.).

Дураков И.А. https://orcid.org/0000-0002-8526-9257

Дата сдачи рукописи: 24.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0484-0490
УДК 902.21:903.33 (571.56)

В.М. Дьяконов[1]✉, К.И. Старков[2], А.С. Ягловский[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия)
Якутск, Россия
[3]ООО «Якутархеология»
Якутск, Россия
E-mail: arkh_muz@mail.ru

Первые археологические работы на острове Крестовский в Восточно-Сибирской Арктике (архипелаг Медвежьи острова)

В сезон 2024 г. Арктическим отрядом Якутской комплексной лаборатории археологии Крайнего Севера Института археологии и этнографии СО РАН совместно с Арктическим научно-исследовательским центром Республики Саха (Якутия) были проведены первые за всю историю археологические разведочные работы на о. Крестовский, входящем в состав архипелага Медвежьи острова в Восточно-Сибирском море. В результате проведенных разведочных работ выявлены три стоянки древних эскимосов, на которых найдены фрагменты керамики; каменные скребок, точило и отщеп; различные деревянные предметы, щепа, обструганные жерди, палки и бревна; изделие из рога северного оленя; обломок железной пластинки; фрагменты черепов белых медведей со следами охотничьего воздействия; кости и зубы оленей; трубчатые кости птиц и, по-видимому, фрагменты костей морских млекопитающих. Многие из предметов были фрагментированы и обожжены. Все стоянки приурочены к небольшим бухтам, на берегах которых возле устьев ручьев с пресной водой имелись невысокие земляные возвышенности едомного типа, покрытые байджарахами в разной стадии образования. Шурфовка показала, что находки залегают практически на дневной поверхности. Остальная территория острова в основном каменистая и малопригодная для жилья. В результате разведки было выяснено, что о. Крестовский всегда был практически необитаем, а древние эскимосы использовали его как перевалочный пункт, чтобы добраться до других остров архипелага, в частности, до о. Четырехстолбового, на котором имеется как минимум 9 жилищ морских арктических зверобоев.

Ключевые слова: *Арктика, Восточно-Сибирское море, Медвежьи острова, арктические морские зверобои, эскимосы, белый медведь.*

V.M. Dyakonov[1]✉, K.I. Starkov[2], A.S. Yaglovsky[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia)
Yakutsk, Russia
[3]LLC "Yakutarchaeology"
Yakutsk, Russia
E-mail: arkh_muz@mail.ru

First Archaeological Research on Krestovsky Island in the East Siberian Arctic (Medvezhyi Islands Archipelago)

In the field season of 2024, the Arctic Team of the Yakut Integrated Laboratory for Archaeology of the Far North at the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, together with the Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia), did first archaeological exploration on Krestovsky Island which is part of the Medvezhyi Islands Archipelago in the East Siberian Sea. Three ancient Eskimo sites were discovered, containing pottery fragments, stone scraper, grindstone, flake, various wooden objects, woodchips, planed poles, sticks, logs, item made of reindeer antler, fragment of iron plate, fragments of polar bear skulls with traces of hunting, deer bones and teeth, tubular bones of birds, and what seems to be bone fragments of marine mammals. Many of these objects were fragmented and burned. All sites were located at small bays. Low soil hills of the yedoma type, covered with baijarakhs in different stages of formation, were on the shores of these bays

near the mouths of streams with fresh water. Archaeological excavation has shown that the finds were almost on the surface. The rest of the island was mostly rocky and uninhabitable. Exploration works revealed that Krestovsky Island was always practically uninhabited, and the ancient Eskimos used it as a transshipment point for reaching other islands of the archipelago, in particular, Chetyryokhstolbovoy Island which had at least nine dwellings of arctic marine hunters.

Keywords: *Arctic, East Siberian Sea, Medvezhyi Islands, Arctic marine hunters, Eskimos, polar bear.*

Введение

Медвежьи острова – архипелаг арктических островов, находящихся в Восточно-Сибирском море севернее устья Колымы и Колымского пролива, который отделяет острова от материковой суши. Эти необитаемые и поныне острова имеют захватывающую историю освоения и изучения, хотя постоянно люди там не жили. В составе архипелага 6 островов: Крестовский, Пушкарева, Андреева, Леонтьева, Лысова и Четырехстолбовой. Наиболее близко к материку находится самый крупный из островов – Крестовский (рис. 1). Если

Рис. 1. Археологические памятники о. Крестовский.

1 – стоянка Остров Крестовский I; *2* – стоянка Остров Крестовский II; *3* – стоянка Остров Крестовский III.

на одном из островов – Четырехстолбовом – ранее проводились некоторые археологические изыскания [Свердруп, 1930; Береговая, 1954; Раушенбах, 1969; Мочанов, 2010; Дьяконов, Ягловский, 2021], то на Крестовском они не проводились никогда, хотя были отдельные сведения о находках с этого острова [Бурыкин, 2017, с. 66–67].

С целью устранения пробела в знаниях о наличии или отсутствии памятников археологии на Крестовском острове в сезон 2024 г. Институтом археологии и этнографии СО РАН, Институтом биологических проблем криолитозоны СО РАН и Арктическим научно-исследовательским центром Республики Саха (Якутия) при содействии национального парка «Ленские Столбы» и государственного природного заповедника «Медвежьи острова» была организована Вторая комплексная биолого-археологическая экспедиция. Финансирование осуществлялось Академией наук Республики Саха (Якутия). Было впервые проведено археологическое обследование острова Крестовский, на котором в бухте Пионер находится кордон заповедника «Медвежьи острова». Пешими маршрутами и на надувной лодке с подвесным мотором был обойден весь периметр острова, который изобилует бухтами разного размера. В результате обследования этого отдаленного уголка Арктики были открыты три стоянки предположительно неоэскимосских культур, точный возраст и культурную принадлежность которых покажет радиоуглеродный анализ.

Результаты исследования

В северной части бухты Пионер были выявлены ледовые комплексы и яр с плейстоценовыми отложениями, в которых встречаются отдельные кости вымерших животных. Здесь же концентрируются берлоги белых медведиц. В целом же остров имеет каменистую поверхность, в центре его находится высшая точка архипелага (N 70° 50′ 04.6248″; E 160° 36′ 05.2848″) – гора Шапка высотой 273 м. От вершины горы в разные стороны расходятся языками мощные курумники.

В бухте на восточном берегу, в 3,8–4,0 км к СВ от горы Шапка (азимут 38°) была выявлена стоянка Остров Крестовский I, которая привязана к небольшой земляной возвышенности едомного типа, покрытой байджарахами в начальной стадии образования (рис. 1, *1*). Северная граница стоянки обозначена ручьем с пресной водой, стекающим в море. На стоянке был заложен разведочный шурф размером 1 × 1 м и глубиной 42–53 см, который не дал археологического материала. Были отобраны образцы угля и костей животных для радиоуглеродного датирования. Среди находок из подъемных сборов – небольшого размера бифас из диабаза, 2 половинки нижних челюстей белых медведей с зубами, фрагмент железной пластинки, 77 мелких фрагментов обожженных костей, собранных под камнями, и фрагмент кости с поверхности. По всей территории были разбросаны жерди и бревна плавника, различные палки, имевшие следы обработки человеком, щепа. Так, были найдены обтесанные, по-видимому, железным топором бревна, жерди, имевшие заостренные и фигурно затесанные концы. В одном месте в землю был воткнут колышек с заостренным концом. Несколько длинных жердей лежали будто бы в подпрямоугольной П-образной последовательности, но большинство деревянных изделий лежало хаотично.

Двусторонне обработанное орудие (бифас) овальной формы изготовлено из серого зернистого диабаза (рис. 2, *5*). Функциональное назначение его до проведения трасологического анализа пока точно не определено, но, скорее всего, это был боковой скребок, т.к. визуально фиксируется невооруженным взглядом залощенность одной боковой стороны, притупившей кромку до блеска и поперечные линейные следы, оставшиеся, скорее всего, от скобляще-скребущей работы. Одна сторона изделия почти плоская, возможно, является брюшком отщепа, но в двух местах слегка оббита. Другая сторона выпуклая, образована несколькими сколами, направленными к центру изделия, который слегка смещен к одному длинному краю. Длина изделия 5,1 см, ширина 3,6 см, толщина 1,2 см.

Найден фрагмент неопределимого железного изделия – мелкий кусочек ржавой пластины (рис. 2, *7*). Максимальная длина 2,7 см, ширина 1,9 см, толщина 0,2 см.

Кроме того, под камнями, которыми, возможно, обкладывали очаги, для проведения радиоуглеродного датирования было собрано 77 мелких обожженных и раздробленных костей. Каким временем датируется эта стоянка, покажет радиоуглеродный анализ костей и угля.

На южной оконечности острова, во второй бухте, в 3,85–4,0 км к ЮЮВ от горы Шапка (азимут 154°) была найдена стоянка Остров Крестовский II, которая с двух сторон ограничена долинами ручьев (см. рис. 1, *2*). Стоянка приурочена к земляной террасе едомного типа, испещренной байджарахами разной величины (рис. 3). На поверхности стоянки лежало большое количество щепы, обработанных человеком жердей, дощечек и т.д.

На стоянке было заложено 2 разведочных шурфа размерами 1 × 1 м, в одном из которых был выявлен археологический материал, представленный двумя фрагментами керамики и мелким обломком косточки. Этот шурф был пройден до мерзлоты на глубину 58–70 см. Материалы залегали практически у поверхности в слое белесо-коричневой супеси. Выделяется фрагмент штриховой (шнуровой) керамики с широкими заглаженными параллельными рубчиками, расстояние между которыми 4–5 мм (см. рис. 2, *9*). Цвет черепка снаружи темно-серый с бежевым налетом,

Рис. 2. Археологические находки 2024 г. с острова Крестовский.

1–4, *6*, *9* – фрагменты керамики; *5* – каменный бифас (скребок?); *7* – фрагмент железной пластинки; *8* – каменный отщеп; *10* – фрагменты точильного камня (?); *11* – древко стрелы или черенок наконечника стрелы (?); *12* – деревянный наконечник стрелы (?); *13* – фрагмент обструганного деревянного изделия; *14* – фрагмент рукоятки деревянного изделия с отверстием для привязывания; *15* – орудие в виде отрезанного кончика рога северного оленя.

1–4 – стоянка Остров Крестовский III; *5*, *7* – стоянка Остров Крестовский I; *6*, *8–15* – стоянка Остров Крестовский II.

внутри бежево-светло-серый, в изломе серый. В глиняном тесте визуально различимы значительные примеси дресвы, мелкообломочного материала, а также выгоревшие шерстинки. Толщина стенки составляет 0,7–0,8 см. Другой мелкий фрагмент толщиной 0,6 см, судя по серому цвету и составу теста со значительной примесью дресвы и мелкообломочного материала, относился к тому же сосуду. Неопределимый мелкий фрагмент кости залегал на глубине ок. 65 см.

При подъемных сборах был собран следующий материал: 4 расслоившихся фрагмента керамики серого цвета с примесью минеральных отощителей, 2 каменных изделия (1 обломок точильного камня, составленный из двух фрагментов, 1 отщеп), 9 деревянных предметов (лопатка, дощечка с двумя подтреугольными зарубками на конце, 2 фрагмента обструганных деревянных изделий, фрагмент рукоятки изделия с отверстием для привязывания, деревянный наконечник стрелы, черешок наконечника стрелы (?), длинная обструганная палка, обструганная палка с развилкой на конце), 27 фрагментов костей, рогов и зубов животных (2 черепа белых медведей с зубами и со следами человеческого воздействия, 2 зуба собаки (?), челюсть с зубами, кости и рога северных оленей и, возможно, других животных).

Найдено 4 мелких расслоившихся фрагмента керамики с примесью минеральных отощителей (1 аппликирован из трех фрагментов). Цвет керамики бежево-серый, на внешней поверхности более крупного фрагмента сохранился налет черного пищевого нагара (см. рис. 2, *6*). В составе теста большой процент мелкообломочного материал и дресвы. Толщина доходит до 0,5 см.

Зафиксированы аппликирующиеся фрагменты точильного камня из расколотой плитки зернистослоистого камня серого цвета (см. рис. 2, *10*). Одна плоская сторона представляет собой расколотую поверхность, другая – заглаженная – рабочую поверх-

Рис. 3. Геоморфологическое положение стоянки Остров Крестовский II.

ность. Боковые стороны тоже заглаженные, кроме граней излома плитки. На заглаженных сторонах, возможно, есть следы абразивной работы, но это покажет трасологический анализ. Длина фрагмента 6 см, ширина 4,4 см, толщина 1,1 см. Обнаружен отщеп из светло-серого опесчаненного сланца (см. рис. 2, *8*). Размеры его 2 × 1,3 × 0,4 см.

Среди деревянных предметов выделяется фрагмент рукоятки изделия с овальным отверстием диаметром 0,7–0,9 см для привязывания веревки или ремешка (см. рис. 2, *14*). Отверстие просверлено в 1,7 см от кончика рукоятки, срезанного с четырех сторон острым предметом под небольшим углом по направлению к оси палочки. Поперечное сечение почти округлое диаметром 2–3 см. Одна длинная сторона расщеплена. Длина фрагмента 12,4 см.

Готовым изделием является также деревянный предмет типа тупого наконечника стрелы-томара (см. рис. 2, *12*). Рабочий край-кончик срезан, а остальная поверхность обстругана ножом. Черенок сужающийся, рабочий край расширяется, в сечении овальный, возможно, черенок обломан. Длина 8,7 см, максимальная ширина рабочей части 1,4 см, минимальная ширина черенка 0,5 см.

Рядом был найден фрагмент деревянной палочки – возможно, это черенок наконечника стрелы или древко стрелы (см. рис. 2, *11*). Поперечное сечение его округло-овальное. Длина 8,3 см, ширина 0,5–0,75 см.

Остальные предметы в большинстве – неясного назначения и сколы, как, например, фрагмент обструганного деревянного изделия, имевшего, по-видимому, округлое поперечное сечение (см. рис. 2, *13*). Представляет собой скол-щепку, снятую с кончика неизвестного изделия, срезанного ножом под небольшим углом по направлению к оси. Длина фрагмента 8,9 см, ширина 2,4 см, толщина 0,75 см.

В осыпи одного из байджарахов в юго-западной части стоянки было найдено орудие в виде отрезанного кончика рога северного оленя (см. рис. 2, *15*). Изделие было сперва нарезано по окружности тонким режущим инструментом, а затем обломано. Длина предмета 19,1 см, диаметр – до 2,1 см.

Были отобраны также образцы угля и мелких фрагментов костей животных из очага для радиоуглеродного датирования. Судя по штриховой керамике серого цвета, имеющей аналогии с датированной по пищевому нагару керамикой с острова Четырехстолбового, стоянка может датироваться первой половиной I тыс. н.э. (древнеберингоморская культура), но это покажет радиоуглеродный анализ.

Там же, во второй бухте южной оконечности острова, в 4,2 км к ЮЮВ от горы Шапка (азимут 149°), на небольшом земляном мысу, ограниченном ручьями, впадающими в море, и покрытом полигональными морозобойными трещинами, была найдена стоянка Остров Крестовский III (см. рис. 1, *3*). На поверхности

лежали деревянные щепки и плавник, принесенный и обработанный человеком. В центральной части памятника был заложен разведочный шурф размерами 1 × 1 м и глубиной 63–74 см, не давший археологического материала. Подъемными сборами была получена следующая коллекция: 19 фрагментов керамики (5 мелких фрагментов серого цвета, 14 фрагментов кирпичного цвета), деревянная обструганная палочка, уголек, 218 мелких фрагментов обожженных и кальцинированных костей животных и птиц.

Найденная керамика делится на два типа по своим характеристикам. Первый тип аналогичен керамике, обнаруженной на стоянке Остров Крестовский II. Это мелкие фрагменты керамики серого цвета со значительной примесью минеральных отощителей – дресвы, мелкообломочного материала и крупнозернистого песка. Лишь один фрагмент нерасслоившийся (см. рис. 2, *4*). Толщина стенки у него 0,45–0,5 см. Второй тип керамики отличает кирпично-красный и бежево-кирпичный цвет обжига в окислительной среде (см. рис. 2, *1–3*). Большинство фрагментов расслоившиеся. В изломах фрагментов видно, что посередине керамика имеет серый цвет. В глиняном тесте встречаются отдельные зерна дресвы, других примесей визуально не прослеживается. На внешней поверхности некоторых фрагментов видны следы «расчесов» кончиком палочки (см. рис. 2, *2*). Толщина стенок у нерасслоившихся фрагментов 0,6–0,7 см. Один черепок предположительно является фрагментом венчика с округленным срезом (см. рис. 2, *1*). Судя по нему, толщина венчика составляет 0,9 см.

В данном случае по наличию керамики серого цвета с обильной примесью минеральных отощителей, имеющей аналогии с датированной по пищевому нагару керамикой с острова Четырехстолбового, стоянка может датироваться первой половиной I тыс. н.э. (древнеберингоморская культура), однако по имеющимся на сегодня материалам это может прояснить только радиоуглеродный анализ.

Заключение

Предварительные выводы сводятся к следующему – на острове Крестовском постоянного жилья, где бы жили долгое время, не было никогда. Экстремальные природные условия Арктики, постоянные метели и пурга зимой, холодные ветра и шторма летом, дрейфующие льды, соседство с опасными хищниками – белыми медведями, которые в первую очередь именно через Крестовский остров мигрировали на сушу и обратно, а также преимущественно каменистый ландшафт острова делали его малопригодным для жилья. Тем не менее, вероятно, в промежутке от начала I до середины II тыс. н.э. сюда добирались арктические морские зверобои – носители неоэскимосских культур древнеберингоморской, бирнирк, пунук и туле, но остров служил им перевалочным пунктом для перехода на другие острова архипелага, в частности на остров Четырехстолбовой, где выявлено как минимум 9 их жилищ [Дьяконов, Ягловский, 2021]. Возможно, что остров посещали чукчи, промышлявшие здесь морского зверя и оленей, о чем свидетельствует отписка казака Михаила Стадухина [Кириченко, 1914]. Письменные источники свидетельствуют, что с середины XVII в. сюда заносило кочи русских землепроходцев и мореходов, а далее острова посещали промышленники, полярные исследователи и геодезисты, которые нанесли этот и другие острова архипелага на карту Российской империи [Там же]. В середине XX в. в бухте Пионер временно стояли зимовщики Главсевморпути, хотя постоянно действующая советская полярная станция работала на острове Четырехстолбовом с 1933 по 1995 гг. В бухте Пионер сохранились бревенчатый домик полярников, небольшая баня, репер Главного управления Северного морского пути 1953 г. и могила повара экспедиций И.С. Бобровского, погибшего в пургу 2 февраля 1954 г. На острове найдено большое количество капканов, пастей и других ловушек на песцов, а также следы обитания охотников-промысловиков, которые временно заходили сюда для промысла песца. В 2020 г. был создан государственный природный заповедник «Медвежьи острова» как структурное подразделение национального парка «Ленские столбы», с тех пор на острове Крестовский находится кордон заповедника, который периодически посещается его инспекторами и научными экспедициями.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках госзадания ИАЭТ СО РАН.

Авторы выражают благодарность всем участникам и организаторам комплексной экспедиции: президенту Академии наук Республики Саха (Якутия), чл.-корр. РАН, д-ру биол. наук, проф. Л.Н. Владимирову, сотрудникам Института биологических проблем криолитозоны СО РАН – и.о. зав. отд. зоологических исследований, д-ру биол. наук Ар.П. Исаеву, научному сотруднику, канд. биол. наук А.А. Попову, администрации и сотрудникам национального парка «Ленские столбы», в особенности ее руководителю А.А. Семенову, заместителю директора – руководителю структурного подразделения государственного природного заповедника «Медвежьи острова» И.П. Суздалову, инспекторам заповедника М.Б. Магзоеву и И.В. Дизову за неоценимое содействие в организации полевых исследований.

Список литературы

Береговая Н.А. Археологические находки на острове Четырехстолбовом // СА. – 1954. – Вып. XX. – С. 288–312.

Бурыкин А.А. Проблемы этнографического изучения и задачи археологических исследований следов пребывания коренных жителей побережья Северного Ледовитого океана

на Медвежьих островах // А.А. Бурыкин, В.Н. Соловар. Исследования по этнографии и фольклору народов Северо-Западной Сибири. – 2-е изд., доп. – Тюмень: Формат, 2017. – С. 65–68.

Дьяконов В.М., Ягловский А.С. Результаты рекогносцировочных работ на территории архипелага Медвежьи острова в Восточно-Сибирской Арктике в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 414–418.

Кириченко Н.П. О геологии острова Четырехстолбового // Зап. Горного ин-та. – 1914. – Т. 5, № 2–3. – С. 157–171.

Мочанов Ю.А. 50 лет в каменном веке Сибири (археологические исследования в азиатской части России): в 2-х т. – Якутск: Якутия, 2010. – Т. 1. – 548 с.

Раушенбах В.М. Новые находки на Четырехстолбовом острове. – М.: Советская Россия, 1969. – 48 с. – (Тр. Гос. ист. музея «Памятники культуры». Вып. XXXV).

Свердруп Г.У. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского [1920–1925 гг.]. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – 440 с. – (Мат-лы Комис. по изучению Якутской АССР; вып. 30).

References

Beregovaya N.A. Arkheologicheskie nakhodki na ostrove Chetyrekhstolbovom. *Sovetskaya arkheologiya*, 1954. Iss. XX. P. 288–312. (In Russ.).

Burykin A.A. Problemy etnograficheskogo izucheniya i zadachi arkheologicheskikh issledovanii sledov prebyvaniya korennykh zhitelei poberezh'ya Severnogo Ledovitogo okeana na Medvezh'ikh ostrovakh. In *Issledovaniya po etnografii i fol'kloru narodov Severo-Zapadnoi Sibiri*. Burykin A.A., Solovar V.N. 2-e izdanie, dopolnennoe. Tyumen': Format, 2017. P. 65–68. (In Russ.).

Dyakonov V.M., Yaglovskii A.S. Results of Survey on the Medvezhyi Islands Archipelago in the Eastern Siberian Arctic in 2021. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 414–418. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0414-0418

Kirichenko N.P. O geologii ostrova Chetyrekhstolbovogo. *Zapiski Gornogo instituta*, 1914. Vol. 5. No. 2–3. P. 157–171. (In Russ.).

Mochanov Y.A. 50 let v kamennom veke Sibiri (arkheologicheskie issledovaniya v aziatskoi chasti Rossii). Yakutsk: Yakutiya, 2010. Vol. 1. 548 p. (In Russ.).

Raushenbakh V.M. Novye nakhodki na Chetyrekhstolbovom ostrove. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1969. 48 p. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya: Pamyatniki kul'tury; iss. XXXV). (In Russ.).

Sverdrup H.U. Plavanie na sudne «Moud» v vodakh morei Laptevykh i Vostochno-Sibirskogo [1920–1925 gg.]. Leningrad: AS USSR Publ., 1930. 440 p. (Materialy Komissii po izucheniyu Yakutskoi ASSR; Iss. 30). (In Russ.).

Дьяконов В.М. https://orcid.org/0000-0002-4899-6148
Старков К.И. https://orcid.org/0009-0009-5350-824X
Ягловский А.С. https://orcid.org/0000-0002-2309-6020

Дата сдачи рукописи: 24.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0491-0497
УДК 903.083

Н.С. Ефремова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ens77@mail.ru

Образ кабана как элемент декора в обществе древних кочевников Западной Сибири: к вопросу о семантике

В степной и лесостепной зонах Западной Сибири изображение кабана является одним из распространенных звериных образов скифо-сибирского искусства. Образ кабана встречается в декоре оружия, погребального инвентаря, украшений одежды и упряжи и, вполне вероятно, является определенным символом для носителей кочевых культур эпохи раннего железа. В религиозно-мифологических традициях народов Европы имело место особое отношение к кабану. В древних кочевых обществах животное характеризовалось и как копытное, и как хищное. Археологический контекст обнаружения артефактов, украшенных образом животного, свидетельствует, что в религиозно-мифологическом аспекте кабан выступает в качестве хтонического существа либо посредника между Средним и Нижним мирами. Изображения, передающие силу и мощь зверя, могли являться воплощениями сверхъестественных сил и обладать присущими им свойствами. Клыки кабана в качестве элементов конского снаряжения, подвесок и украшений, возможно, выполняли функцию апотропеев. По-видимому, сакральная коннотация образа обусловила использование зверя в качестве жертвенного животного, причем не только в погребальном обряде, но и при отправлении иных ритуалов. Кости кабана – остатки тризны или жертвенного дара, имели место в курганной насыпи. Как варианты, на археологических памятниках региона прослежены обряды жертвоприношения, где животное фигурировало в качестве строительной жертвы при возведении оборонительных сооружений городища, а также как охранительная жертва при нарушении захоронения. Кроме того, образ кабана, нанесенный на предметы из погребального инвентаря, мог являться статусным маркером члена общества либо быть связан с отголосками определенных тотемистических представлений.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, погребение, кабан, украшение, амулет, ранний железный век, саргатская культура.*

N.S. Efremova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: ens77@mail.ru

Image of Wild Boar as Decoration Image in Ancient Nomads Rielm of Western Siberia: Semantics Issue

In the steppe and forest-steppe regions of Western Siberia, the wild boar image is one of the dominant animal motifs in Scythian-Siberian art. The image was used in the decorations of weapons, funerary equipment, clothing, and harnesses; it was likely perceived as a certain symbol by the Early Iron Age nomadic peoples. In the religious and mythological traditions of European cultures, the boar was regarded as both a hoofed animal and a predator. The archaeological context of the artifacts decorated with boar images suggests that the animal was seen either as a chthonic creature or as an intermediary between the Middle World and the Underworld in the religious and mythological aspects; images of this powerful and fierce beast could represent supernatural forces and their inherent qualities. The boar tusks, as elements of horse equipment, pendants, and ornaments, may have served as amulets. Apparently, the sacred connotation of the image led to the use of the animal as a sacrificial beast, not only in funerary rites, but also in other rituals. Boar bones as the remains of funeral or sacrificial offerings were found in burial mounds. Traces of sacrifices have been found at archaeological sites in the region, where animals were offered as sacrifices during construction of fortifications, as well as protective sacrifices in case of burial violations. Additionally, the image of the boar on funeral objects could be a status symbol of a society member and associated with certain totemic beliefs.

Keywords: *Western Siberia, burial, boar, decoration, amulet, Early Iron Age, Sargat culture.*

Зооморфные изображения известны с глубокой древности. Охота и позднее скотоводство часто являлись ведущими отраслями хозяйства, успехи в них служили гарантом жизнеспособности и благосостояния общества. Животный мир практически повсеместно находил отражение в идеологических воззрениях человека, который наделял его представителей уникальными, сверхъестественными качествами. Следы подобного отношения обнаруживаются в археологических материалах, предметах искусства разных эпох, наскальных изображениях.

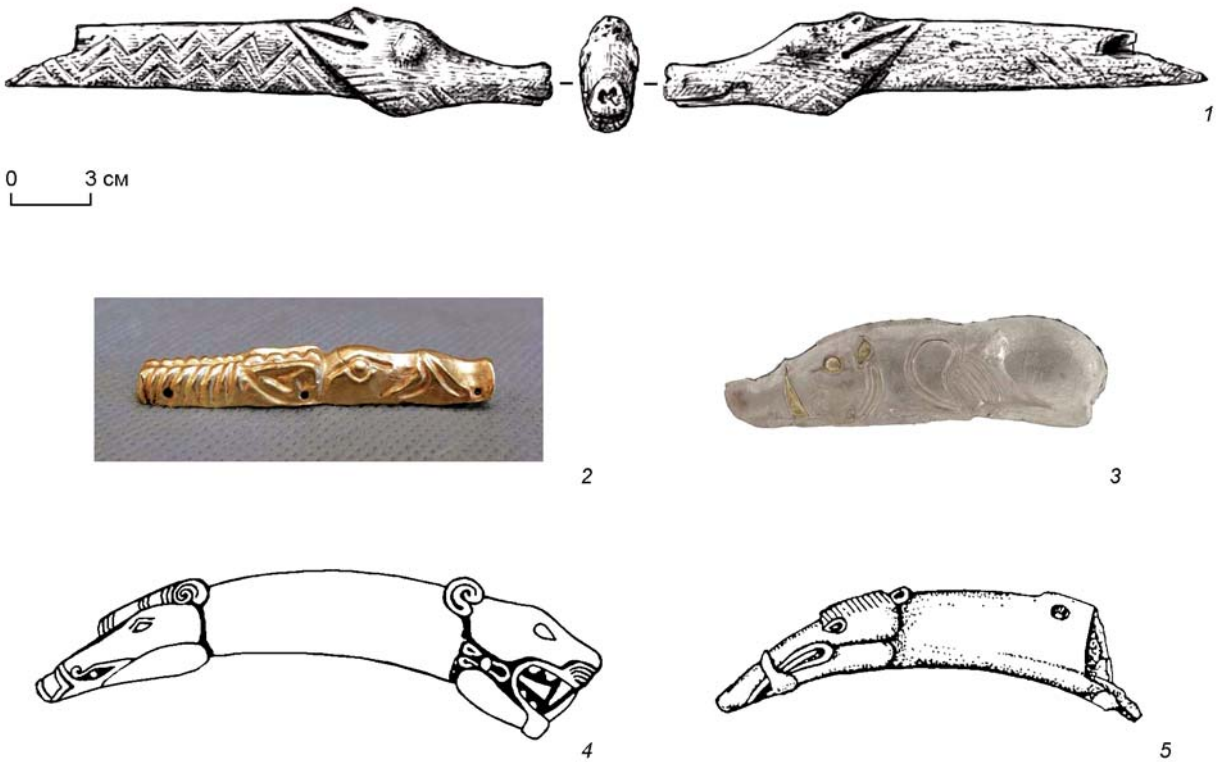
На территории Западной Сибири с эпохи энеолита наиболее значимыми и почитаемыми животными, судя по данным археологии и петроглифам, являлись медведь, лось и птицы, преимущественно водоплавающие [Косарев, 1991, с. 138–148]. Развивающееся хозяйство меняло приоритеты, и в материалах археологических памятников поздних эпох начинают появляться следы неординарного отношения к кабану. Так, например, крупный обломок клыка кабана с украшенным нарезками краем (по-видимому, часть подвески) был обнаружен в погребении кротовской культуры памятника Сопка-2 в Барабинской лесостепи. Примечательно, что он оказалась единственным, хотя исследовано было более двухсот погребений [Молодин, 1985, с. 56, 75]. Не исключено, что владелец данного изделия обладал особым статусом в обществе, возможно, связанным с культовой сферой.

В эпоху раннего железа роль охоты в хозяйстве была невелика. Тем не менее у носителей саргатской культуры среди промысловых животных кабан занимал третье место после лося и косули [Косарев, 1991, с. 76]. Костные остатки кабана на территории Обь-Иртышского междуречья имеют место в остеологических коллекциях поселений, но доля диких животных в общей массе остеологического материала составляет всего 1,4 % [Могильников, 1972, с. 131]. Границы ареала кабана с течением времени изменялись, отмечалось сокращение площади обитания животного [Девяшин, Косинцев, 2013, с. 130, 133]. Однако исследователи XVII–XVIII вв., путешествовавшие по территории Барабинской лесостепи, вновь говорят о широком распространении здесь этого зверя. Так, Паллас, побывавший в 1770 г. в Усть-Татарской станице на р. Иртыш, ставит кабана на первое место среди добывавшихся на охоте животных, подчеркивая, что он нередко встречается в Барабе. Н.М. Ядринцев включает в места былого распространения кабанов окрестности оз. Чаны, Миддендорф же называл границей ареала в Барабинской лесостепи 55° с.ш. [Формозов, 1990].

Охота на кабана всегда была сложной и опасной, прежде всего, из-за агрессивности зверя [Подобед, Усачук, Цимиданов, 2013, с. 453]. Существует точка зрения, согласно которой охота на кабана имела не столько промысловый, сколько спортивный характер, доказательством отваги охотника являлись добытые им кабаньи клыки, которые использовались в качестве амулетов [Шульга, 1994, с. 56]. Сложность промысла заключалась еще и в определенных физических свойствах животного. Так, к августу на боках у самца развивалась плотная хрящевидная подкожная ткань (т.н. калкан, броня), защищающая зверя [Гептнер, Насимович, Банников, 1961, с. 30]. Эта особенность создавала трудности в использовании лука и стрел, кроме того, сила и агрессивность зверя требовали от охотников высокого мастерства и мужества. В эпоху раннего железа образ свирепого кабана, передаваемый позой животного и акцентами на клыки и оскаленную пасть, находит воплощение как в искусстве, так и в нарративных источниках [Семенов, 2017]. Зверь мог быть представлен как полной фигурой, так и изображением головы.

Оригинальным, в свете рассматриваемой проблемы, явилось рельефное роговое изображение головы кабана, обнаруженное в одном из погребений кург. 51 могильника Усть-Тартасские курганы (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) (см. *рисунок*, *1*). Курган относится к элитным захоронениям носителей саргатской культуры [Мыльникова и др., 2022, с. 651]. Фигурка представляет собой роговую пластину, один конец которой оформлен в виде головы животного. Характерные морфологические особенности – острые уши, вытянутая морда, заканчивающаяся пятачком, – позволяют видеть в изображении именно образ кабана, выполненный в рамках скифо-сибирского звериного стиля. Стилизованное «тело» зверя украшено резным геометрическим зигзагообразным орнаментом, элементы которого имеют место и в декоре головы животного. Длина фигурки достигает 20 см. Изделие обнаружено в погребении женщины, где также были найдены серебряная серьга и бронзовая нашейная гривна. Интересно, что последняя, по мнению В.И. Молодина, в эпоху раннего железа могла являться маркером определенной клановой принадлежности, у элиты общества при этом встречались более дорогие (золотые) гривны, материал мог являться символом социального статуса [Молодин, 2000, с. 111]. Аналогии подобному оформлению немногочисленны, некоторое сходство с находкой имеют артефакты с памятников Причерноморья, Прикубанья и Поволжья, выполненные из различных материалов (см. *рисунок*, *2–5*). Вполне вероятно, что изделие выполнено местным мастером, но оригиналом послужил какой-либо западной образец.

На территории региона изображение кабана известно и в материалах кулайской культуры. Одно из них представляет собой медную полую голову животного, обнаруженную на р. Нюрса. Условия обнаружения неизвестны, изделие было приобретено для Томского краеведческого музея [Мягков, 1929, с. 56, табл. II, *9*]. Другое – объемная костяная головка кабана – найдена в погребении могильника Каменный Мыс, датирующемся III–II вв. до н.э. Ин-

Изображение кабана на артефактах.

1 – изображение головы кабана (Усть-Тартасский могильник, кург. 51, погр. 13) (по: [Мыльникова и др., 2022, рис. 2]); *2* – бляшка с головой кабана (кург. 18 у с. Колбино, погр. 2) (по: [Гуляев, 2018, с. 344, рис. 32]); *3* – навершие в виде фигуры кабана (Адыгея, могильник Уляп (по: [Памятники...]); *4* – резной кабаний клык (с. Новопривольное, Нижнее Поволжье); *5* – резной кабаний клык (городище Глубокая Пристань, хора Ольвии) (по: [Королькова, 2006, табл. 9, *7*, *9*]).

1 – рог, *2* – золото, *3* – серебро, золото; *4*, *5* – кость.

тересно, что и это изделие декорировано элементами геометрического орнамента (двойной прямой линией, «уточками»). По мнению Т.Н. Троицкой, изделие явно выполнено местным мастером и связано с религиозно-магическими представлениями, возможно, свидетельствующими о почитании здесь кабана в эпоху раннего железного века [Троицкая, 1979, с. 14, 59; табл. XIII, *2*]. В пользу данного предположения свидетельствует и упоминающееся автором неординарное захоронение пяти домашних кабанов, обнаруженное на территории городища Ивановка-4. Могильная яма располагалась между рвом и домами и была засыпана утрамбованной глиной, возможно, взятой из рва: по-видимому, погребение было сооружено одновременно с оборонительной системой. Захоронены только самцы, туши животных располагались друг на друге и были ориентированы головами на ЮЗ [Там же, с. 59, табл. XLII].

Еще один экземпляр – бронзовая бляшка в виде фигуры кабана – был найден в культурном слое раннего железного века на поселении Шеломок II в Томском Приобье [Плетнева, 2012, с. 74, 159]. На Алтае известны лишь три изображения этого животного (два образа с композиции на колоде из кургана Башадар-2, один – каменную скульптурку, случайную находку – описал С.И. Руденко) [Баркова, 1984, с. 85]. Как элемент декора образ кабана распространен и в близлежащих регионах – в Хакасско-Минусинской котловине, в Казахстане, на Алтае, на Южном Урале [Плетнева, 2012, с. 159–160; Пшеничнюк, 2012, с. 74, 78, 81, 83]. Широкое бытование получают в это время псалии из клыков кабана [Хорват, Сабо, 2020].

В целом, в научной литературе существует мнение о сложении начиная с эпохи неолита культа кабана в степных и лесостепных зонах Евразии. В эпоху энеолита, по-видимому, происходит постепенное вытеснение почитания этого образа культами домашних животных – коня, барана, быка и др. В эпоху раннего железа следы культа проявляются в виде помещения образа животного на бытовые предметы, украшения упряжи и оружие и связываются с тотемическими и магическими представлениями кочевников, с борьбой мужского и женского начала и др. [Ермолов, 1980, с. 156; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2013; Гольмстен, 1933, с. 104]. На территории Западной Сибири культ кабана проявляется не так отчетливо, однако и здесь имеются изображения животного, семантика которых могла быть обусловлена едиными аспектами мировоззрения, характерными для мира степных кочевников этого периода.

В религиозно-мифологических традициях народов Европы бытовало особое отношение к кабану. Упоминания о последнем есть в греческой мифологии. Так, в легенде об Адонисе и Афродите возлюбленного богини убивает на охоте бог Арес, принявший облик кабана. Богиня земледелия Деметра могла выступать в образе свиньи (это животное ей приносили в жертву), а Афродита – в образе вепря. Свинья охраняла юного Зевса, пока он рос. Наряду с олимпийскими богами в народной среде почитались животные, ту же свинью, например, почитали жители Крита, в пищу ее мясо не употреблялось [Соколова, 1972, с. 151, 159, 168, 169, 174, 183, 189, 195]. На Кавказе в облике кабана представлялся и бог охоты адыгейцев Мезытх, считавшийся хозяином зверей [Там же, с. 50].

В отношении к кабану с древности отмечалась амбивалентность: еще «Авеста» характеризует животное и как копытное, и как хищное. Подобная двойственность не позволяла однозначно отнести зверя к определенной группе животного мира, в скифском зверином стиле он часто изображается как «хищное копытное», в позах, характерных как для копытных, так и для хищников. Данные группы в древней классификации животного мира служили и маркерами трех основных зон мироздания. Кабан в этой системе располагался между копытными и хищными, т.е. между нижним и средним мирами, играя роль связующего звена [Переводчикова, 1994, с. 46–48]. Возможно, иногда эта граница могла колебаться. Так, например, Л.Б. Ермолов упоминает об описанном в Ригведе демоне, принявшем вид дикого кабана [1980, с. 161], по-видимому, принадлежность образа зверя Нижнему миру здесь преобладает. Во многих индоевропейских культурах свиньи ассоциируются со смертью, погребением и нижним миром в целом, что объяснялось специфическими повадками животных – свинья не охотится, но может питаться плотью (змеями, падалью или беспомощными жертвами); она валяется в грязи, подкапывает корни растений и деревьев. У кельтов свинья часто является предвестником смерти, но в то же время играет определенную роль в религиозных воззрениях: большие куски свинины или целые туши помещали в могилы знати, множество скульптурных изображений животных известны в британской и галльской скульптуре доримского и раннего римского времени [Бондаренко, 2018, с. 236]. В древней Ирландии кабан считался священным животным и выступал в качестве сакральной жертвы, охота на вепря является характерным ирландским мифологическим сюжетом. В мифах Скандинавии упоминается кабан Сехримнир, подававшийся на пиру в Валгалле и снова оказывавшийся целым к вечеру каждого дня [Широкова, 2005]. Согласно «Младшей Эдде», еще один чудесный вепрь с золотой щетиной – Гуллинбурсти – принадлежал богу света и плодородия Фрейру [Королев, 2007, с. 56].

У многих народов семантика образа кабана многогранна, но, прежде всего, связывается с потусторонним миром. Возможно, поэтому уже в эпоху средней бронзы животное фигурирует в качестве жертвы. Так, на территории степного Зауралья, помимо «стандартных» представителей «жертвенного стада» (копытные), отмечены жертвоприношения псовых, а также особей дикого кабана [Зданович, 2005, с. 12]. В эпоху поздней бронзы случай обнаружения ритуально-жертвенного комплекса – костей свиньи, располагавшихся под насыпью кургана, – известен на памятнике ирменской культуры [Ковалевский, 2004, с. 126].

Кабаньи и свиные кости обнаружены на VII Измерском могильнике в Прикамье, относящемся к ананьинской культуре. Присутствуют фрагменты черепа, нижних челюстей, лопатки, реже – обломки позвонков, фаланг, тазовых костей, метаподий; один комплекс включал три черепа и пястную кость [Петренко, 2000, с. 23, 80]. По-видимому, здесь имеют место остатки тризны либо, учитывая наличие комплекса со специфическим набором костей, остатки жертвенных даров. На территории Западной Сибири в материалах большереченской культуры прослежен еще один вариант принесения в жертву свиньи – защитное (апотропейное) жертвоприношение, совершаемое при нарушении захоронения, зафиксированное на быстровском некрополе [Шишкин, 2002, с. 15].

Что же касается декора на артефактах, то изображения могли быть воплощениями мифо-ритуальных сущностей и наделяться теми же свойствами, что и божественные оригиналы; владелец мог использовать заключенную в предмете сверхъестественную силу [Килуновская, 1996, с. 20].

Отголоски почитания кабана прослеживаются у многих народов до этнографической современности, сохраняясь в мифах, верованиях, праздничной обрядности [Рахно, 2016]. Уникальные данные приводит проф. Корнельского университета археозоолог Нерисса Рассел. Согласно ее исследованиям верований населения Вануату (Меланезия), свинья может заменить своего хозяина в обряде жертвоприношения при погребении. Мужчины выращивают особого кабана – «свинью смерти», которая будет принесена в жертву на их похоронах. По представлениям местных жителей, душа этого животного будет съедена Призраком-хранителем загробного мира вместо души умершего хозяина, что позволит последней выжить и обрести жизнь после смерти [Russell, 2012, p. 96].

Таким образом, на территории Западной Сибири изображение кабана является одним из распространенных звериных образов скифо-сибирского искусства. В религиозно-мифологическом контексте кабан выступает в качестве хтонического существа либо посредника между Средним и Нижним мирами. Клыки кабана как элементы конского снаряжения, подвески и украшения, возможно, выполняли функцию апотро-

пеев. По-видимому, сакральная коннотация образа обусловила использование зверя в качестве жертвенного животного, причем не только в погребальном обряде, но и при отправлении иных ритуалов. Кроме того, образ кабана и здесь мог являться статусным маркером либо быть связан с отголосками определенных тотемистических представлений.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Баркова Л.Л. Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // АСГЭ. – Вып. 25. – Л., 1984. – С. 83–89.

Бондаренко Г.В. Мифы и общество Древней Ирландии. – М.: Языки славянских культур, 2018. – 512 с.

Гептнер В.Г., Насимович А.А., Банников А.Г. Млекопитающие Советского Союза. – М.: Высшая школа, 1961. – Т. 1. – 776 с.

Гольмстен В.В. Из области культа древней Сибири (предварительные соображения) // Из истории докапиталистических формаций / Изв. ГАИМК. – Вып. 100. – М.; Л., 1933. – С. 100–124.

Гуляев В.И. Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. (старые проблемы – новые решения). – М.: Изд-во ИА РАН, 2018. – 1007 с.

Девяшин М.М., Косинцев П.А. Копытные млекопитающие среднего и позднего голоцена юго-востока Западной Сибири // Вестн. Том. гос. ун-та. Биология. – 2013. – № 2 (22). – С. 127–140.

Ермолов Л.Б. К вопросу о происхождении культа кабана в скифское время // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1980. – С. 156–163.

Зданович Д.Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2005. – 23 с.

Килуновская М.Е. Скифо-сибирский звериный стиль в культуре кочевников Центральной Азии (основные сюжеты и некоторые вопросы семантики) // Животные и растения в мифоритуальных системах. – СПб.: Изд-во РЭМ, 1996. – С. 19–20.

Ковалевский С.А. Ритуально-жертвенные комплексы с черепами животных в эпоху поздней бронзы у населения ирменской культуры // Вестн. Кузбас. гос. тех. ун-та. – 2004. – № 5. – С. 126–130.

Королев К.М. Скандинавская мифология. Энциклопедия. – СПб.: Мидгард, 2007. – 585 с.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 272 с.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 302 с.

Могильников В.А. Кокоповские и саргатские курганы – памятники эпохи раннего железа в Западно-Сибирской лесостепи // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. – М.: Наука, 1972. – С. 119–133.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 86–119.

Мыльникова Л.Н., Молодин В.И., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Кудинова М.А., Ненахов Д.А., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Селин Д.В., Борзых К.А., Бобин Д.Н., Кравцова А.С., Некраш А.А., Попова Б.С., Титова А.А., Харитонов Р.М., Швецова Е.С. Элитный курган № 51 Усть-Тартасского могильника. Общие сведения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 647–655. – doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0744-0749

Мягков И.М. Древности Нарымского Края (В собрании Томского Краевого Музея) // Тр. Том. краевого музея. – Томск: Красное Знамя, 1929. – Т. II. – С. 51–86.

Памятники скифского периода // Государственный музей Востока. – URL: https://www.orientmuseum.ru/collections/archaeology/index.php (дата обращения: 30.09.2024).

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М.: Вост. лит., 1994. – 206 с.

Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. – Казань: Школа, 2000. – 156 с.

Плетнева Л.М. Предметы скифо-сибирского звериного стиля из Томского Приобья. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. – 190 с.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Культ кабана в степной и лесостепной Евразии во II – начале I тыс. до н.э. // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. – Алматы: [б.и.], 2013. – С. 453–484.

Пшеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. – Уфа: Изд-во ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 280 с.

Рахно К.Ю. Культ кабана на белорусско-русском этническом пограничье и его осетинские параллели // V Всероссийские Миллеровские чтения. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. – С. 78–85.

Семенов Вл.А. Кабан: «копытный хищник» в скифском искусстве и мифологии // КСИА. – 2017. – Вып. 247. – С. 61–73.

Соколова З.П. Культ животных в религиях. – М.: Наука, 1972. – 215 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 123 с.

Формозов А.Н. Снежный покров в жизни млекопитающих и птиц. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1990. – URL:

https://zoomet.ru/formozov/formozov-118.html (дата обращения: 30.09.2024).

Хорват В., Сабо Г. Псалии из клыка кабана в культуре населения евразийских степей в начале скифского времени // Тр. VI XXII Всерос. археол. съезда в Самаре. – Самара: Самар. гос. соц.-пед. ун-т, 2020. – Т. II. – С. 127–129.

Широкова Н.С. Мифы кельтских народов. – М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2005. – 431 с. – URL: http://svr-lit.ru/svr-lit/shirokova-mify-keltskih-narodov/obrazy-zhivotnyh.htm (дата обращения: 15.10.2024).

Шишкин А.С. Животные в мировоззрении древних племен Приобья (ранний железный век): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2002. – 21 с.

Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 48–60.

Russell N. Social zooarchaeology: humans and animals in prehistory. – Cambridge: Gambridge Univ. Press, 2012. – 548 p.

References

Barkova L.L. Reznye izobrazheniya zhivotnykh na sarkofage iz 2-go Bashadarskogo kurgana. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad, 1984. Iss. 25. P. 83–89. (In Russ.).

Bondarenko G.V. Mify i obshchestvo Drevnei Irlandii. Moscow: Dom YaSK Publ., 2018. 512 p. (In Russ.).

Devyashin M.M., Kosintsev P.A. Kopytnye mlekopitayushchie srednego i pozdnego golotsena yugo-vostoka Zapadnoi Sibiri. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya*, 2013. No. 2 (22). P. 127–140. (In Russ.).

Ermolov L.B. K voprosu o proiskhozhdenii kul'ta kabana v skifskoe vremya. In *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo.* Kemerovo: Kemerovo State Univ. Press, 1980. P. 156–163. (In Russ.).

Formozov A.N. Snezhnyi pokrov v zhizni mlekopitayushchikh i ptits. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1990. (In Russ.). URL: https://zoomet.ru/formozov/formozov-118.html (Accessed: 30.09.2024).

Geptner V.G., Nasimovich A.A., Bannikov A.G. Mlekopitayushchie Sovetskogo Soyuza. Vol. 1. Moscow: Vysshaya shkola, 1961. 776 p. (In Russ.).

Golmsten V.V. Iz oblasti kul'ta drevnei Sibiri (predvaritel'nye soobrazheniya). In *Iz istorii dokapitalisticheskikh formatsii. Izvestiya gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury.* Moscow; Leningrad, 1933. Iss. 100. P. 100–124. (In Russ.).

Gulyaev V.I. Skify Severnogo Prichernomor'ya v VII–IV vv. Do n.e. (starye problemy – novye resheniya). Moscow: IA RAS Publ., 2018. 1007 p. (In Russ.).

Khorvat V., Sabo G. Psalii iz klyka kabana v kul'ture naseleniya evraziiskikh stepei v nachale skifskogo vremeni. In *Trudy VI XXII Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare*. Samara: Samara State Univ. Press, 2020. Vol. II. P. 127–129. (In Russ.).

Kilunovskaya M.E. Skifo-sibirskii zverinyi stil' v kul'ture kochevnikov Tsentral'noi Azii (osnovnye syuzhety i nekotorye voprosy semantiki). In *Zhivotnye i rasteniya v miforitual'nykh sistemakh*. St. Petersburg: REM Publ., 1996. P. 19–20. (In Russ.).

Kovalevskii S.A. Ritual'no-zhertvennye kompleksy s cherepami zhivotnykh v epokhu pozdnei bronzy u naseleniya irmenskoi kul'tury. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta,* 2004. No. 5. P. 126–130. (In Russ.).

Korolev K.M. Skandinavskaya mifologiya. Entsiklopediya. St. Petersburg: Midgard, 2007. 585 p. (In Russ.).

Korolkova E.F. Zverinyi stil' Evrazii. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. 272 p. (In Russ.).

Kosarev M.F. Drevnyaya istoriya Zapadnoi Sibiri: Chelovek i prirodnaya sreda. Moscow: Nauka, 1991. 302 p. (In Russ.).

Mogilnikov V.A. Kokonovskie i sargatskie kurgany – pamyatniki epokhi rannego zheleza v Zapadno-Sibirskoi lesostepi. In *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoi Sibiri sarmatskogo vremeni*. Moscow: Nauka, 1972. P. 119–133. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985. 200 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Kul'turno-istoricheskaya kharakteristika pogrebal'nogo kompleksa kurgana No. 3 pamyatnika Verkh-Kal'dzhin II. In *Fenomen altaiskikh mumii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000. P. 86–119. (In Russ.).

Mylnikova L.N., Molodin V.I., Durakov I.A., Efremova N.S., Kobeleva L.S., Kudinova M.A., Nenakhov D.A., Nenakhova Y.N., Nesterova M.S., Selin D.V., Borzykh K.A., Bobin D.N., Kravtsova A.S., Nekrash A.A., Popova B.S., Titova A.A., Kharitonov R.M., Shvetsova E.S. Elite Burial Mound No. 51 at the Ust-Tartas Burial Ground: General Information. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 28. P. 647–655. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0744-0749

Myagkov I.M. Drevnosti Narymskogo Kraya (V sobranii Tomskogo Kraevogo Muzeya). In *Trudy Tomskogo kraevogo muzeya*. Tomsk: Krasnoe Znamya, 1929. Vol. II. P. 51–86. (In Russ.).

Pamyatniki skifskogo perioda. In *Gosudarstvennyi muzei Vostoka*. URL: https://www.orientmuseum.ru/collections/archaeology/index.php (In Russ.). (Accessed: 30.09.2024).

Perevodchikova E.V. Yazyk zverinykh obrazov: Ocherki iskusstva evraziiskikh stepei skifskoi epokhi. Moscow: Vostochnaya literatura, 1994. 206 p. (In Russ.).

Petrenko A.G. Sledy ritual'nykh zhivotnykh v mogil'nikakh drevnego i srednevekovogo naseleniya Srednego Povolzh'ya i Predural'ya. Kazan': Shkola, 2000. 156 p. (In Russ.).

Pletneva L.M. Predmety skifo-sibirskogo zverinogo stilya iz Tomskogo Priob'ya. Tomsk: Tomsk State Pedagog Univ. Press, 2012. 190 p. (In Russ.).

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V. Kul't kabana v stepnoi i lesostepnoi Evrazii vo II – nachale I tys. Do n.e. In *Begazy-dandybaevskaya kul'tura Stepnoi Evrazii*. Almaty: [s.n.], 2013. P. 453–484. (In Russ.).

Pshenichnyuk A.Kh. Filippovka. Nekropol' kochevoi znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale. Ufa: IIYaL UNTs RAS Publ., 2012. 280 p. (In Russ.).

Rakhno K.Y. Kul't kabana na belorussko-russkom etnicheskom pogranich'e i ego osetinskie paralleli. In *V Vserossiiskie Millerovskie chteniya*. Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAS Publ., 2016. P. 78–85. (In Russ.).

Russell N. Social zooarchaeology: humans and animals in prehistory. Cambridge: Gambridge Univ. Press, 2012. 548 p.

Semenov Vl.A. Kaban: «kopytnyi khishchnik» v skifskom iskusstve i mifologii. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii*. 2017. Iss. 247. P. 61–73. (In Russ.).

Shirokova N.S. Mify kel'tskikh narodov. Moscow: AST, Astrel', Tranzitkniga, 2005. 431 p. (In Russ.). URL: http://svr-lit.ru/svr-lit/shirokova-mify-keltskih-narodov/obrazy-zhivotnyh.htm (Accessed: 15.10.2024).

Shishkin A.S. Zhivotnye v mirovozzrenii drevnikh plemen Priob'ya (rannii zheleznyi vek): cand sc. (history) dissertation abstract. Kemerovo, 2002. 21 p. (In Russ.).

Shulga P.I. Khozyaistvo plemen Gornogo Altaya v rannem zheleznom veke. In *Arkheologicheskie i fol'klornye istochniki po itstoriti Altaya*. Gorno-Altaisk: GANIIIYaL Publ., 1994. P. 48–60. (In Russ.).

Sokolova Z.P. Kul't zhivotnykh v religiyakh. Moscow: Nauka, 1972. 215 p. (In Russ.).

Troitskaya T.N. Kulaiskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e. Novosibirsk: Nauka, 1979. 123 p. (In Russ.).

Zdanovich D.G. Zhertvoprinosheniya zhivotnykh v pogrebal'nom obryade naseleniya stepnogo Zaural'ya epokhi srednei bronzy: cand. sc. (history) dissertation abstract. Yekaterinburg, 2005. 23 p. (In Russ.).

Ефремова Н.С. https://orcid.org/0000-0002-3053-8755

Дата сдачи рукописи: 20.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0498-0502
УДК 903.07.31

Л.В. Зоткина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: lidiazotkina@gmail.com

Эскиз в наскальном искусстве Минусинской котловины: его функции и разные принципы использования

В статье рассматриваются наскальные изображения, которые могут быть отнесены к эскизным. К таковым обычно причисляют либо петроглифы, первоначальные контуры которых затем в ходе проработки были изменены и при этом достаточно хорошо фиксируются, либо некоторые парциальные изображения. Последние особенно часто встречаются в наскальном искусстве древнейшего пласта. При более детальном рассмотрении можно зафиксировать различные функции, которые выполнял эскиз в наскальном искусстве в разные периоды на территории Минусинской котловины, как и других регионов, где преобладают рельефные изображения – петроглифы. В данной статье предлагается разделить эскизы в зависимости от выполняемых ими задач. Одним из самых распространенных, особенно в поздние периоды, эскизов является вариант наброска изображения, который практически повторяет контуры будущей выбитой фигуры – т.е. по сути уже является в некоторой степени самостоятельным изображением, которое лишь дорабатывалось пикетажем. Чаще всего это гравированный эскиз, он хорошо фиксируется по выступающим из-под выбитого абриса фрагментам. Второй вариант эскиза правильнее было бы назвать техническим рисунком будущего изображения, т.к. он лишь намечает пропорции фигуры отдельными выбоинами. Такие изображения обычно называют парциальными или незаконченными. Третья разновидность эскиза является наброском, практически сразу воспроизводящим изображение в деталях, однако дальнейшая проработка, в отличие от первой разновидности эскиза, предполагает не просто следование готовому контуру при нанесении выбивки, а создание полноценного изображения, лишь с некоторой опорой на намеченные контуры редкого пикетажа. И наконец, четвертый вариант эскиза связан не столько с задачей создания абриса изображения, сколько с разметкой будущей композиции. В эту категорию попадают в основном парциальные изображения.

Ключевые слова: *наскальное искусство, петроглифы, парциальные изображения, эскиз, Минусинская котловина.*

L.V. Zotkina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: lidiazotkina@gmail.com

Sketch in Rock Art of Minusinsk Depression: Purposes and Various Usage Ways

The author considers rock art images that can be categorized as sketch images. The category usually includes some partial images or petroglyphs, which initial outlines were altered in the course of presentation, yet, remained well enough visible. The partial images are particularly common in the earliest rock art. However, it is possible to assume various ways how a sketch could have been used in rock art of various periods in the Minusinsk Basin, as well as in other regions where carvings (petroglyphs) prevail. The author proposes a classification of sketches according to the assumed purposes. The sketch type almost repeating the contours of the intended pecked image is one of the most widespread, especially in later periods; the sketch represents an image distinct to some extent, which would be only finished by pecking. Most often, the initial outlines are engraved; the line fragments are clearly seen beyond the pecked contour. The second type of the sketch would rather represent a technical drawing of the future image, as it only indicates the proportions of the image by isolated dents. Usually, such images are designated partial or incomplete. The third type is a draft, almost reproducing the image in details, however, further processing, in contrast to the first type of sketch, implies not just following the ready contour by pecking but creating a whole image guided by the rare pecked contours. And finally, the fourth

sketch type is related not so much to creating a single image outline, but to marking a whole composition. Mostly partial images fall into this category.

Keywords: *rock art, petroglyphs, partial representations, sketch, Minusinsk Basin.*

В наскальном искусстве разных периодов и территорий часто фиксируются т.н. первоначальные контуры изображений, которые можно разделить на две категории. Первая – парциальные фигуры. Обычно предлагается два варианта их интерпретации: как намеренно незавершенных самостоятельных изображений либо как эскизов будущих петроглифов, которые по тем или иным причинам не были закончены [Молодин и др., 2019, с. 18–19, 23]. Парциальные зооморфные изображения довольно часто встречаются в наскальном искусстве древнейшего изобразительного пласта [Там же].

В классическом палеолитическом пещерном искусстве, где большую роль играют особенности изобразительной поверхности, продолжение многих зооморфных фигур формирует естественный рельеф [Pigeaud, 1999, p. 589; Fernandes et al., 2017; Balbín Behrmann, Alcolea-González, 2018, p. 17; Vásquez, 2021, p. 66]. В таких случаях парциальными эти изображения можно считать лишь условно, т.к. их контуры продолжаются, создавая фактически полный абрис животного.

Для открытых памятников наскального искусства, которых большая часть в Минусинской котловине, это довольно редкое явление, чаще всего парциальные изображения не вписаны в какие-либо особые формы естественного рельефа. Считается, что некоторые образы намеренно оставлены незавершенными, т.к. передают определенное положение зооморфного персонажа в пространстве, как, например, голова лося – это плывущее животное, а парциальные фигуры быков передают их в положении лежа в высокой траве.

Вторая разновидность фиксируемых первоначальных контуров – это и парциальные, и полные изображения, которые выполнены поверхностным, обычно редким пикетажем или тонкими гравированными линиями. Такие неглубоко проработанные контуры позволяют считать их эскизами, т.к. известны примеры выбитых петроглифов, выполненных по намеченному поверхностной, редкой выбивкой или гравировкой абрису, от которого художник частично отступил, благодаря чему и фиксируется первоначальный набросок. Нельзя, однако, исключать в таких случаях и вероятность того, что последующая глубокая проработка пикетажем могла быть более поздним подновлением самодостаточного, хоть и поверхностно выполненного изображения.

Рассмотрим разные варианты использования эскизов в наскальном искусстве Минусинской котловины. Известны примеры петроглифов, за пределами которых фиксируются тонкие гравированные контуры, слегка отличающиеся от окончательных выбитых. Это часто можно встретить в поздних изобразительных пластах, например, в скифском наскальном искусстве (рис. 1, *1–3*). Эскиз в данной стратегии создания петроглифов выполнялся не просто чтобы наметить общие контуры будущего изображения, но фактически являлся полноценным гравированным изображением, которое лишь дополнительно прорабатывалось выбивкой. В этом случае идея эскиза приближается к современному его пониманию, когда художник стремится максимально точно подготовить контуры – основу будущей фигуры. В таком варианте гравированный эскиз можно рассматривать не только как самостоятельное изображение, но и как важный и даже обязательный этап создания контуров петроглифа.

Другая разновидность эскиза, которую можно встретить и на изображениях раннего пласта, и более поздних, скорее напоминает технический рисунок, который позволял художнику наметить основные пропорции тела животного: голова обычно проработана более детально, а туловище лишь намечено отдельными выбоинами редкого пикетажа, чтобы обозначить основные точки, по которым пройдут будущие линии пикетажа (рис. 1, *4*), при этом ноги и другие детали отсутствуют. Такие изображения, безусловно, относятся к парциальным, однако, судя по тому, что известны примеры законченных образов с выступающими за контуры подобными сериями выбоин, можно предполагать, что это именно разновидность эскиза, а не самостоятельное намеренно незаконченное изображение.

Следующий вариант эскиза чаще встречается в наскальном искусстве древнейшего пласта, в т.ч. минусинского стиля. Это скорее набросок будущей зооморфной фигуры, выполненный поверхностным и обычно редким пикетажем, который часто воспроизводит все, даже не основные детали (ноги, рога животного и пр.), но при этом отличается непроработанностью и нечеткостью линий (рис. 2, *1*, *2*). Известны примеры ранних петроглифов, где хорошо фиксируются первоначальный эскиз редкого пикетажа и слегка смещенный по отношению к нему финальный хорошо проработанный контур зооморфной фигуры (рис. 2, *3*, *4*).

Однако наблюдения за контекстом расположения многих парциальных и «эскизных» изображений показывают, что может быть выделена еще одна разновидность эскиза, задача которого связана не столько с воспроизведением конкретного образа, сколько с построением композиций. Часто полные изображе-

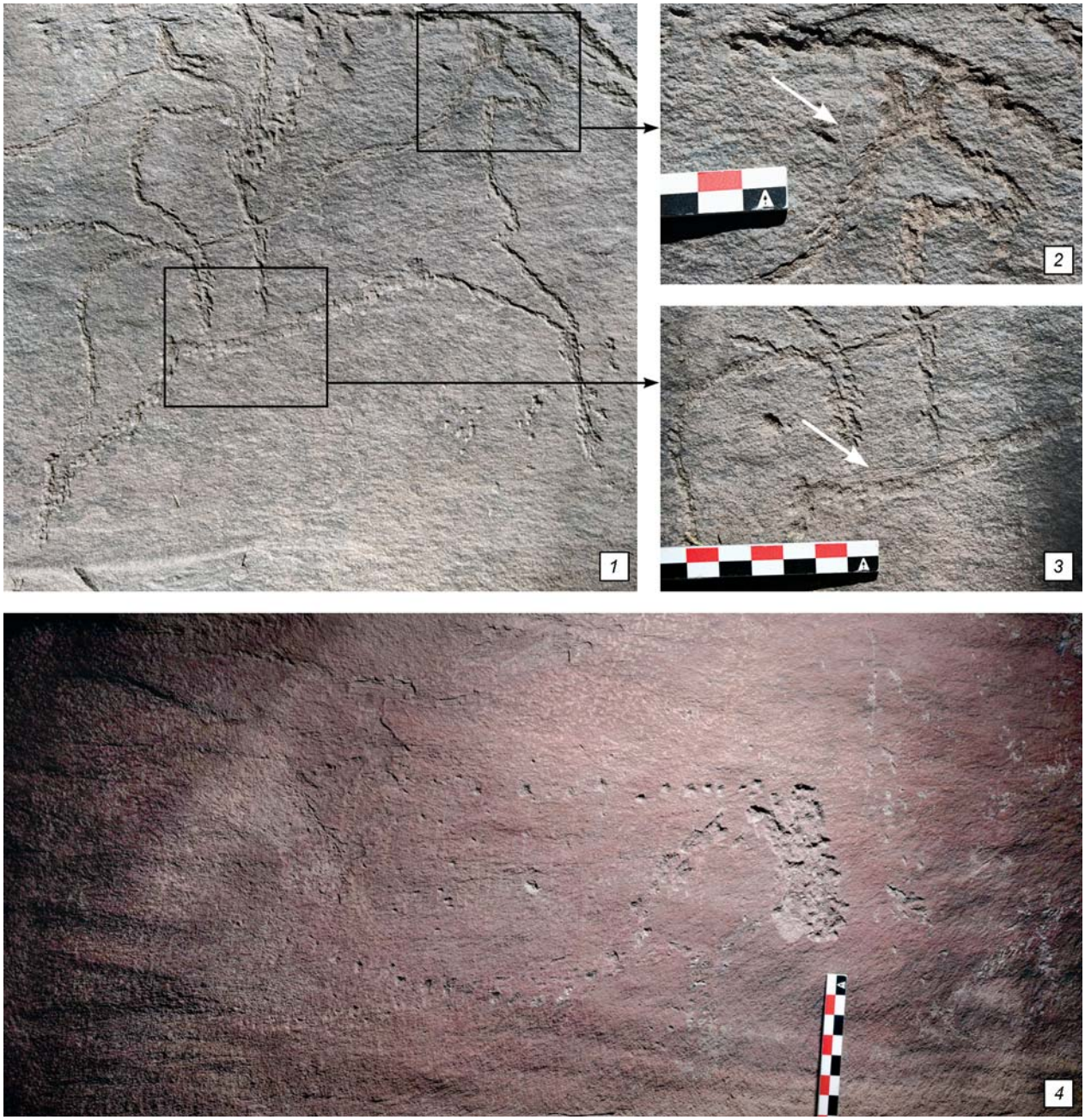

Рис. 1. Разновидности выбитого и гравированного эскиза, Шалаболинская писаница.

1 – общий вид на изображение лошади с отмеченными участками первоначального гравированного эскиза, проходящего с небольшим смещением от выбитых линий, фото без масштаба (4 участок); *2* – голова лошади, где, кроме двух выполненных пикетажем ушей, фиксируется гравированный эскиз еще одного уха (указано стрелкой); *3* – участок живота лошади, где фиксируются две почти параллельные линии эскиза живота (указано стрелкой); *4* – парциальное зооморфное изображение, голова которого проработана плотным пикетажем, а контуры туловища лишь намечены отдельными редкими выбоинами (2 участок).

ния соседствуют с парциальными, и в таких случаях обычно плоскости не воспринимаются как панно с композициями. Однако, если предположить, что в дальнейшем парциальные изображения были бы лучше проработаны, во многих случаях изобразительные поверхности перестают восприниматься как плоскости с одиночным изображением, а выглядят как сложные композиции, выстроенные по определенным законам (рис. 3).

Таким образом, еще одним вариантом использования эскиза в наскальном искусстве можно считать разметку композиций. Эти парциальные изображения вряд ли создавались для точного следования намеченным контурам, они скорее были выполнены, чтобы обозначить место для каждой будущей фигуры.

Итак, можно выделить несколько ключевых вариантов использования эскиза в наскальном искусстве

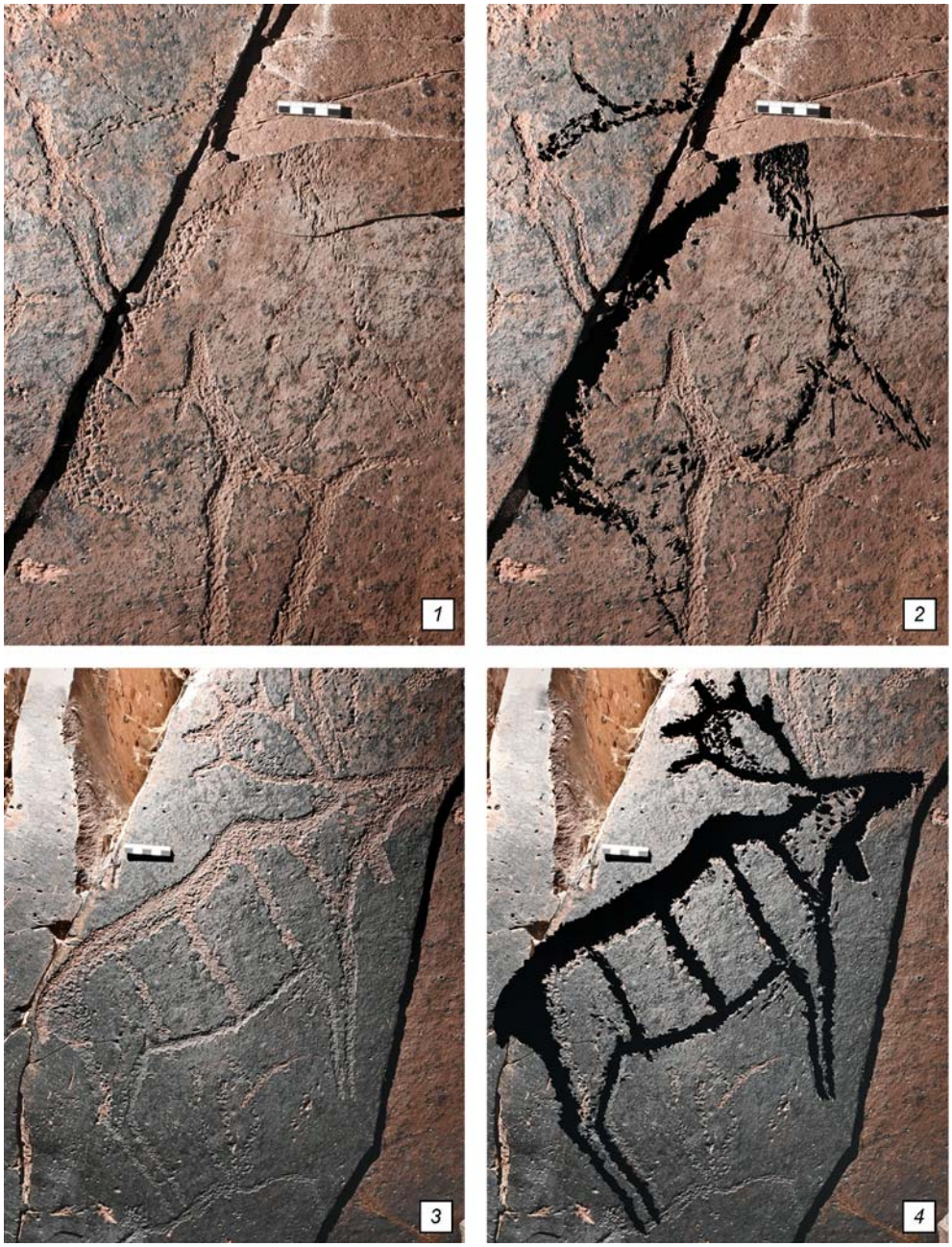

Рис. 2. Разновидности выбитого эскиза, Шалаболинская писаница.

1, *2* – набросок изображения оленя (минусинский стиль), за исключением участка спины, выполненный редким пикетажем (6 участок; фото и прорисовка); *3*, *4* – изображение лося (минусинский стиль), вокруг основных хорошо проработанных контуров которого фиксируются отдельные выбоины первоначального наброска (6 участок; фото и прорисовка; стрелками показаны фрагменты первоначального эскиза).

разных периодов на территории Минусинской котловины:

– полноценное изображение, по которому затем выполнялась лишь проработка – это характерно для поздних изображений (скифское время, Средневековье);

– намеченный основной контур будущего изображения для верного соблюдения пропорций – прослеживается на изображениях раннего пласта и переходных более поздних изображений;

– предварительный набросок, но не совпадающий точно с будущим изображением – встречается в минусинском стиле;

– набросок, позволяющий выстраивать сложные композиции – характерно для древнейшего пласта в целом. Примечательно, что оба последних варианта использования эскиза в наскальном искусстве древнейшего пласта связаны с созданием именно набросков, которые чаще всего не совпадают с финальными контурами петроглифов.

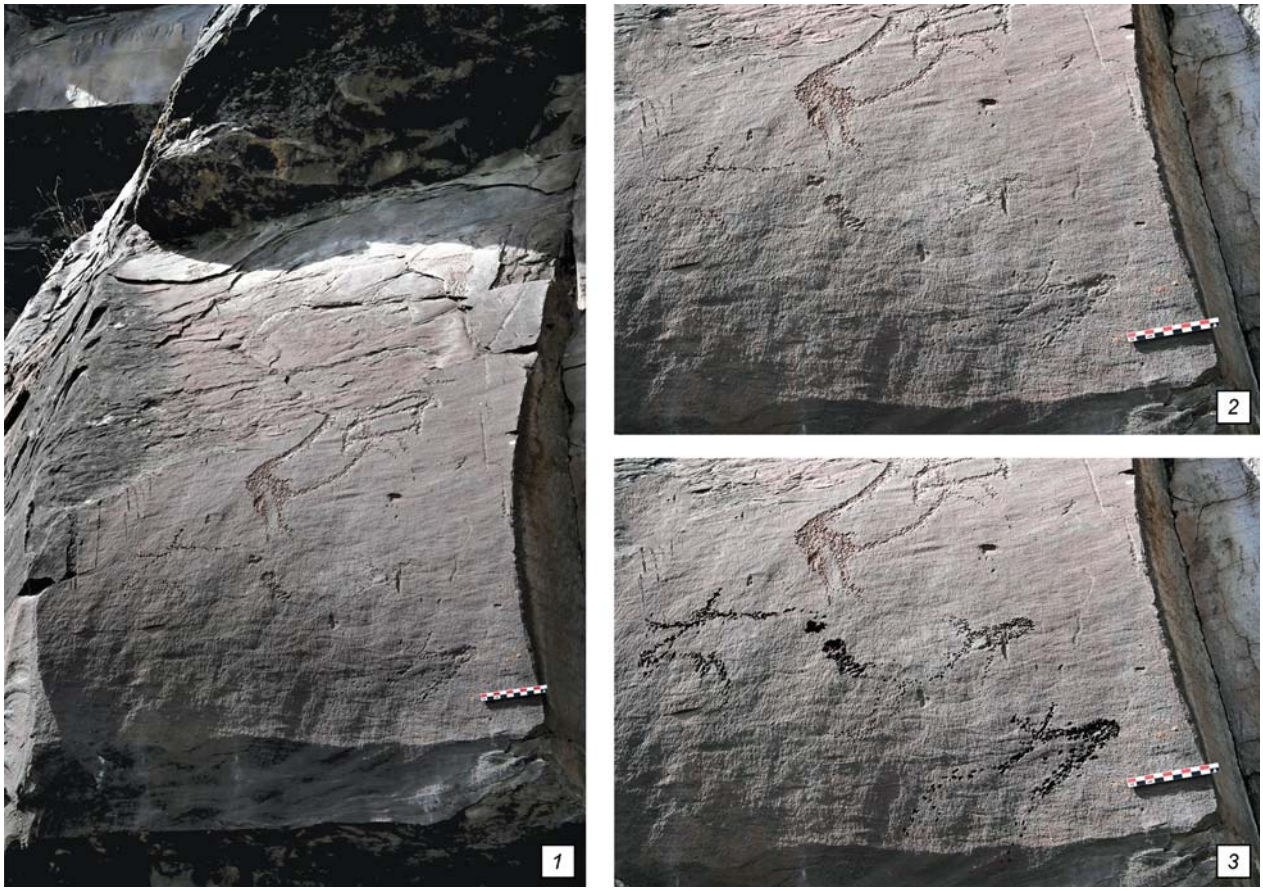

Рис. 3. Плоскость с парциальными изображениями, намечающими композицию (Шалаболинская писаница, 4 участок).
1 – общий вид на плоскость; *2* – нижняя часть плоскости с тремя парциальными изображениями; *3* – прорисовка парциальных изображений.

Благодарности

Исследование выполнено по госзаданию № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Молодин В.И., Женест Ж.-М., Зоткина Л.В., Черемисин Д.В., Кретэн К. «Калгутинский» стиль в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47, № 3. – С. 12–26. – doi:10.17746/1563-0102.2019.47.3.012-026

Balbín Behrmann, de R., Alcolea-González J.J. Siega Verde Rock Art Sites // Encyclopedia of Global Archaeology. – N. Y.: Springer, 2018. – P. 1–20. – doi:10.1007/978-3-319-51726-1_577-2

Fernandes A.P.B., Reis M., Escudero C.Y., Vásquez M.C. Integration of natural stone features and conservation of the Upper Palaeolithic Côa Valley and Siega Verde open-air rock art // Time and Mind. – 2017. – Vol. 10, N 3. – P. 293–319.

Pigeaud R. Autour du Cap Blanc: quelques remarques sur la «forme-cheval» // L'Anthropologie. – 1999. – Vol. 103, N 4. – P. 569–616.

Vásquez M.C. Zoomorphic figures in the open-air Palaeolithic rock art of Spain // ArkeoGazte Aldizkaria: Animals in Prehistoric art. The Euro-Mediterranean region and its surroundings. – 2021. – Vol. 11. – P. 47–73.

References

Balbín Behrmann, de R., Alcolea-González J.J. Siega Verde Rock Art Sites. In *Encyclopedia of Global Archaeology*. N. Y.: Springer, 2018. P. 1–20. doi:10.1007/978- 3-319-51726-1_577-2

Fernandes A.P.B., Reis M., Escudero C.Y., Vásquez M.C. Integration of natural stone features and conservation of the Upper Palaeolithic Côa Valley and Siega Verde open-air rock art. *Time and Mind,* 2017. Vol. 10. No. 3. P. 293–319.

Molodin V.I., Geneste J.-M., Zotkina L.V., Cheremisin D.V., Cretin C. The "Kalgutinsky" Style in the Rock Art of Central Asia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019. Vol. 47. No. 3. P. 12–26. doi:10.17746/1563-0102.2019.47.3.012-026

Pigeaud R. Autour du Cap Blanc: quelques remarques sur la «forme-cheval». *L'Anthropologie,* 1999. Vol. 103. No. 4. P. 569–616.

Vásquez M.C. Zoomorphic figures in the open-air Palaeolithic rock art of Spain. In *ArkeoGazte Aldizkaria: Animals in Prehistoric art. The Euro-Mediterranean region and its surroundings*, 2021. Vol. 11. P. 47–73.

Зоткина Л.В. https://orcid.org/0000-0002-1912-3882

Дата сдачи рукописи: 20.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0503-0506
УДК 903.07.31

Л.В. Зоткина✉, С.В. Сутугин, Р.В. Давыдов,
Ю.С. Губар, Д.Г. Маликов, Е.Л. Краснова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: lidiazotkina@gmail.com

Новое изображение древнейшего пласта на Писанице Троицкая (Бояры I) в Республике Хакасия

Полевые работы Минусинского петроглифического отряда ИАЭТ СО РАН в 2024 г., как и в предыдущие годы, были направлены на изучение и редокументирование уже известных и хорошо изученных наскальных изображений древнейшего пласта на территории Минусинской котловины. Несмотря на то, что поиск новых изображений не являлся основной задачей полевых работ, на местонахождении Писаница Троицкая (Бояры I) у с. Троицкого Боградского р-на Республики Хакасия было обнаружено новое изображение. Это фигура быка, которая выполнена в технике выбивки. Манера его исполнения весьма типична для петроглифов древнейшего изобразительного пласта и хорошо соотносится с изображениями соседней основной и самой крупной плоскости Писаницы Троицкая, где представлены многочисленные фигуры быков. Примечательно, что среди большинства утраченных плоскостей рассматриваемого участка скального обнажения данная плоскость практически единственная сохранившаяся и находится поблизости от основной изобразительной поверхности. Однако долгое время она была скрыта под слоем современной белой краски, т.к. практически всю плоскость покрывала посетительская надпись. В последние годы на памятнике наблюдается общая тенденция активного шелушения нанесенных краской вандалистских надписей, благодаря чему, отчасти, и было найдено данное изображение. Было выполнено документирование найденного петроглифа, включающее детальное описание, фотофиксацию по стандартному алгоритму (в разных масштабах, с естественным и искусственным освещением), а также трехмерную визуализацию. В результате проведенного исследования плоскость была включена в базу данных по древнейшим изображениям Минусинской котловины.

Ключевые слова: *наскальное искусство, петроглифы, древнейший изобразительный пласт, Минусинская котловина.*

L.V. Zotkina✉, S.V. Sutugin, R.V. Davydov,
Y.S. Gubar, D.G. Malikov, E.L. Krasnova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: lidiazotkina@gmail.com

New Earliest Image from Rock Art Site of Troitskaya Pisanitsa (Boyary I) in Republic of Khakassia

The Minusinsk Rock Art Research Group (IAET SB RAS) fieldwork in 2024, as in previous years, was aimed at studying and re-cataloguing of the known and well-studied earliest rock art images in the Minusinsk Basin. Despite that searching for new images was not the main purpose of the fieldwork, a new image was discovered at the Rock Art Site of Troitskaya (Boyary I) near the Troitskoye village in Bograd District, Khakassia Republic. It is the pecked bull image. The style is typical for the earliest petroglyphs and corresponds well with the images of the adjacent main and largest panel of Troitskaya Pisanitsa representing numerous bull images. It is noteworthy that this is practically the only survived panel located close to the main panel; the majority of the surrounding rock surfaces were destroyed. However, the image was hidden under a layer of modern white paint for a long time; almost the entire surface was covered by a visitor's inscription. In recent years, vandalistic inscriptions at the site were subjected to an intensive peeling, which was partly the reason why this image was noted. The petroglyph was catalogued including a detailed description, photography according to the standard procedure (in different scales, in natural and artificial light) as well as three-dimensional visualization. As a result of the study, the panel was included into the database of the earliest images of the Minusinsk Basin.

Keywords: *rock art, petroglyphs, earliest rock art, Minusinsk Basin.*

Одной из ключевых задач полевых работ Минусинского петроглифического отряда в 2024 г. было редокументирование наскальных изображений древнейшего пласта и контекста, в котором они располагаются. Редокументирование уже хорошо известных и изученных на протяжении не одного десятилетия петроглифов является необходимой составляющей исследований на современном этапе, т.к. позволяет получить качественно новую информацию об источнике и подготовить базу для целого комплекса аналитических процедур, которые невозможно провести исключительно по материалам прошлых лет. Тем не менее возврат к копиям, фотографиям и описаниям предшественников был и остается одним из обязательных этапов документирования, т.к. именно эти материалы позволяют не только получить ценнейшие сведения об уже утраченных изображениях, но и проследить изменения в состоянии сохранности петроглифов, дошедших до нас, а также получить другую, подчас весьма неожиданную информацию, которую включают описания, выполненные исследователями ранее.

Несмотря на то, что работы полевого сезона 2024 г. не были направлены на поиск новых изображений, в ходе редокументирования плоскостей с петроглифами древнейшего пласта на объекте культурного наследия федерального значения «Писаница “Троицкая”» (Боградский р-н, Республика Хакасия), известного также как Бояры I [Русакова, 2001, 2005], было обнаружено ранее неизвестное и не учтенное изображение. Именно ему и посвящена данная статья.

Местонахождение Писаница Троицкая (Бояры I) расположено в 0,3 км к северо-востоку от с. Троицкое Боградского р-на Республики Хакасия. Памятник находится в начале Большого Боярского хребта, который тянется ок. 12 км на восток до с. Абакано-Перевоз на берегу Красноярского вдхр. и является частью комплекса наскального искусства Бояры – Абакано-Перевоз, занимающего весь хребет [Русакова, 2001, с. 10, 39]. Большинство петроглифов на плоскостях Писаницы Троицкая относятся к скифской эпохе.

На самой крупной плоскости 7 (по нумерации И.Д. Русаковой) сохранилась многослойная многофигурная композиция с петроглифами самых разных периодов, включающая изображения древнейшего пласта, пересекающиеся с фигурами быков окуневского времени. Именно по этой причине данная поверхность является весьма значимой для изучения всего древнейшего изобразительного пласта в наскальном искусстве Минусинской котловины. На плоскости также присутствуют петроглифы тагарского времени. К сожалению, посетительские надписи весьма многочисленны на этой изобразительной поверхности, как рельефные, так и крашеные.

Вандализм – это одна из самых серьезных проблем всего объекта. Кроме надписей некоторые плоскости с изображениями неоднократно подвергались интенсивному термическому воздействию из-за разведения костров посетителями прямо под плоскостями или даже на некоторых из них. Помимо антропогенного фактора разрушения изобразительных поверхностей Писаницы Троицкая, негативное воздействие оказывают и естественные процессы выветривания, в т.ч. морозобойное растрескивание, в результате которого утрачиваются целые крупные фрагменты скальной корки (рис. 1, *1*).

Все эти факторы оказывают серьезное воздействие на многие изобразительные поверхности, в т.ч. на уже упомянутую основную плоскость 7, а также соседние с ней. В результате скальные обнажения вокруг данной плоскости выглядят практически разрушенными, лишенными поверхностного слоя, по которому могли быть выполнены петроглифы. К тому же большое количество надписей современной краской перекрывали практически каждый сохранившийся участок скальной корки (рис. 1).

Однако за последние годы было отмечено, что многие крупные надписи, выполненные современными красками, претерпели значительные изменения: фрагменты этой краски постепенно сами собой отшелушиваются, открывая участки скальной поверхности, которые на протяжении длительного времени оставались скрыты. Этим отчасти объясняется то, что несмотря на весьма детальные исследования данного объекта на протяжении многих лет, все же находятся ранее неизвестные петроглифы.

Так, в ходе работ 2024 г. к западу от основной плоскости (7) было обнаружено одиночное выбитое изображение быка, ориентированное вправо, выполненное в типичной для древнейшего пласта изобразительной манере (рис. 1, *2*; 2). Этот петроглиф расположен на небольшой вогнутой плоскости подтрапециевидной формы, которая частично является негативом естественного скола породы. Ее размеры 95 см в длину и 112 см в высоту. Форма изобразительной поверхности довольно сложная, в верхней части она вогнутая, примерно в середине фиксируется своеобразная «ступенька», а нижняя ее часть выглядит практически ровной вертикальной. Из-за этого сложного рельефа углы наклона изобразительной плоскости на разных участках различны: в нижней части – 22°, в верхней – 12°, и, наконец, в средней, где расположено изображение – 36°.

Примечательно, что изображение быка расположено строго по естественной границе, своеобразной «ступеньке», по которой плоскость изменяет свой рельеф. Угол наклона изображения – 38°, что соответствует линии наклона естественной «ступеньки» – границы скола породы. Петроглиф имеет размеры 29 см в длину и 24 см в высоту. Изображение демонстрирует довольно характерные черты быка: голова подтрапециевидной формы, направленный вперед серповидный рог, небольшое ухо, небольшой горб, длинный хвост (рис. 2).

Рис. 1. Новая плоскость с изображением быка, расположенная к западу от самого крупного фриза Писаницы Троицкая.
1 – общий вид на плоскость в контексте ее расположения; *2* – общий вид на плоскость с изображением.

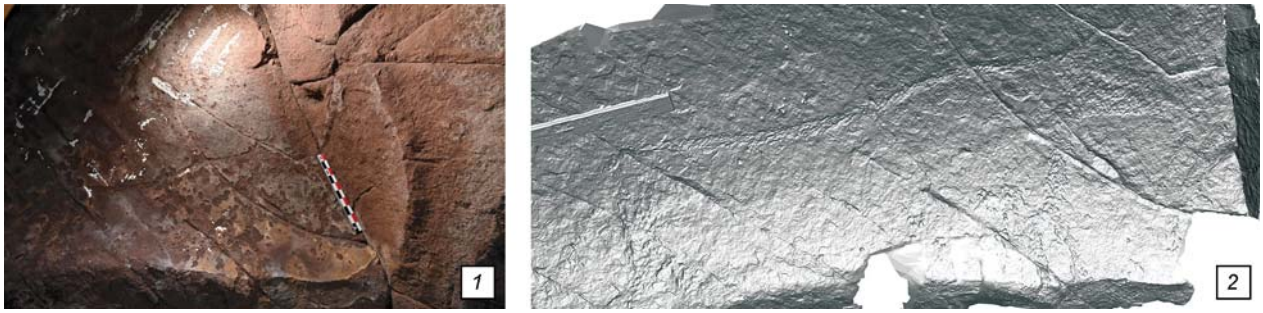

Рис. 2. Изображение быка.
1 – фото изображения с боковым искусственным светом; *2* – трехмерная модель изображения.

Рассматриваемая плоскость расположена достаточно высоко над склоновым чехлом: правая ее часть в 195 см, а левая – в 265 см. Поверхность ориентирована на ЮВ (азимут 155°) и расположена под небольшим навесом, что, возможно, и стало причиной лучшей сохранности данного небольшого участка по сравнению с остальной частью выхода песчаника, практически разрушенного по слоям и полностью лишенного скальной корки.

В верхней части плоскости присутствует белесый налет, возможно, кальцитовое образование, связанное с длительным пребыванием влаги на этом участке. По остальной части плоскости также фиксируются светлый налет и пятнами желтоватая поверхностная корка, которая интенсивно шелушится вместе с тончайшим слоем скальной корки. Это особенно хорошо заметно на изображении, т.к. следы выбивки частично утрачены именно из-за этого процесса. Несмотря на лучшую сохранность плоскости в целом по сравнению с окружающими ее практически разрушенными участками породы, все же хорошо фиксируются крупные глубокие трещины – границы слоев субстрата.

И наконец, нельзя не упомянуть о надписи современной белой краской («15/III...» – продолжение ее, год уже не фиксируется), которая практически полностью перекрывала изобразительную поверхность, и из-за которой данное изображение долгое время и оставалось скрыто от исследователей (см. рис. 1, *2*; 2, *1*).

Манера исполнения рассматриваемой фигуры быка хорошо соотносится с другими петроглифами, в т.ч. с изображениями быков древнейшего пласта, выполненными на соседней основной плоскости (7). Отмечаются характерные приемы передачи линий спины, крупа, начала двух задних ног (окончание их, возможно, утрачено), передние ноги, хвост. Живот лишь намечен редким пикетажем. Таким образом, можно предполагать, что это изображение синхронно самым ранним известным сегодня петроглифам Минусинской котловины. Возможно, основная самая крупная плоскость местонахождения была не един-

ственным сосредоточением изображений древнейшего пласта и составляла часть еще более крупной композиции на данном участке.

Благодарности

Работа реализована при поддержке РНФ № 22-18-00070 «Древнейший изобразительный пласт в хронологии наскального искусства Минусинской котловины: междисциплинарное исследование по материалам минусинского стиля».

Список литературы

Русакова И.Д. Петроглифический комплекс «Бояры – Абакано-Перевоз» в Хакасии и его место в природно-историческом ландшафте: дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2001. – 261 с.

Русакова И.Д. К вопросу о хронологии древнейших петроглифов Минусинской котловины // Сб. докл. Междунар. конф. «Мир наскального искусства». – М.: Изд-во ИА РАН, 2005. – С. 214–217.

References

Rusakova I.D. Petroglificheskiy kompleks Boyary – Abakano-Perevoz v Khakasii i ego mesto v prirodno-istoricheskom landshafte: cand. sc. (history) dissertation abstract. Kemerovo, 2001. 261 p. (In Russ.).

Rusakova I.D. Concerning the problem of dating the earliest petroglyphs of the Minusinsk basin. In *World of Rock Art.* International conference materials. Moscow: IA RAS Publ., 2005. P. 214–217. (In Russ.).

Зоткина Л.В. https://orcid.org/0000-0002-1912-3882
Сутугин С.В. https://orcid.org/0000-0001-8488-9860
Маликов Д.Г. https://orcid.org/0000-0002-1288-4937
Давыдов Р.В. https://orcid.org/0000-0001-6580-2811
Губар Ю.С. https://orcid.org/0000-0002-1799-8327
Краснова Е.Л. https://orcid.org/0009-0003-7867-5374

Дата сдачи рукописи: 26.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0507-0514
УДК 572

М.С. Кишкурно[1, 2], А.В. Зубова[2, 3]✉, В.Г. Моисеев[2, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН
Магадан, Россия
[3]Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: zubova_al@mail.ru

Краниометрическая характеристика новых антропологических материалов древнекорякской культуры

Анализируются морфологические характеристики черепов древнекорякской культуры, собранных при изучении могильников Мыс Братьев, Мыс Братьев-4, Астрономическая-2, -9 и Мыс Астрономический, располагающихся в акватории залива Бабушкина Ольского р-на Магаданской обл. Результаты более ранних исследований позволили сделать вывод о гетерогенности древнекорякского населения и наличии в их составе компонентов, родственных как современным арктическим группам, так и древнему населению о. Хоккайдо, носителям традиций периода дзёмон и эпидзёмон. В данной работе в научный оборот вводятся краниологические характеристики семи мужских и четырех женских черепов, обследованных по стандартной краниометрической программе. На основании этих данных была получена расширенная морфологическая характеристика древнекорякской серии. Два мужских черепа с наиболее полной сохранностью (Мыс Трех Братьев-4, М. 2, череп 1 и Мыс Астрономический, М. 2, череп 2) были сопоставлены с черепами населения континентальной части Северо-Востока Азии и территории Японского архипелага при помощи канонического анализа и расстояний Махаланобиса, позволивших оценить степень сходства индивидуальных древнекорякских находок со средними характеристиками древнего и близкого к современности населения Дальнего Востока. Введение в научный оборот новых материалов позволило подтвердить вывод о гетерогенности древнекорякского населения, сделанный по итогам изучения черепов из раскопок 1976 г. Помимо выявленных ранее направлений биологических связей, результаты изучения черепов, собранных в 2021 и 2022 гг., продемонстрировали наличие морфологических параллелей древнекорякского населения с нивхами и присутствие в их составе компонента, связанного с носителями древнеберингоморской культуры, оставившими могильник Уэлен.

Ключевые слова: *краниометрия, древнекорякская культура.*

M.S. Kishkurno[1, 2], A.V. Zubova[2, 3]✉, V.G. Moiseev[2, 3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Northeastern Interdisciplinary Research Institute FEB RAS
Magadan, Russia
[3]Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
St. Petersburg, Russia
E-mail: zubova_al@mail.ru

Cranial Metric Characteristics of New Anthropological Evidence of the Ancient Koryak Culture

This study focuses on morphological features of several skulls of the Ancient Koryak culture from the burial grounds of Mys Bratyev, Mys Bratyev-4, Astronomicheskaya-2 and -9, and Mys Astronomichesky, located on the coast of the Babushkin Bay in Ola District of Magadan Region. Earlier study revealed that the Ancient Koryak population was heterogeneous and included components of different origins, related to the Arctic populations, and carriers of traditions of the Jomon and Epi-Jomon periods from Hokkaido. Cranial metric characteristics of seven male and four female skulls, examined using the standard cranial metric protocol, are discussed. New data has made it possible to obtain the extended morphological description of the Ancient Koryak series. Two best-preserved male skulls (from Mys Trekh Bratyev-4 and Mys Astronomichesky sites) were compared with population

of the continental part of Northeast Asia and Japanese archipelago using canonical variate analysis and Mahalanobis distances, which made it possible to evaluate the similarity between individual Ancient Koryak finds and average features of the old and recent populations of the Far East. New evidence confirms the earlier conclusions based on the study of skulls from excavations in 1976 concerning heterogeneous structure of the carriers of the Ancient Koryak culture. In addition to earlier suggestions about population links of the Ancient Koryak population, new analysis revealed morphologic parallels between the Ancient Koryak population and the Nivkhs, as well as component associated with the carriers of the Old Bering Sea culture who left the Uelen burial ground.

Keywords: *cranial metrics, Old Koryak culture.*

Введение

Древнекорякская археологическая культура побережья Охотского моря сформировалась примерно в середине I тыс. н.э., предположительно, в итоге включения в состав предшествующей токаревской культуры нижнеамурских групп [Лебединцев, 1999; Гребенюк и др., 2019]. Палеоантропологические материалы, характеризующие носителей данной культуры, крайне малочисленны. До настоящего времени все имеющиеся скелетные останки происходили из одного коллективного погребения на м. Братьев, обнаруженного еще в 1976 г. [Зубов, Лебединская, 1985, с. 137–138; Moiseyev et al., 2021], и это затрудняет анализ происхождения и популяционных связей древнекорякского населения.

Результаты проведенного ранее краниологического анализа позволили сделать вывод о его гетерогенности и наличии в составе древних коряков как компонентов, сближающих их с современными чукчами и эскимосами, так и комплексов, сближающих их с древним населением о. Хоккайдо, носителями дзёмонских и охотских традиций. При этом не получила должного подтверждения гипотеза об опосредованном вхождении в состав древних коряков чукотско-камчатского компонента, на основе которого, предположительно, формировалась токаревская культура [Лебединцев, 2019].

Эти выводы были сделаны на основании изучения пяти мужских черепов, сохранность которых оставляла желать лучшего [Moiseyev et al., 2021, tabl. 2]. Задачей данной статьи является введение в научный оборот новых краниологических материалов, собранных в ходе экспедиций в заливе Бабушкина в 2021 и 2022 гг. [Лебединцев и др., 2021; Гребенюк, 2022].

Материалы и методы

Обсуждаемые в статье материалы происходят из могильников Мыс Братьев, Мыс Братьев-4, Астрономическая-2, -9, Мыс Астрономический, располагающихся в акватории залива Бабушкина Ольского р-на Магаданской обл. Они включают фрагменты и целые черепа семи мужчин и трех женщин (табл. 1). Так же, как и в случае с коллективным погребением на м. Братьев, большая часть черепов имеет очень плохую сохранность лицевого скелета.

Все черепа были обследованы по стандартной краниометрической программе Р. Мартина в модификации В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [1964]. На основании этих данных была получена обновленная морфологическая характеристика древнекорякской серии и выполнено сопоставление двух мужских черепов с наиболее полной сохранностью (Мыс Трех Братьев-4, М. 2, череп 1 и Мыс Астрономический, М. 2, череп 2) с населением Северо-Востока Азии и Японского архипелага. В число сравнительных материалов вошли серии черепов древнеберингоморской культуры Чукотки [Дебец, 1975], носителей культурных традиций периодов дзёмон и эпидзёмон Японского архипелага (неопубликованные данные В.Г. Моисеева и Т.А. Чикишевой), охотской культуры (неопуб-

Таблица 1. **Индивидуальные краниометрические характеристики новых материалов 2020 и 2022 гг. из могильников Мыс Братьев, Астрономическая, Мыс Астрономический**

Признак	Мыс Братьев-4, н.ч.	Мыс Братьев-4, м. 4, ч. 3	Мыс Братьев-4, м. 2, ч. 1	Астрономическая-2, м. 1	Астрономическая-9, м. 3	Астрономическая-9, м. 1	Мыс Астрономический м. 2, ч. 2	Мыс Братьев-4 м. 2, ч. 2	Мыс Братьев, м. 1, щель 1, ин. 1	Мыс Астрономический, м. 2, ч. 3
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Мужчины							Женщины		
1. Продольный диаметр	–	167,00	172,00	–	176,00	–	182,00	173,00	–	187,00
8. Поперечный диаметр	–	154,00	150,00	–	141,00	–	152,00	144,00	–	136,00
8/1. Черепной указатель	–	92,22	87,21	–	80,11	–	83,52			
17. Высотный диаметр от *b*.	–	137,00	142,00	–	–	–	140,00	128,00	–	138,00

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
20. Ушная высота	–		150,80	–	–	–	152,00	141,00	–	
5. Длина основания черепа	–	97,00	103,00	–	–	–	101,00	99,00	–	100,00
11. Ширина основания черепа	–	141,00	135,00	–	128,00	–	133,00	129,00	–	133,00
9. Наименьшая ширина лба	–	99,00	102,00	91,00	108,00	97,00	96,00	91,00	97,00	96,00
Sub.9. Высота поперечного изгиба лба	–	15,20	18,10	15,30	19,20	18,50	16,20	16,50	15,30	13,90
10. Наибольшая ширина лба	–	124,00	124,00	112,00	–	–	130,00	125,00	118,00	–
29. Лобная хорда	–	107,00	107,00	–	114,00	112,00	112,00	110,00	107,00	110,00
Высота изгиба лба	–	24,20	25,00	–	25,00	27,20	24,80	25,70	24,70	25,20
12. Ширина затылка	–	115,00	124,00	103,00	111,00	–	115,00	116,00	–	107,00
31. Затылочная хорда	–	102,00	92,00	–	–	–	95,00	88,00	–	95,00
Теменная хорда	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
40. Длина основания лица	–	–	101,00	–	–	–	102,00	87,00	–	96,00
45. Скуловой диаметр	–	–	145,00	–	–	–	154,00	–	–	–
48. Верхняя высота лица	–	–	69,00	–	–	–	73,00	66,00	–	72,00
43. Верхняя ширина лица	–	108,00	109,00	–	116,00	104,00	110,00	104,00	106,00	110,00
46. Средняя ширина лица	–	–	105,00	–	–	–	103,00	–	–	–
51. Ширина орбиты от *mf*.	–	–	45,60	–	–	–	44,20	43,70	37,80	–
52. Высота орбиты	–	–	35,60	–	–	–	35,30	35,40	–	–
52/51. Орбитальный указатель	–	–	78,07	–	–	–	79,86	81,01	–	–
54. Ширина носа	–	–	26,80	–	–	–	22,40	–	–	–
55. Высота носа	–	–	52,30	–	–	–	50,60	54,10	–	52,30
54/55. Носовой указатель	–	–	51,24	–	–	–	44,27	–	–	–
62. Длина нёба	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
63. Ширина нёба	–	–	38,90	–	–	–	–	–	–	–
77. Назомалярный угол	–	153,40	148,90	–	164,30	144,90	150,90	153,40	151,10	163,40
Zm. Зигомаксиллярный угол	–	–	151,90	–	–	–	145,10	–	–	–
SS. Симотическая высота	–	–	2,80	–	–	–	3,00	3,00	–	–
SC. Симотическая ширина	–	–	7,40	–	–	–	8,70	10,00	–	–
FC. Глубина клыковой ямки	–	–	7,10	–	–	–	5,10	2,10	–	3,80
Высота изгиба скуловой кости	–	–	12,70	–	–	–	12,50	9,40	–	–
Ширина изгиба скуловой кости	–	–	60,60	–	–	–	53,10	52,50	–	–
32. Угол профиля лба от *nasion*	–	–	91,00	–	–	–	89,00	83,00	–	83,00
32. Угол профиля лба от *glab*	–	–	83,00	–	–	–	86,00	81,00	–	80,00
72. Общий лицевой угол	–	–	87,00	–	–	–	87,00	–	–	83,00
73. Средний лицевой угол	–	–	89,00	–	–	–	89,00	93,00	–	85,00
74. Угол альвеолярной части	–	–	63,00	–	–	–	78,00	–	–	78,00
75. Угол наклона носовых костей	–	–	77,00	–	–	–	80,00	87,00	–	75,00
75 (1). Угол выступания носа	–	–	10,00	–	–	–	7,00	–	–	8,00
71a. Наименьшая ширина ветви	44,00	–	–	–	42,00	–	–	–	–	–
67. Передняя ширина	48,00	–	–	–	57,00	–	–	–	–	–
69 (1). Высота тела	32,00	–	–	–	–	–	–	–	–	–
69 (3). Толщина тела	15,00	–	–	–	17,00	–	–	–	–	–
Форма черепа сверху	–	–	ромбоид	ромбоид	сфеноид	–	ромбоид	сфеноид	–	овоид
Надпереносье	–	–	1	1	3	–	2	1	2	1
Наружный затылочный бугор	–	–	2	0	3	–	1	0	–	2
Сосцевидные отростки	–	–	2	2	2	–	3	1	2	2
Нижний край грушевидного отверстия	–	–	ямки	–	–	–	ямки	ямки	–	ямки
Предпереносовая ость	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–

ликованные данные В.Г. Моисеева) [Моисеев, 2008], древних алеутов [Алексеев, Лафлин, 1983], айнов Сахалина и Хоккайдо (неопубликованные данные В.Г. Моисеева) [Моисеев, Зубова, в печати], ороков [Моисеев, Зубова, в печати], нивхов, нанайцев, ульчей, чукчей, эскимосов (неопубликованные данные В.Г. Моисеева).

Сопоставление выполнялось при помощи дискриминантного канонического анализа, позволяющего выделить основные направления межпопуляционной изменчивости в анализируемой совокупности серий, и на основании расстояний Махаланобиса между изучаемыми индивидами и сравнительными группами, позволяющих оценить степень общего сходства между индивидами и сериями, без разделения по векторным направлениям. Все расчеты выполнялись на основании индивидуальных краниометрических данных по 12 признакам (1, 8, 17, 9, 48, 51, 52, 54, 55, 77, zm, SS/SC) в программе Statistica for Windows v. 8.0 (табл. 1).

Морфологическая характеристика серии

Мужская часть группы (табл. 2) характеризуется малым продольным, большим поперечным и довольно большим высотным диаметрами, брахикранной

Таблица 2. **Средняя краниометрическая характеристика древнекорякской серии с учетом материалов 1976, 2020 и 2022 гг.**

Признак	Мужчины			Женщины		
	n	X	min – max	n	X	min – max
1. Продольный диаметр	9	175,11	167–182	7	172,85	161–187
8. Поперечный диаметр	9	145,22	136–154	6	139,66	132–148
8/1. Черепной указатель	9	83	77,27–92,21	6	79,99	72,72–83,23
17. Высотный диаметр от *b*.	7	136,57	132–142	4	132,5	128–138
5. Длина основания черепа	7	99,78	96–103	4	97,5	93–100
11. Ширина основания черепа	7	131	122–141	3	127	119–133
9. Наименьшая ширина лба	11	97,27	88–108	8	92,87	88–97
Sub.9. Высота поперечного изгиба лба	11	17,46	13,1–22,3	8	15,47	12,8–18,6
10. Наибольшая ширина лба	9	120,66	110–130	4	117,75	113–125
29. Лобная хорда	10	110,7	107–114	8	108,08	103,7–113
Высота изгиба лба	10	26,66	24,2–30,7	8	22,9	17,1–25,7
12. Ширина затылка	10	112,6	103–124	7	108,85	100–116
31. Затылочная хорда	7	95,42	87–102	5	94,4	88–100
30. Теменная хорда	4	106,5	102–112	4	105,5	103–110
40. Длина основания лица	3	99,66	96–102	3	93	87–96
45. Скуловой диаметр	2	149,5	145–154	–	–	–
48. Верхняя высота лица	3	72,33	69–75	3	69,33	66–72
43. Верхняя ширина лица	10	106,8	100–116	8	104,75	99–110
51. Ширина орбиты от *mf*.	6	43,36	40–45,6	6	42,21	37,8–43,7
52. Высота орбиты	6	35,3	33,1–37	4	34,97	34,6–35,4
52/51. Орбитальный указатель	6	81,39	76,44–87,47	4	82,84	80,32–81,48
54. Ширина носа	3	24,8	22,4–26,8	2	29,05	26,8–31,3
55. Высота носа	3	51	50,1–52,3	3	53,93	52,3–55,4
54/55. Носовой указатель	3	48,62	44,26–51,24	1	48,37	–
77. Назомалярный угол	10	151,81	142–164,3	8	151,06	140,2–163,4
Zm. Зигомаксиллярный угол	3	147,8	145,1–151,9	–	–	–
SS. Симотическая высота	6	2,95	1,9–4,5	6	2,43	1,3–3,1
SC. Симотическая ширина	6	7,88	5,5–11,4	6	7,98	5,5–10
FC. Глубина клыковой ямки	3	5,76	5,1–7,1	5	3,34	2,1–5,7
32.Угол профиля лба от *nasion*	4	87,25	83–91	2	83	83–83
72. Общий лицевой угол	4	86,75	84–89	1	83	–
73. Средний лицевой угол	4	88,75	87–90	2	89	85–93
74. Угол альвеолярной части	4	71,75	63–81	1	78	–
75. Угол наклона носовых костей	3	77,33	75–80	2	81	75–87
75 (1). Угол выступания носа	3	10,33	7–14	1	8	–

формой черепа. В вертикальной норме преобладает ромбоидная форма, хотя сфеноидные черепа встречаются часто. Основание черепа имеет малую длину и большую ширину. Лоб средней ширины и длины, сильноизогнутый и профилированный. Теменная хорда характеризуется малыми значениями. Затылочная кость широкая и среднедлинная по хорде, степень развития наружного затылочного бугра в серии варьирует от его отсутствия (балл 0) до максимальной выраженности (балл 3).

Лицевой отдел очень широкий на скуловом и умеренно широкий на орбитальном уровнях, средней высоты. В горизонтальной норме лицо сильно уплощено как на назомалярном уровне, так и на зигомаксиллярном; в вертикальной норме оно ортогнатное. Орбиты широкие и высокие, по пропорциям – мезоконхные. Грушевидное отверстие среднеширокое и средневысокое, мезоринное. Степень выступания носовых косточек очень мала. Переносье на симотическом уровне невысокое и среднеширокое. Глубина клыковой ямки средняя. С появлением новых материалов появилась возможность охарактеризовать часть параметров строения нижней челюсти, имеющей большую ширину восходящей ветви, очень большую переднюю ширину, среднюю высоту тела и очень большую толщину тела.

Женские черепа (табл. 2) характеризуются средним продольным и большими поперечным и высотным диаметрами, мезобрахикранией. В вертикальной норме они имеют преимущественно ромбоидную форму, лишь в двух случаях отмечена сфеноидная и в одном – овоидная. Основание черепа имеет среднюю длину и большую ширину. Лобная кость среднеширокая и среднедлинная, со слабым изгибом и умеренной профилировкой. Теменная хорда имеет средний размер. Затылочная кость широкая и среднедлинная; наружный затылочный бугор развит слабо.

Лицо широкое на уровне орбит и достаточно высокое. В горизонтальной профилировке отмечена уплощенность на назомалярном уровне. Зигомаксиллярный угол измерить не удалось. По вертикальному профилю лицо мезогнатное. Орбиты широкие и средневысокие, по пропорциям – мезоконхные. Носовое отверстие очень широкое и умеренно высокое, хамеринное. Угол выступания носа очень малый. Переносье на симотическом уровне характеризуется малой высотой и средней шириной. Клыковая ямка имеет малую глубину. Нижние челюсти в женской серии не сохранились.

В серии отмечается некоторая гетерогенность состава как в мужской части группы, так и в женской (см. табл. 1). Среди мужчин она связана с широтными размерами мозгового отдела черепа, его высотным диаметром, шириной лба и степенью уплощенности горизонтального профиля лица. В женской части серии гетерогенность связана с параметрами мозгового отдела, где по черепному указателю выделяется один индивид, имеющий долихокранные пропорции черепа (МА, м. 1, чер. 3), а также отмечаются внутригрупповые различия по ширине лица и степени его уплощенности на орбитальном уровне.

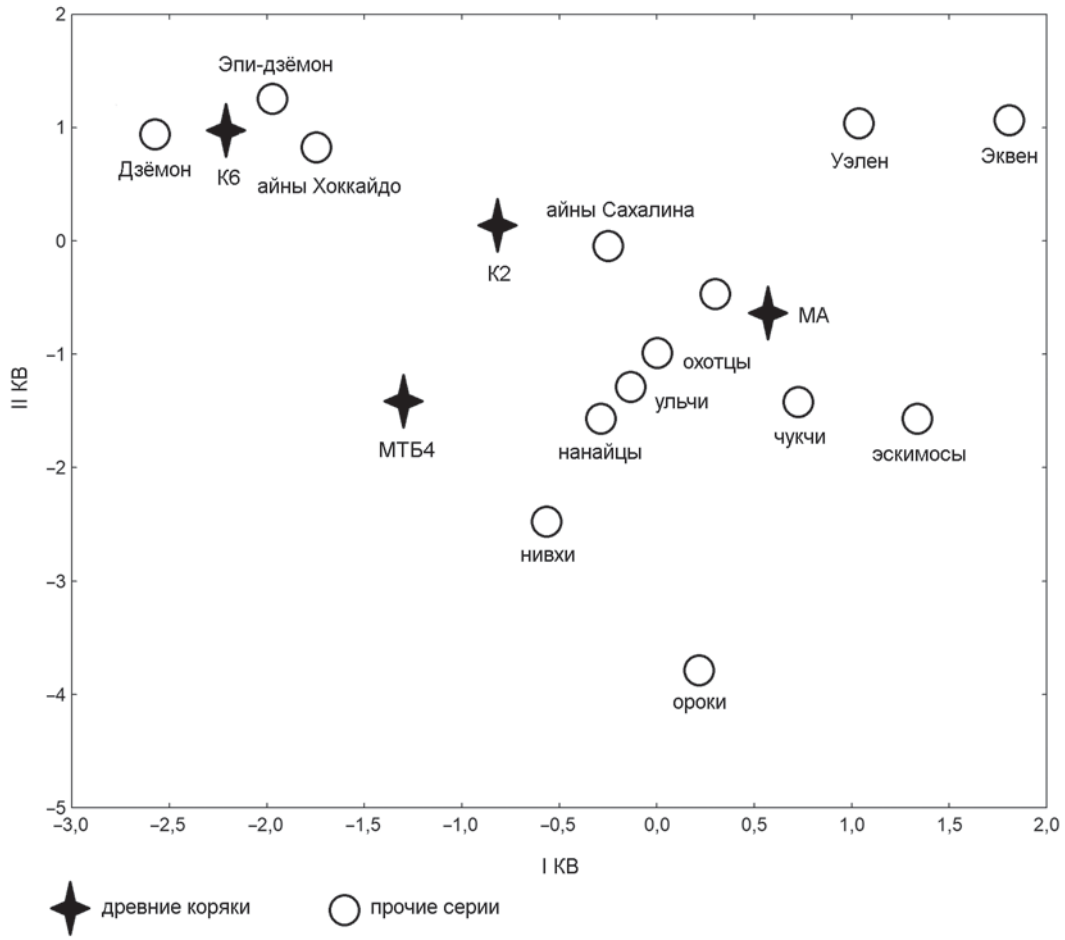
Результаты статистического анализа

Первый канонический вектор (КВ I) противопоставляет арктические группы (Эквен, Уэлен, эскимосов и чукчей) населению Японского архипелага (см. *рисунок*). Основная нагрузка при этом приходится на ширину мозгового отдела черепа и ширину носа (табл. 3). Северные группы по его координатам попадают в положительное поле графика, японские – в отрицательное. Население Приморья, Приамурья и серии охотской культуры занимают нейтральное положение между этими двумя полюсами, консолидируясь в центре графика. Их морфологическую специфику описывает второй вектор, выделяющий все эти группы в область отрицательных значений координат. Полюс вектора формируют ороки и нивхи; ульчи, нанайцы и охотцы располагаются ближе к центру графика, вместе с чукчами и эскимосами (см. *рисунок*). Принципиальное значение для дифференциации по данному вектору имеют нагрузки на поперечный диаметр черепа, высоту лица и высоту носа (табл. 3).

Древнекорякские черепа, также как в предыдущем исследовании [Moiseyev et al., 2021], распределяются на графике очень широко, однако для большинства из них ближайшие морфологические параллели тяготеют к автохтонному населению Японского архипелага. Индивиды из коллективного погребения на м. Братьев расположены в пределах японских серий по обоим векторам. Индивид МТБ 4 по первому вектору находится в «японском» поле, но по второму сближается с охотцами, ульчами и нанайцами. Мужчина с м. Астрономического (МА) единственный находится между охотцами и чукчами.

Расчеты суммарных квадратичных расстояний Махаланобиса (табл. 4) между древнекорякскими находками и сравнительными сериями, так же как и результаты канонического анализа, показали, что южное направление биологических связей у носителей древнекорякских традиций преобладало. Между черепами из коллективного погребения на м. Братьев и новыми находками имеются некоторые различия. Для обоих ранее опубликованных индивидов важны преимущественно японские аналогии. Для индивида 6 – минимальные расстояния наблюдаются между ним и сериями эпохи дзёмон и эпидзёмон, для индивида 2 ближайшие аналогии это эпидзёмон и носители охотской культуры.

У новых черепов фиксируются дополнительные аналогии. Для МТБ 4 это сходство с нивхами, которое у них на втором месте после эпидзёмона. У черепа с м. Астрономического нет близкого сходства с эпидзёмоном или дзёмоном. Ближе к нему носители

Распределение древнекорякских черепов и сравнительных серий в пространстве первых двух канонических векторов.

Таблица 3. **Нагрузки**

Показатель	КВ I	КВ II
1	0,47	0,33
8	–0,52	–0,63
17	–0,35	0,33
9	–0,16	0,42
45	0,11	0,25
48	0,20	–0,38
55	0,50	–0,35
54	–0,64	–0,23
51	0,31	–0,14
52	0,07	0,03
77	0,42	–0,11
Zm	0,44	–0,23
SS:SC	0,01	–0,04
Собственное число	**2,20**	**1,53**
Суммарный процент описываемой изменчивости	**43,68**	**73,98**

охотской культуры и эскимосы (табл. 4). Близость к последним может быть обусловлена также влиянием охотских групп, поскольку между охотскими и некоторыми эскимосскими черепами расстояния Махалонобиса меньше, чем между собственно охотскими (привести полную матрицу расстояний, к сожалению, не позволяет формат статьи).

Можно также отметить, что на третьем месте по удаленности у индивида с м. Астрономического и у индивида 2 из коллективного погребения находится древнеберингоморская серия из Уэлена, которая не была включена в предыдущий анализ древнекорякских материалов. В нем участвовали только черепа из Эквена, не продемонстрировавшие близкого сходства с древнекорякскими находками. На основании этого был сделан вывод об отсутствии прямой популяционной преемственности между древнеберингоморским и древнекорякским населением [Moiseyev et al., 2021]. Сближение указанных выше черепов с выборкой из Уэлена позволяет пересмотреть этот вывод и заставляет задуматься о причинах гетерогенности древнеберингоморского населения, обусловившей различия групп из Эквена и Уэлена и, соответственно, разную степень их сходства с древними коряками.

Выводы

Результаты анализа новых антропологических находок наглядно продемонстрировали, что расширение базы краниологического материала древнекоряк-

Таблица 4. **Распределение расстояний Махаланобиса между древнекорякскими черепами и сравнительными сериями**

	Мыс Астрономический	Мыс Трех Братьев-4	Индивид 2 из коллективного погребения на м. Братьев	Индивид 6 из коллективного погребения на м. Братьев
Айны Хоккайдо	39,33	38,56	12,54	30,05
Эпидзёмон	30,84	**28,54**	**7,87**	**26,35**
Айны Сахалина	31,51	37,11	13,08	30,77
Чукчи	27,64	33,58	13,77	37,45
Эскимосы	**24,95**	35,01	11,40	44,18
Ульчи	29,69	32,72	11,22	35,16
Нанайцы	31,65	32,93	13,87	37,49
Нивхи	31,80	**30,03**	15,83	33,79
Эквен	28,29	45,24	15,48	38,44
Древние алеуты	29,95	41,35	11,88	45,51
Дзёмон	34,36	39,59	10,64	**20,97**
Уэлен	25,71	42,04	10,09	31,12
Ороки	43,97	52,18	33,87	61,03
Охотская культура	**18,64**	34,90	**7,24**	33,21

Примечание. Жирным выделены наименьшие значения расстояний для каждого индивида.

ской культуры подтверждает сделанные ранее выводы о гетерогенности древнекорякского населения, повлиявшей на состав современных коряков, которые являются максимально гетерогенной группой среди современных палеоазиатов [Дебец, 1951; Moiseyev et al., 2021] и о наличии в его составе компонентов, связанных с эпидзёмонским и охотским населением Японского архипелага, а также с нивхами [Moiseyev et al., 2021].

Сходство с серией из Уэлена, наблюдаемое у черепа с м. Астрономического и одного из индивидов из коллективного погребения на м. Братьев, дает свидетельство в пользу того, что в составе древних коряков все-таки присутствует компонент, связанный с древним населением Чукотки. По материалам из коллективного погребения на м. Братьев его можно было только предполагать, по новым данным он фиксируется вполне отчетливо, хотя и не является для древнекорякского населения основным.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-18-00319 «Генезис древних культур крайнего Северо-Востока Азии».

Список литературы

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

Алексеев В.П., Лафлин У. Материалы к антропологии древнего населения Аляски и Алеутских островов. II. Черепа из преалеутских погребений на стоянке Чалука (о. Умнак) // СЭ. – 1983. – № 1. – С. 114–127.

Гребенюк П.С., Федорченко А.Ю., Лебединцев А.И., Малярчук Б.А. Древние культуры крайнего Северо-Востока Азии и этногенетические реконструкции // Томск. журн. антропологических и лингвистических исследований. – 2019. – № 2. – С. 110–136.

Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 264 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; т. 17). – (Тр. Северо-Восточной экспедиции; т. 1).

Дебец Г.Ф. Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен // Проблемы этнической истории Берингоморья. – М.: Наука, 1975. – С. 198–237.

Гребенюк П.С. Археологические памятники на Мысе Братьев (Северное Приохотье): предварительные результаты комплексного изучения // Археологические культуры Сибири в контексте кросс-культурных контактов в Евразии: к 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири (1722 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – С. 38–43.

Зубов А.А., Лебединская Г.В. Реконструкция внешнего облика людей по черепам, найденным во время археологических работ на Камчатке и Чукотке // Новое в археологии севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1985. – С. 126–142.

Лебединцев А.И. Становление и развитие приморского хозяйства в Северном Приохотье и на Камчатке // История, археология и этнография Северо-Востока России. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – С. 42–69.

Лебединцев А.И. Приморские культуры Охотоморья: эскимосско-алеутское влияние // V Северный археологический конгресс. – Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. – С. 175–177.

Лебединцев А.И., Прут А.А., Федорченко А.Ю., Харитонов Р.М., Пташинский А.В., Макаров И.В., Гребе-

нюк П.С. Результаты полевых исследований в Северном Приохотье и на Камчатке в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 167–175.

Моисеев В.Г. О происхождении носителей охотской культуры Северного и Восточного Хоккайдо (по краниологическим данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 1. – С. 134–141.

Моисеев В.Г., Зубова А.В. Краниометрические данные к проблеме происхождения и популяционных связей айнов Сахалина // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – В печати.

Moiseyev V.G., Zubova A.V., Grebenyuk P.S., Lebedintsev A.I., Malyarchuk B.A., Fedorchenko A.Y. Population Affinities of the Ancient Northern Okhotsk People: Cranial Evidence from a Collective Burial in a Rock Niche on Cape Bratyev, the Northern Okhotsk coast // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2021. – Vol. 49, N 2. – P. 134–143.

References

Alekseev V.P., Debets G.F. Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanii. Moscow: Nauka, 1964. 128 p. (In Russ.).

Alekseev V.P., Laflin U. Materialy k antropologii drevnego naseleniya Alyaski i Aleutskikh ostrovov. II. Cherepa iz prealeutskikh pogrebenii na stoyanke Chaluka (o. Umnak). *Sovetskaya Etnografiya*, 1983. No. 1. P. 114–127. (In Russ.).

Debets G.F. Antropologicheskie issledovaniya v Kamchatskoi oblasti. Moscow: AS USSR Publ., 1951. 264 p. (In Russ.).

Debets G.F. Paleoantropologicheskie materialy iz drevneberingomorskikh mogil'nikov Uelen i Ekven. In *Problemy etnicheskoi istorii Beringomor'ya*. Moscow: Nauka, 1975. P. 198–237. (In Russ.).

Grebenyuk P.S. Arkheologicheskie pamyatniki na Myse Brat'ev (Severnoe Priokhot'e): predvaritel'nye rezul'taty kompleksnogo izucheniya. In *Arkheologicheskie kul'tury Sibiri v kontekste kross-kul'turnykh kontaktov v Evrazii: k 300-letiyu pervykh nauchnykh arkheologicheskikh raskopok v Sibiri (1722 g.)*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. P. 38–43. (In Russ.).

Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Y., Lebedintsev A.I., Malyarchuk B.A. Drevnie kul'tury krainego Severo-Vostoka Azii i etnogeneticheskie rekonstruktsii. *Tomskii zhurnal antropologicheskikh i lingvisticheskikh issledovanii*, 2019. No. 2. P. 110–136. (In Russ.).

Lebedintsev A.I. Stanovlenie i razvitie primorskogo khozyaistva v Severnom Priokhot'e i na Kamchatke. In *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Severo-Vostoka Rossii*. Magadan: SVKNII DVO RAS Publ., 1999. P. 42–69. (In Russ.).

Lebedintsev A.I. Primorskie kul'tury Okhotomor'ya: ehskimossko-aleutskoe vliyanie. *V Severnyi arkheologicheskii kongress*. Ekaterinburg: Al'fa-Print, 2019. P. 175–177. (In Russ.).

Lebedintsev A.I., Prut A.A., Fedorchenko A.Y., Kharitonov R.M., Ptashinskii A.V., Makarov I.V., Grebenyuk P.S. Results of Field Works at the Northern Okhotsk Sea Shore and in Kamchatka in 2021. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 167–175. (In Russ.).

Moiseev V.G. On the origin of the Okhotsk population of Northern and Eastern Hokkaido: cranial evidence. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2008. No. 1. P. 134–141.

Moiseev V.G., Zubova A.V. Kraniometricheskie dannye k probleme proiskhozhdeniya i populyatsionnykh svyazei ainov Sakhalina. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. (In press). (In Russ.).

Moiseyev V.G., Zubova A.V., Grebenyuk P.S., Lebedintsev A.I., Malyarchuk B.A., Fedorchenko A.Y. Population Affinities of the Ancient Northern Okhotsk People: Cranial Evidence from a Collective Burial in a Rock Niche on Cape Bratyev, the Northern Okhotsk coast. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2021. Vol. 49. No. 2. P. 134–143.

Zubov A.A., Lebedinskaya G.V. Rekonstruktsiya vneshnego oblika lyudei po cherepam, naidennym vo vremya arkheologicheskikh rabot na Kamchatke i Chukotke. In *Novoe v arkheologii severa Dal'nego Vostoka*. Magadan: SVKNII DVNTs AS USSR Publ., 1985. P. 126–142. (In Russ.).

Кишкурно М.С. https://orcid.org/0000-0002-0309-7413
Зубова А.В. https://orcid.org/0000-0002-7981-161X
Моисеев В.Г. https://orcid.org/0000-0003-1748-2686

Дата сдачи рукописи: 29.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0515-0522
УДК 572

М.С. Кишкурно✉, Ж.В. Марченко, А.Е. Гришин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kishkurno_maria@mail.ru

Морфологическая характеристика двух погребенных из грунтового могильника андроновского времени Нечунаево-3

В 2023–2024 гг. экспедицией ИАЭТ СО РАН открыт новый грунтовый могильник андроновского времени Нечунаево-3 и начато его археологическое исследование. Могильник расположен в нижнем течении р. Алей в Шипуновском р-не Алтайского края. В 2023 г. на могильнике было вскрыто парное захоронение андроновской культуры. Скелет 1 принадлежит женщине 35–40 лет, скелет 2 – мужчине возрастной категории Adultus. Анализ и введение в научный оборот новых краниологических, одонтологических и остеологических материалов андроновской культуры с территории Алейской степи имеет особую актуальность ввиду малочисленности изученных и опубликованных на данный момент антропологических данных эпохи средней бронзы из указанного региона. Поэтому целью исследования является комплексный морфологический анализ двух погребенных из могильника Нечунаево-3. Результаты краниометрического анализа черепа индивида 1 позволили говорить о его европеоидности с определенной морфологической спецификой, связанной с общей грацильностью и мезоморфными пропорциями мозгового и лицевого отделов черепа, гомоклинопрозопным горизонтальным профилем лица и малой степенью выступания носа. Подобная морфологическая специфика в целом свойственна также части носителей федоровских традиций Барабы и Верхнего Приобья. Комплекс одонтологических признаков, зафиксированный у индивида 1, также относится к западному одонтологическому стволу, к его матуризованным формам. Анализ остеометрических данных позволил реконструировать примерную длину тела обоих индивидов. Так, среднее значение длины тела женщины (индивид 1) составило 155,8 см. Полученная величина характеризует рост индивида как средний или ниже среднего. Рост мужчины (индивид 2) в среднем составил 178,1 см, и эта величина характеризует его как высокий.

Ключевые слова: *лесостепной Алтай, Алейская степь, андроновская культура, краниометрия, одонтоскопия, остеометрия.*

M.S. Kishkurno✉, Zh.V. Marchenko, A.E. Grishin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: kishkurno_maria@mail.ru

Morphological Characteristics of Two Skeletons from the Nechunaevo-3 Burial Ground of the Andronovo Period

In 2023–2024, the expedition from the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS discovered a new burial ground of Nechunaevo-3 belonging to the Andronovo period and initiated its archaeological study. The burial ground is located in the lower reaches of the Alei River in Shipunovo District of Altai Krai. In 2023, a double burial of the Andronovo culture was found at the burial ground. Skeleton 1 belonged to a female 35–40 years of age, and skeleton 2 belonged to adult male. Analysis and publication of new craniological, dental, and osteological evidence of the Andronovo culture from the Alei steppe is especially important given the scarcity of the published anthropological data of the Middle Bronze Age from this region. This study constituted a multidimensional morphological analysis of two buried individuals from the Nechunaevo-3 burial ground. Craniometric analysis of the skull of person 1 indicated its Caucasoid nature with some morphologically specific features associated with general gracility and mesomorphic proportions of the cerebral and facial parts of the skull, as well as profiled face in the horizontal plane and low nasal protrusion. Similar morphological features were generally typical of the Fedorovo population from the Baraba forest-steppe and Upper Ob region. The set of dental features in individual 1 also indicated maturized variety of the western dental trunk. The analysis of osteometric data has made it possible to reconstruct the approximate body length of both individuals. Thus, average value of the body length of the female (individual 1) was 155.8 cm. This value characterizes her height as average or below average. The height of the male (individual 2) was on average 178.1 cm, indicating that individual 2 was tall.

Keywords: *forest-steppe Altai, Alei steppe, Andronovo culture, craniology, dental morphology, osteology.*

Введение

В 2023–2024 гг. в ходе археолого-геофизической разведки в нижнем течении р. Алей (Шипуновский р-н Алтайского края) был обнаружен новый грунтовый могильник Нечунаево-3 и изучено одно парное захоронение взрослых людей андроновской культуры (подробное описание комплекса см. в статье Марченко Ж.В., Грушин С.П., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Евменов Н.Д. «Археолого-геофизические исследования на новом грунтовом могильнике Нечунаево-3 в Алейской степи» в настоящем сборнике). Скелеты двух обнаруженных индивидов представлены не полностью, но при этом они имеют довольно хорошую сохранность, что дает возможность проведения комплексного антропологического обследования и анализа полученных материалов. Для андроновских материалов Алейской степи подобное исследование имеет особую актуальность ввиду малочисленности изученных и опубликованных на настоящий момент антропологических данных, основная масса которых происходит всего из трех могильников верхнего течения р. Алей – Гилево [Дремов, 1997] и Чекановский Лог-2, -10 [Солодовников, 2007]. Поэтому целью настоящего исследования является комплексный анализ и введение в научный оборот новых краниологических, одонтологических и остеологических данных двух индивидов из могильника Нечунаево-3.

Материалы и методы

Основным материалом стали останки двух индивидов. Скелет индивида 1 принадлежит женщине 35–40 лет. Сохранность кости хорошая, комплектность неполная: отсутствуют кости правого предплечья и голени, левая лопатка, правая тазовая кость. Скелет индивида 2 принадлежит мужчине, возраст которого определен в рамках возрастной категории *Adultus*. Сохранность кости также хорошая, а комплектность еще более неполная: отсутствует череп с нижней челюстью, левая локтевая кость, обе бедренные кости, левая малоберцовая кость представлена фрагментарно, а правая отсутствует. Также из-за смешанности костей обоих индивидов не удалось идентифицировать принадлежащие им ребра, часть костей кистей и стоп.

Краниологический материал был обследован по стандартной краниометрической программе [Алексеев, Дебец, 1964]; зубы обследовались по расширенной методике учета одонтоскопических признаков [Зубов, 1968, 2006; Зубова, 2013]; кости посткраниального скелета измерены в соответствии с отечественной остеометрической программой [Алексеев, 1966], а при описательной характеристике параметров женского скелета (индивид 1) использовались таблицы рубрикаций А.Г. Тихонова [1997, с. 8, 10], а для мужского скелета (индивид 2) – таблицы рубрикаций, составленные Д.В. Пежемским [2011, с. 314–318].

Морфология черепа

Мозговой отдел индивида 1 (табл. 1) имеет малые размеры продольного и поперечного диаметров и среднюю высоту свода; по черепному указателю он мезокранный. Длина основания черепа вписывается в категорию малых значений. Контуры свода очень плавные в латеральной норме, в вертикальной норме череп имеет овоидную форму, в оккципитальной – сводчатую. Сосцевидные отростки развиты умеренно и направлены вперед. На затылочной кости зафиксирован умеренно выраженный рельеф выйных линий; наружный затылочный бугор развит очень слабо. Надпереносье немассивное, надбровный рельеф развит слабо. Размеры сагиттальной и поперечной дуг вписываются в категорию средних. Самым большим отрезком сагиттальной дуги является лобный, характеризующийся большим размером. Лобная кость среднешироκая, длинная, заметно выпуклая, с умеренным изгибом. Теменная дуга имеет средний размер, затылочная – малый, а затылочно-теменной индекс вписывается в категорию средних размеров на границе с малыми. Затылочная кость имеет большую ширину, малую длину и слабый изгиб.

Лицо средневысокое и среднешироκое на уровне скулового диаметра, но в верхнем отделе оно имеет большую ширину, а среднем – малую. В горизонтальной норме лицо гомоклинопрозопное; в вертикальной норме характеризуется мезогнатией. Нёбо очень длинное и узкое, лептостафилинное. Орбиты широкие и низкие, по пропорциям они мезоконхные на границе с хамеконхными. Носовое отверстие узкое, невысокое, лепторинное, с острым нижним краем и умеренно развитой передненосовой остью. Переносье узкое и умеренно высокое как на симотическом уровне, так и на дакриальном. Носовые косточки выступают несильно. Клыковая ямка неглубокая.

Нижняя челюсть имеет большую длину от углов и среднюю от мыщелков. Все широтные ее параметры попадают в категорию малых или средних размеров. Восходящая ветвь челюсти высокая, широкая, с очень малым наклоном. Тело челюсти характеризуется средней высотой на уровне симфиза, малой на уровне подбородочного отверстия и довольно большой толщиной. Угол выступания подбородка очень большой (табл. 1).

Наблюдаемые морфологические черты в строении черепа женщины из могильника Нечунаево-3 в целом свидетельствуют о ее европеоидности, но с определенной спецификой, заключающейся в небольших размерах мезокранного мозгового отдела, со среднешироким и средневысоким мезогнатным лицом, профилированным в горизонтальной норме, и слабой степенью выступания носа. В целом, подобная морфологическая специфика свойственна

Таблица 1. **Индивидуальные краниометрические данные скелета 1 из могильника Нечунаево-3**

Признак	Индивид 1	Признак	Индивид 1
1. Продольный диаметр	168	52/51. Орбитальный указатель	76,72
8. Поперечный диаметр	130	54. Ширина носа	21,3
8/1. Черепной указатель	77,38	55. Высота носа	46,6
17. Высотный диаметр	126	54/55. Носовой указатель	45,71
5. Длина основания черепа	94	77. Назомалярный угол	138,6
9. Наименьшая ширина лба	94	Zm. Зиго-максиллярный угол	127,1
10. Наибольшая ширина лба	111	DS. Дакриальная высота	10,4
29. Лобная хорда	110	DC. Дакриальная ширина	18
Sub. NB. Высота изгиба лба	26,4	DS/DC. Дакриальный указатель	57,78
Sub. 9. Высота поперечного изгиба лба	21,1	SS. Симотическая высота	3,4
12. Ширина затылка	112	SC. Симотическая ширина	7,3
31. Затылочная хорда	84	SS/SC. Симотический указатель	46,58
Sub. 31. Высота изгиба затылка	24	FC. Глубина клыковой ямки	3,9
Сагиттальная дуга	350	32. Угол профиля лба от *nasion*	86
Поперечная дуга	302	72. Общий лицевой угол	83
Лобная дуга	126	75 (1). Угол выступания носа	19
Теменная дуга	121	68 (1). Длина нижней челюсти от мыщелков	98
Затылочная дуга	103	79. Угол ветви нижней челюсти	111
45. Скуловой диаметр	122	68. Длина нижней челюсти от углов	79
40. Длина основания лица	94	70. Высота ветви нижней челюсти	58
48. Верхняя высота лица	66	7a. Наименьшая ширина ветви	35
43. Верхняя ширина лица	103	65. Мыщелковая ширина	108
46. Средняя ширина лица	89	66. Угловая ширина	91
62. Длина нёба	47,9	67. Передняя ширина	44
63. Ширина нёба	30,5	69. Высота симфиза	30
51. Ширина орбиты от *mf*.	42,1	69 (1). Высота тела	26
51a. Ширина орбиты от *d*.	38,5	69 (3). Толщина тела	13
52. Высота орбиты	32,3	< C. Угол выступания подбородка	82

некоторым носителям федоровских традиций юга Западной Сибири, особенно индивидам из Барабинской лесостепи и Новосибирского Приобья [Молодин, Чикишева, 1988; Дремов, 1997; Чикишева, 2012; Зубова, 2014] и значительно отличает их от синхронных популяций Казахстана и Южного Урала, которые в своем большинстве характеризуются преимущественно долихо- или мезодолихокранией, сильной профилировкой ортогнатного лица и большим углом выступания носа [Дремов, 1997; Китов, 2011; Солодовников, Рыкун, Ломан, 2013]. Детальный анализ морфологических особенностей женского черепа из могильника Нечунаево-3 на широком сравнительном фоне индивидуальных данных населения Западной Сибири, Южного Урала и Казахстана эпохи бронзы с целью определения источников его морфологической специфики проведен в отдельной статье (см. статью Кишкурно М.С., Чикишева Т.А., Грушин С.П. «Морфологические особенности женского черепа из андроновского захоронения на могильнике Нечунаево-3 в Алейской степи (статистический аспект)» в этом сборнике).

Особенности зубной морфологии

У индивида 1 сохранились почти все зубы: посмертно утрачены только нижние левые первый и второй резцы. В целом, отмечен средний уровень стертости жевательной поверхности центральных резцов, клыков и моляров (3–4), а на премолярах баллы стертости чуть ниже (2–3). На резцах, премолярах и молярах отмечены многочисленные прижизненные сколы эмали. Из числа основных зубочелюстных патологий зафиксирован кариес на нижнечелюстных молярах, локализующийся на окклюзивной и вестибулярной поверхности зубов, а также на каждом зубе встречены отложения зубного камня. Помимо этого, в лунке нижнего латерального резца отмечен абсцесс.

Верхняя челюсть. На резцах отмечена слабая степень лопатообразности (балл 1) и наличие пальцевидных гребней. На клыках зафиксировано наличие дополнительных дистальных гребней. Гипоконус и метаконус первых моляров не редуцированы; на вторых отмечена слабая степень редукции. Бугорок Карабелли на первом моляре имеет очень

слабую степень выраженности (балл 1). Затек эмали на молярах отсутствует (балл 2); все моляры трехкорневые.

Нижняя челюсть. На клыках отмечена слабая степень лопатообразности (балл 1) и наличие дополнительных дистальный гребней. Форма первых премоляров характеризуется очень слабым развитием лингвального бугорка и наличием сильно выраженного вестибуло-лингвального гребня (тип 1). Форму вторых премоляров охарактеризовать не удалось. Первые моляры пятибугорковые с Y-узором коронки; вторые моляры также имеют по пять бугорков и X-узор. Дополнительные бугорки и элементы триады Коренхофа не зафиксированы. Затек эмали также отсутствует (балл 2), все моляры имеют по три корня.

Особенности одонтоглифического узора верхних и нижних моляров не были установлены из-за стертости коронки. Архаичные признаки не встречены.

У индивида 2 при отсутствии черепа и нижней челюсти в целом сохранились два изолированных верхних центральных резца. На одном из них зафиксирован прижизненный скол эмали; оба резца имеют довольно высокую степень стертости (баллы 4–5). Из числа патологических изменений на них отмечено только наличие зубного камня.

На сохранившихся верхнечелюстных резцах отмечена слабая степень лопатообразности (балл 1), немного выраженный лингвальный бугорок (балл 2), а также на левом резце отмечено наличие пальцевидных гребней. Признаки архаичного плана не встречены.

Таким образом, у обоих индивидов в зубной морфологии не встречено ярко выраженных фенов восточного одонтологического ствола, либо специфических архаичных признаков. В целом, наблюдаемое распределение по своей морфологии относится к западному одонтологическому стволу и, судя по особенностям морфологии нижнечелюстных моляров, к его матуризованным формам.

Морфология посткраниального скелета

Посткраниальный скелет женщины (индивид 1) хорошей сохранности, кости довольно грацильные, рельеф мест прикрепления мышц сглажен. Плечевые и лучевая кости имеют большую длину (табл. 2), и, судя по соотношению их наибольших продольных

Таблица 2. **Остеометрические параметры костей посткраниального скелета обоих индивидов из могильника Нечунаево-3**

	Индивид 1		Индивид 2	
Признак	**Правая сторона**	**Левая сторона**	**Правая сторона**	**Левая сторона**
1	2	3	4	5
	Плечевая кость			
1. Наибольшая длина	306	305	366	363
2. Общая длина	302	302	362	359
3. Ширина верхнего эпифиза	45	45	56	55
4. Ширина нижнего эпифиза	56	55	71	67
5. Наибольшая ширина середины диафиза	22	22	24	25
6. Наименьшая ширина середины диафиза	19	17	21	20
7. Наименьшая окружность диафиза	60	59	70	69
7а. Окружность середины диафиза	65	62	75	75
6:5. Указатель сечения	86,36	77,27	87,5	80
7:1. Указатель прочности	19,6	19,34	19,1	19
	Лучевая кость			
1. Наибольшая длина	–	230	272	269
2. Физиологическая длина	–	215	257	254
4. Поперечный диаметр диафиза	–	15	20	18
5. Сагиттальный диаметр диафиза	–	11	12	12
3. Наименьшая окружность диафиза	–	38	49	48
5:4. Указатель сечения	–	73,33	60	66,66
3:2. Указатель прочности	–	17,67	19,06	18,89
	Локтевая кость			
1. Наибольшая длина	–	–	300	–
2. Физиологическая длина	–	–	255	–

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5
11. Сагиттальный диаметр	–	12,5	16	–
12. Поперечный диаметр	–	16	20	–
13. Верхний поперечный диаметр	–	18	24	–
14. Верхний сагиттальный диаметр	–	23	30	–
3. Наименьшая окружность диафиза	–	–	44	–
3 : 2. Указатель массивности	–	–	17,35	–
11 : 12. Указатель сечения	–	78,12	80	–
13 : 14. Указатель платолении	–	78,26	80	–
	Ключица			
1. Наибольшая длина	130	129	168	170
6. Окружность середины диафиза	33	33	41	39
6 : 1. Указатель массивности	25,38	25,58	24,4	22,94
	Лопатка			
1. Морфологическая ширина	145	–	181	186
2. Морфологическая длина	92	–	120	122
2 : 1. Указатель формы	63,44		66,29	65,59
	Крестец			
1. Длина тазовой поверхности	101		–	–
2. Передняя прямая высота	111		–	–
5. Верхняя ширина	110		–	–
	Таз			
1. Высота таза	190	–	–	–
9. Высота подвздошной кости	120	–	–	–
10. Высота крыла подвздошной кости	96	–	–	–
15. Высота седалищной кости	102	–	–	–
17. Длина лобковой кости	82	–	–	–
12. Ширина подвздошной кости	145	–	–	–
	Бедренная кость			
1. Наибольшая длина	397	402	–	–
2. Длина в естеств. полож.	398	400	–	–
21. Мыщелковая ширина	71	71	–	–
6. Сагитт. диаметр середины диафиза	25	23	–	–
7. Поперечн. диаметр середины диафиза	27	28	–	–
9. Верхн. поперечн. диаметр диафиза	32	32	–	–
10. Верхн. сагитт. диаметр диафиза	22	22	–	–
8. Окружность середины диафиза	82	80	–	–
8 : 2. Указатель массивности	20,6	20	–	–
6 : 7. Указатель пилястрии	92,59	82,14	–	–
10 : 9. Указатель платимерии	68,75	68,75	–	–
	Большая берцовая кость			
1. Полная длина	–	337	396	401
2. Мыщелково-таранная длина	–	320	376	382
1а. Наибольшая длина	–	341	403	410
5. Ширина верхнего эпифиза	–	66	80	81
6. Ширина нижнего эпифиза	–	47	50	54

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
8. Сагиттальный диаметр на уровне середины диафиза	–	26	30	31
8а. Сагиттальный диаметр на уровне питательного отверстия	–	31	33	34
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	–	19	24	23
9а. Поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	–	22	25	24
10. Окружность на уровне середины диафиза	–	73	88	87
9а : 8а. Указатель сечения	–	70,96	75,75	70,58
10 : 1. Указатель массивности	–	21,66	22,22	21,69
	Малая берцовая кость			
1. Наибольшая длина	–	327	–	–
Пропорции скелета				
Интермембральный указатель	–	72,39	–	–
Берцово-бедренный указатель	–	84,25	–	–
Лучеплечевой указатель	–	75,4	74,31	74,1
Плечебедренный указатель	76,88	76,25	–	–
Лучеберцовый указатель	–	68,24	68,68	67,08
Длина тела				
По Л. Мануврие	155,8		182	
По К. Пирсону и А. Ли	154,4		174,6	
По А. Телькка	155,1		176,3	
По С. Дюпертюи и Д. Хэддену	158		179,4	
Средняя	155,8		178,1	

размеров, свободная верхняя конечность индивида 1 характеризуются мезатикеркной пропорцией. Бедренные кости имеют малую длину и большое значение окружности середины диафиза. Плечебедренный указатель характеризуется очень большой величиной, что свидетельствует о максимальном развитии длины проксимального сегмента верхней конечности и средним развитием длины проксимального сегмента нижней конечности. Кости голени характеризуются большими продольными размерами, а берцово-бедренный указатель имеет большую величину, что соответствует дистальному типу роста нижней конечности. Лучеберцовый указатель имеет среднюю величину, а интермембральный – очень большую. Это свидетельствует об относительном удлинении верхней конечности, и, особенно, ее проксимального сегмента. Длина тела, рассчитанная по нескольким формулам (Л. Мануврие, К. Пирсона и А. Ли, А. Телькка, С. Дюпертюи и Д. Хэддена [Алексеев, 1966, с. 223–231]), варьирует в пределах 154,4–158 см, в среднем составляя 155,8 см (табл. 2). Полученная величина характеризует рост индивида 1 как средний или ниже среднего.

Посткраниальный скелет мужчины (индивид 2) хорошей сохранности, но отсутствие бедренных костей несколько усложняет получение относительно точной реконструкции длины тела индивида. В целом скелет достаточно массивный, с выраженным рельефом в месте прикрепления мышц. Также у него отмечена сакрализация – полное сращение пятого поясничного позвонка с крестцом. Плечевая, локтевая и лучевая кости имеют очень большие продольные размеры (табл. 2). Лучеплечевой указатель попадает в категорию значений ниже среднего, характеризуясь брахикеркией на границе с мезатикеркией. Это свидетельствует о том, что рост костей дистальных сегментов верхней конечности чуть ниже или равен росту костей проксимального отдела. Кости голени, а именно большие берцовые кости, характеризуются очень большими значениями продольных размеров. Лучеберцовый указатель в данном случае попадает в категорию средних размеров. Длина тела варьирует в интервале от 174,6 до 182 см, в среднем составляя 178,1 см, что характеризует рост индивида 2 как высокий.

Заключение

В результате проведенного анализа новых антропологических материалов андроновской культуры из

грунтового могильника Нечунаево-3, расположенного в Алейской степи, можно сделать следующие выводы. По данным краниологии череп женщины (скелет 1) имеет в целом европеоидные характеристики, но с определенной морфологической спецификой, которая также свойственна федоровцам Барабинской лесостепи и Верхнего Приобья, и отличает андроновские (федоровские) западносибирские группы от алакульцев и андроновцев Казахстана и Южного Урала. Данные одонтологии подтверждают зафиксированную по краниологии европеоидность индивида 1, а также позволяют отнести строение его зубной системы к маторизованным формам западного одонтологического ствола. Результаты остеометрического анализа скелета 1 свидетельствуют об относительной удлиненности его рук, в частности, об увеличении длины проксимальных сегментов верхней конечности. Высчитанный средний рост индивида 1 можно оценить как средний или ниже среднего. У скелета 2 отсутствуют обе бедренные кости, что сильно затрудняет оценку пропорций тела в целом. Удалось оценить пропорции дистального и проксимального сегментов верхней конечности, рост которых был примерно на одном уровне. А также высчитана длина тела индивида 2, позволившая охарактеризовать его рост как высокий.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 251 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1997. – 260 с.

Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968. – 200 с.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: Этно-Онлайн, 2006. – 72 с.

Зубова А.В. Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии эпохи неолита // Вестн. антропологии. – 2013. – № 4 (26). – С. 107–127.

Зубова А.В. Население Западной Сибири во II тысячелетии до нашей эры (по антропологическим данным). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 228 с.

Китов Е.П. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2011. – 26 с.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 125–206.

Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: дис. ... канд. биол. наук. – М., 2011. – 326 с.

Солодовников К.Н. Палеоантропологические материалы эпохи средней бронзы верховий р. Алей // Материалы Гилевской археологической экспедиции. – Барнаул, 2007. – Ч. I. – С. 129–149.

Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Ломан В.Г. Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 3 (22). – С. 113–131.

Тихонов А.Г. Физический тип средневекового населения Евразии по данным остеологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997. – 36 с.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита. – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

References

Alekseev V.P. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanii. Moscow: Nauka, 1966. 251 p. (In Russ.).

Alekseev V.P., Debets G.F. Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanii. Moscow: Nauka, 1964. 128 p. (In Russ.).

Chikisheva T.A. Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita – rannego zheleza. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. 468 p. (In Russ.).

Dremov V.A. Naselenie Verkhnego Priob'ya v epokhu bronzy. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1997. 260 p. (In Russ.).

Kitov E.P. Paleoantropologiya naseleniya Yuzhnogo Urala epokhi bronzy: cand. sc. (history) dissertation abstract. Moscow, 2011. 26 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Chikisheva T.A. Kurgannyi mogil'nik Preobrazhenka-3 – pamyatnik kul'tur epokhi bronzy Barabinskoi lesostepi. In *Paleoantropologiya i arkheologiya Zapadnoi i Yuzhnoi Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1988. P. 125–206. (In Russ.).

Pezhemskii D.V. Izmenchivost' prodol'nykh razmerov trubchatykh kostei cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniya: cand. sc. (biology) dissertation. Moscow, 2011. 326 p. (In Russ.).

Solodovnikov K.N. Paleoantropologicheskie materialy epokhi srednei bronzy verkhovii r. Alei. In *Materialy Gilevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Part I*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2007. P. 129–149. (In Russ.).

Solodovnikov K.N., Rykun M.P., Loman V.G. Craniological data of the Bronze age from Kazakhstan. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*, 2013. No. 3 (22). P. 113–131. (In Russ.).

Tikhonov A.G. Fizicheskii tip srednevekovogo naseleniya Evrazii po dannym osteologii: cand. sc. (history) dissertation abstract. Moscow, 1997. 36 p. (In Russ.).

Zubov A.A. Odontologiya. Metodika antropologicheskikh issledovanii. Moscow: Nauka, 1968. 200 p. (In Russ.).

Zubov A.A. Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov. Moscow: Etno-Onlain, 2006. 72 p. (In Russ.).

Zubova A.V. Archaic features in dental complexes of Neolithic population of Eurasia. Preliminary results. *Vestnik antropologii*. 2013. No. 4 (26). P. 107–127. (In Russ.).

Zubova A.V. Naselenie Zapadnoi Sibiri vo II tysyacheletii do nashei ery (po antropologicheskim dannym). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014. 228 p. (In Russ.).

Кишкурно М.С. https://orcid.org/0000-0002-0309-7413
Марченко Ж.В. https://orcid.org/0000-0002-4729-8575
Гришин А.Е. https://orcid.org/0000-0001-8367-2272

Дата сдачи рукописи: 16.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0523-0530
УДК 572

М.С. Кишкурно[1]✉, Т.А. Чикишева[1], С.П. Грушин[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
E-mail: kishkurno_maria@mail.ru

Морфологические особенности женского черепа из андроновского захоронения на могильнике Нечунаево-3 в Алейской степи (статистический аспект)

В статье представлен анализ морфологических особенностей черепа женщины из грунтового могильника Нечунаево-3 андроновской культуры. Могильник расположен в нижнем течении р. Алей в Шипуновском р-не Алтайского края. Череп обследован по стандартной краниометрической методике В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца. Детальная морфологическая характеристика анализируемого черепа женщины позволила предполагать его сходство с носителями андроновских (федоровских) традиций Барабинской лесостепи и Верхнего Приобья, но для получения более объективной картины происхождения наблюдаемой специфики полученные краниометрические данные были проанализированы на широком сравнительном фоне индивидов из популяций эпохи средней бронзы Западной Сибири и Казахстана двумя независимыми методами многомерной статистики – при помощи дискриминантного анализа и метода главных компонент. Для дискриминантного анализа требуется разделение привлекаемых индивидуальных данных на группы, и тем самым метод позволяет относить исследуемый объект к одной из сформированных групп. Но заметным недостатком метода при анализе единичных материалов является его направленность на устранение внутригрупповой дисперсии. Поэтому также был проведен анализ индивидуальных данных методом главных компонент, сохраняющим максимальную внутригрупповую изменчивость. Результаты дискриминантного анализа показали сходство анализируемого индивида из Нечунаево-3 с носителями андроновских традиций Верхнего Приобья, а также с федоровцами Барабинской лесостепи. Анализ главных компонент на первый план вывел связи с андроновским населением Кузнецкой котловины, с одной стороны, а с другой – с популяциями из Алейской и Барабинской лесостепи. Также по результатам обоих статистических анализов можно заключить, что морфологические особенности женского черепа из Нечунаево-3 не имеют аналогий в среде носителей андроновских и петровских традиций Казахстана.

Ключевые слова: *Алейская степь, андроновское время, краниометрия, дискриминантный анализ, расстояния Махаланобиса, метод главных компонент*.

M.S. Kishkurno[1]✉, T.A. Chikisheva[1], S.P. Grushin[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Altai State University
Barnaul, Russia
E-mail: kishkurno_maria@mail.ru

Morphological Traits of the Female Skull from the Nechunaevo-3 Burial Ground of the Andronovo Culture in the Alei Steppe (Statistical Aspect)

The article presents an analysis of the morphological features of the female skull from the Andronovo culture burial ground Nechunaevo-3. The burial ground is located in the lower reaches of the Alei River in the Shipunovsky District of the Altai region. The skull was examined using the standard craniometric methods, created by V.P. Alekseev and G.F. Debets. A detailed morphological characteristic of the analyzed female skull pointed to its similarity with the Andronovo (Fedorovo) populations

of the Baraba forest-steppe and the Upper Ob region, but in order to get a more objective data of the origins of the observed specific features, the derived craniometric data were analyzed against a broad comparative background of individuals from the populations of the Middle Bronze Age of Western Siberia and Kazakhstan using two independent methods of multivariate statistics – through the discriminant analysis and the principal component method. Discriminant analysis requires subdividing the involved individual data into groups, and thus, the method makes it possible to attribute the studied object to one of the established groups. But a noticeable drawback of the method for individual data analysis is its focus on intragroup dispersion elimination. Therefore, an analysis of individual data was also conducted using the principal component method, which retains maximum intragroup variability. The results of the discriminant analysis showed the similarity of the analyzed individual from Nechunaevo-3 with the Andronovo population of the Upper Ob region, as well as with the Fedorovo group of the Baraba forest-steppe. The analysis of the principal components showed the connections with the Andronovo population of the Kuznetsk Basin, on the one hand, and with the populations of the Aley and Baraba forest-steppe, on the other. Also, based on the results of both statistical analyses, it can be concluded that the morphological features of the female skull from Nechunaevo-3 have no parallels among the Andronovo and Petrovo populations of Kazakhstan.

Keywords: *Alei steppe, Andronovo period, craniometry, discriminant analysis, Mahalanobis distances, principal component method.*

Введение

Грунтовый могильник андроновского времени Нечунаево-3, расположенный в нижнем течении р. Алей в Шипуновском р-не Алтайского края, открыт и начально исследован в 2023–2024 гг. На данный момент на могильнике вскрыто одно захоронение, в котором были погребены два индивида: скелет 1 принадлежит женщине 35–40 лет, скелет 2 – мужчине возрастной категории *Adultus*. Череп сохранился только у индивида 1, что позволило провести его подробное краниометрическое обследование и на этом основании охарактеризовать морфологические особенности. К специфике краниума можно отнести его выраженную грацильность, малые горизонтальные диаметры мозговой коробки при средней ее высоте, средние габаритные размеры лицевого отдела, его гомоклинопрозопную горизонтальную профилировку, альвеолярный прогнатизм и общую мезогнатность вертикального профиля лица, узкое и средневысокое переносье, небольшой угол выступания носовых косточек. Комплекс отмеченных морфологических черт позволил предварительно предположить сходство черепа из Нечунаево-3 с женскими черепами носителей андроновских (федоровских) традиций из могильников Барабинской лесостепи и Верхнего Приобья (см. статью Кишкурно М.С., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. «Морфологическая характеристика двух погребенных из грунтового могильника андроновского времени Нечунаево-3» в настоящем сборнике). Для уточнения происхождения наблюдаемой морфологической специфики мы проанализировали полученные краниометрические характеристики на широком сравнительном фоне индивидов из популяций эпохи средней бронзы Западной Сибири и Казахстана двумя методами многомерной статистики.

Необходимость применения нескольких независимых статистических методов вызвана тем, что в настоящее время не выработано единого подхода к анализу индивидуальных краниометрических данных. В представленном исследовании мы использовали дискриминантный анализ и метод главных компонент. Дискриминантный анализ позволяет относить неизвестный объект к одной из нескольких заранее сформированных групп. Он включает два этапа: на первом рассчитываются и оцениваются дистанции Махаланобиса между группами, на втором проводится дискриминантный канонический анализ, позволяющий интерпретировать морфологическую подоплеку наблюдаемой картины связей между индивидами и группами, к которым они были отнесены. Следует отметить, что метод имеет недостатки при анализе единичных объектов, т.к. он направлен на устранение естественной внутригрупповой изменчивости и на межгрупповой уровень их дифференциации [Тюрин, Щеглов, 2015, с. 5–6]. Метод главных компонент не требует субъективной группировки включенных в анализ объектов и направлен на сохранение максимальной внутригрупповой дисперсии [Бослаф, 2015, с. 315–316]. Мы предположили, что синтез результатов двух методов поможет более объективно оценить антропологическую специфику индивида из могильника Нечунаево-3 в морфологическом пространстве популяций эпохи средней бронзы Западной Сибири и Казахстана.

Материалы и методы

Обследование черепа проведено по стандартной краниометрической программе [Алексеев, Дебец, 1964]. Полученные измерения были проанализированы на сравнительном фоне индивидуальных данных по женским черепам носителей андроновской (федоровской), елунинской, петровской и алакульской культур (табл. 1) методами дискриминантного анализа и главных компонент. Привлеченные к анализу индивидуальные данные были сгруппированы по культурно-территориальному принципу (табл. 1). Череп из могильника Нечунаево-3 включен в группу андроновской культуры Алейской степи. Вся статистическая обработка проводилась в программе STATISTICA v. 10.0.

Таблица 1. **Индивиды, привлеченные для сравнительного анализа**

№	№ группы	Территория, культура	Контекст	Источник
1	2	3	4	5
1	1	Барабинская лесостепь, андроновская (федоровская)	Сопка-2, кург. 18, мог. 5	Чикишева, Поздняков, 2003
2	1	Барабинская лесостепь, андроновская (федоровская)	Преображенка-3, кург. 21, погр. 2, ск. 1	Молодин, Чикишева, 1988
3	1	Барабинская лесостепь, андроновская (федоровская)	Преображенка-3, кург. 47, погр. 1	Молодин, Чикишева, 1988
4	2	Кузнецкая котловина, андроновская	Чудиновка-1, кург. 8, мог. 1	Чикишева, Поздняков, 2003
5	2	Кузнецкая котловина, андроновская	Чудиновка-1, кург. 9, мог. 1	Чикишева, Поздняков, 2003
6	2	Кузнецкая котловина, андроновская	Чудиновка-1, кург. 9, мог. 3	Чикишева, Поздняков, 2003
7	2	Кузнецкая котловина, андроновская	Чудиновка-1, кург. 10, мог. 1	Чикишева, Поздняков, 2003
8	2	Кузнецкая котловина, андроновская	Большое Пичугино	Дремов, 1997
9	2	Кузнецкая котловина, андроновская	Васьково-5, кург. 1, мог. 3	Дремов, 1997
10	2	Кузнецкая котловина, андроновская	Васьково-5, кург. 1, мог. 2а	Дремов, 1997
11	2	Кузнецкая котловина, андроновская	Титово-2, кург. 13, мог. 1	Дремов, 1997
12	2	Кузнецкая котловина, андроновская	Заречное-1, кург. 9, мог. 8	Дремов, 1997
13	2	Кузнецкая котловина, андроновская	Титово, кург. 11, погр. Б	Чикишева, Поздняков, 2003
14	2	Кузнецкая котловина, андроновская	Титово, кург. 8, мог. 1, ск. 4	Чикишева, Поздняков, 2003
15	2	Кузнецкая котловина, андроновская	Танай-12, кв. Б-В, 19, 20	Зубова, 2014
16	2	Кузнецкая котловина, андроновская	Танай-12, кв. Г, 34, 35	Зубова, 2014
17	3	Верхнее Приобье, андроновская	Ордынское, мог. 1	Алексеев, 1961
18	3	Верхнее Приобье, андроновская	Ордынское, мог. 7	Алексеев, 1961
19	3	Верхнее Приобье, андроновская	Кытманово, мог. 2	Дремов, 1997
20	3	Верхнее Приобье, андроновская	Фирсово XIV, мог. 88	Солодовников, 2006
21	3	Верхнее Приобье, андроновская	Фирсово XIV, мог. 106, ск. 1	Солодовников, 2006
22	3	Верхнее Приобье, андроновская	Фирсово XIV, мог. 114, ск. 1	Солодовников, 2006
23	3	Верхнее Приобье, андроновская	Фирсово XIV, мог. 213, ск. 2	Солодовников, 2006
24	3	Верхнее Приобье, андроновская	Фирсово XIV, мог. 229	Солодовников, 2006
25	3	Верхнее Приобье, андроновская	Фирсово XIV, мог. 268	Солодовников, 2006
26	3	Верхнее Приобье, андроновская	Фирсово XIV, мог. 292	Солодовников, 2006
27	3	Верхнее Приобье, андроновская	Фирсово XIV, мог. 297	Солодовников, 2006
28	3	Верхнее Приобье, андроновская	Фирсово XIV, мог. 306	Солодовников, 2006
29	3	Верхнее Приобье, андроновская	Фирсово XIV, мог. 331, ск. 2	Солодовников, 2006
30	3	Верхнее Приобье, андроновская	Катково-2, мог. 8	Чикишева, Поздняков, 2003
31	3	Верхнее Приобье, андроновская	Катково-2, мог. 10	Чикишева, Поздняков, 2003
32	3	Верхнее Приобье, андроновская	Катково-2, мог. 13	Чикишева, Поздняков, 2003
33	4	Алейская степь, андроновская	Чекановский Лог-2, мог. 6	Солодовников, 2007
34	4	Алейская степь, андроновская	Чекановский Лог-2, мог. 9	Солодовников, 2007
35	4	Алейская степь, андроновская	Чекановский Лог-2, мог. 38	Солодовников, 2007
36	4	Алейская степь, андроновская	Чекановский Лог-10, мог. 28	Солодовников, 2007
37	4	Алейская степь, андроновская	Гилево, мог. 3	Дремов, 1997
38	4	Алейская степь, андроновская	Нечунаево-3, ск. 1	Настоящие данные
39	5	Среднее Приобье, андроновская	Еловка-2, кург. 52, мог. 2	Дремов, 1997
40	5	Среднее Приобье, андроновская	Еловка-2, кург. 52, мог. 6	Дремов, 1997
41	5	Среднее Приобье, андроновская	Еловка-2, мог. 143	Дремов, 1997
42	5	Среднее Приобье, андроновская	Еловка-2, мог. 160	Дремов, 1997
43	5	Среднее Приобье, андроновская	Еловка-2, мог. 197	Дремов, 1997
44	6	Минусинская котловина, андроновская	Орак, мог. 10	Алексеев, 1961
45	6	Минусинская котловина, андроновская	Орак, мог. 15-1	Алексеев, 1961

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
46	6	Минусинская котловина, андроновская	Орак, мог. Л	Алексеев, 1961
47	6	Минусинская котловина, андроновская	Орак, мог. 10	Алексеев, 1961
48	6	Минусинская котловина, андроновская	Орак, мог. 38-1	Алексеев, 1961
49	6	Минусинская котловина, андроновская	Усть-Ерба, мог. 1	Алексеев, 1961
50	6	Минусинская котловина, андроновская	Орак, мог. М	Алексеев, 1961
51	7	Верхнее Приобье, елунинская	Староалейка II, мог. 63, ск. 2	Солодовников, Тур, 2016
52	7	Верхнее Приобье, елунинская	Телеутский Взвоз-1, мог. 11, ск. 1	Солодовников, Тур, 2016
53	7	Верхнее Приобье, елунинская	Телеутский Взвоз-1, мог. 31	Солодовников, Тур, 2016
54	7	Верхнее Приобье, елунинская	Телеутский Взвоз-1, мог. 34, ск. 1	Солодовников, Тур, 2016
55	8	Казахстан, андроновская	Малая Красноярка, погр. 1	Гинзбург, 1956
56	8	Казахстан, андроновская	Малая Красноярка, мог. 1	Гинзбург, 1956
57	8	Казахстан, андроновская	Канай, ск. 8	Гинзбург, 1956
58	8	Казахстан, андроновская	Канай, ск. 9	Гинзбург, 1956
59	8	Казахстан, андроновская	Чубартау, мог. 145	Исмагулов, 1963
60	8	Казахстан, андроновская	Боровое, кург. 5	Гинзбург, 1956
61	8	Казахстан, андроновская	Кокдамбек, огр. 8	Гинзбург, 1963
62	8	Казахстан, андроновская	Тасты-Бутак-1, огр. 10, мог. 3	Гинзбург, 1962
63	8	Казахстан, андроновская	Хабарное, кург. 5, погр. 2	Алексеев, 1964
64	8	Казахстан, андроновская	Кожахово, кург. 1, ск. 1	Солодовников, Рыкун, Ломан, 2013
65	9	Центральный Казахстан, петровская	Нуртай, огр. 10, погр. 2	Солодовников, Рыкун, Ломан, 2013
66	9	Центральный Казахстан, петровская	Нуртай, кург. 15, погр. 1	Солодовников, Рыкун, Ломан, 2013
67	10	Центральный Казахстан, алакульская	Ташик, огр. 5	Солодовников, Рыкун, Ломан, 2013
68	10	Центральный Казахстан, алакульская	Ащи-Озек, огр. 5	Солодовников, Рыкун, Ломан, 2013

Результаты и обсуждение

Краниометрические характеристики черепа из грунтового могильника Нечунаево-3 и сравнительные индивидуальные данные (табл. 1) были проанализированы при помощи дискриминантного метода. На первом этапе дискриминантного анализа для всех групп были рассчитаны дистанции Махаланобиса. Они продемонстрировали, что Алейская группа, в состав которой включен череп скелета 1 из Нечунаево-3, имеет максимальные различия с группой андроновцев Среднего Приобья (17,38), группой петровской культуры Казахстана (13,17) и елунинской группой Верхнего Приобья (12,38). Наибольшее сходство Алейской группы зафиксировано с андроновскими группами Кузнецкой котловины (2,81) и Верхнего Приобья (2,47).

Затем в целях понимания природы наблюдаемой дискриминации был проведен дискриминантный канонический анализ, графические результаты которого представлены на рис. 1.

Обе дискриминантные функции (далее – ДФ) охватывают ок. 59 % исходной изменчивости, дискриминирующая объективность которых подтверждается значениями собственных чисел больше 1 (табл. 2). Первая ДФ дифференцирует носителей андроновской культуры лесостепной и предгорной зон юга Западной Сибири и Казахстана (положительное поле графика) от носителей петровских и алакульских традиций Казахстана и андроновцев Верхнего и Среднего Приобья (отрицательное поле графика) (рис. 1). Судя по статистическим нагрузкам на краниометрические признаки (табл. 2), ДФ 1 отделяет индивидов с тенденцией к повышению высоты мозгового отдела черепа, углов наклона лба, вертикального профиля лица, выступания носовых косточек (положительное поле) от индивидов с противоположными тенденциями по отношению к этим характеристикам и с увеличени-

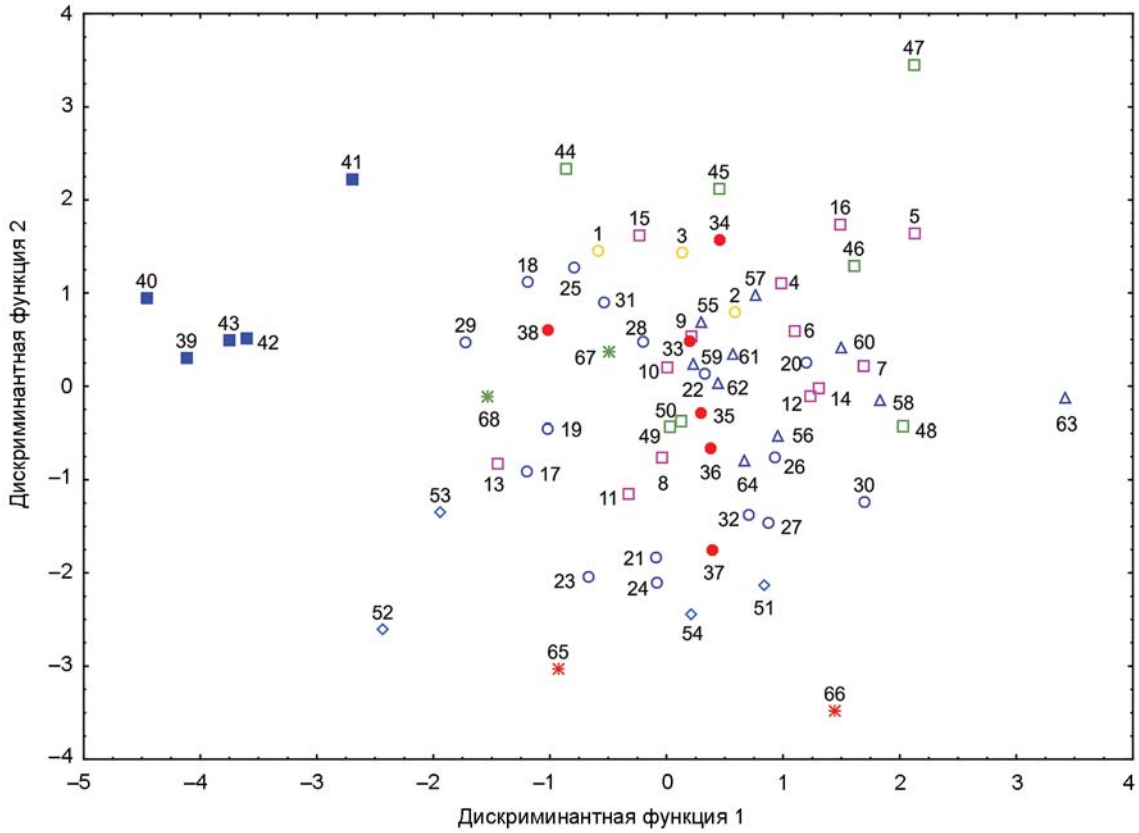

Рис. 1. Распределение индивидов андроновской (федоровской), елунинской, петровской и алакульской культур в пространстве первых двух дискриминантных функций (нумерацию индивидов см. в табл. 1). Разные условные обозначения соответствуют культурно-территориальным группам (см. табл. 1).

ем угла горизонтального профиля лица и понижением высоты орбиты (отрицательное поле).

Вторая ДФ дифференцирует носителей андроновских традиций Сибири (положительное поле графика) и представителей петровской, андроновской, алакульской культур Казахстана, а также елунинской Верхнего Приобья (отрицательное поле графика) (рис. 1). Судя по нагрузкам на признаки (табл. 2), ДФ 2 разделяет индивидов с признаками, координированными в краниологические комплексы: положительное поле аккумулирует черепа с уменьшением продольного и увеличением поперечного диаметра (тенденция к брахикрании), повышением углов наклона лба и горизонтального профиля лица, снижением высоты лица; а отрицательное поле – с большим продольным и малым поперечным диаметром (тенденция к долихокрании), увеличением высоты лица и усилением его горизонтального профиля, более широким и выступающим на симотическом уровне переносье.

Таким образом, женщина из могильника Нечунаево-3 (38 на графике) находится в области отрицательных координат по ДФ 1 и положительных по ДФ 2 (рис. 1). Морфологический комплекс ее черепа в наибольшей степени близок к характеристикам черепов андроновцев Верхнего Приобья из могильников Ордынское, Фирсово XIV, Катково-2, а также

Таблица 2. **Статистические нагрузки на признаки в составе первых двух дискриминантных функций**

Признак	ДФ 1	ДФ 2
1. Продольный диаметр	0,06	**–0,46**
8. Поперечный диаметр	0,09	**0,42**
17. Высотный диаметр	**0,22**	–0,03
9. Наименьшая ширина лба	0,02	–0,04
48. Верхняя высота лица	0,11	**–0,23**
51. Ширина орбиты	–0,19	–0,08
52. Высота орбиты	**–0,20**	–0,06
54. Ширина носа	–0,11	–0,10
55. Высота носа	0,19	–0,16
SS. Симотическая ширина	0,02	**–0,31**
SC. Симотическая высота	0,05	**–0,29**
32. Угол профиля лба от *nasion*	0,25	0,30
77. Назомалярный угол	–0,24	0,26
72. Общий лицевой угол	**0,41**	–0,01
75 (1). Угол выступания носа	**0,27**	–0,15
Число собственное	1,65	1,06
Процент исходной изменчивости	35,74	22,91

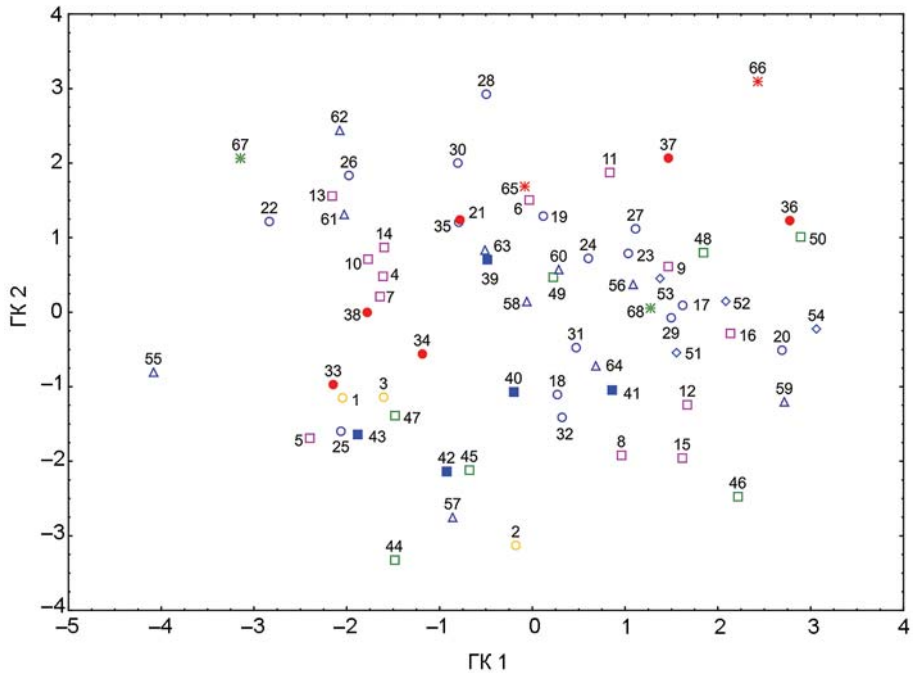

Рис. 2. Распределение индивидов андроновской (федоровской), елунинской, петровской и алакульской культур в пространстве первых двух главных компонент (нумерацию индивидов см. в табл. 1). Разные условные обозначения соответствуют культурно-территориальным группам (см. табл. 1).

Таблица 3. **Нагрузки на признаки в составе первых двух главных компонент**

Признак	ГК 1	ГК 2
1. Продольный диаметр	0,32	0,21
8. Поперечный диаметр	0,30	–0,60
17. Высотный диаметр	–0,24	0,10
9. Наименьшая ширина лба	0,37	–0,22
48. Верхняя высота лица	**0,77**	–0,12
51. Ширина орбиты	0,36	–0,16
52. Высота орбиты	**0,59**	0,00
54. Ширина носа	0,39	–0,29
55. Высота носа	**0,78**	–0,06
SS. Симотическая ширина	0,36	**0,69**
SC. Симотическая высота	0,44	0,48
32. Угол профиля лба от *nasion*	**–0,50**	–0,23
77. Назомалярный угол	–0,08	**–0,67**
72. Общий лицевой угол	0,39	–0,28
75 (1). Угол выступания носа	–0,01	**0,51**
Число собственное	2,89	2,18
Процент изменчивости	19,30	14,60

с индивидом из могильника Ташик алакульской культуры Центрального Казахстана (рис. 1). Чуть дальше в этой же области графика располагаются единичные черепа из Барабинской лесостепи (Сопка-2) и Кузнецкой котловины (Танай-12). Их всех объединяет относительно высокий мозговой отдел черепа, невысокие орбиты, высокое переносье, умеренная в анализируемом морфологическом пространстве горизонтальная профилировка лица. Также следует отметить, что носители андроновских традиций Среднего Приобья, елунинских Верхнего Приобья и петровских Казахстана отстоят на графике достаточно далеко от исследуемого индивида, что было отмечено и при оценке межгрупповых дистанций Махаланобиса.

Следующим этапом был проведен анализ того же набора индивидуальных краниометрических данных методом главных компонент (рис. 2).

Первые две главные компоненты (ГК) охватывают ок. 34 % общей изменчивости (табл. 3). Первая ГК дифференцирует носителей андроновской, алакульской, петровской культур Казахстана и елунинской культуры Верхнего Приобья (положительное поле графика) от представителей андроновской культуры лесостепной, таежной и предгорной частей Западной Сибири (отрицательное поле графика) (рис. 2). Судя по статистическим нагрузкам на краниометрические признаки (табл. 3), в положительном поле ГК 1 расположились индивиды, характеризующиеся высоким лицом, высокими орбитами, носом и переносьем и наклонным в пределах анализируемой выборки лбом (тренд к общей долихоморфии); в отрицательном поле – индивиды с противоположными тенденциями в морфологической изменчивости (табл. 3).

Вторая ГК дифференцирует также преимущественно носителей андроновской, петровской, алакульской культур Казахстана и часть индивидов из предгорных районов юга Западной Сибири (положительное поле графика) от преимущественно лесостепных и таежных представителей андроновской культу-

ры Западной Сибири (отрицательное поле графика) (рис. 2). Судя по нагрузкам на признаки (табл. 3), в положительном поле оказались черепа с тенденцией к уменьшению поперечного диаметра мозгового отдела, усилению моделированности переносья (увеличение ширины и высоты на симотическом уровне), горизонтальной профилировке лица на уровне орбит и увеличению угла выступания носа; в отрицательном поле расположились индивиды с противоположными тенденциями морфологической изменчивости.

Женщина из могильника Нечунаево-3 (38) оказалась в поле отрицательных координат по ГК 1 и в области нулевых координат по ГК 2 (рис. 2). Морфологический комплекс ее черепа, с одной стороны, в наибольшей степени близок к характеристикам индивидов андроновского времени из Кузнецкой котловины из могильников Чудиновка-1, Васьково-5 и Титово, а с другой – к носителям андроновских традиций Алейской (Чекановский Лог-2) и Барабинской (Сопка-2, Преображенка-3) лесостепей. С индивидами Кузнецкой котловины череп из Нечунаево-3 объединяет небольшая ширина лба, небольшая высота орбит и носа, довольно высокое переносье, вертикально поставленный лоб и тенденция к относительному уменьшению горизонтального профиля лица на уровне орбит. Сходство с алейскими и барабинскими андроновцами проявляется по параметрам некоторых структур лицевого отдела: небольшой высоте лица, носа и ширине переносья. Следует отметить, что проведенный нами анализ женских черепов эпох ранней и средней бронзы методом главных компонент, так же, как и дискриминантный, не показал близкого морфологического сходства индивида из Нечунаево-3 с представителями андроновской, петровской и алакульской культур Казахстана.

Заключение

Проведенный двумя независимыми методами статистический анализ краниометрических характеристик женщины из могильника андроновского времени Нечунаево-3 Алейской степи на сравнительном фоне индивидуальных данных носителей андроновской, елунинской, петровской и алакульской культур позволил предположить, что в целом ближайшие аналогии морфологического своеобразия ее черепа находятся в среде носителей андроновских культурных традиций юга Западной Сибири. Но каждый метод показал разные векторы сходства в границах этого региона.

По результатам дискриминантного анализа на первый план выходят связи с андроновским населением Верхней Оби, а именно с индивидами из могильников Ордынское, Фирсово XIV и Катково-2. Также можно отметить сходство с андроновцами Барабинской лесостепи и Кузнецкой котловины. Что касается носителей алакульской культуры Казахстана, то в целом они обособились от западносибирских андроновцев, хотя один из ее представителей оказался в этой совокупности индивидов.

Метод главных компонент акцентировал связи с андроновским населением Кузнецкой котловины: ближайшие аналогии наблюдаемому морфологическому своеобразию черепа из Нечунаево-3 прослеживаются с индивидами из могильников Чудиновка-1, Васьково-5 и Титово при сохранении сходства с единичными черепами из Алейской и Барабинской лесостепей. Связи с населением Казахстана эпохи средней бронзы не фиксируются.

Общим результатом обоих статистических анализов стало то, что морфометрические характеристики черепа женщины из могильника Нечунаево-3 не находят аналогий в среде их южных соседей эпохи средней бронзы – носителей андроновских и петровских традиций Казахстана.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи энеолита и бронзы // Антропологический сб. – 1961. – № 3. – С. 107–206. – (ТИЭ; т. 71).

Алексеев В.П. Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры // Науч. тр. Ташкент. гос. ун-та. – 1964. – Вып. 235. – С. 20–28.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

Бослаф С. Статистика для всех. – М.: ДМК Пресс, 2015. – 586 с.

Гинзбург В.В. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным // Антропологический сб. – 1956. – № 1. – С. 238–298. – (ТИЭ; т. 33).

Гинзбург В.В. К антропологии населения Ферганской долины в эпоху бронзы // Ю.А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. – М., 1962. – С. 201–208. – (МИА; № 118).

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана // Сб. Музея антропологии и этнографии. – СПб: Изд-во МАЭ РАН, 1963. – Т. 21. – С. 297–337.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – 261 с.

Зубова А.В. Население Западной Сибири во II тысячелетии до нашей эры (по антропологическим данным). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 228 с.

Исмагулов О.И. Палеоантропология Казахстана эпохи бронзы // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН

КазССР. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – Т. 18. – С. 153–173.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 125–206.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV: к проблеме формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2006. – № 6. – С. 127–147.

Солодовников К.Н. Палеоантропологические материалы эпохи средней бронзы верховий р. Алей // Мат-лы Гилевской археологической экспедиции. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. пед. ун-та, 2007. – Ч. 1. – С. 129–149.

Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Ломан В.Г. Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 3 (22). – С. 113–131.

Солодовников К.Н., Тур С.С. Антропологические исследования // Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз I в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. – Гл. 5. – С. 181–202.

Тюрин В.В., Щеглов С.Н. Дискриминантный анализ в биологии. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. – 126 с.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Население западносибирского ареала андроновской культурно-исторической общности по антропологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 132–148.

References

Alekseev V.P. Paleoantropologiya Altae-Sayanskogo nagor'ya epokhi eneolita i bronzy. *Antropologicheskii sbornik*, 1961. No. 3. P. 107–206. (In Russ.).

Alekseev V.P. Antropologicheskii tip naseleniya zapadnykh raionov rasprostraneniya andronovskoi kul'tury. In *Nauchnye trudy Tashkent State Univ.*, 1964. Iss. 235. P. 20–28. (In Russ.).

Alekseev V.P., Debets G.F. Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanii. Moscow: Nauka, 1964. 128 p. (In Russ.).

Boslaugh S. Statistics in a nutshell. Moscow: DMK Press, 2015. 586 p. (In Russ.).

Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Naselenie zapadnosibirskogo areala andronovskoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti po antropologicheskim dannym. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2003. No. 3. P. 132–148.

Dremov V.A. Naselenie Verkhnego Priob'ya v epokhu bronzy. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1997. 261 p. (In Russ.).

Ismagulov O.I. Paleoantropologiya Kazakhstana epokhi bronzy. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AS KazSSR*. Alma-Ata: AS KazSSR Publ., 1963. Vol. 18. P. 153–173. (In Russ.).

Ginzburg V.V. Drevnee naselenie vostochnykh i tsentral'nykh raionov Kazakhskoi SSR po antropologicheskim dannym. *Antropologicheskii sbornik*, 1956. No. 1. P. 238–298. (In Russ.).

Ginzburg V.V. K antropologii naseleniya Ferganskoi doliny v epokhu bronzy. In *Drevnezemledecheskaya kultura Fergany.* Moscow, Leningrad, 1962. P. 201–208. (MIA; No. 118). (In Russ.).

Ginzburg V.V. Materialy k antropologii drevnego naseleniya Severnogo Kazakhstana. In *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 1963. Vol. 21. P. 297–337. (In Russ.).

Molodin V.I., Chikisheva T.A. Kurgannyi mogil'nik Preobrazhenka-3 – pamyatnik kul'tur epokhi bronzy Barabinskoi lesostepi. In *Paleoantropologiya i arkheologiya Zapadnoi i Yuzhnoi Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1988. P. 125–206. (In Russ.).

Solodovnikov K.N. Paleoanthropological material from the Andronovo cemetery of Firsovo XIV in the light of development of the Upper Ob population during the Bronze age. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*, 2006. No. 6. P. 127–147. (In Russ.).

Solodovnikov K.N., Rykun M.P., Loman V.G. Craniological data of the Bronze age from Kazakhstan. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*, 2013. No. 3 (22). P. 113–131. (In Russ.).

Solodovnikov K.N., Tur S.S. Antropologicheskie issledovaniya. In *Eluninskii arkheologicheskii kompleks Teleutskii Vzvoz-I v Verkhnem Priob'e: opyt mezhdistsiplinarnogo izucheniya*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2016. Ch. 5. P. 181–202. (In Russ.).

Tyurin V.V., Shcheglov S.N. Diskriminantnyi analiz v biologii. Krasnodar: Kuban State Univ. Press, 2015. 126 p. (In Russ.).

Zubova A.V. Naselenie Zapadnoi Sibiri vo II tysyacheletii do nashei ery (po antropologicheskim dannym). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014. 228 p. (In Russ.).

Кишкурно М.С. https://orcid.org/0000-0002-0309-7413
Чикишева Т.А. https://orcid.org/0000-0003-1985-1369
Грушин С.П. https://orcid.org/0000-0002-5404-6632

Дата сдачи рукописи: 28.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0531-0536
УДК 902/904; 905.5

Л.С. Кобелева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Погребения андроновской (федоровской) культуры некрополя Тартас-1 с признаками боевого травмирования

Статья посвящена результатам анализа погребений андроновской (федоровской) культуры могильника Тартас-1 со следами боевого травмирования. Одной из особенностей некрополя является синкретичность части погребений андроновской (федоровской) культуры, вызванная контактом с местным аборигенным позднекротовским населением. Не совсем мирный характер этого взаимодействия отражен в следах боевых повреждений, прослеженных на костях погребенных. Также признаком значительной военной активности, по крайней мере в начале периода переселения андроновского (федоровского) населения в Барабинскую лесостепь, можно считать появление погребений с оружием. В ходе исследования в андроновской (федоровской) части некрополя выявлены три захоронения с повреждениями костей скелета. Все эти могилы расположены в центральной части погребального поля, не имеют сохранившихся надмогильных сооружений и включены в цепочки одно-культурных захоронений. Сопровождающий погребенных инвентарь небогат и типичен для андроновской (федоровской) культуры. Среди костей скелетов обнаружены наконечники стрел, вероятнее всего, послужившие причиной смерти захороненных. Следует отметить, что количество зафиксированных травм не отображает всей возможной картины травматизма погребенных андроновцев могильника Тартас-1, часть умерших была кремирована, часть могил разрушена при ограблении. Зафиксированные в андроновских (федоровских) погребениях следы боевого травмирования и включение в погребальный инвентарь могильника Тартас-1 оружия могут говорить о достаточно высокой степени военной активности в период миграции андроновских коллективов в Обь-Иртышскую лесостепь. В качестве вероятных противников могли выступать как местное аборигенное население позднекротовской (черноозерской) культуры, так и родственные группы мигрантов.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, андроновская (федоровская) культура, могильник, погребальный обряд, травмирование, наконечник стрелы.*

L.S. Kobeleva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Burials of Andronovo (Fedorovo) culture in Tartas-1 necropolis Showing Signs of Combat Injury on Human Bones

The author addresses the data of analysis of the Andronovo (Fedorovo) culture burials at the Tartas-1 necropolis revealing bone remains showing traces of combat trauma. Occurrences of syncretic burials, which are a result of contact between the Andronovo people and the local Late Krotovo population is one of the notable features of this necropolis. The recovered human bones showed traces of "combat" injuries suggesting a not entirely peaceful nature of these interrelations. Also, the appearance of burials with weapons can be considered as a sign of significant military activity, at least at the early period of the Andronovo (Fedorovo) population migration to the Baraba forest-steppe. Three graves containing skeletal bones with injuries, but without any survived burial structures have been excavated in the Andronovo (Fedorovo) part of the necropolis located in the medial part of the site. These graves are included into chains of single-culture burials; the burial good set is typical for the Andronovo culture. Arrowheads, which likely caused the death of the buried individuals, were found between the bones. It should be noted that the number of recorded injuries does not fully reflect the possible amount of traumas among the buried Andronovo people at the Tartas-1 burial ground – some of the deceased were cremated; other graves were looted and destroyed. The traces of "combat" injuries found in the Andronovo (Fedorovo) burial, and the occurrence of weapons in the burial inventory at Tartas-1 may suggest a fairly high level of military activity during the migration of Andronovo tribes to the Ob-Irtysh forest-steppe region. Both the local aboriginal population of the Late Krotovo (Cherno-Ozerye) culture and related migrant groups could potentially be adversaries.

Keywords: *Baraba forest-steppe, Andronovo (Fedorovo) culture, burial ground, funeral rite, injury, arrowhead.*

Введение

Одной из особенностей некрополя Тартас-1 является синкретичность части погребений андроновской (федоровской) культуры, вызванная контактом с местным аборигенным позднекротовским населением. Не совсем мирный характер этого взаимодействия отражен в инвентаре (появление погребений с оружием) и в следах боевых повреждений, прослеженных на костях погребенных.

Следы летального травмирования являются одним из важных источников о степени военного напряжения в обществе, однако их выявление вызывает определенные трудности, в первую очередь обусловленные сложностью разграничения прижизненного и посмертного повреждения костей скелета. Исходя из этого в данной работе к следам боевого травмирования погребенных мы отнесли только очевидные случаи, когда нанесшее травму оружие не было извлечено при погребении и осталось в ране.

Материалы и интерпретация

В андроновской (федоровской) части некрополя Тартас-1 такие повреждения костей скелета прослежены в трех погребениях (285, 292 и 551). Все эти могилы расположены в центральной части погребального поля, не имеют сохранившихся надмогильных сооружений и включены в цепочки однокультурных захоронений.

Погребение 285 (рис. 1, *1–4*) расположено в цепочке погребений 287, 288, 284. Оно представляет

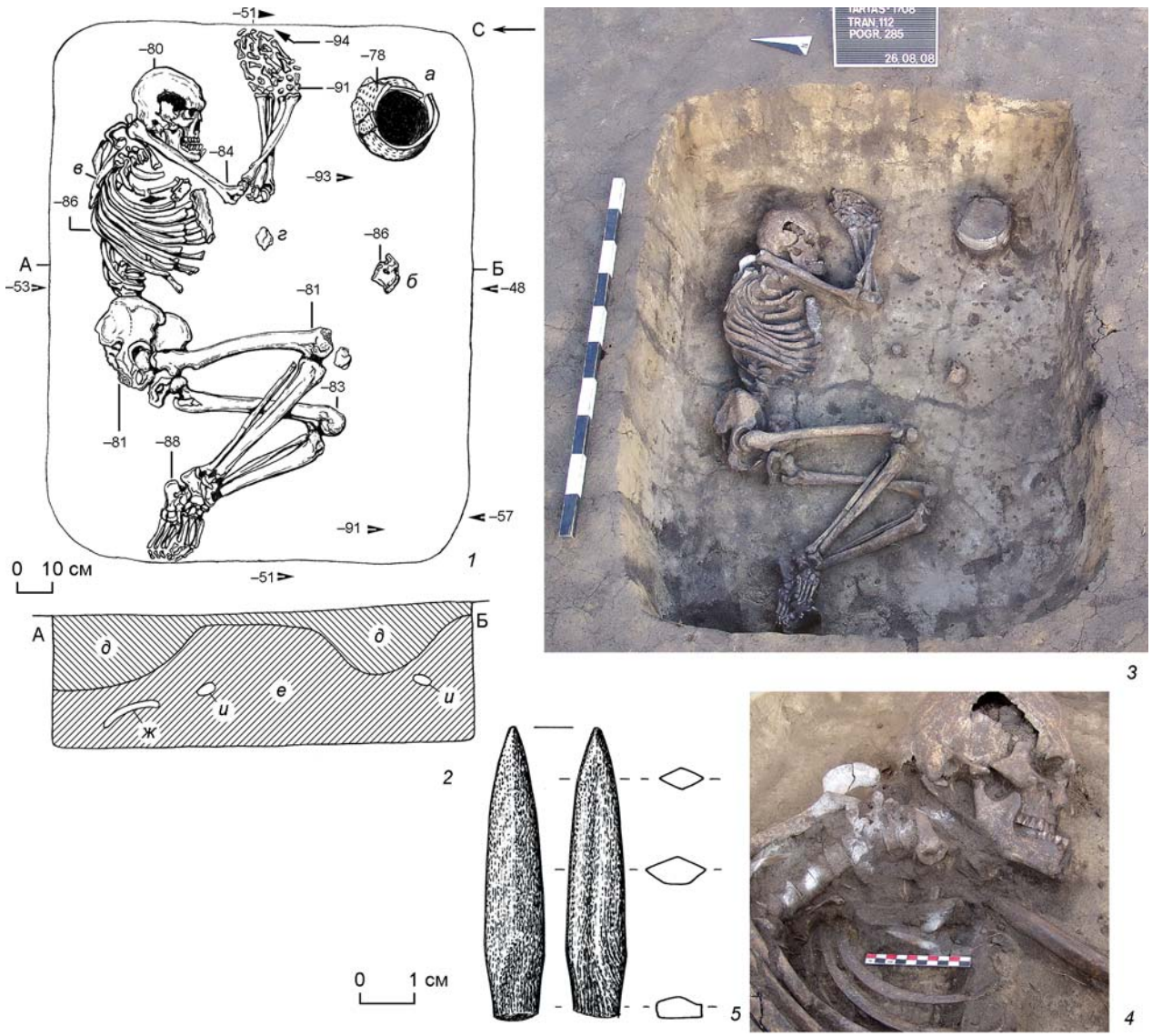

Рис. 1. Памятник Тартас-1. Погр. 285.

1 – рисунок: *а* – керамический сосуд, *б* – позвонок копытного животного, *в* – наконечник стрелы, *г* – перемещенная коленная чашечка; *2* – стратиграфический разрез: *д* – серая мешаная супесь, *е* – пятнистая мешаная супесь, *ж* – кость таза, *и* – рыхлая мешаная супесь; *3* – фото; *4* – деталь, наконечник стрелы внутри грудной клети; *5* – костяной наконечник стрелы, рисунок.

собой подпрямоугольную яму, ориентированную длинной осью по линии СВВ–ЮЗЗ [Молодин и др., 2022, с. 333–335, рис. 444]. Ее размеры 1,57 × 1,25 м, глубина от уровня материка – 0,40–0,45 м. Стенки отвесные, дно ровное, местами повреждено норами грызунов. Верхняя часть могильной камеры заполнена темно-серой почвой, в нижняя – мешаной пятнистой супесью. Следов ограбления нет.

Погребен рослый, физически очень развитый мужчина. Он уложен в скорченном положении, на левом боку, головой на СВВ. Все кости скелета хорошей сохранности и лежат в анатомически правильном порядке. В правой височной части черепа прослеживается глубокий пролом. Нижняя челюсть слегка выдвинута вперед и сломана в районе подбородка. Нижние позвонки поясничного отдела слегка разошлись (расстояние между ними достигает 1,5–2,0 см). Ребра с правой стороны сломаны.

При разборке костяка во внутренней полости левой стороны грудной клетки (на уровне пространства между 2 и 3 ребром) обнаружен костяной наконечник стрелы с обломанным черешком, лежащий острием к позвоночнику (рис. 1, *4*, *5*). Наконечник с ланцетовидным пером, плавно переходящим в короткий черешок, оформленный двумя параллельными срезами. Перо в сечении ромбическое, черешок – прямоугольный. Длина сохранившейся части – 6 см. Максимальная ширина пера 1,3 см. Наконечник находит многочисленные аналогии в материалах кротовской культуры [Молодин, Гришин, 2016, с. 261–262, рис. 412, *1–4*, *12–17*; 413, *4–14*]. Вероятнее всего, именно этот проникатель и послужил причиной смерти погребенного, т.к. в зоне его поражения находятся верхняя доля левого легкого и сердце. Учитывая это, можно предположить, что повреждения в височной части черепа (также несовместимые с жизнью), нижней челюсти и ребер также связаны с боевым травмированием.

Сопровождающий погребенного инвентарь небогат и типичен для андроновской (федоровской) культуры: в ЮВ углу могилы стоял керамический сосуд, в центральной части обнаружен позвонок крупного рогатого скота.

Погребение 292 (рис. 2, *1–4*) расположено в 4 м к югу от вышеописанной мог. 285 в ряду из шести андроновских (федоровских) захоронений (180, 181, 217, 219, 278, 225). Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии СВ–ЮЗ [Молодин и др., 2022, с. 340–341, рис. 454]. Ее размеры 1,96 × 0,54 м. Глубина от уровня материка 0,26 м. Заполнение в целом однородное и представляет собой плотную темно-серую гумусированную почву с мелкими линзами серого цвета. Стенки камеры отвесные, дно ровное.

Сопроводительный инвентарь погребения включал андроновский (федоровский) баночный сосуд и набор из 12 астрагалов мелкого рогатого скота.

Погребен ребенок в возрасте 1–1,5 лет. Он лежал в скорченном положении на левом боку головой на СВ. Под ветвью нижней челюсти, острием к подбородку, во рту умершего, найден бронзовый наконечник стрелы (рис. 2, *4–5*). Стрела видимо пробила, под небольшим углом мышцы шеи, гортань и основание черепа, что и послужило причиной смерти ребенка. Наконечник двухлопастной с выступающей втулкой. Головка стрелы небольшая с округлыми лопастями без концевых шипов. Общая длина наконечника 2,5 см, из них на перо приходится 1,5 см, на втулку – 1 см. Диаметр втулки 0,8 мм. Наконечники этого типа, как правило, связывают с культурами срубно-андроновского круга. Например, похожие экземпляры найдены на андроновских (федоровских) памятниках Мало-Красноярка [Черников, 1960, табл. XXXVI, *11*] и Смолино [Аванесова, 1991, рис. 39, III]. Еще один экземпляр происходит со смешанного алакульско-федоровского поселения Трубный [Епимахов, Таиров, 2014, рис. 3, *5*]. Близкий по форме наконечник найден на срубном поселении Горный-1, но там авторы раскопок считают его чуждым для местной металлообработки [Каргалы, 2004, с. 81, рис. 2.6, *1*]. Исходя из этого, можно предположить, что тип наконечника, найденного в мог. 292, появился в Барабинской лесостепи вместе с мигрировавшими сюда андроновцами.

Погребение 551 (рис. 3, *1–4*) располагалось в одном ряду с могилами 546–549. Представляло собой прямоугольную яму, ориентированную длинной осью по линии СВ–ЮЗ. Ее размер 1,73 × 1,05 м, глубина от уровня материка 0,34–0,37 м. Стенки ее пологие, дно ровное. К ЮВ углу примыкает аморфный выступ грабительского хода. Западная часть могильной ямы повреждена кюветом старой дороги. Заполнение погребения было неоднородным. В верхней части стратиграфического профиля зафиксирован грабительский ход, содержащий почву темно-серого цвета. Ее подстилала мешаная почва серого цвета с белесыми вкраплениями, которая изначально содержалась в могиле. На уровне дна обнаружена мешаная бело-желтая с серыми включениями почва.

На дне могильной ямы обнаружены останки человека. *In situ* сохранились: стопы и часть больших и малых берцовых костей, тазовая кость, позвоночник, часть ребер. Исходя из этой информации, можно сделать вывод, что погребенный лежал в скорченном положении на левом боку, головой на СВ.

На месте головы погребенного находился керамический сосуд, череп умершего был сдвинут в ЮВ угол могилы и перевернут основанием вверх. При разборе погребения в черепе человека обнаружен бронзовый наконечник стрелы, очень плохой сохранности. Стрела, по всей видимости, пробила левую височную кость, уперлась концом в противоположную

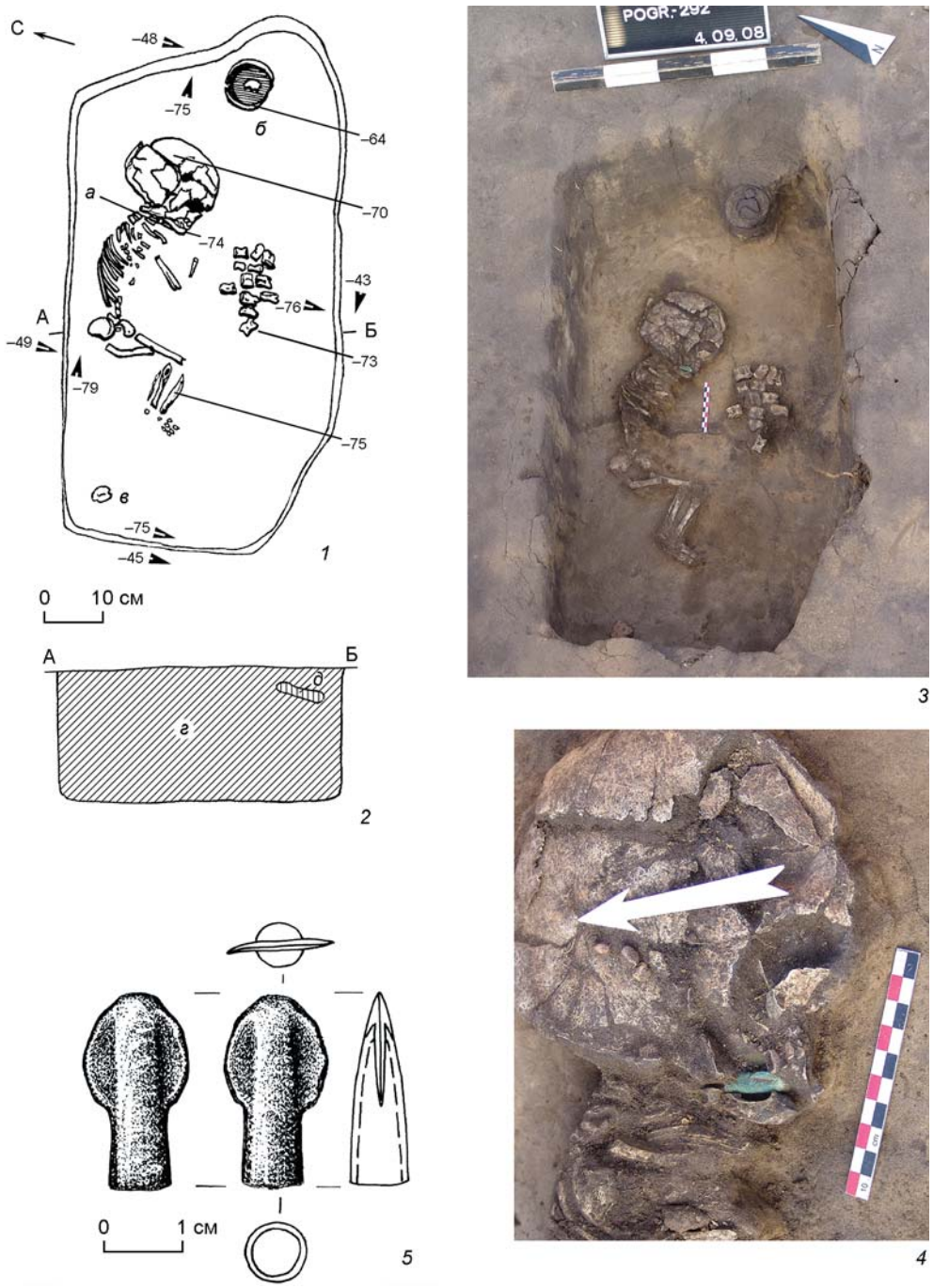

Рис. 2. Памятник Тартас-1. Погр. 292.

1 – рисунок: *а* – наконечник стрелы из бронзы, *б* – керамический сосуд, *в* – фрагмент керамики; *2* – стратиграфический разрез: *г* – темно-серая супесь, *д* – серая супесь с вкраплениями желтого суглинка; *3* – фото; *4* – деталь, наконечник стрелы в черепе захороненного; *5* – бронзовый наконечник стрелы, рисунок.

стенку и осталась в черепной коробке. Наконечник втульчатый, двулопастной, лопасти узкие и обрезаны под углом к втулке, образуя хорошо выраженные шипы (рис. 3, *5*). Длина изделия 4,2 см, максимальная ширина пера 1,9 см, диаметр втулки – 1,1 см. Стрела принадлежит к достаточно редкому типу, нам известно только несколько экземпляров [Аванесова, 1991, рис. 39, *XVIII*, 40, *11*, *12*]. По мнению Н.А. Аванесовой, они происходят от черешковых, имеющих такую же форму пера [Аванесова, 1991, с. 44] и известных по материалам андроновского могильника Канай [Черников, 1960, табл. XXа, *2*]. Следует отметить, что черешковые стрелы с подтреугольным пером с шипами на территории Западной Сибири встречаются и в памятниках доандроновских культур кротовско-елунинского круга [Молодин, Дураков, 2013, с. 98, рис. 18, *4*; Дегтярева, Грушин, Шайхутдинов, 2010, рис. 1, *8*].

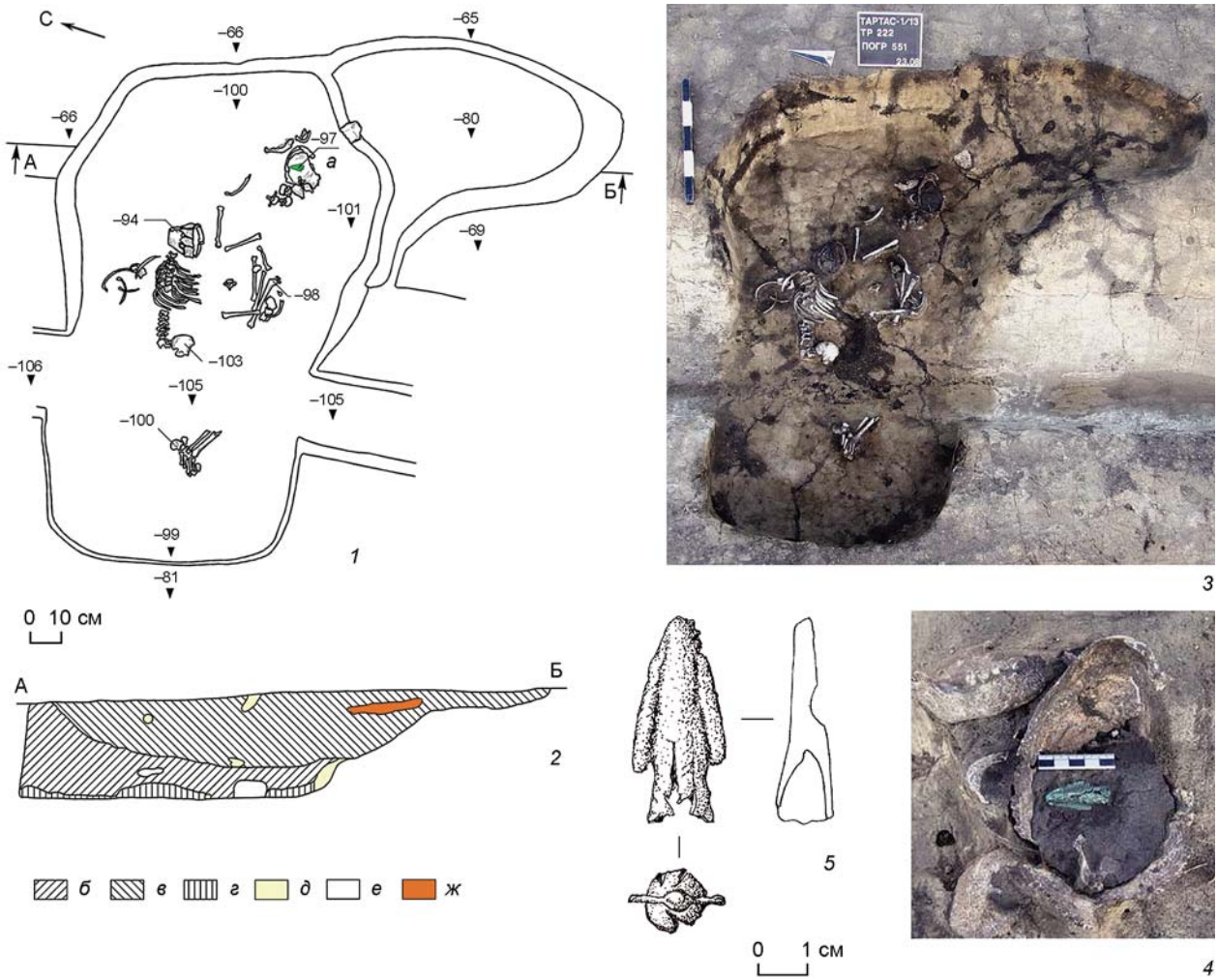

Рис. 3. Памятник Тартас-1. Погр. 551.

1 – рисунок: *а* – бронзовый наконечник стрелы; *2* – стратиграфический разрез: *б* – почва серого цвета с белесыми вкраплениями, *в* – почва темно-серого цвета, *г* – мешаная бело-желтая почва с серыми вкраплениями, *д* – мешаная почва желто-серого цвета, *е* – область залегания костей человека, *ж* – почва бурого цвета; *3* – фото; *4* – деталь, наконечник стрелы в черепе захороненного; *5* – бронзовый наконечник стрелы, рисунок.

Заключение

Признаком значительной военной активности, по крайней мере в начале периода переселения андроновского (федоровского) населения в Барабинскую лесостепь, можно считать появление погребений с оружием. Например, в погр. 300 в области рук положенного на левый бок в скорченном положении подростка лежали два костяных наконечника стрел. В погр. 360 в районе колен взрослого находился набор костяных стрел, лежащих, видимо, первоначально в несохранившемся колчане. Исходя из наличия у андроновцев травм, нанесенных именно стрелами, есть большая вероятность, что эти предметы использовались не только для охоты, но и как оружие.

Следует отметить, что количество зафиксированных травм не отображает всей возможной картины травматизма погребенных андроновцев могильника Тартас-1, часть умерших (13,6 %) была кремирована, часть могил разрушено при ограблении [Молодин, Дураков, Кобелева, 2018, с. 291].

Таким образом, зафиксированные в андроновских (федоровских) погребениях следы боевого травмирования и включение в погребальный инвентарь могильника Тартас-1 оружия могут говорить о достаточно высокой степени военной активности в период миграции андроновских коллективов в Обь-Иртышскую лесостепь.

В качестве вероятных противников могли выступать как местное аборигенное население позднекротовской (черноозерской) культуры, так и родственные группы мигрантов. В пользу последнего свидетельствует находка в черепе погребенного из мог. 292 типично срубно-андроновского наконечника стрелы.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках программы НИР ИАЭТ СО РАН, проект № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. – Ташкент: Фан, 1991. – 200 с.

Дегтярева А.Д., Грушин С.П., Шайхутдинов В.М. Металлообработка населения елунинской культуры Верхней Оби (предварительные результаты металлографического исследования) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2. – С. 27–35.

Епимахов А.В., Таиров А.Д. Андроновские древности бронзового века причелябинского региона. Новые материалы и старые проблемы // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. – 2014. – Т. 14, № 4. – С. 29–34.

Каргалы. Том III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 320 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.

Молодин В.И., Дураков И.А. Погребения эпохи ранней – развитой бронзы могильника Ордынское-1 (новая версия историко-культурной интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 84–101.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Планиграфия погребальных комплексов андроновской (федоровской) культуры на могильнике Тартас-1: к постановке проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 290–292.

Молодин В.И., Парцингер Г., Мыльникова Л.Н., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ефремова Н.С., Наглер А., Кобелева Л.С., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Селин Д.В. Тартас-1 – перекресток культур и эпох. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. 1. – 535 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Мат-лы и исследования по археологии СССР. – № 88. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 272 с.

References

Avanesova N.A. Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy aziatskoi chasti USSR. Tashkent: Fan, 1991. 200 p. (In Russ.).

Chernikov S.S. Vostochnyi Kazakhstan v epokhu bronzy. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR No. 88. Moscow; Leningrad: RAS USSR Publ., 1960. 272 p. (In Russ.).

Degtyareva A.D., Grushin S.P., Shaikhutdinov V.M. Metalloobrabotka naseleniya eluninskoi kul'tury Verkhnei Obi (predvaritel'nye rezul'taty metallograficheskogo issledovaniya). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2010. No. 2. P. 27–35. (In Russ.).

Epimakhov A.V., Tairov A.D. Andronovskie drevnosti bronzovogo veka prichelyabinskogo regiona. Novye materialy i starye problem. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. *Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 2014. Vol. 14. No. 4. P. 29–34. (In Russ.).

Kargaly. Vol. III: Selishche Gornyi: Arkheologicheskie materialy: Tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva: Arkheobiologicheskie issledovaniya. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 320 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A. Early and middle bronze age burials at Ordynskoye-1, Western Siberia: a new cultural interpretation. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia,* 2013. No. 4. P. 84–101.

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S. Layouts of Funeral Complexes of the Andronovo (Fedorovo) Culture from Tartas-1 Gravel: to the Problem Statement. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. 24. P. 290–292. (In Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 4. 452 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Partsinger G., Mylnikova L.N., Hansen S., Durakov I.A., Rainkhold S., Efremova N.S., Nagler A., Kobeleva L.S., Nenakhov D.A., Nenakhova Y.N., Nesterova M.S., Selin D.V. Tartas-1 – a Crossroad of Cultures and Epochs. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 1. 535 p. (In Russ.).

Кобелева Л.С. https://orcid.org/0000-0002-4969-3771

Дата сдачи рукописи: 24.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0537-0544
УДК 903’1(513)

С.А. Комиссаров

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: sergai@mail.ru

Культура Шися (Гуандун, Китай) переходного периода от неолита к бронзе: новые данные

В статье представлен обзор основных результатов исследования культуры Шися в северной части пров. Гуандун, большей частью в пределах последних двух десятилетий. Выделены ее основные характеристики – такие как многочисленные треножники (с туловом в виде горшка, котла, блюда) и сосуды на поддонах, часто перфорированных. Шлифованные мотыги с плечиками, заступы и тесла с уступом относятся к категории каменных орудий, широко распространенных к югу от Янцзы. Многие из т.н. нефритовых изделий (регалии цун, секиры) изготовлялись по образцам из культуры Лянчжу, откуда также была заимствована технология их изготовления. Яркой особенностью погребального обряда является вторичное захоронение со своим сопроводительным инвентарем, которое разрушает первичный набор. На позднем этапе Шися находят бронзовые изделия, возможно, импортные из культуры Учэн. При этом разница в датах между ранним и поздним этапами Шися невелика, находки демонстрируют культурную гомогенность. В хозяйстве преобладало заливное рисоводство, причем выращивался как скороспелый (японика), так и позднеспелый (индика) рис. Полученные радиоуглеродные даты охватывали эпоху от начала до конца III тыс. до н.э., которая в китайской археологии в целом соответствует переходу от неолита к ранней бронзе; к этому периоду и следует отнести культуру Шися. Памятник Яньшаньчжай, исследованный в самые последние годы, полностью соответствует всем признакам культуры Шися. При раскопках вскрыто не более трети всей его площади, поэтому он остается перспективным для дальнейшего исследования. Поскольку уже раскопаны такие объекты как, возможно, общественное здание, фрагмент водопровода (или водостока), печи для обжига керамики, то велика вероятность открыть там поселение с развитой структурой, к которому примыкало кладбище с территориальным разделением погребений по размеру и богатству инвентаря.

Ключевые слова: *культура Шися*, *неолит*, *бронзовый век*, *переходный период*, *культивация риса*, *обработка нефрита*.

S.A. Komissarov

Institute of Archaeology and Ethnography
Novosibirsk, Russia
E-mail: sergai@mail.ru

Shixia Culture (Guangdong, China) as Transitional Period from Neolithic to Bronze Age: New Data

The article provides an overview of the main results of Shixia Culture studies mostly in the recent two decades. Numerous tripods (with pot-, cauldron- and dish-shaped bodies) and vessels with ring foot, often perforated, have been defined as the main cultural characteristics. Polished shouldered hoes, stepped spades and adzes belong to the category of stone tools distributed south of the Yangtze. Many of jade products (cong regalia, round axes) were made after the Liangzhu culture pattern, from where the technology of such thing manufacture was also borrowed. Secondary burial with the grave inventory, which destroyed the primary set, is a notable feature of the funeral rite. The bronze implements possibly borrowed from the Wucheng culture are attributed to the late Shixia stage. Nevertheless, the difference in dates between early and late stages of Shixia culture is quiet short, the finds demonstrate cultural homogeneity. Flood rice farming prevailed in agriculture, and both early- (japonica) and late-ripening (indica) rice were grown. The radiocarbon dates covered the epoch within III millennium BC, which corresponds to the transition from the Neolithic to the Early Bronze Age in Chinese archaeology; and Shixia culture should be attributed to this period. The Yanshanzhai is a new site of the Shixia culture explored in recent years. During the excavations, only a third of the entire area was uncovered. Since such objects as a public building, fragment of a water pipe (or drain), ceramic kilns have already been excavated, it looks like a promising site, where s settlement with a developed social structure and an adjacent cemetery with territorial division of burials according to size and wealth of inventory will be found.

Keywords: *Shixia Culture*, *Neolithic*, *Bronze Age*, *transitional period*, *rice cultivation*, *nephrite processing.*

Введение

Памятник Шися, включающий поселение и могильник, был внесен в список 100 важнейших археологических открытий Китая в XX в., поскольку его раскопки имели важное значение для изучения древней истории Наньлина, т.е. областей Китая к югу от горной системы того же названия, разделяющей бассейны рек Янцзы и Сицзян. Раскопки с перерывами проводились в 1973–1983 гг., но полный отчет опубликован только в 2014 г. под редакцией Чжу Фэйсу. На основе материалов раскопок была выделена культура Шися, ее «крестным отцом» стал выдающий китайский археолог Су Бинци [1978], благодаря авторитету которого название закрепилось в историографии. Изучение культуры Шися, в т.ч. открытие новых памятников, продолжилось в первые десятилетия XXI в. Далее мы представим аналитический обзор наиболее существенных результатов исследований этого периода.

Общая характеристика культуры Шися

Многослойный археологический памятник Шися был открыт близ пос. Маба (уезд Цюйцзян, пров. Гуандун); его верхние слои относятся к развитому бронзовому веку (период Чжаньго), а нижние содержат комплекс находок, ставший эталоном для выделения культуры Шися, распространенной главным образом в бассейне рек Бэйцзян и Дунцзян, отнесенной авторами раскопок к эпохе позднего неолита. Была сделана попытка выделить четыре последовательные этапа развития, самый ранний из которых возводят к IV тыс. до н.э. [Wu Chunming, 2021, p. 90, tabl. 4.1]. Однако калиброванные радиоуглеродные даты (2 730 ± ± 155 лет до н.э. для предположительно раннего этапа и 2 480 ± 150, 2 865 ± 185 лет до н.э. для более поздних этапов) зафиксировали их относительную близость. В 2016 г. в рамках серии AMS-датировок получены близкие даты по образцам рисовых зерен: 2 340–2 195 и 2 175–2 145 лет до н.э. [Yang Xiaoyan et al., 2016, p. 3]. На базовом памятнике Шися из общей площади ок. 30 000 м^2 вскрыто 3 666 м^2 в разных концах. Исследовались остатки наземных построек, хозяйственные ямы, печи для обжига керамики, могильник (102 захоронения). Преобладают одиночные трупоположения в грунтовых ямах (часто обожженных), главным образом вторичные; при перезахоронении начальный комплект инвентаря подвергался разрушению и добавлялся новый набор [Цзин Яцинь, Ли Янь, 2022]. Количество предметов варьировало от 5–7 до св. 100, что свидетельствует о социальном расслоении. Авторы раскопок выделили могилы с богатым набором орудий для обработки дерева; эти «плотницкие» захоронения выделялись более крупными размерами и наличием в инвентаре престижных нефритовых украшений. Такое почитание ремесленников-профессионалов вполне соответствует принципу меритократии, характерной для родоплеменного общества.

Найденная керамика в основном следует «южной традиции» [Wu Chunming, 2021, p. 102–104]. Ранние образцы лепные, на развитой стадии преобладают сосуды, изготовленные по шаблону или на круге, черепок становится более тонким и плотным. Формы существенно не меняются, они представлены различными треножниками, напр., блюдами на трех ножках, разными котлами, чашами и горшками на поддонах, в т.ч. перфорированных, круглодонными кринками и др. На раннем этапе преобладал низкотемпературный режим обжига, который впоследствии достиг значения 900–1 000 °С. На поздних памятниках появляется твердая штампованная керамика, пришедшая из гуандунской культуры Хутоупу, с датой примерно 4 000 л.н. [Чжао Хуй, Ли Янь, 2022], и даже т.н. примитивный фарфор – изделия, характерные для керамического комплекса Наньлина бронзового века и проникшие далеко на север, на памятники эпохи Ся и Шан [Ли Янь / Ли Пай, 2022]. Поверхность сосудов в основном неорнаментированная, но встречаются сосуды с оттиском веревочного штампа или плетенки, с узорами в форме уголка, спирали, клеток или концентрических двойных окружностей и т.д.; найден один фрагмент с изображением четырех фигур взявшихся за руки («танцующих») людей [Хуан Чжэньвэй, 2014, с. 110], напоминающих «хороводы» на керамике культуры ранней бронзы Цзунжи. Найдены также наконечники стрел, мотыги с плечиками, тесла и заступы с уступами, плоские секиры из шлифованного камня; цилиндрические навершия, кольца, подвески, браслеты из нефрита; карбонизированные зерна риса. В верхнем слое отмечены редкие находки бронзовых изделий (секира, кинжал, шило), местное производство которых не доказано; возможно, они были заимствованы из культуры Учэн (пров. Цзянси) [Хэ Гоцзюнь, 2010]. Но в любом случае следует зафиксировать вступление культуры Шися в бронзовый век.

В ходе обследований и разведки на территории пров. Гуандун было найдено ок. 20 памятников, отвечающих основным характеристикам культуры Шися [Чжунго каогусюэ..., 2010, с. 704], в т.ч. Сяцзяолун в уезде Вэнъюань, Чуанбаньлин в округе Цюйцзян, Фучуаньлин в уезде Жэньхэ и др. Судя по сходству керамики, осуществлялось взаимодействие с культурами позднего неолита – раннего металла прибрежной и островной части Гуандуна и Гуанси, а также дельты Чжуцзяна, однако в целом сохранялось их параллельное развитие [Чжу Фэйсу, 2001].

В создании базовых форм керамики на ранних этапах прослеживается влияние на Шися со стороны культуры Фаньчэндуй (пров. Цзянси) [Chau Hing-wah, 2009; Чжунго каогусюэ..., 2010, с. 709]; однако другие авторы фиксируют взаимовлияние этих двух культур, но относят их происхождение к разным источникам [Гу Юньцюань, 2001], либо соединяют их в единую

культурную традицию [Ли Цзяхэ, Ян Цзюйюань, Ли Шичжун, 1989]. Вопрос остается дискуссионным, но у первой концепции больше материальных обоснований. На рубеже III и II тыс. до н.э. Шися вытесняется культурой Хутоупу [Ли Янь, 2011].

Рис и нефрит

Носители культуры Шися сыграли важную роль в распространении рисосеяния в южных районах Китая. На базовом памятнике выявлены следы мякины и карбонизированные зерна как дикорастущего риса, так и разных форм двух доместицированных подвидов – «индика» (籼) и «японика» (粳), причем последние количественно преобладали [Ян Шитин, 1978; Чжан Вэньсюй и др., 2007]. Эти два подвида различаются по размерам, вкусовым качествам, но главное – по периоду вегетации. Для т.н. индийского риса он составляет 130–180 суток при температуре 25–30 °С, а для японского – 90–120 суток при температуре 22–26 °С с допустимым минимумом 12–15 °С [Москальков, 2010].

Дальнейшее изучение карбонизированных зерен риса, найденных на памятнике, подтвердило тот факт, что они принадлежали к двум разновидностям: раннеспелой и позднеспелой [Чжан Вэньсюй и др., 2011]. Эта характеристика хозяйственной деятельности «шисясцев» заслуживает особого внимания, поскольку многие западные специалисты связывают доместикацию раннеспелого риса с государством Чампа в Центральном Вьетнаме (не ранее VII в.), откуда это достижение только в XI в. проникло в юго-восточные районы сунского Китая [Barker, 2011]. Многочисленные зерна риса сорта японика обнаружены в 2017 г. при раскопках в одном из районов г. Гуанчжоу памятника Чалин, отнесенного к культуре Шися. Взятые там 27 образцов для AMS-датирования определили даты стоянки в пределах 4 500–3 700 л.н., при этом две прямые даты для рисовых зерен относились к раннему этапу. Вместе с ними нашли семена дикорастущих пальмовых, анноновых и тыквенных растений, что свидетельствует о сохранении определенной роли собирательства [Ся Сюминь, Чжан Пин, У Янь, 2019]. Также, по сообщению Ли Яня, главного научного сотрудника Института археологии и памятников материальной культуры пров. Гуандун, на памятниках Шися были найдены зерна чумизы (*Setaria italica*), очевидно, заимствованной из районов среднего течения Янцзы [У Вэй, 2022]. Но именно культивация двух подвидов риса в этой культуре способствовало адаптации к меняющимся природным условиям, делало земледелие более устойчивым. Развитие рисосеяния способствовало развитию элементов цивилизации и организации населения в простые вождества [Han Enrui, 2018].

Одной из важных характеристик погребений знати, стали т.н. нефритовые изделия. Следует отметить, что в китайской археологии определение «нефритовый» часто носит условный характер, обозначая не только настоящий нефрит, но и просто цветные камни. Судя по иллюстрациям, из нефрита были изготовлены регалии *цун* (рис. 1, *1*) и некоторые секиры (рис. 1, *3*). Остальные секиры, а также украшения (кольца, подвески; рис. 1, *2*) изготовлялись из серпентинов, мрамора, даже бирюзы. Заметная часть нефритовых изделий, в первую очередь, регалия *цун*, происходила из культуры Лянчжу, но изготовлялась на месте, поэтому тщательность обработки уступала оригиналу. Тем не менее, именно культура Шися вместе с некоторыми керамическими формами транслировала знание о нефритах Лянчжу далее на юг. Об этом свидетельствуют находки регалии *цун* и секиры на памятнике Ганьцаолин в районе г. Гуанчжоу, а также секиры, браслета и площадки для их

Рис. 1. «Нефритовые» изделия, найденные на памятнике Яньшаньчжай (по: [Лю Соцян, 2024]).
1 – нефритовая регалия *цун*; *2* – каменные кольца; *3* – нефритовые и каменные секиры.

изготовления на памятнике Юнлан в Гонконге. Трасологический анализ показал, что использовалась та же техника пиления веревкой и т.п., что и в Лянчжу. По заключению проф. Тан Чуна, изделия из нефрита распространялись одновременно с технологией их обработки [Сунь Цзыфа, 2019].

Следует отметить, что регалия *цун* – как правило, восьмиугольная трубка («цилиндр») с круглым сквозным отверстием и резной поверхностью – получила широкое распространение не только на Юге и Востоке, но и достигла долины Хуанхэ и закрепилась в обрядовой практике Чжоу. В каноне «Чжоу ли» [Чжоу ли...] говорится, что зеленоватый диск *би* (также часто встречался на памятниках культуры Лянчжу) использовали в обрядах Неба, а желтый *цун* – в обрядах Земли [Там же]; в комментарии к разделу «Као гун цзи» того же сочинения говорится, что эти ценности преподносились, соответственно, правителю и его супруге. Возможно, этот обряд восходит к эпохе позднего неолита – раннего металла. Как считал академик РАЕН В.Е. Ларичев (личное сообщение), культовое отношение к изделиям *цун* было связано с их использованием в качестве гномонов при астрономических наблюдениях. В любом случае нефритовые «цилиндры» отмечали элитные захоронения на памятниках как культуры Лянчжу, так и культуры Шися.

Рис. 2. Элитные погребения могильника Яньшаньчжай (по: [Лю Соцян, 2024]).
1 – мог. М16; *2* – мог. М26.

В числе десяти лучших: раскопки памятника Яньшаньчжай

В связи с «археологическим бумом» в Китае, начиная с 1990 г., эксперты редакции газеты «Чжунго вэньу бао» и Китайского археологического общества по поручению Управления памятников материальной культуры КНР ежегодно проводят отбор 10 важнейших археологических открытий. В прошлом году в этот список вошли раскопки памятника Яньшаньчжай, которые проводились в 2019–2023 гг.

Памятник обнаружен возле дер. Ланьцунь (городской уезд Индэ городского округа Цинъюань пров. Гуандун), на относительной высоте 40 м, на возвышенности известнякового происхождения. Находки рассредоточены на территории от вершины до подножья. За счет карстовых процессов местность изобилует пещерами, в одной из которых, на расстоянии ок. 1 км от Яньшаньчжай обнаружены позднепалеолитические стоянка и захоронение Цинтан, с датой 13,5 тыс. л.н. По сообщению Лю Соцяна, директора Института доциньской археологии Академии археологии и памятников материальной культуры пров. Гуандун, площадь памятника Яньшаньчжай составляет 10 тыс. м^2 и включает поселение, большой могильник и другие площадки*. В ходе раскопок вскрыто 2 900 м^2, в т.ч. 93 захоронения. Элитные могилы концентрировались в юго-восточном углу кладбища, отличались большими размерами и обильным инвентарем. Так, в могиле М16 обнаружено 145 предметов, включая нефритовые регалии *цун* и секиры, найденные также в могиле М26 (рис. 2, *1*, *2*).

В жилой зоне раскопана полуземлянка F1 прямоугольной формы, с отверстиями для столбов по периметру («терраса»), размер 7,3 × 5,3 м, стенки жилища и входного коридора обожжены, пол состоит из нескольких слоев трамбованной земли. Размеры жилой площади несколько больше обычного, возможно, это было общественное здание.

---

* **Цзюй цзяо:** каогу шэнхуй линь юэбэй, «цзаоци линнань таньюань» цзян кайци синьбянь [Внимание: торжественное археологическое собрание прибывает в Северный Гуандун, «Исследование истоков раннего периода Линнань» получит новое прочтение] // Омнимедиа-журналисты газеты «Янчэн ваньбао» [Веч. Гуанчжоу]. – 14.10.2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1779741591061751914&wfr=spider&for=pc (на кит. яз.). (дата обращения: 01.08.2024).

В средней части раскопа выявлен фрагмент канавы G3 длиной 200 м, дно которой выстлано бамбуковыми матами в пять слоев; вероятно, это остатки водопровода/водоотвода на поселении – одного из древнейших на территории Китая. На памятнике выявлены хозяйственные ямы, остатки печей для обжига керамики и участки прокаленной земли.

Найден также разнообразный набор керамики, характерный для культуры Шися позднего периода (рис. 3, *2*). Каменные орудия, большей частью шлифованные, представлены мотыгами с плечиками, заступами и теслами с уступом, широко распространенными в культурах неолита и палеометалла Южного и Восточного Китая [An Zhimin, 1988]. Большой набор наконечников стрел демонстрирует тенденцию к стандартизации (рис. 3, *1*), что имеет определенное значение для военного дела. В сообщениях упоминается о находках бронзовых и деревянных изделий, но без подробного описания и иллюстраций, вероятно, в силу их плохой сохранности.

Основываясь на материалах Яньшаньчжай, директор Института археологии АОН КНР Чэнь Синцань заявил, что население памятника (соответственно, носители культуры Шися. – *Авт.*) уже 4 800 л.н. достигло этапа сложного социального развития, а процесс становления цивилизации в Наньлине оказался практически одновременным с аналогичным процессом в регионе среднего и нижнего течения Янцзы*.

Рис. 3. Каменные наконечники стрел и керамика, найденные на памятнике Яньшаньчжай (по: [Liu Xiaoqiang, 2024]).
1 – каменные наконечники стрел; *2* – керамический комплекс.

Заключение

Проведенный обзор показал, что данные по культуре Шися свидетельствуют о ее переходном характере от позднего неолита к ранней бронзе, что вписывается в общий контекст китайской археологии, хотя свидетельств о собственном бронзолитейном производстве пока не найдено. Некоторые формы керамики и нефритовых изделий были заимствованы из района среднего и нижнего течения Янцзы; в свою очередь, изделия из т.н. примитивного фарфора в короткие сроки оказались не только на востоке, но и на севере Китая, оказав влияние на керамический комплекс культуры Шан-Инь.

В жизни населения культуры Шися большую роль играло рисоводство. Судя по находкам отпечатков шелухи дикорастущего риса и разных вариантов двух основных сортов доместицированного злака, эта культура не только восприняла навыки рисового земледелия из восточных районов Китая и выступила транзитным регионом в передаче этих навыков на юг, вдоль побережья Юго-Восточной Азии, но и проводила собственный поиск в развитии агрикультуры.

В заключение отметим, что значительные по площади памятники культуры Шися раскопаны лишь частично. Особенно это справедливо для Яньшаньчжай, где выявлены отдельные элементы сложно организованного поселения, а раскопки могильника свидетельствуют о социальном и имущественном расслоении общества. Завершение раскопок и публикация научного отчета позволит существенно дополнить представления о месте культуры Шися в древней истории Южного Китая и сопредельных территорий.

* Гуандун Индэ Яньшаньчжай ичжи: гайбянь сюэцзе дуй Линнань дицюй вэньмин циюань цзиньчэндэ жэньши [Памятник Яньшаньчжай, городской округ Индэ, пров. Гуандун: изменение знаний научного сообщества к процессу происхождения цивилизации в регионе Линнань] // Омнимедиа-журналисты газеты «Янчэн ваньбао» [Веч. Гуанчжоу]. – 23.05.2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1794282374238368962&wfr=spider&for=pc (на кит. яз.). (дата обращения: 01.08.2024).

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0004 «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии».

Список литературы

Гу Юньцюань. Лунь Шися вэньхуа юй Цзянси синьшици шидай ваньци вэньхуа ицуньчжицзяньдэ гуаньси [О связях культуры Шися с памятниками неолитических культур позднего периода в пров. Цзянси] // Гуандуншэн вэньу каогу яньцзюсо цзяньсо шичжоунянь вэньцзи [Сб. ст. к 10-летнему юбилею основания Ин-та археологии и памятников мат. культуры]. – Гуанчжоу: Линнань мэйшу чубаньшэ, 2001. – С. 64–84 (на кит. яз.).

Ли Цзяхэ, **Ян Цзюйюань**, **Лю Шичжун.** Цзай лунь Фэньчэндуй–Шися вэньхуа: Эр тань Цзянси синь шици ваньци вэньхуа [Повторное обсуждение культуры Фэньчэндуй–Шися: Дискуссия о позднеенеолитических культурах пров. Цзянси] // Дуннань вэньхуа. – 1989. – № 3. – С. 156–173 (на кит. яз.).

Ли Янь. Дуй Шися вэньхуадэ жоганьцзай жэньши [О некоторых аспектах новых знаний о культуре Шися] // Вэньу. – 2011. – № 5. – С. 48–54 (на кит. яз.).

Ли Янь / Ли Пай (цзичжэ). Сюньчжао Ся Шан шици Гуандун юаньшицы яочжи: цзяньли Шися вэньхуа цзюэдуй няньдайбяо [Исследования печи для обжига примитивного фарфора: обоснование таблицы абсолютной хронологии культуры Шися] // Наньфан души бао [Газета южных городов]. – 20.11.2022. – URL: https://new.qq.com/rain/a/20221120A00E6O00 (на кит. яз.). (дата обращения: 01.08.2024).

Лю Соцян. Эр лин эр сань няньду цюаньго каогу да синь фасянь: Гуандун индэ яньшаньчжай ичжи [Десять выдающихся новых всекитайских открытий в 2023 г.: Памятник Яньшаньчжай, городской уезд Индэ, пров. Гуандун] // Сайт Нац. администрации культурного наследия. – 2024. – URL: http://www.ncha.gov.cn/art/2024/3/27/art_2760_187894.html (на кит. яз.). (дата обращения: 01.08.2024).

Москальков С.П. Культура риса // География. – 2010. – № 6. – С. 15–17.

Су Бинци. Шися вэньхуа чулунь [Предварительное обсуждение культуры Шися] // Вэньу. – 1978. – № 7. – С. 16–22 (на кит. яз.).

Сунь Цзыфа. Сянган сюэчжэ: Лянчжу юйци цэн фушэ наньчуань Чжусаньцзяо цзи Сянган яньань [Сянганский ученый: нефритовые изделия культуры Лянчжу, распространяясь в разные стороны, на юге достигли дельты Чжуцзяна и побережья Сянгана] // Хуаньцю [Global Times] онлайн. – 12.07.2019. – URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1638812073762890176&wfr =spider&for=pc (на кит. яз.). (дата обращения: 01.08.2024).

Ся Сюминь, **Чжан Пин**, **У Янь.** Гуандун Чжуцзян саньцзяочжоу дицюй чалин ичжидэ шуйдао ицунь фэньси [Анализ остатков заливного риса на памятнике Чалин в районе дельты Чжуцзяна в пров. Гуандун] // Дисыцзи яньцзю. – 2019. – Т. 39, № 1. – С. 24–36 (на кит. яз.).

У Вэй. Цземи шицянь линнаньжэньдэ чичуань юндэ [Раскрытие затрат на еду и одежду доисторического населения Линнань] // Гуанмин жибао. – 17.02.2022. – С. 13 (на кит. яз.).

Хуан Чжэньвэй. Шися вэньхуа таоци цзаосин юй вэньши «пусу мэй» таньси [Изучение «безыскусной красоты» форм и узоров керамики культуры Шися] // Ишу байцзя [Искусство разных направлений]. – 2014. – Доп. вып. – С. 109–111 (на кит. яз.).

Хэ Гоцзюнь. Цун Шися каогу кань Линнань цзаоци гу вэньхуадэ тучжусин цзи доюань вэньхуадэ жунхэ [Рассмотрение на примере археологических материалов Шися соединения аборигенности со многими другими компонентами в культурах раннего периода Линнань] // Чжунго шэхуй цзинцзи ши яньцзю [Исследования по социальн. и эконом. истории Китая]. – 2010. – № 2. – С. 89–93 (на кит. яз.).

Цзин Яцинь, Ли Янь. Шися ичжи шися вэньхуа эрцыцзансу цзай жэньши [Новые сведения по обычаю вторичного погребения в культуре Шися на памятнике Шися] // Вэньбо сюэкань. – 2022. – № 4. – С. 26–39 (на кит. яз.).

Чжан Вэньсюй, **Сян Аньцян**, **Цю Личэн**, **Сяо Дунфан.** Шися ичжи M104 гу дао фукэ инькэнь яньцзю [Исследование отпечатков шелухи древнего риса в могиле M104 на памятнике Шися] // Хуанань нунъе дасюэ сюэбао [Науч. доклады Южно-Кит. с/х ун-та]. – 2007. – Т. 28, № 2. – С. 20–23 (на кит. яз.).

Чжан Вэньсюй, Сян Аньцян, Цю Личэн, Ян Шитин, Сяо Дунфан. Гуандун Цюйцзян Маба Шися ичжи гу дао яньцзю [Исследование древнего риса с памятника Шися, пос. Маба, округ Цюйцзян, пров. Гуандун] // Цзо'у сюэбао [Науч. доклады по с/х культурам]. – 2011. – № 11. – С. 1695–1698 (на кит. яз.).

Чжао Хуй, Ли Янь. Шися ичжи юй гуандун синь шици щидай каогу [Памятник Шися и археология неолита пров. Гуандун] // Вэньбо сюэкань. – 2022. – № 4. – С. 6–11 (на кит. яз.).

Чжоу ли: Чуньгуань цзунбо [Чжоуские ритуалы: Весенние чиновники] // Chinese Text Project. – URL: https://ctext.org/rites-of-zhou/chun-guan-zong-bo (на кит. яз.). (дата обращения: 01.08.2024).

Чжу Фэйсу. Шилунь Шися ичжи юй Чжуцзян саньцзяочжоу гу вэньхуадэ гуаньси [Предварительное обсуждение культурных связей между памятником Шися и древними культурами дельты Чжуцзяна] // Гуандуншэн вэньу каогу яньцзюсо цзяньсо шичжоунянь вэньцзи [Сб. статей к 10-летнему юбилею основания Ин-та археологии и памятников мат. культуры пров. Гуандун]. – Гуанчжоу: Линнань мэйшу чубаньшэ, 2001. – С. 24–63 (на кит. яз.).

Чжунго каогусюэ: Синьшици шидай цзюань / Жэнь Шинань, У Яоли чжубянь [Китайская археология: Неолит / отв. ред. Жэнь Шинань, У Яоли]. – Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэюань чубаньшэ, 2010. – Т. 6, № 16. – 850 с. (на кит. яз.).

Ян Шитин. Таньтань Шися фасяньдэ цзайпэй дао ицзи [Обсуждение остатков культивированного риса, найденных

на памятнике Шися] // Вэньу. – 1978. – № 7. – С. 23–28 (на кит. яз.).

An Zhimin. Archaeological research on Neolithic China // Current Anthropology. – 1988. – Vol. 29, N 5. – P. 753–759.

Barker R. The origin and spread of early-ripening Champa rice: Its impact on Song Dynasty China // Rice. – 2011. – N 4. – P. 184–186.

Chau Hing-wah. Pluralistic Development and Cultural Interaction: A study of the Assimilation into the Han Chinese Civilization of the Ancient Yue Culture in the Pearl River Delta and the Ancient Shu Culture in Sichuan Province (Abstract) // Site of Hong Kong Heritage Museum. – [17.06.2009] – URL: https://hk.heritage.museum/documents/doc/en/downloads/materials/Article-on-Sanxingdui-and-Jinsha-Exhibition_E.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

Han Enrui. Study on Rice Agriculture and Civilization Process in Lingnan // 7th International Conference on Social Science, Education and Humanities Research (SSEHR 2018). – Xi'an: Francis Academic Press, 2018. – P. 76–80.

Wu Chunming. The prehistoric maritime frontier of Southeast China: Indigenous Bai Yue and their oceanic dispersal. – Singapore: Springer Nature Singapore, 2021. – 264 p.

Yang Xiaoyan, Wang Weiwei, Zhuang Yijie, Li Zhao, Ma Zhikun, Ma Yongchao, Cui Yong, Wei Jun, Fuller D.Q. New radiocarbon evidence on early rice consumption and farming in South China // The Holocene. – 2016. – Vol. 27, iss. 7. – P. 1–7.

References

An Zhimin. Archaeological research on Neolithic China. *Current Anthropology*, 1988. Vol. 29, No. 5. P. 753–759.

Barker R. The origin and spread of early-ripening Champa rice: Its impact on Song Dynasty China. *Rice*, 2011. No. 4. P. 184–186.

Chau Hing-wah. Pluralistic Development and Cultural Interaction: A study of the Assimilation into the Han Chinese Civilization of the Ancient Yue Culture in the Pearl River Delta and the Ancient Shu Culture in Sichuan Province (Abstract). In *Site of Hong Kong Heritage Museum*, [17.06.2009]. URL: https://hk.heritage.museum/documents/doc/en/downloads/materials/Article-on-Sanxingdui-and-Jinsha-Exhibition_E.pdf (Accessed: 01.08.2024).

Gu Yunquan. Lun Shixia wenhua yu Jiangxi Province xinshiqi shidai wanqi wenhua yicunzhijiande guanxi [On the contacts between Shixia Culture and the sites of the Neolithic late period in Jiangxi Province]. In *Guangdongsheng wenwu kaogu yanjiusuo jiansuo shizhounian wenji [Collection of papers to 10 years' jubilee of the Inst. of archaeology and cultural relics of Guangdong Province]*. Guangzhou: Lingnan meishu chubanshe, 2001. P. 64–84. (In Chin.).

Han Enrui. Study on Rice Agriculture and Civilization Process in Lingnan. In *7th International Conference on Social Science, Education and Humanities Research (SSEHR 2018)*. Xi'an: Francis Academic Press, 2018. P. 76–80.

He Guojun. Cong Shixia kaogu kan Lingnan zaoqi gu wenhuade tuzhuxin ji duoyuan wenhuade ronghe [On the example of the archaeological materials of Shixia some consideration of compounds of aboriginality with many other components in the cultures of the early period in Lingnan]. *Zhongguo shehui jingji shi yanjiu [The Journal of Chinese Social and Economic History]*, 2010. No. 2. P. 89–93. (In Chin.).

Huang Zhenwei. Shixia wenhua taoqi zaoxing yu wenshi "pusu mei" tanxi [Studies of "simple beauty" of pottery modeling and patterns of Shixia Culture]. *Yishu baijia [Hundred schools in art]*, 2014. Additional issue. P. 109–111. (In Chin.).

Jing Yaqin, Li Yan. Shixia yizhi shixia wenhua ercizangsui zai renshi [New data about secondary burial ritual of Shixia Culture at Shixia site]. *Wenbo xuekan [Journal of Archaeology and Museology]*, 2022. No. 4. P. 26–39. (In Chin.).

Li Jiahe, **Yang Juyuan**, **Liu Shizhong.** Zai lun Fenchengdui–Shixia wenhua: Er tan Jiangxi xin shiqi wanqi wenhua [Reconsideration of Fenchengdui–Shixia Culture: A discussion on the Late Neolithic cultures of Jiangxi Province]. *Dongnan wenhua [Culture of South-East China]*, 1989. No. 3. P. 156–173. (In Chin.).

Li Yan / Li Pai (interviewer). Xunzhao Xia Shang shiqi Guangdong yuanshici yaozhi: jianli Shixia wenhua juedui nianduibiao [Investigations of the kiln for burning primitive porcelain: a basis of Shixia Culture absolute chronology table] // *Nanfang dushi bao [Newspaper of Southern cities]*; on the inform portal Tencent. 20.11.2022. URL: https://new.qq.com/rain/a/20221120A00E6O00 (In Chin.). (Accessed: 01.08.2024).

Li Yan. Dui Shixia wenhuade ruogan zai renshi [On the several aspects of the new knowledge about Shixia Culture]. *Wenwu [Cultural Relics]*, 2011. No. 5. P. 48–54. (In Chin.).

Liu Xiaoqiang. Er ling er san niandu quanguo kaogu da xin faxian: Guangdong Yinde Yanshanzhai yizhi [Ten new the most outstanding all-Chinese discoveries in 2023: A site of Yanshanzhai in Yinde County, Yunnan Province]. *Site of the National cultural heritage administration*, 2024. URL: http://www.ncha.gov.cn/art/2024/3/27/art_2760_187894.html. (In Chin.). (Accessed: 01.08.2024).

Moskal'kov S.P. Kul'tura risa. *Geography*, 2010. No. 6. P. 15–17. (In Russ.).

Ren Shinan, Wu Yaoli (eds.). Zhongguo kaogu: Xinshiqi shidai juan [Chinese Archaeology: Neolithic]. Beijing: Zhongguo shehui kexueyuan chubanshe, 2010. Vol. 6, No. 16. 850 p. (In Chin.).

Su Bingqi. Shixia wenhua chulun [Preliminary discussion about Shixia Culture]. *Wenwu [Cultural Relics]*, 1978. No. 7. P. 16–22. (In Chin.).

Sun Zifa. Xianggang xuezhe: Liangzhu yuqi ceng fushe nanchuan Zhusanjiao ji Xianggang yan'an [Hong Kong scholar: jade implements of Liangzhu Culture, spreading in different directions, reached Zhujiang Delta and Hong Kong coast in the south]. *Global Times-online; public depository "Baijiahao"*, 12.07.2019. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1638812073762890176&wfr=spider&for=pc (In Chin.). (Accessed: 01.08.2024).

Wu Chunming. The prehistoric maritime frontier of Southeast China: Indigenous Bai Yue and their oceanic dispersal. Singapore: Springer Nature Singapore, 2021, 264 p.

Wu Wei. Jiemi shiqian lingnanrende chichuan yongde [Disclosure of the expenses on food and clothing of the prehistoric Lingnan population]. *Guangming ribao*, 17.02.2022. P. 13. (In Chin.).

Xia Xiumin, **Zhang Ping**, **Wu Yan.** Guangdong Zhujiang sanjiaozhou diqu Chaling yizhide shuidao yicun fenxi [The analysis of irrigated rice remains from the Chaling site in the Pearl River Delta, Guangdong Province]. *Disiji yanjiu [Quaternary Sciences]*, 2019. Vol. 39, No. 1. P. 24–36. (In Chin.).

Yang Shiting. Tantan Shixia faxiande zaipeide dao yiji [Discussion on the remains of cultivated rice found at Shixia site]. *Wenwu [Cultural Relics]*, 1978, No. 7. P. 23–28. (In Chin.).

Yang Xiaoyan, Wang Weiwei, Zhuang Yijie, Li Zhao, Ma Zhikun, Ma Yongchao, Cui Yong, Wei Jun, Fuller D.Q. New radiocarbon evidence on early rice consumption and farming in South China. *The Holocene*, 2016. Vol. 27, iss. 7. P. 1–7.

Zhang Wenxu, Xiang Anqiang, Qiu Licheng, Xiao Dongfang. Shixia yizhi M104 gu dao fuke yinken yanjiu [Investigations of the husk impressions of ancient rice from M104 burial of Shixia site]. *Huanan nongye daxue xuebao [Scientific reports of South China Agricultural University]*, 2007. Vol. 28. No. 11. P. 20–23. (In Chin.).

Zhang Wenxu, Xiang Anqiang, Qiu Licheng, Yang Shiting, Xiao Dongfang. Guangdong Qujing Maba Shixia yizhi gu dao yanjiu [Investigations of ancient rice from Shixia site, Maba town, Qujing district, Guangdong Province]. *Zuowu xuebao [Scientific reports on crops]*, 2011. No. 11. P. 1695–1698. (In Chin.).

Zhao Hui, Li Yan. Shixia yizhi yu Guangdong xin shiqi shidai kaogu [Shixia site and Neolithic archaeology in Guangdong Province]. *Wenbo xuekan [Journal of Archaeology and Museology]*, 2022. No. 4. P. 6–11. (In Chin.).

Zhou Li: Chunguan zongbo [Rites of Zhou: Offices of Spring]. In *Chinese Text Project*. URL: https://ctext.org/rites-of-zhou/chun-guan-zong-bo (In Chin.). (Accessed: 01.08.2024).

Zhu Feisu. Shilun Shixia yizhi yu Zhujiang sanjiaozhou gu wenhuade guanxi [Preliminary discussion on cultural contacts between Shixia site and ancient cultures in Zhujiang Delta]. In *Guangdongsheng wenwu kaogu yanjiusuo jiansuo shizhounian wenji [Collection of papers to 10 years' jubilee of the Inst. of archaeology and cultural relics of Guangdong Province]*. Guangzhou: Lingnan meishu chubanshe, 2001. P. 24–63. (In Chin.).

Комиссаров С.А. https://orcid.org/0000-0002-7657-054x

Дата сдачи рукописи: 20.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0545-0550
УДК 904(510.1)02

С.А. Комиссаров✉, М.А. Кудинова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: sergai@mail.ru

К археологии Фуюй (Пуё): краткий историографический обзор

В статье представлен краткий обзор концепций, связанных с поиском археологического субстрата народа фуюй и созданного им раннесредневекового государства Фуюй (Пуё), о которых повествуют практически одновременные им китайские летописи и более поздние корейские письменные источники. Основная проблема заключается в определении эталонных для культуры фуюй памятников, к которым в настоящее время принято относить могильники Маоэршань, Лаохэшэнь и Ламадун. Однако этнокультурная атрибуция памятников Лаохэшэнь и Ламадун остается дискуссионной, не исключена их принадлежность сяньбэй. Полный отчет о раскопках Маоэршэнь пока не опубликован, что затрудняет интерпретацию данных этого памятника. Кроме того, материалы этих могильников содержат значительные примеси и/или влияния других культур (этносов): в первую очередь, сяньбэйцев, а также ханьцев и, вероятно, когурёсцев. Другой важной проблемой является поиск истоков культуры фуюй. В настоящее время наиболее вероятными предками фуюй археологи считают культуры ситуаньшань, байцзиньбао и культуру 2-го периода Ханьшу, что не полностью согласуется с данными письменных источников. Значительный вклад в изучение данной ситуации внес американский исследователь Марк Байингтон, хотя некоторые его выводы носят дискуссионный характер. К тому же, с момента написания его монографии были открыты новые памятники и предложена их интерпретация. Таким образом, проблема этнокультурной и этнополитической атрибуции археологических памятников Маньчжурии и севера Кореи сохраняет актуальность, в т.ч. для последующего сопоставления с материалами сопредельных территорий Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: *Фуюй (Пуё)*, *археология Маньчжурии (Дунбэя)*, *сяньбэй*, *Когурё*, *могильник Лаохэшэнь*, *могильник Ламадун.*

S.A. Komissarov✉, M.A. Kudinova

Institute of Archaeology and Ethnography
Novosibirsk, Russia
E-mail: sergai@mail.ru

On Archaeology of Fuyu (Puyŏ): Brief Historiographical Overview

The article provides a brief overview of concepts related to the search for the archaeological substratum of the Fuyu people and the established early medieval Fuyu (Puyŏ) state, which were narrated by almost contemporaneous Chinese chronicles and later Korean written sources. The main problem lies in defining the reference archaeological sites for the Fuyu culture, to which Maoershan, Laoheshen, and Lamadong cemeteries are currently attributed. However, the ethnocultural attribution of the Laoheshen and Lamadong cemeteries remains debatable; their affiliation with Xianbei is not excluded. A full report of the Maoershen excavations has not yet been published, which situation hampered interpretation of the relevant data. In addition, the materials of these cemeteries contain significant admixtures and/or influences of other cultures (ethnic groups): primarily, the Xianbei, as well as Han and probably Goguryeo. Another important problem is to identify the origins of Fuyu culture. At present, the Xituanshan, Baijinbao, and the 2nd period of Hanshu cultures are considered as the most probable Fuyu ancestors, which idea does not entirely conform to written sources. A significant contribution to the study of this situation was made by the American researcher Mark Byington, although some of his conclusions are controversial. In addition, since the publication of his monograph, new archaeological sites have been discovered and their interpretation proposed. Thus, the problem of ethnocultural and ethnopolitical attribution of archaeological complexes of Manchuria and northern Korea remains relevant, in particular for the comparison with materials from neighboring regions of Siberia and Russian Far East.

Keywords: *Fuyu (Puyŏ)*, *archaeology of Manchuria (Dongbei)*, *Xianbei*, *Goguryeo*, *Laoheshen cemetery, Lamadong cemetery.*

Народ (государство) фуюй, известный также под корейским названием пуё, впервые упоминается в «Исторических записках» Сыма Цяня в связке с уханями в контексте событий конца Чжаньго (ок. III в. до н.э.) [Сыма Цянь, 2010, с. 303]. Для эпохи Хань уже имеется раздел о народе фуюй в «Истории Поздней

Хань», составленной Фань Е, где приводятся не только общие сведения, но и этногенетическая легенда об основателе государства Дун Мине (Тонмёне)*, которая содержится также в главе «Цзи янь» (Благоприятное исполнение) трактате Ван Чуна «Лунь хэн»**. Это предание унаследовали и Когурё, и Пэкче, «чтобы создать респектабельную родословную» [Bayington, 2016, p. 277]. Оно было включено в «Исторические записи трех государств» (Самгук саги) Ким Бусика и прочно вошло в корейскую историографию (см.: [Джарылгасинова, 1979, с. 97–108; Ан Сан Хун, Кабирова, 2018; и др.]). Подробное описание Фуюй содержится в главе об ухуанях, сяньбэй и восточных *и* в разделе «История Вэй» летописи «Саньго чжи»***. Этот текст был переведен на русский язык Н.В. Кюнером [1961, с. 228–231], и поэтому постоянно использовался российскими учеными, писавшими о древнем прошлом Дальнего Востока. Дальнейшая история народа фуюй, создавшего самое раннее государство в регионе, вплоть до конца V в. возникает на страницах других средневековых хроник (см.: [Кычанов, 1997, с. 68–72]). Его жизнедеятельность протекала в рамках современной пров. Цзилинь и северной части пров. Ляонин, а «домен» располагался в бассейне верхнего течения р. Сунгари. Это могло бы служить хорошей подсказкой при атрибуции археологических памятников данного региона в указанный период. Однако в ту же эпоху на территории Южной и Центральной Маньчжурии действовали и другие народы, прежде всего, сяньбэйцы и когурёсцы, постоянно взаимодействовавшие как с фуюй, так и между собой, поэтому атрибуция ряда памятников до сих пор носит дискуссионный характер.

Первым базовым памятником, соотносимым с фуюй, стал могильник Лаохэшэнь в уезде Юйшу пров. Цзилинь (см.: [Комиссаров, 1996]). Он был открыт в 1980 г., раскопки завершились летом 1981 г., краткий отчет с публикаций нескольких представительных погребений вышел в 1985 г. [Чжан Ин, Ван Ся, Хэ Мин, 1985], полный – в 1987 г. [Юйшу лаохэшэнь, 1987]. На памятнике выделены три слоя: в раннем обнаружены два жилища культуры ситуаньшань, в позднем – 37 мохэских погребений. Наиболее многочисленные объекты среднего слоя (128 могил) стали предметом дискуссии, продолжающейся до сих пор. Некоторые из авторов раскопок посчитали эти погребения сяньбэйскими на основании данных летописей и аналогий с могильником Чжалайнор во Внутренней Монголии. Наиболее ярким проявлением близости этих памятников, по их мнению, стали находки украшений, в т.ч. пряжки с крылатым единорогом [Чжан Ин, Ван Ся, Хэ Мин, 1985; Юйшу лаохэшэнь, 1987]. Однако практически сразу Ли Дяньфу [1985] высказал точку зрения о принадлежности среднего слоя Лаохэшэнь культуре фуюй. Именно этот исследователь впервые поставил проблему выявления археологических следов фуюйской общности и предложил свою концепцию периодизацию культуры фуюй: предками он считал носителей культуры байцзиньбао, ранний этап соотносил с культурой 2-го периода памятника Ханьшу, а период расцвета – с материалами среднего слоя Лаохэшэнь. Эта концепция стала базовой для периодизации культуры фуюй и до сих пор не утратила своего значения. Кроме того, фуюйскую версию поддержали несколько участников раскопок Лаохэшэнь. Они сопоставили вещевой комплекс памятника с материалами могильников Чжалайнор и Сичагоу, однако специфика керамики Лаохэшэнь (прежде всего, крупные горшковидные сосуды с двумя ушками) и обильные находки сельскохозяйственных орудий, по их мнению, не позволяют отнести средний слой Лаохэшэнь к культуре кочевников-сяньбэй. Обнаруженные же оружие и украшения, характерные для сяньбэй, могли попасть к фуюй в результате контактов и обменов [Лю Цзинвэнь, Пан Чжиго, 1986]. В последующие годы эту точку зрения поддержал ряд крупных китайских археологов (Линь Юнь, Тянь Ликунь, Пань Лин, Вэй Чжэн и др.), и именно она закрепилась в историографии в качестве доминирующей, хотя и не единственной****. Поскольку через аналогии к Лаохэшэнь был привязан целый ряд археологических объектов, то их также перевели в разряд фуюйских. В настоящее время находки из Лаохэшэнь, Маоэршань и других памятников выставляются в Музее пров. Цзилинь как принадлежащие к культуре Фуюй [Постников, 2020, с. 66–67].

Могильник Ламадун в уезде Бэйпяо городского округа Чаоян пров. Ляонин, где исследовано 420 погребений периода Трех царств Янь (337–370, 384–407, 407–436 гг.), – это крупнейший на сегодняшний день погребальный памятник той эпохи. Он открыт

---

* **«Хоу Хань шу».** Лечжуань: Дунъи лечжуань [История Поздней Хань. Повествования: повествование о восточных *и*] // Портал «Ханьчэн ван: Госюэ баодянь» [Ханьский устав онлайн: Драгоценная классика китаеведения]. – URL: https://guoxue.httpcn.com/html/book/TBMEXVPW/ILILKOTB.shtml (на кит. яз.). (Дата обращения: 15.08.2024).

** **«Лунь хэн».** Цзюань эр [Взвешивание рассуждений. Кн. 2] // Портал «Ханьчэн ван: Госюэ баодянь» [Ханьский устав онлайн: Драгоценная классика китаеведения]. – URL: https://guoxue.httpcn.com/html/book/CQILMEPW/TBPWPWXVIL.shtml (на кит. яз.). (Дата обращения: 15.08.2024).

*** **Саньго чжи:** Вэйшу саньши: Ухуань сяньбэй дунъи чжуань [История Троецарствия: История Вэй: Повествование об ухуань, сяньбэй, дунъи] // Портал «Ханьчэн ван: Госюэ баодянь» [Ханьский устав онлайн: Драгоценная классика китаеведения]. – URL: https://guoxue.httpcn.com/html/book/TBMEXVIL/ILILMECQ.shtml (на кит. яз.). (Дата обращения: 15.08.2024).

**** Этнокультурная атрибуция и датировка материалов среднего слоя памятника Лаохэшэнь будут рассмотрены нами в отдельной публикации.

в 1992 г., раскопки велись в 1993–1998 гг. В 2004 г. издан отчет о раскопках, куда вошли данные по 369 погребениям, материалы 16 важнейших комплексов опубликованы полностью [Вань Синь, 2004]. Автор отчета охарактеризовал могильник как принадлежащий мужунам-сяньбэй, испытавшим заметное ханьское влияние и впитавшим некоторые элементы культуры фуюй [Там же, с. 235]. Ранее Тянь Ликунь [2003] предложил фуюйскую атрибуцию этого памятника. Серия антропологических и палеогенетических исследований, проведенных для могильника Ламадун, выявила существенное отличие захороненных там людей от основной сяньбэйской линии. Согласно полученным результатам, создатели культуры Трех Янь оказались близки представителям, в первую очередь, дунбэйской (предположительно, фуюйской) и восточноазиатской (вероятно, ханьской) группы, при некотором влиянии монгольской (сяньбэйской), а из числа современных этносов – монголоязычным даурам [Чжу Хун и др., 2012; Чэнь Шань, 2013], что послужило важным аргументом в пользу «фуюйской» версии. Возможно, часть захоронений на могильнике принадлежала фуюйским солдатам и их женам, которых захватили и переселили мужуны после разгрома Фуюй в 285 г. для передачи победителям технологии производства железа [Bayington, 2016, p. 134].

Значительным шагом в изучении культуры фуюй/пуё в Китае и Корее стала защита в Цзилиньском университете докторской (PhD) диссертации корейским исследователем Ли Чжонсу [2004]. В работе собраны все доступные на тот момент материалы по археологии фуюй (67 городищ, поселений и могильников), прослежены истоки их культуры от культур ситуаньшань и 2-го периода Ханьшу, проанализированы отношения с соседними этнокультурными общностями. С появлением новых материалов их комплексное исследование было проведено в магистерской диссертации Лю Чуна [2014]. Автор в целом следует сложившейся традиции и находит истоки культуры фуюй, прежде всего, в материалах культуры ситуаньшань при влиянии байцзиньбао и 2-го периода Ханьшу; ранний период фуюйской общности он соотносит с памятниками типа Паоцзыянь («предфуюйская культура»), периоду расцвета фуюй соответствуют погребения среднего слоя Лаохэшэнь, периоду упадка – часть погребений могильника Ламадун эпохи Трех Янь.

На сегодняшний день наиболее полное обобщение археологических исследований памятников фуюй выполнено М. Байингтоном в докторской диссертации, защищенной в Гарварде в 2003 г. и опубликованной в виде монографии в 2016 г. [Byington, 2016]. Он связал становление культуры пуё (фуюй) с культурной общностью ситуаньшань, но не прямо, а через промежуточные культуры, которые подверглись яньско-ханьскому и сюнну-сяньбэйскому влиянию. К фуюйским памятникам он относит Лаохэшэнь, Маоэршань, Ламадун и др., а также укрепленные поселения от Шанхэвань на севере до Цинъюань на юге. Развитие фортификации свидетельствует о возникновении государства Пуё уже в период Западной Хань (в I в. до н.э.), на сто и более лет раньше, чем считалась до того [Ibid., p. 211]. Первой столицей государства, строительство которой знаменовало выход общности фуюй на уровень государства [Ibid., p. 139], стало городище Дунтуаньшань на восточном берегу р. Сунгари, в районе современного г. Цзилинь (Гирин) (см. также: [Фэн Эньсюэ, Чжао Дунхай, 2022, с. 48–51]). Вероятно, с остатками столичных построек связаны многочисленные находки узорных кирпичей и черепичных дисков на близлежащем городище Юнъань [Каогу, 2020].

Столь масштабный труд вызвал восторженный отклик в научной периодике. К примеру, М. Бэйл характеризовал книгу «как первую – для всех языков – историю происхождения, развития и упадка государства Пуё в контексте истории древней Северо-Восточной Азии» [Bale, 2017, p. 434]; Дж. Барнес назвала ее «истинной золотой шахтой информации» по данным вопросам [Barnes, 2017, p. 361], а Н. Баррос – «академическим триумфом» [Barros, 2017]. В многочисленных рецензиях отмечались существенные достижения в сопоставлении письменных и археологических источников [Stoyakin, 2018, p. 303; Bae, 2017]), саму возможность которого М. Байингтон воспринимал как «великую милость» [Byington, 2016, p. 229], не часто выпадающую в изучении древней истории. Р. Макбрайд подчеркнул, что автор, исследуя фортификационную систему Фуюй, определил его границы, охватывавшие не только центральную часть современной пров. Цзилинь, но и северо-восточную часть Ляонина [McBride, 2017].

Однако ряд положений, высказанных М. Байингтоном, оспариваются китайскими авторами. Например, Ли Дэшань и Ли Лу [2018] полагают, что культура ситуаньшань слишком примитивна, чтобы связывать ее с фуюй, которые, судя по описаниям в летописях, достигли уровня цивилизации, и относилась, скорее всего, к сушэням. Эти же авторы считают, что первый город (столица) государства Фуюй располагался не возле г. Цзилинь, а дальше к западу, в районе г. Нунъань. При этом возникает парадоксальная ситуация: в этом районе, вычисленным по письменным источникам, пока не найдено крупных поселений периода поздней Древности – раннего Средневековья, тогда как в Дунтуаньшань раскопаны оборонительные сооружения, фундаменты домов, строительные материалы, связанные с престижной застройкой.

Проблема возможной связи фуюй с культурой 2-го периода Ханьшу, выявленной в верхнем слое базового памятника (в нижнем слое – остатки поселения бронзового века), также не получила пока однозначного решения. Эта культура, датирован-

ная периодом от Чжаньго до Западной Хань (т.е. в основном IV–I вв. до н.э.), имеет архаичный облик при относительно бедном инвентаре, демонстрирующем большее сходство с материалами предшествующей неолитической эпохи, а не последующей раннесредневековой. Очевидно, поэтому китайские авторы связывают ее не только с жизнедеятельностью предков фуюй, но и, возможно, вэймо (ёмэк), а также с происхождением когурё, сушэнь и дунху [Ханьшу ичжи, 2022]. Существует также мнение, что нижний слой Ханьшу относится к вэймо, ответвлением от которых и являются фуюй [Сун Дэхуй, 2013]. В настоящее время несколько памятников в провинциях Цзилинь и Хэйлунцзян по керамическому инвентарю отнесены к культуре 2-го периода Ханьшу [Чжао Биньфу, 2009], между их создателями выявлена близость по основным антропологическим показателям [Сяо Сяомин, Чжу Хун, 2015], что не исключает возможность различной этнической атрибуции (напр., сяньбэйской или ухуаньской) [Ми Вэньпин, 1999].

Таким образом, в исследовании археологии фуюй сохраняется проблема, которую на примере аналогичных находок на смежной территории Внутренней Монголии сформулировал А.В. Варенов [2019, с. 42]: перед исследователями «в полный рост встает проблема отделения сяньбийских (в широком смысле слова) памятников от памятников фуюй (пуё), сюнну (хунну) и других соседних народов», а для юго-восточных районов добавим: ухуань и когурё. Задача совместить археологические находки со сложной политической и этнической историей Маньчжурии и Северной Кореи сохраняет свою актуальность.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-78-10121, https://rscf.ru/project/22-78-10121.

Список литературы

Ан Сан Хун, **Кабирова А.Ж.** Общие характеристики корейских легенд об основании государств // Вестн. Евраз. нац. ун-та им. Л.Н. Гумилева. Сер.: Полит. науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. – 2018. – № 4. – С. 68–73.

Вань Синь. Ляонин бэйпяо ламадун муди 1998 нянь фацзюэ баогао [Отчет о раскопках могильника Ламадун в Бэйпяо, Ляонин, в 1998 г.] // Каогу сюэбао. – 2004. – № 2. – С. 209–242, вкл. 7–20 (на кит. яз.).

Варенов А.В. Обзор погребальных памятников сяньбийского времени на территории Внутренней Монголии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2019. – Т. 18. – № 4: Востоковедение. – С. 30–50.

Джарылгасинова Р.Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики («Стела Квангэтхована»). – М.: ГРВЛ, 1979. – 182 с.

Каогу: Цзилиньши фасянь далян фуюй вэньхуа ицзи [Археология: в г. Цзилинь найдено большое количество остатков культуры фуюй] // Агентство Синьхуа онлайн. – 25.12.2020. – URL: https://www.sohu.com/a/440501776_120051348 (на кит. яз.). (дата обращения: 15.08.2024).

Комиссаров С.А. Сяньбэйский могильник Лаохэшэнь // 27-я науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. – М.: ГРВЛ, 1996. – С. 24–28.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М.: Вост. лит. РАН, 1997. – 319 с.

Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 391 с.

Ли Дэшань, **Ли Лу.** Фуюй ванчэн цзи хань вэньхуа инсян лунь [О городе фуюйского вана и влиянии ханьской культуры] // Цзилинь дасюэ шэхуй кэсюэ сюэбао. – 2018. – № 3. – С. 98–107 (на кит. яз.).

Ли Дяньфу. Ханьдай фуюй вэньхуа чуи [Соображения по поводу культуры фуюй эпохи Хань] // Бэйфан вэньу. – 1985. – № 3. – С. 9–15 (на кит. яз.).

Ли Чжонсу. Фуюй вэньхуа яньцзю [Исследование культуры Фуюй] / Цзилиньский ун-т: дис. ... д-ра наук. – Чанчунь, 2004. – 307 с. (на кит. яз.).

Лю Цзинвэнь, Пан Чжиго. Цзилинь юйшу лаохэшэнь муцзанцюнь цзушу таньтао [Исследование этнической принадлежности могильника Лаохэшэнь в Юйшу, Цзилинь] // Бэйфан вэньу. – 1986. – № 1. – С. 23–25 (на кит. яз.).

Лю Чун. Фуюй вэньхуадэ юаньюань юй фуюй вэньхуа фэньци яньцзю [Изучение происхождения и периодизации культуры Фуюй] / Нанкинский ун-т: дис. ... магистра. – Нанкин, 2014. – 98 с. (на кит. яз.).

Ми Вэньпин. Пинъян муцзан вэй ухуань ицзи лунь [Концепция принадлежности могильника Пинъян к ухуаньским памятникам] // Бэйфан вэньу. – 1999. – № 3. – С. 55–62 (на кит. яз.).

Постников В.В. История Северо-Восточного Китая в экспозиции Музея провинции Цзилинь // Российско-китайские исследования. – 2020. – Т. 4, № 1. – С. 64–73.

Сун Дэхуй. Байчэн цинтунци шицидэ вэньхуа няньдай цзи сяньминьдэ цзушу [Хронология культуры периода бронзовых изделий в Байчэн, а также этническая принадлежность народа-предков] // Байчэн жибао онлайн. – 23.07.2013. – URL: http://bcrbszb.bcxww.com/html/2018-07/23/content_70991.htm (на кит. яз.). (дата обращения: 15.08.2024).

Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи: [В 9 т.] / пер. с кит. и коммент. под ред. А.Р. Вяткина. – М.: Вост. лит., 2010. – Т. 9. – 623 с.

Сяо Сяомин, **Чжу Хун.** Ханьшу эрци вэньхуа цзюйминьдэ чжунцзун лэйсин цзи сянгуань вэньти [Этнические типы населения культуры второго периода Ханьшу и связанные с ними вопросы] // Бяньцзян каогу яньцзю. – 2015. – № 1. – С. 373–384 (на кит. яз.).

Тянь Ликунь. Гуаньюй бэйпяо ламадун саньянь вэньхуа мудидэ цзигэ вэньти [Некоторые вопросы по поводу могильника культуры Трех Янь в Ламадун, уезд Бэйпяо] // Ляонин каогу вэньцзи [Сб. статей по археологии Ляонина]. – Шэньян: Ляонин миньцзу чубаньшэ, 2003. – С. 263–267 (на кит. яз.).

Фэн Эньсюэ, **Чжао Дунхай.** Фуюй фучэн юй хуанлун фучэндэ чэнчжи бяньцянь [Процесс развития городища административного центра Фуюй и административного центра Хуанлун] // Чжунго лиши дили луньцун. – 2022. – № 3. – С. 48–57 (на кит. яз.).

Ханьшу ичжи [Памятник Ханьшу] // Байду байкэ (эл. энцикл.). – 21.09.2022. – URL: https://baike.baidu.com/item/汉书遗址/9018535?fr=aladdin (на кит. яз.). (дата обращения: 15.08.2024).

Чжан Ин, **Ван Ся**, **Хэ Мин.** Цзилинь юйшусянь лаохэшэнь сяньбэй муцюнь буфэнь муцзан фацззюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках части погребений на сяньбэйском памятнике Лаохэшэнь, уезд Юйшу, пров. Цзилинь] // Вэньу. – 1985. – № 2. – С. 68–82 (на кит. яз.).

Чжао Биньфу. Ханьшу эрци вэньхуа яньцзю – ичжи цайляо хэ муцзан цайляодэ фэньси юй чжэнхэ [Изучение культуры второго периода Ханьшу – анализ и упорядочение материалов памятника и материалов могильника] // Бяньцзян каогу яньцзю. – 2009. – № 1. – С. 98–116 (на кит. яз.).

Чжу Хун, **Цэн Вэнь**, **Чжан Цюаньчао**, **Чэнь Шань**, **Чжоу Хуй.** Ламадун саньянь вэньхуа цзюйминь шу вэньтидэ шэнъу каогу каоча [Изучение с помощью биологической археологии вопросов, относящихся к населению культуры Трех Янь на памятнике Ламадун] // Цзилинь дасюэ шэхуй кэсюэ сюэбао. – 2012. – Т. 52, № 1. – С. 44–51 (на кит. яз.).

Чэнь Шань. Ламадун муди саньянь вэньхуа цзюйминь жэньгу яньцзю [Изучение костей насельников культуры Трех Янь, могильник Ламадун]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2013. – 254 с. (на кит. яз.).

Юйшу лаохэшэнь [Могильник Лаохэшэнь в уезде Юйшу]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1987. – 171 с. (на кит. яз.).

Bae C.J. [Review] // China Review International. – 2015 (2017). – Vol. 22, N 3&4. – P. 180–182. – Book review: Byington M.E. The Ancient State of Puyŏ in Northeast Asia: Archaeology and Historical Memory. – Cambridge MA; London: Harvard University Asia Center, 2016. – 398 p.

Bale M.T. [Review] // J. of Interdisciplinary History. – 2017. – Vol. 48, N 3. – P. 434–435. – Book review: Byington M.E. The Ancient State of Puyŏ in Northeast Asia: Archaeology and Historical Memory. – Cambridge MA; London: Harvard University Asia Center, 2016. – 398 p.

Barnes G.E. [Review] // J. of Chinese Studies. – 2017. – N 65. – P. 355–361. – Book review: Byington M.E. The Ancient State of Puyŏ in Northeast Asia: Archaeology and Historical Memory. – Cambridge MA; London: Harvard University Asia Center, 2016. – 398 p.

Barros N. [Review] // World Archaeology (online). – 20.07.2017. – Book review: Byington M.E. The Ancient State of Puyŏ in Northeast Asia: Archaeology and Historical Memory. – Cambridge MA; London: Harvard University Asia Center, 2016. – 398 p. – URL: https://www.world-archaeology.com/books/cwa-84-new-book-reviews (Accessed: 15.08.2024).

Byington M.E. The Ancient State of Puyŏ in Northeast Asia: Archaeology and Historical Memory. – Cambridge MA; London: Harvard University Asia Center, 2016. – Vol. XV. – 398 p.

McBride R.D. [Review] // International J. of Korean History. – 2017. – Vol. 22, N 2. – P. 183–187. – Book review: Byington M.E. The Ancient State of Puyŏ in Northeast Asia: Archaeology and Historical Memory. – Cambridge MA; London: Harvard University Asia Center, 2016. – 398 p.

Stoyakin M. [Review] // Canadian J. of Archaeology/ Journal canadien d'archéologie. – 2018. – Vol. 42, iss. 2. – P. 301–303. – Book review: Byington M.E. The Ancient State of Puyŏ in Northeast Asia: Archaeology and Historical Memory. – Cambridge MA; London: Harvard University Asia Center, 2016. – 398 p.

References

An San Khun, **Kabirova A.Zh.** Obshchie kharakteristiki koreiskikh legend ob osnovanii gosudarstv. *Vestnik Evraziuskogo natsional'nogo universitrta im. L.N. Gumileva. Seriya: Polit. nauki. Regionovedenie. Vostokovedenie. Tyurkologiya*, 2018. No. 4. P. 68–73. (In Russ.).

Bae C.J. [Review]. *China Review Intern.*, 2015 (2017). Vol. 22, No. 3&4. P. 180–182. (Book review: Byington M.E. The Ancient State of Puyŏ in Northeast Asia: Archaeology and Historical Memory. Cambridge MA; London: Harvard University Asia Center, 2016. 398 p.).

Bale M.T. [Review]. *J. of Interdisciplinary History*, 2017. Vol. 48, No. 3. P. 434–435. (Book review: The Ancient State of Puyŏ in Northeast Asia: Archeology and Historical Memory. By Mark E. Byington. Cambridge and London: Harvard University East Asia Center, 2016. 398 p.).

Barnes G.E. [Review]. *Journal of Chinese Studies*, 2017. No. 65. P. 355–361. (Book review: The Ancient State of Puyŏ in Northeast Asia: Archeology and Historical Memory. By Mark E. Byington. Cambridge and London: Harvard University East Asia Center, 2016. 398 p.).

Barros N. [Review]. *World Archaeology* (online), 20.07.2017. (Book review: The Ancient State of Puyŏ in Northeast Asia: Archeology and Historical Memory. By Mark E. Byington. Cambridge and London: Harvard University East Asia Center, 2016. 398 p.). URL: https://www.world-archaeology.com/books/cwa-84-new-book-reviews (Accessed: 15.08.2024).

Byington M.E. The Ancient State of Puyŏ in Northeast Asia: Archaeology and Historical Memory. Cambridge MA; London: Harvard University Asia Center, 2016. XV, 398 p.

Chen Shan. Lamadong mudi sanyan wenhua jumin rengu yanjiu [Study of osteological characteristics of Three Yan culture's people, Lamadong burial ground]. Beijing: Kexue chubanshe, 2013. 254 p. (In Chin.).

Dzharylgasinova R.Sh. Etnogenez i etnicheskaya istoriya koreitsev po dannym epigrafiki («Stela Kvangetkho-vana»). Moscow: GRVL, 1979. 182 p. (In Russ.).

Feng Enxue, **Zhao Donghai.** Fuyu fucheng yu huanglong fuchengde chengzhi bianqian [A process of Fuyu administrative center and Huanglong administrative center's fortified settlement development]. *Zhongguo lishi dili luncong [The papers on historical geography of China]*, 2022. No. 3. P. 48–57 (In Chin.).

Hanshu yizhi [Hanshu site]. In *Baidu baike (electronic encyclopedia)*, 21.09.2022. URL: https://baike.baidu.com/item/汉书遗址/9018535?fr=aladdin (In Chin.). (Accessed: 15.08.2024).

Kaogu: Jilinshi faxian daliang fuyu wenhua yiji [Archaeology: large number of remains of the Fuyu culture have been found near Jilin City]. *Xinhua Agency online*, 25.12.2020. URL: https://www.sohu.com/a/440501776_120051348 (In Chin.). (Accessed: 15.08.2024).

Komissarov S.A. Syan'beiskii mogil'nik Laokheshen' In *27-ya nauchnaya konferentsiya «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae»: Tezisy i doklady*. Moscow: GRVL, 1996. P. 24–28. (In Russ.).

Kjuner N.V. Kitajskie izvestija o narodah Juzhnoj Sibiri, Central'noj Azii i Dal'nego Vostoka. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1961. 391 p. (In Russ.).

Kychanov E.I. Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov. Moscow: Vostochnaja literatura RAS, 1997. 319 p. (In Russ.).

Lee Jong Su. Fuyu wenhua yanjiu [A study of Puyu Culture] / Jilin University.: PhD Dissertation. Changchun, 2004. 307 p. (In Chin.).

Li Deshan, **Li Lu.** Fuyu wangcheng ji han wenhua yingxiang lun [About a town of Fuyu wang and the influence of Han culture]. *Jilin daxue shehui kexue xuebao [Jilin University journal: Social sciences edition]*, 2018. No. 3. P. 98–107. (In Chin.).

Li Dianfu. Handai fuyu wenhua chuyi [Some ideas about Fuyu Culture of the Han Epoch]. *Beifang wenwu [Northern Cultural Relics]*, 1985. No. 3. P. 9–15. (In Chin.).

Liu Chong. Fuyu wenhuade yuanyuan yu fuyu wenhua fenqi yanjiu [Study on the origin and the periodization of Fu Yu culture] / Nanjing Univ.: Master's Dissertation. Nanjing, 2014. 98 p. (In Chin.).

Liu Jinwen, Pang Zhiguo. Jilin yushu laoheshen muzangqun zushu tantao [Study of ethnical characteristics of Laoheshen in Yushu, Jilin]. *Beifang wenwu [Northern Cultural Relics]*, 1986. No. 1. P. 23–25. (In Chin.).

McBride R.D. [Review]. *International Journal of Korean History*, 2017. Vol. 22. No. 2. P. 183–187. (Book review: The Ancient State of Puyŏ in Northeast Asia: Archeology and Historical Memory. By Mark E. Byington. Cambridge and London: Harvard University East Asia Center, 2016. 398 p.).

Mi Wenping. Pingyang muzang wei wuhuan yiji lun [A conception of characteristics of Pingyang grave yard as Wuhuan relics]. *Beifang wenwu [Northern Cultural Relics]*, 1999. No. 3. P. 55–62. (In Chin.).

Postnikov V.V. Istorija Severo-Vostochnogo Kitaja v jekspozicii Muzeja provincii Czilin'. *Rossijsko-kitajskie issledovanija*, 2020. Vol. 4. No. 1. P. 64–73. (In Russ.).

Sima Qian. Istoricheskie zapiski: Shi ji: [V 9 tomah] / perevod s kitajskogo i kommentarij pod redakciej A. R. Vjatkina. Moscow: Vostochnaja literatura, 2010. Vol. 9. 623 p. (In Russ.).

Song Dehui. Baicheng qingtongqi shiqide wenhua niandai ji xianminde zushu [Chronology of the culture of bronze artefacts' period in Baicheng, and ethnicity of the ancestral people, as well]. *Baicheng ribao [Baicheng city daily] online*, 23.07.2013. URL: http://bcrbszb.bcxww.com/html/2018-07/23/content_70991.htm. (In Chin.). (Accessed: 15.08.2024).

Stoyakin M. [Review]. Canadian Journal of Archaeology/ Journal canadien d'archéologie, 2018. Vol. 42, iss. 2. P. 301–303. (Book review: Byington M.E. The Ancient State of Puyŏ in Northeast Asia: Archaeology and Historical Memory. Cambridge MA; London: Harvard University Asia Center, 2016. 398 p.).

Tian Likun. Guanyu beipiao lamadong sanyan wenhua mudide jige wenti [Some problems about Three Yan Culture's burial ground in Lamadong, Beipiao County]. In *Liaoning kaogu wenji [Collection of papers on archaeology of Liaoning Province]*. Shenyang: Liaoning minzu chubanshe, 2003. P. 263–267. (In Chin.).

Varenov A.V. Obzor pogrebal'nykh pamyatnikov syan'biiskogo vremeni na territorii Vnutrennei Mongolii. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2019. Vol. 18. No. 4: Vostokovedenie. P. 30–50. (In Russ.).

Wan Xin. Liaoning beipiao lamadong mudi 1998 nian fajue baogao [Excavation of the cemetery at Lamadong, Beipiao, Liaoning, in 1998]. *Acta Archaeologica Sinica*, 2004. No. 2. P. 209–242, pl. 7–20. (In Chin.).

Xiao Xiaoming, **Zhu Hong.** Hanshu erqi wenhua juminde zhongzong leixing ji xiangguan wenti [Ethnic types of population of Hanshu second period Culture and connected problems]. *Bianjiang kaogu yanjiu [Research of China Frontier's Archaeology]*, 2015. No. 1. P. 373–384. (In Chin.).

Yushu laoheshen [Laoheshen burial yard in Yushu County]. Beijing: Wenwu chubanshe, 1987. 171 p. (In Chin.).

Zhang Ying, **Wang Xia**, **He Min.** Jilin yushuxian laoheshen xianbei muqun bufen muzang fajue jianbao [A brief report on the excavation of a part of the burials of Xianbei Laoheshen site, Yushu County, Jilin Province]. *Wenwu [Cultural relics]*, 1985. No. 2. P. 68–82. (In Chin.).

Zhao Binfu. Hanshu erqi wenhua yanjiu – yizhi cailiao he muzang cailiaode fenxi yu zhenghe [Study of the Hanshu second period culture – analysis and regularizing materials of the site and materials of the burial ground]. *Bianjiang kaogu yanjiu [Research of China Frontier's Archaeology]*, 2009. No. 1. P. 98–116. (In Chin.).

Zhu Hong, **Ceng Wen**, **Zhang Quanchao**, **Chen Shan**, **Zhou Hui.** Lamadong sanyan wenhua jumin shu wentide shengwu kaogu kaocha [Study of issues related to the population of the Three Yan culture presented at Lamadong site with the help of biological archaeology]. *Jilin daxue shehui kexue xuebao [Jilin University journal: Social sciences edition]*, 2012. Vol. 52. No. 1. P. 44–51. (In Chin.).

Комиссаров С.А. https://orcid.org/0000-0002-7657-054x
Кудинова М.А. https://orcid.org/0000-0001-8369-2089

Дата сдачи рукописи: 01.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0551-0557
УДК 902/904

Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Новые тюркские изваяния в Центральном Алтае

Статья посвящена вводу в научный оборот и всесторонней характеристике четырех новых тюркских изваяний с территории Онгудайского и Усть-Канского р-нов Республики Алтай. Все изваяния перемещены со своих первоначальных мест установки и, как правило, были обнаружены в ходе сельскохозяйственных работ. Обработка этих изваяний автором стала возможной благодаря информации, предоставленной местным краеведом. Рассматриваемые изваяния принадлежат к двум наиболее многочисленным группам подобных памятников на Алтае: скульптурам мужчины-воина в канонической позе и т.н. лицевым изваяниям. Предварительно все четыре скульптуры могут быть отнесены к VII–IX вв. и приписаны карлукам. Особенно выделяются два изваяния (из урочища Амалдай и Ябогана), представляющие собой яркие образцы тюркского монументального искусства Алтая. Голова изваяния из Ябогана принадлежала одной из самых выразительных и мастерски выполненных тюркских скульптур Алтая – знатного мужчины-воина, вероятно, в канонической позе. Об этом свидетельствует тщательность и качество исполнения черт лица, а также предположительные размеры изваяния в 2–2,5 м высотой. Изваяние из урочища Амалдай, производящее полное впечатление круглой скульптуры, вероятно, воспроизводит левшу, держащего сосуд в левой руке. Этот факт служит ярким свидетельством того, что тюркские изваяния воспроизводили конкретных людей, а не некий обобщенный образ воина, как считают некоторые исследователи. С учетом публикуемых в данной статье четырех тюркских изваяний их общее количество на Алтае на сегодняшний день приближается к 340 экз., что ставит Российский Алтай в число одного из наиболее изученных регионов в отношении раннесредневековых монументальных памятников.

Ключевые слова: *Центральный Алтай, тюркские каменные изваяния, случайные находки, карлуки, эпоха раннего Средневековья.*

G.V. Kubarev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: gvkubarev@gmail.com

New Turkic Sculptures in Central Altai

The article focuses on comprehensive analyses of four new Turkic statues from the territory of the Ongudai and Ust-Kan districts of the Altai Republic and introduction of the new data into scientific circulation. All the sculptures have been relocated from their original places and, as a rule, were discovered in the course of agricultural works. The analysis of these sculptures by the author was possible thanks to the information provided by a local historian. The considered sculptures belong to two most numerous groups of such monuments in Altai: sculptures of man-warrior in canonical pose and the so-called facial sculptures. The four sculptures can be preliminary dated to the 7th–9th centuries and attributed to the Karluk population. Two sculptures (from Amaldai and Yabogan) representing vivid examples of the Turkic monumental art of Altai, are particularly notable. The head of the Yabogan sculpture belonged to a noble man-warrior, probably in a canonical pose - one of the most expressive and skillfully made Turkic sculptures of the Altai. This is evidenced by the thoroughly and artistically rendered facial features, as well as the presumed size of the sculpture of 2–2.5 meters high. The Amaldai, which gives the full impression of a round sculpture, probably reproduces a left-handed man holding a vessel in his left hand. This fact is as vivid evidence that the Turkic sculptures portrayed real people rather than a generalized image of a warrior, as some researchers believe. Taking into account the four Turkic statues published in this article, their total number in Altai today is close to 340, which puts the Russian Altai among the most studied regions in terms of early medieval monuments.

Keywords: *Central Altai, Turkic stone sculptures, accidental finds, Karluks, Early Medieval period.*

Введение

История изучения тюркских каменных изваяний Алтая насчитывает более двух столетий. Первые краткие сведения о каменных изваяниях Алтая содержатся в сообщениях русских рудознатцев начала XVIII в. Вслед за ними на Алтай отправляются комплексные научные экспедиции П. Шелегина, П.С. Палласа, К.Ф. Ледебура и других. Отдельные заметки и записи об изваяниях можно встретить в трудах П.А. Чихачева, А.И. Шренка, Г.Е. Шуровского и П.И. Небольсина. В конце XIX в. известные исследователи Центральной Азии Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и А.В. Адрианов описали местонахождение некоторых «Коже-Таши» – алтайских каменных изваяний и опубликовали их рисунки [Ядринцев, 1883; Потанин, 1885; Адрианов, 1888, с. 222, 228, 229, 381–421].

Экспедициями финских ученых И.Р. Аспелина и Й.Г. Гранё в конце XIX – начале XX в. на территории Центрального Алтая было зафиксировано несколько раннесредневековых изваяний [Alt-Altaische, 1931, Abb. 316, 317; Granö, 1909, fig. 26–29]. Иллюстрации, опубликованные в работе Й.Г. Гранё, остаются единственным свидетельством об этих монументальных памятниках, т.к. до сих пор они не обнаружены и, вероятно, утрачены.

В советские годы большой вклад в изучение происхождения, хронологии и семантики тюркских каменных изваяний внесла Л.А. Евтюхова. Она подготовила обобщающую статью о каменных изваяниях Южной Сибири и Монголии, в которую была включена и большая группа из 28 алтайских скульптур [Евтюхова, 1952, с. 72–77, рис. 1–7, 71]. Среди современных ей исследователей она одной из первых пришла к выводу о поминальном характере оградок с изваяниями, которые воспроизводили умершего человека [Там же, с. 114–116].

Целенаправленные поиски и исследование тюркских изваяний и поминальных оградок на Алтае в 1970–1980-х гг. проводил В.Д. Кубарев, возглавлявший Восточно-алтайский отряд Североазиатской экспедиции ИИФиФ СО АН СССР. Результатом этих работ, в ходе которых ему удалось обнаружить более половины из известных на тот момент 256 скульптур, стала первая обобщающая монография по тюркским каменным изваяниям Алтая [Кубарев В.Д., 1984].

Почти каждый полевой сезон ведет к открытию новых монументальных памятников древнетюркской эпохи [Кубарев В.Д., Кочеев, 1988; Кубарев Г.В., Розвадовски, Кубарев В.Д., 2003; Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2009; Полосьмак, Богданов, Кубарев Г.В., 2010; Кирюшин и др., 2013, с. 41, 95–97, рис. 20; и др.]. Они были обнаружены в разные годы советскими и российскими исследователями как в ходе экспедиционных работ различных академических и учебных заведений на Алтае: ГАНИИИЯЛ, ИА РАН, ЛГУ, ИАЭТ СО РАН, АлтГУ, так и усилиями местных жителей и отдельных ученых-энтузиастов. Необходимо отметить специальные публикации, посвященные различным аспектам в изучении тюркских изваяний и поминальных сооружений: их семантике, костюму тюркоязычных кочевников, выделению женских изваяний, традиции помещения вотивных, нефункциональных вещей в тюркские поминальные оградки.

Предпринятые в полевом сезоне 2024 г. работы были направлены как на обработку (цифровая фотофиксация, измерения, снятие GPS-координат) уже известных тюркских изваяний Алтая, так и на поиск новых монументальных памятников. При этом, зачастую уже опубликованные изваяния приходилось искать заново, т.к. GPS-координаты их местонахождений отсутствуют, а описания их местоположения предельно лаконичны. Итогом проведенных работ, среди прочего, стало самостоятельное обнаружение нескольких новых тюркских изваяний, а также обработка четырех новых скульптур (или их обломков), информация о которых была нам сообщена местным краеведом Б.М. Киндиковым. Все они происходят с территории Центрального Алтая – Онгудайского и Усть-Канского р-нов Республики Алтай.

Описание изваяний

Кумулюк (болотистое место – алт.). Каменное изваяние размерами 130 × 22 × 7 см (рис. 1, *1*). Выполнено из длинной и узкой сланцевой плиты алевролита (?) серо-зеленого цвета. На широкой части плиты точечной выбивкой барельефом воспроизведено лицо мужчины: нос, глаза, брови, небольшой рот и усы, кончики которых загнуты вверх. Оно показано при помощи выборки фона на щеках, вокруг носа и глаз. Лицо явственно отличается монголоидными чертами – широкими выступающими скулами, узкими миндалевидными глазами (рис. 1, *1*). Лицо отделено от туловища выбитой полосой, углом опускающейся вниз. Снизу к этой полосе примыкают незавершенные (?) выбитые линии, а над лицом человека имеются отдельные выбитые точки. На задней стороне, а также на боковых гранях изваяния различимы глубокие борозды, оставленные тяжелой техникой. Выбивка на изваянии не имеет солнечного загара, что свидетельствует о том, что в древности оно было повалено и задерновано.

Изваяние было обнаружено трактористом племзавода «Теньгинский» С.В. Иркитовым при обработке поля удобрением весной 2022 г. в урочище Кумулюк на территории Теньгинского сельского поселения (Онгудайский р-н Республики Алтай). Урочище Кумулюк расположено в 1,5 км от оз. Теньгинского и в 4 км от с. Озерного. В настоящее время изваяние вкопано в ограде сельского клуба с. Озерного вместе с еще одним изваянием, найденным в окрестностях села и опубликованным нами.

Рис. 1. Тюркские изваяния из Центрального Алтая.
1 – Кумулюк; *2* – Торойтос.

Торойтос. Каменное изваяние размерами 126 × × 36 × 23 см (рис. 1, *2*). Выполнено из длинной сланцевой плиты красного песчаника (?), расширяющейся в верхней части. На лицевой поверхности изваяния неглубокой выбивкой воспроизведено лицо человека: его овал, нос, совмещенный с глазами, рот. В области шеи показан элемент одежды или украшение в виде лунницы. Судя по тому, что она соединена линиями с овалом лица, она является украшением-подвеской (рис. 1, *2*). На уровне груди также имеются выбитые линии, воспроизводящие руки и сосуд (?). Однако необходимо отметить, что они более тонкие нежели линии лица и, возможно, выбиты позднее. Их восприятию мешает также довольно большой скол верхней корочки камня. Выбивка на изваянии не имеет солнечного загара, что может свидетельствовать о том, что в древности оно было повалено и задернованно.

Изваяние установлено на каменной насыпи большого кургана, вероятно, относящегося к пазырыкской культуре (рис. 2), в долине р. Малый Ильгумень, на ее правом берегу, в логу Торойтос. Несомненно, что изваяние перемещено со своего первоначального места установки. В этом урочище зафиксировано большое количество сильно задернованных археологических объектов, относящихся, по-видимому, к различным историческим периодам.

Амалдай. Каменное изваяние размерами 66 × 30 × × 20 см (во вкопанном состоянии) (рис. 3, *1*, *3*). Выполнено из плиты светло-серого или белого туфа (?). Представляет собой практически объемную скульптуру, воспроизводящую мужчину. Черты лица (нос, брови, глаза, усы, уши), руки и сосуд выполнены барельефом. Обращает на себя внимание непропорциональность в воспроизведении анатомических деталей: достаточно массивная голова и небольшие руки, согнутые в локтях на уровне груди. Усы мужчины загибаются вверх, подбородок массивный, рот сделан в виде небольшой канавки, уши показаны рельефными валиками на лицевой поверхности, а не на боковых гранях камня (рис. 3, *1*). Лицо имеет ярко выраженные монголоидные черты. Верх камня наклонно скошен. Особо необходимо отметить то, что персонаж держит

Рис. 2. Тюркское изваяние в урочище Торойтос, установленное на кургане, и алтайский краевед Б.М. Киндиков.

небольшой сосуд в виде кружки или кувшинчика в левой руке. На его правой руке воспроизведены пальцы. На левой стороне, под подразумеваемым поясом, различима барельефная полоса, символизировавшая клинковое оружие (?). На лицевой плоскости в местах выборки фона различимы следы от обработки камня инструментом. Боковые и задняя стороны практически не тронуты, за исключением выемок шеи-плеч и сколов на одном из углов камня.

В 1980-х гг. скульптура была обнаружена В.Н. Сариным во время вспашки поля в логу Амалдай. С тех пор она хранится в частном домовладении Сариных в с. Улита (Онгудайский р-н Республики Алтай) (рис. 3, *3*). По словам информатора, нижняя часть изваяния осталась на месте обнаружения.

Ябоган. Голова каменного изваяния размерами 50 × 37 × 12 см. Выполнена из известняковой (?) плиты серого цвета (рис. 3, *2*). На голове изваяния мастерски выполнено лицо. Барельефом воспроизведены нос, губы, скулы, глаза и даже веки. Фон выбран углублением вокруг носа, скул и глаз миндалевидной формы. Углубленными бороздками показаны брови и усы, кончики которых загнуты вверх (рис. 3, *2*). Лицо имеет ярко выраженные монголоидные черты. Вся его поверхность тщательно обработана мелкой выбивкой. Судя по размеру головы, можно предположить, что общая высота изваяния составляла, по меньшей мере, 2,0–2,5 м. Вероятно она была обломана еще в древности.

Случайно обнаружена на поле в окрестностях с. Ябоган (Усть-Канский р-н Республики Алтай). Судя по многочисленным бороздам на лицевой части, голова изваяния неоднократно подвергалась воздействию тяжелой техники (?) и, предположительно, была выпахана. На левой части лица имеются две глубокие выемки от пуль (?).

Заключение

Представляемые в настоящей статье четыре тюркские скульптуры принадлежат к двум наиболее многочисленным группам изваяний на Алтае: скульптурам мужчины-воина в канонической позе (рис. 3, *1*, *3*) и т.н. лицевым изваяниям, т.е. имеющим изображение только лица или головы человека (см. рис. 1). Не исключено, что на лицевом изваянии из урочища Торойтос все-таки имеются частично сколотые изображения рук и сосуда (см. рис. 1, *2*). Надо думать, что голова изваяния из Ябогана (рис. 3, *2*) принадлежала одной из самых выразительных и мастерски

3

Рис. 3. Тюркские изваяния из Центрального Алтая.
1 – Амалдай; *2* – Ябоган; 3 – С.Н. Сарина с изваянием в частном подворье.

выполненных тюркских скульптур Алтая – знатного мужчины-воина, вероятно, в канонической позе. Об этом свидетельствует тщательность и качество исполнения черт лица, а также предположительные размеры изваяния в 2,0–2,5 м высотой (при высоте головы в 0,5 м).

Изваяние из урочища Амалдай, благодаря барельефному воспроизведению черт лица, шеи-подбородка, рук и сосудика, производит полное впечатление круглой скульптуры (рис. 3, *1*). Хотя в действительности древний мастер обработал только лицевую сторону и частично боковые грани изваяния. Оно также может быть причислено к одному из ярких образцов тюркского монументального искусства Алтая. Нельзя не отметить факт того, что мужчина на этом изваянии держит сосуд в левой руке. Примеры

подобных скульптур на Алтае и в соседних регионах единичны и, вероятно, объясняются тем, что изображенные на них люди были левшами. Этот факт служит ярким свидетельством того, что тюркские изваяния воспроизводили конкретных людей, а не некий обобщенный образ воина, как считают некоторые исследователи.

Все изваяния перемещены со своих первоначальных мест установки и, как правило, обнаружены в ходе сельскохозяйственных работ. С большой долей уверенности можно предположить, что изначально они были установлены у поминальных оградок. Предварительно все четыре изваяния могут быть отнесены к VII–IX вв.

Под термином «тюркский» я понимаю принадлежность этих памятников к целому ряду близкородственных тюркоязычных племен эпохи раннего Средневековья. Что касается территории большей части географического Алтая, то, по моему мнению, поминальные комплексы в виде оградок с изваяниями, как и другие памятники эпохи раннего Средневековья, должны быть приписаны карлукским племенам, которые, по сведениям китайских письменных источников, длительное время обитали в этом регионе [Кубарев Г.В., 2021].

Публикуемые тюркские изваяния Центрального Алтая, с одной стороны, подтверждают вывод о том, что наибольшее их скопление приходится на Онгудайский и Кош-Агачский р-ны Республики Алтай как на исконные места обитания степняков-скотоводов [Кубарев В.Д., 1984, с. 14]. С другой стороны, нельзя не обратить внимание на то, что почти все представляемые изваяния (как и многие другие в Центральном Алтае) обнаружены в результате земляных работ или распашки. Это объясняется более интенсивным почвообразованием по сравнению с Южным Алтаем и, как следствие этого, более активной сельскохозяйственной деятельностью, разрушением порой почти полностью задернованных археологических памятников. По-видимому, в будущем на территории Центрального Алтая нас ждет еще много подобных открытий в результате как сельхозработ, так и археологических раскопок. С учетом публикуемых в данной статье четырех тюркских изваяний их общее количество на Алтае на сегодняшний день приближается к 340 экз. Это ставит Российский Алтай в число наиболее изученных регионов в отношении раннесредневековых монументальных памятников.

Благодарности

Статья написана в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Автор благодарен известному краеведу Республики Алтай, художнику и настоящему энтузиасту в изучении исторического прошлого этой горной страны Б.М. Киндикову, который любезно предоставил информацию и показал новые тюркские изваяния Онгудайского и Усть-Канского р-нов. Также выражаю искреннюю благодарность Л.Г. Кергиловой – заведующей сельским клубом с. Озерного МКУ «Центр культуры Онгудайского района» и жительнице с. Улита С.Н. Сариной за информацию об обстоятельствах находок тюркских изваяний.

Список литературы

Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского Русского географического общества членом сотрудником А.В. Адриановым // Зап. РГО по общей географии. – СПб., 1888. – Т. 11. – С. 147–422.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы исследования по археологии Сибири. – М., 1952. – Т. 1. – С. 72–120. – (МИА; № 24).

Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семибратов В.П., Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В. Историко-культурное наследие «Бирюзовой Катуни» (опыт интеграции в сферу туризма). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. – 222 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 232 с.

Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1988. – С. 206–222.

Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Новые древнетюркские изваяния Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 307–311.

Кубарев Г.В. Карлуки Алтая по письменным и археологическим данным // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сб. науч. ст., посвящ. 80-летию профессора Д.Г. Савинова. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2021. – С. 305–323. – (Тр. ИИМК РАН; т. LVII).

Кубарев Г.В., Розвадовски А., Кубарев В.Д. О новых древнетюркских изваяниях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 373–376.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Кубарев Г.В. Древнетюркские изваяния Чаганбургазы (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 289–293.

Потанин Г.Н. Памятники древности в Северо-Западной Монголии, замеченные во время поездки в 1879 г. // Древности: Тр. МАО. – М., 1885. – Т. 10. – С. 50–57.

Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 г. и в 1880 г. // Древности. Тр. МАО. – 1883. – Т. IX., вып. II–III. – С. 181–205.

Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–

1889. Hrsg von Hjalmar Appelgren-Kivalo. – Helsingfors: Puromies Buchdruckerei, 1931. – 48 S. + 72 Abb.

Granö J.G. Archäologische Beobachtungen von meinen Reisen in den Nördlichen Grenzgegenden Chinas in den Jahren 1906 und 1907 // Aikakauskirja J. de la Societe Finno-Ougrienne. Helsingissä. – 1909. – Vol. XXVI. – 54 S., Taf. XVI.

References

Adrianov A.V. Puteshestvie na Altai i za Sayany, sovershennoe v 1881 g. po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva chlenom sotrudnikom A.V. Adrianovym. In *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva po obshchei geografii*. St. Petersburg, 1888. Vol. 11. P. 147–422. (In Russ.).

Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Hrsg von Hjalmar Appelgren-Kivalo. Helsingfors: Puromies Buchdruckerei, 1931. 48 S. + 72 Abb.

Evtyukhova L.A. Kamennye izvayaniya Yuzhnoi Sibiri i Mongolii. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Sibiri*, 1952. No. 24. P. 72–120. (In Russ.).

Granö J.G. Archäologische Beobachtungen von meinen Reisen in den Nördlichen Grenzgegenden Chinas in den Jahren 1906 und 1907. In *Aikakauskirja J. de la Societe Finno-Ougrienne*. Helsingissä. 1909. Vol. 26. 54 S., Taf. XVI.

Kiryushin K.Y., Kiryushina Y.V., Semibratov V.P., Kiryushin Y.F., Gorbunov V.V. Istoriko-kul'turnoe nasledie "Biryuzovoi Katuni" (opyt integratsii v sferu turizma). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2013, 222 p. (In Russ.).

Kubarev G.V. Altay Karluks after the documentary and archaeological evidence. In *The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography: Collection of scientific papers dedicated to the 80-th anniversary of Professor Dmitriy Glebovich Savinov*. St. Petersburg: IHMC RAS Publ., 2021. Proceedings of IHMC RAS. Vol. 57. P. 305–323. (In Russ.). doi:10.31600/978-5-907298-22-4.305-323

Kubarev G.V., Rozvadovski A., Kubarev V.D. O novykh drevnetyurkskikh izvayaniyakh Altaya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. Vol. 9. Pt. 1. P. 373–376. (In Russ.).

Kubarev V.D. Drevnetyurkskie izvayaniya Altaya. Novosibirsk: Nauka, 1984. 232 p. (In Russ.).

Kubarev V.D., Kocheev V.A. Novaya seriya kamennykh izvayanii Altaya. In: Arkheologiya Gornogo Altaya. Gorno-Altaisk: GANIIIYaL Publ., 1988. P. 206–222. (In Russ.).

Kubarev V.D., Kubarev G.V. Novye drevnetyurkskie izvayaniya Altaya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009. Vol. 15. P. 307–311. (In Russ.).

Polosmak N.V., Bogdanov E.S., Kubarev G.V. Drevnetyurkskie izvayaniya Chaganburgazy (Yugo-Vostochnyi Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010. Vol. 16. P. 289–293. (In Russ.).

Potanin G.N. Pamyatniki drevnosti v Severo-Zapadnoi Mongolii, zamechennye vo vremya poezdki v 1879 g. In *Drevnosti: Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva.* Moscow, 1885. Vol. 10. P. 50–57. (In Russ.).

Yadrintsev N.M. Opisanie sibirskikh kurganov i drevnostei. Puteshestvie po Zapadnoi Sibiri i Altayu v 1878 g. i v 1880 g. In *Drevnosti: Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva.* Moscow, 1883. Vol. 9, iss. II–III. P. 181–205. (In Russ.).

Кубарев Г.В. https://orcid.org/0000-0001-6376-4153

Дата сдачи рукописи: 28.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0558-0567
УДК 902/904

Е.В. Куприянова[1]✉, Ф.Н. Петров[1, 2]

[1]Челябинский государственный университет
Челябинск, Россия
[2]Челябинский государственный историко-археологический музей-заповедник «Аркаим»
Челябинск, Россия
E-mail: dzdan@mail.ru

Функции зольников бронзового века Южного Зауралья: отражение в артефактах

Функции и происхождение зольников бронзового века длительное время являются предметом научных дискуссий. Зольники Южного Зауралья как отдельные объекты начали изучаться в археологии сравнительно недавно. В центре внимания статьи находятся исследованные раскопками зольники при трех расположенных рядом поселениях бронзового века в Южном Зауралье – Степное, Стрелецкое-1, Черноречье-2. Целью работы являлось изучение комплекса артефактов, содержавшихся в золистых слоях, для выявления различий в составе предметов. Сравнительный статистический анализ выявил значительные отличия предметных комплексов поселения Степное (синташтинская археологическая культура), с одной стороны, и поселений Стрелецкое-1 и Черноречье-2, с другой. В культурном слое зольников неукрепленных поселений Стрелецкое-1 и Черноречье-2 доминировали целые и сломанные вещи, связанные с различными сферами хозяйства и быта (охота и рыбалка, производство одежды, гончарство). Большое количество находок составляли отходы каменной индустрии, зафиксированы свидетельства косторезного производства. Степное относится к кругу укрепленных поселений синташтинского типа. В составе зольника предметы, связанные с бытовой сферой, содержались минимально. Значительную часть комплекса составляли заготовки и отходы косторезного производства. В больших количествах представлены и свидетельства металлургии (сопла, макроформы, орудия металлообработки, слитки металла, шлаки). На территории зольника исследованы остатки легкой постройки, при которой находились два погребения людей бронзового века. Почвенные исследования показали, что «золистые» слои образовались не в процессе горения, а в результате перегнивания органической массы. Проведенные исследования позволили прийти к выводам о том, что зольники поселений Стрелецкое-1 и Черноречье-2 использовались в основном для выноса бытового мусора, тогда как зольник поселения Степное являлся в древности производственной площадкой косторезов и металлургов, а также использовался для иных хозяйственных и ритуальных целей.

Ключевые слова: *Южное Зауралье, бронзовый век, синташтинская культура, алакульская культура, зольник, металлургия, косторезное ремесло.*

E.V. Kupriyanova[1]✉, F.N. Petrov[1, 2]

[1]Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russia
[2]Chelyabinsk State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Arkaim"
Chelyabinsk, Russia
E-mail: dzdan@mail.ru

The Functions of the Bronze Age Ash Heaps in the Southern Trans-Urals: Reflection in Artifacts

The functions and origin of Bronze Age ash heaps have been the topic of scientific debate for a long time. The ash heaps of the Southern Trans-Urals as separate objects began to be studied in archaeology relatively recently. The paper focuses on the ash heaps that were uncovered in the course of excavations at three nearby Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals – Stepnoye, Streletskoye-1, and Chernorechye 2. The work was aimed at analyses of the complex of artifacts contained in the ash heaps in order to identify differences in the composition of objects. Comparative statistical analysis revealed significant differences between the artifact complexes of the Stepnoye settlement (Sintashta archaeological culture), on the one hand, and the Streletskoye-1 and Chernorechye 2 settlements, on the other. Intact and broken goods related to various spheres of household and everyday life (hunting and fishing, clothing production, pottery) dominated in the ash heaps at the Streletskoye-1 and Chernorechye 2 unfortified settlements. A large number of waste of the lithic tool production and traces of bone-carving have also been recorded. Stepnoye has been defined

as a fortified settlement of the Sintashta type. Quite few items related to the household sphere were found in the ash heaps. Preforms and waste of the bone-carving production represent significant part of the recovered artifact complex. Products of metallurgy (nozzles, macroforms, metalworking tools, metal ingots, slags) were found in large quantities. Remains of a light building containing two Bronze Age human burials were identified in the ash heap. Soil studies have shown that the "ashy" layers were formed not during the burning process, but as a result of organic mass rotting. The derived analytical data suggest that the ash heaps of the Streletskoye-1 and Chernorechye 2 settlements were formed in places of discard of household garbage, whereas the Stepnoye ash heap of the settlement were formed in the place of a production site for bone cutters and metallurgists, and used for other economic and ritual purposes.

Keywords: *Southern Trans-Urals, Bronze Age, Sintashta culture, Alakul culture, ash heap, metallurgy, bone-cutting craft.*

Введение

Зольники бронзового века являются предметом исследований в археологии уже более столетия и столько же времени вызывают бурные дискуссии относительно их происхождения и функций. Две основные версии их назначения – бытовая и ритуальная – продолжают получать подтверждения в пользу каждой из них [Корочкова, 1999; Папин, 2002; Сава, Кайзер, 2011; Куприянова, 2024; и др.]. Вызывает много вопросов и сам термин: что можно называть зольником, следует ли сравнивать зольники различных культур и географических зон [Гершкович, 2016, с. 50; Корочкова, 2009, с. 34]. Относительно недавно слои памятников, интерпретируемые как зольники, стали изучаться с помощью естественно-научных методов, что позволило усомниться в «золистом» происхождении по крайней мере части из них [Гершкович, 2004; Алаева, Каширская, Плеханова, 2022; Куприянова и др., 2023].

Сравнение обширного спектра опубликованных источников позволяет прийти к выводу, что как «зольники» интерпретируются различные объекты, как расположенные сепаратно, так и находящиеся в составе других памятников (преимущественно поселений) – в жилищах, межжилищном пространстве, рвах, отдельных ямах, единственной общей чертой которых является тип грунта (легкая мелкодисперсная фракция светлого цвета, схожая по виду с золой или пеплом). Различия в локализации могут проявляться даже среди памятников одного региона и культурно-хронологического горизонта. В связи с этим представляется целесообразным до формулировки обобщающих выводов изучение каждого отдельно взятого объекта, интерпретируемого как зольник, всесторонне и комплексно. Изучению одного из аспектов зольников как археологического источника, а именно комплекса содержащихся в них артефактов, посвящено данное исследование.

Материалы и методы

Зольники при поселениях бронзового века лесостепной зоны Южного Зауралья привлекли внимание исследователей относительно недавно, в сравнении с зольниками Причерноморья, Поднепровья, Алтая, Западной Сибири и других территорий. В ряде статей рассмотрены как особенности состава почвенного слоя зольников, так и аргументированность бытового и ритуального использования этих объектов [Бикмулина и др., 2017; Алаева, Каширская, Плеханова, 2022; Куприянова и др., 2023; Куприянова, 2024].

В центре внимания данной статьи – три зольника при поселениях бронзового века Южного Зауралья – Степное, Стрелецкое-1 и Черноречье-2, расположенные на левом берегу р. Уй в Пластовском и Троицком р-нах Челябинской обл. [Куприянова, 2012, 2020, 2024]. Расстояние между крайними памятниками Степное и Черноречье-2 – ок. 20 км, поселение Стрелецкое-1 расположено между ними в 2,5 км к юго-западу от поселения Черноречье-2 (рис. 1). Материалы для исследования составляют археологические коллекции артефактов, полученные авторами статьи при раскопках памятников, в основной массе неопубликованные. Коллекции предметов хранятся в фондах и экспозиции Музея археологии и этнографии и Учебно-научном центре изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета.

Зольник при укрепленном поселении Степное расположен сепаратно, за внешними границами линии фортификации. Его площадь составляет ок. 1 га. Внешние границы зольника на местности не читаются, но выделяются на аэрофотоснимке как пятно аморфных очертаний. Объект исследовался раскопками в 2008, 2023–2024 гг. (материалы раскопок 2024 г., руководитель Ф.Н. Петров) [Куприянова, 2024]. Общая вскрытая площадь – 350 м^2. Мощность золистого слоя, лежащего на погребенной почве – от 30 до 70 см. Основную массу керамического комплекса составляет, как и на самом поселении, керамика синташтинской культуры (XXI–XIX вв. до н.э.), хотя в верхних слоях присутствует также керамика петровской, алакульской и черкаскульской культур.

Зольники поселений Стрелецкое-1 и Черноречье-2 расположены на обрыве между рекой и рядами жилищных впадин. На местности их границы также неопределимы, а протяженность можно оценить по профилям в обрывах. Основную массу керамического комплекса обоих памятников составляет керамика алакульской культуры (XIX–XVI вв. до н.э.), хотя присутствует также керамика синташтинской, петровской, черкаскульской и саргаринско-алексеевской культур. Зольник Стрелецкого-1 – более мощный (до 80 см), имеет сложную многослойную структуру. В 2012 г. было вскрыто 405 м^2 его культурного слоя

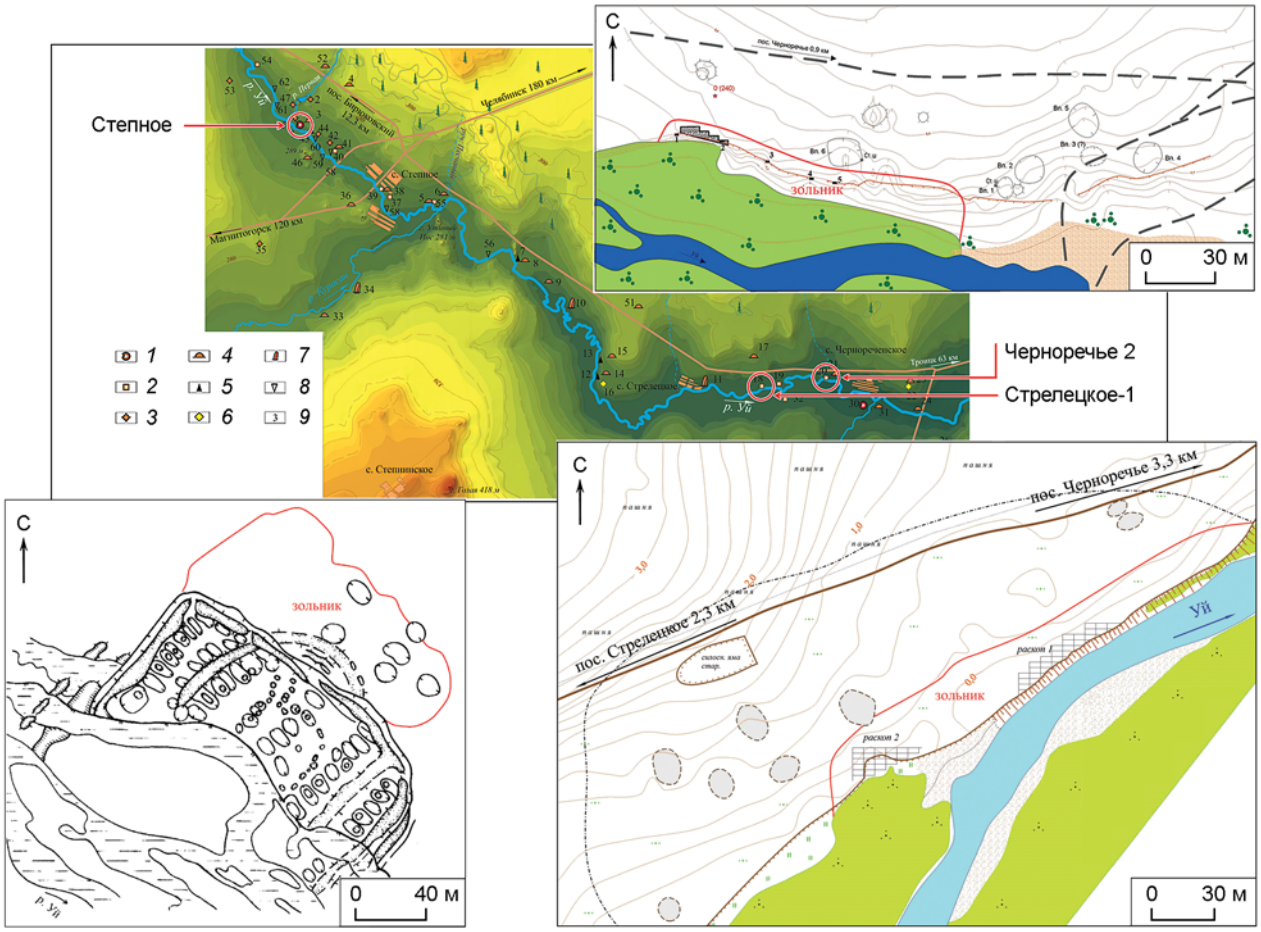

Рис. 1. Карта поселений с зольниками, исследованными в работе.

1 – укрепленные поселения эпохи средней бронзы; *2* – неукрепленные поселения эпохи средней бронзы; *3* – одиночные курганы; *4* – курганные могильники; *5* – стоянки каменного века; *6* – этнографические объекты; *7* – менгиры; *8* – местонахождения; *9* – номер памятника по реестру.

[Куприянова, 2012]. Зольник поселения Черноречье-2 – тонкий (не более 20–30 см), прерывистый; в 2019 г. была вскрыта территория в 44 м^2 [Куприянова, 2020].

Таким образом, зольники поселений Стрелецкое-1 и Черноречье-2 имеют сходную локализацию и принадлежат к одному культурному горизонту, зольник Степного – в целом более ранний, хотя, возможно, частично синхронен им. Зольники Степного и Стрелецкого-1 сходны по мощности культурного слоя и сопоставимы по размеру вскрытых площадей. Исследования всех трех памятников позволяют частично подтвердить версию о зольниках как местах проведения неких действий ритуального характера, поскольку все три объекта содержат те или иные свидетельства ритуалов: погребения и разрозненные кости людей, выкладки костей и развалы сосудов, предметы неутилитарного назначения [Куприянова, 2024]. Но при безусловном присутствии следов ритуалов основную массу находок составляют различные артефакты практического характера: кости животных, керамика, предметы и их фрагменты, отражающие хозяйственно-бытовой аспект формирования культурного слоя зольников.

В исследовании был использован сравнительный статистический анализ коллекций предметов из раскопок трех памятников, за исключением керамических сосудов, для выявления значимых различий, которые могут указывать на особенности функционирования каждого объекта и специфику деятельности населения, его оставившего.

Результаты исследований

Первоначально все предметы были разделены по категории материала, из которого они изготовлены, на каменные, костяные/роговые, металлические и глиняные. Было подсчитано процентное соотношение предметов из каждого памятника по категориям материалов (табл. 1). При этом стоит учитывать, что общее количество предметов из поселения Черноречье-2 в целом на порядок меньше, чем на Степном и Стрелецком-1, соответственно вскрытым площадям.

Из таблицы очевидно примерно одинаковое распределение категорий предметов на всех трех памятниках. Большую часть (от 47,3 % до 78,6 %) составляют предметы из камня, в т.ч. отходы каменной

индустрии (отщепы, нуклеусы, сколы) и изделия и их фрагменты (макроформы, литейные формы, наконечники стрел, грузила, оселки и пр.). Вторая по численности категория (14,3–30,5 %) – изделия из кости, включает как кости со следами обработки, так и изделия, их фрагменты и заготовки (рукояти, трепала, наконечники стрел, проколки, спицы, астрагалы со следами сработанности, трубочки и пр.). Предметы из глины – третья по численности категория (4,6–11,1 %). В исследовании учитываются предметы из глины, не являющиеся стандартными керамическими сосудами: сопла, блюдца со знаками, миниатюрные наперстки, вторичные изделия, такие как пряслица и диски, выточенные из фрагментов керамики и пр. Наименьшее количество (2,3–11,1 %) составляют металлические предметы (серпы, долото, чекан, проколки и шилья и пр.).

В дальнейшем весь комплекс артефактов был поделен на категории по степени использования: 1) целые предметы; 2) сломанные / фрагменты предметов; 3) заготовки (недоделанные вещи) и отходы производства. Такое распределение позволяет судить о том, насколько находки в зольниках формировались из вещей, использовавшихся в быту, либо из отходов мастерских по производству этих предметов (табл. 2).

Данные из табл. 2 выявляют значительное различие между составом артефактов в зольнике укрепленного поселения Степное, с одной стороны, и зольниками поселений Стреллецкое-1 и Черноречье-2, с другой. Каменные артефакты, попавшие в зольники Стрелецкого-1 и Черноречья-2, в подавляющем большинстве своем являются отходами каменной индустрии, тогда как на Степном это в основном целые и сломанные предметы, уже использовавшиеся по назначению. Что касается остальных категорий предметов, на поселениях Стрелецкое-1 и Черноречье-2 большинство находок являются использовавшимися (целыми или сломанными). Около 1/3 артефактов из кости и глины на поселении Стрелецкое-1 имеют отношение к сферам косторезного ремесла и изготовлению пряслиц из фрагментов стенок сосудов. На поселении Черноречье-2 единственная находка также является фрагментом недоделанного пряслица. Таким образом, на этих двух памятниках присутствуют незначительные свидетельства вторичной обработки изделий из глины. На Стрелецком-1 фиксируются также признаки косторезного ремесла. На Черноречье-2 следы обработки костей зафиксированы по археозоологическим исследованиям: в остеологическом комплексе памятника А.Ю. Рассадниковым выделено большое количество заготовок из кости, костей со следами надпилов, вываренных костей [Рассадников, 2021], что привело автора к выводу о наличии здесь косторезного производства. Следы металлургии/металлообработки в обоих зольниках не фиксируются.

Таблица 1. **Соотношение количества артефактов из различного материала на зольниках бронзового века, %**

Камень	Кость	Глина	Металл
Степное			
65,6	25,7	6,4	2,3
Стрелецкое-1			
78,6	14,3	4,6	2,5
Черноречье-2			
47,3	30,5	11,1	11,1

Таблица 2. **Степень использования артефактов из различного материала на зольниках бронзового века**

	Камень	Кость	Глина	Металл
Степное				
Целые	23 (16,1 %)	20 (35,7 %)	2 (13,4 %)	3 (60 %)
Сломанные/фрагменты	66 (46,2 %)	2 (3,6 %)	4 (26,4 %)	–
Заготовки / отходы производства	54 (37,7 %)	34 (60,7 %)	9 (60 %)	2 (40 %)
Всего	*143 (100 %)*	*56 (100 %)*	*15 (100 %)*	*5 (100 %)*
Стрелецкое-1				
Целые	42 (14,6 %)	21 (40,4 %)	5 (29,4 %)	6 (66,6 %)
Сломанные/фрагменты	28 (9,7 %)	14 (26,9 %)	7 (41,2 %)	3 (33,3 %)
Заготовки / отходы производства	217 (75,7 %)	17 (32,7 %)	5 (29,4 %)	–
Всего	*287 (100 %)*	*52 (100 %)*	*17 (100 %)*	*9 (100 %)*
Черноречье-2				
Целые	1 (5,9 %)	2 (18,2 %)	2 (50 %)	1 (25 %)
Сломанные/фрагменты	1 (5,9 %)	9 (81,8 %)	1 (25 %)	3 (75 %)
Заготовки / отходы производства	15 (88,2 %)	–	1 (25 %)	–
Всего	*17 (100 %)*	*11 (100 %)*	*4 (10 0%)*	*4 (100 %)*

Совсем иная картина представляется в коллекции с зольника Степного. Предметы из камня представлены в основном целыми и сломанными макроформами (пестами, абразивами, наковальнями). Исключение составляют три наконечника стрел из кремневых пород. Следы каменной индустрии в целом очень незначительны. Подавляющее большинство артефактов из кости являются заготовками, костями и рогом со следами спилов (рис. 2, *1–9*). Среди глиняных предметов основная масса – недоделан-

Рис. 2. Заготовки и отходы косторезного производства, орудия из кости и рога из зольника поселения Степное (*1–10*, *15*) и могильника Степное-1 (*16–20*).

1–3, *8* – заготовки орудий; *4–7*, *9* – фрагменты рога лося со следами спилов; *10* – костяной диск; *11* – уток для плетения (по: [Аркаим, 2011, с. 94, рис. 160]); *12–14* – роговые псалии; *15–18* – наконечники стрел (*16*, *17* – по: [Аркаим, 2011, с. 76, рис. 46, 48]); *19*, *20* – кибити сложного лука (по: [Аркаим, 2011, с. 49]).

ные заготовки пряслиц, из 6 целых/сломанных предметов пять – металлургические сопла (рис. 3, *1–4*). Что касается предметов из металла, то два из пяти – это слитки металла (рис. 3, *5*), а из оставшихся трех целых предметов два – чекан (рис. 3, *6*) и массивное шило – также могут иметь отношение к металлообработке. Таким образом, зольник Степного демонстрирует яркие свидетельства косторезного дела (в основном обработки рога) и металлургии/металлообработки.

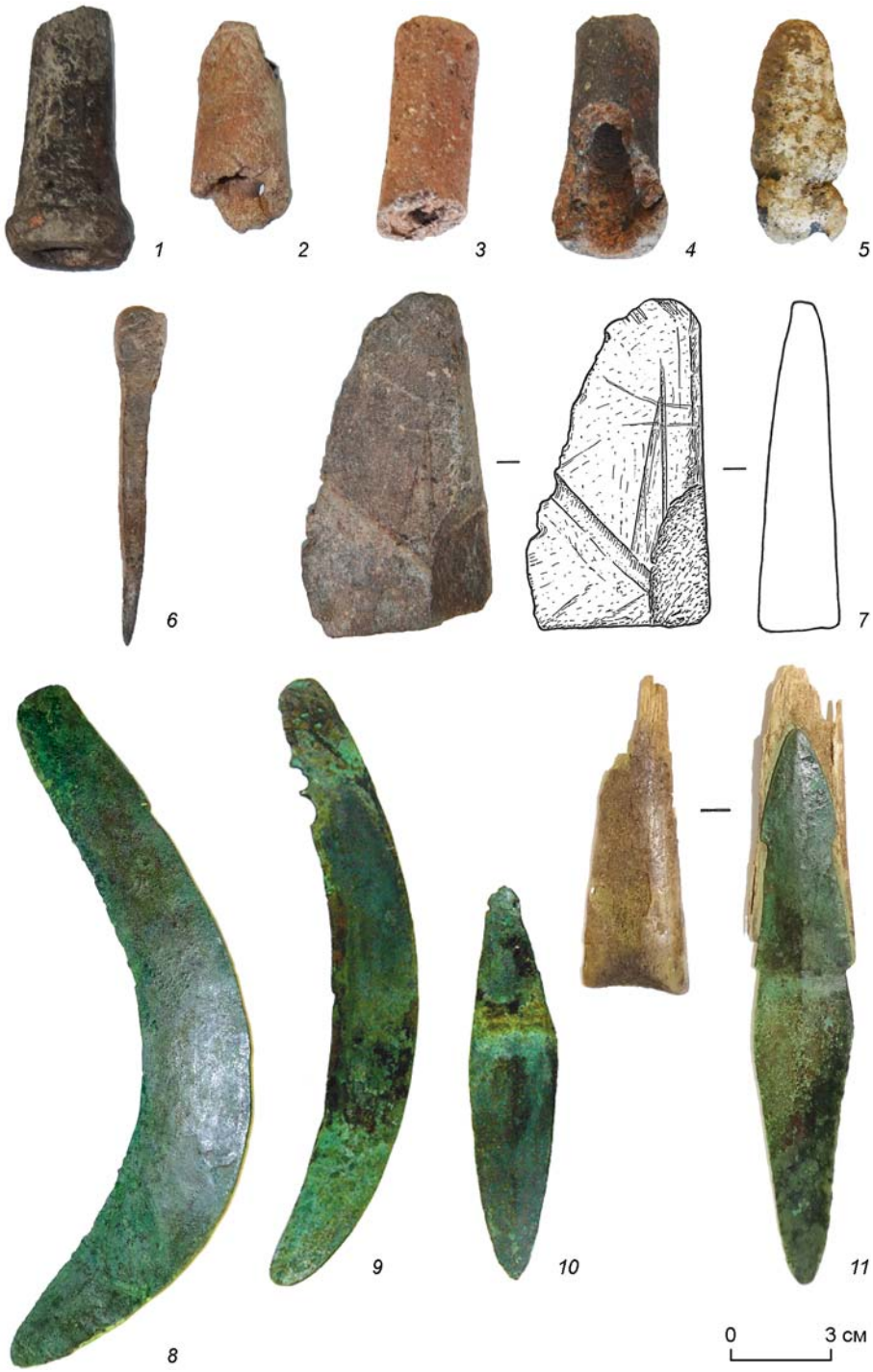

Рис. 3. Предметы, связанные с металлургией и орудия из металла из зольника поселения Степное (*1–7*) и могильника Степное-1 (*8–11*).

1–4 – металлургические сопла; *5* – слиток металла; *6* – чекан; *7* – фрагмент литейной формы; *8*, *9* – бронзовые серпы; *10*, *11* – бронзовые ножи.

На следующем этапе исследования предметы из коллекций исследуемых памятников (как целые, так сломанные и заготовки) были распределены по отношению к сферам хозяйства и производства (табл. 3). Поскольку трасологических определений коллекций не производилось, точную принадлежность большинства предметов определить невозможно. К категориям причислялись лишь те предметы, чья функция не вызывает сомнения. Так, для металлургии это сопла, слитки металла, орудия металлообработки; для производства одежды – проколки, спицы, костяные и глиняные прясла, трепала из челюстей КРС; для сферы охоты и рыбалки – костяные и каменные наконечники стрел, гарпун, грузило; к косторезному и каменному производству отнесены заготовки и отходы производства; к сфере сельского хозяйства – бронзовые серпы; к гончарству – костяные орнаментиры.

Необходимо учитывать, что конкретное назначение большинства целых и сломанных предметов достоверно неопределимо, поэтому они выпадают из этого раздела статистики, тогда как отходы косторезного и каменного производства, с одной стороны, включаются в нее целиком, с другой, по очевидной причине более многочисленны, чем готовые вещи, ввиду чего создается некий перекос в отражении данных. Поэтому представляется, что процентное соотношение отражаемых в артефактах иных сфер деятельности более значимо, чем видно из таблицы.

Наименьшее разнообразие сфер деятельности отражено в артефактах с зольника поселения Черноречье-2, что может объясняться как его малой мощностью, так и небольшой исследованной площадью. Находки с зольника отражают стандартные для общества бронзового века сферы хозяйства – каменную индустрию, производство одежды, охоту. Кости с признаками обработки, выделенные по данным археозоологии, в таблице не учитывались, но их наличие несомненно.

Наибольшее разнообразие предметной сферы зафиксировано на поселении Стрелецкое-1. В единственном из трех памятников здесь зафиксированы орудия сельского хозяйства (бронзовые серпы), гончарства (орнаментиры). Наборы, связанные с охотой/рыбалкой, производством одежды также гораздо разнообразнее, чем на других памятниках, включают грузило, гарпун, трепала, кочедыки и пр. Даже учитывая исключение из анализа многих предметов, доминирующей сферой, отраженной в артефактах зольника, является каменная индустрия. Есть также определенные свидетельства косторезного производства. В целом коллекция Стрелецкого-1 поражает обилием разнообразных нестандартных артефактов, назначение которых сложно определить. Часть из них отнесена нами ранее к культовой сфере (блюдца со знаками, костяные таблички, наперсток, зооморфный пест, каменная булава, амулеты из костей животных и др.) [Куприянова, 2024, с. 100].

В коллекции Степного отражение стандартных для бронзового века бытовых сторон жизни (каменная индустрия, охота, производство одежды, гончарство, сельское хозяйство) минимально либо отсутствует. В находках из зольника доминируют две сферы производства: косторезное ремесло и металлургия. Количество заготовок из кости/рога несравнимо большее, чем на других памятниках. Свидетельства металлургии/металлообработки также неоспоримы: металлургические сопла и формы, орудия металлообработки, слитки металла. Они представляются еще более существенными, если учесть большое количество металлургических шлаков (более сотни), найденных в раскопах 2023–2024 гг., а также то, что большинство макроформ, вероятнее всего, также имеют отношение к металлопроизводству. Примечательно, что на поселениях Стрелецкое-1 и Черноречье-2 находки металлургических шлаков отсутствовали.

Обсуждение и выводы

Сравнительный статистический анализ выявил существенные различия в составе артефактов трех зольников при поселениях бронзового века Южного Зауралья, свидетельствующие об их различных функциях.

В зольниках Стрелецкого-1 и Черноречья-2 отражены различные сферы деятельности древнего коллектива (охота/рыбалка, гончарство, производство одежды, сельское хозяйство). Наибольшее отражение нашла каменная индустрия как производство, остав-

Таблица 3. **Связь артефактов из зольников с различными сферами деятельности**

Металлургия	Производство одежды	Охота, рыбалка	Косторезное ремесло	Каменная индустрия	Сельское хозяйство	Гончарство
Степное						
12 (10,8 %)	7 (6,4 %)	4 (3,6 %)	34 (30,6 %)	54 (48,6 %)	–	–
Стрелецкое-1						
–	14 (5,4 %)	8 (3,2 %)	17 (6,5 %)	217 (83,4 %)	2 (0,7 %)	2 (0,7 %)
Черноречье-2						
–	6 (26 %)	2 (8,7 %)	–	15 (65,3 %)	–	–

ляющее большое количество неразлагаемых отходов, присутствуют также следы косторезного ремесла. На зольниках обоих поселений найдено также большое количество костей животных, представляющих стандартный состав стада для поселений бронзового века. Среди определимых костей домашних видов Черноречья-2 доминирует мелкий рогатый скот (овца и коза) – 47,5 %, останки крупного рогатого скота составляют 39,2 %, лошади – 13,3 %. Также единично представлены кости собаки, свиньи, косули, дикой птицы [Рассадников, 2021]. На поселении Стрелецкое-1 несколько иное процентное соотношение; из определимых костей домашних видов наибольшее количество принадлежит КРС – 64,5 %, МРС составляет 27,3 %, лошадь – 8,2 %, встречаются кости собаки. Из диких видов зафиксированы единичные кости лося, кабана, косули, лисицы, зайца, птицы и рыбы (в совокупности менее 1 %) [Гайдученко, 2012]. Кости животных в культурных слоях распределялись хаотично, контекстуальные скопления редки. В целом состав находок из зольников Стрелецкого-1 и Черноречья-2 не имеет специфики и отражает обычный состав бытового мусора древних поселений. Для поселения Стрелецкое-1 ранее было отмечено, что состав находок не идентичен в разных частях зольника. В одной части преобладают предметы быта, в другой – отходы косторезного и каменного производства, из чего был сделан вывод, что в разные зоны выносился мусор из жилищ и ремесленных мастерских или производственных площадок [Куприянова и др., 2013, с. 91]. Находки ритуальных предметов, отдельные кости человека и выкладки костей свидетельствуют, что временами площадка зольника использовалась для ритуалов либо сопрягалась с местами их проведения.

На зольнике Степного минимально отражены различные бытовые сферы жизни. В находках в основном представлены две доминирующие сферы производства – металлургия и косторезное ремесло. Остеологическая коллекция зольника еще не подвергалась обработке, но количество костей в целом гораздо меньшее, чем на зольниках Стрелецкого-1 и Черноречья-2, а также в раскопанных частях укрепленного поселения Степное [Степное..., 2023, с. 71–72]. Значительное количество скоплений костей располагалось не в золистом слое, а на погребенной почве; многие из них, судя по плотности и конфигурации, были помещены в емкости (мешки?). В скоплениях среди фрагментов встречаются заготовки, кости и рог со следами обработки (см. рис. 2, *1–9*). Среди предметов, найденных в синташтинских погребениях могильника Степное-1, расположенного в нескольких десятках метров, а также в зольнике, обнаружено множество искусных изделий из рога и кости (псалии, кибити сложного лука, рукояти, уток для плетения, наконечники стрел и др.; см. рис. 2, *10–20*).

Таким образом, следы обработки кости так или иначе фиксируются на всех трех памятниках, но в составе артефактов Степного присутствует большое количество предметов из рога. Комплексные естественно-научные исследования почвенных слоев трех зольников показали значительные различия в их составе и условиях формирования (см. ст. М.Ю. Соломоновой и др. «Фитолитные исследования отложений зольников поселений бронзового века Южного Зауралья» в этом сборнике). Одно из значимых отличий – более гидроморфные условия формирования для зольников Стрелецкого-1 и Черноречья-2. Исходя из комплекса факторов, можно предположить, что на площадке зольника Степного осуществлялась работа с отобранным материалом (рог, обработанная кость), тогда как на площадках Стрелецкого-1 и Черноречья-2 происходили разделка туш животных, отбор и обработка костного материала.

Свидетельства металлургии и металлообработки на Степном очень представительны и включают большое количество шлаков, макроформ, пять сопел, фрагменты литейных форм, а также две редкие находки слитков металла (предположительно, олова), который являлся импортом и использовался для получения бронзового сплава (см. рис. 3, *1–7*). Многочисленные находки металлических изделий в погребениях (см. рис. 3, *8–11*) подтверждают наличие у жителей поселения развитого металлургического производства.

Таким образом, территория зольника Степного, судя по всему, функционировала как производственная площадка косторезного и металлургического производств, которые в теплое время года выносились за пределы поселения, и не использовалась для выноса бытового мусора. Комплекс естественно-научных анализов показал, что «золистый» слой образовался в результате разложения большого количества органики. При этом в слое отсутствовали яйца кишечных паразитов, указывающие на то, что органическая масса могла являться навозом [Куприянова и др., 2023, с. 25]. Источником органики могло быть топливо, различные стройматериалы, кровли крыш, маты для сна, а также сено для животных, которое также могло храниться на этой территории.

В раскопе 2023–2024 гг. под слоем зольника были исследованы остатки легкой постройки, которая могла служить как производственным помещением, так и местом для хранения сена, дров и других хозяйственных материалов. Внутри нее, в отличие от остальной территории зольника, зафиксированы многочисленные следы горения – прослойки прокалов и угли. На полу постройки исследовано погребение взрослого индивида, захороненного по инокультурному обряду, который, судя по составу стабильных изотопов, происходил с дальних территорий [Епимахов и др., 2024], а снаружи у стены на погребенной почве – погребение младенца синташтинской культуры. Эти находки являются неоспоримым доказательством того, что зольник являлся не только хозяйственной

и производственной площадкой, но и местом проведения ритуалов.

Таким образом, анализ комплексов артефактов в сопоставлении с данными других исследований выявил отличия в функциях трех зольников у поселений бронзового века. Зольники неукрепленных поселений Стрелецкое-1 и Черноречье-2 использовались, по большей части, для утилизации бытовых отходов, частично – для обработки кости. Зольник при укрепленном поселении Степное являлся производственной площадкой металлургов и косторезов, а также использовался для различных хозяйственных и ритуальных целей.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-27-10016, «Изучение последствий скотоводства около поселений синташтинско-аркаимского типа в Южном Зауралье: междисциплинарные исследования». https://rscf.ru/project/23-27-10016/

Список литературы

Аркаим. Поселение эпохи бронзы. Древнейшие индоевропейцы в степях Урала. Каталог выставки / Сост. Г.Б. Зданович, Т.С. Малютина. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. – 118 с.

Алаева И.П., Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н. Некоторые свойства культурных слоев поселений бронзового века степной зоны Челябинской области // Геоархеология и археологическая минералогия-2022. – Миасс; Челябинск: Изд-во Южно-Урал. гос. пед. ун-та, 2022. – С. 24–30.

Бикмулина Р.Л., Якимов А.С., Куприянова Е.В., Чечушков И.В., Баженов А.И. Геохимические особенности зольника поселения бронзового века Стрелецкое-1 лесостепного Зауралья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 4 (39). – С. 172–182.

Гайдученко Л.Л. Предварительные данные об остеологических остатках из раскопок поселения Стрелецкое-1 // Е.В. Куприянова Спасательные раскопки поселения Стрелецкое-1 (Троицкий район Челябинской области) и комплексные исследования окружающей территории в 2012 году. Отчет. Челябинск, 2012 // Архив Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челяб. гос. ун-та. № 3-2012. С. 38–40.

Гершкович Я.П. Феномен зольников белогрудовского типа // РА. – 2004. – № 4. – С. 104–113.

Гершкович Я.П. Суботовское городище. – Киев: Ин-т археологии НАН Украины, 2016. – 508 с.

Епимахов А.В., Анкушева П.С., Батанина Н.С., Киселева Д.В., Куприянова Е.В. «Свои и чужие» обитатели в археологическом микрорайоне Степное (бронзовый век Южного Зауралья) // Бюл. Всерос. семинара стабильные изотопы в археологических исследованиях: методические проблемы и историческая проблематика: мат-лы VI заседания, Москва, 16–17 апреля 2024 г. – М.: ИА РАН, 2024. – С. 54–59.

Корочкова О.Н. Новое в изучении зольников и погребальных комплексов эпохи поздней бронзы Западной Сибири // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. – Екатеринбург, 1999. – С. 57–63.

Корочкова О.Н. О западносибирских зольниках эпохи поздней бронзы // РА. – 2009. – № 1. – С. 25–35.

Куприянова Е.В. Спасательные раскопки поселения Стрелецкое-1 (Троицкий район Челябинской области) и комплексные исследования окружающей территории в 2012 году. Отчет. Челябинск, 2012 // Архив Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челяб. гос. ун-та. № 3-2012.

Куприянова Е.В. Спасательные раскопки поселения Черноречье-2 в Троицком районе Челябинской области в 2019 г. Отчет. Челябинск, 2020 // Архив Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челяб. гос. ун-та. № 5-2020.

Куприянова Е.В. Раскопки на территории объекта культурного наследия федерального значения «Поселение и могильник Степное» в Пластовском районе Челябинской области в 2023 году. Отчет. Челябинск, 2024 // Архив Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челяб. гос. ун-та. № 2-2024.

Куприянова Е.В. Следы обрядов и ритуалов на зольниках бронзового века в Южном Зауралье // Следы явлений и процессов в археологических памятниках: мат-лы междунар. науч. конф. (Пятигорск, 8–10 апреля 2024 г.). – Ставрополь: Печатный двор, 2024. – С. 98–105.

Куприянова Е.В., Соломонова М.Ю., Трубицына Э.Д., Каширская Н.Н., Филимонова М.О., Афонин А.С., Шарапов Д.В., Иванов С.Н., Рябогина Н.Е. Междисциплинарные исследования отложений зольника около поселения Степное (Челябинская область) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2023. – № 4 (63). – С. 18–38. – doi:10.20874/2071-0437-2023-63-4-2

Куприянова Е.В., Якимов А.С., Сафарова Л.Р., Баженов А.И. Особенности стратиграфии поселения Стрелецкое-1 (предварительные результаты исследований) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 82–102.

Папин Д.В. Особенности функционирования зольника эпохи поздней бронзы поселения Рублево VI // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 181–183.

Рассадников А.Ю. Результаты археo- и этнозоологических исследований на поселении позднего бронзового века Черноречье-2 // Теория и практика археологических исследований. – 2021. – № 33 (1). – С. 85–105. – doi:10.14258/tpai(2021)33(1).-06

Сава Е., Кайзер Е. Поселение с «зольниками» у села Одая-Мичурин, Республика Молдова: (археологические и естественнонаучные исследования). – Кишинев: Muzeul Naţionalde Arheologie şi Istoriea Moldovei, 2011. – 532 с.

Степное: новые горизонты / Е.В. Куприянова, Н.С. Батанина, Б.К. Хэнкс, Д.Г. Зданович, Л.Л. Гайдученко, М.Н. Анкушев, И.А. Блинов, А.А. Гольева, Дж.А. Джонсон, А.В. Епи-

махов, Н.Ф. Петров, Ф.Н. Петров, Н.Е. Рябогина., Ын Чуен Ян. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2023. – 292 с. – doi:10.47475/9785727119280

References

Alaeva I.P., Kashirskaya N.N., Plekhanova L.N. Several features of the cultural layers Bronze Age settlements steppe zone of Chelyabinsk region. In *Geoarheologiya i arheologicheskaya mineralogiya–2022*. Miass; Chelyabinsk: South Ural State Pedagog. Univ. Press., 2022. P. 24–30. (In Russ.).

Bikmulina R.L., Yakimov A.S., Kupriyanova E.V., Chechushkov I.V., Bazhenov A.I. Geochemical features of the ashy layer (zol'nic) at the Bronze Age settlement of Streletskoye-1 in the forest-steppe Trans-Urals lesostepnogo Zaural'ya. *Vestnik arheologii, antropologi i ietnografii,* 2017. Iss. 4 (39). P. 172–182. (In Russ.).

Epimahov A.V., Ankusheva P.S., Batanina N.S., Kiseleva D.V., Kupriyanova E.V. "Svoi i chuzhie" obitateli v arheologicheskom mikrorajone Stepnoe (bronzovyj vek Yuzhnogo Zaural'ya). In *Byulleten' vserossijskogo seminara stabil'nye izotopy v arheologicheskih issledovaniyah: metodicheskie problemy i istoricheskaya problematika*. Moscow: IA RAS, 2024. P. 54–59. (In Russ.).

Gayduchenko L.L. Predvaritel'nye dannye ob osteologicheskih ostatkah iz raskopok poseleniya Streleckoe-1. In *Kupriyanova E.V. Spasatel'nye raskopki poseleniya Streleckoe-1 (Troickij rajon Chelyabinskoj oblasti i kompleksnye issledovaniya okruzhayushchej territorii v 2012 godu*. Report. Chelyabinsk, 2012. Archive of the Educational and Scientific Center for the Study of Nature and Human Problems of Chelyabinsk State Univ. No. 3-2012. P. 38–40.

Gershkovich Y.P. Fenomen zol'nikov belogrudovskogo tipa. *Rossiyskaya arheologiya,* 2004. Iss. 4. P. 104–113. (In Russ.).

Gershkovich Y.P. Subotovskoe gorodishche. Kiev: IA NASU, 2016. 508 p. (In Russ.).

Korochkova O.N. Novoe v izuchenii zol'nikov i pogrebal'nyh kompleksov epohi pozdnej bronzy Zapadnoj Sibiri. In *120 let arheologii Vostochnogo sklona Urala. Pervye chteniya pamyati V.F. Geninga*. Ekaterinburg, 1999. P. 57–63. (In Russ.).

Korochkova O.N. O zapadno-sibirskih zol'nikah epohi pozdnej bronzy. *Rossiyskaya arheologiya*, 2009. Iss. 1. P. 25–35. (In Russ.).

Kupriyanova E.V. Spasatel'nye raskopki poseleniya Streleckoe-1 (Troickij rajon Chelyabinskoj oblasti i kompleksnye issledovaniya okruzhayushchej territorii v 2012 godu. Report. Chelyabinsk, 2012. Archive of the Educational and Scientific Center for the Study of Nature and Human Problems of Chelyabinsk State Univ. No. 3-2012.

Kupriyanova E.V. Spasatel'nye raskopki poseleniya Chernorech'e 2 v Troickom rajone Chelyabinskoj oblasti v 2019 g. Report. Chelyabinsk, 2020. Archive of the Educational and Scientific Center for the Study of Nature and Human Problems of Chelyabinsk State Univ. No. 5-2020.

Kupriyanova E.V. Raskopki na territorii ob"ekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya "Poselenie i mogil'nik Stepnoe" v Plastovskom rajone Chelyabinskoj oblasti v 2023 godu. Report. Chelyabinsk, 2024. Archive of the Educational and Scientific Center for the Study of Nature and Human Problems of Chelyabinsk State Univ. No. 2-2024.

Kupriyanova E.V. Traces of Rites and Rituals on the Ash Hills of the Bronze Age in Southern Trans-Urals. In *Sledy yavlenij i processov v arheologicheskih pamyatnikah*. Stavropol': Pechatnyjdvor, 2024. P. 98–105. (In Russ.).

Kupriyanova E.V., Batanina N.S., Henks B.K., Zdanovich D.G., Gajduchenko L.L., Ankushev M.N., Blinov I.A., Gol'eva A.A., Johnson J.A., Epimahov A.V., Petrov N.F., Petrov F.N., Ryabogina N.E., Yn Chuen Yan. Stepnoye: novye gorizonty. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Univ. Press, 2023. 292 p. (In Russ.). doi:10.47475/9785727119280

Kupriyanova E.V., Solomonova M.Y., Trubicyna E.D., Kashirskaya N.N., Filimonova M.O., Afonin A.S., Sharapov D.V., Ivanov S.N., Ryabogina N.E. Interdisciplinary research of ash heap sediment near Stepnoye settlement (Chelyabinsk Oblast). *Vestnik arheologii, antropologi i ietnografii*, 2023. Iss. 4 (63). P. 18–38. (In Russ.). doi:10.20874/2071-0437-2023-63-4-2

Kupriyanova E.V., Yakimov A.S., Safarova L.R., Bazhenov A.I. Osobennosti stratigrafii poseleniya Streleckoe-1 (predvaritel'nye rezul'taty issledovanij). In *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale*. Chelyabinsk: Rifej, 2013. P. 82–102. (In Russ.).

Papin D.V. Osobennosti funkcionirovaniya zol'nika epohi pozdnej bronzy poseleniya Rublevo VI. In *Severnaya Evraziya v epohu bronzy: prostranstvo, vremya, kul'tura*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2002. P. 181–183. (In Russ.).

Rassadnikov A.Y. Results of archaeo- and ethnozoological researche on the settlement of the Late Bronze Age Chernorech'e 2. *Teoriya i praktika arheologicheskih issledovanij,* 2021. No. 33 (1). P. 85–105. (In Russ.). doi:10.14258/tpai(2021)33(1).-06

Sava E., Kajzer E. Poselenie s "zol'nikami" u sela Odaya-Michurin, Respublika Moldova: (arheologicheskie i estestvennonauchnye issledovaniya). Kishinev: Muzeul Național de Arheologie și Istorie a Moldovei, 2011. 532 p. (In Russ.).

Zdanovich G.B., Malyutina T.S. (eds.). Arkaim**.** Settlement of the Bronze Age ancient Indo-European people in the Urals Steppes. Exhibition catalog. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Univ. Press, 2011. 118 p. (In Russ.).

Куприянова Е.В. https://orcid.org/0000-0001-8842-9976
Петров Ф.Н. https://orcid.org/0000-0001-8212-7424

Дата сдачи рукописи: 02.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0568-0573
УДК 902.2

Е.С. Леванова[1]✉, Ю.М. Свойский[1, 2], Д.М. Павлов[1, 2], Е.В. Романенко[2]

[1]Институт археологии РАН
Москва, Россия
[2]Лаборатория RSSDA
Москва, Россия
E-mail: maraveriza@gmail.com

Исследование петроглифов на реке Пегтымель в 2024 году

Петроглифы на реке Пегтымель – вероятно самая северная в Азии группа памятников наскального искусства. Группа состоит из трех местонахождений – основного местонахождения Кээнэйкууль и небольших сателлитных местонахождениях Кэйныней и Анкапаграт. Все три местонахождения находятся на правом берегу р. Пегтымель (северо-запад Чукотки), в 40–50 км от побережья Восточно-Сибирского моря и приурочены к т.н. Кээнейкуульскому обрыву структурно-тектонического происхождения, расположенному на интервале между устьями правых притоков Пегтымеля – руч. Кээнейкууль и Кычакваам. Памятник обнаружен в 1965 г. геологом Н.М. Саморуковым и в 1967–1968 гг. исследован и описан археологом Н.Н. Диковым. В периоды с 1999 по 2001 гг. и с 2005 по 2008 гг. петроглифы Пегтымеля исследовались несколькими экспедициями, но после 2008 г. специалистами не посещались. В 2020 г. было принято решение о возобновлении работ на Пегтымельских петроглифах с целью мониторинга их состояния и полного редокументирования всей группы памятников современными техническими средствами. В августе 2024 г. сотрудникам Петроглифического отряда ИА РАН удалось провести разведки и продолжить съемку петроглифов на основном местонахождении (Кээнейкуульский обрыв) для трехмерного моделирования. В результате работ этого года было оцифровано более 160 поверхностей с петроглифами, многие из которых находились в труднодоступных местах (на обрывах и большой высоте). Кроме того, были проведены разведки к сателлитному местонахождению петроглифов Анкапаграт, расположенному в 2,7 км ниже по течению от местонахождения Кэйныней. На этом участке была выполнена плановая и перспективная аэросъемка и обследована стоянка, расположенная у бровки обрыва, непосредственно над петроглифами («третья неолитическая стоянка» по Н.Н. Дикову).

Ключевые слова: *наскальное искусство, петроглифы, трехмерное моделирование, картографирование, Чукотка, Пегтымель, Кээнейкууль, Кэйныней, Анкапаграт.*

E.S. Levanova[1]✉, Y.M. Svoysky[1, 2], D.M. Pavlov[1, 2], E.V. Romanenko[2]

[1]Institute of Archaeology RAS
Moscow, Russia
[2]Laboratory RSSDA
Moscow, Russia
E-mail: maraveriza@gmail.com

Study of Petroglyphs on the Pegtymel River in 2024

Petroglyphs in the Pegtymel River basin represent probably a northernmost rock art group in Asia. The group consists of three sites – main rock art site of Keeneykuul, and small satellite sites – Keynyney and Ankapagrat. All three sites are located on the right bank of the Pegtymel (northwestern part of Chukotka) in 50–60 km of shore of the East Siberian Sea and situated on Keeneykuul cliff of structural-tectonic origin between two tributaries of Pegtymel – the Keeneykuul and Kychakvaam streams. The rock art site was discovered in 1965 by geologist N.M. Samorukov and in 1967–1968 it was studied and described by archaeologist N.N. Dikov. In the periods from 1999 to 2001 and from 2005 to 2008, the petroglyphs of Pegtimel were studied by several expeditions, but after 2008, specialists did not visit the site. In 2020, studies the Pegtymel petroglyphs were resumed in order to monitor the state of petroglyph preservation and catalogue the whole set of petroglyphs with the aid of modern technical means. In August 2024, the members of the Petroglyphic team of IA RAS conducted the reconnaissance of the area and continue scanning petroglyphs at the main location (Keeneykul cliff) for three-dimensional modeling. As a result of this year's work, more than 160 plates with petroglyphs were digitized, many of which were located in hard-to-reach places (on cliffs and at high altitude). In addition, reconnaissance of the way to the satellite site of the Ankapagrat petroglyphs at 2.7 km downstream from the Keyney site was conducted. A planned and prospective aerial survey was carried out at this site and a site located at the edge of the cliff, directly above the petroglyphs ("the third Neolithic site" according to N.N. Dikov).

Keywords: *rock art, petroglyphs, 3D modeling, mapping, Chukotka, Pegtymel, Keeneykuul, Keynyney, Ankapagrat.*

Долгосрочной целью работ Петроглифического отряда ИА РАН на р. Пегтымель является создание цифрового образа местонахождения петроглифов как инструмента исследования и мониторинга памятника наскального искусства. Эта задача решается комплексом взаимодополняющих методов, обеспечивающих документирование поверхностей с петроглифами и картографирование их ландшафтного контекста с объединением собранных данных в единую информационную систему. Работы по документированию и картографированию выполняются на всех трех памятниках наскального искусства Пегтымельской группы – основном местонахождении Кээнэйкууль и небольших сателлитных местонахождениях Кэйныней и Анкапаграт, расположенных ниже по течению р. Пегтымель (работы на последнем местонахождении проводились в 2024 г., и их результаты находятся на стадии обработки)*. Картографирование каждого местонахождения предполагает выполнение плановой аэросъемки с беспилотного летательного аппарата территории распространения наскальных изображений с буферной зоной шириной не менее 50 м с формированием ортофотоплана и цифровой модели рельефа. Эти данные дополняются материалами перспективной аэросъемки, на основе которых создаются трехмерные полигональные модели отдельных останцов и участков распространения глыб с петроглифами в склоновом коллювии Кээнэйкуульского обрыва. Трехмерные полигональные модели, сформированные в единой системе координат и высот, позволяют зафиксировать пространственное положение отдельных поверхностей с петроглифами с точностью не ниже ±2 м, а также определить положение вектора экспозиции для каждой такой поверхности.

Документирование изобразительных поверхностей с петроглифами осуществляется методом трехмерного моделирования, при этом документируются все поверхности с петроглифами, выявленные на памятнике. Моделирование выполняется на основе цифровых фотоснимков высокого разрешения фотограмметрическим способом с детальностью (размером полигона модели) порядка 0,05 мм, при этом за счет применения стального масштабного базиса обеспечивается корректная масштабность моделирования с точностью не ниже 1 ‰ (фактически в пределах 0,3–0,4 ‰). Точность воспроизведения цвета поверхности с петроглифами обеспечивается цветокоррекцией по калибровочной мишени, фотографируемой в начале съемки и при значительных изменения освещения поверхности. Результатом документирования является текстурированная и колорированная масштабная мастер-модель, на основе которой формируются аналитические и визуализационные деривативы (частные полигональные модели, матрицы высот, карты кривизны и рендеры перечисленных видов данных), которые в дальнейшем используются для изучения петроглифов и их воспроизведения в публикациях, в т.ч. электронных. Изобразительные поверхности с петроглифами документируются индивидуально или группами по 2–3 поверхности, но в отдельных случаях одной съемкой охватывается до 7 поверхностей. При групповой съемке после формирования мастер-модели группы петроглифов из нее извлекаются модели отдельных поверхностей. Такой подход позволяет моделировать как отдельные поверхности, так и их группы (контексты).

Кроме того, для каждой поверхности с петроглифами выполняется описание по стандартному формуляру, фиксирующее состояние поверхности, ее положение в рельефе, характер воздействия естественных процессов разрушения и наличие антропогенных повреждений. Цвет поверхности с петроглифами определяется спектроколориметром, при этом замеры выполняются как на выбивке, так и на скальной поверхности (при необходимости – в нескольких местах).

Полевые работы на местонахождениях Пегтымельской группы (рис. 1) Петроглифическим отрядом ИА РАН начаты в 2021 г., продолжены в 2022 и 2024 гг. и выполнялись в несколько этапов**. В основном они были сосредоточены на местонахождении Кээнэйкууль, как на наиболее крупном и сложном объекте. В первую очередь был предпринят поиск всех поверхностей с петроглифами, известных по публикациям предшественников [Диков, 1969, 1971, 1992]. Отсутствие сколько-нибудь детальных планов расположения петроглифов существенно затруднило эту работу, однако за 10 дней работ удалось обнаружить около 90 % известных ранее наскальных рисунков, выполнить их мониторинговую фотосъемку и определить плановые координаты с точностью не ниже ±2 м.

Одновременно с поиском уже известных поверхностей с петроглифами была выполнена плановая и перспективная аэросъемка. Эти данные – координаты и начиная с 2022 г. ортофотоплан и модели отдельных останцов – существенно облегчили ориентирование на памятнике и в дальнейшем повторное обнаружение поверхностей с наскальными рисунками не вызывало затруднений у новых участников полевых работ, впервые работавших на Пегтымельских петро-

* Подробнее о петроглифах на р. Пегтымель и переименовании местонахождений, открытых Н.Н. Диковым, см.: [Леванова и др., 2023].

** Полевые работы 2021–2022 гг. выполнялись под руководством Е.С. Левановой и Л.Л. Бове при участии члена экспедиций 2005–2008 гг. А.Н. Мухаревой. Картографирование и документирование выполнялось технической группой Лаборатории RSSDA под руководством Ю.М. Свойского, в составе которой работали студенты ГАУГН А.А. Зиганшина и Д.М. Павлов. Работы выполнялись при поддержке Комитета по охране объектов культурного наследия Чукотского автономного округа, горнодобывающей компании «Баимская» и АО «ЧГГК», рудник «Купол».

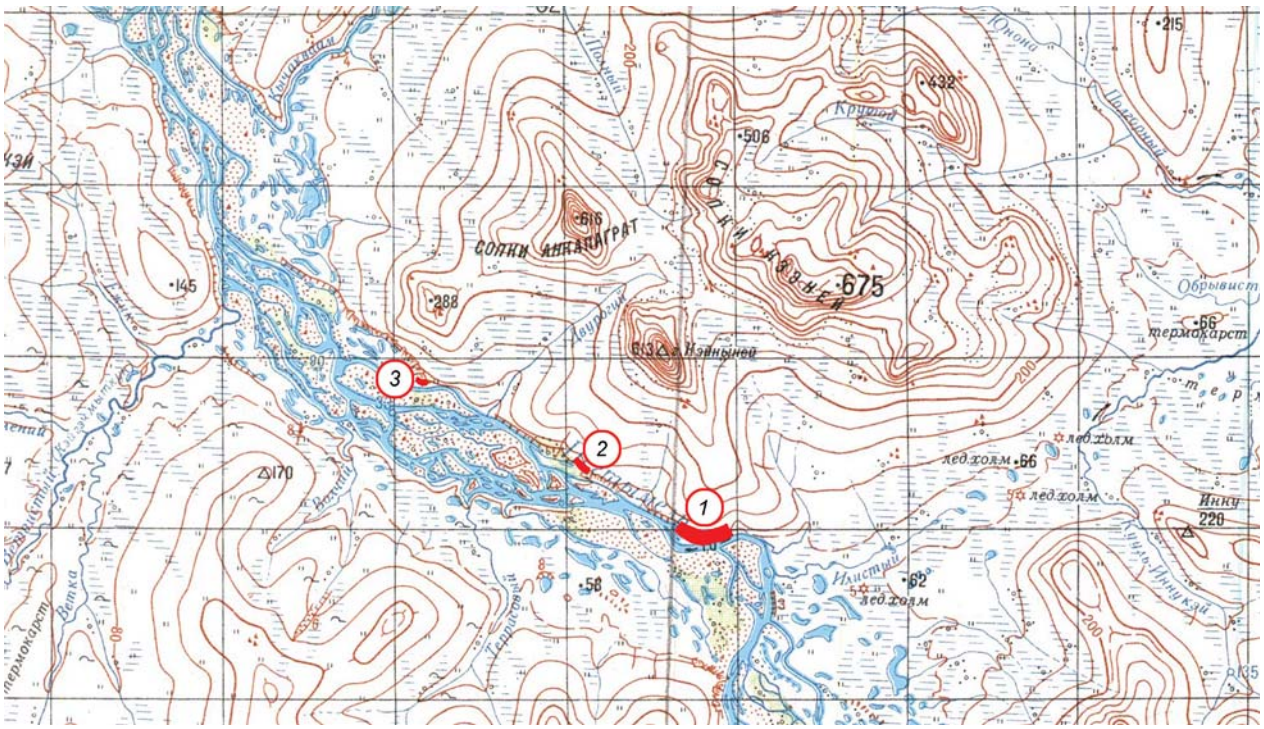

Рис. 1. Пегтымельская группа местонахождений петроглифов в топографическом контексте (фрагмент листа 1 : 200 000 R-60-XIX,XX Биллинг, 1975).

1 – Кээнейкууль, *2* – Кэйныней, *3* – Анкапаграт.

глифах. После определения координат уже известных поверхностей с петроглифами и картографирования следующим приоритетом стало документирование собственно петроглифов.

В 2022 г. основные усилия были сосредоточены на документировании поверхностей с петроглифами, причем фотосъемка выполнялась уже в две камеры, а в процедуры документирования был внесен ряд усовершенствований, направленных на улучшение детальности моделирования. Помимо работ на местонахождении Кээнэйкууль, было выполнено документирование сателлитного местонахождения Кэйнынэй.

В общей сложности в 2021–2022 гг. были созданы ортофотопланы и топографические планы местонахождений Кээнейкууль и Кэйнынэй, документировано 395 поверхностей с петроглифами. Задача поиска новых наскальных рисунков не ставилась, однако в ходе работ были выявлены ранее неизвестные петроглифы [Леванова и др., 2023, с. 179]. Накопленные данные позволили сделать ряд выводов о закономерностях расположения петроглифов на местонахождении Кээнейкууль и подготовить таблицы конкорданса, систематизирующие материалы предшественников (в первую очередь нумерацию поверхностей с петроглифами). На основе этих материалов и сформулированных единых критериев определения границ изобразительной поверхности была выполнена реиндексация петроглифов местонахождения Кээнейкуль. При этом было принято решение отказаться от дробной индексации исследований 2005–2008 гг. [Дэвлет, Миклашевич, Мухарева, 2012] и вернуться к сквозному принципу индексации, ранее примененному на этом памятнике Н.Н. Диковым [1971]*.

В 2024 г. основной задачей работ Петроглифического отряда ИА РАН было продолжение документирования поверхностей с петроглифами на местонахождении Кээнейкууль и описание состояния поверхностей по стандартному формуляру**. Существенная часть документированных в этом сезоне объектов относится к категории труднодоступных, поэтому их фотосъемка осуществлялась с применением альпинистского снаряжения, обеспечивающего безопасность выполнения работ. В отдельных случаях выполнялась фотосъемка с вехи, с управлением камерой по радиоканалу. Работами 2024 г. были собраны исходные данные для моделирования 160 поверхностей с петроглифами, при этом было выполнено 85 съемок

* Принципы индексации, примененной на петроглифах Пегтымельской группы местонахождений сформулированы нами в статье [Свойский, Аболонкова, Леванова, 2022].

** Полевые работы 2024 г. выполнялись с 9 по 21 августа под руководством Е.С. Левановой. Картографирование и документирование выполнялись технической группой Лаборатории RSSDA под руководством Ю.М. Свойского, в составе которой работали Д.М. Павлов, А.А. Чернухина, П.Н. Минеева, А.Н. Уральская (студенты ГАУГН) и М.Д. Дынин (аспирант НИУ ВШЭ). Работы выполнялись при поддержке Комитета по охране объектов культурного наследия Чукотского автономного округа и Русского Географического общества.

и сделано 31 687 фотоснимков. Было продолжено определение цвета поверхностей с наскальными рисунками, выполнено 87 спектроколориметрических измерений. Кроме этого, была выполнена перспективная аэросъемка небольшого участка, не охваченного работами 2021–2022 гг. Задача поиска новых петроглифов в 2024 г., как и ранее, не ставилась, однако в результате сплошного документирования неизбежно были обнаружены ранее не отмечавшиеся предшественниками поверхности с петроглифами. В частности, на перемещенном блоке, находящемся в склоновом коллювии, были выявлены изображения собаки и птицы (?), выполненные в технике глубокой выбивки (рис. 2). На другом участке была выявлена достаточно типичная для Пегтымельских петроглифов сцена поколки оленя.

Полевые работы 2024 г. выполнялись при неблагоприятной погоде, метеоусловия в целом были хуже, чем в 2021–2022 гг. Тем не менее работы удалось расширить на сателлитное местонахождение петроглифов Анкапаграт, расположенное в 2,7 км ниже по течению от местонахождения Кэйныней (рис. 3). На этом участке была выполнена плановая и перспективная аэросъемка и обследована стоянка, расположенная у бровки обрыва, непосредственно над петроглифами («третья неолитическая стоянка» по Н.Н. Дикову [1971, с. 40]). На стоянке был собран подъемный материал. Границы зоны распространения подъемного материала были определены и зафиксированы методами спутниковой геодезии. Документирование самой поверхности с петроглифами для трехмерного моделирования не выполнялось вследствие неблагоприятного освещения и необходимости сложной страховки оператора.

Таким образом, к настоящему времени Петроглифическим отрядом ИА РАН выполнено картографирование всех трех известных местонахождений петроглифов Пегтымельской группы – Кээнейкууль, Кэйныней и Анкапаграт, для каждого из которых сформированы ортофотопланы с разрешением не ниже 4 см, топографические планы масштаба 1 : 1 000 и цифровые модели поверхности с дискретностью (размером ячейки матрицы высот) не ниже 25 см, уточнены границы объектов культурного наследия. На местонахождениях Кээнейкууль, Кэйныней и Анкапаграт документировано 555 поверхностей с петроглифами (92 % от числа известных изобразительных поверхностей по действующей системе индексации), для чего выполнено 383 съемки. Выполнено 899 спектроколориметрических измерений, полностью или частично описано состояние 459 поверхностей с наскальными рисунками, сделана мониторинговая фотосъемка. Суммарно для сбора перечисленных выше данных потребовался 41 день полевых работ. Продолжается обработка накопленных материалов, завершена обработка материалов аэросъемки и геодезических измерений. К настоящему

Рис. 2. Новая поверхность с изображением собаки и птицы (?). *Фото А.А. Чернухина.*

Рис. 3. Местонахождение Анкапаграт. *Фото Д.М. Павлова*.
а – вид с воздуха; *б* – единственная поверхность с петроглифами.

времени сформировано 260 мастер-моделей, охватывающих 303 поверхности с петроглифами*.

Накопление массива данных документирования изобразительных поверхностей позволяет приступить к применению визуализации геометрии рисунков на скальной поверхности математическими алгоритмами. В качестве основного метода визуализации избран алгоритм мультимасштабного интегрального инварианта

* Обработка выполняется сотрудниками Лаборатории RSSDA А.Д. Клейменовым, Е.В. Никитиной под руководством Е.В. Романенко.

[Mara, 2012], позволяющий при корректном подборе настроек построить контрастные карты кривизны. Этот алгоритм к настоящему времени применен к 19 моделям. Для 63 участков детализации дополнительно построены матрицы высот, обеспечивающие возможность профилирования выбивок и гравировок и применение широкого набора алгоритмических визуализаций. В целом набор визуализационных алгоритмов отработан и признан пригодным для массового внедрения для всего массива трехмерных полигональных моделей.

Таким образом, принятая концепция создания цифрового образа местонахождения петроглифов предполагает комплексирование различных методов сбора данных (наземная и воздушная фотосъемка, спутниковая геодезия, спектроколориметрия). Цифровой образ представляет собой массив данных сплошного картографирования ландшафтного контекста, объединенный с массивом сплошного документирования индивидуальных поверхностей с петроглифами. Увязка данных между собой выполняется посредством информационной системы, при этом разнородные пространственные данные позиционируются методами спутниковой геодезии. Накопление и систематизация данных (фотоснимков, ортофотопланов, цифровых моделей рельефа, трехмерных полигональных моделей) в единой информационной системе позволит осуществить реальный мониторинг состояния наскальных рисунков, определить факторы разрушения и оценить скорость деградации объекта культурного наследия. Полученные к настоящему времени результаты в очередной раз показывают перспективность редокументирования памятников наскального искусства современными техническими средствами.

Благодарности

Обработка материалов экспедиций 2021–2024 гг. и долгосрочное исследование петроглифов Чукотки ведется в рамках выполнения темы НИР ИА РАН № НИОКТР 122011100061-5 «Наскальное искусство Дальнего Востока России: методы исследования и проблемы интерпретации».

Список литературы

Диков Н.Н. Местонахождение петроглифов, неолитические стоянки и пещера в низовьях Пегтымели // Археологические открытия 1968 года. – М.: Наука, 1969. – С. 218–219.

Диков Н.Н. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. – М.: Наука, 1971. – 131 с.

Диков Н.Н. Пегтымельские петроглифы – уникальный археологический памятник Заполярной Чукотки // Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 44–49.

Дэвлет Е.Г., Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. Материалы к своду петроглифов Чукотки (изображения в скоплениях I–III на Кайкуульском обрыве) // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 203–283. – (Тр. САИПИ; вып. IX).

Леванова Е.С., Свойский Ю.М., Романенко Е.В., Бове Л.Л., Зиганшина А.А., Павлов Д.М. Возвращение на Пегтымель: итоги первых полевых сезонов (2021–2022 гг.) // Тропою тысячелетий. Памяти М.А. Дэвлет. – М.: Изд-во ИА РАН, 2023. – С. 171–181.

Свойский Ю.М., Аболонкова И.В., Леванова Е.С. Проблемы индексации в документировании и картографировании местонахождений наскального искусства // Теория и практика археологических исследований. – 2022. – Т. 34, № 4. – С. 9–24.

Mara H. Multi-Scale Integral Invariants for Robust Character Extraction from Irregular Polygon Mesh Data. PhD thesis. – Heidelberg, Germany, 2012. – 210 p.

References

Devlet E.G., Miklashevich E.A., Mukhareva A.N. Materialy k svodu petroglifov Chukotki (izobrazheniya v skopleniyakh I–III na Kaikuul'skom obryve). In *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoi i Tsentral'noi Azii*. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012. P. 203–283. (Trudy SAIPI; iss. IX). (In Russ.).

Dikov N.N. Mestonahozhdenie petroglifov, neoliticheskie stoyanki i peshchera v nizov'yah Pegtymeli. In *Arheologicheskie otkrytiya 1968 goda*. Moscow: Nauka, 1969. P. 218–219. (In Russ.).

Dikov N.N. Naskal'nye zagadki drevnei Chukotki. Petroglify Pegtymelya. Moscow: Nauka, 1971. 131 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Pegtymel'skie petroglify – unikal'nyi arkheologicheskii pamyatnik Zapolyarnoi Chukotki. In *Naskal'nye risunki Evrazii*. Novosibirsk: Nauka, 1992. P. 44–49. (In Russ.).

Levanova E.S., Svoysky Y.M., Romanenko E.V. Return to Pegtymel: results of the first field seasons (2021–2022). In *Tropoyu tysyacheletij. Pamyati M.A. Devlet.* Moscow: IA RAS Publ., 2023. P. 171–181. (In Russ.).

Mara H. Multi-Scale Integral Invariants for Robust Character Extraction from Irregular Polygon Mesh Data. PhD thesis. Heidelberg, Germany, 2012. 210 p.

Svoysky Y.M., Abolonkova E.V., Levanova E.S. Problems of indexing in documentation and mapping of rock art sites. In *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022. Vol. 34. No. 4. P. 9–24. (In Russ.).

Леванова Е.С. https://orcid.org/0000-0003-3984-1950
Свойский Ю.М. https://orcid.org/0000-0001-6256-4299
Павлов Д.М. https://orcid.org/0009-0003-5117-0827
Романенко Е.В. https://orcid.org/0000-0001-5138-9202

Дата сдачи рукописи: 26.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0574-0580
УДК 902.21, 903.5

Ж.В. Марченко, С.П. Грушин, А.Е. Гришин,
О.А. Позднякова✉, Н.Д. Евменов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: olka.pozdnyakova@gmail.com

Археолого-геофизические исследования на новом грунтовом могильнике Нечунаево-3 в Алейской степи

В работе охарактеризованы культурно-хронологические комплексы нового археологического памятника Нечунаево-3, расположенного на высоком останце (елбане) в пойме левого берега нижнего течения р. Алей. В ходе осмотра и подготовительных работ к геофизическому обследованию в южной части елбана было сделано несколько бронзовых находок деталей узды лошади (распределитель и застежка) раннескифского времени. Здесь же по результатам геомагнитной разведки выявлено несколько аномалий, сопоставимых по форме и размерам с археологическими объектами. Находки раннескифского времени и геофизические данные послужили основанием для закладки серии шурфов при проведении археологической разведки. Из восьми шурфов в четырех, расположенных в южной, центральной и восточной частях елбана, были обнаружены нарушенные культурные слои от эпохи бронзы до Новейшего времени. Эпоха средней бронзы представлена ограбленным парным (мужчины и женщины) захоронением андроновской культуры. Керамический сосуд и антропологический материал полностью находился в переотложенном состоянии; in situ сохранились лишь остатки деревянного перекрытия по периметру нижней части камеры. Судя по окислам на костях, погребенные изначально сопровождались бронзовыми предметами. Это захоронение частично было перекрыто ямой со следами огня и раковинами двустворчатых моллюсков. Аналогичный фрагмент моллюска был найден в нижней части захоронения среди костей человека. Вероятнее всего, данная яма являлась ритуальной и сооружена после проникновения в погребение. Предметный комплекс раннескифского времени был дополнен разрозненными бронзовыми находками элементов конской узды из шурфа 1 (фигурная бляха и удила). Материалы скифо-сакского времени представлены находкой миниатюрного железного трехлопастного наконечника стрелы. В центральной части елбана были обнаружены неорнаментированные фрагменты лепной толстостенной посуды, оставленной, вероятнее всего, русскими переселенцами XVIII – начала XX в. Таким образом, в ходе археолого-геофизических исследований на территории нового грунтового могильника Нечунаево-3 были выявлены материалы четырех культурно-хронологических горизонтов и определены его границы.

Ключевые слова: *археологическая разведка, магнитометрия, юг Западной Сибири, Алей, погребение, эпоха бронзы, андроновская культура, раннескифское время, конская узда.*

Zh.V. Marchenko, S.P. Grushin, A.E. Grishin,
O.A. Pozdnyakova✉, N.D. Evmenov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: olka.pozdnyakova@gmail.com

Archaeological and Geophysical Research at the New Ground Cemetery of Nechunaevo-3 in the Aleyskaya Steppe

The cultural-chronological collections from a new archaeological site of Nechunaevo-3 located on the high remnant (elban) in the floodplain on the left bank of the lower Aley River are described. During survey and precursory work for geophysical research, a few bronze items of horse harness of the Early Scythian Period (distributor and clasp) were found in the southern part of the remnant. The geomagnetic sounding has shown several anomalies which correspond to the found archaeological objects by size and physical characteristics. Test pits were established at founding places of the Early Scythian artefacts and derived geophysical data. Of the eight established pits, four trenches located in the southern, medial and eastern parts of remnant have shown destroyed cultural layers dating to the range of the Bronze Age to the recent period. The Bronze Age is represented by the looted Andronovo Culture double burial (man and woman). Ceramic vessel and anthropological remains were redeposited; only recomposed wooden

cover at the margins of the chamber's lower part remained in situ. The oxides on traced on human bones suggest that both individuals were interred with bronze grave goods. The burial was partly overlapped by a pit with traces of fire and bivalve shells. A similar shell fragment was found in the lower part of burial among human bones. Possibly, it was a ritual pit, which was made upon looting. The Early Scythian artifact collection was supplemented by separate bronze horse harness elements from test pit 1 (figured plaque and bit). The Scythian-Saka collection includes a miniature iron three-wing arrowhead. Unornamented fragments of thick-walled pots associated most likely with Russian settlers of 18th – early 20th centuries were found in the medial part of the remnant. In sum, archaeological materials associated with four cultural-chronological periods were found during the archaeological and geophysical studies of the new site of Nechunaevo-3; the site borders were identified.

Keywords: *archaeological survey, magnetic prospection, southern West Siberia, Aley River, burial, Bronze Age, Andronovo Culture, Early Scythian Period, horse harness.*

Введение

Территория Алейской степи на юге Западной Сибири являлась естественным транспортным и миграционным коридором для групп центрально-азиатского и североазиатского степного и лесостепного населения. Как показывают исследования предыдущих лет, наиболее ранние культурные слои скотоводов связаны с долиной р. Алей и освоением ее территории древним населением эпохи бронзы (напр.: [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011; Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005; Ситников, 2015]). Значительное количество курганных могильников, расположенных как на террасах Алея, так и на водоразделах, относится к более поздним периодам, связанным с кочевниками (напр.: [Горбунов, Тишкин, 2022; Телегин, 1998, 2011; Уманский, 1997; Уманский, Неверов, 1982]). На настоящий момент одной из наиболее изученных является территория верхнего течения р. Алей, исследования на которой во многом были связаны со строительством Гилевского водохранилища (напр.: [Демин, Ситников, 2007; Могильников, 2002; Шульга, 2008, 2016]). Вместе с тем источниковый потенциал археологического материала Алейской степи все еще достаточно высок, раскрыт неравномерно, особенно по эпохе бронзы. Ландшафтные особенности нижнего течения р. Алей (коренные останцы в долине реки в совокупности с широкой поймой, а также высокие коренные участки, приуроченные к устьям притоков) в сочетании с относительно небольшим количеством известных памятников позволяют считать перспективным проведение здесь разведочных мероприятий по выявлению археологических памятников. Учитывая высокую техногенную нагрузку на земли Алейской степи и значительную нивелировку рельефных признаков древних сооружений, перспективным для поиска археологических структур является использование методов геофизической разведки [Фассбиндер, 2019]. Отметим, что такие исследования в долине р. Алей пока не проводились.

В 2023–2024 гг. Обь-Иртышским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены комплексные археолого-геофизические разведки на перспективных участках в нижнем течении р. Алей. Цель статьи – представление результатов изысканий на одном из открытых в ходе этих работ памятников – Нечунаево-3 (Шипуновский р-н Алтайского края).

ВОАН Нечунаево-3

Археологическое изучение левого берега в нижнем течении Алея на участке от д. Шипуново до д. Кабаково (до границы Шипуновского и Алейского р-нов Алтайского края) было начато А.П. Уманским. В 1962 г. он обследовал останец у д. Нечунаево («Елбан I», «Нечунаевский Елбан») и карьер между д. Нечунаево и Кабаково («Елбан II», ОАН Нечунаево II). Осмотр территории останца «Елбан I» на тот момент не выявил признаков культурного слоя. Однако Алексей Павлович был убежден, что такой выразительный ландшафтный объект не мог остаться без внимания древнего населения, и выделял его в качестве перспективного пункта для дальнейших планомерных исследований по поиску следов его ритуального и хозяйственного освоения. Именно на этом елбане нами был выявлен новый археологический памятник.

Грунтовый могильник Нечунаево-3 расположен на коренном останце (елбане) в пойме левого берега р. Алей у д. Нечунаево (рис. 1, *1*). Высота елбана – 6 м. Рельефных признаков археологических структур нет. Останец неоднократно использовался под сельскохозяйственные угодья. Вся поверхность елбана преобразована в результате глубокой распашки и имеет своеобразный упорядоченный ступенчатый рельеф с широкими бороздами глубиной до 0,3 м, характерный для террасного земледелия. В западной части останца есть следы и других современных нарушений (остатки строений, выемки грунта). В настоящее время елбан покрыт луговой растительностью и используется под выпас.

Результаты геофизических исследований

В 2023 г., в южной части останца была выполнена магнитная съемка. Общая площадь участка составила 3 600 м^2. До начала работ с помощью металлоискателя из грунта были удалены современные железные предметы. В процессе очистки в переотложенных почвенных напластованиях обнаружены археологические находки: бронзовая застежка и распределитель от конской узды раннескифского времени (рис. 2, *3*, *4*), а также миниатюрный железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы, соответствующий традициям вооружения кочевников Верхнего

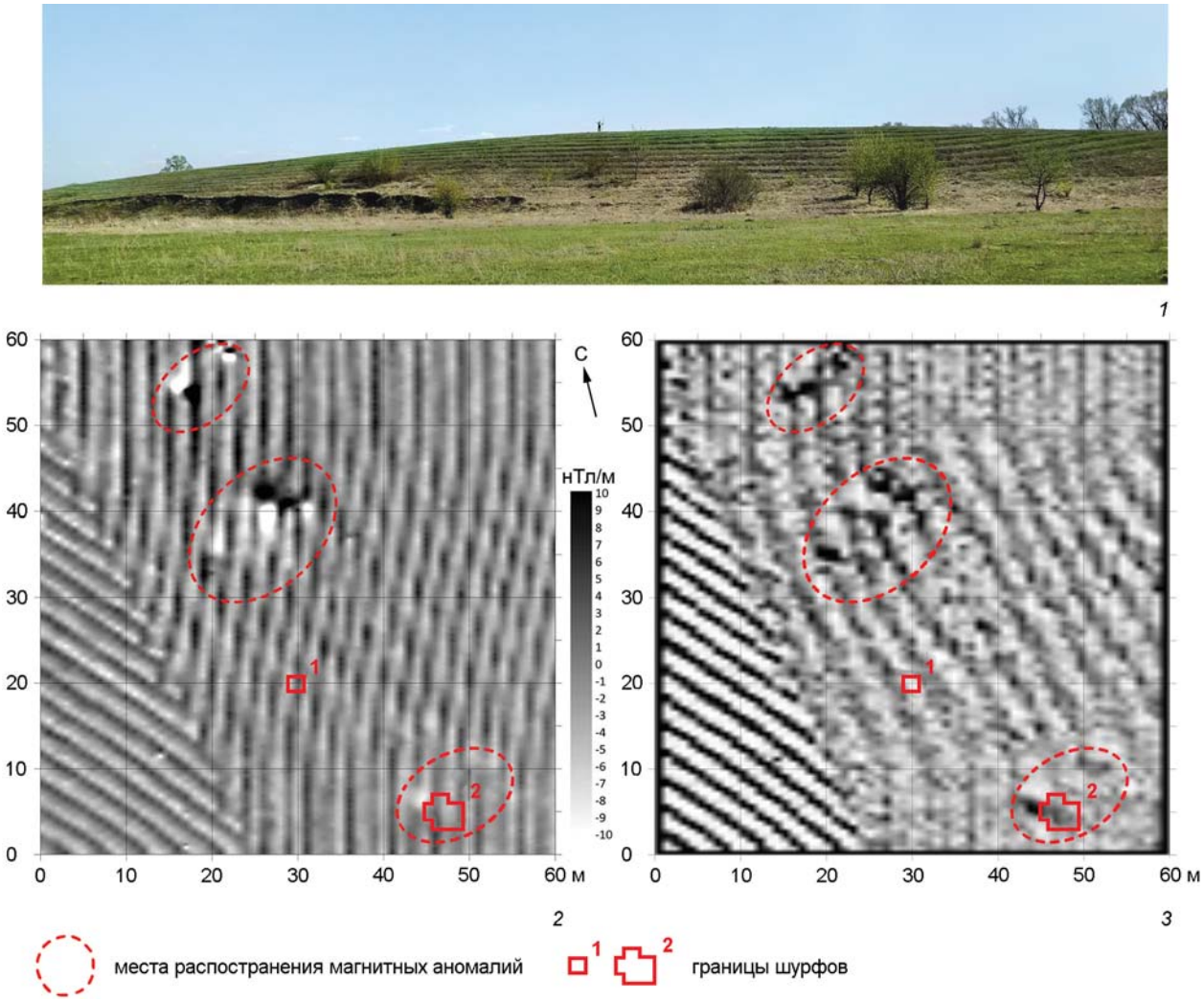

Рис. 1. Памятник Нечунаево-3.

1 – вид на елбан с северо-востока; *2* – карта распределения вертикального градиента модуля магнитной индукции; *3* – карта «тень» от градиента магнитного поля.

Приобья (каменская культура), Горного Алтая, Тувы и Восточного Казахстана (IV–III вв. до н.э.) (рис. 2, *2*) [Иванов, 2021; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 152–153, с. 278, рис. 78]. Все предметы залегали разрозненно, но на одной линии, что позволило предположить наличие здесь разрушенного археологического объекта.

Магнитная съемка выполнялась цезиевым магнитометром G-858G методом вертикального градиента. Нижний датчик располагался на высоте 30–35 см от поверхности Земли, верхний – на высоте 105–110 см. Измерения проводились при равномерной ходьбе оператора вдоль параллельных профилей, в направлении Ю–С. Расстояние между соседними замерами по профилю составляло ок. 8–12 см, между профилями – 1 м. Эффективность данной методики подтверждена результатами многолетних археолого-геофизических работ, в т.ч. и на территории Алтайского края (напр.: [Тишкин и др., 2007; Дядьков и др., 2010]).

По итогам магнитной съемки были построены карты распределения вертикального градиента модуля геомагнитной индукции (см. рис. 1, *2*). На картах отчетливо выделяются чередующиеся положительные и отрицательные аномалии с амплитудой от –5 нТл/м до 5 нТл/м. Их источником является ступенчатый микрорельеф, сформировавшийся в результате сельскохозяйственной деятельности. У северного края участка наблюдаются небольшие интенсивные аномалии (от –25 до 25 нТл/м), связанные с залеганием в грунте железных предметов. В средней части площадки выделяется скопление аномалий с перепадом значений от –18 до 14 нТл/м. Схожий с ними объект зафиксирован и у южного края участка. Несмотря на значительный диапазон амплитуд, характер этих аномалий позволял предположить их связь с археологическими объектами. Однако аномалии от поверхностного рельефа, в силу своей интенсивности и плотности расположения, не давали возможности корректно оценить подповерхностное пространство.

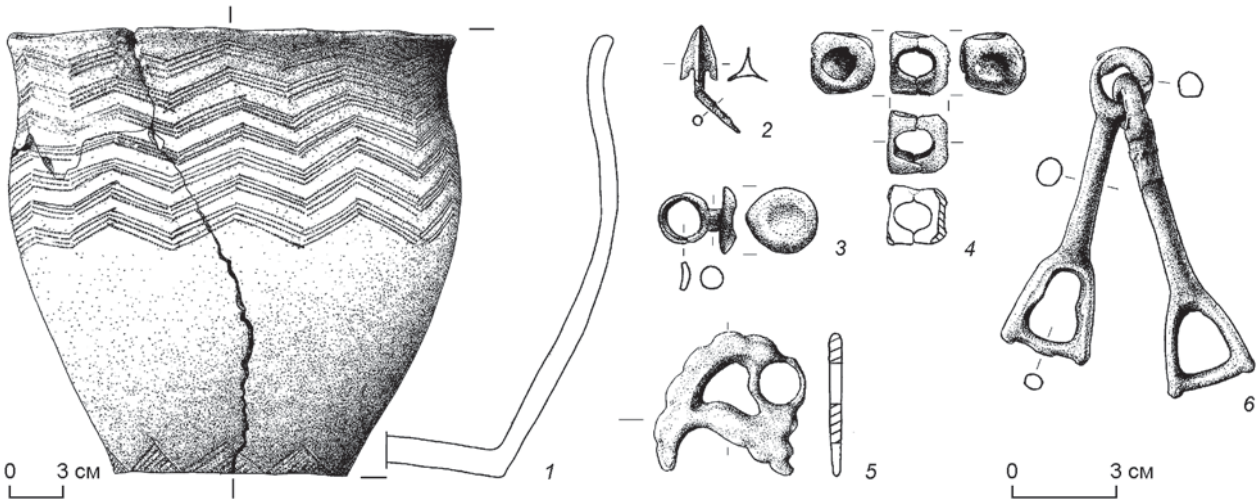

Рис. 2. Находки.

1 – керамический сосуд (шурф 2); *2* – железный наконечник стрелы (подъемный материал); *3–6* – бронзовые предметы конского снаряжения (*4–6* из шурфа 1).

С целью уменьшить визуальный эффект от рельефа с помощью программы Surfer были построены карты «тени» от градиента магнитного поля. При направлении «источника света» 251° по горизонтали и 47° по вертикали, в центральной части площадки отчетливо выделилось скопление аномалий, которые покрывают область, диаметром ок. 15 м (см. рис. 1, *3*). Также хорошо фиксируется и аномалия у южного края участка. Дополнительный анализ данных магнитной съемки показал, что ее амплитуда превышает фоновые значения и составляет 6,4 нТл/м. Кроме того, рядом с этим объектом, а также в 5 м к северо-востоку от него выделились области с повышенными магнитными параметрами. Амплитуды всех выявленных аномалий не связаны с поверхностным рельефом, что увеличивает вероятность их взаимосвязи с археологическими объектами.

В 2024 г. геофизические исследования были продолжены на западном краю елбана. Общая площадь магнитной съемки составила 2 700 м^2. По итогам проведенных работ аномалии, сопоставимые с археологическими объектами, выявить не удалось.

Результаты археологических исследований

На южном краю елбана, в месте обнаружения находок раннескифского времени, а также над одной из геомагнитных аномалий было заложено два шурфа (см. рис. 1, *2*, *3*). Еще пять шурфов и одна зачистка были выполнены для определения границ культурного слоя, прежде всего, в центральной части останца. Археологические разведочные мероприятия в западной части елбана в отсутствие рельефных признаков археологических объектов, подъемного материала и перспективных для проверки магнитных аномалий пока не проводились.

В шурфе 1, размеченном на месте обнаружения бронзового распределителя конской узды, в переотложенном состоянии были найдены бронзовая фигурная бляха и удила (рис. 2, *5*, *6*). Вся совокупность предметов является гарнитурой конской узды раннескифского времени (VII – пер. пол. VI в. до н.э.), а их разрозненное местоположение по слою – признаком разрушенного ритуального объекта (напр.: [Шульга, 2008, с. 28–43, с. 204, рис. 13]).

Шурф 2, заложенный над одной из магнитных аномалий, подтвердил наличие древних углублений, которые были исследованы для уточнения характера памятника. Еще в двух шурфах (3 и 4), размеченных в центральной и восточной частях останца, были обнаружены переотложенные фрагменты керамики времени освоения Сибири русскими. Остальные четыре шурфа признаков культурного слоя не содержали.

В шурфе 2 обнаружено два углубленных объекта (рис. 3). Сначала было выявлено пятно *ямы 1* размерами 2,65 × 1,4–1,45 м, вытянутой по линии ССЗ–ЮЮВ. Стенки ямы вертикальные. Глубина от уровня фиксации – 0,22 м. В заполнении прослежены немногочисленные сажистые пятна и мелкие фрагменты угля. На дне и в придонной части – следы прокала. В заполнении найдены: три неорнаментированных фрагмента керамики от двух сосудов, обломок камня, а также крупные и мелкие фрагменты раковин двустворчатого моллюска. В придонной части ямы были обнаружены небольшие фрагменты необожженных костей крупных млекопитающих и крупный фрагмент створки раковины моллюска. Яма 1 частично перекрывала погребение 1.

Яма погр. 1, ориентированная по линии В–З, имела размеры по верхнему контуру 220 × 140 м, по дну – 185 × 120 м. Ее углы были значительно скруглены. Стенки камеры практически вертикальные, глубина от уровня фиксации – 1,75 м. Вдоль западной стенки

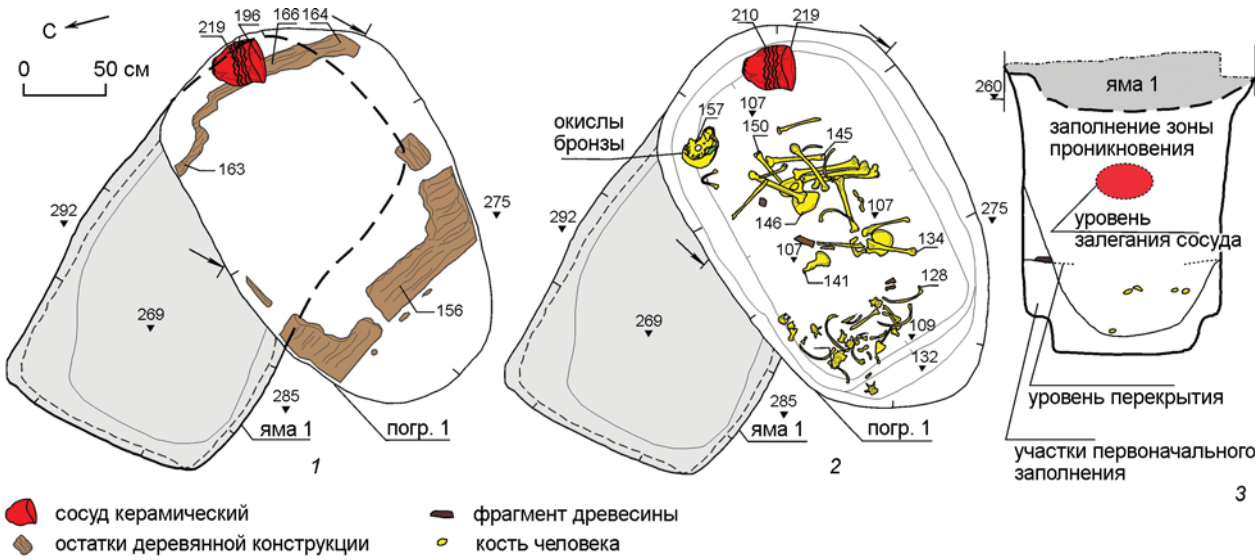

Рис. 3. Шурф 2. Планы и разрез ямы 1 и погр. 1.

1 – план на уровне залегания сосуда и деревянного перекрытия; *2* – план на уровне скопления костей, *3* – разрез.

ямы, в 0,25 м от дна была оставлена ступенька, шириной 0,32 м. Небольшие грунтовые уступы, шириной 0,05–0,07 см отмечены и вдоль других стенок камеры, на высоте 0,1–0,15 м от уровня дна. После совершения захоронения его целостность была нарушена. На глубине 0,68 м от уровня фиксации пятна и в 1,05 м от дна, вплотную к стенке ямы обнаружен практически целый, лежавший на боку, сосуд андроновской культуры. В заполнении также найден фрагмент другого сосуда с нагаром на внутренней поверхности, орнаментированный горизонтальной резной «елочкой». На глубине 1,2 м, в 0,55 м от дна по периметру камеры были зафиксированы остатки незатронутого в ходе проникновения деревянного поперечного перекрытия. На истлевших деревянных предметах фиксировалась береста. На самом дне ямы отмечены белесые области, возможно, остатки от органической подстилки.

В центральной части камеры с глубины 1,5 м от уровня ее фиксации располагались бессистемные скопления разрозненных костей двух индивидов (ск. 1 – женщина, 35–40 лет; ск. 2 – *Adultus*, мужчина) (подробная комплексная характеристика останков дана в статье М.С. Кишкурно, Ж.В. Марченко, А.Е. Гришина «Морфологическая характеристика двух погребенных из грунтового могильника андроновского времени Нечунаево-3» данного сборника). В северо-восточной части ямы, чуть ниже уровня разрушенного перекрытия находились череп и нижняя челюсть ск. 1. Чуть ниже и до дна могилы располагалось бессистемное, разрозненное скопление костей обоих индивидов. Положение костей *in situ* в сочленении не зафиксировано. Сохранность антропологического материала хорошая, но комплектность обоих скелетов неполная, в т.ч. отсутствовал череп от ск. 2. Единственной находкой на этом уровне является мелкий фрагмент раковины двустворчатого моллюска, аналогичный находкам из ямы 1. По характеру локализации костей в скоплениях можно предположить, что погребенные были уложены головой на запад. Очевидно, что первоначально в могиле были бронзовые предметы (вероятнее всего, украшения), следы которых зафиксированы на костях обоих скелетов: у женщины – в районе дистального конца левой большеберцовой кости, в районе левой скулы и левой стопы, а у мужчины – в районе левой лопатки. Сильное проникновение окислов в костную ткань указывает на довольно продолжительное время контакта металла с уже скелетированными останками.

Можно предположить, что проникновение в могилу произошло через прорубь в центре деревянного перекрытия. Керамический сосуд, вероятнее всего, находился в переотложенном состоянии. На момент проникновения останки, судя по всему, были полностью скелетированы. Яма 1 со следами огня и створками раковин, перекрывающая могилу, скорее всего, была ритуальной и сооружена после проникновения в погребение.

Таким образом, в результате комплексной археолого-геофизической разведки на останце близ д. Нечунаево выявлены четыре культурно-хронологических горизонта, что полностью подтвердило предположение А.П. Уманского об археологической перспективности данного елбана. Наиболее ранний период представлен нарушенным парным захоронением андроновской культуры эпохи средней бронзы (XVIII–XV вв. до н.э.) (шурф 2). К раннескифскому периоду (VII – пер. пол. VI в. до н.э.) относятся бронзовые предметы конской сбруи (из шурфа 1 и поверхностных сборов), а к скифо-сакскому времени (IV–III вв. до н.э.) – трехлопастной нако-

нечник стрелы в пашенном слое. В центральной и восточной частях елбана (шурфы 3 и 4) зафиксированы находки неорнаментированной лепной посуды, вероятнее всего, связанные с деятельностью российских переселенцев (XVIII–XX вв.). В целом, на данный момент культурные слои I тыс. до н.э. и XVIII–XX вв. представлены только переотложенными находками из разрушенного культурного слоя. Не исключено, что некоторые неорнаментированные фрагменты посуды из шурфа 4 могут относиться к раннему железному веку – Средневековью и указывают на возможное увеличение культурно-хронологического разнообразия в ходе его дальнейшего изучения.

Анализируя результаты геофизических исследований, можно сказать, что они проводились в сложных условиях. Выраженный ступенчатый микрорельеф поверхности создает существенные помехи для дистанционного распознавания археологических объектов. Благодаря использованию дополнительных приемов обработки данных, удалось выделить несколько аномалий, перспективных для проверки. Их взаимосвязь с археологическими объектами подтверждена раскопками. Таким образом, использованную методику можно рекомендовать для работы на подобных памятниках. Кроме того, замеры магнитной восприимчивости грунтов показали, что магнитные свойства заполнения изученного погребения практически не отличаются от вмещающей среды. Поскольку глубина ямы была значительной (более 1,5 м), над ней образовалась аномалия небольшой амплитуды. Однако при уменьшении размеров и глубины ям поиск таких объектов может осложняться, особенно при работе на малоконтрастных грунтах.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту РНФ № 24-28-0745.

Благодарим за помощь в работе с архивными материалами по территории разведки и консультации директора МАЭА Алтайского государственного университета канд. ист. наук Я.В. Фролова, науч. сотр. ИАЭТ СО РАН канд. ист. наук А.С. Федорука, инж.-исслед. ИАЭТ СО РАН И.А. Савко.

Список литературы

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сросткинской культуры на Приобском плато. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2022. – 320 с. – (Археологические памятники Алтая; вып. 6).

Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2007. – Ч. I. – 247 с.

Дядьков П.Г., Позднякова О.А., Грушин С.П., Чемякина М.А., Михеев О.А. Археолого-геофизические исследования памятника Телеутский Взвоз I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 191–195.

Иванов С.С. Ранние железные наконечники стрел с территории сакской культуры Притяньшанья // Уфимский археол. вестн. – 2021. – № 1. – С. 98–105.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2011. – Т. II. – 171 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – Т. I. – 288 с.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. – М.: Наука, 2002. – 362 с.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. пед. ун-та, 2015. – 254 с.

Телегин А.Н. Аварийные раскопки курганной группы Барчиха // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – Вып. IX. – С. 182–183.

Телегин А.Н. К археологической карте Алейского и Шипуновского районов Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае в 2010 г. (Археология, Этнография, Устная история). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. пед. акад., 2011. – С. 126–128.

Тишкин А.А., Чугунов К.В., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Манштейн А.К., Позднякова О.А., Миненко М.И., Адайкин А.А. Геофизические исследования на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – С. 215–220.

Уманский А.П. Археологические раскопки близи с. Нечунаево // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – Вып. VIII. – С. 153–156.

Уманский А.П., Неверов С.В. Находки из погребений IX–X вв. в долине р. Алея на Алтае // СА. – 1982. – № 2. – С. 176–183.

Фассбиндер Й.В.Е. Магнитометрия в археологии – от теории к практике // РА. – 2019. – № 3. – С. 75–91.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Барнаул: Азбука, 2008. – Ч. I: Раннескифское время. – 276 с.

Шульга П.И. Могильник раннескифского времени Гилево-10 в предгорьях Алтая. – Новосибирск: РИЦ Новосиб. гос. ун-та, 2016. – 258 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – 329 с.

References

Demin M.A., Sitnikov S.M. Materialy Gilevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2007. Pt. I. 247 p. (In Russ.).

Dyadkov P.G., Pozdnyakova O.A., Grushin S.P., Chemyakina M.A., Mikheev O.A. Arkheologo-geofizicheskie issledovaniya pamyatnika Teleutskii Vzvoz I. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010. Vol. 16. P. 191–195. (In Russ.).

Gorbunov V.V., Tishkin A.A. The Kurgans of the Srostkinskaya Culture on the Priobskoe Plateau. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2022. 320 p. (In Russ.).

Fassbinder J.W.E. Magnetometry in Archaeology – from Theory to Practice. *Russian Archaeology,* 2019. No. 3. P. 75–91. (In Russ.). doi: 10.31857/S086960630005672-8

Ivanov S.S. The First Iron Arrowheads of the Saka Culture from the Territory of the Tian Shan Region. *The Ufa Archaeological Herald,* 2021. Vol. 21. P. 98–105. (In Russ.). doi:10.31833/uav/2021.21.1.009

Kiryushin Y.F., Grushin S.P., Tishkin A.A. Berezovaya Luka – poselenie epokhi bronzy v Aleiskoi stepi. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2011. Vol. II. 171 p. (In Russ.).

Kiryushin Y.F., Maloletko A.M., Tishkin A.A. Berezovaya Luka – poselenie epokhi bronzy v Aleiskoi stepi. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2005. Vol. I. 288 p. (In Russ.).

Mogilnikov V.A. Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaya v IX–XI vekakh. Moscow: Nauka, 2002. 362 p. (In Russ.).

Shulga P.I. Snaryazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poyasa na Altae. Barnaul: Azbuka, 2008. Pt. I: Ranneskifskoe vremya. 276 p. (In Russ.).

Shulga P.I. Early Scythian Time Necropolis Gilyovo-10 in the Altai Foothills. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2016. 258 p. (In Russ.).

Shulga P.I., Umanskii A.P., Mogilnikov V.A. Novotroitskii nekropol'. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2009. 329 p. (In Russ.).

Sitnikov S.M. Kul'tura sargarinsko-alekseevskogo naseleniya lesostepnogo i stepnogo Altaya. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2015. 254 p. (In Russ.).

Telegin A.N. Avariinye raskopki kurgannoi gruppy Barchikha. In *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 1998. Iss. IX. P. 182–183. (In Russ.).

Telegin A.N. K arkheologicheskoi karte Aleiskogo i Shipunovskogo raionov Altaiskogo kraya. In *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altae v 2010 g. (Arkheologiya, Etnografiya, Ustnaya istoriya)*. Barnaul: Altai State Pedagog Akadem., 2011. P. 126–128. (In Russ.).

Tishkin A.A., Chugunov K.V., Chemyakina M.A., Dyadkov P.G., Manshtein A.K., Pozdnyakova O.A., Minenko M.I., Adaikin A.A. Geofizicheskie issledovaniya na pamyatnike Bugry v predgor'yakh Altaya. In *Altae-Sayanskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2007. P. 215–220. (In Russ.).

Umanskii A.P. Arkheologicheskie raskopki blizi s. Nechunaevo. In *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1997. Iss. VIII. P. 153–156. (In Russ.).

Umanskii A.P., Neverov S.V. Nakhodki iz pogrebenii IX–X vv. v doline r. Aleya na Altae. *Sovetskaya arkheologiya*, 1982. No. 2. P. 176–183. (In Russ.).

Марченко Ж.В. https://orcid.org/0000-0002-4729-8575
Грушин С.П. https://orcid.org/0000-0002-5404-6632
Гришин А.Е. https://orcid.org/0000-0001-8367-2272
Позднякова О.А. https://orcid.org/0000-0001-8376-0344
Евменов Н.Д. https://orcid.org/0000-0003-0164-8610

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0581-0586
УДК 902/904

Е.А. Миклашевич[1, 2]✉, В.К. Кулимеева[3]

[1]Институт археологии РАН
Москва, Россия
[2]Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница»
Кемерово, Россия
[3]Хакасский республиканский национальный музей-заповедник
Казановка, Россия
E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Местонахождения наскального искусства хребта Кокхая в Аскизском районе Республики Хакасия

В статье представлены результаты поиска местонахождений наскального искусства на территории хребта Кокхая в Аскизском р-не Республики Хакасия в 2024 г. Как источник сведений о памятниках в этой местности был использован отчет Э.А. Севастьяновой о полевых исследованиях 1983 г. (участником экспедиции был и художник В.Ф. Капелько, известный своими работами по поиску и копированию наскальных рисунков). В южной части гор Кокхая исследователи обнаружили большое скопление выбитых и гравированных петроглифов, а также уникальную руническую надпись, выполненную красной краской. Надпись, позднее скопированная и опубликованная И.Л. Кызласовым, получила большую известность, а петроглифы внимания исследователей пока не привлекали. В 2024 г. по описаниям предшественников удалось найти это местонахождение и провести его предварительное обследование. Кроме того, было локализовано местонахождение Халырлар, описание которого приводилось в том же отчете, но не указывалось его расположение в горах Кокхая и была сделана неверная привязка к населенному пункту, в связи с чем поиск памятника в 2023 г. результатов не дал. Поиск же по топониму Халырлар позволил выявить большое интересное местонахождение в северной части Кокхая, содержащее петроглифы характерного линейного стиля. Точно такие же изображения были обнаружены в 2023 г. в урочище, расположенном южнее. Таким образом, на данный момент в пределах хребта Кокхая зафиксировано несколько скоплений наскальных изображений на трех участках (в целом насчитывается около ста поверхностей с многочисленными выбитыми, гравированными и крашеными рисунками, относящимися к Средневековью – Новому времени). Поиски еще будут продолжены, но уже сейчас ясно, что по числу поверхностей с изображениями, Кокхая – самый крупный комплекс наскального искусства в Аскизском р-не.

Ключевые слова: *наскальное искусство, петроглифы, руника, Хакасия, Кокхая, Халырлар.*

E.A. Miklashevich[1, 2]✉, V.K. Kulimeeva[3]

[1]Institute of Archaeology RAS
Moscow, Russia
[2]"Tomskaya Pisanitsa" Kuzbass Museum-Reserve
Kemerovo, Russia
[3]Khakas Republican National Museum-Reserve
Kazanovka, Russia
E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Rock Art Sites at the Kok-Khaya Ridge in the Askiz District of the Republic of Khakassia

The article presents some results of the search for rock art sites within the Kok-Khaya Ridge in the Askiz District of the Republic of Khakassia in 2024. E.A. Sevastyanova's report on field research in 1983 has been used as a source of information about the rock art sites in this area (V.F. Kapelko, the artist known for his work in search and copying rock art, participated in the expedition). The scholars discovered a large concentration of pecked and engraved petroglyphs, as well as a unique runic inscription painted with red pigment in the southern part of the Kok-Khaya Ridge. The inscription has later been catalogued and published by I.L. Kyzlasov,

and was widely known, while the petroglyphs have not attracted any particular interest. In 2024, the site was found with the aid of the descriptions of our predecessors and a preliminary survey was made. In addition, another rock art site reported as Khalyrlar was also localized; its brief description was given in the same report, but its location in the Kok-Khaya Mountains was not specified, and an incorrect reference to a nearest settlement was made, so the search for the site in 2023 was not successful. In 2024 we have undertaken the search by the toponym (Khalyrlar) and finally revealed a large rock art site with petroglyphs of a very specific linear style in the northern part of Kok-Khaya. Exactly the same images have been discovered in 2023 in a valley southwards from the above site. Thus, currently, several clusters of rock art have been recorded at three locations within the Kok-Khaya Ridge. In total, there are about one hundred panels bearing numerous pecked, engraved, and painted images dating from the Middle Ages to the Modern Age. The search for other sites will continue, but it is already clear that in terms of the number of petroglyphs, Kok-Khaya is the largest rock art site in the Askiz District.

Keywords: *rock art sites, petroglyphs, painted runic inscription, Khakassia, Kok-Khaya, Khalyrlar.*

В 2024 г. были продолжены поиски местонахождений наскального искусства в Аскизском р-не Республики Хакасия по данным из отчетов исследователей прошлых лет. Одним из интересующих нас участков стал хребет Кокхая, расположенный к юго-востоку от с. Кызлас, на левом берегу р. Малая Есь; южные отроги хребта находятся уже на левом берегу р. Есь, образованной слиянием рек Малая и Большая Есь (рис. 1, *1*). Этот невысокий горный массив занимает довольно значительную площадь, состоит из множества отрогов, на южных и юго-восточных склонах которых во многих местах есть скальные обнажения (рис. 1, *2*).

Первые сведения о том, что здесь есть наскальные рисунки, еще в 1907 г. получил от информатора А.В. Адрианов, но осмотреть их ему не удалось: «Разъезды по речной системе Абакана, по долинам впадающих в него рек с левой стороны, взяли почти месяц времени, но для Русского Комитета дали лишь самый незначительный материал. Писаниц на утесах во всем этом районе, можно сказать, почти нет, за исключением горы Кёкая на левом берегу р. Еси, да и то я не попал на это место (писаница фигурная, местах в 5, на протяжении нескольких саженей)» [Адрианов, 1908, с. 40, 41].

По всей вероятности, первыми из исследователей петроглифы на хребте Кокхая обнаружили (также по сведениям от местных жителей) В.Ф. Капелько и Э.А. Севастьянова. В 1983 г. экспедиция Хакасского областного краеведческого музея под руководством археолога музея Э.А. Севастьяновой, в состав которой входил художник В.Ф. Капелько, проводила «разведки и обследование в подтаежной зоне Хакасии <...> Особое внимание уделялось копированию и фотофиксации петроглифов с курганных камней и со скал» [Севастьянова, 1983, л. 1]. Маршрут разведок был весьма протяженным, в разных районах обследовано множество объектов наскального искусства, как известных в литературе, так и обнаруженных участниками экспедиции. В 2023 г. по сведениям из отчета Э.А. Севастьяновой нам удалось локализовать некоторые объекты [Миклашевич, 2023, с. 697, 698]. В то же время поиски памятника, обозначенного как Халырлар, результатов не принесли. В отчете он описывается так: «Петроглифы Халырлар – в урочище Халырлар у п. Картоев обнаружено 71 плоскость, несколько местонахождений наскальных рисунков: изображения горных козлов, оленей, маралов (выбитые и гравированные), датируемых в основном средневековым временем, но есть рисунки и карасукского и таштыкского времени и XIII–XIX вв.» [Севастьянова, 1983, л. 19]. К отчету приложены прорисовки трех плоскостей (две из них см.: рис. 2, *1*, *2*). В 2023 г. осмотр гор и урочищ вокруг улуса Картоев, расположенного в 6,5 км к юго-западу от пос. Кызлас на левом берегу р. Большая Есь, результатов не дал. В 2024 г. мы предположили, что все-таки имелся в виду улус Картузов, расположенный в 4 км к югу от пос. Кызлас на левом берегу р. Малая Есь, т.к. путем опросов местного населения, в т.ч. по сведениям одного из авторов статьи, выяснилось, что топоним Халырлар относится к местности между Кызласом и Картузовым, обозначая несуществующее ныне селение и урочище в северо-западной части хребта Кокхая; также были сведения, что это старое название улуса Картузов.

Обследование урочищ, имеющих скальные выходы на южных склонах гор на левом берегу р. Малая Есь между пос. Кызлас и улусом Картузов, было начато в 2023 г. На хребте Кирби (см. рис. 1, *1*) пройдено более 2 км вполне пригодных для нанесения петроглифов скальных выходов, но ничего не обнаружено. В урочище, расположенном в 0,5–0,7 км на ВСВ от Картузова, обнаружены наскальные изображения в трех местах (см. рис. 1, *1*, объект 2 на карте). На одном из них имеется компактная группа из довольно большого числа поверхностей с однотипными по стилю петроглифами, выполненными выбивкой [Миклашевич, 2023, с. 696, рис. 1]. Сведений об этом местонахождении в литературе, в т.ч. в отчете Э.А. Севастьяновой, мы не встречали.

В 2024 г. осмотр следующего (к северу) урочища показал, что именно здесь расположен тот самый памятник, который был обозначен Э.А. Севастьяновой и В.Ф. Капелько как Халырлар (см. рис. 1, *1*, объект 1 на карте). На южном склоне горы под самой вершиной тянется длинный ярус скальных выходов, разделяемый небольшими ложбинами на несколько участков. Предварительное обследование показало, что здесь действительно имеется большое количество

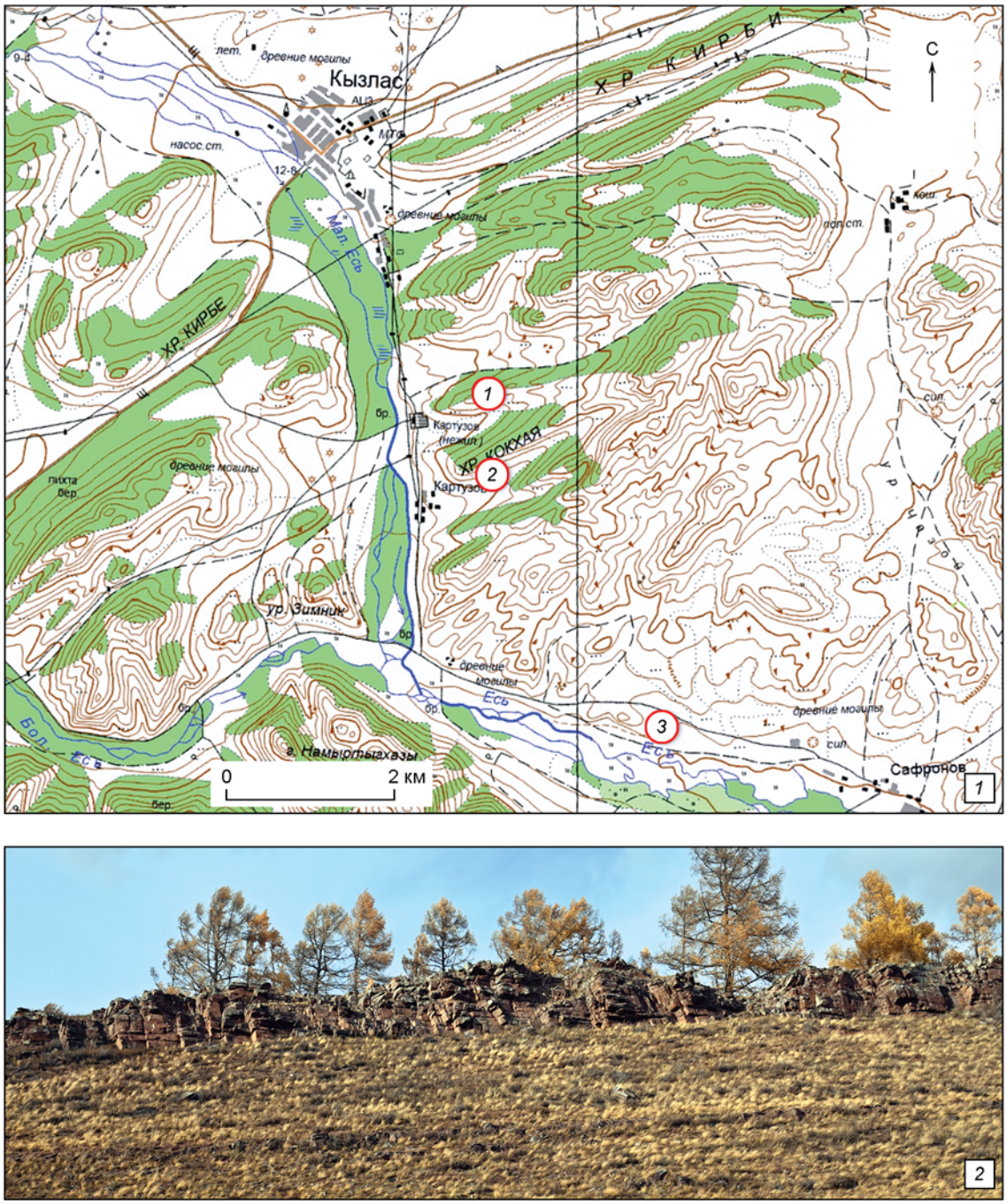

Рис. 1. Наскальные изображения хребта Кокхая.

1 – карта обследованных местонахождений; *2* – вид скальных выходов с петроглифами.

поверхностей с петроглифами (выбивки и гравировки), большинство из которых выполнено в том же характерном стиле, отмеченном в копиях В.Ф. Капелько (рис. 2, *2*), что и фигуры на обнаруженном в 2023 г. местонахождении. Это линейные изображения животных, в основном, оленей (с рогами и без; рога изображены разными, но повторяющимися способами; уши – нереалистично длинные) со странными загнутыми вверх хвостами (обычно так изображаются хвостики у козлов или даже у собак), есть также неопределенные животные и антропоморфные фигуры. Атрибуция этого стиля не ясна, аналогий в датируемых материалах нам неизвестно. Судя по светлому оттенку патины выбивки некоторых фигур на обнаруженном в 2023 г. у Картузова местонахождении, можно было предположить, что период их создания – позднее Средневековье или Новое время. В то же время подобные фигуры на других памятниках встречаются и хорошо патинированными, а исследователи порой склонны относить их к эпохе поздней бронзы. Действительно, есть некоторое сходство с «карасукским» стилем. В урочище Халырлар В.К. Кулимеевой

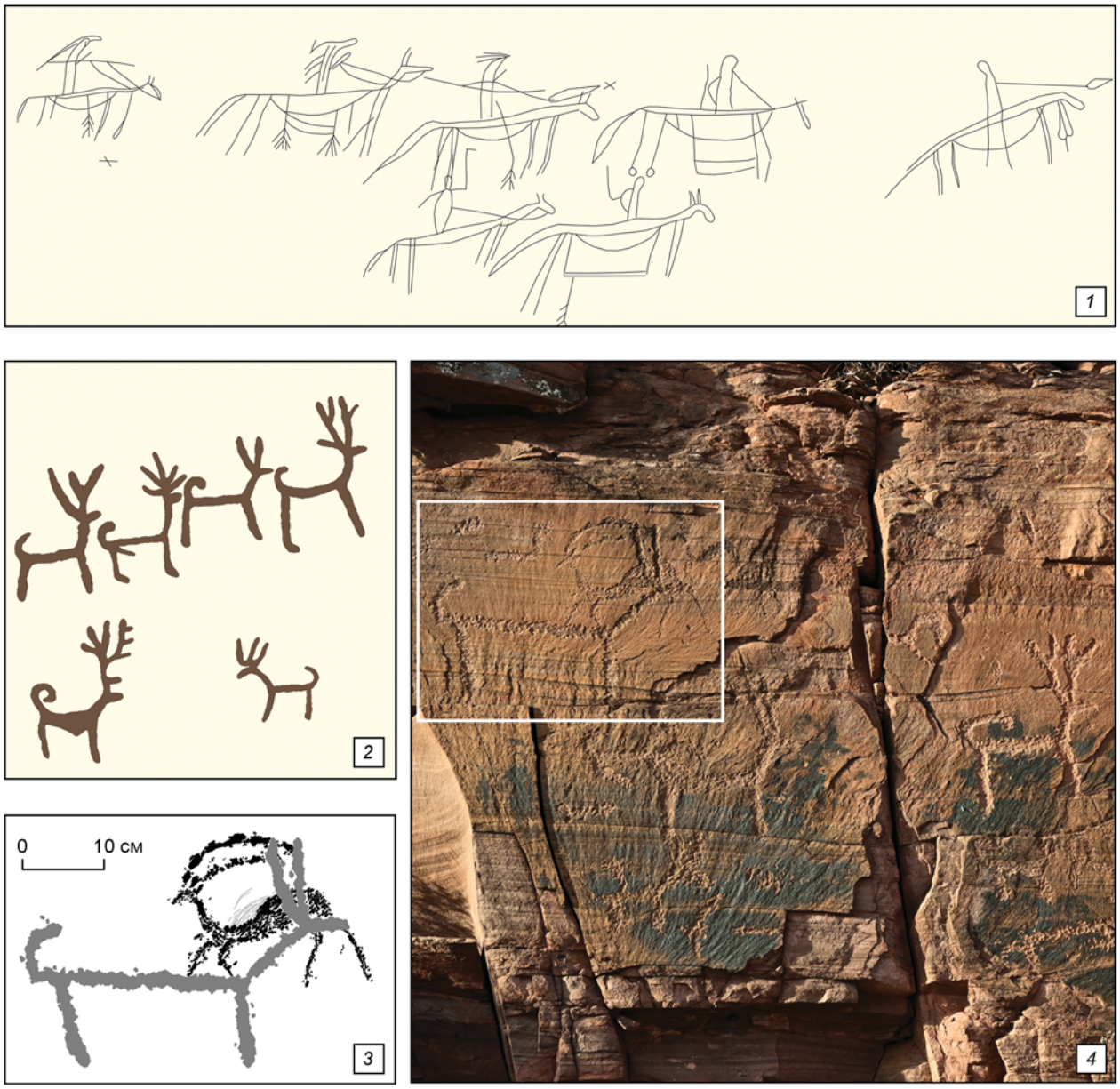

Рис. 2. Наскальные изображения местонахождения Халырлар.

1, *2* – прорисовки В.Ф. Капелько (по: [Севастьянова, 1983]); *3*, *4* – материалы обследования 2024 г.: *3* – палимпсест, прорисовка фрагмента многофигурной композиции, *4* – фото левой части поверхности с изображениями; выделен участок, воспроизведенный на прорисовке.

в 2024 г. обнаружена выразительная многофигурная композиция (рис. 2, *4*), в которой зафиксирован важный для атрибуции обозначенного стиля палимпсест (рис. 2, *3*). Линейное изображение животного с загнутым вверх хвостом и длинными ушами, выполненное глубокой частой выбивкой, четко и однозначно перекрывает фигуру бегущего козерога, выполненного более мелкой разреженной выбивкой, манера изображения ног которого не оставляет сомнения в том, что он относится к хунно-сяньбийскому времени. Таким образом, определяется нижняя хронологическая граница своеобразного линейного стиля наскальных изображений хребта Кокхая. Возможно, в процессе дальнейших обследований и документирования будут обнаружены какие-то «ключи» и к более точной атрибуции.

В ходе разведок 1983 г. В.Ф. Капелько и Э.А. Севастьянова также обнаружили памятник, который обозначили как Кök-Хая III (индексы Кök-Хая I и II получили могильники), описав его следующим образом: «Наскальные рисунки (выбитые и гравированные); схематичные изображения животных, людей, домов, юрт, юрт, превращенных в церкви с лестницами и крестами (всего 30 плоскостей): часть из них можно отнести к позднему Средневековью, часть к концу XIX – началу XX века, большая часть из них расположена на южной оконечности горы на скалистых обращенных на запад плоскостях, здесь у самого

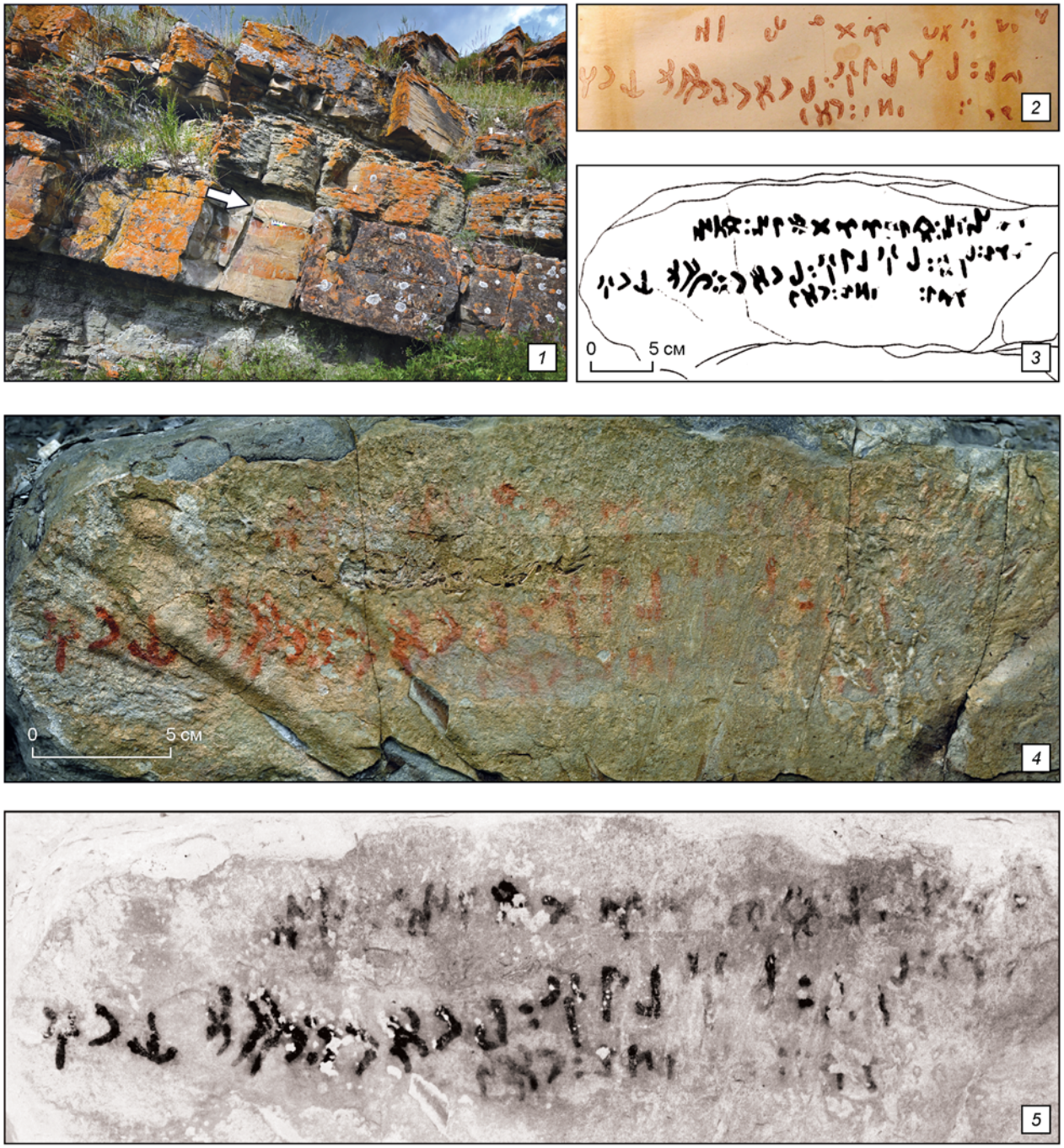

Рис. 3. Руническая надпись на горе Кокхая.

1 – общий вид скального выхода с надписью и петроглифами, расположение надписи указано стрелкой, *фото Л.Л. Бове, 2024 г.*; *2* – прорисовка В.Ф. Капелько (по: [Севастьянова, 1983]); *3* – прорисовка И.Л. Кызласова (по: [Кызласов, 1994]); *4* – скальная поверхность с рунической надписью, *фото Л.Л. Бове, 2024 г.* (фото обработано, усилена насыщенность и контрастность красного цвета); *5* – пигментная карта, показывающая распределение красного пигмента, выполненная по методу А.К. Солодейникова.

начала скалистых террас имеется тюркская надпись, выполненная красной охрой − знаки мелкие, высотой ок. 2 см» [Севастьянова, 1983, л. 17]. Приведены копии одной из плоскостей с поздними гравировками и рунической надписи (рис. 3, *2*) [Там же, рис. 45, 75]. Карты расположения писаницы и каких-либо других сведений в отчете нет. Руническую надпись по информации, полученной от ее первооткрывателей, позже документировал И.Л. Кызласов, выполнивший новую копию (рис. 3,*3*), и он уже указывает более точные сведения о расположении памятника: левый берег р. Есь, в 3,5 км выше улуса Сафронова [Кызласов, 1994, с. 149, рис. 14]. По этим сведениям мы и нашли его в текущем году (см. рис. 1, *1*, объект 3 на карте). Надпись находится в самом начале скальных выходов, на нижнем ярусе; поверхность расположена

как бы в небольшой нише (рис. 3, *1*), на ней выбиты и выгравированы многочисленные неясные изображения, а верхняя четверть, отделенная трещиной, занята руникой в три строки (рис. 3, *2*). Сохранность надписи, к сожалению, неудовлетворительная, особенно в правой части, где поверхность повреждена не только естественным отшелушиванием скальной корки, но и прочерченными линиями и выбоинами (рис. 3, *4*). Остается надеяться, что современные цифровые способы документирования и визуализации позволят извлечь всю возможную информацию из этого уникального объекта.

Находка единственной известной рунической надписи, выполненной красной краской, вызвала интерес эпиграфистов-тюркологов, а вот петроглифы, сложные для документирования, так и остались неизученными. А ведь это местонахождение представляет интерес и как памятник наскального искусства. На том же ярусе скальных выходов (а также на верхнем) находится несколько десятков поверхностей, заполненных выбитыми и выгравированными изображениями. Зафиксировано также наличие росписей, выполненных красной краской: из них четко определяется только изображение креста, остальные сохранились в виде пятен неясной конфигурации. Из-за особенностей и неудовлетворительного состояния скальной поверхности, изображения на этом памятнике читаются плохо, однако информационный потенциал в них определенно есть. Особый интерес вызывают тонкие сложные детализированные гравировки (предположительно, Нового времени). Несомненно, тщательное документирование и этого местонахождения даст интересные результаты.

Таким образом, на данный момент в пределах хребта Кокхая выявлено три скопления наскальных изображений. Пока проведено лишь предварительное обследование, и далеко не все еще склоны со скальными выходами осмотрены. Поэтому мы пока не даем цифровые обозначения местонахождений и даже не говорим об их числе (на обнаруженных скоплениях будет выделено не по одному местонахождению, но границы их еще необходимо уточнять). Но даже сейчас уже можно сказать, что по числу поверхностей с изображениями Кокхая – самый крупный комплекс наскального искусства в Аскизском р-не.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках выполнения темы НИР ИА РАН № НИОКТР 122011100061-5.

Список литературы

Адрианов А.В. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // Изв. Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. – СПб., 1908. – Вып. 7. – С. 37–46.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М.: Вост. лит., 1994. – 327 с.

Миклашевич Е.А. Поиск местонахождений наскального искусства Хакасии по архивным данным // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 695–700.

Севастьянова Э.А. Отчет об археологической разведке в подтаежную зону Хакасии. 1983 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 9584, 9584а.

References

Adrianov A.V. Obsledovanie pisanits v Minusinskom krae letom 1907 g. In *Izvestiya Russkogo Komiteta dlya izucheniya Srednei i Vostochnoi Azii v istoricheskom, arkheologicheskom, lingvisticheskom i etnograficheskom otnosheniyakh*. St Petersburg, 1908. Vol. 7. P. 37–46. (In Russ.).

Kyzlasov I.L. Runicheskie pis'mennosti evraziiskikh stepei. Moscow: Vostochnaya literatura, 1994. 327 p. (In Russ.).

Miklashevich E.A. Searching for rock art sites in Khakasia with the help of archival sources. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 695–700. (In Russ.).

Sevastyanova E.A. Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v podtaezhnuyu zonu Khakasii. 1983 g. *Archive of the Institute of Archaeology RAS*. R-1. No. 9584, 9584a. (In Russ.).

Миклашевич Е.А. https://orcid.org/0000-0003-3190-0311
Кулимеева В.К. https://orcid.org/0009-0007-2459-0462

Дата сдачи рукописи: 28.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0587-0593
УДК 572

В.Г. Моисеев, А.В. Зубова✉, В.И. Хартанович

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: zubova_al@mail.ru

К вопросу о популяционных связях древнего населения Сибири и Фенноскандии

Данное исследование было инициировано результатами предыдущих антропологических и генетических исследований. Ранее было продемонстрировано существование близкого биологического родства людей с Большого Оленьего острова (далее – БОО) из Фенноскандии как с древними западносибирскими группами, так и носителями ымыяхтахской культуры Якутии. В то же время результаты анализа генетических маркеров показывают наличие в генетической структуре образцов из БОО родственного нганасанам компонента. В данном исследовании на основе анализа краниометрических данных мы попытались синхронизировать эти два набора данных и проанализировать степень биологического родства серии из БОО, носителей ымыяхтахской культуры и нганасан. С помощью канонического анализа и алгоритма кластеризации k-средних были проанализированы данные по 14 краниометрическим характеристикам трех тестируемых серий, 24 древних серий из Западной Сибири, 11 серий из Восточной Сибири и Дальнего Востока России, а также нганасан. Результаты статистического анализа подтверждают двухкомпонентную структуру популяции БОО, включающую как западносибирский, так и восточносибирский (ымыяхтахский) компоненты. Также они показывают, что современные нганасаны имеют схожие направления биологических связей, но с меньшим влиянием западносибирского компонента по сравнению с БОО. Также они подтверждают мнение о достаточно древнем формировании антропологического облика нганасан. Однако наши результаты предполагают, что, поскольку его специфика связана с появлением в Восточной Сибири компонента, родственного носителям ымыяхтахской культуры, он не может быть древнее начала II тыс. до н.э. Западносибирский компонент в структуре нганасан мог появиться в ходе взаимодействия потомков ымыяхтахцев с более поздними западносибирскими мигрантами уже на территории Таймыра.

Ключевые слова: *ымыяхтахская культура, Большой Олений остров, краниометрия, палеогенетика, нганасаны.*

V.G. Moiseyev, A.V. Zubova✉, V.I. Khartanovich

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
St. Petersburg, Russia
E-mail: zubova_al@mail.ru

On the Issue of Population Affinities of Some Ancient and Modern Groups from Fennoscandia, Eastern and Western Siberia

This study was triggered by the results of previous anthropological and genetic studies. Earlier we demonstrated the existence of close biological affinities of the people from Bolshoi Olenyi Ostrov (BOO) with both the ancient Western Siberian populations and people of the Ymyyakhtakh culture. At the same time, the results of the analysis of genetic markers reveal presence of the strong Nganasan-like component in genetic structure of the BOO sample. In this study, we tried to synchronize these two sets of data and reveal interplay between biological affinities of BOO, Ymyakhtakh and Nganasans basing on analysis of cranial metric data. We analyzed data on 14 cranial metric characteristics of BOO, 24 ancient series from Western Siberia, 11 series from Eastern Siberia and Russian Far East and Nganasans using canonical variate analysis and k-means clustering algorithm. The results of statistical analysis confirm the dual structure of the BOO population, which includes both Western Siberian and East Siberian (Ymyyakhtakh) components. We also demonstrate that Nganasans have similar biological affinities but with less influence of the Western Siberian component comparing with BOO. This result confirms the widespread opinion about the rather ancient origin of the population core of the Nganasans. We assume that its appearance on the territory of Eastern Siberia is associated with the migration of the Ymyyakhtakh people and, therefore, cannot be dated much earlier than the beginning of the 2nd mil. BC. We also assume that a certain Western Siberian component in the structure of Nganasans could appear during the interaction of descendants of Ymyyakhtakh people with later Western Siberian migrants in Taimyr.

Keywords: *Bolshoi Oleniy Ostrov, Ymyyakhtakh culture, Nganasans, cranial metrics, paleogenetics.*

Введение

За последнее десятилетие авторы этого исследования неоднократно обращались к вопросу о происхождении населения, оставившего могильник эпохи палеометалла на Большом Оленьем острове Баренцева моря (далее – БОО), датируемый третьей четвертью II тыс. до н.э. Для анализа привлекались как традиционные системы антропологических признаков, такие как краниометрия [Моисеев, Хартанович, 2012] и одонтоскопия [Хартанович, Зубова, Моисеев, 2019], так и генетические маркеры [Der Sarkissian et al., 2013; Lamnidis et al., 2018]. Результаты анализа морфологических и генетических данных в целом совпадают и демонстрируют сходное направление родственных связей оленеостровцев, связывая их происхождение с миграцией древнего населения с территории Сибири.

Анализ краниологических и одонтологических признаков продемонстрировал наличие высокого уровня сходства серии из БОО с целой группой серий эпох неолита–бронзы с территории Западной и Восточной Сибири [Хартанович, Зубова, Моисеев, 2019]. К сожалению, из-за отсутствия на момент проведения антропологических исследований генетических данных по древним сериям, генетическое сопоставление оленеостровцев с сериями, проанализированными по морфологическим признакам, сделано не было.

Близкие к современности аналогии, выявленные среди населения Западной Сибири, совпадают в генетических и антропологических исследованиях, демонстрируя сходство населения, оставившего БОО, с манси. Что касается древних восточносибирских параллелей, то выявленное по результатам интегрального анализа краниометрических и одонтоскопических признаков участие в формировании населения, оставившего оленеостровский могильник, носителей ымыяхтахской культуры Восточной Сибири [Там же] генетиками не обсуждалось.

Не так давно были опубликованы результаты изучения генетического профиля ымыяхтахцев [Kılınç et al., 2021]. И хотя вопрос об их участии в формировании древнего населения севера Европы и близких к современности сибирских популяций в указанной работе так и не был поднят, эти данные позволили вновь вернуться к обсуждению вопросов, связанных с межпопуляционным взаимодействием населения Восточной и Западной Сибири во II тыс. до н.э. и его влиянием не только на население Фенноскандии, но и на популяционные процессы, происходившие на севере Сибири вплоть до близкого к современности времени.

По результатам анализа главных компонент, представленным в работе Г. Килинк с соавторами [Ibid.], видно, что генетический профиль ымыяхтахцев сходен с профилем современных нганасан [Ibid., fig. 2]. В более ранней работе Т. Ламнидис с соавторами по результатам ADMIXTURE-анализа демонстрируется наличие компонента, общего у нганасан и большинства образцов из БОО [Lamnidis et al., 2018, fig. 2b]. У некоторых индивидов он превышает половину их генного профиля, а суммарно для всех образцов его удельный вес составляет более 40 % [Ibid., fig. 4]. В целом это можно считать косвенным генетическим подтверждением участия ымыяхтахского компонента в составе населения из БОО.

Однако остается неразрешенным вопрос о том, как морфологические и генетические характеристики оленеостровцев и нганасан соотносятся не только с ымыяхтахцами, но и между собой, поскольку единого анализа с участием всех трех групп не выполнялось ни по генетическим, ни по антропологическим данным. Основной задачей данной работы стало рассмотрение этого вопроса на основании анализа краниометрических данных.

Материалы и методы

Основным материалом для работы послужила серия мужских черепов из БОО [Хартанович, Зубова, Моисеев, 2019, табл. 2] и мужские черепа ымыяхтахской культуры из могильника Диринг-Юрях [Гохман, Томтосова 1992]. Для сравнительного анализа были использованы опубликованные измерительные характеристики мужских черепов из 24 древних серий с территории Западной Сибири, 11 серий с территории Восточной Сибири и Центральной Азии, семи серий с территории Дальнего Востока (источники данных см.: [Моисеев, Зубова, 2023, табл. 1]) и измерения серии мужских черепов нганасан, которые публикуются впервые в данной статье (табл. 1).

Межгрупповое сопоставление выполнялось двумя методами. На первом этапе был выполнен канонический анализ с использованием усредненной (стандартной) внутригрупповой корреляционной матрицы, на основании 14 краниометрических признаков (№ по Р. Мартину 1, 8, 17, 9, 45, 48, 51, 52, 54, 55, назомалярный угол, зигомаксиллярный угол, симотический указатель, угол выступания носа). Расчеты выполнялись в программе Canon, реализованной Б.А. Козинцевым. На втором этапе координаты серий по четырем первым векторам были кластеризованы методом k-средних в программе Statistica for Windows, v. 8.0.

Результаты

По результатам канонического анализа, на первые три канонических вектора (далее – КВ) приходится почти 75 % общей изменчивости (табл. 2). Первый КВ дифференцирует западносибирские и центральноазиатские древние серии (отрицательные значения), с одной стороны, и дальневосточные и восточносибирские (положительные значения), с другой. Данные две группы популяций существенно различаются между собой по большинству использованных признаков.

Дальневосточные и восточносибирские группы характеризуются относительно узким лбом, широким и низким переносьем (малые значения симотического указателя), уплощенным, особенно на верхнем уровне, лицевым скелетом, высоким и широким лицом, а также большими величинами высоты носового отверстия. Для западносибирских групп характерно противоположное сочетание признаков (табл. 2).

Из трех тестируемых серий (БОО, Диринг-Юрях, нганасаны), БОО находится в пределах вариации западносибирских групп, с некоторым смещением в восточную сторону данного вектора; Диринг-Юрях и нганасаны попадают в восточносибирское поле (рис. 1).

Второй КВ достаточно эффективно дифференцирует восточносибирские (преимущественно положительные значения координат) и дальневосточные группы (преимущественно отрицательные значения координат), находящиеся в восточной части I КВ. Кроме того, он отделяет древние серии с территории Барабинской лесостепи от остальных западносибирских серий, помещая их на отрицательный полюс II КВ (рис. 1).

Морфологически в отрицательное поле координат по данному вектору попадают серии с относительно узкой и высокой черепной коробкой, широкими глазницами, узким носовым отверстием и слабо выступающими к профилю лица носовыми костями. В положительное поле – группы с противоположным сочетанием признаков (табл. 2). Все тестируемые серии характеризуются положительными значениями координат.

В общем пространстве I и II КВ (рис. 1) серия из БОО сближается, прежде всего, с алтайскими неолитическими сериями, а также пазырыкцами и серией уюкско-саглынской культуры Тувы. Серия из Диринг-Юряха находится практически в центре разброса восточносибирских групп, в пределах вариабельности которых находятся и нганасаны. Последние демонстрируют при этом умеренное смещение в сторону западносибирских серий и группы из БОО относительно Диринг-Юряха.

Третий КВ (рис. 2) по величине доли изменчивости практически не уступает II КВ: 13 % против 14 % общей дисперсии соответственно. Он имеет принципиально важное значение, фиксируя специфическое морфологическое сходство серии нганасан, Диринг-Юряха, БОО и плиточников Забайкалья, которые находятся на отрицательном полюсе III КВ (рис. 2), отделяя их от остальных серий. Комбинация признаков, которая описывает морфологическое своеобразие данных групп, включает малый угол выступания носа, широкую и низкую черепную коробку, широкое лицо (табл. 2).

Результаты кластеризации координат сравниваемых серий по четырем первым КВ, позволяющие учесть вариабельность значимых признаков без разбивки по отдельным направлениям связей, показали, что анализируемая совокупность групп подразделяется на три основных кластера (табл. 3). В первый вошло большинство западносибирских серий, исключая носителей кузнецко-алтайской неолитической культуры и кулайскую серию эпохи РЖВ. В второй кластер попало большинство дальневосточных групп, за исключением мохэ. В третьем кластере объединились БОО, Диринг-Юрях и нганасаны, к которым присоединились плиточники Забайкалья, мохэсцы, кулайцы и кузнецко-алтайская серия.

Таблица 1. **Средние краниометрические характеристики мужской серии нганасан, использованные для сравнительного анализа**

Номер признака по Р. Мартину	N	Среднее значение признака	Min-Max	Стандартное отклонение
1	5	180,6	177,0–183,0	2,30
8	5	152,2	144,0–159,0	5,59
17	5	129,6	122,0–135,0	4,93
45	5	146,4	142,0–152,0	3,65
9	5	95,4	89,0–100	4,51
77	5	150,9	143,8–161,5	6,83
zm	5	139,9	133,1–146,	5,08
SC : SS	5	39,29	19,61–62,5	18,46
48	3	71,3	70,0–73,0	1,53
55	4	53,5	50,0–56	2,65
54	4	27,0	25,0–30,0	2,16
51	5	43,8	43,0–45,0	0,84
52	5	34,2	33,0–35,0	0,84
75/1	4	17,3	12,0–22,0	4,57

Таблица 2. **Коэффициенты корреляции значений первых трех КВ и исходных признаков**

	I КВ	II КВ	III КВ
1	0,235	0,366	0,397
8	–0,238	**0,665**	**–0,514**
17	0,393	**–0,456**	**0,424**
9	**–0,710**	0,014	–0,044
45	0,440	0,120	**–0,417**
48	**0,780**	0,016	0,193
55	**0,657**	0,102	–0,022
54	0,183	**0,478**	–0,244
51	–0,523	**–0,587**	–0,192
52	**0,632**	–0,276	0,056
77	**0,833**	0,158	–0,222
zm	**0,598**	0,290	**–0,445**
SC : SS	**–0,863**	0,123	0,107
75/1	–0,567	0,405	0,561
% общей изменчивости	34,352	14,034	13,218

Примечание. Жирным шрифтом выделены максимальные нагрузки на признаки.

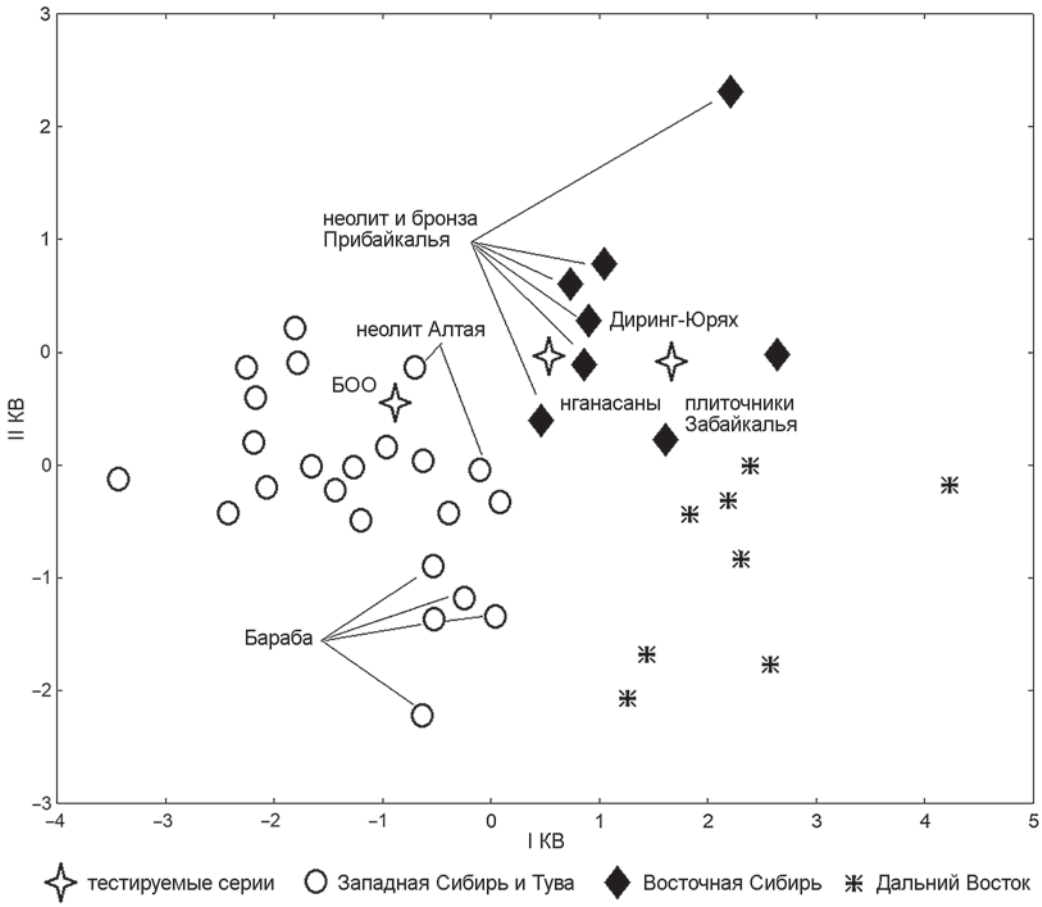

Рис. 1. Положение краниометрических серий в пространстве первого и второго канонического вектора.

Обсуждение и выводы

Результаты канонического и кластерного анализа повторяют результаты более ранних исследований, демонстрируя родственные связи серии из БОО как с западносибирскими (прежде всего, древними алтайскими), так и с восточносибирскими (Диринг-Юрях, плиточники Забайкалья) группами. При этом можно отметить, что оленеостровское население намного ближе к западносибирским группам, чем нганасаны. В то же время, у последних существенно выше удельный вес ымыяхтахского компонента. Благодаря этому они занимают промежуточное положение между Диринг-Юряхом и БОО в пространстве КВ I. Западносибирский компонент, судя по морфологическим данным, в их составе присутствует как минимум в том же объеме, как у неолитических носителей серовской и глазковской культуры, где он фиксируется не только по морфологическим, но и по генетическим данным [Wang et al., 2023].

Для оленеостровцев западносибирский компонент является основным, и, судя по результатам анализа, он связан с синхронными археологическими культурами Алтая и Барабинской лесостепи. Для нганасан ситуация сложнее, поскольку их состав в современном виде сформировался уже на Таймыре, после прихода туда самодийского населения. По лингвистическим данным, это произошло не ранее второй половины I тыс. до н.э. и вряд ли позднее середины I тыс. н.э. [Хелимский, 2000]. В этот период на Таймыре уже существовали памятники сугуннахской пережиточно-ымыяхтахской культуры, датируемой промежутком 955 ± 125–335 ± 205 гг. до н.э. [Дьяконов, Такасэ, 2018]. Поскольку данная культура является прямым преемником ымыяхтахской, то можно предполагать, что ее носители также были родственны группе из Диринг-Юряха.

Западносибирский компонент, соответственно, на этой территории имел мигрантное происхождение, и, исходя из лингвистической хронологии, его источники следует искать среди культур эпохи РЖВ Западной Сибири. По результатам нашего кластерного анализа (табл. 3), вероятным претендентом на эту роль может быть население, родственное носителям кулайской культуры, которую ряд исследователей считает самодийской по лингвистической принадлежности [Чиндина, 1984].

Ранее предполагалось, что нганасаны «возможно являются остатком древнейшего антропологического пласта севера Средней Сибири, сохранившегося в

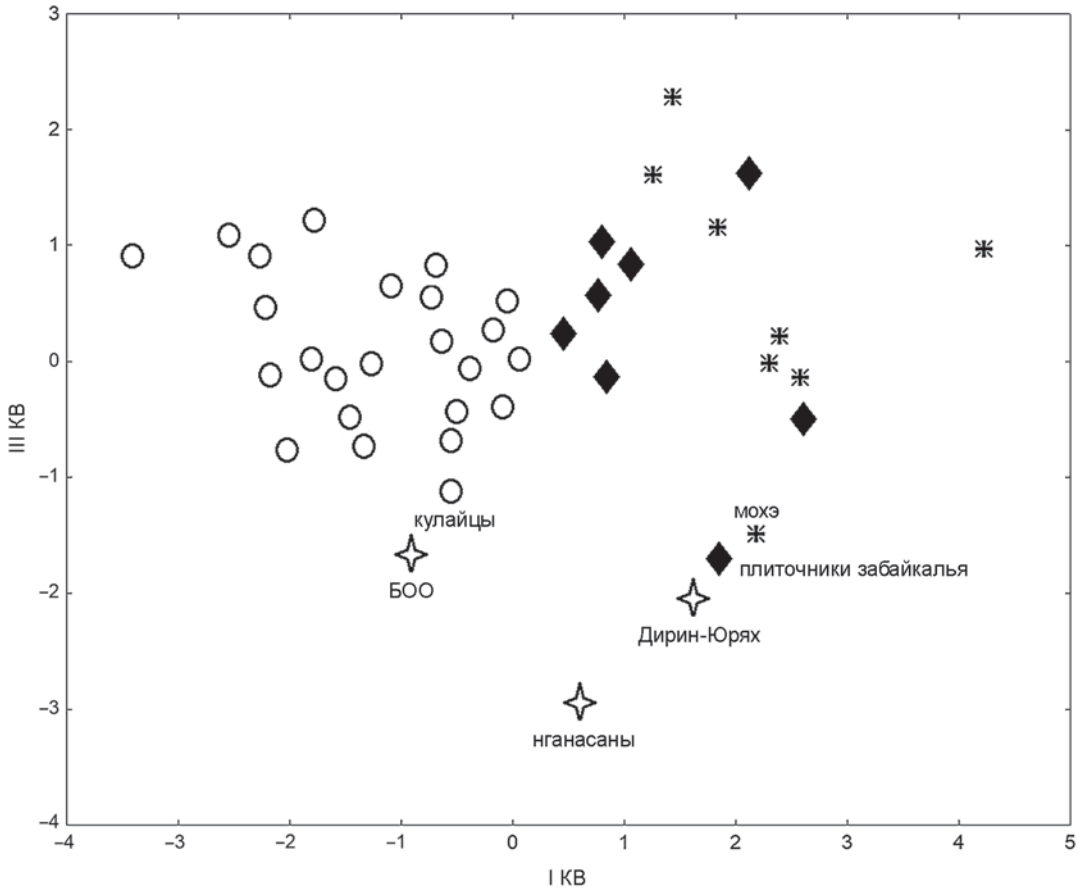

Рис. 2. Положение краниометрических серий в пространстве первого и третьего канонического вектора.

изолированных условиях Таймырского полуострова» [Золотарева, 1962, с. 136]. По результатам нашего анализа можно говорить о том, что время формирования морфологического облика нганасан не может быть древнее позднеолитического времени существования ымыяхтахской культуры, примерно 4 500 л.н., поскольку его специфику определяет именно сходный с ымыяхтахцами компонент.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно говорить о том, что морфологическое сходство между тремя изучаемыми краниологическими сериями безусловно присутствует. Объединяющим для них является компонент, родственный ымыяхтахскому населению, оставившему могильник Диринг-Юрях. Он присутствует во всех трех группах, хотя и в разном соотношении. Непосредственно в серии из Диринг-Юряха он представлен в наиболее чистом виде, в серии из Оленеостровского могильника он в значительной степени размыт западными примесями. У нганасан он, безусловно, доминирует, но смешан с западносибирским компонентом. Это заставляет задуматься о том, насколько правомерно использовать нганасанскую группу как эталон восточного генокомплекса, как это сделано, напр., в уже упоминаемой работе Т. Ламнидиса с соавторами [Lamnidis et al., 2018]. Поскольку генетически западносибирский компонент, выделяемый в их составе, может иметь общие корни с выделяемым в оленеостровской серии и у манси, их генетическое сходство именно по данному направлению связей может быть меньшим, чем кажется, а в процентном соотношении специфический для нганасан компонент в составе этих популяций может иметь значительно меньший удельный вес, чем предполагается в указанном исследовании.

Также нужно отметить, что реальная популяционная история нганасан и оленеостровской популяции намного сложнее, чем представленная нами схема динамики соотношения двух компонентов в их составе. Однако для более детальной реконструкции необходим значительно больший объем данных с территории Северной Сибири, которые на данный момент в нашем распоряжении отсутствуют.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках плановой темы НИР МАЭ РАН «Центры этно- и культурогенеза и контактные зоны в Евразии и Америке в конце плейстоцена и голоцене (по данным физической антропологии, археологии и этнологии)».

Таблица 3. **Результаты кластеризации сравниваемых краниометрических серий**

Кластер 1		Кластер 3		Кластер 2	
Название серии	**Расстояние до центра кластера**	**Название серии**	**Расстояние до центра кластера**	**Название серии**	**Расстояние до центра кластера**
Большемысская культура	0,84	Янковская культура	1,33	Кузнецко-алтайская культура	0,70
Пазырыкская культура	0,48	Уэлен	1,32	Кулайская культура	0,74
Неолит Барабинской лесостепи	1,08	Эквен	1,57	Мохэ	0,98
Каракобинская культура	0,75	Бойсманская культура	1,40	Диринг-Юрях	1,01
Большереченская культура	0,25	Китойская культура (Фофаново)	0,87	Культура плиточных могил Забайкалья	0,69
Каменская культура	0,67	Китойская культура Лены	1,65	Нганасаны	0,89
Еловская культура	0,84	Китойская культура Ангары	1,01	Большой Оленеостровский могильник	0,81
Корчажкинская культура	0,24	Серовская культура Ангары	0,96		
Старый Сад	–	Серовская культура Лены	0,71		
Усть-тартасская культура	0,90	Глазковская культура Лены	0,68		
Окуневская культура	0,82	Глазковская культура Ангары	0,94		
Андроновцы Томского Приобья (Еловский-2)	0,67	Охотская культура (Мойоро)	0,82		
Черноозерский вариант позднекротовской культуры	0,47	Охотская культура (Хаманака)	0,56		
Ирменская культура Новосибирского Приобья	0,52	Охотская культура (Омисаки)	0,57		
Ирменская культура Томского Приобья	0,85				
Ирменская культура Барабинской лесостепи	1,30				
Одиновская культура	0,76				
Кротовская культура	0,78				
Позднекротовская культура	0,65				
Алдыбельская культура	0,54				
Уюкско-саглынская культура	0,69				
Карасукская культура	0,93				

Список литературы

Гохман И.И., Томтосова Л.Ф. Антропологические исследования могильников Диринг-Юрях и Родинка // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 105–124.

Дьяконов В.М., Такасэ К. К вопросу о хронологии ымыяхтахской и сугуннахской пережиточно-ымыяхтахской культур // Человек и Север: антропология, археология, экология: мат-лы Всерос. науч. конф. – Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН. – 2018. – Вып. 4. – С. 72–76.

Золотарева И.М. Антропологическое исследование нганасан (предварительное сообщение) // СЭ. – 1962. – № 6. – С. 131–136.

Моисеев В.Г., Зубова А.В. Направление и динамика популяционных процессов на территории Сибири и Дальнего Востока в эпоху неолита–бронзы и раннего железа по данным краниометрии // Camera Praehistorica. – 2023. – № 2 (11). – С. 116–129. – doi:10.31250/2658-3828-2023-2-116-129

Моисеев В.Г., Хартанович В.И. Краниологические материалы из могильника эпохи раннего металла на Большом

Оленьем острове Баренцева моря // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1. – С. 145–154.

Хартанович В.И., Зубова А.В., Моисеев В.Г. Антропологические материалы // Кольский оленеостровский могильник (1925–2013) / Е.М. Колпаков, А.И. Мурашкин, В.И. Хартанович, В.Я. Шумкин. – Вологда: Древности Севера, 2019. – С. 353–404.

Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – 639 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа: Кулайская культура. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 256 с.

Der Sarkissian C., Cooper A., Haak W., Balanovsky O., Zaporozhchenko V., Balanovska E., Brandt G., Alt K.W., Khartanovich V., Moiseyev V., Buzhilova A., Koshel S., Gronenborn D., Kolpakov E., Shumkin V. Ancient DNA reveals prehistoric gene-flow from Siberia in the complex human population history of North East Europe // PLoS Genetics. – 2013. – Vol. 9 (2). – e1003296. – doi:10.1371/journal.pgen.1003296

Kılınç G.M., Kashuba N., Koptekin D., Bergfeldt N., Dönertaş H.M., Rodríguez-Varela R., Shergin D., Ivanov G., Kichigin D., Pestereva K., Volkov D., Mandryka P., Kharinskii A., Tishkin A., Ineshin E., Kovychev E., Stepanov A., Dalén L., Günther T., Kırdök E., Jakobsson M., Somel M., Krzewińska M., Storå J., Götherström A. Human population dynamics and *Yersinia pestis* in ancient northeast Asia // Science Advance. – 2021. – N 7 (2). – eabc4587. – doi:10.1126/sciadv.abc4587

Lamnidis T.C., Majander K., Jeong C., Salmela E., Wessman A., Moiseyev V., Khartanovich V., Balanovsky O., Ongyerth M., Weihmann A., Sajantila A., Kelso J., Pääbo S., Onkamo P., Haak W., Krause J., Schiffels S. Ancient Fennoscandian genomes reveal origin and spread of Siberian ancestry in Europe // Nature Communication. – 2018. – N 9. – 5018. – doi:10.1038/s41467-018-07483-5

Wang K., Yu H., Radzevičiūtė R., Kirushin Y.F., Tishkin A.A., Frolov Y.V., Stepanova N.F., Kirushin K.Y., Kungurov A.L., Shnaider S.V., Tur S.S., Tiunov M.P., Zubova A.V., Pevzner M., Karimov T., Buzhilova A., Slon V., Jeong Ch., Krause J., Posth C. Middle Holocene Siberian genomes reveal highly connected gene pool throughout North Asia // Current Biology. – 2023. – Vol. 33, N 3. – P. 423–433.

References

Chindina L.A. Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v ehpokhu zheleza. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1984. 256 p. (In Russ.).

Gokhman I.I., Tomtosova L.F. Antropologicheskie issledovaniya mogil'nikov Diring-Yuryakh i Rodinka. In *Arkheologicheskie issledovaniya v Yakutii*. Novosibirsk: Nauka, 1992. P. 105–124. (In Russ.).

Der Sarkissian C., Cooper A., Haak W., Balanovsky O., Zaporozhchenko V., Balanovska E., Brandt G., Alt K.W., Khartanovich V., Moiseyev V., Buzhilova A., Koshel S., Gronenborn D., Kolpakov E., Shumkin V. Ancient DNA reveals prehistoric gene-flow from Siberia in the complex human population history of North East Europe. PLoS Genetics. 2013. Vol. 9 (2). e1003296. doi:10.1371/journal.pgen.1003296

Dyakonov V.M., Takase K. K voprosu o khronologii ymyyakhtakhskoi i sugunnakhskoi perezhitochno-ymyyakhtakhskoi kul'tur. In *Chelovek i Sever: antropologiya, arkheologiya, ehkologiya: materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Tyumen': FITS TyuMNTS SB RAS Publ., 2018. Iss. 4. P. 72–76. (In Russ.).

Khartanovich V.I., Zubova A.V., Moiseev V.G. Antropologicheskie materialy. In *Kol'skii oleneostrovskii mogil'nik (1925–2013)*. Vologda: Drevnosti Severa, 2019. P. 353–404. (In Russ.).

Khelimskii E.A. Komparativistika, uralistika: lektsii i stat'i. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. 2000. 639 p. (In Russ.).

Kılınç G.M., Kashuba N., Koptekin D., Bergfeldt N., Dönertaş H.M., Rodríguez-Varela R., Shergin D., Ivanov G., Kichigin D., Pestereva K., Volkov D., Mandryka P., Kharinskii A., Tishkin A., Ineshin E., Kovychev E., Stepanov A., Dalén L., Günther T., Kırdök E., Jakobsson M., Somel M., Krzewińska M., Storå J., Götherström A. Human population dynamics and *Yersinia pestis* in ancient northeast Asia. *Science Advance*, 2021. No. 7 (2). eabc4587. doi: 10.1126/sciadv.abc4587

Lamnidis T.C., Majander K., Jeong C., Salmela E., Wessman A., Moiseyev V., Khartanovich V., Balanovsky O., Ongyerth M., Weihmann A., Sajantila A., Kelso J., Pääbo S., Onkamo P., Haak W., Krause J., Schiffels S. Ancient Fennoscandian genomes reveal origin and spread of Siberian ancestry in Europe. *Nature Communication,* 2018. No. 9. P. 5018. doi:10.1038/s41467-018-07483-5

Moiseyev V.G., Khartanovich V.I. Early Metal Age crania from Bolshoy Oleniy island, Barents Sea. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* 2012. Vol. 40 (1). P. 145–154. doi:10.1016/j.aeae.2012.05.018

Moiseyev V.G., Zubova A.V. Directions and dynamics of population processes in Siberia and the Far East during the Neolithic-Bronze and Early Iron Ages: cranial metric evidence. *Camera praehistorica*. 2023, No. 2 (11). P. 116–129. (In Russ.). doi:10.31250/2658-3828-2023-2-116-129

Wang K., Yu H., Radzevičiūtė R., Kirushin Y.F., Tishkin A.A., Frolov Y.V., Stepanova N.F., Kirushin K.Y., Kungurov A.L., Shnaider S.V., Tur S.S., Tiunov M.P., Zubova A.V., Pevzner M., Karimov T., Buzhilova A., Slon V., Jeong Ch., Krause J., Posth C. Middle Holocene Siberian genomes reveal highly connected gene pool throughout North Asia. *Current Biology*, 2023. Vol. 33, No. 3. P. 423–433. doi:10.1016/j.cub.2022.11.062

Zolotareva I.M. Antropologicheskoe issledovanie nganasan (predvaritel'noe soobshchenie). *Sovetskaya ehtnografiya*, 1962. No. 6. P. 131–136. (In Russ.).

Моисеев В.Г. https://orcid.org/0000-0003-1748-2686
Зубова А.В. https://orcid.org/0000-0002-7981-161X
Хартанович В.И. https://orcid.org/0000-0002-5533-0686

Дата сдачи рукописи: 29.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0594-0600
УДК 902/904; 903.7

В.И. Молодин[1], Л.С. Кобелева[1]✉, П.Г. Дядьков[2], О.Н. Позднякова[1], Ю.Н. Ненахова[1], Д.А. Ненахов[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Оригинальный культовый комплекс в Центральной Барабе

Статья посвящена результатам работ полевого сезона 2024 г., проходивших на разновременном памятнике Тартас-1. К настоящему моменту здесь изучены многочисленные объекты, связанные с погребальной практикой различных эпох и культур, культовый комплекс пахомовской культуры и стоянка неолитического времени. Исследования проводились на двух участках в северо-восточной части памятника. Один из них был выбран на краю террасы, в 200 м к северу от основного раскопа. Перед началом исследований была проведена геомагнитная съемка с целью оценить данный участок на наличие археологических объектов. В процессе работ на уровне материка было зафиксировано 8 объектов, которые располагались в ряду параллельно друг другу. В каждом из них присутствовали следы воздействия огня. Возможно, что в сооружениях были вертикально поставленные столбы. В заполнении объектов содержались мелкие фрагменты керамики эпохи ранней, развитой и поздней бронзы, а также самого начала раннего железного века. Большая их часть попала в объекты при засыпке. В трех из восьми объектов, в заполнении, зафиксированы компактные скопления жженых костей. Сожжение проводили на стороне, затем кости помещали в яму. Степень сожжения такова, что не представляется возможным определить, человеку они принадлежали или животному. Объекты, содержащие мелкие фрагменты керамики и кости животных со следами использования огня, фиксируются в культовых комплексах эпохи поздней бронзы. Между тем, полных аналогий изученному комплексу найдено не было. Сделан вывод, что мы столкнулись с новым, до этого времени неизвестным проявлением ритуально-обрядовой практики. Планиграфия исследованных объектов, их схожая друг с другом конструкция не позволяют сомневаться, что все они относятся к одному хронологическому периоду. Исходя из особенностей керамических материалов, предлагается датировать этот комплекс переходным временем от бронзового века к железному.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, эпоха поздней бронзы, переходное время от бронзового века к железному, культовый комплекс, сожжение, керамика.*

V.I. Molodin[1], L.S. Kobeleva[1]✉, P.G. Dyadkov[2], O.N. Pozdnyakova[1], Y.N. Nenakhova[1], D.A. Nenakhov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Unique Cult Complex in Central Baraba

The article discusses the results of 2024 archaeological field season at the site of Tartas-1. The features illustrating various chronological periods and cultures, including the cult complex of Pakhomovo culture and a Neolithic settlement, were explored. Prior to excavations, a geomagnetic survey was conducted in order to reveal the potential archaeological objects at two locations in the northeastern part of the site – one of the areas was located on the terrace edge, approximately 200 meters to the north of the primary excavation area. The survey revealed eight features located in a row parallel to one another on the bedrock level. Traces of use of fire were noted in all these objects. It is possible that these objects contained structures with vertically-placed pillars. The filling of objects contained small ceramics fragments dated to the Early, Middle, and Late Bronze Age, as well as the initial Early Iron Age. Most of these fragments were likely introduced during the filling process. In three out of the eight objects, compact clusters of burnt bones were found in the filling material. It is likely that cremation took place at the side of the object; the remains were placed in a pit. The degree of burning does not make it possible to determine whether the bones belonged to humans or animals.

The features containing small fragments of ceramics and animal bones with traces of fire have been reported from cult complexes of the Late Bronze Age. However, no complete parallels to the complex under study have been established. This leads us to the conclusion that we are dealing with a new, previously unknown ritual and ceremonial practices. The spatial distribution of the graves, along with similarity in their constructions, suggest that they all belong to the same chronological period. Based on the characteristics of the ceramic materials, we propose to date this group of objects to the transition period between the Bronze and Iron Ages.

Keywords: *Baraba forest-steppe, Late Bronze Age, transitional period from the Bronze to Iron Ages, cult complex, cremation, ceramics.*

Введение

В полевой сезон 2024 г. Западно-Сибирский археологический отряд проводил исследование получившего широкое освящение в литературе памятника Тартас-1 с целью уточнения его границ. Памятник практически полностью изучен, часть его материалов опубликована монографически [Молодин и др., 2022], остальные готовятся к печати.

Исследования проводились в северо-восточной части памятника, на двух участках. Основной участок 1 продолжил раскопы прошлых лет. Еще один участок для исследования (2) был выбран на краю наиболее высокой части террасы, в 200 м к северу от основного раскопа.

Между участками раскопа фиксируется низина, затапливаемая в годы сильного обводнения. Кроме того, через памятник долгое время проходила дорога, связывавшая районные центры Чаны и Венгерово. В настоящее время вдоль края террасы проходит глубокая незасыпанная траншея. Эти факторы, способствующие постепенному разрушению культурного слоя объекта, повлияли на выбор участка работ.

Перед началом раскопок на площади 3 870 м² была проведена геомагнитная съемка с целью оценить выбранный участок на предмет наличия археологических объектов. Магнитное картирование выполнялось цезиевым магнитометром G-858G с использованием метода вертикального градиента. Нижний датчик располагался на высоте 30–35 см от поверхности Земли, верхний – 105–110 см. Движение оператора вдоль параллельных профилей осуществлялось с юга на север, со скоростью 3–4 км/час. Расстояние между соседними замерами вдоль профиля составляло 8–12 см, между профилями – 1 м. Данная методика уже использовалась ранее при работах на памятнике Тартас-1 и по итогам многолетних археолого-геофизических исследований хорошо себя зарекомендовала (см., напр.: [Дядьков и др., 2005; Молодин и др., 2022]).

Материалы и интерпретация

По результатам измерений были построены карты распределения вертикального градиента модуля вектора геомагнитной индукции. Общий магнитный фон представляет собой довольно хаотичный набор неоднородностей со значениями 1–2 нТл/м. По всей площади участка, преимущественно в зоне дороги и траншеи, отчетливо выделяются характерные биполярные аномалии, связанные с присутствием в грунте железных предметов. Несмотря на использование металлоискателя, все железо убрать не удалось, поскольку степень загрязненности территории оказалась очень высокой. Помимо аномалий от железных предметов, на построенных картах хорошо фиксируются положительные аномалии (3–5 нТл/м), сопоставимые по форме и размерам с археологическими объектами. Какой-либо очевидной системы в их распределении не наблюдается, однако часть из них образует ряды, вытянутые вдоль края террасы. На одном из таких участков были проведены раскопочные работы.

В раскопе общей площадью 303 м^2 на уровне материка было зафиксировано 14 объектов. Восемь из них располагались в ряду параллельно друг другу. Представляли собой вытянутые по линии З–В пятна подпрямоугольной формы, темно-серого цвета, размером 1,95–2,7 × 0,65–1,35 м. Западная часть этих пятен шире восточной. Заполнение объектов было однотипным. В верхней части содержалась темно-серая, сажистая супесь, которую подстилали слои мешаной серо-желтой супеси. На уровне дна в объектах выявлена черная с оранжевыми вкраплениями почва с продуктами горения мощностью 0,02–0,03 м. Таким образом, следы воздействия огня присутствуют в каждом объекте. При выборке заполнения в двух объектах зафиксированы столбовые ямы. В объекте 6 – на дне, у западной стенки, в объекте 8 – в центре, у северной стенки. Весьма возможно, что в сооружениях были вертикально поставленные столбы, что крайне важно учитывать при последующей реконструкции комплексов. После выборки заполнения определена первоначальная конфигурация объектов. Это ямы овально-грушевидной формы с пологими стенками и ровным дном. Западная стенка их, как правило, прямая, восточная – округлая. Через объекты проходила дорога, разрушившая верхнюю часть стенок в восточной части. Глубина их варьирует от 0,3 до 0,6 м. Один из объектов представлен на рис. 1.

В заполнении вскрытых в раскопе объектов содержались мелкие фрагменты керамики эпохи ранней, развитой и поздней бронзы, а также самого начала раннего железного века. По характеру фрагментов можно сказать, что большая их часть попала в объекты при засыпке. Так, в объектах 1, 3, 5, 6, 7, 8 найдены фрагменты керамики эпохи ранней бронзы с гребенчато-ямочной орнаментацией. Причем в объектах 5 и 6 – это были фрагменты от одного сосуда. Аналогии данной посуды можно увидеть в памятниках байрык-

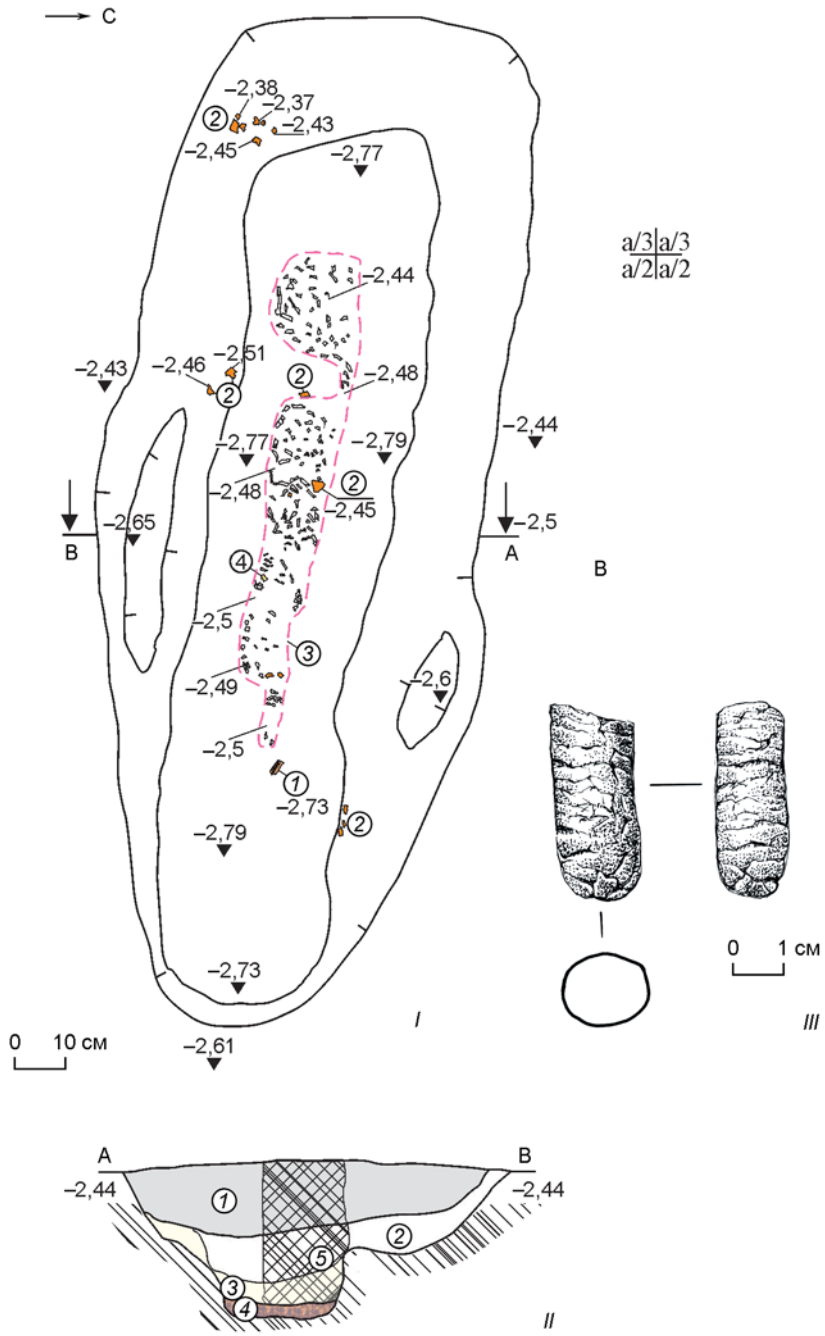

Рис. 1. Памятник Тартас-1. Объект 1.

I – рисунок: *1* – фрагмент изделия из глины, *2* – фрагмент керамического сосуда, *3* – скопление жженых костей, *4* – фрагмент технической керамики; *II* – стратиграфический разрез: *1* – темно-серая супесь, *2* – мешаная серо-желтая супесь, *3* – мешаная желто-серая супесь, *4* – черная сажистая с оранжевыми вкраплениями супесь, *5* – область распространения жженых костей и керамики; *III* – фрагмент изделия из глины. Рисунок.

ского типа [Молодин, 1985]. Очевидно, что все эти материалы попали в анализируемые комплексы из более древних, разрушенных культурных слоев.

Основной массив керамики маркируется эпохой поздней бронзы – переходного от бронзы к железу времени (рис. 2, *1–6*). Фрагменты сосудов орнаментированы «елочкой», нанесенной гладким или гребенчатым штампом, «сеткой», рядами треугольных и галочкообразных вдавлений. Аналогии этой посуде можно увидеть в материалах пахомовской культуры Ишимо-Иртышья и Барабы [Бобров, Моор, 2010, 2011; Бобров и др., 2016, 2018; Корочкова, 2009, 2010; Костомаров, 2010; Матвеев, Костомаров, 2011; Молодин и др., 2012], позднеирменской культуры на памятниках Туруновка-4, Чича-1, Омь-1 [Молодин, 1985; Молодин и др., 2001; Мыльникова, Чемякина, 2002].

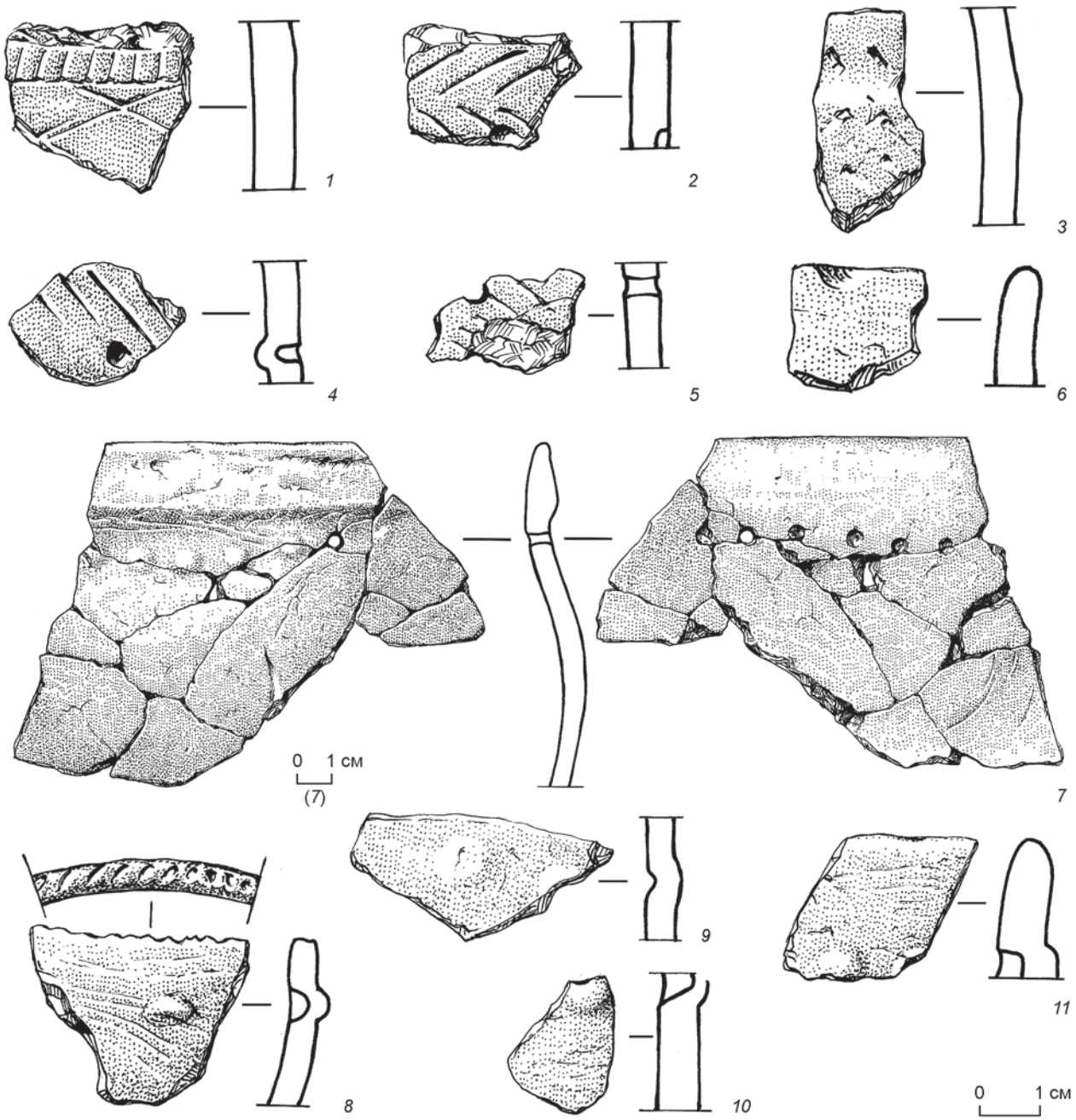

Рис. 2. Памятник Тартас-1. Фрагменты керамики из заполнения объектов.

В заполнении объекта 3 обнаружены три фрагмента от двух разных керамических сосудов баночной формы, декорированных «жемчужинами» (рис. 2, *8–10*). Еще один фрагмент венчика орнаментирован ямкой. Подобная керамика встречается в памятниках переходного времени от бронзового века к железному и начального этапа раннего железного века [Кобелева, 2015; Троицкая, Бородовский, 1994].

Также в заполнении объектов 3, 5 обнаружены орудия из камня, ножевидная пластина и скребок, которые также, наиболее вероятно, принадлежат к более древним комплексам. На дне объекта 1, в восточной части найден фрагмент глиняного изделия цилиндрической формы, закругленного на конце и декорированного рисками. Второй конец обломлен. Размеры предмета 3,8 × 1,6 см (см. рис. 1, *III*). Подобные изделия встречаются на поселениях, в производственных комплексах эпохи поздней бронзы. Ближайшие аналогии есть в материалах поселения Ложка-6 [Бобров и др., 2016].

В трех из восьми объектов, в заполнении, преимущественно в восточной части, на глубине 0,06–0,12 м от уровня материка, зафиксированы компактные скопления жженых костей. Размеры скоплений 0,30–1,02 м. Сожжение проводили на стороне, а затем кости помещали в яму. Степень их сожжения тако-

ва, что не представляется возможным определить, человеку они принадлежали или животному. Среди сожжений, очевидно, были и птицы, на что указывает часть сохранившихся фрагментов трубчатых костей.

В объекте 4, в заполнении на глубине 0,18 м от уровня материка, обнаружена обожженная фаланга овцы-козы (?). В этом же объекте найден обожженный фрагмент зуба лося.

Среди костей выявлены мелкие фрагменты керамики. В частности, в объекте 1 зафиксированы разрозненные неорнаментированные фрагменты керамического горшка, с низкой хорошо профилированной горловиной.

В объекте 5 после снятия жженых костей и выборки заполнения, на уровне дна в восточной части ямы, найден крупный фрагмент сосуда (рис. 2, *7*). Сосуд представлял собой горшок. Горловина прямая, низкая, при изготовлении оформлена дополнительной налепной лентой, образующей т.н. воротничок. На шейку сосуда нанесен ряд «жемчужин». Аналогии подобной керамики можно увидеть в памятниках эпохи поздней бронзы – переходного от бронзы к железу времени, например, в материалах городищ Имберень V, Черноозерье VIII [Членова, 1994, рис. 7, 11], Чича-1 [Молодин и др., 2001], поселений Большой Лог и Туруновка IV [Молодин, 1985; Членова, 1994, рис. 29, 30].

Объекты, содержащие мелкие фрагменты керамики и кости животных со следами использования огня, фиксируются в культовых комплексах эпохи поздней бронзы. Так, на памятнике Тартас-1 они располагались по периметру каркасно-столбовой конструкции ритуального комплекса пахомовской культуры [Молодин и др., 2012]. В жертвенном месте Хутор Бор-1 раздавленная керамика и обожженные кости выявлены в яме и отдельно, на уровне материка, в виде компактных скоплений [Труфанов, 1983]. На святилище Шайтанское Озеро II обнаружены похожие по конструкции ямы, названные авторами «условными погребениями» [Корочкова, Стефанов, Спиридонов, 2020, рис. 20–22]. В них присутствуют следы огня, мелкие кости и керамика, а также изделия из камня и бронзы.

Заключение

Между тем, несмотря на все вышеперечисленное, полных аналогий изученному нами комплексу найдено не было. Приходится констатировать, что мы столкнулись с новым, до этого времени неизвестным проявлением ритуально-обрядовой практики.

Планиграфия исследованных объектов, их во многом схожая друг с другом конструкция не позволяют сомневаться, что все они относятся к одному хронологическому периоду. Исходя из особенностей керамических материалов, выявленных на дне и в заполнении объектов, предлагается датировать этот комплекс переходным временем от бронзового века к железному.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту РНФ № 23-18-00424 «Мультидисциплинарные исследования духовной культуры и первобытного искусства населения Западной Сибири и Центральной Азии в древности».

Список литературы

Бобров В.В., Головков П.С., Моор Н.Н. Исследование памятника Ложка-6 в 2012–2013 гг. // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 9–13.

Бобров В.В., Моор Н.Н. Результаты археологических исследований на памятнике Ложка-6 (2010 год) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 154–157.

Бобров В.В., Моор Н.Н. Результаты археологических исследований на памятнике Ложка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 139–142.

Бобров В.В., Моор Н.Н., Плац И.А., Фальман А.В. Исследования поселения постандроновского времени Ложка-6 (предварительные итоги) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 227–231.

Бобров В.В., Моор Н.Н., Плац И.А., Фальман А.В. Новые материалы на памятнике позднего бронзового века Ложка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 219–223.

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 304–309.

Кобелева Л.С. Памятники раннескифского времени в Новосибирском Приобье. Вопросы хронологии и культурной принадлежности // III науч. конф. «Археологические источники и культурогенез» «Ранний железный век от архаики до рубежа эр. Центры, периферия и модели культурных взаимодействий». – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2015. – С. 46–48.

Корочкова О.Н. Пахомовская культура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 75–84.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. – 104 с.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2020. – 214 с.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2010. – 26 с.

Матвеев А.В., Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1 (14). – С. 46–55.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231–236.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шневайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследований). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 240 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Мыльникова Л.Н., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ефремова Н.С., Наглер А., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Селин Д.В. Тартас-1 – перекресток культур и эпох. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. 1. – 535 с.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 200 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор-1 (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск, 1983. – С. 63–76.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М: Изд-во Пущинского науч. центра РАН, 1994. – 170 с.

References

Bobrov V.V., Golovkov P.S., Moor N.N. Issledovanie pamyatnika Lozhka-6 v 2012-2013 gg. In *Istoriya i kul'tura narodov Yugo-zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongoliya, Kitai). Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Univ. Press, 2014. P. 9–13. (In Russ.).

Bobrov V.V., Moor N.N. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovanii na pamyatnike Lozhka-6 (2010 god). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010. Vol. 16. P. 154–157. (In Russ.).

Bobrov V.V., Moor N.N. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovanii na pamyatnike Lozhka-6. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011. Vol. 17. P. 139–142. (In Russ.).

Bobrov V.V., Moor N.N., Plats I.A., Falman A.V. New late bronze materials from the Lozhka-6 archaeological site in Baraba forest-steppe. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. 24. P. 219–223. (In Russ.).

Bobrov V.V., Moor N.N., Plats I.A., Falman A.V. The researches of the postandronovo period settlement Lozhka-6 (preliminary results). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 227–231. (In Russ.).

Chlenova N.L. Pamyatniki kontsa epokhi bronzy v Zapadnoi Sibiri. Moscow: Pushchino scientific center RAS Publ., 1994. 170 p. (In Russ.).

Dyadkov P.G., Molodin V.I., Chemyakina M.A., Mikheev O.A. Magnitometricheskie issledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov Tartas-1 i Preobrazhenka-6 v Barabinskoi lesostepi. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005. Vol. 11. Pt. I. P. 304–309. (In Russ.).

Kobeleva L.S. Pamyatniki ranneskifskogo vremeni v Novosibirskom Priob'e. Voprosy khronologii i kul'turnoi prinadlezhnosti. In *III nauchnaya konferentsiya «Arkheologicheskie istochniki i kul'turogenez» «Rannii zheleznyi vek ot arkhaiki do rubezha er. Tsentry, periferiya i modeli kul'turnykh vzaimodeistvii»*. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2015. P. 46–48. (In Russ.).

Korochkova O.N. The pakhomovskaya culture of the late bronze age. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2009. No. 3. P. 75–84.

Korochkova O.N. Vzaimodeistvie kul'tur v epokhu pozdnei bronzy (andronoidnye drevnosti Tobolo-Irtysh'ya). Yekaterinburg: UralYurIzdat Publ., 2010. 104 p. (In Russ.).

Korochkova O.N., Stefanov V.I., Spiridonov I.A. Svyatilishche pervykh metallurgov Srednego Urala. Yekaterinburg: Ural. State Univ. Press, 2020. 214 p. (In Russ.).

Kostomarov V.M. Pakhomovskie drevnosti Zapadnoi Sibiri: kul'turnaya atributsiya, khronologicheskaya i territorial'naya lokalizatsiya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Tyumen', 2010. 26 p. (In Russ.).

Matveev A.V., Kostomarov V.M. Pakhomovskie drevnosti Zapadnoi Sibiri. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii,* 2011. No. 1 (14). P. 46–55. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985. 200 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Nagler A., Khansen S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Efremova N.S., Novikova O.I., Mylnikova L.N., Vasilev S.K., Vasileva Y.A., Kovyrshina Y.N., Kudinova M.A., Mosechkina N.N., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Salnikova I.V. Ritual'nye kompleksy vostochnogo areala pakhomovskoi kul'tury na pamyatnike Tartas-1 (Ob'-Irtyshskaya lesostep'). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. Vol. 18. P. 231–236. (In Russ.).

Molodin V.I., Partsinger G., Garkusha Y.N., Shneevais I., Grishin A.E., Novikova O.I., Efremova N.S., Chemyakina M.A., Mylnikova L.N., Vasilev S.K., Bekker G., Fassbinder I., Manshtein A.K., Dyadkov P.G. Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi (pervye rezul'taty issledovanii). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001. Vol. 1. 240 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Partsinger G., Mylnikova L.N., Hansen S., Durakov I.A., Rainhold S., Efremova N.S., Nagler A., Kobeleva L.S., Nenakhov D.A., Nenakhova Y.N., Nesterova M.S., Selin D.V. Tartas-1 – a Crossroad of Cultures and Epochs. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 1. 535 p. (In Russ.).

Mylnikova L.N., Chemyakina M.A. Traditsii i novatsii v goncharstve drevnikh plemen Baraby (po materialam poselencheskogo kompleksa Om'-1). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002. 200 p. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Borodovskii A.P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994. 184 p. (In Russ.).

Trufanov A.Y. Zhertvennoe mesto Khutor Bor-1 (o kul'turno-khronologicheskom svoeobrazii pamyatnikov epokhi pozdnei bronzy lesnogo Priirtysh'ya). In *Etnokul'turnye protsessy v Zapadnoi Sibiri*. Tomsk, 1983. P. 63–76. (In Russ.).

Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Кобелева Л.С. https://orcid.org/0000-0002-4969-3771
Дядьков П.Г. https://orcid.org/0000-0001-5345-9331
Позднякова О.А. https://orcid.org/0000-0001-8376-0344
Ненахова Ю.Н. https://orcid.org/0000-0003-3209-8180
Ненахов Д.А. https://orcid.org/0000-0002-0820-9410

Дата сдачи рукописи: 23.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0601-0609
УДК 903.4

В.И. Молодин[1], М.С. Нестерова[1]✉, И.Д. Зольников[2], Р.М. Харитонов[1], Е.А. Филатов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: msnesterova@gmail.com

Предварительные результаты геоархеологического изучения поселения Карьер Таи-1 в Барабинской лесостепи в 2024 году

В статье представлены первые результаты геоархеологического исследования периферии поселения Карьер Таи-1, расположенного в месте сочленения полого-волнистой водораздельной поверхности и озеровидного расширения левого берега р. Тартас, носящего на топографических картах название «Урочище Таи». С 2017 г. на памятнике ведутся работы Западно-Сибирского археологического отряда, в результате которых исследованы ритуальный комплекс эпохи раннего неолита, производственный и поселенческий комплексы эпохи ранней–развитой бронзы, а также разновременный грунтовый могильник. В полевом сезоне 2024 г. вытянутым раскопом длиной 48 м были вскрыты отложения от поверхности равнины через уступ эрозионной террасы до поверхности первой надпойменной террасы. Цель разведки заключалась в поиске культурных слоев в низине урочища, которая периодически затапливалась. В результате был получен разрез, включающий несколько погребенных автохтонных почв со следами жизнедеятельности человека, перемежающихся со стерильными (в археологическом отношении) слоями светло-серых супесей субаэрального генезиса, общей мощностью до 2 м. Полученный археологический материал (каменные артефакты, кости животных, фрагменты керамики) относится к следующим культурно-хронологическим горизонтам, хорошо известным в регионе: раннее Средневековье, эпоха бронзы (кротовская и одиновская культуры, гребенчато-ямочный пласт), эпоха неолита (артынская и барабинская культуры). Полученные данные свидетельствуют о том, что древние люди осваивали не только высокие участки рельефа, но и озеровидные расширения, подверженные периодическим затоплениям. Вероятно, близость воды и луговая растительность, пригодная для выпаса скота, делала эту территорию привлекательной для хозяйственной деятельности человека в плювиальные эпохи. Дальнейшие исследования полученных материалов позволят привязать изученный разрез к абсолютной хронологии, а также сопоставить данные с палеоклиматическими и палеоландшафтными реконструкциями для данного региона.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, урочище Таи, хроностратиграфия, керамика, Средневековье, эпоха бронзы, неолит.*

V.I. Molodin[1], M.S. Nesterova[1]✉, I.D. Zolnikov[2], R.M. Kharitonov[1], E.A. Filatov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: msnesterova@gmail.com

Preliminary Results of the Archaeological Study of the Taye-1 Quarry Settlement in the Baraba Forest-Steppe in 2024

This paper presents the first results of a geoarchaeological study of the periphery of the Taye-1 Quarry settlement located at the intersection of the hollow-wavy watershed country and the lake-like extension of the left bank of the Tartas River known as the "Taye Tract" on topographic maps. Since 2017, the West Siberian Archaeological Expedition has been working at the site and discovered an Early Neolithic ritual complex, production and residential complexes of the Early-Middle Bronze Age, and a multi-temporal burial ground. In the 2024 field season, an elongated trench of 48 m long was established to uncover sediments from the surface of the plain through the ledge of the erosion terrace to the level of the first above-floodplain terrace. The purpose of this trenching was to search

for cultural layers in the periodically flooded lowlands of the Taye tract. As a result, this profile includes several buried autochthonous soils with traces of human activity, interlaid with archaeologically sterile layers of light gray sandy loam of subaerial genesis. Total thickness of the deposits is up to 2 m. The collected archaeological material (stone artifacts, animal bones, fragments of ceramics) belongs to the well- known local cultural and chronological horizons: the Early Middle Ages, the Bronze Age (Krotovo and Odino cultures, comb-pit cultural unity), and the Neolithic era (Artyn and Baraba cultures). This stratigraphic profile indicates that ancient people mastered not only high terrain areas, but also lake-like extensions subjected to periodic flooding. Probably, these territories were attractive for human economic activity in the pluvial epochs due to the proximity of water and meadow vegetation suitable for grazing. Further studies of the derived materials will be based on correlating the studied profile with the absolute chronology, as well as on comparing the available data with paleoclimatic and paleolandscape reconstructions for this region.

Keywords: *Baraba forest-steppe, Taye tract, chronostratigraphy, ceramics, Middle Ages, Bronze Age, Neolithic.*

Поселение Карьер Таи-1 расположено в 4,2 км к юго-востоку от окраины с. Венгерово, в месте сочленения полого-волнистой водораздельной поверхности и озеровидного расширения левого берега р. Тартас, носящего на топографических картах название «Урочище Таи». Поселение было открыто О.Ф. Софейковым в 2007 г. в результате сбора подъемного материала (фрагменты керамики и каменные орудия) и признано разновременным поселенческим комплексом (от эпохи ранней бронзы до раннего Средневековья) [Софейков, 2007]. С 2017 г. на памятнике ведутся работы Западно-Сибирского археологического отряда, в результате которых исследованы ритуальный комплекс эпохи раннего неолита, производственный и поселенческий комплексы эпохи ранней-развитой бронзы, а также разновременный грунтовый могильник [Молодин и др., 2023, с. 7–12].

В полевом сезоне 2024 г. вытянутым раскопом шириной от 1 до 2 м и длиной 48 м исследовался склон в зоне сочленения первой надпойменной террасы (далее – I н.т.) р. Тартас и полого-волнистой водораздельной равнины. Цель разведки заключалась в исследовании периферии поселения и поиске культурных слоев в низине урочища, которая периодически затапливалась (это явление имеет место и в настоящее время в сезоны аномальных по водности весенних паводков – раз в 8–10 лет).

Общая площадь раскопа составила 68,5 м². Вскрыты отложения от поверхности равнины через уступ эрозионной террасы до поверхности I н.т., включающие несколько погребенных автохтонных почв со следами жизнедеятельности человека, перемежающихся со стерильными (в археологическом отношении) слоями светло-серых супесей, общей мощностью до 2 м. Разница в гипсометрических отметках между поверхностями равнины и I н.т. составляет более 11 м.

Для геологического описания был выбран участок юго-западной стенки траншеи в тыловой части площадки I н.т. (рис. 1, *А*, *Б*). Разрез сверху вниз характеризуется следующим образом.

0,0–0,3 м. Слой 1. Современная почва черная песчаная автоморфная. Подошва неровная с затеками, «хвостиками» и удлиненными зооморфозами вниз. Мощность 0,3 м. Рассмотрим гранулометрический состав по фракциям. Образец КТ-1 в прикровельном участке почвы: песчаная – 58 %; алевритовая – 40 %; пелитовая – 2 %; при этом физического песка (более 0,05 мм) 80 %. Образец КТ-2 в приподошвенном участке почвы: песчаная – 37 %; алевритовая – 53 %; пелитовая – 10 %; при этом физического песка 57 %. Таким образом, почва является существенно опесчаненной, что обусловлено, на наш взгляд, эоловыми и в меньшей степени делювиальными процессами при ее формировании.

0,3–0,4 м. Слой 2. Алевропесок светло-серый с бурым оттенком неслоистый, пелитистый с кротовинами. Подошва неровная со следами вертикального перемещения материала. Флювиальные текстуры отсутствуют. Образец КТ-3 из срединной части слоя: песчаная – 45 %; алевритовая – 36 %; пелитовая – 19 %; при этом физического песка – 60 %. Мощность слоя 0,1 м, вниз по склону увеличивается до 0,2 м. Генезис субаэральный, преимущественно эоловый.

0,4–0,5 м. Слой 3. Палеопочва темно-серая до черной автоморфная. Нижний контакт неровный с «хвостиками», отражающими проникновение гумусового материала сверху вниз. Образец КТ-4 из нижней части слоя: песчаная – 42 %; алевритовая – 46 %; пелитовая – 12 %; при этом физического песка – 60 %. Мощность 0,1 м. К этому слою приурочены находки фрагментов керамики эпохи раннего Средневековья. Один из них представляет собой верхнюю часть неорнаментированного сосуда с характерным отогнутым венчиком (рис. 2, *1*). Еще один фрагмент тулова орнаментирован рядом косых прочерченных линий, под которыми расположен зигзагообразный ряд треугольных оттисков (рис. 2, *2*). Морфологически близкая керамика представлена на целом ряде поселенческих комплексов Барабинской лесостепи и соседних территориях (см., напр.: [Елагин, Молодин, 1991]). Также в этом слое обнаружен фрагмент левой ветви нижней челюсти молодой особи лошади.

0,5–0,64 м. Слой 4. Пескоалевропелит светло-серый с бурым оттенком неслоистый с мелкими зооморфозами, проникающими из вышележащей палеопочвы. На уровне 0,6 м эфемерная палеопочва имеет толщину несколько мм. Подошва слоя 4 неровная. Образец КТ-5 из средней части слоя: песчаная – 41 %; алевритовая – 35 %; пелитовая – 24 %; при этом физического песка – 57 %. Мощность 0,15 м, вниз по склону увеличивается до 0,3 м. Генезис субаэральный, преимущественно эоловый.

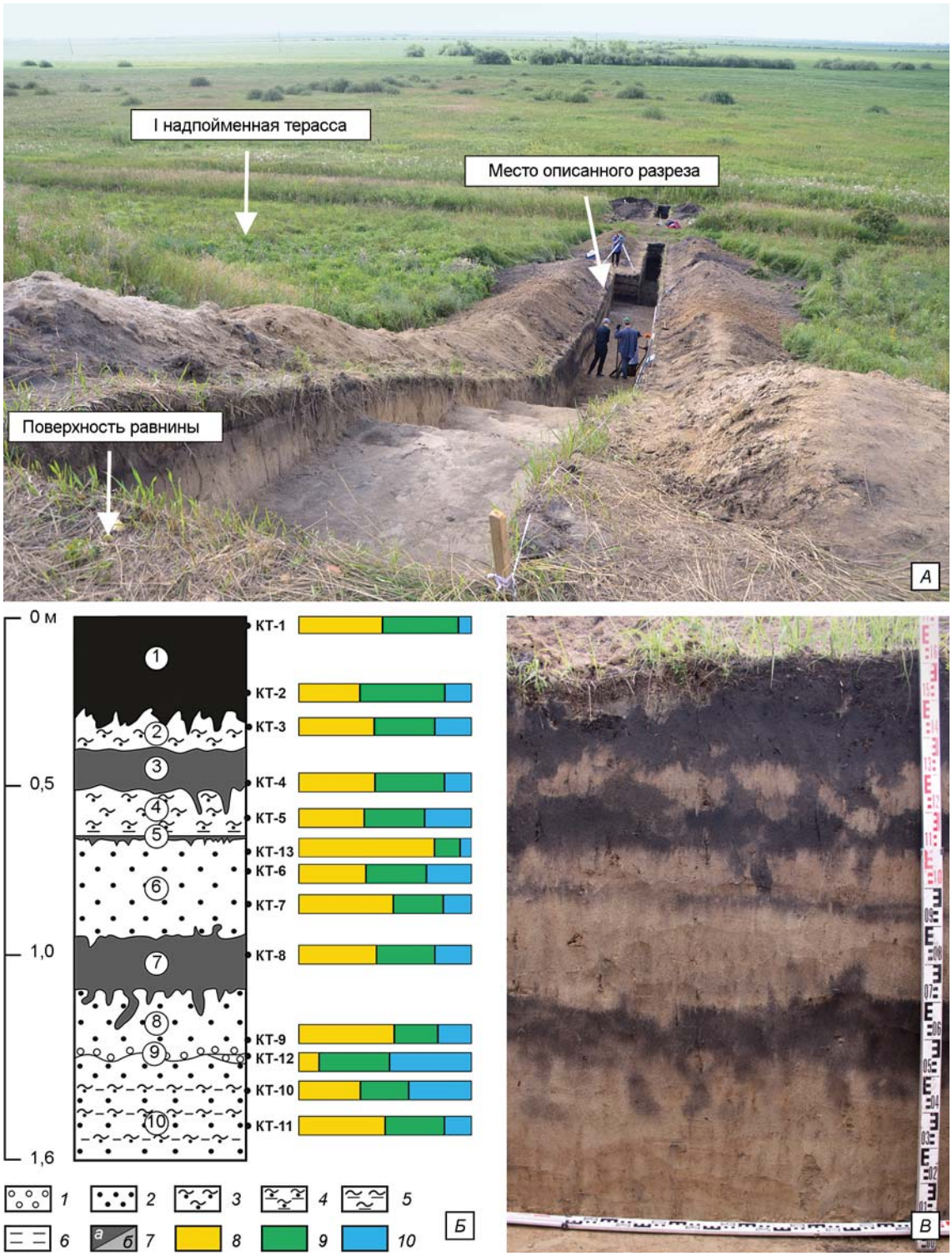

Рис. 1. Поселение Карьер Таи-1. Общий вид на раскоп 2024 г. (*А*) и колонка разреза (*Б* – рисунок, *В* – фото).

1 – крупнообломочный материал (дресва, галька, щебень); *2* – песок; *3* – алевропесок; *4* – пескоалевропелит; *5* – алевропелит; *6* – пелит; *7* – палеопочвы: *а* – черная луговая, *б* – бурая степная; гранулометрические фракции: *8* – песчаная (1–0,1,мм); *9* – алевритовая (0,1–0,01,мм); *10* – пелитовая (менее 0,01,мм).

0,64–0,66 м. Слой 5. Палеопочва темно-серая до черной эфемерная автохтонная толщиной 2-3 см с неровным нижним контактом.

0,66–0,95 м. Слой 6. Песок светло-серый со светло-буроватым оттенком неслоистый, алевропесок пелитистый до пелитового. Нижний контакт неровный. Образец КТ-13: песчаная – 85 %; алевритовая – 13 %; пелитовая – 2 %; при этом физического песка – 92 %. Образец КТ-6: песчаная – 39 %; алевритовая – 37 %; пелитовая – 24 %; при этом физического песка – 54 %.

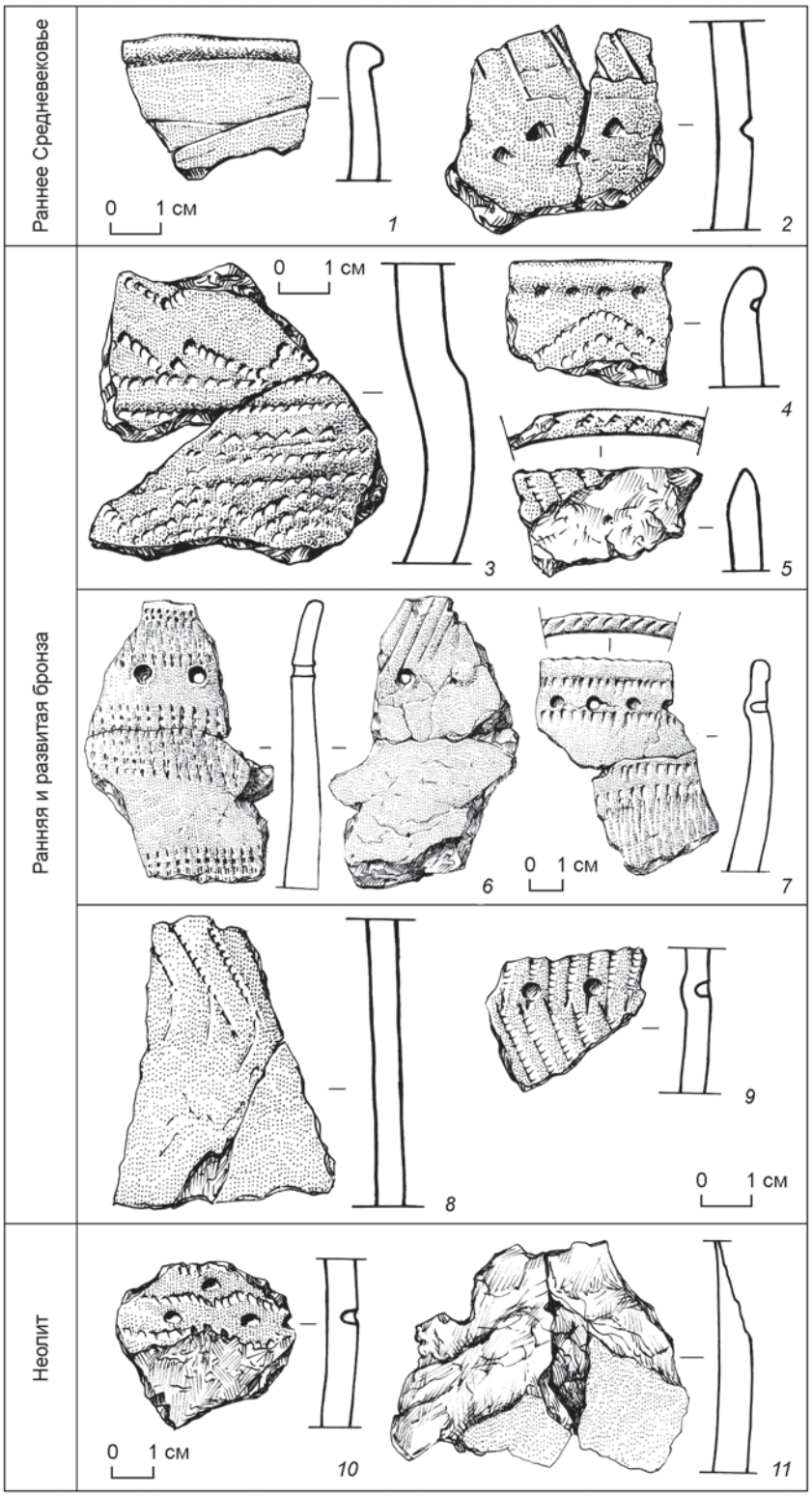

Рис. 2. Фрагменты керамики из заполнения вскрытых отложений поселения Карьер Таи-1 и их культурная/хронологическая принадлежность.

1, *2* – раннее Средневековье; *3*–*5* – кротовская культура; *6*, *7* – одиновская культура; *8*, *9* – гребенчато-ямочный тип; *10* – артынская культура; *11* – барабинская культура.

Образец КТ-7: песчаная – 55 %; алевритовая – 29 %; пелитовая – 16 %; при этом физического песка – 71 %. Мощность 0,3 м. Генезис субаэральный, преимущественно эоловый.

0,95–1,1 м. Слой 7. Палеопочва темно-серая до черной автохтонная. Нижний контакт неровный с зооморфозами в нижележащие отложения. Образец КТ-8: песчаная – 49 %; алевритовая – 34 %; пелитовая – 17 %; при этом физического песка – 61 %. Мощность 0,15 м, вниз по склону увеличивается до 0,6 м, где слой расщепляется на две палеопочвы с песчаным прослоем между ними.

В слое 7 обнаружено большое количество фрагментов керамики, в т.ч. венчиков, орнаментация и морфология которых позволяет надежно относить их к кротовской культуре (рис. 2, *3–5*). Впервые эта своеобразная керамика была выделена М.Н. Комаровой в Верхнем Приобье по материалам памятника Кротово-7/8 [Комарова, 1956]. В 1970 г. В.Ф. Генинг объединил памятники с подобной керамикой в отдельный кротовский тип [Генинг и др., 1970]. В Барабинской лесостепи исследовано значительное количество погребальных и поселенческих комплексов кротовской культуры, в т.ч. в непосредственной близости от поселения Карьер Таи-1 (см., напр.: [Молодин, 1985]).

К этому же времени относится единственный исследованный в траншее объект. Он был зафиксирован при зачистке горизонта в самой нижней части раскопа в виде округлого пятна с прокаленным участком в центре. В результате была исследована яма размерами 0,7 × 0,65 м, глубиной до 1,1 м, воронкообразная в профиле. Заполнение ямы представлено чередующимися тонкими линзами прокаленной бурой, насыщенно-черной, серой и светло-серой супеси. В заполнении на глубине 0,45 м обнаружен фрагмент черепной крышки (?) плохой сохранности. Однозначная функциональная интерпретация объекта на данном этапе затруднительна.

В нижней части слоя, после его расщепления на две палеопочвы, обнаружены фрагменты керамики, относящиеся к одиновской культуре. Один фрагмент верхней части сосуда орнаментирован поясом округлых ямок под венчиком и рядами оттисков шагающей гребенки. Срез венчика орнаментирован косыми оттисками, внутренняя часть также украшена рядом косых линий (рис. 2, *6*). Еще один фрагмент венчика оформлен по сходной орнаментальной схеме, только вместо верхнего ряда шагающей гребенки фиксируется два ряда оттисков угла лопаточки, между которыми расположен ряд округлых ямок (рис. 2, *7*). В этом же слое обнаружены несколько скоплений костей животных. Среди них определяются запястная лучевая и пястная кости лося. Четкая стратиграфическая позиция классической керамики одиновской культуры в данном разрезе подтверждает ее более древнюю хронологическую позицию по отношению к кротовской культуре, что еще раз демонстрирует сложный характер культурогенеза на данной территории [Молодин, Дураков, Кобелева, 2021].

К подошве слоя 7 приурочены фрагменты гребенчато-ямочной керамики эпохи ранней бронзы (рис. 2, *8*, *9*), ближайшие аналогии которой находятся в комплексе поселения Венгерово-3 [Молодин, 1985] и других синхронных памятниках [Юракова, 2016], несколько фрагментов керамики артынской культуры (выделенной по материалам близлежащего поселения Автодром-2 [Бобров, Марочкин, 2011]), орнаментированных характерной волной в сочетании с овальными ямками (рис. 2, *10*) (см. напр.: [Бобров, Марочкин, Юракова, 2010; Юракова, 2013], и несколько фрагментов керамики барабинской ранненеолитической культуры (рис. 2, *11*), отличающихся характерной технологией изготовления и наличием следов обвязочного шнура [Mylnikova, 2021].

1,1–1,29 м. Слой 8. Песок светло-серый с бурым оттенком неслоистый. Образец КТ-9: песчаная – 59 %; алевритовая – 26 %; пелитовая – 15 %; при этом физического песка – 71 %. Мощность 0,2 м. Генезис субаэральный, преимущественно эоловый.

1,29–1,3 м. Слой 9. Прослой алеврита светло-бурого пелитово-песчанистого с дресвой, мелким щебнем и мелкой галькой. Образец КТ-12: песчаная – 14 %; алевритовая – 53 %; пелитовая – 33 %; при этом физического песка – 31 %. Толщина 1 см. По горизонтали вниз по склону увеличивается по мощности до 0,1–0,2 м. Залегает прерывистыми прослоями и линзами. Генезис дефляционно-перлювиальный за счет эоловой и флювиальной переработки нижележащих отложений.

1,3–1,9 м. Слой 10. Песок светло-серый с буроватым оттенком с тремя прослоями пескоалевропелита светло-коричневого толщиной 2–3 см. Образец КТ-10 из прослоев: песчаная – 39 %; алевритовая – 27 %; пелитовая – 34 %; при этом физического песка – 50 %. Образец КТ-11 непосредственно из песка: песчаная – 51 %; алевритовая – 43 %; пелитовая – 6 %; при этом физического песка – 67 %. Подошва не вскрыта. Видимая мощность 0,3 м. Генезис аллювиальный.

Также на склоне в верхней части траншеи был обнаружен участок культурного слоя, содержащего артефакты из камня (четыре микропластины и два отщепа). Признаки делювиальных и солифлюкционных процессов позволяют интерпретировать его как переотложенный с поверхности в результате естественного разрушения уступа.

При анализе гранулометрического состава отложений описанного разреза обращает на себя внимание существенное содержание пелитовой фракции в субаэральных образованиях (более 10 %) и большое содержание алевритовой фракции, сравнимое с содержанием песчаной фракции; при этом содержание физического песка доминирует над содержанием физической глины. Для выяснения источника для

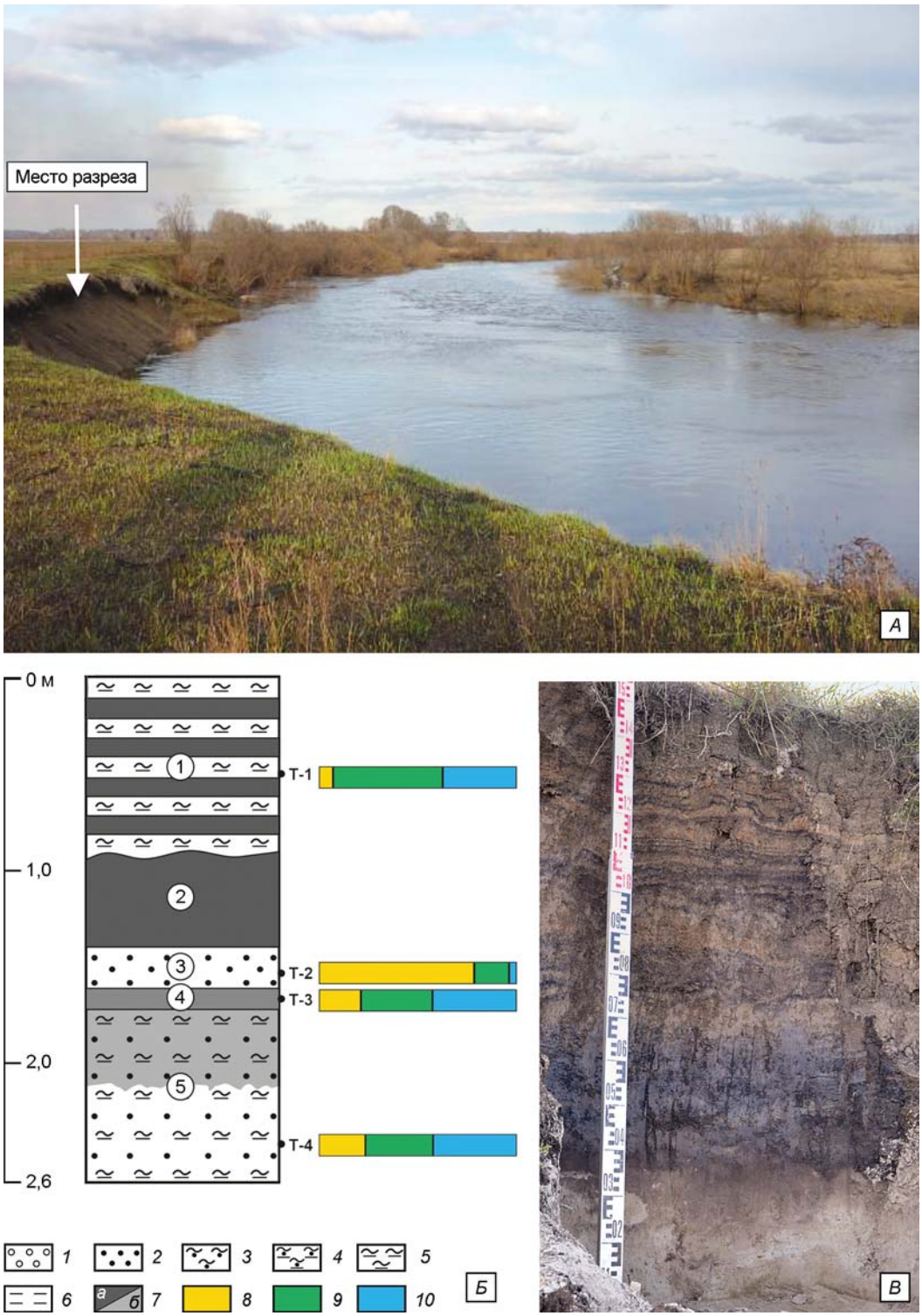

Рис. 3. Река Тартас и ее I н.т. Общий вид с местом разреза (*А*) и колонка разреза (*Б* – рисунок, *В* – фото отложений высокой поймы в разрезе).

1 – крупнообломочный материал (дресва, галька, щебень); *2* – песок; *3* – алевропесок; *4* – пескоалевропелит; *5* – алевропелит; *6* – пелит; *7* – палеопочвы: *а* – черная луговая, *б* – бурая степная; гранулометрические фракции: *8* – песчаная (1–0,1 мм); *9* – алевритовая (0,1–0,01 мм); *10* – пелитовая (менее 0,01 мм).

пелитовой фракции был описан разрез I н.т. р. Тартас (рис. 3).

Расчистка первой надпойменной террасы сделана на правом берегу р. Тартас. Сверху вниз от бровки берегового обрыва вскрыты (рис. 3, *В*):

0,0–0,9 м. Слой 1. Переслаивание гумуса и пелитового алеврита, коричневого иногда рыжеватого, мелкое толщиной 2–3 мм субгоризонтально параллельное (рис. 3). Образец Т-1 из середины слоя: песчаная – 5 %; алевритовая – 60 %; пелитовая – 35 %; при этом физического песка – 50 %. Мощность 0,9 м. Генезис – отложения высокой поймы.

0,9–1,4 м. Слой 2. Палеопочва темно-серая до черной, местами слоистая гидроморфная. Мощность 0,5 м.

1,4–1,6 м. Слой 3. Песок светло-серый до белого неслоистый. Образец Т-2 в середине слоя: песчаная – 82 %; алевритовая – 18 %; пелитовая – 0 %; при этом физического песка (более 0,05 мм) 94 %. Мощность 0,2 м. Генезис эоловый.

1,6–1,7 м. Слой 4. Палеопочва светло-коричневая, бурая карбонатизированная. Образец Т-3 в середине палеопочвы: песчаная – 19 %; алевритовая – 41 %; пелитовая – 40 %; при этом физического песка 32 %. Мощность 0,1 м.

1,7–2,6 м. Слой 5. Алевропесок светло-серый с прослоями алевропелита. В прикровельной части карбонатизированный за счет иллювиальных процессов от палеопочвы слоя 4. В средней и приподошвенной части появляются прослои песка светло-серого с плоскопараллельно косой слоистостью. Образец Т-4 в средней части слоя: песчаная – 24 %; алевритовая – 35 %; пелитовая – 41 %; при этом физического песка 39 %. Подошва не вскрыта. Видимая мощность 0,9 м. Генезис – переслаивание русловой и пойменной фаций аллювия.

Гранулометрический состав отложений разреза I н.т. отражает значительное содержание в аллювии алевритовой и пелитовой фракций. По всей видимости, именно этим за счет эолового переотложения объясняется наличие данных фракций в субаэральном комплексе, непосредственно перекрывающем аллювий террасы.

Таким образом, изученные отложения представляют собой наиболее полную известную на сегодняшний день стратифицированную колонку археологических культур Барабинской лесостепи от Средневековья до раннего неолита. Следует отметить, что следы пребывания носителей обозначенных культур также зафиксированы на водораздельной поверхности над изученным разрезом склоном, т.е. в непосредственной близости. Так, к раннему неолиту относится святилище [Молодин и др., 2023] и ряд рыбных ям [Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017], к артынской, одиновской, кротовской культурам – погребальные комплексы [Молодин и др., 2020]. Также здесь был изучен хозяйственно-производственный комплекс эпохи ранней–развитой бронзы [Кобелева и др., 2019]. Обнаружены ямы хозяйственного назначения, обособленные двумя концентрическими рвами подковообразной формы. Керамический комплекс, относящийся к объекту, демонстрирует сочетание одиновских и кротовских традиций орнаментации керамической посуды. Примечательно, что на изученном в 2024 г. участке слои кротовской и одиновской культуры разделены стерильным в археологическом отношении прослоем.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что древние люди осваивали не только высокие участки рельефа, но и озеровидные расширения, подверженные периодическим затоплениям в режиме высокой поймы. Вероятно, близость воды и луговая растительность, пригодная для выпаса скота, делали эти территории привлекательными для хозяйственной деятельности человека в плювиальные эпохи. В условиях же сухого и теплого климата здесь существовала субаэральная обстановка, обеспечившая стерильные в археологическом отношении слои между культуросодержащими погребенными почвами. Дальнейшие исследования полученных материалов позволят не только привязать изученный разрез к абсолютной хронологии, но и сопоставить данные с имеющимися реконструкциями палеоклимата [Zhilich et al., 2017] и выявленными с помощью ГИС-технологий особенностями расселения древнего населения в различные эпохи на этой территории [Nikulina, 2019].

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Великий Новгород – Старая Русса. – СПб.; В. Новгород: Изд-во ИИМК РАН, 2011. – Т. I. – С. 106–108.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Керамика артынской поздненеолитической культуры (по материалам поселения Автодром-2) // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 113–116.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 12–51.

Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. – Новосибирск: Наука, 1991. – 126 с.

Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Молодин В.И., Райнхольд С. Бронзолитейный комплекс эпохи ранней – развитой бронзы на поселении Карьер Таи-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 402–408.

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 93–103.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Одиновская и кротовская культуры периода ранней – развитой бронзы: хронологические позиции // Археологические памятники южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2021. – С. 58–61.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 172–178.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Хансен С., Селин Д.В., Нестерова М.С., Кудинова М.А., Райнхольд С., Швецова Е.С., Бобин Д.Н. Поздненеолитический погребальный комплекс на памятнике Усть-Тартас-2 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 172–180.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Селин Д.В., Зоткина Л.В., Пархомчук Е.В., Рендю У. Ранненеолитическое святилище урочища Таи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – 187 с.

Софейков О.В. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Барабинском, Болотнинском, Венгеровском, Здвинском, Искитимском, Каргатском, Коченевском, Краснозерском, Куйбышевском, Купинском, Мошковском, Новосибирском, Ордынском, Сузунском, Татарском, Тогучинском, Убинском, Усть-Таркском, Чановском и Чулымском районах Новосибирской области в 2007 году (в 6 т.) // Архив ГАУ НСО НПЦ (электр. версия). – 2007.

Юракова А.Ю. Орнаментальная традиция артынской поздненеолитической культуры // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2013. – № 3–4. – С. 90–96.

Юракова А.Ю. Гребенчато-ямочная общность позднего неолита – раннего металла в Барабинской лесостепи и южно-таежном Прииртышье (ключевые проблемы историографии) // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 2016. – Т. 27.– С. 155–164.

Mylnikova L.N. Technologie der neolithischen Keramikherstellung in Baraba (Westsibirien) // Eurasia Antiqua. – 2017 (2021). – N 23. – P. 89–106.

Nikulina A.V. GIS-based analysis of settlement patterns for the central Baraba Lowland (Western Siberia, Russia) in relation to climatic conditions of the Middle – Late Holocene // J. of Archaeological Sci. Reports. – 2019. – Vol. 24. – P. 302–312.

Zhilich S., Rudaya N., Krivonogov S., Nazarova L., Pozdnyakov D. Environmental dynamics of the Baraba forest-steppe (Siberia) over the last 8000 years and their impact on the types of economic life of the population // Quatern. Sci. Reviews. – 2017. – Vol. 163. – P. 152–161.

References

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Artynskaya kul'tura. In *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda. Veliky Novgorod – Staraya Russa*. St. Petersburg; Veliky Novgorod: Institute for the History of Material Culture Publ., 2011. Vol. I. P. 106–108. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Y. Keramika artynskoi pozdneneoliticheskoi kul'tury (po materialam poseleniya Avtodrom-2). In *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchanii*. Tomsk: Agraf-Press, 2010. P. 113–116. (In Russ.).

Elagin V.S., Molodin V.I. Baraba v nachale I tysyacheletiya n.e. Novosibirsk: Nauka, 1991. 126 p. (In Russ.).

Gening V.F., Gusentsova T.M., Kondrat'ev O.M., Stefanov V.I., Trofimenko V.S. Periodizatsiya poselenii epokhi neolita i bronzovogo veka srednego Priirtysh'ya. In *Problemy khronologii i kul'turnoi prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1970. P. 12–51. (In Russ.).

Kobeleva L.S., Nenakhov D.A., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Molodin V.I., Reinhold S. Foundry Complex of the Early-Advanced Bronze Age at the Karier Tai-1 Site (Baraba Forest-Steppe). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 402–408. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.402-408

Komarova M.N. Neolit Verkhnego Priob'ya. In *Kratkie soobshcheniya instituta istorii material'noi kul'tury*. 1956. Iss. 64. P. 93–103. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985. 200 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S. The Odinovo and Krotovo cultures of the Early and Advanced Bronze Age: chronological positions. In *Arkheologicheskie pamyatniki yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii: ot poyavleniya pervykh skotovodov do epokhi slozheniya gosudarstvennykh obrazovanii.* Saint-Petersburg: Institute for the History of Material Culture Publ., 2021. P. 58–61. (In Russ.). doi:10.31600/978-5-907298-16-3.58-61

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Mylnikova L.N. The Early Neolithic site Ust-Tartas-1 and its cultural-chronological interpretation. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 23. P. 172–178. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Hansen S., Selin D.V., Nesterova M.S., Kudinova M.A., Reinhold S.,

Shvetsova E.S., Bobin D.N. Late Neolithic Burial Complex at the Ust-Tartas-2 Site (Vengerovsky District, Novosibirsk Region). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 172–180. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2020.26.172-180

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Selin D.V., Zotkina L.V., Parkhomchuk E.V., Rendu W. Early Neolithic Sanctuary at the Taye Tract. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. 187 p. (In Russ.). doi:10.17746/7803-0341-1.2023

Mylnikova L.N. Technologie der neolithischen Keramikherstellung in Baraba (Westsibirien). *Eurasia Antiqua*, 2017 (2021). No. 23. P. 89–106.

Nikulina A.V. GIS-based analysis of settlement patterns for the central Baraba Lowland (Western Siberia, Russia) in relation to climatic conditions of the Middle – Late Holocene. *J. Archaeological Sci.Reports*, 2019. Vol. 24. P. 302–312.

Sofeikov O.V. Otchet ob arkheologicheskikh izyskaniyakh (razvedkakh) v Barabinskom, Bolotninskom, Vengerovskom, Zdvinskom, Iskitimskom, Kargatskom, Kochenevskom, Krasnozerskom, Kuibyshevskom, Kupinskom, Moshkovskom, Novosibirskom, Ordynskom, Suzunskom, Tatarskom, Toguchinskom, Ubinskom, Ust'-Tarkskom, Chanovskom i Chulymskom raionakh Novosibirskoi oblasti v 2007 godu (v 6 tomakh). Archive of Scientific and production center for the preservation of historical and cultural heritage of the Novosibirsk region (electronic version). 2007. (In Russ.).

Yurakova A.Y. Ornamental Tradition of The Late Neolithic Artyn Culture. *SibScript*, 2013. No. 3–4. P. 90–96. (In Russ.).

Yurakova A.Y. Grebenchato-yamochnaya obshchnost' pozdnego neolita – rannego metalla v Barabinskoi lesostepi i yuzhno-taezhnom Priirtysh'e (klyuchevye problemy istoriografii). In *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri*. Kemerovo: Kemerovo State University Press, 2016. Vol. 27. P. 155–164. (In Russ.).

Zhilich S., Rudaya N., Krivonogov S., Nazarova L., Pozdnyakov D. Environmental dynamics of the Baraba forest-steppe (Siberia) over the last 8000 years and their impact on the types of economic life of the population. *Quatern. Sci. Reviews*, 2017. Vol. 163. P. 152–161.

Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Нестерова М.С. https://orcid.org/0000-0003-4024-6753
Зольников И.Д. https://orcid.org/0000-0003-1178-5707
Харитонов Р.М. https://orcid.org/0000-0003-1699-046X
Филатов Е.А. https://orcid.org/0000-0002-2675-7736

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0610-0615
УДК 903.074

В.П. Мыльников

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Тридцать лет методу экспресс-реконструкции погребальных сооружений из дерева

Статья посвящена всестороннему анализу важности введения в практику археологических исследований погребений с деревянными конструкциями метода обязательной повторной последовательной повенцовой сборки всех этапов сооружения после тщательного его изучения в процессе раскопок на специально подготовленной рабочей площадке по всем погребальным канонам той культуры, к которой оно относится. Этот метод позволяет собрать максимум информации о процессе изготовления сруба, монтажа всех составляющих конструкции во время ее установки в могильной яме и точнее понять порядок особенностей ее сборки и подгонки деталей. Во время этой операции происходит выяснение незафиксированных ранее данных по обработке материала в стесненных условиях могильной ямы и сбор дополнительной информации об объекте исследования. Этот метод на протяжении долгих лет с успехом зарекомендовал себя при исследовании таких известных археологических памятников, как Ак-Алаха-3, кург. 1, Верх-Кальджин-2, кург. 1, Уландрык VI, кург. 1, Пазырык, кург. 5 в Горном Алтае; Аржан 2, мог. 5 в республике Тыва; Олон-Курин-Гол-6 и -10 в Монголии и многих других, о чем изложено в полевых отчетах и монографиях, посвященных изучению этих памятников. Подробно полный процесс изучения погребальных сооружений из дерева в процессе раскопок и камеральных работ указанных памятников и всех операций деревообработки и экспресс-реконструкции их у мест раскопок изложен в ряде специальных публикаций в виде статей, монографий и методических рекомендаций.

Ключевые слова: *пазырыкская культура, обработка дерева, погребальные сооружения, экспресс-реконструкция, музеефикация.*

V.P. Mylnikov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Thirty Years of Practicing the Method of Express Reconstruction of Burial Wooden Structures

The article presents a comprehensive analysis of advantages of introducing the method of mandatory re-assembling of the recovered wooden structures into practice of archaeological research of burials with wooden constructions. The re-assemblage should be based on careful preliminary analyses of wooden constructions in the course of excavations and executed at a specially prepared work site according to all the funerary rites of the culture to which it belongs. This method makes it possible to collect as much information as possible about the process of making a log cabin, mounting all components of the structure during its installation in a burial pit and more accurately understand the order reassembling and fitting elements. The immediate reassembling provides previously unnoted data on the wood working in the narrow grave and additional information on the object under study. Over the years, this method has successfully proven itself in the study of such famous archaeological sites as Kurgan 1 at Ak-Alakha-3, Kurgan 1 at Verkh-Kaljin-2, Kurgan 1 at Ulandryk VI, and Pazyryk 5 in the Altai Mountains; Arzhan-2 in the Republic of Tyva, Olon-Kurin-Gol-6 and -10 in Mongolia, and many others, as described in the relevant field reports and monographs. The entire process of studying wooden burial structures in the course of excavations, express reconstruction of the recovered constructions at the excavation sites, and consequent laboratory analyses of the wooden objects and woodworking operations are described in detail in special papers, monographs, and methodological recommendations.

Keywords: *Pazyryk culture, wood processing, funerary structures, express reconstruction, museumification.*

Введение

В этом году исполнилось ровно 30 лет с момента зарождения метода быстрой неотложной реконструкции оригинального внутримогильного погребального сооружения из дерева в поле у места проведения раскопок памятника и его последующего камерального изучения. Впервые он был осуществлен в 1994 г. во время археологических работ по программе «Пазырык» на высокогорном плато Укок в Горном Алтае.

Идея его проведения и введения в практику полевых исследований возникла после анализа множества письменных, фото и графических источников по полевому и камеральному изучению памятников раннего железного века на Алтае и сопредельных территориях. Выяснилось, что с момента проведения первых раскопок в 1865 г. академиком В.В. Радловым и его последователями М.П. Грязновым, С.И. Руденко и многими другими такой реконструкции нигде и никогда не производилось. Все срубы внутри могильной ямы изучались только изнутри, оставляя за пределами внимания внешние поверхности погребальных сооружений с огромным количеством информационных признаков многих операций по обработке дерева и монтажа деревянных конструкций. Срубы, как правило, оставлялись исследователями в могильных ямах с простейшей рекультивацией объектов раскопок.

Актуальность этого метода обязательной реконструкции внешнего облика погребальной камеры из дерева сразу после окончательного ее исследования в могильной яме, имеет особую важность и ценность не только в получении максимальной информации об изучаемом объекте, но и в силу особого анатомического строения древесины, ее сохранности на момент произведения раскопок и условий ее дальнейшего хранения в камеральных условиях. К сожалению, есть случаи в нашей исследовательской практике, когда добытые нами деревянные срубы уникальной сохранности в силу разных субъективных причин, не пройдя сразу серию обязательных консервационных операций после извлечения из могильной ямы, остались только в фотографиях и описаниях статей и монографий [Мыльников, 2017].

Повторюсь, что за исключением единичных экземпляров все внутримогильные погребальные сооружения из дерева изучались только изнутри, внешние поверхности бревен срубов и их торцов, скрытые плотной почвой заполнения могильных ям, оставались неизвестными. На момент окончания изучения практически все постройки, как правило, оставлялись исследователями в могильной яме или дальнейшая их судьба становилась неизвестной, обусловленная непродолжительной жизнестойкостью и разрушением структуры «потревоженного» материала органического происхождения под влиянием сил природы. Цельность полного внешнего облика погребальной конструкции восстанавливалась и трактовалась исследователями в процессе ее исследования, как правило, по рисункам художников с натуры во время проведения раскопок или по чертежам в раскопочных планах и описаниям в полевых дневниковых записях после полного проведения раскопок.

Историография методики

Первая экспресс-реконструкция (повторная сборка) погребального сруба рядового пазырыкца, как указано выше, была осуществлена после раскопок кург. 1 на могильнике Верх-Кальджин-2 в 1994 г. в

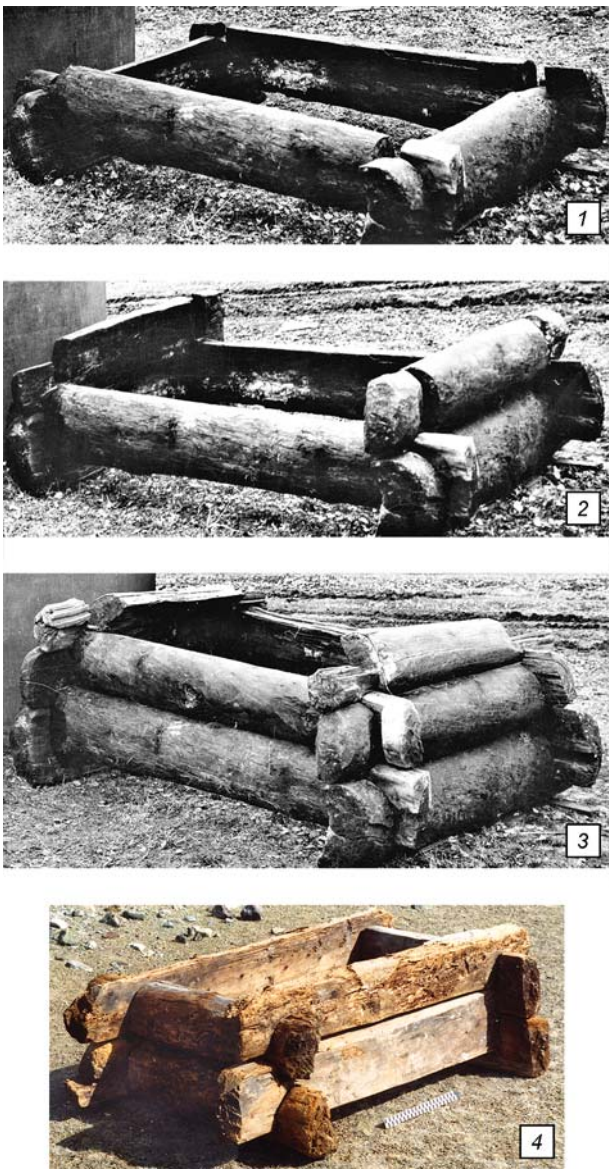

Рис. 1. Рождение метода экспресс-реконструкции и введение его в научную практику.

1–3 – 1994 г., Горный Алтай, плато Укок, могильник Верх-Кальджин-2, кург. 1; *4* – 2000 г., Горный Алтай, могильник Уландрык-1, кург. 2.

Горном Алтае на высокогорном плато Укок (рис. 1, *1–3*) [Мыльников, 1999].

Вторая повторная сборка небольшого двухвенцового погребального сооружения ребенка у места раскопок выполнена в 2000 г. после доследования кург. 2 на могильнике Уландрык-1, раскопанного В.Д. Кубаревым в 1987 г. (рис. 1, *4*) [Слюсаренко, 2000, с. 125, рис. 4].

Полномасштабная реконструкция (последовательное возведение и дополнительное исследование) внутреннего семивенцового сруба сложного двухсрубного элитного погребального сооружения скифского вождя произведена после окончания раскопок одного из самых крупных курганов уюкской культуры Аржан-2, мог. 5 в Туве в 2002 г. (рис. 2, *1–3*) [Mylnikov, 2010].

По этой же методике в 2006 г. в Монголии на могильнике раннего железного века Олон-Курин-Гол был повторно возведен у могильной ямы кург. 10 погребальный сруб скифского воина (рис. 2, *4–6*) [Мыльников, 2012].

Апогеем развития метода экспресс-реконструкции было трехлетнее (2017–2019 гг.) доследование внешнего десятивенцового сруба из лиственничных бревен элитного двухсрубного погребального сооружения, оставленного экспедицией С.И. Руденко в 1949 г. в могильной яме элитного пятого кургана на классическом могильнике Пазырык в Горном Алтае.

Рис. 2. Полномасштабная экспресс-реконструкция погребальных сооружений элиты скифского общества и рядовых представителей.

1–3 – 2002 г., Республика Тыва, могильник Аржан-2, мог. 5; *4–6* – 2006 г., Монголия, могильник Олон-Курин-Гол-10, кург. 1.

Комплексное, системное, планомерное изучение специалистами разных научных направлений (технологами, дендрохронологами, ксилотомистами, реставраторами) дало массу ценной дополнительной информации, которая была своевременно введена в научный оборот [Мыльников, 2019; Константинов и др., 2019].

В течение продолжительного многолетнего изучения конструкции и ее деталей было установлено, что бревенчатый сруб в своем архитектурном и погребально-обрядовом развитии претерпел несколько стадий. Первый раз он последовательно по размеченным древними плотниками венцам был смонтирован во время первоначальной рубки на их рабочей площадке. После этого разобран и перевезен к месту погребения в могильной яме большого кургана. Повторная сборка была произведена теми же плотниками непосредственно внутри могильной ямы. На ее дне (древнем материке) собрали меньший по размерам внутренний сруб. В нем на настиле из толстых лиственных плах у северной стенки поместили большую деревянную колоду, выдолбленную из целого ствола лиственницы для знатного покойника. После двухлетнего исследования в процессе вторичных раскопок в 2018–2019 гг. сруб был собран нами в третий раз сразу по окончании полевых работ непосредственно возле насыпи исследованного кургана комплексной археологической экспедицией в составе реставраторов и научных сотрудников Государственного Эрмитажа Санкт-Петербурга, ученых Института археологии и этнографии СО РАН Новосибирска, руководителя Горно-Алтайского государственного университета и его студентов (рис. 3). Во время сборки и после окончания ее сруб был еще раз детально исследован для получения дополнительной информации по деревообработке в древности.

В четвертый раз под руководством выше указанных научных специалистов и при активной помощи сотрудников музея и студентов Горно-Алтайского государственного университета сруб был смонтирован во внутреннем дворике Национального республиканского музея им. А.В. Анохина в Горно-Алтайске и подготовлен к постоянной экспозиции в специальном шатре-павильоне для демонстрации.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что впервые в археологической практике в течение одного полевого сезона был осуществлен полный технологический цикл изучения крупной деревянной конструкции и всех ее деталей: исследование в процессе раскопок, экспресс-реконструкция рядом с местом раскопок, демонтаж и транспортировка сруба в музей, подготовка к демонстрации в действующей музейной экспозиции.

Научную и культурную ценность междисциплинарного научного изучения данного археологического объекта невозможно переоценить. Накопленный за долгие годы опыт получения максимальной информации об объекте исследования за один сезон пополнился необходимыми пополнительными сведениями для полного всестороннего анализа всех его составляющих. Получено материальное подтверждение многолетнему научному спору об атрибуции одного из компонентов сложной погребальной конструкции из дерева. В этнокультурном плане было окончательно установлено, что это действительно внешний сруб и он является неотъемлемой частью единого целого – двухсрубного погребального комплекса элиты древних кочевников Алтая скифского времени. Это самая большая археологически целая из известных на сегодняшний день деревянная погребальная конструкция в пазырыкской культуре скифского времени. В научном плане объем полученных новых аналитических данных при долговременном комплексном технико-технологическом и дендрохронологическом исследовании этого уникального сруба двухкамерного погребального сооружения пазырыкской элиты явился бесценным источником разноплановой информации, в значительной мере пополнившим и обогатившим общий банк накопленных за долгие годы данных по хронологии и традициям деревообработки и домостроения в древности.

Кратко суть метода экспресс-реконструкции заключается в следующем.

1. Исследование всех деревянных артефактов в процессе раскопок памятника.

2. Консервация деревянных предметов по ходу раскопок в могильной яме и на рабочей площадке.

3. Всестороннее исследование деревянной конструкции в могильной яме специалистами разных научных направлений для получения максимальной информации об изучаемом объекте.

4. Последовательный демонтаж конструкции и транспортировка на рабочую площадку рядом с местом раскопок.

5. Экспресс-реконструкция (последовательное возведение по бревнам и венцам) деревянной конструкции на рабочей площадке.

6. Исчерпывающее повторное исследование конструкции в собранном виде на рабочей площадке для получения дополнительной информации о первоисточнике.

7. Демонтаж сруба; отбор проб с каждого бревна для дендрохронологического анализа.

8. Повторная консервация каждого бревна и перемещение артефактов в музей.

9. Консервационно-реставрационные работы с каждым бревном на экспозиционной площадке музея перед монтажом сруба.

10. Окончательная сборка сруба и ввод его в действующую экспозицию музея.

11. Регулярный мониторинг экспозиционного сруба в соответствии с разработанной программой сохранения данного артефакта.

Рис. 3. 2019 г. Горный Алтай. Могильник Пазырык, кург. 5. Полномасштабная экспресс-реконструкция внешнего погребального сруба элиты пазырыкской культуры.

1–3 – у места раскопок; *4* – во внутреннем дворике Национального республиканского музея им. А.В. Анохина в г. Горно-Алтайске.

Обязательные условия для успешного осуществления полномасштабной реконструкции: комплексное междисциплинарное исследование объекта с привлечением специалистов смежных дисциплин: специалиста по технологии древней деревообработки, дендрохронолога, технолога, реставратора, хранителя музейных ценностей; постоянный контроль, сбор и фиксация максимальной информации по деревообработке во время раскопок, отбора дендрохронологических проб, консервационных работ, экспресс-реконструкции, музеефикации.

Заключение

За долгие годы накоплен большой практический опыт всестороннего междисциплинарного изучения одного из важнейших археологических артефактов. Он позволил окончательно выстроить модель глубинного методичного процесса изучения погребального сооружения из дерева в процессе раскопок, камеральных работ и его музеефикации. Усилиями специалистов разных научных дисциплин была отработана системная методика спасения, сохранения и ввода в экспозицию музея уникальной погребальной конструкции из дерева скифского времени.

Впервые осуществленный в мировой археологической практике *в течение одного полевого сезона* полный технологический цикл изучения самого крупного деревянного погребального сруба из кург. Пазырык 5 в процессе доследования раскопанного в 1949 г. памятника и введение его в постоянно действующую экспозицию музея показали всю полноту научной и культурной ценности этой сложной, но предельно эффективной модели научного подхода к максимально глубокому изучению наследия далекого прошлого.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Константинов Н.А., Мыльников В.П., Слюсаренко И.Ю., Степанова Е.В., Васильева Н.А. Завершение полевого доследования внутримогильной конструкции Пятого пазырыкского кургана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 415–424.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 220 с.

Мыльников В.П. Обработка дерева в скифское время на Монгольском Алтае // В.И. Молодин, Г. Парцингер, Д. Цэвээндорж и др. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – М.: Триумф принт, 2012. – С. 409–490.

Мыльников В.П. Технико-технологический анализ погребального сооружения из могилы 5 кургана Аржан-2 // Царский курган скифского времени в Туве Аржан-2: Результаты изучения находок. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – С. 233–244.

Мыльников В.П. К вопросу о методике изучения деревянных предметов в процессе раскопок археологических памятников и камеральной обработки артефактов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 498–506.

Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 122–130.

Mylnikov V.P. Die Holzbearbeitungstechnik der Balkenkammer aus Grab 5 // Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien. – B., 2010. – B. 26. – S. 232–242.

References

Konstantinov N.A., Mylnikov V.P., Slusarenko I.Y., Stepanova E.V., Vasilyeva N.A. Completion of Field Research of the Internal Burial Structure in the Pazyryk Burial Mound 5. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 415–424. (In Russ.).

Mylnikov V.P. Obrabotka dereva nositelyami pazyrykskoi kul'tury. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999. 220 p. (In Russ.).

Mylnikov V.P. Die Holzbearbeitungstechnik der Balkenkammer aus Grab 5. In *Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien*. Berlin, 2010. B. 26. S. 232–242.

Mylnikov V.P. Obrabotka dereva v skifskoe vremya na Mongol'skom Altae. In *Zamerzshie pogrebal'nye kompleksy pazyrykskoi kul'tury na yuzhnykh sklonakh Sailyugema (Mongol'skii Altai)*. Moscow: Triumf print, 2012. P. 409–490. (In Russ.).

Mylnikov V.P. Tekhniko-tekhnologicheskii analiz pogrebal'nogo sooruzheniya iz mogily 5 kurgana Arzhan-2. In *Tsarskii kurgan skifskogo vremeni v Tuve Arzhan-2: Rezul'taty izucheniya nakhodok*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. P. 233–244. (In Russ.).

Mylnikov V.P. On the Methodology of Studying Wooden Artifacts in the Field and in Laboratory Processing. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 498–506. (In Russ.).

Slyusarenko I.Y. Dendrokhronologicheskii analiz dereva iz pamyatnikov pazyrykskoi kul'tury Gornogo Altaya. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia, 2000*. No. 4. P. 122–130. (In Russ.).

Мыльников В.П. https://orcid.org/0000-0002-7532-9607

Дата сдачи рукописи: 21.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0616-0627
УДК 903.023

Л.Н. Мыльникова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: L.Mylnikova@yandex.ru

Анализ морфологии сосудов раннего железного века могильника Новотроицкое-1 (Барнаульское Приобье)

Керамика каменской культуры мало изучена. Цель данной работы – представить результаты морфологического анализа сосудов могильника Новотроицкое-1. П.И. Шульга, А.П. Уманский, В.А. Могильников считали его базовым для изучения каменской культуры VI–III вв. до н.э. Керамические материалы этого могильника являются источником данного исследования. Морфологический анализ форм проведен для 110 изделий на основе «Программы статистической обработки керамики из археологических раскопок» В.Ф. Генинга, метода изучения профилей Х.А. Нордстрёма и соотношения основных параметров А. Шепард. Изучены 62 (56 %) сосуда с горловиной, 48 (44 %) – без горловины. Все изделия плоскодонные. Преобладающие формы сосудов на памятнике Новотроицкий-1 – это изделия средней или низкой высоты, с очень низкой, узкой, средней ширины или широкой сильно профилированной горловиной, с округлым или приплюснутым туловом, средней высоты, или низким, или высоким плечиком слабо или очень сильно выпуклым и широким плоским дном. Выводы дублируются прорисовками «полускелетов» сосудов. Из изученной коллекции выявлено восемь рядов, каждый из которых состоит из сосудов, относящихся к одной морфологической традиции, что предполагает возможность выявления курганов, «функционирующих» в пределах одного отрезка времени. График соотношения высоты сосуда к максимальному диаметру тулова показывает традиции отбора сосудов для погребального обряда. Основная масса изделий имела высоту 8–12 см. Бóльший размах демонстрируют сосуды баночной формы: среди них – самый маленький и самый высокий. Подавляющее большинство сосудов баночной формы – изделия закрытого типа. При сравнении коллекции керамики могильников Новотроицкое-1 и Быстровка-1 отмечены как сходные, так и отличительные черты.

Ключевые слова: *ранний железный век, каменская культура, морфологическая традиция, программа статистической обработки форм сосудов.*

L.N. Mylnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: L.Mylnikova@yandex.ru

Morphological Analysis of the Early Iron Age Vessels from Novotroitskoe-1 Burial Ground (Barnaul Ob Region)

The Kamenskaya ceramics is underexplored. This work aims to present the data of the morphological analysis of the vessels from the Novotroitskoye-1 burial ground. P.I. Shulga, A.P. Umansky, and V.A. Mogilnikov considered the Novotroitskoye-1 ceramic collection as the basis for studying the Kamenskaya culture dated to the range of the 6th to 3rd centuries BC. Morphological analysis was conducted on sample of 110 vessels using the "Program for Statistical Processing of Ceramics from Archaeological Excavations" by V.F. Gening, as well as the methods for analyzing profiles by H.A. Nordström and for calculating ratios of main parameters by A. Shepard. Of these, 62 (56 %) vessels with a neck and 48 (44 %) without it were analyzed; all vessels are flat-bottomed. The predominant forms of the Novotroitskoe-1 vessels are of medium or low height with a very narrow, medium-width or wide well-curved neck, a rounded or flattened body, a medium-height or high, slightly or very convex shoulder, and a wide and flat bottom. The conclusions are supported by drawings of "half-skeleton" vessels. Eight lines of vessels belonging to the same morphological tradition were identified in the collection. This suggests the possibility of identifying burial mounds that "functioned" within a single time period. The ratio graph of the vessel height to the maximum body diameter shows the traditions of selecting vessels for funeral rite. The bulk of the products were 8–12 cm high. The jar-shaped vessels have a wider range, including the smallest and largest vessels. At the same time, the overwhelming majority of jar-shaped vessels are closed-type products. The comparative analysis of the ceramic collections from Novotroitskoe-1 and Bystrovka-1 burial grounds, both similar features and differences were noted.

Keywords: *Early Iron Age, Kamenskaya culture, morphological tradition, program for statistical processing of ceramics.*

Работа над статьей по керамике по приглашению коллег в очередной выпуск Трудов историко-краеведческого музея Алтайского государственного педагогического университета [Мыльникова, 2024] подвигла на продолжение исследования сосудов Новотроицкого-1 могильника, но уже не в рамках общей темы, а в плане изучения морфологии изделий.

Курганный могильник Новотроицкое-1 расположен в 0,7 км к СЗ от с. Новотроицкое Тальменского р-на Алтайского края (рис. 1, 1), на верхней коренной террасе правого берега р. Чумыш, возвышающейся над уровнем поймы на высоту ок. 25 м, а над уровнем Чумыша – ок. 30 м [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 10] (рис. 1, 2). Могильник входит в состав некрополя: Новотроицкое-1–3, раскопки которого длились в течение 1977 г. (рук. С.В. Неверов), 1980, 1981, 1983, 1984, 1986–1991 гг. (рук. А.П. Уманский, В.А. Могильников) [Там же, с. 8].

Авторы монографии считали его базовым для изучения каменской культуры VI–III вв. до н.э. Напомним, что с выделением каменской культуры [Могильников, 1980, 1997; Уманский, 1980] была начата дискуссия о культурной принадлежности памятников раннего железного века Барнаульского и Новосибирского Приобья. Как отмечено, А.П. Уманский, В.А. Могильников, П.И. Шульга и некоторые другие ученые относили (и относят) их к каменской культуре [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005; Шульга, Уманский, Могильников, 2009; История Алтая, 2019]. Другая точка зрения построена на схеме культурно-исторического развития региона М.П. Грязнова, поддержанной Т.Н. Троицкой, на основе которой эти памятники отнесены к большереченской культуре [Бородовский, Орлова, 2001; Бородовский и др., 2003; Троицкая, Бородовский, 1994; Троицкая, Новиков, 2004; История Сибири, 2019]. Кроме этого, открыта новая страница в интерпретации данных памятников – рассмотрение их в рамках поликультурности – взаимодействия разных традиций [Бородовский, 2016; Головченко, 2022]. Таким образом, тема остается открытой. Представляется, что определенный вклад в решение вопроса могут сделать итоги полного исследования керамических комплексов спорных памятников.

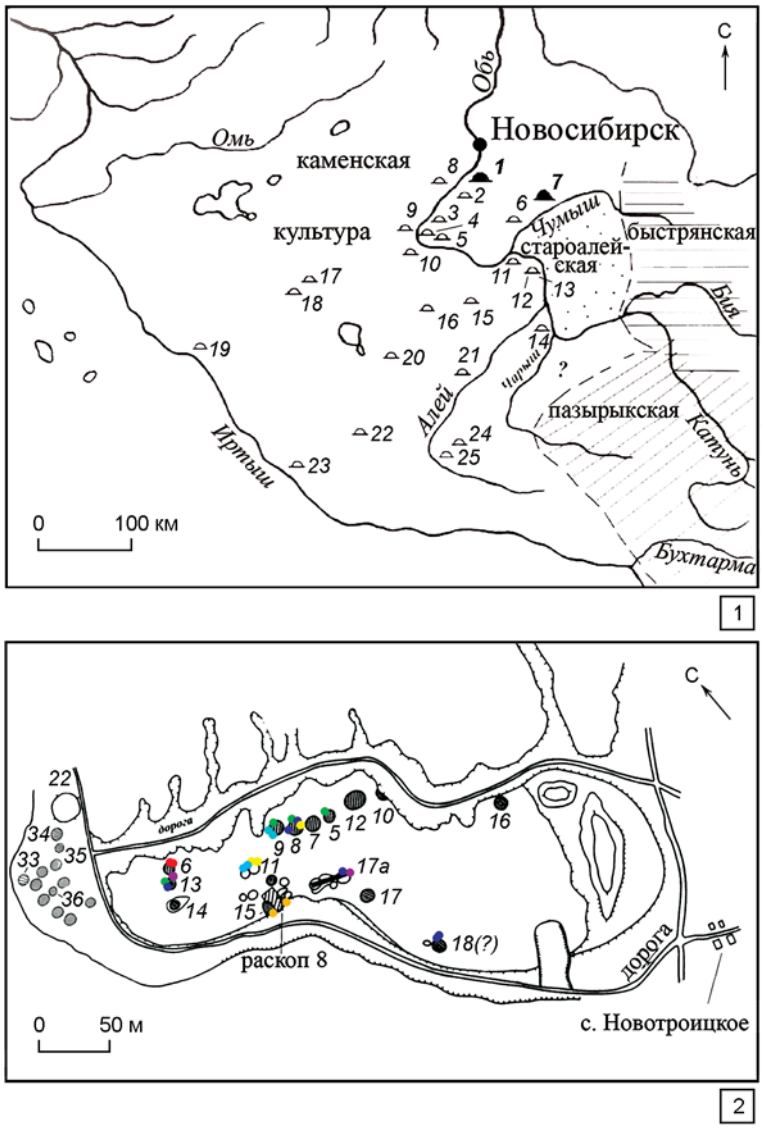

Рис. 1. Ареал каменской культуры и культур VI–III вв. до н.э. на Алтае и Верхней Оби.

1 – Местонахождение курганных могильников каменской культуры (по: [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 201, рис. 1]): *1* – Быстровка-1, -2, -3, *2* – Милованово-2, -8, *3* – Соколово, *4* – Раздумье, *5* – Дресвянка, *6* – Зайцево-1, -2, *7* – Новотроицкое-1, -2, -3, *8* – Новый Шарап-1, -2, *9* – Масляха-1, -2, *10* – Камень-1, -2, *11* – Елунино-1, -2, *12*, *13* – Казённая Заимка, Гоньба-2, *14* – Усть-Иштовка (Вяткино), *15* – Рогозиха-1, *16* – Андроново, *17* – Аэродром, *18* – Кирилловка-3, *19* – Леонтьевка, *20* – Кочки, *21* – Объездное-1, *22* – Михайловский-6, *23* – Саргамыс-1, *24* – Локоть-4а, *25* – Бугры; 2 – план могильника Новотроицкое-1 (по: [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 203, рис. 3]) с обозначением сосудов из рядов. Сосуды из одного ряда обозначены одинаковым цветом.

Цель данной работы – представить результаты морфологического анализа керамики могильника Новотроицкое-1. Керамика каменской культуры до сих пор мало изучена. В монографии П.И. Шульги [2003] имеется Приложение, в котором Н.Ф. Степанова опубликовала данные бинокулярной микроскопии формовочных масс сосудов могильника Локоть-2 [2003]. А.П. Уманский, А.Б. Шамшин, П.И. Шульга в монографии 2005 г. керамике отвели полстраницы, хотя авторы подчеркивают этот пробел и представляют рисунки изделий выделенных на памятнике групп курганов с описанием погребений.

На могильнике Новотроицкое-1 исследовано 135 могил каменской культуры [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 10–69]. Из них в 31 могиле (22,8 %) сосуды отсутствовали независимо от гендерного представительства. В 102 (75,6 %) керамика присутствовала, выявлено 134 полных сосуда (или с некоторыми дефектами), а также 19 фрагментов [Мыльникова, 2024] (прорисовки сосудов из коллекции могильника см.: [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 204–248, рис. 4–48]).

Судя по представленному описанию сосудов в могилах с указанием высоты изделий [Там же, с. 10–69], для погребального обряда отбирались чаще сосуды высотой от 8 до 12 см (54 ед. – 38,8 %). Сосуды высотой до 8 см составили 18 ед. (8,2 %), причем высота самых малых изделий равнялась 4 и 4,5 см. Сосуды высотой более 12 см представлены 14 ед. (10,4 %). Самый высокий сосуд имел высоту 25 см, но такие изделия единичны (см.: [Мыльникова, 2024, табл.; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 10–69]).

По описанию погребений насчитывается 21 вариант положения сосудов в могилах (независимо от пола погребенного). Позиция сосуда «в ногах» зафиксирована 22 раза (23,6 %); «у левой стопы» – 16 (17,2 %); «за черепом» – 15 (16,1 %); «у правой стопы» – 9 (9,6 %); «между стоп» – 6 (6,2 %). Остальные позиции встречены 1-2, редко 3 раза [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 10–69].

Исследователи предварительно выделили по морфологическим особенностям самую большую группу – сосуды баночной формы, горшки и кувшины с высокой горловиной и коротким туловом и изделия других форм: кринковидные, рюмковидные и чашевидные [Там же].

В данной работе морфологический анализ форм проведен на 110 археологически целых сосудах из погребений курганов данного могильника [Там же, с. 10–69, рис. 4–68]. Для этого использовался подход, основанный на числовых пропорциях, – «Программа статистической обработки керамики», разработанная В.Ф. Генингом [1973, 1992] (табл. 1, 2;

Таблица 1. **Параметры сосудов, см**

№ сосуда	Дв	Дг	Дмакс.	Дд	Н	Нг	Нпл	Нпр
1	2	3	4	5	6	7	8	9
3	10,9	–	7,9	7,3	9,0	–	1,3	7,7
5	10,3	–	10,6	6,5	7,0	–	1,54	5,46
6	10,3	–	10,3	5,7	6,5	–	–	–
9	11,9	–	12,4	6,6	11,5	–	3,6	7,9
10	9,9	–	10,4	4,9	10,0	–	1,1	8,9
17	10,4	–	11,6	6,2	11,0	–	3,4	7,6
14	7,8	–	8,3	3,7	6,5	–	1,0	5,5
16	10,5	–	11,0	5,3	8,0	–	1,6	6,4
22	10,3	–	10,5	6,6	8,5	–	1,5	7,0
26	9,4	–	10,3	7,1	12,0	–	2,3	9,7
31	9,8	–	9,2	4,6	8,5	–	1,0	7,5
32	8,1	–	9,1	5,0	9,0	–	2,5	6,5
35	3,7	–	4,6	2,5	4,0	–	0,9	3,1
41	7,0	–	7,1	5,8	9,0	–	2,3	6,7
46	11,4	–	11,4	6,5	9,7	–	2,8	6,9
47	8,6	–	8,9	5,2	9,5	–	2,7	6,8
36	7,7	–	12,9	4,7	13,0	–	7,0	6,0
37	5,5	–	7,9	5,2	8,5	–	3,7	4,8
48	4,7	–	7,6	3,8	6,0	–	2,2	3,8
35	10,4	–	–	5,2	8,5	–	–	–
53	16,1	–	18,2	7,5	16,0	–	3,5	12,5
56	6,8	–	7,0	4,4	6,5	–	1,7	4,9
60	9,0	–	9,9	5,2	8,0	–	1,9	6,1
61	8,4	–	8,6	5,0	6,6	–	1,1	5,5
62	7,2	–	7,2	3,4	5,0	–	–	–
66	8,9	–	9,9	5,3	8,0	–	2,7	5,3

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
64	10,7	–	11,9	6,7	12,0	–	4,6	7,4
63	12,0	–	13,4	6,6	9,0	–	2,1	6,9
64	11,3	–	12,5	6,6	10,3	–	3,1	7,2
69	8,1	–	9,1	4,4	7,4	–	2,6	4,8
71	10,3	–	11,5	6,5	12,5	–	3,3	9,2
72	10,2	–	10,2	6,0	10,9	–	3,3	7,6
73	9,3	–	9,3	5,1	9,0	–	–	–
14	10,3	–	11,7	4,1	9,0	–	3,1	5,9
77	11,6	–	13,2	7,6	11,0	–	3,8	7,2
75	7,9	–	8,8	5,4	7,0	–	1,9	5,1
76	6,3	–	7,9	4,2	6,0	–	2,5	3,5
79	10,6	–	12,5	5,0	10,5	–	3,4	7,1
	4,8	–	5,9	–	4,5	–	1,7	2,8
78	11,7	–	12,7	6,7	11,3	–	2,3	9,0
84	8,7	–	10,1	4,3	10,0	–	2,3	7,7
88	10,5	–	12,1	6,0	8,0	–	2,8	5,2
88a	10,6	–	12,5	6,0	11,5	–	3,3	8,2
92	10,5	–	11,5	5,9	10,5	–	2,9	7,6
94	6,0	–	8,1	3,2	7,2	–	2,8	4,4
95	11,7	–	12,7	5,9	11,0	–	3,1	7,9
96	8,4	–	10,9	0	12,0	–	6,1	5,9
97	8,9	–	10,6	5,7	11,0	–	4,4	6,6
98	10,4	–	12,1	6,3	13,0	–	5,0	8,0
99	18,6	–	25,6	12,8	30,5	–	11,9	18,6
101	8,0	–	9,3	4,6	8,3	–	2,4	5,9
103	15,4	–	15,4	7,2	12,5	–	–	–
104	12,9	–	14,2	6,2	13,0	–	3,9	9,1
107	7,7	–	8,5	4,5	6,0	–	1,7	4,3
112	14,8	–	15,7	7,3	13,5	–	3,9	9,6
114	26,4	–	30,2	11,2	38,5	–	9,2	29,3
109	13,0	–	14,1	6,9	11,0	1,0	1,6	9,4
122	5,9	5,6	7,5	4,0	9,0	1,1	3,14	4,76
4	8,0	6,3	12,1	8,7	16,0	3,6	8,5	3,9
7	9,7	6,5	12,2	6,9	17,0	4,5	7,2	5,3
8	7,3	6,7	10,7	5,2	12,0	1,5	5,2	5,3
11	4,7	4,6	7,0	3,8	7,5	1,1	3,1	3,3
12	5,3	5,0	7,9	4,8	11,7	2,0	5,0	4,7
126	9,7	8,8	9,8	8,4	14,0	1,4	6,4	6,2
126a	7,1	6,9	10,6	6,0	9,5	1,0	4,0	4,5
18	8,0	6,4	13,5	7,3	18,5	5,7	7,6	5,2
15	7,0	6,7	10,5	6,5	9,0	0,6	3,6	4,8
19	5,2	5,0	7,7	3,3	8,0	0,9	3,3	3,8
20	7,3	6,9	10,1	7,8	8,5	0,8	4,0	3,7
21	6,0	5,9	9,7	6,0	9,0	0,9	4,1	4,0
23	6,0	5,8	9,5	4,6	8,5	2,1	2,5	3,9
24	6,4	5,8	9,9	5,3	9,5	1,3	4,0	4,2
25	9,7	7,6	11,9	7,0	20,5	3,5	10,7	6,3
28	5,8	4,9	8,1	3,0	9,0	2,0	3,8	3,2
27	7,6	7,8	11,8	5,2	9,7	0,6	3,9	5,2

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
29	6,9	6,1	10,6	6,3	10,0	1,5	4,2	4,3
30	6,5	6,2	8,0	4,9	6,5	0,9	1,8	3,8
34	7,2	6,4	10,1	6,1	10,5	1,2	4,3	5,0
33	7,5	6,9	9,6	4,8	10,0	1,2	3,9	4,9
47а	6,8	6,5	11,6	6,5	17,0	3,8	6,7	6,5
45	5,6	5,0	8,6	4,4	7,7	1,14	3,42	3,14
43	5,4	5,0	8,3	5,5	9,0	1,2	4,6	3,2
42	9,7	9,4	14,0	8,2	11,0	0,9	4,5	5,6
44	4,2	4,2	6,7	3,6	6,7	0,6	2,9	3,2
40	6,5	6,4	9,7	4,9	12,0	1,7	4,5	5,8
36	7,1	5,9	10,5	7,1	15,0	4,3	6,1	4,6
38	6,9	5,0	7,6	4,2	9,8	2,3	4,0	3,5
49	4,6	4,2	7,2	3,6	7,5	1,0	3,0	3,5
56	7,6	7,3	8,2	4,3	7,0	0,6	2,4	4,0
54	7,4	7,2	11,2	4,4	10,0	1,8	3,5	4,7
55	7,8	6,6	14,0	5,8	18,5	3,3	10,4	4,8
57	6,7	6,5	12,3	6,7	10,5	0,9	4,6	5,0
58	5,9	5,3	7,9	4,6	7,5	0,7	1,9	4,9
51	6,7	6,5	11,6	6,5	10,7	1,2	3,6	5,9
65	5,8	5,2	8,0	4,4	10,5	1,5	4,4	4,6
67	6,2	4,9	9,2	5,3	10,5	1,6	5,5	3,4
68	6,3	5,0	9,2	4,6	12,5	1,9	4,9	5,7
76	5,2	4,8	8,8	4,5	11,7	1,6	5,3	4,8
79	6,7	5,7	11,8	6,4	15,3	2,0	7,6	5,7
81	5,8	5,2	9,3	3,6	11,5	1,2	7,0	3,3
82	8,1	7,8	11,4	7,1	13,0	0,9	6,1	6,0
86	6,3	6,0	8,8	4,5	9,5	1,2	3,8	4,5
87	7,9	7,0	13,3	7,2	18,5	2,7	8,5	7,3
91	9,0	7,8	13,7	6,0	13,4	2,0	5,8	5,6
93	6,0	5,7	1,0	4,4	9,0	1,1	3,5	4,4
100	6,2	6,0	11,0	6,1	15,5	2,0	8,0	5,5
102	9,3	8,3	11,4	5,6	12,0	1,0	4,5	6,5
105	7,8	6,2	10,7	8,7	14,0	2,5	5,8	5,7
106	8,7	10,3	10,4	5,6	11,0	1,4	3,8	5,8
108	6,7	6,1	10,1	5,5	11,0	1,6	4,3	5,1
111	8,5	8,0	14,9	7,2	22,0	2,3	11,9	7,8
110	6,7	5,4	11,0	5,5	11,0	2,0	4,5	4,5
113	6,1	6,0	10,2	5,1	9,0	0,9	4,4	3,7
115	12,3	8,12	15,5	7,4	11,6	1,3	4,2	6,1
116	7,8	7,6	12,1	4,9	22,8	4,3	11,1	7,4
117	9,9	9,0	12,8	5,7	16,5	3,2	7,0	6,3
118	10,0	9,7	13,2	5,1	12,3	1,0	4,5	6,8
120	5,7	5,3	7,5	8,4	8,4	1,4	3,2	3,8
119	9,8	9,4	13,7	7,1	15,1	1,3	7,0	6,8
121	7,8	7,3	11,0	2,9	14,5	3,5	6,2	4,8

Дв – диаметр венчика; Дг – диаметр горловины; Дт – максимальный диаметр тулова; Дд – диаметр дна; Н – высота сосуда; Нг – высота горловины; Нпл – высота плечика; Нпр – высота придонной части.

Таблица 2. **Распределение сосудов по указателям и категориям**

№ сосуда	Место нахождения	Указатели и категории								Дв/Дт
		ФА	ФБ	ФВ	ФГ	ФД	ФЕ	ФЖ	ФИ	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
3	Кург. 5 , мог. 4	1,14	–	0,69	–	1,14	0,17	3,04	0,04	1,8
5	Кург. 5, мог. 6	0,66	–	0,49	–	0,66	0,28	3,44	0,38	0,97
9	Кург. 6, мог. 4	0,93	–	0,48	–	0,93	0,46	1,72	0,37	0.96
10	Кург. 6, мог. 5	0,96	–	0,48	–	0,96	0,12	4,73	0,31	0,9
17	Кург. 8, мог. 1	0,95	–	0,45	–	0,95	0,45	1,71	0,36	0,9
14	Кург. 8, мог. 3	0,78	–	0,47	–	0,78	0,18	4,15	0,42	0,9
16	Кург. 9, мог. 2	0,73	–	0,48	–	0,73	0,25	3,44	0,45	0,95
22	Кург. 9, мог. 5	0,81	–	0,49	–	0,81	0,21	3,5	0,28	0,98
26	Кург. 9, мог. 7-2	1,17	–	0,46	–	1,17	0,24	2,24	0,16	0,9
31	Кург. 11, мог. 2	0,92	–	0,53	–	0,92	0,13	4,6	0,31	1,1
32	Кург. 11, мог. 3-1	0,99	–	0,45	–	0,99	0,38	1,82	0,32	0,9
35	Кург. 11, мог. 4	0,87	–	0,4	–	0,87	0,29	2,56	0,34	0,8
41	Кург. 12, ск. 2, мог. 5	1,27	–	0,49	–	1,27	0,34	1,54	0,1	0,99
46	Кург. 12, ск. 3, мог. 10	0,85	–	0,5	–	0,85	0,41	2,04	0,36	1,0
47	Кург. 12, ск. 3, мог. 11	1,07	–	0,48	–	1,07	0,4	1,65	0,27	0,97
37	Кург. 12, ск. 1, мог. 9	1,01	–	0,3	–	1,01	1,17	0,92	0,68	0,6
48	Кург. 13, мог. 2-1	0,79	–	0,31	–	0,79	0,58	1,73	0,5	0,6
53	Кург. 12, яма 2	0,88	–	0,44	–	0,88	0,28	2,6	0,43	0,9
56	Кург. 12, ск. 3, мог. 15-1	0,93	–	0,49	–	0,94	0,35	2,06	0,27	0,97
60	Кург. 13, мог. 7	0,81	–	0,45	–	0,81	0,31	2,61	0,39	0,9
61	Кург. 13, мог. 8	0,77	–	0,49	–	0,77	0,2	3,91	0,33	0,98
66	Кург. 15, мог. 3-1	0,81	–	0,45	–	0,81	0,51	1,83	0,43	0,9
64	Р 8, кург. 15а, мог. 2	1,01	–	0,45	–	1,01	0,62	1,29	0,35	0,9
63	Кург. 15, мог. 3-3	0,67	–	0,45	–	0,67	0,3	3,19	0,49	0,9
69	Р 8, кург. 15а, мог. 5-1	0,81	–	0,45	–	0,81	0,54	1,75	0,49	0,9
71	Р 8, кург. 15б, мог. 9	1,09	–	0,45	–	1,09	0,36	1,74	0,27	0,9
72	Р 8, кург. 15а, мог. 11	1,07	–	0,5	–	1,07	0,43	1,55	0,28	1,0
74	Кург. 17, мог. 4	0,77	–	0,44	–	0,77	0,53	1,89	0,64	0,9
77	Кург. 17, мог. 5-3	0,83	–	0,44	–	0,83	0,53	1,74	0,39	0,9
75	Кург. 17, мог. 5-1	0,8	–	0,45	–	0,8	0,37	2,32	0,33	0,9
76	Кург. 17а, мог. 5-2	0,76	–	0,4	–	0,76	0,71	1,58	0,53	0,8
79	Кург. 17, мог. 6-1	0,84	–	0,42	–	0,84	0,48	1,84	0,53	0,8
78	Кург. 17а, мог. 5-1	0,89	–	0,46	–	0,89	0,26	2,76	0,33	0,9
84	Кург. 17а, мог. 5-2	0,99	–	0,43	–	0,99	0,3	2,2	0,38	0,9
88	Кург. 18, мог. 1-1	0,66	–	0,43	–	0,66	0,54	2,16	0,59	0,9
88а	Кург. 18, мог. 1-2	0,92	–	0,42	–	0,92	0,4	1,89	0,4	0,8
92	Кург. 18, мог. 3-1	0,91	–	0,46	–	0,91	0,38	1,98	0,37	0,9
94	Кург. 18, мог. 4	0,89	–	0,37	–	0,89	0,64	1,45	0,56	0,7
95	Кург. 19, мог. 1-1	0,87	–	0,46	–	0,87	0,39	2,05	0,43	0,9
96	Кург. 19, мог. 1-2	1,1	–	0,39	–	1,1	1,03	0,89	0,92	0,8
97	Кург. 19, мог. 2	1,04	–	0,42	–	1,04	0,67	1,2	0,37	0,8
98	Кург. 19, мог. 3-1	1,07	–	0,43	–	1,07	0,63	1,21	0,36	0,9
99	Кург. 19, мог. 3-2	1,19	–	0,36	–	1,19	0,64	1,08	0,34	0,7
101	Кург. 19, мог. 4-1	0,89	–	0,43	–	0,89	0,41	1,94	0,4	0,9
103	Кург. 19, мог. 5-1	0,92	–	0,45	–	0,92	0,43	1,82	0,44	1,0

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
107	Кург. 20, мог. 2	0,71	–	0,45	–	0,71	0,4	2,5	0,47	0,9
112	Кург. 25, мог.	0,86	–	0,47	–	0,86	0,41	2,01	0,44	0,9
114	Кург. 28, нас	1,27	–	0,44	–	1,27	0,31	1,64	0,32	0,9
109	Кург. 21, мог. 2	0,78	0,08	0,46	0,65	0,78	0,17	4,41	0,38	0,9
122	Кург. 5, мог. 1	1,2	0,19	0,77	1,36	1,05	0,66	0,3	0,37	0,8
4	Кург. 5, мог. 5	1,32	0,45	0,59	2,36	1,02	2,18	0,34	0,44	0,7
7	Кург. 6, мог. 2	1,39	0,46	0,66	3,56	1,02	1,36	0,4	0,5	0,8
8	Кург. 6, мог. 3	1,12	0,21	0,65	2	0,98	0,98	0,38	0,52	0,7
11	Кург. 7, мог. 2	1,07	0,23	0,66	0,45	0,91	0,94	0,39	0,48	0,7
12	Кург. 7, мог. 3	1,48	0,38	0,65	0,75	1,23	1,06	0,29	0,33	0,7
126	Кург. 7, мог. 4-3	1,43	0,14	0,94	3,21	1,29	1,03	0,08	0,11	0,99
126а	Кург. 7, мог. 4-1	0,9	0,14	0,66	1	0,8	0,89	0,46	0,51	0,7
18	Кург. 8, мог. 2	1,37	0,71	0,53	1,4	0,95	1,46	0,47	0,6	0,6
15	Кург. 9, мог. 1	0,86	0,09	0,65	2,5	0,8	0,75	0,53	0,42	0,7
19	Кург. 9, мог. 3	1,04	0,17	0,66	1,11	0,92	0,87	0,41	0,58	0,7
20	Кург. 9, мог. 3	0,84	0,11	0,7	2,5	0,76	1,08	0,4	0,31	0,7
21	Кург. 9, мог. 4	0,93	0,15	0,61	0,56	0,84	1,03	0,46	0,46	0,6
23	Кург. 9, мог. 5	0,89	0,35	0,62	0,48	0,67	0,64	0,74	0,63	0,6
24	Кург. 9, мог. 6	0,96	0,2	0,62	2,31	0,83	0,95	0,51	0,55	0,6
25	Кург. 9, мог. 7-1	1,72	0,36	0,73	3	1,43	1,7	0,2	0,39	0,8
28	Кург. 9, мог. 8-2	1,11	0,34	0,66	2,25	0,86	1,19	0,42	0,8	0,7
27	Кург. 9, мог.8-1	0,82	0,08	0,65	–1,67	0,77	0,75	0,51	0,63	0,6
29	Кург. 9, мог. 10	0,94	0,22	0,61	2,67	0,8	0,98	0,54	0,5	0,7
30	Кург. 10, мог. 3	0,81	0,14	0,79	1,67	0,7	0,47	0,5	0,41	0,8
34	Кург. 11, мог. 3-3	1,04	0,17	0,67	3,33	0,92	0,86	0,43	0,4	0,7
33	Кург. 11, мог. 3-2	1,04	0,16	0,75	2,5	0,92	0,8	0,35	0,49	0,8
47а	Кург. 12, ск. 2, мог. 8	1,47	0,56	0,57	0,39	1,14	1,03	0,38	0,39	0,6
45	Кург. 12, ск. 3, мог. 16	0,9	0,2	0,62	2,63	0,76	1,09	0,53	0,67	0,7
43	Кург. 12, ск. 3, мог. 12-3	1,08	0,22	0,63	1,67	0,94	1,44	0,36	0,44	0,7
44	Кург. 12, ск. 3, мог. 14	1,0	0,14	0,63	0	0,91	0,91	0,43	0,48	0,6
40	Кург. 12, ск. 1, мог.6-1	1,24	0,26	0,66	0,29	1,06	0,78	0,37	0,41	0,7
36	Кург. 12, ск. 1, мог. 7-2	1,43	0,61	0,62	1,4	1,02	1,33	0,38	0,37	0,7
38	Кург. 12, ск. 2, мог. 4	1,29	0,33	0,78	4,13	0,99	1,14	0,33	0,49	0,9
49	Кург. 13, мог. 2-2	1,04	0,22	0,61	2	0,9	0,86	0,5	0,51	0,6
54	Кург. 12, мог. 1	0,89	0,24	0,65	0,56	0,73	0,74	0,57	0,72	0,7
55	Кург. 12, ск. 1, мог. 6-2	1,32	0,42	0,51	1,82	1,09	2,17	0,36	0,85	0,6
57	Кург. 12, ск. 3, мог. 15-2	0,85	0,13	0,54	1,11	0,78	0,92	0,63	0,56	0,5
58	Кург. 13, мог. 1	0,95	0,12	0,71	4,29	0,86	0,39	0,68	0,34	0,7
51	Кург. 13, мог. 6-1	0,92	0,18	0,57	0,83	0,82	0,61	0,71	0,43	0,6
65	Кург. 15, мог. 1	1,31	0,26	0,69	2	1,13	0,96	0,32	0,39	0,7
67	Кург. 15, мог. 3-2	1,14	0,26	0,6	4,06	0,97	1,62	0,39	0,57	0,7
68	Р 8, кург. 15а, мог. 3	1,36	0,3	0,61	3,42	1,15	0,86	0,43	0,4	0,7
76	Кург. 17, мог. 5-2	1,33	0,31	0,57	1,25	1,15	1,1	0,38	0,45	0,6
79	Кург. 17а, мог. 2	1,3	0,3	0,53	2,5	1,13	1,33	0,4	0,47	0,6
81	Кург. 17, мог. 6-3	1,24	0,21	0,59	2,5	1,11	2,12	0,29	0,86	0,6
82	Кург. 17, мог. 7	1,14	0,11	0,7	1,67	1,06	1,02	0,3	0,36	0,7
86	Кург. 17а, мог. 9	1,08	0,19	0,7	1,25	0,94	0,84	0,37	0,48	0,71
87	У кург. 17а	1,39	0,34	0,56	1,67	1,19	1,16	0,37	0,42	0,6

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
91	Кург. 18, мог. 2-1	0,98	0,22	0,61	3	0,83	1,04	0,51	0,69	0,7
93	Кург. 18, мог. 3-2	0,9	0,18	5,85	1,36	7,9	0,8	–0,67	–0,39	0,6
100	Кург. 19, мог. 3-3	1,41	0,32	0,55	0,5	1,23	1,45	0,31	0,45	0,6
102	Кург. 19, мог. 4-2	1,05	0,11	0,77	5	0,96	0,69	0,34	0,45	0,8
105	Кург. 20, мог. 1-1	1,31	0,32	0,65	3,2	1,07	1,02	0,39	0,18	0,7
106	Кург. 20, мог. 1-2	1,06	0,16	0,91	–5,71	0,92	0,66	0,01	0,41	0,8
108	Кург. 20, мог. 3	1,09	0,24	**0,63**	1,88	0,93	0,84	0,47	0,45	0,7
111	Кург. 21, мог. 3-2	1,48	0,27	0,55	1,09	1,32	1,53	0,29	0,49	0,6
110	Кург. 21, мог. 3-1	1	0,3	0,55	3,25	0,82	1	0,62	0,61	0,6
113	Кург. 26, мог. 4	0,88	0,15	0,59	0,56	0,79	1,19	0,48	0,69	0,6
115	Кург. 31, мог. 1	0,75	0,11	0,66	16,08	0,66	0,69	0,88	0,66	0,8
116	Кург. 31, мог. 2	1,88	0,55	0,64	0,23	1,53	1,5	0,2	0,49	0,6
117	Кург. 34, мог. 1	1,29	0,32	0,74	1,41	1,04	1,11	0,27	0,56	0,8
118	Кург. 34, мог. 3	0,93	0,1	0,75	1,5	0,86	0,66	0,39	0,6	0,8
120	Кург. 36, мог. 1-2	1,12	0,25	0,73	1,43	0,93	0,84	0,34	2,09	0,8
119	Кург. 36, мог.1-1	1,1	0,13	0,7	1,54	1,01	1,03	0,31	0,49	0,7
121	Кург. 39, мог. 1	1,32	0,45	0,69	0,71	1	1,29	0,3	0,84	0,7
Итого – 110 сосудов										

Н – высота сосуда; Нг – высота горловины; Нпл – высота плечика; Нпр – высота придонной части; Дв – диаметр венчика; Дг – диаметр горловины; Дт – диаметр тулова; Дд – диаметр дна.

ФА (высотный) = Н/Дт; ФБ (высотно-горловинный) = Нг/Дв; ФВ (широтно-горловинный) = (Дв+Дг)/2Дт или Дв/Дт; ФГ (профилировка шейки) = 5(Дв–Дг)/Нг; ФД (высотный указатель тулова) = (Нпл+Нпр)/Дт; ФЕ (высотный указатель плечика) = Нпл/Нпр; ФЖ (указатель выпуклости плечика) = (Дт–Дг)/2Нпл или Дт–Дв/2Нпл; ФИ (указ. ширины дна) = (Дт–Дд)/2Нпр, или Дт/2Нпр, или Дв/2Н, или Дв-Дд/2Н [Генинг, 1973, с. 115–121].

Очень малый	Малый	Средний	Большой	Очень большой

рис. 2). Программа создана на математических просчетах и сравнении этих показателей, в дальнейшем дает возможность корректной корреляции обширных керамических коллекций. Также использованы методы изучения полупрофилей (скелетов) Х.А. Нордстрёма [Nordström, 1972] (рис. 3, *1*, *2*) и метод сравнения основных пропорций А.О. Шепард [Shepard, 1965] (рис. 3, *3*; табл. 2, Дв/Дт).

Все сосуды плоскодонные (среди изделий с горловиной выделяется посуда с уплощенным дном, но т.к. основание изделий имеет размеры, то она относится к плоскодонным образцам), представлены изделиями без горловины (48 ед. – 44 %) и с горловиной (62 ед. – 56 %).

По высотному указателю выделено 68,5 % (здесь и далее данные приведены в %) изделий средней высоты, 19,4 – высоких, 11,1 – низких, и 0,9 % (1 изделие) очень высокое.

Из коллекции сосудов с горловиной 92,3 % отнесены к изделиям с очень низкой горловиной и 7,7 % – с низкой горловиной. По ширине горловины сосуды распределились следующим образом: 41,4 % – узкогорлые, 31,5 – с горловиной средней ширины, 25,2 – широкогорлые, 1,8 % (2 изделия) – с очень узкой горловиной.

74,6 % сосудов обладают очень сильно профилированной горловиной, 11,1 – средне профилированной, 7,9 – сильно профилированной, у 4,8 % изделий горловина наклонена внутрь, и у 1,6 % (1 сосуд) – слабопрофилированная горловина.

56,4 % изделий имеют округлое тулово, 33,6 – приплюснутое, 9,1 – вытянутое и 0,9 % (1 изд.) – сильно вытянутое.

По высотному указателю плечика 36,7 % сосудов с плечиком средней высоты, 26,6 – с низким, 25,7 – с высоким, 8,2 – с очень высоким и 2,8 % (3 изд.) – с очень низким. Соответственно по выпуклости плечика сосуды распределяются так: 42,3 % имеют слабо выпуклое плечико, 39,4 – очень сильно выпуклое, по 6,75 % изделий имеют средне и сильно выпуклое плечо, 4,2 % – слабо выпуклое.

73,8 % сосудов относятся к категории широкодонных, 19,4 – среднедонных, 5,8 – очень широкодонных, 1 % (1 изд.) – очень узкодонное.

Анализ категорий показывает, что большее разнообразие в морфологии демонстрируют сложные изделия – сосуды с горловиной при наличии довольно четко выраженных предпочтений, которые читаются также и на графиках-«полускелетах» (рис. 3, А, *1*, *2*). Коллекция демонстрирует разнообразие в ширине

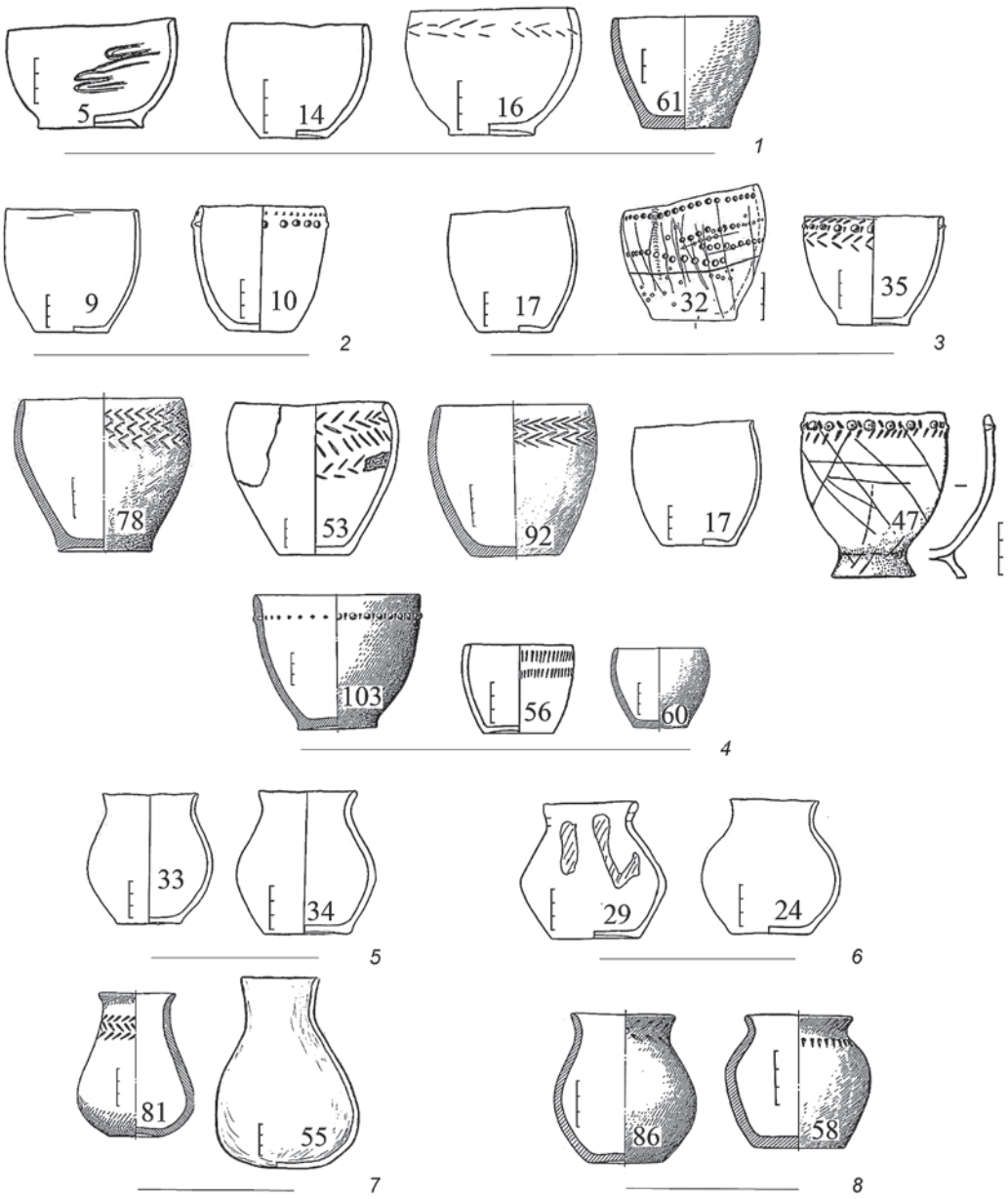

Рис. 2. Ряды сосудов, относящиеся к одной категории внутри указателей.
1–4 – сосуды без горловины; *5–8* – сосуды с горловиной. Номера сосудов отмечены на прорисовках.
Местонахождение сосудов см. в табл. 2.

горловины, высоте плеча, что и проявляется в видовом ассортименте (горшки, кувшины). График изделий без горловины показывает, что при присутствии «идеальной» формы имеются выраженные отступления от нее, что происходит при смешении традиций.

Также при анализе зафиксированы ряды сосудов, относимых к одной категории внутри указателей (см. рис. 2; табл. 2). Эти ряды демонстрируют наличие сосудов, выполненных в рамках одной морфологической традиции. Показательно, что длинные ряды (из четырех и восьми изделий) выделены только среди изделий без горловины (см. рис. 2, *1*, *4*). Сосуды с горловиной представлены рядами из пар изделий (см. рис. 2, *5–8*).

Фиксация сосудов из данных рядов в разных (или в одной) могилах, разных курганах позволяет предполагать их «функционирование» примерно в один определенный промежуток времени (к сожалению, на карте в монографии [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 203, рис. 3] представлены не все номера курганов, поэтому работу выполнить полностью невозможно). Например, сосуды 5, 14, 16, 61 находятся в курганах 5, 8, 9, 13. Первые три из них составляют часть одной цепочки, последний отстоит на 80 м (см. рис. 1, *2*). Но при этом мы можем говорить об их относительной одновременности. Представляется, что данные предположения могут укрепить результаты технико-технологического анализа сосудов.

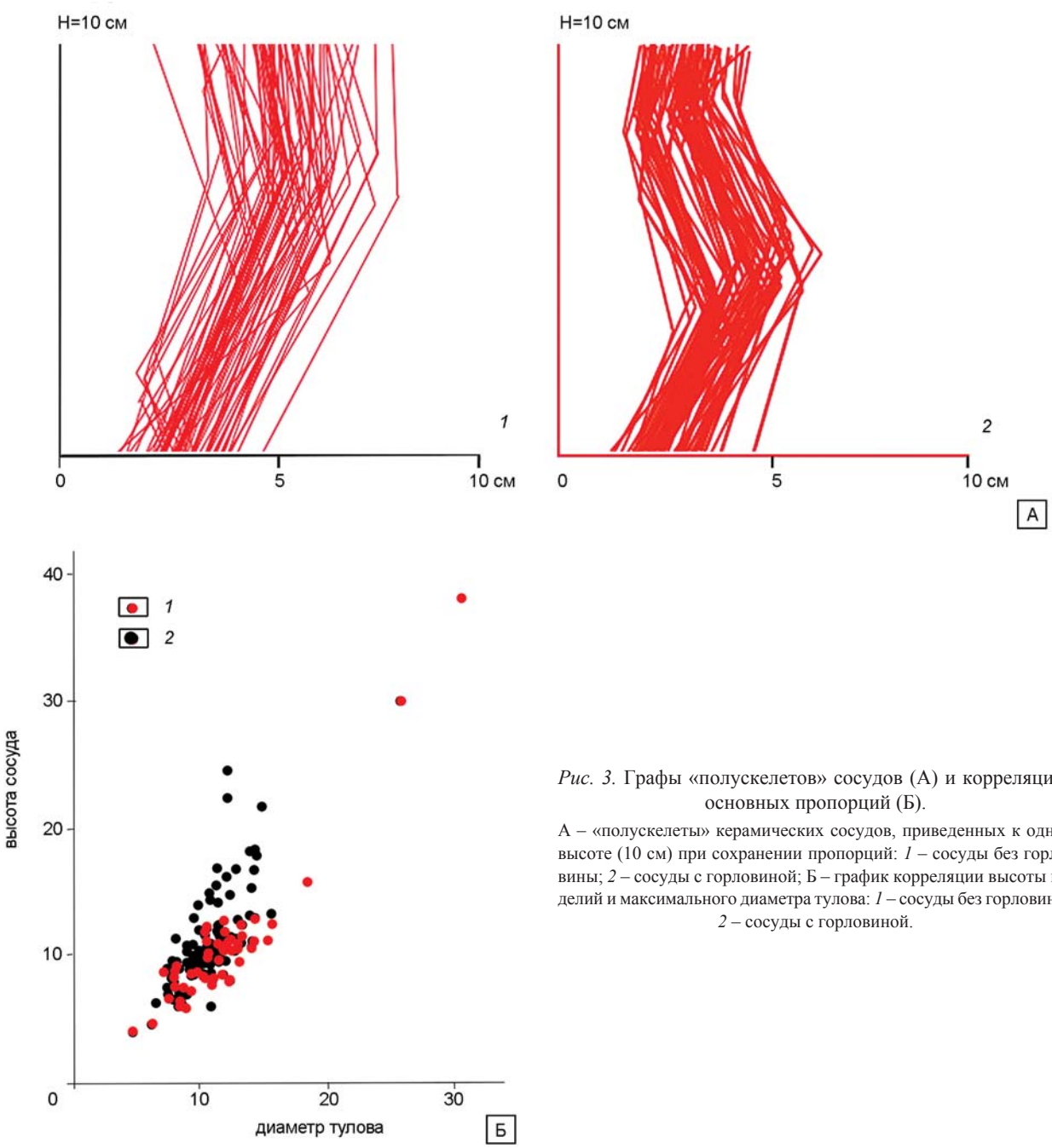

Рис. 3. Графы «полускелетов» сосудов (А) и корреляциях основных пропорций (Б).

А – «полускелеты» керамических сосудов, приведенных к одной высоте (10 см) при сохранении пропорций: *1* – сосуды без горловины; *2* – сосуды с горловиной; Б – график корреляции высоты изделий и максимального диаметра тулова: *1* – сосуды без горловины; *2* – сосуды с горловиной.

График соотношения основных параметров (диаметра венчика и максимального диаметра тулова; см. рис. 3, Б) показывает традиции отбора сосудов для погребального обряда. Основная масса изделий имела высоту, как и отмечено выше, 8–12 см. Больший размах демонстрируют сосуды баночной формы: среди них находятся самый маленький и самый высокий. При этом подавляющее большинство сосудов баночной формы – изделия закрытого типа (табл. 2, Дв/Дт).

Сравнивая изделия из могильника Новотроицое-1 и могильника Быстровка-1, можно отметить как сходные черты, так и отличные. Так, в коллекции Новотроицкого-1 отсутствуют сосуды круглодонные, а в Быстровке-1 их 32,7 % [Троицкая, Бородовский, 1994]. Также на Новотроицком-1 отсутствует посуда с имитацией швов и с ушками, но больше сосудов с поддонами. Имеется разница в значениях указателей и категориях: ФА, ФВ, ФГ, ФД, ФЕ. Похожи коллекции указателями ФБ (высотой горловины), ФЖ (выпуклостью плечиков) и ФИ (шириной дна) (значение указателей и категории изделий для сосудов Быстровки-1 см.: [Мыльникова, Борзых, 2019]).

Являются ли отличия в морфологии сосудов культурообразующими чертами, однозначно ответить сегодня не корректно. Нужны исследования других керамических коллекций культур, и не только изучение морфологии, но всех составляющих гончарства.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технология, адаптация и культурные связи» (руководитель – академик В.И. Молодин).

Список литературы

Бородовский А.П. Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материалам Быстровского некрополя // Томский журн. лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – Вып. 3 (13). – С. 94–102.

Бородовский А.П., Орлова Л.А. Радиоуглеродные датировки Быстровского некрополя эпохи раннего железа из Новосибирского Приобья // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 287–289.

Бородовский А.П., Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Кристен Дж.А., Гаркуша Ю.Н., Бурр Дж.С., Джалл Э.Дж.Т. Хронология погребальных комплексов раннего железного века в Верхнем Приобье по данным древесно-кольцевого и радиоуглеродного методов (на примере курганной группы Быстровка-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003 – № 3 (15). – С. 79–92.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–135.

Генинг В.Ф. Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. – Киев: Наукова Думка, 1992. – 185 с.

Головченко Н.Н. Предметный комплекс одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. пед. ун-та, 2022. – 374 с.

История Алтая в 3-х т. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та; Белгород: Константа, 2019. – Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и Средневековье / В.В. Горбунов, С.П. Грушин, П.К. Дашковский и др.; под общ. ред. А.А. Тишкина. – 392 с.: ил.

История Сибири в 4-х т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 2: Железный век и Средневековье / отв. ред. В.И. Молодин. – 643 с.

Могильников В.А. О культурах Западно-Сибирской лесостепи раннего железного века (итоги и проблемы изучения) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1980. – С. 41–50.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М.: Пушкинский научный центр РАН, 1997. – 196 с.

Мыльникова Л.Н. Керамика как объект изучения // Труды Историко-краеведческого музея Алтайского государственного педагогического университета. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. пед. ун-та, 2024. – Вып. 2: Археологические коллекции А.П. Уманского из собрания Историко-краеведческого музея Алт. гос. пед. ун-та / сост.: Н.С. Грибанова, Н.Н. Головченко, В.Б. Бородаев; автор вступительной статьи Л.Н. Мыльникова. – В печати.

Мыльникова Л.Н., Борзых К.А. Морфологический анализ сосудов могильника раннего железного века Быстровка-1 (Новосибирское Приобье) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 100–120.

Степанова Н.Ф. Результаты исследования формовочных масс могильника Локоть-4 // Могильник скифского времени Локоть-4а / П.И. Шульга. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – С. 133–136.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины: уч. пос. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2004. – 136 с.

Уманский А.П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннежелезного века в Лесостепном Алтае // Барнаулу 250 лет: тез. докл. и сообщ. к науч. конф. (1–2 июля 1980 г.). – Барнаул: [б.и.], 1980. – С. 50–53.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 203 с.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 204 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – 329 с.

Nordström H.A. Cultural Ecology auf ceramic technology. Early Nubian Cultures from the Firth and the Fourth Millennia b.c. – Stockholm: Almgwist and Wiksell, 1972. – 200 p.

Shepard A.O. Ceramics for archaeologist. – Washington: Carnegie Institution of Washington, 1965. – 380 p.

References

Borodovskii A.P. Polikul'turnost' jepohi rannego zheleza v lesostepnom Priob'e po materialam Bystrovskogo nekropolja. T*omsk J. of Linguistics and Anthropology*, 2016. Iss. 3 (13). P. 94–102. (In Russ.).

Borodovskii A.P., Orlova L.A. Radiouglerodnye datirovki Bystrovskogo nekropolja jepohi rannego zheleza iz Novosibirskogo Priob'ja. In *Prostranstvo kul'tury v arheologo-jetnograficheskom izmerenii. Zapadnaja Sibir' i sopredel'nye territorii.* Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2001. P. 287–289. (In Russ.).

Borodovskii A.P., Sljusarenko I.J., Kuzmin J.V., Orlova L.A., Kristen J.A., Garkusha J.N., Burr J.S., Dzhall E.J.T. Hronologija pogrebal'nyh kompleksov rannego zheleznogo veka v Verhnem Priob'e po dannym drevesnokol'cevogo i radiouglerodnogo metodov (na primere kurgannoj gruppy Bystrovka-2). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2003. No. 3 (15). P. 79–92.

Gening V.F. Programma statisticheskoj obrabotki keramiki iz arheologicheskih raskopok. *Sovetskaja arheologija,* 1973. No. 1. P. 114–135. (In Russ.).

Gening V.F. Drevnjaja keramika. Metody i programmy issledovanija v arheologii. Kiev: Naukova Dumka, 1992. 185 p. (In Russ.).

Golovchenko N.N. Predmetnyj kompleks odezhdy naselenija Verhneobskogo bassejna jepohi rannego zheleza: monografija. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2022. 374 p. (In Russ.).

Mogilnikov V.A. O kul'turah Zapadno-Sibirskoj lesostepi rannego zheleznogo veka (itogi i problemy izuchenija). In *Skifosibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo.* Kemerovo: Kemerovo State Univ. Press, 1980. P. 41–50. (In Russ.).

Mogilnikov V.A. Naselenie Verhnego Priob'ja v seredine – vtoroj polovine I tysjacheletija do n.e. Moscow: Pushkino Research Center RAS Publ., 1997. 196 p. (In Russ.).

Molodin V.I. (ed.) History of Siberia: in 4 vol. Vol. 2: Iron age and Medieval period Iron age and Medieval period. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. 643 p. (In Russ.).

Mylnikova L.N. Keramika kak ob#ekt izuchenija. In *Trudy Istoriko-kraevedcheskogo muzeja Altajskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: ezhegodnik. Iss. 2: Arheologicheskie kollekcii A.P. Umanskogo iz sobranija Istoriko-kraevedcheskogo muzeja AltGPU*. Barnaul: Altai State Pedagog. Univ. Press, 2024. (In Russ.). (In press).

Mylnikova L.N., Borzykh K.A. Morphological Analysis of Vessels from the Early Iron Age Burial Ground Bystrovka-1 (Novosibirsk Region). *Vestnik Novosibirsk State Univ. Series: History and Philology,* 2019, Vol. 18. No. 3: Archaeology and Ethnography. P. 100–120. (In Russ.). doi:10.25205/1818-7919-2019-18-3-100-120

Nordström H.A. Cultural Ecology auf ceramic technology. Early Nubian Cultures from the Firth and the Fourth Millennia b.c. Stockholm: Almgwist and Wiksell, 1972. 200 p.

Shepard A.O. Ceramics for archaeologist. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1965. 380 p.

Shulga P.I. Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2003. 204 p. (In Russ.).

Shulga P.I., Umanskij A.P., Mogilnikov V.A. Novotroickij nekropol'. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2009. 329 p. (In Russ.).

Stepanova N.F. Rezul'taty issledovanija formovochnyh mass mogil'nika Lokot'-4. In *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a: monografija*. Barnaul: Altai State Univ. Press., 2003. P. 133–136. (In Russ.).

Tishkin A.A. (ed.). Istorija Altaja: in 3 vol. Vol. 1: Drevnejshaja jepoha, drevnost' i srednevekov'e / Gorbunov V.V., Grushin S.P., Dashkovskij P.K. et al., Barnaul: Altai State Univ. Press., Belgorod: Constanta, 2019. 392 p. (In Russ.).

Troickaya T.N., Borodovskij A.P. Bol'sherechenskaja kul'tura lesostepnogo Priob'ja: monografija. Novosibirsk: Nauka, 1994. 184 p. (In Russ.).

Troickaya T.N., Novikov A.V. Arheologija Zapadno-Sibirskoj ravniny. Novosibirsk: Novosibirsk Ptdagog. State Univ. Press, 2004. 136 p. (In Russ.).

Umanskii A.P. O kul'turnoj i jetnicheskoj prinadlezhnosti kurganov rannezheleznogo veka v Lesostepnom Altae. In *Barnaulu 250 let. Tezisy dokladov i soobshhenij k nauchnoj konferencii (1–2 ijulja 1980 g.)*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1980. P. 50–53. (In Russ.).

Umanskii A.P., Shamshin A.B., Shulga P.I. Mogil'nik skifskogo vremeni Rogoziha-1 na levoberezh'e Obi: monografija. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2005. 203 p. (In Russ.).

Мыльникова Л.Н. https://orcid.org/0000-0003-0196-5165

Дата сдачи рукописи: 20.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0628-0635
УДК 903.21; 903.26

Л.Н. Мыльникова✉, В.И. Молодин, И.А. Дураков, Д.А. Ненахов, Н.С. Ефремова, А.С. Кравцова, Л.С. Кобелева, Ю.Н. Ненахова, С.К. Васильев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: l.mylnikova@yandex

Следы деятельности бугровщиков на элитном кургане 7 раннего железного века могильника Тартас-2 (Барабинская лесостепь)

О явлениях бугровщического промысла информация содержится в основном в письменных источниках. Археологи имеют дело уже с ограбленными объектами, и время этого происшествия чаще всего установить невозможно. В кург. 7 раннего железного века на могильнике Тартас-2 в СВ части рва обнаружены явные следы стоянки бугровщиков. Ров имел просад, ширина которого составляла 3,08 м. На его поверхности была возведена легкая постройка, вероятно, с перекрытием типа шалаша (размеры сооружения – 5,96 × 2,16 м, глубина котлована – 0,25–0,5 м от уровня дневной поверхности). Массовыми предметами, оставленными бугровщиками, являются фрагменты глиняной посуды. Комплекс насчитывает 487 фрагментов, среди них выявлено 65 венчиков и 43 обломка донышек. Вся посуда плоскодонная. Все изделия имеют следы использования гончарного круга при изготовлении. Разнообразный набор емкостей свидетельствует о многофункциональном применении посуды. Также имеются свидетельства использования изделий из стекла и фарфора. Среди находок выявлены изделия из железа, в т.ч. три ножа, один из них целый. К числу оригинальных предметов, обнаруженных в комплексе, принадлежат атрибуты конской упряжи. К ним относится звено двукольчатых удил. Редкий предмет представляет собой железная уздечная пряжка с утраченным язычком. Несомненный интерес представляют пять ружейных кремней, свидетельствующие о наличии у бугровщиков оружия. Находка фрагментов свинца говорит, что в этом месте могли отливаться и свинцовые пули. Украшением коллекции является медный нательный крест, утерянный, очевидно, одним из бугровщиков. По форме изделие следует относить к крестам-тельникам типа 1 подтипа 2 по классификации В.И. Молодина. Среди находок зафиксированы также кости животных.

Ключевые слова: *курган раннего железного века, бугровщики, стоянка, керамика, железные ножи, удила, уздечная пряжка, ружейные кремни.*

L.N. Mylnikova, V.I. Molodin, I.A. Durakov, D.A. Nenakhov, N.S. Efremova, A.S. Kravtsova, L.S. Kobeleva, Y.N. Nenakhova, S.K. Vasiliev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: l.mylnikova@yandex.ru

Traces of Grave Looting Activity in Elite Burial Mound 7 at Tartas-2 Cemetery (Early Iron Age, Baraba Forest-Steppe)

Information about the grave looters phenomenon can be found mainly in written sources. Archaeologists usually deal with looted objects and often, the time of looting can hardly be determined. At the Early Iron Age burial mound 7 at the Tartas-2 Cemetery, clear traces of looters' camp were noted in the northeastern part of the ditch. The ditch showed a hollow depression of 3.08 m wide; on its surface, a light construction resembling a hut was build (dimensions: 5.96 × 2.16 m, depth: 0.25–0.5 m from the ground level). The looters discarded abundant pottery fragments: a total of 487 pieces have been found, including 65 rims and 43 bottom fragments. All the pottery is flat-bottomed and show traces of manufacturing on a pottery wheel. A variety of forms indicate the multifunctional

purposes of the dishes. Fragments of glass and porcelain items were found. The iron items are of particular interest; three knives (one of them is intact), a link of the double-bridle bits, and a rare item of a buckle with a missing tongue. Five uncovered gun flints indicate that the looters used guns; the lead flakes suggest that lead bullets may have been cast at the site. The jewel of the collection is a copper cross worn on the neck, apparently lost by one of the looters. Based on its shape, the cross can be attributed to type 1 subtype 2 in V.I. Molodin classification. Animal bones were found too.

Keywords: *burial mound, Early Iron Age, grave looters, site, ceramics, iron knives, bits, bridle buckle, gun flints.*

Введение

Раскопки элитного кургана эпохи раннего железного века Тартас-2, расположенного в Венгеровском р-не Новосибирской обл., продолжались в 2023–2024 гг. Несмотря на значительные масштабы объекта (размеры раскопа 40 × 40 м), все работы проводились без применения техники. Результаты раскопок 2023 г. опубликованы [Мыльникова и др., 2023]. Особое место в комплексе занимает система рвов, специфические особенности которой будут рассмотрены в другой публикации.

Выборка насыпи рва в СВ части объекта выявила сосредоточение материалов, оставленных русскими крестьянами (вошедшими в историю Сибири под именем «бугровщики») – обитателями этих мест, которые совершили завершающее ограбление погребального комплекса. С момента освоения русскими переселенцами западносибирских степей и лесостепей, они целенаправленно занимались разграблением курганов периода раннего железного века, особенно элитных. Примечательно, что именно из этих мест происходит знаменитая Петровская коллекция высокохудожественных предметов [Руденко, 1962].

Публикации материалов из объектов археологических комплексов Барабинской лесостепи неоднократно содержали материалы из ограбленных в различные периоды погребальных памятников. При этом время ограбления устанавливается далеко не всегда. Нередко подобные внедрения производились многократно, в различные периоды человеческой истории. До археологов-профессионалов доходит не так уж много свидетельств о том, что русские крестьяне совершали подобные действия (см., напр.: [Молодин, Чикишева, 1988; Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002]), в основном информация содержится в письменных источниках. Так, по сведениям академика В.В. Радлова, «...на р. Иртыше разрывают бугры и сыскивают золотые стремена и чаши; в могилах в 8–10 дней от г. Томска находят среди праха покойника значительное количество золота, серебра и меди, драгоценные камни, в особенности же рукоятки мечей и оружие...» [Радлов, 1888, с. 22, 24, 51].

Результаты работ

В кург. 7 раннего железного века на могильнике Тартас-2 в СВ части рва обнаружены явные следы стоянки бугровщиков. Ров имел просад, ширина которого в этой части составляла 3,08 м. По-видимому, в небольшом его углублении от поверхности, в обширной земляной яме была возведена легкая постройка, вероятно, с перекрытием типа шалаша. Размеры сооружения достигали 5,96 × 2,16 м, глубина котлована – 0,25–0,5 м от уровня дневной поверхности. Следы очистки конструкции распространялись на площади около 15 м^2.

Наиболее массовыми предметами среди найденных на месте постройки являются фрагменты глиняной посуды. Комплекс насчитывает 487 фрагментов, среди них 65 венчиков и 43 обломка донышек. Все изделия имеют наглядные следы использования гончарного круга. Керамическое тесто плотное, сосуды имеют качественный обжиг. Форма изделий различна: баночная, без выраженной шейки, горшковидная, с выраженной горловиной (рис. 1, *15*, *16*); все изделия плоскодонные (рис. 1, *19*, *21*). Обращает на себя внимание сосуд, у которого венчик имел вмонтированный в него слив, что позволяет предполагать использование данной емкости в качестве умывальника (рис. 1, *17*). Еще в одном случае край венчика в области шейки резко отогнут наружу, а лежащая под ним часть тулова оформлена в виде формованной трубки, предназначенной, вероятно, для направленного слива. То есть представлен набор разнообразных емкостей, свидетельствующий о многофункциональном применении посуды, используемой как для приготовления пищи, так и ее употребления для других нужд. Аналогии керамического комплекса имеют место на памятниках русского населения, адаптировавшегося в условиях Западной Сибири и прекрасно владеющего керамическим производством (см., напр.: [Балюнов, 2015; Мельников, 1996; Новиков, 1990; Татаурова, Сопова, 2022]).

Находки фрагментов керамики, аналогичной по технике изготовления и формам, в районе могильной ямы и в заполнении грабительской ямы, неоспоримо свидетельствуют, что грабители древней могилы и представители коллектива, обитавшие в пределах ритуального рва, – один и то же коллектив, имеющий цель раскопать могилу и извлечь из нее предметы, выполненные из драгоценных металлов. Вместе с тем набор разнообразного многофункционального инструментария свидетельствует о различной направленности хозяйственной деятельности бугровщиков во время раскопок кургана.

Кроме масштабного керамического комплекса среди остатков предметов были обнаружены два фрагмента стеклянной посуды из непрозрачного темновато-серого стекла (рис. 1, *2*): выявлен фрагмент

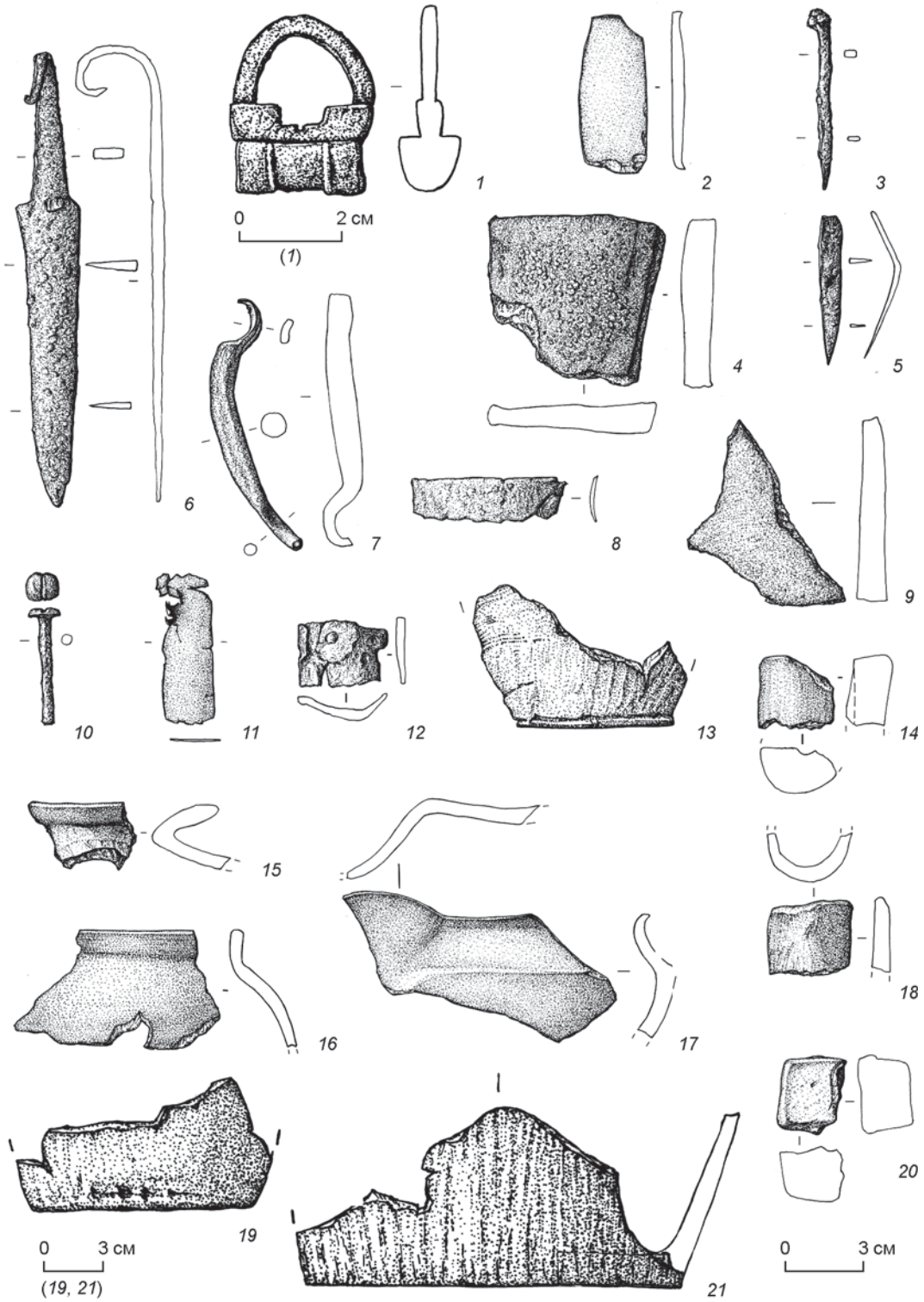

Рис. 1. Предметный набор бугровщиков.

1 – уздечная пряжка; *2* – обломок изделия из стекла; *3*, *10* – гвозди; *4* – брусок; *5*, *6* – ножи; *7* – обломок удил; *8*, *9*, *12* – фрагменты котлов; *11* – пластина; *13*, *15–17*, *19*, *21* – фрагменты сосудов; *14*, *20* – фрагменты грузил; *18* – втулка.

1, *3–10*, *12* – железо; *2* – стекло; *11* – бронза (медь); *13–21* – глина.

донышка диаметром 6,5 см, максимальная толщина – до 0,4 см. Также были найдены кусочки расплавленных в огне фрагментов стекла. Таким образом, можно утверждать, что бугровщики использовали в быту и стеклянную посуду.

Кроме глиняной и стеклянной посуды был обнаружен осколок фарфоровой чашки. На молочно-белом фоне сохранился фрагмент голубого рисунка.

Среди находок представлен достаточно большой набор изделий из железа (рис. 1, *1*, *3–10*, *12*), напр.,

железный нож (рис. 1, *6*) – целый, но с сильно изогнутой оконечностью черешка, на который фиксировалась деревянная рукоять. Нож однолезвийный, с обоюдоострой заточкой, о чем свидетельствует легкий прогиб лезвия в области, приближенной к рукояти. Длина лезвия составляла 12,2 см, максимальная ширина – 2,5 см, максимальная толщина – 0,5 см. Черенок для крепления на ней деревянной рукояти имел клиновидную форму с приостренной оконечностью. Длина черенка ок. 9 см, его край сильно загнут, общая длина ножа – более 20 см. Подобные предметы ничем не отличаются от современных ножей и были абсолютно незаменимы в хозяйственной деятельности. К тому же такие клинки были универсальны – они могли использоваться как в быту, так и в качестве оружия на охоте и в столкновениях с другими группами.

Второй небольшой ножичек представлен обломком. Большая часть лезвия утрачена. Нож однолезвийный, с выраженным длинным черешком. Судя по заточке, сильно сработан. Длина сохранившегося фрагмента – 5,1 см, длина черешка – 2 см, максимальная черешка обушка – 0,4 см (рис. 1, *5*).

Обломок третьего железного однолезвийного ножа имел длину 6 см, ширина лезвия – 1 см, толщина – 0,15 см. Подобная форма ножей сохранилась до современности.

К числу оригинальных предметов принадлежат железные изделия – атрибуты конской упряжи. К ним относится звено двукольчатых удил (рис. 1, *7*). Оба кольца сломаны. Длина изделия – 10,3 см. Кольца неподвижные, разнонаправленные. Диаметр колец составлял 2,2 и 2,1 см. Толщина тела удил – 1,1 см, в наименьшей части – 0,9 см. В разрезе тело удил округлое.

Редкий предмет представлен железной уздечной пряжкой с утраченным язычком (рис. 1, *1*). Торцевой стороной пряжка крепилась к ремню упряжи. Толщина основы пряжки составляла 1,1 см, ширина – 0,2 и 0,4 см. Ширина ремня узды могла достигать 1,8 см. Высота пряжки вместе с ободом – 3,5 см, максимальная ширина дужки, куда продевался ремень сбруи, – 3 см. Подобные пряжки известны в комплексах русского населения Омского Прииртышья [Татаурова, 2016]. В состав комплекса входят также один целый и обломки двух железных гвоздей. В одном случае это часть кованого, подпрямоугольного в сечении предмета без шляпки и острия длиной 3 см, толщиной до 0,7 см. Обломок второго железного гвоздя достигает 4,7 см, в разрезе он округлый, диаметром до 0,6 см. Гвоздь имел массивную грибовидную шляпку диаметром 1,3 см, с поперечной прорезью, как у шурупа (рис. 1, *10*). Целое изделие представлено кованым предметом, четырехугольным в разрезе. Его длина – 7 см, толщина – до 0,5 см. Шляпка, венчающая гвоздь, выполнена в виде полушарообразного навершия диаметром ок. 1 см (рис. 1, *3*). Отметим, что кованые железные гвозди относятся к типичным предметам русского населения. Они являются продуктами домашнего кузнечного производства, результатами которого были и другие простейшие предметы. К их числу на исследуемом объекте относится подчетырехугольный фрагмент железной полоски размером 3,5 × 2,7 × × 0,3 см. Второй обломок тонкой железной полоски изготовлен при помощи ковки. Один ее край обработан тщательно, противоположная сторона – рваная, неровная. Пластина слегка изогнута. Размеры фрагмента – 6,5 × 1,7 см. Толщина пластины – 0,1 см. Третий железный предмет представлен подпрямоугольной пластиной, загнутой с одного конца. Изделие как бы разорвано, из-за чего утратило свои функции. Размеры сохранившейся части – 6,3 × 3,2 × × 0,2 см. Загнутый конец закругленной формы, достигает в длину 1,7 см. Определить назначение предметов не представляется возможным.

Найдено несколько железных брусков. Массивный брусок, выполненный ковкой, по форме приближается к трапеции. Один из углов явно обломан при изготовлении (рис. 1, *4*). Размеры бруска: длина максимально удлиненной части – 7 см, длина перпендикулярной ей стороны – 6,2 см, толщина предмета – от 0,7 до 1,2 см. Более всего предмет напоминает заготовку для последующего кузнечного изготовления изделия при помощи расковки.

Еще один брусок более мелкий, неопределенной угловатой формы, размерами 8,3 × 4,0 × 1,1–0,8 см, с плоскими поверхностями и неоднородной толщиной. Обломок крупного железного предмета представлял собой фрагмент кованного железного прута, подквадратного в сечении. Его длина – 5,4 см, ширина граней изделия различна: с одной стороны она составляет 1,5 и 1,5 см, с противоположной – 1,5 и 1,2 см. Зачем такие предметы могли понадобиться бугровщикам при ограблении кургана – непонятно.

Любопытной находкой является фрагмент железного шлака. Его размер составляет 3,6 × 2,0 × × 0,7 см. Поверхность неровная, пористая, с небольшими отверстиями от выходов газа. Наличие такой находки позволяет ставить вопрос о присутствии если не на данном участке, то где-то поблизости места для плавки железа, что совершенно не увязывается с основной деятельностью бугровщиков.

Еще один металлический предмет в виде фрагмента небольшой медной пластины выполнен из тонкой фольги, вырезанной явно ножницами. Первоначально форма пластины была подчетырехугольной, впоследствии – косо срезанной с одной из сторон (рис. 1, *11*). Размеры пластины – 2,1 × 2 × 0,01 см. Назначение неясно.

Несомненный интерес представляют еще пять предметов, являющиеся ружейными кремнями (рис. 2). Один – небольшой отщеп. Подтреугольная его часть явно подвергалась систематическим ударам, однако мелкие размеры (2,5 × 1,5 см), по-видимому, не способствовали его эффективному использованию.

Рис. 2. Кремни.

Найдены примерно такие же по размерам еще два кремня с забитыми торцами.

Четвертое изделие выполнено из серого зернистого кварцита. Форма его подтреугольная, геометрически правильная. Размеры сторон изделия: 2,0 × 2,0 × × 2,2 см, толщина – 0,8 см. Заготовка по периметру была обработана однорядной крупнофасетчатой ретушью и приострена. В качестве рабочей части многократно использовался весь периметр изделия, по которому наносились многочисленные удары, из-за чего весь край оказался забитым.

Еще одно изделие представляло собой небольшой отщеп подтреугольной формы размером 2,0 × 1,8 × × 0,5 см. С двух сторон края его также покрыты следами от ударов, количество которых свидетельствует о кратковременном использовании предмета.

Находки ружейного кремня известны на памятниках, оставленных русским населением, использовавшим кремневые ружья. Например, идентичные изделия найдены в Мангазее и интерпретируются авторами раскопок как кремни для ручных пищалей [Белов, Овсянников, Старков, 1981, с. 79, табл. 70, *1–20*; Визгалов, Пархимович, 2008, с. 65, рис. 90, *4–10*]. Близкие по форме предметы происходят также из ранних слоев городов Тобольска и Томска [Адамов, Балюнов, 2020, рис. 1, *26–28*]. По форме сибирские ружейные кремни соответствуют образцам XVII–XVIII вв. из европейской части Российского государства [Колесник, Гусач, 2021, рис. 2, *1–6*].

Очевидно, что и бригада бугровщиков имела при себе кремневое оружие. При расчистке означенного скопления были обнаружены небольшие фрагменты свинца, свидетельствующие о том, что в этом месте могли отливаться и свинцовые пули. Очевидно, что оружие бригаде бугровщиков было необходимо. Оно использовалось как для охоты, так и для возможного отражения нападения соседних кочевников с юга. Например, кровавое столкновение бугровщиков с ойратами у Горшкова озера в Барабинской лесостепи описано в Сенатском указе № 12.199 от 5 июля 1764 г. императрицы Екатерины II «О запрещении выходить из Сибири за границу на степи для отыскания в древних могилах кладов» [Полное собрание..., 1830, с. 832–833].

К числу находок относятся еще четыре обломка глиняных обожженных предметов. 1. Обломок глиняной втулки неизвестного назначения (см. рис. 1, *18*). Диаметр – 3,5 см, длина сохранившейся части – 3,0 см, толщина втулки – 0,8 см. 2. Обломок грузила для сети (см. рис. 1, *14*). Первоначально он имел форму призмы с проделанным в центре сквозным круглым отверстием диаметром ок. 0,8 см, предназначенным для крепления на сети. 3. Обломок «кирпичика» высотой 2,5 см. Похоже, что в его центре было проделано сквозное отверстие, что позволяет предполагать его использование в качестве грузила не вполне обычной формы. 4. Нижняя часть массивного глиняного грузила, первоначальная форма которого представляла собой подчетырехугольный курант с размерами основания 6,4 × 4,7 см, сохранившаяся высота – 5,2 см. Верхняя часть отломилась по уровню сквозного сверленого отверстия для на-

низывания грузила на сеть, диаметр – ок. 1 см. Форма грузила оригинальна и вряд ли имела широкое использование.

Таким образом, можно определенно говорить о том, что артель бугровщиков занималась на месте промысла еще и рыболовством для обеспечения себя продуктами питания. Предположение подтверждают и несколько рыбьих косточек, обнаруженных в скоплении.

Среди охарактеризованных выше предметов были выявлены и кости животных, в одном случае – со следами воздействия огня. Определение костей показало, что более всего зафиксировано неопределимых обломков. Среди костей свиньи встречены: обломок диафиза и дистальный конец больших берцовых; обломок пяточной и пяточная (*juven*); два обломка нижней челюсти; обломок тела лопатки; три зуба нижней челюсти (2 премоляра + клык *juven*). Кости коровы представлены 3-й фалангой, *juven*; двумя фрагментами вторых фаланг; зубом нижней челюсти. В анатомической связи зафиксированы кости лошади: целая пястная + 1-я фаланга + грифельная, обломок + 3 кости запястья, а также запястная промежуточная и обломок грифельной. Также в анатомической связи были найдены кости собаки: астрагал + пяточная + четыре кости заплюсны + четыре плюсневые + две первых фаланги + одна вторая фаланга. Обнаружены первая фаланга и обломок локтевой кости овцы. Очевидно, что мясо этих животных было принесено на стоянку из деревень – постоянного места жительства бугровщиков.

Украшением найденной коллекции является медный нательный крест (рис. 3), утерянный, очевидно, одним из бугровщиков. Обе стороны креста сильно затерты, что свидетельствует о его длительной носке. Крест явно принадлежал мужчине. Его размеры 5,5 × 3,1 × 0,15–0,2 см. Судя по форме, изделие следует относить к крестам-тельникам типа 1 подтипа 2 [Молодин, 2007, с. 45, 46]. В центре лицевой стороны креста показан рельефно выраженный восьмиконечный крест на Голгофе. С обеих сторон его помещены копье и трость с губкой. Над крестом – двухрядная надпись – ЦРЪ СВЫ (Царь славы). На левой оконечности лопасти креста – ІС (Иисус), на правой – ХС (Христос). Под горизонтальной лопастью вписанного креста, ассиметрично – МЛ (место лобное), К (копье), Т (трость), РБ (Раб Бысть). Обратная сторона креста гладкая.

Заключение

Можно предполагать, что местом постоянного обитания бригады бугровщиков, оставивших свой след на кургане памятника Тартас-2, была одна из близлежащих деревень – Старый Тартас либо Спасское, откуда они совершали экспедиции в поисках могильного золота.

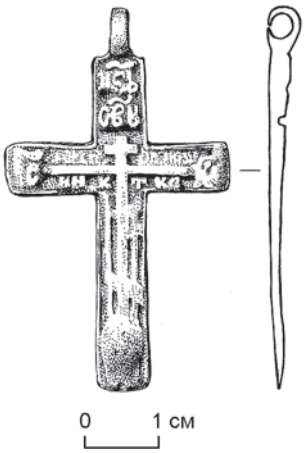

Рис. 3. Крест-тельник (медь).

Конечно, бугровщический промысел в условиях Сибири имел различный масштаб. Так, в Минусинской котловине он, по-видимому, был минимален [Вадецкая, 1971], однако курганы Прииртышья, Оренбуржья и Зауралья скифо-сарматского времени (см., напр.: [Матющенко, Татаурова, 1997; Яблонский, 2008, 2011, 2013; и др.]) содержали великолепные высокохудожественные материалы, выполненные из драгоценных металлов, и представляли собой особый интерес для бугровщиков. К числу таких объектов, несомненно, принадлежали элитные курганы Барабы.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-19-00012 «Элитные курганы саргатской культуры раннего железного века в Обь-Иртышской лесостепи (Новосибирская обл.)».

Список литературы

Адамов А.А., Балюнов И.В. Ручное огнестрельное оружие русских воинов в Сибири конца XVI – XVII века (по археологическим материалам города Тобольска) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2020. – Т. 19, № 3: Археология и этнография. – С. 70–85.

Балюнов И.В. Керамические комплексы Тобольска конца XVI – начала XX в. (характеристика источников) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Полиграфист, 2015. – С. 80–92.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – Ч. II. – 147 с.

Вадецкая Э.Б. Роль бугровщиков и мифы «о могильном золоте» на Енисее // СА. – 1971. – № 2. – С. 208–211.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. – 296 с.

Колесник А.В., Гусач И.Р. Кремни для высекания огня из «русских» культурных слоев крепости Азов XVII–XVIII веков (предварительная публикация) // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России. – Омск; Сургут: Изд-во Ин-та археологии Севера, 2021. – С. 130–137.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск: Наука, 1997. – 197 с.

Мельников Б.В. Гончарная керамика археологических памятников Сибири XVII–XVIII вв. // Керамика как исторический источник. – Тобольск: Изд-во Тобол. гос. пед. ун-та, 1996. – С. 43–46.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2007. – 248 с.

Молодин В.И., Новиков АВ., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3. – С. 48–62.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 125–206.

Мыльникова Л.Н., Молодин В.И., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А., Кобелева Л.С., Дядьков П.Г., Позднякова О.А., Васильев С.К., Ненахова Ю.Н., Селин Д.В., Нестерова М.С., Кравцова А.С., Харитонов Р.М., Попова Б.С., Бобин Д.Н., Некраш А.А., Титова А.В., Чикишева Т.А., Мыльников В.П. Начало исследования элитного кургана 7 саргатской культуры на памятнике Тартас-2 в Барабинской лесостепи. Геофизические исследования и элементы обрядовой практики // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 735–742. – doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0735-0742

Новиков А.В. Гончарное производство Усть-Тартасского форпоста // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 175–181.

Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года (с 28 июня 1762–1764). – СПб.: II отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XVI. – 1016 с.

Радлов В. Сибирские древности. – СПб: Изд. Императорской Археологической комиссии, 1888. – Т. 1, вып. 1. – 60 с. + табл. I–VI + карта. – (МАР; № 3; 1888).

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 52 с., 27 отд. л. ил. в папке: ил. – (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Д3–9).

Татаурова Л.В. Металлические пряжки в костюмных комплексах русских: по археологическим материалам Омского Прииртышья // Вестн. Ом. гос. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2016. – № 4 (12). – С. 111–116.

Татаурова Л.В., Сопова К.О. Комплекс глиняной утвари из раскопок поселения Ананьино 1: типы, морфология и технология // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 744–749. – doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0744-0749

Яблонский Л.Т. Каталог. Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филипповских курганов). – Оренбург: Демур, 2008. – С. 41–77.

Яблонский Л.Т. Некоторые итоги новейших раскопок могильника Филипповка-1 // Terra scythica: мат-лы междунар. симп. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 379–392.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка-1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. – М.: Изд-во ИА РАН, 2013. – Кн. 1. – 230 с.

References

Adamov A.A., Balyunov I.V. Hand-Held Firearms of Russian Warriors in Siberia at the End of the 16th – 17th Centuries (According to Tobolsk Archaeological Materials). *Vestnik Novosibirsk State Univ. Series: History and Philology*, 2020. Vol. 19. Iss. 3: Archaeology and Ethnography. P. 70–86. (In Russ.).

Balyunov I.V. Keramicheskie kompleksy Tobol'ska kontsa XVI – nachala XX (kharakteristika istochnikov). In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh.* Omsk: Poligrafist, 2015. P. 80–92. (In Russ.).

Belov M.I., Ovsyannikov O.V., Starkov V.F. Mangazeya. Material'naya kul'tura russkikh polyarnykh morekhodov i zemleprokhodtsev XVI–XVII vv. Moscow: Nauka, 1981. Pt. II. 147 p. (In Russ.).

Kolesnik A.V., Gusach I.R. Flints for carving fire from the «Russian» cultural layers of the fortress of Azov of the 17th–18th centuries (preliminary report). In *Russian culture in archaeological research: archeology of northern Russia.* Omsk; Surgut: Institut arkheologii Severa Publ., 2021. P. 130–137. (In Russ.).

Matyushchenko V.I., Tataurova L.V. Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e. Novosibirsk: Nauka, 1997. 197 p. (In Russ.).

Melnikov B.V. Goncharnaya keramika arkheologicheskikh pamyatnikov Sibiri XVII–XVIII vv. In *Keramika kak istoricheskii istochnik.* Tobolsk: Tobolsk State Pedagog Univ. Press, 1996. P. 43–46. (In Russ.).

Molodin V.I. Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2007. 248 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Chikisheva T.A. Kurgannyi mogil'nik Preobrazhenka-3 – pamyatnik kul'tur epokhi bronzy Barabinskoi lesostepi. In *Paleoantropologiya i arkheologiya Zapadnoi i Yuzhnoi Sibiri*. Novosibirsk, Nauka, 1988. P. 125–206. (In Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V., Zhemerikin R.V. Mogil'nik Staryi Tartas-4 (novye materialy po andronovskoi istoriko-kul'turnoi obshchnosti). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2002. No. 3. P. 48–62. (In Russ.).

Mylnikova L.N., Molodin V.I., Durakov I.A., Efremova N.S., Nenakhov D.A., Kobeleva L.S., Dyadkov P.G., Pozdnyakova O.A., Vasilev S.K., Nenakhova Y.N., Selin D.V., Nesterova M.S., Kravtsova A.S., Kharitonov R.M., Popova B.S., Bobin D.N., Nekrash A.A., Titova A.V., Chikisheva T.A., Mylnikov V.P. The Beginning of the Study of the Elite Mound No. 7 of the Sargat Culture at the Tartas-2 site (Barabinsk forest-steppe): Geophysical Research and Ritual Practice Elements. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 735–742. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0735-0742

Novikov A.V. Goncharnoe proizvodstvo Ust'-Tartasskogo forposta. In *Drevnyaya keramika Sibiri: tipologiya, tekhnologiya, semantika*. Novosibirsk: Nauka, 1990. P. 175–181. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii s 1649 goda (s 28 iyunya 1762–1764). St. Petersburg: II otdelenie Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. Vol. 16. 1016 p. (In Russ.).

Radlov V. Sibirskie drevnosti. Tom 1, vypusk 1. S kartoyu, 6 tablitsami risunkov i 22 politipazhami. – St. Petersburg: Izdanie Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii, 1888. 60 p. + tabl. I–VI + karta (MAR. No. 3. 1888). (In Russ.).

Rudenko S.I. Sibirskaya kollektsiya Petra I. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1962. 52 p. (In Russ.).

Tataurova L.V. Metal Buckles in Suit Complexes of Russians: On the Base of Archaeological Materials of Omsk Priirtyshje. *Herald of Omsk University. Series: Historical studies,* 2016. No. 4 (12). P. 111–116. (In Russ.).

Tataurova L.V., Sopova K.O. Pottery from the Excavations at the Settlement of Ananyino I: Types, Morphology, and Technology. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 28. P. 744–749. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0744-0749

Vadetskaya E.B. Rol' bugrovshchikov i mify «o mogil'nom zolote» na Enisee. *Sovetskaya arkheologiya*, 1971. No. 2. P. 208–211. (In Russ.).

Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G. Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.). Yekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan, 2008. 296 p. (In Russ.).

Yablonskii L.T. Katalog. Sokrovishcha sarmatskikh vozhdei (Materialy raskopok Filippovskikh kurganov). Orenburg: Demur, 2008. P. 41–77. (In Russ.).

Yablonskii L.T. Nekotorye itogi noveishikh raskopok mogil'nika Filippovka-1. In *Terra scythica. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011. P. 379–392. (In Russ.).

Yablonskii L.T. Zoloto sarmatskikh vozhdei. Elitnyi nekropol' Filippovka-1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.). Katalog kollektsii. Moscow: IA RAS Publ., 2013. B. 1. 230 p. (In Russ.).

Мыльникова Л.Н. https://orcid.org/0000-0003-0196-5165
Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Дураков И.А. https://orcid.org/0000-0002-8526-9257
Ненахов Д.А. https://orcid.org/0000-0002-0820-9410
Ефремова Н.С. https://orcid.org/0000-0002-3053-8755
Кравцова А.С. https://orcid.org/0000-0001-8709-5935
Кобелева Л.С. https://orcid.org/0000-0002-4969-3771
Ненахова Ю.Н. https://orcid.org/0000-0003-3209-8180
Васильев С.К. https://orcid.org/0000-0002-6883-7900

Дата сдачи рукописи: 19.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0636-0643
УДК 902.01

Д.А. Ненахов✉, Ю.Н. Ненахова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Керамические пряслица поселения Галечное-1 (саргатская культура)

Статья посвящена введению в научный оборот серии предметов ткацкого производства – керамических пряслиц, найденных на памятнике Галечное-1, поселении саргатской культуры. Памятник был обнаружен в 2014 г. на территории Венгеровского р-на Новосибирской обл. На сегодняшний день по всей площади памятника ведется активная распашка, разрушающая культурный слой. За несколько лет мониторинга было собрано более двадцати керамических пряслиц. Шесть предметов полные, остальные различной степени сохранности, но их возможно реконструировать. В работе предложено распределение найденного материала в рамках дополненной нами типологической схемы керамических пряслиц саргатской культуры М.А. Чемякиной и Л.Н. Мыльниковой. В ее основе лежит типология, разработанная по материалам другого памятника раннего железного века Барабы – Омь-1. Все обнаруженные пряслица керамические и включены в одну группу по материалу, из которого они изготовлены – глина. Внутри группы они подразделяются на два отдела: целенаправленно изготовленные из сырой глины и обожженные, а также выточенные из фрагментов керамического сосуда. В основу типа заложена форма предмета и его морфологические особенности. По форме пряслица делятся на 4 типа: цилиндрические; биконические; биконические, состоящие из двух конусов; уплощенные, с овальной формой в разрезе. Оформление приканальной площадки определяет подтип. Так, подтип 1 – площадка плоская, не оформлена, подтип 2 – площадка вогнута, оформлена кантом, имеет приступку. Донца маховичков определяют варианты. Они бывают вытянутые и заостренные, укороченные и скругленные, прямые (плоские) или вовсе каплевидной формы. Привлечение материалов поселения Омь-1 позволило расширить типологическую схему, а также определить сходство и различия этих двух памятников Барабинской лесостепи.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, поселение Галечное-1, Омь-1, ранний железный век, саргатская культура, керамические пряслица, классификация.*

D.A. Nenakhov✉, Y.N. Nenakhova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Ceramic Spindle Whorls from Galechnoe-1, Sargat Culture

In this article we introduce a series of ceramic spindle whorls found at the Sargat culture settlement site of Galechnoe-1 into scientific circulation. This site was discovered in 2014 in the Vengerovsky District of the Novosibirsk Region. Currently, the cultural layer is heavily destructed because the entire area of the site is being actively plowed. Over several years of monitoring, we have collected more than twenty ceramic spindle whorl fragments. Six of them are intact; the rest are in the various states of preservation and can be reconstructed. This paper proposes the classification of the new artifacts as an addition to a typological classification of ceramic spindle whorls from the Sargat culture proposed by M.A. Chemyakina and L.N. Mylnikova based on materials from Om-1 site (Early Iron Age, Baraba forest-steppe). All the discovered spindle whorls are ceramic and can be included into one group according to the material they are made from, which is clay. Within this group, they can be further subdivided into two categories: those made from raw clay and those carved from fragments of ceramic vessels. The type of spindle whorls depends on the shape and morphological features of the object. Mentioned objects also can be classified by the shape: cylindrical, conical, biconic (consisting of two cones), or flattened with an oval cross-section. The subtype depends on the upper platform design: 1 – the platform is flat and not decorated, and 2 –the platform has a concave shape and is decorated with an edging or step. The bottom part design also varies – they can be elongated and pointed, shortened and rounded, straight (flat), and even teardrop-shaped, depending on the specifics of object. The use of materials from the settlement of Om-1 expanded the typological classification and identified similar and distinguishing features of these two sites in Baraba forest-steppe.

Keywords: *Baraba forest-steppe, Galechnoye-1 settlement, Early Iron Age, Sargat culture, ceramic spindle whorls, Om-1, classification.*

Введение

Западно-Сибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции уже не одно десятилетие проводит археологические работы в Венгеровском р-не Новосибирской обл. Продолжается и ежегодный мониторинг памятников, расположенных неподалеку от объектов постоянных исследований [Молодин, Ненахов, Селин, 2016].

В 2014 г. было обнаружено поселение (городище?) саргатской культуры – Галечное-1. Поселение расположено на высокой террасе на правом берегу р. Омь. Расстояние до с. Венгерово от памятника – 7,5 км. Памятник находится в аварийном состоянии: его территория ежегодно распахивается под сельскохозяйственные нужды, по нему проходит грунтовая дорога, постоянно осыпается береговая линия.

За последние годы на памятнике было собрано немало подъемного материала – обломков керамической посуды, блюд-алтариков, изделий из железа и пр. Особый интерес представляют керамические пряслица саргатского облика. Это одна из наиболее представительных и информативных групп поселенческого и погребального инвентаря саргатских комплексов как Барабинской лесостепи, так и Зауралья [Корякова, 1988; Матвеева, 1993; Полосьмак, 1987; Троицкая, 1979; Троицкая, Бородовский, 1994; и др.].

Основной целью данной статьи является ввод в научный оборот более 20 керамических пряслиц саргатской культуры, обнаруженных на памятнике Галечное-1.

Пряслица из поселенческих комплексов рассматриваются в первую очередь как предмет утилитарного назначения. Использовались они в качестве грузика, по-другому махового колесика, надеваемого на стержень (веретено) сверху или снизу для придания ему устойчивости и равномерности вращения [Матюшин, 1996, с. 141]. Веретено, по всей видимости, представляло собой тонкую округлую в сечении деревянную палочку. Отметим, что в археологических комплексах находят помимо керамических пряслиц и костяные, и бронзовые [Чикунова, 2002; Шульга, 2010; Федоров, 2018]. Сами веретена при раскопках встречаются довольно редко, но случаи подобных находок известны [Степная полоса..., 1992, с. 431, табл. 81, *20*; Шульга, 2010, с. 127–131, 162, рис. 15, *10*, *11*; Grabundžija et al., 2021, fig. 9].

Следует сказать, что литература, посвященная рассмотрению пряслиц, конечно, обширна. Однако зачастую это введение в научный оборот материалов конкретных археологических памятников, либо обобщающие работы по материалам локальных регионов распространения саргатских комплексов. Исследователями разрабатываются типологические схемы предметного комплекса [Серегин и др., 2021; Чемякина, Мыльникова, 1995; Чикунова, 2002; и др.], проводится его анализ в культурно-хронологическом и территориальном отношении [Степная полоса..., 1992, с. 473, табл. 123; Троицкая, Бородовский, 1994; и др.]. В серии работ предлагаются варианты функционального назначения разных типов пряслиц во взаимосвязи с технической составляющей получения нити из того или иного сырья [Берсенева, Берсенев, 2002, 2004; и др.]. Т.Н. Глушковой было доказано, что для изготовления тканей в раннем железном веке, помимо шерсти, использовалось также и растительное сырье, представленное дикой коноплей (кендырь) и крапивой [Глушкова, 2002, с. 68–77]. Рассматриваются подробно и варианты насада пряслиц. Способ насада определяет функциональные преимущества и форму пряслица – уплощенно-дисковидные или биконически-сферические, полусферические со значительной выпуклостью внешней поверхности и т.п. [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 67–68; Чикунова, 2002; и др.].

Последние изыскания показывают, что типы пряслиц не указывают на предпочтение в выборе сырьевой базы. В большей степени это целый комплекс признаков – размер, форма, а главное опыт и выбор техники прядения мастером [Бородовский, 1995; Бородовский, Бородовская, 2013, с. 68–69]. Большое внимание уделяется инерции вращения пряслиц, что позволяет говорить о типе сырья [Chmielewski, Gardynski, 2010; Grabundžija et al., 2021]. Чаще всего все пряслица делятся на три группы – с низким, средним и высоким значением момента инерции [Чемякина, Мыльникова, 1995; Идимешев, 2023]. При этом предметы одной группы вращения могут быть абсолютно из разного материала – кость, керамика, камень [Идимешев, 2023, с. 113] и разной формы в разрезе [Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 70].

Также исследователями затрагиваются вопросы о культурно-культовых мифологемах, связанных с ткачеством и прядением, в т.ч. и конкретно с веретеном – пряслицем – нитью. Пряслице могло являться неотъемлемым атрибутом сопутствующих данной деятельности ритуалов [Телегин, 1999]. Попытки культовых интерпретации весьма разнообразны [Викторова, Непомнящая, 2006; Головченко, 2016; Сериков, 2005]. Особый вопрос в историографии, безусловно, заслуживающий отдельного исследования, – пряслица в духовных практиках, связанных с погребальными комплексами саргатской культуры.

Мы также рассматриваем обнаруженные нами на памятнике Галичное-1 пряслица как орудия ткацкого производства для примитивного прядения и вписываем их в уже имеющуюся типологическую схему, разработанную для одного из памятников саргатской культуры Барабинской лесостепи – поселение Омь-1, с небольшими дополнениями [Мыльникова, Чемякина, 2002; Чемякина, Мыльникова, 1995]. Памятник Омь-1 расположен выше по течению р. Омь, в 80 км к ЮЮВ.

Анализ материалов

Следует отметить, что в современной литературе в вопросах типологии и систематизации пряслиц можно выделить два направления. В одном случае это несколько «расширенная» таксономическая раздробленность в типологии. Так, например, Н.Н. Серегин с соавторами, проводя классификацию материала, выделяет: группу – по материалу; разряд – по абрису предмета; раздел – по наличию отверстия в центре; отдел – по толщине изделия; тип – по форме в поперечном сечении; вариант – по особенностям декоративного оформления [2021] и пр. В другом случае исследователи опираются на более обобщенные категории и включают подразделение на материал, форму сечения, размеры изделий и особенности орнамента [Плетнева, 2015; Чикунова, 2002]. Оба подхода применимы, т.к. преследуют разные цели.

При анализе материала Галечное-1 при сохранении рабочей схемы М.А. Чемякиной и Л.Н. Мыльниковой были введены дополнительные, существенные на наш взгляд, признаки для выделения таксонов в типологии керамических пряслиц.

В основе выделения группы соответственно стоит материал – глина. На памятнике Галечное-1 найдены только пряслица, изготовленные из глины. Далее, существенным признаком является, сформован ли этот предмет целенаправленно из сырой глины и обожжен или выточен из вторичного сырья, фрагмента керамического сосуда. Этот таксон определяет отдел. В основу типа заложим форму предмета и его морфологические особенности. По форме пряслица делятся на четыре типа: цилиндрические; биконические; биконические, состоящие из двух конусов; уплощенные с овальной формой в разрезе. Анализ особенностей формовки пряслиц позволяет выделить такой критерий как оформление приканальной площадки: подтип 1 – площадка плоская, не оформлена; подтип 2 – площадка вогнута, оформлена кантом, имеет приступку. Еще большее разнообразие мы фиксируем в оформлении нижней части пряслица. Донца маховичков бывают вытянутые и заостренные, укороченные и скругленные, прямые (плоские), или вовсе каплевидной формы (рис. 1).

Также посчитаны размеры и описаны орнаменты пряслиц, но как признаки не выделены в таксоны. Для этих показателей лучше подходит разработка другого рода корреляционных таблиц, соотносящих несколько показателей, например, орнамент и тип.

В отдел 1 включено 24 экз. лепных пряслиц.

Тип 1 представлен тремя изделиями (рис. 2, *4–6*). Два пряслица неполные, но их размеры и форма реконструируются. Оба они цилиндрические, прямоугольные в разрезе, у одного форма отверстия цилиндрическая, у другого – коническая. Диаметр пряслиц – 3,5 см и 3,1 см, высота – 1,6 см и 1,2 см. Эти предметы относятся к подтипу 1 – изделия с плоской и ровной площадкой (рис. 2, *4*, *5*).

Третье пряслице сильно разрушено, но при этом край верхней площадки оформлен бортиком, а сама площадка как бы углублена. Его следует отнести к подтипу 2, вариант 1 (рис. 2, *6*). Отметим, что это пряслице имеет орнамент в виде круглых вдавлений как по периметру верхней площадки, так и снизу. Нижняя часть пряслица плоская, ровная. На памятнике Омь-1 также есть одно пряслице, площадка которого углублена, и сформирована закраина [Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 63, рис. 39, *3*].

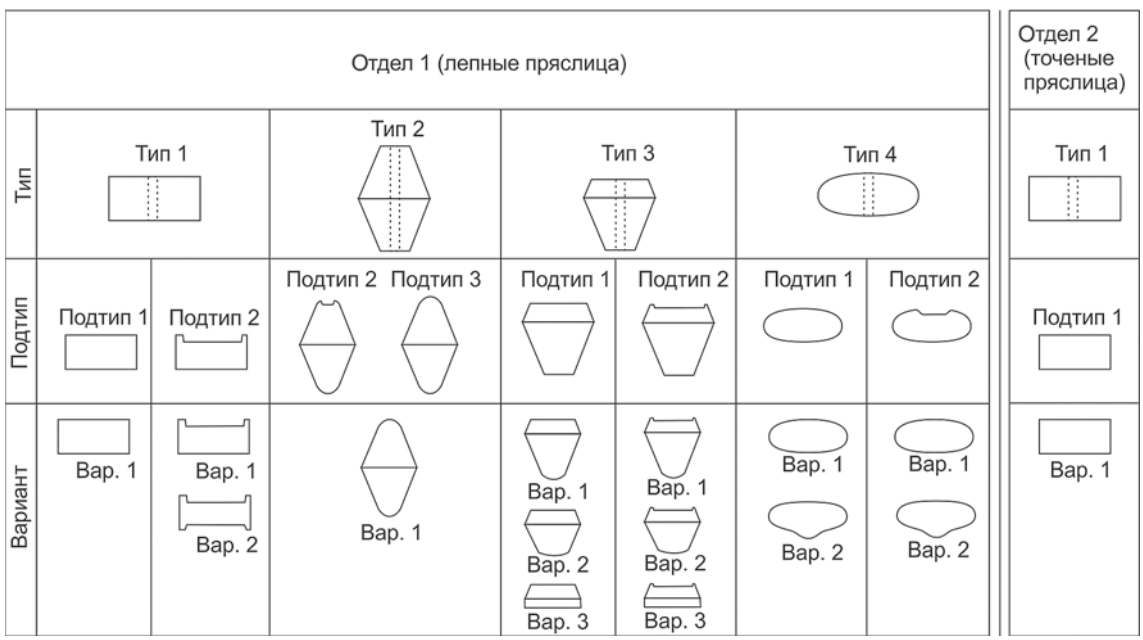

Рис. 1. Типологическая схема группы керамических пряслиц саргатской культуры по данным памятников Омь-1 и Галечное-1.

Рис. 2. Керамические пряслица с поселения Галечное-1.
1–3, *14* – отдел 2, тип 1; *4–6* – отдел 1, тип 1; *7* – тип 2; *8*, *12*, *13*, *15*, *16* – тип 3; *9–11* – тип 4.

Отметим, что на поселении Омь-1 есть изделие, у которого подработана как верхняя, так и нижняя часть [Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 63, рис. 39, *9*]. Это пряслице представляет вариант 2, подтип 2. На поселение Галечное-1 таких изделий не было обнаружено.

Тип 2 на памятнике Галечное-1 представлен одним изделием (рис. 2, *7*). Это маховичок биконической формы с углубленной площадкой, размеры которого 4,1 × 2,1 см. На памятнике Омь-1 обнаружено два таких изделия, но без углубленной площадки [Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 65, рис. 41, *8*]. Последние

включены в подтип 1, первое в нашей типологической схеме представляет подтип 2. Объединяет пряслица орнамент – резные, наклонные линии от центра площадки к краям.

Тип 3 представлен самой многочисленной серией предметов – 16 изделий. Большинство пряслиц фрагментированы, но прекрасно реконструируются. В среднем диаметр маховичков этого типа колеблется от 4,1 до 3,4 см, высота от 2,4 до 1,6 см. Пряслица эти биконической формы, при этом верхняя часть усечена и имеет площадку. Площадка оформлена двумя способами, что и образует подтипы (рис. 2, *12*, *13*, *15*, *16*; 3, *1–12*): 1 – площадка прямая, ровная (см. рис. 2, *12*; 3, *1–7*); 2 – площадка углублена, в результате по периметру сформированы закраины, образующие бортик (см. рис. 2, *13*, *15*, *16*; 3, *8–12*).

У каждого подтипа выделены три варианта оформления нижней части маховичка. Первый вариант – дно пряслица вытянутое конусовидное, слегка заостренное окончание (рис. 3, *1–8*, *13*). Второй вариант – дно приплюснуто и имеет более округлое окончание (см. рис. 2, *12*, *13*, *15*, *16*; 3, *5–7*, *9*). Третий вариант изделий, когда дно плоское и складывается ощущение перевернутости (рис. 3, *10*, *12*). Однако, судя

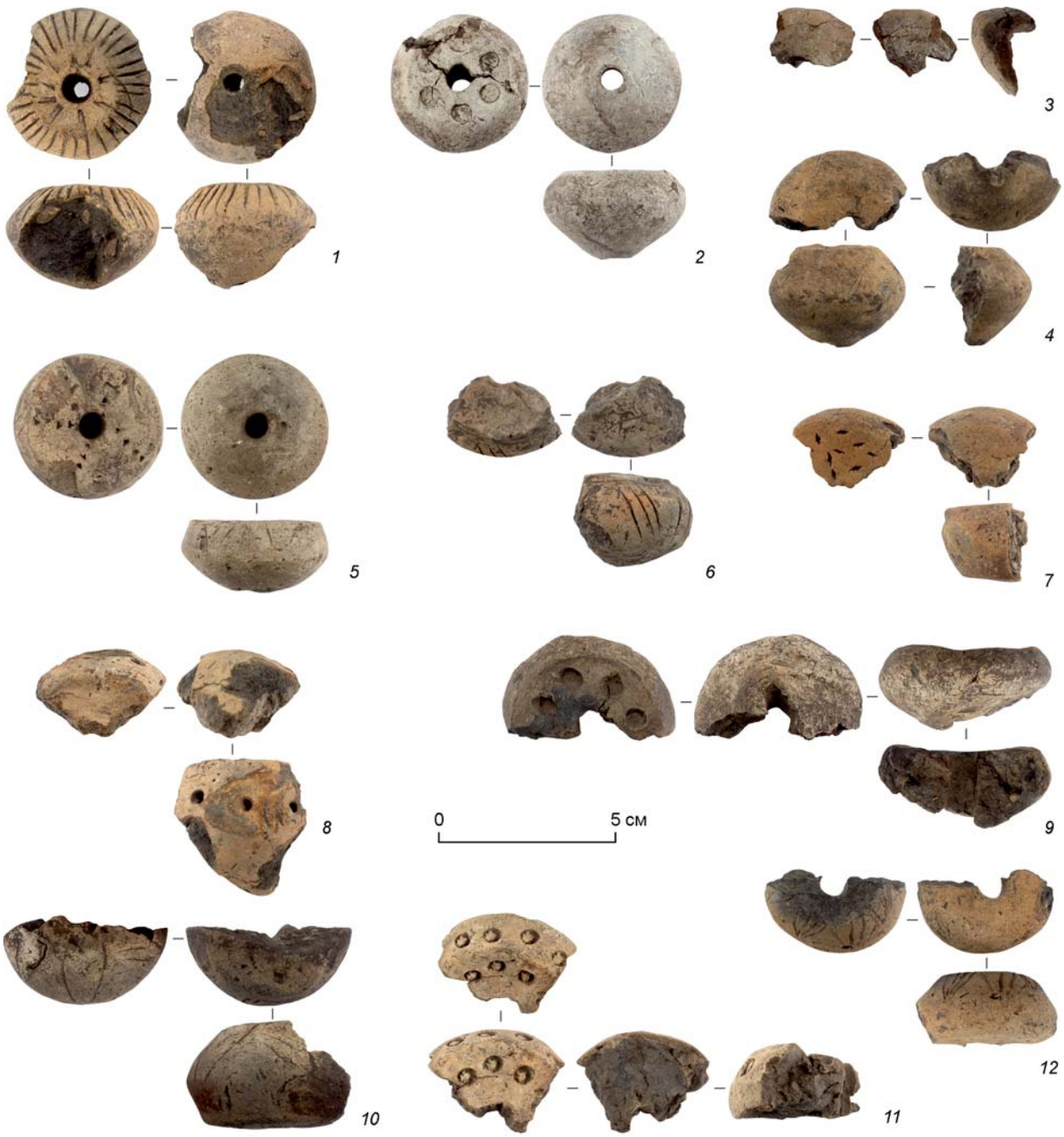

Рис. 3. Керамические пряслица с поселения Галечное-1, тип 3.

по орнаменту (а он, как правило, наносится на верхнюю площадку) и конической форме отверстия (относительно орнамента), пряслице следует располагать именно так, как дано на рисунке. Данный вариант представлен по одному изделию в каждом подтипе (рис. 3, *10*, *12*).

В одном случае вопрос расположения в типологической схеме предмета затруднен (рис. 3, *11*). Пряслице биконической формы, платформа представлена небольшим углублением. Дно его выломано. Орнаментировано изделие вдавлениями полой обломанной костью (?) по верхней и боковой части.

Орнаментация пряслиц третьего типа самая разнообразная. Мы встречаем наколы и штамп палочкой, трубчатой костью (?), резной орнамент. Украшались как верхняя площадка, так и боковая поверхность верхнего конуса. Как правило, нижняя часть пряслица не имеет орнамента. Известно лишь одно исключение – это фрагмент пряслица с памятника Омь-1. У изделия (тип 3, подтип 2, вариант 2) с углубленной площадкой и слегка приплюснутым донцем верхний конус орнаментирован крупными круглыми вдавлениями по периметру площадки (по всей видимости, четырьмя), а дно орнаментировано наколами, сделанными тонкой, острой палочкой (?) [Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 64, рис. 40, *7*].

Тип 4 представлен всего четырьмя изделиями. Диаметр маховичков этого типа колеблется от 4,1 до 2,6 см, высота от 2,4 до 1,2 см. Пряслица уплощенной формы, в разрезе овальные (см. рис. 2, *8–11*). Встречаются пряслица с прямой площадкой (подтип 1) (см. рис. 2, *9–11*) и едва подработанной (подтип 2) (см. рис. 2, *8*). Подработанная площадка у этого типа несколько отличается от предыдущего. Она тоже имеет вдавленный центр, но оно порой намного меньше и, самое главное, не имеет бортика. Форма донца также имеет два варианта – плоское и конусовидное.

Орнаментальные мотивы этого типа изделий различны. Преимущественно это резные линии, насечки и протаскивание палочкой. Отдельно отметим орнамент пряслица, представленного на рис. 2, *8*. Узор расположен на утопленной площадке – это 11 прочерченных и слегка закругленных линий, образующих солярную символику. Полных аналогий этому пряслицу авторам пока неизвестно, несмотря на то что солярная символика весьма популярный образ для пряслиц саргатской культуры.

Отдел 2 – точеные пряслица из вторичного материала (4 изд.).

Пряслица этого отдела представлены одним типом – цилиндрические, прямоугольные в разрезе (см. рис. 2, *1–3*, *14*). Обнаружено было четыре таких изделия. Одно целое и два сильно фрагментированы. Диаметр колеблется от 4,0 до 3,6 см, высота от 1,1 до 6,0 см. Поверхности пряслиц со следами шлифовки. Края сточены так, что местами похожи на грани. Одна сторона обожжена сильнее и порой имеет красноватый оттенок. Орнамента нет. Одно изделие (см. рис. 2,*14*), выточенное из части керамического сосуда, публиковалось ранее [Молодин, Ненахов, Селин, 2016, с. 351, рис. 3, *7–10*].

Еще раз отметим, что ранее опубликованные изделия (5 ед.), обнаруженные на памятнике Галечное-1 [Там же, с. 351, рис. 3, *7–10*], включены в типологию (см. рис. 2, *12–16*). Это предметы первого (отдел 2) и третьего типа (отдел 1), орнаментированные наколами и вдавлениями палочки по области площадки и плечиков. Опубликована вся серия керамических пряслиц из сборов на памятнике Галечное-1.

Заключение

Подъемный материал поселения Галечное-1 пополнил серию пряслиц, полученную на другом памятнике Барабы такого же типа – поселении Омь-1. Дополнена и несколько расширена типологическая схема Л.Н. Мыльниковой и М.А. Чемякиной данного предметного комплекса, подчеркнут ряд морфологических особенностей некоторых типов пряслиц. Прослежена следующая особенность – независимо от формы пряслица все типы имеют вариации с углублением площадки и выделения закраин. Также разнообразна морфология придонной части изделий.

Интересен момент наличия керамических пряслиц отдела 2 в материалах поселений Галечное-1 и Омь-2 [Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 19]. Отмечается, что такие предметы встречаются в материалах саргатской культуры на протяжении всего периода ее бытования, но, как и лепные пряслица типа 2 отдела 1, они тяготеют к последней ее фазе – II в. до н.э. – II в. н.э. [Степная полоса..., 1992, с. 473, табл. 123].

Любая классификационная схема – это лишь начало пути в исследовании предмета, определения его точного утилитарного назначения, включения предмета в ритуальные и культовые действа, завязанную на этом мифологическую картину мира.

Для более полного представления разнообразия форм пряслиц саргатской культуры, их особенностей в функциональном назначении, роли в формировании мировоззренческой концепции, конечно, необходимо в едином ключе рассмотреть материал не только из объектов поселенческого типа, но и из погребальных комплексов близлежащих исследованных памятников – Одиночный курган Государево Озеро, Венгерово-6, Усть-Тартасские курганы и др.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технология, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Берсенева Н.А., Берсенев А.Г. Трасологические аспекты изучения керамических пряслиц // Северный Археологический Конгресс: тез. докл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 221–222.

Берсенева Н.А., Берсенев А.Г. К проблеме функционального определения артефактов: керамические пряслица саргатской культуры // VI Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. – С. 202–204.

Бородовский А.П. Предметы примитивного прядения как индикатор этнотерриториальных границ Горного Алтая в эпоху раннего железа // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Т. 2. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 9–12.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катуни в эпоху палеометалла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 220 с.

Викторова В.Д., Непомнящая О.В. «Пряслица» с памятника иткульского металлургического очага // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: КВАДРАТ, 2006. – С. 130–143.

Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. – Сургут: Изд-во Сургут. гос. пед. ун-та, 2002. – 206 с.

Головченко Н.Н. «В их руках соединились пряслице и нож» или некоторые вопросы культовой интерпретации пряслиц населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2016. – № 3 (41). – С. 100–105. – doi:10.17223/19988613/41/14

Идимешев А.А. Прядение у населения раннего железного века Томского Приобья: функциональный анализ пряслиц // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2023. – № 497. – С. 108–116. – doi:10.17223/15617793/497/11

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – 240 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.

Матюшин Г.Н. Археологический словарь. – М.: Просвещение, 1996. – 304 с.

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Селин Д.В. Мониторинг археологических объектов в Венгеровском районе Новосибирской области (близ села Старый Тартас) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016 – Т. XXII. – С. 348–352.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 200 с.

Плетнева Л.М. Пряслица эпохи раннего железа из Томского Приобья // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2015. – Т. 2, № 4 (88). – С. 146–155.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 143 с.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Пряслица из некрополя жужанского времени комплекса Чобурак I (Северный Алтай) // Народы и религии Евразии. – 2021. – № 2. – С. 69–80. – doi:10.14258/nreur(2021)2–05

Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. – С. 93–101.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. М.Г. Мошкова. – М.: Наука, 1992. – 494 с.

Телегин А.Н. Опыт использования пряслиц в качестве культурно-диагностирующего источника (по материалам эпохи раннего железа) // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 140–148.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 124 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Федоров В.К. Бронзовые колесики в погребениях ранних кочевников // Археология ранних кочевников Евразии. – Самара: Кн. изд-во, 2018. – С. 22–41.

Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н. К вопросу о прядении у саргатцев (по материалам поселенческого комплекса Омь-1) // Археология вчера, сегодня, завтра. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ин-та, 1995. – С. 52–63.

Чикунова И.Ю. Пряслица рафайловского селища как источник по изучению прядения у саргатцев // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2002. – № 4. – С. 119–127.

Шульга П.И. Синьзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. тех. ун-та, 2010. – 238 с.

Chmielewski T., Gardynski L. New frames of archaeometrical description of spindle whorls: a case study of the Late Eneolithic spindle whorls from the 1C site in Gródek, district of Hrubieszów, Poland // Archaeometry. – 2010. – Vol. 52, N 5. – P. 869–881. – doi.org/10.1111/j.1475-4754.2009.00507.x

Grabundžija A., Schlichtherle H., Leuzinger U., Schier W., Karg S. The interaction of distant technologies: bridging Central Europe using a techno typological comparison of spindle whorls // Antiquity. – 2021. – Vol. 95 (381). – P. 627–647. – doi.org/10.15184/aqy.2021.6

References

Berseneva N.A., Bersenev A.G. K probleme funktsional'nogo opredeleniya artefaktov: keramicheskie pryaslitsa sargatskoi kul'tury. In *VI Istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova*. Omsk: Omsk State Univ. Press, 2004. P. 202–204. (In Russ.).

Berseneva N.A., Bersenev A.G. Trasologicheskie aspekty izucheniya keramicheskikh pryaslits. In *Severnyi*

Arkheologicheskii Kongress. Yekaterinburg: Akademkniga, 2002. P. 221–222. (In Russ.).

Borodovskii A.P. Predmety primitivnogo pryadeniya kak indikator etnoterritorial'nykh granits Gornogo Altaya v epokhu rannego zheleza. In *Aborigeny Sibiri: problemy izucheniya ischezayushchikh yazykov i kul'tur*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1995. Vol. 2. P. 9–12. (In Russ.).

Borodovskii A.P., Borodovskaya E.L. Arkheologicheskie pamyatniki gornoi doliny nizhnei Katuni v epokhu paleometalla. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013. 220 p. (In Russ.).

Chemyakina M.A., Mylnikova L.N. K voprosu o pryadenii u sargattsev (po materialam poselencheskogo kompleksa Om'-1). In *Arkheologiya vchera, segodnya, zavtra*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagog Univ. Press, 1995. P. 52–63. (In Russ.).

Chikunova I.Y. Pryaslitsa rafailovskogo selishcha kak istochnik po izucheniyu pryadeniya u sargattsev. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2002. No. 4. P. 119–127. (In Russ.).

Chmielewski T., Gardynski L. New frames of archaeometrical description of spindle whorls: a case study of the Late Eneolithic spindle whorls from the 1C site in Gródek, district of Hrubieszów, Poland. *Archaeometry*, 2010. Vol. 52, No. 5. P. 869–881.

Fedorov V.K. Bronzovye kolesiki v pogrebeniyakh rannikh kochevnikov. In *Arkheologiya rannikh kochevnikov Evrazii*. Samara: Samara book Publ. 2018. P. 22–41. (In Russ.).

Glushkova T.N. Arkheologicheskie tkani Zapadnoi Sibiri. Surgut: Surgut State Univ. Press, 2002. 206 p. (In Russ.).

Golovchenko N.N. "In their hands joined spindles and a knife" or some of the questions of interpretation of the cult spindles population upper ob early iron age. *Tomsk State Univ. J. of History,* 2016. No. 3 (41). P. 100–105. (In Russ.).

Grabundžija A., Schlichtherle H., Leuzinger U., Schier W., Karg S. The interaction of distant technologies: bridging Central Europe using a techno typological comparison of spindle whorls. *Antiquity*, 2021. Vol. 95 (381). P. 627–647.

Idimeshev A.A. Spinning among the Early Iron Age population of the Tomsk Ob region: A functional analysis of spindle whorls. *Tomsk State Univ. J. of History*, 2023. No. 497. P. 108–116. (In Russ.).

Koryakova L.N. Rannii zheleznyi vek Zaural'ya i Zapadnoi Sibiri (sargatskaya kul'tura). Sverdlovsk: Ural State Univ. Press, 1988. 240 p. (In Russ.).

Matveeva N.P. Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole. Novosibirsk: Nauka, 1993. 175 p. (In Russ.).

Matyushin G.N. Arkheologicheskii slovar'. Moscow: Prosveshchenie, 1996. 304 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Nenakhov D.A., Selin D.V. Archaeological Monitoring in Vengerovo District of Novosibirsk Region (near the Village Stary Tartas). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 348–352. (In Russ.).

Moshkova M.G. (ed.). Stepnaya polosa Aziatskoi chasti USSR v skifo-sarmatskoe vremya. Moscow: Nauka, 1992. 494 p. (In Russ.).

Mylnikova L.N., Chemyakina M.A. Traditsii i novatsii v goncharstve drevnikh plemen Baraby (po materialam poselencheskogo kompleksa Om'-1). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002. 200 p. (In Russ.).

Pletneva L.M. Pryaslitsa epokhi rannego zheleza iz Tomskogo Priob'ya. *Izvestiya Altai State Univ.*, 2015. Vol. 2, No. 4 (88). P. 146–155. (In Russ.).

Polosmak N.V. Baraba v epokhu rannego zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1987. 143 p. (In Russ.).

Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S. Pryaslitsa iz nekropolya zhuzhanskogo vremeni kompleksa Choburak I (Severnyi Altai). *Narody i religii Evrazii,* 2021. No. 2. P. 69–80. (In Russ.).

Serikov Y.B. K voprosu o sakral'nom i funktsional'nom naznachenii tak nazyvaemykh pryaslits. In *Arkheologiya Urala i Zapadnoi Sibiri*. Yekaterinburg: Ural State Univ. Press, 2005. P. 93–101. (In Russ.).

Shulga P.I. Sin'zyan v VIII–III vv. do n.e. (Pogrebal'nye kompleksy. Khronologiya i periodizatsiya). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2010. 238 p. (In Russ.).

Telegin A.N. Opyt ispol'zovaniya pryaslits v kachestve kul'turno-diagnostiruyushchego istochnika (po materialam epokhi rannego zheleza). In *Voprosy arkheologii i istorii Yuzhnoi Sibiri*. Barnaul: Barnaul State Pedagog Univ. Press, 1999. P. 140–148. (In Russ.).

Troitskaya T.N. Kulaiskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e. Novosibirsk: Nauka, 1979. 124 p. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Borodovskii A.P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994. 184 p. (In Russ.).

Viktorova V.D., Nepomnyashchaya O.V. "Pryaslitsa" s pamyatnika itkul'skogo metallurgicheskogo ochaga. In *Pyatye Bersovskie chteniya*. Yekaterinburg: KVADRAT, 2006. P. 130–143. (In Russ.).

Ненахов Д.А. https://orcid.org/0000-0002-0820-9410
Ненахова Ю.Н. https://orcid.org/0000-0003-3209-8180

Дата сдачи рукописи: 24.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0644-0648
УДК 903.6

А.Л. Нестеркина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Менгиры Кореи на памятниках археологии и в археологических комплексах

В статье рассмотрены находки менгиров на памятниках археологии и в археологических комплексах в ходе проведения разведок и раскопок на территории Корейского п-ова. Цель работы – уточнить роль менгиров в древней культуре Кореи. В ходе разведок выявлено 6 местонахождений, где менгиры обнаружены вместе с 1–2 дольменами южного типа с невысокими опорными камнями или без них. Такие дольмены на Корейском п-ове в период бронзового века чаще всего выполняли функцию погребений. Будучи слабозаметными на уровне современной дневной поверхности, они часто ошибочно принимались за естественные валуны. Высказано предположение, что соседство менгиров с дольменами южного типа могло быть обусловлено функцией менгиров – маркеров места захоронения (надгробных камней). Находки менгиров в археологических комплексах в процессе стационарных раскопок на данный момент ограничиваются единственным примером – памятником Чинчхондон в г. Тэгу. Установлено, что данный комплекс представляет собой сложное монументальное сооружение. Оно состоит из насыпи подпрямоугольной в плане формы высотой 0,7 м, площадью ок. 250 м², сложенной 7–8 слоями каменных плиток, менгира с ритуальной символикой в центре насыпи и 5 каменных ящиков на ее периферии. Каменные ящики не содержали инвентаря, все находки происходят из насыпи. Предполагается, что каменные ящики предназначались для захоронения тел умерших, а насыпь с менгиром играли роль алтаря, на котором совершались поминальные ритуалы. Дальнейшее накопление и анализ новых находок менгиров на памятниках археологии и в археологических комплексах позволят уточнить полученные выводы о функциональном назначении данных типов мегалитов.

Ключевые слова: *мегалит, менгир, дольмен, бронзовый век, памятник, комплекс, ритуал.*

A.L. Nesterkina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Menhirs on Archaeological Sites and in Archaeological Complexes in Korea

The author describes menhirs at archaeological sites and archaeological complexes that were noted in the course of survey and excavations in the Korean Peninsula. The purpose of the work is to specify the role of menhirs in the ancient culture of Korea. In the course of survey, six sites with menhirs along with 1-2 southern-type dolmens with low support stones or without them were identified. Such dolmens often mark the Bronze Age burials on the Korean Peninsula. Being barely noticeable at the level of the modern surface, they were often mistaken for natural boulders. It has been hypothesized that the proximity of menhirs to southern-type dolmens could be due to the function of menhirs as burial site markers (gravestones). Finding menhirs in archaeological complexes during stationary excavations are currently limited to a single example – the Jincheon-dong site in Daegu. It has been established that this site is a complex monumental construction. It consists of a sub-rectangular mound 0.7 m high and about 250 sq. m, composed of 7–8 layers of stone slabs, a menhir bearing ritual symbols in the center of the mound, and five stone cists on its periphery. The stone cists did not contain any artifacts; all finds come from the mound. It is assumed that the stone cists were intended for burying the dead bodies, and the mound with the menhir served as an altar on which memorial rituals were performed. Further collection and analysis of new finds of menhirs at archaeological sites and in archaeological complexes will help to clarify the proposed inferences on the function of these types of megaliths.

Keywords: *megalith, menhir, dolmen, Bronze Age, site, complex, ritual.*

На Корейском п-ове известно два вида мегалитических объектов: дольмены и отдельно стоящие менгиры. К настоящему времени дольмены Корейского п-ова уже достаточно хорошо и всесторонне изучены, ведутся работы, направленные на обобщение имеющихся данных по отдельным памятникам

и районам или уточнение сведений о конкретных объектах. Иначе обстоят дела с корейскими менгирами. Несмотря на то, что менгиры известны по всей территории Корейского п-ова и даже на о. Чеджудо, специальных исследований, посвященных этим мегалитическим объектам, не существует.

Особого внимания заслуживают находки менгиров на различных археологических памятниках в ходе проведения разведочных работ. Анализ данных о местонахождении менгиров поможет определить их место и роль в древних культурах региона. Известно несколько памятников, где в ходе разведочных работ менгиры зафиксированы в непосредственной близости от одиночных дольменов или их скоплений – «дольменников».

Памятник Хючхонни (в наст. время – Хючхондон, памятник пров. Кёнсан-пукто 4) находится на юго-востоке Корейского п-ова в г. Йонджу пров. Кёнсан-пукто, на прилегающей к зданию Ассоциации пожилых жителей города территории. В ходе разведочных работ здесь зафиксированы расположенные в непосредственной близости друг от друга 2 покровные плиты дольменов и менгир. Менгир подпрямоугольной в плане формы, изготовлен из гранита, его размеры – 1,4 × 0,5 м. Покровные плиты дольменов из аналогичного сырья, их размеры составляют 2,2 × 1,2 × 0,4 м и 2,4 × 2 × 0,3–0,5 м. Раскопки на памятнике не проводились, поэтому особенности конструкции дольменов не установлены. Под одной из крышек дольменов отмечен опорный камень. Можно предположить, что дольмены относятся к сооружениям южного типа с невысокими опорными камнями. Находки на памятнике отсутствовали [Мунхва..., 1999, с. 177, 333].

Группа памятников Осанни расположена на юго-западе Корейского п-ова в р-не Чиндо пров. Чолланамдо [Мунхва..., 2006, с. 35]. Уезд Чиндо включает в себя одноименный остров и ок. 230 прилегающих к нему небольших островков. Памятники зафиксированы на северо-востоке о. Чиндо. Здесь в 400 м к северу от дер. Осан находится одиночный менгир (Локальная достопримечательность 1) и дольмен без опорных камней. До строительства дамбы Масан море доходило до подножия менгира. Менгир у местного населения носит имя «Сом пави» («Камень острова»). Он подпрямоугольной в плане формы, без следов вторичной обработки, высотой 3,6 м, шириной 1,2 м. Покровная плита дольмена аморфных очертаний, ее размеры составляют 4,3 × 3,6 × 0,5 м [Там же, с. 171–172, 251–252]. Более ранние источники сообщают, что рядом с менгиром изначально находилось 2 дольмена. Также в этих сообщениях присутствует информация о том, что у жителей деревни сохранились отголоски представлений о менгире – хранителе деревни [Чиндо..., 1987, с. 64, 88, 110; Чоннам-ый..., 1996, с. 422].

В архивных публикациях имеются сведения о высокой концентрации местонахождений с дольменами с менгирами в пров. Чхунчхон-намдо. В у. Порён у дер. Самгери обнаружено скопление дольменов и менгир [Мунхва..., с. 93]. В 1962 г. в у. Порён проводил разведки археолог Ли Ынчхан. В ходе этих работ им выявлены несколько местонахождений дольменов с менгирами. У дер. Самгонни также зафиксированы парные объекты – одиночный дольмен и менгир. Менгир представляет собой плоский камень подпрямоугольной в плане формы, высотой 2,2 м, шириной 1,1 м, толщиной 0,75 м. В расположенной среди сельскохозяйственных угодий сосновой роще у дер. Тонгонни выявлено 2 дольмена, а в 200 м к северо-востоку от них, на поле – менгир. Дольмен 1 без опорных камней, среди местного населения известен под названием «Кобук пави» («Каменная черепаха»). Дольмен 2 также без опорных камней, расположен в 17 м от дольмена 1. Менгир имеет форму трехгранной пирамиды высотой 1,5 м [Ли Ынчхан, 1963, с. 431]. Судя по отсутствию сведений в более поздних публикациях, до наших дней эти мегалиты не сохранились.

В том же году в у. Тэдок у дер. Кёчхонни (в наст. время – квартал Кёчхонон р-на Юсон в г. Тэджон) этим ученым открыты 2 дольмена и расположенный недалеко от них менгир. Среди местного населения местонахождение известно под названием «Ссан ам» («Парные камни»). Дольмены располагались у восточного склона горы Санжансан – в наши дни известной природной достопримечательности р-на Юсон. Дольмен 1 находился выше по склону, на краю поля. Это сооружение с невысокими опорными камнями и массивной покровной плитой подпрямоугольной в плане формы размерами 4,5 × 2,5 × 0,5 м. Дольмен 2 располагался у подножия склона на поле. Это аналогичное сооружение с невысокими опорными камнями. Его покровная плита подквадратной в плане формы, размерами 3,7 × 1,3–3,5 × 0,6 м. Менгир был найден в 150 м к югу от дольмена 1. Он подтреугольной в плане формы, без видимых следов вторичной обработки, высотой ок. 1,4 м [Там же, с. 431–432]. Несмотря на протесты местных жителей, для которых местонахождение имело сакральное значение, дольмены и менгир были уничтожены в 1970-е гг. в ходе строительства скоростной трассы Хонам [Мунхва..., 2004, с. 254].

Находки менгиров в археологических комплексах в ходе раскопок ограничиваются пока единственным примером – памятником Чинчхондон. Объект расположен в р-не Тальсон на юго-западе г. Тэгу. Эта территория на юго-востоке Корейского п-ова, которая относится к правобережной террасе притока р. Нактонган – р. Чинчхончхон. Памятник находится в 450 м к юго-западу от станции метро Чинчхон. С севера к памятнику примыкает территория пансионата для пожилых людей Сонловон [Ли Бэггю, О Донук, 2000, с. 8–12].

О существовании здесь одиночного мегалита стало известно благодаря разведочным работам Музея университета Кёнбук в 1989–1990 гг. Предполага-

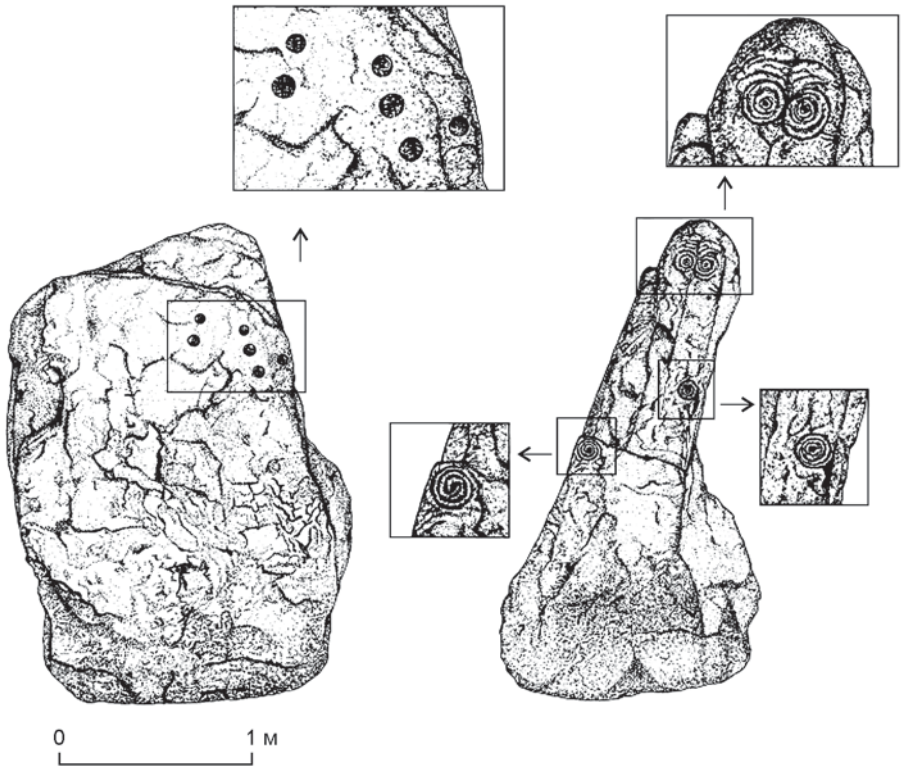

Рис. 1. Республика Корея, г. Тэгу. Менгир в археологическом комплексе Чинчхонон (по: [Ли Бэггю, О Донук, 2000, с. 15–16]).

Размеры каменных ящиков мегалитического комплекса Чинчхондон (по: [Ли Бэггю, О Донук, 2000, с. 40–45])

№ ящика	Длина, м	Ширина, м	Высота, м
1	1,25	0,35	0,35
2	1,1	0,45	0,25
3	0,5	0,2	0,3
4	1,7	0,34	0,3
5	–	0,5	0,3

лось, что мегалит является перемещенной покровной плитой дольмена. На северной грани камня были зафиксированы чашечные знаки. Определен материал мегалита – гранит [Юн Ёнджин, 1990, с. 82–83].

Археологические раскопки на памятнике проведены в 1997–1998 гг. сотрудниками Музея университета Кёнбук. В ходе работ установлено, что обнаруженный мегалит представляет собой не крышку дольмена, а полноценный менгир. Основание менгира вкопано в залегавший непосредственно под современным почвенно-растительным горизонтом и слоем супеси темно-коричневых оттенков погребенный дерн (слой желтовато-коричневой супеси). На этом же уровне расчищена выложенная вокруг менгира каменная насыпь и конструкции на ее периферии.

Менгир подпрямоугольной в плане формы, трапециевидный в сечении, с закругленным верхом. Высота его составляет 2,1 м, ширина 1,5 м, толщина 1,1 м. Северная грань содержит следы вторичной обработки, ее поверхность выровнена. В ее правом верхнем углу зафиксировано 6 чашечных углублений. На западной грани менгира содержится 4 спиралевидных знака: 2 в верхней части, еще 2 – слева и справа в средней (рис. 1). Менгир установлен в грунтовую яму, впущенную в погребенный дерн. Она округлой в плане формы, диаметром 1,65 м, глубиной ок. 0,55 м. В заполнении ямы обнаружено большое количество гальки, которой, вероятно, после установки менгира было засыпано углубление.

Менгир установлен в средней части каменной насыпи, сооруженной на уровне погребенного дерна. Насыпь подпрямоугольной в плане формы, ориентирована продольной осью по линии С–Ю. Ее размеры составляют ок. 25 × 10 м. Предполагается, что насыпь представляла собой грандиозное сооружение типа алтаря, сложенного из 7–8 слоев каменных плиток и имеющего ок. 0,7 м в высоту, с возвышающимся на 1,1 м менгиром в центре.

На периферии каменной насыпи обнаружено 5 каменных ящиков: 3 у северной и 2 у восточной стенки. Ящик 1 расположен на расстоянии ок. 2 м от северной стенки насыпи, ящик 2 примыкает к ней вплотную, а ящик 3 отстоит от нее на 0,3 м. Расположенные у восточной стенки ящики 4 и 5 отстоят от нее на расстояние ок. 4,5 м. Ящики имеют одинаковый способ сооружения. Они сложены из поставленных на ребро каменных плиток во впущенных в погребенный дерн

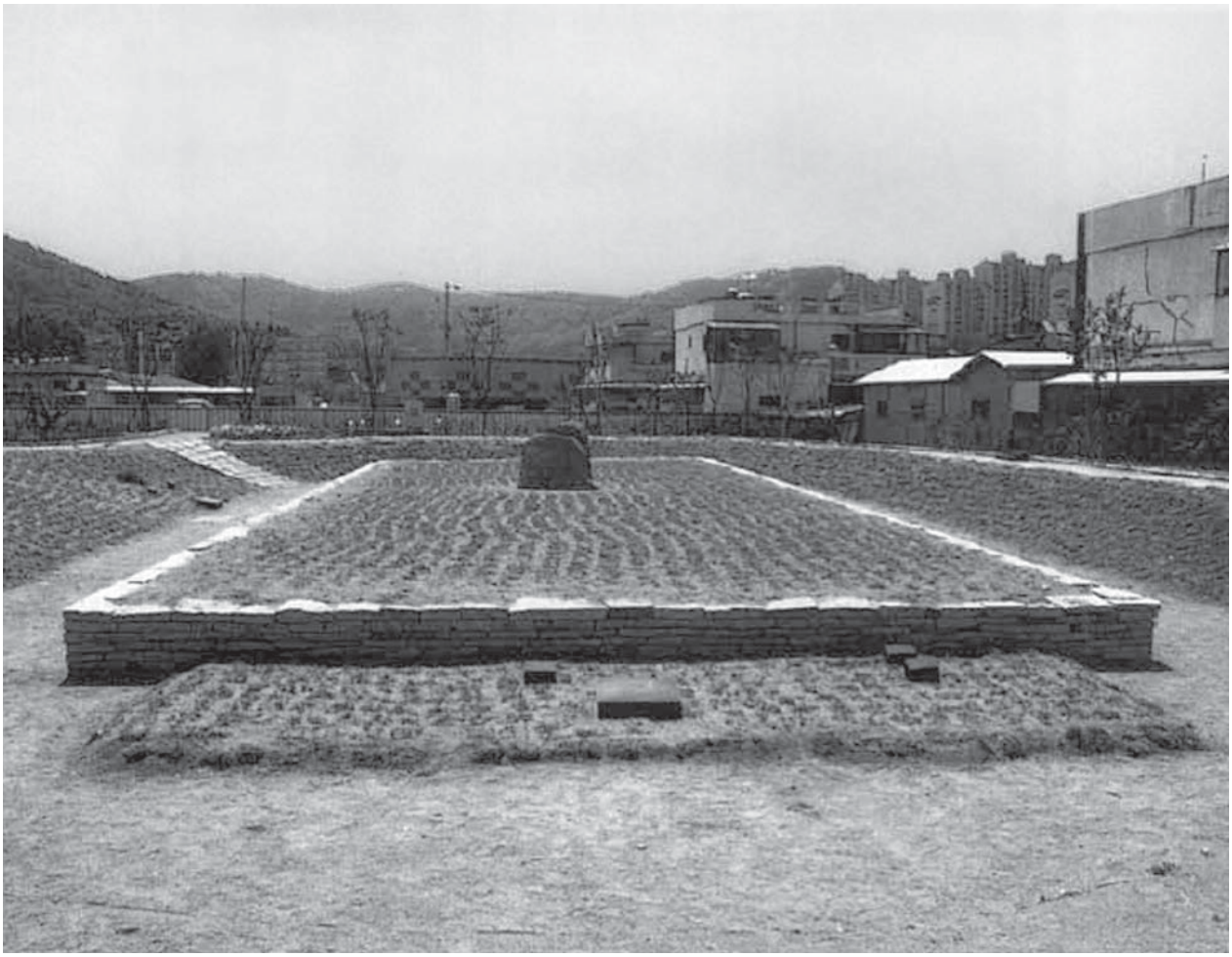

Рис. 2. Республика Корея, г. Тэгу. Реконструкция комплекса Чинчхондон после завершения археологических раскопок (по: [Ли Бэггю, О Донук, 2000, с. 89]).

неглубоких грунтовых ямах и перекрыты еще 4 плитками камня. После установки ящиков и до возведения перекрытия пространство между ними и стенками ям засыпалось галькой. Размеры каменных ящиков относительно небольшие (см. *таблицу*) [Ли Бэггю, О Донук, 2000, с. 14–45].

Каменные ящики не содержали находок. Инвентарь из насыпи представлен многочисленными фрагментами типичной для бронзового века Кореи гладкостенной керамической посуды, четырьмя изделиями из камня и керамической пронизкой. Бóльшая часть керамики происходит из наименее разрушенной северо-восточной части каменной кладки. Среди керамики присутствуют окрашенные красным пигментом лощеные фрагменты сосудов, характерных в основном для погребальных комплексов. Каменный инвентарь включает 2 скола (1 – со следами вторичной обработки), точило и топор с желобком.

В настоящее время погребально-ритуальный комплекс Чинчхондон музеефицирован и доступен для свободного посещения (рис. 2).

Анализ источников о находках менгиров на памятниках археологии показывает, что менгиры чаще всего представлены вместе с 1–2 дольменами южного типа с невысокими опорными камнями или без них. Учитывая преимущественно погребальную функцию таких дольменов и относительно слабую выраженность их на уровне современной дневной поверхности (часто можно принять за валуны естественного происхождения), можно высказать предположение, что установленные в непосредственной близости от дольменов менгиры выполняли функцию маркера места захоронения (надгробного камня).

Находки менгиров в археологических комплексах в процессе стационарных раскопок на данный момент ограничиваются единственным примером – памятником Чинчхондон. Данный комплекс представляет собой сложное монументальное сооружение, состоящее из подпрямоугольной каменной насыпи высотой 0,7 м, менгира в ее центре и каменных ящиков на ее периферии. Каменные ящики, вероятно, служили в качестве внутримогильных конструкций, а насыпь с менгиром играли роль алтаря, на котором совершались поминальные ритуалы.

Дальнейшее накопление и анализ новых материалов находок менгиров на памятниках археологии

и в археологических комплексах позволят уточнить полученные выводы о функциональном назначении данных типов мегалитов.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0004 «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии».

Список литературы

Ли Бэггю, О Донук. Чинчхондон сонса юджок [Памятник Чончхондон]. – Тэгу: Кёнбук тэхаккё панмульгван, 2000. – 136 с. (на кор. яз.).

Ли Ынчхан. Хосо чибан-ый сонса юджок чоса [Исследование памятников археологии в р-не Хосо] // Кого мисуль [Археологи и искусство]. – 1963. – № 8. – С. 431–432 (на кор. яз.).

Мунхва юджок бунпхо чидо: Йонджу си [Карта объектов культурного наследия г. Йонджу]. – Йончхон: Кёнсанпукто мунхваджэ ёнгувон, 1999. – 396 с. (на кор. яз.).

Мунхва юджок бунпхо чидо: Тэджон кванъёкси [Карта объектов культурного наследия г. Тэджон]. – Тэджон: Чхуннам тэхаккё панмульгван, 2004. – 506 с. (на кор. яз.).

Мунхва юджок бунпхо чидо: Чиндо гун [Карта объектов культурного наследия у. Чиндо]. – Йончхон: Кёнсанпукто мунхваджэ ёнгувон, 2006. – 343 с. (на кор. яз.).

Мунхва юджок чоннам: Чхунчхон-намдо пхён [Краткий перечень объектов культурного наследия пров. Чхунчхон-намдо]. – Сеул: Мунхва конбобу Мунхваджэ кальлигук. – 143 с. (на кор. яз.).

Чиндо гун-ый мунхва юджок [Объекты культурного наследия у. Чиндо]. – Мокпхо: Мокпхо тэхаккё панмульгван, 1987. – 416 с. (на кор. яз.).

Чоннам-ый кодэ мёджэ: понмун [Древние погребения пров. Чолла-намдо: текст]. – Мокпхо: Мокпхо тэхаккё панмульгван, 1996. – 828 с. (на кор. яз.).

Юн Ёнджин. Тэгу-ый мунхва юджок: сонса, кодэ [Объекты культурного наследия г. Тэгу: предыстория и древность]. – Тэгу: Кёнбук тэхаккё панмуьгван, 1990. – 456 с. (на кор. яз.).

References

Jeonnam-ui godae myoje: bonmun [Ancient burials of Jeollanam-do Province: text]. Mokpo daehakgyo banmulgwan, 1996. 828 p. (In Kor.).

Jindo gun-ui munhwa yujeok [Cultural heritage in Jindo County]. Mokpo: Mokpo daehakgyo banmulgwan, 1987. 416 p. (In Kor.).

Lee Baekgyu, Oh Donguk. Jincheon-dong seonsa yujeok [Jincheon-dong archaeological site]. Daegu: Gyeongbuk daehakgyo banmulgwan, 2000. 136 p. (In Kor.).

Lee Eunchang. Hoseo jibang-ui seonsa yujeok josa [Exploration of archaeological sites in the Hoseo region]. Gogo misul [Archaeology and Arts], 1963. No. 8. P. 431–432. (In Kor.).

Munhwa yujeok bupo jido: Daejeon gwangyeoksi [Map of cultural heritage in Daejeon City]. Daejeon: chungnam daehakgyo banmulgwan, 2004. 506 p. (In Kor.).

Munhwa yujeok bupo jido: Jindo-gun [Map of cultural heritage in Jindo County]. Yeongcheon: Gyeongsangbukdo munhwajae yeonguwon, 2006. 343 p. (In Kor.).

Munhwa yujeok bupo jido: Yeongju-si [Map of cultural heritage in Yeongju City]. Yeongcheon: Gyeongsangbukdo munhwajae yeonguwon, 1999. 396 p. (In Kor.).

Munhwa yujeok chongnam: Chungcheongnam-do pyeon [Brief List of Cultural Heritage in Chungcheongnam-do Province]. Seoul: Munhwa gongbobu Muhwajae gwalliguk. 143 p. (In Kor.).

Yun Yongjin. Daegu-ui munhwa yujeok: seonsa, godae [Cultural Heritage of Daegu: Prehistory and Antiquity]. Daegu: Gyeongbuk daehakgyo banmulgwan, 1990. 456 p. (In Kor.).

Нестеркина А.Л. https://orcid.org/0000-0002-3703-1527

Дата сдачи рукописи: 19.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0649-0656
УДК 904

С.П. Нестеров[1]✉, В.П. Мыльников[1], Д.П. Волков[1], Б.В. Наумченко[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Константиновская средняя школа
Константиновка, Амурская обл., Россия
E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

Экспериментальная реконструкция раннесредневекового жилища в Западном Приамурье: десять лет спустя

В статье рассматриваются результаты десятилетнего наблюдения за состоянием натурной реконструкции раннесредневекового жилища на оз. Осиновом в Константиновском р-не Амурской обл. В основу строительства в 2013 г. были положены конструктивные составляющие домостроения михайловской и троицкой группы мохэской культуры. В первые три года существования жилища его систематически посещали в теплое время года и зимой, помещение протапливалось, наводился порядок, проводился текущий ремонт (активный эксперимент). С 2016 по 2024 г. постройку посещали периодически для фиксации изменений, происходивших под воздействием природных и антропогенных факторов (пассивный эксперимент). В 2018 г. отмечено изменение структуры досок кровли и их деформация. В 2019 г. обнаружено, что северный скат кровли упал внутрь жилища, перекрыв нары и очаг. В 2022 г. упали все перекрытия кровли. Наблюдения за преднамеренно заброшенным жилищем показали, что без присмотра оно начинает разрушаться примерно через пять лет. Еще через пять лет от него остаются одни развалины. При этом на месте располагаются опорные столбы для верхней рамы-обвязки, рама-основа на угловых подпорных столбах, деревянная облицовка земляных стен котлована. Очаг и нары тоже сохраняются. Однако при первом же обрушении даже одного ската кровли они практически полностью перекрываются плахами, досками и лежавшим на них грунтом. При раскопках в негоревших средневековых жилищах о наличии в них четырех опорных столбов и угловых подпорок под раму-основу свидетельствуют столбовые ямы. Однако их остатки, как и сами рамы, не обнаруживаются. Не исключено, что, кроме естественного разрушения древесины с течением времени, обветшавшие аварийные дома в поселках разбирались самими владельцами или местными жителями для хозяйственных нужд, а оставшиеся котлованы использовали для выброса бытового мусора.

Ключевые слова*: Западное Приамурье, раннее Средневековье, натурная реконструкция жилища, активный и пассивный эксперименты.*

S.P. Nesterov[1]✉, V.P. Mylnikov[1], D.P. Volkov[1], B.V. Naumchenko[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Konstantinovskaya secondary school
Konstantinovka, Amur region, Russia
E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

Experimental Reconstruction of an Early Medieval Dwelling in Western Amur Region: Ten Years Later

The authors present the results of a ten-year observation of the preservation state of a natural reconstruction of an early medieval dwelling on Lake Osinovoye in the Konstantinovka District of the Amur Region. The 2013 construction was based on the housing construction components of the Mikhailovka and Troitskaya groups of the Mohe cultures. During the first three years after construction, the dwelling was systematically visited during the warm season and in winter, the premises were heated, tidied up, and routine repairs were carried out (an active experiment). From 2016 to 2024, the building was visited periodically in order to record changes that occurred under the influence of natural and anthropogenic factors (passive experiment). In 2018, changes in the structure of roofing boards and their deformation were noted. In 2019, the northern slope of the roof had fallen into the dwelling covering the bunks and the fireplace. In 2022, all the roof elements had fallen. Observations of intentionally

abandoned house have shown that, without supervision, deteriorations occurred approximately after five years. Five years later, the house collapsed. However, pillars supporting the upper frame-strapping, a base frame on corner support pillars, and wooden lining of the earthen walls of the pit remained on site. The fireplace and bunks survived too. After the first collapse of even one roof slope, the hearth and bunks were almost completely covered with planks, boards and the overlying soil. During excavations in unburned medieval dwellings, the usage of four supporting pillars and corner supports for the base frame is indicated by post holes. However, any remains, like the frames themselves, have not been discovered. It is possible that, in addition to the natural destruction of wood over time, dilapidated houses in the villages were dismantled by the owners or other local residents for household needs, and the remaining pits were used to dump household waste.

Keywords: *Western Amur region, early Middle Ages, natural reconstruction of a dwelling, active and passive experiments.*

Введение

В июле 2013 г. в Амурской обл. на берегу оз. Осинового в 5 км от р. Амур было построено экспериментальное жилище, характерное для населения Западного Приамурья в III–X вв. н.э. Для возведения постройки использован юго-восточный угол раскопа, где в 2009 г. было исследовано жилище троицкой группы мохэской культуры, датированное последней четвертью VIII – IX в. н.э. [Деревянко А.П. и др., 2010]. В ходе строительства решались две задачи. Необходимо было воспроизвести постройку, максимально отражающую детали каркасно-столбовой конструкции раннесредневековых жилищ, известные по материалам раскопок. С учетом его расположения на территории экологического лагеря требовалось создать прочную постройку, безопасную при ее посещении. Последнее обстоятельство предполагало использование, наряду с археологически установленными, современных методов строительства, а также не свойственных древности материалов. Процесс возведения жилища из лиственных пород деревьев и начало с ним активных экспериментальных работ в 2013–2014 гг. в теплое время года и зимой нашли отражение в научной публикации [Нестеров и др., 2014].

Активный эксперимент

Уже при строительстве жилища были выявлены конструктивные детали и нюансы, вносящие определенные поправки в методику раскопок древних жилищ, особенно если сохранились их обугленные элементы. Так, при установке рамы-основы со стороной 3–7 м могло быть всего четыре опорных столба в углах котлована, потому что для бревен диаметром более 18–20 см дополнительные подпорки не обязательны. Отсутствие в грунте следов опоры нижних концов угловых стропил может свидетельствовать о том, что они располагались с упором в бревна в углах рамы-основы. Установленная при раскопках жилищ последовательность монтажа рамы-основы по принципу одновенцовой клети, смещение очага к одной из стен позволили предположить месторасположение входа, если оно не обозначено входным коридором. Логично вход соотнести со стороной, где бревна рамы располагаются на более низком уровне. Реконструкция также показала, что в постройках с рамой-основой и обшивкой стен котлована досками конструктивно маловероятно сооружение котлована под тамбур, если только одно из бревен рамы не имело разрыва (рис. 1, *1*).

Первоначально с внешней стороны дерн, уложенный нижней стороной на скат кровли, был дополнительно укреплен горизонтальными и вертикальными досками. К одному из скатов была приставлена лестница, позволявшая добраться до дымового отверстия. Оно было прикрыто от осадков небольшой двускатной покрышкой, установленной на четыре распорки (рис. 1, *2*, *6*, *7*). В интерьере жилища присутствовал очаг с деревянной рамой-обкладкой; справа и слева от входа располагались нары из досок, уложенных на поперечные бревна высотой до 20 см; для выхода была установлена лестница в три ступени (рис. 1, *4*, *5*). Дощатая дверь, обшитая с внутренней стороны берестой, открывалась наружу (рис. 1, *2*, *3*). Стены котлована были облицованы вертикальными досками (горбылем) (рис. 1, *1*).

Другие наблюдения связаны с проведенными экспериментами в теплое и холодное время года, выявившими некоторые нюансы эксплуатации жилища. Наиболее удобным и практичным оказалось перекрытие входа мягким материалом (в древности, видимо, шкурами). Это позволяет достаточно быстро и легко контролировать поступление дополнительного притока воздуха внутрь помещения, а также способствует меньшему выстуживанию жилища при открывании дверного проема в холодное время года. Однако нельзя, как показывают этнографические данные, полностью исключать наличие деревянной двери.

Отмечено, что дополнительной тяги во время эксплуатации уже разгоревшегося очага не требуется. Огонь горит устойчиво и при плотно закрытом входе, задымленность в этом случае снижается. Если добавлять дрова небольшими порциями, то количество дыма в помещении становится минимальным, а температура воздуха комфортной. Она резко понижается, когда в жилище поступает холодный воздух при отрывании дверного проема (рис. 1, *6*). Возможно, для уменьшения задымленности жилища необходимо было наличие тамбура, который не только защищал дверь от осадков, но и играл роль своеобразного поддувала, создавая приток воздуха в помещение и тем самым улучшая горение огня в очаге и вытяжку дыма через дымовое отверстие.

Рис. 1. Виды на реконструкцию жилища в 2013 (*1–5*), 2014 (*6*, *7*), 2015 (*8*) и 2018 (*9*) гг.
1, *3* – с юго-запада; *2* – с северо-запада; *4*, *6*, *8*, *9* – с запада; *5*, *7* – с востока.

За время, прошедшее с января 2014 г., когда исследовательская группа приезжала для изучения температурного режима в зимнее время и по август этого же года, когда в жилище еще разжигали очаг, дерн на скатах кровли прижился и полностью покрыл их сплошным ковром. Однако в этот период исчезла лестница, прислоненная к южному скату кровли для обслуживания дымового отверстия (рис. 1, *7*). Последний раз работы на жилище производились в 2015 г. За два года часть дернового покрытия на скатах кровли осыпалась, и пришлось снова его восстанавливать по всей площади крыши. В этот раз дерновые «кирпичики» не накладывались нижней частью на покрытие скатов, а укладывались горизонтально друг на друга, следуя наклону ската, т.е. ступенчато. Несомненно, вес такой кладки превышал тяжесть первоначальной облицовки (рис. 1, *8*). К моменту этих работ посетители берега оз. Осинового сорвали берестяные листы, которые располагались в верхней трети кровли, сломали двускатную покрышку над дымовым отверстием, которое предохраняло жилище от попадания через него внешних осадков.

Пассивный эксперимент

С 2016 г. и по настоящее время жилище находится в пассивном эксперименте. Он заключается в периодических наблюдениях за тем, как разрушается покинутая людьми постройка под воздействием природных и антропогенных обстоятельств.

В июне 2018 г. (через 5 лет после возведения) жилище было осмотрено российско-корейской экспедиционной группой. Внешне постройка была представлена цельной конструкцией, создававшей замкнутое помещение. Однако разросшийся дерн, уложенный в 2015 г., местами сполз вниз по наклонным скатам кровли примерно на половину ее высоты (рис. 1, *9*; 2, *1*). При этом обнажились доски крыши и обрывки рубероида (имитация берестяного покрытия), который их покрывал.

Деревянная дверь во время осмотра была открыта, но не отброшена на кровлю, а подперта жердью, так, чтобы она не закрывалась. На торце двери была прибита табличка, предупреждающая о небезопасности входа внутрь (см. рис. 1, *9*). Табличка появилась в связи с тем, что рядом в летний период работает экологический лагерь для детей, занимающихся охранной деятельностью на территории Амурского заказника. Сюда же традиционно приезжают полюбоваться цветущим лотосом туристы, а также местные рыбаки и грибники.

Внутри жилища в хорошем состоянии сохранились входная лестница, нары и очаг. Только рама очага покрылась плесенью и древесными грибами. Обугленные мелкие ветки деревьев в очаге свидетельствуют о том, что случайные посетители безуспешно пытались развести огонь. На земляном полу жилища был мусор (в основном обломки веток) и сухие листья деревьев, которые попали сюда через незащищенное дымовое отверстие (рис. 2, *2*).

Однако бóльшая часть досок кровли прогнулась внутрь. Особенно пострадали наиболее длинные доски средних частей скатов. Они покрылись черной и белой плесенью (рис. 2, *3*, *4*). Несмотря на хорошую первоначальную гидроизоляцию, отводившую воду за пределы жилища, из-за ее нарушения по различным причинам вода стала проникать внутрь. Разрушению досок также способствовала влажность внутри помещения. При этом облицовка стен котлована горбылем сохранилась хорошо, т.к. земляные стены дополнительно были отделены от досок вертикальными полосами гидроизоляции. В хорошем состоянии остались бревна и плахи каркаса жилища. В целом жилище за прошедшие пять лет после его возведения выглядит заброшенным, но не ветхим.

Однако уже через год, в середине июля 2019 г. зафиксировано разрушение несущих конструкций каркаса. Из-за поломки северной плахи рамы-обвязки, которая опиралась углами на четыре вертикальных срединных столба, кровля с этой стороны рухнула внутрь жилища (рис. 2, *5*, *6*). Ее остатки, представляющие доски и покрывавший их дерн, упали по направлению к южной стороне. На месте остались только самые крайние плахи у северо-восточного и северо-западного углов. На южном скате позже обрушения северной стороны внутрь жилого пространства выпала часть доски от уровня рамы-основы до рамы обвязки. Рухнувший северный скат кровли засыпал срединную часть нар и очаг (рис. 2, *7*). Стропила, центральные столбы и рама-основа остались целыми. Дерновое покрытие сохранилось с этой стороны на уровне бревна нижней рамы, а с остальных сторон оно располагалось примерно до верхней рамы-обвязки. Обвал кровли, возможно, способствовал разрушению северной плахи рамы-трубы. Дверь в жилище была закрыта, а ручка на ней сломана (рис. 2, *6*).

Осмотр объекта в сентябре 2022 г. показал, что за три года с ним произошли кардинальные изменения. Все перекрытия кровли рухнули внутрь жилища. Ее остатки незначительно сохранились только в углах конструкции. Падение средних частей скатов кровли внутрь конструкции уменьшило уровень дернового покрытия до бревен рамы-основы. Дерн в частично сохранившихся углах остался на высоте примерно середины крыши строения (рис. 2, *8*).

Основываясь на перекрывании стропильных брусьев друг другом, установлено, что первым упали юго-западное и северо-восточное угловые стропила, затем стропило юго-восточного угла, северо-западное стропило осталось на месте, опираясь нижними концами на бревна рамы-основы, а верхними на вертикальные столбы (рис. 3, *1–2*). К данному времени верхней рамы-обвязки, которая лежала на опорных столбах в середине интерьера, уже не было.

Рис. 2. Фото состояния жилища в 2018 (*1–4*), 2019 (*5–7*) и 2022 (*8*) гг.
1, *7*, *8* – с севера; *2*, *4* – с запада; *3* – с юго-востока; *5*, *6* – с северо-запада.

Рис. 3. Виды на развалины жилища в 2022 (*1–3*) и 2024 (*4–8*) гг.
1, *7* – с запада; *2*, *6* – с севера; *3* – с востока; *4* – с юго-востока; *5*, *8* – с юга.

Возможно, что дверь кем-то была выломана раньше, чем произошло разрушение западного ската кровли. Внутри жилища в завале найден фрагмент дверного блока с дверной петлей, но без остатков дверного полотна (рис. 3, *3*). Судя по залеганию досок кровли, последней упала западная с дверным проемом. Входная лестница, бревенчатая рама-основа, четыре срединных опорных столба для рамы-обвязки и облицовка стен котлована еще сохранились на своих местах. Нары и очаг полностью погребены под упавшей кровлей.

В начале мая 2024 г. Д.П. Волков и Б.В. Наумченко зафиксировали те изменения, которые произошли в состоянии экспериментального жилища после 2022 г. Отсутствие травостоя позволило установить, что грунт с кровли, упавший внутрь, улежался и более равномерно распределился по полу, видимо, в результате сезонных осадков (рис. 3, *5*). Нижняя часть дернового покрытия крыши смотрится как обваловка периметра жилища примерно одинаковой высоты. Его верхняя часть расположена на уровне рамы-основы. Только в сохранившемся северо-западном углу он залегает несколько выше (рис. 3, *6–8*).

Полностью отсутствует северо-восточный угол, где после падения досок перекрытия его земляное покрытие обрушилось (рис. 3, *5*). В юго-западном и юго-восточном углах конструкции на месте частично сохранились доски кровли, а также надломленные и просевшие стропила. В северо-западном углу стропило осталось в неизмененном положении, держа часть западной кровли. Под ней в полной сохранности находится угол жилища и облицовка стен котлована. Единственно, две доски облицовки надломились (рис. 3, *4*). Центральные опорные столбы каких-либо видимых изменений не имеют. Также сохранилась входная лестница, которая оказалась перекрытой навалом упавших с крыши досок.

Вместо заключения. Некоторые результаты наблюдений

Эксперимент возведения, относительно активная эксплуатация жилища и его преднамеренное забвение позволили авторам сделать ряд наблюдений и выводов, которые могут дать дополнительные детали характеристики подобных конструкций при археологических раскопках.

Очевидным является постоянное или сезонное в местах промыслов проживание в жилище. Это позволяет вовремя проводить текущий уход (прикрытие дымового отверстия при затяжных дождях, чистка крыши от снега для уменьшения нагрузки на скаты кровли) и ремонт его внешней стороны (замена дернового покрытия, гидроизоляции и пришедших в негодность деревянных деталей конструкции). Внутреннее пространство требует соблюдения теплового режима (поддержание огня в очаге или его систематический розжиг). В случае прогиба перекрытия кровли необходима установка под них подпорок. Следы последних встречались при раскопах сезонных жилищ михайловской культуры на р. Бурее [Древности Буреи, 2000, с. 327, рис. 101]. Возможно, установка дополнительных горизонтальных опорных поперечин под доски скатов кровли экспериментального жилища привела бы к их меньшему прогибу.

Наблюдения за преднамеренно заброшенным жилищем показали, что без присмотра оно начинает разрушаться примерно через пять лет. Еще через пять лет от него остаются одни развалины. Хотя при этом сохраняются опорные для верхней рамы-обвязки центральные столбы, бревенчатая рама-основа на угловых подпорных столбиках, деревянная облицовка земляных стен котлована. Очаг и нары тоже сохраняются. Однако при первом же обрушении даже одного ската кровли они практически полностью перекрываются плахами, досками и лежавшим на них грунтом.

При раскопках средневековых жилищ о наличии в них четырех опорных столбов свидетельствуют столбовые ямы, которые располагаются в середине интерьера, образуя условный квадрат. Наблюдения за разрушением экспериментального жилища показали, что эти столбы остаются стоять и по прошествии десяти лет, но когда-нибудь и они должны были бы упасть. Однако при раскопках не обнаруживаются ни вертикальные срединные столбы, ни бревна рамы-основы, ни опоры под ее углы [Деревянко Е.И., 1975, с. 29, рис. 2, с. 39, рис. 10, с. 43, рис. 13]. Не исключено, что обветшавшие аварийные дома в поселках разбирались самими владельцами или местными жителями для хозяйственных нужд, а оставшиеся котлованы использовали для выброса бытового мусора (напр., жил. 6 пос. Польце I [Деревянко А.П., 1976, с. 56–59]) или засыпались для выравнивания площадки (как на городище Шапка [Нестеров и др., 2011]).

Еще один момент в эксперименте связан с обваловкой жилища по его периметру, которая была сформована при его строительстве. Ее наличие было предположено в ходе раскопок на средневековых сезонных стоянках на р. Бурее при изучении стратиграфических разрезов [Шеломихин, Нестеров, Алкин, 2017, с. 39, рис. 20]. Однако, как показали наблюдения за состоянием жилища на оз. Осиновом, похожие валы вокруг строения может оставить дерново-земляное покрытие скатов кровли. При их обрушении часть грунта попадает во внутреннее пространство, образуя часть заполнения, другая остается на месте на уровне бревен рамы-основы (рис. 3, *8*). Со временем, рассредоточиваясь по сторонам и уплотняясь под действием природных факторов, оно может сохраниться в виде небольшого вала, напоминающего обваловку, хотя специальное использование завалинки тоже не нужно исключать из конструктивных элементов жилища.

Таким образом, десятилетний эксперимент с натурным жилищем, воссозданным по раннесредневе-

ковым строительным традициям населения михайловской и мохэской культур в Западном Приамурье, показал динамику его разрушения. Выведенное из активной эксплуатации, оно примерно через пять лет (это зависит от породы дерева, из которого состоят элементы конструкции) ветшает, а еще через пять превращается в развалины, если не сгорает раньше в пожаре естественного или антропогенного происхождения.

Благодарности

Статья подготовлена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0004 «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии».

Список литературы

Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.

Деревянко А.П., Ким Ён Вон, Нестеров С.П., Юн Кван Джин, Ли Гю Хун, Хан Джи Сон, Мыльникова Л.Н., Лоскутова Я.Ю., Шеломихин О.А., Пак Джон Сон, Ли Кён Ха. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Изд-во гос. исслед. ин-та культурного наследия Республики Кореи, 2010. – Вып. III: Раскопки раннесредневекового поселения Осиновое Озеро в 2009 году. – 318 с.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники на Среднем Амуре. – Новосибирск: Наука, 1975. – 250 с.

Древности Буреи / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табарев, А.В. Чернюк; отв. ред. Е.И. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.

Нестеров С.П., Зайцев Н.Н., Волков Д.П., Миронов М.А. Археологические исследования на городище на горе Шапке в Амурской области в 2009–2011 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 217–221.

Нестеров С.П., Мыльников В.П., Волков Д.П., Наумченко Б.В. Реконструкция-имитация раннесредневекового жилища в Западном Приамурье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4. – С. 64–76.

Шеломихин О.А., Нестеров С.П., Алкин С.В. Долина Буреи в эпоху палеометалла: материалы и исследования памятников Букинский Ключ-1 и Безумка. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2017. – 194 с.

References

Derevianko A.P. Priamur'e (I tysyacheletie do nashei ery). Novosibirsk: Nauka, 1976. 384 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Kim Yeong Won, Nesterov S.P., Yoon Kwan Gjin, Lee Gyu Hun, Han Ji Seon, Mylnikova L.N., Loskutova Y.Y., Shelomikhin O.A., Park Jong Seong, Lee Gyeon Ha. Materialy i issledovaniya Rossiisko-Koreiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v Zapadnom Priamur'e. Tedzhon: Gos. issled. in-ta kul'turnogo naslediya Respubliki Korei Publ., 2010. Iss. III: Raskopki rannesrednevekovogo poseleniya Osinovoe Ozero v 2009 godu. 318 p. (In Russ.).

Derevianko E.I. Mokheskie pamyatniki na Srednem Amure. Novosibirsk: Nauka, 1975. 250 p. (In Russ.).

Derevyanko E.I. (ed.). Antiquities of the Bureya / S.P. Nesterov, A.V. Grebenshchikov, S.V. Alkin, D.P. Bolotin, P.V. Volkov, N.A. Kononenko, Y.V. Kuzmin, L.N. Mylnikova, A.V. Tabarev, A.V. Chernyuk. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000. 352 p. (In Russ.).

Nesterov S.P., Mylnikov V.P., Volkov D.P., Naumchenko B.V. Imitation/Reconstruction of an Early Medieval Dwelling in the Western Amur Basin. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2014. No. 4 (60). P. 64–76.

Nesterov S.P., Zaitsev N.N., Volkov D.P., Mironov M.A. Arkheologicheskie issledovaniya na gorodishche na gore Shapke v Amurskoi oblasti v 2009–2011 godakh. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011. Vol. 17. P. 217–221. (In Russ.).

Shelomikhin O.A., Nesterov S.P., Alkin S.V. Dolina Burei v epokhu paleometalla: materialy i issledovaniya pamyatnikov Bukinskii Klyuch-1 i Bezumka. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagog Univ. Press., 2017. 194 p. (In Russ.).

Нестеров С.П. https://orcid.org/0000-0003-3629-2730
Мыльников В.П. https://orcid.org/0000-0002-7532-9607
Волков Д.П. https://orcid.org/0000-0001-6064-4981
Наумченко Б.В. https://orcid.org/0009-0007-4891-9437

Дата сдачи рукописи: 12.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0657-0664
УДК 903.25

Ж. Орозбекова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: orozbekovaj@gmai.com

Ромбовидные берестяные изделия в погребениях монгольского времени Тянь-Шаня

В статье рассматриваются ромбовидные берестяные изделия, входящие в состав украшений головных уборов и серег, на примере находок из погребений могильников Внутреннего Тянь-Шаня и Иссык-Кульской котловины Кыргызской Республики. Эти изделия тесно связаны с женским головным убором бокка (богто, бохтаг), характерным для «монгольской имперской культуры». Большинство обнаруженных берестяных ромбиков из женских погребений были декорированы мелким белым бисером. Однако находки из курганов могильника Боз-Адыр свидетельствуют, что они могли быть украшены мелкими круглыми бронзовыми бляшками и использоваться в качестве одного из основных элементов декора головного убора. Аналогичный берестяной ромбик, декорированный мелким белым бисером, являлся центральным элементом бронзовой серьги. Согласно имеющимся данным, ромбические берестяные изделия крепились к головному убору с двух сторон и свисали в качестве украшений. В одном случае они пришивались к завязкам тканевой шапочки, которая являлась основой для закрепления на голове берестяного навершия бокки. В монгольской культуре символ мог являться выражением сложной философской доктрины. Например, символ ромба представлял «мощное орудие», треугольник мог символизировать прогресс и процветание, и т.д. Ромб также мог являться символом земли, защиты, мощи, силы, благоденствия, гармонии, баланса, изобилия, плодородия и женского начала, используясь повсеместно с древнейших времен до наших дней. Анализ археологических материалов показывает, что ромбические берестяные изделия чаще всего встречаются в погребениях взрослых женщин в комплексе с боккой монголо-тянь-шанского типа. Эти находки представляют собой уникальные артефакты, которые предоставляют ценную информацию о материальной культуре населения Тянь-Шаня и кочевых народов евразийской степи монгольского периода.

Ключевые слова: *береста, ромб, символ, бисер, бокка, декор, погребальный памятник, Тянь-Шань, Западная Сибирь, Монголия, Северный Кавказ, Средневековье, кочевая культура.*

Zh. Orozbekova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: orozbekovaj@gmai.com

Diamond-shaped Birch Bark Products of Mongolian Period Burials in Tien-Shan

The article addresses diamond-shaped birch bark products, which are part of headdresses and earrings, on the example of finds from graves in the burial grounds of the Inner Tien Shan and Issyk-Kul Basin of the Kyrgyz Republic. These items are closely related to the female headdress "bokka" ("bogto", "bokhtag"), which is characteristic for the "Mongolian Imperial Culture". Most of the birch-bark lozenges from women's burials were decorated with small white beads. However, finds from the mounds of the Boz-Adyr burial mound indicate that they could have been decorated with small round bronze plaques and used as one of the main elements of headdress decoration. A similar birch bark rhomboid decorated with small white beads was the central element of a bronze earring. According to the available data, the rhombic birch bark pieces were attached to the headdress from both sides and dangled as decoration pieces. In one case they were sewn to the ties of a cloth cap which was the basis for fixing a birch bark bokka topping on the head. In Mongolian culture, a symbol could be perceived as an expression of a complex philosophical doctrine. For example, the symbol of rhombus represented a «powerful» tool, triangle symbolized progress and prosperity, etc. The rhombus was also a symbol of earth, protection, power, strength, prosperity, harmony, balance, abundance, fertility, and femininity and was used everywhere from ancient times to the present day. The analysis of archaeological materials shows that rhombic birch bark pieces are most often found in the burials of adult women, together with bokka of the Mongolian-Tian-Shan type. These finds are unique artifacts that provide valuable information about the material culture of the population of the Tian Shan and nomadic peoples of the Eurasian steppe in the Mongol period.

Keywords: *birch bark, rhombus, symbol, beads, bokka, decoration, funerary monument, Tien Shan, Western Siberia, Mongolia, North Caucasus, Middle Ages, nomadic culture.*

Введение

В древности и в Средневековье костюм, включая все его детали и украшения, воспринимался как целостный образ, который нес информацию о культурной и этнической принадлежности владельца, а также о его социальном статусе и мировоззрении [Плетнева, 2019, с. 49]. При этом некоторые детали одежды имели отдельную смысловую нагрузку, помимо их символического значения. Например, ромбические берестяные украшения, найденные в женских погребениях монгольской эпохи, могли использоваться для декорирования одежды и головных уборов, а также служить самостоятельными элементами традиционного убранства. Их изучение помогает понять значение определенных форм предметов и материалов, из которых они были изготовлены, для культуры народов того времени.

Ромбические берестяные элементы, используемые в качестве декора средневековых женских головных уборов, частично упоминаются в работах ряда исследователей. Однако как отдельный тип декора и часть элементов серег они рассматриваются впервые. Цель работы – представить результаты изучения ромбовидных берестяных изделий, входящих в состав украшений головных уборов и серег, на примере находок из средневековых погребений могильников Внутреннего Тянь-Шаня и Иссык-Кульской котловины.

Береста использовалась в древние времена и Средневековье во многих сферах жизнедеятельности человека, что подтверждают исторические и археологические материалы. Из нее изготавливались различные предметы домашнего обихода, включая женские головные уборы типа бокки, украшения, чехлы для луков и колчаны и т.д. Береста хорошо прошивалась и отличалась мягкостью, гибкостью, прочностью, устойчивостью к гниению, а также водо- и влагонепроницаемостью, что позволяло широко использовать ее в различных областях повседневной жизни.

Материалы

Ромбические изделия из бересты были тесно связаны с женским головным убором бокка (*богто*, *бохтаг*, *богтог*), характерным для «монгольской имперской культуры» (XII–XIV вв.). Этот головной убор представляет собой цилиндр из бересты и капителеобразным навершием с расширением в верхней части, который закрепляется на шапочке. Письменные источники, такие как средневековые труды европейских путешественников, сведения из «Золотого сказания» («Алтан тобчи»), описание путешествия на Запад даосского монаха Чан Чуня, а также археологические и этнографические материалы свидетельствуют о данном предмете как особом виде головного убора женщин [История монголов..., 1871; Карпини, Рубрук, 1911; Окладников, 1962; Си Ю Цзы, 1995; Мыськов, 1995; Доде, 2008; Ямилова, 2009; Хрипунов, 2012; Орозбекова, Акматов, 2016].

В ходе археологических раскопок средневековых памятников в Кочкорском (Бел-Саз I, Суттуу-Булак, Чап) и Тянь-Шанском (Секи I) р-нах Нарынской обл., также в Тонском р-не Иссык-Кульской обл. (Боз-Адыр) были обнаружены ромбические берестяные изделия*. Эти находки встречались как в комплексе с головными уборами, так и по отдельности, наряду с другим сопроводительным инвентарем.

На могильнике Секи I в кург. 1, 3 и 5 в погребениях взрослых женщин найдены берестяные ромбики, расположенные в области черепа, шейных позвонков и под челюстью. Среди сопроводительных предметов встречаются фрагменты бокки, а также разнообразные виды бус и бисера [Табалдиев, 1991, с. 10–13]. Все ромбовидные изделия из бересты имели следы швов по краям. Всего на Секи I зафиксированы более шести таких ромбовидных предметов (рис. 1, *1–5*).

В кург. 4, 12 (разграб. погр.), 15 (разграб. погр.) и 16 могильника Бел-Саз I обнаружены ромбовидные изделия из бересты, на которых отчетливо видны следы швов по краям (рис. 1, *6–11*). Эти изделия фиксировались в районе шейных позвонков и у стоп погребенных. Среди других находок также присутствуют детали бокки, бусы и остатки ткани. В общей сложности на Бел-Саз I обнаружено семь ромбических берестяных изделий – как с видимыми следами швов, так и без них [Табалдиев, 1991, с. 24–25; 1996, рис. 47, *6*].

В кург. 7 могильника Чап в женском погребении зафиксировано одно ромбическое берестяное изделие со следами швов по краю (рис. 1, *12*). Среди сопутствующих находок также выявлены берестяная основа бокки, состоящая из двух частей (цилиндр, верхнее расширяющееся капителеобразное навершие), бусы из раковин каури и стеклянной пасты и т.д. [Табалдиев, 1994, с. 65].

В кург. 10 могильника Суттуу-Булак в женском погребении с боккой обнаружены три ромбовидных изделия из бересты (рис. 1, *13–15*). Они располагались на теменной кости, шейных позвонках и около левой височной кости черепа погребенной. На одном из ромбов сохранился фрагмент ткани с пришитым на нее мелким белым бисером. Также найдены бронзовые серьги в форме вопросительного знака, украшенные бусинами на концах [Anke et al., 1997, S. 517–520, Abb. 6, *7*, *8*, *11–13*].

В кург. 17 того же могильника, в погребении женщины найдены четыре ромбовидных изделия из бересты в области височных костей. От головного убора (бокки) сохранились только фрагменты деревянного

* Автор данной статьи принимала участие в работе экспедиции под руководством д-ра ист. наук, профессора Кыргызско-Турецкого университета К.Ш. Табалдиева (Кыргызстан) в Иссык-Кульской котловине.

навершия с декоративным элементом [Ibid., S. 522, Abb. 7, *5*].

В кург. 21 в погребении женщины с боккой многочисленные бусины обнаружены в области правой части черепа, а рядом – треугольное изделие из бересты. Размеры и рисунок этого предмета не зафиксированы, но предполагается, что это была сломанная половина ромбовидного изделия. Головной убор был помещен рядом с правой берцовой костью погребенной [Ibid., S. 524–528, Abb. 12].

Таким образом, в трех женских погребениях на Суттуу-Булак было найдено семь ромбовидных берестяных изделий, не включая находку из кург. 21, где предположительно обнаружено сломанное ромбовидное изделие.

На средневековом могильнике Жетим-Кыркол в Алайской долине в двух курганах (1, 3) зафиксированы бокки. Однако неизвестно, были ли зафиксированы ромбические берестяные изделия. Этот вопрос требует дальнейшего изучения предметного комплекса [Жолдошев, 2003].

В Иссык-Кульской котловине на могильнике Боз-Адыр в трех курганах (10, 11 и 38) найдены бокки. В кург. 10, в области черепа погребенной, на берестяном головном уборе и вокруг него зафиксирован многочисленный мелкий белый бисер. На прямоугольной части бокки, около теменной кости черепа, был найден берестяной ромб, украшенный шестью маленькими круглыми бронзовыми бляшками в виде цветка с шестью лепестками. Бляшки сохранились на половине изделия (рис. 2, *1*). Правее от этого места лежала половина еще одного берестяного ромбика (рис. 2, *3*). Также с правой стороны нижней челюсти находилось еще одно ромбовидное изделие из бересты (рис. 2, *2*), рядом с которым обнаружены четыре раковины каури. В кург. 11, 38 в погребении взрослых женщин с сопроводительным инвентарем – боккой, берестяные изделия в виде ромбов отмечены не были.

Таким образом, в 12 женских погребениях обнаружено всего 24 ромбических берестяных изделия. Однако кроме этих памятников в пяти погребениях выявлены женские головные уборы – бокка, включая могильник Жетим-Кыркол в Алайской долине Ошской обл., но в них не были зафиксированы берестяные изделия в виде ромбика. Возможно, они не сохранились или не использовались для декорирования головного убора и не входили в состав украшений.

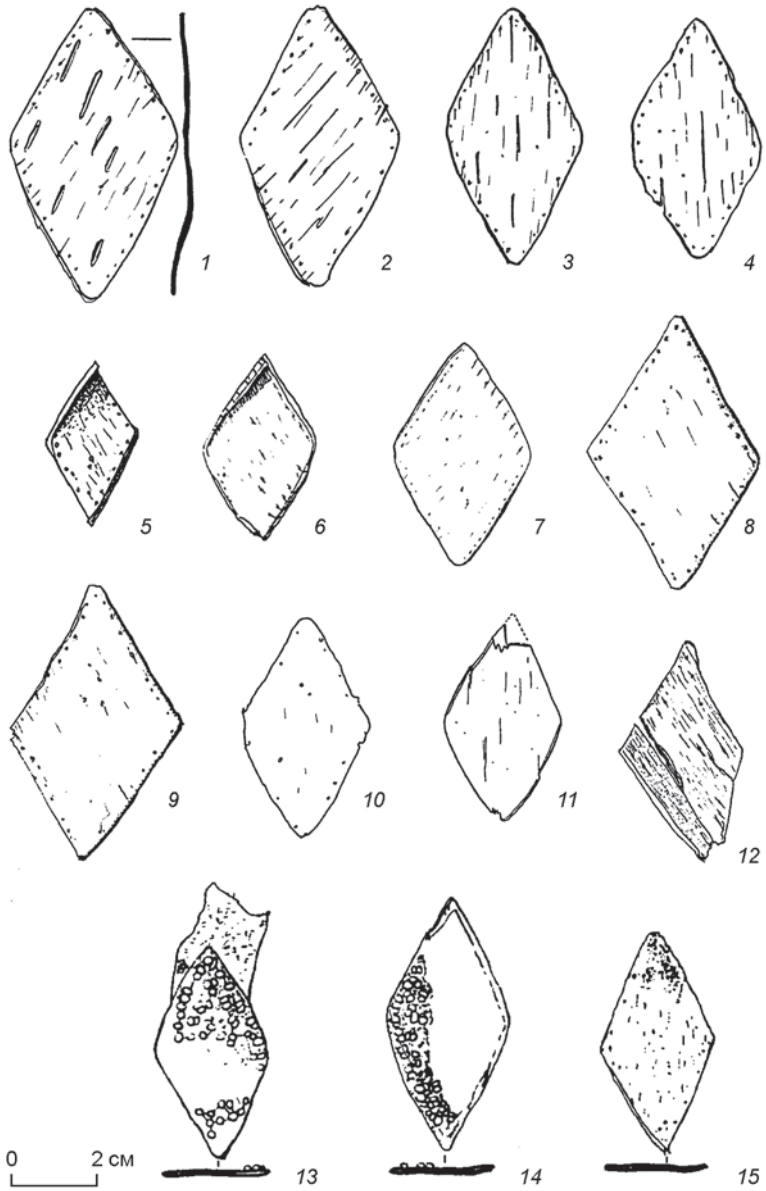

Рис. 1. Берестяные ромбики.

Могильник Секи I: *1–4* – кург. 3, *5* – кург. 1; Могильник Бел-Саз I: *6*, *7* – кург. 4, *8–10* – кург. 12, *11* – кург. 16; Могильник Чап: *12* – кург. 7 (по: [Табалдиев, 1994, рис. 170, *23*, *27–30*; рис. 217, *9*, *10*; рис. 227, *7–9*; рис. 239, *10*; рис. 275, *6*]; Могильник Суттуу-Булак: *13–15* – кург. 10, без масштаба (по: [Anke et al., 1997, S. 520, Abb. 6, *11–13*].

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе изучения головных уборов ромбические изделия из бересты привлекались исследователями для реконструкции бокки по материалам из могильников Суттуу-Булак и Бел-Саз. Они были прикреплены к головному убору в качестве украшений и свисали с двух сторон [Anke et al., 1997, S. 528, Abb. 13, *3*].

По сведению монгольского археолога Д. Баяра, в Восточной Монголии на женских каменных изваяниях был отображен другой тип головного убора – без острого верха, круглый, с ровной поверхностью наверху и подвесками ромбиками на висках [Табалдиев, 1996, с. 133].

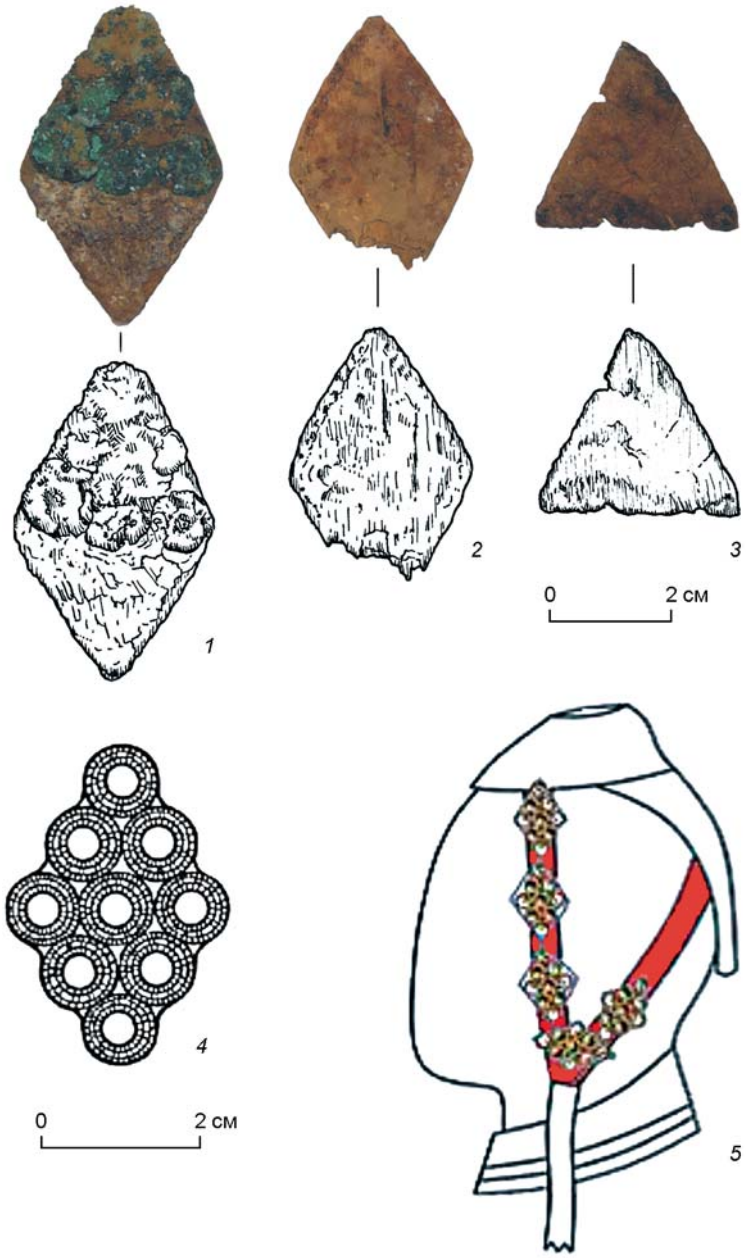

Рис. 2. Ромбовидные изделия.

1–3 – могильник Боз-Адыр, кург. 10, *фото и рисунок автора*; *4* – золотое ромбическое украшение с Северного Кавказа (по: [Охонько, 2010, с. 94–95]); *5* – графическая реконструкция расположения ромбовидных золотых украшений (по: [Макласова, 2020, с. 27]).

погребении на Алтан Сандал также были обнаружены берестяные ромбики и берестяной конус – основа бокки [Лхагвасурэн Хоголбоон, 1994, с. 17].

В погр. 10 Новопавловского могильника на Северном Кавказе найдены золотые ромбические украшения и остатки бокки (рис. 2, *4*) [Охонько, 2010, с. 94–95, рис. 9, *4*]. По пять таких украшений было обнаружено с обеих сторон черепа погребенной. Бокка была обшита шелковой тканью, которая ниспадала к плечам. Нижний край ткани, по мнению автора, украшался золотыми ромбическими элементами. Эти украшения представляли собой золотую пластину с девятью круглыми гнездами, обрамленными сканью и зернью. На обратной стороне основы по центру каждого гнезда были проделаны отверстия для крепления украшений к ткани. В графической реконструкции Л.Э. Макласовой [2020, с. 26–28] можно увидеть, как могли иначе располагаться эти ромбовидные золотые украшения на ленте нижней шапочки от бокки (рис. 2, *5*).

Имеется портрет императрицы Тажи Дармабалхана, написанный на шелке. Она запечатлена в головном уборе бокка с черной лентой – завязкой, украшенной белым мелким бисером в форме ромба [Эрдэнэбат, 2014, х. 128, з. 6]. Альбом был составлен в 1748 г. во время правления Гао Цзун-хана (Цяньлун, 1736–1795) маньчжурской династии Цинь. Портреты были обрезаны до размеров страниц альбома, поэтому верхняя часть высокого головного убора императриц с перьями была полностью скрыта [Там же, х. 128, з. 6].

Следует упомянуть, что в составе предметных комплексов из погребения Гозгор Толгойн (Баянхонгор, Баян-Өндөр сум) в Монголии также имеется ромбическое изделие, обтянутое тканью и украшенное мелким белым бисером по краям, а в центре – более крупным бисером (рис. 3, *1*) [Там же, х. 127, з. 4].

Еще один способ использования ромбовидных берестяных изделий в составе головного убора был отражен в графической реконструкции бокки из могильника Крохалевка-5, расположенного в северной части Верхнего Приобья. Берестяные ромбики пришивались к завязкам тканевой шапочки, которая служила основой для закрепления на голове берестяного навершия бокки [Поздняков и др., 2018, с. 78, рис. 2].

В ходе изучения средневековых погребальных комплексов XII–XIV вв. в Монголии в монгольском

В большинстве случаев ромбические берестяные изделия, согласно археологическим и письменным источникам, декорированы мелким белым бисером. Однако, как показывает находка из кург. 10 могильника Боз-Адыр, они также могли быть украшены мелкими круглыми бронзовыми бляшками и использоваться как один из значимых элементов в оформлении бокки, располагаясь на его видной, центральной части (см. рис. 2, *1*). Таким образом, сфера примене-

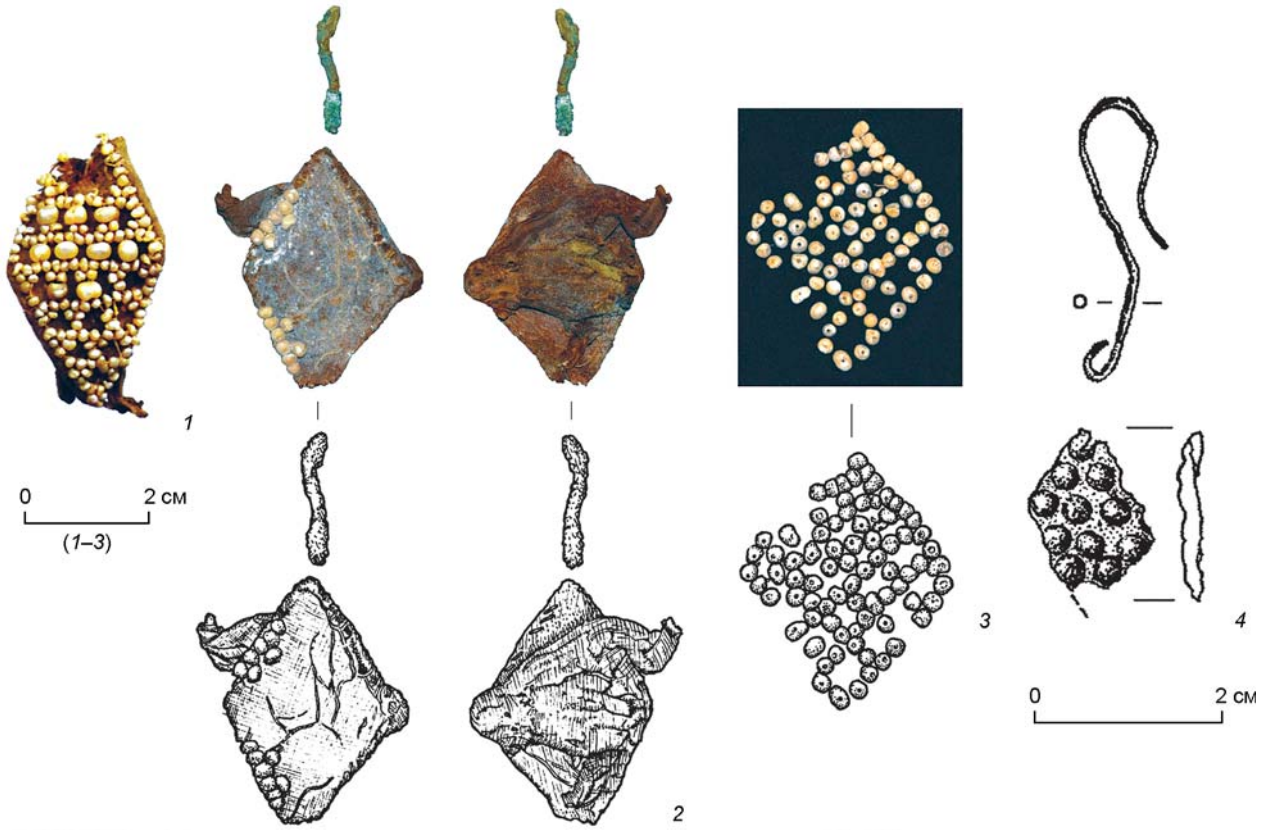

Рис. 3. Ромбовидные украшения из Монголии, Тянь-Шаня и Западной Сибири.

1 – ромбическое изделие из Монголии, без масштаба (по: [Эрдэнэбат, 2014, х. 127]); *2*, *3* – ромбовидная серьга из кург. 26 могильника Боз-Адыр и реконструкция первоначального положения бисера, фрагмент крепежного элемента – бронза, декоративный элемент (ромб) – береста, обтянутая тканью, украшенной белым бисером (*фото и рисунок автора*); *4* – ромбовидная бронзовая серьга из могильника Крохалевка-5 (по: [Поздняков и др., 2018, с. 77]).

ния ромбических украшений в качестве элементов одежды была шире.

Привлекает к себе внимание изделие из Иссык-Кульской котловины. В погребении женщины у правой височной кости в кург. 26 могильника Боз-Адыр были обнаружены удивительные детали серьги. Они состояли из отломанной части бронзовой проволоки, изогнутой в форме вопросительного знака (крепеж), и берестяной заготовки ромбической формы, обтянутой тканью. На лицевой стороне хорошо виден порядок пришивания бисера к ткани (рис. 3, *2*, *3*). Исходя из этого, можно предположить, что через каждые две бисеринки проходила новая нить. Были обнаружены 96 бисерин, но, вероятно, на основе изделия было пришито их более 100. На обратной стороне ромбика четко видны нити от пришитой ткани на берестяной основе, а один его конец незначительно поврежден, что позволяет разглядеть под ним бересту.

Аналогичные две бронзовые серьги с крепежом в форме крюка или вопросительного знака обнаружены в области черепа погребенной в кург. 10 могильника Суттуу-Булак. Каждая из них с одной жемчужиной [Anke et al., 1997, S. 514–520, Abb. 6, *7*, *8*, *11*, *12*, *13*]. Исходя из представленных материалов, можно предположить, что берестяные ромбики, украшенные мелким бисером, найденные на шейных позвонках и на теменной кости погребенной, вероятно, являлись частью серег, как это наблюдается в кург. 26 из Боз-Адыр.

Следовательно, ромбический мотив декорирования головных уборов монгольского времени переходил и на оформление сережек разного типа. Например, серьги дополнялись не только ромбическими берестяными украшениями с бисером, а также бронзовыми элементами в форме ромбика. В Крохалевке-5 из Западной Сибири бронзовая серьга имела крючкообразную дужку и ромбическую пластину, украшенную полусферическими элементами (рис. 3, *4*) [Поздняков и др., 2018]. Вероятно, сначала был подготовлен бронзовый лист, нанесен декор, а потом были вырезаны ромбические элементы для серег. Подобная серьга может напоминать образ грозди винограда, который является символом плодородия и изобилия во многих культурах мира. Также ромбик с выпуклыми кругами напоминает ромб с точками внутри, что можно интерпретировать как «засеянное поле» [Дробушевский, Нечаева, 2008].

Возникает вопрос, почему форма ромба часто использовались как элемент украшения в монгольскую эпоху. Если обратиться к традиционной культуре

монголов, то символ играет в ней определяющую роль, раскрываясь в двух направлениях – художественно-эстетическом и содержательном. Иногда символ является выражением сложной философской доктрины. Например, ромб у монголов представлял «мощное орудие», треугольник символизировал прогресс и процветание, прямоугольник олицетворял честность и т.д. [Гантулга, 2011, с. 376].

Можно привести и более широкий круг семантических вариантов. Согласно А.К. Амброзу, в земледельческих культурах одиночный ромб с крючками символизирует плодородие. В различных композициях он может олицетворять одновременно землю, растение и женщину. Композиция из цепочек ромбов встречается повсеместно, начиная с энеолита до XIX–XX вв., и символизирует «дерево жизни» [1965, с. 14–27].

Перекрещенный ромб с крючками является широко распространенным элементом в кыргызском орнаменте. Он сохранил свое значение как символ добра и изобилия, но получил дополнительную интерпретацию как знак удачной охоты [Там же, с. 25, рис. 8, *1*, *2*].

Ромб с крючками также тесно связан с символикой свадьбы. В Индии эти символы ассоциировались с женской обрядностью, с почитанием богинь. У русских его вышивали на свадебных нарядах невесты, у чувашей – на свадебных платках. В Закарпатье его вырезали на рукоятках деревянных свадебных топориков. У чувашей и марийцев на груди женских платьев вышивались ромбические узоры (XVIII–XX вв.), характерные для наряда замужней женщины. При этом у чувашей они имели охранительное значение, оберегая молоко кормящей матери, а у марийцев ромбические орнаменты на груди женского платья носили название «сторожа грудей». Отмечается, что такие орнаменты отсутствовали на платьях девушек, а у вдов их количество уменьшалось [Там же, с. 6, 20].

Заключение

Символ ромба являлся «пожеланием плодородия во всех его проявлениях: плодородие пашни, плодовитость скота, рождение новых членов рода» [Миронова, 2003, с. 59]. Таким образом, по имеющимся данным, ромб являлся символом земли, защиты, мощи, силы, благоденствия, гармонии, баланса, плодородия, изобилия и женского начала в природе [Бибикова, 1965; Рыбаков, 1972; Дробушевский, Нечаева, 2008]. В этом значении он использовался с древнейших времен до наших дней.

Исходя из вышеуказанных источников, можно предположить, что выбор ромбических берестяных изделий в качестве украшения для женщин в монгольскую эпоху не был случайным. Именно они чаще всего встречались в погребениях взрослых женщин и не только представляли собой декоративные элементы одежды и украшений, но и обладали глубокой символической значимостью. Подчеркнем, что в большинстве случаев ромбические берестяные изделия встречаются в погребальных памятниках в комплексе с боккой монголо-тянь-шанского типа*.

Эти уникальные артефакты предоставляют ценную информацию о материальной культуре населения Тян-Шаня и кочевых народов Евразийской степи монгольского периода.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Благодарю А.Е. Гришина за обсуждение некоторых изложенных сюжетов.

Список литературы

Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // СА. – 1965. – № 3. – С. 14–27.

Бибикова В.И. О происхождении мезинского палеолитического орнамента // СА. – 1965. – № 1. – С. 3–8.

Гантулга Д. Цветовая, числовая и образная символика монголов в контексте учения арга билиг // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4. – С. 375–376.

Доде З.В. К вопросу о боктаг // РА. – 2008. – № 4. – С. 52–63.

Дробушевский А.И., Нечаева Г.Г. Ромбы целинные и засеянные. Геометрический чин знаков в археологических и этнографических памятниках // Деснинские древности V. – Брянск: [б.и.], 2008. – С. 24–33.

Жолдошев К.Ж. Кичи Алай өрөөнүндөгү соңку түрк жана монгол доорлорунун археологиялык эстеликтери [Археологические памятники позднетюркского и монгольского периодов в долине Кичи Алая] // Науч. тр. ЮО НАН КР. – Ош: Илим, 2003. – Вып. 3. – С. 227–232 (на кырг. яз.).

История монголов Инока Магакии XIII века. Перевод и объяснения К.П. Паткапова. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1871. – 107 с.

Карпини И.П., Рубрук В. История монголов // Путешествия в восточные страны. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1911. – 232 с.

Лхагвасурэн Хоголбоон. Средневековые погребения монголов (XII–XIII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994. – 24 с.

Макласова Л.Э. Анализ женского головного убора из погребения № 10 Новопавловского могильника // Тр. VI (XXII) Всерос. археол. съезда в Самаре. – Самара: Изд-во Самар. гос. соц.-пед. ун-та, 2020. – Т. 3. – С. 26–28.

---

* Данный тип был выделен А.С. Пилипенко на основе бокк, обнаруженных в погребениях, и других археологических материалов из Тянь-Шаня и Монголии [Пилипенко, 2007, с. 129–133].

Миронова Е.А. Исследование древних знаков единого Евразийского культа в рамках новой науки – знаковедение (расшифровка знака «ромб с точкой») // Казачество. Актуальные вопр. ист. наук. – 2003. – № 67. – С. 58–73.

Мыськов Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // РА. – 1995. – № 2. – С. 36–43.

Окладников А.П. Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки на скале у подножья горы Богдо-Уулла // Монгольский археол. сб. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 68–74.

Орозбекова Ж., Акматов А.К. Женские головные уборы у населения Тянь-Шаня в монгольскую эпоху // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2016. – Т. 15. – № 5: Археология и этнография. – С. 174–186.

Охонько Н.А. Могильник монгольского времени у г. Новопавловска Ставропольского края // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. – 2010. – Вып. 1. – С. 88–96.

Пилипенко А.С. К вопросу о выделении монголо-тяньшаньской разновидности женского головного убора средневековых монголов «бокка» // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – С. 129–133.

Плетнева Л.М. Лазурит в составе украшений из памятников басандайской культуры // Народы и религии Евразии. – 2019. – № 3. – С. 34–58.

Поздняков Д.В., Пилипенко С.А., Орозбекова Ж., Швец О.Л., Понедельченко Л.О., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Женский головной убор монгольского времени из Верхнего Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – № 4. – С. 74–82.

Рыбаков Б.А. Происхождение и семантика ромбического орнамента // Музей народного искусства и художественные промыслы. – М.: Изобразительное искусство, 1972. – Вып. 5. – С. 127–134.

Си Ю Цзы, или описание путешествия на Запад даосского монаха Чан Чуня // Пустыня Татарии: Альманах «Арабески истории». – М.: ДИДИК, 1995. – Вып. 2. – С. 280–379.

Табалдиев К.Ш. Отчет об археологических работах в Ат-Башинском, Тянь-Шанском, Кочкорском районах Нарынской области в 1990 г. – Бишкек, 1991. – Ч. 1. – 180 с.

Табалдиев К.Ш. Эволюция погребального обряда кочевников Внутреннего Тянь-Шаня в средние века: дис. ... канд. ист. наук. Прил. к дис. – Новосибирск: 1994. – 347 с.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.

Хрипунов Н.В. Одежда знати Великой империи монголов в 1207–1266 гг. // Золотоордынская цивилизация. – Казань: Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2012. – С. 363–393.

Эрдэнэбат У. Дундад зууны нүүдэлчдийн хувцас өмсгөл [Одежда средневековых кочевников] // Талын морьтон дайчдын өв соёл. VII–XIV зууны Монголын хадны оршуулгын [Наследие и культура степных конных воинов. Монгольское каменное погребальное сооружение VII–XIV веков]. – Улаанбаатар, 2014. – Х. 123–128 (на монг. яз.).

Ямилова Р.Р. Головные уборы кочевников Золотой Орды // Изв. Рос. гос. пед. ун-та. – 2009. – Вып. 89. – С. 118–124.

Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š. Ausgrabungen auf dem Gräber feld von Sütüü-Bulak, Raj. Kočkorka, Kyrgyzstan // Eurasia Antiqua. – 1997. – Bd. 3. – S. 513–570.

References

Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š. Ausgrabungen auf dem Gräber feld von Sütüü-Bulak, Raj. Kočkorka, Kyrgyzstan. *Eurasia Antiqua*. 1997. Bd. 3. P. 513–570.

Ambroz A.K. Rannezemledel'cheskii kul'tovyi simvol («romb s kryuchkami»). *Sovetskaya arkheologiya*. 1965. No. 3. P. 14–27. (In Russ.).

Bibikova V.I. O proiskhozhdenii mezinskogo paleoliticheskogo ornamenta. *Sovetskaya arkheologiya*. 1965. No. 1. P. 3–8. (In Russ.).

Dode Z.V. K voprosu o boktag. *Rossiiskaya arkheologiya*. 2008. No. 4. P. 52–63. (In Russ.).

Drobushevskii A.I., Nechaeva G.G. Romby tselinnye i zaseyannye. Geometricheskii chin znakov v arkheologicheskikh i etnograficheskikh pamyatnikakh. In *Desninskie drevnosti V.* Bryansk: [s.n.], 2008. P. 24–33. (In Russ.).

Erdenebat U. Dundad zuuny nyγdelchidiin khuvtsas өmsgөl. In *Talyn mor'ton daichdyn өv soel. VII–XIV zuuny Mongolyn khadny orshuulgyn khereglegdekhγγn*. Ulaanbaatar, 2014. P. 123–128. (In Mong.).

Gantulga D. Tsvetovaya, chislovaya i obraznaya simvolika mongolov v kontekste ucheniya arga bilig. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2011. No. 4. P. 375–376. (In Russ.).

Istoriya mongolov Inoka Magakii XIII veka. Perevod i ob"yasneniya K.P. Patkapova. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1871. 107 p. (In Russ.).

Karpini I.P., Rubruk V. Istoriya mongolov. In *Puteshestviya v vostochnye strany*. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ., 1911. 232 p. (In Russ.).

Khripunov N.V. Odezhda znati Velikoi imperii mongolov v 1207–1266 gg. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*. Kazan: Institut istorii AS RT, 2012. P. 363–393. (In Russ.).

Lkhagvasuren Khogolboon. Srednevekovye pogrebeniya mongolov (XII–XIII vv.): cand. sc. (history) dissertation abstract. Moscow, 1994. 24 p. (In Russ.).

Maklasova L.E. Analiz zhenskogo golovnogo ubora iz pogrebeniya No. 10 Novopavlovskogo mogil'nika. In *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare.* Samara: Samara State Pedagog Univ. Press, 2020. Vol. 3. P. 26–28. (In Russ.).

Mironova E.A. Issledovanie drevnikh znakov edinogo Evraziiskogo kul'ta v ramkakh novoi nauki – znakovedenie (rasshifrovka znaka «romb s tochkoi»). *Kazachestvo. Aktual'nye voprosy istoricheskikh nauk,* 2003. No. 67. P. 58–73. (In Russ.).

Myskov E.P. O nekotorykh tipakh golovnykh uborov naseleniya Zolotoi Ordy. *Rossiiskaya arkheologiya*. 1995. No. 2. P. 36–43. (In Russ.).

Okhonko N.A. Mogil'nik mongol'skogo vremeni u g. Novopavlovska Stavropol'skogo kraya. *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii*. 2010. Iss. 1. P. 86–96. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Drevnemongol'skii portret, nadpisi i risunki na skale u podnozh'ya gory Bogdo-Uulla. In *Mongol'skii arkheologicheskii sbornik*. Moscow: AS USSR Press, 1962. P. 68–74. (In Russ.).

Orozbekova Zh., Akmatov A.K. Female headwear of Tien Shan population in the Mongol epoch. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2016. Vol. 15. No. 5: Archeology and ethnography. P. 174–186. (In Russ.).

Pilipenko A.S. K voprosu o vydelenii mongolo-tyan'-shan'skoi raznovidnosti zhenskogo golovnogo ubora srednevekovykh mongolov «bokka». In *Altae-Sayanskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2007. P. 129–133. (In Russ.).

Pletneva L.M. Lazurit v sostave ukrashenii iz pamyatnikov basandaiskoi kul'tury. *Narody i religii Evrazii*, 2019. No. 3. P. 34–58. (In Russ.).

Pozdnyakov D.V., Pilipenko S.A., Orozbekova Zh., Shvets O.L., Ponedelchenko L.O., Marchenko Z.V., Grishin A.E. A Mongolian era female headdress from the Upper Ob Basin. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018. Vol. 46. Iss. 4. P. 74–82. doi:10.17746/1563-0102.2018.46.4.074-082

Rybakov B.A. Proiskhozhdenie i semantika rombicheskogo ornamenta. In *Muzei narodnogo iskusstva i khudozhestvennye promysly*. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1972. P. 127–134. (In Russ.).

Si Yu Tszy, ili opisanie puteshestviya na Zapad daosskogo monakha Chan Chunya. In *Pustynya Tatarii: Al'manakh «Arabeski istorii»*. Moscow: DIDIK. 1995. Iss. 2. P. 280–379. (In Russ.).

Tabaldiev K.Sh. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v At-Bashinskom, Tyan'-Shanskom, Kochkorskom raionakh Narynskoi oblasti v 1990 g. Bishkek, 1991. Pt. 1. 180 p. (In Russ.).

Tabaldiev K.Sh. Evolyutsiya pogrebal'nogo obryada kochevnikov Vnutrennego Tyan'-Shanya v srednie veka: cand. sc. (history) dissertation. Prilozhenie k diss. Novosibirsk, 1994. 347 p. (In Russ.).

Tabaldiev K.Sh. Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tyan'-Shanya. Bishkek: Aibek, 1996. 256 p. (In Russ.).

Yamilova R.R. Golovnye ubory kochevnikov Zolotoi Ordy. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* St. Petersburg. 2009. Iss. 89. P. 118–124. (In Russ.).

Zholdoshev K.Zh. Kichi Alai oroonundogu sonku turk zhana mongol doorlorunun arkheologiyalyk estelikteri. In *Nauchnye trudy Yuzhnogo otdeleniya NAS KR*. Osh: Ilim, 2003. Iss. 3. P. 227–232. (In Kyrg.).

Орозбекова Ж. https://orcid.org/0000-0002-1509-173X

Дата сдачи рукописи: 22.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0665-0668
УДК 904

Д.В. Папин[1]✉, С.М. Ситников[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]АНО «Алтайское археологическое общество»
Барнаул, Россия
E-mail: papindv@mail.ru

Новые находки бронзовых серпов периода поздней бронзы из степного Алтая

С территории степного Алтая происходит серия находок специфичных бронзовых археологических предметов, интерпретируемых как серпы. Эти предметы являются важными маркерами для реконструкции системы жизнеобеспечения эпохи поздней бронзы. В настоящее время установлено, что данные изделия локализуются в пределах Кулундинской равнины и в культурном плане связаны с материалами поселенческих комплексов саргаринско-алексеевских и бурлинского типа памятников древностей. В работе рассматривается находка бронзового серпа из Хабарского р-на Алтайского края с поселения Бурла I. Предмет относится к типу дербеденевских бронзовых серпов, которые характеризуются выгнутым обухом, прямым лезвием и крюком на пятке. Морфолого-типологические аналогии подобного рода артефактам широко известны из металлургических центров и областей Урала, Казахстана, Причерноморья и Поволжья, они выделяются очень широким и слабо изогнутым лезвием, имеют асимметричную спинку, переход к крюку выделен слабым скосом или уступом. По мнению большинства исследователей, данный тип бронзовых изделий является неотъемлемой частью металлокомплекса «культур валиковой керамики» (по Е.Н. Черных), для степного Алтая находки серпов сопровождаются саргаринско-алексеевской и бегазы-дандыбаевской керамикой. Установлено, что дата их появления соотносится со временем бытования бурлинского типа памятников, не позднее XV–XIII вв. до н.э. региона с общностями более западных территорий, что проявлялось в единстве бронзового металлокомплекса, а в комплексах ирменской культуры лесостепного Алтая такие находки неизвестны.

Ключевые слова: *степной Алтай, бронзовый серп, поздняя бронза, саргаринско-алексеевская культура.*

D.V. Papin[1]✉, S.M. Sitnikov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Altai Archaeological Society
Barnaul, Russia
E-mail: papindv@mail.ru

New finds of bronze sickles of the Late Bronze Age from the Altai steppe

A series of finds of specific bronze archaeological objects interpreted as sickles has been reported from the territory of the steppe Altai; these objects are important markers for the reconstruction of the subsistence strategy. At present, it has been established that these items are localized within the Kulunda Plain and are culturally associated with the materials of the settlement complexes of the Sargarinsko-Alekseevsky and Begazy-Dandybaevsky cultures. The paper describes the find of a bronze sickle from the settlement of Burla I in the Khabarsky District of the Altai Province. The object belongs to the type of Derbedenevsky bronze sickles, which are characterized by a curved back, a straight blade and a hook on the heel. Morphological and typological parallels of such artifacts are widely known from metallurgical centers and regions of the Urals, Kazakhstan, the North Pontic and the Volga region, they are distinguished by a wide and slightly curved blade, an asymmetrical back, and the transition to the hook is represented by a slight bevel or ledge. Many researchers consider this type of bronze products as an integral part of the metal complex of «roller ceramics cultures» (according to E.N. Chernykh); finds of such sickles are associated with the Sargary-Alekseevskaya and Begazy-Dandybaevskaya ceramics in the steppe Altai. The time of emergence of the objects of this type is related to the time of existence of the «sites of the Burlin type» no later than the 15th–13th centuries. BC. The presented sickles indicate the constant interrelations between the population of the region and the tribes from western regions, which was manifested in the unity of the bronze metal complex; such finds have not been recorded in the complexes of the Irmen culture of the forest-steppe Altai.

Keywords: *steppe Altai, bronze sickle, Late Bronze Age, Sargarinsko-Alekseevskaya culture.*

Введение

Финал бронзового века Алтая – это один из наиболее ярких периодов металлургии и металлообработки эпохи бронзы, когда бронзолитейное производство достигло своего расцвета. Значительно увеличивается количество находок бронзовых изделий, фиксируются следы специализированных металлургических производственных участков на археологических объектах. На Рудном Алтае существовали поселения, специализировавшиеся на добыче руды и ее переработке, минеральная база Алтая становится ресурсным центром не только для окружающих территорий, но и для удаленных регионов. Такой качественный рост, по всей видимости, сопровождался прогрессом технологических приемов металлообработки, что позволяло изготавливать новые категории бронзовых изделий. К этому времени относится коллекция находок специфичных бронзовых археологических предметов, интерпретируемых как серпы, происходящая из степного Алтая. Данные изделия локализуются в пределах Кулундинской равнины и в культурном плане связаны с материалами поселенческих комплексов саргаринско-алексеевских и бегазы-дандыбаевских древностей.

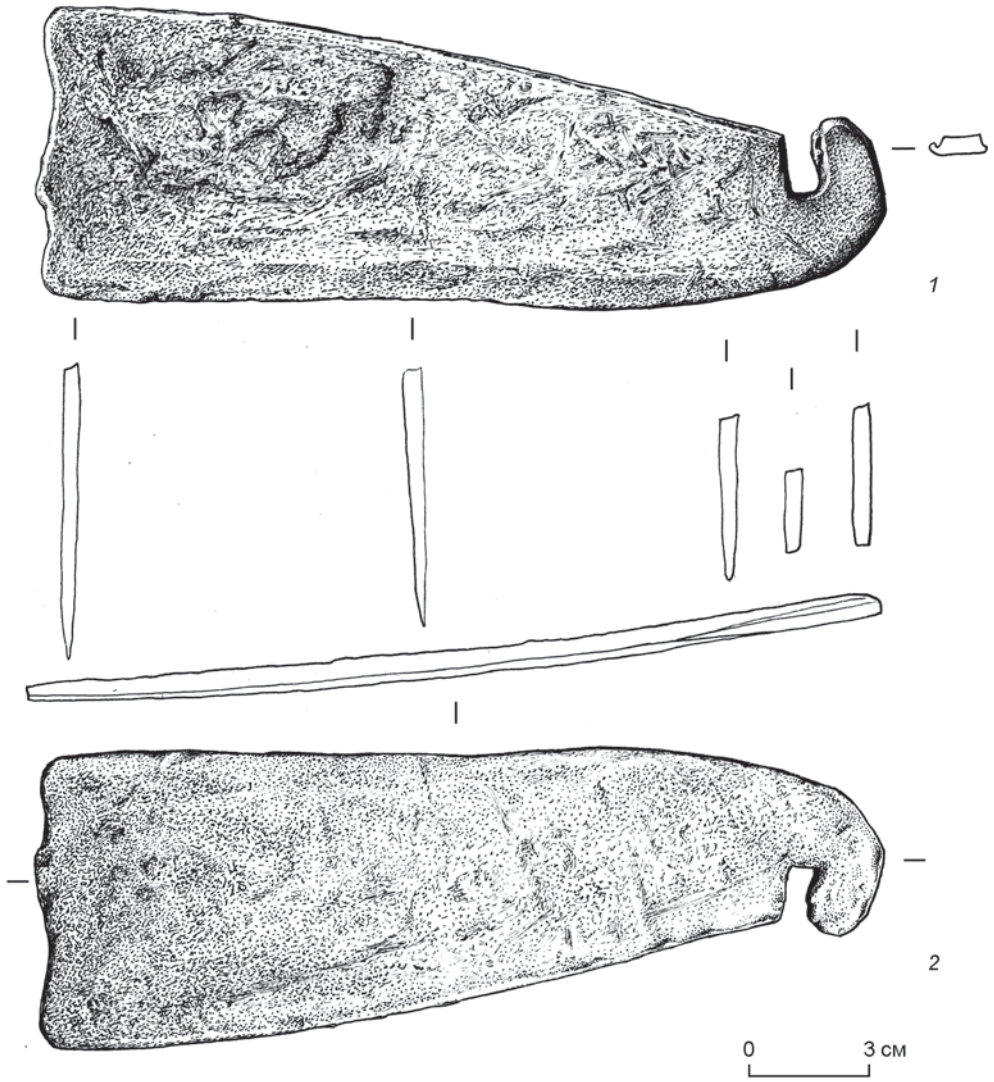
Описание

В окрестностях с. Хабары Хабарского р-на Алтайского края на ограниченном участке р. Бурла выделяется куст поселений эпохи поздней бронзы (Бурла I, III, Кайгородка III, Переезд, Гридино). Причины столь высокой концентрации объектов одного хронологического периода на ограниченной территории до настоящего времени не объяснены. Все поселения были обследованы в разные годы В.С. Удодовым, в т.ч. проведены археологические раскопки, позволившие ему отнести их к т.н. бурлинскому типу памятников эпохи поздней бронзы [Удодов, 1994]. К сожалению, объекты активно подвергаются антропогенному воздействию, что ведет к разрушению культурного слоя. Вследствие этого, одному из авторов статьи поступила находка обломка бронзового серпа, локализация его происхождения позволила установить, что он был обнаружен на поселение Бурла I.

Изделие (см. *рисунок*, *1*, *2*) имеет широкое и массивное лезвие подтреугольного сечения клином. Лезвие прямое, с односторонней заточкой, переход к крюку выделен уступом под прямым углом, обух дуговидный. Сохранившаяся часть серпа имеет длину по центральной оси 20,5 см, максимальная ширина – 6,8 см, толщина обуха – 0,5 см, длина крюка – 2,7 см. Серп с вогнутой стороны покрыт зеленой патиной с отпечатками органики, вдоль лезвия отмечены следы проковки (см. *рисунок*, *1*), выгнутая сторона покрыта более светлой зеленой патиной, следов зазубрин лезвие не имеет (см. *рисунок*, *2*). Отметим, что по своим морфологическим признакам данное изделие практически аналогично серпу, найденному при раскопках поселения Бурла III. Отличие заключается в том, что наш предмет при тех же типологических характеристиках обладает более крупными размерами (длина сохранившейся части у серпа из Бурлы I – 20,5 см, а у серпа из Бурлы III общая длина серпа по продольной оси составляет 25 см) [Фролов и др., 2020].

По своему описанию представленный серп относится к «дербеденевскому типу», название закрепилось в археологической литературе благодаря Дербеденевскому кладу [Кузьминых, 1981, с. 64]. В связи с тем, что недавно были подробно рассмотрены морфолого-типологические характеристики подобных изделий, происходящих с территории Кулундинской степи [Фролов и др., 2020], остановимся на вопросе времени бытования серпов и их археологическом контексте.

В рассматриваемом регионе подобные находки локализуются в пределах центральной и южной частей Кулундинской равнины. Три целых изделия представлены случайными находками из с. Корболиха Третьяковского р-на, из с. Романово Романовского р-на и из раскопок поселения Бурла III; обломки серпов происходят из раскопок поселений Гилево-2, Советский Путь-1, Чекановский Лог-1, Рублево VI [Грушин и др., 2009; Фролов и др., 2020]. Все перечисленные объекты относятся к саргаринско-алексеевской культуре степного Алтая, исключением является поселение Бурла III, выделяющееся высоким уровнем керамики, изготовленной на гончарном круге и отнесенное В.С. Удодовым к «бурлинскому типу памятников» [Удодов, 1994]. Важно отметить, что саргаринско-алексеевская культура на всем пространстве региона демонстрирует устойчивость керамических форм сосудов, орнаментации и типов металлокомплекса, что позволяет предположить, что серпы «дербеденевского типа» на Алтае связаны с данной культурной традицией и, соответственно, ограничены временем ее существования. И действительно, если мы обратимся к предметному комплексу предшествующей андроновской культуры, то в ней неизвестны подобные изделия, неизвестны они также среди материалов донгальского этапа, завершающего бронзовый век в степном Алтае. В настоящее время корпус радиоуглеродных дат достаточно слабо обеспечивает период поздней бронзы степного Алтая, отметим только, что наиболее полная серия происходит с поселения Рублево VI, которое надежно атрибутируется комплексом находок (прежде всего, керамикой) саргаринско-алексеевской культуры. Датировались образцы угля, кости травоядных и прослои сажи, что позволило получить некалиброванные значения в промежутке 1 120 ± ± 90–865 ± 50 гг. до н.э. (СОАН-4986–4990). Другая серия дат получена для «бурлинского типа памятников», поселение Кайгородка III по углю из хозяйственной ямы относится к 1 370 ± 30 г. до н.э. (СОАН-2693),

Бронзовый серп. Случайная находка. Поселение Бурла I.

а материалы поселения Бурла III по костным образцам показали 1 159 ± 30 г. до н.э. (UBA-24078) и 1 269 ± ± 31 г. до н.э. (UBA-24079) [Папин, 2015].

Две представленные серии показывают, что памятники «бурлинского типа» демонстрируют более раннюю позицию по отношению к саргаринско-алексеевским, причем калиброванные значения по 2σ удревняют их до XV–XIII вв. до н.э., что значительно отличается от наших представлений о хронологии саргаринско-алексеевской культуры.

Обсуждение результатов и выводы

Рассматривая данный тип серпов в системе металлокомплексов культур периода поздней бронзы степной полосы северной Евразии, необходимо отметить, что по своим морфолого-типологическим характеристикам они находят широкие аналогии на территории от Причерноморья до Алтая в памятниках второй половины II тыс. до н.э. С.В. Кузьминых датирует их XIII в. до н.э., синхронизируя со срубными памятниками, где такие изделия определяются сабатиновским временем, XIV–XIII (XII) вв. до н.э. [1981, с. 64]. Они представлены в материалах сабатиновских, саргаринско-алексеевских, черкаскульских и замараевских древностей [Кузьмина, 1966, с. 54–57, 60, 64; 1967; Гришин, 1971, табл. 9, *3*; Аванесова, 1991; Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 88, 99; Ситников, 2015, с. 49; Черников, 1960; Самашев, Ермолаева, Кущ, 2008], что собственно и соответствует общности культур валиковой керамики по Е.Н. Черных [1983]. Появление в степном Алтае бронзовых серпов «дербеденевского типа» необходимо связать с миграцией населения с более западных территорий в постандроновское время, по всей видимости, самое ранее проявление связано с проблематикой «бурлинского типа памятников» XV–XIII вв. до н.э., но наибольшее распространение происходит позже, в среде саргаринско-алексеевской культуры. При этом необходимо отметить, что находки подобных серпов в комплексах синхронной ирмен-

ской культуры лесостепного Алтая, на правобережье Оби, неизвестны [Грушин и др., 2009]. Таким образом, рассмотренный тип серпов является индикатором миграции «саргаринско-алексеевского» населения из районов центрального Казахстана в степной Алтай в период поздней бронзы.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. – Ташкент: Фан, 1991. – 200 с.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. – М.: Наука, 1971. – 110 с.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – 160 с.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. – Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. – 348 с.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. – М.: Наука, 1966. – 150 с.

Кузьмина Е.Е. Клад из с. Предгорное и вопрос о связях населения евразийских степей в конце эпохи бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. – Киев: Наукова думка, – 1967. – С. 214–216.

Кузьминых С.В. Металлообработка срубных племен Закамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. – Казань: Ин-т языка, литературы и истории, 1981. – С. 41–70.

Папин Д.В. Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Вестн. Кем. гос. ун-та. – 2015. – № 2–6 (62). – С. 135–138.

Самашев З., Ермолаева А., Кущ Г. Древние сокровища Казахского Алтая. – Алматы: Онер, 2008. – 200 с.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. пед. ун-та, 2015. – 254 с.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – 21 с.

Фролов Я.В., Тишкин А.А., Папин Д.В., Удодов В.С. Бронзовые серпы с крюком из Кулундинской степи: комплексная характеристика и рентгенофлюресцентный анализ. // Теория и практика археологических исследований. – 2020. – Т. 31, № 3. – С. 172–180.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 272 с.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Баш. гос. ун-та, 1983. – С. 81–99.

References

Avanesova N.A. Kul'tura pastusheskih piemen epohi bronzy aziatskoj chasti USSR. Tashkent: Fan, 1991. 200 p. (In Russ.).

Chernikov S.S. Vostochnyj Kazahstan v epohu bronzy. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1960. 272 p. (In Russ.).

Chernyh E.N. Problema obshhnosti kul'tur valikovoj keramiki v stepjah Evrazii In *Bronzovyj vek stepnoj polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ja.* Cheljabinsk: Bashkir State Univ. Press, 1983. P. 81–99. (In Russ.).

Dergachev V.A., Bochkarev V.S. Metallicheskie serpy pozdnej bronzy Vostochnoj Evrop. Kishinev: Vysshaya antropologicheskaya shkola, 2002. 348 p. (In Russ.).

Frolov Y.V., Tishkin A.A., Papin D.V., Udodov V.S. Bronze Sickles with a Hook from the Kulundinskaya Steppe: Complex Characterization and X-Ray Fluorescence Analysis. *Theory and Practice of Archaeological Research,* 2020. Vol. 31, No. 3. P. 172–180. (In Russ.). doi:10.14258/tpai(2020)3(31).-13

Grishin Y.S. Metallicheskie izdeliya Sibiri epohi eneolita i bronzy. Moscow: Nauka, 1971. 110 p. (In Russ.).

Grushin S.P., Papin D.V, Pozdnyakova O.A., Tyurina E.A., Fedoruk A.S., Havrin S.V Altaj v sisteme metallurgicheskih provincij eneolita i bronzovogo veka. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2009. 160 p. (In Russ.).

Kuzmina E.E. Metallicheskie izdeliya eneolita i bronzovogo veka Srednej Azii. Moscow: Nauka, 1966. 150 p. (In Russ.).

Kuzmina E.E. Klad iz s. Predgornoe i vopros o svyazyakh naseleniya evraziiskikh stepei v kontse epokhi bronzy. In Pamyatniki epokhi bronzy yuga Evropeiskoi chasti SSSR. Kiev: Naukova Dumka, 1967. P. 214–216. (In Russ.).

Kuzminyh S.V. Metalloobrabotka srubnyh plemen Zakam'ya. In *Ob istoricheskih pamyatnikah po dolinam Kamy i Beloj*. Kazan': In-t yazyka, literatury i istorii, 1981. P. 41–70. (In Russ.).

Papin D.V. Hronologija pamjatnikov jepohi pozdnej bronzy stepnogo i lesostepnogo Altaja. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2015. Vol. (62), No. 2–6. P. 135–138. (In Russ.).

Samashev Z., Ermolaeva A., Kushch G. Drevnie sokrovishcha Kazakhskogo Altaya. Almaty: Oner, 2008, 200 p. (In Russ.).

Sitnikov S.M. Kul'tura sargarinsko-alekseevskogo naseleniya lesostepnogo i stepnogo Altaya. Barnaul: Altai State Pedagog Univ. Press, 2015. 254 p. (In Russ.).

Udodov V.S. Jepoha razvitoj i pozdnej bronzy Kulundy: cand. sc. (history) dissertation abstract. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1994. 21 p. (In Russ.).

Папин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-2010-9092

Дата сдачи рукописи: 26.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0669-0676
УДК 902/904

Ю.А. Плотников[1]✉, Д.В. Черемисин[1], В.И. Молодин[1], Н. Батболд[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии АН МНР
Улан-Батор, Монголия
E-mail: kimak@mail.ru

«Валетное» изваяние древнетюркской эпохи из Северо-Западной Монголии

В коллекции древнетюркской каменной скульптуры Центрального музея Баян-Ульгийского аймака МНР содержится изваяние, обнаруженное монгольскими археологами на территории Цэнгэл сомона в местности под названием Хух-Булаг в комплексе с типичным древнетюркским поминальным сооружением: квадратной оградкой из вертикально поставленных плоских плит с рядом камней-балбалов с восточной стороны. Данное изваяние обращает на себя внимание весьма редкой особенностью – двумя головами на разных концах одной плиты. По сути, изделие представляет собой два изваяния, расположенные «валетом» на обоих концах одного каменного блока. В 1999 г. оно было опубликовано Д. Баяром и Д. Эрдэнэбаатаром в монографии «Каменные изваяния Монгольского Алтая» в довольно приблизительной прорисовке. По мнению авторов, древние ваятели начали делать одно изваяние, но, оставив его, сделали с другой стороны. Внимательное рассмотрение изваяния убеждает в их правоте. Безусловно, голова, работа над которой была начата первой, в процессе изготовления не закончена. Причиной явилась безнадежная порча лицевой части в процессе обработки. Вторая попытка оказалась более удачной, результатом чего явилось изваяние канонического для VII–VIII вв. облика с сосудом в одной руке, оружием и каптаргаком на наборном поясе. Предыдущее «валетообразное» изваяние было обнаружено в соседнем Убсунурском аймаке Ю.С. Худяковым в 1987 г. В данном случае голова, высеченная первой, очевидных следов производственного брака не имеет, но поскольку голова «верхнего», полностью готового изваяния была отбита, причина обработки плиты с другого конца остается неясной. Возможно, между ними существовал хронологический разрыв. Впрочем, нельзя полностью исключить и какой-то семантический смысл, предопределявший создание именно «валетообразных» фигур.

Ключевые слова: *Монголия, Алтай, древнетюркские каменные изваяния, каптаргак.*

Y.A. Plotnikov[1]✉, D.V. Cheremisin[1], V.I. Molodin[1], D. Batbold[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology MAS
Ulaanbaatar, Mongolia
E-mail: kimak@mail.ru

The “Jack of Cards” Ancient Turkic Sculpture from North-Western Mongolia

Among the ancient Turkic sculptures presented in the Central Museum of Bayan-Ulga aymak of Mongolia, there is a particular sculpture discovered by Mongolian archeologists in Tsengel somon (Khooh-Bulag territory). It was part of a typical ancient Turkic memorial structure: a rectangular enclosure from flat vertical slabs and a line of balbal stones from the eastern side. This sculpture is notable due to a very particular feature: having two heads on the opposite ends of one slab. Essentially, it is two sculptures carved from one slab of stone, much like a jack of cards. In 1999, D. Bayar and D. Erdenebaatar have published a rather approximate sketch of this statue in “Stone Sculptures of Mongolian Altay”. According to the authors, the sculptors had begun carving one statue, abandoned it and carved a new image on the opposite end. A closer look at the statue confirms this assumption: the head, which was carved first remained unfinished. The most likely cause is the irreparable damage to the statue’s face at the early stages of carving. The second attempt proved to be more successful, resulting in a canonical 7th-8th centuries sculpture with a drinking vessel, a weapon, and a kaptargak on the belt. The only other similar sculpture was found in the neighboring Ubsunur aymak by Y.S. Khudyakov in 1987. In that case, the unfinished head at the abandoned end of the slab shows no signs of damage.

However, as the head of the fully-finished sculpture on the other end is missing, the exact reason for carving the slab from the other end is unclear. One possible explanation is a chronological gap between the sculptures carved from the different ends of the slab. At the same time, one cannot rule out the possibility of ancient Turkic "jacks of cards" serving some semantic purpose.

Keywords: *Mongolia, Altai, ancient Turkic stone sculpture, kaptargak.*

В экспозиции Центрального музея Баян-Ульгийского аймака МНР открыто к обозрению древнетюркское каменное изваяние весьма редкого облика – с двумя головами на разных концах одной плиты.

Изваяние было обнаружено в 1989 г. примерно в 6 км от центра Цэнгэл сомона после переправы через р. Харганатын-гол в местности под названием Хух-Булаг в комплексе с типичным древнетюркским поминальным сооружением: квадратной оградкой размерами 2,5 × 2,5 м из вертикально поставленных сланцевых плит, по 3-4 с каждой стороны, с забутовкой из камней внутри. С восточной стороны оградки по азимуту 84° на расстоянии 30 м установлены восемь камней-балбалов. На имеющейся в нашем распоряжении фотографии изваяние установлено вертикально в центре оградки, будучи подперто по сторонам крупными камнями (рис. 1, *1*), поэтому, надо думать, это не первоначальное место его размещения, т.к. обычно изваяния устанавливались с восточной стороны оградки и, как правило, вкапывались в землю. Тем не менее в таком положении оно пробыло довольно долго, поскольку голова его изрядно забелена местной орнитофауной.

В 1999 г. изваяние было опубликовано в монографии «Каменные изваяния Монгольского Алтая» (рис. 1, *2*) в числе других 90 известных к тому времени изваяний Баян-Ульгийского аймака [Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999, с. 136, 162, рис. 73]. Впоследствии оно было доставлено в г. Баян-Ульги, где пополнило богатую коллекцию древнетюркских изваяний аймачного музея, которая начиная с 2017 г. неоднократно осматривалась участниками Российско-монгольской экспедиции.

Изваяние из Цэнгэл сомона высечено из зеленовато-серого сланца, сильно подвергнутого выветриванию, местами верхний слой отслаивается. Монолит по всей длине пронизан продольными трещинами различной глубины, что, по-видимому, сыграло решающую роль в судьбе задуманной скульптуры. Высота изваяния 117 см, ширина 30–35 см, толщина 10–20 см (рис. 2, 3). По сути дела, данное изделие представляет собой два изваяния, расположенные «валетом» на обоих концах одного каменного блока. Как считают авторы первой публикации, «похоже, начали одно и, оставив его, сделали с другой стороны» [Там же, с. 136]. Внимательное рассмотрение изваяния убеждает в их полной правоте. Безусловно, голова, которую мы далее будем именовать «нижней», в процессе изготовления не закончена.

На начальном этапе работы из монолита были высечены широкие плечи и более узкая голова, причем при выделке формы головы были оставлены рельефные заготовки для ушей (весьма распространенный прием в древнетюркском каменотесном промысле, отмеченный еще Л.А. Евтюховой [1952, с. 113]). Судя по тому, что они так и остались выпуклостями неправильной округлой формы, не имеющими никаких признаков дальнейшей обработки, чудовищные сколы в лицевой части, скорее всего, являются не следами разнузданного вандализма, а производственным браком при неудачной попытке моделирования физиогномических деталей на трещиноватом материале.

Как совершенно обоснованно писал Я.А. Шер, «техника изображения может зависеть от целого ряда разных, подчас случайных условий. Например, разная фактура камня предполагает применение различных технических приемов. Степень совершенства используемого инструмента безусловно отразится на технике изготовления. Несомненно, при разном уровне мастерства одни ваятели пользовались одной, другие – другой техникой. Наконец, при прочих равных условиях разная плата за труд может определить разную степень тщательности в работе, что также проявится в технике изображения» [1966, с. 24].

Вероятно, в конкретном случае материальные возможности заказчика не позволили ему ни обеспечить нужного качества материал для работы, ни нанять исполнителя достаточной квалификации. На эту мысль наталкивает то обстоятельство, что после безнадежной порчи плиты с одной стороны заготовку не забросили безвозвратно, но была предпринята попытка высечь изваяние с другого конца, на этот раз более удачная.

Обработка «верхнего» изваяния, по-видимому, проходила в той же традиционной последовательности. После оформления общих контуров фигуры – плеч и головы практически тех же очертаний, что и «внизу», с рельефными выпуклостями заготовок ушей – под левым плечом «нижнего» изваяния был выбран объем, позволивший сформировать рельеф под сумочку-каптаргак «верхнего» изваяния. Правое плечо «верхнего» изваяния, по всей видимости, представляет собой слегка подработанный край каменного блока.

Голова округлой в плане формы, точно такой же, как и «внизу», отделена от туловища углубленной линией, формирующей выступ округлого подбородка и, возможно, демонстрирующей вырез верхней распашной одежды, открывающей шею и часть груди. Головного убора нет. Сложно предположить, при каких обстоятельствах появился крупный скол в теменной части: совпадает ли он по времени с изготовлением

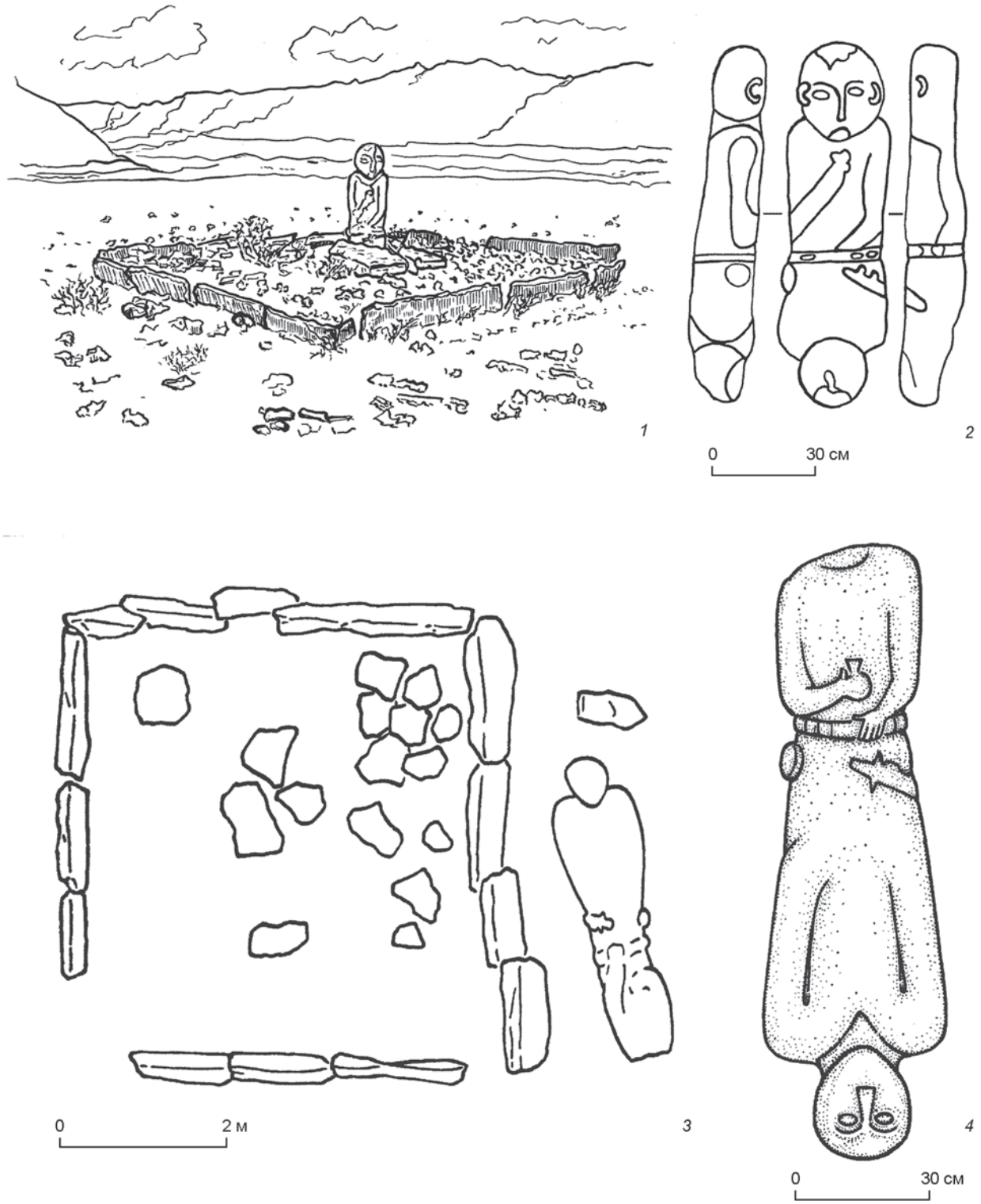

Рис. 1. Комплексы с «валетными» изваяниями Северо-Западной Монголии.

1 – оградка с изваянием в местности Хух-Булаг Цэнгэл сомона (*прорисовка Ю.А. Плотникова*); *2* – изваяние из Хух-Булага (по: [Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999, рис. 73]); *3* – Булган-Хангай, оградка с изваянием; *4* – изваяние из Булган-Хангая (по: [Худяков, Плотников, 1990, рис. 5, *1*, *2*, *6*]).

Рис. 2. Изваяние из местности Хух-Булаг Цэнгэл сомона. *Фото Д.В. Черемисина, 2024 г.*

фигуры или является более поздним приобретением. По сторонам головы выпукло выделены уши типичной для древнетюркских изваяний С-видной формы, без серег. Детали лица выполнены в низком рельефе выборкой материала по контуру. Прямой нос, расширяющийся книзу, дан одной фигурой с дугообразными бровями. Под бровями показаны глаза миндалевидной формы. Через левый глаз идет глубокая извилистая трещина, продолжающаяся через шею, грудь и сосуд на груди. По-видимому, она существовала уже во время изготовления изваяния, из-за чего левый угол этого глаза получился несколько ниже правого. Заглубление материала по контуру вокруг носа и глаз создает эффект выпуклых скул. Под носом выпуклой дугой показаны короткие, чуть ниже углов рта, импозантные усы и губы в форме приостренного овала с прочерченной между ними тонкой горизонтальной линией рта. Надо сказать, что авторы первой публикации этих деталей не отметили, и все, что ниже носа у них охарактеризовано как «маленький опущенный вниз рот» [Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999, с. 46, рис. 73].

Детали туловища также выполнены в низком рельефе выборкой материала по контуру. Применение именно этого технического приема лучше всего видно на левом боку изваяния, где выборка камня, с одной стороны под локтем, с другой – выше пояса сформировала отчетливую выпуклость между ними. Правая рука, с отслоением камня в локтевой зоне, согнутая в локте под 45°, касается кончиками пальцев боковины сосуда, изображенного на груди. Сосуды удлиненной

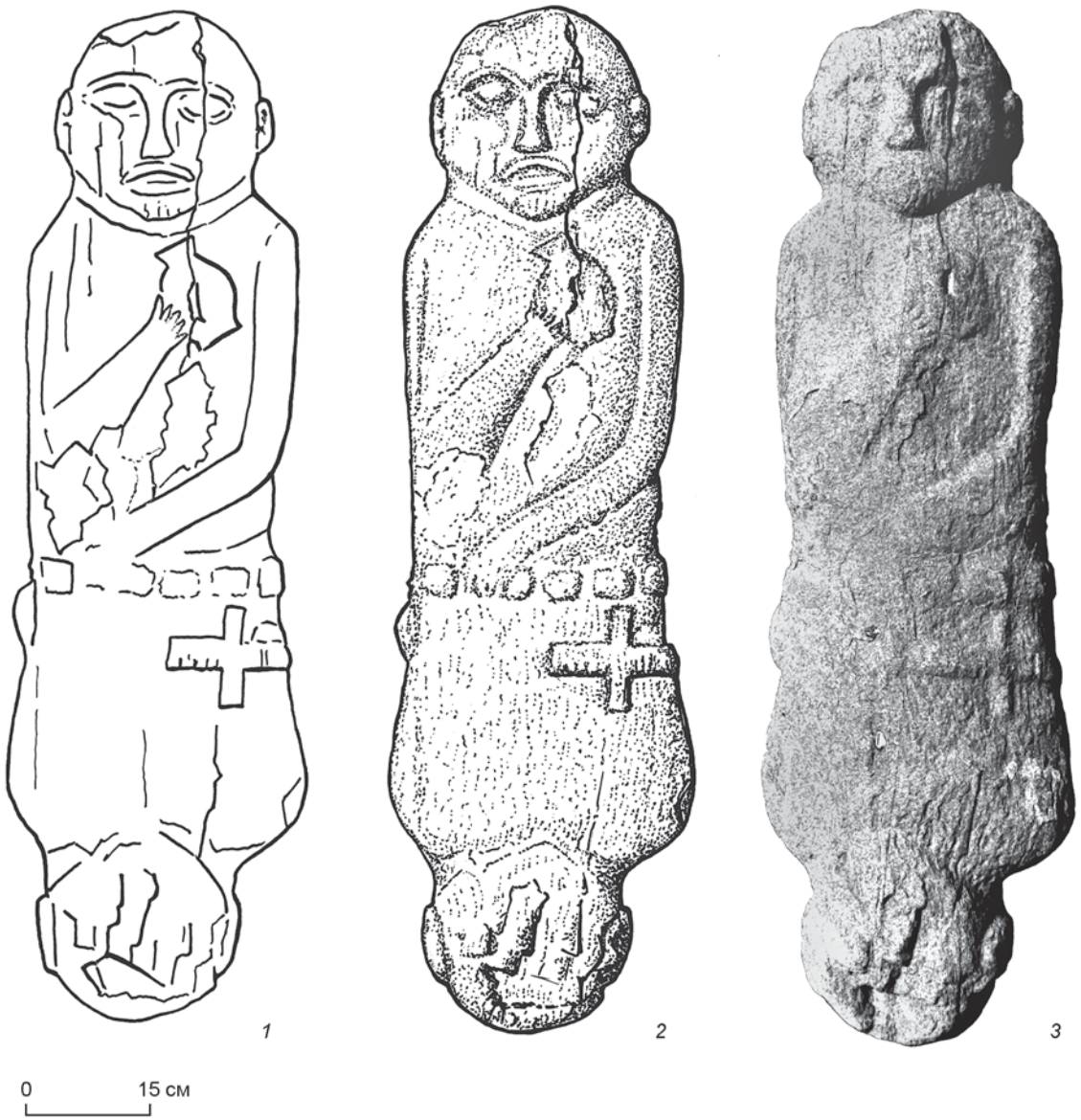

Рис. 3. Прорисовки изваяния из Хух-Булага.
1 – традиционная контурная; *2* – традиционная ретушированная; *3* – компьютерная обработка в программе Paint.NET.

формы с отогнутым венчиком и слегка расширенным плоским дном имеют реальные аналогии в весьма небогатом керамическом комплексе древних тюрок Алтая и Тувы [Кубарев Г.В., 2005, рис. 17]. Однако держать сосуд таким образом можно лишь при наличии у него ручки сбоку. Поэтому практически не вызывает сомнения, что местный ваятель в меру своих скромных способностей пытался передать широко распространенную в тюркском мире форму сосуда из драгоценных металлов с округлым туловом, отогнутым горлом, широким прямым поддоном и маленькой кольчатой ручкой сбоку (см.: [Киселев, 1951, табл. LII, рис. 4, 5; Кубарев В.Д., 1979, рис. 8; Кубарев Г.В., 2005, рис. 18, *2*, *5*]). Время бытования серебряных сосудов такого типа на территории Саяно-Алтая традиционно определяется VIII–X вв. [Савинов, 1984, табл. IV–V]. По мнению Г.В. Кубарева [2005, с. 70], некоторые из них могут быть отнесены и к VII в.

Левая рука, слегка согнутая в локте, должна была находиться на поясе, однако в результате отслоения материала кисть и ближайшие к ней бляшки пояса разрушены. Тем не менее удается рассмотреть «негативы» отслоившихся бляшек. Еще одна зона отслоения наблюдается между правой и левой руками ниже сосуда на животе. Пояс с частично отслоившимися квадратными бляшками продолжается на обоих боках скульптуры. На правом бедре к поясу подвешена выпуклая сумочка-каптаргак округлой формы. Ниже пояса параллельно ему изображен клинок

в ножнах без изгиба с прямой рукоятью и брусковидным перекрестием. Рукоять, судя по всему, снабжена «хватками» для пальцев. Роль навершия выполняет пятка рукояти. Ниже перекрестия вплотную к нему различим полукруглый выступ обоймы для подвешивания оружия к поясу. Реальный клинок может подвешиваться к поясу в наклонном или горизонтальном положении только посредством двух обойм, тем не менее, вторая обойма на данном изваянии не изображена. Вновь приходится констатировать неточность прорисовки в первой публикации (см. рис. 1, *2*), где нет перекрестия, но присутствуют две обоймы и значительно увеличен наклон оружия. Конец ножен находится на левом бедре.

По А.К. Амброзу, полукруглые выступы для подвешивания на ножнах мечей зафиксированы со второй половины VII в. [Амброз, 1986, с. 53], хотя, надо сказать, некоторые их разновидности прекрасно себя чувствуют и в IX в. В целом по характеру изображенных реалий изваяние из Хух-Булага может быть датировано в рамках VII–VIII вв.

Правомерно отмечая довольно однообразную иконографию древнетюркской скульптуры здешних мест, авторы монографии о каменных изваяниях Монгольского Алтая называют «отдельные очень интересно выполненные изваяния, отличающиеся своеобразием и по иконографии, и по конструкции выполнения», к числу которых наряду с такими настоящими произведениями камнерезного искусства, как памятник «Даян батора» и изваяние из Хар Ямаатын гола [Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999, с. 72–84; Кубарев, Цэвэндорж, 1995], причисляют и двухголовое изваяние из местности Хух-Булаг в Цэнгэл сомоне. «В связи с этим нужно сказать, что точно такое же изваяние было найдено раньше в Убсунурском аймаке, и в этой связи можно предположить, что изваяния с подобной конструкцией выполнения могут являться одним из местных особенностей Алтайских изваяний» [Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999, с. 94].

Упомянутое выше изваяние из Убсунурского аймака было обнаружено в 1987 г. Ю.С. Худяковым на памятнике Булган-Хангай. «Одиночная оградка с изваянием ... расположена на открытой равнине к западу от дороги Кыргыс – Малчин в 19 км от Кыргыс-сомона. Оградка квадратной формы из плит, с каменной наброской в центре, площадью 5 × 5 м, высотой 0,15 м, ориентирована сторонами по странам света.

С восточной стороны оградки на поверхности лежит изваяние, изготовленное из светлого розоватого гранита. Высота монолита 1,4 м. Это изваяние двойное. Нижняя часть, которая была зарыта в землю, более широкая. С этой стороны моделированы голова, шея, плечи, руки. Голова округлая, лоб низкий, брови полукруглые, глаза узкие, нос широкий, подбородок овальный. Шея показана нешироким желобком. Плечи прямые, широкие. Руки намечены чуть ниже локтей, слегка согнуты. Вероятно, это изваяние было изготовлено из монолита первым. Позднее тюрки использовали этот монолит вторично, сделав изваяние с его противоположной стороны. Голова у этого изваяния отбита. Моделированы руки и пояс. Правая рука согнута в локте. В ладони зажат кувшинчик с узким горлом. Левая рука слегка согнута в локте, ладонь на поясе. Пояс состоит из квадратных бляшек. На правом боку сумочка-каптаргак. На левом боку сабля в ножнах с двумя пластинчатыми обоймами. Полоса изогнута, перекрестие прямое, ладьевидное, сужающееся к концам. Рукоять прямая. Навершием служит пятка рукояти» [Худяков, Плотников, 1990, с. 117, рис. 5, *1*, *2*, *6*] (см. рис. 1, *3*).

Утрата «верхней» головы на скульптуре из Булган-Хангая не дает возможности сравнить изваяние с обоих концов. Является ли «нижнее» изваяние таким же незавершенным, как в Хух-Булаге, или его «простота» является хронологическим показателем?

В свое время авторы цитированной публикации испытывали осторожный оптимизм в отношении перспектив определения хронологии древнетюркской скульптуры в связи с открытием «двойных» изваяний, подобных памятнику из Булган-Хангая: «Верхняя часть скульптуры, несомненно, сделана позже нижней, однако насколько существенен хронологический разрыв во времени их создания, пока сказать трудно. Ясно только то, что более простые фигуры с минимумом реалий предшествовали каноническим изображениям с сосудом в одной руке, наборным поясом, саблей и каптаргаком» [Там же, с. 124].

Очевидных признаков откровенного брака «нижнее» изваяние из Булган-Хангая, на первый взгляд, не содержит. Могло ли по какой-то причине «нижнее» изваяние быть сочтено неудачным и оставлено? Например, забыли высечь заготовки для ушей, и заказчик принимать такую работу отказался? Или, быть может, планировался головной убор, задел для которого также оформляется на начальной стадии обработки вместе с общими контурами фигуры? И был ли вообще временной интервал между созданием «нижнего» и «верхнего» изваяний из Булган-Хангая? В Хух-Булаге, по всей видимости, он был минимален. Эти вопросы останутся без ответа, по крайней мере, до той поры, пока не будет обнаружена «верхняя» голова. В любом случае, все датирующие реалии изображены на «верхнем», лишившимся головы изваянии, и точно так же, как уже было отмечено для Хух-Булага, за пределы VII–VIII вв. не выходят. В целом оба «верхних» изваяния выглядят синхронными.

В этой связи в высшей степени любопытную параллель, хотя и предельно далекую хронологически и территориально, представляют оленные камни Северного Кавказа. В числе изученных Н.Л. Членовой [1984] памятников этого рода, датированных ею второй половиной – концом VII в. до н.э. и отнесенных к культуре киммерийцев, также имеются два «валетных» изваяния (из станицы Усть-Лабинской и Зубов-

ского хутора). В отличие от наших, данные памятники имеют с двух сторон одного монолита не только головы, но и полный набор причитающихся аксессуаров. Что характерно, в обоих случаях «верхняя» и «нижняя» части изваяний изготавливались в разное время. По наблюдениям исследовательницы, фигуры «нижней» части изваяния из ст. Усть-Лабинской [Там же, рис. 1, 2] были стерты и отчасти сдолблены при выбивании фигур «верхней» половины камня. «Дело в том, что первоначально камень был врыт, очевидно, описанной (нижней) половиной вверх. Но затем лицевая его часть сильно выветрилась и выкрошилась (видна глубокая выбоина, занимающая бóльшую часть этой половины камня), и камень пришел в негодность. Пришлось его выкопать и врыть другой половиной вверх, предварительно нанеся на нее новые изображения и сдолбив разрушенную часть. Вот почему верхняя половина камня тоньше нижней» [Там же, с. 10]. То же самое замечено для изваяния из Зубовского хутора: «Верхняя часть камня (более новая), изготовлена путем подтески нижней части; она более узкая, чем камень в середине...» [Там же, с. 12].

«Нет фактов явной хронологической разницы между верхними и нижними концами усть-лабинского и зубовского (в тексте ошибочно кызбурунского. – *Авт*.) камней. И верхнему и нижнему концам свойственны одни и те же изображения. Это вполне согласуется с наблюдением относительно техники нанесения изображений... Вероятнее всего, хронологическая разница между нижними и верхними концами этих камней невелика и не улавливается археологическими методами», – заключает Н.Л. Членова [Там же, с. 61].

Весьма похожая ситуация, как представляется, имеет место и в нашем случае. Если хронологическая близость, практически синхронность, «верхних» изваяний из Хух-Булага и Булган-Хангая сомнения не вызывает, то вычислить временной промежуток между их «нижними» и «верхними» частями в настоящее время не представляется возможным. Думается, однако, он тоже не очень велик.

Так или иначе, через тридцать с лишним лет после открытия феномена «валетных» изваяний древнетюркского времени становится ясно, что ни массовым, ни широко распространенным территориально это явление не было. Высказанный когда-то зачинателями темы [Худяков, Плотников, 1990] хронологический оптимизм улетучивается безвозвратно. Что же касается «местных особенностей алтайских изваяний», вполне возможно, что в данном случае мы имеем дело с продукцией локальной «школы» камнерезного дела или вообще плодами деятельности одного местно известного ваятеля. Не исключено, что по такому признаку, как манера удержания сосуда «на кончиках пальцев», к этой же «школе» можно отнести также изваяния 19, 20, 63, 65, 67, 71, 72, 87 из Баян-Ульгийского аймака, а по форме вислых усов еще и 40, 56 (см.: [Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999]). Впрочем, по не всегда точным прорисовкам без дополнительного исследования судить об этом преждевременно.

Вместе с тем думается, что оба изваяния из Северо-Западной Монголии могли иметь и какой-то особый семантический смысл, который предопределял создание именно «валетообразной» по облику фигуры. Что стоит за этим явлением, позволит понять углубленное изучение иконографии древнетюркских изваяний, которое постоянно ведется специалистами-тюркологами. Удачные примеры подобных исследований можно привести уже сегодня (см., напр.: [Кубарев Г.В., 2024]).

Список литературы

Амброз А.К. Кинжалы VI–VIII вв. с выступами на ножнах // СА. – 1986. – № 4. – С. 53–73.

Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д. Монгол Алтайн хүн чулуун хөшөө [Каменные изваяния Монгольского Алтая]. – Улан-Батор, 1999. – 165 с. (на монг. яз).

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы исследования по археологии Сибири. – М., 1952. – Т. 1. – С. 72–120. – (МИА; № 24).

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 643 с.

Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 135–160.

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д. Новые каменные изваяния Монгольского Алтая // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1995. – №. 1. – С. 92–100.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.

Кубарев Г.В. Каменные раннесредневековые изображения чужеземцев-иноплеменников на Алтае и в сопредельных регионах // VI Северный археологический конгресс: мат-лы докл. 9–11 октября 2024. – Сургут; Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2024. – С. 311–314.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1984. – 176 с.

Худяков Ю.С., Плотников Ю.А. Древнетюркские каменные изваяния в южной части Убсунурской котловины // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 111–125.

Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). – Новосибирск: Наука, 1984. – 100 с.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 140 с.

References

Ambroz A.K. Kinzhaly VI–VIII vv. s vystupami na nozhnakh. *Sovetskaya arkheologiya*, 1986. No. 4. P. 53–73. (In Russ.).

Bayar D., Erdenebaatar D. Mongol Altain khyn chuluun khөshөө [Stone Sculptures of Mongolian Altai]. Ulan-Bator, 1999. 165 p. (In Mong.).

Chlenova N.L. Olennye kamni kak istoricheskii istochnik (na primere olennykh kamnei Severnogo Kavkaza). Novosibirsk: Nauka, 1984. 100 p. (In Russ.).

Evtyukhova L.A. Kamennye izvayaniya Yuzhnoi Sibiri i Mongolii. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Sibiri*. Moscow, 1952. Vol. 1. P. 72–120. (In Russ.).

Khudyakov Y.S., Plotnikov Y.A. Drevnetyurkskie kamennye izvayaniya v yuzhnoi chasti Ubsunurskoi kotloviny. In *Arkheologicheskie, ehtnograficheskie i antropologicheskie issledovaniya v Mongolii.* Novosibirsk: Nauka, 1990. P. 111–125. (In Russ.).

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoi Sibiri. Moscow: AS USSR Publ., 1951. 643 p. (In Russ.).

Kubarev G.V. Kamennye rannesrednevekovye izobrazheniya chuzhezemtsev-inoplemennikov na Altae i v sopredel'nykh regionakh. In *VI Severnyi arkheologicheskii kongress. Materialy dokladov. 9–11 oktyabrya 2024*. Surgut. Ekaterinburg: Institut istorii i arkheologii UrB RAS Publ., 2024. P. 311–314. (In Russ.).

Kubarev G.V. Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov**).** Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005. 400 p. (In Russ.).

Kubarev V.D. Novye svedeniya o drevnetyurkskikh ogradkakh Vostochnogo Altaya. In *Novoe v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk: Nauka, 1979. P. 135–160. (In Russ.).

Kubarev V.D., Tsehvehndorzh D. Novye kamennye izvayaniya Mongol'skogo Altaya. *Izvestiya laboratorii arkheologii.* Gorno-Altaisk, 1995. No. 1. P. 92–100. (In Russ.).

Savinov D.G. Narody Yuzhnoi Sibiri v drevnetyurkskuyu ehpokhu. Leningrad: Leningrad State Univ. Press, 1984. 176 p. (In Russ.).

Sher Y.A. Kamennye izvayaniya Semirech'ya. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. 140 p. (In Russ.).

Плотников Ю.А. https://orcid.org/0009-0002-9625-1324
Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Черемисин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-1184-4044
Батболд Н. https://orcid.org/0000-0002-8081-7613

Дата сдачи рукописи: 22.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0677-0682
УДК 572

Д.В. Поздняков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: dimolka@gmail.com

Антропологический состав населения XIII–XIV веков по материалам курганного могильника Ельцовский-1

В статье рассматриваются результаты исследования краниологических особенностей населения Верхнего Приобья XIII–XIV вв. Анализ морфологических характеристик черепов из могильника Ельцовский-1 позволяет говорить об антропологической неоднородности населения. В составе этой небольшой группы можно выделить черепа с достаточно отчетливо выраженными европеоидными чертами. Эти морфологические особенности проявляются в заметном увеличении горизонтальной профилировки лицевого отдела на зигомаксиллярном уровне, наличии высокого и достаточно профилированного переносья, а также максимальными для этой группы углами выступания носа. Также отмечено присутствие в данной антропологической серии представителей континентальной монголоидной расы. Морфологические характеристики одного из них могут быть надежно связаны с представителями центральноазиатской расы. Для другого присущи черты палеосибирского антропологического типа. Что касается морфологических особенностей части погребенных в курганах могильника Ельцовский-1, то попытки выделить в их морфологии исходные варианты нивелируются либо недостаточной сохранностью, либо мозаичным сочетанием признаков. Очевидным выглядит только достаточно сильно выраженные монголоидные черты, выразившиеся в строении носового отдела и общей уплощенности, как правило, широкого лица. Компактность могильника Ельцовский-1, представленность различных по степени выраженности морфологических компонентов позволяют предположить кратковременность существования этого памятника и его принадлежность небольшой группе с заведомо метисированным антропологическим составом. Смешанный состав этой серии, а также наличие в ее составе индивидов с преобладающими в облике европеоидными чертами, пусть и в ослабленном виде, позволяет предположить южное направление связей этого населения.

Ключевые слова: *Верхнее Приобье, монгольская эпоха, краниология, антропологические типы.*

D.V. Pozdnyakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: dimolka@gmail.com

Anthropological Structure of the Population of the 13th–14th Centuries Based on the Materials of the Eltsovsky-1 Burial Mounds

The article examines the data of a study of the craniological characteristics of the population of the Upper Ob region in the 13th–14th centuries. An analysis of the morphological characteristics of the skulls from the Eltsovsky-1 burial mounds suggests the anthropological heterogeneity of the population. This small group includes skulls with distinctly European features. These morphological features are manifested in a noticeable increase in the horizontal profiling of the facial region at the zygomaxillary level, the presence of a high and sufficiently profiled nose, as well as the maximum angles of protrusion of the nose for this group. Representatives of the continental Mongoloid race have also been noted in this anthropological series. The morphological characteristics of one of the individuals can be reliably attributed to the Central Asian race. The other has features of the Paleosiberian anthropological type. As for the morphological features of some of the buried individuals from the Eltsovsky-1 burial mounds, attempts to identify the original variants in their morphology are nullified either by the poor preservation of the skulls or by the mosaic combination of features. The compactness of the Eltsovsky-1 burial ground, as well as the occurrence of various morphological components, allows us to assume the short-term existence of these mounds and their belonging to a small group with a clearly mixed anthropological composition. The mixed anthropological composition of this sample, as well as the occurrence of individuals with predominantly European features, suggests a southern direction of connections for this population.

Keywords: *Upper Ob region, Mongol era, craniology, anthropological types*.

Данное исследование направлено на изучение краниологических особенностей населения Верхнего Приобья в монгольскую эпоху. Его целью является попытка подробного исследования морфологических компонентов, вошедших в состав одной из локальных групп, проживавшей на обширных пространствах Западной Сибири в период становления Монгольской державы.

Антропологические материалы, представленные в работе, происходят из курганного могильника Ельцовский-1, который раскапывался в 1986–1992 гг. А.А. Адамовым и Т.Н. Троицкой. Памятник расположен в Ельцовском урочище в 3 км к юго-западу от г. Бердск, на правом берегу Обского водохранилища. По характеру сопроводительного инвентаря и особенностям погребального обряда шестнадцать изученных погребальных объектов отнесены к XIII–XIV вв. [Адамов, 2000]. Краниологическая серия состоит из четырех мужских и четырех женских черепов различной сохранности. Неоднородность антропологического состава этой небольшой группы диктует необходимость дать индивидуальную характеристику каждому из ее представителей.

Курган 3. Поврежденный и посмертно деформированный череп мужчины 30–35 лет. Вследствие деформации большая часть параметров мозгового отдела либо имеет весьма приблизительные размеры, либо вовсе не может быть получена. Однако, по визуальной оценке, мозговая капсула некрупная, несколько вытянутых пропорций, с узкой, наклонной и слабо профилированной в обеих плоскостях лобной чешуей. Она же имеет наибольшую протяженность из сегментов сагиттальной дуги, из-за чего показатель лобно-сагиттального индекса (ЛСИ) находится в пограничных пределах между европеоидными и монголоидными группами. Лицевой отдел высокий и очень широкий на верхнем уровне, заметно сужающийся к уровню скул, уплощенный на обоих горизонтальных уровнях. Орбиты очень широкие, средней высоты, хамэконхные по указателю. Грушевидное отверстие мезоринное, средней высоты и ширины, с небольшой передненосовой остью и нижним краем в виде ямок. Носовые косточки средней ширины и высоты, очень слабо выступающие над общим профилем лица. Альвеолярный отдел верхней челюсти крупный, нёбо средней ширины. Нижняя челюсть с очень высокими, прямо поставленными, широкими ветвями и крупным телом. Однако рельеф в районе углов и подбородочного выступа выражен очень слабо.

Курган 5. Полный, хорошо сохранившийся череп мужчины 25–30 лет. Черепная коробка короткая и широкая, средней высоты от базиона (высокая от порионов), со значительно выраженным рельефом надглазничного и затылочного отделов, узкой, наклонной и очень слабо выпуклой лобной костью. Максимальную протяженность имеет теменной отдел, а показатель ЛСИ попадает в категорию европеоидных величин. Однако сочетание высотно-продольного (ВПИ) и затылочно-теменного (ЗТИ) индексов характерно для моноголоидных популяций. Лицо уплощенное (мезопрозопное), средней высоты, широкое на верхнем и узкое на среднем уровнях, с большим скуловым диаметром. По вертикальному профилю – мезогнатное, с выступающим вперед крупным альвеолярным отделом. Орбиты широкие, очень низкие, хамэконхные. Носовой отдел характеризуется мезоринией с малыми величинами высоты и ширины грушевидного отверстия, инфантильным строением его нижнего края и слабо выраженной передненосовой остью. Носовые косточки узкие и низкие, имеют очень малый угол выступания. Нижняя челюсть с крупным и массивным телом, очень высокими, несколько наклонными ветвями, выступающим подбородком и развернутыми углами.

Курган 7. Полный череп мужчины 30–35 лет. Мозговой отдел брахикранный с невысоким сводом и очень слабо выраженным рельефом. Лобная чешуя слабо наклонная, очень узкая, выпуклая в продольном сечении, однако угол ее поперечного сечения находится в интервале больших значений. Из сегментов сагиттальной дуги максимальную протяженность имеет затылочный отдел, что обуславливает большие значения ЗТИ и ВПИ, в то время как ЛСИ находится в пределах европеоидных показателей. Лицевой отдел высокий, широкий на орбитальном уровне, заметно сужающийся к скуловому и зигомасиллярному уровню. В горизонтальном сечении лицо имеет заметную уплощенность (мезопрозопия). Резкое выступание верхней челюсти вперед обуславливает общий и челюстной прогнатизм лица. Орбиты мезоконхные, средней высоты и ширины. Грушевидное отверстие узкое, средней высоты, лепторинное по указателю, с предносовыми ямками на нижнем крае и средне выраженной передненосовой остью. Носовые косточки высокие и широкие, умеренно выступающие над общим профилем. Альвеолярный отдел широкий, средней длины и с узким нёбом. Нижняя челюсть средних размеров, но с высокими и широкими ветвями и умеренно выраженным подбородочным выступом.

Курган 10. Полный череп мужчины 35–40 лет. Некрупный, брахикранный мозговой отдел с низким (средней высоты от порионов) сводом и умеренно наклонной, выпуклой, средней ширины лобной костью. Она же имеет наибольшую протяженность из сегментов мозгового отдела, что выражается в величине ЛСИ, который близок к пограничным значениям между европеоидами и монголоидами. Показатель ЗТИ можно отнести к характерным для монголоидов значениям, но ВПИ находится в пределах европеоидных значений. Лицевой отдел широкий, средней высоты и со средней же величиной скулового диаметра. В горизонтальной плоскости он заметно уплощен на орбитальном уровне, в то время как величина

зигомаксиллярного угла находится на границе малых и средних параметров. Длинный, средней ширины альвеолярный отдел с узким нёбом резко выступает вперед, обуславливая прогнатное строение лица. Орбиты широкие и высокие, мезоконхные по указателю. Грушевидное отверстие высокое и очень широкое, хомеринное с приостренным нижним краем и небольшой передненосовой остью. Носовые косточки очень широкие и высокие, а угол их выступания имеет среднее значение. Нижняя челюсть средней ширины, с вертикально поставленными, высокими ветвями и средних размеров телом.

Курган 13. Сильно поврежденный и деформированный посмертно череп без нижней челюсти женщины 40–45 лет. Мозговой отдел со слабо выраженным рельефом, брахикранный, характеризуется большими величинами всех основных диаметров. Выпуклая, несколько наклонная лобная чешуя имеет среднюю ширину и максимальную, из сегментов свода, протяженность. Соответственно, значение ЛСИ попадает в категорию монголоидных значений. ЗТИ же, напротив, относится к значениям, свойственным европеоидам. Лицо, вероятно ортогнатное, высокое, средней ширины, со средним показателем скулового диаметра. Его верхний, горизонтальный уровень, в отличие от зигомаксиллярного, не имеет заметной уплощенности. Орбиты очень широкие, средней высоты, мезоконхные. Нос хомеринный по указателю, широкий, средней высоты, с приостренным нижним краем и слабо выраженной носовой остью. Носовые косточки средней ширины и высоты, слабо выступающие над общим профилем лица. Альвеолярный отдел широкий, выступающий вперед.

Курган 15. Поврежденный череп женщины 40–45 лет. Из-за условий в погребении он имеет значительные повреждения затылочной кости и нижней челюсти. Череп грацильный, со слабо выраженным рельефом. Характеризуется долихокранией при большом продольном, малом поперечном и высотным диаметрах. Лобная чешуя узкая, несколько наклонная, умеренно выпуклая в продольном, но значительно профилированная в поперечном сечении. Лицевой отдел ортогнатный, широкий, средней высоты, уплощенный на обоих горизонтальных уровнях. Орбиты очень широкие, низкие, хамэконхные по указателю. Грушевидное отверстие мезоринное, низкое, средней ширины, с небольшой передненосовой остью и нижним краем в форме ямок. Носовые косточки узкие и низкие, очень слабо выступающие над общим лицевым профилем. Верхняя челюсть широкая, с нёбом средней ширины, достаточно сильно выступающая вперед. Тело нижней челюсти крупное и массивное.

Курган 16. Полный череп женщины 20–25 лет. Его мозговой отдел короткий и низкий, очень широкий, брахикранный по указателю. Рельеф выражен очень слабо. Лобная кость узкая, умеренно выпуклая, несколько наклонная. Все показатели соотношений сегментов черепа (ЛСИ, ВПИ, ЗТИ) характеризуются величинами, присущими монголоидным группам. Лицо высокое, широкое, уплощенное, особенно на среднем уровне, с ортогнатным вертикальным профилем. Орбиты широкие, низкие, мезоконхные по указателю. Грушевидное отверстие лепторинное, высокое и узкое, с антропинным нижним краем и слабо развитой передненосовой остью. Носовые косточки средней ширины, слабо выступающие как на уровне симотических точек, так и по показателю угла выступания носа. Альвеолярный отдел средней ширины, короткий, с узким нёбом, несколько выдвинутый вперед. Нижняя челюсть с широкими, средней высоты, чуть наклонными ветвями и высоким, достаточно массивным телом и небольшим, выступающим подбородочным выступом.

Курган 17. Череп женщины 40–45 лет со значительными разрушениями и посмертной деформацией свода, без нижней челюсти. Мозговой отдел, визуально крупный, брахикранный, но с очень слабо выраженным рельефом. Лобная чешуя средней ширины, умеренно профилированная в горизонтальном сечении, выглядящая достаточно наклонной. Лицо ортогнатное, широкое, средней высоты, платипрозопное по углам горизонтальной профилировки. Орбиты мезоконхные, широкие, средней высоты. Нос высокий, средней ширины, мезоринный, с маленькой передненосовой остью и предносовыми ямками на нижнем крае. Носовые косточки очень узкие, умеренной высоты, со средним углом выступания над общим профилем лица. Верхняя челюсть узкая, с узким нёбом, сильно выступающая вперед.

Индивидуальные значения измерений приведены в таблице.

Приведенные выше характеристики позволяют заключить, что серия характеризуется смешанными чертами, в которых можно увидеть аналогии весьма «размытой» по своим характеристикам южносибирской расе. Констатация этого факта, к сожалению, не приводит нас к пониманию вошедших в состав данной группы компонентов и применима к подавляющему большинству серий эпохи Средневековья на обширных просторах Западной Сибири и примыкающих к ней территорий.

Первое, что обращает на себя внимание при рассмотрении серии из могильника Ельцовский-1, – это довольно значительная уплощенность лицевого скелета у всех погребенных. Однако в группе присутствуют индивиды, у которых величины зигомаксиллярного угла говорят все же о несколько большей профилировке лицевого скелета. Такие отличия можно было бы отнести к индивидуальным вариациям этого параметра, если бы не их сочетание с высоким и достаточно профилированным переносьем, а также максимальными для этой группы углами выступания носа. К этим характеристикам стоит добавить небольшие диаметры скуловой дуги и прогнатное строение

Индивидуальные данные измерений черепов из погребений могильника Ельцовский-1

Признак*	Кург. 3	Кург. 5	Кург. 7	Кург. 10	Кург. 13	Кург. 15	Кург. 16	Кург. 17
	♂ 30–35 лет	♂ 25–30 лет	♂ 30–35 лет	♂ 35–40 лет	♀ 40–45 лет	♀ 40–45 лет	♀ 20–25 лет	♀ 40–45 лет
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	–	174	178	176	181 ?	177	167	178
8	–	145	147	141	146 ?	132	144	143 ?
8 : 1	–	83,3	82,6	80,1	80,7 ?	74,6	86,2	80,3
17	–	134	130	123	–	121	123	–
20	–	118	114	114,5	–	109	108	–
5	–	100	97	95	–	101	100	104
9	92,2	86,2	88,5	97	91,5	90	88	92,5
10	–	115	118	121	118 ?	107	115	–
<h	148,5	142,6	144,9	136,2	128,5	132,1	135,4	138,6
Sub.NB	–	19	26,3	26	27,5	25	26	–
26	121	122	129	124	137	122	123	–
27	110	124	118	115	134	112	100	–
28	118	120	130	118	114	–	105	–
45	–	139	131	134	125 ?	131	132	137 ?
40	–	99	97	105	–	95	98	98
40 : 5	–	99	100	110,5	–	94,1	98	95,8
48	74,3	69	75	72,3	70	64,5	72,4	68
47	117	119	118	114	–	109	115,2	–
43	111	107	108	111	102,5	106	100,6	109
46	96,5	92	91,5	99,5	91,3	98	98,3	93
60	54,5	56	55,5	57,5	–	52	48,5	52
61	65	66,2	66	63	61,5	62,4	59	56,5
61 : 60	119,3	118,2	118,9	109,6	–	120	121,7	108,6
62	46	47,5	48,5	52	–	44	44	45
63	37	38,3	36	40,4	–	36	30	32
63 : 62	80,3	80,6	74,2	77,7	–	81,8	68,2	71,1
55	52,5	50	52	55	49,3	47,8	51,2	51
54	26	23	23,6	30	25,6	23,8	23	24,7
54 : 55	49,5	46	45,4	54,6	51,9	49,8	44,9	48,4
51	45,1	43	42,5	44	43,6	41,7	41,3	44
52	33,8	30,5	33,3	36,4	34,5	30,5	31,4	34
52 : 51	74,9	70,9	78,4	82,7	79,1	73,4	76	77,3
77	142,6	142	144,1	140	137	142	141	147
Zm	142	135,8	133,5	130,6	133,1	139,4	141,6	139,6
SC	8	7	10,5	12	8	7,2	8	4
SS	3,5	3	4,5	4,8	3	2	2	3
SS : SC	43,7	42,9	42,9	40	37,5	27,8	25	75
DC	22,2	16,5	19,3	23	19,5	22	19,7	17,5
DS	12	9,5	13	13,5	11,5	9	8,2	11,5
DS : DC	54,5	57,6	67,4	58,7	58,9	40,9	41,6	65,7
32	–	74	82	80	–	83	83	–
72	–	82	79	74	–	85	86	83
74	–	65	58	52	–	67	73	67
75 (1)	13	17	22	24	19	13	17	21
68 (1)	101	108	106	109	–	–	105	–
79	113	123	123	117	–	–	126	–
68	77	78	75	82	–	–	76	–
70	72	77	69	74	–	–	56	–

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
71a	37,5	34	35,3	35	–	–	35,2	–
65	122 ?	112	121	120	–	–	–	–
66	96	107	101	103	–	–	97	–
67	48	46	47	44	–	47 ?	43,7	–
69	33,8	38,3	33,4	31,5	–	34	34,4	–
69 (1)	33,8	36,5	33	31,5	–	35	30,5	–
69 (3)	14	13,5	14	14	–	13	13	–
C	83	65	71	69	–	–	64	–

* Краниометрические признаки по: [Алексеев, Дебец, 1964; Гохман, 1961].

альвеолярного отдела. Эти характеристики отличают мужчин, погребенных в кург. 7 и 10 от остальных индивидов из этого могильника достаточно отчетливо выраженными европеоидными чертами в строении лицевого скелета.

Противоположный вектор особенностей можно отметить на двух женских черепах – из кург. 15 и 16, на которых монголоидные особенности максимально выражены. Речь идет об очень уплощенном в горизонтальном сечении лицевом отделе и низких, плоских носовых косточках с очень малым углом их выступания над общим лицевым профилем. Следует, однако, сказать, что на этом сходство исчерпывается и оба эти индивида не могут быть отнесены к представителям одного морфологического типа. Отличия наблюдаются и в форме мозгового черепа, и в строении лица. Так, погребенная в кург. 16 женщина имеет низкую, широкую, резко брахикранную мозговую капсулу и широкое, высокое ортогнатное лицо. В сочетании с уже упомянутыми характеристиками строения носового отдела и значительными величинами углов горизонтальной профилировки, можно уверенно отнести ее морфологические особенности к представителям центральноазиатской расы. Череп из кург. 15 близок по своим параметрам к тем характеристикам, которые присущи представителям палеосибирского антропологического типа расы – это мезо-долихокранный низкий череп с широким, уплощенным лицом и слабая профилировка носового отдела. Единственным, однако весьма существенным, нюансом описываемого черепа является пониженная высота лица и орбит. Однако аналогии подобного строения можно найти в материалах Иволгинского городища [Гохман, 1960] и на уровне индивидуальных данных по хунну Монголии (Тумэн, неопубликованные данные), а также в материалах неолита-энеолита байкальского региона [Левин, 1958, с. 177].

Что касается морфологических особенностей остальных погребенных в курганах могильника Ельцовский-1, то попытки выделить в их морфологии исходные варианты нивелируются либо недостаточной сохранностью, либо мозаичным сочетанием признаков. Очевидным выглядит только достаточно сильно выраженные монголоидные черты, выразившиеся в строении носового отдела и общей уплощенности, как правило, широкого лица.

Касаясь вопроса о возможных направлениях связей данной группы, можно было бы указать на районы, окружающие оз. Байкал. Этому не противоречит наличие в серии черепов с отчетливо выраженными чертами континентальных монголоидов. Однако тогда неясным остается вопрос о появлении на данной территории индивидов с пусть и смешанными, но все же преобладающими в облике европеоидными чертами. Попытка объяснить этот факт сохранением европеоидного населения на территории Приобья в первой трети II тыс. н.э. не выглядит убедительно. Компактность могильника Ельцовский-1, наличие контрастных по своему характеру морфологических компонентов позволяют предположить скорее кратковременность существования этого памятника и его принадлежность небольшой группе с заведомо мозаичным антропологическим составом. Наличие в серии индивидов с преобладанием европеоидных особенностей позволяет предполагать, что южные или юго-западные направления связей выглядят более предпочтительными.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тобольск; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2000. – 256 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

Гохман И.И. Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища // Тр. бурятского комплексного научно-исследовательского ин-та. – 1960. – Вып. 3. – С. 166–173.

Гохман И.И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопр. антропологии. – 1961. – Вып. 8. – С. 88–98.

Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 359 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; Т. XXXVI).

References

Adamov A.A. Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv. Tobol'sk; Omsk: Omsk State Pedagog. Univ. Press, 2000. 256 p. (In Russ.).

Alekseev V.P., Debets G.F. Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanii, Moscow: Nauka, 1964. 128 p. (In Russ.).

Gokhman I.I. Antropologicheskaya kharakteristika cherepov iz Ivolginskogo gorodishcha In *Trudy buryatskogo kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta,* 1960. Iss. 3. P. 166–173. (In Russ.).

Gokhman I.I. Ugol poperechnogo izgiba lba i ego znachenie dlya rasovoi diagnostiki In *Voprosy antropologii,* 1961. Iss. 8. P. 88–98. (In Russ.).

Levin M.G. Etnicheskaya antropologiya i problemy etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka, Moscow: AS USSR Publ., 1958. 359 p. (TIE. Nov. ser.; vol. 36). (In Russ.).

Поздняков Д.В. https://orcid.org/0000-0002-7984-0912

Дата сдачи рукописи: 31.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0683-0688
УДК 903.5

Н.В. Полосьмак

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

Деревянный сосуд из погребения женщины в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3

В статье приводятся новые данные об уникальном деревянном сосуде – кружке из погребения женщины в кург. 1 могильника Ак-Алаха-3. Установлено, что сосуд был изготовлен из капа хвойного дерева – ели, лиственницы или сосны. Древесина капа очень трудна для обработки ручным инструментом, но эти трудности искупаются ее неповторимым рисунком и прочностью. Химический анализ вещества в кавернах сосуда показал наличие остатков жиров животного происхождения. Предполагается, что сосуд использовался для сбивания с помощью находившейся в нем мутовки молочных продуктов. Помимо табунов лошадей, у пазырыкцев был только мелкий рогатый скот. Поэтому, скорее всего, речь может идти об овечьем молоке (сливках), из которого сбивали масло. Известно, что биологическая и пищевая ценность этого молока выше, чем коровьего, а кроме того, оно обладает и лечебными свойствами. Уникальность деревянной кружке придает ручка в виде объемных фигурок двух барсов в т.н. геральдической позе. Необычное положение задранных к морде передних лап животных подсмотрено в природе. Все кошки держат лапы таким образом, когда облизывают их. Изображение лижущих лапу барсов на кружке, предназначенной для жирного молочного продукта, символично и остроумно. Это изделие отражает индивидуальность его хозяйки. В пазырыкской культуре кружки и ковши из капа и кедра были личной посудой каждого пазырыкца. Они нередко имеют следы починки с помощью роговых или металлических пластин, что свидетельствует об их долгом использовании и бережном отношении. Деревянные сосуды имели как утилитарное назначение, так и сакральное значение. Сакральной посуда становилась во время совершения ритуальных действий.

Ключевые слова: *пазырыкская культура, деревянная кружка, изображения барсов, молочная пища, посуда из капа.*

N.V. Polosmak

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

Wooden Vessel from Woman Burial 1 of Ak-Alakha-3 Burial Mound

The article presents new analytical data on a unique wooden vessel – a mug from the burial of a woman in burial mound 1 at Ak-Alakha burial ground 3. The vessel was made of burl of a coniferous tree – either spruce, or larch, or pine. Processing of hard burlwood with hand tools is difficult, but the difficulties are redeemed by the unique and diverse wood texture pattern and durability. Chemical analysis of the substance in the vessel caverns has shown residues of animal fats. It is assumed that the vessel was used for stirring dairy products with the help of the whisk that was found inside the vessel. The Pazyryk people herded horses and small cattle. Therefore, the vessel was most likely used for stirring sheep milk (cream). It is known that the biological and nutritional value of sheep milk is higher than that of cow's milk and regarded a therapeutic agent. The carved handle shows two three-dimensional figures of snow leopards in the so-called heraldic pose. The unusual position of the front paws of the animals lifted up to the muzzle is typical for Felidae. All cats hold their paws in this way when licking. The image of leopards licking their paws on a mug used as containers of fatty milk product is symbolic and witty. This product reflects the personality of its owner. In the Pazyryk culture, mugs and ladles made of burl and Siberian pine were the typical personal utensils of each Pazyrykian. These items often bear traces of repairing with the help of horn or metal plates that testifies to their long use and careful attitude. Wooden vessels had both utilitarian purpose and sacral meaning. Utensils were considered sacred during ritual actions.

Keywords: *Pazyryk culture, wooden mug, images of snow leopards, dairy products, burlware.*

Рис. 1. Деревянная и керамическая утварь.

1 – сосуд из погр. 2 кург. 1 могильника Ак-Алаха-3 (кап); *2* – мутовка из погр. 2 кург. 1 могильника Ак-Алаха-3 (древесина лиственницы и березы); *3* – сосуд из могильника Янхай (по: [Синьцзян..., 2019, цв. вкл. 53, рис. 6]), керамика.

Деревянная кружка из погребения женщины в кург. 1 могильника Ак-Алаха-3 продолжает привлекать внимание исследователей из-за своей уникальности и обстоятельств ее нахождения – в нетронутом «замерзшем» погребении незаурядной женщины. Отсутствие в этом погребении предметов из драгоценных металлов при очевидном высоком статусе погребенной заставляет вновь вернуться к рассмотрению сопровождавших ее вещей, ценность которых на первый взгляд не очевидна. Хотя в данном случае уместнее говорить не о ценности, а о значимости для женщины обнаруженных в погребальной камере сопровождавших ее предметов. Их совсем немного, и это те же самые изделия, которые мы можем увидеть в каждом захоронении пазырыкца, будь то рядовой или высокопоставленный член общества.

В стандартном наборе посуды, находившемся в т.н. хозяйственном отсеке погребальной камеры, включающем керамические, роговой и деревянный сосуды, а также блюда-столики, выделяется деревянная кружка. Это плоскодонный сосуд овальной формы с фигурной ручкой высотой 17,5 см, диаметром по краю слегка отогнутого венчика 10,5 см, диаметром дна 7 см, целиком вырезанный из капа хвойного дерева – ели, лиственницы или сосны*. Кап** на хвойных деревьях является большой редкостью, а изделия из него отличаются красотой текстуры и сложностью обработки. Изделие носит следы длительного использования и починки. Трещина, отходящая вниз от венчика, была стянута через специально проделанные тончайшие отверстия сухожильной ниткой, ручка залощена от частого соприкосновения с жирными руками, а вся поверхность деревянного сосуда и его донышко в следах от жирных подтеков (рис. 1, *1*). Анализ вещества в кавернах сосуда показал наличие остатков жиров животного происхождения***. Поверхность сосуда неоднородна. Влево от ручки она покрыта регулярными вертикальными полосами черного цвета. Их расположение похоже на специально нанесенное украше-

* Анализ вещества с поверхности кружки был произведен канд. хим. наук Е.В. Карповой, ст. науч. сотр. Центра спектральных исследований НИОХ СО РАН им. Н.Н. Ворожцова. Анализ показал наличие смолистого компонента.

** Капы – это гипертрофированные участки стебля древесных растений, образование которых связано с развитием многочисленных спящих почек [Коровин, Новицкая, Курносов, 2001, с. 171].

*** Анализ произведен канд. хим. наук. Е.В. Карповой (Центр спектральных исследований НИОХ СО РАН им. Н.Н. Ворожцова).

ние, подобное тому, которое мы видим на многочисленных керамических сосудах из могильника Янхай (Синьцзян) (рис. 1, *1*, *3*). Но на другой стороне кружки такой орнаментации нет, поверхность изделия выглядит более светлой, как будто затертой. Следует также отметить, что и у венчика прослеживается светлая полоса, указывающая на то, что горловина сосуда чем-то обвязывалась при его использовании.

Поскольку кружка была найдена вместе с находившейся внутри нее мутовкой (рис. 1, *2*), сделанной из палочки длиной 38 см, на зауженный конец которой был надет вырезанный из березы деревянный набалдашник серповидной формы, очевидно, что она предназначалась для взбивания молочного продукта. Предположительно это мог быть кумыс*. Поскольку в пазырыкском стаде не было крупного рогатого скота, а только мелкий – овцы, бараны и в меньшем количестве козы, то помимо кобыльего молока речь может идти и об овечьем. Известно, что биологическая и пищевая ценность этого молока за счет содержания отдельных компонентов как жировой, так и белковой фазы выше, чем у молока коровьего. В результате специально проведенного исследования было установлено, что в нем, по сравнению с молоком других сельскохозяйственных животных, высокое содержание сывороточного белка лактоферрина, обладающего бактерицидными и иммуномодулирующими свойствами. Минеральный состав овечьего молока представлен главным образом биодоступным кальцием, который необходим в питании человека и для поддержания костной ткани [Канина и др., 2022, с. 146]. То есть это не менее питательный и полезный продукт, чем кумыс, также обладающий лечебными свойствами.

Прямую связь с содержимым сосуда имеет очень необычная ручка. Она представляет собой две объемные фигурки барсов, соприкасающихся задними и передними лапами, в так называемой геральдической позе. Передние лапы барсов выгнуты вверх и касаются морды – это искусно переданное подсмотренное в природе положение лап кошачьих хищников, когда они их облизывают (рис. 2). И это не случайно, а связано с назначением сосуда, который наполнялся молоком или сливками, и большие кошки – барсы с замасленными мордами были участниками пахтанья. Эта кружка сугубо личная вещь. Возможно, лижущие лапу барсы были вырезаны на ручке по просьбе хозяйки кружки. Среди сцен «терзания» или борьбы зверей, столь характерных для пазырыкского искусства, эта ручка – олицетворение мирной, спокойной жизни. Геральдическая поза животных – довольно редкое явление в пазырыкской культуре. Есть пары оленей и лосей из Первого Пазырыкского кургана – подвески к конской сбруе [Руденко, 1953, табл. XL, XLI]. Но это односторонние, плоские изображения. Есть также две медные, крытые золотой фольгой пластины из Второго Пазырыкского кургана с изображениями противопоставленных (борющихся по С.И. Руденко) орлиноголовых грифонов на одной пластине и козлов на другой [Там же, с. 128–129, рис. 74–75]. С.И. Руденко пишет, что «уже при первом взгляде на эти две пластины становится ясно, что перед нами мотивы, прошедшие длинный путь исторического развития, прежде чем они получили такое своеобразное и стилистически тщательно проработанное оформление» [Там же, с. 128], и так же, как Г. Азарпай, считает этот мотив переднеазиатским [Руденко, 1968, с. 98]. Действительно, антитетические композиции, традиционные для искусства Древнего Востока, не стали таковыми в искусстве пазырыкцев (противопоставление голов зверей и птиц в изделиях из бронзы, дерева, войлока, столь характерные для пазырыкской культуры, все же несколько иное воплощение этой идеи). Одной из наиболее близких композиционно сцене на ручке кружки является случайно найденная в 1913 г. на Цукур-Лимане бронзовая бляха с двумя пантерами (хищниками) [Сокровища..., 1966, рис. 14]. Но это чисто формальное сходство (рис. 3, *1*, *2*).

Из всего набора сопровождавшей женщину посуды только о деревянной кружке, да еще о деревянном блюде-столике можно сказать, что они служили долго и их берегли. Тонкостенные хрупкие керамические сосуды кажутся изготовленными только для погребального обряда, прекрасный роговой сосуд также выглядит совершенно новым. Деревянная посуда была удобной в обращении, компактной, прочной и всегда и везде сопровождала своего хозяина. В.Д. Кубарев считал, что многочисленные обломки деревянных сосудов во всех без исключения исследованных им погребениях могильников Уландрыка, Юстыда, Ташанты, Барбугазы и Малталу свидетельствуют о значительном преобладании посуды из дерева над керамической [1987, с. 49; 1991, с. 67–69], причем деревянная посуда стояла даже в тех немногих могилах, где отсутствовали керамические сосуды [Кубарев, 1992, с. 49]. «Частая встречаемость изношенной или негодной деревянной посуды, даже в обломках, заставляет предположить, что рядовые кочевники очень ценили этот вид посуды и жертвовали умершим только очень старую, отслужившую свой срок посуду» [Там же, с. 51]. Я думаю, что это была личная посуда, и ее состояние определялось длительностью использования, а помещение в могилу даже негодной вещи – ее значением для хозяина. Кружки, деревянные чаши, блюда многократно чинились, их не выбрасывали, это были те вещи, которые, прослужив хозяину всю жизнь, уходили вместе с

* Подробно о молочных напитках, кумысе в частности, в деревянных сосудах пазырыкцев можно прочитать в гл. «Посуда в погребальном обряде» в монографии «Всадники Укока» [Полосьмак, 2001, с. 191–192, 196–201].

Рис. 2. Кошачьи хищники.

1 – ручка сосуда из погр. 2 кург. 1 могильника Ак-Алаха-3, кап; *2–4* – кошачьи хищники, лижущие лапу. *Фото из открытых источников*.

умершим в иной мир. Кружки и ковши из рядовых погребений имеют следы ремонта – это и стягивание трещин через специальные отверстия сухожильными нитками, и починка с помощью роговых пластин, по краю которых были проделаны круглые отверстия для костяных гвоздиков [Там же, с. 49, табл. XXXIV, *8*; LXXIII, *16*], и бронзовая скобка, с помощью которой был отремонтирован сосуд в кург. 7 могильника Юстыд XII [Кубарев, 1991, с. 68]. А для стягивания трещины на ковше из Первого Туэктинского кургана семнадцатью железными заклепками была закреплена серебряная фигурная пластинка [Руденко, 1960, с. 117]. Ценность вещи для конкретного человека во многом определяется количеством следов починки на ней.

Судя по археологическим находкам, уже дети имели свои маленькие чашечки из дерева [Кубарев, 1987, с. 49–50]. Деревянные кружки и ковши были личной посудой пазырыкцев. Мне уже приходилось подробно писать об этом [Полосьмак, 2001, с. 197–201]. Но некоторые вещи хочется повторить еще раз. Цитата из книги Н.М. Пржевальского во многом объясняет наличие личной посуды у кочевников: «Каждый тибетец имеет свой особенный горшок и чашку, из которой пьет и ест отдельно от других членов семьи. Принимать пищу или питье из чужой посуды считается осквернени-

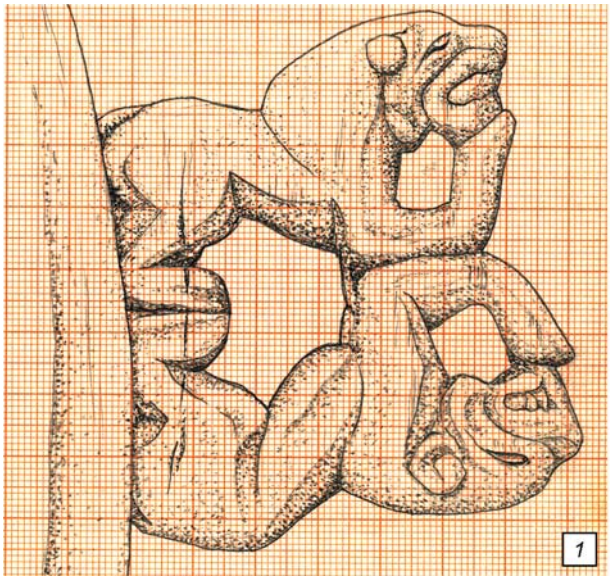

Рис. 3. Прорисовка изображений барсов на ручке кружки и их аналог.
1 – прорисовка ручки кружки из погр. 2 кург. 1 могильника Ак-Алаха-3; *2* – бронзовая бляха, случайная находка (по: [Сокровища..., 1966, рис. 14]).

ем и большим грехом. Чашки обыкновенно носятся за пазухой и, как у монголов, считаются предметом щегольства, поэтому их нередко вытачивают из дорогого дерева и отделывают серебром» [1883, с. 260]. Благодаря исследованиям В.Д. Кубарева курганов на юге Горного Алтая, стало известно, что пазырыкцы изготавливали кружки и ковши из березового капа или из кедра. Эта посуда была обнаружена в рядовых погребениях могильников Уландрыка, Юстыда, Ташанты, Сайлюгема [Кубарев, 1987, с. 49; 1991, с. 68; 1999, с. 79–51]. Она не так проста, как кажется. Уже сам выбор материала для ее изготовления – капа – свидетельствует об особом подходе именно к этому виду деревянной посуды. Работа с капом предполагает определенные навыки, и, конечно, не только за прочность ценился этот материал – пазырыкцы сумели оценить красоту отполированной древесины.

Имели ли деревянные кружки и ковши какое-то значение кроме утилитарного? Конечно, ведь в обществе пазырыкцев не было разделения на сакральное и профанное. Все вещи не только использовались в быту, но и обладали неизвестными нам приписываемыми им необычными свойствами*. Сосуд с барсами мог стать сакральным в ходе ритуальных действий.

Необычные вещи, подобные описанной кружке из капа, были показателями особого статуса их хозяев. У женщины из погр. 2 кург. 1 могильника Ак-Алаха-3 кроме кружки такими вещами были зеркало в деревянной оправе с изображением оленя и деревянная гривна с восемью объемными фигурками крылатых барсов [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 73]. Воплощение в этих изделиях каких-то собственных идей и представлений подчеркивают индивидуальность обладавшей ими женщины.

* О сакральных и профанных свойствах посуды у пазырыкцев написано в книге «Всадники Укока» [Полосьмак, 2001, с. 189–191, 197–199], что позволяет отослать заинтересовавшегося читателя к этому тексту.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Канина К.А., Жижин Н.А., Атанасов П.Р., Пастух О.Н. Характеристика овечьего молока как сырья для производства молочных продуктов // Изв. Тимирязевской сельскохозяйственной академии. – 2022. – № 1 (6). – С. 146–158. – doi:10.26897/0021-342X-2022-6-146-158

Коровин В.В., Новицкая Л.Л., Курносов Г.А. Структурные аномалии стебля древесных растений. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та леса, 2001. – 259 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 300 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 188 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск, 1992. – 224 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: Инфолио, 2001. – 336 с.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). – Новосибирск: Инфолио, 2005. – 232 с.

Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и верховья Желтой реки. – СПб., 1883. – 473 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 387 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.

Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. – М.: Искусство, 1968. – 136 с.

Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа: [фотоочерк] / Текст М.И. Артамонова; Фото В. Формана. – Прага; Ленинград: Артия, Сов. художник, 1966. – 120 с.

Синьцзян Янхай муди (Могильник Янхай в Синьцзяне). – Пекин: Вэньу Чубаньшэ, 2019. – Т. III. – 350 с. (на кит. яз.).

References

Artamonov M.I., Forman V. Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha: [fotoocherk]. Prague; Leningrad: Artiya, Sov. khudozhnik, 1966. 120 p. (In Russ.).

Kanina K.A., Zhizhin N.A., Atanasov P.R., Pastukh O.N. Kharakteristika ovech'ego moloka kak syr'ya dlya proizvodstva molochnykh produktov. *Izvestiya Timiryazevskoi sel'skokhozyaistvennoi akademii,* 2022. No. 1 (6). P. 146–158. (In Russ.).

Korovin V.V., Novitskaya L.L., Kurnosov G.A. Strukturnye anomalii steblya drevesnykh rastenii. Moscow: Moscow State Forest Univ. Press, 2001. 259 p. (In Russ.).

Kubarev V.D. Kurgany Ulandryka. Novosibirsk: Nauka, 1987. 300 p. (In Russ.).

Kubarev V.D. Kurgany Yustyda. Novosibirsk: Nauka, 1991. 188 p. (In Russ.).

Kubarev V.D. Kurgany Sailyugema. Novosibirsk, 1992. 224 p. (In Russ.).

Polosmak N.V. Vsadniki Ukoka. Novosibirsk: Infolio, 2001. 336 p. (In Russ.).

Polosmak N.V., Barkova L.L. Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n.e.). Novosibirsk: Infolio, 2005. 232 p. (In Russ.).

Przhevalsky N.M. Iz Zaisana cherez Khami v Tibet i verkhov'ya Zheltoi reki. St. Petersburg, 1883. 473 p. (In Russ.).

Report of Archaeological Excavations at Yanghai Cemetery. Beijing: Cultural Relics Press, 2019. Vol. 3. 350 p. (In Chin.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1953. 387 p. (In Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1960. 360 p. (In Russ.).

Rudenko S.I. Drevneishie v mire khudozhestvennye kovry i tkani iz oledenelykh kurganov Gornogo Altaya. Moscow: Iskusstvo, 1968. 136 p. (In Russ.).

Полосьмак Н.В. https://orcid.org/0000-0002-3760-265X

Дата сдачи рукописи: 24.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0689-0693
УДК 903.5

Н.В. Полосьмак✉, М.А. Кудинова, В.Л. Денисенко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

Результаты третьего года исследований кургана на могильном поле Катанда-3

Основной задачей третьего года работ на памятнике была полная зачистка всей площади наземного сооружения, составившей 1 808,35 м², создание цифровой модели кургана, изучение и фиксация структуры верхнего слоя конструкции. Установлено, что каменное сооружение, диаметром по линии С–Ю – 48,7 м, З–В – 48,4 м, представляет собой платформу круглой формы, сложенную из валунов, пересыпанных галькой. Поверхность каменного сооружения намеренно выровнена. Его конструкция не похожа ни на раннескифские, ни на пазырыкские курганы Горного Алтая. Для датировки памятника большое значение имеют предметы конской упряжи – бронзовые кольчатые удила и прямые двухдырчатые псалии, обнаруженные в центральном погребении in situ. Окончания псалиев украшены изображениями голов скифских грифонов. Это хищная птица с большим круглым глазом, звериными ушами, сомкнутым клювом с проработанной восковицей. Грифонов на катандинских псалиях отличает от скифских грифонов замкнутый кольцом клюв. Это архаический признак, присущий раннескифским изображениям синкретических существ – бараноптиц, которые также являлись украшением псалиев. Бараноптицы существуют довольно ограниченный период времени – VII–VI вв. до н.э. на территории Северного Кавказа, в бассейне Среднего Днепра, в Северном Причерноморье и Приазовье, единично – в Поволжье и Приуралье. Велика вероятность заимствования изящно замкнутого клюва скифских грифонов на катандинских псалиях у этих архаичных фантастических существ. Это предположение согласуется с предложенной нами предварительной датой погребального памятника: VI – начало V в. до н.э.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Катандинская долина, каменное сооружение, цифровая модель памятника, бронзовые предметы конской упряжи.*

N.V. Polosmak✉, M.A. Kudinova, V.L. Denisenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

Results of the Third Year of Research at the Burial Mound at Katanda-3 Grave Field

The main task of the third year of excavations at the burial ground of Katanda-3 was to complete unearthing of the entire area of the ground structure, which amounted to 1808.35 square meters, creating a digital model of the mound, recording and studying the upper layer of the construction. It was established that the stone construction with a diameter of 48,7 m along the South-North and 48,4 m along the East-West lines was a round-shaped platform made of boulders interspersed with pebbles. The surface of the stone platform is deliberately leveled. Its structure does not resemble either the Early Scythian or the Pazyryk burial mounds of the Altai Mountains. The items of horse harness - bronze ringed bits and straight two-hole psalia found in the main burial in situ - are of great importance for dating of the burial complex. The ends of the psalia are decorated with images of griffin heads. This is a bird of prey with a large round eye, animal ears, closed beak with a detailed cere. The griffins on the Katanda psalia are distinguished from the Scythian griffins by a ringed beak. This is an archaic feature inherent in early Scythian depictions of syncretic creatures - ram-birds, which were also used in psalia decoration. Ram-birds images existed for a rather limited period of time – 7–6th centuries BC on the territory of the North Caucasus, in the basin of the Middle Dnieper, in the Northern Pontic and the Azov Regions, and sporadically in the Volga and Ural Regions. There is a great probability that the gracefully closed beak of the griffins on the Katanda psalia was borrowed from these archaic fantastic images. This assumption is consistent with proposed preliminary date for the burial complex – the 6th century BC.

Keywords: *Mountain Altai, Katanda valley, stone construction, digital model of the burial mound, bronze horse harness.*

Основной задачей третьего года работ на памятнике была полная зачистка всей площади наземного сооружения, создание цифровой модели кургана, изучение структуры верхнего слоя (рис. 1). Площадь всего раскопа составила 2 303,92 м^2. Было установлено, что каменное сооружение представляет собой платформу круглой формы, сложенную из валунов, пересыпанных галькой. Местами встречаются обломки гранитных плит. Площадь каменной конструкции составляет 1 808,35 м^2. Диаметр по линии С–Ю – 48,7 м, З–В – 48,4 м. Поверхность сооружения выровнена, поэтому наименование курган относительно этого памятника довольно условно. Курганы – это куполообразные сооружения. Строители данного памятника такой задачи не ставили. В отличие от других разновременных курганов, расположенных на могильном поле, этот был незаметен. Во всяком случае, он не был отмечен ни В.В. Радловым, работавшим здесь в конце июня 1865 г. [1989, с. 442–443], ни Ю.Т. Мамадаковым, производившим раскопки пазырыкских и тюркских курганов в 1984 г. [1995, с. 125–131].

При строительстве мелиоративной системы в долине Катанды одно из ответвлений от магистрального канала прошло через все сооружение по направлению с запада на восток. Траншея-канал выкапывалась техникой на глубину до 1 м с нарушением материкового слоя. В процессе зачистки было установлено, что ее заполнение – камни и мешаный грунт. Общая площадь этой траншеи составляет 65 м^2.

Верхняя поверхность каменного сооружения выглядит достаточно однородной – выделяются большие валуны, но все пространство между ними заполнено мелкой галькой. Если в пазырыкских курганах слой мелкого галечника должен был полностью закрыть большие камни основной конструкции и поверхность кургана выглядела так, будто курган сложен из галечника, при сооружении рассматриваемой конструкции такой задачи строители не ставили. Галька только заполняла пространство между камнями, выравнивая общий уровень верхней кладки. Есть участок, на котором аккуратно выложена только мелкая галька.

Вопросы датировки данного погребального сооружения и его культурной принадлежности остаются актуальными. В исследованной в 2023 г. центральной могиле было обнаружено непотревоженное конское захоронение с бронзовыми предметами упряжи [Полосьмак и др., 2023]. Это найденные *in situ* кольчатые удила и прямые двухдырчатые псалии, окончания которых оформлены в виде головок т.н. скифских грифонов* (рис. 2). Эти предметы позволяют провести некоторые культурные параллели и говорить о времени сооружения памятника. Прямые двухдырчатые псалии, окончания которых оформлены головками животных или птиц, известны в Восточном и Западном Казахстане в погребениях VI–V вв. до н.э. [Великая степь..., 2019, с. 166–167, 169; Бесетаев, 2016, с. 65, рис. 1]. Так же оформленные прямые деревянные псалии найдены в больших Пазырыкских курганах [Руденко, 1953, табл. XXXVI, *3*; XXXVIII, *3*, *4;* XLIX, *1*, *3*; LII, *2*] и в Первом Туэктинском [Там же, табл. LXXXI, *5*; LXXXVI, *4*; С, *4*]. Самые западные псалии такого типа были выделены в составе Хошеутовского комплекса уздечных принадлежностей конца VI – начала V в. до н.э. (Нижняя Волга) [Дворниченко, 2000, с. 154–155, рис. 1, 3]. Их появление в этом регионе исследователи связывают с влиянием южноуральских кочевников и их более восточных соседей [Дворниченко, Очир-Горяева, 1997, с. 112]. Сходство между этими изделиями и псалиями из погребения в 242 кургане могильного поля Катанада-3 только типологическое. Изображения птичьих голов при всей их узнаваемости не имеют прямых аналогов. Их характерной особенностью являются большой выпуклый выступающий за контур головы глаз, обведенный выпуклым ободком, полукруглое ухо, закрученный в кольцо массивный клюв, у конца которого образовано сквозное отверстие, а внутренний контур обозначен изогнутым лепестком. На верхней створке клюва выделена восковица, между ухом и клювом показана округлая выпуклость щеки. По мнению М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского, головки хищных птиц относятся к наиболее ранним мотивам скифского звериного стиля и их генетические истоки в искусстве Передней Азии достаточно вероятны [1992, с. 128]. Л.Л. Баркова считает, что наличие большого круглого глаза, выступающего за контур головы – прием, характерный для изображений животных на раннем этапе скифо-сибирского звериного стиля, и, таким образом, этот признак не только стилистический, но и хронологический [1987, с. 11]. Отметим, что хотя этот образ широко известен в скифском, тагарском, пазырыкском искусстве и синхронных памятниках на территории Казахстана, Тувы и Монголии, полного сходства с тем образом, который мы видим на псалиях из Катанды мы не обнаружили**. Изящество

* Л.Л. Баркова вслед за М.Н. Погребовой [1948, с. 65] называет «скифским грифоном» голову хищной птицы с большим круглым глазом, сомкнутым клювом с проработанной восковицей и звериными ушами [Баркова, 1987, с. 5].

** Наиболее часто головками противопоставленных скифских грифонов украшали навершия кинжалов. При всем сходстве этих изображений с головками на псалиях, клювы птиц на кинжалах никогда не замыкаются в круг (см., напр.: [Завитухина, 1983, с. 161, рис. 198, 199; с. 161, рис. 200, 201; с. 163, рис. 204; с. 167, рис. 215]). В навершиях тагарских кинжалов замечен только один такой случай, который лишь подтверждает правило [Там же, с. 167, рис. 214]. Подробно о кинжалах с навершиями в виде головок скифских грифонов см.: [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 58–59; Бейсенов, 2014, с. 103–106].

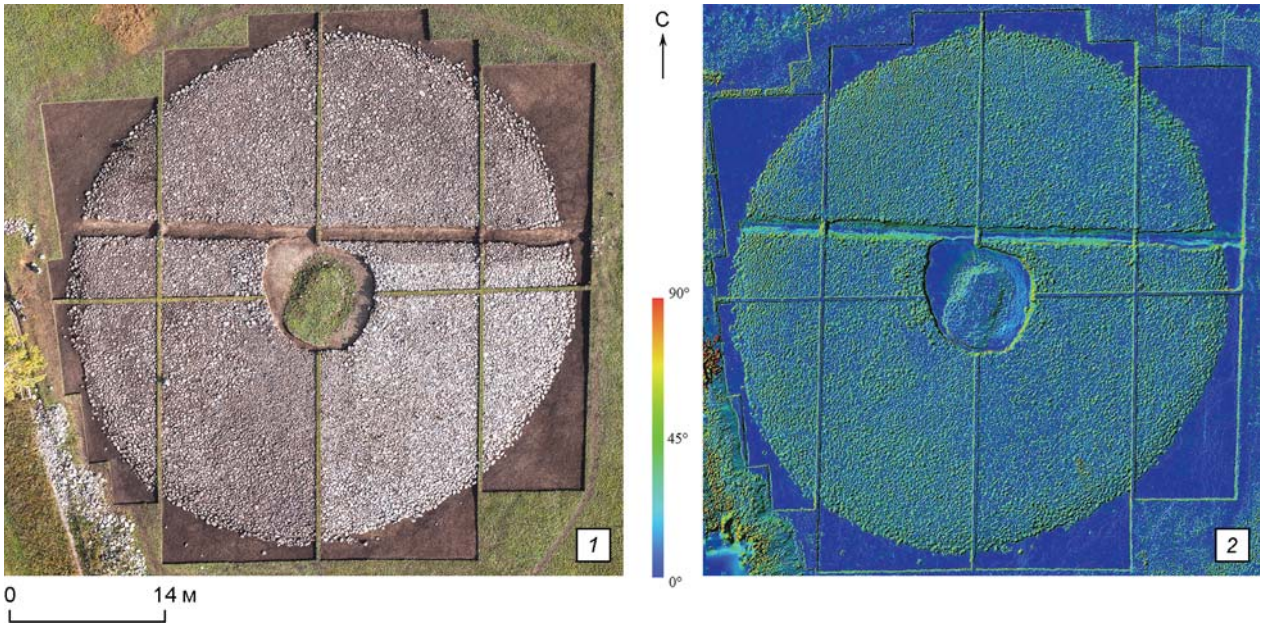

Рис. 1. Кург. 242, могильное поле Катанда-3.

1 – вид на зачищенное каменное сооружение с дрона; *2* – цифровая модель каменного сооружения в режиме Уклон. Значение уклона в градусах (от 0 до 90) основано на значении высоты в каждой точке модели.

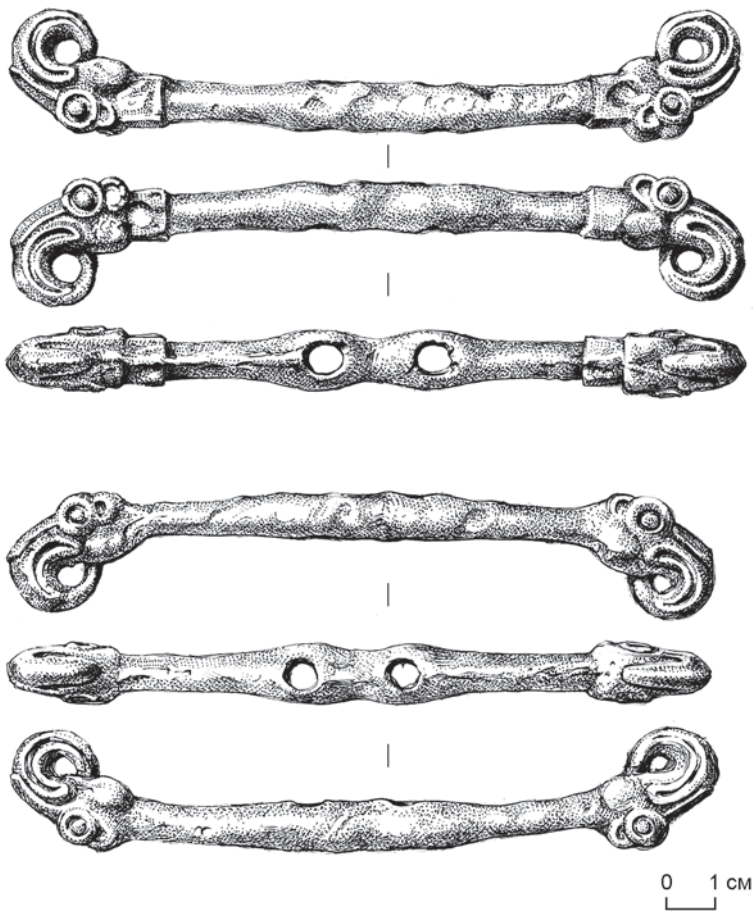

Рис. 2. Бронзовые псалии (прорисовка). Кург. 242, могильное поле Катанда-3, центральное погребение.

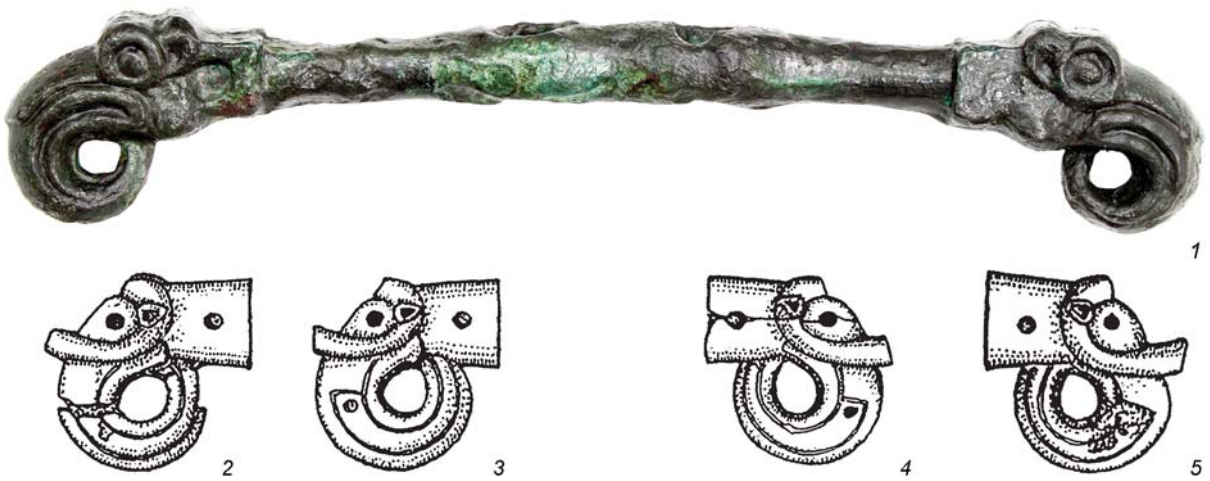

Рис. 3. Псалии и костяные насадки-навершия деревянных псалиев.

1 – бронзовые псалии из центрального погребения кург. 242, могильное поле Катанда-3, *2–5* – навершия деревянных псалиев (кость), Новозаведенное II, кург. 14 (по: [Канторович, 2007, с. 251]).

и законченность образу скифского грифона на катандинских псалиях придает закрученный кольцом клюв. Как нам представляется, этот изобразительный прием имеет отношение к изображениям бараноптицы в раннескифском искусстве, для большинства вариаций которого характерно такое положение клюва [Канторович, 2007, с. 235–257] (рис. 3). Этот образ существовал лишь в архаический период скифского искусства – VII – первая половина VI в. до н.э., территориально он ограничен югом Восточной Европы, самые восточные единичные находки известны на территории савроматской культуры [Погребова, Раевский, 1992, с. 131]. Можно предположить, что закрученный в кольцо клюв скифских грифонов на катандинских псалиях является архаичным элементом, «подсмотренным» на раннескифских изделиях, что согласуется с предложенной нами предварительной датой погребального сооружения VI – началом V в. до н.э. Исследование памятника будет продолжено в следующем году.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-78-10121, https://rscf.ru/project/22-78-10121/

Список литературы

Баркова Л.Л. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // Мат-лы и исследования по археологии СССР. – Л.: Искусство, 1987. – Вып. 28. – С. 5–29.

Бейсенов А.З. Кинжал с зооморфным декором сакского времени из Центрального Казахстана // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2014. – № 5 (31). – С. 103–106.

Бесетаев Б.Б. Конское снаряжение раннепазырыкского времени Восточного Казахстана // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур. – Алматы, 2016. – С. 64–69.

Великая степь: история и культура. – Нур-Султан, 2019. – Т. 2: Конь и всадник. Каталог выставки. – 300 с.

Дворниченко В.В. Новые поступления в составе Хошеутовского комплекса уздечных принадлежностей // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. – М., 2000. – С. 153–157.

Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Сарматы и Скифия. – Азов, 1997. – С. 99–115. – (Донские древности; вып. 5).

Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. – Л.: Искусство, 1983. – 192 с.

Канторович А.Р. Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. – М.: Изд-во ИА РАН; Таус, 2007. – С. 234–258.

Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда-3 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1995. – С. 125–131.

Погребова М.Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. – 1948. – Вып. XII. – С. 62–67.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток: К истории становления скифской культуры. – М.: Наука, 1992. – 269 с.

Полосьмак Н.В., Васильев С.К., Денисенко В.Л., Кудинова М.А. Продолжение работ на могильном поле Катанда-3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 817–822.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы из дневника. – М., 1989. – 750 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л., 1953. – 402 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 204 с.

References

Barkova L.L. Obraz orlinogolovogo grifona v iskusstve drevnego Altaya (po materialam Bol'shih Altajskih kurganov). *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*. Leningrad: Iskusstvo, 1987. Vol. 28. P. 5–29. (In Russ.).

Bejsenov A.Z Dagger with the Zoomorphic Decor of the Sak Time from the Central Kazakhstan. *Tomsk State Univ. J. of History*, 2014. No. 5 (31). P. 103–106. (In Russ.).

Besetaev B.B. Konskoe snaryazhenie rannepazyrykskogo vremeni Vostochnogo Kazahstana. In *Saki i savromaty Kazahskih stepej: kontakt kul'tur*. Almaty, 2016. P. 64–69. (In Russ.).

Dvornichenko V.V. Novye postupleniya v sostave Hosheutovskogo kompleksa uzdechnyh prinadlezhnostej. In *Skify i sarmaty v VII–III vv. Do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arheologiya*. Moscow, 2000. P. 153–157. (In Russ.).

Dvornichenko V.V., Ochir-Goryaeva M.A. Hosheutovskij kompleks uzdechnyh prinadlezhnostej skifskogo vremeni na Nizhnej Volge. In *Sarmaty i Skifiya.* Azov, 1997. P. 99–115. (Donskie drevnosti. Vol. 5). (In Russ.).

Kantorovich A.R. Istoki i variacii obraza baranopticy (grifobarana)v ranneskifskom zverinom stile. In *Severnyj Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke*. Moscow: Institute of Archaeology RAS; Taus, 2007. P. 234–258. (In Russ.).

Mamadakov Y.T. Avarijnye raskopki mogil'nika Katanda-3. In *Problemy ohrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya*. Barnaul, 1995. P. 125–131. (In Russ.).

Pogrebova M.N. Grifon v iskusstve Severnogo Prichernomor'ya v epohu arhaiki. *Kratkie soobscheniya instituta istorii materialnoj kultury,* 1948. Vol. 12. P. 62–57. (In Russ.).

Pogrebova M.N., Raevskij D.S. Rannie skify i drevnij Vostok: K istorii stanovleniya skifskoj kul'tury. Moscow: Nauka, 1992. 269 p. (In Russ.).

Polosmak N.V., Vasil'ev S.K., Denisenko V.L., Kudinova M.A. Continuation of Work at the Katanda-3 Burial Ground. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 817–822. (In Russ.).

Radlov V.V. Iz Sibiri. Stranicy iz dnevnika. Moscow, 1989. 750 p. (In Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad, 1953. 402 p.

Umanskii A.P., Shamshin A.B., Shulga P.I. Mogil'nik skifskogo vremeni Rogoziha-1 na levoberezh'e Obi. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2005. 204 p. (In Russ.).

Velikaya step': istoriya i kul'tura. Nur-Sultan, 2019. Vol. 2: Kon' i vsadnik. Katalog vystavki. 300 p. (In Russ.).

Zavituhina M.P. Drevnee iskusstvo na Enisee. Skifskoe vremya. Publikaciya odnoj kollekcii. Leningrad: Iskusstvo, 1983. 192 p. (In Russ.).

Полосьмак Н.В. https://orcid.org/0000-0002-3760-265X
Кудинова М.А. https://orcid.org/0000-0001-8369-2089
Денисенко В.Л. https://orcid.org/0000-0002-2642-1415

Дата сдачи рукописи: 27.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0694-0700
УДК 551.89

Н.А. Рудая✉, С.Е. Карачурина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nrudaya@gmail.com

Природные условия среднего голоцена Алтая (по палеолимнологическим данным)

В статье рассматриваются результаты изучения среднеголоценовых палеозаписей из колонок донных отложений озер Алтая и прилегающих территорий. Для реконструкции климата и растительности позднего голоцена использовались колонки озер Малое Яровое, Кучук, Теньгинское, Балыктукёль, Игистукёль, Канас, Хотон-Нур. Средний голоцен степной части Алтая характеризуется относительно высоким обилием пыльцы Pinus sylvestris и максимальным присутствием пыльцы Ulmus. Хвойные леса с примесью широколиственных пород по долинам рек были распространены на наиболее увлажненных участках Обь-Иртышского междуречья и Предалтайской равнины. Обилие пыльцы сосны обыкновенной и вяза заметно сокращается после 3 тыс. л.н. Результаты исследования – выраженное начало усиления аридности на этой территории с 4,8–4,5 тыс. л.н. Информацию о природных условиях центральной части Российского Алтая дают палеозаписи озер Улаганского плато, исследованные с высоким разрешением методом рентгенофлуоресцентного анализа, палинологическим и с исследованием седиментационной растительной ДНК. Растительность среднего голоцена Монгольского Алтая по палинозаписи оз. Канас характеризуется максимальным развитием леса. В хвойных лесах доминировала ель сибирская, но в это же время значительно выросло обилие березы и незначительно, но заметно, лиственницы. Палинозапись из оз. Хотон-Нур также характеризует растительность в этой части Монгольского Алтая для интервала 8–5 тыс. л.н. как преимущественно лесную с доминированием темнохвойных лесов с елью сибирской. Таким образом, несмотря на некоторые несоответствия в локальных реконструкциях, северогриппианский период Алтая характеризуется наибольшей гумидностью и распространением лесной растительности. Сокращение лесов, понижение количества среднегодовых осадков начинается после 5 тыс. л.н. Наибольшее распространение широколиственных пород на юге Западной Сибири и на Алтае отмечается между 7,2–2,6 тыс. л.н. После малого ледникового периода присутствие широколиственных пород в палеозаписях озер Алтая не отмечено.

Ключевые слова: *средний голоцен, климат, растительность, Алтай.*

N.A. Rudaya✉, S.E. Karachurina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: nrudaya@gmail.com

Mid-Holocene Environmental Conditions in the Altai Mountains: Paleolimnological Data

The paper discusses the results of the study of Middle Holocene paleorecords from lake-bottom sediment cores of the Altai lakes and adjacent areas. To reconstruct the climate and vegetation of the late Holocene, cores from lakes Maloye Yarovoye, Kuchuk, Tenga, Balyktukel, Igistukel, Kanas, and Khoton-Nur were analyzed. The middle Holocene of the Steppe Altai is characterized by a relatively high proportion of Pinus sylvestris pollen and a maximum presence of Ulmus pollen. Coniferous forests with admixture of deciduous species were distributed along river valleys in the most humid areas of the Ob-Irtysh interfluve and the Pre-Altai plain. The proportions of pollen of Scots pine and elm decreased significantly after 3 ka BP. The results of the study show a pronounced onset of aridity in this area between 4.8–4.5 ka BP. Information on the natural conditions of the central part of the Russian Altai is provided by two palaeorecords from lakes of the Ulagan Plateau; the samples were studied by high resolution XRF analysis and, palynological and sedimentary plant DNA studies. According to the palynological record from Lake Kanas, the Middle Holocene vegetation of the Mongolian Altai is characterized by the maximum forest development. The pollen record from Lake Khoton-Nur also characterizes the vegetation in this part of the Mongolian Altai in the range of 8–5 ka BP as predominantly dark coniferous forests dominated by Siberian spruce. Thus, despite some inconsistencies in local reconstructions, the Northgrippian period of the Altai is characterized by the greatest humidity and distribution of forest vegetation. The reduction of forests and the decrease of the average annual precipitation started after 5 ka BP. The largest distribution of broadleaved species in southern West Siberia and Altai occurs between 7.2–2.6 ka BP. After the Little Ice Age, no presence of broad-leaved species in the paleorecords of Altai lakes has been noted.

Keywords: *Middle Holocene, climate, vegetation, Altai.*

Введение

Алтайская горная страна, располагающаяся на границе нескольких государств и климатических зон, является важным объектом для изучения биоразнообразия и природных обстановок голоцена и позднего плейстоцена. Палеолимнологические исследования уже несколько десятилетий служат основой для палеобиогеографических реконструкций природной среды, по крайней мере, за несколько десятков тысячелетий. Алтайская горная страна и прилегающие к ней территории богаты озерами, а, следовательно, являются перспективными для палеолимнологических исследований. При этом большинство современных озер на этой горной территории относительно молодые и сформировались в стадию последней дегляциации.

В настоящее время голоцен подразделяется на три периода, один из которых, северогриппианский, соответствует среднему голоцену (8,2–4,2 тыс. л.н.). В настоящей статье рассматриваются природные условия северогриппианского периода голоцена для Алтая.

Материалы и методы исследования

Материалами настоящего исследования являются керны донных отложений озер, отобранные в разных частях Алтая. Для реконструкции климата и растительности позднего голоцена использовались колонки из озер Малое Яровое, Кучук, Теньгинское, Балыктукёль, Игистукёль, Канас и Хотон-Нур.

Отбор донных отложений проводился с использованием гравитационного донного пробоотборника Uwitec. Датирование кернов выполнено с применением радиоуглеродного метода; возрастные модели, построенные в R Bacon [Blaauw, Christeny, 2011], уточнены измерением содержания изотопов цезия и свинца. Геохимический анализ, включая РФА-сканирование кернов, проводился для части колонок донных отложений. Количественные реконструкции растительности и климатических показателей проводились на основании палинологических данных. Количество осадков рассчитывалось с применением трансферной функции и использованием базы данных поверхностных палинологических спектров для Центральной Азии и Западной Сибири [Cao et al., 2019].

Реконструкция природных условий среднего голоцена Алтая (8,2–4,2 тыс. л.н.)

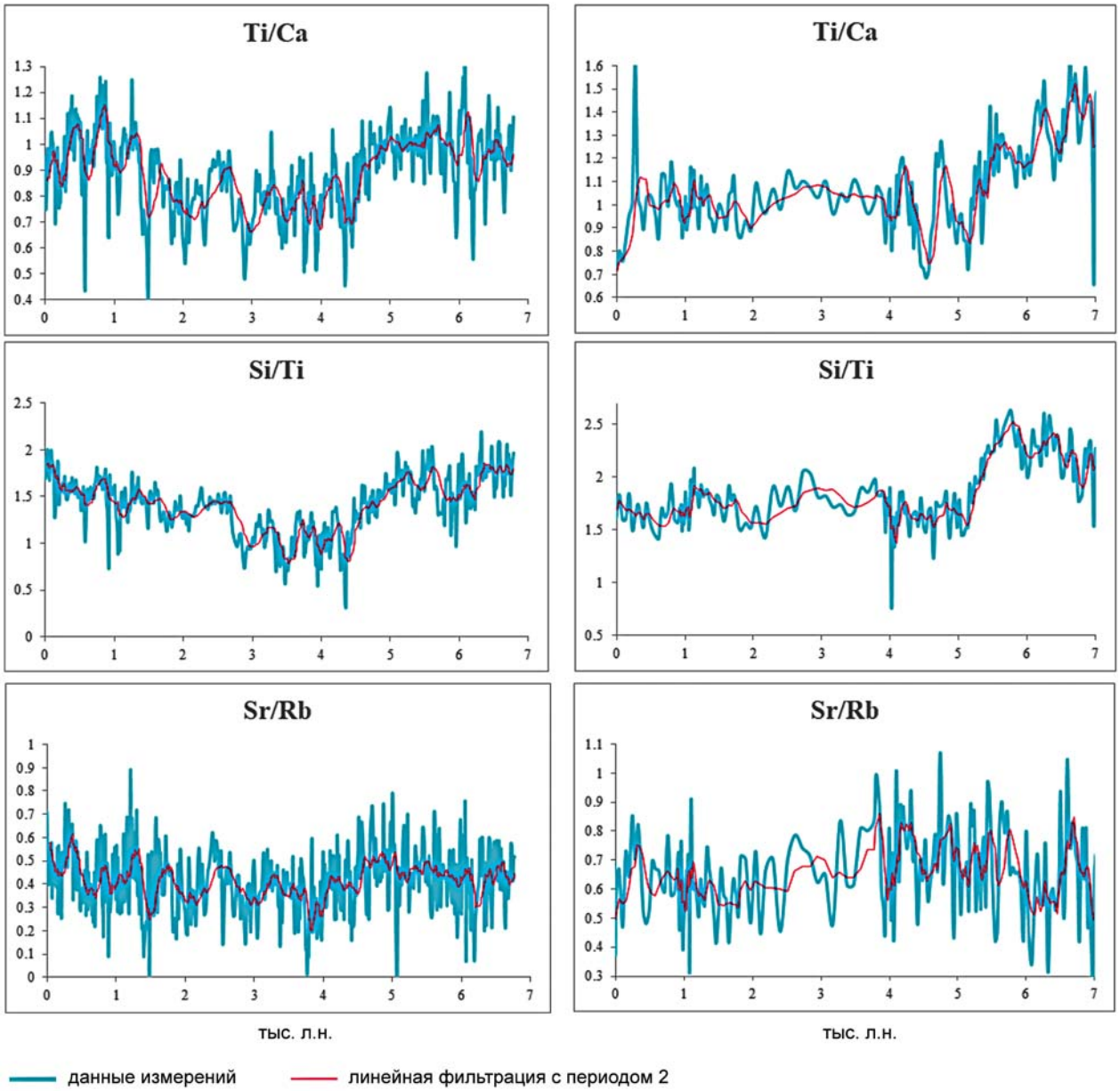
В палинозаписи из оз. Малое Яровое с началом северогриппианского периода отмечается увеличение пыльцы *Pinus sylvestris* и появление в палиноспектрах пыльцы *Abies*. Количество осадков достигает 350 мм/год. Максимум осадков для территории Кулундинской низменности и ее окрестностей по палеозаписям озер Малое Яровое и Кучук реконструируется между 7–2,6 тыс. л.н. (375–390 мм/год), однако тенденция к уменьшению среднегодового количества осадков отмечается уже с 4 тыс. л.н. [Rudaya et al., 2020].

Седиментологические и геохимические данные показывают высокий уровень озера и повышенное поступление терригенного материала после 7,2 тыс. л.н., что косвенно подтверждает возросшее обилие хламидиоспор почвенного гриба *Glomus* – маркера береговой эрозии [Van Geel et al., 2003]. Высокий уровень береговой эрозии может свидетельствовать о повышенном речном и поверхностном стоке в озеро. В целом, высокий уровень озера Малое Яровое реконструирован между 6,6 и 1,3 тыс. л.н., а максимальный – между 6,6 и 6 тыс. л.н. [Rudaya et al., 2020].

Вообще, интервал 7,2–4 тыс. л.н. характеризуется относительно высоким обилием пыльцы *Pinus sylvestris*, а также максимальным присутствием пыльцы *Ulmus*. Хвойные леса с примесью широколиственных пород по долинам рек были распространены на наиболее увлажненных участках Обь-Иртышского междуречья и Предалтайской равнины. Обилие пыльцы сосны обыкновенной и вяза заметно сокращается после 3 тыс. л.н. Результаты биомизации палинологических данных показали увеличение показателей степного биома (STEPPE) и доли пыльцы Amaranthaceae, *Artemisia* и *Ephedra* маркирует выраженное начало усиления аридности на этой территории с 4,8–4,5 тыс. л.н.

Информацию о природных условиях центральной части Российского Алтая дают две палеозаписи из озер Улаганского плато, исследованных с очень высоким разрешением методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА). Так, элементная запись из оз. Балыктукёль выявила повышенные значения соотношения титана к кальцию (Ti/Ca) с начала палеозаписи (7 тыс. л.н.) и до 5 тыс. л.н., что косвенно показывает повышенный уровень озера в среднем голоцене. В это же время в озерах Балыктукёль и Игистукёль фиксируются относительно высокие содержания кремния и соотношения Si/Ti, что говорит о повышенной продукции биогенного кремнезема и, вероятно, большего развития диатомовой флоры. В палеозаписи оз. Игистукёль (*IK2018*) отношение кремния к титану (Si/Ti) имеет максимальные значения от 7,2 до 5,5 тыс. л.н., а затем резко снижается с абсолютным минимумом на 4 тыс. л.н.

Отношение стронция к рубидию (Sr/Rb), отражающее размер поступающих в озеро частиц терригенного материала, максимально в записи из оз. Игистукёль (*IK2018*) между 7,2 и до 3,8 тыс. л.н. (см. *рисунок*). Х. Янг с соавторами [Yang et al., 2020] показали для Тибетского плато, что отношение содержания стронция и рубидия могут коррелировать с процентом древесной пыльцы в палиноспектрах и содержанием общего органического углерода в озерных кернах. Таким образом, повышенное отношение Sr/Rb в керне *IK2018* может быть индикатором повышенной

Индикаторные отношения элементов (CPS, лог-трансформированы) в керне *BK2018* из оз. Балыктукёль (слева) и керне *IK2018* из озера Игистукёль, Республика Алтай (справа), полученные методом РФА-сканирования.

продуктивности озера и распространения древесной растительности, то есть более гумидного климата в интервале 7,2–3,8 тыс. л.н. Элементы, индикаторы биопродуктивности озера (бром и сера), также характеризуются повышенным содержанием в палеозаписях из озер Балыктукёль (*BK2018*) и Игистукёль (*IK2018*) с 7 до 5–4,6 тыс. л.н.

Реконструкция растительности для Улаганского плато, основанная на палинологических данных из колонок донных отложений озер [Blyakharchuk et al., 2004], выявляет произрастание темнохвойных лесов с пихтой сибирской и елью обыкновенной в первой половине среднего голоцена. Начиная с 7,5 тыс. л.н. из палиноспектров начинает исчезать пыльца *Abies sibirica* и *Picea obovata* и они, предположительно, полностью выпадают из лесной растительности Улаганского плато к 4 тыс. л.н. Палинозапись из оз. Балыктукёль (*BK2018*), однако, показывает, что и ель, и пихта присутствовали хоть и в небольшом количестве на плато по крайне мере до 2,2 тыс. л.н. [Karachurina et al., 2023; Vnukovskaya, Kuzmina, Rudaya, 2024]. Отмечается и постоянное присутствие лиственницы на Улаганском плато в течение последних 7 тыс. лет.

Реконструкция растительности Улаганского плато, основанная на анализе седиментационной ДНК-колонки донных отложений оз. Балыктукёль (*BK2018*) [Karachurina et al., 2023], показывает широкое развитие лиственничных лесов и высокое процентное содержание таких древесных таксонов, как *Larix sibirica*, Betulaceae, Salicaceae и *Lonicera* вплоть до

3,4 тыс. л.н. Обилие остальных древесных таксонов низкое, *Pinus u Abies* встречаются, но в небольшом количестве и спорадически. Также только в среднем голоцене (до 4 тыс. л.н.) присутствует *Populus*. Среди травянистых таксонов наиболее обильны *Saussurea* и Potentilleae. После 3,4 тыс. л.н. наблюдается тенденция к похолоданию и аридизации, развитию отрытых травянистых группировок.

При сравнении седаДНК и палинозаписи оз. Балыктукёль наблюдаются различия в таксономическом составе видов, преобладающих как на протяжение всего спектра в целом, так и в среднем голоцене в частности. Доминирующим таксоном в ДНК-записи является лиственница, а в палинозаписи – сосна.

Похожая ситуация складывается в Курайской степи. Здесь максимальное развитие лесной растительности реконструируется ок. 6,5 тыс. л.н. При этом главные компоненты лесов были *Pinus sibirica* с примесью *Betula*. Темнохвойные породы *Picea obovata* и *Abies sibirica* к этому времени в составе древостоя сократились, а доля лиственницы возросла [Blyakharchuk et al., 2008]. Основываясь на палинологических данных, полученных из субаэрального обнажения в долине р. Чуя в Курайской степи, исследователи [Schlütz, Lehmkuhl, 2007] реконструируют темнохвойные леса с *Picea obovata* до 5,3 тыс. л.н. и полное ее исчезновение ок. 3,4 тыс. л.н.

Аридный эпизод зафиксирован в палинозаписи из оз. Теньгинского между 5,3–3,4 тыс. л.н.

Палиноспектры северогриппианского периода из озер юго-западной Тувы показывают распространение, как степных сообществ, так и сосновых лесов с доминированием *Pinus sibirica*. Доля пыльцы *Picea* в палиноспектрах снижается, а после 3,5 тыс. л.н. становится совсем незначительной. Диатомовый и палинологический анализы колонок из озер Груша и Ак-Холь выявляют теплый и гумидный период между 8,2 и 6,6 тыс. л.н. [Westover et al., 2006; Blyakharchuk et al., 2007], однако состав хирономид предполагает низкий уровень озер и аридизацию климата между 8,5–5,9 тыс. л.н. [Ilyashuk B.P., Ilyashuk E.A., 2007]. Понижение уровня оз. Богуты также фиксируется между 8,2–7,6 тыс. л.н. [Nepop, Agatova, Uspenskaya, 2020].

После 6 тыс. л.н. все биопрокси из записей озер Груша и Ак-Холь начинают отражать похолодание климата [Westover et al., 2006; Blyakharchuk et al., 2007; Ilyashuk B.P., Ilyashuk E.A., 2007].

Растительность среднего голоцена Монгольского Алтая по палинозаписи из оз. Канас (*KNS*) характеризуется максимальным развитием леса. В хвойных лесах доминировала ель сибирская, но в это же время значительно выросло обилие березы и незначительно, но заметно, лиственницы. Среднегодовое количество осадков в это время возрастает до 310 мм/год. После 7 тыс. л.н. сокращение обилия пыльцы деревьев и кустарников может означать и сокращение лесной растительности [Huang et al., 2018].

Палинозапись из оз. Хотон-Нур также характеризует растительность в этой части Монгольского Алтая для интервала 8–5 тыс. л.н. как преимущественно лесную с доминированием темнохвойных лесов с елью сибирской [Rudaya et al., 2009]. Максимальный процент *Picea* в палиноспектрах приходится на начало северогриппианского периода, постепенно понижаясь к его концу. Это время характеризуется максимальным для палинозаписи количеством осадков – 280 мм/год. Более влажный климат среднего голоцена подтверждается и более легким отношением стабильных изотопов углерода, подсчитанных для пыльцевого мацерата образцов этой части керна *Hoton-2* [Rudaya, Li, 2013].

Скорость накопления торфа в торфянике *BBP* (китайская часть Монгольского Алтая) начала сокращаться с 7,6 тыс. л.н., а после 6,3 тыс. л.н. стала очень низкой и оставалась такой до 2,8 тыс. л.н., что может указывать на аридный или холодный период [Xu et al., 2019]. Однако палинологические данные по торфянику *KLSZ* предполагают развитие горной темнохвойной тайги на западном макросклоне Монгольского Алтая [Zhang et al., 2020].

Климат Убсунурской котловины также характеризовался в среднем голоцене увлажнением; рассчитанное по палинологическим данным среднегодовое количество осадков – 150–170 мм/г. Палинологические спектры характеризуются сокращением пустынных таксонов и увеличением обилия полыни [Tian et al., 2014]. Высокий уровень озер в Убсу-Нурской котловине реконструируется между 7,3–3,2 тыс. л.н. [Grunert, Lehmkuhl, Walther, 2000].

Для Западной Монголии, куда относится и Монгольский Алтай, для первой половины среднего голоцена (8–6 тыс. л.н.), исследователи [Klinge, Sauer, 2019], основываясь на нескольких палинозаписях, реконструируют теплый и влажный климат. Начиная со второй половины среднего голоцена (6–4 тыс. л.н.), большинство палинозаписей предполагают похолодание климата, а вот выявить однозначный тренд увлажнения не удалось [Ibid.]. Похожие тенденции выявлены и для соседнего Восточного Тянь-Шаня (по палинозаписям из оз. Баликун, Синьцзян) – климат становится более теплым и гумидным после 7,9 тыс. л.н. [An et al., 2011, 2013]. Анализ палинозаписей из 11 озер, относимых к аридной Центральной Азии, также выявляет наиболее гумидный период между 8 и 4 тыс. л.н.; при этом многие из этих озер начали наполняться только к 8 тыс. л.н. после высыхания в аридном раннем голоцене [Chen et al., 2008].

Показательным климатическим индикатором является палеозапись из ледяного керна Хух-Нуруу Уул из массива Цам-Багарав (Монгольский Алтай). Согласно радиоуглеродному датированию, ледник появился только 6 тыс. л.н., что маркирует начало неогляциации Монгольского Алтая [Brugger et al., 2018; Herren et al., 2013].

Таким образом, несмотря на некоторые несоответствия в локальных реконструкциях, северогриппианский период Алтая характеризуется наибольшей гумидностью и распространением лесной растительности. Сокращение лесов и понижение количества среднегодовых осадков начинается после 5 тыс. л.н. Наибольшее распространение широколиственных пород на юге Западной Сибири и на Алтае отмечается между 7,2–2,6 тыс. л.н. После малого ледникового периода присутствие широколиственных пород в палеозаписях озер Алтая не отмечено [Рудая, 2023].

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0010 «Палеоэкология человека и реконструкция природных условий Евразии в четвертичном периоде».

Список литературы

Рудая Н.А. Климат и растительность позднего голоцена Алтая (по данным из палеозаписей озер) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 823–828.

An C.B., Tao S.C., Zhao J. Chen F.H., Lu Y., Dong W., Li H., Zhao Y., Jin M., Wang Z. Late Quaternary (30.7–9.0 cal ka BP) vegetation history in Central Asia inferred from pollen records of Lake Balikun, northwest China // J. of Paleolimnology. – 2013. – Vol. 49. – P. 145–154.

An C.B., Lu Y., Zhao J., Tao S., Dong W., Li H., Jin M., Wang Z. A high-resolution record of Holocene environmental and climatic changes from Lake Balikun (Xinjiang, China): Implications for central Asia // The Holocene. – 2011. – Vol. 22, N 1. – P. 43–52.

Blaauw M., Christeny J.A. Flexible paleoclimate age-depth models using an autoregressive gamma process // Bayesian Analysis. – 2011. – Vol. 6. – P. 457–474.

Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap W.O., Ammann B. Late Glacial and Holocene vegetational history of the Altai Mountains (southwestern Tuva Republic, Siberia) // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2007. – Vol. 245. – P. 518–534.

Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap W.O., Ammann B. Late-glacial and Holocene vegetational changes on the Ulagan high-mountain plateau, Altai Mountains, southern Siberia // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2004. – Vol. 209. – P. 259–279.

Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap W.O., Ammann B. The role of Pingos in the development of the Dzhangyskol lake-Pingo complex, central Altai Mountains, Southern Siberia // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2008. – Vol. 254, N 4. – P. 404–420.

Brugger S.O., Gobet E., Sigl M., Osmont D., Papina T., Rudaya N., Schwikowski M., Tinner W. Ice records provide new insights into climatic vulnerability of Central Asian forest and steppe communities // Global and Planetary Change. – 2018. – Vol. 169. – P. 188–201.

Cao X., Tian F., Li F., Gaillard M.-J., Rudaya N., Xu Q., Herzschuh U. Pollen-based quantitative land-cover reconstruction for northern Asia covering the last 40 ka cal BP // Climate of the past. – 2019. – Vol. 15. – P. 1503–1536.

Chen F., Yu Y., Yang M., Ito E., Wang S., Madsen D.B., Huang X., Zhao Y., Sato T., Birks H.J.B., Boomer I., Chen J., An C., Wünnemann B. Holocene moisture evolution in arid central Asia and its out-of-phase relationship with Asian monsoon history // Quatern. Sci. Rev. – 2008. – Vol. 27. – P. 351–364.

Grunert J., Lehmkuhl F., Walther M. Paleoclimatic evolution of the Uvs Nuur basin and adjacent areas (Western Mongolia) // Quatern. Intern. – 2000. – Vol. 65–66. – P. 171–192.

Herren P.-A., Eichler A., Machguth H., Papina T., Tobler L., Zapf A., Schwikowski M. The onset of Neoglaciation 6000 years ago in western Mongolia revealed by an ice core from the Tsambagarav mountain range // Quatern. Sci. Rev. – 2013. – Vol. 69. – P. 59–68.

Huang X., Peng W., Rudaya N., Grimm E.C., Chen X., Cao X., Zhang J., Pan X., Liu S., Chen C., Chen F. Holocene Vegetation and Climate Dynamics in the Altai Mountains and Surrounding Areas // Geophysical Research Letters. – 2018. – Vol. 45, N 13. – P. 6628–6636.

Ilyashuk B.P., Ilyashuk E.A. Chironomid record of Late Quaternary climatic and environmental changes from two sites in Central Asia (Tuva Republic, Russia) – local, regional or global causes? // Quatern. Sci. Rev. – 2007. – Vol. 26. – P. 705–731.

Karachurina S., Rudaya N., Frolova L., Kuzmina O., Cao X., Chepinoga V., Stoof-Leichsenring K., Biskaborn B., Herzschuh U., Nigmatullin N., Vnukovskaya Y., Grekov I. Pestryakova L. Terrestrial vegetation and lake aquatic community diversity under climate change during the mid–late Holocene in the Altai Mountains // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2023. – Vol. 623. – P. 111623.

Klinge M., Sauer D. Spatial pattern of Late Glacial and Holocene climatic and environmental development in Western Mongolia – A critical review and synthesis // Quatern. Sci. Rev. – 2019. – Vol. 210. –P. 26–50.

Nepop R.K., Agatova A.R., Uspenskaya O.N. Climatically driven late Pleistocene – Holocene hydrological system transformation and landscape evolution in the eastern periphery of Chuya basin, SE Altai, Russia // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 538. – P. 63–79.

Rudaya N., Krivonogov S., Słowinski M., Cao X., Zhilich S. Postglacial history of the Steppe Altai: Climate, fire and plant diversity // Quatern. Sci. Rev. – 2020. – Vol. 249. – P. 1–20.

Rudaya N., Li H.-Ch. A new approach for reconstruction of the Holocene climate in the Mongolian Altai: The high-resolution δ13C records of TOC and pollen complexes in Hoton-Nur Lake sediments // J. of Asian Earth Sci. – 2013. – Vol. 69. – P. 185–195.

Rudaya N., Tarasov P., Dorofeyuk N., Solovieva N., Kalugin I., Andreev A., Daryin A., Diekmann B., Riedel F.,

Tserendash N., Wagner M. Holocene environments and climate in the Mongolian Altai reconstructed from the Hoton-Nur pollen and diatom records: a step towards better understanding climate dynamics in Central Asia // Quatern. Sci. Rev. – 2009. – Vol. 28. – P. 540–554.

Schlütz F., Lehmkuhl F. Climatic change in the Russian Altai, southern Siberia, based on palynological and geomorphological results, with implications for climatic teleconnections and human history since the middle Holocene // Vegetation History and Archaeobotany. – 2007. – Vol. 16. – P. 101–118.

Tian F., Herzschuh U., Telford R.J., Mischke S., Van der Meeren T., Krengel M. A modern pollen–climate calibration set from central-western Mongolia and its application to a late glacial–Holocene record // J. of Biogeography. – 2014. – Vol. 41, N 10. – P. 1–14.

Van Geel B., Buurman J.J., Brinkkemper O., Schelvis J.J., Aptroot A., van Reenen G., Hakbijl T. Environmental reconstruction of a Roman Period settlement site in Uitgeest (The Netherlands), with special reference to coprophilous fungi // J. of Archaeol. Sci. – 2003. – Vol. 30. – P. 873–883.

Vnukovskaya Y.D., Kuzmina O.B., Rudaya N.A. Local Environmental Conditions of Lake Balyktukel (Russian Altai) in the Holocene from Non-Pollen Palynomorphs // Paleontological J. – 2024. – Vol. 58, N 7. – P. 99–108.

Westover K.S., Fritz S.C., Blyakharchuk T.A., Wright H.E. Diatom paleolimnological record of Holocene climatic and environmental change in the Altai Mountains, Siberia // J. of Paleolimnology. – 2006. – Vol. 35. – P. 519–541.

Xu H., Zhou K., Lan J., Zhang G., Zhou X. Arid Central Asia saw mid-Holocene drought // Geology. – 2019. – Vol. 47. – P. 255–258.

Yang H., Zhao Y., Cui Q., Ren W., Li Q. Paleoclimatic indication of X-ray fluorescence core-scanned Rb/Sr ratios: A case study in the Zoige Basin in the eastern Tibetan Plateau // Science China Earth Sciences. – 2020. – Vol. 63. – P. 80–95.

Zhang D., Chen X., Li Y., Zhang S. Holocene vegetation dynamics and associated climate changes in the Altai Mountains of the Arid Central Asia // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2020. – Vol. 550. – P. 109744.

References

An C.B., Tao S.C., Zhao J., Chen F.H., Lu Y., Dong W., Li H., Zhao Y., Jin M., Wang Z. Late Quaternary (30.7–9.0 cal ka BP) vegetation history in Central Asia inferred from pollen records of Lake Balikun, northwest China. *J. of Paleolimnology*, 2013. Vol. 49. P. 145–154.

An C.B., Lu Y., Zhao J., Tao S., Dong W., Li H., Jin M., Wang Z. A high-resolution record of Holocene environmental and climatic changes from Lake Balikun (Xinjiang, China): Implications for central Asia. *The Holocene*, 2011. Vol. 22, No. 1. P. 43–52.

Blaauw M., Christeny J.A. Flexible paleoclimate age-depth models using an autoregressive gamma process. *Bayesian Analysis*, 2011. Vol. 6. P. 457–474.

Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap W.O., Ammann B. Late Glacial and Holocene vegetational history of the Altai Mountains (southwestern Tuva Republic, Siberia). *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, 2007. Vol. 245. P. 518–534.

Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap W.O., Ammann B. Late-glacial and Holocene vegetational changes on the Ulagan high-mountain plateau, Altai Mountains, southern Siberia. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, 2004. Vol. 209. P. 259–279.

Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., van der Knaap W.O., Ammann B. The role of Pingos in the development of the Dzhangyskol lake-Pingo complex, central Altai Mountains, Southern Siberia. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology,* 2008. Vol. 254, No. 4. P. 404–420.

Brugger S.O., Gobet E., Sigl M., Osmont D., Papina T., Rudaya N., Schwikowski M., Tinner W. Ice records provide new insights into climatic vulnerability of Central Asian forest and steppe communities. *Global and Planetary Change*, 2018. Vol. 169. P. 188–201.

Cao X., Tian F., Li F., Gaillard M.-J., Rudaya N., Xu Q., Herzschuh U. Pollen-based quantitative land-cover reconstruction for northern Asia covering the last 40 ka cal BP. *Climate of the past*, 2019. Vol. 15. P. 1503–1536.

Chen F., Yu Y., Yang M., Ito E., Wang S., Madsen D.B., Huang X., Zhao Y., Sato T., Birks H.J.B., Boomer I., Chen J., An C., Wünnemann B. Holocene moisture evolution in arid central Asia and its out-of-phase relationship with Asian monsoon history. *Quatern. Sci. Rev.*, 2008. Vol. 27. P. 351–364.

Grunert J., Lehmkuhl F., Walther M. Paleoclimatic evolution of the Uvs Nuur basin and adjacent areas (Western Mongolia). *Quatern. Intern.*, 2000. Vol. 65–66. P. 171–192.

Herren P.-A., Eichler A., Machguth H., Papina T., Tobler L., Zapf A., Schwikowski M. The onset of Neoglaciation 6000 years ago in western Mongolia revealed by an ice core from the Tsambagarav mountain range. *Quatern. Sci. Rev.*, 2013. Vol. 69. P. 59–68.

Huang X., Peng W., Rudaya N., Grimm E.C., Chen X., Cao X., Zhang J., Pan X., Liu S., Chen C., Chen F. Holocene Vegetation and Climate Dynamics in the Altai Mountains and Surrounding Areas. *Geophysical Research Letters*, 2018. Vol. 45, No. 13. P. 6628–6636.

Ilyashuk B.P., Ilyashuk E.A. Chironomid record of Late Quaternary climatic and environmental changes from two sites in Central Asia (Tuva Republic, Russia) – local, regional or global causes? *Quatern. Sci. Rev.*, 2007. Vol. 26. P. 705–731.

Karachurina S., Rudaya N., Frolova L., Kuzmina O., Cao X., Chepinoga V., Stoof-Leichsenring K., Biskaborn B., Herzschuh U., Nigmatullin N., Vnukovskaya Y., Grekov I. Pestryakova L. Terrestrial vegetation and lake aquatic community diversity under climate change during the mid–late Holocene in the Altai Mountains. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, 2023. Vol. 623. P. 111623.

Klinge M., Sauer D. Spatial pattern of Late Glacial and Holocene climatic and environmental development in Western

Mongolia – A critical review and synthesis. *Quatern. Sci. Rev.*, 2019. Vol. 210. P. 26–50.

Nepop R.K., Agatova A.R., Uspenskaya O.N. Climatically driven late Pleistocene – Holocene hydrological system transformation and landscape evolution in the eastern periphery of Chuya basin, SE Altai, Russia. *Quatern. Intern.*, 2020. Vol. 538. P. 63–79.

Rudaya N., Krivonogov S., Słowinski M., Cao X., Zhilich S. Postglacial history of the Steppe Altai: Climate, fire and plant diversity. *Quatern. Sci. Rev.*, 2020. Vol. 249. P. 1–20.

Rudaya N., Li H.-Ch. A new approach for reconstruction of the Holocene climate in the Mongolian Altai: The high-resolution δ13C records of TOC and pollen complexes in Hoton-Nur Lake sediments. *J. of Asian Earth Sciences*, 2013. Vol. 69. P. 185–195.

Rudaya N., Tarasov P., Dorofeyuk N., Solovieva N., Kalugin I., Andreev A., Daryin A., Diekmann B., Riedel F., Tserendash N., Wagner M. Holocene environments and climate in the Mongolian Altai reconstructed from the Hoton-Nur pollen and diatom records: a step towards better understanding climate dynamics in Central Asia. *Quatern. Sci. Rev.*, 2009. Vol. 28. P. 540–554.

Rudaya N.A. Late Holocene Climate and Vegetation of the Altai Mountains (Based on Lake Paleorecords). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* 2023. Vol. 29. P. 823–828. (In Russ.).

Schlütz F., Lehmkuhl F. Climatic change in the Russian Altai, southern Siberia, based on palynological and geomorphological results, with implications for climatic teleconnections and human history since the middle Holocene. *Vegetation History and Archaeobotany*, 2007. Vol. 16. P. 101–118.

Tian F., Herzschuh U., Telford R.J., Mischke S., van der Meeren T., Krengel M. A modern pollen–climate calibration set from central-western Mongolia and its application to a late glacial–Holocene record. *J. of Biogeography*, 2014. Vol. 41, No. 10. P. 1–14.

Van Geel B., Buurman J.J., Brinkkemper O., Schelvis J.J., Aptroot A., van Reenen G., Hakbijl T. Environmental reconstruction of a Roman Period settlement site in Uitgeest (The Netherlands), with special reference to coprophilous fungi. *J. of Archaeological Sci.*, 2003. Vol. 30. P. 873–883.

Vnukovskaya Y.D., Kuzmina O.B., Rudaya N.A. Local Environmental Conditions of Lake Balyktukel (Russian Altai) in the Holocene from Non-Pollen Palynomorphs. *Paleontological J.*, 2024. Vol. 58, No. 7. P. 99–108.

Westover K.S., Fritz S.C., Blyakharchuk T.A., Wright H.E. Diatom paleolimnological record of Holocene climatic and environmental change in the Altai Mountains, Siberia. *J. of Paleolimnology*, 2006. Vol. 35. P. 519–541.

Xu H., Zhou K., Lan J., Zhang G., Zhou X. Arid Central Asia saw mid-Holocene drought. *Geology*, 2019. Vol. 47. P. 255–258.

Yang H., Zhao Y., Cui Q., Ren W., Li Q. Paleoclimatic indication of X-ray fluorescence core-scanned Rb/Sr ratios: A case study in the Zoige Basin in the eastern Tibetan Plateau. *Science China Earth Sciences*, 2020. Vol. 63. P. 80–95.

Zhang D., Chen X., Li Y., Zhang S. Holocene vegetation dynamics and associated climate changes in the Altai Mountains of the Arid Central Asia. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, 2020. Vol. 550. P. 109744.

Рудая Н.А. https://orcid.org/0000-0003-1536-6470
Карачурина С.Е. https://orcid.org/0000-0002-4955-2872

Дата сдачи рукописи: 07.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0701-0708
УДК 902.2

И.А. Савко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: savko.ilia2016@yandex.ru

Формы сосудов андроновской (федоровской) культуры степного и лесостепного Алтая (обзор исследований)

В статье рассмотрены исследовательские подходы к изучению форм сосудов андроновской (федоровской) культуры степного и лесостепного Алтая. Цель работы – систематизация существующих классификаций и методов анализа керамики для дальнейшей выработки единой методики анализа форм. Историографический обзор охватывает ключевые исследования с 1930-х гг., включая работы С.М. Сергеева, М.П. Грязнова, С.В. Киселева и др. Е.Е. Кузьмина и В.И. Матющенко использовали схожие параметры для классификации сосудов: максимальное расширение сосуда (верхняя треть, середина или нижняя треть сосуда); выраженность шейки; диаметр дна; отогнутость венчика; соотношение высоты и максимального диаметра. Большинство алтайских исследователей (Ю.Ф. Кирюшин, С.Ю. Лузин и др.) разделяют горшки по степени изгиба венчика и выраженности шеи и плеча на различные уровни профилированности, а банки на сосуды открытого и закрытого типа. Особое внимание уделено работам, выполненным по методике В.Ф. Генинга, использующей статистические методы для анализа линейных размеров сосудов. Большая часть исследований, выполненных по этой методике, основана на материалах памятников Барабинской лесостепи. В работе также рассматривается методика историко-культурного подхода А.А. Бобринского, где форма сосудов понимается как результат деятельности гончара, обусловленный его трудовыми навыками. В отличие от предыдущих исследований, этот подход направлен не на типологизацию и классификацию керамики, а на выявление разных групп древнего населения и хронологическую динамику их изменений. Приведены результаты применения этой методики на материалах родственной алакульской культуры Южного Зауралья, а также рассматриваются перспективы ее использования для сосудов андроновской (федоровской) культуры степного и лесостепного Алтая.

Ключевые слова: *керамика, андроновская (федоровская) культура, формы сосудов, историко-культурный подход.*

I.A. Savko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: savko.ilia2016@yandex.ru

Shapes of Vessels of the Andronovo (Fedorovo) Culture of the Steppe and Forest-Steppe Altai (Research Review)

The article examines research approaches to the study of vessel shapes of the Andronovo (Fedorovo) culture in the Altai steppe and forest-steppe regions. The aim of the study is to systematize existing classifications and methods of ceramic analysis in order to develop a unified methodology for analyzing vessel shapes. The historiographical review covers key cases from the 1930s, including the works by S.M. Sergeev, M.P. Gryaznov, S.V. Kiselev, and others. E.E. Kuzmina and V.I. Matyushchenko used similar parameters pottery classification: the maximum width of the vessel (upper third, middle, or lower third parts); the curvature of the neck; the diameter of the base; the curvature of the rim; and the ratio of height to maximum diameter. Many Altai researchers (Y.F. Kiryushin, S.Y. Luzin, and others) classify pots based on the degree of rim curvature and the prominence of the neck and shoulder into classes of various curvature levels, while jars are classified into open and closed types. Special attention is given to studies based on V.F. Gening methodology, which applies statistical methods to analyses of linear dimensions of vessels. Much of the research based on this methodology is based on pottery collections from Baraba forest-steppe. The article also addresses A.A. Bobrinsky historical-cultural approach correlating the shape of vessels to potter's skills and labor techniques. Unlike previous studies, this approach is focused on identification of various groups of ancient population and the chronological changes in the population rather than on establishing typology and classification of ceramics. The article presents the results of applying this methodology to materials from the related Alakul culture in Southern Trans-Urals, and the prospects for the application of these methods to the analysis of vessels from the Andronovo (Fedorovo) culture in the steppe and forest-steppe regions of Altai.

Keywords: *ceramics, Andronovo (Fedorovo) culture, vessel shapes, historical and cultural approach.*

Введение

Формы сосудов представляют собой важный исторический источник, используемый как для датирования археологических комплексов, так и для выявления культурных особенностей древних обществ, оставивших эти памятники [Формы..., 2018, с. 7]. Изучение форм сосудов особенно значимо для андроновской (федоровской) культуры, т.к. ее материальный комплекс, за редкими исключениями, характеризуется однообразным и малочисленным инвентарем, а также невыразительными погребальными сооружениями, что усложняет построение относительной хронологии как самих могильников, так и всей культуры в целом.

Целью данного исследования является выявление и обобщение основных исследовательских подходов, использованных учеными для изучения форм керамики андроновской (федоровской) культуры степного и лесостепного Алтая. Анализ историографического опыта позволит не только систематизировать существующие классификации форм керамики и методы ее анализа, но и определить наиболее продуктивные из них для дальнейшего самостоятельного исследования. Выработка и применение единой эффективной методики анализа форм сосудов позволит получать результаты, необходимые для реконструкции историко-культурных процессов и установления хронологии андроновской (федоровской) культуры степного и лесостепного Алтая.

Обзор исследований морфологии керамики

Изучение керамики андроновской (федоровской) культуры на Алтае началось с открытий первых памятников в долине Оби (могильники Хомутинка, Клепиково, Волчиха), сделанных М.П. Грязновым, участвовавшим в экспедиции этнографического отдела Государственного Русского музея под руководством С.И. Руденко в 1925 г. [Грязнов, 1930, 1956, с. 16–17]. В 1930-е гг. значительную роль в изучении андроновских памятников в районе г. Бийска и прилегающих территорий сыграли исследователи из Бийского музея, такие как С.М. Сергеев и А.П. Марков. Они обнаружили множество могильников (Змеевка, Иконниково, ЦРК и др.), которые стали основой для систематического исследования андроновской (федоровской) культуры на Алтае. С первых исследований особое внимание уделялось формам керамики.

Результаты анализа посуды из первых обнаруженных памятников были обобщены в неопубликованной рукописи С.М. Сергеева «Андроновский этап древней бронзы в верховьях Оби» [Сергеев, 1941, л. 17, 18]. В ходе изучения посуды автор выделяет несколько групп сосудов по их размеру и пропорциям. 1. Большие горшки с выдающимися плечиками и отогнутой шейкой, встречаемые в двух вариантах – низкоширокие (диаметр больше высоты) и высокие (высота больше диаметра). 2. Небольшие грубые горшочки с толстыми стенками, найденные в детских погребениях. 3. Колоколообразный сосуд с отогнутой шейкой (вероятно, относящийся к ирменской культуре). Материалы одного из могильников, изученных С.М. Сергеевым (Змеевка), были рассмотрены в работе С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», где сосуды были разделены по форме на горшки и банки. Также отмечено, что банки, как и на памятниках Минусинской котловины, чаще встречаются в детских погребениях [Киселев, 1951, с. 91].

Позднее М.П. Грязнов в монографии «История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка» [1956, с. 14–16] проанализировал материалы памятников Ближние Елбаны-12 и -14. Посуда из была разделена им по объему [Там же, с. 18] на емкости около литра, крупные – от 1 300 до 1 800 см^3, и маленькие по объему сосуды – от 250 до 450 см^3; и по форме – на банки со слабо выпуклыми боками и толстым широким дном и горшки с четко выраженной шейкой.

А.П. Уманским сосуды из могильника Нижняя Суетка были также разделены на горшки, банки и сосуды «промежуточных» или «переходных» форм, которые составляют большую часть коллекции [Уманский, 1965, с. 29; 1999, с. 96].

Формы андроновских (федоровских) сосудов Алтая подробно были рассмотрены В.И. Матющенко [1973, с. 24–28], который использовал все известные на тот момент материалы могильников и поселений Верхнего Приобья (Змеевка, Ближние Елбаны-12 и -14, Кытманово, Нижняя Суетка, Ново-Александровка, Иконниково и др.). Исследователь разделил сосуды на несколько типов и групп. Первый тип – горшки с четкой профилировкой и плавным переходом от венчика к плечикам, венчик отогнут наружу, обрез скошен внутрь или округлый, делится на три группы [Там же, с. 25–26]: 1 – наибольшая ширина приходится на верхнюю половину сосуда, дно узкое; 2 – наибольшая ширина приходится на нижнюю часть сосуда, дно широкое; 3 – удлиненные пропорции, где высота сосуда больше, чем его диаметр. Второй тип – банки – также делятся на три группы [Там же, с. 27]: 1 – открытые банки, стенки слабо выгнуты и постепенно расширены от дна к устью; 2 – закрытые банки с плавным изгибом стенки, верхняя часть которой заходит внутрь; 3 – банки, близкие к горшкам, с четкой профилировкой, как у горшков, но с оформлением венчика по типу банок. Также В.И. Матющенко выделил культурно-хронологические особенности керамики на основе декора, соотнеся их с формами сосудов. В первом типе сосудов он отметил федоровские и алакульские признаки [Там же, с. 42–43], а орнаментация сосудов второй и третьей группы второго типа (сплошные ряды елочной насечки,

крупнозубчатая гребенка, ямки и вдавления) более архаичные, «доандроновские» традиции [Там же, с. 27–28, 66–68].

Не менее подробная классификация сосудов представлена Е.Е. Кузьминой, которая выделила пять типов форм керамики: горшки тип А – с узким дном, максимальным расширением стенок в верхней трети, выраженной шейкой и отогнутым венчиком [Кузьмина, 1994, с. 115–116; 2008, с. 214]; горшки тип Б – приземистые сосуды с максимальным расширением тулова на середине высоты, широким дном, суженным горлом и слабо выраженной шейкой; горшки тип В – сосуды вытянутые, тюльпановидной формы [Там же, с. 216–217]; банки (тип А) – вытянутые, с узким дном и открытым устьем без выраженного венчика; банки (тип Б) – более приземистые с широким дном и иногда с несколько суженным горлом. Е.Е. Кузьмина разделила формы керамических сосудов по хронологии. Горшки типа А и В в сочетании с банками типа А (могильники Вахрушево, Ур, Иконниково и др.) составляют раннюю группу керамики [Там же], а горшки типа Б и банки типа Б (Ближние Елбаны, Еловка, Змеевка, Суетка и др.) относятся к позднефедоровскому времени [Там же, с. 223].

В дальнейшем исследователи не использовали столь подробные классификации, однако базовые критерии для разделения форм были схожи. Так Ю.Ф. Кирюшин и С.Ю. Лузин разделили посуду могильника Подтурино на два типа: горшки и банки [Кирюшин, Лузин, 1993, с. 73–75]. Горшки делятся на профилированные и слабопрофилированные сосуды; посуда с широкой горловиной, диаметр которой немного больше высоты или равен ей; приземистые горшки с плавным профилем и большим, чем высота диаметром; сосуды с ребром между шейкой и туловом. Второй тип посуды – банки, которые делятся на закрытые и открытые, иногда слабо профилированные. Керамика могильника Кытманово разделена авторами также на несколько групп [Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007, с. 31–32]: банки закрытые и открытые, а также сосуды горшковидной формы, которые имеют выраженную горловину. Посуда из могильников предгорий Алтая Чекановский Лог-2 и -10 поделена авторами раскопок на три группы: баночные, слабопрофилированные и горшковидные сосуды [Демин, Ситников, 2007, с. 127]. Горшки из могильника Фирсово-14 (раскопки 2010–2011 гг.) были классифицированы по степени профилировки шейки («четко» и «слабо» выделенная) и пропорциям (приземистые, вытянутые и высокие). Банки, в свою очередь, разделены на открытые и закрытые [Кирюшин и др., 2015, с. 29–30].

Ряд работ посвящен анализу форм сосудов с применением формальных статистических методов, в частности по методике В.Ф. Генинга [1973, 1992], которая легла в основу обработки ряда археологических коллекций андроновской (федоровской) культуры Алтая и сопредельных территорий, полученных в конце XX – начале XXI в. По методике В.Ф. Генинга была изучена керамика могильника Рублево-8 (Кулундинская степь) [Кирюшин, Папин, Попова, 2010]. Вся керамика была проанализирована лишь по нескольким указателям. По высоте (указатель ФА) сосуды разделены на средние, посуду малой высотности или приземистые и сосуды вытянутых пропорций с указателем «большой» [Там же, с. 98]. По профилировке шейки (указатель ФБ): на слабопрофилированные и профилированные, а банки по наличию плеча поделены на открытые и закрытые. По указателю выпуклости плечика (ФЖ): малые, очень малые и средние. По объему емкости сосуды Рублево-8 были разделены на малые (до 1 л), средние (от 1 до 3 л), большие (от 3 до 6 л) и очень большие (свыше 6 л) [Там же, с. 96–99]. Выявлена корреляция между формами сосудов и их размерами: так горшки малого объема (до 1 л) были слабопрофилированы, а большие и очень большие (более 3 л) относились к профилированным. Культурно-исторические выводы касались отдельных параметров. Например, сосуды с показателем выпуклости плечика «очень большой» имеют четкое «ребро» при переходе от тулова к шейке, что было интерпретировано как признак алакульской традиции [Там же].

Наиболее подробные результаты анализа форм андроновских сосудов по методике В.Ф. Генинга проведены новосибирскими исследователями, которые проанализировали материалы могильников сопредельных с Алтаем территорий – Барабинской лесостепи (Тартас-1 , Старый Тартас-4, Старый Сад и Погорелка-2) и Томского Приобья (Еловка-2) [Молодин, Мыльникова, Иванова, 2014; Молодин и др., 2016, 2022; Иванова, 2013; Мыльникова, Селин, 2015]. Сосуды разделены на две категории – сосуды с горловиной (горшки) и сосуды без горловины (банки). Каждая категория посуды была распределена по различным указателям (ФА, ФБ, ФВ, ФГ, ФД, ФЕ, ФЖ, ФИ и т.д.). В ходе исследований этих памятников проведен их сравнительный анализ, что позволило сделать важные выводы историко-культурного плана. Сосуды из Тартаса-1 характеризуются средней высотой, широким дном, низкой горловиной и слабопрофилированной шейкой [Молодин, Мыльникова, Иванова, 2014, с. 56, 58]. В Старом Тартасе-4 посуда имеет низкую высоту, широкую горловину и схожие с изделиями из Тартаса-1 пропорции [Иванова, 2013, с. 50]. Однако основное различие между ними заключается в большей вариативности форм керамики Тартас-1, что связанно, по мнению авторов, с интеграцией автохтонных позднекротовских и пришлых андроновских элементов [Молодин, Мыльникова, Иванова, 2014, с. 58–59]. Коллекция из Старого Сада занимает промежуточное положение между Тартасом-1 и Старым Тартасом-4 [Молодин и др., 2016, с. 81]. Здесь обнаружены «гибридные» формы сосудов с поддонами,

меньшей высоты, что свидетельствует о контактах андроновцев с носителями других традиций. По мнению авторов, керамические материалы Старого Сада маркируют собой самое начало прямых взаимодействий населения андроновской (федоровской) и кротовской культур на территории Барабинской лесостепи, что, в конечном счете, привело к складыванию позднекротовской (черноозерской) культуры [Там же]. На Еловском могильнике-2 [Мыльникова, Селин, 2015, с. 116] исследователи установили группы близких по форме сосудов, которые создавались узким кругом мастеров [Там же, с. 117]. Соотношение полученных данных с планиграфией позволили сделать выводы о синхронном функционировании разных частей некрополя и кратком временном интервале сооружения захоронений [Там же, с. 119].

В последние годы в отечественной археологии активно применяется методика анализа форм керамики с позиций историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским [Бобринский, 1978; Цетлин, 2018], которая используется для изучения форм сосудов различных археологических культур Восточно-Европейской равнины [Формы..., 2018], но не андроновской (федоровской) культуры. Имеется несколько исследований, посвященных синхронной алакульской культуре Южного Зауралья, в которых анализируются материалы некрополя Песчанка и эпонимного Алакульского могильника [Климова, 2022, 2024]. Анализ материалов могильника Песчанка позволил выявить признаки раннеалакульской и классической алакульской керамики [Климова, 2022, с. 38–39]. На материалах Алакульского могильника выявлены общие традиции изготовления форм на уровне пропорциональности и конструкции сосудов, обнаружены отличия по углу наклона тулова, которые объясняются как культурными [Климова, 2024, с. 85], так и хронологическими факторами. Анализ материалов алакульской культуры Южного Зауралья по этой методике позволил авторам сделать значимые выводы о культурно-историческом и хронологическом контексте изучаемых керамических традиций. Данные исследования открывают возможность провести сравненные с материалами федоровской культуры Алтая, которая с позиции историко-культурного подхода изучалась ранее только на материалах могильников Чекановский Лог-2 и -10 [Савко, Холошин, 2022; Савко и др., 2023]. В ходе изучения выявлены две основные традиции в гончарстве федоровской культуры Алтая, которые существовали одновременно. Вклад работы заключается в установлении культурных и хронологических различий между разными участками могильников. Таким образом, анализ форм сосудов с позиции историко-культурного подхода показал свою результативность, перспективен и позволяет получить важные сведения для реконструкции истории и культурных контактов древнего населения.

Обсуждение результатов

Исследователи, изучающие формы сосудов андроновской (федоровской) культуры на Алтае и сопредельных территориях, подразделяют сосуды на две основные категории: горшки и банки. Как в ранних, так и в более поздних работах, керамика данной культуры часто классифицировалась по этим двум категориям, однако в разные периоды выдвигались различные критерии для их разделения. Например, С.М. Сергеев предложил использовать высоту сосуда в качестве основного признака, М.П. Грязнов – объем, а А.П. Уманский выделил промежуточные формы посуды. В ранних работах исследователей формы керамики не были самостоятельным предметом изучения, а описывались в общем контексте вместе с орнаментацией и видимыми невооруженным глазом особенностями внешнего облика поверхности сосудов. Наиболее полная классификация сосудов представлена в работах Е.Е. Кузьминой и В.И. Матющенко, где анализируются ключевые параметры формы сосудов: место максимального расширения (верхняя треть, середина или нижняя треть сосуда), выраженность шейки, диаметр дна, отогнутость венчика, соотношение высоты и максимального диаметра. При этом типология сосудов баночного типа различается у этих авторов: В.И. Матющенко основным критерием считает отогнутость венчика (разделяя сосуды на открытые и закрытые типы), тогда как Е.Е. Кузьмина опирается на соотношение высоты и диаметра (выделяя средние и приземистые сосуды) и диаметр дна (узкий или широкий). Кроме того, Е.Е. Кузьмина разделила сосуды по хронологии, выделив ранние и поздние типы.

Большинство алтайских исследователей (Ю.Ф. Кирюшин, С.Ю. Лузин, С.П. Грушин, Д.В. Папин, С.М. Ситников, А.С. и О.А. Федорук и др.) использует схожие признаки для описания формы сосудов. Горшки разделяются по степени изгиба венчика и выраженности шеи и плеча на различные уровни профилированности, а банки (вероятно, вслед за В.И. Матющенко) делятся на сосуды открытого и закрытого типа. Хронологическое разделение андроновской керамики также предпринимается рядом авторов, однако оно чаще связано с особенностями орнамента, нежели формы.

Согласно классификации научных подходов, предложенной Ю.Б. Цетлиным [2012, с. 29–36], указанные исследования можно отнести к эмоционально-описательному подходу, который ориентирован не столько на анализ формы, сколько на ее образное описание [Там же, с. 142], что особенно заметно в терминологии: «горшки с выдающимися плечиками» и «небольшие горшочки» [Сергеев, 1941, л. 17–18]; «горшки имеют легкость и изящество» [Матющенко, 1973, с. 25], «все это придает сосудам утяжеленный вид» [Там же], «поздние федоровские горшки более

пузаты» [Кузьмина, 1994, с. 116] и т.д. Основные морфологические признаки, используемые для анализа, включают отогнутость венчика, выраженность шеи и плеча, диаметр дна и другие параметры.

Ряд исследований сосредоточены на формальном анализе морфологии сосудов, включающем измерение линейных размеров в характерных точках и расчет коэффициентов на основе этих параметров. Подобные работы проводятся в соответствии с методикой В.Ф. Генинга, однако большинство исследований по этой методике выполнено для анализа сосудов андроновской культуры Барабинской лесостепи, а не Алтая. Несмотря на системный подход, положенный в основу данной методики, она имеет и свои недостатки. Точность результатов анализа зависит от степени выраженности всех частей керамического сосуда (напр., шеи или плеча), что усложняет фиксацию границ и требует от исследователя опоры на собственный опыт. Вследствие отсутствия единых критериев классификации форм исследователи вынуждены опираться на субъективное восприятие при выборе критериев для деления керамической коллекции [Му Цзиньшань, 2023, с. 111]. В результате применения данной методики получаются разнородные характеристики, основанные на отдельных формальных признаках каждого сосуда. Особенности формы венчика или придонной части не предусмотрены в анализе по этой методике. Выводы, полученные при таком анализе, не всегда можно соотнести с другими данным, что осложняет возможность историко-культурных реконструкций. В качестве дополнения к методике В.Ф. Генинга новосибирские исследователи применяют методику Х. Нордстрема, которая характеризует профили сосудов, приведенные к одной высоте, а также определение пропорциональности сосудов по А.А. Бобринскому. Эти методы позволяют делать им более обоснованные выводы историко-культурного содержания. В рамках классификации научных подходов Ю.Б. Цетлин относит методику В.Ф. Генинга к формально-классификационному подходу, основной недостаток которого, как и эмоционально-описательного подхода, заключается в отрыве методов описания и группировки форм сосудов от задач и правил их интерпретации [Цетлин, 2012, с. 25–32].

Для понимания формы сосуда как источника исторической информации предлагается использовать анализ, основанный на историко-культурном подходе, разработанном А.А. Бобринским [Формы..., 2018]. Сама методика, с одной стороны, имеет определенные черты формально-классификационного подхода, где исследование форм имеет системный и последовательный характер и ведется строго по определенному протоколу (анализ пропорций, конструкций, сформированность каждой части сосуда, и т.д.). С другой стороны, имеет огромную теоретическую базу для интерпретации археологического материала с опорой на этнографию и эксперимент. В рамках этого подхода сам сосуд понимается не в виде набора визуальных и формальных характеристик, а как результат деятельности гончара, обусловленный определенными устойчивыми трудовыми навыками, передающимися от поколения к поколению [Бобринский, 1999, с. 49]. В отличие от остальных исследований основная задача в рамках этого подхода состоит в том, чтобы научиться по формам сосудов выделять не просто разные типы керамики или разработать собственную классификацию сосудов, а в первую очередь обоснованно выделять разные группы древнего населения в рамках тех или иных археологических памятников или культур, с которыми археологи имеют дело. В настоящее время данная методика активно используется исследователями для анализа форм сосудов различных археологических культур и обладает значительным потенциалом для изучения сосудов андроновской (федоровской) культуры степного и лесостепного Алтая, где масштабные исследования форм сосудов с позиций историко-культурного подхода еще не проводились.

Заключение

Таким образом, на сегодняшний день формы сосудов андроновской (федоровской) культуры в значительной мере исследованы с использованием традиционных археологических и визуальных методов, на основе которых создаются типологии и классификации сосудов по формам (эмоционально-описательный и формально-классификационный подходы, предложенные Ю.Б. Цетлиным). Однако, за исключением классификаций сосудов, разработанных Е.Е. Кузьминой, В.И. Матющенко и работ новосибирских исследователей по Барабе и Томскому Приобью, сведения о гончарных традициях андроновского (федоровского) населения применялись для изучения их культурной истории весьма ограниченно. При этом указанные исследования охватывают лишь незначительную часть доступных на сегодняшний день источников по гончарным традициям и основываются главным образом на материалах нескольких могильников, известных в 1970-е гг. (Кытманово, Нижняя Суетка, Змеевка и др.), либо на материалах могильников из соседних с Алтаем регионов (Еловский грунтовый могильник-2, Тартас-1 и др.).

В этом контексте представляется перспективным применение историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским, в рамках которого форма сосудов понимается как результат деятельности гончара, обусловленный определенными устойчивыми трудовыми навыками. Основная задача исследования состоит в том, чтобы научиться по формам сосудов обоснованно выделять не разные типы керамики, а в первую очередь разные группы древнего населения в рамках тех или иных археологических памятников или культур. Именно изучение особенностей

этих навыков труда с опорой на данные этнографии и научного эксперимента может сделать форму сосуда самостоятельным источником исторической информации. Предварительный анализ материалов могильников предгорий Алтая по этой методике позволил выявить отличия в формах сосудов, которые могут быть связаны с хронологически разными группами андроновского (федоровского) населения. Дальнейшее масштабное исследование форм сосудов в рамках этого подхода позволит уточнить выводы о хронологических и культурных отличиях гончарных традиций местного андроновского населения, что расширит наши возможности использования глиняной посуды для реконструкции историко-культурных процессов в древности.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Автор выражает благодарность сотруднику Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета С.С. Радовскому за возможность ознакомиться с архивными материалами Бийского краеведческого музея.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – Вып. 1. – С. 114–135.

Генинг В.Ф. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. – Киев: Наукова думка, 1992. – 188 с.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая. – Новосибирск: Об-во изучения Сибири, 1930. – 12 с. – (Материалы по изучению Сибири; вып. 2).

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. – М.; Л., 1956. – № 48. – 256 с.

Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2007. – Ч. 1. – 274 с.

Иванова Д.П. Морфологический анализ сосудов андроновской культуры памятника Старый Тартас-4 (Барабинская лесостепь) // Мат-лы 51-й Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Археология. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2013. – С. 54–55.

Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Андроновский могильник Подтурино // Культура народов Евразийских степей в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – С. 67–94.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Попова О.А. Андроновский керамический комплекс могильника Рублево VIII: опыт классификации // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2010. – С. 95–111.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Тур С.С., Пилипенко А.С., Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов Я.В. Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья: материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово XIV. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – 209 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.

Климова А.Д. Формы глиняных сосудов из могильника позднего бронзового века у с. Песчанка в Южном Зауралье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2022. – № 3 (58). – С. 33–41.

Климова А.Д. Форма и орнаментация глиняной посуды как источник изучения истории Алакульского могильника // Следы явлений и процессов в археологических памятниках. – Ставрополь: Печатный двор, 2024. – С. 78–90.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности: монография. – Актобе: ПринтА, 2008. – 358 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Вост. лит., 1994. – 463 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – Вып. 11. – Ч. III: Андроновская культура на Верхней Оби. – 135 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Иванова Д.П. Морфологический анализ сосудов эпохи развитой бронзы (первая половина II тыс. до н.э.) лесостепного Прииртышья (по мат-лам погребальных комплексов Венгеровского микрорайона) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – Т. 58, № 2. – С. 44–66.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Андроновский (федоровский) комплекс на памятнике Старый Сад (Барабинская лесостепь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2016. – Т. 15. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 63–86.

Молодин В.И., Наглер А., Кобелева Л.С., Хансен С., Дураков И.А. Новый андроновский (федоровский) могильник в правобережном Прииртышье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2022. – Т. 50, № 1. – С. 65–78.

Му Цзиньшань. Керамическая посуда из погребальных памятников пазырыкской культуры скифо-сакского времени: комплексные исследования и реконструкции: дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2023. – 734 с.

Мыльникова Л.Н., Селин Д.В. Комплекс керамики андроновской культуры Еловского II могильника: морфо-

логический анализ (возможности методики В.Ф. Генинга) // Вестн. Кем. гос. ун-та. – 2015. – № 2 (62). – С. 114–122.

Савко И.А., Холошин П.Р. Сравнительный анализ форм сосудов могильников андроновской (федоровской) культуры Верхнего Алея (предварительные результаты) // Евразия в энеолите – раннем Средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2022. – С. 108–111.

Савко И.А., Холошин П.Р., Демин М.А., Ситников С.М. Анализ форм глиняных сосудов могильника Чекановский Лог-2 андроновской (федоровской) культуры предгорий Алтая // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2023. – № 1 (60). – С. 32–44.

Сергеев С.М. Андроновский этап древней бронзы в верховьях реки Оби // Архив Бийского краеведческого музея. – 1941. – ДО. Ф. 2. – Д. 25. – 21 л.

Уманский А.П. Отчет о работе археологической экспедиции Барнаульского госпединститута и Алтайского краевого музея. Нижняя Суетка, 1964 г. // Архив УНИЛ «Историческое краеведение» Алт. гос. пед. ун-та. – Барнаул, 1965. – 32 с.

Уманский А.П. Раскопки в Нижней Суетке в 1964 году // Краеведческие записки. – Барнаул: [б.и.], 1999. – Вып. 3. – С. 83–99.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья: по мат-лам могильника Кытманово. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 131 с.

Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / отв. ред. Ю.Б. Цетлин. – М.: Изд-во ИА РАН, 2018. – 253 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. − М.: Изд-во ИА РАН, 2012. – 384 с.

Цетлин Ю.Б. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход. – М.: Изд-во ИА РАН, 2018. – С. 124–179.

References

Bobrinskii A.A. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya. Moscow: Nauka, 1978. 272 p. (In Russ.).

Bobrinskii A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya. In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva*. Samara: Samara State Pedagog Univ. Press, 1999. P. 5–109. (In Russ.).

Demin M.A., Sitnikov S.M. Materialy Gilevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii: monografiya. Barnaul: Barnaul State Pedagog Univ. Press, 2007. Pt. 1. 274 p. (In Russ.).

Gening V.F. Programma statisticheskoy obrabotki keramiky iz arkheologicheskikh raskopok. *Sovetskaya arkheologiya*, 1973. Iss. 1. P. 114–135. (In Russ.).

Gening V.F. Drevnyaya keramika: metody i programmy issledovaniya v arkheologii. Kyiv: Naukova dumka, 1992. 188 p. (In Russ.).

Gryaznov M.P. Drevnie kul'tury Altaya. In *Materialy po izucheniyu Sibiri*. Novosibirsk: Obshchestvo izucheniya Sibiri, 1930. Iss. 2. 12 p. (In Russ.).

Gryaznov M.P. Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz sela Bol'shaya Rechka. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. Moscow; Leningrad, 1956. No. 48. 256 p. (In Russ.).

Ivanova D.P. Morfologicheskiy analiz sosudov andronovskoy kul'tury pamyatnika Staryy Tatas-4 (Barabinskaya lesostep'). In *Materialy 51-y Mezhdunar. nauch. stud. konf. «Student i nauchno-tekhnicheskiy progress»: Arkheologiya. Novosibirsk*: Novosibirsk State Univ. Press, 2013. P. 54–55. (In Russ.).

Kiryushin Y.F., Luzin S.Y. Andronovskiy mogil'nik Podturino. In *Kul'tura narodov Evraziyskikh stepey v drevnosti*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1993. P. 67–94. (In Russ.).

Kiryushin Y.F., Papin D.V., Popova O.A. Andronovskiy keramicheskiy kompleks mogil'nika Rublevo VIII: opyt klassifikatsii. In *Khozyaystvenno-kul'turnye traditsii Altaya v epokhu bronzy*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2010. P. 95–111. (In Russ.).

Kiryushin Y.F., Papin D.V., Tur S.S., Pilipenko A.S., Fedoruk A.S., Fedoruk O.A., Frolov Y.V. Pogrebal'nyy obryad drevnego naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya: materialy iz raskopok 2010–2011 gg. gruntovogo mogil'nika Firsovo XIV. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2015. 209 p. (In Russ.).

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri. Moscow: AS USSR Publ., 1951. 642 p. (In Russ.).

Klimova A.D. Shapes of the pottery vessels from the burial ground of the Late Bronze Age near the village of Peschanka in the Southern Transurals. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2022. No. 3 (58). P. 33–41. (In Russ.). doi:10.20874/2071-0437-2022-58-3-3

Klimova A.D. Forma i ornamentatsiya glinyanoy posudy kak istochnik izucheniya istorii Alakul'skogo mogil'nika. In *Sledy yavleniy i protsessov v arkheologicheskikh pamyatnikakh*. Stavropol: Pechatny dvor, 2024. P. 78–90. (In Russ.).

Kuzmina E.E. Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoy kul'turnoy obshchnosti: monografiya. Aktobe: PrintA, 2008. 358 p. (In Russ.).

Kuzmina E.E. Otkuda prishli indoarii? Material'naya kul'tura plemen andronovskoy obshchnosti i proiskhozhdenie indoi rantsev. Moscow: Vost. lit., 1994. 463 p. (In Russ.).

Matyushenko V.I. Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya. Pt. III. Andronovskaya kul'tura na Verkhney Obi. In *Iz istorii Sibiri*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1973. Iss. 11. 135 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Ivanova D.P. A Morphological Analysis of Vessels from Middle Bronze Age (Early 2nd Millennium BC) Burials at Vengerovo, in the Irtysh Forest-Steppe. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2014. No. 2. P. 44–66. doi:10.17746/1563-0102.2022.50.1.065-078

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Selin D.V., Neskorov A.V. Andronovo Fedorovo) complex of the Stary Sad burial ground (Baraba forest-steppe). *Novosibirsk State Univ. Bulletin.*

Series: History and Philology, 2016. Vol. 15. No. 3: Archaeology and Ethnography. P. 63–86. (In Russ.).

Molodin V.I., Nagler A., Kobeleva L.S., Hansen S., Durakov I.A. A New Andronovo (Fedorovka) Cemetery in the Eastern Irtysh Basin. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2022. No. 1. P. 65–78.

Mu Tzinshan. Keramicheskaya posuda iz pogrebal'nykh pamyatnikov pazyrykskoy kul'tury skifo-sakskogo vremeni: kompleksnye issledovaniya i rekonstruktsii: cand. sc. (history) dissertation. Barnaul, 2023. 734 p. (In Russ.).

Mylnikova L.N., Selin D.V. The Andronovo Culture Ceramic Complex from Elovskii II Burial Ground:Morphological Analysis (possibilities of V.F. Gening's method). *Bulletin of Kemerovo State Univ.,* 2015. No. 2 (62). P. 114–122. (In Russ.).

Savko I.A., Kholoshin P.R. Sravnitel'nyy analiz form sosudov mogil'nikov andronovskoy (fedotovskoy) kul'tury Verkhnego Aleya (predvaritel'nye rezul'taty). In *Evraziya v eneolite – rannem srednevekove (innovatsii, kontakty, translitsii idey i tekhnologiy)*. St. Petersburg: IIMK RAS Publ., 2022. P. 108–111. (In Russ.).

Savko I.A., Kholoshin P.R., Demin M.A., Sitnikov S.M. Analysis of the Shapes of Clay Vessels from the Chekanovsky Log-2 Burial Ground of the Andronovo (Fedorovo) Culture in the Foothills of Altai. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2023. No. 1 (60). P. 32–44. (In Russ.). doi:10.20874/2071-0437-2023-60-1-3

Sergeev S.M. Andronovskii etap drevnei bronzy v verkhov'yakh reki Obi. Arkhiv Biiskogo kraevedcheskogo muzeya, 1941. DO. F. 2, D. 25. 21 l. (In Russ.).

Tsetlin Y.B. (ed.). Shapes of Clay Vessels as a Subject of Study. Historical-and-Cultural Approach. Moscow: IA RAS Publ., 2018. 253 p. (In Russ.). doi:10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-254-4

Tsetlin Y.B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda. Moscow: IA RAS Publ., 2012. 384 p. (In Russ.).

Tsetlin Y.B. Ob obshchem podkhode i metode sistemnogo izucheniya form glinyanykh sosudov. In *Shapes of Clay Vessels as a Subject of Study. Historical-and-Cultural Approach*. Moscow: IA RAS Publ., 2018. P. 124–179. (In Russ.).

Umanskii A.P. Otchet o rabote arkheologicheskoi ekspeditsii Barnaul'skogo gospedinstituta i Altaiskogo kraevogo muzeya. Nizhnyaya Suetka, 1964 g. Arkhiv UNIL «Istoricheskoe kraevedenie» Alt. gos. pedagog. un-ta. Barnaul, 1965. 32 p. (In Russ.).

Umanskii A.P. Raskopki v Nizhnei Suetke v 1964 godu. In *Kraevedcheskie zapiski*. Barnaul: [s.n.], 1999. Iss. 3. P. 83–99. (In Russ.).

Umanskii A.P., Kiryushin Y.F., Grushin S.P. Pogrebal'nyi obryad naseleniya andronovskoi kultury Prichumysh'ya: (po materialam mogil'nika Kytmanovo). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2007. 131 p. (In Russ.).

Савко И.А. https://orcid.org/0000-0002-7463-7333

Дата сдачи рукописи: 21.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0709-0715
УДК 904

И.А. Савко[1, 2], М.А. Демин[3], Я.В. Фролов[2], Д.В. Папин[1, 2]✉

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
[3]Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия
E-mail: papindv@mail.ru

Изучение погребальных комплексов начального этапа раннего железного века могильника Усть-Иша-5 в 2024 году

В статье рассмотрены результаты изучения курганного могильника Усть-Иша-5 (предгорный Алтай) в полевом сезоне 2024 г. Были исследованы две курганные насыпи, расположенные в центральной и южной частях могильного пространства. В центральной части памятника был исследован курган раннескифского периода, раскопки подтвердили наблюдения прошлых лет о совершении по периметру курганной насыпи и за ее пределами детских погребений, представляющих собой небольшие ямы прямоугольной формы, ориентированные по линии З–В, а также размещение каменных стел по периферии насыпи. Центральная могила была полностью ограблена в древности, захоронение содержало останки одного индивида. Предметы инвентаря и особенности ритуальной практики позволяют отнести раскопанные объекты к раннескифскому времени Алтая (IX–VIII вв. до н.э.). В южном секторе некрополя был исследован курган с использованием камней при сооружении насыпи, центральное погребение было ограблено в древности, прослежено несколько случаев грабительского проникновения, сохранились железные детали воинского пояса, бронзовый нож, серьга, костяной наконечник стрелы и застежка. По деталям погребального костюма, украшений и фрагментов керамики захоронения принадлежат быстрянской культуре Алтая. Исследования 2024 г. на могильнике Усть-Иша-5 показали, что центральная часть могильника сформирована курганами, в которых зафиксирована погребальная практика, аналогичная материалам раскопок прошлых лет, относимых к раннескифскому периоду, а южная часть памятника сформирована в более позднее время и связана с традицией быстрянской культуры раннего железного века Алтая.

Ключевые слова: *предгорья Алтая, курганный могильник, раннескифское время, Усть-Иша-5.*

I.A. Savko[1, 2], M.A. Demin[3], Y.V. Frolov[2], D.V. Papin[1, 2]✉

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Altai State University
Barnaul, Russia
[3]Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russia
E-mail: papindv@mail.ru

Study of the Early Iron Age Burial Complexes from the Ust-Isha-5 Cemetery in 2024

The paper addresses the results of the study of the Ust-Isha-5 burial mound cemetery (located in the foothills of Altai) during the 2024 field season. Two burial mounds located in the central and southern parts of the necropolis were excavated. A mound from the Early Scythian period was studied in the medial part of the cemetery; excavations confirmed previous data concerning interments of children around the perimeter of the mound and beyond. The child burials represent small rectangular pits oriented along a west-east line and establishing stone stelae around the periphery of the mound. The main grave containing the remains of a single individual was looted in antiquity. The recovered grave goods and specifics of the ritual practice suggest that the excavated features can be attributed to the Early Scythian period in Altai (9th–8th centuries BC). Another mound constructed with stones was

excavated in the southern sector of the necropolis. The main burial was looted in antiquity; several cases of grave looting were recorded. Iron elements of warrior's belt, a bronze knife, an earring, a bone arrowhead, and a clasp were uncovered. The details of the burial clothes, personal decorations, and ceramic fragments suggest attribution of the burial to the Bystryanka culture of Altai.

Keywords*: Altai foothills, burial mound, Early Scythian time, Ust-Isha-5.*

Введение

Летом 2024 г. совместной экспедицией Алтайского государственного университета, Барнаульской лаборатории археологии ИАЭТ СО РАН и учебной практики Алтайского государственного педагогического университета были продолжены исследования курганного могильника Усть-Иша-5, начатые в 2021 г. [Папин и др., 2021]. Некрополь известен с 1930-х гг. и исследовался Г.В. Масленниковой и С.М. Сергеевым [Скопинцева, 1998а, с. 120; 1998б]. Памятник расположен в Красногорском р-не Алтайского края на высокой террасе правого берега р. Иша (высота от уреза воды р. Иша 70–90 м). С востока и юга территория памятника ограничена крутым склоном, спускающимся к р. Иша, восточная часть опахивается и используется под посевы. Задачами работ 2024 г. было изучение кургана раннескифского времени, расположенного в центральной части памятника, а также исследование южной части могильника с целью проверки гипотезы о расположении здесь объектов быстрянской археологической культуры (VI–V вв. до н.э.).

Описание погребальных сооружений и сопроводительного инвентаря

Объектами для изучения были выбраны курганы, расположенные в южной (кург. 67)* и центральной частях памятника (кург. 31). Первый из исследованных объектов до раскопок представлял собой земляную, сильно задернованную насыпь округлой формы диаметром ок. 7,5 м высотой до 0,5 м (высотные отметки −0,22 – +0,31 м от репера 2). С помощью металлического щупа было выявлено наличие под земляной насыпью каменей, которые залегали на глубину до 0,2 м от современной дневной поверхности. Большая часть поверхности раскопа до проведения работ поросла травой, его северо-западная часть заросла деревьями и кустарником, в 8 м к ЮВ от кургана проходила грунтовая дорога, ведущая к вышке связи. С целью полного исследования кургана и прилегающего к нему пространства был заложен раскоп размерами 10 × 8 м (80 м^2), вытянутый длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Раскоп был прирезан к юго-восточной стенке кург. 55, изученного в 2022 г. [Папин и др., 2022] (рис. 1, *1*).

После снятия первого условного горизонта под дерном располагался слой гумусированного серо-каштанового суглинка (глубина до 0,20 м), представляющий собой грунт, из которого была сложена насыпь кургана. В этом слое во всех секторах выявлены скопления рваного камня размерами от 0,05 × 0,08 м до 0,54 × 0,25 м. Камни были распределены неравномерно, наибольшая их концентрация встречена в северной части раскопа в секторе 1. В центральной части раскопа фиксировался слой темно-серого суглинка овальной в плане формы, представляющий собой следы грабительского лаза, камни в этой части практически отсутствовали. После вскрытия первого горизонта зафиксированы реальные размеры кургана (5,70 м по линии З–В и 6,74 м С–Ю), который представлял собой каменную наброску на земляную насыпь, сложенную в один слой из рваного камня среднего размера и серо-каштанового суглинка под ним. В ходе работ выявлено лишь одно центральное захоронение.

Могила 1 (рис. 2). Погребение было потревожено в древности, пятно зафиксировано в секторе 1, 4 на уровне материкового слоя на глубине 0,54−0,60 м. В бровке II–II', через которую проходил контур пятна, также выявлен грабительский лаз (темный суглинок) аморфной формы и выкид из ямы (серо-желтый суглинок), фиксирующийся в слое насыпи. Могильное пятно после зачистки на уровне материковой поверхности имело овальную с подпрямоугольными краями форму и размеры 2,44 × 1,46 м. Погребение ориентировано длиной стороной по линии СЗ–ЮВ (азимут 291°). Пятно отличалось от материка более ярким темным заполнением, в котором присутствовали вкрапления желтого суглинка, а также камни.

Заполнение могилы – в верхней части черно-серый суглинок (мощностью до 0,5 м) с прослойками желтого цвета (грабительский лаз), контур которого сужался и шел практически до дна погребения, ниже мешанный серый суглинок с вкраплениями желтого цвета (мощность от 0,08 до 1,15 м). Центральная часть могилы практически полностью уничтожена грабительской ямой. В заполнении встречались крупные рваные камни, попавшие, по-видимому, из насыпи кургана в процессе ограбления захоронения в древности.

При расчистке заполнения могильной ямы в северо-западной и юго-восточной ее частях на глубине 1,34−1,50 м зафиксированы остатки деревянного перекрытия в виде трех рядов продольно уложенных друг на друга небольших полубревен, горбылей или досок длиной до 0,48 м и шириной до 0,50 м. Вдоль северной стенки, немного выше уровня дна могилы на глубине 1,55−1,57 м находились остатки деревянного тлена. В юго-восточной части могильной ямы на глубине 1,40−1,57 м в беспорядке встречены отдельные берцовые и бедренные кости, ребра, позвонки, челюсть взрослого человека. В центральной

* По плану Г.В. Скопинцевой из отчета 1997 г. [1998б, л. 19, рис. 11] данный курган предположительно может соответствовать номеру 54.

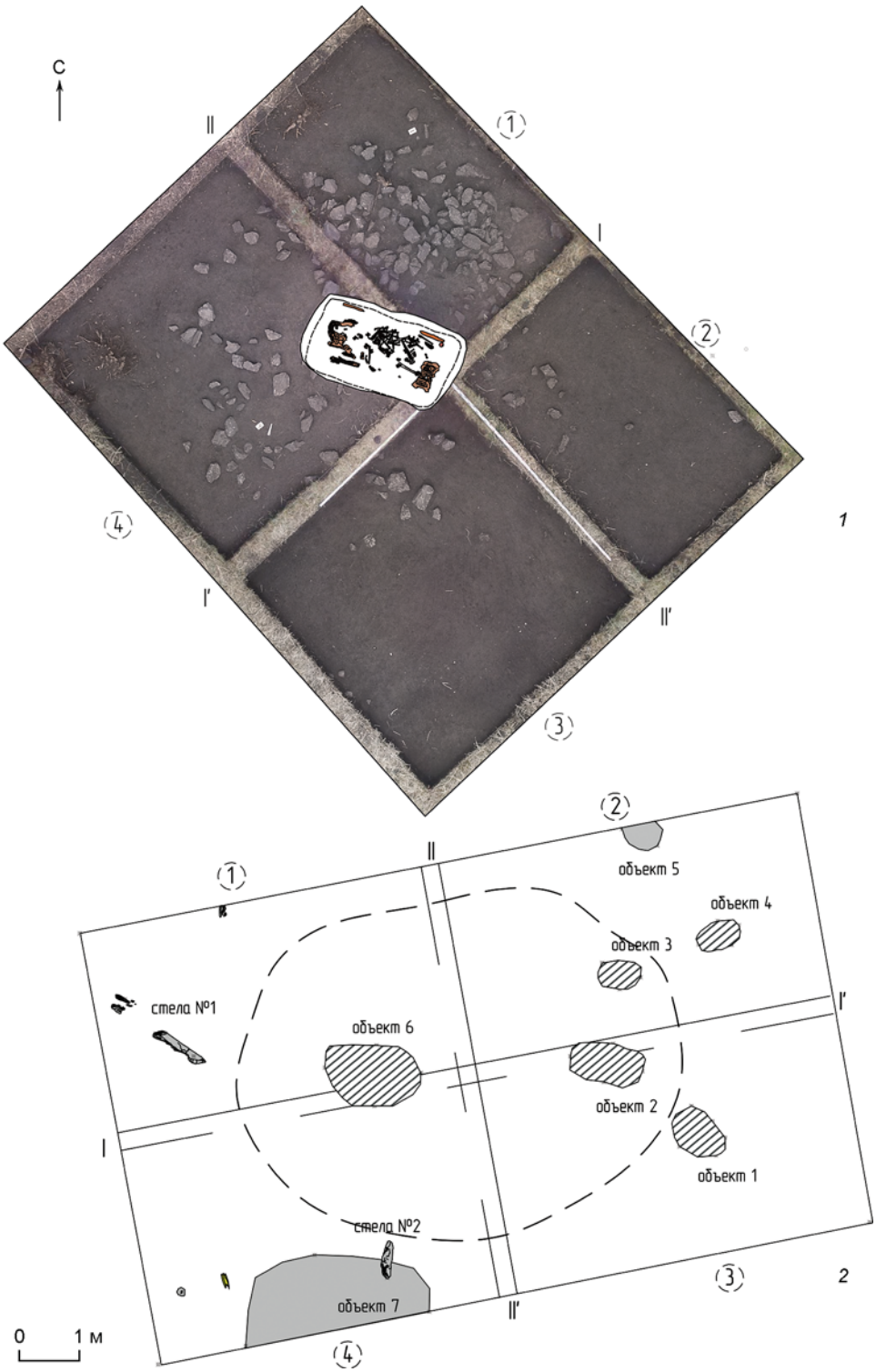

Рис. 1. Усть-Иша-5. Общие планы раскопов.
1 – кург. 67 (ортофотоплан); *2* – кург. 31.

части погребения на глубине 1,50–1,59 м выявлены плечевые, локтевые, лучевые кости рук, ребра, крестец, фрагменты костей таза. В центральной части погребения, ближе к южной стенке могилы на глубине 1,59 м в сочленении сохранились пальцы правой руки, недалеко от нее располагалась лучевая кость и позвонки. В северо-западной части могильной ямы на глубине 1,51 м на правом боку находился череп взрослого человека (мужчины?).

В могиле выявлен различный погребальный инвентарь (рис. 2). В северо-восточном углу могилы около деревянного тлена на глубине 1,54 м встречен фрагмент стенки керамического сосуда без орнамента. В юго-восточной части погребения под деревянным

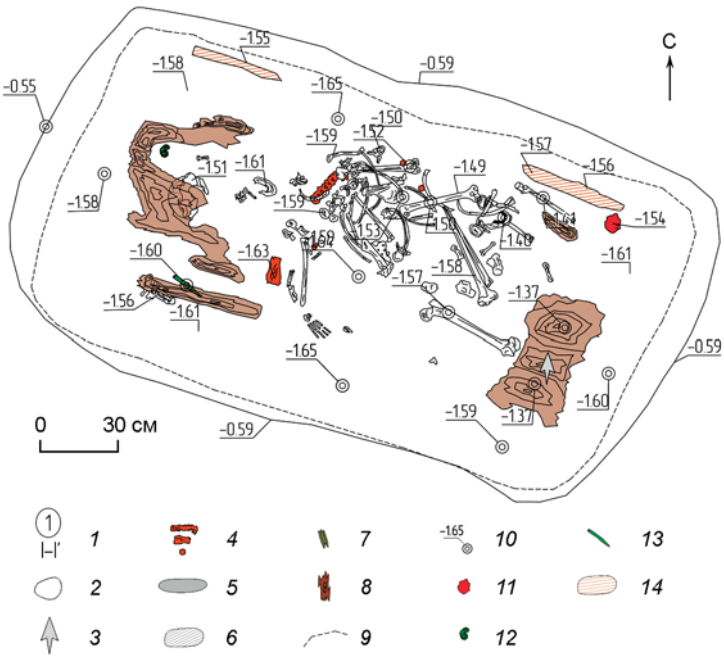

Рис. 2. Усть-Иша-5. План мог. 1 кург. 67.

1 – номенклатура секторов и бровок; *2* – контур насыпи, фиксируемый по стратиграфии; *3* – костяная стела; *4* – элементы поясной фурнитуры; *5* – контуры объектов; *6* – контуры погребений; *7* – зубы лошади; *8* – фрагменты дерева; *9* – нижний контур объекта; *10* – высотные отметки; *11* – фрагмент керамики; *12* – бронзовая серьга; *13* – бронзовый нож; *14* – деревянный тлен.

перекрытием находился костяной, трехгранный черешковый наконечник стрелы (глубина 1,50 м). В центральной части погребения на глубине 1,63 м возле костей правой руки располагалась поясная железная бляха, в 0,3 м к северу от нее под скоплением костей выявлены железные элементы поясной фурнитуры, располагающиеся в ряд 0,18 × 0,05 м (по-видимому, *in situ*) практически перпендикулярно длинной оси погребения. Железные изделия представляли собой полые внутри металлические звенья цилиндрической формы, которые, по всей видимости, находились под торсом на спине погребенного и не были тронуты грабителями после ограбления. В северо-западной части могильной ямы в 0,1 м к северо-западу от черепа на глубине 1,59 м находилась бронзовая проволочная серьга с двумя спиралями. В юго-западном углу могилы, под плахой деревянного перекрытия, обнаружен бронзовый нож (глубина 1,60 м) с обломанной петелькой на ручке, рядом с ножом находился крестец мелкого рогатого скота (глубина 1,56 м). Инвентарь и особенности погребального обряда кург. 67 соотносятся с быстрянской археологической культурой раннего железного века.

В центральной части могильника для раскопок был выбран **курган 31**, расположенный в 20 м к северу от кург. 33, изученного в 2022 г. [Папин и др., 2022]. Объект представлял собой вытянутую насыпь овальной формы размерами 10,5 (по линии З–В) × 6,8 м (по линии С–Ю) высотой до 0,54 м в центральной части (высотные отметки −1,15 ... −0,61 м от репера 2). Граница насыпи практически не фиксировалась в ее восточной части. Планиграфически курган выделяется от основной массы сооружений на могильнике, т.к. в радиусе 20 м от него выраженных в рельефе объектов не обнаружено.

С целью полного исследования кургана и прилегающего к нему пространства был заложен раскоп размерами 12 × 7,5 м (площадь 90 м^2), вытянутый вдоль длинной оси насыпи по линии ЗЮЗ–ВСВ (отклонение на запад от истинного севера на 10°). Для детальной фиксации и изучения внутренних стратиграфических разрезов раскапываемого участка через предполагаемый центр насыпи было размечено две бровки шириной 0,3 м. Бровки разделяли насыпь кургана на четыре прямоугольника, которые были обозначены нами как сектора (см. рис. 1, *2*).

После снятия первого условного горизонта ближе к центральной части раскопа обнаружена прослойка серо-каштанового суглинка, из которого была сооружена насыпь кургана. Пятно было овальной формы размером 4,9 м по линии З–В и 4 м С–Ю. Во время изучения насыпи в разных частях секторов 1 и 4 выявлены одиночные окатанные камни (глубина 1,26 м). К северу от длинной бровки I–I' в секторе 1 (на глубине 1,11−1,24 м) обнаружен крупный камень вытянутой формы, лежащий горизонтально по линии СЗ–ЮВ (стела 1), размерами 1,0 × × 0,17 × 0,16 м (см. рис. 1, *2*). Юго-восточная часть стелы имела конусовидную форму, возможно, со следами оббивки, грани прямые и расположены практически перпендикулярно друг другу. В 0,71 м к северо-западу от стелы располагались два обломка плитняка (сланца?) размерами 0,18 × 0,10 и 0,26 × 0,07 м, находящиеся в 0,08 м друг от друга, расположенные параллельно вдоль упавшей стелы. В разрезе данного скопления камни располагались практически вертикально, в заполнении найден обломок стелы, край которого был патинирован, что свидетельствует о том, что он был обломан еще в древности. В результате зачистки яма, куда устанавливались вкопанные ребром плиты, не фиксировалась. Скопление обломков камня представляет собой предположительно два клина (контрфорсы), которыми подпиралась стела, установленная в яму. Все это может свидетельствовать о том, что яма была неглубокой, а сама стела не была сильно углублена в грунт.

В юго-западной части сектора 4, в 4,3 м к юго-западу от стелы 1 была обнаружена другая стела (2), располагавшаяся горизонтально, по линии С–Ю (глубина 1,10−1,30 м), размерами 0,63 × 0,17 × 0,08 м (рис. 1, *2*). Стела была изготовлена из плитняка аналогичного плитам забутовки стелы 1. Помимо этого,

в юго-западной части сектора 4 в 2,65 м к западу от стелы 2 обнаружен зуб лошади (глубина 1,47 м).

После разбора насыпи и зачистки по материку в юго-западной части раскопа в секторе 4 за предполагаемой границей кургана была зафиксирована яма (объект 7) размером 3,12 × 1,31 м глубиной до 0,5 м (от уровня материковой поверхности). Заполнение ямы было неоднородно, наблюдалась слоистость из темно-серого и серо-желтого суглинка. Находок не обнаружено. Можно предположить, что яма аналогична ранее изученным объектам [Папин и др., 2021, 2023], использовалась с целью забора грунта для сооружения насыпи кургана.

В ходе работ на разных участках раскопа выявлено пять захоронений (см. рис. 1, *2*). Центральное погребение (объект 6) было сильно ограблено еще в древности. Пятно зафиксировано в секторах 1, 4 на уровне материкового слоя на глубине 1,50 м. В бровке I–I, через которую проходила длинная ось пятна, выявлен грабительский лаз (черный гумусированный суглинок), фиксирующийся на уровне слоя насыпи кургана. Лаз проходил в восточной части погребения. Могильная яма была аморфной, подовальной формы и имела размеры 1,61 × 1 м. Ориентирована длинной стороной по линии З–В (азимут 279°). Заполнение могилы – темно-серый суглинок. В заполнении встречен зуб взрослого человека, а также зуб лошади. Дно зачищено на глубине 1,86−1,94 м. Больше находок не обнаружено.

На восточной периферии насыпи (2,54–5,12 м на восток от центрального захоронения) обнаружено четыре детских погребения (объекты 1–4).

Объект 1 – яма, овальной формы размерами 0,95 × × 0,68 м, глубиной до 0,9 м от современной поверхности (глубина 1,50 м). Ориентирован длинной осью по линии СВ–ЮЗ. Заполнение – серый суглинок. В центральной части ямы обнаружены кости ног, фрагменты ребер и отдельные зубы младенца (?).

Объект 3 – яма овальной формы размерами 0,47 × × 0, 71 м, глубиной до 80 см от современной поверхности (глубина 1,55 м). Ориентирован длинной осью по линии З–В. Заполнение – серый суглинок. В юго-западной части обнаружены мелкие фрагменты эмали от зубов младенца.

Объект 4 – яма овальной формы размерами 0,52 × × 0,74 м, глубиной до 0,95 м от современной поверхности (глубина 1,67 м). Ориентирован длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ. Заполнение – серый суглинок. В западной части могилы обнаружен раздавленный череп младенца (ребенка до 1 года?). Судя по расположению черепа, ребенок был положен на правый бок, т.к. фрагменты челюсти и лицевой части находились под черепом и выявлены после разбора погребения с юго-запада. Голова у погребенного, по-видимому, была наклонена немного вниз. Череп располагался на небольшой приступке, т.к. находился на 0,09 м выше костей, обнаруженных на дне погребения в восточной части. У черепа находились остатки костей руки и фаланги пальцев, которые свидетельствуют о том, что руки, по-видимому, были согнуты в локтях и положены у головы. По-видимому, из-за особенностей сохранности детских останков у погребенного практически не сохранились кости рук, ног, торса. Под черепом с правой стороны выявлена бронзовая серьга цельнолитая с каплевидным окончанием. Имеет размеры 2,5 × 1,2 см (швенза округлой формы загнута в 1,5 оборота, диаметром 1,2 см, конусовидное (каплевидное окончание) округлого сечения длиной 1,3 см, шириной ок. 0,6 см). В целом, несмотря на плохую сохранность костей, можно сказать, что, судя по останкам, ребенок был уложен на правый бок, головой на запад, кости рук, по-видимому, были согнуты в локтях так, чтобы кисти лежали перед лицом.

Объект 2 – яма овальной формы с подпрямоугольными краями размерами 0,65 × 1,13 м, глубиной до 1,1 м от современной поверхности (глубина 1,75 м). Ориентирован длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. Заполнение – темно-серый суглинок. В верхней части могильной ямы (глубина 1,44−1,49 м) в горизонтальном положении находился вытянутый камень размерами 0,38 × 0,17 м, похожей на стелу 2 формой и фактурой. Костяк лежал *in situ* скорченно на правом боку головой на запад, ноги подогнуты в коленях, кисть левой руки располагалась в районе нижней челюсти, плечевая кость правой была чуть меньше согнута в локте, кисть располагалась дальше от лицевой части черепа, ближе к южной стенке ямы, плечи и грудной отдел были сильно согнуты. Кости стоп чуть вытянуты относительно берцовых костей, череп был раздавлен. Скелет располагался по центру могильной ямы.

Часть челюсти и лицевой кости находились под черепом, это можно связывать с тем, что голова у погребенного, по-видимому, была наклонена вниз. Также череп находился на 0,11 м выше, чем ребра и ноги, не исключено, что это могла быть особенность формы дна могильной ямы или под головой погребенного могла быть положена какая-либо «подушка» из органического материала.

Среди находок в погребении выявлено ок. 100 позвонков рыбы и 2 альчика, расположенных в виде горизонтального скопления размерами 0,40 × 0,06 м вытянуто напротив костяка от кистей рук до ступней (глубина 1,72 м). Позвонки рыб лежали системно в 22 ряда от 6 до 3 шт. в каждом. В западной части скопления позвонки располагались горизонтально на поверхности дна могилы торцами друг к другу, параллельными рядами. Позвонки в центральной и восточной части скопления располагалась более хаотично. Изделия диаметром от 1,0 до 1,8 см просверлены по центру (отверстие диаметром от 0,3 до 0,5 см) и имеют парные отверстия по бокам (естественного происхождения?), причем в ряде случаев они находились близко друг к другу, а в ряде случаев, наоборот, разнесены в стороны. В восточной части данного скопления, ближе к ногам выявлено два альчика

(астрагалы – таранные кости мелкого рогатого скота). В целом предметы инвентаря и особенности ритуальной практики позволяют отнести раскопанный кург. 31 к раннескифскому времени (IX–VII вв. до н.э.).

Обсуждение результатов

Исследования 2024 г. на могильнике Усть-Иша-5 показали, что южная часть памятника занята курганами быстрянской культуры, а центральная часть могильника сформирована курганами, в которых зафиксирована погребальная практика, аналогичная материалам раскопок прошлых лет, относимым к раннескифскому периоду: анатомический порядок костей в могильных ямах указывает, что погребенные были уложены скорченно на правом боку и ориентированы головой в западный сектор. Центральные погребения были ограблены еще в древности, грабители ориентировались на ту часть могилы, где располагалась верхняя часть скелета и череп, на периферии насыпи располагались стелы и детские погребения [Папин и др., 2021, 2022, 2023]. В связи с этим важным является обнаружение двух каменных стел (см. рис. 1, *2*), зафиксированных на границе насыпей в юго-западном секторе курганов. Аналогичный факт был отмечен нами в 2021 г. при раскопках кург. 7 (здесь стела находилась в восточном секторе). Установка каменных изваяний фиксирует начальный этап формирования новых традиций раннескифского времени.

Обратим внимание на оригинальное изделие из позвонков крупных рыб (щука?) с вертикальным и парными отверстиями по бокам, найденное в детском погребении (объект 2) кург. 31. Системное расположение изделий предполагает, что они были скреплены между собой какими-либо органическими материалами (нитями / кожаными шнурами или пришиты к тканной/кожаной основе). В литературе данные изделия рассматриваются как бусы или подвески из позвонков рыбы. К.В. Чугунов на основании материалов Догээ-Баары-2 уюкско-саглынской культуры, интерпретирует данные изделия как застежки, стягивавшие ремень или шнур наподобие современной «застежки-молнии» [Чугунов, 2007, с. 137]. Данные изделия имеют довольно широкий хронологический диапазон бытования. Известны находки бусин из просверленных позвонков крупных рыб в погребениях могильников Средней Катуни, относящихся к периоду энеолита и ранней бронзы (афанасьевская культура): в погр. 18 могильника Усть-Куюм Е.М. Берс обнаружила украшение в виде бус из 63 позвонков щуки [Степанова, 2006, с. 134, 212, рис. 61, *1*]; на афнасьевском могильнике Сальдяр-1 в кург. 36 также были найдены украшения из позвонков рыбы [Ларин, 2005, с. 30, 93, рис. 58], как и на эпонимном могильнике Афанасьева Гора в Хакасии [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, с. 124, 131, рис. 80, *3, 4*].

В более поздние периоды изделия из рыбьих позвонков известны как на Алтае, так и в сопредельных регионах: в материалах пазырыкской культуры и в тывинских материалах V–IV вв. до н.э. [Кубарев, Шульга, 2007, с. 189, рис. 46; Чугунов, 2007, с. 133, ил. 13, *7*]. Находки рыбьих позвонков, использовавшихся в качестве подвесок или бус, выявлены при раскопках памятников майминской культуры Северного Алтая – городище Нижний Чепош-3, Черемшанское городище [Трифанова, Соенов, 2019, с. 134, рис. 25], неукрепленное поселение Майма I [Соенов В.И., Соенов Д.В., Константинов, 2016, с. 86], а также на могильнике булан-кобинской культуры Карбан-1 эпохи великого переселения народов [Серегин и др., 2022, с. 207, рис. 42]. Изделия встречены в материалах одинцовской культуры Верхнего Приобья (комплекс Ближние Елбаны) [Грязнов, 1956, табл. XXXVIII, *12*], в других памятниках раннего Средневековья [Соенов В.И., Соенов Д.В., Константинов, 2016, с. 85–86] позвонки рыб находят в комплексе с другими вещами, которым приписывались магические свойства [Там же, с. 86]. В материалах тюркского времени, датируемых в пределах VII–VIII вв. н.э., бусы из позвонков рыбы выявлены в кург. 6 могильника Катанда-3 [Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 118, рис. V, 6, 9, 13]. В целом, данные изделия из позвонков крупных рыб, найденные на могильнике Усть-Иша-5, имеют широкую хронологию и не противоречат его датировке раннескифским временем.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтничных социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов».

Список литературы

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. – Барнаул: Азбука, 2014. – 380 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л., 1956. – 160 с. – (МИА; № 48).

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 282 с.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 208 с.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы Катанда-3 // Изв. лаборатории археологии: межвуз. сб. науч. тр. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 1997. – № 2. – С. 115–129.

Папин Д.В., Савко И.А., Анойкин А.А., Демин М.А. Исследование кургана раннескифского времени на могильнике Усть-Иша-5 в предгорьях Алтая // Проблемы архео-

логии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 588–593.

Папин Д.В., Демин М.А., Савко И.А., Федорук А.С. Особенности погребальной практики населения предгорного Алтая раннего железного века по материалам могильника Усть-Иша-5 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 677–682.

Папин Д.В., Демин М.А., Федорук А.С., Фролов Я.В., Савко И.А. Исследование курганного могильника Усть-Иша-5 в 2023 г. (предгорный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 784–789.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан I). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2022. – 276 с.

Скопинцева Г.В. Новый могильник раннескифского времени в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998а. – Вып. IX. – С. 120–124.

Скопинцева Г.В. Отчет об археологической разведке и раскопках экспедиции БГПИ в июне–июле 1997 г. в Красногорском районе Алтайского края // Архив ИА РАН. – 1998б. – Ф.1/Р. 1. – № 21386. – 55 л.

Соенов В.И., Соенов Д.В., Константинов Н.А. Древние городища Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2016. – 244 с.

Степанова Н.Ф. Могильник афанасьевской культуры в устье Куюма (раскопки 1964, 1965, 1969 гг. и итоги исследования) // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. – Барнаул: Азбука, 2006. – Ч. 1. – С. 129–137.

Трифанова С.В., Соенов В.И. Украшения населения Алтая гунносарматского времени. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2019. – 160 с.

Чугунов К.В. Могильник Догээ-Баары-2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы // А.В.: сборник в честь 60-летия А.В. Виноградова. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2007. – С. 123–144.

References

Chugunov K.V. Mogil'nik Dogjeje-Baary-2 kak pamjatnik nachala ujuksko-saglynskoj kul'tury Tuvy. In *A.V.: sbornik v chest' 60-letija A.V. Vinogradova.* St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2007. P. 123–144. (In Russ.).

Gryaznov M.P. Istorija drevnih plemen Verhnej Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaja Rechka. Moscow; Leningrad, 1956. 160 p. (In Russ.).

Kubarev V.D., Shulga P.I. Pazyrykskaja kul'tura (kurgany Chui i Ursula). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2007. 282 p. (In Russ.).

Larin O.V. Afanas'evskaja kul'tura Gornogo Altaja: mogil'nik Sal'djar-1. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2005. 208 p. (In Russ.).

Mamadakov J.T., Gorbunov V.V. Drevnetjurkskie kurgany Katanda-3. *Izvestija laboratorii arheologii. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. Gorno-Altajsk: Gorno-Altai State Univ. Press, 1997. No. 2. P. 115–129. (In Russ.).

Papin D.V., Demin M.A., Fedoruk A.S., Frolov J.V., Savko I.A. Excavations of the Ust-Isha-5 Burial Ground of the Barrow Type (Piedmont Altai) in 2023. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 784–789. (In Russ.).

Papin D.V., Demin M.A., Savko I.A., Fedoruk A.S. Specific Features of Burial Practice among the Population of the Altai Foothills in the Early Iron Age Based on the Evidence from the Ust-Isha-5 Burial Ground. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 28. P. 677–682. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0677-0682

Papin D.V., Savko I.A., Anoykin A.A., Demin M.A. Study of the mound of the early Scythian time at the Ust-Isha-5 burial ground in the foothills of Altai. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 588–593. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0588-0593

Seregin N.N., Demin M.A., Matrenin S.S., Umanskii A.P. Severnyj Altaj v jepohu Velikogo pereselenija narodov (po materialam arheologicheskogo kompleksa Karban I). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2022. 276 p. (In Russ.).

Skopinceva G.V. Novyj mogil'nik ranneskifskogo vremeni v predgor'jah Altaja. In *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1998a. P. 120–124. (In Russ.).

Skopintseva G.V. Otchet ob arkheologicheskoi razvedke i raskopkakh ekspeditsii BGPI v iyune-iyule 1997 g. v Krasnogorskom raione Altaiskogo kraya. Arkhiv IA RAS Publ., 1998b. F.1/R. 1. No. 21386. 55 p. (In Russ.).

Soenov V.I., Soenov D.V., Konstantinov N.A. Drevnie gorodishha Altaja. Gorno-Altajsk: Gorno-Altai State Univ. Press, 2016. 244 p. (In Russ.).

Stepanova N.F. Mogil'nik afanas'evskoj kul'tury v ust'e Kujuma (raskopki 1964, 1965, 1969 gg. i itogi issledovanija). In *Jepoha jeneolita i bronzy Gornogo Altaja*. Barnaul: Azbuka, 2006. Pt. 1. P. 129–137. (In Russ.).

Trifanova S.V., Soenov V.I. Ukrashenija naselenija Altaja gunnosarmatskogo vremeni. Gorno-Altajsk: Gorno-Altai State Univ. Press, 2019. 160 p. (In Russ.).

Vadeckaya J.B., Polyakov A.V., Stepanova N.F. Svod pamjatnikov afanas'evskoj kul'tury. Barnaul: Azbuka, 2014. 380 p. (In Russ.).

Савко И.А. https://orcid.org/0000-0002-7463-7333
Демин М.А. https://orcid.org/0000-0003-0954-9297
Фролов Я.В. https://orcid.org/0000-0001-7259-2840
Папин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-2010-9092

Дата сдачи рукописи: 28.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0716-0722
УДК 903.2

Д.В. Селин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: selin@epage.ru

Технология изготовления керамики носителями кулайской культурно-исторической общности со Смолокуровского II городища (Причулымье, Западная Сибирь)

Выполнен технико-технологический анализ керамики кулайской культурно-исторической общности со Смолокуровского II городища. Определено, что гончары отбирали ожелезненные глины трех разных подвидов. Чаще всего использовалось слабозапесоченное сырье с естественными включениями бурого железняка, которое могло быть предварительно обработано дроблением. Выделено восемь рецептов формовочной массы, включая три однокомпонентных и пять многокомпонентных. Начин изготовлен по донно-емкостной программе, полое тело наращивалось лоскутами. Установлено восемь разных комбинаций способов обработки поверхностей. Зафиксировано заглаживание зубчатым орудием места перехода от плеча к тулову с внутренней стороны. Обжиг мог выполняться в полувосстановительной или восстановительной среде. Выявленное смешение гончарных технологий, вероятно, связано с тем, что на территории Смолокуровского II городища проживали различные группы кулайского населения, каждая из которых имела свои гончарные навыки. Взаимодействие между этими группами привело к смешению традиций, что отразилось в сосудах, изготовленных по многокомпонентным рецептам формовочной массы. Различные технологические приемы носителей кулайской культурно-исторической общности связаны с разными территориями их обитания. В Томско-Нарымском Приобье сосуществовали как минимум две традиции составления формовочных масс – с использованием дресвы и с применением песка. Третья группа, для которой характерна добавка шамота, обитала ниже по течению р. Обь. Между различными территориями, населенными носителями кулайской культурно-исторической общности, существовали контакты на протяжении всего периода существования общности, о чем свидетельствует проникновение различных гончарных традиций в регионы, для которых они не характерны.

Ключевые слова: *ранний железный век, кулайская культурно-историческая общность, керамика, технико-технологический анализ.*

D.V. Selin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: selin@epage.ru

Ceramics Production of the Kulaika Cultural-Historical Community at the Settlement of Smolokurovka II (Chulym River, Western Siberia)

The technical and technological analysis of ceramics of the Kulaika cultural-historical community from the site of Smolokurovka II was performed. It was determined that potters selected tin clay of three different subspecies. Low sand clay with natural inclusions of brown ironstone, which could be pre- crushed, was most frequently used. Eight paste recipes have been identified, including three single-component and five multi-component recipes of paste. The vessels were molded through patch application. Eight different combinations of surface treatment methods were established. Smoothing of the transition area from the rim to the body on the inner surface with a cogwheel was recorded. Firing could be carried out in a semi-reducing or reducing environment. A combination of pottery making techniques was revealed, likely due to the presence of different groups of people from the Kulaika cultural-historical community living in the area. Each of these groups had their own unique production skills. The interaction between these population groups led to the mixing of traditions, which can be seen in the vessels created using multi-component paste recipes. Different technological traditions of the Kulaika cultural-historical community are associated with specific habitation areas. For instance, in the Tomsk-Narym Region of the Ob Basin, at least two types of paste traditions coexisted – with broken stone and sand admixtures. A third group, using chamotte, resided downstream the Ob River. Different population groups of the Kulaika cultural-historical community inhabited different territories and contacted their neighbors throughout the entire period of the community existence. This can be seen through the spread of pottery traditions to regions where they were not originally found.

Keywords: *Early Iron Age, Kulaika cultural-historical community, ceramics, technical and technological analysis.*

Введение

Смолокуровское II городище (другие названия – Малое Смолокуровское городище, Смолокурово) расположено на крутом тупоугольном мысу надпойменной террасы р. Чулым, на расстоянии ок. 35 км к ССВ от ее устья (рис. 1). Памятник имеет форму равнобедренного треугольника с округлыми углами и ограничен валом высотой 1 м и рвом длиной 40 м, глубиной 0,3 м. Внутри выявлены две западины подтреугольной формы. Городище было впервые обследовано В.С. Синяевым в 1946–1947 гг., раскопки одной из западин с выходом были предприняты Е.М. Пеняевым в 1949 г. [Пеняев, 1949; Ожередов, Яковлев, 1993, с. 12].

В ходе раскопок был обнаружен 241 фрагмент керамики от не менее чем 13 сосудов. Полученная коллек-

Рис. 1. Местоположение Смолокуровского II городища.

1 – на карте Евразии (а – указание места выноски ситуационной карты); *2* – на ситуационной карте.

ция является важным источником для реконструкции особенностей древнего гончарства кулайской культурно-исторической общности (далее – КИО) на территории Причулымья и Томско-Нарымского Приобья в целом. Проведение технико-технологического анализа позволило охарактеризовать отдельные ступени гончарной технологии и сравнить их с традициями с других памятников кулайской КИО в этом регионе и в соседних, таких как Сургутское и Новосибирское Приобье.

Источниковой базой являются фрагменты венчиков, стенок и придонных частей сосудов кулайской КИО, полученные Е.М. Пеняевым в ходе раскопок на Смолокуровском II городище (рис. 2). Цель – реконструкция содержания ступеней гончарного производства у носителей кулайской КИО на анализируемом городище.

Посуда исследовалась технико-технологическим анализом по методике, автором которой является

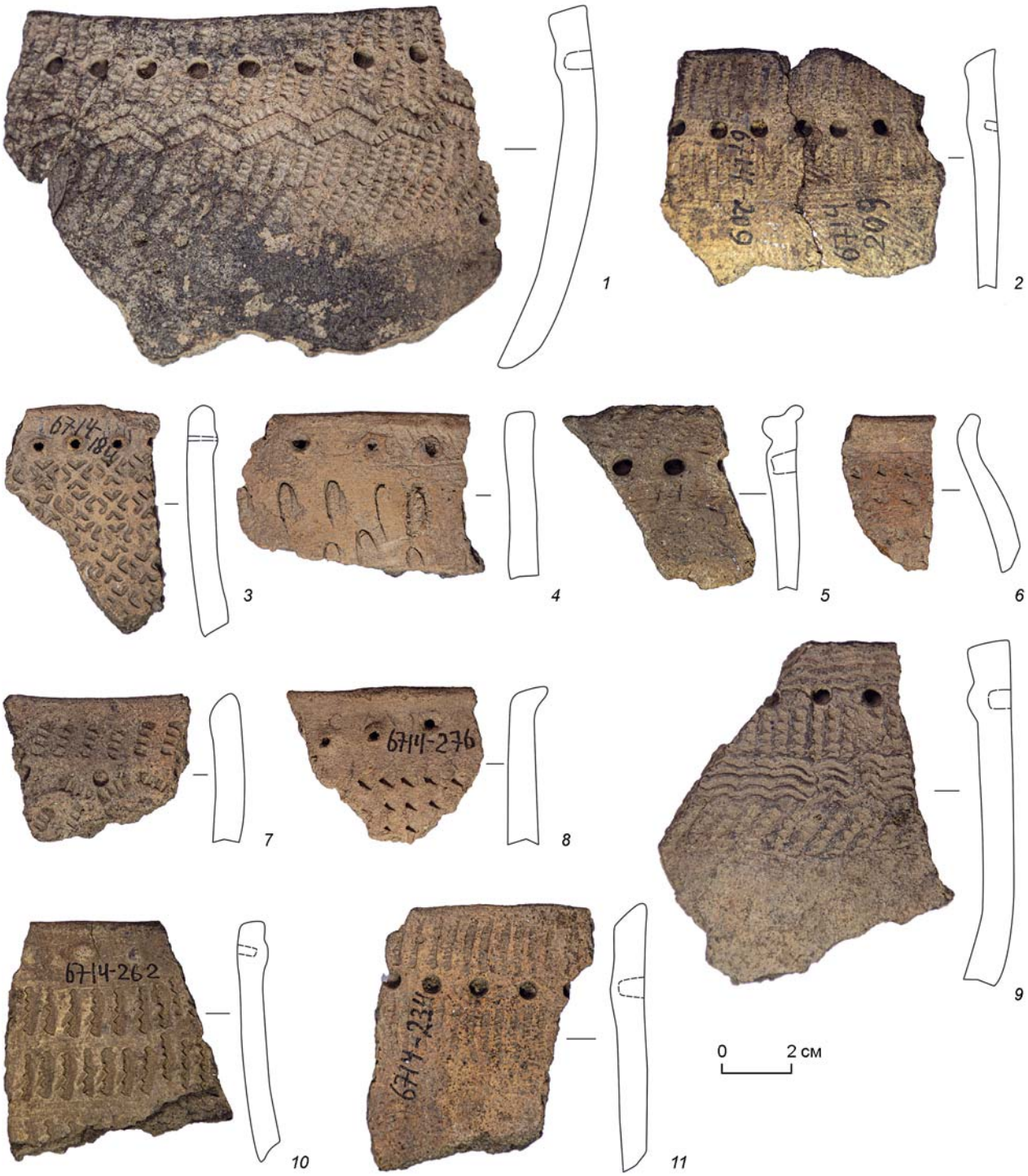

Рис. 2. Керамика кулайской культурно-исторической общности со Смолокуровского II городища.
1–8 – керамика из раскопа 1; *9–11* – керамика из раскопа 2.

А.А. Бобринский [1978, 1999]. Были изучены поверхности и свежие изломы всех фрагментов от различных частей сосудов под бинокулярным микроскопом (Leica M51). Выделение технико-технологических следов выполнено с опорой на имеющуюся экспериментальную коллекцию, на специализированную научную литературу и «Электронный каталог эталонов по керамической трасологии» [Бобринский, 1978, 1999; Цетлин, 2012, 2017; Васильева, Салугина, 2020; Жущиховская, 2022; и др.].

Результаты исследования керамики

Отбор, добыча и подготовка исходного пластичного сырья. Гончарами для изготовления керамики отбирались ожелезненные глины неодинаковой степени запесоченности и с разными естественными примесями. Выделяется три подвида сырья.

Глина 1 (10 изд.) – слабозапесоченная с включениями естественного окатанного и угловатого прозрачного и глухого песка размером 0,05–1 мм (до 6 вкл. на 1 см^2). В четырех сосудах обнаружены фракции только окатанного (2 изд.) или только угловатого (2 изд.) бурого железняка размером 0,1–0,5 мм (до 15 вкл. на 1 см^2). Наличие в глине только мелких угловатых фракций может косвенно указывать на традицию обработки сырья, в ходе которой бурый железняк дробился и приобретал более угловатую форму.

Глина 2 (2 изд.) – среднезапесоченная. Установлены включения окатанного прозрачного и глухого песка размером 0,05–0,5 мм (до 20 вкл. на 1 см^2).

Глина 3 (1 изд.) – слабозапесоченная с естественным содержанием окатанного бурого железняка размером 1–2 мм (до 2 вкл. на 1 см^2) и обрывка стебля растительности размером 2 мм.

Составление формовочных масс. Определено восемь рецептов: 1) глина + дресва (1 изд.); 2) глина + песок (3 изд.); 3) глина + + шамот (1 изд.); 4) глина + шамот + + органический раствор (1 изд.); 5) глина + дресва + песок (1 изд.); 6) глина + дресва + шамот (1 изд.); 7) глина + песок + органический раствор (2 изд.); 8) глина + дресва + + органический раствор (3 изд.). Концентрацию минеральных добавок см. в табл. 1.

Минеральные примеси установлены во всей керамике в составе одно- и многокомпонентных рецептов (рис. 3). Дресва была получена из гранитоидов и могла калиброваться по верхней границе (≤1,9 мм; 3 изд.) или не калиброваться (максимальный размер включений до 3 мм; 3 изд.). Похожая ситуация зафиксирована для шамота и песка – фракции не калибровались (максимальный размер включений до 3 мм; 3 и 5 изд. соответственно) или отбирались по верхней границе (≤1,9 мм; 1 и 2 изд.).

В шести сосудах выявлен органический раствор, определенный на изломе в виде аморфных пустот размером до 2 мм, покрытых изнутри черным глянцевым налетом (рис. 3, *2*).

Таблица 1. **Соотношение концентрации минеральных примесей в керамике кулайской культурно-исторической общности со Смолокуровского II городища**

Концентрация	Шамот	Дресва	Песок
1 : 1	–	–	3
1 : 1–2	–	–	2
1 : 3	1	–	1
1 : 4	1	–	–
1 : 5	1	5	–
1 : 7	–	1	–
Всего изделий	3	6	6

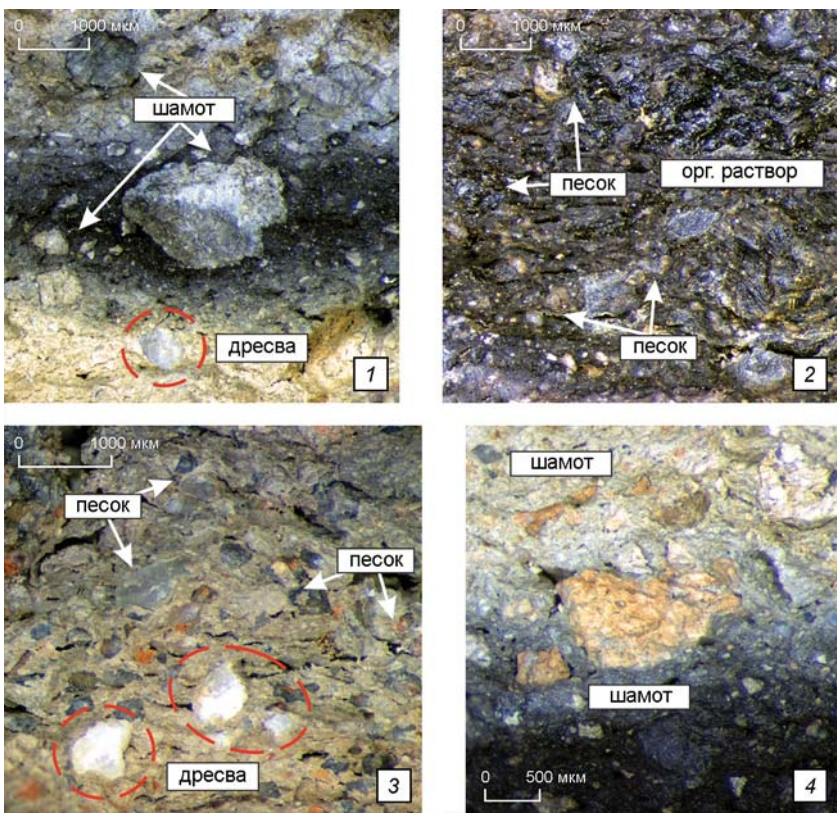

Рис. 3. Микрофотографии изломов керамики кулайской культурно-исторической общности со Смолокуровского II городища.

1 – шамот и дресва; *2* – искусственно добавленный песок и органический раствор; *3* – дресва и искусственно добавленный песок; *4* – шамот.

Таблица 2. **Соотношение инструментов обработки внешней и внутренней поверхности керамики кулайской культурно-исторической общности на Смолокуровском II городище**

Обратка внешней поверхности	Обработка внутренней поверхности	Всего изд.
Заглаживание твердым орудием	Заглаживание зубчатым орудием	5
Заглаживание зубчатым и твердым орудием		2
Заглаживание пальцами	Заглаживание пальцами, переход от плеча к тулову заглажен зубчатым орудием	1
Заглаживание твердым орудием	Заглаживание зубчатым орудием и пальцами	1
Заглаживание твердым орудием	Заглаживание пальцами	1
Заглаживание твердым орудием и лощение	Заглаживание пальцами	1
Заглаживание твердым орудием		1
Заглаживание твердым орудием и лощение		1

Сопоставление подвидов глин и рецептов формовочной массы показало, что с глиной 1 употреблялись семь рецептов. С глиной 2 применялся рецепт с дресвой и органическим раствором. Из этого подвида слеплен единственный сосуд, изготовленный по несмешанному рецепту с шамотом. Глина 3 использована совместно с песком и органическим раствором.

Конструирование начина и полого тела. Способ конструирования начина надежно определен у одного сосуда – он изготовлен по донно-емкостной программе. Полое тело двух сосудов наращивалось лоскутным налепом. Венчик одного изделия с внутренней стороны был оформлен дополнительным жгутом диаметром 4 мм.

Обработка поверхностей. Отделка выполнена при помощи заглаживания разными приспособлениями и лощения. Внешняя поверхность чаще всего заглаживалась твердым орудием (12 изд.) в сочетании с зубчатым орудием или лощением, или пальцами (1 изд.). Внутренняя обрабатывалась зубчатым (8 изд.) и/или твердым (4 изд.) орудием или пальцами (3 изд.). На одном сосуде определен специфичный технологический прием, когда переход от плеча к тулову заглаживался зубчатым орудием. Определено восемь комбинаций способов и инструментов, с помощью которых обрабатывались поверхности посуды (табл. 2).

Придание изделиям прочности и влагонепроницаемости. Зафиксированы следующие цвета изломов: одноцветные (черный – 5 изд.; темно-серый – 2 изд.; коричневый – 1 изд.); коричневый внешний край, черный внутренний (5 изд.). Посуда могла обжигаться в восстановительной или полувосстановительной среде. При этом вся керамика была обожжена при температурах выше каления глины (от 550–650 до 900–1 100 °С), т.к. отсутствует эффект остаточной пластичности и не обнаружено следов спекания глины до стекловидного состояния.

Использование сосудов в быту. Нагар обнаружен на девяти сосудах. У двух изделий он покрывал обе поверхности, у одного – только внешнюю, у шести – только внутреннюю.

Обсуждение результатов

Для керамики кулайской КИО со Смолокуровского II городища характерно разнообразие навыков составления формовочных масс. Выявлено три однокомпонентных рецепта с разными минеральными примесями (дресвой, шамотом, песком) и несколько смешанных, где разные добавки употребляются совместно. Это свидетельствует о том, что на территории городища существовало как минимум три разных группы гончаров, для которых были характерны свои навыки составления формовочных масс. Между этими группами происходило смешение гончарных традиций, что отразилось в наличии сосудов, изготовленных по многокомпонентным рецептам, где совместно употреблялись разные минеральные добавки. Об этом также свидетельствует и разнообразие в навыках обработки поверхностей, что характерно для начальных периодов взаимодействия населения [Цетлин, 2012, с. 242; 2017, с. 192].

Подобная высокая степень смешанности технологических традиций внутри одного поселения характерна для сургутского варианта кулайской КИО. Так, на городище Барсов городок (далее – Бг) I/5 определено девять рецептов формовочной массы, на Бг I/4 – восемь. Для памятников Барсовой Горы типична и вариативность в способах обработки поверхности: на Бг I/4 выявлено 39 комбинаций, на селище Барсова Гора (далее – БГ) III/2 – 29. Кроме того, практически на всех памятниках Барсовой Горы выявлено два специфичных технологических приема, которые обнаружены и на Смолокуровском II городище: оформление венчика сосуда при помощи жгутика диаметром до 1 см и заглаживание зубчатым орудием с внутренней стороны места перехода от плеча к тулову (см., напр.: [Селин, Чемякин, 2022]). Высокая смешанность гончарных традиций в Сургутском Приобье, по всей видимости, является результатом того, что на территорию Барсовой Горы проникали разнообразные группы кулайского населения с разных территорий, которые обладали своими специфичными производственными навыками. Похожая ситуация могла сложиться и на Смолокуровском II городище, где сосуществовали носители раз-

ных технологических навыков производства посуды, которые могли прийти с разных территорий.

Добавка дресвы широко представлена на всем ареале кулайской КИО и зафиксирована в Новосибирском, Томско-Нарымском, Сургутском Приобье (см.: [Селин, Чемякин, 2022, Степанова, Рыбаков, 2016; Степанова, Плетнева, Рыбаков, 2021]). Искусственная примесь песка выявлена на серии памятников Томско-Нарымского Приобья. Так, на Саровском городище доля несмешанного рецепта с этой добавкой составляет 72 % [Селин, Чиндина, в печати]. Песок является доминирующей примесью и на поселениях Новый Катыш IVа, IVб, расположенных на р. Конде [Селин, Стефанова, Чемякин, 2024]. На отдельных городищах Барсовой горы (Бг I/4, Бг I/5) в формовочной массе посуды обнаружена примесь песка, но она употребляется только с другими добавками, и общая доля таких рецептов суммарно не превышает 15 %. Примесь шамота характерна для более северных памятников кулайской КИО, таких как Бг I/4, и широко представлена в гончарстве белоярской и калинкинской культур, где является основной, а часто и единственной минеральной добавкой. При этом отдельные памятники кулайской КИО, где доминирует шамот, известны в Прикетье (напр., Карбинское I городище [Степанова, Рыбаков, 2021]).

Заключение

Технико-технологический анализ посуды кулайской КИО со Смолокуровского II городища показал, что гончары отбирали ожелезненные глины трех разных подвидов. Доминирующим являлось слабозапесоченное сырье с естественными включениями бурого железняка, возможно, предварительно обработанное дроблением. Определено восемь рецептов формовочной массы, включая три однокомпонентных и пять многокомпонентных. Начин одного сосуда был изготовлен с применением донно-емкостной программы, полое тело двух наращивалось лоскутами. Венчик одного изделия с внутренней стороны оформлен жгутом диаметром 4 мм. Установлено восемь разных комбинаций способов обработки поверхностей. Зафиксировано заглаживание зубчатым орудием с внутренней стороны места перехода от плеча к тулову. Обжиг мог выполняться в полувосстановительной или восстановительной среде.

Выявленная смешанность гончарной технологии связана, по всей видимости, с тем, что на территории Смолокуровского II городища обитали разные группы кулайского населения, для каждой из которых были характерны свои навыки производства. Так, по имеющимся к настоящему моменту данным, в Томско-Нарымском Приобье существовало как минимум две традиции составления формовочных масс – с использованием дресвы и с использованием песка. На анализируемом городище эти две группы проживали совместно и между ними происходило смешение гончарных навыков, что проявилось в сосудах, изготовленных по многокомпонентным рецептам. Третья группа, для которой характерно использование шамота, относится, по всей видимости, к более северным территориям – Сургутскому Приобью и зонам, расположенным ниже по течению Оби (район современного г. Ханты-Мансийска).

Между разными территориями, которые населяли носители кулайской КИО, имелись взаимоконтакты на всем протяжении существования этой общности, о чем свидетельствует проникновение разных гончарных традиций в те зоны, для которых они не характерны. К ним можно отнести употребление искусственной добавки песка на поселениях Барсовой Горы и применение для изготовления отдельных сосудов ленточного налепа, который не характерен для гончарного производства кулайской КИО на территориях Сургутского, Томско-Нарымского и Новосибирского Приобья.

Дальнейший анализ гончарного производства у носителей кулайской КИО расширит ранее полученную источниковую базу и даст возможность дальнейшего уточнения историко-культурных процессов, проходивших на территории Приобья в раннем железном веке.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Электронный каталог эталонов по керамической трасологии [Электронный ресурс]. – Самара, 2020. – URL: http://archsamara.ru/katalog (дата обращения: 26.04.2023).

Жущиховская И.Ю. Экспериментальный обжиг керамики в археологии: современные подходы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2022. – Т. 21. – № 3: Археология и этнография. – С. 9–20. – doi:10.25205/1818-7919-2022-21-3-9-20

Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. – Т. 2. – 202 с.

Пеняев Е.М. Отчет о работе археологического отряда археолого-антропологической Чулымской экспедиции ТГУ летом 1949 г. – Томск, 1949. – 38 с.

Селин Д.В., Стефанова Н.К., Чемякин Ю.П. Новый Катыш IVа и IVб – кулайские поселения в бассейне р. Конды

(Западная Сибирь) // Уральский ист. вестн. – 2024. – Т. 1 (82). – С. 157–167. – doi:10.30759/1728-9718-2024-1(82)-157-167

Селин Д.В., Чемякин Ю.П. Технологические традиции в керамике кулайской культурно-исторической общности Барсовой Горы (по материалам городищ Барсов городок I/5 и I/7) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2022. – Т. 21. – № 5: Археология и этнография. – С. 71–88. – doi:10.25205/1818-7919-2022-21-5- 71-88

Селин Д.В., Чиндина Л.А. Технология производства керамики кулайской культуры с Саровского городища // Поволжская археология. – В печати.

Степанова Н.Ф., Плетнева Л.М., Рыбаков Д.Ю. Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского Приобья // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2021. – № 69. – С. 55–61. – doi:10.17223/19988613/69/7

Степанова Н.Ф., Рыбаков Д.Ю. Первые результаты технико-технологического анализа керамики городища Тимирязево III кулайской культурно-исторической общности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 420–423.

Степанова Н.Ф., Рыбаков Д.Ю. Предварительные результаты изучения керамики Карбинского городища I раннего железного века Прикетья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 662–668. – doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0662-0668

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: Изд-во ИА РАН, 2012. – 379 с.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. – М.: Изд-во ИА РАН, 2017. – 346 с.

References

Bobrinskii A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob”ekt istorikokul’turnogo izucheniya. *Aktual’nye problemy izucheniya drevnego goncharstva*. Samara: Samara State Univ. Press, 1999. P. 5–109. (In Russ.).

Bobrinskii A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya. Moscow: Nauka, 1978. 272 p. (In Russ.).

Ozheredov Y.I., Yakovlev Y.A. Arkheologicheskaya karta Tomskoi oblasti. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1993. 202 p. (In Russ.).

Penyaev E.M. Otchet o rabote arkheologicheskogo otryada arkheologo-antropologicheskoi Chulymskoi ekspeditsii TGU letom 1949 g. Tomsk, 1949. 38 p. (In Russ.).

Selin D.V., Chemyakin Y.P. Technological traditions in pottery of the Kulay Cultural-Historical Community on Barsova Gora (Based on the materials of the sites Barsov gorodok I/5 and I/7). *Vestnik Novosibirsk State Univ. Series: History and Philology*, 2022. Vol. 21. No. 5: Archaeology and Ethnography. P. 71–88. (In Russ.). doi:10.25205/1818-7919-2022-21-5-71-88

Selin D.V., Chindina L.A. Tekhnologiya proizvodstva keramiki kulaiskoi kul’tury s Sarovskogo gorodishcha. *Povolzhskaya arkheologiya.* (In press).

Selin D.V., Stefanova N.K., Chemyakin Y.P. Noviy Katysh IVa and IVb – Kulai settlements in the Konda river basin (Western Siberia). *Ural Historical J.,* 2024. No. 1. P. 157–167. (In Russ.). doi:10.30759/1728-9718-2024-1(82)-157-167

Stepanova N.F., Pletneva L.M., Rybakov D.Y. Features of initial raw materials and pottery paste of ancient ceramics from Tomsk area of the Ob region. *Vestnik Tomsk State Univ. Istoriya*, 2021. No. 69. P. 55–61. (In Russ.). doi:10.17223/19988613/69/7

Stepanova N.F., Rybakov D.Y. The first results of the technical and technological analysis of the ancient settlement Timiryazevo III ceramics of the Kulay cultural and historical community. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 420–423. (In Russ.).

Stepanova N.F., Rybakov D.Y. Preliminary results of studying ceramics from the Karbinskoye I settlement of Early Iron Age in Priketye. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 662–668. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0662-0668

Tsetlin Y.B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istorikokul’turnogo podkhoda. Moscow: IA RAS Publ., 2012. 379 p. (In Russ.).

Tsetlin Y.B. Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul’turnogo podkhoda. Moscow: IA RAS Publ., 2017. 346 p. (In Russ.).

Vasileva I.N., Salugina N.P. Elektronnyy katalog etalonov po keramicheskoy trasologii. URL: http://archsamara.ru/katalog. (Accessed: 01.07.2024). (In Russ.).

Zhushchikhovskaya I.Y. Experimental firing of ceramics in archaeology: modern approaches. *Bulletin NSU. Series: History, Philology,* 2022. Vol. 21. No. 3: Archaeology and Ethnography. P. 9–20. (In Russ.). doi:10.25205/1818-7919-2022-21-3-9-20

Селин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-6939-2917

Дата сдачи рукописи: 23.07.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0723-0729
УДК 902.2

Н.Н. Серегин[1]✉, С.С. Матренин[2], Н.Ф. Степанова[3]

[1]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
[2]Барнаульский юридический институт МВД РФ
Барнаул, Россия
[3]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Редкие модификации железных наконечников стрел населения северных предгорий Алтая начала раннего Средневековья (по материалам некрополя Горный-10)

Статья посвящена введению в научный оборот и культурно-хронологической интерпретации серии редких железных наконечников стрел, обнаруженных в ходе раскопок некрополя Горный-10. Данный памятник, расположенный в Красногорском р-не Алтайского края, исследовался в 2000–2002 гг. и в настоящее время может рассматриваться как базовый комплекс для анализа различных аспектов истории населения юга Западной Сибири в начале раннего Средневековья, в т.ч. особенностей вооружения и военного дела. Изучаемая коллекция включает 13 наконечников стрел, представленных преимущественно целыми образцами. Их морфологический и классификационный анализ позволил выделить пять типов предметов. Сопоставление полученных данных с материалами из комплексов на сопредельных территориях стало основанием для выводов о датировке и возможных направлениях генезиса разных модификаций изделий. В отношении трехгранного бронебойного экземпляра с цилиндрическим упором (тип 1) сформулировано предположение о его вероятном «среднеазиатском» происхождении и хронологии в рамках конца VII – первой половины VIII в. н.э. Четырехгранные срезни с четырехугольным (тип 2) и вытянуто-четырехугольным (тип 3) пером появились в Алтайской лесостепи во второй половине VI – первой половине VII в. н.э. и не связаны с военным делом населения одинцовской культуры Верхнего Приобья и ранних тюрок Алтая. Однолопастные наконечники (типы 4, 5) датируются VII – первой половиной VIII в. н.э. и существенно отличаются от изделий, зафиксированных в более поздних памятниках тюркской культуры Алтае-Саянского региона. Имеются основания для заключения о том, что формирование рассматриваемого набора боевых наконечников стрел из объектов некрополя Горный-10 не было связано с военными традициями раннесредневековых тюрок Центральной Азии, а также местного (одинцовского) населения Алтайской лесостепи.

Ключевые слова: *Лесостепной Алтай, раннее Средневековье, железные наконечники стрел, военное дело, хронология, этнокультурные контакты.*

N.N. Seregin[1]✉, S.S. Matrenin[2], N.F. Stepanova[3]

[1]Altai State University
Barnaul, Russia
[2]Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Barnaul, Russia
[3]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Rare Varieties of Iron Arrowheads of the Populations of the Northern Piedmonts of Altai at the initial Early Middle Ages (Based on Materials from the Gorny-10 Necropolis)

The article presents a series of rare iron arrowheads discovered during excavations of the Gorny-10 necropolis. This site in the Krasnogorsk District of the Altai Kray was studied in 2000–2002, and currently can be considered a basic complex for

studying various aspects of the history of the population of the southern West Siberia in the initial Early Middle Ages and the features of weapons and military affairs. The studied collection includes 13 arrowheads, most of which are intact. Five types of arrowheads have been distinguished through the morphological and classification analysis. Comparison of the derived data with collections from the nearby sites makes it possible to infer on the age and possible directions of the development of various shapes of the arrowheads. The trihedral armor-piercing arrowhead with a cylindrical stop (type 1), was preliminary defined as originating in Central Asia origin and belonging chronologically to the late 7th – first half of the 8th centuries AD. Tetrahedral shear points with a quadrangular (type 2) and elongated-quadrangular (type 3) blades emerged in the Altai forest-steppe in the second half of the 6th – first half of the 7th centuries AD and are not associated with the military affairs of the population of the Odintsovo Culture of the Upper Ob region and the early Turks of Altai. Single-bladed arrowheads (types 4 and 5) are dated to the 7th – first half of the 8th centuries AD and differ significantly from the products recorded in younger sites of the Turkic Culture of the Altai-Sayan region. It has been inferred that the development of the set of combat arrowheads from the Gorny-10 necropolis was not associated with the military tradition of the early medieval Turks of Central Asia and the local (Odintsovo) population of the Altai forest-steppe.

Keywords: *forest-steppe Altai, early Middle Ages, iron arrowheads, military affairs, chronology, ethnocultural contacts.*

Введение

Современные представления о развитии оружия дальнего боя населения Северной и Центральной Азии в раннем Средневековье основаны на результатах изучения обширного корпуса вещественных материалов, среди которых преобладают железные наконечники стрел. Несмотря на то, что специалистами уже давно обозначены направления эволюции многих модификаций данных изделий во второй половине I тыс. н.э. под доминирующим влиянием военного дела кочевых народов, актуальным является определение датировки и генезиса отдельных типов предметов. В данном контексте особенно сложным выглядит установление роли разных военных традиций в формировании редких образцов железных наконечников стрел, обнаруживаемых в археологических памятниках начального периода раннего Средневековья, располагающихся на стыке нескольких ландшафтных зон. Одним из примеров такой ситуации являются северные предгорья Алтая. На данной территории к настоящему времени изучен только один погребальный комплекс периода Тюркских каганатов – некрополь Горный-10, материалы которого выступают основным источником для реконструкции различных аспектов истории местного населения, в т.ч. для изучения военного дела.

Характеристика и анализ материалов

Могильник Горный-10 расположен в Красногорском р-не Алтайского края, на мысу правого берега р. Иша (рис. 1). На данном памятнике в 2000–2002-х гг. экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» под руководством М.Т. Абдулганеева и Н.Ф. Степановой вскрыты 75 грунтовых погребений. Полученные материалы демонстрируют существование памятника в довольно широких рамках второй половины VI – первой половины VIII в. н.э. [Абдулганеев, 2001; Серегин, Степанова, 2021; Seregin, Tishin, Stepanova, 2022; и др.]. В 30 объектах обозначенного некрополя обнаружены 132 железных черешковых наконечника стрел. Данные элементы вооружения являлись обязательным компонентом сопроводительного инвентаря всех раскопанных мужских захоронений, а в отдельных случаях они также встречены в погребениях женщин и детей.

В сформированной серии боевых наконечников стрел доминировали изделия (113 экз. – 89,6 %) с трехлопастным пером преимущественно треугольной, шестиугольной и пятиугольной форм, получившие распространение в Лесостепном Алтае, вероятно, под влиянием тюркской военной традиции. Несмотря на выявленное доминирование центральноазиатского вектора происхождения большинства обозначенных предметов, в 11 объектах рассматриваемого погребального комплекса выявлены 13 достаточно редких находок, изучение которых представляется актуальным для проведения культурно-хронологических реконструкций.

Морфологический и классификационный анализ данных изделий на основе таких характеристик, как поперечное сечение и абрис пера, наличие/отсутствие упора и его конструкция позволяет выделить пять типов предметов.

К первому типу относится трехгранный бронебойный наконечник с килевидным пером (размеры 5 × × 1,2 см) и цилиндрическим упором, обнаруженный в мог. 43 (рис. 2, *1*). Второй тип представлен девятью четырехгранными геометрическими срезнями с четырехугольным пером и ровным лезвием (размеры пера: 4,2–4,8 × 0,8–1,5 см): без упора из мог. 7, 36 (рис. 2, *8*, *9*); с шайбовидным упором из мог. 41 (рис. 2, *3*); с цилиндрическим упором из мог. 1 (2 экз.), 14, 27, 36, 74 (рис. 2, *2*, *4–7*, *9*). К третьему типу принадлежит четырехгранный геометрический срезень с вытянуто-четырехугольным пером (9 × 0,7 см) с зубчатым лезвием и длинным цилиндрическим упором, найденный в мог. 69 (рис. 2, *12*). Отдельными модификациями рассматриваемых предметов являются однолопастные заостренные наконечники стрел без упора: треугольный с шипастым пером размерами 2,2 × × 1,6 см из мог. 68, обозначенный как тип 4 (рис. 2, *10*); шестиугольный с покатыми плечиками, размерами 4,1 × 1,5 см из мог. 16, выделенный в тип 5 (рис. 2, *11*).

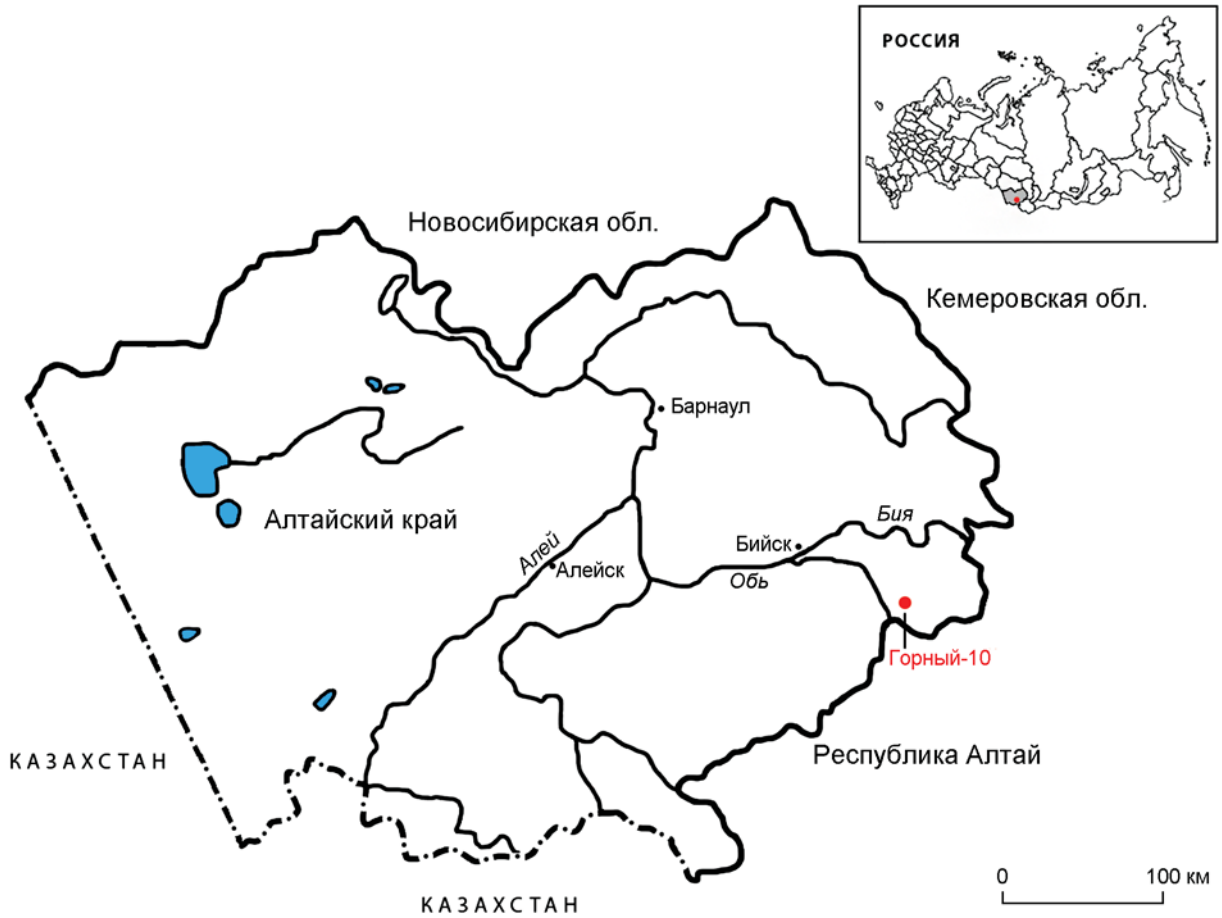

Рис. 1. Карта-схема расположения некрополя Горный-10.

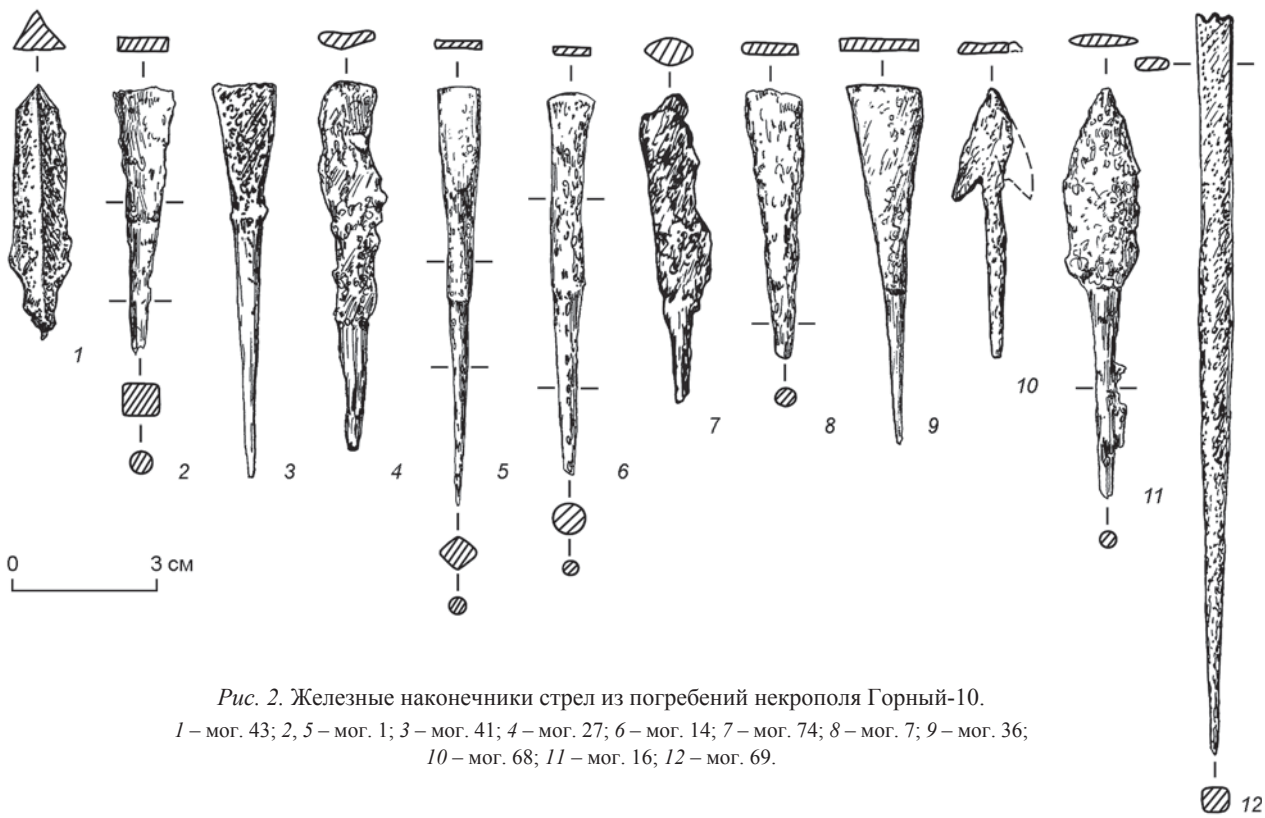

Рис. 2. Железные наконечники стрел из погребений некрополя Горный-10.

1 – мог. 43; *2*, *5* – мог. 1; *3* – мог. 41; *4* – мог. 27; *6* – мог. 14; *7* – мог. 74; *8* – мог. 7; *9* – мог. 36; *10* – мог. 68; *11* – мог. 16; *12* – мог. 69.

Охарактеризованные железные наконечники стрел представлены преимущественно целыми образцами. Важно подчеркнуть, что у данных изделий, в отличие от трехлопастных экземпляров, ни разу не зафиксированы костяные (роговые) свистунки. При этом следует отметить, что трехгранные, четырехгранные и однолопастные наконечники рассматриваемого собрания не образовывали самостоятельных колчанных наборов.

Культурно-хронологическая интерпретация

Представленные редкие типы наконечников стрел из объектов некрополя Горный-10 были подвергнуты сравнительному анализу с вещественными находками из археологических памятников Северной и Центральной Азии периода раннего Средневековья для уточнения датировки и происхождения разных модификаций изделий в контексте процессов межкультурного взаимодействия населения предгорной зоны Алтая с народами других регионов.

Единственный в исследуемой серии бронебойный трехгранный наконечник с пером килевидной формы и цилиндрическим упором (тип 1) является результатом развития изделий, появившихся на территории Алтайской лесостепи во второй половине IV – V в. н.э. под влиянием «среднеазиатского» (кенкольского) комплекса вооружения [Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 6, *7*, *8*, *10*, *14*, *16*, *18*, *20*, *21*; Горбунов, 2006, с. 40]. В Средней Азии изделия с подобным сечением пера интенсивно использовались в III–VIII вв. н.э. [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 84; Левина, 1996, рис. 92, *20*, *23*, *45*; Литвинский, 2001, с. 107–110]. В начале раннего Средневековья трехгранные экземпляры известны у центральноазиатских тюрок, хотя в целом для их воинского арсенала они являются редкими и происходят преимущественно из объектов VIII–X вв. н.э. [Худяков, 1986, с. 146, 148, 150; 2004, с. 58, рис. 47; Кубарев, 2005, с. 85–86, рис. 25, *11*, *14–17*; Горбунов, 2006, с. 33, рис. 26, *27*; 27, *19*]. Такие наконечники немногочисленны и в оружейных комплексах племен Новосибирского (VIII–X вв. н.э.) и Томского (конец VI–VIII в. н.э.) Приобья, а также Кузнецкой котловины (VIII – первая половина IX в. н.э.) [Чиндина, 1977, рис. 19, *16*; Илюшин, Сулейменов, 1995, с. 213, рис. 5, *16*; Илюшин, 1999, рис. 47, *1*; 2010, с. 131; и др.]. Необходимо отметить, что экземпляр типа 1 в памятнике Горный-10 происходит из захоронения конца VII – первой половины VIII в. н.э. и по своим морфологическим характеристикам напоминает наконечники сросткинской культуры второй половины VIII – XII в. н.э. [Горбунов, 2006, рис. 29, *5*; 31, *28*; табл. II, *39*, *193*, *204*].

Показательными являются четырехгранные срезни с четырехугольным (тип 2) и удлиненно-четырехугольным (тип 3) пером, имеющие различное оформление перехода поражающей части в насад (преимущественно в виде цилиндрического упора). Такие изделия генетически связаны с сяньбийской военной традицией второй половины III – V в. н.э., что демонстрируют материалы Тувы, Восточного Забайкалья, Северного Китая и Кореи [Худяков, 1986, рис. 27, *5–11*; 1991, с. 56; рис. 26, *13*, *22*; Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000, рис. 79, *3–7*, *9*, *12*, *13*; Бобров, Худяков, 2005, рис. 3, *38*; Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 194; рис. 9, *10*, *11*]. На Алтае короткие срезни без упора генетически связаны с позднесяньбийским или кокэльским комплексом вооружения, и в обозначенном регионе они впервые известны у носителей булан-кобинской культуры с IV в. н.э. [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 55]. Актуальные для датировки рассматриваемых изделий аналогии обнаружены у племен релкинской культуры Томского Приобья (тип 2 – V–VIII вв. н.э.; тип 3 – конец VI – VIII в. н.э.), саратовской культуры Кузнецкой котловины (тип 3 – конец VI – первая половина VIII в. н.э.), у кочевников Прибайкалья (тип 2 – VI–VII вв. н.э.), у тюрок Алтая (тип 2 – вторая половина VII – первая половина VIII в. н.э.) [Чиндина, 1977, с. 29; рис. 3, *15*; 19, *14*; 24, *7*, *16*; Беликова, Плетнева, 1983, с. 18, 75, 92; рис. 5, *8*, *10*; 48, *5–8*; 74, *3*; Илюшин, 1999, рис. 16, *1*; 50, *16*; Горбунов, 2006, с. 41, рис. 27, *35*; Дашибалов, 2011, с. 67; рис. 9, *7–9*]. Судя по имеющимся материалам второй половины I тыс. н.э., такие модификации наконечников впервые появились на территории Алтайской лесостепи именно у населения, оставившего могильник Горный-10, при этом не раньше конца VI – начала VII в. н.э.

Определенный интерес представляют зафиксированные в могильнике Горный-10 однолопастные наконечники стрел с заостренным силуэтом пера. В Центральной Азии однолопастные изделия имели широкое распространение у сяньби в конце I – V в. н.э. [Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, рис. 1, *25*; Яремчук, 2005, рис. 68, *7*, *8*, *10*; 74, *3*, *4*, *12*; 75, *4–7*; 76, *1*, *2*, *9*, *11–13*; 77, *2–5*, *12–14*; 78, *1*, *10*; 79, *7*, *10*, *11*; 80, *10–15*], под влиянием которых в эпоху Великого переселения народов они попали во многие регионы Сибири [Худяков, 1986, с. 71–73, 92, 113, рис. 27, *1–4*, *13*; 36, *24*, *25*, *26*; 49, *14*; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 82, *1*, *4*, *7*; 2006, с. 36, 42, 43, рис. 25, *7*, *8*, *20*; Троицкая, Новиков, 1998, с. 38; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 55]. Во второй половине I тыс. н.э. стрелы с однолопастными наконечниками крайне редко присутствовали в воинском арсенале тюрок Алтае-Саянского региона в комплексах VIII–XI вв. н.э., что, видимо, было обусловлено контактами с кыргызами и кочевниками Байкальского региона [Худяков, 2004, с. 58–59, рис. 47; Кубарев, 2005, с. 86, рис. 25, *12*; Горбунов, 2006, с. 41, рис. 28, *31*].

Обнаруженный в некрополе Горный-10 однолопастной наконечник с треугольным шипастым пером

(тип 4) обнаруживает наиболее близкие аналогии в памятниках южно-таежной зоны Западной Сибири, в частности, в комплексе конца VI – VIII в. н.э. в Томском Приобье [Беликова, Плетнева, 1983, с. 92, рис. 77, *5*; Соловьев, 1987, с. 38, табл. III, *33*, *37*, *38*]. Плоский шестиугольный наконечник без упора (тип 5) демонстрирует сходство с изделиями из объектов курумчинской культуры Прибайкалья VI–VII вв. н.э., шивэй Восточного Забайкалья VI–X вв. н.э., сростинской культуры Алтайской лесостепи второй половины VIII – первой половины X в. н.э., а также с находками из лесной зоны Западной Сибири, Прикамья и Среднего Поволжья VIII–XIII вв. н.э. [Соловьев, 1987, с. 41, табл. IV, *16*, *17*; Худяков, 1991, с. 54, рис. 26, *16–18*; Горбунов, 2006, с. 36, рис. 30, *26*; 31, *25*; Дашибалов, 2011, с. 67, рис. 9, *10*]. С учетом известных археологических материалов представляется возможным сделать вывод о том, что однолопастные наконечники из некрополя Горный-10 датируются VII – первой половиной VIII в. н.э. и генетически не связаны с традициями военного дела тюрок.

Заключение

Анализ серии из тринадцати достаточно редких железных наконечников стрел, обнаруженных в погребениях некрополя Горный-10, позволил обозначить датировку и возможные направления генезиса разных модификаций изделий. В отношении трехгранного бронебойного экземпляра с цилиндрическим упором (тип 1) сформулировано предположение о его вероятном «среднеазиатском» происхождении и хронологии в рамках конца VII – первой половины VIII в. н.э. с учетом археологического возраста погребения, в котором он был обнаружен. Четырехгранные срезни с четырехугольным (тип 2) и вытянуто-четырехугольным (тип 3) пером появились в Алтайской лесостепи в «кудыргинское» время (вторая половина VI – первая половина VII в. н.э.) и не связаны с военным делом населения одинцовской культуры Верхнего Приобья и ранних тюрок Алтая. Однолопастные наконечники (типы 4, 5) из рассматриваемой коллекции датируются VII – первой половиной VIII в. н.э. и существенно отличаются от изделий, зафиксированных в более поздних памятниках тюркской культуры Алтае-Саянского региона. В целом, имеются основания для заключения о том, что рассматриваемый набор боевых наконечников стрел из некрополя Горный-10 был сформирован не в рамках военной традиции раннесредневековых тюрок Центральной Азии и местного (одинцовского) населения Алтайской лесостепи. Уточнение особенностей происхождения обозначенных предметов, а также других оригинальных находок из объектов анализируемого погребального комплекса требует продолжения комплексных исследований с привлечением широкого круга материалов.

Благодарности

Культурно-хронологическая и социальная интерпретация публикуемого комплекса осуществлена в рамках реализации проекта РНФ № 20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование». Обработка материалов раскопок некрополя Горный-10 проведена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Абдулганеев М.Т. Могильник Горный-10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 128–131.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – 245 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005. – С. 80–199.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – 232 с.

Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – 174 с.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. – Кемерово: Изд-во Кузбас. гос. тех. ун-та, 1999. – 160 с.

Илюшин А.М. Железные наконечники стрел из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2010. – № 4–1. – С. 120–133.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Впускные погребения Шабаново I // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – С. 208–223.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 176 с.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 75–106.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. – М.: Вост. лит., 1996. – 396 с.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. – М.: Вост. лит., 2001. – Т. 2. – 528 с.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 196–205. – (Археология СССР).

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. «Элитное» детское погребение эпохи Тюркских каганатов из Северного Алтая // Stratum Plus. – 2021. – № 5. – С. 335–344.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2018. – 368 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 152 с.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайск. гос. ун-та, 2000. – № 5. – С. 37–48.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1977. – 192 с.

Эрдэнэ-Очир Н. Предметы вооружения трех древних государств Кореи из музея Сеульского национального университета // Археологийн судлал. – 2011. – Б. XXXI. – С. 183–220.

Яремчук О.А. Могильник Зоргол I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: дис. ... канд. ист. наук. – Чита, 2005. – 296 с.

Seregin N.N., Tishin V.V., Stepanova N.F. Chinese Coins from the Early Medieval Cemetery Gorny-10, Northern Altai // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. – 2022. – Vol. 50, N 3. – P. 103–112.

References

Abdulganeev M.T. Mogil'nik Gornyi-10 – pamyatnik drevnetyurkskoi epokhi v severnykh predgor'yakh Altaya. In *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii.* Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2001. P. 128–131. (In Russ.).

Belikova O.B., Pletneva L.M. Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1983. 244 p. (In Russ.).

Bobrov L.A., Khudyakov Y.S. Voennoe delo syan'biiskikh gosudarstv Severnogo Kitaya IV–VI vv. n.e. In *Voennoe delo nomadov Tsentral'noi Azii v syan'biiskuyu epokhu*. Novosibirsk: Novosibirsk Univ. Press, 2005. P. 80–199. (In Russ.).

Chindina L.A. Mogil'nik Relka na Srednei Obi. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1977. 192 p. (In Russ.).

Dashibalov B.B. Drevnosti khori-mongolov: khunno-syan'biiskoe nasledie Baikal'skoi Sibiri. Ulan-Ude: Buryat State Univ. Press, 2011. 174 p. (In Russ.).

Erdene-Ochir N. Predmety vooruzheniya trekh drevnikh gosudarstv Korei iz muzeya Seul'skogo natsional'nogo universiteta. *Arkheologiin sudlal*, 2011. Iss. XXXI. P. 183–220. (In Russ.).

Gorbunov V.V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2006. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie). 232 p. (In Russ.).

Ilyushin A.M. Mogil'nik Saratovka: publikatsiya materialov i opyt etnoarkheologicheskogo issledovaniya. Kemerovo: Kemerovo State Technik Univ. Press, 1999. 160 p. (In Russ.).

Ilyushin A.M. Zheleznye nakonechniki strel iz srednevekovykh kurganov Kuznetskoi kotloviny. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010. No. 4. P. 120–133. (In Russ.).

Ilyushin A.M., Suleimenov M.G. Vpusknye pogrebeniya Shabanovo I. In *Voennoe delo i srednevekovaya arkheologiya Tsentral'noi Azii*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1995. P. 208–223. (In Russ.).

Khudyakov Y.S. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii. Novosibirsk: Nauka, 1986. 268 p. (In Russ.).

Khudyakov Y.S. Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego I razvitogo srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1991. 190 p. (In Russ.).

Khudyakov Y.S. Drevnie tyurki na Enisee. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004. 152 p. (In Russ.).

Khudyakov Y.S., Yui Su-Khua. Kompleks vooruzheniya syan'bi. In *Drevnosti Altaya*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Univ. Press, 2000. Iss. 5. P. 37–48. (In Russ.).

Kirillov I.I., Kovychev E.V., Kirillov O.I. Darasunskii kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov. Vostochnoe Zabaikal'e. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000. 176 p. (In Russ.).

Kozhomberdiev I.K., Khudyakov Y.S. Kompleks vooruzheniya kenkol'skogo voina. In *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoi Azii*. Novosibirsk: Nauka, 1987. P. 75–106. (In Russ.).

Kubarev G.V. Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005. 400 p. (In Russ.).

Levina L.M. Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletie do n.e. – I tysyacheletie n.e. Moscow: Vost. lit., 1996. 396 p. (In Russ.).

Litvinskii B.A. Khram Oksa v Baktrii (Yuzhnyi Tadzhikistan). Baktriiskoe vooruzhenie v drevnevostochnom i grecheskom kontekste. Moscow: Vost. lit., 2001. 528 p. (In Russ.).

Mandelshtam A.M., Stambul'nik E.U. Gunno-sarmatskii period na territorii Tuvy. In *Stepnaya polosa Aziatskoi chasti*

SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Moscow: Nauka, 1992. P. 196–205. (Arkheologiya USSR). (In Russ.).

Seregin N.N., Stepanova N.F. «Elite» Children's Burial of Turkic Khaganates Period from the Northern Altai. *Stratum Plus*, 2021. No. 5. P. 335–344. (In Russ.).

Seregin N.N., Tishin V.V., Stepanova N.F. Chinese Coins from the Early Medieval Cemetery Gorny-10, Northern Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2022. No. 3. P. 103–112.

Solovev A.I. Voennoe delo korennogo naseleniya Zapadnoi Sibiri. Epokha srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1987. 193 p. (In Russ.).

Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V. Altai v syan'biisko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2018. 368 p. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Novikov A.V. Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998. 152 p. (In Russ.).

Yaremchuk O.A. Mogil'nik Zorgol I – pamyatnik khunno-syan'biiskoi epokhi stepnoi Daurii: cand. sc. (history) dissertation. Chita, 2005. 296 p. (In Russ.).

Серегин Н.Н. https://orcid.org/0000-0002-8051-7127
Матренин С.С. https://orcid.org/0000-0001-7752-2470
Степанова Н.Ф. https://orcid.org/0000-0003-4017-5641

Дата сдачи рукописи: 02.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0730-0737
УДК 902/904

И.Ю. Слюсаренко[1, 2], Ю.Н. Гаркуша[1]✉, М.В. Уткин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Томский государственный университет
Томск, Россия
E-mail: garkusha_y@list.ru

К вопросу о хронологии Центрального участка Оглахтинского могильника (по результатам дендрохронологического датирования)

Статья посвящена датированию мог. 2020/1 из Оглахтинского грунтового могильника таштыкской культуры при помощи метода древесно-кольцевого анализа, а также рассмотрению места Центрального участка, откуда происходит исследованная могила, в хронологическом контексте памятника. Материалом для исследования послужила древесина погребального сруба, от различных деталей которого для дендрохронологического анализа получено 17 образцов. Общая сохранность сруба была наихудшей из всех срубов могильника, хотя древесина в основном лишена характерной деформации, приобретаемой в процессе археологизации и осложняющей проведение исследований. Видовой состав древесины представлен двумя хвойными породами – лиственница сибирская (Larix sibirica Ledeb.) и сосна обыкновенная (Pínus sylvestris L.), что было распространенным явлением при строительстве срубов. Перекрестное датирование образцов согласно их видовой принадлежности позволило сформировать для мог. 2020/1 две обобщенные древесно-кольцевые хронологии (ДКХ): по сосне M2020/1P протяженностью 78 лет, по лиственнице M2020/1L – 92 года. Сопоставление полученных хронологий с имеющимися для могильника Оглахты дендрошкалами по лиственнице (OgL) и по сосне (OgP) показало, что наилучший результат получен при датировании сосновой ДКХ M2020/1P и лиственничной OgL. Для ДКХ M2020/1P по относительной оглахтинской хронологии определен интервал 111–188 гг., а с учетом отсутствия подкоровых колец дату погребения можно оценить ок. 190 г. или чуть позже. Сравнение с оглахтинской ДКХ по сосне OgP показало этот же интервал, но с более низкими значениями статистики. Для ДКХ по лиственнице M2020/1L пока не удалось получить надежной синхронизации ни по одной из оглахтинских хронологий. Сопоставление даты мог. 2020/1 с датами других погребений Оглахтинского могильника показало синхронность могил на Западном, Восточном и Центральном участках, т.е. заполнение всех частей памятника погребениями шло одновременно в рамках периода 50–55 лет.

Ключевые слова: *Хакасско-Минусинская котловина, таштыкская культура, Оглахтинский могильник, дендрохронология, древесно-кольцевая шкала, относительные даты.*

I.Y. Slyusarenko[1, 2], Y.N. Garkusha[1]✉, M.V. Utkin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Tomsk State University
Tomsk, Russia
E-mail: garkusha_y@list.ru

On the Chronology of the Medial Part of the Oglakhty Burial Ground (Based on the Results of Tree-Ring Dating)

The article addresses the dating issues of grave No. 2020/1 at the Oglakhty burial ground (Tashtyk Culture) through the method of tree-ring analysis, and determination of the place of the Medial part of the grave field (where the investigated grave originates from) in the chronological context of the cemetery as a whole. The material for the study was the archaeological wood of the burial log cabin was analyzed; 17 samples from various log parts were collected for dendrochronological analysis. The overall preservation of the log cabin was the poorest among other the log cabins of the burial ground, although the wood is largely free of the characteristic contamination acquired during the process of archaeologisation, which complicated analysis. The wood of two coniferous species – Siberian larch (Larix sibirica Ledeb.) and Scots pine (Pínus sylvestris L), typical species in the construction of log cabins was analyzed. The cross-dating of the samples according to their species affiliation makes it possible to form two generalised tree-ring chronologies (TRC)

for grave 2020/1: pine M2020/1P TRC with a length of 78 years and larch M2020/1L TRC with a length of 92 years. Comparisons of the derived chronologies with dendroscales for larch (OgL) and pine (OgP) available for the Oglakhty burial ground demonstrated that the most accurate result was gained through cross-dating the pine chronology M2020/1P and the larch OgL TRC. In relation to the relative Oglakhty chronology the M2020/1P chronology indicates an interval of 111–188 years. Given the lack of terminal rings, the probable date of burial can be estimated to be around 190 or a little younger. A comparison with the Oglakhty OgP pine tree-ring chronology reveals a similar interval, but with lower statistical indexes. However, for the M2020/1L larch chronology, it has not yet been possible to gain reliable synchronization for any of the Oglakhty tree-ring chronologies. A comparison of the date of grave No. 2020/1 with the dates of other burials in the Oglakhty burial ground revealed a synchronicity of graves across the Western, Eastern, and Medial sections. This indicates that the occupation of all parts of the grave complex by burials occurred simultaneously within the period of 50–55 years.

Keywords: *Khakass-Minusinsk Depression, Tashtyk culture, Oglakhty burial ground, dendrochronology, tree-ring chronology, relative dates.*

Введение

Оглахтинский грунтовый могильник таштыкской культуры включает несколько участков (Западный, Центральный, Восточный), вытянутых в направлении З–В на расстояние ок. 900 м. Планиграфические исследования на памятнике, проведенные впервые в 2019 г., выявили археологические объекты, различимые по внешним признакам и распределенные следующим образом: Западный участок – 85 объектов, Центральный – 202, Восточный – 17 [Водясов и др., 2021, с. 13–15].

За всю историю изучения некрополя менее всего исследованиями был затронут Центральный участок. В 1903 г. А.В. Адрианов раскопал 4 западины, но ничего в них не обнаружил [Там же, с. 16]; в 1969 г. Э.Б. Вадецкая и Л.Р. Кызласов вскрыли по одной могиле – 0 и 3 соответственно [Кызласов, 1970, с. 32–34, 36–37].

Новые раскопки на участке были проведены лишь в 2020 г.: исследовано грунтовое погребение, получившее обозначение «могила 2020/1»; от погребального сруба взяты образцы для дендроанализа [Зайцева и др., 2021].

В последние 3 года в рамках проекта РНФ идет систематическая работа по изучению древесины из погребений Оглахтинского могильника с целью построения древесно-кольцевой хронологии памятника [Слюсаренко, Гаркуша, 2023]. В этом контексте мог. 2020/1 занимает особое место, являясь одной из немногих, раскопанных на Центральном участке и единственной, из которой нам доступна древесина для анализа. Понимая всю ограниченность данных, получаемых лишь из одного источника, мы придаем важное значение работе по датированию образцов древесины из мог. 2020/1, т.к. они дают возможность оценить хронологию Центрального участка некрополя по сравнению с другими.

Материалы и методы

Бревенчатый сруб в мог. 2020/1 был накрыт берестяным покрытием, проявившимся на глубине 0,5 м от уровня современной поверхности. Покрытие не имело следов повреждения и опускалось снаружи стен до дна ямы. Под слоями бересты находилось поперечное бревенчатое перекрытие сруба. Бревна были надломлены в средней части и частично провалились внутрь сруба (рис. 1, *1*). При этом ровно лежащая поверх перекрытия береста практически не отразила деформацию бревен.

Рис. 1. Оглахтинский могильник. Мог. 2020/1. Общие виды погребального сруба. *Фото Е.В. Водясова*.
1 – перекрытие сруба; *2* – сруб после зачистки.

Сруб в два венца, размером 2,0 × 1,15 м, высотой 0,4 м (рис. 1, *2*) ориентирован по линии ЗЮЗ–ВСВ. Монтаж сруба начинался с длинных стен. Бревна в углах собраны способом «в лапу», что наряду с расположением верхних бревен поперечных стен на одном уровне с перекрытием, типично для таштыкских срубов.

Размеры бревен, использованных для стен и перекрытия, примерно сопоставимы: длина бревен перекрытия – 1,05–1,33 м, диаметр – 0,11–0,22 м; длина бревен в продольных стенах – 2,01–2,05 м, диаметр – 0,15–0,16 м; длина бревен в поперечных стенах – 1,0–1,21 м, диаметр – 0,15–0,19 м. Обращает внимание заметная близость физических параметров бревен в стенках по сравнению с бревнами перекрытия.

На дне сруба (0,92 м от уровня современной поверхности) расчищено берестяное полотнище, на котором располагались немногие находки и костные останки людей [Зайцева и др., 2021, с. 100–101].

От элементов сруба было получено 17 образцов: от бревен стен – 7, от деталей перекрытия – 9; 1 образец отобран от фрагмента ствола дерева, обнаруженного в заполнении могильной ямы, который мог иметь отношение к перекрытию (см. *таблицу*).

В целом, сохранность сруба была наихудшей из всех срубов некрополя, с которыми пришлось иметь дело. Для того, чтобы безопасно извлечь бревна из конструкции сруба для последующего отбора образцов, применили монтажную пену для фиксации древесины непосредственно на месте ее залегания. В таких случаях целесообразно отбирать фрагменты размером, позволяющим получить несколько поперечных спилов, для выбора участков, наиболее подходящих для проведения измерений. Кроме того, габаритные фрагменты в таком состоянии, при надлежащей подготовке к перемещению, менее подвержены разрушению при их транспортировке с места раскопок в лабораторию.

Тем не менее древесина в основном лишена характерной деформации, часто приобретаемой в процессе археологизации и осложняющей проведение измерений – поперечного сжатия слоев прироста. Данный порок обнаружен лишь на отдельных участках спилов.

Деградация внешней поверхности бревен не сохранила подкоровые кольца, дающие представление о времени порубки; лишь для двух деталей есть основание предполагать их наличие. В этом случае полученные для образцов даты принято рассматривать как *terminus post quem*, т.е. данное дерево было срублено не раньше установленного года. Некоторым выходом из ситуации является выполнение измерений по разным направлениям и на нескольких спилах от одного образца. Если наблюдаемая при измерениях разница между относительными датами последних сохранившихся годичных колец незначительна (в нашем случае, в среднем 1–4 года), это позволяет предполагать небольшую потерю периферийных колец в целом и реконструировать дату порубки дерева.

Видовой состав древесины, представленный двумя хвойными породами – лиственница сибирская (*Larix sibirica* Ledeb.), сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris* L.), – определен на основе анатомических признаков, применяемых для ее идентификации [Бенькова, Швайнгрубер, 2004]. В изученной коллекции 12 образцов относятся к сосне, 5 – к лиственнице. Оба вида присутствуют в деталях как перекрытия, так и стен. Одновременное использование хвойных разных видов было распространенным явлением при строительстве срубов [Слюсаренко, Гаркуша, 2023, с. 212, 225, 227], при этом явного предпочтения в выборе древесины определенного вида для изготовления тех или иных элементов конструкции не наблюдается.

Количество годичных колец в образцах разнится от 30 до 134. С учетом не измеренных из-за повреждений колец предложена примерная оценка возрастного распределения образцов. По биологическому возрасту принято выделять 6 возрастных групп деревьев: I) до 50 лет; II) 51–100 лет; III) 101–150; IV) 151–200; V) 201–250; VI) свыше 250 лет [Черных, 1996, с. 36–37]. Использованная в срубе древесина в своей основе относится ко II возрастной группе. С учетом неизмеренных колец возраст большинства деревьев внутри II группы приближен к ее верхней границе, т.е. колеблется около 100 лет. Деревья I группы представлены 4 образцами от перекрытия. С ним же связан и образец, по которому получена максимальная длина ряда – 134 года («перекрытие-9»)*. Измерение ширины годичных колец выполнено на полуавтоматической измерительной установке LINTAB-6 (с точностью 1/100 мм), подключенной к компьютеру со специализированной программой TSAP-Win [Rinn, 2013]. Измеренные индивидуальные серии рядов погодичного прироста перекрестно датировались в данной программе, позволяющей осуществлять визуальный контроль сопоставления графиков прироста и рассчитывать серию статистических параметров для каждого варианта их совмещения.

Качество перекрестного датирования древесно-кольцевых хронологий (далее – ДКХ) оценивалось на основе стандартных статистических показателей, применяемых в программе TSAP: Glk (коэффициент сходства-изменчивости), TBP (коэффициент Бейли–Пильчера), CDI (индекс перекрестного датирования). Для дополнительного контроля качества датирования использовалась программа COFECHA [Grissino-Mayer, 2001], в которой сходство ДКХ оценивалось посредством межсериального (R) и парного (r) коэффициентов корреляции. Индивидуальные древесно-кольцевые ряды, показавшие максимальное

---

* С учетом неизмеренных из-за повреждения колец фактический биологический возраст дерева приближается к 150 годам.

Характеристика дендрообразцов из могилы 2020/1 Оглахтинского могильника

№	Код образца	Вид древесины	Длина ряда, лет	Средняя ширина кольца, мм	P	Пкр. к.	S	R	Относительный интервал по Оглахтинской шкале, гг.	Место расположения в конструкции
1	Og41	PISY	61	1,50	–	–	0,26	0,61	128–188	С стена, венец 1
2	Og42	PISY	55	1,34	–	–	0,21	0,67	130–184	Ю стена, венец 1
3	Og43	PISY	70	1,04	–	–	0,42	0,70	110–179	З стена, венец 1
4	Og44	PISY	75	0,82	–	–	0,33	0,80	111–185	В стена, венец 1
5	Og45	LASI	92	0,84	+	WK?	0,20	0,70	Не датирован	С стена; венец 2
6	Og46	PISY	74	0,93	–	–	0,37	0,78	113–186	Ю стена, венец 2
7	Og47	LASI	87	0,95	+	–	0,20	0,76	Не датирован	З стена, венец 2
8	Og48	PISY	64	1,13	–	–	0,23	–	Не датирован	Перекрытие 2
9	Og49	PISY	56	1,52	–	–	0,25	0,68	133–188	Перекрытие 3
10	Og50	PISY	35	1,97	–	–	0,36	–	Не датирован	Перекрытие 4
11	Og51	PISY	30	1,87	–	–	0,38	–	Не датирован	Перекрытие 5
12	Og52	LASI	79	0,78	+	–	0,29	0,75	Не датирован	Перекрытие 6
13	Og53	PISY	37	1,73	–	–	0,38	–	Не датирован	Перекрытие 7
14	Og54	PISY	35	1,67	–	–	0,15	–	Не датирован	Перекрытие 8
15	Og55	LASI	134	0,49	+	–	0,42	–	31–164	Перекрытие 9
16	Og56	LASI	79	0,89	+	WK?	0,23	0,77	Не датирован	Перекрытие 10
17	Og81	PISY	62	0,98	–	–	0,37	0,75	125–186	Бревно из заполнения ямы

Примечания. Для указания видовой принадлежности древесины использованы обозначения, применяемые в программе TSAP (LASI – лиственница сибирская; PISY – сосна обычная). Пкр. к. – подкоровое кольцо; для обозначения состояния подкорового кольца использованы термины, применяемые в программе TSAP (WK? – кольцо устанавливается предположительно). P – сердцевинное кольцо (указывается, если оно послужило началом ряда прироста. R – межсерийный коэффициент корреляции (рассчитан для каждого вида). S – коэффициент чувствительности.

сходство между собой, использованы для формирования обобщенной ДКХ для данного погребального комплекса.

Результаты и обсуждение

Первоначальное перекрестное датирование отдельных образцов проводилось согласно их видовой принадлежности. Полученные древесно-кольцевые ряды внутри групп, выделенных по видовому составу (лиственница и сосна), характеризуются неоднородными по качеству статистическими показателями перекрестного датирования. Совокупность рядов с наилучшими статистическими данными характеризуется значениями CDI: 37–135 – для сосновых, 45–84 – для лиственничных.

В группе рядов, полученных по сосне, сопоставляемые их пары со значением CDI, близким к верхнему пределу (88–135), имеют высокий порядок и других статистических показателей: Glk – 73–88 %; TBP – 9,1–14,1. Согласно современным данным, при таких значениях допустимо предполагать, что разные изделия могли быть изготовлены из одного древесного ствола (см., напр.: [Susperregi et al., 2017, p. 703]). Близкие значения параметров демонстрируют между собой детали стен «восток-1», «юг-2» и «бревно из заполнения». Другой пример максимального сходства показывают образцы «север-1», «юг-1», «перекрытие-3» (рис. 2, *1*).

Также значительную близость между собой по значениям статистических параметров демонстрируют короткие ряды (35–37 лет), представляющие «перекрытие-4» и «перекрытие-7»: Glk – 88 %; TBP – 8,9; CDI – 79. Приведенные значения, несмотря на известные проблемы перекрестного датирования коротких рядов прироста, указывают на достоверный характер синхронизации. Показательно, что данная пара рядов синхронизирована по последнему сохранившемуся у них кольцу.

В группе лиственничных образцов удалось уверенно синхронизировать только 4 древесно-кольцевых ряда («запад-2», «север-2», «перекрытие-6», «перекрытие-10»). Для двух образцов данные статистики позволяют предполагать изготовление из одного дерева деталей «запад-2» и «север-2»: Glk – 80 %; TBP – 9,1; CDI – 84. Для двух образцов («север-2», «перекрытие-10») высказано предположение о наличии подкоровых колец. Ряды по этим образцам синхронизированы по последнему кольцу. На этот же год приходится последнее сохранившееся кольцо у «запад-2», а «перекрытие-6» – на 1 год раньше (рис. 2, *2*).

В каждой совокупности индивидуальных рядов, объединенных по видовому признаку, были выявле-

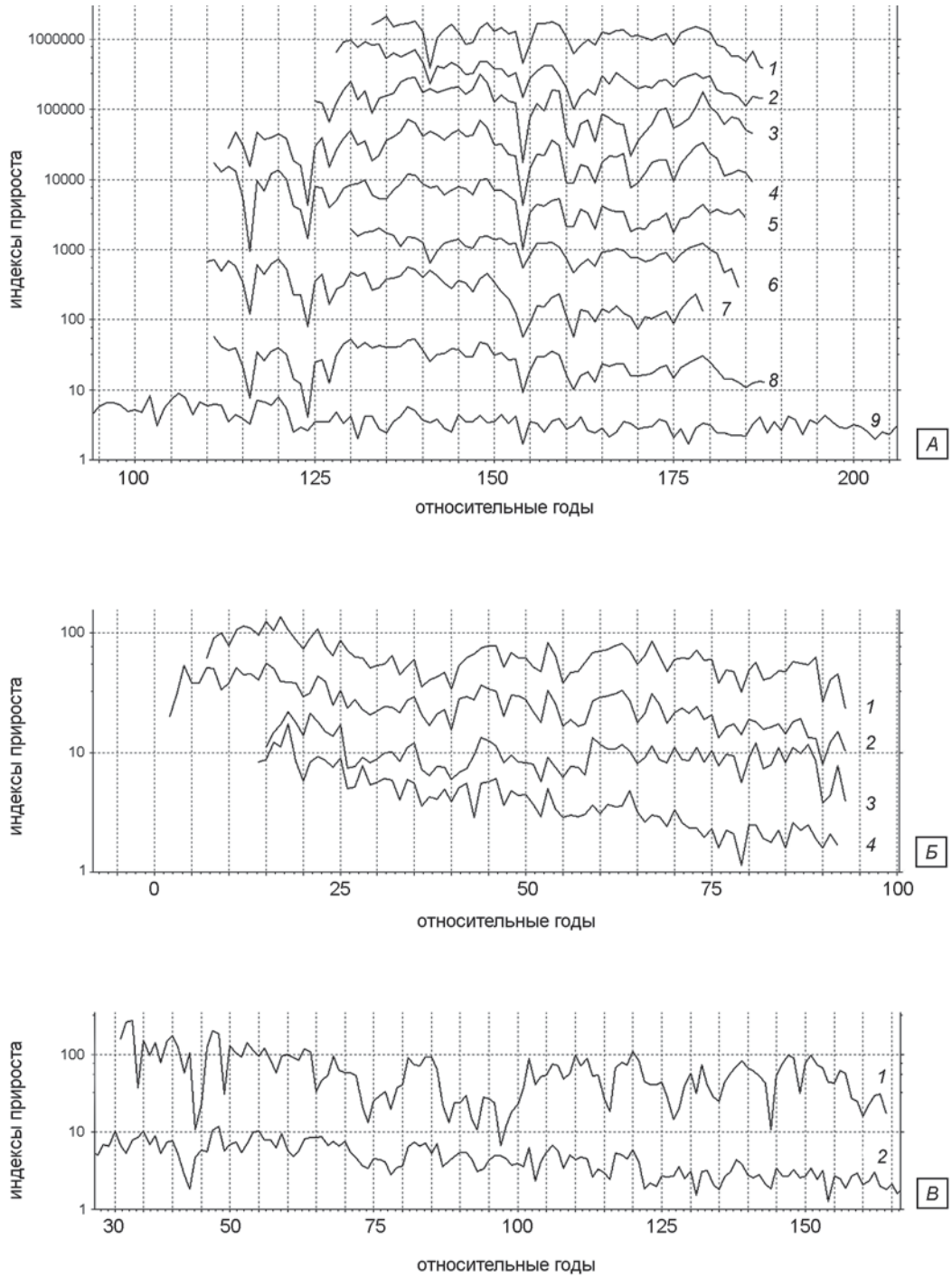

Рис. 2. Перекрестное датирование индивидуальных рядов по образцам из объекта «могила 2020/1» Оглахтинского могильника.

А – перекрестное датирование индивидуальных и обобщенного рядов по сосне по ДКХ OgL (указаны относительные годы по оглахтинской шкале): *1* – og49, *2* – og41, *3* – og81, *4* – og46, *5* – og44, *6* – og42, *7* – og43, *8* – M2020/1P, *9* – OgL; *Б* – перекрестное датирование индивидуальных рядов по лиственнице (указаны произвольные относительные годы): *1* – og47, *2* – og45, *3* – og56, *4* – og52; *В* – перекрестное датирование индивидуального ряда перекрытие-9 по ДКХ OgL (указаны относительные годы по оглахтинской шкале): *1* – og55, *2* – OgL.

ны серии с наилучшим сходством. Они послужили основой для формирования обобщенных ДКХ для мог. 2020/1 по двум породам. Обобщенная хронология по сосне M2020/1P протяженностью 78 лет построена по 6 древесно-кольцевым рядам: коэффициент межсерийной корреляции R – 0,64–0,88. Обобщенная хронология по лиственнице M2020/1L протяженностью 92 года построена по 4 рядам (R – 0,50–0,91). Обе хронологии характеризуются высокими средними значениями R (0,72 и 0,74 соответственно). Однако такие высокие значения отчасти обусловлены тем, что количественно выборка

рядов по каждому виду отражает принадлежность образцов всего лишь к 2-3 деревьям, условия произрастания которых отличались незначительно. Например, среди сосновых рядов такой параметр, как коэффициент чувствительности S, указывает на наличие двух групп, каждая из которых с большим основанием связана происхождением с одним деревом. Так, для выборки, представленной «бревном из заполнения», «восток-1», «юг-2», среднее значение S – 0,36; для выборки «перекрытие-3», «север-1», «юг-1» – 0,27. Коэффициент S в данном случае отражает локальные топоэкологические условия, и, следовательно, деревья произрастали в несколько отличающихся условиях, но не до такой степени, чтобы их нельзя было объединить в одной обобщенной ДКХ.

Сопоставление полученных для мог. 2020/1 ДКХ с имеющимися обобщенными ДКХ для могильника Оглахты (синхронизированные между собой OgL по лиственнице и OgP по сосне) показало неожиданные результаты (рис. 2). Наиболее значимые статистические параметры получены при перекрестном датировании ДКХ M2020/1P и лиственничной OgL: Glk – 69 %; TBP – 5,0; CDI – 36; r – 0,64. Возможность сравнения этих видов хвойных в условиях Хакасско-Минусинской котловины показали современные исследования динамики изменчивости их годичного прироста под воздействием климатических и локальных факторов. Такая возможность появляется, если сосна и лиственница произрастают в пределах одних мест обитания [Zhirnova et al., 2021]. Тем самым, для ДКХ M2020/1P был установлен интервал в системе относительной оглахтинской хронологии: 111–188 гг.* Важно отметить, что в целом разница в датах последнего годичного кольца всех сосновых образцов (за исключением «запад-1») не превышает 4 года.

С учетом того, что для сосновых образцов наличие подкорового кольца достоверно не фиксируется, но при этом возможная потеря оценивается в пределах нескольких лет, можно заключить, что относительная дата погребения приходится на 190 г. или чуть позже.

В свою очередь, сопоставление сосновой ДКХ M2020/1P с оглахтинской хронологией по сосне OgP хотя и показало в качестве приоритетного этот же интервал, но сопровождалось более низкими значениями статистики, что без возможности его верификации могло бы восприниматься как неоднозначный результат: Glk – 69 %; TBP – 3,7; CDI – 25. Одну из возможных причин такой ситуации мы видим в том, что обе хронологии, в т.ч. и OgP, сформированы ограниченной выборкой рядов, в которой доминируют деревья, судя по достаточно высоким статистическим значениям перекрестного датирования, произраставшие в очень близких условиях. То есть сравниваемые обобщенные ДКХ отражают каждая особенности своего локального ландшафтного участка, с которым связан материал, послуживший для их формирования.

В то же время для обобщенной ДКХ M2020/1L пока не удалось получить надежной синхронизации ни по одной из оглахтинских хронологий. Вместе с тем для индивидуального ряда «перекрытие-9», имеющего максимальную длину, но надежно не датируемого с другими рядами по мог. 2020/1, именно по ДКХ OgL удалось установить интервал, приходящийся на 31–164 гг. (рис. 2, *3*), характеризуемый убедительными значениями статистики: Glk – 65 %; TBP – 5,6; CDI – 33; r – 0,50. С учетом неизмеренных колец, о чем было упомянуто выше, дата по данному образцу, приближаясь к 190 г., согласуется с конечной датой ДКХ M2020/1P.

Таким образом, можно заключить, что мог. 2020/1 появилась ок. 190 г. по относительной оглахтинской хронологии. С этой датой связаны даты 5 из 7 деталей стен и 2 из состава перекрытия сруба. Не удалось датировать бревно «север-2» и 7 деталей из перекрытия, бóльшая часть из которых представлена рядами менее 50 лет.

Отметим, что для перекрытия использовался явно различный по происхождению материал (не исключается и употребление переиспользованной древесины), судя по разнице параметров, которую демонстрирует «перекрытие-9» на фоне других деталей из этой части конструкции (порода, возраст, средняя ширина кольца, коэффициент чувствительности). С различными местами произрастания может быть связана древесина сосны, из которой возвели стены сруба, демонстрируя разброс значений коэффициента чувствительности от 0,21 до 0,42.

Заключение

Полученная для сруба из мог. 2020/1 относительная дата позволяет сопоставить его с погребениями Западного и Восточного участков могильника Оглахты, и, таким образом, хотя бы на примере одного комплекса оценить позицию Центрального участка во временном контексте всего памятника.

Проведенный нами анализ древесины из погребений некрополя показал в рамках относительной хронологии, что наиболее ранним объектом на Западном участке выступает мог. 2021/2 с относительной отметкой – 184 г., затем мог. 2021/1 – 190 г., мог. 8 – 233 г., наиболее поздняя – мог. 4 с относительной датой 238 г. Для Восточного участка мог. 1–2 из раскопок А.В. Адрианова показали даты – 192/210 гг. [Слюсаренко, Гаркуша, 2023, с. 229]. Время появления мог. 2020/1 на Центральном участке, как изложено выше, – ок. 190 г. Опираясь на такую последовательность погребений из разных частей памятника, можно констатировать: 1) все могильные сооружения

* Полученный интервал был верифицирован при сопоставлении с рядами по сосне из других комплексов некрополя, материалы которых готовятся к печати.

с исследованной древесиной возникли в пределах 50–55 лет; 2) оценивая пространственно-временное соотношение погребений, заключаем, что могилы, расположенные на Восточном и Центральном участках могильника Оглахты, при всей ограниченности данных, абсолютно синхронны могилам на Западном участке. То есть заполнение всех частей некрополя погребениями шло одновременно. Еще раз подчеркнем, что все вышеприведенные даты являются относительными, т.е. установленными в рамках «плавающей» ДКХ. Перевод их в абсолютные произойдет в ближайшей перспективе путем радиоуглеродного датирования с использованием методики «wiggle-matching». Могила 2020/1 на основании полученных ^{14}C-дат датирована III–IV вв. н.э. [Зайцева и др., 2021, с. 103].

Важной особенностью древесины из некрополя, при всех проблемах, связанных с ее деградацией, является сходство, демонстрируемое погодичной изменчивостью лиственницы и сосны, позволяющее сравнивать эти породы между собой и выстраивать единую систему древесно-кольцевого датирования. Для лесостепной зоны Хакасии, где отсутствует единый лимитирующий климатический фактор, значимое влияние на трансформацию климатического сигнала, а следовательно, динамику прироста и возможность синхронизации оказывают топоэкологические условия места произрастания и видовые особенности древесных растений [Бабушкина, 2011]. Именно поэтому нам удалось синхронизировать и перекрестно использовать обобщенные хронологии для Оглахтинского могильника по лиственнице и сосне. Вероятно, неудачная попытка синхронизации ДКХ по лиственнице из мог. 2020/1 с имеющимися оглахтинскими шкалами объясняется, прежде всего, существенной разницей между условиями различных мест произрастания, откуда происходит использованная древесина. Можно предположить, что таштыкское население заготавливало древесину для изготовления погребальных конструкций Оглахтинского могильника в нескольких местах, отличающихся по своим экологическим условиям. При этом и сами ДКХ пока основаны на ограниченной выборке деревьев, вероятно, не отражающей всего разнообразия топоэкологических условий вокруг территории расположения обширного Оглахтинского некрополя.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00478 «Феномен Оглахтинского могильника».

Список литературы

Бабушкина Е.А. Влияние климатических факторов и условий произрастания на изменчивость радиального прироста и структуры годичных колец: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Красноярск, 2011. – 22 с.

Бенькова В.Е., Швейнгрубер В.Х. Анатомия древесины растений России. – Берн: Хаупт, 2004. – 456 с.

Водясов Е.В., Панкова С.В., Зайцева О.В., Вавулин М.В. Оглахтинский могильник: история открытий, планиграфия и современное состояние // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 3. – С. 6–23.

Зайцева О.В., Водясов Е.В., Ширин Ю.В., Слюсаренко И.Ю. Многоактность ритуальных действий и эксгумация в таштыкских погребальных комплексах (по материалам раскопок Оглахтинского могильника в 2020 г.) // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 3. – С. 97–107.

Кызласов Л.Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 4010. 56 л.; Д. 4010а (альбом). – М., 1970.

Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н. Дендрохронологическое исследование древесины из Оглахтинского могильника: первые результаты // Сибирские исторические исследования. – 2023. – № 3. – С. 204–235. – doi:10.17223/2312461X/41/12

Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. – М.: Nox, 1996. – 216 с.

Grissino-Mayer H.D. Evaluating Crossdating Accuracy: A Manual and Tutorial for the Computer Program Cofecha // Tree-Ring Research. – 2001. – Vol. 57, iss. 2. – P. 205−211.

Rinn F. TSAP-Win: time series analysis and presentation for dendrochronology and related applications. Version 4.64. User reference. – Heidelberg, Germany: Frank Rinn Distribution, 2013. – 100 p.

Susperregi J., Telleria I., Urteaga M., Jansma E. The Basque farmhouses of Zelaa and Maiz Goena: New dendrochronology-based findings about the evolution of the built heritage in the northern Iberian Peninsula // J. of Archaeological Sci. – 2017. – Vol. 11. – P. 695–708.

Zhirnova D.F., Belokopytova L.V., Meko D.M., Babushkina E.A., Vaganov E.A. Climate change and tree growth in the Khakass-Minusinsk Depression (South Siberia) impacted by large water reservoirs // Sci. Reports. – 2021. – Vol. 11. – Art. n. 14266.

References

Babushkina E.A. Vliyanie klimaticheskikh faktorov i uslovii proizrastaniya na izmenchivost’ radial’nogo prirosta i struktury godichnykh kolets: cand. (biology) dissertation abstract. Krasnoyarsk, 2011. 22 p. (In Russ.).

Benkova V.E., Schweingruber F.H. Anatomy of Russian Woods. Bern: Haupt, 2004. 456 p. (In Russ.).

Chernykh N.B. Dendrohronologiya i arheologiya. Moscow: Nox, 1996. 216 p. (In Russ.).

Grissino-Mayer H.D. Evaluating Crossdating Accuracy: A Manual and Tutorial for the Computer Program Cofecha. *Tree-Ring Research*, 2001. Vol. 57. Iss. 2. P. 205−211.

Kyzlasov L.R. Otchet o rabote Khakasskoy arkheologicheskoy expeditsii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta v 1969 godu. Unpublished report, Scientific Archive of the Institute of Archaeology. Moscow: RAS. 1970. F-1. R-1. D-4010, 56 p.; No. 4010a (album). (In Russ.).

Rinn F. TSAP-Win: time series analysis and presentation for dendrochronology and related applications. Version 4.64. User reference. Heidelberg, Germany: Frank Rinn Distribution, 2013. 100 p.

Slyusarenko I.Y., Garkusha Y.N. Dendrochronological Study of Wood from the Oglakhty Burial Ground of the Tashtyk Culture (Republic of Khakassia): First Results. *Siberian Historical Research*, 2023. No. 3. P. 204–235. (In Russ.). doi:10.17223/2312461X/41/12

Susperregi J., Telleria I., Urteaga M., Jansma E. The Basque farmhouses of Zelaa and Maiz Goena: New dendrochronology-based findings about the evolution of the built heritage in the northern Iberian Peninsula. *J. of Archaeological Sci.*, 2017. Vol. 11. P. 695–708.

Vodyasov E.V., Pankova S.V., Zaitseva O.V., Vavulin M.V. The Oglakhty burial ground: History of discovery, planigraphy, and current state. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2021, No. 3, P. 6–23. (In Russ.).

Zaitseva O.V., Vodyasov E.V., Shirin Y.V., Slyusarenko I.Y. Multi-activity of ritual actions and exhumation in Tashtyk burial complexes (based on excavations of the Oglakhty burial ground in 2020). *Sibirskie istoricheskie issledovaniya,* 2021. No. 3. P. 97–107. (In Russ.).

Zhirnova D.F., Belokopytova L.V., Meko D.M., Babushkina E.A., Vaganov E.A. Climate change and tree growth in the Khakass-Minusinsk Depression (South Siberia) impacted by large water reservoirs. *Sci. Reports*, 2021. Vol. 11. Art. n. 14266.

Слюсаренко И.Ю. https://orcid.org/0000-0002-1243-0900
Гаркуша Ю.Н. https://orcid.org/0000-0002-0935-0213
Уткин М.В. https://orcid.org/0000-0003-2603-7728

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0738-0745
УДК 903.7

А.И. Соловьев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: easolovievy@mail.ru

Еще один тип ритуальных сооружений некрополя Усть-Изес-1. Вопросы реконструкции

В статье рассматриваются результаты исследования археологического комплекса, обнаруженного под самой крупной насыпью некрополя эпохи развитого Средневековья. Последний представлял собой обширный прокал, оставшийся после ритуального сожжения постройки и занимавший весь центр подкурганного пространства. В прокале были обнаружены железный нож, два перевернутых вверх дном сосуда, круглая бляшка с петелькой из белого металла, украшенная зернью, указывающая на северный и северо-западный векторы этнокультурных связей местного населения. Керамический комплекс представляет собой серию остродонных сосудов, форма и особенности декора которых позволяют отнести их к усть-изесскому этапу кыштовской культуры южной лесной полосы Обь-Иртышского междуречья. Данный тип памятников для севера лесостепи был выделен сравнительно недавно и после обнаружения в некоторых объектах обугленных остатков разноразмерных деревянных идолов, напоминавших хантыйские, была предложена связь таких комплексов с обрядом сожжения кукол иттерма – временных «хранилищ» душ покойных. Совокупность полученных материалов позволила провести реконструкцию построенных для проведения такого ритуала объектов. В данном случае речь идет об использовании шатровой конструкции, которая, исходя из размеров и особенной внутреннего устройства, наличия и пространственного расположения ямок, реконструируется как переносное жилище, подобное чуму. Габаритные размеры внутренней площадки реконструируемого сооружения позволяют говорить, что в обряде было использовано реальное жилище, а не макет, как это было в других случаях. Обнаруженный в одной из ямок в центральной части былого строения трехлопастной наконечник стрелы с сердцевидными отверстиями в лопастях, позволяет трактовать его в соответствии с традиционной обрядовой практикой угорского и самодийского населения Западной Сибири как основу для изготовления сакрального изображения. В рассматриваемом случае мы имеем дело уже со вторым типом ритуального комплекса. Анализ археологических объектов данного типа может дать новые сведения о характере домостроительных традиций средневекового населения Обь-Иртышского предтаежья.

Ключевые слова: *некрополь, иттерма, сожженные строения, обряд, реконструкция, мобильное жилище, чум.*

A.I. Soloviev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: easolovievy@mail.ru

One More Type of Ritual Constructions at the Ust′-Izes-1 Necropolis. Reconstruction Issues

The article discusses the results of the study of the archaeological complex uncovered from the largest mound of the Early Middle Ages necropolis, which is a thick layer of burnt soil, occupying the center of the under-mound space. An iron knife, two vessels turned upside down, a round plaque with a loop of white metal decorated with filigree grains and indicating the northern and north-western vectors of ethno-cultural ties of the local population were found in this place. The ceramic complex is a series of pointed vessels, their form and decorative features allow us to attribute them to the Ust-Ises stage of the Kyshtovskaya culture of the southern forest belt of the Ob-Irtysh basin. This site type was identified for the north of the forest-steppe relatively recently, and after the discovery of charred remains of various-sized wooden idols resembling Khanty figurines from some sites, the connection of such complexes with the rite of burning of itterma dolls – temporary "repositories" of the souls of the deceased – was suggested. The set of derived materials made it possible to reconstruct the structure of the ritual constructions. In this case, the remains of a probable tent structure is reconstructed as a portable dwelling similar to a chum based on the size and special internal structure, the presence and spatial arrangement of holes. The overall dimensions of the internal site of the reconstructed structure suggest that a real dwelling was used in the ceremony, rather than a model as it was in other cases. A three-bladed arrowhead with heart-

shaped holes in the blades, found in one of the pits in the medial part of the former structure, suggests that it was used as a basis for making a sacred image in accordance with the traditional ritual practice of the Ugrian and Samoyed population of Western Siberia. The analysis of archaeological objects of this type can provide new information about the nature of house-building traditions of the medieval population of the Ob-Irtysh south forest region.

Keywords: *necropolis, itterma, burnt constructions, rite, reconstruction, portable dwelling, chum.*

Сравнительно недавно по материалам Барабинской лесостепи был выделен своеобразный тип археологических памятников Обь-Иртышского предтаежья [Молодин, Соловьев, 2007а]. Внешне он представляет собой насыпи курганного типа, внутри которых обнаруживаются разные по площади и мощности температурного воздействия участки прокаленной земли, содержащие обугленные следы деревянных конструкций, бересты, мелких веточек, перевернутые вверх дном керамические сосуды, наконечники стрел, поясные бляшки, ножи, серьги и другой мелкий инвентарь, по большей части аналогичный тому, что встречается в захоронениях развитого Средневековья, размещенных в пределах тех же некрополей, что и упомянутые сооружения. В единичных случаях в число находок входят разрозненные фаунистические и даже антропологические материалы. В настоящее время ареал данных памятников расширился за счет типологически близких объектов в Присалаирье [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, с. 167, 168] и в ленточных борах Среднего Приобья [Марченко и др., 2015]. Отметим, что проблематика, связанная с такими находками, уже нашла отражение в научной литературе [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990; Молодин, Глушков, 1992, 2011; Молодин, Соловьев, 2007а, б; Соловьев, 2020, 2021а], а материалы самого крупного на сегодняшний день некрополя Сопка-2, содержавшего остатки сожженных ритуальных построек, уже целиком изданы монографически [Молодин, Ефремова, Соловьев, 2021]. Вместе с тем по ряду позиций, связанных с особенностями архитектуры ритуальных построек, можно сделать, на наш взгляд, ряд дополнительных замечаний. В данном случае речь идет о комплексах некрополя Усть-Изес-1, которые в количественном отношении, уступая материалам памятника Сопка-2, в типологическом плане еще дают пищу для размышлений. Важно отметить, что данный памятник – Усть-Изес-1 – можно охарактеризовать как чистый, т.е. хронологически и культурно единый, в отличие от комплекса Сопка-2, представляющего собой обширное могильное поле, на котором вперемежку расположены захоронения широкого хронологического диапазона – от каменного века до развитого Средневековья [Молодин, 2009]. Возможно, поиски связей между разными типами сожженных ритуальных построек и статусом совершенных захоронений некрополя Усть-Изес-1, позволят верифицировать полученные данные и на материалах средневековой части памятника Сопка-2.

Напомним, что памятник Усть-Изес-1 представляет собой цепочку невысоких сглаженных насыпей курганного типа, расположенную в полутора километрах к востоку от одноименного села на высоком обрывистом коренном берегу р. Тартас и вытянувшуюся вдоль ее русла в направлении С–Ю. Приблизительно в 60 м к югу от основной линейки насыпей располагалось самое крупное сооружение некрополя, которое в процессе работ было обозначено как сооружение 5. Оно достигало высоты 30 см от уровня современной дневной поверхности, имело округлую форму размерами 1 016 × 800 см и было ориентировано в створ остальным объектам – по той же линии С–Ю. Сравнительно недавно через насыпь проходила проселочная дорога и не исключено, что в прошлом насыпь имела более правильные, приближенные к круглым очертания и, соответственно, высоту. Размеры насыпи и ее периферийное расположение в пределах памятника, исходя из планиграфии ранее уже исследованных некрополей, как будто указывали на особый статус представителя местного, в данном случае средневекового предтаежного населения, коему она и принадлежала. Отметим попутно, что о такой закономерности в общих чертах можно говорить, начиная как минимум уже с раннего железного века, когда в обществе, в той или иной степени, складываются военно-потестарные структуры [Соловьев, 2021б]. В процессе раскопок выяснилось, что исследуемый объект оказался совсем не погребальным сооружением в прямом смысле этого слова, т.е. не связанным с захоронением тела усопшего, а ритуальным, сопряженным с заключительными действиями погребального цикла, отсроченными во времени и связанными, на наш взгляд, с обрядами высвобождения души, пребывавшей в особом специально изготовленном изваянии, обобщенно называемом иттерма, о чем уже говорилось в работах, посвященных данному кругу исследуемых объектов (см. подробнее: [Бауло, 2002, с. 63; Соколова, 2007, с. 67–71; Соловьев, 2021а]).

При разборке насыпи, в центральной ее части, проявилось обширное, округлое в плане, рыхлое пятно прокала яркого оранжевого цвета, мощность которого достигала 44 см. Под юго-восточной полой насыпи под дерном на глубине 3 см от нулевой отметки был обнаружен фрагмент средневековой керамики кыштовской культуры, а в северо-восточном секторе небольшой железный нож (рис. 1, *1*, *3*). В массиве прокала встречены многочисленные белесые золистые включения, несколько кусочков обугленной бересты, мелкие угли; в центральной части небольшие фрагменты практически сгоревших жердей и досточек, а на северо-восточной периферии второй небольшой железный нож (*С*) (рис. 2, *1*).

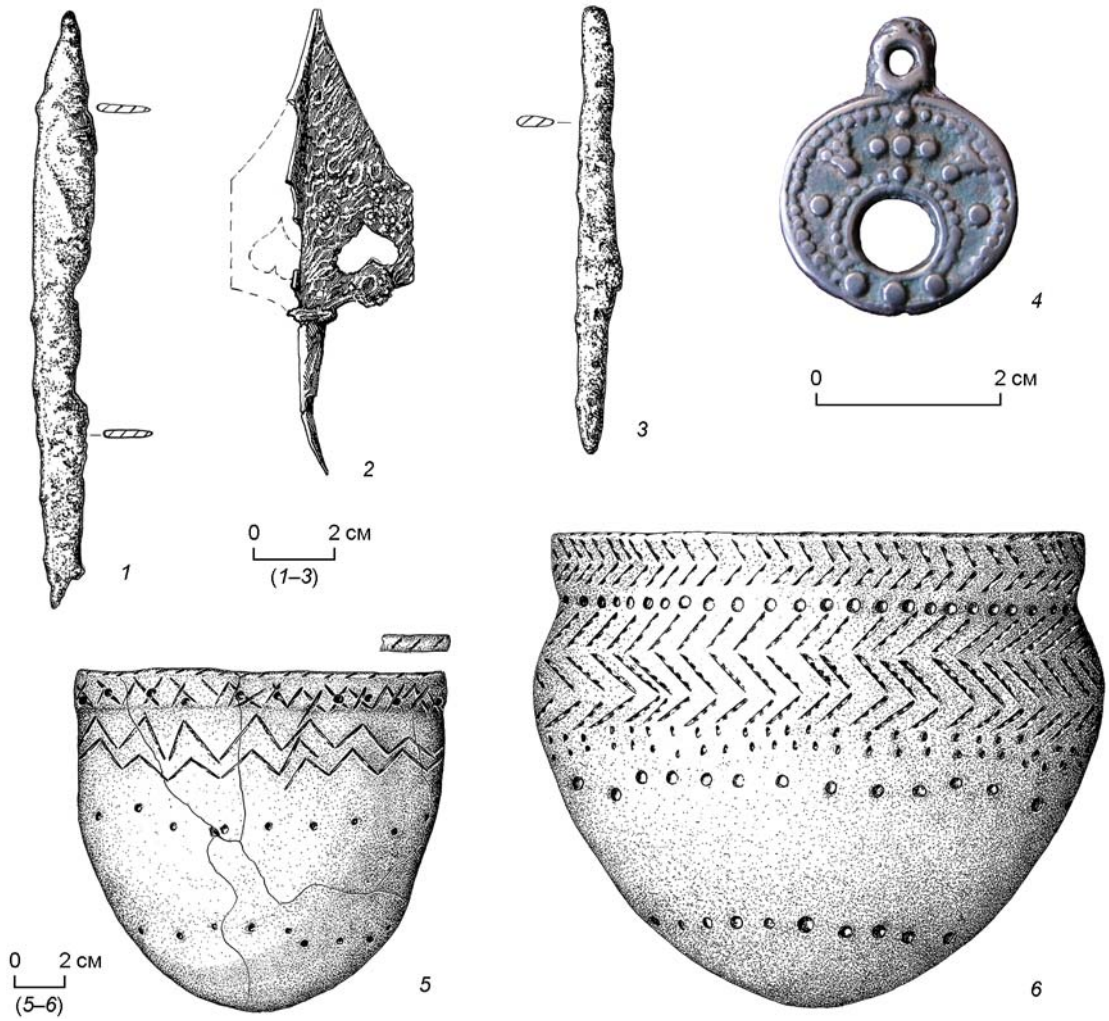

Рис. 1. Археологические материалы ритуального сооружения 5 некрополя Усть-Изес-1.
1, *3* – железные ножи; *2* – железный трехлопастной наконечник стрелы (по: [Соколова, 2007]); *4* – серебряная (?) лунница; *5*, *6* – глиняные сосуды.

По мере изучения термически трансформированной почвы в ее основании проявились приостренные днища двух перевернутых сосудов, устьевая часть которых уходила в подстилающий слой черной суглинистой супеси – горизонт погребенной почвы, кровля которого условно маркировалась основанием прокала. Одна керамическая емкость (I) располагалась почти в геометрическом его центре (см. рис. 1, *5*; 2, *1*), вторая (II) – ближе к юго-восточной периферии (см. рис. 1, *6*; 2, *1*). Под зоной обожженной, перегоревшей почвы, на уровне материка было выявлено восемь небольших округлых вертикальных ямок, максимальной глубиной до 22 см; дно же основной их массы (6 шт.) не опускалось ниже 10 см от уровня материка. Одна из них (1), представляла собой два фактически слившихся друг с другом углубления. Другая (7) была незначительно перекрыта венчиком сосуда I с небольшим фрагментом деформированной бересты у днища. В третьей ямке (6) правильной круглой формы близ сосуда II, расположенного в центре прокала, был обнаружен железный трехлопастной наконечник стрелы (*D*) (см. рис. 1, *2*; 2, *1*), стоявший пером кверху. Вблизи сосуда I, в СВ части прокала, среди угольков и остатков сгоревшей жерди в основании массива прокаленной почвы, была найдена луновидная подвеска из белого металла (*E*), украшенная зернью на лицевой поверхности (см. рис. 1, *4*; 2, *1*).

Керамический комплекс представлен остродонными изделиями. Одно из них (сосуд II) (см. рис. 1, *5*; рис. 2, *7*) имеет слегка выпуклый слабопрофилированный венчик, невыраженную шейку, прямые плечики. Венчик декорирован по верхнему обрезу косыми насечками. Наружные стенки его украшены короткими пересекающимися насечками, образующими линию косых крестообразных фигур. Поверх последних нанесен горизонтальный ряд ямок. Еще два таких ямочных пояска расположены в центральной части тулова сосуда и в придонной его части. Под венчиком в районе невыраженной шейки и отчасти верхней трети тулова изделия нанесены два ряда длинных

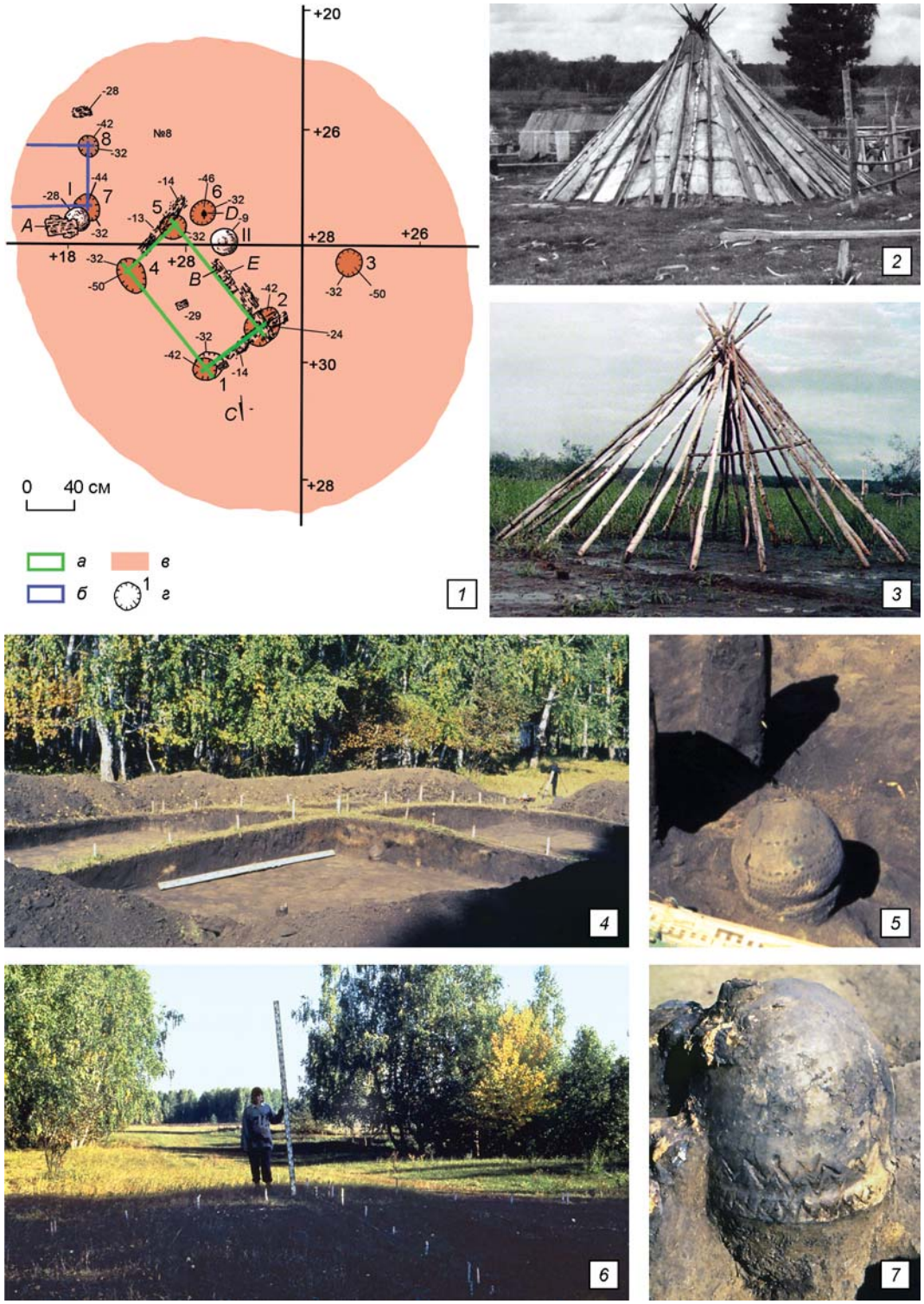

Рис. 2. Раскопки ритуального сооружения 5 некрополя Усть-Изес-1, вариант реконструкции внутреннего устройства и некоторые этнографические параллели.

1 – вероятное расположение каркаса нар (*а*) и столика (*б*) в планиграфии внутреннего пространства ритуального сооружения: *в* – пятно прокала, *г* – ямки, I, II – перевернутые сосуды, *A* – обгорелая береста, *B* – обугленная древесина, *C* – нож, *D* – наконечник стрелы, *E* – лунница; *2* – хантыйский чум, Ларьякский р-н ХМАО, пос. Большой Ларьяк (по: [Соколова, 2007]); *3* – остов чума, Шурышкарский р-н ЯНАО (по: [Соколова, 2007]); *4* – разрез насыпи объекта 5, фото с ЮВ; *5*, *7* – перевернутые горшки I (*5*) и II (*7*) ритуального комплекса; *6* – внешний вид объекта до начала работ, фото с ЮВ.

взаимонаправленных насечек, образующих, соответственно, две зигзагообразных линии. Другой сосуд (I), сравнительно с первым, неплохо профилирован, имеет выпуклый венчик, также украшен по верхнему краю серией косых насечек и имеет три ряда ямочных вдавлений: в районе шейки, чуть ниже середины тулова и в придонной части. Венчик украшен оттисками гребенчатого штампа, образующими горизонтальный елочный орнамент. Шейка и верхняя треть тулова покрыта отпечатками аналогичного штампа, формирующими такую же декоративную композицию, подчеркнутую у основания двумя рядами небольших вытянутых овальных вдавлений, отделенных небольшим свободным от декора пространством от «срединного» пояса ямок (см. рис. 1, *6*; рис. 2, *5*). Изделия относятся к кругу керамических изделий усть-изесского этапа (XIII–XIV вв.) кыштовской культуры и аналогичны материалам комплекса памятников Сопка-2, с которыми и образуют культурно однородную серию.

Данная керамика имеет достаточно ограниченный круг аналогий, укладывающихся исключительно в пределы границ распространения кыштовской культуры. При этом такие признаки, как круглодонность, профилирование венчика, наличие «воротничка», средние пропорции и особенности орнамента (декорирование верхней зоны сосуда, ряды ямочных наколов по всему тулову, начиная от шейки; выделение верхней зоны сосуда) имеют место на всем протяжении существования культуры, начиная от момента ее фиксации (могильник Туруновка-2 [Соболев, 1978], Садовка-2 XI–XII вв.) до Нового времени (могильник Кыштовка-2 XVII–XVIII вв.) [Молодин, 1979], когда такая керамика сосуществует даже с гончарной посудой, изготавливаемой пришлым из Европейской России населением [Молодин, Соловьев, 2019].

Железные ножи представлены двумя типами: со сходящимися к острию лезвием и спинкой, образующими симметричный клинок (см. рис. 1, *1*), и предметом с прямой спинкой, прямым черешком, отделенным от режущей части небольшим уступом и восходящей к спинке линией рабочей кромки (см. рис. 1, *3*). Оба изделия повреждены. Одно в области черешка, у другого обломан кончик острия. Такие изделия распространены в Западной Сибири на протяжении всего Средневековья и не имеют культурной привязки. Встречаются они и в Новое время, и в наши дни.

Железный трехлопастной пятиугольный наконечник с перевернутыми сердцевидными прорезями на плоскостях (см. рис. 1, *2*) не типичен для Западной Сибири и характерен больше для материалов южного сибирского тюркоязычного скотоводческого населения конца I – начала II тыс. н.э., в частности, енисейских кыргызов [Худяков, 1980, табл. XX, XXII, XXIV]. Приземистые формы, такие как усть-изесская находка, более характерны для предмонгольского – раннемонгольского времени. Можно предполагать, что изделие попало в предтаежное Обь-Иртышье в результате подвижек населения, вызванного походами монгольских войск, либо контактов с кыргызским населением, следы которых прослеживаются в районах Нарымского Приобья [Беликова, 1996, с. 146, 149, 150].

Луновидное изделие из цветного металла (серебро?) представляет собой некое стилизованное под лунницу изделие (см. рис. 1, *4*), которое можно даже обозначить как псевдолунницу, когда в результате ряда неизбежных трансформаций, вероятно, связанных с последовательным дублированием исходного образца, оконечности исходного изделия (лунницы) соединились друг с другом, образовав нечто вроде круглого медальона с отверстием посередине. Свидетельством одного из таких дублирований может служить находка близкого изделия в культовом комплексе XX памятника Сопка-2, которое представляет собой заметно более грубую отливку аналогичного предмета [Молодин, Ефремова, Соловьев, 2021, рис. 128]. Подвеска снабжена плоской дужкой с крепежным отверстием. С лицевой стороны она украшена серией миниатюрных бугорков, которые можно трактовать как ложную зернь. Обе находки (Усть-Изес-1, Сопка-2) демонстрируют большую степень сходства, хотя и выполнены по различным матрицам и дают непосредственное указание на северный и северо-западный векторы этнокультурных связей носителей кыштовской культуры [Там же, с. 103].

Материалы ритуального комплекса 5 вместе с данными проведенных ранее экспериментальных работ позволяют, опираясь на полученный опыт, предложить вариант реконструкции сожженного сооружения. Мы уже касались этих вопросов на примере другой обрядовой постройки 1, представляющей, как стало ясно, иной архитектурный тип [Соловьев, 2020]. Повторим, эмпирические работы проводились на прибрежном участке в зоне распространения аналогичных почв с использованием местных древесных пород. Они дали возможность говорить об определенных закономерностях между формой прокала, оставившей его огненной среды и условиями горения опытной постройки: на открытом воздухе, в условиях ограниченного доступа кислорода (засыпка грунтом), характеристиками сжигаемого растительного материала (бревнышки, жерди, береста, хворост и т.д.).

Возвращаясь к конкретному материалу, отметим два обстоятельства. Первое – приближающаяся к кругу форма площадки, на которой происходило сожжение подкурганной конструкции. Второе – скудость обугленных остатков растительных формаций, послуживших материалом для устройства сгоревшего сооружения, что особенно бросается в глаза при сравнении с данными ранее реконструированного ритуального комплекса 1 [Соловьев, 2020, рис. 1], а особенно с данными памятника Сопка-2. Правда, здесь можно констатировать наличие объектов вообще без обугленной древесины, но и без прокалов

и каких-либо особых находок под насыпями. Но это уже совсем другой тип ритуальных памятников, которого в данном случае мы не будем касаться.

Первые выводы, которые напрашиваются, говорят, что мы имеем дело с остатками какой-то круглой в плане, скорее всего, купольной постройки, возведенной на дневной поверхности без котлована или деревянной основы. Этим критериям более всего соответствуют легкие летние переносные жилые сооружения типа чума, хорошо знакомые коренным народам Сибири. В частности, они известны у самодийского и угорского населения Приобья (напр., вазовские, сынские, куноватовские ханты) (рис. 2, *2*, *3*). Согласно сведениями З.П. Соколовой, такое жилище имело круглую или овальную форму. Количество жердей, образующих конический каркас, варьирует от 15 до 60. Размер основания также может изменяться от 3 до 5 м. Нижняя часть жилища могла обкладываться землей и мхом. У задней стены чума устанавливается специальный вертикальный шест *симса*, который вместе с двумя горизонтальными жердями служил для крепления очажного крюка. Покрывали постройку тисками, невываренной несшитой берестой нестандартной формы, войлоком, кедровой корой. Если кровля плохо держалась, поверх наваливали много жердей [Соколова, 2007, с. 40, 41]. «Очень часто ... около задней стены сооружался стол на двух столбах с развилками высотой от 5 см до 1 м. На столбы накладывали две планки-перекладины, укрепленные другими концами в жердях перекрытия, а сверху доски. Справа или слева от входа настилались нары» [Там же, с. 41].

Если обратить внимание на локализацию ямок исследованного комплекса с точки зрения планиграфии, можно заметить ее общее соответствие приведенному описанию.

Будучи расположена достаточно компактно в пределах покаленного участка насыпи, основная масса ямок идет как будто двумя параллельными линиями в общем направлении ЮВ–СЗ. Четыре ямки (1, 2, 4, 5, в т.ч. одна сдвоенная – 1) образуют подчетырехугольную фигуру (рис. 2, *1*), возле которой находится перевернутый сосуд II и еще одна ямка (6), с трехлопастным наконечником стрелы и псевдолунницей близ оной. Очевидно, эти углубления могут быть связаны с устройством нар. Две ямки (7 и 8) у ЮВ границы обожженной площадки могут быть соотнесены с конструкцией вышеупомянутого стола (рис. 2, *1*, *б*). Отметим, что около одной из этих ямок (7), частично перекрывая ее край, стоял сосуд I. Последняя из серии ямок (5) в ЮЗ секторе, отстоящая на 40 см от крайней ямки от опоры условных нар, очевидно, могла отражать хозяйственные аспекты жилищного интерьера.

Обратим внимание, что диаметр термически измененной площадки, составляющий 3 м, соответствует размерам внутреннего жилого пространства чума, указанным З.П. Соколовой. Таким образом, учитывая всю совокупность данных, мы вправе предполагать, что для ритуала проводов души, с которым, повторим, мы считаем, связаны сожженные погребенные комплексы некрополя Усть-Изес-1, была использована реальная мобильная жилая постройка. Отметим, что среди захоронений некрополя фиксировалось использование берестяных тисок – скорее всего, фрагментов покрышек чума, для шитья погребальных чехлов, в которые помещались тела усопших и которые в данном случае можно рассматривать как алломорфы жилищ (подробнее см.: [Соловьев, 2020, с. 614, 615]). Вероятно, стенки строения были укреплены дополнительными жердями и присыпаны грунтом, что способствовало образованию прокала. Остатки таких жердей можно усмотреть среди редких горелых остатков.

Важным моментом для ритуальной характеристики исследованного комплекса является находка в ямке у нар трехлопастного наконечника с прорезными плоскостями пера. Стрелы у самых различных народов Северной Азии, помимо сугубо утилитарного, издревле имели еще и особое сакральное значение. Они нередко использовались в различных культовых церемониях и шаманской практике. Надо полагать, что такие лук и стрелы, подобно самому бубну и всей его иной шаманской атрибутике, подвергались церемонии оживления и становились «одушевленными». И действительно, предания о «живых» всевидящих стрелах, наделенных разумом, способностями видеть, мыслить, самостоятельно действовать, разговаривать, поражать врагов и выполнять разнообразные поручения богатыря-владельца можно встретить в героических сказаниях тюркоязычного населения Саяно-Алтая [Кызласов, 1979, с. 107–108; Бутанаев, 1981, с. 194].

По справедливому, на наш взгляд, мнению Ю.А. Плотникова, такими «глазами», что делали стрелы всевидящими, были отверстия, которые просекались в плоскостях наконечников и придавали им антропоморфный облик [2001]. В таежной среде, представители которой на свой лад часто переиначивали идеи южного кочевого мира, представления о живых стрелах нашли свое место. Обмотанные слоями ткани – прикладами, – они могли быть у местного угорского и самодийского населения почитаемыми кумирами и служить основой для создания объемных образов усопших, воспринимаемых уже как духи-покровители. Можно полагать, что духи таких метательных снарядов реинкарнировались и приобретали антропоморфный облик, и подобные куклы из стрелы и одежды усопшего, в которой пребывала его какая-то нематериальная часть [Соловьев, 2006, с. 182, 183], вполне могли служить иттерма.

И наконец периферийное расположение ритуального комплекса 5, его масштабы, использование реальной постройки и далеко не самых доступных предметов для оформления временного хранилища духа усопшего хозяина позволяют считать данный комплекс статусным, принадлежащим социально

уважаемому члену коллектива, которому могло принадлежать захоронение 1 кург. 3 – самое значимое и богатое инвентарем погребение некрополя [Там же, рис. 1–5]. И оба этих объекта могут быть соотнесены в рамках единой, но разнесенной во времени, заупокойной обрядовой церемонии.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи». Автор выражает признательность С.А. Комиссарову за помощь в работе с литературой на китайском языке.

Список литературы

Бауло А.В. Культовая атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 92 с.

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та. 1996. – 272 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. – Кемерово: ИНТ, 2010. – 276 с.

Бутанаев В.Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем Средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 188–197.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. – 208 с.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Кишкурно М.С, Галямина Г.И., Назарова Л.В. Новые данные по памятникам Крохалевского археологического микрорайона (Новосибирское Приобье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 297–302.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, 1979. – 180 с.

Молодин В.И. Сопка-2 // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск: ИД Историческое наследие Сибири, 2009. – Т. 3: С–Я. – С. 139–140.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Экспериментальное исследование культовых сооружений XIII–XIV вв. (по материалам Сопки-2) // Экспериментальная археология: Изв. лабор. эксперим. археологии Тобол. пединститута. – Тобольск: Изд-во Тобол. гос. пед. ин-та, 1992. – Вып. 2. – С. 69–76.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Экспериментальное исследование культовых сооружений XIII–XIV вв. (по материалам Сопки-2) // Игорь Геннадьевич Глушков: сб. избр. ст. – Сургут: РИО Сургут. гос. пед. ун-та, 2011. – Ч. 2. – С. 145–151.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 6: Ритуальные комплексы эпохи Средневековья. – 143 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 174 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Новый тип археологических памятников лесостепного Обь-Иртышского междуречья // Средневековая археология евразийских степей: мат-лы Учредит. съезда Междунар. конгресса. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007а. – Т. 1. – С. 148–152.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Типология культовых комплексов эпохи средневековья Обь-Иртышской лесостепи и некоторые аспекты их семантики // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007б. – № 3. – С. 44–52.

Молодин В.И. Соловьев А.И. Кыштовская культура // История Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 2: Железный век и Средневековье. – С. 381–384.

Плотников Ю.А. О назначении отверстий в лопастях стрел // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху Средневековья. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2001. – С. 81–86.

Соболев В.И. Курганы XIII–XIV вв. у с. Туруновка // Этнокультурные явления в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – С. 91–96.

Соколова З.П. Народы Западной Сибири. Этнографический альбом. – М.: Наука, 2007. – 342 с.

Соловьев А.И. Некоторые аспекты использования бересты в погребальной практике населения предтаежного Обь-Иртышья // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2006. – Т. 5, вып. 3. – С. 177–187.

Соловьев А.И. Культовые места Усть-Изеса. Вопросы реконструкции. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – С. 611–619.

Соловьев А.И. О южном импульсе формирования сожженных подкурганных объектов кыштовской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021а. – Т. XXVII. – С. 650–655.

Соловьев А.И. Долины «спящих царей» // В познании дописьменного периода истории. – Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2021б. – С. 104–121.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. – Новосибирск, Наука, 1980. – 175 с.

References

Baulo A.V. Kul’tovaja atributika berezovskih hantov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002. 92 p. (In Russ.).

Belikova O.B. Srednee Prichulym’e v X–XIII vv. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1996. 272 p. (In Russ.).

Bobrov V.V., Vasjutin A.S., Onishhenko S.S. Vaganovskij kurgannyj nekropol’ IX v. n.e. v Prisalair’e. Kemerovo: INT, 2010. 276 p. (In Russ.).

Butanaev V.Y. Vooruzhenie i voennoe delo hakasov v pozdnem srednevekov’e (po materialam fol’klora). In *Voennoe delo plemen Sibiri i Central’noj Azii*. Novosibirsk: Nauka, 1981. P. 188–197. (In Russ.).

Hudyakov Y.S. Vooruzhenie enisejskih kyrgyzov. Novosibirsk: Nauka, 1980. 175 p. (In Russ.).

Kyzlasov L.R. Drevnjaja Tuva. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1979. 208 p. (In Russ.).

Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Kishkurno M.S, Galyamina G.I., Nazarova L.V. New data for the sites of Krokhalevo archaeological area (Novosibirsk Ob region). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. 21. P. 297–302. (In Russ.).

Molodin V.I. Kyshtovskij mogil'nik. Novosibirsk: Nauka, 1979. 180 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Solovev A.I. Kyshtovskaja kul'tura. In *Istorija Sibiri*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 2: Zheleznyj vek i srednevekov'e. P. 381–384. (In Russ.).

Molodin V.I. Sopka-2. In *Istoricheskaya enciklopedija Sibiri*. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2009. Vol. 3: S–Ya. P. 139–140. (In Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S., Solovev A.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. T. 6: Ritual'nye kompleksy epohi srednevekov'ya. 143 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Glushkov I.G. Eksperimental'noe issledovanie kul'tovyh sooruzhenij XIII–XIV vv. (po materialam Sopki-2). In *Eksperimental'naya arheologiya: Izv. labor. jeksperim. arheologii Tobol. pedinstituta*. Tobolsk: Tobolsk State Univ. Press, 1992. Iss. 2. P. 69–76. (In Russ.).

Molodin V.I., Glushkov I.G. Eksperimental'noe issledovanie kul'tovyh sooruzhenij XIII–XIV vv. (po materialam Sopki-2). In *Igor' Gennad'evich Glushkov: sbornik izbrannyh statej*. Surgut: RIO Surgut State Pedagog Univ. Press, 2011. Pt. 2. P. 145–151. (In Russ.).

Molodin V.I., Sobolev V.I., Solovev A.I. Baraba v jepohu pozdnego srednevekov'ja. Novosibirsk: Nauka, 1990. 174 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Solovev A.I. Novyj tip arheologicheskih pamjatnikov lesostepnogo Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ja. In *Srednevekovaja arheologija evrazijskih stepej: Materialy Uchredit. Sjezda Mezhdunar. Kongressa*. Kazan': Institut istorii AS RT, 2007a. Vol. 1. P. 148–152. (In Russ.).

Molodin V.I., Solovev A.I. Typology of medieval ritual complexes of Ob'-Irtysh basin and some aspects of their semantic. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2007b. No. 3. P. 44–52.

Plotnikov Y.A. O naznachenii otverstij v lopastjah strel. In *Voprosy voennogo dela i demografii Sibiri v jepohu srednevekov'ja.* Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2001. P. 81–86. (In Russ.).

Sobolev V.I. Kurgany XIII–XIV vv. u s. Turunovka. In *Etnokul'turnye javlenija v Zapadnoj Sibiri*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1978. P. 91–96. (In Russ.).

Sokolova Z.P. Narody Zapadnoj Sibiri. Etnograficheskij al'bom. Moscow: Nauka, 2007. 342 p. (In Russ.).

Solovev A.I. Nekotorye aspekty ispol'zovanija beresty v pogrebal'noj praktike naselenija predtaezhnogo Ob'-Irtysh'ja. *Vestnik Novosibirsk State Univ. Series: History and Philology,* 2006. Vol. 5. Iss. 3. P. 177–187. (In Russ.).

Solovev A.I. Ritual Places of Ust-Izes: Reconstruction Issues. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 611–619. (In Russ.).

Solovev A.I. On the Southern Impact on the Burnt Structures under the Burial Mounds of the Kyshtovka Culture. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021a. Vol. 27. P. 650–655. (In Russ.).

Solovev A.I. Doliny «spyashhih tsarej». In *V poznanii dopis'mennogo perioda istorii*. Kemerovo: KRIPKiPRO Publ., 2021b. P. 104–121. (In Russ.).

Соловьев А.И. https://orcid.org/ 0000-0003-3891-8944

Дата сдачи рукописи: 02.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0746-0750
УДК 902

Е.А. Соловьева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: easolovievy@mail.ru

Особенности ритуальной практики на севере западной Японии в период яёй

В статье рассматриваются элементы ритуальной практики, характерные для севера западной Японии периода яёй. На протяжении периода яёй на Японских о-вах постепенно складывались региональные и локальные различия. Одной из территорий, на которой данные различия демонстрируются достаточно ярко, является побережье Японского моря, историческая провинция Идзумо. Выделяются специфические черты погребального обряда данной территории, такие как курганы особой формы. К ним относятся курганы с четырехугольной насыпью с ножками, поверхность которых покрыта мелкими камнями. Данные курганы отличаются большими размерами, богатым инвентарем в погребениях. Наиболее изученными являются курганы могильника Нисидани, префектура Симанэ. Наличие в могилах большого количества керамических сосудов, бусин, предметов оружия, позволяет относить их к погребениям людей высокого статуса. Для рассматриваемой территории характерно нахождение в земляных ямах большого количества бронзовых предметов, таких как мечи, наконечники копий, колокола дотаку. Обнаружение их закопанными на склонах холмов вдали от поселений и погребений позволяет сделать вывод об их ритуальном значении общинного характера. Поскольку бронзовые предметы помещались в ямы без какого-либо сопутствующего инвентаря, то сделать вывод о хронологической принадлежности можно только по особенностям оформления. Рассматриваются возможные интерпретации помещения бронзовых предметов в земле на примере памятника Кодзиндани, префектура Симанэ. Богатым источником информации о ритуальной практике являются керамические сосуды с рисунками, получившие распространение в середине периода яёй. Композиция на сосуде из памятника Сумида, префектура Тоттори, позволяет выявить элементы возможного ритуала. Особенности ритуальной практики севера западной Японии дают возможность предположить пути проникновения элементов ритуалов через морские пути сообщения.

Ключевые слова: *яёй, палеометалл, курган, дотаку, ритуальная практика.*

E.A. Solovieva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: easolovievy@mail.ru

Features of Ritual Practice in the North of West Japan in Yayoi Period

This article discusses ritual practice of the north of West Japan during the Yayoi period. Throughout the Yayoi period, different regional and local features gradually developed in the Japanese islands. One of the areas where these differences are demonstrated quite clearly is the historical province of Izumo on the coast of the Sea of Japan. Specific features of the funerary ritual of this area, such as specially shaped burial mounds, are emphasized. These include stool-like mounds characterized by their large size and rich grave goods. The most well-known archaeological site of this type is Nishidani burial ground, Shimane Prefecture. The occurrence of a large number of ceramic vessels, abundant beads, and weapons in the graves allows suggest the high status of the buried. The territory under consideration is characterized by the finds of a large number of bronze objects, such as swords, spearheads, and dotaku bells in earthen pits. The discovery of these objects buried on hillsides far from settlements and burials suggests their ritual significance of a communal nature. We consider possible interpretations of the placement of bronze objects in the ground on the example of the site of Kojindani, Shimane Prefecture. Ceramic vessels with drawings, which became widespread in the middle of the Yayoi period, provide rich source of information about ritual practice. The composition on a vessel from the Sumida site, Tottori Prefecture, reveals elements of a possible ritual. The peculiarities of ritual practice in the north of western Japan suggest that oversea communications might have been the ways of exchange of ritual elements.

Keywords: *Yayoi, Paleometal epoch, burial mound, dotaku, ritual practice.*

Период *яёй** в истории древней Японии – продолжительный отрезок времени, одной из главных характеристик которого является взаимовлияние различных групп населения, как местного, так и прибывшего с территории материка. Начиная с середины периода на территории Японских о-вов формируется локальное своеобразие, проявляющееся в материальной культуре и ритуальной практике. Значительные различия наблюдаются на памятниках западной и восточной Японии, о. Хоккайдо. Кроме того, памятники географически определенных регионов также не являются однородными. Так, например, в западной Японии можно выделить территории, имеющие уникальные локальные черты: север о. Кюсю, побережье Внутреннего моря Сэто, район Кансай, бывшая провинция Киби (современные преф. Окаяма и Хиросима), север западной Японии (современные преф. Симанэ, Тояма и Тоттори). Последняя представляет особый интерес, поскольку расположена на побережье Японского моря и была связана морскими маршрутами с континентом, а также достаточно долго сохраняла самостоятельность на начальном этапе формирования государства. На сегодняшний день на севере западной Японии исследовано значительное количество археологических памятников, которые демонстрируют особые черты ритуальной практики периода *яёй*.

В западной Японии в середине периода *яёй* были распространены курганы, известные под описательным названием «курганы с четырехугольной насыпью с выступами». Подобные конструкции характерны для достаточно ограниченной территории – от побережья Японского моря (современные преф. Симанэ и Тояма) через горные долины до побережья внутреннего моря Сэто. На сегодняшний день известно чуть более 100 таких курганов, из которых 39 находятся в преф. Симанэ, 28 в преф. Тоттори, 10 в преф. Тояма [Касами, 2020, с. 89].

Наиболее древним курганом данного типа считается курган Ядани в преф. Хиросима, относящийся к середине периода *яёй*. Насыпь кургана имеет четырехугольную форму 18,5 × 12,0 м, высота кургана составляет 1,2 м, на всех углах насыпи сделаны выступы. Склоны насыпи покрыты камнями, курган окружен рвом шириной 2 м. В кургане обнаружено 11 погребений, 7 из которых в деревянных гробах, 2 в каменных ящиках, 2 в керамических сосудах [Там же, с. 112]. Считается, что центральное погребение в большом деревянном ящике принадлежало человеку с высоким социальным статусом. Среди погребального инвентаря следует отметить сосуды с подставками и цилиндрические сосуды, характерные для данного региона, яшмовые и стеклянные бусы. К самым поздним курганам данного типа можно отнести кург. 4 могильника Сугитани в преф. Тоттори. Могильник относится к переходному времени от периода *яёй* к периоду *кофун*, состоит из 10 сооружений с разными формами насыпи – круглыми, квадратными, в форме замочной скважины. Размер насыпи кург. 4 составляет 48 × 25 м, высота – 3 м, курган окружен рвом глубиной 1,3 м. В кургане Сугитани 4 найдена посуда периода *яёй*, керамика *суэ* и *хадзи*, относящаяся к периоду *кофун* [Сугитани, 2014, с. 32].

Самым изученным памятником с подобными курганами является могильник Нисидани, на месте которого существует исторический парк «Идзумо яёй-но мори» (лес яёй в Идзумо), включающий музей и реконструкции курганов. Могильник Нисидани состоит из 32 погребальных сооружений, среди которых 27 курганов и 5 грунтовых могильников с погребениями в сосудах, 6 курганов относятся к курганам с четырехугольной насыпью с выступами [Нисидани..., 2000, с. 5]. Подобные курганы отличаются большими размерами, они имеют форму усеченной четырехугольной пирамиды, боковые ребра которой уплощены, сглажены и вытянуты, называются выступами. Боковые грани и выступы чаще всего вымощены мелкими камнями. Могильник Нисидани датируется II–III вв., находки позволяют отнести курганы к концу периода *яёй* – началу периода *кофун*. Самым большим и исследованным является кург. 3. Насыпь кургана в длину достигает 40 м, в ширину – 30 м, в высоту – 4,5 м. В насыпи кургана обнаружено 8 объектов, из них 2 погребения, наиболее представительным является погребение, известное как объект 4. Погребенный был помещен в деревянную конструкцию, покрытую киноварью, сверху в могилу помещена каменная плита. В погребении найдены 47 яшмовых бусин, 100 стеклянных бусин, 2 стеклянные бусины-*магатама* синего цвета, железный меч, более 200 керамических сосудов. Материалы позволяют датировать погребение концом позднего этапа периода *яёй*. С двух сторон могилы обнаружены 4 отверстия для столбов, видимо, использовались для надмогильного сооружения ритуального предназначения [Там же, с. 26]. Набор инвентаря и размеры погребения позволяют предполагать, что могила принадлежала человеку с высоким социальным статусом, возможно, вождю. Курган в целом интерпретируется как погребение вождя, его семьи и родственников. Остальные курганы могильника уступают в размерах кургану 3, некоторые насыпи со временем были разрушены [Сисэки..., 2011, с. 34].

Формы насыпи и наличие выступов на боковых ребрах являются общими чертами курганов данного вида, при этом покрытие боковых граней мелкими камнями более характерно для памятников современной преф. Хиросима и преф. Симанэ, на памятниках в современных преф. Тояма и близких к ней территориях покрытие мелкими камнями встречается реже или количество камней значительно меньше. Самым древним примером использования мелких камней для оформления склонов кургана является курган Татэ-

---

* Период яёй датируется X в. до н.э. – серединой III в. н.э. (см., напр.: [An Illustrated Companion..., 2016]).

цуки в преф. Окаяма. Насыпь кургана имеет круглую форму, диаметр насыпи составляет 43 м, высота – 5 м, он относится к концу II в. Наверху кургана обнаружена мегалитическая конструкция, склоны кургана покрыты галькой. Следует отметить, что покрытие поверхности курганов мелкими камнями становится характерной чертой памятников периода *кофун*.

Происхождение данной формы насыпи остается неясным. Возможно, данные курганы связаны с семейными погребениями с квадратной насыпью, окруженной рвом, известными в начале – середине периода *яёй*. Некоторые исследователи связывают форму насыпи с пирамидальными курганами Когурё на Корейском п-ове [Касами, 2020, с. 110]. С определенной степенью вероятности можно говорить о высоком статусе погребенных в курганах с прямоугольной насыпью с выступами, в пользу этой точки зрения говорят размеры курганов, сравнительно небольшое их количество, богатый погребальный инвентарь, свидетельства о наличии большого количества политических образований типа вождеств. Курганы с четырехугольной насыпью с выступами существовали на территории западной Японии с середины периода *яёй* до начала периода *кофун*. Расцвет этой погребальной традиции относится к концу периода *яёй* на территории древней провинции Идзумо. К началу периода *кофун* погребальный обряд претерпел изменения. Если в период *яёй* были распространены погребения в керамических сосудах, в деревянных ящиках, под земляными насыпями, в курганах, то позже разнообразие вариантов исчезло, остались погребения в курганах для высших слоев общества и коллективные места захоронений с небольшими земляными насыпями для остального населения.

Характерной чертой периода *яёй* и западной Японии является производство бронзовых колоколов *дотаку*. *Дотаку* известны среди находок памятников среднего этапа периода *яёй* преимущественно в западной Японии. На сегодняшний день найдено ок. 500 бронзовых колоколов, более 50 – в преф. Симанэ. Размеры *дотаку* от 12 см до 1 м, при этом самый большой колокол *дотаку* в высоту достигает 144 см и весит 45 кг. Колокола, произведенные в районе Кансай и на побережье Японского моря, украшены орнаментами на поверхности. Происхождение и назначение *дотаку* по-прежнему остаются не вполне ясными. Поскольку прямых аналогий не известно, принято считать, что *дотаку* появились под влиянием китайских и корейских ритуалов. О вариантах применения в ритуальной практике стало возможно судить благодаря раскопкам, следам на поверхности и изображениям на керамических сосудах. Предполагается, что ранние маленькие *дотаку* имели струну или другие элементы, свисающие с ручки-«короны», и язычок из дерева, камня или оленьего рога, подвешенный внутри корпуса через отверстие вверху, и что они звонили, когда язычок касался рельефной области на внутренней стенке корпуса, при раскачивании корпуса или самого язычка. Данная версия связана с тем, что некоторые *дотаку* имеют следы потертости на нижней и боковых частях «короны» из-за длительного использования для прикрепления струны или следы повреждения (вмятины) на внутренней рельефной области из-за контакта с языком. Некоторые исследователи продолжают считать, что *дотаку* могли издавать звук при ударе по внешней поверхности, но таких следов не обнаружено. По мере распространения традиции изготовления колоколов они становились все более декорированными, с ажурным гребнем по контуру, что затрудняло извлечение звука. Вероятно, назначение предметов изменилось от «*дотаку*, чтобы слышать» к «*дотаку*, чтобы видеть». В большинстве случаев *дотаку* раскапывали у подножия холма или чуть ниже его вершины, за пределами поселений, находили положенными набок в относительно неглубокой яме глубиной в несколько десятков сантиметров (есть два случая захоронения в перевернутом виде). Чаще всего находят по 1–2 *дотаку* в одной яме, но есть несколько случаев нахождения 10 и более. Отсутствие находок на вершинах холмов, вероятно, является важным ключом к пониманию назначения *дотаку* и их ритуального статуса, хотя этому факту уделяется мало внимания. Кроме того, в отличие от изделий из глины и каменных орудий, *дотаку* крайне редко обнаруживаются в жилищах, и никогда – в погребениях, это указывает на то, что *дотаку* были не предметами личного пользования, а относились к достоянию общины. Помещение *дотаку* в ямы активно применялось в начале I–II вв.

Одним из самых известных нахождений большого количества бронзовых предметов является памятник Кодзиндани. Городище Кодзиндани расположено на крутом южном склоне на высоте 22 м в небольшой долине к северо-востоку от горы Буккё, которая находится на высоте 366 м над ур. м. и считается «горой Каннаби», упомянутой в «Идзумо фудоки». В 1983 г. во время строительства дороги к фермерским хозяйствам, на тропинке между рисовыми полями был найден фрагмент глиняной посуды *суэ* периода *кофун*. При дальнейших раскопках была обнаружено 358 бронзовых мечей [Яёйсэидоки-ни..., 2012, с. 38]. Количество бронзовых мечей, найденных на этом участке, превысило общее число бронзовых мечей периода *яёй*, раскопанных по всей Японии, и привлекло внимание как свидетельство существования могущественной силы в регионе Идзумо. На бронзовых мечах нет повреждений, поэтому предполагается, что они были захоронены вскоре после изготовления, но точное время или цель захоронения определить не удалось. Все 358 бронзовых мечей были средней длины, ок. 50–53 см в длину и 500 г весом, и датируются поздним этапом периода *яёй*. Они были уложены в четыре ряда острым краем клинка вверх. На большинстве из них выгравирован знак «Х». Это

похоже на знак «Х», выгравированный на колоколе *дотаку*, раскопанном на памятнике Камоивакура, расположенной примерно в 3 км от Кодзиндани [Там же, с. 45]. Судя по распространению подобных бронзовых мечей, можно предположить, что они были изготовлены в Идзумо, но, поскольку форм не было найдено, вполне вероятно, что они были сделаны не в данной местности. Поскольку все мечи имеют одинаковый дизайн, можно с уверенностью сказать, что все они были изготовлены в одном и том же месте. После обнаружения мечей Совет по образованию преф. Симанэ решил, что существует большая вероятность того, что в этом районе есть еще нераскопанные артефакты и памятники. Когда окрестности были исследованы с помощью магнитного зонда, примерно в 7 м от обнаружения мечей была найдена яма с шестью *дотаку*. Они были уложены в два ряда верхними ручками друг к другу в центре ямы. Время захоронения *дотаку* определить сложно, т.к. сопроводительные материалы отсутствуют, но, исходя из дизайна, можно сделать вывод, что они были изготовлены в регионе Кинай с примерно в середине периода *яёй*. Однако после обнаружения 39 *дотаку* на стоянке Камоивакура было решено, что местом их изготовления мог быть либо север Кюсю, либо провинция Идзумо. Один из *дотаку* был идентичен найденному в преф. Токусима, о. Сикоку, аналогия другого найдена в Киото. Кроме того, в восточной части той же ямы были помещены 16 бронзовых наконечников копий, лезвия которых были подняты вверх. Предполагается, что эти наконечники были изготовлены примерно в то же время, что и бронзовые мечи, или чуть позже. Судя по их форме и декору, все 16 предметов были изготовлены на севере Кюсю.

Смысл «погребения» бронзовых изделий остается неясным. По одной из версий, бронзовые предметы хранились в земле и доставались непосредственно для проведения важных ритуалов. Другая теория предполагает, что в данном случае мы имеем дело с приношениями духам земли. Обнаружение *дотаку* с трещинами, потертостями и другими повреждениями приводит к мысли, что закапывать могли уже отслужившие предметы. Есть версия, говорящая, что таким образом спасали самое ценное при приближении врагов. В любом случае данный вопрос требует внимательного изучения.

В середине периода *яёй* появилась традиция нанесения разнообразных изображений на керамические изделия. Среди орнаментов можно выделить широкий круг сюжетных изображений. Этот особый феномен древнего искусства достоин отдельного исследования. Сюжетные изображения могли наноситься на поверхность керамических изделий как прочерченными линиями, объемными налепными рельефами, так и просто красками. Среди подобных изображений встречаются образы оленей, людей, зданий, различных птиц, рыб, сочетания образов [Окуда, Ямамото, 1996]. Изображения лодок нельзя назвать самыми часто встречающимися, но они являются достаточно интересными с точки зрения интерпретации. Изображение из Сумида, г. Инаёси, преф. Тоттори, на котором присутствует группа людей, плывущих в лодке под солнцем, является оригинальным сюжетным изображением. Памятник Сумида относится к среднему этапу периода *яёй* и включает поселение и ритуальный комплекс [Hudson, 1992, p. 150]. Широко известный рисунок найден на огромном керамическом сосуде высотой 150 см и диаметром 50 см. Композиция построена следующим образом: лодка с сидящими в ней людьми плывет влево, два здания на высоких столбах, дерево с подвешенными предметами, олень, смотрящий на дерево. Поверхность лодки заштрихована пересекающимися линиями, концы лодки украшены, в лодке 4 человека с веслами в руках и головными уборами из перьев, над лодкой помещено солнце. Можно предположить, что композиция передает детали целого ритуала. Побережье Японского моря было тесно связано морскими маршрутами с территорией Корейского п-ова и восточного Китая, поэтому изображение лодок выглядит оправданным. Композиция в целом может быть интерпретирована как действия жрецов в костюмах птиц, выходящих на лодке в море, с целью привлечь птиц, приносящих семена, и обеспечить урожай. Люди в лодке изображены в головных уборах, напоминающих перья. Подобный сюжет встречается в «Кодзики» в истории с Сукуна-бико-на [Кодзики, 1994].

Традиция нанесения рисуночных изображений на керамические изделия, и прежде всего посуду, получила широкое распространение на территории Японских о-вов в середине периода *яёй*, особенно в западной Японии. Анализ сюжетов и образов позволяет реконструировать элементы обрядовой практики того времени. Вероятнее всего, речь может идти о земледельческих культах, поскольку именно этот вид деятельности стал преобладать в жизни людей того времени середины периода *яёй*. Поскольку земледельческие традиции проникли на территорию Японских островов с переселенцами с континента и Корейского п-ова, ритуальная практика также могла быть связана с внешним воздействием. Стабильное сохранение изображений лодок на керамике тех районов Японии, которые были тесно связаны с континентом и Корейским п-овом морским сообщением, указывают на пути проникновения переселенцев с континента, принесших земледельческие традиции и соответствующие им верования.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР № FWZG-2022-0004 «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии».

Список литературы

Касами Т. Функюбо-кара миру яёйдзидай гоханго-но санъинтихо. Кидайгата доки-но тихосэй-о тюсин-тоситэ. [Курганы в районе Санъин позднего этапа периода яёй. Фокус на региональных особенностях сосудов с подставками] // Токёдайгаку кокогакукэнкюкиё [Бюллетень археологического центра Университета Токио]. – 2020. – № 33. – С. 87–120 (на яп. яз.).

Кодзики. Записи о деяниях древности: Свитки 2-й и 3-й / пер., предисл. и коммент. Л.М. Ермаковой, А.Н. Мещерякова. – СПб.: ШАР, 1994. – 576 с.

Нисидани фунбогун [Могильник Нисидани]. – Идзумо: Идзумоси кёику иинкаи, 2000. – 65 с. (на яп. яз.).

Окуда Н., Ямамото Х. Яёйдзин-но тёдзюгига [Карикатуры людей яёй]. – Токио: Юдзанкаку, 1996. – 180 с. (на яп. яз.).

Сисэки Нисидани фунбогун сэйбидзигё хококусё [Отчет о проекте развития исторического парка могильника Нисидани]. – Идзумо: Идзумоси кёику иинкаи, 2011. – 111 с. (на яп. яз.).

Сугитани ёнгофун [Курган № 4 Сугитани]. – Тояма, 2014. – 58 с. (на яп. яз.).

Яёйсэидоки-ни мисэрарэта хитобито [Люди, очарованные бронзовыми предметами яёй]. – Симанэ: Ха:бэсуто сюббан, 2012. – 96 с.

An Illustrated Companion to Japanese Archaeology / ed. by W. Steinhaus and S. Kaner. – Oxford: Archaeopress, 2016. – 342 p.

Hudson M. Rice, Bronze, and Chieftains: An Archaeology of Yayoi Ritual // Japanese J. of Religious Studies. – 1992. – Vol. 19, iss. 2–3. – P. 139–189.

References

Hudson M. Rice, Bronze, and Chieftains: An Archaeology of Yayoi Ritual. *Japanese J. of Religious Studies*, 1992. Vol. 19. Iss. 2–3. P. 139–189.

Kasami T. Funkyubo-kara miru yayoijidai gohango-no san'inchiho. Kidaigata doki-no chihosei-o chushin-toshjte [Burial mounds of San'in region in Late Yayoi. Fokus on the regional features of ceramic pots with pedestals]. *Tokyodaigaku kokogakukenkyukiyo* [*The Archaeological center of Tokyo University Bulletin*], 2020. No. 33. P. 87–120. (In Jap.).

Kodziki. Zapisi o dejanijah drevnosti: Svitki 2-j i 3-j. Per., predisl. i komment. L.M. Ermakovoj, A.N. Meshherjakova. St. Petersburg: ShAR, 1994. 576 p. (In Russ.).

Nishidani funbogun [Nishidani burial ground]. Izumo: Izumoshi kyoiku iinkai, 2000. 65 p. (In Jap.).

Okuda N., Yamamoto H. Yayoijin-no chojugiga [Caricature of Yayoi people]. Tokyo: Yuzankaku, 1996. 180 p. (In Jap.).

Shiseki Niishidani funbogun seibijigyo hokokusho [Report on the development of Nishidani burial ground historical park]. Izumo: Izumoshi kyoiku iinkai, 2011. 111 p. (In Jap.).

Steinhaus W., Kaner S. (eds.) An Illustrated Companion to Japanese Archaeology. Oxford: Archaeopress, 2016. 342 p.

Sugitani yongofun [Burial mound No. 4 Sugitani]. Toyama, 2014. 58 p. (In Jap.).

Yayoiseidoki-ni misareta hitobito [People fascinated by the Yayoi bronze]. Shimane: Habesuto shubban, 2012. 96 p. (In Jap.).

Соловьева Е.А. https://orcid.org/0000-0002-3481-7292

Дата сдачи рукописи: 02.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0751-0759
УДК 902/904

М.Ю. Соломонова[1], Е.В. Куприянова[2]✉, Э.Д. Трубицына[3], Н.Е. Рябогина[3]

[1]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
[2]Челябинский государственный университет
Челябинск, Россия
[3]Тюменский научный центр СО РАН
Тюмень, Россия
E-mail: dzdan@mail.ru

Фитолитные исследования отложений зольников поселений бронзового века Южного Зауралья

Естественно-научные методы исследования имеют широкую область применения в археологии и в комплексе с результатами раскопок позволяют решать спорные вопросы. Одной из дискуссионных проблем изучения бронзового века Евразии является происхождение т.н. зольников возле поселений. Представленное исследование посвящено анализу микробиоморфного и фитолитного состава отложений зольников трех поселений Южного Зауралья (переходная зона степи и лесостепи, Челябинская обл.): Степное, Стрелецкое-1, Черноречье-2. В результате работы были выявлены как схожие черты в происхождении зольников, так и их различия. Поселение Степное относится к типу укрепленных поселений синташтинской археологической культуры; поселения Стрелецкое-1 и Черноречье-2 являются неукрепленными поселениями, функционировавшими в основном в алакульский период позднего бронзового века. Золистые слои всех трех объектов образовались за счет внесения растительной биомассы. Наиболее отличными фитолитными комплексами характеризуется зольник поселения Степное. Его функционирование было в основной степени производственным, а вносимая растительная биомасса, возможно, представляла собой сено. Археологический материал выявляет следы процессов, связанных с металлургией и косторезным ремеслом. Для зольников поселений Стрелецкое-1 и Черноречье-2 предполагается в первую очередь внесение бытового растительного мусора (циновки, остатки пищи, жилищные конструкции), хотя фиксируется и наличие производственных процессов. По данным раскопок часть артефактов связана с косторезным ремеслом, разделкой туш животных и отбором материала (кость, шкуры). На первоначальных этапах функционирования этих двух объектов возможно внесение навоза или сена. В зольнике Стрелецкого-1 обнаружены фитолиты культурных злаков, что предполагает импорт или начальный этап развития земледелия.

Ключевые слова: *Южное Зауралье, бронзовый век, поселение, зольник, фитолиты, культурные злаки.*

M.Y. Solomonova[1], E.V. Kupriyanova[2]✉, E.D. Trubitsyna[3], N.E. Ryabogina[3]

[1]Altai State University
Barnaul, Russia
[2]Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russia
[3]Tyumen Scientific Center SD RAS
Tyumen, Russia
E-mail: dzdan@mail.ru

Phytolith Studies of Ash Heaps of Bronze Age Settlements of the Southern Trans-Urals

Scientific research methods have a wide range of applications in archaeology, and in combination with the results of excavations, they provide crucial data for resolution of controversial issues. One of the debatable issues of studying the Eurasia Bronze Age is the origin of the so-called ash heaps near settlements. The presented study is devoted to the analysis of the microbiomorphic and phytolytic composition of ash layers of three settlements in the Southern Trans-Urals (transition zone from steppe to forest-steppe, Chelyabinsk Region): Stepnoye, Streletskoye-1, and Chernorechye-2. The derived analytical data suggest both similar and distinguishing features in the origin of ash heaps. The Stepnoye settlement belongs to the type of fortified settlements

of the Sintashta archaeological culture; Streletskoye-1 and Chernorechye-2 are unfortified settlements that functioned mainly in the Alakul period of the Late Bronze Age. The ashy layers of all three sites were formed due to the deposition of plant biomass. The ash heap at the Stepnoye settlement is characterized by the most representative phytolith complexes. The heap largely accumulates industrial waste, and the deposited plant biomass might have been hay. Archaeological material reveals traces related to metallurgy and bone-cutting craft. The ash heaps of Streletskoye-1 and Chernorechye-2 contained mainly household plant debris (mats, food residues, housing structures), although production waste has also been recorded. The excavations have shown that some artifacts are related to bone-cutting, butchering of animal carcasses, and the selection of material (bone, skin). Manure and hay were possibly deposited at the early stages of usage of Streletskoye-1 and Chernorechye-2 ash heaps. Phytoliths of cultivated cereals have been found in the Streletskoye-1 ash heap, which suggests import or the initial stage of agricultural development.

Keywords: *Southern Trans-Urals, Bronze Age, settlement, ash heap, phytoliths, cultivated cereals.*

Введение

Поселения с зольниками в степной-лесостепной полосе Южного Зауралья до недавнего времени редко являлись объектами междисциплинарных исследований [Алаева, Каширская, Плеханова, 2022; Куприянова и др., 2023; и др.]. Материалы раскопок позволяют широко интерпретировать функции этих объектов – от санитарно-бытового до ритуального [Корочкова, 2009; Гершкович, 2016; и др.]; высказывалось и предположение, что зольники связаны с возникновением поселений, в которых в зимнее время содержался скот [Матвеев, Сидоров, 1985].

Изучение почвенных слоев, составляющих зольники, естественно-научными методами может внести ясность в интерпретацию их назначения, а также полезно с точки зрения изучения происхождения присваивающих форм хозяйства, животноводства, поиска индикаторов земледелия. Эти исследования актуальны в связи с появлением археоботанических данных о раннем земледелии в Юго-Восточном Казахстане [Spengler, 2013; и др.], наличием немногочисленных палинологических и карпологических находок культурных злаков в памятниках федоровской и саргаринско-алексеевской культур Притоболья и Северо-Западного Казахстана, ирменской культуры в Приобье [Рябогина, Иванов, 2011; Spengler et al., 2016], изотопных маркеров употребления проса в Северном, Центральном Казахстане, на Алтае [Святко, Бейсенов, 2017; и др.].

Представленное исследование сосредоточено на фитолитном анализе зольников трех расположенных рядом поселений бронзового века Южного Зауралья: Стрелецкое-1, Черноречье-2, Степное (краткие сведения о поселениях см. в статье Е.В. Куприяновой и Ф.Н. Петрова «Функции зольников бронзового века Южного Зауралья: отражение в артефактах» в этом сборнике). Ранее опубликованные данные по зольнику поселения Степное [Куприянова и др., 2023] приводятся в качестве сравнения.

Материалы и методы

Протокол лабораторного исследования ранее описан [Там же]. С зольника поселения Стрелецкое-1 получено 8 образцов, с зольника Черноречья-2 – 6. Были отобраны 2 фоновые пробы в степных ценозах между поселениями. Подсчитывался процентный состав морфотипов фитолитов в пробе, выборка составила 300–320 шт. Названия морфотипов (см. *таблицу*, рис. 1, *А–Д*) даны согласно международной номенклатуре ICPN 2.0. [Neumann et al., 2019]. При интерпретации результатов учитывался опыт работ по умеренным широтам Евразии [Гольева, 2001; Blinnikov, Hoffman, Salova, 2021; Golyeva, 2007; Silantyeva et al., 2018; Solomonova et al., 2019]. Помимо фитолитов также подсчитывалось наличие и обилие других микробиоморф.

Результаты исследований

В образцах фоновых проб наблюдается значительное число фитолитов злаков, в одном образце они доминируют, во втором преобладает луговой вариант ACU_BUL. Среди фитолитов злаков доминирует RON.

Поселение Стрелецкое-1

Поверхностный образец. Основную массу составляют палиноморфы (в основном сосна). Встречаются кутикулярные слепки. Фитолитов мало, в основном ELO, обугленные. Фитолиты и спикулы губок единичны.

Культурный слой / зольник. Основная масса микробиоморф представлена фитолитами. В верхнем слое встречается пыльца. Почти во всех слоях встречаются спикулы, максимально на глубине 44–45 см (4 %). Панцири диатомовых водорослей встречаются единично, но на глубине 44–45 см их доля достигает 2 %. Во всех пробах имеются эпидермальные слепки. В большинстве проб они представлены незлаковыми вариантами (рис. 1, *Е*). В пробах на глубине 44–45 и 54–55 см представлены хорошо сохранившиеся фрагменты органики (детрит). Проба на глубине 44–45 см отличается количеством кремниевых слепков. В пробах на глубинах 54–55 и 64–65 см встречаются слепки эпидермы злаков (рис. 1, *Ж*).

В фитолитном комплексе (рис. 2, *4*) преобладают ELO и ACU_BUL. Распределение фитолитов злаков неоднородно, присутствуют почти все формы. Их число максимально на глубине 34–35 см, представлено в основном RON (степной морфотип). Количество

Морфотипы фитолитов (ICPN 2.0) из грунта археологических объектов и их синонимика в более ранних работах по умеренным широтам Евразии

по: [ICPN 2.0]	по: [Гольева, 2001; Golyeva, 2007]	по: [Silantyeva et al., 2018; Solomonova et al., 2019]
Bulliform flabellate (BUL_FLA)	reed, *Phragmites* sp.	bulliform cells
Crenate sinuate (CRE_SIN)	elongate n–lobate	wavy plate short cell
Crenate lobate (CRE_LOB)		polylobate, polylobate trapeziforms
Bilobate trapeziform (BIL_TRZ)	n–lobate	bilobate short cell, trapeziform bilobate («Stipa–type»)
Rondel (RON)	«steppe forms»	rondel
Papillate (PAP)	–	–
Conical (CON_Cyp)	–	conical of *Carex*
Acute bulbosus type 1 (ACU_BUL_1)	«forest trichome»	lanceolate large / lanceolate with large base
Acute bulbosus type 2 (ACU_BUL_2)	«meadow trichome»	lanceolate small / lanceolate with small base
Elongate entire (ELO_ENT)	elongate	rod / psilate
Elongate dentate (ELO_DET)	elongate with spiny margins	toothed rod / psilate
Elongate dendritic*	elongate with dendritic margins	dendritic rod / psilate
Tabular plate (TAB_PLA)	plate	straight edge plate / irregular plates
Spheroid nodulate (SPH_NOD)	sphere	globular irregular

* Только для поселения Стрелецкое-1.

фитолитов злаков минимально на глубине 64–65 см, но по сравнению с вышележащими пробами повышено содержание CRE_LOB.

Проба 44–45 см характеризуется наличием ELO_DEN (см. рис. 1, *3*), встречаются крупные PAP (см. рис. 1, *К*) и RON (см. рис. 1, *И*). Отмечены настоящие паникодные BIL (см. рис. 1, *Л*). Среди остальных форм фитолитного комплекса на глубине 44–45 см возрастает количество TAB_PLA, часть из них – фрагменты слепков. Среди других форм фитолитов стоит отметить присутствие CON_Cyp на глубине 54–55 см и возрастание числа SPH_NOD (сопоставимо с фоном) в этой же пробе.

Зольник, нижняя часть культурного слоя. Из золистого слоя получено два образца: 74–75 см и 83–84 см. Среди микробиоморф в пробах зольника преобладают фитолиты (см. рис. 2, *1*). В слоях отмечается значительное количество неразложившейся растительной органики, что делает их близкими с некоторыми пробами (44–45 см и 54–55 см) вышележащего слоя. Имеются спикулы (1–3 %) и диатомовые водоросли (1–2 %).

По составу фитолитов образцы отличаются между собой (см. рис. 2, *4*). В пробе на глубине 74–75 см крайне низкое количество фитолитов злаков, но много TAB_PLA. Количество ELO и ACU_BUL немного ниже, чем TAB_PLA. В пробе не глубине 83–84 см резко возрастает число фитолитов злаков, в первую очередь RON. Также проба характеризуется почти полным отсутствием BUL_FLA, который имеется во всех других изученных пробах объекта. Количество TAB_PLA сопоставимо с пробами верхней части культурного слоя. Преобладают ELO и ACU_BUL.

Погребенная почва. Получена одна проба на глубине 86–92 см. Основную массу составляют фитолиты. Имеются небольшие фрагменты слепков, спикулы (8 % от всех кремниевых остатков). Фитолитный спектр резко отличается от спектров всех вышележащих слоев. Основную массу частиц составляют ACU_BUL; в т.ч. много ACU_BUL_1 («лесной» морфотип).

Поселение Черноречье-2

Поверхностный образец. В пробе много слепков и детрита. Встречаются фрагменты пыльцы. Количество фитолитов ниже, чем растительного детрита. В фитолитном спектре преобладают ELO и ACU_BUL (в основном тип 2). Фитолиты злаков в основном представлены морфотипами RON и CRE_SIN. Встречаются SPH_NOD, форма спорной принадлежности. Отмечено небольшое количество BUL_FLA. Единичны CON_Cyp.

Гумусовый горизонт. Была получена проба на глубине 1–3 см. В пробе встречаются фитолиты, небольшое количество растительного детрита, единичные угли. В фитолитном спектре преобладают ELO. Много RON. По сравнению с предыдущей пробой встречаются и CRE_LOB.

Зольник. Из слоя было получено две пробы. Состав микрочастиц из пробы грунта верхней части контрастирует с фоновыми пробами. Единичен растительный детрит. Основную массу составляют фитолиты.

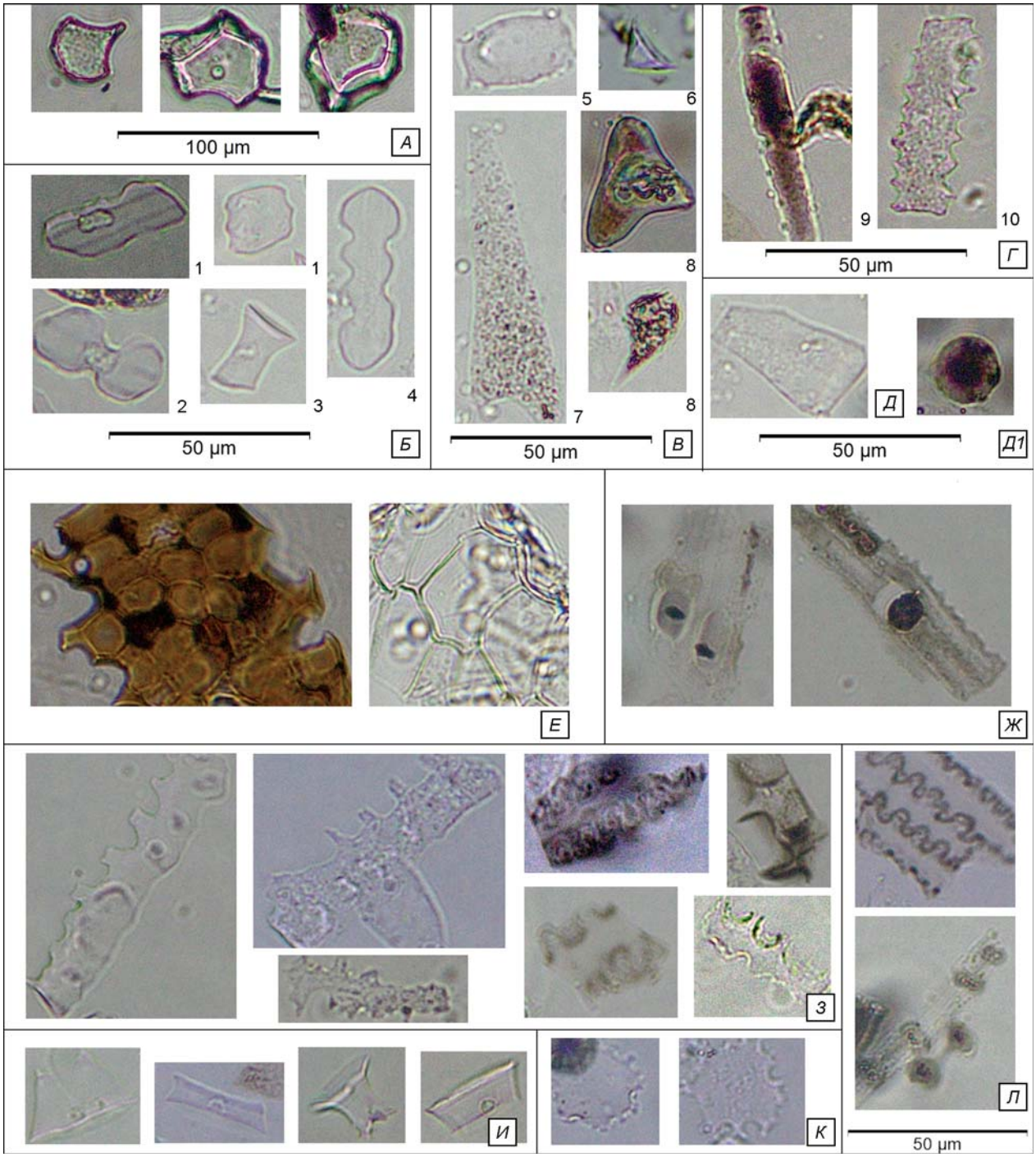

Рис. 1. Фотографии фитолитов и эпидермальных слепков из почв золистых слоев. Основные морфотипы фитолитов.

А – BUL_FLA; *Б* – фитолиты злаков: 1 – CRE_SIN, 2 – BIL_TRZ, 3 – RON, 4 – CRE_LOB; *В* – трихомы и подобные формы: 5 – PAP, 6 – CON_Cyp, 7 – ACU_BUL_1, 8 – ACU_BUL_2; *Г* – ELO (ELO_ENT, ELO_DET); *Д* – слабоиндикаторные формы TAB_PLA; *Д1* – SPH_NOD; *Е–Ж* – эпидермальные слепки: *Е* – двудольные, *Ж* – злаки; *З–Л* – потенциальные фитолиты культурных злаков: *З* – ELO_DEN, *И* – RON, *К* – PAP «trichome base», *Л* – слепок и BIL Panicoideae.

Фитолитный спектр (см. рис. 2, *5*) характеризуется почти полным отсутствием морфотипов степных злаков. Из фитолитов злаков присутствует в основном BUL_FLA. Преобладают ELO и ACU_BUL (тип 2). По сравнению со спектрами поверхностных слоев встречаются AMO_DET.

Основная масса микрочастиц второй пробы представлена фитолитами, встречается небольшое количество растительного детрита. Единичны эпидермальные слепки двудольных. В фитолитном спектре (см. рис. 2, *5*) преобладают ACU_BUL, возрастает количество обоих форм этого морфотипа. Количество ELO сопо-

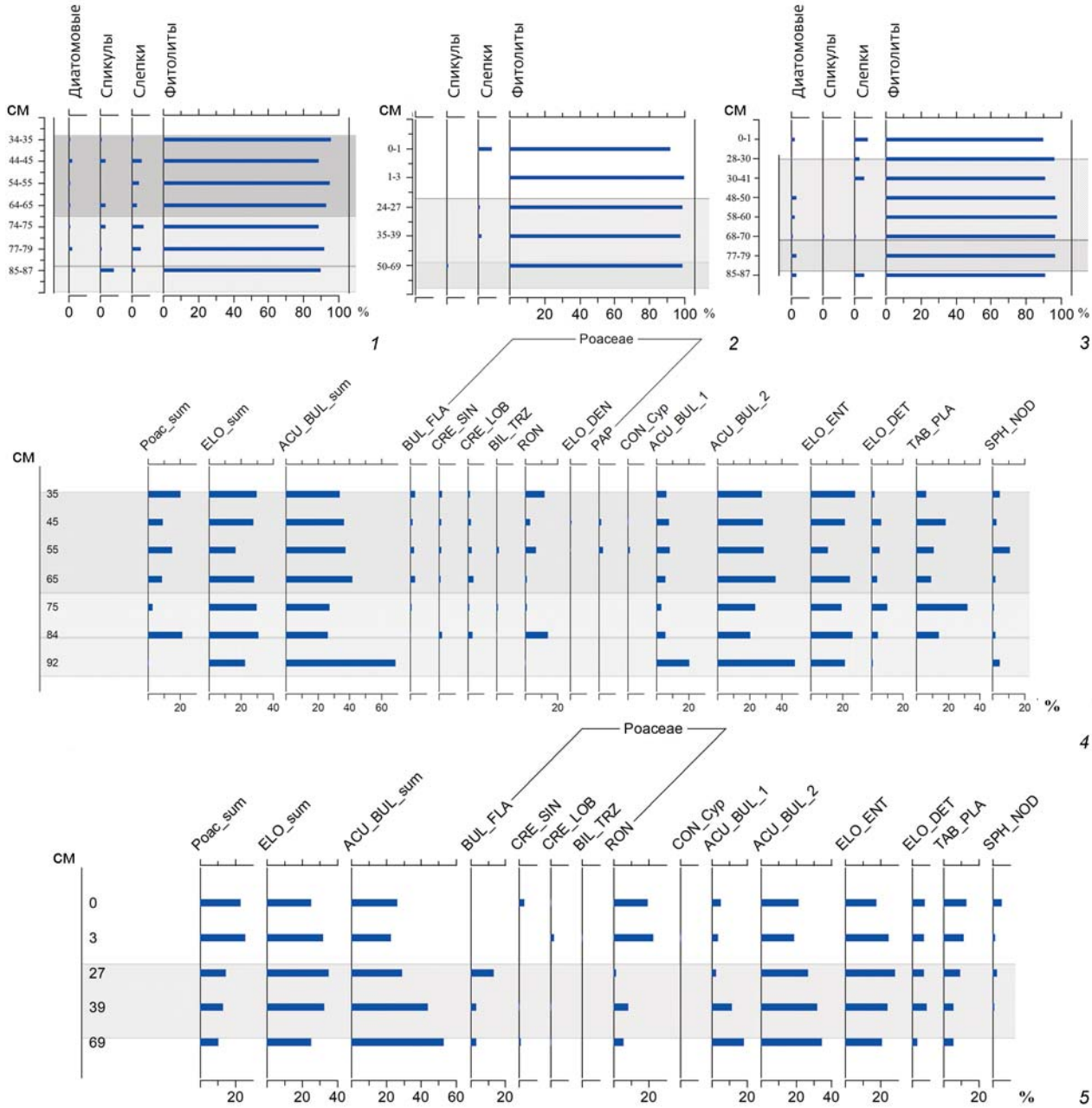

Рис. 2. Результаты микробиоморфных исследований.

1–3 – состав кремниевых микробиоморф в различных слоях зольников: *1* – Стрелецкое-1, *2* – Черноречье-2, *3* – Степное; *4* – фитолитный профиль зольника Стрелецкое-1; *5* – фитолитный профиль зольника Черноречье-2.

ставимо с верхней частью зольника. Фитолиты злаков в небольшом числе. Отмечен один ELO_DEN фитолит.

Граница зольника и суглинка. Получена проба на глубине 50–69 см. Образец схож по составу с погребенной почвой под зольником Стрелецкого-1. Основу микрочастиц составляют фитолиты. Встречается растительный детрит, единичные спикулы губок. Среди всех морфотипов преобладают ACU_BUL, их количество увеличено в первую очередь за счет форм первого типа. Количество ELO снижено и сопоставимо с поверхностной пробой. Из фитолитов злаков встречаются BUL_FLA и RON.

Подробный анализ результатов зольника поселения Степное (см. рис. 2, *3*) приведен ранее [Куприянова и др., 2023].

Дискуссия

Фитолитные спектры фоновых проб соответствуют степным и остепненно-луговым спектрам различных территорий [Гольева, 2001; Blinnikov, Hoffman, Salova, 2021; Golyeva, 2007; Silantyeva et al., 2018; Solomonova et al., 2019]. В спектрах, полученных из почвенных проб ближе к реке, ожидаемо выше доля луговых элементов: ACU_BUL, CRE_LOB.

Погребенные почвы и предполагаемая «древняя» поверхность. Фитолитный состав погребенной почвы пробы из зольника Степного характеризует типичную степную растительность. Слой погребенной почвы с поселения Стрелецкое-1 отличается от всех образцов. Полученные данные указывают на существование незлакового пойменного сообщества (возможно, заливной осоковый луг). Учитывая сильное меандрирование р. Уй, можно предположить, что в древности площадка заливалась. Фитолитный спектр Черноречья-2 на границе золистого слоя и суглинка также характеризует переувлажненное местообитание с малым участием злаков.

Золистые слои и их возможное происхождение. Микробиоморфный состав золистых слоев указывает на их антропогенное происхождение. Разница по количеству фитолитов с фоновыми образцами почв достигает 3–5 и более раз. Общим в фитолитном составе всех трех зольников (за исключением некоторых проб) является низкое количество фитолитов злаков.

Резкий переход фитолитного спектра от погребенной почвы к золистому слою для зольника Стрелецкого-1 указывает на внесение большого количества органики. Верхняя часть золистого/культурного слоя также образована за счет внесения растений, но преимущественно незлакового происхождения (возможно, осоки). Степному составу соответствует только верхняя проба этого слоя. Индикаторы гидроморфизма указывают на подтопление территории в определенные периоды существования объекта. Возможно, периодическое зарастание участка с его последующим погребением новыми слоями.

Золистые слои Черноречья-2 отличались от слоев зольника Стрелецкого-1 отсутствием индикаторов гидроморфизма и погребения. В верхней части золистого слоя есть существенное количество BUL_FLA. Учитывая специфику погребенных и фоновых почв вероятно внесение человеком растительной массы, в которой мог присутствовать тростник.

Археологический материал зольников Стрелецкого-1 и Черноречья-2 указывает на частичное использование этих объектов для утилизации бытовых отходов, хотя предполагается и наличие производственных процессов (разделка туш животных и отбор материалов для кожевенного и косторезного производств) (см. статью Е.В. Куприяновой и Ф.Н. Петрова «Функции зольников бронзового века Южного Зауралья: отражение в артефактах» в этом сборнике).

Золистые слои Степного также образованы за счет внесения большого количества растительной органики. В составе микробиоморф есть индикаторы гидроморфизма [Куприянова и др., 2023], возможно предположить использование речной воды на этом объекте. Количество фитолитов степных злаков снижено, но оно выше, чем в золистых слоях Стрелецкого-1 и Черноречья-2. Анализ археологической коллекции зольника поселения Степное указывает на возможность его использования как производственной площадки металлургов и косторезов, а также других хозяйственных и ритуальных целей (см. статью Е.В. Куприяновой и Ф.Н. Петрова «Функции зольников бронзового века Южного Зауралья: отражение в артефактах» в этом сборнике). Фитолитный состав зольника Степного отличается от Стрелецкого-1 и Черноречья-2 не только на основе их различной удаленности от реки, но и их использования.

Растительный материал, в результате разложения которого сформировались золистые слои, мог иметь три пути происхождения. Так, например, для Степного возможно хранение сена, заготовленного на суходольных лугах [Куприянова и др., 2023]. Для зольников Стрелецкого-1 и Черноречья-2 не исключен такой вариант первоначального использования, что видно по нижней части золистых слоев. Однако, в дальнейшем и археологический, и фитолитный состав указывают на этапы внесения растительного бытового мусора, циновок, остатков пищи и т.д. (об этом свидетельствует количество BUL_FLA – фитолиты тростника для Черноречья-2, и выборочность в использовании растений). Одной из гипотез возникновения зольников также является перегнивание навоза (см. напр.: [Борисов и др., 2017]). Однако состав фекалий должен быть обогащен фоновыми морфотипами [Киселева, Князев, 1984; Киселева, 1992]. Этого не наблюдается в Стрелецком-1 и Черноречье-2. Но если навоз был складирован при чистке жилищ после зимнего периода [Матвеев, Сидоров, 1985], то выбор отдельных растений для заготовки сена вполне возможен. Биогенные маркеры навоза для зольника Степного в настоящий момент не обнаружены [Куприянова и др., 2023].

Потенциальная возможность земледелия у населения поселения Стрелецкое-1. Важные результаты дали два образца (44–45 см и 54–55 см) с зольника поселения Стрелецкое-1. Наличие ELO_DET и слепков с детритными клетками, крупных (более 25 мкм) RON и PAP (см. рис. 1, *И*, *К*) указывает на использование культурных злаков [Ball, Gardner, Bortherson, 1996]. В культурном слое также диагностируются паникоидные BIL, которые могли принадлежать сорнякам. Случайное привнесение в образцы современных злаков практически исключено, граница пашни расположена в 100–200 м от памятника, образцы происходят со значительной глубины и отбирались с участков, не нарушенных норами землероев.

Наличие земледелия в раннем бронзовом веке носит дискуссионный характер. Высказывались предположения о существовании земледелия у населения синташтинской культуры (напр.: [Зданович, 1997, с. 47]), носившие неаргументированный характер. Фитолитные данные с поселений синташтинской культуры не дают оснований говорить о выращивании культурных злаков (напр.: [Степное..., 2023, с. 67–84]). Тем не менее в пригарах на сосудах из по-

селений и могильников зафиксированы культурные злаки (просо, ячмень) [Гайдученко, 2000; Гайдученко, Зданович, 2002]. Можно предполагать существование ограниченного импорта культурных растений из Средней Азии, где в эту эпоху было развито земледелие [Шишкин, 1977; Массон, Сарианиди, 1972; и др.]. В памятниках синташтинской, петровской и алакульской культур Южного Зауралья нередки находки серпов (напр.: [Степное..., 2023, с. 129, рис. 13]). В зольнике поселения Стрелецкое-1 также были найдены два бронзовых серпа [Куприянова и др., 2013, с. 99, рис. 13]. Ранее оснований предполагать наличие земледелия у населения алакульской культуры не было. Находки фитолитов культурных злаков вновь заставляют вернуться к обсуждению потенциальной возможности земледелия в позднем бронзовом веке Южного Зауралья либо предположить возможность импорта зерновой продукции с южных территорий.

Заключение

Микробиоморфный и фитолитный состав зольников поселений Стрелецкое-1 и Черноречье-2 отличается от поселения Степное. Помимо различного местоположения зольников это также является отражением различного типа использования этих объектов. Зольники с поселений Стрелецкое-1 и Черноречье-2 использовались в основное время для утилизации бытового (в основном растительного) мусора и некоторых производственных операций. Зольник поселения Степное являлся в основном производственной площадкой, на которой, возможно, периодами хранилось сено. Такое же использование возможно на первоначальных этапах существования зольников на Стрелецком-1 и Черноречье-2.

Особенности двух фитолитных спектров золистых слоев Стрелецкого-1 указывают на возможность использования его населением в бронзовом веке культурных злаков (вероятно, импортируемых).

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-27-10016 «Изучение последствий скотоводства около поселений синташтинско-аркаимского типа в Южном Зауралье: междисциплинарные исследования», https://rscf.ru/project/23-27-10016/.

Список литературы

Алаева И.П., Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н. Некоторые свойства культурных слоев поселений бронзового века степной зоны Челябинской области // Геоархеология и археологическая минералогия-2022. – Миасс; Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. пед. ун-та, 2022. – С. 24–30.

Борисов А.В., Демкина Т.С., Ельцов М.В., Каширская Н.Н., Кузнецова Т.В., Хомутова Т.Э., Черныше-ва Е.В. Информационный потенциал микробных сообществ почв археологических памятников // Микробные сообщества в эволюции биосферы с древнейших времен до наших дней. – М.: Изд-во ПИН РАН, 2017. – С. 169–181. – (Геобиологические процессы в прошлом).

Гайдученко Л.Л. Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита-бронзы // Археологический источник и моделирование древних технологий. – Челябинск: Аркаим, 2000. – С. 150–169.

Гайдученко Л.Л., Зданович Д.Г. Пищевые пригары на сосудах из кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: Некрополь. – Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 2002. – С. 120–127.

Гершкович Я.П. Суботовское городище. – Киев: ИА НАН Украины, 2016. – 508 с.

Гольева А.А. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. – М.: Элиста, 2001. – 200 с.

Зданович Г.Б. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. – 1997. – № 2. – С. 47–62.

Киселева Н.К. Ботанический и фитолитный анализ голоценовых отложений помета млекопитающих в Северной Осетии // Историческая экология диких и домашних копытных. – М.: Наука, 1992. – С. 24−83.

Киселева Н.К., Князев А.В. Опыт применения фитолитного анализа для выявления географической и вековой изменчивости питания животных // Проблемы изучения современных биогеоценозов. – М.: Наука, 1984. – С. 29−63.

Корочкова О.Н. О западносибирских зольниках эпохи поздней бронзы // РА. – 2009. – № 1. – С. 25–35.

Куприянова Е.В., Соломонова М.Ю., Трубицына Э.Д., Каширская Н.Н., Филимонова М.О., Афонин А.С., Шарапов Д.В., Иванов С.Н., Рябогина Н.Е. Междисциплинарные исследования отложений зольника около поселения Степное (Челябинская область) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2023. – № 4 (63). – С. 18–38. – doi:10.20874/2071-0437-2023-63-4-2

Куприянова Е.В., Якимов А.С., Сафарова Л.Р., Баженов А.И. Особенности стратиграфии поселения Стрелецкое 1 (предварительные результаты исследований) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 82–102.

Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и Средневековье. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1985. – С. 29–54.

Массон В.М., Сарианиди В.И. Каракумы: заря цивилизации. – М.: Наука, 1972. – 166 с.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Древнее земледелие в Западной Сибири: проблемы аргументации, палеоэтноботанические методы и анализ фактов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 4. – С. 96–106.

Святко С.В., Бейсенов А.З. Первые изотопные данные о диете населения тасмолинской культуры // Самарский научный вестник. – 2017. – Т. 6, № 3 (20). – С. 223–227.

Степное: новые горизонты / Е.В. Куприянова, Н.С. Батанина, Б.К. Хэнкс, Д.Г. Зданович, Л.Л. Гайдученко, М.Н. Анкушев, И.А. Блинов, А.А. Гольева, Дж.А. Джонсон, А.В. Епимахов, Н.Ф. Петров, Ф.Н. Петров, Н.Е. Рябогина, Ын Чуен Ян. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2023. – 292 с. – doi:10.47475/9785727119280

Шишкин И.Б. У стен великой Намазги. – М.: Наука, 1977. – 191 с.

Ball T.B., Gardner J.S., Bortherson J.D. Identifying phytoliths produced by the inflorescence bracts of three species of wheat (*Triticum monococcum* L., *T. dicoccum* Schrank., and *T. aestivum* L.) using computer-assisted image and statistical analyses // J. of Archaeol. Sci. – 1996. – N 23. – P. 619–632. – doi:10.1006/jasc.1996.0058

Blinnikov M.S., Hoffman B.R., Salova Y.A. Modern analog assemblages of phytoliths under various plant communities of the Middle Volga and their applicability for archaeological Reconstructions // Поволжская археология. – 2021. – № 4. – С. 217–234. – doi:10.24852/pa2021.4.38.217.234

Golyeva A.A. Various phytolith types as bearers of different kinds of ecological information // Plants, People and Places. Recent studies in phytolith analysis. – Oxford: Oxbow Books, 2007. – P. 196–200. – doi:10.2307/j.ctvh1dtr4.21

Neumann K., Strömberg C., Ball T., Albert R.M., Vrydaghs L., Cummings L.S. International Code for Phytolith Nomenclature (ICPN) 2.0 // Annals of Botany. – 2019. – N 124 (2). – P. 189–199. – doi:10.1093/aob/mcz064

Silantyeva M., Solomonova M., Speranskaja N., Blinnikov M.S. Phytoliths of temperate forest-steppe: a case study from the Altay, Russia // Review of Palaeobotany and Palynology. – 2018. – N 250. – P. 1–15. – doi:10.1016/j.revpalbo.2017.12.002

Solomonova M.Y., Blinnikov M.S., Silantieva M.M., Speranskaja N. Influence of moisture and temperature regimes on the phytolith assemblage composition of mountain ecosystems of the mid latitudes: a case study from the Altay Mountains // Frontires in Ecology and Evolution. – 2019. – Vol. 7 (2). – P. 1–22. – doi:10.3389/fevo.2019.00002

Spengler R.N. Botanical resource use in Bronze and Iron Age of the Central Eurasia mountain/steppe interface: decision making in multi-resource pastoral economies: PhD dissertation, Anthropology Department. – Washington Univ. in St. Louis, 2013.

Spengler R.N., Wagner M., Tarasov P.E., Ryabogina N. The spread of agriculture into northern Central Asia: Timing, pathways, and environmental feedbacks // The Holocene. – 2016. – Vol. 26, N 10. – P. 1527–1540. – doi:10.1177/0959683616641739

References

Alaeva I.P., Kashirskaya N.N., Plekhanova L.N. Several features of the cultural layers Bronze Age settlements steppe zone of Chelyabinsk region. In *Geoarheologiya i arheologicheskaya mineralogiya-2022*. Miass; Chelyabinsk: South Ural State Univ. Press, 2022. P. 24–30. (In Russ.).

Ball T.B., Gardner J.S., Bortherson J.D. Identifying phytoliths produced by the inflorescence bracts of three species of wheat (*Triticum monococcum* L., *T. dicoccum* Schrank., and *T. aestivum* L.) using computer-assisted image and statistical analyses. *J. of Archaeol. Sci.,* 1996. No. 23. P. 619–632. doi:10.1006/jasc.1996.0058

Blinnikov M.S., Hoffman B.R., Salova Y.A. Modern analog assemblages of phytoliths under various plant communities of the Middle Volga and their applicability for archaeological Reconstructions. *Povolzhskaya arkheologiya*, 2021. No. 4. P. 217–234. doi:10.24852/pa2021.4.38.217.234

Borisov A.V., Demkina T.S., Eltsov M.V., Kashirskaya N.N., Kuznetsova T.V., Homutova T.E., Chernysheva E.V. Informacionnyj potencial mikrobnyh soobshchestv pochv arheologicheskih pamyatnikov. In *Mikrobnye soobshchestva v evolyucii biosfery s drevnejshih vremen do nashih dnej. Seriya «Geo-biologicheskie processy v proshlom»*. Moscow: PIN RAN, 2017. P. 169–181. (In Russ.).

Gayduchenko L.L. Kompozitnaya pishcha i osvoenie pishchevyh resursov naseleniem Uralo-Kazahstanskih stepej v epohu neolita-bronzy. In *Arheologicheskij istochnik i modelirovanie drevnih tekhnologij*. Chelyabinsk: Arkaim, 2000. P. 150–169. (In Russ.).

Gayduchenko L.L., Zdanovich D.G. Pishchevye prigary na sosudah iz kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika. In *Arkaim: Nekropol'*. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002. P. 120–127. (In Russ.).

Gershkovich Y.P. Subotovskoe gorodishche. Kiev: IA NASU, 2016. 508 p. (In Russ.).

Golyeva A.A. Fitolity i ih informacionnaya rol' v izuchenii prirodnyh i arheologicheskih ob»ektov. Moscow: Elista, 2001. 200 p. (In Russ.).

Golyeva A.A. Various phytolith types as bearers of different kinds of ecological information. In *Plants, People and Places. Recent studies in phytolith analysis*. Oxford: Oxbow Books, 2007. P. 196–200. doi:10.2307/j.ctvh1dtr4.21

Kiseleva N.K. Botanicheskij i fitolitnyj analiz golocenovyh otlozhenij pometa mlekopitayushchih v Severnoj Osetii. In *Istoricheskaya ekologiya dikih i domashnih kopytnyh*. Moscow: Nauka, 1992. P. 24−83. (In Russ.).

Kiseleva N.K., Knyazev A.V. Opyt primeneniya fitolitnogo analiza dlya vyyavleniya geograficheskoj i vekovoj izmenchivosti pitaniya zhivotnyh. In *Problemy izucheniya sovremennyh biogeocenozov*. Moscow: Nauka, 1984. P. 29−63. (In Russ.).

Korochkova O.N. O zapadnosibirskih zol'nikah epohi pozdnej bronzy. *Rossiyskaya arheologiya*, 2009. Iss. 1. P. 25–35. (In Russ.).

Kupriyanova E.V., Batanina N.S., Henks B.K., Zdanovich D.G., Gajduchenko L.L., Ankushev M.N., Blinov I.A., Gol'eva A.A., Johnson J.A., Epimahov A.V., Petrov N.F., Petrov F.N., Ryabogina N.E., Yn Chuen Yan. Stepnoye: novye gorizonty. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Univ. Press, 2023. 292 p. (In Russ.). doi:10.47475/9785727119280

Kupriyanova E.V., Solomonova M.Y., Trubicyna E.D., Kashirskaya N.N., Filimonova M.O., Afonin A.S., Sharapov D.V., Ivanov S.N., Ryabogina N.E. Interdisciplinary research of ash heap sediment near Stepnoye settlement (Chelyabinsk Oblast). *Vestnik arheologii, antropologi i ietnografii*,

2023. Iss. 4 (63). P. 18–38. (In Russ.). doi:10.20874/2071-0437-2023-63-4-2

Kupriyanova E.V., Yakimov A.S., Safarova L.R., Bazhenov A.I. Osobennosti stratigrafii poseleniya Streleckoe 1 (predvaritel'nye rezul'taty issledovanij). In *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale*. Chelyabinsk: Rifej, 2013. P. 82–102. (In Russ.).

Matveev A.V., Sidorov E.A. Irmenskie poseleniya Novosibirskogo Priob'ya. In *Zapadnaya Sibir' v drevnosti i srednevekov'ye*. Tyumen': Tyumen' State Univ. Press, 1985. P. 29–54. (In Russ.).

Masson V.M., Sarianidi V.I. Karakumy: zarya civilizacii. Moscow: Nauka, 1972. 166 p. (In Russ.).

Neumann K., Strömberg C., Ball T., Albert R.M., Vrydaghs L., Cummings L.S. International Code for Phytolith Nomenclature (ICPN) 2.0. *Annals of Botany,* 2019. No. 124 (2). P. 189–199. doi:10.1093/aob/mcz064

Ryabogina N.E., Ivanov S.N. Drevnee zemledelie v Zapadnoj Sibiri: problemy argumentacii, paleoetnobotanicheskie metody i analiz faktov. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2011. Iss. 4 (48). P. 96–106. (In Russ.).

Shishkin I.B. U sten velikoj Namazgi. Moscow: Nauka, 1977. 191 p. (In Russ.).

Silantyeva M., Solomonova M., Speranskaja N., Blinnikov M.S. Phytoliths of temperate forest-steppe: a case study from the Altay, Russia. *Review of Palaeobotany and Palynology,* 2018. No. 250. P. 1–15. doi:10.1016/j.revpalbo.2017.12.002

Solomonova M.Y., Blinnikov M.S., Silantieva M.M., Speranskaja N. Influence of moisture and temperature regimes on the phytolith assemblage composition of mountain ecosystems of the mid latitudes: a case study from the Altay Mountains. *Frontires in Ecology and Evolution,* 2019. Vol. 7 (2). P. 1–22. doi:10.3389/fevo.2019.00002

Spenger R.N. Botanical resource use in Bronze and Iron Age of the Central Eurasia mountain/steppe interface: decision making in multi-resource pastoral economies: PhD dissertation, Anthropology Department. Washington Univ. in St.Louis, 2013.

Spengler R.N., Wagner M., Tarasov P.E., Ryabogina N. The spread of agriculture into northern Central Asia: Timing, pathways, and environmental feedbacks. *The Holocene,* 2016. Vol. 26. No. 10. P. 1527–1540. doi:10.1177/0959683616641739

Svyatko S.V., Bejsenov A.Z. Pervye izotopnye dannye o diete naseleniya tasmolinskoj kul'tury. *Samarskij nauchnyj vestnik,* 2017. Vol. 6. No. 3(20). P. 223–227. (In Russ.).

Zdanovich G.B. Arkaim – kul'turnyj kompleks epohi srednej bronzy Yuzhnogo Zaural'ya. *Rossiyskaya arheologiya*, 1997. Iss. 2. P. 47–62. (In Russ.).

Соломонова М.Ю. https://orcid.org/0000-0002-4154-6048
Куприянова Е.В. https://orcid.org/0000-0001-8842-9976
Трубицына Э.Д. https://orcid.org/0000-0002-7077-2618
Рябогина Н.Е. https://orcid.org/0000-0003-1098-0121

Дата сдачи рукописи: 27.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0760-0766
УДК 903.02

Н.Ф. Степанова[1]✉, Ю.Ф. Кирюшин[2], Е.А. Богайчук[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Результаты изучения керамики ранней и развитой бронзы с поселения Тух-Эмтор IV (Васюганье)

В статье представлены данные исследования керамики ранней и развитой бронзы с поселения Тух-Эмтор IV, проведенные в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского. Основная задача технико-технологического анализа заключалась в выявлении специфики культурных традиций в отборе исходного сырья и подготовке формовочных масс. При изучении орнамента внимание уделялось определению особенностей рабочего края инструмента и способам нанесения орнамента. В результате исследований установлено, что для изготовления керамики ранней бронзы использовались ожелезненные глины: пластичные (67 %) и запесоченные мельчайшим пылевидным песком (33 %). Керамика развитой бронзы изготовлена из аналогичного сырья, но пластичные глины составляют 50 %. Выявлено 2 рецепта: глина + шамот, глина + шамот + органический раствор. Второй рецепт зафиксирован дважды (ок. 6 % от всех изученных сосудов). Несмотря на то, что выявлено 2 традиции в выборе исходного сырья и 2 рецепта составления формовочных масс, по орнаменту изделия не выделяются из общей серии. Орнамент наносился гребенчатыми и незубчатыми инструментами. Наиболее часто встречаются горизонтальные ряды оттисков, выполненные гребенчатым штампом шаганием с прокатыванием или протаскиванием рабочего края инструмента. На керамике развитой бронзы появляются геометрические мотивы в виде зигзагов. Керамический комплекс ранней бронзы относится к степановской культуре, развитой к раннееловскому времени. Материалы ранней и развитой бронзы аналогичны между собой по исходному сырью, составлению формовочных масс, способам нанесения и мотивам орнамента, что подтверждает высказанную ранее точку зрения о длительном и постепенном взаимодействии разных групп населения, не приводивших к резкой смене традиций.

Ключевые слова: *Васюганье, керамика, эпоха бронзы, культурные традиции, исходное сырье, формовочные массы.*

N.F. Stepanova[1]✉, Y.F. Kiryushin[2], E.A. Bogaichuk[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Altai State University
Barnaul, Russia
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Results of the study of Early and Middle Bronze Age ceramics from the Tukh-Emtor IV settlement (Vasyuganskaya Plain)

The article presents the data of the study of Early and Middle Bronze Age pottery from the settlement of Tukh-Emtor IV carried out within the framework of the historical and cultural approach according to A.A. Bobrinsky method. The main task was to identify the specific features of cultural traditions in the selection of raw materials and the preparation of the pottery paste. Studies decoration techniques include identification of the features of the tool working edge and the ornamentation techniques. It was established that ferruginous clays were used in the production of Early Bronze Age ceramics: ductile (67 %) and mixed with the finest dust-like sand (33 %). Pottery of the Middle Bronze Age was made of similar raw materials, but ductile clays make up 50%. Two variants of paste recipeswere identified: clay + chamotte, clay + chamotte + organic matter. The second recipe was recorded twice (c. 6 % of all vessels studied). Despite of the fact that 2 traditions in the choice of raw materials and 2 paste recipes were revealed, the decoration patterns of the wares are basically the same. The ornamentation was applied with comb and non-cogged tools. The most common are horizontal rows of impressions made with a comb stamp by stepping with rolling or dragging the working edge of the tool. Geometric motifs in the form of zigzags emerged on the Middle Bronze Age pottery. The Early Bronze Age ceramic complex has been attributed

to the Stepanovo culture developed by the Early Elovsky Period. Early and Middle Bronze Age materials show parallels in terms of raw materials, fabrics, techniques of decoration and ornamentation motifs, which confirms the earlier hypothesis on the long and gradual interaction of various population groups, which did not lead to a sharp change of traditions.

Keywords: *Vasyuganskaya Plain, ceramics, Bronze Age, cultural traditions, raw material, pottery paste.*

Введение

Территория Васюганья в настоящее время остается археологически недостаточно изученным регионом. Планомерные археологические работы на данной территории начались в конце 60-х гг. XX в. К середине 1990-х гг. в Васюганье были частично исследованы комплексы памятников, содержащих материал эпох неолита и бронзы. Полученные материалы опубликованы лишь частично [Кирюшин, 2004, с. 59; Степанова, Кирюшин, Богайчук, 2024].

Географическое расположение района на стыке южно-таежного и лесостепного Обь-Иртышья определяет культурную специфику взаимоотношения южного степного и лесостепного населения с северным таежным. Главным источником для построения культурно-хронологических схем региона является керамическая посуда. В последние годы увеличивается количество исследований древней керамики в рамках историко-культурного подхода с сопредельных территорий, но изучение керамики эпохи бронзы из Томско-Нарымского Приобья в этом направлении, как правило, не проводились. В научный оборот введены преимущественно результаты технико-технологического анализа керамики с нескольких памятников кулайской культурно-исторической общности [Степанова, Плетнева, Рыбаков, 2021; Степанова, Рыбаков, 2019].

В настоящей работе приводятся результаты изучения керамических комплексов ранней и развитой бронзы с поселения Тух-Эмтор IV. Памятник открыт и исследован Ю.Ф. Кирюшиным в период с 1972 по 1975 г. Поселение расположено в Каргасокском р-не Томской обл. в юго-западной части п. Озерного, на мысу высотой 2,5–3,0 м, образованном северным берегом оз. Тух-Эмтор и р. Водопойной, впадающей в озеро (рис. 1) [Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 28]. При общей площади поселения порядка 4 000 м^2 исследовано 360 м^2. На памятнике фиксируются несколько культурно-хронологических горизонтов, слои стратиграфически не прослеживаются. Керамические комплексы выделяются типологически [Кирюшин, 2004, с. 80].

Методы и материалы

Исследования проведены в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского [Бобринский, 1978, 1999; Цетлин, 2012]. В задачи входило выявление специфики исходного сырья и подготовки формовочных масс. Рассматривались вопросы выделения культурных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс, признаки смешения традиций. С помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C изучались изломы и поверхности образцов. При изучении особенностей исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них примесей, использование одной или двух глин. Для определения степени ожелезненности глин они дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °C.

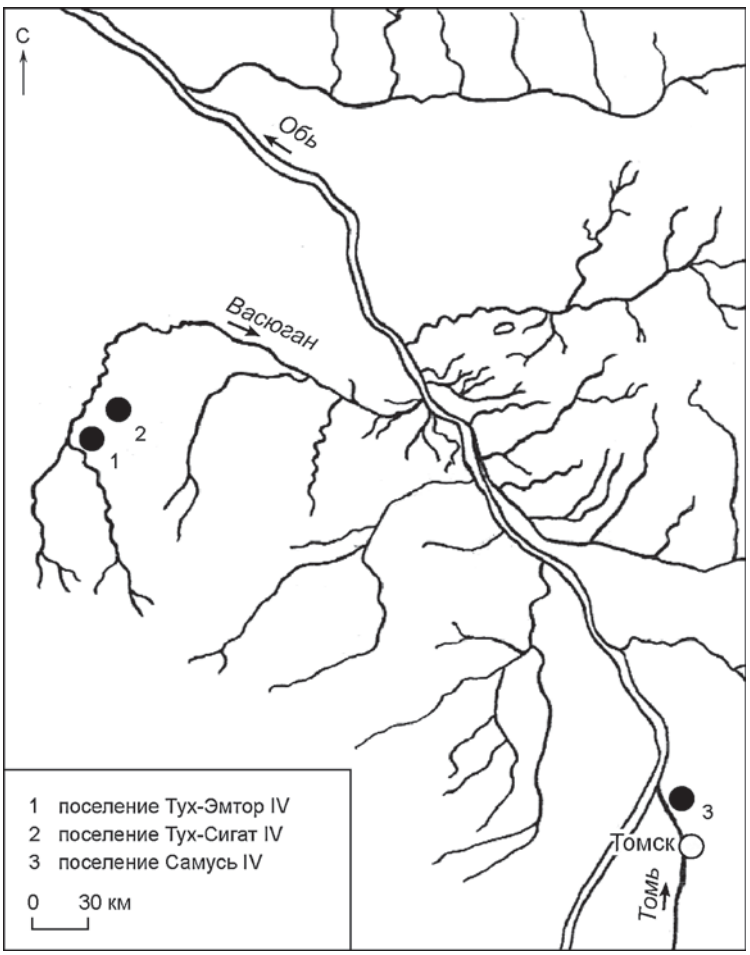

Рис. 1. Место расположения поселений Тух-Эмтор IV, Тух-Сигат IV, Самусь IV на карте Томско-Нарымского Приобья (по: [Кирюшин, 2004, с. 153]).

По отпечаткам составлялось представление о рабочем крае орнаментиров и способах нанесения орнамента. На исследуемой керамике были выявлены оттиски зубчатых (гребенчатых) орнаментиров и незубчатых инструментов, последние имели округлое поперечное и различные продольные сечения.

Керамический комплекс ранней бронзы представлен плоскодонными сосудами баночной и приближающейся к горшковидной формы [Кирюшин, 2004, с. 60, 74]. Сосуды украшены разнообразно. Характерна орнаментация различными гребенчатыми инструментами. Венчик, как правило, украшен наклонными оттисками гребенчатого штампа. Под венчиком орнамент состоит из горизонтального ряда ямочных вдавлений, образующих на внутренней стороне сосудов «жемчужины». Ямки нанесены на горизонтальные прямые ряды плотнопоставленной гребенки, нанесенной «шаганием», прокатыванием или протаскиванием (рис. 2, *1*, *5*, *10*). Тулово украшено прямыми и волнистыми, реже наклонными линиями, выполненными гребенчатыми орнаментирами (рис. 2, *2*, *7*). Также на тулове встречаются горизонтальные ряды наклонных

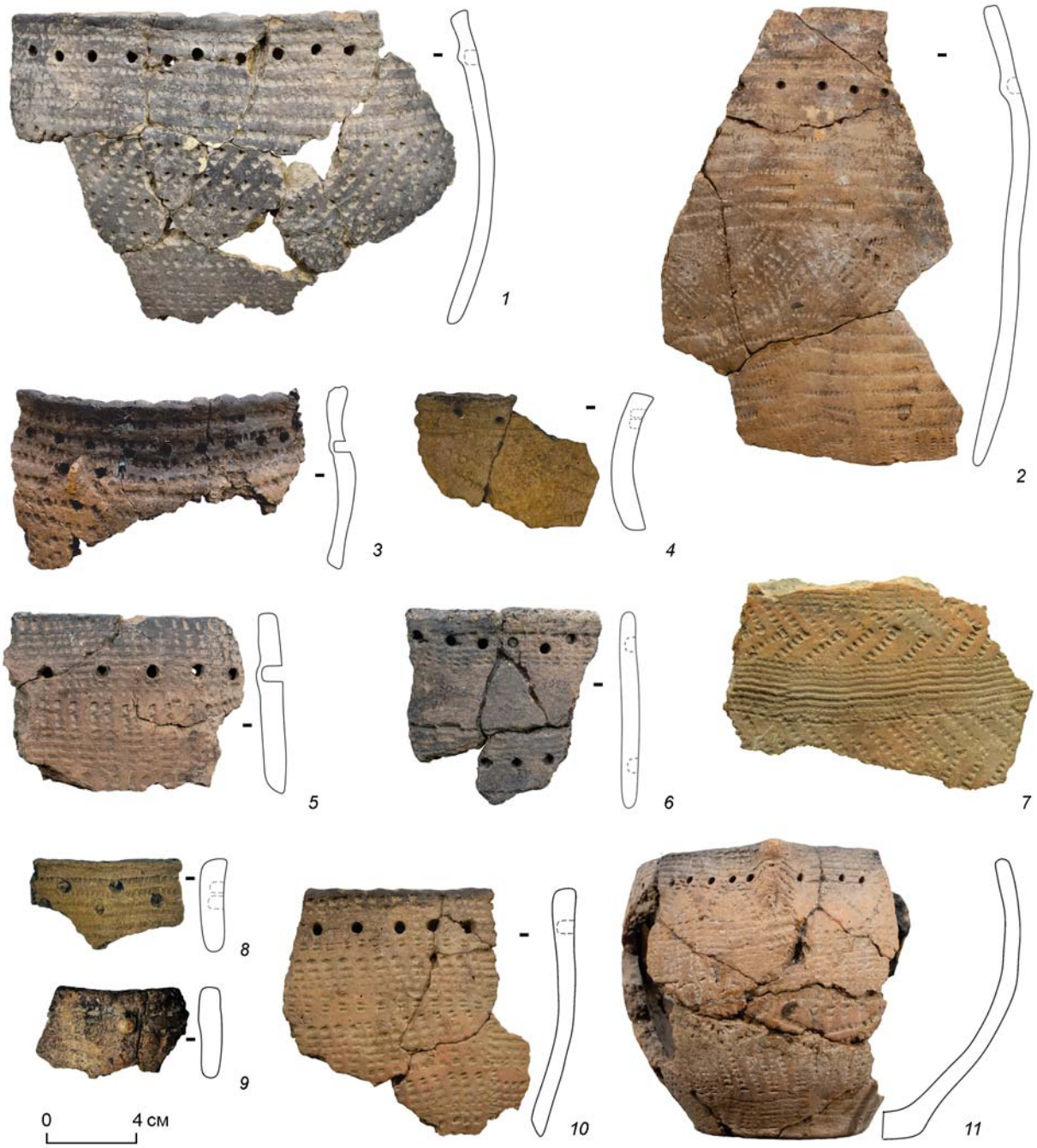

Рис. 2. Фрагменты керамики с поселения Тух-Эмтор IV.
1–3, *5–7*, *9–11* – керамика ранней бронзы; *4*, *8* – керамика развитой бронзы.

оттисков гребенчатого штампа (рис. 2, *1*). Орнамент, как правило, покрывает всю поверхность сосуда. Однако встречаются сосуды, на тулове которых выделяются и зоны без орнамента. Такие мотивы состоят из горизонтального ряда «шагающей» гребенки в сочетании с горизонтальным рядом круглых ямок и чередуется с локальными участками без орнамента (рис. 2, *6*). Отметим, что наиболее распространенным способом нанесения орнамента в комплексах ранней бронзы является «шагание» с прокатыванием или протаскиванием рабочего края инструмента.

В керамическом комплексе ранней бронзы выделяются сосуды с антропоморфными изображениями, многоугольными донцами и волнистыми венчиками (рис. 2, *3*, *9*, *11*). Антропоморфные фигуры расположены под венчиком и орнаментированы оттисками гребенчатого штампа с мелкими зубцами. На поселении Тух-Эмтор IV обнаружен сосуд, орнаментированный горизонтальными рядами шагающей, отступающей и печатной гребенки, образующей горизонтальные ряды и зигзаги. Антропоморфные изображения выполнялись с помощью налепов из глины. В одном случае с помощью налепа оформлена фигура человека, включая голову и туловище (рис. 2, *11*), в остальных случаях налепами выполнялись лишь отдельные части, например нос, а глаза и рот обозначены круглыми ямками (рис. 2, *3*, *9*).

Керамические комплексы развитой бронзы представлены сосудами приближающейся к горшковидной формы со слабой профилировкой (рис. 2, *4*, *8*) [Там же, с. 78]. Венчик орнаментирован наклонными оттисками гребенчатого штампа, которые в некоторых случаях образовывали зигзаг. Под венчиком сосуд украшался горизонтальными рядами «шагающей» гребенки; наклонными оттисками гребенчатого штампа, образующими зигзаг или сгруппированными по три; ямочными вдавлениями, которые также образовывали зигзаг.

Для технико-технологического анализа представлено 35 образцов: из них эпохи развитой бронзы – 8, ранней бронзы – 27 (из них 4 экз. с антропоморфными изображениями). Исследованные фрагменты различаются по цвету. В комплексе ранней бронзы встречаются фрагменты различных оттенков бежевого, коричневого и серого цвета. В изломе керамика периода ранней бронзы имеет однотонные бежевые, черные, светло- и темно-коричневые оттенки. Также встречаются двухцветные: от светло коричневых или бежевых к темно-серым, черным оттенкам. Керамика периода развитой бронзы имеет светло-коричневые и серые оттенки. В изломе преобладают одноцветные черные, рыжевато-коричневые оттенки, изредка фиксируются двухцветные: рыжевато-коричневые с прослойкой темно-серого цвета, трехцветные: от бежевого переходящие в серый, а затем в черный. На некоторых сосудах ранней и развитой бронзы присутствует нагар.

Керамика ранней бронзы

В результате исследований установлено, что в эпоху ранней бронзы для изготовления глиняной посуды гончары поселения Тух-Эмтор IV использовали среднеожелезненные глины, которые незначительно различаются по цвету. Один сосуд изготовлен из слабоожелезненной глины. Преобладают пластичные глины (67 %), запесоченные мельчайшим пылевидным песком составляют 26 % и слабозапесоченные (кварцевые частицы размерами от 0,1 до 0,5 мм) – 7 %. Бурый железняк встречается в 52 % образцов. Выделяются 2 сосуда, в которых сравнительно много таких частиц (рис. 3, *4*). В нескольких случаях в сырье обнаружены отпечатки растений, единичные мелкие обломки косточек рыб, в одном случае – створки улитки.

Зафиксировано 2 рецепта: глина + шамот (96 %) и глина + шамот + органический раствор (4 %). Концентрация шамота от 1 : 4 до 1 : 5. Размер частиц шамота достигает 2–3 мм, но встречаются и более крупные до 4–5 мм. Шамот бывает от разных сосудов, обычно выделяется по ожелезненности от глины, в которую он добавлен (рис. 3, *2*, *5*). Нередко сосуды, использованные на шамот, были из более слабоожелезненного сырья, содержали частицы пылевидного песка (рис. 3, *1*, *2*, *3*).

Сравнительный анализ четырех образцов с антропоморфными изображениями показал, что среди них выделяется один сосуд (см. рис. 2, *9*). Он изготовлен из запесоченного сырья, в котором нет частиц бурого железняка.

Подводя итог, отметим, что выявлены 2 традиции в использовании исходного сырья (пластичных и запесоченных глин). Большинство составляют среднеожелезненные пластичные глины. В целом использованы разные залежи сырья. По исходному сырью выделяются 3 сосуда: один из слабоожелезненного сырья, два других – с большим количеством частиц бурого железняка.

Керамика развитой бронзы

Все восемь сосудов изготовлены из среднеожелезненых глин. Пластичное и запесоченное мельчайшим пылевидным песком сырье составляет по 50 %. Бурый железняк выявлен в большинстве образцов (87,5 %). Зафиксировано два рецепта: глина + + шамот (87,5 %) и глина + шамот + органический раствор (12,5 %). Размер частиц шамота 1–3 мм, реже 4–5 мм. Концентрация от 1 : 4 до 1 : 5. На шамот иногда использовались сосуды из слабоожелезненной глины. В целом выделяются 2 традиции в выборе исходного сырья (пластичное и запесоченное), по составу формовочной массы выделяется один сосуд, который изготовлен с добавлением органического раствора.

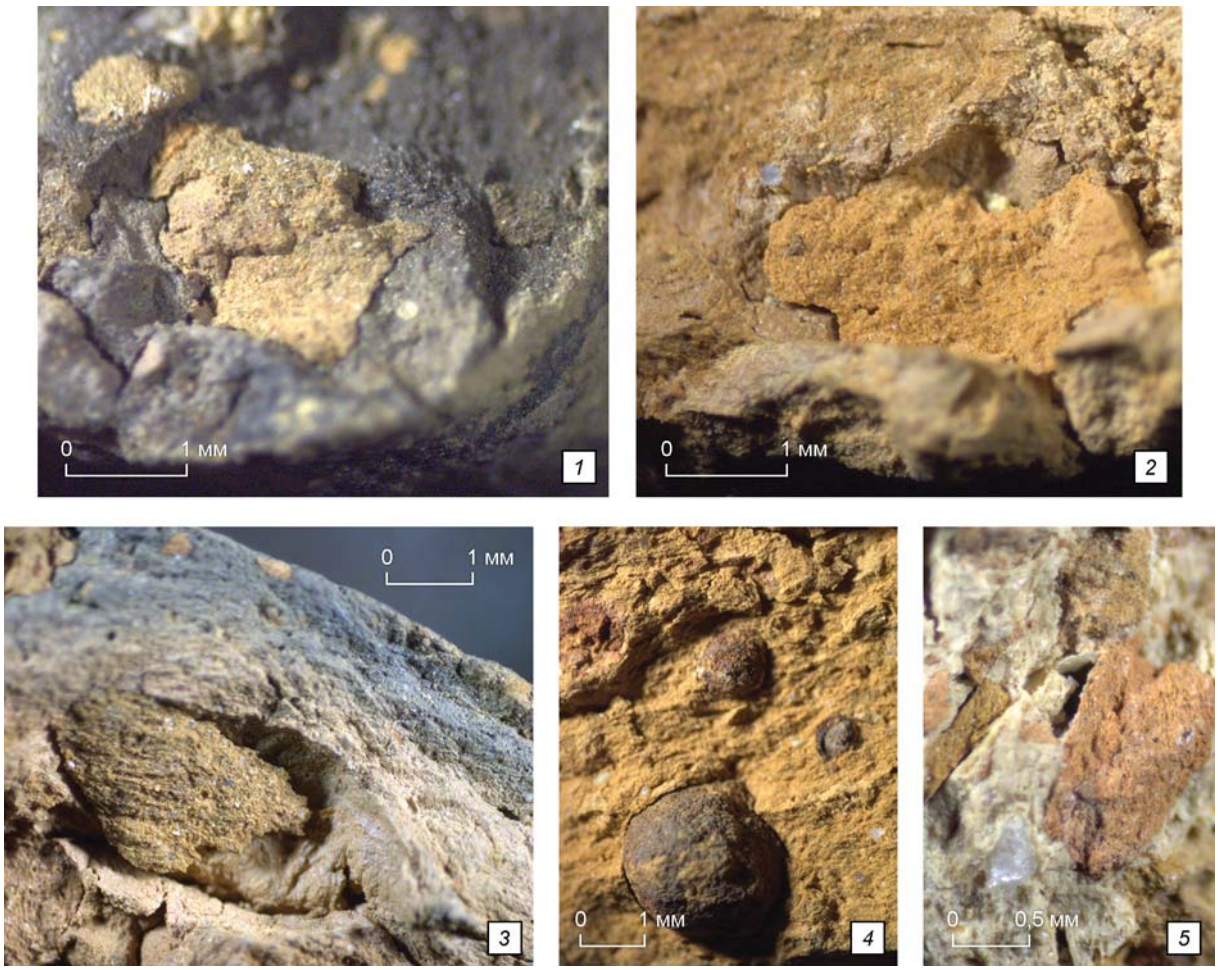

Рис. 3. Микрофотографии образцов.

1–3 – с шамотом и мелким пылевидным песком; *4* – с бурым железняком и шамотом; *5* – с ожелезненным шамотом в слабоожелезненной глине.

Обсуждение результатов

Сравнивая между собой результаты технико-технологического анализа керамики ранней и развитой бронзы, отметим, что для обеих групп характерны аналогичные традиции, как в выборе исходного сырья, так и составлении формовочных масс: использование среднеожелезненных пластичных или с включением мельчайших частиц песка (запесоченных) глин, добавление шамота. Четыре сосуда, которые выделяются по исходному сырью или составу формовочных масс, по орнаменту не отличаются от основной коллекции. Исходное сырье для сосудов с большим количеством частиц бурого железняка получено из источников, которые местное население не использовало. Традиция добавления органического раствора, в который, вероятнее всего, входила охра, не местная и пока не зафиксирована в других комплексах керамики.

Керамические комплексы ранней и развитой бронзы с поселения Тух-Эмтор IV имеют много общих черт. На керамике развитой бронзы сохраняются не только элементы и мотивы орнамента предшествующего периода (горизонтальные и наклонные ряды гребенки, ямочных вдавлений и т.д.), но и способы его нанесения. Однако в комплексе периода развитой бронзы дальнейшее развитие получает геометризм, который отражается в увеличении количества мотивов зигзага. По мнению Ю.Ф. Кирюшина, изменения, связанные с формой сосудов и увеличением геометрических мотивов, могут отражать андроновское влияние.

Одной из особенностей керамики ранней бронзы является наличие сосудов с антропозооморфными изображениями. По мнению Ю.Ф. Кирюшина, такие сосуды носили ритуальный характер и, возможно, были связаны с культом огня, о чем свидетельствует плотный слой нагара на некоторых сосудах [Там же, с. 62]. Подобные изобразительные элементы, найденные на сосудах с поселения Тух-Эмтор IV и Тух-Сигат IV, могут быть связаны с изобразительной традицией самусьской культуры. Исследователи также отмечали сходство в технике орнаментации, элементах и мотивах орнамента. В пользу взаимодействия населения степановской и самусьской культуры свидетельствуют также материалы с поселения Самусь IV [Васильев, 2007, с. 119–120; Есин, 2009, с. 9–10, 144].

Заключение

Изначально керамический комплекс эпохи ранней бронзы с поселения Тух-Эмтор IV был отнесен к степановскому этапу еловской культуры и датирован первой четвертью – серединой II тыс. до н.э. [Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 159]. Однако после исследований энеолитических комплексов региона Ю.Ф. Кирюшин выделил эти материалы в степановскую археологическую культуру, которая сформировалась в результате взаимодействия местного энеолитического и пришлого населения из западных районов Западной Сибири. Рассмотренный керамический комплекс ранней бронзы относится к степановской культуре и датируется в настоящее время XVIII–XVII–XV вв. до н.э. [Кирюшин, 2004, с. 76].

В период развитой бронзы, по мнению Ю.Ф. Кирюшина, население Васюганья испытывало сильное андроновское или андроноидное влияние, что привело к формированию еловской культуры. Точку зрения о том, что материалы Васюганья периода развитой бронзы могут отражать начальный этап формирования еловской культуры в Томско-Нарымском Приобье, поддержали и другие исследователи [Васильев, 1978; Посредников, 1972]. Факт, что контактной зоной этих групп населения могло выступать Томское Приобье, находит отражение в материалах поселения Самусь IV, Еловском курганном могильнике II и других памятниках Притомья [Матющенко, 1973; Кирюшин 2004, с. 82]. Рассмотренный керамический комплекс развитой бронзы с поселения Тух-Эмтор IV относится к раннееловскому времени и датируется XIV–XIII вв. до н.э. [Кирюшин, 2004, с. 83].

Подводя итог, отметим, что полученные в результате проведенных исследований данные демонстрируют устойчивость культурных традиций ранней и развитой бронзы с поселения Тух-Эмтор IV не только в выборе сырья и состава формовочных масс, но и по способам нанесения, элементам и мотивам орнамента. Это подтверждает точку зрения, высказанную ранее Ю.Ф. Кирюшиным, о сложности разграничений комплексов ранней и развитой бронзы из-за длительного и постепенного взаимодействия местного и пришлого населения, не приводивших к резкой смене традиций [Там же]. Дальнейшее исследование комплексов эпохи ранней и развитой бронзы Томско-Нарымского Приобья представляется перспективным.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.

Васильев Е.А. Гребенчато-ямочная керамика Среднего Приобья // Этнокультурная история населения Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – С. 3–13.

Васильев Е.А. Самусь IV. Старые проблемы на фоне новых исследований // Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – С. 114–127.

Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. – 526 с. – (Тр. музея археологии и этнографии Сибири; т. II).

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 295 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. – 171 с.

Матющенко В.И. Древняя история лесного и лесостепного Приобья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1974. – Ч. IV: Еловско-ирменская культура. – 94 с. – (Из истории Сибири; вып. 12).

Посредников В.А. Культурно-генетическое место комплексов Самусь IV и некоторых других памятников Приобья // СА. – 1972. – № 4. – С. 28–41.

Степанова Н.Ф., Кирюшин Ю.Ф., Богайчук Е.А. Керамика ранней и развитой бронзы с поселения Тух-Эмтор IV (Васюганье)» // Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий: краткие мат-лы XIX Междунар. Западносиб. археол.-этногр. конф. (2024 г., Томск). – URL: https://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Stepanova%2C%20Kiryuchin%2C%20Bogaichuk_2024_0.pdf

Степанова Н.Ф., Плетнева Л.М., Рыбаков Д.Ю. Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского Приобья // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2021. – № 69. – С. 55–61. – doi:10.17223/19988613/69/7

Степанова Н.Ф., Рыбаков Д.Ю. Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского и Нарымского Приобья // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 607–613. – doi:10.17746/2658-6193.2019.25.607-613

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: Изд-во ИА РАН, 2012. – 384 с.

References

Bobrinsky A.A. Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study. Moscow: Nauka, 1978. 272 p. (In Russ.).

Bobrinsky A.A. Pottery Technology as an Object of Historical and Cultural Studies. In: Current Problems of the Study of Ancient Pottery. Samara: Samara State Univ. Press, 1999. P. 5–109. (In Russ.).

Esin Y.N. Drevnee iskusstvo Sibiri: samus'skaya kul'tura. Trudy muzeya arkheologii i etnografii Sibiri. Vol. II. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2009. 526 p. (In Russ.).

Kiryushin Y.F. Eneolit i bronzovyi vek yuzhno-taezhnoi zony Zapadnoi Sibiri. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2004. 295 p. (In Russ.).

Kiryushin Y.F., Maloletko A.M. Bronzovyi vek Vasyugan'ya. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1979. 171 p. (In Russ.).

Matyushchenko V.I. Drevnyaya istoriya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya. Chast' IV. Elovsko-irmenskaya kul'tura. Iz istorii Sibiri. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1974. Iss. 12. 94 p. (In Russ.).

Posrednikov V.A. Kul'turno-geneticheskoe mesto kompleksov Samus' IV i nekotorykh drugikh pamyatnikov Priob'ya. In *Sovetskaya Arkheologiya*, 1972. No. 4. P. 28–41. (In Russ.).

Stepanova N.F., Kiryushin Y.F., Bogaichuk E.A. Keramika rannei i razvitoi bronzy s poseleniya Tukh-Emtor IV (Vasyugan'e). In Kratkie materialy XIX Mezhdunarodnoi Zapadnosibirskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii: «Istoricheskii opyt etnokul'turnogo osvoeniya prostranstv Severnoi Evrazii i sopredel'nykh territorii» (2024, Tomsk). (In Russ.). URL: https://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Stepanova%2C%20Kiryuchin%2C%20Bogaichuk_2024_0.pdf

Stepanova N.F., Pletneva L.M., Rybakov D.Y. Features of Initial Raw Materials and Pottery Paste of Ancient Ceramics from the Tomsk Ob Region. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. Bulletin of Tomsk State Univ. History. 2021. No. 69. P. 55–61. (In Russ.). doi:10.17223/19988613/69/7

Stepanova N.F., Rybakov D.Y. Features of Raw Materials and Pottery Paste of Ancient Ceramics from the Tomsk and Narym Ob Raegion. In: *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 607–613. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.607-613

Tsetlin Y.B. Ancient Ceramics. Theory and Methods of Historical-and-Cultural Approach. Moscow: IA RAS Publ., 2012. 384 p. (In Russ.).

Vasilev E.A. Grebenchato-yamochnaya keramika Srednego Priob'ya. In *Etnokul'turnaya istoriya naseleniya Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1978. P. 3–12. (In Russ.).

Vasilev E.A. Samus' IV. Starye problemy na fone novykh issledovanii. In *Arkheologicheskie materialy i issledovaniya Severnoi Azii Drevnosti i Srednevekov'ya*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2007. P. 114–127. (In Russ.).

Степанова Н.Ф. https://orcid.org/0000-0003-4017-5641
Кирюшин Ю.Ф. https://orcid.org/0000-0002-0757-0909
Богайчук Е.А. https://orcid.org/0000-0003-4903-9371

Дата сдачи рукописи: 10.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0767-0771
УДК 930

А.В. Табарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: olmec@yandex.ru

История тихоокеанской археологии: опыт географического зонирования

В статье рассматриваются исследовательские подходы (хронологический, проблемно-тематический, национальный, географический) к анализу, структурированию и обобщению данных по истории тихоокеанской археологии. Данные подходы не отличаются принципиально, они взаимосвязаны в процессе исследований, но представляют разные ракурсы. Постулируется, что история археологии в целом и история тихоокеанской археологии в частности являются элементами «коллективной научной памяти», отдельными направлениями в рамках истории науки и могут эффективно разрабатываться исключительно представителями археологической науки. Особое внимание уделяется возможностям географического подхода, предполагающего подразделение (зонирование) территории тихоокеанского бассейна на 10 зон с условными границами, отражающих сложившуюся историографическую традицию, сохраняющих возможность внутреннего деления, а также учитывающих перспективу дальнейших исследований. Кроме того, для каждой из обозначенных зон определяется уровень изученности (компетентности), наличия/отсутствия в отечественной литературе достаточного количества публикаций, посвященных истории их археологических исследований. В итоге указывается, что в отечественной литературе по истории тихоокеанской археологии, с одной стороны, наработан очевидный нарратив (Северная Пасифика, Дальний Восток, Юго-Восточная Азия, Мезоамерика, Южная Америка), а с другой, налицо много «белых пятен» по обширным территориям Пасифики (Океания, Австралия и Новая Зеландия, Северо-Западное побережье, Калифорния, Центральная Америка). У специалистов есть лишь общее представление о хронологии событий и о материалах, но не об истории и обстоятельствах их обнаружения, персоналиях, научных учреждениях и особенностях организации исследований. В качестве путей решения данной проблемы предлагаются такие опции, как тематические проекты, аналитические обзоры, диссертационные исследования и студенческая специализация.

Ключевые слова: *тихоокеанский бассейн, история исследований, география, тропическая археология.*

A.V. Tabarev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: olmec@yandex.ru

The History of Pacific Archaeology: A Case of Geographic Zoning

The article focusses on various research approaches to the analysis, structuring, and generalization of data on the history of Pacific archaeology, including chronological, problem-thematic, national, and geographical approaches. These approaches are not fundamentally different, but rather interconnected in the research process and represent different perspectives on the subject. It is argued that the history of archaeology, in general, and the history of Pacific archaeology, specifically, are elements of "collective scientific memory" and can be effectively studied by archaeologists alone. Special attention is given to the potential of the geographical approach, which involves dividing the Pacific basin into ten zones with conventional boundaries based on established historical tradition. This division allows for internal subdivisions and flexibility, and considering future research possibilities. In addition, the level of knowledge (competence) and the availability and lack of a sufficient number of publications in Russian media dealing with the history of archaeological research in that area is determined for each designated zone. As a result, it has been indicated that, on the one hand, a clear narrative on the history of Pacific archaeology has been developed in Russian literature (North Pacific, Far East, Southeast Asia, Mesoamerica, and South America). On the other hand, there are many "white spots" on the vast territories of the Pacific (Oceania, Australia and New Zealand, Northwest Coast, and California), where scholars have only a general understanding of the chronology of events and materials, but not of the history or circumstances of their discoveries, the personalities involved, scientific institutions, and the features of organization of research. Options such as thematic projects, analytical reviews, dissertation research, and student specialization can be used to address this issue.

Keywords: *Pacific basin, history of researches, geography, tropical archaeology.*

История тихоокеанской археологии, являясь частью истории археологии в целом, находится в исследовательском поле истории науки и, согласно ее основным принципам, призвана рассматривать динамику научных процессов, зарождение и развитие ее различных направлений, особенности сбора эмпирических данных, этапы их анализа и оформления в виде гипотез и концепций.

Не вдаваясь в детали историко-философского дискурса о том, что такое история науки вообще, отметим лишь два принципиально важных, на наш взгляд, момента, касающихся истории археологии – во-первых, она должна реализовываться как отдельное направление, которое призвано давать картину определенного хронологического среза в развитии археологии и быть элементом «коллективной научной памяти» [Табарев, Табарева, 2024], а во-вторых, она должна отслеживаться, осмысляться и излагаться именно археологами, делающими это на основе как корпоративного, так и личного опыта.

Обращение к «истории тихоокеанской археологии» или, как именуют в ряде современных публикаций, «биографии тихоокеанской археологии» [Spriggs, 2017], возможно в рамках нескольких подходов, которые не отличаются принципиально, взаимосвязаны, но представляют разные ракурсы.

Прежде всего подход хронологический – последовательное изложение событий, исследований, открытий и форм презентации результатов. Совершенно очевидно, что эти процессы в различных частях тихоокеанского бассейна имели и имеют разновременный характер, разную динамику и разные акценты [Richards, Howes, Govor, 2019].

Другой подход – национальный – можно определить как обобщение истории и специфики исследований, проводимых отдельными странами, научными школами и их яркими представителями. Эта активность в значительной степени определялась и определяется политическим фоном, колониальным разделом и постколониальным переделом территорий в тихоокеанском регионе, а также особенностями организации археологической науки в разных странах. Об этом свидетельствует, напр., опыт французской [Towards..., 2021] или японской [Miyamoto, 2017] школ.

Широкое распространение получил и проблемно-тематический подход – рассмотрение истории разработки крупных проблем, имеющих региональное значение – таких, как первоначальное освоение тихоокеанского бассейна различными представителями рода *Homo*, модели адаптации палеолитических охотников-собирателей-рыболовов к особенностям прибрежных и островных экологических ниш, время и маршруты заселения Австралийского и Американского континентов, распространение производящего хозяйства, металлургии, миграции, океанские контакты, специфика «тропической археологии» и т.д. Понятно, что в зависимости от территории, степени изученности и сохранности материалов эти проблемы для археологических сообществ разных стран имеют разное значение, но, с другой стороны, именно проблемно-тематический подход предопределил развитие форм научного диалога – международные археологические сообщества, симпозиумы, конференции, конгрессы, партнерство, полевые школы, специализированные журналы и издания и т.д. [Попов, Табарев, 2020; Howes, Spriggs, 2019].

В центре внимания настоящей работы – возможности и особенности подхода, который основан на географическом подразделении территории Пасифики – как происходило изучение археологического наследия в рамках определенной территории/зоны, от начального этапа до современного.

Отметим прежде всего, что общепринятого варианта такого подразделения в географических справочниках нет – чаще всего тихоокеанский бассейн делят по экватору на северную и южную части, выделяя в отдельных случаях тропический пояс, или на западную и восточную.

С нашей точки зрения, в контексте истории тихоокеанской археологии географическое подразделение (зонирование) должно отражать сложившуюся традицию и определенную вариативность, а также учитывать перспективу. Кроме того, важна не только логика выделения зон (в нашем случае их 10), но и наличие/отсутствие в отечественной литературе публикаций, посвященных истории их археологических исследований.

1. Северная Пасифика (Тихоокеанский Север) – прибрежные и островные территории крайнего Северо-Востока России, Аляска и часть Канады. В публикациях отечественных специалистов история археологических исследований, как в российской части, так и в североамериканской, освещена подробно, в самых разных форматах и жанрах, однако по ряду районов и эпизодов она эскизна – например, по зарубежным экспедициям на Аляске и Алеутских островах в конце XIX – начале XX в.

2. Дальний Восток – российская территория, а также Японский архипелаг, Корейский п-ов, прибрежная часть Китая и о. Тайвань. Для этой зоны, как и для предшествующей, история археологического исследования представлена достаточно детально – в соответствующих разделах диссертационных работ, в монографиях, в статьях и в тезисах докладов, особенно по российской территории, в меньшей степени – по зарубежным странам.

3. Юго-Восточная Азия – с подразделением на континентальную (Индокитай) и островную части. В отечественной литературе есть публикации по персоналиям, истории открытия и изучения отдельных категорий памятников (палеолитических местонахождений, неолитических стоянок, мегалитических комплексов), достаточно подробно рассмотрен вклад

советских и российских археологов [Табарев и др., 2019, 2022].

4. Океания – с традиционным выделением трех частей: Микронезии, Меланезии и Полинезии или, в другом варианте – Дальней и Ближней Океании. Здесь преобладают переводные работы, публикаций по истории археологических исследований на этих территориях, выполненных российскими авторами, практически нет, за исключением научно-популярных статей и книг, изданных еще в 1960–80-х гг.

5. Австралия и Новая Зеландия – русскоязычных работ по истории археологического изучения этих обширных территорий мало, они отражают лишь отдельные эпизоды и проблемы. Примером комплексного и глубокого подхода к раскрытию этой темы может служить проект «Establishing the History of Pacific Archaeology», реализованный в 2015–2020 гг. командой археологов Австралийского национального университета (г. Канберра) под руководством М. Сприггса* [Spriggs, 2023].

Для североамериканского континента можно выделить три зоны, побережья двух из которых в значительной степени совпадают с традиционными культурными ареалами

6. Северо-Западное побережье – территории Канады, а также штатов Вашингтон и Орегон. Очевидное «белое пятно» в отечественной литературе, ранние этапы, а также исследования последних 25–30 лет археологического поиска практически не отражены.

7. Калифорния – штат Калифорния и части п-ова Нижняя Калифорния (Baja California) и побережий залива, принадлежащие Мексике. Есть отдельные статьи, посвященные персоналиям или важным памятникам (напр.: [Баглай, 2021]), но нет ни одной обзорной или специальной работы, посвященной истории археологии.

8. Мезоамерика – прибрежные районы Мексики и Гватемалы, для которых возможно более дробное деление, используемое мезоамериканистами. В российской литературе есть серия статей и даже монографии с обширными очерками по истории исследований [Баглай, 2020; Гуляев, 2010], хотя по ряду районов побережья события никак не отражены.

9. Центральная Америка – история археологического изучения стран тихоокеанского побережья этой территории (Сальвадор, Никарагуа, Коста-Рика и Панама) в отечественной литературе фактически представлена лишь несколькими страницами в обзорной книге уже упоминавшегося выше В.И. Гуляева конца прошлого века [Гуляев, 1992, с. 17–20], нет систематического изложения исследований последних 30 лет.

10. Южная Америка – обширная прибрежная зона, от Панамского перешейка до Огненной Земли с возможным подразделением на колумбийско-эквадорскую часть, перуанское побережье и побережье Чили. Библиография работ российских специалистов, в которых освещаются этапы археологического изучения этой зоны, представлена монографиями, учебными пособиями и статьями, включая оценку вклада отечественных ученых (см., напр.: [Ковалева, Соколовский, 2023; Соколовский, Ковалева, 2023; Попов, Табарев, 2023; Табарев, 2006]).

Таким образом, географическое зонирование (географический подход) предполагает подразделение территории тихоокеанского бассейна на ряд зон, у которых нет жестких границ (есть эффект наложения, внутреннего подразделения и пр.), но тем не менее есть историографическая традиция и определенные закономерности в истории изучения археологического наследия.

Такой подход представляется достаточно эффективным инструментом, который позволяет наглядно продемонстрировать разницу в степени изученности, в интенсивности исследований, в организации и логистике науки в выделенных зонах, а кроме того, и уровень компетентности отечественной археологии. Она проявляется в первую очередь в наличии работ (статей, монографий, диссертаций), в которых рассматривается история археологических исследований – в нашем случае, история тихоокеанской археологии. Кроме того, определенные компетенции возникают у отдельных специалистов в результате визитов в страны региона, участия в конференциях, знакомства с коллекциями и диалога с зарубежными коллегами. К сожалению, этот опыт далеко не всегда реализуется в форме научных публикаций.

Следует признать, что в отечественной литературе по истории тихоокеанской археологии много «белых пятен», по обширным территориям Пасифики у специалистов есть лишь общее представление о хронологии событий и о материалах, но не об истории и обстоятельствах их обнаружения, персоналиях, научных учреждениях и особенностях организации исследований.

Решение этой проблемы и повышение уровня компетенций связано с целенаправленными исследованиями истории тихоокеанской археологии в формате специальных проектов, аналитических обзоров, диссертаций, а также студенческих дипломных работ**.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 24-28-00003 «История тихоокеанской археологии».

* Сайт проекта: https://cbaphiddenhistory.wordpress.com/about/

** Например, опыт дипломных работ, подготовленных за последние 10 лет студентами, специализирующимися по зарубежной археологии в Гуманитарном институте НГУ, в которых присутствуют детальные сюжеты по истории исследований в тихоокеанском бассейне – в Юго-Восточной Азии, Северной Америке, Мезоамерике, Южной Америке и Океании.

Список литературы

Баглай М.Е. Традиционные общества Древней Западной Мексики: история, археология, этнография тарасков. – СПб.: Планета Музыки, 2020. – 616 с.

Баглай М.Е. Доиспанская история мексиканской Калифорнии. Путь в Месоамерику, который так и не был пройден // Латинская Америка. – 2021. – Вып. 7. – С. 69–82.

Гуляев В.И. Археология Центральной Америки. – М.: Наука, 1992. – 168 с.

Гуляев В.И. История мезоамериканской археологии. – М.: Изд-во ИА РАН, 2010. – 319 с.

Ковалева Н.Н., Соколовский В.А. Actio in distans: южноамериканские исследования в отечественной археологии. Часть II // Россия в глобальном мире. – 2023. – Т. 26, вып. 4. – С. 157–177.

Попов А.Н., Табарев А.В. Хроники «Тихоокеанской археологии» // Camera praehistorica. – 2020. – № 2. – С. 156–157.

Попов А.Н., Табарев А.В. Основные итоги и дальнейшие перспективы исследований российской археологической экспедиции в Южной Америке // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2023. – Т. 51, № 4. – С. 55–64.

Соколовский В.А., Ковалева Н.Н. Actio in distans: южноамериканские исследования в отечественной археологии. Часть I. // Россия в глобальном мире. – 2023. – Т. 26, вып. 1. – С. 96–117.

Табарев А.В. Введение в археологию Южной Америки. Анды и тихоокеанское побережье: уч. пос. – Новосибирск: Сибирская научная книга, 2006. – 244 с.

Табарев А.В., Гаврилина Т.А., Патрушева А.Е., Серовец Г.В. Пионеры тихоокеанской археологии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2019. – № 2. – С. 21–31.

Табарев А.В., Мальцева А.И., Портнова А.А., Федорова А.А. Археология Юго-Восточной Азии в трудах российских исследователей: проблематика, проекты, перспективы // Россия в глобальном мире. – 2022. – Т. 25. – С. 171–185.

Табарев А.В., Табарева Ю.В. Проект «История тихоокеанской археологии»: проблематика, подходы, источники // Тихоокеанская археология: тихоокеанские исследования в российской и зарубежной археологии: история, современность, перспективы развития: (Посвящается 300-летию Российской академии наук). 7-й Междунар. археол. симп., Владивосток, 6–9 мая 2024 г.: сб. мат-лов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2024. – С. 220–225.

Miyamoto K. The Beginnings of Modern Archaeology in Japan and Japanese Archaeology before World War II // Japanese J. of Archaeology. – 2017. – N 4. – P. 157–164.

Howes H., Spriggs M. Writing the History of Archaeology in the Pacific: Voices and Perspectives // The J. of Pacific History. – 2019. – Vol. 54. – N 3. – P. 295–306.

Richards M., Howes H., Govor E. Origins of Archaeology in the Pacific: The Emergence and Application of Archaeological Field Techniques // The J. of Pacific History. – 2019. – Vol. 54. – N 3. – P. 307–329.

Spriggs M. The Hidden History of a Third of the World: the Collective Biography of Australian and International Archaeology in the Pacific (CBAP) Project // Bulletin of the History of Archaeology. – 2017. – Vol. 27, N 1. – P. 1–11.

Spriggs M. The Collective Biography of Archaeology in the Pacific: Seven Years of the CBAP Project // Bulletin of the History of Archaeology. – 2023. – Vol. 33, N 5. – P. 1–19.

Towards a History of Pacific Prehistory: Historiographical approaches to francophone archaeology in Oceania / eds. E. Dotte, A. Di Piazza, F. Valentin, M. Spriggs. – Publications de la Maison des Sciences de l'Homme du Pacifique, France, 2021. – 336 p.

References

Baglaj M.E. The pre-Hispanic history of Mexican California. The road to Mesoamerica that was never completed. *Latinskaja Amerika,* 2021. Iss. 7. P. 69–82. (In Russ.). doi:10.31857/S0044748X0015307-6

Baglaj M.E. Tradicionnye obshhestva Drevnej Zapadnoj Meksiki: istorija, arheologija, jetnografija taraskov. St. Petersburg: Planeta Muzyki, 2020. 616 p. (In Russ.).

Dotte E., Di Piazza A., Valentin F., Spriggs M. Towards a History of Pacific Prehistory: Historiographical approaches to francophone archaeology in Oceania. Publications de la Maison des Sciences de l'Homme du Pacifique, France, 2021. 336 p.

Guljaev V.I. Arheologija Central'noj Ameriki. Moscow: Nauka, 1992. 168 p. (In Russ.).

Guljaev V.I. Istorija mezoamerikanskoj arheologii. Moscow: IA RAS Publ., 2010. 319 p. (In Russ.).

Howes H., Spriggs M. Writing the History of Archaeology in the Pacific: Voices and Perspectives. *The J. of Pacific History,* 2019. Vol. 54. No. 3. P. 295–306. doi:10.1080/00223344.2019.1617682

Kovaleva N.N., Sokolovsky V.A. Actio in Distans: South American Studies in Russian Archaeology. Part II. *Russia in the Global World,* 2023. Vol. 26. Iss. 4. P. 157–177. (In Russ.). doi:10.48612/rg/RGW.26.4.10

Miyamoto K. The Beginnings of Modern Archaeology in Japan and Japanese Archaeology before World War II. *Japanese J. of Archaeology,* 2017. No. 4. P. 157–164.

Popov A.N., Tabarev A.V. Cronicals of "Pacific Archaeology". *Camera praehistorica,* 2020. No. 2. P. 156–157. (In Russ.). doi:10.31250/2658-3828-2020-2-156-157

Popov A.N., Tabarev A.V. The Russian Archaeological Project in South America: Principal Findings and Prospects. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2023. Vol. 51. No. 4. P. 55–64. doi:10.17746/1563-0110.2023.51.4

Richards M., Howes H., Govor E. Origins of Archaeology in the Pacific: The Emergence and Application of Archaeological Field Techniques. *The J. of Pacific History,* 2019. Vol. 54. No. 3. P. 307–329. doi:10.1080/00223344.2019.1585232

Sokolovsky V.A., Kovaleva N.N. Actio in Distans: South American Studies in Russian Archaeology. Part I. *Russia in*

the Global World, 2023. Vol. 26. Iss. 1. P. 96–117. (In Russ.). doi:10.48612/RG/RGW.26.8

Spriggs M. The Hidden History of a Third of the World: the Collective Biography of Australian and International Archaeology in the Pacific (CBAP) Project. *Bulletin of the History of Archaeology,* 2017. Vol. 27. No. 1. P. 1–11. doi:10.5334/bha-583

Spriggs M. The Collective Biography of Archaeology in the Pacific: Seven Years of the CBAP Project. *Bulletin of the History of Archaeology,* 2023. Vol. 33. No. 5. P. 1–19. doi:10.5334/bha-673

Tabarev A.V. Vvedenie v arheologiju Juzhnoj Ameriki. Andy i tihookeanskoe poberezh'e. Uchebnoe posobie. Novosibirsk: Sibirskaja nauchnaja kniga, 2006. 244 p.

Tabarev A.V., Gavrilina T.A., Patrusheva A.E., Serovets G.V. Pioneers of Pacific archaeology. *Humanities Research in the Russian Far East,* 2019. No. 1. P. 21–31. (In Russ.). doi:10.24866/1997-2857/2019-2/21-31

Tabarev A.V., Maltseva A.I., Portnova A.A., Fedorova A.A. Archaeology of Southeast Asia in the works of Russian researches: Problems, projects and perspectives. *Russia in the Global World,* 2022. Vol. 25. P. 171–185. (In Russ.). doi:10.48612/rg/RGW.25.11.

Tabarev A.V., Tabareva Y.V. Proekt "Istorija tihookeanskoj arheologii": problematika, podhody, istochniki. *Tihookeanskaja arheologija: tihookeanskie issledovanija v rossijskoj i zarubezhnoj arheologii: istorija, sovremennost', perspektivy razvitija.* 7-j Mezhdunarodnyj arheologicheskij simpozium, Vladivostok, 6–9 maja 2024 g.: sbornik materialov. Vladivostok: Far Eastern Federal Univ. Press, 2024. P. 220–225. (In Russ.).

Табарев А.В. https://orcid.org/0000-0002-6249-8057

Дата сдачи рукописи: 05.07.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0772-0777
УДК 902.2

С.Ф. Татауров[1], Ф.С. Татауров[2]✉

[1]Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН
Омск, Россия
[2]БУК Музей-заповедник «Старина Сибирская»
Омск, Россия
E-mail:fil_opossum@mail.ru

Археологические исследования Тарского острога в 2024 году

Археологические исследования в 2024 г. были проведены в северной части Тарского острога, близ северного угла острожной стены. Раскопана площадка вдоль края коренного берега Иртыша площадью 80 м². В результате исследований обнаружена постройка начала XVII в. и две одновременные ей хозяйственные ямы. В заполнении объектов обнаружены элементы костюмного комплекса (ткани, обувь, украшения, нательные кресты), нумизматическая коллекция (15 ед.), предметы вооружения и воинского снаряжения (детали огнестрельного оружия, пули, наконечники стрел), предметы хозяйственно-бытового назначения (инструменты, орудия рыбной ловли), детали интерьера, комплекс столовой и кухонной посуды, игрушки. В ходе работ обнаружено несколько десятков килограммов сырья, относящегося к кузнечному делу (кричное железо, шлак, сланцевый камень). В результате проведенных изысканий удалось изучить северную часть Тарского острога, до настоящего времени не попадавшую в район исследований. Установлено, что здесь сохранились практически не потревоженные антропогенным воздействием участки культурного слоя и объекты начала XVII в. Это дало новые материалы по планиграфии как острога в целом, так и тарских жилых построек в ранний период существования города. Полученный материальный комплекс позволяет реконструировать социально-культурный облик тарского служилого человека, занимавшегося, кроме прочего, ремесленной деятельностью, связанной с кузнечным делом и ремонтом оружия. Коллекция деталей огнестрельного оружия позволит выявить особенности военного снабжения Тары в конце XVI – XVII в. Представительный набор глиняной посуды дает возможность подробно изучить культуру приема и приготовления пищи в указанный период.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, город Тара, археология русских, XVII век, планиграфия, культурный слой.*

S.F. Tataurov[1], F.S. Tataurov[2]✉

[1]Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Omsk, Russia
[2]"Siberian Antiquity" Museum-Reserve
Omsk, Russia
E-mail: fil_opossum@mail.ru

Archaeological studies at the Tara Fortress in 2024

In 2024, archaeological studies were conducted close to the northern corner of the fort wall in the northern part of the Tara Fortress. An area of 80 m² along the edge of the bedrock bank of the Irtysh was excavated. The excavations revealed a building from the early 17th century and two simultaneous utility pits. The filling of the objects contained elements of a costume complex (fabrics, shoes, personal decorations, and pectoral crosses), a numismatic collection of 15 coins, weapons and military equipment (parts of firearms, bullets, arrowheads), household items (tools, fishing gear), interior items, a set of tableware and kitchen utensils, and toys. Several dozen kilograms of raw materials related to blacksmithing (bloomery iron, slag, slate stone) were uncovered. As a result of the research, it was possible to study the northern part of the Tara Fortress, which had not been included in the research area until now. It has been established that there are sections of the cultural layer and objects from the early 17th century, which are well-preserved and practically undisturbed by anthropogenic impact. New data on the spatial distribution of objects over the fort as a whole and the Tara residential buildings in the early period of the city existence were collected. The uncovered material complex makes it possible to reconstruct the socio-cultural character of the Tara service man, who was engaged in craft activities related to blacksmithing and weapon repair among other things. A collection of firearms parts will help to identify the features of the military supply of Tara in the late 16th – 17th centuries. A representative set of pottery makes it possible to study in detail the culture of food intake and cooking during the specified period.

Keywords: *Western Siberia, archaeology of Russians, Tara city, 17th century, spatial distribution, cultural layer.*

Главной целью семнадцатого полевого сезона в Таре стал поиск объектов, относящихся к системе укреплений города-крепости. Как было установлено в ходе предшествующих исследований, острожная стена располагалась не на верхнем краю ныне существующего склона террасы, а на его середине, где по настоящее время сохранилась своеобразная «ступенька». Однако исследовать ее, прирезавшись к раскопам прошлых лет, не представилось возможным – кроме того, что там расположены огороды местных жителей, эта территория серьезно разрушена антропогенным воздействием 1960–1980-х гг. Поэтому место для закладки раскопа 2024 г. было выбрано без привязки к предыдущим изысканиям в самой северной части тарского острога. Дополнительным фактором стала слабая изученность этого участка города возле Николаевской церкви и Тобольской проездной башни. В связи с этими обстоятельствами раскоп был разбит на краю коренного берега Иртыша, между ним и дорогой по ул. Советская, рядом с памятным знаком, посвященным основанию г. Тара и Московско-Сибирскому тракту. Площадь работ составила 80 м^2. В отличие от раскопок предыдущих лет, удачей стало отсутствие в выбранном месте слоев строительного и бытового мусора, наслоений XX в., поэтому мощность культурного слоя на данном участке значительно меньше по сравнению с площадками ближе к центру города и составила 0,6–0,7 м.

В ходе выборки первого горизонта была обнаружена монета – деньга 1749 г., два фрагмента китайского фарфора первой половины XVIII в., несколько фрагментов чернолощеной керамики, подкова, вилка середины XIX в. – и, в общем, это все материалы, которые можно отнести к XVIII–XIX вв. Уже на втором горизонте выявлено основание срубной жилой постройки – избы размерами 3,6 × 3,8 м, ориентированной углами по сторонам света. От сруба сохранился один венец. Вход в жилище находился с западной стороны у южного угла, сохранилось основание крыльца. Вдоль северо-западной стены у северного угла внутри сруба располагалась глинобитная печь, размерами 1,6 × 1,2 м, поставленная на основание из березовых бревен, которое, в свою очередь, заглублено в материк на 0,7 м. К западу от печи, в западном углу сруба располагалось подпечье, глубиной от уровня материка ок. 1 м. По нумизматическому материалу постройка датируется 1590–1630-ми гг., всего здесь обнаружено 6 монет-чешуек, 1 из которых – деньга периода правления Ивана IV, 5 – копейки периода правления Михаила Романова.

Рядом с постройкой обнаружены и исследованы две хозяйственные ямы, по нумизматическому материалу также датированные началом XVII в., в них найдено 9 монет, отчеканенных при Михаиле Романове. Ямы овальной формы, одна размерами 2,3 × 1,5 м, вторая 6 × 2 м, обе глубиной 1,1 м от уровня материка. Наличие таких объектов весьма необычно для Тарского острога, т.к. фактически до этого нами в предыдущие годы фиксировались ямы исключительно производственного назначения. Нахождение на этой территории подобных объектов, на наш взгляд, связано с расположением избы непосредственно у поворота острожной стены, из-за этого мусор необходимо было вывозить по очень сложной схеме. Острог был застроен сплошным массивом, без усадебной или уличной планировки, поэтому к некоторым жилым объектам подъезда практически не было, а стена препятствовала скидывать мусор вниз.

В заполнении построек и хозяйственных ям обнаружено большое количество железной руды – не менее 40 кг и примерно столько же глинистого сланца с немногочисленными камнями слюдяного сланца – эти породы встречаются на р. Иртыш по всему ее течению [Обручев, 1933. с. 33–34, 40]. Также встречен шлак, пусть и не в таких количествах, но не менее 4–5 кг. Все это позволяет утверждать, что в исследованной нами избе мог проживать человек, связанный с кузнечным делом, причем сама кузница, вероятнее всего, располагалась на удалении от жилых домов или вовсе за пределами острожных стен.

При выборке постройки и окружающих ее хозяйственных ям обнаружен вещевой комплекс, который можно разделить на несколько основных групп: элементы костюма; хозяйственный и бытовой инвентарь; детали вооружения и воинского снаряжения; посуда; предметы досуга.

Элементы костюмного комплекса делятся на несколько групп: ткани; кожаная обувь и обувные подковки; украшения (перстни, бусы); пуговицы; нательные кресты.

Обнаруженные в раскопе ткани представляют собой фрагменты шерстяного и суконного полотна со следами швов, однако из-за фрагментированности образцов установить, частью какого изделия они являлись, не представилось возможным. В целом, коллекция этого года соотносится с материалами, полученными в ходе предшествующих исследований в Таре [Glushkova, Tataurov, Tikhonov, 2015, p. 28–29].

В хозяйственных ямах обнаружена коллекция обуви, характерная для XVII в., находящая прямые аналоги в материалах Мангазеи. В ее составе несколько археологически целых изделий: два поршня, которые в мангазейских материалах отнесены к первому подтипу (цельнокроенные) [Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011, с. 38–39, 111]; туфля с наборным низким каблуком, также идентичная мангазейской [Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011, с. 142]. К туфлям также относятся две подошвы, два фигурных берестяных вкладыша в обувные задники, два наборных каблука. Кроме этого, обнаружено несколько фрагментов голенищ сапог, которые вырезались, вероятно, с целью вторичного использования из обуви, непригодной для носки. Кроме Мангазеи, аналоги обнаруженным предметам можно встретить в Березове

[Визгалов, Пархимович, Петрова 2022, с. 81]. К туфлям на каблуке и сапогам относятся обувные подковки, представленные тринадцатью экземплярами. По форме они напоминают полумесяц с загнутыми под прямым углом концами, что отличает их от более поздних предметов конца XVIII – XIX в., похожих на латинскую букву U.

Из украшений тела обнаружено три медных перстня, судя по размерам, женских, от одного сохранился только щиток с инкрустацией. На щитке другого предмета читается изображение птицы (см. *рисунок*, *8*). Перстни встречались в материалах практически каждого года исследований в Таре, что в очередной раз подтверждает вывод о том, что они являются одним из самых распространенных видов нательных украшений в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. Похожие изделия обнаружены при раскопках русских городов Тобольска, Мангазеи и Березова [Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., 2021, с. 670–671].

В ходе раскопок обнаружены две стеклянные бусины: одна шарообразная, черного стекла, другая биконическая цилиндрическая, зеленого стекла. К костюмному комплексу также можно отнести пуговицы. Одна – грушевидная, цельнолитая, судя по цвету, из свинцово-оловянистого сплава, с округлой петлей. Такие предметы на территории Московской Руси относятся к XVI в., впрочем, они были распространены и в начале XVII в. [Жилина, 2019, с. 219–220, 223]. Две пуговицы железные, круглые, одна с одним, другая с четырьмя сквозными отверстиями по центру.

К костюмному комплексу можно отнести находки нательных крестов. Всего обнаружено восемь экземпляров – шесть медных, два серебряных. Два медных предмета характерны для XVII в. – с цатой на средокрестии и фигурным расширением нижней лопасти (см. *рисунок*, *15*). Один серебряный крест интересен тем, что поверхность внутреннего восьмиконечного креста покрыта орнаментом из вплотную расположенных точек (см. *рисунок*, *16*). На обратной его стороне – строчка из Акафиста Пречестному и Животворящему Кресту Господню: «Кресту Т[вое]му покланяемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое [славим]».

Значительное количество предметов коллекции этого года связано с вооружением и воинским снаряжением. Самую многочисленную их категорию представляют пули – 24 шт., встречено несколько прутков и кусочков свинца, которые, скорее всего, являлись сырьем для изготовления пуль. Практически все пули одного калибра, диаметром 1,0–1,1 см, с необрезанными литниками. Предметы аналогичного вида и размера представлены в одновременных Тар-

Находки, сделанные на территории постройки и в хозяйственных ямах XVII в. в острожной части города Тара.

1 – обломок серпа; *2* – отвертка; *3*, *4* – напильники; *5* – запорный подвес; *6* – крышка пороховой полки; *7* – винт аркебузы; *8* – перстень; *9* – детали механизма (часов?); *10* – наконечник стрелы; *11* – томар; *12* – нож; *13* – кольчужное кольцо; *14* – гвоздь от сундука; *15*, *16* – нательные кресты; *17*, *18* – накладки.

ским материалах Тушинского лагеря [Двуреченский, 2018, с. 110, рис. 20, 129/41, 129/48, с. 111, рис. 21, 129/51]. Кроме этого, обнаружен ряд деталей от фитильных аркебуз/ручниц: три крышки пороховых полок (см. *рисунок*, *6*), два винта (см. *рисунок*, *7*). Несколько предметов можно отнести к элементам оружия с кремниево-ударным механизмом, это два обломка спусковой пружины, два кремня, три детали замка. Уникальными находками стали предметы «ремонтного набора» оружейника. В их числе два напильника: один прямоугольный (см. *рисунок*, *3*) (похожие известны по материалам русских комплексов XVI–XVII вв. в Европейской России [Никитин, 1971, с. 39, 55]), второй листовидный, сильно сточенный с одной из длинных сторон (см. *рисунок*, *4*). Аналог последнему известен из материалов раскопок на территории Тарской крепости [Татауров и др., 2019, с. 348]. Сюда же можно отнести находку отвертки с листовидным расширением на противоположном от рабочего краю изделия (см. *рисунок*, *2*). Для начала XVII в. это редкий инструмент, который использовался исключительно для обслуживания огнестрельного оружия. Похожие предметы известны в археологических коллекциях памятников Европейской России [Никитин, 1971, с. 40, 57]. Интересны находки трех костяных накладок, относящихся к инкрустации ружей (см. *рисунок*, *17*, *18*), прямые аналоги известны из материалов конца XVI в. из Старой Ладоги [Миляев, 2020. с. 236–241], как утверждается, это является западноевропейской традицией.

Из предметов холодного оружия обнаружено несколько ножей, причем один с больстером (см. *рисунок*, *12*) (еще один больстер найден отдельно). Интересно, что «привычных» для культурных слоев Тары XVII–XVIII вв. ножей-тесаков с «полулунным» лезвием в этом году не найдено. Наконечники стрел немногочисленны – один железный, плоский, удлиненно-треугольный с упором (см. *рисунок*, *10*), имеет прямой аналог в материалах XVII в. из раскопок Тобольска [Данилов, 2006, с. 179, 183], Мангазеи [Визгалов, Пархмович, 2008, с. 205, рис. 5], Тушинского лагеря в Европейской России [Двуреченский, 2018, с. 100], второй – костяной томар для охоты на пушного зверя (см. *рисунок*, *11*). К комплексу воинского снаряжения также относится находка кольчужного кольца овальной формы, размерами 1,8 × 1,0 см (см. *рисунок*, *13*).

Хозяйственный и бытовой инвентарь представлен несколькими группами предметов. К первой можно отнести орудия труда, в их числе более двух десятков железных швейных игл, оселок, два глиняных инструмента для заглаживания/шлифовки, обломок серпа (см. *рисунок*, *1*). Ко второй можно отнести орудия рыбной ловли, в числе которых три кочедыка (один выполнен на роге косули), глиняное грузило, два рыболовных крючка небольшого размера. Отдельно отметим находку корабельной скобы.

В одной из хозяйственных ям обнаружено несколько заготовок для предметов из кости (рукоятей, проколок). Здесь же встречено несколько фрагментов шлифованных пластин из кости мамонта, а также необработанные части бивней. Схожий набор предметов был обнаружен в постройке середины XVIII в. в прошлогоднем раскопе, что позволяет говорить, что косторезное ремесло было широко распространено в Таре на протяжении столетий, и, возможно, являлось одной из форм досуга тарчан.

Ряд найденных в раскопе предметов относятся к фурнитуре сундуков/шкатулок. В их числе более двух десятков декоративных коротких гвоздиков длиной 1,2–1,5 см с большой выпукло-вогнутой или плоской шляпкой диаметром 1,1–1,5 см (см. *рисунок*, *14*), обломки медных тонких (0,5 мм) пластин, двух железных пластин с впаянными гвоздиками; ручка. Сюда же отнесем находку небольшого (длиной 4,3 см) ключа от навесного замка. К предметам домашнего интерьера определим три пробоя, запорную цепь из пробоя и одного звена, аналогичную предмету из раскопок Тушинского лагеря [Там же, с. 157, рис. 67, 800]. Интересной находкой стал запорный подвес (см. *рисунок*, *5*), аналоги которому до сих пор применяются для фиксации засовов ворот в селах (один из авторов наблюдал похожий предмет на воротах административной территории Музея-заповедника «Старина Сибирская», Омская обл.). Отдельно стоит упомянуть два предмета, напоминающие стрелки часов (см. *рисунок*, *9*); известно, что подобная находка была сделана в Мангазее [Белов, Овсянников, Старков, 1980, с. 71], хотя в нашем случае эти находки могут относиться к деталям огнестрельного оружия.

К освещению и добыче огня относятся находки кресальных кремней, двух калачевидных кресал, обломка светца.

В ходе работ удалось собрать обширную коллекцию керамической посуды, в т.ч. и потому, что в одной из ям обнаружено скопление фрагментов не менее чем от двух десятков сосудов: горшков, корчаг, мисок, сковородок. Обращает на себя внимание стандартный вид, размеры предметов, характер обжига, что позволяет говорить о том, что они были изготовлены в одной мастерской, и, возможно, даже не в Таре. В слоях XVIII в. на других участках острога встречается много керамики, произведенной местными ремесленниками или «на дому», здесь фрагменты подобных предметов немногочисленны, совсем отсутствуют находки черно- или краснолощеных изделий, единичны орнаментированные стенки и венчики. Из прочей посуды отметим находку осколка западноевропейского стеклянного сосуда-кварты, аналоги известны как в Таре, в одновременном объекте, раскопанном в 2021 г. [Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., 2021, с. 670–671], так и в Мангазее [Визгалов, Пархмович, 2008, с. 251], материалах Тушинского лагеря [Двуреченский, 2018, с. 46, 193].

Предметы досуга представлены взрослыми и детскими игрушками. К первым относится кубик для игры в зернь (аналогичный обнаруженному в Таре в прошлом году, такие же предметы встречены в ходе раскопок Мангазеи [Визгалов, Пархмович, 2008, с. 280, рис. 10–11]), несколькими орнаментированными бабками. К играм детей относятся находки двух грубослепленных глиняных сосудиков, костяной игрушки-«брунчалки».

По итогам изучения обнаруженного жилища и окружающих его хозяйственных ям можно сделать вывод, что проживал в ней служилый человек, по совместительству занимающийся починкой оружия и, возможно, кузнечным делом.

Выводы

Раскопки в 2024 г. позволили изучить северную часть Тарского острога, до настоящего времени не попадавшую в район исследований. Установлено, что здесь сохранились практически не потревоженные антропогенным воздействием XIX–XX вв. участки культурного слоя и объекты XVII в. Это дало новые материалы по планиграфии как острога в целом, так и тарских жилых построек в ранний период существования города. Полученный материальный комплекс позволяет реконструировать социально-культурный облик тарского служилого человека, занимающегося, кроме прочего, ремесленной деятельностью. Коллекция деталей огнестрельного оружия позволит выявить особенности военного снабжения Тары в XVII в. Набор глиняной посуды открывает возможность для подробного изучения культуры приема и приготовления пищи в указанный период.

Можно заключить, что изыскания 2024 г. выявили перспективное направление для дальнейших раскопок и в следующем году исследования здесь будут продолжены.

Благодарности

Работа выполнена в рамках НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

Список литературы

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. – Л.: Гидрометеоиздат. 1980. – 164 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. – 296 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). – Екатеринбург: Магеллан, 2011. – 216 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Петрова Е.Н. Березов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). – Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. – 158 с. – (Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого; вып. 20).

Данилов П.Г. Наконечники стрел XVII века (по материалам раскопок города Тобольска) // Ежегодник Тобольского музея-заповедника. – Тюмень: Вектор Бук, 2006. – № 3–4 (32–33). – С. 179–183.

Двуреченский О.В. Тушинский лагерь (Публикация коллекции В.А. Политковского из собрания ГИМ). – М.: Изд-во ИА РАН, 2018. – 196 с.

Жилина Н.В. Пуговицы в костюме Московской Руси второй половины XIII – начала XVII века // Археология Подмосковья. – 2019. – № 15. – С. 214–226.

Миляев П.А. Костяные и роговые элементы декора ручного огнестрельного оружия конца XVI – начала XVII в. из Старой Ладоги. Новые данные о комплексе вооружения европейских воинских контингентов на Северо-Западе Московского государства в Смутное время // Археологические вести, ИИМК РАН. – 2020. – Вып. 27. – С. 232–252.

Никитин А.В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1971. – 84 с.

Обручев В.А. История геологического исследования Сибири. Период второй (1801–1850 годы). – Л.: Изд-во АН СССР, 1933. – 230 с.

Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. Жилой комплекс XVII века в городе Таре в исследованиях 2021 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 669–673.

Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Татаурова Л.В., Тихонов С.С. Археологическая летопись земли Тарской. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2019. – 412 с.

Glushkova T.N., Tataurov S.F., Tikhonov S.S. Textiles of the 17th and 18th centuries from the excavations at Tara fortress, Siberia, Russia // Archaeological Textiles Newsletter. – 2015. – N 57. – P. 31–38.

References

Belov M.I., Ovsjannikov O.V., Starkov V.F. Mangazeja. Mangazejskij morskoj hod. Leningrad.: Gidrometeoizdat, 1980. 164 p. (In Russ.).

Danilov P.G. Nakonechniki strel XVII veka (po materialam raskopok goroda Tobol'ska). In *Yearbook of Tobol'sk museum-reserve*. Tjumen': Vektor Buk, 2006. No. 3–4 (32–33). P. 179–183. (In Russ.).

Dvurechenskij O.V. Tushinskij lager' (Publikacija kollekcii V.A. Politkovskogo iz sobranija GIM). Moscow: IA RAN Publ., 2018. 196 p. (In Russ.).

Glushkova T.N., Tataurov S.F., Tikhonov S.S. Textiles of the 17th and 18th centuries from the excavations at Tara fortress, Siberia, Russia. In *Archaeological Textiles Newsletter*, 2015. No. 57. P. 31–38.

Milyaev P.A. Bone and horn elements of decoration of the hand firearms of the late 16th – early 17th century from Staraya Ladoga. New evidence on the set of armament of European military contingents at the North-West of the Muscovite state in the Time of Troubles. *Archaeological News*, 2020. Iss. 27. P. 232–252. (In Russ.).

Nikitin A.V. Russkoe kuznechnoe remeslo XVI–XVII vv. Moscow: Nauka, 1971. 84 p. (In Russ.).

Obruchev V.A. Istorija geologicheskogo issledovanija Sibiri. Period vtoroj (1801–1850 gody). Leningrad: AS USSR, 1933. 230 p. (In Russ.).

Tataurov S.F., Tataurov F.S. Residential Complex of the 17th Century in the City of Tara in the Researches of 2021. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 669–673. (In Russ.).

Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tataurova L.V., Tihonov S.S. Arheologicheskaya letopis' zemli Tarskoj. Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 2019. 412 p. (In Russ.).

Vizgalov G.P., Parhimovich S.G., Kurbatov A.V. Mangazeja: kozhanye izdelija (materialy 2001–2007 gg.). Ekaterinburg: Magellan, 2011. 216 p. (In Russ.).

Vizgalov G.P., Parhimovich S.G. Mangazeja: novye arheologicheskie issledovanija (materialy 2001–2004 gg.). Ekaterinburg; Neftejugansk: Magellan, 2008, 296 p. (In Russ.).

Vizgalov G.P., Parhimovich S.G., Petrova E.N. Berjozov: pervyj russkij gorod Jugry XVI–XVIII vekov (kratkie rezul'taty kompleksnogo arheologicheskogo issledovanija). Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo. Vol. 20. Hanty-Mansijsk; Neftejugansk; Surgut, 2022. 158 p. (In Russ.).

Zhilina N.V. Pugovicy v kostjume Moskovskoj Rusi vtoroj poloviny XIII – nachala XVII veka. In *The Archaeology of the Moscow region*, 2019. No. 15. P. 214–226. (In Russ.).

Татауров С.Ф. https://orcid.org/0000-0001-6824-7294
Татауров Ф.С. https://orcid.org/0000-0002-9447-1035

Дата сдачи рукописи: 01.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0778-0781
УДК 902.2

С.Ф. Татауров[1], Ф.С. Татауров[2]✉

[1]Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Институт археологии и этнографии СО РАН
Омск, Россия
[2]БУК Музей-заповедник «Старина Сибирская»
Омск, Россия
E-mail: fil_opossum@mail.ru

Историко-археологические исследования в устье реки Омь в 2023–2024 годах

Начальный период существования г. Омска до настоящего времени изучен слабо. До сих пор не установлено, когда в устье р. Омь появилось первое русское поселение: официальной датой основания города считается 1716 г., однако существуют исторические документы, на основании которых можно заключить, что он появился значительно раньше – в 1628 г. Установить истину в этом вопросе призваны археологические исследования. В 2023 г. на территории первой Омской крепости проводились разведочные раскопки для определения границ распространения и характера культурного слоя, в 2024 г. исследования велись рядом с местом слияния Оми и Иртыша, где по результатам сборов фиксировалось возможное присутствие русских культурных слоев первой половины XVII в. В результате работ в первой Омской крепости установлено, что культурные слои XVIII в., датированные монетами 1718 и 1792 гг., здесь насыщены массовыми находками (керамикой и костями животных) слабо, особенно по сравнению с материалами из одновременных памятников Прииртышья XVII–XVIII вв. Выявлен один из объектов, который можно соотнести с крепостью – погреб для хранения продовольствия. По итогу изысканий в устье р. Омь был получен материал, доказывающий существование здесь русского укрепленного поселения в первой половине XVII в. На его военный характер указывают находки предметов вооружения и воинского снаряжения, которые обнаружены в значительном количестве для исследованной площади в 20 м^2. Ранние слои перекрываются напластованиями XVIII в., когда здесь существовал Подгорный форштадт.

Ключевые слова: *Омское Прииртышье, археология русских, письменные источники, XVII–XVIII вв., Омская крепость.*

S.F. Tataurov[1], F.S. Tataurov[2]✉

[1]Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Omsk, Russia
[2]"Siberian Antiquity" Museum-Reserve
Omsk, Russia
E-mail: fil_opossum@mail.ru

Historical and Archaeological Research at the Mouth of the Om River in 2023–2024

The initial period of the city of Omsk has so far remained understudied – it is yet unknown when the first Russian settlement appeared at the mouth of the Om River. The official date of the city's foundation is believed to be 1716, but some historical documents indicate that it might have been much earlier, in 1628. In 2023, exploratory excavations for establishing the boundaries and nature of the cultural layer were done in the first Omsk fortress. In 2024, the study continued near the confluence of the Om and Irtysh Rivers, where surface finds indicated possible Russian cultural layers of the first half of the 17th century. The works in the first Omsk fortress revealed that cultural layers of the 18th century, dated by coins of 1718 and 1792, were not rich in widely occurring finds (pottery and animal bones), especially compared to the evidence from archaeological sites of the Irtysh region of the 17th–18th centuries. One of the objects discovered – a cellar for storing food – may be associated with the fortress. Research at the mouth of the Om River produced the evidence which proves existence of a Russian fortified settlement there in the first half of the 17th century. Its military nature was manifested by weaponry and military equipment, which were discovered in significant numbers for the explored area of 20 sq. m. The early layers were covered by layers from the 18th century when the Podgorny forstadt existed there.

Keywords: *Omsk Irtysh region, archaeology of Russians, written sources, Omsk fortress, 17th–18th century.*

Принято считать, что освоение южной части Среднего Прииртышья, которое можно назвать Приомьем, началось в 1716 г. после постройки полковником И.Д. Бухгольцем первой Омской крепости на левом берегу Оми в районе современной площади Ленина г. Омска. Отчасти это верно. Основав крепость, русские получили полный контроль над этой территорией и, опираясь на нее, продвинулись далеко на юг вдоль Иртыша до оз. Марка-куль почти на границе с Китаем. Омск же стал центром сибирских оборонительных линий, позволявших защитить обширные земли от набегов степняков.

Однако существует два письменных источника, которые ранее не привлекали пристального внимания отечественных историков. Первый – это «Отписка тарских воевод Ю.И. Шаховского и М.Ф. Кайсарова о необходимости поставить острог на месте впадения р. Оми в Иртыш для защиты от набегов ойратских феодалов», поданная царю 7 апреля 1628 г. (РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стб. 3. Л. 154–156). В тексте документа указывается на разрушительные последствия калмыцких набегов, препятствием которым может стать постройка крепости в устье р. Омь. На этом же листе стоит пометка о том, что государь выслушал текст отписки и указал отыскать возможность поставить острог и обеспечить его людьми и припасами как для обороны от кочевников, так и для устроения пашни. Судя по всему, возможность была изыскана, потому что уже 31 августа того же 1628 г. выходит «Указ царя Михаила Федоровича тобольским воеводам А. Трубецкому и И. Волынскому о необходимости устройства острога в устье реки Оми» [Русская историческая библиотека..., 1884, с. 524–527], в котором предписывалось изыскать ресурсы для устройства острога и постройки укреплений. Контроль за исполнением указа был возложен на князя Д.М. Черкасского, который в указанный период ведал приказами Казанского дворца и Сибирским. Учитывая, что на ключевых позициях на южной границе западносибирской лесостепи по р. Омь уже стояли Убинский и Барабинский острожки, постройка еще одного в устье этой реки была логичным мероприятием.

Создание укрепления открывало возможности контроля за кочевниками-калмыками, а также хозяйственного освоения края, прежде всего, связанного с добычей соли на Ямышевских озерах. Создание перевалочного пункта, где могли делаться запасы и обслуживаться корабли, было важным с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности как Тары, так и Тобольска.

Подтверждением существования русского поселения в устье р. Омь в XVII в. стали сборы материала, проведенные омскими краеведами. Так, О.А. Мелищенко обнаружил здесь ряд российских и западноевропейских монет, относящихся к XVII в. [Мелищенко, Кравцева, 2016]. Все это создало предпосылки для археологических изысканий на обозначенной территории.

Если обратиться к истории археологического исследования культурных слоев русского времени на территории Омска, то можно заметить, что она началась относительно недавно. В 2013–2014 гг. экспедиция ОФ ИАЭТ СО РАН и ОГИК музея под руководством Н.В. Беликовой исследовала культурный слой в шурфах на территории первой Омской крепости. В горизонте XVIII в. обнаружены монеты 1743 и 1774 гг., чугунное пушечное ядро и ряд других находок, однако слой оказался сильно разрушенным, местами переотложенным и однозначно с крепостным не соотносился [Татауров, 2015, с. 404–405]. В 2018–2019 гг. охранные раскопки проводились на территории Бутырского кладбища г. Омска, существовавшего в конце XVIII–XIX в., исследовано 101 погребение, получены материалы по погребальному обряду православного населения г. Омска этого времени [Здор, Загородникова, Павлов, 2021, с. 415–420]. С 2021 г. ведутся раскопки каторжного острога второй Омской крепости. В результате полевых работ обнаружены фундаменты жилой казармы и столовой, собран материал, датируемый XVIII–XIX вв. [Герасимов и др., 2023, с. 308–312]. В 2022 г. С.Ф. Татауров провел разведочные раскопки на территории второй Омской крепости, близ здания Артиллерийской мастерской, в результате которых исследован частокол и слои, предположительно, начала XVIII в.

Археологические изыскания, проведенные осенью 2023 г., ставили целью изучение культурных слоев первой Омской крепости, а также локализацию некоторых ее объектов. Разведочный шурф был разбит на т.н. Ильинской горке на левом берегу р. Омь, где в 1730–1780-х гг. располагалась деревянная, а в 1789–1935 гг. – каменная церковь (в 1920–1930-х гг. – собор), посвященная Илье-пророку. В ходе исследований установлено, что мощность слоев XIX–XX вв. на данном участке не превышает 50 см, ниже них залегают напластования XVIII в. Датировка получена как по нумизматическому материалу (найдена копейка времени Петра I, 1718 г., и монета номиналом пять копеек времени Екатерины II, 1792 г.), так и по коллекции керамики, характерной для русских памятников Прииртышья этого периода. Шурфом также удалось обнаружить и практически полностью изучить погреб размерами 2,5 × 2,5 м и глубиной от уровня древней дневной поверхности 1,9 м, который, вероятно, предназначался для хранения продовольствия для гарнизона крепости.

Исследования 2024 г. проводились на правом берегу в устье р. Омь, этот участок виделся наиболее перспективным для поиска культурных слоев XVII в. В XVIII в. здесь располагался Подгорный форштадт, фигурирующий на планах Омска 1755 и 1803 гг.

Предметы, обнаруженные в ходе археологических исследований в устье р. Омь.
1 – отвертка-кресало; *2* – нож-тесак; *3* – пряжка; *4* – фрагмент китайского фарфора; *5* – картечное ядро; *6* – глиняное грузило.

Всего было забито четыре разведочных шурфа. В ходе изучения шурфа 1 было установлено, что мощность напластований XIX–XX вв. на указанной территории зависит от близости к находящейся неподалеку ТЭЦ № 1, построенной в 1915 г. При изучении других шурфов это предположение подтвердилось – отложения спрессованной золы и шлака в зависимости от близости к ТЭЦ достигают мощности от 20 до 50 см. В шурфе 1 культурный слой XVIII в. зафиксирован на глубине 1 м от современной дневной поверхности. В нем обнаружена монета номиналом «деньга» 1749 г., времени правления Елизаветы Петровны, два глиняных грузила от сетей (см. *рисунок*, *6*), биток для игры в бабки, фрагмент китайского фарфора (см. *рисунок*, *4*), стеклянная бусина, осколки штофов, фрагменты керамической посуды. Однако большой удачей стало обнаружение ниже более ранних напластований, которые можно отнести к первой половине XVII в. Они датированы как нумизматическим материалом – три монеты «чешуйки» времени правления царя Михаила Романова (1613–1645 гг.), так и другими находками, в частности, отверткой-кресалом (см. *рисунок*, *1*), прямой аналог которой обнаружен в Гранатном погребе 1686–1689 гг. Албазинского острога [Artemev, 1997]; картечным ядрышком (см. *рисунок, 5*), фрагментами керамики, близкими к предметам, найденным в одновременных слоях Тарского острога.

Ранние материалы были отмечены и в другом шурфе, расположенном в 30 м к северо-западу, здесь, кроме коллекции керамики, обнаружен нож-тесак (см. *рисунок*, *2*) и две пряжки от воинской амуниции (см. *рисунок*, *3*), которые можно отнести к началу XVIII в.

Таким образом, можно сделать вывод о существовании в устье р. Омь русского укрепленного поселения в первой половине XVII в. На его военный характер указывают находки предметов вооружения и воинского снаряжения, которые обнаружены в значительном количестве для исследованной площади в 20 м^2. Ранние слои перекрываются напластованиями XVIII в., когда здесь существовал Подгорный форштадт. Мощность напластований XVII–XVIII вв. на исследованном участке колеблется от 30 до 50 см. Дальнейшее археологическое изучение этой территории позволит дополнить полученные данные, расширить представление о русской истории Омского Прииртышья до 1716 г.

Исследования, проведенные на месте расположения первой Омской крепости, позволили расширить базу данных о материальной культуре ее населения, планиграфии отдельных ее объектов. Так, было установлено, что культурные напластования на территории крепости насыщены массовыми находками (керамикой и костями животных) слабо, особенно по сравнению с материалами из раскопок Тары и сельских памятников Тарского Прииртышья XVII–XVIII вв. (Ананьино I, Изюк I, Бергамак I). При этом антропогенное воздействие на ранние слои на месте проведения шурфовки минимальное – после прекращения существования крепости здесь стояла только Ильинская церковь, окруженная большим свободным пространством, захоронения вокруг нее не делались. Изученный погреб аналогичен тарским объектам XVIII в., однако в отличие от них практически стерилен в плане находок.

Благодарности

Работа выполнена в рамках НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

Список литературы

Герасимов Ю.В., Загородникова Д.П., Здор М.Ю., Корусенко М.А., Павлов Д.Н. Каторжный острог Второй Омской крепости: археология и история в музеефикации объекта культурного наследия // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2023. – С. 308–312.

Здор М.Ю., Загородникова Д.П., Павлов Д.Н. Состояние объекта культурного наследия «Грунтовый могильник “Бывшее кладбище Бутырского форштадта Омской крепости”» по результатам исследований 2018–2019 гг. // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии. – Омск: Наука, 2021. – Ч. 1. – С. 415–420.

Милищенко О.А., Кравцева Н.А. Памятники нумизматики дописывают историю Омска: к 300-летию г. Омска // Электронный научно-методический журн. Омского ГАУ. – 2016. – № 2 (5). – URL: http://e-journal.omgau.ru/index.php/2016-god/5/29-statya-2016-2/349-00104. - ISSN 2413-4066 (дата обращения: 26.09.2024).

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. – СПб., 1884. – Т. 8. – 1292 с.

Татауров Ф.С. Археологическое изучение Первой Омской Крепости: о чем рассказывает стратиграфия // Третьи Ядринцевские чтения: мат-лы III Всеросс. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Омска. – Омск: ОГИК музей, 2015. – С. 403–405.

Artemev A.R. Kresalo-otvertka zheleznoe. Iz granatnogo pogreba – 1689 gg. Albazino Russian Federation Khabarovsk Krai, 1997. [Amurskaia oblast’, Skovorodinskiĭ raĭon, selo Albazino: publisher not identified] [Photograph] Retrieved from the Library of Congress. – URL: https://www.loc.gov/item/2018685363/ (дата обращения: 26.09.2024).

References

Artemev A.R. Kresalo-otvertka zheleznoe. Iz granatnogo pogreba – 1689 gg. Albazino Russian Federation Khabarovsk Krai, 1997. [Amurskaia oblast’, Skovorodinskiĭ raĭon, selo Albazino: publisher not identified] [Photograph] Retrieved from the Library of Congress. URL: https://www.loc.gov/item/2018685363/ (дата обращения: 26.09.2024).

Gerasimov Y.V., Zagorodnikova D.P., Zdor M.Y., Korusenko M.A., Pavlov D.N. Katorzhnyj ostrog Vtoroj Omskoj kreposti: arheologija i istorija v muzeefikacii ob’ekta kul’turnogo nasledija. In *Sovremennye reshenija aktual’nyh problem evrazijskoj arheologii*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2023. P. 308–312. (In Russ.).

Milishhenko O.A., Kravceva N.A. Pamjatniki numizmatiki dopisyvajut istoriju Omska: k 300-letiju g. Omska. *Jelektronnyj nauchno-metodicheskij J. Omskogo GAU*. 2016. No. 2 (5). URL: http://e-journal.omgau.ru/index.php/2016-god/5/29-statya-2016-2/349-00104 (In Russ.).

Russkaja istoricheskaja biblioteka, izdavaemaja Arheograficheskoj komissiej. St. Petersburg, 1884. Vol. 8. 1292 p. (In Russ.).

Tataurov F.S. Arheologicheskoe izuchenie Pervoj Omskoj Kreposti: o chjom rasskazyvaet stratigrafija. In *Tret’i Jadrincevskie chtenija: Materialy III Vseross. nauch.-prakt. konf., posvjashhjonnoj 300-letiju Omska*. Omsk: OGIK muzej, 2015. P. 403–405. (In Russ.).

Zdor M.Y., Zagorodnikova D.P., Pavlov D.N. Sostojanie ob’ekta kul’turnogo nasledija «Gruntovyj mogil’nik “Byvshee kladbishhe Butyrskogo forshtadta Omskoj kreposti”» po rezul’tatam issledovanij 2018–2019 gg. In *Kul’tura i vzaimodejstvie narodov v muzejnyh, nauchnyh i obrazovatel’nyh processah - vazhnejshie faktory stabil’nogo razvitija stran Evrazii.* Omsk: Nauka, 2021. Pt. 1. P. 415–420. (In Russ.).

Татауров С.Ф. https://orcid.org/0000-0001-6824-7294
Татауров Ф.С. https://orcid.org/0000-0002-9447-1035

Дата сдачи рукописи: 01.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0782-0786
УДК 904

Л.В. Татаурова[1]✉, С.Ф. Татауров[1], Ф.С. Татауров[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]БУК Музей-заповедник «Старина Сибирская»
Омск, Россия
E-mail: Li-sa65@mail.ru

Результаты археологических исследований поселенческого комплекса XVII–XVIII веков Ананьино I в 2024 году

В статье представлены новые материалы, полученные в ходе полевых исследований русского поселения Ананьино I (Тарский р-н Омской обл.) в 2024 г. На раскопанной площади памятника зафиксированы три постройки, датированные по монетам и предметному комплексу концом XVII – XVIII в. Постройки возводились в разное время. Одна из них датируется по монетам, обнаруженным в районе крыльца, концом XVII – первой половиной XVIII в., здесь представлены полушки и денги времени правления Петра I и Елизаветы Петровны. Вторая – небольшая избушка с печным развалом (объект 4), зафиксированная в материке по венцу сруба. Рядом с ней – хозяйственная яма с большим количеством керамики, датированная монетой-чешуйкой петровского времени. Вещевой комплекс включает в себя важные компоненты системы жизнеобеспечения: рыболовство – крючковые, колющие и сетные снасти; детали костюма – пуговицы, ременные пряжки, украшения и предметы личного благочестия. Найдены игрушки, головки курительных трубок, ножи. Инструменты представлены неизвестным ранее на памятнике железным ложкорезом, что позволяет говорить о проживании здесь ремесленника по производству деревянной посуды. Большое количество кафтанных пуговиц свидетельствует о более длительном, чем в европейской части страны, использовании этой одежды. Значительное число крестов-тельников подтверждает гипотезу о разрушении ранее существовавшего здесь участка погребального комплекса. Впервые на памятнике выявлено несколько строительных горизонтов, это может говорить о том, что раскопки этого года захватили наиболее раннюю часть деревни, и обозначает перспективность исследований в этом направлении.

Ключевые слова: *русская деревня, Новое время, археология, раскоп, постройки, пуговицы, монеты, кресты.*

L.V. Tataurova[1]✉, S.F. Tataurov[1], F.S. Tataurov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]BCI Omsk State Historical and Cultural Museum-Reserve "Antiquity Siberian"
Omsk, Russia
E-mail: Li-sa-65@mail.ru

The Results of Archaeological Research at the Ananyino I Settlement Complex of the 17th–18th Centuries in 2024

The article presents new materials collected during field studies of the Russian settlement Ananyino I (Tarsky District of the Omsk Region) in 2024. Three constructions were excavated and dated to the late 17th–18th centuries by the recovered coins and an object complex. The buildings were erected at different times. One of the buildings has been dated back to the late 17th – first half of the 18th centuries on the basis of the coins found in the porch area. Coins – polushki and "denga" from the period of Peter I and Elizaveta Petrovna were found in this building. Another building is a small hut with stove remains (object four); it was identified at the virgin land level by the crown of the log of the house frame. Next to this construction is a utility pit with a large amount of ceramics, dated by a coin from the period of Peter I. The finds represent important components of the life support system: fishing activity is represented by hooks, thrusting tools, and nets; costume elements – buttons, belt buckles, personal decorations and personal piety items. Toys, pipe heads, and knives were found. The tools are represented by an iron spoon cutter, previously such items have not been found at Ananyino I; this find suggests that a craftsman producing wooden utensils lived in this house. A large number of caftan buttons indicates that this clothing was used for a longer period than in the European part of the country. A significant number of pectoral crosses confirm the hypothesis of the destruction of a previously existing section of the burial complex. For the first time, several construction horizons were uncovered at the site, which may indicate that the earliest part of the village was excavated and it is a promising area for research.

Keywords: *Russian village, Modern times, archeology, excavation, construction, buttons, coins, crosses.*

Введение

В полевом сезоне 2024 г. продолжены раскопки русского поселения Ананьино I в Тарском р-не Омской обл., основанном в начале XVII в. стрельцами и казаками «Тарского городу». Памятник изучается шестнадцатый сезон, накоплены представительные коллекции артефактов и значительный объем информации о системе и структуре жизнеобеспечения населения деревни на разных этапах ее существования [Татаурова, Татауров, 2023].

Цель работы – представить новые материалы, полученные в процессе изучения памятника Ананьино I в 2024 г. и их место в системе жизнеобеспечения населения деревни.

Итоги археологического исследования памятника и анализ отдельных элементов системы жизнеобеспечения

В ходе исследований 2024 г. в раскопе площадью 168 м^2 зафиксированы жилые постройки и хозяйственная яма, возможно, погреб. Самая большая постройка 1 в центральной части раскопа имела размеры ок 54 м^2 (рис. 1, *1*). Сохранность дерева очень плохая, поэтому зафиксировать конструктивные особенности объекта удалось только для ЮЗ части: остатки стены из двух венцов, под которыми для ее горизонтального выравнивания перпендикулярно положены четыре подкладки-стула из плах. Подобная практика широко применялась в строительстве жилищ, в т.ч. на этом памятнике. Всего подкладок было восемь – бревна ЮВ части стены утрачены, остались только четыре стула под ней.

Внутренняя планиграфия постройки 1 состояла из развала печи в восточном углу. Его локализация на третьем горизонте позволила выявить части опечка – фрагменты параллельно лежавших плах, ориентированных СВ–ЮЗ, и размеры печи: длина по этой линии могла быть ок. 250 см, ширина 200 см. Ближе к СЗ стене жилища сохранились остатки половиц, ориентированных СЗ–ЮВ.

С СВ к постройке 1 примыкал угол конструкции 2 (большая ее часть за границей раскопа), возведенной, вероятно, позднее первой (рис. 1, *1*). С ЮЗ близ ЮВ края сруба, у стены располагалось небольшое 170 × 110 см сооружение, вероятно, крыльцо. Внутри постройки 2, слева у стены – слой желтой глины с кирпичом (развал печи?), а у СВ границы раскопа – на уровне второго и третьего горизонта зафикси-

Рис. 1. Поселение Ананьино I. Фрагменты раскопа 2024 г.

1 – планиграфия изученных объектов в центральной части на уровне материка; *2* – ЮВ часть раскопа – пятна объекта 4 и хозяйственной ямы; *3* – объект 4 после выборки заполнения.

ровано сгоревшее сооружение 3, на месте которого позднее возвели конструкцию 2.

Интересен объект 4, расположенный близ южного угла постройки 1. Он зафиксирован на уровне зачистки третьего горизонта, на материке в виде пятна желтой с включениями переобожженной оранжевой глины, маркирующей остатки печного развала (рис. 1, *2*). При выборке этого пятна открылись остатки деревянной прямоугольной конструкции площадью по внутреннему контуру 4,2 м^2. От сооружения сохранился один венец из тонких (диаметр 11–15 см) бревен, заглубленных на 10 см в материк. Глина от развала печи, под которым была яма – подпечье, занимала его западный угол (рис. 1, *3*).

Хозяйственная яма попала в раскоп наполовину (рис. 1, *2*). Ориентирована СВ–ЮЗ, по этой линии ее длина 280 см, ширина 270–300 см. С СЗ и ЮВ по краям уложены деревянные плахи, юго-восточная ЮЗ концом вставлена в паз вертикально поставленного столба (техника набирки, заплота). Глубина ямы от материка 40 см. В заполнении найдено много разбитой глиняной посуды, грузила, монета-чешуйка.

В культурном слое, заполняющем описанные объекты, и вокруг них зафиксирован предметный комплекс, характеризующий различные стороны системы жизнеобеспечения. Он традиционен как для этого памятника, так и для других археологических комплексов Нового времени и русской культуры в целом. Но есть отдельные элементы, впервые встреченные в Ананьино.

Кроме керамической, более всего пополнилась коллекция принадлежностей для рыболовства. Среди них, как и ранее, преобладают *крючковые снасти*, предназначенные для разных рыболовных приспособлений: удочек, переметов, закидушек, самоловов, и др. [Куза, 2016, с. 65]. К ним относятся 28 крючков различных размеров и багорный крюк (рис. 2, *1–4*). В этом году обнаружены редко встречающиеся в культурном слое *колющие рыболовные орудия*: части от двух железных острог (рис. 2, *5*, *6*). *Сетные снасти* представлены глиняными грузилами. К типовому разнообразию, кроме других видов, добавились цилиндрические для ставных сетей весом 100 г и более (рис. 2, *7*). Ранее на памятнике этот вид был представлен только грузилами для удочек – небольшими легкими весом 25–70 г. К рыболовному промыслу можно отнести лодочную скобу.

Охотничий инвентарь пополнился железным вильчатым срезнем для промысла пернатой дичи и костяным плоским черешковым наконечником стрелы VI типа, удлиненно-ромбовидным первого подварианта [Татаурова, Мыльников, 2021, с. 88], найденным при выборке одной из ям в материке (рис. 2, *8*, *9*). К защитному вооружению стоит причислить железную панцирную пластину, аналогичную найденным в Ананьино в 2020 г. (рис. 2, *10*).

Из набора инструментов можно отметить шило и уникальную находку – ложкорез (рис. 2, *11*), использовавшийся, судя по размерам рабочей части, для изготовления деревянных ковшей и ендов. Подобный предмет, но более мелкий, найден при раскопках в г. Таре. Кроме них, обнаружен нож, который можно отнести к перочинным, с коротким (5 см) иволистным лезвием, длинной ручкой с отверстием (рис. 2, *12*).

Значительную часть вещей составляют детали костюма, в т.ч. две ременные пряжки (рис. 2, *13, 14*). Обе прямоугольные с двумя вогнутыми и одной округлой стороной, крупная (5,5 × 4,2 см) и средняя (4,5 × 3,0 см). Украшения тела представлены двумя сережками и частями от двух других, брошью (рис. 2, *15*, *16*, *17*), двумя голубыми бусами: каплевидной и цилиндрической (рис. 2, *23*, *24*), двумя перстнями, 14 нательными крестами: 8 – тип 1, [Молодин, 2007, с. 41–45], 3 – тип 4 [Там же, с. 55], 1 – тип 10 [Там же, с. 79], 1 – тип 12 и 1 – тип 14 [Кромм, Бердников, 2012, с. 224]. Особый интерес вызывает набор пуговиц (рис. 2, *18–22*). Их найдено 14 штук двух видов: запонки (рис. 2, *18*,*19*) в двух вариантах – с инкрустацией (4 шт.) и без нее (1 шт.) и гирьковидные (рис. 2, *20–22*) в трех вариантах: маленькие (диаметр 0,5 см – 4 шт.), с фигурными ушками средних размеров (диаметр 0,8 см – 3 шт.) и крупные (диаметр 1,3 см – 2 шт.). Половина найдены в пределах построек 1–3, остальные – в СЗ части раскопа за границей постройки 1. Запонки использовали для застегивания ворота рубах, гирьковидные – кафтанные пуговицы.

Небольшая коллекция отражает игровые традиции жителей: глиняные креймешки, костяные брунчалки, бабки; и привычки – две головки курительных трубок (рис. 2, *25, 26*), аналогичные найденным в 2023 г. [Татаурова, Татауров, 2023, с. 909].

Из других бытовых предметов обнаружено много швейных металлических иголок, бронзовый наперсток, аналогичный найденному в 2023 г. [Татаурова, Татауров, 2023, с. 909], костяные вязальные иглы и крючок, строительные гвозди разных размеров, железные ножи, фурнитура сундуков, кресальные и оружейные кремни, пули и кусок свинца для их изготовления, китайский фарфор.

Особого внимания заслуживает монетный комплекс: найдено 29 шт., из них 9 чешуек периода правления Петра I, крестовый пятак 1725 г., 8 полушек, в т.ч. периода Елизаветы Петровны и Екатерины II и 9 денег середины – конца XVIII в., две монеты неясного времени и номинала. Локализованы монеты, в основном, в границах построек 1–3. Восемь экземпляров: полушки и денги, относящиеся ко времени правления Елизаветы Петровны, и чешуйка обнаружены на верхнем уровне крыльца постройки 2, располагались они близко друг к другу. Возможно, они были в какой-то посудине – здесь найдено много крупных фрагментов керамики разных форм. Одна

Рис. 2. Поселение Ананьино I. Предметный комплекс из раскопа 2024 г.

1–3 – рыболовные крючки для различных видов снастей; *4* – багорный крюк; *5*, *6* – зубья железных острог; *7* – цилиндрическое глиняное грузило; *8* – наконечник-срезень; *9* – костяной черешковым наконечником стрелы VI типа, удлиненно-ромбовидный первого подварианта; *10* – железная панцирная пластина; *11* – ложкорез; *12* – перочинный нож; *13*, *14* – железные ременные пряжки; *15*, *16* – серьги; *17* – брошь; *18*, *19* – пуговицы-запонки с инкрустацией и без нее; *20–23* – гирьковидные пуговицы разных размеров; *24* – бусы; *25*, *26* – головки глиняных курительных трубок; *27* – крестовый пятак 1725 г.; *28* – монета-чешуйка петровского времени; *29* – монета полушка 1767 г.; *30* – монета денга 1751 г.

чешуйка зафиксирована близ объекта 4 на втором горизонте. Три монеты XVIII в. – над хозяйственной ямой, а одна чешуйка в ее заполнении. Полученный монетный комплекс позволяет датировать найденные постройки и коллекцию концом XVII – XVIII в.

Заключение

Материалы, полученные в ходе раскопок, дополняют, в т.ч. ранее неизвестными на памятнике находками, информацию об отдельных аспектах жизни населения деревни. Например, о возможном проживании здесь умельцев по изготовлению деревянной посуды и утвари. Внимания заслуживает коллекция гирьковидных пуговиц. Раскопанный поселенческий комплекс большей частью функционировал в XVIII в., т.е. после введения в России Петром I новой моды [Ёлкина, 2018]. Обнаружение значительного числа кафтанных пуговиц указывает на более длительное использование этого вида одежды в Сибири. Зафиксированное количество крестов-тельников вновь подтверждает высказанное Л.В. Татауровой предположение о разрушении раннего деревенского кладбища в процессе строительства и эволюции поселенческих структур.

Впервые на памятнике отмечено два строительных горизонта, верхний, датированный серединой – второй половиной XVIII в, к нему относится постройка 2, и нижний, конца XVII в., сооружение 3 и хозяйственная яма. Объект 4 мог функционировать в оба периода. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что в раскоп 2024 г. попала центральная, наиболее ранняя часть деревни, где постройки неоднократно перестраивались. Дальнейшее изучение памятника, возможно, позволит установить, в какой точке был основан населенный пункт, выявить развитие его планиграфии в хронологической ретроспективе.

Благодарности

Исследование выполнено по теме госзадания № FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

Список литературы

Ёлкина И.И. Перемены костюма в XVIII в. (по материалам монастырских некрополей) // Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века: мат-лы междунар. науч. конф. – М.: [б.и.], 2018. – С. 56–58.

Кромм И.Д., Бердников И.М. Выявление возможности датирования ставрографической коллекции Омского Прииртышья методом сравнительного анализа с материалами из некрополей г. Иркутска // Вестн. Ом. ун-та. – 2012. – № 4. – С. 222–226.

Куза А.В. Рыбный промысел в Древней Руси. – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – 208 с.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. – 248 с.

Татаурова Л.В., Мыльников В.П. Охотничье-промысловый инвентарь русского населения Тарского Прииртышья XVII–XVIII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – Т. 49, № 3. – С. 83–92. – doi:10.17746/1563-0102.2021.49.3.083-092

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф. Быт десятника Тарского гарнизона из деревни Ананьино в XVII–XVIII веках: продолжение (по результатам раскопок 2023 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 907–911. – doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0907-0911

References

Elkina I.I. Peremeny kostyuma v XVIII v. (po materialam monastyrskikh nekropolei). In *Zhizn' v Rossiiskoi imperii: Novye istochniki v oblasti arkheologii i istorii XVIII veka.* Moscow: [s.n.], 2018. P. 56–58. (In Russ.).

Kromm I.D., Berdnikov I.M. Vyyavlenie vozmozhnosti datirovaniya stavrograficheskoi kollektsii Omskogo Priirtysh'ya metodom sravnitel'nogo analiza s materialami iz nekropolei g. Irkutska. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2012. Iss. 4. P. 222–226. (In Russ.).

Kuza A.V. Rybnyi promysel v Drevnei Rusi. Moskow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. 208 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Kresty-tel'niki Ilimskogoostroga. Novosibirsk: INFOLIO, 2007. 248 p. (In Russ.).

Tataurova L.V., Mylnikov V.P. Hunting and fishing equipment of the Russian population of the Tarsky Priirtyshye of the XVII–XVIII centuries. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2021. Vol. 49, No. 3. P. 83–92. doi:10.17746/1563-0102.2021.49.3.083-092

Tataurova L.V., Tataurov S.F. The life of the foreman of the Tarsky garrison from the village of Ananyino in the XVII–XVIII centuries: continued (based on the results of excavations in 2023). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 907–911. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0907-0911

Татаурова Л.В. https://orcid.org/0000-0003-4829-7619
Татауров С.Ф. https://orcid.org/0000-0001-6824-7294
Татауров Ф.С. https://orcid.org/0000-0002-9447-1035

Дата сдачи рукописи: 14.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0787-0794
УДК 902.2+911.373.2(=521.145) (571.13)

К.Н. Тихомиров✉, М.Н. Тихомирова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ktikhomirov@gmail.com

Новые данные о керамических изделиях Нового и Новейшего времени с поселений татар севера Омского Прииртышья

Работа написана на основе полевых археологических материалов, полученных при изучении культурных слоев действующих населенных пунктов Усть-Ишимского р-на Омской обл. В работе рассмотрены коллекции керамики из д. Ашеваны и с. Усть-Ишим. Материалы делятся на гончарную (грубую) керамику (лепную и станковую) и фабричную тонкую керамику двух видов. Общее количество грубой (гончарной) керамики – 17 экз., тонкой – 53 экз. Описаны наиболее ценные находки. В основном они относятся к первому виду тонкой керамики. Это разновидность фаянса не очень высокого качества, но фрагменты являются редкими образцами регионального производства фаянсовой посуды. По декору выделяются экземпляры, украшенные под гжель. Эти экземпляры имеют много параллелей с керамикой, хранящейся в музеях разных регионов России. По аналогиям выяснено, что данная посуда изготавливалась на Урале, где сформировался стиль, похожий на гжель, под влиянием переселенцев из Гжельского куста. Также есть фрагменты, украшенные монохромными растительными сюжетами и геометрическими орнаментами, выполненными деколью. Наиболее интересный образец был дополнительно украшен редким для этой посуды приемом – рельефом в виде «жемчужин» и покрыт цветной глазурью. Аналогии подобного декора были обнаружены также на Урале. Второй вид тонкой керамики представлен фрагментами кузнецовского и советского фарфора с типичными для них способами декорирования: роспись кобальтовыми, люстровыми красками; растительные сюжеты и геометрические орнаменты (полосы и линии). В целом, полученные материалы способствуют расширению источниковой базы для реконструкции элементов материального быта сибирских татар первой половины XX в.

Ключевые слова: *археология, поселения, керамика, посуда, сибирские татары, Омское Прииртышье, вторая половина XIX – первая половина XX в.*

K.N. Tikhomirov✉, M.N. Tikhomirova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: ktikhomirov@gmail.com

New Data on Pottery of the Modern Period and Contemporary History from Tatar Settlements of the North of the Omsk Irtysh Region

The article is based on field archaeological materials obtained during the study of cultural layers of the existing settlements in the Ust-Ishim district of the Omsk Region. It examines pottery collections from the village of Ashevany and the village of Ust-Ishim. The materials are divided into pottery (coarse) ceramics (molded and easel), and two types of fine pottery. The total number of coarse (pottery) ceramics is 17 items, while fine pottery is represented by 53 items. The most valuable finds are described. They basically belong to the first type of fine ceramics. This is a type of low-quality faience, but the fragments are rare examples of regional production of faience dishware. In terms of decor, examples decorated in the Gzhel style stand out. These specimens have many parallels with ceramics stored in museums in different Russian regions. By analogy, it was found out that this dishware was made in the Urals, where a style similar to Gzhel was formed under the influence of migrants from the Gzhel region. Moreover, based on the decor, there are fragments decorated with a monochrome floral ornament and geometric ornaments made with decals. The most interesting sample was additionally decorated with a rare technique for this dishware – relief in the form of "pearls" and covered with a colored glaze. Parallels for such decor were also found in the Urals. The second type of fine ceramics is represented by fragments of the Kuznetsov and Soviet porcelain with their typical decoration methods (painting with cobalt and luster paints; floral and geometric ornaments (stripes and lines)). Generally, the obtained materials contribute to the expansion of the source base for the reconstruction of elements of the material life of the Siberian Tatars of the first half of the 20th century.

Keywords: *archaeology, settlements, ceramics, dishware, Siberian Tatars, Omsk Irtysh region, second half of the 19th – first half of the 20th centuries.*

Введение

Летом 2023–2024 гг. авторы проводили экспедиционные археологические и этнографические исследования в Усть-Ишимском р-не Омской обл. у сибирских татар с целью сбора материалов, которые могли бы быть использованы для изучения истории их поселений, материальной культуры. По этой теме одной из задач было археологическое изучение культурных слоев поселений. Сейчас возрастает значение артефактов XIX – первой половиной XX в., полученных в ходе шурфовок и раскопов на территории татарских деревень, потому что возможность пополнения музеев этнографическими предметами ограничена из-за того, что большинство их утрачено в процессе использования. Имеющиеся этнографические коллекции не охватывают всего существовавшего многообразия форм предметов. Это затрудняет реконструкции элементов материальной культуры.

Кроме того, в последние годы верхняя граница археологических исследований сдвигается к Новейшему времени, поэтому идет процесс накопления археологических коллекций этого периода. Возросло число статей, где рассматриваются результаты полевого изучения комплексов этого периода. Среди них можно выделить группу публикаций (А.С. Евшина, Я.Г. Загваздиной, Ю.Б. Кауфман, К.Н. Мергеневой, А.В. Матвеева, О.М. Аношко, Г.Н. Саукова, Н.Ф. Сирюшовой, Ф.С. Татаурова, Е.С. Янченко и др.), посвященных описанию и анализу фарфора и фаянса, полученных в основном из культурных слоев городов (историографию подробно см: [Загваздина, 2022, с. 85–86, 100–102]). В сельских поселенческих слоях, в отличие от города, тонкой керамики встречается меньше. Видимо, это можно объяснить тем, что у жителей сибирской деревни ее было меньше.

Целью работы будет введение в научный оборот новых коллекций фрагментов керамических изделий, полученных в ходе изучения культурных слоев д. Ашеваны Усть-Ишимского р-на Омской обл., а также исторической части с. Усть-Ишим, где до начала XX в. находилось татарское поселение.

Характеристика мест, где проводились археологические изыскания и были получены коллекции

Материалы были получены в д. Ашеваны в ее старой части на ул. Береговая, где было заложено несколько шурфов. Упоминание об этом поселении в письменных источниках появляется в 1782 г., хотя оно возникло раньше, видимо, между 1701 г., т.к. о нем нет упоминания в Дозорной книге Тарского уезда, и 1762–1763 гг. – временем проведения 3-ей ревизии населения. В это время оно уже было крупным поселением (92 муж. и 43 жен.) [Дозорная книга, 2021] (ГАТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 31. Л. 1069об.–1073).

При исследовании культурного слоя деревни, кроме керамики, были зафиксированы кости животных, 8 фрагментов бересты со следами от проколов шилом для швов, проколки из грифельных костей лошадей, кованые гвозди и др. Нижние горизонты культурного слоя были датированы находкой медной монеты номиналом 5 копеек, выпуска 1835 г., найденной на глубине 0,78 м на границе слоя подстилки и погребенной почвы.

Также в работе мы использовали сборы из с. Усть-Ишим, в котором большинство жителей сейчас – русские. Однако изначально это было татарское поселение. Материалы были получены в начале ул. Делегатская, где, согласно плану села и юрт Усть-Ишимских, составленному в 1879 г., татарские и русские семьи проживали по соседству. Место сбора керамики находилось на границе участков усадеб пономаря Ивана Петровича Елеонского (дом 57) и Маметша Сыйтыкова (дом 15), расположенных недалеко от мечети. Их ближайшими соседями были Михаил Павлович Мокринский (Мокринские – старинный крупный род из крещенных татар), Иван Ларионович Мокринский, Василий Спиридонов Кучков, Иван Матвеевич Мокринский, Айсемет Ниясбакиев, Сатык Мугамет-Аминов, Юлташ Мугаметов (ГИАОО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 629. Л. 3). Бóльшая часть подъемного материала – это фрагменты посуды из фабричного фаянса, которую использовали и татары, и русские, поэтому мы их включил в обзор.

Описание коллекций гончарной и тонкой керамики

Общая характеристика. Коллекции включают гончарную керамику (преимущественно станковую) и тонкую керамику. При определении *тонкой керамики* мы опираемся на устоявшееся среди керамистов, а также в классификации товаров деление на грубую и тонкую керамику. Для изделий тонкой керамики характерен спекшийся мелкопористый черепок, с однородной, плотной структурой, обычно белого цвета. Сюда относятся все виды фарфоровых, фаянсовых и тонкокаменных изделий. К грубой керамике относятся изделия с малооднородным, зачастую грубым и пористым черепком, имеющим естественную окраску (от темно-коричневой до серой). К этой группе относится гончарная посуда [Керамические товары, 1957, с. 473].

Термин «тонкая керамика» нами был использован целенаправленно, т.к. визуально (на глаз) материал, из которого сделан черепок, сложно определить. Наши находки похожи на разновидности фаянса. Визуально, на сломе черепка, видно, что они делятся на два вида. У первого – тесто светло-коричневое и коричнево-серое с вкраплениями песка. Черепки довольно толстые. Они покрыты глазурью, которая сейчас серо-белая. Они плохой сохранности. Есть фраг-

менты со сколотым глазурованным слоем, большинство из них покрыты цеком (сетью мелких трещин). Тонкая керамика второго вида более качественного изготовления. На изломе тесто плотное, ближе к белому цвету. Черепки тоньше, их сохранность лучше. Декор сделан качественнее.

Керамика из культурного слоя д. Ашеваны. Коллекция состоит из 7 фрагментов сосудов из грубой лепной и станковой керамики, два из которых покрыты коричневой глазурью (поливой). Из них 5 обломков венчиков: от миски (на ней виден завиток, нанесенный под глазурь), от кувшина крупника или латки (на его внешней поверхности уже после обжига голубой и розовой краской нанесен узор в виде фестонов; рис. 1, *2*), от 3 горшков. И еще есть обломок шейки от кувшина и часть плоского неорнаментированного дна от горшка с фрагментом стенки.

Коллекция тонкой керамики состоит из 37 мелких фрагментов (29 шт. из 2 у.г. и 8 шт. из 3 у.г.). Практически все они орнаментированные.

К первому виду относится 16 экз. фаянса (12 шт. из 2 у.г. и 4 шт. с 3 у.г.). Из них мелкие фрагменты (к какой части сосуда они относятся, неясно) – 8 шт., венчики – 7 шт., дно – 1 шт. Толщина венчиков от 0,4 и более 0,6 см. Большинство из них покрыты глухой белой глазурью. По декору этот вид можно разделить на две группы: а) декор, выполненный росписью под гжель (рис. 1, *3–6*); б) монохромные красные и черные орнаменты, выполненные декалькоманией (далее сокращ. – деколью) – способ перенесения рисунков (переводных картинок) с бумаги на глазурированную поверхность сосуда (рис. 1, *7–9*).

К второму виду тонкой керамики относится 21 экз. (17 шт. из 2 у.г. и 4 шт. с 3 у.г.). Большинство из них, венчики – 10 шт. (рис. 1, *10–15*), фрагменты донышек с придонной частью – 5 шт. и т.д. Толщина венчиков от 0,22 до ок. 0,4 см. Есть один фрагмент, напоминающий крышку.

Опишем наиболее интересные находки. Среди тонкой керамики первого вида 4 экз. (3 шт. из 2 у.г. и 1 шт. из 3 у.г.) декорированы под гжель. Из них: 2 шт. венчика, часть дна, мелкий фрагмент (видимо это был венчик). На одном из венчиков, более крупном (от тарелки) (размер 3,55 × 2,97 см, толщина 0,47 см), виден сложный орнамент из двух волнообразных пересекающихся полос в виде звеньев цепочки, которую можно описать следующим образом – две горизонтальных пересекающихся синусоидных линии голубого цвета, внутри которых – мелкие точки голубого цвета и пересекающая их тонкая горизонтальная полоса голубого цвета (рис. 1, *3*). Часть дна (размер 4,37 × 1,91 см, толщина 0,56 см; рис. 1, *5*), судя по аналогиям, относится к этому венчику. Оба фрагмента имеют много параллелей с экземплярами, хранящимися в музеях разных регионов России: Госкаталог Музейного фонда РФ: № 38403495 (Махачкала); № 13015949 (Томск); № 41910644, 41910673, 41911157 (Екатеринбург) и др. [Загваздина, 2022, с. 89, рис. 2–15]. Добавим, что в музейных фондах также встречается орнамент, выполненный не голубым цветом, а бордовым (Госкаталог МФ РФ № 26116625 (Северск) и др.). Отметим аналогичную целую тарелку (глубокую) из Государственного исторического музея (Москва), т.к. известно место ее производства – это уральская фабрика братьев Чекановых в г. Екатеринбург Екатеринбургского у. Пермской губ. Российской империи. Предмет датирован 1860-ми гг. (Госкаталог МФ РФ № 2842942). Фабрика Чекановых, основанная в 1846 г., была крупнейшим производителем фаянсовой посуды на Урале. В 1870-х – начале 1880-х гг. своей посудой они торговали на зимней Никольской ярмарке в г. Ишим, а нераспроданный товар везли в с. Абатское. В конце XIX – начале XX в. их продукция продавалась на Ирбитской ярмарке [Сауков, 2020, с. 390–391].

Однако нужно отметить, что в таком стиле выпускали посуду не только Чекановы, но и другие фабрики, напр., Афонины (основана в 1839/1840 гг.) [Сауков, Мергенева, 2020, с. 281, рис. 3]. Схожесть стилей объясняется тем, что старообрядческие семьи Афониных, Чекановых, Шуровых были переселенцами в Екатеринбург из Богородского у. Московской губ. (т.е. из Гжельского куста). Именно поэтому на Урале появляются декоры, похожие и даже идентичные гжели [Там же, с. 281].

Добавим, что второй венчик – более миниатюрный (размер 1,45 × 1,44 см, толщина 0,29 см). Вероятно, он от блюдца. Орнамент в виде цепочки немного отличается (рис. 1, *6*).

Среди обнаруженных фрагментов первого вида из второй группы, декорированных с помощью деколи (5 экз. – 4 шт. из 2 у.г. и 1 из 3 у.г.), отметим один интересный венчик с рельефом (размер 4,61 × × 3,37 см, толщина 0,51 см; рис. 1, *7*). Так как в докузнецовский и кузнецовский периоды использование рельефа в орнаментации встречается на более дорогих экземплярах высококачественной фаянсовой и фарфоровой посуды (см., напр.: [Русский художественный фарфор..., 2010, с. 15; с. 64, № 71а–71в; с. 65, № 74 и др.; Тихомирова, Тихомиров, 2019, с. 1601, рис. 1–7, с. 1609]). Судя по венчику, сосуд был тоже богато украшен. Кроме рельефа в виде «жемчужин», расположенных по краю венчика, глазурованный слой, которым покрыт черепок, не белого цвета, что характерно для такой посуды, а зеленовато-голубой (напоминает нефритовый цвет). Орнамент более стандартный для метода декалькомании. Растительный с элементами геометрического орнамент, монохромный, черного цвета. Мы не нашли образцы, которые были бы идентичны нашему экземпляру, но в Музее истории Екатеринбурга хранятся три фрагмента фаянсовой посуды, которые отдельными элементами на него похожи. На одном – сохранились «жемчужины», сделанные по краю венчика на зеленом фоне,

Рис. 1. Фрагменты гончарной и тонкой керамики.

1–2 – гончарная керамика; *3–9* – тонкая керамика первого вида (тарелка, блюдце); *10–15* – тонкая керамика второго вида (чайные чашки, блюдца). *3–6* – роспись под гжель; *7* – деколь, рельеф, цветная глазурь; *8*, *9* – деколь; *10–15* – роспись, печать.

а остальная часть тарелки покрыта белой глазурью, на втором – совпадает глазурованный цвет сосуда, у третьего – на белом фоне по краю венчика и в месте перехода борта в стенку сделано два ряда «жемчужин», нанесен деколью растительный и геометрический орнаменты черного цвета (Госкаталог МФ РФ: № 41910697; 41910708; 41911158 (Екатеринбург)). Еще похожие «жемчужины» по краю венчика встречаются на фрагментах тарелок из коллекции музея в Елабуге (Госкаталог МФ РФ: № 32473439, 32473468 (Елабуга)). Исходя из того, что больше всего аналогий этого вида встречается на Урале, мы предполагаем,

что посуда изготавливалась на уральских заводах во второй половине XIX в. Вообще, по нашему опыту изучения этнографических коллекций татар, а также по опубликованным археологическим материалам коллег, известно, что в наш регион во второй половине XIX – начале XX в. посуда, декорированная деколью, привозилась с Урала [Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., 2019, с. 1424; Тихомирова, Тихомиров, 2019, с. 1606, рис. 1, *6*, с. 1607].

Среди находок, относимых ко второму виду тонкой керамики, большинство орнаментировано с помощью росписи, печати. Сюжеты стандартные – цветочные мотивы, геометрические фигуры (рис. 1, *10–14*). Отметим один фрагмент венчика со стенкой (размер 2,7 × 2,1 см, толщина 0,25 см) с растительным полихромным рисунком, выполненным росписью, в которой использованы такие недешевые краски как кобальт, люстровая (рис. 1, *10*). Этот экземпляр аналогичен чашке, которая была обнаружена К.Н. Тихомировым в другом поселении татар в культурном слое с. Большие Туралы Тарского р-на Омской обл. [Тихомиров, Тихомирова, 2022, с. 759, рис. 2–*1*, с. 763].

На одном фрагменте донышка сохранилась часть печати (завиток, часть знака, ниже буква «И.», фрагмент еще одного знака) (рис. 2, 6–*6а*). Этой печати соответствует марка «Фабрики И.Е. Кузнецова в Волхове» (Новгородская губерния), использовавшаяся в 1878–1917 гг. [Марки..., 2003, с. 197, № 729]. Еще на одном блюдце (дно с фрагментом стенки) сохранилась печать красная надглазурная (рис. 2, 5–*5а*). Читается герб Российской империи, печать Товарищества Кузнецова 1889–1900-х гг. по 1910 г. Нет нижней части марки, поэтому неизвестно, к какому заводу она относится: в Вербилках, Риге или Твери [Там же, № 686, с. 186; № 715, 717, с. 192; № 726, с. 196].

Керамика из культурного слоя с. Усть-Ишим. Сборы составили коллекцию из 26 фрагментов сосудов, из них 10 – гончарная и 16 – тонкая керамика.

Фрагменты грубой керамики от 9 сосудов, из которых были определены: 6 горшков (3 покрыты коричневой и красной поливой), 1 крынка (без поливы). Срезы венчиков округлые (один плоский) неорнаментированные, сильно отогнутые наружу. На одном сильно профилированная шейка с резким переходом к плечику. Один венчик и часть стенки, покрытые коричневой поливой, были орнаментированы протащенной палочкой, образовывавшей часть растительного орнамента (см. рис. 1, *1*). Описанная керамика получает широкое распространение с началом переселения населения из европейской части Русского царства [Татаурова, Сопова, 2020, с. 2398–2404; и др.].

Вторую часть коллекции составили 16 экз. посуды из тонкой керамики. Из них к первому виду относятся 2 шт. (мелкий фрагмент и фрагмент дна со стенкой, покрытый цеком, толщина стенки 0,36 см) и 14 шт. – ко второму виду (среди них 6 экз. венчики и венчики со стенкой, толщина от 0,27 до 0,5 см).

Интересные фрагменты есть среди экземпляров, относимых ко второму виду. Отметим часть дна с оттиснутой печатью в тесте (рис. 2, *7–7а*). На сохранившемся фрагменте читается надпись «кузнецов.» (на конце половина буквы «а»), ниже цифра «9», а выше фамилии плохо пропечатавшиеся в тесте буква «М», еще выше скипетр в правой лапе имперского орла. Вдавленные печати редки, и подобная неизвестна в каталогах, но мы видели такую на блюде из Центра татарской культуры в с. Уленкуль Большереченского р-на Омской обл. и упоминали в одной из работ под нашим рабочим шифром «блюдо № 15». Композиционно она выглядит так же, как и описываемая. Сверху вниз «Герб РИ, ниже «М С», ниже «Кузецова», ниже «30» (видимо, технический знак) [Тихомирова, Тихомиров, 2019, с. 1604, 1612]. Фамилия «Кузнецова» выполнена одинаковыми шрифтами на обеих печатях. Если мы не ошибаемся в наличии герба на данной печати, то изделие, от которого остался фрагмент дна, можно датировать не ранее 1872 г. – это год, когда семье Кузнецовых дано было разрешение на своих марках и клеймах изображать государственный имперский герб [Марки..., 2003, с. 176].

Были обнаружены крупные фрагменты от двух розеток и двух блюдец. Все они по функции скорее использовались как блюдца (см. рис. 2, *1–3*). Один фрагмент стенки розетки (размер 4,24 × 3,65 см, толщина 0,33 см; в плане она подтрапециевидной формы) выделяется своим простым декором (голубой краской по краю сделаны широкая полоса ок. 0,5 см и отводка ок. 0,1 см), т.к. обычно он встречался на столовой посуде, производимой кузнецовскими фабриками (см. рис. 2, *1*). В это время полосы обычно рисовали голубым или розовым цветами. В Госкаталоге Музейного фонда РФ много вариантов посуды с этим декором (тарелки, блюда и др.) (напр., Госкаталог МФ РФ: № 49868795 – голубой цвет; 49920690 – розовый цвет). Аналогией нашему фрагменту сосуда является «Блюдечко с голубой каемочкой», изготовленное на фабрике Кузнецова из Музея г. Северска (Томская обл.) (Госкаталог МФ РФ № 15444738). В советский период этот вариант декора чаще всего встречается у посуды Конаковского фарфорового завода.

Еще у трех фрагментов сохранились дно и стенка. В декоре розетки использованы две отводки (см. рис. 2, *2*). Декор блюдец скромен. Полихромные, простые цветочные сюжеты (см. рис. 2, *3*). В одном случае рисунок нанесен росписью, во втором – современной печатью.

Среди остальных находок отметим венчик (размер 2,2 × 1,1 см, толщина 0,5 см), его край чуть отогнут. Предположительно, от тарелки. Орнамент геометрический – широкая полоса и две отводки ок. 0,1 см, нанесенные темно-зеленой краской (см. рис. 2, *4*). Такой декор встречается на посуде Конаковского фарфорового завода в 1941–1952 гг. В Госкаталоге Музейного

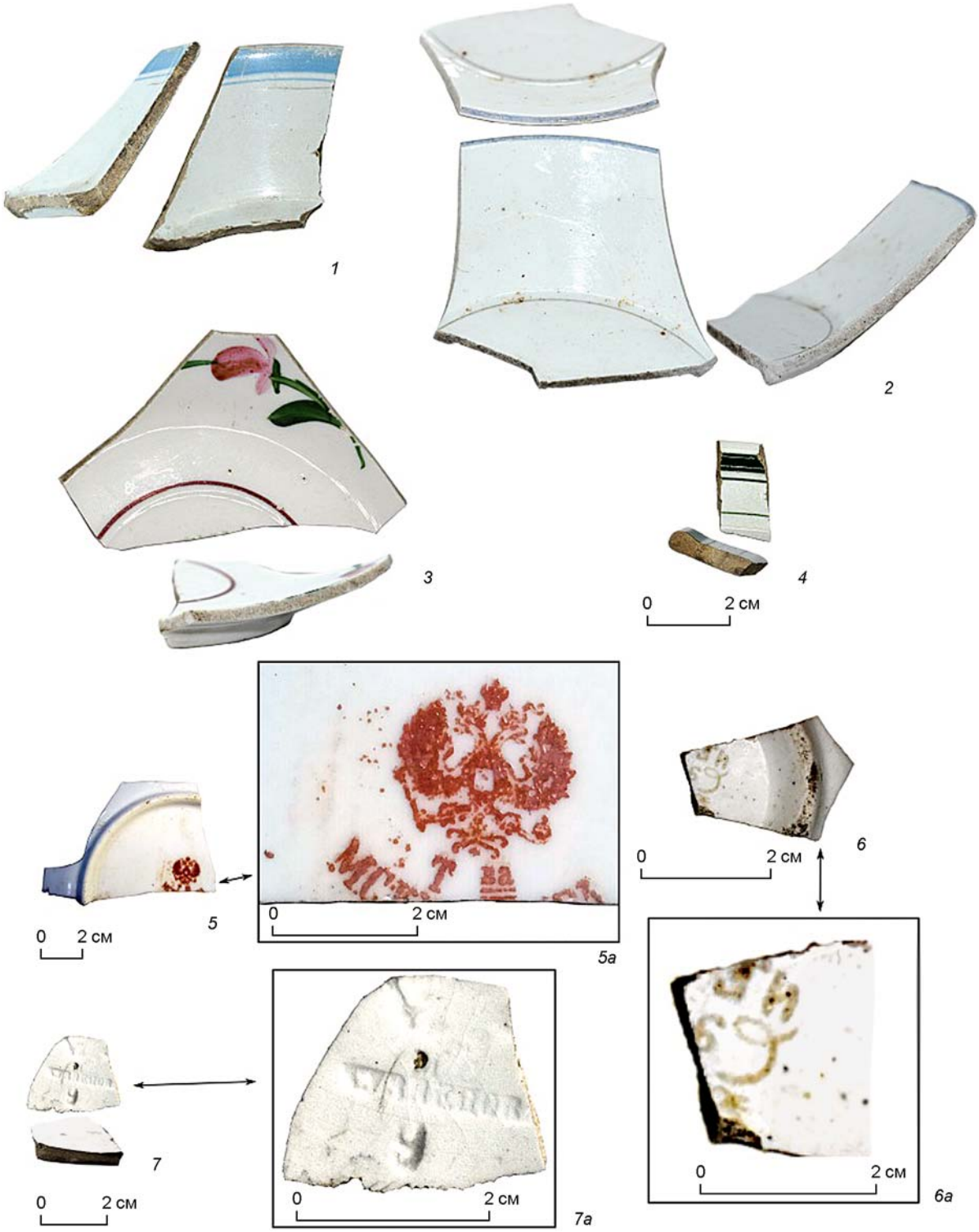

Рис. 2. Фрагменты тонкой керамики второго вида (розетки, блюдце, тарелка), марки и клейма заводов Кузнецовых.
1–4 –роспись; *5* – марка; *6*, *7* – клейма.

фонда РФ вариантов посуды с такими декорами много. А сочетание широкой полосы и 1-2 отводок темно-зеленого цвета, как на нашем экземпляре, встречалось на глубоких тарелках этого завода чуть позднее, судя по клеймам, – в середине XX в. (Госкаталог МФ РФ: № 38077374, 41542306, 44760610 и др.).

Заключение

Таким образом, рассмотрев новые коллекции грубой и тонкой керамики, можно сделать следующие выводы. Грубой (гончарной) керамики – 17 экз. и тонкой керамики – 53 экз. (из д. Ашеваны – 37 шт.;

из них – 17 шт. венчики и из с. Усть-Ишим – 16 шт.; из них – 2 шт. венчики).

Из 53 фрагментов тонкой керамики 18 экз. – это разновидность фаянса не очень высокого качества (его мы отнесли к первому виду). В коллекции из д. Ашеваны его больше. Находки в д. Ашеваны старше, чем в с. Усть-Ишим, т.к. там были сборы подъемного материала.

По декору наиболее интересные экземпляры были из д. Ашеваны – это полуфаянс под гжель и образцы с деколью, из них один еще украшен редким приемом – рельефом в виде «жемчужин». Эти образцы ценны тем, что они являются примером менее распространенного регионального производства фаянсовой посуды. Аналогии показывают, что это образцы посуды, производимой на уральских заводах.

Образцы тонкой керамики, отнесенной ко второму виду, по клеймам атрибутируются как кузнецовские (3 экз.), несколько фрагментов по декору также напоминает посуду с кузнецовских фабрик. В находках, относимых к этому виду, встречается фаянс советского периода, в частности, по декору похожий на продукцию Конаковского фарфорового завода.

В целом, полученные материалы способствуют расширению источниковой базы для реконструкции элементов материального быта сибирских татар первой половины XX в. Ранее мы писали работу о фаянсе и фарфоре у групп западносибирских татар на материалах этнографических собраний, но исходя из его наличия в музеях сел, где живут потомки бухарцев, и отсутствия в коллекциях сибирских татар, был сделан вывод о том, что посуда из тонкой керамики была более распространена у этой группы [Тихомирова, Тихомиров, 2019, с. 1609]. Изучение культурных слоев деревень сибирских татар последних лет корректирует наше представление по этому вопросу. Видимо, эта посуда имела более широкое бытование.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания, проект № FWZG-2022-0002 «Население Сибири и Северного Казахстана: социокультурные процессы и трансляция культурного наследия».

Благодарим директора Усть-Ишимского краеведческого музея А.С. Голубева за помощь в обзоре на местности планиграфии татарской части с. Усть-Ишим и за участие в сборах керамики.

Список литературы

Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: в 3 т. / ред. Н.А. Томилов. – Омск: Наука, 2021. – Т. 1: Текст. – 656 с.

Загваздина Я.Г. Фарфор и фаянс из раскопок усадьбы Неудачина в Тобольске // Теория и практика археологических исследований. – 2022. – № 2 (34). – С. 84–104.

Керамические товары // Товарный словарь. – М., 1957. – Т. III: Игла Рыба – Комбикорма. – С. 473–477.

Марки российского фарфора и фаянса. 1750–1960 / сост. Т.И. Дулькина. – М.: Изд-во И. Касаткиной, 2003. – 421 с.

Русский художественный фарфор XVIII – первой трети XX века в собрании Рыбинского музея-заповедника / сост. Н.Е. Коновалова. – Тверь: Принто-Принт, 2010. – 98 с.

Сауков Г.Н. География распространения посуды фабрики Чекановых по письменным и археологическим источникам // Двенадцатые Татищевские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. (Екатеринбург, 19–20 ноября 2019 г.). – Екатеринбург, 2020. – С. 390–395.

Сауков Г.Н., Мергенева К.Н. Фаянсовая посуда уральских производителей XIX – начала XX века из раскопа городской усадьбы (Курган, ул. Куйбышева, 21): информационные возможности вещественного источника // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. – М., 2020. – С. 273–290.

Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. Фарфор и фаянс в культурном слое города Тары // Былые годы. – 2019. – Вып. 4 (54). – С. 1018–1028.

Татаурова Л.В., Сопова К.О. Русская керамика Западной Сибири – от настоящего к прошлому: методические аспекты // Былые годы. – 2020. – Вып. 4 (58). – С. 2396–2408.

Тихомиров К.Н., **Тихомирова М.Н.** Археологический инвентарь с поселений татар Среднего Прииртышья Нового и Новейшего времени (по материалам полевых исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 767–765.

Тихомирова М.Н., Тихомиров К.Н. Посуда из фаянса и фарфора сибирских бухарцев второй половины XIX – начала XX вв. // Былые годы. – 2019. – Вып. 4 (54). – С. 1603–1612.

References

Dulkina T.I. (ed.). Marki rossiyskogo farfora i fayansa. 1750–1960. Moscow, 2003. 421 p. (In Russ.).

Keramicheskie tovary. Tovarnyi slovar’. – Moscow, 1957. – Vol. III: Igla Ryba – Kombikorma. – P. 473–477.

Konovalova N.E. (ed.). Russkii khudozhestvennyi farfor XVIII – pervoi treti XX veka v sobranii Rybinskogo muzeya-zapovednika. Tver’: Printo-PrinT, 2010. 98 p. (In Russ.).

Saukov G.N. Geografiya rasprostraneniya posudy fabriki Chekanovykh po pis’mennym i arkheologicheskim istochnikam. In *Dvenadtsatye Tatishchevskie chteniya: mater. Vseros. nauchno-praktich. konfer. (Ekaterinburg, 19–20 noyabrya 2019 g.)*. Ekaterinburg, 2020. P. 390–395. (In Russ.).

Saukov G.N., Mergeneva K.N. Fayansovaya posuda ural’skikh proizvoditelei XIX – nachala XX veka iz raskopa gorodskoi usad’by (Kurgan, ul. Kuibysheva, 21): informatsionnye vozmozhnosti veshchestvennogo istochnika. In *Rol’ veshchestvennykh istochnikov v informatsionnom*

obespechenii istoricheskoi nauki. Moscow, 2020. P. 273–290. (In Russ.).

Tataurov S.F., Tataurov F.S. Farfor i fayans v kul'turnom sloe goroda Tary. *Bylye gody*, 2019. Vol. 58. Iss. 4. P. 1018–1028. (In Russ.). doi:10.13187/bg.2019.4.1418

Tataurova L.V., Sopova K.O. Russkaya keramika Zapadnoi Sibiri – ot nastoyashchego k proshlomu: metodicheskie aspekty. *Bylye gody*, 2020. Vol. 58. Iss. 4. P. 2396–2408. (In Russ.). doi:10.13187/bg.2020.4.2396

Tikhomirov K.N., Tikhomirova M.N. Archaeological Inventory from the Settlements of the Tatars in the Middle Irtysh Region of the Early Modern and Modern Periods Based on Field Research. In *Problems of Archaeology,Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 28. P. 767–765. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0757-0765

Tikhomirova M.N., Tikhomirov K.N. Posuda iz fayansa i farfora sibirskikh bukhartsev vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Iss. 4. P. 1603–1612. (In Russ.). doi:10.13187/bg.2019.4.1603

Tomilov N.A. Dozornaya kniga Tarskogo uezda 1701 goda: 3 vol. Omsk: Nauka, 2021. Vol. 1: tekst. 656 p. (In Russ.).

Zagvazdina Y.G. Porcelian and faience from the excavations of Neudachin's state in Tobolsk. *Theory and practice of archaeological research*, 2022. No. 2 (34). P. 84–104. doi:10.14258/tpai(2022)34(2).-06

Тихомиров К.Н. https://orcid.org/0000-0003-1159-1603
Тихомирова М.Н. https://orcid.org/0000-0001-8271-8451

Дата сдачи рукописи: 26.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0795-0800
УДК 902.2+911.373.2(=521.145) (571.13)

К.Н. Тихомиров✉, М.Н. Тихомирова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ktikhomirov@gmail.com

Предварительное археологическое исследование летних юрт Чертанлинских

Летние сезонные поселения аборигенного населения Западной Сибири практически неизвестны, и археологические работы на них не производились. В результате представления о культуре и хозяйстве этих жителей оставались односторонними, не полностью раскрывая хозяйственный цикл. Целью полевых работ 2024 г. стало выявление и предварительное исследование летнего поселения юрт Чертанлинских. Анализ карт и планов конца XVIII в. позволил установить факт существования населенного пункта татар с указанным названием и его предположительное место расположения. В результате опросов местных жителей д. Черталы по истории деревни и традиционному хозяйству была получена информация о существовании в прошлом зимнего и летнего сезонных поселений их предков в этом районе. Археологическое обследование левобережной поймы р. Тара и помощь местных жителей позволили установить точное место расположения летнего поселения. В результате проведения шурфовки была получена коллекция предметов материальной культуры татар. В нее вошли фрагменты различных частей лепных и гончарных керамических сосудов, в т.ч. орнаментированный фрагмент стенки сосуда, обломок металлического изделия, проколка из кости животного, куски обожженной глины красного цвета, кости и зубы крупного и мелкого рогатого скота, птицы. Проведенные работы не только точно указывают место расположения бывших юрт Чертанлинских, но и впервые предоставляют археологический материал с летнего поселения тарских татар конца XVIII – начала XIX в. Его дальнейшее исследование подкрепит полученные ранее материалы с их зимнего поселения и позволит впервые в полной мере исследовать комплекс традиционного сезонного природопользования жителей южнотаежной зоны Западной Сибири в XVII – начале XIX в. Это будет способствовать лучшему изучению системы жизнеобеспечения и культуры населения этой территории в указанный период.

Ключевые слова: *археология, летнее поселение, тарские татары, конец XVIII – начало XIX в., низовья р. Тара, поиск и исследование поселений.*

K.N. Tikhomirov✉, M.N. Tikhomirova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: ktikhomirov@gmail.com

Preliminary Archaeological Research at the Summer Yurts of Chertanlinsky

The article reports the results of the search and preliminary studies with archaeological methods of the summer seasonal settlement of the Tara Tatars dating from the late 18th – first half of the 19th century. The summer seasonal settlements of the aboriginal population of Western Siberia are practically unknown and not subjected to archaeological research. Hence, understanding the culture and economy of these people remained incomplete. The purpose of the 2024 research was to identify and preliminary study the summer seasonal settlement of the Yurt Chertanlinsky. An analysis of maps and plans of the late 18th century made it possible to establish the fact of the existence of a Tatar settlement with the indicated name and place of its location. As a result of surveys and interviewing local people of the village of Chertaly about the history of the village and the traditional economy, information was gained that their ancestors lived in this area in the past in the winter and summer seasonal settlements. Archaeological reconnaissance of the left-bank floodplain of the Tara River and the help of local people allowed us to establish the exact location of the summer settlement. The established test pits provided a collection of objects of the material culture of the Tatars. It included fragments of various parts of hand-made and wheel-made pottery, an ornamented pottery fragment, a metal product fragment, a borer of animal bone, pieces of burned red clay, bones and teeth of cattle, goats and sheep, and poultry. In the course of archaeological excavations, the precise location of the yurt of Cheranlinsky has been established, and for the first time, archaeological materials from the summer settlement of the Tara Tatars of the late 18th – early 19th centuries were recovered. Further studies will provide new data supporting the previously collected materials from the winter settlement. The derived array of information will fully illustrate the traditional seasonal subsistence

strategy of the inhabitants of the south-taiga zone of Western Siberia in the 17th – early 19th centuries. This is a good progress to better comprehension of the life support system and the culture of the population of this region during the specified period.

Keywords*: archaeology, summer settlement, Tara Tatars, late 18th – early 19th centuries, the Lower Tara River, search and study of settlements.*

Введение

Невозможно в полной мере узнать историю и культуру населения, имея сведения лишь о ее части. Например, исследуя лишь зимние сезонные поселения и оставляя неизученными летние сезонные места обитания, невозможно в полной мере объективно представить хозяйственный цикл, а значит и культуру, и историю жителей этих мест.

Существует мнение, что в эпоху позднего Средневековья – первой половине XVIII в. у татар Прииртышья система хозяйствования имела сезонный характер с существованием летних и зимних поселений, расположенных в местах наиболее удобных для ведения того или иного вида хозяйства [Титов, 2015, с. 37; Тихомиров, Тихомирова, 2021, с. 98]. До сих пор этой теме уделялось мало внимания. Тем не менее это важнейший и наиболее эффективный механизм получения наибольшего продукта при ведении комплексного хозяйства в условиях южнотаежной зоны Западной Сибири, на северной границе лесостепи. Его анализ позволит не только изучить стратегии освоения географического пространства татар, но и продемонстрирует трансляцию некоторых черт культуры населения южнотаежного Прииртышья, начиная с эпохи раннего Средневековья. Поэтому особенно важно тщательно выявить и исследовать сезонные поселения.

Целью работ 2024 г. стало выявление и предварительное исследование одного из сезонных летних поселений тарских татар, расположенного в низовьях р. Тара на ее левобережье.

Источниками для проведения работ стали данные архивов, научные публикации, материалы проведенной в 2024 г. археологической разведки с шурфовкой, этнографические данные, публикации проведенных ранее раскопок поселения Черталы I, данные космоснимков, находящихся в открытом доступе и др.

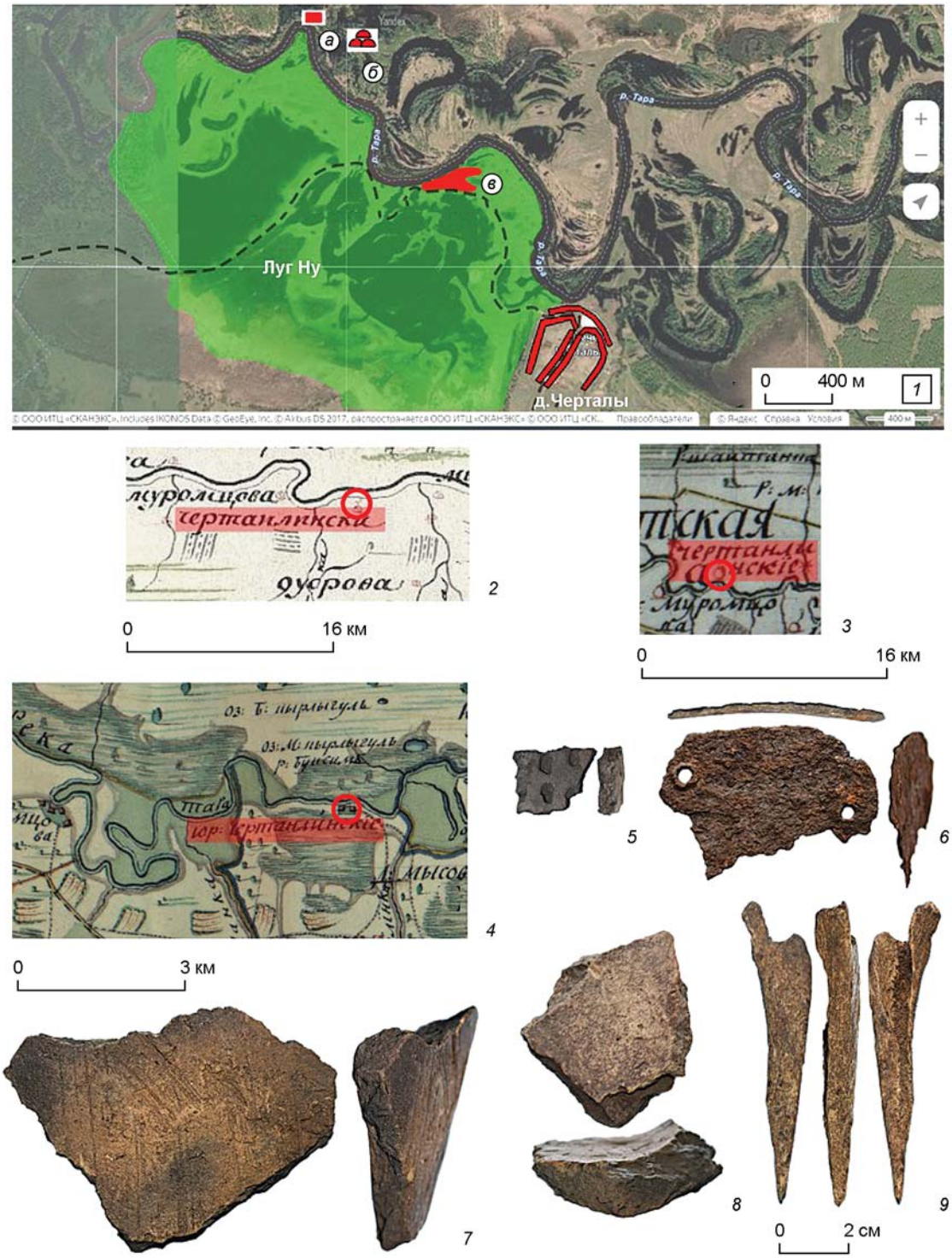
Исторические сведения о юртах Чертанлинских

Поселение с наименованием Кошбахтина впервые упоминается в Дозорной книге 1625 г. Аялынской волости, где указаны 17 плательщиков ясака [Долгих, 1960, с. 63]. Ее название и вероятное место расположения, практически совпадает с деревней, упомянутой в Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. «Кожбахта Сарыбаева», где приведено и ее второе название «Чертанлинская та ж». Вероятно, это одна и та же деревня. Указано, что в ней живут ясашные татары. Пашни у них: «паханные... пятнадцать десятин в поле... Да непаханой заложной земли, и лесом поросшей, и пустоши пятьдесят десятин. Сенных у них покосов на семьсот копен*» [Дозорная книга..., 2021, с. 574–575]. Так же она упоминалась в 1698 г. как д. Чертанлинская (Кожбахта Сарыбаева) (22 двора ясашных, пахотной земли 15 дес., непаханной и заложенных земель заросших лесом и пустующей земли 50 дес., покосов – на 700 копен) [Томилов, 1996, с. 192]. Кроме того, она упомянута как Черталинская в 1782 г. (67 сибирских татар, из которых 36 мужчин, 32 женщины), в 1811 г. (данные 6-й ревизии: 44 мужчины), в 1816 г. (7-я ревизия: 77 сибирских татар – 47 мужчин и 30 женщин), в 1850 г. (9-я ревизия: 62 чел. – 42 мужчины и 20 женщин), в 1858 г. (10-я ревизия: 45 сибирских (30 мужчин и 15 женщин) и 18 поволжских татар (10 мужчин и 8 женщин)), в 1897 г. (Всероссийская перепись населения: 55 хозяйств, 109 сибирских татар (60 мужчин и 49 женщин), 167 поволжских татар (87 мужчин и 80 женщин)) [Томилов, 1996, с. 192–194], в 1926 г. (Всесоюзная перепись населения: 78 хозяйств (203 мужчины и 185 женщин)) [Список..., 1928, с. 35].

Также она упоминалась в записках путешественников первой половины XVIII в., проезжавших по этим местам, как Чертанлы (Д.Г. Мессершмидт в 1721 г.) или Чортан (Dshortan'l) (И.Г. Гмелин в 1741 г.) [Горохов, 2019, с. 201–203].

Несмотря на то, что в письменных источниках она довольно часто упоминается, ее точное местоположение не было известно, на имеющихся же картах и планах она указана на разных берегах р. Тара. Впервые место ее расположения как «Чертанлы» указано на левом берегу реки на вклейке к листу 93 Хорографической чертежной книги Сибири С.У. Ремезова, который составлял ее с конца XVII в. до 1711 г. [Хорографическая чертежная книга..., 2011]. Следующий раз она отмечена как «Чертаилинская» на «Карте Тарского уезда» в 1784 г. на левом берегу р. Тара выше по течению от р. Шайтанка (см. *рисунок*, *2*) [Тихомиров, Тихомирова, 2021]. Также она отмечена на «Карте Тарского уезда Тобольской губернии» в 1798 г. и Топографическом плане из этого же атласа [Там же]. На первой она под именем «Чертанлинские» отмечена на правом берегу р. Тара (см. *рисунок*, *3*) недалеко от р. Шайтанка (правый приток р. Тара) (сов. р. Березовка), на втором под именем «юр: Чертанлинские» указана на левом берегу р. Тара (см. *рисунок*, *4*). Судя по экспликации, приведенной на указанном выше Топографическом плане, земельный надел юрт Чертанлинских полностью располагался на левом берегу р. Тара. Его границы на

* Копна здесь используется как единица площади, в это время она была равна 1/10 десятины [Дозорная книга..., 2022, с. 268].

Схемы места расположения юрт Чертанлинских и инвентарь из шурфов.

1 – космоснимок окрестностей д. Черталы: *а* – поселение Черталы I, *б* – курганные и грунтовый могильники Черталы II, III, IV, *в* – предполагаемое место расположения юрт Чертанлинских летних; *2* – фрагмент карты Тарского уезда (1784 г.); *3* – фрагмент карты Тарского уезда (1798 г.); *4* – фрагмент Топографического плана Тарского уезда (1798 г.); *5*, *7* – фрагменты стенок керамических сосудов; *8* – фрагмент дна; *6* – фрагмент железного изделия; *9* – костяное изделие.

2–4 – по: [Тихомиров, Тихомирова, 2021].

севере проходили по левому берегу указанной реки, восточная по р. Шайтанке (левый приток р. Тара), южная доходила до Московско-Сибирского тракта, в районе пересечения р. Малая Шайтанка (совр. р. Ревунья) на юго-восточной окраине д. Павловка Муромцевского р-на Омской обл., западная граница узким участком соприкасалась с правым берегом р. Юлганка (левый приток р. Тара) в районе с. Мыс. Их владения включали в себя луг «Ну» (см. *рисунок*, *1*) с большим количеством озер, участок р. Тара и тарскую левобережную террасу

с пашней. Согласно экспликации, на плане в 1798 г. в надел юрт Чертанлинских, составлявших 11 829 дес., 2 158 саженей (далее – саж.) (из которых «удобной земли» было 11 150 дес., 686 саж.), куда входили: пашенные земли (908 дес., 1 374 саж.), сенокосные угодья (264 дес., 350 саж.), лес (375 дес., 1 520 саж.). Выгоны и деревня занимали 104 дес., 1 942 саж.

История археологических и этнографических исследований д. Черталы и ее окрестностей

В конце 1980–1990-х гг. в рамках исследования археолого-этнографического комплекса тарских татар район д. Черталы стал исследоваться археологами и этнографами. Этнографическое изучение татар указанной деревни в 1982, 1996, 2007 гг. велось по нескольким направлениям: генеалогии, погребальный обряд, исследование истории поселений, традиционные жилища, система питания и др. Полевые материалы собирались в рамках попытки в будущем сконструировать модель развития культуры татарских татар от прошлого к настоящему времени. Полученные данные были использованы для написания ряда монографий [Селезнев, Селезнева, Бельгибаев, 2006; Тихомирова, 2006].

Одним из важнейших перспективных направлений исследования группы омских археологов и этнографов является реконструкция и исследование археолого-этнографических комплексов. Б.В. Мельников для исследования археологической составляющей такого комплекса тарских татар в конце 1980-х гг. проводил раскопки поселения Черталы I, принадлежавшего когда-то, по его мнению, аборигенному населению [Карлова, Мельников, 1999, с. 45]. Данные работы велись параллельно с этнографическими исследованиями в д. Черталы среди потомков жителей этого поселения [Мельников, 1996]. Результатом его раскопок в 1988, 1989 и 1991 гг. на площади 540 м^2 стало исследование постройки (жилища) и получение большой коллекции предметов (около 10 тыс. находок, из которых 700 являлись фрагментами керамических «гончарных» сосудов) [Герасимов, Здор, Корусенко, 2022, с. 186, 188]. По обнаруженным монетам он датировал исследованное жилище второй половиной XVIII в. [Карлова, Мельников, 1999, с. 45]. К сожалению, некоторые результаты его исследований были опубликованы лишь в нескольких небольших работах [Мельников, 1996; Карлова, Мельников, 1999]. В 2006 и 2010 гг. этот памятник исследовал М.А. Корусенко, а в 2011 г. под его руководством здесь на площади 85 м^2 были проведены раскопки, в ходе которых были изучены остатки жилища с нарами и чувалом, хозяйственные ямы и часть какой-то хозяйственной постройки, получена многочисленная коллекция станковой керамики, металлических изделий (ножи, серп и др.), кости животных, фрагменты обмазки красного цвета. Анализируя полученные материалы, авторы статьи об этих работах приходят к выводу о том, что «поселение Черталы I... оставлено предками современного населения д. Черталы» [Герасимов, Здор, Корусенко, 2022, с. 188]. А время «его бытования» определяют первой половиной XIX в. [Там же, с. 196].

Археологические и этнографические исследования места расположения юрт Чертанлинских (летних)

Анализ карт и планов конца XVIII в. выявил, что на разных документах место расположения поселения означено на разных берегах р. Тара, что позволило предположить, что оно имело два места локализации – летнее и зимнее. В пользу этого предположения свидетельствовали и личный осмотр возможных мест их расположений. Предполагаемое зимнее поселение находилось на краю высокой правобережной залесенной тарской террасы. Важно и то, что здесь отсутствует удобный доступ к воде (под террасой с отвесными склонами расположена заболоченная пойма). Предполагаемое место расположения летнего поселения находится на краю берега в левобережной тарской пойме, насыщенной многочисленными водоемами и пастбищами. Проведенные наблюдения показывают, что через поселение проходит единственный путь для суточных перемещений стад и отар на пастбища и в современную деревню.

Также при сборе информации местные жители сообщили, что раньше у них было два поселения: зимнее и летнее (*яйлау*). Первое, по их словам, находилось на противоположном высоком правом берегу р. Тара северо-западнее, а недалеко от него располагалось старое кладбище и там велись раскопки. Указанное место совпадает с археологическими памятниками поселение Черталы I и комплексом курганных и грунтового могильников Черталы II, III, IV. Точное место расположения второго, летнего поселения оставалось неизвестным. Однако, по полученной информации, в левобережной пойме проводились грабительские раскопки «черными археологами», которые находили там металлические предметы. Более точных данных получить не удалось. По нашей просьбе один из местных жителей указал нам точное место расположения летника и мест ограбления. В 2024 г. на предполагаемом месте расположении летних юрт Чертанлинских была проведена шурфовка.

Юрты Черталинские (летние) предположительно находились на кромке левого берега р. Тара на невысокой незатопляемой гриве высотой 0,4–0,6 м над уровнем окружающей его левобережной тарской поймы, которая тянется практически от стока оз. *Коро-Илятау* (Сухой Илятау) в р. Тара, называемого местными жителями *Яйлау аир* (ручей Летних) вверх по течению р. Тара на протяжении 0,36 км, отходя от края берега на 0,07–0,1 км до лога, расположенного за безымянным озером (см. *рисунок*, *1*). Всю эту мест-

ность местные жители называют *яйлау*. Поверхность поросла луговой растительностью с отдельно стоящими березами на краю берега и тальником у уреза воды. Анализ космоснимков этого места подтвердил, что в период половодья этот участок не заливается водой [Деревня Черталы]. При этом было выяснено, что мощность культурного слоя составила 50–80 см в разных шурфах, насыщенных находками. Проведенные наблюдения показали, что река в этом месте моет берег и, возможно, часть остатков поселения была смыта. В результате проведенной шурфовки в 2024 г. была получена небольшая коллекция из 89 предметов.

Керамическую коллекцию составили 16 фрагментов керамических сосудов. Из них 9 фрагментов стенок толстостенной станковой керамики, придонная часть стенки с частью плоского неорнаментированного дна (см. *рисунок*, *7*, *8*), 7 фрагментов стенок лепной тонкостенной керамики из плотного теста, один из которых орнаментирован горизонтальными параллельными рядами крупных овальных ямок (см. *рисунок*, *5*). Сюда также вошли два мелких фрагмента неорнаментированных венчиков лепных сосудов. Один из них имел округлый гладкий срез, второй имел желобок на скошенном внутрь срезе.

Таким образом, в керамической коллекции, несмотря на ее немногочисленность, выделяются два комплекса: толстостенной станковой керамики и тонкостенной лепной керамики. Керамика первого комплекса получает широкое распространение на этой территории с конца XVI – начала XVII в. и может служить для относительной датировки полученной коллекции. Второй комплекс имеет широкие хронологические и культурные рамки и может быть лишь вспомогательным маркером. Орнаментированный тонкостенный фрагмент стенки лепного сосуда находит аналогии среди керамических материалов, распространенных в Среднем Прииртышье и в Обь-Иртышском междуречье в XVI–XVIII вв. и традиционно связываемых с древностями предков татар [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 16–34; Нижнетарский археологический микрорайон, 2001, с. 169–176].

Коллекция костей составила 44 фрагмента, относящегося к КРС, МРС и птице. В нее вошла таранная кость МРС и обломок костяной проколки из кости животного (см. *рисунок*, *9*). В коллекции также присутствовали куски обожженной глины (обмазки) красного цвета и обломок пластины из железа с двумя пробитыми отверстиями (см. *рисунок*, *6*).

Заключение и выводы

В результате проведенных в 2024 г. археологических и этнографических работ было обследовано вероятное место расположения летнего сезонного поселения тарских татар юрты Чертанлинские. Оно, вместе с исследованным ранее поселением Черталы I, вероятно, являвшимся зимним поселением, составляло комплекс сезонных поселений группы тарских татар. Основываясь на данных карт и планов конца XVIII в. можно предположить, что именно летник указывался на них как юрты Чертанлинские.

Сезонный способ ведения хозяйства в указанное время был достаточно эффективен. Об этом свидетельствует стабильная численность населения на протяжении XVIII – первой половины XIX в. Увеличение численности населения фиксируется с середины XIX в., в т.ч. за счет татар-переселенцев из Поволжья, что зафиксировала в 1858 г. 10-я ревизия. Возможно, этому способствовал ряд исторических и экономических факторов, в числе которых, возможно, было и увеличение надела в конце XVIII в.

Одной из вероятных причин перенесения деревни на современное место, возможно, стал экономический фактор – стремление поселиться ближе к проходившей в первой половине XVIII в. дороге в Каинск (совр. г. Куйбышев), а позже проходившему недалеко Московско-Сибирскому тракту.

Проведенные в 2024 г. археологические и этнографические работы в д. Черталы Муромцевского р-на Омской обл. и ее окрестностях впервые дали сведения об истории населенного пункта, о существовании ранее сезонных поселений и о материальной культуре тарских татар XVIII – начала XIX в. Это доказывает сам факт существования сезонных поселений у этой группы татар и позволит при дальнейших работах восстановить недостающие элементы в комплексе сезонных поселений и полнее изучить культуру тарских татар.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0002 «Население Сибири и Северного Казахстана: социокультурные процессы и трансляция культурного наследия».

Выражаем благодарность Ильгизу Идрисовичу Бакирову, оказавшему помощь в поисках места расположения летней деревни.

Список литературы

Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Корусенко М.А. Поселение Черталы в Тарском Прииртышье: некоторые итоги изучения // Вестн. Ом. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2022. – Т. 9, № 4 (36). – С. 186–199.

Горохов С.В. Угуйский волок в первой половине XVIII в. // Вестн. Ом. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2019. – № 2 (22). – С. 197–208.

Деревня Черталы // Yandex.Карты. URL.: https://yandex.ru/maps/?from=vbff&l=sat%2Csk1&ll=75.377099%2C56.364165&z=16 (дата обращения 11.10.2024).

Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: в 3 т. / ред. Н.А. Томилов. – Омск: Наука, 2021. – Т. 1: Текст. – 656 с.

Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: в 3 т. / ред. Н.А. Томилов. – Омск: Наука, 2022. – Т. 2: Научно-справочный аппарат. – 288 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960. – 622 с.

Карлова Н.Р., Мельников Б.В. Керамика Черталинского поселения // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 1999. – Т. 4. – С. 45–52.

Мельников Б.В. Из опыта археолого-этнографических исследований Омского университета в Западной Сибири (1987–1991 гг.) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 1996. – Т. 1: Культура тарских татар. – С. 25–29.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 262 с.

Нижнетарский археологический микрорайон / П.В. Большаник, А.В. Жук, В.И. Матющенко. – Новосибирск: Наука, 2001. – 256 с.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. Мир таежных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). – Омск: Наука, 2006. – 260 с.

Список населенных мест Сибирского края. – Новосибирск: Советская Сибирь, 1928. – Т. 1: Округа Юго-Западной Сибири. – 831 с.

Титов Е.В. Культура домостроительства татар тарского Прииртышья в конце XIX – XX вв. // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 32. – С. 34–44.

Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Расположение поселений татар в Среднем и Нижнем Притарье по картографическим материалам XVIII века // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – Т. 49, № 3. – С. 93–100. – doi:10.17746/1563-0102.2021.49.3.093-100

Тихомирова М.Н. Культура питания татар Среднего Прииртышья: проблемы формирования и этнокультурных связей. – Омск: Наука, 2006. – 214 с.

Томилов Н.А. Поселения тарских татар бассейна Тары // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 1996. – Т. 1: Культура тарских татар. – С. 188–197.

Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова. – Тобольск: Возрождение Тобольска, 2011. – 690 с.

References

Bolshanik P.V., Zhuk A.V., Matyushchenko V.I. Nizhnetarskii arkheologicheskii mikroraion. Novosibirsk: Nauka, 2001. 256 p. (In Russ.).

Derevnya Chertaly. In. *Yandex.Maps*. URL.: https://yandex.ru/maps/?from=vbff&l=sat%2Cskl&ll=75.377099%2C56.364165&z=16 (Accessed: 11.10.2024).

Dolgikh B.O. Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v. Moscow, 1960. 622 p. (In Russ.).

Gerasimov Y.V., Zdor M.Y., Korusenko M.A. The Settlement of Chertaly in the Tarsky Irtysh Region: Some Results of the Study. *Vestnik Omskogo universiteta. Istoricheskie nauki*, 2022. Vol. 9. No. 4 (36). P. 186–199. (In Russ.). doi:10.24147/2321-1300.2022.9 (4).186-199

Gorokhov S.V. Uguisky Logway in the First Half of the 18th Century. *Vestnik Omskogo universiteta. Istoricheskie nauki,* 2019. No. 2 (22). P. 197–208. (In Russ.).

Karlova N.R., Mel'nikov B.V. Keramika Chertalinskogo poseleniya. In *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: problemy kul'tury i sotsiuma*. Novosibirsk: Nauka, 1999. Vol. 4. P. 45–52. (In Russ.).

Mel'nikov B.V. Iz opyta arkheologo-etnogaficheskikh issledovanii Omskogo universiteta v Zapadnoi Sibiri (1987–1991 gg.). In *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: problemy kul'tury i sotsiuma*. Novosibirsk: Nauka, 1996. Vol. 1. Kul'tura tarskikh tatar. P. 25–29. (In Russ.).

Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya. Novosibirsk : Nauka, 1990. 262 p. (In Russ.).

Remezov S.U. Khorograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri Semena Ul'yanovicha Remezova. Tobol'sk: Obshchestvennyi blagotvoritel'nyi fond Vozrozhdenie Tobol'ska, 2011. 690 p. (In Russ.).

Seleznev A.G., Selezneva I.A., Bel'gibaev E.A. Mir taezhnykh kul'tur yuga Sibiri (traditsionnoe khozyaistvo i soputstvuyushchie komponenty zhiznedeyatel'nosti). Omsk: Nauka, 2006. 260 p. (In Russ.).

Spisok naselennykh mest Sibirskogo kraya. Novosibirsk: Sovetskaya Sibir', 1928. Vol. 1: Okruga Yugo-Zapadnoi Sibiri. 831 p. (In Russ.).

Tikhomirov K.N., Tikhomirova M.N. Location of Tatar Settlements in the Middle and Lower Tara Region According to 18th Century Maps. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2021. Vol. 49. No. 3. P. 93–100. (In Russ.). doi:10.17746/1563-0102.2021.49.3.093-100

Tikhomirova M.N. Kul'tura pitaniya tatar Srednego Priirtysh'ya: problemy formirovaniya i etnokul'turnykh svyazei. Omsk: Nauka, 2006. 214 p. (In Russ.).

Titov E.V. Kul'tura domostroitel'stva tatar tarskogo Priirtysh'ya v kontse XIX – XX vv. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2015. No. 32. P. 34–44. (In Russ.).

Tomilov N.A. Dozornaya kniga Tarskogo uezda 1701 goda: 3 vol. Omsk: Nauka, 2021. Vol. 1: tekst. 656 p. (In Russ.).

Tomilov N.A. Dozornaya kniga Tarskogo uezda 1701: vol. 3. Omsk: Nauka, 2022. Vol. 2: nauchno-spravochnyi apparat. 288 p. (In Russ.).

Tomilov N.A. Poseleniya tarskikh tatar basseina Tary. In. *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: Problemy kul'tury i sotsiuma*. Novosibirsk: Nauka, 1996. Vol. 1: Kul'tura tarskikh tatar. P. 188–197. (In Russ.).

Тихомиров К.Н. https://orcid.org/0000-0003-1159-1603
Тихомирова М.Н. https://orcid.org/0000-0001-8271-8451

Дата сдачи рукописи: 21.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0801-0807
УДК 903.21; 903. 26

М.А. Томилин[1], Р.О. Трапезов[1], С.В. Черданцев[1], И.В. Пилипенко[1], Д.В. Поздняков[2], М.С. Нестерова[2], А.В. Новиков[2], В.И. Молодин[2], А.С. Пилипенко[1]✉

[1]Институт цитологии и генетики СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru

Первые данные о разнообразии митохондриальной ДНК у населения басандайской культуры (по материалам могильников Ташара-Карьер-2, Ташара-1, Ташара-14)

В статье представлены первые результаты исследования генетического состава (на уровне разнообразия вариантов митохондриальной ДНК) носителей басандайской культуры развитого Средневековья из могильников Ташара-Карьер-2, Ташара-1, Ташара-14, расположенных в Новосибирском Приобье (Мошковский р-н Новосибирской обл.). Исследована серия из 24 образцов/индивидов. Для 19 из них получены данные по структуре варианта митохондриальной ДНК, для 18 установлено филогенетическое положение. Всего выявлено 13 структурных вариантов, относящихся в западно-евразийским (J1b1a1, R0a, T2, U1a, U4) и восточно-евразийским (A, A8, C4a2a1, C5b1, F1b, N9a) гаплогруппам мтДНК. Проведен анализ особенностей распространения выявленных вариантов мтДНК, многие из которых оказались филогеографически информативными. Полученные результаты свидетельствуют о важной роли компонентов южного происхождения при формировании генофонда митохондриальной ДНК рассматриваемой локальной части басандайской популяции. Предварительно установлены два вектора генетических связей населения – юго-восточный и юго-западный. Полученные результаты коррелируют с гипотезой о том, что басандайская культура сформировалась в более южной части Приобья (лесостепной Алтай) и затем распространилась в Новосибирское и Томское Приобье. Однозначных свидетельств участия в формировании генофонда носителей басандайской культуры компонентов северного (таежного) происхождения на данном этапе не получено. Дальнейшие перспективы исследования связаны с получением данных на уровне разнообразия митохондриальной ДНК по другим локально-территориальным группам басандайского населения (как в Новосибирском, так и в Томском Приобье), с анализом мужского генофонда популяции, а также проведением подробного сравнительного анализа с относительно синхронными (культуры сросткинского круга) и предшествующими (напр., носители верхнеобской культуры) популяциями региона в рамках построения репрезентативной диахронной палеогенетической модели средневекового населения Западной Сибири.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Средневековье, басандайская культура, генетическая история населения, палеогенетика, митохондриальная ДНК.*

M.A. Tomilin[1], R.O. Trapezov[1], S.V. Cherdantsev[1], I.V. Pilipenko[1], D.V. Pozdnyakov[2], M.S. Nesterova[2], A.V. Novikov[2], V.I. Molodin[2], A.S. Pilipenko[1]✉

[1]Institute of Cytology and Genetics SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru

First Data on Mitochondrial DNA Diversity in the Basandai Culture Population (Based on Materials from the Tashara-Karyer-2, Tashara-1, Tashara-14 Burial Grounds)

The article provides first results of a genetic composition study (at the level of diversity of mitochondrial DNA variants) of the Basandai culture population (the High Middle Ages) from the Tashara-Karyev-2, Tashara-1, Tashara-14 burial grounds

located in the Novosibirsk Ob region (Moshkovsky District, Novosibirsk Region). A series of 24 samples/individuals was studied. Data on the structure of the mitochondrial DNA variant were obtained for 19 samples, and the phylogenetic position was ascertained for 18 samples. A total of 13 lineages belonging to the Western Eurasian (J1b1a1, R0a, T2, U1a, U4) and Eastern Eurasian (A, A8, C4a2a1, C5b1, F1b, N9a) mtDNA haplogroups were identified. The analysis of distribution features of the identified mtDNA lineages, many of which were shown to be phylogeographically meaningful, was carried out. The results indicate the important role of components of southern origin in the formation of the mitochondrial DNA gene pool of the considered local part of the Basandai population. Two vectors of genetic connections of the population were preliminarily established: southeastern and southwestern. The results correlate with the hypothesis that the Basandai culture was formed in a more southern part of the Ob region (forest-steppe Altai) and then spread to the Novosibirsk and Tomsk Ob regions. No unambiguous evidence of participation of components of the northern (taiga) origin in the formation of the gene pool of Basandai carriers were obtained at this stage. Further research prospects are related to obtaining data at the level of the mitochondrial DNA diversity for other local-territorial groups of the Basandai population (both in the Novosibirsk and Tomsk Ob region), with the analysis of the male gene pool, as well as conducting a detailed comparative analysis with relatively synchronous (cultures of the Srostkin circle) and previous (for example, carriers of the Upper Ob culture) populations of the region when constructing a representative diachronic paleogenetic model of the Western Siberian medieval populations.

Keywords: *Western Siberia, the Middle Ages, Basandai culture, genetic history of the population, paleogenetics, mitochondrial DNA.*

Введение

В составе формируемой авторами данной работы репрезентативной диахронной модели средневекового населения Западной Сибири [Пилипенко и др., 2023] одним из ключевых регионов является Приобье. Среди популяций развитого Средневековья первой трети II тыс. н.э. в этом регионе важную роль играют носители басандайской культуры [Савинов, Новиков, Росляков, 2008]. Ее ареал охватывает протяженную территорию Приобья от Барнаула на юге до бассейна Томи на севере. Во всех частях этого ареала, включая Барнаульское, Новосибирское и Томское Приобье, исследованы могильники, оставленные носителями данной культуры. Свое название культура получила по наименованию могильника Басандайка, исследованного в Томском Приобье на севере ее ареала [Басандайка, 1947]. Здесь же локализована большая часть известных басандайских поселенческих памятников. На территории Новосибирского Приобья, в центральной части ареала культуры исследован ряд могильников различного масштаба – от крупных некрополей, таких как Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2, насчитывающих десятки исследованных курганов [Новиков, 2011; Савинов, Новиков, Росляков, 2008], до небольших серий или даже единичных курганов, исследованных на некоторых других памятниках, материалы которых еще не введены полноценно в научный оборот (Ташара-1, Ташара-14, раскопки С.Г. Рослякова). На юге ареала культуры в Барнаульском Приобье исследован Осинкинский могильник [Савинов, Новиков, Росляков, 1971]. Несмотря на концентрацию погребальных и особенно поселенческих памятников с северной и центральной части ареала культуры, Д.Г. Савинов считал, что она первоначально сформировалась на территории лесостепного Алтая, а затем распространилась на более северные части ареала, включая Новосибирское Приобье и Притомье [Там же, с. 7]. Материалы таких могильников басандайской культуры, как Санаторный-1, Ташара-Карьер-2, Осинкинский могильник и Басандайка, были подвергнуты краниометрическому анализу, результаты которого введены в научный оборот [Ким, 1986; Поздняков, 2006, 2008].

В состав формируемой диахронной модели на данный момент включены доступные нам для исследования могильники Новосибирского (Санаторный-1, Ташара-Карьер-2, Ташара-1, Ташара-14) и Томского (Басандайка) Приобья. В данной работе мы представляем первые результаты исследования структуры генофонда митохондриальной ДНК носителей басандайской культуры, полученные в результате исследования серии образцов из могильников Ташара-Карьер-2, Ташара-1, Ташара-14, исследованных А.В. Новиковым и С.Г. Росляковым на правом берегу Оби в окрестностях с. Ташара в Мошковском р-не Новосибирской обл. Близкое расположение могильников и общая культурная принадлежность позволили нам рассматривать их материалы в составе одной локально-территориальной выборки басандайского населения.

Материалы и методы

Образцы были отобраны из состава палеоантропологической коллекции ИАЭТ СО РАН. Отбор проводился при участии специалистов-антропологов и палеогенетиков. Первоначально была отобрана серия посткраниальных образцов, представленных длинными костями конечностей, содержащими толстый слой компактного костного вещества. Впоследствии для большинства индивидов был дополнительно проведен отбор зубов. Описание выборки посткраниальных образцов, исследованных в данной работе, приведено в табл. 1.

В выборку были включены материалы трех могильников, расположенных близко друг к другу в окрестностях с. Ташара в Мошковском р-не Новосибирской обл. Основу серии составили образцы из могильника Ташара-Карьер-2 (19 образцов/индивидов из 11 курганов данного могильника). 5 из 11 курганов

Таблица 1. **Описание серии образцов для палеогенетического исследования из могильников Ташара-Карьер-2, Ташара-1, Ташара-14**

Могильник	Описание	Материал для исследования*	Лабораторный шифр индивида
Ташара-Карьер-2	Кург. 1, погр. 1	Большая берцовая кость	Tak24
То же	Кург. 2, погр. 1	То же	Tak17
»	Кург. 3, погр. 2	Бедренная кость	Tak5
»	Кург. 3, погр. 3	Большая берцовая кость	Tak1
»	Кург. 3, погр. 7	Бедренная кость	Tak11
»	Кург. 3, погр. 8	Большая берцовая кость	Tak23
»	Кург. 4, погр. 4	Бедренная кость	Tak2
»	Кург. 4, погр. 5	Большая берцовая кость	Tak21
»	Кург. 5, погр. 3	Бедренная кость	Tak3
»	Кург. 6, погр. 2	Большая берцовая кость	Tak22
»	Кург. 6, погр. 4	То же	Tak9
»	Кург. 8, погр. 1	Бедренная кость	Tak13
»	Кург. 8, погр. 2	То же	Tak15
»	Кург. 9, погр. 1	Большая берцовая кость	Tak19
»	Кург. 11, погр. 1	То же	Tak7
»	Кург. 14, погр. 1	»	Tak4
»	Кург. 14, погр. 2	Плечевая кость	Tak14
»	Кург. 15, погр. 1	Большая берцовая кость	Tak16
»	Кург. 15, погр. 2	То же	Tak18
Ташара-1	Кург. 1, погр. 1	Плечевая кость	Tak20
То же	Кург. 5, погр. 1	Бедренная кость	Tak10
»	Кург. 8, погр. 1	То же	Tak12
Ташара-14	Кург. 1, погр. 1	»	Tak6
То же	Кург. 1, погр. 2	»	Tak8

* Указан посткраниальный материал, использованный на первом этапе работы. В дальнейшем часть индивидов в выборке была продублирована зубами, работа с которыми еще не завершена.

представлены одним образцом/индивидом. Еще из пяти курганов отобраны образцы от двух погребенных. Из кург. 3 получена серия образцов от четырех погребенных. Могильник Ташара-1 представлен тремя образцами/индивидами из разных курганов, а могильник Ташара-14 – двумя индивидами, погребенными в одном кургане. Таким образом, общая численность сформированной локально-территориальной выборки от населения басандайской культуры составила 24 образца/индивида. Следует отметить, что эта серия была незначительно расширена после отбора зубов, исследование которых в настоящее время продолжается.

Палеогенетическое исследование было выполнено на базе специализированной инфраструктуры межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики ИЦиГ СО РАН. Методы предварительной подготовки палеоантропологического материала, получения образцов ДНК, оценки их качества, а также анализа структуры образцов мтДНК подробно описаны в наших предшествующих работах [Pilipenko et al., 2018a].

Результаты

Для каждого из 24 индивидов, включенных в выборку, были получены 2-4 независимых экстракта суммарной ДНК. Серия характеризуется высокой степенью сохранности ДНК в останках, что позволило получить достоверные результаты по структуре митохондриальной ДНК (мтДНК) для 19 из 24 индивидов (79 % успешно проанализированных образцов). Результаты анализа структуры мтДНК и их филогенетическая принадлежность показаны в табл. 2.

В составе серии из 19 исследованных образцов выявлено 13 структурных вариантов (гаплотипов ГВСI) мтДНК, восемь из которых обнаружены у одного носителя, четыре – у двух, и один – у трех индивидов из серии. Как показано в табл. 2, для 18 из 19 образцов с установленной структурой гаплотипа ГВСI удалось определить филогенетическое положение (принадлежность к гаплогруппам и подгруппам мтДНК). Для одного индивида требуется анализ ряда дополнительных филогенетически информативных позиций в кодирующей части мтДНК для установления точного

Таблица 2. **Результаты анализа структуры образцов митохондриальной ДНК из могильников басандайской культуры Ташара-Карьер-2, Ташара-1, Ташара-14**

№ варианта	Носители варианта (лабораторный шифр)	Галпотип ГВСI мтДНК	Гаплогруппа мтДНК
1	Tak3	16189C-16223T-16290-16319A-16362C	A
2	Tak2, Tak24	16183C-16189C-16223T-16290T-16319A-16362C	A
3	Tak8	16223T-16242T-16278T-16290T-16319A	A8
4	Tak11, Tak21	16171G-16223T-16298C-16327T-16344T-16357C	C4a2a1
5	Tak19	16148-16223-16288-16298-16327	C5b1
6	Tak14	16172C-16183C-16189C-16232A-16249C-16304C-16311C	F1b
7	Tak18	16126C-16209C-16362C	R0a
8	Tak13	16126C-16145A-16172C-16222T-16261T	J1b1a1
9	Tak10, Tak12	16223T-16257A-16261T	N9a
10	Tak4, Tak16	16126C-16183C-16189C-16292T-16294T-16296T	T2
11	Tak20	16189C-16249C	U1a
12	Tak9, Tak22, Tak23	16311C-16356C	U4
13	Tak1	16189C-16192T-16223T-16311C	?*

* Для данных образцов требуется проведение дополнительного анализа ряда позиций в кодирующей части мтДНК для уточнения филогенетического положения варианта.

филогенетического положения (возможны несколько альтернативных вариантов).

В составе исследованной выборки выявлены варианты как западно-евразийских (J1b1a1, R0a, T2, U1a, U4), так и восточно-евразийских (A, A8, C4a2a1, C5b1, F1b, N9a) гаплогрупп. Переходя к анализу состава гаплогрупп и их вариантов, а также их филогеографических особенностей, необходимо отметить специфику интерпретации результатов, полученных для относительно малых серий образцов мтДНК (как в данном случае). Необходимо избегать влияния на выводы возможного эффекта малой выборки: из-за небольшой численности серии в ее состав случайным образом могут не попасть даже некоторые из основных компонентов генофонда, не говоря уже про минорные. Основные выводы должны базироваться на факте установленного присутствия вариантов в серии, а выводы, основанные на отсутствии вариантов, могут носить лишь предварительный характер (и при наличии такой возможности, должны быть проверены на увеличенной серии образцов).

На данном этапе исследования предварительно можно констатировать примерно сопоставимый вклад западно- и восточно-евразийских вариантов мтДНК. При этом в серии пока не выявлены варианты ряда наиболее распространенных в регионе в эпоху Средневековья западно- и восточно-евразийских гаплогрупп, в первую очередь, варианты гаплогруппы H (западно-евразийской) и D (восточно-евразийской). Эти параметры необходимо отслеживать при дальнейшем расширении басандайской серии.

Значительная часть обнаруженных вариантов мтДНК филогенетически информативны. В исследованной серии достаточно уверенно можно выделить две группы компонентов. Одна из них представлена вариантами кластеров A (особенно A8), C4a2a1, F1b, J1b1a1, T2. Эти кластеры и даже идентичные структурные варианты мтДНК хорошо представлены в популяциях скифо-сибирского круга культур с территории Алтае-Саянской горной страны и прилегающих равнинных лесостепных районов (включая и Барнаульско-Бийское Приобье). Так, варианты гаплогрупп A8, C4a2a1 мы рассматриваем как один из характерных маркеров раннекочевых групп Южной Сибири [Pilipenko et al., 2018a]. Среди имеющихся для сравнительного анализа раннекочевых групп Южной Сибири высока значимость компонентов этой группы, например, у носителей тагарской культуры Минусинской котловины (где представлен практически весь спектр перечисленных кластеров и даже идентичных структурных вариантов) [Ibid.]. Таким образом, распространение этой группы компонентов в южных районах Сибири фиксируется уже в раннем железном веке, а их присутствие в исследуемой серии филогеографически можно интерпретировать как свидетельство юго-восточного вектора генетических связей. Восточное и юго-восточное направление связей также маркируется присутствием двух носителей одинакового варианта восточно-евразийской гаплогруппы N9a (могильник Ташара-1). Это первый зафиксированный случай присутствия вариантов N9a в Западной Сибири. Основной зоной распространения этого кластера является Южная Сибирь и прилегающие районы Центральной Азии, где она с относительно небольшой частотой встречается в генофонде современных тюркоязычных и монголоязычных групп (см., напр.: [Derenko et al., 2007]). В популяциях Алтае-Саянского региона эпохи скифского времени

эта гаплогруппа не выявлена, но обнаружена нами в генофонде хунну Забайкалья [Pilipenko et al., 2018b]. Этот кластер может маркировать распространение восточных кочевых групп как в предшествующие периоды (гунно-сарматское время), так и непосредственно в эпоху развитого Средневековья.

Другая группа вариантов, включая кластеры R0a, U1a, ярко свидетельствует о наличии еще одного вектора южных связей басандайского населения – юго-западного – с популяциями степной зоны современного Казахстана и более южными районами Средней и Передней Азии. Отметим, что на территорию южных районов Сибири подобные юго-западные компоненты эпизодически проникали уже начиная с переходного времени от бронзы к железу [Пилипенко и др., 2008, 2009]. Мы не можем пока однозначно датировать время появления выявленных юго-западных вариантов на территории Новосибирского Приобья: это могли быть как элементы, попавшие в регион ранее и сохранившиеся здесь, так и признаки миграционных процессов, непосредственно сопровождавших процессы становления средневековых популяций рассматриваемого района, в частности ранние этапы тюркизации. Второй вариант на данном этапе выглядит более вероятным, но требует подтверждения путем подробного диахронного анализа населения Новосибирского Приобья предшествующих периодов, наряду с увеличением численности самой басандайской серии.

Таким образом, на данном этапе исследования можно считать именно вклад компонентов южного (включая юго-восточную и юго-западную составляющие) происхождения ключевым для сложения генетического состава носителей басандайской культуры. Это хорошо коррелирует с гипотезой Д.Г. Савинова и его коллег о сложении данной культуры в более южных районах (лесостепной Алтай) с последующим продвижением по территории Приобья на север [Савинов, Новиков, Росляков, 2008]. Есть свидетельства южных (и даже юго-западных) связей басандайского населения и по данным краниометрии [Поздняков, 2006, 2008]. Вместе с тем в исследованной серии нет однозначных свидетельств высокой роли компонентов северного (таежного) происхождения в сложении басандайской популяции. Существенная роль этого направления популяционных связей ранее была отмечена по результатам краниометрического анализа басандайских материалов, включая серию черепов из могильника Ташара-Карьер-2 [Там же]. Возможное участие северных групп может быть отражено лишь в присутствии варианта гаплогруппы C5b1, однако он был широко распространен не только в таежной, но и в лесостепной зоне задолго до рассматриваемого периода. На данном этапе мы не получили убедительных свидетельств влияния таежных популяций на процессы формирования генофонда мтДНК басандайского населения. Оценка значимости этого направления генетических связей будет продолжена с включением в исследование более северных басандайских материалов (могильник Басандайка).

Заключение

Изложенные в данной работе первые результаты по генофонду мтДНК носителей басандайской культуры позволили сделать предварительные выводы о генетических корнях и связях населения Новосибирского Приобья эпохи развитого Средневековья, прежде всего, о существенной роли в его формировании компонентов южного происхождения. Дальнейшие перспективы исследования генетической истории басандайского населения прежде всего связаны с исследованием серий образцов мтДНК из других могильников этой культуры. На завершающей стадии находится анализ большой серии образцов мтДНК из могильника Санаторный-1 (более южная часть Новосибирского Приобья). Также доступна для анализа серия из более 20 индивидов могильника Басандайка (Томское Приобье), с которым связано название культуры. Исследование материалов из этого могильника позволит охватить северную часть ареала басандайской культуры. Безусловно, важным этапом станет последующий анализ мужского генофонда (варианты Y-хромосомы) для всех басандайских памятников, исследованных на уровне мтДНК. Из числа относительно синхронных популяций региона интерес представляет сравнительный анализ генетического состава басандайских популяций и носителей культур сросткинского круга как из более южных районов Верхнего Приобья, так и непосредственно из памятников Новосибирского Приобья. Для понимания времени проникновения в регион компонентов, входящих в состав генофонда басандайского населения Новосибирского и Томского Приобья, можно эффективно применить диахронный подход, включающий сравнение групп, сменявших друг друга на одной и той же территории. В частности, для рассматриваемого нами ареала басандайской культуры большое значение будет иметь анализ генофонда носителей верхнеобской культуры, который выполняется авторами в настоящее время на сводной серии из ~100 индивидов из нескольких могильников.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 23-18-00834. Палеогенетическая инфраструктура ИЦиГ СО РАН поддержана за счет средств бюджетного проекта ИЦиГ СО РАН № FWNR-2022-0011.

Список литературы

Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск: [б. и.]. – 1947. – 220 с. – (Тр. Том. гос. ун-та им. В.В. Куйбышева, Том. гос. пед. ун-та; т. 98).

Ким А.Р. Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая: дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1986. – 247 с.

Новиков А.В. Погребальная обрядность могильника Ташара-Карьер-2 // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2011. – Т. 10, № 3. – С. 183–199.

Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Молодин В.И., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Поздняков Д.В., Новикова О.И. Особенности захоронения младенцев в жилищах городища Чича-1 в Барабинской лесостепи по данным анализа структуры ДНК // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 57–67.

Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Молодин В.И., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Поздняков Д.В., Новикова О.И. Особенности структуры генофонда митохондриальной ДНК населения городища Чича-1 (IX–VII вв. до н.э.) в Барабинской лесостепи // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3; гл. 7. – С. 108–127.

Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Томилин М.А., Черданцев С.В., Пилипенко И.В., Поздняков Д.В., Молодин В.И., Нестерова М.С., Журавлев А.А., Рыкун М.П. Реконструкция генетической истории населения Западной Сибири: палеогенетический анализ средневековых антропологических материалов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 806–812.

Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи Средневековья (вторая половина I – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 136 с.

Поздняков Д.В. Антропологическая характеристика населения Верхнего Приобья первой половины II тыс. н.э. // Савинов Д.Г., Новиков С.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 340–402.

Савинов Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на. Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. − Л.: Наука, 1975. − С. 94−100.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.

Derenko M., Malyarchuk B., Grzybowski T., Denisova G., Dambueva I., Perkova M., Dorzhu C., Luzina F., Lee H.K., Vanecek T., Villems R., Zakharov I. Phylogeographic analysis of mitochondrial DNA in northern Asian populations // Am. J. of Human Genetics. – 2007. – Vol. 81 (5). – P. 1025–1041.

Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Babenko V.N., Nesterova M.S., Pozdnyakov D.V., Molodin V.I., Polosmak N.V. Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC) // PLoS ONE. – 2018a. – Vol. 13, iss. 9. – P. 1–24.

Pilipenko A.S., Cherdantsev S.V., Trapezov R.O., Zhuravlev A.A., Babenko V.N., Pozdnyakov D.V., Konovalov P.B., Polosmak N.V. Mitochondrial DNA Diversity in a Transbaikalian Xiongnu Population // Archaeological and Anthropological Sciences. – 2018b. – Vol. 10, N 7. – P. 1557–1570.

References

Basandaika. Sbornik materialov i issledovanii po arkheologii Tomskoi oblasti. Trudy V.V. Kuibyshev Tomsk State Univ., Tomsk State Pedagog Univ. Tomsk: [s.n.], 1947. Vol. 98. 220 p. (In Russ.).

Derenko M., Malyarchuk B., Grzybowski T., Denisova G., Dambueva I., Perkova M., Dorzhu C., Luzina F., Lee H.K., Vanecek T., Villems R., Zakharov I. Phylogeographic analysis of mitochondrial DNA in northern Asian populations // Am. J. of Human Genetics, 2007. Vol. 81 (5). P. 1025–1041. doi:10.1086/522933

Kim A.R. Antropologicheskii sostav i voprosy proiskhozhdeniya korennogo naseleniya severnykh predgorii Altaya: cand. sc. (history) dissertation. Tomsk, 1986. 247 p. (In Russ.).

Novikov A.V. Pogrebal'naya Obryadnost' Mogil'nika Tashara-Kar'er-2. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2011. Vol. 10, No. 3. P. 183–199. (In Russ.).

Pilipenko A.S., Cherdantsev S.V., Trapezov R.O., Zhuravlev A.A., Babenko V.N., Pozdnyakov D.V., Konovalov P.B., Polosmak N.V. Mitochondrial DNA Diversity in a Transbaikalian Xiongnu Population // Archaeological and Anthropological Sciences, 2018b. Vol. 10, No. 7. P. 1557–1570. doi:10.1007/s12520-017-0481-x

Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Molodin V.I., Kulikov I.V., Kobzev V.F., Pozdnyakov D.V., Novikova O.I. Infant burials in dwellings at Chicha-1, in the Baraba forest-steppe: results of DNA analysis // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia, 2008. Vol. 34, No. 2. P. 57–67.

Pilipenko A.S., Romashchenko A.G., Molodin V.I., Kulikov I.V., Kobzev V.F., Pozdnyakov D.V., Novikova O.I. Osobennosti struktury genofonda mitokhondrial'noi DNK naseleniya gorodishcha Chicha-1 (IX–VII vv. Do n.e.) v Barabinskoi lesostepi. In *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009. Vol. 3. Chapt. 7. P. 108–127. (In Russ.).

Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Babenko V.N., Nesterova M.S., Pozdnyakov D.V., Molodin V.I., Polosmak N.V. Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC). *PLoS ONE*, 2018a. Vol. 13, iss. 9. P. 1–24. doi:10.1371/journal.pone.0204062

Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Tomilin M.A., Cherdantsev S.V., Pilipenko I.V., Pozdnyakov D.V., Molodin V.I., Nesterova M.S., Zhuravlev A.A., Rykun M.P. Reconstruction of the Genetic History of Western Siberian Populations: Paleogenetic Analysis of the Medieval Anthropological Evidence. In *Problems of Archaeology,*

Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 806–812. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0806-0812

Pozdnyakov D.V. Antropologicheskaya kharakteristika naseleniya Verkhnego Priob'ya pervoi poloviny II tys. n.e. In *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandaiskaya kul'tura)*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008. P. 340–402. (In Russ.).

Pozdnyakov D.V. Paleoantropologiya naseleniya yuga Zapadnoi Sibiri epokhi srednevekov'ya (vtoraya polovina I – pervaya polovina II tys. n.e.). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006. 136 p. (In Russ.).

Savinov D.G. Osinkinskij mogil'nik epohi bronzy na Severnom Altae. In *Pervobytnaja arheologija Sibiri*. Leningrad: Nauka, 1975. P. 94−100. (In Russ.).

Savinov D.G., Novikov A.V., Roslyakov S.G. Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandaiskaya kul'tura). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008. 424 p. (In Russ.).

Трапезов Р.О. https://orcid.org/0000-0002-0483-530X
Черданцев С.В. https://orcid.org/0000-0002-4384-3468
Томилин М.А. https://orcid.org/0000-0002-2616-8712
Пилипенко И.В. https://orcid.org/0000-0002-8325-6719
Поздняков Д.В. https://orcid.org/0000-0002-7984-0912
Нестерова М.С. https://orcid.org/0000-0003-4024-6753
Новиков А.В. https://orcid.org/0000-0002-6418-1061
Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Пилипенко А.С. https://orcid.org/0000-0003-1009-2554

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0808-0816
УДК 903.21; 903. 26

Р.О. Трапезов[1], С.В. Черданцев[1], М.А. Томилин[1], И.В. Пилипенко[1], Д.В. Поздняков[2], М.С. Нестерова[2], В.И. Молодин[2], А.С. Пилипенко[1]✉

[1]Институт цитологии и генетики СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru

Разнообразие митохондриальной ДНК на средневековом могильнике Заречно-Убинское-1 в Барабинской лесостепи (предварительные результаты исследования)

В статье представлены предварительные результаты исследования разнообразия вариантов митохондриальной ДНК у индивидов из средневекового могильника Заречно-Убинское-1 (Убинский р-н Новосибирской обл., восточная часть Барабинской лесостепи). Исследование является частью обширного диахронного анализа, направленного на выявление динамики генетического состава популяций, сменявших друг друга на территории лесостепной и южно-таежной зон Западной Сибири в эпоху Средневековья и Новое время. Получены данные по структуре и филогенетическому положению вариантов митохондриальной ДНК для 60 индивидов из 85, включенных в выборку. Выявлено 29 структурных вариантов, относящихся к западно-евразийским (H, T (T, T1a2), U2e, U4, U5a) и восточно-евразийским (A, C (C*, C4a2a1, C4b3, C5b1), D, G (G2a, G2a5, M9a1a, Z (Z*, Z1a)) гаплогруппам митохондриальной ДНК. Полученные результаты рассмотрены в контексте механизмов формирования генетического состава населения региона в Средневековье. Проведено предварительное сравнение исследованной серии как с данными по более древним популяциям, так и с группами современного коренного населения Западной Сибири. Это позволило выявить возможные изменения, которые произошли в структуре генофонда по сравнению с эпохой бронзы и ранним железным веком. Установлены некоторые черты генофонда, отличающие группу из Заречно-Убинского-1 и от различных современных этнических групп. Отмечены некоторые особенности распределения вариантов митохондриальной ДНК по пространству могильника. Представленные результаты – первые данные по генофонду митохондриальной ДНК средневекового населения лесостепной зоны Западной Сибири, опубликованные в научной литературе. Обозначены планируемые направления перспективных исследований материалов могильника Заречно-Убинское-1, а также направления развития диахронной модели в целом.*

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Средневековье, генетическая история населения, палеогенетика, митохондриальная ДНК, диахронный анализ.*

R.O. Trapezov[1], S.V. Cherdantsev[1], M.A. Tomilin[1], I.V. Pilipenko[1], D.V. Pozdnyakov[2], M.S. Nesterova[2], V.I. Molodin[2], A.S. Pilipenko[1]✉

[1]Institute of Cytology and Genetics SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru

Diversity of Mitochondrial DNA at the Medieval Burial Ground Zarechno-Ubinskoye-1 in the Baraba Forest-Steppe (Preliminary Study Results)

The article provides preliminary results of a mitochondrial DNA diversity study in individuals from the Zarechno-Ubinskoye-1 medieval burial ground (Ubinsky District, Novosibirsk Region; eastern part of the Baraba forest-steppe). The study is a part

of a large-scale diachronic analysis aimed at identifying the dynamics of the genetic composition of populations that replaced each other in the forest-steppe and south taiga zones of Western Siberia during the Middle Ages and modern period. Data on the structure and phylogeny of mtDNA lineages were obtained for 60 individuals out of 85 included in the sample from the Zarechno-Ubinskoye-1 burial ground. Twenty-nine structural variants relating to the West Eurasian (H, T (T, T1a2), U2e, U4, U5a) and East Eurasian (A, C (C*, C4a2a1, C4b3, C5b1), D, G (G2a, G2a5, M9a1a, Z (Z*, Z1a)) mitochondrial DNA haplogroups were identified. The results were considered in the context of mechanisms of the genetic composition formation in the population of the region during the Middle Ages. A preliminary comparison of the studied series was carried out both with the data on preceding populations and with the groups of the modern indigenous groups of Western Siberia. This made it possible to identify probable changes that occurred in the structure of the gene pool compared to the Bronze Age and the Early Iron Age. Some features of the gene pool that distinguish the group from Zarechno-Ubinskoye-1 and from various modern ethnic groups were identified. Some specifics of distribution of mitochondrial DNA variants throughout the burial ground were noted. The results provide the first data on the mitochondrial DNA gene pool of the population from the forest-steppe zone of Western Siberia published in the academic literature. Perspective directions of further research on the materials from this burial ground as well as directions of development of the entire diachronic model were outlined.*

Keywords: *Western Siberia, the Middle Ages, genetic history of the population, paleogenetics, mitochondrial DNA, diachronic analysis.*

Введение

Комплексная реконструкция истории населения является основной целью мультидисциплинарных исследований археологических материалов. В рамках данного подхода важное значение имеет получение объективных представлений о генетической истории населения исследуемого региона, которое в настоящее время может осуществляться параллельно и независимо методами физической антропологии и палеогенетики. Наиболее эффективным подходом к реконструкции генетической истории населения методами палеогенетики является диахронное исследование, в рамках которого происходит накопление данных о генофонде разновременных популяций региона и их сравнительный анализ с целью выявления динамики генетического состава. Работы по анализу разнообразия вариантов митохондриальной ДНК (мтДНК) в генофонде населения, сформировавшего средневековый могильник Заречно-Убинское-1, осуществляются в рамках масштабного диахронного анализа населения Западной Сибири эпохи Средневековья и Нового времени, реализация которого была начата силами авторского коллектива данной работы в 2023 г. [Пилипенко и др., 2023]. Материалы могильника Заречно-Убинское-1 играют важную роль в составе средневековой диахронной модели, т.к. сформированная при его раскопках палеоантропологическая коллекция рассматривается в качестве одной из базовых и наиболее численно репрезентативных антропологических серий, представляющих население эпохи развитого и позднего Средневековья восточной части Барабинской лесостепи, позволяет заполнить в модели имеющуюся лакуну между средневековыми материалами более западной части Барабинской лесостепи, где длительное время проводятся систематические раскопки разновременных археологических памятников, и соответствующими материалами, накопленными для территории Новосибирского Приобья.

Могильник Заречно-Убинское-1 расположен в Убинском р-не Новосибирской обл. на ЮЗ окраине одноименного села, на берегу оз. Убинское. В составе могильника насчитывается 160 курганов, из которых исследовано около половины (79), их материалы лишь частично введены в научный оборот [Бараба..., 1988; Соболев, Малиновский, 1995; Васильева, Малиновский, 2011; Васильева, Выборнов, Малиновский, 2013]. Следует отметить широкие общие хронологические рамки формирования могильника – VIII–XVII вв. н.э., хотя подавляющее большинство комплексов датируются первой половиной – серединой II тыс. н.э., что позволяет рассматривать основной массив погребений (после исключения относительно немногочисленных наиболее ранних и наиболее поздних комплексов) в качестве выборки населения эпохи развитого Средневековья для данного микрорайона. Ранее материалы могильника Заречно-Убинское-1 были подвергнуты исследованию краниометрическими методами [Поздняков, Рыбина, 2002; Поздняков, 2006].

В данной работе приведены результаты исследования разнообразия митохондриальной ДНК в генофонде населения, сформировавшего могильник Заречно-Убинское-1, и предварительная интерпретация данных с учетом археологического контекста материалов и результатов краниометрического анализа.

Материалы и методы

При отборе образцов из могильника Заречно-Убинское-1 учитывались его планиграфические особенности. Авторы раскопок выделили на пространстве могильника три планиграфические группы курганов, которые получили шифры Заречно-Убинское-1А, -1Б, -1В. В состав сформированной нами суммарной выборки вошли материалы из всех трех планиграфических групп. Всего с состав выборки были включены образцы от 85 индивидов: 3 из небольшой курганной группы Зачерно-Убинское-1А, 64 из наиболее обширной курганной группы Заречно-Убинское-1Б и 18 образцов из курганной группы Заречно-Убинское-1В. Принимая во внимание разную численность курганов в планиграфических группах, можно утверждать, что они относительно

равномерно представлены в нашей выборке. Для каждого индивида, в случае наличия соответствующих материалов в коллекции, отбирали как зубы, так и фрагменты посткраниального скелета (как правило, длинные кости конечностей). При отсутствии одного из типов материалов, отбирали дублирующие однотипные образцы. В процессе отбора принимали участие специалисты-антропологи и палеогенетики, что позвляло не только выбрать оптимальный с точки зрения макроскопиscческой сохранности материал, но и уточнить половозрастные определения для всех индивидов, чьи скелетные останки содержали соответствующие морфологические признаки (в противном случае ограничивались определением возраста индивида, а определение половой принадлежности ставилось в качестве дополнительной задачи последующих стадий палеогенетического анализа). Отметим, что в выборку на одинаковом основании включали всех индивидов, вне зависимости от пола или возрастной категории. Таким образом, половозрастная структура полученной выборки соответствует таковой для могильника в целом. Следует отметить, что отобраны образцы от подавляющего числа индивидов, обнаруженных при раскопках могильника Заречно-Убинское-1, за исключением нескольких из индивидов младенческого и младшего детского возраста, сохранность фрагментарных останков которых не допускала возможности сохранения в них ДНК, пригодной для анализа, а также небольшого числа взрослых индивидов, материалы которых отсутствовали в наличии в коллекции на момент отбора.

Палеогенетическое исследование было выполнено на базе специализированной инфраструктуры межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики ИЦиГ СО РАН. Методы предварительной подготовки палеоантропологического материала, получения образцов ДНК, оценки их качества, а также анализа структуры образцов мтДНК подробно описаны в наших предшествующих работах [Pilipenko et al., 2018].

Результаты

Для каждого из 85 индивидов, включенных в выборку из могильника Заречно-Убинское-1, было выполнено 2-4 независимых экстракции суммарной ДНК. Для 71 индивида установлен уровень сохранности ДНК, достаточный для проведения палеогенетического анализа, как минимум на уровне митохондрильной ДНК (что является задачей данного этапа исследования выборки). 11 из 71 индвидов демонстрировали варьирующий уровень сохранности ДНК в образцах разного типа или однотипных образцах. В большинстве из этих 11 случаев сохранность ДНК в посткраниальном материале (длинные кости конечностей) существенно уступала уровню сохранности в зубах тех же индивидов. Таким образом для средневековых материалов подтверждается тенденция, выявленная нами ранее для более древних материалов из археологических памятников Барабинской лесостепи: при общем высоком уровне сохранности скелетных останков для проведения палеогенетического анализа (на уровне мтДНК) пригодны как посткраниальные материалы, так и зубы. В случае же более низкой общей степени макроскопической сохранности скелета, предпочтение следует отдавать отбору зубов.

К настоящему моменту для 60 индвидов получены данные, позволяющие определить филогенетическую принадлежность мтДНК. Для 59 из них определена структура гаплотипа ГВСI мтДНК, а для одного образца, относящегося к гаплогруппе U2e, требуется дополнительное уточнение последовательности некоторых фрагментов ГВСI мтДНК. Еще для 11 индивидов получены частичные результаты, которые пока не позволяют однозначно определить филогенетическое положение и структуру гаплотипа мтДНК, что связано с более низкой сохранностью ДНК в образцах (для этих индивидов работа будет продолжена, в т.ч. с привлечением дополнительных образцов из антропологической коллекции, результаты будут введены в научный оборот в наших следующих публикациях).

Даже без учета частично исследованных образцов, могильник Заречно-Убинское-1 может быть отнесен к числу памятников с высокой степенью сохранности ДНК в антропологическом материале (~73 % успешно исследованных образцов мтДНК, потенциально их доля может возрасти до более 80 %). Это важно не только для решения непосредственной задачи анализа разнообразия мтДНК в данной группе населения, которая решается нами в этой конкретной работе, но и для оценки перспективности материалов памятника для более углубленного палеогенетического анализа по маркерам ядерной ДНК, в первую очередь, по маркерам мужской Y-хромосомы, проведение которого мы запланировали на следующих этапах исследования.

По трем курганным группам успешно исследованные образцы мтДНК распределены следующим образом: 2 из группы А, 42 из группы Б и 16 из группы В.

Среди 60 исследованных образцов нами выявлено 29 структурных вариантов мтДНК. Филогенетические взаимоотношения исследованных образцов мтДНК показаны на рис. 1. Как можно видеть на филогенетическом дереве, около двух третей вариантов представлены лишь у одного индивида из выборки. 11 структурных вариантов выявлены в выборке два и более раз. Максимальное число носителей одного варианта мтДНК – 14 индивидов из серии – выявлено для гаплотипа с кембриджской референсной последовательностью ГВСI мтДНК. Предварительные данные, полученные для большинства этих образцов, показали их принадлежность к кластеру HV (данные будут уточняться с помощью анализа дополнительных маркеров в кодирующей части мтДНК). Отметим,

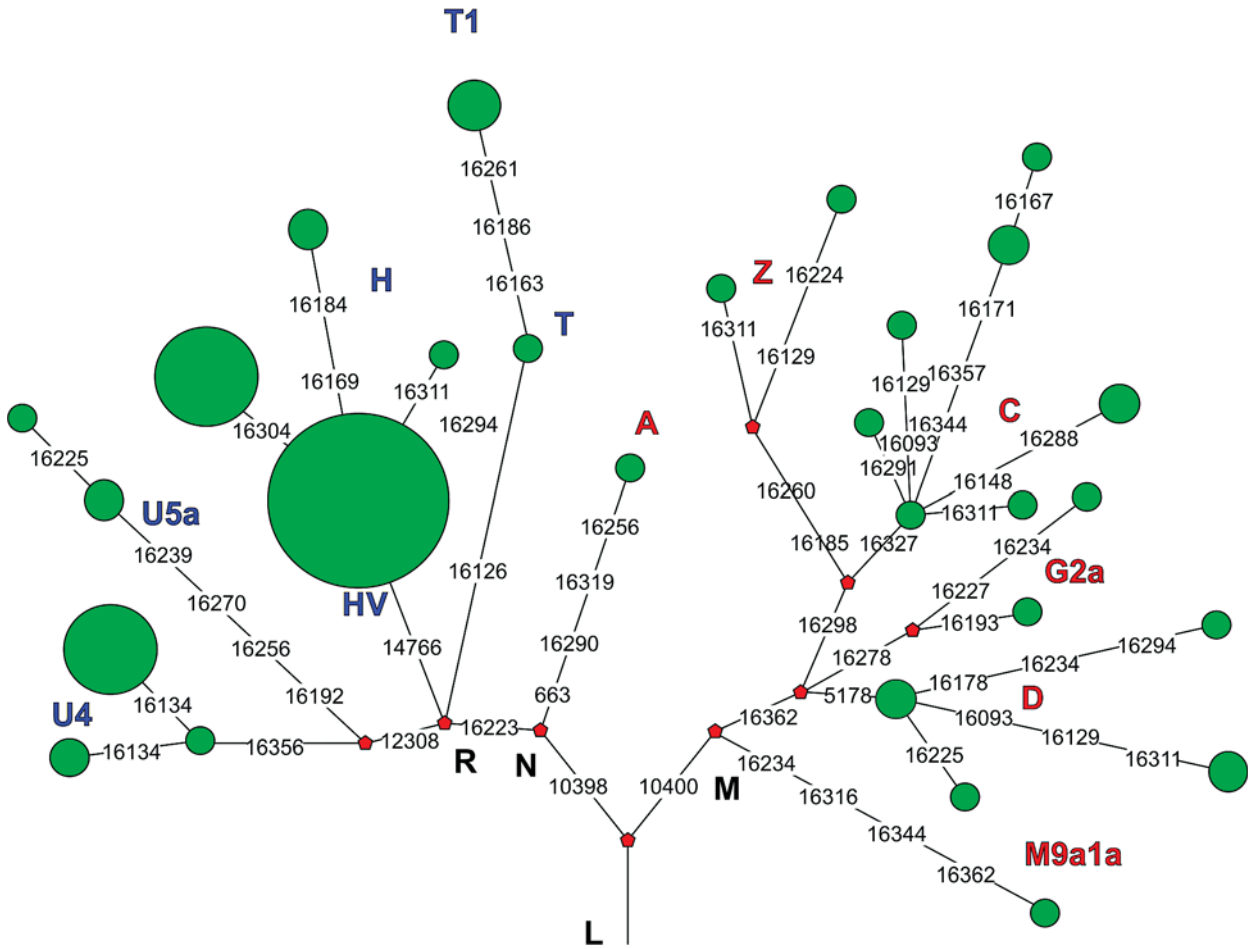

Рис. 1. Филогенетическое дерево вариантов мтДНК, выявленных в серии образцов из средневекового могильника Заречно-Убинское-1.

что высокая представленность этого структурного варианта мтДНК характерна и для многих современных коренных популяций, населяющих лесостепную и южно-таежную зоны Западной Сибири и прилегающие регионы. Мы также предварительно фиксируем его высокую представленность и в других средневековых сериях с территории Барабинской лесостепи и Приобья, исследование которых мы сейчас выполняем. Эта черта средневековых популяций региона существенно отличает их от более ранних групп населения Барабы. Так, этот вариант практически полностью отсутствует в популяциях региона эпохи бронзы, а его проникновение сюда начинается в раннем железном веке и, по-видимому, усиливается в раннем Средневековье и в последующие периоды. Также следует отметить, что наличие хотя бы одного (чаще 2-3) варианта мтДНК, представленного с высокой частотой, фиксируется нами для большинства исследуемых крупных средневековых могильников Барабы (напр., для могильников Абрамово-10, Кыштовка-2 и др.) (данные готовятся к публикации).

В исследованной серии из 60 образцов представлены гаплогруппы, относящиеся как к западно-евразийскому (H, T (T*, T1a2), U2e, U4, U5a), так и к восточно-евразийскому (A, C (C*, C4a2a1, C4b3, C5b1), D, G (G2a, G2a5, M9a1a, Z (Z*, Z1a)) кластеру гаплогрупп мтДНК. Относительный вклад различных гаплогрупп в состав исследованной серии мтДНК показан на рис. 2. Хотя западно-евразийский компонент серии несколько доминирует в отношении численности образцов (36 из 60), разнообразие восточно-евразийских вариантов выше (17 восточно-евразийских из 29 вариантов в серии, при 12 западно-евразийских). Более того, большинство образцов (23 из 36) относятся к одному западно-евразийскому кластеру (гаплогруппа H, или с учетом возможного разнообразия кластеров с кембриджской последовательностью ГВСI мтДНК – кластер HV). Еще одним свидетельством относительно меньшего разнообразия западно-евразийских вариантов в серии является тот факт, что три наиболее частых варианта (два из гаплогруппы H (по 14 и 6 носителей) и один из U4 (5 носителей)) вместе формируют 2/3 западно-евразийской части серии. В то же время все восточно-евразийские варианты представлены в исследованной выборке одним или максимум двумя носителями.

Как отмечено выше, исследование серии из могильника Заречно-Убинское-1 является частью боль-

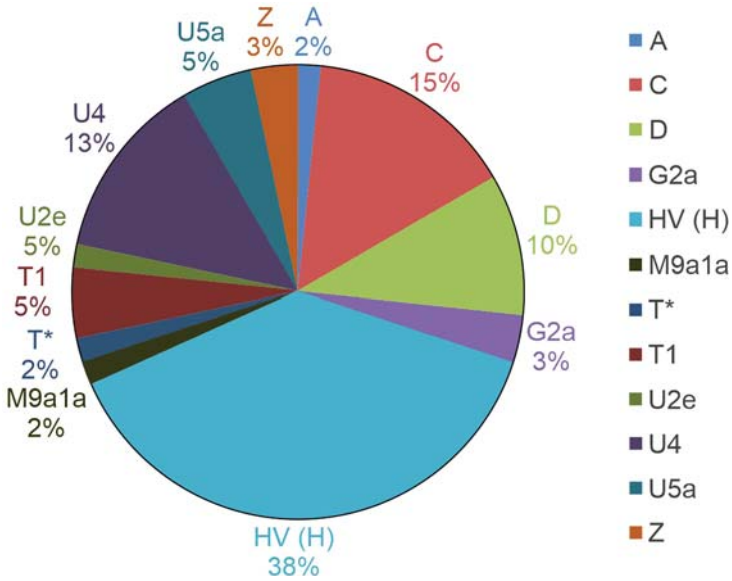

Рис. 2. Соотношение гаплогрупп мтДНК в серии образцов (N = 60) из могильника Заречно-Убинское-1.

шого проекта по построению диахронной модели населения лесостепной и южно-таежной зоны Западной Сибири, охватывающей более 100 могильников различного масштаба и более 1 500 индивидов, представляющих население различных этапов Средневековья и Нового времени. Исследовав эту обширную диахронную выборку, мы рассчитываем получить объективные данные о динамике генетического состава населения региона на протяжении последних полутора тысячелетий. Поскольку серия из Заречно-Убинского-1 является первой из больших средневековых серий, публикуемых нами в рамках данного проекта, мы пока лишены возможности полноценно использовать сравнительный анализ с другими предварительно исследованными средневековыми сериями Барабы и сопредельных регионов. Из имеющихся в нашем распоряжении инструментов мы можем использовать сравнение с предшествующими популяциями региона (эти данные частично нами опубликованы ранее, включая данные по митохондриальному генофонду населения эпохи бронзы и раннего железного века [Молодин и др., 2013; Molodin et al., 2012; и др.]).

Вторым подходом является сравнение с современными коренными популяциями региона, большинство из которых также исследовано на уровне генофонда мтДНК. Использование таких сравнительных инструментов позволительно, однако необходимо учитывать тот факт, что и предшествующие, и современные коренные популяции региона значительно отстоят хронологически от рассматриваемой нами серии могильника Заречно-Убинское-1. Если принимать во внимание, что основной массив погребений могильника датируется первой половиной – серединой II тыс. н.э., то эти материалы существенно удалены хронологически и от популяций раннего железного века, и от современного населения. В период после РЖВ и до развитого и начала позднего Средневековья произошли многочисленные этнокультурные процессы, в частности, связанные с первичной тюркизацией населения региона, а затем и интенсивные миграционные процессы монгольского времени. Аналогично, в период формирования основного массива погребений исследуемого могильника еще не были завершены процессы консолидации современных этнических образований в Западной Сибири. Эти сложные процессы необходимо рассматривать, последовательно изучая популяции, сменявшие друг друга на рассматриваемой нами территории, что и является преимуществом диахронного подхода, к полноценной реализации которого мы стремимся. На данном предварительном этапе, пока другие выборки из состава диахронной модели находятся в процессе анализа, проводя обозначенные выше сравнения с хронологически удаленными группами, мы можем предварительно пытаться ответить на ряд вопросов. Какие изменения произошли в структуре генофонда по сравнению с ранними группами, а какие черты в генофонде, наоборот, характеризуют преемственность с более древним населением региона? При сравнении с современными группами можно оценить, какие из черт генофонда уже сложились у населения Барабы в первой половине II тыс. н.э., и сильно ли в дальнейшем изменяется генетический состав населения за последние 5-8 веков.

Рассмотрев в этом ключе предварительный состав Заречно-Убинской серии мтДНК можно сделать следующие предварительные выводы по обозначенным выше аспектам. Структура генофонда мтДНК претерпела очень существенные изменения, по сравнению с любыми из периодов эпохи бронзы. Эти изменения коснулись как западно-евразийского, так и восточно-евразийского компонентов генофонда. В западно-евразийском очень существенно увеличивается доля и разнообразие вариантов гаплогруппы H и родственных ей кластеров. В восточно-евразийском сильно увеличивается как состав гаплогрупп/подгрупп, так и уровень разнообразия вариантов внутри основных кластеров. Например, существенно растет значение вариантов гаплогруппы D, которые становятся не только многочисленными в отношении числа носителей, но и очень разнообразными. В предшествующие эпохи эта гаплогруппа была представлена очень небольшим числом вариантов (в основном, корневым гаплотипом, и лишь в РЖВ – некоторыми его непосредственными производными). В рассматриваемой серии варианты гаплогруппы D соперничают с гаплогруппой C по разнообразию вариантов

и их суммарной частоте в серии. К этому же изменению разнообразия восточно-евразийских вариантов можно отнести и распространение гаплогруппы G2a. Обращает на себя внимание выявленный нами вариант гаплогруппы M9a1a, который не характерен ни для древних, ни для современных популяций лесостепной и южно-таежной зоны Западной Сибири. Один из немногих (если не единственный) носителей данного конкретного варианта в современных коренных популяциях Сибири выявлен среди алтайцев-кижи [Dulik et al., 2012]. M9a гаплогруппа мозаично представлена в генофондах юга Сибири (Алтае-Саянская горная страна), а основная зона ее распространения (но с другим набором гаплотипов) расположена существенно южнее и юго-восточнее – это территории современного Северного Китая и Тибетского нагорья. Наблюдаемые изменения в составе генофонда мтДНК по сравнению с существенно более ранними группами связаны с влиянием интенсификации миграций и генетических контактов в пределах степного и лесостепного пояса Евразии, которое наблюдается с переходного времени от бронзы к железу, продолжается на протяжении всего раннего железного века, а новые его этапы происходят в раннем и развитом Средневековье (тюркизация популяций). Так, увеличение в генофонде населения Барабы доли и разнообразия вариантов гаплогруппы H уходит корнями в ранний железный век (продолжается и позже). Вероятно, с этим же периодом связаны некоторые изменения в составе вариантов гаплогруппы C. Например, появление в регионе вариантов подгруппы C4a2a1, которая в раннем железном веке в Барабе не фиксировалась, и была зафиксирована в качестве очень существенного компонента генофонда мтДНК лишь в одной из исследованных раннекочевых популяций юга Сибири – носителей тагарской культуры из Минусинской котловины [Pilipenko et al., 2018]. У носителей саргатской культуры Барабы выявлены лишь варианты другой подгруппы (C4a2c1) (неопубликованные данные авторов). Процессы, связанные с увеличением разнообразия гаплогруппы D, распространением G2a, по-видимому, можно связывать с более поздними периодами, когда происходила тюркизация населения, в т.ч. за счет притока в регион мигрантов из более южных районов степного пояса. Консервативной чертой состава исследуемой серии мтДНК, отражающей преемственность с древними популяциями Барабы, является, например, сохранение высокой роли в генофонде вариантов западноевразийских гаплогрупп U2e, U4, U5a, а также части вариантов восточно-евразийских гаплогрупп C и Z (хотя и в этих случаях есть изменения в разнообразии вариантов и составе субкластеров). Таким образом, сравнение с популяциями предшествующих эпох свидетельствует о существенных изменениях в составе генофонда мтДНК, произошедших в популяциях Барабы на протяжении раннего железного века и ранних этапов Средневековья. Достоверное определение хронологии конкретных изменений в структуре генофонда будет выполнено в процессе построения подробной диахронной средневековой модели.

Предварительное сравнение с опубликованными данными по современным коренным популяциям юга Западной Сибири подтверждает, что к моменту формирования основного массива погребений могильника Заречно-Убинское-1 структура генофонда современного коренного населения региона сложилась далеко не полностью. Для предварительного сравнительного анализа мы использовали данные по популяциям барабинских татар [Губина и др., 2018], которые являются коренным населением территории, где расположен исследуемый нами могильник, а также хантов [Губина и др., 2005] и селькупов [Tamm et al., 2007], которые представляют угорские и самодийские народы (т.о., мы учитывали данные по всем трем группам этносов, взаимодействие которых протекало в лесостепной и южно-таежной зонах Западной Сибири в позднем Средневековье).

Результаты сравнения свидетельствуют, что исследованная серия не демонстрирует высокой близости ни с одной из групп. С каждой из них ее объединяет присутствие около трети (8-10 из 29) вариантов мтДНК. Эти общие варианты существенно отличаются в разных сравниваемых парах. Общими для всех популяций в основном являются наиболее распространенные варианты гаплогрупп H, C, D, U4. Это обобществленная часть генофонда мтДНК, которая объединяет все население региона и сформировалась здесь в результате длительного их взаимодействия. Существенная же часть структуры генофонда населения, оставившего Заречно-Убинский могильник, отличается от всех современных групп, и их сближение, очевидно, происходило в более поздние периоды Средневековья. В то же время удается выделить присутствие в Заречно-Убинской серии некоторых специфических черт, отличающих население лесостепной и южно-таежной зоны Западной Сибири от более широкого круга популяций евразийской степной зоны (напр., от тюркоязычных групп западных и восточных регионов, а также финно-угорских групп Волго-Уральского региона). Это выражается, например, в присутствии некоторых специфичных для региона вариантов гаплогруппы H и T1, и некоторых других частных моментах, которые еще предстоит подтвердить на других выборках.

Выявленная по результатам анализа серии образцов из могильника Заречно-Убинское-1 смешанная структура генофонда мтДНК, образованная в результате взаимодействия компонентов различного происхождения, коррелирует с результатами краниометрического анализа, проведенного и опубликованного ранее [Поздняков, Рыбина, 2002; Поздняков, 2006].

Еще одним аспектом рассмотрения серий образцов из крупных могильников является анализ планигра-

фических особенностей распределения вариантов по пространству могильного поля [Трапезов и др., 2022]. Могильник Заречно-Убинское-1 планиграфически разделен на 3 курганные группы (А, Б, В). На данном этапе отметим одну особенность, выявленную при планиграфическом анализе. Носители варианта с гаплотипом ГВСI мтДНК, соответствующим кембриджской референсной последовательности мтДНК (кластер HV), с наибольшей частотой представленные в исследованной серии (14 образцов из 60), распределены по курганным группам неравномерно: 9 из 14 образцов с этим гаплотипом происходят из курганной группы В. То есть носители данного варианта составляют более половины серии из данной планиграфической группы (9 из 16 успешно исследованных образцов мтДНК). Хотя на уровне полной мтДНК варианты с таким гаплотипом ГВСI могут отличаться по структуре, мы предварительно рассматриваем наблюдаемую концентрацию гаплотипа в курганной группе В как особенность этой части популяции, обусловленную возможной концентрацией здесь погребенных, связанных родством по материнской линии. Проверка этой гипотезы будет одним из перспективных направлений работы с материалами данного могильника.

Заключение

Данная работа, посвященная предварительному анализу разнообразия враиантов митохондриальной ДНК в репрезентативной серии образов (N = 60) из могильника Заречно-Убинское-1 в восточной Барабе, открывает серию публикаций по материалам обширной диахронной модели (выборки) населения Западной Сибири эпохи Средневековья и Нового времени. До накопления и публикации данных по другим компонентам модели (сериям из других могильников) мы не имеем возможности полноценно реализовать все преимущества подробного диахронного анализа генетического состава популяций. Тем не менее считаем очень важным оперативное введение в научный оборот первых данных о генетическом составе населения Барабинской лесостепи первой половины – середины II тыс. н.э. До выхода этой работы такие данные полностью отсутствовали в научной литературе. Уже их предварительное рассмотрение позволяет сделать выводы о различных аспектах формирования структуры генофонда мтДНК населения лесостепной зоны в Средневековье. Дальнейшие перспективы развития исследования связаны с введением в научный оборот других средневековых серий мтДНК из разновременных памятников лесостепной и южно-таежной зон Западной Сибири, исследование которых находится на завершающей стадии. Это позволит объективно судить о динамике состава митохондриального генофонда на протяжении последних ~1 500 лет, включая ее локально-территориальные особенности в различных частях обширного региона. Аналогичные задачи будут решаться и на уровне мужского генофонда (Y-хромосомы). Что касается непосредственно могильника Заречно-Убинское-1, то основными дальнейшими шагами в его исследовании станут увеличение выборки мтДНК и детализация данных о структурных вариантах мтДНК, анализ Y-хромосомы у индивидов мужского пола, сопоставление данных по обоим маркерам с однородительским наследованием. Важнейшим направлением работы станет более детальный анализ археологического контекста исследуемых погребальных комплексов как на уровне планиграфических групп, так и на уровне каждого отдельного погребения, который, как мы считаем, позволит прояснить хронологию комплексов (в т.ч. с привлечением методов прямого датирования материалов). Не менее важной представляется более детальная корреляция данных и выводов, полученных методами физической антропологии и археологии. Интегральный анализ всех данных, полученных в рамках междисциплинарного исследования, позволит рассматривать могильник Заречно-Убинское-1 как один из опорных памятников для реконструкции истории средневекового населения восточной части Барабы.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 23-18-00834. Палеогенетическая инфраструктура ИЦиГ СО РАН поддержана счет средств бюджетного проекта ИЦиГ СО РАН № FWNR-2022-0011.

Список литературы

Бараба в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин, В.И. Соболев, Е.А. Сидоров, Н.В. Полосьмак, А.И. Соловьев, А.П. Бородовский, А.В. Новиков, П.И. Беланов. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Васильева Ю.А., Малиновский В.Б. Могильник Заречно-Убинское-1 как источник по реконструкции этнических процессов на границе таежной и лесостепной зоны Западной Сибири // Тр. III (XIX) Всерос. археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. – СПб.; В. Новгород: Изд-во ИИМК РАН, 2011. – Т. II. – С. 12.

Васильева Ю.А., Выборнов А.В., Малиновский В.Б. Снаряжение коня в позднесредневековых погребениях могильника Заречно-Убинское-1 // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12, № 3. – С. 168–175.

Губина М.А., Бабенко В.Н., Воевода М.И. Полиморфизм митохондриальной ДНК в популяции сибирских татар Барабинской лесостепи // Генетика. – 2018. – Т. 54, № 6. – С. 694–709.

Губина М.А., Осипова Л.П., Виллемс Р. Анализ материнского генофонда по полиморфизму митохондриальной ДНК в популяциях хантов и коми Шурышкарского района ЯНАО // Коренное население Шурышкарского района

Ямало-Ненецкого автономного округа: демографические, генетические и медицинские аспекты. – Новосибирск: Artavenue, 2005. – С. 105–117.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи V–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 220 с.

Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Томилин М.А., Черданцев С.В., Пилипенко И.В., Поздняков Д.В., Молодин В.И., Нестерова М.С., Журавлев А.А., Рыкун М.П. Реконструкция генетической истории населения Западной Сибири: палеогенетический анализ средневековых антропологических материалов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 806–812.

Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 136 с.

Поздняков Д.В., Рыбина Е.В. Краниологическая характеристика средневекового населения Барабы (по материалам могильника Заречно-Убинское-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 657–664.

Соболев В.И., Малиновский В.Б. Погребальный обряд Заречно-Убинского могильника эпохи средневековья // Археология вчера, сегодня, завтра. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 1995. – С. 91–97.

Трапезов Р.О., Черданцев С.В., Томилин М.А., Пристяжнюк М.С., Пилипенко И.В., Поздняков Д.В., Кобелева Л.С., Молодин В.И., Пилипенко А.С. Особенности планиграфического распределения вариантов митохондриальной ДНК в комплексах андроновского времени могильника Тартас-1 // Археология, этнография и антропология в Евразии. – 2022. – Т. 50, № 4. – С. 146–153.

Dulik M.C., Zhadanov S.I., Osipova L.P., Askapuli A., Gau L., Gokcumen O. Rubinstein S., Schurr Th.G. Mitochondrial DNA and Y Chromosome Variation Provides Evidence for a Recent Common Ancestry between Native Americans and Indigenous Altaians // Am. J. of Human Genetics. – 2012. – N 90. – P. 229–246.

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezov R.O., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data // Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2012. – P. 95–113.

Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Babenko V.N., Nesterova M.S., Pozdnyakov D.V., Molodin V.I., Polosmak N.V. Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC) // PLoS ONE. – 2018. – Vol. 13, iss. 9. – P. 1–24.

Tamm E., Kivisild T., Reidla M., Metspalu M., Smith D.G., Mulligan C.J., Bravi C.M., Rickards O., Martinez-Labarga C., Khusnutdinova E.K., Fedorova S.A., Golubenko M.V., Stepanov V.A., Gubina M.A., Zhadanov S.I., Ossipova L.P., Damba L., Voevoda M.I., Dipierri J.E., Malhi R.S. Beringian standstill and spread of native American founders // PLoS ONE. – 2007. – Vol. 2, iss. 9. – Article e829.

References

Gubina M.A., Babenko V.N., Voevoda M.I. Polymorphism of Mitochondrial DNA in Population of Siberian Tatars from Barabinsk Forest Steppe. *Russian J. of Genetics*, 2018. Vol. 54. No. 6. P. 717–731. doi:10.1134/S1022795418060066

Gubina M.A., Osipova L.P., Villems R. Analiz materinskogo genofonda po polimorfizmu mitokhondrial'noi DNK v populyatsiyakh khantov i komi Shuryshkarskogo raiona YaNAO. In: *Korennoe naselenie Shuryshkarskogo raiona Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga: demograficheskie, geneticheskie i meditsinskie aspekty*. Novosibirsk: Artavenue, 2005. P. 105–117. (In Russ.).

Dulik M.C., Zhadanov S.I., Osipova L.P., Askapuli A., Gau L., Gokcumen O. Rubinstein S., Schurr Th.G. Mitochondrial DNA and Y Chromosome Variation Provides Evidence for a Recent Common Ancestry between Native Americans and Indigenous Altaians. *Am. J. of Human Genetics*, 2012. No. 90. P. 229–246. doi:10.1016/j.ajhg.2011.12.014

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Chikisheva T.A., Romashchenko A.G., Zhuravlev A.A., Pozdnyakov D.V., Trapezov R.O. The Interdisciplinary Research of Baraba Forest-Steppe Populations (IV–I millennium BC): Archaeological, Paleogenetic and Anthropological Perspectives. Novosibirsk: SB RAS Publ., 2013. 220 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezov R.O., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data. In *Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2012. P. 95–113.

Molodin V.I., Savinov D.G., Elagin V.S., Sobolev V.I., Sidorov E.A., Polos'mak N.V., Solov'ev A.I., Borodovskii A.P., Novikov A.V., Belanov P.I. Baraba v tyurkskoe vremya. Novosibirsk: Nauka, 1988. 176 p. (In Russ.).

Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Babenko V.N., Nesterova M.S., Pozdnyakov D.V., Molodin V.I., Polosmak N.V. Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC). *PLoS ONE*, 2018. Vol. 13. Iss. 9. P. 1–24. doi:10.1371/journal.pone.0204062

Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Tomilin M.A., Cherdantsev S.V., Pilipenko I.V., Pozdnyakov D.V., Molodin V.I., Nesterova M.S., Zhuravlev A.A., Rykun M.P. Reconstruction of the Genetic History of Western Siberian Populations: Paleogenetic Analysis of the Medieval

Anthropological Evidence. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 806–812. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0806-0812

Pozdnyakov D.V. Paleoantropologiya naseleniya yuga Zapadnoi Sibiri epokhi srednevekov'ya (vtoraya polovina I – pervaya polovina II tys. n.e.). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006. 136 p. (In Russ.).

Pozdnyakov D.V., Rybina E.V. Kraniologicheskaya kharakteristika srednevekovogo naseleniya Baraby (po materialam mogil'nika Zarechno-Ubinskoe-1). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002. Vol. 8. P. 657–664. (In Russ.).

Sobolev V.I., Malinovskii V.B. Pogrebal'nyi obryad Zarechno-Ubinskogo mogil'nika epokhi srednevekov'ya. In *Arkheologiya vchera, segodnya, zavtra*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagog Univ. Press, 1995. P. 91–97. (In Russ.).

Tamm E., Kivisild T., Reidla M., Metspalu M., Smith D.G., Mulligan C.J., Bravi C.M., Rickards O., Martinez-Labarga C., Khusnutdinova E.K., Fedorova S.A., Golubenko M.V., Stepanov V.A., Gubina M.A., Zhadanov S.I., Ossipova L.P., Damba L., Voevoda M.I., Dipierri J.E., Malhi R.S. Beringian standstill and spread of native American founders. *PLoS ONE*, 2007. Vol. 2. Iss. 9. Article e829. doi:10.1371/journal.pone.0000829

Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Tomilin M.A., Pristyazhnyuk M.S., Pilipenko I.V., Pozdnyakov D.V., Kobeleva L.S., Molodin V.I., Pilipenko A.S. Planigraphic (Spatial) Distribution of Mitochondrial DNA Variants at the Andronovo Time Cemetery Tartas-1: Preliminary Results. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia,* 2022 Vol. 50. No. 4. P. 137–144. doi:10.17746/1563-0110.2022.50.4.137-144

Vasilyeva Y.A., Malinovskii V.B. Mogil'nik Zarechno-Ubinskoe-1 kak istochnik po rekonstruktsii etnicheskikh protsessov na granitse taezhnoi i lesostepnoi zony Zapadnoi Sibiri. In *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s»ezda*. *Veliky Novgorod – Staraya Russa*. St. Petersburg; Veliky Novgorod: Institute for the History of Material Culture Publ., 2011. Vol. II. P. 12. (In Russ.).

Vasilyeva Y.A., Vybornov A.V., Malinovskii V.B. Horse Equipment from The Late Medieval burial mounds Zarechno-Ubinskoe-1. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2013. Vol. 12. No. 3. P. 168–175. (In Russ.).

Трапезов Р.О. https://orcid.org/0000-0002-0483-530X
Черданцев С.В. https://orcid.org/0000-0002-4384-3468
Томилин М.А. https://orcid.org/0000-0002-2616-8712
Пилипенко И.В. https://orcid.org/0000-0002-8325-6719
Поздняков Д.В. https://orcid.org/0000-0002-7984-0912
Нестерова М.С. https://orcid.org/0000-0003-4024-6753
Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Пилипенко А.С. https://orcid.org/0000-0003-1009-2554

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0817-0822
УДК 902.674

М.В. Уткин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: fftrrls@gmail.com

Перекрестная датировка по нескольким параметрам: применение изотопного анализа для расширения древесно-кольцевых хронологий (зарубежный опыт)

Дендрохронологический анализ – достаточно эффективный метод датирования исторической древесины, однако у него есть ряд существенных ограничений. Это особенно заметно при рассмотрении ранних сегментов древесно-кольцевых хронологий, где насыщенность образцами и количество перекрытий, как правило, сильно уменьшаются. На этих участках неправильно датированные древесно-кольцевые серии могут привести к критическим ошибкам при их дальнейшем сведении в общую хронологию. Учитывая это, в итоговые результаты исследований чаще всего включаются только образцы с высокой достоверностью датирования, в результате чего часть недатированной древесины вынужденно игнорируется. Однако в последнее время, помимо хронологий, построенных по ширине годичного кольца (TRW) и максимальной плотности поздней древесины (MXD), набирает популярность новый метод датирования живой и исторической древесины: по стабильным изотопам кислорода и углерода, содержащимся в древесных кольцах. Первые результаты этих исследований продемонстрировали возможность согласовывать данные не только между деревьями одного вида, произрастающими на общей территории, но и даже между деревьями разных видов. Кроме того, все активнее развивается способ высокоточного радиоуглеродного датирования по объективным временным маркерам, называемым «событиями Мияке». В 2023 г. коллективом авторов из Германии и Чехии было проведено уникальное исследование, сочетающее в себе все современные способы перекрестной датировки, а именно использование нескольких параметров одновременно, включая TRW, MXD, а также данные, полученные по стабильным изотопам углерода ($\delta^{13}C$) и радиоуглеродного (^{14}C) анализа. Последние два были использованы для оценки и исправления ошибок датирования ранних сегментов самой длинной древесно-кольцевой хронологии для высокогорий Средиземноморского бассейна. Результаты убедительно доказывают, что объединение TRW-хронологий с измерениями по $\delta^{13}C$ позволяют получить гораздо более надежные датировки сомнительных и мало коррелирующих друг с другом участков хронологий.

Ключевые слова: *дендрохронология, перекрестная датировка, изотопный анализ, стабильные изотопы углерода, радиоуглерод, историческая древесина.*

M.V. Utkin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: fftrrls@gmail.com

Multi-parameter Cross-dating: Using Isotope Analysis to Extend Tree-ring Chronologies (Foreign Research Data)

Dendrochronological analysis is a fairly effective method of dating historical wood; however, it is not without significant limitations. This is particularly evident in considering the early segments of tree-ring chronologies, where both availability of historical wood and the amount of chronological curve overlaps are insufficient. Inclusion of incorrectly dated tree-ring series incorporated into an overall chronology can result in significant errors. In light of these considerations, only samples with high dating confidence are typically included in concluding research data; this situation results in the exclusion of some undated wood from scientific circulation. Recently, in addition to chronologies based on annual ring width (TRW) and maximum latewood density (MXD), a new promising method of dating living and historic wood has been proposed: by stable oxygen and carbon isotopes

contained in tree rings. The initial findings of these studies have indicated that it is feasible to align data not only between trees of the same species growing in a common area, but also between trees of disparate species. Furthermore, the method of high-precision radiocarbon dating based on objective time markers, known as 'Miyake events', is being successfully developed. In 2023, a team of authors from Germany and the Czech Republic conducted unique research that combined all modern cross-dating methods, namely the use of several parameters simultaneously, including TRW, MXD, $\delta^{13}C$ and ^{14}C. The researchers used combined stable carbon isotope ($\delta^{13}C$) and radiocarbon (^{14}C) data in estimating and correcting dating errors in the initial segments of the longest tree-ring chronology generated for the highlands of the Mediterranean Basin. The findings provide compelling evidence that integrating TRW chronologies with $\delta^{13}C$ measurements facilitates considerably more reliable dating of uncertain and poorly correlated sections of the chronologies.

Keywords: *dendrochronology, cross-dating, isotopic analysis, stable carbon isotopes, radiocarbon, historic wood.*

Введение

В широком смысле слова, дендрохронология занимается датировкой годичных колец древесины и анализом содержащейся в них информации. При этом объектом исследования выступают различные показатели годичного прироста в стволах, ветвях и корнях древесных растений, а также их физико-механические свойства, анатомическая структура и химический состав древесины [Карпухин, 2016, с. 52–53].

Принцип перекрестной датировки является важнейшим в дендрохронологии и разработан с целью абсолютной и относительной датировки формирования колец с точностью до года. Его суть заключается в следующем: древесные растения, произрастающие в пределах однородного климатического района, сходно реагируют величиной прироста на изменения лимитирующих климатических факторов, в результате чего у них наблюдается синхронная изменчивость ширины годичных колец. Данный метод позволяет выявлять местонахождение выпавших и ложных колец, а также производить абсолютную и относительную датировку каждого кольца у сравниваемых индивидуальных древесно-кольцевых хронологий (ДХК), а также продлевать хронологии далеко вглубь веков на основе использования древесины давно отмерших деревьев (археологической древесины, архитектурной древесины, сухостоя, валежа, а также захороненной в торфяных, речных и озерных отложениях полуископаемой древесины голоценового возраста) [Шиятов и др., 2000, с. 16–18].

Параметры годичного кольца, которые могут быть так или иначе измерены и изучены, довольно различны, однако из множества характеристик годичного кольца наиболее часто продолжают использовать результаты измерений его ширины, которые несколько реже подразделяются на значения ширины ранней и поздней древесины. Для этого в настоящее время используется относительно простое и распространенное полуавтоматическое оборудование [Карпухин, 2016, с. 52–53].

Результаты, полученные в процессе перекрестной датировки, являются наиболее репрезентативными, когда годичный прирост древесины ограничивается тем или иным лимитирующим фактором окружающей среды [Fritts, 1976, p. 567]. Препятствовать же успешному дендрохронологическому датированию по ширине годичного кольца могут как благоприятные условия роста деревьев, приводящие к формированию благодушных (инвариантных, самоуспокоенных) колец, так и различные структурные аномалии, такие как ложные, отсутствующие и клиновидные кольца, а также внутригодовые колебания плотности древесины [Ibid.].

Помимо данных, полученных при измерении ширины годичных колец (tree ring width, или TRW), для перекрестной датировки также довольно часто применяют измерения максимальной плотности поздней древесины (maximum latewood density, или MXD). Полученные в результате подобных измерений данные обычно содержат значительно меньше неклиматических шумов, кроме того, они являются менее восприимчивыми к серьезным нарушениям роста, что в свою очередь повышает успешность перекрестной датировки [Rydval et al., 2018].

Тем не менее, несмотря на неоспоримые методологические достижения последних десятилетий в исследовании максимальной плотности поздней древесины (появление новых методик рентгеновской денситометрии годичных колец деревьев [Bjorklund et al., 2019]), датирование археологической древесины неизвестного возраста с использованием только TRW/MXD данных по-прежнему остается довольно сложной задачей. Это особенно заметно, если рассматривать ранние сегменты древесно-кольцевых хронологий, где насыщенность образцами и количество перекрытий (наслаиваний отдельных древесно-кольцевых рядов друг на друга) обычно существенно уменьшаются. На этих участках неправильно датированные древесно-кольцевые серии могут привести к критическим ошибкам при их дальнейшем сведении в общую хронологию.

Таким образом, принимая данную опасность во внимание, в итоговые результаты исследования учеными чаще всего включаются только образцы с высокой достоверностью датирования, в результате чего большое количество измеренной, но недатированной археологической древесины вынужденно игнорируется, что довольно часто приводит к сложностям в дальнейшем удлинении абсолютно датированных древесно-кольцевых хронологий в прошлое.

Использование изотопов углерода и кислорода в качестве инструмента датировки древесно-кольцевых хронологий

Помимо хронологий, построенных по ширине годичного кольца (TRW) и максимальной плотности поздней древесины (MXD), в последнее время все более набирает популярность способ датирования живой и исторической древесины при помощи стабильных изотопов углерода ($\delta^{13}C$) и кислорода ($\delta^{18}O$) [Roden, 2008; Loader et al., 2019, 2021]. Поскольку содержание $\delta^{13}C$ отражает баланс между устьичной проводимостью листьев и ассимиляцией CO_2 в процессе фотосинтеза, а количество $\delta^{18}O$ определяется транспирацией листьев и варьирует в зависимости от источников поступления воды [McCarroll, Loader, 2004], оба стабильных изотопа годичных колец (tree ring stable isotopes, или TRSI) содержат важную информацию о прошлых климатических условиях и демонстрируют сильную согласованность не только между деревьями одного вида, произрастающими на общей территории, но и даже между деревьями разных видов [Hartl-Meier et al., 2015; Loader et al., 2021].

Самым известным и часто используемым способом определить возраст дендрохронологических образцов при помощи изотопного анализа является т.н. радиоуглеродный анализ – высокоточные измерения содержания радиоуглерода (^{14}C) в образце, проводимые на ускорительном масс-спектрометре. Полученные результаты калибруются Международной калибровочной кривой радиоуглеродного возраста Северного полушария (IntCal20). Однако, чтобы минимизировать неопределенности датирования ^{14}C, возникающие из-за немонотонности IntCal20, в дендрохронологии часто прибегают к т.н. процедуре *wiggle-matching*, когда для радиоуглеродных измерений извлекается несколько колец вдоль одного образца древесины, которые в дальнейшем систематически сравниваются с калибровочной кривой [Bronk, Pflicht, Weninger, 2001].

Кроме того, в качестве объективных временных маркеров, позволяющих проводить абсолютное радиоуглеродное датирование, выходящее за рамки методологической неопределенности радиоуглеродного метода, могут использоваться феномены, получившие название «событий Мияке» – внезапные, единичные и глобально когерентные события существенного обогащения атмосферы радиоактивным углеродом, вероятно, вызванные кратковременным усилением космического излучения [Miyake et al., 2012].

Перекрестная датировка по нескольким параметрам (зарубежный опыт)

В 2023 г. коллективом авторов [Romer et al., 2023] было проведено уникальное исследование, сочетающее в себе самые современные подходы и методы перекрестной датировки с использованием нескольких параметров одновременно, включая TRW, MXD, $\delta^{13}C$ и ^{14}C. Ими были поставлены задачи по преодолению проблемы датировки реликтовой древесины сосны в районе горы Смоликас (Греция), а также по исправлению ошибок и неточностей в ранних сегментах древесно-кольцевых хронологий, на тот момент уже построенных для данного региона и состоящих из 878 измерений по ширине годичного кольца (TRW), а также 192 измерений максимальной плотности поздней древесины (MXD) [Ibid.].

Для их решения авторами была создана непрерывная погодичная изотопная хронология по $\delta^{13}C$, включающая в себя 4 151 индивидуальное измерение, пробы для которых были отобраны с 17 хорошо сохранившихся спилов, дендрохронологически датированных первым тысячелетием н.э. В качестве меры предосторожности (чтобы избежать потенциальных ювенильных эффектов), 50 внутренних колец каждого образца (с учетом смещения сердцевины) были исключены из выборки.

После тщательной резки и разделения каждого годичного кольца на куски волокон одинакового размера, α-целлюлоза была извлечена из всей древесины с помощью модифицированного метода выделения Джейме – Уайза. Для измерений $\delta^{13}C$ 0,2–1,0 мг α-целлюлозы помещали в жестяные капсулы и сжигали до CO_2 при 960 °C с использованием элементного анализатора varioPYRO cube. Из газа CO_2 определяли соотношение тяжелых (^{13}C) и легких (^{12}C) изотопов углерода с помощью масс-спектрометра ISOPRIME100, работающего в режиме непрерывного потока. Для определения точности соотношений $\delta^{13}C$ было проведено по шесть последовательных измерений для каждого из образцов α-целлюлозы. Диапазон между минимальными и максимальными значениями и стандартное отклонение (σ) составили 0,12 ‰ и 0,042 ‰ соответственно.

Стандартизация мастерских хронологий проводилась с использованием специализированного программного пакета ARSTAN [Cook, Krusic, 2008]. Для стандартизации данных TRW, MXD и $\delta^{13}C$ отдельные ряды годичных колец деревьев были преобразованы по мощности и отфильтрованы с помощью высокочастотного фильтра путем вычисления остатков с помощью кубических сглаживающих сплайнов с 50 % срезом частотной характеристики на 30 лет [Cook, Peters, 1981; Wigley, Jones, Briffa, 1987]. Связи между отдельными сериями оценивались коэффициентом межсерийной корреляции (Rbar), а также коэффициентом выраженного популяционного сигнала EPS [Wigley, Jones, Briffa, 1987], вычисленного по 50-летним сегментам с 49-летним перекрытием. Хотя новые серии $\delta^{13}C$ были датированы в соответствии с их соответствующими измерениями TRW/MXD [Esper et al., 2020, 2021], их степень внутреннего перекрестного датирования оценивалась отдельно с использованием COFECHA [Holmes, 1983].

Результат кросс-корреляционного анализа между отфильтрованными по высоким частотам сериями $\delta^{13}C$ и их мастерской хронологией COFECHA поставил под сомнение возраст второго из самых ранних образцов реликтовой сосны (Pine16), предложив переместить его предполагаемое расположение, полученное с помощью анализа ширины годичного кольца, с 597–852 гг. н.э. (Opt1) на новое место, а именно – на 468–723 гг. н.э. (Opt2).

Для независимой проверки полученных результатов дополнительно был проведен радиоуглеродный анализ двух образцов (того, в котором была обнаружена ошибка, а также еще одного образца, показывающего высокую дендрохронологическую достоверность из-за высоких коэффициентов корреляции как с хронологией по ширине кольца, так и с хронологией по $\delta^{13}C$). С каждого из образцов был отобран материал из колец, предположительно охватывающий календарный период в 772–777 гг. н.э. (этот сегмент был выбран специально, чтобы по нему можно было отчетливо зафиксировать событие Мияке 774 г., которое является объективным временным маркером для абсолютных радиоуглеродных датировок). Полученные результаты дали были однозначными: *wiggle-matching* и калиброванные ^{14}C датировки образцов полностью соответствовали положению, полученному дендрохронологически.

Таким образом, конечным итогом описанного выше мультидисциплинарного исследования стал пересмотр ранней части древесно-кольцевой хронологии горы Смоликас (а именно, возраста образца Pine16), что, в свою очередь, удлинило ее более, чем на столетие назад. Благодаря проверке ранних сегментов хронологии при помощи $\delta^{13}C$ и ^{14}C, дата начала абсолютной хронологии горы Смоликас была передвинута на 468 г. н.э. Построенная хронология по $\delta^{13}C$, хоть и начинается на 47 лет позже (в 514 г. н.э.), однако демонстрирует гораздо более ярко выраженную изменчивость от года к году, а также более высокую общую силу сигнала, что, в свою очередь, значительно уменьшает вероятность ошибок в VI и VII вв. н.э.

Заключение

В описанном выше исследовании авторы наглядно демонстрируют, что объединение TRW-хронологий с измерениями $\delta^{13}C$ позволяет проводить гораздо более надежное датирование самых ранних хронологических периодов древесно-кольцевых хронологий, преодолевая типичные проблемы перекрестного датирования, такие как маленькое число образцов и низкие межсерийные коэффициенты корреляции. Несмотря на то, что исследованный сегмент хронологии был представлен лишь одним образцом древесины, полученные результаты были независимо подтверждены благодаря высокоточному ^{14}C-датированию по событию Мияке.

Подводя итог, если говорить об основных преимуществах и ограничениях данного метода, необходимо заметить, что одним из главных преимуществ изотопных хронологий перед хронологиями, построенными по ширине и плотности колец, является то, что в случае TRW и MXD-хронологий для получения достаточно репрезентативных результатов необходимо иметь более десяти древесно-кольцевых серий, в то время как для получения надежной хронологии по стабильным изотопам требуется лишь три. Данное утверждение подтверждается и предыдущими исследованиями TRSI, в которых описывается репликация образцов из 4-6 деревьев, достаточная для разработки надежных репрезентативных локальных хронологий [Leavitt, 2010; Belmecheri, Wright, Szejner, 2022].

Тем не менее, несмотря на множество технологических и методологических достижений последних десятилетий, довольно маловероятно, что TRSI заменит TRW для обыденного перекрестного датирования из-за крайне ресурсоемкой подготовки образцов и измерений. Однако наблюдаемая надежная ковариация $\delta^{13}C$ между отдельными деревьями дает уникальную возможность датировать проблемные образцы с вполне разумными усилиями и затратами.

Благодарности

Работа была выполнена в рамках темы НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0010 «Палеоэкология человека и реконструкция природных условий Евразии в четвертичном периоде».

Список литературы

Карпухин А.А. Дендрохронология в археологии: методические аспекты // Междисциплинарная интеграция в археологии (по мат-лам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). – М.: ИА РАН, 2016. – С. 52–53.

Шиятов С.Г., Ваганов Е.А., Кирдянов А.В., Круглов В.Б., Мазепа В.С., Наурзбаев М.М., Хантемиров Р.М. Методы дендрохронологии. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации: учеб.-методич. пособие. – Красноярск: Красн. гос. ун-т, 2000. – Ч. I. – С. 16–18.

Belmecheri S., Wright W.E., Szejner P. Sample collection and preparation for annual and intra-annual tree-ring isotope chronologies // Stable Isotopes in Tree Rings – Inferring Physiological, Climatic and Environmental Responses. Springer, 2022. – P. 103–134.

Bjorklund J., Arx G., von, Nievergelt D., Wilson R., Van den Bulcke J., Günther B., Loader N.J., Rydval M., Fonti P., Scharnweber T., Andreu-Hayles L., Buntgen U., D'Arrigo R., Davi N., De Mil T., Esper J., Gartner H., Geary J., Gunnarson B.E., Hartl C., Hevia A., Song H., Janecka K., Kaczka R.J., Kirdyanov A.V., Kochbeck M., Liu Y., Meko M., Mundo I., Nicolussi K., Oelkers R.,

Pichler T., Sanchez-Salguero R., Schneider L., Schweingruber F., Timonen M., Trouet V., Van Acker J., Verstege A., Villalba R., Wilmking M., Frank D. Scientific merits and analytical challenges of tree-ring densitometry // Reviews of Geophysics. – 2019. – Vol. 57. – P. 1224–1264. – doi:10.1029/2019RG000642

Bronk Ramsey C., van der Pflicht J., Weninger B. 'Wiggle matching' radiocarbon dates // Radiocarbon. – 2001. – Vol. 43. – P. 381–389. – doi:10.1017/S0033822200038248

Cook E.R., Peters K. The smoothing spline: a new approach to standardizing forest interior tree-ring width series for dendroclimatic studies // Tree-Ring Bulletin. – 1981. – Vol. 41. – P. 43–45.

Cook R., Krusic P.J. A Tree-Ring Standardization Program Based on Detrending and Autoregressive Time Series Modeling, with Interactive Graphics (ARSTAN). – 2008. – URL: http://www.ldeo.columbia.edu/treering-laboratory/resources/software (дата обращения: 01.06.2024).

Esper J., Klippel L., Krusic P.J., Konter O., Raible C.C., Xoplaki E., Luterbacher J., Buntgen U. Eastern Mediterranean summer temperatures since 730 CE from Mt. Smolikas tree-ring densities // Climate Dynamics. – 2020. – Vol. 54. – P. 1367–1382.

Esper J., Konter O., Klippel L., Krusic P.J., Buntgen U. Pre-instrumental summer precipitation variability in northwestern Greece from a high-elevation Pinus heldreichii network // Intern. J. of Climatology. – 2021. – Vol. 41. – P. 2828–2839. – doi:10.1002/joc.6992

Fritts H.C. Tree Rings and Climate. – N. Y.: Academic Press, 1976. – 567 p.

Hartl-Meier C., Zang C., Büntgen U., Esper J., Rothe A., Gottlein A., Dirnbock T., Treydte K. Uniform climate sensitivity in tree-ring stable isotopes across species and sites in a mid-latitude temperate forest // Tree Physiology. –2015. – Vol. 35. – P. 4–15. – doi:10.1093/treephys/tpu096

Holmes R.L. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // Tree-Ring bulletin. – 1983. – Vol. 44. – P. 69–78.

Leavitt S.W. Tree-ring C–H–O isotope variability and sampling // Science of The Total Environment. – 2010. – Vol. 408. – P. 5244–5253. – doi:10.1016/j.scitotenv.2010.07.057

Loader N.J., McCarroll D., Miles D., Young G.H.F., Davies D., Ramsey C.B. Tree ring dating using oxygen isotopes: a master chronology for central England // J. of Quatern. Sci. – 2019. – Vol. 34. – P. 475–490. – doi:10.1002/jqs.3115

Loader N.J., McCarroll D., Miles D., Young G.H.F., Davies D., Ramsey C.B., Williams M., Fudge M. Dating of non-oak species in the United Kingdom historical buildings archive using stable oxygen isotopes // Dendrochronologia. – 2021. – Vol. 69. – doi:10.1016/j.dendro.2021.125862

McCarroll D., Loader N.J. Stable isotopes in tree rings // Quatern. Sci. Rev. – 2004. – Vol. 23. – P. 771–801. – doi:10.1016/j.quascirev.2003.06.017

Miyake F., Nagaya K., Masuda K., Nakamura T. A signature of cosmic-ray increase in AD 774–775 from tree rings in Japan // Nature. – 2012. – Vol. 486. – P. 240–242. – doi:10.1038/nature11123

Roden J. Cross-dating of tree ring delta O-18 and delta C-13 time series // Chemical Geology. – 2008. – Vol. 252 (1–2). – P. 72–79.

Romer P., Reinig F., Konter O., Friedrich R., Urban O., Caslavsky J., Pernicova N., Trnka M., Buntgen U., Esper J. Multi-proxy crossdating extends the longest high-elevation tree-ring chronology from the Mediterranean // Dendrochronologia. – 2023. – Vol. 79. – 126085. – doi:10.1016/j.dendro.2023.126085

Rydval M., Druckenbrod D.L., Svoboda M., Trotsiuk V., Janda P., Mikolas M., Cada V., Bace R., Teodosiu M., Wilson R. Influence of sampling and disturbance history on climatic sensitivity of temperature-limited conifers // Holocene. – 2018. – Vol. 28. – P. 1574–1587. – doi:10.1177/0959683618782

Wigley T.M.L., Jones P.D., Briffa K.R. Cross-dating methods in dendrochronology // J. of Archaeol. Sci. – 1987. – Vol. 14. – P. 51–64. – doi:10.1016/S0305-4403(87)80005-5

References

Belmecheri S., Wright W.E., Szejner P. Sample collection and preparation for annual and intra-annual tree-ring isotope chronologies. In *Stable Isotopes in Tree Rings – Inferring Physiological, Climatic and Environmental Responses*, 2022. P. 103–134.

Bjorklund J., Arx G., von, Nievergelt D., Wilson R., Van den Bulcke J., Günther B., Loader N.J., Rydval M., Fonti P., Scharnweber T., Andreu-Hayles L., Buntgen U., D'Arrigo R., Davi N., De Mil T., Esper J., Gartner H., Geary J., Gunnarson B.E., Hartl C., Hevia A., Song H., Janecka K., Kaczka R.J., Kirdyanov A.V., Kochbeck M., Liu Y., Meko M., Mundo I., Nicolussi K., Oelkers R., Pichler T., Sanchez-Salguero R., Schneider L., Schweingruber F., Timonen M., Trouet V., Van Acker J., Verstege A., Villalba R., Wilmking M., Frank D. Scientific merits and analytical challenges of tree-ring densitometry. *Reviews of Geophysics*, 2019. Vol. 57. P. 1224–1264. doi:10.1029/2019RG000642

Bronk Ramsey C., van der Pflicht J., Weninger B. 'Wiggle matching' radiocarbon dates. *Radiocarbon*, 2001. Vol. 43. P. 381–389. doi:10.1017/S0033822200038248

Cook E.R., Peters K. The smoothing spline: a new approach to standardizing forest interior tree-ring width series for dendroclimatic studies. *Tree-Ring Bulletin*, 1981. Vol. 41. P. 43–45.

Cook R., Krusic P.J. A Tree-Ring Standardization Program Based on Detrending and Autoregressive Time Series Modeling, with Interactive Graphics (ARSTAN). 2008. URL: http://www.ldeo.columbia.edu/treering-laboratory/resources/software (Accessed: 01.06.2024).

Esper J., Klippel L., Krusic P.J., Konter O., Raible C.C., Xoplaki E., Luterbacher J., Buntgen U. Eastern Mediterranean summer temperatures since 730 CE from Mt. Smolikas tree-ring densities. *Climate Dynamics*, 2020. Vol. 54. P. 1367–1382.

Esper J., Konter O., Klippel L., Krusic P.J., Buntgen U. Pre-instrumental summer precipitation variability in northwestern Greece from a high-elevation Pinus heldreichii

network. *Intern. J. of Climatology*, 2021. Vol. 41. P. 2828–2839. doi:10.1002/joc.6992

Fritts H.C. Tree Rings and Climate. N. Y.: Academic Press, 1976. 567 p.

Hartl-Meier C., Zang C., Büntgen U., Esper J., Rothe A., Gottlein A., Dirnbock T., Treydte K. Uniform climate sensitivity in tree-ring stable isotopes across species and sites in a mid-latitude temperate forest. *Tree Physiology*, 2004. Vol. 35. P. 4–15. doi:10.1093/treephys/tpu096

Holmes R.L. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement. *Tree-Ring bulletin*, 1983. Vol. 44. P. 69–78.

Karpukhin A.A. Dendrokhronologiya v arkheologii: metodicheskiye aspekty. In *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkheologii (po materialam lektsiy dlya aspirantov i molodykh sotrudnikov)*. Moscow: IA RAS Publ., 2016. P. 52–53. (In Russ.).

Leavitt S.W. Tree-ring C–H–O isotope variability and sampling. *Science of The Total Environment*, 2010. Vol. 408. P. 5244–5253. doi:10.1016/j.scitotenv.2010.07.057

Loader N.J., McCarroll D., Miles D., Young G.H.F., Davies D., Ramsey C.B. Tree ring dating using oxygen isotopes: a master chronology for central England. *J. of Quatern. Sce*, 2019. Vol. 34. P. 475–490. doi:10.1002/jqs.3115

Loader N.J., McCarroll D., Miles D., Young G.H.F., Davies D., Ramsey C.B., Williams M., Fudge M. Dating of non-oak species in the United Kingdom historical buildings archive using stable oxygen isotopes. *Dendrochronologia*, 2021. Vol. 69. doi:10.1016/j.dendro.2021.125862

McCarroll D., Loader N.J. Stable isotopes in tree rings. *Quatern. Sci. Rev.,* 2004. Vol. 23. P. 771–801. doi:10.1016/j.quascirev.2003.06.017

Miyake F., Nagaya K., Masuda K., Nakamura T. A signature of cosmic-ray increase in AD 774–775 from tree rings in Japan. *Nature*, 2012. Vol. 486. P. 240–242. doi:10.1038/nature11123

Roden J. Cross-dating of tree ring delta O-18 and delta C-13 time series. *Chemical Geology*, 2008. Vol. 252 (1–2). P. 72–79.

Romer P., Reinig F., Konter O., Friedrich R., Urban O., Caslavsky J., Pernicova N., Trnka M., Buntgen U., Esper J. Multi-proxy crossdating extends the longest high-elevation tree-ring chronology from the Mediterranean. *Dendrochronologia*, 2023. Vol. 79. 126085. doi:10.1016/j.dendro.2023.126085

Rydval M., Druckenbrod D.L., Svoboda M., Trotsiuk V., Janda P., Mikolas M., Cada V., Bace R., Teodosiu M., Wilson R. Influence of sampling and disturbance history on climatic sensitivity of temperature-limited conifers. *Holocene*, 2018. Vol. 28. P. 1574–1587. doi:10.1177/0959683618782

Shiyatov S.G., Vaganov Y.A., Kirdyanov A.V., Kruglov V.B., Mazepa V.S., Naurzbayev M.M., Khantemirov R.M. Metody dendrokhronologii. Osnovy dendrokhronologii. Sbor i polucheniye drevesno-kol'tsevoy informatsii: ucheb.-metodich. posobiye. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Univ. Press, 2000. Iss. 1. P. 16–18. (In Russ.).

Wigley T.M.L., Jones P.D., Briffa K.R. Cross-dating methods in dendrochronology. *J. of Archaeol. Sci.*, 1987. Vol. 14. P. 51–64. doi:10.1016/S0305-4403(87)80005-5

Уткин М.В. https://orcid.org/0000-0003-2603-7728

Дата сдачи рукописи: 01.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0823-0832
УДК 903.023

А.С. Федорук[1]✉, Г.Е. Иванов[2], О.А. Федорук[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Независимый исследователь
Барнаул, Россия
[3]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
E-mail: fedorukas@mail.ru

Керамика черкаскульского облика поселения Калиновка II

В статье рассматриваются результаты изучения керамики черкаскульского облика, происходящей с поселения Калиновка II. В ходе исследования выполнялся анализ форм сосудов, техники орнаментации, орнаментальных схем, исходного сырья и формовочных масс. Большинство сосудов относится к горшкам, реже встречается посуда горшечно-баночной и баночной форм. Орнаментировались преимущественно шейка и плечико сосудов. На фрагментах коллекции зафиксировано использование пяти приемов нанесения орнамента: нарезка/прочерчивание, штампование, оттиски лопаточки, насечка и налепы. Отмечено 32 разновидности мотивов орнамента. Наиболее часто встречаются каннелюры, реже горизонтальные прочерченные линии, пояски, треугольники, цепочки из оттисков уголка лопаточки. Среди орнаментальных композиций преобладают узоры, состоящие из двух различных мотивов. Анализ исходного сырья показал, что сосуды изготавливались из среднеожелезненной глины, содержащей естественные минеральные включения. Зафиксировано два рецепта составления формовочных масс: исходное сырье + шамот + органика и исходное сырье + шамот + органический раствор, выявлена одна традиция добавления минеральных примесей – шамотная. Сравнение керамики черкаскульского облика с ранее изученными андроновской, саргаринско-алексеевской группами и группой сосудов переходного типа от развитого к позднему этапу бронзового века поселения Калиновка II позволило отметить присутствие как сходных черт, так и различий. В результате установлено, что анализируемая серия сосудов является самостоятельной группой. Наибольшее сходство она обнаруживает с посудой черкаскульской культуры. Выявленные особенности исходного сырья и формовочных масс в совокупности с раскопанным на памятнике жилищем свидетельствуют о проживании здесь группы носителей черкаскульских традиций.

Ключевые слова: *эпоха поздней бронзы, степной и лесостепной Алтай, поселение Калиновка II, керамика, формы, орнаментация, исходное сырье, формовочные массы.*

A.S. Fedoruk[1]✉, G.E. Ivanov[2], O.A. Fedoruk[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Independent researcher
Barnaul, Russia
[3]Altai State University
Barnaul, Russia
E-mail: fedorukas@mail.ru

Ceramics of the Cherkaskul style of the settlement of Kalinovka II

The article presents the results of studying ceramics of the Cherkaskul style originating from the settlement of Kalinovka II. The study was based on the analysis of vessel shapes, ornamentation techniques, decoration motifs, raw materials and pottery paste. Most of the vessels have been defined as pots; pot-jars and jars are less common. The neck and shoulders of the vessels were predominantly decorated. Pottery fragments reveal five techniques for making ornaments: cutting/drawing, stamping, spatula impressions, notching and applique. 32 varieties of ornamental motifs were noted. The most common are flutes; horizontal drawn lines, belts, triangles, chains of impressions of the corner of the spatula are less common. Among the ornamental compositions, patterns consisting of two different motifs predominate. Analysis of the raw materials showed that the vessels were made from medium-ferruginous clay containing natural mineral inclusions. Two recipes for composing paste have been defined: clay + fireclay + organics and clay + fireclay + organic solution, one tradition of adding mineral impurities in the form of fireclay

has been identified. A comparison of Cherkaskul ceramics with the previously studied Andronovo and Sargarinsko-Alekseevskaya groups and a group of vessels of a transitional type from Kalinovka II developed to the late Bronze Age, have shown both similar and distinguishing features. It has been established that the analyzed series of vessels is an independent group. It shows the greatest similarity with the dishes of the Cherkaskul culture. The identified features of the raw clay and ceramic paste supported by the data from the dwelling excavated at the site indicate that a group of bearers of Cherkaskul traditions lived at the site.

Keywords: *The Late Bronze Age, steppe and forest-steppe Altai, the Kalinovka II settlement, ceramics, forms, ornamentation, raw materials, ceramic paste.*

Введение

Данная работа является продолжением изучения керамического комплекса поселения Калиновка II, расположенного в Восточной Кулунде [Федорук, Иванов, Степанова, 2023; Федорук, Иванов, Федорук, 2022, 2023]. Цель настоящей статьи – введение в научный оборот результатов анализа серии сосудов черкаскульского облика. Актуальность исследования обусловлена его комплексностью, что позволило на материалах одного памятника получить новые данные, отражающие особенности керамических комплексов культур эпохи бронзы юга Западной Сибири.

В керамической коллекции поселения Калиновка II анализируемая серия представлена 62 фрагментами (50 венчиков и 12 тулов), происходящими не менее чем от 60 сосудов. Ее доля в коллекции памятника составляет около 1 %. Основная часть керамики данного типа происходит из района жилища 2, располагавшегося в нижней части мыса [Иванов, 2016, с. 20–23].

Методика исследования

Изучение керамики производилось по ранее апробированной авторами программе, включающей исследование форм, способов орнаментации, орнаментальных схем сосудов и технологии их изготовления (на этапе подготовки исходного сырья и формовочных масс). Для анализа форм и орнаментации использовалась методика В.Ф. Генинга [Генинг, 1973, с. 115–116], технико-технологический анализ 36 образцов, происходящих от различных сосудов, проводился по методике А.А. Бобринского [Бобринский, 1978, 1999] с помощью микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C.

Результаты

Формы и орнаментация

В 50 случаях по крупным фрагментам удалось определить форму сосудов: основная их часть – горшки (54 %, в т.ч. слабопрофилированные – 22 % (рис. 1, *1–3*, *6*, *14*), среднепрофилированные – 14 % (рис. 1, *4*, *7*, *8*, *12*), сильнопрофилированные – 18 % (рис. 1, *13*)), сосудов баночных форм 12 %, при этом все они от банок закрытого типа (рис. 1, *5*). Значительную часть фрагментов можно отнести к горшечно-баночным формам (34 %) (рис. 1, *9*, *11*). Толщина стенок сосудов составляет от 6 до 12 мм.

В целом фрагменты орнаментированы преимущественно по зоне шейки (48,9 %) и плечиков (43,6 %). Значительно реже декор зафиксирован по венчику (4,3 %, в т.ч. один орнаментированный срез) и зоне тулова (3,2 %). Случаев орнаментации придонных частей не зафиксировано. По типам сосудов декор распределяется следующим образом: сосуды горшечных форм украшены по зоне шейки (48,2 %) и плечиков (42,9 %), в отдельных случаях тулова (58,3 %) и венчика (3,6 %), баночные сосуды – по срезу венчика (один случай), плечикам (71 %) и тулову (20 %), горшечно-баночные – по плечикам (53,6 %), шейке (39,3 %) и венчику (7,1 %).

Форма венчиков сосудов коллекции преимущественно округлая (76,1 %), реже уплощенная (21,7 %). В одном случае – округлая с карнизом наружу (2,2 %). При этом у горшков преобладает венчик округлой формы (92,3 %), доля уплощенных – только 7,7 %. У горшечно-баночных форм венчик чаще округлый (53,3 %), реже уплощенный (46,7 % в т.ч. один случай с карнизом). У банок венчики округлой (60 %) или уплощенной формы (40 %). В одном случае уплощенный срез баночного сосуда орнаментирован рядом наклонных оттисков гребенчатого штампа.

Отмечается использование пяти приемов нанесения орнамента: нарезка/прочерчивание (62,4 %, из них каннелюры 52,3 %), штампование (23 %, в т.ч. гладкий штамп – 10,1 %, гребенчатый – 12,9 %), оттиски лопаточки (7,3 %), насечка (4,9 %), налепы (2,4 %).

На посуде группы отмечено 32 разновидности мотивов орнамента. Наиболее часто встречаются каннелюры (54,8 %, причем абсолютно преобладают узкие (шириной до 0,5 см) – 52,6 %). Заметно реже отмечено использование горизонтальных прочерченных линий (7 %). Горизонтально ориентированные пояски присутствуют на 13,3 % посуды (в т.ч. из насечек – 6,6 %, оттисков гребенчатого штампа – 3,7 %, гладкого – 3 %). Достаточно часто использован мотив треугольников (8,9 %, в т.ч. выполненных оттисками гребенчатого штампа – 7,1 %, резными линиями – 0,7 %). Доля горизонтальных цепочек из оттисков уголка лопаточки составляет 7,8 %. В незначительном количестве отмечено использование мотивов сеточки, елочки, валика, воротничка, ромба, ломаных лент.

На крупных фрагментах серии преобладают узоры, состоящие из двух различных мотивов (50 %). Реже узор состоит из трех (27,6 %), четырех и более

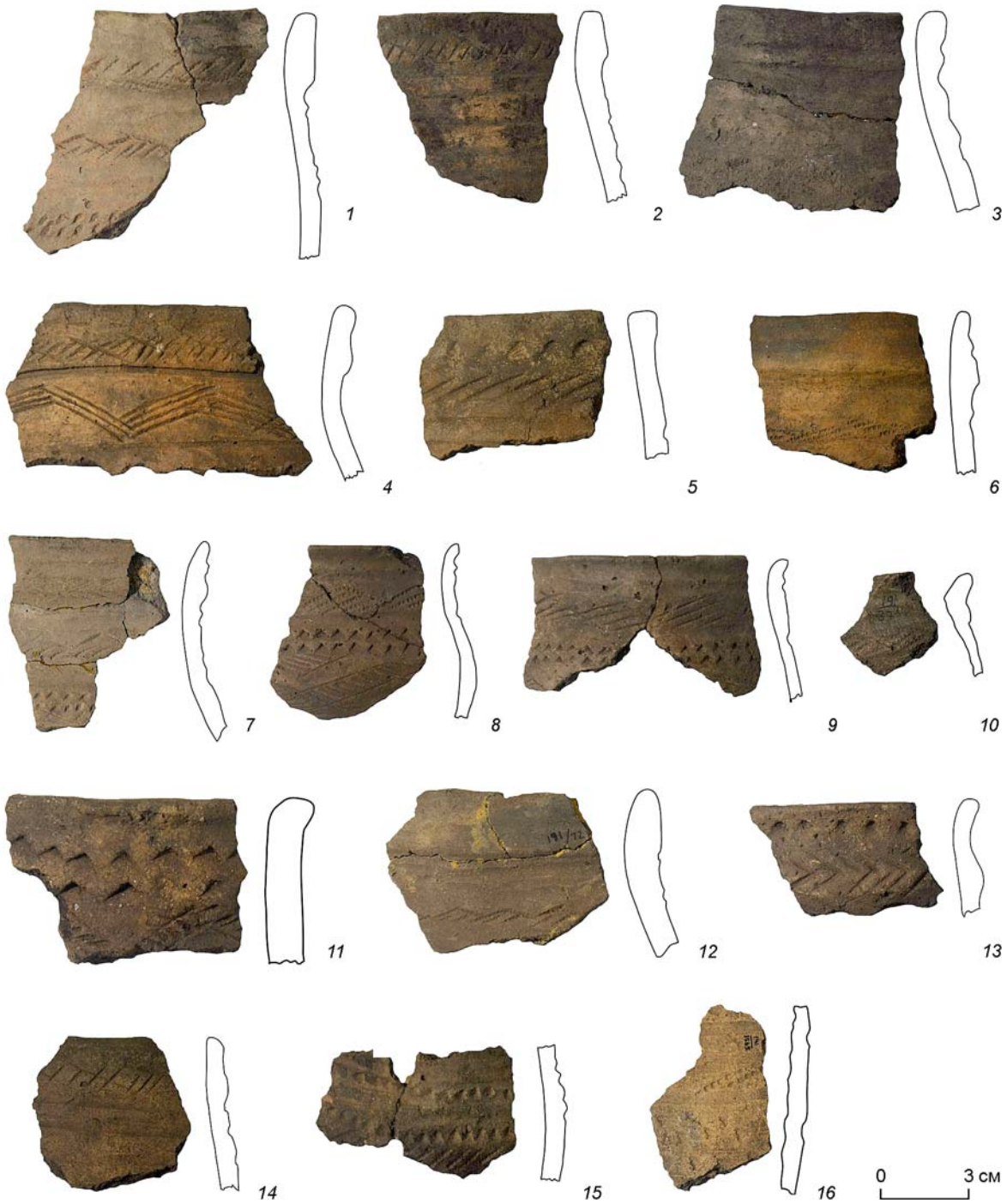

Рис. 1. Керамика черкаскульского облика поселения Калиновка II.

различных мотивов (15,5 %). В четырех случаях зафиксированы композиции из одного мотива, повторенного три и более раз (5,2 %) или только из одного мотива, использованного единожды (1,7 %).

Исходное сырье

Во всех изученных случаях в качестве исходного сырья для изготовления сосудов использована среднеожелезненная глина. Большинство образцов содержало как окатанный песок (размерами 0,1–1,5 мм) в небольшой концентрации, так и включения остроугольных/слабоокатанных полупрозрачных или белого цвета минералов (кварц), размерами от 0,5 до 3 мм. Также в сырье встречаются и красновато-белые, черно-белые и другие минералы, отдельные частицы которых достигали размеров до 10 мм (рис. 2, *1*). В большинстве образцов концентрация слабоокатанных частиц составляла 1 : 4–1 : 5. В шести образцах выявлена более низкая концентрация: 1 : 6

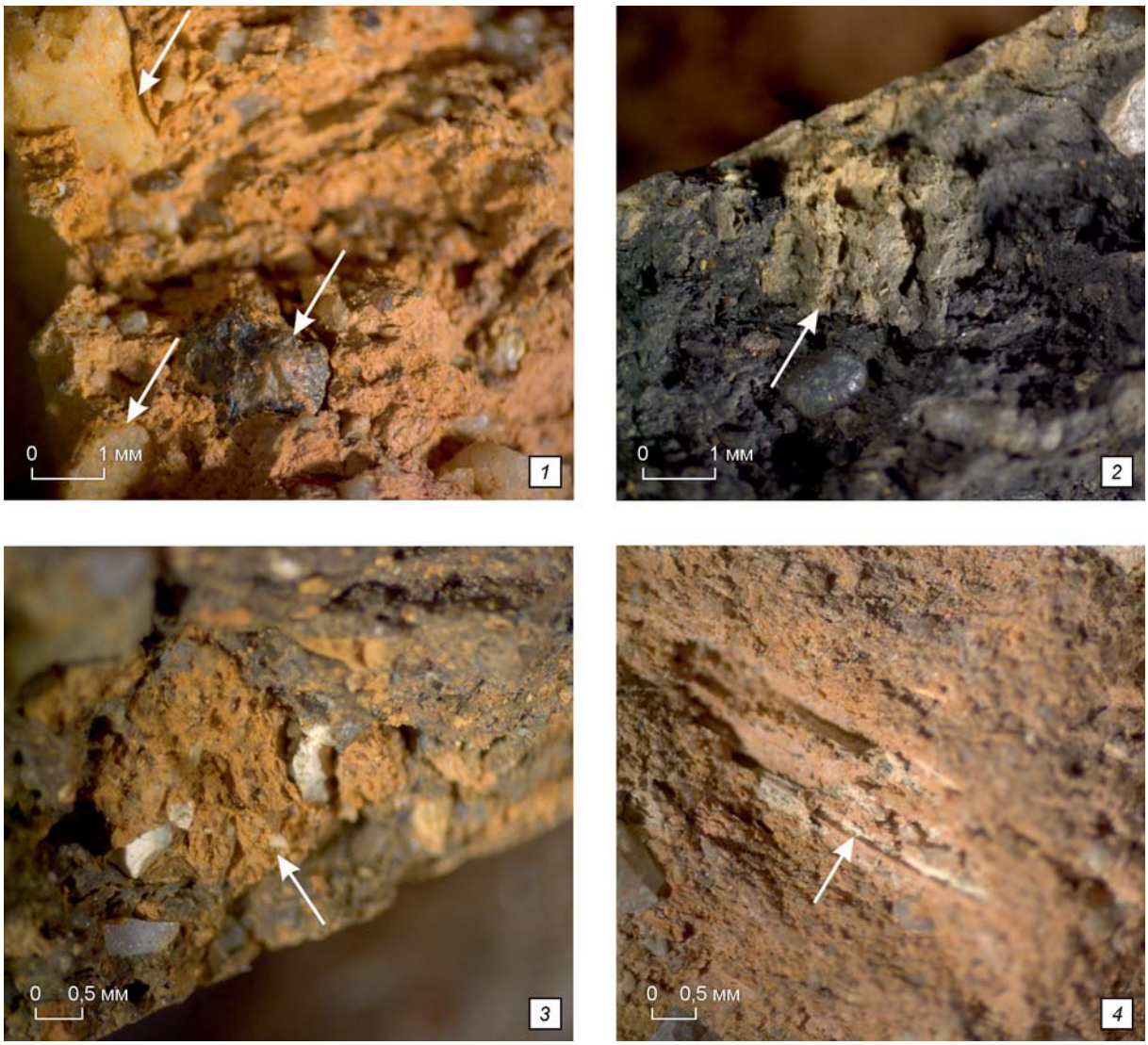

Рис. 2. Микросъемка образцов с помощью микроскопа Stemi-2000-C.
1 – естественные включения минеральных частиц; *2* – шамот; *3* – шамот с кальцинированной костью; *4* – отпечаток растительности.

и менее. Особо выделяются два образца (см. рис. 1, *3*, *6*), содержащие слабоокатанные частицы в высокой концентрации (1 : 3). Подобные включения характерны для сырья из горной/предгорной местности [Степанова, 2010, 2015, 2017] и не характерны для Кулунды, что позволяет предположить, изготовление сосудов из привозного сырья, либо импорт керамики. Также среди естественных включений встречается оолитовый бурый железняк (единичные включения) и рыхлые бело-желтые включения аморфной формы.

Формовочные массы

Выявлено два рецепта формовочных масс: 47,2 % образцов изготовлены по рецепту исходное сырье + + шамот + органика (характер органики не определен из-за ее крайне низкого содержания), 52,8 % образцов изготовлены по рецепту исходное сырье + шамот + + органический раствор. По степени концентрации шамота образцы, изготовленные по второму рецепту, можно разделить на две группы: исходное сырье + + шамот (в низкой концентрации от 1 : 7 и менее) + + органический раствор – 11,1 % и исходное сырье + шамот (в концентрации 1 : 4–1 : 6) + органический раствор – 40,9 %.

Шамот некалиброванный, частицы размерами от 0,5 до 4 мм, добавлялся в большинстве случаев (66,7 %) в пропорции 1 : 4. В 22,2 % экземпляров концентрация шамота была 1 : 5/6, в 11,1 % – 1 : 7 и менее (до единичных включений). Шамот из среднеожелезненного исходного сырья, в нем также встречаются слабоокатанные минералы (см. рис. 2, *2*). В двух случаях в составе шамота зафиксированы фрагменты кальцинированной кости размерами до 1 мм (см. рис. 1, *4*; 2, *3*), в трех случаях – шамот. Наличие рецепта с низкой концентрацией шамота может указывать на угасание традиции его добавления в

формовочную массу. Также прослеживается корреляция между концентрацией шамота и естественных минеральных включений: малое количество или единичные частицы шамота зафиксированы в образцах с высокой концентрацией минеральных частиц в исходном сырье.

Отмеченные факты присутствия шамота в шамоте говорят об устойчивости данной традиции, а присутствие кости в шамоте – об использовании данного вида примеси в более ранний период.

Органические примеси представлены растворами, которые фиксируются по наличию аморфных пустот, покрытых матовым беловатым или рыжеватым налетом, углистыми пленками. Также фиксируется небольшое количество отпечатков и остатков растительности размерами от 0,3 до 4–5 мм (см. рис. 2, *4*).

Обсуждение результатов

Сопоставляя результаты исследования черкаскульской серии с ранее изученными андроновской, саргаринско-алексеевской группами и группой сосудов переходного типа от развитого к позднему этапу бронзового века поселения Калиновка II, следует отметить присутствие как сходных черт, так и различий, связанных с формой сосудов и их орнаментацией (табл. 1).

С андроновской серией памятника [Федорук, Иванов, Федорук, 2022] исследуемую керамику сближает наличие общих форм сосудов (горшков со средней и слабой степенью профилированности, банок), использование одних техник орнаментации (нарезка, прочерчивание, штампование, вдавления), единых орнаментальных мотивов (горизонтальные каннелюры, пояски, елочка, ряды треугольников). Однако, значительны и различия: фиксируется иное соотношение отдельных форм сосудов (в андроновской серии преобладают банки, около трети из которых открытого типа, сильнопрофилированных горшков и сосудов горшечно-баночных форм здесь не встречено, в то время как в черкаскульской группе доля банок невелика, доля сильнопрофилированных горшков и сосудов горшечно-баночных форм совокупно составляет 52 %), предпочтения в распределении орнамента по поверхности посуды (черкаскульская группа чаще украшена по шейке, реже плечикам, в то время как андроновская – по тулову, реже плечикам), доля использования отдельных приемов нанесения декора (на черкаскульской серии преобладают нарезки/прочерчивание, зафиксированы насечки и налепы, на андроновской чаще использовано штампование, налепы и насечки отсутствуют). Обращает на себя внимание значительно большая доля каннелюр в орнаментации черкаскульской серии и, наоборот, кратно меньшая доля горизонтальной елочки, а также появление ряда мотивов, отсутствующих на андроновской керамике поселения (горизонтальные ряды оттисков уголка лопаточки, прочерченные линии, валики). Различаются сопоставляемые серии и сложностью построения орнаментальных композиций: на половине из исследованных черепков черкаскульской керамики орнамент выполнен с использованием двух различных мотивов, что значительно выше, чем на андроновской серии. Узоров, выполненных тремя различными мотивами, наоборот, в андроновской серии значительно больше.

При сравнении с саргаринско-алексеевской серией поселения [Федорук, Иванов, Степанова, 2023] к числу общих моментов следует отнести наличие общих форм сосудов, близкие пропорции распределения узоров по отдельным частям сосудов, использование в декоре единых приемов (нарезка/прочерчивание, штампование, насечка, налепы) и мотивов (горизонтальные пояски, елочки, ряды треугольников, валики). Среди основных различий: наличие сосудов горшечно-баночных форм в черкаскульской серии и их отсутствие в саргаринско-алексеевской, доля использования отдельных приемов нанесения декора: на черкаскульской посуде преобладают нарезки/прочерчивания, на саргаринско-алексеевской эти приемы встречены единично; высокая доля налепов и пальцевых узоров на саргаринско-алексеевской керамике; наличие на черкаскульской серии вдавлений, каннелюр, рядов оттисков уголка лопаточки, горизонтальных прочерченных линий при их отсутствии на саргаринско-алексеевской керамике памятника и, наоборот, присутствие в саргаринско-алексеевской серии мотивов, отсутствующих на черкаскульской посуде (горизонтальные ряды оттисков/защипов пальца/ногтя, жемчужника и т.д.). Существенно различаются серии по степени сложности орнамента: если на саргаринско-алексеевской керамике преобладают узоры только из одного мотива, то в черкаскульской серии имеется только один фрагмент с подобной схемой. В то же время доминирующие в черкаскульской группе схемы из двух или трех различных мотивов достаточно редки на саргаринско-алексеевской посуде.

С керамикой, переходной группы сосудов от развитого к позднему этапу бронзового века [Федорук, Иванов, Федорук, 2023], посуду черкаскульского облика сближает наличие сосудов горшечно-баночных форм, значительная доля узоров, выполненных штампом, использование общих мотивов (горизонтальные каннелюры и прочерченные линии, пояски, елочки, ряды оттисков уголка лопаточки), преимущественное применение схем, состоящих из двух или трех различных мотивов. К отличиям следует отнести преобладание банок и немногочисленность горшечно-баночных форм, размещение декора преимущественно на тулове и плечиках, высокая доля штампования и пальцевых узоров на серии переходной керамики, значительные отличия в степени использования отдельных мотивов.

Таблица 1. **Сравнительная характеристика групп керамики поселения Калиновка II (формы, орнамент)**

		Черкаскульская группа	Андроновская группа (по: [Федорук, Иванов, Федорук, 2022])	Керамика переходного типа от развитой к поздней бронзе (по: [Федорук, Иванов, Федорук, 2023])				Саргаринско–алексеевская группа (по: [Федорук, Иванов, Степанова, 2023])
				Совокупно	Подгруппа 1	Подгруппа 2	Подгруппа 3	
Кол-во фрагментов, шт.		62	24	115	79	17	19	142
Форма сосудов	Горшки слабопрофилированные	22 %	7,1 %	–	–	–	7,1 %	39,5 %
	Горшки среднепрофилированные	14 %	7,1 %	–	–	–	–	24,7 %
	Горшки сильнопрофилированные	18 %	–	–	–	–	–	19,8 %
	Банки	12 %	78,6 %	92,7 %	94,1 %	100 %	85,8 %	13,6 %
	Горшечно-баночные формы	34 %	–	5,5 %	5,9 %	–	7,1 %	–
Зона орнаментации	Венчик (без учета орнаментации среза)	4,3 %	–	13,2 %	20,3 %	–	2,8 %	2 %
	Шейка	48,9 %	5,5 %	2,3 %	2,5 %	–	2,8 %	50,5 %
	Плечико	43,6 %	38,9 %	41,1 %	45,6 %	31,8 %	47,2 %	43,6 %
	Тулово	3,2 %	52,8 %	34,9 %	22,8 %	63,6 %	36,1 %	4 %
	Придонная часть	–	2,8 %	–	–	–	–	–
Техника орнаментации	Нарезка/прочерчивание	63,4 % (в т.ч. канелюры – 52,3 %)	16,7 %	1,1 %	3,3 %	–	–	1,6 %
	Штампование	23 %	72,9 %	43,8 %	50,8 %	37,2 %	41,6 %	29,8 %
	Вдавления (в т.ч. оттиски уголка лопаточки)	7,3 % (7,3 %)	10,4 % (1,5 %)	15,4 % (13,7 %)	42,6 % (39,3 %)	2,3 % (2,3 %)	–	–
	Насечка	4,9 %	–	1,1 %	3,3 %	–	–	7,4 %
	Пальцевые узоры	–	–	26,1 %	–	60,4 %	27,8 %	19,2 %
Мотивы орнамента	Горизонтальные каннелюры	54,8 %	20,3 %	1,2 %	2,3 %	–	–	–
	Горизонтальный ряд (поясок) из наклонных оттисков гладкого/гребенчатого штампа, насечек, резных линий	13,3 %	7,8 %	22,2 %	21,4 %	14 %	30,6 %	10,45 %
	Горизонтальный ряд треугольников	8,9 %	9,4 %	1,2 %	2,3 %	–	–	1 %
	Горизонтальный ряд оттисков уголка лопаточки	7,8 %	–	24,6 %	45,0 %	2,3 %	–	–
	Горизонтальные прочерченные линии	7 %	–	0,8 %	2,3 %	–	–	–

Сложность композиций орнамента	Горизонтальная елочка из оттисков гладкого/гребенчатого штампа	1,8 %	20,3 %	11,9 %	13,0 %	23,3 %	11,1 %	5,48 %
	Валик с елочкой из оттисков гладкого/гребенчатого штампа, насечек, нарезок	0,7 %	–	–	–	–	–	4,49 %
	Валик с поясом из наклонных оттисков гладкого/гребенчатого штампа, насечек	0,4 %	–	–	–	–	–	4,98 %
	Валик без орнамента	0,4 %	–	9 %	–	–	30,6 %	26,37 %
	Один мотив	1,7 %	18,2 %	–	–	–	–	77,1 %
	Один мотив, повторенный дважды	–	–	1,5 %	2,7 %	–	–	2,3 %
	Один мотив, повторенный три и более раз	5,2 %	4,6 %	17,9 %	32,4 %	–	–	3,8 %
	Два различных мотива	50 %	18,2 %	56,7 %	54,1 %	75 %	50 %	13,7 %
	Три различных мотива	27,6 %	45,4 %	20,9 %	5,4 %	25 %	50 %	2,3 %
	Четыре и более различных мотива	15,5 %	13,6 %	3 %	5,4 %	–	–	0,76 %

Результаты технико-технологического анализа подтверждают полученные выводы (табл. 2). Общим для всех обозначенных групп является преобладание сосудов, изготовленных по шамотной традиции, что в целом характерно для древней керамики Кулунды. Отличия проявляются в составе исходного сырья: керамика черкаскульского облика изготовлена из глин, содержащих слабоокатанные минеральные частицы, что несколько сближает ее с керамикой переходной группы (в частности, с сосудами подтипов 1 и 2), в то же время в составе сырья некоторых образцов саргаринско-алексеевской керамики встречены чешуя и кости рыб, которые не зафиксированы в черкаскульской, но единично присутствует в андроновской и переходной сериях. Также отличительной чертой керамики черкаскульского облика можно назвать использование в формовочных массах органических примесей в невысокой концентрации, отсутствие смешанных рецептов и рецептов с дресвой, что указывает на гомогенность проживавшей на памятнике группы носителей традиций изготовления этой посуды.

Таким образом, результаты изучения анализируемой серии сосудов поселения Калиновка II показывают их отличие от основного комплекса поселения и единовременной керамики поселений степного и лесостепного Алтая. По мнению авторов, она наиболее близка материалам черкаскульской культуры, зафиксированным на территории Зауралья, Южного Урала, Притоболья и Казахстана [Стоколос, 1972, с. 93–96; Хлобыстин, 1976, с. 49–54; Эпоха бронзы..., 1987, с. 282–283; Матвеев, 2007; Стефанов, Корочкова, Спиридонов, 2022; Шорин, 2023]. Внешнее сходство ярко проявляется по форме сосудов (преимущественно горшечная форма, наличие горшечно-баночных форм) и их орнаментации (большая доля узких каннелюр, желобков, поясков, цепочек оттисков уголка лопаточки, общие принципы построения декоративных схем).

В немногочисленных работах исследователей, посвященных технологии изготовления черкаскульской керамики, отмечается использование в качестве минеральных примесей шамота, дресвы (тальковой и кварцевой), кальцинированной кости, раковины моллюсков. Из органических примесей использовались различные растворы/выжимки [Илюшина, 2017, с. 13]. При этом на поселениях Родниковое и Ново-Байрамгулово-1 (Южное Зауралье) преобладала керамика, изготовленная по смешанным рецептам, а на поселении Хрипуновское-1 (Притоболье) – шамотная [Илюшина, 2017, с. 8; Мухаметдинов, 2012, с. 108; 2014, с. 227]. На территории Среднего и Южного Зауралья исследователи отмечают наличие в составе керамики тальковой дресвы, также встречаются шамот, песок и раковина [Илюшина, 2017, с. 13; Шорин, 2023, с. 50; Стефанов, Корочкова, Спиридонов, 2022, с. 143]. Таким образом, по составу формовочных масс изучаемая серия сосудов поселения Калиновка II более близка к черкаскульской посуде Притоболья.

Таблица 2. **Сравнительная характеристика групп керамики поселения Калиновка II (технология)**

		Черкаскульская группа	Андроновская группа (по: [Федорук, Иванов, Федорук, 2022])	Керамика переходного типа от развитой к поздней бронзе (по: [Федорук, Иванов, Федорук, 2023])				Саргаринско–алексеевская группа (по: [Федорук, Иванов, Степанова, 2023])
				Совокупно	Подгруппа 1	Подгруппа 2	Подгруппа 3	
Кол-во фрагментов, шт.		36	18	46	26	6	14	29
Исходное сырье	Среднеожелезненное	100 %	100 %	86,9 %	92,3 %	83,3 %	92,9 %	72 %
	Слабоожелезненное	–	–	–	–	–	–	21 %
	Сильноожелезненное	–	–	13,1 %	7,7 %	16,7 %	7,1 %	–
Формовочные массы	Глина + шамот + органический раствор	52 %	66,6 %	63 %	50 %	83,3 %	78,5 %	55 %
	Глина + шамот + органика	47,2 %	–	21,7 %	26,9 %	16,7 %	14,3 %	
	Глина + шамот + навоз		16,6 %	–	–	–	–	10,5 %
	Глина + дресва + органический раствор	–	–	4,4 %	3,8 %	–	7,1 %	–
	Глина + дресва + органика	–	5,5 %	–	–	–	–	–
	Две глины + шамот + органика	–	–	2,2 %	3,8 %	–	–	–
	Две глины + шамот + навоз	–	–	–	–	–	–	7 %
	Глина + шамот + дресва + органический раствор	–	5,5 %	8,7 %	15,4 %	–	–	17 %
	Глина + шамот + дресва + органика	–	–	–	–	–	–	
	Глина + шамот + дресва + навоз	–	5,5 %	–	–	–	–	–
	Глина + шамот + органика + охра	–	–	–	–	–	–	3,5 %
	Глина + дресва + шамот + органика + охра	–	–	–	–	–	–	3,5 %
	Глина + шамот + органика + кость	–	–	–	–	–	–	3,5 %

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что изученная серия сосудов с поселения Калиновка II обнаруживает общие черты с андроновской, саргаринской и керамикой, отнесенной авторами к переходному типу от развитой бронзы к поздней. Сходство обнаруживается в общей морфологии, видах используемых орнаментиров и технике орнаментации, некоторых мотивах, преобладании шамотной традиции. Однако по всем направлениям проведенного анализа (формы, орнаментация, исходное сырье, формовочные массы) наблюдается ряд существенных различий, свидетельствующих о своеобразии анализируемой группы сосудов. Наибольшее сходство, по мнению авторов, изученная серия керамики обнаруживает с посудой черкаскульской культуры.

Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики черкаскульского облика поселения Калиновка II, в совокупности с раскопанным на памятнике жилищем, вокруг которого локализовалась основная масса этой посуды, позволяют предполагать проживание здесь немногочисленной гомогенной группы пришлого в Кулунду населения – носителей черкаскульских традиций.

В целом, результаты анализа керамических серий развитого и позднего этапов бронзового века поселения Калиновка II позволяют говорить об устойчивом взаимодействии населения Кулунды с территориями, расположенными к западу от нее, а также о прямом проникновении в регион носителей различных культурных традиций.

Благодарности

Работа выполнена по проекту № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–135.

Иванов Г.Е. Алтайская деревня на перекрестках истории: летопись Мамонтовского района. – Барнаул: Азбука, 2016. – 516 с.

Илюшина В.В. Технология изготовления керамики у населения черкаскульской культуры в Нижнем Притоболье (по мат-лам поселения Хрипуновское-1) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 3 (38). – С. 5–15.

Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // AB ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – С. 4–41.

Мухаметдинов В.И. Технико-технологический анализ керамики Родникового поселения эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во Оренбур. гос. пед. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 101–112.

Мухаметдинов В.И. Технологические традиции изготовления керамики на поселении Ново-Байрамгулово-1 // Вестн. ВЭГУ. – 2014. – № 1 (69). – С. 219−228.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М.: Изд-во ИА РАН. – 2010. – С. 117–125.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. – 2015. – № 4 (13). – С. 90–95.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита – раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 401–404.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н., Спиридонов И.А. Керамический комплекс черкаскульской культуры памятника Шайтанское 4–6 // XXII Уральское археологическое совещание. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2022. – С. 143–146.

Стоколос С.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. – М.: Наука, 1972. – 168 с.

Федорук А.С., Иванов Г.Е., Степанова Н.Ф. Керамика донгальского типа поселения Калиновка-II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 778–786.

Федорук А.С., Иванов Г.Е., Степанова Н.Ф. Саргаринско-алексеевская керамика поздней бронзы поселения Калиновка II (лесостепной Алтай) // Теория и практика археологических исследований. – 2023. – Т. 35, № 1. – С. 160–181.

Федорук А.С., Иванов Г.Е., Федорук О.А. Керамика развитого этапа бронзового века поселения Калиновка II (Восточная Кулунда) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 787–794.

Федорук А.С., Иванов Г.Е., Федорук О.А. Керамика переходного этапа от развитой бронзы к поздней (по материалам поселения Калиновка II) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных тер-

риторий. Новосибирск. Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 944–952.

Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья. – Л.: Наука, 1976. – 64 с.

Шорин А.Ф. История изучения черкаскульской культуры на современном этапе // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2023. – № 2 (61). – С. 45–57.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – 472 с.

References

Bobrinsky A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob"ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya. In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva: kol. monografiya*. Samara: Samara State Pedagog Univ. Press, 1999. P. 5–109. (In Russ.).

Bobrinsky A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya. Moscow: Nauka, 1978. 272 p. (In Russ.).

Epokha bronzy lesnoi polosy USSR. Moscow: Nauka, 1987. 472 p. (In Russ.).

Fedoruk A.S., Ivanov G.E., Fedoruk O.A. Ceramics of the Developed Stage of the Bronze Age of the Kalinovka-II Settlement (Eastern Kulunda). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2022. Vol. 28. P. 787–794. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0787-0794

Fedoruk A.S., Ivanov G.E., Fedoruk O.A. Keramika perekhodnogo etapa ot razvitoi bronzy k pozdnei (po materialam poseleniya Kalinovka II). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2023. Vol. 29. P. 944–952. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0944-0952

Fedoruk A.S., Ivanov G.E., Stepanova N.F. Dongal Type of Ceramic from the Kalinovka II Settlement (Forest-steppe Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2022. Vol. 28. P. 778–786. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2022.28.0778-0786

Fedoruk A.S., Ivanov G.E., Stepanova N.F. Sargarinsko-Alekseevskaya Ceramics of the Late Bronze Age of the Kalinovka II Settlement (Forest-Steppe Altai). *Teoriya i praktika arheologicheskih issledovanij*. 2023. No. 35 (1). P. 160–181. (In Russ.). doi:10.14258/tpai(2023)35(1).-10

Gening V.F. Programma statisticheskoi obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok. *Sovetskaya arkheologiya,* 1973. No. 1. P. 114–135. (In Russ.).

Ilyushina V.V. Technology of pottery production among the chercaskul culture population in the Lower Tobol Basin (on the materials of the settlement of Khripunovskoye 1). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii.* 2017. No. 3 (38). P. 5–15. (In Russ.). doi:10.20874/2071-0437-2017-38-3-005-015

Ivanov G.E. Altaiskaya derevnya na perekrestkakh istorii: letopis' Mamontovskogo raiona. Barnaul: Azbuka, 2016. 516 p. (In Russ.).

Khlobystin L.P. Poselenie Lipovaya Kurya. Leningrad: Nauka, 1976. 64 p. (In Russ.).

Matveev A.V. Cherkaskul'skaya kul'tura Zaural'ya. In *AB ORIGINE: Problemy genezisa kul'tur Sibiri*. Tyumen': Vektor Buk, 2007. P. 4–41. (In Russ.).

Mukhametdinov V.I. Tekhniko-tekhnologicheskii analiz keramiki Rodnikovogo poseleniya epokhi bronzy. In *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya.* Orenburg: Orenburg State Pedagog Univ. Press, 2012. Iss. 10. P. 101–112. (In Russ.).

Mukhametdinov V.I. Tekhnologicheskie traditsii izgotovleniya keramiki na poselenii Novo-Bairamgulovo-1. *Vestnik VEGU*. 2014. No. 1 (69). P. 219−228. (In Russ.).

Shorin A.F. The history of the study of the Cherkaskul Culture at the present stage. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2023. No. 2 (61). P. 45–57. (In Russ.). doi:10.20874/2071-0437-2023-61-2-4

Stefanov V.I., Korochkova O.N., Spiridonov I.A. Keramicheskii kompleks cherkaskul'skoi kul'tury pamyatnika Shaitanskoe 4–6. In *XXII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie.* Kurgan: Kurgan State Univ. Press, 2022. P. 143–146. (In Russ.).

Stepanova N.F. Cultural traditions in selection of feedstock and mineral admixtures in ceramics production (on the ground of materials from the mountainous, foothill, steppe and forest-steppe areas of Altai). *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2015. No. 4 (13), P. 90–95. (In Russ.).

Stepanova N.F. Features of the initial raw materials from the mountainous and forest-steppe areas of Altai and adjacent territories (on materials of ceramic complexes of the neolithic era – the early Iron Age). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2017. Vol. 23. P. 401–404. (In Russ.).

Stepanova N.F. Osobennosti iskhodnogo syr'ya i formovochnykh mass keramiki epokhi neolita i bronzy Gornogo Altaya i ego severnykh predgorii. In *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya.* Moscow: IA RAS Publ., 2010. P. 117–125. (In Russ.).

Stokolos S.S. Kultura naseleniya bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya. Moskow: Nauka, 1972. 168 p. (In Russ.).

Федорук А.С. https://orcid.org/0000-0002-9825-1822
Иванов Г.Е. https://orcid.org/0000-0003-3410-7378
Федорук О.А. https://orcid.org/0000-0002-1861-6781

Дата сдачи рукописи: 28.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0833-0841
УДК 903.22, 623.445.2

Р.М. Харитонов[1, 2], И.Е. Воробей[3], В.Ю. Мясников[4], А.Ю. Федорченко[1]✉

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН
Магадан, Россия
[3]Магаданский областной краеведческий музей
Магадан, Россия
[4]Администрация Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия
Улан-Удэ, Россия
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Пластина ламеллярного шлема из фондов Магаданского областного краеведческого музея

В статье рассматривается железная пластина из Магаданского областного краеведческого музея. Находка представляет собой часть погребального инвентаря давнего корякского трупосожжения, зафиксированного на р. Кукваям (левый приток р. Парень). Приведены основные размеры пластины, характеризуется ее морфология, особенности ее оформления. Время бытования пластины датируется серединой XVIII – началом XIX в., от начала широкого применения железа у населения крайнего Северо-Востока Азии для изготовления доспехов до ухода их из употребления в качестве средства защиты. Приводятся аналогии из железа и рога, хранящиеся в музеях Северо-Востока Азии и Дальнего Востока, зафиксированные у коряков, чукчей и, возможно, ительменов. Установлено, что пластина является частью тульи узкопластинчатого ламеллярного шлема, наиболее распространенного у чукчей и коряков. Отмечается наличие «штампованного» ребра жесткости, характерного для центральноазиатских предметов. Приводятся данные специалистов о распространении ламеллярных шлемов у народов Азии, из которых следует, что узкопластинчатые наголовья наиболее характерны для сяньби и чжурчжэней – средневекового населения Приамурья. Анализируются форма пластины и конструкции аналогичных шлемов, приведено сравнение с деталями шлемов из Корсаковского могильника VI–XI вв. На основе этого делается вывод о возможной связи ламеллярных шлемов крайнего Северо-Востока Азии и чжурчжэньских образцов в древности, при господстве костяных доспехов у коряков, чукчей, тунгусов, тогда как появление железных ламеллярных шлемов связано с распространением русского железа. Полученные результаты требуют более глубокого анализа на основе дальнейшего изучения формы пластин, определения основных тенденций их развития и сопоставления с историческими данными.

Ключевые слова: *ламеллярный шлем, металлическая пластина, коряки, чукчи, Северо-Восток Азии, сяньби, чжурчжэни, Приамурье, защитное вооружение.*

R.M. Kharitonov[1, 2], I.E. Vorobey[3], V.Y. Myasnikov[4], A.Y. Fedorchenko[1]✉

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute FEB RAS
Magadan, Russia
[3]Regional Museum of Local Lore Magadan
Magadan, Russia
[4]Administration of the Head of the Republic of Buryatia and the Government of the Republic of Buryatia
Ulan-Ude, Russia
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Lamellar Helmet Plate from the Collection of the Museum of Local Lore in Magadan

The article presents the results of the analysis of an iron plate from the Magadan Regional Museum of Local Lore. The find is part of the burial inventory of a Koryak cremation site on the Kukvayam River (left tributary of the Paren River). We provide

the main dimensions of the plate and describe its morphology and design specifics. The plate is dated to the mid-18th – early 19th century, the period comprises the early widespread use of iron among the population of the extreme Northeast of Asia in the armor production until withdrawal of such helmets from use as a means of protection. The parallels of iron and antler items attributed to the Koryak, Chukchi and possibly Itelmen Cultures and deposited in museums of Northeast Asia and the Far East. It has been established that the plate is part of the crown of a narrow-plate lamellar helmet that was most commonly used by Chukchi and Koryaks. The 'stamped' stiffening rib characteristic of Central Asian object is noteworthy. The data on the distribution of lamellar helmets among the peoples of Asia are analyzed; it suggests that narrow-plate helmets are most typical of the Xianbei and Jurchens, as well as the medieval population of the Amur region. The plate shape and design of similar helmets are analyzed and compared with the details of helmets found in the Korsakov cemetery of the 6th–9th centuries. On this basis, it has been inferred on the possible links between the lamellar helmets of the extreme northeast of Asia and the Jurchen pieces in antiquity, when the Koryak, Chukchi, and Tungus armor was dominated by bone objects, while the appearance of iron lamellar helmets is associated with the spread of Russian iron. The derived data require a more detailed analysis, based on further study of the shape of the plates, determination of the main trends in their development and comparison with historical data.

Keywords: *lamellar helmet, metal plate, Koryaks, Chukchi, Northeast Asia, Xianbei, Jurchen, Amur region, protective weapons*.

Введение

Военное дело народов крайнего Северо-Востока Азии издавна привлекает внимание специалистов. Это обусловлено оригинальностью и самобытностью материальной культуры местного населения, а также необходимостью изучения истории освоения края и понимания причин длительного противостояния коренных народов русской администрации. Несмотря на обилие публикаций, посвященных различным сторонам военного искусства коряков, чукчей, юкагиров и других народов [Антропова, 1957; Гурвич, 1966; Зуев, 2005; Нефёдкин, 2014а, б, 2017; Ушницкий, 2014], вопросы, связанные с характеристикой комплекса вооружения, остаются недостаточно изученными. Это связано с ограниченным количеством исследований, посвященных конкретным образцам защитного и наступательного вооружения, морфологический и конструктивный анализ которых позволит не только лучше понять особенности вооружения и его применения, но и проследить его эволюцию, выявить взаимосвязи и пути распространения различных инноваций и традиций.

Одним из актуальных сюжетов является изучение защитного вооружения. Покрой доспеха и применяемые материалы определяли специфичный облик воинов, привлекавший внимание специалистов, оставивших их описания. Относительно конструкции панцирей, сравнительно меньший интерес для исследователей представляли металлические боевые наголовья, которые зачастую рассматривались в комплексе с остальными элементами защитного вооружения. Существует множество свидетельств использования населением Северо-Востока Азии пластинчатых металлических шлемов, однако в контексте данной проблематики наибольший интерес представляют публикации конкретных предметов и их иллюстраций (рис. 1). Так, изображение двух чукотских и двух корякских шлемов были опубликованы В.Г. Богоразом (рис. 1, *3–5*, *7*, *10*) [1901, табл. XII, *2*; 1991, рис. 89, 90, *b*]. Фотографии корякских и чукотских воинов в панцирях и шлемах представлены в работах В.Г. Богораза и В.И. Иохельсона (рис. 1, *6*, *11*) [Богораз, 1991, рис. 84; Иохельсон, 1997, рис. 53, 54]. Исходя из сходства рисунков отдельных предметов и шлемов на воинах в защитных комплектах, становится понятно, что отдельные предметы обрисовывались ими с фотографий, напр., чукотский шлем (рис. 1, *6*, *7*) или корякский (рис. 1, *10*, *11*). Опубликованные изображения чукотских и корякских воинов в ламеллярных панцирях и шлемах (рис. 1, *1*), снимок одного металлического наголовья (МАЭ № 434-10с; рис. 1, *2*) из фондов МАЭ РАН и краткое описание конструкции одного шлема из фондов РЭМ представлены в работе В.В. Антроповой [1957, рис. 27–30]. При этом опубликованный шлем из МАЭ визуально схож со шлемом, опубликованным В.Г. Богоразом [1901, табл. XII, *2*]. Обобщение сведений о чукотский шлемах представлено А.К. Нефёдкиным, который привлек все приведенные выше изображения и сведения [2017, с. 104–108]. Кроме того, им был опубликован комплекс защитного вооружения (два ламеллярных шлема и панцирь) из Музейного центра «Наследие Чукотки» (г. Анадырь). ЧОКМ-1625, Э-314; ЧОКМ-1627, Э-316 (рис. 1, *13*), исходя из музейной легенды, связаны с коряками и восходят к середине XVIII в.; ЧОКМ 2863, Э-477 – чукотский шлем (рис. 1, *12*) [Нефёдкин, 2017, с. 106–107, 198; 2020, с. 141–144]. В системе Госкаталог.рф были опубликованы два экземпляра чукотских ламеллярных боевых наголовий, в собранном виде с приведением основных параметров (рис. 1, *8*, *9*) [Шлем. Чукчи (РЭМ 4859-22); Шлем. Чукчи (РЭМ 4859-38)], однако неясно, какой из них мог быть описан В.В. Антроповой.

В связи с вышеизложенным представляет интерес пластина ламеллярного шлема, в настоящее время хранящаяся в фондах Магаданского областного краеведческого музея (инв. № МОКМ НВ-15446/1).

Описание материала

Пластина найдена в 2018 г. в 4,5 км к северу от с. Верхний Парень в ходе поисково-рекогносцировочных маршрутов по всхолмленной денудационно-

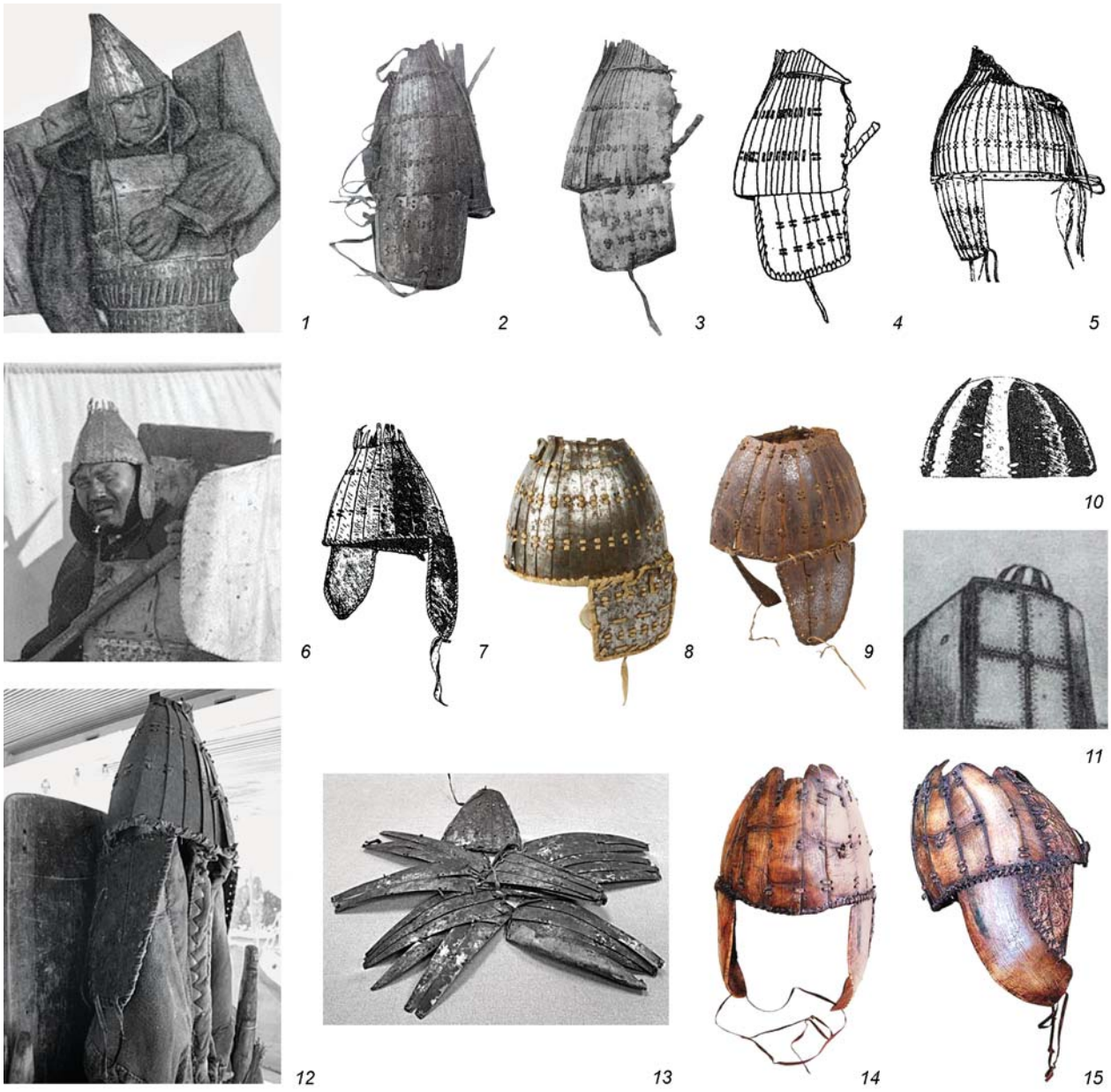

Рис. 1. Корякские и чукотские ламеллярные железные шлемы и их изображения, роговой шлем с территории Камчатки.

1 – чукотский шлем на манекене (МАЭ, № 434-10с) по: [Антропова, 1957, рис. 27]; 2 – чукотский шлем (МАЭ, № 434-10с) по: [Там же, рис. 28]; *3* – часть чукотского шлема (снимок) по: [Богораз, 1901, табл. XII, *2*;]; *4* – часть чукотского шлема (прорисовка) по: [Там же, рис. 90b]; *5* – корякский шлем по: [Богораз, 1991, рис. 89a]; *6* – чукотский воин в шлеме по: [Богораз, 1991, рис. 84a]; *7* – чукотский шлем по: [Богораз, 1991, рис. 89c]; *8* – чукотский шлем РЭМ 4859-38 по: [Шлем. Чукчи (РЭМ 4859-38)]; *9* – чукотский шлем РЭМ 4859-22 по: [Шлем. Чукчи (РЭМ 4859-22)]; *10* – корякский шлем по: [Богораз, 1991, рис. 89b]; *11* – корякский воин в шлеме [Иохельсон, 1997, рис. 53]; *12* – чукотский шлем ЧОКМ 2863, Э-477 (Музейный центр «Наследие Чукотки», г. Анадырь) по: [Нефедкин, 2017, с. 198]; *13* – развалившийся корякский шлем ЧОКМ 1627, Э-316 (Музейный центр «Наследие Чукотки», г. Анадырь) по: [Нефедкин, 2017, с. 198]; *14* – роговой шлем с территории камчатки (Музей истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, г. Владивосток) по: [Прокопец, 2013, рис. 2, *а*]; *15* – роговой шлем с территории Камчатки (Музей истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, г. Владивосток) по: [Прокопец, 2013, рис. 2, *в*].

аккумулятивной возвышенности на правобережье р. Кукваям (левый приток р. Парень). Относительные отметки над р. Кукваям 70–80 м. Расстояние до водотока ок. 0,5 км.

Находка сделана на поляне 10 × 5 м, окруженной стлаником (рис. 2, *1*). Поверхность полого наклонена в сторону Кукваяма, элювиальная, с отдельными валунами, с несомкнутым ягельным покровом. Пластина лежала у ЮЗ края поляны (рис. 2, *2*), в 1,5 м от нее вниз по склону находилась деформированная металлическая оковка от рукояти ножа (44,4 × 19,4 × × 10,2 мм; толщина металлической полосы 0,7 мм) (рис. 3, *2*), а в 8 м – заметно коррозированная эмалированная кружка. Пластина с остатками окалины

Рис. 2. Место находки пластины ламеллярного шлема МОКМ НВ-15446/1, правый берег р. Кукваям. *Фото И.Е. Воробья*.
1 – общий вид местности; *2* – пластина в контексте ее обнаружения.

на обеих сторонах, оковка – со следами воздействия огня, кружка – без них. Признаки огнища на дневной поверхности уверенно не различаются.

Вероятнее всего, найденные предметы являются частью сопроводительного инвентаря на месте корякского оленеводческого наземного погребения путем кремации. В пользу этого свидетельствует прежде всего состояние поверхности артефактов (следы воздействия огня), а также соотнесение этого местонахождения с другими зафиксированными на возвышенности четырьмя пунктами определенно погребального характера: один из них находится в 60 м, другие – на расстоянии от 1,5 до 2,5 км. Их объединяет ограниченная, в пределах первых метров, площадь локализации, металлические артефакты, в общем не выходящие за границы круга известных к настоя-

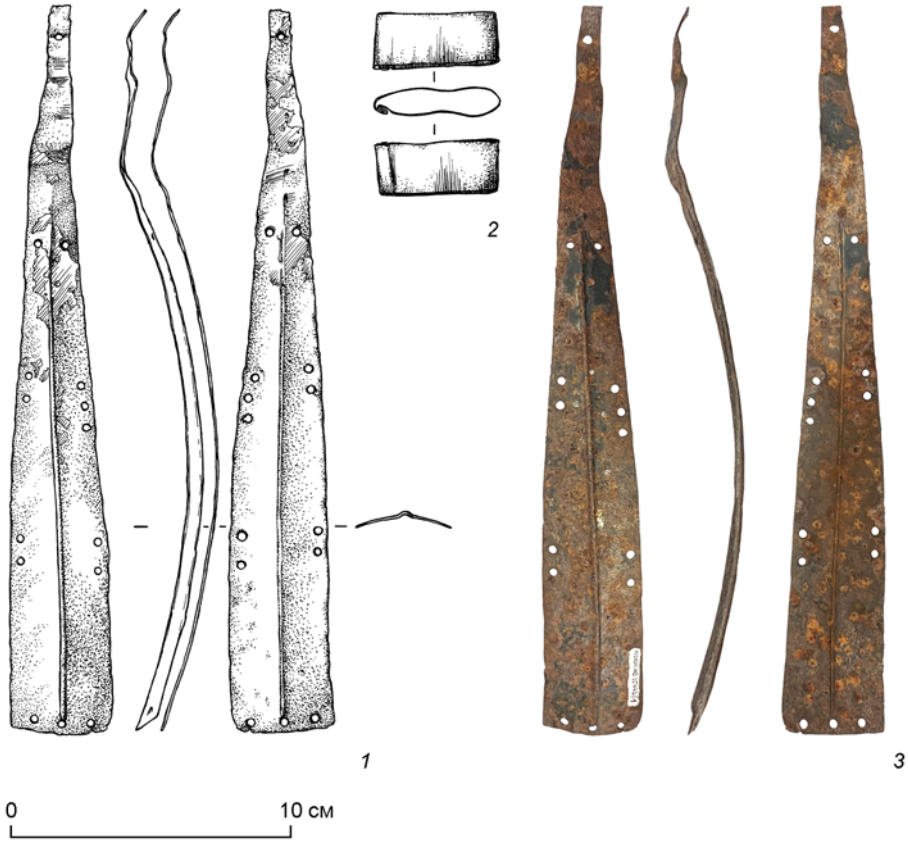

Рис. 3. Пластина ламеллярного шлема МОКМ НВ-15446/1.
1, *3* – пластины; *2* – металлическая оковка рукояти ножа, найденной близ пластины. *1*, *2* – *рисунки К.В. Штерна*; *3* – *фото Р.М. Харитонова*.

щему времени погребальных корякских вещей, а также следы воздействия огня, сохранившиеся на некоторых предметах. Однако, кроме одного случая, структурные признаки стандартных мест трупосожжения на объектах уже практически не различимы, часть предметов подверглась воздействию склоновых процессов. Естественно, что на поверхности наблюдается не весь инвентарный комплекс. Пока все эти пункты, включая пункт с находкой пластины, можно датировать первой половиной XX в. Косвенным образом в пользу данного предположения может говорить и согласованность локализации отдельных артефактов и их концентраций с рисунком, созданным открытыми площадками и их растительным обрамлением: находки всех предметов сделаны на незаросших полянах.

Пластина имеет вид удлиненной трапеции (рис. 3, *1*, *3*). Как отмечалось выше, на обеих поверхностях пластины наблюдаются остатки окалины. Длина 26 см, ширина у широкого края 3,6 см, у противоположного узкого 0,7 см, толщина металла варьирует от 0,1 до 0,15 см. Пластина S-образно изогнута по форме тульи наголовья: 20 см от широкого края наблюдается равномерный дугообразный изгиб, далее пластина резко изгибается в противоположную сторону и до узкого окончания практически прямая. В сечении пластина слабоизогнутая (выпуклая в направлении внешней поверхности). По центру пластины вдоль 18 см от широкого края на внешней поверхности выражено ребро жесткости, шириной ок. 0,2 см, высотой ок. 0,15 см, на внутренней поверхности наблюдается соответствующее ребру углубление.

Пластина оснащена 15 округлыми отверстиями, диаметром ок. 0,25 см. Три отверстия расположены вдоль широкого окончания пластины, одно – по центру противоположного узкого края. Остальные отверстия сгруппированы вдоль длинных сторон пластины, причем такие группы расположены напротив (от широкого окончания): 2, 2 и 1 на левой стороне пластины (относительно внешней поверхности с ребром жесткости); 2, 3 и 1 на правой стороне соответственно. Расстояние между группами отверстий варьирует от 3,5 до 5,0 см, между сгруппированными отверстиями от 0,4 до 0,7 см.

Обсуждение

Шлемы, образованные одним рядом узких вертикальных пластин, известны человечеству с глубокой древности: они бытовали у гиксосов, финикийцев, «народов моря» [Бобров, Худяков, 2008, с. 453]. На востоке Азии узкопластинчатые наголовья фиксируются в материалах сяньби (II–III вв.), широкое

применение они получили в сяньбийских государствах Северного Китая IV–VI вв. [Там же]. В эпоху раннего Средневековья такие шлемы применяли тюрки и авары, развитого – жители китайских и центральноазиатских государств, в особенности чжурчжэни [Там же]. Важно отметить, что некоторые образцы сяньбийских ламеллярных шлемов полностью аналогичны по форме тульи сфероконическим и коническим чукотским и корякским шлемам [Бобров, Худяков, 2005, с. 137–139, рис. 11]. В период позднего Средневековья применение таких шлемов продолжилось и фиксируется на территории Центральной Азии и Дальнего Востока [Бобров, Худяков, 2008, с. 453].

У чукчей и коряков зафиксировано несколько разновидностей шлемов [Нефёдкин, 2017, с. 107–108], однако представляется, что ламеллярные узкопластинчатые шлемы являются наиболее популярной разновидностью боевых наголовий населения крайнего Северо-Востока Азии. В распоряжении исследователей есть единичные образцы чукотских и корякских шлемов и их изображения (см. рис. 1). Анализ этих предметов позволяет предположить, что наиболее популярной была конструкция шлемов, состоящая из сфероконической или конической тульи с наушниками. Это также подтверждается свидетельствами исследователей, ранее изучавших данный вопрос [Богораз, 1991, с. 101; Нефёдкин, 2017, с. 104–108]. Именно одной из деталей тульи сфероконического шлема и является выявленная пластина. Аналогичные детали накладывались поочередно одна на другую и скреплялись между собой кожаными ремешками. Верхняя часть наголовья оставалась открытой, по нижней располагался кожаный «обод», скреплявший все составные части тульи.

Схожая конструкция наблюдается на примере рогового шлема из Государственного объединенного музея-заповедника истории Дальнего Востока (г. Владивосток), тулья которого состоит из 11 пластин с наушниками (см. рис. 1, *14*, *15*) [Прокопец, 2013, с. 106–107].

По мнению А.К. Нефёдкина, подобные шлемы «были предназначены, в первую очередь, не для противодействия рубящему или дробящему удару, но для защиты головы от стрел и копий» [2017, с. 104–105]. При этом боевые наголовья «чукчи носили не особо часто» и даже при использовании доспехов могли обходиться только защитным щитом [Там же].

Датировка изготовления и использования пластины в шлеме весьма затруднена. Археологический контекст свидетельствует о том, что пластина связана с погребальной обрядностью, а не была утеряна. При этом нет веских оснований считать, что в сожжении участвовал целый шлем. Наблюдения 2015–2018 гг. за приготовленными и хранимыми корякскими погребальными наборами показывают, что присутствие в них не целостных вещей, а их деталей само по себе не является необычным, причем эти детали попадают в них разными путями. Нередкими являются в палеоазиатской среде и находки к югу от р. Анадырь металлических панцирных пластин: например, у чукчей в ваежской тундре [Нефёдкин, 2020] или на р. Майнгылвэгыргын на востоке Корякского нагорья (МОКМ КП-17726/1-14). В то же время, нам пока не известны ни находки отдельных металлических пластин от шлемов, ни использование разрозненных деталей металлического ламеллярного защитного вооружения в палеоазиатской погребальной практике. Кроме того, не является редким и помещение в корякский погребальный набор «старинных» предметов, вплоть до ружейного кремня и каменных бифасов (см., напр.: [Воробей, Хаховская, Митько, 2020]).

Условно возраст пластины может быть обозначен серединой XVIII – началом XIX в. Нижняя хронологическая граница обусловлена особенностями применяемого материала. А.К. Нефёдкин упоминал железные ламеллярные шлемы у тунгусов [2014а, с. 109; 2014б, с. 223]. По его мнению, применение железа для изготовления пластин боевых наголовий характерно для XVIII в., тогда как в XVII в. «шлемы изготавливались в основном из костяных пластин» [Нефёдкин, 2014б, с. 223]. Кроме того, А.К. Нефёдкин считает, что до середины XVIII в. (несколько ранее третьей четверти XVIII в.) «железные доспехи не были еще распространены у коряков» [2020, с. 144]. Представляется, что к началу XIX в. практика применения и тем более изготовления защитного вооружения подобного типа сходит на нет в связи с отсутствием необходимости его применения [Антропова, 1957, с. 202]. После этого доспехи хранились как семейные святыни и использовались в ритуальной практике: например, В.И. Иохельсон писал о том, что на оленьих бегах для забоя жертвенного оленя в доспех облачался его хозяин [Jochelson, 1905, p. 88, 562].

Оригинальной особенностью выявленной пластины является наличие продольного ребра жесткости, поскольку на имеющихся изображениях корякских и чукотских шлемов такой элемент отсутствует. В свою очередь, такие ребра жесткости встречаются на центральноазиатских изделиях, в частности, тибетских [Бобров, Худяков, 2008, с. 417–418]. Это позволяет предположить, что данная пластина могла являться деталью центральноазиатского шлема, однако уверенно говорить об этом нельзя в связи с малочисленностью находок чукотских и корякских доспехов.

Вопрос о происхождении ламеллярной брони у населения крайнего Северо-Востока Азии остается неоднозначным. В свое время данная проблема была подробно рассмотрена В.В. Антроповой. Она привела основные существующие на этот счет мнения специалистов, обозначив несколько основных гипотез появления и распространения пластинчатых панцирей у населения крайнего Северо-Востока Азии: автохтонная, распространение из Японии, из Северной Америки, влияние южносибирских культур [1957,

с. 215–220]. Относительно железных панцирей у чукотско-корякской группы В.В. Антропова пишет: «Вполне возможно, что железный панцирь был известен на северо-востоке еще до прихода русских, но широкое его распространение, несомненно, связано с проникновением русского железа» [Там же, с. 220]. Из специалистов более позднего времени этот вопрос также поднимал А.К. Нефёдкин. По его мнению, железные ламеллярные доспехи произошли от костяных прототипов, которые бытовали задолго до распространения железа [Нефёдкин, 2017, с. 107–108], таким образом «типологически железные доспехи восходят к костяным, где металлические пластинки сменили костяные» [Нефёдкин, 2020, с. 144].

Ламеллярные металлические узкопластинчатые шлемы характерны для сяньби и чжурчжэней. Интерес представляет сравнение кукваямской пластины с находками чжурчжэньских пластин из Корсаковского могильника VI–XI вв. [Медведев, 1981, с. 172–184]. Они имеют несколько больше сгруппированных отверстий и незначительно меньше по размеру, однако сходство морфологии с кукваямской пластиной очевидно: они трапециевидные, по краям длинных сторон оснащены группами отверстий, схожа форма тульи, о которой свидетельствует боковой изгиб пластин. На настоящий момент сложно представить основные пути распространения ламеллярных узкопластинчатых шлемов, и тем более неправомерно связывать железные чукотские и корякские изделия напрямую с сяньбийскими и чжурчжэньскими образцами, однако связь между ними представляется весьма допустимой. Это актуализирует схожесть гиляцких и чукотских шлемов, отмеченную В.Г. Богоразом [1997, с. 101]. Не исключено, что именно в материальной культуре тунгусо-маньчжурского населения сложилась традиция изготовления узкопластинчатых железных шлемов, продолжающая тенденции развития сяньбийских образцов, оказавшая колоссальное влияние на формирование конструкции наголовий населения крайнего Северо-Востока Азии. Однако трудно не согласится с мнением о широком распространении железной ламеллярной брони с приходом русских.

Основываясь на вышесказанном, можно предположить, что основные принципы конструирования узкопластинчатых ламеллярных шлемов были заимствованы населением крайнего Северо-Востока Азии посредством культурных контактов у чжурчжэней Приамурья. Однако особенности материальной базы обусловили реализацию этих принципов без применения железа (для изготовления пластин изготавливались рог, кость и пр.). После широкого распространения железа в XVIII в. пластины шлемов стали изготавливаться из металла по распространенным образцам из натуральных материалов, при этом, вероятнее всего, конструкция практически не изменилась. Это и объясняет сходство приамурских и североазиатских железных узкопластинчатых шлемов, не исключая происхождения последних от роговых и костяных «предшественников».

Нельзя исключать и вариант автохтонного развития узкопластинчатых ламеллярных шлемов у населения крайнего Северо-Востока Азии, однако сходство с средневековыми приамурскими материалами не вызывает сомнений.

Кроме того, на настоящий момент не вполне понятно, насколько правомерно рассматривать вопросы эволюции ламеллярной защиты корпуса и узкопластинчатых наголовий совместно. Не исключено, что способы формирования конструкций панцирей и шлемов могут иметь разные истоки, даже при сходстве способов крепления пластин. Тем не менее представленные рассуждения требуют дальнейшей разработки проблематики, в частности анализа формы пластин и выявления основных эволюционных закономерностей их видоизменения, в совокупности с поиском аналогий в широкой исторической перспективе.

Заключение

Описанная пластина является оригинальным примером элемента корякского железного узкопластинчатого ламеллярного шлема середины XVIII – начала XIX в. С одной стороны, данная находка отражает основные тенденции в конструировании тульи корякских и чукотских шлемов того времени, когда в распоряжение местного население попадает массово железо, с другой – имеет выделенное ребро жесткости, не встречающееся на изделиях отмеченного населения, но находящее аналоги на центральноазиатских предметах эпохи позднего Средневековья. По своей морфологии описанная пластина сходна с находками из средневековых археологических комплексов Приамурья. Это позволяет актуализировать вопросы эволюции, путей распространения и влияния оружейных традиций, а также конструирования элементов вооружения населения крайнего Северо-Востока Азии.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ № 22-18-00319 «Генезис древних культур крайнего Северо-Востока Азии», https://rscf.ru/project/22-18-00319/

Список литературы

Антропова В.В. Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири // Сибирский этнографический сб. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – 1957. – Вып. II. – С. 99–245. – (Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер., т. 35).

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–V вв. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005. – С. 80–199.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2008. – 776 с.

Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991. – 222 с.

Богораз В.Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н.Л. Гондатти, находящихся в Этнографическом музее Императорской академии наук. – СПб.: Имп. акад. наук, 1901. – 65 с. – (Сб. МАЭ, т. 1, вып. 2).

Воробей И.Е., Хаховская Л.Н., Митько О.А. Дополнительные сведения о комплексах ударной огнедобычи в погребальной практике коряков Северо-Эвенского района Магаданской области // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2020. – № 66. – С. 164–171.

Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. – М.: Наука, 1966. – 269 с. – (Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер., т. 89).

Зуев А.С. Присоединение крайнего Северо-Востока Сибири к России: военно-политический аспект: вторая половина XVII – XVIII в.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – Томск, 2005. – 48 с.

Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. – СПб.: Наука, 1997. – 237 с.

Медведев В.Е. О шлеме средневекового амурского воина (тайник с остатками доспеха в Корсаковском могильнике) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 172–184.

Нефёдкин А.К. Военное дело ламутов в XVII–XVIII вв. // ЭО. – 2014а. – № 5. – С. 104–120.

Нефёдкин А.К. Защитное вооружение тунгусов в XVII–XVIII вв. // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего Средневековья. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2014б. – С. 221–225.

Нефёдкин А.К. Военное дело чукчей. Первая иллюстрированная энциклопедия. – М.: Яуза, 2017. – 496 с.

Нефёдкин А.К. Панцирные пластины из Южной Чукотки // PARABELLUM novum. – 2020. – № 12 (45). – С. 139–144.

Прокопец С.Д. Ительменский доспех из собраний ПГОМ им. В.К. Арсеньева // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. – 2013. – № 1/2. – С. 106–109.

Ушницкий В.В. Борьба юкагиров против колониального завоевания // На перекрестке континентов: мат-лы XXXI Крашенинниковских чтений. – Петропавловск-Камчатский: Камчатская краевая научная библиотека им. С.П. Крашенинникова, 2014. – С. 345–349.

Шлем. Чукчи (РЭМ 4859-22) // Госкаталог.рф. – URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=29431299 (дата обращения: 23.10.2024).

Шлем. Чукчи (РЭМ 4859-38) // Госкаталог.рф. – URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=29130035 (дата обращения: 23.10.2024).

Jochelson W. The Koryak. – Leiden: E.J. Brill ltd., N. Y.: G.E. Stechert, 1905. – 842 p. – (Publications of the Jesup North Pacific Expedition. Memoirs of the American Museum of Natural History, vol. 6. pt. I–II).

References

Antropova V.V. Voprosy voennoi organizatsii i voennogo dela u narodov krainego severo-vostoka Sibiri. In *Sibirskii etnograficheskii sbornik*. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1957. Vol. 2. P. 99–245. (Trudy instituta etnografii. Novaya seriya, vol. 35). (In Russ.).

Bobrov L.A., Khudyakov Y.S. Voennoe delo syan'biiskikh gosudarstv Severnogo Kitaya IV–V vv. In *Voennoe delo nomadov Tsentral'noi Azii v syan'biiskuyu epokhu.* Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2005. P. 80–199. (In Russ.).

Bobrov L.A., Khudyakov Y.S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2008. 776 p. (In Russ.).

Bogoraz V.G. Material'naya kul'tura chukchei. Moscow: Nauka, 1991. 222 p. (In Russ.).

Bogoraz V.G. Ocherk material'nogo byta olennykh chukchei, sostavlennyi na osnovanii kollektsii N.L. Gondatti, nakhodyashchikhsya v Etnograficheskom muzee Imperatorskoi akademii nauk. St. Petersburg: Imperatorskaya akademiya nauk Publ., 1901. 65 p. (In Russ.).

Gurvich I.S. Etnicheskaya istoriya Severo-Vostoka Sibiri. Mosow: Nauka, 1966. 269 p. (Trudy instituta etnografii. Novaya seriya, vol. 89). (In Russ.).

Jochelson W. The Koryak. Leiden: E.J. Brill ltd., N. Y.: G.E. Stechert, 1905. 842 p. (Publications of the Jesup North Pacific Expedition. Memoirs of the American Museum of Natural History. Vol. 6. Pt. I–II).

Jochelson W.I. Koryaki. Material'naya kul'tura i sotsial'naya organizatsiya. St. Petersburg: Nauka, 1997. 237 p. (In Russ.).

Medvedev V.E. O shleme srednevekovogo amurskogo voina (tainik s ostatkami dospekha v Korsakovskom mogil'nike). In *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noi Azii.* Novosibirsk: Nauka, 1981. P. 172–184. (In Russ.).

Nefedkin A.K. Pantsirnye plastiny iz Yuzhnoi Chukotki. *PARABELLUM novum*, 2020. No. 12 (45). P. 139–144. (In Russ.).

Nefedkin A.K. Voennoe delo chukchei. Pervaya illyustrirovannaya entsiklopediya. Moscow: Yauza, 2017. 496 p. (In Russ.).

Nefedkin A.K. Voennoe delo lamutov v XVII–XVIII vv. *Etnograficheskoe obozrenie,* 2014a. No. 5. P. 104–120. (In Russ.).

Nefedkin A.K. Zashchitnoe vooruzhenie tungusov v XVII–XVIII vv. In *Voinskie traditsii v arkheologicheskom kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ya.* Tula: Gosudarstvennyi muzei-zapovednik "Kulikovo pole" Publ., 2014b. P. 221–225. (In Russ.).

Prokopets S.D. Itel'menskii dospekh iz sobranii PGOM im. V.K. Arsen'eva. *Batyr. Traditsionaya voennaya kul'tura narodov Evrazii*, 2013. No. 1/2. P. 106–109. (In Russ.).

Shlem. Chukchi (RME 4859-22) // Goskatalog.rf. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=29431299 (Accessed: 23.10.2024). (In Russ.).

Shlem. Chukchi (RME 4859-38) // Goskatalog.rf. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=29130035 (Accessed: 23.10.2024). (In Russ.).

Ushnitskii V.V. Bor'ba yukagirov protiv kolonial'nogo zavoevaniya. In *Na perekrestke kontinentov: materialy XXXI Krasheninnikovskikh chtenii*. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatskaya kraevaya nauchnaya biblioteka imeni S.P. Krasheninnikova Publ., 2014. P. 345–349. (In Russ.).

Vorobei I.E., Khakhovskaya L.N., Mit'ko O.A. A new information about fire-making apparatus in the funeral practice of Koryaks of North–even district, Magadan region. *Vestnik Tomsk State Univ. Ser.: Istoriya,* 2020. No. 66. P. 164–171. (In Russ.).

Zuev A.S. Prisoedinenie krainego Severo-Vostoka Sibiri k Rossii: voenno-politicheskii aspekt: vtoraya polovina XVII–XVIII v.: doc. sc. (history) dissertation abstract. Tomsk, 2005. 48 p. (In Russ.).

Харитонов Р.М. https://orcid.org/0000-0003-1699-046X
Воробей И.Е. https://orcid.org/0000-0002-4040-7150
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0842-0848
УДК 902.21

М.П. Черная[1]✉, Е.В. Барсуков[1, 2], С.О. Марков[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]ООО НПО «Сибпроектархеология»
Томск, Россия,
[3]АО «ТомскНИПИнефть»
Томск, Россия
E-mail: mariakreml@mail.ru

Археологические раскопки в городе Томске на площади Конной в 2024 году

В полевом сезоне 2024 г. были проведены раскопки в г. Томске на ранее выявленном участке культурного слоя по адресу пл. Конная, 10. Площадь Конная, расположенная в исторической части Томска, является перспективной для исследования ранней истории города, а также поиска дорусского культурного слоя. Раскоп был приурезан к вскрытому в предыдущие годы котловану. Стратиграфия представлена верхними напластованиями строительной отсыпки, совокупной мощностью более 2 м, которые перекрывали культурный слой, состоящий из суглинка коричневого цвета, насыщенного большим количеством древесной щепы и навоза. Мощность этого слоя, имеющего историко-культурную ценность, на отдельных участках достигала 1,0–1,2 м. В верхних горизонтах, относящихся к рубежу XIX–XX вв., зафиксированы фрагменты руинированных деревянных конструкций. В более ранних отложениях в границах раскопа конструкции отсутствовали. Избыточная увлажненность слоя способствовала хорошей сохранности остеологических материалов и изделий из дерева. В вещевой коллекции, состоящей из традиционного для Томска набора категорий артефактов, наиболее массово представлены фрагменты керамической посуды разных типов и ассортимента, фрагмент толстостенного тигля, большое количество кованых гвоздей, скоб, «костылей», детали конского снаряжения, фрагменты стеклянных, фаянсовых и фарфоровых изделий, монеты и пр. Полученные результаты позволили расширить нижнюю границу памятника до последней четверти XVIII в., пополнить материалы для характеристики культуры повседневности обитателей центральной части города, реконструкции особенностей адаптации русских поселенцев в условиях избыточно увлажненного ландшафта.

Ключевые слова: *исторический Томск, площадь Конная, археологическая база данных русского населения, реконструкция культуры повседневности.*

M.P. Chernaya[1]✉, E.V. Barsukov[1, 2], S.O. Markov[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]NPO Sibproyektarkheologiya LLC
Tomsk, Russia
[3]Tomsk NIPIneft
Tomsk, Russia
E-mail: mariakreml@mail.ru

2024 Archaeological Excavations on Konnaya Square in Tomsk

In the 2024 field season, excavations were carried out on a previously identified section of cultural layer on 10 Konnaya Square. Konnaya Square, located in the historical part of Tomsk, is promising for the study of early history of the city, as well as the search for a pre-Russian cultural layer. The excavation was linked to a pit opened in previous years. The stratigraphy is represented by upper layers of the construction filling, with a total thickness exceeding 2 m, which overlapped the cultural layer consisting of brown loam, saturated with a large amount of wood chips and manure. In some areas, the thickness of this layer, having a historical and cultural value, reached 1–1.2 m. In upper horizons, dating back to the turn of the 19th–20th centuries, fragments of ruined wooden structures were recorded. There were no structures within the boundaries of the excavation in earlier depositions. Excessive moisture in the layer ensured a good preservation of osteological materials and wooden products. The collection

of items consisting of a set of artifact categories traditional for Tomsk, is most widely represented by fragments of ceramic dishes of various types and assortments, a fragment of a thick-walled crucible, a large number of forged nails, staples, large fastening nails, horse equipment parts, fragments of glass, earthenware, and porcelain items, coins, etc. The obtained results allowed us to expand the lower boundary of the site to the last quarter of the 18th century, to supplement the materials used to describe the everyday culture of the inhabitants of the central part of the town and to reconstruct adaptation features of the Russian settlers in an excessively humid landscape.

Keywords: *historical Tomsk, Konnaya Square, archaeological database of the Russian population, reconstruction of everyday culture.*

В полевом сезоне 2024 г. Томский государственный университет совместно с НПО «Сибпроектархеология» провели раскопки в г. Томске на ранее выявленном участке культурного слоя по адресу пл. Конная, 10.

Площадь Конная располагается в центре Томска, практически на берегу р. Томи, немного южнее современного устья р. Ушайки (рис. 1). С точки зрения геоморфологии ее территория является фрагментом первой надпойменной террасы и высокой поймы. В археологическом отношении этот район не изучен, хотя представляет в этом смысле несомненный интерес, обусловленный несколькими факторами. Во-первых, в недалеком прошлом устье р. Ушайки, которая меняла свое русло, находилось в другом месте; насколько позволяют судить исторические планы и панорамы Томска XVIII в., она впадала приблизительно там, где сейчас размещается интересующая нас площадь [Черная, 2002, с. 120–127: Черная, Осинцева, 2004, с. 143–147]. Уже этот момент во-многом определяет интерес к данному району, приустьевые мысы и фрагменты являются перспективными для поиска культурного слоя дорусского периода.

Во-вторых, эта часть Томска представляет научный интерес в плане изучения истории основания города. Согласно устной традиции, закрепленной в литературе, на приустьевом участке р. Ушайки была пристань и лагерь первостроителей города, прибывших в начале XVII в. на берег р. Томь во владения князца Тояна [Соловьева, Пугачев, 1982].

В-третьих, письменные источники XVII в. позволяют предполагать включение этой территории в границы «Нижнего острога». Согласно имеющимся данным, он был построен в 1630 г. воеводой П.И. Пронским [Миллер, 2000, с. 76]. К этому моменту границы города охватывали Воскресенскую гору и ее подножие, где сформировался «Нижний посад». Он включал не только территорию, прилегающую к склонам горы, но и берега Томи и Ушайки. Нижний острог предназначался для защиты местных жителей от набегов южных кочевников, активизировавшихся в этот период. На его территорию были переселены

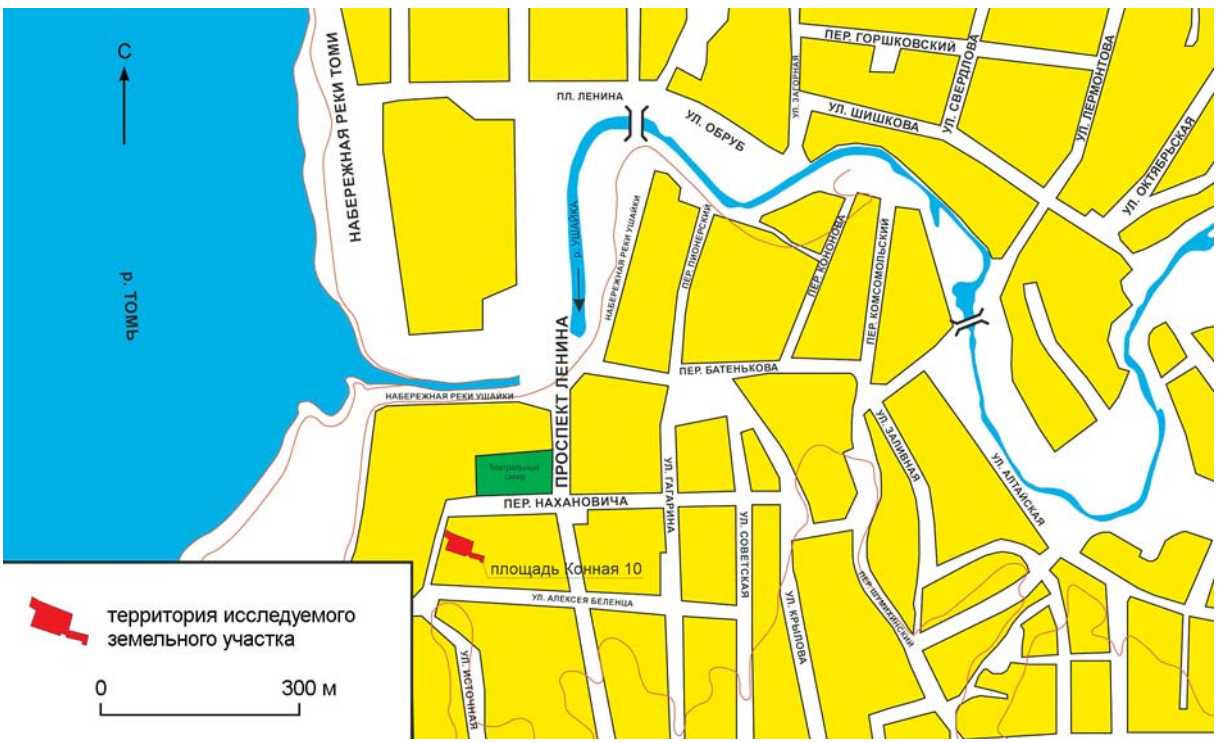

Рис. 1. Участок исследований на карте-схеме г. Томска (по: [Рудковский, 2021]).

представители коренного населения Нижнего Притомья – татары-эуштинцы, которые проживали в своем городке на противоположном Томску берегу р. Томь. Для их размещения воевода использовал бани служилых людей, которые стали временными жилищами татар [Бояршинова, 1950, с. 109]. Согласно отписке томского воеводы князя Петра Пронского, острог был поставлен «около подгородного всего посаду», который располагался по обеим берегам р. Ушайки, в ее приустьевой части. Укрепления строили всем городом: «дворяны и детьми боярскими и служивыми и жилецкими и приезжими торговыми и всякими людьми». Этот подгородный острог имел четверо больших проезжих ворот и четыре глухие башни. Воевода обращался в Москву с просьбой об укомплектовании каждого проезда одной полковой пищалью и двумя затинными. Кроме этого, по его мнению, на воротах необходимо было установить по вестовому колоколу [Миллер, 2000, с. 433].

К концу XVIII в. устье Ушайки мигрировало на север [Черная, 2002, с. 120–127; Черная, Осинцева, 2004, с. 143–147], пересохшую старицу и прилегающую с востока территорию заняли под Конный базар. В 1896 г. рядом с базаром возвели первую электростанцию города, сохранившуюся до настоящего времени, располагающуюся к западу от участка исследований. Ее наличие во многом определило высокую степень техногенного воздействия на сопредельную территорию.

Перспективность площади Конной для исследования ранней истории города, а также поиска дорусского культурного слоя подтверждает ее археологическое обследование. Археологические исследования в этом районе впервые были проведены только в XXI в. В 2020 г. шурфовочные работы по адресу пл. Конная, 10 были осуществлены отрядом ООО НПО «Сибпроектархеология» под руководством А.С. Зинченко [Зинченко, 2021]. По результатам исследований в границах участка был выявлен объект археологического наследия, получивший название «Участок культурного слоя г. Томска на пл. Конная, 10, кон. XIX – нач. XX в.» В 2021–2022 гг. раскопки на памятнике были продолжены под руководством С.И. Рудковского [Рудковский, 2022].

Судя по результатам нескольких полевых сезонов, в течение которых вскрыто более 500 м^2, в пределах земельного участка выявлен культурный слой, относящийся к ранней истории Томска – не позже начала XVIII в. – и до середины XX в. включительно, что предполагает как минимум корректировку датировки в названии объекта. Более того, наличие в коллекции фрагментов китайского фарфора, которые по аналогии могут быть датированы XVII в., позволило предположить возможную сохранность очагов культурного слоя XVII в.

Эти обстоятельства дали основание для продолжения работ на площади Конной, 10 в границах выявленного объекта археологического наследия. В 2024 г. к вскрытому в предыдущие годы котловану был прирезан раскоп площадью 48 м^2 и исследована западная часть объекта.

По результатам работ установлено, что верхнюю толщу почвенных напластований формируют слои строительной отсыпки, мощность которых в совокупности превышает 2 м. Отсыпка перекрывает культурный слой, представленный коричневым суглинком, включающим большое количество древесной щепы и навоза. Мощность этого слоя на отдельных участках достигала 1,0–1,2 м. Именно этот слой представлял интерес для археологического изучения. Избыточная увлажненность слоя способствовала хорошей сохранности остеологических материалов и изделий из дерева, что является для культурных напластований Томска редкостью. К сожалению, в границах раскопа фрагменты руинированных деревянных конструкций зафиксированы только в верхних горизонтах, в нижней толще строительной отсыпки, и относились к рубежу XIX–XX вв. Более ранних конструкций не зафиксировано.

Полученная в ходе раскопок коллекция состоит из традиционного для Томска набора категорий артефактов. Наиболее массово представлены фрагменты керамической посуды разных типов и ассортимента.

Многочисленной группой, залегавшей преимущественно в поздних слоях строительной отсыпки, являются фрагменты поливных сосудов, по большей части темно-зеленого цвета, горшковидной и баночной форм, встречаются и редкие образцы, например, фрагменты небольшого по объему сосуда с носиком (рис. 2, *1*). Данная категория посуды, присутствующая практически во всех археологических коллекциях русских городов Сибири, датируется в основном XVIII–XIX вв., хотя поливная посуда, скорее всего, привозного характера, несомненно, существовала в XVII в., что документируют, например, раскопки Мангазеи, и конечно, в XX в. Из-за неразработанности технико-морфологических особенностей поливной керамики, которые менялись во времени, хронологические рамки ее бытования внутри этого 400-летнего диапазона остаются размытыми [Матвеев, Измер, Молявина, 2005, с. 77; Визгалов, Пархимович, 2008, с. 118; Матвеев и др., 2008, с. 121; Балюнов, 2015, с. 80–86; и др.].

К массовой категории находок относится сероглиняная керамика. В отличие от поливной, она фиксировалась на всех этапах выборки культурного слоя – от строительной отсыпки до предматерикового слоя. На данный момент эта категория не обладает информационным потенциалом, позволяющим определять ее «узкую» хронологию. Благодаря практике кустарного гончарного промысла керамика этого типа производилась с XVII до начала XX в. [Володина, 2012, с. 112–116].

Рис. 2. Археологические находки полевого сезона 2024 г. с ВОАН «Участок культурного слоя г. Томска на пл. Конная, 10, кон. XIX – нач. XX в.». *Фото Е.В. Барсукова*.

1, *2*, *4* – керамика; *3* – стекло; *5*, *6*, *7* – металл.

С историко-культурной точки зрения более значимой является группа керамики, представленная фрагментами чернолощеных сосудов (рис. 2, *2*). Находки этой категории немногочисленны, они зафиксированы в культурном слое на разных стратиграфических позициях. В материалах коллекции присутствуют фрагменты чернолощеной посуды разных хронологических групп, однако преобладают экземпляры финального этапа бытования этой керамики, известной по археологическим исследованиям Томского кремля [Черная, 2002, с. 69–73].

Среди находок присутствует фрагмент толстостенного тигля. До настоящего момента подобные изделия обнаружены в единичных экземплярах при раскопках воеводской усадьбы на южном мысе Воскресенской горы в Томске [Черная, 2015, с. 136]. Тигли имели толстые стенки, толщина которых колеблется от 1 до 2 см, прямой венчик, закругленный на срезе. На венчике с одной из сторон присутствует носик для слива расплавленного металла. Вероятнее всего, тигли были полифункциональными и использовались для плавки разнообразных цветных металлов.

В культурном слое присутствовало большое количество кованых гвоздей, скоб, «костылей», отличающихся размерами, формой и типом шляпки. В единичных экземплярах зафиксированы детали конского снаряжения, больше всего подковы. Этот факт не вызывает удивления, т.к. участок исследований располагается на Конной площади, где долгое время функционировал Конный базар.

Солидно выглядит коллекция изделий из стекла, представленных целыми емкостями разных форм и размеров и их фрагментами – аптечные и парфюмерные склянки, флаконы, винные бутылки и бутыли

(рис. 2, *3*). Преобладают материалы XIX в. Собрание стеклянных изделий в целом аналогично коллекции стекла XVIII–XIX вв. из раскопок на южном мысе Воскресенской горы в Томске [Черная, 2015, рис. 200, *1–4*], земельного участка по ул. Войкова, 36 в исторической части Томска – Заозерном предместье – территории от р. Томи до Воскресенской горы [Черная и др., 2016, с. 77, 78], а также участков по ул. Бакунина, 5, 7, 12 [Черная, Зинченко, Рыбаков, 2023, с. 955, 957]. К категории массового материала относится оконное стекло, которое представлено разнообразными по толщине и размерам фрагментами. Стекло низкого качества. Не исключено, что представленные фрагменты были изготовлены уже на предприятиях Томской губернии. Стеклоделательные заводы появились здесь уже в первой половине XIX в. [Пилецкая, 2010; Менщикова и др., 2020].

Большим разнообразием характеризуется коллекция осколков фаянсовых и фарфоровых изделий. Часть находок, относящихся к этой категории, имеют фабричные или торговые клейма, которые позволяют более-менее надежно датировать их периодом функционирования предприятий или торговых компаний [Мусина, 1995]. Массовый характер эта традиция приобретает только с середины XIX в., подавляющее большинство обнаруженных фрагментов фарфоровой и фаянсовой посуды не имеют таких маркеров. Представлены образцы с клеймами и марками (рис. 2, *4*) фабрик Кузнецовых – династией крупнейших фарфорозаводчиков второй половины XIX – начала XX в. в Российской империи. Представленные в коллекции экземпляры были изготовлены в разных производственных центрах, принадлежащих Кузнецовым, и демонстрируют широкую географию находок.

Полученные археологические находки иллюстрируют повседневную бытовую и хозяйственную сторону жизнедеятельности томичей. В раскопе обнаружено несколько лезвий ножей (рис. 2, *5*), фрагмент ложки с оттиском данных об изготовителе (рис. 2, *6*). К предметам повседневного быта относится металлический гребень, пуговицы, несколько экземпляров различной дверной фурнитуры, прежде всего пробои, а также светец и изделия из дерева (разделочные доски?), фрагменты кожаной обуви, в т.ч. наборный каблук, берестяные подкладки и пластины со следами прошивки.

Таким образом, в 2024 г. на площади Конной была получена солидная коллекция артефактов, представленная фрагментами керамической и стеклянной посуды, орудиями труда, предметами повседневности и другими артефактами, характеризующими жизнедеятельность томичей. Без сомнений, в коллекции имеются и уникальные заслуживающие внимания предметы, напр., фрагмент старообрядческого образка, монеты второй половины XVIII – XIX в. Нужно отметить хорошую сохранность изделий из дерева, чему способствовали условия повышенной увлажненности прирусловой части террасы. Эта особенность культурного слоя схожа с другой частью Томска – Заозерьем [Черная и др., 2016, с. 76]. Коллекция 2024 г. не позволяет датировать вскрытые напластования периодом ранее последней четверти XVIII в. (по монете 1783 г.; рис. 2, *7*). Вещевая коллекция ярко характеризует культуру повседневности и быт обитателей центральной части города, служит источником для реконструкции особенностей адаптации русских поселенцев в условиях избыточно увлажненного ландшафта.

Результаты работ 2024 г. указали на острую необходимость создания археологической базы данных коллекций и объектов, выявленных в ходе раскопок в границах города. В музеях Томска сформирован значительный комплекс собраний, полученных по результатам научных раскопок, а также исследований на участках, подвергшихся последующему хозяйственному освоению. В силу разных обстоятельств, эти материалы не просто не введены в научный оборот, зачастую, сведения о них не доступны даже в объеме информационной справки. К сожалению, отсутствие на региональном уровне единой системы учета и представления результатов археологических работ в городской черте не позволяет сформировать целостное представление о степени изученности исторических районов Томска, да и всего города в целом, тогда как историко-культурный потенциал этих коллекций и материалов несомненен. Хочется надеяться, что результаты раскопок 2024 г. актуализируют эту проблему и станут вехой в ее решении.

Благодарности

Работа выполнена по теме государственного задания № FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

Список литературы

Балюнов И.В. Керамические комплексы Тобольска конца XVI – начала XX в. // Культура русских в археологических исследованиях: сб. ст. к 50-летию Л.В. Татауровой. – Омск, 2015. – С. 80–92.

Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Тр. Том. гос. ун-та. – Томск, 1950. – Т. 112. – С. 23–210.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (мат-лы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. – 296 с.

Володина В.С. Русское гончарное производство в Томской губернии XVII – начала XX в. по материалам письменных источников // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2012. – № 2 (18). – С. 111–118.

Зинченко А.С. Научный отчет о выполненных археологических полевых работах. Археологическая разведка в границах земельного участка, расположенного по адресу: г. Томск, пл. Конная, 10 (кадастровый номер 70:21:0200001:43) // Архив ООО «НПО «Сибпроектархеология», [б/н]. – Томск, 2021.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Сомова М.А., Селиверстова Т.В., Бормотина Ю.В. Предварительные результаты первого года раскопок археологической экспедиции Тюменского университета в Тобольске // AB ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень: [б.и.], 2008. – Вып. 2. – С. 114–149.

Матвеев А.В., Измер Т.С., Молявина Е.Ю. Новые материалы по археологии Тюмени // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2005. – С. 71–79.

Менщикова И.В., Черная М.П., Коробейников И.Н., Идимешев А.А. Историко-культурная характеристика коллекции стекла из раскопок Томска (по мат-лам полевых работ 2017 г.) // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2020. – № 67. – С. 153–160.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Вост. лит., 2000. – Т. 2. – 796 с.

Мусина Р.Р. Марки российского фарфора (1744–1917). – М., 1995. – 80 с.

Пилецкая Л.В. Становление стекольного дела в Томском крае в первой половине XIX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2010. – № 1. – С. 13–17.

Рудковский С.И. Научный отчет о выполненных археологических полевых работах «Археологическое наблюдение на территории выявленного объекта археологического наследия “Участок культурного слоя г. Томска на пл. Конная, 10, кон. XIX– нач. XX в.” в Советском районе г. Томска в 2021 году». В 2-х т. // Архив ООО «НПО «Сибпроектархеология», [б/н]. – Томск, 2022. – Т. 2: Альбом иллюстраций.

Соловьева А.И., Пугачев А.Р. Отсюда начинался Томск // Наш город родной. Исторические и памятные места Томска. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1982. – С. 18–20.

Черная М.П. Томский кремль середины XVII – XVIII в.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск, 2002. – 187 с.

Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. – Томск: Д`Принт, 2015. – 276 с.

Черная М.П., Зинченко А.С., Рыбаков Д.Ю. Раскопки Томского кремля XVII–XVIII веков: результаты исследований полевого сезона 2023 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 953–957.

Черная М.П., Осинцева Н.В. Проблема места основания Томска и роль ландшафтной оценки в его выявлении // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 141–148.

Черная М.П., Торощина Н.В., Чернова И.В., Торощин А.Г. Опыт изучения историко-археологического контекста городского быта в современной застройке Томска // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2016. – № 5 (43). – С. 76–79.

References

Balyunov I.V. Keramicheskiye kompleksy Tobolska kontsa XVI – nachala XX v. *Kultura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: sbornik statey k 50-letiyu L.V. Tataurovoy*. Omsk, 2015. P. 80–92. (In Russ.).

Boyarshinova Z.Y. Naseleniye Tomskogo uyezda v pervoy polovine XVII veka. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo. universiteta*. Tomsk, 1950. Vol. 112. P. 23–210.

Chernaya M.P. Tomskiy kreml‘ serediny XVII–XVIII v.: Problemy rekonstruktsii i istoricheskoy interpretatsii. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2002. 187 p. (In Russ.).

Chernaya M.P. Voyevodskaya usadba v Tomske. 1660–1760-ye gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya. Tomsk: D-Print, 2015. 276 p. (In Russ.).

Chernaya M.P., Osintseva N.V. The Initial Location of Tomsk: A Geographical Assessment. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2004. No. 4. P. 141–148.

Chernaya M.P., Toroshchina N.V., Chernova I.V., Toroshchin A.G. Opyt izucheniya istoriko-arkheologicheskogo konteksta gorodskogo byta v sovremennoi zastroike Tomska. In *Tomsk State Univ, J. of History*. 2016. No. 5 (43). P. 76–79. (In Russ.).

Chernaya M.P., Zinchenko A.S., Rybakov D.Y. Raskopki Tomskogo kremlya XVII–XVIII vekov: rezul’taty issledovanii polevogo sezona 2023 g. // In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 953–957. (In Russ.).

Matveyev A.V., Izmer T.S., Moliavina Y.Y. Novyye materialy po arkheologii Tyumeni. In *Kultura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh.* Omsk: Omsk State Univ. Press, 2005. P. 71–79. (In Russ.).

Menshchikova Y.V., Chernaya M.P., Idimeshev A.A., Korobeinikov I.N. A collection of glass from the Tomskiy ostrog archaeological monument based on fieldwork materials of 2017. *Tomsk State Univ. J. of History,* 2020. No. 67. P. 153–160. (In Russ.).

Matveyev A.V., Anoshko O.M., Somova M.A., Seliverstova T.V., Bormotina Y.V. Predvaritelnyye rezul’taty pervogo goda raskopok arkheologicheskoy ekspeditsii Tyumenskogo universiteta v Tobolske. *AB ORIGINE.* Tyumen, 2008. Iss. 2. P. 114–149. (In Russ.).

Miller G.F. Istoriya Sibiri. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000. Vol. 2. 796 p. (In Russ.).

Musina R.R. Marki rossiyskogo farfora (1744–1917). Moscow, 1995. 80 p. (In Russ.).

Piletzskaya L.V. Glass Business Formation in Tomsk Region in the Middle of the 19th century. *Tomsk State Univ. J. of History,* 2010. No. 1 (9). P. 13–17. (In Russ.).

Rudkovskii S.I. Nauchnyy otchet o vypolnennykh arkheologicheskikh polevykh rabotakh “Arkheologicheskoye nablyudeniye na territorii vyyavlennogo obyekta

arkheologicheskogo naslediya ‘Uchastok kulturnogo sloya g. Tomska na pl. Konnaya, 10, kon. XIX – nach. XX vv.’ v Sovetskom rayone g. Tomska v 2021 godu”. In 2 volums. *Archive of NPO Sibproektarheologiya LLC.* Tomsk, 2022. Vol. 2. Al’bom illyustratsiy. (In Russ.).

Solovieva A.I., Pugachev A.R. Otsyuda nachinalsya Tomsk. In *Nash gorod rodnoy. Istoricheskiye i pamyatnyye mesta Tomska.* Novosibirsk: Western Siberian book, 1982. P. 18–20. (In Russ.).

Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G. Mangazeya: novyye arkheologicheskiye issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.). Yekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan, 2008. 296 p. (In Russ.).

Volodina V.S. Russian potter production in the Tomsk province of XVI – early XX c., based on written sources materials. *Tomsk State Univ. J. of History,* 2012. No. 2 (18). P. 111–118. (In Russ.).

Zinchenko A.S. Nauchnyy otchet o vypolnennykh arkheologicheskikh polevykh rabotakh. Arkheologicheskaya razvedka v granitsakh zemel’nogo uchastka raspolozhennogo po adresu: g. Tomsk, pl. Konnaya, 10 (kadastrovyy nomer 70:21:0200001:43). *Archive of NPO Sibproektarheologiya LLC.* Tomsk, 2021. (In Russ.).

Черная М.П. https://orcid.org/0000-0003-2885-0229
Барсуков Е.В. https://orcid.org/0000-0002-3761-5039
Марков С.О. https://orcid.org/0009-0003-4439-3678

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0849-0853
УДК 902/904

П.И. Шульга[1]✉, Н.Н. Головченко[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

Новые данные о планиграфии могильника Камень-2

В ходе подготовки к изданию материалов эпонимного могильника Камень-2, датируемого в рамках IV–III вв. до н.э., было установлено, что ранее не публиковавшиеся курганы южной группы находились на значительном расстоянии (ок. 300 м) от северной группы и имеют существенные отличия. В равной по количеству курганов южной группе почти не было курганов с кольцевыми ровиками, но зафиксировано в четыре раза больше детских погребений. Отличия видны в планиграфии могил и керамике. Выявленное на могильнике Камень-2 разделение на две группы – явление не единичное. Наибольшее сходство обозначенные выше особенности могильника Камень-2 имеют с Новотроицким некрополем. Могильники Новотроицкое-1 и -2 также в какой-то период одновременно функционировали на одной площадке высокой речной террасы. Указанные могильники располагались в меридиональном направлении относительно друг друга на расстоянии 300–400 м. В каждом зафиксировано почти одинаковое количество курганов каменской культуры. В погребальном обряде и инвентаре Новотроицких могильников 1 и 2 зафиксированы явные специфические особенности. Существенное сходство прослеживается и с Быстровским некрополем, находящимся в 100 км к СЗ от с. Новотроицкое. На общем плане Быстровского некрополя выделяется три могильника (Быстровка-1–3), расположенные друг от друга на расстоянии ок. 400 м и 200 м. Можно полагать, что в рамках V–III вв. до н.э. в Новотроицком и Быстровском некрополях, а также на могильнике Камень-2 одновременно функционировали по два кладбища. Судя по наиболее представительным материалам Новотроицкого некрополя, на каждом из этих обособленных могильников (курганных групп) погребали своих родственников разные коллективы.

Ключевые слова: *Верхнее Приобье, каменская культура, некрополь, могильник, курганная группа, планиграфия могил, инвентарь, керамические сосуды.*

P.I. Shulga[1]✉, N.N. Golovchenko[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russia
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

New Data on the Spatial Distribution of the Kamen-2 Burial Ground

The preparation for publishing archaeological materials from the burial ground of Kamen-2 dated to 4th–3rd centuries BC has shown that the south group of burial mounds is located at a distance of around 300 m from the north group of burials and the southern tombs demonstrate significant differences. The south group with practically equal amount of burial mounds (n = 10) contains very few burial mounds surrounded by small ditches, but four times more child burials. The differences are seen in grave distribution and ceramic grave goods. Division of the Kamen-2 cemetery into two groups is not a unique phenomenon. The burial grounds demonstrate significant different features, but they are dated to the same chronological period. The parallel to the specifics of Kamen-2 presents the Novotroitskoye Necropolis. Both burial grounds of Novotroitskoye-1 and Novotroitskoye-2 existed in the same area of the fluvial terrace during some period. The burial grounds were located longitudinally at the distance of 300–400 m. Each cemetery contained practically the same number of the Kamen mounds. The funeral rites and grave good kits of the Novotroitskoye-1 and -2 show obvious distinguishing features. The Bystrovsky Necropolis located 100 km to the north-west from the village of Novotroitskoye demonstrates substantial similarity. The Bystrovsky Necropolis contains three burial grounds (Bystrovka-1, -2, and -3) located at 400 and 200 m from each other. It can be assumed that two cemeteries functioned at the same time in Novotroitskoye Necropolis, Bystrovsky Necropolis, and Kamen-2 burial ground in the range of the 5th–3rd centures BC. Based upon the most representative materials of Novotroitskoye Necropolis, different groups likely buried their relatives on each of these separate burial grounds.

Keywords: *Upper Ob Region, Kamen culture, necropolis, burial mound, grave distribution, grave good kit, ceramic vessels.*

Введение

К настоящему времени на территории Алтайского края и Новосибирской обл. захоронения каменской культуры выявлены на более чем 60 памятниках (см.: [Троицкая, Бородовский, 1994; Могильников, 1997; Фролов, 2008, с. 33–36]). Среди них можно выделить группу наиболее крупных исследованных курганных могильников, материалы которых были полностью или по большей части опубликованы: Быстровский некрополь (Быстровка-1–3) [Троицкая, Бородовский, 1994; Дураков, Мжельская, 1995; Бородовский, 2002, с. 51–52], Новотроицкий некрополь (Новотроицкое-1–3) [Шульга, Уманский, Могильников, 2009], могильники Рогозиха-1 [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005] и Локоть-4а [Шульга, 2003]. В ходе анализа планиграфии указанных могильников было обращено внимание на их трехчастное устройство. По три группы курганов зафиксировано на могильниках Рогозиха-1 и Локоть-4а*. Формально эта особенность сопоставима с Быстровским и Новотроицким некрополями, включавшими по три могильника. Однако последние относятся к образованиям иного порядка. В Рогозихе-1 и Локте-4а речь идет о сравнительно небольших группах (цепочках) курганов, отстоящих друг от друга на 60–80 м (см. *рисунок*, *1*, *2*), тогда как в Быстровском и Новотроицком некрополях количество курганов в компактных группах значительно больше, и они отстоят друг от друга на расстояние 200–400 м (см. *рисунок*, *5*)**.

Материалы могильника Камень-2 – первого полностью исследованного 50 лет назад (1974–1976 гг.) крупного эпонимного памятника – из-за недостатка информации по данной теме не привлекались. Значительный блок новых данных, полученных в ходе подготовки монографического издания, позволяет говорить о существовании еще одного памятника каменской культуры, включавшего два одновременно функционировавших кладбища.

Материалы

На могильнике Камень-2 в 1974–1976 гг. было исследовано 23 кургана IV–III вв. до н.э. каменской культуры, в которых было зафиксировано 117 погребений. Помимо этого, изучены элитный кург. 4 с шатровой конструкцией без выявленного погребения и два кургана эпохи Средневековья (10 и 13) (см. *рисунок*, *3*). Памятник многие годы распахивался, отчего ко времени раскопок насыпи большинства курганов почти не выделялись на поверхности. Значительная часть из них фиксировалась только по видимым на засеянном поле лишенным растительности пятнам и по незначительным возвышениям (10–25 см) относительно уровня почвы***.

В отличие от многих полностью распаханных курганных могильников в Верхнем Приобье, в Камне-2 удалось зафиксировать насыпи на последней стадии их нивелировки и полного исчезновения. На это указывает сравнительно большое количество (7) малых курганов диаметром 8–12 м. Соответственно, представленное на плане положение курганов может считаться близким к имевшемуся до начала распашки (см. *рисунок*, *3*).

В опубликованном описании памятника указано: «Курганы стоят на поверхности без строго определенного порядка, хотя можно усмотреть отдельные группы-цепочки, ориентированные в общем направлении...» [Могильников, Куйбышев, 1982, с. 113]. Действительно, такое впечатление может сложиться на основе опубликованного плана северной части могильника [Там же, рис. 1]. Однако в 2024 г. в ходе подготовки к монографическому изданию материалов могильника Камень-2 в архивах Алтайского государственного педагогического университета был обнаружен инструментальный план от 07.08.1975 г. южной части могильника с привязками четырех курганов северной группы, подготовленный геодезистом в отряде А.П. Уманского. Выполненный авторами на этой основе сводный план могильника Камень-2 демонстрирует довольно сложную структуру памятника.

Если учитывать все видимые насыпи, то в западной части могильника вычленяется прерывистая, неровная цепочка из 16 курганов протяженностью ок. 1 200 м с элитным кург. 4 (диаметр 30,5 м, высота 1,8 м) в центральной части. Однако, кург. 4 не относится к каменской культуре, и, вероятно, более ранний****.

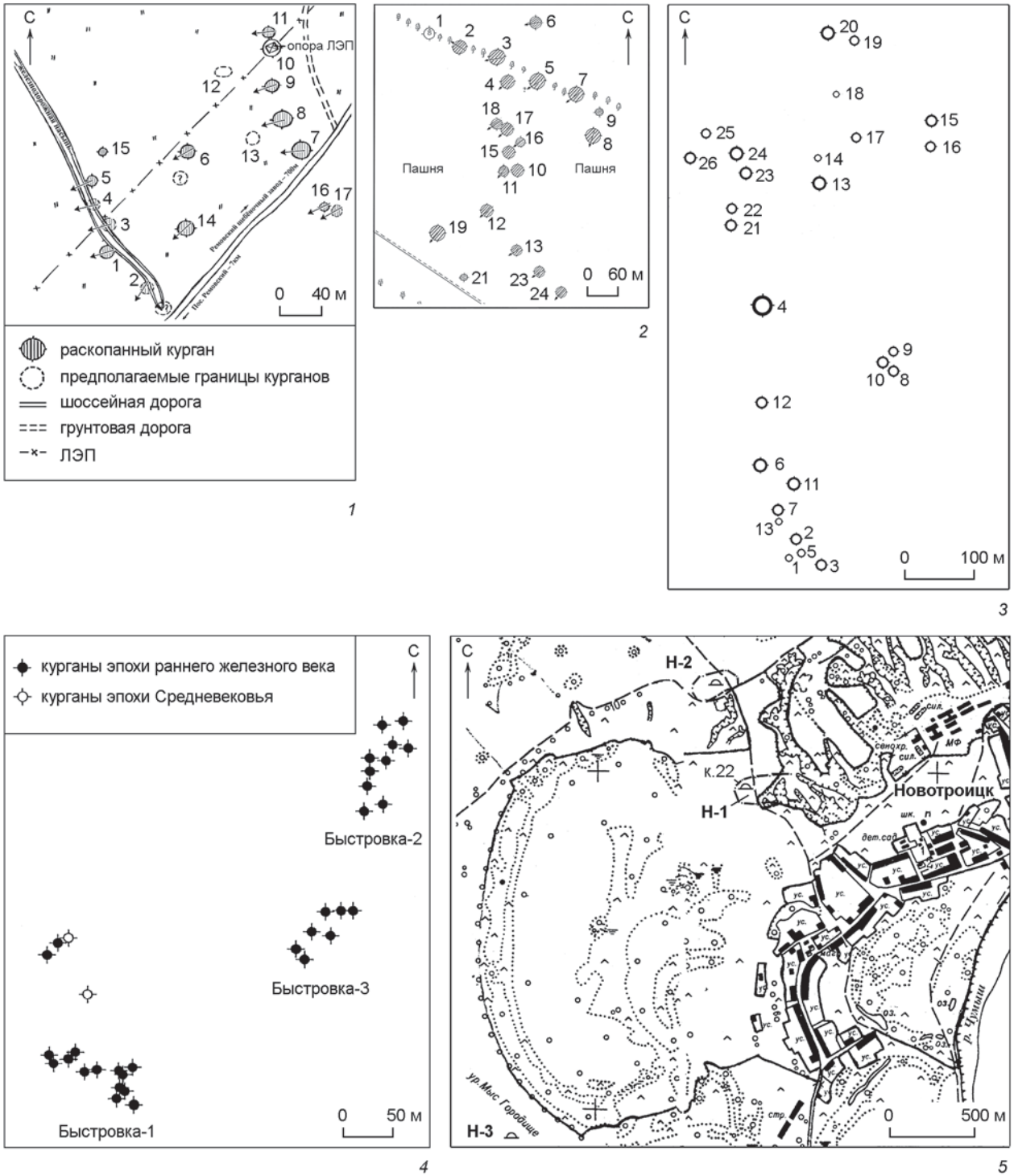
---

* Три «неправильные цепочки» отмечались и на могильнике Леонтьевка, хотя по опубликованному плану это не столь очевидно [Арсланова, 1962, с. 77, табл. I].

** Могильник Новотроицкое-3 находится на более значительном удалении, примерно в 2,5 км к ЮЮЗ от Новотроицкого-1. Тем не менее наличие хронологически близкого, столь же крупного (в 1956 г. там было зафиксировано 28 курганных насыпей) могильника на одном «пятачке» [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 132–133] позволяет предполагать взаимосвязь всех трех могильников, расположенных у с. Новотроицкое.

*** Раскопки могильника проводились преимущественно силами студентов Барнаульского государственного пединститута под руководством А.П. Уманского и В.А. Могильникова. Археологические отчеты по работам в 1974–1976 гг. в ОПИ ИА предоставлялись от имени В.А. Могильникова. При этом отчеты по работам 1974 и 1975 гг. готовились совместно с А.П. Уманским.

**** По устройству курган может быть отнесен к сооружениям с шатровой конструкцией, предположительно VI–V вв. до н.э. Ко времени появления каменских курганов он, видимо, уже находился на террасе, являясь в этой местности самым заметным крупным сакральным объектом. В этом случае мощная насыпь кург. 4 послужила основой для создания могильника каменской культуры.

Планы могильников каменской культуры (по: [Шульга, 2003, рис. 1; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, рис. 1; Бородовский, 2009, рис. 3; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 2]).

1 – Локоть-4а; *2* – Рогозиха-1; *3* – Камень-2; *4* – Быстровка-1–3; *5* – Новотроицкое-1–3.

С учетом этих данных планиграфия могильника выглядит иначе. Собственно курганы каменской культуры на могильнике Камень-2 образуют две почти равные группы, отстоящие к югу и к северу от кург. 4 примерно на 110–170 м. Расстояние между группами ок. 300 м (см. *рисунок*, *3*). Южная группа из 11 курганов, включала неупорядоченную меридиональную цепочку из девяти курганов, протянувшуюся на 270 м и расположенную в 200–250 м к СВ от звена из двух курганов (8, 9). Северная группа из 13 курганов включала как бы продолжение меридиональной цепочки из шести курганов, протянувшихся на 160 м, а также еще семь насыпей, расположенных к востоку и северо-востоку на большой площади (примерно 200 × 230 м).

Сравнительный анализ северной и южной групп каменских курганов позволил выявить между ними и внутренние различия.

1. Различия курганов по диаметру и наличию ровиков. В южной группе из 10 курганов каменской культуры два относятся по диаметру к малым (11–12 м) и восемь курганов – к средним (14–20 м). При этом сравнительно крупных (ок. 20 м диаметром) всего два (кург. 6 и 11). В северной группе малых курганов значительно больше (5), но вдвое больше и сравнительно крупных (кург. 15, 20, 23, 24). Кольцевые ровики по периметру насыпей в южной группе отмечены только у кург. 1. В северной группе ровики имеются у семи курганов, в основном находящихся компактно в западной части. Нужно отметить, что реальные отличия по этим параметрам могли быть не столь значительны. Судя по расположению могил, в южной группе раскопы на некоторых курганах со слабо различимыми насыпями оказались несколько меньше их первоначального диаметра. По этой причине в данных случаях диаметр насыпи мог быть занижен, а кольцевые ровики оказаться за рамками раскопа. Тем не менее, нет сомнений, что различия по указанным параметрам между группами имели место.

2. Различия по длине могил и половозрастному составу умерших. В южной группе выявлено большое количество малых могил длиной от 1 м до 1,5–1,7 м с захоронениями детей (ок. 23), тогда как в северной таких зафиксировано всего 6. Иными словами, в северной группе курганов детей погребали редко, а в южной они составляли не менее трети умерших. Различия по длине могил взрослых были незначительны. В обеих группах почти все могилы укладываются в промежуток 2,2–2,7 м с пиками на 2,2 м и 2,5 м. Погребений более высокого ранга (могилы длиной ок. 3 м) также одинаково – по шесть в каждой группе.

3. Различия в планиграфии и количестве могил наиболее выражены. Достаточно сказать, что в южной группе в большинстве курганов (6) находилось от 7 до 13 погребений, тогда как в северной – имелся лишь один курган (20) с 7 погребениями. В остальных курганах северной группы находилось от 1 до 5 погребений. Планировка могил в южной группе достаточно сложная и соответствует основным типам каменской культуры. В северной группе планировка проще. В четырех курганах имелось по одной могиле. В остальных курганах отмечается линейное расположение 2-3 могил, иногда дополненных пристроенными с ЮЗ 2-3 могилами.

4. Инвентарь. В большинстве погребений северной и южной групп представлены одинаковые категории инвентаря: каменные алтарики, глиняные курильницы, глиняные и каменные пряслица, железные ножи, оселки, серьги и заколки. На этом фоне выделяется лишь воинское погр. 5 в крупной могиле кург. 15 северной группы, с оружием, наборным поясом и конским снаряжением. Заметные различия видны в керамических сосудах, хотя большинство из них в обеих группах относится к «кувшиновидным». В южной группе кувшиновидные сосуды имели плоское или уплощенное дно, тогда как в северной встречены сосуды с округлым дном. Там же больше сосудов баночной формы [Могильников, Куйбышев, 1982, рис. 6, *15*; 7, *5*, *6*, *9*] и имеются горшковидные [Там же, рис. 2, *4*; 7, *1*]. Различаются и единичные формы: в южной обнаружен бочонковидный сосуд, а в северной – сосуд со сливом и отверстиями для подвешивания.

5. Некоторые различия можно отметить в особенностях погребального обряда, но эти данные требуют уточнения.

Несмотря на указанные различия, северная и южная группы курганов могильника Камень-2 относятся к одной культуре и датируются по инвентарю в рамках IV–III вв. до н.э.

Результаты и выводы

Выявленное на могильнике Камень-2 разделение курганов на две группы явление не единичное. Наибольшее сходство обозначенные выше особенности могильника Камень-2 имеют с Новотроицким некрополем. 1) Могильники Новотроицкое-1 и Новотроицкое-2, также в какой-то период одновременно функционировали на одной площадке высокой речной террасы. 2) Располагались в меридиональном направлении относительно друг друга на расстоянии 300–400 м. 3) В каждом зафиксировано почти одинаковое количество курганов каменской культуры: 29 в южном Новотроицкое-1 и 28 в северном Новотроицкое-2 [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 8, 10, рис. 1–3]. 4) В погребальном обряде и инвентаре Новотроицких могильников 1 и 2 зафиксированы явные специфические особенности [Там же, с. 134–135, 143]. На каждом из этих могильников погребали своих родственников разные коллективы. Новотроицкое-1 было устроено на месте ирменского могильника. Судя по размерам могил и инвентарю, статус погребавшихся там людей был существенно ниже, чем в Новотроицком-2, а в погребальном обряде и инвентаре прослеживается связь с тагарской лесостепной культурой. Набор сопроводительного инвентаря в Новотроицком-1 скромный: почти нет оружия, и в несколько раз реже помещались железные ножи и золотые изделия. В северном могильнике Новотроицкое-2, помимо рядовых общинников, погребались представители элитных родов (семейств), статус которых предполагал более значительные размеры могил и сравнительно богатые инвентарь и оружие. Из курганов Новотроицкого-2 происходят все замечательные железные чеканы с художественно оформленными обушками, единственное копье, импортные индийские зеркала и бронзовые котлы, все оселки и колчанные бляхи, а также большая часть костыльков, крючков и ножей.

Существенное сходство прослеживается и с Быстровским некрополем, находящимся в 100 км к СЗ от с. Новотроицкое. На общем плане Быстровского некрополя выделяется три могильника (Быстровка-1–3), расположенные друг от друга на расстоянии ок. 400 м и 200 м (см. *рисунок*, *4*) [Бородовский, 2002, рис. 49; 2009, рис. 3]. По опубликованным данным, наиболее ранним из них является Быстровка-1, самым поздним – Быстровка-3 [Дураков, Мжельская, 1995], а Быстровка-2 занимает промежуточное положение [Бородовский, 2009, с. 33]. Допускается, что в многомогильных курганах подхоронения могли совершаться длительное время, а в определенный период захоронения производились параллельно на всех трех или на двух могильниках [Бородовский, 2002, с. 182].

Можно полагать, что в рамках V–III вв. до н.э. в Новотроицком и Быстровском некрополях одновременно функционировали по меньшей мере по два кладбища (Новотроицкое-1, -2 и Быстровка-1, -2). Подобную ситуацию мы наблюдаем и на могильнике Камень-2, где сосуществовали два кладбища. Судя по значительно большему количеству и упорядоченности погребений в курганах южной группы, захоронения в ней производились более продолжительное время. Малое количество погребений под насыпями северной группы и неразвитость планировочных схем в рамках курганов, вероятно, указывают на незавершенность их формирования. Таким образом, материалы могильника Камень-2 подтверждают предположение о существовании у каменцев обычая устраивать и использовать сразу несколько обособленных кладбищ на ограниченном участке.

Список литературы

Арсланова Ф.Х. Могильник ранних кочевников на правобережье Иртыша // Изв. АН КазССР. – 1962. – № 2 (19). – С. 77–93.

Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. – Новосибирск: Науч.-произв. центр по сохр. ист.-культур. наследия Новосиб. обл., 2002. – 208 с.

Бородовский А.П. Традиционные и естественнонаучные методы датирования погребальных комплексов (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа). – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2009. – 92 с.

Дураков И.А., Мжельская Т.В. Исследования могильника Быстровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. – Новосибирск: Бриарей, 1995. – С. 47–65.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М.: [б.и.], 1997. – 196 с.

Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. – 1982. – № 2. – С. 113–134.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 204 с.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). – Барнаул: Азбука, 2008. – 479 с.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 204 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – 329 с.

References

Arslanova F.K. Mogil’nik rannikh kochevnikov na pravoberezh’e Irtysha. *Izvestiya AS KazSSR*, 1962. No. 2 (19). P. 77–93. (In Russ.).

Borodovskii A.P. Arkheologicheskie pamyatniki Iskitimskogo raiona Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvennyi tsentr po sokhraneniyu istoriko-kul’turnogo naslediya Novosibirskoi oblasti, 2002. 208 p. (In Russ.).

Borodovskii A.P. Traditsionnye i estestvennonauchnye metody datirovaniya pogrebal’nykh kompleksov (po materialam Bystrovskogo nekropolya epokhi rannego zheleza. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2009. 92 p. (In Russ.).

Durakov I.A., Mzhelskaya T.V. Issledovaniya mogil’nika Bystrovka-3. In *75 let Novosibirskomu oblastnomu kraevedcheskomu muzeyu*. Novosibirsk: Briarei, 1995. P. 47–65. (In Russ.).

Frolov Y.V. Pogrebal’nyi obryad naseleniya Barnaul’skogo Priob’ya v VI v. do n.e. – II v. n.e. (po dannym gruntovykh mogil’nikov). Barnaul: Azbuka, 2008. 479 p. (In Russ.).

Mogilnikov V.A. Naselenie Verkhnego Priob’ya v seredine – vtoroi polovine I tysyacheletiya do n.e. Moskva: [s. n.], 1997. 196 p. (In Russ.).

Mogilnikov V.A., Kuibyshev A.V. Kurgany «Kamen’ II» (Verkhnee Priob’e) po raskopkam 1976 g. *Sovetskaya arkheologiya*, 1982. No. 2. P. 113–134. (In Russ.).

Shul’ga P.I. Mogil’nik skifskogo vremeni Lokot’-4a. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2003. 204 p. (In Russ.).

Shul’ga P.I., Umanskii A.P., Mogil’nikov V.A. Novotroitskii nekropol’. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2009. 329 p. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Borodovskii A.P. Bol’sherechenskaya kul’tura lesostepnogo Priob’ya. Novosibirsk: Nauka, 1994. 184 p. (In Russ.).

Umanskii A.P., Shamshin A.B., Shulga P.I. Mogil’nik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezh’e Obi. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2005. 204 p. (In Russ.).

Шульга П.И. https://orcid.org/0000-0001-5820-1743
Головченко Н.Н. https://orcid.org/0000-0002-1498-0367

Дата сдачи рукописи: 24.07.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0854-0860
УДК 903.25

П.И. Шульга[1]✉, Н.Н. Головченко[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

Пояса скифского времени с раковинами каури в Верхнем Приобье

В статье анализируются материалы из захоронений V–III вв. до н.э. с раковинами каури каменской культуры в Верхнем Приобье (Новосибирская обл. и Алтайский край, Россия) и пазырыкской культуры в Горном Алтае (Республика Алтай). Вводятся в научный оборот данные по поясу с раковинами каури из кург. 15 могильника Камень-2. В ареале каменской культуры авторами учтено 12 погребений с раковинами каури и одно с их имитациями. В Горном Алтае выявлено 11 погребений пазырыкской культуры с раковинами каури. Более 25 погребений с раковинами скифского времени учтено в Туве. Установлено, что в Южной Сибири раковины в большинстве случаев украшали пояса, а не одежду, ожерелья и браслеты, как это было в западной части скифского мира. При этом наибольшее количество раковин находилось на поясах воинов-мужчин, зачастую вооруженных чеканом и стрелами, с нагайкой и/или деталями конского снаряжения. Интересно, что во всех упомянутых культурах на этой территории наблюдаются отдельные места концентрации погребений с раковинами каури, тогда как в большинстве могильников они не встречаются. Феномен массового распространения (предположительно с IV в. до н.э.) поясов с раковинами каури в Южной Сибири пока не имеет объяснения. Возможно, это как-то связано с Северным Китаем, откуда поступали раковины. Выполнена достоверная реконструкция пояса из могильника Камень-2 с двумя железными пластинами-пряжками, украшенного в один ряд 35 раковинами каури. Благодаря уникальной сохранности взаиморасположения этих деталей установлена и длина пояса с пряжками, составлявшая примерно 90 см. Помимо этого на материалах каменских и пазырыкских погребений выявлены пояса, украшенные двумя рядами каури, но в иной системе, чем на хуннских поясах.

Ключевые слова: *раковины каури, воинские пояса, погребения, скифское время, каменская культура, пазырыкская культура, Верхнее Приобье, Горный Алтай, Тува.*

P.I. Shulga[1]✉, N.N. Golovchenko[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russia
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

Scythian Belts with Cowrie Shells from the Upper Ob Region

The article addresses archaeological materials from burials dated to the 5th–3rd centuries B.C. with cowrie shells of the Kamen Culture in the Upper Ob Region (the Novosibirsk Region and the Altai Region, Russia) and the Pazyryk Culture in the Altai Mountains (the Altai Republic). The authors present the data on a belt with cowrie shells from mound 15 of the Kamen-2 burial ground. In total, 12 burials with cowrie shells and one tomb with shell imitations were located in the distribution area of the Kamen Culture. In the Altai Mountains, 11 burials of the Pazyryk Culture with cowrie shells have been identified. More than 25 burials with shells from the Scythian period have been recorded in Tuva. It has been established that in Southern Siberia, shells were mostly used in decorations of the belts, rather than clothes, necklaces and bracelets, which tradition was typical for the western part of the Scythian Realm. Moreover, the largest number of shells were noted on the belts of male warriors, often armed with a pollaxe and arrows, with a whip and (or) elements of horse harness. It is interesting that separate places of concentration of burials with cowrie shells were identified in all the mentioned cultures in this region, while the tombs with cowrie shells have not been recorded in most of other burial grounds. The phenomenon of broad distribution (presumably from the 4th century B.C.) of belts with cowrie shells in Southern Siberia has no explanation yet. Perhaps it is somehow linked with Northern China, from where the shells were imported. A reliable reconstruction of a belt from the Kamen-2 burial ground with two iron buckle plates, decorated with a line of 34 cowrie

shells, is proposed. Thanks to the unique preservation of the relative position of these elements, the length of the belt with buckles was estimated in the range of 90 cm. In addition, belts decorated with two rows of cowries were identified among the grave goods of the Kamen and Pazyryk burials, but the decoration pattern was different from the ornamentation of the Xiongnu belts.

Keywords: *cowrie shells, military belts, burials, Scythian period, Kamensk culture, Pazyryk culture, Upper Ob Region, Altai Mountains, Tuva.*

Введение

Произошедшие в первой половине VI в. до н.э. коренные изменения культурного облика населения Южной Сибири нашли свое отражение и в поясной фурнитуре. К наиболее известным и часто встречаемым деталям пояса относятся накладные бляшки из бронзы и железа V–III вв. до н.э. Помимо этого, на территории Южной Сибири пояса в скифское время украшали раковинами каури. В последние годы в научный оборот был введен значительный блок информации о распространении и способах использования раковин каури в степной зоне Евразии (см.: [Трейстер, 2021; Ясаков, 2022; Ожередов, 2022; и др.]). На фоне этого материала отчетливо проявилась специфика использования каури в скифоидных культурах Южной Сибири. Проведенный авторами анализ погребений каменской, пазырыкской и уюкско-саглынской культур Верхнего Приобья, Горного Алтая и Тувы позволил сделать вывод о широком распространении на этой территории обычая украшать пояса воинов-мужчин раковинами каури. По ряду причин эта тема не привлекала внимания исследователей, а единственная реконструкция пояса из могильника Камень-2 опубликована с ошибками в схематичном виде, без масштаба и описания [Добжанский, 1990, табл. VIII, *2*]. Причина тому – недостаток информации [Могильников, Куйбышев, 1982, с. 117]. Неудивительно, что обращавшиеся к этому материалу специалисты не смогли понять устройство пояса из Камня-2. В одной из работ сделано заключение о наличии на данном поясе не двух, а *четырех* железных блях [Добжанский, 1990, с. 24, табл. VIII, *2*], а в другой – о наличии не одного, а *двух* рядов раковин [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 115].

Полученные авторами материалы по погр. 5 в кург. 15 могильника Камень-2 позволяют впервые ввести в научный оборот достоверные данные о воинском поясе скифского времени, украшенном раковинами каури.

Материалы

В ареале каменской культуры на территории Новосибирской обл. и Алтайского края авторами учтено 12 погребений с раковинами каури и одно с их имитациями.

Наиболее информативной и значимой находкой является пояс из могильника каменской культуры Камень-2, исследованного в 1974–1976 гг. в 2 км к ЮВ от г. Камень-на-Оби Алтайского края [Могильников, Куйбышев, 1982]. Пояс находился в «рабочем» положении чуть выше тазовых костей мужчины в погр. 5 кург. 15 и входил в состав почти полного комплекса вооружения. У правой бедренной кости мужчины находились железный чекан и нагайка, а у левой ноги – остатки колчана с бляхой и крючком (рис. 1, *В*). В погребении также обнаружены редко встречающиеся в каменской культуре детали уздечки и седла. Курган 15 публиковался в составе материалов северной группы могильника Камень-2, но из предельно краткого описания пояса [Там же, с. 117] достоверно понять его устройство не представлялось возможным.

Значимые данные были получены и на могильнике Новотроицкое-2. Раковины каури зафиксированы в мог. 2 и 9 у воинов в кург. 18. Как и в Камне-2, на поясе каждого мужчины с правой стороны крепился железный чекан, рядом или неподалеку находилась и нагайка (рис. 2, *А*, *Б*).

Наиболее высокая концентрация каури наблюдалась в могильнике Рогозиха-1. Там раковины обнаружены в пяти могилах кург. 3, 4, 7 и 8, расположенных в восточной части одной цепочки [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, рис. 1, *3*]. При этом в кург. 7 каури найдены в двух могилах (2 и 8) [Там же, с. 103–104].

Помимо описанных выше погребений, раковины каури в количестве от 1 до 4 экз. зафиксированы еще в четырех захоронениях каменской культуры на трех могильниках: Новом Шарапе-2 – 4 раковины при скелете женщины (кург. 1, мог. 10) и 2 раковины в районе груди подростка с оружием (кург. 2, мог. 5) [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 118, 119]; Новотроицком-2 (кург. 7, мог. 4) – 1 раковина в 20 см от плеча женщины [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 85]; Кирилловке-3 (кург. 9) – одна раковина находилась в районе шейных позвонков женщины [Могильников, Телегин, 1992, с. 114].

Результаты и выводы

Способы использования раковин каури. Суммируя имеющиеся данные по захоронениям каменской культуры, можно определить основные способы использования раковин каури. Раковины достоверно находились вместе с железными пластинами на поясном ремне в кург. 15 (см. рис. 1, *А*), и, судя по расположению, украшали пояса в двух погребениях в Новотроицком-2 (см. рис. 2, *А*, *Б*) и в одном погре-

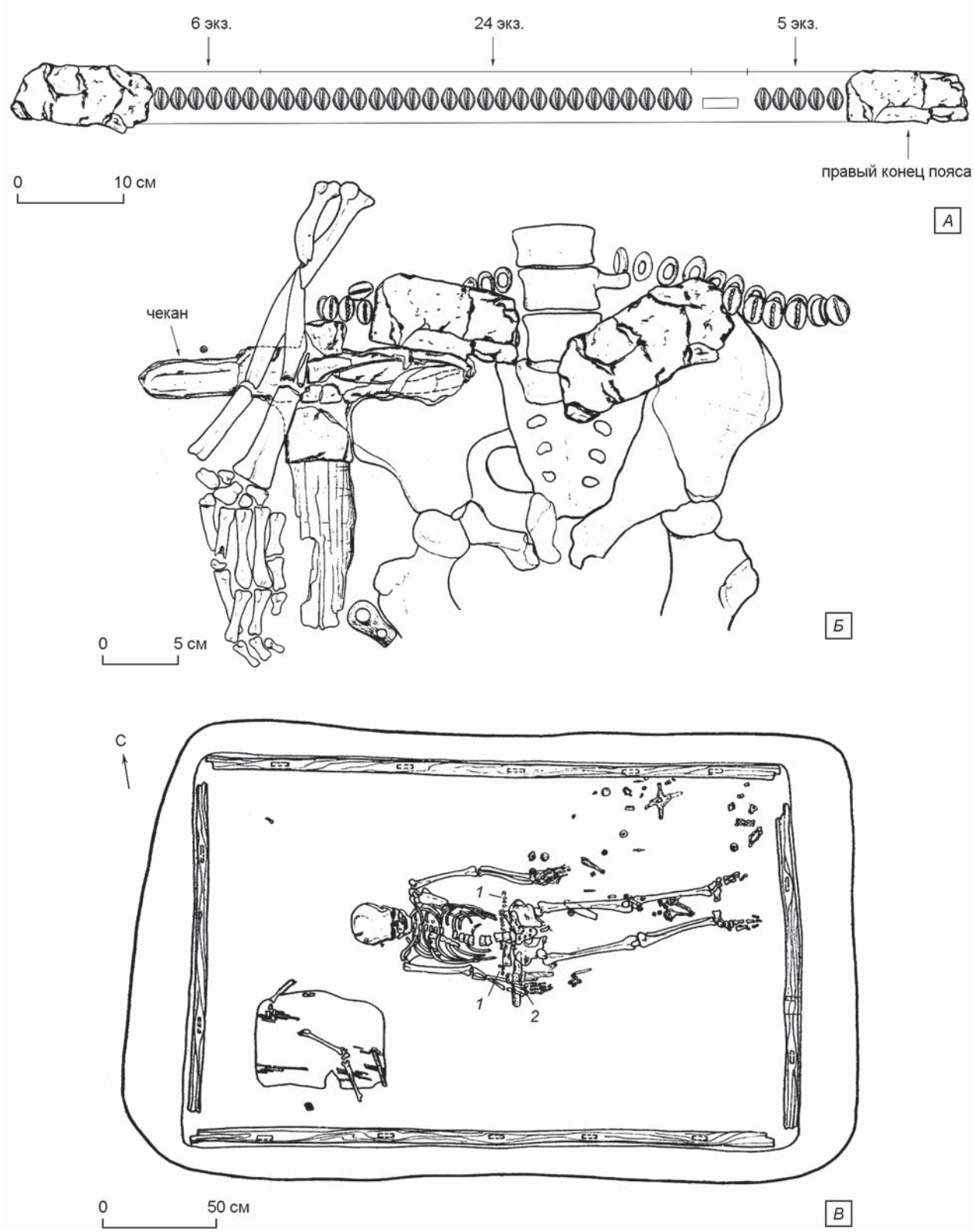

Рис. 1. Погребение воина с поясом в кург. 15 могильника Камень-2.

А – реконструкция пояса с двумя железными пластинами и 35 раковинами каури; *Б* – прорисовка деталей пояса и чекана в районе тазовых костей воина; *В* – план погр. 5 кург. 15: *1* – раковины каури, *2* – чекан.

Б, *В* – по: В.А. Могильников, А.В. Куйбышев «Отчет о работах в зоне строительства Кулундинского магистрального канала и Кулундинской оросительной системы в 1976 году». М., 1976 г., рис. 15, 18.

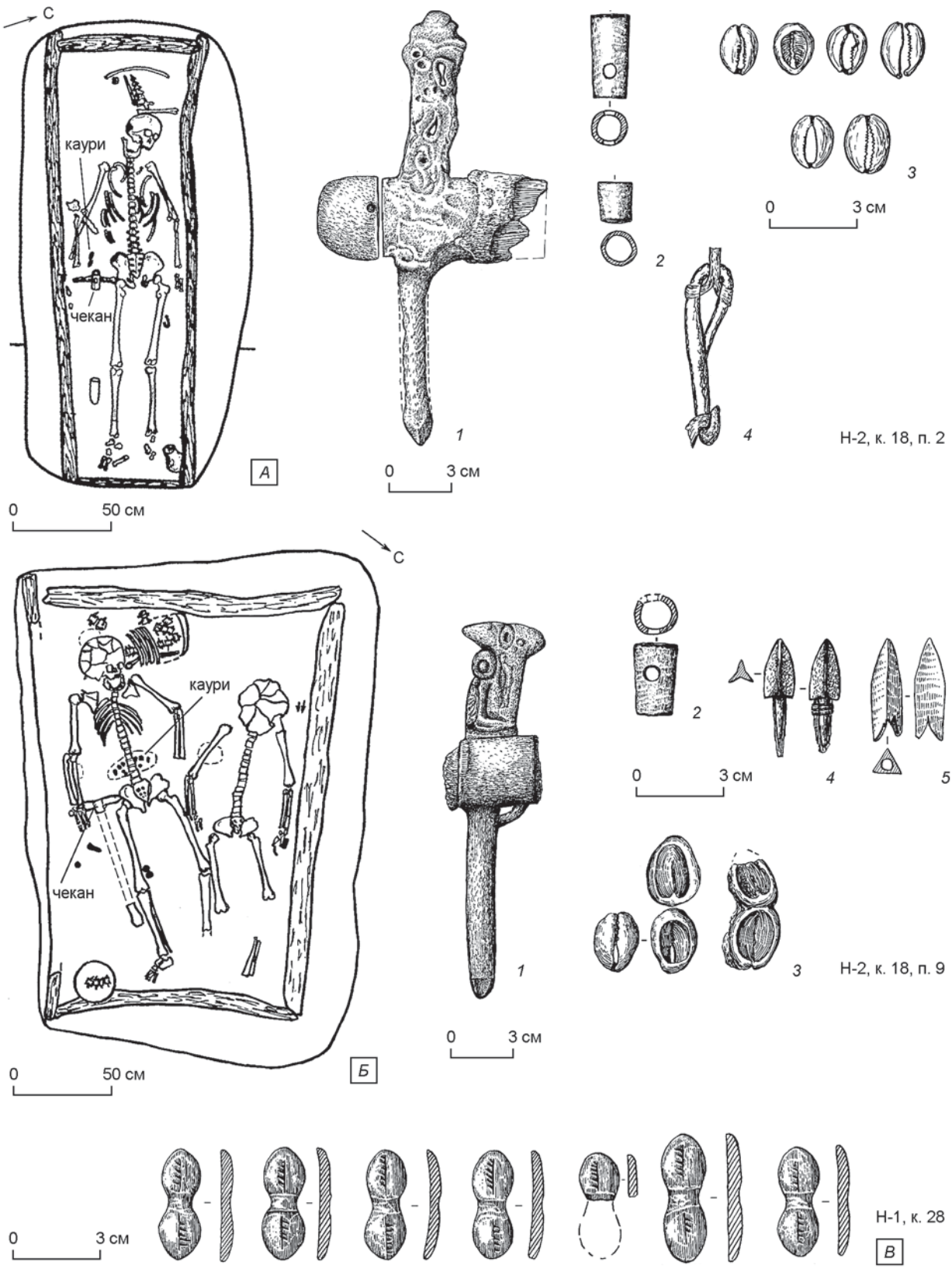

Рис. 2. Погребения каменской культуры с раковинами каури (по: [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 41, 86, 87, 92, 93]).

А – план погр. 2 кург. 18 могильника Новотроицкое-2: *1*– железный чекан, *2* – роговые детали нагайки, *3* – раковины каури, *4* – железный колчанный крючок; *Б* – план погр. 9 кург. 18 могильника Новотроицкое-2: *1* – железный чекан, *2* – роговой набалдашник нагайки, *3* – раковины каури, *4* – железный наконечник стрелы, *5* – роговой наконечник стрелы; *В* – роговые имитации парных раковин каури из кург. 28 могильника Новотроицкое-1.

бении из Рогозихи-1. Во всех этих четырех погребениях мужчины с поясами были вооружены, при этом в трех случаях в могиле помимо чекана находилась нагайка, а в двух – и детали конского снаряжения. Вполне вероятно, что подобный пояс имелся и в разграбленном погребении воина из Рогозихи-1 (кург. 7, мог. 8), погребенного с чеканом и конским снаряжением. В четырех случаях по 1–4 каури находились в женских захоронениях, и в одном – с мальчиком-подростком. Установить изначальное положение каури на умерших в этих погребениях не представляется возможным. Особое положение занимает захоронение двух мужчин с имитациями каури в Новотроицком-1 (кург. 28), где роговые пластинки были намеренно уложены в разных местах могилы (см. рис. 2, *В*). В этом их расположение подобно размещению бронзовых поясных накладок в некоторых захоронениях из таежной зоны на Ангаре, когда накладки использовались в поминальных обрядах.

Дополнительные материалы по нашей теме имеются в соседней пазырыкской культуре. Раковины каури найдены там в семи погребениях центральной и юго-восточной частей ареала (Шестой пазырыкский курган, Уландрык-1, Юстыд-12, Ак-Алаха-1, Катанда-3, Боротал-1) и в четырех погребениях западной части ареала в бассейне р. Чарыш (Черемшанка-1, Ханхаринский Дол, Покровский Лог-5). Из них наибольший интерес представляет погребение на Укоке (Кош-Агачский р-н Республики Алтай), в северной колоде кургана Ак-Алаха-1. Там в районе пояса молодого мужчины, вооруженного чеканом, кинжалом и луком со стрелами, находилось 35 раковин каури, которые «могли служить его нашивными украшениями», как и в Камне-2 [Полосьмак, 1994, с. 37].

На основании данных из приведенных выше 23 погребений следует, что на Верхней Оби и в Горном Алтае в V–III вв. до н.э. раковины каури, как правило, использовались для украшения поясов воинов-мужчин. В захоронениях женщин и детей единичные каури могли украшать одежду, служить подвесками или помещаться в сумочки. Следует добавить, что в ареале быстрянской культуры в погребении из кург. 4 «Быстрянского могильника», семь раковин каури украшали браслет на кисти левой руки женщины [Завитухина, 1966, с. 66]. Возможно, этот способ использования каури в Южной Сибири был распространен шире, но достоверных подтверждений тому пока нет.

Расположение каури на поясе было основным и в Туве, на что указывают многочисленные случаи их нахождения в районе тазовых костей. При этом в некоторых могильниках также отмечается повышенная концентрация каури. Показательно, что в срубе 26 могильника Суглуг-Хем-1 пояса с раковинами каури имелись у двух воинов и ребенка [Семенов, 2003, с. 20–21].

Реконструкция поясов с раковинами каури. Несмотря на сравнительно большое количество случаев (не менее 50) обнаружения раковин каури в районе пояса в погребениях скифского времени Верхней Оби, Горного Алтая и Тувы, нет ни одной достоверной реконструкции*.

В ходе подготовки к изданию материалов могильника Камень-2, авторы получили доступ к Отчету по раскопкам 1976 г.** с чертежами планов погр. 5 из кург. 15 (см. рис. 1, *В*) и качественно прорисованными деталями пояса (см. рис. 1, *Б*). На костях таза хорошо видны две железные прямоугольные пластины размерами ок. 12–13 × 5 см. Правосторонняя пластина сохранила первоначальное положение, а левосторонняя чуть сместилась передним концом «вниз» на крестец. При погребении пластины почти соприкасались, т.е. концы пояса были стянуты не сохранившимися шнурками. Непосредственно от пластин в стороны отходили расположенные в один ряд раковины каури, украшавшие пояс на всем его протяжении, включая участок пояса под костями человека. Несмотря на процессы археологизации, раковины верхнего ряда справа и слева от пластин не распались в стороны, но опустились вниз без изменения своего первоначального положения относительно пластин и костей умершего. Можно полагать, что они крепились на ремне из толстой и прочной кожи, долгое время сохранявшем свою форму. По этой причине верхние части пояса по краям постепенно опустились на нижнюю часть ремня вместе с нашитыми на него раковинами. Находившийся под костяком ряд раковин полностью остался лежать в изначальном положении вверх срезанными спинками (см. рис. 1, *Б*), что хорошо видно и на фото в Отчете.

Собственно поясной ремень не сохранился, но ширина его устанавливается по железным пластинам. Судя по двум поясам из могильников Новотроикое-1 и Новотроицкое-2, ширина пояса примерно равнялась ширине пластины. Этот факт был установлен по расположению на пластинах отверстий для пришивания и ожелезненным остаткам ремня [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 160–162]. Соответственно, ширина пояса из погр. 5 равнялась ширине находившихся на нем пластин – ок. 5 см. За пределами пластин

---

* Схематичная реконструкция пояса из Камня-2 опубликована с ошибками без масштаба и описания [Добжанский, 1990, табл. VIII, *2*]. Помимо этого, раковины каури присутствуют на схематичной реконструкции костюма «нобеля» из Суглуг-Хема-1 [Семенов, 2003, табл. 112, *2*]. Однако раковины на его поясе (ок. 8 экз. из найденных 20) изображены только на свисающих концах пояса (завязках?), что маловероятно. Места нахождения остальных раковин на рисунке не показаны. Подробное описание расположения каури и поясных изделий из золотой фольги в тексте отсутствует [Там же, с. 20–21].

** В.А. Могильников, А.В. Куйбышев «Отчет о работах в зоне строительства Кулундинского магистрального канала и Кулундинской оросительной системы в 1976 году». М., 1976 г. (далее – Отчет).

ремень украшался плотно нашитыми по центру в один ряд раковинами каури в количестве 34–35 экз.*

Спереди раковины нашивались, начиная непосредственно от пластин. От левосторонней бляхи отходило 6 раковин (длина отрезка до 10 см), и далее ряд продолжался на спину без явных разрывов (см. рис. 1, *А*, *Б*). От правосторонней бляхи отходило 5 раковин (длина отрезка до 9 см). Затем, судя по фото, на поясе справа имелся промежуток длиной 4–5 см без раковин, где должна была крепиться петля для подвешивания чекана. Далее, участок пояса на спине украшался плотно без разрывов нашитыми раковинами (24 экз.), лежавшими оборотными сторонами вверх. Если учесть ширину раковин (ок. 15 мм) и естественные зазоры между ними в 2–3 мм, то длина этого участка на спине составляла примерно 41 см. Помимо этого, ок. 25 см занимал участок с пластинами и завязками. Таким образом, примерная фиксируемая по плану и фото длина затянутого пояса в «рабочем» положении с бляхами составляла ок. 90 см: 1) длина переднего (верхнего) участка пояса вместе с пластинами равнялась примерно 45 см; 2) длина украшенного каури нижнего участка на спине и левом боку – 41 см; 3) расположенный между ними зазор под петлю чекана – 4–5 см**. Все раковины каури крепились срезанной уплощенной спинкой к поясному ремню, а лицевой стороной с щелевидным отверстием – наружу. При этом узкие концы всех раковин были обращены вверх. Железные пластины, «сильно поврежденные коррозией», детально не расчищались. Судя по размерам, конфигурации и расположению, опубликованный экземпляр [Могильников, Куйбышев, 1982, рис. 4, *1*] (см. рис. 1, *А*, *Б*) может быть подобен поясной пластине из Новотроицкого-1 (кург. 15, мог. 1), имевшей отверстия по углам для пришивания и петлю на оборотной стороне [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 21, *1*]. Планируемая расчистка пластин от коррозии, вероятно, позволит восстановить и систему завязок.

Следует добавить, что, помимо поясов с одним продольным рядом раковин типа найденного в Камне-2, имелись пояса с двумя рядами, располагавшимися парами вразрядку. Остатки такого пояса зафиксированы в кург. 18 могильника Новтроицкое-2 [Там же, с. 115] (см. рис. 2, *Б*, *3*). Такое же расположение предполагалось и на роговых имитациях в кург. 28 могильника Новотроицкое-1 [Там же, рис. 41] (см. рис. 2, *В*). При этом раковины в парах располагались поперек ремня узкими концами в разные стороны. Судя по сравнительно небольшому количеству раковин и их расположению по всей площади нахождения пояса в кург. 18, они крепились к ремню вразрядку как спереди, так и со спины. Расположение раковин каури (или их имитаций) известно на поясах культуры хунну (сюнну), однако располагались они иначе.

Феномен массового распространения (предположительно с IV в. до н.э.) поясов с раковинами каури в Южной Сибири пока не имеет объяснения. Возможно, это как-то связано с Северным Китаем, откуда поступали раковины. Судя по наличию сравнительно поздних (III–II вв. до н.э.) погребений с каури в Туве, эта традиция сохранялась там до распространения хуннской культуры. В какой степени пояса с каури хуннов были связаны с более ранними поясами из Сибири и с поясами Северного Китая, задача предстоящих исследований.

* В тексте Отчета и статье от 1982 г. отмечено наличие 30 экз. каури [Могильников, Куйбышев, 1982, с. 117], однако помещенная в Отчете фотография и качественный рисунок позволили уточнить количество раковин.

** В целом это совпадает с современными стандартами. Охват талии мужчины ростом ок. 170 см, нормального сложения без учета одежды может составлять ок. 80 см.

Благодарности

Авторы выражают признательность сотрудникам Научно-отраслевого архива ИА РАН, оказавшим содействие в получении электронной копии отчета В.А. Могильникова, А.В. Куйбышева 1976 г.

Список литературы

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1990. – 164 с.

Завитухина М.П. Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. – 1966. – Вып. 8. – С. 61–77.

Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. – 1982. – № 2. – С. 113–134.

Могильников В.А., Телегин А.Н. Кирилловка III – могильник эпохи раннего железа на севере Кулунды // Вопр. археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: [б.и.], 1992. – С. 107–120.

Ожередов Ю.И. Раковина каури в культурах мира (по материалам археологии и этнографии) // Народы и религии Евразии. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 100–141.

Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.

Семенов В.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2003. – 240 с.

Трейстер М.Ю. Раковины морских моллюсков в погребениях кочевников азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2021. – № 1. – С. 22–58.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 204 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – 329 с.

Ясаков В.С. Раковины Cypraea moneta (каури) в археологических памятниках Восточной Европы: распространение, классификация, использование (VIII в. до н.э. – VII в. н.э.) // Поволжская археология. – 2022. – № 4 (42). – С. 194–205.

References

Dobzhanskii V.N. Nabornye poyasa kochevnikov Azii. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 1990. 164 p. (In Russ.).

Mogilnikov V.A., Kuibyshev A.V. Kurgany "Kamen' II" (Verkhnee Priob'e) po raskopkam 1976 g. *Sovetskaya arkheologiya*, 1982. No. 2. P. 113–134. (In Russ.).

Mogilnikov V.A., Telegin A.N. Kirillovka III – mogil'nik epokhi rannego zheleza na severe Kulundy. In *Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoi Sibiri epokhi metalla*. Barnaul: [s. n.], 1992. P. 107–120. (In Russ.).

Ozheredov Y.I. Localization and chronology of cowrie shells in the world cultures (archaeological and ethnographic evidence). *Nations and religions of Eurasia*, 2022. Vol. 27. No. 4. P. 100–141. (In Russ.). doi:10.14258/nreur(2022)4-07

Polosmak N.V. "Steregushchie zoloto grify" (ak-alakhinskie kurgany). Novosibirsk: Nauka., 1994. 125 p. (In Russ.).

Semenov V.A. Sugluk-Khem i Khaiyrakan – mogil'niki skifskogo vremeni v Tsentral'no-tuvinskoi kotlovine. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. 240 p. (In Russ.).

Shulga P.I., Umanskii A.P., Mogilnikov V.A. Novotroitskii nekropol'. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2009. 329 p. (In Russ.).

Treister M.Y. Shells of Sea Molluscs from the burials of the Nomads of Asian Sarmatia in the context of trade in exotic materials in Eurasia. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2021. No. 1. P. 22–58. (In Russ.). doi:10.18503/1992-0431-2021-1-71-22-58

Troitskaya T.N., Borodovskii A.P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya. Novosibirsk: Nauka., 1994. 184 p. (In Russ.).

Umanskii A.P., Shamshin A.B., Shul'ga P.I. Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezh'e Obi. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2005. 204 p. (In Russ.).

Yasakov V.S. Cypraea Moneta (cowry) Shells in archaeological sites of Eastern Europe: Spread, Classification, Use (VIII Century BC – VII Century AD). *The Volga River Region Archaeology*, 2022. No. 4 (42). P. 194–205. (In Russ.). doi:10.24852/pa2022.4.42.194.205

Zavitukhina M.P. Kurgany u sela Bystryanskogo v Altaiskom krae (po raskopkam S.M. Sergeeva v 1930 g.). In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*. 1966. Iss. 8. P. 61–77. (In Russ.).

Шульга П.И. https://orcid.org/0000-0001-5820-1743
Головченко Н.Н. https://orcid.org/0000-0002-1498-0367

Дата сдачи рукописи: 16.07.2024 г.

ЭТНОГРАФИЯ

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0863-0868
УДК 394.21

И.Ю. Аксенова

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: a_history@mail.ru

Традиционные запреты на работу в свете трансформации народного праздничного календаря жителей Алтайского края в XX – первой четверти XXI века (по материалам этнографических экспедиций 2013–2024 годов)

В статье представлены результаты исследования вопросов бытования традиционных запретов на сельскохозяйственную деятельность и домашние работы, причины их размывания в народном праздничном календаре сельского населения Алтайского края в XX – первой четверти XXI в. Автором выявлены формы адаптации традиционных запретов, характерных для второй половины XX в.: выделение категории «колхозной работы» как работы, на которую не распространяются запреты, и «домашней работы» (уборка внутри дома, стирка, работа с землей), возникновение «компромиссов» в соблюдении запретов (нельзя работать «хотя бы до обеда»), перенос уборочных работ на удобное время и день, и пр. Показано, что нарушение традиционных запретов на работу в день Пасхи (пасхальный период) являлось инструментом манипуляций по стороны местных властей (вынужденная побелка конторы, посадка саженцев школьниками, работы в бригадах молодежи и т.д.), что было частью антирелигиозной пропаганды. Автор приходит к выводу, что до 1960–1970-х гг. в семьях соблюдали традиционные запреты на домашнюю работу в большие праздники, за чем следили представители старшего поколения. Новизна исследования заключается в том, что проблема бытования традиционных запретов в свете трансформации народного праздничного календаря впервые рассмотрена на региональных материалах (Шипуновский, Романовский, Курьинский, Мамонтовский, Алейский, Волчихинский, Краснощековский, Чарышский, Усть-Пристанский р-ны Алтайского края). В основе статьи находятся материалы этнографических экспедиций (интервью с сельскими жителями, фотографии), проводившихся автором в 2013–2024 гг., а также материалы сельской периодики.

Ключевые слова: *Традиционный праздничный календарь, традиционные запреты, сельскохозяйственные работы, формы адаптации, Алтайский край, старожилы, переселенцы.*

I.Y. Aksenova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: a_history@mail.ru

Traditional Work Ban in the Light of the Transformation of Folk Holiday Calendar of the Population of Altai Region in the 20th – first quarter of the 21st Centuries (Based on Materials from Ethnographic Expeditions of 2013–2024)

The author describes the issues of the traditional banning of agricultural activities and housework and the reasons for their blurring in the folk holiday calendar of the rural population of the Altai Territory in the 20th – first quarter of the 21st centuries. The author The adaptation forms of traditional bans that were typical for the second half of the 20th century are identified: the category of «collective farm work» as the work that is not subjected to banning, «housework» (cleaning inside the house, washing, work in the garden), the emergence of «compromises» in observing bans (one shouldn't work «at least until lunch»), rescheduling cleaning work to a convenient time and day, etc. It is shown that violation of traditional ban on working on Easter Day (Easter period) was a tool of manipulation by local authorities (forced whitewashing of offices, planting of seedlings by schoolchildren, work in youth brigades, etc.), which was a part of anti-religious propaganda. The author concludes that until the late 1960s and early 1970s, the traditional ban of housework on «big holidays» was observed in families; the older generation was watching over the tradition. The novelty of the study is that the author considers the issues of observing the traditional work ban with respect

to the folk holiday calendar transformation on regional materials (Shipunovsky, Romanovsky, Kuryinsky, Mamontovsky, Aleysky, Volchikhinsky, Krasnoshchyokovsky, Charyshsky, and Ust-Pristansky districts of the Altai). The article is based on materials from field expeditions (interviews with villagers, photographs) conducted by the author in 2013–2024 as well as materials from rural periodicals.

Keywords: *Holiday calendar, traditional bans, agricultural work, forms of adaptation, Altai Territory, old-time residents, settlers.*

В традиционном праздничном календаре потомков старожилов и переселенцев Алтая существовали общие запреты на работу в праздничные и воскресные дни – работать с землей, стирать, убираться в доме, пр. В настоящей статье акцентируется внимание на изучении бытования традиционных запретов (работа с землей, стирка, уборка в доме, прядение, пр.) в период трансформации традиционного праздничного календаря у потомков старожилов и переселенцев Алтая в XX–XXI вв. Проблема впервые рассмотрена на узкорегиональном уровне, при проведении полевых исследований применялись методы индивидуального и группового интервьюирования с потомками смешанных семей старожилов и переселенцев Алтая, а также метод включенного наблюдения.

Календарной праздничной обрядности восточнославянского населения Алтая было уделено внимание авторами: М.В. Дубровской [1996], И.В. Куприяновой [2004], В.И. Мотузной [2004], Е.В. Палевкиной [2002], Н.Г. Паньшиной [2005], М.Н. Сигаревой [2001], О.С. Щербаковой [1998], Л.А. Явновой [2023] и др. Отдельные аспекты этой темы затрагивались в работах Т.Н. Золотовой [2002], В.А. Липинской [1989], Г.В. Любимовой [2004], Е.Ф. Фурсовой [2002] и др. В публикациях содержатся факты о бытовании традиционных запретов в праздничном календаре старожилов и переселенцев, однако нет исследований, посвященных их трансформации в XX–XXI вв. на Алтае.

Подготовка к празднику, уборка всего дома традиционно проводилась к «большим праздникам» (Рождество, Пасха, Троица), считались обязательными «скобление», «шорканье» полов, мытье, позднее – побелка внутреннего убранства. В праздничный день на данные работы существовал строгий запрет. Сохранилось воспоминание о смене способов очищения внутреннего убранства (переход от «мытья дома» и скобления к побелке), что осуждалось старшим поколением: «Я помню, к Пасхе выбелишь, к Троице выбелишь. Теперь, это вот к Рождеству обязательно, что этот Новый год. Мы-то уже белили, а свекровь-то мыла. Весь дом мылся, бревна мылися, голиком шоркали, шоб они желтые были, с песком. Вот она говорила, ведь там, гыт, все изъест, это пока и потолки и всё-всё. А потом, когда стали белить, дак те-то свекровки, которы до этого то время, сказали: “Загрязнили весь дом-то! Белют, белют! Ленивые сношки пошли!”» (Щапова Н.П., 1937 г.р., с. Островное, Мамонтовский р-н, саратовские переселенцы).

Относительно 1960-х гг. встречались воспоминания о том, что уже не «все должно было быть побелено», а подбеливали только потолки: «Я помню, мама перед Пасхой всегда потолки подбеливала, полы драила. Порядок наводила от нечисти всякой, нас мыла по темну еще!» (Иванова М.С., 1956 г.р., с. Озерки, Шипуновский р-н). В связи с ограниченными физическими возможностями женщины (матери), а также отсутствием помощников – взрослых детей в семьях (отъезд детей в город, на обучение), происходит переход от побелки «всего дома» к некоторым его зонам (по одной комнате к празднику): «Всю избу – это на майские праздники, когда дети соберутся, тогда помогают. Белить – это женская работа» (Мерюнов Б.Н., 1958 г.р., г. Алейск, Алейский р-н, старожилы).

Побелка «всего дома» (а также покраска) перед праздниками постепенно теряют свою актуальность, сменяясь генеральной уборкой в 1990-е гг.: «С детства запомнила. Мы дома красили, белили дома к Паске, это 1980-е гг. К свекрови пришли жить, она всегда говорила белить, это 1989 год. А потом генеральную уборку стали делать» (Кобухова М.М., 1969 г.р., с. Волчиха, Волчихинский р-н).

Как показали полевые исследования, во второй половине XX в. стало обязательным убираться, белить перед новыми советскими праздниками (Новый год, 8 марта, 7 ноября, др.): «У нас белили к 8 марта. Там и Паска рядом, но больше к 8 Марта белили» (Панина Н.Н., 1940 г.р., с. Усть-Пристань, Усть-Пристанский р-н). «Обязательно белили к 8 Марту. К Пасхе – обязательно, к Дню Победы, Троице. Всю избу белили! Я белила по вечерам и по комнате» (Чекаданова М.А., 1950 г.р., с. Краснощеково, Краснощековский р-н, российские переселенцы).

Святки, как особый период в жизни людей, выделялся тем, что в это время, с наступлением сумерек, прекращалась любая хозяйственная работа (мытье, скобление полов, стирка, шитье) [Фурсова, 2002, с. 89]. В результате полевых опросов были зафиксированы необычные «способы нарушения» традиционных запретов на прядение в Рождество: «Да бабка у нас одна пряла в погребе на Рождество. Дак, лазила в погреб, скалку напряла. Говорит: “Такой же день! Большой день”. Грех, а она пряла... вот ей Бог и не дал! Да такой праздник и ишо тут прясть» (Путилина П.Ф., 1932 г.р., с. Гилев-Лог, Романовский р-н, рязанские переселенцы). Любопытно, что традиционные запреты на прядение в период Святок, к примеру, по мнению представителей более молодого поколения, должны были соблюдаться и в Новый год, закрепленный в СССР в 1935 г., что не поддерживалось более старшим поколением: «Какой-то мужик пришел к нам, говорит маме: “Так, а ты че делаешь-то?”. Она говорит: “Пряду”. Он: “Дык седня праздник! Новый год (1 января. – *Авт.*)!”.

А мама говорит: “Ну это ваш праздник..., а наш праздник будет 14 января!”» (Бирюкова М.И., 1932 г.р., с. Шипуново, Шипуновский р-н, вятские переселенцы).

Старшее поколение было также настроено категорично в соблюдении традиционных запретов на Крещение [Аксенова, 2023, с. 44]: «Ко мне подружка пришла, попросила сшить штаны мужу ее. Я села шить. Мама зашла: ты что делаешь! Ты не сдурела?! Сегодня же Крещение! Я отложила. Потом беру, смотрю, что-то у меня штаны слишком широкие. А я две половинки сшила задние. Мама: это тебя Бог наказал, что ты на Крещение шила. И с тех пор я стала маленько праздновать праздники. Это был 1964 год» (Жилинкова З.С., 1937 г.р., с. Новошипуново, Краснощековский р-н, старожилы).

Пасха – «царь дней», «торжество торжеств», «праздник из праздников», завершавший самый длительный и строгий Великий пост [Церковные праздники, 2011, с. 35]. Проведение очистительных процедур, уборки перед Пасхой соблюдалось повсеместно: «В Чистый четверг топили баню, обязательно мылись, к этому ко всему приготавливался, белили, мыли» (Бочарова Л.С., 1933 г.р., с. Маралиха, Чарышский р-н, воронежские переселенцы). На всякие работы в день Светлого Воскресенья существовали строжайшие запреты. Именно потому нарушение этих работ в пасхальный период становится мощным средством манипуляции со стороны местных властей в 1940–1960-х гг., что являлось частью проходившей в стране антирелигиозной пропаганды [Аксенова, 2023, с. 47]. Так, к примеру, был инициирован перенос традиционной побелки к Пасхе на день самого праздника: «Нас в колхозе на первый день Пасхи заставляли контору белить! Белили, а что сделаешь?» (Бирюкова М.И., 1932 г.р., с. Шипуново, Шипуновский р-н, вятские переселенцы). Подобные «нововведения» на проведение работ в Светлое Воскресенье были зафиксированы в Алейском р-не в конце 1940-х гг.: «Мама накрасит яйца, а я скажу: Мам, а ты мне оставила белых, завтра же саженцы идти сажать? У нас был сад в Дружбе*, там клен растет, оттуда брали саженцы. Сажали в воскресенье, в Паску, обязательно. Как только Паска, нас со школы – всё. Нас собирали и говорили: завтра все сажать саженцы. Мы все хором: завтра Паска! И рот на замок. Учительница сразу скажет: какая Паска? Прекратите, чтоб я слышала в последний раз, если вы хотите, чтоб ваших родителей не угнали в Нарым. Всё, про слово Паска – ни слова» (Останина З.Я., 1935 г.р., с. Совхозное, Алейский р-н, саратовские переселенцы). Приведем воспоминании о работе подростков на Пасху в 1947 г. в Алейском р-не, приведшей к смерти: «В работе все были тогда, сутками работали. Я помню, В 1947 г. 11 апреля была Паска. А мы подростки “влагу” прибивали на лошадя. Алей разлилась сильно, нельзя было переехать. И поехали, две брычки дали, чтоб пуд муки продать, спичек, соли купить, на пароме перевозили, и сестра моя двоюродная поехала, она таблетки продавала (перепокупала), и вот она без очереди... сели, сестра и брат с сестрою сели. И утонули наши, канат оборвался, сестру мою унесло» (Сидоренко А.П., 1933 г.р., с. Совхозное, Алейский р-н, украинские переселенцы).

В условиях проживания молодых людей в бригадах бригадиры следили за трудовой дисциплиной, в связи с чем не пускали домой на большие праздники, продолжали работать: «Уже в бригаде жили. Приехал бригадир: О! Девщонки! Зря я вас не пустил домой! Там бабки как “в круга” играют, как поют! Сами бабки играют, поют. Это раньше старики ходили, а советские уже не ходили, не понимали» (Сотникова Е.М., 1929 г.р., с. Гуселетово, Романовский р-н, российские переселенцы). Данные «нововведения» на работу в Светлое Воскресенье влияние на соблюдение сельскими жителями строгих традиционных запретов в этот день. При опросах встречались воспоминания, что работать на Пасху уже «не считалась грехом» в некоторых семьях: «А вот слушай, на Паску-то не ложились спать до самого свету, спать было грех, а работать – нет» (Щапова Н.П., 1937 г.р., с. Островное, Мамонтовский р-н, саратовские, курские переселенцы).

Для предотвращения засухи в троицкий период праздновали «сухие» дни, под которыми предполагались запреты на сельскохозяйственные работы на земле, посадку огородных культур, прополку цветущих растений, стирку, на северо-востоке России и центрально-русских областях [Славянские древности, 2012, с. 323]. По отношению к исследуемой территории мы фиксируем аналогичный ряд запретов в «Сухой» четверг (или «Строгий» четверг), который был дополнен просушиванием постели, одежды, других вещей при теплой погоде: «Кухвайку эту сушить (фуфайку. – *Авт.*), – и то вывешивали в “Сухой” Четверг перед Троицей!» (Л.Ф. Колесова, 1939 г.р., с. Гилев-Лог, Романовский р-н, российские переселенцы). При этом запрещались работы в огороде, земле [Аксенова, 2015, с. 90].

Петров день, Ильин день обозначались как «большие праздники», «грозовые праздники», «грозные праздники», в которые категорически запрещалось работать в поле, домашняя работа, действия, связанные с обработкой земли: «Не стирали, не пололи на огороде, ничего не делали, отдыхали» (Козлова З.Н., 1931 г.р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский р-н, старожилы). Среди сельских жителей бытовали различные истории, когда за нарушения запрета не работать в эти праздники, убивало молнией людей или скот [Аксенова, 2022, с. 828]. Нарушение запретов, связанных с православными праздниками, нередко порождало межличностные конфликты внутри семьи: «Мать рассказывала, перед Ильиным днем копна наделали, утром встали, дед говорит: сегодня не надо на покос ехать, сегодня Илья. А один говорит – че Илья, я сам Илья! И поехали, сметали огромный стог, вот

* С. Дружба, Алейский р-он, Алтайский край.

Уборка могилы в Страстную Субботу, 4 мая 2013 г., с. Поспелиха, Поспелихинский р-н. *Фото автора*.

тебе дождь зашел. Попрятались, туча пришла, как дал гром, ударил и стог сгорел. Не послушались. Кто тогда слушал дедов?! Дедов – им рот заткнут сразу. Может, июнь... уже начинали косить. В августе начинали косить рожь озимую» (Жилинкова З.С., 1937 г.р., с. Новошипуново, Краснощековский р-н, старожилы).

В 1920–1930-е гг. происходили трансформационные процессы в отношении сельскохозяйственных обычаев данных праздников. Так, в 1939 г. к празднику Петрова дня (10 июля) в газете Курьинского р-на «Сталинское слово» вышла публикация, где говорилось о все еще сохраняющихся «дедовских обычаях» начинать сенокос с Петрова дня. Тех, кто придерживается старых обычаев называли «врагами народа» и призывали «покончить с дедовскими обычаями прошлого»: «Попы до сего времени нередко нашептывают верующим колхозникам, что покос нужно начинать с Петрова дня, тогда как нередко к этому сроку трава уже перестаивает. На этот вред в свое время указывал товарищ Киров: Нужно, – говорил он, – раз навсегда покончить с дедовскими обычаями прошлого, когда сроки сельскохозяйственных работ приноравливали к небу... если мы будем действовать только от Петра, от Павла, от Ильина дня, то это ни к чему хорошему не поведет» [Искринский, 1939, с. 4].

Во второй половине XX в. запреты постепенно размываются в структуре традиционных праздников в связи с регламентацией рабочих и праздничных дней. Происходит выделение работы «домашней» и «в колхозе» («бригаде») как отдельной категории работы, на которую не распространяются запреты: «На праздники работали всегда. Тут никаких выходных, ни проходных, ни грозных, ни религиозных праздников» (Истомин Ю.А., 1941 г.р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский р-н, старожилы). Вместе с тем старшим поколением все же продолжали соблюдаться запреты на работы в 1980-х гг.: «Теть Рая Метрохова, теть Зоя Черемухина, она все: “Троица!”. Я помню, мы в школе работали. Как раз ремонт в школе начинался, они так на бугорок там выйдут и песняка. Вообщем, как, воскресенье же, Троица, – они отмечают. И на второй день опять сидят на бугорке: “Таисия Петровна, в школе сейчас же ремонт! – А у нас Троица. Три дня, Иван Васильевич, не жди!” (смеются). У нас атеизм, а им все равно. 1932, 1937 года бабушки!» (Быструшкина Н.Т., 1949 г.р., с. Кособоково, Шипуновский р-н).

В конце XX – начале XXI в. появляются «варианты-компромиссы» на домашнюю работу в праздники, когда работу начинали, но не заканчивали: «Я кину в эту стиральную машину, например, пододеяльник с простыню. Я подхожу, выключаю эту машинку, я достаю оттуда это, то, что я кинула, ложу в холодную воду, потому что чтоб она не запарилась, но я стирать не стираюся. Вот я суббота, воскресенье. В понедельник вставала часа в 4 утра, и начинала тогда убираться, вечером приходила стиралася» (Чекаданова М.А., 1950 г.р., с. Краснощеково, Краснощековский р-н, россейские переселенцы).

Сегодня в полевых экспедициях фиксируются перенос уборки могил «на удобное» время к Родительскому дню, нередко выпадает на Страстную не-

делю, в т.ч. вечер Страстной Субботы (см. *рисунок*), что является нарушением традиционного запрета посещения кладбища: «В субботу, как говорят старые, нельзя ходить там, убирать на могилках. Хотя в наше время никаких запретов уже не было» (Сапронова Н.М., 1950 г.р., с. Суслово, Мамонтовский р-н, рязанские переселенцы). Большинство опрошенных информантов все же стараются соблюдать запреты на домашнюю работу, работу с землей, стирку (а в некоторых семьях и рукоделие) на Рождество, Благовещение, Пасху, Троицу.

Таким образом, традиционные запреты в праздничном календаре сельских жителей Алтая претерпевали различные трансформационные процессы в XX–XXI вв. Основными причинами размывания запретов у сельских жителей Алтайского края являлись регламентация рабочих и праздничных дней на государственном уровне, антирелигиозная пропаганда и инициатива местных властей по нарушению запретов на работу в пасхальный период, внедрение новых советских праздников, не предполагающих каких-либо запретов. В результате возникали адаптационные формы, характерных для второй половины XX в.: выделение категории «колхозной работы» как работы, на которую не распространяются запреты, возникновение «компромиссов» в соблюдении запретов (нельзя работать «хотя бы до обеда»), перенос уборочных работ на удобное время и день, пр. Как показали полевые исследования, традиционные запреты в традиционном праздничном календаре сельских жителей Алтайского края сохранялись до 1960–1970-х гг. В 1980–1990-е запреты продолжают соблюдаться представители старшего поколения. Сегодня, в свете возрастающего интереса к народным праздникам, сельские жители стараются придерживаться традиционных запретов в Рождество, Благовещение, Пасху, Троицу.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-28-00865 «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности».

Список литературы

Аксенова И.Ю. Праздник Троицы у старожилов и южнорусских переселенцев Алтая в середине XX – начале XXI века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2015. – Т. 14, вып. 7. – С. 288–299.

Аксенова И.Ю. Обычаи и традиции Петрова дня у потомков старожилов и южнорусских переселенцев Алтайского края в XX–XXI вв. (по мат-лам этнографических экспедиций 2013–2022 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 825–830.

Аксенова И.Ю. Календарная обрядность восточнославянского населения Алтайского края в 1940-х–1960-х гг. как результат трансформации этнокультурного самосознания // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2023. – № 4 (66). – С. 42–53.

Дубровская М.В. Некоторые особенности весенне-летней праздничной обрядности Алтайского района // Этнография Алтая: мат-лы II науч.-практич. конф. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1996. – С. 202–207.

Золотова Т.Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX – XX в.). – Омск: Издатель-Полиграфист, 2002. – 234 с.

Искринский М. Петров день // Сталинское слово. – 1939. – № 33 (324). – С. 4.

Куприянова И.В. Календарная обрядность // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 214–226.

Липинская В.А. Народные традиции в современных календарных обрядах и праздниках русского населения // Русские: семейный и общественный быт. – М.: Наука, 1989. – С. 92–141.

Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX в. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 240 с.

Мотузная В.И. Календарная обрядность староверов Солонешенского района // Солонешенский район: очерки истории и культуры. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 300–307.

Палевкина Е.В. Календарная обрядность с. Воздвиженка Кулундинского района Алтайского края // Ученые записки Алтайского государственного института искусств и культуры. – Барнаул: Алт. гос. ин-т искусств и культуры, 2002. – Вып. 2. – С. 231–234.

Паньшина Н.Г. Календарная и праздничная обрядность в селах Бийского района // Бийский район: история и современность. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2005. – Т. 1. – С. 213–255.

Сигарева М.Н. Зимний календарный фольклор Петропавловского района (Алтайского края): (По мат-лам экспедиций 1997–1999 гг.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2001. – Вып. 4. – С. 166–176.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. М.: Междунар. отношения. – 2012. – Т. 5: С–Я. – 736 с.

Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему. Сборник статей и очерков. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2011. – 459 с.

Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – XX в.). – Новосибирск: Агро, 2002. – 287 с.

Щербакова О.С. Зимний цикл празднично-обрядового обхода дворов (по материалам фольклорных экспедиций) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 155–158.

Явнова Л.А. Праздники Рождества и Нового года в проекции календарной обрядности второй половины XX – начала XXI в.: традиции и новации (по материалам Алтайского края) // Традиционная культура. – 2023. – Т. 24. – № 4. – С. 63–72.

References

Aksenova I.Y. Kalendarnaja obrjadnost' vostochnoslavjanskogo naselenija Altaiskogo kraja v 1940-h–1960-h gg. kak rezul'tat transformacii etnokulturnogo samosoznanija. *Gumanitarnije issledovanija v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke,* 2023. No. 4. (66). P. 42–53. (In Russ.).

Aksenova I.Y. Pentecost as celebrated by the old-timers and South russian immigrants to the Altai territory in the mid XX – early XXI centuries. *Vestnik Novosibirsk State Univ.. Series: History and Philology,* 2015. Vol. 14, Iss. 7. P. 288–299. (In Russ.).

Aksenova I.Y. The Customs and Traditions of Peter's Day of the Old-timers and South Russian Settlers of the Altai Region in the 20th–21st Centuries (Based on Materials from 2013–2022 Ethnographic Expeditions). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.*Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 28. P. 825–830. (In Russ.).

Dubrovskaja M.V. Nekotoryje osobennosti vesenne-letnei prazdnichnoi obrjadnosti Altaiskogo raiona. In *Etnografija Altaja: Materialy II nauchno-prakticheskoi konferencii*. Barnaul: Barnaul State Pedagog Univ. Press, 1996. P. 202–207. (In Russ.).

Fursova E.F. Kalendarnye obychai i obrjady vostochnoslavjanskih narodov Novosibirskoj oblasti kak rezul'tat mezhjetnicheskogo vzaimodejstvija (konec XIX – XX v.). Novosibirsk: Agro, 2002. 287 p. (In Russ.).

Iskrinskii M. Petrov den'. *Stalinskoe slovo*, 1939. No. 33 (324). P. 4. (In Russ.).

Javnova L.A. Prazdniki Rozhjdestva i Novogo goda v proekcii kalendarnoi obrjadnosti vtoroi poloviny XX – nachala XXI v.: tradicii i novacii po materialam Altaiskogo kraja. In *Tradicionnaya kultura*, 2023. Vol. 24. No. 4. P. 63–72. (In Russ.).

Kirichenko O.V. (ed.) Cerkovnye prazdniki russkogo naroda: ot proshlogo k nastoyaschemu. Sbornik statei i ocherkov. Moscow: IEA RAS Publ., 2011. 459 p. (In Russ.).

Kuprijanova I.V. Kalendarnaja obrjadnost'. In *Zalesovskoe Prichumysh'e: ocherki istorii i kul'tury*. Barnaul: Barnaul State Pedagog Univ. Press, 2004, P. 214–226. (In Russ.).

Lipinskaja V.A. Narodnyje tradicii v sovremennyh kalendarnyh obrjadah i prazdnikah russkogo naselenija. In *Russkie: semeinyi i obschestvennyi byt.* Moscow: Nauka, 1989. P. 92–141. (In Russ.).

Ljubimova G.V. Vozrastnoi simvolizm v kul'ture kalendarnogo prazdnika russkogo naselenija Sibiri. XIX – nachalo XX vv. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004. 240 p. (In Russ.).

Motuznaja V.I. Kalendarnaja obrjadnost' staroverov Soloneshenskogo rajona. In *Soloneshenskij rajon: ocherki istorii i kul'tury*. Barnaul: Barnaul State Pedagog Univ. Press, 2004. P. 300–307. (In Russ.).

Palevkina E.V. Kalendarnaja obrjadnost' s. Vozdvizhjenka Kulundinskogo raiona Altaiskogo kraja. In *Uchenye zapiski Altaiskogo gosudarstvennogo instituta iskusstv i kultury*. Barnaul: AGIIK, 2002. Iss. 2. P. 231–234. (In Russ.).

Pan'shina N.G. Kalendarnaja i prazdnichnaja obrjadnost' v selah Bijskogo rajona. In *Bijskij rajon: istorija i sovremennost'*. Barnaul: Barnaul State Pedagog Univ. Press, 2005. Vol. 1. P. 213–255. (In Russ.).

Scherbakova O.S. Zimnii cikl prazdnichno-obrjadovogo obhoda dvorov po materialam folklornyh ekspedicii. In *Etnografiya Altaya i sopredelnih territorii*. Barnaul: Barnaul State Pedagog Univ. Press, 1998. P. 155–158. (In Russ.).

Sigarjova M.N. Zimnii kalendarnyi folklor Petropavlovskogo raiona (Altaiskogo kraya): (Po materialam ekspedicii 1997–1999 gg.). In *Etnografija Altaja i sopredel'nyh territorii*. Barnaul: Barnaul State Pedagog Univ. Press, 2001. Iss. 4. P. 166–176. (In Russ.).

Tolstoi N.I. (ed.) Slavjanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti tomah. Moscow: Mezhjdunar. otnoshenija, 2012. Vol. 5: S–Ja. 736 p. (In Russ.).

Zolotova T.N. Russkije kalendarnyje prazdniki v Zapadnoi Sibiri (konec XIX–XX vv.). Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 2002. 234 p. (In Russ.).

Аксенова И.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7831-7815

Дата сдачи рукописи: 04.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0869-0873
УДК 393.05

Ш.К. Ахметова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ack-sholpan@yandex.ru

Казахские поминки как переход в потусторонний мир

В мировоззрении казахов важную роль до настоящего времени играет вера в связь живых и мертвых, которая хорошо выражена в погребально-поминальной обрядности. В данной работе на основе материалов Международных казахских археолого-этнографических экспедиций ИАЭТ СО РАН 2006–2019 гг., а также этнографических экспедиций 2022–2023 гг. Маргулан-Центра Павлодарского педагогического университета, проведенных на территориях степной и лесостепной зоны Омской, Новосибирской обл. РФ, Павлодарской и Северо-Казахстанской обл. РК, рассматриваются казахские поминки как помощь живых в переходе умершего в иной мир. В работе были использованы теория А. ван Геннепа по обрядам перехода, методы полевой этнографии и включенного наблюдения. По классификации А. ван Геннепа, поминальная обрядность относится к постлиминарному этапу, основной функцией которого является обеспечение перехода из мира живых в мир мертвых. Поминки относятся к обрядам включения покойника в потусторонний мир. Действия живых по отношению к мертвым вызваны желанием сделать все правильно для избежания неприятных последствий для обеих сторон. Когда все этапы до годовых поминок включительно благополучно пройдены, мертвый окончательно переходит в статус предков – аруақов. С этого момента взаимодействие мира живых и мира мертвых выходит на уровень отношений взаимного обмена. Живые почитают предков, вознося им молитвы и устраивая периодические поминовения и жертвоприношения, а аруақи, по мере обращения к ним, оказывают помощь в различных жизненных ситуациях. Таким образом, взаимодействие двух столь разных миров осуществляется на постоянной основе.

Ключевые слова: *казахи, погребально-поминальная обрядность, поминки, обряды перехода.*

Sh.K. Akhmetova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: ack-sholpan@yandex.ru

Kazakh Funeral Ceremonies as a Transition to the Other World

The idea of the relationship between the living and the dead is conveyed in the funeral and memorial rites and represents an essential conception in the Kazakh traditional ideology. The present paper presents the materials of the International Kazakh Archaeological and Ethnographic Expeditions of the IAET SB RAS 2006–201, and the ethnographic expeditions of 2022–2023 of the Margulan Center of the Pavlodar Pedagogical University conducted in the steppe and forest-steppe zone of the Omsk and Novosibirsk regions of the Russian Federation, Pavlodar and North Kazakhstan regions of the Republic of Kazakhstan. The Kazakh funeral repast rituals are considered as an assistance of the living in the transition of the deceased to the afterworld. The author used A. van Gennep's theory on the rites of passage, methods of field ethnography and participant observation. According to A. van Gennep's classification, funeral rites belong to the postliminary stage, the main function of which is to ensure the transition from the world of the living to the world of the dead. Funerals belong to the rites of incorporation of the deceased in the afterlife. The living relatives try diligently to fulfill all the requirements to help the dead avoid any unpleasant consequences for both parties. When all the stages up to and including the annual commemoration are successfully completed, the status of the dead finally change into the status of ancestors – aruaqs. From this moment on, the interaction of the realm of the living and that of the dead reaches the level of mutual exchange. The living revere the ancestors offering up prayers and arranging periodic commemorations and tributes, while the aruaqs, being addressed, provide assistance in various life situations. Thus, the interaction of two quite different realms is carried out on an ongoing basis.

Keywords*: Kazakhs, funeral and memorial rites, commemorations, rites of passage.*

Введение

Представления о мире живых и мире мертвых и варианты взаимодействия между ними являются важной частью мировоззрения казахского населения. Между этими мирами существует граница, которая постоянно актуализируется в сообществе с каждой новой смертью. Умерший человек сразу начинает свой путь в другой мир, который осуществляется в несколько этапов. В данной работе мы взяли за основу теорию А. ван Геннепа по обрядам перехода. А конкретно следующий этап погребального обряда, связанного с постлиминарными обрядами, включающими в мир мертвых [Геннеп, 2002, с. 24–25]. Однако мы не будем рассматривать обряд захоронения в подготовленную могилу. Целью данной работы является рассмотрение поминальной обрядности как помощи живых в преодолении препятствий при переходе умершего в иной мир.

Источники

В работе использованы материалы Международных казахских археолого-этнографических экспедиций ИАЭТ СО РАН 2006–2019 гг., а также этнографических экспедиций 2022–2023 гг. Маргулан-Центра Павлодарского педагогического университета, проведенных на территориях степной и лесостепной зоны Омской, Новосибирской обл. РФ, Павлодарской и Северо-Казахстанской обл. РК.

Методы

Исследование построено на теории А. ван Геннепа по обрядам перехода с использованием методов полевой этнографии и включенного наблюдения.

Результаты

В соответствии с классификацией А. ван Геннепа поминальные обряды относятся к постлиминарному этапу, основной функцией которого является обеспечение перехода из мира живых в мир мертвых. Поминки относятся к обрядам включения покойника в потусторонний мир. Их проводят на 3, 7, 40, 52-й и сотый дни смерти и в годовщину. Поминки на третий день часто совпадают с похоронами. В таких случаях на похоронах объявляют об объединении с трехдневными поминками или дают второе угощение. В некоторых случаях 3 и 7 дней в обследованных регионах Павлодарской, Северо-Казахстанской обл. и Западной Сибири могут объединить и провести в день похорон или сразу после них, чтобы не обременять далеко живущих родственников. В ауле Байгамыт Благовещенского р-на Алтайского края поминки на 3 и 7 дни не проводят, потому что по пятницам проводят *жумалык*. Но некоторые семьи у них отмечают 100 дней. 52-й и сотый дни отмечают обычно в кругу семьи и родственников. В ауле Керей Кулундинского р-на Алтайского края информанты сказали, что поминки на 52 день стали отмечать в 1980-е гг., потому что через 52 дня мясо отделяется от костей. Процесс считается для усопшего мучительным не только у казахов и нуждается в поддержке молитвами [Гаджиева, 1985, с. 309; Корусенко, 2003, с. 64]. Поминки в 52 и 100 дней устраивают по желанию и отмечают обычно в узком кругу семьи и родственников.

Соблюдается еще традиция взаимопомощи, соседки помогают готовить лепешки, *бауырсақи*. Но в городской местности уже отходят от нее, заказывая *бауырсақи* за плату оказывающим такие услуги, домохозяйкам или ритуальным кафе. Эти новые тенденции свидетельствуют об отхождении от традиционного обряда *иіс шығару* и изменении в мировоззрении. *Шелпек* и *бауырсақи* положено печь в доме для приглашения духов предков, которые, как известно, насыщаются запахами. *Шелпек* подают в больших тарелках или кладут на блюдо с мясом по количеству людей, сидящих за столом или чуть больше. Накрытые столы обычно закрывают половиной большой скатерти или полотенцами. К трапезе приступают только после завершения молитв всеми приглашенными имамами и муллами. Со стола все угощение разбирается женщинами, одна из которых делит между всеми оставленные для этого цельные куски мяса. Члены семьи усопшего раздают всем женщинам пакеты и полиэтиленовые мешочки отдельно для мяса и сладостей с бауырсақами и лепешками. В последние годы пакеты с мешками стали класть во время сервировки столов. По народным представлениям тюрков Таджикистана угощение в день погребения – это путевой запас умершего для устранения препятствий при переходе в потусторонний мир [Бабаева, 1993, с. 113]. Н.С. Бабаева отметила, что поминки также совершаются не только для насыщения усопшего. Пища, съедаемая людьми в физическом мире, способствует благополучному переходу умершего в потусторонний мир [Бабаева, 1993, с. 114]. Так же интерпретирует поминальные трапезы А.Т. Толеубаев, по мнению которого смысл их в кормлении души умершего, обеспечении его всем необходимым в другом мире и, наконец, проводы туда, куда предпочитают въехать на коне [Толеубаев, 1991, с. 118]. Однако следуют отметить, что практически во всех регионах угощение со стола охотно берут на похоронах и поминках людей преклонных лет. В этом случае частица их благодати и долголетия как бы передается живым. С похорон и поминок молодых людей, умерших от тяжелой болезни, погибших не естественной смертью и самоубийц не все берут угощение. В 2008 г. на похоронах 50-летней женщины нам пришлось наблюдать возмущение одной старой женщины тем, что гостям поднесли *сорпа* – бульон от мяса жертвенного коня. Она отождествляла бульон с кровью безвременно ушедшей покойницы.

Во время угощения на похоронах и поминках хозяева раздают в пакетах *киіт* – дары. По завершении похорон их щедро одаривают. Мужчинам дают обычно костюм или *шапан* – отрез бархата в 3 метра, женщинам дают отрез плюша в 3 метра на платье, а также всем деньги. В настоящее время в Омске и области наряду с дорогими тканями дарят небольшие ковры, которые привозят из Казахстана. В Голышманово мужчинам дают костюмы, а женщинам по 2 м бархата и еще какой-нибудь ткани с серебряным кольцом. В ауле Байгамыт дарят только отрезы ткани. В Славгороде *сүекші* давали в основном по 50 рублей. В ауле Керей всех участников этого процесса, независимо от пола, наделяют тремя метрами велюра, только мужчинам подбирают ткани темных цветов, а женщинам светлых. В ауле Керей Алтайского края женщинам, которые мыли ведра, чайники, пол в комнате, постирали халаты после обмывания тела, давали *қол ақтық* по 50, 100 рублей или отрезы ткани.

В отличие от приграничных территорий Новосибирской обл. и Алтайского края, в Омской и Тюменских обл., Чистоозерном р-не Новосибирской обл., Иртышском р-не Павлодарской обл. и Валихановском р-не Северо-Казахстанской обл. придерживаются обычая раздачи тканей, ковров и других вещей. Традиция восходит к древнетюркскому времени. По словам людей преклонного возраста вещи и скот будут служить покойнику в потустороннем мире, а поминальные угощения будут на его столе. Эти обычаи могут быть трансформацией обряда захоронения с погребальным инвентарем и конем.

Самые дорогие подарки дают тем, кто участвовал в обмывании тела, обряде *төртбұрыш* и приехавшим издалека родственникам, сватам, друзьям. Мужчинам, проводившим обряд *төртбұрыш*, дарят в основном ковры размером в 1,5 м или дают ткань, в уголок которой заворачивали 50, 100 рублей. В 1980-е гг. в Омской обл. участвовавшим в омывании тела мужчинам давали обычно костюм или *шапан* – отрез вельвета в 3 м, женщинам давали отрез плюша или дорогой бархат тоже в 3 м на платье, а также всем деньги. В Голышманово Тюменской обл. по данным 2004 г. за проведение обряда *төртбұрыш* 2 м бархата разрезали на 4 отреза, в уголок которых завязывали по 100 рублей. Тем, кто укладывал в *лахат*, дарили по отрезу, поделенного на три части бархата в два метра вместе с николаевскими рублями и полтинниками. Мужчинам за обмывание тела дарили, как и в Омской обл., костюмы, а женщинам по два метра бархата и еще какой-нибудь ткани и серебряное кольцо. Кроме этого, в Омской и Тюменской областях всем подряд на похоронах и поминках дарят женщинам отрезы тканей, платки, полотенца, мужчинам тюбетейки, жайнамазы, носовые платки. В первой половине XX в. по воспоминаниям старейших информантов людям, мывшим тело, отдавали одежду покойного в зависимости от того, какую часть тела они мыли.

В Купинском, Краснозерском и Здвинском р-нах ткани на похоронах раздают не всем подряд, как в Омской обл. Обряд т*өртбұрыш* там не проводят. Принято дарить ткани тем, кто приехал издалека и тем, кто мыл тело. В Купинском и Краснозерском р-нах *сүекші* мужчинам дают по 3 м вельвета на *шапан*, женщинам на платье (*көйлек*) по 3 м плюша. А также всем дают по 300–500 рублей деньгами. В Чистоозерном р-не участвовавшим в обмывании женщинам дают по 2 м плюша, мужчинам вельвет или рубашки.

Чистоозерный р-н больше тяготеет к Омской обл. Во время похорон здесь женщинам раздают по 2 м парчи или китайской ткани вроде ворсалана, молодым женщинам дают атласные платки. Старшим мужчинам раздают по 2 м вельвета или *жайнамазы* – молельные коврики. Молодым мужчинам дают носовые платки с завязанными в уголке монетами по 1–2 рубля или тюбетейки. На 7 и 40-й день пожилым людям принято дарить *жайнамазы*, женщинам среднего возраста платки, мужчинам тюбетейки и носовые платки. До выноса тела покойного людям, всем пришедшим на похороны, раздают кусочки ткани, называемые *жыртыс*. У таджиков все участвующие в *жаноза намазе* получают куски ткани или деньги – *иртӣш* [Писарчик, 1976, с. 140]. Во всех рассматриваемых регионах на женских похоронах всем женщинам раздают нитки с иголкой. В Голышманово Тюменской обл. к ним добавляли еще булавки. В Павлодарской обл. дают родственницам иголки с нитками или булавки и наперстки. По словам информантов это своего рода погашение мелких бытовых долгов умершей женщины. Седьмой и сороковой дни проходят скромнее, чем годовой, на который съезжаются все далеко живущие родственники и друзья. Принято также резать одну или более лошадей в зависимости от статуса умершего, количества родственников и сватов, которых иной раз набирается более 200–500 человек, односельчан, соседей, коллег, друзей в городской местности.

Поминки нужно устраивать точно в срок, день в день или чуть раньше. В связи с этим произошел курьезный случай в одной омской семье. Супруга умершего посоветовалась с детьми, и они решили провести *жылы* на две недели позже. Но за день до годовщины смерти мужа ей снится сон, что он сидит на стуле рядом с ее кроватью, будит и напоминает, что завтра будет ровно год, как он умер. Причем женщина не была уверена, что это произошло во сне, потому что просыпалась, успокаивалась и только начинала засыпать, как ее снова начинал трясти муж. Только когда она встала и начала готовиться к поминкам, он перестал ее беспокоить. Этот случай известен нам из первых рук, потому что она позвонила и неожиданно стала приглашать уже на следующий день на годовые поминки мужа, о котором положено сообщать заблаговременно.

За день до поминок члены семьи и близкие родственники с муллой должны сходить на кладбище и прочитать у могилы покойного молитвы. Это харак-

терно в основном для сельской местности, где кладбища расположены на небольшом расстоянии или в самом ауле. В условиях города не все имеют возможность посетить далеко расположенные некрополи по разным причинам, основными из которых являются низкий материальный уровень жизни, отсутствие личного транспорта в семье и у близких родственников, большая занятость у работающего населения.

На поминках, как и на похоронах, принято печь круглые лепешки, заведенные на воде, соли и муке. По словам информанта Т.Ш. Сарсенбаева из Москаленского р-на Омской обл., в юности он слышал от старых людей, что *шелпек* будут защищать от свинцового дождя и других испытаний во время перехода через мост Сират, перекинутый над адом. По этнографическим данным конца XX – первой четверти XXI в. многие информанты отвечают, что лепешки как зонтики будут защищать умершего от испепеляющего солнечного жара в конце света. Возможно, это одно из заимствований из буддизма. Одним из восьми благородных символов буддизма является благой зонт. Подобно тому, как обычный зонт защищает от дождя и зноя, так драгоценный зонт дарует защиту от невзгод и напастей самсары [Восемь благородных символов...]. В Омске нам приходилось слышать, что эти лепешки олицетворяют одежду усопших в потустороннем мире. Если лепешки не получились ровными, покойники будут выглядеть в загробном мире плохо одетыми. Лепешки положено отведать, не разрывая, со словами *тие берсін*, целиком, что означает пусть коснется умершего благодать хлеба. Положено также на похоронах съесть *бауырсак* с коровьим маслом, чтобы тело не затвердело, иначе *майіт* обидится.

Следует также отметить универсальность представления о том, что смерть в физическом мире одновременно является рождением в ирреальном потустороннем мире. Данное утверждение хорошо иллюстрирует следующая история. В 1991 г. нам пришлось быть свидетелем интересного разговора за столом на 9-дневных поминках матери коллеги в русской семье в пригороде Омска. На поминки пришел пожилой мужчина, овдовевший пять лет назад. Как выяснилось в ходе разговора, он не знал о смерти Марьи Ивановны, поэтому его не было на похоронах. Однако за день до этих поминок ему приснилась покойная жена, которая его корила за то, что он такого-то числа (была названа дата смерти) «не ходил на именины Марьи Ивановны» и велела обязательно сходить на 9 дней, что он и поспешил выполнить. Там же, на поминках старушки, когда хвалили хозяйку за хорошее угощение, сказали, что мать будет довольна, так как «там покойная в это же время тоже принимает гостей и у нее на столе те же блюда, что и здесь». Материалы из нашего личного жизненного опыта хорошо согласуются с нашими этнографическими материалами. По словам информанта Г. Сарсенбековой из г. Омска, в дни поминок души умерших – *аруактар* «спускаются в дом, где живут их родные, которые их не видят и не слышат. То, что едят и пьют в это время живые люди, едят и пьют они, после чего сообщают, что в таком-то доме все было хорошо, все было сделано как надо». Кормление духов распространено у многих народов.

После года в течение трех лет проводят *шекпек* – жертвоприношение барана за день до наступления мусульманского поста – ораза. Этот обычай не относится к исламу, несмотря на участие имама. Согласно вероучению, требуется только одно жертвоприношение в год на курбан-байрам. Потом ежегодно в месяц рамадан проводят обряд поминовения всех усопших родственников до седьмого колена – *ауыз ашу*. Взаимозависимость потустороннего и реального миров отражена в казахской поговорке «пока мертвые не насытятся, живые не будут счастливы».

Среди омских казахов в первом десятилетии XXI в. появилась и начала распространяться традиция устраивать поминальные угощения через десятки лет после смерти. Отношение к этому у современных казахов неоднозначное. Некоторые считают это просто материальной выгодой с целью получения *бата* в денежном эквиваленте. Интересно, что и те, кто следует этому новшеству, не скрывают своих намерений, объясняя их сбором *бата* с людей, которые не были на похоронах и поминках. Многие считают это влиянием Казахстана, что подтверждается полевыми исследованиями З.К. Сураганової. Она пишет, что информанты по поводу цели данных мероприятий через такой отрезок времени отвечали следующее: «Чтобы пребывающие в могилах озарились» – «*қабырда нұрланып жату үшін*», «для обеспечения пребывания их душ в раю» – «*жаны жәннәтта болу үшін*», «чтобы аруахи умилостивленные и озаренные пребывали перед Аллахом» – «*алланың алдында мархабаттанып нұрлы жату үшін*» [Сураганова, 2009, с. 87–88]. Но в любом случае эти мероприятия также являются, по мнению людей, помощью духам умерших жертвоприношением, молитвами, угощением и дарами, которые вернутся им в виде материального благополучия и физического здоровья.

Путешествие в потусторонний мир усопшего зависит от многих факторов: степени греховности и духовного очищения умершего, материальных возможностей семьи, точного соблюдения всех необходимых обычаев и обрядов, многие из которых направлены на защиту покойника. В основном родственники руководствуются желанием уменьшить накопленные им при жизни долги. В целом можно говорить о том, что действия живых по отношению к мертвым в ходе погребально-поминального обряда во многом продиктованы тем, чтобы сделать все правильно и избежать неприятных последствий для обеих сторон. При этом активными действующими лицами могут выступать только живые. Интересен тот факт, что в погребально-поминальной обрядности, априори предполагающей направленность на умершего, до-

вольно хорошо выделяется блок действий, связанный с миром живых. Например, обряды кормления и сохранения в мире живых доли счастья и благополучия умершего при выносе из дома. В дальнейшем, когда все этапы до годовых поминок включительно благополучно пройдены, мертвый окончательно переходит в статус предков – *аруақов*. С этого момента взаимодействие мира живых и мира мертвых выходят на уровень обменных отношений. Живые почитают предков, вознося им молитвы и устраивая периодические поминовения и жертвоприношения, а *аруақи*, по мере обращения к ним, оказывают помощь в различных ситуациях. Таким образом, взаимодействие двух столь разных миров осуществляется на постоянной основе.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0002 «Население Сибири и Северного Казахстана: социокультурные процессы и трансляция культурного наследия».

Список литературы

Бабаева Н.С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-погребальной обрядности. – Душанбе: Дониш, 1993. – 156 с.

Восемь благородных символов буддизма – Аштамангала. – URL: https://www.oum.ru/literature/buddizm/vosem-blagorodnykh-simvolov-buddizma-ashtamangala/?ysclid=m01f8321h679141817 (дата обращения: 8.09.2024).

Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1985. – 358 с.

Геннеп А., ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. – М.: Вост. лит., 2002. – 198 с.

Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. – Новосибирск: Наука, 2003. – 192 с. (Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума; т. 7).

Писарчик А.К. Смерть. Похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш, 1976. – Вып. 3. – С. 118–164.

Сураганова З.К. Обмен дарами в казахской традиционной культуре. – Астана, 2009. –192 с.

Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX–нач. XX в.). – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 276 с.

References

Babaeva N.S. Drevnie verovaniya gornykh tadzhikov Yuzhnogo Tadzhikistana v pokhoronno-pogrebal'noi obryadnosti. Dushanbe: Donish, 1993. 156 p. (In Tajik.).

Gadzhieva S.Sh. Sem'ya i brak u narodov Dagestana v XIX – nachale XX v. Moscow: Nauka, 1985. 358 p. (In Russ.).

Gennep A., van. Obryady perekhoda: Sistematicheskoe izuchenie obryadov. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. 198 p. (In Russ.).

Korusenko M.A. Pogrebal'nyi obryad tyurkskogo naseleniya nizov'ev r. Tara v XVII–XX vv.: Opyt analiza struktury i soderzhaniya. Novosibirsk: Nauka, 2003. 192 p. (In Russ.).

Pisarchik A.K. Smert'. Pokhorony. *Tadzhiki Karategina i Darvaza,* Dushanbe: Donish, 1976. Iss. 3. P. 118–164. (In Russ.).

Suraganova Z.K. Obmen darami v kazakhskoi traditsionnoi kul'ture. Astana, 2009. 192 p. (In Kaz.).

Toleubaev A.T. Relikty doislamskikh verovanii v semeinoi obryadnosti kazakhov (XIX – nach. XX v.). Alma-Ata: Gylym, 1991. 276 p. (In Kaz.).

Vosem' blagorodnykh simvolov buddizma – Ashtamangala. URL: https://www.oum.ru/literature/buddizm/vosem-blagorodnykh-simvolov-buddizma-ashtamangala/?ysclid=m01f8321h679141817 (Accessed: 8.09.2024).

Ахметова Ш.К. https://orcid.org/0000-0002-8925-0772

Дата сдачи рукописи: 01.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0874-0879
УДК 398’54

А.А. Бадмаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: NSK.Badmaev@yandex.ru

Образы совы и филина в традиционном мировоззрении бурят

Среди орнитоморфных образов, представленных в традиционных культурах народов Евразии, особое место занимают образы совы и филина. Они еще не получили освещение в бурятской этнографии. Целью нашего исследования является выяснение комплекса бурятских традиционных воззрений о данных птицах. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: охарактеризовать образы совы и филина на основе данных лексики и малых жанров фольклора бурят; рассмотреть мифологические воззрения бурят об этих птицах. Источниковую базу исследования составляют фольклорные, лингвистические и этнографические материалы. Основным в работе является структурно-семиотический метод. Определено, что бурятские названия представителей семейства совиных содержат информацию о наиболее отличительных зоологических чертах и особенностях поведения этих птиц. В малых жанрах фольклора бурят передаются основные признаки филина, что свидетельствует о важной роли этого пернатого в традиционном мировоззрении бурят. Выделено, что в мифологических воззрениях бурят образы совы и филина многозначны и характеризуются амбивалентностью коннотации. Выяснено, что сова и филин наделяются символикой неба, а полярная сова – еще и воды. С филином увязывается мотив негодной жены мифического повелителя птиц и тема враждебности к нему других пернатых. С совой связывали идею оборотничества. Положительное отношение к филину и ушастой сове проявлялось в мифологических воззрениях предбайкальских бурят и было связано с тем, что они считались шаманами-покровителями младенцев. Почитание совы вызвано признанием ее тотемом бурят рода Уляаба. В то же время сложился отрицательный образ полярной совы как имеющей нечистую природу. Показано, что ряд традиционных представлений бурят о сове и филине схожи с воззрениями у других народов Евразии, что доказывает их универсальность.

Ключевые слова: *буряты, традиционное мировоззрение, мифологические представления, сова, филин, фольклор, лексика*.

A.A. Badmaev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: NSK.Badmaev@yandex.ru

Images of an Owl and an Eagle Owl in the Traditional Worldview of Buryats

The images of an owl and an eagle owl are special among other ornithomorphic images in the traditional cultures of the peoples of Eurasia. These two images have not yet been thoroughly studied by Buryat ethnologists. The purpose of this study is to clarify the complex of Buryat traditional views on these birds. This goal is achieved through characterization of the images of an owl and an eagle owl on the basis of data from the vocabulary and small genres of Buryat folklore and consideration of the mythological perceptions of Buryats of these birds. The source base of the research consists of folklore, linguistic and ethnographic materials. The structural-semiotic method is the main research technique. It is determined that the Buryat denominations of representatives of the owl family contain information about the most distinctive zoological and behavioral features of these birds. The main characteristics of the eagle owl are described small genres of Buryat folklore, which indicates the important role of this bird in the traditional outlook of Buryats. The images of an owl and an eagle owl are ambiguous and characterized by ambivalence of connotation in the mythological views of Buryats. It was found out that the owl and the eagle owl are endowed with the symbolism of the Heaven, and the polar owl is also endowed with the symbolism of water. The eagle owl is linked to the motif of the unfit wife of the mythical lord of birds and the theme of hostility towards him by other birds. The idea of lycanthropy was associated with the owl. A positive attitude towards the eagle owl and the long-eared owl was manifested in the mythological views of the Cis-Baikal Buryats; it was due to the fact that these birds were considered shamans-patrons of infants. The recognition of the owl as the totem by the Buryats of the Ulyaba clan caused veneration of this bird. At the same time, the image of the polar owl as an evil creature was unfavorable. It is shown that certain Buryat traditional ideas concerning the owl and the eagle owl are parallel to the views of other peoples of Eurasia, which proves their universality.

Keywords: *Buryats, traditional worldview, mythological representations, owl, eagle owl, folklore, vocabulary*.

Введение

Проблема взаимоотношения человека и окружающей его природной среды остается актуальной в российской этнографической науке. Одним из ее аспектов является изучение мифологических представлений об орнитофауне. В культурах народов Евразии особо выделяются образы птиц семейства совиных (совы, филина, сыча), которые имеют зачастую противоположную коннотацию. В традиционном мировоззрении этих народов в основном представлены сова и филин, которые наделяются разнообразием ролей и функций: у некоторых племенных групп они почитаются как первопредки и тотемы; выступают как помощники или транспорт, для примера, женских божеств (у древних греков – Афины Паллады, у индийцев – Лакшми); эти птицы признаются сакральными, им вменяется охранительная функция, сове, в частности, присваивают дар пророчества и мудрость; с другой стороны, они рассматриваются вестниками смерти, несчастий, болезней, их связывают с потусторонними силами и т.д. [Гура, 1997; Винокурова, 2007; Мифы народов мира, 1980; Тресиддер, 1999; Krishna, 2014; и др.].

Не составляет исключение традиционное сознание бурят, в котором также сложились представления об этих пернатых. Образы совы и филина еще не были объектами исследований в бурятской этнографии, поэтому в нашем исследовании ставится целью выяснить комплекс бурятских традиционных воззрений о данных птицах. При этом в работе решаются следующие задачи: охарактеризовать образы совы и филина на основе данных лексики и малых жанров фольклора бурят; рассмотреть мифологические воззрения бурят об этих птицах.

Для раскрытия темы исследования привлекались фольклорные, лингвистические и этнографические материалы. Среди использованных источников значимыми являются фольклорные сведения, собранные Г.Н. Потаниным и М.Н. Хангаловым. Языковый материал представлен данными, содержащимися в двуязычных словарях современных монгольских народов и средневеково-монгольском словаре Н.Н. Поппе [1938], при этом основным лексическим источником является бурятско-русский словарь Л.Д. Шагдарова и К.М. Черемисова [Буряад-ород..., 2010а, б]. В работе применен структурно-семиотический метод, дающий возможность вычленить символику, передающую идеи о сове и филине.

Образы совы и филина по данным лексики и малых жанров фольклора бурят

В дикой фауне Юго-Восточной Сибири обитают различные представители совиных: ястребиная сова (*Surnia ulula*), филин (*Bubo bubo jenisseensis*), белая сова (*Bubo scandiacus*), мохноногий сыч (*Aegolius funereus*), домовый сыч (*Athene noctua*), воробьиный сыч (*Glaucidium passerinum*) и др. [Байкал, 2009, с. 303]. Но в бурятском языке не все из них получили собственное обозначение. Так, в бурятско-русском словаре упоминаются такие виды названного выше семейства птиц: *Буха шубуун* ‘букв. могучая птица; сыч мохноногий’; *шара шубуун* ‘букв. желтая птица; филин’; *hуухирдэг* ‘букв. крикун; сова’; *уули* ‘букв. зоб; сыч, сова’; *тажаа* ‘букв. вздувшийся (о животе); полярная сова’; *уулэн хулганша* ‘букв. сова мышкующая; филин домовой’ [Буряад-ород..., 2010б, с. 221, 310, 465, 620]. Дословные переводы приведенных выше номинаций преимущественно очерчивают круг наиболее значимых с точки зрения бурят зоологических черт представителей совиных. Добавим, что в лексике бурят встречаются еще такие наименования, как *буг* ‘злой дух; сова’, *бэгсэргэ* ‘сова, сыч’. Отсюда можно заключить, что буряты, хотя в целом различали этих ночных птиц, но зачастую не видели разницу между совой и сычом. Заметим, что большинство перечисленных выше названий совиных не находят языковых параллелей у иных монгольских этнических групп.

Однако в лексике монгольских народов имеет распространение название филина в значении желтая птица: у монголов это пернатое именуют *шар шувуу* ‘филин’ [Большой академический..., 2001–2002, с. 1612], у калмыков – *шар шовун* ‘филин’ [Хальмг-орс толь, 1977, с. 678], у бурят – *шара шубуун*, у хамниган – *шара шибуу* ‘филин’ [Хамниганско-русский словарь, 2015, с. 347]. В языке средневековых монголов данную птицу называли *keye* ‘филин’ [Поппе, 1938, с. 218]; надо полагать, что эта лексема имела локальное употребление. Между тем появление упомянутой выше номинации филина у современных монгольских народов могло произойти в ранний период их истории, о чем косвенно свидетельствует использование цветового маркера при обозначении пернатого.

Слова, близкие по звучанию бурятскому *бэгсэргэ*, отмечены у хамниган – *бэгцэргэ* ‘сова, сыч’ [Хамниганско-русский словарь, 2015, с. 88], дархатов – *бештирген* ‘сова’ и урянхайцев – *буксерге* ‘сова’ [Потанин, 1883, с. 164–165]. Вероятно, лексема из языка закаменских бурят – *багсарга*, обозначающая, по М.М. Содномпиловой, один из видов семейства ястребиных [2005, с. 163], на самом деле является вариацией указанного выше орнитонима.

Сумеречный, ночной образ жизни представителей совиных получил отражение в следующем фразеологизме: *Буг баатар болохо* ‘букв. Становиться филином; не спать до поздней ночи, полуночничать’ [Буряад-ород толи, 2010а, с. 147].

В малых жанрах бурятского фольклора из семейства совиных в основном представлен образ филина. В загадках подчеркиваются его отдельные биологические признаки. Так, в одной из них обращается

внимание на окрас оперенья птицы и ее большие глаза:

Тэмээн халюун жуһутэй (зуһэнтэй),
Тэнгэриин Солбон нюдутэй (нюдэтэй).
Игреняя как у верблюда масть,
Как небесная Венера глаза (Перевод наш. – *Авт.*).
[Жамцарано, 2006, с. 62].

В другом произведении этого жанра акцент делается на форму его головы, а сидящего на дереве филина ассоциируют с буддийским божеством:

Бута буумал тархитай,
Бурхан багшын һуудалтай.
Голова как кочка падающая,
С седалищем верховного божества
(Перевод наш. – *Авт.*).
[Там же, с. 63].

В то же время кударинские буряты указывали на характерное уханье филина, цвет его оперенья и привычку к одиночной охоте:

Бур буурхан (бурхан) дуутай,
Бужан торгон дэгэлтэй,
Гая (гоё) мунгэн хэтэтэй,
Гансаараа ябаха ehотой.
С песней подобно бурлению (воды),
С халатом из крепкого шелка,
С красивым серебряным огнивом,
С привычкой быть одиноким.
(Перевод наш. – *Авт.*). (ПМА).

Мифологические представления бурят о сове и филине

Несомненно, на образы рассматриваемых пернатых, сложившиеся в традиционном мировоззрении бурят, оказало влияние их поведение в дикой природе, прежде всего, их активность в ночное время суток. В этой связи укажем, что подобно некоторым другим птицам с филином увязывали мотив негодной жены царя птиц, известный в фольклоре разных народов. В бурятской легенде «Филин» причиной ее изгнания мифическим повелителем орнитофауны Гарудой послужила привычка филина кричать по ночам [Хангалов, 1960, с. 29].

Интересно, что в другой версии этого фольклорного произведения поднимается тема враждебности к филину остальных птиц, которая в народном сознании объясняла скрытный, ночной образ его жизни. По сюжету желание супруги Гаруды рожать на импровизированной постели, составленной из птиц, связанных продетой через сделанные отверстия в клюве веревкой, спровоцировало недовольство к царственной персоне, которое высказывает отсутствовавшая на собрании птица [Сказания бурят..., 1890, с. 74]. В итоге устыдившийся птичий повелитель изгоняет свою дурную жену.

Положительное восприятие филина и совы в случае с предбайкальскими бурятами было продиктовано народными представлениями о птице-покровителе, якобы способном защитить новорожденного ребенка от посягательств демонологических существ *анахай* и *ада* [Хангалов, 1960, с. 39–40]. Такую приученную птицу (филина, ушастую сову) отличало наличие на голове двух пучков удлиненных ушных перьев. Верили, что это знак «птичьего шамана», именуемого *найжа* ‘шаман-покровитель’. Причем филина величали *боо баабай* ‘шаман-отец’, а ушастую сову – *боо баатар* ‘шаман-богатырь’ [Манжигеев, 1978, с. 25]. Эта градация, вероятно, не только отражала очевидное различие между данными видами семейства совиных, но и подчеркивала мнимое старшинство филина. Напомню, что в бурятской культуре были и другие примеры отнесения животных с отличительными чертами к шаманам: напр., среди собак выделяли категорию собак-шаманов [Хангалов, 1960, с. 67]. Этот культурный феномен является показателем архаичности сознания бурят конца XIX в. (когда исследователями были записаны упомянутые выше фольклорные материалы), согласно которому, животный и человеческий миры взаимосвязаны и взаимодействуют.

Надо полагать, что идея о больших ушных перьях как признаке «шаманской» природы изучаемых птиц была унаследована бурятами предбайкальских родов от той части предков, чей шаманский головной убор украшался перьями филина, а это было характерно монголам (урянхайцам, халха и т.д.) и тюркам Саяно-Алтая (алтайцам, тувинцам, хакасам и др.). Отметим, что такая традиция отражала их мифологию, по которой, данная птица выступала то духом-покровителем или духом-помощником шамана, то его транспортом. Любопытно, что в фольклоре алтайцев прямо указывается, что филин был шаманом, но был обращен в птицу [Потанин, 1883, с. 183]. Тесная увязка филина и совы с шаманской традицией имела место и в культуре индейцев Северной Америки, которые почитали их как шаманских птиц [Мифы народов мира, 1980, с. 838].

Охранительная функция ушастой совы переносилась на отдельные части ее тела, служившие амулетами для детей [Басаева, 1974, с. 34]. Сказанное в той же степени относимо к филину, перья которого применялись в качестве магической защиты от нечистой силы [Хангалов, 1958, с. 333]. Вера в отвращающие качества совы и филина, проявлявшаяся в использовании их как оберега, в частности, фиксируется у славян [Гура, 1997, с. 583].

Оба пернатых хищника, одной из сфер обитания которых является небо, априори несут небесную символику. В этом можно убедиться, в частности, на примере совы: в легендах предбайкальских бурят она неслучайно выступает отцом сына неба [Потанин, 1883, с. 674]. Особенно показателен образ белой (полярной) совы, загадочной для бурят тем, что она появлялась на их землях только зимой. Г.Н. Потанин

приводит следующее поверье забайкальских бурят, в котором объясняется отсутствие данной птицы летом: «Саган шибон (*сагаан шубуун. – Авт.*), белая сова, только зимой живет на земле, а летом погружается в воду, и когда подгоняют поить табун к тому озеру, в котором она укрылась, она убивает громом по несколько скотин за раз» [Там же, с. 184]. В этих народных суждениях утверждается не только водная символика полярной совы, но и содержится указание на ее небесную природу. Дело в том, что в бурятской мифологии орудиями светлых небожителей, прежде всего верховного бога-творца и громовержца Айа, были гром и молнии («громовые стрелы»), а сова, как упоминается в поверье, предстает громовержцем. Отдаленное сходство обнаруживается в традиционном мировоззрении китайцев, которые тоже связывали сову с громом [Тресиддер, 1999, с. 346].

Следует обратить внимание на название полярной совы в бурятской лексике – *сагаан шубуун*. Буряты аналогично именовали священную для них птицу – лебедя. Самое очевидное объяснение такого совпадения находим в преимущественно белом окрасе оперения обоих пернатых.

Относительно полярной совы сложилось иное видение, чем лебедя, это транслирует вариант цитируемого выше поверья, записанного у забайкальских бурят. Согласно нему, в грозу эта птица дразнит бога-громовержца, по этой причине он пускает в нее громовые стрелы [Потанин, 1883, с. 184]. Некоторую параллель с данным сюжетом имеют поверья монгольских дербетов, по которым полярная сова якобы преследуется повелителем небес за убийство его сына [Там же, с. 234]. Несмотря на отличие текстов у забайкальских бурят и дербетов, можно констатировать отрицательное восприятие ее образа и теми и другими.

Надо заметить, что упомянутое выше бурятское предание представляет собой кальку с другого фольклорного произведения, правда, в котором актором выступает *Араахан шудхэр* ‘Волосатый черт’ – небольшой волосатый черт, враждующий с богом-громовержцем *Хухэдэй-мэргэн* [Там же, с. 141]. А это позволяет предполагать, что в представлениях бурят данное пернатое имело демоническую природу.

В случае с номинацией филина – *шара шубуун* – все обстоит иначе: используемый в названии эпитет никак не соотносится с естественным цветом оперенья этой хищной птицы – в основном серовато-охристым. Поэтому здесь нужно исходить из символики желтого колора у бурят, который ими обычно трактуется как вечность и изначальность, а это коррелирует с понятием сакральность.

Вместе с тем у предбайкальских бурят Уляабинского рода имело место почитание совы как тотемного животного. Кроме того, согласно генеалогическому мифу этих бурят, она спасает и выкармливает брошенного матерью ребенка, ставшего впоследствии основателем рода Уляаба [Дампилова, 2005, с. 101].

Филин также представлял объект поклонения предбайкальских бурят: ему, подобно орлу, приносили обязательные жертвоприношения [Потанин, 1883, с. 92]. Вероятно, он, как и орел, воплощал одного из грозных духов-хозяев и связывался с небесными богами.

В традиционном мировоззрении бурят наряду с положительной коннотацией эту птицу окружает негативный ореол. Народная примета, зафиксированная у селенгинских бурят, гласит: «Если филин по ночам садится во дворе и кричит, то быть больному на долгое время» [Смолев, 1900, с. 28]. Крик, издаваемый хищной птицей, прилетевшей из чуждого для людей пространства – леса, читался как зловещий знак. Согласно примете, у бурят уханье филина ассоциировалось с наступлением тяжелой болезни. Аналогию этому можно провести с воззрениями южных славян, воспринимавших рассматриваемых ночных птиц возбудителями болезней [Гура, 1997, с. 572].

Такие представления, но в отношении совы, были у многих народов Евразии, для примера, у индусов прилет совы и звуки, издаваемые ею, считались дурными предзнаменованиями, ее воспринимали вестником смерти и несчастий [Krishna, 2014, p. 190]. Схожие воззрения были у славян, которые появление у дома представителей семейства совиных рассматривали как предвестие смерти или несчастья [Гура, 1997, с. 569]. Подобные суждения были у алтайцев [Потанин, 1883, с. 183] и у некоторых других народов.

Отрицательное отношение бурят к сове проявляется в приведенной выше номинации *буг* ‘злой дух, сова’, которая указывает на связываемый с птицей мотив оборотничества демонического существа в нее.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что бурятские названия представителей семейства совиных содержат информацию о наиболее отличительных зоологических чертах и особенностях поведения этих птиц. В то же время в малых жанрах фольклора бурят также передаются основные признаки, но только филина, что свидетельствует об особом месте этого пернатого в традиционном мировоззрении бурят.

Анализ традиционных представлений бурят позволяет констатировать, что образы совы и филина полисемантичны и характеризуются амбивалентностью коннотации.

Выяснено, что сова и филин наделяются символикой неба, а полярная сова – еще и воды. С филином увязывается мотив негодной жены мифического повелителя птиц и тема враждебности к нему других пернатых. С совой связывали идею оборотничества.

Позитивное отношение к филину и ушастой сове проявляется в воззрениях предбайкальских бурят о них как шаманах-покровителях младенцев. Почита-

ние совы обусловлено тем, что она считалась тотемом бурят рода Уляаба. В то же время сложился негативный образ полярной совы, как имеющей нечистую природу.

Часть традиционных представлений бурят о сове и филине находит аналогии с воззрениями других народов Евразии, что свидетельствует об их универсальности.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.».

Список литературы

Байкал: природа и люди: энциклопедический справочник / под ред. А.К. Тулохонова. – Улан-Удэ: ЭКОС: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 608 с.

Басаева К.Д. Традиционные обычаи и обряды западных бурят, связанные с рождением и первыми годами жизни ребенка // Этнографический сборник. – Улан-Удэ, 1974. – Вып. 6. – С. 28–43.

Большой академический монгольско-русский словарь: Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001–2002. – 2198 с.

Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов, Л.Д. Шагдаров. В 2-х т. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010а. – Т. I: А–Н. – 636 с.

Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов, Л.Д. Шагдаров. В 2-х т. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010б. – Т. II: О–Я. – 708 с.

Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции): автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Петрозаводск, 2007. – 565 с.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.

Дампилова Л.С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 248 с.

Жамцарано Ц.Ж. Путевой дневник 1908–1909 гг. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 119 с.

Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: опыт атеистической интерпретации. – М.: Наука, 1978. – 127 с.

Мифы народов мира: Энциклопедия / под ред. С.А. Токарева. – М.: Сов. энцикл., 1980. – 1147 с.

Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – 566 с. – (Тр. ИВ АН СССР; т. XIV).

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. – Вып. IV: Материалы этнографические. – 1026 с.

Сказания бурят, записанные разными собирателями // Зап. ВСОИРГО. – 1890. – Т. 1, вып. 2. – 160 с.

Смолев Я.С. Три табангутских рода селенгинских бурят: этнографический очерк // Тр. КОПОИРГО. – 1900. – Т. 1, вып. 3. – С. 79–135.

Содномпилова М.М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят. – Иркутск: Радиан, 2005. – 218 с.

Тресиддер Дж. Словарь символов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.

Хальмг-орс толь. Русско-калмыцкий словарь / под ред. Б.Д. Муниева. – М.: Русский язык, 1977. – 768 с.

Хамниганско-русский словарь / сост. Д.Г. Дамдинов, Е.В. Сундуева. – Иркутск: Оттиск, 2015. – 364 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – 551 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – Т. 3. – 421 с.

Krishna N. Sacred Animals of India. – New Delhi: Penguin Random House India Pvt. Ltd, 2014. – 274 p.

References

Basaeva K.D. Traditsionnye obychai i obryady zapadnykh buryat, svyazannye s rozhdeniem i pervymi godami zhizni rebenka. In *Etnograficheskii sbornik*. Ulan-Ude, 1974. Iss. 6. P. 28–43. (In Russ.).

Damdinov D.G., Sundueva E.V. Hamnigansko-russkij slovar'. Irkutsk: Ottisk, 2015. 364 p. (In Hamnigan., Russ.).

Dampilova L.S. Shamanskie pesnopeniya buryat: simvolika i poetika. Ulan-Ude: BSC SB RAS Publ., 2005. 248 p. (In Russ.).

Gura A.V. Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii. Moscow: Indrik, 1997. 912 p. (In Russ.).

Khangalov M.N. Collected Works. Ulan-Ude: Buryat book, 1958. Vol. I. 551 p. (In Russ.).

Khangalov M.N. Collected Works. Ulan-Ude: Buryat book, 1960. Vol. III. 421 p. (In Russ.).

Krishna N. Sacred Animals of India. New Delhi: Penguin Random House India Pvt. Ltd, 2014. 274 p.

Manzhigeev I.A. Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy: opyt ateisticheskoi interpretatsii. Moscow: Nauka, 1978. 127 p. (In Russ.).

Muniev B.D. (ed.). Khal'mg-ors tol'. Russko-kalmytskii slovar'. Moscow: Russkii yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm., Russ.).

Poppe N.N. Mongol'skii slovar' Mukaddimat Al-Adab. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1938. 566 p. (In Mong., Russ.).

Potanin G.N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1879 godu po porucheniyu Imperat. Rus. Geogr. obshchestva. Iss. 2: Materialy etnograficheskie. St. Petersburg: tipografiya V. Kirshbauma, 1883. 1026 p. (In Russ.).

Purbeev G.Ts. (ed.). Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'. Moscow: Academia, 2001–2002. 2198 p. (In Mong., Russ.).

Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. (ed.). Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar'. In 2 vol. Ulan-Ude:

Respublikanskaya tipografiya, 2010a. Vol. I. 636 p. (In Buryat., Russ.).

Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. (ed.). Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar'. In 2 vol. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2010b. Vol. II. 708 p. (In Buryat., Russ.).

Skazaniya buryat, zapisannye raznymi sobiratelyami. In *Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshestva*. Irkutsk, 1890. Vol. 1. Iss. 2. 160 p. (In Russ.).

Smolev Y.S. Tri tabangutskikh roda selenginskikh buryat: etnograficheskii ocherk. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshestva*. 1900. Vol. 1. Iss. 3. P. 79–135. (In Russ.).

Sodnompilova M.M. Semantika zhilishha v tradicionnoj kul'ture burjat. Irkutsk: Radian, 2005. 218 p. (In Russ.).

Tokarev S.A. (ed.). Mify narodov mira: Entsiklopediya. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1980. 1147 p. (In Russ.).

Tresidder Dzh. Slovar' simvolov. Moscow: FAIR-PRESS, 1999. 448 p. (In Russ.).

Tulokhonov A.K. (ed.). Baikal: priroda i lyudi: entsiklopedicheskii spravochnik. Ulan-Ude: EKOS: BSC SB RAS Publ., 2009. 608 p. (In Russ.).

Vinokurova I.Y. Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii): dokt. sc. (history) dissertation abstract. Petrozavodsk, 2007. 565 p. (In Russ.).

Zhamtsarano Ts.Zh. Putevoi dnevnik 1908–1909 gg. Ulan-Ude: BSC SB RAS Publ., 2006. 119 p. (In Russ.).

Бадмаев А.А. https://orcid.org/0000-0002-9525-4366

Дата сдачи рукописи: 29.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0880-0883
УДК 304.2+394

А.Н. Блинова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E–mail: anblinova@mail.ru

Актуальные формы работы с этнокультурным наследием в общественных организациях российских немцев

Деятельность общественных организаций российских немцев сегодня – один из основных факторов сохранения культуры и формирования идентичности российских немцев. На местном уровне свой этнический потенциал немцы могут реализовать в центрах немецкой культуры. Повсеместно они стали открываться в начале 1990-х гг., когда возникла необходимость сохранения немцев как этнической группы на территории России ввиду их массовой эмиграции на историческую родину, и сегодня насчитывается более 550 таких организаций. Работа этих организаций строится на проектной основе в рамках четырех основных «полей»: языкового, социального, молодежного и этнокультурного. Основные направления деятельности национально-культурных объединений сегодня это языковая, этнокультурная, молодежная и социальная работы. Этнокультурный компонент реализуется через проведение календарных праздников, этнокультурных лагерей и детских площадок, организацию фольклорных коллективов, этнокультурных клубов, кружков рукоделия – «Basteln». К основным формам работы с этнокультурным наследием народа, особенно с его материальной частью, можно отнести мастер-классы. Ярким примером ревитализации традиции стали настенные панно – шпрухи. Сегодня это один из самых востребованных элементов этнокультурного наследия в работе общественных организаций российских немцев. Актуализация этого вида культурного наследия происходит с помощью публикаций, мастер-классов, конкурсов, создания игр и наборов для изготовления. Источниками статьи являются интервью с посетителями и руководителями центров встреч и клубов российских немцев, данные официальных сайтов объединений и их официальных групп в социальных сетях, а также данные научной литературы.

Ключевые слова: *национально-культурные объединения, центры немецкой культуры, этнокультурное наследие, российские немцы, шпрух.*

A.N. Blinova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E–mail: anblinova@mail.ru

Actual Forms of Work with Ethnocultural Heritage in Public Organizations of Russian Germans

Preservation of the culture and generation of the national identity of Russian Germans is strongly supported by activities of public organizations of Russian Germans today. At the local level, Germans can realize their ethnic potential in the centers of German culture. Such public organizations emerged in the early 1990s; it was an essential technique to preserve the Germans as an ethnic group in Russia; the German population decreased considerably due to the mass emigration to the historical homeland; today, there are more than 550 such organizations. The national–cultural associations focused their activities on the four main "fields" – linguistic, social, youth and ethnocultural. The ethnocultural component is implemented through calendar holidays, ethnocultural camps, organization of folklore groups, ethnocultural clubs, needlework circles – "Basteln". Master classes are nowadays the main form of work with the ethnocultural heritage of the Germans, especially with its material part. Panels – "spruch" – became a striking example of revitalization of tradition. Today it is one of the most sought–after elements of ethnocultural heritage in the activities of public organizations of Russian Germans. The actualization of this type of cultural heritage occurs through publications, master classes, competitions, creation of games and handicraft kits. The authors present the interviews with visitors and heads of culture centers and clubs of Russian Germans, data from official websites of associations and their official groups on social networks, as well as data from scientific literature.

Keywords: *national-cultural associations, centers of German culture, ethnocultural heritage, Russian Germans, spruch.*

Вопросами сохранения этнокультурного потенциала российских немцев занимаются многочисленные общественные организации. Сеть национально-культурных организаций российских немцев начала создаваться с начала 1990-х гг. Сегодня это разветвленная структура, которая представляет интересы народа как на федеральном уровне, так и на местном. На местном уровне образованы центры встреч – общественные организации различных форм: национально-культурные автономии российских немцев, общественные организации российских немцев, центры немецкой культуры (далее – ЦНК), а на региональном – Культурно-деловые центры (далее – КДЦ). На сегодняшний день самоорганизация российских немцев состоит из 559 центров встреч и молодежных клубов, 8 Российско-немецких домов и КДЦ, сети региональных и местных национально-культурных автономий в 57 регионах РФ, 5 межрегиональных координационных советов, 6 профильных организаций и 2 организаций федерального уровня [Международный союз..., 2024]. Работа организаций строиться на проектной основе в рамках 4 основных «полей» – языкового, социального, молодежного и этнокультурного [Шлегель, 2020].

Этнокультурный компонент реализуется через проведение календарных праздников, этнокультурных лагерей и детских площадок, организацию при ЦНК фольклорных коллективов, этнокультурных клубов, кружков рукоделия – «Basteln». Презентация этнокультурного наследия происходит через фестивали, дни немецкой культуры, концертные программы, выставки, мастер-классы, театрализованные представления элементов праздничной или семейной обрядности, организацию экскурсий в музеи, издательские проекты. Реализуемые мероприятия рассчитаны на разные возрастные категории посетителей, последнее время возрастает количество семейных проектов, где разные поколения объединены общей деятельностью.

Особую роль в сохранении этнокультурного наследия играют многочисленные клубы «Basteln» при ЦНК. В переводе с немецкого слово обозначает «мастерить», «рукодельничать». Эти клубы объединяют любительниц различного вида рукоделий, нужно отметить их высокую популярность среди посетителей, сравнимую с языковыми курсами. Одной из самых востребованных форм сохранения и трансляции этнокультурного наследия стали мастер-классы, который проходят один раз в неделю. Руководители клубов выстраивают календарный план мероприятий в соответствии с основными датами народного и религиозного календаря российских немцев, а также существуют занятия, которые посвящены какому-либо виду декоративно-прикладного искусства, не всегда являющемуся традиционно немецким. В силу того, что существует методическая поддержка (семинары, курсы повышения квалификации, литература) руководителей ЦНК и клубов со стороны Автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования «Институт этнокультурного образования», входящего в структуру общественных организаций российских немцев, «репертуар» мастер-классов выглядит похожим. Например, большинство клубов в период Адвента проводят мастер-классы по изготовлению адвент-венка, адвент- календаря, подсвечников, рождественских игрушек и т.д. Незадолго до Праздника урожая клубы изготавливают символы этого календарного праздника – тыквы и жатвенные венки.

К традиционным видам рукоделия российских немцев, которые представлены в клубах «Basteln», можно отнести: шитье, вязание крючком и на спицах, вышивание разными техниками, в т.ч. по филейной сетке. Однако в работе клубов преобладают современные виды, техники и материалы рукоделия: лоскутное шитье, изготовление мягких игрушек и аксессуаров, изделий из соленого теста, вышивка лентами, квиллинг, алмазная мозаика, вышивка бисером и бисероплетение, изготовление мыла и топиариев, декупаж др. Особый вид мероприятий – кулинарные мастер-классы, которые так же представлены в этнокультурных клубах «Basteln».

Ярким примером ревитализации традиции стали шпрухи (Spruch – изречение). Сегодня это один из самых востребованных элементов этнокультурного наследия в работе общественных организаций российских немцев. Шпрухи представляют собой настенные панно в разных техниках с изречениями из Библии или краткими назиданиями, выполненные готическим шрифтом. Эти разнообразные по технологии, оформлению и содержанию картины стали символами этнокультурного наследия и воплощают яркие черты немецкого народного творчества. Самодеятельные художники использовали при изготовлении шпрухов все доступные материалы: холст, бумагу, картон, стекло, масляные краски, тушь и гуашь. Фоном для изречения служили простые сюжеты или стилизованные пейзажи, но чаще всего – цветочные композиции. Проанализировав музейные коллекции, можно сделать вывод что наиболее распространенные техники изготовления панно: вышивка по ткани, рисунок на холсте, фанере, дереве и изображение на стекле. Рисунок на стекле наносился с обратной стороны, затем фон, после высыхания которого стирали очертания фигур, после чего наклеивали фольгу, задником служил картон или бумага [Смирнова, 2016, с. 292].

Актуализация этого вида культурного наследия происходит с помощью публикаций, мастер-классов, конкурсов. Д.И. Вайман в 2014 г. издал набор открыток «Шпрухи немцев Урала» [2014], а в 2022 г. – альбом «Шпрухи российских немцев» [2022]. В альбом вошли фотографии более 280 шпрухов, собранные в ходе этнографических экспедиций на территории Урала и Сибири, а также коллекции из музеев России, Казахстана и Германии, издание сопровождается обстоятельной научной статьей о роли шпрухов в культуре российских немцев. Эти публикации стали отправной

точной и основным источником для многих проектов по этому виду декоративно-прикладного искусства.

Так, в 2015 г. в центре встреч немцев г. Омска после знакомства с набором открыток был реализован проект, в рамках которого были созданы 10 шпрухов в разных техниках. Особенно интересен с точки зрения сохранения объектов культурного наследия один из шпрухов, автором которого стала Ирина Александровна Комова (сегодня руководитель клуба «Basteln» при КДЦ в г. Омске). Его основой стала аппликация из элементов сохранившейся в семье вышивки – салфетка, на которой была вышивка, не подлежала восстановлению, но получила вторую жизнь как элемент шпруха. С этого времени мастер-классы по изготовлению шпрухов ежегодно проводятся в КДЦ г. Омск, в ЦНК области – Азовском, Александровском, Цветнопольском, Литковском и др. Омский КДЦ представляет мастер-классы на больших городских мероприятиях, например, «Ночь в музее» (с 2020 г.), «Библионочь» (с 2022 г.).

В 2016 г. у членов РЦНК «Надежда» (Самара) появилась идея создания собственных уникальных шпрухов. Она стала частью проекта «Kunst, Sport und Spaß, und nicht nur das!» (Искусство, спорт и веселье, и не только!). В результате была создана специальная творческая мастерская под названием «Aus Omas Truhe» («Из бабушкиного сундучка»), были разработаны вышивальные схемы, произведен подбор материалов и инструментов, разработана инструкция, которые представлены на сайте организации. В 2020 г. проект продолжился, были разработаны новые схемы, по которым изготовлены шпрухи, украшающие стены центра [Шпрухи из Самары].

С 2017 г. немецкая национально-культурная автономия «Эдельвейс –Усинск» (Республика Коми) проводит городской муниципальный конкурс «Шпрухи. Возрождение немецкой традиции». Конкурсные работы должны были содержать элемент «немецкого содержания», напр., если шпрух на русском языке, то буквы должны быть стилизованы под готический шрифт. Были выделены три номинации: «Немецкие шпрухи», «Шпрухи на русском языке», «Усинские шпрухи». В последнею категорию вошли шпрухи, сочетающие элементы немецкой и коми культур. На конкурс поступило более 50 работ, они были размещены в музее Центра дополнительного образования детей г. Усинска, где и были подведены итоги конкурса, лучшие работы были опубликованы в виде комплекта открыток [Усинские шпрухи, 2018].

Для привлечения внимания к шпрухам детской аудитории в 2021 г. Международным союзом немецкой культуры был профинансирован проект по созданию игр. На сайте «Виртуального музея российских немцев» появились две игры, посвященных щпрухам. В первой – «Собери шпрух» – необходимо собрать пазл, а во второй – «Знаешь ли ты готический шрифт?» – распознать текст, написанный этим способом [Виртуальный музей].

В 2022 г. Немецкое молодежное объединение подготовило свой проект, он называется «Шпрух в коробке», по сути это набор для вышивания. Его автором является Диана Попиашвили, идея проекта у нее появилась на одном из мероприятий, когда многие участники, увидев ее за работой, просили изготовить для них нечто подобное. «Шпрух в коробке» рассказывает, как сделать традиционную картину самостоятельно. Внутри коробочки есть все необходимые материалы. В небольшом пособии есть информация о шпрухе и его функции; о том, как его вышить, а также приведены схемы с классическими для шпрухов фразами на немецком. Например, «Любовь спасет мир», «Бог есть любовь», «Где любовь, там и мир» и др. [Шпрухи российских немцев]. Набор распространяется бесплатно, на федеральных мероприятиях Немецкого молодежного объединения.

В целом, актуальность и популярность этого вида этнокультурного наследия доказывает география мастер-классов по изготовлению шпрухов. Они представлены фактически по всей стране – в Калининграде, Москве, Саратове, Самаре, Челябинске, Омске, Новосибирске, Томске, Красноярске. Актуализация шпрухов происходит через сохранение их формы, но применения новых материалов и техник для их создания, напр., одной из самых популярных стала аппликация.

Деятельность общественных организаций российских немцев по сохранению этнокультурного наследия затрагивает в большей или меньшей степени все его виды. В результате за годы существования самоорганизации сложились традиции, которые являются не столько сохранением бытовавших ранее в отдельных регионах, сколько вариантом ревитализации, соединившим в себе компоненты различных локальных традиций. Среди сохраняемых элементов этнокультурного наследия чаще всего встречаются наиболее репрезентативные – те, которые позволяют сделать культуру российских немцев узнаваемой и наиболее ярко проявить свою идентичность (костюмы, песни, танцы, элементы календарной и свадебной обрядности, традиционная кухня, шпрухи).

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0002 «Население Сибири и Северного Казахстана: социокультурные процессы и трансляция культурного наследия».

Список литературы

Виртуальный музей российских немцев. – URL: https://museum.rusdeutsch.ru/ (дата обращения: 23.09.2024).

Международный союз немецкой культуры – URL: https://ivdk.ru/ (дата обращения: 23.08.2024).

Смирнова Т.Б. Этнография российских немцев. – М.: РусДойч Медиа, 2016. – 316 с.

Усинские шпрухи. Возрождение традиции. – Усинск, [б.и.], 2018. – 21 с.

Шлегель Е.А. Роль центров немецкой культуры в сохранении этнической идентичности российских немцев // Вестн. Ом. гос. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2020. – № 1 (25). – С. 180–186.

Шпрухи из Самары – URL: https://spruch.ru/ (дата обращения: 23.09.2024).

Шпрухи немцев Урала: комплект открыток / авт.-сост. Д.И. Вайман. – СПб.: Маматов, 2014. – 21 с.

Шпрухи российских немцев / авт.-сост. Д.И. Вайман. – СПб.: Маматов, 2022. – 312 с.

Шпрухи российских немцев. – URL: https://spruch.tilda.ws/ (дата обращения: 23.09.2024).

References

Mezhdunarodnyi soyuz nemetskoi kul'tury. URL: https://ivdk.ru/ (Accessed: 23.08.2024). (In Russ.).

Shlegel E.A. The Role of Centres of German Culturein Preserving the Ethnic Identity of Russian Germans. *Herald of Omsk University. Series Historical Studies*, 2020. No. 1 (25). P. 180–186. (In Russ.). doi: 10.24147/2312–1300.2020.7(1).180–186

Shprukhi iz Samary. URL: https://spruch.ru/ (Accessed: 23.09.2024). (In Russ.).

Shprukhi rossiiskikh nemtsev. URL: https://spruch.tilda.ws/ (Accessed: 23.09.2024). (In Russ.).

Smirnova T.B. Etnografiya rossiiskikh nemtsev. Moscow: RusDoich Media, 2016. 316 p. (In Russ.).

Usinskie shprukhi. Vozrozhdenie traditsii. Usinsk, [s.p.], 2018. 21 p. (In Russ.).

Vaiman D.I. (ed.) Shprukhi nemtsev Urala: komplekt otkrytok St. Petersburg: Mamatov, 2014. 21 p. (In Russ.).

Vaiman D.I. (ed.) Shprukhi rossiiskikh nemtsev. St. Petersburg: Mamatov, 2022. 312 p. (In Russ.).

Virtual'nyi muzei rossiiskikh nemtsev. URL: https://museum.rusdeutsch.ru/ (Accessed: 23.09.2024).

Блинова А.Н. https://orcid.org/0000-0001-8284-7042

Дата сдачи рукописи: 30.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0884-0887
УДК 314

А.Н. Блинова[1, 2]✉, Т.Б. Смирнова[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Омский научный центр СО РАН
Омск, Россия
[3]Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия
E-mail: anblinova@mail.ru

Этнодемографическая ситуация в регионах Сибирского федерального округа

В статье рассматриваются основные этнодемографические тенденции в регионах Сибирского федерального округа (СФО). СФО включает в себя 10 регионов, по которым и проведено сравнение показателей. Основным источником стали данные переписей населения и актуальная статистическая информация, представленная на сайтах региональных управлений федеральной службы государственной статистики. Демографическая ситуация в России характеризуется сокращением численности населения, низкой рождаемостью, старением населения и увеличением демографической асимметрии между европейской и азиатской частями. Большинство этих тенденций имеют этническую специфику. Численность населения СФО сокращается за счет межрегиональной миграции и низкого уровня рождаемости. Обе эти причины имеют этническую специфику и отличаются у разных народов, живущих в Сибири. В межрегиональных миграциях преобладают русские, потому что они составляют подавляющее большинство населения. Самая низкая рождаемость среди народов, проживающих в СФО, также у русского населения. В целом можно отметить довольно стабильный этнический состав населения в Республиках Алтай и Хакасия, где соотношение основных этнических групп не меняется на протяжении нескольких последних десятилетий. Республика Тыва выделяется на фоне других регионов СФО, в т.ч. национальных регионов. Численность населения в республике неуклонно растет на протяжении всего постсоветского периода. Тувинцы обладают высоким суммарным коэффициентом рождаемости, обеспечивающим стабильную демографическую ситуацию. Миграции тоже носят ярко выраженный этнический характер, из Тывы выезжают в основном русские, из-за чего их численность резко сократилась. Республика Тыва становится все более мононациональной.

Ключевые слова: *этнодемография, рождаемость, миграции, Сибирский федеральный округ, русское население, национальные республики.*

A.N. Blinova[1, 2]✉, T.B. Smirnova[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Omsk Scientific Center SB RAS
Omsk, Russia
[3]Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia
E-mail: anblinova@mail.ru

Ethnodemographic Situation in the Regions of the Siberian Federal District

The authors address the main ethnodemographic trends in the regions of the Siberian Federal District (SFD). The SFD includes 10 regions; the relevant regional indicators are compared. The authors based on the data of population censuses and up-to-date statistical information presented on the websites of regional departments of the Federal State Statistics Service as the main source. The demographic situation in Russia is characterized by a decrease in the population, a low birth rate, an aging population and an increase in the demographic asymmetry between the European and Asian parts. Most of these trends are ethnically specific. The population of the SFD is declining due to interregional migration and a low birth rate. Both of these reasons have ethnic characteristics and differ among the peoples living in Siberia. Russians making up the vast majority of the population dominate in interregional migrations. The Russian population shows the lowest birth rate among the peoples living in the Siberian Federal

District. In general, a fairly stable ethnic composition of the population has been noted in the Republics of Altai and Khakassia, where the ratio of the main ethnic groups has not changed over the latest few decades. The demographic situation in the Republic of Tuva is different from that in other regions of the SFD including national regions. The population in the republic has been growing steadily throughout the post-Soviet period. Tuvians show a high total fertility rate, providing a stable demographic situation. Migrations demonstrate a pronounced ethnic character; mainly Russians leave Tuva; the Russian population size has decreased significantly. The Republic of Tuva is becoming more mono-ethnic.

Keywords: *ethnodemography, fertility, migration, Siberian Federal District, Russian population, national republics.*

Этнодемографические исследования приобретают высокую актуальность в связи с реализуемой в Российской Федерации демографической политикой, которая направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране [Демографическая политика..., 2024]. Главными демографическими проблемами в России являются сокращение численности населения, низкая рождаемость, распространение семей с одним ребенком, не обеспечивающим воспроизводство населения, старение населения и увеличение демографической асимметрии между субъектами РФ и между территориями России и приграничными государствами. Эта асимметрия в значительной степени связана с этническими аспектами, в частности с этническим составом населения регионов, демографическими установками разных народов, этническими миграциями. В полной мере эти проблемы существуют в азиатской части России, и в частности, в регионах Сибирского федерального округа (СФО).

Сибирский федеральный округ состоит из 10 субъектов: Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Алтайский край, Красноярский край, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области. В 2018 г. два субъекта, входившие ранее в состав СФО (Республика Бурятия и Забайкальский край), были переданы в состав Дальневосточного федерального округа. Площадь СФО составляет 4 млн 362 тыс. км^2, численность населения – 16 792 699 чел. Численность населения на территориях, входящих в состав СФО, постоянно сокращается, начиная с 1991 г. Во времена Российской империи и Советского Союза население Сибири постоянно увеличивалось, после распада СССР начинается неуклонное снижение численности населения в восточных областях страны. Так, с начала XX в. до 1990 г. численность населения Азиатской России выросла с 5,8 млн до 39,8 млн чел., то есть почти в 7 раз [Первая всеобщая перепись..., 1897; Всесоюзная перепись..., 1989]. За постсоветский период численность населения на Урале и областях за Уралом сократилась до 37,1 млн чел., то есть на 2,7 млн чел., и снижение численности населения продолжается, хотя и не такими огромными темпами, как в 1990-е гг.

Численность населения в регионах, относящихся сейчас к СФО, снизилась с 17 млн 688,5 тыс. чел. в 1989 г. на 896 тыс. чел. в 2021 г., в т.ч. в последнее десятилетие – почти на 385 тыс. чел. [Всероссийская перепись..., 2010; Всероссийская перепись..., 2020] (рассчитано с учетом перехода Бурятии и Забайкалья в ДФО). Главной причиной убыли населения являются межрегиональные миграции (жители Сибири уезжают в основном в Москву и Московскую обл., Санкт-Петербург и Ленинградскую обл., Краснодар, Екатеринбург, Тюмень и Калининград) и снижение рождаемости. Обе эти причины – и миграции, и рождаемость, имеют этническую специфику, и отличаются у разных народов, живущих в Сибири.

Рождаемость русского населения во всех субъектах СФО ниже при сравнении с другими народами. Самый низкий суммарный коэффициент рождаемости русских в Омской и Кемеровской областях – 1,4, в большинстве регионов он чуть выше 1,5–1,6, самый высокий показатель в Республике Алтай – 1,8 [Всероссийская перепись..., 2020, т. 5, табл. 14].

В межрегиональных миграциях (внутри России) преобладают русские, потому что они составляют подавляющее большинство населения. В целом в азиатской части России доля русских составляет 87,2 % всего населения. Есть различия между федеральными округами: если на Дальнем Востоке доля русских близка к среднероссийским значениям и составляет 81,3 %, то в регионах Уральского федерального округа она составляет 86,1 %, а в регионах СФО – 90,8 % всего населения. Миграционная подвижность коренных народов Сибири ниже, особенно это касается титульных народов, которые имеют свои национальные территориальные образования. Речь идет о Республике Алтай, Хакасии и Республике Тыва.

Республика Алтай, с преобладанием сельского населения, отсутствием крупных городов и промышленности, не относится к числу привлекательных для мигрантов регионов. Этнический состав населения таков: русских – 106 258 чел., алтайцев – 73 242 чел., казахов – 12 647 чел. [Всероссийская перепись..., 2020, т. 5, табл. 3]. Соотношение этих основных национальностей Республики не меняется на протяжении многих лет. Но меняется возрастная структура жителей за счет выезда молодежи, поскольку молодые люди уезжают для получения образования, либо трудоустраиваются за пределами Республики, поскольку уровень заработной платы в регионе ниже, чем в других субъектах РФ. Немного растет численность коренных малочисленных народов (в Республике Алтай живут кумандинцы, телеуты, теленгиты, тубалары,

челканцы, шорцы), но не только в связи с более высокой рождаемостью и минимальными миграциями, а и по причине социальных льгот: заготовка леса, право на охоту и более ранний выход на пенсию.

Естественный прирост в Республике Алтай стабильно положительный, суммарный коэффициент рождаемости составил 2,030 в 2023 г. [Суммарный коэффициент..., 2024]. В этническом разрезе пятерка лидеров по суммарному коэффициенту рождаемости выглядит так (по мере уменьшения): казахи (2,4), теленгиты (2,3), алтайцы (2,2), тубалары (2,1), немцы (2,1) [Всероссийская перепись..., 2020, т. 5, табл. 14]. В то же время наблюдается рост числа многодетных семей. Среди тревожащих факторов можно отметить высокие значения среди причин смертности самоубийств и алкогольных отравлений, что свидетельствует о низком социальном благополучии.

Республика Хакасия имеет отрицательные показатели и по естественному движению населения, и по миграциям. Так, общая численность населения в республике снизилась с 574 тыс. чел. в 1991 г. до 528 тыс. в 2023 г., т.е. на 8 %. Наибольшее снижение численности населения пришлось на 1993–2006 и 2019–2023 гг. При этом естественная убыль населения составила за последние 5 лет 10,5 тыс. чел., а миграционная убыль – 1 тыс. чел. [Население. Республика Хакасия, 2024]. В последние годы наблюдается снижение рождаемости, по сравнению с 2018 г. она снизилась на 15 %, а смертность увеличилась [Шулбаева, 2023, с. 92].

Снижается в первую очередь численность русского населения и т.н. старых диаспор (украинцев, белорусов, немцев, поляков, латышей, литовцев и др.). Количество русских в Хакасии снизилось с 450 тыс. чел., учтенных переписью населения в 1989 г., до 356 тыс. в 2021 г. Следует учитывать тот факт, что при проведении переписи населения в 2021 г. значительное количество людей осталось, по разным причинам, без указания национальности, но тем не менее зафиксировано значительное снижение русских. Численность хакасов тоже снизилась, с 63 тыс. чел. до 55 тыс. Соотношение русских и хакасов в республике, с момента ее преобразования в 1991 г., практически не изменилось: 80–82 % составляют русские и 11–13 % составляют хакасы. Хакасы обладают не самым высоким уровнем рождаемости в регионе, их опережают по этому показателю киргизы, узбеки, чуваши и немцы, при этом численность всех перечисленных народов за межпереписной период снизилась.

Республика Тыва выделяется на фоне других регионов СФО, в т.ч. национальных регионов. Здесь имеется очень большая этнодемографическая специфика. Во-первых, общая численность населения в республике неуклонно растет на протяжении всего постсоветского периода. В 1991 г. в республике насчитывалось 303,3 тыс. чел., а на 1 января 2024 г. – 337,5 тыс., то есть рост составил более 11 %. Следует отметить, что этот рост обеспечивался исключительно высокой рождаемостью, потому что смертность в регионе достаточно высокая, и миграционный отток очень значительный. По данным Красноярскстата, с 1990 по 2023 г. миграционная убыль населения (т.е. разница между прибывшими и выбывшими) составила 98,7 тыс. чел. Фактически не было ни одного года (за исключением пандемийного 2020 г.), когда бы сальдо миграции не было бы отрицательным. С другой стороны, республика имеет очень высокий естественный прирост населения. За весь постсоветский период не было ни одного года, когда бы естественный прирост не был положительным, а всего сальдо естественного прироста (разница между родившимися и умершими) составило 104,6 тыс. чел. [Население. Республика Тыва, 2024].

Высокая рождаемость характерна для титульного народа – тувинцев. Суммарный коэффициент рождаемости – 2,3, что обеспечивает устойчивое воспроизводство численности, однако нужно отметить, что за пределами республики этот показатель резко падает, напр., у тувинцев, проживающих в Хакасии, он равен 1,7 [Всероссийская перепись..., 2020, т. 5, табл. 14].

В связи с тем, что выезжают из Тывы в основном русские, их численность в Республике резко сократилась. В 1989 г. русских в Тыве насчитывалось 98,8 тыс. чел., а в 2021 г. – всего 31,9 тыс. чел., т.е. в три раза меньше. По переписи 1989 г. русские составляли 32 % населения Республики, а в 2021 г. – всего 10 %. Вместе с русскими из Тывы выезжали представители других национальностей. Например, накануне распада Советского Союза там проживали 2,2 тыс. украинцев, а в 2021 г. – 107 чел. украинцев, белорусов – 556 и 20 чел. соответственно, немцев – 260 и 26 чел. соответственно, татар – 1071 в 1989 г. и 180 чел. в 2021 г. Численность титульного населения, напротив, выросла. В 1989 г. тувинцев насчитывалось 198,5 тыс. чел., а в 2021 – 280 тыс. чел. В 1989 г. тувинцы составляли 64 % всего населения, а в 2021 г. – почти 90 % [Всесоюзная перепись..., 1989; Всероссийская перепись..., 2020, т. 5, табл. 3]. Республика Тыва становится все более мононациональной, ее жители, даже многие молодые люди, особенно из сельской местности, слабо владеют русским языком, имеют мало возможностей поступить в учебные заведения за пределами региона, что приводит к замкнутости.

Во всех регионах СФО, которые не являются национальными республиками, миграционный прирост является отрицательным, за исключением Новосибирска. Также в СФО превышение смертности над рождаемостью наблюдается на протяжении последних лет, отрицательное сальдо имеют межрегиональные миграции, которые компенсируются мигрантами из азиатских государств, в основном Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. Результатом этнодемографических процессов является изменение этнической структуры населения регионов Сибирского федерального округа.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту «Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в новых условиях поворота на Восток» (номер госрегистрации проекта 123112100125-7) в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг.

Список литературы

Всероссийская перепись населения 2010 года. Национальный состав населения Российской Федерации // Демоскоп Weekly. Приложения. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php2020 (дата обращения: 01.08.2024).

Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 5: Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 01.08.2024).

Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. // ДемоскопWeekly. Приложения. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (дата обращения: 01.08.2024).

Демографическая политика Российской Федерации на период до 2025 года // Министерство труда и социальной политики Российской Федерации. – URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/ (дата обращения: 01.08.2024).

Население. Республика Тыва // Управление федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. – URL: https://24.rosstat.gov.ru/folder/32956 (дата обращения: 01.08.2024).

Население. Республика Хакасия // Управление федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. – URL: https://24.rosstat.gov.ru/folder/32939 (дата обращения: 01.08.2024).

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Пространство, число наличного населения и плотность // ДемоскопWeekly. Приложения. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus1897_01.php (дата обращения: 01.08.2024).

Суммарный коэффициент рождаемости по Республике Алтай. Население. Основные показатели // Управление федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. – URL: https://22.rosstat.gov.ru/folder/33349 (дата обращения: 01.08.2024).

Шулбаева К.И. Миграционные процессы в Республике Хакасия // Вестн. Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова. Социологические науки. – 2023 – № 1. – С. 91–97.

References

Demograficheskaya politika Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda. Ministerstvo truda i sotsial'noi politiki Rossiiskoi Federatsii. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/ (Accessed: 01.08.2024). (In Russ.).

Naselenie. Respublika Khakasiya. Upravlenie federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Krasnoyarskomu krayu, Respublike Khakasiya i Respublike Tyva. URL: https://24.rosstat.gov.ru/folder/32939 (Accessed: 01.08.2024). (In Russ.).

Naselenie. Respublika Tyva. Upravlenie federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Krasnoyarskomu krayu, Respublike Khakasiya i Respublike Tyva. URL: https://24.rosstat.gov.ru/folder/32956 (Accessed: 01.08.2024). (In Russ.).

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi Imperii 1897 g. Prostranstvo, chislo nalichnogo naseleniya i plotnost'. DemoskopWeekly. Prilozheniya. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus1897_01.php (Accessed: 01.08.2024). (In Russ.).

Shulbaeva K.I. Migratsionnye protsessy v Respublike Khakasiya. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta by N.F. Katanova*. Sotsiologicheskie nauki. 2023. No. 1. P. 91–97. (In Russ.).

Summarnyi koeffitsient rozhdaemosti po Respublike Altai. Naselenie. Osnovnye pokazateli. Upravlenie federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Altaiskomu krayu i Respublike Altai. URL: https://22.rosstat.gov.ru/folder/33349 (Accessed: 01.08.2024). (In Russ.).

Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya Rossiiskoi Federatsii. Demoskop Weekly. Prilozheniya. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php2020 (Accessed: 01.08.2024) (In Russ.).

Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2020 goda. Vol 5: Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (Accessed: 01.08.2024). (In Russ.).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya po regionam Rossii. DemoskopWeekly. Prilozheniya. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (Accessed: 01.08.2024). (In Russ.).

Блинова А.Н. https://orcid.org/0000-0001-8284-7042
Смирнова Т.Б. https://orcid.org/0000-0001-7533-5364

Дата сдачи рукописи: 27.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0888-0893
УДК 398.42 + 398.47

О.В. Голубкова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Представления о тени у восточных славян и коми в Западной Сибири: сравнительный анализ результатов полевых исследований

Тень воспринималась как сущность, обитающая одновременно в двух мирах, и ассоциировалась с душой-двойником человека. Западносибирские полевые материалы автора по русским, украинцам, белорусам и коми свидетельствуют о сохранившейся вере в появление тени-души накануне смерти в облике двойника человека, животного, птицы или невидимки, который издает звуки, оставляет на теле синяки. Наряду с тенью потусторонним двойником считалось отражение, а отражающие поверхности (вода, зеркало) воспринимались как открытая граница между мирами. С XIX в. поле двойников расширилось за счет фотографических изображений: распространились суждения, что на человека можно воздействовать через фотографию, а фотоснимки умерших опасны. Коми-зыряне сохранили представления о существовании у человека двух душ: внутренней души-дыхания – лов, и внешней души-тени – орт. Восточнославянские представления о двойственности души и духа сильно редуцированы, они проявляются в реликтах верований о посмертных перевоплощениях души и ее одновременном существовании в разных мирах. С тенями идентифицировались души умерших. Души предков могли являться родственникам в поминальные дни. Души заложных покойников оставались блуждать между мирами в виде теней-призраков. Тень воспринималась как маркер персонажа из потустороннего мира, ведьмы или колдуна. В момент магического перевоплощения тень колдуна/ведьмы могла принимать облик животного, птицы, предмета, а тело в это время находилось в другом месте. Поймать и наказать колдуна/ведьму считалось возможным, воздействуя на его/ее тень. Магические действия с тенью отражались на людях и животных. Такие воззрения сближают тень с тенью-душой и коррелируют с представлениями о наличии у человека двух (или более) душ, которые были вытеснены христианством, но частично сохранились, будучи перенесенными в сферу демонического, антихристианского мира.

Ключевые слова: *душа, тень, ведьма, колдовство, магия, двойник, отражение, двоедушие, иной мир.*

O.V. Golubkova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

The Beliefs Regarding the Shadow among the Eastern Slavs and the Komi People in Western Siberia: a Comparative Analysis of the Fieldwork Data

The shadow was perceived as a substance inhabiting two realms at the same time and was associated with the soul- doppelganger of a person. The author's field research demonstrates that Russians, Ukrainians, Belarusians and Komi people living in Western Siberia retain the belief that the shadow-soul appears before a person's death in the form of the doppelgänger, an animal, a bird or an invisible substance. This doppelgänger makes sounds and bruises on the body. The reflected image of a person, along with the shadow, was perceived as a doppelgänger from afterlife. Reflective surfaces like water and mirror were perceived as open gate to another world. In the 19th century, with the advent of photography, other variations of doppelgangers appeared – people believed that a person could be influenced through his photopicture, and picture of the dead person could be harmful. The Komi-Zyryans people believe in two souls in a person: the inner soul-breath – "lov" and the outer soul–shadow – "ort". The beliefs about the duality of the soul and spirit are greatly reduced among the Eastern Slavs – after death, the soul can be reincarnated and the soul exists simultaneously in different realms. The soul of the deceased person was identified with the shadow. The souls of the ancestors could appear to relatives on memorial days and the souls of the person who died a "bad death" wandered between the realms in the form of ghostly shadows. The shadow was perceived as a marker of a being from the Other World, a witch and a sorcerer. At the moment of magical transformation, the shadow of a sorcerer (or a witch) could assume the form of an animal, bird,

or object, while the body was elsewhere at the same time. Influencing on the sorcerer's (witch's) shadow could catch and punish him/her. Magical manipulation with a person's and animal's shadow could affect them. In this mythological context, the shadow is like a shadow–soul. This correlates to beliefs about person having two (or more) souls. These beliefs were superseded by Christianity, but survived partially through transformation into the demonic, anti–Christian part of the folk worldview.

Keywords: *soul, shadow, witch, witchcraft, magic, mythical double, spirits, reflection, having two souls, the other world.*

Представления о тени, которая является заместителем, двойником человека, эквивалентом его души, были распространены у многих народов [Косарев, 2008, с. 107–141], в т.ч. у славянских [Славянские древности, 1999, с. 163–166; 2014, с. 262–265] и финно-угорских [Белицер, 1958, с. 318; Голева, 2011, с. 195–199; Лимеров, 1998, с. 6–22; Терюков, 1979, с. 174–182; Чернецов, 1959, с. 116–156]. До наших дней сохранились отголоски верований о тени-душе, в т.ч. вера в ее появление накануне смерти в облике двойника человека и в возможность ее перевоплощения в животное, птицу, насекомое или растение. «Было еще у предка антропоморфическое представление души в виде тени, легкой как воздух и неуловимой для осязания» [Соболев, 1913, с. 58]. «Русские верили, что тень может покинуть тело человека перед его смертью» [Славянская мифология, 2002, с. 458–459], а также в то, что тень человека может быть источником его болезни, от которой он худеет и сохнет, в этом случае считали необходимым «вынуть» из человека его тень и уничтожить ее [Седакова, 2004, с. 62; Славянские древности, 2014, с. 263].

Коми-зыряне, принявшие христианскую веру на пять веков позже восточных славян и проживавшие на периферии, сохранили достаточно устойчивые представления о существовании у человека двух душ: внутренней души-дыхания – *лов*, с уходом которой прекращается земная жизнь, и внешней души-тени, мифического двойника человека – *орт*. Считалось, что душа *орт* невидима, она находится вне тела и всю жизнь сопровождает человека. Накануне смерти *орт* может подать знак о скорой кончине, показавшись как двойник человека или приняв облик животного, залетевшей в дом птицы. Оставаясь невидимым, *орт* может издавать звуки, передвигать и ронять домашнюю утварь, отворять окна и двери, разбивать посуду, оставлять на теле синяки [Кандинский, 1889, с. 107–108; Лимеров, 1998, с. 12–22; Налимов, 1907, с. 14; Мифология коми, 1999, с. 268–269].

Материалы полевых исследований (ПМА: экспедиции ИАЭТ СО РАН, личный архив автора) содержат большое число сообщений, отображающих комплекс представлений о тени (в т.ч., о тени-душе) у русских, украинцев, белорусов, мордвы и коми, проживающих в различных регионах Западной Сибири: Новосибирской, Омской обл., Алтайском крае, ХМАО–Югра и ЯНАО Тюменской обл. Во многом эти материалы соответствуют представлениям о тени, двоедушии, душе-двойнике, *орт* и *урёс* (у коми), распространенные в регионах Европейской России. С традициями, бытовавшими в регионах «исхода», как правило, связана локальная специфика мифоритуальных воззрений и практик у переселенцев в Сибири. Однако есть уникальные сюжеты и образы, вероятно, сформировавшиеся уже на новом месте.

Для людей, сохранивших отголоски мифологического мировосприятия, тень человека представлялась субстанцией, связанной с иным миром и потенциальным объектом магического воздействия на человека, поскольку все, что происходит с тенью, влияет на физическое тело. *Не давай наступать на свою тень, от этого будет болеть голова* (ПМА: НСО, Масляninский р-н, с. Прямское, 2016). *Ведьма забирает тень или след. Нашепчет на нитку, которой мерила, а человек будет сохнуть. Может на смерть сделать. Положит нитку в гроб и через сорок дней человек умрет. Это страшный грех, а делали* (ПМА: НСО, Черепановский р-н, с. Верх-Мильтюши (рус.), 2018).

Самое большое число сообщений, связанных с представлениями о тени, относилось к рассказам о колдунах и ведьмах. Тень воспринималась как маркер персонажа из потустороннего мира, по которому можно отличить ведьму или колдуна от обычного человека. «Колдуна и ведьму узнают по тени: у них всегда бывает две тени» [Колчин, 2002, с. 418]. Бытовали поверья, что «продавшие душу дьяволу» люди лишаются тени, перестают ее отбрасывать, они сами становятся тенью в момент инфернального перевоплощения. Также нет тени у нежити, ходячих покойников. *Чую, за домом кто-то есть. Посмотрела – там по стене тень ползет. Совсем как человек, только не идет по земле, а по воздуху летает. Это ведьма ходила* (ПМА: НСО, Сузунский р-н, с. Тараданово (рус.), 2018). *Жила здесь раньше ведьма, делалась то свиньей, то кошкой, то собакой. Она в доме спит, а ее тень в кошку или в собаку превращается и бегает по селу* (ПМА: НСО, Краснозерский р-н, с. Светлое (укр.), 2004). *Видели, как из трубы вылетела черная птица и полетела на кладбище. Сама бабка лежит дома, а ее тень летает. Все знали, что она ведьма* (ПМА: Алтайский край, Заринский р-н, пос. Мостовой (рус.), 2009).

«Умение магическим путем менять местами свое тело и тень, "переводить" на тень свои физические ощущения – характерная черта ведьмы и колдуна» [Славянская мифология, 2002, с. 458], поэтому поймать, изобличить, наказать колдуна или ведьму считалось возможным, воздействуя на его тень. *Вот идешь, бежит свинья за тобой, хватае за ноги. А ты не знаешь, куды деваться, бегаешь, бегаешь, она за тобой. Оне взяли палку такую зробили и на ту свинью.*

Да не саму свинью били, а тень ее отхлестали. А она человек. Потом та колдовка болела долго (ПМА: НСО, Карасукский р-н, д. Кукарка (укр.), 2004). *Как-то шла я домой с гулянки. Увязалась за мной свинья. Бежит и бежит, а мне ее ударить нечем. Выдернула из плетня прут, хлестнула ее, а она – ничё, как бежала, так и бежит. Добежала до той хаты, где та бабка жила, и нету ее, как чёрт смыл. Прихожу домой, там девочки сидят и ребята. Сказали, что надо было не по самой свинье бить, а по тени. Она тогда сделается человеком и можно увидеть, кто это свиньей по селу бегает* (ПМА: НСО, Здвинский р-н, с. Хапово (укр.), 2002). *До войны жила здесь ведьма. Многие видели – как только вечером стемнеет, из ее избы из трубы вылетал поросенок. Она людям всякие гадости делала, портила скотину. Никак не могли ее поймать. Все знали, что ведьма, а как тут докажешь? Один человек сказал, что надо ловить не ее саму, а тень. Надо подкараулить и пригвоздить к земле, вбить в тень железный гвоздь. Когда она умерла, в могилу вбили осиновый кол* (ПМА: НСО, Карасукский р-н, с. Белое (рус.), 2019).

Магические действия с тенью практиковали как по отношению к людям, так и животным: наводя порчу, отнимая молоко у коровы и т.п. *Были ведьмы, они выдаивали коров. Заберет у коровы тень, потом к ней в дом молоко идет, все сливки собирает. Хозяевам один обрат достается* (ПМА: Омская обл., Нижнеомский р-н, с. Нижняя Омка (рус.), 2002). *Завелась в деревне колдовка, через колдовство доила чужих коров. Вот у одних корова издохла, у других перестала давать молоко. Потом наша коровка стала болеть, молоко пропало. Мы с мужем, как управились, вечером спрятались в пригоне, ждем, что будет. Вдруг прилетает сорока, стукнулась об пол и стала собакой. Подбежала к корове и как давай ее сосать. Муж выскочил, зажег свет и воткнул вилы в тень собаки. Она завизжала, а убежать не может. Крутится и орет страшным голосом. Муж тогда говорит – отпущу, но чтобы ты дорогу к нам забыла, в следующий раз убью! Вытащил вилы, собака убежала, а наутро узнали, что заболела та бабка, на которую думали, что она колдовка. Пришли к ней домой, она вся избитая лежит. Стали ее осматривать, а у нее в боку рана. Она тогда призналась, что портила коров, сказала, что больше не будет так делать* (ПМА: НСО, Здвинский р-н, д. Барлакуль (рус.), 2001). *Отец говорив: чую, ночью корову доит. Приходжу в пригон – никого, а корова доится, молоко течет. Он взял палку, саданул в то место. Та бабка потом долго лежала с больной спиной* (ПМА: НСО, Карасукский р-н, д. Морозовка (укр.), 2019).

Наряду с тенью потусторонним двойником человека, животного или предмета считалось его отражение. Отражающие поверхности – вода, зеркало – воспринимались как открытая граница между земным и загробным мирами. Поэтому с зеркалами был связан целый комплекс запретов: не допускалось отражение в них умерших, беременных и детей до года. «Опасность состоит не только в соприкосновении через зеркало с “тем светом”, но и в последствиях самого удвоения (посредством отражения в зеркале), грозящего “двоедушием” <...>, т.е. раздвоением между миром людей и миром нечистой силы, превращением в колдуна, ведьму, вампира» [Славянская мифология, 2002, с. 183]. Эффект удвоения использовался также как оберег для защиты от нечистой силы (отразившись в зеркале нежить теряла свои магические способности), для общения с обитателями иного мира и в гаданиях: через зеркало можно было увидеть «тот свет» [Там же, с. 182–183]. *Девки гадают на жениха – смотрят в зеркало. Это грех, потому что приходит нечистая сила* (ПМА: Алтайский край, с. Первомайское (рус.), 2009). Со второй половины XIX в. поле двойников расширилось за счет фотографических изображений, которые эквивалентны отражению или тени (подробнее см.: [Голубкова, 2007, с. 443–446]). Широко распространены суждения о том, что на человека можно воздействовать через его фотографию, и что снимки умерших опасны. *На фотографию мертвого нельзя вечером смотреть, нельзя в лицо долго вглядываться. Может приблазниться* (ПМА: Омская обл., Нижнеомский р-н, д. Глухониколаевка (укр.), 2002). *Нельзя смотреть на фотографии умерших. Может урёс показаться и на тот свет заберёт* (ПМА: ЯНАО, пос. Овгорт (коми), 2004). *Дочь ее* (*умершей ведьмы. – Авт.*) *выйдет на крылечко, вынесет карточки: смотрите, мол, мою маму. А люди потом чахнут, болеют, даже умирали, кто долго смотрел* (ПМА: НСО, Искитимский р-н, с. Нижний Коён (рус.), 1999).

Ведьмы, колдуны, оборотни, перевоплощаясь в иное существо, отбрасывали тень, соответствующую их настоящему облику [Славянские древности, 2014, с. 264]. То есть, в отличие от физического тела, тень инфернального персонажа ему не подчинялась и, вероятно, осмысливалась как субстанция более высокого порядка. Такие воззрения сближают тень с внешней душой (душой-тенью), которая при определенных обстоятельствах могла существовать самостоятельно. Эти верования коррелируют с представлениями о наличии у человека двух (или более) душ (триада тело–душа–дух [Славянские древности, 1999, с. 162]), которые были вытеснены христианством, но частично сохранились, будучи перенесенными в сферу демонического, антихристианского мира.

У славян (преимущественно в западно-украинской/карпатской и польской традиции) в XIX–XX вв. *двоедушниками* считались инфернальные персонажи, рожденные с двумя душами – человеческой и демонической: ведьма, колдун, вампир, оборотень. Основным мотивом, сближающим всех *двоедушников*, была способность демонической души покидать спящее тело и вести самостоятельное существование, вредить людям [Славянская мифология, 2002,

с. 128–129; Славянские древности, 1999, с. 29–31]. Восточнославянские представления о двойственности души и духа у обычного человека сильно редуцированы, они проявляются в реликтах верований о посмертных перевоплощениях души и ее пребывании в разных мирах и разных ипостасях [Голубкова, 2009, с. 21–259], а также в представлениях о тени человека как самостоятельной субстанции, находящейся одновременно в двух мирах. Но такие воззрения хорошо развиты у некоторых финно-угорских народов, в частности, у коми [Лимеров, 1998, с. 6–22; Терюков, 1979, с. 174–182]. Полевые исследования по сибирским коми (этнолокальные группы *тарских, омских, алтайских* (*заринских*) *коми-зырян, обских коми-ижемцев*) дали богатый материал о душе-тени *орт*, современные представления о которой разнообразны и развиваются, включены в повседневный контекст, что свидетельствует о жизнестойкости народных верований.

В большинстве рассказов сибирских коми о тени-душе ее появление расценивалось информантами как зловещий знак, предвещающий скорую кончину того, кто увидел *орта*, или его родственника. *Перед смертью знак бывает, по коми орт называется. У каждого человека есть, а показывается только когда уже на тот свет пора* (ПМА: Омская обл., Тарский р-н, с. Имшегал (коми), 2005). *Орт приходит перед смертью, родным покажется, тогда уже знают, кому суждено умереть. Он будто бы на того человека похож* (ПМА: там же, коми). *Когда орт застучит, сразу узнаешь. Бывает будто холодом обдало, жуткое чувство* (ПМА: там же, коми). *Перед смертью снохи пришел ее покойный муж, обнял ее, наговаривает «миленькая моя». Она была в забытьи, думала, что живой, легла с ним. Вспомнила, что умер, тут котята закричали. На следующий день сноха умерла* (ПМА: Алтайский край, Заринский р-н, с. Зыряновка (коми), 2009). *Отца забрали на фронт и убили, мама тосковала. Отец пришел в дом, прошел весь дом кругом. Мама ему: – Кудысь? и перекрестила дом. С печки спустилась холодная нога. Больше не приходил после этого* (ПМА: там же, коми).

В интерпретациях информантов появление души-тени, с одной стороны, могло расцениваться как божественная милость, которая дается умирающему человеку, чтобы облегчить его страдания и нивелировать страх смерти. Иногда возникали новые, нетипичные образы *орта*, очевидно, навеянные христианскими воззрениями об уводящих душу ангелах. *Каждому человеку своя судьба дана, и своя жизнь. На том свете, когда человек родится, зажигается свеча или лампа. А когда она гаснет, приходит время умирать. А перед смертью видение бывает, знак. Приходит девочка в блестящем платье и уводит душу. Тогда умирать не страшно, к кому она придет* (ПМА: Омская обл., Тарский р-н, с. Имшегал (коми), 2005). С другой стороны, подобные видения соотносили с нечистой силой. Бытовало мнение, что можно избежать беды, прогнав призрака. *Перед смертью ходит орт. Во сне приходят люди в красивых блестящих платьях, бьют по щекам. Если увидишь, нужно плюнуть от себя три раза и сказать: «Уходите к такой-то матери, где ветер гуляет»* (ПМА: там же, коми).

Считалось, что *орт* мог появиться не только невидимкой, двойником или тенью, но также в образе животного, птицы. *Залетела в дом птица, я сразу поняла, что это орт. Выгнала ее, а все-равно беда. Принесли телеграмму, что умер брат* (ПМА: Омская обл., Калачинский р-н, д. Кибер-Спасск (коми), 2001). *Мама рассказывала, что перед смертью ходила ночью по селу белая лошадь. Кто ее увидит, скоро в гроб ляжет* (ПМА: Омская обл., Тарский р-н, с. Имшегал (коми), 2005). *Раньше говорили, что перед смертью белый конь появляется. Это орт, у нас так называют* (ПМА: там же, коми). *Если белую лошадь во сне увидишь, значит орт приходил, умрешь скоро. Перед смертью ее многие видели* (ПМА: Омская обл., Тарский р-н, д. Гриневичи (коми), 2005). *Зашла в дом собака, вся черная. Я ее выгнала, а она побежала в лес. Откуда взялась? В деревне черных собак ни у кого не было. Это орт приходил. На третий день муж умер* (ПМА: Омская обл., Калачинский р-н, д. Николаевка (коми), 2001).

Зооморфные и орнитоморфные ипостаси тени-души наиболее распространены у коми-ижемцев, ее называют *урӧс*. Как правило, появление *урӧс* – это знак скорой смерти. От обычного животного или птицы *урӧс* отличает нетипичное поведение, проникновение в дом. *Птица о стекло стукнется – в течение недели кто-то умрет из родственников или знакомых* (ПМА: ЯНАО, с. Мужи (коми), 2004). *Если птица из леса прилетит и на дом сядет, будет кричать – это урӧс. Значит умрет кто-то* (ПМА: ЯНАО, пос. Восяхово (коми), 2006). *Дятел в стену дома стучит – к покойнику. Это уже точно проверено. Задолбит в стену, на третий день кто-нибудь умрет* (ПМА: ЯНАО, пос. Овгорт (коми), 2004). *Перед смертью в дом птица весть приносит. Летом и зимой. Летом – летние птицы, зимой – зимние. Мне ночью не спалось, пошла на кухню, посмотрела в окно. На снегу перед окошком сидит куропатка и на меня смотрит. А потом муж умер* (ПМА: ЯНАО, с. Мужи (коми), 2006).

С тенями идентифицировались души умерших, когда окончательно разрывалась их связь с телом. Души, достигшие назначенного им места в потустороннем мире, в определенное время (в поминальные дни) в виде теней могли являться родственникам. Тени предков можно было встретить в доме и на кладбище; в ночь накануне родительской субботы можно увидеть тени не только усопших, но и тех, кому суждено умереть в течение года [Славянские древности, 2014, с. 262]. Души *заложных покойников*, некрещеных младенцев оставались блуждать между мирами в виде теней-призраков. *Самоубийц не хоронили на кладбище, для них было отдельное место*

за оградой. Не ходили туда, боялись. Говорили, там тени ходят, могут на тот свет утянуть (ПМА: НСО, Карасукский р-н, д. Морозовка (укр.), 2019). *Жила здесь раньше ведьма. Когда она умерла, стала ночью вставать из могилы. Летала, заглядывала в окна. Около ее могилы многие видели тень старухи, там всегда что-то чудится* (ПМА: Омская обл., Тарский р-н, д. Гриневичи (бел.), 2005).

Итак, полевые исследования в Западной Сибири показали, что представления о тени, тени-душе и потусторонних двойниках человека (включая отражения и фотографии) не утратили актуальности: развивается связанное с ними мифотворчество, появляются новые сюжеты, расширяется семантическое поле предметов, вводимых в мифоритуальную сферу. У сибирских коми сохранились верования о существовании у человека двух душ, а представления восточных славян о двойственности души и духа сильно редуцированы, они проявляются в реликтах. Вероятно, представления о двойственности души были вытеснены христианской религией, поэтому они присутствуют в демоническом, антихристианском мире и считаются характерными признаками инфернальных персонажей.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.».

Список литературы

Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 394 с. – (ТИЭ. Нов. сер. Т. XLV.).

Голева Т.Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. – СПб.: Маматов, 2011. – 272 с.

Голубкова О.В. Фотография в представлениях восточнославянских и финно–угорских народов Приуралья и Западной Сибири (по полевым материалам 2000–х годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 443–446.

Голубкова О.В. Душа и природа: этнокультурные традиции славян и финно-угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 304 с.

Кандинский В.В. Из материалов сысольских и вычегодских зырян. Национальные божества (по современным верованиям) // ЭО. – 1889. – Кн. 3. – С. 102–110.

Колчин А. Из статьи «Верования крестьян Тульской губернии» (1. Ведьмы, колдуны и колдуньи) // Русское колдовство. – М.: Эксмо; СПб.: TerraFantastica, 2002. – С. 417–438.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. – М.: Ладога-100, 2008. – 352 с.

Лимеров П.Ф. Мифология загробного мира. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1998. – 125 с.

Мифология коми (Энциклопедия Уральских мифологий. Т. I.). – М.; Сыктывкар: ДИК, 1999. – 480 с.

Налимов В.П. Загробный мир по верованиям зырян // ЭО. – 1907. – № 1–2. – С. 1–23.

Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. – М.: Индрик, 2004. – 320 с.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 512 с.

Славянские древности: этнолингвистический словарь под общ. ред. Н.И. Толстого. В 5 т. – Т. 2: Д–К. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 687 с.

Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 т. – Т. 5: С–Я. – М.: Междунар. отношения, 2014. – 732 с.

Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям (Литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного миросозерцания). – Сергиев Посад: Изд. кн. магазина М.С. Елова, 1913. – 208 с.

Терюков А.И. Представления коми-зырян о душе // Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. – М.: Ротапринт МГИК, 1979. – С. 174–182.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ. Новая серия. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 51. – С. 116–156.

References

Belitser V.N. Ocherki po etnografii narodov komi. XIX – nachalo KhKh v. In *Trudy Instituta etnografii. Novaya seriya.* Moscow: AS USSR Publ., 1958. Vol. 45. 394 p. (In Russ.).

Chernetsov V.N. Predstavleniya o dushe u obskikh ugrov. In *Trudy Instituta etnografii. Novaya seriya*. Moscow: AS USSR Publ., 1959. Vol. 51. P. 116–156. (In Russ.).

Goleva T.G. Mifologicheskie personazhi v sisteme mirovozzrenija komi-permjakov. St. Petersburg: Mamatov, 2011, 272 p. (In Russ.).

Golubkova O.V. Dusha i priroda: etnokul'turnye traditsii slavyan i finno-ugrov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009. 304 p. (In Russ.).

Golubkova O.V. Fotografiya v predstavleniyakh vostochnoslavyanskikh i finno–ugorskikh narodov Priural'ya i Zapadnoi Sibiri (po polevym materialam 2000–kh godov). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007. Vol. 13. P. 443–446. (In Russ.).

Kandinskii V.V. Iz materialov sysol'skikh i vychegodskikh zyryan. Natsional'nye bozhestva (po sovremennym verovaniyam) *Etnograficheskoe obozrenie,* 1889. Iss. 3. P. 102–110. (In Russ.).

Kolchin A. Iz stat'i 'Verovaniya krest'yan Tul'skoi gubernii' (1. Ved'my, kolduny i koldun'i) In *Russkoe koldovstvo*. Moscow: Eksmo; – St. Petersburg: TerraFantastica, 2002. P. 417–438. (In Russ.).

Komi Mythology (The Encyclopedia of Uralic Mythologies: Vol. I). Moscow; Syktyvkar: DIK, 1999, 480 p. (In Russ.).

Kosarev M.F. Osnovy yazycheskogo miroponimaniya: Po sibirskim arkheologo-etnograficheskim materialam. Moscow: Ladoga-100, 2008. 352 p. (In Russ.).

Limerov P.F. Mifologiya zagrobnogo mira. Syktyvkar: Ural Federal Agrarian Research Centre, UrB RAS Publ., 1998. 125 p. (In Russ.).

Nalimov V.P. Zagrobnyi mir po verovaniyam zyryan. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1907. No. 1–2. P. 1–23. (In Russ.).

Sedakova O.A. Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan. Moscow: Indrik, 2004. 320 p. (In Russ.).

Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vol. Vol. 2: D–K. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. 1999. 687 r. (In Russ.).

Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vol. Vol. 5. S–Ya, Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija., 2014, 732 p. (In Russ.).

Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar'. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002. 512 p. (In Russ.).

Sobolev A.N. Zagrobnyi mir po drevnerusskim predstavleniyam (Literaturno-istoricheskii opyt issledovaniya drevnerusskogo narodnogo mirosozertsaniya). Sergiev Posad: Knizhnyi magazin M.S. Elova, 1913. 208 p. (In Russ.).

Teryukov A.I. Predstavleniya komi-zyryan o dushe In *Etnokul'turnye protsessy v sovremennykh i traditsionnykh obshchestvakh*. Moscow: Rotaprint MGIK, 1979. P. 174–182. (In Russ.).

Голубкова О.В. https://orcid.org/0000-0002-9936-8555

Дата сдачи рукописи: 25.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0894-0900
УДК 39 + 379.8

А.А. Ильина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Омск, Россия
E-mail: like_a_sun@mail.ru

Бобровский музей и сохранение этнокультурного наследия латышей

Статья посвящена Бобровскому музею Тарского р-на Омской обл., расположенному в месте компактного проживания латышей и сохраняющему этнокультурное наследие данной этнической группы. Бобровский музей ранее не становился объектом научного исследования, а информация о нем не представлена на электронных ресурсах, посвященных деятельности музеев в России. Целями статьи являются, во-первых, описание истории и экспозиции Бобровского музея, во-вторых, определение статуса данного музея, его роли в сохранении этнокультурного наследия латышей, в-третьих, выделение ключевых проблем, мешающих его наиболее эффективной работе. Материалы для написания статьи были получены в ходе экспедиционных поездок в с. Бобровка в 2023 и 2024 гг. В начале статьи представлен краткий экскурс численности и истории расселения латышей в России. Далее приводятся сведения о д. Бобровка Тарского р-на Омской обл. Основная часть статьи содержит информацию о создателях музея и его помещении, а также подробное описание экспозиции музея по залам. Приводятся сведения о наиболее ценных экспонатах Бобровского музея. Важнейшие сюжеты истории сибирских латышей, выражаемые через экспозицию музея, – это трудолюбие латышского народа и умение приспосабливаться к сложнейшим условиям жизни в Сибири. К числу выявленных проблем музея относятся отсутствие юридического статуса, отсутствие финансирования, отсутствие проведенного учета и описания предметов. Основной вывод автора заключается в том, что Бобровский музей сохраняет историко-культурное наследие латышей не только на уровне Сибири, но и России и даже шире.

Ключевые слова: *Бобровка, Омская обл., музей, латыши, этнокультурное наследие.*

A.A. Ilina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Omsk, Russia
E-mail: like_a_sun@mail.ru

Bobrovka Museum and the Preservation of the Latvian Ethnocultural Heritage

The article is devoted to the Bobrovka Museum in the Tarsky District of the Omsk Province. The museum is established in the town of compact residence of Latvians, and preserves the Latvian ethno-cultural heritage. The Bobrovka Museum has not been subjected to scientific research yet; hence, there is no information about it on Russian electronic resources about museums. The article follows three goals. The first goal is to describe the history and exposition of the Bobrovka Museum. The second is to determine the status of the Museum and its role in preserving the ethno-cultural heritage of Latvians. The third one is to find important problems that interfere with its effective work. The author collected the materials for the article during the ethnographic study in Bobrovka village in 2023 and 2024. The article provides brief information about the number and history of the dispersal of Latvians in Russia. The subsequent information concerns the village of Bobrovka in the Tarsky district of the Omsk region. The article contains information about the founders of the Museum, its premises, and a detailed description of the museum displays. Information about the most valuable exhibits of the Bobrovka Museum is provided. The most important subjects of the history of Siberian Latvians described in the Bobrovka Museum are the hard work of Latvians and their ability to adapt to very difficult living conditions in Siberia. The Museum is faced with such problems as the lack of legal status, funding, and catalogue of the museum displays. The author concludes that the Bobrovka Museum preserves the historical and cultural heritage of Latvians, not only in Siberia and Russia, but also far beyond.

Keywords: *Bobrovka, Omsk region, museum, Latvians, ethnocultural heritage.*

Омская область входит в число многонациональных регионов Российской Федерации. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., здесь проживают представители более 100 этносов. Сохранению этнокультурного наследия нашей многонациональной страны, как во всем ее масштабе, так и в каждом ее регионе, несомненно, способствует деятельность музеев. Согласно данным, представ-

ленным на портале Культура.РФ, в Омской обл. действуют 110 музеев [Музеи Омской области]. Музеи Омской обл. регулярно становятся объектом исследования, их деятельность активно освещается как самими их работниками, так и исследователями. Однако в Омской обл. есть музей, который ранее не становился объектом научного исследования – это Бобровский музей, расположенный в д. Бобровка Тарского р-на. Данное село является местом компактного проживания латышей; здесь хорошо сохранились латышская культура и латышский язык, и экспонаты данного музея в значительной степени отражают элементы латышской культуры. Бобровский музей не представлен на таких электронных ресурсах, как Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации (www.goskatalog.ru), портал культурного наследия и традиций России «Культура.РФ» (www.culture.ru), Музеи России (www.museum.ru).

Данная статья преследует несколько целей. Несомненно, главная цель статьи – описать историю и экспозицию Бобровского музея. В качестве дополнительных целей автор выделяет определение статуса данного музея, его роли в сохранении этнокультурного наследия латышей, а также выделение ключевых проблем, мешающих его наиболее эффективной работе. Материалы для написания статьи получены в ходе экспедиционных поездок в с. Бобровка в 2023 и 2024 гг., в ходе которых были осуществлены осмотр экспозиции музея и фотофиксация экспонатов, проведено развернутое интервью с местной жительницей, художественным руководителем Бобровского сельского дома культуры (далее – СДК), руководителем фольклорного Народного ансамбля *Varavīksne* (лат. *радуга*) О.П. Бенке. Материалы экспедиции хранятся в Музее народов Сибири Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН (Архив Музея народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН. Ф. VII-2. Д. 9-1).

Латыши в России имеют не самую высокую численность: 8 516 чел. по данным Всероссийской переписи населения 2020 г. [Итоги ВПН-2020], причем, в сравнении с предыдущими переписями населения, их численность значительно сократилась. В России наибольшую численность латыши имеют в Северо-Западном федеральном округе, Москве, а также Красноярском крае (747 чел.) и Омской обл. (628 чел.). И если проживание латышей в областях Ленинградской, Новгородской, Псковской и др. на северо-западе России объясняется близостью к исторической родине – Латвии, то в Сибири латыши появились как ссыльнопоселенцы (Енисейская губерния, д. Нижняя Буланка Минусинского уезда, основанная в 1858 г. – первая латышская колония в Сибири [Лоткин, 2009, с. 120]) и в результате добровольного переселения крестьян из Латвии в конце XIX в. (опять же, Енисейская губерния и Тобольская губерния, в особенности ее Тарский округ), которое, по мнению И.В. Лоткина, достигло своего апогея в 1896–1897 гг. [Лоткин, 2003, с. 39].

Хуторское поселение Бобровка Егорьевской волости Тобольской губернии, или Бобровка (она же Верхняя Бобровка), по разным сведениям возникло в промежуток между 1893 и 1905 гг. Сохранившиеся записи относятся ко времени не ранее начала XX в. Скорее всего, такой разброс дат означает период от начала освоения переселенцами данной местности до административной фиксации хуторского поселения Бобровка, или Верхняя Бобровка [Бенке, 2021, с. 309.] Сами жители деревни считают датой основания Верхней Бобровки 1897 г. Деление на Верхнюю и Нижнюю Бобровку появилось в ходе проведения коллективизации, когда жителей хуторов объединили в две деревни: Верхняя Бобровка и Нижняя Бобровка [Там же]. В настоящее время местные латыши называют свою деревню Верхние Бобры (*Augšbebru – лат.; по-русски: Верхняя Бобровка*).

Помимо латышей, в числе первых поселенцев Бобровки были также эстонцы и немцы. В настоящее время в деревне, насчитывающей около 100 дворов, проживают латыши, немцы, эстонцы, русские. Бобровку называют «маленькой Латвией». Как место компактного проживания латышей она неизменно вызывает интерес не только в Омской обл., Сибири, но и в Латвии. До недавнего времени визиты сюда латышских делегаций были довольно регулярными. С 1991 г. местная начальная школа получила статус национальной, и вплоть до ее закрытия в 2005 г. сюда приезжали учителя из Латвии обучать местных детей латышскому языку. Уже после начала разногласий между нашими странами вышла книга о деревне, изданная в Латвии [Antiņa, 2023]. В свою очередь местные латыши также поддерживают связи с исторической родиной, где у многих жителей Бобровки проживают родственники и друзья.

Отметим, что в годы перестройки проживающие в Бобровке латыши не остались в стороне от тенденций, характерных для всей страны в позднесоветское время. Как и представители прочих этносов, они испытывали потребность в сохранении национальной культуры и языка. В 1987 г. жители Бобровки по собственной инициативе создали фольклорный ансамбль *Varavīksne* (лат. *радуга*), получивший впоследствии звание народного [Народы Омской области, 2018, с. 143]. Ансамбль регулярно участвует в концертах в районах Омской обл., областном центре, несколько раз выступал в Латвии, проводит латышские национальные праздники в самой Бобровке, самые популярные среди которых *Līgo* (*Лиго – лат.*) и *Zaļumbaulle* (лат. *Бал на природе*), а также католические Рождество и Пасха.

Боровский музей был основан в 2006 г. Его организаторами выступили местные жители, педагог Нездулькина Наталья Ивановна (1971 г.р.) и работник Бобровского СДК Вакенгут Ольга Асофовна (1959 г.р.). Они же выполнили оформительную работу.

Источниками пополнения коллекции музея являются дарение местными жителями, дарение латышами из других населенных пунктов, а также разбор жителями деревни заброшенных домов. Все имеющиеся в наличии экспонаты выставлены в музее, запасников он не имеет. Неизвестно, сколько единиц составляет фонд музея, поскольку учет в нем не ведется (хотя тетрадь для учета экспонатов изначально была заведена, но впоследствии эта работа прекратилась).

Сначала музейную комнату расположили в старом клубе, в помещении, где ранее находилась контора местного колхоза. Спустя непродолжительное время первые экспонаты переехали в здание бывшей школы, т.к. в 2005 г. она закрылась (с этого времени дети ездят на учебу в соседнее с. Мартюшево), и было решено использовать пустующее здание для музея. Здание 1912 г. постройки представляет собой одноэтажный бревенчатый дом. Полы и потолки в нем дощатые, крашеные, стены побелены. Здание имеет печное отопление, однако после закрытия школы оно больше не отапливается. Более того, в здании сейчас отсутствует электричество. Тем не менее здание не промерзает зимой, на экспонатах не появляется иней, а со стен не осыпается известка. Все помещения музея задействованы для показа экспонатов: это две комнаты бывшей школы, одна из которых разделена на две части, коридор и даже пространство между двумя входными дверями. Вывеску для музея придумали и заказали сами жители деревни. На ней сверху расположена надпись «Бобровский музей», а ниже под ней это же словосочетание приводится на латышском – «*Augšbebru muzeis*». Организаторы музея постарались систематизировать его экспозицию так, как они сочли это нужным и возможным.

Огромной проблемой является то, что Бобровский музей не имеет официального статуса и правовой защиты. По административно-территориальному признаку он, несомненно, является сельским. Как созданный по инициативе общественности и не имеющий государственной поддержки, его можно отнести к общественным. Что касается профиля музея, на наш взгляд, он практически в равной степени является краеведческим (поскольку значительная часть его экспозиции посвящена истории д. Бобровка, в которой проживали и проживают не только латыши) и этнографическим (поскольку имеет представительную коллекцию предметов культуры и быта сибирских латышей). Музей поддерживается силами работников Бобровского СДК и участников ансамбля *Varavīksne*.

Перейдем к описанию экспозиции. Первый зал, под который отдана самая большая комната, посвящен истории Бобровки и ее школы. Он больше всего походит на музейное помещение, т.к. здесь имеется не только самодельный стенд, но также остекленные стеллажи и витрины. Данное оборудование было приобретено при финансовой поддержке Латвии. Также при финансовой поддержке Латвии был проведен косметический ремонт здания и ремонт крыши. Кроме этого случая, Боровский музей более никогда не получал финансирования из каких-либо источников.

В этом зале выставлены ценнейшие экспонаты музея, встречающие посетителей практически сразу у входа (рис. 1): это настенные часы с маятником, привезенные первыми переселенцами из Латвии (висят на стене слева от входа), старинная скрипка (выставлена на полке в углу; здесь же лежит книга отзывов) и патефон (выставлен на табуретке у стены слева от входа).

Часы с боем и маятником производства фирмы «Le roi a Paris» передал в музей житель деревни И.И. Ликсна (1922 г.р.). В период празднования 110-летия деревни его попросили предоставить их на выставку, а через какое-то время в его доме случился пожар, полностью уничтоживший его жилище. После пожара И.И. Ликсна принял решение оставить часы в музее. Скрипка была изготовлена местным мастером по фамилии Фрицкоп. Струны у скрипки не сохранились, однако, судя по потертости грифа, на ней много играли. Что касается патефона, он имеет рабочее состояние, его даже заводят по некоторым праздникам.

На самом первом стеллаже этого зала представлены различные документы и фотографии, оставшиеся от жителей Бобровки (значительную часть массива этих документов собрал в свое время местный житель Ж. Ирбе). Следующий тематический блок зала носит название «Бессмертный полк д. Бобровка». Здесь у стены в несколько рядов выставлены портреты бобровцев – ветеранов Великой Отечественной войны, подготовленные для участия в шествии Бессмертного полка, которое проводится в деревне ежегодно 9 Мая. Также составлены списки участников Великой Отечественной войны, чьи портреты найти не удалось; эти списки помещены в рамки. На витрине посередине зала представлена информация о жителях Бобровки – героях прочих боевых действий (в первую очередь, чеченской войны).

На следующем стеллаже представлены книги о латышах в Сибири, выпущенные в Латвии, программы и буклеты мероприятий, в которых принимал участие местный фольклорный ансамбль *Varavīksne*, собраны вырезки статей из газет, посвященных Бобровке и т.д. Часть экспозиции посвящена историческим связям жителей Бобровки с Латвией. Здесь собраны буклеты тех городов, в которых побывали жители Бобровки как лично, так и в составе ансамбля *Varavīksne*, вырезки из латвийских и российских газет и др.

Ценнейшие экспонаты музея – старинные Библии, случайно найденные в заброшенных домах, напечатанные еще старым латышским шрифтом. Одна из них датирована 1832 г. На стеллаже вместе с Библиями представлены другие старинные издания на латышском языке, книги духовного содержания (местные латыши были католиками и баптистами), рукописная тетрадь с записями нот и текстов духовных

Рис. 1. Экспонаты первого зала Бобровского музея: скрипка, часы, патефон.

песен, подлинное свидетельство о рождении, выданное в Латвии в 1901 г.

Значительную часть экспозиции занимает школьный уголок. Здесь представлена одна из школьных парт со скамьей, за которыми сидели ученики в Бобровской школе, школьная доска, различные плакаты, напольные счеты, глобус и микроскоп, фотографии и грамоты учеников, ведомость с оценками одного из них, девичья школьная форма, пионерский галстук и др.

На стенде-ширме, стоящей в середине зала, размещено множество цветных фотографий жителей Бобровки, запечатленных в разных жизненных ситуациях. С другой стороны стенда помещены исторические сведения о переселении латышей в Сибирь, об их поселениях в Тарском округе Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв. (на русском и латышском языках), фотографии семей родственников первопоселенцев.

В коридоре музея выставлены орудия труда и предметы домашней утвари. Перечислим основные из них: чесалка для льна, множество корзин из сосновой лучины, интересного плетения корзина из черемухового прута, детали ткацкого станка, металлическая форма для выпечки хвороста, металлические утюги, колодки для валяния валенок, заготовка скрипки (либо альта), приспособления для взвешивания, формы и лопаты для выпечки хлеба, ухваты, маслобойки, стиральные доски, скобяные изделия, рыболовные сети и снасти, самотканый мешок и др. Все представленные деревянные предметы местного производства, поскольку

Рис. 2. Экспонат Бобровского музея – латышский самотканый пояс.

в прежнее время многие мастера умели изготавливать из дерева все – от топорища до прялки.

Второй зал, самый маленький по площади – это современная (сравнительно) комната. Здесь представлены вещи, которыми жители Бобровки пользовались ранее. Зал ориентирован в большей степени на представителей молодого поколения, чтобы познакомить их с предметами быта предыдущих поколений. Перечислим экспонаты этого зала: проигрыватели для пластинок и пластинки к ним, видеокассеты, радиоприемник, музыкальный центр, телефонные аппараты, электрические утюги, ЭЛТ-монитор, печатная машинка, ламповый телевизор, а также различные электрические лампочки, пробки от электросчетчиков, фотоаппараты, приспособления для проявления фотографий и др. Здесь же хранятся документы бывшего колхоза (точнее, сельскохозяйственного производственного кооператива). Большинство экспонатов хранятся в двух самодельных шкафах; также в зале имеется самодельный стеллаж и несколько полок.

Наконец, третий зал представляет собой жилую комнату сельского дома 1950-х гг. Предметы интерьера переданы в дар музею представителями двенадцати местных семей, перечисленных в благодарственной надписи. Из предметов мебели и интерьера здесь представлены кровать, люлька, комод, шкаф, несколько чемоданов, стол и два стула, полка для посуды с предметами утвари, скамья, сундук. На комоде выставлено несколько видов часов: будильников, карманных, наручных. На кровати – кружевное и вязаное покрывала, три подушки с вышитыми наволочками и одна с вывязанными крючком узорами и надписями на латышском языке, на спинке кровати висят различные текстильные предметы. В люльке лежит имитирующая младенца кукла. В шкафу висят галстуки и шейные платки, шарф; на шкафу и его дверцах – головные уборы (в основном, фуражки), сверху стоит гармонь. На столе – ручная швейная машинка, две керосиновые лампы и графин, несколько пар очков. На стенах представлены украшенные вышитыми полотенцами зеркало и часы, несколько старинных фотопортретов.

В данном зале хранится также множество текстильных предметов, поскольку одна из идей данного зала, по задумке создателей, – особая способность латышских женщин к занятиям рукоделиями, сохраняющаяся у местных жительниц до сих пор. Из текстильных изделий представлены два настенных ковра (с тремя богатырями и оленями), покрывала, вышитые и вывязанные наволочки, полотенца, занавески, скатерть, салфетки, накидки, шали, воротнички и манжеты (все перечисленное – тканое или вязаное, с кружевными элементами или бахромой), вязаные круглые напольные коврики и др.

Перечислим уникальные экспонаты этого зала. Во-первых, это самотканый пояс, которому более ста лет, переданный в дар музею жителями д. Сырбашка Тарского р-на, где также проживают латыши (рис. 2).

Во-вторых, это надетый на манекен латышский национальный костюм, современный подарок из Латвии: белая хлопковая рубашка, шерстяные самотканые сарафан и накидка, головной убор *vinaggs* (лат. *венок*). В-третьих, это кожаная национальная обувь *pastalas*. И, в-четвертых, это самотканое вышитое полотенце с вышитыми инициалами и годом – 1907 (рис. 3). Сюжет полотенца, вероятнее всего, представляет собой праздник Лиго, поскольку вышиты его атрибуты: венок, кувшин, в который явно налито пиво, и тарелка, в которой явно лежит тминный сыр. Также экспонатами данного зала являются две прялки, чесалки для шерсти, детали от ткацкого станка и др. Наконец, в пространстве между двумя входными дверями представлена верхняя одежда и зимняя обувь.

Таким образом, Бобровский музей имеет уникальные экспонаты латышской культуры. Наиболее важные сюжеты истории сибирских латышей, выражаемые через экспозицию музея, – это общее трудолюбие латышского народа (как мужчин – мастеров изготовления предметов из дерева, так и женщин – рукодельниц) и умение приспосабливаться к сложнейшим условиям жизни в Сибири. Несомненным является то, что Бобровский музей сохраняет историко-культурное наследие латышей, причем не только на уровне Сибири, но и России и даже шире. В целом же сохранению латышской культуры и языка в Бобровке способствуют компактность проживания местного населения, среди которого превалируют латыши, а также то, что большинство жителей деревни является потомками первых переселенцев, приехавших в Сибирь в конце XIX в.

Среди проблем музея, мешающих наиболее эффективному сохранению этнокультурного наследия латышей, помимо вышеназванных уже отсутствия юридического статуса и отсутствия финансирования (из-за чего музей не отапливается и не освещается, из-за чего он не имеет бюджетных рабочих ставок), можно выделить связанную с ними проблему отсутствия проведенного учета и описания предметов.

Рис. 3. Экспонат Бобровского музея – самотканое вышитое полотенце.

Крайне необходимо провести каталогизацию, дать описание каждого предмета, чтобы зафиксировать информацию, которая уже в ближайшее время может быть утрачена. Идеальным решением данной проблемы было бы, чтобы музей вошел в состав Тарского историко-краеведческого музея, как это произошло в 2013 г. с музеем немецкой культуры с. Литовка Тарского р-на [Блинова, Шлегель, 2020, с. 14].

Бобровский музей имеет значительный потенциал для сохранения этнокультурного наследия латышей, и потому следует приложить усилия к решению его насущных проблем.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0002 «Население Сибири и Северного Казахстана: социокультурные процессы и трансляция культурного наследия».

Список литературы

Бенке О. Сибирские латыши из Верхних Бобров // Россия и Балтия. Диаспоры народов Балтии к востоку от этнической родины. XIX – начало XXI века. – М.: Весь мир, 2021. – Вып. 10. – С. 309–315.

Блинова А.Н., **Шлегель Е.А.** Идентичность через музей: трансляция культурного наследия немцев Омского региона // Кунсткамера. – 2020. – № 2 (8). – С. 7–18. – doi:10.31250/2618-8619-2020-2(8)-07-18

Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Росстат. Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 15.08.2024).

Лоткин И.В. Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность: учебн. пособ. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2003. – 164 с.

Лоткин И.В. Проблемы формирования поселений прибалтийских народов в Сибири в XIX – начале XX в. // Изв. Алтайского гос. ун-та. Сер.: История, Политология. – 2009. – № 4/2 (64/2). – С. 118–125.

Музеи Омской области // Культура.РФ. – URL: https://www.culture.ru/museums/institutes/location-omskaya-oblast (дата обращения: 12.09.2024).

Народы Омской области / отв. ред. И.А. Селезнева, Т.Б. Смирнова. – Омск: Ом. картограф. фабрика, 2018. – 272 с.

Antiņa I. Augšbebri. Latviešu ciems Sibīrijā. – Rīgā: Zvaigzne ABC, 2023. – 136 l.

References

Antiņa I. Augsxbebri. Latviesxu ciems Sibīrijā. Rīgā: Zvaigzne ABC, 2023. 136 p. (In Lat.).

Benke O. Sibirskie latyshi iz Verkhnikh Bobrov/ In *Rossiya i Baltiya. Diaspory narodov Baltii k vostoku ot etnicheskoi rodiny. XIX – nachalo XXI veka. Vypusk 10.* Moscow: Ves' mir, 2021. P. 309–315. (In Russ.).

Blinova A.N., Shlegel EA. Identichnost' cherez muzei: translyatsiya kul'turnogo naslediya nemtsev Omskogo regiona. *Kunstkamera*. 2020. No. 2 (8). P. 7–18. (In Russ.). doi: 10.31250/2618-8619-2020-2(8)-07-18

Itogi VPN-2020. Tom 5. Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami. In *Rosstat. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki*. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (Accessed: 15.08.2024). (In Russ.).

Lotkin I.V. Pribaltiiskaya diaspora Sibiri: istoriya i sovremennost': Uchebnoe posobie. Omsk: Omsk State Univ. Press, 2003. 164 p. (In Russ.).

Lotkin I.V. Problemy formirovaniya poselenii pribaltiiskikh narodov v Sibiri v XIX – nachale XX v. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya*, 2009. No. 4/2 (64/2). P. 118–125. (In Russ.).

Muzei Omskoi oblasti. In *Kul'tura.RF*. URL: https://www.culture.ru/museums/institutes/location-omskaya-oblast (Accessed: 12.09.2024). (In Russ.).

Narody Omskoi oblasti. Omsk: Omskaya kartograficheskaya fabrika, 2018. 272 p. (In Russ.).

Ильина А.А. https://orcid.org/0000-0002-8267-3908

Дата сдачи рукописи: 02.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0901-0906
УДК 323.11, 94(574)

В.В. Ключарева

Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН
Омск, Россия
E-mail: valentina1497@mail.ru

Межэтнические отношения населения Северного Казахстана и их отражение в современной казахстанской историографии

В постсоветский период этнический состав населения Республики Казахстан существенно изменился, что было обусловлено социально-экономическими и политическими причинами. В статье актуализируется проблема развития межэтнических отношений на севере республики в исторической ретроспективе, а также затрагиваются вопросы изучения данной темы казахстанскими исследователями. Территориальные рамки – Северо-Казахстанская и Акмолинская области Республики Казахстан. Основные источники: материалы этнографических экспедиций (интервью, проведенные автором в 2023–2024 гг.), работы казахстанских этнографов и историков. В исследовании выделены основные периоды и этапы формирования этнического состава населения на территории Северного Казахстана, охарактеризованы межэтнические отношения переселенцев и автохтонного населения на каждом из этапов. В ходе разработки периодизации установлено, что приграничная территория Северного Казахстана стала местом сближения культур переселенцев и автохтонного казахского населения, при этом особо тесные взаимоотношения складывались до массовых советских миграций (особенно до переселений в годы освоения целинных земель). В рамках изучения историографии межэтнических отношений выявлено, что наибольшее внимание казахстанские исследователи уделяют изучению истории формирования полиэтнического населения Северного Казахстана, современного этнического состава населения региона, национальной идентичности и межнациональных браков. В статье показана связь историографических аспектов с социально-политической ситуацией в республике. Вопросы военно-хозяйственной колонизации Степного края актуализировались в исследованиях казахстанских историков в 1990-е гг., образ переселенцев в работах характеризовался негативно. К настоящему времени новый вектор государственной политики повлиял на тематику исследований, стали распространяться идеи поликультурности и интернационализации.

Ключевые слова: *межэтнические отношения, многонациональный Казахстан, Северный Казахстан, историография межэтнических отношений.*

V.V. Klyuchareva

Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Omsk, Russia
E-mail: valentina1497@mail.ru

Interethnic relations between the peoples of Northern Kazakhstan and their representation in Kazakh modern historiography

In the post-Soviet period, the ethnic composition of the population of the Republic of Kazakhstan has changed significantly due to socio-economic and political reasons. The article focuses on the issues of development of interethnic relations in the northern part of the republic in historical retrospect, and the research methods of this topic by Kazakhstani scholars. The territorial framework is the North Kazakhstan and Akmola Regions of the Republic of Kazakhstan. Main sources: materials of ethnographic expeditions (interviews conducted by the author in 2023–2024), papers of Kazakh ethnographers and historians. The study highlights the main periods and formation stages of the ethnic composition of the population in the territory of Northern Kazakhstan, characterizes the interethnic relations of immigrants and the indigenous population at each stage. The proposed periodization has shown that the border territory of Northern Kazakhstan became a place of convergence of cultures of immigrants and the indigenous Kazakh population, while particularly close relationships developed before mass Soviet migrations (especially before resettlement during the years of development of virgin lands). As part of the study of the historiography of interethnic relations, it was revealed that the greatest attention is paid to the study of the history of the formation of the multiethnic population of Northern Kazakhstan,

the modern ethnic composition of the population of the region, national identity and interethnic marriages. The article shows the connection of historiographical aspects with the socio-political situation in the republic. The issues of military and economic colonization of the Steppe region were topical in the studies of Kazakh historians in the 1990s, the immigration process was characterized negatively. Currently, a new vector of state policy has influenced the research topics, and the ideas of multiculturalism and internationalization have become popular.

Keywords: *interethnic relations, multinational Kazakhstan, Northern Kazakhstan, historiography of interethnic relations.*

Актуальность изучения межэтнических отношений на постсоветском пространстве не вызывает сомнений. В результате комплекса миграций и переселений имперского и советского периодов к концу 1980-х гг. население каждой союзной республики характеризовалось разнообразностью этнического состава. Особенно отличалась Казахская советская социалистическая республика (КазССР), в которой, согласно переписи 1989 г., титульное казахское население составило лишь 39,69 %. В республике также проживали русские (37,82 %), немцы (5,82 %), украинцы (5,44 %), узбеки (2,02 %) и другие народы [Всесоюзная...]. В настоящее время этнический состав населения Казахстана существенно изменился, но северные регионы, граничащие с Россией, до сих пор остаются полиэтническими.

Цель исследования – проанализировать межэтнические отношения народов Северного Казахстана в разные исторические периоды и выявить основные особенности их отражения в историографии суверенной республики. Согласно определению Э.А. Паина, «межэтнические отношения – это форма группового взаимодействия между людьми разной этничности, осознающих свои культурные различия и субъективно переживаемую социальную границу между “мы” и “они”» [Паин, 2020, с. 75]. Территориальные рамки исследования – Северо-Казахстанская и Акмолинская обл. Республики Казахстан (РК). Основные источники: материалы этнографических экспедиций (интервью, проведенные автором в 2023–2024 гг.; Архив МНС ОЛ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. Р-1), работы казахстанских этнографов и историков. В интервью отражена оценка межэтнических отношений народов Северного Казахстана представителями автохтонного населения и потомками переселенцев. В тексте приведены цитаты из интервью, в скобках указаны основные сведения о респондентах: пол, год рождения, место сбора информации, национальность.

Межэтнические отношения народов на территории Северного Казахстана в исторической ретроспективе

Для анализа развития межэтнических отношений населения Северного Казахстана следует обратиться к истории заселения данного региона и рассмотреть периодизацию формирования многонационального населения.

I. *Период военно-хозяйственной колонизации территории казахских жузов Российской империей.* Данный период включает три основных этапа.

1) В 1720–1810-е гг. территориальные рамки колонизации казахских жузов охватили северо-восток, где строились пограничные линии [Алексеенко, 2000, с. 7]. Межэтнические контакты коренного населения и казаков характеризовались фрагментарностью, процент переселенческого населения был достаточно невысоким, но постепенно начинали налаживаться торгово-экономические связи.

2) В 1820–1870-е гг. в результате разработки новой системы административного управления (1822 г.) произошел «*переход от пограничнo-линейной тактики взаимодействия со степью к проникновению в степь*» [Там же, с. 8]. Военно-хозяйственная колонизация края набирала обороты, осуществлялось переселение крестьян, часть из которых были зачислены в Сибирское линейное казачье войско. В годы продвижения Российской империи вглубь Казахской степи межэтнические отношения народов стали более тесными, постепенно казахи стали селиться близ станиц и сел, основанных пришлым населением. Об этом свидетельствуют и данные респондентов, которые передавались из поколения в поколение: «*русские раньше все казахский знали, история богатая была. Пять аулов стояло вокруг нашей станицы»* (м., 1966, с. Катарколь Акмолинской обл. КазССР, русский).

3) В 1880–1910-е гг. произошло усиление крестьянского переселенческого движения, апогей которого произошел в момент проведения столыпинской аграрной реформы. В результате, главным субъектом колонизации стало не казачье сословие, а крестьянское [Там же, с. 8]. Установились более тесные отношения между переселенческим и автохтонным населением: переселенцы осваивали казахский язык, нередко казахи работали на зажиточных казаков, что подтверждается экспедиционными материалами: «*по рассказам моего отца* (Подолько С.К., 1927–1995. – *Авт.*) *до революции отношения между казахами и русскими были хорошие. Прадед мой* (Подолько Д.А., 1863–1921. – *Авт.*) *имел большое домашнее хозяйство в станице* (Котуркульская. – *Авт.*) *и нанимал работников – казахов из соседних аулов. И вот на сезон (сенокос, уборка) он нанимал до двадцати человек, хорошо им платил. И был один постоянный работник-казах из соседнего аула, который проработал в его семье много лет, прадед ему хорошо платил. Казах периодически ездил в родной аул, для этого*

прадед выделял ему лошадь и с собой давал гостинцы родственникам» (м., 1965, г. Омск РФ, русский). Конечно, определяющую роль играло знание языка, характерное для дореволюционных переселенцев: «*дед мой (Данилов Р.М., 1891–1962) знал казахский язык*» (м., 1955, г. Щучинск Акмолинской обл. РК, русский).

II. Период трансформации этнического состава населения Северного Казахстана в годы советской власти делится на три основных этапа.

1) В 1920-е – первой половине 1930-х гг. этнический состав населения региона изменился в ходе коллективизации и индустриализации. В республику были переселены специалисты различных областей промышленности и инфраструктуры. В этот же период завершился процесс перехода казахского населения к оседлому образу жизни, что изменило этнический состав населенных пунктов.

2) В конце 1930-х – 1940-е гг. на территорию изучаемого региона были депортированы немцы, поляки, чеченцы и ингуши. Местное население помогало переселенцам: «*бабушка* (прибывшая из АССР Немцев Поволжья. – *Авт*.) *вот рассказывала, дали землянку, в доме там ничего не было. И говорит, были хорошие люди соседи, хорошо относились, казахи именно помогали»* (ж., 1974, г. Степняк Акмолинской обл. РК, немка). Если немецкие спецпереселенцы смогли привезти с собой минимальный запас вещей, то депортированное население Чечено-Ингушской республики оказалось в более тяжелых условиях: «*кавказцев же переселяли очень жестко, зачастую их просто высаживали с вагонов и все. С собой они не привезли ничего. Но местные жители брали их к себе в дома, помогали им с продуктами, с одеждой, помогали с работой им*» (м., 1965, г. Омск РФ, русский). Таким образом, местное население проявило гостеприимство и наладило дружественные отношения с депортированными народами, а переселенцы знакомились с культурой местного населения и изучали их язык: «*бабушка* (прибывшая из АССР Немцев Поволжья. – *Авт*.) *рассказывала, что соседи разговаривали на казахском, а бабушка на немецком. И они все равно друг к другу ходили и как-то они общались, и друг друга понимали*» (ж., 1974, г. Степняк Акмолинской обл. РК, немка).

3) На третьем этапе (1950-е – 1991 гг.) в КазССР были переселены специалисты сельского хозяйства из Белоруссии, Молдавии, Украины и др. союзных республик для освоения целинных земель (в 1950–60-е гг.), а также завершился процесс формирования полиэтнического населения республики. Целинные переселения были масштабными и местное население ощущало этнокультурный контраст: «*на целину в наш Котуркуль прибыло очень много белорусов, для наших людей их обычаи были не в привычку. Но белорусы быстро освоились. И наши люди от них многое переняли в животноводстве*» (м., 1965, г. Омск РФ, русский). Стоит отметить, что прежние миграционные потоки были не столь многочисленными и переселенцы осваивали казахский язык, целинники же в основном владели родным языком и русским: «*когда сюда приехали и белорусский, и русский знали уже*» (ж., 1933, с. Сосновка Акмолинской обл. РК, белоруска). Поэтому казахское население стало выделять группы среди русского населения, считая более ранних переселенцев «своими»: *«Мы жили в казахском ауле Жанакала, а рядом был переселенческий поселок Корганкольский. И однажды отец собрался в этот поселок на поминки и говорит: "Там последний старик русский умер, я пойду на поминки". Это было в середине 60-х или в начале 70-х гг. Поехал он, я вспомнил, что в этом поселке на 80–90 % все русские. И когда отец вернулся, я у него спросил: "Почему вы сказали, что последний русский, там же полно русских". И отец тогда мне сказал, что этот старик из тех еще переселенцев, что владели казахским языком»* (м., 1959, г. Щучинск Акмолинской обл. РК, казах).

В дальнейшем существенную роль в налаживании межэтнических отношений народов Казахской ССР сыграл принцип пролетарского интернационализма, который укреплял дружбу народов: «*мы не смотрели на национальность, у нас идея была строить коммунизм*» (м., 1948, с. Сосновка Акмолинской обл. КазССР, казах). В результате, в северной части республики, где этнический состав населения за одно столетие поменялся кардинальным образом, сложились дружественные межэтнические отношения: «*Тассу раньше было многонациональным селом, 300 с чем-то человек там жило. И вдруг в конце 1960-х гг. посередине села асфальтировали дорогу. Все население вышло, все наготовили и сделали на этом асфальте стол, ставили самовары, ставили бешбармаки, ставили пельмени, манты, конфеты, чай, огромный стол получился. Мне это так запало в душу*» (ж., 1947, г. Степняк Акмолинской обл. РК, русская). Стоит отметить, что основой для положительной межэтнической обстановки стала не только национальная политика советского государства, но и гостеприимный менталитет автохтонного населения республики: «*казахи такой народ гостеприимный, межнациональной розни не было никогда, дружно жили*» (ж., 1952, с. Уюмшил Акмолинской обл. РК, казашка).

Таким образом, приграничная территория Северного Казахстана стала местом сближения культур переселенцев и коренного казахского населения, а особо тесные взаимоотношения устанавливались до массовых советских миграций. «*Здесь местное казачество было казахоязычным, вплоть до 30-х гг. Это потом где-то перелом с целины. Когда так называемые советские русские в большом количестве хлынули сюда. Этот контингент уже не воспринимал ничего этнического*», – рассказывают информаторы (м., 1959, г. Щучинск Акмолинской обл. РК, казах).

III. В *постсоветский период* этнический состав населения Казахстана существенно изменился, период делится на три этапа. Первый этап (1991–1995 гг.)

характеризуется отъездом русскоязычного населения, однако межэтнические отношения на севере республики оставались стабильными. Второй этап (1995–2012 гг.) ознаменовался принятием новой Конституции в 1995 г., в которой были учтены интересы русскоязычного населения, что способствовало снижению их эмиграции. В 2006 г. была принята Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников. К завершению данного этапа та часть русскоязычного населения, которая была недовольна национальной политикой государства, в основном покинула республику. Третий этап (2012 г. – по настоящее время) делится на два подэтапа: первый (2012–2019) связан с принятием концепции долгосрочного развития страны «Стратегия-2050», программой «Рухани жанғыру», второй (2019 – по наст. время) – с утверждением национального проекта «Ұлттық рухани жаңғыру» в 2021 г. и сменой векторов национальной политики. Как правило, межэтнические отношения народов республики остаются дружественными. Информаторы приводят множество примеров межнациональной дружбы: «*в Северном Казахстане есть поселок Когам. Там тоже были русские, уехали, осталась только одна бабушка Агата, ей давно за 70. Там бывают казахские торжества, там везде ходит бабушка Агата. Вы понимаете? Это не сказка. Это реалии»* (м., 1953, г. Степняк Акмолинской обл. РК, казах). Респонденты следующим образом характеризуют межэтнические отношения: «*проблема Северного Казахстана демографическая больше сказать, а на уровне межличностных отношений между казахами и русскими нормально все. Нет плохих наций, есть просто плохие люди*» (м., 1978, г. Кокшетау РК, русский). Таким образом, к настоящему времени в Северном Казахстане сложились дружественные отношения между разными народами, основанные на длительном историческом взаимодействии коренного населения и переселенцев.

Межэтнические отношения народов Северного Казахстана в работах казахстанских исследователей

В современной казахстанской исторической науке можно выделить четыре основных направления в области изучения межэтнических отношений: 1) история формирования полиэтнического населения Северного Казахстана; 2) современный этнический состав населения региона; 3) национальная идентичность и 4) межэтнические браки. Также фрагментарно данную область исследования затрагивают при изучении межконфессиональных отношений.

1. История заселения региона разными народами является предпосылкой для формирования межэтнических отношений. Оценка переселенческих процессов представлена в работах А.Н. Табулденова [2020], Г.Т. Каженовой [2012], М.Ж. Абдирова [1994], Р.С. Буктугутовой и Г.К. Жанаевой [2021] и др.

Тема военно-хозяйственной колонизации казахских жузов Российской империей получила свою актуальность еще в 1990-е гг., когда в условиях этнизации и создания нового исторического нарратива суверенной республики исследователи стали обращаться к аграрно-колонизационной проблематике. При этом переселенцы дореволюционного периода интерпретировались в негативном ключе, подчеркивалось «*изъятие лучших земель индигенного населения в переселенческий фонд*», в результате чего межэтнические отношения характеризовались соответствующим образом [Токмурзаев, Чуркин, Сирбаева, 2021].

К настоящему времени в работах казахстанских исследователей актуализируется тема интернационализма народов республики. Авторы характеризуют виды миграций, показывают их влияние на этническую структуру населения. Отдельным направлением является изучение адаптации депортированных народов в КазССР, в т.ч. их межэтнических отношений с местным населением: «*в трудных условиях изгнания люди разных национальностей налаживали добрососедские связи, учились терпимо относиться к культурному порядку представителей других народов*» [Казиев, 2015, с. 90]. С.Ш. Казиев пишет, что в 1950–1960-е гг. Казахскую ССР называли «лабораторией дружбы народов», по мнению исследователя, данная благоприятная в этническом отношении среда была основана на длительном взаимодействии казахов и русских и распространении русского языка в республике [Казиев, 2014, с. 60].

2. Исследуя современный этнический состав населения северного региона республики авторы уделяют важное внимание миграционным процессам. К примеру, Г.С. Ильясова полагает, что «*после 2000-х гг. вследствие реализации демографической политики, социальных программ, реформ в сфере экономики миграционные процессы за пределы региона ограничивались в большей степени образовательными целями*» [Ильясова, 2021, с. 83]. Авторы относят Северный Казахстан к проблемным демографическим регионам с сокращающимся населением, отмечают, что «*иных перспектив развития Северного Казахстана, кроме как многонационального, нет*» [Жаркенова, 2018, с. 67].

3. Гражданская идентичность является важным компонентом национальной политики суверенного Казахстана и оказывает непосредственное влияние на межэтнические отношения в республике. Государственная политика направлена на сохранение и поддержание паритета между этнической и гражданской идентичностями, что представлено в работах М.Ш. Кабазиева [2022], А. Журасовой и Г. Есеевой [2021] и др., при этом история Казахстана (и, в частности, – казахского народа) «*является арсеналом символов для утверждения не только культурной идентичности, но и гражданской идентичности*» [Кадыржанов]. Существенное место в казахстанской историографии за-

нимают работы, посвященные деятельности Ассамблеи народов Казахстана как института, влияющего на гражданскую идентичность казахстанцев [Тугжанов и др., 2015], а также исследования, раскрывающие особенности казахстанской модели межэтнического согласия [Абишева, 2009].

4. Многие современные казахстанские исследователи изучают межэтнические браки как индикатор межнациональных отношений в обществе (С.К. Уалиева [2017], А.Б. Калыш [2013], М.В. Могунова [Казиев, Могунова, Могунов, 2020] и др.) К примеру, в ходе исследования в г. Петропавловске авторы выявили смещение психологических установок о межэтнических браках в положительную сторону, что связано с «*ускоренной урбанизацией казахского населения и широким распространения системы европейских социальных установок*» [Казиев, Могунова, Могунов, 2020, с. 136], а также с «*советской национальной политикой, направленной на социокультурное сближение народов*» [Там же, с. 150].

Таким образом, к настоящему времени на территории Северного Казахстана сложилась благоприятная межэтническая обстановка, что основано на длительном историческом взаимодействии казахов, русских и др., обоюдном знании обычаев и традиций, распространении русского языка в советское время. Конечно, в 1990-е гг. отток русскоязычного населения из республики был достаточно высоким ввиду социально-экономических, политических, языковых и др. причин, но добрососедство народов региона позволило избежать межэтнических конфликтов. Историографический анализ показал, что в первые годы независимости Казахстана в условиях этнизации и подъема национального самосознания исследователи обращались к проблематике колонизации казахских жузов, негативно оценивая данный процесс. К настоящему времени новый вектор государственной политики повлиял на тематику исследований, распространяются идеи интернационализма народов республики в разные исторические периоды, анализируются особенности казахстанской модели межэтнических отношений. Авторы пишут о необходимости дальнейшего развития Северного Казахстана как многонационального региона, выявляют позитивные оценки межэтнических браков в обществе.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0002 «Население Сибири и Северного Казахстана: социокультурные процессы и трансляция культурного наследия».

Список литературы

Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана. – Алма-Ата: Казахстан, 1994. – 160 с.

Абишева М.А. Казахстанская модель межэтнического согласия: опыт для ОБСЕ // Analytic. – 2009. – № 1. – С. 5–10.

Алексеенко В.Н. Этапы и источники формирования славянского населения Казахстана в XVIII – начале XX века // Вестн. Евразии. – 2000. – № 2. – С. 5–21.

Буктугутова Р.С., Жанаева Г.К. Демографические последствия освоения целинных и залежных земель в Казахстане (некоторые аспекты) // Наука и реальность / Science & Reality. – 2021. – № 2 (6). – С. 154–157.

Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=5 (дата обращения: 12.08.2024).

Жаркенова А.М. Полиэтнический состав населения Северного Казахстана в конце XIX – начале XXI в.: исторические особенности, современные тенденции и перспективы // Вестн. Караганд. ун-та. – 2018. – № 4 (92). – С. 60–69.

Журасова А., Есеева Г. Вопросы национальной идентичности в Казахстане // Świat Idei i Polityki. – 2021. – Т. 21. – № 2. – С. 77–91.

Ильясова Г.С. Миграционные настроения населения северного региона Республики Казахстан в 1999–2009 гг. // Вестн. Северо-Казах. гос. ун-та им. М. Козыбаева. – 2021. – № 4 (52.1). – С. 77–84.

Кабазиев М.Ш. Формирование национальной идентичности республики Казахстан: особенности и противоречия // Современная Европа. – 2022. – № 7. – С. 221–231.

Кадыржанов Р.К. История Казахстана как этнокультурный символизм формирования национальной идентичности // Известия НАН РК. – URL: http://nblib.library.kz/elib/library.kz/journal/Kadyrjanov.....6...13.pdf (дата обращения: 25.09.2024).

Каженова Г.Т. Степной край в геополитической стратегии Российской империи // Проблемы востоковедения. – 2012. – № 2 (56). – С. 26–31.

Казиев С.Ш. Национальная политика и межэтнические отношения в Казахстане в постсталинский период (1953–1964 гг.) // Вестн. Калмыц. ин-та гум. исслед. РАН. – 2014. – № 4. – С. 56–61.

Казиев С.Ш. Парии, партнеры и конкуренты: «наказанные» народы и местное население в Казахстане (1941–1953 годы) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2015. – № 14 (369). – С. 83–93.

Казиев С.Ш., Могунова М.В., Могунов С.В. Межэтнические браки в среде городских русских и казахов Северного Казахстана // Вестн. антропологии. – 2020. – № 3 (51). – С. 136–152.

Калыш А.Б. Семья брак в современном Казахстане. – Алматы: Арыс, 2013. – 464 с.

Паин Э.А. Межэтнические отношения: сущность и основные разновидности // Koinon. – 2020. – Т. 1. – № 1–2. – С. 71–87.

Табулденов А.Н. Динамика численности депортированных народов в Северном Казахстане в 30–40-х гг. XX в. // Вестн. Ом. гос. ун-та. – 2020. – Т. 7. – № 3 (27). – С. 34–47.

Токмурзаев Б.С., Чуркин М.К., Сирбаева А.А. Аграрная колонизация Степного края в российской и казахстанской историографии конца XX – начала XXI в. как «посттравматическая» практика научной рефлексии // Былые годы. – 2021. – № 16 (1). – С. 420–421.

Тугжанов Е.Л., Калашников Н.П., Кан Г.В., Коробков В.С., Шаяхметов Н.У. Ассамблея народа Казахстана: история двух десятилетий. – Астана, 2015. – 326 с.

Уалиева С.К. Тенденции межэтнических браков в Казахстане // Мир Большого Алтая. – 2017. – № 3 (3). – С. 405–413.

References

Abdirov M.Zh. Istoriya kazachestva Kazakhstana. Alma-Ata: Kazakhstan, 1994. 160 p. (In Russ.).

Abisheva M.A. Kazakhstanskaya model' mezhetnicheskogo soglasiya: opyt dlya OBSE. *Analytic*, 2009. No. 1. P. 5–10. (In Russ.).

Alekseenko V.N. Etapy i istochniki formirovaniya slavyanskogo naseleniya Kazakhstana v XVIII – nachale XX veka. *Vestnik Evrazii*, 2000. No. 2. P. 5–21. (In Russ.).

Buktugutova R.S., Zhanaeva G.K. Demograficheskie posledstviya osvoeniya tselinnykh i zalezhnykh zemel' v Kazakhstane (nekotorye aspekty). *Science & Reality*, 2021. No. 2 (6). P. 154–157. (In Russ.).

Ilyasova G.S. Migratsionnye nastroeniya naseleniya severnogo regiona Respubliki Kazakhstan v 1999–2009 gg. *Vestnik Severo-Kazakhstanskogo universiteta imeni M. Kozybaeva*, 2021. No. 4 (52.1). P. 77–84. (In Russ.).

Kabaziev M.Sh. Formirovanie natsional'noi identichnosti respubliki Kazakhstan: osobennosti i protivorechiya. *Sovremennaya Evropa*, 2022. No. 7. P. 221–231. (In Russ.).

Kadyrzhanov R.K. Istoriya Kazakhstana kak etnokul'turnyi simvolizm formirovaniya natsional'noi identichnosti. In *Izvestiya NAS RK*. URL: http://nblib.library.kz/elib/library.kz/journal/Kadyrjanov.....6...13.pdf (Accessed: 25.09.2024). (In Russ.).

Kalysh A.B. Sem'ya brak v sovremennom Kazakhstane. Almaty: Arys, 2013. 464 p. (In Russ.).

Kazhenova G.T. Stepnoi krai v geopoliticheskoi strategii Rossiiskoi imperii. *Problemy vostokovedeniya*, 2012. No. 2 (56). P. 26–31. (In Russ.).

Kaziev S.Sh. Natsional'naya politika i mezhetnicheskie otnosheniya v Kazakhstane v poststalinskii period (1953–1964 gg.). *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN*, 2014. No. 4. P. 56–61. (In Russ.).

Kaziev S.Sh. Parii, partnery i konkurenty: «nakazannye» narody i mestnoe naselenie v Kazakhstane (1941–1953 gody). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015. No. 14 (369). P. 83–93. (In Russ.).

Kaziev S.Sh., Mogunova M.V., Mogunov S.V. Mezhetnicheskie braki v srede gorodskikh russkikh i kazakhov Severnogo Kazakhstana. *Vestnik antropologii*, 2020. No. 3 (51). P. 136–152. (In Russ.).

Pain E.A. Mezhetnicheskie otnosheniya: sushchnost' i osnovnye raznovidnosti. *Koinon*, 2020. No. 1–2. P. 71–87. (In Russ.).

Tabuldenov A.N. Dinamika chislennosti deportirovannykh narodov v Severnom Kazakhstane v 30–40-kh gg. XX v. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2020. No. 3 (27). P. 34–47. (In Russ.).

Tokmurzaev B.S., Churkin M.K., Sirbaeva A.A. Agrarnaya kolonizatsiya Stepnogo kraya v rossiiskoi i kazakhstanskoi istoriografii kontsa KhKh – nachala KhKhI vv. kak «posttravmaticheskaya» praktika nauchnoi refleksii. *Bylye gody*, 2021. No. 16 (1). P. 420–421. (In Russ.).

Tugzhanov E.L., Kalashnikov N.P., Kan G.V., Korobkov V.S., Shayakhmetov N.U. Assambleya naroda Kazakhstana: istoriya dvukh desyatiletii. Astana, 2015. 326 p. (In Russ.).

Ualieva S.K. Tendentsii mezhetnicheskikh brakov v Kazakhstane. *Mir Bol'shogo Altaya*, 2017. No. 3 (3). P. 405–413.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya po respublikam SSSR. In *Demoskop Weekly*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=5 (Accessed: 12.08.2024). (In Russ.).

Zharkenova A.M. Polietnicheskii sostav naseleniya Severnogo Kazakhstana v kontse XX – nachale XXI vv.: istoricheskie osobennosti, sovremennye tendentsii i perspektivy. *Vestnik Karagandinskogo universiteta*, 2018. No. 4 (92). P. 60–69. (In Russ.).

Zhurasova A., Eseeva G. Voprosy natsional'noi identichnosti v Kazakhstane. *Świat Idei i Polityki*, 2021. No. 2. P. 77–91. (In Russ.).

Ключарева В.В. https://orcid.org/0009-0003-8121-3875

Дата сдачи рукописи: 01.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0907-0911
УДК 39+316.733

М.В. Красавина✉, И.В. Октябрьская

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: marg.moskvina@gmail.com

Чатские татары: практики сохранения исторической памяти и этнолокальная идентичность

Статья посвящена характеристике практик сохранения и актуализации исторической памяти и историко-культурного наследия этнолокального сообщества чатских татар, компактно проживающих в д. Юрт-Ора Колыванского р-на Новосибирской обл. Источниковую базу работы определили полевые материалы 2024 г., в т.ч. фонды и мероприятия Этнографического музейного комплекса «Усадьба чатского татарина», а также нарративы, записанные на межрегиональном празднике «Сибирский Сабантуй-2024», организованном Новосибирским областным татарским культурным центром и Региональной татарской национально-культурной автономией Новосибирской обл. Предметом исследования стала деятельность религиозной местной мусульманской организации «Иман» и общественной организации «Сохранение наследия чатских татар» – их сотрудничество при поддержке региональных и общетатарских национальных центров направлено на сохранение и презентацию традиций и культуры местного сообщества. Было показано, как музейные и просветительские практики способствуют поддержанию исторической памяти и самосознания чатских татар, которое имеет многоуровневый характер, сочетая в себе конфессиональные и этнические компоненты, включая общетатарскую, сибирско-татарскую и этнолокальную идентичность. Общественным делом жителей д. Юрт-Ора стало освоение истории и расширение пространства коллективной памяти. Архивные исследования ведутся по темам: появления чатских татар на берегах Оби, истории д. Юрт-Ора с момента ее основания, формирования религиозной общины, участии уроженцев деревни в Великой Отечественной войне. В целом сообщество чатских татар д. Юрт-Ора имеет устойчивый характер, сохраняет историческую память, воспроизводит свои религиозные и культурные традиции и успешно презентует себя как на региональном, так и на федеральном уровнях.

Ключевые слова: *чатские татары, этнолокальная идентичность, историческая память, историко-культурное наследие, этнотуризм.*

M.V. Krasavina✉, I.V.Oktyabrskaya

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: marg.moskvina@gmail.com

Chat Tatars: Practices of Preserving Historical Memory and Ethno-local Identity

The characterization of the practices of preserving and updating the historical memory and historical and cultural heritage of the ethnolocal community of the Chat Tatars compactly living in the village of Yurt-Ora in the Kolyvan District of the Novosibirsk Province is provided. The source base of the research is the field materials of 2024 including deposits and events of the Ethnographic Museum Complex "Chatsky Tatar Manor", as well as narratives recorded at the interregional festival "Siberian Sabantuy-2024" organized by the Novosibirsk Regional Tatar Cultural Center and the Regional Tatar National Cultural Autonomy of the Novosibirsk region. The subject of the study was the activities of the religious local Muslim organization "Iman" and the public organization "Preservation of the Chat Tatar Heritage." The joint efforts of these two organizations with the support of regional and all-Tatar national centers are aimed at preserving and presenting the traditions and culture of the local community. The ways of contributing of the museum and educational activities to the maintenance of the historical memory and self-awareness of the Chat Tatars, which has a multi-level character combining confessional and ethnic components including common Tatar, Siberian Tatar and ethno-local identity. The common cause of the Yurt-Ora village residents became the development of history and the expansion of the collective memory space. Archival research is conducted on the following topics: emergence of the Chat Tatars on the banks of the Ob River, the history of the Yurt-Ora village from the moment of its foundation, the religious community formation, and the participation of local residents in the Great Patriotic War. In general, the community of the Chat Tatars of the village of Yurt-Ora is stable, preserves historical memory, reproduces its religious and cultural traditions, and successfully presents itself both at the regional and federal levels.

Keywords: *Chat Tatars, ethno-local identity, historical memory, historical and cultural heritage, ethnotourism.*

Чатские татары – один из коренных народов Новосибирской обл. Исследователи-этнографы выделяют чатских татар как одну из подгрупп томских татар в составе сибирских татар, которые в свою очередь являются частью татарского народа. Интерес к группе чатов в академических кругах России возник еще XVIII в. в рамках организации и проведения масштабных экспедиций в сибирском регионе. Их история, культура и язык осваивались в рамках комплексного сравнительного изучения различных групп татар России на протяжении XIX–XX вв. Обобщающий раздел по сибирским татарам вошел в издание «Народы Сибири» 1956 г. под редакцией М.Г. Левина и Л.П. Потапова [Народы Сибири, 1956]. В дальнейшем проблемы истории и культуры сибирских татар разрабатывались учеными Казанского, Томского, Омского научных центров, признанными лидерами которых были Ф.Т. Валеев, Н.А. Томилов [Томилов, 1978, 1983, 1992; Валеев, 1980, 1992; Валеев, Томилов, 1996]. В 2001 г. итоги многолетних работ в регионе вошли в фундаментальный труд ИЭА РАН «Татары» [Татары, 2001]. В 2005 г. в Казани диссертацию на соискание степени доктора исторических наук по теме «Сибирские татары в составе Российского государства» защитил Г.Л. Файзрахманов, но при всей освоенности этой темы до настоящего времени не предпринималось попыток характеризовать отдельные группы сибирских татар на уровне этнолокальных исследований. Настоящая статья на материалах чатских татар имеет целью заполнить этот пробел. В фокусе исследования находится этнолокальное сообщество чатов д. Юрт-Ора (Умар-аул) Колыванского р-на Новосибирской обл.

С чатскими татарами на территории Новосибирской обл. исследователи соотносят ряд памятников Средневековья. В границах Колыванского р-на расположен комплекс, в который входит городище Паш-Тура (Юрт-Акбалык-1) [Перечень]. С историей чатов связывают возникновение сел Ояш (в XV в.) и Чингис (в 1629 г.). Известны чатские поселения на территории современного Тогучина (1687 г.), Бердское городище чатов (XV–XVII вв.), укрепление Чертово городище (Цаттыр) в границах г. Новосибирска (XVIII в.). Имя этого народа, по мнению исследователей, восходит к топонимам региона [Борисенко, 2014].

Известно, что во второй половине XVI в. чатские татары были подданными хана Кучума, а их земли входили с состав Сибирского ханства; территория расселения охватывала побережье Оби и ее притока Чауса выше устья Томи. После битвы 1598 г. и поражения Кучума чаты приняли российское подданство и начали платить ясак в Тару и Томск; часть их вошла в состав служилых татар. Они обеспечивали оборону Томска, сопровождали в качестве толмачей посольства в восточные страны, участвовали в военных походах. Неслужилое население, «юрточные/подводные» татары, занималось хлебопашеством и разведением лошадей, перевозили грузы на подводах и речных судах из Томска в Тобольск и обратно [Волков, 2016].

Согласно легендарной традиции, чатские татары участвовали в строительстве Уртамского (1684 г.), Умревинского (1703 г.), Чаусского (1713 г.) острогов.

К XVIII в. в историческом нарративе современных чатских татар д. Юрт-Ора относится деятельность мурзы Иштека Елугачева, участника Северной войны, который, якобы, написал челобитную царю Петру I. Она размещена в экспозиции местного музейного комплекса «Усадьба чатского татарина», открытого в 2018 г. и имеет следующее содержание: *«Милостивый Государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, пожалуй холопей своих, не вели, Государь, у них тех их старинных угодий напрасно не отнимать. Потому как государевы крестьяне уже поселились с востока от Уртамского острога, заняли земли эуштинских татар. Вели за нами оставить земли по левому берегу Оби от устья реки Чауса на западе до устья реки Елани на востоке. На север за Кындинским болотом. Межевую ландкарту, великий государь Петр Алексеевич, отправляю. Вели, Государь, чатским татарам дань не платить, а служить государеву службу»*.

Ответом на челобитную стал Указ Петра I, гласивший: *«По челобитной мурзы Чатских татар Иштека Табункина сына, капитана Елугачева, повелеваю: Татарам Чат ясак не платить, а служить государеву службу. Землю Кривой Луки по левому берегу Оби от устья реки Чаус до речки Еловки с лугами, лесными угодьями, рыбным ловом и промыслом зверя закрепить на веки вечные за татарами»* (ПМА, 2024, Личный архив Н.Х. Шагабутдинова).

Однако известно, что судьба мурзы Иштек и его переписки с Петром I прежде чем войти в этноисторический нарратив чатов, были воссозданы в романе А.Ж. Садырова (Федорова) «Осетровые ямы», написанного с опорой на исторические факты и документы, творчески осмысленные и развитые для воплощения художественного замысла, связанного с историей родного народа автора [Садыров, 2014, с. 36, 108–111].

При этом, среди известных имен представителей династий чатских мурз, составленных В.Г. Волковым на основе анализа комплекса документов (окладных книг денежного, хлебного и соляного жалованья, сметных списков, таможенных книг, материалов первой ревизии 1720 г. и пр.), имя Иштека Елугачева не фигурирует [Волков, 2016]. Но со времени выхода романа «Осетровые ямы» этот персонаж стал героем местной истории.

По сведениям на 1898 г. в совместном владении жителей Орт Орских и Юрт Акбалыкских находилось 85 тыс. десятин земли, кедровник площадью ок. 600 десятин и рыбные угодья. С прокладкой вблизи от этих деревень Московского тракта, их жители стали поставлять лошадей на ближайшую почтовую станцию, следы которой сохранялись до начала XX в.

В 1911 г. население в Юртах Орских достигло 44 дворов (136 душ мужского пола и 134 женского). Здесь действовали мануфактурная и бакалейная лавки, маслодельный завод, мечеть и школа. В 1913 г. Чатская инородческой управа Томского уезда Томской губернии включала в себя 8 поселений: Кафтанчиково, Юрты Чернореченские, Юрты Тохтамышевские, Юрты Барабинские, Юрты Казанские, Юрты Калтайские, Юрты Таганские, Юрты Акбалыкские; в составе другой инородческой управы – Мало-Корюковской были: Юрты Орские, Черный мыс и Красный яр (ПМА, 2024, Личный архив Н.Х. Шагабутдинова).

В состав современного Колыванского р-на Новосибирской обл. входят деревни Юрт-Ора, Юрт-Акбалык, Черный мыс. В них по-прежнему преимущественно живут потомки чатских татар.

В 1994 г. за поселением Юрт-Ора был закреплен официальный статус достопримечательного места Новосибирской обл.– как места традиционного проживания сибирских татар, сочетающего археологическое, историческое и этнографическое наследие сибирских татар, значимое не только в масштабах области, но и Западной Сибири в целом. Городище XVI в. поставлено на государственный учет как вновь выявленный памятник археологии и атрибутировано как известный по документам Чатский городок. От него ведет свою историю современная д. Юрт-Ора, летом 2024 г. большим праздником официально отметившая свое 430-летие.

Важными событиями в жизни местного сообщества стало восстановление в 2011 г. на историческом месте в центре деревни мечети. Годом ранее была образована Местная религиозная организация мусульман «Иман», председателем правления которой и имамом был избран в прошлом кадровый военный, а ныне общественный деятель Н.Х. Шагабутдинов – инициатор многих проектов по сохранению наследия чатских татар. Он рассказывает: *«Я учился, мне трех военных образований не хватило, поступил в 53 года в Российский исламский университет <...> У меня – внука имама – мечта в 50 лет появилась: открыть старый Коран и читать прямо на арабском языке <...>. Я в Казани 6 лет заочно проучился, в 59 лет закончил. В режиме народной стройки мы восстановили мечеть, переставшую существовать в тридцатые годы. Основываясь на том, что у нас историческое поселение, за 12 лет нам удалось добиться инвестирования где-то более 35 млн. в строительство, в благоустройство, в создание музея. Начинал я как военный пенсионер, потом как частное лицо стал писать гранты, потом – как юридическое лицо создал организацию*» (ПМА, 2024). Существенную помощь в строительстве мечети оказали Духовное управление мусульман Сибири, Президент Татарстана Р.Н. Минихanов, депутаты Законодательного Собрания Новосибирской обл., все жители и уроженцы Юрт-Оры.

Открытая в 2014 г., мечеть стала восьмой в деревне – в ее основании заложены камни фундаментов предыдущих построек. В 2020 г. комплекс дополнило медресе с ритуальными помещениями.

Следующим проектом в деревне стало создание в 2015 г. Местной общественной организации «Сохранение наследия чатских татар» с целью возрождения национальных культурно-исторических, духовных и бытовых традиций чатских татар, а также с целью организации музейно-туристического комплекса для развития сельского туризма путем проведения культурно-массовых и познавательных мероприятий.

В том же 2016 г. в деревне был воздвигнут обелиск в память о героях Великой Отечественной войны. Живым воплощением истории и памяти чатских татар стала заложенная в 2016 г. Аллея поколений, в которой за каждой семьей (представляющей 26 основных родов) закреплено собственное дерево. «*Каждый представитель рода посадил,* – рассказывает Н.Х. Шагабутдинов,– *вот смотрите. Посадили дерево, сосна растет: снизу – кого помнят, а сверху кого народили. Смысл всего этого потом проявится, когда все деревья подрастут. Табличку всегда можно поменять, кто-то еще родится. Мы красиво соединим аллею дорожечкой; скамейки возле каждого деревца поставим, и уже в деревне никто не сможет сказать, что не помнит свою прабабушку. Сейчас есть такие – даже бабушек не помнят. Если не помнишь: ну-ка, сбегай, посиди там, подумай возле деревца, посмотри. Ну, то есть, если все это, по воле Аллаха, проживется, мы все сделаем, это будет большое дело для нашей маленькой деревушки. Ведь люди начали корни свои забывать. Смотрите, в школах другие программы; и слово патриотизм буквально запылилось. И вот когда случились тяжелые испытания, тысячи молодых людей, бросив могилы своих дедов, прадедов, всех предков, даже родителей своих, убежали в другие страны за поиском лучшей жизни. Чтобы этого разрыва не было, надо корни свои поливать – чтобы помнить*» (ПМА, 2024).

В настоящее время постоянное население д. Юрт-Ора составляет 58 чел. В решении проблем сохранения культурного наследия и патриотического воспитания общественная организация чатских татар активно сотрудничает с региональной администрацией, Домом национальных культур им. Г.Д. Заволокина (г. Новосибирск), Новосибирским областным татарским культурным центром, Региональной татарской национально-культурной автономией Новосибирской обл., с Исполнительным комитетом Всемирного конгресса татар, с Министерством культуры и другими государственными структурами Республики Татарстан.

В 2017 г. МОО «Сохранение наследия чатских татар» стала участницей II Съезда татар Сибирского федерального округа, проходившего в Новосибирске. По его завершению д. Юрт-Ора принимала региональный Сибирский Сабантуй – традиционный

татарской праздник и межнациональный фестиваль, приуроченный к 80-летию Новосибирской обл., где были представлены уникальные песенные традиции чатских татар, аутентичная кухня, ремесла, а также национальные спортивные состязания, главным из которых стала борьба на поясах *көрәш (корэш)*.

Важным результатом сотрудничества жителей д. Юрт-Ора с Республикой Татарстан и администрацией Новосибирской обл. стало открытие в 2018 г. этнографического музейного комплекса «Усадьба чатского татарина». Он включает традиционный для этих мест дом-пятистенок с усадьбой, где представлены традиционный обиход, хозяйственная и домашняя утварь и одежда чатских татар начала XX в., семейные хроники и фотографии. Запланировано дальнейшее расширение музейного комплекса, в т.ч.– строительство чайной с блюдами татарской кухни и нескольких небольших домов для более длительного пребывания гостей, заинтересованных в погружение в историю.

Освоение истории и расширение пространства коллективной памяти деревни является сегодня предметом заботы Н.Х. Шагабутдинова и его земляков. Общественным делом стали архивные исследования об участии уроженцев д. Юрт-Ора в Великой Отечественной войне: *«Изучали электронные архивы, сайты «Подвиг народа» и «Память народа». Из дома я просматривал архивы военкоматов. Сейчас с этим проще стало, многое доступно. Опросил стариков, которые знают, кто родился у нас и проживал в других местах. Работать было тяжело, потому что татарские имена и фамилии как русские были иногда записаны. У меня отец Шагабутдинов Хасан Давлетович, а он записан в военном билете как Александр Яковлевич. Много ошибок сделано. Кого-то вообще в архивах не нашли, просто обозначили фотографией и годами жизни. Выяснили, что на фронт из деревни уходило 63 человека, но в ходе работы нашли еще четверых, которые родились у нас, а призвались из соседней деревни. Их нет на обелиске»* (ПМА, 2024).

Результатом работы стал стенд «Юрт-Орская фронтовая панорама», установленный рядом с военным обелиском в центре села. На нем как кадры киноленты объединены истории фронтовиков – фотографии, сведения о призыве, месте службы и роде войск, о заслугах, наградах, а также о месте захоронения каждого из них. Этот проект нашел большой отклик в Колыванском р-не, и уже в нескольких соседних деревнях поставлены подобные фронтовые панорамы.

Воинский долг перед Родиной является значимой составляющей идентичности этно-локального сообщества д. Юрт-Ора, которая хранит память о предках – служилых татарах XVII–XVIII вв. Во время экскурсий вспоминают тех, кто принимал участие в Отечественной войне 1812 г. в составе 39-го Томского полка. Память о местных жителях, участниках войн XIX–XX вв. также закреплена в исторической летописи Юрт-Оры. *«Это вот наши любимые фронтовики – журавленный клин, души наших предков. Летят в Джанмет, в Рай. Их 67 человек. Ветераны. Вся история XX в. прошла через нашу маленькую деревушку: Карибский кризис, Афганистан, Чечня. Сейчас наши на СВО; двое вернулись, один ранен. Но, слава Аллаху, все живы»* (ПМА, 2024).

Истории чатских татар в истории России является предметом гордости д. Юрт-Ора. Она отражена на Стене памяти и гордости «Чатские татары XVI–XXI вв.», в 2022 г. размещенной на центральной площади около мечети.

Помимо памяти, очень важным фактором актуализации этнолокальной идентичности чатов является язык и фольклор. В 2023 г. их песенная традиция была включена в список объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации. В рамках регионального проекта «Антология народной культуры» были изданы языковые пособия для детей и взрослых жителей д. Юрт-Ора. «*Это, конечно, уникально,* – рассказывает Н.Х. Шагабутдинов, – *что в маленькой деревушке мы сумели сохранить свой язык, свой диалект. Старики говорят это потому, что в прошлом сюда не пускали казанских татар – переселенцев с сыновьями. Позволяли селиться только семьям с девочками, которые в земельном разделе не участвовали и замуж шли в местные семьи. Мы издали разговорник. В нем 12 основных тем: семья, знакомство, природа и прочее-прочее. Здесь диалоги и словарь. Вот уже и через интернет все это мы перевели в онлайн. Дети, которые приезжают на лето к бабушкам и дедушкам, очень хотят заниматься, знать язык своих предков. Занятия для взрослых тоже проводим, и в этом году потихоньку продолжаем»* (ПМА, 2024).

Актуализация языка и памяти определяют инициативы местного сообщества последних лет. К 430-летнему юбилею в 2024 г. на Обском берегу была оформлена парковая зона «Причал воспоминаний», куда, по рассказам жителей, по реке возвращались все, кто покидал родные места. Рядом на пригорке *Каш башы*, считающимся историческим местом деревни, была возведена смотровая площадка в виде башни острога; обустроено место для проведения праздников, в т.ч. дня урожая *Сөмбелә бәйрәме*. Эта площадка приняла районный Сабантуй в честь деревенского юбилея, а также первый районный Фестиваль воспоминаний «Взвейтесь кострами!», связанный с историей ежегодных районных пионерских слетов в 1960–1990-х гг. Советская эпоха с ее ценностями и ритуалами органично вошла в пространство памяти этнолокального сообщества.

Чатские татары д. Юрт-Ора, соединяя знания далекого и недавнего прошлого, опираясь на исторический опыт, сохраняя язык и культурные традиции, успешно презентуют себя как часть регионального, сибирского, татарского и российского сообщества.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.». Авторы выражают сердечную благодарность директору музейного комплекса «Усадьба чатского татарина» Н.Х. Шагабутдинову за помощь и сотрудничество.

Список литературы

Борисенко А.Ю. Сведения о культуре «татар» Обь-Иртышского междуречья, собранные европейскими учёными XVIII в. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. – С. 13–17.

Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX в. Историко-этнографические очерки. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. – 232 с.

Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. – 206 с.

Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири. История и культура. Культура народов России. – Новосибирск: Наука, 1996. – Т. II. – 217 с.

Волков В.Г. Тюрки Томского Приобья в XVII – начале XVIII в. Этнотерриториальные группы и пути их формирования по данным археологии, антропологии и генетики // Национально-культурное наследие: Татары Томской области. – Казань: Ин-т языка, лит-ры и иск-ва им. Г. Ибрагимова АН Респ. Татарстан, 2016. – С. 52–80.

Народы Сибири / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 1083 с.

Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Новосибирской области. – Ч. 2. Объекты археологического наследия по состоянию на 2019 г. // Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Новосибирской области [Электронный ресурс]. – URL: https://giookn.nso.ru/sites/giookn.nso.ru/wodby_files/files/document/2019/06/documents/perechen_2019_vyyavlennyh_polnyy_uproshchennyy.pdf (дата обращения: 1.09.2024).

Садыров А.Ж. Осетровые ямы: исторический роман. – Новосибирск: РИЦ «Новосибирск» Новосиб. отд. Союза писателей России, 2014. – 307 с.

Татары / отв. ред.: Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. – М.: Наука, 2001. – 583 с.

Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – 209 с.

Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – 216 с.

Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1992. – 271 с.

References

Borisenko A.Y. Svedeniya o kul'ture «tatar» ob'-irtyshskogo mezhdurech'ya, sobrannye evropeiskimi uchenymi XVIII v. In *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoi Sibiri.* Kurgan: Kurgan State Univ. Press, 2014. P. 13–17. (In Russ.).

Levin M.G., Potapov L.P. (ed.) Narody Sibiri. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1956. 1083 p. (In Russ.).

Perechen' vyyavlennykh ob"ektov kul'turnogo naslediya, raspolozhennykh na territorii Novosibirskoi oblasti. Pt. 2. Ob"ekty arkheologicheskogo naslediya po sostoyaniyu na 2019 g. In *Gosudarstvennaya inspektsiya po okhrane ob'ektov kul'turnogo naslediya Novosibirskoi oblasti.* URL: https://giookn.nso.ru/sites/giookn.nso.ru/wodby_files/files/document/2019/06/documents/perechen_2019_vyyavlennyh_polnyy_uproshchennyy.pdf. (Accessed: 1.09.2024). (In Russ.).

Sadyrov A.Zh. Osetrovye yamy: ist. roman. Novosibirsk: RITs «Novosibirsk» Novosib. otd. Soyuza pisatelei Rossii, 2014. 307 p. (In Russ.).

Tomilov N.A. Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadno-Sibirskoi ravniny kontsa XVI – nachala XX v. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 1992. 271 p. (In Russ.).

Tomilov N.A. Ocherki etnografii tyurkskogo naseleniya Tomskogo Priob'ya. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1983. 216 p. (In Russ.).

Tomilov N.A. Sovremennye etnicheskie protsessy sredi sibirskikh tatar. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1978. 209 p. (In Russ.).

Urazmanova R.K., Cheshko S.V. (ed.) Tatary. Moscow: Nauka, 2001. 583 p. (Ser. Narody i kul'tura). (In Russ.).

Valeev F.T. Sibirskie tatary: kul'tura i byt. Kazan': Tatar Publ., 1992. 206 p. (In Russ.).

Valeev F.T. Zapadnosibirskie tatary vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. Istoriko-etnograficheskie ocherki. Kazan': Tatar Publ., 1980. 232 p. (In Russ.).

Valeev F.T., Tomilov N.A. Tatary Zapadnoi Sibiri. Istoriya i kul'tura. Kul'tura narodov Rossii. Vol. II. Novosibirsk: Nauka, 1996. (In Russ.).

Volkov V.G. Tyurki Tomskogo Priob'ya v XVII – nachale XVIII v. Etnoterritorial'nye gruppy i puti ikh formirovaniya po dannym arkheologii, antropologii i genetiki In *Natsional'no-kul'turnoe nasledie: Tatary Tomskoi oblasti.* Kazan': G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan AS Publ., 2016. P. 52–80. (In Russ.).

Красавина М.В. https://orcid.org/ 0000-0002-8940-5244
Октябрьская И.В. https://orcid.org/0000-0002-4190-9478

Дата сдачи рукописи: 07.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0912-0915
УДК 394

В.В. Лыгденова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Пищевые традиции у баргузинских бурят в 1940–1950-е годы XX века (по материалам полевых экспедиций в Курумканский и Баргузинский районы Республики Бурятия в 2012–2024 годы)

В статье рассматриваются собранные автором полевые материалы и представлены результаты полевых экспедиций в Курумканский и Баргузинский р-ны Республики Бурятия в 2012–2024 гг. В частности, подробно описаны и проанализированы интервью со старожилами на алиментарную тематику, выявлены причины перехода баргузинских бурят к земледельчеству и включения в рацион их питания овощных культур. В статье также впервые описывается рецептура приготовления блюд и их названий на баргузинском диалекте бурятского языка, характеризующих особенности питания бурят. В частности, подробно описан процесс приготовления кисломолочных продуктов: сухой творог «арса», кефирные напитки «хурэнгэ» и «тараг»; блюд из зерна, растений, супов, вторых блюд и т.д. Представлен также пищевой рацион в 1940–1950-е гг., который изменился в условиях войны и голода и привел к более тесному межкультурному контакту бурят с соседями – представителями других этнических групп: русскими, китайцами, эвенками. Дополнительно было обнаружено, что, несмотря на включение в рацион бурят овощных и зерновых культур, приоритетной оставалась кисломолочная и мясная пища, которая обогатилась рецептами архаичных блюд, восстановленных в период нехватки муки и мяса. Таким образом, в статье представлены и проанализированы исторические и социальные причины трансформации пищевых традиций баргузинских бурят в военный и послевоенный периоды. Сделаны выводы о консервативности алиментарной сферы (привычки, традиции, ритуалы), которая так или иначе способна изменяться под влиянием исторических событий и межкультурных коммуникаций.

Ключевые слова: *традиционная пища бурят, Великая Отечественная война, баргузинские буряты, межкультурные коммуникации, баргузинский диалект, народы Бурятии, алиментарные традиции, миграции, питательные растения, народы Сибири.*

V.V. Lygdenova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

The Food Traditions of the Barguzin Buryats in the 1940–1950s of the 20th Century (Based on the Materials of Field Expeditions to Kurumkan and Barguzinsky Districts of the Republic of Buryatia in 2012–2024)

The author presents the analysis of the field materials collected in the course of expeditions to the Kurumkan and Barguzinsky Districts of the Republic of Buryatia in 2012–2024. In particular, interviews with old-timers on alimentary traditions are described and analyzed in detail, the reasons for Barguzin Buryats transition to agriculture and inclusion of vegetable crops in their diet are revealed. For the first time the recipes for cooking dishes characterizing the peculiarities of Buryat nutrition and their names in the Barguzin dialect of the Buryat language are provided. In particular, the ways of cooking fermented dairy products are described in detail: dry cottage cheese "arsa", kefir drinks "khurenge" and "tarag"; dishes from grains, plants, soups, second courses, etc. The diet of the 1940-s and 1950-s is analyzed; the diet changed under conditions of war and famine and led to closer intercultural contact between the Buryats and their neighbors – representatives of other ethnic groups: Russians, Chinese, and Evenks. Additionally, it was established that despite the inclusion of vegetable and grain crops in the diet of Buryats, fermented milk and meat food remained a priority that was enriched with restored recipes of archaic dishes that were used during a period of shortage of flour and meat. Thus, the analysis of the historical and social reasons for the transformation of the food traditions of the Barguzin Buryats in the war and post-war period

is presented. The author inferred on conservative character of the alimentary behavior (habits, traditions, rituals) that is subjected to various alterations under the influence of historical events and intercultural communications.

Keywords: *traditional food of the Buryats, the Great Patriotic War, the Barguzin Buryats, intercultural communications, the Barguzin dialect, the peoples of Buryatia, alimentary traditions, migrations, nutritious plants, the peoples of Siberia.*

Пища – это наиболее консервативная часть культуры, поэтому важно выявить архаичные элементы в пищевых традициях народа, которые до сих пор сохранились, но постепенно забываются и исчезают. Алиментарная тематика все чаще становятся центром внимания в исследованиях этнологов, т.к. как является не только частью традиций, но и осознается этническими группами как способ культурной идентификации. Обрядовые блюда регулярно используются на этнических праздниках, фестивалях и т.д.

Одними из первых о пищевых традициях у бурят писали Д.Б. Банзаров, Г.Ц. Цыбиков, Ц.Ж. Жамцарано, М.Н. Хангалов. Этой тематике посвящены статьи Г.Р. Галдановой, И.Е. Тугутова, А.А. Бадмаева и других ученых-этнографов.

Д.Б. Банзаров в статье о празднике Сагаалган описал пищевые традиции бурят во время празднования Нового года. Отмечая, что название праздника связано с употреблением творога – *сагаа* и белой пищи, Д.Б. Банзаров пишет, что Сагаалган, или Сагаан һара – это название праздника, что означает в переводе с бурятского «Праздник Белого месяца» [Банзаров, 1955, с. 41–42]. В Бурятии и в Монголии этот праздник сейчас связан с буддийскими обрядами, для соблюдения которых на столе должны быть молочные и другие блюда, имеющие белый цвет, символизирующий в буддизме начало нового. Г.Ц. Цыбиков отмечал, что неверно считать Сагаалган религиозным праздником, хотя признавал, что ритуалы в честь буддийской богини Лхамо и обряд Дугжууба, проводимые накануне Сагаалгана, стали неотъемлемой частью празднества у бурят в XIX–XX вв. [Цыбиков, 1991]. Таким образом, вся белая пища, приготовленная и вкушаемая во время праздника, также является ритуальной едой. Ц.Ж. Жамцарано в поездке по местам проживания иркутских бурят-эхиритов описал особенности их пищевых традиций, которые во многом отличались от бытовых традиций забайкальских бурят [Жамцарано, 2001]. М.Н. Хангалов подробно зафиксировал в своих произведениях пищевые традиции иркутских бурят, к которым принадлежал и сам [Хангалов, 2004]. И.Е. Тугутов в 1950–1960-е гг. в статье «Пища южных бурят» представил блюда, характерные для селенгинских бурят, где преимущественно собирал полевые материалы [Тугутов, 1957]. В работах Г.Р. Галдановой рассматривается ритуальная пища закаменских бурят [Галданова, 1993]. В трудах А.А. Бадмаева находим подробные описания пищевых традиций забайкальских бурят, в т.ч. анализируется ритуальная пища практически всех бурятских родов на всей территории проживания [Бадмаев, 2011, 2007]. В трудах предшественников традиционная пища баргузинских бурят, которые проживают на севере Республики Бурятия, где до сих пор сохраняются традиционные блюда и рецепты их приготовления, описываются коротко.

В представленной статье используются полевые материалы по пищевым традициям баргузинских бурят во второй половине XX в. В 2012–2024 гг. в ходе выездной экспедиции в Баргузинский и Курумканский р-ны были опрошены информанты 1920–1957 гг. рождения, которые поделились рецептами редких традиционных и ритуальных блюд, которые готовились их родителями во время ВОВ и в послевоенные годы.

Для полноты анализа пищевых традиций у баргузинских бурят необходимо провести небольшой экскурс в историю их заселения на территорию Баргузинской долины. Миграция бурят с берегов р. Лены через Байкал на север Бурятии произошла в конце XVIII в. Одна из информанток смогла предоставить подробные сведения из своей родословной, согласно которой ее предки перекочевали из села Сармы (о. Ольхон) в село Баргузин в 1861 г. (ПМА, из родословной Дунсан Цыреновны Тангановой, 1926 г.р.). На новой территории происходили стычки с эвенками, с которыми по соседству стали жить буряты, обосновавшись на новой территории, однако в 1802 г. раздел территории был решен Баргузинским судом, представителями которого являлись русские, и было достигнуто соглашение о нераздельном совместном владении землей [Сахаров, 2011, с. 139]. Баргузинскими стали буряты – представители эхиритов: абзай, баяндай, булагат, хэнгэлдэр, эмхэнут, шоно; хори состоит из рода галзут; олёты состоит из рода цэгэнут. От каждого рода есть ответвления, представители которых проживают в большом количестве в Баргузинской долине.

Пища кочевников состояла преимущественно из мясных и молочных продуктов. На севере Бурятии в первой половине XX в. скотоводческая еда оставалась основным видом питания. В военные и послевоенные годы, по воспоминаниям информантов, еды стало не хватать, не было муки, поэтому овощи, в частности, картофель, который сажали живущие по соседству китайцы-мигранты, буряты стали обменивать у китайцев на молоко, а впоследствии – сажать. По воспоминаниям одной из информанток, проживавшей в с. Аргада в это время, в 1930-е гг. помидоры и картофель считались у бурят грязной едой *газарай мухай эдеэн*, тогда как китайцы их активно сажали и употребляли в пищу (ПМА). В военное время китайцы работали вместе с бурятами в колхозе, где сажали картофель для отправки на фронт. В это время буряты стали употреблять картофель и все огородные культуры,

т.к. из-за голода и отправок мяса на фронт стала остро ощущаться нехватка муки и мяса. Молочные продукты оставались основной едой у бурят в военные и послевоенные годы. По сведениям информантов, самыми популярными в это тяжелое для страны время являлись кисломолочные продукты: *арса*, *хүрэнгэ*, *тараг*. *Арса* представляет собой сухую творожную смесь, которую получали из молочной кислой смеси *бөзөө*, полученной в результате приготовления молочной водки *тогооной архи нэрэхэ* в специальном аппарате *тэгтээр*. Молочный остаток *бөзөө* процеживали, получая сухой остаток, называемый *арса*. Засушенные *арса* являлись своего рода витаминной добавкой по содержанию полезных минералов и кальция. Кисломолочный напиток *хүрэнгэ* получали в результате отстаивания остаточной жидкости после извлечения сливок и добавленного в нее молока. По сравнению с *хүрэнгэ тараг* был менее кислым, т.к. его пили сразу после смешивания молока и остаточной молочной жидкости после сепарирования. Наиболее популярным блюдом у бурят на всей территории Предбайкалья и Забайкалья являлся саламат (барг. бур. *шаналха зөөхой*), который готовили на праздники и на ритуальные обряды. Для приготовления этого блюда используется сметана и поджаренная молотая пшеничная мука, которая постепенно добавляется в процессе варки в сметану. Саламат – это жирная пища, которая позволяла бурят-монголам сохранять тепло и ощущение сытости в холодную погоду, чем и объясняется ее популярность.

Что касается мучных изделий, то поскольку муки в военные и послевоенные годы не было, то дети ходили на поля собирать колосья пшеницы в то время, как взрослые работали в колхозе, и готовили блюда из зерна. Информанты рассказали о нескольких рецептах приготовления.

1. Жареное зерно (барг.диал.*шамарай гүреэл*): на сковороде обжаривают пшеничное зерно, после измельчают его в ступке. Полученный порошок добавляли в чай *сай*, сметану *зөөхой* для ощущения сытости.

2. Суп с зерном (барг.диал. *шүлэн ороохон*): для приготовления этого блюда сначала в воде варят кости с мясом, после моют пшеничное зерно и кладут его в бульон (1 стакан зерна (250 мл) на 3 литра бульона). Такой суп в течение трех часов варят на медленном огне. После этого кости извлекают из бульона и добавляют мясо. Позднее, когда мука вновь появилась в рационе, в такой суп также добавляли лапшу и пельмени (ПМА).

Также при болезнях баргузинские буряты готовили лечебный суп на костях (барг. диал. *яһанэй шүлэн*): варят одни кости без мяса добела в течение долгого времени. Такой суп надо было пить в течение всей болезни (ПМА).

Помимо зерна в 1940-е гг. употребляли и другие растения. Наиболее популярными являлись: черемуха (*мойһон*), корни сараны-лилии (*хомхо*) и дикий лук (болотный *гогохуун гогоон*, лесной *мандюуһан*). Черемуху собирали, затем нужно было ее растолочь и залить полученное топленым маслом для длительного хранения. После – черемуховое масло мазали на молочные лепешки или добавляли в саламат. Десертным блюдом считалась молотая черемуха, смешанная со сливками, однако после такого блюда нельзя было пить холодную воду, иначе «внутри жир застынет и будет болеть живот» (барг. диал. *гүзээн (досоони) үбдэхэ*) (ПМА, Бадмаева Ю.С., 1938 г.р.). Из корней сараны готовили суп *хомхо тибһэн*. Рецептом его приготовления поделилась Юмжир Санжиевна Бадмаева (1938 г.р.): собранные корни саранки (0,5 кг) нужно помыть, очистить от грязи и кожуры, нарезать и засыпать в молоко (2–3 л). Полученную смесь кипятят на медленном огне, пока сарана не разварится. Этот суп ели по праздникам, т.к. он считался десертным блюдом. Запасы дикого лука (барг.диал. *мандюуһан*) баргузинские буряты производят до сих пор. Если сейчас лук засаливают, то раньше в 1940–1950-е гг. лук нарезали, сушили и рассыпали по мешочкам (*тулам*), которые подвешивали в доме – их можно было легко перевозить при кочевке. В течение года лук можно было добавлять в супы и в чай.

Популярным в настоящее время блюдом, присутствующим на праздничном столе у бурят, являются *бууза*, которые изначально являлись дацанской пищей. По словам информанта, побывавшего в бурятском дацане в начале XX в., ранее там делали *буузы* большого размера, так что одной из них хватало на один прием пищи (ПМА). Среди баргузинских бурят *буузы* не были так популярны, как у селенгинских бурят и монголов. Это связано, возможно, с тем, что буддизм в этот регион пришел позже: только в XIX в. начал действовать первый дацан в Баргузинской долине. Информанты рассказали, что впервые попробовали *бууза* (изначально *позы*) в 1960-е гг., когда появилась мука и стали продаваться алюминиевые пароварки-«позницы» для их приготовления. До этого в военные и послевоенные 1940–1950-е гг. была также острая нехватка муки, поэтому буузы готовили редко, а многие совсем не готовили. В настоящее время *буузы* регулярно готовятся на праздниках: Сагаалган, свадьбы и т.д. В 1960-е гг. в Курумканском р-не *буузы* готовились как из мясного фарша, так и из фарша с говяжьей и бараньей кишками. В целом у баргузинских бурят более популярным блюдом были пельмени, тесто для которых защипывалось косичкой, и они варились вместе с зерном и картофелем в мясном бульоне.

Итак, в военные и послевоенные годы в пищевом рационе баргузинских бурят произошел вынужденный переход от скотоводческой еды к земледельческой, которая частично связана с нехваткой муки и мяса, а также совместной работой в советских колхозах с соседями-китайцами и русскими. Отметим, что баргузинские буряты употребляли мучные изделия, преимущественно хлеб, в начале XX в., что произо-

шло благодаря заимствованию у соседей – русских переселенцев и ссыльных. Однако из-за консервативности пищевых традиций овощи у баргузинских бурят не были популярны вплоть до военного времени. Вначале буряты производили обмен имеющихся молочных продуктов на картофель у китайцев и русских, а впоследствии стали сами его высаживать. В то же время приоритет молочной пищи у баргузинских бурят сохранялся в послевоенные годы и сохраняется до сих пор. Отсутствие условий для развития земледельческого хозяйства на севере Бурятии и скотоводческий образ жизни определяют доминирование молочной и мясной пищи в рационе, однако в вынужденных условиях предубеждения бурят в отношении к овощным продуктам были преодолены. Примечательно также то, что консервативность пищевых привычек помогла бурятам в голодный период восстановить старинную рецептуру блюд кочевников и сохранить их вплоть до конца XX в. Таким образом, рассматривая пищу как культурный феномен нельзя подразумевать здесь только сборник рецептов определенной этнической группы, но нужно видеть в ней систему явлений, включающей в себя общественные, социальные, экономические особенности образа жизни людей в определенный исторический период. С этой точки зрения каждое блюдо можно проанализировать как культурное явление, через анализ которого можно понять особенности исторических процессов и социальных изменений в жизни этнической группы.

Список информантов

Аюшина Бутидма Тыхеевна – 1957 г.р., род – баяндай, с. Аргада, Курумканский р-н.

Бадмаева Юмжир Санжиевна – 1938 г.р., род – харбад хэнгэлдэр, с. Курумкан, Курумканский р-н.

Дамдинова Дулмажаб Дондоповна – 1957 г.р., род – хэнгэлдэр, заимка Иликчин, Курумканский р-н.

Лыгденов Борис Очирович – 1936 г.р., род – хэнгэлдэр, с. Курумкан, Курумканский р-н.

Танганова Дунсан Цыреновна – 1926 г.р., род – шоно, с. Барагхан, Курумканский р-н.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.».

Список литературы

Бадмаев А.А. Ритуальная пища бурят // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – № 3. – С. 70–73. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=9588530

Бадмаев А.А. Система питания предбайкальских бурят первой половины XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 3. – С. 35–38. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16961210

Банзаров Д.Б. Белый месяц. Празднование Нового года у монголов // Собр. соч. Д.Б. Банзарова. – М.: АН СССР, 1955. – С. 41–48.

Галданова Г.Р. Ритуальная пища монгольских народов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 141–150.

Жамцарано Ц.Ж. Путевые дневники. 1903–1907 гг. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2001. – 264 с.

Сахаров Ц. История перекочевки в Баргузин в 1740 году баргузинских бурят с севера Байкала под предводительством Ондрея Шибшеева // Бурятские летописи. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2011. – С. 138–146.

Тугутов И.Е. Пища южных бурят // ЭО. – 1957. – № 3.– С. 77–87.

Хангалов М.Н. Пища // Собрание сочинений: в 3 т. – Т. 1. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. – С. 172 –174.

Цыбиков Г.Ц. Цагаалган // О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии.– Новосибирск: Наука, 1991. – Т. 2. – С. 163–164.

References

Badmaev A.A. Ritual'naya pishcha buryat. *Gumanitarnye nauki v Sibiri,* 2007. No. 3. P. 70–73. (In Russ.).

Badmaev A.A. Sistema pitaniya predbaikal'skikh buryat pervoi poloviny XIX v. *Gumanitarnye nauki v Sibiri,* 2011. No. 3. P. 35–38. (In Russ.).

Banzarov D.B. Belyi mesyats. Prazdnovanie Novogo goda u mongolov. In *Collected works by D.B.Banzarov*. Moscow: AS USSR Publ., 1955. P. 41–48. (In Russ.).

Galdanova G.R. Ritual'naya pishcha mongol'skikh narodov. In *Iz istorii khozyaistva i material'noi kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov.* Novosibirsk: Nauka, 1993. P. 141–150. (In Russ.).

Khangalov M.N. Food. In Collected works in 3 vol. – Vol. 1. – Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2004. – P. 172–174. (In Russ.).

Sakharov Ts. Istoriya perekochevki v Barguzin v 1740 godu barguzinskikh buryat s severa Baikala pod predvoditel'stvom Ondreya Shibsheeva. In *Buryatskie letopisi*. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2011. P. 138–146. (In Russ.).

Tsybikov G.Ts. Tsagaalgan In *O Tsentral'nom Tibete, Mongolii i Buryatii.* Novosibirsk: Nauka, 1991. Vol. 2. P. 163–164. (In Russ.).

Tugutov I.E. Pishcha yuzhnykh buryat. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1957. No. 3. P. 77–87. (In Russ.).

Zhamtsarano Ts.Zh. Putevye dnevniki. 1903–1907 gg. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2001. 264 p. (In Russ.).

Лыгденова В.В. https://orcid.org/0000-0003-4277-8155

Дата сдачи рукописи: 01.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0916-0919
УДК 39+910

А.Ю. Майничева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: annmaini@gmail.com

Модели картины мира: инструкция мещанину Якову Санникову по исследованию северо-востока Сибири

В статье поставлена проблема изучения этнографической наукой формирования целостной картины мира или какого-либо ее типа средствами моделирования реальности. Методическими приемами контент-анализа в сочетании с case-study в рамках авторской программы проанализирован документ XIX в. «Инструкция якутскому мещанину Якову Санникову», посвященный указаниям в проведении исследований заполярной зоны Сибири. Установлено, что инструкцией предусмотрены основные направления фиксации и описания элементов, включающих описания ландшафта, полезных ископаемых, животного и растительного мира, обитаемости и заселенности людьми, всего того, что составляет картину мира. Показано, что инструкция позволяла создать модель картины мира, близкую к научной. Выявлено, что принципы построения модели картины мира включают моделирование реальности с опорой на знания, основанные на объективных данных о действительности, а также стратегии и образ действий. Подтверждена гипотеза исследования о том, что картина мира строится в процессе действия адаптационных и когнитивных процедур, она нужна для адаптации к реальности. Установлено, что содержание изучаемой инструкции не позволяет построить модели духовного освоения, религиозно-мифологического осознания и прочих. Для создания общей исторически детерминированной картины мира необходимо использование дополнительных источников, которые покажут соотношение и характерные черты моделей разных типов в совокупности. Содержание изучаемой инструкции является частным случаем построения картины мира, однако использование полученных результатов поможет в разработке различных аспектов моделирования реальности. Традиционные картины мира и средства моделирования реальности в традиционных обществах, что важно для этнографической науки, требуют дальнейших исследований, в которых могут быть полезны выявленные процедуры моделирования.

Ключевые слова: *картина мира, контент-анализ, case-study, принципы моделирование реальности, Санников, Геденштром, полярная зона, Якутия.*

A.Y. Mainicheva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: annmaini@gmail.com

Models of the World Vision: an Instruction to Exploring Northeast Siberia for Bourgeois Yakov Sannikov

The article addresses the issues of formation of the holistic picture of world vision or any of its types by means of modeling reality by ethnographic science. Methodological techniques of content analysis in combination with case-study within the framework of the author's program were used to analyze the 19th century document «Instructions to the Yakut bourgeois Yakov Sannikov» providing the guidelines for conducting research in the polar zone of Siberia. It was established that the instruction provides the main directions for recording and describing certain features including descriptions of the landscape, minerals, flora and fauna, habitability and population size, i.e., everything that makes up the picture of the world. It is shown that the instructions made it possible to create a model of the picture of the world close to the scientific view. It was revealed that the principles of constructing a model of the picture of the world include modeling reality on the bases of objective data and knowledge, as well as strategies and a course of action. The hypothesis that is constructed in the process of adaptation and cognitive procedures is confirmed; otherwise, the picture of the world is needed for adaptation to reality. It has been established that the content of the instruction under study does not allow for the construction of models of spiritual development, religious and mythological awareness, etc. To create a general historically determined picture of the world, it is necessary to use additional sources that will show the relationship and characteristic features of models of various types in combination. The content of the instruction under study is a special case of constructing a picture

of the world, but the use of the derived results will help in studying various aspects of reality modeling. Traditional pictures of the world and means of modeling reality in traditional societies, which are important for ethnographic science, require further research, in which the stated modeling procedures may be useful.

Keywords: *world picture, content analysis, case study, principles of reality modeling, Sannikov, Gedenstrom, polar zone, Yakutia.*

Введение

Основой формирования картины мира являются систематизированные представления, знания, мнения о мире, которые выработаны ощущениями, восприятием, пониманием и осознанием окружающего мира. Благодаря построению моделей картины мира идет освоение реальности на основе различных подходов: мифологического, религиозного, научного и прочих. Моделирование и перенимание моделей может идти стихийно или целенаправленно, напр., в результате обучения, исполнения принятых правил, следованию традиций. Анализ способов и результатов моделирования, характерных черт самих моделей, их элементов должен привести к пониманию специфики разнообразных видов картины мира, создаваемых в индивидуальном сознании и различными этническими общностями, сообществами, народами, что важно для этнографической науки. Принята гипотеза исследования, что картина мира строится вследствие адаптационных и когнитивных процедур и, одновременно, нужна для адаптации к реальности.

Целью статьи является проследить принципы моделирования реальности, показывающие особенности формирования картины мира с позиций этнографической науки. Внимание сфокусировано на примере инструкций, одного из видов документов, который можно рассматривать как средство такого моделирования. Инструкции имеют рекомендательный, часто императивный характер. Они предписывают последовательность, способ, вид, правила действий, очерчивают сферу деятельности, указывают на последствия и результат ее. Инструкции служат средством передачи знаний и показывают условия получения результата, что позволяют считать их инструментами в построении моделей картины мира.

Объектом исследования стала рукопись инструкции М.М. Геденштрома, которая была получена в 1899 г., спустя девяносто лет после ее создания, редактором Якутских Епархиальных ведомостей от протоиерея И. Неверова и была впервые напечатана в журнале Якутские Епархиальные ведомости (далее – ЯЕВ) [1899]. Более она не публиковалась и не цитировалась в научной литературе. Рукопись впервые анализируется с точки зрения специфики формирования моделей картины мира. Методология исследования, кроме общепринятых исторических методов и этнографических приемов, основана на авторской программе, предусматривающей контент-анализ в сочетании с case-study. Далее рассмотрение инструкции ведется по публикации в упомянутом журнале.

Экспедиция отряда Я. Санникова по исследованию севера Сибири

«Инструкция для якутского мещанина Якова Санникова» (далее – Инструкция), подписанная коллежским регистратором М.М. Геденштромом, исследователем севера Сибири, зафиксировала небольшой эпизод продвижения в Заполярье. Известно, что в истории изучения Сибири особое место занимают исследования ее полярной зоны, расширившие представления о природно-климатических условиях, географии, геологии, народонаселении, раздвинувшие рамки познанного мира и дополнившие картину мира русских.

Промышленник, старшина артели Я. Санников с начала XIX в. вместе с четырьмя сыновьями вел промысел на островах Северного Ледовитого океана. В дальнейшем, не имея специального образования, он участвовал во многих экспедициях, самостоятельно открыл и описал несколько островов, его именем названы пролив и река. В этот период, вследствие надвигающегося обострения отношений с США по территориальному вопросу, российским государством были предприняты специальные меры по исследованию полярных областей Сибири, в т.ч. для проведения работ был направлен М.М. Геденштром, встретивший в 1809 г. в Усть-Янске Я. Санникова. Участие Санникова позволило Геденштрому планомерно вести исследования (см.: [Пестерев, 2001]). Нужно отметить, что несмотря на существенные заслуги Санникова в изучении заполярных островов, только благодаря художественным произведениям легендарная, так и не найденная земля, сделала его имя известным широким кругам общественности.

Содержание инструкции

Первый пункт Инструкции посвящен описанию задания отряду под руководством Якова Санникова отправиться на Фадеевский остров. По прибытию туда необходимо было обогнуть его полностью и описать «неизвестный берег, означая пространство по днищам и повороты берега по компасу», то есть измерить относительные глубины океана рядом с островом и предоставить точный абрис берегов. Выдвинуто требование четко следовать установленным далее правилам описания и наблюдения.

Во втором пункте предусмотрена остановка на лето на Котельном острове, если будет невозможно его исследовать, передвигаясь на оленьих нартах в течение весны. Предписывалось добраться до

Царевой (Рыбной) реки, известной обилием красной рыбы и зубатки. Князец Барабанский должен был предоставить требуемое количество нарт и оленей и «сведущего в сем деле и расторопного юкагиря, со всею для езды нужною збруею» для ухода за ними.

Пункт третий посвящен расчету требуемого провианта для путешествия, в т.ч. указываются 20 тыс. сельдей и столько же муксунов. Назначены ответственные за доставку.

В четвертом пункте говорится, что «в число тебе сопутствующих сверх унтер-офицера Решетникова назначаются сыновья твои Андрей и Роман, казак Иван Сургучев, и ежели сочтешь нужным, староюкагирского наречия толмач Коркин».

Пятый пункт содержит подробное описание запланированного маршрута продвижения, включая посещение места, «где ты нашел прошлого лета выстроенное незнаемыми людьми зимовье», проверку, соединяются ли Котельный и Фадеевский острова. Необходимо было добраться до гор за Санниковой рекой, которые впервые были обнаружены за семнадцать лет до предпринимаемого путешествия, но не исследованы, и выйти на Драгоценную реку, где собрать «каменья, в коих по показанию твоему содержатся окаменелые животные, и ...красные камни (сердолики) и проч., что заслуживает внимания». Ранее в устье реки, названной его именем, Санников нашел ветхое судовое днище, доски которого были из соснового, а кокоры из кедрового леса [Брокгауз, Ефрон].

В шестом пункте предписывалось на всем протяжении дальнейшего продвижения измерять относительные глубины рядом с берегами и предоставить их точный абрис, установленный по компасу. Требовалось дать полное описание природных объектов, фауны и флоры местности: «горы из какого камня состоят, и куда имеют свое направление; реки, ширину и глубину устьев их, рыбные ли они, и какая в них рыба, какие на сей земле водятся звери, птицы, из них не знакомые тебе роды описать подробно; произрастания, каменья и проч. ... все, что покажется внимания... достойным, или что может дать нужное о земле понятие». Важным условием было и то, что «стараться тебе обращать на сии предметы внимание спутников твоих, в подтверждение собственных твоих замечаний», то есть проверять себя и свои наблюдения.

Краткий седьмой пункт содержит разрешение в случае необходимости самостоятельно принимать решение о перемещениях членов экспедиции.

Пункт восемь посвящен задаче обнаружения следов обитаемости и выхода на контакт с местными жителями при соблюдении принципов осторожности, «чтобы в случае многочисленности ... не подвергать себя опасности». Если будет установлено, что обитатели острова немногочисленны или безоружны и миролюбивы, не представляют опасности, то «идти тебе прямо к ним и, обращаясь с ними ласково, узнать о образе жизни их, происхождении, свойствах, наречии...». Следовало уговорить одного или двух человек присоединиться к экспедиции и прибыть в Усть-Янск на краткий срок, за что предложить вознаграждение.

В девятом пункте указывается, что после исполнения задач необходимо дождаться на острове благоприятного по погодным условиям времени для возвращения в Усть-Янск, там получить дальнейшие задания.

Десятый пункт резюмирует все предыдущие. Итогом исследования должны были стать полные описания Котельного и Фадеевского островов, для чего и была составлена настоящая инструкция с правилами исследования. Указывается, что правила могут подвергаться изменениям согласно с возникающими обстоятельствами, но поставленные задачи должны быть выполнены полностью. В случае своей болезни Санникову следовало возложить обязанности начальника на его сына Андрея или другого участника экспедиции по выбору самого Санникова. Гарантировалось обещанное вознаграждение. Величина оплаты участников зависела от оценки Я. Санникова.

Инструкция Я. Санникову как средство моделирования реальности и создания картины мира

Зимой 1812 г. экспедиция вернулась с островов, видимо, с успешным выполнением поставленных задач. Иркутский гражданский губернатор Н. Трескин в письме выразил свою благодарность за «оказанное ... усердие и способность в сем деле» и обещал ходатайствовать «о пристойном вознаграждении» [Якутские Епархиальные ведомости, 1899, с. 393]. Судя по архивным рукописным материалам (РГАВМФ. Ф. 1378. Оп. 1. Ед. хр. 57.), включающим описание путешествия из Усть-Янска на Фадеевский остров, Я. Санников тщательно следовал инструкции, выполняя все ее требования. Понятно, что автор инструкции и ее получатель меньше всего думали о проблемах картины мира как научной категории, они выполняли свои конкретные задачи, что не снимает возможности проследить специфику моделирования реальности, строящую саму картину мира.

Указания Инструкции обрисовывают основные элементы, дающие представление о природных реалиях: описания ландшафта, полезных ископаемых, животного и растительного мира, обитаемости и заселенности людьми, причем для получения сведений предусмотрено использование специальных инструментов и приемов измерений, технически доступных в данный период. Действия должны были опираться на опыт и ранее сделанные открытия, необходимо было не только получать новые сведения, но проверять и подтверждать их. Понимая, что Я. Санников ни в коей мере не являлся специалистом в области изучения народов, М.М. Геденштром

предписал ему обеспечить приезд представителей местных жителей к нему для беседы в Усть-Янск. Обращает на себя внимание указание на отношения с возможным местным населением, как доброжелательные, но осторожные для гарантии собственной безопасности.

Создаваемая Инструкцией модель картины мира близка к научной, поскольку она должна была основываться на по возможности полных, достоверных и проверяемых данных, но лишь в некотором приближении, скорее ее можно отнести к практической или бытовой. Кроме того, в ней не нашлось места ни религии, ни воззрениям о месте человека в мире, исключая описания народонаселения, в случае обнаружения на островах людей.

Кроме природо- и народоведческих направлений, нацеленных на получения знаний о незнакомых до тех пор землях, в Инструкции выражен организационный аспект, предусматривающий сценарии продвижения, обеспечение руководства и вознаграждения за проведенную работу, что показывает моделирование образа действия, включенного в картину мира. Для достижения желаемых результатов предписано использование всех средств, включая пищу, транспорт, людские ресурсы, предусмотрено возникновение трудностей и показаны способы их преодоления. Учтена и возможность изменений в правилах и преемственность в руководстве в случае, если это потребуется для выполнения поставленных задач.

Выводы

Выявленные на основании анализа документа XIX в. «Инструкции для якутского мещанина Якова Санникова» принципы построения одного из типов модели картины мира включают процедуры моделирования реальности с опорой на объективные данные о природе, условиях проживания, народонаселении и моделирование стратегий и образа действий. Гипотеза исследования о том, что картина мира формируется вследствие адаптационных и когнитивных процедур и одновременно нужна для адаптации к реальности, нашла свое подтверждение.

Содержание Инструкции является частным случаем построения картины мира, вместе с тем использование полученных результатов поможет в изучении различных аспектов моделирования реальности в этнографическом аспекте, что важно в исследованиях традиционных картин мира и средств моделирования реальности в традиционных обществах. Следование Инструкции и вариабельность ее исполнения заставляло мыслить и принимать решения в ее рамках с учетом конкретных обстоятельств, что несомненно воздействовало на сознание и ментально моделировало реальность.

Модели духовного освоения, религиозно-мифологического осознания и прочие на основе Инструкции невозможно построить, однако они вполне равноправны и равно значимы, и могут быть сформированы на основе других источников, что создаст более полное понимание результатов моделирования реальности. Определенная степень расхождения модели с реальностью неизбежна, но наибольшее приближение к действительности обусловливает успешность действий людей. Соотношение и характерные черты моделей разных типов в совокупности строят общую исторически детерминированную картину мира.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.».

Список литературы

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. В 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами. – URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/111/111413.htm (дата обращения: 27.09.2024).

Пестерев В.И. История Якутии в лицах. – Якутск: Бичик, 2001. – 462 с.

Якутские Епархиальные ведомости. – 1899. – № 23–24.

References

Brokgauz F.A., Efron I.A. Entsiklopedicheskii slovar'. V 86 tomakh s illyustratsiyami i dopolnitel'nymi materialami. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/111/111413.htm (Accessed: 27.09.2024). (In Russ.).

Pesterev V.I. Istoriya Yakutii v litsakh. Yakutsk: Bichik, 2001, 462 p. (In Russ.).

Yakutskie Eparkhial'nye vedomosti, 1899, No. 23–24. (In Russ.).

Майничева А.Ю. https://orcid.org/0000-0002-0784-4252

Дата сдачи рукописи: 30.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0920-0924
УДК 394, 398.2

О.В. Мальцева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: olymals@gmail.com

Параметры этничности в личных и семейных историях нанайцев (1990-е – начало 2000-х годов)

Данная работа построена на результатах полевых исследований, проведенных с 1990 по 2014 г. на территории Хабаровского края в среде горинских, амурских и кур-урмийских нанайцев. Большая часть опубликованного в тексте материала – это воспоминания респондентов о родителях и детстве, рассуждения о прошлом и изменениях в обществе, воспроизведенные ими в ходе интервьюирования. Реконструированная по рассказам картина позволяет выделить основополагающие принципы позиционирования и дифференцирования нанайцами своего окружения во временном диапазоне и поколенческой памяти. С привязкой к семейным историям некоторые информанты отмечали, что изначально разделение их общества и восприятие соседей происходило по территориальным, языковым, хозяйственно-культурным параметрам. За каждым представителем из «других» был закреплен определенный ассоциативный образ, связанный, прежде всего, с его родом деятельности и принадлежностью к кругу родственников или соседей. Такими большими группами, которые получили свои оценки у старожилов, стали эвенки (в качестве «оленных людей»), маньчжуры и китайцы (как «родственники» и «огородники»). В этой классификации окружения образ русских увязывался с такими элементами сельскохозяйственной деятельности, как хлеб, молоко, коровы, а позже с такими новациями, как деревянные дома с печным отоплением, уличная планировка поселений, колхозная одежда, возникшими в ходе модернизации. С 1990-х гг. в нанайском обществе начала проявляться и другая тенденция, связанная с обращением к культурным ценностям дореволюционного времени, что отразилось и на семейных историях. Представители нанайской интеллигенции рассказы своих родителей вплетали в канву исторических событий с включением в них упоминаний о древних народах. Эти нарративы вышли за пределы семейного круга и полем их распространения стали просветительская и культурно-досуговая сферы.

Ключевые слова: *нанайцы, нарратив, идентификация, этничность, поколения, историческая память, маньчжуры, китайцы, русские.*

O.V. Maltseva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: olymals@gmail.com

Ethnic Profiles in Personal and Family Histories of the Nanai People (1990s – Early 2000s)

The paper covers the data of the field studies carried out among the Gorin, Amur and Kur-Urmi Nanai peoples in the Khabarovsk Krai in 1990 through 2014. The paper presents the memories of the parents and childhood of the interviewees, their reflections on the past and changes in society. The picture reconstructed from the stories makes it possible to clarify how the Nanai people identified themselves and differentiated their surroundings over time and across generations. Looking back at family stories, some interviewees noted that the Amur people had initially used territorial, linguistic, economic and cultural signs to recognize insiders and outsiders. The "others" were assigned certain associative images primarily based on their activities and affiliation to relatives or neighbors. The Amur long-term residents stereotyped nearby peoples and regarded the Evenks as "deer people", Manchurians and Chinese as "relatives" or "vegetable gardeners". The image of Russians was superimposed on agricultural activity figuratively expressed in bread, milk, and cows, and later on features of modernization, such as wooden houses with stove heating, new arrangements of settlements, and "kolkhoz" uniforms. Since the 1990s, there has been a trend in the Nanai society to return to the cultural values of the pre-revolutionary period, which is reflected in family histories. The Nanai intellectuals correlate their parents' stories with the sequence of historical events including references to ancestors. These narratives go beyond family stories into the spheres of education, culture, and leisure.

Keywords: *the Nanai people, narration, identification, ethnicity, generations, historical memory, Manchurians, Chinese, Russians.*

Период 1990-х – начала 2000-х годов открыл новую страницу в истории и культуре коренного населения Дальнего Востока. Происходившие в этот период изменения по всем признакам можно назвать культурным ренессансом, когда актуализировалось дореволюционное наследие, включающее шаманские традиции, мифологему, вехи истории, которые в советскую эпоху чаще трактовались как пережитки прошлого и были лишены личностного толкования. Возросший интерес к «прежним временам и своим корням» аккумулировался в праздничных церемониях, художественных выставках, книжной продукции на национальных языках, музейных экспозициях, импровизациях традиционных ритуалов.

Интервьюирование нанайского населения, проводимое в это время на территории Хабаровского края, отчетливо показало, что в основе роста популярности этномаркирующих мероприятий лежало не просто увлечение прошлым, а попытка переосмыслить историю своей семьи, рода и посредством символических акций сделать ее зримой и более содержательной. На фоне этих событий большую значимость приобрели семейные реликвии и легенды [Рикёр, 1998, 2000]. Исходя из их содержания, вырисовывается не всегда вписывающаяся в официальную доктрину многомерная и сложная картина ассоциативных образов, связанных с групповыми принадлежностями. Некоторые информаторы в воссоздании портрета представителя своей общности ориентировались на воспоминания родителей. В этих нарративах краеугольным камнем выступает разделение окружения на «своих» и «других» с присвоением им определенных характеристик. Дифференцирование происходило по территориальным, хозяйственно-бытовым, физиогномически-поведенческим, языковым, событийным признакам. Часть материала включает не только рассказы информаторов о своем детстве и родителях, но и отдельные оценочные высказывания, рефлексии, фиксацию реакций на те или иные события, описание эмоциональных паттернов поведения во время трудовых операций или семейных ритуалов*.

На разных этапах полевой работы были отмечены изменения в оформлении семейных историй, что можно связать с поколенческими сдвигами. Важно подчеркнуть, что на воспроизведение эпизодов прошлого влияют такие факторы, как актив персональной памяти, ее избирательность и культурные установки, обуславливающие забывание или наоборот актуализацию тех или иных моментов жизни [Bruner, 1986]. Если в 1990-е гг. в числе представителей старшего поколения оказывались очевидцы начала колхозного строительства, ставшие одними из первых в овладении нанайской грамматикой, то в 2000-х гг. их большей частью сменили их образованные и всесторонне информированные дети. В попытках воссоздания собственных генеалогий они обращались к воспоминаниям родителей.

Здесь можно отметить несколько нюансов опосредования личной жизни, которые в среде нанайцев наблюдаются вплоть до настоящего времени. Большое влияние на структуру повествования оказали такие факторы, как табуирование имени, сохранение диалектных особенностей, интернатское воспитание. Часть информаторов в беседе признавалась, что по причине сохраняющегося запрета произносить настоящее имя, недопонимания речи старших членов семьи и не отложившиеся в их памяти родительские образы привносят в семейные истории белые пятна**. Так, в семейных хрониках старшего поколения нанайцев отсутствие ряда деталей, касающихся детства и родственных составов, восполняется информацией о прежних местах дислокации их сородичей. Признак территориальности красной нитью проходит практически во всех фамильных историях и лежит в основе разделения внутри нанайского общества. А.В. Смоляк в своих трудах отметила, что базовым (или первичным) критерием позиционирования у нанайцев являлось местоположение относительно водоема – участка реки, озера [1975, с. 49–51]. Представители амурских нанайцев в интервью подчеркивали, что для них действительно важным является восприятие себя относительно соседей, проживающих выше по течению реки и обозначаемых как *акани*. Эта особенность, выделяемая в самоидентификации всех рыболовецких сообществ, закрепилась в распознавании своей группы как *хэдзэни/хэджэ* (проживающие внизу по реке). Подобным образом называли себя старожилы сел Нижние Халбы и Найхин, хотя относительно друг друга они находились ниже и выше по течению, и это указывает, что позиция «вниз по реке» стала приоритетной в самоидентификации, соответственно, группа *акани* относилась к «другим» (ПМА 2008, 2011. С. Нижние Халбы, Л.Н. Самар, 1946 г.р.; с. Найхин, Р.А. Бельды, 1946 г.р.). У жителей притоков и мелких водоемов в памяти закрепились самоназвания как *гэрэнку* (проживающие на р. Горин), у кур-урмийских нанайцев *донканы* и *удинканы* (освоившие «внутреннее» и «внешнее пространство» по течению реки) [Суник, 1958, с. 13–14] (ПМА 1997, 1998, 2014. С. Кондон, К.И. Дигор, 1915 г.р. и В.М. Самар, 1940 г.р.; с. Улика-Национальное, В.И. Удинкан, 1965 г.р.).

Районы исхода родовых и семейных групп также послужили маркерами в разделении не только внутри сообщества нанайцев, но и больших родовых объединений. Так, представители кланов Самар

---

* Поскольку в повседневном общении нанайцев наблюдается языковая креолизация, т.е. смешение лексики и грамматики русского и нанайского языков, для транскрибирования и передачи смыслов сказанного был выбран русский язык.

** Особенно это явление наблюдалось в начале 1990-х гг.

и Бельды подчеркивали неоднородность своих крупных родов с выделением в них разных ветвей. На уровне фамильных историй различались Самары кондонские (*«пришли на Горин через Маньчжурию»*) и ямихтинские (*«содержали раньше много оленей, пришли из Сибири»*) (ПМА 1998. С. Кондон, Р.А. Самар, 1946 г.р.). Бельды рассматривали свой большой фамильный состав как объединение людей, не имеющих даже родства между собой. Представительница этого рода отмечала, что *«в него записывалось много людей, чтобы получать льготы от китайцев», «есть разные Бельды, они пришли из разных мест, и между ними можно даже совершать браки»**. (ПМА 2011. С. Найхин, Р.А. Бельды).

Самым главным критерием обособления поселенцев на участках Нижнеамурской низменности и равнины стали их хозяйственные ориентации. У групп нанайского населения закрепившиеся за их окружением неофициальные названия соответствовали характеристикам и маркировкам «забрасывать невод и ловить рыбу», «держать оленей», «разводить огород» или просто «соседи». Опираясь на современную классификацию народов, прозвучавшую в беседах, «гилами» можно соотнести с нивхами, «каками» – с ульчами, «еко» – якутами, «яно/гено» – эвенками (ПМА 1990, 2011. С. Бельго, М.И. Галюк, 1919 г.р. и Е.М. Дигор, 1910 г.р.; С. Найхин, С.С. Бельды, 1933 г.р.).

Другие параметры идентификации, получившие отзвук в ретроспективных рассказах коренных жителей, касаются родственных связей их предков. Сюжеты о породнении амурских рыбаков с оленеводами из Сибири лежат в основе фамильных преданий ямихтинских Самар и потомков рода Киле. «Оленные люди» упоминаются не только в эпизодах о том, как они держали оленей на оз. Болонь или оз. Эворон и потом их угоняли в сторону Якутии, но и в канве нарративов, связанных с похоронной обрядностью. С.С. Бельды, отмечая разнородовой состав группы Бельды, рассказывала, что ее далекий предок из рода *Килор «по Амгуни спустился в поисках ягеля для оленей. Он поехал вверх по Амуру, здесь и остановился* (в районе Найхина)*»* (ПМА 2011, 1933 г.р.). Легендарный путь, пройденный на оленях, получил отзвук в картине загробного существования представителей этого рода. Согласно их поверьям, душа умершего покидает этот мира на оленях. Они везут ее сложной, тернистой дорогой, которая проходит по старому маршруту предков, через преграды, горы, знакомые сородичам места (ПМА 2011. С.С. Бельды).

Отдельные и более насыщенные деталями сведения касаются маньчжуро-китайского присутствия в среде нанайского населения. Ряд приведенных историй выводит на первый план специфику в организации хозяйства, социальном порядке и поселенческой структуре соседей из Китая. Особый акцент ставится на физиогномических отличиях маньчжур от китайцев и различиях в хозяйственных ориентациях между коренным и пришлым сообществами. Со слов С.С. Бельды, *«китайцы от маньчжур отличались внешне, языком. Маньчжуры выглядели как нанайцы только потемнее. У китайцев лица продолговатые, носы прямые»* (ПМА 2011. С. Найхин). Привнесенные этими двумя группами в амурскую среду занятия огородничеством и садоводством вначале вызывал отторжение у местного населения. Р.А. Бельды делилась воспоминаниями, что в с. Дада жило 7 маньчжурских семей, которые занимались овощеводством. Возможно, некоторые коренные жители переняли от них эти земледельческие навыки. «*Дед по материнской линии разводил овощи в с. Дада. Он был нанайцем. Его все ругали – картошку, помидоры, капусту, морковку, вкусные сливы выращивал. Не хотели, чтоб занимался*» (ПМА 2011. С. Найхин).

Другая информация раскрывает обстоятельства торговли, покупки невесты в Китае и миграции туда нанайцев, переселения китайцев и корейцев в Казахстан, установления родственных связей между потомственными рыбаками и восточноазиатскими торговцами, аграриями. При сборе биографических данных, некоторые информаторы указывали, что отец или дед у них были китайцами (ПМА 1990, 2008, 2011. С. Джари, Т.К. Ходжер, 1921 г.р.; с. Ниж. Халбы, Л.Н. Самар, 1940 г.р.; с. Сикачи-Алян, Е.И. Суслова (Мурзина), 1926 г.р. и Е.И. Актанко, 1931 г.р.).

В рамках исторической памяти представлен пласт воспоминаний об европейских поселенцах на берегах Амура. Это самая обширная серия нарративов, в которых отношение к *лоча* (т.е. русским) меняется от эпитетов «чужаки» до признания их «своими». Первоначальная причина разделения пришлого и коренного населения лежала в физиогномических различиях. *«Раньше наша мама боялась русских. Как увидит русских, домой уходит, потому что русских никогда не видели. Раньше наши юколу на зиму вешали на палочках, а русские отдельно вешали»* (ПМА 2008. С. Найхин, Ф.Н. Бельды, ~ 1930 г.р.). *«Первые русские, как плыли на баржах, от них убегали. Был языковой барьер. Носы большие, глаза огромные»* (ПМА 2011. С. Найхин, Р.А. Бельды). Интеграция приезжих в языковую среду амурских рыбаков с копированием их образа жизни способствовала возникновению доверительных отношений к ним со стороны местного населения. *«Село* (Курун) *было небольшое. В нем жили нанайцы и 2–3 семьи русских. Они жили как все, разговаривали по-нанайски». «Разницы не было* (о с. Курун)*, что русские, что нанайцы, жили дружно. Семьи русских снабжали рыбой. Лечились с использованием русских икон, обращались к русским повитухам»* (ПМА 2008, 2011. С. Лидога, У.А. и Е.П. Одзял, ~ 1950 г.р.; В.Ч. Гейкер, 1925 г.р.). Также были налажены бартерные отношения с ново-

* Здесь и дальше приводятся выдержки из бесед с небольшим редактированием автора.

селами и заимствованы от них правила содержания скота: коренные жители в обмен на рыбу у них приобретали хлеб, молоко, учились ухаживать за коровами. Эти виды продуктов и занятие скотоводством получили прочную ассоциацию с новыми поселенцами (ПМА 2008, 2011. С. Сикачи-Алян, Е.И. Мурзина (Суслова), 1926 г.р.; с. Найхин, Р.А. Бельды; с. Дада, М.Г. Кимонко, ~ 1940 г.р.). Следующим признаком сближения выходцев из европейских районов и старожилов стала распространенная в 1930-х гг. и в послевоенное время традиция воспитания в нанайских семьях детей ссыльных и репрессированных. Примечательно, что, будучи чужеродцами, такие воспитанники становились полноправными преемниками амурских рыболовецких традиций. Они воспринимались как «свои» по критериям участия в коллективных рыбалках и умения изъясняться на нанайском языке. Личность Лидии Тимофеевны Киле известна широкому кругу нанайцев. Она была воспитана в шаманской семье, наряду со всеми «тянула сети на рыбалке», усвоила в совершенстве местные фразеологические обороты, что позволило ей стать одним из разработчиков литературного нанайского языка (ПМА 2011. С. Найхин, Р.А. и С.С. Бельды). Трансформационные явления, происходившие в местном обществе и прежде всего связанные с коллективизацией, школьным обучением, промышленным строительством, наделялись в сознании местного населения стереотипными чертами, приписываемыми к этнической группе русских. Появившийся целый ряд элементов быта и культуры, как кириллический алфавит, бревенчатые дома с печным отоплением, сельские дороги, колхозная одежда, относился к признакам русских.

«Старые люди на слух воспринимают, а читать не могут. Русские буквы совсем другие, там фонетика другая, согласные, гласные другие»... «Пошла в школу в 1936 г. Первый год учебы – иностранные буквы, нанайские слова. На следующий год – русские буквы и русские слова»... «1920–30 гг. был переломный момент. Когда начали строить дорогу, дед Кисо был против. Говорил, что все нанайцы обрусеют» ... «Одежда колхозной поры – русская» (ПМА 2008, 2011. Найхин, Г.И., Р.А. и А.К. Бельды, ~ 1950–1941 г.р.; с. Сикачи-Алян, Е.И. Мурзина (Суслова)).

В 1990-е гг. в среде нанайцев отчетливо стала проявляться тенденция включения в их семейные истории событий далекого прошлого с привязкой родовых линий к сообществам, давно ушедшим с исторической арены. Создателями таких нарративов стали представители нанайской интеллигенции, рожденные в 1940–50-е гг. и имеющие доступ к научным трудам, архивным записям, музейным фондам, что позволило им личностные воспоминания старожилов вписывать в исторические события. В этом случае можно отметить своеобразную реверсию, когда трансляция знаний и опыта осуществляется не от родителей (в 1930-х гг. приступивших к освоению нанайской грамматики и вырванных из семей в результате интернатского воспитания) к их более образованным детям, а наоборот. В ряде генеалогических преданий выделяется пласт, связанный с эпохой чжурчженей, и передатчиками сведений о тех временах, как правило, выступали педагоги, работники сельских администраций и библиотек, деятели культуры и мастера художественного творчества. В их рассказах прошлое нанайцев вписывалось в героические страницы истории, и собственные предки отождествлялись с чжурчженями, которые под натиском Чингисхана вынуждены были из Приморья перебраться в низовья Амура (ПМА 1998, 2008, 2011. С. Кондон, Л.Ф. Самар, 1956 г.р.; с. Лидога, У.А. и Е.П. Одзял, ~ 1950 г.р.; с. Найхин, С.С. Бельды; с. Джари, М.З. Бельды, ~ 1930 г.р.). Одним из таких сигналов, знаменующих наложение исторических фактов на традиционный комплекс представлений, стало вложение новых смыслов в некоторые акты похоронно-погребальной процедуры. Так, в ряде случаев облачение покойника привязывалось к социально-родовой организации чжурчженей* (ПМА 1990, 2008. С. Нижние Халбы, В.И. Гейкер, 1938 г.р.).

Память о прошлом оживала не только в различных устных текстах, воссоздаваемых во внутрисемейном общении и между респондентом и исследователем, но и приобрела форму культурной манифестации, когда услышанное от родителей рассказчик облекает в историческую канву и репрезентирует широкому кругу слушателей в формате публичных лекций, книжных изданий или культурных мероприятий. Таким образом, сказанное выходит за пределы устных семейных преданий и становится частью коллективной памяти, принадлежащей всем группам нанайцев. Одним из таких движений, объединивших практически всех нанайцев, стала акция «Дорога памяти», инициированная Министерством образования Хабаровского края. Ее цель заключалась в возобновлении связей между амурскими группами нанайцев и китайскими *хэчжэ/хэджэ* через взаимный обмен делегациями, состоявшими из местных деятелей культуры, почетных граждан, между с. Найхин и китайскими городами Далянь и Тунцзян. Согласно сведениям местных жителей, посетившие их гости по воспоминаниям своих родителей хорошо знали о местах на Амуре, откуда выбыли их предки в начале XX в. Перебравшись в северные районы Китая, они помнили о своих нанайских корнях и стремились сохранить прежний уклад, занимаясь рыболовством на реках Сунгари и Уссури (ПМА 2008, 2011. Найхин, Г.Л. и А.К. Бельды).

В итоге, можно констатировать, что на рубеже 1990 и 2000-х гг. на фоне социальных изменений, связанных с Перестройкой, проявившийся в нанайском

---

* Положенные в гроб 8 кусков ткани, столько же пар обуви и количество верхней одежды, якобы соответствовали числу могущественных чжурчженьских родов.

сообществе интерес к своим семейным историям послужил толчком к развитию в его среде новых взглядов на природу этничности и своего культурного наследия. Повествования, в которых рассказчик выражал свое отношение к ближним и дальним соседям, осмысление своих корней и принадлежность к тому или иному обществу, нередко воспроизводили обстоятельства жизни и взгляды на мир его родителей. На основе этих репрезентаций можно выстроить эволюцию идентификации нанайцами себя и своего окружения – от распознавания «своих-чужих» по территориальным, языковым, хозяйственно-культурным признакам до формирования этнических профилей в рамках исторической памяти. Проводником новых параметров этничности выступила интеллектуальная прослойка нанайского общества. Базируясь на литературных источниках и архивных данных, она дополнила воспроизведенные в рассказах события историческими деталями с придачей им новых смыслов.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.».

Список литературы

Рикёр П. Время и рассказ. – М.; СПб.: Университетская книга, 1998. – Т. 1: Интрига и исторический рассказ. – 314 с.

Рикёр П. Время и рассказ. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – Т. 2: Конфигурации в вымышленном рассказе. – 224 с.

Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. – М.: Наука, 1975. – 232 с.

Суник О.П. Кур-урмийский диалект: исследования по нанайскому языку. – Л.: Госучпедиз Минпроса РСФСР, 1958. – 207 с.

Bruner J. Actual Minds, Possible Worlds. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1986. – 201 p.

References

Bruner J. Actual Minds, Possible Worlds. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1986. 201 p.

Riker P. Vremya i rasskaz. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 1998. Vol. 1: Intriga i istoricheskii rasskaz. 314 p. (In Russ.).

Riker P. Vremya i rasskaz. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 2000. Vol. 2: Konfiguratsii v vymyshlennom rasskaze. 224 p. (In Russ.).

Smolyak A.V. Etnicheskie protsessy u narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. Moscow: Nauka, 1975. 232 p. (In Russ.).

Sunik O.P. Kur-urmiiskii dialekt: issledovaniya po nanaiskomu yazyku. Leningrad: Gosuchpediz Minprosa RUFSR, 1958. 207 p. (In Russ.).

Мальцева О.В. http://orcid.org/0000-0003-3694-7434

Дата сдачи рукописи: 26.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0925-0929
УДК 397

В.В. Николаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Самоидентификация кумандинцев г. Бийска

Статья посвящена характеристике самоидентификации кумандинцев г. Бийска. Источниковой базой исследования стали результаты социологического опроса и полевые материалы автора. Установлено, что опрошенные кумандинцы четко идентифицируют себя и своих родителей кумандинцами за редким исключением. Они отделяют себя от алтайцев по таким признакам, как культура, язык и т.д. Кумандинцы, проживающие в г. Горно-Алтайске, также отличают себя от алтайцев. Несколько респондентов отметили общность территории проживания, корней, внешности, но не происхождения, культуры и языка. Собственно кумандинцев, по мнению респондентов, объединяют антропологические особенности, обычаи и традиции, историческое прошлое, язык, культура, родная земля и природа. При этом язык самими кумандинцами рассматривается как важнейший фактор сохранения этнического сообщества. В силу комплекса причин этноконсолидирующие факторы нивелируются в настоящее время. Хотя интерес к собственной истории и культуре не угас. В частности, почти треть респондентов (в основном представители старшего поколения) еще сохраняет память о сеоках. Предполагается, что усилия общественных организаций (в частности, Алтайской региональной общественной организации «Объединение кумандинцев Алтая») кумандинцев могут создать условия сохранения культуры, обычаев и традиций в измененном формате согласно современным реалиям в рамках проводимых этнических праздников. Интегрированность городских кумандинцев в российский социум в условиях дисперсного расселения обуславливает утрату знаний о собственной культуре, распространение межэтнических браков и нейтральное отношение к ним, сокращение языковой среды до уровня родители – дети и нивелирование языковых компетенций.

Ключевые слова*: кумандинцы, Бийск, самоидентификация.*

V.V. Nikolaev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Self-identification of the Kumandins of the City of Biysk

The article addresses to the characteristic of the self-identification of the Kumandins, the residents of Biysk. The research is based on the data of a sociological survey and the author's field materials. It is shown that Kumandins clearly identify themselves and their parents as the Kumandin people with rare exceptions. They distinguish themselves from the Altaians on the basis of culture, language, and other features. The Kumandin residents of Gorno-Altaisk also distinguish themselves from the Altaians. Several interviewees noted the commonality of the area of residence, background, appearance, but not origin, culture, and language. The interviewees believe that Kumandins themselves are united by anthropological features, customs and traditions, historical past, language, native land and nature, and culture. At the same time, Kumandins consider the language as the most important factor in preserving the ethnic community. Due to a complex of reasons, ethnoconsolidating factors are being leveled at present. Anyway, the interest in the national history and culture remains. In particular, almost a third of the respondents (mostly representatives of the older generation) retain the memory of the seoks. It is assumed that the efforts of Kumandinian public organizations (in particular, the Altai regional public organization "Association of the Kumandins of Altai") will create conditions for the preservation of culture, customs and traditions in a modified form with respect to modern realities within the framework of ethnic holidays. Integration of the urban Kumandin residents into Russian society under conditions of dispersed pattern of settlement causes the loss of knowledge about the native culture, the spread of interethnic marriages and a neutral attitude towards such families, the reduction of the language environment to the level of interfamily communication and the leveling of language competencies.

Keywords: *Kumandins, Biysk, self-identification.*

Город Бийск расположен на территории, где в прошлом проживали предки кумандинцев, позднее вытесненные переселенцами из Европейской части России. Сейчас сложно сказать, когда первые кумандинцы заселились в г. Бийск. Известно, что лучшие ученики миссионерских школ Алтайской духовной миссии направлялись в город для продолжения обучения в Катехизаторском училище, основанном в 1883 г. Во второй половине XX в. происходит массовое перемещение коренного населения из сельских

Таблица 1. **Национальность родителей и самого респондента**

	Национальность отца		Национальность матери		Национальность респондента	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Алтаец	2	3,4	0	0	0	0
Кумандинец	49	84,6	54	93,1	58	93,6
Русский	4	6,9	3	5,2	3	4,8
Другая	2	3,4	1	1,7	1	1,6
Затрудняюсь ответить	1	1,7	0	0	0	0
Всего	58	100	58	100	62*	100

* Вопросы были открытыми. На вопрос «Кем Вы себя считаете по национальности?» часть респондентов предложила два ответа.

Таблица 2. **В какой мере Вы считаете себя представителем следующих этнических групп?**

	Полностью		Отчасти		Не считаю		Затрудняюсь ответить	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Алтайцем	2	3,4	0	0	56	96,6	0	0
Алтай-кижи	0	0	1	1,7	57	98,3	0	0
Кумандинцем	48	82,8	10	17,2	0	0	0	0
Русским	3	5,2	3	5,2	52	89,6	0	0
Казахом	0	0	1	1,7	57	98,3	0	0

Таблица 3. **Как Вы считаете алтайцы – это один народ или разные народы?**

	Кол-во	%
Один народ	4	6,9
Разные народы	43	74,1
Затрудняюсь ответить	11	19,0
Всего	58	100

районов Республики Алтай, Алтайского края и Кемеровской обл. в южносибирские города, в частности, в г. Бийск. В 1993 г. кумандинцы и телеуты получают статус коренных малочисленных народов. В 2000–2020-е гг. по данным Всероссийских переписей 2002, 2010, 2021 гг. кумандинцами себя назвали 3 114, 2 892 и 2 408 чел., из них 54,7, 48,4 и 41,7 % соответственно проживали в городах [Итоги...; Размещение..., 2002; Размещение.., 2010]. Численность городских кумандинцев неуклонно снижается с 1 704 чел. в 2002 г. до 1 005 чел. в 2021 г. В г. Бийске по материалам Всероссийской переписи населения 2021 г. проживало 191 963 чел., среди 169 787 чел., указавших национальность, 392 кумандинца (т.е. 0,2 %).

Целью данного исследования является характеристика самоидентификации кумандинцев г. Бийска. Источниковой базой исследования стали результаты социологического опроса*, проведенного в г. Бийске в 2016 г., а также полевые материалы автора.

Согласно социологическому опросу, проведенному в г. Бийске в 2016 г., большинство респондентов, отвечая на вопрос об этнической принадлежности родителей, относили их к кумандинцам (табл. 1). Подавляющее большинство анкетируемых (93,6 %) идентифицирует себя кумандинцами, часть из них обозначили двойную идентичность (кумандинец/русский и кумандинец/казах). Полностью считают себя кумандинцами 82,8 % респондентов. В то же время только двое информантов на уточняющий вопрос «В какой мере Вы считаете себя алтайцем?» ответили положительно, а третий отчасти считает себя алтай-кижи (табл. 2). Большинство бийских кумандинцев (74,1 %) отличают себя от алтайцев (табл. 3). К слову,

* Социологический опрос проводился методом структурированного интервью среди кумандинцев, проживающих в г. Бийск. Для оценки достоверности результатов социологического опроса были использованы итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. В г. Бийске проживало 530 кумандинцев, в т.ч. 42,6 % мужчин и 57,4 % женщин. Опубликованные материалы переписи 2010 г. не содержат данных по половозрастной структуре бийских кумандинцев. В этой связи, для определения выборки взрослого кумандинского населения г. Бийска была использована половозрастная структура всего городского кумандинского населения по Алтайскому краю (общая численность 609 кумандинцев, в т.ч. 540 чел. в возрасте от 18 лет и старше). В составе взрослого кумандинского городского населения мужчины составляли 41,5 %, женщины – 58,5 %. В г. Бийске обследованием было охвачено 58 респондентов (25 мужчин и 33 женщины, соответственно доля мужчин составила 43,1%, женщин – 56,9%). Относительная ошибка выборки не выходит за пределы 10 %. Выборка репрезентативна по полу и возрасту. В каждой семье опрашивался один человек. Средний возраст респондентов составил 44 года.

горноалтайские кумандинцы разделяют мнение своих бийских сородичей: 6 % (т.е. 3 респондента из 50 опрошенных) считают себя алтайцами, 20 % – отчасти, 74 % не считают себя алтайцами [Чемчиева, 2019, с. 59]. О единстве алтайцев высказался лишь один респондент; еще несколько опрошенных отметили общность территории проживания, корней, внешности (табл. 4). Для подавляющего большинства бийских кумандинцев, участвовавших в опросе, алтайцы и кумандинцы – разные этнические сообщества (24,2 %), отличные в культурном (25,9 %) и языковом (22,5 %) плане. Таким образом, кумандинцы г. Бийска сохраняют этническую идентичность и отделяют себя от алтайцев, несмотря на длительное причисление первых ко вторым в предшествующие десятилетия. Часть информантов отмечали, что какую-то часть своей жизни они провели в г. Горно-Алтайске (основная причина – учеба), но, несмотря на этнокультурную близость к титульному народу Республики Алтай, избрали местом постоянного проживания г. Бийск (ПМА, 2016, г. Бийск).

Своеобразие этнического окружения в г. Бийске, где численно преобладают русские, обуславливает сближение кумандинцев, в первую очередь, по антропологическим особенностям (17,3 %; табл. 5). По мнению респондентов, кумандинцев также объединяют обычаи и традиции (14,7 %), историческое прошлое (14,2 %), язык, родная земля и природа (по 12,7 %), а также культура (10,7 %). Все указанные факторы во многом обусловлены деятельностью общественных организаций кумандинцев и, в первую очередь, Алтайской региональной общественной организации «Объединение кумандинцев Алтая», активные члены которой предпринимают значительные усилия по сохранению и возрождению культуры и языка кумандинцев посредством проведения различных фестивалей, праздников, курсов и т.д.

Большинство респондентов (79,3 %) интересуются историей своего народа (табл. 6). Прекрасно знают кумандинскую культуру только 3,5 % опрошенных, 43,1 % признались, что осведомлены о некоторых обычаях и традициях, а 36,2 % – имеют общие представления о них (табл. 7). Пробуждение интереса и ретрансляция культуры в настоящее время во многом заслуга общественных организаций, аккумулирующих дошедший до наших дней культурный потенциал этнического сообщества, организующих мероприятия, позволяющие реализовать интерес к собственному прошлому.

Городские кумандинцы во многом интегрированы в российский социум. Лишь 8,6 % опрошенных считают, что полностью придерживаются кумандинских обычаев и традиций (табл. 8). Несомненно влияние проводимых кумандинских праздников на 43,1 % респондентов, которые частично соблюдают обычаи и традиции своего сообщества. Важным индикатором является осведомленность респондентов о своей принадлежности к тому или иному сеоку, в прошлом во

Таблица 4. **На чем основывается ваше мнение? (открытый вопрос)**

	Кол-во	%
Общие корни	1	1,7
Алтайцы – единый народ	1	1,7
Проживание на одной земле, на Алтае	2	3,4
Сходство внешности	1	1,7
Разные народы	14	24,2
Разные культура, обычаи, традиции, уклад (быт)	15	25,9
Разные языки (диалекты)	13	22,5
Разная внешность	5	8,6
Разные корни	1	1,7
Другое	3	5,2
Не смогли сформулировать	2	3,4
Всего	58	100

Таблица 5. **Что, по Вашему мнению, роднит Вас с людьми Вашей национальности? (не более 5 ответов)**

Варианты ответов	Кол-во	%
Язык	25	12,7
Культура	21	10,7
Обычаи и традиции	29	14,7
Черты характера	15	7,6
Религия	1	0,5
Внешний облик	34	17,3
Родная земля, природа	25	12,7
Историческое прошлое	28	14,2
Совместное проживание	10	5,1
Общая государственность	6	3,0
Ничего не роднит	1	0,5
Другое (кровь, кухня)	2	1,0
Всего	197	100

Таблица 6. **Интересуетесь ли Вы историей своего народа?**

Варианты ответов	Кол-во	%
Интересуюсь	46	79,3
Не интересуюсь	11	19,0
Затрудняюсь ответить	1	1,7
Всего	58	100

Таблица 7. **Знаете ли Вы обычаи и традиции своего народа?**

Варианты ответов	Кол-во	%
Хорошо знаю обычаи и традиции	2	3,4
Знаю наиболее характерные обычаи и традиции	25	43,1
Имею смутное представление об обычаях и традициях	21	36,2
Не знаю обычаев и традиций	10	17,3
Всего	58	100

Таблица 8. **Придерживаетесь ли Вы обычаев и традиций своего народа?**

Варианты ответов	Кол-во	%
Полностью придерживаюсь	5	8,6
Частично придерживаюсь	25	43,1
Не придерживаюсь	28	48,3
Всего	58	100

Таблица 9. **Знаете ли Вы о том, к какому сеоку (роду) принадлежите?**

Варианты ответов	Кол-во	%
Знаю	18	31,0
Не знаю	40	69,0
Всего	58	100

Таблица 10. **Как следует определять национальность человека?**

Варианты ответов	Кол-во	%
По желанию самого человека	30	51,8
По желанию его родителей	1	1,7
По родному языку	2	3,4
По национальности отца	17	29,3
По состоянию гражданства человека	1	1,7
Затрудняюсь ответить	4	6,9
Другое	3	5,2
Всего	58	100

Таблица 11. **Как бы вы отнеслись к браку близкого родственника с человеком другой национальности?**

Варианты ответов	Кол-во	%
Считаю такой брак нежелательным	3	5,2
Предпочел бы человека своей национальности, но не возражаю	10	17,2
Национальность в браке не имеет значения	42	72,4
Затрудняюсь ответить	3	5,2
Всего	58	100

Таблица 12. **В какой степени Вы владеете языком своей национальности?**

Варианты ответов	Кол-во	%
Владею свободно, разговариваю, пишу	6	10,4
Разговариваю и могу читать	4	6,9
Только разговариваю	1	1,7
Знаю плохо, понимаю, но не говорю	17	29,3
Языком не владею, но хочу выучить	20	34,5
Языком не владею и не хочу выучить	10	17,2
Всего	58	100

многом определявшему жизнь коренных жителей Северного Алтая, а сейчас полностью утратившему свои функции. Только трети респондентов (31 %) известно, к какому сеоку они относятся (табл. 9). Были названы такие сеоки, как: тастар, шабат, челей, тоон, чедыбер/чет(д)ебер, верх кумандинцы, ере куманда, алтына куманды. Учитывая, что некоторые респонденты не назвали сеок, либо дали некорректные формулировки (фамилия, «название знаю только по животному»), доля опрошенных точно владеющих таким знанием составляет 24 %.

Нивелирование традиционного уклада жизни кумандинцев среди прочего отразилось на подходе к определению национальности. 51,8 % ответивших на вопросы оставляют право на решение за самим человеком (табл. 10). Однако более четверти участников опроса (29,3 %) придерживаются традиционного правила «по национальности отца». По результатам социологического обследования 72,4 % респондентов равнодушны к национальности супругов, в то время как 5,2 % рассматривают межэтнические браки как «нежелательные» (табл. 11). По полевым данным в г. Бийске отсутствуют молодые моноэтнические семьи (ПМА, 2022, г. Бийск). Таким образом, полученные ответы отчасти можно рассматривать как реакцию на уже произошедшие изменения в национальном составе кумандинских семей.

Полевые исследования показали, что для кумандинцев важнейшим индикатором сохранения этнического сообщества является знание родного языка, его ретрансляция и дальнейшее функционирование (ПМА, 2022, г. Бийск). Свободное владение языком указали 10,4 % опрошенных в возрасте от 65 лет и старше, еще 8,6 % (в возрасте от 50 лет и старше) – говорят / говорят и читают. 81 % респондентов не владеют кумандинским языком (табл. 12). Показатели опроса релевантны данным Всероссийской переписи населения 2010 г., по результатам которой 19,7 % кумандинцев Алтайского края владеют родным языком [Национальный..., 2013, с. 568]. Примечательно, что 34,5 % участников опроса хотели бы выучить язык, но по неизвестным причинам так и не реализовали свое желание, учитывая наличие факультативного обучения, организованного кумандинским общественным движением г. Бийска. 17,2 % респондентов высказались о своем нежелании учить кумандинский язык. Один из опрошенных отметил, что утратил знания родного языка.

Кумандинцы г. Бийска согласно проведенному опросу находятся как дома, так и за его пределами в русскоговорящей среде. Общение на кумандинском языке сохраняется по линии родители (13,8 %) – дети (3,4 %) (табл. 13). В ходе полевых исследований у кумандинцев Красногорского и Солтонского р-нов Алтайского края и Турачакского р-на Республики Алтай встречались бабушки с гостившими у них детьми и внуками. В некоторых случаях бабушки, владеющие кумандинским языком, разговаривали с младшими членами семьи на смеси русского и кумандинского языков, а дети и внуки демонстрировали понимание кумандинских фраз и отвечали на русском. Результаты опроса, скорее всего, иллюстрируют именно эту ситуацию: бабушки говорят с младшим поколением на смеси языков, а дети понимают. При этом опрос

Таблица 13. **На каком языке вы общаетесь?**

Варианты ответов	С родителями		С супругом(ой)		С детьми		На работе	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Кумандинский	8	13,8	0	0	2	3,4	0	0
Русский	49	84,5	28	48,3	39	67,3	41	70,7
Другой	1	1,7	0	0	1	1,7	1	1,7
Нет ответа*	0	0	30	51,7	16	27,6	16	27,6
Всего	58	100	58	100	58	100	58	100

* Респондент не указал ответ в силу отсутствия работы (напр., безработный или на пенсии) или родственников (напр., отсутствие детей или супруга).

показал, что не все говорящие на кумандинском языке имеют возможность найти собеседника.

Этническая самоидентификация кумандинцев, которые на протяжении большей части советской истории включались в состав алтайской социалистической народности, отличается устойчивостью и четкой дифференциацией по отношению к соседним этническим сообществам. Объединяющие кумандинцев факторы (антропологические особенности, обычаи и традиции, историческое прошлое, язык, родная земля и природа, культура) выглядят зыбкими в настоящих реалиях. Межэтнические браки, перемещение в город и дисперсное проживание в нем уже сейчас приводят к нивелированию консолидирующих факторов. Усилия общественных организаций, скорее всего, способны сохранить лишь часть культуры, обычаев и традиций в их современной вариации в формате проводимых праздников. Интегрированность городских кумандинцев в российский социум обуславливает утрату знаний о собственной культуре, распространению межэтнических браков и равнодушному отношению к ним, языковых компетенций и среды функционирования языка. Многоуровневый характер самоидентификации, видимо, уходит в прошлое. Большинство респондентов не идентифицируют себя с алтайцами, не самоопределяются иными этническими маркерами; утрачивается память о сеоках.

Благодарности

Работа выполнена в рамках программы НИР СО РАН, проект № FWZG-2025-0003 «Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири и Дальнего Востока в XVII–XXI вв.: формирование и динамика».

Список литературы

Итоги ВПН-2020. Т. 5: Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 07.09.2023).

Национальный состав и владение языками, гражданство. Стат. сб. Т. 4. – Барнаул: [б.и.], 2013. – 600 с.

Размещение населения коренных малочисленных народов по территориям преимущественного проживания КМН. Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Т. 13. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. [Электронный ресурс] URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_13_01.htm (дата обращения: 23.02.2020).

Размещение населения коренных малочисленных народов Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. [Электронный ресурс] URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-19.pdf (дата обращения: 23.02.2020).

Чемчиева А.П. Этническая идентичность коренного населения г. Горно-Алтайска // Коренные народы Сибири: история, традиции и современность. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2019. – С. 56–64.

References

Chemchieva A.P. Etnicheskaya identichnost’ korennogo naseleniya g. Gorno-Altaiska In *Korennye narody Sibiri: istoriya, traditsii i sovremennost’*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagog. Univ. Press, 2019. P. 56–64. (In Russ.).

Itogi VPN-2020. Tom 5 Natsional’nyi sostav i vladenie yazykami. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (Accessed: 07.09.2023). (In Russ.).

Natsional’nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo. Statistical compilation. Barnaul, 2013. Vol. 4. 600 p. (In Russ.).

Razmeshchenie naseleniya korennykh malochislennykh narodov po territoriyam preimushchestvennogo prozhivaniya KMN. Korennye malochislennye narody Rossiiskoi Federatsii. Vol. 13. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 goda. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_13_01.htm (Accessed: 23.02.2020). (In Russ.).

Razmeshchenie naseleniya korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda. Vol. 4. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-19.pdf (Accessed: 23.02.2020). (In Russ.).

Николаев В.В. https://orcid.org/0000-0001-6834-2961

Дата сдачи рукописи: 16.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0930-0933
УДК 391.4

М.А. Овчарова

Новосибирский государственный краеведческий музей
Новосибирск, Россия
E-mail: masha_pa@mail.ru

Коллекции женских мордовских украшений в музеях Сибири

В статье в научный оборот вводятся оригинальные этнографические источники – рассматриваются коллекции женских мордовских украшений, которые были сформированы в крупных музеях Сибири на протяжении XX в. Актуальность работы определяется отсутствием специальных работ по анализу коллекций мордовских украшений в музеях Сибирского региона. Известно, что в конце XVIII – первой половине XX в. в Сибирь прибыли мордовские переселенцы, которые привозили украшения, изготовленные в Поволжье. В настоящее время в Сибирском регионе с ними можно познакомится, пожалуй, только в музейных коллекциях. Это во много связано с быстрым изменением этнического самосознания мордовских переселенцев, когда в новых условиях проживания забывалась национальная одежда, украшения и другое. Украшения отправлялись в сундуки и редко передавались по наследству. Также материалы, необходимые для изготовления украшений, сложно было приобрести в регионе, и отпадала необходимость в их изготовлении. В Сибири наиболее известными хранителями мордовских коллекций являются Минусинский государственный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, Новосибирский государственный краеведческий музей, Алтайский государственный краеведческий музей. Анализ материалов позволяет утверждать, что в Минусинском музее были собраны женские украшения мордвы-мокши, в Новосибирском – мокшанские украшения и изделия мордвы-эрзя, в Алтайском музее – украшения мордвы-эрзя. Автор анализирует особенности всех известных в музеях Западной Сибири коллекций женских мордовских украшений, показывает, что традиционно они отличались сложностью в изготовлении и красотой, являлись органичной частью костюма. Мордовские украшения оцениваются как своеобразные маркеры этнокультуры.

Ключевые слова: *женские мордовские украшения, особенности эрзянских и мокшанских украшений, коллекции музеев Сибири.*

M.A. Ovcharova

Novosibirsk State Museum of Local Lore
Novosibirsk, Russia
E-mail: masha_pa@mail.ru

Collections of Mordovian Women Jewelry in Siberian Museums

The article introduces original ethnographic sources into scientific circulation – the collections of Mordovian women jewelry, which were assembled in large Siberian museums during the 20th century. The relevance of the work is determined by the lack of special analyses of collections of Mordovian jewelry in museums of the Siberian region. It is known that at the end of the 18th – first half of the 20th century, Mordovian immigrants arrived in Siberia and brought personal decorations made in the Volga region. Currently, such jewelry items can likely be found only in museum collections in the Siberian region. This is largely due to the rapid change in the ethnic identity of the Mordovian settlers, when national clothes, jewelry and other things were abandoned under the new living conditions. Jewelry pieces were kept chests and were rarely passed on by inheritance. The materials for jewelry manufacturing were hardly available in Siberia, and there was no need to produce personal decorations. The N.M. Martyanov Minusinsk State Museum of Local Lore, the Novosibirsk State Museum of Local Lore, and the Altai State Museum of Local Lore hold the most famous Mordovian jewelry collections in Siberia. The analysis of the materials has shown that the Minusinsk Museum collected Mordva-Moksha women jewelry, the Novosibirsk Museum hold Moksha jewelry and Mordva-Erzya products, the Altai Museum – Mordva-Erzya jewelry. The author analyzes the features of all collections of Mordovian women jewelry known in the museums of Western Siberia; it is shown that traditionally the Mordovian jewelry was distinguished by the sophisticated design and beauty; jewelry was an integral part of the national costume. Mordovian jewelry is regarded as a kind of ethnocultural marker.

Keywords: *Mordovian women jewelry, features of Erzya and Moksha jewelry, jewelry collections of Siberian museums.*

Мордовское население на территории Сибирского региона формировалось в ходе переселений, начиная с XVI в. Известно, что в XVI–XVII вв. мордовские крестьяне принимали участие в «вольной миграции» из Центральной части России вместе с русским крестьянами в Сибирь. В 1850-е гг. мордва проживала в этнически смешанных селах в северо-восточной части Томской губернии. Численный состав мордовских переселенцев в Сибирском регионе увеличивался в период Столыпиной реформы. В Томской губ. в тот

период было зафиксировано 14 702 чел. мордвы [Первая..., Т. LXXIX. Томская губерния, 1905], в Енисейская губ. – 3 773 чел. и Минусинском окр. – 3 254 чел. [Первая..., Т. LXXV. Енисейская губерния, 1905].

Мордовские переселенцы конца XIX – начала XX в. сохраняли в Сибири свой костюм и украшения. Но в новых условиях, в иноэтничном окружении воспроизводить традиции было сложно, поэтому большая часть привезенных с исторической родины головных уборов, рубах и пр. оседала в сундуках. Наиболее известными являются коллекции украшений мордвы Минусинского государственного краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова, Новосибирского государственного краеведческого музея, Алтайского государственного краеведческого музея.

Традиционный набор женских украшений мордвы включал головные, шейно-нагрудные, поясные, и украшения для рук. Они являлись органичной частью костюма. Мордовский женский костюм середины XIX в. украшали бисером, бусинами, стеклярусом, медными цепочками, перламутровыми, фарфоровыми и металлическими пуговицами, блестками, раковинами каури, косточками плодов, которые нанизывали на нитку, проволоку, конский волос или нашивали на основу [Евсевьев, 1990, с. 158].

В повседневной жизни мордовки обычно надевали небольшое количество украшений: околоушные подвески или серьги, бусы, фибулы и поясные украшения. Как правило, праздничный женский костюм включал полный комплект разнообразных украшений. Состав и характер украшений определялись в первую очередь имущественным и социальным положением женщины. Еще в XVIII в. И. Лепехин писал: «пальцы ерзянки украшают перстнями, и богатые такие на них щеголихи, что ни одного пальца без перстня не оставляют, из которых на лучших перстнях прикрепляют цепочки с серебряными деньгами, а убогие с медными» [Лепехин, 1768, с. 157–158].

Набор и состав украшений женщин также зависел от ее семейного положения и возраста. Сравнивая костюмы девушек и замужних женщин мордвы, П.С. Паллас отмечал, что «у девиц на одеянии гораздо меньше гремушек» [Паллас, 1773, с. 83]. Девушки в основном носили разнообразные накосники, головные повязки и ожерелья. Для женских наборов были характерны височные украшения, оплечья, набедренные и поясные украшения.

На протяжении веков украшения мордвы создавались на основе этнических традиций. Как по видам украшения, так и по формам, материалам и расцветке различались комплексы эрзя и мокша. Например, для мокши были характерны шейно-нагрудные подвески, оплечья из бисера, подвески к поясу, а для эрзи – разной формы набедренные украшения.

Украшения мокши и эрзи различались также по материалу и расцветке. В мокшанских украшениях наряду с бисером зеленого, желтого, белого, черного цвета в большом количестве используется черный и бесцветный стеклярус. Для эрзянских украшений типичным было использование разноцветного крупного бисера, с преобладанием красного цвета. Важное дифференцирующее значение имела у мордвы-мокша и эрзя форма нагрудной застежки – фибулы. У мокши это была металлическая пластина с кольцом и прикрепленной к ней булавкой. Эрзя имели фибулы трапециевидной формы с отделкой бисером. Эти различия в форме фибул у эрзи и мокши сохранялись практически до самого последнего времени [Костюм..., 2014, с. 3–4].

В настоящее время в Сибири достаточно сложно найти женские мордовские украшения в обиходе. Еще в середине XX в. они оказались в фондах крупных музеев. В Минусинском государственном краеведческом музее им. Н.М. Мартьянова коллекция женских мордовских украшений начала формироваться с момента основания музея в 1877 г. и пополнялась непрерывно до середины XX в. Большая часть этнографического материала приобреталась за деньги, изначально – в д. Комарково Минусинского уезда, где в основном проживали переселенцы, мордва-мокша из Саранского уезда Пензенской губернии. Большая часть украшений была приобретена до 1900 г. [Яковлев, 1900, с. 173–174].

В настоящее время в Минусинском музее представлена прекрасная женская коллекция украшений мокшанок – 16 предметов, 5 из которых – это фибулы с подвеской и булавкой. Основание фибулы (*сюлгама*) составляет медный треугольник с кольцом и булавкой. На лицевой стороне обычно нанесен несложный геометрический орнамент в виде точек, кружков и спиралей. По сторонам треугольника имелись кружки-дужки для подвесок. В XIX – начале XX в. у мокши были широко распространены фибулы из черного и синего стекляруса с подвесками из медных цепочек и монет. Их форма напоминала трапецию. Мокшанские *сюлгамы* с медным основанием, сплетенные из стекляруса темных цветов хорошо гармонировали с вышивкой на женской рубахе, в которой также преобладали черные и синие тона.

Среди других нагрудных украшений мордвы-мокша заслуживают внимания бисерные воротники. В коллекции Минусинского музея представлено два оплечья. Украшения датируются концом XIX в. и представляют собой воротник на холщовой подкладке, набранный из разноцветного бисера. К воротнику прикреплены бисерные подвески с медными бляшками.

Также в коллекции Минусинского музея выделяются шейно-нагрудные украшения – в частности, ожерелья и бусы. Традиционным для мокшанок было ожерелье, которое носили как молодые девушки, так и пожилые женщины, из прозрачного и черного стекляруса с подвешенными к ним на медных цепочках жетонами и крестом. Этот вид украшений датируется серединой XIX в. [Белицер, 1973, с. 125–126]. Из поясных украшений в музее представлены 4 подвески в виде узкого сплетенного пояска с нанизанными

на проволоку раковинами каури, цепочками с медными бляшками. Кроме этого, женщины мордва-мокша на пояс крепили подвески, сплетенные из шерстяных ниток с нанизанными бусинами, бляшками, цепочками; снизу к ним всегда прикреплялась бахрома из шерсти, которая украшалась бисером. Единственным женским эрзянским украшением в коллекции музея является *пулай* – старинное поясное украшение с валиком. Возможно, оно было приобретено ранее других и из другого места. Эрзянское украшение выполнено на прямоугольном толстом холсте, на лицевой стороне идет плотная, ковровая, с геометрическим орнаментом эрзянская вышивка с нашитыми пуговицами. Ниже вышивки идут ряды цветного бисера, позумента. Далее пришита шерстяная бахрома черного цвета. *Пулокаркс* или *пулай* эрзянки носили сзади, поверх белой рубахи, а узел завязывали спереди, но он не был виден из-под напуска рубахи, и кроме того, закрывался передником.

Комплекс мордовской культуры, хранящийся в фондах Новосибирского государственного краеведческого музея, насчитывает более 40 предметов конца XIX – середины XX в. Процесс комплектования этой коллекции носил случайный характер и был связан с проведением экспедиций по изучению народов Сибири. В ней в основном преобладают женские мокшанские украшения – 12 предметов. Большая часть этого собрания была сформирована сотрудниками музея Н.Н. Нагорской, С.И. Орловым, Е.Н. Орловой, Г.А. Истоминым [Костюм..., 2014, с. 9]. Причем многие мокшанские украшения в Новосибирский музей были привезены супругами Орловыми из Туруханского края, другая часть – Н.Н. Нагорской из Бийского уезда Алтайской губ. Украшением коллекции являются женские мокшанские шейно-нагрудные украшения: оплечья в форме воротника и оплечья с наспинными подвесками. Оплечье *комбоне* имеет вид воротника овальной формы с геометрическим узором, набранным из разноцветного бисера, нанизанного в определенном порядке. К нижней части нагрудника прикреплялись монеты. По мордовским традициям *комбоне* принято было надевать невесте на свадьбу, а молодой женщине носить по праздникам [Белицер, 1973, с. 119]. Второй вид оплечья также являлся элементом свадебного костюма мордвы-мокшы. Он был выполнен способом бисероплетения в виде сетки. К воротнику на холщовых нитях, обмотанных канителью, крепились две массивных наспинных подвески из раковин каури и медных пуговиц. Подвески заканчивались бахромой из цветного бисера. Оплечье в костюме мокшанки сочеталось с другими украшениями – гайтанами, бусами. В коллекции Новосибирского музея представлены разные бусы мордвы-мокша.

У мокши в XIX – начале XX в. бусы (в одну, две, три нитки) были очень популяры. Старинные бусы у мокши имели вид нитки черного и прозрачного стекляруса с подвешенными медными монетами. Особо ценились двойные цветные бусы с бубенчиками – это был праздничный вариант женского украшения, который датируется серединой XIX в. Подобные бусы сохранились в Новосибирском музее. Более поздний вариант украшений начала XX в. – это яркие бусы с монетами. Они были характерны для молодых женщин и девушек [Гаген-Торн, 1960, с. 79–80].

Также в коллекции Новосибирского музея представлены очень интересные фибулы, характерные не только для мордвы-мокша, но и для мордвы-эрзя. Наиболее старые фибулы мордвы-мокша относятся к середине XIX в. Они отличаются своим размером и представляют собой большой прямоугольный нагрудник на холщовой прокладке, на которую сверху нашиты разноцветные бусины; в верхней части выполнена расшивка бисером и раковинами каури. В коллекции музея имеется фибула середины XIX в. мордвы-эрзя – традиционной трапециевидной формы, верхняя часть представляет собой медное овальное несмыкающиеся кольцо.

В народной среде главным достоинством мордовской женщины считались здоровье, сила, выносливость, и весь женский костюм подчеркивал эти качества. Напуск рубахи, многочисленные нагрудные и набедренные украшения зрительно делали женскую фигуру более фундаментальной. Уникальность женского мокшанского пояса в коллекции Новосибирского музея состоит в том, что он сохранился в полном виде со всеми многочисленными подвесками. На поясе прикреплены подвески с использованием раковин каури, цветных бусин, пуговиц, которые заканчиваются бахромой из красных шерстяных ниток.

Мокшанские женщины не знали такого вида набедренных украшений, как *пулай.* Он имел большое значение для формирования образа эрзянской женщины. Тяжелый с длинными кистями *пулай* задавал женщине плавную походку [Мордва..., 1995, с. 183–184]. Наиболее старым считается *пулай* без валика – *пулокарск*. Эрзянский *пулай* по традиции первый раз надевали в 13–14 лет и носили до глубокой старости. Он был обязательным при похоронах эрзянок [Маркелов, 1922, с. 147–150]. В настоящее время этот вид украшений в основном можно встретить только в музейных коллекциях. Один *пулокарск* хранится в фондах Новосибирского краеведческого музея и два схожих – в коллекции Алтайского государственного краеведческого музея. В их оформлении есть много общего: на прямоугольный холст, который покрыт плотной эрзянской вышивкой, нашиты сверху пайетки, по нижнему краю пришита бахрома из черной скрученной шерсти. Набедренное украшение с валиком, как более поздний вариант, также хранится в фондах Алтайского государственного краеведческого музея. Это украшение было передано в музей в 1920 г. заведующим этнографическим отделом губернского центрального советского музея А.Н. Моклавым и сотрудником П.И. Юхневичем [Овчарова, 2010, с. 82].

Таким образом, сравнительное изучение коллекций женских украшений мордвы в крупных музеях Сибири

(Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, Новосибирский государственный краеведческий музей, Алтайский государственный краеведческий музей) позволило сделать ряд выводов.

Удалось установить, что наиболее ранние этнографические коллекции хранятся в Минусинском краеведческом музее. Это один из старейших музеев Сибири, который с конца XIX в. осваивал территории Минусинского уезда, где сложилось многочисленное переселенческое мордовское сообщество. Материал для коллекций собирался в селах с преобладанием мордвы-мокша.

Большая часть имеющихся в коллекциях музеев женских украшений относится к этнографической группе мордва-мокша. В Минусинском краеведческом музее коллекция была сформирована из одного мокшанского села, а в Новосибирский краеведческий музей часть коллекции также была привезена из Енисейской губернии. Та часть предметов, которая относится к мордве-эрзя, поступила в Новосибирский музей с Алтая. Для мордвы-эрзя именно территория Алтайской губернии была зоной приоритетного расселения, поэтому вполне естественно, что в музее Барнаула оказались эрзянские предметы.

В коллекциях каждого из сибирских музеев есть уникальные вещи, которые характеризуют специфику культуры эрзи и мокши. В Минусинском краеведческом музее – это мокшанские нагрудные украшения фибулы и оплечье с подвеской. В Новосибирском музее хранятся оплечья в форме воротника и с наспинными подвесками. В коллекции Алтайского государственного краеведческого музея – эрзянские набедренные украшения: *пулаи* без валика и с валиком.

В целом, эти собрания сохраняют старинные украшения мордвы как часть уникального культурного наследия.

Список литературы

Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. – М.: Наука, 1973. – 215 с.

Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья: (Материалы к этногенезу). – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. – 232 с.

Евсевьев М.Е. Мордовская свадьба. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. – 384 с.

Костюм народов Поволжья. Каталог / сост. М.А. Овчарова. – Новосибирск: Изд-во НГКМ, 2014. – 98 с.

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. – СПб.: Изд-во Имп. Акад. Наук, 1768. – Т. 1. – 561 с.

Мордва: историко-культурные очерки. – Саранск: Мордов. кн. из-во, 1995. – 632 с.

Маркелов М.Т. Саратовская мордва // Саратовский этнографический сборник. Вып. I. – Саратов: Изд-во Мордов. подотд. Губ. отд. по делам национальностей при Сарат. губисполкоме, 1922. – 160 с.

Овчарова М.А. Мордва Алтая: История и этнокультурные процессы (XIX – начало XXI века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 228 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1773. – Т. 1. – 785 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 год / Под ред. Н.А. Троицкого. – Т. LXXIX. Томская губерния. – СПб.: Изд-во Центр. Стат. ком. мин-ва внутр. дел, 1905.

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 год / Под ред. Н.А. Троицкого. – Т. LXXV. Енисейская губерния. – СПб.: Изд-во Центр. Стат. комитета мин-ва внутренних дел, 1905.

Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела музея. – Минусинск: Тип. В.И. Корнакова, 1900. – 374 с.

References

Belitser V.N. Narodnaya odezhda mordvy. Moscow: Nauka, 1973. 215 p. (In Russ.).

Gagen-Torn N.I. Zhenskaya odezhda narodov Povolzh'ya: (Materialy k etnogenezu). Cheboksary: Chuvashgosizdat, 1960. 232 p. (In Russ.).

Evsev'ev M.E. Mordovskaya svad'ba. Saransk: Mordov. kn. Publ., 1990. 384 s. (In Russ.).

Lepekhin I.I. Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii nauk ad"yutanta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva. Sankt-Peterburg: Imp. Akad. Nauk Publ., 1768. Vol. 1. 561 p. (In Russ.).

Mordva: istoriko-kul'turnye ocherki. Saransk: Mordovskoe kn. Publ., 1995. 632 p. (In Russ.).

Markelov M.T. Saratovskaya mordva. In *Saratovskii etnograficheskii sbornik.* Iss. I. Saratov: Mordov. podotd. Gub. otd. po delam natsional'nostei pri Sarat. gubispolkome Publ., 1922. 160 p. (In Russ.).

Ovcharova M.A. (ed.) Kostyum narodov Povolzh'ya. Katalog. Novosibirsk: NGKM Publ., 2014. 98 p. (In Russ.).

Ovcharova M.A. Mordva Altaya: Istoriya i etnokul'turnye protsessy (XIX – nachalo XXI veka). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010. 228 p. (In Russ.).

Pallas P.S. Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskoi imperii. Sankt-Peterburg: Imp. Akad. nauk Publ., 1773. Vol. 1. 785 p. (In Russ.).

Troitskii N.A. (ed.) Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi Imperii 1897 god. Vol. LXXIX. Tomskaya guberniya. – Sankt-Peterburg: Tsentr. Stat. kom. min-va vnutr. del Publ., 1905. (In Russ.).

Troitskii N.A. (ed.) Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi Imperii 1897 god. Vol. LXXV. Eniseiskaya guberniya. Sankt-Peterburg: Tsentr. Stat. komiteta minist-va vnutrennikh del Publ., 1905. (In Russ.).

Yakovlev E.K. Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i ob"yasnitel'nyi katalog Etnograficheskogo otdela muzeya. Minusinsk: Tip. V.I. Kornakova, 1900. 374 p. (In Russ.).

Овчарова М.А. https://orcid.org/0000–0002-6157-2104

Дата сдачи рукописи: 07.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0934-0939
УДК 392.9

А.А. Рублева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Anastasia.folk98@yandex.ru

Потомки старожилов-чалдонов Притомья: культура и идентичность во второй половине XX – начале XXI века

Статья посвящена анализу идентичности потомков русских старожилов Притомья – чалдонов, которая формировалась в условиях трансляции традиций старшим поколением чалдонов, рожденных в конце XIX – начале XX в., а также в условиях культурных контактов с представителями других восточнославянских групп изучаемого региона. Источником исследования выступили интервью с потомками чалдонов Юргинского р-на Кемеровской обл., 1920–1950-х г.р. Источниковая база исследования была сформирована в ходе этнографической экспедиции 2022–2023 гг. Во второй половине XX в. потомки русских старожилов Сибири продолжали частично сохранять историческую память о происхождении чалдонов как «коренных» сибиряков, чьи предки были выходцами с Дона (Чала и Дона). Сохранение исторической памяти о чалдонах нашло отражение в названиях этнокультурных групп региона, где потомки русских старожилов Сибири продолжали называться чалдонами, отделяя себя от потомков недавних переселенцев начала XX в. на территорию Западной Сибири. Сельские жители Притомья во второй половине XX в. наделяли русских старожилов региона определенными культурными чертами, такими как чистота русской речи, зажиточность, особенности традиционной кухни (мастерство в изготовлении сдобы, любовь к чаю вприкуску с капустой) и др. Сохраняя память о бытовании на территории Притомья культуры чалдонов, современные потомки русских старожилов Сибири постепенно теряют «чалдонскую» идентичность, отдавая предпочтения иным формам идентичности, таким как «сибиряк», «житель Кузбасса», «русский» и др. Современные сельские жители, чьи предки ранее считали себя чалдонами, воспринимают «чалдонскую» идентичность как явление уходящей культуры своих предшественников.

Ключевые слова: *чалдоны, русские старожилы Сибири, Притомье, этнокультурная идентичность, вторая половина XX в.*

A.A. Rubleva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Anastasia.folk98@yandex.ru

Descendants of the Old-timers-Chaldons in the Tom River Area: Culture and Identity in the Second Half of the XX – Early XXI Centuries

This article analyzes the identity of the descendants of the Russian old-timers known as Chaldons in the Tom Area. The Chaldon identity was developed through the transmission of cultural traditions from older generations born in the late 19th to early 20th centuries and cultural interactions between the descendants of the Chaldons and bearers of other cultures of the region. The research is based on interviews with Chaldon descendants born in the 1920s to 1950s in the Yurginsky District of the Kemerovo region. The source base of the study was accumulated during the ethnographic expedition of 2022–2023. In the second half of the 20th century, the descendants of the Russian old-timers of Siberia continued to partially retain the historical memory of the origin of the Chaldons, as "indigenous" Siberians, whose ancestors came from the areas near the Chal and Don Rivers. The historical memory of Chaldons survived in the names of ethnocultural groups in the region; the descendants of Russian old-timers of Siberia retained the self-name Chaldons distinguishing them from the descendants of recent migrants to the territory of Western Siberia in the early twentieth century. Members of this group were associated with certain cultural traits, such as the purity of their Russian speech, prosperity, and features of traditional cuisine (skills of baking muffins, tradition to take tea with sauerkraut), and others. While preserving, The modern descendants of Russian old-timers keep the memory of Chaldon culture in the Tom region, but gradually lose their "Chaldon" identity and prefer other forms of self-identification, such as "Siberian", "resident of Kuzbass", "Russian", and others. Modern villagers, whose ancestors previously considered themselves Chaldons, perceive the "Chaldon" identity as a phenomenon of the outgoing culture of their predecessors.

Keywords: *Chaldons, Russian old-timers of Siberia, Tom River Area, ethnocultural identity, the second half of the XX century.*

Вот уже несколько десятилетий проблема этнокультурной (этнической) идентичности не уходит из научной повестки и на данный момент остается одной из активно обсуждаемых. Вопросы о сущности этнической идентичности, ее истоках, составляющих, механизмах формирования и изменения, а также об ее соотношении с другими формами идентичности остаются неизменно актуальными. Поэтому интересным полем для исследования проблемы этнокультурной идентичности является территория Притомья, так как на протяжении нескольких столетий этот регион населяли различные этнокультурные и этнические группы – сибирские татары, русские первопоселенцы Сибири, старообрядцы-кержаки, российские переселенцы, украинские и белорусские переселенцы XIX – начала XX в., послевоенные переселенцы с территорий Поволжья и др., которые вступали в межкультурные контакты. Одной из групп, чьи потомки проживают на территории Притомья, являются русские старожилы Сибири – чалдоны. В рамках данного исследования проанализирована этнокультурная идентичность потомков русского старожильческого населения Притомья, которая сформировалась в среде сельской культуры, сохранявшей во второй половине XX в. этнокультурные особенности. Хронологические рамки исследования определяются второй половиной XX в., т.к. в это время, как показало полевое исследование, сохраняло свою актуальность деление сельского населения Притомья на этнокультурные группы и на это время пришлось взросление информантов, с кем были проведены интервью. Источниковой базой исследования выступили материалы этнографической экспедиции 2022–2023 гг. по Юргинскому р-ну Кемеровской обл. В контексте данного исследования, в рамках методологического подхода было взято этнокультурное понимание идентичности, сущность которой определяется осознанием социальной группой своей общности. Осознание группой собственного единства строится на основе проживания групповых или/и индивидуальных культурных практик (язык, праздники, одежда, традиционная кухня и др.). Также важной особенностью этнокультурной идентичности является ее историчность и континуальность, где у индивида, причисляющего себя к определенной этнокультурной группе, соотношение с группой строится на обращенности к ее историческому прошлому [Малыгина, 2005]. На стадии полевых сборов использовались методы интервьюирования (глубинного интервью) и аудио-, видеофиксация материалов. Также автором исследования применялся дескриптивный и сравнительно-исторический метод исследования.

В отечественной историографии заселение территорий Среднего Притомья связывают с основанием Сосновского острога в XVII в., вокруг которого затем начали формироваться земледельческие станы. Деревни и села, такие как Зеледеево, Мальцево, Елгино, Томилово, Филоново, Лебяжье-Асаново, Пятково, Басалаево (ныне несуществующая), Талая, Чахлово, Верх-Тайменка, Белянино и др., в которых были зафиксированы в ходе полевого исследования упоминания о чалдонах, образовались, согласно данным Н.Ф. Емельянова, во второй половине XVII – начале XVIII в. В 1770–1780-е гг. шло освоение и заселение территорий левобережья Томи русскими переселенцами, а также территорий на р. Черной, Лебяжьей и Искитим [Емельянов, 1980, с. 84]. Более половины первопоселенцев Притомья были выходцами из Поморья, пятую часть населения составили выходцы со среднерусской и южнорусской территорий, и примерно такую же часть составили переселенцы из западных районов страны (украинцы, белорусы, поляки) [Усков, 2005, с. 90].

Как показало полевое исследование, именно потомки русских старожильческих семей Притомья называли себя и своих предков чалдонами. В отечественной этнологии существуют различные версии о происхождении самого этнонима «чалдон» и о том, кем были чалдоны по происхождению. По одной из первых версий, высказанных В.Д. Далем, слово «чалдон» было заимствовано из монгольского или бурятского языка и переводилось как «бродяга», а спустя какое-то время стало означать «старожил» [Бережнова, 2007, с. 14]. С конца 1990-х гг. в этнографической среде значение слова «чалдон» стали объяснять через народную этимологию (примеры которой будут приведены далее), а сами чалдоны стали считаться потомками первых сибирских поселенцев, пришедших сюда, предположительно, с территории Дона. В 1992 г. вышла в свет статья Е.Ф. Фурсовой «Новогодние праздники и обряды чалдонов Чаусской волости Томского округа (с. Середино, Кандаурово)», где в качестве объекта исследования выступили группы русского старожильческого населения Сибири под названием «чалдоны» [Фурсова, 1992]. Позднее культура чалдонов, как культура русского старожильческого населения Сибири, стала изучаться отечественными исследователями, такими как В.М. Кимеев [1997], Г.В. Любимова [2004], М.Л. Бережнова [2007], М.А. Жигунова [Жигунова, Фурсова, 2009], Р.Ю. Федоров [2020] и др. Альтернативную версию происхождения чалдонов и самого слова предложил Б.Е. Андрюсев, который считал чалдонов выходцами из русского Севера, а под словом «чалдоны» понимал «люд неумный, бродячий, без привычки к насиженному месту» [Андрюсев, 2006, с. 72]. Исследователями стали выделяться характерные черты культуры чалдонов. Согласно полевым данным Е.Ф. Фурсовой, сделавшей значительный вклад в изучение данной этнокультурной группы, маркерами, выделяющими чалдонов как группу, являются чистота русской речи, с некоторыми вкраплениями диалектизмов («чавоканье», «кавоканье»), зажиточность по сравнению с более поздними российскими переселенцами, стремление к городской моде в одежде, особая любовь к

чаю, чистота дома, двора и одежды, слабая воцерковленность по сравнению с российскими переселенцами конца XIX – начала XX в. [Сибирь и сибиряки..., 2022, с. 63–68]. Е.Ф. Фурсова связывает распространенность этнонима «чалдон» на территории Сибири с народным мировоззрением, в котором Дон – территория обитания вольного казачества, которое осваивало Сибирь, что повлияло на распространение этого изначально гидронима в качестве самоназвания европейских первопоселенцев Сибири [Там же, с. 223]. Р.Ю. Федоровым, на основе полевых материалов, отмечались хозяйственные отличия чалдонов и переселенцев – первые считались хорошими охотниками и рыбаками, тогда как вторые славились хорошими земледельцами [Федоров, 2020, с. 109]. На основе обширного этнографического материала исследователь отмечает, что бытование этнонима «чалдон» было связано с появлением новых форм этнокультурной идентичности русского старожильческого населения Сибири, которые возникли в результате контактов русских старожилов и переселенцев во второй половине XIX – начале XX в. [Там же, с. 104].

Собранные автором данной работы полевые материалы по старожилам Сибири – чалдонам – согласуются с материалами, собранными вышеуказанными исследователями. Версии, озвученные сельскими жителями Притомья относительно происхождения чалдонов, показали аналогичную вариативность, отмеченную в работах отечественных исследователей. Согласно одной из озвученных версий, чалдоны – чисто русские люди, коренные жители Сибири: «*Корено население было чалдоны. Они были настоящие русские. Мне бабушки говорили, что мы чалдоны*». Само название «чалдон» некоторые информанты связывали с рекой Дон: «*Почему чалдоны? Потому что наши русичи приплыли на челнах с Дона. Чалдоны называли*». «*Чал и Дон – чалдон!*». Отмечалась сельскими жителями Притомья взаимосвязь чалдонов с казаками и каторжными, приехавшими в Сибирь: «*Тут каторжные были. А большинство наших деревень тут из казаков, которые от царей уходили*». В некоторых селах информанты отмечали, что их деревни основывали казаки, которые пришли в Сибирь вместе с Ермаком. Также была озвучена версия о том, что чалдоны – население, получившееся в ходе смешанных браков между русскими первопоселенцами и коренным населением Сибири. В некоторых случаях этноним «чалдон» использовался местным населением в качестве дразнилки, что показывает угасание «чалдонской» идентичности во второй половине XX в. и переход ее в разряд подшучиваний: «*Мы мальцевские, мы чалдоны!... Я помню, нас в детстве так обзывали – “Вон, чалдонки пошли!” – дразнили так... Это чалдонами нас называли, а их (жителей соседней д. Томилово) жебреями колючими*». Постепенный отказ от локальных форм этнокультурной идентичности подтверждает тот факт, что значительная часть современного сельского населения Притомья в ходе интервью уже не знали, кто такие чалдоны и лишь помнили, что такое слово использовало между собой старшее поколение жителей их деревни.

Те информанты, которые до сих пор сохраняют историческую память о чалдонах, в ходе интервью выделяли некоторые особенности культуры русских старожилов Притомья. Но зачастую об отличиях чалдонов от других представителей этнокультурных групп Притомья говорили не потомки чалдонов, а потомки более поздних российских переселенцев, чьи предки заселяли районы Притомья по столыпинской реформе. Так, в их рассказах главной чертой чалдонов была зажиточность, которая проявлялась в чистоплотности сибирских старожилов и добротной одежде. Потомки российских переселенцев вспоминали, что местные чалдонки в 1950–1960-е гг. носили пуховые шали, а «хахлушки» надевали пестрые платки, за что получали насмешки со стороны чалдонок. Потомки белорусских переселенцев также отмечали богатство и чистоту дворов чалдонов: «*Чалдоны шибко чистые, а хахлы шибко грязные... У чалдонок были шали пуховые, на собраниях даже председателя не было видно из-за этих шалей*». Из-за чистоты домов белорусы д. Ленинка Юргинского р-на Кемеровской обл. называли чалдонов соседней д. Томилово «чистоплясами». Сохранились стереотипные представления о чалдонах, как о людях с тяжелым и «прижимистым» характером. В д. Талая Юргинского р-на, где информант про чалдонов слышала лишь в детстве, старые люди говорили: «*Вот он чалдон, к нему не ходите. Вроде как ничего не даст*». Потомки российских переселенцев, рассказывая о чалдонах, вспоминали о них не только как о «коренных сибиряках», но и как о жестоких людях: «*У них жестокость была к приезжим*». Такие стереотипные представления о чалдонах, вероятнее всего, связаны с существовавшими ранее конфликтами между русскими старожилами и новопоселенцами из-за земельных участков [Федоров, 2020, с. 108].

Еще одна культурная особенность, маркирующая чалдонов, проявляла себя в особенностях питания. Особая любовь отмечалась у чалдонов к чаю. Галина Николаевна Рудьман, уроженка белорусской д. Милютино, вспоминала, что чалдонка Морозова, вышедшая замуж за милютинского «хахла», до самой старости пила чай: «*Они (чалдоны) любят. У нас Морозова до сих пор чаи любит*». Белорусские же бабушки такой любви к чаю не питали: «*У нас (в Милютино) чаи мало пили. Старые бабушки молоко пили*». Особую любовь к чаю у русских старожилов Притомья подтверждали сами потомки чалдонов: «*Вместо воды всегда пили чай*». Чай пили из самовара, заваривали иван-чай, зверобой, душицу, смородину, сушеную морковь. Пили чай вприкуску с кусковым сахаром. Но особым угощением к чаю у чалдонов была квашеная капуста с хлебом:

«*Так и называли “чалдоны” нас. Приходите, чай с капустой будем* [пить]. *Это угощение считалось*». Такое сочетание, как показало полевое исследование, всегда бросалось в глаза более поздним переселенцам: «*Вот придешь к ним* (чалдонам), *у них стоит самовар и чашка с квашеной капустой. Они за стол не садились без квашеной капусты*». Выделяли потомки чалдонов мастерство своих бабушек-чалдонок в выпечке: «*Наши* (чалдоны) *стряпали лучше*». Стряпали чалдонки пироги – курники, большие открытые и закрытые пироги с ягодами, с рыбой, хворост, который «таял во рту», пустышки, розанцы, «вахли», пирожки. Также встречались единичные упоминания о различиях в способах заготовки мяса у чалдонов и переселенцев. Если, например, некоторые белорусские переселенцы предпочитали на лето мясо засаливать, то чалдоны летом хранили мясо в специальных ледниках [Рублева, 2024, с. 260].

Еще одной чертой, выделявшей, по мнению потомков, чалдонов, их предков от приезжих переселенцев, была чистота русской речи: «*Мы хоть неправильно, но по-русски говорим. А они по-хахлатски говорят*». Жительницы старинных чалдонских деревень отмечали, что чалдоны «чекали» или «чакали», тогда как переселенцы «шокали».

Если на уровне быта потомки чалдонов в ходе интервью отмечали яркие черты своей культуры, то на уровне семейных и календарных праздников такие яркие различия не фиксировались. Во второй половине XX в. сельское население Притомья, наряду с советскими праздниками, такими как 7 ноября, День молодежи, 1 мая, 9 мая, продолжало праздновать традиционные праздники народного календаря. Как потомки чалдонов, так и потомки переселенцев праздновали Рождество, Новый год, Крещение, Масленицу, Сороки, Пасху, Радуницу, Троицу и др., не фиксируя особых этнокультурных различий между традициями празднования того или иного праздника. Размытие этнокультурных границ в праздничной культуре является вполне закономерным, т.к. ко второй половине XX в. в Притомье практически не осталось деревень с компактным проживанием одной этнокультурной группы. Долговременное соседство в пределах одной деревни, а также регулярные культурные контакты между представителями разных этнокультурных групп региона привели к тому, что в большинстве случаев все праздники стали отмечаться по усредненному праздничному сценарию. Несмотря на это, во второй половине XX в. календарные праздники сохраняли некоторые этнокультурные особенности. В деревнях Алаево, Варюхино, Зеледеево, Мануйлово Юргинского р-на Кемеровской обл., где чалдоны и переселенцы жили в разных «концах» деревни, сибирские старожилы сохраняли традицию масленичных мужских состязаний в борьбе. Информанты вспоминали, что чалдоны между собой «на Масленку бороться любили», а биться стенка на стенку ходили только с представителями другого «конца» деревни. Некоторые особенности отмечали информанты в контексте семейной обрядности. Белорусы д. Ленинка первый день свадебного гуляния праздновали в доме невесты, тогда как чалдоны из соседней деревни забирали невесту в дом жениха сразу после выкупа. Но в большинстве случаев семейная и календарная обрядность для информантов не являлась маркером, отличающим чалдонов от остального сельского населения Притомья.

Главные различия во второй половине XX в. сохранились в самоназваниях этнокультурных групп, которые продолжали бытовать в этот период. Выросшие в среде, где на бытовом уровне среди старшего поколения деление на чалдонов, «хахлов», кержаков и др. было актуальным, сельские жители 1920–1950-х гг. рождения в детстве все еще были включены в систему такого разделения. По рассказам коренной жительницы д. Лебяжье-Асаново, 1924 г.р., деревня делилась на две стороны – «чалдонскую» и «хахлатскую». Парни-чалдоны запрещали девушкам со своего «конца» дружить с парнями-«хахлами», угрожая последним физической расправой. Схожая ситуация была описана жительницей с. Зеледеево Юргинского р-на. Еще в 1950-е гг. сибиряки с одного края с. Зеледеево дрались с «хахлатским» краем другой стороны деревни. Но как отмечали информанты более поздних годов рождения, в их молодости таких стычек уже не происходило, при этом поддразнивания по этнокультурному признаку сохранялись.

Относительно идентичности современных сельских жителей, являющихся потомками чалдонов, наблюдаются различные сценарии самоидентификации. «Коренная» чалдонка из д. Лебяжье-Асаново, чье детство пришлось на 1930-е гг., до сих пор считает себя таковой, тогда как другие потомки чалдонов, более поздних годов рождения, к русским старожилам Сибири – чалдонам – себя не относят, т.к. в их понимании разделение на чалдонов, хахлов, кержаков и т.д. потеряло актуальность из-за общности быта и смешанности населения: «*В наше время уже не было разницы – чалдоны, хахлы. Они (белорусские переселенцы) стали уже как свои...*». «*Не, а куды? Это все ушло... Мы-то уже не звались так*». Особый интерес в вопросе идентичности представляют дети от смешанный браков (чалдонов и переселенцев Сибири). Как показало полевое исследование, выбор определенной этнокультурной группы информантами определяется различными факторами. Так, информантка, рожденная и выросшая в Сибири, чья мать была чалдонкой, а отец – потомком пензенских переселенцев, в ходе интервью назвала себя «пензячкой» и «хахлушкой»: «*Раз я не тутошная, раз предки мои оттуда, значит я пензячка*», объясняя собственную идентичность следующим образом: «*Мои родственники по папке все хорошие, а по маме не очень роднимся*». Другой информант, со схожей родословной,

где отец принадлежал к группе старожилов-чалдонов, а мать – к белорусским переселенцам начала XX в., определял себя чалдоном, т.к. «характером пошел» в деда-чалдона, что отмечалось односельчанами. Данные сюжеты показывают, что на выбор идентичности мог влиять фактор эмоциональной близости и личной симпатии относительно родни информанта, чья идентичность для него становилась доминирующей. Для большинства же сельских жителей, потомков сибирских старожилов – чалдонов, с кем были проведены интервью, более актуальными сейчас являются иные формы идентичности – национальная или региональная: «*Мы просто считаем себя русскими*», «*Мы из Кузбасса, мы сибиряки*». Тогда как «чалдонская» идентичность воспринимается как явление ушедшей культуры старшего поколения. Но при этом, на уровне локального общения (внутри деревни или сельского поселения), сельские жители Притомья иногда актуализируют локальные формы этнокультурной идентичности, такие как чалдон, «хахол» и кержак.

Итак, как показало полевое исследование, культура русских старожилов Притомья – чалдонов второй половины XX в. – имеет черты, характерные для культуры русских старожилов Сибири, выделяемые отечественными исследователями. Как на территории Сибири, так и в районе Притомья, устойчивым в исторической памяти сельского населения 1920–1950-х годов рождения, оказался миф о происхождении чалдонов. Чалдоны описываются информантами как «чисто русские» люди, чье происхождение берет начало у реки Дон (рек Чал и Дон). Потомки русского старожильческого населения Притомья в своих рассказах подчеркивали взаимосвязь чалдонов с казаками и ссыльными каторжанами, что также является универсальным сюжетом для других территорий расселения русских старожилов Сибири. В некоторых случаях бытование этнонима «чалдон» в Притомье сохранилось лишь в контексте подшучивания между жителями соседних деревень, что показало потерю актуальности локальной этнокультурной идентичности для населения изучаемого региона. Несмотря на это, современное сельское население Притомья воспроизводит особенности культуры чалдонов, наделяя их такими качествами как зажиточность, чистоплотность, особая любовь к чаю с квашеной капустой и с разнообразной выпечкой. Непосредственно потомки чалдонов воспринимают своих предков как коренное население Сибири, «чисто русских» людей, говоривших «правильно» в сравнении с недавно приехавшими «хахлами». В детском возрасте заставшие разделение сельского населения Притомья на чалдонов, «хахлов», кержаков и др., современные потомки русских старожилов Сибири уже не считают себя чалдонами, актуализируя для себя иные формы идентичности, такие как русские, сибиряки, жители Кузбасса и т.д. При этом на уровне внутригруппового общения демонстрируют локальную этнокультурную идентичность, выбор которой строится на основе эмоциональной связи с «чалдонской» культурой как с культурой старшего поколения.

Список литературы

Андрюсев Б.Е. Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX в.: учеб. пособ. для учащихся и студентов. 3-е изд., испр. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2006. – 72 с.

Бережнова М.Л. Загадка челдонов: История формирования и особенности культуры старожильческого населения Сибири. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2007. – 266 с.

Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1980. – 251 с.

Жигунова М.А., Фурсова Е.Ф. Сибиряки // Историческая энциклопедия Сибири. В 3 т. – Новосибирск: ИД Историческое наследие Сибири, 2009. – Т. III. С–Я. – С. 101–102.

Кимеев В.М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 248 с.

Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири XIX – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 239 с.

Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность: Онтология, морфология, динамика: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. – М., 2005. – 41 с.

Рублева А.А. Традиционная кухня старожилов и переселенцев Притомья во второй половине XX в.: этнокультурная специфика и взаимовлияние (по материалам полевого исследования) // Вестн. антропологии. – 2024. – № 1. – С. 255–266.

Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточно-славянских народов в Сибири (XIX – начало XXI века) / отв. ред. Е.Ф. Фурсова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – 284 с.

Усков И.Ю. Формирование крестьянского населения Среднего Притомья в XVII – первой половине XIX в. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 130 с.

Федоров Р.Ю. Чалдоны и самоходы: мифы идентичности и этнографическая реальность // ЭО. – 2020. – С. 102–115.

Фурсова Е.Ф. Новогодние праздники и обряды чалдонов Чаусской волости Томского округа (села Середино, Кандаурово) // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития. – 1992. – С. 102–119.

References

Andryusev B.E. Sibirskoe kraevedenie. Khozyaistvo, byt, traditsii, kul'tura starozhilov Eniseiskoi gubernii XIX – nachala XX vv.: uchebnoe posobie dlya uchashchikhsya i studentov.

Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University Press, 2006. 72 p. (In Russ.).

Berezhnova M.L. Zagadka cheldonov: Istoriya formirovaniya i osobennosti kul'tury starozhil'cheskogo naseleniya Sibiri. Omsk: Omsk State University Press, 2007. 266 p.(In Russ.).

Emelyanov N.F. Naselenie Srednego Priob'ya v feodal'nuyu epokhu. Tomsk: Tomsk State University Press, 1980. 251 p. (In Russ.).

Fedorov R.Y. Chaldony i samokhody: mify identichnosti i etnograficheskaya real'nost'. *Etnograficheskoe obozrenie,* 2020. P. 102–115. (In Russ.). doi: 10.31857/S086954150010836-9

Fursova E.F. Novogodnie prazdniki i obryady chaldonov Chausskoi volosti Tomskogo okruga (sela Seredino, Kandaurovo). In *Naselennye punkty Sibiri: opyt istoricheskogo razvitiya,* 1992. P. 102–119. (In Russ.).

Fursova E.F. Sibir' i sibiryaki: etnokul'turnaya identichnost' russkogo i drugikh vostochno-slavyanskikh narodov v Sibiri (XIX – nachalo KhKhI veka). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. 284 p. (In Russ.). doi: 10.17746/7803-0326-8.2022

Kimeev V.M. Kas'minskie chaldony. Byt i kul'tura russkikh starozhilov Kas'minskoi volosti. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997. 248 p. (In Russ.).

Lyubimova G.V. Vozrastnoi simvolizm v kul'ture kalendarnogo prazdnika russkogo naseleniya Sibiri XIX – nachalo XX veka. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004. 239 p. (In Russ.).

Malygina I.V. Etnokul'turnaya identichnost': Ontologiya, morfologiya, dinamika: doc. sc. (philosophy) dissertation abstract. Moscow, 2005. 41 p. (In Russ.).

Rubleva A.A. Traditsionnaya kukhnya starozhilov i pereselentsev Pritom'ya vo vtoroi polovine XX v.: etnokul'turnaya spetsifika i vzaimovliyanie (po materialam polevogo issledovaniya). *Vestnik antropologii*, 2024. No. 1. P. 255–266. (In Russ.). doi: 10.33876/2311-0546/2024-1/255-266

Uskov I.Y. Formirovanie krest'yanskogo naseleniya Srednego Pritom'ya v XVII – pervoi polovine XIX v. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005. 130 p. (In Russ.).

Zhigunova M.A., Fursova E.F. Sibiryaki. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*.. Novosibirsk: Izdatel'skii Dom Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2009. Vol. 3. P. 101–102. (In Russ.).

Рублева А.А. https://orcid.org/0000-0003-4967-6311

Дата сдачи рукописи: 27.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0940-0944
УДК 391.7

И.В. Сальникова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail:salnikovair52@gmail.com

Культовые предметы обских угров. Традиции и новации

В статье представлены результаты полевых исследований Приполярного этнографического отряда в текущем году. Цель публикации – введение в научный оборот информации о культовых предметах ляпинских манси Березовского р-на ХМАО–Югры и хантов Шурышкарского р-на ЯНАО. Дана характеристика следующих групп сакральных предметов: фигур семейных духов-покровителей (включая иттарма); жертвенных покрывал и платков. При изготовлении сакральных предметов зафиксированы определенные новации во второй половине XX в. Обнаружена редкая находка – персонифицированная фигура иттармы: на деревянную антропоморфную основу наклеена паспортная фотография молодой женщины в национальной одежде. Ритуальные предметы, собранные в этом году, и мониторинг культовых объектов свидетельствуют об угасании религиозных традиций обских угров. Вновь собранные предметы пополнят этнографическую коллекцию музея Истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН.

Ключевые слова: *обские угры, культовые предметы, жертвенные покрывала, иттарма, фигуры духов-покровителей.*

I.V. Salnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail:salnikovair52@gmail.com

Cult Objects of the Ob Ugrians. Traditions and Innovations

The article presents the results of field research of the Circumpolar Ethnographic Detachment in the current year. The purpose of the publication is to introduce information about new religious objects of the Lyapinsky Mansi of the Berezovsky District of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug and the Khanty of the Shuryshkarsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous District into scientific circulation. A detailed description of the following groups of sacred objects is given: figurines of family patron spirits (including ittarma); sacrificial veils and sacrificial shawls. Certain innovations in making sacred objects emerged in the second half of the twentieth century. A unique personalized ittarma image was found – a passport photo of a young woman in national clothes was pasted on a wooden anthropomorphic figurine. The ritual objects collected this year and the data of monitoring of religious sites indicate the extinction of the religious traditions of the Ob Ugrians. These objects will replenish the ethnographic collection of the Museum of History and Culture of the Peoples of Siberia and the Far East, IAET SB RAS.

Keywords: *Ob Ugrians, cult objects, sacrificial veils, ittarma, figurines of patron spirits.*

Введение

Экспедиции Приполярного этнографического отряда ИАЭТ СО РАН направлены на изучение духовной культуры обских угров – хантов и манси. В полевом сезоне посещены ряд мансийских поселений в бассейне р. Ляпин, а также два селения северных хантов. Цель статьи – ввод в научный оборот новых источников, выявление специфических черт в семантике культовых предметов, в частности жертвенных покрывал у разных групп обских угров, определение современных явлений в изготовлении культовых предметов.

Материалы и методы

Комплекс найденных культовых предметов достаточно разнообразен: шапки идолов, свинцовая фигурка собаки, бисерная подвеска, приклады из монет и платков, жертвенные покрывала, фигуры *иттармы*, фигуры семейных духов-покровителей, жертвенные платки.

Описаны три жертвенных покрывала ляпинских манси. Первое – с четырьмя фигурами всадников из сукна розового и зеленого цвета, оторочено мехом белки. Оборотная сторона зашита цветной хлопчатобумажной тканью. К углам пришиты лоскуты ткани,

подвески из мелких гильз и бусин, бубенчики, проволочное кольцо. В углах изделия зашиты монеты достоинством 3 коп. 1961 г., 2 коп. 1961 г., 1 коп. 1959 г., 1 коп. 1953 г., 3 коп. 1936 г., 3 коп. 1959 г. Размеры изделия 72 × 84 см. Изготовлено оно, судя по монетам, в 60-е гг. XX в. (рис. 1, *1*). Покрывало было опубликовано ранее [Бауло, 2013а, рис. 167].

Второе покрывало также с фигурами четырех всадников, оно из сукна черного и зеленого цвета. С изнанки изделие покрыто фланелью желтого цвета, окантовано меховой опушкой. К углам и середине боковин покрывала пришиты лоскуты хлопчатобумажной ткани, меховые полоски и шкурки, обвязанные тесьмой фабричного производства. На нее же прикреплены поддужные колокольчики и один рыболовный. На одном углу в красной ткани завязана монета 20 коп. 1948 г. Размеры изделия 55 × 61 см. Дата изготовления 40-е гг. XX в. (рис. 1, *2*). Покрывало было опубликовано ранее [Там же, рис. 168].

Третье покрывало с шестью фигурами всадников, зашитое с двух сторон – на одной стороне синей тканью в мелкий цветок, по другой стороне однотонной тканью оранжевого цвета. Всадники пришиты внутри на хлопчатобумажную ткань оранжевого цвета. У края одной стороны покрывала пришита широкая полоса драпа черного цвета, на которой угадываются стежки, образующие круг (предположительно это солярный знак). Покрывало окантовано опушкой из меха белки. К его углам пришиты лоскуты х/б ткани и полоски зеленого драпа. К углам полосками кожи прикреплены колокольчики. В углы покрывала помещены монеты как завязанные в ткань, так и обвязанные ниткой из лоскута (медные монеты 1948–1972 гг., 20 коп., монеты 1954 и 1961 гг.). На одном лоскуте ткани бумажная бирка «Лоскут мерный, сорт 2. Штамп – Ф-ка РФЗ111». Размеры изделия 71 × 130 см, дата изготовления 70-е гг. XX в. (рис. 1, *3*).

Четвертое покрывало с семью фигурами всадников из д. Юхангорт принадлежит березовским хантам. К шести квадратам пришит выступающий седьмой. Чередуются квадраты фиолетовые и темно-зеленые. Оборотная сторона покрыта хлопчатобумажной тканью (зеленый фон). Покрывало окантовано широкой полосой опушки из меха лисы, к его углам и бокам пришиты лисьи хвосты и лапки, привязаны красные шнурки и снизки пластмассовых бус, к концам которых прикреплены поддужные (фабрика Клюйкова, Пурех) и маленькие рыболовные колокольчики. В седьмом поле в фиолетовых кармашках зашиты монеты – 20 коп. 1932 г., 20 коп 1957 г., 20 коп. 1956 г. Размеры изделия 76 × 133 см, дата изготовления 50-е гг. XX в. (рис. 1, *4*).

Еще один тип культовых предметов представлен тремя фигурами *иттармы* (временного вместилища души умершего человека). Две вмещают антропоморфные фигурки из свинца, третья с деревянной основой. Последняя интересна тем, что поверх деревянной основы приклеена женская паспортная фо-

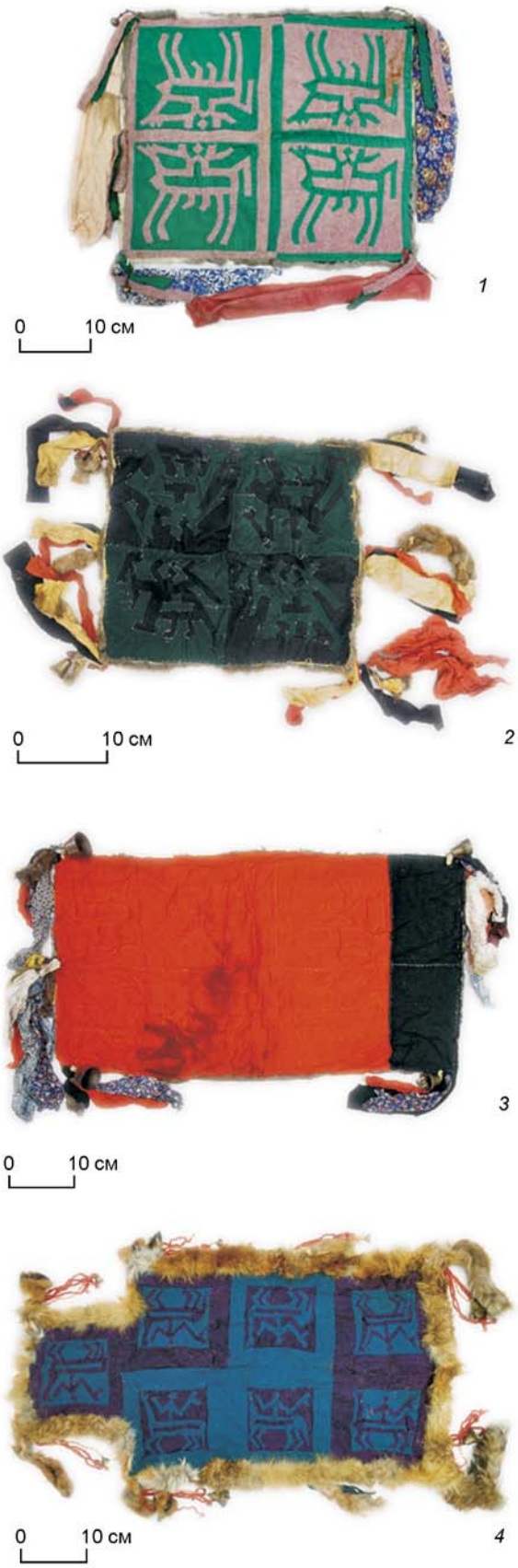

Рис. 1. Жертвенные покрывала обских угров.
1–3 – жертвенные покрывала, ляпинские манси; *4* – жертвенные покрывала, березовские ханты.

тография молодой женщины с двумя косами в национальном платье. Фигурка была завернута в два прямоугольных лоскута хлопчатобумажной ткани с насыщенным красным рисунком, в углу первого лоскута завязана монета 3 коп. 1960 г., во втором завязана монета 10 коп. 1961 г. На сверток с деревянным основанием последовательно надеты две рубахи (на одну приколот значок «Дружинник» образца 1960-х гг.) и три платья различного фасона. На легкие одежды надета распашная шубка типа из белого меха. Завязки на воротнике из кожи, на полочках из красного и зеленого сукна. Проймы не зашиты. Предмет изготовлен в 60-е гг. XX в. Размеры изделия 32 × 27 см (рис. 2, *1–3*).

Вторая фигура *иттармы* была завернута в платок с кистями из ниток мулине. В углу платка зашита монета 15 коп. 1933 г. В основании *иттармы* – антропоморфная свинцовая фигурка в полный рост с расставленными руками, на спине монета 15 коп. 1936 г. На свинцовую фигурку надето цветное платье, ниже глухая шубка кожей наружу, затем пять рубах. На воротниках двух рубахах зашиты монеты 15 коп. 1922 и 1943 гг. Размеры изделия 35 × 30 см (рис. 2, *4*, *5*).

Третья *иттарма* завернута в два платка ручной работы с бахромой, в углах которых зашиты две монеты 3 коп. 1943 г. В основе антропоморфная фигурка из свинца, на оборотной стороне монета 15 коп. 1925 г. Была завернут в полоску светлой мешковины. Затем на нее последовательно надеты рубаха и платье; верхняя одежда – распашная шубка. Размеры 34 × 30 см (рис. 2, *6*, *7*).

Следующая группа предметов – фигуры духов-покровителей – представлена тремя изделиями, одно из которых является бутылкой в форме сидящего на подставке медведя. Одета фигурка в шелковый распашной халат фиолетового цвета с втачными рукавами и треугольными ластовицами, выполненными из хлопчатобумажной ткани коричневого цвета с мелким рисунком. В плечевые швы вставлена полоска оранжевой ткани, воротник – стойка из темного сукна. Размеры фигурки 26 × 9,6 см. Дата изготовления изделия – начало XX в. (рис. 3, *1*). Фигуры духов-покровителей шурышкарских хантов (д. Вытвожгорт, Карвожи, Вершина Войкара) в виде винных бутылок ранее опубликованы А.В. Бауло [2016, с. 269].

Рис. 2. Фигурки *иттарма*.

1–3 – иттарма, ляпинские манси; *4–7 – иттарма*, березовские ханты.

Рис. 3. Духи-покровители.

1, *2* – семейный дух-покровитель, березовские ханты; *3*, *4* – дух-покровитель в военном облачении, ляпинские манси; *5*, *6* – дух-покровитель в форме медведя, березовские ханты.

Вторая фигура духа-покровителя, обнаруженная в заброшенном доме ханта Носкина, изготовлена из дерева. Она завернута в два малых размеров платка и лоскут шелковой ткани. В уголке одного платка завязана ниткой монета 10 коп. 1946 г. Голова шлемообразной формы, имеет Т-образную линию бровей и носа, нависающий лоб, удлиненный прямоугольной формы нос. Туловище прямоугольной формы, без рук и ног, со скошенными плечами. На его внешней стороне вырезаны две змеевидные углубленные полоски. Фигура обернута полосой золотистого позумента. На шее идола украшение – три цепочки с крупными звеньями, связанные между собой нитями с металлическими пуговицами на конце. Размеры изделия 39 × 10 см (рис. 3, *2*).

Третий предмет – антропоморфная фигура, обернутая семью платками, пять из которых были сшиты между собой сухожильными нитями. Фигура вырезана из цельного куска дерева. Голова овальной формы, плечи покатые, удлиненная шея. На лице прорезаны глаза, намечен рот, нос прямоугольной вытянутой формы. К «ушам» прикреплены гвоздиками ремешки с бубенчиками (серьги?). Руки намечены, но срезаны. С боковых сторон гвоздиками прикреплены полоски замши с бубенчиками на концах. Ноги обозначены прорезью, вырезаны стопы. На груди гвоздиками друг над другом прибиты шесть металлических пластин. Вероятно, они имитируют пластинчатый доспех. Подобные пластины могли быть частью ламинарного доспеха, распространенного на территории Евразии в период Средневековья [Соловьев, 1987, табл. XI, *4*]. Реконструкция подобного защитного вооружения представлена на примере Релкинского могильника Томского Приобья [Чиндина, 1985, с. 87–97]. Размеры духа 28 × 9 × 3 см, время изготовления не позднее начала XX в. (рис. 3, *3*).

К группе культовых предметов относятся и жертвенные платки ручной работы, традиционные по оформлению – центральное поле, скроенное из шелковой, купонной шерстяной или хлопчатобумажной ткани, окантованы каймой с нашитой по периметру бахромой из самодельных скрученных растительных нитей, в углах зашиты монеты. Особенно интересны платки начала XX в. Центральное поле одного из них скроено из шелковой ткани коричневато-болотного цвета, надшита двойная кайма из плотной ткани разного рисунка, углы отмечены вставками. По периметру бахрома. На кайме обвязана кистью монета 15 коп. 1865 г. Кистями обвязан фрагмент позумента, купюры 10 руб. 1918 г., 5 коп., 50 коп., 5 руб. 1909 г., 3 руб. 1905 г.

Предметы, собранные в ходе полевого сезона, свидетельствуют о традиции почитания культа небесного всадника *Мир-сусне-хума*, сохранении культа предков (изготовление *иттарма*). Персонификация изображения в виде приклеенной фотографии характерна для ляпинских манси [Гемуев, 1990, с. 209; Бауло, 2013б, с. 126]. Экспедиционные сборы пополняют музейные коллекции, растет база этнографических источников.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

Список литературы

Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: Этнографический альбом. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2013а. – 208 с.: ил.

Бауло А.В. Без лица: серебряная бляха с восточных склонов Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013б. – № 4. – С. 123–128.

Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных хантов: Этнографический альбом. – Ханты-Мансийск: Тендер, 2016. – 300 с.

Гемуев И.Н. Мировоззрение Манси. Дом и Космос. – М.: Наука, 1990. – 232 с.

Соловьев А.С. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.

Чиндина Л.А. Изображения воинов из Среднего Приобья // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 87–97.

References

Baulo A.V. Svyashchennye mesta i atributy severnykh mansi v nachale XXI veka. Etnograficheskii albom. Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg: Basko, 2013a. 208 p. (In Russ.).

Baulo A.V. Without a Face: A Silver Plaque from the Eastern Slopes of the Urals. Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia, 2013. No. 4 (56). P. 123–128. (In Russ.).

Baulo A.V. Svyashchennye mesta i atributy severnykh khantov: Etnograficheskii al'bom. Khanty-Mansiisk: Tender, 2016. 300 p. (In Russ.).

Chindina L.A. Izobrazheniya voinov iz Srednego Priob'ya. In Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noi Azii. Novosibirsk: Nauka, 1985. P. 87–97. (In Russ.).

Gemuev I.N. Mirovozzrenie Mansi. Dom i Kosmos. Moscow: Nauka,1990. 232 p. (In Russ.).

Solovev A.S. Voennoe delo korennogo naseleniya Zapadnoi Sibiri: Epokha srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1987. 193 p. (In Russ.).

Сальникова И.В. https://orcid.org/0000-0003-3239-9418

Дата сдачи рукописи: 04.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0945-0949
УДК 316.733

Е.В. Самушкина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Khakassie@yahoo.com

«Нематериальное культурное наследие» в Республике Хакасия: становление концепта (конец XX – начало XXI века)

Статья посвящена анализу становления концепта «Нематериальное культурное наследие» в Республике Хакасия. Источники – конвенции, программы по его сохранению ЮНЕСКО, федеральные, республиканские законодательные и административные акты, программы по сбережению неосязаемых форм в районах республики, материалы республиканской газеты «Хакасия». В ходе исследования рассмотрен терминологический аппарат, сравниваются подходы к нематериальному культурному наследию на международном, национальном, региональном уровнях, выявлены институты, занимающиеся формами неосязаемого достояния в Хакасии, и критерии отбора в реестры. Показано, что одна из главных функций неосязаемого достояния – это функция этнической самоидентификации. Местные сообщества обращаются к нематериальному культурному наследию как к ресурсу устойчивого развития. Работа в области нематериального наследия распределена между различными институтами: органами региональной и муниципальной власти, музеями, общественными организациями, домами культуры. Расширенная трактовка наследия, куда включается и неосязаемое достояние, меняет форму работы музейного сообщества. Широкое участие этнических групп республики в сбережении нематериальных форм культурного наследия, его продвижение обеспечивают сотрудники музеев под открытым небом. Местные сообщества становятся полноправными организаторами культурных мероприятий в пространстве музея, участвуют в популяризации культурных ценностей, знаний и умений. Нематериальная и материальная формы наследия тесно связаны, более того, зачастую в законах и административных документах, в программах по развитию достояния к неосязаемому применяются критерии и подходы, которые связываются с материальными ценностями. Часто особое внимание уделяется сохранению предметов, а не культурных практик, знаний и умений, не живого наследия, а сохранению памяти о том, что существовало ранее.

Ключевые слова: *этническая идентичность, материальное и нематериальное культурное наследие, культурное разнообразие, современная праздничная культура, музеи под открытым небом.*

E.V. Samushkina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Khakassie@yahoo.com

«Intangible Cultural Heritage» in the Republic of Khakassia: Development of Concept (Late XX – Early XXI Centuries)

The paper analyses the formation of the concept of «Intangible cultural heritage» in Khakassia Republic. The study is based on UNESCO conventions, UNESCO protection programs, federal, republican legislative and administrative acts, programs for the conservation of intangible cultural heritage in the regions of the republic, materials of the republican newspaper «Khakassia». The researcher reviews the relevant terminological apparatus, compares approaches to intangible cultural heritage at the international, national, and regional levels, and identifies institutions dealing with the forms of intangible heritage in Khakassia and selection criteria for registries. It is shown that one of the main functions of intangible cultural values is the function of ethnic self-identification. Local communities perceive intangible cultural heritage as a resource for sustainable development. Activities in the field of intangible heritage are distributed among various institutions: regional and municipal authorities, museums, public organizations, and cultural centers. The expanded interpretation of heritage, which includes intangible heritage, is changing the form of work of the museum community. The ethnic groups of the republic are widely involved in preserving intangible cultural heritage and its promotion is ensured by open-air museums staff. Local communities become full-fledged organizers of cultural events in the museum space; participate in the popularization of cultural values, knowledge, and skills. The intangible and the material forms of heritage are closely related, moreover, criteria and approaches that are associated with tangible values are often applied

to the intangible heritage in laws and administrative documents, and in programs for the heritage development. Often, special attention is given to the preservation of objects, rather than cultural practices, knowledge and skills, not living heritage, but preserving the memory of what existed before.

Keywords: *ethnic identity, tangible and intangible cultural heritage, cultural diversity, modern festive culture, open-air museums.*

Во второй половине XX в. понятие «культурное наследие» расширяется, исследователи приходят к идее о том, что это категория динамичная, в сообществах меняются критерии для определения круга объектов достояния, варьируется смысловое наполнение. Таким образом, акцент делается на процессе наделения объектов и практик статусом материального и нематериального наследия, на его интерпретации [Смит, 2013; Davallon, 2014; Pomian, 2010].

Трансформация подходов приводит ученых и администраторов к обсуждению определения «нематериальное культурное наследие». На международном уровне большое значение имел доклад «Наше культурное разнообразие», подготовленный ЮНЕСКО в 1996 г. Дальнейшим этапом переосмысления развития сообществ стало понимание культуры и творческого потенциала в рамках развития концепции человеческого капитала.

Культура, по мысли авторов доклада, является приоритетной по сравнению с экономикой. Ответы на глобальные вопросы, связанные с самосознанием, формированием ценностей, должны быть найдены в таких источниках как историческая память, духовные ориентиры, эмоциональный и интеллектуальный опыт. Одной из неотложных задач представлялось налаживание диалога культур. Особое внимание предлагалось уделять этнической самобытности.

Констатировалось, что прежнее определение культурного наследие не соответствует целям развития, так как очень узкое. Прежде всего под достоянием понимались его элитарные, монументальные, литературные и церемониальные формы. А согласно докладу, важно учитывать контекст создания объектов культурного наследия и тот факт, что материальные ценности можно воплотить только с помощью нематериального наследия. Необходимо также расширить функции музеев, которые должны не только демонстрировать артефакты, но и воспроизводить знания, практики при активном участии сообществ в этих действиях. Необходимо уделить внимание неосязаемым формам достояния, привлекая представителей антропологии, готовя соответствующих профессионалов. Для устойчивого развития предлагается использовать практики местных сообществ в области экологии, адаптации к местным условиям, используя их опыт в локальных проектах [Наше творческое разнообразие..., 1997].

В 2003 г. была принята международная Конвенция об охране нематериального культурного наследия. Согласно подходам, зафиксированным в документе, главный акцент делается на знаниях и умениях, которыми обладают представители сообществ, на приоритете нематериальных форм над материальными, воплощенными в наследии осязаемом. Одним из механизмов сохранения было предложено составление двух перечней культурных практик – списка нематериального культурного наследия и номинаций, находящихся под угрозой исчезновения [Основные тексты..., 2016].

В РФ в 2000-е гг. тоже началась разработка нормативных рамок концепта «нематериальное культурное наследие». В 2008 г. была принята концепция сохранения и развития нематериального наследия народов РФ на 2009–2015 гг. Неосязаемое достояние в тексте документа напрямую отождествляется с этничностью. Она представлена как связующее звено между прошлым и последующим поколениями, основой культуры народов России, способствующей в т.ч. формированию толерантности на территории страны. В концепции присутствует отсылка к закону от 17 июня 1996 г. «О национально-культурной автономии», который является одним из акторов, обеспечивающих право народов на самобытность и творческое самовыражение. Нематериальное культурное наследие признано основным средством утверждения культурной самобытности различных этнических групп, средством их сближения в пространстве РФ. В определении культурных практик обозначается тесная связь неосязаемого достояния (обычаев, форм представлений и выражений, знаний и навыков) с материальной культурой и природным наследием, подчеркивается значимая роль истории. Носителями могут быть сообщества, группы и отдельные лица. При составлении реестра практик акцент предлагается делать на их культурной и исторической значимости, на традиционном характере объектов. Как видно из текста документа, нематериальное наследие рассматривается как явление, связанное народной культурой в смысле ее этнической трактовки. Обозначается проблема бытования нематериального культурного наследия в среде коренного населения страны, связанное с непродуманным курсом модернизации, отсутствием внимания к культурной специфике этнических групп, физическим уходом носителей знаний и навыков, недостатком квалифицированных кадров как внутри сообществ, так и в среде администраторов и культурных работников.

В 2023 г. Правительством РФ было принято постановление, посвященное реестру объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации. К критериям исторической и культурной ценности, обозначенным в предыдущих рассмотренных документах, добавляется научная ценность. Практика должна представлять своеобразие этнической

общности. Устанавливаются временные рамки: объект должен быть создан или связан с событием, произошедшим не позже 40 лет. В качестве дополнительных характеристик неосязаемого культурного достояния предлагаются его воспроизводство на территории двух или более субъектов федерации не реже одного раза в год. Эта характеристика, по всей вероятности, касается праздничной и обрядовой сферы. Вторым качеством является критическое состояние объекта и угроза его исчезновения. Важно отметить, что в паспорте объекта для включения в список требуется указание этнической, языковой и конфессиональной принадлежности носителя или носителей практики [Постановление..., 2023].

В 2024 г. была утверждена концепция сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации до 2030 г. В качестве неосязаемого достояния представлено этнокультурное наследие, которое рассматривается в качестве основы «духовного и экономического развития». В тексте постановления крайне широко трактуется термин «народное творчество». Он отличается, например, от концепта, сформулированного в советском научном дискурсе, в котором была обозначена социальная, классовая характеристика носителей. Народная культура рассматривалась как антоним элитарной, в какой-то мере и авторской. В данной же трактовке под определение подпадают и любительские, и профессиональные творения. Также в этот же круг вписываются и стилизации. Фразой «близкий к первоисточнику» обозначена проблема аутентичности практики неосязаемого культурного наследия. Кроме распространенной системы составления реестров в целях сохранения нематериального наследия, согласно документу, официальный статус получают лица, являющиеся хранителями и носителями нематериального культурного наследия [Распоряжение..., 2024].

Список практик нематериального культурного наследия составляется сотрудниками Дома народного творчества им. В.Д. Поленова. На территории Хакасии, согласно выставленной информации, к объектам неосязаемого наследия относятся сагайский обряд снятия порчи и очищения Т.С. Бурнаковой и необрядовые песни и песнопения репертуара хакаски Т.С. Бурнаковой [Нематериальное культурное наследие...]. После принятия положения о реестре и постановления о сохранении и развитии нематериального этнокультурного достояния была начата работа по составлению каталога практик Министерством культуры РФ. На данный момент от Хакасии в перечне значится технология изготовления женского нагрудного свадебного украшения *поґо́*. Ссылаясь на данные археологии, история возникновения украшения возводится к эпохе бронзы. Символика связывается с богиней Ымай, а умение работать с кораллами, бисером и перламутром представляется как «высочайший образец народного декоративно-прикладного творчества хакасов». Описываются функции *поґо́*, в т.ч. его роль в свадебной обрядности [Технология...].

В Республике Хакасия закон о нематериальном наследии был принят в 2016 г. Неосязаемым достоянием является совокупность духовных, интеллектуальных и нравственно-этических ценностей, которые представляют культурную и национальную самобытность. Подчеркивается роль носителей нематериального культурного наследия как в воспроизводстве и сохранении, так и в составлении списков практик, подлежащих сбережению. Круг объектов неосязаемого наследия крайне широк. Важную роль в сохранении, популяризации, возрождении, продвижении, по идее авторов документа, должны играть различные ветви государственной власти субъекта федерации [Закон..., 2016].

В 2017 г. были выработаны принципы ведения каталога нематериального культурного наследия Республики Хакасия. Было предложено четыре жанровых направления: устное народное творчество, исполнительские искусства, празднично-обрядовая культура, техники и технологии, историческая и культурная значимость, уникальность и художественная ценность, самобытность и преемственность в передаче практик между поколениями – в качестве критериев отбора номинаций реестра. Среди задач создания каталога представлены: провозглашение имеющихся в республике объектов нематериального культурного наследия, сохранение их в «оригинальной форме» и передача следующим поколениям. Наряду с выявлением, сбережением и другими операциями, предложенными в документах подобного рода, значится их использование. Обозначается необходимость развития самобытности, исторической и культурной значимости самих обладателей знаний и умений, популяризация и использование культурных практик в налаживании межэтнических связей и др. [Порядок..., 2017].

В региональный реестр нематериального этнокультурного достояния, представленного министерством культуры, были включены следующие номинации: *тахпах*, хакасский героический эпос, хакасский национальный праздник *Тун айра́н* (*Тун пайра́м*), хакасский национальный праздник *Ӱртӱ́н то́йы*, хакасский свадебный обряд *той*, хакасский национальный вид спорта Кӱре́с, женское нагрудное свадебное украшение *поґо́*, хакасская традиционная вышивка, традиционный хакасский орнамент, технология изготовления хакасской деревянной юрты, хакасский женский сикпе́н, технология изготовления музыкального инструмента – *чатхан*, войлоковаляние, технология изготовления хакасского национального *кӧгене́к*. Состав экспертного совета, формирующего каталог, утверждается Правительством Республики Хакасия. В основном это научные сотрудники и преподаватели высшей школы профильных отделов и кафедр, филармонии, единичные представители общественных организаций и ремесленников, обладателей званий народных мастеров.

С точки зрения сохранения нематериального культурного наследия, интерес представляет введение таких социально престижных категорий как *чон узы* (народный мастер), *чон хайчызы* (народный *хайджи*), *ил нымахчызы* (народный сказитель), заслуженный деятель искусств Хакасии, народный писатель Республики Хакасия и пр. Кроме высокой оценки социальных заслуг номинанты звания получают надбавки к пенсии. Для популяризации неосязаемого наследия также были учреждены премии, получившие имена людей, внесших вклад в изучение, сохранение и распространение неосязаемого наследия.

В стратегии социально-экономического развития Хакасии до 2030 г. культурному наследию уделяется значительное внимание. Оно рассматривается в целом, как и в ряде предыдущих административных документов, обозначающих основные направления социальной, культурной политики на уровне районов и республиканском, одним из главных ресурсов устойчивого развития Хакасии. В реализации данных целей в документах предлагается заняться развитием агротуризма, который позволит не только обеспечить местных жителей работой, но и поддерживать интерес к сохранению промыслов и ремесел, воспроизводству традиционных техник и обрядовых практик [Закон..., 2020]. Примером устойчивого развития с использованием потенциала нематериального культурного наследия может служить проект, осуществленный в Таштыпском р-не Хакасии. Целью программы «Поддержка малого предпринимательства – путь к возрождению хакасского аала с традиционным укладом жизни, туризма на территории муниципального образования Таштыпский район» было сохранение традиционного образа жизни в д. Карагай, развитие культуры коренного населения путем создания этнопоселения, жители которого занимались бы традиционными промыслами и ремеслами.

Важным институтом, способствующим воспроизводству культурных практик, в т.ч. и при активном участии местных жителей и самих носителей знаний и умений, являются музеи под открытым небом. Так, в «Хакасском республиканском национальном музее-заповеднике» демонстрируют технологии обработки и приготовления блюд хакасов, на территории музея совершаются обрядовые действа, проводятся праздничные мероприятия. Знаковым событием считается республиканский праздник талгана «Алтын Ас», в ходе которого участники праздника знакомят гостей не только с блюдами хакасской кухни, но и музыкальным фольклором, народными играми. В Музее-заповеднике Хуртуях-Тас проводятся свадебные обряды, обряд встречи гостей, календарные праздники, районный конкурс «Айран сузы – Лучи айрана», конкурс «Ночь героического эпоса» и проч. В Музее под открытым небом «Усть-Сос» проводятся мастер-классы по традиционным хакасским играм, приготовлению традиционных блюд, в день летнего солнцестояния проводится праздник «*Кюн-Пазы* – день Большого Солнца», знакомят гостей с обрядами поклонения духам местности, духам предков, кормления огня. Сотрудники всех музеев организуют выставки и мастер-классы специалистов ремесленного дела и рукодельниц, лекции для жителей и учащихся районных школ, принимают участие в республиканских праздниках Чыл Пазы, Чир Ине, Алтын Талган. Тун Пайрам, Уртун тойы.

Можно заключить, что в Хакасии в законодательной практике, административных документах, музейных практиках представлена расширенная трактовка культуры, включающая термины «культурное наследие» и «нематериальное культурное наследие». Его неосязаемые формы рассматриваются в качестве механизма воспроизводства этнической идентичности, выражения самобытности этнической группы, ресурса устойчивого развития территорий. Воспринята мысль, проводимая в конвенции ЮНЕСКО об активном участии местных сообществ в определении, сборе, сохранении и трансляции нематериальных ценностей, что демонстрирует работа музеев под открытым небом на территории республики. При составлении реестров различного уровня видны разные подходы к выделению объектов нематериального наследия. В каталоге культурных практик в основном определены элементы традиционной культуры, применяется критерий аутентичности, древности, что исключает видение динамического характера неосязаемых форм.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Список литературы

Закон Республики Хакасия от 12.05.2016. О нематериальном культурном наследии в Республике Хакасия // Правительство Республики Хакасия. – URL: https://r-19.ru/documents/5868/28181.html (дата обращения: 13.09.2023).

Закон Республики Хакасия от 12.02.2020. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Хакасия до 2030 года // Электронный фонд правовых и нормативно-правовых документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/406165064 (дата обращения: 07.05.2024).

Наше творческое разнообразие: Докл. Всемир. комиссии по культуре и развитию. – [б.м.] : [б.и.], 1997. – 64 с.

Нематериальное культурное наследие Республики Хакасия // Культура.РФ – URL: https://www.culture.ru/traditions/culture-heritage/location-respublika-hakasiya (дата обращения: 25.08.2024).

Основные тексты Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. – Париж:

Изд-во ЮНЕСКО, 2016. – URL: https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts-_2016_version-RU.pdf (дата обращения: 22.10.2020).

Порядок формирования и ведения каталога объектов нематериального культурного наследия в Республике Хакасия. Приложение к постановлению от 11.08.2017 № 408 // Правительство РХ. – URL: https://khakassia-gov.ru/doc/42637 (дата обращения: 25.08.2024).

Постановление Правительства РФ от 03.08.2023 № 1277. Об утверждении Положения о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния РФ // Электронный фонд правовых и нормативно-правовых документов – URL: https://docs.cntd.ru/document/1302388070 (дата обращения: 04.09.2024).

Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2024 № 206-р. О концепции сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния РФ на период до 2030 года // Информационно-правовой портал Гарант.ру – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408421339/ (дата обращения: 18.06.2024).

Смит Л. «Зеркало наследия»: нарциссическая иллюзия или множество отражений? // Вопросы музеологии. – 2013. – № 2 (8). – С. 27–43.

Технология изготовления женского нагрудного свадебного украшения «Поґó» // Объекты нематериального культурного наследия народов РФ. – URL: https://rusfolknasledie.ru/#/nkn/28f9ba73-8cc4-28dd-cb27-449ce0154935 (дата обращения: 25.08.2024).

Davallon J. À propos des régimes de patrimonialisation : enjeux et questions // Patrimonialização e sustentabilidade do património: reflexão e prospectiva. – Lisboa, 2014. – URL: https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01123906 (дата обращения: 19.01.2018).

Pomian K. Patrimoine et identité nationale // Le Débat. – 2010. – Vol. 159, N 2. – P. 45–56.

References

Davallon J. À propos des régimes de patrimonialisation: enjeux et questions. In *Patrimonialização e sustentabilidade do património: reflexão e prospectiva*, Lisboa, 2014. URL: https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01123906 (Accessed: 19.01.2018).

Nashe tvorcheskoe raznoobrazie: Dokl. Vsemir. komissii po kul'ture i razvitiyu. [S.l] : [s.n.], 1997. 64 p. (In Russ.).

Nematerial'noe kul'turnoe nasledie Respubliki Khakasiya. In *Kul'tura.RF*. URL: https://www.culture.ru/traditions/culture-heritage/location-respublika-hakasiya (Accessed: 25.08.2024). (In Russ.).

Osnovnye teksty Mezhdunarodnoi konventsii ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya 2003 g. Paris: UNESCO, 2016. URL: https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts-_2016_version-RU.pdf (Accessed: 22.10.2020). (In Russ.).

Pomian K. Patrimoine et identité nationale. *Le Débat*, 2010. Vol. 159. No. 2. P. 45–56.

Poryadok formirovaniya i vedeniya kataloga ob''ektov nematerial'nogo kul'turnogo naslediya v Respublike Khakasiya. Prilozhenie k postanovleniyu ot 11.08.2017 № 408. In *Pravitel'stvo RKh*. URL: https://khakassia-gov.ru/doc/42637 (Accessed: 25.08.2024). (In Russ.).

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 03.08.2023 № 1277. Ob utverzhdenii Polozheniya o federal'nom gosudarstvennom reestre ob''ektov nematerial'nogo etnokul'turnogo dostoyaniya RF. In *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-pravovykh dokumentov*. URL: https://docs.cntd.ru/document/1302388070 (Accessed: 04.09.2024). (In Russ.).

Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 02.02.2024 № 206-r. O kontseptsii sokhraneniya i razvitiya nematerial'nogo etnokul'turnogo dostoyaniya RF na period do 2030 goda. In *Informatsionno pravovoi portal Garant.ru*. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408421339/ (Accessed: 18.06.2024). (In Russ.).

Smit L. The "patrimonial mirror": narcissistic illusion or multiple reflections? *Voprosy muzeologii*, 2013. No. 2 (8). P. 27–43. (In Russ.).

Tekhnologiya izgotovleniya zhenskogo nagrudnogo svadebnogo ukrasheniya "Pogó". In *Ob"ekty nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov RF*. URL: https://rusfolknasledie.ru/#/nkn/28f9ba73-8cc4-28dd-cb27-449ce0154935 (Accessed: 25.08.2024). (In Russ.).

Zakon Respubliki Khakasiya ot 12.05.2016. O nematerial'nom kul'turnom nasledii v Respublike Khakasiya. In *Pravitel'stvo Respubliki Khakasiya*. URL: https://r-19.ru/documents/5868/28181.html (Accessed: 13.09.2023). (In Russ.).

Zakon Respubliki Khakasiya ot 12.02.2020. Ob utverzhdenii Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Khakasiya do 2030 goda. In *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-pravovykh dokumentov*. https://docs.cntd.ru/document/406165064 (Accessed: 07.05.2024). (In Russ.).

Самушкина Е.В. https://orcid.org/0000-0001-5481-3822

Дата сдачи рукописи: 14.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0950-0957
УДК 393.05

А.Г. Селезнев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Омск, Россия
E-mail: seleznev@myttk.ru

Намогильные орнаментированные столбы тоболо-иртышских татар: некоторые направления исследования

Рассмотрено состояние изученности и перспективные направления исследования орнаментированных намогильных столбов тоболо-иртышских татар. Эти памятники получили распространение на кладбищах в населенных пунктах курдакско-саргатских и тобольских татар в северных районах Омской и южных районах Тюменской областей. В основу статьи положена информация, полученная в ходе изучения намогильных столбов на погребальных комплексах ряда деревень в Вагайском и Тобольском р-нах Тюменской обл. Изложены основные аспекты функционирования данного вида намогильных сооружений в погребальной обрядности: пространственная локализация в пределах погребального комплекса; технологические приемы изготовления; основные орнаментальные мотивы; символико-семиотический статус времени года, в которое производилась установка столбов; сопутствующие модерные и традиционные явления культуры. Относительно культурно-исторических аналогий и семантики рассматриваемых сооружений в разное время высказывались идеи возможных связей с коновязями, получившими распространение в культуре скотоводческих народов; и с намогильными столбами северных (тазовских) селькупов. В последнем случае в этот же ряд аналогий включаются намогильные столбы на протестантских кладбищах Венгрии. Выявлена семантическая основа разделения наверший намогильных столбов тоболо-иртышских татар на мужские и женские. Первые символически представлены изображениями копья (стрелы), вторые – гребня, гребенки в верхней части столбов. Образы копья и гребня наполнены глубокой символикой и повсеместно связаны с мужским и женским началом соответственно. В заключение сделан вывод, что полномасштабное комплексное исследование кладбищ сибирских татар с орнаментированными намогильными столбами и по сей день остается актуальной научной задачей.

Ключевые слова: *намогильные орнаментированные столбы, тоболо-иртышские татары, семантика, мужские и женские образы, Западная Сибирь.*

A.G. Seleznev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Omsk, Russia
E-mail: seleznev@myttk.ru

Ornamented On-grave Posts of the Tobol-Irtysh Tatars: Particular Research Areas

The current state of knowledge and promising areas of research into Tobol-Irtysh Tatar's ornamented on-grave posts are discussed. These monuments are typical for the cemeteries of Kourdak-Sargat and Tobol Tatar settlements in the northern Omsk and southern Tyumen regions. The author presents the data collected during the study of on-grave posts at the burial complexes of several villages in the Vagay and Tobol districts of the Tyumen region. The main characteristics of these gravestones in funeral rites are specified: spatial localization within the burial complex, manufacturing techniques, basic ornamental motifs, symbolic and semiotic status of the post building day, and accompanying modern and traditional cultural phenomena. The tethering posts of nomad-pastoral peoples and the gravestones posts of the northern (Taz) Selkups have been considered as the possible cultural, historical, and semantic parallels. The gravestones in Protestant cemeteries in Hungary can be considered as semantic parallels too. The semantic basis for dividing the tops of the Tobol-Irtysh Tatar on-grave posts into male and female versions is revealed. The male posts are symbolized by images of a spear (arrow), the female ones – by a comb. The images of a spear and a comb have deep symbolic connotations universally associated with the male and female principles respectively. The author believes that the full-scale comprehensive study of Siberian Tatar cemeteries with ornamented gravestones remains an urgent scientific task nowadays.

Keywords: *Ornamented on-grave posts, Tobol-Irtysh Tatars, semantics, male and female images, Western Siberia.*

Первая научная публикация, посвященная намогильным орнаментированным столбам тоболо-иртышских татар, увидела свет почти 45 лет назад [Богомолов, Томилов, 1980]. Статья была основана на полевых материалах, собранных у курдакско-саргатских татар (подгруппа тоболо-иртышских татар) в деревнях Саургачи и Лешаково Усть-Ишимского р-на Омской обл. Так в научный оборот была введена информация об одном из самых эффектных и ярких элементов погребальной обрядности, да и в целом традиционной культуры сибирских татар (рис. 1, *1*). В последующие два десятилетия намогильные столбы тоболо-иртышских татар неоднократно становились предметом изучения И.В. Белича, Л.Т. Шаргородского, В.Б. Богомолова и других исследователей. На рубеже веков в течение ряда полевых сезонов исследование данного культурного феномена выполнялось сотрудниками этнографической экспедиции Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН (ныне – Омская лаборатория ИАЭТ СО РАН). В работе принимали участие А.Г. Селезнев, В.В. Мерзликин, И.А. Селезнева, студенты этнографических практик и экспедиций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Ареал распространения кладбищ со столбами занимает не только северные районы Омской обл., но простирается далее вниз по течению Иртыша в южные районы Тюменской обл. – Вагайский, Тобольский и др. Здесь расселяются курдакско-саргатская и тобольская подгруппы тоболо-иртышских татар. Погребальные комплексы именно этой части ареала стали предметом нашего этнографического обследования. В ходе экспедиционных работ были осмотрены действующие кладбища в населенных пунктах: д. Юрты-Бегишевские, д. Ренчики, д. Салы, с. Карагай, д. Ишаир, д. Аллагулово, д. Еланка Вагайского р-на Тюменской обл. Погребальные комплексы с. Второвагай, д. Юрты-Супринские Вагайского р-на Тюменской обл., д. Устамак Тобольского р-на Тюменской обл. были обследованы более углубленно. Для каждого из этих кладбищ составлялся инструментальный план, фиксировались и описывались все без исключения видимые намогильные сооружения, предметы сопроводительного инвентаря, особенности топографии и т.д. Результаты частично были изложены в ряде кратких публикаций и в монографии [Селезнев, Селезнева, 2004, с. 39–44, 64–67, рис. 10–16]. В настоящей статье приводятся новые материалы и анализируются актуальные направления изучения рассматриваемого культурного феномена.

На всех перечисленных кладбищах были зафиксированы орнаментированные столбы (*баган*). Последние в рамках одного погребения сочетались с другими намогильными сооружениями: прямоугольными или овальными в плане земляными насыпями, срубами с наклонными и прямыми стенками (*киртма, суккы, уй, ауле*), деревянными или металлическими оградами. Количество столбов относительно общей численности могил на разных комплексах распределялось неравномерно. Так, на кладбище у с. Второвагай на 398 могил было зафиксировано 30 столбов; у д. Устамак это соотношение составляло 129 к 20, у д. Юрты-Супринские – 153 к 69. На некоторых комплексах данный вид намогильных сооружений встречался в единичных экземплярах.

Столбы устанавливались в изголовье умершего в углу или в средней части стенки (бревенчатой, дощатой, металлической) могильной ограды. В ряде случаев они монтировались непосредственно к стенке намогильного сруба. Надо отметить, что эти сооружения вполне могли сочетаться с модерными элементами культуры, характерными для эпохи глобализации. Так, на деревянной или металлической ограде, а то и прямо на столбе, можно было увидеть фотографию умершего. Зафиксированы случаи, когда столб был установлен внутри сделанной на заказ металлической ограды, иногда вместе с изготовленным на специализированном предприятии стандартным каменным памятником. И все же в большинстве случаев сохраняется установка, что, наряду с могильными оградами, именно столбы являлись основными погребальными сооружениями, выполняющими функцию увековечения памяти о захороненных на местном кладбище людях.

Высота столбов составляла 180–350 см, изготавливались они из бревна, бруса или доски. По форме поперечного сечения эти сооружения различаются на округлые, подпрямоугольные (подквадратные) со скругленными углами и плоские. Первые две разновидности конструкций могут быть обозначены как бревенчатые, последняя – как дощатые (рис. 1, *2*). При изготовлении столбов применялись профилировка, выемчатая и пропильная резьба, огранка (снятие фасок), окрашивание и другие технические приемы. Резной орнамент украшал верхнюю часть. Он состоял из чередующихся призматических, цилиндрических, конических, сфероидных объемных фигур. Особенностью украшения отдельных столбов являлся зубчатый орнамент декоративных цилиндрических выступов. Часто вершина столба увенчивалась изображением полумесяца (рис. 1, *1–3*). Столбы могли быть окрашены зеленой, синей, белой краской или проолифлены. В ряде случаев окрашивание становилось средством нанесения дополнительных орнаментальных мотивов. В то же время встречаются и неокрашенные столбы.

Высоким символико-семиотическим статусом характеризовалась дата возведения столбов. По сообщению информантов, на могилах людей, умерших зимой и ранней весной, столбы, как и срубные сооружения, ставили в специальный день поминовения предков – праздник *цым*. Календарно он был приурочен к окончанию ледохода и таянию снега и в разных деревнях проводился обычно в один из дней первой декады мая. В традиционном мировоззрении праздник симво-

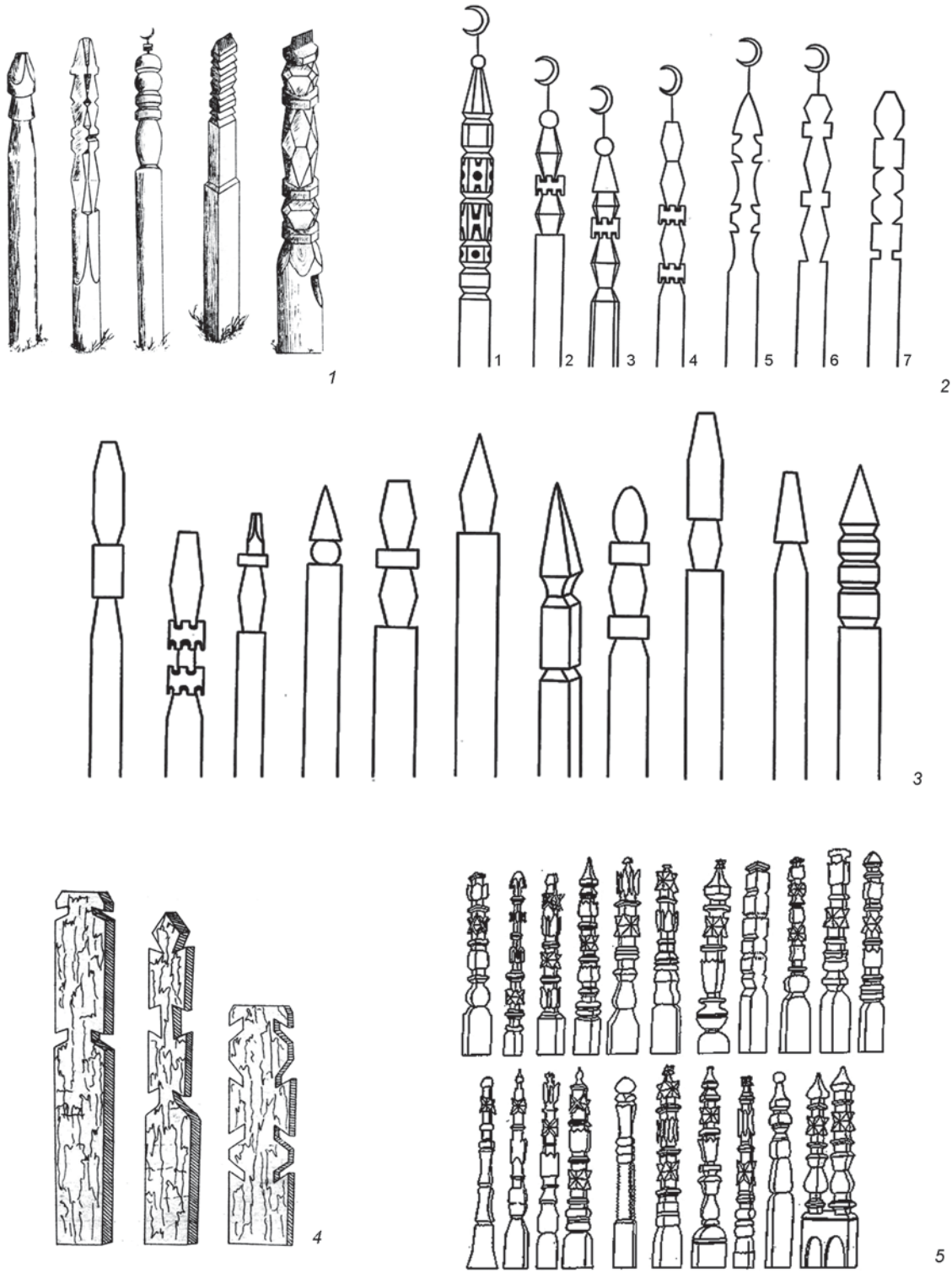

Рис. 1. Декор орнаментированных намогильных столбов (изображения схематичные, без соблюдения масштаба).

1 – кладбища д. Саургачи и д. Лешаково Усть-Ишимского р-на Омской обл., тоболо-иртышские татары (по: [Богомолов, Томилов, 1980]); *2* – кладбище д. Второвагай Вагайского р-на Тюменской обл., тоболо-иртышские татары (1–4 – округлые бревенчатые столбы, 5–7 – плоские дощатые столбы); *3* – кладбище д. Устамак Тобольского р-на Тюменской обл., тоболо-иртышские татары; *4* – кладбища в районе пос. Ратта Красноселькупского р-она Ямало-Ненецкого АО, северные (тазовские) селькупы (по: [Бауло, 1980]); *5* – венгерские кладбища (по: [Хоппал, Новак, 1977]).

лизировал весеннее пробуждение природы, сезонный переход от зимы к лету. В этот день мужчины поправляли могилы и воздвигали орнаментированные столбы и ограды на тех из них, что появились в предыдущие несколько месяцев. Здесь же проводились обрядовые действия с яйцами. Предварительно их красили в отваре луковой шелухи или древесной коры, а на кладбище съедали или раскладывали на могилах. Затем или прямо рядом с кладбищем, или по домам устраивалась трапеза и молитва-*катым* в память предков.

Вообще это время года было весьма насыщенно ритуальными событиями. Через 2–3 дня после *цыма* в некоторых населенных пунктах совершался *тавап* – коллективное паломничество к местным мусульманским святилищам *астана*. В этой связи уместно отметить, что эти святилища-мавзолеи и захоронения с могильными столбами иногда находились на одних и тех же кладбищах. Такое сочетание ярких и очень значимых в духовной жизни местного мусульманского населения сакральных объектов мы наблюдали, в частности, на кладбищах у с. Карагай и в д. Еланка.

Традиция проведения погребально-поминальных церемоний именно в это время года известна с древности. Так, у древних тюрков ритуалы, связанные с погребением и поминовением, проводились весной или поздней осенью. Весна, утро, восток в их представлениях являлись точкой отсчета при создании мира и соотносились с началом пространства и времени. Ранее, в пазырыкскую эпоху, погребальные церемонии также совершались весной или поздней осенью. По этнографическим данным, на конец апреля – начало мая в Средней Азии приходился праздник *Сайил* (*Сайил байрам*), во время которого посещали могилы предков и местных «святых», а затем проводили праздничные застолья. Ранней весной, в период таяния снега и паводка в Туве освящали источник воды «*суг бажы дагыыр*». Обряд включал в себя паломничество к источнику, разжигание жертвенного огня, подвязывание ленточек на деревья и кустарники и т.п. [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009, с. 132–133].

Практически все исследователи, изучавшие намогильные столбы тоболо-иртышских татар, затрагивали вопросы их культурно-исторических аналогий и семантики. Данные сооружения рассматривались в качестве символического отражения широко распространенных, можно сказать универсальных, мифо-ритуальных категорий: Мирового дерева, дома умершего, вместилища его души и т.п.

Две конкретные идеи, высказанные по этой проблеме, заслуживают особого внимания. Первая сформировалась еще на раннем этапе изучения рассматриваемого культурного феномена. Ее суть в том, что намогильные столбы тоболо-иртышских татар внешне похожи на коновязи, получившие широкое распространение в степных скотоводческих или исторически с ними связанных культурах [Богомолов, Томилов, 1980, с. 159]. Соответственно, основные аналогии обнаруживаются в культуре алтайцев, бурят, тувинцев, якутов, монголов. Практически повсеместно коновязи выполняют не только сугубо утилитарные функции, но и широко представлены в сакральном ритуально-символическом пространстве; они зачастую устанавливались на местах захоронений в качестве намогильных сооружений.

Вторая идея оформилась значительно позже, уже как реакция на наши публикации. О.Б. Степанова [2015, с. 159] отметила сходство между намогильными столбами тоболо-иртышских татар и аналогичными сооружениями на грунтовых погребениях северных (тазовских) селькупов. Столбы на селькупских кладбищах, так же как и на сибирско-татарских, были представлены в двух вариантах: уплощенные, изготовленные из доски или плахи, и цилиндрические, выполненные из бревна. Среди плоских выделяются декорированные резным орнаментом в виде серии геометрических фигур – ромбических, крестообразных, прямоугольных и т.д. (рис. 1, *4*). Применялась техника простой пропильной резьбы. Функционально селькупские столбы (*поры-пот*, *олыль по, порый по, поты*) выступают в качестве опознавательных атрибутов могилы, портретно отображая умершего человека и его посмертную душу [Бауло, 1980, с. 188, рис. 6; Гемуев, Пелих, 1993, с. 300–304, рис. 9–11; Адаев, 2014, с. 111–116; Степанова, 2015, с. 157–160, 164–165]. Судя по археологическим материалам, в Средневековье ареал распространения намогильных столбов был шире и включал в себя погребальные комплексы южных групп селькупов. Здесь столбы-памятники, вероятно, олицетворяли каналы связи между мирами, по которым на небо поднимались души умерших [Ожередов, 2023, с. 130].

История с селькупскими параллелями имеет весьма заманчивое продолжение. Дело в том, что в уралистике давно обсуждается проблема историко-культурных и, возможно, генетических связей между намогильными столбами на селькупских кладбищах и аналогичными сооружениями на погребальных комплексах Венгрии. Соответственно, столбы с кладбищ сибирских татар могут рассматриваться в этом же ряду аналогий. Тем более, что в него включают и намогильные столбы-коновязи, в частности, знаменитые якутские *сэргэ* (см.: [Соколова, 2009, с. 461–466]).

В ходе специальных стажировок в различные венгерские научные и музейные учреждения при изучении литературы мы убедились, что постановка вопроса о таких соответствиях не лишена основания. В Венгрии намогильные сооружения в виде орнаментированных столбов с ярко выраженными навершиями устанавливались на протестантских кладбищах. Назывались они *fejfa* или *kopjafa* и характеризовались многогранной семантикой, которая включала в себя символы солнца, луны, копья, лодки; кроме того, эти памятники зачастую имели антропоморфный облик (рис. 1, *5*) [Хоппал, Новак, 1977,

с. 309–337; A Magyarság néprajza..., 1934, lk. 342–348; Balassa, Ortutay, 1974, p. 125–131, 636, fig. 225, b, d; Domanovszky, 1981, lk. 380–381; Hoppál, 1992, lk. 89–102; Kutvölgyi, 1982, lk. 96–99].

В целом для приведенных интерпретаций был характерен общий методологический подход: они, как правило, основывались на представлениях о столбе или даже о всех столбах в совокупности как о едином целостном объекте. Между тем данные сооружения не только обладают устойчивым набором общих признаков, но также характеризуются известной вариативностью, проявляющейся как на групповом (ареальном), так и индивидуальном уровнях.

Генерализирующей идеей, заложенной в намогильных столбах тоболо-иртышских татар, является вертикальность, устремленность от земли к небу. Кроме того, эти памятники несут на себе признаки антропоморфности. Декор некоторых плоских намогильных столбов кладбища у с. Второвагай состоял из выразительно профилированного островерхого навершия («голова»), а также плечиков подтреугольной формы, очень напоминающих изображения рук, проработанных в ритуальной деревянной скульптуре алтайцев [Иванов, 1979, рис. 90]. Нижняя часть столбов – тулово – снабжена подпрямоугольной подставкой, вероятно изображающей «ноги» (см. рис. 1, *2*, 6).

Уже в первой публикации ее авторы В.Б. Богомолов и Н.А. Томилов [1980, с. 159] кратко отметили очень важную особенность намогильных столбов тоболо-иртышских татар, а именно то, что форма наверший различалась в зависимости от пола захороненного человека. Наши полевые материалы подтвердили и дополнили эту информацию. Например, при обследовании кладбища у д. Юрты-Супринские выяснилось, что, по традиции, навершия столбов выполнены в двух формах: 1) островерхие, в виде четырехгранной пирамиды с вершиной, направленной вверх и несколько закругленными гранями, а также конусообразные (рис. 2); 2) уплощенные, лопатообразные, иногда завершающиеся в верхней части тремя-четырьмя заостренными выступами, образующими подобие короны (рис. 3). При опросе информантов удалось выявить семантику этих изображений. Первый вид наверший символизировал копье (*сунгы*) или стрелу (*ок*); столбы с такими вершинами устанавливались на мужских погребениях. Второй вид носил наименование *тарак* (гребень, гребенка) и являлся атрибутом женских могил. Аналогичная информация была получена и в других населенных пунктах.

Конечно, на практике данное правило выполнялось не строго; все зависело от технических возможностей, квалификации мастеров и т.п. Случались и довольно существенные трансформации, «размывание» традиции. Так, в с. Второвагай одни информанты сообщали, что столбы устанавливались только на мужских могилах, другие – что эти сооружения устраивались и на мужских, и на женских погребениях. В то же время, в других местах традиционные установки функционировали устойчиво. Например, на кладбище в д. Еланка мы видели столбы, на вершине которых были установлены фигуры в виде гребенки, изготовленные из жестяных пластин. Можно предположить, что по каким-то причинам (утеря соответствующих технологических навыков или отсутствие необходимого инструмента-

Рис. 2. Могила с орнаментированным столбом, навершие столба заостренное. Деревня Юрты-Супринские Вагайского р-на Тюменской обл. *Фото А.Г. Селезнева*.

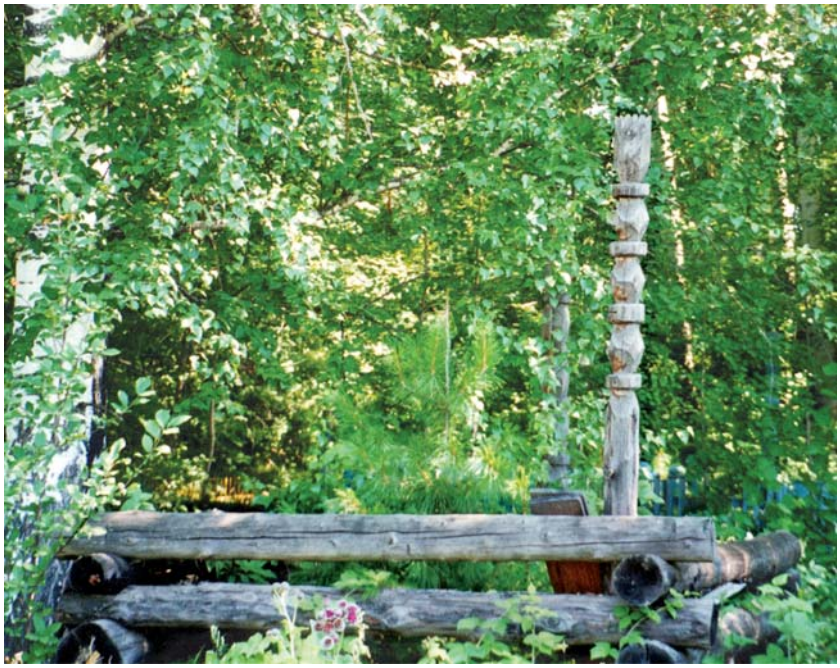

Рис. 3. Могила с орнаментированным столбом, навершие столба в форме гребенки. Деревня Юрты-Суприн-ские Вагайского р-на Тюменской обл. *Фото А.Г. Селезнева*.

рия) изготовление деревянных наверший стало невозможным. Но традиционные нормы все-таки соблюдались и символическое изображение гребня (хоть и изготовленное из необычного материала) устраивалось на вершине намогильного столба.

Свойство намогильных сооружений маркировать пол захороненных распространено весьма широко, что открывает перспективы кросс-культурных сопоставлений. Так, на некоторых венгерских кладбищах на женских и мужских захоронениях намогильные столбы различались по форме навершия. В число женских знаков входили изображения «маленькой короны» и двойного пучка волос, в чем, конечно, нельзя не увидеть семантической связи с мотивом расчесывания гребнем. В то же время на ряде венгерских погребальных комплексов навершия столбов обозначали древко копья. Уместно напомнить в этой связи и выразительное наименование особой разновидности таких намогильных сооружений – *kopjafa* [Хоппал, Новак, 1977, с. 314–315, 319, 325, рис. 4, 10]. Это же свойство было характерно для намогильных сооружений северных селькупов: над мужскими, женскими и детскими захоронениями столбы различались по высоте. Есть основания полагать, что плоские по форме намогильные столбы селькупов также делились на мужские и женские [Адаев, 2014, с. 111].

Глубоким символизмом наполнены образы копья (стрелы) и гребня. Подробная сводка по этой проблеме опубликована в книге «Сибирский ислам...» [Селезнев, Селезнева, 2004, с. 42–44]. Копье, стрела, вообще все острое в разных культурах последовательно сопрягаются с мужским началом. Остроголовость – характерная черта ритуальной скульптуры народов уральской языковой семьи. Например, скульптурные образы лесных духов-великанов *менквов*, представленные на мансийских святилищах, различаются по форме головы. Для мужских деревянных изваяний характерна остроголовость, для женских – округлость [Бауло, 2013, с. 54–56, 204]. Остроголовость образа мансийского *Мис-хума* и других персонажей пантеона связывается с оружием – шлемами сфероконической формы, боевыми полумасками, налобными бляхами – и оценивается как символическое отражение принадлежности к военно-богатырской прослойке.

Уже после выхода наших работ была опубликована книга И.Б. Барышева, посвященная культовой скульптуре на средневековых и ненецких святилищах XVII–XX вв. о-ва Вайгач. Важная морфологическая особенность местных скульптурных изображений – их остроголовость. Опираясь на наши данные, относящиеся к намогильным столбам тоболо-иртышских татар, и сравнительные материалы у групп уральской языковой семьи, автор выявляет семантику этих сакральных образов. Специально отмечается мужская и воинская символика остроголовых изваяний [Барышев, 2011, с. 184–187].

Что касается образа стрелы, с которым, так же как и с копьем, ассоциируются заостренные навершия намогильных столбов, то его символика была всесторонне рассмотрена в специальной работе Ю.И. Ожередова [1999, с. 103–116]. Начиная с искусства эпохи палеолита, стрелы и стреловидные знаки трактуются

как мужские символы. В разных культурах стрела была связана с фаллическим культом, соотносилась с активным оплодотворяющим мужским началом. Стрелы широко представлены в погребальной обрядности, в т.ч. и в форме вертикально установленных знаков в/на могилах.

Семантика гребня, гребенки, напротив, отчетливо связана с миром женщин. В разных культурах гребень символизирует женскую и эротическую стихию, является атрибутом женских мифологических персонажей: русалок, «лешачих», Бабы Яги, пермяцкой шишиги, хозяйки-матери воды *су анасы* казанских татар, лесной хозяйки (*пицин*, *пичен*, или *урман иясе*) разных групп сибирских татар, *су иясе* (водяной хозяйки) тобольских татар, богини-матери Умай (Май-ана) в алтайской мифологии, золотоволосой девушки Алтаншаш и демонической женщины Албасты в казахском фольклоре и т.д. Ритуал расчесывания невесты являлся важным этапом свадебной церемонии, кроме того, гребень входил в состав ее брачного дара. Гребень клали в могилы, разумеется в женские захоронения, как это имело место, например, у закамских зырян. И, что особенно интересно в контексте рассматриваемого в настоящей работе материала, изображения гребней есть на резных каменных стелах XV–XIX вв., установленных на женских захоронениях в Дагестане [Кондратьева, 2011, с. 204–219; Селезнев, Селезнева, 2004, с. 43–44].

Орнаментированные намогильные столбы – один из наиболее ярких и сложных феноменов народной культуры сибирских татар. Несомненно, его изучение возможно на основе междисциплинарного подхода. Несмотря на усилия ряда исследователей и реализацию перспективных идей, полномасштабное комплексное исследование кладбищ сибирских татар с орнаментированными намогильными столбами и по сей день остается актуальной научной задачей.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0002 «Население Сибири и Северного Казахстана: социокультурные процессы и трансляция культурного наследия».

Список литературы

Адаев В.Н. Варианты захоронений и типы намогильных конструкций у верхнетазовских селькупов (по материалам этнографических исследований 2013 г.) // Ab origine: археолого-этнографический сб. Тюменского государственного университета. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. – Вып. 6.– С. 104–122.

Барышев И.Б. Языческие святилища острова Вайгач. – М: Ин-т Наследия, 2011. – 320 с.

Бауло А.В. Типы надмогильных сооружений у селькупов // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 185–190.

Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: Этнографический альбом. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2013. – 208 с.

Богомолов В.Б., Томилов Н.А. Надмогильные сооружения тевризских татар // Археология Прииртышья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1980. – С. 153–160.

Гемуев И.Н., Пелих Г.И. О погребальной обрядности селькупов // Acta Ethnographica Hungarica. – 1993. – № 38 (1–3). – С. 287–308.

Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар: XVIII – первая четверть XX в. – Л.: Наука, 1979. – 194 с.

Кондратьева О.А. Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси–России: археологические и этнографические очерки. – СПб.: РЭМ, 2011. – 244 с.

Ожередов Ю.И. Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов: Мат-лы и исследования к «Энциклопедии Томской области». – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. – С. 77–119.

Ожередов Ю.И. Репрезентативные элементы погребального комплекса локальной группы южных палеоселькупов шиешгула // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2023. – № 497. – С. 125–133.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 72 с.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. – М.: ИД Марджани, 2009. – 216 с.

Соколова З.П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. – М.: Наука, 2009. – 755 с.

Степанова О.Б. Традиционные наземные погребальные сооружения северных селькупов // ЭО. – 2015. – № 4. – С. 151–168.

Хоппал М., Новак Л. Венгерские намогильные памятники (этносемиотический анализ) // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1977. – Т. 26 (3–4). – С. 309–337.

A Magyarság néprajza. 2. A magyarság tárgyi néprajza. – Budapest: Királyi Magyar Egyetemi Nyomda, 1934. – 444 lk.

Balassa I., Ortutay G. Hungarian Ethnography and Folklore. – Budapest: Corvina Kiado, 1974. – 818 p.

Domanovszky Gy. A magyar nép diszitőművészete. – Budapest: Akademiai Kiado, 1981. – 397 lk.

Hoppál M. Etnoszemiotika. – Debrecen: Kossuth Lajos Tudományegyetem Néprajzi Tanszék, 1992. – 199 lk.

Kutvölgyi M. Magos a rutafa: felföldi magyar famunkák. – Budapest: Helikon, 1982. – 142 lk.

References

A Magyarság néprajza. 2. A magyarság tárgyi néprajza. Budapest: Királyi Magyar Egyetemi Nyomda, 1934. 444 lk.

Adaev V.N. Varianty zakhoronenii i tipy namogil'nykh konstruktsii u verkhnetazovskikh sel'kupov (po materialam etnograficheskikh issledovanii 2013 g.). In *Ab origine: arkheologo-etnograficheskii sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tyumen': Tyumen' State University Press, 2014. Is. 6. P. 104–122. (In Russ.).

Balassa I., Ortutay G. Hungarian Ethnography and Folklore. Budapest: Corvina Kiado, 1974. 818 p.

Baryshev I.B. Yazycheskie svyatilishcha ostrova Vaigach. Moscow: Institut Naslediya Publ., 2011. 320 p. (In Russ.).

Baulo A.V. Tipy nadmogil'nykh sooruzhenii u sel'kupov. In *Etnografiya Severnoi Azii*. Novosibirsk: Nauka, 1980. P. 185–190. (In Russ.).

Baulo A.V. Svyashchennye mesta i atributy severnykh mansi v nachale XXI veka: Etnograficheskii al'bom. Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg: Basko, 2013. 208 p. (In Russ.).

Bogomolov V.B., Tomilov N.A. Nadmogil'nye sooruzheniya tevrizskikh tatar. In *Arkheologiya Priirtysh'ya*. Tomsk: Tomsk State University Press, 1980. P. 153–160. (In Russ.).

Domanovszky Gy. A magyar nép diszitőművészete. Budapest: Akademiai Kiado, 1981. 397 lk.

Gemuev I.N., Pelikh G.I. O pogrebal'noi obriadnosti sel'kupov. Acta Ethnographica Hungarica, 1993. No. 38 (1–3). P. 287–308. (In Russ.).

Hoppal M., Novak L. Vengerskie namogil'nye pamyatniki (etnosemioticheskii analiz). In *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1977. Vol. 26 (3–4). P. 309–337. (In Russ.).

Hoppál M. Etnoszemiotika. Debrecen: Kossuth Lajos Tudományegyetem Néprajzi Tanszék, 1992. 199 lk.

Ivanov S.V. Skul'ptura altaitsev, khakasov i sibirskikh tatar: XVIII – pervaya chetvert' XX v. Leningrad: Nauka, 1979. 194 p. (In Russ.).

Kondrat'eva O.A. Grebni IX–XIX vv. v bytu, obryadakh, fol'klore, remesle i khudozhestvennom tvorchestve Drevnei Rusi – Rossii: arkheologicheskie i etnograficheskie ocherki. St. Petersburg: REM, 2011. 244 p. (In Russ.).

Kutvölgyi M. Magos a rutafa: felföldi magyar famunkák. Budapest: Helikon, 1982. 142 lk.

Ozheredov Y.I. Sakral'nye strely yuzhnykh sel'kupov. In *Priob'e glazami arkheologov i etnografov: Materialy i issledovaniya k "Entsiklopedii Tomskoi oblasti"*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1999. P. 77–119. (In Russ.).

Ozheredov Y.I. Representative elements of the burial complex of the Shieshgul, a local group of southern Paleo-Selkups. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023. No. 497. P. 125–133. (In Russ.).

Seleznev A.G., Selezneva I.A. Sibirskii islam: regional'nyi variant religioznogo sinkretizma. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004. 72 p. (In Russ.).

Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo. Moscow: Mardzhani Publ. House, 2009. 216 p. (In Russ.).

Sokolova Z.P. Khanty i mansi. Vzglyad iz XXI veka. Moscow: Nauka, 2009. 755 p. (In Russ.).

Stepanova O.B. Traditional Sepulchral Constructions of the Northern Selkup. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2015. No. 4. P. 151–168. (In Russ.).

Селезнев А.Г. https://orcid.org/0000-0001-6096-7190

Дата сдачи рукописи: 22.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0958-0964
УДК 394.2+398

Е.Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: mf11@mail.ru

«Кружки водить», «стрелу пускать», «пиром ходить»: вариативность женских хороводов русских старожилов Южной Сибири и Забайкалья

В статье рассматривается проблема вариативности весенних женских хороводов в группах русских старожилов (старообрядцев) Южного Алтая и Забайкалья преимущественно на основе авторских полевых материалов Восточнославянской этнографической экспедиции ИАЭТ СО РАН, собранных в 1970–2010-х гг. Продуцирующий смысл движения хороводов как часть календарно-аграрных обрядов славян-земледельцев, известных под разными названиями («кружки водить», «стрелу пускать», «ходить пиром», «ходить веревочкой» и т.д.), очевиден из устных сообщений информаторов. Безостановочное плавное движение производилось под круговые песни, содержание которых варьировалось и не всегда проливало свет на магическую функцию обходного обряда. Автору удалось выявить три вида весенних женских хороводов, а также круговую песню с сюжетом, происхождение которого, вероятно, связано с обрядом «вождения, проводов стрелы» в Полесье, похорон «кукушки» (куклы) у южных русских, в их числе переселенцев Сибири из Курской губернии. Не случайно круговая песня старообрядки-«полячки» с. Топольное Солонешенского р-на Алтайского края А.С. Завьяловой (1916 г.р.) связана с неожиданной смертью и таким же неожиданным воскрешением умершего мужа. Новые полевые материалы раскрывают еще одну грань общности старообрядцев Алтая («поляков») и Забайкалья («семейских») и указывают на присутствие у них компонентов из этнокультурной среды Брянского, Гомельского, Орловского Полесья. Очевидна также, сложившаяся еще со времен известной работы М.В. Швецовой [1899], ситуация переоценки изолированности группы старообрядцев-«поляков» и недооценки фактора влияния со стороны местных сибиряков, служилого населения, казаков.

Ключевые слова: *русские старожилы, старообрядцы-«поляки», «семейские», Южная Сибирь, Забайкалье, весенние хороводы, вариативность.*

E.F. Fursova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: mf11@mail.ru

“To Lead Circles”, “to Shoot an Arrow”, “to Walk as a Feast”: the Variability of Women’s Round Dances of Russian Old-time Residents in Southern Siberia and Transbaikalia

The article addresses the topic of variability of spring women’s round dances in groups of Russian old-time residents (Old Believers) of the Southern Altai and Transbaikalia, mainly based on the author’s field materials of the East Slavic Ethnographic Expedition of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, collected in the 1970–2010s. The productive meaning of the movement of round dances as part of the calendar-agrarian rites of Slavic farmers, known under different names (“to lead circles”, “to shoot an arrow”, “to walk a feast”, “to walk a rope”, etc.), is obvious from the oral reports of interviewees. Non-stop smooth movement was accompanied by circular songs, the content of which varied and did not always shed light on the magical function of the round ritual. The author identified three types of spring women’s round dances, as well as a circular song with a plot, the origin of which is probably associated with the ritual of “driving, seeing off the arrow” in Polesie, the funeral of the “cuckoo” (doll) among the southern Russians, including the migrant from the Kursk province to Siberia. It is no coincidence that the circular song of the Old Believer “Polish woman” A.S. Zavyalova (born in 1916), a resident of the village of Topolnoye, Soloneshensky district, Altai region, is associated with the unexpected death and equally unexpected resurrection of her deceased husband. New field materials reveal another facet of the community of the Old Believers of Altai (“Poles”) and Transbaikalia (“Semeyskie”)

and indicate the presence of components from the ethnocultural environment of the Bryansk, Gomel, Oryol Polesie. It is also obvious that, since the time of the famous work of M.V. Shvetsova (1899), the situation has been overestimating the isolation of the group of Old Believers- "Poles" and underestimating the factor of influence from local Siberians, service population, and Cossacks.

Keywords: *Russian old-time residents, Old Believers-Poles, Semeyskie, Southern Siberia, Transbaikalia, spring round dances, variability.*

История компактных этнокультурных (этнорелигиозных) общностей старообрядцев Южного Алтая и Забайкалья, трижды насильственно переселенных (или «вольно» сбегавших) на протяжении нескольких веков своего существования, не могла не отразиться на формировании своеобразной традиционной культуры. Согласно немногим сохранившимся документальным источникам из архивов, старообрядцы по р. Ануй, Алей, Убе, Чикой были насильственно переселены, главным образом, из местечка Ветка по р. Сож (на востоке Белорусского Полесья) и слободы Стародубья (в старину Стародуб Северский) Новгород-Северского наместничества (ныне Брянской обл. России) [Швецова, 1899, с. 8, 9]. К настоящему времени потомки старообрядцев на Алтае и в Забайкалье проживают в этих краях уже дольше, чем в свое время обитали их предки на территории бывшей Речи Посполитой – более 250 лет. Глубинное интервьюирование в ходе работ Восточнославянской этнографической экспедиции ИАЭТ СО РАН* проводилось в 1970–2010 гг., в основном с людьми 1900–1920-х гг. р., не сомневающимися в своем русско-сибирском происхождении и относящими себя и своих предков к старожильческому населению.

Старообрядцы-«поляки», «кержаки» по р. Ануй, «семейские» по р. Чикой

Куст старообрядческих деревень по р. Ануй в конце XIX в. относился к Ануйской волости Бийского округа Томской губернии и даже через сто лет в сознании наших информаторов эта территориальная общность сохранялась (Солонешное, Черный Ануй, Белый Ануй, Большой Бащелак, Малый Бащелак и пр.). В Ануйской волости компактно проживали старообрядцы нескольких беспоповских согласий, кроме того, внутри одного согласия крестьяне различались в этнокультурном плане в зависимости от мест выхода.

Во время работ Восточнославянской этнографической экспедиции в с. Топольное Солонешенского р-на Алтайского края наши информаторы считали, что по своей вере они «ближе к Спасову согласию»**, поясняя, что «голубя» в виде Духа Святого на распятиях (крестах) признают, чем они отличаются от «поморцев», которые «голубя не приемлют» (ПМА 1998, Р. 13. Л. 40).

Сестры Филипповы – Анна Антоновна и Зинаида Антоновна – обладали прекрасной памятью и были хорошо осведомлены о происхождении своей семьи: «*Мы славяне, так предки и говорили. Относимся к чистым русским. Раньше брачилися и брали только своей веры. Если ты согласен перейти в нашу веру, значит брали*». Анна Антоновна вспоминала, что «предков» звали «поляками», почему и назвали село «Топольное». Федора Федотовна Зиновьева могла классифицировать соседние села по принципу где «жили бащелыкские сибиряки» (с. Большой Бащелак и Малый Бащелак) или «жили полЯки» (с. Топольное, Солонешное, Черемшанка).

По-видимому, распространение на протяжении XX в. народного названия «кержаки» на всех сторонников древнего благочестия в ануйских деревнях вытеснило старое – «поляки». Наша информатор Ф.Ф. Зиновьева считала, что это случилось после приезда выходцев из Европейской России («понаехали расейские»), среди которых были старообрядцы. В 1990-х гг. люди преклонного возраста знали фамилии сибиряков (но не «чалдонов») ***, называли их «мирские», «никонияне», «царьковные».

Местные старообрядцы (в прошлом «поляки», а в 1990-х гг. ануйские «кержаки») демонстрировали удивительную глубину памяти относительно семейных преданий. А.А. Филиппова хорошо помнила: «*Мама – воронежская, отец – орловский, они же кержаки. Они знали, просто знали, что их прапрадеды воронежские и орловские. А их деды и родители ни в Воронеже, ни в Орле не были. Они все тут народились»* (ПМА 1998, ААФ, л. 47). Как известно из архивных источников РГАДА (ЦГАДА СССР), сторонники старой веры в момент насильственного переселения в Сибирь с территории бывшей Речи Посполитой в 60-х гг. XVIII в. были неоднородны по своим местам выхода (территории совр. Московской, Новгородской, Белгородской, Воронежской, Орловской, Смоленской, Нижегородской и прочих областей) [Тарусская, 1975, с. 71] (РГАДА. Ф. 288. № 555).

---

* Руководитель Восточнославянской этнографической экспедиции ИАЭТ СО РАН – автор статьи.

** Спасово согласие (нетовщина) – это беспоповцы, которые из-за отсутствия православного священства не имеют таинств и общественного богослужения. Не перекрещивают приходящих из православной церкви. На все вопросы о спасении отвечают «Один Спас знает».

*** Про чалдонов (будто бы выходцев с Дона) в этой местности не слышали, не фиксируется и миф об их происхождении.

Рис. 1. Агния Сидоровна Завьялова, 1916 г.р., с. Топольное Алтайского края. *Фото Е.Ф. Фурсовой, 1998 г.*

По причине того, что Анна Антоновна Филиппова в 1990-х гг. исполняла обязанности духовника в Топольном (крестила детей и поминала усопших христиан), в хранившихся ее поминальных книжках сохранились фамилии старообрядцев д. Топольной: «*Пять семей всего пришло в Топольное – Архиповых, Губиных, Зиновьевых, Завьяловых, Филипповых*». Другой местный житель И.А. Филиппов назвал большее число фамилий первопоселенцев Топольного (*Аникины, Архиповы, Губины, Зиновьевы, Князевы, Ломакины, Посысоевы, Черноусовы*). Эти фамилии встречаются и в записанной в 1958 г. со слов Афанасия Зиновьева истории с. Топольного. Некоторые новые фамилии появились вследствие заключения браков с «не своими», но «переведенными» людьми.

«Кружки водить», «стрелу пускать». В плане реконструкции такого фольклорного явления, как хороводы, интересны рассказы ануйских «полячек» о весенних «кружках» и сопровождавших их песнях. Приведем воспоминания Агнии Сидоровны Завьяловой (по мужу Архиповой, 1916 г.р.) из с. Топольное Солонешенского р-на Алтайского края, которая не только слышала, но и сама в юности хорошо пела и была участницей хороводов (рис. 1). По ее воспоминаниям, хороводы начинали водить, как только сойдет снег, обычно с Масленки. Расшифровка полевых записей показывает, что в Топольном помнили хороводы именно круговые («кружки»), когда девушки становились в круг, а в центр ставили юношу. «*Кружки-то водили. Вот я как помню, што не любила жена мужа, припевали так. Кругом девки собираются, парня ставят. Это под белую, дак она и под горькую, она и под осину. Уж как она не любила ево.*

Мой постылый муж за водой послал,
Во первым часу ко воде пришла,
А во вторым часу воду черпала,

А во третим часу ко двору пришла.
А мой постылый муж уж во гробе ляжит.
То ли плакать мне, дак мне не жаль ево,
А если песни петь, дак от людей стыдно.
Мать с отцом в головах стоят,
Брат с сестрой в ногах стоят,
А молода жена посередь гроба.
Если плакать мне, дак мне не жаль ево,
А песни петь, от людей стыдно.
А мой постылый муж вставать начал.
Он вставать начал, целовать начал.

Из зафиксированного варианта песни очевидно, что в сравнении с записями в других «поляцких» селах, хранящихся в Научном центре народной музыки (НЦНМ) Московской государственной консерватории, отсутствуют первые 2–3 строфы, которые, возможно, информатор забыла. Приведем пример этих строф из текста, записанного в соседнем с. Сибирячиха исследовательницей Л.П. Маховой:

(А) я взайду на гару,
(Да) я взайду на гару, Да пущу стрелу.
Да пущу стрелу.
(Да) палети, стрела, (Да) палети, стрела, вдоль па улицы,
Вдоль па улицы.
Да ты убей, стрела, добрыва моладца.
(Да) как па моладцу плакать некому...

[Махова, 2020, с. 13].

В соответствии с этими строфами круговая песня и получила название «Стрела». По причине отсутствия упоминаний о «стреле» в тополинской песне не фиксируется и это название. Информатор А.С. Завьялова считала, что такие песни исполнялись, потому что «это все из жизни», т.к. не редкостью было замужество за нелюбимым человеком (ср. «Песни круговые», записанные С.И. Гуляевым) [Былины и песни..., 1952, с. 284–286].

По данным Ф.Ф. Болонева, у чикойских старообрядцев исполнение во многом подобного содержания песни и сопровождавшей ее игры типа «в ворота» называлось «пускать стрелу» [Болонев, 1978, с. 139]. В с. Качены «пускали стрелу» не только весной, но и после зимних посиделок, в д. Фомичево на второй день Пасхи, в д. Куйтун, Десятниково на Троицу (рис. 2). В куйтунском варианте песни текст исполняется с повтором (рефреном) «Ой, да люли-люли...» и содержание практически повторяет тополинскую. Худякова Настасья Филипьевна (1896 г.р.) вспоминала об этом обычае в последний летний праздник, в Петров день. Куйтунцы «пускали стрелу», становясь по улице в два ряда, образуя таким образом до 50 пар. Взявшись за руки, поднимали их кверху «воротами», часто в руках держали платочки или ленточки. Пара за парой проходили под «воротами» и пели песни [Там же].

Во время нашей этнографической экспедиции в 2010 г. в Красночикойском р-не Читинской области информатор Р.С. Овчинникова рассказывала, что

Рис. 2. Девичий хоровод на Троицу с наряженной березой, с. Десятниково, 1977 г. *Фото Ф.Ф. Болонева (реконструкция).*

слыхала от своих родителей про коллективное исполнение хоровода «Водить стрелу», но сама уже не видела.

Сюжет тополинской хороводной песни во многом совпадает с известными записями Научного центра народной музыки им. К.В. Квитки Московской консерватории, текстом песни из собрания С.И. Гуляева (1839). Известная песня со схожим сюжетом, записанная С.И. Гулевым более 180 лет назад, значительно полнее и содержит 35 куплетов [Махова, 2020, с. 31]. В этой связи Л.П. Маховой было высказано предположение о том, что за прошедший период произошла кристаллизация сюжета, наблюдалось движение к лаконичной форме передачи содержания [Там же]. Записанный нами тополинский вариант круговой песни про похороны «постылого мужа» отличается от уже зафиксированных фольклористами тем, что не заканчивается смертью мужа – он неожиданно воскресает. В отличие от Полесья, где известен обряд «вождения, проводов стрелы», на Алтае исполнение песни «Мой постылый муж за водой послал» сопровождалось не только шествием, но и круговым хороводом, что в первой половине XIX в. было зафиксировано также С.И. Гуляевым [Там же, с. 11].

«*Ходить веревочкой*». В 2010 г. в ходе нашей экспедиции по р. Чикой Читинской обл. записаны сведения о хороводе с посещением всех односельчан, не только родственников, но и соседей, знакомых и незнакомых людей, что называлось «ходить веревочкой». Овчинникова Раиса Сергеевна (1941 г.р.), потомственная «семейская», вспоминали так: «Они же соберутся “веревкой”, а всех же за день не обойдешь, а мода была такая, чтоб в каждом доме побывать. В этот дом придут, угостятся, пошли в другой дом» (д. Нижний Нарым Красночикойского р-на Читинской обл.). «Ходить веревочкой» с посещением всех жителей села по своему содержанию, видимо, близко к обычаям южных славян ряда районов Сербии, Болгарии [Агапкина, 2011, с. 57] – «лазарские», «кралицкие» обходы] – когда считалось, что такие непрерывные хороводы по селению благоприятно отразятся на жизни и здоровье людей, результатах их труда. В Новосибирском Приобье повсеместное вождение «кругов» девушками и женщинами (бывало и всем населением деревни), которые «катились» вдоль центральной улицы или на поляне, было обязательным в весенние праздники [Фурсова, 2002, с. 217].

«Поляки», «чалдоны», «сибиряки» по р. Алей, Уба

В Третьяковском р-не Алтайского края Восточнославянская этнографическая экспедиция работала в июле 2000 г. Информаторы, местные жители, считали, что в деревнях Боровлянка, Плоское, Ново-Алейка, Верх-Алейка жили казаки и их потомки. Встречались также сельские жители, которые называли своих соседей или себя «поляшками». Интересно, что при этом они могли добавить и более конкретную информацию. Например, Мария Венедиктовна Каплинская из с. Плоское, рассказывая про бабушку как «польку белорусскую», добавляла, что по материнской линии они выходцы из Воронежской губернии (ПМА 2000, № 45. Л. 16). Валентина Семеновна Осипова из с. Староалейского вспоминала, что звали их «поляшками», но они «кацапы» из Рязанской губернии. Эти факты интересны тем, что в архивных документах упоминаются выходцы из этих губерний в качестве базовых для прежнего места жительства на Гомельщине, о чем уже речь шла выше. Хотя в это трудно поверить, но по прошествии более двухсот лет потомки «поляшек» смогли сохранить память о своих столь отдаленных корнях. В отличие от других районов юга Западной Сибири здесь фиксировалось коллективное прозвище русских «кацапы», которое большинству русского населения других сибирских районов неизвестно. Из местных староалейских фамилий информантами называются Выходцевы, Жолнэровы, Калашниковы, Осиповы (ПМА 2000, № 45. Л. 17, 18). В Екатерининском местными сибирскими фамилиями считались Бондаревы, Волженины, Даниловы, Лопатины, Раченковы. Екатерининские старообрядцы сохранили молитвенные правила, двуперстие с большим пальцем посредине указательного, что, возможно, свидетельствует о забвении правила; свои старинные кресты они потеряли и носят «неизвестно за что». Сами старообрядцы рассматривали отступление от старых обычаев как «осибирячивание» под влиянием сибиряков-старожилов, казаков. Т.М. Степанова (1915 г.р.) из Екатерининского вспоминала: «По лестовке молилась бабушка, а мама уже совсем осибирячилась и не имела лестовки» (ПМА 2000, № 45. Л. 19 об.).

В верховьях р. Иртыш, где протекает р. Уба и берет начало р. Алей (ныне Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан), во время экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН 1995 г. встречались коллективные названия местных старожилов «поляки», «чалдоны», «кержаки» наряду с региональной идентичностью «сибиряки» (ПМА 1995, Р. 21. Л. 45 об.). Если в XVIII в. П.С. Паллас писал о том, что на местах бывших форпостов по р. Алей, Уба были построены Шемонаиха, Екатерининская, Староалейская, которые заселялись «польскими поселенцами», то о бывших жителях этих мест – «казаках» – сведений в его записях почти не сохранилось. Однако на момент работ экспедиции 1995 г. местные жители называли Шемонаиху уже «чалдонским» селом, т.к. «поляков никого не осталось», а чалдонов рассматривали как потомков казаков, людей, приехавших неизвестно когда с р. Дон. Если обратиться к этнографическим материалам по другим селам Шемонаихинского р-на, то картина вырисовывается следующая. В среде местных жителей на момент

экспедиции проживало много потомков старообрядцев, в т.ч. потерявших память о религиозной принадлежности, но сохранивших атрибутику, например, двуперстное знамение, иконы. Это говорит о том, что часть старообрядцев указанных сел, принявших сибирскую идентичность и название «чалдоны», впоследствии проявляли индифферентное отношение к старой вере дедов, сохранив внешние символы. В тех населенных пунктах, на которые местные информаторы указывали как на «чалдонские» (например, с. Верх-Уба), жители крестились «двумя перстами» и чалдонами себя не считали. По нашим наблюдениям, в Верх-Убе реально проживали старообрядцы поморского согласия, которые ревностно соблюдали обычаи дедов и память об их происхождении «с запада»; жители соседних сел называли их «поляшками».

«Ходить пиром». Иные хороводы и круговые песни зафиксированы в с. Староалейское Третьяковского р-на Алтайского края (ПМА 2000), которые П.С. Палласом и М.В. Швецовой отнесены к «польским» селениям. Наряду с тем, что праздник Масленки здесь связывали с катаниями на горах, а также ездой верхом и на санных упряжках по деревенским улицам, бытовал и особый обычай, про который говорили: «молодухи и девки пИром ходили». Как вспоминала Ульяна Леонтьевна Каверзова (ок. 1919 г.р.), предков которой звали «поляками»: «*ПИром берутся, песни поют*ь». Из описания очевидцев следует, что по предварительной договоренности девушки собирались сначала у одной подруги, где хороводом проходили улицу, потом шли к другой и там также шли по улице. Девушки и молодые женщины при этом плотно сцеплялись за локти на уровне груди («под ручки»), что называлось «браться пИром». Приведем сообщения на эту тему: «*Сёдне ко мне в гости, от мене прошли улису, а там к тебе*». Видимо, как более поздний вариант, гуляния девушек сопровождались совместным угощением с молодыми людьми, игрой на музыкальных инструментах: «*Счас на этот час собираемся человек десять. Сёдне у тебе, значит твой парень уже знает, иде мы будем. И парни приезжали туда, угостят, веселятся. Тада чё, гармошка мало была, под балалайку. А песен там каких только не было*» (ПМА 2000, Р. 13. Л. 71 об.). Слово «пир» в данной хороводной традиции означало ходить «всем вместе», как единый организм, но отличалось от распространенного значения «гулять», «веселиться» и пр.

Дискуссия

Если мотив круговой песни «по молодцу (казаку) плакать некому» встречается в песнях военно-бытового содержания разных этнокультурных групп русских, в их числе донских казаков, то сюжет наговора на стрелу с целью убить мужа во время хождения за водой (к ключу, «на гару»), по-видимому, характерен для старообрядцев – «поляков» и «семейских». Причем, если в сибирячихинских (сибиряки, «поляки»), уймонских («кержаки») круговых песнях стрела направлена против «добрыва молодца» («милова»), то в зафиксированной тополинской песне объектом убийства является «постылый старик». Интерпретация исполнительницы тополинской песни указывает на ее бытовой характер, на воплощение несчастливой женской доли в союзе с нелюбимым мужем и радость по поводу его ухода из жизни. Здесь нет мистической основы как в песнях, записанных в с. Малый Бащелык Чарышского р-на Алтайского края или в селах Катон-Карагайского р-на Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан, когда женщина отправляется разорять гнездо соловья в недоброе время, и это провоцирует недобрую весть о смерти мужа [Махова, 2020, с. 26]. Обращает на себя внимание факт записей круговой песни «стрелы» в селениях, по данным М.В. Швецовой, «не первоначального поселения “поляков”» [Швецова, 1899, с. 21], где последние проживали совместно с другими этнокультурными группами русских сибиряков, казаков. Как будто подтверждением этого является запись песни Т.В. Шершневой, М.Н. Сигаревой «Палятим-ка, стрела» (1997 г.) в Петропавловском р-не Алтайского края, в селах которого проживали тоже сибирские казаки (Усть-Каменогорский военный отдел) [Золотые россыпи..., 2009, с. 509]. Вопрос заимствования песенного наследия каждый исследователь решает по-своему, мы же согласимся с мнением В.Н. Курилова, Т.С. Мамсик о том, что еще со времен появления очерка М.В. Швецовой была сильно преувеличена изолированность польских переведенцев от окружавшего населения [Курилов, Мамсик, 1998, с. 23]. Эти выводы историков подтверждаются данными полевых этнографических материалов 1970–2010-х гг., которые свидетельствуют о существовании ситуативных и «престижных» идентичностей среди русских старожилов Южного Алтая и Восточного Казахстана [Фурсова, 2020, с. 128].

Список литературы

Агапкина Т.А. Символика и обрядовые функции танца и хоровода в традиционной культуре славян // Славяноведение. – 2011. – № 2. – С. 56–70.

Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1978. – 159 с.

Былины и песни Южной Сибири. Собрание С.И. Гуляева. – Новосибирск: Новосиб. обл. гос. изд-во, 1952. – 334 с.

Золотые россыпи народной песни России. – Красноярск: Буква С, 2009. – Кн. 1. – 530 с.

Курилов В.Н., Мамсик Т.С. «Поляки» Рудного Алтая: историографический миф и демографическая реальность // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 23–28.

Махова Л.П. «Я люта была по горам ходить»: круговой хоровод старообрядцев-«поляков» из собрания С.И. Гуляева // Традиционная культура. – 2020. – Т. 21, № 1. – С. 11–35.

Тарусская М.Г. Коллекция расписной утвари и одежды семейского населения // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 71–80.

Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области. Ч. 1. Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. – Новосибирск: Агро, 2002. – 287 с.

Фурсова Е.Ф. Локальные тексты и контексты интервью как источник по этнокультурной идентичности русских старожилов Восточного Казахстана // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2020. – № 68. – С. 128–132. – doi: 10.17223/19988613/68/18

Швецова М.В. «Поляки» Змеиногорского уезда // Зап. Западно-Сибирского от-ла ИРГО. – 1899. – Кн. 26. – С. 1–92.

References

Agapkina T.A. Simvolika i obryadovye funktsii tantsa i khorovoda v traditsionnoi kul'ture slavyan. In *Slavyanovedenie*, 2011. Iss. 2. P. 56–70. (In Russ.).

Bolonev F.F. Narodnyi kalendar' semeiskikh Zabaikal'ya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). Novosibirsk: Nauka, 1978. 159 p. (In Russ.).

Byliny i pesni Yuzhnoi Sibiri. Sobranie S.I. Gulyaeva. Novosibirsk: Novosibirsk Regional State Publ. House, 1952. 334 p. (In Russ.).

Fursova E.F. Kalendarnye obychai i obryady vostochnoslavyanskikh narodov Novosibirskoi oblasti. Part 1. Obychai i obryady zimne-vesennego perioda. Novosibirsk: Agro,1998. 287 p. (In Russ.).

Fursova E.F. Local texts and contexts of the interview as a source of ethnocultural identity of Russian old-timers of East Kazakhstan. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Istoriya*, 2020. Iss. 68. P. 128–132. (In Russ.). doi:: 10.17223/19988613/68/18

Kurilov V.N., Mamsik T.S. «Polyaki» Rudnogo Altaya: istoriograficheskii mif i demograficheskaya real'nost'. In *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii.* Barnaul: Barnaul State Pedagogical University Press, 1998. P. 23–28. (In Russ.).

Makhova L.P. "Ya lyuta byla po goram khodit'": krugovoi khorovod staroobryadtsev-«polyakov» iz sobraniya S.I. Gulyaeva. In *Traditsionnaya kul'tura,* 2020. Vol. 21, iss. 1. P. 11–35. (In Russ.).

Shvetsova M.V. "Polyaki" Zmeinogorskogo uezda. In *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1899. Vol. 26. P. 1–92. (In Russ.).

Tarusskaya M.G. Kollektsiya raspisnoi utvari i odezhdy semeiskogo naseleniya. In *Byt i iskusstvo russkogo naseleniya Vostochnoi Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1975. P. 71–80. (In Russ.).

Zolotye rossypi narodnoi pesni Rossii. Krasnoyarsk: Letter S, 2009. Vol. 1. 530 p. (In Russ.).

Фурсова Е.Ф. https://orcid.org/ 0000-0002-9459-7033

Дата сдачи рукописи: 25.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0965-0970
УДК 299.4

А.П. Чемчиева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: chemchieva@gmail.com

Религия сибирских тюрков: тенгрианский дискурс

Статья посвящена рассмотрению базовых концептов альтернативного тенгрианского дискурса, сформировавшегося по проблеме религии тюркоязычных народов Сибири. Показано, что с XVIII в. под традиционной религией сибирских тюрков понимался шаманизм. Установлено, что в постсоветский период религиозные верования сибирских тюрков подверглись переосмыслению. Академический, устоявшийся взгляд на религию сибирских тюрков был поставлен под сомнение. Раскрыто, что тенгрианский дискурс исходит из двух ключевых доводов: 1) тенгрианство – высокоразвитая монотеистическая религия; 2) все божества являются творениями или ипостасями Тенгри. Доводы участников дискурса были верифицированы примерами из научных и публицистических источников по тенгрианству. В рамках дискурса рассмотрена проблема соотношения шаманизма и тенгрианства, их границ между собой. Выявлено, что тенгрианство как высокоразвитая религия противопоставляется шаманизму, рассматриваемому в качестве ранней или примитивной религии, связанной с личностью и деятельностью шамана. Установлено, что научное определение религии сибирских тюрков как шаманизма признается ошибочным. Показано, что противопоставление шаманизма и тенгрианства вызывает научные дискуссии. Раскрыто, что эти дискуссии обусловлены терминологическим казусом, возникшим вследствие того, что каждая из сторон полемики по-разному понимает термин «шаманизм». Определено, что представители академической науки понимают под шаманизмом традиционные религиозные верования всех народов Сибири и Дальнего Востока, а участники тенгрианского дискурса – религиозные верования исключительно тунгусо-маньчжурских народов. Сделан вывод о том, что участники дискурса определяют религию сибирских тюрков как тенгрианство и оспаривают его отождествление с шаманизмом как с религией тунгусо-маньчжурских народов.

Ключевые слова: *шаманизм, тенгрианство, дискурс, тюрки, Сибирь.*

A.P. Chemchieva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: chemchieva@gmail.com

Siberian Turkic Religion: The Tengrian Discourse

The author analyzes the basic ideas of the alternative Tengrian discourse related to general issues of Siberian Turkic religions. It is shown that since the 18th century, Shamanism had been viewed as the traditional Siberian Turkic religion; however, this established academic concept was challenged in the post-Soviet period. We demonstrate that the Tengrian discourse is rooted in two key ideas: 1) Tengrism is a well-developed monotheistic religion; 2) all deities within Tengrism are thought to be Tengri's creations or emanations. These ideas are confirmed by examples from academic and media sources related to Tengrism. We analyze the relationship between Tengrism and Shamanism, as well as their main differences. As a well-developed religion, Tengrism is contrasted with Shamanism as an ancient religious practice strongly tied to a shaman's personality and activities. Traditional academic views on Shamanism as the main religion of Siberian Turkic nations was recognized as a misconception. Academic discussions regarding the contrast between Shamanism and Tengrism are overviewed. We show that these discussions are ultimately rooted in terminological issues, since Shamanism is interpreted differently by various researchers: namely, in academia, Shamanism includes traditional religious practices of all Siberian and Far Eastern nations, whereas the participants of the Tengrian discourse only define Shamanism as the faith of Manchu-Tungus nations. We conclude that they define the faith of Siberian Turkic nations as Tengrism and refuse to equate it with Manchu-Tungus shamanism.

Keywords: *Shamanism, Tengrism, Discourse, Turkic nations, Siberia.*

Введение

Научное изучение шаманизма как традиционной религии тюркоязычных народов Сибири ведется с XVIII в. Историография шаманизма алтайцев, тофаларов, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов включает в себя труды таких известных ученых, как В.В. Радлов, Н.Ф. Катанов, Д.А. Клеменц, А.В. Анохин, Г.В. Ксенофонтов, Л.Э. Каруновская, Н.П. Дыренкова, С.А. Токарев, И.С. Гурвич, Л.П. Потапов, В.П. Дьяконова, С.И. Вайнштейн, Н.А. Алексеев, Ф.А. Сатлаев, В.А. Муйтуева и др.

В постсоветский период изучение традиционных религиозных верований сибирских тюрков получило новый импульс. В эти годы в России и других странах, имеющих тюркские корни, заметно усилился интерес к религии древних тюрков, доисламским, дохристианским и добуддийским религиозным воззрениям тюркских народов. Со временем возникла обширная литература, обосновывающая, что исконной религией тюркских номадов является «тенгрианство».

Последователи тенгрианства появились в таких странах, как Казахстан, Кыргызстан, Монголия, Болгария, Венгрия. В России стремление воссоздать тюркскую религию – тенгрианство, проявилось в Башкортостане, Татарстане, Алтае, Туве, Хакасии, Якутии. Рост числа последователей тенгрианства способствовал формированию в российских регионах различных тенгрианских организаций – «Школа экологии души “Тенгри”» (Алтай), «Тэнгри-Угер» (Тува), «Хан Тигир» (Хакасия), «Айыы Тангара Итэгэлэ (Вера в Айыы Тангара (Тенгри))» (Якутия), Международный Фонд Исследования Тенгри (МФИТ) (Якутия) и др. Исследование и обсуждение проблем тенгрианства стали проходить в рамках двух научных конференций – Международной научно-практической конференции «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность» (с 2007 г.) и Всероссийской научно-практической конференции «Айыы Тангара и кузнечный культ в тенгрианстве» (с 2018 г.).

В условиях становления тенгрианского движения религиозные верования сибирских тюрков подверглись переосмыслению. В результате сформировался альтернативный тенгрианский дискурс, который поставил под сомнение достоверность академического, устоявшегося взгляда на религию тюркоязычных народов Сибири.

Данная статья посвящена рассмотрению базовых концептов тенгрианского дискурса. В соответствии с поставленной целью были определены следующие задачи: 1) охарактеризовать основные доводы участников дискурса и верифицировать их примерами из научных и публицистических источников по тенгрианству; 2) представить границы между шаманизмом и тенгрианством с точки зрения участников дискурса.

Результаты

Изучение содержания тенгрианского дискурса позволило выявить, что большинство его участников, среди которых есть и ученые, и публицисты, исходит из двух ключевых доводов. Первый довод обосновывает, что тенгрианство является высокоразвитой монотеистической религией.

Одним из первых об исповедании еще древними тюрками единобожия написал М. Аджи: «Тенгри-хан мыслился у тюрков огромных размеров, космических масштабов. Он распоряжался судьбами человека, народа, государства. Он – творец мира, и Он сам есть мир! Титул “хан” указывает на его главенствующую роль во Вселенной. У тюрков в отличие от других народов Бог был единым, этим и отличалась их вера от веры соседей»* [Аджи, 1994, с. 209].

О том, что тенгрианство по своей сущности являлось монотеистской религией тюрко-монгольских народов утверждается в работе Н.В. Абаева и У.П. Опей-оол. По мнению исследователей, традиционные представления населения о наличии некоей супранатуральной, метафизической духовной сущности, называемой «тэнгри», «кудай-дээр», «Хормусттэнгри», «Курбусту», «Кайракан» и получившей в монотеистической системе Чингиз-Хана обобщенное безличное обозначение «Вечное Синее Небо», соответствовали западному пониманию религиозного термина «Абсолют» [Абаев, Опей-Оол, 2009, с. 43].

В целом тенгрианство рассматривается в качестве монотеистического религиозного учения широким кругом исследователей, участвующих в деятельности Международного Фонда Исследования Тенгри. Так, в работе «Основы вероучения и практики тенгризма», подготовленной коллективом авторов (Л.В. Федорова, В.Н. Абаев, Р.Н. Безертинов, Л.А. Андреев-Тэрис, Л.В. Анжиганова, С.П. Тюхтенева, А.И. Котожеков-Чапрай, А.И. Кривошапкин-Айынга, С.Р. Сат), обосновывается, что тенгрианство – это «мировоззренческая религиозно-философская система ценностей, основанная на Вере тюркских, монгольских и других народов в единого Бога, под общим именем Тенгри (Тангара, Тангра, Таныр, Тенир, Тигир, Дээр и т.д.) – Творец Небесный» [Федорова и др., 2014, с. 2].

Вместе с тем аргумент о монотеизме тенгрианства ставится рядом исследователей под сомнение. Так, А. Токтогулов пишет, что «некоторые из новоявленных тенгрианских пророков заявляют, что эта религия являлась фактически первой на земле формой единобожия. Однако наряду с поклонением Небу (Тенгри), существовал и культ Земли-Воды (Йер-Суб). Кроме того, степняки почитали и богиню Умай – покровительницу домашнего очага». В этой связи А. Токто-

* Здесь и далее в цитатах сохранена орфография и пунктуация источника.

гулов ставит вопрос: «О каком же тогда монотеизме можно говорить?» [Токтогулов, 2014].

Ответом на представленный вопрос в тенгрианском дискурсе стал второй довод – идея, что все божества являются творениями или ипостасями Тенгри. В этой связи наличие разных божеств, по мнению исследователей, не должно служить отрицанием монотеизма тенгрианства. Так, А.Н. Сыдыков пишет: «На первый взгляд, относительно этих религий тэнгрианство политеично, но, по сути, оно глубоко монотеично, поскольку кроме Теңир высшей силы, включающей в себя непрерывное созидательное творчество и непосредственное конструирование, нет. Все остальные силы – его творения – помощники, посланники. Которые в разные концепции вошли как духи, ангелы, пэри, дэвы, лха, гэгены, тэнгри и т.д.» [Сыдыков, 2014, с. 50].

По мнению К. Серикпаева, «все эти “божества” в пантеоне тенгрианства, фактически являются ипостасями Тенгри, Его творениями, созданные для исполнения Его повелений. Одной из ипостасей Тенгри является Умай, которая олицетворяет женское земное начало <...>. А другая ипостась – Эрлик. Он властелин подземного мира – царства мертвых, верховный судья в загробном мире. <...> А земной ипостасью является Жер-Су (Земля-Вода), покровитель тюрков обитающих в среднем мире» [Серикпаев, 2021, с. 48].

Р.Н. Безертинов считает, что разные божества древних тюрков, зафиксированные орхонскими памятниками, являются помощниками Тэнгри: «Тюркитэнгрианцы считали, что нашей Вселенной правит 17 божеств – помощников Тэнгри. Тэнгри создал 16 божеств в помощь для управления миром – Йерсуб, Умай, Эрлик...» [Безертинов, 2015]. При этом анализ ранних текстов Р.Н. Безертинова показывает, что автор первоначально рассматривал тенгрианство в качестве генотеистической религии: «Древние тюрки считали, что нашей Вселенной правят 17 божеств – Тэнгри, Йер-Суб, Умай, Эрлик <...>. Из древних и средневековых письменных источников <...> видно, что среди тюркских и монгольских божеств, первенство принадлежало Тэнгри. <...> Именно Тэнгри выступал прежде всего как верховное божество» [Безертинов, 1997, с. 71]. Со временем взгляды Р.Н. Безертинова трансформировались в направлении монотеизма – автор стал утверждать, что «единым источником всего сущего является Тэнгре – Абсолют, в небесном пространстве и вечный во времени, наполняющий Собой всё мироздание, творящий в Себе Самом и из Самого Себя все миры, Вселенные и всё космовещество» [Безертинов, 2015].

Обратим внимание, что во многих работах, посвященных изучению тенгрианства, одним из ученых, обосновавшим монотеистический характер тенгрианства, указывается Н.Г. Аюпов. Однако во взглядах Н.Г. Аюпова есть несколько важных моментов, которые стоит учитывать. Н.Г. Аюпов, прежде всего, рассматривал тенгрианство как открытое универсальное мировоззрение, включающее в себя и мифологию, и народную мудрость (фальсафу), и религиозную идею тюркских народов [Аюпов, 2012, с. 13–14]. Он подчеркивал, что «тенгрианство в привычном понимании не является религией, а религиозной идеей, которая никогда не стремилась к собственному институированию, что диктовалось особенностями тюркского мировоззрения» [Там же, с. 14]. Поэтому, по его мнению, в тенгрианстве, как открытом мировоззрении, не существовало священных канонических книг (в отличие от любых религиозных систем, являющихся закрытыми мировоззренческими образованиями, обеспечивающими посредством священных книг сохранение своих догм и воспроизводство своей закрытости) [Там же, с. 187].

Исходя из такого понимания, автор утверждал, что религиозная составляющая тенгрианства на разных этапах своего становления принимала различные формы: 1) духовно-религиозного учения о трансцендентальных началах, когда Тенгри считалось Единым Трансцендентальным началом, включающим в себя триаду «Жизнь–Природа–Человек»; 2) религии природы (естественная религия), включавшей в себя тотемические, анимистические, фетишистские представления, центральными положениями которой являлись вера в Тенгри, как верховного божества Неба–Космоса, и культ предков; 3) политеистической религии с верой в верховное божество Тенгри, с пантеоном богов, космогонией, демонологией и религиозной этикой, в которой сохранялись культ природы и культ предков; 4) религии камов как деградации тенгрианства, с элементами шаманизма, верой в добрых и злых духов [Там же, с. 181–182]. Таким образом, Н.Г. Аюпов утверждал, что тенгрианство как открытое мировоззрение постоянно находится в динамике, оставаясь открытым для новых идей. Поэтому в религиозной идее тенгрианства переплетены в едином синтезе, как идеи эзотерического Трансцендентального Начала, прамонотеистической религии, так и политеизма как обожествления и одухотворения природы и ее сил, и культа предков [Там же, с. 182].

Как видно, в тенгрианском дискурсе большинство исследователей исходит из понимания тенгрианства как высокоразвитой монотеистической религии, в которой все божества являются творениями или ипостасями Тенгри. В этой связи участники дискурса четко отделяют тенгрианство от шаманизма, поскольку рассматривают шаманизм в качестве ранней или примитивной религии, либо вообще не религии, а комплекса верований и обрядов, связанных с личностью и деятельностью шамана. Так, Н.В. Абаев и У.П. Опей-оол писали: «Действительно, сопоставляя “шаманизм” с “тэнгрианством” можно сделать вывод о его значительных различиях, как высокоразвитой религии тюрко-монгольских народов в добуддийский

период их исторического прошлого, и “шаманизма”, до сих пор не имеющего шансов выйти на статус “религии”, поскольку для “тэнгрианства” характерна функциональная негэнтропийность, без каких-либо оговорок, в то время как “шаманизм” характеризуется диалектическим единством негэнтропийности и энтропийности в области практической самореализации, что и делает проблематичным его выход на более высокий уровень религиозно-мировоззренческой системности» [Абаев, Опей-оол, 2009, с. 118].

При этом участники тенгрианского дискурса оспаривают трактование религии тюрков как шаманизма. Н.В. Абаев и Л.В. Федорова писали, что «общепринятое мнение о том, что в добуддийский период в “кочевой” цивилизации Центральной Азии и Сибири господствующей религией был “шаманизм”, является неверным» [Абаев, Федорова, 2012]. По мнению Н.Г. Аюпова, определение древнетюркской религии в целом и на отдельных этапах ее развития как шаманизма является ошибочным стереотипом [Аюпов, 2012, с. 117]. Р.Н. Безертинов утверждает, что из-за незнания сути тэнгрианства у многих современников создалось впечатление о нем как о примитивном язычестве. По его мнению, шаманизм и тенгрианство нельзя отождествлять, поскольку это дискредитирует тэнгрианство [Безертинов, 2016]. Согласно Ф.Г. Алекперову, европейцы, назвав древнетюркское мировоззрение «шаманизмом», хотели бросить на него «тень», хотя на самом деле древнетюркская философия связана с тенгрианством [Алекперов, 2017, с. 35].

Важно отметить, что данная позиция провоцирует научное и околонаучное сообщество на дискуссии. Вступающие в полемику ученые обращают внимание на труды этнографов, исследовавших шаманизм в качестве религии народов Сибири. Вот как пишет об этом В.Е. Васильев: «утверждение некоторых авторов о том, что тенгрианство не имеет ничего общего с шаманством, выглядит как тезис, преследующий иные цели. <...> Они обходят стороной труды этнографов, изучавших шаманство народов Саяно-Алтая, и странным образом обвиняют их в шовинизме и искажении истории тюрков» [Васильев, 2017, с. 41]. А.Б. Сивушков пишет, что тенгрианство и шаманизм имеют общие корни, их объединяет очевидная географическая и идеологическая близость, и в целом тенгрианство можно рассматривать как некую белую рафинированную форму шаманизма [Сивушков, 2018, с. 259]. Согласно Р.Г. Шарипову связь между тюркским шаманизмом, культом предков и развитым тенгрианством безусловна [Шарипов, 2015, с. 123]. И.А. Жерносенко делает вывод, что «разведение тенгрианства и шаманизма “по разные стороны баррикад”: противопоставление их друг другу – по сути недопустимо. Это не разные стадии развития религиозного сознания, не разные религии – это две стороны одного процесса: интуитивного постижения Бытия через мистический опыт взаимодействия с Высшей реальностью во всех ее проявлениях: как на духовном, так и на материальном уровнях» [Жерносенко, 2019, с. 116].

Противопоставление участниками тенгрианского дискурса шаманизма и тенгрианства наводит на мысль, по словам А.Б. Сивушкова, будто «истинное тенгрианство» открещивается от шаманов, камов, баксы и прочих служителей культа [Сивушков, 2018, с. 258]. Однако в действительности не все так однозначно, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что рассмотренная дискуссия развернулась вследствие терминологического казуса. Этот казус во многом результат недоразумения, обусловленного тем, что каждая из сторон полемики по-разному понимает термин «шаманизм». Так, исследователи, представляющие академическую науку, под шаманизмом понимают традиционные религиозные верования всех народов Сибири и Дальнего Востока. Участники тенгрианского дискурса понимают под шаманизмом, вопреки общепризнанной научной терминологии, исключительно религиозные верования тунгусо-маньчжурских народов.

Так, такие исследователи, как Н.В. Абаев, Л.К. Аракчаа, В.Р. Фельдман, Н.Г. Аюпов, Р.Н. Безертинов, утверждают, что шаманизм был присущ палеоазиатским и тунгусо-маньчжурским народам. Элементы шаманизма в тенгрианстве тюркских народов Сибири появились лишь в результате их соприкосновения с тунгусо-маньчжурской культурой. В этой связи тюркоязычные народы Сибири никак не подходят под классификацию народов, исповедующих шаманизм. У сибирских тюрков сохраняется прямая линия преемственности архаической этноконфессиональной традиции, т.е. тенгрианства (в виде ее культурно-исторических вариаций), которую западные исследователи неправомерно назвали «шаманизмом» [Абаев, Аракчаа, Фельдман, 2005, с. 84–93; Аюпов, 2012, с. 117; Безертинов, 1997, с. 9–10].

Заключение

Анализ базовых концептов тенгрианского дискурса показывает, что он основывается на двух ключевых доводах: 1) тенгрианство – высокоразвитая монотеистическая религия; 2) все божества являются творениями или ипостасями Тенгри. Участники дискурса определяют религию сибирских тюрков как тенгрианство и оспаривают его отождествление с шаманизмом, как с религией исключительно тунгусо-маньчжурских народов.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.».

Список литературы

Абаев Н.В., Аракчаа Л.К., Фельдман В.Р. Экологическая культура народов Центральной Азии в контексте палеоантропологических исследований (на материале археологических памятников Тувы). – Кызыл: РИО Тыв. гос. ун-та, 2005. – 135 с.

Абаев Н.В., Опей-оол У.П. Тэнгрианство, буддизм и экологические культы в Центральной Азии и Транс-Саянии. – Кызыл: Тип. КЦО Аныяк, 2009. – 143 с.

Абаев Н.В., Федорова Л.В. Почему тенгрианство нельзя назвать «ответвлением» или «порождением» шаманства? // Международный Фонд Исследования Тенгри: сайт. – 8 мая 2012. – URL: https://tengrifund.ru/pochemu-tengrianstvo-nelzya-nazvat-otvetvleniem-ili-porozhdeniem-shamanstva.html (дата обращения: 01.10.2024).

Аджи М. Полынь половецкого поля. – М.: ПИК-КОНТЕКСТ, 1994. – 350 с.

Алекперов Ф.Г. Шаманизм или философия Тенгрианства // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность: сб. ст. VI Междунар. науч.-практич. конф. (14–16 июня 2017 г., Астана, Казахстан). – Астана: Мастер По, 2017. – С. 35–40.

Аюпов Н.Г. Тенгрианство как открытое мировоззрение. – Алматы: КИЕ, 2012. – 256 с.

Безертинов Р.Н. Тэнгрианство – религия тюрков и монголов. – Набережные Челны: Аяз, 1997. – 454 с.

Безертинов Р.Н. Мироздание по тэнгриански // Международный Фонд Исследования Тенгри: сайт. – 6 июля 2015. – URL: https://tengrifund.ru/mirozdanie-po-tengrianski.html (дата обращения: 01.10.2024).

Безертинов Р.Н. Древнетюркское мировоззрение тэнгрианство // Международный Фонд Исследования Тенгри: сайт. – 12 июля 2016. – URL: https://tengrifund.ru/drevnetyurkskoe-mirovozzrenie-tengrianstvo-2.html (дата обращения: 01.10.2024).

Васильев В.Е. Истоки тенгрианства: от культа гор до культа Неба // Северо-Восточный гуманитар. вестн. – 2017. – № 2 (19). – С. 40–48.

Жерносенко И.А. К вопросу о соотношении концептов «тенгрианство» и «шаманизм» // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность: сб. ст. VII Междунар. науч.-практич. конф. (21–22 июня 2019 г., Бишкек, Кыргызстан). – Бишкек: Алтын тамга, 2019. – С. 113–119.

Серикпаев К. Заповеди Тенгри. – Караганда: Тип. Арко, 2021. – 440 с.

Сивушков А.Б. Тенгрианство и шаманизм как мировоззрение кочевников Центральной Азии // Алтай – Западная Сибирь в XIX – начале XX вв.: население, хозяйство, культура. Мат-лы Всерос. науч.-практич. конф., посвящ. 160-летию со дня рожд. этнографа, экономиста и общественного деятеля С.П. Швецова. – Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2018. – С. 256–264.

Сыдыков А.Н. Тенгрианство – народная вера // Вестн. Бишкек. гуманитар. ун-та. – 2014. – № 1 (27). – С. 49–52.

Токтогулов А. Современное состояние и перспективы тенгрианства в Кыргызстане // Международный Фонд Исследования Тенгри: сайт. – 20 декабря 2014. – URL: https://tengrifund.ru/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-tengrianstva-v-kyrgyzstane.html (дата обращения: 01.10.2024).

Федорова Л.В., Абаев В.Н., Безертинов Р.Н., Андреев-Тэрис Л.А., Анжиганова Л.В., Тюхтенева С.П., Котожеков-Чапрай А.И., Кривошапкин-Айынга А.И., Сат С.Р. Основы вероучения и практики тенгризма (положение для регистрации религиозных организаций тенгрианского толка) // Международный Фонд Исследования Тенгри: сайт. – 12 февраля 2014. – URL: https://tengrifund.ru/osnovy-veroucheniya-i-praktiki-religii-tengrianstva.html (дата обращения: 01.10.2024).

Шарипов Р.Г. К проблеме соотношения культа предков, шаманизма и тенгрианства в религиозных представлениях древних тюрков // Изв. Уфимского НЦ РАН. – 2015. – № 4. – С. 120–126.

References

Abaev N.V., Arakchaa L.K., Fel'dman V.R. Ekologicheskaya kul'tura narodov Tsentral'noi Azii v kontekste paleoantropologicheskikh issledovanii (na materiale arkheologicheskikh pamyatnikov Tuvy). Kyzyl: RIO Tyva State University Press, 2005. 135 p. (In Russ.).

Abaev N.V., Fedorova L.V. Pochemu tengrianstvo nel'zya nazvat' «otvetvleniem» ili «porozhdeniem» shamanstva? In *Mezhdunarodnyi Fond Issledovaniya Tengri.* URL: https://tengrifund.ru/pochemu-tengrianstvo-nelzya-nazvat-otvetvleniem-ili-porozhdeniem-shamanstva.html (Accessed: 01.10.2024). (In Russ.).

Abaev N.V., Opei-ool U.P. Tengrianstvo, buddizm i ekologicheskie kul'ty v Tsentral'noi Azii i Trans-Sayanii. Kyzyl: Anyyak, 2009. 143 p. (In Russ.).

Adzhi M. Polyn' polovetskogo polya. Moscow: PIK-KONTEKST, 1994. 350 p. (In Russ.).

Alekperov F.G. Shamanizm ili filosofiya Tengrianstva. In *Tengrianstvo i epicheskoe nasledie narodov Evrazii: istoki i sovremennost'*. Astana: Master Po, 2017. P. 35–40. (In Russ.).

Ayupov N.G. Tengrianstvo kak otkrytoe mirovozzrenie. Almaty: KIE, 2012. 256 p. (In Russ.).

Bezertinov R.N. Tengrianstvo – religiya tyurkov i mongolov. Naberezhnye Chelny: Ayaz, 1997. 454 p. (In Russ.).

Bezertinov R.N. Mirozdanie po tengrianski. In *Mezhdunarodnyi Fond Issledovaniya Tengri*. July 6. 2015. URL: https://tengrifund.ru/mirozdanie-po-tengrianski.html (Accessed: 01.10.2024). (In Russ.).

Bezertinov R.N. Drevnetyurkskoe mirovozzrenie tengrianstvo. In *Mezhdunarodnyi Fond Issledovaniya Tengri*. July 12. 2016. URL: https://tengrifund.ru/drevnetyurkskoe-mirovozzrenie-tengrianstvo-2.html (Accessed: 01.10.2024). (In Russ.).

Fedorova L.V., Abaev V.N., Bezertinov R.N., Andreev-Teris L.A., Anzhiganova L.V., Tyukhteneva S.P., Kotozhekov-Chaprai A.I., Krivoshapkin-Aiynga A.I., Sat S.R. Osnovy veroucheniya i praktiki tengrizma (polozhenie dlya registratsii religioznykh organizatsii tengrianskogo tolka). In *Mezhdunarodnyi Fond Issledovaniya Tengri*. URL:

https://tengrifund.ru/osnovy-veroucheniya-i-praktiki-religii-tengrianstva.html (Accessed: 01.10.2024). (In Russ.).

Serikpaev K. Zapovedi Tengri. Karaganda: Tipografiya Arko, 2021. 440 p. (In Russ.).

Sharipov R.G. K probleme sootnosheniya kul'ta predkov, shamanizma i tengrianstva v religioznykh predstavleniyakh drevnikh tyurkov. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra RAS*, 2015. No. 4. P. 120–126. (In Russ.).

Sivushkov A.B. Tengrianstvo i shamanizm kak mirovozzrenie kochevnikov Tsentral'noi Azii. In *Altai – Zapadnaya Sibir' v XIX – nachale XX vv.: naselenie, khozyaistvo, kul'tura.* Gorno-Altaisk: NII altaistiki im. S.S. Surazakova, 2018. P. 256–264. (In Russ.).

Sydykov A.N. Tengrianstvo – narodnaya vera. *Vestnik Bishkekskogo gumanitarnogo universiteta,* 2014. No. 1 (27). P. 49–52. (In Russ.).

Toktogulov A. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy tengrianstva v Kyrgyzstane. In *Mezhdunarodnyi Fond Issledovaniya Tengri*. URL: https://tengrifund.ru/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-tengrianstva-v-kyrgyzstane.html (Accessed: 01.10.2024). (In Russ.).

Vasilev V.E. Istoki tengrianstva: ot kul'ta gor do kul'ta Neba. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik,* 2017. No. 2 (19). P. 40–48. (In Russ.).

Zhernosenko I.A. K voprosu o sootnoshenii kontseptov "tengrianstvo" i "shamanizm". In *Tengrianstvo i epicheskoe nasledie narodov Evrazii: istoki i sovremennost'*. Bishkek: Altyn tamga, 2019. P. 113–119. (In Russ.).

Чемчиева А.П. https://orcid.org/0000-0003-3090-859X

Дата сдачи рукописи: 01.10.2024 г.

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0973-0977
УДК 902.01

Н.В. Басова✉, А.В. Постнов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: bass15@yandex.ru

Погребение с кремацией на поселении Турист-2

В результате спасательных археологических работ 2017 г. на поселении Турист-2 в Октябрьском р-не г. Новосибирска на правом берегу Оби было зафиксировано средневековое погребение с кремацией. Могильное пятно в слое не фиксировалось, контуры его были прослежены после зачистки на уровне материковой поверхности. Сожжение останков было произведено на стороне, после чего фрагментированные кальцинированные кости и зубы были перемещены в могильную яму овальной формы. Сопровождающий погребальный инвентарь представлен украшениями (фрагмент спиралевидной серьги, три пронизки, шесть нашивных блях), предметами быта: костяной конусовидной втулкой с резным орнаментом (игольница (?)); средствами ведения дистанционного боя (костяная часть сложносоставного лука). Особое внимание заслуживает нахождение в составе погребального инвентаря пяти китайских монет у-шу. Данные предметы выступают одним из основных хронологических индикаторов. Китайские монеты на территории Южной Сибири не являлись денежными единицами. На это указывают немногочисленные подобные изделия с отверстиями и кожаными ремешками для подвешивания, обнаруженные в погребальных памятниках. Также интересна находка спиралевидной серьги, которая служит датирующим предметом для данного комплекса. Спиралевидные серьги появляются на территории юга Западной Сибири уже во второй половине I тыс. н.э. и существуют до XII–XIII вв. По сопроводительному инвентарю и характеру погребального ритуала погребение с кремацией на поселении Турист-2 может быть соотнесено с верхнеобской археологической культурой, широко распространенной в эпоху Средневековья на территории юга Западной Сибири.

Ключевые слова: *Новосибирск, река Обь, погребение, кремация, верхнеобская культура, Средневековье, монеты у-шу.*

N.V. Basova✉, A.V. Postnov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: bass15@yandex.ru

Cremation Burial at the Tourist-2 Settlement

A medieval cremation burial was found on the right bank of the Ob River in the Turist-2 settlement in the Oktyabrsky District, Novosibirsk, as a result of archaeological rescue work in 2017. The grave marker (spot) was not recorded in the layer; its contours were traced after stripping at the level of the mainland surface. The remains were burnt outside the site, and after that, fragmented calcified bones and teeth were moved into an oval-shaped gravesite (grave pit). The accompanying burial inventory is represented by jewelry (a fragment of a spiral earring, three bronze tube-shaped beads, six plaques), household items: a bone cone-shaped sleeve with carved ornamentation (needle holder (?)), distant combat weapons (a bone part of a compound bow). Particular attention should be paid to the presence of five Chinese wu-shu coins in the burial inventory. These items serve as a key chronological indicator. The Chinese coins were not used as monetary units in South Siberia. This is suggested by rare finds of such items with holes and leather straps in the burial sites. The fact of discovery of a spiral-shaped earring, which also serves as a dating artifact for this burial complex is also intriguing. Spiral-shaped earrings appeared in Southwestern Siberia already in the second half of the 1st millennium AD and existed until the 12th to 13th centuries AD. According to the accompanying inventory and the nature of the funeral ritual, the cremation burial at the Turist-2 settlement can be correlated with the Upper Ob culture widely spread in the Middle Ages in Southwestern Siberia.

Keywords: *Novosibirsk, Ob River, burial, cremation, Upper Ob culture, Middle Ages, wu-shu coins.*

Введение

Археологическое изучение памятников верхнеобской культуры начинается уже в конце XIX в. К нашему времени известно множество как поселенческих, так и погребальных памятников, исследованных на территории Новосибирского, Томского, Барнаульского Приобья, Кузнецкой котловины, соотнесенных с верхнеобской археологической культурой. Традиция захоронения умерших представителей верхнеобской

культуры включала в себя как трупоположение, так и кремацию на стороне. Обряд трупоположения был характерен для V – начала VIII в. н.э., кремация – для второй половины VIII – IX в. [Троицкая, Новиков, 1998, с. 23]. В настоящее время на территории Новосибирского Приобья известно порядка 70 памятников верхнеобской культуры [Там же, с. 88, рис. 1]. Обнаружение погребения с кремацией на территории поселения Турист-2 в г. Новосибирске позволяет дополнить сведения о материальной культуре и погребальной практике представителей верхнеобской археологической культуры.

Описание погребения

Погребение с кремацией обнаружено на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Турист-2» в Октябрьском р-не г. Новосибирска, включавшего два типа археологических комплексов – поселенческий (эпоха неолита, поздний бронзовый век) и погребальный (ранний бронзовый век, Средневековье) [Басова и др., 2017, с. 509]. Памятник расположен на возвышении надпойменной террасы правого берега р. Оби, в 200 м на север от нижней оконечности о. Высокий, в 1,3 км севернее устья р. Ини.

Поскольку территория памятника была подвержена техногенному воздействию, никаких рельефных признаков он не имел, в т.ч. публикуемое погребение с кремацией. Стратиграфия раскопа, в котором обнаружено погребение, представлена следующими отложениями: под тонким слоем растительности идет темно-серая неслоистая супесь, насыщенная органикой (гумус), с неровной подошвой мощностью 0,40 м. Его подстилает слой палево-желтой супеси, неслоистой, пятнистой, лессовидной, мощностью 0,25 м.

Пятно от могилы не прослеживалось в слое, его контуры можно было обнаружить после зачистки (см. *рисунок*, *1*, *2*). Погребение фиксировалось на материковой поверхности на глубине 0,64 м. Могила овальной формы, размерами 1,0 × 0,4 м, ориентирована длинной осью в направлении С–Ю. Глубина погребения от уровня материка составила 0,1 м. В могильной яме находились жженые кости и зубы взрослого человека, а также сопроводительный инвентарь, который не попал в погребальный костер. Очевидно, что погребенного сожгли на стороне, а потом кости поместили в могилу в виде скопления овальной формы. Антропологически определимы две головки бедренных костей, зафиксированные в центральной части погребения, и фрагменты бедренных костей ног в южной части могилы. Фрагменты кремированных костей довольно крупные, достигали 7 см, цвет костей варьировал от углисто-черного до бледно-голубого и белого. Массивность и размерность костей позволяют предполагать, что это останки взрослого индивида с хорошими параметрами физического развития.

Инвентарь включал украшения, предметы быта, детали вооружения, монеты. В южной части могилы обнаружена бронзовая проволочная спиралевидная серьга в форме круга в четыре витка проволоки (см. *рисунок*, *3*). Дужка-крепление утрачена. Диаметр изделия 2,6 см, сечение круглое диаметром 0,1 см. В северной части могилы зафиксированы три пронизки из тонкого бронзового листа (см. *рисунок*, *5*). В северной и центральной частях могилы обнаружено пять нашивок, выполненных из тонкого листа бронзы, с двумя параллельными отверстиями у каждой (см. *рисунок*, *6*, *7*). Четыре нашивки имели одинаковую форму в виде овала и кант по краю изделия (см. *рисунок*, *6*). Пятая нашивка полусферической формы по размеру была меньше, чем описанные выше (см. *рисунок*, *7*). В северо-западной части погребения зафиксирован фрагмент нашивки прямоугольной формы с одним отверстием и вдавлениями округлых форм, изготовленный из тонкого листа бронзы. В северо-восточной части погребения найдено пять китайских бронзовых литых монет *у-шу* (см. *рисунок*, *4*). Все монеты одного типа: на аверсе оттиснуты иероглифы *у-шу*, а по краю монеты – ободок. Реверс также имеет по краю ободок и ободок центрального квадратного отверстия. Поле монеты по аверсу без надписей и изображений. У одной из монет под иероглифом имеется отверстие – брак при отливке.

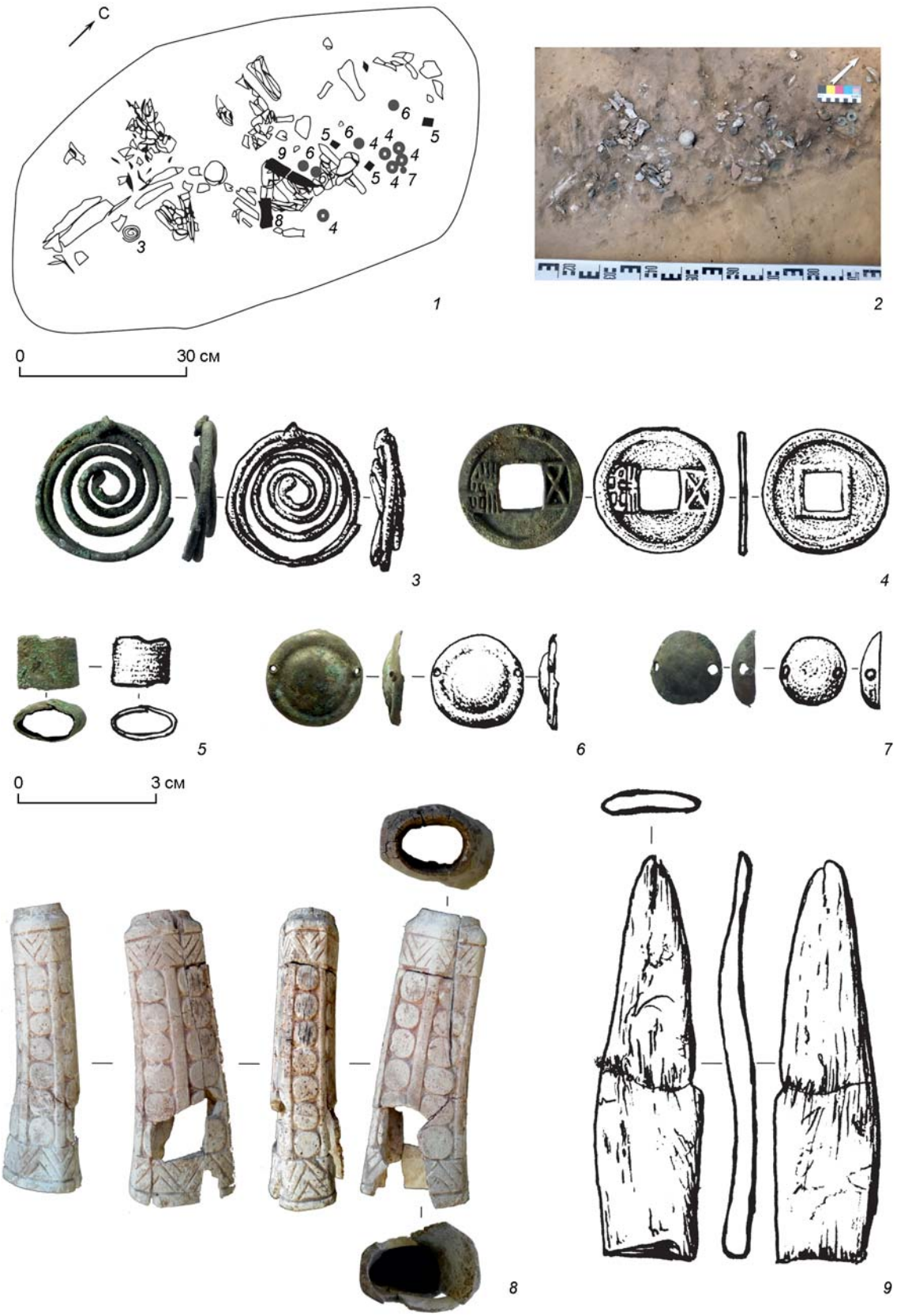
В скоплении инвентаря и кальцинированных костей в центральной части могилы обнаружена костяная игольница (?) (см. *рисунок*, *8*). Она украшена геометрической резьбой в виде шести столбиков с кружка́ми, в каждом из которых по семь кружков. Столбики разделены между собой параллельными линиями. По краям игольницы нанесен узор в виде трех зигзагообразных параллельных линий.

В центральной части, ближе к восточному краю могилы зафиксировано два костяных фрагмента срединной боковой накладки на лук (см. *рисунок*, *9*).

Бóльшая часть погребального инвентаря располагалась скоплением в центральной и северо-восточной части могилы, лишь одна проволочная серьга была зафиксирована в южной части погребения, возле фрагментов костей ног. Вещи не несли на себе следов термического воздействия и лежали над скоплением костей. Совокупность указанных данных является надежным аргументом в пользу того, что кремация осуществлялась без предметов сопроводительного инвентаря.

Анализ материалов и аналогии

Подробнее остановимся на анализе сопроводительного инвентаря. Так, подобные обнаруженной в погребении на поселении Турист-2 спиралевидные серьги (височные кольца), будучи этноопределяющим

Погребение с кремацией на поселении Турист-2.

1 – план погребения; *2* – фото погребения; *3* – серьга (бронза); *4* – китайская монета *у-шу* (бронза); *5* – пронизка (бронза); *6*, *7* – нашивки (бронза); *8* – игольница (?) (кость); *9* – фрагмент накладки на лук (кость).

украшением восточнославянского племени северян, известны в материалах сибирских памятников: Омского Прииртышья, Обь-Иртышья, Новосибирского, Томского Приобья, Алтая. Они появляются на территории юга Западной Сибири уже во второй половине I тыс. н.э. и существуют до XII–XIII вв. [Гаврилова, 1965, с. 52; Грязнов, 1956, с. 118; Адамов, 2000, с. 106; Коников, 1983, с. 110]. Интересен тот факт, что серьги подобных конструкций, появившиеся еще в V в. у причерноморских скифов, получают широкое распространение [Петренко, 1978, с. 45, рис. 26]. Об этом свидетельствуют находки таких серег в средневековых памятниках не только Западной, но и Восточной Сибири. Две спиралевидные височные серьги, изготовленные из тонкой бронзовой проволоки в один виток, обнаружены в погребении с трупосожжением могильника Боровое (вторая половина I тыс. н.э.), расположенного на территории красноярской лесостепи [Мандрыка, Макаров, 1994, с. 75, рис. 3, *16*]. Проволочное спиралевидное кольцо, состоящее из одного витка, найдено в погребении монгольского времени могильника Кибалино в Западном Забайкалье [Коновалов, Данилов, 1981, с. 69, рис. 10, *3*].

Примечательно, что спиралевидные серьги выступают в памятниках хронологическим индикатором. Так, например, с помощью данного типа серег датируются курганный могильник Березовый остров-1, а также кург. 19 курганного могильника Саратовка [Адамов, 2000, с. 64; Илюшин, 1999, с. 55].

Несмотря на то, что спиралевидные типы височных серег традиционно считаются изделиями, характерными для восточнославянских племен: кривичей, северян, – данные украшения широко встречаются в сибирских памятниках. Факт присутствия в местных погребениях спиралевидных серег объясняется легкостью исполнения, простотой изготовления литейных форм, а соответственно, и возможностью массового выпуска таких украшений местными мастерами.

Рассматривая нашивки, следует отметить, что все они были изготовлены из бронзовой фольги и имели отверстия для крепления. Они могли использоваться в составе поясных наборов или нашиваться на одежду. Данные типы нашивок в Средневековье были распространены на обширных территориях. Очевидно, что эти изделия были изготовлены местными мастерами, как и обнаруженные в погребении пронизки.

Особого внимания заслуживает нахождение в составе погребального инвентаря пяти китайских монет *у-шу*. Бронзовые монеты этого типа служили наиболее массовым средством обмена в Китае с периода Восточная Хань (I–III вв.) до начала VII в. н.э. [Быков, 1969]. Они являлись важной частью китайского импорта на сопредельные территории. Проникновение монет *у-шу* в Приобье фиксируется на археологических памятниках второй половины VI – первой половины VII в. и связывается исследователями с вхождением лесостепной части Алтая в состав Первого Тюркского каганата [Троицкая, Новиков, 1998, с. 31]. Интересна находка костяной игольницы (?) с резным орнаментом. Точных аналогий данному предмету пока не найдено, однако костяные игольники известны в памятниках Среднего Причулымья, Прибайкалья [Беликова, 1996, с. 69; Асеев, 1980, табл. XII, 3].

К предметам вооружения, зафиксированным в погребении, относится фрагмент срединной боковой накладки на лук. В памятниках Новосибирского Приобья известны находки различных частей сложносоставных луков. Самым географически близким памятником, в предметном комплексе которого обнаружены подобные срединные накладки, является погребение с трупосожжением на поселении Турист-1 [Молодин и др., 1993, с. 11]. Данное погребение датировано IX–X вв. н.э. По обряду захоронения и сопроводительному инвентарю погребение на поселении Турист-1, также как и погребение на поселении Турист-2, следует отнести к верхнеобской культуре. Что касается датировки погребения на поселении Турист-2, то нижняя его дата ограничивается VIII в., т.к. в это время преобладающим обрядом погребения верхнеобцев становится трупосожжение на стороне [Троицкая, Новиков, 1998, с. 23]. Верхней хронологической границей по предметному комплексу и аналогии с погребением на поселении Турист-1 можно считать X в. н.э.

Заключение

Материалы, полученные в ходе раскопок средневекового погребения с кремацией на поселении Турист-2, позволяют связать их с материалами погребения на поселении Турист-1 и отнести к верхнеобской культуре, распространенной в эпоху Средневековья на всей территории лесостепного Приобья. Отметим, что на памятнике Турист-2 других комплексов и находок, относящихся к верхнеобской культуре, обнаружено не было. Инвентарь и обряд захоронения раскопанного нами погребения характерен для второго этапа существования верхнеобской археологической культуры (не ранее VIII–X вв. н.э.). Очень важны находки китайских монет, которые не только послужили хроноиндикатором, но и засвидетельствовали контакты населения Приобья с южными регионами Центральной Азии.

Таким образом, исследованное погребение на поселении Турист-2 расширяет источниковую базу для изучения традиций носителей урало-сибирских археологических культур тюркского времени.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене – голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

Список литературы

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тобольск; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2000. – 256 с.

Асеев И.В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). – Новосибирск: Наука, 1980. – 152 с.

Басова Н.В., Постнов А.В., Нестеркина А.Л., Ахметов В.В., Морозов А.А. Результаты охранно-спасательных раскопок на поселении Турист-2 в Новосибирске в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 509–512.

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. – 272 с.

Быков А.А. Монеты Китая – Л.: Сов. художник, 1969. – 77 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 144 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. – М., 1956. – 225 с. – (МИА; № 48).

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. – Кемерово: Изд-во Кузбасс. гос. тех. ун-та, 1999. – 160 с.

Коников Б.А. Курганная группа X–XII вв. н.э. у с. Усть-Ишим Омской области (к вопросу об усть-ишимской культуре) // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, Мин. Просвещения РСФСР, 1983. – С. 96–111.

Коновалов П.Б., Данилов С.В. Средневековые погребения в Кибалино (Западное Забайкалье) // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 64–73.

Мандрыка П.В., Макаров Н.П. Погребения с трупосожжениями в окрестностях Красноярска (К вопросу о выделении памятников нового культурного типа) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. – С. 68–84.

Молодин В.И., Новиков А.В., Росляков С.Г., Новикова О.И., Колонцов С.В. Археологические памятники города Новосибирска. – Новосибирск: Наука, 1993. – 33 с.

Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. – М.: Наука, 1978. – 144 с. – (САИ; вып. Д 4–5).

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.

References

Adamov A.A. Novosibirskoye Priob'ye v X–XIV vv. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University Press, 2000. 256 p. (In Russ.).

Aseev I.V. Pribaikal'e v srednie veka (po arkheologicheskim dannym). – Novosibirsk: Nauka, 1980. 152 p. (In Russ.).

Basova N.V., Postnov A.V., Nesterkina A.L., Akhmetov V.V., Morozov A.A. The results of rescue archaeological excavations on Turist-2 settlement in 2017. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 23. P. 509–512. (In Russ.).

Belikova O.B. Srednee Prichulym'ye v X–XIII vv. Tomsk: Tomsk State Univ. Press., 1996. 271 p. (In Russ.).

Bykov A.A. Monety Kitaya. Leningrad: Sovetskiy khudozhnik, 1969. 77 p. (In Russ.).

Gavrilova A.A. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. 144 p. (In Russ.).

Gryaznov M.P. Istoriya drevnikh plemen Vekhnei obi. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 1956. No. 48. 225 p. (In Russ.).

Ilyshin A.M. Mogilnik Saratovka: publikatciya materialov i opyt etnoarkheologicheskogo issledovaniya. Kemerovo: Kuzbass State Technical Univ. Press, 1999. 160 p. (In Russ.).

Konikov B.A. Kurgannaya gruppa X–XII vv. u sela Ust'-Ishim Omskoi oblasti (k voprosy ob ust'-ishimskoi culture). In *Arkheologicheskiye pamyatniki lesostepnoi polosy Zapadnoi Sibiri*. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, MP RSFSR, 1983. P. 96–111. (In Russ.).

Konovalov P.B., Danilov S.V. Srednevekovuye pogrebeniya v Kibalino (Zapadnoye Zabaikal'ye). In *Novoye v arkheologii Zabaikal'ya.* Novosibirsk: Nauka, 1981. P. 64–73. (In Russ.).

Mandryka P.V., Makarov N.P. Pogrebeniya s truposozhzheniyami v okresnostyakh Krasnoyarska (k voprosy o vydelenii pamyatnikov novogo kulturnogo tipa). In *Etnokulturnye protcesy v Yuzhnoi Sibiri I Tcentral'noi Azii v I–II tycyacheletii.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat,1994. P. 68–84. (In Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V., Roslyakov S.G., Novikova O.I., Kolontsov S.V. Arkheologicheskiye pamyatniki goroda Novosibirska. Novosibirsk: Nauka, 1993. 33 p. (In Russ.).

Petrenko V.G. Ukrasheniya Skifii VII–III vv. Do n.e. In *Svod arkheologicheskikh istochnikov,* 1978. Vol. 4–5. P. 6–97. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Novikov A.V. Verkhneobskaya kultura v Novosibirskom Priob'ye. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 1998. 152 p. (In Russ.).

Басова Н.В. https://orcid.org/0000-0001-7853-0501
Постнов А.В. https://orcid.org/0000-0001-7853-0501

Дата сдачи рукописи: 23.08.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0978-0982
УДК 902.03+902.24+903.42

Д.А. Бычков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Новые сведения о стратиграфическом контексте залегания материалов позднего неолита в Нижнем Притомье

В Нижнем Притомье эпоха неолита исследуется уже более полувека и за это время было накоплено значительное количество источников. Часть из них получена в ходе раскопок, проводившихся в первой половине и середине XX в., а часть – в виде случайных находок. К настоящему времени, ввиду развития города и урбанизации окружающей территории в целом, природные ландшафты изменились. В связи с этим поиск памятников данной эпохи в рамках старых парадигм стал затруднителен, а моделирование контекста залегания имеющихся случайных находок и вовсе невозможно. Для решения этих проблем было выполнено сопоставление стратиграфического контекста залегания артефактов из архивных материалов с раскопок неолитических погребений эпохи позднего неолита на могильнике у Старого Мусульманского кладбища и стратиграфических профилей, полученных при современных изысканиях в ближайших к нему районах г. Томска. В результате было установлено, что культурный слой стоянки периода позднего неолита, ближайшей к описанному могильнику, залегает в тех же отложениях, что и предметы из сопроводительного инвентаря, расположенные у краев неолитических погребений. Это обстоятельство указывает на хронологическую сопоставимость этих двух объектов, а также позволяет определить отложения, вмещающие культурные остатки периода позднего неолита, как толщу светло-коричневой или серо-коричневой супеси с прослоями коричневого суглинка. Учитывая имеющиеся естественно-научные сведения о реконструируемой климатической обстановке в эпоху позднего неолита, эти отложения формировались в теплых и сухих условиях суббореального периода голоцена. Полученные результаты востребованы для поиска памятников изучаемого периода на террасах р. Томи в ее нижнем течении и могут быть использованы для предиктивного моделирования контекста залегания случайно обнаруженных артефактов.

Ключевые слова: *Томь, Томск, Мусульманское кладбище, стоянка, могильник, неолит, стратиграфия.*

D.A. Bychkov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

New Data on Stratigraphic Context of Sedimentation Materials of the Late Neolithic in the Lower Tom Region

The Neolithic in the Lower Tom region has been studied for more than half a century. During this time, a significant number of sources has been accumulated. Some of them were obtained during excavations in the first half and mid-20th century, while the other part is represented by random finds. At present, natural landscapes have changed due to the development of the city and urbanization of the surrounding area. Therefore, the search for the sites of this time under old paradigms has become difficult, and modeling the occurrence context of existing random finds is completely impossible. To solve these problems, a comparison was made of the stratigraphic context of occurrence of artifacts from the archival materials from excavations of the Late Neolithic burials at the burial ground near the Old Muslim Cemetery and stratigraphic profiles obtained during modern surveys in the areas of Tomsk being closest to it. As a result, it was established that the cultural layer of the Late Neolithic site, the closest to the described burial ground, lies in the same sediments as the items from the accompanying inventory located near the edges of the Neolithic burials. This indicates the chronological comparability of the two objects, and allows us to define the sediments containing the cultural remains of the Late Neolithic period as a layer of light-brown or gray-brown sandy loam with the layers of brown loam. Taking into account the available natural science data on the reconstructed climatic environment in the Late Neolithic, these sediments were formed in warm and dry conditions of the subboreal period of the Holocene. The obtained results are used to search for the sites of the period under study located on the terraces of the Tom River in its lower reaches. Further, they can be used for predictive modeling of the occurrence context of accidentally discovered artifacts.

Keywords: *Tom River, Tomsk, Muslim Cemetery, site, burial ground, Neolithic, stratigraphy.*

Древнейший этап истории освоения человеком Нижнего Притомья начинается в каменном веке, большинство памятников которого там относится к эпохе неолита. Культурно-хронологическая дифференциация этой части памятников каменного века позволяет вычленить два периода в эпохе неолита данного региона: развитый с комплексами изылинского типа в VI тыс. до н.э. [Молодин, 1977, с. 11–25; Зах, 2003, с. 146] и поздний, в рамках которого рядом исследователей отмечается сосуществование с V по IV тыс. до н.э. кипринско-ирбинской, игрековской и новокусковской традиций [Марочкин, Юракова, 2014, с. 194–195]. Для памятников развитого периода неолита наблюдается закономерность в расположении в поймах рек, на первых террасах и их останцах [Молодин, Зах, 1979], а в последние годы были выявлены памятники позднего периода и на последующих террасовых уровнях речных долин Приобья [Бычков, 2022, с. 188].

Объяснить наблюдаемую тенденцию можно с точки зрения реконструируемой для этого периода климатической обстановки. По комплексным сведениям о составе споро-пыльцевых спектров и результатам прямого датирования останков фауны из разрезов в Новосибирском Приобье реконструируется, что примерно 5 000–7 000 л.н. на этой и сопредельных территориях была теплая и сухая обстановка с обилием злаковой и кустарниково-лиственной растительности, что соответствует суббореальному периоду голоцена [Гайдук, 1969]. Реконструируемые лесостепные ландшафты были благоприятны для освоения как речных долин, так и окружающих пространств. Таким образом, если локализация памятников развитого неолита закономерна и приурочена к определенным ландшафтно-топографическим и стратиграфическим условиям, то памятники позднего неолита локализованы с большей вариабельностью, что требует более обстоятельного анализа контекста их расположения.

При этом существует также ряд прикладных проблем. За продолжительное время изучения этой эпохи в музейные фонды поступило значительное количество случайных находок топоров, тесел, наконечников и других предметов материальной культуры [Гребнева, 2017]. Если их типологическое определение еще возможно на основе обширного круга аналогий, то выявление контекста залегания зачастую затруднительно. К тому же со времени последних систематических полевых исследований памятников этого периода прошло более полувека, вследствие чего информация о контексте носит неполный, по современным меркам, характер. Это обстоятельство отягощается еще тем фактом, что современная ландшафтная ситуация сильно изменилась ввиду урбанизации территории, и зачастую при ее археологическом обследовании исследователи не наблюдают стратиграфическую ситуацию т.н. естественного облика. Другими словами, в настоящее время затруднительно сопоставить контекст залегания археологического материала, наблюдавшийся в раскопах 1950–1970-х гг., и стратиграфические профили, получаемые при современных изысканиях.

В целях обоснования и репрезентации контекста залегания культурных остатков позднего неолита в покровных отложениях террас нижнего течения Томи было сделано следующее. Во-первых, был проведен сбор архивных сведений о выполненных ранее раскопках на памятниках указанной эпохи с репрезентативно документированным контекстом. Во-вторых, собранные материалы были сопоставлены с современными сведениями о стратиграфическом строении покровных отложений региона, сформированными на основе естественно-научных данных. Это позволило объяснить роль характера литологических образований для оценки их историко-культурной перспективности.

В результате было определено, что наиболее репрезентативными являются архивные материалы раскопок могильника у Старого Мусульманского кладбища (далее – СМК), которые были проведены А.П. Дульзоном в 1955 г. в г. Томске (Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 1115, 1286). Отличительной чертой этих материалов является то, что, несмотря на их значительную давность, были фотографически зафиксированы стратиграфические профили (рис. 1) и подробно задокументирована методика раскопок (рис. 2). Благодаря такому подходу автора в иллюстративной части отчета был отражен ряд моментов, принципиальных для обозначенной проблемы. Во-первых, совершенно четко передано, что все неолитические погребения на могильнике у СМК были устроены в кровле одного и того же слоя – плотного коричневого суглинка. Сам А.П. Дульзон объясняет это тем, что «твердость этого слоя, вероятно, затрудняла неолитических “землекопов” и поэтому они именно на нем и останавливались при рытье могил» (Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 1115. Л. 7). Во-вторых, при исследовании неолитических погребений было установлено, что весь сопроводительный инвентарь залегал примерно на одном и том же уровне относительно погребения и современной поверхности (рис. 2). Автором это объяснялось как часть погребальной обрядности – предметы выкладывали возле края могилы на древней поверхности. Таким образом, было установлено и задокументировано положение древней поверхности в период позднего неолита и также предельно возможное «заглубление» сооружений, создаваемых древним населением.

Наиболее сходными с этими материалами оказались стратиграфические наблюдения, проведенные в 2019 г. в рамках археологической разведки на земельном участке по адресу пер. Южный, 71 в г. Томске, в результате которой был выявлен культурный слой стоянки у СМК [Бычков, Зограф, 2020; Марков, 2020, с. 66–80]. Артефакты в виде продуктов расщепления

Рис. 1. Фотография стратиграфического профиля погр. 22 из материалов раскопок А.П. Дульзона могильника у Старого Мусульманского кладбища в 1956 г. в г. Томске. По: (Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 1286. Л. 16).

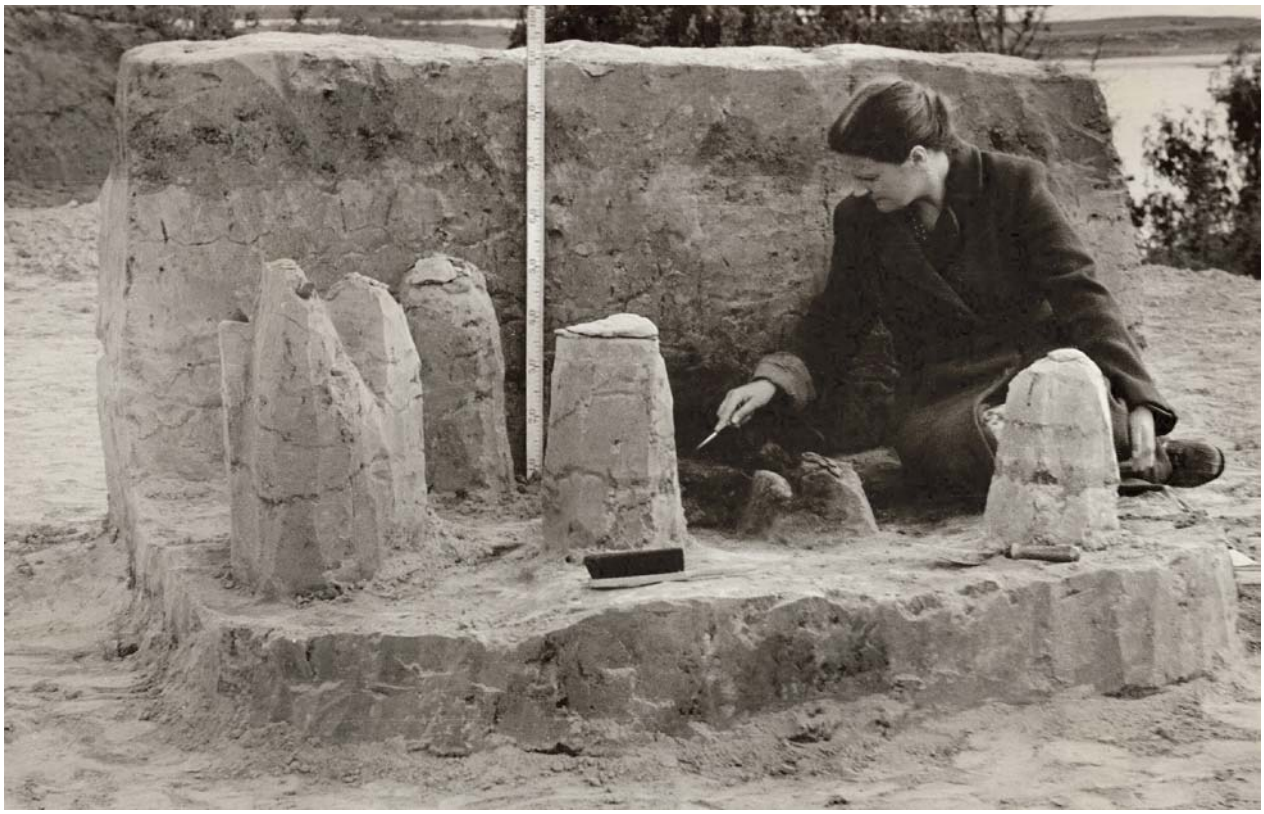

Рис. 2. Фотография процесса расчистки погр. 22 из материалов раскопок А.П. Дульзона могильника у Старого Мусульманского кладбища в 1956 г. в г. Томске. По: (Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 1286. Л. 19).

камня залегали на глубине 0,35 м от современной поверхности в слое светло-коричневой супеси. По своему вмещающему контексту стоянка аналогична могильнику у СМК. Проведенный сравнительный анализ материалов стоянки с орудиями из камня, обнаруженными при раскопках могильника, позволил сделать вывод об их технико-технологической преемственности – по ряду технологически значимых признаков обнаруженные сколы могли быть редуцированы и при изготовлении помещенных в погребальный инвентарь орудий [Бычков, Зограф, 2020, с. 186].

Сопоставив стратиграфический контекст залегания артефактов из погребального инвентаря неолитических погребений и из культурного слоя стоянки у СМК, можно сделать ряд выводов. Во-первых, сходство в контексте указывает на хронологическую близость седиментации материалов, что в совокупности с результатами статистического анализа позволяет судить о культурно-хронологическом сходстве данных объектов. Во-вторых, сопоставляя современные задокументированные стратиграфические профили и наблюдения при раскопках 1955–1956 гг., можно определить, что седиментация культурных остатков эпохи позднего неолита происходила на пространствах террас р. Томи при формировании толщи светло-коричневой или серо-коричневой супеси с прослоями коричневого суглинка (рис. 3). А подстилающая толща последнего неолитическим населением уже не осваивалась даже при сооружении таких углублений, как погребения.

Рис. 3. Северный борт шурфа на стоянке у СМК.

1 – нижняя граница почвенного профиля; *2* – горизонт залегания погребального инвентаря у краев неолитических погребений; *3* – кровля горизонта залегания культурных остатков; *4* – мощность горизонта залегания культурных остатков; *5* – горизонт доньев неолитических погребений.

В ходе проведенных мероприятий было установлено, что культурные остатки разнотипных памятников эпохи позднего неолита в условиях покровных отложений террас Томи залегают в толще почвообразующих пород, представленных супесями светло-коричневого или серо-коричневого цветов, вплоть до подстилающих их прослоев коричневого суглинка. Исходя из естественно-научных данных, этот горизонт в покровных отложениях может быть ассоциирован с суббореальным периодом голоцена, приходящегося на изучаемой территории на промежуток 5 000–7 000 л.н., что также соответствует хронологической позиции периода позднего неолита. Полученные результаты будут востребованы для реконструкции и превентивного моделирования стратиграфического контекста залегания множества известных сейчас случайных находок предметов этой эпохи и в части обоснования выводов историко-культурной экспертизы земельных участков путем археологической разведки.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов». Автор выражает благодарность директору

ООО НПО «Сибпроектархеология» С.О. Маркову за возможность использования материалов исследования стоянки у Старого Мусульманского кладбища в г. Томске.

Список литературы

Бычков Д.А. Ландшафтно-топографические особенности расположения археологических памятников на территории Томско-Нарымского Приобья // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2022. – № 76. – С. 180–191. – doi:10.17223/19988613/76/21

Бычков Д.А., Зограф А.А. Результаты статистического описания материалов стоянки Томское мусульманское кладбище: проблема культурно-хронологической атрибуции // Актуальная археология 5: мат-лы Междунар. науч. конф. молодых ученых. – СПб.: Невская Типография, 2020. – С. 184–187. – doi:10.31600/978-5-907298-04-0-2020-184-187

Гайдук И.М. Неолитическая культура Томь-Чулымского Приобья в геологическом освещении // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1969. – С. 201–204.

Гребнева Г.И. Каталог археологического собрания Томского областного краеведческого музея. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2017. – 554 с.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 169 с.

Марков С.О. Научный отчет о выполненных археологических полевых работах (разведке) на территории земельного участка по проекту «Строительство центра культурного досуга по адресу г. Томск пер. Южный, 71». – Томск, 2020. – 83 с.

Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Материалы неолита-энеолита стоянки Долгая-1 (южные районы Нижнего Притомья) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, № 3. – С. 189–201.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И., Зах В.А. Геоморфологическое расположение памятников эпохи неолита и бронзы в бассейнах рек Оби, Ини, Оми и их притоков // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. – С. 51–53.

References

Bychkov D.A. Landscape-topographical features of the location of archaeological sites in the Tomsk-Narym Ob Region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2022. No. 76. P. 180–191. (In Russ.). doi: 10.17223/19988613/76/21

Bychkov D.A., Zograf A.A. Rezultaty statisticheskogo opisaniya materialov stoyanki Tomskoe musulmanskoe kladbishche: problema kulturno-khronologicheskoi atributsii. In *Aktualnayaa arkheologiya 5: Materialy Mezshdunarodnoi konpherentsii molodykh uchenykh*. St. Petersburg: Nevskaya Tipographiya, 2020. P. 184–187. (In Russ.). doi:10.31600/978-5-907298-04-0-2020-184-187

Gaiduk I.M. Neoliticheskaya kultura Tom-Chulymskogo Priobya v geologicheskom osveshchenii. In *Proiskhoschdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov*. Tomsk: Tomsk State University Press, 1969. P. 201–204. (In Russ.).

Grebneva G.I. Katalog arkheologicheskogo sobraniya Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. Tomsk: Tomsk State University Press, 2017. 554 p. (In Russ.).

Markov S.O. Nauchnyj otchet ob vypolnennyh arheologicheskih polevyh rabotah (razvedke) na territorii zemel'nogo uchastka po proektu "Stroitelstvo centra kulturnogo dosuga po adresu g. Tomsk per. Juzhnyj 71". Tomsk, 2020. 83 p.

Marochkin A.G., Yurakova A.Y. Neolithic-Eneolithic Findings from Dolgaya-1 Site (south of Lower Tom Region). *Vestnik NSU. Series: History and Philology,* 2014. Vol. 13, No. 3. P. 189–201. (In Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob-Irtyshya. Novosibirsk: Nauka, 1977. 174 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Zakh V.A. Geomorfologicheskoe raspolozhenie pamyatnikov epokhi neolita i bronzy v basseinakh rek Obi, Ini, Omi i ikh pritokakh. In *Osobennosti estesvenno-geographicheskoy sredy i istoricheskie process v Zapadnoi Sibiri.* Tomsk: Tomsk State University Press, 1979. P. 51–53. (In Russ.).

Zakh V.A. The Neolithic and Early Metal Age of the Forest-Steppe Salair and Ob Regions. Tyumen: IPOS SB RAS Publ., 2003. 168 p. (In Russ.).

Бычков Д.А. https://orcid.org/0000-0002-7646-9740

Дата сдачи рукописи: 02.09.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0983-0988
УДК 902.03+902.24+903.42

Д.А. Бычков[1]✉, С.А. Когай[1], М.В. Голованенко[1], И.А. Галажинский[2], А.О. Яковлев[3], И.Е. Дедов[4], В.С. Ревединский[2], А.П. Монова[5], А.В. Выборнов[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томск, Россия
[3]Томский государственный педагогический университет
Томск, Россия
[4]Независимый исследователь
Новосибирск, Россия
[5]Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова
Томск, Россия
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Предварительные результаты раскопок стоянки Куччугунуур в долине реки Вилюй

Долина р. Вилюй известна археологическими памятниками, которые исследуются с середины XX в. К настоящему времени на их материалах построены региональные схемы культурного развития территории и типологии отдельных категорий артефактов. Главным фактором, побуждающим исследовать столь удаленные районы, является угроза их затопления в результате развития Вилюйского гидроузла. В 2024 г. экспедицией ИАЭТ СО РАН проводились раскопки на стоянках, попадающих в зону затопления водохранилища Вилюйской ГЭС III. Среди прочих была частично исследована стоянка Куччугунуур, расположенная на прирусловой гриве левого берега р. Вилюй в месте впадения в нее одноименного притока. Раскопом площадью 1 255,46 м^2 были изучены культуросодержащие отложения, залегающие на глубине от 0,3 до 1,8 м от современной поверхности, в толще которых было обнаружено 6 616 артефактов. В результате проведенных раскопок на стоянке Куччугунуур были детализированы стратиграфические условия залегания артефактов, получены предметы из трех культурных горизонтов и уточнена культурно-хронологическая атрибуция стоянки. К перспективам исследования стоянки и ее материалов следует отнести поиск культурных остатков за ее границами в пределах вмещающей геоморфологической структуры, корреляцию выделяемых типов сосудов, хронологию их бытования и контекста залегания на стоянке. Также актуален атрибутивный анализ каменной индустрии третьего культурного горизонта в целях выделения технических приемов и стратегии адаптации древнего населения стоянки к современной им природной обстановке.

Ключевые слова: *Вилюй, Куччугунуур, стоянка, неолит, бронза, ранний железный век, река, усть-мильская культура.*

D.A. Bychkov[1]✉, S.A. Kogay[1], M.V. Golovanenko[1], I.A. Galazhinskii[2], A.O. Yakovlev[3], I.E. Dedov[4], V.S. Revedinskiy[2], A.P. Monova[5], A.V. Vybornov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Tomsk State University
Tomsk, Russia
[3]Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, Russia
[4]Independent researcher
Novosibirsk, Russia
[5]M.B. Shatilov Tomsk Local Lore Museum
Tomsk, Russia
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Preliminary Excavations Results for the Kuchchugunuur Site in the Vilyui River Valley

The Vilyui River valley is known for its various archaeological sites, which have been studied since the mid-20th century. To date, regional roadmaps for the cultural development of the territory and typologies of individual artifact categories have been developed using the materials. The main factor prompting the exploration of such remote areas is the threat of their flooding associated with the development of the Vilyui hydroelectric complex. In 2024, an expedition of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS carried out excavations at the sites located in the flood zone of the Vilyui Hydroelectric Power Station III reservoir. Among others, the Kuchchugunuur site was partially explored. It was located on the riverbed ridge of the left bank of the Vilyui River at the confluence of the inflow having the same name. In the excavation area of 1 255.46 sq. m, cultural sediments were studied lying at a depth of 0.3 to 1.8 m from the current surface, wherein 6 616 artifacts were found. The excavations at the Kuchchugunuur site detailed stratigraphic conditions of the occurrence of the artifacts, items from three cultural horizons were discovered, and the cultural-chronological attribution of the site was clarified. The prospects for studying the site and its artefacts include the search for cultural remains beyond its boundaries within the principal geomorphological structure; correlation of the identified vessel types, their chronology, and the stratigraphic context of occurrence at the site. Attributive analysis of the stone industry of the 3rd cultural horizon aimed to identify technical methods and strategies of adaptation of the ancient population to the natural environment is also important.

Keywords: *Vilyui, Kuchchugunuur, site, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, river, Ust-Milskaya culture.*

Долина р. Вилюй исследовалась археологами в четыре этапа. Первый этап ознаменован работой в 1940-е гг. Ленской историко-археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова. Второй приходится на 1959–1963 гг. и связан с работой Вилюйской археологической экспедиции в зоне затопления водохранилища строящейся ГЭС. Третий – с 1964 по 2000-е гг. – характеризуется планомерными исследованиями по всей долине реки [Антипина, 1995]. Четвертый этап включает в себя современные исследования в долине р. Вилюй на участках хозяйственного освоения.

В настоящее время в долине р. Вилюй известны поселенческие и погребальные комплексы, относимые к разным историческим периодам: Средневековью, раннему железному веку, эпохам бронзы и камня. Поздние комплексы находят отражение в этнографических материалах и поэтому отождествляются с традиционной культурой коренного населения этой территории [Археологические памятники..., 1991]. Комплексы эпохи бронзы сформировались под влиянием культурных образований с более южным ареалом распространения, но позднее обрели самостоятельный облик. Этой же чертой характеризуются и комплексы каменного века – вместе с наглядными эпохальными признаками в выделяемых в регионе культурах выразительным остается облик местной посуды и каменный инвентарь в бескерамических комплексах [Каменный и бронзовый век, 2022, с. 221, 294–301, 382, 505–509].

Одним из выявленных и частично исследованных поселенческих комплексов этих эпох в долине р. Вилюй является стоянка Куччугунуур, открытая в 1977 г. С.И. Эверстовым на прирусловом валу, примыкающем к устью одноименного левобережного притока. В основе вала, вмещающего субстрат стоянки, лежат аллювиальные наносы р. Вилюй, которые позднее были перекрыты песчаным эоловым комплексом, претерпевшим антропогенное воздействие и более поздние постседиментационные деформации. В настоящее время с тыловой части вала, на периферии с верховым болотом, произрастает густой подрост хвойных и лиственных пород деревьев. В остальной части вала встречаются одиночные деревья, луговая растительность и заросли шиповника. Заболачивание происходит из-за отсутствия дренажа суглинистой пачки делювиальных и солифлюкционных отложений, служащих своеобразным водоупором.

На выположенном гребне вала в 1979 г. вторым отрядом Приленской археологической экспедиции под руководством Н.В. Антипиной была заложена серия шурфов и раскоп, в которых были обнаружены фрагменты керамической посуды, шлак, изделия из камня и продукты его расщепления. Материалы залегали в двух культурных горизонтах, приуроченных к гумусированным и углесодержащим прослоям, разделенным песчаными наносами. В нижнем, третьем горизонте были обнаружены только фрагменты костей животных. Особенности фрагментов посуды и предметов каменной индустрии, а также факт обнаружения шлака стали основанием для определения времени функционирования стоянки в широком диапазоне от эпохи неолита до конца раннего железного века в пределах V тыс. до н.э. – I тыс. н.э. В 2022 г. в рамках изысканий по проекту «Внесение изменений в проектную документацию по объекту “Вилюйская ГЭС III” на р. Вилюй» проводилось обследование долины реки разведочным отрядом ИГИиПМНС СО РАН под руководством Р.И. Бравиной, в ходе которого были определены границы стоянки Куччугунуур и разработаны мероприятия по обеспечению ее сохранности [Акт..., 2023].

В целях сохранения культурных остатков стоянки в соответствии с разработанными мероприятиями в полевом сезоне этого года были проведены раскопки на площади 1 255,46 м^2. В культуросодержащих отложениях, залегающих на глубине от 0,3 до 1,8 м от современной поверхности, обнаружены артефакты в

количестве 6 616 экз. и археологический объект – кострище. Раскопом были изучены места концентрации культурных остатков на всю глубину их залегания.

Стратиграфический контекст залегания материалов стоянки во вмещающей их геоморфологической структуре был детально изучен путем разбивки всей площади раскопа на сетку с участками размерами 5 × 5 м (рис. 1). По сетке раскопа в торцовых и медиальной частях вала были заложены стратиграфические профили (рис. 1, *б*; 2), позволившие сформировать целостные представления об изучаемых отложениях, которые были расчленены на следующие слои с залегающими в них культурными горизонтами (далее – к.г.):

Слой 1. Дерн. Песок темно-серый, средний. Содержит включения корней травы, кустарников, мелких деревьев.

Слой 2. Песок светло-серый, средний. Включает гумусированные прослои темно-серого мелкого песка мощностью до 1,0–1,5 см. Следы пирогенеза, многочисленные угли по корням. Содержит включения корней травы, кустарников, крупных деревьев.

Слой 3. Песок светло-серый с желтоватым оттенком, средний. Подошва смята, криотурбирована. В нижней части включает оглеенные прослои темно-серого мелкого песка. Артефакты, отнесенные к первому к.г., приурочены к средней и нижней части толщи этого слоя.

Слой 4. Пачка переслаивающихся криотурбированных песков от темно-бурого до рыжеватого цвета, мелкозернистые. Пески разбиты многочисленными криогенными трещинами со следами неотектонических процессов. Артефакты, отнесенные ко второму к.г., приурочены к толще этого слоя. Нижняя граница слоя определялась по однородному характеру песка и отсутствию постседиментационных деформаций в виде трещин и сдвигов.

Слой 5. Песок сизовато-бурый, средний. Увлажнен, на его уровне начинается мерзлота. Артефакты, отнесенные к третьему к.г., приурочены к прослою темной иссиня-серой супеси (5А) в толще этого слоя. На одномоментный характер отложения культурных остатков и их седиментации на этом горизонте указывает субгоризонтальное положение предметов в одном единственном прослое. Прокопкой нижележащей толщи этого песка не было обнаружено иных артефактов.

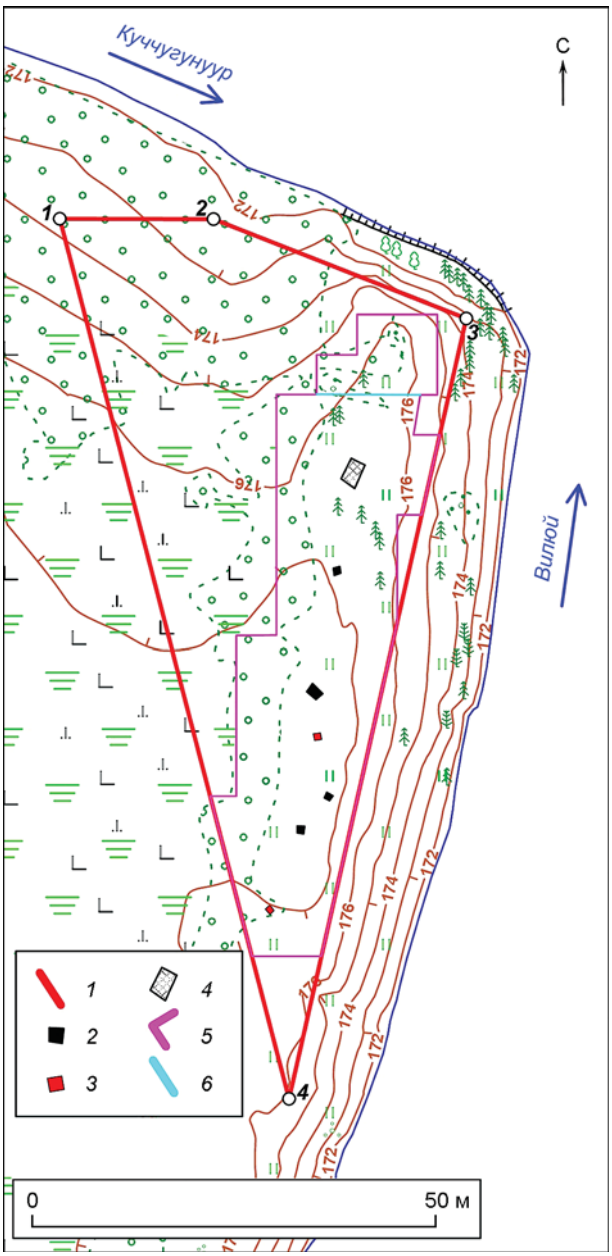

Рис. 1. Топографический план стоянки Куччугунуур.

1 – граница стоянки по результатам работ 2022 г.; *2* – шурфы 1979 г. без культурного слоя; *3* – шурфы 2022 г. с культурным слоем; *4* – раскоп 1979 г.; *5* – граница раскопа 2024 г.; *6* – расположение поперечного разреза гривы.

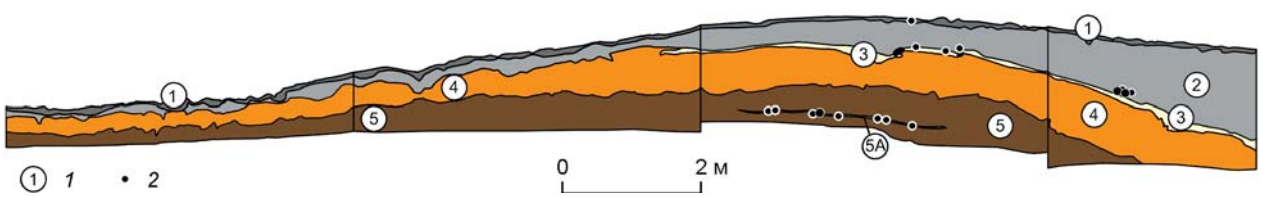

Рис. 2. Чертеж стратиграфического профиля по поперечному разрезу гривы.

1 – слои, выделяемые по результатам раскопок 2024 г.; *2* – расположение артефактов первого и третьего культурных горизонтов.

В описанных слоях были обнаружены фрагменты керамических сосудов с орнаментом и без, изделия из камня и продукты его расщепления, фрагмент изделия из кости и множество продуктов обработки кости (рис. 2, *2*). К уникальным и редким предметам относятся берестяной туесок, наполненный эпифизами костей крупных животных, плитка песчаника с петроглифом (рис. 3, *2*) и железный наконечник остроги.

Из обнаруженных фрагментов керамической посуды было реконструировано 16 сосудов, по которым используемая на стоянке посуда была охарактеризована как гладкостенная и тонкостенная со средней толщиной стенок 3–4 мм с преобладающим декором в виде налепных или обмазочных валиков (рис. 3, *1*, *3*). По этим признакам керамическая посуда стоянки была отнесена к усть-мильской культуре эпохи бронзы. Судя по имеющимся радиоуглеродным датам, культура существовала не менее 1 370 лет в пределах 1380 ± 120 – 10 ± 100 гг. до н.э., что соответствует отрезку с середины II по конец I тыс. до н.э. [Алексеев, Дьяконов, 2009, с. 26–40].

Большая часть реконструированных сосудов залегали во втором к.г., и лишь отдельные фрагменты были выявлены при исследовании первого к.г. Среди обнаруженных сосудов выделяются четыре сосуда из второго к.г. с орнаментом в виде сквозных отверстий, три с двухслойной обмазкой и один с примесью органики и шамота (рис. 3, *4*). Такие технологические особенности присущи керамике I–III типов, которые В.И. Эртюков и А.Н. Алексеев объясняли как сохранившиеся ымыяхтахские реминисценции – двухслойность теста, пояски сквозных отверстий, не рассеченные валики и примесь органики в тесте [Алексеев, 1996, с. 141, табл. 43; с. 147, рис. 2]. Также было установлено, что среди керамической посуды из первого к.г. на стоянке встречаются фрагменты с рассеченными налепными валиками и отпечатками круглых ямок или ногтевидных вдавлений, поясами ямочных вдавлений в сочетании с налепными или обмазочными валиками, а в двух из пяти сосудов к этому декору добавлены пояса из наклонных оттисков гладкого штампа (рис. 3, *3*). Такие композиции в основном относятся к раннему железному веку, в материалах которого из долины р. Вилюй сохраняются некоторые элементы усть-мильского орнамента на керамической посуде [Алексеев, 1996, с. 116]. Таким образом, в комплексе керамической посуды на стоянке выделяются три основных культурно-хроно-

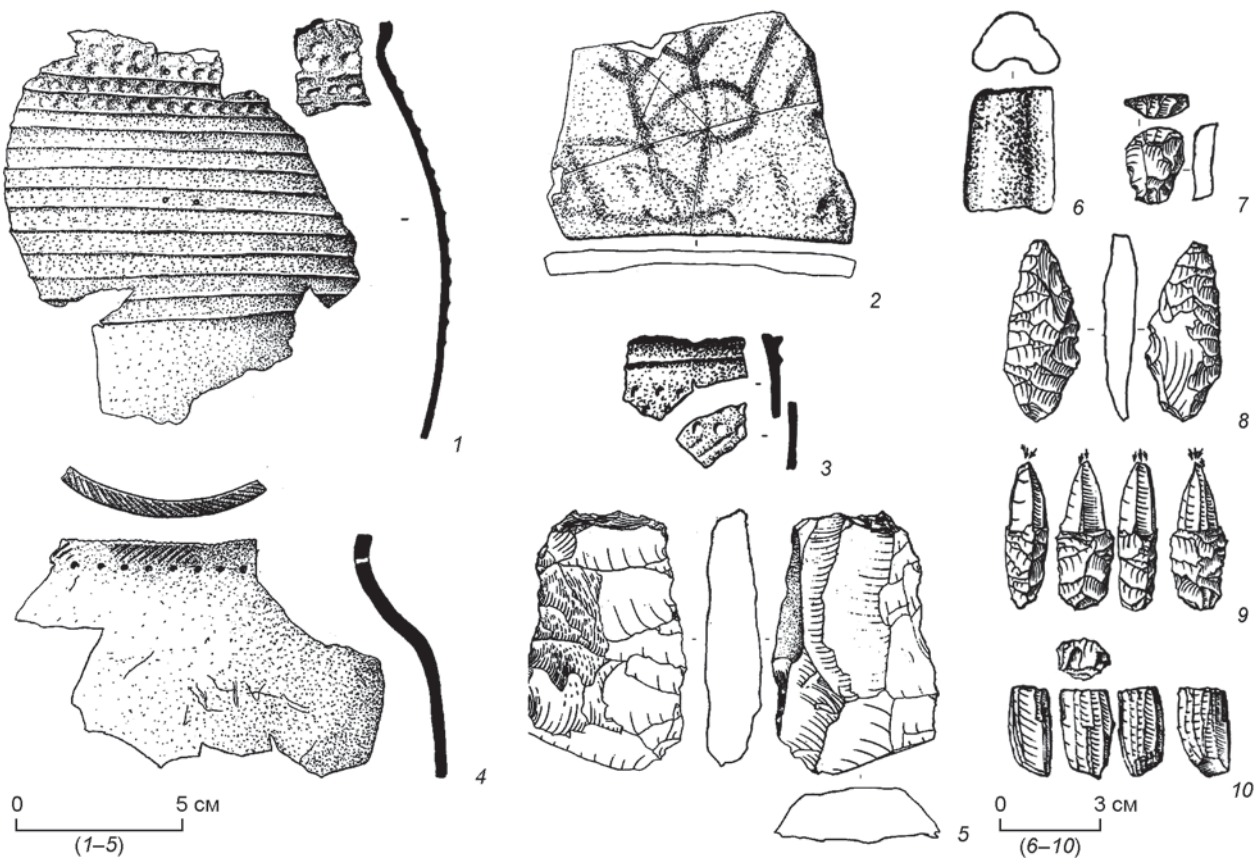

Рис. 3. Предметный комплекс из первого (*2*, *3*), второго (*1*, *4*, *6*, *7*, *8*) и третьего (*5*, *9*, *10*) культурных горизонтов стоянки Куччугунуур.

1, *4* – аппликированные фрагменты сосудов усть-мильской культуры; *2* – плитка с рисунком; *3* – фрагменты сосуда; *5* – заготовка тесла из кремнистого сланца; *6* – абразив из песчаника; *7* – концевой скребок из кремнезема; *8* – заготовка наконечника из роговика; *9* – резец многофасеточный (полиэдрический резец или nucleus-drill) из кремнезема; *10* – нуклеус призматический из яшмоида.

логических группы: с ымыяхтахскими реминисценциями позднего неолита, собственно усть-мильская посуда эпохи бронзы, обнаруженная во втором к.г., и более поздние ее метаморфозы, обнаруженные в первом к.г. и предположительно относящиеся к раннему железному веку.

Каменный инвентарь стоянки синонимично с выделяемыми культурными горизонтами можно разделить на три индустрии, каждая из которых будет свойственна одной из выделяемых культурных дефиниций (рис. 3, *5–10*). Так, для первого к.г. характерна индустрия с преобладанием отщепов с крупных галек из руслового аллювия. Изготовляемые в такой технике изделия характеризуются как скребловидные на этих крупных отщепах, рубяще-дробящие и своеобразные грузила на обколотых гальках.

Для второго к.г. характерна индустрия с преобладанием наконечников и скребков, которые изготавливались из ангарского роговика, яшмоидных и кремнеземных пород как местного, так и приносного происхождения. Полисырьевой характер индустрии и отсутствие избирательности в употреблении сырья объясняется высокой мобильностью оставившего ее древнего населения, как предполагается, осваивавшего эту территорию в эпоху бронзы (рис. 3, *6–8*).

В третьем к.г. не было обнаружено фрагментов керамической посуды, поэтому его субстратом являются остатки каменной индустрии, которая реализовывалась как на местном кремнистом сырье, так и на приносных яшмоидах и кремнеземах. Среди предметов из местного сырья преобладали отщепы и изделия на их основе, такие как тесла и схожие с ними бифасы. Артефактами из приносного сырья являлись конические и призматические нуклеусы, получаемые с их помощью пластинки и микропластины, а также изделия на их основе. К таковым можно отнести полиэдрический резец, именуемый в отечественной литературе резец многофасеточный, а в англоязычной *nucleus-drill* (рис. 3, *9*), применявшийся для обработки костяных и деревянных материалов [Археологические исследования..., 1992]. Подобные изделия в Якутии чаще всего обнаруживались Ленской археологической экспедицией, обследовавшей среднее течение р. Лены, а в 1959–1963 гг. С.А. Федосеева выделила много подобных резцов на стоянках в верхнем течении р. Вилюй [Там же, с. 127]. На основании очевидной микропластинчатой направленности каменной индустрии третьего к.г. и относимых к ней изделий этот комплекс был отнесен к позднему неолиту по аналогии с ближайшими стоянками.

В северной части раскопа при изучении отложений, вмещающих первый к.г., была найдена плитка из песчаника, имеющая следы абразивной обработки и содержащая орнаментальную композицию из антропоморфных изображений (рис. 3, *2*). Подобные мотивы встречались среди петроглифов и на бронзовых литых предметах с территории Якутии, на писаницах Лены и Ангары [Алексеев, 1996, с. 79].

В результате проведенных раскопок на стоянке Куччугунуур были детализированы стратиграфические условия залегания артефактов, получены предметы из третьего к.г. и уточнена культурно-хронологическая атрибуция стоянки. На основании имеющихся изделий из камня и металла первый к.г. следует отнести к периоду с широкими хронологическими рамками: от раннего железного века до этнографической современности, а второй к.г. определить в рамках финала эпохи бронзы – перехода к раннему железному веку, поскольку выделяемые типы реконструируемых сосудов имеют распространение на стоянках этих эпох. За неимением в составе материалов третьего к.г. фрагментов керамической посуды как наиболее устойчивого культурно-хронологического маркера, в соответствии с выделяемыми в его составе изделиями и микропластинчатым характером индустрии следует отнести его к позднему неолиту.

К перспективам дальнейшего изучения стоянки Куччугунуур следует отнести поиск артефактов за пределами границ выработанного раскопа и ее территории, поскольку вмещающая их геоморфологическая структура не была изучена полностью, а основания полагать отсутствие искомого субстрата в остальной ее части пока не сформулированы. Имеющиеся же материалы стоянки нуждаются в корреляции между выделяемыми типами сосудов, их хронологией бытования и стратиграфическим положением в пределах изученной площади стоянки. Каменная индустрия третьего к.г. нуждается в детальном атрибутивном анализе, поскольку может отражать технологические приемы и стратегию адаптации древнего человека в существовавшей там природной обстановке.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

Список литературы

Акт №15-07/23 государственной историко-культурной экспертизы раздела документации, обосновывающей меры по обеспечению сохранности объекта культурного/археологического наследия «Стоянка Куччугунуур» в Мирнинском районе Республики Саха (Якутия), при проведении земляных, мелиоративных, хозяйственных и других работ по проекту: «Внесение изменений в проектную документацию по объекту «Вилюйская ГЭС III на р. Вилюй» // Общественное обсуждение заключений историко-культурной экспертизы на интернет-портале Управления по охране объектов культурного наследия Республики Саха (Якутия). – URL: https://depohran.sakha.gov.ru/uploads/ckfinder/userfiles/2023/08/09/files/!%D0%90%D0%BA%D1%

82%20%D0%93%D0%98%D0%9A%D0%AD%2015-07-23(1) (дата обращения: 17.09.2024 г.).

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха Средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИФиЭ СО РАН, 1996. – 96 с.

Алексеев А.Н., Дьяконов В.М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 26–40.

Антипина Н.В. Каменный век Вилюя: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Якутск, 1995. – 20 с.

Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилюя, Анабара и Оленека / Ю.А. Мочанов, С.А. Федосеева, И.В. Константинов, Н.В. Антипина, В.Г. Аргунов. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

Археологические исследования в Якутии: Труды Приленской археологической экспедиции. – Новосибирск: Наука, 1992. – 192 с.

Каменный и бронзовый век // История Сибири: в 4 т. / отв. ред. М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. 1. – 660 с.

References

Akt No. 15-07/23 gosudarstvennoi istoriko-kulturnoi ekspertizy razdela dokumentatsii, obosnovyvayushchei mery po obespecheniyu sokhrannosti ob”ekta kul’turnogo (arkheologicheskogo naslediya «Stoyanka Kuchchugunuur» v Mirninskom raione Respubliki Sakha (Yakutiya), pri provedenii zemlyanykh, meliorativnykh, khozyaistvennykh i drugikh rabot po proektu: «Vnesenie izmenenii v proektnuyu dokumentatsiyu po obektu «Vilyuiskaya GES-III na r. Vilyui». In *Obshhestvennoe obsuzhdenie zakljuchenij istoriko-kulturnoj jekspertizy na internet-portale Upravlenija po ohrane obektov kulturnogo nasledija Respubliki Saha (Jakutija)*. URL: https://depohran.sakha.gov.ru/uploads/ckfinder/userfiles/2023/08/09/files/!%D0%90%D0%BA%D1%82%20%D0%93%D0%98%D0%9A%D0%AD%2015-07-23(1) (Accessed: 17.09.2024). (In Russ.).

Alekseev A.N. Drevnyaya Yakutiya: zheleznyi vek i epokha srednevekovya. Novosibirsk: IFIE SB RAS Publ., 1996. 96 p. (In Russ.).

Alekseev A.N., Dyakonov V.M. Radiocarbon chronology of Neolithic and Bronze Age cultures in Yakutia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2009. No. 3. P. 26–40. (In Russ.).

Antipina N.V. Kamennyi vek Vilyuya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Yakutsk, 1995. 20 p. (In Russ.).

Arkheologicheskie issledovaniya v Yakutii: Trudy Prilenskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Novosibirsk: Nauka, 1992. 192 p. (In Russ.).

Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A., Konstantinov I.V., Antipina N.V., Argunov V.G. Arkheologicheskie pamyatniki Yakutii. Basseiny Vilyuya, Anabara i Oleneka. Moscow: Nauka, 1991. 224 p. (In Russ.).

Shunkov M.V. (ed.) Kamennyi i bronzovyi vek. In *Istoriya Sibiri*: v 4 tomakh. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 1. 660 p. (In Russ.).

Бычков Д.А. https://orcid.org/0000-0002-7646-9740
Когай С.А. https://orcid.org/0000-0003-4232-9587
Голованенко М.В. https://orcid.org/0009-0008-9620-314X
Галажинский И.А. https://orcid.org/0009-0000-3802-0486
Яковлев А.О. https://orcid.org/0009-0003-2453-4795
Дедов И.Е. https://orcid.org/0000-0001-6164-4094
Ревединский В.С. https://orcid.org/0009-0004-1187-8887
Монова А.П. https://orcid.org/0009-0001-2957-4484
Выборнов А.В. https://orcid.org/0000-0002-9063-5223

Дата сдачи рукописи: 24.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0989-0995
УДК 903.4

И.А. Вальков[1, 2]✉, С.Е. Егорченко[1], Н.Е. Горлышкин[1], А.В. Выборнов[2]

[1]Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
Кемерово, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: valkov.i@outlook.com

Результаты полевых исследований стоянки Хоронноох-Вилюйский в Мирнинском районе Республики Саха (Якутия) в 2024 году

Статья посвящена результатам спасательных археологических работ, проведенных на стоянке Хоронноох-Вилюйский (Якутия). Памятник расположен на приустьевом мысе р. Хоронноох (приток р. Вилюй). В процессе полевых исследований была изучена вся площадь памятника. Получены материалы, относящиеся к эпохе неолита (сыалахская и белькачинская археологические культуры V–III тыс. до н.э.). Коллекцию каменных артефактов представляют нуклеусы, пластины, скребки, каменные топоры, шлифованное тесло, наконечник стрелы, фрагмент бифаса, многочисленные сколы. Обнаруженные фрагменты керамических сосудов немногочисленны и невыразительны. Тем не менее среди них присутствуют экземпляры, имеющие технический сетчатый декор, маркирующий сыалахскую культуру раннего неолита. На возможное присутствие на стоянке белькачинского комплекса среднего неолита указывают топоры «с ушками» и шлифованное тесло. Помимо материалов неолита встречены немногочисленные находки более позднего времени: фрагменты керамики усть-мильской культуры бронзового века, железный нож. На стоянке не было выявлено каких-либо хозяйственных объектов и следов жилищ. Культурный слой не сформирован в силу эрозии почв, геоморфологических процессов и эпизодического характера пребывания людей на территории стоянки. Однако фиксируются отдельные скопления на местах расщепления камня, включающие многочисленные сколы, нуклеусы и пластины из одного сырья. В статье выдвигается гипотеза о функционировании стоянки исключительно в качестве технологической площадки по первичной обработке камня с последующей транспортировкой на место базового поселка. Полученные в ходе работ материалы имеют значительную ценность для исследования каменной индустрии неолита Якутии и обладают потенциалом для дальнейшего изучения.

Ключевые слова*: Якутия, неолит, сыалахская культура, белькачинская культура, усть-мильская культура, каменная индустрия, стоянка, реки Вилюй и Хоронноох.*

I.A. Valkov[1, 2]✉, S.E. Egorchenko[1], N.E. Gorlyshkin[1], A.V. Vybornov[2]

[1]Institute of Human Ecology of the Federal Research Center
Institute of Coal and Coal Chemistry SB RAS
Kemerovo, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: valkov.i@outlook.com

Results of Field Research of the Khoronnookh-Vilyuisky Site in the Mirny District of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2024

The article provides the results of rescue archaeological work carried out at the Khoronnookh-Vilyuisky site (Yakutia). The site is situated on the cape near the mouth of the Khoronnookh River (a tributary of the Vilyui River). During the research, the entire area of the site was studied, and materials related to the Neolithic (Syalakh and Belkachi archaeological cultures of the 5th–3rd millennia BC) were obtained. The collection of stone artifacts includes cores and plates, scrapers, stone axes, a polished adze, an arrowhead, and numerous flakes. The discovered fragments of ceramic vessels are few in number and inexpressive. However, they include fragments with technical mesh decor, marking the Syalakh culture of the early Neolithic. At the same time, possible presence of the Belkachi complex of the middle Neolithic is indicated by eared axes and a polished adze. In addition to the Neolithic materials, there were a few finds from a later period: fragments of ceramic vessels of the Ust-Mil culture of the Bronze Age, and an iron knife. No economic objects or dwelling remains were found at the site. The cultural layer was not formed due to soil

erosion, geomorphological processes, and sporadic character of people staying at the site. However, individual clusters were recorded in locations of stone splitting, including numerous flakes, cores and plates made of the same raw material. The article puts forward a hypothesis about the use of the entire site exclusively as a technological platform for primary stone processing and the manufacture of stone products with their subsequent transportation to the base settlement. The materials obtained during the work are very important for the study of the stone industry of the Neolithic of Yakutia and have the potential for further study.

Keywords: *Yakutia, Neolithic, Syalakh culture, Belkachi culture, Ust-Mil culture, stone industry, Vilyui and Khoronnookh Rivers.*

Введение

В полевом сезоне 2024 г. Вилюйской археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН исследовались четыре разновременных археологических объекта на берегах р. Вилюй в Мирнинском р-не Республики Саха (Якутия). Поводом для широкомасштабных спасательных работ стало расположение памятников в зоне воздействия водохранилища Вилюйской ГЭС-3 [Бравина, 2023, т. 1, с. 7–8]. В настоящей статье представлены предварительные итоги полевых работ на стоянке Хоронноох-Вилюйский, исследование которой осуществлялось отрядом лаборатории археологии ФИЦ УУХ СО РАН (г. Кемерово) совместно с ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск).

Стоянка Хоронноох-Вилюйский была открыта в 2022 г. [Бравина, 2023]. Она располагается на невысоком уплощенном приустьевом мысе правого берега р. Хоронноох – притока р. Вилюй. В 2022 г. на площади памятника было заложено три разведочных шурфа, в которых отсутствовали какие-либо археологические материалы. Однако на современной дневной поверхности и под слоем хвойного опада был собран подъемный материал из 67 предметов, преимущественно представленных мелкими и средними отщепами, фрагментами ножевидных пластин, обломком двусторонне обработанного каменного орудия, а также единственным фрагментом керамики [Николаев, 2023, с. 67]. По наличию затертого технического сетчатого декора на обнаруженном фрагменте сосуда, а также особенностям пластинчатой индустрии выявленный памятник предварительно был соотнесен с сыалахской культурой раннего неолита (V–IV тыс. до н.э.).

В ходе спасательных полевых работ 2024 г. раскопом была исследована вся площадь археологического объекта (6 047 м^2). Полученные в ходе данных раскопок материалы, а также их предварительная интерпретация представлены в настоящей статье.

Особенности стратиграфии и планиграфии стоянки. Каменная индустрия

В результате проведенных на стоянке Хоронноох-Вилюйский раскопок, с одной стороны, подтвердилась выдвинутая первооткрывателями гипотеза об отсутствии на площади памятника культурного слоя в его классическом понимании. Подавляющее большинство артефактов было расположено на дневной поверхности, в дерновом слое и непосредственно под ним. Более 70 % из 2 тыс. обнаруженных артефактов были зафиксированы на глубине не более 10 см от современной дневной поверхности. Каких-либо хозяйственных объектов или следов жилищ выявить не удалось. Тем не менее в ходе раскопок была получена хоть и немногочисленная для исследованной площади, но достаточно яркая коллекция неолитической каменной индустрии, а также отдельные находки, свидетельствующие о посещении памятника в более поздние исторические эпохи.

Несформированность культурного слоя объясняется, по-видимому, несколькими факторами, среди которых можно назвать почвенную эрозию, геоморфологические процессы, редкие и короткие периоды обитания на этой территории. Планиграфическая ситуация демонстрирует отсутствие какой-либо видимой обусловленности распределения артефактов по площади стоянки. Наиболее значительная концентрация находок приурочена к склонам приустьевого мыса и их подошвам, что обусловлено деятельностью водных стоков. Тем не менее были зафиксированы локальные скопления на местах обработки камня, вероятно, сохранившиеся *in situ* и включающие нуклеусы, пластины и сколы из одного материала. Такие скопления расположены на уплощенной поверхности вдоль края мыса и маркируют места, где производилось расщепление камня и изготовление из него орудий.

Предметы каменной индустрии составляют основу полученной в ходе раскопок коллекции артефактов (1 124 ед.). Две трети от указанного числа (65 %) составляют битый камень и сколы без каких-либо признаков вторичной обработки. Весь обнаруженный на территории стоянки каменный материал без следов расщепления является перемещенным с других участков на р. Вилюй. Достаточно представительной является пластинчатая индустрия, состоящая из 145 пластин и их фрагментов, а также пластинчатых сколов (рис. 1, *8–11*). Длина пластин колеблется от 7 до 107 мм. Некоторые из них дополнительно оформлены ретушью. Наиболее интересной находкой является серия из 12 нуклеусов различных размеров, имеющих достаточно значительное фиксируемое число произведенных с них снятий (рис. 1, *1–5*). О мастерстве жителей стоянки свидетельствуют находки нуклеусов крайне малых размеров (рис. 1, *3*). В основном изделия имеют конусовидную форму, однако в коллекции присутствует также один дисковидный нуклеус (рис. 1, *4*).

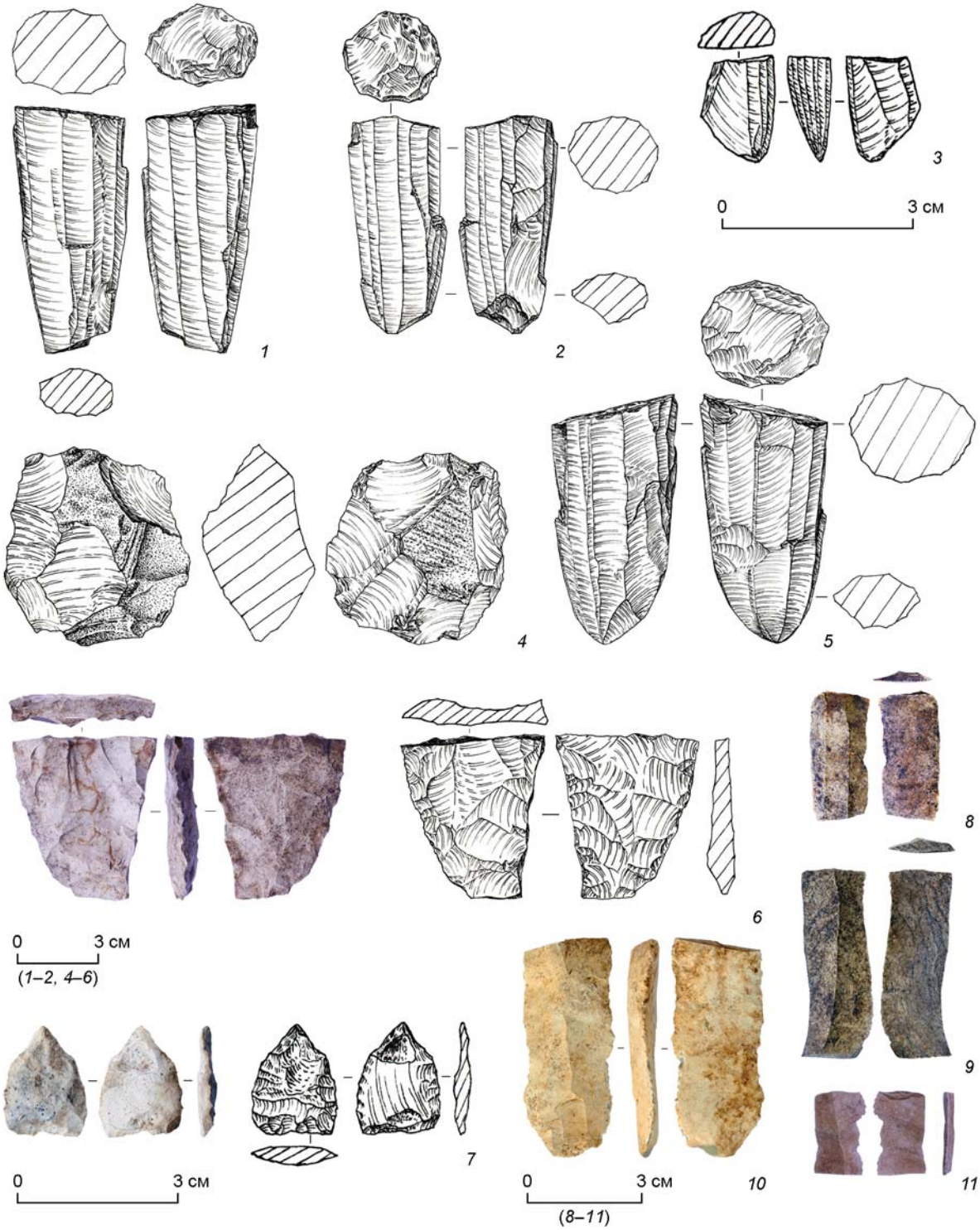

Рис. 1. Каменная индустрия стоянки Хоронноох-Вилюйский.
1–5 – нуклеусы; *6* – фрагмент бифаса; *7* – наконечник стрелы; *8–11* – пластины.

К сфере камнеобработки относятся 13 обнаруженных отбойников, изготовленных из галек и валунов разного размера. Они имеют следы забитости на одном или двух выступающих краях.

Сырьем для изготовления обнаруженных на памятнике изделий в основном служили песчаник, кварцит, кремень, яшма, халцедон. В 6,5 км от памятника выше по течению р. Вилюй располагается современный карьер, осмотр которого позволил заключить, что все указанные горные породы имеют местное происхождение и могли добываться в непосредственной близости от стоянки.

Среди обнаруженных на памятнике каменных орудий труда и изделий наиболее многочисленной

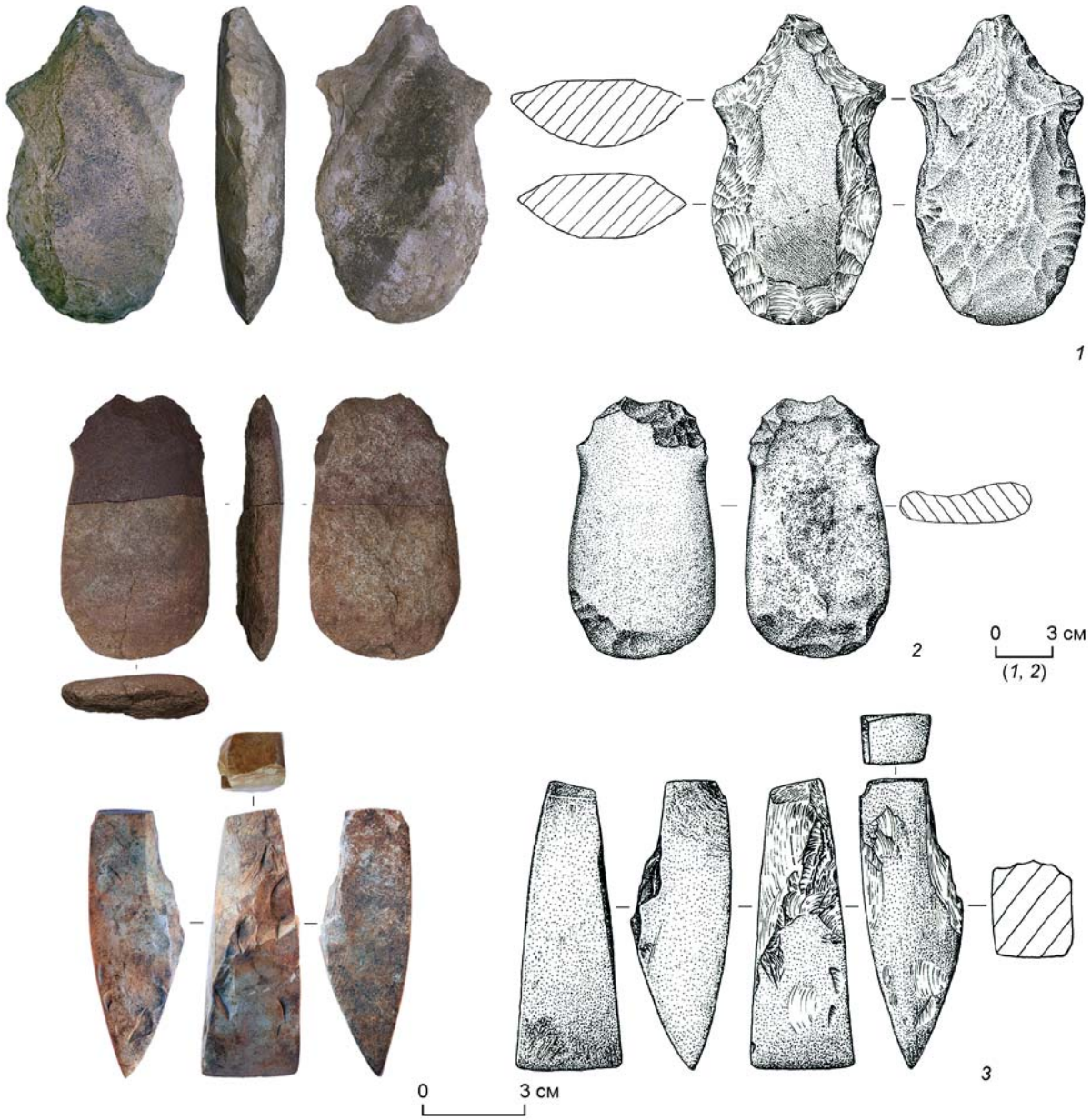

Рис. 2. Каменная индустрия стоянки Хоронноох-Вилюйский.
1, *2* – топоры; *3* – тесло.

является категория скребков и скребел – 49 экз. Все они имеют классическую для подобных предметов морфологию и выполнены на сколах (в т.ч. пластинчатых). По одному экземпляру встречены каменный наконечник стрелы (рис. 1, *7*) и фрагмент бифаса (рис. 1, *6*).

Отличительной чертой каменной индустрии стоянки является наличие двух каменных топоров «с ушками» (рис. 2, *1*, *2*). Примечательно, что оба топора изготавливались техникой оббивки. В коллекции имеется еще несколько массивных заготовок и форм, оформленных оббивкой, которые потенциально могут являться незавершенными каменными топорами. В единственном экземпляре было обнаружено шлифованное тесло (рис. 2, *3*).

Керамический комплекс и культурно-хронологическая атрибуция

Вопрос установления точной датировки и культурной принадлежности стоянки достаточно сложен сразу по нескольким причинам. Во-первых, в силу отсутствия пригодного для радиоуглеродного датирования органического материала. Три выявленных скопления костей явно относятся к гораздо более позднему времени, залегая в дерне вместе с железным ножом и нехарактерной для неолита керамикой. Во-вторых, обнаруженный на памятнике керамический материал немногочисленный и невыразительный, имеет плохую сохранность. Всего в ходе раскопок было обнаружено 365 фрагментов керамических

сосудов (18,4 % от всей коллекции артефактов). Более половины из них имеют технический декор, и лишь единичные фрагменты – орнамент. В-третьих, облик полученного каменного инвентаря характерен практически для всех этапов неолита Якутии, а вопросы его культурно-хронологической дифференциации дискуссионны.

Тем не менее следует отметить, что неолитический возраст ключевого комплекса стоянки не вызывает сомнений. Подтверждают первоначальную гипотезу отнесения памятника к сыалахским древностям немногочисленные находки керамики с сетчатым техническим декором (рис. 3, *2–6*). Однако основу керамического комплекса составляют либо неорнамен-

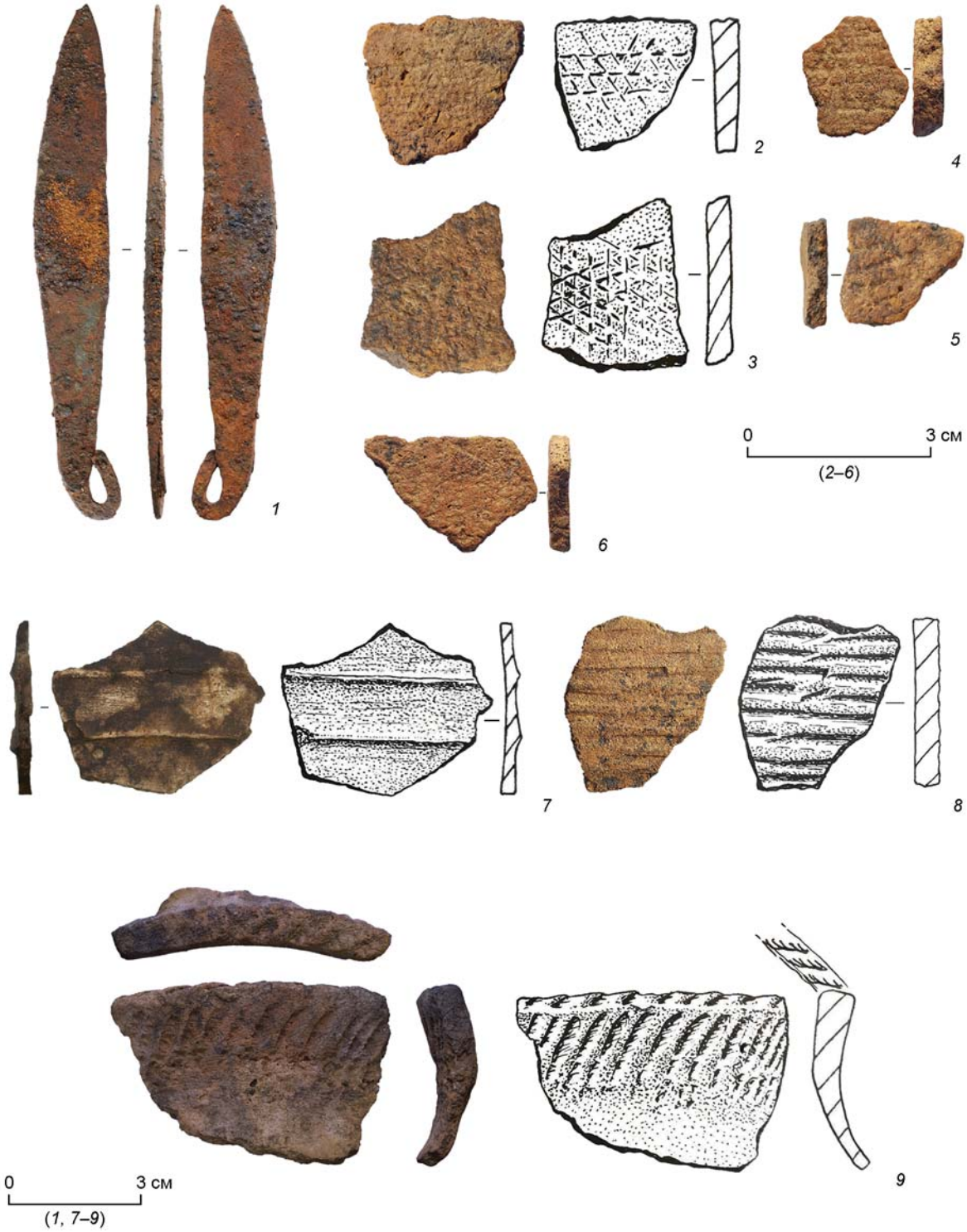

Рис. 3. Изделия из керамики и металла стоянки Хоронноох-Вилюйский.
1 – железный нож; *2–9* – фрагменты керамических сосудов.

тированные фрагменты сосудов, либо фрагменты тулова, имеющие технический декор в виде расчесов (рис. 3, *8*).

Основная масса каменного инвентаря (нуклеусы, пластины, скребки, наконечник стрелы) в данном случае не является надежным культурно-хронологическим маркером, поскольку может быть связана как с разными периодами неолита, так и иными археологическими эпохами. В то же время отдельные исследователи склонны относить аналогичные обнаруженным на стоянке Хоронноох-Вилюйский топоры «с ушками» к белькачинской культуре среднего неолита [Алексеев, 1996, с. 49, табл. 34; История Сибири, 2022, с. 296–297]. Для нее же, в сравнении с сыалахской, более характерным является наличие шлифованных орудий.

Учитывая вышесказанное, можно говорить о том, что полученные неолитические материалы, вероятно, относятся исключительно к сыалахской или же к сыалахской и белькачинской культурам раннего и среднего неолита.

Помимо неолитического комплекса на памятнике обнаружены единичные находки более поздних эпох, представленные фрагментами венчиков и тулова керамических сосудов, железным ножом (рис. 3, *1*). Среди керамики выделяются фрагменты стенок, имеющие сквозные отверстия и округлые вдавления, тонкостенные фрагменты как минимум с двумя рядами нерассеченных валиков (рис. 3, *7*), а также отогнутый венчик сосуда, украшенного косыми отпечатками штампа по краю и в зоне под ним (рис. 3, *9*). Указанные формы художественного оформления керамических сосудов разительно отличаются от достаточно специфической керамики неолита и находят аналогии в материалах усть-мильской культуры бронзового века (середина II – середина I тыс. до н.э.) [Эртюков, 1990, с. 84–92, табл. 1–10].

Примечателен железный нож, находка которого связана с одним из трех обнаруженных в дерновом слое скоплений жженых костей животных. Предположительно предмет относится к эпохе Средневековья – Новому времени. В любом случае, учитывая единичность отличных от неолитических артефактов, следует говорить лишь об эпизодических фактах посещения людьми территории данной стоянки в более поздние эпохи.

Стоит обозначить функциональную направленность исследованной неолитической стоянки. Согласно нашей точке зрения, она является не чем иным, как использовавшейся в течение достаточно короткого промежутка времени технологической площадкой по камнеобработке. Вероятно, здесь производилось только первичное расщепление каменных желваков и изготовление орудий, после чего уже готовые предметы транспортировались на место базовой стоянки. Об этом прямо или косвенно может говорить как тот факт, что на площади памятника отсутствуют следы каких-либо объектов, демонстрирующих длительное стационарное проживание людей (очаги, хозяйственные и столбовые ямы и пр.), так и то, что обнаруженные каменные орудия (многочисленные скребки, топоры, тесло), согласно предварительной оценке, не несут на себе признаков их утилитарного использования (отсутствует заполированность изделий). Близость источников каменного сырья хотя и была важным фактором для неолитического населения, но все же могла не совпадать с традиционно используемыми охотничьими угодьями или местами рыбной ловли.

На дифференциацию ранненеолитических стоянок Якутии обращал внимание Ю.А. Мочанов, который определял «нижние стоянки» (т.е. стоянки на невысоких террасах и поймах, как и Хоронноох-Вилюйский) как временные стойбища, используемые исключительно в период низкого летнего уровня воды [Мочанов, 1969, с. 157–158]. На таких нижних стоянках эпизодически проживала только часть обитателей «верхних» базовых стоянок. Не следует исключать, что наличие таких временных «нижних» стоянок могло быть обусловлено в т.ч. необходимостью доступа к более отдаленным от основной стоянки источникам каменного сырья.

Заключение

В силу особенностей сохранности археологического памятника (эрозия почв, поверхностное залегание и немногочисленность материалов) полученные в ходе проведения спасательных археологических работ на стоянке Хоронноох-Вилюйский сведения весьма отрывочны с культурно-хронологической точки зрения. Тем не менее полученные материалы достаточно ценны с точки зрения изучения камнеобработки. Полученные артефакты, а также зафиксированные скопления позволяют реконструировать весь производственный цикл по изготовлению предметов из камня. Коллекция обнаруженных каменных артефактов обладает значительным потенциалом для дальнейшего изучения, в т.ч. с применением ремонтажа, технологичекого и трасологического анализов. Технологическая направленность стоянки позволяет предполагать возможность наличия на некотором удалении от нее более крупной базовой долговременной сыалахской или белькачиснкой стоянки.

Благодарности

Работа А.В. Выборнова по камеральной обработке артефактов, изучению планиграфии и стратиграфии памятника проведена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

Работа И.А. Валькова, С.Е. Егорченко и Н.Е. Горлышкина по интерпретации и культурно-хронологической ат-

рибуции артефактов проведена в рамках государственного задания, проект № АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Также авторы статьи благодарны В.О. Сайберт, подготовившей рисунки артефактов, и Д.Ю. Кадочникову, выполнившему предварительные минералогические определения пород камня.

Список литературы

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 144 с.

Бравина Р.И. Отчет о результатах разведочных работ в зоне затопления Вилюйской ГЭС-III в Мирнинском районе Республики Саха (Якутия) в 2022 г. Открытый лист № 1472-2022. В 3 т. – Якутск, 2023. – Т. 1. – 177 с.; т. 2. – 250 с.; т. 3. – 163 с.

История Сибири: в 4 т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. 1: Каменный и бронзовый век. – 660 с.

Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. – М.: Наука, 1969. – 255 с.

Николаев Е.Н. Предварительные результаты археологической разведки в зоне затопления Вилюйской ГЭС в 2022 году // Культурное наследие народов Северо-Востока РФ: проблемы и перспективы. – Якутск: Сев.-Вост. фед. ун-т, 2023. – С. 56–70.

Эртюков В.И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. – М.: Наука, 1990. – 152 с.

References

Alekseev A.N. Drevnyaya Yakutiya: neolit i epokha bronzy. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1996. 144 p. (In Russ.).

Bravina R.I. Otchet o rezul'tatakh razvedochnykh rabot v zone zatopleniya Vilyuiskoi GES-III v Mirninskom raione Respubliki Sakha (Yakutiya) v 2022 gody. Otkrytyi list No. 1472-2022. V 3 tomakh. Yakutsk, 2023. Vol. 1. 177 p. Vol. 2. 250 p. Vol. 3. 163 p. (In Russ.).

Ertyukov V.I. Ust'-mil'skaya kul'tura epokhi bronzy Yakutii. Moscow: Nauka, 1990. 152 p. (In Russ.).

Istoriya Sibiri: in 4 vol. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 1: Kamennyi i bronzovyi vek. 660 p. (In Russ.).

Mochanov Y.A. Mnogosloinaya stoyanka Bel'kachi I i periodizatsiya kamennogo veka Yakutii. Moscow: Nauka, 1969. 255 p. (In Russ.).

Nikolaev E.N. Predvaritel'nye rezul'taty arkheologicheskoi razvedki v zone zatopleniya Vilyuiskoi GES v 2022 godu. In *Kul'turnoe nasledie narodov Severo-Vostoka RF: problemy i perspektivy*. Yakutsk: Severo-Vostochnyi federal'nyi universitet, 2023. P. 56–70. (In Russ.).

Вальков И.А. https://orcid.org/0000-0003-2104-5542
Егорченко С.Е. https://orcid.org/0000-0003-2242-857X
Горлышкин Н.Е. https://orcid.org/0000-0002-1710-2877
Выборнов А.В. https://orcid.org/0000-0002-9063-5223

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.0996-1003
УДК 902.2(571.56)

А.В. Выборнов✉, В.М. Дьяконов, К.О. Базарная, И.А. Деманов, Н.Н. Ковалева, И.С. Кумскова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru

Материалы раскопок многослойной стоянки Хатынгнаах II на среднем Вилюе в 2024 году

В статье представлены первые результаты спасательных археологических раскопок на многослойной стоянке Хатынгнаах II, расположенной в зоне воздействия водохранилища Вилюйской ГЭС-3. Стоянка была открыта ПАЭ и исследовалась Н.В. Антипиной в 1979–1982 гг. Раскопки осложнялись наличием многолетнемерзлых грунтов, высоким уровнем воды, а также нарушениями культурных отложений постседиментационными процессами. В ходе раскопок выявлены находки и объекты, связанные с обитанием человека на этой местности в периоды верхнего палеолита или мезолита, эпохи неолита, бронзы, раннего железа, Средневековья – этнографической современности. К наиболее ранним относятся отдельные кости крупных млекопитающих мамонтового комплекса и скопления каменных артефактов в слое темно-серых супесей на глубине 4–5 м от современной дневной поверхности. Большая часть культурных отложений, отражающих наиболее активный период освоения территории, связан с параллельно-слоистой пачкой темно-серых супесей и желтых песков. Они датируются периодом раннего неолита и определяются по большому числу фрагментов керамических сосудов с «сетчатым» орнаментом, ассоциируемым с сыалахской культурой. Следующий период заселения связан с редкими находками среднего неолита. К нему относится и единственное погребение, обнаруженное на стоянке, аналогии которому находятся в известных захоронениях белькачинской культуры. Периоды обитания последних 4 тыс. лет связаны со слоями супесей верхних горизонтов без ясных и четких границ. Поздний неолит представлен несколькими фрагментами посуды с «вафельным» орнаментом и скоплениями каменных и костяных артефактов, характерных для ымыяхтахской культуры. Эпоха бронзы отражена в серии сосудов с тремя основными типами орнаментации – выглаженные валики, гладкостенные с полусферическими вдавлениями, а также многорядные композиции из рядов жемчужин, ямочек и выглаженных валиков. К позднейшим периодам заселения этой территории относятся следы металлургического производства, а также бытовые изделия XIX–XX вв.

Ключевые слова: *средний Вилюй, река Хатынгнаах, верхний палеолит, мезолит, неолит, эпоха бронзы, сумнагинская культура, сыалахская культура, белькачинская культура, ымыяхтахская культура, многослойная стоянка.*

A.V. Vybornov✉, V.M. Dyakonov, K.O. Bazarnaya, I.A. Demanov, N.N. Kovaleva, I.S. Kumskova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru

Materials of Excavations of the Khatyngnaakh II Multilayer Site on the Middle Vilyui in 2024

The article provides the first results of rescue archaeological excavations at the Khatyngnaakh II multilayer site, located in the impact zone of the Vilyui HPP-3 reservoir. The site was discovered by PAE and investigated by N.V. Antipina in 1979–1982. Excavations were complicated by the presence of permafrost soils, high water level, and disturbance of cultural deposits by post-sedimentation processes. The excavations revealed finds and objects related to human habitation in the area during the Upper Paleolithic or Mesolithic, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Medieval to ethnographic modernity. The earliest finds include individual bones of large mammals of the mammoth complex and clusters of stone artifacts in a layer of dark-gray sandy loam at a depth of 4–5 meters from the modern surface. Most of the cultural deposits, reflecting the most active period of development of the territory, are associated with a parallel-layered pack of dark-gray sandy loam and yellow sand. They date to the Early Neolithic period and are identified by a large number of fragments of ceramic vessels with "reticulated" ornamentation associated

with the Syalakh culture. The next period of settlement is associated with rare Middle Neolithic finds. The only burial found at the site, analogous to the known burials of the Belkachi culture, belongs to this period. The habitation periods of the last four thousand years are associated with the layers of sandy loam of the upper horizons without clear and distinct boundaries. The Late Neolithic is represented by several fragments of dishes with the "waffle" ornamentation and clusters of stone and bone artifacts typical of the Ymyyakhtakh culture. The Bronze Age is expressed in a series of vessels with three main types of ornamentation–smoothed rolls, smooth-walled with hemispherical indentations, as well as tiered compositions of rows of pearls, dimples and smoothed rolls. To the later periods of settlement of this territory belong traces of metallurgical production, as well as household products of the 19th–20th centuries.

Keywords: *Middle Vilyui, Khatyngnaakh River, Upper Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, Bronze Age, Sumnagin culture, Syalakh culture, Belkachi culture, Ymyyakhtakh culture, multilayer site.*

Введение

В 2024 г. Вилюйская археологическая экспедиция ИАЭТ СО РАН проводила спасательные раскопки на четырех стоянках в зоне воздействия водохранилища Вилюйской ГЭС-3. Памятники расположены в восточной части Среднесибирского плоскогорья – на Мархинско-Вилюйском трапповом плато на берегах р. Вилюй, в приустьевых районах ее притоков – рек Улахан-Ботуобуя, Куччугнуур, Хатынгнаах, Хоронноох (рис. 1). В настоящей статье представлены результаты раскопок стоянки Хатынгнаах II.

Место расположения стоянки Хатынгнаах II весьма примечательно – это редкое совпадение рельефных условий, при которых образовалась площадка шириной 40–150 м между Вилюем и его притоком р. Хатынгнаах (якутский топоним, обозначающий «с березами»). Ограниченная с одной стороны высоким, крутым берегом Вилюя, а с другой заболоченным понижением правобережья Хатынгнааха, площадка плавно понижается на протяжении 3,4 км с СЗ на ЮВ от р. Халамлыыр до устья р. Хатынгнаах (рис. 1). По-видимому, поверхность периодически затапливается (высокая пойма).

В истории открытия и наименования стоянки Хатынгнаах II присутствуют противоречия между отчетными документами и публикациями. Отметим, что как Хатынгнаах I материалы исследуемой стоянки

Рис. 1. Карта расположения стоянок в зоне воздействия водохранилища Вилюйской ГЭС-3 (Светлинская) в Мирнинском р-не Республики Саха (Якутия).

1 – Улахан-Ботуобуя II; *2* – Куччугнуур; *3* – Хатынгнаах II (общий вид на раскоп с юга); *4* – Хоронноох-Вилюйский.

были обозначены в публикации Н.В. Антипиной от 1982 г. [1982], а также в переиздании основных работ по ымыяхтахской культуре С.А. Федосеевой в 2017 г. [Мочанов, Федосеева, 2017, с. 255]. В своде памятников 1991 г. [Мочанов и др., 1991, с. 36], диссертации Н.В. Антипиной и ее последующих публикациях [1995, с. 6; 2015] стоянка известна под наименованием Хатынгнаах II.

В 1979–1981 гг. на стоянке Хатынгнаах II Н.В. Антипиной были проведены археологические раскопки и заложена серия шурфов [1979, 1980а, б, 1981]. О работах 1982 г. известно из публикаций [Мочанов и др., 1991, с. 36]. Раскопки стоянки Хатынгнаах II в 1979–1982 гг. представили материал в составе восьми культурных слоев (от мезолита до эпохи бронзы), на который в значительной мере опирались последующие работы по археологии бассейна Вилюя, особенно каменного века [Антипина, 1995]. Известные сейчас границы стоянки были определены в 2022 г. разведкой ИГИиПМНС СО РАН [Бравина, 2023]. В 2024 г. раскопками изучена полоса вдоль берега Вилюя протяженностью до 200 м, шириной до 30 м, площадью 2,5 тыс. м^2.

Общая характеристика планиграфии и стратиграфии стоянки

Стратиграфия памятника разделяется на три условных участка, отражающих сложную историю осадконакопления и постседиментационных процессов (рис. 2). Участки последовательно вытянуты вдоль русла Вилюя, отличаются морфологией слоев, их насыщенностью культурными составляющими и гипсометрическими отметками синхронных отложений. Наиболее высоко залегают отложения на западном участке. Здесь фиксируется относительно спокойное осадконакопление, нарушаемое лишь мерзлотными процессами – слои лежат относительно ровно, параллельно, плавно опускаясь вниз по течению, на восточную сторону. Под культуросодержащими слоями выявляются последовательности песков, частично сортированных (слои 16, 18), а также слои (17) с большим содержанием мерзлого дерева, принесенного древними ледоходами или поднятием уровня воды. На границе западного и центрального участков фиксируется катастрофическое изменение последовательности слоев, отложения с предметами раннего неолита и древнее опускаются, меняется их морфология и состав, проявляется смешение осадков, синхронные которым лежат западнее в достаточно ясной последовательности (рис. 2, *1*, *2*). На центральном участке раскопа слои раннего неолита (6–8) залегают в много- и толсто-слоистой пачке песков и супесей, которая плавно расширяется на восток, в сторону их углубления и общего понижения. Их подстилают слои, которые могут ассоциироваться с ранним голоценом (9–11) (рис. 2, *3*, *4*). Глубже них в центральной части фиксируется небольшое распространение слоя 19, в котором обнаружены предметы, связанные, предположительно, с верхним палеолитом. Эти слои расположены ниже современного уреза воды, при вскрытии мерзлота оттаивала и раскоп затапливался. Далее на восток от раскопа 1979–1981 гг., на границе центрального и восточного участков проявляются изменения осадконакопления – слоистая пачка, ассоциируемая с периодом между средним и поздним неолитом (слой 4), расширяется. Восточный участок стратиграфии представляет собой сильно расширенный слой 4, который подстилают слои 5 (уже практически без предметов, в отличие от западных участков) и 6–8 с ранненеолитическими предметами. Фрагментарно выступают слои более раннего времени (10, 12). В кровле слоя 4 на востоке проявляются новые слоистые пески и супеси (21), а под ними относительно монотонные слои, которые не находят соответствия в стратиграфии центрального и западного участков (слой 22). Соответственно этому углублению слоев раннего неолита расширяются верхние слои, включающие материалы от эпохи позднего неолита и моложе – на западном краю их суммарная мощность от современной дневной поверхности составляет ок. 0,7 м, на восточном – 1,5 м (рис. 2, *5*, *6*).

Общий генезис литологических слоев связан с субаэральными процессами и, вероятно, воздействием высокой поймы Вилюя и Хатынгнааха. Последние процессы проявляются в регулярной слоистости песков и супесей (слой 6 и глубже). Об элювиально-делювиальных и аллювиальных образованиях в отложениях стоянки Хатынгнаах свидетельствуют слоистые пески и супеси, а также включения хорошо окатанного галечного материала, угловатых обломков песчаника, долеритов, дресвы и грубозернистого песка. Большое количество древесины в ранненеолитических и подлежащих отложениях отражают, скорее всего, сильную залесенность поверхности стоянки в эти периоды, что должно быть показателем более мягкого и более влажного климата, чем сейчас.

На основании выявленных предметов и структур устанавливаются основные планиграфические характеристики стоянки. В первую очередь, следует отметить значительную неоднородность горизонтальных поверхностей в раскопе. Они нарушены склоновыми и мерзлотными процессами, которые ясно прослеживаются в стратиграфии и соответственно в плане – это трещины и разломы, западения слоев. На западном участке стоянки концентрация находок относительно невелика. Редкие объекты и предметы залегают, как правило, горизонтально, кроме склоновых частей. На центральном участке стоянки концентрация находок в горизонтах раннего неолита повышается, это явный центр стоянки этого периода. Слои залегают субгоризонтально, но положение объектов

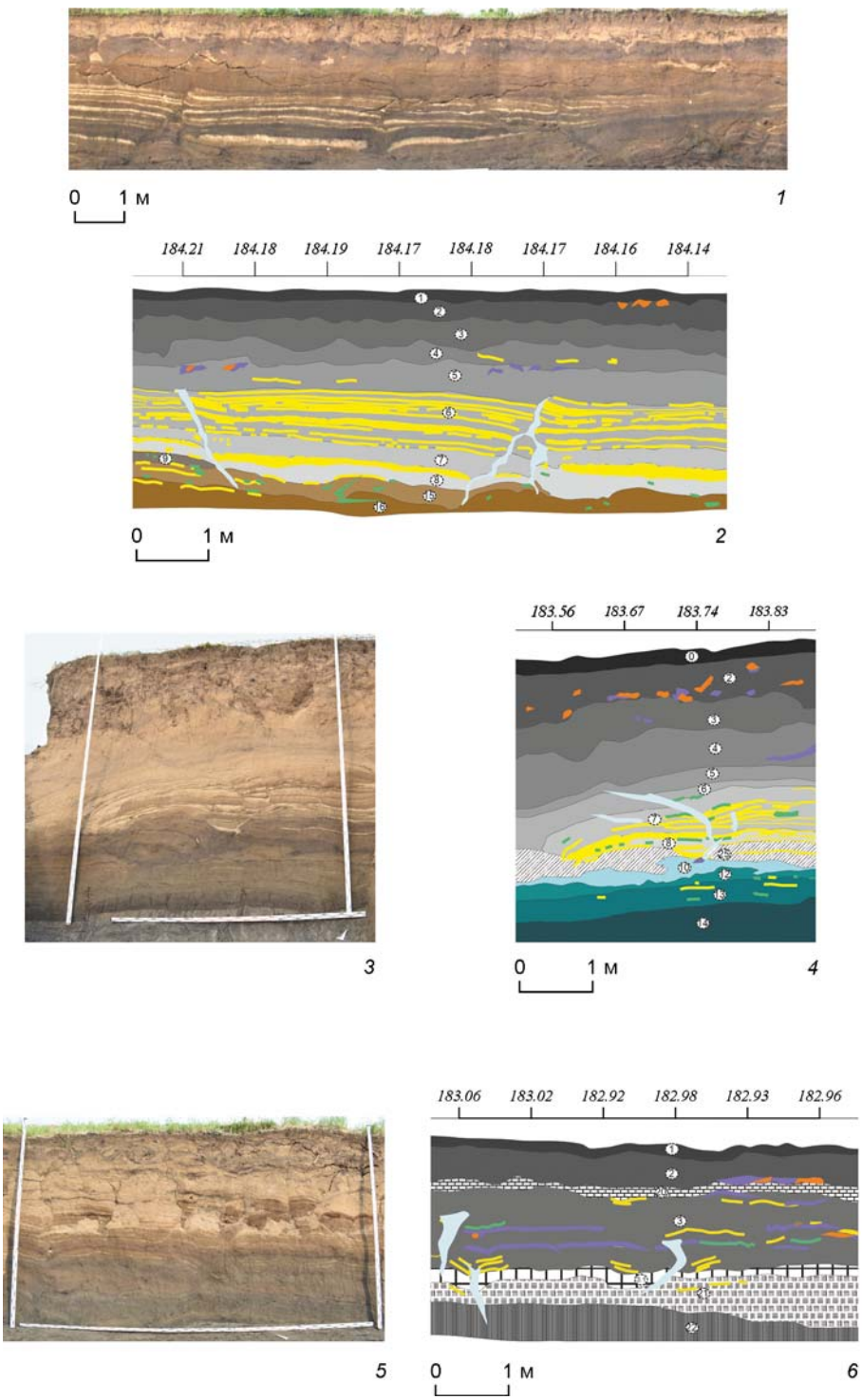

Рис. 2. Стратиграфические участки раскопа стоянки Хатынгнаах II.

1, *2* – граница между западным и центральным участками, разрез вдоль русла Вилюя (ортофотоплан части зачистки и схема); *3*, *4* – центральный участок, разрез поперек русла Вилюя (фотография (нижняя рейка 3 м) и схема); *5*, *6* – восточный участок, разрез вдоль русла Вилюя (фотография (нижняя рейка 5 м) и схема). На схемах желтым цветом обозначены прослойки светло-серого песка, оранжевым – прокаленный грунт, синим – углистая супесь, зеленым – древесный тлен.

и находок часто нарушено склоновыми и мерзлотными процессами. Слои раннего голоцена проявляются фрагментарно. На относительно небольшом участке (в пределах ок. 100 м^2) проявляются слои, вмещающие предметы, предположительно, верхнего палеолита. На восточном участке стоянки резко снижается концентрация находок. На границе центрального и восточного участка материалы сыалахской культуры фиксируются только на мешанных участках слоев – это явный край стоянки раннего неолита.

На восточном участке культурные отложения связаны только со временем от позднего неолита и моложе. Это скопления предметов ымыяхтахской культуры, которая именно здесь представлена наибольшей концентрацией предметов. Верхние слои на всех участках относительно слабо насыщены структурами и артефактами. Однако, помимо упомянутого скопления ымыяхтахской культуры, развалы сосудов позднего неолита, эпохи бронзы и, возможно, раннего железного века – Средневековья обнаружены в слоях 2–3 на центральном и западном участках. При этом явных объектов в этих слоях не обнаружено – слои сильно нарушены лесными пожарами, а также мерзлотными процессами, берегообрушением.

Культурно-хронологическая атрибуция материалов стоянки Хатынгнаах II

Раскопками 1979–1982 гг. под руководством Н.В. Антипиной и С.А. Федосеевой на стоянке Хатынгнаах II было выявлено восемь культурных горизонтов, обозначенных слоями I–VIII [Мочанов и др., 1991, с. 37]. Слои VI–VIII отнесены к сумнагинской культуре эпохи мезолита (по современной датировке 10 700–6 800 кал. л.н. [История Якутии, 2020, с. 478]). Слои IV–V соответствуют сыалахской культуре раннего неолита (6 900–5 500 кал. л.н.). Слой III отнесен к белькачинской культуре среднего неолита (6 300–4 200 кал. л.н.), а слой II – к ымыяхтахской культуре позднего неолита (5 000–3 000 кал. л.н.). Более поздние слои связаны с эпохой бронзы. В дальнейшем хронология стоянки не менялась. Некоторые уточнения в ходе разведки 2022 г. по керамическим сосудам с «жемчужинами» [Бравина, 2023, рис. 300] позволили отметить на стоянке Хатынгнаах II предметы периода ранней бронзы, связанные с относительно недавно выделенной улахан-сегеленняхской культурой (3 900–3 300 кал. л.н.) [Дьяконов, 2012].

Раскопки 2024 г. расширили и уточнили представление о стратиграфии и планиграфии культурных слоев на стоянке Хатынгнаах II, а также существенно дополнили коллекцию керамических сосудов, костяных и каменных изделий, набор фаунистических остатков.

Наиболее древние горизонты обитания связаны с периодом верхнего палеолита или мезолита. Они представлены частями скелета крупного млекопитающего и скоплениями артефактов. Эти предметы содержатся в слое, расположенном глубже заключительного уровня вскрытия 1981 г., который был уверенно датирован периодом мезолита. В скоплении предметов обнаружены многочисленные отщепы (в т.ч. очень мелкие), часть из которых несет следы дальнейшей обработки и утилизации, а также скребловидные и режущие орудия, восьмерковидное украшение из песчаника (манупорт – конкреция?) (рис. 3, *1*).

В слоях, которые ранее были датированы периодом мезолита, обнаружены единичные предметы – кости животных. Уверенно связываемых с сумнагинской культурой артефактов в материалах раскопа 2024 г. пока не выявлено.

Наибольшее количество предметов и объектов на стоянке ассоциируются с ранним неолитом. В слоях, насыщенных пятнами прокаленного грунта с зольными включениями и углями, обнаружены сотни каменных изделий и фрагментов керамической посуды. Сосуды однотипные и отражают известную традицию сыалахской культуры – «сетчатое» покрытие тулова с рядом сквозных отверстий по верхнему краю. На три четверти был собран венчик одного из сосудов (рис. 3, *2*). Горшок имел, по-видимому, усеченно-яйцевидную или усеченно-шаровидную форму, выпуклое тулово, наклоненный внутрь венчик и округлое донышко. Сосуд имеет горизонтальный ряд сквозных округлых отверстий, косые насечки по внешнему краю венчика и на подтреугольном в сечении налепном валике ниже среза венчика. Вся остальная поверхность покрыта рельефными отпечатками сетки-плетенки. На внутренней стороне имеются горизонтально направленные следы разглаживания поверхности щепкой. Местами имеются участки налипшего черного пищевого нагара. Прослеживается формовочный лоскутный налеп, т.к. многие фрагменты расслоились по пластам. В тесте визуально определимы примеси мелкозернистого песка, дресвы, дробленого кварца. Диаметр сосуда по горловине ок. 29 см, общая толщина стенок – 0,5–0,8 см.

Каменные артефакты раннего неолита представлены многочисленными отщепами, пластинами, нуклеусами и преформами. Орудийные формы разнообразны и типичны для ранненеолитических комплексов Северо-Восточной Азии. Это бифасиально обработанные топоры, тесла, ножи, наконечники стрел и др.

Период среднего неолита (белькачинская культура) представлен немногочисленными фрагментами керамических сосудов (рис. 3, *3*) и ассоциируемыми с этими слоями редкими каменными артефактами. Обнаруженная керамика вполне соответствует определениям белькачинской: «под бортиком имеются широкие утолщающие пояски-налепы, некоторые из них орнаментированы параллельными косыми оттисками зубчатого штампа» [Алексеев, 1996, с. 50]. Уверенно к белькачинской культуре относится один объект – единственное погребение в раскопе 2024 г. Это могильная яма с безынвентарным погребением вполне соответствует обряду, выделенному ранее для самых древних погребений Якутии, и включается в немногочисленный ряд захоронений среднего неолита. Как и у погребений Джикимдинское, Родинкинское, Эргётское, а также Туой-Хайинского могильника, погребение на стоянке Хатынгнаах II обнаружено без какой-либо каменной кладки, имеет северо-восточную ориентацию (ногами к реке) и вытянутое на спине положение костяка,

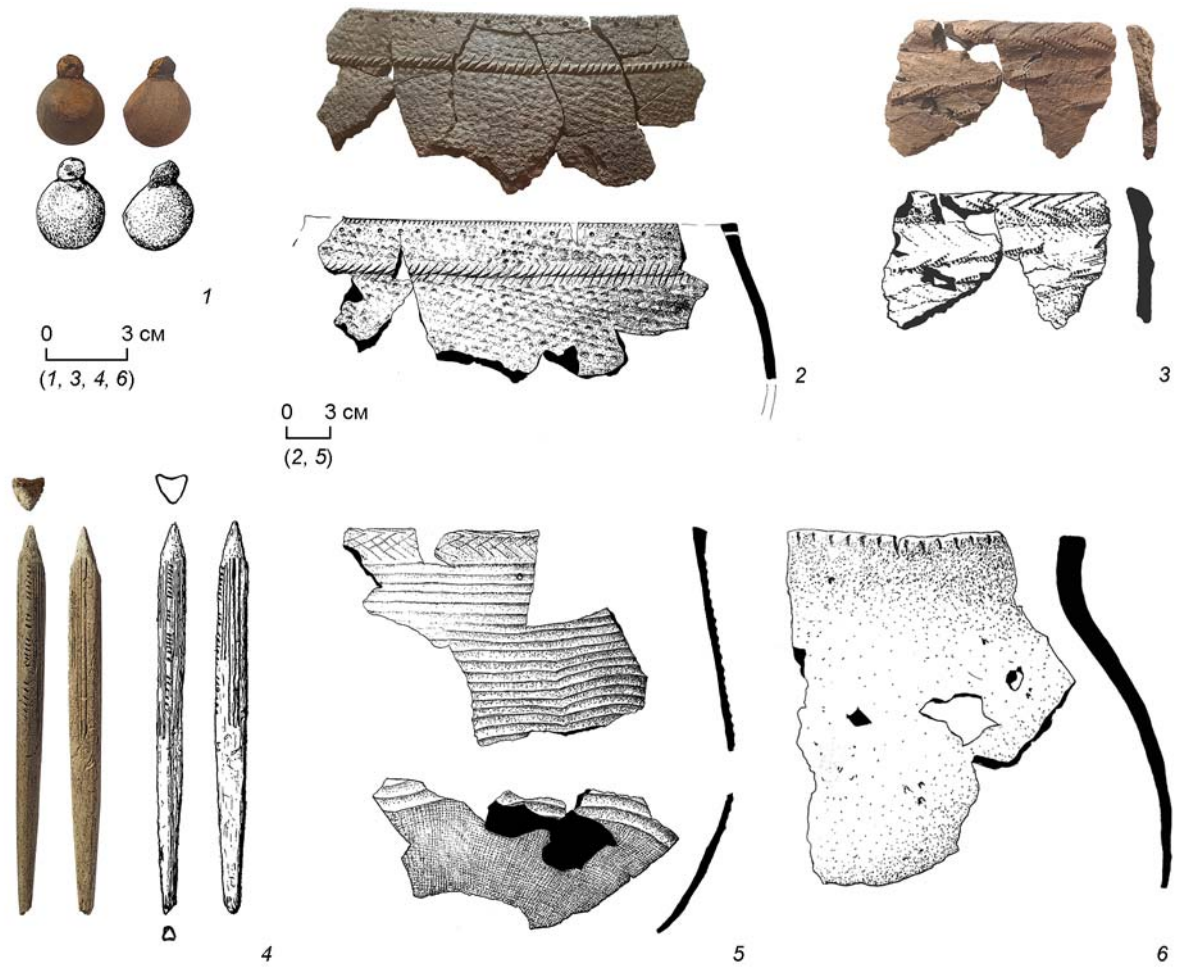

Рис. 3. Предметы из раскопа стоянки Хатынгнаах II.

1 – подвеска из песчаника (слой 19, верхний палеолит – мезолит); *2* – верхняя часть керамического сосуда (слой 7, ранний неолит); *3* – фрагмент венчика керамического сосуда (слой 5, средний неолит); *4* – фрагмент костяного наконечника стрелы (слой 3, поздний неолит); *5*, *6* – фрагменты керамических сосудов (слой 2, эпоха бронзы – раннего железа).

красноватый оттенок костей [Алексеев, 1996, с. 50–51; История Якутии, 2020, с. 45].

Поздненеолитические материалы, относящиеся к ымыяхтахской культуре, представлены скоплениями каменных и костяных изделий, фрагментами керамических сосудов с типичным «вафельным» орнаментом и наличием в формовочной массе мелкозернистого песка, выгоревшей растительности и шерсти. Также к ымыяхтахской культуре отнесены фрагменты сосуда с рубчатым орнаментом, украшенного в венчиковой зоне пояском сквозных округлых отверстий, расположенных в 1,7 см друг от друга и в 0,6 см от округленного в профиль среза венчика. Рубчатые оттиски на внешней стороне рельефные, расположены горизонтально, иногда пересекаются под углом друг к другу. На поверхностях некоторых фрагментов прослеживается черный березовый вар. Структура стенок двух- и трехслойная, при этом под внешним слоем также видны рубчатые оттиски. В качестве примесей использованы песок, шерсть, растительные остатки, отдельные зерна дресвы. Среди артефактов ымыяхтахского слоя как предметы, в целом характерные для голоценовых культур Якутии, так и специфичные для позднего неолита. Например, крупный напильниковидный наконечник стрелы с четырехгранным поперечным сечением, вытянутые костяные изделия (наконечники стрел?), орнаментированные насечками с красителем (рис. 3, *4*).

Эпохи бронзы, раннего железного века и Средневековья на стоянке Хатынгнаах II представлены находками в недифференцированном верхнем слое. В слое 2, относящемся к эпохе палеометалла – от ранней бронзы до раннего железа, обнаружены фрагменты нескольких керамических сосудов, в т.ч. украшенные рядами ямочек, а также сосуды с параллельными выглаженными валиками (рис. 3, *5*), подпрямоугольными в сечении, сосуды с отогнутым венчиком с защипами и группами неглубоких ямочек (рис. 3, *6*). В этих же слоях содержатся малочисленные каменные артефакты, в основном отщепы. К эпохе бронзы или раннего железного века относятся следы металлургического производства – фрагмент льячки с бронзовым

всплеском и остатки шлака. К позднейшим периодам обитания на стоянке относятся изделия этнографической современности – железный нож, костяная основа и медный мундштук от курительной трубки, берестяной туес с медной крышкой.

Во всех слоях стоянки Хатынгнаах II был обнаружен обширный фаунистический материал. Абсолютное большинство костей представлено во фрагментированном состоянии. Однако обнаружены и целые кости, сохраняемые, по-видимому, для производства орудий. К таковым относятся лопатки и рога крупных копытных – лося, оленя.

Заключение

Раскопками стоянки Хатынгнаах II на среднем Вилюе продолжены исследования известного археологического объекта. На основании доступных отчетов об открытии стоянки нельзя с уверенностью понять, что побудило заложить раскоп в 1979 г. именно на этом месте. Однако раскопки 2024 г. показали, что выбор пал на участок максимальной концентрации и насыщенности культурных слоев. На этом наиболее узком пространстве надпойменной поверхности между Вилюем и Хатынгнаахом прослежена наиболее яркая и сохранная последовательность культурных слоев от верхнего палеолита до этнографической современности. Только здесь проявляется слой, который может быть ассоциирован с поздним плейстоценом, а раннеголоценовые отложения содержат культурные остатки. На участке раскопа 1979 г. находились следы ранненеолитической стоянки, крупнейшие скопления которой выявлены западнее, как и материалы среднего неолита. Признаки жизнедеятельности в позднем неолите и в эпоху бронзы лучше проявляются восточнее раскопа 1979 г. Предметный комплекс стоянки содержит основные категории каменных, костяных и керамических изделий, характерных для различных исторических периодов населения среднего Вилюя. На территории стоянки возможно проведение археологических исследований для понимания стратиграфической ситуации на северной окраине, где возможно увеличение концентрации материалов среднего неолита. Материалы раскопок стоянки Хатынгнаах II после окончания камеральной обработки и естественно-научных анализов должны стать основанием для развития дискуссии как по общим вопросам хронологии и трансформации культур Вилюя [Антипина, 2015, с. 25], так и частным – например, генезис белькачинской культуры и выделение ее своеобразного верхневилюйского локального варианта [Алексеев, 1996, с. 53–54].

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов»; анализ части артефактов проведен в рамках проекта № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст». Рисунки артефактов выполнены Р.Б. Кадачиговым.

Список литературы

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 144 с.

Антипина Н.В. Отчет о работе Второго отряда Приленской археологической экспедиции Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР в полевой сезон 1979 г. Открытый лист № 396 (форма № 1) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7610. – Якутск, 1979.

Антипина Н.В. Новые археологические памятники Верхнего Вилюя // Новое в археологии Якутии. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980а. – С. 41–45. – (Труды ПАЭ).

Антипина Н.В. Отчет о работе Верхневилюйской группы Третьего отряда Приленской археологической экспедиции Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР в полевой сезон 1980 г. Открытый лист № 589 (форма № 1) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7840. – Якутск, 1980б.

Антипина Н.В. Отчет о работе Третьего отряда Приленской археологической экспедиции Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР в полевой сезон 1981 г. Открытый лист № 437 (форма № 1) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9444. – Якутск, 1981.

Антипина Н.В. Стоянка Хатынгнаах I – новый многослойный памятник в верховьях Вилюя // Проблемы археологии и этнографии Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1982. – С. 91–93.

Антипина Н.В. Каменный век Вилюя: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Якутск, 1995. – 20 с.

Антипина Н.В. Неолитическая керамика бассейна реки Вилюй // РА. – 2015. – № 2. – С. 16–29.

Бравина Р.И. Отчет о результатах разведочных работ в зоне затопления Вилюйской ГЭС-III в Мирнинском районе Республики Саха (Якутия) в 2022 г. Открытый лист № 1472-2022. В 3 т. – Якутск, 2023. – Т. 1. – 177 с.; т. 2. – 250 с.; т. 3. – 163 с.

Дьяконов В.М. Керамика улахан-сегеленняхской культуры бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4. – С. 106–115.

История Якутии: в 3 т. – Новосибирск: Наука, 2020. – Т. I / под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. Р.И. Бравина, Е.Н. Романова. – 536 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Очерки дописьменной истории Якутии. Конец эпохи камня и начало эпохи раннего металла. – Якутск: ЦААПЧ АН РС(Я), 2017. – Т. 3. – 528 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Константинов И.В., Антипина Н.В., Аргунов В.Г. Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилюя, Анабара и Оленека. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

References

Alekseev A.N. Drevnyaya Yakutiya: neolit i epokha bronzy. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1996. 144 p. (In Russ.).

Antipina N.V. Otchet o rabote Vtorogo otryada Prilenskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Instituta yazyka, literatury i istorii YaF SO AN SSSR v polevoi sezon 1979 g. Otkrytyi list No. 396 (forma No. 1). In *Archive of the Institute of Archaeology (Moscow)*. F. 1. R. 1, No. 7610, Yakutsk, 1979. (In Russ.).

Antipina N.V. Novye arkheologicheskie pamyatniki Verkhnego Vilyuya. In *Novoe v arkheologii Yakutii (Trudy PAE)*. Yakutsk: YaF SB AS USSR, 1980a. P. 41–45. (In Russ.).

Antipina N.V. Otchet o rabote Verkhnevilyuiskoi gruppy Tret'ego otryada Prilenskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Instituta yazyka, literatury i istorii YaF SO AN SSSR v polevoi sezon 1980 g. Otkrytyi list № 589 (forma №1). In *Archive of the Institute of archaeology (Moscow)*. F. 1. R. 1, No. 7840, Yakutsk, 1980b. (In Russ.).

Antipina N.V. Otchet o rabote Tret'ego otryada Prilenskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Instituta yazyka, literatury i istorii YaF SO AN SSSR v polevoi sezon 1981 g. Otkrytyi list No. 437 (forma No. 1). In *Archive of the Institute of archaeology (Moscow)*. F. 1. R. 1, No. 9444, Yakutsk, 1981. (In Russ.).

Antipina N.V. Stoyanka Khatyngnaakh I – novyi mnogosloinyi pamyatnik v verkhov'yakh Vilyuya. In *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri: Tez. dokl. k region. konf. 7–9 aprelya 1982 g.* Irkutsk: Irkutsk State University Press, 1982. P. 91–93. (In Russ.).

Antipina N.V. Kamennyi vek Vilyuya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Yakutsk, 1995. 20 p. (In Russ.).

Antipina N.V. Neolithic pottery of the Vilyuy river basin. *Rossiiskaya arkheologiya,* 2015. No. 2. P. 16–29. (In Russ.).

Bravina R.I. Otchet o rezul'tatakh razvedochnykh rabot v zone zatopleniya Vilyuiskoi GES-III v Mirninskom raione Respubliki Sakha (Yakutiya) v 2022 gody. Otkrytyi list No. 1472-2022. Yakutsk, 2023. Vol. 1. 177 p. Vol. 2. 250 p. Vol. 3. 163 p. (In Russ.).

Dyakonov V.M. Ceramics of the Ulakhan-Segelennyakh culture, early bronze age, Yakutia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2012. Vol. 40, No. 4. P. 106–115. doi:10.1016/j.aeae.2013.04.011

Istoriya Yakutii. Eds. A.N. Alekseev, R.I. Bravina, E.N. Romanova. Novosibirsk: Nauka, 2020. Vol. 1. 536 p. (In Russ.).

Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A. Ocherki dopis'mennoi istorii Yakutii. Konets epokhi kamnya i nachalo epokhi rannego metalla. Yakutsk: TsAAPCh AN RS(Ya), 2017. Vol. 3. 528 p. (In Russ.).

Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A., Konstantinov I.V., Antipina N.V., Argunov V.G. Arkheologicheskie pamyatniki Yakutii. Basseiny Vilyuya, Anabara i Oleneka. Moscow: Nauka, 1991. 224 p. (In Russ.).

Выборнов А.В. https://orcid.org/0000-0002-9063-5223
Дьяконов В.М. https://orcid.org/0000-0002-4899-6148
Базарная К.О. https://orcid.org/0000-0001-8563-1319
Деманов И.А. https://orcid.org/0000-0002-1311-3544
Ковалева Н.Н. https://orcid.org/0000-0003-1811-1502

Дата сдачи рукописи: 24.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.1004-1010
УДК 902.2

А.Н. Гей[1], А.В. Выборнов[2]✉, А.А. Тимощенко[2], С.А. Когай[2], К.К. Павленок[2], А.А. Морозов[2], М.В. Добровольская[1], В.П. Гусева[1], А.В. Петрожицкий[3, 4], О.В. Ершова[2, 3]

[1]Институт археологии РАН
Москва, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[3]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[4]Институт ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru

Погребения курганной группы Челбасская-8 (Тихорецкий район Краснодарского края) по материалам раскопок 2024 года

В статье представлен обзор результатов спасательных раскопок кург. 2 и 3 курганной группы Челбасская-8, выполненных в декабре 2023 – феврале 2024 г. Курганы расположены в правобережной части долины р. Челбас юго-западнее г. Тихорецк. В земляных насыпях курганов и под ними выявлены погребения ранней бронзы, средней бронзы, раннего железного века, позднего Средневековья – Нового времени. Выводы по истории создания курганов и последовательности захоронений базируются на стратиграфическом анализе, радиоуглеродных датировках. Погребальный инвентарь относительно малочисленный. Наиболее ранние объекты, создателями которых были сооружены первые насыпи курганов, представлены частично сохранившимися in situ захоронениями раннеямной культуры. Выявлены in situ отдельные кости ног, скелет с нарушенной верхней частью и поднятыми коленями. С носителями пластуновской культуры связано расширение круга погребений, которые представлены скелетами в скорченных позах. Большая часть погребений относится к носителям катакомбных культур середины III тыс. до н.э. – это одиночные и парные захоронения в неглубоких ямах или могильных камерах с шахтами, с жаровнями и целыми керамическими сосудами. С кругом посткатакомбных культур связаны единичные погребения финала средней – начала поздней бронзы. Одиночное погребение в вытянутой позе на спине, головой на запад, с большим набором бусин и керамическим сосудом относится к меотскому населению. Несколько погребений связано с ногайским населением позднего Средневековья – в положении на спине, головой на запад, лицом на юг.

Ключевые слова: *Кубано-Приазовская равнина, река Челбас, майкопская культура, ямная культура, пластуновская культура, катакомбная культура, манычская культура, лолинская культура, сарматское время, ногайское время, курганы.*

A.N. Gey[1], A.V. Vybornov[2]✉, A.A. Timoshchenko[2], S.A. Kogai[2], K.K. Pavlenok[2], A.A. Morozov[2], M.V. Dobrovolskaya[1], V.P. Guseva[1], A.V. Petrozhitskiy[3, 4], O.V. Ershova[2, 3]

[1]Institute of Archaeology RAS
Moscow, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[3]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[4]Budker Institute of Nuclear Physics
Novosibirsk, Russia
E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru

Burials of the Chelbas-8 Kurgan Group (Tikhoretsky District, Krasnodar Region) According to 2024 Excavations

The article provides an overview of salvage excavations of kurgans 2 and 3 of the Chelbas-8 kurgan group, carried out in December 2023 to February 2024. The kurgans are located in the right-bank part of the Chelbas River valley southwest of the town of Tikhoretsk. Burials of the Eneolithic – Early Bronze Age, Middle Bronze Age, Early Iron Age, Late Middle Ages – New Age were found in the earth mounds and under them. Conclusions on the history of the barrows and the sequence of burials are based on stratigraphic analyses and radiocarbon dating. The burial inventory is relatively small. The earliest objects, whose creators built the first mounds, are represented by partially preserved in burial of the Early Pit-Grave culture – individual leg bones; a skeleton with a broken upper part and raised knees. The Plastunov culture is associated with the expansion of the range of burials in barrows, which are represented by skeletons in crouched postures. Most burials belong to the Catacomb cultures of the mid-3rd millennium BC. These are single and pair burials in shallow pits or in burial chambers with shafts, with roasters, and complete ceramic vessels. Single burials of the final Middle and early Late Bronze Age are associated with the circle of post-Catacomb cultures. A single burial, in an extended position on the back, head to the west, with a large set of beads and a ceramic vessel, belongs to the Meotian population. Several burials are related to the Nogai population of the late Middle Ages – in a compressed position on the back, head to the west, facing south.

Keywords: *Kuban-Priazov plain, Chelbas River, Maikop culture, Yamnaya culture, Plastunov culture, Catacomb culture, Manych culture, Lolin culture, Sarmatian period, Nogai period, kurgans.*

Введение

В 2023–2024 гг. отряд ИАЭТ СО РАН принял участие в спасательных археологических полевых работах Северо-Кавказской археологической экспедиции ИА РАН. В связи с прокладкой магистрального нефтепровода «Тихорецк – Новороссийск-4» угрозе разрушения подвергалась часть территории объекта археологического наследия «Курганная группа “Челбасская-8” (4 насыпи)» (официальное наименование; далее – курганная группа Челбасская-8). Изучение кург. 2 и 3 позволило пополнить базу источников по истории населения восточной части Кубано-Приазовской равнины эпохи палеометалла.

Район расположения курганной группы – степная равнина в верхнем течении р. Челбас, восточная окраина Азовского бассейна, северная периферия Предкавказья. В культурно-хронологической картине различных периодов эпохи бронзы эта территория часто рассматривается как пограничная, восточная окраина ареалов крупных культурных образований Прикубанья и северо-западного Предкавказья [Гей, 2000, с. 26; Мельник, 2016, с. 121]. Значимость выявленных погребальных комплексов для характеристики состава местного населения и определения хронологии культурных явлений этого региона обусловили публикацию синопсиса спасательных раскопок курганной группы Челбасская-8. Ранее на этой территории проводились только разведочные исследования. Ближайшие раскопки проводились в 2019 г. на сходном в культурном и хронологическом планах кург. Челбасский-7, расположенном на расстоянии ок. 9,6 км к З на левом берегу р. Челбас [Сергеева, 2019].

Общая характеристика курганов

Курганы 2 и 3 – центральные в небольшой цепочке относительно крупных курганов группы Челбасская-8. Это наиболее близкие друг другу курганы – ок. 20 м между подошвами насыпей. Они размещены на слабовыраженной гриве, с которой связаны и остальные курганы группы (рис. 1). Грива протянулась по склону в долине р. Челбас. С вершин курганов открывается вид на долину реки, обширное пойменное левобережье и пересеченное правобережье – смена грив и балок, вытянутых вдоль долины по линии ЮВ–СЗ.

Территория памятника распахивалась, засаживалась садовыми деревьями. На момент начала раскопок оба кургана имели сильно расплывшиеся насыпи без четких границ. Они округлой в плане формы, диаметр кург. 2 – 82 м, кург. 3 – 66 м, высота обоих курганов ок. 3 м.

В стратиграфических разрезах выделяются два основных этапа сложения насыпей курганов. Более ранняя представлена мешаным темно-бурым суглинком, отличающимся более темным оттенком от окружающих слоев. Верхняя граница маркируется подошвой выкидов из могил и тонкой гумусированной прослойкой в кровле. Поздняя насыпь отличается более выраженной пятнистостью и прослойками горизонтальных отложений. В кровле стерильных отложений под насыпью курганов на протяжении до 30 м от центра зафиксированы понижения, которые предположительно связаны с ямами для извлечения грунта и формирования насыпи кургана начального этапа. Как правило, в плане они представляют собой вытянутые ямы размерами 3–4 м, глубиной до 0,5 м от древней поверхности.

В кург. 2 зафиксировано 30 объектов, из которых к погребениям с расположенными *in situ* частями скелета человека относятся 22 (объекты 1, 2, 4, 7, 10, 12, 13, 15–17, 19–30). Остальные объекты – ямы, скопления костей человека и животных (в т.ч. целых скелетов), отражающие процессы формирования курганов и их использования как погребально-поминальных сооружений. В кург. 3 всего 13 объектов, из которых 11 содержат кости человека в анатомическом сочленении,

Рис. 1. Курганные могильники в южных окрестностях г. Тихорецк (использован ортотрансформированный космоснимок GoogleEarth, дата съемки 12.17.2022).

а один (9) – подготовленная могильная яма без погребения. В статье при обозначении номера погребения подразумевается номер объекта.

Культурно-хронологическая атрибуция погребений

На основании стратиграфических и планиграфических условий расположения погребений, а также характера позы и погребального инвентаря, радиоуглеродных датировок (см. *таблицу*), можно представить культурно-хронологическую принадлежность погребений. Радиоуглеродная датировка образцов проводилась методом ускорительной масс-спектрометрии (УМС) в ЦКП «УМС НГУ–ННЦ» (AMS Golden Valley) [Пархомчук и др., 2022]. Предварительная химическая обработка образцов велась сотрудниками лаборатории изотопных исследований ИАЭТ СО РАН. Перевод радиоуглеродного возраста в календарный производился с использованием калибровочной кривой IntCal20 [Reimer et al., 2020] программы OxCal 4.4 [Bronk Ramsey, 2009; Bronk Ramsey, Lee, 2013].

В кург. 3 наиболее древними являются остатки человека в объекте 10 на уровне подошвы насыпи. Объект представлен горизонтально лежащими костями нижних конечностей взрослого мужчины. Признаков нарушения изначального положения не отмечается. Берцовые кости расположены по линии СВ–ЮЗ. Правая нога южнее левой, левая – выше правой. Пальцы стоп направлены на ВЮВ. Границы пятен или ямы не фиксируются. Выше следы погребения были неразличимы – мешаное заполнение с аморфными потемнениями в нижней части насыпи. Вероятно, остатки скелета связаны с частичным нарушением погребения при формировании более позднего погребения в кургане. По радиоуглеродным датировкам остатки человека из объекта 10 относятся к первой половине IV тыс. до н.э.

Древнейшим в кург. 2 является погр. 29 под центром насыпи, относящееся к рубежу раннего и развитого этапов ямной культуры или ко 2-й четверти IV тыс. до н.э. В погребении обнаружен посткраниальный скелет мужчины 20–25 лет. Края могильной ямы или иные следы погребального сооружения не выявлены. На скелете фиксируются следы красной охры. Поверхность под скелетом имеет покрытие в виде красновато-бурого тлена. Погребенный был уложен на спине, головой на В. Руки согнуты в локтях. Ноги, вероятно, были согнуты в коленях и установлены вертикально. На правой стороне груди среди ребер обнаружены 10 бусин из камня или кости. Бусины – низкие (уплощенные) цилиндры – диаметром до 5 мм, высотой до 3 мм. С правой стороны костяка на дне могилы найден каменный наконечник стрелы, оформленный крупной струйчатой ретушью, асимметричный, с плавной границей между черешком и острием. Длина 28 мм, ширина 29 мм.

Погребение 29 соединяет черты различных культур энеолита – ранней бронзы. Поза погребенного отражает обряд, характерный для ямной культуры, находка при нем наконечника стрелы «флажковидной» формы следует рассматривать как результат

Радиоуглеродные датировки образцов из курганов 2 и 3 курганной группы Челбасская-8

№ образца	Тип образца	Объект получения образца	Радиоуглеродный возраст, лет	$\delta^{13}C$, ‰	Калиброванная дата (по ±2σ, 95,4 %), лет до н.э.
GV-05196	Зуб человека	Кург. 2, объект 10	3 575 ± 41	–23,8	2034–1772
GV-05204	То же	Кург. 2, объект 28	4 143 ± 41	–24,8	2877–2583
GV-05205	»	Кург. 2, объект 29	4 779 ± 58	–26,1	3648–3377
GV-05207	»	Кург. 3, объект 1	2 344 ± 40	–20,4	720–233
GV-05208	»	Кург. 3, объект 2	2 864 ± 51	–24,1	1207–908
GV-05211	Кость человека	Кург. 3, объект 10	4 910 ± 58	–23,1	3932–3533

связей с майкопской культурой. Ранняя атрибуция погр. 29 подчеркивается нарушением его со стороны более позднего, также ямного, погр. 28, впущенного в древнейшую насыпь уже в первые века III тыс. до н.э.

Следующее за основным и ненамного более позднее (середина IV тыс. до н.э.) погр. 30 представлено скелетом ребенка ок. 4 лет. Края могильной ямы или иные следы погребального сооружения не выявлены. Покрытия скелета не зафиксировано, но кости теменной части черепа имеют отчетливо красный оттенок. Погребенный был уложен на правом боку, головой на ССЗ. Лицевая часть черепа направлена на ЗЮЗ. Ноги были плотно согнуты – под прямым углом к позвоночнику, пятки – прижаты к бедрам, пальцы стоп вытянуты на Ю.

Расширение кургана относится ко второй половине IV тыс. до н.э. – возникает «кладбище скорченников»: в кург. 2 погр. 13, 16, 20, 24, 27 и, скорее всего, остатки скелета животного в объекте 23; в кург. 3 – погр. 13 (рис. 2). Они впущены в материковый грунт и связаны с первой насыпью без признаков специального (отдельного) могильного сооружения. И погр. 30, и вся эта группа объектов связаны с пластуновской культурой второй половины IV тыс. до н.э., одним из самостоятельных образований на периферии собственно майкопской общности [Гей, 2022, с. 44–46]. Характерной для «пластуновцев» формой обряда является поза погребенного мужчины старше 40 лет (объект 16): на правом боку, головой на Ю, ноги согнуты и приближены коленями к груди (колени на расстоянии ок. 15 см от ребер); пятки сведены вместе, пальцы стоп направлены на В; руки согнуты в локтях, приближенных к коленям, а кисти уложены перед лицом, направленным на В.

Вторая насыпь кург. 2 возведена над упоминавшимся выше позднеямным захоронением 28 в первой половине III тыс. до н.э., вероятно, дополнялась и за счет локальных досыпок над погребениями катакомбной культуры эпохи средней бронзы. Именно к этому времени относится большая часть изученных погребальных объектов. Ко второй-третьей четверти III тыс. до н.э., среднему и позднему этапам катакомбной культуры, относятся погр. 1, 7, 15, 17 (рис. 3), 19, 21, 22, 25, 26 в кург. 2 и 3–7, 11, 12 в кург. 3. В кург. 2

Рис. 2. Курганная группа Челбасская-8, кург. 3, объект 13. Погребение пластуновской культуры.

погребения этого периода связаны с катакомбами и ямами в пределах 8 м от центра кургана.

Ярко выраженные шахты зафиксированы в объектах 7 и 15. В объекте 15 кровля шахты зафиксирована в виде пятна вытянутой подтрапециевидной формы по линии В–З размерами 2,12 × 0,8–1,5 м. Погребение располагалось в камере размерами 2,07 × 0,78 м подпрямоугольной формы, вытянутой по линии С–Ю. Вход в яму из шахты достаточно широкий – 0,85 м и высокий – 0,82 м, расположен в южной половине могильной камеры. Погребенный мужчина 30–39 лет был уложен на спине, головой на С, ноги вытянуты,

Рис. 3. Курганная группа Челбасская-8, кург. 2, объект 17.

руки вытянуты вдоль туловища. Лицевая часть черепа направлена вверх, с едва заметным наклоном налево. Пятна интенсивно белесого суглинка проявились на дне под верхней частью туловища. У южного края могильной камеры обнаружен череп мелкого рогатого скота (барана?).

Другой вариант погребения представлен в объекте 19 кург. 2. По-видимому, погребенный был расположен в могильной камере с плавным поднимающимся сводом. Вход в камеру был расположен в южной половине с западной стороны. У входа в камеру, на дне шахты лежали кости животного – череп и трубчатые кости конечностей (баран?). Погребенный мужчина старше 30 лет был уложен на спине, головой на СВ. Ноги были подогнуты, пятки расположены в 13 см от бедер, колени обращены на З, пальцы стоп вытянуты на Ю. Правая рука была вытянута вдоль туловища, пальцы должны были касаться бедра, левая рука слегка изогнута, кисть положена на правую сторону таза. Лицевая часть черепа обращена на З. Керамический сосуд расположен с правой стороны от черепа – маленькая плоскодонная чашка с оттисками треугольной палочки и прямым венчиком, диаметром устья ок. 12 см.

Среди погребений катакомбной культуры выделяется погр. 26, связанное с носителями манычской культуры. Погребение расположено в центре кург. 2. По-видимому, погребенный мужчина 25–34 лет был уложен на спину с уклоном на левый бок, головой на В, лицом на Ю. Правая рука была уложена на туловище, изогнута в локте и кисть должна была располагаться в районе таза, ноги были согнуты в коленях и прижаты к тазу. Керамический сосуд реповидной формы находился к Ю от скелета, вплотную к черепу (видимо, к лицевой части). Обнаружен в виде уплощенного развала крупного сосуда с узким горлом, отогнутым венчиком и налепным орнаментом. Развал сосуда имеет диаметр ок. 0,57 м.

Особое внимание из погребений III тыс. до н.э. привлекает объект 25 практически в самом центре кург. 2. Погребенный был уложен на спине, возможно, с легким наклоном на правый бок, головой на З. Тазовые кости не повернуты. Руки вдоль туловища: правая немного отставлена, кисть была удалена от таза на 10 см, левая рука прижата к туловищу, кисть лежала на центре таза. Лицевая часть черепа обращена на Ю. Предположительная половозрастная характеристика – женщина старше 50 лет. При снятии костей, в заполнении черепа, под ним, а также под грудными позвонками и ключицами, на лопатках обнаружены детали украшения – бронзовые бусины размером 3–4 мм и подвески из зубов марала. Украшения явно переотложены землероями. Однако некоторое число бусин сохранились как части низки – до шести штук в ряд. Всего обнаружено 42 бронзовые бусины и 9 подвесок из зубов марала. Набор украшений у погребенной выглядит архаичным, поскольку чаще встречается в наиболее ранних курганных захоронениях степной

части Северного Кавказа, но полученная датировка указывает на его среднебронзовый возраст.

К концу III – началу II тыс. до н.э., финалу средней – поздней бронзы относятся погр. 10 и 8 из кург. 2. Эти захоронения связаны с одной из посткатакомбных культур северного Предкавказья, скорее всего, с лолинской, судя по близости ареала и хронологии, а также положению на левом боку и восточной ориентации [Мимоход, 2022, с. 145].

Погребение 8 расположено практически в центре кургана на глубине ок. 0,4 м от современной поверхности. Погребенная женщина 30–39 лет была уложена на левом боку, головой на В. Ноги плотно согнуты – под прямым углом к позвоночнику, пятки были прижаты к бедренным костям (бедрам), пальцы стоп вытянуты на З. Левая рука была вытянута вдоль туловища, кисть зажата между бедрами, правая – согнута под прямым углом, запястье уложено на левую руку. Лицевая часть черепа обращена на Ю. К Ю от черепа, слева от скелета, располагался развал керамического сосуда, высокого, с зауженной горловиной и следом от обломанной ручки. У берцовых костей левой ноги располагались две параллельно уложенные по линии Ю–С кости конечностей животного (барана?).

К концу II – началу I тыс. до н.э. относится скопление костей человека объекта 2 в кург. 3.

К третьей четверти I тыс. до н.э. относится погр. 1 в кург. 3. Могила обнаружена к З от центра на глубине ок. 1 м от современной поверхности. Погребенный мужчина старше 45 лет был уложен на спине, головой на З. Ноги были вытянуты, сближены в стопах, ступни направлены на ЮВ, левая стопа лежала поверх правой. Керамический сосуд расположен к В от скелета в 0,19 м от края стопы. Сосуд расположен вертикально, плоскодонный, вазовидный, с узким, расширяющимся у устья горлом, с ручкой в верхней половине сосуда. Среди костей от грудной клетки до таза, а также в заполнении вокруг костей обнаружены стеклянные бусины от маленьких (ок. 2 мм) до крупных (ок. 20 мм), в т.ч. глазчатые вытянутой или сферической формы, а также плоские черные и шайбообразные (гешировые) иных цветов. Бусы встречались как в виде части низки украшения, так и по отдельности. Погребение находит аналогии в комплексах, связанных с меотским населением [Иванов, 2019], но здесь, далеко от Кубани и приазовских плавней, относится скорее к кругу савроматских или раннесарматских древностей.

К середине II тыс. н.э. относятся погр. 2 и 4 в кург. 2. Погребенные были уложены на спине, головой на З–СЗ, ноги были вытянуты, сближены в коленях, стопы обращены на Ю, руки на туловище, кисти уложены на таз, кисти перекрещены; голова была повернута направо, лицом на Ю. Подобные черты погребений характерны для исламской обрядности. По-видимому, захоронения связаны с кочевым ногайским населением Предкавказья.

Заключение

Курганы 2 и 3 курганной группы Челбасская-8 были исследованы в рамках раскопов, включающих не только всю площадь выраженных в современном рельефе насыпей, но и прилегающие к ней участки. В ходе раскопок были выявлены погребальные и поминальные структуры относительно небольшой плотности, но представляющие как минимум шесть различных периодов использования курганов. Первый период их возведения связан с носителями ямной культуры первой половины – середины IV тыс. до н.э. Последующий этап погребений соотносится с носителями пластуновской культуры второй половины IV тыс. до н.э. Наибольшее число погребений связано с вариантами катакомбной культуры второй-третьей четверти III тыс. до н.э. Отдельные погребения сооружались в конце средней – начале поздней бронзы. Единственным захоронением представлено население VI–IV вв. до н.э. Не менее двух захоронений было произведено на вершине кург. 2 в середине II тыс. н.э. ногайским населением.

Представленные выводы по культурно-хронологической интерпретации требуют уточнения и развития при дальнейшем анализе стратиграфической и планиграфической позиции погребально-поминальных структур. Отдельного анализа заслуживают вопросы внутренней хронологии в рамках выделенных периодов использования курганов, а также социального положения погребенных и трансформации представлений о значимости кургана как формы организации погребально-поминального пространства.

Благодарности

Исследования, в т.ч. радиоуглеродные датировки, проведены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов» и НГУ – FSUS-2020-0036. Палеоантропологические и историко-культурные определения в рамках проектов НИОКТР № 122011200264-9 «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» и НИОКТР № 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

Список литературы

Гей А.Н. Новотиторовская культура. – М.: Старый сад, 2000. – 224 с.

Гей А.Н. Памятники пластуновского типа или пластуновская культура // Энеолит и бронзовый век циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия. – М.: Изд-во ИА РАН, 2022. – С. 44–46.

Иванов А.В. Меоты Восточного Приазовья во второй половине V – III в. до н.э. // Боспорские исследования. – 2019. – № 38. – С. 17–38.

Мельник В.И. Культурный синкретизм в погребальной практике эпохи средней бронзы степного Прикубанья // КСИА. – 2016. – № 245-I. – С. 120–131.

Мимоход Р.А. Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2022. – 1106 с.

Пархомчук В.В., Петрожицкий А.В., Игнатов М.М., Пархомчук Е.В. Центр коллективного пользования «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ-ННЦ» // Сибирский физический журнал. – 2022. – Т. 17, № 3. – С. 89–101. – doi:10.25205/2541-9447-2022-17-3-89-101

Сергеева О.В. Отчет об археологических исследованиях (раскопках) кургана «Челбасский 7» в Тихорецком районе Краснодарского края в 2019 г., выполненных по Открытому листу № 0703-2019. – Саратов, 2019. – 300 с. / Архив ИА РАН.

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. – 2009. – N 51 (1). – P. 337–360.

Bronk Ramsey C., Lee S. Recent and Planned Developments of the Program OxCal // Radiocarbon. – 2013. – N 55 (2–3). – P. 720–730.

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (055 cal kBP) // Radiocarbon. – 2020. – Vol. 62, iss. 4. – P. 725–757. – doi:10.1017/RDC.2020.41

References

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon*, 2009. No. 51 (1). P. 337–360.

Bronk Ramsey C., Lee S. Recent and Planned Developrnents of the Program OxCal. *Radiocarbon*, 2013. No. 55 (2–3). P. 720–730.

Gei A.N. Novotitorovskaya kul’tura. Moscow: Staryi sad, 2000. 224 p. (In Russ.).

Gei A.N. Pamyatniki plastunovskogo tipa ili plastunovskaya kul’tura. In *Eneolit i bronzovyi vek tsirkumpontiiskogo regiona: kul’turnye protsessy i vzaimodeistviya.* Moscow: IA RAS Publ., 2022. P. 44–46. (In Russ.).

Ivanov A.V. The Meotians of the Eastern Azov Sea area in the second half of the V – III centuries BC. *Bosporos Studies*, 2019. No. 38. P. 17–38. (In Russ.).

Melnik V.I. Cultural syncretism in the burial practice during the Middle Bronze Age in the Kuban River steppes. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii,* 2016. No. 245-I. P. 120–131. (In Russ.).

Mimokhod R.A. Kultury i kulturogenez na vostoke postkatakombnogo mira: doc. sc. (history) dissertation. Moscow, 2022. 1106 p. (In Russ.).

Parkhomchuk V.V., Petrozhitskii A.V., Ignatov M.M., Parkhomchuk E.V. Accelerator Mass Spectrometry “Golden Valley”. *Siberian journal of physics,* 2022. No. 17 (3). P. 89–101. (In Russ.). doi:10.25205/2541-9447-2022-17-3-89-101

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (055 cal kBP). *Radiocarbon*, 2020. Vol. 62, iss. 4. P. 725–757. doi:10.1017/RDC.2020.41

Sergeeva O.V. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh (raskopkakh) kurgana «Chelbasskii 7» v Tikhoretskom raione Krasnodarskogo kraya v 2019 g., vypolnennykh po Otkrytomu listu No. 0703-2019. Saratov, 2019. 300 p. Archive of IA RAS. (In Russ.).

Гей А.Н. https://orcid.org/0009-0002-6262-5850
Выборнов А.В. https://orcid.org/0000-0002-9063-5223
Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841
Когай С.А. https://orcid.org/0000-0003-4232-9587
Павленок К.К. https://orcid.org/ 0000-0003-0205-2077
Добровольская М.В. https://orcid.org/0000-0001-9695-4199
Гусева В.П. https://orcid.org/0000-0001-6909-4760
Петрожицкий А.В. https://orcid.org/0000-0002-6653-2232

Дата сдачи рукописи: 24.10.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.1011-1014
УДК 902.2

И.А. Деманов[1]✉, В.А. Мальцев[2], А.А. Шишкин[3], И.В. Попов[4], П.А. Соларёв[5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Томский государственный университет
Томск, Россия
[3]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[4]Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия
[5]Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия
E-mail: asus2000XP@yandex.ru

Предварительные результаты разведки в Баганском районе Новосибирской области в 2024 году

В ходе археологической разведки, проведенной осенью 2024 г. на территории Кулундинской степи Баганского р-на Новосибирской обл., отрядом ИАЭТ СО РАН найдены три потенциальных курганных могильника: Горобцова-1, Горобцова-2 и Батурская-1. Описана методика разведки в условиях Кулундинской степи, подверженной широкому сельскохозяйственному освоению. При разведке применялись классические приемы: пешие маршруты с целью поиска рельефных аномалий, их детальное обследование, поиск подъемного материала, фиксация основных характерных черт курганов. Большое внимание уделялось маркирующей растительности, или кропмаркам. Помимо этого, применялся метод, который лишь недавно стал общеупотребимым, а именно анализ данных дистанционного зондирования земли. Ход разведки показал, что для получения достоверных данных классических методов не всегда достаточно в условиях работы в районе, где территории подвержены широкому сельскохозяйственному освоению. В публикации представлены краткие данные по указанным курганным могильникам, включающие географическое положение курганов и описание их морфологических характеристик. Всего найдено восемь округлых курганов, из которых шесть с небольшой высотой насыпи – до 0,25 м – и диаметром до 8 м, а два более четко определимые, диаметром до 17 м и высотой насыпи до 0,7 м. Итогом работ можно считать предварительное расширение ареала распространения курганных погребений в Баганском р-не на центральную его часть, расположенную к западу от дороги Баган – Карасук и уходящую дальше от р. Баган. Кроме того, поставлен вопрос о верификации части курганных могильников Баганского р-на в связи с их морфологическими особенностями, в виде приземистой насыпи и отсутствия хорошо читаемого ровика у курганов.

Ключевые слова: *археологическая разведка, археология, курганы, Кулундинская степь, Ленинское, грива Горобцова, грива Батурская, Новосибирская обл., Баганский р-н.*

I.A. Demanov[1]✉, V.A. Malcev[2], A.A. Shishkin[3], I.V. Popov[4], P.A. Solarev[5]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Tomsk State University
Tomsk, Russia
[3]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[4]Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russia
[5]Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia
E-mail: asus2000XP@yandex.ru

Preliminary Results of Survey in the Bagan District of Novosibirsk Region in 2024

During the archaeological survey conducted in the autumn of 2024 in the Kulunda steppe, the Bagan District (Novosibirsk Region), a team from the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS discovered three potential burial mounds: Gorobtsova-1, Gorobtsova-2, and Baturskaya-1. The survey methodology for the Kulunda steppe, which is subject to the extensive agricultural development, is described. Classical methods were employed during the survey, including walking routes aimed at searching for topographical anomalies, detailed examination of these anomalies, searching for surface materials, and documenting the main typical features of the burial mounds. Significant attention was given to the marker vegetation or crop marks. Additionally, a method that has only recently become widespread was applied, i.e. the analysis of remote sensing data. The course of the survey showed that classical methods alone are not always sufficient for obtaining the reliable data in the areas subjected to the extensive agricultural development. The article provides brief data on mentioned burial mounds, including their geographical location and description of their morphological characteristics. A total of 8 round burial mounds were found, with 6 of them having a small height of the mound up to 0.25 m and a diameter of up to 8 m, whereas two are more distinctly defined with a diameter of up to 17 m and a mound height of up to 0.7 m. The results of the work can be considered a preliminary expansion of the distribution area of burial mounds in the central part of the Bagan District, moving further away from the Baganka River. Furthermore, an issue of verification of some burial mounds in the Bagan District has been raised which is associated with their morphological features, such as low mounds and the absence of well-defined ditches around the mounds.

Keywords: *archaeological survey, archaeology, burial mounds, Kulunda steppe, Leninskoye, Gorobtsova barrow, Baturskaya barrow, Novosibirsk Region, Bagan District.*

В октябре 2024 г. Баганский отряд ИАЭТ СО РАН проводил разведку на территории Баганского р-на Новосибирской обл. Баганский р-н расположен на северо-западе Кулундинской степи и граничит с севера с Барабинской лесостепью.

Целью разведки являлся поиск курганных могильников в центральной части Баганского р-на, расположенной к западу от автодороги Баган – Карасук. Выбор этой части района обусловлен тем, что она является гораздо менее изученной, чем расположенная к востоку от автодороги Баган – Карасук. Из 55 археологических памятников Баганского р-на к западу от автодороги Баган – Карасук находится лишь восемь. Однако явных предпосылок для такого разделения установлено не было.

Методика проведения обследования состояла в основном из классических приемов поиска курганов. Составление маршрутов разведки основывалось на поиске перспективных с точки зрения геоморфологии мест, таких как гривы, долины и возвышенности. Анализировались данные дистанционного зондирования земли (далее – ДЗЗ). На спутниковых снимках изучались известные курганы, производилась попытка выявить характерные признаки отражения курганных могильников на спутниковых снимках, например, округлая форма, изменение в рельефе, фиксируемое на снимках, систематическая фиксация на снимках разных лет. Затем происходил поиск курганов по данным ДЗЗ и проверка наиболее перспективных объектов на снимках. Разведка проходила в формате пеших маршрутов для выявления рельефных аномалий, которые детально обследовались с целью поиска подъемного материала, фиксации насыпи и ровика. Большое внимание уделялось маркирующей растительности, или кропмаркам. Согласно исходной гипотезе, неравномерная растительность должна маркировать отличающийся грунт, которым в определенных случаях может быть насыпь кургана, состоящая из переотложенного грунта. Внимание уделялось и расположению курганов: гривы, возвышенности, долины, наличие рядом водных преград, все это учитывалось как при разработке маршрутов, так и при изучении предполагаемых курганов. Использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в условиях осенней разведки носило ограниченный характер в связи с расположением в районе проведения работ высокой растительности, не являющейся кропмарками и не отличающейся от периферийной, которая мешала бы корректно интерпретировать полученную цифровую модель местности. В основном БПЛА использовались при прохождении маршрутов для поиска маркирующей растительности, выделяющейся на фоне переферийной, а также для оценки планиграфии потенциальных курганов и курганных могильников.

В результате разведки было обнаружено три потенциальных курганных могильника: Горобцова-1, -2 и Батурская-1. Наименование курганных могильников было дано согласно расположению на гривах Горобцова и Батурская, находящихся между бывшим совхозом Ленинское и бывшей остановочной платформой Батурки. Курганные могильники условно разделены на две группы согласно своим морфологическим характеристикам: курганы с хорошо читаемой насыпью и курганы со слабо читаемой насыпью. Горобцова-1 и -2 относятся к первой группе. Приземистые курганы, без ярко выраженной насыпи, плохо читаемые в рельефе. Данные курганы сложно определимы, не обладают однозначными морфологическими признаками и требуют дополнительной верификации. Курганы могильника Батурская-1, напротив, имеют хорошо читаемую насыпь и в дополнительной верификации, на данном этапе исследования, не нуждаются.

Курганный могильник Горобцова-1 распложен в 1,5 км к западу от бывшего совхоза Ленинское на границе с распахиваемым полем, к югу от оз. Горькое на гриве Горобцова и представлен тремя курганами (см. *рисунок*). Курганы похожи по своим морфологическим характеристикам: округлой формы, диаметром от 5,0 до 8,5 м с высотой насыпи до 0,25 м и отсутствующим или слабочитаемым ровиком с одной из сторон. Помимо насыпи, курганы маркируются более густой и высокой травянистой растительностью и наличием множества мелких поноров. Между кург. 1 и 2, которые расположены рядом, и кург. 3 располагается идентичная остальным кропмарка, которая не имеет повышения, читающегося в рельефе при визуальном осмотре или при геодезических измерениях, а потому в состав курганного могильника она не включена из-за недостаточных оснований.

Курганный могильник Горобцова-2 расположен в 1,5 км к северо-северо-востоку от курганного могильника Горобцова-1 у северной оконечности гривы Горобцова и с востока от оз. Горькое. Предполагаемый курганный могильник также состоит из трех курганов. Курганы округлой формы диаметром от 3 до 5 м, высотой насыпи до 0,15 м и со слабочитаемым или отсутствующим ровиком с одной из сторон. Один из курганов частично разрушен грунтовой автодорогой. Маркируются изменением растительности и наличием множества мелких поноров. В отличие от курганного могильника Горобцова-1 насыпь еще более слабовыраженная, маркируются же они высокотравной растительностью.

Курганный могильник Батурская-1 находится в 6 км к востоку-северо-востоку от бывшего совхоза Ленинское на гриве Батурская, посреди распахиваемого поля в виде овального останца. Состоит из двух курганов округлой формы диаметром насыпи до 17 м и высотой до 0,7 м. Ровики, как и на предыдущих курганах, не читаются. В насыпях обоих курганов фиксируются грабительские шурфы, которые свидетельствуют о попытках ограбления. Рядом с курганами четко читаются техногенные нарушения в виде ям, предположительно созданных для сельскохозяйственной техники. В ходе земляных работ один из курганов был частично засыпан переотложенным грунтом. В связи с этим его форма в плане плохо прослеживается с северо-восточной стороны и восстанавливается по радиусу ненарушенной половины насыпи. Данная группа курганов является наиболее репрезентативной ввиду хорошо читающейся куполообразной насыпи. Курганы расположены по линии северо-запад – юго-восток.

В результате работ выявлены три потенциальных курганных могильника. Курганы могильника Батур-

Ортофотоплан курганного могильника Горобцова-1.

ская-1 содержат выраженные морфологические признаки кургана, за исключением ровика, и на данном этапе не нуждаются в дополнительной верификации. Однако делать однозначный вывод о принадлежности Горобцова-1 и -2 к группе курганных могильников пока рано. Морфологические характеристики курганов, входящих в состав Горобцова-1 и -2, находят аналогии в Барабинском р-не – Лопушное озеро-1 и -2 [Сопова и др., 2022]. Высота насыпи, форма и отсутствие ровика на курганных могильниках Лопушное озеро-1 и -2 схожи с курганными группами Горобцова-1 и -2. В результате раскопок С.Г. Рослякова курганы Лопушное озеро-1, -2 были отнесены к сросткинской культуре. Согласно списку выявленных объектов археологического наследия Новосибирской обл., курганы Баганского р-на, с определенной культурной принадлежностью, также относятся к сросткинской культуре [Перечень..., 2019]. Но в связи с отсутствием подъемного материала датировать найденные в Баганском р-не курганные могильники не представляется возможным. Несмотря на их морфологическое сходство с курганами других районов, необходимы дополнительные данные для отнесения насыпей к курганам. Такие данные необходимо получить с помощью геофизических исследований – электромагнитного подповерхностного зондирования и измерения индукции магнитного поля. И тот и другой метод уже зарекомендовали себя при определении курганов и оценке их структурного наполнения [Марченко и др., 2021; Хендок, Мунки, Стоякин, 2021]. Итогом работ можно считать предварительное расширение ареала распространения курганных погребений в Баганском р-не на центральную его часть, расположенную к западу от автодороги Баган – Карасук, уходящую дальше от р. Баган. Кроме того, встает вопрос верификации части курганных могильников Баганского р-на в связи с их морфологическими особенностями в виде приземистой насыпи и отсутствия хорошо читаемого ровика у курганов.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов». Авторы благодарят В.А. Сумина за предоставленную информацию о памятниках Баганского р-на.

Список литературы

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Дядьков П.Г., Евменов Н.Д., Гнездилова И.С., Понедельченко Л.О. Результаты археолого-геофизических исследований на памятнике Новая Курья-1 в 2021 году (Северная Кулунда) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 520–527.

Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Новосибирской области. – Новосибирск, 2019. – Ч. 2. – 243 с.

Сопова К.О., Бычков Д.А., Морозов А.А., Деманов И.А. Обследование курганных могильников в Барабинском и Чановском районах Новосибирской области в 2022 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 1015–1020.

Хендок О., Мунхи К., Стоякин М.А. Геофизические исследования на могильнике Катартобе в Казахстане // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 36–45.

References

Hyundok Oh., Moonhee Kwon, Stoyakin M.A. Geophysical studies at the Kargotobe burial site in Kazakhstan. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2021. Vol. 20, No. 3. P. 36–45. (In Russ.). doi:10.25205/1818-7919-2021-20-3-36-45

Marchenko Z.V., Grishin A.E., Pozdnyakova O.A., Dyadkov P.G., Evmenov N.D., Gnezdilova I.S., Ponedelchenko L.O. Results of Archaeological and Geophysical Works at the Novaya Kurya-1 Site in 2021 (Northern Kulunda Steppe). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 520–527. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0520-0527

Perechen' vyyavlennykh ob"ektov kul'turnogo naslediya, raspolozhennykh na territorii Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk, 2019. Pt 2. 243 p. (In Russ.).

Sopova K.O., Bychkov D.A., Morozov A.A., Demanov I.A. Survey of Burial Mounds in the Barabinsky and Chanovsky Districts of the Novosibirsk Region in 2022. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 28. P. 1015–1020. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2022.28.1015-1020

Деманов И.А. https://orcid.org/0000-0002-1311-3544
Мальцев В.А. https://orcid.org/0009-0005-3647-8326
Шишкин А.А. https://orcid.org/0009-0006-8916-3595
Попов И.В. https://orcid.org/0009-0000-3998-3823
Соларёв П.А. https://orcid.org/0009-0005-3781-7895

Дата сдачи рукописи: 10.11.2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.1015-1018
УДК 902(571.51)

В.М. Новосельцева, Е.В. Акимова✉

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: elaki2008@yandex.ru

Очажные конструкции позднепалеолитической стоянки Афонтова Гора V (Радищева)

Статья посвящена итогам полевого изучения двух очагов с концентрической каменной обкладкой, найденных при раскопках стоянки Афонтова Гора V (Радищева) в г. Красноярске в 2024 г. Очаги расположены в 32 м друг от друга по линии ЮЗ–СВ на поверхности террасовидной площадки высотой 60 м от современного уреза р. Енисей. В качестве камней обкладки в обоих случаях использованы крупные обломки окатанных плиток песчаника и крупных валунов, поставленные, как правило, вертикально или под большим углом вдоль бортов ямок. Все камни, предназначенные для обкладок очагов, принесены с берега Енисея. По дну очага 1 уложены обломки костей северного оленя, в дальнейшем перекрытые крупным плоским обломком валуна, что, вероятно, может свидетельствовать о «консервации» погасшего очага. Находка нуклеуса в западной части оградки позволяет предполагать последующее использование ее в качестве «кладовочки». В очаге 2 на поверхности очажного заполнения также присутствует скопление костей оленя, перекрытое обломками валунов. Конструкция очагов с концентрической обкладкой (в данном случае – типа «розетки») является признаком кокоревской археологической культуры Среднего Енисея, что подтверждается характером каменного инвентаря обоих участков памятника. Сегодня нет данных о возрасте очагов и, соответственно, о хронологическом разрыве между ними, но представляется вероятной их принадлежность к одной общности, объединенной как особенностями каменной индустрии, так и приемами создания, эксплуатации очагов, определенными ритуальными действиями, с ними связанными.

Ключевые слова*: поздний палеолит, Средний Енисей, Красноярск, кокоревская культура, очаг, каменные обкладки.*

V.M. Novoseltseva, E.V. Akimova✉

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: elaki2008@yandex.ru

Hearth Structures of the Late Paleolithic Site Afontova Gora V (Radishcheva)

The article provides a 2024 field study of two hearts with a concentric stone filling which were found during excavations of the Afontova Gora V (Radishcheva) site in Krasnoyarsk. The hearts were located at a distance of 32 m from each other along the SW–NE line on the surface of a terrace, 60 m over the modern edge of the Yenisei River. In both cases, large fragments of rolled sandstone tiles and large boulders were used as a filling, usually placed vertically or at a high angle along the sides of the pits. All stones intended for the hearths were brought from the bank of Yenisei. Fragments of reindeer bones were laid along the bottom of hearth 1, then later covered with a large flat boulder fragment, which may indicate the "conservation" of the extinguished hearth. A core found in the western part of the fence suggests its subsequent use as a "storage". In hearth 2, an accumulation of reindeer bones was also found on the surface of the hearth filling, covered by boulder fragments. The construction of hearths with the concentric filling (in this case, of the "rosette" type) is a sign of the Kokorevo archaeological culture of the Middle Yenisei region, which is confirmed by the nature of the lithic inventory from both parts of the site. Today, there is no data on the age of the hearths and, thus, on the chronological gap between them, but they likely belong to the same community united by both specifics of the stone industry and techniques for creation and operation of the hearths, as well as certain ritual activities associated therewith.

Keywords: *Late Paleolithic, Middle Yenisei, Krasnoyarsk, Kokorevo culture, hearth, stone fillings.*

Введение

Конструкции очагов с каменной обкладкой в позднем палеолите Среднего Енисея хорошо известны по материалам раскопок стоянок Кокорево I, IVA, IVБ, Новоселово VI в зоне Красноярского водохранилища [Абрамова, 1979; Палеолит Енисея, 1991] и многослойной стоянки Лиственка в окрестностях г. Дивногорска [Палеолит Енисея, 2005]. В черте г. Красноярска подобные очаги были открыты только в 2021 г. при раскопках стоянки Афонтова Гора IV (Овражная) [Акимова и др., 2021]. По опыту многолетних исследований очаги с каменной обкладкой в долине Среднего Енисея являются признаком кокоревской археологической культуры [Абрамова, 1979].

По материалам памятников Новоселовского и Красноярского археологических районов известны следующие основные типы очажных конструкций с концентрической каменной обкладкой: 1) плитки песчаника, наклонно установленные в глубокую округлую ямку, иногда с добавлением горизонтально уложенных плиток по окружности очага (Кокорево I, IVБ; Лиственка, культурный слой 8); 2) целые валуны или обломки коренных пород, уложенные вокруг очажной ямы (Кокорево IVA; Афонтова Гора IV (Овражная), Лиственка, культурные слои 6, 9, 12Б); 3) целые валуны или обломки коренных пород, уложенные по бортам ямы (Лиственка, культурные слои 6, 10) [Абрамова, 1979; Палеолит Енисея, 1991, с. 84–85; Палеолит Енисея, 2005].

Критерии выбора конструкции очажной обкладки не всегда ясны и, вероятно, в ряде случаев зависели от специфики доступных природных ресурсов в конкретной местности.

Результаты исследования

При раскопках стоянки Афонтова Гора V (Радищева) в 2024 г. (см. статью Новосельцевой В.М. и др. «Раскопки стоянки Афонтова Гора V (Радищева) в Красноярске в 2024 году» в этом сборнике) были выявлены два очага с концентрическими каменными обкладками (см. *рисунок*), расположенные в 32 м друг от друга по линии ЮЗ–СВ на поверхности террасовидной площадки высотой 60 м от современного уреза р. Енисей.

Очаг 1 расположен в верхней части пологого склона южной экспозиции на относительно ровной площадке, что подчеркивается характерным простиранием примыкающего к очагу участка культурного слоя. Очажная яма имеет округлую форму диаметром до 63–67 см, крутые стенки и ровное слегка вогнутое дно. Глубина ямы составляет ок. 20 см.

Основными элементами очажной обкладки являются две окатанные плитки песчаника, три валуна яйцевидной формы, два обломка плоских валунов и четыре (?) крупных бесформенных обломка. Обломки щебня небольшого размера были отмечены как за пределами кладки, так и внутри нее, вероятно, в качестве внешней опоры для основных несущих камней. При снятии все камни рассыпались, что свидетельствует о высокой температуре при горении внутри очага. Все породы, использованные для сооружения обкладки, дальноприносные, получены из аллювия Енисея и в местных коренных выходах не встречаются.

Камни устанавливались почти вертикально, с небольшим уклоном (ок. 80–85°), как правило, продавливая дно очажной ямы. В связи с отсутствием золистой окраски, маркирующей культурный слой, превышение верхних концов камней обкладки над уровнем ямы (в пределах 5 см) определялось по единичным отщепам и фрагментам костей, залегавшим с внешней стороны обкладки.

Мощность прокала под дном ямы составляла ок. 15 см. Небольшой участок прокала был выявлен за южной стенкой, что, вероятно, было связано с незакрытым камнями обкладки узким участком стенки, не защищенным от воздействия огня.

Заполнение очага представляет собой густую темно-серую сажистую супесь без следов древесного угля и жженых костей. В центральной и западной частях очага его мощность не превышает 5 см. Здесь, непосредственно на дне очага, на поверхности очажного прокала, в горизонтальном положении беспорядочно залегали обломки трубчатых костей и рога, крупный фрагмент основания рога северного оленя, а также единичные фрагменты ребра и трубчатых костей более мелкого животного. Следов горения на поверхности костей не зафиксировано. Скопление было перекрыто отслоившимся от крупного валуна плоским круглым куском камня, «запечатавшим» очаг. Подобная ситуация предполагает последовательные действия: очистка очага от продуктов горения, размещение на образовавшейся поверхности обломков костей и дальнейшее перекрытие этого участка крупным камнем.

В то же время, в восточной и частично в центральной части, за пределами и по восточному контуру перекрывающего дно камня мощность очажного заполнения с содержащимися в нем мелкими обломками костей и отщепами составляет более 20 см, что может как соответствовать исходной мощности заполнения во всем очаге, так и свидетельствовать о том, что часть заполнения была сдвинута в восточную часть очага. Здесь найдены небольшие неопределимые фрагменты трубчатых костей, первичный кварцитовый отщеп с грубой ударной ретушью по краю и сломанный пополам массивный полупервичный пластинчатый скол. В этой части конструкции также был вертикально установлен крупный обломок щебня и отмечено утолщение южной стенки дополнительными обломками. В северо-восточном углу и в середине восточной стенки в вертикальном положении были найдены два отщепа.

Очажные конструкции позднепалеолитической стоянки Афонтова Гора V (Радищева).
1 – очаг 1 (уровень второго «дна»); *2* – очаг 2 (уровень костей в верхней части заполнения).

Таким образом, на данной стадии использования очага сформировалась конструкция с вертикально и наклонно стоящими камнями обкладки и ровным каменным дном, занимающим более половины поверхности. Вероятно, именно тогда были немного наклонены к югу камни северной стенки, что придало изначально округлой оградке прямоугольную форму.

В то время как в восточной части сохранилось сажистое заполнение очага, в западной части оградки грунт соответствовал светло-коричневым супесям вмещающего литологического слоя. На «дне» в горизонтальном положении была найдена заготовка одноплощадочного монофронтального нуклеуса (см. *рисунок*, *1*). У западной стенки, в т.ч. в промежутках между камнями обкладки, в сохранившемся золистом заполнении найдены отщепы и фрагменты колотых трубчатых костей.

Вероятно, напрямую связан с очагом участок, расположенный в 1,7 м ниже по склону, где выявлены два смежных сажистых пятна треугольной в плане формы, заполненных фрагментами костей, отщепами, сколами, чешуйками. Следует отметить, что наряду с обломками костей, относимыми к остаткам оленя, здесь найдены фрагменты ребер более мелкого животного, аналогичные содержавшимся в заполнении очага. Свидетельствами того, что заполнение пятен является выбросом (выносом) из очага, также может служить отсутствие прокала при наличии кусков спекшегося грунта.

Предварительная оценка ситуации позволяет высказать суждение о том, что размещение костей и последующее перекрытие большей части дна очага широким плоским камнем являются свидетельством ритуала «закрытия» очага, после чего он перестает использоваться в прежнем качестве. Заброшенный очаг мог естественным путем превращаться в место концентрации отходов (мелких фрагментов костей, отщепов). В то же время, учитывая нуклеус, помещенный в «пустую» западную часть оградки, можно предполагать, что очаг мог быть предназначен для использования в качестве «кладовочки» [Липский, 1963].

Очаг 2 расположен в верхней части пологого склона с небольшим уклоном в восточном направлении, который прослеживается как по простиранию многочисленных археологических остатков на данном участке, так и по разнице в высоте камней, наиболее выступающих по западной стороне и «притопленных» с восточной. Очажная яма имеет круглую форму диаметром 56–58 см, отвесные или очень крутые борта, ровное, слегка вогнутое дно. Глубина ямки достигает 20 см.

В качестве основных камней обкладки использовались плоские слабо окатанные валуны и крупные обломки, установленные под углом ок. 80° по западной и южной стороне и под углом ок. 60° – по северной и восточной. В большинстве случаев за наиболее крупным камнем установлен менее крупный и более плоский обломок. Наиболее сложная, многослойная, обкладка выполнена с западной и южной сторон. Камни установлены «ступеньками» по направлению к центру очага. Максимальные размеры камней (длина) – 20–38 см. Заполнение очага густое, темно-серое, сажистое, без древесных угольков, но с единичными вкраплениями пережженных косточек. Мощность заполнения составляет 12 см.

Зона прокала оранжевого цвета по дну очага маломощная (ок. 2–3 см), но достигает 6–8 см за северной границей очага. Вероятно, последнее могло быть связано с относительно «тонкой» стенкой обкладки с севера.

В центральной части очага горизонтально уложены разноразмерные (преимущественно средние и мелкие) обломки трубчатых костей, в т.ч. эпифиз метаподия северного оленя и крупный обломок изделия из кварцитовой гальки (см. *рисунок*, *2*). Отдельные фрагменты костей отмечены в стыках между камнями обкладки. Немногочисленные отщепы и микропластинки располагаются, как правило, в верхней части заполнения.

Скопление костей почти полностью перекрыто несколькими обломками окатанных песчаников. В данном случае это может рассматриваться как оседание части камней с юго-западной части обкладки, однако вполне вероятен вариант преднамеренной «консервации» очага, что вызывает аналогии с очагом 1.

На основании «загрязненности» поверхности очага отщепами, фрагментами костей и мелким щебнем можно предполагать, что очаг в итоге полностью потерял свое значение, став частью производственной (и жилой?) площадки.

Основные выводы

Места создания обоих очагов приурочены к началу пологого склона южной или восточной экспозиции. Более детально реконструировать ландшафт местности невозможно. При этом расположение обоих очагов на склоне (пологой ступеньке склона) и отсутствие локализации находок вокруг них снимают вопрос о принадлежности их к жилищным комплексам. Представляется более реальным функционирование очагов под открытым небом.

В обоих случаях также совпадают такие признаки, как диаметр и глубина очажных ямок, конструкция каменных обкладок, характер заполнения, насыщенность обломками костей и мелкими отщепами. Интересной деталью является заполнение дна очага скоплением костей и последующее перекрытие его крупным камнем, наглядно прослеживаемое у очага 1. Менее выразительно, видимо, этот же прием прослеживается у очага 2, где кости были уложены на остывший очаг без разборки и удаления сажистого заполнения и перекрыты тремя обломками валунов. Возможно, в первом случае предполагалось вторичное использование оградки очага в качестве своеобразной «кладовочки», о чем свидетельствует заготовка нуклеуса, оставленная в «пустой» половине.

Прием «консервации» очага крупным плоским округлым камнем в сочетании с розеточной формой очажной обкладки присутствует в культурном слое 8 многослойной стоянки Лиственка [Палеолит Енисея, 2005, с. 52]. По древесному углю из очага получена дата 12 750 ± 140 л.н. (ИГАН-1078). Следует обратить внимание, что подобный прием не отмечен ни у одного из более древних очагов Лиственки с другой конструкцией обкладки.

На сегодняшней стадии изучения стоянки Афонтова Гора V (Радищева) нельзя утверждать об одновременности обоих объектов, но представляется очевидной их принадлежность к одной общности в рамках кокоревской археологической культуры Среднего Енисея, объединенной как особенностями каменной индустрии, так и приемами создания, эксплуатации очагов, определенными ритуальными действиями, с ними связанными.

Благодарности

Работы выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 200 с.

Акимова Е.В., Барков А.В., Разгильдеева И.И., Стасюк И.В. Раскопки стоянки Афонтова Гора IV (Овражная, пункт II) в Красноярске в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 871–877. – doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0871-0877

Липский А.Н. Ямка-кладовочка костенковского типа на р. Абакан // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1963. – С. 11–20.

Палеолит Енисея / З.А. Абрамова, С.Н. Астахов, С.А. Васильев, Н.М. Ермолова, Н.Ф. Лисицын. – Л.: Наука, 1991. – 158 с.

Палеолит Енисея. Лиственка / Е.В. Акимова, Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, С.А. Лаухин, В.Г. Кольцова, Л.А. Орлова, А.Ф. Санько, Е.Г. Шпакова. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2005. – 180 с.

References

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Kokorevskaya kultura. Novosibirsk: Nauka, 1979. 200 p. (In Russ.).

Abramova Z.A., Astakhov S.N., Vasilev S.A., Ermolova N.M., Lisitsyn N.F. Paleolit Eniseya. Leningrad: Nauka, 1991. 158 p. (In Russ.).

Akimova E.V., Barkov A.V., Razgildeeva I.I., Stasyuk I.V. The Excavations of Afontova Gora IV (Ovrazhnaia, Point II) in Krasnoyarsk, 2021. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 871–877. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0871-0877

Akimova E.V., Drozdov N.I., Chekha V.P., Laukhin S.A., Koltsova V.G., Sanko A.F., Shpakova E.G. Paleolit Eniseya. Listvenka. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University Press, 2005. 180 p. (In Russ.).

Lipskii A.N. Yamka-kladovochka kostenkovskogo tipa na r. Abakan. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii, etnografii i istorii Krasnoyarskogo kraya*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. P. 11–20. (In Russ.).

Новосельцева В.М. https://orcid.org/0000-0002-3950-0219
Акимова Е.В. https://orcid.org/0000-0002-0952-8026

Дата сдача рукописи: 11.10. 2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.1019-1027
УДК 902(571.51)

В.М. Новосельцева[1], Е.В. Акимова[1]✉, И.В. Стасюк[2], А.В. Мурашко[3], А.А. Морозов[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Красноярск, Россия
[3]ООО «Ростовское археологическое научно-исследовательское общество»
Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: elaki2008@yandex.ru

Раскопки стоянки Афонтова Гора V (Радищева) в Красноярске в 2024 году

В статье рассматриваются итоги полевого исследования южного сектора выявленного объекта археологического наследия «Красноярск. Стоянка Афонтова Гора V» на участке ул. Радищева в микрорайоне Николаевка. Общая площадь, вскрытая раскопами и шурфами, составляет 6 336 м^2. В восточной части раскопа 2 выявлен культурный слой 1, предварительно датированный рубежом плейстоцена – голоцена. Основной культурный слой 2 прослеживается по пологому склону террасы на площади ок. 500 м^2 в раскопе 2. Здесь (западный и центральный участки) раскопаны два очага с концентрическими каменными обкладками и примыкающие к ним производственные площадки. Общее количество каменных артефактов превышает 12 тыс. экз. В составе коллекции нуклеусы для крупных пластин, клиновидные микронуклеусы, скребки, скребла, резцы, остроконечники, галечные орудия. В южной части центрального участка выявлен фрагмент культурного слоя 3, типологически идентичный вышележащему культурному слою 2. На основании анализа каменного инвентаря и конструкции очагов сделан вывод о принадлежности культурных слоев 2 и 3 к кокоревской археологической культуре. При этом допускается возможность инокультурных примесей на южном склоне, проявляющихся в типологии каменного инвентаря, более характерного для памятников афонтовской культуры. Состав фаунистических остатков для культурных слоев 2 и 3 однороден: абсолютно преобладают фрагменты костей северного оленя. В шурфах за пределами площади раскопов отмечены единичные находки (скребок, отщепы, фрагменты костей бизона и северного оленя) на глубине 4,5–5,5 м (культурный слой 4), предварительно датируемые ранним сартанским временем.

Ключевые слова*: поздний палеолит, Средний Енисей, Красноярск, кокоревская культура, каменная индустрия, охранно-спасательные раскопки.*

V.M. Novoseltseva[1], E.V. Akimova[1]✉, I.V. Stasyk[2], A.V. Murashko[3], A.A. Morozov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University
Krasnoyarsk, Russia
[3]LLC "Rostov Archaeological Scientific Research Society
Rostov-on-Don, Russia
E-mail: elaki2008@yandex.ru

2024 Excavations of the Afontova Gora V (Radishcheva) Site in Krasnoyarsk

The article reviews the results of a field study of the southern sector of the "Krasnoyarsk. Afontova Gora V" site located on a part of the Radishcheva street in the Nikolayevka microdistrict. The total area uncovered by excavations and pits is 6 336 sq. m. Cultural layer 1 was recorded in the eastern part of excavation 2 and preliminarily dated to the Pleistocene – Holocene

boundary. The main cultural layer 2 marked along the gentle slope of the terrace on an area of about 500 sq. m in excavation 2. Two hearths with the concentric stone masonry and adjacent production sites have been excavated here (western and central sections). The total number of stone artifacts exceeds 12 thousand items. The collection includes cores for large blades, wedge-shaped microcores, scrapers, burins, points, and pebble tools. A fragment of cultural layer 3 was found in the southern part of the central section, which is typologically identical to the overlying cultural layer 2. Based on the stone equipment analysis and the construction of hearths, cultural layers 2 and 3 can be attributed to the Kokorevo archaeological culture. At the same time, the presence of foreign cultural impurities on the southern slope is possible, which is manifested in the typology of stone collection that is more typical of the Afontovo sites. The composition of faunal remains for cultural layers 2 and 3 is homogeneous: fragments of reindeer bones absolutely predominate. In the pits outside the excavation area, isolated finds (scraper, flakes, fragments of bison and reindeer bones) at a depth of 4.5–5.5 m (cultural layer 4), preliminarily dated to the early Sartan period, were found.

Keywords: *Late Paleolithic, Middle Yenisei, Krasnoyarsk, Kokorevo culture, stone industry, rescue excavations.*

Введение

Палеолитическая стоянка Афонтова гора V была открыта в 1996 г. в ходе обследования территории, отводимой под строительство подземных гаражей в районе пересечения ул. Копылова и Ладо Кецховели. Немногочисленные находки были сделаны в каргинской погребенной почве и датированы в пределах 30–27 тыс. л.н. [Дроздов и др., 1996; Артемьев, 1999; Артемьев, Дроздов, 1998]. Первоначальные границы памятника были установлены с расчетом на максимальный охват большей части Николаевки, непосредственно граничащей с комплексом известных стоянок Афонтовой горы (рис. 1). Это чисто административное решение в недалеком будущем обеспечило возможность проведения спасательных археологических исследований в зоне как масштабного строительства Николаевского моста и Николаевского проспекта, так и точечной застройки на территории частного сектора в самой Николаевке. На протяжении 15 лет в границах этой территории (с начала 2010-х гг. – выявленный объект археологического наследия (ВОАН) «Красноярск. Стоянка Афонтова Гора V») ведутся регулярные разведочные и охранно-спасательные работы, позволившие зафиксировать палеолитические культурные слои позднесартанского и позднекаргинского возраста [Мещерин, Барков, Муратов, 2020]. Корректировка границ производилась службой по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края в 2013, 2015 и 2022 гг.

По мере изучения территории в рамках установленных границ стало очевидным, что под ВОАН «Красноярск. Стоянка Афонтова Гора V» следует понимать комплекс разновременных позднепалеолитических памятников, территориально приуроченных к определенным улицам Николаевской слободы [Мещерин, Барков, Муратов, 2020; Мещерин, 2024].

Итоги работ 2024 года

Охранно-спасательные раскопки 2024 г. проводились по программе «Комплексное развитие территории» в южной части ВОАН, в зоне массовой деревянной застройки XX в., вдоль ул. Радищева, между пересекающими ее ул. Корнеева и Ладо Кецховели. Основные работы были сосредоточены на пересечении ул. Радищева и Спартаковцев, где ранее был получен археологический материал [Новосельцева, Акимова, Павленок, 2023]. Одновременно решалась задача уточнения площади распространения культуросодержащих отложений на территории, отводимой под строительные работы на следующем этапе программы.

В результате работ 2024 г. выполнено 38 археологических шурфов, 7 рекогносцировочных раскопов и 2 спасательных раскопа общей площадью 6 336 м^2 (рис. 1). В связи с необходимостью выделить данный юго-восточный участок из группы археологических объектов ВОАН «Красноярск. Стоянка Афонтова Гора V» было предложено в рабочем порядке использовать название «Стоянка Афонтова Гора V (Радищева)».

Геоморфологическое положение памятника неоднозначно. Исследуемый участок, простирающийся с общим уклоном в юго-восточном направлении, может быть интерпретирован и как уступ VII («худоноговской») террасы, и как площадка IV («лагерной») террасы долины р. Енисей. Относительная высота над уровнем реки на участке археологических работ составляет 60–70 м. Территория плотно застроена одно- двухэтажными домами с приусадебными участками, проложены гравийные дороги, подземные линии электропередач и водопровод. Значительную площадь занимают участки с бытовыми и строительными отходами. Подобная антропогенная нагрузка привела не только к деформации природного рельефа, но и почти полному уничтожению раннеголоценовых отложений и частичному – финальноплейстоценовых.

Сводный стратиграфический разрез имеет следующее строение (рис. 2, *1*).

1. Техногенный темно-гумусовый горизонт (мощность 0–2,0 м).

2. Включает два компонента: AU – темно-гумусовый горизонт, AB – горизонт, переходный от гумусового (AU) к иллювиальному (BI) (0–0,6 м).

3. BI – глинисто-иллювиальный горизонт, малогумусный. Супеси, суглинки слабогумусированные, светло-бурые (0–0,4 м). В подошве местами прослеживается палеопочва 3 мощностью до 3–4 см. На вос-

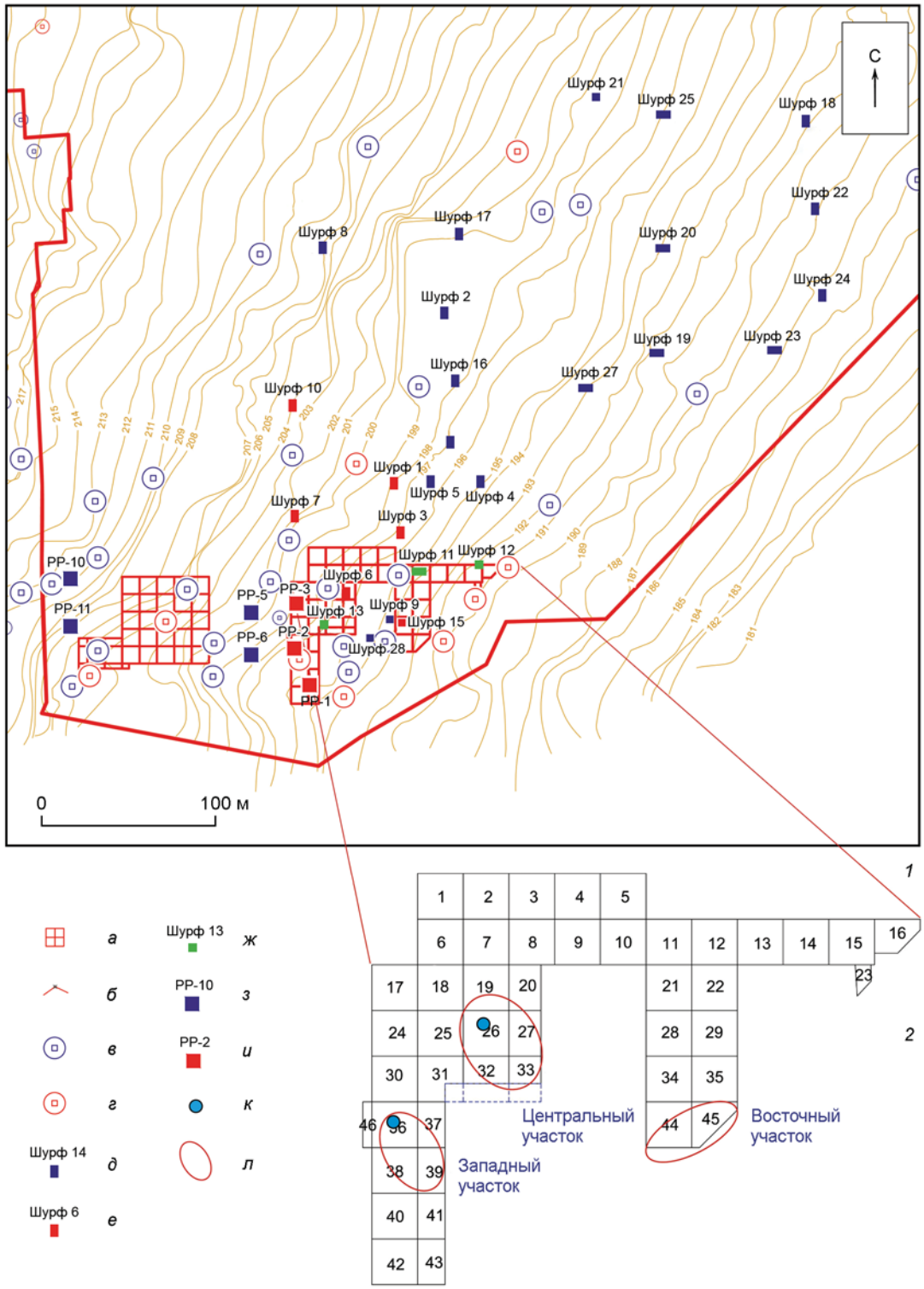

Рис. 1. Стоянка Афонтова Гора V.

1 – южный участок территории ВОАН Афонтова Гора V (площадь работ 2024 г.); *2* – схема раскопа 2 и планиграфическое распространение археологического материала.

а – археологический раскоп 2024 г.; *б* – граница и узлы поворотов ВОАН «Красноярск. Стоянка Афонтова Гора V»; *в* – археологические шурфы без материала, выполненные до 2024 г.; *г* – археологические шурфы с материалом, выполненные до 2024 г.; *д* – археологические шурфы без материала, выполненные в 2024 г.; *е* – археологические шурфы с материалом, выполненные в 2024 г.; *ж* – археологические шурфы с палеонтологическим материалом без следов обработки, выполненные в 2024 г.; *з* – рекогносцировочные раскопы без археологического материала, выполненные в 2024 г.; *и* – рекогносцировочные раскопы с археологическим материалом, выполненные в 2024 г.; *к* – очаг; *л* – планиграфическое распределение археологического материала.

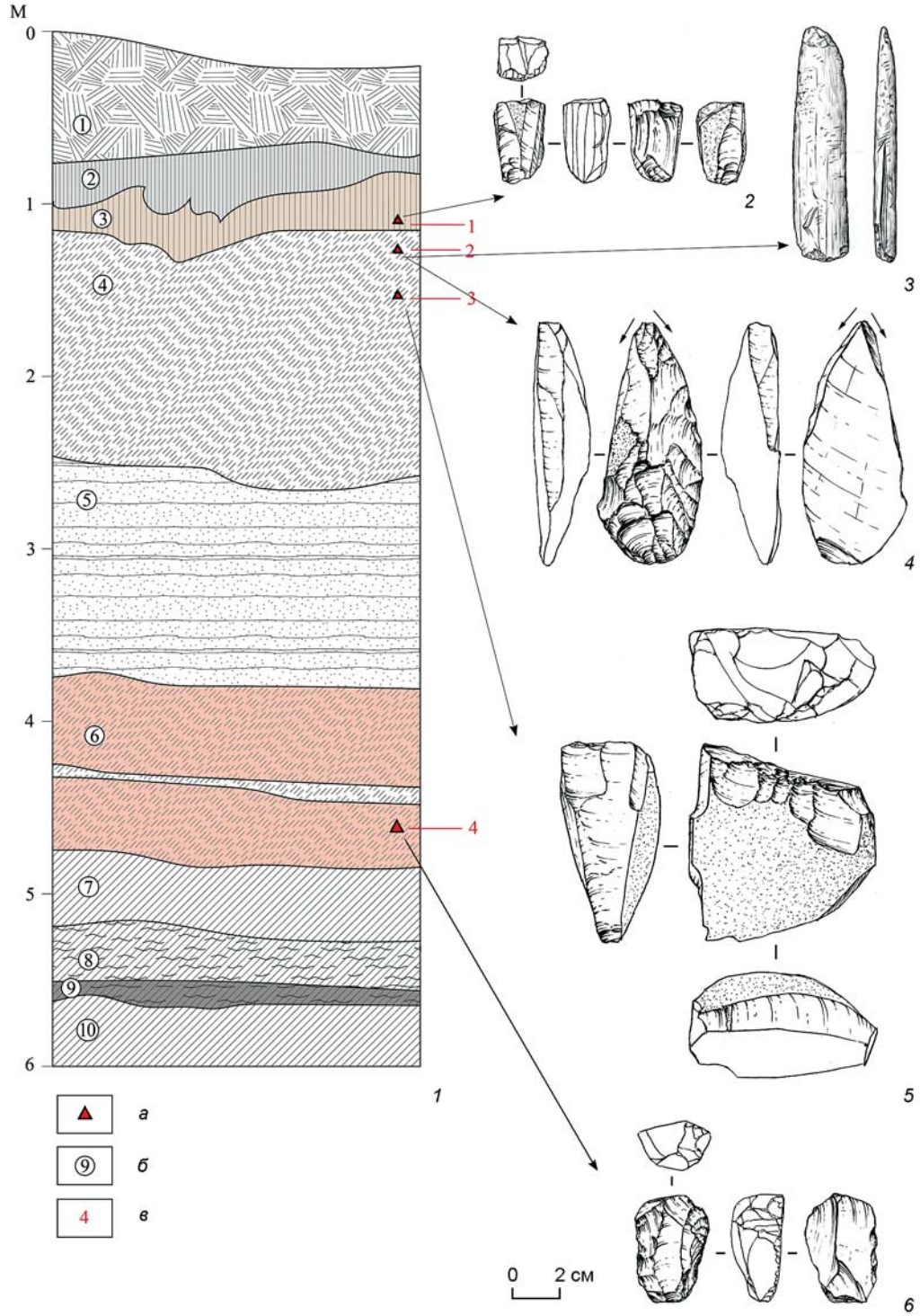

Рис. 2. Сводный стратиграфический разрез стоянки Афонтова Гора V (Радищева) по результатам работ 2024 г. (*1*). Образцы каменных и костяных артефактов в культурных слоях 1–4 (*2–6*).

а – культуросодержащий слой; *б* – номер литологического слоя; *в* – номер культуросодержащего слоя.

точном участке раскопа 2 зафиксирован культурный слой 1 (рис. 2, *2*).

4. Cca – карбонатная почвообразующая порода – Sr4. Супесь лессовидная, белесая от обилия карбонатов, местами желтовато-розоватая (0,20–1,20 м). В стратиграфии читаются клинообразные либо блюдцеобразные обильно карбонатизированные включения. На западном и центральном участках раскопа 2 (см. рис. 1, *3*) выявлены культурные слои 1 и 2 (рис. 2, *3–5*).

5. Супеси, пески слойчатые, палево-желтоватые, палево-белесоватые, (перевеянные?) лессовидные (0,4–1,4 м).

6. Рассматривается как палеопочва 2 с профилем Cm1-Cm2 (0,5–0,8 м). Делится на две примерно равные части: нижнюю – супесчано-легкосуглинистую желтовато-розовую (Cm2) и верхнюю – среднесуглинистую розовую (Cm1). Нижние 5 см слоя имеют темно-розовую окраску. Слой разбит тонкими трещинками, раздваивающимися к нижней части слоя. Трещинки местами заполнены бурым глинистым веществом, местами карбонатами. В слое в шурфах зафиксирован единичный археологический и фаунистический материал (культурный слой 4) (рис. 2, *6*).

7. Супесь с невыраженной слоистостью, окраска пятнистая: на сизовато-желтоватом фоне розово-охристые пятна с диффузными границами (0,4–0,6 м). Присутствуют Fe и Mn новообразования.

8–9. Средний суглинок, сложение в нижней части (20 см) полосчатое, темные полосы вишнево-бурые, представленные педоседиментами палеопочвы 1 (Kr2?), переслаиваются прерывистыми прослойками и пятнами светлой сизоватой окраски (0,5–1,0 м).

Культурный слой 1 выявлен локальными пятнами на отдельных участках, преимущественно в восточной части раскопа 2 («восточный участок») на уступе IV террасы, на уровне 55 м выше уреза р. Енисей (см. рис. 1). В составе немногочисленной коллекции призматический и микропризматический нуклеусы (рис. 2, *2*), скребловидное орудие, микроскребок на фрагменте пластины, отщепы и пластинчатые сколы с ретушью, отдельные кости северного оленя со следами раскалывания и погрызов.

Основной археологический материал памятника (культурный слой 2) получен на двух участках раскопа 2, разделенных 30-метровой зоной с единичными находками (см. рис. 1).

Западный участок. В верхней части склона территория распространения археологического материала представляет собой разреженную полосу шириной от 1,5 до 2,0 м и протяженностью до 10 м, простирающуюся в южном направлении. Общий угол уклона поверхности составляет ок. 4°. Верхней условной точкой является очаг с каменной обкладкой (см. статью Новосельцевой В.М., Акимовой Е.В. «Очажные конструкции позднепалеолитической стоянки Афонтова Гора V (Радищева)» в данном сборнике), севернее которого, выше по склону, отмечены только немногочисленные отщепы и фрагменты микропластин, непосредственно примыкающие к границам каменной обкладки. Участок южнее очага может быть интерпретирован в качестве приочажной зоны с протяженными линзами серого окраса без четких контуров, вероятно являющимися следами плоскостного склонового смыва, образующего неглубокие промоины. Основная часть каменных артефактов, а также мелких фрагментов костей и обломков щебня располагалась именно в серой золистой супеси как в виде небольших достаточно плотных скоплений, так и разрозненно. На участках локального выполаживания, где глубина промоин достигала 20 см, плотность находок максимальная.

Южнее, ниже по склону, простирание слоя имеет слабовыраженный ступенчатый характер с соответствующим горизонтальным и наклонным расположением археологического материала. При этом зона распространения находок в широтном направлении увеличивается не менее чем до 10 м.

Несмотря на то, что проведение границы между «верхним» и «нижним» комплексами не представляется возможным, некоторые особенности в каменном инвентаре свидетельствуют об определенных различиях между ними.

В верхней части склона (приочажная зона) найдены единичные клиновидные микронуклеусы с высотой фронта 2,5–3,0 см (рис. 3, *1*, *2*), уплощенные двуплощадочные монофронтальные нуклеусы (рис. 3, *10*), крупный торцовый нуклеус на первичном сколе, а также серия орудий на пластинчатых заготовках: концевые скребки на крупных пластинах (рис. 3, *7*, *8*), крупный скребок на первичном отщепе (рис. 3, *6*), резцы (в т.ч. унифас) (см. рис. 2, *4*; 3, *3*, *4*), ножевидные орудия на пластинах (рис. 3, *9*, *11*), галечное орудие на удлиненной плоской гальке (рис. 3, *5*).

В нижней части склона прослеживаются изменения в сырьевом составе каменного инвентаря за счет увеличения доли низкокачественных кварцитов. Здесь найдены двуплощадочный бифронтальный микронуклеус, нуклеусы на массивных гальках с коротким фронтом, орудия на крупных первичных отщепах с вентральной обработкой, массивное скребло на обломке кремнистой породы, а также обломок вкладышевого орудия из рога (см. рис. 2, *3*).

Фаунистические остатки многочисленны, но в большинстве своем представляют собой мелкие фрагменты трубчатых костей очень плохой сохранности. Абсолютное большинство определимых костей (зубы, суставные кости, фрагменты локтевых и плечевых костей, рогов) принадлежит северному оленю и сконцентрировано в нижней половине участка. В единственном экземпляре найден рог сайги (определение канд. биол. наук А.М. Клементьева).

Центральный участок. Приурочен к мысовому участку террасы с падением склона в северо-восточном, восточном и юго-восточном направлениях. Общий угол уклона поверхности в наиболее выраженном юго-восточном направлении составляет ок. 4°, перепад высотных отметок в пределах, вскрытых раскопом, до 1 м.

Культурный слой 2. В верхней части склона расположен очаг с каменной обкладкой (см. статью Новосельцевой В.М., Акимовой Е.В. «Очажные конструкции позднепалеолитической стоянки Афонтова Гора V (Радищева)» в данном сборнике). Археологический и фаунистический материал располага-

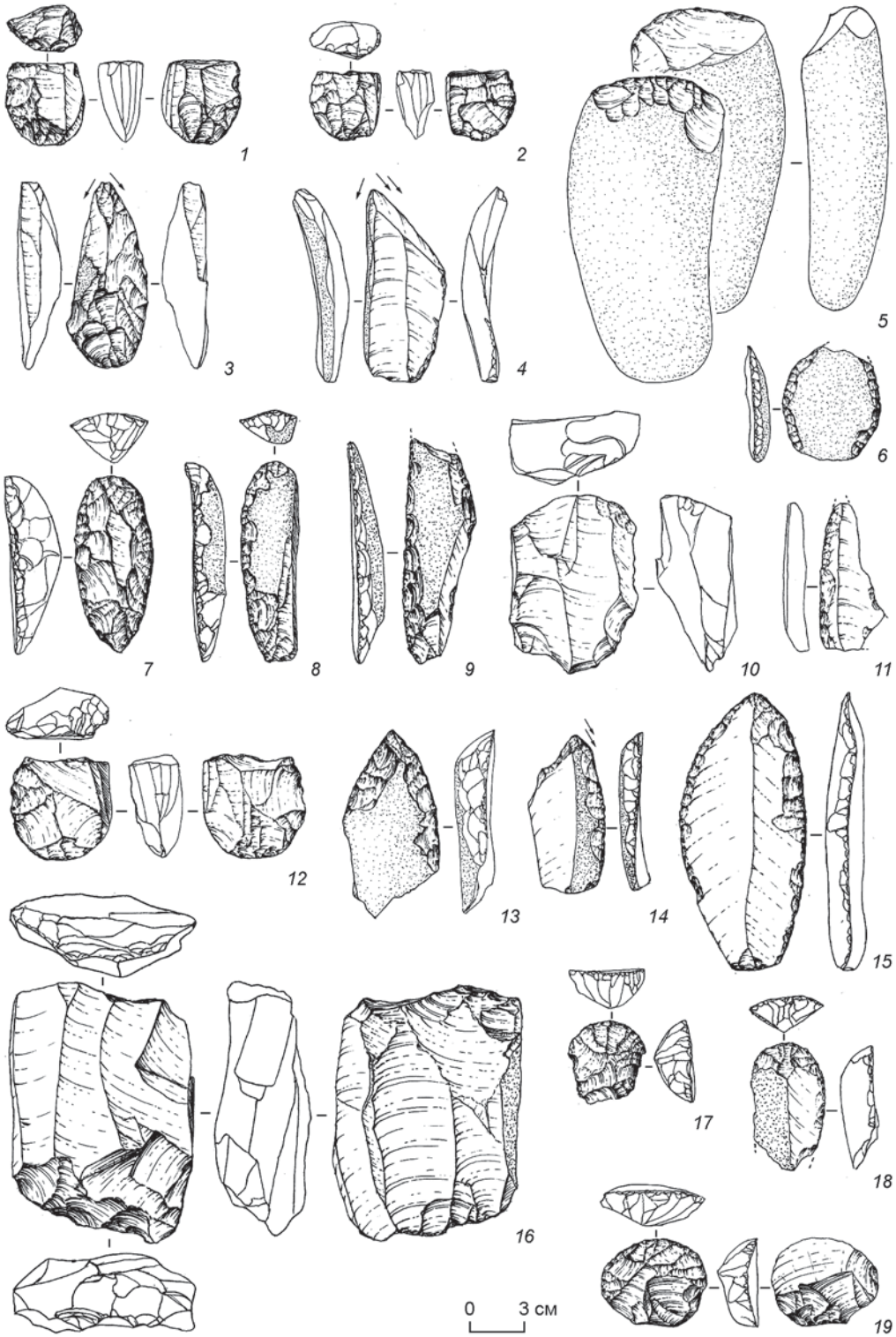

Рис. 3. Каменный инвентарь культурного слоя 2.

1, *2*, *12* – клиновидные микронуклеусы; *3*, *4*, *14* – резцы; *5* – галечное орудие; *6–8*, *17–19* – скребки; *9*, *11* – пластины с ретушью; *10*, *16* – нуклеусы; *13*, *15* – остроконечники.

1–11 – западный участок, *12–19* – центральный участок.

ется в виде многоуровневого скопления, наивысшей концентрации достигая в юго-восточной части, по мере выполаживания склона. В результате сползания предметов по склону, вероятно, произошло перекрытие возможных специализированных микроучастков отщепами, обломками, фрагментами костей, что затрудняет их функциональную интерпретацию.

Непосредственно северо-восточнее очага, на относительно возвышенном месте, располагается участок расщепления нескольких галек с получением

серии пластин и отщепов. Здесь же, вероятно, шло изготовление орудий, о чем свидетельствуют находки концевого скребка и остроконечника на пластинах, полученных из соответствующего сырья.

Оценивая общий состав каменного инвентаря центрального участка, можно указать на явное преобладание нуклеусов, заготовок, обломков и сколов с нуклеусов.

Одноплощадочные монофронтальные нуклеусы изготовлены на крупных объемных или плоских гальках. Независимо от степени массивности заготовки формируется относительно плоский фронт, дальнейшая корректировка которого производится за счет крутой ретуши по одной из латералей, образующей выступающее ребро, или переноса снятий на латераль с образованием крупного торцового нуклеуса. В единственных экземплярах присутствуют уплощенный двуплощадочный бифронтальный нуклеус с противолежащими площадками и фронтами (рис. 3, *16*) и массивный торцовый нуклеус на гальке.

Клиновидные микронуклеусы, как правило, характеризуются крупными размерами (высота фронта ок. 4 см), массивностью, двусторонней обработкой латералей (рис. 3, *12*).

Орудийный набор включает такие группы, как скребки-унифасы на отщепах (рис. 3, *17*, *19*), концевые скребки на пластинах (рис. 3, *18*), остроконечники на пластинах (рис. 3, *13*, *15*), боковые и угловые резцы на отщепах и пластинах (рис. 3, *14*), скребла на крупных долечных сколах, массивные скребловидные орудия, в т.ч. с вогнутым краем, рубящие орудия на крупных широких гальках.

Фаунистические остатки представлены многочисленными неопределимыми фрагментами трубчатых костей и разрозненными зубами северного оленя.

На центральном участке в 20–40 см ниже культурного слоя 2 выявлена линза культурного слоя 3. Преобладают отщепы и фрагменты неопределимых трубчатых костей. Среди информативных артефактов – крупный торцовый двуплощадочный нуклеус на массивной гальке (см. рис. 2, *5*) и долотовидное орудие на сработанном нуклеусе. Типологических различий с вышележащим культурным слоем не отмечено.

Культурный слой 4 в виде единичных предметов (скребок (см. рис. 2, *6*), отщепы, кость со следами резания)* обнаружен в разведочных шурфах за пределами площади раскопов и предварительно датирован раннесартанским временем.

Вся обитаемая территория, вскрытая раскопом 2, содержит большое количество разноразмерного обломочного, разной степени окатанности, материала. По петрографическому составу хорошо окатанные мелкие валуны относятся к магматическим (габбро) и метаморфическим (гнейсы) породам, плитчатые обломки представлены песчаниками (определение канд. геол.-мин. наук Н.Н. Поповой). В связи с тем, что источником сырья является аллювий Енисея, а не местные коренные выходы пород, весь массив грубообломочных пород, залегающих на уровне культурных слоев 2 и 3, следует отнести к манупортам.

Обсуждение

На стадии полевого изучения позднепалеолитической стоянки Афонтова Гора V (Радищева) можно высказать следующие суждения.

1. Западный (верхний) и центральный участки являются остатками двух поселений (культурные слои 2 и 3), хронологически близких друг другу. Они располагаются в верхней части пологих склонов, переходящих выше в относительно ровную террасовидную площадку. В обоих случаях очаги сооружены по кромке площадки, а археологический и фаунистический материал залегает по склону, образуя многоуровневые скопления с максимальной концентрацией на участках (ступенях) выполаживания и в промоинах, образованных, вероятно, дождевой и талой водой. По предварительным данным общее количество находок здесь достигает 12 тыс. экз.

2. Каменный инвентарь культурных слоев 2 и 3 западного (верхнего) и центрального участков характеризуется пластинчатостью, что выражается в соответствующих формах крупных нуклеусов на гальках и основной заготовки большинства орудий (остроконечники, резцы, скребки, ножевидные орудия). Таким образом, Афонтова Гора V (Радищева), в рамках центрального и западного (верхнего) участков, является классическим памятником кокоревской археологической культуры [Абрамова, 1979]. Дополнительным аргументом являются каменные очажные обкладки, присутствующие на обоих участках. До определения абсолютного возраста культурных слоев 2 и 3 можно высказать предположение, что Афонтова Гора V (Радищева) является более молодым памятником по сравнению с Афонтовой Горой IV (Овражной) [Акимова, Новосельцева, Стасюк, 2021; Позднепалеолитическая стоянка..., 2021] и может соотноситься с культурными слоями 6–10 Лиственки [Палеолит Енисея, 2005].

3. Учитывая, что участок Афонтовой Горы V (Радищева) мог заселяться неоднократно на протяжении тысячелетий, нельзя отвергать возможность инокультурных и более ранних/поздних примесей. Так, вызывает вопрос западный (нижний) участок, по типологии каменного инвентаря более характерный для памятников афонтовской культуры [Позднепалеолитическая стоянка..., 2021]. На сегодняшнем этапе изучения памятника можно высказать предположение о чередующемся заселении этой территории носителями обеих культур, но при явном превалировании кокоревской культуры. Частичное смешение материала в условиях пологого склона представляется вполне объяснимым.

* По данным на 11.10.2024 г.

4. Наиболее поздний культурный слой 1 прослеживается в основном на восточном участке раскопа 2. Приуроченность его к литологическому слою 3, специфика каменного инвентаря позволяют предварительно датировать его рубежом плейстоцена – голоцена.

Рассматривая ВОАН «Красноярск. Стоянка Афонтова Гора V» как комплекс самостоятельных палеолитических памятников, необходимо разработать единую схему для отдельных объектов, объединенных юридически закрепленными границами ВОАН.

Благодарности

Работы выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 200 с.

Акимова Е.В., Барков А.В., Разгильдеева И.И., Стасюк И.В. Раскопки стоянки Афонтова Гора IV (Овражная, пункт II) в Красноярске в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 871–877. – doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0871-0877

Акимова Е.В., Новосельцева В.М., Стасюк И.В. Кокоревские стоянки Афонтовой горы // Зап. ИИМК. – 2021. – № 24. – С. 104–119. – doi:10.31600/2310-6557-2021-24-104-119

Артемьев Е.В. Первичное раскалывание и вторичная обработка в индустрии стоянки Афонтова Гора V // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 17–21.

Артемьев Е.В., Дроздов Н.И. К вопросу о первоначальном заселении Красноярского археологического района (на материалах исследований стоянки Афонтова Гора V в 1998 г.) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 310–317.

Дроздов Н.И., Буторин В.Г., Дроздов Д.Н., Макулов В.И., Тарасов А.Ю., Чеха В.П. Новое местонахождение палеолита в г. Красноярске – Афонтова Гора 5 // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 88–90.

Мещерин М.Н. Афонтова Гора 5: четверть века изучения и сохранения культурного слоя // 300 лет научных исследований в Забайкалье (мат-лы междунар. конф.). – Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2024. – С. 73–77.

Мещерин М.Н., Барков А.В., Муратов Е.С. Спасательные работы на объекте археологического наследия Афонтова Гора V в 2020 году // Путеводитель полевой экскурсии: Геология палеолита Северной Азии. – Красноярск: Ситалл, 2020. – С. 29–42.

Новосельцева В.М., Акимова Е.В., Павленок К.К. Результаты исследований стоянки Афонтова Гора V в 2023 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIX. – С. 1131–1135. – doi:10.17746/2658-6193.2023.29.1131-1135

Палеолит Енисея. Лиственка / Е.В. Акимова, Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, С.А. Лаухин, В.Г. Кольцова, Л.А. Орлова, А.Ф. Санько, Е.Г. Шпакова. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2005. – 180 с.

Позднепалеолитическая стоянка Афонтова Гора II: итоги мультидисциплинарных исследований 2014 года / Е.В. Акимова, А.А. Анойкин, С.К. Васильев, Л.Л. Галухин, Н.И. Дроздов, А.А. Дудко, И.Д. Зольников, А.М. Клементьев, Д.Н. Лысенко, И.И. Разгильдеева, В.С. Славинский, И.В. Стасюк, Е.А. Томилова, В.М. Харевич, А.А. Цыбанков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – 260 с. – doi:10.17746/7803-0313-8.2021

References

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Kokorevskaya kultura. Novosibirsk: Nauka, 1979. 200 p. (In Russ.).

Akimova E.V., Anoikin A.A., Vasilev S.K., Galukhin L.L., Drozdov N.I., Dudko A.A., Zol'nikov I.D., Klement'ev A.M., Lysenko D.N., Razgildeeva I.I., Slavinskii V.S., Stasyuk I.V., Tomilova E.A., Kharevich V.M., Tsybankov A.A. Pozdnepaleoliticheskaya stoyanka Afontova Gora II: itogi mul'tidistsiplinarnykh issledovanii 2014 goda. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. 260 p. (In Russ.). doi:10.17746/7803-0313-8.2021

Akimova E.V., Barkov A.V., Razgildeeva I.I., Stasyuk I.V. The Excavations of Afontova Gora IV (Ovrazhnaia, Point II) in Krasnoyarsk, 2021. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 871–877. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0871-0877

Akimova E.V., Drozdov N.I., Chekha V.P., Laukhin S.A., Koltsova V.G., Sanko A.F., Shpakova E.G. Paleolit Eniseya. Listvenka. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University Press, 2005. 180 p. (In Russ.).

Akimova E.V., Novoseltseva V.M., Stasyuk I.V. Kokorevskie stoyanki Afontovoi gory. *Zapiski IIMK*. St. Petersburg, 2021. No. 24. P. 104–119. (In Russ.). doi:10.31600/2310-6557-2021-24-104-119

Artemev E.V. Pervichnoe raskalyvanie i vtorichnaya obrabotka v industrii stoyanki Afontova Gora V. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999. Vol. 5. P. 17–21. (In Russ.).

Artemev E.V., Drozdov N.I. K voprosu o pervonachal'nom zaselenii Krasnoyarskogo arkheologicheskogo raiona (na materialakh issledovanii stoyanki Afontova Gora V v 1998 g.).

In *Paleoekologiya pleistotsena i kul'tury kamennogo veka Severnoi Azii i sopredel'nykh territorii.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998. Vol. 1. P. 310–317. (In Russ.).

Drozdov N.I., Butorin V.G., Drozdov D.N., Makulov V.I., Tarasov A.Y., Chekha V.P. Novoe mestonakhozhdenie paleolita v g. Krasnoyarske – Afontova Gora 5. In *Noveishie arkheologicheskie i etnograficheskie otkrytiya v Sibiri*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1996. P. 88–90. (In Russ.).

Meshcherin M.N. Afontova Gora 5: chetvert' veka izucheniya i sokhraneniya kul'turnogo sloya. In *300 let nauchnykh issledovanii v Zabaikal'e (materialy mezhdunarodnoi konferentsii)*. Chita: Transbaikal State University, 2024. P. 73–77. (In Russ.).

Meshcherin M.N., Barkov A.V., Muratov E.S. Spasatel'nye raboty na ob"ekte arkheologicheskogo naslediya Afontova Gora V v 2020 godu. In *Putevoditel' polevoi ekskursii: Geologiya paleolita Severnoi Azii*. Krasnoyarsk: Sitall, 2020. P. 29–42. (In Russ.).

Novoseltseva V.M., Akimova E.V., Pavlenok K.K Research at the Afontova Gora V Site in 2023. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. 29. P. 1131–1135. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2023.29.1131-1135

Новосельцева В.М. https://orcid.org/0000-0002-3950-0219
Акимова Е.В. https://orcid.org/0000-0002-0952-8026
Стасюк И.В. https://orcid.org/0000-0002-3054-8515
Мурашко А.В. https://orcid.org/0009-0007-0266-1661
Морозов А.А. https://orcid.org/0000-0002-5545-8356

Дата сдача рукописи: 11.10. 2024 г.

doi:10.17746/2658-6193.2024.30.1028-1034
УДК 902/904

А.А. Тимощенко[1]✉, А.В. Выборнов[1], А.К. Мамаева[1], К.К. Павленок[1], В.А. Долганов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Независимый исследователь
Екатеринбург, Россия
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Стоянка раннего голоцена – эпохи бронзы Улахан-Ботуобуя II в Мирнинском районе республики Саха (Якутия): обзор раскопок 2024 года

В июне – сентябре 2024 г. Вилюйской археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН проведены раскопки на стоянке Улахан-Ботуобуя II, расположенной на юге Мирнинского р-на республики Саха (Якутия). Всего единым раскопом исследовано 5 897 м^2, зафиксировано 8 534 ед. находок. Археологический материал фиксируется в подавляющем большинстве случаев в переотложенном состоянии из-за сильных криогенных деформаций толщи отложений. При раскрытии культуросодержащих слоев в плане, как и в стратиграфии, фиксируются многочисленные ярко выраженные солифлюкционные и флювиальные (трещины, «стекание», «компрессия/сжатие», размытие, заиливание и т.д.) процессы, приводившие к неоднократному перемещению археологического материала, «размытию» литологических слоев между собой. Также на характер культурных слоев повлияли интенсивные иллювиальные процессы, культуровмещающие отложения и подстилающие их слои являются горизонтами, в которых накапливаются вещества, вынесенные из вышележащих горизонтов почвы, радикально меняющие облик слоев. На большей части раскопа культуросодержащий горизонт представляет собой нерасчленимый компрессионный слой с археологическим материалом разных эпох (I объединенный) от раннего голоцена до бронзового века и лишь на локальных участках в центральной части раскопа (900 м^2) он делится на два: II к.г. – сумнагинская культура (10 000–6 000 лет до н.э.); I к.г. – материалы, относящиеся к культуре среднего неолита – белькачинской культуре (конец IV – III тыс. до н.э.), к позднеолитической ымыяхтахской культуре (конец III – II тыс. до н.э.) и к эпохе бронзы, ассоциированные с усть-мильской культурой (XIV–IV вв. до н.э.).

Ключевые слова: *Республика Саха (Якутия), мезолит, неолит, эпоха бронзы, усть-мильская культура, ымыяхтахская культура, белькачинская культура, сумнагинская культура, стоянка.*

A.A. Timoschenko[1]✉, A.V. Vybornov[1], A.K. Mamaeva[1], K.K. Pavlenok[1], V.A. Dolganov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Independent researcher
Yekaterinburg, Russia
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Ulakhan-Botuobuya II Early Holocene – Bronze Age Site in the Mirny District of the Republic of Sakha (Yakutia): Review of 2024 Excavations

In June – September 2024, the Vilyui archaeological expedition of the IAET SB RAS carried out rescue archaeological excavations at the Ulakhan-Botuobuya II site located in the south of the Mirny District of the Republic of Sakha (Yakutia). During the 2024 field season, an excavation area of 5 897 sq. m was studied at the Ulakhan-Botuobuya II site, and 8 534 items were recorded.

The archaeological material is mostly recorded in a redeposited state due to strong cryogenic deformations of the sedimentation layer. When opening cultural layers in the plan as well as in stratigraphy, numerous pronounced solifluction and fluvial (cracks, "flow", "compression/squeezing", erosion, siltation, etc.) processes were recorded, leading to repeated displacement, "erosion" of lithological layers between them. Moreover, intensive illuvial processes also affected the nature of cultural layers. Culture-bearing desposits and their underlayers are those where the substances taken out from the upper soil layers accumulate, leading to dramatic changes in the layer appearance. Most part of the excavation pit contains the culture-bearing layer represented by a solid compression layer containing archeological material from various ages (combined I), from the Early Holocene to the Bronze Age, while locally and in the central part of the excavation (900 sq. m), it divides in two: culture-bearing layer II–the Sumnagin culture (10,000 to 6000 years BC); culture-bearing I – materials of the Middle Paleolithic culture, Belkachi (final 4th to 3rd millennium BC), of the Late Paleolithic culture, Ymyyakhtakhsaya culture (final 3rd to 2nd millennium BC), as well as of the Bronze Age associated with the Ust-Milskaya culture (14th to 4th centuries BC).

Keywords: *the Republic of Sakha (Yakutia), Mesolithic, Neolithic, Bronze Age, Ust-Milskaya culture, Ymyyakhtakhsaya culture, Belkachi culture, Sumnagin culture, site.*

Введение

В июне – сентябре 2024 г. Вилюйской археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН проведены спасательные раскопки стоянки Улахан-Ботуобуя II, расположенной в зоне воздействия водохранилища Вилюйской ГЭС-3. Памятник находится на юге Мирнинского р-на республики Саха (Якутия), в 78 км северо-западнее г. Мирный и в 17,5 км юго-восточнее-восточнее пос. Чернышевский, на левом приустьевом участке правого притока р. Вилюй – р. Улахан-Ботуобуя и приурочен к отложениям 15-метровой наложенной поймы р. Вилюй.

Стоянка Улахан-Ботуобуя II открыта в 1981 г. во время работ третьего отряда Приленской археологической экспедиции Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР Н.В. Антипиной [Археологические памятники..., 1991, с. 35, 36].

В полевом сезоне 2024 г. на площади стоянки Улахан-Ботуобуя II размечен раскоп общей площадью 5 897 м^2, всего получено 8 534 единицы хранения археологического материала.

Археологический материал фиксируется в подавляющем большинстве случаев в переотложенном состоянии из-за сильных криогенных деформаций толщи отложений. При раскрытии культуросодержащих слоев в плане, как и в стратиграфии, фиксируются многочисленные ярко выраженные солифлюкционные и флювиальные (трещины, «стекание», «компрессия/сжатие», размытие, заиливание и т.д.) процессы, приводившие к неоднократному перемещению археологического материала, «размытию» литологических слоев между собой. Также на характер культурных слоев повлияли интенсивные иллювиальные процессы, культуровмещающие отложения и подстилающие их слои являются горизонтами, в которых накапливаются вещества, вынесенные из вышележащих горизонтов почвы, радикально меняющие облик слоев.

Археологический материал фиксируется в пачке гумусированных опесчаненных легких суглинков на глубине от 0,1 до 0,6 м в зависимости от участка раскопа. На большей части раскопа культуросодержащий горизонт представляет собой нерасчленимый компрессионный слой с археологическим материалом разных эпох (I объединенный культурный горизонт) от раннего голоцена до бронзового века и лишь на локальных участках в центральной части раскопа (ок. 900 м^2) он делится на два горизонта.

Культуросодержащий горизонт II

Находки залегают в слое черного – темно-серого суглинка, локально фиксирующегося в центральной части раскопа на повышенных точках современного рельефа, в остальных случаях он неотделим от единой пачки гумусированных опесчаненных легких суглинков. Граница с вышележащим горизонтом практически не читаема, основные критерии выделения – более сильная по сравнению с перекрывающими отложениями оглеенность и специфичность археологического материала. Количество зафиксированных орудий невелико.

Рубящие орудия представлены шестью экземплярами грубых тесел (четыре зафиксированы в горизонте II, два – в I объединенном), оформленных на гальках, расколотых вдоль унифасиальной оббивкой, лишь лезвие имеет бифасиальную обработку. Форма изделий овальная (рис. 1, *1–4*).

Зафиксировано массивное боковое скребло с естественным обушком. Заготовкой послужил крупный первичный отщеп округлой формы. Лезвие оформлено крутой краевой чешуйчатой регулярной дорсальной ретушью, обушок изделия естественный (рис. 1, *10*).

Все зафиксированные скребки (4 экз.) – концевые, оформлены на дистальных частях крупных пластин (рис. 1, *7–9*).

В единичном экземпляре обнаружено ножевидное орудие на проксимальном сегменте крупной пластины. Правый продольный край изделия покрыт фасетками постоянной бифасиальной крутой ретуши. Левая сторона представляет собой обушок-грань (рис. 1, *5*).

Заготовками для орудий малых форм служили пластины, полученные с одно- и двуплощадочных

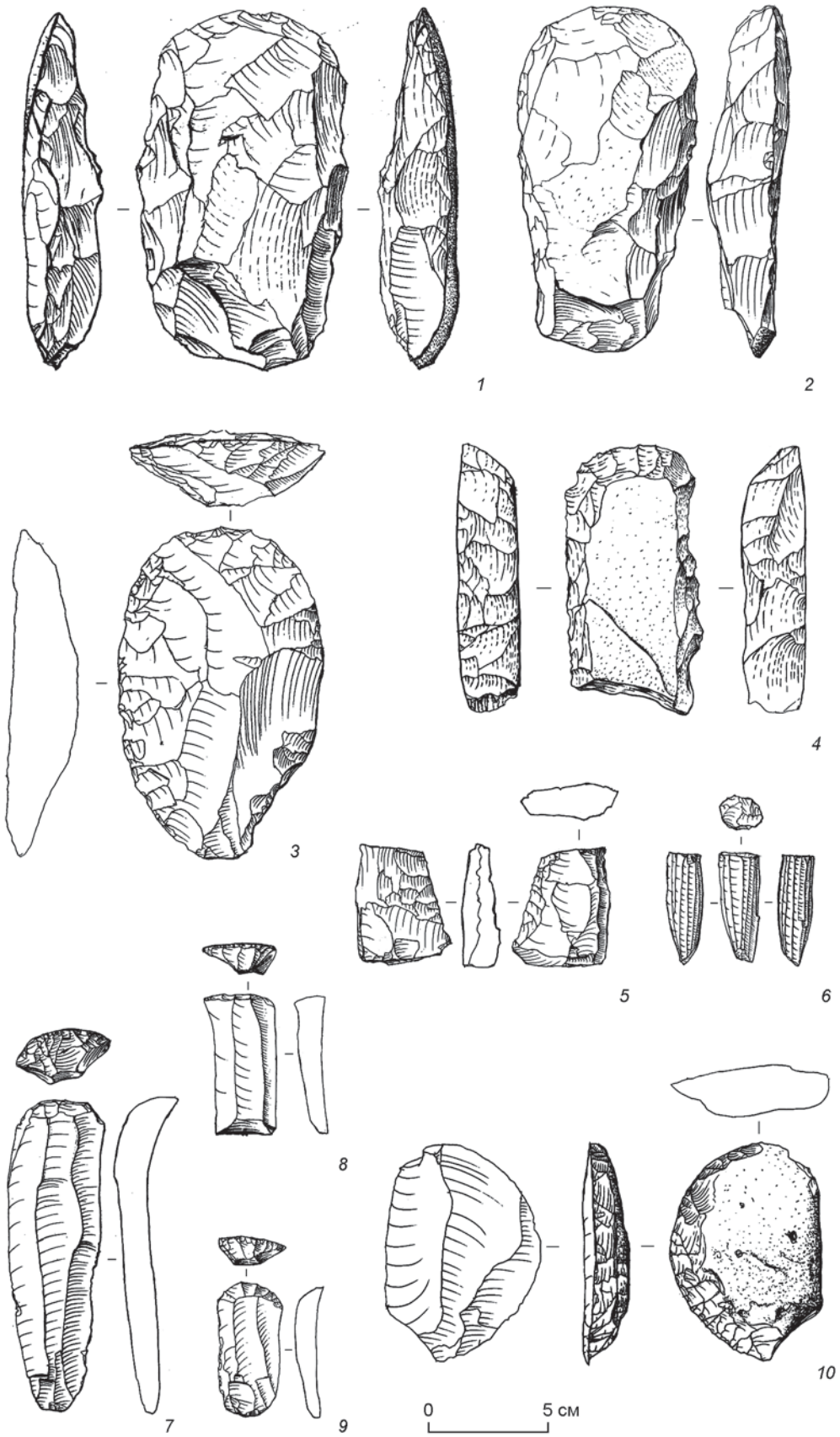

Рис. 1. Материалы сумнагинской культуры (камень).

1–4 – рубящие орудия; *5* – ножевидное орудие; *6* – нуклеус; *7–9* – скребки; *10* – скребло.

призматических нуклеусов с круговым фронтом снятий (12 экз.; рис. 1, *6*).

В единичных экземплярах представлены: отбойник на брусковидной гальке песчаника, грузило на массивном первичном отщепе и два абразива из песчаника.

Зафиксированная, пусть и небольшая, археологическая коллекция включает практически полный набор артефактов, представленных на большинстве памятников сумнагинской культуры, распространившейся на Северо-Востоке Азии в раннем голоцене – 9,5–6,2 тыс. л.н. [Слободин, Зеленская, 2024, с. 11].

Мнение Ю.А. Мочанова о том, что в сумнагинской культуре отсутствовали бифасиальные орудия и наконечники, а также полностью двусторонне ретушированные орудия, присутствовали ножевидные пластинки, конические нуклеусы, концевые скребки, в целом применимо к культуросодержащему горизонту II стоянки Улахан-Ботуобуя II [Мочанов, 1969, с. 140; Мочанов, Федосеева, 2013, с. 97, 98].

Культуросодержащий горизонт I

Находки залегают в пачке гумусированных опесчаненных легких суглинков от черного до желтого цвета. Пачка фиксируется на всей площади раскопа, однако визуально отличается в разных его частях в зависимости от условий формирования. В западной и южной частях раскопа она представляет собой маломощную (0,1–0,4 м) однородную (без выраженной слоистости) пачку коричневато-серых суглинков, в подошве которой фиксируется уровень залегания археологического материала. В северной и восточной части раскопа ее мощность увеличивается до 0,9–1,4 м, фиксируется явно выраженная слоистость, нарушенная сильными солифлюкционными (трещины, «стекание» «компрессия/сжатие») процессами, получившими наибольшее развитие на участках, приуроченных к склонам.

Слой компрессионный, включает находки от раннего голоцена до эпохи бронзы, расчленить которые стратиграфически не представляется возможным. Затрудняет этот процесс и малое количество обнаруженной керамики.

Попробуем вычленить из полученной коллекции датирующие предметы и с изрядной долей условности распределить их по имеющейся культурно-хронологической схеме региона.

Материалов, характерных для ранненеолитической сыалахской культуры, не зафиксировано.

Самые ранние неолитические находки на стоянке могут быть сопоставлены с белькачинской средненеолитической культурой. К ней можно отнести массивный топор с ушками (рис. 2, *1*). Хотя он и найден в горизонте II, исходя из достаточно условной границы между слоями и массивности изделия, вполне допускаем его гравитационное смещение в толще рыхлых отложений. Подобные топоры являются своего рода «визитной карточкой» круга неолитических культур ангаро-байкальского региона. Для территории Якутии появление подобных топоров приписывается белькачинской культуре [Алексеев, 1996, с. 49]. Белькачинскими стоит считать и шесть ступенчатых тесел правильной прямоугольной формы (рис. 2, *4*) [Мочанов, Федосеева, 2013, с. 184, 185]. Подобные тесла А.Н. Алексеев считал оригинальным элементом белькачинской культуры [1996, с. 49]. Аналогии находятся и для двух наконечников стрелы удлиненной треугольной формы с асимметричным насадом (рис. 2, *2*, *3*) [Там же, с. 30].

Сюда же стоит отнести и два шлифованных диска. Один – из белого нефрита, максимально уплощенный, отшлифованный, слегка вытянутой округлой формы, с круглым биконическим отверстием в центре, разломан на четыре фрагмента (рис. 2, *5*). Аналогии имеются среди находок из белькачинских слоев многослойных памятников Алдана и Олёкмы [Алексеев, 1996, с. 33; Понкратова, 2021, с. 12].

Второй диск из зеленой метаморфической породы правильной круглой формы с биконическим отверстием по самому центру (форма тора) (рис. 2, *6*). Изделие условно отнесено в категорию грузил, но обращает на себя внимание тщательная зашлифованность. Может быть охарактеризовано как утяжелитель лучкового сверла.

К ымыяхтахской культуре позднего неолита относится небольшой участок в северной части раскопа на склоне террасовидного уступа. Здесь зафиксированы скопление костей косули; фрагменты сосуда, на внешней поверхности которого везде прослеживаются следы выбивки колотушкой с вырезанным на ней «вафельным» орнаментом (рис. 3, *1*). Оттиски глубокие, в основном прямоугольные, с размером ячеек 0,2–0,4 × 0,5 см, иногда накладываются друг на друга. На одном черепке фрагментарно сохранился орнамент в виде двух лучеобразно расходящихся прямых, нанесенный неровным концом палочки по сырой глине поверх «вафельного» орнамента. Структура стенок трех-, четырехслойная, сформована из плохо отмученного глиняного теста. На изломах и отслоениях видна примесь большого количества растительных остатков и шерсти, а также песка, отдельных зерен дресвы и мелкой гальки размером до 1 см. Керамика необычно для ымыяхтахской культуры толстостенная – толщина стенок составляет 0,85–1,5 см. Также обнаружен «напильниковидный» наконечник – трехгранный наконечник стрелы вытянутой прямоугольной в плане формы, в поперечном сечении представляет собой равносторонний треугольник, данная форма была достигнута с помощью отжимной стелющейся ретуши, равномерно покрывающей все стороны изделия (рис. 3, *2*).

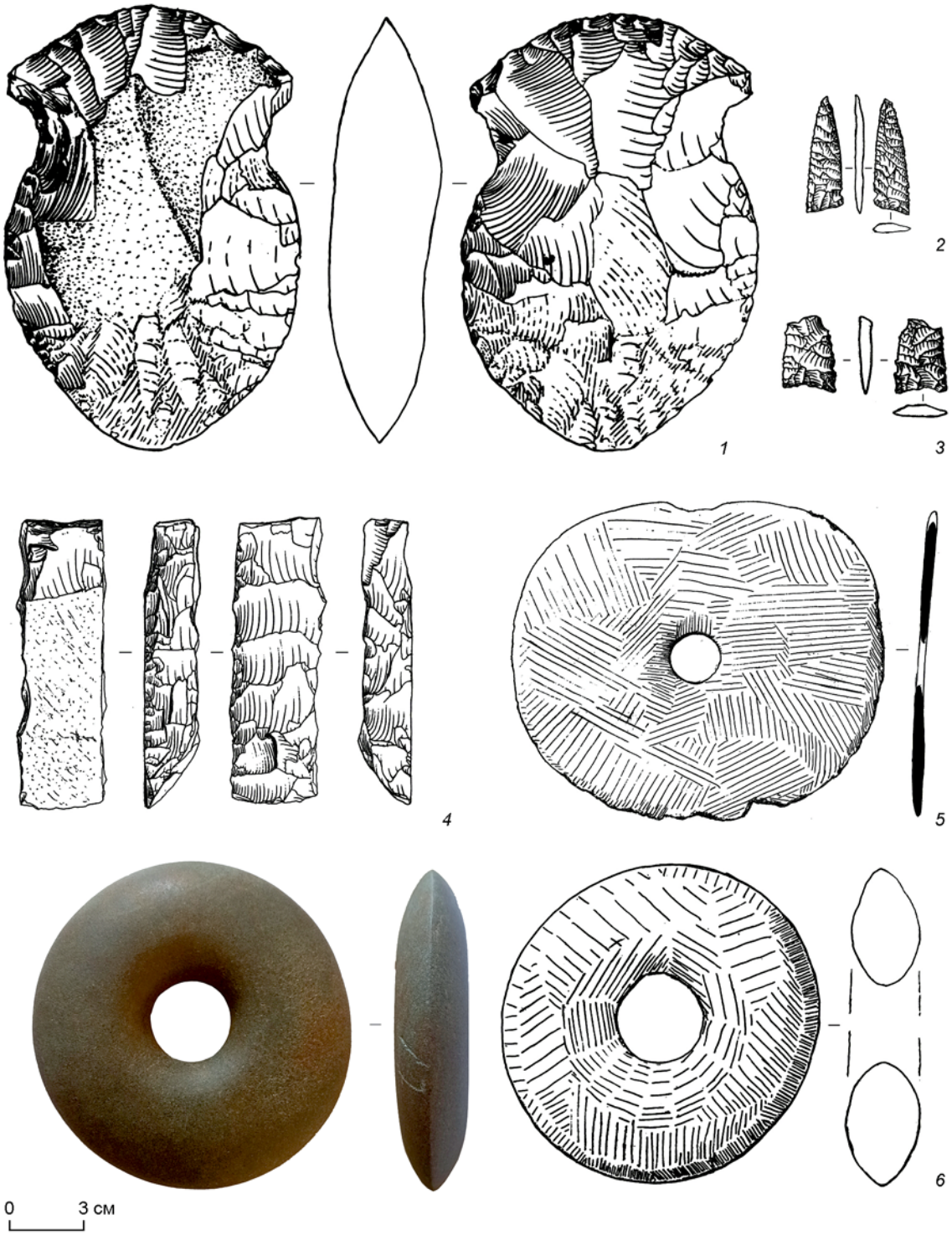

Рис. 2. Материалы белькачинской культуры (камень).
1 – топор; *2*, *3* – наконечники стрел; *4* – тесло; *5*, *6* – шлифованные диски.

Подобный сосуд и наконечник стрел характерны для ымыяхтахской культуры [Алексеев, 1996, с. 59; Антипина, 2015, с. 22; Федосеева, 1980, с. 188].

Эпоха бронзы характеризуется усть-мильской культурой, в малочисленном керамическом комплексе присутствуют сосуды с налепными (обмазочными) валиками, с гребенчатым орнаментом и «жемчужинами», характерными для этой культуры (рис. 3, *3*–*5*) [Антипина, 2015, с. 22, 23; Мочанов, Федосеева, 2013, с. 237].

К эпохе бронзы относится бронзовый (медный?) кельт с обломанным обухом и без орнамента (рис. 3, *6*). Изделие вытянутой прямоугольной формы. Слегка расширяется в районе лезвия.

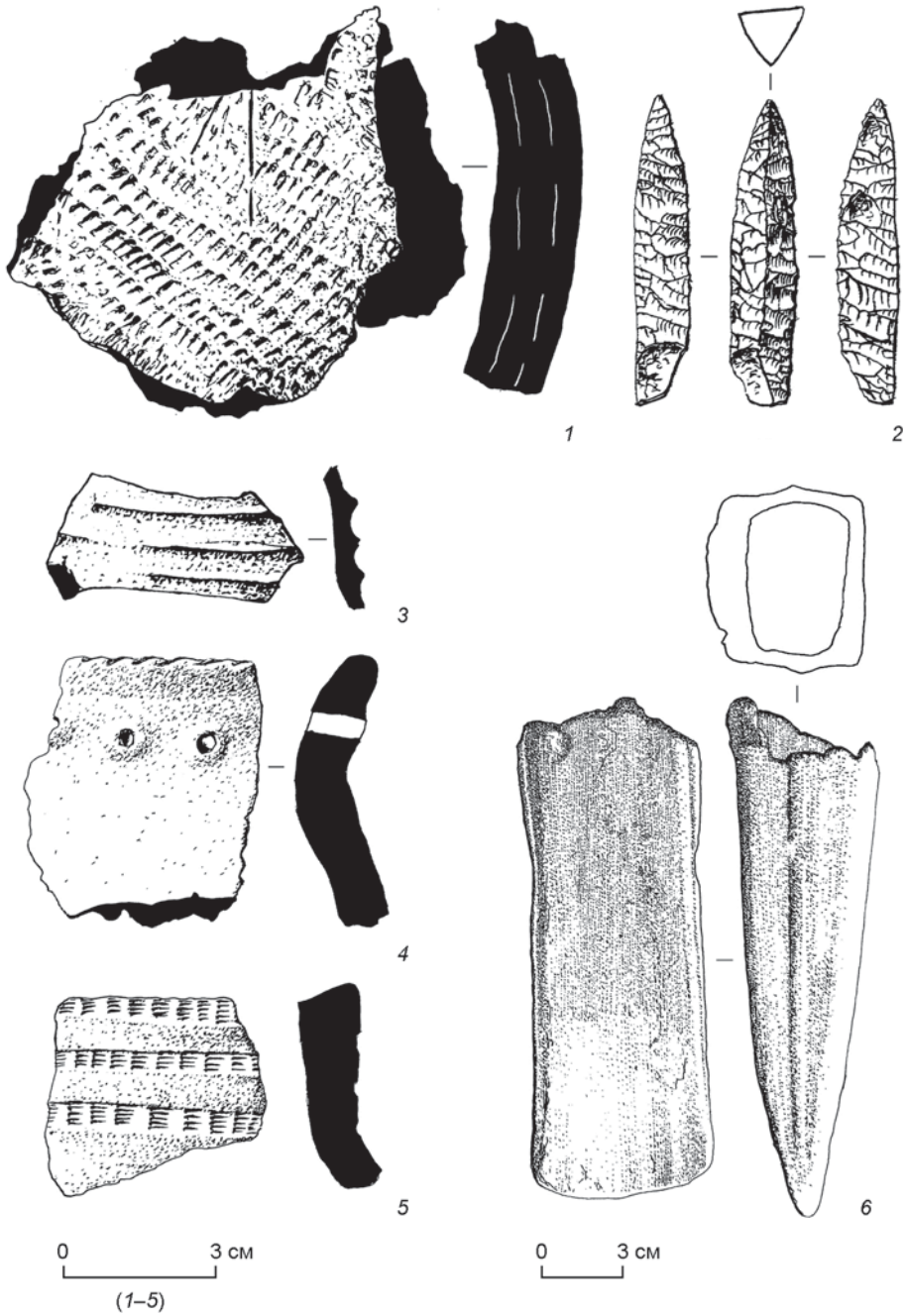

Рис. 3. Материалы ымыяхтахской (*1*, *2*) и усть-мильской культур (*3–6*).
1, *3–5* – керамика; *2* – наконечник стрелы (камень); *6* – кельт (медь/бронза).

Заключение

Таким образом, в полевой сезон 2024 г. подвергающаяся разрушению водами водохранилища Вилюйской ГЭС-3 стоянка Улахан-Ботуобуя II исследована полностью. Удалось существенно уточнить хронологические рамки существования стоянки, по результатам разведок она датировалась в диапазоне от эпохи бронзы до раннеякутской культуры. Проведенные исследования стоянки позволили получить, хотя и залегающий в нарушенных стратифицированных позициях, но достаточно выразительный по набору орудий комплекс и, основываясь на материалах опорных стратифицированных местонахождений региона, выделить, по крайней мере, четыре основных этапа освоения территории стоянки: II к.г. – сумнагинская культура (10 000–6 000 лет до н.э.), I к.г. – материалы, относящиеся к белькачинской культуре среднего неолита (конец IV – III тыс. до н.э.), поздненеолитической ымыяхтахской культуре (конец III – II тыс. до н.э.) и к эпохе бронзы, ассоциированные с усть-мильской культурой (XIV–IV вв. до н.э.).

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

Список литературы

Антипина Н.В. Неолитическая керамика бассейна реки Вилюй // РА. – 2015. – № 2. – С. 16–29.

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 144 с.

Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилюя, Анабара и Оленека / Ю.А. Мочанов, С.А. Федосеева, И.В. Константинов, Н.В. Антипина, В.Г. Аргунов. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. – М.: Наука, 1969. – 256 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Очерки дописьменной истории Якутии. – Якутск: Изд-во ЦААПЧ АН РС (Я), 2013. – Т. 1: Эпоха камня. – 504 с.

Понкратова И.Ю. Каменный век Камчатки и Якутии: общее и особенное // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2021. – № 3 (36). – С. 9–19. – doi:10.25693/SVGV.2021.36.3.001

Слободин С.Б., Зеленская А.Ю. Новые данные о распространении сумнагинской культуры на Северо-Востоке Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 2024. – Т. 31, № 1. – С. 5–14. – doi:10.15372/HSS20240101

Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 215 с.

References

Alekseev A.N. Drevnyaya Yakutiya: neolit i epokha bronzy. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1996. 144 p. (In Russ.).

Antipina N.V. Neoliticheskaya keramika basseina reki Vilyui. *Rossiiskaya arkheologiya*. 2015. No. 2. P. 16–29. (In Russ.).

Fedoseeva S.A. Ymyyakhtakhskaya kul'tura Severo-Vostochnoi Azii. Novosibirsk: Nauka, 1980. 215 p. (In Russ.).

Mochanov Y.A. Mnogosloinaya stoyanka Bel'kachi I i periodizatsiya kamennogo veka Yakutii. Moscow: Nauka, 1969. 256 p. (In Russ.).

Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A. Ocherki dopis'mennoi istorii Yakutii. Yakutsk: TsAAPCh AN RS (Y), 2013. Vol. 1: Epokha kamnya. 504 p. (In Russ.).

Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A., Konstantinov I.V., Antipina N.V., Argunov V.G. Arkheologicheskie pamyatniki Yakutii. Basseiny Vilyuya, Anabara i Oleneka. Moscow: Nauka, 1991. 224 p. (In Russ.).

Ponkratova I.Y. Kamennyi vek Kamchatki i Yakutii: obshchee i osobennoe. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*. 2021. No. 3 (36). P. 9–19. (In Russ.). doi:10.25693/SVGV.2021.36.3.001

Slobodin S.B., Zelenskaya A.Y. Novye dannye o rasprostranenii sumnaginskoi kul'tury na Severo-Vostoke Sibiri. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2024. Vol. 31, No. 1. P. 5–14. (In Russ.). doi:10.15372/HSS20240101

Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841
Выборнов А.В. https://orcid.org/0000-0002-9063-5223
Мамаева А.К. https://orcid.org/0000-0003-4829-5832
Павленок К.К. https://orcid.org/0000-0003-0205-2077

Дата сдачи рукописи: 23.10.2024 г.

Список сокращений

АИКЭ	–	Археология и историко-культурная экспертиза
АН СССР	–	Академия наук СССР
АРЭМ	–	Архив Российского этнографического музея
АСГЭ	–	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БНЦ СО РАН	–	Бурятский научный центр СО РАН
ВОАН	–	Выявленный объект археологического наследия
ВСО ИРГО	–	Восточно-Сибирское отделение Императорского русского географического общества
ВЭГУ	–	Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Уфа)
ГАИМК	–	Государственная Академия истории материальной культуры (Ленинград)
ГАКК	–	Государственный архив Красноярского края
ГАНИИИЯЛ	–	Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГАУГН	–	Государственный академический университет гуманитарных наук
ГАУ НСО НПЦ	–	Государственное автономное учреждение Новосибирской обл. Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия
ГМИР	–	Государственный музей истории религии (Санкт-Петербург)
ГРВЛ	–	Главная редакция восточной литературы
ИААЭ АН СССР	–	Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР
ИА РАН	–	Институт археологии РАН
ИАК	–	Известия археологической комиссии
ИАЭТ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии СО РАН
ИВ АН СССР	–	Институт востоковедения АН СССР
ИГИиПМНС СО РАН	–	Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ИИиА УрО РАН	–	Институт истории и археологии УрО РАН
ИИМК	–	Институт истории материальной культуры
ИИФиФ СО РАН	–	Институт истории, филологии и философии СО РАН
ИИЯЛ УНЦ РАН	–	Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
ИМЭМО	–	Институт мировой экономики и международных отношений
ИНГГ СО РАН	–	Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
ИРГО	–	Императорское русское географическое общество
ИрОХМ	–	Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачева
ИЦиГ СО РАН	–	Институт цитологии и генетики СО РАН
ИЭА РАН	–	Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
ИЯЛИ	–	Институт языка, литературы и истории (Сыктывкар)
КОПОИРГО	–	Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского географического общества
КРИПКиПРО	–	Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования
КСИА	–	Краткие сообщения института археологии
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАН	–	Монгольская академия наук
МАО	–	Московское археологическое общество

МАЭА	–	Музей археологии и этнографии Алтая
МАЭ РАН	–	Музей археологии и этнографии РАН (Санкт-Петербург)
МГИК	–	Московский государственный институт культуры
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
МИИН	–	Материалы и исследования по истории науки
НАН КР	–	Национальная академия наук Кыргызской республики
НАНТ	–	Национальная академия наук Таджикистана
НГКМ	–	Новосибирский государственный краеведческий музей
НИУ ВШЭ	–	Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
НЦ УрО РАН	–	Научный центр Уральского отделения РАН
ОАК	–	Отчет археологической комиссии
ОКН	–	Объект культурного наследия
ОПИ ГИМ	–	Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ПАЭ	–	Приленская археологическая экспедиция
ПИН РАН	–	Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
ПМА	–	Полевые материалы автора
РА	–	Российская археология
РАЕН	–	Российская академия естественных наук
РАЭСК	–	Российская археолого-этнографическая студенческая конференция
РГАВМФ	–	Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов
РГО	–	Русское географическое общество
РИЦ	–	Редакционно-издательский центр
РЭМ	–	Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
САИПИ	–	Сибирская ассоциация по изучению первобытного искусства
СВКНИИ ДВО РАН	–	Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН
СОИГСИ ВНЦ РАН	–	Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и правительства Республики Северная Осетия – Алания
СЭ	–	Советская этнография
ТИЭ	–	Труды Института этнографии
УзФАН	–	Узбекский филиал Академии наук
ФИЦ УУХ СО РАН	–	Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН
ЦААПЧ АН РС (Я)	–	Центр арктической археологии и палеоэкологии человека Академии наук Республики Саха (Якутия)
ЦГАДА	–	Центральный государственный архив древних актов
ХМАО	–	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
ЭО	–	Этнографическое обозрение
ЭОРМ	–	Этнографический отдел Русского музея
ЯНАО	–	Ямало-ненецкий автономный округ
ЯНЦ СО РАН	–	Якутский научный центр СО РАН
PNAS	–	The Proceedings of the National Academy of Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Анойкин А.А., Зейналов А.А., Идрисов И.А., Иванов Я.Д., Ибрагимли Б.И., Бахшалиев В.Б., Васильева А.Н., Курбанов Р.Н. Геоархеологические работы на территории Нахчыванской Автономной Республики (Азербайджан) в 2024 году 7

Анойкин А.А., Сосин П.М., Идрисов И.А., Зейналов А.А., Курбанов Р.Н. Новые данные о хроностратиграфии стоянки Тинит-1 в контексте проблемы «лессового палеолита» Кавказа 15

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Зейналов А.А., Идрисов И.А., Чистяков П.В., Васильева А.Н., Капитанова М.В., Лукашов А.А., Курбанов Р.Н. Работы по изучению объектов каменного века на побережье залива Сарыташ (полуостров Мангышлак, Западный Казахстан) в 2024 году 24

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Зейналов А.А., Идрисов И.А., Чистяков П.В., Васильева А.Н., Капитанова М.В., Лукашов А.А., Курбанов Р.Н. Разведочные работы на севере и западе полуострова Мангышлак (Западный Казахстан) в 2024 году 32

Анойкин А.А., Худжагелдиев Т.У., Шарипов А.Ф., Рыбалко А.Г., Чистяков П.В., Сосин П.М., Курбанов Р.Н. Исследования среднепалеолитического комплекса стоянки Хонако III (Южный Таджикистан) в 2024 году 40

Бочарова Е.Н. Составные пазовые орудия голоценовых комплексов стоянки Казачка (Восточная Сибирь) 48

Бочарова Е.Н., Харевич А.В., Маликов Д.Г., Орешников И.А., Шульга А.И., Анойкин А.А. Верхнепалеолитическая стоянка Сидориха на Среднем Енисее: результаты работ 2024 г. 57

Бочарова Е.Н., Чистяков П.В., Харевич В.М. Технологические аспекты изготовления композитных пазовых орудий: экспериментальное моделирование и анализ формы пазов 64

Васильев С.К., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Остатки териофауны из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры (коллекция 2022–2024 годов) 70

Гирченко Е.А., Кардаш О.В. Памятники каюковской культуры в контексте изучения археологических объектов в торфяных отложениях ХМАО–Югры 79

Гладышев С.А. Корреляция позднего палеолита Приморья с синхронными комплексами Китая и Южной Кореи 86

Зубова А.В., Моисеев В.Г. Дифференцирующие возможности «маркеров архаики» на постоянных верхних вторых молярах: от *Homo erectus* к *Homo altaiensis* 92

Кандыба А.В., Павлов И.С., Лавров А.В., Егорова С.А., Скрябин А.Н., Протопопов А.В. Полевые исследования на территории Чурапчинского района (Республика Саха (Якутия)) в 2024 году 101

Козликин М.Б., Агаджанян А.К., Плотников Д.Р., Деревнина А.С., Сыромятникова Е.В., Михиенко В.А., Беликова Т.Г. Пещера Березовка – новый многослойный археологический объект на северо-западе Алтая 107

Козликин М.Б., Шуньков М.В. Новые данные о каменных индустриях среднего палеолита с предвходовой площадки Денисовой пещеры 114

Колобова К.А. Метод сериации для анализа данных из палеолитических комплексов 120

Колобова К.А., Березина Н.Я., Зубова А.В., Тюгашев И.Е., Бочарова Е.Н., Колясникова А.С., Селецкий М.В., Чистяков П.В., Кожевникова Д.В., Колясникова А.С., Папин А.Д., Харевич В.М., Харевич А.В. Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в полевом сезоне 2024 года 125

Колясникова А.С. Методы исследования следов разделки на палеофаунистических остатках 131

Колясникова А.С., Васильев С.К., Кочнев А.В., Харевич А.В., Колобова К.А. Фаунистические остатки из плейстоценовых отложений Чагырской пещеры (материалы 2024 года) 138

Курбанов Р.Н., Анойкин А.А., Чаргынов Т.Т., Хаценович А.М., Рыбин Е.П. Геоархеологические работы на палеолитических памятниках Северного Тянь-Шаня, Кыргызстан, в 2024 году 143

Маркин С.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая: дискуссии и перспективы исследований 152

Марковский Г.И., Алишер кызы С., Глушко Н.В., Абдыканова А., Шнайдер С.В. Изучение техник скола с применением методов трехмерного моделирования (по материалам стоянки Обишир-5, Кыргызстан) 159

Марковский Г.И., Глушко Н.В. Использование трехмерного моделирования для реконструкции каменного шлифованного орудия 165

Марковский Г.И., Глушко Н.В. Подъемные сборы в окрестностях села Бобково Алтайского края в ходе разведки в 2024 году 172

Марченко Д.В., Хаценович А.М., Рыбин Е.П. Специфика тафономизации камня и кости: анализ направлений для идентификации природных процессов в формировании археологического горизонта 178

Михиенко В.А., Плотникова П.Ю., Левина Е.В., Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е. Верхнепалеолитические скребки из Денисовой пещеры: результаты типологического и экспериментально-трасологического исследования 185

Молодин В.И. Персонажи «калгутинского» стиля 193

Некипелова А.В., Сокол Э.В., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Вещественный состав плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры: первые результаты сравнительного анализа 200

Новиков А.Г., Кишкурно М.С., Горюнова О.И., Вебер А.В. Погребения позднего неолита могильника Туаханэ IX (озеро Байкал) 206

Осипова П.С., Федорченко А.Ю., Фокин М.И., Гурулёв Д.А., Селецкий М.В., Тоцкий Д.А., Белоусова Н.Е., Гребенюк П.С., Лебединцев А.И. Исследование объектов культурного слоя палеолитической стоянки Ушки I методом электротомографии 211

Павленок Г.Д., Анойкин А.А. Планиграфический анализ материалов слоя 5 стоянки Ушбулак (Восточный Казахстан) 217

Павленок К.К., Когай С.А., Сосин П.М., Курбанов Р.Н., Деревнина А.С., Эргашев О.Т., Мухтаров Г.А. Каменная индустрия стоянки Куксарай-2 (Восточный Узбекистан): от плоскости к объему 223

Павленок К.К., Мухаммадиев А.Г., Шамукарамова Ф.Ш., Сосин П.М., Курбанов Р.Н., Ойназаров Х.Г., Эргашев О.Т., Элмуратов О.О., Абдуганиев А.А., Когай С.А., Деревнина А.С. Возобновление археологических исследований разреза Оркутсай (Восточный Узбекистан) 229

Плотников Д.Р., Деревнина А.С., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Зооархеологические свидетельства эксплуатации животных ресурсов палеолитическими обитателями Денисовой пещеры 236

Рыбалко А.Г. Развитие форм ручных рубил в позднем ашеле на территории Юго-Восточного Дагестана 243

Рыбалко А.Г., Анойкин А.А., Чистяков П.В., Худжагелдиев Т.У., Шарипов А.Ф., Сосин П.М., Курбанов Р.Н. Исследование комплексов раннего палеолита на стоянке Хонако III (Ховалингский район, Республика Таджикистан) в 2024 году 249

Рыбалко А.Г., Курбанов Р.Н. Каменная индустрия раннего этапа среднего палеолита стоянки Дарвагчай-Залив-1 (Юго-Восточный Дагестан) 257

Рыбин Е.П., Хаценович А.М. Хронология и модели распространения индустрий начальных стадий верхнего палеолита западной Евразии: взгляд с востока 264

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Болорбат Ц., Марченко Д.В., Гунчинсурэн Б. Начальный этап раннего верхнего палеолита Северной Монголии: археологический горизонт 3 (раскоп 2) стоянки Толбор-21 (по материалам раскопок 2016–2017 годов) 270

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Болорбат Ц., Марченко Д.В., Маргад-Эрдэнэ Г., Гунчинсурэн Б. Комплексы позднего палеолита стоянки Толбор-4 (Северная Монголия): археологические горизонты 3–1 (раскопки 2017 года) 277

Селецкий М.В., Левина Е.В., Федорченко А.Ю. Экспериментальное моделирование перетирания зерна каменными ударно-абразивными орудиями 284

Тюгашев И.Е. Сравнение каменных комплексов слоев 1–3 пещеры Окладникова 289

Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е., Селецкий М.В., Гребенюк П.С., Лебединцев А.И. Пластинчатый компонент в археологической коллекции стоянки Домашнее озеро (Центральная Камчатка) 297

Федорченко А.Ю., Гурулёв Д.А., Осипова П.С., Тоцкий Д.А., Фокин М.И., Селецкий М.В., Белоусова Н.Е., Гребенюк П.С., Лебединцев А.И. Результаты археологического и геофизического мониторинга поселения Домашнее озеро (Центральная Камчатка) в 2024 году 305

Федорченко А.Ю., Левина Е.В., Харитонов Р.М., Тоцкий Д.А., Селютина А.И., Белоусова Н.Е. Результаты экспериментального моделирования верхнепалеолитических технологий изготовления подвесок из поделочного камня 313

Харевич В.М., Харевич А.В., Бочарова Е.Н., Анойкин А.А. Планиграфический анализ культурного слоя стоянки раннего верхнего палеолита Сабаниха-3 (предварительные данные) 320

Харевич В.М., Харевич А. Е.Н. В., Бочарова, Тюгашев И.Е., Павленок Г.Д., Гришин А.А., Орешников И.А., Анойкин А.А. Исследование верхнепалеолитической стоянки Сабаниха-3 в 2024 году 327

Хаценович А.М., Болорбат Ц., Клементьев А.М., Долгушин И.Д., Маргад-Эрдэнэ Г., Гунчинсурэн Б., Рыбин Е.П. Каменная индустрия пещеры Хайрхан, Монголия 333

Хаценович А.М., Клементьев А.М., Корост Д.В., Степанов Н.В., Рыбин Е.П., Чистяков П.В. Использование виртуального эндокаста для измерения объема головного мозга орхонской ископаемой гиены 339

Хаценович А.М., Цэрэндагва Я., Анойкин А.А., Клементьев А.М., Далантай С., Рыбин Е.П. Разведочные работы на палеолитических местонахождениях Монгольского Алтая и хребта Жаргалант 346

Хаценович А.М., Цэрэндагва Я., Рыбин Е.П., Клементьев А.М., Далантай С., Маргад-Эрдэнэ Г., Демкина А.Р., Гунчинсурэн Б., Олсен Д.У. Раскопки Большого грота пещеры Цагаан-Агуй в 2024 году 354

Чеха А.М., Плотников Д.Р., Деревнина А.С. Результаты археологической разведки в Усть-Канском районе Республики Алтай в 2024 году 361

Чеха А.Н. Пластинчатые наконечники со стоянки Устье Реки Кутарей (Северное Приангарье) 366

Шнайдер С.В., Бобомуллоев Б. Машале III – новый археологический памятник на Восточном Памире 373

Шуньков М.В., Козликин М.Б., Плотников Д.Р., Деревнина А.С. Новые результаты исследования комплексов среднего палеолита в южной галерее Денисовой пещеры 380

Шуньков М.В., Ульянов В.А., Чеха А.М., Деревнина А.С., Плотников Д.Р. Новые данные о строении плейстоценовых отложений раннепалеолитической стоянки Карама 386

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА, СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Алкин С.В. Археологические исследования на реке Шилка в Забайкалье: 1954–2024 года 393

Бобров В.В. К проблеме изучения интрамуральных погребений на древних поселениях Западной Сибири 398

Богданов Е.С., Новикова О.И. Сопроводительный инвентарь как маркер половозрастной и социальной стратификации населения Курайской котловины (по материалам раскопок могильника Курайка, Горный Алтай) 403

Богданов Е.С., Пайзерова А.А. Одежда кочевников Курайской степи в III–V веках (по материалам раскопок могильника Курайка, Горный Алтай) 410

Бородовский А.П., Давыдов Р.В., Волков П.В. Сравнение материала каменных топоров с «ушками» с Салаира и Байкала 418

Варенов А.В., Нестеркина А.Л. Бронзовая статуя «Гаруды» из Саньсиндуя: старые находки и новые открытия 424

Васильев С.К., Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Фаунистические остатки с поселения Каракабак I–VI вв. н.э. (п-ов Мангышлак, Республика Казахстан) 431

Волков Д.П., Крючко Е.И., Мохарь В.А., Вальченко В.Е. Новые результаты раскопок «городища даурского типа» в Западном Приамурье 443

Гаркуша Ю.Н., Митько О.А., Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологический анализ древесины из могил 2 и 9 таштыкского грунтового могильника Тесинский Залив-3 в Боградском районе Республики Хакасия 448

Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Грунтовый могильник «Омск. Театральный сквер 2»: археологические исследования и атрибуция 456

Герман П.В., Леонтьев С.Н., Калинская А.В., Ковзунова П.В., Ширин Ю.В., Голованов Д.Р., Васютин С.А., Лесникова А.Р., Зимин А.А. Исследования позднетагарского кургана в Мариинской лесостепи 463

Гнездилова И.С. Бронзовые короны в погребениях периода кофун. Обзор памятников 471

Дураков И.А. Следы металлообрабатывающего производства на городище Завялово-5 477

Дьяконов В.М., Старков К.И., Ягловский А.С. Первые археологические работы на острове Крестовский в Восточно-Сибирской Арктике (архипелаг Медвежьи острова) 484

Ефремова Н.С. Образ кабана как элемент декора в обществе древних кочевников Западной Сибири: к вопросу о семантике 491

Зоткина Л.В. Эскиз в наскальном искусстве Минусинской котловины: его функции и разные принципы использования 498

Зоткина Л.В., Сутугин С.В., Давыдов Р.В., Губар Ю.С., Маликов Д.Г., Краснова Е.Л. Новое изображение древнейшего пласта на Писанице Троицкая (Бояры I) в Республике Хакасия 503

Кишкурно М.С., Зубова А.В., Моисеев В.Г. Краниометрическая характеристика новых антропологических материалов древнекорякской культуры 507

Кишкурно М.С., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Морфологическая характеристика двух погребенных из грунтового могильника андроновского времени Нечунаево-3 515

Кишкурно М.С., Чикишева Т.А., Грушин С.П. Особенности женского черепа из андроновского захоронения на могильнике Нечунаево-3 в Алейской степи (статистический аспект) 523

Кобелева Л.С. Погребения андроновской (федоровской) культуры некрополя Тартас-1 с признаками боевого травмирования 531

Комиссаров С.А. Культура Шися (Гуандун, Китай) переходного периода от неолита к бронзе: новые данные 537

Комиссаров С.А., Кудинова М.А. К археологии Фуюй (Пуё): краткий историографический обзор . 545

Кубарев Г.В. Новые тюркские изваяния в Центральном Алтае 551

Куприянова Е.В., Петров Ф.Н. Функции зольников бронзового века Южного Зауралья: отражение в артефактах 558

Леванова Е.С., Свойский Ю.М., Павлов Д.М., Романенко Е.В. Исследование петроглифов на реке Пегтымель в 2024 году 568

Марченко Ж.В., Грушин С.П., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Евменов Н.Д. Археолого-геофизические исследования на новом грунтовом могильнике Нечунаево-3 в Алейской степи 574

Миклашевич Е.А., Кулимеева В.К. Местонахождения наскального искусства хребта Кокхая в Аскизском районе Республики Хакасия 581

Моисеев В.Г., Зубова А.В., Хартанович В.И. К вопросу о популяционных связях древнего населения Сибири и Фенноскандии 587

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Дядьков П.Г., Позднякова О.А., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А. Оригинальный культовый комплекс в Центральной Барабе 594

Молодин В.И., Нестерова М.С., Зольников И.Д., Харитонов Р.М., Филатов Е.А. Предварительные результаты геоархеологического изучения поселения Карьер Таи-1 в Барабинской лесостепи в 2024 году 601

Мыльников В.П. Тридцать лет методу экспресс-реконструкции погребальных сооружений из дерева 610

Мыльникова Л.Н. Анализ морфологии сосудов раннего железного века могильника Новотроицкое-1 (Барнаульское Приобье) 616

Мыльникова Л.Н., Молодин В.И., Дураков И.А., Ненахов Д.А., Ефремова Н.С., Кравцова А.С., Кобелева Л.С., Ненахова Ю.Н., Васильев С.К. Следы деятельности бугровщиков на элитном кургане 7 раннего железного века могильника Тартас-2 (Барабинская лесостепь) 628

Ненахов Д.А., Ненахова Ю.Н. Керамические пряслица поселения Галечное-1 (саргатская культура) 636

Нестеркина А.Л. Менгиры Кореи на памятниках археологии и в археологических комплексах 644

Нестеров С.П., Мыльников В.П., Волков Д.П., Наумченко Б.В. Экспериментальная реконструкция раннесредневекового жилища в Западном Приамурье: десять лет спустя 649

Орозбекова Ж. Ромбовидные берестяные изделия в погребениях монгольского времени Тянь-Шаня 657

Папин Д.В., Ситников С.М. Новые находки бронзовых серпов периода поздней бронзы из степного Алтая 665

Плотников Ю.А., Черемисин Д.В., Молодин В.И., Батболд Н. «Валетное» изваяние древнетюркской эпохи из Северо-Западной Монголии 669

Поздняков Д.В. Антропологический состав населения XIII–XIV веков по материалам курганного могильника Ельцовский-1 677

Полосьмак Н.В. Деревянный сосуд из погребения женщины в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3 ... 683

Полосьмак Н.В., Кудинова М.А., Денисенко В.Л. Результаты третьего года исследований кургана на могильном поле Катанда-3 689

Рудая Н.А., Карачурина С.Е. Природные условия среднего голоцена Алтая (по палеолимнологическим данным) 694

Савко И.А. Формы сосудов андроновской (федоровской) культуры степного и лесостепного Алтая (обзор исследований) 701

Савко И.А., Демин М.А., Фролов Я.В., Папин Д.В. Изучение погребальных комплексов начального этапа раннего железного века могильника Усть-Иша-5 в 2024 году 709

Селин Д.В. Технология изготовления керамики носителями кулайской культурно-исторической общности со Смолокуровского II городища (Причулымье, Западная Сибирь) 716

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Степанова Н.Ф. Редкие модификации железных наконечников стрел населения северных предгорий Алтая начала раннего средневековья (по материалам некрополя Горный-10) 723

Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н., Уткин М.В. К вопросу о хронологии Центрального участка Оглахтинского могильника (по результатам дендрохронологического датирования) 730

Соловьев А.И. Еще один тип ритуальных сооружений некрополя Усть-Изес-1. Вопросы реконструкции 738

Соловьева Е.А. Особенности ритуальной практики на севере западной Японии в период яёй 746

Соломонова М.Ю., Куприянова Е.В., Трубицына Э.Д., Рябогина Н.Е. Фитолитные исследования отложений зольников поселений бронзового века Южного Зауралья 751

Степанова Н.Ф., Кирюшин Ю.Ф., Богайчук Е.А. Результаты изучения керамики ранней и развитой бронзы с поселения Тух-Эмтор IV (Васюганье) 760

Табарев А.В. История тихоокеанской археологии: опыт географического зонирования 767

Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. Археологические исследования Тарского острога в 2024 году 772

Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. Историко-археологические исследования в устье реки Омь в 2023–2024 годах 778

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. Результаты археологических исследований поселенческого комплекса XVII–XVIII веков Ананьино I в 2024 году 782

Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Новые данные о керамических изделиях Нового и Новейшего времени с поселений татар севера Омского Прииртышья 787

Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Предварительное археологическое исследование летних юрт Чертанлинских 795

Томилин М.А., Трапезов Р.О., Черданцев С.В., Пилипенко И.В., Поздняков Д,В., Нестерова М.С., Молодин В.И., Пилипенко А.С. Первые данные о разнообразии митохондриальной ДНК у населения басандайской культуры (по материалам могильников Ташара-Карьер-2, Ташара-1, Ташара-14) 801

Трапезов Р.О., Черданцев С.В., Томилин М.А., Пилипенко И.В., Поздняков Д.В., Нестерова М.С., Молодин В.И., Пилипенко А.С. Разнообразие митохондриальной ДНК на средневековом могильнике Заречно-Убинское-1 в Барабинской лесостепи (предварительные результаты исследования) 808

Уткин М.В. Перекрестная датировка по нескольким параметрам: применение изотопного анализа для расширения древесно-кольцевых хронологий (зарубежный опыт) 817

Федорук А.С., Иванов Г.Е., Федорук О.А. Керамика черкаскульского облика поселения Калиновка II 823

Харитонов Р.М., Воробей И.Е., Мясников В.Ю., Федорченко А.Ю. Пластина ламеллярного шлема из фондов Магаданского областного краеведческого музея 833

Черная М.П., Барсуков Е.В., Марков С.О. Археологические раскопки в городе Томске на площади Конной в 2024 году 842

Шульга П.И., Головченко Н.Н. Новые данные о планиграфии могильника Камень-2 849

Шульга П.И., Головченко Н.Н. Пояса скифского времени с раковинами каури в Верхнем Приобье 854

ЭТНОГРАФИЯ

Аксенова И.Ю. Традиционные запреты на работу в свете трансформации народного праздничного календаря жителей Алтайского края в XX – первой четверти XXI века (по материалам этнографических экспедиций 2013–2024 годов) 863

Ахметова Ш.К. Казахские поминки как переход в потусторонний мир 869

Бадмаев А.А. Образы совы и филина в традиционном мировоззрении бурят 874

Блинова А.Н. Актуальные формы работы с этнокультурным наследием в общественных организациях российских немцев 880

Блинова А.Н., Смирнова Т.Б. Этнодемографическая ситуация в регионах Сибирского федерального округа 884

Голубкова О.В. Представления о тени у восточных славян и коми в Западной Сибири: сравнительный анализ результатов полевых исследований 888

Ильина А.А. Бобровский музей и сохранение этнокультурного наследия латышей 894

Ключарева В.В. Межэтнические отношения населения Северного Казахстана и их отражение в современной казахстанской историографии 901

Красавина М.В., Октябрьская И.В. Чатские татары: практики сохранения исторической памяти и этнолокальная идентичность 907

Лыгденова В.В. Пищевые традиции у баргузинских бурят в 1940–1950-е годы XX века (по материалам полевых экспедиций в Курумканский и Баргузинский районы Республики Бурятия в 2012–2024 годы) 912

Майничева А.Ю. Модели картины мира: инструкция мещанину Якову Санникову по исследованию северо-востока Сибири 916

Мальцева О.В. Параметры этничности в личных и семейных историях нанайцев (1990-е – начало 2000-х годов) 920

Николаев В.В. Самоидентификация кумандинцев г. Бийска 925

Овчарова М.А. Коллекции женских мордовских украшений в музеях Сибири 930

Рублева А.А. Потомки старожилов-чалдонов Притомья: культура и идентичность во второй половине XX – начале XXI века 934

Сальникова И.В. Культовые предметы обских угров. Традиции и новации 940

Самушкина Е.В. «Нематериальное культурное наследие» в Республике Хакасия: становление концепта (конец XX – начало XXI века) 945

Селезнев А.Г. Намогильные орнаментированные столбы тоболо-иртышских татар: некоторые направления исследования 950

Фурсова Е.Ф. «Кружки водить», «стрелу пускать», «пиром ходить»: вариативность женских хороводов русских старожилов Южной Сибири и Забайкалья 958

Чемчиева А.П. Религия сибирских тюрков: тенгрианский дискурс 965

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Басова Н.В., Постнов А.В. Погребение с кремацией на поселении Турист-2 973

Бычков Д.А. Новые сведения о стратиграфическом контексте залегания материалов позднего неолита в Нижнем Притомье 978

Бычков Д.А., Когай С.А., Голованенко М.В., Галажинский И.А., Яковлев А.О., Дедов И.Е., Ревединский В.С., Монова А.П., Выборнов А.В. Предварительные результаты раскопок стоянки Куччугунуур в долине р. Вилюй 983

Вальков И.А., Егорченко С.Е., Горлышкин Н.Е., Выборнов А.В. Результаты полевых исследований стоянки Хоронноох-Вилюйский в Мирнинском районе Республики Саха (Якутия) в 2024 году 989

Выборнов А.В., Дьяконов В.М., Базарная К.О., Деманов И.А., Ковалева Н.Н., Кумскова И.С. Материалы раскопок многослойной стоянки Хатынгнаах II на среднем Вилюе в 2024 году 996

Гей А.Н., Выборнов А.В., Тимощенко А.А., Когай С.А., Павленок К.К., Морозов А.А., Добровольская М.В., Гусева В.П., Петрожицкий А.В., Ершова О.В. Погребения курганной группы Челбасская 8 (Тихорецкий район Краснодарского края) по материалам раскопок 2024 года 1004

Деманов И.А., Мальцев В.А., Шишкин А.А., Попов И.В., Соларёв П.А. Предварительные результаты разведки в Баганском районе Новосибирской области в 2024 году 1011

Новосельцева В.М., Акимова Е.В. Очажные конструкции позднепалеолитической стоянки Афонтова гора V (Радищева) 1015

Новосельцева В.М., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Мурашко А.В., Морозов А.А. Раскопки стоянки Афонтова гора V (Радищева) в Красноярске в 2024 году 1019

Тимощенко А.А., Выборнов А.В., Мамаева А.К., Павленок К.К., Долганов В.А. Стоянка раннего голоцена – эпохи бронзы Улахан-Ботуобуя II в Мирнинском районе республики Саха (Якутия): обзор раскопок 2024 года 1028

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 1035

CONTENTS

ARCHAEOLOGY OF THE STONE AGE
PALEOECOLOGY

Anoikin A.A., Zeynalov A.A., Idrisov I.A., Ivanov I.D., Ibragimli B.I., Bakhshaliyev V.B., Vasilieva A.N., Kurbanov R.N. Geoarchaeological Survey in Nakhchivan Autonomous Republic (Azerbaijan) in 2024 7

Anoikin A.A., Sosin P.M., Idrisov I.A., Zeynalov A.A., Kurbanov R.N. New Data on Chronostratigraphy of the Tinit-1 Site in the Context of the "Loess Paleolithic" Problem in the Caucasus 15

Anoikin A.A., Taimagambetov Z.K., Zeynalov A.A., Idrisov I.A., Chistiakov P.V., Vasilieva A.N., Kapitanova M.V., Lukashov A.A., Kurbanov R.N. Study of the Stone Age Sites on the Coast of Sarytash Bay (Mangyshlak Peninsula, Western Kazakhstan) in 2024 24

Anoikin A.A., Taimagambetov Z.K., Zeynalov A.A., Idrisov I.A., Chistiakov P.V., Vasilieva A.N., Kapitanova M.V., Lukashov A.A., Kurbanov R.N. Results of Archaeological Survey in the North and West of the Mangyshlak Peninsula (Western Kazakhstan) in 2024 32

Anoikin A.A., Khudjageldiev T.U., Sharipov A.F., Rybalko A.G., Chistiakov P.V., Sosin P.M., Kurbanov R.N. Study of the Middle Paleolithic Complex at the Khonako III Site in Southern Tajikistan in 2024 40

Bocharova E.N. Composite Slotted Tools from the Kazachka Site (Eastern Siberia) 48

Bocharova E.N., Kharevich A.V., Malikov D.G., Oreshnikov I.A., Shulga A.I., Anoykin A.A. Upper Paleolithic Sidorikha Site on the Middle Yenisei: Results of Research in 2024 57

Bocharova E.N., Chistyakov P.V., Kharevich V.M. Technological Aspects of Manufacturing Composite Slotted Tools: Experimental Modeling and Slot Shape Analysis 64

Vasiliev S.K., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Theriofaunal Remains from Pleistocene Deposits in the South Chamber of Denisova Cave (2022–2024 Collection) 70

Girchenko E.A., Kardash O.V. Kayukovo Culture Sites during Investigations of Archaeological Objects Located in Peat Deposits of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra 79

Gladyshev S.A. Correlation of the Late Paleolithic in Primorie with the Contemporary Complexes in China and South Korea 86

Zubova A.V., Moiseyev V.G. Differentiating Potential of "Archaic Traits" on Permanent Upper Second Molars: from *Homo Erectus* to *Homo Altaiensis* 92

Kandyba A.V., Pavlov I.S., Lavrov A.V., Egorova S.A., Skrybin A.N., Protopopov A.V. Field Research in Churapcha District (Republic of Sakha (Yakutia)) in 2024 101

Kozlikin M.B., Agadzhanian A.K., Plotnikov D.R., Derevnina A.S., Syromyatnikova E.V., Mikhienko V.A., Belikova T.G. Beryozovka Cave: New Multilayered Archaeological Site in the Northwest of the Altai Mountains 107

Kozlikin M.B., Shunkov M.V. New Data on the Middle Paleolithic Lithic Industries from the Entryway Zone of Denisova Cave 114

Kolobova K.A. Seriation Method for Analyzing Data from Paleolithic Complexes 120

Kolobova K.A., Berezina N.Y., Zubova A.V., Tyugashev I.E., Bocharova E.N., Kolyasnikova A.S., Seletsky M.V., Chistyakov P.V., Kozhevnikova D.V., Kolyasnikova A.S., Papin A.D., Kharevich V.M., Kharevich A.V. Research of the Middle Paleolithic Complexes in the Chagyrskaya Cave in the Field Season of 2024 125

Koliasnikova A.S. Methods of Studying Cut Marks on Paleofaunistic Remains 131

Kolyasnikova A.S., Vasiliev S.K., Kochnev A.V., Kharevich A.V., Kolobova K.A. Faunal Remains from the Pleistocene Deposits in the Chagyrskaya Cave (Evidence of 2024) 138

Kurbanov R.N., Anoikin A.A., Chargynov T.T., Khatsenovich A.M., Rybin E.P. Geoarchaeological Research at the Paleolithic Sites of Northern Tien Shan in Kyrgyzstan in 2024 143

Markin S.V. Sibiryachikha Variant of the Altai Middle Paleolithic: Discussions and Research Perspectives ... 152

Markovskiy G.I., Alisher kyzy S., Glushko N.V., Abdykanova A., Shnaider S.V. Research of Knapping Techniques by Three-Dimensional Modeling Methods (Evidence from the Obishir-5 Site, Kyrgyzstan) 159

Markovskiy G.I., Glushko N.V. Using Three-Dimensional Modeling for Reconstructing a Polished Stone Tool 165

Markovskiy G.I., Glushko N.V. Surface Collection near the Bobkovo Village of the Altai Kray during the 2024 Survey 172

Marchenko D.V., Khatsenovich A.M., Rybin E.P. Taphonomic Features of Lithic and Bone Finds: Use of Fabric Analysis for Identifying the Impact of Natural Processes on the Formation of Archaeological Horizons 178

Mikhienko V.A., Plotnikova P.Y., Levina E.V., Fedorchenko A.Y., Belousova N.E. Upper Paleolithic End Scrapers from Denisova Cave: Typological and Experimental Traceological Study 185

Molodin V.I. Characters of "Kalgutinsky" Style 193

Nekipelova A.V., Sokol E.V., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Material Composition of Pleistocene Deposits in the South Chamber of Denisova Cave: First Results of Comparative Analysis 200

Novikov A.G., Kishkurno M.S., Goryunova O.I., Weber A.V. Late Neolithic Burials at the Tuakhane IX Cemetery (Lake Baikal) 206

Osipova P.S., Fedorchenko A.Y., Fokin M.I., Gurulev D.A., Seletskiy M.V., Totskiy D.A., Belousova N.E., Grebenyuk P.S., Lebedintsev A.I. Investigation of the Cultural Layer from the Ushki I Paleolithic Site Using Electrical Resistivity Tomography 211

Pavlenok G.D., Anoikin A.A. Spatial Analysis of Evidence from Layer 5 at the Ushbulak Site (East Kazakhstan) 217

Pavlenok K.K., Kogai S.A., Sosin P.M., Kurbanov R.N., Derevnina A.S., Ergashev O.T., Mukhtarov G. The Lithic Industry of the Kuksaray-2 Site (Eastern Uzbekistan): Flat to Volumetric Transition 223

Pavlenok K.K., Mukhammadiev A.G., Shamukaramova F.Sh., Sosin P.M., Kurbanov R.N., Oinazarov Kh.G., Ergashev O.T., Elmuratov O.O., Abduganiev A.A., Kogai S.A., Derevnina A.S. Resuming Archaeological Research at the Orkutsay Section (Eastern Uzbekistan) 229

Plotnikov D.R., Derevnina A.S., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Zooarchaeological Evidence for the Use of Animal Resources by the Paleolithic Inhabitants of Denisova Cave 236

Rybalko A.G. Development of Hand Axe Forms in the Late Acheulean in Southeastern Dagestan 243

Rybalko A.G., Anoikin A.A., Chistiakov P.V., Khudjageldiev T.U., Sharipov A.F., Sosin P.M., Kurbanov R.N. Study of the Early Paleolithic Complexes at the Khonako III Site (Khovaling District, Tajikistan) in 2024 249

Rybalko A.G., Kurbanov R.N. Stone Industry of the Early Middle Paleolithic at the Darvagchai-Zaliv-1 Site (Southeastern Dagestan) 257

Rybin E.P., Khatsenovich A.M. Chronology and Models for Industry Expansion in the Initial Upper Paleolithic of Western Eurasia: View from the East 264

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Bolorbat Ts., Marchenko D.V., Gunchinsuren B. Initial Stage of the Early Upper Paleolithic of Northern Mongolia: Archaeological Horizon 3 (Excavation Pit 2) of the Tolbor-21 Site (Evidence of Excavations in 2016–2017) 270

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Bolorbat Ts., Marchenko D.V., Margad-Erdene G., Gunchinsuren B. Late Paleolithic Assemblages of the Tobor-4 Site (Northern Mongolia): Archaeological Horizons 3–1 (Excavations of 2017) 277

Seletsky M.V., Levina E.V., Fedorchenko A.Y. Experimental Modelling of Grain Grinding Using Stone Percussion-Abrasive Tools 284

Tyugashev I.E. Comparing Lithic Assemblages from Layers 1–3 in Okladnikov Cave 289

Fedorchenko A.Y., Belousova N.E., Seletsky M.V., Grebenyuk P.S., Lebedintsev A.I. Blade Component in the Archaeological Collection of the Domashneye Ozero Site (Central Kamchatka) 297

Fedorchenko A.Y., Gurulev D.A., Osipova P.S., Totskiy D.A., Fokin M.I., Seletskiy M.V., Belousova N.E., Grebenyuk P.S., Lebedintsev A.I. Results of Archaeological and Geophysical Monitoring of the Domashneye Ozero Site (Central Kamchatka) in 2024 305

Fedorchenko A.Y., Levina E.V., Kharitonov R.M., Totskiy D.A., Selyutina A.I., Belousova N.E. Results of Experimental Modelling of Upper Palaeolithic Technologies for the Production of Stone Ornaments 313

Kharevich V.M., Kharevich A.V., Bocharova E.N., Anoykin A.A. Spatial Analysis of the Early Upper Paleolithic Site Sabanikha-3 (Preliminary Results) 320

Kharevich V.M., Kharevich A.V., Bocharova E.N., Tyugashev I.E., Pavlenok G.D., Grishin A.A., Oreshnikov I.A., Anoykin A.A. 2024 Study of the Upper Paleolithic Site Sabanikha-3 327

Khatsenovich A.M., Bolorbat Ts., Klementiev A.M., Dolgushin I.D., Margad-Erdene G., Gunchinsuren B., Rybin E.P. Lithic Industry in Khairkhan Cave, Mongolia 333

Khatsenovich A.M., Klementiev A.M., Korost D.V., Stepanov N.V., Rybin E.P., Chistyakov P.V. Using Virtual Endocast to Measure Total Endocranial Volume of Orkhon Hyena Fossils 339

Khatsenovich A.M., Tserendagva Y., Anoikin A.A., Klementiev A.M., Dalantai S., Rybin E.P. Survey Operations at Paleolithic Locations in the Mongolian Altai and Jargalant Ridge 346

Khatsenovich A.M., Tserendagva Y., Rybin E.P., Klementiev A.M., Dalantai S., Margad-Erdene G., Demkina A.R., Gunchinsuren B., Olsen J.W. Excavations in the Main Chamber of Tsagaan Agui Cave in 2024 354

Chekha A.M., Plotnikov D.R., Derevnina A.S. Results of Archaeological Survey in the Ust-Kan District of the Altai Republic in 2024 361

Chekha A.N. Blade Points from the Ust-Kutarey Site in the North Angara Region 366

Shnaider S.V., Bobomulloev B. Mashale III: A New Archaeological Site in the Eastern Pamir 373

Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Plotnikov D.R., Derevnina A.S. New Results of Studying the Middle Paleolithic Complexes in the South Chamber of Denisova Cave 380

Shunkov M.V., Uliyanov V.A., Chekha A.M., Derevnina A.S., Plotnikov D.R. New Data on the Structure of Pleistocene Deposits of the Early Paleolithic Karama Site 386

ARCHAEOLOGY FROM THE BRONZE AGE TO THE MODERN AGE

Alkin S.V. Archaeological Research on the Shilka River in Transbaikal Region: 1954–2024 393

Bobrov V.V. On the Study of Intramural Burials in Ancient Settlements in West Siberia 398

Bogdanov E.S., Novikova O.I. Burial Inventory as Marker of Gender-Age and Social Stratification in Population of the Kurai Basin (Based on Excavations at the Kuraika Cemetery, Altai Mountains) 403

Bogdanov E.S., Paizerova A.A. Clothing of the Nomads of the Kuray Steppe in the 3rd–5th Centuries AD (Based on Archaeological Materials from the Kurayka Burial Ground, Altai Mountains) 410

Borodovskiy A.P., Davydov R.V., Volkov P.V. Comparison of Material of Stone Axes with “Ears” from Salair and Baikal 418

Varenov A.V., Nesterkina A.L. Bronze Statue of “Garuda” from Sanxingdui: Old Finds and New Discoveries 424

Vasiliev S.K., Astafiev A.E., Bogdanov E.S. Faunal Remains from the Karakabak Settlement Site of the 1st–6th AD (Mangyshlak Peninsula, Republic of Kazakhstan) 431

Volkov D.P., Kryuchko E.I., Mohar V.A., Valchenko V.E. New Results of Excavations of the «Dauria Type Fortification» in the Western Amur 443

Garkusha Y.N., Mitko O.A., Slyusarenko I.Y. Dendrochronological Analysis of Wood from Graves 2 and 9 of the Tashtyk Burial Ground Tesinskiy Zaliv-3 in the Bogradsky District of the Khakassia Republic 448

Gerasimov Y.V., Korusenko M.A. The burial ground “Omsk. Theater Square 2”: Archaeological Research and Attribution 456

German P.V., Leontev S.N., Kalinskaya A.V., Kovzunova P.V., Shirin Y.V., Golovanov D.R., Vasyutin S.A., Lesnikova A.R., Zimin A.A. Studies of a Late Tagar Kurgan in Mariinsk Forest-Steppe 463

Gnezdilova I.S. Bronze Crowns in Burials of the Kofun Period. Review of Burial Mounds 471

Durakov I.A. Traces of Metalworking Production at Zavyalovo-5 477

Dyakonov V.M., Starkov K.I., Yaglovsky A.S. First Archaeological Research on Krestovsky Island in the East Siberian Arctic (Medvezhyi Islands Archipelago) 484

Efremova N.S. Image of Wild Boar as Decoration Image in Ancient Nomads Rielm of Western Siberia: Semantics Issue 491

Zotkina L.V. Sketch in Rock Art of Minusinsk Depression: Purposes and Various Usage Ways 498

Zotkina L.V., Sutugin S.V., Davydov R.V., Gubar Y.S., Malikov D.G., Krasnova E.L. New Earliest Image from Rock Art Site of Troitskaya Pisanitsa (Boyary I) in Republic of Khakassia 503

Kishkurno M.S., Zubova A.V., Moiseev V.G. Cranial Metric Characteristics of New Anthropological Evidence of the Ancient Koryak Culture 507

Kishkurno M.S., Marchenko Zh.V., Grishin A.E. Morphological Characteristics of Two Skeletons from the Nechunaevo-3 Burial Ground of the Andronovo Period 515

Kishkurno M.S., Chikisheva T.A., Grushin S.P. Morphological Traits of the Female Skull from the Nechunaevo-3 Burial Ground of the Andronovo Culture in the Alei Steppe (Statistical Aspect) 523

Kobeleva L.S. Burials of Andronovo (Fedorovo) culture in Tartas-1 necropolis Showing Signs of Combat Injury on Human Bones 531

Komissarov S.A. Shixia Culture (Guangdong, China) as Transitional Period from Neolithic to Bronze Age: New Data 537

Komissarov S.A., Kudinova M.A. On Archaeology of Fuyu (Puyŏ): Brief Historiographical Overview 545

Kubarev G.V. New Turkic Sculptures in Central Altai 551

Kupriyanova E.V., Petrov F.N. The Functions of the Bronze Age Ash Heaps in the Southern Trans-Urals: Reflection in Artifacts 558

Levanova E.S., Svoysky Y.M., Pavlov D.M., Romanenko E.V. Study of Petroglyphs on the Pegtymel River in 2024 568

Marchenko Zh.V., Grushin S.P., Grishin A.E., Pozdnyakova O.A., Evmenov N.D. Archaeological and Geophysical Research at the New Ground Cemetery of Nechunaevo-3 in the Aleyskaya Steppe 574

Miklashevich E.A., Kulimeeva V.K. Rock Art Sites at the Kok-Khaya Ridge in the Askiz District of the Republic of Khakassia 581

Moiseyev V.G., Zubova A.V., Khartanovich V.I. On the Issue of Population Affinities of Some Ancient and Modern Groups from Fennoscandia, Eastern and Western Siberia 587

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Dyadkov P.G., Pozdnyakova O.N., Nenakhova Y.N., Nenakhov D.A. Unique Cult Complex in Central Baraba 594

Molodin V.I., Nesterova M.S., Zolnikov I.D., Kharitonov R.M., Filatov E.A. Preliminary Results of the Archaeological Study of the Taye-1 Quarry Settlement in the Baraba Forest-Steppe in 2024 601

Mylnikov V.P. Thirty Years of Practicing the Method of Express Reconstruction of Burial Wooden Structures 610

Mylnikova L.N. Morphological Analysis of the Early Iron Age Vessels from Novotroitskoe-1 Burial Ground (Barnaul Ob Region) 616

Mylnikova L.N., Molodin V.I., Durakov I.A., Nenakhov D.A., Efremova N.S., Kravtsova A.S., Kobeleva L.S., Nenakhova Y.N., Vasiliev S.K. Traces of Grave Looting Activity in Elite Burial Mound 7 at Tartas-2 Cemetery (Early Iron Age, Baraba Forest-Steppe) 628

Nenakhov D.A., Nenakhova Y.N. Ceramic Spindle Whorls from Galechnoe-1, Sargat Culture 636

Nesterkina A.L. Menhirs on Archaeological Sites and in Archaeological Complexes in Korea 644

Nesterov S.P., Mylnikov V.P., Volkov D.P., Naumchenko B.V. Experimental Reconstruction of an Early Medieval Dwelling in Western Amur Region: Ten Years Later 649

Orozbekova Zh. Diamond-shaped Birch Bark Products of Mongolian Period Burials in Tien-Shan 657

Papin D.V., Sitnikov S.M. New finds of bronze sickles of the Late Bronze Age from the Altai steppe 665

Plotnikov Y.A., Cheremisin D.V., Molodin V.I., Batbold D. The "Jack of Cards" Ancient Turkic Sculpture from North-Western Mongolia 669

Pozdnyakov D.V. Anthropological Structure of the Population of the 13th–14th Centuries Based on the Materials of the Eltsovsky-1 Burial Mounds 677

Polosmak N.V. Wooden Vessel from Woman Burial 1 of Ak-Alakha-3 Burial Mound 683

Polosmak N.V., Kudinova M.A., Denisenko V.L. Results of the Third Year of Research at the Burial Mound at Katanda-3 Grave Field 689

Rudaya N.A., Karachurina S.E. Mid-Holocene Environmental Conditions in the Altai Mountains: Paleolimnological Data 694

Savko I.A. Shapes of Vessels of the Andronovo (Fedorovo) Culture of the Steppe and Forest-Steppe Altai (Research Review) 701

Savko I.A., Demin M.A., Frolov Y.V., Papin D.V. Study of the Early Iron Age Burial Complexes from the Ust-Isha-5 Cemetery in 2024 709

Selin D.V. Ceramics Production of the Kulaika Cultural-Historical Community at the Settlement of Smolokurovka II (Chulym River, Western Siberia) 716

Seregin N.N., Matrenin S.S., Stepanova N.F. Rare Varieties of Iron Arrowheads of the Populations of the Northern Piedmonts of Altai at the initial Early Middle Ages (Based on Materials from the Gorny-10 Necropolis) 723

Slyusarenko I.Y., Garkusha Y.N., Utkin M.V. On the Chronology of the Medial Part of the Oglakhty Burial Ground (Based on the Results of Tree-Ring Dating) 730

Soloviev A.I. One More Type of Ritual Constructions at the Ust'-Izes-1 Necropolis. Reconstruction Issues 738

Solovieva E.A. Features of Ritual Practice in the North of West Japan in Yayoi Period 746

Solomonova M.Y., Kupriyanova E.V., Trubitsyna E.D., Ryabogina N.E. Phytolith Studies of Ash Heaps of Bronze Age Settlements of the Southern Trans-Urals 751

Stepanova N.F., Kiryushin Y.F., Bogaichuk E.A. Results of the Study of Early and Middle Bronze Age Ceramics from the Tukh-Emtor IV Settlement (Vasyuganskaya Plain) 760

Tabarev A.V. The History of Pacific Archaeology: A Case of Geographic Zoning 767

Tataurov S.F., Tataurov F.S. Archaeological studies at the Tara Fortress in 2024 772

Tataurov S.F., Tataurov F.S. Historical and Archaeological Research at the Mouth of the Om River in 2023–2024 778

Tataurova L.V., Tataurov S.F., Tataurov F.S. The Results of Archaeological Research at the Ananyino I Settlement Complex of the 17th–18th Centuries in 2024 782

Tikhomirov K.N., Tikhomirova M.N. New Data on Pottery of the Modern Period and Contemporary History from Tatar Settlements of the North of the Omsk Irtysh Region 787

Tikhomirov K.N., Tikhomirova M.N. Preliminary Archaeological Research at the Summer Yurts of Chertanlinsky 795

Tomilin M.A., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Pilipenko I.V., Pozdnyakov D.V., Nesterova M.S., Novikov A.V., Molodin V.I., Pilipenko A.S. First Data on Mitochondrial DNA Diversity in the Basandai Culture Population (Based on Materials from the Tashara-Karyer-2, Tashara-1, Tashara-14 Burial Grounds) 801

Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Tomilin M.A., Pilipenko I.V., Pozdnyakov D.V., Nesterova M.S., Molodin V.I., Pilipenko A.S. Diversity of Mitochondrial DNA at the Medieval Burial Ground Zarechno-Ubinskoye-1 in the Baraba Forest-Steppe (Preliminary Study Results) 808

Utkin M.V. Multi-parameter Cross-dating: Using Isotope Analysis to Extend Tree-ring Chronologies (Foreign Research Data) 817

Fedoruk A.S., Ivanov G.E., Fedoruk O.A. Ceramics of the Cherkaskul style of the settlement of Kalinovka II 823

Kharitonov R.M., Vorobey I.E., Myasnikov V.Y., Fedorchenko A.Y. Lamellar Helmet Plate from the Collection of the Museum of Local Lore in Magadan 833

Chernaya M.P., Barsukov E.V., Markov S.O. 2024 Archaeological Excavations on Konnaya Square in Tomsk 842
Shulga P.I., Golovchenko N.N. New Data on the Spatial Distribution of the Kamen-2 Burial Ground 849
Shulga P.I., Golovchenko N.N. Scythian Belts with Cowrie Shells from the Upper Ob Region 854

ETHNOGRAPHY

Aksenova I.Y. Traditional Work Ban in the Light of the Transformation of Folk Holiday Calendar of the Population of Altai Region in the 20th – first quarter of the 21st Centuries (Based on Materials from Ethnographic Expeditions of 2013–2024) 863
Akhmetova Sh.K. Kazakh Funeral Ceremonies as a Transition to the Other World 869
Badmaev A.A. Images of an Owl and an Eagle Owl in the Traditional Worldview of Buryats 874
Blinova A.N. Actual Forms of Work with Ethnocultural Heritage in Public Organizations of Russian Germans 880
Blinova A.N., Smirnova T.B. Ethnodemographic Situation in the Regions of the Siberian Federal District 884
Golubkova O.V. The Beliefs Regarding the Shadow among the Eastern Slavs and the Komi People in Western Siberia: a Comparative Analysis of the Fieldwork Data 888
Ilina A.A. Bobrovka Museum and the Preservation of the Latvian Ethnocultural Heritage 894
Klyuchareva V.V. Interethnic relations between the peoples of Northern Kazakhstan and their representation in Kazakh modern historiography 901
Krasavina M.V., Oktyabrskaya I.V. Chat Tatars: Practices of Preserving Historical Memory and Ethno-local Identity 907
Lygdenova V.V. The Food Traditions of the Barguzin Buryats in the 1940–1950s of the 20th Century (Based on the Materials of Field Expeditions to Kurumkan and Barguzinsky Districts of the Republic of Buryatia in 2012–2024) 912
Mainicheva A.Y. Models of the World Vision: an Instruction to Exploring Northeast Siberia for Bourgeois Yakov Sannikov 916
Maltseva O.V. Ethnic Profiles in Personal and Family Histories of the Nanai People (1990s – Early 2000s) ... 920
Nikolaev V.V. Self-identification of the Kumandins of the City of Biysk 925
Ovcharova M.A. Collections of Mordovian Women Jewelry in Siberian Museums 930
Rubleva A.A. Descendants of the Old-timers-Chaldons in the Tom River Area: Culture and Identity in the Second Half of the XX – Early XXI Centuries 934
Salnikova I.V. Cult Objects of the Ob Ugrians. Traditions and Innovations 940
Samushkina E.V. "Intangible Cultural Heritage" in the Republic of Khakassia: Development of Concept (Late XX – Early XXI Centuries) 945
Seleznev A.G. Ornamented On-grave Posts of the Tobol-Irtysh Tatars: Particular Research Areas 950
Fursova E.F. "To Lead Circles", "to Shoot an Arrow", "to Walk as a Feast": the Variability of Women's Round Dances of Russian Old-time Residents in Southern Siberia and Transbaikalia 958
Chemchieva A.P. Siberian Turkic Religion: The Tengrian Discourse 965

RESCUE ARCHAEOLOGY

Basova N.V., Postnov A.V. Cremation Burial at the Tourist-2 Settlement 973
Bychkov D.A. New Data on Stratigraphic Context of Sedimentation Materials of the Late Neolithic in the Lower Tom Region 978
Bychkov D.A., Kogay S.A., Golovanenko M.V., Galazhinskii I.A., Yakovlev A.O., Dedov I.E., Revedinskiy V.S., Monova A.P., Vybornov A.V. Preliminary Excavations Results for the Kuchchugunuur Site in the Vilyui River Valley 983

Valkov I.A., Egorchenko S.E., Gorlyshkin N.E., Vybornov A.V. Results of Field Research of the Khoronnookh-Vilyuisky Site in the Mirny District of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2024 989

Vybornov A.V., Dyakonov V.M., Bazarnaya K.O., Demanov I.A., Kovaleva N.N., Kumskova I.S. Materials of Excavations of the Khatyngnaakh II Multilayer Site on the Middle Vilyui in 2024 996

Gey A.N., Vybornov A.V., Timoshchenko A.A., Kogai S.A., Pavlenok K.K., Morozov A.A., Dobrovolskaya M.V., Guseva V.P., Petrozhitskiy A.V., Ershova O.V. Burials of the Chelbas-8 Kurgan Group (Tikhoretsky District, Krasnodar Region) According to 2024 Excavations 1004

Demanov I.A., Malcev V.A., Shishkin A.A., Popov I.V., Solarev P.A. Preliminary Results of Survey in the Bagan District of Novosibirsk Region in 2024 1011

Novoseltseva V.M., Akimova E.V. Hearth Structures of the Late Paleolithic Site Afontova Gora V (Radishcheva) 1015

Novoseltseva V.M., Akimova E.V., Stasyk I.V., Murashko A.V., Morozov A.A. 2024 Excavations of the Afontova Gora V (Radishcheva) Site in Krasnoyarsk 1019

Timoschenko A.A., Vybornov A.V., Mamaeva A.K., Pavlenok K.K., Dolganov V.A. Ulakhan-Botuobuya II Early Holocene – Bronze Age Site in the Mirny District of the Republic of Sakha (Yakutia): Review of 2024 Excavations 1028

Научное издание

**Проблемы археологии,
этнографии, антропологии Сибири
и сопредельных территорий**

Том XXX
2024

Корректоры *А.В. Благовидова*, *А.В. Коненко*, *М.Н. Петрова*
Технический секретарь *А.С. Кравцова*
Технический редактор *Т.А. Клименкова*
Дизайнеры *А.А. Фурсенко, М.О. Миллер*

Подписано в печать 19.12.2024 г. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 122,3. Уч.-изд. л. 119,2. Тираж 100 экз. Заказ № 635.

Издательство ИАЭТ СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090, Новосибирск
http://www.archaeology.nsc.ru